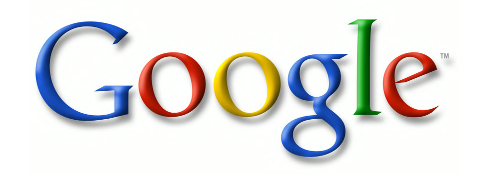
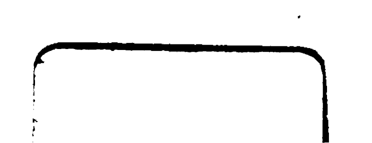

Google



ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

5178

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

ПРИ УЧАСТІИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

НАЧАТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Ѳ. КОРША.

ОКОНЧЕНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. КИРПИЧНИКОВА.

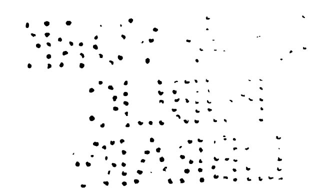
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Литература „просвѣщенія"—Нидерландская литература.—
Скандинавская литература.—Турецкая литература.—
Очеркъ исторіи литературы XIX столѣтія

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ К. Л. РИККЕРА.
Невскій просп., д. № 14.
1892.

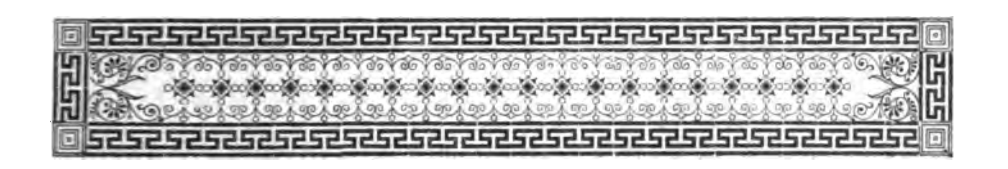
19

2017



СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.



I. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛѢТІЯ.

Алексѣя Веселовскаго.

Главныя пособія: Hettner. Geschichte der französischen Literatur.
Taine. Les origines de la France contemporaine, первый томъ.
Albert Sorel. L'Europe et la révolution française. 1887, I.
Sainte-Beuve. Causeries du lundi.—Portraits littéraires.
Rocquain. L'esprit révolutionnaire avant la révolution.
По Монтескье: Vian. Histoire de Montesquieu.—Sorel. Montesquieu. (Grands écriv. français).
По Вольтеру: Desnoiresterres. Voltaire et la société au 18 siècle. D. F. Strauss. Voltaire, sechs Vorträge. John Morley. Voltaire. 1872.—Mahrenholz. Volt. Leben u. Werke.—Eduard Hertz. Volt. und die französ. Strafrechtspflege im 18 Jahrh. 1887.—„Этюды". В. Корша; Михайловскій, „Вольт. человѣкъ и В. мыслитель"; статья Розенкранца въ Нов. Плутархѣ, изд. Бакста, 1875.
По Дидро: Rosenkranz. Diderots Leben u. Werke.—J. Morley. Diderot and the encyclopedists (русск. переводъ). — Изданіе сочин. Д. подъ редакц. Ассеза и М. Турнё.—Бильбасовъ. Дидро и Екатерина; Алексѣй Веселовскій. Дени Дидро (Вѣстн. Евр. 1884).
По Руссо: Исповѣдь, перев. Ѳ. Устрялова. — Streckeisen-Moultou. Rousseau, ses amis et ses ennemis.—Morley. Rousseau (русск. перев.).—Ritter. Nouv. recherches sur les Confessions.—Brockerhoff, Rousseau, sein Leben etc.—S. Marc Girardin. Rousseau.—Алексѣевъ. Руссо во Франціи. 1887.
По Бомарше: Loménie. Beaum. et son temps.—Bettelheim. Beaumarchais.—Lintilhac. Beaum. et ses oeuvres.—Веселовскій. Бомарше и его судьба (Вѣст. Евр. 1887).
Scherer. Grimm, l'homme de lettres, le factotum, le diplomate.
Lucien Perey et G. Maugras: Correspondance de Galiani.—Jeunesse de Mad. d'Epinay; Dernières années de M. d'Ep.; Voltaire et Rousseau.
Larroumet. Marivaux, sa vie et ses oeuvres.—Avezac-Lavigne. Diderot et la société du baron d'Holbach.—Barni. Les moralistes fr. au 18 s.

Feuillet de Conches. Les salons de conversation.—Charles Henry. Oeuvres et corresp. inéd. de D'Alembert. 1887.

Raunié. Chansonnier historique du 18 s. — Correspondance littéraire de Grimm, Diderot, Meister, изд. Турнё. — Desnoiresterres. Comédie satirique au 18 s.—Caro. La fin du 18 s.—D'Haussonville. Le salon de Madame Necker. — Welschinger. Le théâtre de la révolution.—Lenient.'La comédie en France au 18 s.—Loménie. Les Mirabeau.

. Не лѣтописью блестящихъ успѣховъ французской мысли, доставившихъ ей первенствующее значеніе въ Европѣ прошлаго вѣка, долженъ начинать свое повѣствованіе историкъ литературы этого періода. Грозѣ предшествуютъ отдаленные раскаты грома, блѣдныя вспышки молніи. Такъ въ народной жизни коренной переломъ всегда задолго предсказывается частными проявленіями политическаго, общественнаго, литературнаго протеста. Постепенно сливаясь и охватывая массу, они образуютъ неодолимую силу. Просвѣтительный періодъ со всѣми его выдающимися чертами, гуманная проповѣдь энциклопедистовъ, скептицизмъ Вольтера, соціальная сатира Бомарше уже намѣчены въ самомъ началѣ вѣка; изслѣдователи движенія 1789—93 годовъ точно также ищутъ его корней во время наибольшаго напряженія могущества Людовика XIV и любятъ изучать развитіе «революціоннаго духа до революціи».

Пусть по заведенному порядку французскіе историки литературы съуживаютъ отдѣлъ ея,отведенныйпрошлому вѣку, въ рамки, разграниченныя 1715 годомъ, какъ порою смерти Людовика, и взятіемъ Бастиліи; цѣлесообразнѣе и научнѣе, кажется, будетъ подняться къ самому рубежу двухъ столѣтій, и съ другой стороны, слѣдя за судьбою идей, войти хотя нѣсколько въ глубь того переворота, гдѣ уже начинаютъ обозначаться отличительные признаки умственныхъ теченій 19 столѣтія.

Въ то время, какъ побѣды французскихъ армій, успѣхи дипломатіи и блескъ придворной словесности еще ослѣпляли Европу, поддерживая вѣру въ недосягаемое превосходство изящной версальской культуры и на диво централизованной власти, сколько нибудь проницательный наблюдатель могъ безъ труда распознать, что далеко не все дышетъ благополучіемъ въ этой передовой странѣ, что обманчивый блескъ едва прикрываетъ начинающееся разложеніе, что непобѣдимость армій, сказочное богатство казны, проницательность внѣшней политики ничто иное, какъ рядъ миѳовъ; нравственное паденіе общества, нетерпимость и фанатизмъ церковниковъ, ханжество, овладѣвшее и королемъ, и его дряхлѣвшею подругою, сѣть интригъ, финансовыхъ спекуляцій, вымогательствъ послѣдняго гроша у трудовыхъ классовъ, -- вотъ что̀ представлялось безпристрастному наблюдателю, и, если онъ одаренъ былъ способностью слышать, до него должны

были долетать звуки съ трудомъ сдерживаемаго ропота. Истинное состояніе литературы и науки точно также мало соотвѣтствовало ходячему представленію объ ихъ служебной роли, объ удивительномъ уравненіи всѣхъ мнѣній, приведшемъ будто бы къ господству изящно выраженныхъ и безвредныхъ общихъ мѣстъ. Въ самыхъ нѣдрахъ той школы, что доселѣ слыветъ подъ безсодержательнымъ именемъ лже-классицизма, зрѣла независимость мысли, отважно порицавшей существующій порядокъ. Въ этомъ сходились въ свое время и Мольеръ съ его безпощаднымъ разоблаченіемъ соціальной гнили, значенія котораго Людовикъ никогда не былъ въ состояніи понять, и Лафонтенъ, проникавшій въ басняхъ до сокровеннѣйшихъ уголковъ общественнаго порядка и за то наказанный немилостью, Лабрюйеръ и даже безукоризненный Буало. Къ этимъ голосамъ скоро присоединились совсѣмъ уже ничѣмъ не стѣсненныя мнѣнія людей, ушедшихъ на чужбину отъ гнета. Голландія, Швейцарія, Англія становились желаннымъ убѣжищемъ этихъ эмигрантовъ, постоянно сносившихся съ родиной, направлявшихъ издали общественное, религіозное, научное движеніе и образовавшихъ внѣ отечества нѣсколько важныхъ центровъ французской умственной дѣятельности. Начало 18 вѣка еще застало въ живыхъ спасшагося въ Голландію прямого предшественника Вольтера, Пьера Бэйля († 1703), уже покрытаго славою смѣлыхъ нападеній на догматику, на политическій и нравственный кодексъ, и на застарѣлые предразсудки; его осѣнялъ ореолъ мученика за идею, а его «Историко-критическій словарь» казался неистощимымъ арсеналомъ для борьбы съ старымъ порядкомъ, гдѣ бы она ни велась. Возрожденная свободою Англія также начинала уже тогда привлекать тѣхъ, кто не въ силахъ былъ помириться съ домашнимъ гнетомъ,— и остроумный вельможа Сентъ-Эвремонъ, этотъ предтеча новѣйшей критики, высоко цѣнимый въ свое время за вѣрность эстетическихъ сужденій, но не угодившій своему повелителю, сдѣлался въ изгнаніи ревностнымъ англоманомъ и тонкимъ порицателемъ не одныхъ только литературныхъ несовершенствъ во Франціи. Англійское научное вліяніе также сказалось задолго до энциклопедистовъ. Фонтенель въ своихъ «Entretiens sur la pluralité des mondes» собралъ въ общедоступной формѣ то, чтó дало ему прилежное изученіе натуралистовъ и авторитетныхъ писателей по астрономіи и небесной механикѣ; несмотря на крайнюю сдержанность его тона, Фонтенеля ославили безбожникомъ, и онъ едва уцѣлѣлъ отъ преслѣдованій. Волновались и церковные круги, гдѣ ни за что не хотѣла замолкнуть агитація, требовавшая самоуправленія галликанской церкви. Іезуиты призвали на помощь папскій авторитетъ; знаменитая въ свое время булла Unigenitus какъ снѣгъ на голову упала на французское духовенство; низверг-

нуты были громы на трактатъ любимаго во Франціи церковнаго писателя Кенеля: «Reflexions morales sur le Nouveau Testament»; изъ него извлечено сто тезисовъ, и всѣ они объявлены еретическими. Разгорѣлась вражда, отразившаяся нетолько въ богословскихъ сочиненіяхъ, но и во множествѣ брошюръ, памфлетовъ, сатирическихъ пѣсенъ. Когда изъ Рима прислана была обязательная «церковная конституція», парижское духовенство, по большей части принадлежавшее къ янсенистскому толку, еще рѣзче заявило свою независимость. Парламентъ отказался занести этотъ уставъ въ свои записи законовъ; противодѣйствіе духовенства сливалось съ оппозиціей высшаго суда, не пропускавшаго случая для осужденія произвола. Въ аристократической средѣ также слышались недовольные голоса честолюбцевъ, придавленныхъ всевластіемъ короля, оскорбленныхъ успѣхами капитализма, сильно поднявшагося въ послѣдніе годы правленія Людовика, досадовавшихъ на обязательность нравственнаго и набожнаго лицемѣрія, нетерпѣливо ожидавшихъ возможности вернуть потерянное и зажить непринужденно.

Защитникъ Беранже передъ судомъ временъ реставраціи, Дюпенъ, въ превосходной рѣчи, обозрѣвавшей исторію французской сатирической пѣсни, неизмѣнной спутницы народа, назвалъ Францію «абсолютной монархіей, ограниченной пѣснями». Къ изучаемой порѣ, какъ замѣчаетъ Эм. Ронье́, это опредѣленіе въ особенности приложимо. Безъименная пѣсня, разоблачавшая завѣтныя тайны, все знавшая и никого не щадившая, первая вступилась за поруганную честность, справедливость и здравый смыслъ. Въ обширномъ собраніи, составленномъ въ прошломъ вѣкѣ Клерамбо и Морепа̀ и теперь изданномъ, сотни злыхъ куплетовъ развѣнчиваютъ короля и его близкихъ, раскрываютъ интимныя біографіи министровъ и свѣтскихъ дамъ, и клеймятъ ихъ позорными именами. Отъ этихъ пѣсенъ прямой переходъ къ политическимъ стихотвореніямъ молодого Вольтера и его сверстниковъ. Одинъ изъ нихъ, Антуанъ-Луи Лебрэнъ, въ желчной сатирѣ, многими приписанной будущему автору Кандида, собралъ всѣ безотрадныя черты современности, разсѣянныя по отдѣльнымъ chansons. Заглавіе уже краснорѣчиво, — «Несчастія конца царствованія Людовика», или, какъ говорилось тогда въ просторѣчіи, «Les j'ai vu». «Печальныя событія видѣлъ я на своемъ вѣку», горюетъ стихотворецъ. «Я видѣлъ Бастилію, Венсеннъ, Шатле, Бисетръ и тысячу тюремъ, переполненныхъ честными гражданами, вѣрными подданными. Я видѣлъ свободу отнятою, здравый смыслъ постоянно попираемымъ. Я видѣлъ народъ стонущимъ отъ жестокой неволи. Я видѣлъ солдатъ, умирающихъ отъ голода, томящихся отъ обидъ и негодованія. Я видѣлъ подъ одеждою женщины демона, предписывавшаго намъ за-

коны... Я видѣлъ лицемѣровъ въ почетѣ; видѣлъ (и этимъ все сказано) іезуита, котораго всѣ обожали. Я видѣлъ это въ мрачное царствованіе государя, котораго небесный гнѣвъ послалъ намъ въ наказаніе за наши пламенныя желанія. Все это я видѣлъ, — а мнѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ!»

Заодно съ пѣснею и политическою сатирой ратовала комедія. Свобода обличенія со сцены, всегда считавшаяся опаснѣйшею въ глазахъ деспотическихъ правительствъ, была, разумѣется, стѣснена донельзя, но, какъ невозможно было помѣшать народной эпиграммѣ, этой «окогченной летуньѣ» ,внезапно впиваться въ свою жертву, такъ никакія цензурно-полицейскія мѣры не могли унять своеволія народной комедіи. На многочисленныхъ парижскихъ ярмаркахъ изстари процвѣтала она, выступая на подмосткахъ простыхъ балагановъ, часто импровизованная въ итальянскомъ вкусѣ, съ раннихъ поръ мятежная; она потѣшалась и надъ высшею властью, и надъ полиціею, и надъ своими соперниками, королевскими актерами, къ которымъ толпа видимо охладѣвала ради своихъ старыхъ любимцевъ. Обширная народно-комическая литература (обзоръ ея изданъ Эм. Кампардономъ въ «Théâtre de la foire») развивалась, несмотря на притѣсненія. Когда запрещены были куплеты, діалогъ сталъ еще оживленнѣе; сократили его, — развилась выразительная пантомима; актеръ развертывалъ иногда передъ публикой длинный свитокъ, на которомъ написана была его роль, или же сверху спускалась красивая кукла, наконецъ даже живой ребенокъ, держа въ рукахъ подобные же свитки въ то время, какъ актеръ, стоя внизу, дѣлалъ подходящіе жесты.

Но и на большую сцену, хотя и не безъ борьбы, попадали произведенія, отмѣченныя тѣмъ же оппозиціоннымъ духомъ. Нужно было много энергіи, чтобъ одолѣть препятствія, побороть стачку противниковъ, и вынести послѣдствія рѣзкаго обличенія. Это испыталъ талантливѣйшій изъ комическихъ писателей начала прошлаго вѣка, Лесажъ (Alain René Lesage, 1668—1747), когда отважился поставить на сцену своего Тюркаре и въ немъ изобразить правдивую картину быта финансовыхъ тузовъ, откупщиковъ и подрядчиковъ, становившихся важною силой и при дворѣ, и въ обществѣ. Осмѣивать ихъ значило затрогивать ихъ покровителей, высоко поставленныхъ, но порабощенныхъ различными займами, одолженіями, участіемъ въ барышахъ. Жажда наживы все сильнѣе охватывала общество, не исключая даже стараго короля, къ соблазну для многихъ увлекавшагося азартной игрой. Характеры игроковъ, выведенные въ романахъ и комедіяхъ прошлаго вѣка (наприм. въ Le joueur Реньяра), показываютъ, до чего было сильно тогда общественное безуміе. Искусные спекуляторы скупали за безцѣнокъ родовыя имѣнія. Одно время пять, шесть капитали-

стовъ держали въ своихъ рукахъ весь Парижъ, и всюду имѣли агентовъ и шпіоновъ. Лесажъ оказалъ важную общественную услугу, разоблачивъ эту новую язву. Провѣдавъ объ опасности, финансисты засуетились, предлагали автору 100,000 ливровъ отступного, порывались вмѣшать въ дѣло короля, заявляли о государственной опасности такого произведенія, и все-таки добились того, что Тюркаре могъ появиться на сценѣ лишь съ сокращеніями (1709 г.).

Герой комедіи (говорятъ, срисованный съ натуры) вышелъ изъ низшихъ слоевъ и признается, что почти ничему не учился; «это намъ не нужно, были бы ловкія руки и смѣтливость». Онъ былъ сторожемъ на заставѣ; въ сумерки нельзя уже было свободно проходить въ городъ, но Тюркаре пропускалъ тѣхъ, кто покупалъ у него этотъ пропускъ.

Такъ научался онъ наживать. Обогащеніе пошло быстро. Черезъ нѣсколько лѣтъ бывшій сторожъ стоитъ уже во главѣ компаніи хищниковъ; онъ беретъ подряды и откупа, за нимъ ухаживаютъ свѣтскіе люди и модныя дамы. Самъ онъ ищетъ теперь любовныхъ интригъ въ большомъ свѣтѣ, и достигаетъ цѣли; въ любви онъ такъ-же грубъ и самоуправенъ, какъ во всемъ. Чтобы понравиться кокеткѣ-баронессѣ, онъ соритъ деньгами,—пусть каждая бездѣлка въ ея домѣ напоминаетъ о его славѣ; въ порывѣ ревности онъ бьетъ дорогія зеркала, посуду, утѣшаясь тѣмъ, что у него еще много денегъ. Нечего и говорить, что баронесса безстыдно обманываетъ его вмѣстѣ со своимъ обожателемъ, разорившимся шевалье, — ситуація, напоминающая Мѣщанина въ дворянствѣ; но гораздо опаснѣе для него тотъ тайный врагъ, который неразлученъ съ Тюркаре и до времени выступаетъ его наперсникомъ. Лесажъ, мастерски нарисовавшій типъ пронырливаго слуги въ комедіи «Crispin rival de son maître», выводитъ два еще болѣе жизненные характера: лакея Тюркаре, Фронтена, и субретки баронессы, Лизетты. Оба они, глядя на соблазнительные примѣры быстраго обогащенія, соединяютъ свое плутовство, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Всѣми неправдами добиваются они той цифры, которую поставили себѣ вѣнцомъ своихъ желаній. Пускаются въ ходъ и мнимыя пропажи денегъ, и поддѣлка документовъ, и появленіе подставного судебнаго пристава, который дѣлится барышами съ своими пріятелями. Одна воровская шайка видимо осиливаетъ другую. Лизетта уже томится видѣніями своего будущаго величія, оправдывая себя тѣмъ, что всѣхъ и каждаго соединяетъ теперь круговая порука: Тюркаре грабитъ, гдѣ только можетъ, баронесса обираетъ Тюркаре, они обираютъ обоихъ. Мало-по-малу всплываетъ много темныхъ дѣяній зазнавшагося откупщика, его семейныя отношенія, денежныя плутни; онъ запутывается въ уголовное дѣло;

кассиръ его бѣжитъ съ огромными суммами. Пѣсня богача спѣта; Фронтенъ во время суматохи успѣлъ захватить порядочный кушъ и самодовольно говоритъ своей будущей женѣ: «Царство Тюркаре кончилось, теперь начинается наше!».

Послѣ долгаго перерыва, снова раздалось на театрѣ правдивое слово, и комедія, веселая и насмѣшливая, но послѣ Мольера сильно понизившая тонъ подъ перомъ Данкура, Детуша и Реньяра, возвращалась къ соціальной сатирѣ и здоровому реализму. Подобно Гоголю и автору Школы женщинъ, Лесажъ захотѣлъ посчитаться съ толками и нападками, вызванными пьесой, и въ самокритикѣ (Critique de la comédie de Turcaret) сдѣлалъ глашатаями своими хромого бѣса и Дона Клеофаса, которые, сидя въ театрѣ, только что видѣли пьесу и теперь вглядываются въ выраженіе лицъ, анализируютъ настроеніе зрителей. Они видятъ въ одной ложѣ старика и молодую даму съ очень недовольными минами,—это Тюркаре и его баронесса; они узнали себя; подальше сидитъ нарядная красотка, видимо также раздраженная; всевѣдущій Асмодей знаетъ, что сцена съ битьемъ зеркалъ происходила именно у нея въ прошлый карнавалъ. Въ коридорахъ ораторствуютъ критики и законодатели свѣтскаго вкуса, громятъ непристойность пьесы, находятъ въ ней сотни тысячъ недостатковъ, возмущены тѣмъ, что «авторъ слишкомъ точно воспроизводитъ нравы», что въ его пьесѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка.

То были нападки, выпадавшіе на долю избраннѣйшихъ сатириковъ во всѣ времена. Лесажъ по праву заслуживалъ чести быть включеннымъ въ ихъ число. Онъ доказалъ это еще разительнѣе, когда въ двухъ большихъ романахъ примѣнилъ свою наблюдательность и критическій методъ къ изображенію всей совокупности общественныхъ явленій. Гоненія на его комедію заставили его, какъ драматурга, перейти отъ большой сцены къ вольнымъ ярмарочнымъ театрамъ, для которыхъ онъ много поработалъ. Сфера романа показалась ему болѣе нейтральною для достиженія высшихъ цѣлей обличенія; онъ только постарался прикрыть картины подлинныхъ французскихъ нравовъ легкимъ и весьма прозрачнымъ слоемъ чужеземной или же фантастической окраски, и, хорошо знакомый съ испанской литературой, взялъ у нея необходимыя для того данныя. Такъ и его Хромой Бѣсъ (1707 г.), замыселъ котораго внушенъ новеллой Гевары, и Похожденія Жиль-Блаза (1715 г.), несмотря на испанскія имена дѣйствующихъ лицъ, городовъ и т. д., переносятъ читателя въ послѣдніе годы Людовика XIV и рисуютъ городскую, сельскую, судебную, литературную жизнь во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Если лукавый бѣсъ, приподнимая крыши домовъ во время своего блужданія по городу, показываетъ своему спутнику неприглядныя домашнія

сцены, скрытыя отъ стороннихъ взоровъ, и рисуетъ людей съ ихъ пороками и низостями, то въ этихъ злыхъ набросках съ натуры обнаруживается скорѣе сердцевѣдѣніе вообще,—зато безконечныя, необычайныя приключенія Жиль-Блаза, стягивающія интересъ романа къ испытаніямъ одного человѣка, даютъ возможность пересмотрѣть всѣ показныя стороны и всѣ закоулки французскаго быта. Не навязывая читателю прѣсной морали, не дѣлая героя образцомъ добродѣтели, гонимой порокомъ, а напротивъ, выдвигая въ немъ сильную примѣсь продувного плутовства, помогающаго ему извиваться среди превратностей и всегда находить выходъ, Лесажъ предоставляетъ фактамъ говорить за себя; юморъ освѣжаетъ трезвость его наблюденій, заставляя отгадывать у мнимо безпечнаго, добродушнаго разсказчика благородное и негодующее сердце. Все это отводитъ Лесажу одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи реалистическаго романа. Матеріалы для развитія этого направленія накоплялись еще въ предшествовавшій періодъ; обыкновенно обращаютъ слишкомъ мало вниманія на нравоописательныхъ романистовъ 17 вѣка. Не только Скарронъ, но и Фюртьеръ съ своимъ «Roman bourgeois» и Шарль Сорель съ «Исторіею Франсіона», даютъ нерѣдко очень удачныя и правдивыя изображенія Парижа и провинціи, клерикальныхъ, судебныхъ, писательскихъ нравовъ, даже быта полусвѣта, — но ни одинъ изъ этихъ родоначальниковъ бытового романа не имѣлъ талантливости и вліянія Лесажа, слава котораго, особенно благодаря Жиль-Блазу, передалась и позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Когда стараго короля не стало, все недовольство и презрѣніе, которыя накопились въ безконечный періодъ его всевластія, вырвались наружу. Послышались отовсюду проклятія; сатирическая народная пѣсня завладѣла репутаціею умершаго и послала ему въ слѣдъ злобныя напутствія или небрежно-ѣдкія шутки; во время перенесенія тѣла въ Сенъ-Дени толпа осыпала безвреднаго теперь властителя оскорбленіями, бросала въ гробъ грязью. Такъ сошелъ со сцены «король-солнце», которому когда-то могли приписать горделивое заявленіе, что все государство въ немъ. Настала новая пора, несмотря на свою краткость (1715 — 1723) надолго ставшая памятною для страны,— пора регентства, обогатившая международный жаргонъ Европы новымъ, типическимъ словцомъ, régence, отъ котораго такъ и отдавало букетомъ изящнаго кутежа. То была естественная реакція противъ монашеской мертвенности, которую втѣснялъ въ свой развязный нѣкогда дворъ покаявшійся Людовикъ. Сдерживаемыя дотолѣ страсти вырвались на свободу. Филиппъ Орлеанскій вовсе не готовился къ правленію; его воспитатель, извѣстный впослѣдствіи Дюбуа, глубоко безнравственный искатель приключеній, казалось, нарочно употреб-

лялъ всѣ старанія, чтобъ развратить своего питомца, который отъ него рано узналъ всѣ тонкости виртуознаго разврата, превышавшаго то, что прежде было въ ходу у отъявленныхъ спеціалистовъ этого рода. Между тѣмъ, по словамъ Сенъ-Симона, Филиппъ смолоду обнаруживалъ недюжинныя способности и особенную склонность къ военному дѣлу. Но король запретилъ ему вступать въ армію и тѣмъ задержалъ его въ растлѣвающей атмосферѣ. Тѣмъ не менѣе, вступая въ управленіе Франціей, регентъ какъ будто отрезвился и первыми своими мѣрами привлекъ къ себѣ сердца; въ немъ стали чествовать избавителя и вѣрили въ наступленіе эры справедливости и законности. Парламенту были возвращены его права, г-жа Ментенонъ очутилась въ немилости, янсенистамъ и протестантамъ обѣщана была свобода совѣсти, въ Римъ дано было знать, что регентъ не приметъ папской буллы, вредящей французскому церковному самоуправленію. Но противники не дремали и запугивали регента доносами; въ 1717 году открытъ былъ заговоръ, обѣщавшій передать престолъ испанскому королю. Поддаваясь прелести повелѣвать, Филиппъ мало-по-малу охладѣвалъ къ реформамъ, оскорблялся малѣйшимъ порицаніемъ своихъ дѣйствій, начиналъ прибѣгать къ старымъ репрессивнымъ пріемамъ, снова позволилъ іезуитамъ пріобрѣсти значеніе. Недовольство усилилось, особенно подъ вліяніемъ финансоваго кризиса, вызваннаго неумѣлостью правительства. Неминуемое государственное банкротство было однимъ изъ тяжкихъ наслѣдій, оставленныхъ старымъ порядкомъ вещей; избѣгнуть его можно было бы только коренным переустройствомъ всего хозяйства страны. Вмѣсто того достаточно было появленія ловкаго афериста съ фантастическими планами всеобщаго обогащенія, чтобъ передать въ руки его и государственное достояніе, и частные капиталы.

Джонъ Ло съ своимъ ассигнаціоннымъ банкомъ, бумажными деньгами, компаніей для торговли съ Америкой и заморской колонизаціи вызвалъ денежную горячку во французскомъ обществѣ, которое бросилось во всевозможныя спекуляціи и биржевую игру. Забывая сословную рознь, знатныя дамы продавали въ лавочкахъ на площадяхъ Парижа акціи компаніи, принимая въ уплату бриліанты и другія драгоцѣнности. Писатели прославляли Ло, народныя пѣсенки сравнивали его съ Мидасомъ, обращавшимъ все, до чего онъ ни касался, въ золото. Когда пароксизмъ общаго безумія смѣнился разочарованіемъ, когда компанія оказалась несостоятельною, всѣ стали сбывать бумаги, и настало разореніе для довѣрчивой массы, на «систему» (какъ называли выдумки Ло) посыпались проклятія. Они въ сильной степени распространялись и на регента, который своею санкціею поддержалъ недостойное дѣло. Съ той поры личность его становится

предметомъ всевозможныхъ обвиненій, иногда чудовищныхъ и ни на чемъ не основанныхъ. Произведенія, выразившія этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія, поднялись до чрезвычайно рѣзкаго тона и дышатъ ненавистью. Малоизвѣстный дотолѣ Лагранжъ-Шансель, вспомнивъ Демосѳена и его филиппики, написалъ нѣсколько стихотвореній, по самому уже заглавію «Les Philippiques» прямо направленныхъ противъ регента. За первое же изъ нихъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму, бѣжалъ оттуда, скитался и, приблизившись къ Франціи, снова принялся за свои обличенія. Подъ вліяніемъ озлобленія въ регентѣ не осталось и слѣда прежняго либерализма; онъ безцеремоннѣе, чѣмъ когда либо, отдался разгульной жизни и жестоко отплачивалъ оппозиціи,—а она тѣмъ временемъ все крѣпла и объединялась. Возникали политическіе клубы, салоны получали значеніе центровъ общественнаго мнѣнія. Въ двухъ шагахъ отъ дворца, на антресолѣ (бельэтажѣ) большого дома стало собираться по вечерамъ нѣсколько единомышленниковъ, прозвавшихъ свои совѣщанія le club de l'entresol, обсуждавшихъ дѣйствія правительства, средства остановить нравственное паденіе общества, желательныя реформы. Число членовъ возрастало; съ теченіемъ времени на антресолѣ сталъ появляться провинціальный литераторъ, президентъ бордосской судебной палаты, замѣчательно развитой, хотя съ привычками избалованнаго барича, баронъ Секонда де-ла Бредъ, получившій по смерти отца родовое имя Монтескье (род. 1689 г., ум. 1755).

Потомство привыкло видѣть въ Монтескье лишь глубоко серьезнаго мыслителя. Новѣйшіе его біографы (Віанъ, Альберъ Сорель) раскрыли въ его характерѣ любопытныя противорѣчія. Монтескье все-таки въ извѣстной степени выразитель эпохи регентства. По происхожденію Гасконецъ, онъ надѣленъ типическими особенностями этого племени: лукавъ, смѣтливъ, остроуменъ, любитъ вольную шутку,—и въ то же время способенъ къ сосредоточенной работѣ мысли. Въ авторѣ позднѣйшаго Духа законовъ нелегко отгадать того тонкаго юмориста, который въ молодые годы могъ написать «Персидскія письма». Впослѣдствіи, когда за Монтескье закрѣпилась слава реформатора законодательства и «учителя государей», ему совѣстно было вспоминать объ этихъ нѣсколько фривольныхъ Письмахъ,—но, не говоря уже объ ихъ прямыхъ достоинствахъ, они не выдѣлимы ни изъ его біографіи, ни изъ современной литературы. Монтескье зналъ по чужому опыту, какъ опасно было въ ту пору дѣло сатирика. Страшныя наказанія, въ родѣ заключенія въ «желѣзную клѣтку» въ фортѣ Сенъ-Мишель, выпадали нерѣдко на долю писателя за мелкія оппозиціонныя выходки. Въ виду этого онъ прибѣгнулъ къ анониму, и отрекался, когда ему приписывали столь смѣлое произ-

веденіе; даже рѣдкій успѣхъ «Писемъ» не придалъ ему рѣшимости въ въ этомъ отношеніи,—въ 1721 г. вышло четыре авторскихъ изданія и четыре контрфакціи, быстро расхватанныя; книгопродавцы приставали ко всѣмъ, кто владѣлъ перомъ, и заказывали «что нибудь въ родѣ Персидскихъ Писемъ».

Монтескье не зналъ востока и дѣлалъ смѣшныя ошибки; это была только забавная аллегорія, которая позволяла свободнѣе высказаться. Онъ былъ тогда подъ вліяніемъ перевода «Тысячи и одной ночи» и путешествія въ Персію Шардэна, — восточный колоритъ явился какъ-то самъ собой. Двое персіянъ, Рика и Узбекъ, долго притворялись любителями западнаго просвѣщенія,—говоритъ авторъ,—и подъ конецъ до того съ этимъ свыклись, что сочли необходимымъ съѣздить въ Парижъ, какъ центръ міровой культуры. Узбеку, славившемуся своимъ гаремомъ, евнухъ долженъ былъ писать, что дѣлается въ его отсутствіе въ Персіи. Такимъ образомъ идутъ параллельно разсказы о Парижѣ и французахъ, и болѣе или менѣе воображаемыя сцены изъ восточной жизни; послѣднее было необходимо для большей правдоподобности тона всей книги. Пріѣхавъ во Францію, Персіяне переходятъ отъ изумленія къ изумленію. Они застали Людовика XIV на склонѣ дней; недовольство растетъ, и они слѣдятъ за его развитіемъ.

«Король Франціи—самый могущественный правитель въ Европѣ; у него нѣтъ золотыхъ рудниковъ, какъ у его сосѣда, короля испанскаго, но онъ основываетъ свое богатство на тщеславіи подданныхъ, которое неисчерпаемѣе рудниковъ; кромѣ того онъ великій чародѣй; онъ заставляетъ людей думать, какъ онъ хочетъ. Если въ его казнѣ одинъ милліонъ, а ему нужно два, онъ убѣждаетъ подданныхъ, что одинъ экю равенъ двумъ, и они вѣрятъ этому. Если предстоитъ война, а у него нѣтъ денегъ, онъ заявляетъ, что клочокъ бумаги—деньги, и всѣ убѣждаются въ этомъ. Онъ доходитъ даже до того, что его прикосновеніе къ людямъ получаетъ цѣлительную силу. Но есть еще болѣе могучій волшебникъ; его зовутъ папой; тотъ можетъ заставить вѣрить уже рѣшительно во все; по его мнѣнію, наприм. одинъ равенъ тремъ» и т. д. Вслѣдъ за тѣмъ передаются всѣ дрязги, вызванныя «церковною конституціею». Нѣсколько далѣе персіянинъ называетъ папу старымъ идоломъ, которому курятъ ѳиміамъ только по привычкѣ.— Таковы первыя впечатлѣнія. Они еще усиливаются при новыхъ наблюденіяхъ. Путешественникамъ становится яснымъ, что одряхлѣвшій король, его 80-ти лѣтняя любовница и старый духовникъ, не понимающіе запросовъ жизни, должны были довести страну до разоренія. Они хвалятъ регента за то, что онъ въ первую же минуту кое-что измѣнилъ къ лучшему, снялъ съ народа нѣкоторыя подати

и обратился къ содѣйствію парламентовъ, «этихъ развалинъ, которыя толпа попираетъ ногами, но которыя все-таки напоминаютъ о нѣкогда величественномъ храмѣ». Но скоро эти похвалы уступаютъ мѣсто порицанію; явился Ло, и «всѣ сплотились въ безсовѣстный заговоръ во имя наживы. Можно было видѣть честныхъ гражданъ, которые, ложась спать, говорили: сегодня я разорилъ одну семью, завтра нужно разорить другую».

Монтескье какъ будто вскользь набрасываетъ иной идеалъ государства. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ среди общаго очерка нравовъ вставлено обозрѣніе важнѣйшихъ республикъ, отрывокъ, предвѣщающій «Духъ законовъ». Персіянинъ сообщаетъ друзьямъ объ образѣ правленія, невѣдомомъ въ Азіи, и въ историческомъ очеркѣ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на великомъ значеніи римской республики. Въ аллегорическомъ разсказѣ (письма XI—XV) объ аравійскомъ племени Троглодитовъ, по вѣрному замѣчанію Сореля, мы предчувствуемъ «общину» Мабли и республику, грезившуюся Руссо. Троглодиты свергли иноземнаго своего повелителя, поставили сами себѣ старѣйшинъ и завели новый государственный строй. Но это ихъ не удовлетворило; они смѣнили своихъ вождей и упразднили всѣ стѣсненія; благородные человѣческіе инстинкты притупились у нихъ; алчность къ деньгамъ, неумѣренность въ наслажденіяхъ, нарушеніе семейныхъ и брачныхъ узъ, развитіе эгоизма довели народъ до гибели. Бѣдствія всякаго рода истребили его за исключеніемъ нѣсколькихъ паръ. Уцѣлѣвшіе рѣшаютъ начать жизнь съизнова, стоять всѣмъ за одного, и одному за всѣхъ. Страна оживаетъ, мужественные идеалы руководятъ ею. Ей нуженъ вождь. Всѣ постановили предложить власть одному уважаемому старцу, но, обливаясь слезами, онъ молитъ ихъ не ставить никого выше самихъ себя. «Мнѣ немного остается прожить. Вскорѣ я свижусь съ нашими дорогими предками. Зачѣмъ хотите вы, чтобъ я огорчилъ ихъ, повѣдавъ, что оставилъ васъ подъ другимъ ярмомъ, а не подъ сладостнымъ игомъ добродѣтели!» Съ этимъ неопредѣленнымъ республиканизмомъ молодого Монтескье можно сопоставить характеристику Москвы того времени, присланную будто бы Узбеку оттуда персидскимъ посломъ и выставляющую въ симпатичномъ свѣтѣ преобразовательную дѣятельность Петра.

Обрисовавъ въ комическомъ анекдотѣ наивное самомнѣніе татарскаго хана, вѣрившаго, что онъ первый властелинъ на землѣ, и приказывавшаго бирючу возглашать послѣ ханской трапезы: «великій повелитель пообѣдалъ,—теперь всѣ другіе государи могутъ обѣдать», Монтескье посмѣялся надъ взглядомъ, укоренившимся при Людовикѣ, будто выше Франціи ничего нѣтъ. Онъ постоянно выдвигаетъ на

первый планъ расовыя различія, которыя впослѣдствіи играли такую роль въ его важнѣйшемъ трудѣ. Персіяне часто находятъ, что бытовыя условія на ихъ родинѣ гораздо гуманнѣе; женщина свободнѣе въ гаремѣ, чѣмъ во французской семьѣ, огражденной запрещеніемъ развода. Ихъ поражаетъ духъ раболѣпія, всюду разлитый; они находятъ, что здѣсь «сословіе лакеевъ очень важно и служитъ разсадникомъ будущихъ вельможъ». Поражаютъ ихъ и клерикальные нравы, богатые и лѣнивые монахи, «директоры совѣсти», забравшіе въ руки дѣла и имѣнія богатыхъ семей,—и безгласность общественнаго мнѣнія, и курьезное зрѣлище Академіи, руководительницы вкуса, составленной изъ дряхлыхъ, выжившихъ изъ ума стариковъ,—и безцеремонность взяточничества, азартныя игры, цинизмъ любовныхъ интригъ и т. д.

Мрачное впечатлѣніе производятъ эти «Письма», хотя въ нихъ господствуетъ неподдѣльно веселый тонъ, а развязка придѣлана въ чисто персидскомъ вкусѣ,—Узбекъ поспѣшно возвращается, узнавъ, что безъ него жены его соскучились и взбунтовались. Несмотря на всѣ предосторожности, и Монтескье пришлось вынести немало тревогъ изъ-за этой съ виду невинной книжки. Она испортила его карьеру въ судебномъ мірѣ, въ придворномъ кругу и въ академіи, но сблизила его съ салонами, гдѣ уже понемногу слагались матеріалы для будущаго энциклопедистскаго движенія. Тамъ онъ былъ желаннымъ гостемъ и изумлялъ разнообразіемъ своихъ дарованій, то выступая съ изящно-эротическими вещицами въ античномъ вкусѣ (Le temple de Gnide), увлекая остроуміемъ, то затрогивая глубокіе политическіе вопросы. Но онъ не удовлетворился этой узкой сферой и, оторвавшись отъ французской обстановки, въ извѣстной степени привившей ему привычки эпикурейца, предпринялъ трехлѣтнее путешествіе по Европѣ (въ 1728 г.), обогатившее его умъ множествомъ наблюденій и сравненій; изъ него онъ вернулся другимъ человѣкомъ.

Съ успѣхомъ «Персидскихъ Писемъ» совпали первые серьезные литературные опыты писателя, также вскормленнаго порою регентства, съ геніальной силой поборовшаго въ себѣ вредное вліяніе отживавшаго порядка, и вышедшаго на широкую, общечеловѣческую арену, гдѣ ждала его слава, передъ которою поблѣднѣла счастливая звѣзда Монтескье. То былъ Вольтеръ.

Слабымъ и хилымъ явился на свѣтъ 21 ноября 1694 г. Франсуа-Мари Аруэ. Но въ тщедушномъ тѣлѣ, оставшемся такимъ навсегда, таился необычный внутренній огонь. Двухъ-трехлѣтній ребенокъ съ увлеченіемъ декламировалъ стихотворенія, которымъ научилъ его крестный отецъ, изящный скептикъ abbé Chateauneuf. Семи лѣтъ онъ самъ пишетъ стихи, въ двѣнадцать даже трагедіи, къ негодованію отца, честнаго, дѣлового чиновника. У матери, однако, юный поэтъ встрѣ-

чалъ поддержку; близкая къ знаменитой нѣкогда Нинонѣ де Ланкло, очаровывавшей умомъ даже Мольера, который нерѣдко приносилъ ей на судъ свои произведенія, она привлекала и къ себѣ въ домъ привычныхъ гостей состарѣвшейся Аспазіи. Въ этомъ кружкѣ процвѣтало нѣсколько фривольное отношеніе къ жизни, и любимымъ поэтомъ его считался Анакреонъ, къ подражанію которому Аруэ перешелъ отъ своихъ трагедій. Школьные годы онъ провелъ тоже въ оригинальной обстановкѣ; будущаго врага іезуитовъ отдали къ нимъ въ ученье, въ Collège Louis le Grand, гдѣ онъ оставался до 16-ти лѣтняго возраста. О нѣкоторыхъ наставникахъ онъ сохранилъ свѣтлыя воспоминанія, но общій строй заведенія, обуздывавшій всякую самостоятельность, сталъ ему ненавистенъ. Въ школѣ онъ продолжалъ обращать на себя вниманіе стихами, смѣлыми скептическими выходками противъ религіи; прославленный въ свое время, но безсодержательный лирикъ Жанъ-Батистъ Руссо (род. 1670, ум. 1741 г.) присутствуя на экзаменѣ (какъ Державинъ на испытаніи Пушкина), былъ пораженъ отвѣтами юноши, сблизился съ нимъ, и благоговѣвшій передъ нимъ Аруэ посылалъ ему на просмотръ свои опыты,—впослѣдствіи они стали непримиримыми врагами.

На порогѣ свѣта юношу поманила къ себѣ жизнь, полная наслажденій и приключеній всякаго рода. Мы видимъ его въ кружкѣ старыхъ вельможъ—эпикурейцевъ. На ихъ пирахъ онъ снова блистаетъ остротами или непринужденными циническими выходками, придавая себѣ видъ опаснаго повѣсы. Его новые друзья въ серьезныя минуты любили вспоминать давно минувшее. Старикъ Комартенъ разсказывалъ о Генрихѣ IV и такъ привлекательно изображалъ его, что Аруэ, заслушивавшійся этихъ разсказовъ, тутъ впервые задумалъ «Генріаду»; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ очевидцевъ и свидѣтелей онъ узнавалъ тайную хронику временъ Людовика XIV, и наряду съ замысломъ поэмы у него складывались матеріалы для историческаго труда «Siècle de Louis XIV», который долженъ былъ обезпечить ему видное мѣсто въ ряду современныхъ историковъ.

Вліяніе кружка сказалось и на развитіи той вольнодумно-политической или шаловливо-любовной лирики, которая доставила раньше всего извѣстность молодому стихотворцу. Несмотря на старанія скрыть свое авторство, онъ навлекалъ на себя мелкія непріятности, частыя высылки изъ Парижа; за латинское стихотвореніе «Puero regnante», гдѣ найдены были оскорбительные отзывы о юномъ королѣ, о регентѣ и его дочери, онъ брошенъ былъ въ Бастилію, свое пребываніе тамъ описалъ въ комической поэмѣ «La Bastille» и вышелъ изъ подъ ареста съ двумя пѣснями «Генріады» и трагедіею «Эдипъ».

Умственный застой, навязываемый странѣ политикой регентства,

наглая реакція и изувѣрство,—таковы силы, съ которыми вступаетъ въ борьбу молодой поэтъ. Житейскій опытъ помогъ ему вознестись отъ шутокъ, смѣха и сердечныхъ увлеченій до гражданской скорби и мужественныхъ заявленій. Парижъ, занятый войсками, вспышки военнаго бунта, новое столкновеніе парламента съ властью, крушеніе регентства, затѣмъ краткое правленіе еще болѣе непригоднаго для королевской роли герцога Бургундскаго, странный бракъ короля, всеобщія насмѣшки надъ нимъ и его совѣтниками, всѣ эти черты тревожной поры объясняютъ воинствующее настроеніе, которое и теперь поражаетъ насъ въ Эдипѣ. Первое представленіе его, 18 нояб. 1718 г., составило эпоху въ исторіи новой драмы. Трагедія эта для своего времени была, конечно, весьма удачнымъ литературнымъ упражненіемъ, но не это привлекало всѣхъ, а то сочетаніе смѣлыхъ драматическихъ пріемовъ съ философскою и политическою проповѣдью, которое открываетъ собою длинный рядъ сценическихъ поученій просвѣтительнаго характера, столь любимыхъ въ прошломъ вѣкѣ. Въ пьесѣ не было любовной интриги, за-то она насыщена была сомнѣніями и вопросами, составлявшими злобу дня, и не могла не вызвать тревоги въ придворныхъ и церковныхъ кругахъ. Ярко выразился въ ней скептицизмъ, овладѣвшій уже тогда авторомъ. Онъ выставляетъ жрецовъ корыстными обманщиками; высокое значеніе придала имъ лишь суетная толпа; вся ихъ мудрость основана на нашемъ легковѣріи: «les prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense; notre crédulité fait toute leur science». Вмѣстѣ съ ѣдкою укоризною духовенству произносится столь-же суровый приговоръ королевской власти; ей ставится высокій идеалъ (mourir pour son pays est le devoir d'un roi), которому не удовлетворяетъ большинство ея носителей. Одного сана недостаточно, чтобъ вызвать уваженіе. «Что бы я былъ безъ него, говоритъ Филоктетъ о Геркулесѣ,—только царскій санъ»! Съ другой стороны позорное раболѣпіе толпы передъ Людовикомъ XIV, смѣнившееся повальнымъ осужденіемъ послѣ его смерти, также перенесено въ древнюю обстановку и рѣзко осуждено.

Легко понять, что такое произведеніе должно было потрясти и увлечь современниковъ. Имя автора было у всѣхъ на устахъ,—но онъ уже покинулъ неблагозвучное родовое прозвище для другого, составленнаго изъ анаграммы (въ которой *u* принято за *v*) «Arouet le j.» (le jeune). Это было славное имя Вольтера.

Молодой стихотворецъ скоро замѣтилъ заискивающее ухаживаніе за нимъ свѣтскихъ салоновъ и двора; видя въ немъ человѣка опаснаго, старались приручить его любезностью и почестями. Если отчасти эта тактика достигала цѣли, то у Вольтера и въ ту пору оставались завѣтныя идеи, отъ которыхъ онъ не отказался бы ни за ка-

кія блага. Знали, что онъ обдумываетъ поэму изъ временъ лиги, но не подозрѣвали, чѣмъ она станетъ подъ его перомъ, и съ любопытствомъ стремились проникнуть тайну. Еще въ Бастиліи онъ задумалъ посвященіе поэмы королю; ярко обрисовавъ образъ Генриха IV, какъ образцоваго правителя, онъ хотѣлъ указать современной политикѣ идеалъ гуманной терпимости, уваженія къ народнымъ правамъ, и отклонить Людовика отъ деспотическихъ намѣреній, отъ гоненія на парламентъ, за годъ передъ тѣмъ въ полномъ составѣ сосланный въ Понтуазъ, и на протестантовъ. Поэма тайно печаталась въ Руанѣ и подъ видомъ торговой клади ввезена была на фурахъ въ столицу. На другой же день Парижъ былъ наводненъ экземплярами «Генріады» или, какъ она сначала называлась, «Лиги». Несмотря на крайнее раздраженіе клерикаловъ, правительство не остановило распространенія поэмы; вѣроятно, чье нибудь сильное вмѣшательство спасло ее. За-то въ литературѣ появленіе ея стало событіемъ; рядъ критическихъ статей, пародій и восхваленій встрѣтилъ ее.

«Генріада»—близкое подражаніе Энеидѣ; Вольтеръ послушный ученикъ Виргилія. Содержаніе поэмы выражено, по правилу, въ первыхъ же стихахъ: «je chante ce héros qui regna sur la France et par droit de conquête et par droit de naissance» и т. д. Рядомъ съ реальными личностями выведены олицетворенія Истины, Раздора, Фанатизма. Но въ это произведеніе, лишенное живого дѣйствія (оно все вращается около осады Парижа, оконченной Генрихомъ IV), искусно введены любимыя темы автора, сочувствіе свободѣ совѣсти, строгой законности, политической равноправности; чѣмъ возмутительнѣе отрицательные факты, изображаемые имъ (напр., Вареоломеевская ночь), тѣмъ ярче блистаютъ эти начала братства и свободы. Ни элементъ чудеснаго, ни сцены любви не привлекали такого вниманія, какъ эта прикладная сторона поэмы. Въ первыхъ же своихъ двухъ произведеніяхъ Вольтеръ далъ образецъ того, чѣмъ должна быть въ просвѣтительный вѣкъ литература. Съ той поры и на сцену, и въ романъ, и въ поэму вторгается то, что называли тогда философіею.

Но недоброжелательство враговъ скоро нашло себѣ исходъ, воспользовавшись чисто личнымъ столкновеніемъ поэта съ однимъ вельможею. Совершенно въ духѣ тогдашнихъ свѣтскихъ нравовъ, шевалье де-Роганъ, подговоривъ нѣсколько бродягъ, обманомъ вызвалъ Вольтера съ званаго обѣда на улицу, гдѣ будто бы въ каретѣ ждутъ его пріятели. Наемные бандиты безчеловѣчно избили его; съ трудомъ вернувшись на пиръ, онъ замѣтилъ обидную холодность гостей. Ища случая къ поединку съ оскорбителемъ, онъ такъ встревожилъ его семью, что она пустила въ ходъ все свое вліяніе, — и Вольтеръ былъ снова брошенъ въ Бастилію (1726 г.). Вѣроятно нашли, что это очень удобный

способъ избавиться на время отъ безпокойнаго человѣка. Но самоуправство было слишкомъ очевидно, и друзьямъ поэта удалось выхлопотать декретъ, освободившій его подъ условіемъ выѣзда изъ Франціи. На два года онъ отправляется въ Англію, обѣтованную страну для всѣхъ, кого привлекала новая наука и политическая свобода. Какъ для Монтескье, такъ и для Вольтера пребываніе въ Англіи стало высоко полезною школой, гдѣ укрѣпились его воззрѣнія, гдѣ отрывочныя догадки и частные протесты уступили мѣсто строго обдуманной программѣ дѣйствій.

Далеко не въ завидномъ положеніи оставлялъ за собой родную словесность молодой изгнанникъ. Въ лирической поэзіи блистала такая посредственность, какъ Жанъ-Батистъ Руссо, величаемый пышнымъ наименованіемъ le Lyrique; льстивая толпа наемныхъ стихотворцевъ пресмыкалась у ногъ сильныхъ людей. Романисты, покидая здоровое направленіе Лесажа, опять сбивались на торную дорогу двусмысленной эротики, пріятно возбуждавшей нервы, и писали «романы съ ключами», со временемъ дошедшіе у Кребильона младшаго до виртуознаго совершенства,—тогда какъ легіонъ трагиковъ, послушныхъ велѣніямъ старшаго Кребильона, слагалъ звучные и безсодержательные стихи и въ трескучихъ трагедіяхъ обработывалъ въ сотый разъ избитые классическіе сюжеты. Въ кругу этихъ людей Вольтеръ даже новичекъ казался революціонеромъ. Въ своемъ тяготѣніи къ англійской наукѣ онъ встрѣчалъ нѣсколько болѣе сочувствія. Если старые академики сердито сторонились отъ научнаго прогресса, то бойкій Мопертюи раньше Вольтера и Монтескье публичными лекціями и брошюрами уже знакомилъ общество съ открытіями Ньютона, успѣхами астрономіи, физики; интересы этого рода проникали даже въ салоны.

И такъ, Вольтеръ почти могъ считать себя одинокимъ. Авторъ «Персидскихъ писемъ», повидимому, покинулъ тогда литературу, а изъ остальнаго персонала писателей лишь два-три человѣка обнаруживали нѣкоторую самостоятельность,—хотя бы въ томъ, что отваживались рисовать будничную жизнь, бытъ средняго класса, простого народа, какъ это дѣлывали и въ 17 вѣкѣ немногіе реалисты. Такимъ былъ Мариво (1688—1763), несмотря на то, что благодаря особенностямъ его позднѣйшей писательской манеры французскій языкъ обогатился особымъ терминомъ (marivaudage), характеризующимъ изящную игру остроумія и чувствительности. Какъ авторъ комедій, онъ дѣйствительно замкнулся со временемъ въ узкой салонной обстановкѣ, но въ ранніе годы пытался правдиво изображать всю жизнь, за десять лѣтъ до ричардсоновой «Памелы» написалъ (неоконченный) романъ «Маріанна» (1731—1736), послужившій, въ

роятно, образцомъ для англійскаго писателя, тогда какъ въ своемъ журналѣ «Le spectateur français» пошелъ по пути Стиля и Аддисона. Но Мариво не съумѣлъ пріобрѣсти прочнаго вліянія на французскій вкусъ. Сильныя возраженія встрѣтили также однородныя попытки сближенія литературы съ повседневною жизнью, сдѣланныя малодаровитымъ Нивелль де-ла Шоссе (1692—1754), который въ первой своей пьесѣ (1734) «La fausse antipathie» положилъ начало «слезливой комедіи» (comédie larmoyante), родоначальницѣ мѣщанской драмы Дидро, Лессинга и Бомарше.

Такіе сверстники могли лишь отчасти содѣйствовать реформаторскимъ замысламъ, бродившимъ въ умѣ Вольтера. Но пока ему не нужны были сотрудники; онъ былъ такъ полонъ силъ, и впечатлѣнія новой страны были такъ обаятельны! Первое же письмо къ друзьямъ краснорѣчиво говоритъ объ этомъ. Описаніе лондонскихъ ландшафтовъ могло бы подойти къ южно-итальянской обстановкѣ; мутная Темза кажется ему красивой; жизнь же англійская съ ея духомъ законности и свободы заставляетъ его переходить отъ удивленія къ удивленію. Еще во Франціи онъ сошелся съ Болингброкомъ, когда же пріѣхалъ въ Англію, этотъ недавній изгнанникъ жилъ опять въ своемъ помѣстьѣ, поддерживая связи съ передовыми дѣятелями политики и литературы. Благодаря Болингброку, Вольтеръ близко сошелся съ Свифтомъ, Попомъ и ихъ кружкомъ. Два года, проведенные въ Англіи, совершенно освоили его съ англійскимъ языкомъ. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ уже написалъ прямо по-англійски «Опытъ объ эпосѣ» и первый актъ трагедіи «Брутъ». Онъ искалъ знакомства съ торіями, вигами, сектантами, посѣщалъ парламентъ, митинги, театры, тюрьмы, изучалъ уличную жизнь. Изъ набросковъ его впечатлѣній сложилась правдивая картина англійскаго быта, которую онъ счелъ полезнымъ развернуть передъ французскимъ читателемъ; одного сравненія ея съ домашними порядками было достаточно, чтобы возбудить недовольство и жажду обновленія.

Все говоритъ здѣсь о высшей культурѣ. Положеніе крестьянина гораздо обезпеченнѣе; онъ не страшится сборщика податей и не прячетъ своихъ запасовъ; онъ и одѣтъ лучше, и не такъ изнуренъ. Торговля, промышленность, свободныя профессіи считаются полезнымъ занятіемъ. Представители ихъ не уступаютъ во вліятельности родовой знати, и палата общинъ гораздо важнѣе синклита лордовъ; сочувствуя росту этого «третьяго сословія», Вольтеръ вообще восхищается свободой мнѣній въ Англіи.

«Здѣсь, въ Лондонѣ, около 800 человѣкъ облечены правомъ говорить публично, защищать интересы народа; тысячъ пять или шесть въ свою очередь добиваются той же чести; всѣ остальные судятъ

о нихъ, и каждый можетъ печатно заявлять свое мнѣніе съ полной свободой».—Такія замѣтки вносилъ Вольтеръ въ дневникъ, изъ котораго по возвращеніи составилъ знаменитыя въ свое время «Философскія Письма»; зная, что этой книгѣ нельзя появиться гласно въ Парижѣ, онъ выпустилъ ее (1733) по-англійски, и когда она возъимѣла большой успѣхъ, не могъ (быть можетъ и не хотѣлъ) помѣшать контрафакціи; напечатанныя въ Руанѣ по-французски, «Письма» были ввезены въ Парижъ, конфискованы и сожжены палачомъ.

Причины этой строгости легко понять. Съ первыхъ же главъ рѣзко ставился неумѣстный во Франціи вопросъ о свободѣ совѣсти, и подъ покровомъ бесѣды съ квакеромъ, которому приписаны наиболѣе безпощадныя осужденія, подвергались остроумной критикѣ обрядность и догматика католичества.

Переходя къ образу правленія, авторъ сочувствуетъ порядку вещей, гдѣ «король имѣетъ полную власть дѣлать добро и гдѣ у него связаны руки на злое», гдѣ дворянство основываетъ свое значеніе не на самоуправствѣ и не на численности крѣпостныхъ». Вольтера восхищаетъ уваженіе къ наукѣ и ея дѣятелямъ; «Ньютонъ, Локкъ подверглись бы преслѣдованію во Франціи, ихъ бросили бы въ тюрьму въ Римѣ, ихъ сожгли бы въ Лиссабонѣ, въ Англіи же они вполнѣ свободны». Англійская словесность, полная жизни и силы, также является укоряющею противоположностью французской манерности. Вольтеръ раскрываетъ (въ 18 письмѣ) значеніе Шекспира, какъ создателя національнаго театра, какъ замѣчательнаго самородка, незнакомаго съ правилами, но преисполненнаго возвышенности, свободы духа, геніальныхъ порывовъ; въ доказательство онъ приводитъ монологъ «Быть или не быть», сожалѣя, что не въ силахъ передать всѣхъ красотъ подлинника. Въ современной литературѣ онъ удивляется обилію и свѣжести талантовъ, высоко ставитъ Попа и особенно Свифта, котораго считаетъ вторымъ Рабле, сочувствуетъ соціальному направленію литературы и съ невольною завистью обрисовываетъ уваженіе, окружающее въ Англіи любимыхъ писателей, отражающееся и на посмертныхъ почестяхъ; «войдите въ Вестминстерское аббатство, и вы увидите, что въ наибольшемъ почетѣ не гробницы королей, а монументы, которые благодарная нація воздвигла великимъ людямъ, способствовавшимъ ея славѣ; такъ въ Аѳинахъ можно было видѣть изваянія Софокловъ, Платоновъ».

Не въ однихъ лишь «Философскихъ Письмахъ» сказалось вліяніе свободной страны, которая завоевала всѣ симпатіи Вольтера, рѣшительно выходившаго на путь публициста. Школа воинствующаго деизма, опытной науки, политической вольности и демократической словесности перевоспитала его. Трагедія «Брутъ» полна почти открытыхъ

нападковъ на старую королевскую власть, тогда какъ англійская вѣротерпимость дала содержаніе одной изъ наиболѣе художественныхъ трагедій Вольтера «Заирѣ», справедливо считаемой предшественницей «Натана Мудраго»; магометанство въ лицѣ Оросмана поставлено тутъ выше католичества, полнаго предразсудковъ и нетерпимости. Но, если до выхода Писемъ слышались насмѣшки надъ Вольтеромъ — англоманомъ, и на сценѣ выводили его въ видѣ арлекина, болтающаго на варварскомъ языкѣ, то послѣ появленія французскаго изданія «Писемъ», королевскій указъ предписалъ арестовать автора и сослать его въ дальнюю провинцію. Когда же по рукамъ стало ходить прекрасное стихотвореніе его въ память Адріенны Лекуврёръ, которой послѣ смерти ея, по наущенію духовенства, отказали, какъ актрисѣ, въ церковномъ погребеніи, и поэтъ горько попрекалъ свой вѣтреный народъ духовнымъ рабствомъ, безсмысленными предразсудками и противорѣчіемъ закона съ жизнью [1],—мѣра была переполнена, и консервативные слои громко требовали кары. Предупрежденный во время, Вольтеръ бѣжалъ и укрылся въ Шампаніи, на лотарингской границѣ, въ замкѣ своей пріятельницы, маркизы дю-Шатле.

Съ этой поры въ его жизнь входитъ важное по своимъ послѣдствіямъ вліяніе умной, развитой, хотя нѣсколько тщеславной женщины, сближеніе съ которой началось незадолго до его бѣгства, а окончилось лишь со смертью маркизы. Г-жа дю-Шатле соединяла съ эффектною наружностью рѣдкое въ то время образованіе, свободно писала по-латыни, превосходно знала математику и естественныя науки. Выдали ее за ничтожнаго человѣка, и она искала себѣ утѣшенія, внося въ каждую привязанность всю страстность богато одаренной натуры; узнавъ Вольтера, она поняла, что достигла цѣли. Съ тѣхъ поръ какъ они поселились въ замкѣ Сирэ, для обоихъ насталъ долгій періодъ уединенныхъ размышленій и безмятежной работы; тревоги прекратились; маркиза затратила большія деньги, чтобъ обставить замокъ превосходной библіотекой и произведеніями искусства; въ Сирэ пріѣзжали парижскіе друзья, на домашнемъ театрѣ играли столичныя знаменитости. При этихъ условіяхъ написаны были «Альзира», «Магометъ» и много другихъ произведеній, продолжавшихъ пропаганду тѣхъ же идей, которыя Вольтеръ вынесъ изъ путешествія въ Англію. Въ «Альзирѣ» фабула перенесена въ глушь Аме-

[1]) Ah! Verrai-je toujours ma faible nation,
Incertaine en ses voeux, flétrir ce qu'elle admire;
Nos moeurs avec nos lois toujours se contredire,
Et le Français volage endormi sous l'empire
De la superstition?

рики, къ первобытнымъ народамъ, и въ этой обстановкѣ разоблачено властолюбіе и своекорыстіе духовенства, насильно умножающаго стадо вѣрующихъ, тогда какъ въ пьесѣ о Магометѣ, изображенномъ искуснымъ и разсчетливымъ мистификаторомъ, своего рода Тартюфомъ, лишь въ болѣе величавой рамкѣ, авторъ доказывалъ любимую въ 18 вѣкѣ тему,—происхожденіе положительныхъ религій изъ корыстнаго разсчета и фанатизма немногихъ себялюбцевъ. Рядомъ съ Магометомъ поставленъ совсѣмъ не эффектный, но гораздо болѣе гуманный Зопиръ, вѣрующій по старому, наивно и искренно, снисходящій къ человѣческимъ слабостямъ. Такими работами занятъ былъ Вольтеръ въ Сирэ; отъ творчества переходилъ онъ къ занятіямъ математикой и естествознаніемъ, соперничая съ подругой, и въ популярной формѣ излагалъ новѣйшіе научные результаты; за обѣдомъ онъ преображался, являясь остроумнѣйшимъ собесѣдникомъ; вечеромъ исполнялась какая нибудь пьеса или читались стихотворенія. Непринужденный и тонко-интеллигентный духъ царилъ въ этомъ дальнемъ уголкѣ французскаго міра, и молва разнесла вѣсть о немъ повсюду, возбуждая удивленіе и любопытство. Къ этой эпохѣ относятся первыя сношенія Вольтера съ Фридрихомъ Вторымъ.

Въ 1736 г. юный принцъ съ робостью и благоговѣніемъ осмѣлился написать первое письмо великому учителю. Фридрихъ былъ тогда въ опалѣ, подъ усиленнымъ надзоромъ; чѣмъ болѣе чувствовалъ онъ на себѣ гнетъ грубаго и невѣжественнаго отца, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ отдавался гуманной проповѣди новой науки и поэзіи; для него «ничего не существуетъ выше Вольтера», онъ посылаетъ ему бюстъ Сократа, и отъ посланнаго разузнаетъ подробно, какъ живетъ великій человѣкъ. Тогда уже возникла у него мысль переманить Вольтера въ Берлинъ, превратившаяся со временемъ въ какую-то неизлѣчимую манію, почти не ослабѣвшую даже послѣ ихъ рѣзкаго разрыва. Принцъ-дилеттантъ присылалъ поэту свои французскіе стихи, корректуры своего «Анти Маккіавеля», и получалъ ихъ обратно съ массой поправокъ. По вступленіи на престолъ онъ поспѣшилъ написать Вольтеру, поклялся отдать всего себя служенію гуманности, хотѣлъ оставаться простымъ гражданиномъ и его искреннимъ другомъ, и просилъ никогда не титуловать его. Вольтеръ величалъ его за-то отнынѣ «Votre humanité». Онъ тонко понялъ, что сближеніе его съ Фридрихомъ можетъ быть полезно не для него только, но и для французской политики, неосторожно вдался въ дипломатическую интригу, стараясь развѣдать берлинскія политическія тайны. Король оказался еще хитроумнѣе и, желая поссорить Вольтера съ французскимъ правительствомъ, чтобъ тѣмъ легче привлечь поэта къ себѣ, съумѣлъ перехватить письма его и направить ихъ въ Парижъ къ его

злѣйшему врагу. Положеніе стало настолько опасно, что Вольтеръ полетѣлъ въ Парижъ, чтобъ отдать отчетъ въ переговорахъ и уладить недоразумѣнія. Это сначала удалось; онъ получилъ даже званіе исторіографа, и другія почести, льстившія неулегшемуся еще въ немъ тщеславію. Но онъ не оправдалъ надеждъ, которыя при этомъ, быть можетъ, на него возлагались. Подъ вліяніемъ англійской философіи онъ переходилъ тогда отъ рутиннаго взгляда на историческую науку, сказавшагося въ его юношеской компилятивной работѣ: «Histoire de Charles XII», къ широкому философскому освѣщенію народныхъ судебъ. Его «Essai sur les moeurs et l'ésprit des nations», написанный въ эту пору, разрушаетъ богословское истолкованіе всемірной исторіи, которое было въ ходу со временъ Боссюэта, и противополагаетъ ему довольно стройную теорію, опирающуюся на естественно-историческія данныя, изученіе племенныхъ особенностей, сравнительный разборъ религій; прогрессу указана высшая цѣль въ осуществленіи всеобщаго просвѣщенія и царства человѣчности. Вольтеръ-трагикъ, публицистъ и историкъ всюду былъ вѣренъ себѣ.

Но придворная жизнь навлекла на него не мало непріятностей; начались также и литературныя столкновенія. Мелкіе писатели тѣсно сплотились для борьбы съ человѣкомъ, затмившимъ ихъ; завязывается упорная война. На поприщѣ пасквилей и доносовъ подвизался аббатъ Дефонтенъ, собравшій въ памфлетѣ: La Voltairomanie всякія сплетни о поэтѣ. Дефонтена смѣнили другіе враги, иногда вовсе не бездарные. Такимъ былъ Пиронъ, авторъ комедіи La métromanie, такъ зло осмѣявшей страсть къ стихотворству, что нѣкоторыя выраженія вошли въ поговорку (напр. «J'ai ri. Me voilà désarmé» или «La mère en prescrira la lecture à sa fille»,—у Пушкина «его стихи, конечно, мать велѣла-бъ дочери читать»). Но въ ту же пору Вольтеръ встрѣтилъ истинно расположеннаго къ нему друга, возымѣвшаго на него благотворное вліяніе. Еслибъ на пути Вольтера чаще встрѣчались такіе люди и еслибъ онъ смолоду былъ иначе обставленъ, онъ раньше выказалъ бы свое настоящее значеніе. Молодой маркизъ Вовенаргъ ни по своему положенію, ни по литературнымъ успѣхамъ не могъ разсчитывать на сближеніе съ нимъ. Не по годамъ задумчивый, тяготившійся военною службой, стѣсненный матеріально, Вовенаргъ предался въ провинціальной глуши литературнымъ занятіямъ и послалъ Вольтеру свои первыя работы. Поэтъ отвѣчалъ ласковымъ письмомъ, ободряя къ труду и приглашая незнакомца къ себѣ въ Парижъ. Съ этихъ поръ между ними начались дружескія сношенія, еще болѣе усилившіяся, когда Вовенаргъ наконецъ пріѣхалъ въ столицу. Обезображенный оспой, почти умирающій, лежалъ онъ въ бѣдной комнатѣ, и Вольтеръ

среди придворной жизни находилъ время, чтобъ посѣщать друга и утѣшать его своей бесѣдой. Когда несчастный умеръ, Вольтеръ воспользовался первымъ же случаемъ, чтобъ всенародно воздать ему хвалу. Въ панегирикѣ французамъ, прославившимся въ послѣднюю войну, онъ, дойдя до Вовенарга, съ глубокою горестью вспоминаетъ о другѣ, жалѣетъ, что поздно встрѣтился съ такою выдающеюся личностью, удивляется стойкости его среди несчастій, гуманности и возвышенной философіи. Эта рѣдкая по искренности исповѣдь Вольтера доставила посмертную извѣстность его другу. Ученіе Вовенарга не сложно и не эффектно; съ виду онъ идетъ по слѣдамъ моралистовъ 17 вѣка, но у него нѣтъ остроумія Лабрюэра и разочарованности Ларошфуко; этотъ уединенный мыслитель, который (какъ находили потомъ) съумѣлъ бы стать примиряющимъ звеномъ между Вольтеромъ и Руссо, хотѣлъ подѣйствовать на порочное общество кроткою проповѣдью добродѣтели и благородства. Главною цѣлью стремленій онъ называетъ въ своихъ Maximes гуманность, и, какъ нѣкогда храбрый воинъ,—неустрашимое мужество; душа его возмущается пороками, царящими вокругъ, и онъ порицаетъ свой вѣкъ за его слабости, раболѣпіе, презрѣніе къ народу, легкомысліе и невѣжество.

Еслибъ Вольтеръ дольше находился подъ вліяніемъ этого благороднаго человѣка, онъ скорѣе излѣчился бы отъ суетности, все еще привязывавшей его къ придворному міру вопреки философской трезвости ума. Предоставленный себѣ, онъ отдался на время свѣтскимъ приманкамъ, написалъ парадную пьесу: La princesse de Navarre и самъ смѣялся надъ ея успѣхомъ, затмившимъ Генріаду и Заиру, которыя возбуждали лишь злобу и вражду.

Съ дипломатическою проницательностью старался онъ удержаться среди смѣны временщиковъ и сблизился съ новою звѣздой, далеко оставившей позади себя всѣхъ ихъ,—г-жей Помпадуръ. Въ разсчетливую политику ея входило поощреніе искусства и литературы, щегольянье легкимъ вольнодумствомъ и тонкимъ развитіемъ, шедшее въ уровень съ начинавшимся уже царствомъ салоновъ. Вольтеръ былъ украшеніемъ интимныхъ сборищъ у фаворитки, возбуждая этимъ ненависть чопорнаго двора покинутой королевы, гдѣ искали случая отмстить ему. Когда въ другой парадной пьесѣ «Храмъ славы» онъ съ немалою натяжкой сравнилъ Людовика XV съ Траяномъ и, какъ говорили тогда, въ день представленія позволилъ себѣ обратиться къ королю съ безобиднымъ, но противнымъ этикету вопросомъ: «Trajan est-il content?» король, совершенно не находчивый, прибѣгавшій къ загадочнымъ уловкамъ, чтобъ скрыть смущеніе, гнѣвно посмотрѣлъ на него. Этимъ воспользовались, чтобы пошатнуть положеніе Вольтера; шла даже рѣчь о его высылкѣ, несостоявшейся лишь благодаря

г-жѣ Помпадуръ. Но вскорѣ онъ понялъ, что на время полезно будетъ уѣхать. Въ одной великосвѣтской гостиной за игрою въ карты онъ замѣтилъ, что дѣлается жертвой ловкаго мошенничества; говоря по-англійски съ г-жей дю-Шатле, онъ выразился рѣзко, былъ понятъ другими и пораженъ мстительнымъ настроеніемъ окружающихъ. Еще свѣжо было воспоминаніе о томъ, какъ за чужую вину онъ поплатился тюрьмой и ссылкой.

На этотъ разъ убѣжищемъ былъ замокъ его старой пріятельницы, герцогини дю-Мэнъ, укрывавшей опальнаго поэта до тѣхъ поръ, пока «исторія» его не улеглась въ Парижѣ. Вольтеръ привезъ съ собой матеріалы для обширныхъ работъ, для «Вѣка Людовика XIV», для «Опыта о нравахъ», но ни удобствъ для такого труда, ни спокойнаго настроенія у него не было. Принужденный не показываться днемъ на глаза людямъ, и только по вечерамъ спускаться къ своей больной пріятельницѣ, онъ придумалъ средство коротать время и развлекать эту умную женщину, слагая разные замысловатые разсказы. Около постели герцогини ставился ужинъ, Вольтеръ садился за столъ, и импровизація длилась за полночь. Онъ не стѣснялся выборомъ сюжетовъ, извлекая ихъ изъ старыхъ источниковъ сказочныхъ фабулъ и перерабатывая ихъ по своему. Такъ сложилось пять небольшихъ повѣстей, вскорѣ затѣмъ изданныхъ, «Микромегасъ», «Задигъ», «Бабукъ» и др. Въ первой изображено, во вкусѣ Свифта, волшебное путешествіе великана Микромегаса, обитающаго на Сиріусѣ, съ жителемъ Сатурна. Сначала они проходятъ по небеснымъ сферамъ, потомъ по землѣ, дорогою встрѣчаютъ корабль съ маленькими человѣчками, — членами полярной экспедиціи. Великану Сиріуса удается устроить орудіе, доносящее до него слабый людской голосъ. Начинается научная бесѣда; выступаютъ сторонники разныхъ философскихъ ученій; одинъ защищаетъ Аристотеля, другой Лейбница, Декарта. Великановъ удовлетворилъ лишь приверженецъ Локка; они непремѣнно обняли бы его, еслибъ не боялись раздавить этого крошку въ своихъ объятіяхъ. Еще богаче фантазія и остроуміе въ «Задигѣ», новой варіаціи странствующаго сказанія объ «ангелѣ и пустынникѣ»,— послѣдній отростокъ котораго не такъ давно снова показался въ одномъ изъ мелкихъ разсказовъ Л. Толстого. Задигъ на опытѣ убѣдился, что чѣмъ честнѣе поступалъ, тѣмъ жилось ему хуже; счастье однимъ порочнымъ. Спутникъ его, принявшій человѣческій образъ, разъясняетъ ему на примѣрахъ, что счастье злыхъ призрачное, что зло послано для испытанія добрыхъ, и что нѣтъ такого дурного дѣла, которое въ конечномъ результатѣ не повело бы къ добру. Къ ужасу Задига, онъ крадетъ цѣнный сосудъ у гостепріимнаго хозяина и незамѣтно оставляетъ его у скупца, сталкиваетъ въ

воду услужливаго проводника, поджигаетъ домъ бѣдняковъ. Во всемъ этомъ есть скрытое благо: скупецъ устыдится и исправится, разоренный погорѣлецъ найдетъ подъ пепломъ кладъ; утонувшій сталъ бы черезъ годъ убійцей. Очевидно Вольтеръ не додумался еще тогда до разрыва съ оптимизмомъ, ярко выразившагося въ лучшей его повѣсти,—«Кандидѣ».

Краткая пора успѣховъ его въ Парижѣ близилась къ концу. Постановка на сцену Семирамиды разочаровала парижанъ; далеко не новаторъ въ драматической теоріи, Вольтеръ отважился, однако, вывести въ самомъ потрясающемъ моментѣ тѣнь Нина; актеръ не справился съ ролью и, пробираясь по сценѣ между зрителями (допускавшимися тогда на ней), возбудилъ смѣхъ. Вслѣдъ затѣмъ непріятное впечатлѣніе произвело стихотвореніе поэта къ г-жѣ Помпадуръ, показавшееся оскорбительнымъ королевѣ. Она потребовала ареста Вольтера, но онъ снова укрылся въ Сирэ и отдался прежнимъ занятіямъ философіей и естествознаніемъ. Уединенная работа и основательное усвоеніе точныхъ наукъ, позволившее ему вмѣстѣ съ его подругой принимать на себя рѣшеніе трудныхъ конкурсныхъ задачъ парижской академіи, не удовлетворяли его однако; тѣсныя рамки жизни тяготили, а сближеніе съ Станиславомъ Лещинскимъ и его крохотнымъ дворомъ въ Люневилѣ дало слишкомъ слабую замѣну разнообразнаго оживленія Парижа. Вольтеру, совсѣмъ сросшемуся съ обстановкой мірового города, недоставало толпы, которая его знала, любила, терпѣла его странности, и повиновалась, когда, услышавъ не во-время нарушившій ходъ спектакля знакъ одобренія или порицанія, онъ кричалъ изъ глубины ложи: «остановитесь, варвары; дослушайте до конца!» Теперь онъ скучалъ, а Фридрихъ не переставалъ манить его къ себѣ.

Привязанность къ подругѣ еще останавливала поэта,—вскорѣ и тутъ пришлось испытать разочарованіе. Молодой придворный Станислава, Сенъ-Ламберъ, недурно писавшій стихи и современемъ пріобрѣтшій извѣстность своими «Временами Года», увлекъ сорокалѣтнюю маркизу юностью и изяществомъ. Вольтеръ случайно раскрылъ эту связь, пересилилъ себя и остался въ Сирэ. Когда же маркиза умерла отъ родовъ (1749 г.), Вольтера глубоко потрясло горе; онъ упалъ въ обморокъ, бился головою о плиты мостовой; но потомъ, перебирая переписку маркизы, онъ узналъ различныя ея сердечныя тайны, а въ подаренномъ имъ медальонѣ нашелъ уже портретъ Сенъ-Ламбера. «Все въ порядкѣ вещей, — съ горькимъ смѣхомъ воскликнулъ онъ. Одинъ гвоздь выбиваетъ другой», и, отмѣнивъ рѣшеніе навсегда выселиться изъ Франціи, вернулся-было въ Парижъ. Онъ засталъ тамъ большое оживленіе въ литературномъ мірѣ и образованномъ обществѣ;

выдвинулись новые дѣятели просвѣтительнаго направленія, Дидро, Даламберъ, и готовы были сгруппироваться около него. Но онъ не рѣшался еще порвать своихъ оффиціальныхъ связей, а при дворѣ выказывали къ нему при каждомъ случаѣ холодность. Людовикъ просилъ его не упоминать такъ часто въ публичныхъ рѣчахъ имя ненавистнаго прусскаго короля. Вольтеръ, замѣтивъ, что отношенія обостряются, для виду спросилъ, позволитъ ли онъ ему, какъ исторіографу и члену академіи, перейти на службу въ Пруссію; согласіе было дано немедленно, такъ какъ его «никто не удерживаетъ». Черезъ мѣсяцъ поэтъ былъ уже въ Потсдамѣ и восторженно описывалъ его друзьямъ, не замѣчая того, что очутился въ большой казармѣ, переполненной 50.000 солдатъ, и что свобода, которою будто бы пользуется населеніе новой страны, очень сомнительна.

Переѣздъ въ Берлинъ (1750 г.) могъ въ ту пору дать туристу-французу полную иллюзію родины; въ кружкѣ, гдѣ приходилось ему вращаться, все было французское или офранцуженное; нѣмецкій языкъ и словесность были въ загонѣ; академія и дворъ переполнены чужестранцами. Тоже было повсюду въ Германіи; на обѣдахъ какого-нибудь владѣтельнаго герцога сидѣли все французы, а чужимъ былъ только хозяинъ-нѣмецъ. Кружокъ Фридриха изобиловалъ своеобразными личностями; остроумный скептикъ и изящный литераторъ Д'Аржансъ сталкивался съ эксъ-медикомъ Ламеттри, извѣрившимся въ медицину, преслѣдовавшимъ ее желчными сатирами и благодаря своей бойкой книгѣ L'homme machine являвшимся enfant terrible тогдашняго матеріализма; съ братьями Кейтъ, сохранявшими и при вольнодумномъ дворѣ Фридриха англійскую серьезность и масонскій духъ братскаго равенства, встрѣчались талантливый, непомѣрно честолюбивый и помѣшанный на эксцентрическихъ эффектахъ Мопертюи, вѣчный шутникъ Альгаротти и храбрый рубака маіоръ Шазо,—а во главѣ кружка позировалъ вѣнчанный «философъ изъ Санъ-Суси». Но онъ пережилъ уже тогда свѣтлую пору юношескаго идеализма, утратилъ также своихъ лучшихъ друзей, и отъ новыхъ приближенныхъ ждалъ развлеченія, забавы, часто забывался до того, что вывелъ изъ терпѣнія честнаго Шазо, покинувшаго затѣмъ Берлинъ. Понемногу стали продвигаться личности, гораздо менѣе независимыя. Словомъ, Вольтеръ засталъ короля далеко не въ лучшую пору; Фридрихъ былъ на поворотѣ къ послѣднему періоду своего царствованія. Поэтъ скоро понялъ это. Черезъ нѣсколько времени онъ писалъ въ Парижъ: «ужины короля восхитительны; здѣсь царствуетъ независимость, моя жизнь свободна и полна, но... Оперы, комедіи, карусели, военные маневры, концерты, чтенія, но... но... Берлинъ прекрасенъ, даже лучше Парижа, дворецъ, театральныя залы, ласковая королева, прекрасныя прин-

цессы, но... погода начинаетъ поворачивать къ холоду». Фридрихъ скоро сталъ тяготиться присутствіемъ Вольтера, лишь временами восхищаясь его остроумною бесѣдой. Вина была обоюдная. Король слишкомъ идеализировалъ своего гостя заглазно. Тяжело бываетъ людямъ, долго не видавшимся, встрѣтиться, и вмѣсто свѣжаго, молодого созданія увидать въ близкомъ человѣкѣ дряхлое существо. Фридрихъ рисовалъ себѣ Вольтера полубогомъ, и увидалъ слабаго, преждевременно дряхлѣющаго человѣка, далеко не всегда готоваго быть забавнымъ собесѣдникомъ. Онъ разгадалъ въ немъ и сторону практическую, дѣловую,—и это возмущало разсчетливаго, скупого короля. Чуть ли не первыя столкновенія произошли изъ-за денегъ, хотя Вольтеръ настаивалъ лишь на уплатѣ условленнаго содержанія, и сначала приписывалъ вину недобросовѣстности мелкихъ агентовъ. Въ раздраженіи онъ неосторожно высказывался постороннимъ, называя, наприм. стиркой королевскаго чернаго бѣлья тягостную для него поправку Фридриховыхъ стихотвореній,—и это сдѣлалось извѣстнымъ королю. Съ другой стороны, замѣтивъ ревнивое отношеніе поэта ко всякой литературной извѣстности, Фридрихъ выписалъ ничтожнаго стихотворца Баккюлара и восхвалилъ его въ одѣ, называя солнцемъ, Вольтера же заходящимъ свѣтиломъ, и выбралъ своимъ парижскимъ корреспондентомъ личнаго его врага, Фрерона.

Наконецъ, одно крупное и довольно неприглядное дѣло, до сихъ поръ не вполнѣ разгаданное, совсѣмъ испортило отношенія. По страсти къ денежнымъ спекуляціямъ, тогда еще сильной въ немъ, Вольтеръ, по вѣрному замѣчанію Денуартерра, носилъ отпечатокъ поры регентства съ ея увлеченіемъ «системою» Ло. Живя въ Берлинѣ, онъ воспользовался финансовымъ кризисомъ, созданнымъ частыми войнами. Саксонскій банкъ, выпустившій массу ассигнацій, сильно пошатнулся тогда; опираясь на престижъ прусскихъ побѣдъ, берлинскіе спекуляторы требовали полной уплаты по бумагамъ; установилась настоящая биржевая игра, послѣ запрещенія Фридриха продолжавшаяся тайкомъ. Еврей Гиршъ соблазнилъ Вольтера выгодою помѣщенія денегъ при покупкѣ саксонскихъ бумагъ съ 35% уступки; раздумавъ потомъ и узнавъ, что имѣетъ дѣло съ плутомъ, Вольтеръ отмѣнилъ-было покупку, но было уже поздно. Когда же онъ удержалъ нѣсколько цѣнныхъ вещей въ видѣ обезпеченія, Гиршъ поднялъ дѣло, жалуясь на самоуправство и на поддѣлку условія; факсимиле описи бриллiантовъ теперь издано и опровергаетъ этотъ извѣтъ; тѣмъ не менѣе Вольтеру пришлось присягнуть, и жалоба Гирша была отвергнута. Но огласка дѣла повредила поэту, показавъ его въ весьма некрасивой обстановкѣ,—и только заступничество сестры Фридриха повело къ отмѣнѣ указа, высылавшаго Вольтера въ 24 часа изъ Берлина.

Но положеніе его все-таки быстро ухудшалось. Занятый окончательной отдѣлкой «Вѣка Людовика XIV», онъ не могъ уберечь готовыхъ листовъ сочиненія отъ нескромнаго любопытства; пронырливый литераторъ-авантюристъ Ла Бомелль, обратившій на себя нѣкоторое вниманіе книгою «Мои мысли» или «Qu'en dira-t-on» (изъ нея черпалъ при случаѣ Фонъ-Визинъ), желавшій упрочить себѣ теплое мѣстечко въ Берлинѣ и для этого промышлявшій сплетнями и доносами на Вольтера, отмстилъ ему за свое удаленіе изъ Пруссіи дерзкимъ плагіатомъ. Во Франціи явилось поддѣльное изданіе Исторіи Людовика, испещренное придирками и опроверженіями, ссылавшимися будто бы на подлинные мемуары г-жи Ментенонъ. Авторитетъ Вольтера расшатывался. Окончательный ударъ нанесло ему столкновеніе съ Мопертюи, котораго онъ сильно не взлюбилъ сразу; вдвоемъ имъ было тѣсно въ Берлинѣ; Мопертюи, готовившійся играть первую роль при дворѣ, не выносилъ присутствія поэта. Когда геометръ Кенигъ печатно уличилъ президента академіи, опираясь на неизданныя бумаги Лейбница, въ присвоеніи чужихъ трудовъ, этимъ обличеніемъ руководилъ втайнѣ Вольтеръ. Вылазка не удалась, такъ какъ у Кенига были только копіи съ рукописей; зато Мопертюи, разгадавъ тактику врага, принялъ вызывающее положеніе. Но Вольтеръ, собравъ всѣ силы своего несравненнаго остроумія, казалось, притупленнаго послѣдними невзгодами, нанесъ ему одинъ за другимъ нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ. Мопертюи самъ далъ ему оружіе противъ себя. Полу-больной, съ разстроеннымъ воображеніемъ и непомѣрнымъ научнымъ самомнѣніемъ, онъ выпускалъ тогда популярныя и необыкновенно фантастическія брошюры и разсужденія, назначенныя какъ будто для увеселенія читателя. Здѣсь можно найти мысли о томъ, какъ хорошо бы сдѣлать скважину до центра земли и увидѣть вѣчный огонь, отправить экспедицію къ сѣверному полюсу для изслѣдованія череповъ живущихъ тамъ великановъ, построить латинскій городъ, гдѣ бы всѣ говорили по-латыни, учили, судили, играли на театрѣ все на томъ же языкѣ; Мопертюи терялся въ догадкахъ, въ какомъ порядкѣ зачинается человѣческій организмъ, или какъ продлить вѣкъ людей, задерживая ихъ ростъ. Къ удивленію, Фридрихъ привѣтствовалъ эту безсмыслицу, быть можетъ, не безъ задней мысли. Какъ ни обѣщалъ себѣ Вольтеръ быть осторожнымъ, онъ не могъ устоять передъ заманчивымъ поводомъ къ пародіи. Онъ по прежнему являлся на литературныхъ вечерахъ короля, посовѣтовалъ систематически вести ихъ, привелъ въ восторгъ Фридриха критическимъ взглядомъ на ветхозавѣтную исторію (то были матеріалы для «Философскаго словаря»), но втайнѣ готовилъ злую сатиру. Неожиданно явилась она подъ мудренымъ заглавіемъ «Diatribe du docteur Akakia».

Авторъ скрылся за личностью папскаго доктора, который возмущенъ тѣмъ, что какой-то шарлатанъ, назвавшись президентомъ академіи, выпустилъ въ свѣтъ массу нелѣпостей. «Онъ нападаетъ на насъ, докторовъ, говоря, что если врачъ не вылѣчитъ больного, ему не слѣдуетъ платить гонорара. Еслибы со всѣми поступать по этому правилу, что сказалъ бы человѣкъ, получающій, положимъ, 1200 дукатовъ пенсіи за труды по математикѣ и метафизикѣ, еслибъ къ нему обратились съ такою рѣчью: м. г., вы лишаетесь ста дукатовъ за-то, что вы писали, будто на землю упадутъ кометы, всѣ изъ золота и бриллiантовъ; триста дукатовъ у васъ отнимутъ за то, что вы увѣряете, будто въ эмбріонѣ лѣвый глазъ притягиваетъ правую ногу?.. Нельзя отнять у васъ менѣе 400 дукатовъ за-то, что вы съ помощью опіума и разсѣченія головы великановъ хотите узнать природу души. Бѣдный философъ остался бы совсѣмъ безъ пенсіи... Я видѣлъ въ Италіи во время карнавала арлекина, нарядившагося архіепископомъ, но можно было скоро узнать въ немъ шута по его манерѣ благословлять; это напомнило мнѣ тогда басню Лафонтена, гдѣ оселъ въ львиной шкурѣ былъ узнанъ по кончику ушей. Здѣсь же всѣ уши выставлены на показъ». Король пришелъ въ негодованіе отъ этихъ злыхъ насмѣшекъ, не принялъ увѣреній Вольтера, что это не его памфлетъ, а плутня его враговъ, велѣлъ сжечь брошюру рукою палача и потребовалъ отъ поэта обязательства ничего не печатать противъ Фридриха, другихъ правителей и даже писателей. Вольтеръ, несмотря на это, отослалъ свою рукопись въ Дрезденъ; напечатанная тамъ, она вторично была сожжена въ Берлинѣ. Вольтеръ вернулъ тогда королю всѣ знаки отличія и патенты, и просилъ позволенія уѣхать. На этотъ разъ Фридрихъ упросилъ его остаться, хотя оба играли натянутую комедію. Вольтеръ писалъ роднымъ, что собирается составить небольшой королевскій словарь: «мой другъ значитъ мой рабъ; я васъ сдѣлаю счастливымъ значитъ я васъ буду мучить, пока вы будете мнѣ нужны... Человѣка переманиваютъ съ родины самыми священными обѣщаніями и обижаютъ самою черною злобой! И это тотъ, котораго когда-то я считалъ философомъ, котораго называлъ Соломономъ сѣвера»!

Настойчиво повторяя просьбу объ увольненіи, Вольтеръ получилъ наконецъ согласіе. Король сухо простился съ нимъ на смотру. Почувствовавъ себя на свободѣ, сатирикъ возобновилъ нападки на Мопертюи и выпустилъ въ Лейпцигѣ брошюру «Мирный договоръ». Онъ представляетъ себѣ споръ оконченнымъ. Всѣ мирятся и даютъ другъ другу обѣщанія. Мопертюи обѣщаетъ привести изъ полярныхъ странъ четырехъ гигантовъ, ровно 12 футовъ вышины, и четырехъ другихъ, поросшихъ волосами и съ хвостомъ. Кенигъ отказывается

отъ спора и проситъ себѣ мѣстечка въ академіи будущаго латинскаго города и т. д. Когда Мопертюи, прочитавъ брюшюру, послалъ Вольтеру вызовъ, въ лейпцигскихъ газетахъ явилось обращеніе доктора Акакія къ университету; онъ умолялъ профессоровъ и студентовъ защитить его отъ какого-то лапландца своими перочинными ножами и досками, и выразилъ надежду что коллеги-доктора придумаютъ какое-нибудь слабительное, которое привело бы больного въ нормальное состояніе. Наконецъ Вольтеръ написалъ самому Мопертюи письмо, блещущее самою ѣдкою насмѣшливостью. Фридриха, при видѣ новаго памфлета, встревожила мысль, что и онъ можетъ подвергнуться той же участи; онъ боялся разоблаченія берлинскихъ порядковъ и отношеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокоился о своихъ стихотвореніяхъ, оставшихся у Вольтера, особенно о цинической поэмѣ Palladium, осмѣивавшей двусмысленныя похожденія одного берлинскаго француза и заключавшей въ себѣ злые намеки на интриги версальскаго двора, на г-жу Помпадуръ и мн. др. Фридрихъ подумалъ, что Вольтеръ не затруднится теперь напечатать эту поэму, столь компрометтирующую короля, и рѣшилъ отправить погоню за поэтомъ. Вольтеръ уже достигъ Франкфурта, гдѣ его ожидало грубое оскорбленіе и насиліе. Фридрихъ поручилъ двумъ агентамъ, Фрейтагу и Шмиту, отобрать у него всѣ знаки придворнаго званія и ордена, и пересмотрѣть его портфели; если тамъ найдутся рукописи короля, онѣ тотчасъ должны быть отобраны. Агенты зарвались въ своемъ усердіи. Попирая права вольнаго города, они дѣйствовали самоуправно, оскорбляли Вольтера придирками, до прибытія его багажа приставили къ дому прусскихъ солдатъ, сопровождавшихъ Вольтера во время прогулокъ; когда къ поэту пріѣхала племянница, и ее взяли подъ стражу. Пытка эта длилась тринадцать дней. Когда прибылъ багажъ, поэмы въ немъ не было,—но Вольтера все не выпускали, а послѣ его попытки бѣгства подвергли еще болѣе тяжкому надзору. Въ городѣ поднялся ропотъ. Наконецъ пришелъ приказъ отпустить узника.

Очутившись на волѣ, Вольтеръ сначала не зналъ, гдѣ найти убѣжище. Въ Германіи онъ встрѣчалъ много сочувствія, какъ гонимый самовластіемъ, но королевскіе агенты могли бы всюду завладѣть имъ; думалъ онъ и объ Америкѣ, гдѣ основалъ бы «пріютъ философовъ», и о Парижѣ, но предпочелъ поселиться близъ Женевскаго озера, по дорогѣ изъ Женевы въ Ліонъ; тутъ онъ построилъ домъ и разбилъ паркъ въ живописномъ мѣстѣ, прозванномъ имъ Les Délices.

Въ то время какъ Вольтеръ исполнялъ въ Берлинѣ роль придворнаго поэта-философа, жизнь во Франціи текла несравненно быстрѣе прежняго; физіономія общества мѣнялась; выступали цѣлыми группами новые люди, во всеоружіи точныхъ знаній и политической зрѣлости,

готовые бороться съ старыми предразсудками и привилегіями. Уже одинъ изъ королевскихъ проповѣдниковъ публично заявилъ, что для очищенія общества отъ вредныхъ элементовъ нужны потоки крови. Широко развивалась потаенная литература, сатирическая пѣсня смѣлѣе нападала на короля, тогда какъ на улицахъ столицы толпа враждебно встрѣчала и его, и фаворитку. Опорой движенія являлись теперь салоны, но то были не тѣ сборища, гдѣ протекла молодость Вольтера, гдѣ общество тѣшилось игривой болтовней и легкимъ вольнодумствомъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ салонныхъ корифеевъ успѣли къ этому времени отойти на задній планъ, даже раскаяться. Такова была участь остроумнаго Грессе (1709—1777); бывшій питомецъ іезуитовъ, онъ тонко посмѣялся потомъ надъ монашествомъ; въ шутливой поэмѣ Vert-Vert онъ разсказалъ похожденія попугая, воспитаннаго въ женскомъ монастырѣ, наученнаго разнымъ благочестивымъ изреченіямъ, и, какъ рѣдкость, выпрошеннаго на время монахинями другой обители; по дорогѣ, на баркѣ, онъ выучиваетъ у матросовъ и солдатъ много крѣпкихъ словъ и соблазнительныхъ выраженій и, встрѣченный сначала торжественно, повергаетъ въ такой ужасъ святыхъ дѣвъ своей казарменною вольностью, что онѣ видятъ въ немъ воплощеніе дьявола. Та же бойкость, въ связи съ мастерствомъ характеристики, сказалась и въ комедіи Грессе Le Méchant. Высланный въ провинцію по требованію духовенства, онъ затосковалъ, впалъ въ крайнюю набожность, выпускалъ брошюры, въ которыхъ каялся въ своихъ заблужденіяхъ; прежній баловень сталъ всеобщимъ посмѣшищемъ.

Теперь все измѣнилось, и гости, и хозяева салоновъ. Прежнія законодательницы вкуса одиноко доживали вѣкъ; въ числѣ ихъ видимъ даровитую маркизу дю-Деффанъ, наиболѣе сильный женскій характеръ въ до-революціонной Франціи. Нѣкогда все живое въ политикѣ и литературѣ сходилось у нея; Вольтеръ приносилъ ей свои первыя произведенія, и впослѣдствіи всегда страшился строгаго ея суда. Извѣрившись во все и во всѣхъ, она въ мемуарахъ своихъ и въ остроумныхъ письмахъ къ Горацію Вальполю оставила интересное описаніе, день за днемъ, современной ей парижской жизни. Въ то время, какъ почти совсѣмъ ослѣпшая, но не утратившая остроумія и раздражительности, она медленно угасала, г-жа Тансенъ (мать Даламбера) привлекала въ свой знатный салонъ даровитыхъ плебеевъ, щеголяя демократизмомъ. Нѣсколько времени спустя въ г-жѣ Жоффренъ она нашла опасную соперницу, пошедшую еще дальше на встрѣчу вѣку. У послѣдней собирались Дидро, Даламберъ, Гельвецій, Галіани, къ ней съ уваженіемъ относился Фридрихъ, отъ нея узнавала всѣ свѣжія новости Екатерина. Въ то же время присутствіе Руссо придало особый интересъ небольшимъ,

изысканнымъ сборищамъ у г-жи д'Эпине. Но съ этими дамскими салонами соперничали уже новые, мужскіе кружки, предвѣстники политическихъ клубовъ; въ одномъ изъ нихъ царилъ недавній пришелецъ въ ученомъ мірѣ, богатый, красивый баловень судьбы Гельвецій, будущій авторъ двухъ философскихъ книгъ, заставившихъ говорить о немъ Европу; въ другомъ ласковымъ хозяиномъ являлся офранцуженный баронъ Гольбахъ. Оба они много обязаны были возбуждающему вліянію постоянныхъ сношеній съ образованнѣйшими людьми. Это вліяніе отвлекло Гельвеція отъ занятій откупщика и превратило въ задумчиваго ученаго, обдумывавшаго каждое выраженіе своей книги по нѣскольку часовъ, гуляя по парку; Гольбахъ точно такъ же направленъ былъ на занятія естественными науками, и его книга «Système de la nature» зародилась въ его салонѣ.

Еще примѣчательнѣе былъ необыкновенно счастливый подборъ новыхъ дѣятелей научнаго и общественнаго движенія, придавшихъ ему особый блескъ и стремившихся сплотить силы для общаго труда. Почти все это выходцы изъ низшихъ слоевъ общества, едва заработывающіе себѣ кусокъ хлѣба, но полные великихъ надеждъ, и нерѣдко связанные тѣсною дружбой. Такова, наприм., группа Жанъ-Жака Руссо, Дидро, Даламбера, Кондильяка. Сынъ женевскаго часовщика, Руссо (1712—1778) снискиваетъ пропитаніе перепиской нотъ и кое-какими композиціями для опернаго театра; Дидро (1713—1784), сынъ ножевщика изъ Лангра, выросшій въ уваженіи къ народному труду, принужденъ писать для книгопродавцевъ пикантныя повѣсти, приноровленныя ко вкусу тогдашняго общества, давать уроки, сочинять проповѣди для какого нибудь полуграмотнаго аббата. А между тѣмъ у обоихъ друзей бродятъ въ умѣ смѣлыя мысли; Руссо удручали тогда уже думы о противоположности между культурой и свободой личности; Дидро, увлекаясь успѣхами точныхъ наукъ, ждетъ случая, чтобъ высказать свои обобщенія и выводы. Его побуждаетъ къ тому временное усиленіе религіознаго фанатизма въ парижской буржуазіи, гдѣ исступленный изувѣръ, діаконъ Пари, бродившій при жизни въ видѣ юродиваго, сочтенъ былъ по смерти святымъ, до того, что на его могилѣ совершались чудеса. Другъ Дидро, адвокатъ Туссенъ выступилъ противъ надвигавшагося мрака съ книгой «Les moeurs», проповѣдывавшей вѣротерпимость, чистую, естественную религію, гуманность даже къ преступникамъ. Несмотря на то, что книга была сожжена палачомъ, Дидро выпустилъ вслѣдъ ей свои Pensées philosophiques и «Прогулки скептика», во многомъ дополнившія воззрѣнія Туссена. Простота и ясность изложенія, позволявшія массѣ легко усвоить сложные вопросы вѣры и науки, обратили общее вниманіе

на неизвѣстнаго автора, а когда и его произведенія были сожжены, репутація его упрочилась. Она возрасла съ слѣдующею книгой Дидро. По поводу одной операціи надъ слѣпорожденнымъ онъ въ «Письмѣ о слѣпыхъ» остроумно примѣнилъ къ дѣлу возраженія Локка противъ теоріи о врожденныхъ идеяхъ и анализировалъ постепенное пробужденіе въ прозрѣвшемъ слѣпцѣ, подъ вліяніемъ опыта и стороннихъ внушеній, чувства стыдливости, страха, религіозности. Церковная партія, встревоженная этимъ отрицаніемъ сверхъестественнаго происхожденія основныхъ идей, добилась сожженія «Писемъ» и заключенія Дидро въ Венсенскій замокъ. Вольтеръ, находившійся тогда въ Сирэ, горячо хлопоталъ объ освобожденіи философа. Но тюрьма не подавила духа узника; напротивъ, именно тамъ онъ обдумалъ величайшее свое дѣло. Ему не давали ни пера, ни чернилъ, ни бумаги; на случайно уцѣлѣвшей у него книгѣ онъ написалъ зубочисткой, обмакивая ее въ составъ изъ воды и налета, соскобленнаго со стекла, планъ энциклопедіи.

Послѣ безрадостной молодости друзья почти одновременно выступили на настоящій путь. Дидро пріобрѣтаетъ громадное значеніе энциклопедіей, Руссо — блестящими и парадоксальными «Разсужденіями», Кондильякъ «Трактатомъ объ ощущеніяхъ», Даламберъ математическими работами, рано открывшими передъ нимъ двери академіи. Къ этимъ новымъ людямъ примкнули и единомышленные съ ними во многомъ представители старшаго поколѣнія.

Немало времени прошло съ появленія «Персидскихъ писемъ», и о Монтескье, казалось, забыли; послѣ поѣздки въ Англію онъ жилъ или у себя въ помѣстьѣ, или въ Парижѣ, посѣщая наиболѣе многолюдные салоны, гдѣ всегда умѣлъ придать бесѣдѣ интересное направленіе. Тридцать лѣтъ обдумывалъ онъ «Духъ законовъ», желая дать въ немъ опредѣленное, догматическое изложеніе руководящихъ идей, обусловливающихъ возрожденіе общества; съ большимъ умѣньемъ черпалъ онъ въ разнородныхъ источникахъ, всегда искусно открывая то, что̀ ему было пригодно; призывалъ на помощь естествознаніе, право, медицину, этнографію, пользовался всякимъ любопытнымъ показаніемъ, хотя бы оно исходило отъ случайнаго салоннаго посѣтителя, или же (какъ это было, напр., послѣ встрѣчи съ Юмомъ), возбужденный интереснымъ разговоромъ, просилъ потомъ у собесѣдника подробнаго изложенія его взглядовъ на письмѣ. Такимъ образомъ составилась сложная и разнообразная картина жизни человѣчества, и теперь поражающая богатствомъ содержанія. Политическіе теоретики 16 вѣка, конечно, превосходили Монтескье широтою взглядовъ, отчасти даже знаніями. Но тотъ великій подъемъ мысли былъ несправедливо забытъ, и пробуждавшееся политическое сознаніе массъ нуждалось

снова въ стройномъ и научномъ руководствѣ. Сначала многія идеи встрѣчены были съ удивленіемъ и насмѣшками; много неуклюжаго остроумія потрачено было, напр., для осмѣянія доказываемой авторомъ связи климата страны съ ея учрежденіями, а на сценѣ явилась комедія «Восемь странствующихъ философовъ», гдѣ выведенъ былъ наряду съ Вольтеромъ и Монтескье.

«Духъ Законовъ» пришлось напечатать въ Женевѣ (1748), безъ имени автора. Для пропуска книги во Францію цензура потребовала заклейки всѣхъ опасныхъ мѣстъ; римская курія занесла ее въ списокъ запрещенныхъ сочиненій. Не смущаясь препятствіями, Монтескье съумѣлъ тайно напечатать второе изданіе въ Парижѣ; когда же удалось обойти преграды, выпустилъ его явно въ свѣтъ,—и въ самое короткое время книга выдержала 20 изданій. Впечатлѣніе повсюду было сильное. Рѣдкій талантъ популяризатора пріохотилъ самыхъ равнодушныхъ читателей къ размышленію о вопросахъ законодательства и политики; порою саркастическій, порою сдержанный и возвышенный, всегда разнообразный тонъ изложенія дѣйствовалъ привлекательно. Иные, правда, находили, что это — собраніе остротъ о законахъ (de l'esprit sur les lois), но, скрытое подъ легкой оболочкой, серьезное содержаніе все-таки превозмогло это нерасположеніе, и вскорѣ все, что̀ было развитого въ Европѣ, научилось видѣть въ книгѣ Монтескье сокровищницу политической мудрости. Правители съ демонстративнымъ увлеченіемъ выставляли себя учениками автора, который въ одномъ частномъ письмѣ признавалъ необходимымъ «для обезпеченія всѣмъ куска хлѣба, здравости мысли и насущныхъ добродѣтелей усиленно просвѣщать и народы, и правительства», и считалъ это «обязанностью философовъ».

«Духомъ законовъ» и «Размышленіями о причинахъ величія и паденія Римлянъ» (гдѣ подъ строгимъ осужденіемъ разлагающагося Рима скрывается приговоръ надъ современной Франціей) Монтескье нанесъ сильный ударъ старому порядку. Воинствующія намѣренія одушевляютъ его даже тамъ, гдѣ онъ вдается въ догматизмъ или умышленно переноситъ читателя безконечно далеко отъ настоящей минуты, на древній востокъ, на острова Тихаго Океана. Когда онъ дѣлитъ формы государственнаго устройства на три группы: республику, монархію и деспотическое правленіе, чувствуется, до какой степени онъ встревоженъ стремленіемъ французскаго правительства выродиться въ самый грубый деспотизмъ, и потому обрисовываетъ мрачными красками восточное самоуправство, какъ первообразъ всякаго произвола. Республиканское устройство многими сторонами привлекало его; но его сочувствіе вызывали не аристократическія республики въ родѣ Венеціи и Польши, а идеализованныя имъ городскія общины старой Греціи, гдѣ

всѣхъ гражданъ связывала единодушная солидарность и любовь къ свободѣ. Но республиканское устройство, по его мнѣнію, можетъ процвѣтать только въ небольшихъ государствахъ, при тѣсномъ общеніи людей между собою,—и съ полнымъ сочувствіемъ онъ останавливается лишь на «умѣренной» государственной политикѣ, на монархіи ограниченной. Живя въ Англіи, онъ изучилъ ея учрежденія при помощи трактатовъ Локка и присмотрѣлся затѣмъ къ практическому ихъ осуществленію. Это дало ему возможность съ большою ясностью ознакомить соотечественниковъ съ образцовымъ порядкомъ вещей, къ которому онъ совѣтовалъ имъ стремиться; принципъ раздѣленія властей, охрана личной свободы, воспитаніе массы въ духѣ самоуправленія, вѣротерпимость, гуманность уголовнаго законодательства,—всѣ эти насущные для француза, но почти невѣдомые ему принципы раскрывались съ внушительною серьезностью и обстоятельностью, дѣйствовавшею еще сильнѣе смѣлыхъ нападковъ «Писемъ» Вольтера.

Преслѣдуя такимъ образомъ прежде всего прикладную цѣль, Монтескье обставлялъ ее широкою рамкой міровой исторіи; опережая свой вѣкъ, онъ старался раскрыть въ ней закономѣрность, зависимость отъ основныхъ нравственныхъ или физическихъ условій, опредѣляющихъ характеръ народовъ, складъ ихъ быта, ихъ историческое призваніе,—«отъ климата, религіи, законодательства, руководящихъ политическихъ принциповъ, опытовъ прошлаго, нравовъ и обычаевъ». Громадная эрудиція давала ему на каждомъ шагу много доказательствъ, примѣровъ, сравненій; пытливый умъ вовлекалъ въ обобщенія, иногда преждевременныя, но порою любознательный начетчикъ удачно проникалъ въ такія области, которыя почему либо были въ пренебреженіи у современной науки, и извлекалъ изъ нихъ важныя данныя. Такъ онъ бросилъ лучъ свѣта въ мнимую тьму среднихъ вѣковъ и высказалъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній о феодализмѣ. Раскрывая тайны искусства законодателя, настойчиво выступая противъ современныхъ неустройствъ (онъ обличалъ, напр., регаліи, налогъ на соль, lettres de cachet *) и т. д.), прочно устанавливая основы просвѣтительнаго движенія, вводя въ кругъ заботъ политика вопросы народнаго хозяйства (въ этомъ отношеніи его считаютъ предшественникомъ Адама Смита), Монтескье исполнилъ для своего времени важное и плодотворное дѣло.

Когда силы его стали слабѣть, онъ съ особеннымъ стараніемъ искалъ связей съ новымъ поколѣніемъ, которому могъ бы передать развитіе начатой пропаганды. Сохранились его письма, имѣющія характеръ политическаго завѣщанія. Но Монтескье пришлось быть

*) Осторожность заставила его исключить главу объ нихъ во время печатанія; зато онъ усилилъ восхваленіе habeas corpus. Sorel, p. 110.

свидѣтелемъ важнѣйшаго продолженія своей дѣятельности, и дряхлой рукой онъ успѣлъ еще написать для энциклопедіи статью о вкусѣ,— такомъ вопросѣ, въ которомъ считался знатокомъ.

За старостью и смертью Монтескье и долгимъ отдаленіемъ Вольтера руководство просвѣтительнымъ движеніемъ, по силѣ вещей, сосредоточилось въ томъ кружкѣ, который, дѣйствуя въ самомъ центрѣ реакціи, повелъ съ нею многолѣтнюю и упорную борьбу. Эти люди всегда видѣли въ Вольтерѣ нетолько могущественнаго союзника, но своего верховнаго вождя и покровителя; на дѣлѣ же они наряду съ нимъ руководили всею мыслящею Европой. Онъ самъ сознавалъ это, и привычка повелѣвать уступала въ этомъ случаѣ глубокому уваженію къ нравственнымъ качествамъ главныхъ дѣятелей кружка. Пылкій Дидро и серьезный, сосредоточенный Даламберъ (такимъ онъ изобразилъ себя въ своемъ «Портретѣ»), взаимно дополняя другъ друга, одни только и могли осуществить величественное предпріятіе, обнимавшее всю совокупность современныхъ имъ знаній. Тонкій знатокъ литературы и искусства, съ годами обогатившій свой умъ глубокими свѣдѣніями въ опытныхъ наукахъ и положительной философіи, съ дѣтства спеціально знакомый со всевозможными видами ремеслъ и производствъ, Дидро нашелъ въ своемъ другѣ столь же разнообразный запасъ интересовъ и знаній. Даламберъ сначала занимался правомъ, потомъ медициной, наконецъ математикой и астрономіей. Къ концу жизни его ученыя работы едва помѣстились въ 15 томахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ и за остальными отраслями умственной дѣятельности. Въ нѣсколькихъ книгахъ его «Mélanges philosophiques» собраны біографическіе очерки старыхъ и новыхъ писателей, философскія статьи, остроумный сводъ синонимовъ, мастерскія характеристики, отъ которыхъ не отказался бы искусный повѣствователь-реалистъ (наприм. «Портретъ г-жи Леспинассъ», его подруги, сначала бѣдной компаньонки его матери, потомъ хозяйки демократическаго салона и вдохновительницы философовъ). Два столь разностороннихъ ума были, казалось, прямо призваны стать собирателями научныхъ результатовъ. Но собираніе и компилированіе чужого такъ же старо, какъ и человѣческая наука; еще византійцы и испанскіе арабы отличались на этомъ поприщѣ. Даламберъ и его товарищъ поняли свою задачу безмѣрно шире, и, опираясь на примѣръ Фр. Бэкона, придали своду знаній объединяющій, философскій духъ, стройную систему, вдохновились стремленіемъ къ свѣту и гуманности, внушили тѣ же взгляды и чувства многочисленнымъ сотрудникамъ, и ихъ работа заняла одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи просвѣщенія.

Начало предпріятія было необыкновенно скромно. Книгопродав-

цемъ Лебретономъ задумано было въ 1746 г. только изданіе перевода англійской энциклопедіи Чемберса; вышла въ Дублинѣ въ 1728 г. испытавъ неудачу съ приглашенными переводчиками, онъ съ тѣмъ же предложеніемъ обратился къ Дидро, который, сидя въ Венсеннѣ, быстро импровизировалъ другой планъ, съумѣлъ передать свой энтузіазмъ Лебретону, убѣдилъ его въ недостаточности англійскаго оригинала, въ необходимости обширныхъ дополненій,—и такъ незамѣтно сложилось великое зданіе энциклопедіи. Почти безъ денегъ, безъ готовыхъ сотрудниковъ (ихъ пришлось всюду вербовать, отгадывать, создавать), съ массою препятствій, воздвигавшихся со всѣхъ сторонъ, неустрашимые эти люди приняли на себя тяжкое бремя работы, конца которой нельзя было предвидѣть. Издать тридцать-четыре тома съ картами и рисунками значило посвятить всѣ свои лучшіе годы этому дѣлу.

Сначала шли только удачи. Благодаря ходатайству образованнаго аристократа Дагессо, было получено необходимое разрѣшеніе; Монтескье и Вольтеръ обѣщали сотрудничество; за ними примкнули другіе талантливые люди. Вскорѣ у энциклопедіи было уже 2000 подписчиковъ, и число это все возрастало.

Вступительная статья раскрыла цѣли и духъ изданія. Этотъ знаменитый Discours préliminaire принадлежалъ главнымъ образомъ Даламберу, который одинъ только былъ въ состояніи развернуть передъ читателемъ такую грандіозную картину человѣческихъ знаній. Литературная часть обзора составлена Дидро, который упрекаетъ современную словесность въ разсудочности и слабости творчества, выражаетъ сочувствіе Вольтеру и автору «Духа законовъ», высоко ставитъ лучшихъ писателей 17 вѣка (Мольера, Корнеля) и радуется приливу новыхъ литературныхъ силъ. Для насъ гораздо привлекательнѣе научная программа Даламбера. Съ увлеченіемъ рисуетъ онъ постепенное развитіе точныхъ знаній съ конца среднихъ вѣковъ, опредѣляетъ истинное значеніе Декарта, которому безмѣрно поклонялись тогда многіе, и высоко ставитъ заслуги Бэкона, Ньютона и Локка. Этого одного было достаточно, чтобы возбудить противъ энциклопедіи и старую академическую партію, упорно боровшуюся съ «англійской» наукой, и церковниковъ. Первый томъ былъ встрѣченъ въ охранительныхъ кругахъ недружелюбно. Ждали справочнаго словаря, и подозрительно взглянули на попытку установить связь и послѣдовательность между разными науками; очевидно, предпринято было небывалое общественно-педагогическое сочиненіе съ строго обдуманнымъ планомъ. Авторы вступленія сводили всѣ познанія наши къ тремъ группамъ; въ одной господствуетъ сила памяти, припоминающей все, чѣмъ жило человѣчество; въ другой царитъ разумъ, обсуждающій добытыя наблюденія; третья обнимаетъ

собой область воображенія, способнаго возсоздавать черты дѣйствительной природы, раскрытыя опытомъ. Исторія, философія и искусство являются главными представителями этихъ группъ, распадающихся на много второстепенныхъ подраздѣленій, которыя облегчаютъ обзоръ человѣческихъ знаній. Богословіе поставлено наряду съ философіей, такъ какъ одинаково съ нею подчинено провѣркѣ разумомъ; къ нимъ примыкаетъ этика и математика. Поэзія сближена съ живописью, ваяніемъ и архитектурой. Широкая область исторіи дробится на священную, гражданскую и естественную или «исторію природы»; въ послѣдней находимъ опять дѣленіе на исторію неба (астрономію), исторію растительности (ботанику) и т. д., а подъ именемъ исторіи примѣненія силъ природы къ нашимъ нуждамъ, представленъ обзоръ развитія ремеслъ и фабричныхъ производствъ.

Соединенными силами сначала тѣснаго, потомъ все разроставшагося кружка сотрудниковъ стала выполняться необъятная программа. Дидро работалъ за десятерыхъ и вынесъ, наприм., на своихъ плечахъ обширный отдѣлъ техническихъ свѣдѣній и механики; онъ шелъ на фабрики, въ мастерскія, сходился съ рабочими, на дѣлѣ изучалъ производства, срисовывалъ ихъ орудія, и потомъ общедоступно излагалъ все узнанное; до тысячи такихъ статей принадлежитъ ему. Близость его къ народу сказалась еще сильнѣе въ заботахъ объ улучшеніи его быта, о проведеніи широкихъ общественныхъ реформъ; и самъ Дидро, и его сотрудники пользовались каждымъ случаемъ, чтобы по поводу какого нибудь термина политическаго, сельско-хозяйственнаго, экономическаго, дать въ объяснительной статьѣ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ устроенъ разумный и справедливый порядокъ вещей въ свободныхъ странахъ, или изложить сущность желательнаго, идеальнаго строя, или наконецъ достигнуть той же цѣли изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ французскаго быта. Такимъ образомъ, около объясненія слова Représentants выросталъ небольшой трактатъ о народномъ представительствѣ, статья о власти поясняла зарожденіе государственнаго начала, подъ рубрикой свободы совѣсти читатель находилъ популярное изложеніе ученія Локка, въ статьѣ о гоненіяхъ — обзоръ различныхъ видовъ нетерпимости, напоминавшій ему о порядкахъ его отечества, — въ такихъ, списанныхъ прямо съ натуры, статьяхъ какъ Corvée, видѣлъ правдивое изображеніе мучительной для народа дорожной повинности, отбываніе которой вызывало болѣзни, голодъ, кулачную расправу, въ обозрѣніи существующихъ налоговъ возмущался ихъ неравномѣрностью во Франціи, и вмѣстѣ съ авторомъ статьи Privilège готовъ былъ требовать отмѣны всякихъ изъятій отъ податей.

Въ изложеніи научныхъ и философскихъ истинъ также всюду

сказывается желаніе непосредственнаго ихъ приложенія къ жизни и истолкованія ихъ каждой мыслящей личности. «Если мы хотимъ, чтобъ философы подвигались впередъ, приблизимъ массу къ той точкѣ, на которой они теперь стоятъ», говорилъ Дидро, и энциклопедія, обходя всевозможные подводные камни, толковала своему читателю, какъ смотрятъ, въ разрѣзъ съ богословами и оффиціозными политиками, лучшіе дѣятели науки на коренные вопросы религіи, философіи природы, государственнаго права. Многаго совсѣмъ нельзя было сказать; наряду съ смѣлыми рѣчами слышались иногда по-неволѣ осторожныя, съ намеками и оговорками. Даламберъ прежде всего сталъ умѣрять страстный тонъ, господствовавшій въ изданіи; самъ Дидро подчинялся необходимости и хорошо зналъ всѣ пробѣлы и печальныя недомолвки энциклопедіи. Но и въ такомъ видѣ, не вполнѣ соотвѣтствовавшемъ первоначальному плану, она являлась истиннымъ благовѣстіемъ для современнаго человѣчества. Въ каждой сколько нибудь чуткой душѣ пробуждался рядъ безпокойныхъ запросовъ, стыдъ за жизнь, которая процвѣтаетъ, основанная на несправедливости и насиліи, горячее желаніе ея возрожденія. Но чисто научный интересъ энциклопедіи не уступалъ ея общественно-воспитательному значенію. Тотъ справочный словарь, гдѣ Бюффонъ писалъ о естественной исторіи, Тюрго о финансахъ, Кондильякъ о философіи, Даламберъ о математикѣ, Кенэ объ экономическихъ вопросахъ, Галлеръ о физіологіи, — этотъ трудъ, конечно, не имѣлъ себѣ равнаго во всей тогдашней европейской наукѣ. Discours préliminaire одинъ уже въ состояніи былъ вдохновить ея дѣятелей къ дружному движенію впередъ, и съ каждымъ новымъ томомъ разительнѣе обозначалось ея торжество надъ предразсудками и невѣжествомъ. Наука, до той поры хранившаяся за семью замками, выведена была наконецъ изъ своего плѣненія, и, внѣдряясь въ народную жизнь, вносила въ нее проповѣдь разума. Но это не было тріумфальное шествіе; всевозможныя опасности обставляли путь энциклопедіи. Несмотря на тайное сочувствіе ей со стороны новаго главы бюро печати, Мальзерба, первые два тома вышли въ 1751 и 1752 гг. были задержаны по требованію свыше. Какъ только обстоятельства нѣсколько перемѣнились, Дидро и Даламберъ выпустили новый томъ и выручили задержанные раньше. Но строгость къ свободной мысли усилилась вслѣдствіе рѣзкаго столкновенія между правительствомъ и однимъ изъ друзей Дидро, аббатомъ Де-Прадомъ, въ своей диссертаціи, представленной въ Сорбонну, приложившимъ провѣрку разумомъ къ изученію новозавѣтныхъ чудесъ. Послѣ диспута диссертація была отвергнута; въ пастырскихъ посланіяхъ епископы предостерегали паству и отъ этого сочиненія, и отъ трудовъ

«кружка ученыхъ, всѣми силами подготовляющихъ и разливающихъ въ обществѣ ядъ». Поддавшись вліянію этого запугиванія, парламентъ предписалъ арестъ автора и преданіе его суду. Де-Прадъ скрылся; Дидро изъ осторожности тоже на время оставилъ Парижъ и вмѣстѣ съ другомъ выпустилъ очень спокойный по тону, но дышащій убѣжденіемъ въ своей правотѣ отвѣтъ епископамъ. На этотъ разъ самъ король, минуя всѣ инстанціи, распорядился отобраніемъ у Дидро и уничтоженіемъ выпущенныхъ томовъ энциклопедіи. Такимъ образомъ, три вліятельнѣйшія въ государствѣ силы обрушивались на нее. Но издатели продолжали работать въ тайнѣ и не смущались карами. «Подобно убѣжденному иноку добраго стараго времени,— говоритъ Морлей,—Даламберъ далъ священный обѣтъ,— но его обѣтъ болѣе подходилъ къ ученому: его девизомъ стали бѣдность, истина и свобода». О подготовленіи матеріаловъ для новыхъ томовъ узнали, и придумали небывалое насиліе: полиція захватила всѣ бумаги издателей и передала ихъ іезуитамъ, желавшимъ взять въ свои руки продолженіе энциклопедіи и морочить общественное мнѣніе. Но они не сладили съ работой, для которой не имѣли необходимыхъ знаній; бумаги были возвращены; Мальзербъ подавалъ надежду, что вскорѣ испытанія кончатся и возможенъ будетъ спокойный выпускъ одного тома за другимъ. Дѣйствительно, четыре года прошли безъ столкновеній, но въ 1759 г. гоненія возобновились. Наконецъ Даламберъ измучился; и по нездоровью, и по отношеніямъ къ академіи онъ счелъ неудобнымъ продолжать работу. Дидро остался одинъ, не принялъ приглашенія докончить изданіе гдѣ нибудь за предѣлами Франціи, слѣдующихъ семь лѣтъ жизни посвятилъ энциклопедіи и съ торжествомъ довелъ ее до конца.

Но въ самомъ началѣ этого похода во имя науки, всѣ сочувствовавшіе ему были опечалены неожиданно враждебнымъ, какъ казалось, заявленіемъ, исходившимъ отъ одного изъ выдающихся членовъ передового кружка. Когда дижонская академія объявила конкурсъ на тему о пользѣ или вредѣ науки, склонный къ парадоксамъ и томившійся неудовлетворенностью, Руссо воспламенился при мысли о томъ, сколько новыхъ и смѣлыхъ истинъ онъ можетъ высказать по этому поводу.

Не внявъ возраженіямъ Дидро и поворачивая отъ служенія новой образованности къ ея обличенію, Руссо ошеломилъ дижонскихъ академиковъ, ожидавшихъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ, своимъ «Разсужденіемъ» о вредѣ наукъ и искусствъ (1749 г.). Кружокъ энциклопедистовъ съ трудомъ подавилъ въ себѣ неудовольствіе, и вступительное слово очень сдержанно упомянуло о книгѣ Руссо, выражая надежду, что авторъ не измѣнитъ сочувствію энциклопедіи, которое

онъ доказалъ своимъ сотрудничествомъ въ ней. «Мы не станемъ упрекать автора въ томъ, что онъ смѣшиваетъ образованіе съ злоупотребленіемъ развитія; онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы намъ, что они нераздѣльны. Но мы просимъ его разслѣдовать—не объясняется ли большинство золъ, приписываемыхъ наукамъ и искусствамъ, другими причинами, перечислять которыя было бы и долго, и щекотливо». Не время было, дѣйствительно, выступать съ такою парадоксальною теоріею. Франція если страдала чѣмъ, то во всякомъ случаѣ не избыткомъ знаній. Колоссальный успѣхъ «разсужденія», неожиданный для самого Руссо, показалъ всю опасность краснорѣчиваго доказательства вреда науки. Неизвѣстный наканунѣ авторъ сдѣлался предметомъ поклоненія; къ нему являлись незнакомые единомышленники, совсѣмъ не желательные, и вызывали на бесѣды о затронутомъ имъ вопросѣ; его наперерывъ звали въ салоны. Общество увлекалось новизною мысли, искусною постановкою вопроса и прямодушнымъ, учительнымъ тономъ, составлявшимъ привлекательную противоположность сарказму и ѣдкости Вольтера. Самъ Руссо стыдился впослѣдствіи своей книги, считая ее одностороннею и слабою. Но во время ея появленія не осталось ни одного развитого человѣка, который не вовлекся бы въ споръ изъ-за нея. Парижская академія, негодуя на безхарактерность своихъ провинціальныхъ товарищей, точно въ чаду присудившихъ премію Руссо, назначила въ 1753 г. новый конкурсъ и дала награду тому, кто доказалъ, что «любовь къ наукамъ порождаетъ любовь къ добродѣтели». Изъ различныхъ возраженій противъ диссертаціи составился (вмѣстѣ съ отвѣтами философа) цѣлый томъ.

Науки и искусства, по мнѣнію Руссо, не что иное какъ цвѣточныя гирлянды, обвивающія оковы, которыми опутано человѣчество, и научающія его любить рабство (мысль, еще въ началѣ 16 вѣка высказанная Ла-Боэси). Объ освобождающемъ умы вліяніи новой науки и ея гуманной отзывчивости — ни слова. Картины честной простоты старыхъ временъ сопоставлены съ изнѣженностью и лживостью нашего строя жизни; примѣръ Греціи, испорченной цивилизаціею и тѣмъ легче порабощенной Македоніею, и постепеннаго паденія Рима приведенъ въ доказательство главной мысли.

Современные автору искусство и поэзія идутъ по тому же пути; художественныя произведенія увѣковѣчиваютъ не героевъ идеи, не защитниковъ отечества, а всевозможныя измышленія разслабляющей фантазіи; въ школѣ учатъ всему, кромѣ самаго необходимаго,—обязанностей человѣка. Спартанская система воспитанія, развивающая здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ, должна возродить людей, разумно понятая наука—поднять духъ человѣчества, и въ особенности исто-

рія—постоянно указывать примѣры истиннаго героизма. Сильное вліяніе женщинъ на общество въ его настоящемъ состояніи безусловно вредно, но слѣдуетъ перестроить женское воспитаніе, и великія послѣдствія проистекутъ для всего человѣчества. «Вѣдь мужчины всегда будутъ стараться стать такими, какими могутъ нравиться женщинамъ; если вы хотите, чтобы они стали великими и добродѣтельными, научите женщинъ, въ чемъ состоитъ величіе души и добродѣтель». Такъ перемѣшаны въ этомъ разсужденіи натяжки и односторонніяя оцѣнки съ сильными и новыми мыслями, въ родѣ проповѣди расширенія женскаго образованія и защиты разумнаго вліянія женщинъ. Руссо самъ увидѣлъ необходимость ослабить впечатлѣніе своихъ парадоксовъ. Когда дѣло дошло до того, что ему приписывали желаніе сжечь библіотеки, уничтожить университеты, онъ въ послѣднемъ отвѣтѣ заявилъ, что никогда не предлагалъ заставить человѣка довольствоваться необходимымъ. «Я понимаю, что мечты о возможности сдѣлать людей честными—химера. Но я считалъ себя обязаннымъ откровенно высказать истину; я видѣлъ зло, и рѣшилъ найти его причины; пусть другіе, болѣе смѣлые или болѣе безразсудные, отыскиваютъ средства исцѣленія». Это признаніе необходимо имѣть въ виду, опредѣляя истинный смыслъ диссертаціи. Рѣчи о вредѣ знанія были дѣйствительно необдуманно обращены къ невѣжественному, испорченному обществу, но наряду съ ними высказывались взгляды, вполнѣ подходившіе къ завѣтнымъ идеямъ Энциклопедіи: побольше честности, простоты въ отношеніяхъ, солидарности между людьми, здороваго и мужественнаго духа, способнаго къ борьбѣ! Очевидно, не вся наука осуждена; полезныя народу знанія дороги Руссо, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, его мыслью руководитъ почти фанатическая любовь къ общему благу.

Врядъ-ли кто такъ зорко слѣдилъ за этою необычною проповѣдью, давая волю юмору и ироніи, какъ Вольтеръ, помнившій Руссо еще съ той поры, когда новичокъ благоговѣлъ передъ нимъ, увѣряя, что напрягаетъ всѣ старанія, чтобы быть ему угоднымъ. Перемѣнивъ житье въ les Delices на красивое и уютное пристанище въ Фернэ, тоже неподалеку отъ Женевы и у самой границы Франціи, Вольтеръ занимался передѣлками стараго барскаго помѣстья въ томъ же вкусѣ, который царилъ въ Сирэ, особенно встревоживъ набожныхъ кальвинистовъ устройствомъ постоянной сцены (что строго запрещалось въ Женевѣ), и свой старческій досугъ наполнялъ напряженнымъ литературнымъ трудомъ. Здѣсь онъ окончилъ начатую за 30 лѣтъ передъ тѣмъ шуточную поэму «Pucelle d'Orleans», отрывки которой давно уже ходили по рукамъ. Задуманная по шутливому вызову друзей поэта, посовѣтовавшихъ правдиво изобразить Орлеанскую дѣву, слишкомъ захвален-

ную въ поэмѣ Шапелена, она долго была тайнымъ и любимымъ дѣтищемъ Вольтера, который постоянно что нибудь прибавлялъ къ ней. Въ наше время она утратила обаяніе; бойкій стихъ и нѣсколько удачныхъ мѣстъ не выкупаютъ тенденціозности и погони за двусмысленностями, хотя и эта пародія тоже преслѣдовала любимую цѣль поэта, обличеніе фанатизма. Pucelle больше прежнихъ произведеній ославила Вольтера безбожникомъ; какъ только заходила рѣчь о немъ, припоминалась эта поэма, которая для него была лишь забавой, и забывались его заслуги. Изданіе поэмы было послѣднимъ отголоскомъ молодыхъ литературныхъ вкусовъ его; отнынѣ онъ всѣ силы отдаетъ служенію высшимъ, общечеловѣческимъ нуждамъ.

Страшное землетрясеніе, почти разрушившее Лиссабонъ, уничтожило незначительные уже обломки усвоеннаго Вольтеромъ еще въ Англіи оптимизма, постепенно разбивавшагося невзгодами и житейскимъ опытомъ. Дидактическое стихотвореніе «Le désastre de Lisbonne» (1754) отмѣчаетъ полный поворотъ въ его убѣжденіяхъ; горькое недовольство и скорбь о бѣдной долѣ человѣчества подняло оно въ душѣ читателя; противъ богословскаго истолкованія печальнаго событія оно выставило ссылку на законы природы, которымъ человѣкъ не можетъ противиться. Въ Женевѣ этимъ особенно оскорбились и побуждали Руссо отвѣчать и отстоять честныя старыя воззрѣнія. Руссо уже имѣлъ личныя причины негодовать на Вольтера. Окончивъ вторую диссертацію «О причинахъ неравенства между людьми» и еще опредѣленнѣе развивъ въ ней мысль о преимуществѣ естественнаго состоянія людей (1753 г.), онъ послалъ книгу Вольтеру и получилъ отъ него ироническій отвѣтъ: «никто до сихъ поръ не потратилъ столько ума, чтобы приблизить насъ къ животнымъ,—писалъ онъ. Прочитавъ вашу книгу, такъ и хочется пройти на четвереньках. Но я уже цѣлыхъ 60 лѣтъ потерялъ эту привычку». Руссо съ трудомъ снесъ оскорбленіе, и воспользовался лишь появленіемъ поэмы о землетрясеніи, чтобы въ письмѣ къ автору выставить свой разладъ съ нимъ. Онъ упрекаетъ Вольтера въ томъ, что, «осыпанный благами, онъ находитъ, что все безотрадно, и старается наполнить сердца людей отчаяніемъ, представляя картину бѣдствій, которыхъ самъ не испыталъ». Косвенно онъ хвалитъ себя; онъ бѣденъ, гонимъ судьбой, неизвѣстенъ, боленъ,—и все-таки вѣритъ, что «tout est bien». Руссо хотѣлось доказать, что недовольство Вольтера—нездоровое порожденіе пресыщенности; напротивъ, въ немъ уже предчувствуется самая благородная изъ заслугъ Вольтера, искреннее соболѣзнованіе чужимъ страданіямъ и заступничество за гонимыхъ. Получивъ вмѣсто обстоятельнаго отвѣта двѣ-три строки съ ссылкой на болѣзнь, Руссо готовъ былъ торжествовать, думая, что смутилъ старика. На дѣлѣ отвѣтъ все-таки явился и столь безпощад-

ный (хотя безобидный для Руссо, о которомъ ни слова), что Руссо въ Исповѣди принужденъ былъ прибѣгнуть къ благочестивой лжи: «Говорятъ, что онъ написалъ Кандида, но я его не читалъ»...

Тема новой повѣсти была подготовлена однимъ изъ прежнихъ разсказовъ Вольтера: «Memnon ou la sagesse humaine». Герой его возъимѣлъ безразсудное желаніе достигнуть совершенной мудрости, подавилъ въ себѣ страсти, рѣшилъ не влюбляться и быть вообще воздержнымъ. Но жизнь не даетъ ему осуществить этой цѣли. Тронутый слезами незнакомой красавицы, онъ, утѣшая ее, слѣдуетъ за ней въ домъ, тамъ находитъ вооруженнаго съ ногъ до головы дядю ея, который клянется убить ихъ обоихъ,—и Мемнонъ отдаетъ ему всѣ деньги. Затѣмъ, чтобы размыкать горе, онъ на дружескомъ пиру нарушаетъ обѣтъ, подъ вліяніемъ вина совершаетъ разныя излишества, и въ схваткѣ лишается глаза. Когда должникъ ему не платитъ, онъ не находитъ нигдѣ защиты, дома же застаетъ разгромъ, —пристава выносятъ его вещи для удовлетворенія заимодавцевъ; онъ въ отчаяніи, а въ это время проходитъ обобравшая его красавица съ сообщникомъ и разражается презрительнымъ смѣхомъ. Добрый геній, явившійся Мемнону во снѣ, утѣшаетъ его; судьба его перемѣнится, если онъ откажется отъ глупаго намѣренія быть совершенно мудрымъ. «Значитъ, поэты и философы, утверждающіе, что все хорошо—лжецы?— Они правы, когда говорятъ о мірозданіи.—Ахъ, я повѣрю имъ лишь тогда, когда перестану быть кривымъ!»,—печально отвѣчаетъ Мемнонъ.

Этотъ крошечный разсказъ — прелюдія къ Кандиду. Послѣдняя повѣсть переноситъ читателя сначала въ Вестфалію, въ замокъ барона Тундеръ-Тенъ-Тронка, съ которымъ живутъ дородная баронесса, сынъ, дочь и пріемышъ Кандидъ. Къ юношамъ приставленъ въ качествѣ педагога знаменитый докторъ Панглоссъ, преподающій имъ «мета-физико-теолого-космолого-нигологію». Онъ доказываетъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, что въ настоящемъ мірѣ, лучшемъ изъ міровъ, замокъ барона лучше всѣхъ замковъ, а баронесса лучше всѣхъ баронессъ. Дознано, что ничто иначе быть не можетъ, какъ оно есть; все создано для извѣстной цѣли,—слѣдовательно, имѣетъ самое лучшее назначеніе. Носы созданы для того, чтобы носить очки,—вотъ почему мы носимъ очки; ноги очевидно существуютъ для обуви и, дѣйствительно, мы носимъ обувь. Камни созданы для постройки замковъ,—вотъ почему баронъ имѣетъ прекрасный замокъ. Свиньи, наоборотъ, созданы для того, чтобы ихъ ѣли, и мы круглый годъ ѣдимъ свинину! Значитъ, глупо говорятъ, будто все хорошо; нужно говорить, что все къ лучшему. Кандидъ вѣрилъ теоріи учителя, потому, что находилъ Кунигунду, дочь барона, удивительной красавицей. Проникнувшись убѣжденіемъ въ причинной, разумной связи всего на свѣтѣ, онъ объ-

ясняется въ любви, застигнутъ врасплохъ и изгнанъ изъ замка. Начинаются его скитанія и несчастія; оптимизмъ постоянно находитъ средства утѣшить и поддержать его. Въ сосѣднемъ же городкѣ его обманомъ завербовали въ болгарское войско; на него сыплются побои, а послѣ попытки побѣга, ему предлагаютъ на выборъ, или прогуляться 36 разъ сквозь строй, или получить двѣнадцать пуль въ лобъ. Тщетно ученикъ Панглосса увѣрялъ мучителей, что воля свободна, что онъ не желаетъ ни того, ни другого; пришлось избрать первое. Онъ не выноситъ муки и предпочитаетъ смерть. Ему завязали глаза и поставили его на колѣни, но проходившій король понялъ, что это юный метафизикъ, не вѣдающій законовъ сего міра, и простилъ его. Раны Кандида зажили, и онъ сталъ ходить. Въ это время между болгарскимъ королемъ и Аварами началась война, и Кандидъ принимаетъ въ ней участіе. Описывая битвы, Вольтеръ возстаетъ противъ ничѣмъ необъяснимаго права истреблять людей. Кандидъ видитъ ужасныя слѣдствія войны, попадаетъ въ аварскую деревню, сожженную «въ силу международнаго права», и находитъ изувѣченныхъ стариковъ, на глазахъ которыхъ умирали ихъ жены, дѣти; вездѣ груды тѣлъ и развалинъ. Это приводитъ его въ недоумѣніе. Неужели и здѣсь правъ Панглоссъ? Наконецъ, онъ спасается въ Голландію. Онъ давно слышалъ, что всѣ здѣсь богаты и притомъ добрые христіане, и увѣренъ въ хорошемъ пріемѣ. Онъ проситъ милостыни, но получаетъ отвѣтъ, что если онъ будетъ бродяжничать, его посадятъ въ исправительный домъ. Кандидъ обращается къ человѣку, который только что говорилъ въ большомъ собраніи о милосердіи; тотъ покосился на него и спросилъ: вѣритъ-ли онъ въ то, что папа антихристъ?—«Не слыхалъ объ этомъ,—отвѣчалъ Кандидъ, но антихристъ онъ или нѣтъ, у меня нѣтъ хлѣба».—«Ты недостоинъ ѣсть,—сказалъ ораторъ;—ступай и не смѣй подходить ко мнѣ».

Отощавшаго Кандида пріютилъ анабаптистъ Жакъ, кормитъ, одѣваетъ его, дѣлаетъ своимъ помощникомъ. Тутъ судьба снова сводитъ Панглосса съ его ученикомъ. Въ бродягѣ, покрытомъ ранами, съ изуродованнымъ носомъ, Кандидъ узнаетъ уважаемаго учителя, и слышитъ отъ него, что Кунигунда убита, прекрасный замокъ уничтоженъ, и что самъ онъ едва спасся. Кандидъ проситъ анабаптиста пріютить у себя и Панглосса. Всѣ трое отправляются затѣмъ на кораблѣ въ Португалію. Передъ Лиссабономъ судно застигнуто бурею. Жакъ, стоя на палубѣ, помогалъ управлять кораблемъ, но одинъ озлобленный матросъ такъ толкнулъ его, что онъ упалъ на полъ, за-то матросъ потерялъ равновѣсіе, полетѣлъ внизъ головой въ воду, и повисъ, зацѣпившись за обломокъ мачты. Добрый Жакъ бросился спасать его, но оборвался и утонулъ. Панглоссъ удерживаетъ Кандида отъ по-

пытки спасенія, доказывая, что лиссабонскій рейдъ для того и существуетъ, чтобы Жакъ утонулъ въ немъ. Но въ кораблѣ открылась течь, и почти всѣ погибли. Спасшіеся учитель и ученикъ попали въ Лиссабонъ къ началу землетрясенія. Оптимисты наши видятъ всю картину гибели; Кандидъ раненъ обломками и молитъ дать ему воды и вина. Но Панглоссъ, въ утѣшеніе, доказываетъ, что это землетрясеніе не новость, что въ прошломъ году въ Лимѣ было такое же несчастіе, что одинаковыя причины вызываютъ тѣ же слѣдствія. «Иначе и быть не могло; если подъ Лиссабономъ есть волканъ, слѣдовательно онъ не могъ быть въ другомъ мѣстѣ. Вещи не могутъ быть иными, чѣмъ мы ихъ видимъ. Все къ лучшему». Сидѣвшій по близости какой-то черный человѣкъ, агентъ инквизиціи, вѣжливо спросилъ, вѣритъ ли онъ въ первородный грѣхъ. Если все къ лучшему, слѣдовательно нѣтъ ни грѣхопаденія, ни наказанія? Панглоссъ доказываетъ ему, что грѣхопаденіе было необходимо въ лучшемъ изъ міровъ. «Стало быть, вы отрицаете свободу воли?» — спросилъ инквизиторъ и, не давъ философу договорить, кивнулъ прислужнику, и учитель съ ученикомъ попали въ руки инквизиціи. Чтобы успокоить умы послѣ землетрясенія, она рѣшила устроить прекрасное зрѣлище ауто-да-фе. Кромѣ бискайца, обличеннаго въ бракѣ съ кумою, и двухъ португальцевъ, жертвою сдѣлался Панглоссъ за то, что говорилъ, а ученикъ за то, что слушалъ съ видомъ одобренія. Изображается казнь. Панглосса вѣшаютъ, а Кандида спасаетъ старуха, оказавшаяся служанкой Кунигунды, которая жива, но перенесла много несчастій, была продана въ рабство еврею и очутилась наконецъ у великаго инквизитора. Встрѣтившись съ своей милой, Кандидъ до того увлекся разговоромъ, что не замѣтилъ появленія еврея Исахара. Ревнивецъ обнажилъ шпагу, но былъ убитъ Кандидомъ; та же участь постигла и инквизитора. Два убійства совершилъ почти безсознательно человѣкъ, глубоко ненавидѣвшій такую расправу, и въ немъ усилилось сомнѣніе, дѣйствительно ли все къ лучшему.

Спасшіеся и ограбленные по дорогѣ бѣглецы являются въ Кадиксъ. Здѣсь готовились къ войнѣ противъ парагвайскихъ іезуитовъ. Кандидъ дѣлается капитаномъ отряда и вмѣстѣ съ Кунигундой отправляется въ Новый Свѣтъ, думая, что хоть тамъ найдетъ лучшій изъ міровъ. Въ Буэносъ-Айресѣ путешественники узнаютъ, что въ портъ прибылъ корабль съ алькадомъ, разыскивающимъ убійцъ инквизитора. Кандидъ снова бѣжитъ и попадаетъ къ іезуитамъ Парагвая. «Святымъ отцамъ принадлежитъ все, народъ же ничего не имѣетъ; этотъ порядокъ, говорятъ, верхъ разумности и справедливости». Рѣзкими чертами изображаетъ, однако, странный бытъ края слуга Кандида, Какамбо, тоже много испытавшій въ жизни. Въ командирѣ іезуит-

скаго полка Кандидъ узнаетъ брата Кунигунды, чудесно спасшагося во время разграбленія отцовскаго замка. Послѣ объятій и привѣтствій Кандидъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи жениться на его сестрѣ. «Ты смѣешь мечтать о бракѣ съ дѣвушкой, у которой 72 поколѣнія предковъ, и все бароны»! воскликнулъ взбѣшенный юноша. Кандидъ въ разгарѣ ссоры убиваетъ барона, и съ ужасомъ сознаетъ, что совершилъ уже третье убійство. Переодѣвшись въ платье убитаго, онъ проникаетъ въ богатую и счастливую страну, Эльдорадо, гдѣ драгоцѣнные камни разбросаны по дорогѣ, гдѣ нравы просты и гостепріимны. Кандидъ бесѣдуетъ съ старикомъ ученымъ, желая знать, есть ли въ Эльдорадо религія.—«Какой странный вопросъ? Развѣ вы считаете насъ неблагодарными?—отвѣчалъ старецъ. Его спросили, какую же именно вѣру исповѣдаютъ жители. «Я думаю, наша религія такая же, какъ ваша; мы день и ночь покланяемся Богу. — А какъ у васъ молятся?—Мы ничего не молимъ у Бога; онъ далъ намъ все нужное, и мы благодаримъ Его». Когда старика спрашиваютъ, гдѣ можно встрѣтить священниковъ, онъ улыбнулся: «Друзья мои, мы всѣ священники; каждое утро царь и главы семействъ поютъ благодарственные гимны, и имъ вторятъ тысячи музыкантовъ. — Какъ? у васъ нѣтъ монаховъ, которые поучали бы, спорили, управляли, интриговали, жгли несогласныхъ съ ними?—Мы, слава Богу, не безумны; мы всѣ однихъ мнѣній и не понимаемъ, что́ вы толкуете». И многое еще удивляетъ Кандида,—и отсутствіе судовъ, и ласковое обращеніе короля съ подданными. Кажется, онъ охотно остался бы тутъ, но ему не достаетъ Кунигунды. Съ трудомъ перебирается онъ черезъ горы, видитъ возмутительныя сцены рабовладѣнія, и у него складывается впервые непочтительное опредѣленіе оптимизма: «это — страсть утверждать, что все отлично, когда все скверно». Въ Новомъ Свѣтѣ ничуть не не лучше, чѣмъ въ Старомъ. Кандидъ хочетъ вернуться въ Европу, отряжаетъ слугу за Кунигундой и ѣдетъ сначала въ Парижъ. Въ описаніи французской столицы Вольтеръ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ. Онъ нападаетъ на сословные предразсудки, униженную роль литературы и искусства, подкупность полиціи, власть духовенства. Въ Венецію путешественникъ прибылъ во время карнавала. Здѣсь въ гостинницѣ ему пришлось обѣдать съ шестью иностранцами; онъ изумился, когда слуга величалъ каждаго изъ нихъ «ваше величество», и подумалъ, что это карнавальная шутка. Оказалось, однако, что эти пріѣзжіе дѣйствительно прежде были правителями государствъ, но теперь низложены и изгнаны. Одинъ изъ нихъ султанъ Ахметъ III; другой императоръ Иванъ Антоновичъ, выпущенный будто бы изъ Шлиссельбурга для поѣздки по Европѣ подъ конвоемъ; третій Августъ король польскій и т. д. Самый бѣдный изъ нихъ Теодоръ, король

Корсики; въ пользу его дѣлаютъ сборъ, и Кандидъ даритъ ему бриллiантъ. «Развѣ вы тоже король?» спрашиваютъ его. «Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—и не имѣю ни малѣйшаго желанія быть королемъ». Покинувъ Венецію, Кандидъ встрѣчаетъ въ Константинополѣ Кунигунду, прислуживающую у одного князя, а въ двухъ галерныхъ невольникахъ узнаетъ снова ожившихъ Панглосса и несчастнаго брата Кунигунды. Панглоссъ, несмотря на несчастія, остался неисправимымъ оптимистомъ; «ему неприлично отказываться отъ принциповъ, да и Лейбницъ не можетъ быть неправъ». Счастливо сошедшіеся друзья приходятъ къ убѣжденію, что нужно трудиться и не разсуждать, и что трудъ оттоняетъ три главныя зла: скуку, пороки и нужду. Наняли ферму, стали дружно обрабатывать землю и получать хорошій доходъ. Но Панглоссъ говаривалъ иногда Кандиду: «Все тѣсно связано въ лучшемъ изъ міровъ; еслибъ васъ не выгнали изъ замка, не арестовали инквизиторы, еслибъ вы не побродили пѣшкомъ по Америкѣ, не ранили барона, — вы не ѣли бы съ нами восточныхъ сластей».—«Все это прекрасно,—отвѣчалъ Кандидъ,—но теперь намъ нужно прилежно воздѣлывать нашъ садъ» (mais il faut cultiver notre jardin).

Кандидъ является нетолько рѣзкимъ ударомъ оптимизму, но и заявленіемъ послѣдующей программы дѣйствій Вольтера. Онъ глубоко проникся сознаніемъ необходимости «воздѣлывать свой садъ», т.-е. отдать себя неутомимому служенію нуждамъ человѣчества. Своимъ протестомъ противъ рабовладѣнія въ Америкѣ онъ поддерживаетъ настойчивый походъ энциклопедистовъ противъ крѣпостничества вообще, а описаніе смертной казни неповиннаго адмирала Бинга, которую герой повѣсти случайно видитъ въ Лондонѣ, предвѣщаетъ извѣстные случаи вмѣшательства Вольтера въ возмутительно-несправедливыя уголовныя дѣла. Фернейскій старецъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвратить казнь Бинга, но потерпѣлъ неудачу; за-то передъ смертью несчастный вспомнилъ о своемъ заступникѣ и оставилъ письмо къ нему.

Изъ Парижа приходили тѣмъ временемъ вѣсти о новыхъ нападкахъ на всю передовую партію. Безсмѣнный обличитель Вольтера и его собратьевъ по перу, Жоли де Флери, глава прокуратуры, громилъ въ своихъ рѣчахъ растлѣвающую пропаганду вольнодумцевъ, ихъ матеріалистическія и безбожныя убѣжденія; продажный борзописецъ Палиссо поставилъ на сцену переполненную насмѣшками и оскорбительными намеками комедію Les philosophes, гдѣ представители энциклопедизма выставлены алчными искателями приключеній, устраивающими свои дѣла при помощи присвоенія наслѣдствъ, выгодныхъ браковъ, эксплоатаціи полуграмотныхъ поклонниковъ. Слово «философъ» противополагается здѣсь понятію о честномъ человѣкѣ. Философъ

Валеръ утверждаетъ, что личная выгода — единственный двигатель всѣхъ нашихъ отношеній, что прямодушіе — добродѣтель глупцовъ, и его слушатель, слѣдуя ему буквально, лѣзетъ къ нему въ карманъ. Дортидіусъ (Дидро) проповѣдуетъ космополитизмъ, а мнимый ученый Криспенъ, прежде служившій у Руссо, пародируетъ его, ползая по сценѣ на рукахъ и ногахъ, декламируя противъ изнѣженной цивилизаціи и питаясь травою, чтобы ближе подойти къ «животному состоянію». Наконецъ посредственный драматургъ Помпиньянъ, вступая въ академію, произнесъ настоящую обвинительную рѣчь противъ новой философіи, и получилъ одобреніе короля. Невозможно было долѣе молчать: Вольтеръ вмѣшался въ борьбу, а за нимъ пошли его приверженцы. Дождемъ посыпались летучія брошюры, оригинальныя уже потому, что каждая распадалась на періоды, начинавшіеся одною и тою же частицей. Первая носила названіе: «Les Quand, notes utiles sur un discours prononcé devant l'académie», затѣмъ послѣдовали «Les Pourquoi, les Si» и т. д. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ les Pourquoi, написанныхъ Мореллe: «Почему авторъ рѣчи, произнесенной въ 1760 г., говоритъ, что король преувеличиваетъ бѣдствія своихъ подданныхъ; что этого уже достаточно, чтобы облегчить ихъ несчастія; что французы, любезные своимъ повелителямъ, не могутъ никогда быть несчастны? Почему говоритъ онъ это, когда онъ же въ 1756 г. говорилъ королю: государь, всевозможные налоги отягчаютъ вашихъ подданныхъ; съ ними поступаютъ хуже, чѣмъ съ каторжниками; сжальтесь надъ народомъ, выбившимся изъ силъ, выйдите изъ своего дворца, изъ толпы разжившихся придворныхъ; ваша страна обратится скоро въ пустыню; посѣвъ политъ слезами, и жатва — скорбью! Почему этотъ человѣкъ теперь такъ противорѣчитъ себѣ? Положеніе народа съ той поры не улучшилось, — но измѣнилось положеніе самого оратора»... На медленномъ огнѣ мучилъ Вольтеръ своего противника и кончилъ комическою эпитафіею его, напоминающей сначала стихъ Пирона: ci gît qui ne fut rien». Слабые смертные, вотъ вашъ девизъ, говоритъ сатирикъ; сколько славныхъ властителей лежатъ въ землѣ, совсѣмъ забытые! Гдѣ стоялъ Вавилонъ, гдѣ могила Александра, послѣднее пристанище Цезаря? А нашъ другъ Помпиньянъ еще думаетъ, что онъ что-то собой представляетъ!» (Et l'ami Pompignan pense être quelque chose).

Но одновременно съ этими жалкими противниками опять выступилъ публично опасный оппонентъ, сосредоточившій на своей обособленной полемикѣ всеобщее вниманіе. Послѣ поѣздки Даламбера въ Фернэ и сосѣднюю Женеву явилась въ 7 томѣ энциклопедіи статья объ этомъ городѣ, вообще благопріятная женевцамъ, но отмѣчавшая чопорность и нетерпимость пасторовъ, въ особенности сказывающіяся

въ ихъ враждебномъ взглядѣ на театръ и попыткахъ помѣшать Вольтеру устроить у себя сцену. Влiятельныхъ въ городѣ лицъ оскорбили нетолько эти упреки, но и похвалы «социніанству» женевскаго духовенства, будто бы отвергающаго таинства, молитвы, обрядность. Руссо поручили отвѣчать на статью энциклопедіи, и въ 1758 г. появилось его «Письмо къ Даламберу по поводу театральныхъ представленій», произведшее почти такое же впечатлѣніе, какъ и диссертація о вредѣ науки. Разрывъ между Вольтеромъ и Руссо окончательно назрѣлъ.

Если прежнія произведенія Руссо, такъ настойчиво увлекавшаго общество въ сторону, противоположную энциклопедизму, многимъ казались измышленіями отшельника, додумавшагося въ одиночествѣ до туманныхъ парадоксовъ, то съ письма къ Даламберу начинаетъ отчетливо вырисовываться личность автора, который видимо хочетъ наконецъ посвятить читателя въ тайны своей души и сполна высказать свои убѣжденія. Съ этой поры, когда личность эта вступаетъ цѣльною, безъ прикрасъ, въ водоворотъ современной мысли, необходимо остановиться на ней и узнать, какъ этотъ новый дѣятель съумѣлъ стать громадною общественною и литературною силой, раздѣливъ все общество на два лагеря, на своихъ приверженцевъ и враговъ.

Но не легко возсоздать такой характеръ, и неудивительно, что біографія Жанъ-Жака еще не разработана до такихъ мелочей, какъ жизнеописаніе его противника Вольтера. Тонкое психологическое чутье и безпристрастіе одни только могли бы вывести безусловно вѣрное сужденіе изъ множества противоположныхъ другъ другу оцѣнокъ характера сложнаго, организма глубоко больного, нервно расшатаннаго, человѣка великаго и въ то же время безконечно несчастнаго.

Первыя, сильныя впечатлѣнія (род. 1712) воспринялъ онъ въ средѣ патріархально-демократической, республиканской, сурово набожной и простой, въ домѣ работящаго и честнаго гражданина. Въ дальнѣйшей дѣятельности Руссо постоянно слышатся отголоски идей и порядковъ, съ которыми онъ сжился еще въ дѣтствѣ. Тонъ суроваго обличителя нравовъ, часто принимаемый имъ, былъ бы страненъ въ устахъ француза временъ Людовика XV, но вполнѣ умѣстенъ былъ у кальвиниста-женевца, всею душой привязаннаго къ родинѣ. Вспыльчивый, безпокойный отецъ и не въ мѣру чувствительная мать сложили характеръ сына. Всю привязанность мальчикъ сосредоточилъ на отцѣ, былъ съ нимъ неразлученъ, и во время его работы читалъ вслухъ или фантастическіе романы, горячившіе его воображеніе, или Плутарха, герои котораго произвели сильное впечатлѣніе на Жанъ-Жака, или же, въ минуты напряженной религіозности, библію, уносившую мысль мальчика къ самому Божеству, помимо всѣхъ

догматовъ. Воспитанія настоящаго не было, и Руссо впослѣдствіи горько жалѣлъ объ этомъ; побывалъ онъ въ ученьѣ у деревенскаго пастора, у нотаріуса, у гравера. Боясь наказанія за позднее возвращеніе домой, онъ бѣжалъ отъ послѣдняго своего хозяина, и повелъ скитальческую жизнь. Въ Савойѣ его уговорили перейти въ католичество и направили въ Аннеси къ богатой и сердобольной покровительницѣ всѣхъ новообращенныхъ, г-жѣ Варенсъ. Еще молодая и красивая, она произвела симпатичное впечатлѣніе на юношу, обласкала и пригрѣла его. Для подготовленія къ перемѣнѣ религіи она отправила его въ одинъ туринскій монастырь; тамъ совершено было возсоединеніе заблуждающагося съ истинною вѣрою,—а за тѣмъ никто уже не заботился о немъ. Онъ бродилъ по улицамъ Турина, ища занятія, дважды нанимался слугою, былъ изгнанъ изъ аристократическаго дома, когда осмѣлился признаться въ любви молодой графинѣ. Совсѣмъ обнищавъ, онъ добрелъ снова до Аннеси. Г-жа Варенсъ занялась его образованіемъ, думая сдѣлать его сельскимъ священникомъ, отдала сначала въ семинарію, а затѣмъ помѣстила у себя, накупила книгъ и сама передавала ему ихъ содержаніе или заставляла его изучать ихъ. Мало-по-малу Руссо привязался къ ней; ихъ отношенія перешли въ любовь, имѣвшую съ ея стороны оттѣнокъ материнской снисходительности и заботы. Всегда вспоминалъ онъ съ благодарностью объ этихъ счастливыхъ годахъ. Тогда подъ впечатлѣніемъ окружающихъ горъ и озеръ окрѣпла у него искренняя любовь къ природѣ, проникающая всѣ его произведенія и передавшаяся его послѣдователямъ, напр., Байрону. Тогда же пристрастился онъ къ безконечнымъ странствованіямъ пѣшкомъ, ставшимъ до самой смерти любимымъ возбужденіемъ его мысли, и рано показавшимъ ему жизнь, какъ она есть. Когда однажды, зайдя въ хижину французскаго крестьянина, онъ увидалъ его трепещущимъ при одной мысли, что передъ нимъ, можетъ быть, сборщикъ податей, и пугливо прячущимъ свои запасы, чтобы не подвергнуться обирательству въ пользу казны,—«въ эту минуту брошено было зерно непримиримой ненависти, развившейся въ моемъ сердцѣ ко всѣмъ притѣснителямъ несчастнаго, темнаго люда. Я не могъ забыть, что этотъ человѣкъ не осмѣливался ѣсть хлѣбъ, добытый имъ въ поту лица, и что онъ могъ избѣжать разоренія, только притворяясь такимъ же бѣднякомъ, какъ и всѣ другіе». Несомнѣнно, этотъ эпизодъ повліялъ современемъ на появленіе трактата Руссо о неравенствѣ между людьми.

Немолчное стремленіе въ даль снова увлекло молодого человѣка изъ его мирнаго пріюта. Парижъ манилъ его пробужденіемъ умственной жизни; онъ счастливъ былъ бы увидѣть Вольтера, а возможность заявить свой музыкальный талантъ, поставить свои оперы и дви-

нуть свой проектъ преобразованія нотной системы кружила голову человѣку, еще не вѣдавшему, въ чемъ скрывается настоящая его сила. Въ мірѣ музыки и театра онъ потерпѣлъ сначала неудачу, но получилъ, благодаря знатной покровительницѣ, мѣсто секретаря при посольствѣ въ Венеціи и изъ компониста превратился въ дипломата. Съ интересомъ вглядывался онъ въ особенности строя аристократической республики, воспользовался впослѣдствіи этими наблюденіями для Общественнаго Договора, и съ этой поры не переставалъ обдумывать важнѣйшіе политическіе и общественные вопросы. По его словамъ, онъ тогда же набросалъ планъ большого политическаго разсужденія. Но ссора съ посланникомъ снова вернула его въ Парижъ; успѣхъ его свѣжей и оригинальной комической оперы «Деревенскій колдунъ» не помогъ ему выйти изъ стѣсненнаго положенія, и онъ все еще ютился на чердакѣ близъ Сорбонны. Здѣсь въ маленькой грязной гостинницѣ познакомился онъ съ Терезой Левассёръ, связь съ которой продолжалась до самой его смерти. Наконецъ необычайная удача первой диссертаціи вырвала его изъ этой бѣдной обстановки. Съ той поры Руссо перерождается, даже по внѣшности, сбрасываетъ парикъ, не носитъ шпаги, бѣлыхъ чулковъ, золоченыхъ пуговицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрекается отъ прежняго остроумнаго, находчиваго свѣтскаго тона. Появляясь въ салонахъ въ простомъ нарядѣ, онъ то хранилъ безмолвіе, то неожиданно разражался блестящими парадоксами. Его суровость создала ему репутацію оригинала, и, желая быть послѣдовательнымъ во всемъ, онъ поддался искушенію, приведшему его въ ту пору почти къ выполненію обдуманной роли. Грань между свѣтскимъ человѣкомъ и строгимъ проповѣдникомъ была у него тогда слишкомъ хрупка; со временемъ то, что было лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разъ принятаго положенія, сжилось съ философомъ, который не случайными вспышками, а всѣмъ существомъ своимъ проникся сочувствіемъ идеямъ равенства.

Замѣтивъ, что Руссо понравилась одинокая хижина на краю лѣса въ Монморанси, и что онъ съ радостью повелъ бы тутъ жизнь отшельника у воротъ столицы и близко отъ друзей, наиболѣе расположенная къ нему изъ салонныхъ знаменитостей, г-жа д'Эпине, въ короткое время съумѣла замѣнить хижину прелестнымъ домикомъ и предложила его Руссо. Мигомъ вспыхнула въ немъ подозрительность, эта язва всей послѣдующей его жизни; его хотятъ поработить!.. и онъ пишетъ г-жѣ д'Эпине рѣзкое письмо, которое, однако, не помѣшало ему вскорѣ, когда недоразумѣніе разсѣялось, поселиться въ Эрмитажѣ (какъ онъ назвалъ новое убѣжище) и на время повести тамъ безпечную жизнь. Ему отрадно было одиночество. На картинѣ, приложенной ко второй его диссертаціи, изображена была крѣпость, изъ

которой выходятъ вооруженные и богато одѣтые люди, судя по позамъ, зазнавшіеся въ своемъ величіи, — а отъ нихъ поспѣшно удаляется почти обнаженная мужская фигура. Подпись гласила: «онъ возвращается въ общество равныхъ ему». Это—наглядное воплощеніе основного мотива воззрѣній Руссо, разрыва съ лживой цивилизаціей и удаленія на лоно природы. Но отчужденіе отъ жизни принимаетъ различные оттѣнки: оно можетъ помочь уединившемуся мыслителю создать стройную систему, но оно же въ состояніи развить въ немъ мизантропію, привычку избѣгать общенія съ ненавистными людьми. Руссо не избѣжалъ послѣдней участи. Одиночество отозвалось на его характерѣ; то, что онъ легче бы снесъ, оставаясь среди общества, получало теперь преувеличенные размѣры. Въ уединеніи созрѣвали всѣ его дальнѣйшія распри. Ничтожные признаки нерасположенія казались ему сѣтью интригъ и подкоповъ. Ипохондрія, которую онъ прежде, смѣясь, называлъ болѣзнью знатныхъ людей, завладѣла имъ. Ему казалось, что его ненавидятъ, или ему завидуютъ, или хотятъ подчинить его себѣ. Отношенія къ Дидро ухудшились; вліяніе на г-жу д'Эпине вкрадчиваго, ловкаго Гримма, раздражая Руссо, побудило его отдалиться отъ всего философскаго кружка. Но уединеніе готовило и другія мученія. Смолоду онъ испытывалъ томленія порывистой, почти мистической любви. Неразвитая и недалекая Тереза безсильна была удовлетворить ихъ, и связь съ нею опредѣлялась лишь силою привычки. Но именно среди затишья вспыхнула страсть мучительная и безнадежная. Кокетливая и граціозная молодая аристократка, графиня Удетò, заблудившись въ лѣсу, подъѣхала разъ къ Эрмитажу, одѣтая въ мужской костюмъ. Ея появленіе осталось въ глазахъ Руссо лучезарнымъ метеоромъ. Онъ не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось, бродилъ по лѣсу днемъ и ночью, плакалъ, говорилъ чувствительные монологи; его пламенное воображеніе вообще много разъ рисовало ему всѣ треволненія любви и охлажденія прежде, чѣмъ онъ могъ признаться въ своемъ чувствѣ. Руссо сблизился съ графиней, молилъ ее остаться съ нимъ въ Эрмитажѣ, и она изъ состраданія или изъ тщеславія допускала эту близость, не подавая надеждъ и терзая его кокетствомъ. Руссо узнаетъ, наконецъ, что у него есть соперникъ, переламываетъ себя, рѣшается все сносить, но, забываясь, дѣлаетъ сцены коварной женщинѣ, мучитъ ее ревностью. Поднимаются толки. Руссо вѣритъ сплетнѣ Терезы, будто они возбуждаются г-жей д'Эпине. И любовь, и дружба гибнутъ. Печально кончилось житье въ Эрмитажѣ, но за-то увлеченіе г-жей Удетò могущественно отразилось на «Новой Элоизѣ».

Отголосокъ одинокихъ думъ Руссо и его проповѣди разрыва съ обществомъ чувствуется въ названномъ уже отвѣтѣ Даламберу. Высказавъ нерасположеніе къ театру, изнѣживающему и развращаю-

щему умы, Руссо главную часть книги посвящаетъ анализу Мольерова «Мизантропа», порицая автора за то, что онъ уронилъ будто бы значеніе такого благороднаго характера, какъ Альцестъ, сдѣлавъ его смѣшнымъ, да еще влюбленнымъ. Видно, что критикъ ратуетъ pro domo sua. Неточно понявъ намѣренія Мольера, онъ рисуетъ другой типъ честно негодующаго мизантропа, уносящаго съ собою въ пустыню высокіе помыслы и братскія чувства къ людямъ. Конечно, это—оправданіе образа дѣйствій самого Руссо. Изъ-за брошюры о театрѣ опять поднялась сильная полемика; отвѣчалъ и Даламберъ; актеры защищали сцену, напоминая обличителю, что онъ самъ недавно искалъ на ней успѣховъ; за него некстати заступился совсѣмъ опустившійся Грессе, громившій театръ съ клерикальной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ полемика эта рѣзко обозначила разладъ Руссо съ передовою партіею и оттѣнила противоположность между нимъ и Вольтеромъ. Съ этой поры между ними невозможно примиреніе. «Я васъ не люблю—писалъ врагу Руссо. Вы причинили мнѣ мученія, особенно чувствительныя для меня, вашего ученика и поклонника. Вы погубили Женеву, отплативъ тѣмъ за гостепріимство. Вы отдалили отъ меня сердца моихъ согражданъ, вы сдѣлали мнѣ невыносимымъ пребываніе на родинѣ. Вы будете виной, что я умру на чужбинѣ, лишенный послѣднихъ утѣшеній умирающаго, тогда какъ васъ ожидаютъ большія почести. Я ненавижу васъ, потому что вы этого хотѣли, но я могъ бы васъ любить».

Противоположность обѣихъ натуръ сказалась и въ отношеніи къ практическимъ нуждамъ народа. Когда Руссо молили о заступничествѣ, указывая на какое нибудь беззаконіе, онъ уклонялся отъ активнаго вмѣшательства, ссылаясь на свое служеніе человѣчеству помощью неустанной проповѣди. Со времени поселенія въ Фернэ начинается, напротивъ, у Вольтера напряженная практическая дѣятельность. Для жителей своего мѣстечка и окрестностей онъ являлся смѣлымъ защитникомъ отъ кого бы то ни было. Чтобы освободить жителей отъ поборовъ духовенства, онъ, потерпѣвъ неудачу у епископа, обращался къ кардиналамъ, наконецъ къ папѣ, и достигъ цѣли. Во время смутъ въ Женевѣ онъ далъ у себя убѣжище рабочему люду; скоро Фернэ сдѣлался однимъ изъ центровъ часоваго мастерства, и Вольтеръ хлопоталъ о сбытѣ мѣстныхъ издѣлій (напр., въ Россію). Энергически взялъ онъ въ свои руки освобожденіе крестьянъ въ горахъ Юры изъ крѣпостной зависимости отъ богатаго монастыря Saint-Claude,—а въ то время, какъ его ославляли безбожникомъ, построилъ для жителей Фернэ съ большою затратой денегъ церковь, на которой надписалъ: «Deo erexit Voltaire». Въ то же время двигались впередъ литературныя работы, поддерживалась громадная

переписка; старческихъ силъ хватало на сотни дѣлъ. По словамъ Вольтера, «въ юности человѣкъ долженъ любить какъ безумецъ, въ старости работать какъ дьяволъ», и онъ выполнялъ это правило. Когда незадолго до его смерти друзья находили, что онъ убьетъ себя такою дѣятельностью, онъ отвѣчалъ: «я родился убитымъ» (je suis né tué).

Знаменитое дѣло Жана Каласа вызвало первое важное проявленіе широкой отзывчивости Вольтера на чужія страданія. Въ своемъ привольномъ философскомъ затишьѣ онъ затрепеталъ отъ ужаса, узнавъ о лютомъ злодѣйствѣ, прикрытомъ личиною суда и внушенномъ религіозною нетерпимостью, и рѣшилъ вмѣшаться, хотя вѣсть объ этомъ пришла чуть не изъ другого міра, и между ультра-католической Тулузой и вольнолюбивымъ женевскимъ краемъ не было ничего общаго. Въ семьѣ Каласа, мелкаго торговца-протестанта, старшій сынъ перешелъ въ католицизмъ; второй, чрезвычайно честолюбивый, томившійся въ тѣсномъ домашнемъ кругу, увидалъ, что въ силу закона ему, какъ сектанту, закрыты всѣ свободныя профессіи; перейти въ другую вѣру изъ корысти онъ не хотѣлъ, захандрилъ, потомъ безпричинно повелъ веселую жизнь. Вставъ разъ отъ ужина, онъ удалился въ свою комнату; провожая гостя, мать нашла сына распростертымъ на полу прихожей. Сбѣжались сосѣди; подслушанъ былъ смущенный шепотъ родителей, сговорившихся скрыть, что юноша самъ покончилъ съ собой. Мигомъ выросла сплетня; по доносу явились члены капитула, и началось безпримѣрное по быстротѣ и жестокости дѣло. Протестантамъ готовы были приписать всевозможныя злодѣянія. Отца обвинили въ томъ, что онъ извелъ юношу, чтобы помѣшать ему перемѣнить вѣру. Судьи съ фанатикомъ Бодригомъ во главѣ застращивали свидѣтелей, бросили въ тюрьму семью Каласа, выхлопотали пастырское посланіе, заклинавшее всѣхъ показывать противъ старика, не вѣрили ни одному свидѣтельству въ его пользу; убитаго, какъ мученика, пышно похоронили, убійцѣ же придумали утонченную казнь. Сначала онъ долженъ былъ произнести покаяніе, потомъ ему отрубили голову, руки, ноги, остатки помѣстили на колесѣ, и когда замеръ трепетъ жизни въ изуродованномъ тѣлѣ, сожгли на кострѣ и пепелъ развѣяли по вѣтру. Но ничто не вырвало у несчастнаго признаній въ виновности; онъ умеръ, призывая Бога въ свидѣтели. Толпа оцѣпенѣла, и въ ней началась реакція; проснулись угрызенія совѣсти, вспомнились черты нѣжности и любви старика къ сыну, и сознаніе возмутительной несправедливости грозно предстало передъ всѣми. Смутились высшія власти въ Парижѣ, Бодригъ сошелъ съ ума, а изъ круга философовъ первый заявилъ негодующій протестъ Дидро, взывавшій къ европейскому общественному

мнѣнію. Этотъ призывъ былъ услышанъ Вольтеромъ. Когда къ нему явилась вдова Каласа съ младшимъ сыномъ, безнадежное горе ихъ растрогало его. Черезъ нѣсколько времени, точно отъ одного его прикосновенія, вездѣ поднялась оживленная работа, разслѣдованіе дѣла, переписка. Вольтеръ нашелъ преданнаго агента въ одномъ изъ тулузскихъ адвокатовъ, а въ Парижѣ заручился помощью кружка юристовъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый Эли де-Бомонъ. Три года велъ онъ эту неутомимую борьбу, помогая возстановить честь невиннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражая на смерть старое безчеловѣчное законодательство; онъ перегоралъ отъ волненія, «упрекалъ себя за малѣйшую улыбку, какъ за преступленіе», затрачивалъ большія деньги, и наконецъ дожилъ до счастливаго дня. Единодушнымъ приговоромъ судебной палаты Каласъ былъ признанъ невиновнымъ, а семьѣ выхлопотана пенсія; много лѣтъ спустя конвентъ принялъ на себя уплату всѣхъ долговъ Каласа. Удача установила какъ бы тяготѣніе Вольтера къ подобнымъ заботамъ; онъ готовъ былъ являться заступникомъ за всѣхъ, кто очутился бы въ положеніи Каласа, и это узнали всюду. Тогдашняя жизнь давала въ изобиліи подобныя положенія. Длинный рядъ тяжкихъ судебныхъ дѣлъ потребовалъ вмѣшательства Вольтера вслѣдъ за процессомъ Каласа; не всѣ они пользуются одинаковою извѣстностью, но (какъ показало недавно изслѣдованіе одного нѣмецкаго юриста) въ совокупности они сильно повліяли на реформу французскаго законодательства въ духѣ гуманности. Дѣло Сирвена проявило новый оттѣнокъ нетерпимости; монахини захотѣли «добыть себѣ пророчицу» въ лицѣ истерической дѣвушки-протестантки, дочери Сирвена. Онъ хотѣлъ помѣшать, но уступилъ угрозамъ. Когда дочь въ припадкѣ меланхоліи утопилась въ колодцѣ, отца обвинили въ убійствѣ. Сирвенъ бѣжалъ, и зимою съ трудомъ добрался по горамъ къ Вольтеру. Снова пошли хлопоты и заботы; дѣло Сирвена тянулось 7 лѣтъ, и окончилось оправданіемъ. Даже Руссо нашелъ, что «Вольтеру, хоть онъ и дурной человѣкъ, многое простится за заступничество въ пользу угнетенныхъ». Молва всюду разносила вѣсти о подвигахъ Вольтера; Екатерина восхваляла его и прислала денегъ для семьи Сирвена; напечатанное фернейскимъ философомъ изложеніе процесса Каласа переводилось на всѣ языки, въ томъ числѣ на русскій (1788). Новое дѣло,—процессъ шевалье де-ла-Барра, — тѣмъ временемъ захватило вниманіе Вольтера. И тутъ онъ опять стоялъ лицомъ къ лицу съ своимъ заклятымъ врагомъ, фанатизмомъ. Когда въ Аббевиллѣ ночью кто-то изуродовалъ распятіе, стоявшее на улицѣ, въ этомъ обвинили молодого де-ла-Барра, не потому, чтобъ кто нибудь видѣлъ его у распятія за дѣломъ святотатства, но потому, что его знали за легкомысленнаго и вольнодумнаго

эпикурейца, прожигавшаго жизнь съ веселою братіею, любившаго читать Вольтера и щеголять цитатами изъ него. На этотъ разъ никакія старанія не помогли, и ни въ чемъ не уличенный де-ла-Барръ былъ сожженъ. Такія потрясающія впечатлѣнія непрерывно слѣдовали одни за другими до самой смерти Вольтера. То въ дѣлѣ Монбальи онъ раскрываетъ невиновность казненнаго за отцеубійство, то горячо принимаетъ къ сердцу реабилитацію генерала Лалли, крутого и самоуправнаго дѣятеля въ индійскихъ колоніяхъ, но храбраго воина, мужественно отстаивавшаго французскіе интересы и добровольно явившагося на судъ, несправедливо обвинявшій его въ измѣнѣ,—и, какъ въ дѣлѣ Каласа, добивается кассированія заднимъ числомъ приговора. По каждому изъ этихъ дѣлъ (здѣсь названы только важнѣйшія) Вольтеръ писалъ пространные «мемуары», летучіе листки и брошюры, издалъ обличительную «Исторію парижскаго парламента», въ которомъ видѣлъ одинъ изъ оплотовъ варварской юстиціи, всѣми силами возставалъ противъ смертной казни (которую при старомъ порядкѣ примѣняли къ 115 преступленіямъ), и съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе въ Италіи высоко даровитаго единомышленника, Цезаря Беккаріи, къ знаменитому трактату котораго о «Преступленіяхъ и наказаніяхъ» издалъ комментарій.

Въ самый разгаръ толковъ, возбужденныхъ дѣломъ Каласа, Руссо изумилъ современную публику, выпустивъ романъ «Новая Элоиза» (1761 г.). Такъ мало ожидали отъ него подобнаго произведенія, такъ хорошо помнили его взглядъ на безнравственное вліяніе романовъ, что иные, находя, что суровому обличителю не пристало такъ привлекательно рисовать страсти, допускали появленіе новаго писателя, соименника съ «женевскимъ гражданиномъ». Но эта непослѣдовательность вызвана была фактами личной жизни и испытаніями Руссо; «Новая Элоиза» написана въ пылу несчастной любви къ г-жѣ Удето, и многія страницы выстраданы; оттого ихъ задушевный тонъ сильно дѣйствовалъ на всѣхъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ битвѣ жизни, исторгалъ у неудачниковъ, утомленныхъ пустотою существованія, обильныя слезы, и даже на массу сытыхъ и счастливыхъ людей дѣйствовалъ искренностью исповѣди. Этому впечатлѣнію содѣйствовалъ удивительный слогъ, составившій эпоху въ исторіи французскаго языка; живая и образная рѣчь, философскія отступленія, описанія природы, лирическій безпорядокъ, переносили въ романъ всю пестроту и разнохарактерность жизни, а изліянія тоскующей души облекались въ форму страстныхъ монологовъ. Немало также помогло успѣху романа быстро укоренившееся убѣжденіе, что все въ немъ—точная автобіографія; какъ впослѣдствіи Байрону, Руссо приходилось бороться съ этимъ мнѣніемъ, но никакія возраженія не дѣйствовали, и массу чрезвычайно

интересовало узнать исторію любви мизантропа-отшельника. Но если успѣхъ дѣйствительно былъ колоссаленъ, и даже такіе люди, какъ Даламберъ, врагъ мечтательности и поклонникъ трезвой науки, были растроганы, то рѣзко обозначились и признаки недовольства. Вольтеръ выпустилъ злой разборъ Элоизы въ формѣ писемъ; въ Женевѣ кальвинисты-друзья Руссо негодовали на его измѣну и готовы были отречься отъ него; съ этого разлада началось глубокое разъединеніе мыслителя съ его согражданами, — а во Франціи церковная партія, возмущаясь слишкомъ свободными, по ея мнѣнію, взглядами на вѣру и нравственность, проводимыми въ романѣ, вторила этому недовольству.

«Новая Элоиза» задумана была еще въ 1758 г., въ Эрмитажѣ; мысль Руссо унеслась въ прошлое, къ порѣ жизни у г-жи Варенсъ, и вызвала воспоминаніе о счастливомъ днѣ, проведенномъ въ обществѣ двухъ дѣвушекъ; одною изъ нихъ онъ увлекался, многое порывался ей сказать, но едва осмѣлился поцѣловать ей руку. Это—Юлія романа, а блаженный день растянутъ въ немъ на нѣсколько главъ. Любовь къ г-жѣ Удето внесла новыя черты въ задуманный характеръ; мучительное положеніе Руссо въ виду чужого счастья отразилось въ терзаніяхъ Сенъ-Прё; Вольмаръ срисованъ съ одного испанца, съ которымъ авторъ встрѣчался въ Парижѣ,—по другому мнѣнію, съ Гольбаха. Къ даннымъ, взятымъ изъ жизни, присоединилось вліяніе исторіи Элоизы и Абеляра сказавшееся въ завязкѣ любви героевъ романа, учителя и ученицы. Повліяла и «Кларисса» Ричардсона, указавшая форму писемъ и симпатичная Руссо по искренности нравственнаго воодушевленія. Но, слагая свое твореніе изъ этихъ элементовъ и связывая ихъ своими завѣтными идеями, Руссо далъ въ «Новой Элоизѣ» болѣе чѣмъ романъ. Современныя намъ требованія отъ подобнаго произведенія нашли бы его растянутымъ, изобилующимъ отступленіями. Иная точка зрѣнія необходима, чтобъ понять его значеніе. Романъ несомнѣнно распадался на двѣ части. Первая написана въ нервномъ возбужденіи страсти; это апоѳеозъ увлеченія, рвущагося на просторъ и въ виду преградъ переходящаго въ отчаяніе. Во второй части является какъ бы поправка возвеличенія чувственной любви, пытающаяся загладить произведенное впечатлѣніе, доказывая, что любовь ведетъ не къ изнѣженности, а къ добродѣтели. Сенъ-Прё овладѣлъ собою и принялся за практическій трудъ. Помимо этого дѣленія на части, помогающаго выяснить мысль автора, та же цѣль достигается посредствомъ множества эпизодовъ, излагаемыхъ отъ лица автора или его героевъ. Юлія д'Этанжъ хорошо воспитана, но все же странно видѣть въ ея письмѣ къ подругѣ оцѣнку Платоновой республики и положенія женщинъ по Платону. Далѣе идутъ мастер-

скія характеристики великихъ мужей Греціи и Рима. Казалось бы, зачѣмъ онѣ въ романѣ? Авторъ очевидно имѣетъ слабость къ такимъ отступленіямъ и не можетъ воздержаться отъ нихъ. За-то они, вмѣстѣ съ подробностями фабулы, помогаютъ опредѣлить основные взгляды Руссо. Первый вопросъ, затронутый романомъ, касается неравенства людей. Не будь его, не было бы и романа. Сенъ-Прё по воспитанію и нравственнымъ качествамъ былъ бы достойнымъ мужемъ Юліи, но онъ плебей, а она аристократка. И самъ герой, и его другъ лордъ Эдвардъ не разъ горячо заступаются за низшія сословія. Но ничто не въ состояніи сломить упорства старика д'Этанжа, аристократа до мозга костей. Юлія горько жалуется на это ослѣпленіе: «почетнѣе быть женою угольщика, чѣмъ любовницею короля», пишетъ она пріятельницѣ, а, впадая въ ея тонъ, самъ авторъ заявляетъ, что «на двадцать случаевъ можно привести развѣ только одно исключеніе изъ того правила, что каждый дворянинъ ведетъ свой родъ отъ бездѣльника». Съ подобными укоризнами естественно находится въ связи привлекательное изображеніе жизни народа. Одною изъ главныхъ чертъ романа является восхваленіе естественнаго состоянія человѣчества, и въ особенности стоящаго всѣхъ ближе къ природѣ быта земледѣльцевъ. Руссо, признавшійся въ «Исповѣди», что онъ самъ рѣшительно не созданъ для городской жизни, что деревня всегда освѣжала его, съ увлеченіемъ много разъ изображалъ (не безъ идеализаціи) жизнь деревенскую. Все нравилось ему въ ней: и бодрость душевная, и физическое здоровье, и свѣжая народная поэзія. «Большею частью это старые романсы; въ напѣвахъ нѣтъ ничего блестящаго, но въ нихъ привлекательно обаяніе старины и чувствуется неизъяснимая нѣжность». Въ этой оцѣнкѣ народной пѣсни легко отгадать одинъ изъ элементовъ того движенія, которое у нѣмецкихъ послѣдователей Руссо, особенно у Гердера, привело къ провозглашенію народности единственнымъ спасеніемъ поэтическаго творчества.

Читатель нашего времени, подъ впечатлѣніемъ гетевскаго «Вертера» (также созданнаго подъ сильнымъ вліяніемъ «Новой Элоизы»), ожидаетъ, что неразрѣшимый трагическій узелъ будетъ и у Руссо оборванъ самоубійствомъ. Авторъ, повидимому, сознавалъ возможность такой развязки; одно лишь самообладаніе героя удерживаетъ его въ роковую минуту. Если въ романѣ послѣ пламеннаго изображенія страсти слѣдуютъ мудрые и остерегающіе совѣты, то и вопросъ о самоубійствѣ дѣлается предметомъ длинныхъ обсужденій за и противъ между Сенъ-Прё и лордомъ Эдвардомъ, выясняющихъ незаконность самоуничтоженія. И это опять не праздное словопреніе; личныя и общія причины побудили Руссо остановиться на этомъ вопросѣ. Впослѣдствіи, настойчивые толки по поводу его смерти, считаемой мно-

гими насильственною, поставили разсужденія эти въ связь съ бродившими у него по временамъ крайне ипохондрическими мыслями. Но въ ту пору и въ обществѣ, наряду съ чествованіемъ начинающагося царства разума, заявлялись не разъ пессимистическія воззрѣнія, изучалось, напр., ученіе защитника самоубійства, Гегезія киренскаго, появлялись возраженія противъ него (стихотворный французскій діалогъ) и защитительные трактаты въ родѣ примѣчательной книги шведа Робека, о которой не разъ упоминаетъ и Сенъ-Прё, и самъ авторъ. Противъ этого наплыва меланхоліи стоило бороться, и, разсмотрѣвъ вопросъ по существу, Руссо заставляетъ своего героя превозмочь блеснувшую во время прогулки въ лодкѣ съ Юліей безумную мысль схватить ее и обоимъ броситься въ озеро. Несчастные любовники вскорѣ говорятъ уже другимъ языкомъ, заявляя, что ихъ страсть не возродится болѣе.

Сближеніе съ природой, горячо проповѣдуемое въ романѣ, выдвигаетъ одну изъ важныхъ его чертъ, — художественныя описанія природы, узаконенныя съ тѣхъ поръ въ новой литературѣ; кромѣ того, оно опредѣляетъ сущность изложенныхъ тутъ мимоходомъ, зато развитыхъ подробнѣе въ Эмилѣ мыслей о здоровомъ нормальномъ воспитаніи. И тогда, когда Сенъ-Прё обучаетъ Юлію, и когда у нея самой есть дѣти, авторъ не пропускаетъ случая, чтобы не указать на строгій выборъ чтенія. Философія названа здѣсь лживымъ измышленіемъ, искуственная французская словесность отодвинута на задній планъ; итальянская поэзія (особенно Тассъ) выставлена образцомъ естественности и простоты, въ библіи и Плутархѣ указаны лучшія пособія воспитанію; искусству предназначено изученіе природы и жизни народной, которое развило бы вкусъ будущихъ поколѣній въ здоровомъ и облагороживающемъ направленіи. Такіе взгляды на значеніе разумной педагогіи облегчаютъ переходъ отъ «Элоизы» къ «Эмилю», также изложенному въ романической формѣ, вѣроятно для того, чтобы пріохотить читателя къ размышленію о вопросахъ серьезныхъ. Насколько извѣстенъ планъ этого произведенія, можно предположить, что оно не заключаетъ въ себѣ сполна мыслей Руссо о воспитаніи; разсказъ слишкомъ рано прерванъ; доведенный до конца, онъ представилъ бы любопытное обозрѣніе жизни французскаго гражданина средней руки въ XVIII ст. отъ колыбели до могилы. Матеріалы для «Эмиля» накоплялись постепенно. Въ ранніе годы, какъ часто бываетъ съ учителями-новичками, Руссо, преподавая въ Ліонѣ, самъ учился, уча другихъ. Впослѣдствіи, сблизившись съ г-жей д'Эпине и видя неудачныя попытки увядавшей свѣтской женщины заняться воспитаніемъ сына по придуманному ею способу (письмами), онъ изложилъ по ея просьбѣ свои возраженія и

замѣчанія. Затѣмъ, послѣ разрыва съ кружкомъ д'Эпине, затруднительное положеніе дочери одного друга, г-жи Шенонсо, несчастной въ замужествѣ и тоже желавшей какъ можно лучше воспитать единственнаго сына, побудило его собрать мысли и наблюденія свои въ хорошей педагогической книгѣ. Составленію ея, наконецъ, немало содѣйствовало знакомство Руссо со взглядами его предшественниковъ, Монтеня, Локка, на разумное воспитаніе.

Еще въ первой диссертаціи его видимъ мечты о возрожденіи спартанскаго воспитанія; онѣ широко развились въ Эмилѣ (1762 г.). Первая часть книги, рисующая начальный періодъ жизни ребенка, открывается заявленіемъ, что «все выходитъ хорошимъ изъ рукъ Творца, все портится подъ руками человѣка». Отсюда вытекаетъ обязанность развить добрые инстинкты, вложенные въ дѣтскую душу; не заботясь о томъ, какая профессія ожидаетъ мальчика, слѣдуетъ прежде всего научить его жить. Сама мать должна вскормить ребенка, самъ отецъ долженъ воспитать его. Весьма долго слѣдуетъ оставлять его безъ книгъ, затѣмъ давать ему въ руки лишь строго выбранныя, хорошія книги. Изъ отношеній людскихъ онъ долженъ видѣть далеко не все; если жизнь наведетъ его на какое-нибудь отрицательное явленіе, наприм., покажетъ ему необузданно гнѣвнаго человѣка, педагогъ долженъ возбудить состраданіе къ этому «больному». Съ 12 до 15 лѣтъ нужно вызывать самодѣятельность; ребенокъ уже не долженъ вѣрить на слово учителю, и проникается убѣжденіемъ, что опытъ и чувство наши настоящіе наставники. Чтеніе такой книги, какъ «Робинзонъ», научитъ его всегда обходиться своими средствами. Эмиль будетъ посѣщать мастерскія и привыкнетъ уважать трудъ; самъ онъ долженъ знать одно, два ремесла, и выработать въ себѣ физическую ловкость. Воспитатель въ общихъ чертахъ передаетъ ему понятіе о всемогущемъ существѣ, правящемъ міромъ, говоритъ и о неравенствѣ людей, о бѣдныхъ и угнетенныхъ. Періодъ отъ 15 до 20 лѣтъ—время стремленій къ идеалу. Воспитаніе считается тогда уже законченнымъ, но оно тутъ особенно необходимо. Юноша знакомится съ исторіею человѣчества, съ соціальными условіями и съ религіею, основы которой выражены въ искреннихъ и простыхъ словахъ «савойскаго викарія», возносящагося надъ догматизмомъ и традиціями къ поклоненію Высшему Существу; по мысли Руссо, не слѣдуетъ преждевременно навязывать никакого исповѣданія, и «Эмиль долженъ самъ выбрать ту религію, которую укажетъ ему разумъ».

Авторъ не оставляетъ своего героя, и по достиженіи имъ 20 лѣтъ выбираетъ ему подругу въ лицѣ Софіи, въ которой собраны идеальныя женскія черты. Въ совѣтахъ относительно женскаго воспитанія Руссо руководится желаніемъ обезпечить развитіе вполнѣ здоровой на-

туры, способной переносить несчастія и огорченія; чтобы лишить свѣтскія удовольствія ихъ заманчивости, онъ даже отступаетъ отъ прежнихъ мнѣній, совѣтуя, напр., дѣвушкѣ до брака посѣщать театръ, такъ какъ запретъ удвоилъ бы его привлекательность. Онъ идетъ дальше въ уступкахъ: кромѣ различій, вытекающихъ изъ разницы половъ, въ остальномъ воспитаніе мужчинъ и женщинъ должно быть одинаково; между мужемъ и женой должны установиться товарищескія отношенія. Но бракъ не долженъ быть преждевременнымъ. Въ деревнѣ у родственниковъ Софія встрѣчается съ Эмилемъ; молодые люди увлекаются другъ другомъ, но Руссо искусно разлучаетъ ихъ. Въ программу воспитанія входитъ путешествіе—и Эмиль ѣдетъ въ Парижъ, подвергается искушеніямъ, но удерживается на нравственной высотѣ. Послѣ брака молодая чета также испытываетъ соблазны свѣтской жизни; оба супруга поддаются на время новымъ увлеченіямъ, но одумываются и прочнѣе прежняго сходятся. Въ исторіи двухъ этихъ воображаемыхъ существъ (она изложена какъ въ Эмилѣ, такъ и въ его продолженіи «Emile et Sophie»), и въ своеобразномъ освѣщеніи ихъ страстей, ошибокъ и привязанностей было немало противорѣчій съ общепринятыми взглядами, вызывавшихъ недовольство консервативныхъ слоевъ, но всего болѣе раздражено было духовенство эпизодомъ, озаглавленнымъ: «Исповѣдь савойскаго викарія». Скромный сельскій священникъ этотъ вовсе не вымышленное лицо; въ него вошли черты двухъ симпатичныхъ Руссо аббатовъ, съ которыми свела его судьба въ ранніе годы; одного онъ узналъ въ Туринѣ и нашелъ у него утѣшеніе въ невзгодахъ, другой былъ преподавателемъ въ семинаріи въ Аннеси и своимъ гуманнымъ обращеніемъ и задушевностью проповѣди привлекъ придавленнаго схоластикой семинариста. Викарій въ «Эмилѣ» избралъ себѣ сначала духовное званіе, не задумываясь надъ его значеніемъ; онъ рѣшилъ, однако, строго выполнять обѣтъ, но страсти преодолѣваютъ, и, оставаясь по отношенію къ приходу добрымъ и попечительнымъ пастыремъ, онъ навлекаетъ на себя бѣду слишкомъ открытымъ проявленіемъ своихъ привязанностей; у него отнимаютъ приходъ и лишаютъ его священства. Умудренный опытомъ, онъ совершенно иначе устраиваетъ свою жизнь. Въ самой простой обстановкѣ живетъ онъ въ виду величественныхъ красотъ савойскихъ горъ, и одиночество, въ связи съ созерцаніемъ этой природы, вызываетъ въ немъ искренній религіозный порывъ, приводящій къ созданію первобытно-чистаго вѣроученія въ духѣ деизма. Руссо какъ бы раздвояется: то какъ будто онъ является къ викарію въ видѣ скептика, испытывающаго его въ вѣрѣ; то его мысли вложены въ уста самого священника-анахорета. Викарій знаетъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва, и потому постоянно дѣятеленъ, ходитъ по больнымъ,

учить дѣтей. Обрядность или богословскія измышленія ему ничего не говорять. Его вѣра — та «естественная религія», которая грезилась уже многимъ предшественникамъ Руссо; онъ не философъ, а скорѣе поэтъ; приливъ религіознаго чувства или братскихъ влеченій къ людямъ вызывается въ немъ иногда чарующимъ зрѣлищемъ солнечнаго заката или благоговѣйнымъ трепетомъ въ виду величавыхъ горныхъ красотъ. Опасною ересью показалось въ извѣстныхъ сферахъ это вольнодумное упрощеніе вѣры; «Эмиль», выпущенный (вопреки предостереженіямъ друзей) съ именемъ автора, сначала не встрѣтилъ въ публикѣ такого восторженнаго пріема, какъ «Нов. Элоиза», не закупая страстностью и воодушевленіемъ; французское же правительство и парламентъ, только-что принявшіе рѣшительныя мѣры противъ іезуитовъ, искали повода показать, что они въ то же время умѣютъ «отстаивать истинные интересы церкви», и нашли его въ гоненіи на «Эмиля», который былъ сожженъ въ іюнѣ 1762 года.

Общественный договоръ (Contrat social), изданный почти одновременно съ «Эмилемъ», возбудилъ недовольство по другимъ причинамъ. хотя относительно его дѣло ограничилось запрещеніемъ книги и конфискаціей экземпляровъ, тайно ввезенныхъ изъ Голландіи. Быть можетъ, успокоивалъ догматическій тонъ небольшого трактата, не предвѣщавшій особаго успѣха въ публикѣ; казалось, что это умственная пища для немногихъ, требующая спеціальныхъ свѣдѣній о политикѣ, рѣдкихъ въ то время. Несмотря на такое снисхожденіе, политическій катехизисъ этотъ былъ, быть можетъ, гораздо опаснѣе для даннаго порядка вещей, чѣмъ благожелательный и нѣсколько сентиментальный «Эмиль». Развивая далѣе мысли, высказанныя въ «Разсужденіи о неравенствѣ» и усвоивъ основную точку зрѣнія англійскихъ политическихъ писателей (А. Сиднея, Гоббза, Локка) на происхожденіе государства путемъ общественнаго договора, Руссо возвелъ на этой основѣ идеальный государственный организмъ, прежде всего внося въ него лучшія особенности женевскаго законодательства, всегда вызывавшаго въ немъ глубокія симпатіи, затѣмъ пользуясь уроками исторіи и опираясь на примѣры изъ античной жизни и изъ судебъ новѣйшихъ республикъ, напр., Венеціи. Неприкосновенность и недѣлимость верховныхъ правъ народа, широкое развитіе личной свободы, равенство, обезпеченіе всѣмъ безъ различія возможно большаго благосостоянія составляютъ главныя черты трактата; вопросъ о формѣ правленія является второстепеннымъ. Изъ жизни древняго міра взята идея о пользѣ трибуната, цензоровъ, о законности диктатуры въ крайнихъ случаяхъ; религіозность автора сказалась въ требованіи освященія церковью законодательныхъ работъ и самого званія «законодателя», обязаннаго изготовлять для народа проекты по-

становленій, наконецъ, въ признаніи необходимости государственной религіи. Въ то время какъ нѣкоторыя, слишкомъ архаическія частности этого трактата показались вскорѣ неумѣстными, существенныя идеи, сильнѣе и опредѣленнѣе выраженныя, чѣмъ у Монтескье, чье ученіе Руссо какъ будто хотѣлъ развить, возымѣли со временемъ важное вліяніе на политическую мысль во Франціи. Двѣ партіи, боровшіяся въ дни революціи, сторонники конституціонализма и основатели будущей республики, вполнѣ сознательно опирались на эти два авторитета; въ посѣщеніи молодымъ Робеспьеромъ почти умиравшаго автора «Общественнаго договора», вызванномъ страстнымъ желаніемъ приблизиться къ властителю своихъ думъ, наглядно выразилась связь теоретической грезы и практическаго ея выполненія.

Предупрежденный о гоненіяхъ на него за обѣ книги, Руссо поспѣшно покинулъ свое убѣжище у маршала Люксембургскаго въ Монморанси и направился въ Швейцарію. По дорогѣ встрѣтилъ онъ посланныхъ за нимъ агентовъ, былъ узнанъ и не задержанъ. Между исполнителями высшихъ велѣній встрѣчались уже приверженцы философскаго движенія; Мальзербъ увлекался «Эмилемъ». Неудивительно, что Руссо удалось бѣжать. Вступивъ на швейцарскую почву, онъ бросился на землю, цѣловалъ ее и благословлялъ свое вступленіе въ страну свободы. Но дѣйствительность скоро разсѣяла очарованіе; Женева послѣдовала примѣру Франціи, запретила Эмиля и отдала его на сожженіе; аристократическій Бернъ поступилъ такъ же, и потребовалъ выѣзда Руссо изъ кантона. Обиліе злобы, не дававшее ни минуты душевнаго спокойствія, потрясло его. Пришлось искать пріюта въ невшательскомъ княжествѣ, принадлежавшемъ прусскому королю. Въ отвѣтъ на полное достоинства письмо философа, прежде нерѣдко его порицавшаго, Фридрихъ принялъ мѣры для обезпеченія ему спокойнаго житья, и Руссо три года провелъ въ Val de Travers, часто мѣняя жилище, присматриваясь къ быту крестьянскому, вѣчно бродя по горамъ и гербаризируя. Долгіе зимніе вечера проводилъ онъ у камина, вспоминая о тревогахъ своей жизни, и тутъ явилась у него мысль написать мемуары или Исповѣдь. Но враги не оставляли его въ покоѣ. Въ пастырскомъ посланіи парижскаго архіепископа Христоф. де-Бомона призывались небесные громы на Руссо, какъ богоотступника. Отвѣтъ Руссо произвелъ впечатлѣніе даже на консерваторовъ. Не вдаваясь въ запальчивую полемику и выдерживая почти вѣжливый тонъ, Руссо выставлялъ безнравственность нападенія на беззащитнаго человѣка. Вражда родного города еще больнѣе дѣйствовала на него; онъ не могъ перенести незаслуженнаго оскорбленія и въ письмѣ къ женевскому правительству сложилъ съ себя гражданство. Письмо воз-

будило сильное броженіе въ народной массѣ и разожгло вражду партій; демократическіе слои, и въ особенности потомки эмигрантовъ (такъ-назыв. les natifs), совершенно обездоленные и возстававшіе противъ произвола, искали до этого помощи у Вольтера, горячо за нихъ заступившагося. Теперь они съ удвоенными надеждами смотрѣли на Руссо, считая его товарищемъ по несчастію. Когда женевскій прокуроръ публично обвинилъ его въ возбужденіи безпорядковъ, Руссо отвѣчалъ «Письмами съ горы» (Lettres de la montagne), затронувъ въ нихъ и религіозные, и политическіе вопросы, и съумѣвъ ввести частныя женевскія дѣла въ кругъ общеевропейскихъ заботъ и нуждъ. Вотъ почему новое произведеніе его было прочтено съ такимъ же вниманіемъ, какъ и важнѣйшія его творенія. Руссо хочетъ доказать согласіе своего исповѣданія съ сущностью ученія Христа и снять съ себя подозрѣніе въ демагогіи. Онъ совѣтуетъ врагамъ внимательно перечесть «Исповѣдь савойскаго викарія» и рѣшить, что было бы, еслибы высказанныя въ ней мысли осуществились; съ увлеченіемъ набрасываетъ онъ картину идеальнаго строя, гдѣ царитъ свобода, человѣчность, терпимость. Коли искажать все доброе, можно извлечь и изъ Евангелія матеріалы для яростныхъ нападеній,—и онъ приводитъ тому много примѣровъ. Въ политической части писемъ онъ возстаетъ противъ узкаго кругозора женевской политики, побуждаетъ соотечественниковъ вернуться къ вольности, завѣщанной предками, и обезопасить себя отъ гнета аристократовъ. «Прежде всего соберитесь воедино; разобщенные, вы безвозвратно погибнете. Стоютъ ли низкая зависть и мелкія страсти, чтобы ихъ удовлетворяли такою дорогой цѣной, и чтобы ваши дѣти со временемъ имѣли право сказать, обливая слезами свои оковы: вотъ плоды раздора нашихъ отцовъ!»

Но «Письма» повредили Руссо и въ мирной его невшательской обстановкѣ. Мѣстное духовенство не отстало въ изувѣрствѣ отъ женевскихъ собратій; пасторъ въ Мотье съ каѳедры назвалъ его антихристомъ, выставилъ толпѣ ея недавняго любимца врагомъ церкви, и ночью Руссо былъ разбуженъ градомъ камней, осыпавшихъ его домъ. Рѣшивъ на другой же день бѣжать, онъ не видѣлъ передъ собою ни одного гостепріимнаго крова. Попробовавъ поселиться на островѣ св. Петра, принадлежавшемъ Берну, онъ былъ удаленъ и изъ этого живописнаго затишья; онъ въ первый разъ въ жизни попросилъ отсрочки, ссылаясь на старость и болѣзнь, наконецъ, молилъ объ уголкѣ въ тюрьмѣ, обѣщая не писать и не имѣть сношеній съ внѣшнимъ міромъ; отвѣтомъ былъ вторичный приказъ о выѣздѣ. Тогда онъ вспомнилъ, какъ въ такую же тяжелую пору ему указывали прежде на возможность поселиться въ Англіи. Подъ чужимъ именемъ добрался онъ до Парижа, укрылся во дворцѣ принца

Конти, пользовавшагося старою привилегіею неприкосновенности своихъ владѣній, затѣмъ сталъ показываться въ салонахъ и тутъ познакомился съ Юмомъ, который долженъ былъ сопровождать его въ Англію. Юмъ, давно уже интересовавшій Руссо, пріобрѣлъ въ Парижѣ большую популярность, близко сошелся съ энциклопедистами, и считался чуть не французскимъ писателемъ; свидѣвшись съ Руссо, онъ открылъ много общаго съ нимъ въ воззрѣніяхъ. Они покинули Парижъ друзьями. Тяжелый переѣздъ, перемѣна климата и непривѣтливость англійской жизни разомъ охладили утомленнаго и больного скитальца. Правда, въ Лондонѣ его носили на рукахъ, гордясь тѣмъ, что дали пріютъ гонимому мыслителю; но Руссо вскорѣ уже тяготился ролью «рѣдкостнаго звѣря» и роптал на Юма, всюду выставлявшаго его на показъ. Когда заботливый другъ, не спросивъ Руссо, выхлопоталъ ему казенную пенсію, отвѣтомъ было трогательное благодарственное письмо. Но, рѣшенное въ принципѣ, назначеніе пенсіи замедлилось, Руссо соскучился въ Лондонѣ и его потянуло въ деревню. Ему устроили и это; не зная поанглійски, онъ зажилъ деревенскою жизнью, помогая хозяевамъ въ домашнихъ работахъ. Нѣкоторые изъ лондонскихъ финансистовъ вмѣшались и захотѣли обставить его жизнь удобствами. Но уединеніе не успокоило, а напротивъ, встревожило безконечно мнительную натуру Руссо. Преслѣдованія, скитанія растравили старую болѣзнь. Ему снова казалось, что онъ окруженъ врагами, что французскіе агенты за нимъ слѣдятъ, что его письма перехватываютъ. Въ хозяинѣ помѣстья, въ друзьяхъ, пріѣзжавшихъ его провѣдать, даже въ Юмѣ, онъ отгадывалъ предательство и иногда пристально всматривался въ нихъ. Дошло до того, что попавшее въ его руки подложное письмо Фридриха съ суровыми совѣтами женевскому философу онъ приписалъ Юму, заявилъ, что не приметъ изъ его рукъ пенсіи, и помышлялъ объ отъѣздѣ изъ Англіи. Передъ нимъ были приглашенія и зазывы его поклонниковъ изъ Россіи и Польши; Разумовскій звалъ его въ Украйну, Влад. Орловъ въ помѣстье подъ Петербургомъ, польскій графъ Тизенгаузъ—даже въ Бѣловѣжскую пущу. Его поманилъ-было переѣздъ на Корсику, охваченную тогда возстаніемъ; для корсиканской республики онъ написалъ даже проектъ конституціи; но въ то время, какъ онъ сбирался укрыться подъ ея сѣнью, независимость Корсики была уничтожена. Оставалась одна лишь Франція, гдѣ надъ нимъ былъ занесенъ дамокловъ мечъ, гдѣ ему грозили судъ и расправа. Въ минуту отчаянія, опасаясь за свою жизнь, онъ вдругъ поднялся, провелъ въ тревогѣ нѣсколько сутокъ на морскомъ берегу, ожидая благопріятной погоды, и, наконецъ, явился въ Парижъ, гдѣ, снова принявъ чужое имя и обѣщавъ властямъ ничѣмъ не напоми-

нать о своемъ существованіи, повелъ укромную жизнь. По временамъ она тяготила его, онъ безцѣльно скитался по провинціи, радовался перемѣнѣ мѣста, находилъ, что нигдѣ ему такъ хорошо не жилось, но, когда снова его тѣснили призраки, онъ снова брался за свой посохъ. Такъ продолжалось это до 1770 г., когда въ послѣдній разъ Руссо вернулся въ Парижъ, болѣе чѣмъ когда-либо погруженный въ анализъ своей души и въ работу надъ «Исповѣдью» и автобіографическими «діалогами».

Въ то время какъ Руссо все дальше отстранялся отъ водоворота современной жизни, а Вольтеръ, напротивъ того, съ возраставшею энергіею бросалъ отъ времени до времени въ самое жерло этого водоворота то политическую брошюру, то памфлетъ противъ клерикаловъ (мнимое «посланіе новгородскаго архіепископа о двухъ властяхъ въ государствѣ»), то новое изданіе «Вѣка Людовика XIV» съ массою живыхъ картинъ изъ прошлаго, то «Философскій словарь»,—парижскіе передовые круги съ каждымъ годомъ проявляли усиленную дѣятельность, разростались, пополняясь новыми силами. Съ одной стороны становилось замѣтнѣе прежняго поступательное движеніе науки, съ другой — стремленіе ея служить практическимъ нуждамъ народа; въ литературной области шло такое же общеніе чистаго искусства съ злобою дня, политическія страсти врывались неудержимо въ поэзію, на сцену, и уже всходила звѣзда Бомарше.

Обѣ книги Гельвеція: «De l'esprit» и «De l'homme» поражаютъ обиліемъ парадоксовъ, иногда блестящихъ, чаще вычурныхъ и эксцентрическихъ, быть можетъ недостаточно искусно примѣняютъ къ дѣлу утилитарную теорію, воспринятую авторомъ у Юма, порою даже принижаютъ человѣческую натуру въ ея погонѣ за наслажденіемъ и выгодой,—но несомнѣнно имѣютъ важныя достоинства, объясняющія, напр., громадный успѣхъ (50 изданій на всѣхъ языкахъ) первой книги. Гельвецій видимо стремился создать независимо отъ клерикальнаго кодекса нравственности новую, научную этику и собралъ для нея немало матеріаловъ; чуткій къ нуждамъ массы (его смерть была ускорена мучительнымъ уныніемъ по поводу разоренія французскаго народа и бѣдствій голода), онъ отважнѣе многихъ мыслителей своего времени нападалъ на произволъ, на фанатизмъ, провозглашалъ свободу мнѣній, требовалъ коренныхъ реформъ въ законодательствѣ, въ воспитаніи; порою какъ будто склоняясь къ поклоненію эгоизму, онъ умѣрялъ его требованіями общаго блага; подобно тому, какъ въ частной жизни мнимый циникъ былъ необыкновенно гуманнымъ благотворителемъ (десятки разсказовъ сохранили о томъ память), между строками его книгъ, сквозь фейерверкъ парадоксовъ легко разглядѣть задумчиваго и болѣющаго о людяхъ мыслителя.

Съ нимъ горячо спорили избраннѣйшіе писатели—Даламберъ, Дидро, Руссо, но всѣ они отгадывали скрытую благородную основу, и даже самый нетерпимый противникъ, авторъ «Эмиля», напомнилъ ему, что «его доброе сердце опровергаетъ его ученіе»; хотя существенны были иногда недостатки Гельвеція, онъ несомнѣнно стоялъ ближе къ жизни, чѣмъ Руссо, чья «демократія сентиментализма» (по выраженію Морлея), облеченная въ чарующія формы, отклонила въ другую сторону современное поколѣніе! Практическое значеніе пропаганды Гельвеція можетъ быть всего лучше подтверждено тѣмъ, что она сильно повліяла на Беккарію въ его реформѣ криминализма. И не одинъ Гельвецій умѣлъ соединять съ изученіемъ спеціально-научныхъ вопросовъ политическій и соціальный протестъ. Système de la nature Гольбаха, задаваясь пересмотромъ религіозныхъ воззрѣній и естествознанія, вмѣстѣ съ тѣмъ не уступала трактатамъ Гельвеція въ смѣлыхъ нападкахъ на существующій порядокъ.

Еще непосредственнѣе примыкала къ настоятельнымъ запросамъ дня группа научныхъ дѣятелей, ставившая себѣ цѣлью изученіе народнаго хозяйства. Въ ней видимъ прежде всего Тюрго, еще въ Сорбоннѣ, въ кругу молодыхъ докторовъ, выступившаго съ восторженными рѣчами во славу прогресса, затѣмъ въ «Энциклопедіи» помѣстившаго рядъ важныхъ экономическихъ статей; назначенный интендантомъ Лиможской области, онъ примѣнялъ теорію къ практикѣ, облегчалъ положеніе народа, заботился объ уничтоженіи барщины, о народномъ образованіи, объ улучшеніи дорогъ. Близкая ему по направленію, полезная въ свое время школа экономистовъ-физіократовъ, основанная лейбъ-медикомъ Кенэ, обратила усиленное вниманіе на трудъ земледѣльца, придавленный всякими поборами и пренебрегаемый меркантилистами. Эта школа, выставившая своимъ девизомъ убѣжденіе въ томъ, что гдѣ «бѣденъ крестьянинъ, тамъ бѣдно и государство», естественно вытекла изъ того же стремленія, которое вводило въ литературу (особенно въ драму) демократическіе сюжеты и здоровый реализмъ, внушало Руссо его диѳирамбы деревнѣ и крестьянству, не дало никогда сгладиться у Дидро типическимъ чертамъ сына мастерового, и вызывало въ современной живописи, у Грёза и Верне, тяготѣніе къ бытовымъ сценамъ и жанру. Стремленіе физіократовъ послужить общему благу отрезвляло даже вѣтреныхъ свѣтскихъ людей въ родѣ провансальскаго дворянина Мирабо (отца), который дружбою съ Вовенаргомъ былъ направленъ на литературныя занятія, на время привлекъ большое вниманіе пятитомнымъ сочиненіемъ «L'ami des hommes» (этотъ титулъ превращенъ былъ вскорѣ въ прозвище самого автора) и многими другими сочиненіями экономическаго характера. Но въ мірѣ салоновъ встрѣчались

и экономисты-вольнодумцы. Такимъ былъ остроумный итальянскій аббатъ Галіани. Еще въ Неаполѣ онъ произвелъ впечатлѣніе «Похвальнымъ словомъ палачамъ»; затѣмъ, когда и въ затхлой средѣ неаполитанской, благодаря ревностному послѣдователю просвѣтительныхъ идей, министру Тануччи, поднялось общественное движеніе, онъ издалъ оригинально задуманный «Трактатъ о монетной системѣ», и наконецъ очутился въ Парижѣ секретаремъ посольства. Отнынѣ онъ сталъ любимымъ посѣтителемъ салоновъ, чуть не законодателемъ въ литературныхъ и политическихъ мнѣніяхъ, наконецъ неистощимымъ и забавнымъ импровизаторомъ во вкусѣ commedia dell'arte. Среди этихъ успѣховъ, продержавшихся цѣлыхъ десять лѣтъ, крупнѣйшимъ фактомъ было появленіе его «Разговоровъ о хлѣбной торговлѣ», высоко цѣнившихся всюду. Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ голодныхъ годовъ и застоя въ дѣлахъ, то и дѣло возникали во Франціи проекты финансовыхъ реформъ. Галіани хотѣлъ сколько нибудь пособить улучшенію торговли, и въ своей книгѣ доказалъ невозможность одной и той же политики въ торговлѣ хлѣбомъ для всѣхъ странъ, такъ какъ условія климата и почвы позволяютъ въ одной странѣ поощрять вывозъ, въ другой—сдерживать его; нужно примѣняться къ обстоятельствамъ и руководиться скорѣе практическими, чѣмъ научными соображеніями. Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ разоблачалъ односторонность физіократовъ, сводившихъ богатство страны къ производительности земледѣлія, и возставалъ противъ игнорированія разрастающагося съ каждымъ годомъ тяжелаго фабричнаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрывшись цифровыми выкладками, онъ необыкновенно тонко набрасывалъ мимоходомъ сатирическую картину французскаго финансоваго хозяйства. Недаромъ въ его кружкѣ звали его маленькимъ Маккіавелли; никто не могъ бы поручиться въ томъ, что именно думаетъ Галіани о какомъ нибудь предметѣ или человѣкѣ. Чудачества, злыя шутки, наивно-веселыя импровизаціи неистощимо слѣдовали одни за другими; дома Галіани проводилъ время въ обществѣ обезьяны, увѣряя всѣхъ, что въ ней скрыта душа великаго мудреца, проявляющаяся по временамъ. Одна изъ выходокъ аббата противъ герцога Шуазеля повела къ изгнанію шутника. Но и вдали отъ Парижа онъ поддерживалъ связи съ друзьями, и его переписка свидѣтельствуетъ о неподдѣльномъ остроуміи и наблюдательности. Способность вести въ письмахъ живую лѣтопись дня, схватывать на лету явленія и оцѣнивать ихъ, была такъ распространена въ 18 в., что наряду съ Галіани можно поставить нѣсколько виртуозовъ по этой части и въ особенности достойнаго его соперника, Мельхіора Гримма (1723—1807).

Человѣкъ безъ глубокихъ убѣжденій, но остроумный, находчи-

вый, съ бойкимъ критическимъ чутьемъ, всего знавшій понемногу, умѣвшій быть необходимымъ для всѣхъ, Гриммъ скорѣе состоялъ при литературѣ, чѣмъ сознательно стремился быть однимъ изъ ея дѣятелей. Всегда счастливый въ друзьяхъ, онъ при помощи ихъ быстро продвинулся впередъ. Нѣмецъ по происхожденію, онъ напрягъ силы, чтобы усвоить тонкости французскаго слога, и впослѣдствіи могъ спорить съ лучшими стилистами. Благодаря Руссо и кружку г-жи д'Эпине, онъ завязалъ полезныя связи въ салонахъ; остроумная брошюра, кстати брошенная въ разгаръ спора музыкальныхъ партій, боровшихся въ парижскомъ свѣтѣ, вызвала похвалы даже со стороны Вольтера, и репутація Гримма была создана. Когда Руссо угрюмо отдалился отъ міра, Гриммъ сталъ неразлученъ съ Дидро, развлекалъ его въ печальныя минуты, выручалъ изъ затрудненій, но и эксплуатировалъ его, привлекая къ своимъ предпріятіямъ. Самымъ удачнымъ изъ нихъ было составленіе такъ-называемой Correspondance littéraire (1752—1790); типомъ для этого дневника, отмѣчавшаго все любопытное въ литературѣ, политикѣ и общественной жизни, были прежде всего старинныя Nouvelles à la main, летучіе листки, наскоро переписывавшіяся и замѣнявшія газету, а затѣмъ издававшіяся Башомономъ «Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres», бойко, хотя не безъ оттѣнка сплетни, воспроизводившія изо дня въ день парижскую жизнь почти за тотъ же періодъ, какъ «Переписка» Гримма. Восемь государей и нѣсколько европейскихъ магнатовъ были подписчиками его, дорого оплачивая (300 франк. въ годъ) его неистощимые фельетоны, зато имѣя возможность коротать скуку на берегахъ Невы и Шпрее непосредственнымъ общеніемъ съ передовою Франціею. Къ участію въ «Корреспонденціи» привлечены были постепенно лучшія силы; Дидро принадлежало тамъ не мало литературно-критическихъ отзывовъ и весь художественный отдѣлъ, составившійся изъ отчетовъ о ежегодныхъ выставкахъ (Salons) и своею проповѣдью естественности, правды и близости къ жизни принесшій великую пользу искусству, только что высвобождавшемуся изъ придворной манерности Буше и Ватто; затѣмъ усиленно сотрудничалъ аббатъ Рейналь, Мейстеръ; были и русскіе сотрудники, Андр. Шуваловъ, Бор. Голицынъ. Гриммъ зорко наблюдалъ и быстро отмѣчалъ все; малѣйшій фактъ изъ жизни, напр., Руссо въ Швейцаріи или изъ его отношеній съ Юмомъ дѣлался извѣстнымъ; «Корреспонденція» была замѣчательнымъ общественнымъ и литературно-критическимъ органомъ, но также и центральнымъ бюро сплетенъ; послѣднее, можетъ быть, много содѣйствовало успѣху. Изданіе журнала усилило связи Гримма съ вліятельными лицами въ Европѣ и въ особенности съ Екатериной. Онъ исполнялъ для

нея всевозможныя порученія, а подъ конецъ состоялъ даже на русской дипломатической службѣ (Объ отношеніяхъ Екатерины къ нему, см. книгу Я. К. Грота «Екатерина II и Гриммъ»). Революціонное движеніе встревожило его; онъ сталъ отдаляться отъ передового кружка, принимая тонъ озлобленнаго консерватора и придавая тотъ же оттѣнокъ и «Корреспонденціи».

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Гримма, Рейналь, далеко не имѣетъ теперь той извѣстности, которая нѣкогда равняла его даже съ Вольтеромъ. Легко понять, однако, причину этого увлеченія. Рейналь сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ предпринятое философами возрожденіе человѣчества. Служба въ колоніяхъ сдѣлала его свидѣтелемъ ужасовъ рабовладѣнія, и, глубоко потрясенный зрѣлищемъ истязаній и вымогательствъ, совершаемыхъ культурными людьми, онъ задумалъ обширный трудъ, «Философскую и политическую исторію колоній и торговли европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ» (1772), въ которомъ горячо проповѣдывалъ освобожденіе невольниковъ, и, пользуясь подходящимъ поводомъ, поднималъ и болѣе широкіе вопросы — о деспотизмѣ и свободѣ, о господствѣ капитала и эксплуатаціи труда; не обошлось и безъ восхваленія «естественнаго состоянія» людей. Эмблематическія картины, приложенныя къ книгѣ, поясняли ея мысль; на одной изъ нихъ, наприм., чадолюбивая женщина (природа) кормитъ грудью чернаго и бѣлаго ребенка, одинаково ей близкихъ, а поодаль идетъ страшная рѣзня и истребленіе бѣлыми негровъ. Рейналь часто впадаетъ въ декламацію и чувствительность, хотя порою поднимается до энергическаго обличенія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги замѣтны слѣды сотрудничества Дидро. Нить историческаго разсказа прерывается по временамъ романическими эпизодами изъ жизни американскихъ дикихъ, тогда уже предвѣщавшими романы Шатобріана, сильно идеализованными и въ прошломъ вѣкѣ не разъ передѣлывавшимися для сцены. Горячее заступничество Рейналя за рабовъ нашло отзвукъ всюду, гдѣ царило рабство. Вождь возстанія негровъ въ Санъ-Доминго, Туссенъ-Лувертюръ, со слезами читалъ его книгу и уподоблялъ ее евангелію. Она же, вмѣстѣ съ «Сентиментальнымъ Путешествіемъ» Стерна, побудила Радищева высказать въ своей знаменитой книгѣ благородное негодованіе, которое возбуждало въ немъ русское крѣпостничество. Память о томъ, что сдѣлалъ Рейналь, спасла его отъ смерти въ дни террора; въ отвѣтъ на его нападки противъ диктатуры, Робеспьеръ, взойдя на трибуну, напомнилъ, какое великое имя носитъ обвиняемый, и предложилъ не вмѣнять ему преступленія.

Великое разнообразіе интересовъ, оттѣнковъ, направленій въ томъ сложномъ движеніи, которое современность обозначала общимъ эпитетомъ просвѣтительнаго, вызывало на свѣтъ такое множество из-

слѣдованій по всѣмъ научнымъ отдѣламъ, которое трудно и обозрѣть въ сжатомъ очеркѣ. Такой популяризаторъ англійской философіи, какъ Кондильякъ, развившій ученіе сенсуализма въ своемъ Traité des sensations до послѣднихъ выводовъ, одинъ уже издалъ слишкомъ двадцать томовъ, изъ которыхъ въ 13-ти (подъ заглав. «Cours d'études») представилъ полный курсъ наукъ, построенный въ духѣ просвѣтительныхъ идей, предназначенный сначала для наслѣднаго принца пармскаго, котораго воспитывалъ авторъ, но дававшій возможность систематической подготовки каждому, желающему принять участіе въ освобожденіи человѣческой мысли. Въ то же время Гольбахъ въ названной уже книгѣ своей пытался поставить (къ ужасу старыхъ деистовъ въ родѣ Вольтера) натурализмъ выше деизма, и извлекалъ изъ внушеній природы, освобожденныхъ отъ вліянія религіи, основы «нравственности, благородства и благотворенія»; сводный братъ Кондильяка, Мабли, исходя изъ отправной точки Руссо, въ многочисленныхъ сочиненіяхъ раскрывалъ значеніе равенства и упраздненія частной собственности, подробно изучалъ вопросы законодательства и пріобрѣлъ въ нихъ такой авторитетъ, что польскіе конфедераты просили его составить проектъ конституціи и выписали самого автора въ Польшу. Нѣсколько сверстниковъ (напр., Морелли, авторъ Code de la nature и философско-политической поэмы La Basiliade) поддерживали его пропаганду, тогда какъ молодой аристократъ Кондорсе, развившійся подъ вліяніемъ Даламбера и Вольтера, страстный математикъ, стремился доказать «пользу сліянія наукъ физическихъ съ нравственными» (тема его вступительной рѣчи въ академіи), уже тогда обдумывалъ «историческій обзоръ успѣховъ человѣческаго ума», впослѣдствіи его прославившій, и донесъ до тревожной поры 1794 г. цѣльныя и глубокія убѣжденія истиннаго дѣятеля просвѣщенія.

Дружное дѣйствіе всей этой многочисленной группы писателей не могло не вызывать усиленнаго противодѣйствія со стороны власти и ея приспѣшниковъ. Усиленіе реакціи было связано съ воцареніемъ новой фаворитки, Дю-Барри, вошедшей въ сношенія съ іезуитами, совершенно чуждой меценатскимъ замашкамъ г-жи Помпадуръ и поощрявшей слабаго короля къ репрессаліямъ, нарочно заказавъ, напр., портретъ англійскаго короля Карла I и при малѣйшемъ поводѣ указывая на него Людовику, въ видѣ предостереженія. Снова ободрились продажные писаки и доносчики, громко взывавшіе къ безпощадной реакціи. Возмущенный этимъ зрѣлищемъ, Дидро написалъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, діалогъ «Племянникъ Рамо». Случайно попавшій впослѣдствіи на глаза одному изъ родственниковъ Шиллера въ Петербургѣ среди перевезенныхъ туда бумагъ Дидро, этотъ діалогъ, суще-

ствованія котораго никто не подозрѣвалъ, появился сначала въ нѣмецкомъ переводѣ Гете, провозгласившаго его міровымъ произведеніемъ. Затѣмъ столь же случайно найдена была въ Страсбургѣ подлинная рукопись, и это прекратило возникавшія сомнѣнія. Не замолкли разнорѣчивыя догадки объ оригиналѣ главнаго дѣйствующаго лица, искавшія его то въ Палиссо, то въ реальной личности бродившаго по улицамъ Парижа въ жалкомъ видѣ племянника композитора Рамо. Эти догадки напрасны; передъ нами собирательная, типическая личность, болѣе сильная и всеобъемлющая, чѣмъ какой бы то ни было художественный портретъ.

Дидро увѣряетъ, что діалогъ этотъ не что иное, какъ страница изъ его жизни. Онъ каждый день любитъ гулять послѣ обѣда въ Пале-Роялѣ, въ холодъ и ненастье спасается въ café de la Régence и тамъ смотритъ, какъ играютъ въ шахматы. Однажды, сидя въ кафе, онъ поднимаетъ глаза и видитъ передъ собой знакомую фигуру искателя приключеній. Въ этомъ человѣкѣ странная смѣсь здраваго смысла съ безразсудствомъ, честности съ самою беззастѣнчивою безчестностью; онъ не безъ дарованій, но не поднимается надъ уровнемъ посредственности, и его гложетъ зависть къ «геніямъ»; «еслибъ онъ зналъ исторію, онъ доказалъ бы, что весь вредъ происходитъ отъ нихъ, но онъ не знаетъ исторіи, потому что ничего не знаетъ». По мѣрѣ того, какъ завязывается споръ, характеръ страннаго собесѣдника все рѣзче обрисовывается и, по замѣчанію Гёте, отталкиваетъ и заинтересовываетъ своею нравственною низостью. Діалогъ идетъ впередъ живо и остроумно, представляя блестящій образецъ драматическаго творчества, къ которому Дидро приблизился какъ бы безсознательно, тогда какъ драмы его, прямо написанныя для сцены, страдаютъ многословіемъ и чувствительностью. Племянникъ Рамо въ то же время одинъ изъ наиболѣе художественныхъ и живучихъ типовъ въ новой французской литературѣ. Дидро вжился въ антипатичную ему личность клеветника и паразита, и выдвинулъ основныя черты всѣхъ подобныхъ характеровъ. У Рамо свои счеты съ обществомъ и своя борьба за существованіе; «всѣ породы животныхъ пожираютъ одна другую, въ обществѣ истребляютъ другъ друга всѣ сословія». Его раздражаетъ мысль, что въ «Парижѣ накрыто десять тысячъ прекрасно сервированныхъ столовъ, каждый на пятнадцать или двадцать человѣкъ, — и ни одного куверта не поставлено для него; что есть кошельки, полные золота, льющагося направо и налѣво, а ему не достается ни червонца; что тысячи говоруновъ, безталанныхъ и ничтожныхъ, презрѣнныхъ интригановъ хорошо одѣты, а онъ долженъ ходить въ лохмотьяхъ». Онъ живетъ плутнями, морочитъ легковѣрныхъ, льститъ, смѣшитъ и кривляется, но на душѣ

кипитъ злоба. Онъ не вѣритъ ни въ одно порядочное чувство, убѣжденъ, что все можно продать и купить, и для всѣхъ готовъ быть посредникомъ. У сына онъ вызываетъ жажду денегъ, жену научаетъ пользоваться молодостью и красотой. Рамо сладострастно рисуетъ себѣ блаженную минуту, когда будетъ богатъ, «припомнитъ все, что выносилъ отъ нихъ, и возвратитъ съ придачей то, что они для него сдѣлали». «Я люблю повелѣвать, и буду повелѣвать; у меня будетъ на жалованьѣ толпа льстецовъ, шутовъ и паразитовъ. Я буду говорить имъ то же, что мнѣ говорили: ну, негодяи, потѣшайте меня,—и меня будутъ потѣшать; разорвите на клочки честныхъ людей,—и ихъ разорвутъ, если только найдутъ такихъ людей». Въ превосходной пантомимѣ онъ уже видитъ себя окруженнымъ всѣми утѣхами богатства, жмурится отъ удовольствія, какъ будто засыпаетъ сладкимъ сномъ, и, пробуждаясь отъ грезъ, снова сознаетъ свою жалкую участь и тщетно ищетъ вокругъ себя воображаемыхъ поклонниковъ. Такихъ людей, какъ онъ, не мало; цѣлая шайка работаетъ надъ общественной деморализаціей; это неудачники—писатели и художники, честолюбцы безъ мѣста, бѣдняки, паразиты. Когда они въ сборѣ и кѣмъ нибудь хорошо накормлены, они приходятъ въ хищное настроеніе духа; для нихъ нѣтъ лучше занятія какъ чернить всѣ порядочныя репутаціи, доказывать, что «у Вольтера нѣтъ генія, что Бюффонъ просто болтунъ, что у Катоновъ въ миніатюрѣ въ родѣ Дидро сдержанность и скромность скрываютъ зависть и гордость. Мы наѣдаемся, точно волки, послѣ того, какъ земля освободится отъ снѣга, и какъ тигры рвемъ въ клочки все, что имѣетъ успѣхъ». Противоположность просвѣтительныхъ идей и царства философовъ съ дикимъ хищничествомъ оттѣсненныхъ имъ подонковъ общества не могла быть ярче обрисована. Дидро не раздражается нападками такихъ личностей: «онъ считалъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ его стали хвалить тѣ, кто позоритъ столькихъ даровитыхъ и честныхъ людей». Ему хотѣлось бы, правда, удержать неглупаго малаго отъ полнаго паденія, но это напрасный трудъ,—«онъ гордится тѣмъ, что и теперь такой же, какимъ былъ прежде, молитъ, чтобъ это несчастіе продолжалось еще лѣтъ сорокъ, и вѣритъ, что достигнетъ цѣли. Rira bien, qui rira le dernier».

Но, несмотря на усиленіе реакціи, энергія Дидро не ослабѣла, напротивъ, возрастала и примѣнялась во всевозможныхъ областяхъ. Участвуя въ журналѣ Гримма, онъ проявилъ рѣдкія способности художественнаго критика; страстно любя театръ, стремился служить ему, какъ драматургъ и какъ теоретикъ сценическаго искусства; идя по пути Нивель-дела-Шоссе, онъ вноситъ въ драму будничную жизнь, искренно соболѣзнуетъ страданіямъ дѣйствующихъ лицъ, но даетъ волю чувствитель-

ности и тѣмъ подрываетъ художественную силу своихъ драмъ—«Незаконнаго сына», «Отца семейства». Поклонникъ формы діалога, онъ лучшую свою работу по теоріи сценическаго искусства изложилъ въ видѣ разговора: это—«Парадоксъ объ актерѣ». Дидро обращается къ современнымъ ему художникамъ сцены, воспитаннымъ на ложно-классическихъ трагедіяхъ, съ требованіемъ естественности и близости къ природѣ; зная по себѣ вредное вліяніе излишней чувствительности, онъ ждетъ отъ актера зоркаго изученія душевныхъ явленій и вѣрной передачи, но подъ условіемъ полнаго самообладанія; замыселъ автора долженъ быть осуществленъ, по возможности даже развитъ далѣе; актеръ долженъ быть и правдивымъ наблюдателемъ, и творящимъ художникомъ. Не менѣе важный слѣдъ оставленъ Дидро въ романѣ. Въ «Жакѣ-фаталистѣ» онъ прошелъ по пути Стерна, усвоилъ себѣ всѣ капризы его писательской манеры, посмѣялся надъ ея излишествами и косвенно далъ добрый урокъ и себѣ. Если Дидро любилъ сравнивать себя съ Донъ-Кихотомъ, вѣчно возбужденнымъ, живущимъ въ призрачномъ мірѣ, то и въ планѣ повѣсти и характерахъ дѣйствующихъ лицъ есть слѣды вліянія романа Сервантеса. Множество отдѣльныхъ сценъ, разработанныхъ не подъ-рядъ, а появившихся по временамъ, исчезающихъ, дразня читателя, потомъ снова появляющихся, составляютъ содержаніе романа и слабо соединены между собой приключеніями двухъ центральныхъ лицъ, слуги Жака и его господина. Отношенія ихъ почти равныя; они связаны дружбой, Жакъ прислуживаетъ лишь по доброй волѣ; у нихъ все общее—и вкусы, и привычки; оба вспыльчивы и упрямы, и столкновенія ведутъ къ потѣшнымъ сценамъ; оба влюбчивы и любятъ вспоминать о своихъ шалостяхъ; оба много видѣли на своемъ вѣку, и у Жака выработался своеобразный фатализмъ. «Такъ было рѣшено свыше», говоритъ онъ при какомъ нибудь щелчкѣ судьбы и, предпринимая что нибудь, шутя вычисляетъ послѣдствія, увѣренный, что все случится прямо наоборотъ. Разсказы обоихъ странниковъ неистощимы; новыя дѣйствующія лица, появляющіяся на ихъ пути, наприм., во время долгой остановки въ гостинницѣ «Большого Оленя», вносятъ и отъ себя занимательныя похожденія; французская жизнь середины прошлаго столѣтія выступаетъ въ живыхъ чертахъ. Устами хозяина Жака, Дидро вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ теоретически законность реализма, зло смѣется надъ «любовными сказками», которыми забавляются «и дѣти, и взрослые младенцы», и удивляется долготерпѣнію читателя; у него выступаютъ живые люди и правдивыя бытовыя сцены, невѣжество высшихъ классовъ, монашеское ханжество, авантюристы въ родѣ Рамо, деревенскіе міроѣды. Самый обширный эпизодъ, украшающій всю повѣсть—«Исторія госпожи де-ла Пом-

мерэ и маркиза Des Arcis»» *). Старѣющая кокетка, болѣзненно разстающаяся съ увядающей красотой, нетерпимая ко всему молодому, и мстящая охладѣвшему любовнику, является героиней этого разсказа, вложеннаго въ уста болтливой хозяйки гостинницы, не принаряженнаго красотами слога, но производящаго потрясающее впечатлѣніе. Г-жа де-ла Поммерэ, понявъ, что ея пѣсня спѣта, становится настоящею фуріею, но скрываетъ мстительность подъ набожной личиной, вкрадывается въ довѣріе своего бывшаго друга, предоставляетъ ему свободу, а сама придумываетъ утонченную отместку. Она побуждаетъ разорившуюся содержательницу игорнаго дома съ молодою дочерью принять видъ благочестивыхъ аристократокъ-благотворительницъ, помогаетъ имъ играть роль, сводитъ съ ними маркиза, влюбляетъ его въ развращенную дѣвушку, женитъ ихъ, и послѣ брака открываетъ тайну счастливому супругу. Ея цѣль, однако, не достигнута; горе молодой женщины пробуждаетъ въ ея мужѣ любовь и вѣру въ исправленіе, и онъ увозитъ ее въ свои помѣстья. Всѣ лица стоятъ передъ читателемъ, точно живыя; драматизмъ разсказа, умѣнье избѣжать лишнихъ подробностей и психологически вѣрное воспроизведеніе страсти показываютъ въ Дидро первоклассный талантъ повѣствователя.

Занятія художественными и литературными вопросами никогда не отодвигали у Дидро наиболѣе соотвѣтствовавшихъ его склонностямъ интересовъ философскихъ и научно-прикладныхъ.

Смѣло заявляя взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ общепринятыми, онъ вовсе не хотѣлъ навязывать ихъ и приписывалъ себѣ лишь скромную роль искателя истины. Несчастный въ бракѣ и найдя отраду лишь въ свободномъ соединеніи своей судьбы съ умною дѣвушкой, Софи Воланъ (съ которой поддерживалъ интересную переписку), онъ въ наброскѣ «Supplément au voyage de Bougainville» предается, на основаніи преувеличенныхъ показаній этого путешественника о нравахъ Отаитянъ, мечтамъ о разумномъ и сообразномъ съ природою установленіи отношеній между полами. Въ стихотвореніи «Les eleuthéromanes», какъ бы предчувствуя революцію, онъ взываетъ къ человѣчеству въ духѣ братства и равенства, тогда какъ въ необыкновенно искренно написанномъ «Entretien avec la maréchale de***», онъ внушаетъ людямъ симпатію и матерински-заботливое сочувствіе къ тѣмъ, кто сознательно идетъ ради нихъ въ безбрежное море сомнѣній и гипотезъ, добывая истину. Съ годами это исканіе истины съ особымъ увлеченіемъ направилось у него на изученіе естествознанія, съ молоду его интересовавшаго; какъ во всемъ, до чего ни касался этотъ высоко одаренный человѣкъ, онъ и въ этой

*) Онъ былъ переведенъ по-русски и изданъ отдѣльно еще въ 1796 году, затѣмъ въ наше время снова перевед. въ журналѣ „Изящ. литература“ 1885 г.

области оставилъ важные слѣды своей дѣятельности, являясь предшественникомъ научныхъ теорій нашего времени. Къ суду отдаленнаго потомства вообще часто (наприм., въ письмахъ къ скульптору Фальконету) взывалъ Дидро, сознавая, что шелъ дальше своего вѣка; отъ несправедливостей и гоненій переносился онъ мысленно къ порѣ свободы разума, въ наступленіе которой вѣрилъ.

Дидро неутомимо пополнялъ свои скудныя сначала свѣдѣнія по естествознанію и смежнымъ съ нимъ наукамъ. Въ зрѣлые годы онъ съ увлеченіемъ прослушалъ курсъ анатоміи съ практическими демонстраціями, читавшійся публично женщиной-медикомъ, г-жей Біэронъ, и своимъ примѣромъ побудилъ массу образованныхъ людей обоего пола посѣщать эти небывалыя до того времени лекціи. Подъ руководствомъ Руэлля (учителя Лавуазье) онъ три года изучалъ химію; новыя открытія Линнея, Бюффона были ему доступны; физіологія, складывавшаяся подъ вліяніемъ Галлера, еще болѣе привлекла его, и онъ рѣшилъ пересмотрѣть всѣ прежнія свои работы по философіи природы; результатомъ были «Elements de physiologie» и два примѣчательныхъ діалога «Entretien de Diderot et de D'Alambert» и «Сонъ Даламбера». Въ живой разговорной формѣ онъ высказалъ здѣсь, съ геніальною отгадкой, взгляды на происхожденіе организмовъ и естественный подборъ, на значеніе жизненной энергіи, на наслѣдственность и т. д., впослѣдствіи развитые и подкрѣпленные новою опытною наукой, которая въ числѣ предшественниковъ Дарвина и эволюціонистовъ считаетъ (раньше Гете и Ламарка) и Дидро.

Обширная группа двигателей просвѣтительнаго направленія, прошедшая передъ нами, никогда не ограничивала своей дѣятельности узкимъ кругомъ французской жизни; она стремилась внести свою проповѣдь въ дальнія окраины образованнаго міра, научить всѣхъ искреннихъ сторонниковъ свѣта бороться съ невѣжествомъ, жестокостью, фанатизмомъ. Если средствомъ осуществленія благихъ помысловъ она избирала часто помощь правителей и готова была вѣрить въ дѣйствительность обновленія общества и смягченія нравовъ путемъ декретовъ, то, сколько бы ни дѣлали ее виновницей созданія «просвѣщеннаго деспотизма», она въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей не переставала возлагать на общественныя силы болѣе надеждъ, чѣмъ на вмѣшательство власти. Руссо въ этомъ отношеніи неуязвимъ; Дидро, съ любопытствомъ изучая особенности русской жизни, совѣтуетъ Екатеринѣ возбуждать самодѣятельность народа и раздражаетъ свою покровительницу настойчивыми указаніями на коренныя преобразованія въ духѣ широкой свободы, и даже для Вольтера, столь любившаго поддерживать близкія отношенія съ представителями власти, эта близость являлась лишь однимъ изъ

средствъ выполненія его стратегическаго плана; онъ видѣлъ насквозь своихъ сановитыхъ корреспондентовъ и покровителей, какъ тонкій дипломатъ держался на-сторожѣ, и считалъ высшею цѣлью служеніе человѣчеству.

Разнообразныя сношенія крупныхъ и второстепенныхъ французскихъ писателей съ различными правительствами выходятъ изъ рамокъ сжатаго историко-литературнаго обзора. Но нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ франко-русскаго обмѣна идей, и притомъ отразившихся на произведеніяхъ словесности, могутъ быть нелишними. Это, разумѣется, прежде всего связи съ Россіею Вольтера. Онѣ начались еще при Елизаветѣ, когда при содѣйствіи И. Шувалова поэту-историку предложено было составить жизнеописаніе Петра Великаго, для чего обѣщаны были матеріалы. Обѣщаніе это исполнялось своеобразно; всей правды не говорили, сколько нибудь неудобныхъ документовъ не сообщали; Вольтеръ разгадалъ умыселъ, горько жаловался на него, и самъ видѣлъ въ своей «Histoire de Pierre le grand» только блѣдное подобіе дѣяній преобразователя. Зато оживленная переписка Екатерины съ Вольтеромъ, начатая по почину императрицы, превратилась въ занимавшее самого поэта состязаніе двухъ тонко-умныхъ людей, приносившее вмѣстѣ съ тѣмъ имъ обоимъ существенную пользу. Опальный фернэйскій отшельникъ могъ стыдить французскій дворъ, закрывавшій ему доступъ на родину, благоволеніемъ «Сѣверной Семирамиды»; для Екатерины Вольтеръ являлся желаннымъ посредникомъ между нею и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, глашатаемъ ея мыслей и намѣреній. Обѣ стороны, изощряясь въ остроуміи, мѣткихъ отзывахъ и характеристикахъ, видимо сдержаны и наблюдаютъ другъ за другомъ; какъ Екатерина дипломатически обходитъ всю правду о ходѣ турецкой войны или о Пугачевѣ, такъ и Вольтеръ даетъ ей часто прочесть лишь между строками, что ему извѣстно, что екатерининская Россія далеко не «лучшій изъ всѣхъ міровъ». При всей ненадежности подобной обстановки, корреспонденція эта всегда считалась любопытнымъ документомъ, часто издавалась и переводилась *).—Отклоненное и Вольтеромъ и Даламберомъ, предложеніе пріѣхать въ Петербургъ было принято Дидро. Еще въ Парижѣ Дашкова, демонстративно выказывая ему наибольшее уваженіе, склоняла его къ этой поѣздкѣ; его другъ, посолъ Дм. Голицынъ, поддерживалъ предложеніе, а необходимость лично поблагодарить императрицу за помощь въ критическую минуту (покупку библіотеки Дидро, остав-

*) Недавно она перев. снова, въ изд. В. Чуйко («Вольтеръ и Екатерина»). Обзоръ русск. переводовъ Вольтера см. въ брошюрѣ Д. Языкова «Вольтеръ въ русск. литературѣ», 1879.

ленной ему притомъ въ пожизненное пользованіе), окончательно рѣшила дѣло. Появленіе Дидро въ Петербургѣ, непринужденный и искренній тонъ его рѣчи, свобода мысли, полное забвеніе этикета произвели неблагопріятное впечатлѣніе на дворъ; для Екатерины же, охладѣвавшей тогда понемногу къ энциклопедизму, представили интересъ умнаго развлеченія. Озабоченная внутренними тревогами, она съ большимъ скептицизмомъ выслушивала страстные призывы къ реформамъ, считала ихъ грезами непрактическаго человѣка, но несмотря на это, была необыкновенно ласкова, сама завела рѣчь о переизданіи энциклопедіи въ Россіи, и осыпала Дидро милостями. Памятникомъ пріѣзда къ намъ философа явилась группа любопытныхъ произведеній, «планъ университета» или, точнѣе, системы народнаго образованія для Россіи, обдуманный въ мелкихъ частностяхъ и свидѣтельствующій о живомъ интересѣ Дидро къ русской жизни, національному характеру, народной грамотности (которую онъ желалъ бы сдѣлать даровою и обязательною), даже языку, и о широтѣ научныхъ взглядовъ, которую онъ хотѣлъ привить и русскому высшему образованію, — затѣмъ записка о медицинскомъ образованіи женщинъ, остроумный набросокъ «Sur le luxe» съ очеркомъ наиболѣе настоятельныхъ реформъ, разборъ «Наказа», подчеркнувшій невыполненныя обѣщанія преобразовательницы, и проч. Многія изъ этихъ работъ стали извѣстны Екатеринѣ лишь послѣ смерти Дидро, когда драгоцѣнная библіотека его и всѣ его рукописи были перевезены въ Петербургъ. Дальняя поѣздка надорвала силы Дидро, и съ той поры онъ уже не могъ болѣе оправиться.

Пять лѣтъ на рубежѣ седьмого и восьмого десятилѣтія прошлаго вѣка были роковыми для французской литературы: одинъ за другимъ сходили со сцены ея вожди (Вольтеръ, Руссо, Дидро), уступая мѣсто новымъ дѣятелямъ; съ 1778 по 1784 г. идетъ этотъ рядъ кончинъ. Различное впечатлѣніе производятъ послѣдніе дни ихъ жизни. Вольтеръ окруженъ царственнымъ блескомъ; Руссо умираетъ въ одиночествѣ; Дидро тихо засыпаетъ среди шумнаго Парижа, затворившись въ кабинетѣ и до послѣдней минуты бредя новыми работами.

Среди трудовъ по изданію Корнеля съ комментаріями и старчески-ворчливой критикѣ пьесъ Шекспира въ переводѣ Летурнера (обрушившей на автора «Гамлета» рѣзкое порицаніе, совсѣмъ въ разрѣзъ съ юношескими восторгами «Философскихъ Писемъ») Вольтера застала вѣсть о воцареніи Людовика XVI и о признакахъ новаго времени, въ числѣ которыхъ призывъ Тюрго къ дѣламъ былъ однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ. Внезапно собрался Вольтеръ въ путь и, всюду встрѣчаемый оваціями, прибылъ въ Парижъ, даже не спросивъ, позволятъ ли ему это возвращеніе. Тріумфы всякаго рода, свиданія съ

друзьями, рядъ полезныхъ дѣлъ, тотчасъ же имъ затѣянныхъ, заняли все его время. Его пріемная была полна почитателей, съ которыми онъ всегда умѣлъ найти подходящія рѣчи; первыя знаменитости дня преклонялись передъ нимъ; Франклинъ просилъ его благословить его внука, и Вольтеръ, положивъ руки на голову мальчика, произнесъ по-англійски: «God and liberty!» (Богъ и свобода!). Отъ напряженія силъ, которыя онъ поддерживалъ искусственно, онъ внезапно захворалъ, и весь городъ впалъ въ уныніе; въ театрахъ требовали отъ актеровъ вѣстей о его здоровьѣ; въ минуту слабости больного прокравшійся къ нему аббатъ выманилъ у него подпись подъ чѣмъ-то въ родѣ отреченія отъ заблужденія, но свободно задуманное предсмертное заявленіе его было уже готово и состояло всего въ двухъ строкахъ: «Я умираю съ чистою совѣстью, ненавижу своихъ враговъ, люблю друзей и презираю предразсудки». Оправившись отъ болѣзни, Вольтеръ не поберегъ себя. Явившись въ академію, онъ былъ торжественно встрѣченъ, тотчасъ возбудилъ вопросъ объ изданіи историческаго словаря французскаго языка, осуществленнаго лишь въ наши дни Литтре. Въ тотъ же день вечеромъ его ожидала всенародная овація въ Théâtre français. Толпа не слушала новой его пьесы (довольно слабой), но не могла оторваться отъ ея автора. Когда же на сценѣ появился бюстъ Вольтера, увѣнчанный лаврами, одинъ изъ актеровъ прочелъ привѣтственное стихотвореніе, вся публика встала и слилась въ гулѣ восторга. Вольтеръ былъ глубоко потрясенъ. «Вы хотите уморить меня своими оваціями», повторялъ онъ. Это величественное завершеніе треволненной жизни дѣйствительно сократило его существованіе. Болѣзнь возобновилась, и въ безпамятствѣ (которому клерикалы придали характеръ мучительной агоніи) Вольтеръ отошелъ въ вѣчность. Не безъ труда духовенство далекой деревеньки Ромилли въ Шампаніи согласилось дать на время убѣжище праху нераскаяннаго грѣшника, вывезенному изъ Парижа (подобно тѣлу Пушкина) тайно, изъ опасенія оваций. Въ дни революціи останки Вольтера были перенесены въ Пантеонъ. Говорятъ, что вскрывавшій черепъ поэта молодой врачъ, залюбовавшись необыкновенно объемистымъ и превосходнымъ по достоинству мозгомъ, скрывавшимся подъ скудельнымъ костянымъ покровомъ, вздумалъ сдѣлать опытъ съ небольшою его частицей. Въ кругу друзей онъ зажегъ нѣсколько фосфористыхъ его крупинокъ, — и тогда этотъ блестящій умъ, нѣкогда озарявшій всю Европу, изумилъ еще разъ людей фейерверкомъ искръ и яркимъ пламенемъ.

Послѣдніе восемь лѣтъ жизни Руссо были проведены имъ такъ однообразно, что какъ будто сливаются въ одинъ мрачный, томительный годъ. Кромѣ работъ по составленію конституціи для польскихъ

конфедератовъ (Considérations sur le gouvernement de Pologne) онъ исключительно занятъ болѣзненнымъ анализомъ своей души. То онъ, какъ бы раздвоившись, ведетъ бесѣду съ самимъ собой и даетъ отчетъ въ своихъ помышленіяхъ (діалоги подъ заглав. «Руссо передъ судомъ Жанъ-Жака»), то продолжаетъ свою «Исповѣдь», въ покаянномъ настроеніи взводитъ на себя небывалыя прегрѣшенія, бичуетъ малѣйшія слабости, изъ малаго дѣлаетъ великое, порою же совсѣмъ захватываетъ читателя искренностью своей печали и драматизмомъ изложенія. Но окончаніе «Исповѣди» создало для него новыя мученія. Явившись незамѣтно въ Парижъ, онъ тихо работалъ въ сторонѣ отъ свѣта, но когда захотѣлъ познакомить съ своими признаніями возможно большее число лицъ и устроилъ нѣчто въ родѣ публичныхъ чтеній, весь городъ заговорилъ о нихъ, а лица, затронутыя Руссо, прежде другихъ г-жа д'Эпине, обратились съ жалобой къ начальнику полиціи и выхлопотали запрещеніе чтеній. Вмѣшательство власти тягостно подѣйствовало на Руссо; онъ захандрилъ, оставилъ всякую умственную работу и поселился въ помѣстьѣ Эрменонвиллѣ, въ 20 миляхъ отъ Парижа. Но передъ тѣмъ, въ минуту душевной тревоги, боясь, чтобы Діалоги не попали въ руки враговъ и не были уничтожены, онъ рѣшилъ пробраться ночью въ соборъ Богоматери и положить рукопись на алтарь съ тѣмъ, чтобы духовныя лица нашли ее и передали королю, но нервы его въ ночной тиши и въ таинственномъ сумракѣ церкви такъ разстроились, что онъ въ страхѣ выбѣжалъ, не исполнивъ своего намѣренія. Въ Эрменонвиллѣ онъ ожилъ, вспомнилъ свои швейцарскія впечатлѣнія, несмотря на слабость ногъ бродилъ по лѣсамъ, ботанизировалъ; рѣдко посѣщали его почитатели въ родѣ Робеспьера; онъ философски готовился къ смерти и ждалъ ея съ часу на часъ. Она не замедлила (1778), и ея внезапность породила безчисленныя догадки, предполагавшія всевозможные виды смерти, отъ апоплексіи до случайнаго отравленія и, наконецъ, самоубійства. Послѣдняго слова никто еще не отважился произнести, да врядъ ли это нужно: еще вопросъ, сильнѣе ли трагическое впечатлѣніе быстрой отравы или медленно разъѣдающей меланхоліи и угрюмаго одиночества, унесшаго въ могилу сильнаго мыслителя.

Ни Вольтеръ, ни Руссо не дожили до осуществленія переворота, въ значительной степени ими подготовленнаго. Дидро, умершій всего за пять лѣтъ до революціи, предчувствовалъ ее, и въ письмѣ къ Дашковой, по поводу столкновенія правительства съ парламентомъ Прованса, высказалъ убѣжденіе, что если дѣло будетъ такъ продолжаться, революція неизбѣжна. Новое время требовало и новыхъ дѣятелей, и, быть можетъ не всегда сошлись бы они во взглядахъ съ вождями сходившаго со сцены энциклопедизма. Но у послѣднихъ еще остались

вѣрные единомышленники и въ литературѣ, и въ практической дѣятельности. Грезы Руссо о возвращеніи къ природѣ нашли увлеченнаго послѣдователя въ Бернарденѣ де-Сенъ-Пьерѣ (1738—1814), который съ молоду бредилъ основаніемъ свободной общины гдѣ нибудь на дѣвственной почвѣ (напр., въ Новороссіи), а затѣмъ, переселившись въ далекій тропическій міръ, озарилъ его яркими красками идиллію чистой любви (въ романѣ «Павелъ и Виргинія»). Съ другой стороны, Тюрго и Кондорсе явились продолжателями общественной дѣятельности и Вольтера.

Призваніе Людовикомъ XVI Тюрго въ качествѣ интенданта финансовъ было сочтено наступленіемъ золотого вѣка, и Вольтеръ горячо его привѣтствовалъ; сотоварищъ Тюрго, Мальзербъ, настаивалъ на уничтоженіи lettres de cachet; закрыта была Венсенская тюрьма, обычное мѣстопребываніе писателей; примѣнялась строгая экономія, дано обѣщаніе не вводить новыхъ налоговъ, парламентамъ возвращены ихъ права. Разрушавшаяся государственная машина начинала опять слаживаться. Появлялись брошюры, написанныя въ поддержку Тюрго (скрытымъ авторомъ одной изъ нихъ «Bénissons le ministre» былъ Кондорсе). Но, вѣря въ возможность проведенія существенныхъ реформъ съ помощью королевской власти, Тюрго былъ ею-то именно покинутъ въ самую важную минуту. Мелкое столкновеніе съ Маріей Антуанеттой изъ-за щедро раздававшихся ею пенсій повело къ немилости,— и тотчасъ враги реформатора повели противъ него войну доносами и пасквилями, изъ которыхъ всего рѣзче были «Chansons turgotines». Король рѣшился пожертвовать своимъ министромъ, а вмѣстѣ съ Тюрго отошелъ отъ дѣлъ и Кондорсе, много помогавшій другу въ выработкѣ проэктовъ. На смѣну министра-физіократа призванъ былъ опытный финансистъ-банкиръ Неккеръ, опять весьма близкій къ литературному міру, авторъ нѣсколькихъ экономическихъ трактатовъ, благодаря умной женѣ (матери г-жи Сталь) сошедшійся со многими изъ философовъ и ученыхъ, посѣщавшихъ ея салонъ. Но ни гуманная благонамѣренность Тюрго, ни дѣловитая честность Неккера не въ состояніи были отвратить вѣрную гибель; близорукость и недовѣріе правящихъ сферъ отстраняли отъ дѣлъ одного за другимъ послѣднихъ представителей поколѣнія просвѣтителей-практиковъ; приложеніе науки къ жизни затруднялось, и вліяніе тѣхъ, кого общественное мнѣніе считало вождями, обрывалось оскорбительными неудачами. Броженіе умовъ возрастало, и учащавшіеся взрывы недовольства показывали, что катастрофа близка.

Такова была среда, въ которой всего замѣтнѣе стала въ эту пору страстная, даровитѣйшая и разносторонняя натура Бомарше, истиннаго плебея, съумѣвшаго понять положеніе дѣлъ, силою своего

ума подчинившаго себѣ представителей власти и очаровавшаго надолго массу. Сынъ часовщика (род. 1732), онъ съ раннихъ лѣтъ стремится завоевать себѣ почетное положеніе въ жизни, выйти изъ узкой ремесленной обстановки; воспитаніе, шедшее урывками, пріобщило его, однако, къ освобождающимъ идеямъ энциклопедизма и, борясь за существованіе, онъ придавалъ состязанію ума и таланта съ сословною спѣсью и ограниченностью соціальный смыслъ. Бойкій въ рѣчи, свободно слагающій стихи и никогда не унывающій, онъ идетъ къ цѣли, пріучается видѣть въ людяхъ лишь послушныя свои орудія и искусно приводитъ ихъ въ движеніе. Первая женитьба даетъ ему уже нѣкоторыя средства, и въ мелочной вспышкѣ величія онъ украшаетъ тогда же свое мѣщанское фамильное имя Карона благозвучною приставкою De Beaumarchais. Смерть жены внезапно отбросила его назадъ, къ исходной точкѣ. Онъ повелъ аттаку съ другой стороны, и вскорѣ сталъ собесѣдникомъ старыхъ дѣвъ, дочерей Людовика XV, влачившихъ скучную, одинокую жизнь; онъ веселилъ ихъ шутками, разсказами, игрою на арфѣ, онѣ по-очередно влюблялись въ него и готовы были составить его карьеру. Въ эту пору встрѣтился онъ съ однимъ изъ крупнѣйшихъ спекуляторовъ-подрядчиковъ, нажившихъ милліоны въ предшествовавшее царствованіе, Дювернэ, напоминавшимъ лесажевскаго Тюркаре, понравился ему своимъ дѣловымъ чутьемъ, былъ допущенъ къ участію въ его дѣлахъ,—когда же при помощи принцессъ съумѣлъ добиться посѣщенія королемъ военной школы, основанной меценатомъ, сдѣлался его правою рукою. Покровитель помогъ ему купить титулъ королевскаго секретаря, дворянство, и наконецъ даже вице-президентство въ старомодномъ трибуналѣ, вѣдавшемъ проступки по охотѣ и рыбной ловлѣ; здѣсь недавній плебей преважно судилъ иногда своевольныхъ аристократовъ. Но рядомъ съ этими успѣхами въ свѣтѣ онъ добивался удачи и на широкой аренѣ международной политики и торговыхъ предпріятій. Такъ надежда взять вмѣстѣ съ Дювернэ подряды на армію, монополію въ колоніальной торговлѣ и заручиться вліяніемъ на слабое и продажное министерство, привлекла его въ Испанію. Если далеко не всѣ его разсчеты оправдались, то эта поѣздка тѣмъ не менѣе оставила важный слѣдъ въ его жизни и творчествѣ. Испанскій бытъ, обычаи, пѣсни, музыка неотразимо привлекали его, и въ этой сильной симпатіи лежитъ объясненіе испанской обстановки въ трехъ главныхъ его произведеніяхъ и вѣрно схваченнаго національнаго колорита въ характерахъ Фигаро, Альмавивы и др. Съ другой стороны, столкновеніе съ писателемъ Клавихо, который, обѣщавъ жениться на сестрѣ Бомарше, обезславилъ ее двукратнымъ отказомъ отъ ея руки, отразилось со временемъ въ нѣсколькихъ превосходныхъ стра-

ницахъ Мемуаровъ нашего автора, которыя въ свою очередь послужили источникомъ для драмы Гете «Clavigo».

Поддаваясь живымъ впечатлѣніямъ испанскаго быта, Бомарше рано задумалъ своего «Севильскаго Цирюльника», но первоначально лишь въ видѣ комической оперы, гдѣ ему принадлежали бы и текстъ, и музыка, собранная изъ народныхъ напѣвовъ. Но этому плану суждено было не скоро осуществиться.

Не въ качествѣ комика выступилъ Бомарше на театральной сценѣ, давно его манившей къ себѣ. Съ неистощимою веселостью въ его характерѣ смѣшивалась чувствительность, въ то время какъ бы разлитая въ воздухѣ, свойственная многимъ изъ выдающихся умовъ, Дидро, Руссо, Рейналю. Драматическими первенцами Бомарше были трогательныя пьесы «Евгенія» и «Два друга». Совершенно свободный отъ ложноклассическаго гнета, онъ увѣровалъ въ правоту реформы, проповѣдуемой Дидро въ области драмы, сознавалъ справедливость уравненія всѣхъ сторонъ жизни въ драматическомъ изображеніи, гордился тѣмъ, что въ своихъ пьесахъ будетъ изображать повседневную жизнь среднихъ и низшихъ сословій. Союзникъ и продолжатель творцовъ мѣщанской или слезной драмы, столь серьезно отнесся къ своей задачѣ, что предпослалъ «Евгеніи» умно написанное введеніе «Essai sur le drame sérieux»; въ ту пору, когда еще могла держаться репутація такого старомоднаго теоретика литературы, какъ аббатъ Батте (авторъ «Principes de littérature»), чрезвычайно освѣжало вкусъ провозглашеніе борьбы съ мертвящими правилами. Драмы Бомарше значительно слабѣе его комедій; приложеніе къ дѣлу осталось ниже самой теоріи, но общественное содержаніе ихъ, и въ особенности «Евгеніи», построенной въ ричардсоновскомъ духѣ на столкновеніи невинности и барскаго самоуправства, создало имъ успѣхъ и за предѣлами Франціи. Но, Бомарше, понявъ, что драма не его удѣлъ, возвратился къ покинутому сюжету «Цирюльника» и окончательно обработалъ его въ формѣ оперы, введя въ либретто черты изъ одной итальянской интермедіи, изъ «Жиль-Блаза», комедій Седэна и Мольера, и вовсе не касаясь пока политическихъ и общественныхъ вопросовъ минуты. Но первый теноръ, на бѣду самъ когда-то бывшій настоящимъ брадобреемъ, захотѣлъ избѣгнуть намековъ на свою прежнюю профессію и своимъ отказомъ разстроилъ представленіе. Опера безвременно погибла, чтобъ возродиться въ видѣ безсмертной комедіи.

Тѣмъ временемъ сложныя и мучительныя житейскія дрязги обрушились на баловня судьбы, достигшаго зажиточности и положенія въ свѣтѣ. Дювернэ умеръ, завѣщавъ ему незначительную сумму и оставивъ пай въ своихъ предпріятіяхъ, но племянникъ умершаго.

графъ Лаблашъ, ненавидѣвшій Бомарше за вліяніе на старика, не только отказался отъ уплаты, но отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ и обвиненіемъ въ подлогѣ документа. Едва началось дѣло, и Бомарше употреблялъ всѣ усилія, чтобы снять съ себя позорное подозрѣніе, новая бѣда стряслась надъ нимъ; счастливый соперникъ одного герцога въ любви къ актрисѣ, онъ поплатился бѣшенымъ нападеніемъ врага среди бѣлаго дня, и, подобно юному Вольтеру, былъ заключенъ въ тюрьму по королевскому предписанію. Лаблашъ воспользовался этимъ, чтобы направить процессъ въ свою пользу, и замѣтивъ это, Бомарше вымолилъ себѣ право хоть на время отлучаться изъ тюрьмы для посѣщенія судей и для хлопотъ по дѣлу. Оно поступило для доклада къ совѣтнику Гэтцманну, имѣвшему репутацію опытнаго законовѣда среди членовъ парламента, подобраннаго изъ креатуръ министра Мопу. Самъ Гэтцманнъ не бралъ взятокъ, но жена его принимала съ задняго крыльца просителей. Бомарше черезъ другое лицо заплатилъ 100 луидоровъ, добился свиданія и ничего не значившаго обнадеживанія, затѣмъ долженъ былъ доставить дорогіе часы и 15 червонцевъ, которые ему обѣщали вернуть, если второе свиданіе не состоится. Но жертвы были напрасны; судъ, не признавъ подлога, приговорилъ Бомарше къ уплатѣ 56,000 франковъ, значительныхъ издержекъ по дѣлу и по содержанію его въ тюрьмѣ. Такой суммы не нашлось; описали имущество и опозорили доброе имя неповиннаго человѣка. Въ эту критическую минуту пробудился геній Бомарше; онъ одинъ пошелъ противъ стараго порядка, такъ нагло надъ нимъ восторжествовавшаго, и за отсутствіемъ журналистики и судебной гласности, рѣшилъ опереться прямо на общественное мнѣніе и сдѣлать его своимъ заступникомъ. Первый же мемуаръ, выпущенный имъ, съ безподобнымъ юморомъ и смѣлостью сорвалъ маски съ судей, истца и свидѣтелей; каждая ошибка или плутня Гэтцманна, его жены, стакнувшихся съ ними клевретовъ, цензора Марэна, плохого поэта Бакюлара, Дэролля и др. выводилась на показъ, часто переложенная въ комическій діалогъ. Гэтцманнъ поднялъ весь судъ противъ обидчика и началось слѣдствіе по дѣлу о взяткахъ. Но мемуары безостановочно слѣдовали одинъ за другимъ (всѣхъ ихъ пять), появляясь неизвѣстно откуда; ими наводнялись всѣ общественныя собранія и маскарады. Дворъ, свѣтское общество, уличная толпа невольно сливались въ гомерическомъ хохотѣ, не замѣчая, какъ этимъ самымъ они признавали фактъ гніенія существующаго порядка. Парламентъ лишился всякаго авторитета, репутація Гэтцманна была уничтожена въ конецъ, сатирическая литература обогатилась художественнымъ памятникомъ; французская проза обнаружила громадный шагъ впередъ. Частный вопросъ, возникшій изъ-за взяточничества

судьи и изъ-за нагло невозвращенныхъ 15 червонцевъ, пріобрѣлъ широкое и общее значеніе; за Марэномъ виднѣлась вся клика ложныхъ патріотовъ, обзывающихъ измѣнниками отечеству всякаго, кто имъ лично непріятенъ, за Гэтцманномъ—весь порочный судейскій міръ, за Лаблашемъ—всевластіе знати. Когда противники захотѣли воспользоваться для своихъ цѣлей искаженною исторіею борьбы съ Клавихо и очернить Бомарше, онъ сдѣлалъ для нея отступленіе отъ настоящей темы и ввелъ въ мемуары мастерски разсказанный, драматическій эпизодъ. Неудивительно, что подобное произведеніе, казалось, предназначенное лишь для самозащиты, создало для Бомарше блестящее положеніе глашатая народнаго недовольства, и что съ другой стороны правившіе классы искали отместки. Передѣланнаго въ комедію «Севильскаго Цирюльника» запретили изъ боязни оваці́й; когда же состоялся приговоръ суда, Бомарше наравнѣ съ г-жей Гэтцманнъ былъ присужденъ къ публичному порицанію (blâme), которое онъ долженъ былъ выслушать на колѣняхъ. Но толпа такъ волновалась, что судъ не посмѣлъ выполнить приговора, и Бомарше удалось скрыться.

Когда онъ снова появился на горизонтѣ, его нельзя было сразу узнать. Но подъ личиной французскаго дворянина де-Ронака, показывавшагося въ Лондонѣ всюду, гдѣ собиралась французская колонія, скрывался авторъ Мемуаровъ, который, чтобы снять съ себя позоръ, согласился исполнить тайное порученіе Людовика XV, озабоченнаго появленіемъ пасквиля на г-жу дю-Барри и желавшаго изъять его изъ обращенія. Бомарше искусно выслѣдилъ памфлетиста, купилъ его молчаніе, и уже возвращался съ этою вѣстью въ Парижъ, какъ на пути узналъ о смерти короля. Его старанія оказались напрасными, и заботы о репутаціи Дю-Барри теперь могли въ неблагопріятномъ свѣтѣ выставить его въ глазахъ цѣломудреннаго двора. Но обстоятельства снова выручили никогда не унывавшаго Бомарше. При его связяхъ въ Лондонѣ легко было узнать, что тамъ готовится новый пасквиль, на этотъ разъ противъ Маріи-Антуанеты. Снова получаетъ онъ тайное порученіе и отправляется на поиски. До сихъ поръ не разъяснено, насколько истины было въ фантастическихъ приключеніяхъ, которыя, по его словамъ, затѣмъ послѣдовали. Тутъ и переговоры съ бандитомъ-памфлетистомъ, побѣгъ его въ Германію, погоня за нимъ Бомарше, нападеніе разбойниковъ около Нюрнберга, появленіе раненаго королевскаго агента въ Вѣнѣ, у Маріи-Терезіи, старанія его извлечь для себя пользу изъ доказаннаго имъ усердія къ репутаціи ея дочери, внезапное подозрѣніе императрицы, арестъ и допросъ Ронака,—и затѣмъ освобожденіе, когда обнаружилась его оффиціозная миссія. Усталый, проученный неудачами, возвратился Бомарше

въ Парижъ, покинулъ суетныя мечты о дипломатическихъ успѣхахъ, серьезнѣе чѣмъ когда либо опредѣлилъ себѣ цѣль жизни, возвратился къ литературѣ и съ удвоеннымъ жаромъ принялся за обработку своего «Цирюльника». На этотъ разъ все испытанное имъ въ тяжкіе годы процесса нашло мѣсто въ комедіи; знатная спѣсь, безнаказанность и ограниченность клеймятся всего болѣе. «Знатный человѣкъ уже тѣмъ дѣлаетъ намъ добро, если не затѣваетъ противъ насъ зла»; «если необходимо, чтобы бѣднякъ былъ добродѣтеленъ, много ли найдется вельможъ, достойныхъ быть лакеями?» «Нужно имѣть высокое положеніе, санъ, вліяніе, чтобы подѣйствовать на свѣтъ клеветой»,—эти и десятки другихъ заявленій разсѣяны въ комедіи. Въ біографію Фигаро введено не менѣе намековъ на личную жизнь автора, на его тяжбу, преданіе позору, арестъ въ Вѣнѣ; въ уста Бартоло вложенъ ропотъ старовѣровъ противъ энциклопедизма и нововведеній. Такое обиліе соотношеній съ современностью вызвало нѣсколько цензурныхъ пересмотровъ пьесы; въ 1775 г. она наконецъ была дана, Фигаро впервые вступилъ на міровую сцену, окруженный не менѣе живыми характерами клеветника Базиліо, Альмавивы и др., и, послѣ сокращеній, вызванныхъ первымъ представленіемъ, «Севильскій Цирюльникъ» занялъ первое мѣсто во французской комедіи того времени.

Но вѣчно воспламенявшійся новыми планами, Бомарше уже устремился на еще болѣе широкую арену. Если смолоду онъ пытался пріобрѣсти вліяніе на политику, то отнынѣ, отдаваясь гуманному направленію вѣка, онъ и на этомъ поприщѣ захотѣлъ примѣнить свою энергію къ доброй цѣли. Мѣтко разгадалъ онъ значеніе начавшагося раздора американскихъ колоній съ Англіею, настойчиво побуждалъ свое правительство взять сторону инсургентовъ, добился тайной субсидіи и, прикрывшись фирмой никогда не существовавшаго испанскаго торговаго дома, снаряжалъ цѣлыя флотиліи (выдерживавшія даже морскія сраженія съ англичанами), нагружалъ ихъ всѣмъ необходимымъ для американцевъ, сталъ поставщикомъ ихъ арміи, — а вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ свои торговые обороты. Но значеніе борьбы, основная ея идея были для него выше всего; и онъ искренно увлекался возможностью помочь освобожденію. Въ его исторіи ему несомнѣнно должно принадлежать одно изъ почетныхъ мѣстъ. Еще не закончилась тревожная пора вмѣшательства его въ американскія дѣла, подъ конецъ разстроившая его состояніе и снова показавшая ему двуличность правительства, какъ у него явился другой отважный, на этотъ разъ литературный планъ—изданіе полнаго собранія сочиненій Вольтера. Опять скрывшись за миѳическою компаніею, онъ съумѣлъ у самой границы Франціи, въ баденскомъ городкѣ Кэлѣ

устроить въ широкихъ размѣрахъ типографское дѣло, бумажныя фабрики и т. д., отовсюду добывалъ вольтеровскія рукописи и корреспонденцію, боролся съ цензурными препятствіями, полицейскими запретами, недовольствомъ коронованныхъ лицъ, наприм., Екатерины, и наконецъ вынесъ почти исключительно на своихъ плечахъ (Кондорсе написалъ для него біографію поэта) примѣчательное для своего времени изданіе Вольтера, котораго благоговѣйно считалъ своимъ учителемъ.

Напряженіе военной, торговой и типографской дѣятельности требовало отдыха, и Бомарше снова нашелъ его въ творчествѣ. Еще въ предисловіи къ «Цирюльнику» онъ допустилъ возможность дальнѣйшаго развитія сюжета: Альмавиву можно показать женатымъ, скучающимъ, превратившимся въ самоуправнаго помѣщика, Фигаро его наперсникомъ, разгадавшимъ порочность своего господина, и ихъ обоихъ въ борьбѣ изъ-за женщины; прибавивъ къ этому забавное раскрытіе тайны происхожденія Фигаро и давъ ему въ родители тѣхъ, отъ которыхъ онъ немало страдалъ, Бартоло и Марселину, Бомарше получилъ такимъ образомъ сюжетъ второй части своей трилогіи о Фигаро *): «Le mariage de Figaro ou la folle journée». Но за каждымъ свободнымъ словомъ его слѣдили, и едва показалась на горизонтѣ новая комедія, какъ противъ нея уже повели козни; борьба возобновилась, честная и стойкая со стороны сатирика и, точно такъ же какъ въ отношеніи «Цирюльника», побудившая его ввести въ текстъ смѣлые намеки на злобу дня и протестъ противъ гнета. Въ теченіе четырехъ лѣтъ шесть цензоровъ пересмотрѣли пьесу. подвергая ее урѣзкамъ и измѣненіямъ; нѣсколько разъ давалось и отнималось позволеніе съиграть ее. Людовикъ XVI лично былъ противъ нея и объявилъ, что въ его царствованіе эта ужасная пьеса не будетъ дана, что для ея оправданія слѣдовало бы тотчасъ уничтожить Бастилію. Но ничто не могло сломить энергіи Бомарше; какъ въ дни мемуаровъ, онъ одинъ боролся противъ всего строя вещей, становился подъ знамя Мольера съ его «Тартюфомъ», увлекался возможностью постоять за свободу обличенія, за возрожденіе настоящей комедіи, всѣми силами возбуждалъ любопытство и нетерпѣніе публики, читалъ пьесу въ различныхъ кружкахъ, поставилъ ее на любительской сценѣ, и наконецъ взялъ съ бою ея разрѣшеніе. 27 апр. 1784 г. было днемъ полнѣйшаго торжества Бомарше; сутки передъ тѣмъ огромная толпа провела на площади у театра, при входѣ сломала барьеры, смяла стражу и въ опьяняющемъ возбужденіи рукоплескала каждой отважной выходкѣ автора; меньше чѣмъ въ годъ понадобилось 68 представленій,

*) Она печатается въ настоящее время въ журналѣ Пантеонъ литературъ въ новомъ переводѣ А. Н. Чудинова.

чтобы показать комедію всѣмъ, рвавшимся увидать недавній запретный плодъ. Ропотъ консервативныхъ слоевъ доказывалъ лишь ихъ безсиліе; когда же король по доносу объ оскорбленіи величества посадилъ-было Бомарше въ тюрьму, не разслѣдовавъ дѣла и написавъ приказъ объ арестѣ на пиковой семеркѣ, сидя за картами, популярность сатирика еще болѣе возрасла, и его поспѣшили выпустить.

«Свадьба Фигаро» обнаружила полное развитіе таланта Бомарше. Мастерство характеристики проявилось, съ одной стороны, въ тонко очерченныхъ женскихъ личностяхъ: графинѣ, Сусаннѣ, и въ миловидномъ образѣ Керубина съ его первыми томленіями любви; съ другой—въ глубже понятой и очерченной личности Фигаро, въ которой авторъ такъ съумѣлъ выдвинуть энергію и воодушевленіе заступника за даровитыхъ плебеевъ, что сдѣлалъ именно этого, скромно поставленнаго, подначальнаго человѣка выразителемъ общественнаго недовольства,—наконецъ въ отрицательныхъ характерахъ Альмавивы съ его крѣпостническими замашками, судьи Бридуазона, который надѣленъ нѣкоторыми чертами Гэтцманна и т. д. Планъ пьесы, построенный на тройной интригѣ, выполненъ также съ замѣчательнымъ искусствомъ; отбросивъ «правила» и въ своемъ остроумнѣйшемъ предисловіи къ комедіи устанавливая для себя новую поэтику, Бомарше нашелъ въ этой свободѣ тайну правдиваго изображенія жизни. Никогда не былъ онъ такъ остроуменъ, и мѣткія слова его врѣзывались въ народную память. Но всѣ эти достоинства, конечно, покрывались соціальнымъ значеніемъ комедіи, казавшимся въ ту пору первенствующимъ. Всего рѣзче удары, наносимые знати,—тѣмъ людямъ, которые достигаютъ всѣхъ благъ, «только потрудившись родиться»,—двору, гдѣ «тайна успѣха заключается въ трехъ словахъ: давать, брать и требовать»,—бюрократіи съ ея бездарностью, раболѣпіемъ,—законодательству, «снисходительному къ богатымъ, суровому для бѣдныхъ». Умышленно скрадывая иногда слишкомъ прямыя указанія, авторъ дѣлаетъ, однако, Фигаро гонимымъ писателемъ, показываетъ, какъ «тѣ, кто не въ силахъ подчинить себѣ умнаго человѣка, мстятъ ему преслѣдованіями», и остроумно осмѣиваетъ будто бы либеральную цензурную систему во Франціи. Въ эти минуты самъ авторъ выступаетъ передъ зрителемъ, увлеченнымъ его страстною рѣчью, и, когда Фигаро, въ противоположность кичливымъ и бездарнымъ вельможамъ, ставитъ себя въ образецъ, напоминая, что «ему, затерянному въ толпѣ, нужно было выказать несравненно болѣе искусства и сообразительности, чтобы только продержаться, чѣмъ затрачивалось этихъ свойствъ въ сто лѣтъ, чтобы управлять Испаніей»,—въ этомъ вызовѣ старому порядку звучитъ предвѣстіе его близкаго крушенія. Недаромъ пер-

вое представленіе «Свадьбы Фигаро» считается однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ назрѣвшей революціи.

Но Бомарше еще вѣрилъ, что коренными реформами можно возродить разъѣдаемый вѣковыми язвами государственный организмъ; своимъ протестомъ онъ прежде всего имѣлъ въ виду добиться обновленія французской жизни путемъ введенія демократическихъ учрежденій или по крайней мѣрѣ англійскаго парламентаризма. При всей своей проницательности онъ не замѣтилъ въ окружавшемъ его обществѣ признаковъ глубокаго переворота, которому какъ бы безсознательно содѣйствовалъ. Литературный заработокъ и выгодныя финансовыя операціи, страсть къ которымъ у него осталась съ молоду, доставили ему такую зажиточность, что онъ могъ рядомъ съ Бастиліею воздвигнуть домъ, своею роскошью, садомъ, статуями энциклопедистовъ приводившій въ изумленіе парижанъ. Послѣ временного и призрачнаго успокоенія, вызваннаго запоздалымъ поворотомъ политики на путь уступокъ, взятіе Бастиліи изумило и потрясло его наравнѣ со всѣми представителями его поколѣнія, увидавшими силу и вліяніе уже въ рукахъ новыхъ людей, выдвинутыхъ общественною массою. А между тѣмъ, это были по большей части ихъ прямые ученики. Маратъ публично объяснялъ «Contrat social; новые педагоги называли его основою юридическаго образованія. Сокрушеніе оплота произвола отозвалось радостнымъ возбужденіемъ надеждъ во всей Европѣ. Если въ Германіи, Англіи, Италіи оно отразилось на множествѣ привѣтственныхъ лиро-эпическихъ произведеній, то во Франціи лиризмъ являлся еще понятнѣе. Смѣло послышались голоса людей, гонимыхъ при старомъ порядкѣ; свобода слова вызвала къ жизни находившіяся въ долгомъ небреженіи отрасли умственной дѣятельности. Тамъ, гдѣ почти не было журналистики, развилась (по почину Мирабо съ его «Генеральными Штатами» и Камилла Демулена, основавшаго въ 1789 г. Еженедѣльникъ «Révolutions de France et de Brabant») оживленная и нерѣдко талантливо веденная періодическая печать, насчитывавшая къ концу революціоннаго періода до тысячи изданій. Процвѣло политическое краснорѣчіе, выставившее въ лицѣ Мирабо, Барнава и др. замѣчательныхъ ораторовъ. Салоны приняли новый характеръ; у г-жи Неккеръ еще поддерживается степенный, серьезный тонъ прежнихъ философскихъ сборищъ при всемъ сочувствіи новому порядку вещей, но рядомъ, въ гостиной графини Альбани, гдѣ центральною личностью является будущій итальянскій трагикъ Альфьери, все охвачено революціоннымъ броженіемъ. Политическая и общественная дѣятельность, смѣнившая прежнюю кабинетную работу и кружковыя бесѣды, наносила незалѣчимый ущербъ салонамъ, замѣняла ихъ клубами, отстраняла женщинъ отъ роли изящныхъ вдохновительницъ вкуса и мнѣній,

и указывала имъ другое назначеніе. Г-жѣ Роланъ удалось ненадолго сгруппировать вокругъ себя избранныя литературныя и политическія силы, но это былъ первый и послѣдній «революціонный салонъ». Среднее сословіе, надъ возрожденіемъ котораго трудилась вся воинствующая словесность предшествующаго періода, стояло впереди всѣхъ. Брошюра аббата Сійэса самымъ заглавіемъ своимъ напоминала уже о томъ, что оно «еще вчера было ничѣмъ, теперь же должно стать всѣмъ», а любопытная гравюра того времени изображала похоронную процессію, въ которой Tiers-état несетъ въ могилу всѣ злоупотребленія (les Abus) стараго порядка. Кромѣ политической трибуны, находившейся въ ея распоряженіи, партія дѣйствія овладѣла и другой, не менѣе вліятельной народной каѳедрой, театромъ, и со сцены раздалась проповѣдь новыхъ общественныхъ идеаловъ; выдвинулся рядъ драматурговъ съ тенденціею, занявшихся, кромѣ собственной производительности, и передѣлкою стараго репертуара въ новомъ вкусѣ. Наконецъ, даже на серьезную, спеціальную науку повліяло возбуждающее вѣяніе эпохи, и безстрастный археологъ Вольнэ возвратился изъ странствія по востоку съ примѣчательной книгой о «Развалинахъ» исчезнувшихъ цивилизацій, пытаясь научно объяснить неизбѣжность крушенія ихъ вслѣдствіе глубоко въѣвшихся въ нихъ золъ, невѣжества массы и алчности правящихъ классовъ. Трезвому философу исторіи открылъ это «духъ прошлаго», выступившій однажды передъ нимъ изъ развалинъ и повергшій его въ тревожное состояніе. Вольнэ твердо вѣритъ въ свѣтлую будущность человѣчества и потому ревностно будетъ поддерживать революцію.

Среди этой оживленной дѣятельности, направленной къ служенію одной цѣли и стянувшей къ себѣ всѣ дарованія страны (характеристику перерождавшагося общества представилъ тогда же Мерсье въ своемъ «Tableau de Paris»), нечего искать особаго прогресса литературы въ тѣсномъ смыслѣ слова; не до того было въ ту пору. Лирическая поэзія, отражая всеобщее возбужденіе, не поднялась, однако, надъ уровнемъ общихъ мѣстъ, а вдохновеніе Андре Шенье, пролагавшаго ей новые пути, осталось почти вовсе неизвѣстнымъ его современникамъ, которые видѣли въ молодомъ поэтѣ лишь независимаго публициста (автора «Указаній французскому народу на его настоящихъ враговъ», т.-е. монтаньяровъ). Романъ и повѣсть, требовавшіе объективнаго отношенія къ жизни, казались немыслимыми (молодой Бонапартъ обратился поэтому въ своемъ «Графѣ Эссексѣ» къ историческому роману), и только своеобразная натура наборщика-философа Ретифъ де-ла-Бретонна въ состояніи была отдаться ихъ разработкѣ. Сказавъ себѣ, что основою ихъ можетъ быть лишь непосред-

ственное изученіе жизни, онъ каждую ночь выходилъ съ фонаремъ на улицу, проникалъ во всѣ закоулки и притоны, стремясь узнать всѣ тайны и страданія народныя, выводилъ въ своихъ произведеніяхъ никѣмъ не затронутыя стороны жизни и являлся ходатаемъ за униженныхъ и оскорбленныхъ. Но образованіе его скудно, здравыя мысли и блестки таланта смѣшаны съ странными вымыслами, выдаваемыми за науку или философію,—такъ какъ авторъ оригинальной книги «La philosophie de Mr. Nicolas» хотѣлъ быть и мыслителемъ; порою онъ обнаруживаетъ рѣдкое знаніе человѣческаго сердца, напр., въ Les contemporaines, характеризуя современные ему женскіе типы, съ мастерствомъ, которому позавидовалъ бы Бальзакъ,—то является сатирикомъ, какъ въ романѣ «Le paysan perverti», изображая злоключенія крестьянина въ развратной столицѣ. Но вездѣ онъ прежде всего рѣдкій и мало обдѣланный самородокъ; въ наше время его снова научились цѣнить, отыскивая у него то предвѣстіе реалистическаго романа, то первый очеркъ нѣкоторыхъ изъ соціальныхъ ученій сороковыхъ годовъ XIX вѣка. Одинокимъ мечтателемъ, совсѣмъ нищимъ окончилъ свою жизнь Ретифъ, доживъ до гибели республики, отъ которой ждалъ перерожденія всего человѣчества. Страницы его «Философіи», написанныя во время террора и являющіяся автобіографическою лѣтописью, производятъ удручающее впечатлѣніе. Но ущербъ, нанесенный новымъ временемъ лирикѣ и роману, съ виду щедро вознаграждался процвѣтаніемъ драматической литературы. Не говоря уже о томъ, что комедія бичевала теперь роялистовъ, и Фабръ д'Эглантинъ, сдѣлавъ героемъ своей пьесы мольеровскаго Филэнта, придалъ ему черты порочнаго аристократа (feuillant),—трагедія и драма старались воспитывать массу въ духѣ патріотическихъ добродѣтелей. Бомарше отыскалъ въ своихъ бумагахъ старый набросокъ пьесы, гдѣ центральною личностью являлся Тараръ, «плебей Фигаро, ставшій полководцемъ и правителемъ», призвалъ къ себѣ на помощь композитора Сальери, и въ своей полу-драмѣ, полу-оперѣ, послѣдовательно отражавшей на трехъ своихъ редакціяхъ политическія событія (конституціонныя заявленія замѣнились въ ней республиканскими), представилъ зрителю довольно напыщенную фантасмагорію съ отголосками модныхъ идей. Такія пьесы нравились не менѣе историческихъ трагедій, которыми въ особенности выдвинулся Мари-Жозефъ Шенье, братъ лирика (и самъ лирическій поэтъ, авторъ «Chant du départ»), нанесшій, по мнѣнію Дантона, своею пьесой о безумномъ Карлѣ IX такой же смертельный ударъ королевской власти, какой «Свадьба Фигаро» нанесла старому дворянству; въ «Каіѣ Гракхѣ» тотъ же авторъ возвеличилъ героизмъ и самоотверженіе народныхъ дѣятелей, тогда какъ въ «Тимолеонѣ» возсталъ противъ виновниковъ террора и

напоминалъ о необходимости вступить на путь мирнаго развитія. Мелкіе драматурги наперерывъ изображали взятіе Бастиліи, или въ «Страшномъ судѣ королей» произносили приговоръ надъ европейскими властителями. Пьесы стараго репертуара передѣлывались; въ развязкѣ «Тартюффа» вмѣсто короля избавителями являлись законъ и справедливость, нѣкоторыя трагедіи Вольтера были запрещены. «Мизантропъ» же, наоборотъ, былъ въ большомъ почетѣ. Классическія воспоминанія, проникшія въ то же время и въ искусство (благодаря скульптору Давиду), не только терпѣлись, но и поощрялись, если выводили передъ зрителемъ героическіе характеры и примѣры самоотверженія.

Но какимъ бы оживленіемъ ни отличалась современная драма, центръ тяжести былъ все же не въ ней. Несравненно болѣе талантливости въ политической прессѣ и въ краснорѣчіи. Оживленная борьба мнѣній, столкновеніе партій, типическія личности, выдвинувшіяся изъ массы и вносившія въ журналистику оригинальность слога, убѣдительность, остроуміе, придавали печати большое разнообразіе. Демуленъ (особенно во второмъ своемъ журналѣ Vieux Cordelier) обнаружилъ дарованіе искуснаго публициста; въ рядахъ жирондистовъ было немало талантливыхъ журнальныхъ дѣятелей; въ статьяхъ Лустало или А. Шенье съ политическимъ воодушевленіемъ соединялись и положительныя литературныя достоинства. Федералистская группа нашла въ Patriote français Бриссо искуснаго выразителя своихъ взглядовъ, тогда какъ роялисты не оставались въ долгу у противниковъ и ожесточенными нападками своихъ газетъ (особенно той, которая носила странный для такого изданія титулъ Actes des apôtres и руководима была остроумцемъ Риваролемъ) прибавили не мало раздраженія въ страстную полемику; но этотъ свободный обмѣнъ мнѣній уступилъ мѣсто односторонности, не терпѣвшей возраженій; Демуленъ погибъ на эшафотѣ; въ тонѣ статей публицистовъ Жиронды слышались безнадежная грусть и предостерегающіе совѣты; популярныя газеты, въ родѣ знаменитаго Père Duchesne превращаются въ агитаціонные листки, и политическая пресса надолго замираетъ.

Записанная рѣчь почти никогда не производитъ того впечатлѣнія, которымъ она увлекала слушателя. Такъ мы можемъ лишь приблизительно представить себѣ, чѣмъ въ дѣйствительности были рѣчи лучшихъ ораторовъ того времени, Барнава, Верньо и въ особенности Мирабо; онѣ не всегда разсчитаны были на книжную гласность, хотя многія печатались въ Мониторѣ, а Мирабо, заботясь о распространеніи своихъ ораторскихъ твореній, постоянно помѣщалъ ихъ въ своемъ журналѣ «Courrier de Provence». Слава Мирабо со временемъ сильно поблекла. Современники видѣли въ немъ достойнаго преем-

ника Демосѳеновъ и Цицероновъ; въ новѣйшее время дознано, что рѣчи, брошюры и многія другія политическія произведенія Мирабо писались цѣлымъ кружкомъ, правильно дѣлившимъ между собою трудъ; Дюмонъ, другъ Бентама, помогалъ въ вопросахъ юридическихъ, Дю-Роверэ—въ экономическихъ, Рейба—по народному образованію. За-то сводная работа, исполненная толковыми и свѣдущими людьми, совершенно преображалась, когда въ нее вносился духъ сильной личности, истинный паѳосъ, а мастерская дикція довершала художественность рѣчи. Раскрыта теперь и подлинная политическая программа оратора, въ его время порождавшая много противорѣчивыхъ толкованій; вопреки мнѣніямъ о радикализмѣ ея, она основана была все еще на томъ, что нѣкогда исповѣдывали въ дни Вольтера сторонники прогресса, опирающагося на помощь просвѣщенной власти. Онъ радовался взятію Бастиліи, защищалъ свободу печати, справедливую систему налоговъ, оживленіе общинной жизни, уничтоженіе привилегій, и (какъ показали обнаруженныя потомъ тайныя сношенія его со дворомъ) тщетно старался привлечь представителей власти къ своимъ взглядамъ. Страшная затрата силъ, гнетущее сознаніе, что оживить безжизненный организмъ невозможно, подорвали его здоровье, и его умирающимъ вынесли изъ собранія послѣ одной изъ лучшихъ его рѣчей. Пережившіе его современники придали, быть можетъ, еще болѣе содержанія своему краснорѣчію, но въ разгарѣ обострявшейся борьбы не заботились о его литературныхъ достоинствахъ и художественной силѣ.

Въ тревожное время, когда пережитой мѣсяцъ казался годомъ, такое множество событій втѣснялось въ сознаніе очевидца, что на память о нихъ грядущимъ поколѣніямъ должна была развиться литература мемуаровъ. Благодаря этому, и въ нашемъ обзорѣ должна найти мѣсто одна изъ привлекательнѣйшихъ женскихъ личностей во Франціи XVIII вѣка, г-жа Роланъ, пересказавшая въ своихъ «Запискахъ», веденныхъ во время пятимѣсячнаго тюремнаго заключенія, въ постоянномъ ожиданіи казни, всю свою жизнь съ дѣтства. Недавно удачно сличили ее съ маркизой Дю-Деффанъ, какъ ея антиподомъ; два этихъ женскихъ характера стоятъ на рубежахъ вѣка. Холодная и капризная маркиза, диктаторски властвовавшая въ салонномъ мірѣ, воспиталась на мадригалахъ и свѣтскихъ пересудахъ; красивая и умная плебейка, вышедшая замужъ за революціоннаго министра Ролана, зачитывалась въ дѣтствѣ Дидро и Вольтеромъ, увлекалась естествознаніемъ, въ дѣвическіе годы мечтала о служеніи народу и поддалась обаянію проповѣди Руссо. Она жила всѣмъ, что было близко массѣ, и хотя раздражала многихъ сравнительною умѣренностью взглядовъ, казалась опасною уже потому, что въ ней горѣло чистое

пламя воодушевленія. При помощи мужа и преданнаго имъ кружка единомышленниковъ она старалась вліять на ходъ дѣлъ и была внезапно оторвана отъ этой дѣятельности. Въ мемуарахъ она мастерски обрисовала всѣ переходы своего развитія, юность, общественное служеніе, предсмертную страсть свою къ товарищу по политической борьбѣ. Иногда, подчиняясь чувствительности, свойственной ея любимымъ авторамъ, она вдается въ декламацію, хотя всегда остается искренней. Всего привлекательнѣе простыя, наивныя страницы ея мемуаровъ, которыя въ картинахъ изъ ея дѣтства превращаются въ живой нравоописательный романъ.

XVIII вѣкъ приближался къ концу. Дѣятели центральнаго періода этого столѣтія одинъ за другимъ сходили въ могилу. Въ тюрьмѣ покончилъ съ собою Кондорсе, примкнувшій къ жирондистамъ. Бомарше, въ послѣдній разъ вернувшійся къ типу Фигаро въ заключительной части трилогіи о немъ, La mère coupable, вскорѣ былъ вовлеченъ въ водоворотъ полемики, не имѣвшей ничего общаго съ литературой, заподозрѣнъ въ ретроградныхъ стремленіяхъ, принужденъ то спасаться бѣгствомъ, то исполнять порученія комитета общественной безопасности и, наконецъ, почти совсѣмъ забытый, умеръ въ Парижѣ (1799). Двигатели переворота лишь отчасти посвящали свои силы поддержанію литературы. Но уже выступили преемники и этого боевого поколѣнія и вождей просвѣтительнаго движенія, разнообразными нитями связанные съ ними. Въ г-жѣ Сталь, дочери Неккера, въ юномъ Шатобріанѣ, ушедшемъ отъ революціи въ Америку, въ Андре Шенье, въ Ретифѣ, въ Вольнэ, въ кружкѣ натуралистовъ съ Лавуазье во главѣ, не перестававшихъ трудиться надъ прогрессомъ точныхъ знаній и во время революціи, и при директоріи, обозначались уже главныя двигательныя силы переходной поры къ девятнадцатому столѣтію. «Вѣкъ разума» кончился щемящей грустью о разбитыхъ надеждахъ, и эта меланхолія освѣтила своимъ мистическимъ свѣтомъ первыя десятилѣтія новаго періода. Возродившіяся снова реакціонныя ученія, благодаря юнымъ еще Бональду и Ж. Де Местру, также перешли за рубежъ, стремясь изгладить всѣ слѣды вредоноснаго вѣка. Но не одни разочарованія и не одну только запоздалую борьбу противъ духа времени передалъ онъ своему преемнику. Своимъ примѣромъ онъ научилъ его отстаивать высшіе интересы человѣчества, своими завоеваніями и своими ошибками освѣтилъ ему дальнѣйшій путь, и лучшіе его дѣятели горячо желали съ Дидро, чтобъ потомки были счастливѣе въ своемъ исканіи правды.

Алексѣй Веселовскій.

XIV. Нѣмецкая литература во второй половинѣ XVIII в.

Бодмеръ и Брейтингеръ; ихъ борьба съ Готшедомъ; ихъ занятія нѣмецкой стариной.—Клопштокъ.—Содержаніе Мессіады.—Другія произведенія Клопштока.—Виландъ: Агатонъ, Абдериты, Оберонъ и пр.—Послѣдователи Виланда.—Вліяніе Клопштока.—Геснеръ.—Гёттингенскій кружокъ.—Бюргеръ.—Лессингъ.—Его біографія; его кружокъ; Мендельсонъ.—Миссъ Сара Самсонъ.—Клейстъ.—Мина ф. Барнгельмъ.—Винкельманъ.—„Лаокоонъ" Лессинга.—Гамбургская драматургія.—Споръ съ Клотце.—Эмилія Галотти.—Натанъ Мудрый.—Нѣмецкій романъ XVIII столѣтія.

Главнѣйшія пособія, кромѣ общихъ курсовъ Гервинуса, Шерера, Курца, Геттнера, Коберштейна и изданій: Danzel u. Guhrauer. Lessing, sein Leben u. seine Werke. 2-te Aufl. 1880. — Mörikofer. Klopstock in Zürich. 1851.—Düntzer. Lessings Leben. 1882. Leipz. — Charles Joret. Herder et la renaissance litteraire en Allemagne au XVIII siècle 1875. — Куно-Фишеръ: Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, перев. Рассадинъ. 1882. — Кирпичниковъ: Бодмеръ и Готшедъ. Русск. Вѣстн. 1872.—Wolf: Allgemeine Geschichte des Romans. 2-te Ausg. 1850.

Въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія въ нѣмецкой Швейцаріи, въ городѣ Цюрихѣ существовало литературное общество, немногочисленное по количеству членовъ, но полное добрыхъ начинаній. Во главѣ его стояли двое молодыхъ людей: Іоганнъ Яковъ Бодмеръ (род. 1698), занимавшійся въ университетѣ теологіей, пытавшійся потомъ въ сѣверной Италіи заняться коммерціей, но въ 1719 г. снова вернувшійся на родину къ наукѣ и поэзіи, и юный профессоръ еврейскаго и греческаго языковъ Іоганнъ Яковъ Брейтингеръ (род. 1701). Ихъ общество рѣзко отличалось отъ подобныхъ учрежденій XVII столѣтія прежде всего тѣмъ, что имѣло цѣлью не производство стихотвореній, а выработку вкуса и принциповъ для критики. Большинство его членовъ были люди съ университетскимъ образованіемъ и знали европейскіе языки. Общество скоро основало себѣ органъ: Discurse der Maler (Разговоры живописцевъ: члены общества взяли себѣ псевдонимами имена славныхъ художниковъ), въ которомъ не проводило какой-либо новой и опредѣленной теоріи, но рѣзко высказывало недовольство современной нѣмецкой литературой и убѣжденіе въ возможности перемѣны къ лучшему. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи Бодмеръ и Брейтингеръ сходились съ Готшедомъ, который именно тогда сталъ забирать власть на нѣмецкомъ Парнассѣ. Готшедъ скоро замѣтилъ благомыслящихъ швейцарцевъ и сталъ ихъ поддерживать своимъ вліяніемъ. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности

они одновременно съ Годшедомъ проводили убѣжденіе, что литература и поэзія не есть только забава праздныхъ людей, а дѣло очень серьезное, что литература должна руководить обществомъ и въ то же время служить показателемъ духовнаго его развитія и нравственнаго состоянія. И швейцарцы, и Готшедъ были убѣждены, что поэзія есть подражаніе природѣ, но дальше они расходились, хотя на первое время и не чувствовали этого: Готшедъ, ученикъ Буало, былъ убѣжденъ, что поэтъ долженъ прибавить къ природѣ чувство мѣры и разумъ; Бодмеръ приписывалъ гораздо больше значенія воображенію и силѣ чувства. Различіе рѣзко ощутилось на фактахъ: въ началѣ тридцатыхъ годовъ Бодмеръ, неудовлетворявшійся ни французами, ни итальянцами и чувствовавшій, что античная поэзія не годится для новыхъ людей, нашелъ свой идеалъ новаго поэта въ Мильтонѣ; издавая въ 1732 г. прозаическій пересказъ его «Потеряннаго рая», онъ въ предисловіи съ уваженіемъ говоритъ о Шекспирѣ и высказываетъ убѣжденіе, что Мильтонъ—величайшій эпикъ въ мірѣ. Готшедъ не отрицалъ силы воображенія въ Мильтонѣ, но смотрѣлъ на него какъ на талантъ невоспитанный, подобно тому, какъ Вольтеръ смотрѣлъ на Шекспира. Когда Готшедъ печатно высказался противъ Мильтона (въ одномъ изъ изданій своей теоріи словесности), Бодмеръ отвѣтилъ ему цѣлымъ трактатомъ «О чудесномъ въ поэзіи» (1740 г.), а Брейтингеръ задѣлъ его въ монографіи о поэтическихъ сравненіяхъ. Готшедъ обидѣлся и лично за себя, и за ту теорію, которой служилъ онъ. Началась литературная война; вся пишущая Германія раздѣлилась на двѣ партіи, которыя въ своей полемикѣ не щадили личностей противниковъ.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, война окончилась въ пользу той партіи, которая стояла за болѣе живую идею, именно въ пользу швейцарцевъ, окончилась вслѣдствіе того, что новое поколѣніе высказалось болѣе или менѣе ясно въ ихъ пользу, и Готшедъ потерялъ всякій кредитъ.

Бодмеръ жилъ очень долго (онъ ум. въ 1783 г.) и имѣлъ счастье видѣть разсвѣтъ той національной поэзіи, о которой онъ мечталъ съ юности. «Я жилъ на перешейкѣ, восклицаетъ онъ, который ведетъ отъ желѣзнаго вѣка къ золотому». Дѣйствительно, трудно назвать другого критика и знатока литературы, который имѣлъ случай видѣть такое блестящее осуществленіе своихъ надеждъ: въ 1748 г. были напечатаны первыя пѣсни Мессіады Клопштока, въ 1752 году вышла «Весна» Клейста, а затѣмъ появился цѣлый рядъ произведеній Виланда, написанный въ духѣ Бодмера; положимъ, Бодмеръ разочаровался въ Клопштокѣ, какъ въ человѣкѣ; положимъ, Виландъ измѣнилъ ему и передался на сторону безбожнаго Вольтера и Про-

свѣтителей, но молодое поколѣніе, выступившее на литературное поприще въ семидесятыхъ годахъ, осуществляло и развивало далѣе основныя идеи стараго швейцарца.

Бодмеръ и Брейтингеръ заслужили такое счастье прежде всего, конечно, беззавѣтною преданностью честнымъ и жизненнымъ идеямъ, а въ частности искреннимъ и толковымъ патріотизмомъ, который выразился, между прочимъ, въ ихъ уваженіи къ нѣмецкой старинѣ: они открыли въ парижской библіотекѣ знаменитую Манессеву рукопись — превосходный сборникъ стихотвореній миннезингеровъ, и несмотря на равнодушіе, съ которымъ публика отнеслась къ ихъ открытію, напечатали ее цѣликомъ. На основаніи этихъ миннезингеровъ и памятниковъ средневѣковой поэзіи, изданныхъ ранѣе, Бодмеръ открылъ, можно сказать, эпоху Гогенштауфеновъ съ ея поэтической культурой и такъ долго и настойчиво твердилъ о ней, что къ концу своей карьеры увлекъ за собой многихъ. Тотъ же Бодмеръ отчасти перевелъ, отчасти пересказалъ публикѣ Нибелунговъ и побудилъ Мюллера издать ихъ; онъ же подготовилъ первое изданіе Парциваля; восхищеніе, которое испытывалъ молодой Гете передъ Страсбургскимъ соборомъ, и его Гецъ-фонъ-Берлихенгенъ были подготовлены, такимъ образомъ, швейцарскими критиками; но между ихъ полемикой съ Готшедомъ и Гецемъ, разумѣется, должно было совершиться много крупныхъ литературныхъ событій; одно изъ самыхъ крупныхъ—дѣятельность Клопштока.

Фридрихъ Готлибъ Клопштокъ родился въ 1724 г. въ Кведлинбургѣ, въ семействѣ одного юриста; религіозное настроеніе было для него и отечественнымъ и семейнымъ преданіемъ: въ Кведлинбургѣ была сильна партія піэтистовъ, а про его отца разсказываютъ, что, находясь однажды въ обществѣ людей, слишкомъ вольно говорившихъ о религіи, онъ ударилъ рукою по шпагѣ и сказалъ: «Господа, кто намѣренъ говорить противъ Господа Бога, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною». Будущій поэтъ выросъ въ деревнѣ; когда онъ былъ въ школѣ, онъ зачитывался критическими статьями Бодмера, а піитика Брейтингера была его библіей; къ холодному Готшеду онъ чувствовалъ антипатію; въ религіозно-настроенныхъ швейцарцахъ онъ видѣлъ выраженіе собственной мысли. Бодмеръ написалъ въ александрійскихъ стихахъ родъ исторіи нѣмецкой литературы и тамъ предсказывалъ появленіе въ Германіи великаго эпика; чувствуя въ себѣ поэтическій жаръ, Клопштокъ мечталъ еще въ школѣ осуществить это предсказаніе и выбралъ себѣ сюжетъ во вкусѣ Бодмера — жизнь Мессіи. Въ университетѣ (въ Іенѣ и Лейпцигѣ отъ 1745 до 1748 г.) онъ занимался и теологіей, и филологіей, но не желалъ сосредоточить свои занятія на какой-нибудь спеціаль-

ности, такъ какъ собирался быть только поэтомъ. Въ 1748 г. онъ напечаталъ въ «Бременскихъ прибавленіяхъ» три первыя пѣсни Мессіады. Бодмеръ привѣтствовалъ ихъ восторженно, найдя въ лицѣ Клопштока нѣмецкаго Мильтона, т.-е. осуществленіе своего идеала; Готшедъ и его партія отнеслись къ новой поэмѣ хуже, чѣмъ холодно. Бодмеръ пригласилъ Клопштока къ себѣ въ Цюрихъ, и тотъ принялъ его приглашеніе; но личное знакомство скорѣе испортило, чѣмъ улучшило ихъ отношенія: Бодмеръ въ это время былъ уже далеко не молодъ, по-швейцарски строгъ въ нравственномъ отношеніи и порядкомъ педантиченъ; онъ воображалъ, что Клопштокъ будетъ проводить все время съ нимъ и умственно питаться его наставленіями. А Клопштокъ былъ полонъ жизни, студентъ по вкусамъ и привычкамъ, любитель вина и хорошенькихъ женщинъ. Критикъ и поэтъ не сошлись и разстались очень недовольные другъ другомъ. Въ 1751 г. Клопштокъ былъ въ Копенгагенѣ и выхлопоталъ себѣ отъ датскаго короля пенсію въ четыреста талеровъ до окончанія Мессіады. Мессіада была окончена только въ 1773 г., а до тѣхъ поръ Клопштокъ напечаталъ цѣлый рядъ одъ, любовныхъ, патріотическихъ, религіозныхъ, поэмъ меньшаго объема и нѣсколько «бардіэтъ» — драматическихъ представленій изъ древне-германской жизни. Съ 1771 г. Клопштокъ поселяется въ Гамбургѣ, удерживая датскую пенсію и пользуясь приличнымъ оффиціальнымъ положеніемъ. Онъ умеръ въ 1803 г., не переживъ своей славы, но переживъ популярность. Вотъ содержаніе его Мессіады:

Пѣснь первая. Іисусъ Христосъ скрывается отъ толпы, которая только что усыпала путь его пальмовыми вѣтвями, но по слѣпотѣ своей видѣла въ немъ земного царя, не признавая Бога. Онъ направляется къ горѣ Оливской, гдѣ и прежде часто проводилъ время въ размышленіи, и обращается съ молитвою къ Отцу; въ ней выражаетъ онъ свою готовность искупить грѣхи міра. Съ неба слышится голосъ: „простерши десницу въ безконечность, я клянусь, сынъ мой, что грѣхи міра будутъ отпущены". Вся природа трепещетъ.

Христосъ чувствуетъ приближеніе искупительныхъ страстей. Онъ посылаетъ Гавріила отнести его молитву къ соединеннымъ силамъ небеснымъ. Пѣніе ангеловъ встрѣчаетъ посланника въ божественномъ святилищѣ. По знаку предвѣчнаго все умолкаетъ, и Элоха, первое и высшее изъ созданныхъ существъ, передаетъ молитву Мессіи ангеламъ, патріархамъ и пророкамъ, которые разсѣиваются въ небесныхъ пространствахъ, чтобы подготовить чудеса, долженствующія сопровождать искупленіе. Гавріилъ нисходитъ на землю, поклоняется Христу, заснувшему въ темной лощинѣ горы, и направляется къ подземному жилищу геніевъ земли, чтобъ передать имъ волю Божію; потомъ снова направляетъ полетъ свой въ надзвѣздныя страны. Первые лучи утренней зари освѣщаютъ гору Оливскую.

Пѣснь вторая. Пробужденный свѣжестью утренняго вѣтра, Мессія сходитъ съ горы. Около могилъ корчится во прахѣ бѣсноватый Самма; онъ въ припадкѣ разбилъ о камень голову своего нѣжно любимаго сына, и съ тѣхъ поръ

сатана мучитъ его около могилы его ребенка. При прохожденіи Мессіи, побѣжденный сатана убѣгаетъ въ адъ и собираетъ демоновъ на совѣтъ. Онъ объявляетъ собравшимся, что Мессія долженъ умереть, и весь адъ реветъ отъ ярости. Въ защиту Мессіи раздается только одинъ голосъ — Абдіэля Аббадонны. Изъ улыбки Іеговы произошли два ангела близнеца, два Абдіэля. Во время возстанія сатаны одинъ остался вѣренъ предвѣчному; а другой, оглушенный шумомъ колесницы сатаны и воинственными криками его соратниковъ, сталъ на сторонѣ возставшихъ и раздѣлилъ съ ними позоръ пораженія, но теперь онъ раскаевается и одинъ изъ всѣхъ отпавшихъ духовъ не возстаетъ противъ правосудія Божія. Сегодня онъ протестуетъ противъ плановъ князя тьмы. Но Абрамелехъ, самый злой изъ демоновъ и соперникъ сатаны, покрываетъ его протестъ своимъ дикимъ ревомъ адъ громко выражаетъ ему свое одобреніе, и смерть Мессіи рѣшена. Сатана и Абрамелехъ пускаются въ путь къ горѣ Оливской; Аббадона издали слѣдуетъ за ними и на границѣ адскаго царства видитъ своего брата Абдіэля, который, при его приближеніи, отвращаетъ отъ него свой взоръ. Аббадона въ отчаяніи ищетъ уничтоженія въ пространствѣ, гдѣ носятся воспламененные осколки планетъ, но напрасно.

Пѣснь третья. Освободивъ отъ бѣсовъ Самму, Мессія, бродя между могилами, размышляетъ о преступленіяхъ людей и потомъ успокоивается послѣднимъ сномъ. Его ученики бодрствуютъ у подошвы горы, и ихъ ангелы-хранители называютъ ихъ по именамъ посланному съ неба серафиму Селіи. Ангелъ-хранитель Іуды Искаріотскаго со вздохомъ называетъ его имя и говоритъ о его близкой гибели. Сатана слышалъ эти разговоры изъ тьмы пещеры и, когда апостолы заснули, онъ посылаетъ Іудѣ обманчивый сонъ: Іуда видитъ, что ученики Мессіи раздѣлили міръ, причемъ ему, Іудѣ, досталась дикая и мрачная страна. „Предай Христа, слышится ему голосъ: ты получишь золото, а съ нимъ такую же часть, какъ и другіе". Когда, отдохнувъ, Мессія пошелъ съ апостолами къ Іерусалиму, Іуда не послѣдовалъ за ними.

Пѣснь четвертая. Сенедріонъ, по предложенію Каіафы, рѣшилъ смерть Іисуса; въ это время приходитъ Искаріотъ и предлагаетъ свои услуги; его предложеніе принято съ восторгомъ и, получивъ деньги, онъ отправляется на свое злое дѣло. Въ это время Іисусъ идетъ въ долину Кедрона, гдѣ въ скромномъ домикѣ его ожидаетъ пасхальный агнецъ, и тамъ его встрѣчаютъ: мать, Лазарь, Марія-Магдалина и др. Ночью Мессія вошелъ въ Іерусалимъ, гдѣ къ нему присоединился Іуда и вмѣстѣ съ другими учениками принималъ участіе въ тайной вечерѣ; но, пораженный намеками Іисуса, онъ убѣгаетъ. Христосъ увѣщеваетъ вѣрныхъ апостоловъ не печалиться о немъ и любить другъ друга, потомъ выходитъ изъ города и, оставивъ учениковъ у подошвы горы Оливской, восходитъ на нее въ одиночествѣ.

Пѣснь пятая. Іегова, сопровождаемый Элохой, который на огненной колесницѣ везетъ громъ и молнію, проходитъ безконечныя пространства и въ полночь останавливается надъ горой Оливской. Земля возноситъ къ нему свои вздохи, и изъ глубины ея пропастей восходятъ всѣ безчисленныя преступленія человѣчества. Тогда Элоха восклицаетъ громовымъ голосомъ: „Во имя Всемогущаго, можетъ-ли кто-нибудь явиться передъ Нимъ, чтобы дать отвѣтъ за родъ человѣческій?" Приходитъ Іисусъ и склоняется подъ тяжестью грѣховъ земли, обливаясь кровавымъ потомъ. Абрамелехъ, спрятавшійся подъ скалою, радуется при видѣ его страданій. Іисусъ встаетъ, идетъ къ ученикамъ и, найдя ихъ спящими, возвращается къ своему судьѣ. Слѣдуетъ второй часъ мученій столь ужасныхъ, что ангелы закрываютъ лица свои, и стенанія Мессіи привлекаютъ каю-

щагося Аббадону. Ученики все еще спятъ. Третье испытаніе, самое страшное Мессія, распростертый на землѣ, испускаетъ глухіе вопли; хоръ серафимовъ возлетѣлъ къ небу, самъ Элоха поблѣднѣлъ; земля три раза готова была исчезнуть въ пространствѣ. Наконецъ Мессія побѣдилъ; небеса запѣли побѣдную пѣснь, и Іегова взошелъ на свой тронъ.

Пѣснь шестая. Свѣтъ зари блеснулъ сквозь листья, когда Іисусъ увидалъ воиновъ, приведенныхъ Іудою Искаріотскимъ. Происходитъ извѣстная сцена арестованія. Мессія слѣдуетъ за воинами въ Іерусалимъ, по которому уже разнеслись слухи о его несчастьѣ. Анна, къ которому былъ приведенъ сперва Іисусъ разспрашивалъ его ласково, но прибѣгаетъ фарисей Филонъ во главѣ изступленной толпы; Христа бьютъ по лицу и влекутъ къ Каіафѣ. Слѣдуетъ сцена допроса, гдѣ главную роль играетъ Филонъ; затѣмъ троекратное отреченіе Петра.

Пѣснь седьмая. Мессію приводятъ къ Пилату, гдѣ Каіафа обвиняетъ его въ намѣреніи овладѣть престоломъ Іудейскимъ. Іисусъ молчитъ, а Пилатъ отсылаетъ его къ Ироду, который управляетъ Галилеей, такъ какъ Іисусъ, по его мнѣнію, пытался возмутить народъ галилейскій. Въ это время Іуда раскаялся, возвратилъ деньги и пошелъ на то мѣсто, гдѣ родилась въ немъ мысль о преступленіи; въ голосѣ ангела смерти онъ слышитъ голосъ своей жертвы. „Ты требуешь моей крови, вскричалъ онъ, бери се"; и онъ стянулъ свою шею узломъ. Іисусъ, приведенный къ Ироду, раздражилъ его своимъ отказомъ сдѣлать чудо и былъ снова отосланъ къ претору. Пилатъ, желая освободить его, предлагаетъ народу на выборъ—его и Варавву. Защищать Христа приходитъ благородная Порція жена Пилата. Она давно уже слышала о чудесахъ Мессіи, и ея ангелъ-хранитель, принявъ черты Сократа, явился ей и объявилъ, что Іисусъ праведникъ. Но Пилатъ слабъ, а народъ слѣпъ; подъ вліяніемъ клеветника Филона, Христа осуждаютъ на крестную смерть. Слѣдуетъ сцена мытія рукъ и показываніе народу измученнаго Христа.

Пѣснь восьмая. Ангелы, патріархи и пророки собрались около Голгоѳы, и еслибы Элоха не сбросилъ молніею сатану и Абрамелеха въ Мертвое море, они явились бы наслаждаться зрѣлищемъ страданій Спасителя. Появляется Мессія, изнемогающій подъ тяжестью креста; толпа принуждаетъ прохожаго помочь ему; крестъ ставятъ на костяхъ человѣческихъ, и голова Адама проливаетъ слезы у ногъ Спасителя; планеты останавливаются, и все созданное безмолвствуетъ; раздается только голосъ Элохи, обращенный къ небесамъ и безднѣ: „Его кровь течетъ!" И тогда ангелы солнца зажигаютъ въ каждомъ изъ міровъ алтарь всесожженія, и небо обѣщаетъ всякому, кто раскается и поклонится кресту, прощеніе. Внезапно густая тьма покрываетъ землю, и два мрачныхъ ангела—ангелы смерти—бросаютъ страшный взглядъ на божественнаго Распятаго, дѣлаютъ семь круговъ около креста и восходятъ къ небу.

Пѣснь девятая. Христосъ умиралъ среди людей, любящихъ его; Богоматерь и апостолъ Іоаннъ простерлись у подножья креста; Марія Магдалина рыдала; ученики бродили около Голгоѳы; Моисей и Авраамъ созерцали и благословляли Спасителя міра; хоръ душъ, возрожденныхъ къ небесной жизни, воздавалъ ему поклоненіе; приблизился Аббадона, и ангелы позволили ему пройти; только суровый взглядъ и голосъ его брата Абдіэля, явившагося за душею добраго разбойника, остановили его. Ангелъ истребитель показалъ Мессію Іудѣ Искаріотскому и свергъ его въ адскую пропасть.

Пѣснь десятая. Агонія Христа продолжается: его блѣдность увеличилась; его потухающія очи обращаются къ могилѣ, которая ожидаетъ его, и къ Мертвому морю. Сатана и Абрамелехъ, скрывавшіеся между прибрежными скалами, по-

нимаютъ значеніе этого взгляда, возвѣщающаго разрушеніе ада; они воютъ отъ нравственной боли и проклинаютъ Мессію. Съ Мертваго моря Іисусъ переноситъ свой взглядъ къ подножію креста и видитъ души будущихъ исповѣдниковъ и мучениковъ, готовыя войти въ тѣла, — и благословляетъ ихъ. Со всѣхъ сторонъ онъ слышитъ благословенія какъ отъ живущихъ, такъ и отъ отшедшихъ въ вѣчность; наконецъ настаетъ часъ смерти Мессіи; Уріель возвѣщаетъ серафимамъ и патріархамъ прибытіе ангела-истребителя; Энохъ, Авель, Давидъ и Сиѳъ поютъ печальную пѣсню; Адамъ и Ева оплакиваютъ свой грѣхъ и молятъ объ освобожденіи дѣтей своихъ. На Голгоѳу спускается ангелъ смерти, устрашенный предстоящимъ ему дѣломъ. Съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ онъ распростирается передъ своею жервою: „Сынъ Предвѣчнаго, говоритъ онъ, Іегова повелѣваетъ! Дай мнѣ силу исполнить его повелѣніе". Онъ подымаетъ мечъ; гремитъ буря. „Отче, отче, вскую мя оставилъ еси!", восклицаетъ Іисусъ. „Свершилось"! Голова его падаетъ на грудь, и онъ умираетъ.

Пѣснь одиннадцатая. Божественная тайна исполнилась; міръ возвращается къ прежнему порядку, и снова появляется свѣтъ на небесахъ. Патріархи, пророки и другіе блаженные по слову Гавріила возвращаются къ своимъ могиламъ. Съ неба сходятъ на нихъ темныя облака, и ихъ окружаетъ блестящая пыль, изъ которой они выходятъ, блистая новыми небесными тѣлами. Серафимы соединяютъ свои голоса съ ними въ одинъ хоръ. Между тѣмъ толпа уходитъ съ Голгоѳы; приходятъ воины, чтобы докончить казненныхъ, и одинъ изъ нихъ дрожащей рукой, по приказанію начальника, пронзаетъ сердце Христа.

Пѣснь двѣнадцатая. Друзья Мессіи озабочены его погребеніемъ; Іосифъ Аримаѳейскій, съ помощью Порціи, получаетъ отъ Пилата позволеніе похоронить Христа и приходитъ на Голгоѳу вмѣстѣ съ Никодимомъ. Слѣдуетъ описаніе снятія со креста. Ап. Іоаннъ уводитъ Дѣву Марію въ свою хижину; туда же приходятъ и другіе апостолы. Марія-Магдалина умираетъ отъ горя; ангелъ ведетъ ея душу къ Св. Гробу.

Пѣснь тринадцатая. Вокругъ Св. Гроба собрались патріархи, ожидая воскресенья Христа; ангелъ-истребитель насильно привлекъ сатану къ подножью Голгоѳы, чтобы онъ созерцалъ побѣду Спасителя. Элоха возвѣщаетъ о приближеніи торжественнаго часа, сатана падаетъ бездыханенъ; воины бросаются лицомъ на землю; по слову Гавріила разсѣклась скала, и изъ тьмы является въ лучахъ славы Христосъ. Тогда раздается гимнъ воскресшихъ, и Адамъ, простерши руку къ землѣ, восклицаетъ: „смерть побѣждена"! Сатана, гонимый анаѳемой Гавріила, летитъ изъ одной пропасти въ другую и падаетъ недвижимый у адскихъ воротъ. Собрался синедріонъ; воины доносятъ о происшедшемъ; ихъ начальникъ говоритъ евреямъ: „вы убили Сына Божія"; Филонъ смѣется, какъ безумный, и мечемъ римлянина пронзаетъ себѣ грудь; ангелъ смерти бросаетъ его душу въ глубину ада.

Пѣснь четырнадцатая. Ученики Христа еще не знали о его воскресеніи, міроносицамъ объявилъ объ этомъ Гавріилъ; Абдіель и Элоха велятъ ученикамъ идти въ Галилею. Всѣ вѣрные собираются въ домикѣ ап. Іоанна, и Богоматерь плачетъ отъ радости; Клеопа и Матѳей разсказываютъ о своей встрѣчѣ съ Христомъ на пути въ Еммаусъ; едва они кончили разсказъ, среди вѣрныхъ появляется въ божественномъ блескѣ Мессія; Симонъ-Петръ покрываетъ его ноги поцѣлуями.

Пѣснь пятнадцатая. Между тѣмъ, воскресшіе разносятъ далеко вѣсть о побѣдѣ Мессіи надъ смертью; Порція узнаетъ объ этомъ изъ устъ Рахили, жены патріарха Іакова. Богоматерь сидитъ на террасѣ Іоаннова дома и смотритъ на

закатъ солнца; отъ блеска вечерней звѣзды отдѣлилась женская фигура: это Ева, пришедшая поклониться и благословить мать Мессіи.

Пѣснь шестнадцатая. Оставивъ домъ Іоанна, Мессія идетъ на гору Ѳаворъ, чтобы судить души людей, умершихъ со времени его воскресенія. Херувимъ созываетъ ихъ со всѣхъ концовъ земли; ангелы раскрываютъ книгу жизни, и божественный судья произноситъ свои приговоры, страшные для гордыхъ, милостивые для униженныхъ и оскорбленныхъ. Солнце восходитъ и заходитъ, а Мессія все судитъ. Взявъ съ собою Элоху, Христосъ спускается въ адъ и доходитъ до самаго трона сатаны; тронъ и храмъ лжи разваливаются, Абрамелехъ и всѣ осужденные превращаются въ высохшіе, но живые скелеты; только одинъ Аббадона сохраняетъ форму падшаго ангела.

Пѣснь семнадцатая. Апостолы все еще остаются въ домѣ Іоанна; приходитъ Ѳома и выражаетъ свое недовѣріе къ ихъ разсказамъ. Слѣдуетъ сцена свиданія Мессіи съ Ѳомою. Мѣсто дѣйствія снова переносится въ адъ, къ огненной рѣкѣ; Христосъ отбираетъ праведниковъ и посылаетъ ихъ на небо. Между тѣмъ, на землѣ продолжаются видѣнія; въ саду Лазаря, въ Виѳаніи, собираются друзья воскресшаго, и съ ними вмѣстѣ за столъ садятся безсмертные.

Пѣснь восемнадцатая. Адамъ, упавъ къ ногамъ Спасителя, молитъ открыть ему послѣдствія искупленія; Мессія посылаетъ ему вѣщій сонъ: онъ видитъ страшный судъ; все человѣчество собралось передъ трономъ Господа; первыми суду подвергаются притѣснители; херувимъ, ихъ сопровождающій, несетъ два сосуда, одинъ съ кровью, другой со слезами; Мессія предаетъ ихъ адскимъ палачамъ. Затѣмъ являются нечестивые, потомъ идолопоклонники и христіане, обоготворявшіе людей; Марія, окруженная святыми и мучениками, вымаливаетъ прощеніе для тѣхъ, кто оскорбилъ Бога неумѣстнымъ обожаніемъ смертныхъ. Дурные цари являются передъ престоломъ, сопровождаемые воплемъ народа, и ворота ада захлопываются за ними.

Пѣснь девятнадцатая. Души гордыхъ, дѣлавшихъ добро на показъ, осуждены страдать въ темномъ мерцаніи между небомъ и адомъ. Послѣ всѣхъ нихъ появляется Аббадона, и самъ осуждаетъ себя, но голосъ Спасителя призываетъ его къ себѣ. За нимъ появляется безчисленное множество избранныхъ и возносится къ небесамъ; раздается громъ, и изъ разрушенной земли является новый Эдемъ. Таковъ былъ сонъ Адама.

Пятьсотъ вѣрныхъ собрались на горѣ Ѳаворѣ, ожидая Спасителя; Лазарь раздаетъ имъ хлѣбъ и вино, напоминая о Тайной Вечерѣ. Христосъ даетъ имъ наставленія и ободряетъ ихъ къ предстоящему мученичеству. Встрѣтивъ апостоловъ въ долинѣ Геѳсиманской, онъ приказываетъ имъ не оставлять Іерусалима, пока не сойдетъ на нихъ св. Духъ, и, благословивъ ихъ, возносится въ облакахъ на небо. Ученики возвращаются въ Іерусалимъ.

Пѣснь двадцатая. Іисусъ продолжаетъ возноситься на небеса среди гимновъ ангеловъ и блаженныхъ; планеты, около которыхъ пролетаетъ онъ, высылаютъ души, присоединяющіяся къ его свитѣ; ангелы приводятъ души только что умершихъ, и Христосъ, возносясь, произноситъ свои приговоры. Тріумфальное шествіе достигаетъ, наконецъ, трона Предвѣчнаго; ангелы изъ почтенія закрываютъ лица крыльями, блаженные впадаютъ въ священный трепетъ, всюду слышатся возгласы: „Мессія, Мессія". Моментально наступаетъ молчаніе; Сынъ восходитъ на ступени трона и садится одесную Отца.

Мессіада составляетъ славу Клопштока, но уже во времена Гёте и при жизни самого творца ея справедливо говорили, что ее больше хвалятъ, чѣмъ читаютъ. Нѣмецкая нація гордилась ею, какъ соб-

ственной великой эпопеей въ новомъ родѣ, но болѣе наслаждалась сознаніемъ, что у нея есть такая эпопея, нежели чтеніемъ ея, и потомство, еще менѣе читающее Мессіаду, разумѣется, не въ правѣ осудить младшихъ современниковъ Клопштока. Проникнутая искреннею религіозностью, блистающая многими глубоко-поэтическими эпизодами и частными «красотами», поэма Клопштока въ общемъ—мертворожденное чадо, и главная причина этого въ томъ, что Клопштокъ по природѣ своей не эпикъ, а лирикъ, только пріурочившій свой лиризмъ къ эпическому сюжету; принимаясь за свою поэму, онъ не изучалъ ни Палестины, ни людей вокругъ себя, а изливалъ все изъ своего чувствительнаго сердца и связывалъ эти изліянія своимъ воображеніемъ и вкусомъ, развитымъ посредствомъ изученія Мильтона и другихъ эпиковъ; какъ справедливо замѣтилъ В. Шереръ, Мессіада гораздо болѣе походитъ на ораторію изъ новаго Завѣта, нежели на поэму.

Болѣе живое и сильное вліяніе произвелъ Клопштокъ своими многочисленными и разнообразными лирическими произведеніями, которыя поражали современниковъ и формою, и содержаніемъ. Во 1-хъ, языкъ Клопштока несравненно богаче и свободнѣе языка всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, и онъ — великій мастеръ однимъ существительнымъ или однимъ эпитетомъ не только дать ясное и поэтическое представленіе о предметѣ, но и возбудить въ читателѣ то же настроеніе, какое было въ его душѣ; далѣе, Клопштокъ совсѣмъ отказался отъ риѳмы и допускалъ поразительную свободу размѣра, причемъ однако же, благодаря поэтичности, силѣ и благозвучію языка, его стихи никогда не бываютъ похожи на прозу, напечатанную короткими строчками.

Въ отношеніи содержанія, Клопштокъ — первый по времени національный поэтъ новой Германіи, глубоко преданный своей странѣ и гордый ею. Слѣпое поклоненіе древнему міру, не говоря уже про современную Францію или Италію, въ его представленіи грѣхъ и позоръ.

„Если тебя, сынъ Тевтона, ужасаетъ всякая другая пѣсня, кромѣ греческой, то ни Германъ, ни Лютеръ, ни Лейбницъ, ни тѣ, которыхъ скрываетъ святилище Браги, не твои. Ты не нѣмецкій поэтъ, а подъяремный подражатель, не сознающій самого себя. Пѣсня для тебя не бываетъ Мараѳонскою битвою и не знаешь ты безсонныхъ ночей творчества!

Вотъ какъ говоритъ этотъ бывшій студентъ Лейпцигскаго университета и слушатель Готшеда, и онъ остался вѣренъ такому воззрѣнію въ продолженіе всей своей долгой литературной карьеры. Онъ изгналъ изъ лирики общеизвѣстныя классическія божества и въ замѣнъ ихъ (совсѣмъ безъ боговъ и богинь обойтись тогда не считали возможнымъ) ввелъ божества нѣмецкаго, вѣрнѣе, скандинавскаго

Олимпа, хотя и самъ недавно познакомился съ ними, а читателей долженъ былъ вводить въ ихъ кругъ посредствомъ примѣчаній *).

Еслибъ его патріотизмъ былъ напускнымъ, ложнымъ чувствомъ, эта новая миѳологія была бы до крайности смѣшна; но Клопштокъ писалъ тогда, когда былъ вдохновленъ, и только о томъ, чтó вдохновляло его; на миссію поэта онъ смотрѣлъ съ глубокимъ уваженіемъ и съумѣлъ внушить таковое же публикѣ. Отъ временъ Гогенштауфеновъ и до Клопштока только въ духовной пѣсни находили себѣ выраженіе искренняя, сильно возбужденная чувствительность и идеализмъ, какъ отдаленіе отъ условій жизни обыденной, возношеніе души надъ землею. Клопштокъ перевелъ ихъ въ разнообразныя сферы душевной дѣятельности; вотъ почему въ минуту полнаго духовнаго блаженства Вертеръ и Лотта выражаютъ свое настроеніе его именемъ!

Клопштокъ, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, жилъ пенсіями и получалъ отъ высокихъ особъ отличія, не службою заработанныя; но разница между нимъ и другими лавреатами не только въ томъ, что онъ не считалъ эти награды милостью, за которую надо заплатить лестью, а еще больше въ томъ, что онъ при этомъ признавалъ своею обязанностью возбуждать пѣснями въ нѣмцахъ любовь къ свободѣ и счелъ себя въ правѣ привѣтствовать начало французской революціи.

Клопштокъ отъ отца унаслѣдовалъ не только нѣмецкій патріотизмъ, но и спеціальную любовь къ Фридриху, и въ началѣ своей поэтической карьеры онъ, казалось, провидѣлъ великое значеніе его дѣятельности и вдохновлялся ею. Въ 1749 г. написалъ онъ въ народномъ духѣ военную пѣснь въ честь его, начинающуюся словами: «Непріятель здѣсь! битва начинается! Впередъ, впередъ къ побѣдѣ: насъ ведетъ лучшій человѣкъ въ цѣломъ отечествѣ» **). Король скачетъ по полю сраженія; звѣзда на груди его забрызгана кровью. Господь долженъ удержать свои громы, такъ какъ теперь на землѣ гремитъ Фридрихъ.

Но Фридрихъ, оживившій нѣмецкое самосознаніе побѣдою при Росбахѣ, подавшій соотечественникамъ давно потерянную вѣру въ свои силы, какъ извѣстно, по языку и вкусамъ не былъ нѣмцемъ,

*) Введенное Клопштокомъ въ такую моду выраженіе бардъ основано на курьезной ошибкѣ: у германцевъ никогда пѣвцы не назывались бардами: это слово кельтское; а Тацитъ упоминаетъ объ особомъ видѣ пѣнія, наз. barditus; изъ этого слова и кельтскаго названія пѣвцовъ сочинили нѣмецкихъ бардовъ, которые впослѣдствіи благополучно переѣхали и въ Россію.

**) Der Feind ist da. Die Schlacht beginnt!
Wohlauf zum Sieg herbei!
Es führe uns der beste Mann
Im ganzen Vaterland!

говорилъ по-нѣмецки, по собственному сознанію, какъ кучеръ, и нѣмецкую литературу ни въ грошъ не ставилъ. Напрасно старались обратить его вниманіе на Мессію Клопштока; онъ придерживался взгляда своего учителя Вольтера, который находилъ, что новаго Мессіи не нужно, такъ какъ и съ старымъ дѣлать нечего. Клопштокъ, обиженный за религію и отечественную поэзію, охладѣлъ къ Фридриху, вышеприведенную пѣснь примѣнилъ къ Генриху Птицелову и отъ грустнаго настоящаго ушелъ въ далекое прошлое Германіи, къ препрославленному Герману.

Наружность Клопштока: его воодушевленный взглядъ, энергичныя очертанія губъ, смѣло обрисованный, но нѣсколько откинутый назадъ лобъ, служитъ лучшимъ комментаріемъ къ характеру его дѣятельности.

Съ бо́льшей симпатіей и, пожалуй, съ бо́льшимъ пониманіемъ къ идеямъ и дѣятельности великаго короля относится талантливый, но далеко не такъ популярный соперникъ Клопштока, Виландъ.

Кристофъ Мартинъ Виландъ род. въ 1733 г. близъ небольшого городка Бибераха; онъ былъ сынъ пастора-піэтиста и уже дома получилъ отличное классическое образованіе; 13-ти лѣтъ онъ свободно читалъ Виргилія и Горація, писалъ латинскіе и нѣмецкіе стихи. Потомъ онъ поступилъ въ школу, гдѣ піэтизмъ былъ господствующимъ направленіемъ; онъ зачитывался Клопштокомъ и преклонялся передъ авторитетомъ Бодмера, рано влюбился въ одну родственницу и воспѣвалъ свое чувство въ стилѣ Клопштока. Поступивъ въ Тюбингенскій университетъ, онъ началъ печатать свои стихи, а съ Бодмеромъ вступилъ въ переписку. Старикъ, незадолго передъ тѣмъ разочаровавшійся въ Клопштокѣ, отвѣчалъ ему очень любезно и усиленно звалъ его въ Цюрихъ. Виландъ скоро послѣдовалъ его приглашенію; при личномъ знакомствѣ онъ, въ противуположность Клопштоку, вполнѣ очаровалъ Бодмера: онъ не пилъ вина, а только воду, не посѣщалъ общества, а сидѣлъ и работалъ за однимъ столомъ съ Бодмеромъ; подъ его вліяніемъ онъ началъ большую эпическую поэму на библейскій сюжетъ: «Испытаніе Авраама»; онъ печатно воевалъ съ нѣмецкими анакреонтиками, обличая ихъ въ безнравственности. Бодмеръ, что называется, не могъ надышаться на него. Но въ душѣ Виланда уже зрѣли другія сѣмена: благочестіе и сантиментальность собственныхъ произведеній стали казаться ему чѣмъ-то напускнымъ и неестественнымъ; онъ нашелъ общество болѣе интересное, сталъ находить удовольствіе въ чтеніи Лукьяна и самого Вольтера и мало-по-малу удалялся отъ своего руководителя. Покинувъ Швейцарію, онъ вернулся въ родной городъ Биберахъ, получилъ тамъ мѣсто въ городской думѣ и сблизился съ жившимъ неподалеку чрезвычайно

образованнымъ графомъ Стадіономъ, большимъ почитателемъ французскихъ мыслителей. Тогда во взглядахъ Виланда окончательно совершилась рѣзкая перемѣна; отъ полунапускного сантиментализма и мечтательности онъ перешелъ къ реализму и стремленію наслаждаться земною жизнью. О своемъ обращеніи на новый путь онъ заявилъ печатно посредствомъ шутливаго романа: «Донъ Сильвіо де Розальва или побѣда природы надъ мечтательностью» (1764 г.); герой его вступаетъ въ жизнь съ крайне идеальными взглядами, но рядомъ опытовъ убѣждается въ ихъ фальшивости. Въ 1765 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ другой романъ «Агатонъ», въ которомъ съ большею обстоятельностью и серьезностью развиваетъ ту же идею; Агатонъ, юноша-поэтъ, полный силъ и идеальныхъ стремленій, послѣдователь Платона, попадаетъ, проданный морскими разбойниками, въ домъ софиста и эпикурейца Гиппіаса, который искусно старается разрушить его міросозерцаніе, довести его до грубаго матеріализма, и успѣваетъ въ этомъ. Агатонъ вступаетъ въ связь съ его любовницей Данаей, но, почувствовавъ омерзеніе къ самому себѣ, бѣжитъ къ сиракузскому тиранну Діонисію. Здѣсь онъ становится первымъ человѣкомъ въ государствѣ и, одушевленный высокими идеями общественнаго блага, предпринимаетъ рядъ реформъ, которыя, будучи дурно понимаемы и исполняемы, приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Агатонъ попадаетъ въ тюрьму и готовъ отчаяться въ людяхъ. Отъ тюрьмы и отъ отчаянія его спасаетъ старикъ Архитасъ, который даетъ ему настоящій (по мнѣнію автора) взглядъ на жизнь—теорію золотой середины, научаетъ его примирять чувственныя побужденія съ добродѣтелью, стремиться къ относительному добру и тѣмъ приводитъ его сердце въ гармонію съ разсудкомъ. Въ 1768 г. Виландъ напечаталъ тоже изъ греческой жизни (въ которой, впрочемъ, греческаго было очень немного) разсказъ «Музаріонъ или философія грацій», сюжетъ котораго составляетъ обращеніе къ радостямъ жизни аѳинскаго философа мизантропа; за нимъ слѣдовалъ рядъ другихъ подобныхъ и между прочимъ «Идрисъ», которая считалась особенно развращающею. Въ переходную эпоху своей жизни, между 1762 и 1766 гг., Виландъ усердно занимался Шекспиромъ и перевелъ частями или цѣликомъ 22 его пьесы. Въ Цюрихѣ онъ считалъ первымъ романистомъ сантиментальнаго Ричардсона; теперь ставилъ выше всѣхъ остроумнаго Фильдинга.

Въ 1769 г. Виландъ принялъ каѳедру философіи въ Эрфуртѣ и тамъ издалъ дидактическій и на нашъ взглядъ очень скучный романъ: «Золотое зеркало или цари Шешіанскіе» (1772 г.) *); въ немъ

*) Продолженіе этого романа подъ названіемъ „Данишмендъ“ вышло въ 1775 г. Русскій переводъ царей Шешіанскихъ, сдѣланный съ французскаго и напечатанный

увидали замѣчательно вѣрные педагогическіе и политическіе взгляды (послѣдніе выражали теорію просвѣщеннаго деспотизма, какъ ее осуществлялъ Іосифъ II), и веймарская герцогиня Амалія пригласила автора въ воспитатели своихъ сыновей. Съ этихъ поръ и до конца своей жизни (онъ ум. въ 1813 г.) Виландъ жилъ въ Веймарѣ сперва въ качествѣ воспитателя, потомъ друга герцога и его знаменитаго министра Гете.

Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Веймарѣ Виландъ началъ издавать 3-хъ мѣсячный журналъ; «der deutsche Mercur» 1773—1789 г. (въ подражаніе знаменитому Mercure de France), въ которомъ съ большимъ успѣхомъ ратовалъ за просвѣщеніе и чистый вкусъ. Тамъ же въ Веймарѣ онъ написалъ свои два наиболѣе талантливыя произведенія: сатирическій романъ Исторія Абдеритовъ и поэму Оберонъ (оба вышли въ 1781 г.).

Ѳракійскій городъ Абдера игралъ въ древней Греціи ту же роль, что Шильда въ Германіи или Пошехонье у насъ, т.-е. считался страною дураковъ. Виландъ пользуется нѣкоторыми разсказами про абдеритовъ, чтобы изобразить въ довольно живыхъ краскахъ консерватизмъ и ограниченное самодовольство нѣмецкихъ маленькихъ городовъ, салоновъ и университетскихъ кружковъ, грубость нравовъ нѣмецкой буржуазіи и низшаго дворянства, а также и нѣкоторые общеевропейскіе недостатки: религіозную нетерпимость, суевѣріе и узкій патріотизмъ. Романъ страдаетъ длиннотою, но отдѣльные эпизоды разсказаны очень живо и остроумно. Самыя интересныя его части: препирательства абдеритовъ съ возвратившимся послѣ 20-тилѣтняго путешествія просвѣщеннымъ естествоиспытателемъ Демокритомъ и процессъ о тѣни осла.

Содержаніе Оберона Виландъ заимствовалъ изъ рыцарскаго романа, который основанъ на старофранцузской chanson de geste, гдѣ героемъ является Huon de Bordeaux, убившій сына императора и за это присужденный отправиться въ одиночку ко двору сарацинскаго короля и совершить рядъ самыхъ невозможныхъ подвиговъ *).

У Виланда Гюонъ убилъ сына императора нечаянно. Онъ долженъ проникнуть ко двору калифа багдадскаго, отрубить голову тому, кто сидитъ по лѣвую руку отъ хозяина, трижды поцѣловать публично дочь калифа, а отъ послѣдняго добыть 4 его зуба и пучекъ изъ бороды. Прибывъ въ Азію, Гюонъ находитъ тамъ въ одной пещерѣ вѣрнаго служителя своего отца и беретъ его съ собою. Оберонъ, король эльфовъ—многія его существенныя черты, поэтъ заимствовалъ у Чосера и Шекспира—является имъ въ формѣ прекраснаго мальчика;

въ 1781 г. въ университетской типографіи, посвящен куратору Московскаго Университета Ив. Ив. Шувалову.

*) См. II. 7, стр. 219 нашего изданія. Виландъ познакомился съ содержаніемъ старой поэмы по изложенію въ Bibliothèque universelle des Romans графа Трессана.

онъ въ это время поссорился съ своей женой Титаніей и поклялся помириться съ ней не ранѣе, пока не найдетъ любящую пару, которая предпочтетъ смерть разлукѣ; предвидя такую парочку въ Гюонѣ и дочери калифа, онъ вызывается помогать первому и даритъ ему рогъ, слабые звуки котораго заставляютъ всѣхъ плясать, а сильные вызываютъ Оберона, какъ бы далеко онъ ни былъ. Гюонъ и Реція (такъ называлась дочь калифа) влюбляются другъ въ друга еще во снѣ; когда Гюонъ проникъ въ залу калифа, на-лѣво отъ него сидѣлъ ненавистный Реціи женихъ ея, который и поплатился головой за это почетное мѣсто; когда разъяренные сарацины хотѣли броситься на Гюона, звукъ его рога заставилъ ихъ предаться невольной пляскѣ. Оберонъ принялъ на себя заботу относительно зубовъ и бороды калифа; онъ же доставляетъ Гюону и Реціи волшебную колесницу, на которой они и уѣзжаютъ изъ Багдада, и сопровождаетъ ихъ на корабли. Но такъ какъ молодые люди вступили реально въ бракъ раньше, нежели достигли Рима, гдѣ папа долженъ былъ благословить ихъ союзъ, то они должны подвергнуться многимъ испытаніямъ: буря выбрасываетъ ихъ на пустынный островъ, гдѣ Реція производитъ на свѣтъ сына; ее похищаютъ морскіе разбойники и отвозятъ въ Тунисъ, въ гаремъ Альмансора; туда же прибылъ и Гюонъ, чтобы возвратить себѣ жену; когда супруги послѣ многихъ бѣдствій предпочитаютъ смерть на кострѣ разлукѣ, Оберонъ мирится съ Титаніей, и цари эльфовъ спасаютъ Гюона и Рецію въ минуту крайней опасности. Слѣдуетъ описаніе возвращенія Гюона съ женою ко двору Карла.

Поэма написана стансами чрезвычайно легкимъ, но въ то же время обдѣланнымъ языкомъ (Виландъ собственноручно переписывалъ ее 4 раза); слегка насмѣшливый, веселый тонъ разсказа напоминаетъ Аріосто и въ то же время болѣе наивную и простодушную первую поэму Пушкина. Гёте былъ отъ Оберона въ полномъ восторгѣ и прислалъ Виланду лавровый вѣнокъ; Лафатеръ писалъ о немъ: пока поэзія остается поэзіей и золото золотомъ, Оберонъ останется мастерскимъ произведеніемъ поэзіи. Но ни самъ авторъ, весьма гордившійся Обероножъ, ни его критики не понимали, что главная прелесть заключается въ богатомъ сюжетѣ, взятомъ изъ народной эпопеи.

Виландъ не имѣлъ такой массы послѣдователей, какъ Клопштокъ; напротивъ, въ молодежи, какъ увидимъ ниже, общее направленіе его дѣятельности вызывало неудовольствіе; тѣмъ не менѣе онъ крупный и очень полезный дѣятель въ нѣмецкой литературѣ: во 1-хъ, до него образованные аристократы Германіи, воспитанные на французскихъ книгахъ, относились къ литературѣ отечественной или съ худо скрываемою брезгливостью, какъ Фридрихъ Великій, или съ такимъ уваженіемъ, въ которомъ вовсе не заключалось желанія ближе познакомиться съ нею. Даже то выгодное въ другихъ отношеніяхъ обстоятельство, что главными дѣятелями въ нѣмецкой словесности были профессора или, по крайней мѣрѣ, люди съ университетскимъ образованіемъ, въ глазахъ свѣтскихъ людей дѣлало ее скучной и педантичной. Самъ препрославленный Клопштокъ своими

скандинавскими богами и богатствомъ языка своего, также какъ и искренностью выражаемыхъ имъ чувствъ, требовалъ непріятнаго для нихъ напряженія. Виландъ писалъ легко, свободно и остроумно, такъ что уже за одно это былъ достоинъ названія нѣмецкаго Вольтера; своей манерой писать, также какъ и своей общепонятной философіей, онъ, подобно тому, какъ Карамзинъ у насъ, втянулъ въ интересы словесности людей, которые до тѣхъ поръ родную рѣчь употребляли только въ дѣловыхъ бумагахъ и въ перепискѣ съ управляющими. Во 2-хъ, Виландъ, какъ писатель, независимый отъ литературныхъ партій, и талантливый популяризаторъ науки, является достойнымъ предшественникомъ Лессинга.

Виландъ находилъ себѣ многочисленныхъ читателей не въ одной только Германіи; если мы возьмемъ каталогъ Смирдина, насъ поразитъ огромное количество переводовъ изъ Виланда, значительно превышающее число переводовъ изъ самого Вольтера, радикализмъ идей котораго нуждался въ томъ, чтобы его развели водой нѣмецкое благоразуміе и умѣренность.

Школа Виланда не имѣла будущности, и большинство ея представителей усиливали недостатки Виланда, не имѣя его достоинствъ; между ними было особенно много австрійцевъ: въ католической Австріи должно было быть сильнѣе стремленіе наслаждаться жизнью и осмѣивать тѣхъ, кто слишкомъ серьезно относится къ ней. Романы, подражавшіе Агатону и Абдеритамъ, впадали въ тонъ Фоблаза, а поэмы послѣдователей Виланда уродовали романтическіе сюжеты настолько, что глава школы открещивался отъ своихъ поклонниковъ и учениковъ. Самыми даровитыми между ними были австріецъ Альксингеръ (ум. 1797 г.), авторъ поэмы о Доонѣ Майнцскомъ (Doolin von Mainz) и его соотечественникъ Блюмайеръ (1755—1798), пародировавшій Энеиду.

Клопштокъ прежде всего оказалъ вліяніе своей Мессіадой: и Бодмеръ, и Виландъ въ молодости, и извѣстный основатель физіогномики Лафатеръ (1741—1801), и множество другихъ, всѣ пытали свои силы надъ библейской эпопеей. Затѣмъ патріотическія оды Клопштока оказали столь же сильное вліяніе; въ Германіи появилось безчисленное множество бардовъ, которые выдумывали себѣ будто бы древне-германскія имена и старались усвоить образъ мыслей и чувства современниковъ Арминія (одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ — Кречманнъ 1738—1809, подписывавшійся — бардъ Рингульфъ). Кромѣ Клопштока ихъ вдохновлялъ изд. въ 1760 г. Оссіанъ Макферсона; эта искусная поддѣлка вмѣстѣ съ выдуманнымъ міровоззрѣніемъ древнихъ германцевъ образовала въ ихъ головахъ какой-то сумбуръ, который ихъ современники находили очень поэтичнымъ. Иные изъ

этихъ бардовъ обращались и къ современности и являлись поэтами-революціонерами, но, конечно, революціонерами кроткими, на нѣмецкій ладъ.

Другая партія послѣдователей Клопштока увлеклась его простотой и его пониманіемъ природы; изъ этихъ натуръ-поэтовъ (Naturdichter) одинъ, именно Саломонъ Геснеръ, пріобрѣлъ обширную извѣстность даже и за предѣлами Германіи. Геснеръ родился въ Цюрихѣ въ 1730 г. и съ дѣтства показывалъ талантъ къ живописи, но его отецъ-книгопродавецъ предназначалъ его къ торговому дѣлу и отправилъ его въ Берлинъ; тамъ Геснеръ познакомился съ извѣстнымъ критикомъ и поэтомъ—Рамлеромъ *), который нашелъ въ немъ незаурядный поэтическій талантъ; позднѣе онъ подпалъ вліянію Бодмера и Клопштока. Возвратившись на родину, онъ принялъ книжный магазинъ отца и самъ издавалъ съ иллюстраціями свои прозаическія идилліи. Онъ умеръ въ 1787 г.

Геснера называли нѣмецкимъ Өеокритомъ, но онъ гораздо менѣе реаленъ, нежели александрійскій идилликъ; его пастухи добрые и неглупые люди съ подмостковъ лейпцигскаго пасторальнаго театра. Его нѣжность и чувствительность подходили ко вкусу даже французской аристократіи 70-хъ и 80-хъ годовъ; въ Россіи онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Карамзинскій періодъ. Наиболѣе характернымъ его произведеніемъ считается библейская идиллія — «Смерть Авеля».

Въ видѣ образца приводимъ цѣликомъ небольшую идиллію Геснера: Аминтасъ.

„Рано утромъ вышелъ изъ густой рощи бѣдный Аминтасъ, съ топоромъ въ правой рукѣ. Онъ нарубилъ кольевъ для загородки и теперь несъ ихъ домой на плечахъ своихъ. Вотъ видитъ онъ молодой дубокъ у журчащаго ручья; ручей обнажилъ его корни, и дерево стояло печальное, готовое упасть. „Какая жалость,—сказалъ

---

*) Карлъ Вильгельмъ Рамлеръ, котораго Дмитріевъ въ извѣстной сатирѣ „Чужой толкъ" ставитъ рядомъ съ Гораціемъ, род. въ 1725 г.; уже съ 15-ти лѣтъ началъ писать торжественныя оды, учился сперва въ Галле, потомъ въ Берлинѣ; съ 1748 г. получилъ мѣсто преподавателя логики и изящныхъ искусствъ въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ; всю жизнь онъ воспѣвалъ Фридриха Великаго, не удостоиваясь отъ него ни малѣйшаго вниманія; при его наслѣдникѣ онъ получилъ пенсію и былъ сдѣланъ членомъ Академіи наукъ; онъ ум. въ 1798 г.

Онъ переводилъ чрезвычайно чистыми и правильными стихами многихъ классическихъ поэтовъ и самъ писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ, но преимущество отдавалъ ложно классической одѣ, переполненной миѳологическими картинами. Онъ былъ отличный стилистъ и въ этомъ отношеніи человѣкъ съ большимъ вкусомъ, но былъ лишенъ творческаго генія; онъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Готшеда, какъ будто попавшаго не въ свое поколѣніе; подчиняясь духу времени, Рамлеръ подражалъ и Клопштоку, но и его черезчуръ свободную оду старался подчинить правиламъ.

онъ, если ты деревцо, погибнешь въ этомъ яростномъ потокѣ! Нѣтъ, твоя вершина не должна сдѣлаться игралищемъ его волнъ". Тогда снялъ онъ тяжелые колья съ своихъ плечъ. „Я могу нарубить другихъ", сказалъ онъ и началъ дѣлать крѣпкую плотину передъ деревомъ, а потомъ накопалъ новой земли. Плотина была построена, и обнаженные корни покрыты свѣжею землею; тогда онъ положилъ свой топоръ на плечо и, стоя въ тѣни спасеннаго дерева, улыбнулся еще разъ, довольный своею работою; онъ собирался вернуться въ рощу за новыми кольями. Но вдругъ изъ дуба раздался обращенный къ нему усладительный голосъ Дріады: „Развѣ я могу оставить тебя безъ награды, добрый пастухъ? Скажи, чего желаешь ты? Я знаю, что ты бѣденъ и только пять овецъ выгоняешь на пастбище". „Если ты позволяешь мнѣ выбирать, о Нимфа, сказалъ бѣдный пастухъ, то возврати здоровье моему бѣдному сосѣду Палемону: онъ боленъ уже съ самой жатвы". Такъ просилъ честный Аминтасъ, и Палемонъ выздоровѣлъ. Но и Аминтасъ скоро увидѣлъ небесное благословеніе на своемъ стадѣ, на своихъ деревьяхъ и плодахъ, и сталъ богатымъ пастухомъ; боги не оставляютъ добрыхъ безъ награды.

Насколько Клопштокъ и его современники воодушевили нѣмецкую молодежь и какое направленіе дали они ей, всего яснѣе можно видѣть на исторіи Гетингенскаго литературнаго кружка (Hainbund).

Въ то время, какъ Мессіада близилась къ окончанію, въ Гетингенѣ, самомъ юномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ (основ. 1737 г.), литературные интересы ставились очень высоко; тамъ издавался лучшій изъ нѣмецкихъ альманаховъ (Musenalmanach) подъ редакціей даровитаго молодого человѣка—Бойе, у котораго въ домѣ собирались его юные сотрудники и толковали о поэзіи и другихъ возвышенныхъ предметахъ; въ числѣ ихъ былъ и Фоссъ (1751—1827), впослѣдствіи знаменитый переводчикъ Гомера и авторъ поэмы «Луиза»; въ письмахъ къ своему другу и къ своей невѣстѣ, сестрѣ Бойе, Фоссъ является лѣтописцемъ дѣятельности этого кружка. 12 сентября 1772 г. молодые люди прогуливались за-городомъ и, вдохновленные своими рѣчами и красотою ночи, рѣшили заключить «союзъ добродѣтели», лозунгомъ котораго были: религія, добродѣтель и чувствительность. 26 октября того же года союзъ устроилъ праздникъ, на которомъ пили здоровье Клопштока, Рамлера, Глейма, Геснера и кричали «pereat» развратителю нравовъ, подражателю ненавистныхъ французовъ—Виланду. Узнавъ о существованіи союза добродѣтели, Клопштокъ пожелалъ вступить съ нимъ въ сношенія; онъ прислалъ ему корректурные листы окончанія Мессіады и всѣмъ членамъ выразилъ свою любовь и сочувствіе. Скоро кружокъ увеличился прибытіемъ двухъ юныхъ графовъ Штольберговъ, воодушевленныхъ тѣми же идеями. 2 іюля 1773 г. союзъ торжественно праздновалъ день рожденія Клопштока. На возвышенномъ креслѣ, покрытомъ розами, лежали сочиненія Клопштока, а у подножія его валялась «Идрисъ» Виланда, изъ которой присутствующіе (даже и некурящіе) должны

были вырывать листы для закуриванія трубокъ. «Мы пили рейнвейнъ за здоровье Клопштока, на память Лютера и Арминія, за благоденствіе союза и проч. Была прочтена ода Клопштока: «Къ рейнвейну» и нѣкоторыя другія. Разговоръ сталъ горячѣе; мы говорили о свободѣ съ шапками на головѣ, о Германіи, о добродѣтели, и ты можешь себѣ представить, какимъ тономъ». Въ заключеніе былъ сожженъ портретъ Виланда и остатки его книжки.

Наканунѣ отъѣзда Штольберговъ члены союза провели всю ночь без сна; они клялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ, въ вѣрности высокимъ идеямъ; погружались фантазіей въ далекое прошедшее и будущее.

Любопытна судьба болѣе даровитаго изъ Штольберговъ, такъ какъ на ней отразилась участь цѣлаго кружка представителей нѣмецкой интеллигенціи. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ былъ такимъ горячимъ радикаломъ, что мать Гёте, знаменитая Frau Aja, смѣялась надъ его кровожадностью; французскую революцію привѣтствовалъ онъ съ восторгомъ, потомъ отвернулся отъ ея ужасовъ, позднѣе примкнулъ къ романтикамъ, а подъ старость сдѣлался такимъ ретроградомъ, что его старинный другъ, лѣтописецъ союза добродѣтели — Фоссъ выступилъ противъ него съ цѣлой книжкой «какъ Фрицъ Штольбергъ сдѣлался защитникомъ тираніи» (Wie ward Fritz Stolberg ein Unfreierer).

«Къ союзу добродѣтели не принадлежалъ только, по случаю отсутствія изъ Гёттингена, единственный творческій геній, участвовавшій въ Альманахѣ музъ, Готфридъ Августъ Бюргеръ, знаменитый авторъ «Леноры» и «Дикаго охотника». Онъ родился въ 1747 г., рано лишился родителей и былъ воспитанъ дѣдомъ, который послалъ его въ Галле съ строгимъ приказаніемъ заниматься теологіей; но Бюргеръ не оправдалъ его надеждъ и занимался кутежами и древностью. Дѣдъ вызвалъ его назадъ и потомъ послалъ въ Геттингенъ учиться юриспруденціи; тамъ Бюргеръ сошелся съ Бойе и его друзьями, которые открыли въ немъ выдающійся поэтическій талантъ; черезъ нихъ же онъ въ 1772 г. получилъ мѣсто чиновника въ провинціи, а черезъ два года женился на дочери нѣкоего Леонгарда— Дорѣ, въ то время, какъ, по собственному сознанію, онъ уже былъ влюбленъ въ ея младшую сестру—Августу; Августа (прославленная имъ подъ именемъ Молли) платила ему взаимностью, и такъ какъ она жила въ домѣ своего зятя, изъ этого вышла трагическая коллизія, окончившаяся только смертью Доры. Несчастный въ домашней жизни, Бюргеръ къ тому времени успѣлъ запутаться въ долгахъ и принужденъ былъ покинуть свое мѣсто. Онъ женился на Молли и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Геттингенскій университетъ; но Молли

скоро умерла, и ея смерть повергла Бюргера въ страшное отчаяніе. Въ 1789 году Бюргера сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ (безъ содержанія), и желаніе хоть когда нибудь пожить, какъ люди живутъ, заставило его въ третій разъ вступить въ бракъ съ одной легкомысленной барышней, которая сама предложила ему свою руку. Но дѣла Бюргера шли такъ же плохо, жена явно обманывала его, и черезъ два года они разошлись. 47 лѣтъ отъ роду Бюргеръ умеръ, совершенно истощенный нравственно.

Этотъ несчастный человѣкъ былъ истинный поэтъ и въ извѣстномъ отношеніи первый національный поэтъ Германіи послѣ конца среднихъ вѣковъ. Его «Ленора», сюжетъ которой взятъ изъ народныхъ преданій, моментально облетѣла всю Германію и стала народной балладой; но критика оцѣнила ея значеніе только впослѣдствіи, въ эпоху романтизма. Не забудемъ, что переводъ Бюргеровой Леноры и у насъ, и въ Англіи началъ новый періодъ литературы. Изъ другихъ эпическихъ произведеній Бюргера удачнѣе всего тѣ, сюжеты которыхъ взяты изъ той же неисчерпаемой сокровищницы; между прочимъ, онъ передѣлалъ нѣсколько средневѣковыхъ шванковъ. Его лирическія произведенія почти всѣ искренни, но многія отражаютъ его нравственную разбитость и легкомысліе и не могутъ быть поучительными.

И Геттингенскій союзъ добродѣтели, и слава Бюргеровой Леноры указываютъ на то, что нѣмцы перестали быть жалкими подражателями французовъ и почувствовали собственную духовную силу; это сознаніе своей самостоятельности, выражавшееся до сихъ поръ спорадически и зачастую дѣтски незрѣло, нашло себѣ полное и могучее выраженіе въ дѣятельности Лессинга.

Готхольдъ Эфраимъ Лессингъ родился въ 1729 г. въ странѣ славянской, въ верхней Лузитаніи, въ городѣ Каменцѣ, но былъ чистый саксонецъ по происхожденію. Отецъ его, человѣкъ очень серьезно образованный, когда-то готовился къ университетской каѳедрѣ по богословію, но потомъ удовольствовался болѣе скромною ролью—провинціальнаго пастора; онъ былъ типичный пасторъ своего времени—человѣкъ строгихъ и твердыхъ правилъ, но нѣсколько односторонній. Его старшій сынъ, будущій писатель, былъ изъ рано развивающихся дѣтей; онъ сперва учился дома, потомъ въ школѣ родного городка, откуда отецъ взялъ его, недовольный слишкомъ либеральными мыслями начальника школы, который на театръ смотрѣлъ, какъ на одно изъ педагогическихъ средствъ. 12-ти лѣтъ Лессингъ поступилъ въ Мейсенскую княжескую школу, уже будучи въ со-

стояніи свободно читать средней трудности латинскихъ классиковъ и порядочно зная по-гречески. Мейсенская школа, родъ духовной семинаріи, была основана Морицемъ Саксонскимъ съ цѣлью подготовлять защитниковъ протестантизма; латынь въ ней преподавалась болѣе 20-ти часовъ въ недѣлю, чтобы ученики могли пріобрѣсти хорошій латинскій стиль; въ стѣнахъ заведенія они пользовались сравнительно большою свободой, а съ внѣшнимъ міромъ почти не имѣли сообщенія. Учителя рано замѣтили отличныя способности Лессинга; одинъ изъ нихъ сказалъ про него: «этотъ мальчикъ—огонь; изъ него выйдетъ что-нибудь или очень хорошее, или очень дурное; ему недостаточно той пищи, которую предлагаетъ ему наша школа»; ректоръ называлъ его лошадью, которой нуженъ двойной кормъ. Пробывши тамъ пять лѣтъ, Лессингъ сталъ сильно томиться стремленіемъ къ академической свободѣ, и, къ счастью для него, война сократила на одинъ годъ его пребываніе въ Мейсенѣ. 17-ти лѣтъ Лессингъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ и на первое время чувствовалъ себя тамъ запуганнымъ и одинокимъ. Лейпцигъ былъ въ то время самымъ цивилизованнымъ городомъ сѣверной Гтрманіи; старый университетъ съ массой профессоровъ и студентовъ, веселая общественная жизнь, постоянный театръ (въ самомъ Берлинѣ въ то время бродячія труппы давали свои представленія въ балаганахъ) дѣлали Лейпцигъ нѣмецкимъ Парижемъ. Увидѣвъ, какъ мало школа подготовила его къ жизни, Лессингъ сталъ учиться фехтовать, рисовать, ѣздить верхомъ и началъ усердно посѣщать студенческіе и профессорскіе кружки, гдѣ охотно принимали умнаго и хорошо подготовленнаго юношу. Скоро попалъ онъ въ театръ, который произвелъ на него такое же сильное вліяніе, какъ впослѣдствіи на Фонвизина; скоро свелъ онъ знакомство съ директрисой театра, знаменитой Нейберъ, и съ актерами, сталъ переводить для театра и получилъ возможность посѣщать его даромъ. Уже въ 1747 г. выступилъ онъ съ мелкими стихотвореніями и обработалъ для сцены свою комедію, набросанную еще въ школѣ, подъ вліяніемъ Плавта и Теренція: «Молодой ученый». Нейберъ приняла ее на сцену, и комедія 18-тилѣтняго студента своимъ успѣхомъ навсегда рѣшила судьбу автора.

Выборъ темы самъ Лессингъ объясняетъ очень характерно тѣмъ, что онъ тогда еще не зналъ жизни, и единственный видъ смѣшного, знакомый ему въ натурѣ, было буквоѣдство. Пьеса написана по рецепту Готшеда: имена въ ней не нѣмецкія, единство времени соблюдено строго; интрига запутана и ненатуральна.

Вотъ вкратцѣ ея содержаніе: у богатаго Хризандра, скряги и отчасти мошенника, есть сынъ и воспитанница. Воспитанницу Юліану купецъ считаетъ нищей и очень радуется, когда за нее присватался нѣкто Валеръ. Но вотъ Хри-

зандръ находитъ документъ, на основаніи котораго Юліана можетъ выиграть большой процессъ и черезъ это сдѣлаться богатой невѣстой. Не желая выпустить ея денегъ изъ своихъ рукъ, Хризандръ теперь хочетъ женить на ней своего сына, двадцатилѣтняго Дамиса. Дамисъ—идеалъ педанта и буквоѣда, который отъ науки воспользовался только шелухою и ложнымъ честолюбіемъ. Интригу ведутъ лакей Дамиса и горничная Юліаны. Отецъ, не будучи въ состояніи убѣдить сына жениться, спрашиваетъ у лакея, какъ, по его наблюденію, Дамисъ смотритъ на бракъ. „Вашъ сынъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ; его мнѣніе зависитъ отъ послѣдней прочитанной имъ книжки; онъ то противъ женитьбы, то мечтаетъ жениться на самой злой и безнравственной женщинѣ, чтобы испытать участь злосчастныхъ мужей, то—на ученой, чтобы она раздѣляла съ нимъ его труды". Горничная Юліаны пытается отговорить Дамиса отъ женитьбы, такъ какъ у ея барышни бездна пороковъ; но молодой ученый именно въ это время мечтаетъ уподобиться Сократу и жениться на Ксантиппѣ, и ея слова производятъ благотворное дѣйствіе. Тогда горничная поднимается на другую хитрость: Хризандру доставлено подложное письмо отъ адвоката, будто процессъ Юліаны не можетъ быть выигранъ, и скряга оставляетъ свой планъ; между тѣмъ Дамисъ получаетъ извѣщеніе отъ пріятеля, что изслѣдованіе „о монадахъ", представленное имъ на премію въ Академію, никуда не годится, и вслѣдствіе этого рѣшаетъ покинуть неблагодарное отечество.

Въ этой пьесѣ будущій авторъ Эмиліи Галотти и Натана Мудраго виденъ только въ нѣкоторыхъ рѣчахъ лакея и его ученаго барина, но первый слишкомъ развитъ для своего положенія, а второй иногда бываетъ черезчуръ уменъ для надутаго педанта.

Также слабы и другія раннія пьесы Лессинга; мы назовемъ изъ нихъ только одну комедію: «Еврей», по ея связи съ «Натаномъ Мудрымъ». Прилично одѣтый еврей спасаетъ барона отъ разбойниковъ; благодарный баронъ, замѣтивъ, что незнакомецъ нравится его дочери, предлагаетъ ему ея руку. Тотъ отказывается и открываетъ, къ какому презрѣнному народу принадлежитъ онъ. Баронъ въ ужасѣ отступаетъ; но онъ готовъ всѣмъ своимъ состояніемъ вознаградить своего спасителя; тотъ отказывается. Пьеса оканчивается моралью: «Еслибы всѣ евреи были похожи на васъ,—говоритъ баронъ,—какого уваженія были бы они достойны»! Незнакомецъ отвѣчаетъ: «Какъ были бы достойны любви христіане, еслибы они обладали вашими свойствами»!

Дружба съ актерами доставила Лессингу рядъ непріятностей: его расходы превысили его скромную стипендію, а отецъ, узнавъ о его театральныхъ подвигахъ, вытребовалъ его домой подъ предлогомъ опасной болѣзни матери. Къ удивленію пастора оказалось, что театръ не сдѣлалъ его сына порочнымъ, а умъ его значительно развился и обогатился чтеніемъ и лекціями философскаго факультета. По возвращеніи въ Лейпцигъ, Лессингъ продолжалъ посѣщать театръ, но скоро запуталъ свои дѣла еще болѣе, покинулъ университетъ и, противъ воли родителей, уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ рѣшился жить литератур-

нымъ трудомъ; только на первое время пришлось ему нуждаться въ работѣ; скоро пріобрѣлъ онъ литературное имя, благодаря соединенію въ своемъ лицѣ многосторонней учености и крупнаго литературнаго таланта. Слогъ его,. о чемъ бы ни писалъ онъ, отличается замѣчательною правдивостью, простотой и силой. Въ спорѣ швейцарцевъ съ Готшедомъ онъ сталъ на сторону первыхъ, и лейпцигскій профессоръ скоро почувствовалъ силу ударовъ начинающаго критика. Въ Берлинѣ же въ 1750 г. Лессингу пришлось вступить сперва въ близкія, а потомъ въ непріязненныя отношенія съ величайшимъ литераторомъ его вѣка—Вольтеромъ. Не окончившій курса лейпцигскій студентъ познакомился съ другомъ короля Прусскаго черезъ одного француза, съ которымъ онъ сблизился для практики во французскомъ языкѣ. Одно время Лессингъ каждый день обѣдалъ у Вольтера, которому онъ былъ нуженъ, какъ переводчикъ и хорошій стилистъ. Добрыя отношенія прервались и обратились въ непріязнь вслѣдствіе того, что Лессингъ, получивъ для прочтенія ненапечатанное произведеніе Вольтера (Siècle de Louis XIV), не сохранилъ тайны; Вольтеръ заподозрилъ его въ безчестныхъ намѣреніяхъ и сталъ бранить его всюду, въ томъ числѣ и передъ королемъ.

Знакомство Лессинга съ Вольтеромъ и ихъ ссора имѣли роковое вліяніе на господство французской литературы въ Германіи: близко и по домашнему узнавъ царя французской литературы, нѣмецъ-критикъ уже не могъ благоговѣть ни передъ нимъ самимъ, ни передъ его литературнымъ катехизисомъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что бесѣды съ Вольтеромъ и развили Лессинга, и придали ему самоувѣренность; примѣръ Вольтера, который, оставаясь только литераторомъ, пріобрѣлъ такую силу и вліяніе во всей Европѣ, долженъ былъ укрѣпить Лессинга въ его намѣреніи служить человѣчеству и родинѣ только перомъ; но дальнѣйшая его жизнь показываетъ, какъ далеко Германія въ то время отстала отъ Франціи.

Изъ Берлина Лессингъ уѣзжалъ въ Виттенбергъ, держалъ тамъ экзаменъ и пріобрѣлъ степень «magister artium». Кромѣ французскаго языка, онъ зналъ хорошо англійскій, занимался итальянскимъ и испанскимъ. Его анакреонтическія пѣсни и басни имѣли успѣхъ; его критическія статьи продолжали обращать на себя вниманіе всѣхъ, тогда еще немногочисленныхъ, почитателей нѣмецкой литературы. Около него собирался литературный кружокъ, который держалъ себя независимо и отъ швейцарцевъ, какъ и отъ готшедіанцевъ, не восторгался ни Клопштокомъ, ни Шӧнаихомъ; наиболѣе выдающимися членами его были книгопродавецъ Николаи (1739—1810) и еврейскій купецъ, философъ Мозесъ Мендельсонъ. Съ Николаи намъ

придется встрѣчаться впослѣдствіи, а объ Мендельсонѣ скажемъ два слова теперь.

Мендельсонъ род. въ 1729 г. въ Дессау, гдѣ его отецъ былъ учителемъ въ еврейской школѣ; онъ заучился съ дѣтства и на всю жизнь остался горбатымъ. 14 лѣтъ отъ роду болѣзненный еврейскій мальчикъ явился въ Берлинъ, чтобы учиться и пробивать себѣ дорогу. Въ то время еврейская община очень косо смотрѣла на тѣхъ изъ своихъ сочленовъ, которые учились нѣмецкому языку; Мендельсонъ пренебрегъ опасностью и не только овладѣлъ нѣмецкимъ литературнымъ языкомъ, но и выучился по-латыни, а потомъ по-англійски и по-французски. Больше всего занимался онъ математикой и философіей. Цицеронъ и Локкъ, а впослѣдствіи Платонъ сдѣлались его любимыми писателями; высоко цѣнилъ онъ также Вольфа, Шефтсбери и Руссо. До 21 года Мендельсонъ терпѣлъ страшную бѣдность, въ 1750 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ домѣ одного богатаго еврея, фабриканта шелковыхъ издѣлій, который съумѣлъ оцѣнить его умъ и честность и сдѣлалъ его своимъ бухгалтеромъ, а потомъ и участникомъ фирмы. Въ 1754 г. Мендельсонъ познакомился съ Лессингомъ, который сразу понялъ, какія умственныя силы скрываются въ этомъ убогомъ евреѣ. Когда Мендельсонъ, до сихъ поръ не рѣшавшійся выступать въ печать, далъ Лессингу для прочтенія одну изъ своихъ статей и потомъ спросилъ его мнѣнія, Лессингъ вмѣсто отвѣта подалъ ему корректурные листы. Это были «Философскія Письма», въ которыхъ Мендельсонъ защищаетъ философію Лейбница отъ остроумныхъ нападокъ Вольтерова Кандида. Позднѣе Мендельсонъ и Лессингъ иногда работали вмѣстѣ. Самое извѣстное произведеніе Мендельсона: «Федонъ или о безсмертіи души». Въ немъ къ избитымъ доказательствамъ логическимъ присоединены доказательства психологическія, болѣе убѣдительныя для публики. Философія подъ перомъ Мендельсона, изложенная чрезвычайно удобопонятно, дѣйствуетъ не только на умъ, но и на сердце. Мендельсонъ умеръ въ 1786 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Фридриха Великаго, либеральныя воззрѣнія котораго сдѣлали возможнымъ существованіе свободомыслящаго еврея.

Продолжаемъ біографію Лессинга. Въ 1755 г. онъ издалъ собраніе своихъ сочиненій и выпустилъ въ свѣтъ свою первую серьезную пьесу: Миссъ Сара Сампсонъ, къ созданію которой онъ давно уже подготовлялся изученіемъ англійскаго романа и драмы. Это — слабѣйшее изъ крупныхъ произведеній Лессинга; въ немъ идетъ онъ, такъ сказать, ощупью, и не рѣшается даже перенести дѣйствіе на нѣмецкую почву; а тѣмъ не менѣе и эта пьеса представляетъ собою крупный шагъ впередъ во всемірной литературѣ. Это — сбли-

женіе драматической поэзіи съ жизнью и открытый бунтъ противъ господства французскаго классицизма; вмѣсто александрійскаго стиха здѣсь проза обыденной рѣчи; вмѣсто царей и героевъ — обыкновенные смертные, члены современнаго намъ общества. Короче сказать, здѣсь въ первый разъ въ Германіи съ успѣхомъ выступаетъ драма въ современномъ смыслѣ, для которой и теперь нѣтъ спеціальнаго названія и которой тогда придавали смѣшныя клички: мѣщанской трагедіи или слезной комедіи.

Вотъ вкратцѣ содержаніе Миссъ Сарры Сампсонъ: богатый молодой аристократъ Меллефонтъ соблазнилъ обѣщаніемъ жениться героиню, дочь баронета сэра Сампсона, которая убѣжала съ нимъ изъ дома родительскаго. Меллефонтъ искренно любитъ Сарру, но боится неразрушимыхъ узъ брака и кромѣ того чувствуетъ себя связаннымъ своимъ прежнимъ отношеніемъ къ кокеткѣ вдовѣ м-съ Марвудъ, которая употребляетъ всѣ усилія, чтобы заставить его вернуться къ ней. Когда Марвудъ видитъ, что всѣ старанія ея напрасны, она изъ мести отравляетъ несчастную Сарру, которая умираетъ со словами прощенія своей убійцѣ. Меллефонтъ съ отчаяніемъ убиваетъ себя; восклицая: „Какія странныя чувства обуреваютъ меня! Милосердія, Создатель, милосердія!

Въ пьесѣ легко узнать вліяніе Клариссы Ричардсона и драмы Лилло: Лондонскій купецъ.

Въ томъ же 1755 г. Лессингъ поѣхалъ въ Лейпцигъ; тамъ представился ему случай пополнить свое образованіе путешествіемъ; онъ отправился въ качествѣ компаньона и руководителя одного богатаго юноши черезъ Голландію въ Англію, но семилѣтняя война прервала это путешествіе въ самомъ началѣ, и въ 1756 г. Лессингъ вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ и оставался около 2-хъ лѣтъ. Это было горячее время для Пруссіи и странъ, прилежащихъ къ ней; Фридрихъ, вступившій въ борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ и на голову разбившій непобѣдимую французскую армію, не только самъ сталъ героемъ, котораго смѣло сравнивали съ Цезаремъ не къ выгодѣ послѣдняго, но и поднялъ до героизма весь свой народъ. Подвиги его арміи вдохновили, говоря языкомъ того времени, многихъ Пиндаровъ и Горацiевъ, и, дѣйствительно, подъ вліяніемъ великихъ событій многіе стихотворцы стали на время поэтами. Около Лессинга въ литературномъ Лейпцигѣ, естественно, составился кружокъ, самымъ даровитымъ членомъ котораго былъ не забытый до сихъ поръ поэтъ Клейстъ, въ то время маіоръ прусской службы.

Эвальдъ фонъ Клейстъ род. въ 1715 г. въ Помераніи, учился сперва дома, потомъ въ іезуитской школѣ, потомъ въ Данцигской гимназіи и, наконецъ, на юридическомъ факультетѣ въ Кенигсбергѣ. Онъ попалъ сперва въ датскую военную службу, а въ 1740 г., по требованію Фридриха, перешелъ въ прусскую. Онъ рано началъ писать стихи въ модномъ тогда родѣ—анакреонтическомъ. Его вкусы—наклонность къ наслажденію природой и книгой—плохо согласовались

съ военной службой, и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы знакомиться и сходиться съ людьми, имѣвшими прикосновенность къ литературѣ. Его поощряли Глеймъ и Рамлеръ; въ Швейцаріи, гдѣ онъ пробылъ около года въ командировкѣ, онъ сошелся съ Бодмеромъ, Брейтингеромъ и Виландомъ. Измѣна его невѣсты, которая вышла замужъ по разсчету за богатаго человѣка, сильно повліяла на его характеръ и придала меланхолическій и отчасти мизантропическій оттѣнокъ его поэтическимъ произведеніямъ.

Подъ вліяніемъ Лессинга, съ которымъ онъ сошелся очень близко, Клейстъ оставилъ описательную поэзію *) и перешелъ къ болѣе мужественнымъ родамъ: эпосу и драмѣ; тогда возникла его трагедія: Сенека и лучшія изъ его идиллій.

Вскорѣ послѣ этого Клейстъ геройски окончилъ свою жизнь: въ битвѣ при Кунерсдорфѣ (1759 г.) онъ бросился впереди своего батальона на непріятельскую батарею; раненый въ правую руку, онъ взялъ саблю въ лѣвую; картечь раздробила ему ногу, и батальонъ, отступая, покинулъ его на полѣ; русскіе казаки обобрали его и замертво бросили въ болото, гдѣ онъ пролежалъ всю ночь; его, однако, спасли и отвезли во Франкфуртъ, но онъ умеръ черезъ нѣсколько дней подъ ножемъ хирурга. Когда Лессингъ узналъ о его смерти, у него вырвался упрекъ безвременно погибшему другу, что онъ самъ искалъ себѣ гибели.

Въ 1759 г. Лессингъ уже не жилъ въ Лейпцигѣ; у него созрѣла мысль о критическомъ органѣ, особенно необходимомъ въ эту пору восторговъ и увлеченія. Онъ переѣхалъ въ Берлинъ и тамъ вмѣстѣ съ Мендельсономъ и Николаи сталъ издавать «Литературныя письма» (Literaturbriefe), будто бы писанныя къ одному раненому образованному офицеру, который дожидался своего излѣченія въ маленькомъ городкѣ, гдѣ нельзя было достать книгъ». Съ «солдатскою откровенностью» другъ офицера, стремящійся держать его au courant всего

---

*) Его описательная поэма „Весна“, въ которой онъ соперничалъ съ Томсономъ, пользуется до сихъ поръ большою извѣстностью, и, дѣйствительно, въ ней много очень удачныхъ мѣстъ, хотя въ общемъ она, какъ всякая описательная поэма, скучна и, какъ всѣ нѣмецкія и французскія попытки XVIII вѣка идеализировать сельскую жизнь, фальшива. Приводимъ изъ нея отрывокъ въ прекрасномъ переводѣ Ѳ. Б. Миллера:

О трижды счастливое племя (т.-е. крестьяне)! Заботъ ты не знаешь тяжелыхъ;
Ты гордости, зависти чуждо; какъ рѣчка по чистому полю,
Течетъ твоя жизнь безъ волненій. Пускай въ колесницахъ побѣдныхъ,
Влекомыхъ слонами, другіе себя на показъ выставляютъ,
И чернь на нихъ смотритъ, взобравшись на крыши; пускай монументы
Гранитные ставятъ себѣ, чтобъ рабы униженно ихъ чтили:
По мнѣ тотъ лишь взыскапъ судьбою, кто, суетность презрѣвъ людскую,
На лонѣ природы живетъ и любуется солнца восходомъ,
Лугами, лѣсами, и пѣсни ночной соловьиной внимаетъ.

сколько нибудь замѣчательнаго, чтó печатается и читается, подвергаетъ рѣзкой критикѣ какъ крупные, такъ и мелкіе факты нѣмецкой литературы и указываетъ ему на многое, чтò находится, такъ сказать, въ несправедливомъ загонѣ. Здѣсь Лессингъ уже совершенно свободенъ отъ вкуса какой бы ни было школы и является самостоятельнымъ и великимъ нѣмецкимъ критикомъ. Онъ требуетъ истинной и національной поэзіи, независимой отъ Франціи и ея классицизма; онъ указываетъ на Шекспира, какъ на величайшаго драматурга, бранитъ французскую трагедію, требуетъ уваженія и вниманія къ народной пѣснѣ, къ старымъ несправедливо забытымъ нѣмецкимъ поэтамъ. Онъ не только отказываетъ въ поэтическомъ дарѣ и истинномъ вкусѣ Готшеду и готшедіанцамъ, не только срываетъ маску благочестія съ Виланда, но и Клопштока порицаетъ за его религіозныя оды, въ которыхъ, по его мнѣнію, поэтъ выказалъ такъ много чувства, что читатель ужъ ровно ничего не чувствуетъ.

Литературныя письма имѣли большой успѣхъ даже и въ то политически-бурное и неудобное для спокойной критики время, но самому Лессингу они прискучили довольно скоро: ему надо было высказать свои основныя положенія, свои принципы, а чинить судъ и расправу надъ новыми стихами и книжками было дѣло, для него слишкомъ мелкое. Онъ исчезъ изъ Берлина въ 1760 г. *), безъ вѣдома друзей, и оказался въ Бреславлѣ секретаремъ или, точнѣе, правителемъ дѣлъ при генералъ-губернаторѣ (генералъ ф. Tauenzien познакомился съ нимъ у Клейста въ Лейпцигѣ). Самъ Лессингъ такую странную метаморфозу объяснялъ то стремленіемъ отъ книгъ къ живымъ людямъ, то желаніемъ уйти на время въ нору и закутаться въ паутину, чтобы потомъ въ новомъ блескѣ показаться на свѣтъ божій. Кромѣ этихъ духовныхъ побужденій, которыя, несмотря на свою видимую противуположность, могли дѣйствовать и одновременно, безъ сомнѣнія, игралъ роль и разсчетъ матеріальный: Лессингу надоѣло быть литературнымъ поденщикомъ, и онъ хотѣлъ поработать на досугѣ, не изъ-за денегъ; кромѣ того, онъ имѣлъ долги, а его братья и сестры нуждались въ денежной помощи. Лессингъ оставался въ Бреславлѣ пять лѣтъ (1760—1765 г.); все утро онъ усердно работалъ на службѣ, послѣ обѣда принималъ дѣловые визиты, а потомъ — своихъ гостей; вечера же обыкновенно проводилъ за картами. Трудно понять, когда онъ находилъ время читать, не говоря уже о писаніи. А между тѣмъ, онъ не только собралъ за это время хорошую библіотеку и расширилъ свои знанія, но и написалъ два разнородныхъ, но почти въ одинаковой степени грандіозныхъ и «дѣлающихъ эпоху» произведенія. Да и

*) Мендельсонъ и Николаи издавали „Литерат. письма“ до 1765 г.

самая служба и дѣловыя столкновенія съ людьми принесли ему не меньшую пользу, чѣмъ когда-то автору Донъ-Кихота Ламанчскаго.

Одно изъ этихъ двухъ произведеній исходило изъ любви Лессинга къ родинѣ и современной ему дѣйствительности; другое—изъ любви къ древности и глубокаго интереса къ вѣковѣчнымъ задачамъ духа человѣческаго; одно—комедія Минна фонъ Барнгельмъ; другое—разсужденіе: Лаокоонъ или о границахъ живописи и поэзіи.

Минна ф. Барнгельмъ — первая въ новой нѣмецкой литературѣ вполнѣ національная и современная пьеса не только потому, что дѣйствіе происходитъ по афишѣ въ Германіи и въ современную поэту эпоху, а потому, что при иныхъ условіяхъ оно и не можетъ происходить. Она вся проникнута чисто нѣмецкою особенностью: добродушіемъ (Gutmüthigkeit), которое не переходитъ, однако, въ пошлую сантиментальность. На почвѣ этого добродушія въ ней разрѣшается примиреніемъ вражда дворянства съ народомъ, которая въ другихъ мѣстахъ разрѣшилась потоками крови; она представляетъ апоѳеозу нѣмецкой женщины и нѣмецкаго солдата; но насколько пошлы и узконаціональны всѣ подобныя апоѳеозы у другихъ даже въ наше время, когда техника искусства такъ далеко ушла впередъ и когда поэтъ воспитывается на стольких прекрасныхъ образцахъ, настолько у Лессинга она глубокомысленна и исполнена широкой гуманности. Она косвенно прославляетъ Фридриха Великаго, но насколько подобные эпизоды у другихъ льстивы или наивно восторженны, настолько же у Лессинга это прославленіе разумно и исполнено достоинства. Это вполнѣ патріотическая пьеса, но всѣ другія патріотическія пьесы, когда пройдетъ впечатлѣніе, ихъ вызвавшее, оказываются ниже всякой критики, а пьеса Лессинга, больше критика, чѣмъ драматурга, поэта по-неволѣ, какъ онъ самъ признавалъ себя, переживетъ столѣтія.

Вотъ вкратцѣ содержаніе Минны ф. Барнгельмъ.

Офицеръ прусской службы Телльгеймъ было во время войны командированъ въ Тюрингію, чтобы собрать съ неуклонною строгостью контрибуцію, возможно бо́льшую. Изъ гуманности онъ назначилъ сумму наименьшую, но такъ какъ и она была не по силамъ разоренной странѣ, то часть ея онъ внесъ изъ своихъ денегъ, и мѣстные чины выдали ему вексель. Богатая наслѣдница изъ той же мѣстности, Минна ф. Барнгельмъ, услыхавъ объ этомъ великодушномъ поступкѣ Телльгейма, пожелала познакомиться съ нимъ; они полюбили другъ друга и обмѣнялись кольцами. Война кончилась; полкъ майора Телльгейма, раненаго въ одномъ изъ послѣднихъ сраженій въ правую руку, былъ распущенъ; слуги обокрали его, а когда онъ представилъ для ратификаціи свой вексель, его заподозрили въ томъ, что этимъ векселемъ взялъ онъ взятку съ Тюрингцевъ, чтобы назначить съ нихъ контрибуцію въ наименьшемъ размѣрѣ, и отдали его подъ судъ. Считая себя опозореннымъ, Телльгеймъ прервалъ сношенія съ Минной. Теперь онъ живетъ въ Берлинѣ, крайне стѣсненный въ средствахъ и мучимый своимъ процессомъ. Долго

не получая отъ него извѣстій, Минна въ сопровожденіи своей „наперсницы“ — горничной Франциски *) и дяди, замѣняющаго ей отца, отправляется въ Берлинъ его отыскивать и останавливается случайно въ той же самой гостинницѣ, гдѣ живетъ Телльгеймъ (ея дядя задержанъ по дорогѣ сломавшимся экипажемъ). Въ гостинницѣ нѣтъ свободныхъ нумеровъ, и хозяинъ, чтобы не упустить выгодныхъ постояльцевъ, очищаетъ для Минны квартиру Телльгейма, который не платитъ ему уже 2 мѣсяца.

Все вышеписанное происходитъ до начала пьесы, и мы узнаемъ объ этомъ не сразу, а постепенно, изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, которыя говорятъ не для зрителей, а другъ для друга, чѣмъ и соблюдается полная драматическая иллюзія.

Коллизія уже подготовлена и характерами дѣйствующихъ лицъ и обстоятельствами; но зритель еще не знаетъ ея, какъ Минна и Телльгеймъ еще не знаютъ, что они находятся подъ одною кровлею. Вниманіе зрителя не должно быть напряжено съ первой сцены, а должно возбуждаться постепенно, когда характеры и положенія развернутся передъ нимъ вполнѣ.

1-й актъ развиваетъ характеръ героя Телльгейма. Съ нимъ насъ прежде всего знакомитъ деньщикъ его Юстъ, который обожаетъ своего господина, какъ человѣка и какъ офицера, и теперь глубоко возмущенъ поступкомъ хозяина. Приходитъ Телльгеймъ и объявляетъ Юсту, что у него нѣтъ болѣе ни гроша, что онъ перебирается на другую квартиру и долженъ отпустить его, Юста, такъ какъ не имѣетъ средствъ держать слугу. А между тѣмъ у Телльгейма кошелекъ со ста червонцами, который предоставилъ въ его полное распоряженіе его вахмистръ Вернеръ, и онъ наотрѣзъ и самымъ деликатнымъ образомъ отказывается принять отъ бѣдной вдовы своего товарища довольно значительный долгъ.

Телльгеймъ — человѣкъ безукоризненно честный и истинный дворянинъ, но благородной гордости и великодушію. Попавъ въ крайне тяжелое и повидимому безвыходное положеніе, онъ рѣшительно не хочетъ дѣлать ни малѣйшей уступки обстоятельствамъ, не только не намѣренъ ни отъ кого принимать помощи, но по прежнему готовъ помогать другимъ. Этимъ онъ, конечно, заслуживаетъ уваженіе, но и благородная гордость, доведенная до крайности, перестаетъ быть симпатичною: въ этомъ нежеланіи одолжаться даже вполнѣ преданнымъ людямъ, въ этой рѣшимости страдать и гибнуть нельзя не видѣть самомнѣнія и эгоизма. Телльгеймъ не хочетъ подумать, что съ нимъ вмѣстѣ будутъ страдать и другіе люди, которые его любятъ; озлобившись на судьбу, онъ запирается въ себѣ самомъ и какъ будто теряетъ способность любить людей, и великодушный, добрый человѣкъ готовъ сдѣлаться злостнымъ и тупымъ мизантропомъ. А между тѣмъ, его теорія, повидимому, такъ тверда и такъ послѣдовательна!

Первый ударъ наноситъ ей Юстъ, грубый солдатъ-деньщикъ, когда представляетъ счетъ Телльгейму, своимъ разсказомъ о пуделѣ, котораго онъ спасъ отъ смерти: пудель не отходитъ отъ него, несмотря на всѣ его колотушки. Ужели Телльгеймъ не признаетъ за нимъ, Юстомъ, права даже на собачью благодарность? Телльгеймъ тронутъ; его самоубійственная теорія поколебалась, и въ его словахъ: „не забудь же взять пуделя“ уже слышна примирительная, гуманная нота. Вмѣстѣ съ нѣкоторымъ примиреніемъ у Телльгейма является и энергія: онъ спѣшитъ переѣхать и поручаетъ Юсту заложить кольцо Минны. На этомъ построена внѣшняя интрига.

---

*) Единственное въ этой пьесѣ наслѣдство отъ французской сцены; ея близость къ госпожѣ поэтъ объясняетъ тѣмъ, что онѣ вмѣстѣ воспитаны.

Во 2-мъ актѣ передъ нами идеалъ германской дѣвушки — Минна фонъ Барнгельмъ: христіанство смягчило ее; образованіе облагородило; долгая тихая жизнь въ замкахъ и городахъ развила въ ней стремленіе къ домашней жизни; цивилизація 3-хъ послѣднихъ столѣтій привила ей общественность; но по энергіи и вѣрности однажды принятому на себя долгу она истинная дочь германокъ Тацита. Она весела и жива, но безъ лукавства француженки; привязчива, но безъ страстности итальянки; благоразумна и великодушна, безъ самомнительности и гордости англичанки. Надъ всѣми ея внѣшними и внутренними достоинствами преобладаютъ чисто нѣмецкія добродѣтели: вѣрность и добродушіе. Она увѣрена, что найдетъ Теллгейма въ Берлинѣ, и вѣра въ людей вообще, а въ своего избранника въ особенности, подсказываетъ ей, что она найдетъ его неизмѣнившимся. Она глубоко огорчена, что изъ-за нея хозяинъ выгналъ какого-то офицера, а когда хозяинъ показываетъ ей кольцо, заложенное этимъ офицеромъ, она узнаетъ, что она нашла, чего искала. Радость ея не знаетъ предѣловъ и, какъ всегда у добраго человѣка, выражается прежде всего желаніемъ осчастливить другихъ. Она суетъ Франциcкѣ подарки и даетъ ей деньги для перваго раненаго солдата, котораго она увидитъ. Отставка, бѣдность Теллгейма вполнѣ объясняютъ ей его молчаніе, но ей ни на минуту не приходитъ мысль, что это можетъ измѣнить ихъ отношенія. Она богата, и ей пріятно быть великодушной съ тѣмъ, кого она любитъ, но она не придаетъ этому великодушію серьезнаго значенія. Когда призванный ею Теллгеймъ объясняетъ ей, почему не считаетъ себя въ правѣ стать ея мужемъ, она отвѣчаетъ ему шуткой и говоритъ: „протяни же мнѣ руку, дорогой нищій“. Она признаетъ за нимъ право быть гордымъ, но и за собою признаетъ право успокоить добротою гордость возлюбленнаго. Но когда онъ убѣгаетъ отъ нея, она убѣждается, что дѣло гораздо серьезнѣе, нежели она полагала, и точно падаетъ съ облаковъ; она не думаетъ, конечно, что дѣло непоправимо, но уже самая необходимость бороться съ судьбою въ то время, которое она хотѣла (и имѣла право) посвятить счастію, прибѣгать къ хитрости тамъ, гдѣ для нея все такъ ясно, — тяжело.

Въ 3-мъ актѣ Юстъ является къ Миннѣ съ письмомъ Теллгейма, въ которомъ тотъ подробно излагаетъ ей свое положеніе и тѣмъ мотивируетъ свой отказъ. Изъ этого письма Минна убѣждается, что онъ честный и благородный человѣкъ, убѣждается, какъ сильно онъ любитъ ее. Но то же письмо убѣждаетъ Минну, что у него есть одинъ крупный недостатокъ, который зритель давно уже подмѣтилъ — гордость.

— Согласись,—говоритъ Минна Франциcкѣ:—если человѣкъ не желаетъ быть обязанъ своимъ счастіемъ даже и своей возлюбленной, вѣдь это непростительная гордость. И если онъ слишкомъ рѣзко выкажетъ ее, Франциска...

Франциска. Такъ вы, пожалуй, отъ него и откажетесь?

Минна. Вотъ глупости!..: Развѣ изъ-за одного недостатка можно отказаться отъ любимаго человѣка!

Нѣтъ, она только собирается за его гордость помучить его своею, хотя бы притворною гордостью.

Сцены Франциски съ хозяиномъ, съ Юстомъ и вахмистромъ Вернеромъ мало двигаютъ впередъ главное дѣйствіе; послѣдняя рядомъ съ драматической интригой господъ завязываетъ, по образцу итальянскихъ и французскихъ комедій, комическую интригу слугъ, обставленную, впрочемъ, болѣе гуманно и задушевно, нежели въ романскихъ образцахъ Лессинга; но сцена Теллгейма съ Вернеромъ очень важна и даже необходима: гордый дворянинъ получаетъ второй и болѣе сильный, чѣмъ отъ Юста, урокъ гуманности, и система его дѣйствій во второй

разъ оказывается несостоятельною. Вахмистръ, отъ котораго онъ не хочетъ принять въ долгъ денегъ, доказываетъ ему, что прежде, во время войны онъ принималъ же отъ своего подчиненнаго одолженія, болѣе серьезныя, и заявляетъ ему, что въ такомъ случаѣ и онъ вахмистръ не можетъ надѣяться прибѣгнуть къ нему за помощью и найти въ его домѣ уголъ подъ старость. Такимъ образомъ здѣсь гордость дворянская сталкивается съ болѣе законною гордостью человѣка изъ народа, которая признаетъ взаимныя одолженія, но сторонится отъ того, кто хочетъ поставить себя въ исключительное положеніе. Теллыгеймъ принужденъ уступить; онъ и по природѣ справедливый человѣкъ, и война пріучила его къ равенству. Онъ второй разъ и яснѣе прежняго убѣждается, что не имѣетъ права уходить отъ людей въ свою раковину, что его мнимо-героическое рѣшеніе обходиться безъ чужой помощи есть грубый и оскорбительный для его друзей эгоизмъ. Такимъ образомъ, условная побѣда Вернера—Теллыгеймъ обѣщалъ обратиться къ нему за денежною помощью, какъ только онъ будетъ въ крайности, а его слову Вернеръ не можетъ не вѣрить—подготовляетъ полную побѣду Минны надъ Теллыгеймомъ и побѣду Теллыгейма надъ самимъ собой, его нравственное очищеніе.

Эта побѣда достается Миннѣ не даромъ: она должна хоть на время и съ доброю цѣлью пожертвовать своею правдивостью. Въ 4-мъ актѣ, напрасно истощивъ надъ Теллыгеймомъ всѣ силы своего ума и чувства, чтобы доказать ему, что онъ можетъ и долженъ воспользоваться тѣмъ счастіемъ, которое посылаетъ ему судьба въ ея преданной любви, и оскорбленная его угрозой, что только негодяй можетъ поставить все свое счастіе въ зависимость отъ любящей женщины,— такъ высоко понимаетъ онъ мужское достоинство — Минна прибѣгаетъ къ заранѣе обдуманной хитрости: она безусловно отказывается отъ Теллыгейма—маіоръ отказывается отъ нея только до своего оправданія,—а подученная ею Франциска объясняетъ ему, что Минна лишена дядею наслѣдства и бѣжала изъ его дому, пожертвовавъ всѣмъ для него, Теллыгейма.

Эпизодическая сцена съ искателемъ приключенія, французомъ Рико — онъ приходитъ въ началѣ этого акта, чтобы сообщить Теллыгейму случайно добытое извѣстіе о хорошемъ оборотѣ, который принимаетъ дѣло Теллыгейма въ министерствѣ и, найдя вмѣсто него Минну, выманиваетъ у нея денегъ для игры — нужна развѣ только для райка, смѣхъ котораго легче всего возбуждается ломанымъ языкомъ; но въ нѣкоторое оправданіе Лесинга можно сказать, что этотъ наемный воинъ и chevalier d'industrie выхваченъ прямо изъ жизни того времени.

Въ пятомъ актѣ—развязка; Теллыгеймъ чувствуетъ, что онъ виноватъ передъ Минной, выказавъ такъ много гордости, и имѣетъ полное основаніе бояться, что теперь она отплатитъ ему тѣмъ же; онъ долженъ признать и за женщиной такое же право на гордость. То обстоятельство, что она не сразу обратилась къ его великодушію, не была съ нимъ правдива, онъ легко извиняетъ ей. Онъ, однако же, надѣется на лучшій исходъ, потому что чувствуетъ себя освобожденнымъ отъ своего грѣха—гордости и доказываетъ это на дѣлѣ, обращаясь къ Вернеру за денежною помощью.

Теллыгеймъ самъ удивляется перемѣнѣ, которую онъ чувствуетъ въ себѣ: въ немъ пробудилась вѣра въ людей, сознаніе силъ своихъ, и онъ самъ признаетъ, что нѣсколько часовъ онъ былъ близорукъ и боязливъ.

Теперь Минна отвергаетъ его руку, пользуясь тѣми же аргументами, которые приводилъ Теллыгеймъ, когда считалъ ее богатой и счастливой, и ставитъ его въ трагикомическое положеніе, заставляя опровергать все то, что̀ онъ гово-

ринъ. Но онъ дѣлаетъ это съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ и убѣжденіемъ, съ такимъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что ошибался, связывая свою честь и свое счастье съ исходомъ процесса въ прусскомъ министерствѣ, съ такою вѣрой смотритъ на будущее, съ такою готовностью покидаетъ родину, чтобы работать для счастья любимой дѣвушки, что симпатія зрителя всецѣло переходятъ на его сторону. Тогда-то появляется deus ex machina, возстановляющій и доброе имя Телльгейма, возвращающій ему и деньги, и мѣсто въ арміи. Но этотъ deus ex machina вовсе не является такимъ неожиданнымъ и неподготовленнымъ, какъ у Эврипида или у французовъ, даже лучшихъ: дѣло Телльгейма слишкомъ правое, и вмѣшательство Фридриха Великаго въ дѣла министерства болѣе, чѣмъ вѣроятно.

Когда и послѣ этого Минна продолжаетъ мучить Телльгейма, она кажется уже немного жестокой, и когда Телльгеймъ, узнавъ, что она выкупила его кольцо, приходитъ къ заключенію (слабо мотивированному), будто Минна пріѣхала для того, чтобы, добывъ обручальное кольцо, освободиться отъ обязательства, вторично отвергаетъ ее, какъ измѣнницу своему слову, зритель не жалѣетъ ея за минутное страданіе; оно не можетъ быть продолжительно, такъ какъ Миннѣ легко доказать несправедливость подозрѣній жениха. Соль довольно запутанной исторіи съ кольцами — майоръ думаетъ, что ему возвращено его кольцо, тогда какъ Минна подмѣнила его своимъ—плохо понятна не нѣмцу.

Заключительныя сцены: пріѣздъ дяди Минны, который Телльгейма встрѣчаетъ, какъ сына, примиреніе Телльгейма съ Вернеромъ, котораго онъ оскорбилъ въ минуту своего страданія и объясненія въ любви Франциски и Вернера, коротки и живы; въ особенности хороша послѣдняя; она представляетъ собою лучшее, что только создали нѣмцы прошлаго столѣтія въ области жанра.

«Минна ф. Барнгельмъ или солдатское счастье» имѣла большой успѣхъ.

Чтобы уяснить значеніе Лессингова Лаокоона, необходимо сказать нѣсколько словъ о Винкельманѣ, который и самъ по себѣ представляетъ слишкомъ крупную величину въ развитіи нѣмецкой мысли и самосознанія, чтобы его можно было обойти въ исторіи литературы XVIII вѣка.

Іог. Іоахимъ **Винкельманъ** род. въ 1717 г. въ Стендалѣ (въ Альтмаркѣ); онъ былъ сынъ башмачника, который не имѣлъ возможности дать сыну правильное школьное образованіе; но мальчикъ самъ пробилъ себѣ дорогу. Онъ поступилъ въ качествѣ полусекретаря, полулакея въ услуженіе къ одному учителю, который, замѣтивъ его способности и страсть къ ученью, собралъ средства, чтобы отправить его въ Берлинскую гимназію, и скоро въ знаніи классическихъ языковъ Винкельманъ обогналъ не только всѣхъ товарищей, но и многихъ преподавателей. Узнавъ, что въ Гамбургѣ распродается съ аукціона библіотека знаменитаго Фабриція, гимназистъ Винкельманъ пѣшкомъ отправился туда, на выпрошенныя Христа ради деньги купилъ нѣсколько хорошихъ изданій классиковъ и на своей спинѣ принесъ ихъ въ Берлинъ. Въ 1738 г. поступилъ онъ на богословскій факультетъ въ Галле; къ богословію онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго располо-

женія, но это была самая доступная для бѣднаго человѣка карьера. Въ 1740 г. онъ выдержалъ экзаменъ на кандидата богословія и пошелъ пѣшкомъ въ Парижъ, намѣреваясь оттуда пробраться въ Римъ; на ночлегъ онъ часто останавливался въ католическихъ монастыряхъ, гдѣ его принимали очень ласково, такъ какъ онъ увѣрялъ, будто собирается принять католичество. Но начавшаяся война не позволила ему продолжать свое путешествіе дальше Франкфурта. Пробывъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ и скопивъ немного денегъ, онъ поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ занимался анатоміей и математикой: уже тогда его привлекало античное искусство, для котораго онъ не могъ во всей Германіи найти преподавателя; анатомія была ему нужна для пониманія скульптуры, математика—архитектуры; такъ сказать, между дѣломъ онъ выучился по-англійски и по-итальянски. Но за неимѣніемъ средствъ онъ долженъ былъ покинуть университетъ и взялъ мѣсто конректора (младшаго учителя) въ начальной школѣ мѣстечка Зогтаузена на родинѣ. Тамъ онъ прожилъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ: жалованье было такъ ничтожно, что онъ могъ бы умереть съ голоду, еслибы по обычаю времени родители учениковъ не кормили его обѣдомъ по очереди (какъ у насъ въ деревняхъ кормятъ пастуховъ); лучшіе часы дня онъ употреблялъ на обученіе дѣтей чтенію и письму, къ чему у него не было ни охоты, ни способностей; книгъ не было, поговорить было не съ кѣмъ. И при такой жизни Винкельманъ находилъ силы для работы; прозанимавшись до полуночи, онъ засыпалъ часа на 4 въ своемъ креслѣ, а отъ 4 до 6, когда начинались его уроки, снова работалъ безъ устали. Однако энергія его слабѣла, и его замѣчательныя способности погибли бы безвозвратно, еслибы ему не удалось получить мѣсто библіотекаря у графа Бюнау, довольно извѣстнаго въ то время исторіографа, въ Нётницѣ, близъ Дрездена. Онъ получалъ здѣсь всего 80 талеровъ (ок. 120 рубл.) въ годъ, но послѣ учительства это были для него большія деньги. Да и кромѣ денегъ онъ имѣлъ здѣсь подъ руками массу книгъ, общество умнаго и образованнаго человѣка, а что̀ важнѣе всего: возможность посѣщать Дрезденъ. Въ дрезденской галлереѣ Винкельманъ окончательно понялъ свое назначеніе—служить искусству, и такъ какъ ему было слишкомъ поздно начинать учиться рисовать или лѣпить, онъ обратился исключительно къ художественной критикѣ и исторіи искусства, въ особенности античнаго, къ чему его такъ хорошо подготовили его прежнія занятія. Ему принесло большую пользу знакомство съ образованнымъ живописцемъ Öзеромъ, который позднѣе оказалъ благотворное вліяніе на юнаго Гёте. Винкельманъ всею душою стремился на родину искусства—въ Италію и въ особенности въ Римъ. Папскій нунцій Архинто обѣщалъ ему прочное положеніе въ папской столицѣ, если онъ согла-

сится перейти въ католичество. Винкельманъ былъ почти равнодушенъ къ протестантизму, но перемѣнять исповѣданіе изъ-за житейскихъ выгодъ ему было непріятно, и только послѣ тяжелой борьбы съ собою онъ рѣшился на этотъ шагъ въ 1754 г. Вслѣдъ за тѣмъ онъ издалъ свое первое сочиненіе: «Мысли о подражаніи твореніямъ грековъ въ живописи и скульптурѣ», которымъ онъ построилъ мостъ между античнымъ искусствомъ и лучшими произведеніями новаго и положилъ начало художественному пониманію древности. Возставая противъ господствовавшаго тогда повсемѣстно стиля рококо и манерности позднихъ итальянцевъ, Винкельманъ заявляетъ, что есть только одинъ путь для художника, чтобы сдѣлаться великимъ—«подражаніе древнимъ», т.-е. тотъ же путь, который проложили Микель-Анжело, Рафаэль и Пуссенъ. Онъ доказываетъ—и не только его доказательства, но и самая мысль была великою новостью,—что Сикстинская Мадонна прекрасна именно потому, что въ ней то же величіе контуровъ, то же благородное спокойствіе и простота, которымъ мы удивляемся въ лучшихъ статуяхъ греческихъ художниковъ.

Чтобы обратить больше вниманія на свою книжку, Винкельманъ самъ напечаталъ противъ себя возраженіе, потомъ самъ же побѣдоносно разбилъ свою критику. Но едва-ли ему нужно было прибѣгать къ такимъ хитростямъ: книжка и безъ того говорила сама за себя. «Эту рыбу надо пустить въ соотвѣтствующую ей воду»,—сказалъ, говорятъ, король и курфюрстъ саксонскій, познакомившись съ ея содержаніемъ *), и назначилъ Винкельману по 200 талеровъ въ годъ, на 2 года, чтобы онъ могъ докончить въ Римѣ свое художественное образованіе. Осенью 1755 г. Винкельманъ уѣхалъ въ Италію. Въ 1759 г. поступилъ онъ на службу, въ качествѣ библіотекаря и консерватора древностей, къ знаменитому кардиналу Альбани, и въ 1763 г. былъ сдѣланъ главнымъ хранителемъ древностей Рима и его окрестностей. Всѣ сокровища Ватикана находились въ его рукахъ, и онъ разставался съ ними только изрѣдка ради поѣздокъ въ Геркуланумъ и Помпею.

Такимъ образомъ Винкельманъ только 40-ка слишкомъ лѣтъ освободился отъ преслѣдованія судьбы и попалъ на настоящую дорогу; только теперь онъ, какъ говорится, расцвѣлъ душею и оказался способнымъ къ горячей дружбѣ и даже къ любви. Онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ итальянцами, сжился съ ними такъ, какъ будто онъ здѣсь и родился, но не забывалъ своихъ соотечественниковъ: когда нѣмецкіе путешественники или художники являлись въ Римъ, они находили въ Винкельманѣ отличнаго проводника, а если было нужно, то и друга. Въ 1764 г. вышла его знаменитая книга «Исторія искус-

*) Книжка была посвящена ему.

ства въ древности», можно сказать, его единственная книга, такъ какъ все то, что написано имъ до нея, служитъ подготовленіемъ къ ней, а что послѣ—дополненіемъ. Она до сихъ поръ не потеряла своего значенія; на ней основано не только наше эстетическое пониманіе древности, но въ значительной мѣрѣ и самое пониманіе красоты, такъ какъ въ ней, по выраженію Гердера, заключается историческая метафизика прекраснаго.

По ясности, опредѣленности и простотѣ выраженія это одна изъ лучшихъ книгъ на свѣтѣ.

Винкельманъ—продуктъ тогда уже начинавшагося космополитизма нѣмецкой мысли и науки; онъ первый «язычникъ» новой Германіи и въ этомъ отношеніи предшественникъ и учитель «великаго язычника»—Гёте. Онъ представляется какимъ-то выродкомъ изъ нѣмецкихъ писателей его времени; онъ какъ будто еще раньше, нежели переѣхалъ Альпы, былъ итальянцемъ, и скорѣе итальянцемъ возрожденія, чѣмъ XVIII в.: это упорство въ преслѣдованіи цѣли, настойчивость въ выпрашиваніи, необыкновенные пріемы для привлеченія вниманія къ своей первой книжкѣ, равнодушіе къ религіи, готовность оставить родину,—все это черты не нѣмецкія; этотъ сынъ нѣмецкаго башмачника и по наружности не похожъ на нѣмца: его тонкія насмѣшливыя губы, смѣлый прямой носъ, глубоко впавшіе глаза скорѣе принадлежатъ уроженцу юга; его преклоненіе передъ красотой формы и величіемъ простоты скорѣе напоминаетъ грека временъ Лукьяна, нежели современника мечтательнаго Клопштока.

Винкельманъ и жизнь кончилъ не по-нѣмецки: въ 1768 г., стосковавшись по Германіи, онъ поѣхалъ на родину, но скоро почувствовалъ, какъ сильно тянетъ его въ Римъ, и съ Регенсбурга повернулъ на Вѣну; осыпанный тамъ подарками и почестями, онъ возвращался черезъ Тріэстъ и тамъ былъ зарѣзанъ однимъ итальянцемъ, который прельстился его золотыми медалями и немногими его драгоцѣнностями.

Возвратимся къ Лессингу. Какъ первая книжка, такъ и всѣ послѣдующія работы Винкельмана имѣли сильное на него вліяніе, какъ бы открывали ему новую Америку; но къ мнѣніямъ самого Колумба онъ отнесся съ свободной критикой. Раздѣляя взгляды Брейтингера, Винкельманъ относительно содержанія отождествляетъ пластическія искусства съ поэзіей. «Я считаю несомнѣннымъ,—говоритъ онъ еще въ первомъ своемъ произведеніи,—что живопись имѣетъ столь же обширныя границы, какъ и поэзія, и что стало быть живописецъ также можетъ слѣдовать за поэтомъ, какъ и музыкантъ». Высшимъ проявленіемъ, какъ того, такъ и другого искусства, онъ считаетъ аллегорію. Какъ то, такъ и другое положеніе были не симпатичны Лессингу. Чтобы разъяснить различіе между поэзіей и искусствами

пластическими, опредѣлить ихъ взаимныя границы, Лессингъ издаетъ въ 1766 г. своего Лаокоона *).

«Если справедливо, — говоритъ онъ въ 16-ой главѣ своей монографіи,—что живопись, подражая природѣ, употребляетъ иныя средства или знаки, чѣмъ поэзія (а именно: живопись фигуры и краски, слѣдующія другъ за другомъ въ пространствѣ, а поэзія — членораздѣльные звуки, слѣдующіе другъ за другомъ во времени), и если несомнѣнно, что знаки должны стоять въ тѣсной связи съ тѣмъ, что имъ означено; то необходимо, чтобы знаки, стоящіе рядомъ, означали и предметы, стоящіе рядомъ или ихъ части, а знаки, слѣдующіе одинъ послѣ другого, означали предметы, слѣдующіе одинъ послѣ другого, или ихъ части, находящіяся въ такомъ же другъ къ другу отношеніи».

И живопись, и поэзія подражаютъ природѣ; но первая изображаетъ предметы, въ ихъ мѣстной послѣдовательности, а вторая— дѣйствія, въ ихъ послѣдовательности по времени. Живописецъ описываетъ, для чего онъ и имѣетъ всѣ нужныя средства, а поэтъ разсказываетъ. Если одинъ художникъ вторгается въ область другого, происходитъ нелѣпость; она очевидна для всѣхъ, если живописецъ захочетъ разсказывать (т.-е. въ одной картинѣ совмѣстить разные моменты); Лессингъ дѣлаетъ ее столь же очевидной и въ противуположномъ случаѣ; онъ иллюстрируетъ свое положеніе и доказательства массой примѣровъ; въ особенности убѣдительны его ссылки на отца поэзіи, Гомера, который не описываетъ скиптра, а разсказываетъ его исторію, не описываетъ одежды и вооруженія Агамемнона, а разсказываетъ, какъ одѣвался онъ, не описываетъ красоты Елены, а разсказываетъ, какое могучее дѣйствіе произвела красота ея на старцевъ Троянскихъ; для сравненія съ Гомеромъ онъ приводитъ описаніе красоты Елены изъ поэмы бездарнаго византійскаго стихоплета, гдѣ мы находимъ массу широковѣщательныхъ словъ, а въ содержаніи ихъ—нелѣпыя преувеличенія или паспортныя примѣты; и причина этого заключается не въ бездарности поэта: Аріостово описаніе красоты Альчины возбуждаетъ удивленіе къ искусству автора, но впечатлѣнія не производятъ ровно никакого.

Спеціальная часть Лессинговой монографіи разбираетъ извѣстную группу Лаокоона и ея сюжетъ съ такимъ пониманіемъ античнаго міра и его высокой художественной культуры, что справедливо, повидимому, приписываютъ вліянію Лессинга и Винкельмана подъемъ классицизма въ сѣверной и средней Германіи: въ Пруссіи фонъ-Зейблицъ, завѣдовавшій просвѣщеніемъ съ 1771, удвоилъ и утроилъ въ гимназіяхъ число уроковъ греч. языка и предписалъ читать классиковъ вмѣсто

*) По-русски прекрасно переведенъ и объясненъ Эдельсономъ. Москва 1859 г.

новаго завѣта. Вотъ когда заканчивается богословскій періодъ нѣмецкаго воспитанія и начинается новый, гуманистическо-научный.

По окончаніи Лаокоона *) Лессингъ изъ Бреславля переѣхалъ въ Берлинъ. Родственники, которымъ помогалъ онъ, были недовольны, что онъ бросилъ службу; но Лессингъ чувствовалъ, что она слишкомъ стѣсняла его и что для него пришло время вполнѣ отдаться излюбленной дѣятельности. Впрочемъ онъ надѣялся найти и въ Берлинѣ прочное положеніе: въ 1765 г. умеръ Gaultier de la Croze, бывшій директоромъ собственной библіотеки короля Фридриха. Тотъ, кому было поручено найти ему преемника, оказался любителемъ нѣмецкой литературы и предложилъ Лессинга; о литературныхъ трудахъ его Фридрихъ не имѣлъ, повидимому, ни малѣйшаго понятія, но помнилъ его фамилію по жалобѣ Вольтера и отказался на отрѣзъ. Тогда предложили Винкельмана, который соглашался съ удовольствіемъ и только просилъ 2000 талеровъ въ годъ (онъ тогда уже пользовался вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ въ Римѣ). «Для нѣмца достаточно и 1000 тал.», сказалъ Фридрихъ, и дѣло разошлось. Тогда снова и настойчивѣе прежняго заговорили о Лессингѣ; Фридрихъ разсердился и объявилъ, что онъ выпишетъ француза; онъ исполнилъ свое намѣреніе, и выписной французъ оказался человѣкомъ настолько образованнымъ и развитымъ, что въ 1783 г. онъ ожидалъ свѣтопреставленія и уѣхалъ на родину, чтобы встрѣтить это печальное событіе не въ еретической странѣ. Вотъ кого предпочелъ Лессингу герой просвѣтительнаго вѣка, Фридрихъ Великій!

Такъ и разошлись эти два человѣка, въ направленіи и въ характерахъ которыхъ было такъ много общаго: оба они работали надъ освобожденіемъ Германіи отъ домашнихъ и чужеземныхъ тирановъ мысли; оба вели нѣмцевъ къ сознанію своей силы; оба знали только одну духовную силу—разумъ; оба соединяли поразительную живость съ несокрушимою твердостью воли и неуклонностью въ жизненной борьбѣ, соединяли жажду жизни съ уваженіемъ къ долгу. Но коронованный просвѣтитель выросъ въ слишкомъ суровой школѣ, и она развила въ немъ коварство, эгоизмъ, двуличность и наклонность эксплуатировать слабости и невольныя ошибки людей; отъ этихъ непріятныхъ чертъ былъ свободенъ сынъ бѣднаго пастора.

Около этого времени нѣсколько любителей отечественнаго просвѣщенія и искусства задумали составить общество, чтобы поддержать и развить нѣмецкій театръ, зародыши котораго уже существовали въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ: лучшія силы нѣмецкихъ труппъ уже не подражали декламаціи французовъ. Нѣкоторые бога-

*) Эта монографія была разсчитана на 3 части, но Лессингъ выпустилъ въ свѣтъ только 1-ую, а продолженіе такъ и осталось за нимъ.

тые гамбургскіе купцы поддержали предпріятіе съ матеріальной стороны. Въ Гамбургѣ постарались собрать лучшихъ актеровъ и актрисъ, давать по возможности хорошія пьесы, устроить театральную школу, имѣть своего драматурга и издавать театральный критическій журналъ. Лессингу предложили мѣсто драматурга; онъ отказался писать пьесы на заказъ, но съ удовольствіемъ принялъ на себя обязанность театральнаго критика, и 1 мая 1767 г. вышелъ 1-й нумеръ его Гамбургской Драматургіи *) (она выходила 2 раза въ недѣлю). На первое время все шло хорошо, и Лессингъ, убѣжденный, что драма есть завершеніе искусства, а театръ—лучшая школа для взрослыхъ и лучшее орудіе для проведенія здравыхъ и свободныхъ идей, былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Но скоро оказалось, что программа журнала должна видоизмѣниться: актеры и актрисы обижались, получая порицаніе и замѣчанія отъ своего же критика: Лессингу пришлось ограничиться почти исключительно разборомъ пьесъ. Затѣмъ предпріятіе въ цѣломъ оказалось не прочнымъ, и нѣмецкое общество — мало для него подготовленнымъ; публика скоро утомилась серьезными пьесами, и когда въ Гамбургъ пріѣхала французская труппа, дававшая пьесы легкія, театръ началъ пустѣть все болѣе и болѣе. Лессингъ, въ началѣ дѣйствительно бывшій хроникеромъ и критикомъ Гамбургскаго театра, пересталъ слѣдить за нимъ, и его журналъ обратился въ критическое изслѣдованіе сущности драмы и сравнительный анализъ ея образцевъ. Послѣдній прощальный нумеръ вышелъ 19 апрѣля 1768 г.

«Драматургія» была своего рода битвой при Россбахѣ, жестокимъ урокомъ, который получили надменные французы отъ нѣмецкаго критика, и сигналомъ къ великой литературной реформѣ. Если можно пріурочить къ какому нибудь году паденіе ложнаго классицизма, то только къ тому, когда выходили ея листки. Лессингъ не только возстаетъ противъ исключительности французской теоріи драмы (представителемъ ея онъ выбираетъ лично ему антипатичнаго Вольтера), но и разбиваетъ эту теорію на всѣхъ пунктахъ. Онъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что эта теорія слаба прежде всего въ томъ, въ чемъ она считаетъ себя сильной; французскіе трагики и ихъ поклонники воображаютъ, что они слѣдуютъ примѣру древнихъ и правиламъ Аристотеля; ничуть не бывало: они только отдѣлываются отъ нихъ, придерживаясь ни къ чему ненужныхъ мелочей и оставляя въ сторонѣ все существенное. Они гордятся строгимъ соблюденіемъ единства времени и мѣста; но это не законъ, а подробность, объясняемая участіемъ хора, которое, съ своей стороны, объясняется религіознымъ происхожденіемъ греческой драмы. Нѣтъ хора, есть машины и за-

*) Русскій переводъ Рассадина, Москва 1883 г.

навѣсъ: единство—ненужное стѣсненіе. У грековъ драма національна и соотвѣтствуетъ эпохѣ; такова должна быть и всякая истинная драма. А французская драма не національна и противорѣчитъ духу времени. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ, котораго Вольтеръ считаетъ грубымъ варваромъ (хотя и не стыдится пользоваться отъ него), несравненно ближе къ Софоклу, нежели вылощенные французскіе трагики. Трагическое должно возбуждать не удивленіе, какъ у французовъ, а сочувствіе, какъ у Софокла и Шекспира. Это трагическое не можетъ быть навязано дѣйствующимъ лицамъ по волѣ поэта, а должно по необходимости вытекать изъ характеровъ и положеній ихъ. У французовъ все обдуманно, все условно и все не оригинально; основная страсть, двигающая у нихъ дѣйствіе,—любовь, строго слѣдуетъ приличіямъ и выражается условнымъ, «канцелярскимъ» языкомъ.

Эти положенія были развиты и доказаны, когда нѣмецкая драма настолько рабствовала передъ Франціей, что изъ 75 разобранныхъ Лессингомъ въ «Драматургіи» пьесъ 52 были переведены съ французскаго, а 23 «оригинальныя» пьесы были больше, чѣмъ на половину сколки съ французскихъ.

Отъ живыхъ вопросовъ о томъ, каковъ долженъ быть нѣмецкій театръ и какова нѣмецкая современная драма, Лессингъ сразу переходитъ въ самую глубь археологическихъ изысканій и въ томъ же 1768 г. принимается за «Письма антикварнаго содержанія». Какъ ни далеки по задачѣ своей и сюжету «Письма» отъ Драматургіи, между обоими произведеніями много общаго, и это общее очень характерно для Лесинга: и тамъ, и здѣсь изысканіе облечено въ форму горячей полемики, и эта полемика въ обоихъ случаяхъ направлена противъ того, что пользовалось незаслуженнымъ, искусственно вздутымъ авторитетомъ; тогда это былъ французскій псевдоклассицизмъ; теперь это была нѣмецкая «вицмундирная» наука.

Въ то время въ Галле каѳедру краснорѣчія занималъ нѣкто Христіанъ Адольфъ Клотцъ (Klotz); ему было всего 30 лѣтъ отъ роду, а онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ ординарнымъ профессоромъ и тайнымъ совѣтникомъ; Фридрихъ считалъ его замѣчательнымъ ученымъ. Клотцъ былъ несомнѣнно человѣкъ способный и ловкій; онъ хорошо учился въ школѣ и рано пріобрѣлъ правильный и изящный латинскій стиль; но славы своей онъ не заслуживалъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ внѣшнихъ талантовъ, которые отовсюду хватаютъ верхушки и умѣютъ угадывать вкусъ публики въ данную минуту. Такъ какъ въ послѣднее время, благодаря главнымъ образомъ Винкельманну, вошло въ моду античное искуство и археологія, онъ посвятилъ имъ нѣсколько изслѣдованій и скоро въ этой области, также какъ и въ

классической филологіи вообще, явился чѣмъ то въ родѣ диктатора. Онъ побаивался Лессинга и послѣ появленія Лаокоона написалъ ему чрезвычайно любезное письмо, но когда тотъ отвѣтилъ ему довольно холодно и не показалъ ни малѣйшаго желанія преклониться передъ его ученостью и остроуміемъ, Клотцъ сталъ задѣвать его печатно, трактуя его, по своей манерѣ, свысока *). Лессингъ рѣшилъ приняться за него серьезно, и въ письмахъ, а потомъ въ трактатѣ: «Какъ древніе представляли смерть» такъ отдѣлалъ его, что Клотцъ при всей своей самонадѣянности не могъ не признать свой авторитетъ подорваннымъ (онъ ум. 1771 г.). Помимо этого, такъ сказать, отрицательнаго значенія, «Письма антикварнаго содержанія» имѣютъ и положительное: нѣсколько важнѣйшихъ научныхъ вопросовъ поставлены замѣчательно ясно и въ то же время глубоко, и иные изъ нихъ рѣшены съ полною убѣдительностью.

Лессингу шелъ уже 40-й годъ, а у него не было, что̀ называется, ни кола, ни двора; между тѣмъ именно въ это время онъ нуждался въ опредѣленномъ общественномъ положеніи: онъ любилъ и мечталъ о женитьбѣ. Во время пребыванія въ Гамбургѣ онъ близко сошелся съ однимъ купцомъ Кенигомъ и его милой и симпатичной женой. Кенигъ умеръ во время одного путешествія, и Лессингъ скоро почувствовалъ, что Ева Кенигъ—единственная женщина, съ которой онъ можетъ быть счастливъ; но дѣла ея мужа остались въ крайне запутанномъ положеніи, а литературнымъ трудомъ Лессингъ и себя одного содержалъ плохо. По смерти Винкельмана (1768 г.) Лессингъ имѣлъ планъ поѣхать въ Италію (куда онъ уже давно стремился всею душей) и постараться занять его мѣсто; но этотъ планъ не могъ осуществиться по разнымъ причинамъ, между прочимъ по неимѣнію денегъ для поѣздки. Наконецъ въ 1770 г. онъ получилъ мѣсто библіотекаря въ Вольфенбюттелѣ, у герцога Брауншвейгскаго; но жалованье его было такъ ничтожно (600 талеровъ въ годъ), а дѣла вдовы Кенигъ были такъ плохи, что Лессингу пришлось еще 6 лѣтъ пробыть женихомъ. Несмотря на все это и несмотря на то, что человѣку, привыкшему къ большимъ городамъ, не могла нравиться жизнь въ маленькомъ провинціальномъ, ото всего далекомъ городишкѣ, Лессингъ чувствовалъ себя въ Вольфенбюттелѣ на первое время хорошо: онъ работалъ теперь покойно, не торопясь, не изъ-за гонорару; въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки онъ нашелъ много интереснаго и могъ дѣлиться этимъ съ публикой.

Но къ удовольствію своихъ друзей, онъ не оставлялъ и чисто

*) Въ 1768 г. вышла монографія Клотца: «О пользѣ рѣзныхъ камней». Онъ, правда, называетъ въ ней автора Лаокоона «однимъ изъ лучшихъ знатоковъ искусства», но обвиняетъ его въ вопіющихъ промахахъ.

литературныхъ занятій; теперь при большемъ душевномъ спокойствіи и при нѣкоторой обезпеченности онъ могъ привести въ исполненіе свои старинные планы и дать окончательную отдѣлку давно начатымъ произведеніямъ. Между ними значительнѣе другихъ были двѣ трагедіи: докторъ Фаустъ и Эмилія Галотти.

Первое упоминаніе о замыслѣ Фауста относится еще ко времени ранней молодости Лессинга; въ 1755 г. Мендельсонъ смѣется надъ намѣреніемъ своего друга передѣлать нелѣпую, какъ онъ думаетъ, народную пьесу въ мѣщанскую трагедію. Въ 1758 г. Лессингъ шутя приглашаетъ Глейма пріѣхать въ Берлинъ смотрѣть представленіе его Фауста, котораго онъ вскорѣ поставитъ на сцену. Въ слѣдующемъ году въ Литературныхъ письмахъ *), возставая противъ Готшедовой школы, онъ печатно говоритъ о Фаустѣ, какъ любимой народной пьесѣ нѣмцевъ,—пьесѣ, связанной генетически съ англійской драмой и мѣстами достойной самого Шекспира, и при этомъ сообщаетъ сцену изъ своего Фауста, выдавая ее за отрывокъ изъ какого-то «стараго наброска» драмы. Живя въ Гамбургѣ и работая почти исключительно для театра, Лессингъ снова съ большой энергіей принимается за Фауста, собираетъ матеріалы и мечтаетъ вскорѣ поставить его на сцену **). Но драматургія отвлекала его отъ этой работы, и скоро онъ рѣшительно покинулъ ее; когда въ 1769 и 1770 гг. друзья спрашиваютъ его о Фаустѣ, онъ отмалчивается, а позднѣе узнавъ о Фаустѣ Гёте, онъ остритъ надъ своимъ погибшимъ раньше рожденія произведеніемъ: «моего Фауста чортъ взялъ»!

Если Лессингъ и оставилъ Фауста вслѣдствіе сознанія, что его творческія силы для этого не пригодны или вслѣдствіе того, что онъ

*) 17-ое письмо, отъ 16 февраля.

**) Изъ замѣтки Лессинга, гдѣ онъ говоритъ о своемъ второмъ Фаустѣ и изъ письма книгопродавца Геблера отъ 3 декабря 1775 г., гдѣ онъ говоритъ, что Лессингъ обрабатывалъ этотъ сюжетъ 2 раза и во второй разъ «безъ всякой чертовщины» (въ этой редакціи «отъявленный злодѣй является мрачнымъ соблазнителемъ человѣка невиннаго»), Куно Фишеръ заключаетъ, что у Лессинга были два совершенно различныхъ плана Фауста (это сходится съ его остроумной, но искусственной теоріей о двухъ Фаустахъ Гете) и что второй планъ былъ выполненъ въ главной своей части въ Эмиліи Галотти. Но Лессингъ могъ назвать своего Фауста вторымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Руссо назвалъ свой романъ Новой Элоизой или, можетъ быть (что́ при его огромной начитанности не представляется невѣроятнымъ), на основаніи извѣстнаго письма Тритемія отъ 1507 (см. ниже, при Гегевскомъ Фаустѣ), гдѣ Георгій Сабелликъ, давшій матеріалъ для народной книги, называетъ себя Faustus junior, magus secundus; а Геблеръ, очевидно, плохо понялъ Лессинга; на что́ былъ ему Ключъ Соломона, который онъ желаетъ имѣть именно во время Гамбургской работы надъ Фаустомъ (Куно Фишеръ признаетъ, что замѣтка Лессинга относится къ этому времени), если его Фаустъ былъ безъ чертовщины? Вѣскія и въ общихъ чертахъ согласныя свидѣтельства Бланкенбурга и Энгеля совершенно противорѣчатъ словамъ Геблера. Самъ же Куно Фишеръ, очевидно, не вѣритъ словамъ Геблера, что обѣ пьесы написаны вчернѣ.

потерялъ всякій вкусъ къ фантастикѣ и титаническимъ порывамъ духа человѣческаго, во всякомъ случаѣ то немногое, что̀ мы знаемъ о его Фаустѣ, доказываетъ, какъ глубоко и оригинально, хотя въ то же время характерно для своей эпохи, понялъ онъ эту тему: его Фаустъ (также какъ и Фаустъ Гете) въ концѣ концовъ долженъ быть спасенъ, и адъ долженъ признать себя побѣжденнымъ: въ XVIII вѣкѣ жажда знанія не можетъ быть вмѣнена въ преступленіе.

Одинъ изъ важныхъ персонажей Фауста — искуситель, нашелъ себѣ художественное выраженіе въ лицѣ Маринелли, ловкость и злоба котораго обусловливаютъ трагическую развязку въ Эмиліи Галотти; на это прямо указываютъ заключительныя слова пьесы.

Трагедія Эмилія Галлотти задумана и частію написана еще очень рано; Лессингъ намекаетъ на нее въ письмѣ къ Мендельсону отъ 22 октября 1757 г.; три мѣсяца спустя въ письмѣ къ Николаи онъ упоминаетъ о ней, какъ будто она вчернѣ уже окончена, и говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, высказываетъ слѣдующее: «Его теперешній сюжетъ Мѣщанская Виргинія, а трагедію онъ озаглавилъ: Эмилія Галотти. Онъ выбросилъ изъ исторіи римлянки Виргиніи все то, чѣмъ интересовалось цѣлое римское государство. Онъ убѣжденъ, что судьба дочери, убиваемой своимъ отцемъ, которому ея честь дороже ея жизни, сама по себѣ довольно трагична; такое событіе способно потрясти душу зрителя, хотя бы и не повело къ государственному повороту». Пьеса эта трехъ-актная и «требуетъ полной свободы, свойственной англійской сценѣ». Лессингъ очень доволенъ своимъ сюжетомъ; тѣмъ не менѣе пьеса осталась въ портфелѣ. Въ Гамбургскій періодъ Лессингъ снова брался за нее, но опять-таки не окончилъ. Въ Вольфенбюттелѣ онъ работалъ надъ нею въ 1771 г.; старый планъ былъ оставленъ: вмѣсто 3-хъ актовъ явилось 5 и вмѣсто свободы англійской сцены, пьеса строго соблюдаетъ единство времени; въ началѣ 1772 г. Эмилія Галотти почти одновременно явилась и въ печати—въ Берлинѣ, и на сценѣ—въ Брауншвейгѣ; когда ее готовили къ постановкѣ въ день рожденія вдовствующей герцогини, въ ней нашли много такого, что̀ не годилось для придворнаго и притомъ торжественнаго спектакля; Лессингъ послалъ отпечатанные листы герцогу, на его судъ, и при этомъ опять-таки назвалъ свою трагедію Виргиніей въ новѣйшей формѣ. Герцогъ высказался въ пользу пьесы, и она была дана съ огромнымъ успѣхомъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе Эмиліи Галотти.

Первыя сцены 1-го акта раскрываютъ намъ характеръ и душевное состояніе печальнаго героя драмы—царствующаго принца небольшого итальянскаго государства Гвасталы. Онъ человѣкъ отъ природы недурной, способный сильно чувствовать и понимающій важность долга. Но исключительное положеніе и дурные совѣтники, потакающіе всѣмъ его страстямъ, испортили его. Родись онъ про-

стымъ гражданиномъ: купцомъ, офицеромъ, художникомъ, онъ прошелъ бы спокойно свой жизненный путь, не сдѣлавъ никого несчастнымъ; судя по его способности сильно чувствовать красоту въ натурѣ и живописи, онъ могъ бы быть даже выдающимся художникомъ. Но судьба отдала ему во власть сотни тысячъ людей, не давъ ему необыкновенныхъ силъ и стойкости, которыя необходимы для этого, и его человѣческія слабости дѣлаются источникомъ грѣха и горя. У него есть общепризнанная любовница, графиня Орсини, и онъ готовится вступить въ бракъ по государственному разсчету; но это обстоятельство, конечно, не смущаетъ его; онъ только тогда заговариваетъ о тяжкой необходимости „отдать свое сердце противъ воли“, когда это можетъ послужить для него предлогомъ, чтобъ отдѣлаться отъ любовницы, которую онъ болѣе не любитъ. Его заботитъ другое: онъ влюбленъ въ честную дѣвушку, Эмилію Галотти, отецъ которой не ищетъ милостей при его дворѣ. Онъ влюбленъ въ нее, какъ пылкій юноша, готовый высыпать все изъ кошелька на руку нищей, если она наполнитъ ему хоть звукомъ имени его возлюбленную; онъ готовъ опустошить свою казну, чтобы заплатить художнику за ея портретъ и за восторженныя похвалы оригиналу, жалѣетъ, что позвалъ своего любимца, когда онъ могъ бы провести чудное утро съ глазу на глазъ съ этимъ портретомъ; а между тѣмъ, при всей искренности увлеченія, въ его страсти тутъ же рѣзко выдается элементъ грубо эгоистичный и унизительный, обусловленный именно его исключительнымъ положеніемъ и подлостью окружающихъ: когда его наперсникъ Маринелли высказываетъ предположеніе, что Орсини принесена въ жертву не невѣстѣ, а новой любви, принцъ гордо спрашиваетъ: „Ну что-же? Развѣ это можно мнѣ поставить въ преступленіе?“ Признавая душевную чистоту Эмиліи, онъ мечтаетъ купить ее у матери, у отца или у нея самой. Какъ привыкъ онъ ставить свои желанія внѣ законовъ и покупать все, рѣшительно все!

Пока судьба не противъ него, и онъ, безсознательно полагаясь на человѣческую подлость и продажность, надѣется рано или поздно обладать Эмиліей, онъ еще способенъ къ добрымъ движеніямъ души: онъ хоть нѣсколько минутъ можетъ заняться дѣлами, можетъ толковать съ художниками, можетъ опровергать пессимистическіе и скептическіе взгляды Маринелли. Но когда онъ узнаетъ отъ этого Маринелли, что предметъ его любви сегодня же переходитъ въ руки другого, законнаго мужа, онъ перестаетъ быть человѣкомъ: онъ предоставляетъ неограниченную власть своему наперснику, злоба и безсовѣстность котораго ему хорошо извѣстны; онъ упрекаетъ себя за сантиментальную бездѣятельность и безплодные вздохи; онъ даже доходитъ до низости, собираясь отнять милостыню, поданную имъ какой-то просительницѣ за то, что она называется Эмиліей, а когда его совѣтникъ честный Ротта говоритъ, что ему надо подписать смертный приговоръ, принцъ, торопясь въ церковь, гдѣ надѣется видѣть Эмилію, отвѣчаетъ: очень охотно (recht gern). Это очень охотно звучитъ страшной угрозой міровластителямъ XVIII вѣка, которые знали только свои права, но не знали обязанностей, и герцогъ Брауншвейгскій, не увидавшій въ пьесѣ Лессинга ничего противуцензурнаго, былъ, должно быть, твердо увѣренъ въ себѣ: вѣдь принцъ Гвасталы вовсе не представленъ тираномъ, рѣдкимъ исключеніемъ; онъ только забываетъ о чужихъ дѣлахъ, когда слишкомъ занятъ своими собственными; онъ также охотно и не подписываетъ приговора, только бы ему поспѣть на свиданіе.

Героиня въ 1-мъ актѣ не появляется на сцену, но восхищеніе живописца идеальной красотой ея и буря, которую эта цѣломудренная красота поднимаетъ въ душѣ принца, прекрасно подготовляютъ зрителя къ ея появленію.

Во 2-мъ дѣйствіи мы въ городскомъ домѣ Галотти; мать Эмиліи Клавдія занята приготовленіями къ свадьбѣ, а дочь ушла въ церковь. Неожиданно пріѣзжаетъ изъ деревни Одоардо, отецъ Эмиліи (пріѣздъ его мотивированъ очень удачно близостью его помѣстья и его желаніемъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ такой торжественный для всей семьи день). Онъ горячо ненавидитъ дворъ и городъ, видитъ въ немъ опасности на каждомъ шагу; противъ воли отпустилъ онъ сюда дочь и жену, когда послѣдняя нашла нужнымъ вывозить Эмилію. Въ его будущемъ зятѣ ему нравится больше всего его намѣреніе жить не въ городѣ, а въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ дѣйствительно „ворчунъ" (Murrkopf), какъ называлъ его принцъ, но такимъ сдѣлали его мерзости, которыя онъ видитъ вокругъ себя. Послѣдствія доказываютъ, что онъ погрѣшилъ не подозрительностью своей, а тѣмъ, что измѣнилъ себѣ, позволивъ женѣ и дочери, противъ его убѣжденія, переселиться въ городъ. Отъ жены только теперь узнаетъ онъ, что принцъ видѣлъ его дочь, былъ очарованъ ея веселостью, умомъ и красотою... Зная принца, онъ въ ужасѣ отъ этого извѣстія; но такъ какъ въ этотъ же день его дочь получитъ знатнаго мужа и въ немъ надежнаго защитника, онъ сдерживается на этотъ разъ. Клавдія Галотти—добрая женщина и любящая мать (ehrliche Mutter, какъ называетъ ее принцъ); но она тщеславна (теперь за дочь), и склонна, въ противуположность мужу, слишкомъ оптимистически смотрѣть на все, что̀ носитъ на себѣ лоскъ большого свѣта. Умъ ея изворотливъ, но не силенъ; съ мущинами она привыкла хитрить, избѣгая сценъ и непріятностей, и подобно Іокастѣ, спокойствіе всегда предпочтетъ страшной истинѣ. Когда Эмилія прибѣгаетъ испуганная изъ церкви и разсказываетъ, какъ признавался ей въ любви и гнался за нею принцъ, мать успокоиваетъ ее и убѣждаетъ не говорить объ этомъ жениху. Вотъ первая, хотя невольная измѣна Эмиліи тѣмъ правиламъ искренности, въ которыхъ воспиталъ ее отецъ, и источникъ многихъ бѣдъ. Женихъ Эмиліи, графъ Аппіани,—самая слабая фигура во всей трагедіи; впрочемъ его меланхоличность и холодная нравоучительность его рѣчей объясняютъ отношенія Эмиліи къ нему и прекрасно мотивируютъ развязку: она не влюблена въ него, не видитъ въ немъ героя, а только хорошаго человѣка и партію, которая нравится ея родителямъ. Несмотря на итальянское имя и обстановку, Эмилія въ основѣ характера нѣмецкая благоразумная дѣвушка и, еслибъ она вышла за Аппіани замужъ, она была бы идеально-вѣрной ему женою, но лишившись его преждевременно, она легко можетъ забыть его и увлечься.

Этотъ актъ подготовляетъ первую катастрофу трагедіи: у Галотти служитъ Пирро, который одинъ разъ вошелъ въ сношенія съ бандитами и подвелъ подъ ножъ своего господина; теперь къ нему, какъ къ союзнику, обращается съ вопросами и распоряженіями продажный убійца, которому Маринелли поручилъ напасть на Аппіани и его невѣсту, когда они поѣдутъ въ деревню, и Пирро изъ страха не смѣетъ противорѣчить ему. Но убійство Аппіани — крайняя мѣра; Маринелли прежде пытается удалить его на время: онъ является въ домъ Галотти и отъ имени принца требуетъ, чтобы Аппіани немедля ѣхалъ посломъ къ невѣстѣ государя. Когда Аппіани отказывается, Маринелли такъ презрительно отзывается объ Эмиліи и ея родителяхъ, что возбуждаетъ негодованіе Аппіани, и тотъ называетъ его злой обезьяной. Маринелли требуетъ удовлетворенія, но когда Аппіани изъявляетъ полную готовность драться съ нимъ сію же минуту, Маринелли спасается бѣгствомъ.

Въ 3-мъ актѣ разыгрывается катастрофа; мы въ Дозало, увеселительномъ дворцѣ принца, мимо котораго должны проѣзжать Аппіани съ невѣстой и ея матерью. Маринелли докладываетъ принцу, который пріѣхалъ сюда по взаимному

между ними уговору, что Аппіани не принялъ порученія. Принцъ въ отчаяніи и опьяненіи страсти первый заговариваетъ о возможности силою похитить Эмилію; не то чтобы онъ прямо отдавалъ такое приказаніе Маринелли, но онъ, подобно Генриху Плантагенету, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не встрѣчаетъ достаточнаго усердія въ вѣрномъ слугѣ своемъ. Это лицемѣріе—самая отвратительная черта его, но готовность Маринелли ловить дурныя минуты своего государя, понимать его съ полуслова и щадить его „совѣстливость" еще болѣе отвратительна. Совѣтникъ Ротта въ первомъ актѣ—живое доказательство того, что если государь окруженъ честными людьми, его слабости не будутъ имѣть печальныхъ послѣдствій: они будутъ ловить и дурныя, и хорошія его минуты.

Маринелли съ дьявольскою хитростью не только вырываетъ у принца полусознательное распоряженіе, которое уже заранѣе имъ исполнено, но и оговаривается насчетъ „несчастныхъ случайностей"; принцъ ничего не имѣетъ противъ нихъ. Въ это время слышны выстрѣлы, отъ которыхъ погибаетъ графъ Аппіани и вслѣдствіе которыхъ Эмилія должна попасть въ руки принца. Принцъ начинаетъ догадываться, и ему, безконтрольному повелителю сотенъ тысячъ, дѣлается страшно! Еще бы не страшно: онъ уже во власти воплощеннаго дьявола, который не выпуститъ его изъ своихъ рукъ; его восклицаніе „ахъ, Маринелли"—крикъ слабовольнаго человѣка, душа котораго съ этой минуты безвозвратно отдана злу.

Слѣдуетъ рядъ живыхъ коротенькихъ сценъ: Маринелли узнаетъ отъ наемнаго убійцы, какъ произошло дѣло; принцъ видитъ подходящую Эмилію и забываетъ пережитую драму подъ вліяніемъ страсти; входитъ Эмилія, ничего незнающая о смерти жениха; Маринелли, потомъ принцъ напрасно пытаются успокоить ее; послѣдній, подъ вліяніемъ благороднаго порыва, даетъ Эмиліи слово не тревожить ее признаніемъ въ любви, и она позволяетъ увести себя не безъ сопротивленія; затѣмъ слѣдуетъ бурная сцена между Маринелли и матерью Эмиліи, которую смерть Аппіани и гнусный комплотъ, понятый материнскимъ инстинктомъ, навсегда излѣчили отъ тщеславія и женской двуличности; она теперь, по ея собственному выраженію,—львица, у которой отняли дѣтеныша; дочь услыхала ея крикъ, и онѣ соединились вмѣстѣ.

4-е дѣйствіе почти непосредственно слѣдуетъ за третьимъ. Принцъ узналъ о смерти Аппіани и клянется передъ Маринелли въ своей невинности; но онъ самъ плохо вѣритъ себѣ, а Маринелли доказываетъ ему, что еслибы онъ самъ, принцъ, не надѣлалъ глупостей, преслѣдуя Эмилію въ церкви, ни она, ни свѣтъ не заподозрили бы ихъ участія въ этомъ дѣлѣ; теперь же злодѣйство можетъ не принести никакихъ плодовъ. Принцъ долженъ признать справедливость его словъ, а Маринелли иронически проситъ извиненія въ своей правотѣ: онъ воспитанъ при дворѣ и знаетъ, что вина государя прежде всего взыскивается на томъ, кто доказалъ ее. Казнь принца уже начинается. На сцену появляется новое лицо—графиня Орсини, покинутая любовница принца. Она писала принцу утромъ и просила его о свиданіи въ увеселительномъ замкѣ Дозало; онъ не отвѣтилъ ей, даже не читалъ ея письма, но пріѣхалъ въ этотъ замокъ; она приняла это за исполненіе ея просьбы и явилась.

Орсини — одинъ изъ удачнѣйшихъ женскихъ характеровъ въ нѣмецкой поэзіи; еслибы вся поэтическая дѣятельность Лессинга ограничилась созданіемъ одного этого лица, мы не имѣли бы права отказать ему въ творчествѣ. Какъ и всѣ истинно художественныя созданія, она въ одинаковой степени принадлежитъ и своему вѣку, и всему человѣчеству. Въ злѣ, какъ и въ добрѣ, женщина стремительнѣе мужчины, и передъ злобой и коварствомъ сильнаго женскаго характера

всякій Маринелли окажется наивнымъ младенцемъ; мстительность и злоба женщины тѣмъ ужаснѣе, что она и подъ вліяніемъ этихъ аффектовъ сохраняетъ задушевность и женственность. Орсини — истое дитя XVIII вѣка, когда женщина уже не могла царить въ салонахъ одною красотою, когда умъ, и въ особенности умъ оригинальный и свободный, сталъ лучшимъ ея украшеніемъ; когда даже въ Германіи въ аристократическомъ кругу свобода нравовъ допускала общепризнанныя незаконныя связи, и когда любовница государя пользовалась такимъ же и даже бо́льшимъ почетомъ, какъ и его законная жена.

Орсини славилась своимъ умомъ *), который у нея настолько силенъ, что, не будучи направленъ ни къ чему хорошему, временами переходитъ границы благоразумія и доставляетъ ей репутацію эксцентричной женщины; она, по словамъ принца, страшно горда и расположена къ мрачной, дикой необузданности; да и какойуздѣ въ томъ вѣкѣ могла подчиниться женщина съ ея средствами и положеніемъ, и въ то же время могла ли она быть довольна двусмысленностью послѣдняго и безцѣльностью своего существованія? Самолюбію принца льстила побѣда надъ такой женщиной, а ей еще болѣе льстила побѣда надъ принцемъ; она умѣла занимать его, такъ что онъ былъ „веселъ, живъ и беззаботенъ", пока любилъ ее. Но вотъ принцъ полюбилъ другую, и хочетъ бросить ее, женщину съ такимъ громаднымъ самомнѣніемъ! Ей кажется, что она страстно любила его, что онъ разбилъ ея сердце, и ея мстительность не знаетъ предѣловъ; она приставляетъ шпіоновъ слѣдить за принцемъ и ѣдетъ въ Дозало на послѣднее свиданіе, запасшись кинжаломъ и ядомъ. Принцъ боится встрѣтиться съ ней; лукавый его совѣтникъ чувствуетъ себя въ ея обществѣ, какъ мышь, съ которой играетъ кошка: онъ проговаривается относительно пребыванія Эмиліи въ замкѣ, и Орсини быстро схватываетъ всѣ нити интриги. Напрасно Маринелли грозитъ ей; она не боится никого и ничего на свѣтѣ и соглашается уѣхать только для того, чтобы разгласить о преступленіи принца. Но въ дверяхъ она встрѣчается съ Галотти; по одному его слову догадывается, кто онъ, и остается, чтобы раскрыть ему глаза и передать свое мщеніе въ болѣе надежныя мужскія руки. Какъ женщина ревнивая и презирающая мѣщанскую нравственность, она подозрѣваетъ, что Эмилія сговорилась съ принцемъ; но она не осуждаетъ ея за это: она сама также поступила бы на ея мѣстѣ. Медленно, постепенно вливаетъ она ядъ въ душу Галотти, и съ адскою радостью убѣждается, что цѣль ея достигнута; только тогда называетъ она себя, вполнѣ увѣренная, что старикъ теперь уже не остановится на дорогѣ; кинжалъ ея уже въ его рукахъ. Мать Эмиліи, призванная имъ къ допросу, должна подтвердить слова Орсини относительно смерти Аппіани и свиданія дочери съ принцемъ. Галотти спѣшитъ отправить жену съ графиней, а самъ остается въ замкѣ.

5-й актъ. Нѣсколько минутъ спокойнаго размышленія убѣдили Галотти, что дочь его невинна и чиста и что съ его стороны было бы безуміемъ стать орудіемъ мщенія графини; достаточно будетъ, если онъ увезетъ дочь и лишитъ убійцу плода его преступленія. Такимъ образомъ злобный планъ Орсини рушится, и драматическая коллизія должна разрѣшиться однимъ безцѣльнымъ убійствомъ Аппіани. Но демонское коварство Маринелли и эгоизмъ принца снова затягиваютъ узелъ крѣпче, чѣмъ когда-нибудь. Съ злобной ироніей пользуясь восклицаніемъ Аппіани, который умирая назвалъ своего убійцу по имени, Маринелли требуетъ слѣдствія по дѣлу о смерти его „друга", волнуетъ душу отца безчестнымъ намекомъ, что женихъ Эмиліи убитъ „счастливымъ" соперникомъ и заставляетъ принца признать, что Эмилія должна быть подвергнута допросу въ столицѣ и на это время не

*) «Кому неизвѣстно, графиня, что вы философъ?» говоритъ ей Маринелли.

можетъ видѣться ни съ отцемъ, ни съ матерью; такимъ образомъ она останется во власти принца. Страшно взволнованный Галотти уже положилъ руку на спрятанный кинжалъ, но добродушное восклицаніе принца: „успокойтесь, любезный Галотти!“ спасло его отъ цареубійства. Онъ только требуетъ свиданія съ дочерью, и принцъ не въ силахъ отказать ему. Оставшись одинъ, Галлоти выдерживаетъ краткую, но страшную внутреннюю борьбу: онъ было рѣшился убить дочь, но ужасъ этого дѣла, которое онъ самъ не смѣетъ назвать себѣ, побуждаетъ его искать предлога уклониться: онъ даже рѣшается оклеветать передъ собою дочь, чтобы доказать себѣ, что она недостойна смерти отъ руки отца; но онъ не можетъ повѣрить ея преступности. Тогда онъ хочетъ возложить спасеніе дочери на провидѣніе; но Эмилія входитъ, и онъ рѣшаетъ, что стало быть такова воля Божія; опираясь на волю высшаго существа, человѣкъ можетъ принести въ жертву чести свое нѣжно любимое дитя.

Только въ этой роковой сценѣ выказывается героическая сторона характера Эмиліи; мать говорила про нее, что она самая боязливая и въ то же время самая рѣшительная дѣвушка,—боязливая въ первую минуту и рѣшительная, когда обдумаетъ свое положеніе. Она теперь спокойна, потому что обдумала свой способъ дѣйствій; догадавшись о смерти жениха и понявъ намѣренія принца, она увѣрена, что отецъ спасетъ ее изъ этого вертепа. Но вотъ она узнаетъ отъ отца, что должна остаться въ рукахъ принца; она глубоко возмущена за свое человѣческое достоинство, и ея безсвязныя восклицанія показываютъ, что она не видитъ исхода. Тогда-то отецъ вынимаетъ кинжалъ графини Орсини, и безповоротное рѣшеніе найдено: Эмилія будетъ свободна; не дадутъ ей кинжала, она прибѣгнетъ къ головной шпилькѣ. Напрасно убѣждаетъ ее испуганный близостью страшнаго дѣла отецъ, что герцогъ не рѣшится прибѣгнуть къ насилію. Эмилія согласна съ нимъ; не насилія она боится; но нѣтъ возможности излагать эту быстро, какъ жизнь, текущую сцену; представимъ слово самому поэту.

„Насиліе! Кто не устоитъ предъ насиліемъ? То, что́ называютъ насиліемъ, по моему — ничто. Соблазнъ—вотъ настоящее насиліе. Во мнѣ течетъ кровь, батюшка, молодая, горячая кровь. И чувства мои — человѣческія чувства. Я не отвѣчаю ни за что́. Я ни на что́ не гожусь. Я знаю домъ Гримальди: это домъ веселья. Я пробыла тамъ всего одинъ часъ на глазахъ у моей матери—и въ душѣ моей поднялась такая тревога, что самыя строгія внушенія религіи едва въ нѣсколько недѣль могли усмирить ее. Религіи! И какой религіи! Чтобъ избѣжать не худшаго зла, тысячи бросались въ волны—и стали святыми. Дайте, дайте мнѣ этотъ кинжалъ!

Одоардо. Еслибы ты знала, какой это кинжалъ.

Эмилія. Что жъ, если я и не знаю его! Неизвѣстный другъ—все-таки другъ. Дайте мнѣ его, дайте!

Одоардо. А если я тебѣ дамъ его?—вотъ! (Отдаетъ ей кинжалъ).

Эмилія. А! (Хочетъ заколоться; отецъ вырываетъ кинжалъ изъ ея рукъ).

Одоардо. Вотъ какъ скоро! Нѣтъ, это не для твоей руки.

Эмилія. Правда, я должна головной шпилькой... (Хочетъ найти въ волосахъ шпильку, и руки ея встрѣчаютъ розу). Ахъ, ты еще здѣсь? Долой тебя! ты не должна украшать волосы какой-нибудь... какъ отецъ назоветъ меня.

Одоардо. О, дочь моя!

Эмилія. О, батюшка! если я разгадала васъ... Но нѣтъ — вы не хотите и этого. Иначе зачѣмъ бы медлили вы? (Отрывая листки у розы). Въ прежнія времена были примѣры, что отецъ, чтобы спасти отъ стыда свою дочь, вонзалъ

сталь въ ея сердце и во второй разъ давалъ ей жизнь. Но это—подвиги прежняго времени. Такихъ отцовъ нѣтъ уже нынче!

Одоардо. Есть еще, дочь моя! есть еще! (закалываетъ ее). Боже! что́ я сдѣлалъ! (Эмилія падаетъ, Одоардо ее поддерживаетъ).

Эмилія. Сломили стебель розы прежде, чѣмъ буря разнесла ея листки по вѣтру. Дайте мнѣ поцѣловать эту отеческую руку.

Вбѣгаютъ принцъ и Маринелли.

Принцъ. Что́ это? Эмиліи дурно!

Одоардо. Ей очень хорошо! очень хорошо!

Принцъ (подходя ближе). Что́ я вижу? Ужасъ!

Маринелли. Бѣда мнѣ!

Принцъ. Жестокій отецъ, что́ вы сдѣлали?

Одоардо. Сорвалъ розу, прежде чѣмъ буря разнесла ея листья. Не такъ ли, дочь моя?

Эмилія. Не вы, батюшка, я сама, я сама...

Одоардо. Нѣтъ, дочь моя, не ты. Не оставляй свѣта съ неправдою на устахъ. Это совершилъ твой отецъ, твой несчастный отецъ!

Эмилія. Ахъ!... батюшка!... (Умираетъ. Одоардо бережно кладетъ ее на полъ).

Одоардо. Переходи въ лучшій міръ! Что же, принцъ, нравится она еще вамъ? Возбуждаетъ она еще въ васъ желаніе и теперь, когда утопаетъ въ крови, вопіющей объ отмщеніи? (Послѣ молчанія). Но вы ожидаете, чѣмъ все это кончится? Вы ждете, можетъ-быть, что я эту окровавленную сталь обращу противъ самого себя, чтобъ завершить мое дѣло, какъ въ глупой трагедіи? Вы ошибаетесь. Вотъ! (бросая кинжалъ къ ногамъ принца). Вотъ, онъ, кровавый свидѣтель моего преступленія! Я самъ предаю себя въ руки правосудія. Я иду и ожидаю васъ, какъ судью, а тамъ (указывая на небо)—буду ждать васъ предъ Судьею всѣхъ насъ!

Принцъ (послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго онъ смотритъ на трупъ, съ ужасомъ и отчаяньемъ къ Маринелли). Возьми, подними его. Что же ты не рѣшаешься? Презрѣнный! (Вырываетъ у него изъ рукъ кинжалъ). Нѣтъ, твоя кровь не должна смѣшаться съ этою кровью! Иди, спрячься отъ людей! Иди, говорю я тебѣ! Боже! Боже! Ужели, къ несчастію стольких людей, мало того, что принцы — тѣ же слабые люди? Неужели нужно еще, чтобъ подъ личиною друзей ихъ скрывались демоны!

Благодушный зритель выходитъ изъ театра растроганнымъ, даже глубоко потрясеннымъ; но первое его впечатлѣніе—недовольство развязкою: добродѣтель не только не торжествуетъ, но утопаетъ въ крови или ждетъ суда за дѣтоубійство; а порокъ остался, повидимому, безнаказаннымъ. Вѣдь кинжалъ былъ въ рукахъ у Галотти, и если Маринелли былъ слишкомъ низокъ для его справедливаго мщенія, то передъ нимъ стоялъ преступный принцъ, не защищаемый своими стражами. Ужели старая римская басня имѣла надъ фантазіей Лессинга такую власть, что онъ не рѣшился измѣнить ее по требованію общечеловѣческой справедливости?

Нѣтъ, римская басня здѣсь не причемъ; она дала только толчекъ поэту, первый абрисъ, а развязка была въ его рукахъ. Развѣ безнаказанность принца и Маринелли (зная порядки герцогскаго двора,

мы не можемъ думать, что его постигнетъ другое наказаніе, кромѣ удаленія) не возмущаетъ насъ настолько же, какъ возмутила бы безнаказанность дяди Гамлета или Яго?

Главная причина такой развязки—историческая. Мы не въ старой веселой Англіи, гдѣ людямъ такъ хорошо жилось на землѣ, что они забыли о небѣ; мы въ XVIII вѣкѣ, но не въ скептической Франціи, а въ богобоязненной, протестантской Германіи; мы имѣемъ дѣло не съ ученикомъ Вольтера, а съ его соперникомъ, не съ обезьяной французскаго просвѣщенія, а съ передовымъ бойцемъ нѣмецкой національной поэзіи и мысли, до тѣхъ поръ утѣсненной и подавленной. Доживи Лессингъ до эпохи романтиковъ, онъ былъ бы безпощаднымъ врагомъ ихъ; но тѣмъ не менѣе романтики тѣсно связаны съ нимъ и не только отрицательно, враждою къ французскимъ классикамъ, но и положительно, въ ихъ основной идеѣ-чувствѣ; здѣсь на землѣ не завершается роль человѣка; здѣсь страданія и несправедливость, а награда—тамъ. Здѣсь Галотти ожидаетъ герцога, какъ судью, а тамъ онъ будетъ ждать его передъ другимъ судьею.

Другая причина—теоретическая. Трагедія, по ученію Лессинга, должна возбуждать не удивленіе, а сочувствіе, состраданіе и не только тѣмъ, что̀ мы видимъ на сценѣ, а и тѣмъ, что̀ мы должны дополнять нашимъ воображеніемъ. Можетъ ли что нибудь возбудить болѣе сочувственное состраданіе, какъ Галотти—невинный отцеубійца передъ судомъ герцога? Трагизмъ значительно ослабѣлъ бы, еслибы онъ самъ совершилъ судъ надъ герцогомъ.

И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Эмилія Галотти является живымъ и геніальнымъ своею законченностью дополненіемъ къ Гамбургской драматургіи: въ ней всякая сцена подвигаетъ впередъ дѣйствіе и тѣсно связана съ предыдущей и послѣдующей; всякое дѣйствіе вытекаетъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, которые и опредѣляются не словами, а самымъ дѣйствіемъ; тѣ же характеры, а не слѣпой фатумъ, управляютъ завязкой и развязкой, и такъ какъ всякій характеръ заключаетъ въ себѣ и дурное, и хорошее, какъ и въ жизни дѣйствительной—даже и Маринелли—воплощенный демонъ, вѣрно и энергично служитъ тому, что онъ считаетъ интересами принца;—даже и Эмилія способна поддаться соблазну, — то зритель все время въ напряженіи, все время не знаетъ исхода столкновенія; съ первой сцены въ кабинетѣ герцога и до заключительной катастрофы возбуждены основныя трагическія чувства—страхъ и состраданіе. Лучшая часть нѣмецкой публики поняла великое значеніе драмы Лессинга, и съ тѣхъ поръ его начинаютъ называть нѣмецкимъ Шекспиромъ. Гете и Шиллеръ, какъ драматурги, воспитались на Эмиліи Галотти, и хотя Шиллеръ впослѣдствіи, раздвинувъ рамки трагедіи, неодобри-

тельно, даже враждебно отзывался о ней, одна изъ лучшихъ его драмъ есть безсознательное подражаніе пьесѣ Лессинга.

Въ 1775 г. исполнилось давнишнее желаніе Лессинга: принцъ Леопольдъ Брауншвейгскій взялъ его съ собою въ Италію, гдѣ онъ и провелъ около года. По возвращеніи оттуда Лессингъ снова занялъ свое мѣсто въ Вольфенбюттелѣ, получилъ прибавку жалованья, 200 талеровъ въ годъ, и въ 1776 г. наконецъ могъ обвѣнчаться съ своей нѣжно любимой невѣстой и въ первый разъ зажить счастливою и покойною жизнью. Несмотря на прошлые труды и лишенія, онъ сохранилъ крѣпкое здоровье, обѣщавшее повидимому продолжительность счастія. Черезъ годъ онъ былъ отцемъ,—но только на нѣсколько часовъ: его сынъ умеръ въ тотъ же день. Съ горькой, душу раздирающій ироніей пишетъ онъ по этому поводу своему пріятелю: «Моя радость была кратковременная. А не хотѣлось мнѣ терять сына: онъ былъ такъ уменъ, такъ уменъ! Не думайте, что за нѣсколько часовъ моего «родительства» я пріобрѣлъ глупое родительское самолюбіе; я знаю, чтѡ я говорю. Развѣ это не умъ, что его должны были вытащить на свѣтъ желѣзными щипцами? развѣ это не умъ, что онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы уйти со свѣта!» Тутъ же Лессингъ выражаетъ опасенія за жизнь жены. Эти опасенія оправдались, и уже въ началѣ 1778 г. Лессингъ снова былъ одинъ на свѣтѣ. Онъ пережилъ свое счастье всего только тремя годами и умеръ 1-го февраля 1781 г.

Но и эти три послѣдніе года прошли не безплодно: онъ усиленно работалъ, полемизировалъ и создалъ величайшую изъ своихъ драмъ: «Натана Мудраго».

Ставъ библіотекаремъ въ Вольфенбютелѣ, Лессингъ получилъ право печатать безъ цензуры тѣ рукописи или отрывки, которые сочтетъ достойными вниманія. Въ этомъ изданіи напечаталъ онъ между прочимъ безъ имени автора, со своими примѣчаніями трактатъ одного недавно умершаго нѣмецкаго деиста, гамбургскаго мыслителя, профессора Реймаруса, подъ заглавіемъ: Апологія, или защита разумныхъ почитателей Бога. Хотя авторъ съ такою же энергіею возстаетъ противъ распространеннаго тогда въ Германіи французскаго атеизма, какъ и противъ формальной религіи, протестантское духовенство возстало на издателя, и старшій гамбургскій пасторъ—Гаспаръ Мельхіоръ Геце (Goeze) выступилъ противъ Лессинга, который въ этомъ случаѣ былъ козломъ отпущенія за всѣхъ нѣмецкихъ свободныхъ мыслителей, съ печатнымъ обличеніемъ, сильнымъ и рѣзкимъ, но грубымъ и въ сущности неискусно направленнымъ.

Но Лессингъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые подставляютъ свою спину подъ удары раздраженныхъ враговъ, и точно обрадо-

вался случаю отвлечься отъ своего тяжкаго горя ожесточенной полемикой за великое дѣло свободы совѣсти и мысли. Никогда еще его полемическій талантъ не выказывался въ такомъ блескѣ: намъ кажется, что мы присутствуемъ при блестящемъ диспутѣ, въ которомъ всѣ симпатіи наши на сторонѣ одного изъ борцевъ въ то время, какъ грубая сила авторитета поддерживаетъ другого. Самые горячіе патріоты сѣверной Германіи согласны, что Лессингъ не уступаетъ драматическою живостью лучшимъ изъ летучихъ листковъ Лютера; а между тѣмъ эта живость не исключала у Лессинга строгаго единства плана и цѣли, безусловной логичности и послѣдовательности, въ которыхъ у Лютера часто чувствуется недостатокъ.

Всѣ статьи Лессинга въ защиту себя, Реймаруса и религіозной свободы носятъ одно общее заглавіе Анти-Гёце (въ первой половинѣ 1778 г.); полемическимъ статьямъ предшествуетъ притча, которая представляетъ полную програму ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ основную мысль Натана Мудраго. Вотъ ея содержаніе:

„Мудрый царь великаго государства построилъ въ своей столицѣ дворецъ необыкновенной величины и совершенно особенной архитектуры. Дворецъ былъ такъ великъ, чтобы въ немъ могли собираться всѣ, въ комъ царь нуждался, какъ въ помощникахъ и орудіяхъ для дѣлъ правленія. Архитектура его противорѣчила всѣмъ правиламъ; но она нравилась и соотвѣтствовала цѣли". Дворецъ стоялъ много, много лѣтъ во всей чистотѣ и полнотѣ своей; снаружи онъ былъ немного непонятенъ; извнутри онъ весь былъ свѣтъ и гармонія. Не понимали, какъ столь незначительное число оконъ могло давать достаточно свѣту для огромнаго количества комнатъ; немногимъ приходило на умъ, что лучшія изъ нихъ получаютъ свѣтъ сверху. Не понимали, зачѣмъ столько разнообразныхъ входовъ; немногіе догадывались, что по нимъ легче было приходить во дворецъ призываемымъ.

Горячѣе всего спорили объ архитектурѣ дворца тѣ, кто мало зналъ о его внутренности. Хуже всего было то, что во дворцѣ нашли древніе планы первыхъ архитекторовъ, но планы эти были написаны непонятными знаками, о смыслѣ которыхъ отчаянно спорили люди; на основаніи старыхъ плановъ составляли новые, и каждый изъ составителей уговаривалъ или принуждалъ другихъ принять его планъ. Плохо приходилось тѣмъ немногимъ благоразумнымъ, которые говорили: „что намъ за дѣло до вашихъ плановъ? Довольно того, что божественная мудрость во всемъ дворцѣ и что на всю землю изливается изъ него красота, порядокъ и благосостояніе"; такихъ людей называли убійцами и поджигателями, въ особенности когда они иногда, смѣясь, поближе освѣщали одинъ изъ плановъ; но они не смущались и работали внутри дворца.

Разъ въ полночь внезапно раздался крикъ сторожей: пожаръ! пожаръ во дворцѣ! Всѣ вскочили съ постелей и схватились за свои планы; „только бы это спасти", думалъ каждый; „дворецъ не можетъ сгорѣть: онъ здѣсь цѣликомъ". Никто не шелъ тушить пожара, а всѣ показывали другъ другу планы и каждый на своемъ планѣ хотѣлъ опредѣлить мѣсто, гдѣ именно пожаръ. Дворецъ сгорѣлъ бы непремѣнно, еслибъ это былъ настоящій пожаръ; но это было только сѣверное сіяніе.

Грандіозный дворецъ, изливающій на всю землю красоту, порядокъ и благосостояніе—есть религія, которую Лессингъ не считалъ

возможнымъ отождествлять съ какою бы то ни было книгой; религія необходима, какъ средство къ удовлетворенію жажды знанія о мірѣ и какъ основа нравственности; рядъ религій есть рядъ ступеней въ развитіи человѣчества; высшая та ступень, когда добродѣтель сама въ себѣ находитъ награду, а не обусловливается наградой извнѣ; Гёце—одинъ изъ хранителей плановъ, отождествляющихъ букву съ великимъ зданіемъ; еслибы фрагменты Реймаруса былъ пожаръ, а не сѣверное сіяніе, Геце и К° не спасли бы дворца.

За «Антигеце» у Лессинга было отнято право издавать безъ цензуры Вольфенбюттельскіе фрагменты и ему велѣно бы прекратить полемику. Напечатавъ послѣднюю брошюру: «Нужный отвѣтъ на весьма ненужный вопросъ» и тѣмъ удержавъ за собой поле битвы, Лессингъ переноситъ полемику въ область искусства.

Лессингъ работалъ надъ Натаномъ Мудрымъ въ концѣ 1778 г. и въ началѣ 1779 г. Онъ называетъ эту пьесу «сыномъ наступающей старости, рожденію котораго много помогла полемика». Дѣйствительно, полемика помогла появленію Натана, но не произвела его; это высоко-художественное произведеніе, подводящее итоги гуманно-просвѣтительной дѣятельности великаго нѣмца, имѣетъ болѣе важную задачу, нежели окончательное пораженіе узко-протестантской ортодоксальности. Но связь между драмой и полемикой очевидна; между прочимъ она выражается и въ томъ, что какъ полемика начинается съ параболы, такъ и въ основѣ драмы лежитъ старая притча.

Въ 89 главѣ знаменитаго въ средніе вѣка сборника: Gesta Romanorum *) разсказывается объ одномъ воинѣ, имѣвшемъ 3-хъ сыновей; старшему онъ оставилъ въ наслѣдство свое недвижимое имѣніе, второму—деньги, а третьему далъ кольцо многоцѣнное, которое было дороже всего прочаго; но не желая обижать старшихъ дѣтей, воинъ и имъ далъ кольца такія же по виду (поддѣльныя). Послѣ смерти отца начался споръ между дѣтьми: у кого настоящее кольцо. Для испытанія привели больныхъ; кольца старшихъ братьевъ не могли произвести надъ ними никакого дѣйствія; а кольцо младшаго всѣхъ исцѣлило.

Въ „морализаціи“ авторъ объясняетъ, что воинъ — это Іисусъ Христосъ; 3 сына — 3 религіи: Іудейская, Сарацинская, Христіанская; Іудеямъ богъ далъ землю обѣтованную; Сарацинамъ — сокровище мірское, а христіанамъ — кольцо истинной вѣры.

Въ Итальянскомъ сборникѣ новеллъ: Cento novelle antiche (иначе il novellino) **) эта притча получаетъ такой видъ: Султанъ призываетъ къ себѣ богатаго еврея и спрашиваетъ у него, какая вѣра лучше; онъ разсчитываетъ на то, что еврей или отдастъ предпочтеніе своей, и въ такомъ случаѣ долженъ будетъ поплатиться за оскорбленіе вѣры мусульманской, или похвалитъ магометанство и тогда принужденъ будетъ принять его. Еврей разсказываетъ ему притчу о

*) Мѣсто происхожденія этого сборника неизвѣстно; время—конецъ XIII столѣтія; первое изданіе по латыни ок. 1472 г.; лучшее критическое изданіе Oesterley Berl. 1872.

**) Это древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ итальянскихъ сборниковъ; составленъ немного послѣ 1311 г. См. Dunlop-Liebrecht стр. 211 и слѣд.

3-хъ кольцахъ, не упоминая объ испытаніи ихъ; только отецъ знаетъ, какое изъ колецъ настоящее, а каждый изъ сыновей считаетъ подлиннымъ свое. Султанъ долженъ отпустить его, не имѣя, къ чему придраться.

Въ передѣлкѣ Боккачіо (день 1, нов. 3-ья) вмѣсто безымяннаго султана является знаменитый Саладинъ; еврей—богатый ростовщикъ Мельхиседекъ. Саладинъ намѣренъ занять у него денегъ и, чтобы поставить его въ необходимость развязать кошелекъ, задаетъ ему опасный вопросъ. Мельхиседекъ отвѣчаетъ притчей; въ изложеніи Боккачіо кольцо не имѣетъ чудесной силы, но обладаніе имъ дѣлаетъ обладателя главою дома и наслѣдникомъ. Любя одинаково троихъ сыновей своихъ, которые были одинаково добродѣтельны и почтительны, отецъ заказываетъ еще 2 кольца, до того сходныхъ, что самъ заказавшій едва могъ различить настоящее *). Послѣ смерти отца сейчасъ же начался споръ между братьями, который и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Саладинъ, пораженный находчивостью еврея, признался ему въ своемъ намѣреніи; тогда Мельхиседекъ добровольно предложилъ султану нужную сумму. Позднѣе султанъ расплатился, а Мельхиседекъ остался его другомъ.

Лессингъ воспользовался именно новеллой Боккачіо. Легко понять, почему она такъ понравилась ему: во 1-хъ общій смыслъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ его взгляду на взаимное отношеніе религій; во 2-хъ, дѣйствіе ея происходитъ во время крестовыхъ походовъ, когда дѣйствительно всѣ три религіи сталкивались ежедневно, и въ ней видную роль играетъ султанъ Саладинъ, который, какъ было извѣстно всѣмъ, гуманностью и вѣротерпимостью превосходилъ многихъ христіанъ; въ 3-хъ, носителемъ глубокомысленной истины является еврей, въ лицѣ котораго Лессингъ могъ выразить лучшія черты своего друга Мозеса Мендельсона.

Драма, въ основу которой положена эта новелла, получившая у Лессинга своеобразную, глубокоморальную обработку, представляетъ высшую и послѣднюю ступень драматическаго творчества, какъ понималъ его великій критикъ: начавъ съ драмы характеровъ (раннія пьесы, Сара Самсонъ и Эмиллія Галотти) и перейдя черезъ драму нравовъ, проникнутую горячимъ національнымъ чувствомъ (Минна ф. Барнгельмъ), Лессингъ въ Натанѣ доходитъ до гуманной, общечеловѣческой драмы мысли въ стихотворной формѣ. Вотъ вкратцѣ содержаніе Натана по дѣйствіямъ.

У султана Саладина былъ братъ Ассадъ, который женился на христіанкѣ и переѣхалъ жить въ Европу подъ именемъ Вольфа фонъ-Фильнека. Онъ имѣлъ 2-хъ дѣтей, сына и дочь. Сынъ воспитался въ Германіи, поѣхалъ въ св. землю и поступилъ въ орденъ храмовниковъ; дочь попала ребенкомъ въ Азію къ мудрому еврею Натану, у котораго христіане убили жену и дѣтей; въ маленькой Рехѣ Натанъ нашелъ себѣ утѣшеніе. Выросши у него въ домѣ, Реха считаетъ его отцемъ своимъ. Храмовникъ попался въ плѣнъ къ Саладину; тотъ велѣлъ-было предать его смерти, но пораженный его сходствомъ съ братомъ, остановилъ казнь, и храмовникъ, не зная о причинѣ своего спасенія, живетъ близъ двора султана

*) Li quali si furono simiglianti al primiero, che esso medesimo che fatti gli avea fare, appena conosceva, qual si fosse il vero.

въ Іерусалимѣ. Не задолго до начала пьесы, въ отсутствіи Натана, у него въ домѣ случился пожаръ; храмовникъ спасъ жизнь Рехѣ, и она съ тѣхъ поръ боготворитъ его.

1-ое дѣйствіе. Натанъ возвращается изъ путешествія, и его домоправительница христіанка Дая, а потомъ и сама Реха разсказываютъ ему объ опасности, которой подвергались онѣ, и объ избавителѣ; тампліеръ до сихъ поръ рѣзко отказывался отъ ихъ благодарности и знакомства, а въ послѣднее время его и совсѣмъ не видать. Натанъ дѣлаетъ предположеніе, что спаситель Рехи заболѣлъ. Реха въ страшномъ отчаяніи, что она ничего не сдѣлала для него; Натанъ успокоиваетъ ее, объясняя, что онъ только хотѣлъ показать ей, насколько „людямъ легче

Быть набожно-мечтательными, чѣмъ
Добро творить на дѣлѣ. Что натура,
Лишенная энергіи, себя
Мечтательностью набожною тѣшитъ—
Сама порой не сознавая, въ чемъ
Цѣль этого стремленья,—лишь бы только
Не брать себѣ тяжелаго труда—
Добро творить на дѣлѣ *).

Отпустивъ Даю и Реху, Натанъ видитъ подходящаго къ нему дервиша Аль-Гафи, но въ роскошной одеждѣ придворнаго. Аль-Гафи — совершеннѣйшій представитель умственной богемы идеалистовъ; у него нѣтъ ни собственности, ни мѣста жительства; у него только одна страсть — шахматы; онъ другъ всѣхъ умныхъ и выдающихся людей, въ томъ числѣ Натана и Саладина; теперь Саладинъ уловилъ его на свою службу и сдѣлалъ его казначеемъ своей дворцовой казны, убѣдивъ его такимъ образомъ:

„Лишь нищему извѣстно,
„Что на душѣ у нищихъ, онъ сказалъ,—
„И нищему умѣетъ только нищій
„Такъ подавать, чтобъ онъ утѣшенъ былъ.
„Предмѣстникъ твой былъ слишкомъ непривѣтливъ
„И холоденъ. Онъ грубо такъ давалъ,
„Когда давалъ; такъ вспыльчиво и злобно
„Сперва всегда освѣдомлялся онъ
„О личности просящихъ. Недовольный
„Сознаніемъ, что предъ нимъ—нужда,
„Онъ узнавалъ еще нужды причину,
„Чтобъ съ ней свою подачку каждый разъ
„Соразмѣрять. Аль-Гафи же не будетъ
„Такъ поступать! Въ Аль-Гафи Саладинъ
„Не явится такъ зло и грубо добрымъ!
„Аль-Гафи не похожъ на жолоба,
„Что, засорясь, прозрачнѣйшую воду,
„Въ нихъ влитую спокойно, изъ себя
„Нечистою и шумной извергаютъ.
„Аль-Гафи мой и думаетъ, какъ я,
„И чувствуетъ, какъ я“.

Тонкая и въ то же время яркая характеристика и султана и дервиша! Но Аль-Гафи не доволенъ своею дѣятельностью: онъ считаетъ шутовствомъ (хотя и

*) Переводъ П. Вейнберга изд. Бакста, стр. 239.

благороднымъ) подражать въ неограниченномъ милосердіи Всевышнему на деньги, собранныя деспотизмомъ и насиліемъ; къ тому же казна, ему порученная, къ вечеру каждаго дня пустѣе пустоты, и дѣла султана крайне запутаны. Не нынче—завтра онъ кинетъ все и уйдетъ въ Индію.

Слѣдующія сцены происходятъ въ пальмовой алеѣ, гдѣ прогуливается тампліеръ, утоляя свой голодъ финиками: въ монастырѣ, куда ходилъ онъ, онъ уже не засталъ обѣда. Къ нему подходитъ монахъ, подосланный патріархомъ, чтобы уговорить тампліера измѣннически напасть на Саладина и передать военныя тайны Іерусалима королю Филиппу. Монахъ—честный человѣкъ, и это подсылка вовсе не по душѣ ему, но онъ долженъ и привыкъ повиноваться начальникамъ. Борьба между покорностью и честностью въ этомъ разговорѣ дѣлаетъ его характерно-двуличнымъ; онъ и убѣждаетъ рыцаря, и безпрестанно указываетъ, что такъ патріархъ говоритъ, а не онъ. Къ его великому удовольствію тампліеръ на отрѣзъ отказывается отъ безчестнаго дѣла. По уходѣ монаха къ тампліеру подходитъ Дая и старается убѣдить его познакомиться съ Натаномъ; тампліеръ грубо отказывается.

2-ое дѣйствіе. Саладинъ съ своею сестрою Ситтой играетъ въ шахматы и нарочно проигрываетъ, чтобы косвенно сдѣлать ей подарокъ. Приходитъ Аль-Гафи и, не будучи въ силахъ сносить долѣе фальши, заставляетъ Ситту признаться, что она давно не только не получаетъ ни выигрышей, ни содержанія, но и снабжаетъ изъ собственной шкатулки султана. Саладинъ хочетъ во чтобы то ни стало добыть денегъ. Ситта разспрашиваетъ Аль-Гафи объ его другѣ Натанѣ мудромъ: нельзя ли у него занять денегъ; смущенный Аль-Гафи говоритъ, что Натанъ не даетъ денегъ подъ проценты и спѣшитъ уйти. Ситта хочетъ выдумать хитрость, чтобы достать денегъ у жида.

Слѣдующія сцены происходятъ въ той же пальмовой аллеѣ близъ дома Натана. Онъ подстерегаетъ тампліера и осыпаетъ его выраженіями благодарности и предложеніемъ услугъ. Тампліеръ сперва холодно и грубо отвергаетъ все это; но Натанъ своимъ умомъ и деликатностью тронулъ его, а гуманность и вѣротерпимость въ нѣсколько минутъ сдѣлали ихъ друзьями: тампліеръ только по наружности грубый воинъ, а въ душѣ это тонко чувствующій человѣкъ, умственнымъ развитіемъ далеко превосходящій окружающихъ; онъ не сенсуалистъ и скептикъ, какъ тампліеръ въ романѣ Вальтера Скотта Айвенго, а философски развитой бѣдный нѣмецкій юнкеръ XVIII вѣка, только огрубѣвшій подъ офицерскимъ мундиромъ; это—Телльгеймъ въ другомъ, но сходномъ положеніи: оба они безъ копѣйки денегъ въ карманѣ, также какъ и султанъ Саладинъ. Не будетъ натяжкой указать на эту автобіографическую черту въ драмахъ Лессинга: состояніе духа сильнаго умомъ и характеромъ человѣка въ минуты безденежья было очень хорошо знакомо ему по опыту; припомнимъ, что тампліеръ, Телльгеймъ и Саладинъ напоминаютъ Лессинга и по горячности крови своей, и по страсти къ борьбѣ. Прибѣгаетъ Дая и извѣщаетъ Натана, что его зоветъ къ себѣ султанъ. Аль-Гафи разъясняетъ ему, что султанъ, очевидно, потребуетъ отъ него денегъ и предлагаетъ мудрому Натану уйти вмѣстѣ съ нимъ на берега Ганга. Тотъ покамѣстъ отказывается.

Дѣйствіе 3-е. Реха и Дая ожидаютъ тампліера; Реха хочетъ только видѣть его, безъ всякихъ цѣлей. Дая за нее мечтаетъ о ея будущемъ: она надѣется, что тампліеръ увезетъ ее въ Европу; но Реха очень привязана если не къ религіи, въ которой она воспитана, то по крайней мѣрѣ къ ея представителю—Натану. Входитъ тампліеръ. Въ этомъ первомъ свиданіи молодыхъ людей самообладаніе и даже сила оказываются на сторонѣ слабой и неопытной дѣвушки, а безстраш-

ный воинъ, пораженный ея красотой, теряется и подъ неловко-выдуманнымъ предлогомъ спѣшитъ бѣгствомъ спастись отъ очарованія. Реха не понимаетъ его волненія, но опытная Дая наводитъ ее на истинный путь. Слѣдующая сцена происходитъ во дворцѣ Саладина; Ситта придумала средство достать денегъ отъ Натана (если только онъ окажется обыкновеннымъ трусливымъ и хитрымъ жидомъ) и успокоиваетъ Саладина, прямодушной природѣ котораго противны подобныя хитрости. Приходитъ Натанъ, и Саладинъ предлагаетъ ему фатальный вопросъ; какая изъ трехъ религій истинна? Какъ человѣкъ великодушный, онъ даетъ еврею время на размышленіе. Подумавъ Натанъ понялъ, какую ловушку подставляютъ ему, и находитъ средство избѣжать ея. Онъ предлагаетъ старую параболу въ такомъ видѣ:

Во дни давно былые
Жилъ на востокѣ нѣкій человѣкъ,
Который изъ любимыхъ рукъ—въ подарокъ—
Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной.
Въ кольцо былъ вставленъ камень драгоцѣнный,
Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ
И силу тайную имѣвшій—дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кому носить его случалось
Съ надеждой и довѣріемъ. Понятно,
Что не снималъ его съ своей руки
Восточный житель никогда, что даже
Навѣки сохранить его рѣшился
Въ своемъ потомствѣ — именно вотъ такъ:
Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство
Любимѣйшему сыну, завѣщая,
Чтобъ этотъ сынъ опять отдалъ его
Тому изъ сыновей своихъ, который
Заслужитъ наибольшую любовь.
А чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ
Въ своей семьѣ, чтобъ—не смотря на лѣта—
Однимъ значеніемъ кольца онъ всѣми
Былъ уважаемъ, какъ глава и князь.
Понятно ли, султанъ?

САЛАДИНЪ.

Понятно. Дальше.

НАТАНЪ.

И такъ, переходя отъ сына къ сыну,
Кольцо досталось одному отцу,
Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ
Онъ послушанье равное встрѣчалъ,
А потому и самъ любилъ ихъ равно.
Порой одинъ, порой другой иль третій
Ему казался болѣе достойнымъ
Кольца, и съ кѣмъ изъ нихъ наединѣ
Онъ оставался, тотъ его любовью
И пользовался въ ту минуту больше,
Чѣмъ братья, такъ-что каждому изъ нихъ
Онъ обѣщалъ кольцо тайкомъ отъ прочихъ.
Такъ дѣло шло. Подходитъ время смерти.
Старикъ приходитъ въ затрудненье: больно
Двухъ сыновей обидѣть въ ихъ довѣрьи
Отцовскимъ обѣщаньямъ. Что тутъ дѣлать?
Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ
Своё кольцо и поручаетъ сдѣлать
Другія два по образцу его.
Онъ проситъ не жалѣть труда и денегъ,
Чтобъ только вышли совершенно схожи
Всѣ три кольца. И это удалось.
Когда къ отцу ихъ принесли, такъ даже
Онъ самъ своё кольцо не могъ узнать.
Довольный и счастливый, призываетъ
Старикъ по одиночкѣ сыновей,
Благословляетъ ихъ по одиночкѣ,
Даетъ имъ по кольцу и умираетъ.
Ты слушаешь, султанъ?

САЛАДИНЪ.

(смущенный и отвернувшись отъ него).

Я слышу—дальше.
Кончай скорѣе сказку—ну?

НАТАНЪ.

Я кончилъ.
Что слѣдуетъ—само собой понятно.
Едва скончался онъ, приходитъ каждый
Съ своимъ кольцомъ и каждый хочетъ быть

Главою дома. Смотрятъ кольца, спорятъ,
Хотятъ судиться. Тщетно все: не можетъ
Никто изъ нихъ представить доказательствъ
Въ защиту своего кольца...
(После молчанія, во время котораго онъ ждетъ отъ султана ответа).
Почти-что
Какъ нѣтъ вѣдь доказательствъ и у васъ
Въ защиту правой вѣры...

САЛАДИНЪ.

Какъ? и это
Отвѣтъ на мой вопросъ?

НАТАНЪ.

Нѣтъ, это только
Хотѣлось мнѣ представить въ извиненье,
Что различать я не рѣшаюсь колецъ,
Которыя отецъ велѣлъ поддѣлать,
Чтобъ различить ихъ было невозможно.

САЛАДИНЪ.

Какія кольца? Не играй словами.
Я думаю, что есть-таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ;
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ.

НАТАНЪ.

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья.
Не на исторіи-ль основаны онѣ,
Изустно къ намъ иль письменно дошедшей?
И какъ же, какъ не на̀ слово, должны мы
Принять преданье старины?—не такъ ли?
Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ
Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ?
Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ? кто съ дѣтства
Свою любовь доказывалъ намъ часто?
Кто не обманывалъ насъ никогда,
Лишь развѣ, чтобъ принесть намъ этимъ пользу?
Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ
Во лжи мы уличали для того,
Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими?
Для христіанъ — не тоже ль будетъ? Нѣтъ?

САЛАДИНЪ (про-себя).

Клянусь Творцомъ, что говоритъ онъ правду—
И я невольно долженъ замолчать.

НАТАНЪ.

Но возвратимся снова къ нашимъ кольцамъ.
Какъ сказано, судиться стали братья
И каждый поклялся судьѣ, что прямо
Изъ рукъ отца свое кольцо имѣетъ
(Оно вѣдь такъ и было), что отецъ
Исполнилъ этимъ только обѣщанье,
Которое давно наединѣ
Ему давалъ, что тоже такъ и было.
«Отецъ не могъ» — такъ каждый увѣрялъ—
„Не могъ бы обмануть меня — и въ этомъ
Его я никогда не заподозрю.
Скорѣй я ожидать могу отъ братьевъ
Такой продѣлки, хоть они казались
Мнѣ до-сихъ-поръ хорошими людьми.
Но я найти обманщика съумѣю—
Съумѣю разсчитаться за обманъ!"

САЛАДИНЪ.

Ну что жъ судья? Мнѣ любопытно слышать,
Какъ ты судью заставишь говорить.

НАТАНЪ.

Судья сказалъ: „Коль вы сію минуту
Ко мнѣ отца не приведете, всѣхъ васъ
Спроважу вонъ. Не думаете ль вы,
Что долженъ я вамъ разрѣшать загадки?
Иль ждать, чтобъ неподдѣльное кольцо
Само заговорило? Но, постойте.
Я слышалъ: то кольцо имѣетъ силу
Владѣльца своего любимымъ дѣлать,
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми.
Пусть это все рѣшитъ: въ поддѣльныхъ кольцахъ
Вѣдь силы нѣтъ? Кто жъ больше всѣхъ изъ васъ

Любимъ двумя другими—говорите.
Какъ? вы молчите? Значитъ, ваши кольца
Обратно дѣйствуютъ на васъ—и только
На васъ, а для другихъ они безсильны,
И каждый любитъ больше всѣхъ себя?
О, если такъ, всѣ три кольца поддѣльны:
Обманщики обманутые вы,
А неподдѣльное кольцо, конечно,
Потеряно. Чтобъ скрыть ловчѣй потерю,
Отецъ велѣлъ взамѣнъ его вамъ сдѣлать
Другія три."

САЛАДИНЪ.

Прелестно! Превосходно!

НАТАНЪ.

„Такъ если ждете вы—сказалъ судья—
Рѣшенья моего, а не совѣта,
Ступайте прочь. Но мой совѣтъ таковъ:
Останьтесь вы при томъ, что есть. Пусть каждый
Свое кольцо считаетъ неподдѣльнымъ,
Коль отъ отца его онъ получилъ.
Отецъ, быть-можетъ, думалъ уничтожить
Въ своей семьѣ то право старшинства,
Которое кольцомъ пріобрѣталось.
Быть-можетъ, васъ отецъ любилъ всѣхъ равно
И не хотѣлъ двоихъ изъ васъ обидѣть,
Давая предпочтенье одному.
Такой любви пусть каждый соревнуетъ:
Любви безъ предразсудковъ, неподкупной!
Пусть выкажетъ одинъ передъ другимъ
Всю силу своего кольца! пусть въ жизни
И миролюбіемъ ее проявитъ,
И кротостью, и добрыми дѣлами,
И искреннею преданностью Богу.
И ежели вліянье вашихъ колецъ
Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова—
Чрезъ сотню тысячъ лѣтъ—я васъ зову.
Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ
На этомъ стулѣ—онъ мудрѣй меня—
И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте". Вотъ что
Сказалъ судья.

На предложеніе Натана возсѣсть на престолъ обѣщаннаго судьи, Саладинъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ и проситъ только дружбы еврея. Натанъ удивленъ: Какъ!

И это все? И больше не имѣешь
Ты ничего сказать мнѣ?

„Ничего рѣшительно", отвѣчаетъ Саладинъ. Тогда Натанъ деликатно предлагаетъ ему денегъ, подъ предлогомъ, что у него ихъ слишкомъ много. Саладинъ, пораженный его великодушіемъ, признается ему въ своемъ дурномъ намѣреніи.

Такимъ образомъ оказывается, что Лессингъ, усиливъ сходство колецъ до того, что самъ отецъ не можетъ различить ихъ, возвращается къ древнѣйшей редакціи притчи, которая настоящему кольцу приписываетъ чудодѣйственную силу; только эта сила проявляется не въ исцѣленіи болѣзней, а въ пріобрѣтеніи всеобщей любви. На этой основѣ строитъ онъ вторую часть притчи, которая заключаетъ въ себѣ высокогуманное нравоученіе: истинная религіозность проявляется въ дѣятельной любви къ людямъ. Таково было убѣжденіе Лессинга, засвидѣтельствованное всею жизнью его, и такова остается до сихъ поръ самая незыблемая основа вѣротерпимости. Съ этого момента, когда раскрылись главные характеры и основная идея пьесы, ея внутренній интересъ слабѣетъ, но за-то усиливается внѣшній—интересъ интриги.

Сцена снова переносится подъ пальмы; тампліеръ охваченъ безграничной любовью къ Рехѣ и безъ борьбы отдается своему чувству: что нужды, что она жидовка? Здѣсь въ Палестинѣ онъ освободился отъ всѣхъ предразсудковъ. Приходитъ Натанъ, и гордый тампліеръ умоляетъ еврея принять его въ свою семью. Натанъ, узнавшій отъ него же его фамилію, колеблется и уходитъ, не давъ отвѣта. Является Дая и, узнавъ, что Натанъ не выразилъ особенной радости по

поводу сватовства тампліера, выдаетъ ему тайну своего хозяина: что Реха не дочь Натана, что она рождена христіанкой. Тампліеръ пораженъ; только что онъ началъ вѣрить въ еврея, ему приходится разочароваться въ немъ.

4-е дѣйствіе начинается въ монастырѣ, куда пришелъ тампліеръ, чтобы посовѣтоваться съ патріархомъ относительно Рехи и Натана. Монахъ, который прежде приходилъ къ нему съ порученіемъ отъ патріарха, видитъ здѣсь тампліера съ большимъ неудовольствіемъ: онъ воображаетъ, что тампліеръ въ концѣ концовъ оказался податливъ къ безчестнымъ предложеніямъ святѣйшаго патріарха. Тампліеръ успокоиваетъ его на этотъ счетъ. Узнавъ, что рыцарь пришелъ за совѣтомъ, монахъ осторожно старается отговорить его; тампліеръ и самъ понялъ, что въ такомъ дѣлѣ простой честный монахъ окажется полезнѣе эгоистичнаго князя церкви; но уже поздно: патріархъ увидалъ его. Тампліеръ въ видѣ возможнаго случая, не называя именъ, разсказываетъ ему о Натанѣ и Рехѣ. Патріархъ, въ лицѣ котораго нельзя не видѣть сильной и рѣзкой сатиры на ортодоксальныхъ оберъ-пасторовъ, въ родѣ Геце, прежде всего старается дознаться, дѣйствительный ли это случай, здѣсь въ Іерусалимѣ происшедшій, и затѣмъ указываетъ на законъ, въ силу котораго еврея надо сжечь на кострѣ.

„Ну а еслибы ребенокъ погибъ безъ еврея?“ возражаетъ тампліеръ. Патріархъ отвѣчаетъ:

Намъ дѣла нѣтъ
До этого! Жидъ долженъ быть сожженъ.
Для бѣднаго ребенка былобъ лучше
Въ страданіяхъ погибнуть, чѣмъ спастись
Такимъ путемъ на вѣчную погибель.
При томъ же кто еврею право далъ
Предупреждать Создателя? Создатель
И безъ него захочетъ коль спасти,
То и спасетъ.

„Ну а если еврей воспиталъ ребенка не въ своей религіи, а внѣ всякой, научивъ только почитать Бога?“ возражаетъ тампліеръ. „Тогда его слѣдуетъ три раза сжечь“, отвѣчаетъ патріархъ. Увидавъ, что тампліеръ, теперь убѣдившійся, какъ безполезенъ былъ его приходъ, не хочетъ быть вполнѣ откровеннымъ, патріархъ грозитъ немедленно идти къ султану, который обязался охранять церковь („вѣдь подлинникъ обязательства у насъ“, прибавляетъ этотъ скептикъ человѣческой честности); тампліеръ мгновенно успокоиваетъ гнѣвъ его, намекнувъ на свое значеніе у султана; патріархъ дѣлается чрезвычайно любезнымъ, и разсказъ тампліера угодливо называетъ „проблемой“.

Дѣйствіе переносится во дворецъ Саладина, куда вносятъ деньги, присланныя Натаномъ. Ситта приноситъ портретъ Ассада, Саладинова пропавшаго брата. Приходитъ тампліеръ. Поразительное его сходство съ Ассадомъ и прямота его характера внушаютъ Саладину глубокую къ нему симпатію; но его негодованіе на Натана и разсказъ, что онъ уже ходилъ къ патріарху говорить о Рехѣ, непріятны султану. Ситта посылаетъ за Рехой. Между тѣмъ монахъ, подосланный патріархомъ, приходитъ къ Натану; 18 лѣтъ назадъ этотъ монахъ, тогда простой конюшій, вручилъ Натану Реху отъ имени отца ребенка Вольфа фонъ-Фильнека. Теперь онъ, несмотря на свой обѣтъ послушанія, вовсе не намѣренъ выдавать Натана. Онъ говоритъ Натану:

Довѣрьтесь мнѣ. Вотъ, видите ли, Натанъ,
Я полагаю такъ: когда къ добру,

Которое хочу я сдѣлать, близко
Граничитъ что-нибудь весьма дурное,
Добра такого я не стану дѣлать.
Дурное мы довольно вѣрно знаемъ,
Но доброе — далеко нѣтъ. Понятно,
Что если дѣвочку какъ можно лучше
Вы воспитать хотѣли, то ее,
Какъ дочь свою родную, воспитали.
Вы это сдѣлали со всей любовью,
Со всею вѣрностью—и отплатить вамъ
Такой наградой! Это непонятно!
Конечно, вы умнѣй бы поступили,
Когда бы христіанку христіанкой
Воспитывали чрезъ вторыя руки;
Но вами не былъ бы тогда любимъ
Ребенокъ друга вашего, а дѣтямъ,
Въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, по мнѣ, любовь—
Хоть звѣря дикаго любовь—нужнѣе,
Чѣмъ христіанство: для него всегда
Еще найдется время. Если только
Дитя взросло здоровымъ, благонравнымъ
Предъ вашими очами, такъ ужъ вѣрно
Предъ Божьими оно осталось тѣмъ же,
Чѣмъ было. Да и все-то христіанство
Основано не на еврействѣ развѣ?
Частенько я таки-сердился, много
Я пролилъ слезъ объ томъ, что христіане
Ужъ какъ-то слишкомъ могутъ забывать,
Что самъ Господь-Спаситель былъ евреемъ.

Такія рѣчи въ устахъ неграмотнаго монаха эпохи крестовыхъ походовъ, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣроятны; но въ этой драмѣ своей Лессингъ изображаетъ людей не такими, какими они бываютъ, а **какими они должны быть**.

Натанъ готовъ разстаться съ Рехой, если найдется человѣкъ, имѣющій права на нее; но какъ отыскать такого человѣка? Монахъ вспомнилъ, что у него остался требникъ покойнаго господина съ записями и уходитъ за нимъ. Между тѣмъ отъ принцессы Ситты пришли за Рехой, и Дая, опасаясь, что ея воспитанницу выдадутъ за мусульманина, рѣшается открыть ей тайну ея рожденія.

Дѣйствіе 5-е. Саладинъ получаетъ наконецъ дань изъ Египта и при этомъ убѣждается въ безкорыстіи и вѣрности своихъ мамелюковъ. Тампліеръ бродитъ около дома Натана и мучится сознаніемъ своего неосторожнаго поступка; онъ видитъ Натана вмѣстѣ съ монахомъ и черезъ это убѣждается, что патріархъ попалъ на настоящій слѣдъ. Натанъ уже получилъ изъ рукъ монаха требникъ и знаетъ объ узахъ, которыя связываютъ Тампліера и Реху. Оставшись съ нимъ наединѣ, Тампліеръ признается въ своемъ проступкѣ и предлагаетъ снова свою руку Рехѣ: подъ его защитой она будетъ безопасна отъ патріарха. Натанъ объявляетъ ему, что нашелся братъ Рехи, отъ котораго теперь зависитъ ея судьба, и что они найдутъ его у Саладина. Послѣднія сцены происходятъ во дворцѣ султана. Реха, которой Дая уже успѣла сообщить свою тайну, тронутая добротой и простотой Ситты, раскрываетъ ей свое сердце; она не хочетъ другого отца, кромѣ Натана. Приходитъ султанъ, обѣщаетъ ей свою защиту, но намекаетъ ей, что

скоро она будетъ имѣть защитника въ лицѣ мужа. Является Натанъ и Тампліеръ. Натанъ утѣшаетъ Реху: онъ все еще остается отцомъ ея. „Будь весела, говоритъ онъ: если только твое сердце все еще твое и ему не угрожаетъ никакой другой потери". „Никакой, никакой", отвѣчаетъ Реха. Вспыльчивый Тампліеръ изъ этого убѣждается, что онъ не успѣлъ тронуть ея сердца, и проситъ султана оставить хлопоты. Но султанъ иначе смотритъ на дѣло, и хочетъ подвести молодыхъ людей другъ къ другу, чтобы устранить скромность Рехи и гордость Тампліера. Тогда вмѣшивается Натанъ и, назвавъ настоящее имя тампліера, объявляетъ Реху его сестрой. Реха бросается въ объятія брата, но тотъ ее отталкиваетъ: ему трудно сразу разстаться съ своею небратскою любовью. Однако онъ скоро овладѣлъ собою и говоритъ:

Натанъ, Натанъ! Вы полными руками
И дали мнѣ, и взяли у меня!
Нѣтъ, больше вы, безмѣрно больше дали,
Чѣмъ взяли... (обнимая Реху). Сестра моя! Сестра!

Саладинъ, услыхавъ, что отецъ тампліера рожденіемъ—не нѣмецъ, допрашиваетъ Натана, кто онъ былъ, и по арабской надписи убѣждается, что тампліеръ и Реха—дѣти его брата. Такимъ образомъ драма оканчивается счастливо, но безъ свадьбы.

«Натанъ Мудрый» имѣетъ много недостатковъ, изъ которыхъ всѣ существенные сводятся къ одному: характеры лицъ раскрываются не въ дѣйствіяхъ ихъ—вялыхъ и не всегда послѣдовательныхъ,—а въ прекрасныхъ и сильныхъ рѣчахъ ихъ. Лессингъ и самъ, повидимому, чувствовалъ это и назвалъ Натана драматической поэмой (dramatiches Gedicht). Но если Натанъ уступаетъ въ сценичности Миннѣ и Эмиліи, зато для чтенія это первое по времени и одно изъ первыхъ по достоинству произведеній классическаго періода нѣмецкой литературы. Глубокая вѣра въ людей и въ возможность міровой гармоніи, которою проникнуто это произведеніе больного, одинокаго, разбитаго жизнью человѣка возвѣщаетъ наступленіе эпохи Фауста и Телля и объясняетъ всемірную славу ихъ. Поэтическая проповѣдь гуманности, братства и равенства, бывшая лебединою пѣснью нѣмецкаго критика, показываетъ, что его народъ не нуждался въ гильотинѣ для вступленія въ XIX вѣкъ.

Чтобы перейти къ эпохѣ Гете и Шиллера, намъ остается только сдѣлать очеркъ жизни и дѣятельности Гердера и сказать нѣсколько словъ о нѣмецкомъ романѣ XVIII вѣка.

Есть любители литературы, нисколько не интересующіеся ея исторіей; они хотятъ наслаждаться или поучаться изъ книгъ, не желая знать, кѣмъ и когда эти книги написаны. Трудно найти былое убѣдительное доказательство полной несостоятельности такого взгляда, чѣмъ творенія Гердера: они имѣли огромное и въ высшей степени благотворное вліяніе на современниковъ и ближайшихъ потомковъ, не только на поэтовъ, но и на ученыхъ и даже на политиковъ; ихъ

руководящія мысли были положительнымъ откровеніемъ; но именно вслѣдствіе поразительной правдивости своей эти мысли были такъ легко и скоро усвоены, что намъ онѣ кажутся отъ вѣка извѣстными; только исторія литературы можетъ сказать намъ, что когда-то онѣ были новостью и что человѣкъ, впервые развившій ихъ, великій человѣкъ.

Іог. Готфридъ Гердеръ род. въ 1744 г. въ городѣ Морунгенѣ въ восточной Пруссіи; онъ былъ сынъ бѣднаго школьнаго учителя, учился сперва у отца, потомъ въ мѣстной (очень плохой) гимназіи, уроки дополнялъ онъ усерднымъ чтеніемъ всего, что̀ могъ достать. Въ домѣ мѣстнаго пастора Вилламова онъ нашелъ симпатію и одобреніе въ своемъ стремленіи къ знанію, и весьма вѣроятно, что примѣръ перваго покровителя повліялъ впослѣдствіи на выборъ его карьеры. Въ 1760 г. въ Морунгенъ пріѣхалъ новый дьяконъ Трешо, человѣкъ болѣзненный и, кажется, неособенно пріятнаго характера; но ученый литераторъ и сверхъ того владѣтель очень хорошей библіотеки. 16-лѣтняго Гердера онъ пригласилъ къ себѣ въ качествѣ famulus'a (нѣчто среднее между ученикомъ, секретаремъ и камердинеромъ). Тяжело было жить Гердеру у раздражительнаго и больного дьякона, и много непріятностей вынесъ онъ отъ его сестры; но изъ-за права пользоваться книгами онъ готовъ былъ со всѣмъ примириться; онъ пробылъ у Трегло около 2-хъ лѣтъ. Тамъ же познакомился онъ съ однимъ хирургомъ русской службы, который заинтересовался Гердеромъ и предложилъ ему, если онъ готовъ заняться медициной, свезти его въ Кенигсбергъ, гдѣ онъ могъ также излѣчиться отъ фистулы у лѣваго глаза. Гердеръ съ радостію согласился, подготовился изъ ботаники и покинулъ Морунгенъ, не имѣя полныхъ 18 лѣтъ. Но въ Кенигсбергѣ при первомъ же посѣщеніи анатомическаго театра ему сдѣлалось дурно; медицинская карьера была оставлена навсегда, и Гердеръ рѣшилъ сдѣлаться богословомъ. Весь капиталъ его состоялъ тогда изъ 3-хъ талеровъ и 8 грошей; но онъ не побоялся борьбы: легко выдержалъ экзаменъ, записался въ студенты и скоро нашелъ друзей и уроки. Онъ зналъ уже такъ много, что его прозвали ходячей библіотекой. Въ это время въ Кенигсбергѣ уже 6 лѣтъ привато-доцентствовалъ Кантъ, впослѣдствіи знаменитый авторъ Критики чистаго разума, именно тогда переходившій отъ занятія положительными науками и математикой къ метафизикѣ и уже начавшій свою борьбу за неограниченныя права разума. Кантъ допустилъ Гердера даромъ на всѣ свои курсы и имѣлъ сильное вліяніе на молодого студента, который иногда перекладывалъ въ стихи его идеи (онъ началъ стихотворствовать еще въ Морунгенѣ). Впослѣдствіи Гердеръ пошелъ иной дорогой, но любовь Канта къ чистой истинѣ и его сво-

бода отъ всякой партійности не могли не имѣть благотворнаго вліянія на Гердера.

Болѣе прочно подчинился онъ другому Кенигсбергцу Гаманну (Hamann). Гаманнъ былъ старше Гердера на 14 лѣтъ, и когда они сошлись, онъ уже имѣлъ за собою довольно громкую, хотя не очень почетную литературную извѣстность. Гаманнъ былъ человѣкъ больной, до крайности безалаберный; но знанія его были огромны, и умъ — силенъ и смѣлъ. Онъ былъ и лингвистъ, и богословъ, и историкъ, и критикъ. Въ своихъ странныхъ писаніяхъ, тонъ которыхъ то напоминалъ апокалипсисъ, то Аристофана, онъ сражался противъ французскаго просвѣщенія и особенно нѣмецкаго подражанія ему; онъ проповѣдывалъ философію вѣры противъ философіи разума. Осмѣянный онъ обратился къ вопросамъ лингвистическимъ и литературнымъ. Поэзію считаетъ онъ первою формою выраженія человѣческаго духа *). Онъ стоитъ за поэзію чувства противъ поэзіи рефлективной; онъ защищаетъ свободу вдохновенія и фантазіи во всѣхъ искусствахъ и возстаетъ противъ неумѣреннаго поклоненія древнимъ. Но онъ не доработался до пониманія національной и народной поэзіи и желалъ обратить нѣмецкую музу въ іудейскую, узко религіозную. Огорченный неблагопріятными отзывами критики, Гаманнъ бросилъ на время писательство и поступилъ на службу въ таможню (недостатокъ въ произношеніи мѣшалъ ему вступить на каѳедру). Но его огромныя знанія, его идеи, и его книги остались при немъ, и когда онъ познакомился съ молодымъ студентомъ богословія, который приходилъ лѣчиться къ его отцу, онъ очень былъ радъ встрѣтить въ немъ внимательнаго и способнаго ученика. Гаманнъ училъ Гердера по англійски, читалъ съ нимъ Шекспира, доставилъ ему мѣсто преподавателя въ коллегіи Фридриха и въ 1764 г. Гердеръ по его же рекомендаціи и подъ его руководствомъ началъ литературную дѣятельность въ журналѣ кенигсбергскаго книгопродавца Кантера. Въ томъ же 1764 г. и по рекомендаціи того же Гаманна Гердеръ получилъ мѣсто преподавателя (Collaborator), а потомъ и проповѣдника въ Ригѣ. Онъ скоро пріобрѣлъ здѣсь всеобщую любовь и уваженіе; но не могъ успокоиться на этомъ и работалъ усерднѣе, нежели когда нибудь. Въ 1767 г. онъ издалъ первую книжку свою: «Отрывки объ новѣйшей нѣмецкой литературѣ» **), которые, по собственному признанію автора, должны были служить дополненіемъ къ литературнымъ письмамъ Лессинга. Здѣсь, какъ и въ слѣдующей книгѣ своей, написанной

*) Поэзія предшествуетъ прозѣ, доказываетъ онъ, «подобно тому, какъ садоводство—полевому земледѣлію, живопись—писанію, пѣніе—декламаціи, метафоры—разсужденію» (Aestetica in nuce въ нач.).

**) Fragmente ueber die neuere deutsche Litteratur.

также въ Ригѣ: «Критическіе лѣса» *) (она примыкаетъ къ Лессингову Лаокоону), Гердеръ является горячимъ поклонникомъ Лессинга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и умнымъ критикомъ, и даровитымъ продолжателемъ, шедшимъ изъ того же пункта, но по дорогѣ, неизвѣстной учителю. 4 года оставался Гердеръ въ Ригѣ, отклонилъ весьма лестное для молодого человѣка мѣсто въ Петербургѣ, наконецъ покинулъ и свое мѣсто въ Ригѣ изъ желанія видѣть свѣтъ и учиться. Онъ поѣхалъ въ Нантъ, оттуда въ Парижъ. Основательное изученіе французскаго языка, литературы и народа только усилило его нерасположеніе къ французамъ. Въ концѣ 1769 г. Гердеръ получилъ предложеніе сопровождать одного нѣмецкаго принца въ его путешествіи по Франціи и Италіи и съ охотою принялъ его. Но въ Дармштадтѣ онъ влюбился, а въ Страсбургѣ окончательно разошелся съ воспитателемъ принца, и подалъ въ отставку. Онъ остался здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы отдѣлаться отъ глазной болѣзни, которая мучила его еще съ дѣтства; онъ вынесъ очень мучительную операцію, но изцѣленія не получилъ· За-то здѣсь въ Страсбургѣ онъ познакомился и сошелся съ даровитымъ студентомъ, которому вскорѣ предстояло наполнить славою своего имени всю Германію; это былъ Вольфгангъ Гете. Здѣсь же въ Страсбургѣ Гердеръ написалъ на премію Берлинской академіи книжку: «О началѣ языка». Вскорѣ послѣ того онъ принялъ мѣсто придворнаго проповѣдника и совѣтника консисторіи въ маленькомъ княжествѣ Бюккебургѣ, гдѣ и оставался отъ 1771 г. по 1776 г. Здѣсь собиралъ онъ матеріалы для своей философіи исторіи человѣчества и пѣсни германскихъ и другихъ народовъ; здѣсь же въ маѣ 1773 г. онъ издалъ вмѣстѣ съ Гете и старымъ Мозеромъ книжку «объ нѣмецкой манерѣ и искусствѣ летучіе листки» **). Въ томъ же году онъ женился. Въ это время имя Гердера уже пользовалось почетною извѣстностью, и онъ съ разныхъ сторонъ получалъ приглашенія. Въ 1776 г. черезъ Гете герцогъ Веймарскій предложилъ ему мѣсто генералъ-суперъ-интендента и главнаго священника въ Веймарѣ. Гердеръ согласился, нераздумывая, хотя позднѣе его дружба съ Гете значительно охладѣла вслѣдствіе его тяжеловатаго и мнительнаго характера — Гердеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые создаютъ себѣ страданія вездѣ и часто ставятъ себя въ ложное положеніе, которое легко бы устранить большей откровенностью и прямотою; онъ оставался въ Веймарѣ до конца жизни (18 дек. 1803 г.). Здѣсь написалъ онъ свои наиболѣе вліятельныя произведенія: въ 1778 и 1779 гг. онъ издалъ «Народныя Пѣсни», въ

*) Kritische Wälder 1769 г.

**) Von deutscher Art und Kunst einige fliegende Blätter.

1780 и 1781 гг. «Письма, касающіяся изученія богословія» *), въ 1782 и 1783 гг. «О духѣ еврейской поэзіи» **), въ 1784 и слѣд. первыя 3 части «Идей къ философіи исторіи человѣчества» ***). Въ 1788 г. онъ ѣздилъ въ Италію и по возвращеніи оттуда продолжалъ изданіе своихъ «Идей» (1791) и «Разсѣянныхъ листковъ» (Zerstreuten Blätter) 1-ое собр. 1785—87 гг., 2-ое 1792—1797) и писалъ свои «Письма для споспѣшествованія гуманности» (Briefe zur Beförderung der Humanität 1793—1797). Въ 1801 г. его сдѣлали президентомъ консисторіи и возвели въ дворянское достоинство.

Уже въ первыхъ своихъ книжкахъ Гердеръ, по выраженію Раумера ****) выводитъ читателя на просторъ природы изъ спертаго комнатнаго воздуха искусственнаго вѣка. Уже въ Фрагментахъ онъ доказываетъ, что изученіе языка есть изученіе духа народа и вмѣстѣ съ тѣмъ духа его національной литературы; онъ показываетъ глубокое уваженіе къ пластичному языку первобытныхъ людей, въ которомъ все—поэзія. Руссо, несомнѣнно оказавшій на Гердера сильное вліяніе, восторгается первобытнымъ человѣкомъ и первобытною жизнью, но онъ не знаетъ ихъ. Гердеръ изслѣдуетъ ихъ и, несмотря на недостаточность матеріаловъ, доходитъ до блестящихъ результатовъ. Онъ въ первый разъ на памяти новой исторіи съ такой рѣзкостью и ясностью отдѣляетъ поэта отъ филолога, творчество отъ изученія языка и литературы, и въ основу этого изученія кладетъ общіе, для всѣхъ народовъ обязательные законы историческаго развитія. Въ тотъ философскій вѣкъ Гердеръ предпочитаетъ философіи исторію; она, а не философія, въ его глазахъ есть наука всѣхъ наукъ и отъ недостаточнаго вниманія къ ней происходятъ всѣ ложные взгляды и всѣ ошибки. На языкъ смотрятъ какъ на что-то искусственное, выдуманное, условное или какъ на даръ Божества, явившійся сразу готовымъ. Ортодоксальный взглядъ разрубаетъ, а не развязываетъ Гордіевъ узелъ; какимъ же образомъ съ божественнымъ происхожденіемъ языка можно примирить его постоянныя измѣненія? Теорія условности языка также мало способна выдержать критику, какъ и теорія изобрѣтенія миѳологіи хитрыми жрецами. Языкъ и миѳологія — живые организмы, также какъ и народная поэзія. До тѣхъ поръ знали только личную, искусственную поэзію; Гердеръ опредѣлилъ сущность и происхожденіе поэзіи народной; эта поэзія есть архивъ народной жизни; она выше и прекраснѣй искусственной, и изученіе ея есть изученіе основъ народнаго духа. Гдѣ нѣтъ народа, тамъ нѣтъ и націи, нѣтъ и здоровой интеллигенціи, такъ какъ она должна корениться на народной почвѣ; поэзія, продуцированная одной интеллигенціей, ничего не стоитъ; истинная поэзія есть только тамъ, гдѣ есть природа, наивность, одушевленіе, фантазія; возвращеніе къ природѣ и народности есть возвращеніе къ оригинальности и идеаламъ. Только тотъ писатель великъ, который служитъ выразителемъ идей и дѣяній своего народа; только онъ займетъ почетное мѣсто въ исторіи литературы. Исторія литературы не есть исторія литераторовъ и памятниковъ, а исторія развитія духа національнаго; если она хочетъ быть наукой, она должна стремиться къ выясненію общихъ законовъ, а это возможно только путемъ сравнительнымъ или, точнѣе, сравнительно-историческимъ. Лессингъ поднимаетъ Шекспира до Софокла; Гердеръ до-

*) Briefe das Studium der Theologie betreffend.

**) Vom Geiste der ebräischen Poesie.

***) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit.

****) Geschichte der germ. Philologie etc., стр. 227.

казываетъ, что невозможно ихъ сравнивать, оторвавши того и другого отъ почвы. Шекспира, какъ и Софокла, надо изучать изъ него самого, его народа и его времени, сравнительно съ его предшественниками и послѣдователями. Общихъ, незыблемыхъ правилъ красоты нѣтъ; всякая эпоха, всякій народъ имѣетъ свои правила, и писателя можно судить только исходя изъ его среды; эстетическіе взгляды Грековъ имѣютъ для насъ только историческое значеніе, и Гердеръ въ отношеніи искусства много далѣе оставляетъ за собою Винкельмана, нежели Лессинга относительно литературы: онъ не подчиняетъ живопись пластикѣ, а придаетъ ей самостоятельное и столь же важное значеніе; онъ нашелъ высокую поэзію въ готическомъ стилѣ и оцѣнилъ своеобразную прелесть старонѣмецкой живописи; онъ поднялъ на надлежащую степень и ландшафтъ, которому Винкельманъ не придавалъ почти никакой цѣны.

Гердеръ придалъ совершенно новый интересъ изученію библіи. Хотя въ частностяхъ религіозные взгляды Гердера измѣнялись—такъ въ Бюккебургѣ онъ былъ гораздо ортодоксальнѣе, нежели въ Веймарѣ—въ общемъ онъ былъ вѣренъ себѣ: на Библію смотритъ онъ, какъ на драгоцѣннѣйшій сборникъ восточной поэзіи, исторіи и археологіи; онъ вѣритъ каждому слову ея, какъ буквѣ древнѣйшаго документа; правовѣрные теологи толкуютъ: день субботній Евреи праздновали оттого, что тогда Богъ почилъ отъ трудовъ; Гердеръ понимаетъ дѣло совсѣмъ наоборотъ: Богъ почилъ отъ трудовъ своихъ въ субботу именно потому, что Евреи издревле праздновали этотъ день; Моисей для Гердера—національный герой еврейскаго эпоса.

Для Гердера нѣтъ темныхъ періодовъ въ исторіи, и каждая эпоха имѣетъ сама въ себѣ цѣль и средства; презрѣніе философовъ XVIII столѣтія къ среднимъ вѣкамъ кажется ему крайне несправедливымъ, хотя онъ и не думаетъ поклоняться имъ, какъ это дѣлали его ученики романтики. Вообще въ постановкѣ многихъ историческихъ и историко-литературныхъ вопросовъ Гердеръ гораздо ближе къ истинѣ, нежели слишкомъ увлекшіеся мыслители слѣдующаго поколѣнія. Изъ современниковъ оцѣнили его по достоинству только лучшіе люди; Николаи неостроумно пародировалъ его уваженіе къ родной старинѣ и народной поэзіи; но Гете называлъ его „Идеи“ своимъ историческимъ евангеліемъ.

Какъ поэтъ, Гердеръ имѣлъ значеніе только для своего времени; единственное его произведеніе, получившее міровую извѣстность, «Романсы о Сидѣ» *), вышедшіе уже послѣ смерти его,—только прекрасная передача испанскихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ странахъ западной Европы чрезвычайно усиливается наклонность къ легкому чтенію, которая проявляется въ множествѣ ежемѣсячныхъ и четвертныхъ журналовъ и въ массѣ романовъ; послѣдніе лучше выражаютъ настроеніе и идеалы массы общества; ими съ замѣчательной быстротой дѣлятся націи, и достаточно заглянуть въ лѣтописи этого рода произведеній въ одной странѣ, чтобы имѣть понятіе и обо всѣхъ другихъ. Романъ, удовлетворявшій во 2-й половинѣ XVIII вѣка невзыскательной массѣ читателей въ Германіи, даетъ представленіе и о заурядномъ романѣ французскомъ,

*) Переведены на русскій языкъ Жуковскимъ.

англійскомъ, итальянскомъ, даже русскомъ; съ другой стороны, для характеристики этого романа мы имѣемъ полное право пользоваться матеріалами изъ другихъ странъ.

Abbé Jacquin *) въ 1755 г., въ книгѣ: Entretiens sur les romans, раздѣляетъ всѣ романы, бывшіе тогда въ ходу, на слѣдующія группы: романы героическіе — этотъ родъ, какъ мы видѣли, былъ особенно въ модѣ въ XVII вѣкѣ, но продолжалъ существовать и въ XVIII; политическіе и моральные, недосягаемымъ образцемъ которыхъ навсегда остался Телемакъ Фенелона; историческіе, въ которыхъ можетъ преимуществовать или фактическій, или любовно-авантюрный элементъ, и наконецъ критическіе или комическіе, въ которыхъ авторъ или изображаетъ темныя стороны жизни безъ прикрасъ и преувеличенія, или пользуется всей свободой фантазіи. Всѣ эти роды, дѣйствительно, были, и находили читателей; но это дѣленіе не исчерпываетъ всего матеріала, и самъ Abbé Jacquin далѣе упоминаетъ очень популярныя произведенія, не подходившія ни подъ одну изъ группъ. Больше всего читателей въ это время находили романы, изображавшіе необыкновенныя приключенія двухъ вѣрныхъ любовниковъ, которые послѣ всѣхъ опасностей и ужасовъ благополучно соединялись законнымъ бракомъ; они появлялись десятками, выдерживали одно, много два изданія и потомъ замѣнялись новыми. Одинъ изъ русскихъ журналовъ 90-хъ годовъ **) предлагаетъ слѣдующій рецептъ для сочиненія подобныхъ романовъ: «Возьми 175 увы, 200 ахъ, 4 пуда вздоховъ, 7 ведеръ слезъ, отъ 20 до 30 кинжаловъ и нѣсколько бутылокъ яду, которымъ бы могли опиваться герои сочиняемаго романа. Запасись нѣсколькими цѣпями и оковами, не забудь о темницахъ, о Средиземномъ морѣ, и вытверди изъ географіи о Турціи, Алжирѣ, Тунисѣ, объ островахъ и пр. Послѣ таковаго нравственнаго запасу купи стопу бумаги, штофъ чернилъ, очини 30 перьевъ и садись за сочиненіе романа. Любовнику и любовницѣ дай громкое и нѣжное наименованіе, а исторію ихъ наполни чудесами, судьбою, ужасомъ, отчаяніемъ, потопленіемъ, поединками, заключеніемъ въ узы, убійствомъ, смертію и напослѣдокъ неожидаемымъ избавленіемъ и увѣнчаніемъ счастія. Сіе сочиненіе раздѣли на части, дай оному чувствительное и трогательное названіе, подпиши свое имя и отвези въ типографію».

Въ связи съ хорошей постановкой классическаго образованія въ Германіи во 2-ой половинѣ XVIII столѣтія, можно отмѣтить довольно многочисленную группу беллетристическихъ произведеній, имѣвшихъ цѣлію популяризировать классическую древность, конечно, не безъ

*) Род. 1721, ум. 1780.

**) Сатирическій Вѣстникъ VII, 63.

нравоучительныхъ сентенцій и выводовъ. Для примѣра укажемъ на романы **Мейснера** (August Gottlieb Meissner, род. 1753 г., учился въ Лейпцигѣ, служилъ въ Дрезденѣ, потомъ былъ профессоромъ въ Прагѣ, писалъ драмы, издавалъ журналы, ум. 1807) Эпаминондъ и Алкивіадъ *); хотя во 2-мъ изъ нихъ Аспазія и изображена идеаломъ добродѣтели, и вообще все представленіе древности грѣшитъ ходульностью, все же они несравненно ближе къ тому, что мы подразумѣваемъ подъ именемъ историческаго романа, нежели всѣ Клеліи Киры, Арминіи и пр., оставленные въ наслѣдство XVII вѣкомъ.

Самое отрадное и знаменательное явленіе въ исторіи нѣмецкаго романа XVIII вѣка, безъ сомнѣнія, — вліяніе англійскаго семейнаго романа. Первое по времени, но не по достоинству, подражаніе Ричардсону принадлежитъ перу поэта, о которомъ была рѣчь въ одной изъ предыдущихъ главъ; это—Жизнь шведской графини фонъ Г.—**Геллерта** (Leipz. 1746 г., переведена на французскій языкъ въ 1754, на англійскій 1776 г.; русскій переводъ Павла Никифорова напечатанъ въ 1792 г. въ Тамбовѣ). Удачнѣй появившійся около того же времени романъ Лёна (Loen): «Честный человѣкъ при дворѣ» **); позднѣе является «Второй Грандиссонъ» Музеуса (1760—1762) и многіе другіе; значительная часть этихъ романовъ написана въ скучной, но модной со времени Ричардсона формѣ писемъ. Эту же форму сохраняетъ очень популярный въ свое время романъ Якова **Душа** (Dusch 1725—1787): Исторія Карла Фердинанда ***), въ которомъ уже замѣтно пробивается струя сантиментализма. Больше всего оригинальности въ романахъ Гермеса (Joh. Temotheus Hermes 1738—1821 г., проповѣдникъ и профессоръ); самый извѣстный изъ нихъ: Путешествіе Софіи отъ Мемеля въ Саксонію, въ которомъ Ричардсонова манера удачно примѣнена къ изображенію особенностей нѣмецкой жизни и къ выраженію моральныхъ идей автора. Вотъ вкратцѣ содержаніе этого романа:

Бѣдная сирота Софья фонъ-Гогенвальдъ воспитана въ Мемелѣ въ домѣ одной доброй дамы, замужняя дочь которой живетъ въ Саксоніи и давно уже не даетъ о себѣ никакихъ вѣстей, что очень безпокоитъ ея мать. 17-лѣтняя Софья ѣдетъ въ Саксонію, чтобы успокоить свою благодѣтельницу, а больше для того, чтобы удовлетворить своему тайному желанію видѣть свѣтъ. По дорогѣ она знакомится съ однимъ очень пріятнымъ молодымъ человѣкомъ Лессеромъ, и они влюбляются другъ въ друга. Въ Кенигсбергѣ Софья внушаетъ сильное чувство богатому и уважаемому моряку Пуффу, который и предлагаетъ ей руку и сердце, но получаетъ отказъ. На балу ее увидалъ одинъ русскій генералъ, воспылалъ къ ней страстію, похитилъ ее и увезъ въ Данцигъ. Пуффу удается освободить Софью; онъ снова дѣлаетъ ей предложеніе и снова получаетъ отказъ: она надѣется быть

*) Алкивіадъ переведенъ на русскій языкъ Николаемъ Осиповымъ въ 1794 г. въ 3-хъ частяхъ.

**) Frankf. a. M. 1740.

***) Breslau 1776—1780 6 частей въ 3-хъ томахъ.

женою Лессера. Но Лессеръ не хочетъ слышать объ ней; въ отчаяніи она выходитъ замужъ за бѣднаго школьнаго учителя, долго мучитъ его своимъ кокетствомъ, но потомъ раскаивается и становится отличной женой.

Главный недостатокъ этого, какъ и всѣхъ другихъ Гермесовыхъ романовъ—излишекъ филистерской, ограниченной морали.

Другіе нѣмецкіе романисты (напр. Шуммель, Ветцель, Іоганнъ Готвертъ Мюллеръ и др.) старались усвоить себѣ Фильдингову манеру что имъ и удавалось до извѣстной степени; всѣ они противники сантиментализма, о развитіи котораго будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

IV. Вѣкъ просвѣщенія въ Италіи: Вико. Беккарія. Парини. Касти. Альфіери. Монти.

Пособія: курсы Perrens'a, Зауэра, Штерна, Амбросоли, автобіографія Альфіери, Teatro classico italiano (Lipsia 1829) и др.

Несмотря на ужасныя политическія условія, высокодаровитый итальянскій народъ не могъ не отозваться на кличъ къ духовной свободѣ, раздавшійся за Альпами; но здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ южной Европы, революціонное движеніе идетъ сверху, отъ самихъ утѣснителей. Самъ Римъ преклоняется передъ Магометомъ Вольтера, и кардиналъ Квирини перелагаетъ Генріаду въ латинскіе стихи. Герцогъ Пармскій облагаетъ податями своихъ священниковъ, запрещаетъ папѣ назначать въ его герцогствѣ на духовныя должности иностранцевъ и уроженцевъ другихъ частей Италіи и уничтожаетъ инквизицію. Въ Неаполѣ Карлъ IV оживляетъ торговлю, раскапываетъ Геркуланумъ и Помпею, основываетъ національный музей. Почти вездѣ дѣйствуютъ и пользуются всеобщимъ одобреніемъ либеральные министры. Даже папы: Бенедиктъ XIV и Климентъ XIV склоняются въ сторону просвѣщенія. Естественно ожидать, что новыя начала съ силою скажутся въ литературѣ, которая въ Италіи никогда не забывала своего былого величія, и придадутъ ей новую жизнь. Напрасно духовная цензура, бывшая, главнымъ образомъ, въ рукахъ іезуитовъ, напрягала свои силы для борьбы со «зломъ»: временами, въ частныхъ случаяхъ ей удавалось побѣждать не особенно хорошо защищенныхъ противниковъ, удавалось загрызать даже такихъ «либераловъ», которые защищали права монархіи противъ безграничныхъ притязаній духовной власти; но въ общемъ, почва все болѣе и болѣе ускользала у нея изъ подъ ногъ. Сильно развивавшаяся періодическая литература дѣлала идеи энциклопедистовъ достояніемъ массы соотечественниковъ Данта. Болѣе слабыя головы увлекались ими настолько, что

даже выражали антипатію къ законнѣйшему предмету національной гордости и считали обскурантомъ творца божественной Комедіи, какъ поэта ультра-католическаго; они пестрили свой прекрасный литературный языкъ массою ни на что ненужныхъ галлицизмовъ и тѣмъ вызывали негодованіе патріотовъ-пуристовъ, которые, естественно, иногда становились во враждебныя отношенія къ истинамъ, возвѣщаемымъ на испорченномъ языкѣ. Но это были тоже частные случаи; въ общемъ «просвѣщеніе» шло рука объ руку съ началомъ національнаго возрожденія. Самъ Вольтеръ защищалъ Данта; усиленно продолжаются труды по собиранію памятниковъ національной исторіи и старины, но уже съ разумной критикой. Являются довольно удачныя попытки исторіи цивилизаціи; является идея о философіи исторіи.

Самый крупный представитель вновь пробужденной итальянской мысли на этомъ поприщѣ—Джамбаттиста Вико (1668—1744 гг.), неаполитанецъ. Его вѣская и сильно распространенная книжка «Принципы новой науки» въ исторіи видитъ не рядъ безсмысленныхъ случайностей и не произволъ Провидѣнія, но проявленіе разума, стремленіе осуществить неизмѣнные «божественные» законы, которые въ то же время суть основные законы человѣческаго духа. Въ языческихъ религіяхъ видитъ онъ не возстаніе безумія противъ Бога, а проявленіе того же божественнаго духа, что и въ религіи истинной, только на низшей, менѣе совершенной ступени. За сто лѣтъ до нѣмецкихъ ученыхъ, онъ пытался и иногда очень удачно, приложить критическій ножъ къ Геркулесамъ, Гомерамъ и Ромуламъ, которымъ легковѣріе придавало значеніе несомнѣнныхъ фактовъ.

Еще вліятельнѣе, чѣмъ Вико, былъ другой итальянскій мыслитель, имя котораго небезъизвѣстно и въ Россіи; разумѣемъ маркиза Беккаріо (род. въ Миланѣ, въ 1738 г., ум. въ 1794 г.; настоящее имя его было Цезарь Бонесана), книга котораго «О проступкахъ и наказаніяхъ» имѣла вліяніе на законодательные указы Екатерины II. Вотъ самый существенный изъ его принциповъ: «Чтобы наказаніе не было насиліемъ многихъ противъ одного, оно должно быть публично, скоро, неизбѣжно, оно должно быть наименьшимъ, какое возможно при существующихъ обстоятельствахъ, пропорціонально проступку и назначено закономъ». Беккарія, одинъ изъ первыхъ, сомнѣвается въ законности смертной казни, настойчиво требуетъ уничтоженія пытки, установленія суда присяжныхъ и чиновниковъ, предупреждающихъ преступленія.

Его книга была переведена на французскій языкъ, и самъ Вольтеръ комментировалъ ее.

Самый выдающійся изъ критиковъ 2-й половины XVIII столѣтія

Мельхіоръ Чезаротти, (1730—1808), профессоръ Падуанскаго университета, писавшій такимъ стилемъ, что его буквально можно переводить на французскій *). Онъ такъ ревностно слѣдилъ за ходомъ литературныхъ идей въ сѣверныхъ странахъ, что уже въ 1763 г. издалъ стихотворный переводъ Оссіана, который вмѣстѣ съ Гомеромъ, къ концу столѣтія, въ Италіи пользуется большею популярностью, чѣмъ Виргилій и Тассо.

Изъ поэтовъ мы остановимся на Парини, Касти и, главнымъ образомъ, на Альфіери.

Джузеппе Парини, послѣ долгаго перерыва, первый поэтъ съ сильно выраженною субъективностью (академики всѣхъ видовъ, петраркисты, составители оперныхъ либретто и даже самъ Гольдони творили не по внутренней потребности выразить свое *я*, а для забавы публики), род. 1729 г., близъ Милана, въ низкомъ званіи, учился богословію, но по болѣзни долженъ былъ отказаться отъ духовной карьеры; былъ сначала писцомъ, потомъ домашнимъ учителемъ въ знатныхъ миланскихъ домахъ. Тамъ-то и натолкнулся онъ на пустоту жизни и глупую самомнительность итальянскихъ nobili, и негодованіе свое излилъ въ 4-хъ большихъ сатирахъ (Утро—напеч. 1763 г., Полдень—напечатанъ 1765 г., Вечеръ и Ночь; все вмѣстѣ называется День—Il Giorno), въ которыхъ съ тонкой и мѣткой ироніей осмѣялъ времяпрепровожденіе кавалеровъ и модныхъ дамъ. Когда вышли въ свѣтъ 2 первыя сатиры (послѣднія были напечатаны уже послѣ его смерти), знать воспылала такою ненавистью къ поэту, что австрійскій намѣстникъ счелъ нравственнымъ долгомъ принять его подъ свое покровительство. Парини былъ сдѣланъ сперва редакторомъ оффиціальной «Gazetta milanese», потомъ профессоромъ литературы и, наконецъ, директоромъ Палатинской школы. Послѣ смерти своего покровителя, онъ подвергся непріятностямъ за то, что отказался написать заказанную ему похвалу императрицѣ Маріи Терезіи. Когда Миланъ заняли французы, онъ попалъ въ муниципальный магистратъ, но скоро вышелъ оттуда, чтобы не санкціонировать своимъ присутствіемъ и содѣйствіемъ несправедливостей, которыя совершались подъ знаменемъ свободы. Онъ ум. въ 1799 г., въ бѣдности, какъ и жилъ.

Кромѣ сатиръ, онъ имѣлъ большое и благотворное вліяніе на улучшеніе литературнаго вкуса публики своими **одами**, въ которыхъ нѣтъ ничего дѣланнаго, искусственнаго, нѣтъ Аполлона и Музъ, а за то есть искреннее выраженіе чувствъ и мыслей честнаго и строго-

*) Главныя его произведенія: «О началѣ и успѣхахъ поэзіи» (Sopra l'origine ed i progressi dell'arte poetica) и «Разсужденіе о философіи языковъ» (Saggio sulla filosofia delle lingue 1785 г.).

**) Его біографію написалъ Канту въ 1859 г.

нравственнаго человѣка, какихъ давно не слыхала Италія. Его «Лекціи» и прозаическія статьи въ свое время имѣли благотворное вліяніе на развитіе здравыхъ критическихъ идей въ Италіи.

Приводимъ для образца отрывокъ изъ его второй сатиры: «Полдень» о жалости къ животнымъ.

„Пускай пошлыя души сохраняютъ свою любовь для человѣка и пусть ихъ возбуждаютъ бѣдствія и нужды имъ подобныхъ. Его *) сердце отвращается отъ столь обыденнаго чувства и направляетъ свои стремленія къ болѣе отдаленному предѣлу. Проклятіе тому, кто первый осмѣлился наложить вооруженную руку на невинную овечку и мирнаго быка! Не приклонило его жестокое сердце ни нѣжное блеяніе, ни жалобное мычаніе, ни мягкій языкъ, облизывающій руку, которая увы! наносила смерть!" **). Такъ говоритъ онъ, и при такихъ жалостливыхъ рѣчахъ на глазкахъ его дамы блестятъ сладкія слезы, подобныя дрожащимъ каплямъ, появляющимся весною на нѣжныхъ лозахъ винограда, когда ихъ обвѣваютъ своимъ теплымъ дыханіемъ плодоносные вѣтерки. Она вспоминаетъ день, ахъ! ужасный день, когда ея прелестная собачка, питомица Грацій, рѣзвясь по-дѣтски, оставила на ногѣ грубаго лакея легкій слѣдъ своихъ бѣлыхъ зубовъ, а дерзкій пихнулъ ее святотатственной ногой! Она перевернулась три раза, три раза ударилась о скомканный коверъ, и ея миленькій носикъ извергъ гадкую пыль. Поднялся визгъ: „на помощь, на помощь"! казалось, взывала она, и жалостное эхо отдавало ея зовъ изъ подъ раззолоченныхъ сводовъ. Изъ нижнихъ помѣщеній прибѣжали всѣ опечаленные слуги; изъ верхнихъ покоевъ бросились барышни, блѣдныя и дрожащія. Всѣ собрались; барынѣ брызгали въ лицо разными эссенціями. Наконецъ она пришла въ себя; гнѣвъ и скорбь еще волновали ее; она бросала молніеносные взгляды на лакея и наконецъ слабымъ голосомъ трижды позвала свою собачку; та бросилась ей на колѣни и своимъ визгомъ, казалось, требовала мщенія. И ты была отомщена, милая питомица Грацій! Нечестивый лакей дрожалъ, опустивъ глаза въ землю; онъ выслушалъ свое осужденіе. Не помогли ему двадцать лѣтъ вѣрной службы, не помогли ему тайныя порученія, имъ ревностно исполненныя. Напрасно просили за него и обѣщались: онъ ушелъ изъ дому, лишенный ливреи, которой онъ до сихъ поръ внушалъ завистъ черни. Напрасно искалъ онъ новой службы: всѣ милыя дамы ужасались, слыша о его злодѣйствѣ. Вѣроломный лежалъ со своимъ грязнымъ потомствомъ и оборванной женой на улицѣ, вознося къ прохожимъ безполезныя мольбы. И ты, милая собачка, идолъ умилостивленный человѣческими жертвами, можешь гордиться своею судьбою".

Какъ образецъ его лирики, приводимъ въ переводѣ его небольшое стихотвореніе «о самомъ себѣ» (Sopra sè stesso).

„Я тотъ, который въ своей длинной и горькой поэмѣ осмѣивалъ Любовь и ея могучее царство и осмѣливался моимъ злобнымъ смѣхомъ взывать ко всему

---

*) Одного изъ гостей.

**) Pera colui che prima osò la mano
Armata alzar sull'innocente agnella
E sul placido bue: nè il truculento
Cor gli piegâro i teneri belati
Nè i pietosi muggiti, nè le molli
Lingue lambenti tortuosa mente
La man che il loro fato, ahimè, stringea!

итальянскому народу, я теперь чувствую себя подъ властью ея (Любви) непобѣдимаго оружія. Въ огромной толпѣ народа я тащусь за медленно вращающимися колесами торжественной колесницы оскорбленнаго тирана. Чтобы видѣть мою позорную казнь, люди тѣснятся и кричатъ одинъ другому: „Вотъ онъ"! И всѣ оскорбляютъ всеобщаго обидчика. Я, пристыженный, опустивъ въ землю виновные глаза, отдаюсь судьбѣ, а гордый врагъ торжествуетъ. Учитесь не оскорблять боговъ"!

Джамбатиста Касти (1721—1803 гг.), въ противуположность ему,—человѣкъ далеко не безупречный; онъ былъ сначала профессоромъ семинаріи въ Монтефьясконе, потомъ придворнымъ поэтомъ императора Іосифа II, написалъ для вѣнскаго театра нѣсколько комическихъ оперъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ посольствахъ, между прочимъ былъ въ Петербургѣ и, въ отплату за любезный пріемъ, смѣшалъ съ грязью дворъ Екатерины и императрицу въ сатирической поэмѣ (Poema tartaro).

Приводимъ въ оригиналѣ первый куплетъ его знаменитой поэмы „Говорящія животныя" (по изд. 1802 г.), а переводимъ кромѣ того и шесть слѣдующихъ:

Canto gli usi, i costumi, le vicende,
E l'ire animalesche, e di nemiche
Brutali schiere le battaglie orrende,
Che furo al tempo che la Bestie antiche
Possedean la ragione e la loquela,
Case che a noi dei tempi il bujo cela.

„Пою обычаи и нравы и перемѣны счастія, и звѣрскій гнѣвъ, и страшныя битвы враждебныхъ дикихъ стадъ, которыя происходили въ то старинное время, когда животныя владѣли разумомъ и рѣчью: дѣла эти скрываетъ отъ насъ мракъ временъ.

Я буду говорить о вещахъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, изъ которыхъ однакоже, можетъ быть, извлечемъ пользу. Человѣческая политика всѣмъ извѣстна, а объ скотской еще никто не писалъ. Если это мнѣ хоть нѣсколько удастся, пусть меня называютъ скотскимъ поэтомъ.

Тебя, направляющаго бѣгъ солнца, о небесный зодіакъ, тебя призываю! Тебѣ, обращающему звѣрей въ вѣчныя созвѣздія, посвящаю стихи мои. Ты сошли съ высоты, отъ твоего очага лучъ одухотворяющій, чтобы возбудить умъ мой къ великому труду.

Отборные и аккредитованные члены общества четвероногихъ всѣхъ видовъ, озабоченные общественными интересами, сошлись вмѣстѣ и уже сидѣли въ торжественномъ собраніи, готовясь заняться дѣлами величайшей важности.

Они должны были послѣ зрѣлаго размышленія и принявъ за норму цивилизованные народы, опредѣлить форму законнаго правленія, которая была бы подходящей для животныхъ, чтобы поставить плотину анархіи, которая въ то время уже дѣлала большіе успѣхи.

Они знали, что анархія, какъ они это часто видали въ государствахъ, разрушаетъ общественныя связи и неизбѣжно влечетъ за собою важнѣйшія и печальныя послѣдствія, короче сказать, есть гибель для политическихъ тѣлъ и т. д.

Замѣтимъ мимоходомъ, что эта растянутая и, въ сущности, довольно плоская сатира по старой памяти считается въ нѣкоторыхъ государствахъ до сихъ поръ запрещенной.

Въ 1793 г. вышли его скабрезныя: Novelle galanti, написанныя октавами. При всей своей безнравственности, и Касти, въ угоду публикѣ, подчинился до нѣкоторой степени нравственному вліянію Парини и стремился къ искренности и естественности. Наибольшею извѣстностью, какъ сказано, пользуется его сатирическій эпосъ: Animali parlanti, за который его причисляютъ къ поэтамъ-защитникамъ свободы. Въ этой поэмѣ разсказывается, какъ, получивъ даръ слова, животныя учреждаютъ у себя монархію и возводятъ на престолъ добраго Льва I, сынъ и наслѣдникъ котораго, Левъ II, своими пороками и жестокостью представляетъ полную ему противуположность. Между смертію отца и совершеннолѣтіемъ сына поэтъ помѣщаетъ регентство королевы матери, во время котораго вельможи забираютъ силу. Передъ нами на сценѣ собраніе чиновъ съ своими партіями и самыя разнообразныя придворныя интриги. Поэма свидѣтельствуетъ о наблюдательности автора, обращенной исключительно на дурную сторону человѣческой природы.

Самая крупная литературная сила этого времени—безспорно, графъ Витторіо Альфіэри. Онъ род. въ 1749 г. въ Пьемонтѣ, въ Асти; учился въ аристократической школѣ (въ королевской Академіи въ Туринѣ), гдѣ, по его собственнымъ словамъ, ничему путному не выучился; французскимъ языкомъ владѣлъ онъ лучше, нежели роднымъ итальянскимъ. Онъ мечталъ о военной службѣ, но отказался отъ нея, не желая подчиниться суровой солдатской дисциплинѣ. 16 лѣтъ онъ отправился путешествовать: былъ въ Парижѣ и Лондонѣ, въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и опять въ Лондонѣ. Усердной работой и чтеніемъ онъ пополнялъ свое плохое образованіе; онъ изучилъ не только латынь, но и греческій, и прочелъ массу книгъ. Онъ внимательно читалъ Гельвеція, Монтескье, Руссо; больше же всего плѣнилъ его Плутархъ своими жизнеописаніями героевъ древности. Онъ мучился, что родился въ странѣ, гдѣ никогда не будетъ имѣть случая проявить свою энергію и любовь къ отечеству, но потомъ успокоился на мысли, что можетъ мечъ замѣнить перомъ и имъ защищать свободу —о ней имѣлъ онъ болѣе ясное понятіе, нежели другіе итальянцы, вслѣдствіе своего близкаго знакомства съ учрежденіями Англіи. Чтобы лучше освоиться съ роднымъ языкомъ, онъ переселился во Флоренцію, гдѣ познакомился съ графинею Альбани, несчастной женою претендента на англійскій престолъ, послѣдняго Стюарта, который еще въ 1745 году произвелъ вторженіе въ Англію, такъ печально для него окончившееся Куллоденскою битвою. Мужъ былъ много старше своей жены и зараженъ вопіющими пороками. Тяжелое положеніе и величіе души прекрасной графини возбудили удивленіе молодого энтузіаста, которое скоро перешло въ пылкую любовь. Эта любовь не пострадала,

а напротивъ, усилилась вслѣдствіе препятствій и вынужденной разлуки и съ своей стороны усиливала въ Альфіери желаніе сдѣлаться замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ рѣшилъ сосредоточить свою энергію на созданіи итальянской трагедіи, которая возбудила бы высокія чувства и мысли въ его согражданахъ. Уже въ 1776 г., онъ поставилъ на сцену свою первую пьесу—Клеопатра, и хотя она имѣла положительный успѣхъ, онъ былъ недоволенъ ею, также, какъ и четырьмя трагедіями, которыя поставилъ въ 1779 г. Энергично работая, онъ достигъ, наконецъ, нѣкотораго удовлетворенія. Чтобы не мѣшало ему управленіе имѣніемъ, онъ передалъ его роднымъ, удержавъ только небольшую ренту. Послѣ смерти претендента, онъ, въ 1788 г., поѣхалъ съ графинею во Францію. Первые шаги революціи онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ; но потомъ почувствовалъ къ революціонерамъ отвращеніе, и въ 1792 г. едва успѣлъ спастись въ Англію; оттуда вернулся онъ во Флоренцію, гдѣ и написалъ стихотворную инвективу на французовъ, подъ заглавіемъ: Misogallo. Онъ умеръ въ 1803 г. Отъ Альфіэри осталось 21 трагедія (лучшими считаются: Филиппъ, Антигона, Заговоръ Пацци, Виргинія, Орестъ, Саулъ, Мирра, Меропа) и нѣсколько комедій; послѣднія имѣли мало вліянія, тогда какъ его трагедіи и лирическія пьесы, дѣйствительно, реформировали и театръ, и отчасти весь народъ итальянскій. Его стиль: сильный, строгій, мѣстами темный отъ крайне-напряженной энергіи, есть полная противуположность всѣмъ преданіямъ XVII вѣка. Его трагедіи, какъ произведенія художественныя, съ нашей точки зрѣнія, имѣютъ много недостатковъ, и прочесть ихъ всѣ подъ-рядъ—трудъ не малый. Во 1-хъ, онѣ лишены «мѣстнаго колорита», и герои, гдѣ бы ни происходило дѣйствіе, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ и высказываютъ мысли и чувства автора, который, такимъ образомъ, почти никогда не сходитъ со сцены. Далѣе: онъ самъ признаетъ однообразіе въ постройкѣ своихъ пьесъ: первый и послѣдній акты всегда коротки; главное дѣйствующее лицо является обыкновенно со второго акта; умирающіе говорятъ мало, отрывистыми фразами. Онъ ненавидитъ всякія искусственныя средства, служащія къ поднятію интереса, и всѣми мѣрами избѣгаетъ ихъ. Въ характерахъ его мало разнообразія: его добродѣтельные люди—очень большіе патріоты; его злодѣи—черезъ-чуръ злы и дерзки. Онъ строго соблюдаетъ внѣшнія правила псевдо-классической трагедіи, что, конечно, не усиливаетъ интереса его произведеній. У него, какъ замѣтила еще M-me Сталь,—монотонность силы въ такой же мѣрѣ, какъ у Метастазіо—монотонность сладости. Вообще Альфіери—больше ораторъ, чѣмъ поэтъ; но какъ ораторъ, проповѣдующій широкую гуманность и патріотизмъ со сцены, за неимѣніемъ трибуны, онъ имѣлъ сильное и благодѣтельное вліяніе

на современниковъ, которые не могли не слышать въ его словахъ искренняго выраженія глубоко-благородной души и альтруистически настроеннаго сильнаго ума. Какъ у трагика и лирика, у него масса послѣдователей; все это люди строго благородные, хотя и способные къ ошибкамъ, искренніе патріоты, смотрящіе на поэзію, какъ на высокое служеніе добру и истинѣ *).

Приводимъ содержаніе его трагедіи «Марія Стюартъ» (Maria Stuarda), какъ одной изъ наиболѣе характерныхъ его пьесъ, къ тому же невольно напрашивающейся на сравненіе съ драмой Шиллера.

У Альфіэри всего 5 дѣйствующихъ лицъ: Марія, Arrigo (мужъ ея, Генрихъ Дарнлей), Botuello (Босвель), Ormando, посланникъ Елизаветы и Lamorre, реформатскій проповѣдникъ. Трагедія изображаетъ убійство второго мужа Маріи Дарнлея, какъ такой моментъ въ судьбѣ героини, когда эта любящая и глубоко симпатичная женщина становится предметомъ ненависти—какъ Шотландцевъ, такъ и Англичанъ, и такимъ образомъ начинаетъ неуклонно подвигаться къ своему роковому концу. Дѣйствіе происходитъ въ Эдинбургскомъ дворцѣ, и трагедія разыгрывается менѣе, чѣмъ въ сутки.

Въ первомъ актѣ Lamorre, получивъ отъ королевы позволеніе смѣло высказать ей правду, упрекаетъ ее за холодныя отношенія съ мужемъ; Марія защищается: доказываетъ, что во всемъ виноватъ ея мужъ (котораго она все-же не перестаетъ любить) и горько упрекаетъ его въ убійствѣ ея вѣрнаго служителя Риціо. Является Ормондъ, предлагаетъ Маріи дружбу англійской королевы, но тоже требуетъ ея примиренія съ мужемъ, бóльшей снисходительности къ еретикамъ, и спрашиваетъ ее: справедливы ли слухи о ея намѣреніи развестись съ мужемъ. Марія съ негодованіемъ отвергаетъ это обвиненіе, а подоспѣвшій Босвель объявляетъ Ормонду о немедленно предстоящемъ возвращеніи Генриха Дарнлея. Англійскій посланникъ спѣшитъ извиниться: „ложная молва не щадитъ и королей“. Онъ удаляется въ увѣренности, что между королевами наступитъ полное примиреніе. Оставшись одна съ Босвелемъ, Марія высказываетъ убѣжденіе, что Елизавета глубоко ненавидитъ ее и была бы рада, еслибъ Марія возбудила противъ себя народную ненависть, подвергнувъ преслѣдованію еретиковъ и разведшись съ мужемъ. Она благодаритъ Босвеля за вѣрность и преданность и надѣется, что мужъ тронется ея любовью и искренно примирится съ нею. Босвель клянется и въ будущемъ вѣрно служить ей.

Второй актъ начинается разговоромъ между Дарнлеемъ и Ламорромъ; первый объявляетъ, что онъ пріѣхалъ отомстить своимъ врагамъ. Ламорръ убѣждаетъ его пожертвовать личными чувствами дѣлу божьему, защитѣ угнетенныхъ диссиндентовъ, и для этого искренно примириться съ женой. Слѣдующая сцена между Дарнлеемъ и Маріей—кульминаціонный пунктъ развитія драмы: мелочно-самолюбивый Дарнлей, положеніе котораго такъ двусмысленно при дворѣ, гдѣ онъ только мужъ королевы, не можетъ забыть и простить своихъ обидъ; болѣе искренняя и болѣе любящая Марія надѣется на возстановленіе прежнихъ отношеній; супруги начинаютъ съ взаимныхъ жалобъ на разбитое счастье; мужъ обвиняетъ придворныхъ Маріи; Марія—его злыхъ совѣтниковъ, но она прерываетъ

*) Назовемъ изъ нихъ двухъ братьевъ маркизовъ Пиндемонъ; трагедія старшаго изъ нихъ (Джованни): „Аделина и Робертъ“ въ 1799 г. имѣла огромный успѣхъ; младшій Ипполитъ въ 1804 г. поставилъ трагедію: Арминій, въ героѣ которой справедливо видѣли Наполеона.

сама себя, предлагаетъ забыть всѣ старыя непріятности и готова признать себя виноватой во всемъ. „Я сдѣлаю все, что хочешь!“ восклицаетъ она въ порывѣ великодушной любви; но видя, что онъ по-прежнему остается холоденъ и занятъ своими мелкими счетами, она перестаетъ вѣрить въ возможность примиренія. Когда, по уходѣ Дарнлея, Босвель спрашиваетъ Марію: какъ нашла она мужа? она съ горестью отвѣчаетъ: „онъ таковъ же и даже еще хуже прежняго; я говорю ему о любви, а онъ—о прерогативахъ власти“. Босвель совѣтуетъ ей исполнить всѣ желанія мужа, но онъ же внушаетъ ей подозрѣніе, что Дарнлей стремится овладѣть сыномъ, чтобы выдать его британскому посланнику; онъ совѣтуетъ быть на-сторожѣ относительно царственнаго ребенка (съ этого момента чувство любви Маріи къ мужу уступаетъ привязанности къ сыну и ненависти къ соперницѣ; гибель Дарнлея становится возможною).

Въ третьемъ актѣ Дарнлей бесѣдуетъ съ Ормондомъ и высказываетъ свою злобу на жену. Ормондъ сперва говоритъ о желаніи Елизаветы примирить супруговъ, но, видя упорство Дарнлея, постепенно раскрываетъ ему истинные планы королевы англійской: онъ присланъ, чтобы освободить наслѣдника англійскаго престола отъ вреднаго вліянія его матери; Дарнлей никакъ не долженъ теперь покидать Эдинбурга, но употребить всѣ усилія, чтобы добыть ребенка, котораго Ормондъ отвезетъ къ Елизаветѣ; она же за-то объявитъ Дарнлея верховнымъ правителемъ. Пораженный этимъ предложеніемъ, которое, съ одной стороны, обѣщаетъ удовлетвореніе его злобѣ, а съ другой—призываетъ его къ открытой измѣнѣ противъ жены, возвысившей его до трона, и въ пользу Елизаветы, долго его преслѣдовавшей, Дарнлей проситъ дать ему время на размышленіе. Едва ушелъ Ормондъ, къ нему приходитъ Босвель отъ имени королевы, которая сама не рѣшается говорить съ мужемъ, опасаясь его раздражительности; самый приходъ Босвеля уже оскорбленіе для Дарнлея, и когда клевретъ Маріи начинаетъ ему доказывать, что Ормондъ готовитъ гибель какъ королевѣ, такъ и ему, Дарнлей требуетъ отъ него доказательствъ и, не получивъ ихъ, почти выгоняетъ его вонъ; тѣмъ не менѣе, сомнѣніе уже поселено въ его душѣ, и онъ встрѣчаетъ Ормонда рѣзкими упреками; тотъ уходитъ разсерженный.

Въ четвертомъ актѣ происходитъ новое свиданіе Маріи съ мужемъ. Запутанный Босвелемъ и Ормондомъ, не зная, кому вѣрить, Дарнлей всѣ свои непріятности приписываетъ коварству жены; его вражда открытая, а ея ненависть тайная и болѣе злостная: онъ намѣренъ немедленно оставить ея владѣнія. Сильно раздраженная и отчужденная отъ мужа всѣмъ предыдущимъ, Марія только проситъ его воздерживаться отъ грубыхъ обидъ, но потомъ опять размягчается и упрашиваетъ его высказать откровенно свои желанія. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ послѣднимъ случаемъ къ примиренію, Дарнлей упрекаетъ жену въ лицемѣріи и даже въ томъ, что она возбуждаетъ противъ него коварство Елизаветы. Марія предлагаетъ ему немедленно призвать Ормонда и Босвеля, чтобы доказать свою правоту; Дарнлей не желаетъ судиться съ ея клевретами. Возмущенная до глубины души, Марія напоминаетъ мужу о Риціо и обѣщаетъ защитить преданнаго ей Босвеля отъ злобы мужа. Дарнлей объявляетъ ей о своемъ отъѣздѣ назавтра и уходитъ. Марія въ полномъ отчаяніи; приходитъ Босвель и говоритъ ей, что Дарнлей съ Ормондомъ намѣреваются похитить ея ребенка и передать его Елизаветѣ, послѣ чего Дарнлей сдѣлается правителемъ Шотландіи, и католичество будетъ окончательно подавлено въ этой странѣ; онъ, Босвель, очень ловко вывѣдалъ все это отъ Ормонда. Марія зоветъ британскаго посланника, строго допрашиваетъ его, и тотъ въ страхѣ всю вину сваливаетъ на Дарнлея. Оставшись съ Босвелемъ, Марія высказываетъ свой ужасъ при мысли

объ отъѣздѣ мужа къ ея врагу Елисаветѣ. Босвель уговариваетъ ее выбрать изъ двухъ золъ меньшее: употребить противъ мужа силу. Она сперва на отрѣзъ отказывается; но Босвель заклинаетъ ее любовью къ сыну и истинной вѣрѣ. Съ трудомъ убѣждаетъ онъ ее согласиться, чтобы замокъ, гдѣ ночуетъ ея мужъ, былъ занятъ войсками. Босвель обѣщаетъ наблюдать, чтобы Дарнлею не было сдѣлано никакого зла, и поспѣшно уходитъ, чтобы Марія не взяла назадъ вынужденнаго согласія.

Пятый актъ начинается съ сильной сцены между Маріей и Ламорремъ; проповѣдникъ упрекаетъ ее въ злобѣ къ мужу, убѣждаетъ немедля отмѣнить всѣ принятыя противъ него мѣры, такъ сильно волнующія народъ; на ея оправданія отвѣчаетъ проклятіемъ, и въ пророческомъ экстазѣ предсказываетъ рядъ ужасныхъ бѣдствій, имѣющихъ постигнуть королеву и ея наслѣдниковъ Стюартовъ. Запуганная Марія посылаетъ его къ Дарнлею, чтобы немедля освободить его изъ подъ стражи, взявъ съ него слово не покидать Шотландіи. „Или, бѣги, лети" (va, corri, vola!) говоритъ ему королева, мучимая предчувствіемъ. Приходитъ Босвель; Марія разражается противъ него упреками; слышенъ шумъ взрыва, и запоздавшій для спасенія Дарнлея Ламорръ приходитъ съ ужаснымъ извѣстіемъ о смерти Дарнлея.

Все дѣйствіе трагедіи отъ первой до послѣдней сцены развивается безъ скачковъ и эффектныхъ случайностей, въ силу характеровъ и положенія дѣйствующихъ лицъ, между которыми нѣтъ ни одного «злодѣя». Марія, все еще искренно любящая своего мужа, готовая на всѣ уступки, готовая ему простить даже смерть Риціо, вѣрная своимъ немногочисленнымъ друзьямъ, горячо любящая сына, заботливая къ интересамъ своего народа и своей религіи, но въ то же время снисходительная и къ противникамъ послѣдней, виновата въ убійствѣ мужа менѣе всѣхъ. Слабохарактерный и поставленный въ ложное положеніе Дарнлей дѣйствуетъ такъ, а не иначе въ силу внутренней необходимости. Босвель искренно желаетъ добра Маріи, глубоко преданъ ей и убѣжденъ, что дѣйствуетъ исключительно для ея блага. Ормондъ естественно заботится объ интересахъ англійской королевы, въ разсчетъ которой, конечно, не входитъ убійство отца наслѣдника престола; между тѣмъ всѣ идутъ неуклонно къ этому ужасному исходу. Maria Stuarda—одинъ изъ самыхъ яркихъ и удачныхъ примѣровъ драматической необходимости, которая въ новое время, начиная съ Шекспира, замѣнила слѣпой рокъ древнихъ. Языкъ трагедіи — сильный, прекрасный, вполнѣ достойный сюжета, но въ то же время и свободный отъ излишней риторики, столь свойственной итальянцамъ. А между тѣмъ драма читается не легко и смотрится, вѣроятно, немного легче: всѣ больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ и говорятъ, сравнительно, подолгу, оставаясь въ одномъ и томъ же или сходномъ настроеніи; характеры намѣчены самыми общими штрихами, а не отдѣланы въ подробностяхъ; языкъ у всѣхъ одинъ и тотъ же (всѣ на ты между собою); характеръ времени ничѣмъ не обрисованъ, будто дѣйствіе происходитъ гдѣ-то внѣ историческихъ условій.

Переходную ступень между идеалистически-настроенной школой Альфіери и итальянской литературой XIX вѣка представляетъ Винченцо Монти (1754–1828 г.), который въ то же время, по своей угодливости и отсутствію убѣжденій, напоминаетъ поэтовъ униженной Италіи XVI и XVII вв.; онъ учился въ семинаріи, потомъ въ Феррарскомъ университетѣ, подъ вліяніемъ высокихъ духовныхъ особъ, въ обществѣ которыхъ онъ находился; онъ обличалъ революцію и получилъ большую извѣстность своей «кантикой на смерть Гугона Басвилля» [1]), въ которой онъ, явно подражая Данту, заставляетъ душу революціонера мучиться, созерцая неистовства, учиненныя его бывшими товарищами. Съ 1795 г. онъ обратился къ либеральнымъ идеямъ, потомъ сдѣлался бонапартистомъ [2]), потомъ австрофиломъ [3]) и наконецъ снова обратился въ лоно церкви. Въ своихъ трагедіяхъ (Аристодемъ, Кай Гракхъ, Галеотто Манфреди; въ послѣдней онъ разрабатываетъ тему Отелло) онъ является ученикомъ Альфіери, превзошедшимъ учителя относительно теплоты и жизненности.

Въ изданіяхъ сочиненій Монти на первомъ мѣстѣ обыкновенно помѣщаютъ его переводъ Иліады. Вотъ начало этого перевода [4]), который не можетъ считаться особенно удачнымъ уже потому, что Монти не смогъ удержать размѣръ подлинника:

Cantami, o Diva, del Pelide Achille
L'ira funesta che infiniti adusse
Lutti agli Achei, molte anzi tempo all'Orco
Generose travolse alme d'eroi,
E di cani e d'augelli orrido pasto
Lor salme abbandonò (cosi di Giove
L'alto consiglio s'adempia), da quando
Primamente disgiunse aspra contesa
Il re de'prodi Atride e il divo Achille, т. е.

Раскажи мнѣ, богиня, пагубный гнѣвъ Пелида Ахилла, наведшій безконечныя скорби на Ахеевъ, многія храбрыя души героевъ раньше времени низринувшій въ Аидъ, а тѣла ихъ оставившій ужасной пищей собакъ и птицъ (такъ да исполнится [5]) высокій планъ Зевеса) съ того времени, какъ жестокая ссора разъединила царя храбрыхъ Атрида и божественнаго Ахиллеса.

Кстати приводимъ въ переводѣ его небольшое стихотвореніе, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на Гомерову поэму; оно написано при посылкѣ экземпляра его перевода какой-то образованной дѣвушкѣ.

„Божественныя пѣсни славнаго Грека, которыя я перевелъ на родной языкъ, посылаю тебѣ, какъ залогъ любви, милая дѣвушка [6]), любви не слѣпой, но соеди-

---

[1]) Делегатъ французской республики, убитый народомъ.

[2]) Для Наполеона написалъ онъ своего «Барда черной рощи».

[3]) Австрію прославилъ онъ въ лирической поэмѣ: «Возвращеніе Астреи».

[4]) По изд. 1837 г. Palermo.

[5]) Въ оригиналѣ: исполнялся.

[6]) Въ оригиналѣ трудно-переводимый граціозный оборотъ, впрочемъ не имъ выдуманный: alma Donzella.

ненной съ уваженіемъ; здѣсь предлагаю я твоей кисти образы высокой фантазіи и прекрасной натуры *). Но если ты хочешь изобразить дорогой идеалъ добродѣтели, выраженной вживѣ, изобрази самое себя".

Поэтъ, который видѣлъ въ Иліадѣ только „il tipo d'alte fantasie" и „della bella natura", не могъ перевести ее, какъ Фоссъ или Гнѣдичъ. Гораздо удачнѣе его риемованный переводъ сатиръ Персія.

Какъ другой образецъ его лирики, приводимъ въ переводѣ его пьесу, озаглавленную „Къ подругѣ" (All' amica) **).

„Такъ какъ возрастъ приглашаетъ къ этому, будемъ искать радости: апрѣль наслажденія проходитъ и не возвращается. Тяжела жизнь, если въ ней не собирать цвѣтовъ; свѣжими розами украшается одинъ Амуръ. Зачѣмъ хвалиться, дорогая моя, свободой сердца? Неприлично такое тщеславіе. Позволимъ сердцамъ нашимъ безумствовать напрерывъ: счастливъ только тотъ, кто умѣетъ любить горячо. Я знаю, что про Амура кричатъ, будто онъ источникъ скорбей и жалобъ; но ты не думай объ этомъ и отгони прочь подозрѣніе. Для двухъ вѣрныхъ любовниковъ все составляетъ радость; даже вздохъ и тотъ заключаетъ въ себѣ наслажденіе. Чѣмъ ты прекраснѣе, тѣмъ преданнѣе и вѣрнѣе должна ты служить Амуру: это подать съ красоты. Будемъ любить: вѣдь жизнь коротка. День безъ любви— день скорби, день потерянный".

Вотъ содержаніе его трагедіи: Кай Гракхъ.

Первый актъ. На сценѣ темная ночь. Кай, только что возвратившійся, несмотря на ужасныя бури, изъ Кареагена, входитъ одинъ на пустынный въ этотъ часъ форумъ. „О родина моя, говоритъ онъ, исполнись бодрости, Гракхъ съ тобой! Кругомъ все молчитъ. Трудолюбивые плебеи въ глубокомъ снѣ отдыхаютъ отъ дневныхъ заботъ. О добрые, о истинные римляне, одни только достойные этого имени!" ***). Отъ похвалъ плебеямъ онъ переходитъ къ проклятіямъ на патриціевъ, убійцъ его брата. На форумъ въ сопровожденіи раба выходитъ Фульвій. Онъ говоритъ своему спутнику: „Отгони прочь, вѣрный слуга, всякій страхъ: мы смѣло совершили высокій подвигъ; мы освободили Римъ отъ тирана. Ты получишь за это высокую и достойную награду—свободу. Но смотри: въ твоей душѣ скрыта великая тайна: не забывай, что отъ твоего молчанія зависитъ моя честь и твоя жизнь. Теперь оставь меня (рабъ уходитъ). Неразумный, онъ стремится на смерть, но голова его необходима: секретъ, заключенный въ ней, слиш-

---

*) Qui d'alte fantasie, qui della bella
Natura il tipo a tuoi fenelli io reco.

**) Тоже изд. стр. 224. Вотъ начало въ оригиналѣ:
Finchè l'età n'invita,
Cerchiamo di goder.
L'aprile del piacer
Passa e non torna,
Grave divien la vita
Se non ne cógli il fior.
Di fresche rose Amor
Solo s'adorna и т. д.

***) Oh patria mia, fa cor, chè Gracco è teco.
Tutto tace d'intorno, e in alto sonno
Dalle cure del dì prendon riposo
Gli operosi plebei. Oh buoni, oh veri
Soli Romani.

номъ страшенъ и было бы безуміемъ...". Фульвій въ ужасѣ замѣчаетъ, что кто-то есть на форумѣ: не подсматриваютъ ли за нимъ? Но Гракхъ окликаетъ его по имени и потомъ называетъ себя. Фульвій разсказываетъ ему о положеніи дѣлъ въ Римѣ во время его отсутствія. Опимій ведетъ открытую войну съ демократической партіей; трибуны, начиная съ Друза, продали себя аристократамъ. Гракхъ восклицаетъ: о Римъ! ты когда нибудь продашь себя, если найдешь покупателя; сенатъ, который казался когда-то собраніемъ боговъ, обратился въ шайку негодяевъ". Но Кай не боится борьбы: онъ вызываетъ судьбу на бой и радуется предстоящимъ опасностямъ. Онъ опечаленъ только тѣмъ, что не умѣлъ выбирать людей и возвысилъ негодяевъ, которые теперь перешли на сторону его враговъ. Фульвій говоритъ ему о безотрадномъ, повидимому, положеніи запуганныхъ плебеевъ. Но Кай сравниваетъ народъ римскій со спящимъ львомъ: онъ съумѣетъ разбудить его; на кораблѣ, носимомъ бурею, онъ, закутанный въ свой плащъ, готовился къ борьбѣ и къ расплатѣ съ патриціями за убитаго, но не отомщеннаго еще брата. „Онъ отомщенъ", говоритъ Фульвій, но ка́къ, онъ отказывается объяснить. Кай спрашиваетъ о своемъ родственникѣ Эмиліанѣ, но Фульвій избѣгаетъ отвѣта, выражая удивленіе, что Кай до сихъ поръ не спросилъ его о своей семьѣ. „Первыя мысли о Римѣ, о семьѣ потомъ", говоритъ Гракхъ и снова заводитъ рѣчь объ Эмиліанѣ, котораго онъ не любитъ, но не можетъ не уважать. Фульвій находитъ необходимымъ извѣстить до начала дня, въ который патриціи рѣшили дать битву демократіи, друзей Кая о его прибытіи. Въ это время слышатся шаги, и на сцену, все еще темную, являются Корнелія, мать Гракховъ и жена Кая—Лициннія съ сыномъ. Кай, узнавъ мать по голосу, даетъ ей и женѣ узнать себя и спрашиваетъ, куда шли онѣ въ темную ночь. Корнелія объясняетъ, что въ виду предстоящаго столкновенія партіи сына съ патриціями, она хотѣла укрыть невѣстку и внука въ домѣ одного вѣрнаго друга. На вопросъ Кая, кто этотъ другъ, Корнелія называетъ Эмиліана. Кай возмущается, узнавъ, что его семья принимаетъ благодѣянія отъ его политическаго врага. Фульвій разражается проклятіями противъ Эмиліана, родственника убійцы Тиверія. Корнелія, услышавъ отъ сына имя Фульвія, обвиняетъ его въ безчестномъ покушеніи на честь жены Эмиліана, за что послѣдній выгналъ его изъ дому, и уводитъ съ собою сына, который при прощаніи велитъ Фульвію приготовить свои оправданія. „Мнѣ оправдываться! говоритъ Фульвій, оставшись одинъ: плохо же ты меня знаешь, иди, глупецъ; послѣ восхода солнца ты увидишь дѣло этихъ рукъ, и ты будешь принужденъ хвалить его, молчать о немъ или погибнуть со мною".

Актъ второй. На площади стоятъ консулъ Опимій и трибунъ Друзъ. Опимій спрашиваетъ, можетъ ли онъ положиться на трибуновъ; Друзъ отвѣчаетъ утвердительно: подкупъ и обѣщанія ручаются за ихъ вѣрность. „А что́ дѣлаетъ дикое животное, называемое народомъ, и что́ оно думаетъ обо мнѣ?" Народъ молча наблюдаетъ тебя и трепещетъ, отвѣчаетъ Друзъ. Опимій выражаетъ свое искреннее убѣжденіе, что толпа не знаетъ истинной свободы: она можетъ только быть или рабомъ, или тираномъ. Гракхъ въ Римѣ, сообщаетъ Опимій своему помощнику. Друзъ въ ужасѣ: „какое враждебное намъ божество привлекло его сюда"! Онъ пріѣхалъ на свою погибель, отвѣчаетъ Опимій и изъявляетъ намѣреніе одинъ на одинъ говорить съ Гракхомъ. Друзъ предостерегаетъ его, но Опимій убѣжденъ въ великодушіи и честности Гракха; эта-то честность и погубитъ его. Оставшись одинъ, Опимій говоритъ, за что́ онъ ненавидитъ Гракха: за консульство, котораго онъ его лишилъ когда-то. Появляется Гракхъ, и вокругъ него ликующая толпа народа. Услыхавъ въ этой толпѣ крикъ—смерть патриціямъ! Гракхъ высказывается противъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій и требуетъ уваженія къ

закону. Опимій предлагаетъ ему вступить въ переговоры. „Ты хочешь раньше времени предать меня", говоритъ Гракхъ. Сильный не бываетъ предателемъ, отвѣчаетъ Опимій, а я сильный! Онъ беретъ съ Гракха слово, что тотъ выслушаетъ его не прерывая, и развиваетъ ему свою аристократическую теорію власти сената. Онъ предлагаетъ ему миръ, если тотъ согласится на отмѣну своихъ законовъ. Гракхъ, какъ онъ и ожидалъ, отказывается, и они готовы разойтись, когда вбѣгаетъ Друзъ и говоритъ объ убійствѣ Эмиліана. Пораженный этимъ извѣстіемъ, Кай начинаетъ подозрѣвать, что убилъ Эмиліана Фульвій. Опимій и Друзъ, замѣтивъ про себя блѣдность и смятеніе Гракха, уходятъ; входитъ Фульвій, на котораго Гракхъ нападаетъ съ горькими упреками. Тотъ не отказывается, что онъ убійца, но пытается оправдать себя политическою необходимостью, и видя, что Гракхъ не можетъ примирить благой цѣли съ гнусными средствами, кидаетъ ему въ лицо ужасное обвиненіе противъ его сестры, супруги Эмиліана: она была его сообщницей. Гракхъ вѣритъ ему и въ отчаяніи обѣщаетъ кровью смыть позоръ своей семьи.

Актъ третій. Корнелія уговариваетъ огорченнаго сына не думать о виновной сестрѣ и идти въ собраніе на борьбу съ аристократами. Лицинія, предвидя опасность для жизни мужа, умоляетъ его пожалѣть ее и ребенка; Гракхъ старается внушить женѣ твердость. Является глашатай, который прибиваетъ знаменитый декретъ сената: Consul videat и пр. Приближается Опимій съ толпой народа. Гракхъ, который за минуту передъ тѣмъ чувствовалъ себя нравственно угнетеннымъ до послѣдней степени, теперь, въ виду борьбы, снова оживаетъ и крѣпнетъ. „Попробуй, дрожитъ ли моя рука!" говоритъ онъ матери, „Нѣтъ, не дрожитъ, отвѣчаетъ та: это — рука моего сына, который скорѣе умретъ, чѣмъ поступится своею честью". Она уходитъ съ Лициніей. Опимій выходитъ на трибуну говорить противъ законовъ Гракха, но отклоняется, чтобы вызвать жалость по поводу смерти Эмиліана. „Къ дѣлу! кричитъ Фульвій, и толпа его поддерживаетъ. Опимій громитъ Гракха; тотъ рвется къ трибунѣ, но его принуждаютъ молчать, пока консулъ не кончитъ. Наконецъ Опимій долженъ уступить ему мѣсто; напрасно Друзъ и его партія стараются помѣшать народу слушать Гракха. Уже его первыя горькія слова возбуждаютъ сочувствіе слушателей. Его громовая рѣчь возвращаетъ оклеветанному всю его прежнюю неограниченную власть надъ народомъ *). Опимій призываетъ ликторовъ, но Фульвій убиваетъ ихъ предводителя и устраиваетъ схватку. „Смерть Опимію!" кричатъ со всѣхъ сторонъ, и его жизнь виситъ на волоскѣ. Но за него заступается Гракхъ. „Предоставимъ насиліе тиранамъ, говоритъ онъ народу, а сами будемъ строго держаться закона", и уводитъ съ собой негодующую толпу. Чтó будешь дѣлать ты теперь, послѣ того какъ Гракхъ подарилъ тебѣ жизнь? спрашиваетъ Друзъ Опимія. „Мстить", отвѣчаетъ тотъ.

Актъ четвертый. Корнелія говоритъ Каю, что онъ напрасно сталъ бы надѣяться на проявленіе великодушныхъ чувствъ со стороны Опимія, но Кай и не мечтаетъ о примиреніи и прекрасно сознаетъ опасность своего положенія. Во время ихъ бесѣды площадь окружается критскими солдатами. Возмущенная измѣническимъ способомъ дѣйствія аристократовъ, Корнелія требуетъ, чтобы Гракхъ воззвалъ къ народу и вступилъ въ открытую борьбу. Тотъ отказывается: „Польется кровь, а я не жажду ея". Взволнованная Корнелія доходитъ даже до обвиненія сына въ трусости, но сейчасъ же беретъ свои слова назадъ. Гракхъ, собираясь

*) Но его краснорѣчіе болѣе итальянское, нежели древне-римское; онъ дѣйствуетъ чувствительными словами и слезами. Также и его мысль о единеніи всѣхъ итальянцевъ принадлежитъ автору, а не герою.

идти на вѣрную смерть — онъ будетъ протестовать законнымъ путемъ — проситъ мать удержать Лицинію отъ свиданія съ нимъ, но та слышитъ его слова и умоляетъ его остаться, такъ какъ смерть его не принесетъ ни ему чести, ни пользы отечеству: борьба противъ насилія безумна. Гракхъ долго остается твердъ въ своемъ намѣреніи; когда наконецъ онъ начинаетъ колебаться, прибѣгаетъ гражданинъ и говоритъ, что онъ, Гракхъ, вмѣстѣ съ своею сестрою и Фульвіемъ обвинены въ убійствѣ Эмиліана; Кай убѣгаетъ, чтобы оправдаться. Слѣдуетъ раздирательная сцена между матерью и женою Гракха. На площадь является Опимій съ толпою народа и трупомъ Эмиліана. Превознося добродѣтели покойнаго, консулъ убѣждаетъ присутствующихъ, что Эмиліанъ задушенъ и что убійца долженъ быть изъ близкихъ людей; онъ доводитъ слушателей до того, что они сами называютъ вдову покойнаго. „Но она не могла одна совершить преступленія; что́ вы думаете о Фульвіи“? Граждане разражаются порицаніями. „Но Фульвій и Гракхъ неразлучны“, продолжаетъ Опимій; убѣдить народъ въ виновности Гракха ему гораздо труднѣе; но и это удается ему подъ конецъ. Въ это время прибѣгаетъ Друзъ и разсказываетъ о кровавомъ столкновеніи, происшедшемъ на Авентинскомъ холмѣ между партіей Гракха и сенаторами. Тогда Опимій вступаетъ въ диктаторскія права, предоставленныя ему декретомъ сената.

Актъ пятый. На сценѣ одна Лицинія, съ ужасомъ ожидающая извѣстія о судьбѣ мужа; по площади бѣгутъ женщины, оплакивающія потерю мужей, братьевъ; черезъ сцену проходитъ старикъ съ сыномъ, котораго онъ уговариваетъ не рисковать собою. Выходитъ Корнелія и отсылаетъ своего внука съ вѣрнымъ рабомъ въ безопасное мѣсто. Она только что съ мѣста схватки: она видѣла, какъ Фульвій возжегъ битву; она убѣжала, когда на Авентинъ пришелъ Опимій съ ликторами. Приходитъ гражданинъ и говоритъ Корнеліи, что голова ея сына оцѣнена; она хочетъ вмѣстѣ съ Лициніей бѣжать къ нему; являются другіе вѣстники, одинъ приводитъ женщинъ въ отчаяніе, другой успокоиваетъ ихъ, говоря, что Гракха убѣдили спасти свою жизнь, и онъ ушелъ въ рощу Фурій. Корнелія въ ужасѣ: ея сынъ постыдно бѣжалъ! Лучше бы ему умереть! Въ это время слышенъ шумъ преслѣдованія; Корнелію убѣждаютъ скрыться отъ Опимія, но она готова встрѣтить его лицомъ къ лицу. Вбѣгаетъ Кай. „Оружія, мать! оружія, какъ милости!“ восклицаетъ онъ. „Пусть этотъ негодяй не кичится, что убилъ меня“. Корнелія бросается между сыномъ и солдатами консула, но, видя, что не можетъ спасти его, подаетъ ему кинжалъ. „Въ этомъ подаркѣ я узнаю тебя, о мать! Узнай въ этомъ ударѣ твоего сына!“ говоритъ Гракхъ и убиваетъ себя. Лицинія падаетъ безъ памяти.

Языкъ у Монти несравненно легче и ближе къ разговорному, чѣмъ у Альфіери, но за-то и гораздо блѣднѣе. Строго выдерживая, какъ, напр., въ изложенной пьесѣ, законъ единствъ, Монти не прочь позаимствоваться мотивами у Шекспира (см. рѣчь Опимія надъ трупомъ Эмиліана); онъ прекрасно утилизируетъ всѣ знаменитыя своею мѣткостью изреченія Римлянъ. Онъ хорошо знаетъ сцену и умѣетъ пользоваться доступными ей эффектами. Діалогъ его живъ и естественъ; характеры очерчены рѣзкими штрихами, но они несвободны отъ преувеличенія и не представляютъ особой оригинальности и большой глубины. Вообще, онъ скорѣе представитель виртуозности, чѣмъ творчества; слѣдующее за нимъ и его подражателями поколѣніе должно

по реакціи кидаться въ крайности, только бы спастись отъ шаблонности.

Въ концѣ XVIII вѣка являются поэты на діалектахъ Италіи, и одинъ изъ нихъ, сициліецъ Джованни Мели (1740—1815) достигъ большой извѣстности; онъ талантливо модернизировалъ Анакреона и обращалъ пастораль въ жанръ; многія изъ его пѣсенокъ до сихъ поръ живутъ въ устахъ народа.

Слава Мели—фактъ характерный, какъ указаніе на возвращеніе литературы XIX вѣка къ народности. Р.

XVI. Время Гёте и Шиллера. Возникновеніе романтической школы въ Германіи.

Пособіями, кромѣ общихъ курсовъ: Ад. Штерна, Гирша, Гедеке, Гервинуса, Геттнера, Коберштейна и особенно Вильг. Шерера, кромѣ общеизвѣстныхъ біографій Льюиса, Дюнцера, Шерра, и примѣчаній Дюнцера къ нѣмецкимъ классикамъ, а также статей и писемъ въ Архивахъ Шнорра Ф. Карольсфельдъ и Геррига, служили:

Richard Weltrich. Schillers Leben. Stuttg. 1885.
R. Haym. Die romantische Schule. Berl. 1870.
Herm. Hettner. Die romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhange mit Göthe u. Schiller. Braunschw. 1850.
T. W. Appel. Werther u. seine Zeit. 3 Aufl. Oldenbrg. 1882.
Mich. Bernay. Der junge Goethe, etc. Leipz. 1875.
W. Fr. Biedermann. Goethe. Forschungen. Frankf. a. M. 1879.
Herm. Grimm. Goethe. Vorlesungen etc., 3. Aufl. Berl. 1882. и т. д.
Mézières: W. Goethe, les oeuvres expliqués par la vie (2-ое изд. 1879).

Положеніе, что біографія писателя служитъ лучшимъ комментаріемъ къ его произведеніямъ, безусловно справедливо относительно Гёте; онъ самъ говоритъ, что его сочиненія только отрывки изъ его великой исповѣди.

Въ 1687 году въ имперскій городъ Франкфуртъ на Майнѣ пришелъ изъ Тюрингіи молодой портной Гёте и рѣшился поселиться здѣсь. Благодаря своему прилежанію и очень выгодной второй женитьбѣ на богатой вдовѣ, владѣтельницѣ большой гостинницы, онъ разбогатѣлъ, такъ что могъ дать дѣтямъ хорошее образованіе. Отецъ поэта, Іоганъ Гаспаръ Гёте былъ третьимъ сыномъ портного отъ этого второго брака. Онъ родился въ 1710 году, прошелъ съ успѣхомъ классическую школу, а въ университетѣ получилъ степень доктора юриспруденціи; по окончаніи курса онъ отправился въ Италію, занимался тамъ итальянскимъ языкомъ, искусствомъ и древностями. Возвратившись въ родной городъ, вполнѣ обезпеченный тѣмъ, что̀ ему осталось отъ отца, онъ отказался отъ какой бы то ни было «хлѣбной» дѣятельности, даже не захотѣлъ служить по выборамъ,

не желая подвергаться риску баллотировки; отъ несчастнаго императора Карла VII онъ получилъ титулъ имперскаго совѣтника, и имъ довольствовался во всю свою остальную жизнь. Тридцати восьми лѣтъ отъ роду онъ женился на хорошенькой 17-ти-лѣтней дочери городского головы—доктора Текстора (латинизація фамиліи Веберъ). Текстоpъ былъ человѣкъ очень образованный; но дочь его отъ природы дѣвушка умная, съ очень живой фантазіей, получила обыкновенное женское образованіе, которое тогда давали въ Германіи бюргеры своимъ дѣтямъ. Своего 38-лѣтняго важнаго и гордаго и уже довольно толстаго супруга она любить не могла, но никогда не любила и никого другого, если не считать ея дѣтски романтическаго увлеченія несчастнымъ императоромъ Карломъ; характеръ мужа былъ, правда, нѣсколько тяжеловатъ, но ровный и спокойный, и она по своему была счастлива.

28-го августа 1749 года у нихъ родился первый ребенокъ, котораго дѣдушка Текстоpъ окрестилъ Іоганномъ Вольфгангомъ.

Время появленія на свѣтъ поэта въ политическомъ отношеніи было сравнительно покойное: ахенскій миръ закончилъ силезскую войну, а до семилѣтней было еще далеко. Германія была слаба вслѣдствіе розни нѣмецкихъ государствъ, властители которыхъ силились играть въ своихъ уголкахъ роль маленькихъ Людовиковъ Великихъ. Австрія, разбитая на части, уже съиграла свою роль въ Германіи, но къ новымъ задачамъ еще не могла приступить. Пруссія управлялась Фридрихомъ, величайшимъ политикомъ, который соединилъ геній съ небывалою наглостью и безсовѣстностью и съумѣлъ сдѣлаться чуть не рѣшителемъ судебъ Европы. «Установленный порядокъ» достигъ высшей точки своего развитія, съ которой начинается распаденіе; темныя стороны этого порядка были видны для лучшихъ людей, но о радикальномъ измѣненіи его не поднимался еще вопросъ. Въ нѣмецкой литературѣ послѣ долгой спячки было сильное движеніе: Швейцарцы уже побѣдили Готшеда; появились первыя пѣсни Мессіады Клопштока; выступаютъ на литературное поприще Виландъ и Лессингъ; не далеко то время, когда Винкельманъ освѣжитъ эстетику.

Масса грамотныхъ нѣмцевъ находилась подъ давленіемъ иностранныхъ образцовъ, но въ лучшихъ умахъ зарождалась идея о національной, независимой литературѣ и наукѣ.

Франкфуртъ на Майнѣ—удобный городъ для развитія нѣмецкаго генія: въ немъ больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, остатковъ исторической старины, но въ то же время въ немъ, какъ въ важномъ торговомъ пунктѣ, много иностранцевъ, и культура, по крайней мѣрѣ внѣшняя, стоитъ очень высоко. Дворянство никогда

не играло тамъ видной роли; сила принадлежала бюргерамъ-патриціямъ, которые стремились уподобиться дворянамъ, усвоить лучшія ихъ стороны: манеры и стремленія къ образованію. Старина сказывалась на каждомъ шагу: и въ зданіяхъ, и въ процесіяхъ, и въ строгомъ отдѣленіи еврейскаго квартала, который запирался на ночь цѣпями. Какъ ни дорожили патриціи своими правами, они не могли обособиться отъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, и дѣти ихъ играли на тихихъ улицахъ вмѣстѣ съ уличными ребятишками; сынъ имперскаго совѣтника Гёте не могъ отдѣлять себя отъ дѣтей народа.

О томъ, что поэтъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей, онъ самъ говоритъ такъ: «Отъ отца я имѣю высокій станъ и серьезное отношеніе къ жизни, отъ матушки—веселость и страсть къ разсказамъ» *). Отецъ Гёте былъ человѣкъ строгій къ себѣ и къ другимъ, внѣ дома у него почти не было дѣлъ, что̀ имѣло свои хорошія и дурныя стороны: онъ могъ тщательно заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, но за-то легко могъ и пересолить въ этомъ отношеніи, оказывая противодѣйствіе такимъ сторонамъ дѣтскаго или ихъ личнаго характера, которымъ слѣдовало бы предоставить полную свободу. Онъ составилъ оригинальный планъ для обученія Вольфганга, въ которомъ, кромѣ языковъ древнихъ и новыхъ, игралъ видную роль элементъ реальный, современный: для упражненій въ нѣмецкомъ стилѣ и въ переводахъ на латинскій и греческій онъ давалъ ему темы изъ обыденной жизни и современной политики и требовалъ серьезнаго отношенія къ содержанію; онъ понималъ, что ничто такъ не дѣйствуетъ на дѣтей, какъ примѣръ, и 50-ти-лѣтъ началъ учиться по-англійски для компаніи съ сыномъ.

Молодая жена представляла полный контрастъ своему мужу; веселая, живая и остроумная женщина, она не была строгою матерью; ей было всего 18-ть лѣтъ, когда родился Вольфгангъ; когда онъ сталъ подростать, она держала себя съ нимъ скорѣе, какъ старшая сестра. «Вольфгангъ и я были молоды вмѣстѣ», говорила она впослѣдствіи. Гёте съ восторгомъ вспоминаетъ о сказкахъ, которыя она разсказывала ему по вечерамъ; когда запасъ ея памяти истощился, она стала импровизировать новыя сказки, въ которыхъ дѣйствовали окружающіе люди и предметы. Когда она не успѣвала окончить разсказъ въ одинъ вечеръ, ребенокъ самъ придумывалъ развязку, и мать на другой день сообразовалась съ его желаніями. Она дожила до полной славы своего сына, и, какъ женщина очень

*) Vom Vater hab'ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen,
Vom Mütterchen—die Frohnatur,
Die Lust zu fabulieren.

даровитая, не чувствовала себя неловко въ обществѣ высокопоставленныхъ друзей сына; герцогиня Веймарская говорила, что письма фрау Айи — подъ этимъ именемъ мать Гёте была извѣстна всей Германіи — самыя занимательныя изъ всѣхъ, какія только получаетъ она. Но у нея былъ одинъ недостатокъ, который она передала сыну: это слишкомъ тонкая чувствительность, переходящая въ эгоистическое удаленіе отъ страданій: фрау Айя старалась уйти отъ всего печальнаго; когда сынъ ея былъ боленъ при смерти, она просила не говорить ей ничего объ этомъ. «Вѣдь я не могла бы помочь ему», оправдывалась она позднѣе. Когда умеръ Шиллеръ, Гёте не хотѣлъ видѣть лица его.

Эстетическое образованіе Вольфгана Гёте началось очень рано: онъ разсматривалъ виды городовъ и памятниковъ Италіи, которыми отецъ его увѣшалъ стѣны своихъ комнатъ въ воспоминаніе о путешествіи. Когда ему было 4 года, бабушка подарила ему кукольный театръ, который немного позднѣе доставилъ ему высокое наслажденіе, такъ поэтично описанное въ Вильгельмѣ Мейстерѣ. Вольфгангъ охотно игралъ только съ очень красивыми дѣтьми, такъ рано развилось въ немъ чувство красоты. Грамотѣ выучился онъ играя; когда ему было шесть лѣтъ, отецъ засадилъ его за латынь, а черезъ нѣсколько времени—за греческій и французскій; по-итальянски выучился Вольфгангъ самъ, прислушиваясь къ урокамъ, которые отецъ давалъ его сестрѣ Корнеліи; Корнелія была на 15 мѣсяцевъ моложе брата и была единственной подругой его игръ; другія дѣти совѣтника Гёте умерли въ младенчествѣ.

Восьми лѣтъ отъ роду Гёте уже переводилъ съ нѣмецкаго на латинскій, греческій и французскій и писалъ небольшія сочиненія; это раннее умственное напряженіе, при условіи хорошаго руководства и отличныхъ способностяхъ, не принесло ребенку ни малѣйшаго вреда, напротивъ—на всю жизнь дало ему увѣренность въ своихъ умственныхъ силахъ.

Ученіе иногда прерывалось по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, напримѣръ, по случаю перестройки дома, но тогда ребенокъ учился изъ жизни, наблюдая за рабочими и практически усвоивая начала архитектуры.

Гёте не былъ въ школѣ, и это обстоятельство, можетъ быть, объясняетъ его нерасположеніе къ толпѣ, къ слѣдованію за общимъ потокомъ; но образованіе ума и энергія характера, конечно, не пострадали отъ этого.

Въ 1756 г. началась семилѣтняя война; во Франкфуртѣ, какъ въ городѣ старомъ, австрійская партія была сильнѣе, и къ ней принадлежалъ дѣдъ поэта, городской голова财Текстортъ, тогда какъ либе-

ральный совѣтникъ былъ на сторонѣ Фридриха; между тестемъ и зятемъ часто происходили ожесточенные политическіе споры; ребенокъ очень любилъ своего дѣда, но по инстинкту становился на сторону отца.

Мальчикъ въ это время читалъ очень много для своего возраста, и отецъ не особенно строго регулировалъ его чтеніе, хотя и выражалъ удовольствіе, если видѣлъ въ рукахъ сына книгу, которую считалъ особенно полезной. Гёте много разъ прочелъ въ нѣмецкомъ переводѣ популярную энциклопедію, извѣстную подъ именемъ Orbis pictus, въ переводѣ же—Овидія, Виргилія, Робинзона Крузо, а также охотно читалъ лубочныя изданія, передѣлки и перепечатки книгъ XVI вѣка: романы: Fortunatus, «4 сына Аймона», книгу о Вѣчномъ Жидѣ и сказаніе о докторѣ Фаустѣ. Памятью мальчикъ обладалъ удивительною, и выучивалъ добровольно массу нѣмецкихъ стиховъ; особенно нравились ему произведенія «отца» Глейма; рано началъ онъ пробовать свои силы въ подражаніи, и отецъ смотрѣлъ на это съ большимъ удовольствіемъ; онъ даже задавалъ ему сочинять стихи, какъ упражненіе при изученіи метрики. О религіозныхъ вопросахъ онъ сталъ задумываться очень рано, и когда ему было 8 лѣтъ, онъ построилъ изъ кусковъ разныхъ рудъ алтарь своему божеству, а наверху поставилъ курительную свѣчку.

Въ 1759 г. во Франкфуртъ вступила часть французской арміи. Отношенія между тестемъ и зятемъ обострились еще болѣе; зять упрекалъ Текстора за то, что тотъ на зло ему поселилъ въ его домѣ французскаго офицера графа de Thorone. Совѣтникъ смотрѣлъ на самодовольнаго француза, какъ на врага, но жена и сынъ видѣли въ немъ человѣка милаго и любезнаго въ обществѣ. Графъ составилъ въ своей квартирѣ цѣлую картинную галлерею, которая доставляла 10-лѣтнему Гёте несказанное удовольствіе. Появленіе французовъ измѣнило чинную и степенную жизнь Франкфурта; сами сторонники Фридриха сознавались, что въ городѣ стало гораздо веселѣе: появилась французская труппа, начались спектакли, которые чередовались съ спектаклями труппы нѣмецкой.

Ученіе Гёте при этихъ условіяхъ, конечно, не могло идти правильно; но онъ выучился порядочно говорить по-французски и впервые испыталъ сильное впечатлѣніе отъ театра; ему доставали постоянный даровой билетъ, и онъ имѣлъ возможность пересмотрѣть рядъ произведеній «классиковъ» и основателя новой драмы Дидро. Скоро онъ почувствовалъ желаніе сочинять для театра. Увидавъ, что пребываніе французовъ во Франкфуртѣ будетъ довольно продолжительно, отецъ возобновилъ серьезныя и правильныя занятія съ сыномъ; чуть не каждый мѣсяцъ вводилъ онъ новую дисциплину, и всѣ онѣ шли хорошо, за исключеніемъ одной математики, которой

мальчикъ не симпатизировалъ. Вольфгангъ самъ заинтересовался еврейскимъ языкомъ, и отецъ охотно взялъ ему учителя; по-еврейски Гёте не выучился, но его попытка читать библію въ оригиналѣ не осталась безъ вліянія на его художественное развитіе. Чтобы практиковаться въ языкахъ, мальчикъ началъ писать романъ въ письмахъ, въ которомъ нѣсколько братьевъ и сестеръ, живущіе по разнымъ концамъ земли и въ разныхъ условіяхъ, переписываются между собою такимъ образомъ: старшій братъ богословъ пишетъ по-латыни съ греческими цитатами; другой—лондонскій приказчикъ—по-англійски, третій—по-французски и т. д.

Въ то же время Гёте занимался музыкой, рисованіемъ и тѣлесными упражненіями: гимнастикой, фехтованіемъ и верховой ѣздой.

Въ 1762 году французы ушли изъ города; совѣтникъ Гёте увидѣлъ, что сынъ его подросъ и развился настолько, что ему можно предоставить значительную долю свободы; будучи большимъ любителемъ живописи, онъ, по мѣрѣ средствъ, заказывалъ картины и посылалъ сына слѣдить за исполненіемъ; художники охотно совѣтовались съ умнымъ и начитаннымъ мальчикомъ относительно сюжетовъ, а будущему поэту посѣщеніе мастерскихъ, конечно, приносило большую пользу. Кромѣ художниковъ, на него имѣло вліяніе общество дѣвушекъ, подругъ его сестры, Корнеліи.

Въ 1764 году, во Франкфуртѣ, происходило коронованіе эрцгерцога Іосифа; городъ наполнился проѣзжими; занятія будущаго поэта были прерваны, и ему предоставлена была полная свобода; онъ воспользовался ею не особенно хорошо: сошелся съ молодыми людьми, стоявшими ниже его по общественному положенію: писарями адвокатовъ, приказчиками и пр. Одинъ изъ нихъ познакомилъ Гёте съ своею сестрою Гретхенъ, красивой дѣвушкой, добывавшей пропитаніе трудами рукъ своихъ, и Гёте влюбился въ нее. Взрослая дѣвушка не могла отвѣчать любви полуребенка, но ей льстило его вниманіе, и она находила удовольствіе въ его обществѣ. По просьбѣ одного изъ новыхъ товарищей, Гёте черезъ дѣда Текстора досталъ мѣсто какому-то подозрительному человѣку; тотъ скоро проворовался, и изъ этого возникло судебное слѣдствіе, къ которому и Гретхенъ была привлечена въ качествѣ свидѣтельницы.

Разсказывая о своемъ знакомствѣ съ молодымъ Гёте, она называла его ребенкомъ, къ которому она не могла чувствовать ничего, кромѣ дружбы. Гёте былъ огорченъ вдвойнѣ: такимъ отзывомъ любимой дѣвушки и справедливымъ гнѣвомъ отца за всю эту кутерьму и за нахожденіе въ дурномъ обществѣ. Онъ сильно загрустилъ и даже заболѣлъ; оправившись, онъ былъ очень радъ, что отецъ приставилъ къ нему гувернера, чтобы тотъ ускорилъ приготовленіе юноши къ

университету. Гувернеръ былъ молодой человѣкъ, и даровитый воспитанникъ быстро сошелся съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Гёте съ энергіей вернулся къ своему рабочему столу и въ первый разъ почувствовалъ интересъ къ философіи; онъ мечталъ всецѣло посвятить себя наукѣ и занять впослѣдствіи профессорскую каѳедру. Его усиленныя занятія только изрѣдка прерывались посѣщеніемъ театра, страсть къ которому у него не ослабѣла.

Въ 1765 году Гёте отправился въ Лейпцигскій университетъ; отецъ, самъ юристъ, непремѣнно желалъ сдѣлать юристомъ и своего сына. Гёте былъ не прочь обмануть родительскія ожиданія и заявилъ профессору, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо, что съ бòльшею охотою отдался бы изученію древнихъ языковъ и философіи; но тотъ заявилъ, что онъ не уполномоченъ на такое измѣненіе программы его занятій и настоялъ на исполненіи воли отца.

Въ началѣ Гёте усердно посѣщалъ даже юридическія лекціи, къ слушанію которыхъ былъ подготовленъ дома чтеніемъ юридическихъ книгъ, подъ руководствомъ отца; но скоро онъ потерялъ къ юриспруденціи всякій вкусъ. Дольше удержалось у него стремленіе серьезно заниматься общеобразовательными предметами: логикой, моральной философіей; но лекціи и по этимъ предметамъ мало удовлетворяли его, и когда оказалось, что collegium philosophicum совпадаетъ съ появленіемъ изъ печи горячихъ пирожковъ, онъ сталъ отдавать предпочтеніе послѣднимъ. Онъ слушалъ, между прочимъ, и знаменитаго Геллерта и во многомъ симпатизировалъ ему, но не могъ раздѣлять его отрицательнаго взгляда на поэзію. Обѣдая у профессора Людвига въ обществѣ студентовъ-медиковъ, подъ вліяніемъ разговоровъ съ ними, онъ увлекался одно время естественными науками и медициной.

Гораздо бòльшее вліяніе оказало на Гёте не-студенческое общество «нѣмецкаго Парижа». Несмотря на несчастную исторію съ Гретхенъ, Гёте привезъ изъ Франкфурта высокое мнѣніе о себѣ и своихъ способностяхъ: онъ обѣщалъ быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей, украшающихъ собою франкфуртское общество; родственники и друзья наперерывъ превозносили его стихотворный талантъ. Въ Лейпцигѣ оказалось, что и костюмъ его сшитъ не по модѣ, и манеры грубоваты, и рѣчь изобилуетъ провинціализмами. Лейпцигскія дамы охотно взялись за перевоспитаніе красиваго юноши; одной изъ нихъ, женѣ профессора Беме, Гёте сказалъ о своихъ поэтическихъ опытахъ и прочелъ нѣкоторые изъ нихъ; она не только осудила ихъ на сожженіе, но доказала юношѣ, что и тѣ образцовые поэты, которымъ подражалъ онъ, не заслуживаютъ своей славы: въ Лейпцигѣ критически-строгое отношеніе къ произведеніямъ нѣмецкой

музы вело свое начало еще отъ первыхъ шаговъ Готшеда. Гёте послѣдовалъ совѣту m-me Беме, но глубоко огорчился.

Оправившись отъ этихъ неудачъ, Гёте энергично принялся за чтеніе и за развитіе своего вкуса; подъ вліяніемъ Лессинга Гёте изучаетъ Шекспира, о которомъ въ Германіи больше говорили, чѣмъ знали. Минна фонъ Барнгельмъ Лессинга произвела на Гёте очень сильное впечатлѣніе: онъ много разъ читалъ ее, видѣлъ на сценѣ и даже самъ игралъ въ ней. Скоро Гёте снова возвратился къ стихотворнымъ опытамъ, но относился къ нимъ значительно строже, чѣмъ прежде. Подъ вліяніемъ Лаокоона Лессинга, Гёте отдался изученію искусства; ему удалось познакомиться съ другомъ Винкельмана, художникомъ Öзеромъ, въ домѣ котораго онъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ. По совѣту Öзера онъ ѣздилъ въ Дрезденъ, гдѣ особенное вниманіе и восторгъ его возбудили нидерландцы: по его собственнымъ словамъ, онъ тогда еще не доразвился до пониманія итальянскаго искусства.

Черезъ своего земляка (впослѣдствіи зятя) Шлоссера, бывшаго на 10 лѣтъ старше его, Гёте познакомился съ семействомъ образованнаго виноторговца Шенкопфа, который держалъ табль-д'отъ для хорошихъ знакомыхъ; у Шенкопфа была дочь Анна Катарина, дѣвушка красивая, неглупая и живая, на 3 года старше Гёте. Гёте влюбился въ нее, и она отвѣчала ему сходнымъ чувствомъ. Молодые люди были бы счастливы, еслибъ Гёте не мучилъ свою возлюбленную капризами и сценами неосновательной ревности, въ которыхъ, вѣроятно, выражалось его невѣріе въ дѣйствительность и силу этой любви. Гёте самъ сознавалъ неправоту свою, но ему отъ этого было не легче; тогда онъ въ первый разъ прибѣгъ къ обычному для него впослѣдствіи средству раздѣлываться съ внутренними неурядицами, къ творчеству. Онъ написалъ пьесу «Капризы влюбленнаго» (Die Laune des Verliebten), въ которой только личный мотивъ и нѣсколько сильныхъ стиховъ достойны автора Фауста. Пьеса написана въ избитой и ложной формѣ пасторали, подобной тѣмъ, которыя видѣлъ онъ во Франкфуртѣ во время пребыванія тамъ французской труппы. На сценѣ, передъ нами двѣ пары влюбленныхъ: два пастуха и двѣ пастушки. Одна пара счастлива, а въ другой пастухъ Эридонъ мучитъ свою возлюбленную капризами и неосновательною ревностью; счастливая пастушка, жалѣя свою подругу, начинаетъ кокетничать съ Эридономъ, доводитъ его до минутнаго увлеченія и тѣмъ доказываетъ ему, какъ мало за нимъ права упрекать вѣрную ему пастушку.

Гёте самъ ввелъ въ домъ Шенкопфовъ молодого адвоката Канне, человѣка, не отличавшагося особенными достоинствами, но жениха, вполнѣ приличнаго. Кеттхенъ и Канне понравились другъ другу, и

Гёте съ грустью увидалъ, что они сойдутся близко. Съ горя онъ предался всѣмъ удовольствіямъ Лейпцигской жизни; онъ былъ уже своимъ человѣкомъ за кулисами театра, писалъ стихи дебютанткамъ и концертанткамъ, сочинялъ пародіи, быстро расходившіяся въ спискахъ; но въ то же время онъ не переставалъ и усиленно читать, и работать; короче сказать, онъ жегъ свѣчу жизни съ обоихъ концовъ. Результатомъ этого была довольно серьезная болѣзнь: у него пошла кровь горломъ. Больной, онъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ много въ Лейпцигѣ людей, искренно его любящихъ: посѣтители и даже посѣтительницы наполняли его студенческую квартирку. Кровь остановили, но явились другіе болѣзненные припадки, и Гёте, по совѣту докторовъ, рѣшилъ отправиться на родину.

Мать и сестра встрѣтили больного студента съ распростертыми объятіями; отецъ тоже понималъ, что теперь не время для выговоровъ и упрековъ, хотя и не могъ быть доволенъ поведеніемъ сына. Отношенія въ семьѣ молодой Гёте нашелъ вовсе не такими хорошими, какъ они представлялись ему издали; отецъ всю свою педагогическую энергію перенесъ на Корнелію, уже взрослую дѣвушку, морилъ ее за письменнымъ столомъ, лишалъ всѣхъ удовольствій и довелъ почти до озлобленія. Корнелія, такая же самолюбивая и влюбчивая, какъ братъ, была некрасива собой и принуждена была таить въ себѣ свои мысли и чувства; въ братѣ нашла она повѣреннаго и защитника и сильно привязалась къ нему. Когда Гёте началъ поправляться, сестра стала возбуждать его къ творческой работѣ и вообще имѣла на него очень благотворное вліяніе. Теперь же Гёте сблизился съ старинной подругой его матери, немолодой дѣвицей фонъ-Клеттенбергъ, которая видѣла въ жизни своей много горя и теперь успокоилась на религіи. Клеттенбергъ, впослѣдствіи поэтически воспроизведенная въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» (признанія Прекрасной Души), снова обратила вниманіе юнаго поэта на религіозные вопросы, и онъ перечиталъ много книгъ по мистическому богословію, а также и по исторіи церкви.

Та-же Клеттенбергъ посовѣтовала ему обратиться за совѣтомъ къ доктору алхимику; отъ его ли лѣченія или отъ времени, Гёте почувствовалъ быстрое облегченіе и самъ заинтересовался такъ наз. тайными науками; даже устроилъ у себя небольшую лабораторію. Въ то же время онъ интересовался и медициной и со вниманіемъ читалъ сочиненія отца новой науки, голландскаго врача и профессора доктора Боэргааве (Boerhaave). Такъ пользовался онъ своимъ невольнымъ досугомъ.

Отдохнувъ полтора года, Гёте, по совѣту отца, отправился оканчивать курсъ не въ Лейпцигъ, а въ Страсбургъ. Теперь онъ былъ уже не полумальчикъ, а вполнѣ сложившійся молодой человѣкъ, коечто пережившій и много читавшій и думавшій. Умъ его еще не вполнѣ

созрѣлъ, но неустанное стремленіе къ истинѣ и красотѣ уже стало лозунгомъ его жизни. Его энергичная и вмѣстѣ съ тѣмъ почти женски-граціозная фигура и его большіе свѣтлые глаза съ огромными зрачками производили на всѣхъ, кто видѣлъ его въ первый разъ, сильное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ силу свою и вѣрилъ въ себя, но ясно сознавалъ пробѣлы въ своемъ, далеко еще незаконченномъ образованіи и недостатки своего темперамента и характера, стремился пополнить первые и энергично боролся съ послѣдними *).

Гёте привезъ съ собой въ Страсбургъ много лирическихъ стихотвореній (небольшая часть ихъ уже была напечатана) и 3-хъ-актную комедію въ стихахъ: «Совиновники» (Mitschuldigen) **); но онъ не придавалъ написанному имъ никакого значенія и самъ прекрасно сознавалъ, что литературные вкусы его не сложились. Пребываніе въ Страсбургѣ въ этомъ отношеніи имѣло на него очень сильное вліяніе.

Страсбургъ, старинный имперскій городъ, уже около 90 лѣтъ былъ подъ властью французовъ; какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подъ чужеземнымъ владычествомъ нѣмецкій духъ сказывался сильнѣе, нежели гдѣ-нибудь внутри Германіи; но при этомъ, конечно, здѣсь сильно чувствовалось и французское вліяніе, чувствовалось, какъ отрицательно, такъ и положительно; Гёте здѣсь стоялъ на рубежѣ двухъ племенъ и двухъ цивизацій.

Осмотрѣвъ чудо готической архитектуры (современники Гёте считали ее исконно нѣмецкою)—Страсбургскій соборъ, и нанявъ квартиру, Гёте пристроился къ одному табль-д'оту, за которымъ предсѣдательствовалъ нѣкто юристъ Зальцманъ, человѣкъ уже не молодой, чопорный въ костюмѣ и манерахъ, но умный и развитой. Подъ его вліяніемъ Гёте началъ усердно заниматься юриспруденціей и, какъ самъ пишетъ Клеттенбергъ, въ первый разъ нашелъ въ ней вкусъ; но этого увлеченія хватило не надолго, и хотя Гёте продолжалъ готовиться къ экзамену, однакоже, съ бо́льшей охотой занимался другими предметами: медициной, химіей, электричествомъ, философіей, особенно же исторіей и литературой. По праздникамъ онъ разъѣзжалъ по окрестностямъ, осматривалъ старинные замки и католическія святыни.

---

*) Онъ мучилъ себя, пріучаясь къ рѣзкимъ звукамъ, страшнымъ зрѣлищамъ и отучая себя отъ головокруженія, и онъ достигъ всѣхъ этихъ цѣлей. Его записная книжка, переполненная выписками на всѣхъ извѣстныхъ ему языкахъ и замѣтками, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много и какъ внимательно читалъ онъ.

**) Это произведеніе юношескаго пессимизма набросано имъ еще въ Лейпцигѣ и обработано во Франкфуртѣ. На сценѣ цѣлая семья негодныхъ людей: жадный и любопытный отецъ; его дочь, готовая измѣнить своему ненавистному мужу; мужъ, обворовывающій любовника жены. Комедія интересна, какъ первое драматическое произведеніе Гёте, въ которомъ вліяніе Лессинга борется съ французской модою (дѣйствующія лица —чистые нѣмцы).

Самый важный фактъ въ литературномъ развитіи Гёте за это время—его знакомство съ Гердеромъ, который пріѣхалъ сюда лѣчить глаза. Гердеръ, бывшій на 5 лѣтъ старше Гёте, уже пользовался большою извѣстностью, и Гёте былъ изъ числа его поклонниковъ. Они скоро сошлись, хотя Гердеръ, мучимый операціей и ея послѣдствіями, часто бывалъ въ очень тяжеломъ настроеніи духа и мучилъ сарказмами и насмѣшками своего молодого друга; Гёте былъ очень самолюбивъ, но за поучительныя бесѣды Гердера онъ готовъ былъ сносить все. Гердеръ внушилъ ему любовь и уваженіе къ поэзіи примитивныхъ народовъ, къ Оссіану, къ Гомеру, подкрѣпилъ и осмыслилъ его уваженіе къ Шекспиру и нѣмецкой старинѣ, окончательно освободилъ его отъ поклоненія французамъ, вообще сформировалъ его еще бродившія идеи. Тогда въ головѣ Гёте зародились планы нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, между прочимъ Гёца фонъ-Берлихингенъ и, можетъ быть, Фауста. Но съ Гердеромъ онъ не дѣлился своими планами: тотъ не провидѣлъ его будущаго величія и считалъ Гёте только славнымъ малымъ, къ сожалѣнію, весьма легкомысленнымъ.

Тотъ же Зальцманъ, еще до пріѣзда Гёте, составилъ въ Страсбургѣ литературный кружекъ, гдѣ теперь молодой поэтъ былъ виднымъ дѣятелемъ вмѣстѣ съ Ленцемъ *) и др. Въ собраніяхъ этого кружка сильно сказывалось вѣяніе новаго духа, нѣмецкая революція вкуса, фантазіи и мысли, которую позднѣе окрестили названіемъ періода бури и натиска (Sturm und Drangperiode, иначе: періодъ бурныхъ стремленій). Это вѣяніе выражалось презрѣніемъ ко всякой условности въ жизни и искуствѣ и къ французамъ, ея защитникамъ, уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ и національности, поклоненіемъ Шекспиру и природѣ. Стало быть, по духу, страсбургское общество было въ ближайшемъ родствѣ съ геттингенскимъ Союзомъ добродѣтели, съ Гёцемъ и Вертеромъ Гёте и съ Разбойниками Шиллера, а въ дальнемъ—съ романтической школой. До насъ дошла очень характерная рѣчь о Шекспирѣ, которую, говорятъ, читалъ въ страсбургскомъ кружкѣ студентъ Гете **); въ ней видны въ зародышѣ и натуръ-философія Шеллинга, и субъективизмъ Фихте, и культъ геніальности, который проповѣдывали Шлегели; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней видно, какъ глубоко успѣли проникнуть въ сердца молодежи освободительно-гуманныя идеи Лессинга и его современниковъ.

*) Яковъ Михаилъ Рейнгольдъ Ленцъ род. въ 1750 г., учился въ Кёнигсбергѣ, написалъ рядъ драмъ оригинальныхъ по замыслу, но дикихъ и неправильныхъ. Въ 1776 г. былъ онъ въ Веймарѣ, но не могъ ужиться тамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ сошелъ съ ума. Умеръ въ 1792 г. въ Москвѣ, въ крайней нуждѣ.

**) По русски см. ее въ біографіи Гёте Льюиса, стр. 122 и слѣд.

Скептицизмъ энциклопедистовъ недолго царствовалъ въ Германіи и скоро былъ отброшенъ ими вмѣстѣ съ псевдоклассицизмомъ; самъ Вольтеръ въ этой рѣчи приравненъ къ Терситу.

Въ первое время пребыванія въ Страсбургѣ Гёте, повидимому, искренно радовался, что свободенъ отъ любви; онъ сравнивалъ свою жизнь съ путешествіемъ въ коляскѣ, откуда можно спокойно смотрѣть на окружающіе виды и картины жизни. Но скоро положеніе его измѣнилось: одинъ изъ пріятелей, Вейландъ, пригласилъ Гёте отправиться дня на 2—3 къ своему родственнику, пастору села Зессенгейма, Бріону. Пасторъ, еще не старый человѣкъ (около 45 л.), имѣлъ нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна Фредерика, не красавица, но хорошенькая и умная дѣвушка, привлекала всѣхъ своимъ веселымъ характеромъ; это былъ идеалъ нѣмецкой дѣвушки, совмѣщавшій покой съ движеніемъ, крайнюю живость съ отсутствіемъ всякой рѣзкости, привлекательность съ полнѣйшей простотой. Гёте, въ то время зачитывавшійся «Векфильдскимъ священникомъ», чувствовалъ особенную слабость къ семьямъ пасторовъ и охотно согласился. По своей страсти къ мистификаціямъ, Гёте явился къ Бріону въ старомъ, дурно сшитомъ сюртукѣ и былъ представленъ хозяину въ качествѣ бѣднаго студента теологіи. Въ то время, какъ пасторъ разговорился съ своимъ юнымъ товарищемъ о дѣлахъ прихода и о трудностяхъ своихъ обязанностей, вошла Фредерика въ своемъ полукрестьянскомъ національномъ костюмѣ. Она произвела на Гёте такое сильное впечатлѣніе, что онъ на другой день рѣшилъ отправиться въ Страсбургъ, чтобы явиться передъ нею въ костюмѣ, который съ лучшей стороны выказалъ бы его наружность; но по дорогѣ раздумалъ и пришелъ въ домъ пастора въ новой маскѣ—переодѣвшись работникомъ. Когда обнаружилось, что Гёте—тотъ самый эксцентричный и даровитый юноша, о которомъ Бріоны и прежде слышали отъ Вейланда, Фредерика почувствовала себя очень польщенною его вниманіемъ и очарованною его остроуміемъ; Гёте же черезъ 2 дня уѣхалъ изъ Зессенгейма окончательно влюбленнымъ. Между молодыми людьми началась дружеская переписка, а затѣмъ послѣдовали поѣздки Гёте въ Зессенгеймъ; онъ считался если не женихомъ, то счастливымъ поклонникомъ Фредерики, и любовь къ ней, по счастливому выраженію Льюиса, золотою нитью проходила черезъ страсбургскую жизнь Гёте. Но когда Фредерика съ сестрою и матерью посѣтили Страсбургъ, эта нить, повидимому, нѣсколько потемнѣла: дочь деревенскаго пастора въ своемъ полукрестьянскомъ костюмѣ, съ своими наивными манерами и рѣчами много теряла въ салонахъ Страсбурга, а ея готовность выставить на видъ свои отношенія къ страсбургскому льву, кажется,

шокировала его. Впрочемъ, облачко скоро разсѣялось, и на пасху Гёте снова отправился въ гости къ пастору.

Между тѣмъ, Гёте энергично добивался докторскаго диплома; для диссертаціи онъ выбралъ довольно любопытную тему: о необходимости государственной религіи, характеризующую, впрочемъ, не столько убѣжденія Гёте, сколько его чисто формальное отношеніе къ своему докторскому диплому. Но диссертація не была принята, и Гёте предложили защищать тезисы для полученія степени лиценціата, которая по служебнымъ правамъ въ то время была приблизительно равна докторской. 6-го августа 1771 г. Гёте защищалъ свои тезисы и получилъ дипломъ; сдѣлавъ прощальный визитъ Фредерикѣ, Гёте отправился домой, не собираясь и не обѣщаясь возвратиться, хотя и предчувствуя, что въ душѣ его окажется мучительная пустота, а сердце Фредерики будетъ разбито. Отчего онъ не продолжалъ своихъ отношеній къ ней? отчего онъ не сдѣлалъ никакихъ шаговъ къ тому, чтобы жениться на ней?

Есть много объясненій этого; одни говорятъ, что Гёте боялся отца своего, который не согласился бы на такой неравный бракъ; другіе доказываютъ, что онъ пожертвовалъ своимъ чувствомъ для высокой задачи, къ исполненію которой сознавалъ себя призваннымъ; по мнѣнію Льюиса, Гёте самъ чувствовалъ, что недостаточно любитъ Фредерику, чтобы жениться на ней, что это не была любовь, а скорѣй affaire d'amour, что стало быть Гёте, какъ Тургеневскій «необыкновенный человѣкъ» Андрей Колосовъ заблаговременно сознавалъ приближеніе поры, когда придется воскликнуть: «что было, то не будетъ вновь», и поспѣшилъ во-время удалиться, чтобъ не дѣлать несчастнымъ ни себя, ни Фредерику. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ есть своя доля истины, но въ послѣднемъ больше всего; надо еще къ этому прибавить, что Гёте былъ изъ тѣхъ людей, которые только въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ чувствуютъ желаніе безповоротно прикрѣпить свою привязанность и жизнь, а въ молодости питаютъ инстинктивную антипатію къ женитьбѣ. Какъ бы то ни было, а нельзя не согласиться съ Мезьеромъ, что въ этой исторіи дочь деревенскаго пастора, оставшаяся вѣрною своему первому увлеченію и встрѣтившая черезъ 8 лѣтъ Гёте привѣтомъ и непритязательною любовью, симпатичнѣе, нежели молодой поэтъ; но насъ миритъ съ нимъ то волненіе, которое испытывалъ онъ въ старости, вспоминая этотъ романъ юности, и та теплота, съ которою изобразилъ онъ его героиню.

По дорогѣ изъ Страсбурга на родину Гёте заѣхалъ въ Мангеймъ, гдѣ былъ музей слѣпковъ съ знаменитыхъ античныхъ статуй; онъ долго разсматривалъ группу Лаокоона. Продолжая свой путь, онъ встрѣтилъ на дорогѣ мальчика-музыканта, котораго и взялъ съ

собою, обѣщая ему хорошій заработокъ во Франкфуртѣ и возможность жить въ его домѣ. Зная, что совѣтникъ разсердился бы на такое увеличеніе домашняго штата, фрау Айя устроила мальчика иначе.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Гёте, повинуясь волѣ отца, подалъ просьбу въ коллегію франкфуртскихъ адвокатовъ о принятіи его «in den numerum advocatorum ordinariorum»; скоро отъ дяди Текстора, который перешелъ на службу по выборамъ, онъ получилъ нѣсколько дѣлъ, которыя, впрочемъ, очень мало интересовали его. Отецъ былъ недоволенъ равнодушіемъ сына къ юриспруденціи, его революціонными стремленіями и рѣзкимъ тономъ, вообще тѣмъ, что̀ тогда составляло внѣшній признакъ геніальности *); но гордился его смѣлостью, умомъ и способностями.

Въ это время Гёте сблизился съ дармштадтскимъ военнымъ совѣтникомъ Меркомъ, который оказалъ сильное вліяніе на его умственное и отчасти художественное развитіе. Іог. Генр. Меркъ (Merck) род. въ 1741 г. въ Дармштадтѣ, былъ сынъ аптекаря, учился въ Альтдорфѣ и Геттингенѣ, долго путешествовалъ, а съ 1768 г. служилъ въ родномъ городѣ. Онъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и начитанный, съ сильно развитымъ критическимъ тактомъ, съ замѣтною наклонностью къ сарказму и пессимизму; не обладая творческою способностью, онъ очень любилъ литературу и прекрасно владѣлъ перомъ **). Въ Гёте онъ сразу призналъ выдающійся талантъ и всѣми мѣрами поощрялъ его печататься. Въ 1772 г. Меркъ издавалъ Франкфуртскія ученыя записки (Frankfurter Gelehrten Anzeigen), и Гёте помѣстилъ тамъ рядъ критическихъ статей, работа надъ которыми была въ высшей степени полезна для его слагающихся воззрѣній. Въ то время у него уже была готова первая редакція «Гёца ф. Берлихингенъ».

Онъ задумалъ эту драму еще въ Страсбургѣ; усиленно работалъ надъ ней въ 1771 г., чтобы заглушить воспоминаніе о Фредерикѣ. Въ слѣдующемъ году, готовя Гёца къ печати, поэтъ подвергъ его незначительнымъ передѣлкамъ и нѣкоторымъ сокращеніемъ. Боясь не найти издателя, онъ принялъ предложеніе Мерка напечатать его на ихъ общій счетъ, и Гёцъ появился въ свѣтъ въ 1773 г. Съ этихъ

*) Гёте себя и товарищей своихъ называлъ геніями; Кестнеръ съ перваго знакомства призналъ въ немъ геніальнаго человѣка, конечно, не въ нынѣшней смыслѣ слова; тогда, согласно корню слова, подъ геніальностью понимали прирожденное, въ противуположность искусственному, потерявшему уваженіе со времени Руссо.

**) Его «Ausgewählten Schriften zur schönen Literatur nnd Kunst» изд. 1840 г. Ad. Stahr.

поръ всѣ, интересующіеся отечественной литературой, смотрятъ на Гёте, какъ на крупную творческую силу.

Матеріаломъ для драмы Гёте послужила автобіографія одного рыцаря XVI столѣтія по имени Готфрида, по прозванію Желѣзная рука. Поэтъ отнесся къ своему источнику очень свободно: изъ довольно обыденнаго дѣятеля той интересной, но грубой эпохи онъ сдѣлалъ идеалъ нѣмецкаго борца за свободу и правду и окружилъ его идеальными нѣмецкими женщинами; но національное выражено здѣсь съ такою силой и художественною полнотою, что пьеса получаетъ міровое, общечеловѣческое значеніе.

Гёцъ сейчасъ же вызвалъ перепечатку, а потомъ и безчисленное множество подражаній. Въ немъ справедливо увидѣли манифестъ новой литературной школы, вполнѣ отрѣшившейся отъ французскаго классицизма и безусловно національной по своимъ идеямъ и формамъ. У менѣе даровитыхъ подражателей Гёте «мѣстныя краски» (Localfarbe), здѣсь впервые выдвинутыя на видное мѣсто, слишкомъ поглощаютъ вниманіе авторовъ и зрителей; но эта крайность не такъ вредна, какъ предшествовавшее ей отсутствіе красокъ и національности.

Въ Гёцѣ нельзя не видѣть сильнаго вліянія Шекспира, но это вліяніе выражается не рабскимъ подражаніемъ, а разумнымъ усвоеніемъ основныхъ началъ истиннаго драматизма и поэзіи.

Раньше, чѣмъ Гёцъ появился въ печати, Гёте уже снова покинулъ родину и, согласно желанію отца, переѣхалъ въ небольшой городокъ Вецларъ, гдѣ находился высшій апелляціонный судъ и главный государственный архивъ. Тамъ проживало много молодыхъ юристовъ, практиковавшихся въ тонкостяхъ нѣмецкаго правовѣдѣнія. Общество тамъ было развитое и веселое, и Гёте съ охотою посѣщалъ его, пріобрѣлъ много друзей и поклонниковъ, много читалъ и думалъ и немного занимался дѣлами. Тамъ въ Вецларѣ былъ такъ называемый «Нѣмецкій домъ», т.-е. одно изъ управленій, вѣдавшихъ имѣнія ордена нѣмецкихъ рыцарей. Имъ завѣдовалъ нѣкто Буффъ, отецъ многочисленнаго семейства, недавно потерявшій жену. Роль хозяйки въ его домѣ, послѣ смерти матери, исполняла старшая дочь Шарлотта, будущая героиня «Вертера»; она не отличалась ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ, но была очень миловидна, добра и симпатична. Познакомившись съ Буффами, Гёте, какъ и многіе другіе, не зналъ, что Шарлотта уже помолвлена съ однимъ молодымъ юристомъ Кестнеромъ. Какъ ни трудно біографу Гёте отдѣлить Кестнера отъ Альберта въ «Вертерѣ», необходимо сдѣлать это усиліе, и тогда окажется, что между ними общаго только положеніе: Кестнеръ вовсе не былъ узколобымъ филистеромъ, какъ Альбертъ; онъ человѣкъ живой и впечатлительный, сынъ «бурнаго» періода, имѣвшій въ своихъ

взглядахъ много общаго съ Гете. При первомъ же знакомствѣ Гёте произвелъ на Кестнера сильное и благопріятное впечатлѣніе, и позднѣе они сошлись очень близко. Скоро отношенія между Гёте, Кестнеромъ и его невѣстой получили опредѣленный, но нѣсколько странный характеръ: Кестнеръ зналъ, что Гёте любитъ Лотту; знала это и сама Лотта; но женихъ не только не ревновалъ невѣсту къ молодому другу, а тѣмъ болѣе гордился ею. Не было ревности и со стороны Гёте: онъ былъ убѣжденъ, что разочаровался бы въ Лоттѣ, еслибы она ради него измѣнила своему жениху. Тѣмъ не менѣе, частыя свиданія, задушевные разговоры о чувствахъ и невинныя нѣжности стали подъ конецъ раздражать Гёте; онъ побоялся, что можетъ еще сильнѣе привязаться къ невѣстѣ друга и вознамѣрился оставить Вецларъ. 16 сентября 1772 года, онъ, не попрощавшись съ Лоттой, пѣшкомъ ушелъ во Франкфуртъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его чувство къ Лоттѣ было вполнѣ искренно, но по степени напряженности оно немного имѣло общаго съ сильной, хотя и духовной страстію, которую Лотта романа внушала Вертеру: уходя изъ Вецлара, Гёте былъ полонъ жизни и весело проводилъ время въ обществѣ другихъ женщинъ.

Вернувшись во Франкфуртъ, Гёте, къ радости отца, на нѣкоторое время съ энергіей отдался юриспруденціи, но это увлеченіе было очень непродолжительно. Вскорѣ по пріѣздѣ домой, Гёте получилъ изъ Вецлара извѣстіе о самоубійствѣ его давнишняго знакомаго Іерузалема, молодого чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. Іерузалемъ былъ человѣкъ очень образованный, пріятель Лессинга; любилъ литературу, но не стремился прославить себя въ ней; онъ былъ уменъ, но имѣлъ предрасположеніе къ меланхоліи, любилъ жить одинъ, и сойтись съ нимъ было не легко. Говорили въ Вецларѣ, что Іерузалемъ безнадежно влюбленъ въ жену своего товарища; не выдержавъ, Іерузалемъ объяснился ей въ любви; она разсказала о происшедшемъ мужу, который попросилъ Іерузалема прекратить свои посѣщенія. Тотъ затосковалъ, собрался уѣхать изъ Вецлара, уже послалъ за лошадьми, но ночью застрѣлился. Извѣстіе о смерти Іерузалема, при значительномъ сходствѣ положеній—Гёте зналъ, что Лотта скоро будетъ женою Кестнера и не могъ выкинуть образъ ея изъ своего сердца—сильно потрясло Гёте; въ отвѣтномъ письмѣ Гёте восхищается энергіей самоубійцы. У него тогда-же явилась идея: изъ двухъ любовныхъ исторій—своей собственной и Іерузалемовой — создать поэтическое произведеніе въ формѣ романа; она назрѣвала больше года; за то на окончательную обработку Вертера поэту понадобилось всего 4 недѣли.

Само собою разумѣется, что Вертеръ никогда не могъ бы прі-

брѣсти такой славы, не могъ бы стать «міровой книгой», еслибы его содержаніе исчерпывалось несчастною любовью впечатлительнаго молодого человѣка къ невѣстѣ или женѣ пріятеля. Вертеръ имѣетъ глубокое историческое значеніе; герой романа, — даровитый, умный, добрый и впечатлительный человѣкъ, есть идеальный представитель цѣлаго поколѣнія людей, переживших эпоху «просвѣщенія» и Руссо и еще недоживших до революціи. Его губитъ не несчастная любовь, а невозможность примириться съ филистерскою моралью и филистерскимъ счастіемъ. Вертеръ протестуетъ противъ общественнаго устройства, тогда общеобязательнаго, основаннаго на подчиненіи низшихъ высшимъ; онъ убѣжденъ, что крестьянинъ гораздо полезнѣе дипломата и чиновника; онъ находитъ въ простомъ народѣ больше здравыхъ нравственныхъ понятій, чѣмъ въ такъ называемомъ обществѣ, и только въ низшихъ слояхъ видитъ непосредственное, сильное чувство. Къ могилѣ «его несли ремесленники; ни одинъ священникъ не провожалъ его».

Вертеръ ненавидитъ всякое стѣсненіе: онъ въ дѣтствѣ страдаетъ отъ давленія школы; взрослый — онъ чувствуетъ, какъ его душатъ общественныя приличія и служебная дисциплина. Онъ всегда сочувствуетъ тѣмъ, кого гнететъ общественное мнѣніе; дѣвушка, отдавшаяся любимому человѣку, по его убѣжденію, безконечно выше безсердечной и безукоризненной эгоистки. Онъ стоитъ за права человѣка на свободу, на равенство, на жизнь свою.

Вертеръ имѣетъ огромное историко-литературное значеніе, какъ художественно-законченное произведеніе, соединившее высшую «чувствительность», бывшую тогда всеобщей модой, съ реализмомъ, точнымъ воспроизведеніемъ обыденной дѣйствительности. Романъ производитъ полную иллюзію въ читателѣ, какъ содержаніемъ, такъ и формой своей: письма героя къ другу, его безпорядочныя предсмертныя записки, стройный и обдуманный заключительный разсказъ, основанный на показаніяхъ близкихъ лицъ, всякаго заставятъ повѣрить, что здѣсь не вымыселъ, а сама жизнь. Различаютъ 2 части романа: въ первой изъ нихъ Вертеръ—самъ Гёте; во второй Вертеръ созданная фигура, въ основѣ которой лежитъ самоубійство Іерузалема. Въ первой части природа производитъ умиротворяющее вліяніе на героя; во второй — угнетающее; въ первой — его любимый поэтъ Гомеръ, во второй—мрачно мечтательный Оссіанъ; въ первой и несчастная любовь даетъ ему радости, во второй она шагъ за шагомъ ведетъ его къ самоубійству.

Въ XVIII столѣтіи Вертеръ самое популярное изъ созданій Гёте; онъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; Бонапартъ беретъ его съ собою въ Египетъ и при свиданіи съ Гёте въ Эрфуртѣ прежде всего

заговариваетъ съ нимъ о Вертерѣ; во время путешествія въ Италію Гете встрѣчаетъ массу иностранцевъ, которые знаютъ его только какъ автора «знаменитаго» Вертера; въ самой Германіи Вертеръ вызвалъ массу подражаній и будто усилилъ наклонность молодыхъ людей обоего пола къ меланхоліи и ея печальнымъ послѣдствіямъ. Гёте, самъ въ то время уже пережившій періодъ «вертеризма», глубоко негодовалъ на поклонниковъ Вертера и обвинялъ себя за изданіе вредной книги. Но еслибы въ обществѣ не было такого настроенія, романъ не могъ бы имѣть никакого вліянія. Между другими стадіями «разочарованности» и пессимизма вертеризмъ является наименѣе безотрадной и опасной: добродушнаго и строго-нравственнаго Вертера гораздо легче примирить съ жизнью, чѣмъ Шатобріанова Рене, не говоря уже про героевъ Байрона.

Дѣятели эпохи просвѣщенія были очень недовольны Вертеромъ: Лессингъ полагалъ, что авторъ долженъ былъ въ заключеніе осмѣять своего героя, а Николаи выступилъ противъ Вертера съ пародіей; но огромное большинство читателей, согласно съ вступительными словами романа, не отказало «характеру Вертера въ удивленіи и любви, а судьбѣ его—въ слезахъ».

Любопытны для характеристики и исторіи развитія Гёте планы двухъ никогда не выполненныхъ крупныхъ произведеній, которыя Гёте обдумывалъ около этого же времени. Въ поэмѣ «Магометъ» онъ намѣренъ былъ вывести геніальнаго человѣка съ высокими идеалами, но принужденнаго выполнять ихъ черезъ посредство толпы, которая грязнитъ и опошляетъ его стремленія и дѣлаетъ его шарлатаномъ противъ воли. Только на смертномъ одрѣ Магометъ снова возвращается къ первоначальной чистотѣ своихъ намѣреній; но въ завѣщаніи онъ даетъ указанія, какъ расширить созданное имъ государство.

Въ концѣ 1774 г., послѣ изданія Вертера, Гёте задумалъ крупное произведеніе на тему о вѣчномъ жидѣ (съ народной книжкой объ Агасферѣ онъ былъ знакомъ такъ же близко, какъ и съ книгою о докторѣ Фаустѣ). Агасферъ у Гёте долженъ былъ быть сапожникъ-философъ, очень неглупый человѣкъ, погруженный весь въ практическую дѣятельность. Онъ работаетъ передъ своей лавочкой на улицѣ и находитъ время поболтать съ прохожими, поумничать. Христосъ заинтересовалъ его, и многое въ его ученіи ему симпатично; но съ точки зрѣнія буржуазной морали онъ дѣлаетъ проповѣднику упреки за то, что онъ и самъ не работаетъ, и своихъ учениковъ отвлекаетъ отъ дѣла. Христосъ защищается притчами. Не будучи въ состояніи постигнуть сущности новаго ученія, Агасферъ боится, что проповѣдь Христа можетъ взбунтовать народъ, а бунтъ въ его глазахъ — дѣло ужасное и возмутительное. Чѣмъ дальше распространяется слава

Христа, тѣмъ непріязненнѣе становится къ нему Агасферъ. Разыгралась драма въ саду Геѳсиманскомъ; къ Агасферу приходитъ Іуда и разсказываетъ о происшедшемъ. Іуда—не предатель, а непослушный ученикъ: онъ хочетъ перенести ученіе Христа на практическую почву и измѣнить политическое устройство родины. Не будучи въ состояніи убѣдить учителя, онъ уговорилъ первосвященниковъ напасть на Спасителя въ надеждѣ, что вооруженные ученики будутъ защищать его, произойдетъ схватка, народъ станетъ на его сторону, и Христосъ противъ воли сдѣлается главою побѣдоносной политической партіи. Но планъ его не удался. Христосъ добровольно отдался въ руки враговъ; Іуда, мучимый сознаніемъ неправоты своихъ дѣйствій и всеобщимъ осужденіемъ за мнимую измѣну, лишаетъ себя жизни. Когда Христосъ, идя на казнь, проходитъ мимо двора Агасфера, въ душѣ послѣдняго происходитъ борьба между симпатіей къ человѣку и ненавистью къ бунтовщику; онъ говоритъ извѣстныя суровыя слова и за это осужденъ бродить на землѣ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что не вооруженными силами, а словомъ истины воздвигается на землѣ царство Божіе.

Прежде чѣмъ вышелъ въ свѣтъ Вертеръ, домъ стараго совѣтника Гёте потерялъ для его сына значительную долю привлекательности: сестра и другъ его Корнелія вышла замужъ за Шлоссера не по любви, а изъ желанія освободиться изъ-подъ воли суроваго отца; впрочемъ она искренно уважала своего мужа. Гёте развлекался какъ умѣлъ, ухаживалъ за барышнями и, по желанію одной изъ нихъ, которая въ игрѣ исполняла роль его жены, онъ въ одну недѣлю написалъ трагедію «Клавиго», на основаніи незадолго вышедшихъ въ свѣтъ мемуаровъ Бомарше; это одно изъ наиболѣе слабыхъ произведеній Гёте (въ первыхъ четырехъ актахъ онъ близко слѣдовалъ источнику, а пятый, имъ измышленный, вызываетъ много справедливыхъ упрековъ; изд. въ 1774 г.). Въ это время Гёте вступаетъ въ переписку съ многими выдающимися людьми, между прочимъ съ Клопштокомъ и Лафатеромъ. Его первое письмо къ Клопштоку дышетъ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ.

Іог. Каспаръ Лафатеръ (Lavater) род. въ 1741 г. въ Цюрихѣ, учился теологіи, въ 1764 г. вступилъ въ духовное званіе и былъ пасторомъ въ родномъ городѣ; какъ поэтъ, онъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ подражателей Клопштока, но какъ мистикъ и мыслитель и спеціально, какъ изобрѣтатель физіогномики, онъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ современниковъ *). Лѣтомъ 1774 г. Лафатеръ

*) Lavaters ausgewählte Schriften изд. Orelli (1841—44 гг. 8 тт.); лучшая его біографія написана Бодеманномъ (Bodemann: Lavater nach seinem Leben, Lehren und Wirken dargestellt, 2-е изд. 1877).

заѣхалъ во Франкфуртъ; Гёте очень ласково принялъ его и проводилъ на воды; возвратившись, онъ засталъ во Франкфуртѣ другую знаменитость—педагогическаго реформатора Базедова. Базедовъ—искренній и горячій человѣкъ—доказывалъ, что одностороннее воспитаніе, обращающее вниманіе только на умъ и пренебрегающее душею и тѣломъ, губительно для молодежи; онъ возставалъ противъ школьной рутины и крайностей классицизма. Гёте познакомился съ нимъ, провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ и отправился проводить также и его. Черезъ нѣсколько недѣль онъ съ Лафатеромъ и Базедовымъ совершилъ путешествіе по Рейну и описалъ его въ комическихъ стихахъ, въ которыхъ называетъ себя «сыномъ міра». (Weltkind) въ противуположность этимъ двумъ пророкамъ *).

11-го декабря 1774 г. во Франкфуртъ пріѣхалъ Кнебель—очень умный и образованный человѣкъ, съ двумя своими питомцами, принцами Веймарскими; старшій изъ нихъ, 18-лѣтній Карлъ-Августъ, былъ будущій другъ и государь Гёте. Кнебель сдѣлалъ визитъ Гёте и заявилъ, что наслѣдный принцъ жаждетъ познакомиться съ творцемъ Вертера; Гёте отдалъ ему визитъ, и Карлъ-Августъ, очень понравившійся поэту простотою и искренностью, съ своей стороны, можно сказать, почти влюбился въ Гёте. Молодые люди бесѣдовали о политическихъ вопросахъ, и принцъ выразилъ твердое намѣреніе жить только для блага своего народа. Принцъ и Гёте разстались съ тѣмъ, чтобы непремѣнно встрѣтиться снова. Ихъ дружбѣ было только одно препятствіе: сатира Гёте «Боги, герои и Виландъ», направленная противъ знаменитаго учителя принца, который, по мнѣнію страсбургскаго литературнаго кружка,—мнѣнію въ значительной мѣрѣ справедливому, искажалъ античную миѳологію и преданія. Сатира появилась въ печати почти безъ согласія Гёте; умный Виландъ хвалилъ ее за остроуміе, но, конечно, не могъ искренно радоваться ея появленію. Это препятствіе устранилъ Гёте, написавъ Виланду извинительное письмо, на которое Виландъ отвѣтилъ не менѣе любезно.

Въ началѣ 1775 года начался романъ Гёте съ Анной-Елизаветой Шёнеманъ, который впослѣдствіи Гёте признавалъ самымъ сильнымъ увлеченіемъ своей молодости. Шёнеманъ была дочь франкфуртскаго банкира, красивая, живая .. остроумная, но вполнѣ свѣтская дѣвушка. Влюбившись въ нее и замѣчая, что и онъ произвелъ на нее впечатлѣніе, Гёте волей-неволей оставляетъ свои студенческія привычки и появляется на всѣхъ балахъ и концертахъ въ шелковыхъ чулкахъ, въ расшитомъ золотомъ платьѣ. Свѣтски-пошлое общество, гдѣ его знали не какъ поэта, а только какъ сына совѣтника Гёте, конечно, не могло доставить ему удовольствія, и онъ, какъ и нашъ

*) Prophete rechts, Prophete links, das Weltkind in der Mitte.

Пушкинъ, не могъ не чувствовать разлада между внутреннимъ міромъ и окружающею его средою. Родители какъ съ той, такъ и съ другой стороны не были довольны большимъ сближеніемъ молодыхъ людей: родные Шöнеманъ находили Гёте женихомъ незавиднымъ, а старый совѣтникъ не желалъ имѣть невѣстой модную барыню. Тѣмъ не менѣе, при дѣятельномъ участіи одной любительницы браковъ, страсть молодыхъ людей восторжествовала надъ препятствіями и состоялась помолвка, но она не дала удовлетворенія ни той, ни другой сторонѣ; Гёте отъ душевныхъ волненій и страданій отдыхаетъ въ небольшихъ путешествіяхъ и за рабочимъ столомъ; онъ написалъ въ это время двѣ сравнительно слабыя пьесы: «Эрвинъ и Эльмира» и «Стелла», работалъ надъ отдѣльными сценами Фауста и обдумывалъ Эгмонта; а его прекрасная невѣста успѣвала забыться въ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Часами Гёте бывалъ счастливъ, но иногда цѣлыми недѣлями избѣгалъ свиданій съ Шöнеманъ; близкіе люди все сильнѣе и сильнѣе убѣждались, какъ мало счастья сулитъ ему этотъ бракъ; наконецъ и онъ согласился съ общимъ мнѣніемъ, но, оставаясь во Франкфуртѣ, не имѣлъ силы порвать отношенія къ Аннѣ.

Къ счастію для Гёте, Карлъ Августъ, вступившій въ это время на престолъ герцогскій и побывавшій во Франкфуртѣ съ молодой супругой, настойчиво приглашалъ Гёте пріѣхать къ нему въ Веймаръ сначала хоть въ качествѣ гостя; старый совѣтникъ, указывая на примѣръ Вольтера и Фридриха, убѣждалъ сына не поступать на службу. Гёте охотно согласился и 7-го ноября 1775 г. снова покинулъ родной городъ, на этотъ разъ уже навсегда.

Герцогство Веймарское было одно изъ незначительныхъ государствъ Германіи; его столицею былъ небольшой городокъ съ 600—700 домовъ и 7000 жителей. Жили здѣсь люди по-старинному, селились широко, во время обѣдни запирали улицы цѣпями, на заставахъ заставляли всѣхъ расписываться; съ своимъ просвѣщеннымъ дворомъ бюргеры имѣли мало сношеній.

Поселившійся при веймарскомъ дворѣ поэтъ или мыслитель находился въ оригинальныхъ, но не неблагопріятныхъ условіяхъ: у него не было публики, но ее замѣнялъ небольшой кружокъ прекрасно образованныхъ цѣнителей. Во главѣ двора и этого кружка стояла вдовствующая герцогиня Амалія, племянница Фридриха Великаго, женщина умная и энергичная, долго управлявшая своимъ государствомъ и сама воспитавшая дѣтей своихъ; она скорѣе грѣшила презрѣніемъ къ придворному этикету, нежели излишнимъ уваженіемъ къ нему; общество ученыхъ и литераторовъ, въ особенности нѣмецкихъ, она всегда предпочитала обществу свѣтскому. Ея старшій сынъ, те-

перь герцогъ, по простотѣ своихъ вкусовъ и привычекъ оставилъ за собою и мать свою; своими грубо-откровенными казарменными манерами немного позднѣе онъ шокировалъ даже сына франкфуртскаго бюргера и страсбургскаго бурша. Но внѣшняя грубость и рѣзкость въ немъ вовсе не обусловливали душевной нечувствительности; напротивъ, трудно было найти даже между частными людьми бóльшую впечатлительность и бóльшее уваженіе къ чужой личности. Жена его Луиза, поклонница этикета, женщина, строгая къ себѣ и къ другимъ, не подходила по характеру и взглядамъ къ мужу и не могла на долго удержать любви его; но при веймарскомъ черезъ-чуръ ужъ свободномъ дворѣ, гдѣ многія дамы имѣли явныхъ обожателей, гдѣ petits-jeux давали поводъ къ грубоватому волокитству, она представляла полезный элементъ, налагала нѣкоторую узду на общество. До пріѣзда Гёте самой крупной литературной силой при дворѣ былъ Виландъ, «многоопытный мужъ», умѣвшій приноровиться ко всякому тону. Кромѣ него, здѣсь же жилъ и дѣйствовалъ Фридрихъ Юстинъ Бертухъ (Bertuch, род. 1747 г. въ Веймарѣ, съ 1775 г. былъ кабинетнымъ секретаремъ герцога, ум. 1822), переводчикъ Сервантеса и предпріимчивый журналистъ, и знаменитый впослѣдствіи авторъ «нѣмецкихъ сказокъ (Volksmärchen der Deutschen, изд. 1782 г.). Музеусъ, ученикъ и послѣдователь Виланда, (онъ род. 1735 г. въ Іенѣ, тамъ же учился теологіи, въ 1760—62 г. издалъ свой романъ: «Нѣмецкій Грандисонъ»; съ 1763 былъ воспитателемъ пажей въ Веймарѣ, а съ 1770 г. профессоромъ въ веймарской гимназіи; ум. 1787 г.)

Въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Веймарѣ, Гёте съ увлеченіемъ отдался всѣмъ удовольствіямъ веселаго безъэтикетнаго двора: катался на конькахъ, устраивалъ поѣздки, спектакли, «бѣсился» вмѣстѣ съ герцогомъ въ играхъ и кутежахъ; не только «Ваше Высочество» и «Вы» было изгнано изъ употребленія, но даже платье и бѣлье у государя и его гостя были общія. Услышавъ о такомъ поведеніи Гёте, царь нѣмецкой поэзіи Клопштокъ написалъ ему письмо съ строгимъ выговоромъ, но получилъ довольно рѣзкій и насмѣшливый отвѣтъ, вслѣдствіе чего ихъ дружба прекратилась. Напротивъ того, его соперникъ Виландъ все больше и больше привязывался къ Гёте, который, пробездѣльничавъ два мѣсяца, сталъ искать случая быть полезнымъ герцогу. Первымъ его дѣломъ было переманить на службу въ Веймаръ Гердера, что онъ и исполнилъ, несмотря на противодѣйствіе веймарскаго малоразвитаго духовенства, которое смотрѣло на Гердера почти какъ на атеиста. Въ томъ же 1776 г. Гёте и самъ поступаетъ на службу герцога и принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Скоро онъ получилъ титулъ «совѣтника посольства», и ему было назначено жалованье—1200 талеровъ въ годъ.

Такое неожиданное повышеніе сына франкфуртскаго бюргера возмутило всѣхъ веймарскихъ чиновниковъ, но герцогъ настоялъ на своемъ.

Мѣсто Гёте вовсе не было синекурой, такъ какъ онъ самъ не хотѣлъ получать жалованья даромъ и находилъ, что практическая дѣятельность не только не вредитъ, но помогаетъ его творчеству. Онъ наблюдалъ за казенными постройками, хлопоталъ надъ разработкою заброшенныхъ рудниковъ въ Ильменау (для этого занялся минералогіей) и даже исполнялъ обязанности президента военной коллегіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что его рѣшенію остаться въ Веймарѣ много способствовала его новая любовь къ веймарской придворной дамѣ фрау фонъ-Штейнъ. Когда Гёте познакомился съ ней, ей уже было 33 года, и она имѣла 7 человѣкъ дѣтей; судя по портретамъ, она не была красавицей, но ея одухотворенное, съ тонкими чертами лицо, обрамленное массой прекрасныхъ локоновъ, большіе вдумчивые глаза, ея умъ, образованіе и живость дѣлали ее украшеніемъ веймарскаго двора; Гёте, до тѣхъ поръ знавшій только здоровыхъ и простенькихъ бюргерскихъ дѣвушекъ, сразу подчинился ея обаянію. Мужъ ея, шталмейстеръ двора, сухой и ограниченный человѣкъ, рѣдко бывалъ дома, и жена пользовалась полной свободою. Побѣда надъ знаменитымъ Гёте, который, къ тому же въ этой порѣ своей жизни сдѣлался однимъ изъ красивѣйшихъ мущинъ на свѣтѣ, не могла не льстить ея самолюбію; Гёте же чувствовалъ, что эта женщина будетъ имѣть сильное и благопріятное вліяніе на развитіе его генія. Ихъ близкія (повидимому не безусловно) отношенія продолжались около 10 лѣтъ и сопровождались любопытной перепиской, которая съ лучшей стороны рекомендуетъ поэта, нежели предметъ его страсти: Гёте отдался чувству со всѣмъ пыломъ своей натуры и временами сильно страдалъ; фрау фонъ-Штейнъ всегда сдерживалась и разсчитывала, и дѣлалась нѣжнѣе къ нему только тогда, когда онъ, истомленный неразделенной страстію, изъявлялъ намѣреніе искать другого увлеченія. За то фонъ-Штейнъ направляла его геніальныя работы, служила ему регуляторомъ, сосредоточивала его на его планахъ, мѣшала ему разбрасываться въ разныя стороны. За свое кокетство она наказана тѣмъ, что лучшіе женскіе типы, имъ созданные, больше подходятъ къ дѣвушкамъ, которыхъ онъ зналъ и любилъ въ первый періодъ жизни; отъ нея онъ воспользовался только ея нравственной развитостью.

Что такое представлялъ изъ себя Гёте, какъ членъ общества, въ эту пору своей жизни, всего лучше можно видѣть изъ слѣдующаго анекдотическаго случая.

Въ Веймаръ пріѣхалъ «отецъ Глеймъ» и прежде всего освѣдо-

мился о Гёте; того не оказалось дома. Вечеромъ Глеймъ былъ приглашенъ къ герцогинѣ Амаліи и взялъ туда съ собою новую книжку «Альманаха Музъ». Когда уже все общество усѣлось, вошелъ какой-то молодой человѣкъ въ егерскомъ костюмѣ. Читалъ самъ Глеймъ; когда онъ усталъ, егерь предложилъ замѣнить его. Глеймъ согласился; егерь читалъ очень хорошо, съ большимъ пониманіемъ; сперва онъ читалъ то, что было напечатано въ книгѣ, потомъ ему надоѣло это, и онъ, смотря въ книгу, началъ импровизировать стихи всевозможными размѣрами; полились эпиграммы, пародіи и цѣлыя сатиры; досталось и присутствующимъ, и отсутствующимъ; досталось между прочимъ и удивленному «отцу Глейму», покровителю поэтовъ, котораго егерь сравнивалъ съ индюшкою, высиживающею чужія яйца. Тогда Глеймъ воскликнулъ: «Это или дьяволъ, или Гёте!» — «То и другое», отвѣтилъ Виландъ.

Вліяніе Гёте на герцога было положительно плодотворно: онъ давалъ ему возможность веселиться и самъ веселился съ нимъ, но своимъ примѣромъ побуждалъ его и къ серьезному труду. Примирилась съ нимъ и герцогиня Луиза, смотрѣвшая на него прежде какъ на врага, разрушителя этикета; она не разъ обращалась къ нему за помощью противъ увлеченій герцога и никогда не раскаивалась въ этомъ.

Гёте охотно занимался придворными, полудомашними спектаклями, которые очень любила герцогиня Амалія; для нихъ онъ приспособлялъ чужія пьесы и сочинялъ свои собственныя. Переживъ періодъ «вертеризма» и негодуя на современниковъ, изъ которыхъ многіе еще продолжали жить грустными идеалами Вертера, онъ сочинилъ для одного изъ спектаклей пародію на прежняго себя подъ именемъ «Тріумфъ чувствительности», которая нѣмцамъ показалась очень остроумной. Фабула ея такова: на сценѣ передъ нами нѣмецкій сантиментальный принцъ, получившій отвращеніе отъ здоровой дѣйствительности. Онъ не желаетъ имѣть ничего общаго съ природой настоящею, въ которой много неудобствъ и неровностей, и замѣнилъ ее природой поддѣльной, которую устроилъ въ своихъ комнатахъ. Онъ сдѣлалъ себѣ куклу, изображавшую любимую имъ дѣвушку, и объяснялся ей въ любви; когда же явился оригиналъ портрета, онъ испугался и убѣжалъ къ милой безотвѣтной куклѣ. Конецъ этого фарса — иначе назвать эту пьесу нельзя — такой: кукла распарывается, и изъ нея выпадаютъ книги, между прочимъ и Вертеръ, съ довольно ѣдкою надписью. Любопытна только идея пьесы: «чувствительность» противуполагается любви къ истинной природѣ и дѣятельной жизни.

Въ одномъ отношеніи Гёте не измѣнялъ идеаламъ Вертера: сталкиваясь по служебнымъ обязанностямъ съ простымъ народомъ, онъ

по прежнему относится къ нему съ горячей симпатіей; онъ считаетъ крестьянъ самымъ полезнымъ и нравственнымъ классомъ общества. Интересы массы бѣдняковъ онъ ставитъ выше всякихъ другихъ. Онъ работалъ надъ Ифигеніей, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ герцогства открылся голодъ. Онъ бросаетъ работу: «до Ифигеніи ли теперь, когда мрутъ люди отъ недостатка въ хлѣбѣ! Скиѳскій царь можетъ и подождать».

Но съ неменьшею же готовностью Гёте, чѣмъ могъ, помогалъ и несчастнымъ людямъ изъ интеллигенціи и дѣлалъ это такъ деликатно, что облагодѣтельствованные имъ люди совсѣмъ не чувствовали тяжести благодѣянія и зависимости отъ благодѣтеля.

Въ 1778 г. Гёте съ герцогомъ отправился въ Берлинъ; онъ зналъ, конечно, что Фридрихъ Великій, не любившій нѣмецкой литературы и считавшій Геца ф. Берлихингенъ образцомъ пошлости и безвкусія, не удостоитъ его особенно ласковымъ пріемомъ. Но, къ счастію, Фридриха въ то время въ столицѣ не было, гостей принималъ намѣстникъ; въ берлинскихъ салонахъ Гёте велъ себя чрезвычайно сдержанно, какъ настоящій придворный Legationsrath. Какъ поэтъ, онъ сдѣлалъ въ Берлинѣ только одинъ важный по своимъ послѣдствіямъ визитъ: былъ у знаменитаго гравера Ходовецкаго, который украшалъ его произведенія своими мастерскими рисунками.

Въ 1779 г. Гете окончилъ прозаическую редакцію «Ифигеніи въ Тавридѣ», въ которой всего замѣтнѣе выразилась его нравственная зрѣлость и принятое имъ на 31 году жизни намѣреніе «отрѣшиться отъ половинчатости и рѣшительно обратиться къ цѣлому, доброму и прекрасному».

Sich vom Halben zu entwöhnen,
Und im Ganzen, Guten, Schönen
Resolut zu leben.

Ифигенію нѣмецкіе критики признаютъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гёте и иные изъ нихъ считаютъ ее идеаломъ драмы, соединяющей въ себѣ достоинства трагедіи античной и новой. Но за предѣлами Германіи она не пользуется большою извѣстностью. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе.

Царь Агамемнонъ, главный начальникъ грековъ въ войнѣ троянской, въ то время какъ флотъ собрался въ Авлидѣ, оскорбилъ Артемиду словами и дѣломъ, за что богиня и наслала штиль, при которомъ корабли не могли двинуться къ Троѣ. Агамемнонъ долженъ принести въ жертву богинѣ свою дочь Ифигенію, но въ самый моментъ жертвоприношенія Артемида сжалилась надъ дѣвушкой и перенесла ее въ Тавриду, гдѣ та служитъ жрицею въ ея храмѣ. Между тѣмъ, по возвращеніи изъ подъ Трои, Агамемнонъ убитъ женою—Клитемнестрою, которая въ свою очередь пала отъ руки сына Ореста. Хотя Орестъ отомстилъ за отца по волѣ оракула, его теперь преслѣдуютъ фуріи; оракулъ сказалъ ему, что онъ осво-

бодится отъ мученія, когда добудетъ въ Тавридѣ сестру и возвратитъ ее домой. Орестъ думаетъ, что рѣчь идетъ о сестрѣ Аполлона—Артемидѣ, изображеніе которой онъ долженъ достать въ Тавридѣ, такъ какъ свою сестру считаетъ онъ давно погибшею.

Мѣсто дѣйствія — земля тавровъ. Ифигенія выходитъ изъ храма богини въ близлежащую рощу и въ печальномъ монологѣ изливаетъ тоску свою по родинѣ и по близкимъ людямъ; она знаетъ, чѣмъ она обязана богинѣ и страдаетъ оттого, что служитъ ей противъ воли. Приходитъ Аркасъ, приближенный царя Тоаса, и возвѣщаетъ ей возвращеніе послѣдняго изъ побѣдоноснаго похода, которымъ онъ отомстилъ за смерть сына. Ифигенія въ разговорѣ съ нимъ вспоминаетъ о своей радостной юности и жалуется на свою печальную участь, на свою безполезную, одинокую жизнь, которая хуже смерти. Аркасъ утѣшаетъ ее: развѣ она мало здѣсь сдѣлала? развѣ она не примирила царя съ жизнью? развѣ она не уничтожила своимъ кроткимъ вліяніемъ жестокій обычай приносить иноземцевъ въ жертву на алтарѣ Діаны? развѣ богиня не выслушиваетъ ея молитвъ, не даетъ побѣды войскамъ царя? развѣ подданные Тоаса не благословляютъ ея имени? Аркасъ умоляетъ ее быть ласковѣе съ царемъ и не отвергнуть предложенія, которое онъ ей сдѣлаетъ; иначе она огорчитъ царя и сдѣлаетъ зло другимъ и себѣ. Ифигенія испугана этими рѣчами; она боится, что царь силою увлечетъ ее отъ алтаря и сдѣлаетъ своею женою, но Аркасъ ее успокоиваетъ. Приходитъ Тоасъ со свитою; Ифигенія встрѣчаетъ его благословеніемъ. Изъ первыхъ же словъ царя Ифигенія убѣждается, что Аркасъ сказалъ правду; царь жалуется на свое одиночество и предлагаетъ ей руку. Ифигенія старается отклонить его предложеніе, доказывая, что это слишкомъ большая честь для несчастной изгнанницы. Царь уговариваетъ ее открыть свое происхожденіе, на что̀ она, наконецъ, соглашается и излагаетъ исторію своего осужденнаго богами рода. Царь возобновляетъ свое предложеніе. Тогда Ифигенія откровенно заявляетъ, что она еще не утратила надежды увидать родительскій домъ, къ которому влечетъ ее сердце. Тогда царь, разгнѣванный отказомъ, объявляетъ свое рѣшеніе: пусть она по прежнему остается жрицей; только онъ не намѣренъ болѣе нарушать изъ-за нея древній обычай и возбуждать ропотъ народа, лишая алтарь богини законныхъ жертвъ; Ифигенія теперь же должна заколоть на алтарѣ Діаны двухъ иностранцевъ, которые скрываются въ береговой пещерѣ. Онъ уходитъ, а Ифигенія обращается съ молитвою къ Діанѣ, прося сохранить ея руки по прежнему чистыми отъ крови.

Во второмъ актѣ передъ нами Орестъ и его другъ Пиладъ. Орестъ предвидитъ свою близкую смерть; не даромъ Аполловъ обѣщалъ ему спасеніе отъ фурій въ храмѣ своей сестры, въ Тавридѣ: фуріи оставили его при самомъ входѣ въ рощу храма, но за то онъ знаетъ, что здѣсь суждено ему пролить свою кровь. Онъ съ радостью встрѣтитъ смерть; его только печалитъ судьба друга, котораго онъ невиннаго вовлекъ въ погибель. Пиладъ не вѣритъ его предчувствіямъ; онъ убѣжденъ, что въ словахъ Аполлона нѣтъ коварства, что здѣсь Орестъ найдетъ дѣйствительную помощь и утѣшеніе. Друзья вспоминаютъ счастливые годы ранней юности; Орестъ оплакиваетъ свою жестокую судьбу, которая сдѣлала его матереубійцею. Пиладъ старается успокоить его; онъ узналъ отъ стражи, что здѣсь на царя и народъ имѣетъ огромное вліяніе богоподобная женщина—жрица Діаны; она-то и должна спасти ихъ. Видя приближающуюся Ифигенію, онъ проситъ Ореста удалиться, чтобы онъ не выдалъ себя жрицѣ. Вступивъ съ нею въ разговоръ, онъ къ радости своей убѣждается, что она гречанка, но называетъ себя и Ореста ложными именами и разсказываетъ вымышленную исторію, имѣющую только нѣкоторое сходство съ дѣйствительностью; Ифигенія умалчиваетъ о

своемъ имени и родѣ и разспрашиваетъ его о судьбѣ грековъ, воевавшихъ Трою. Услыхавъ объ ужасной смерти Агамемнона и о томъ, какъ она сама была невинной причиной его гибели—Клитемнестра негодовала на мужа за принесеніе въ жертву Ифигеніи,—она покрываетъ голову и удаляется въ невыносимой тоскѣ. Орестъ, оставшись одинъ, заключаетъ, что жрица близко знала Агамемнона.

Въ третьемъ актѣ передъ нами Орестъ и Ифигенія, только что снявшая съ него оковы. Она твердо рѣшилась отказаться отъ кроваваго долга, но боится, что царь на ея мѣсто назначитъ другую, которая не будетъ такъ совѣстлива. Не называя своего имени, она разспрашиваетъ Ореста о дорогихъ ей людяхъ, и тотъ, послѣ сильной душевной борьбы, разсказываетъ ей о томъ, какъ погибла Клитемнестра отъ руки сына и какъ убійцу мучатъ фуріи; наконецъ онъ называетъ себя и убѣждаетъ ее спастись отсюда вмѣстѣ съ Пиладомъ, предоставивъ его на жертву желанной смерти. Ифигенія, помолившись богамъ, чтобъ они не лишили ее неожиданно доставшагося ей счастія, и подготовивъ Ореста, открываетъ ему, кто она, и хочетъ обнять его. Онъ сперва не вѣритъ ей, отталкиваетъ ее въ ужасѣ отъ своей проклятой груди, а признавъ ее, зоветъ духъ матери и фурій присутствовать при смерти брата отъ руки любящей сестры и падаетъ въ изнеможеніи. Ифигенія спѣшитъ за Пиладомъ. Опомнившись, Орестъ воображаетъ себя въ царствѣ мертвыхъ, видитъ примиренныя тѣни своихъ предковъ, своего отца и матери; когда приходитъ Ифигенія съ Пиладомъ, онъ и ихъ считаетъ мертвецами; окончательно придя въ себя, онъ испытываетъ тихую и чистую радость въ объятіяхъ сестры и благодаритъ боговъ, освободившихъ его отъ фурій; теперь и для него прекрасенъ божій міръ. Пиладъ совѣтуетъ не терять времени и дѣйствовать для общаго спасенія.

Четвертый актъ начинается съ монолога Ифигеніи; изъ него узнаемъ мы, что Пиладъ составилъ планъ похитить священное изображеніе Артемиды и уже скрылся вмѣстѣ съ Орестомъ на берегъ, близъ мѣста, гдѣ ждетъ ихъ корабль. Но ее мучитъ совѣсть, что она должна обмануть гостепріимнаго царя и народъ; она боится и за Ореста: какъ бы имъ вновь не овладѣло безуміе. Приходитъ Аркасъ и отъ имени царя приказываетъ ей поторопиться съ жертвоприношеніемъ. Ифигенія разсказываетъ, что старшій изъ плѣнниковъ носитъ на себѣ страшный грѣхъ; своимъ присутствіемъ онъ осквернилъ святилище, и теперь Ифигенія съ помощницами должна нести изображеніе на берегъ моря и обмыть его чистой волною; при этомъ никто не долженъ мѣшать имъ. Уходя, чтобъ сказать объ этомъ царю, Аркасъ снова убѣждаетъ ее принять предложеніе царя; тогда не будетъ и рѣчи объ убійствѣ чужеземцевъ, такъ какъ войско давно уже отвыкло отъ этихъ ужасовъ. Ифигенія еще больше страдаетъ отъ внутренней борьбы. По уходѣ Аркаса, приходитъ Пиладъ, говоритъ, что Орестъ излѣченъ окончательно и что спутники въ нетерпѣніи ждутъ ее съ изображеніемъ Діаны. Узнавъ о ея тяжеломъ душевномъ состояніи, Пиладъ старается убѣдить ее, что нужда законы перемѣняетъ, что судьба, которой не смѣютъ противиться и сами боги, принуждаетъ ее уклониться отъ строгой правды; иначе они всѣ погибнутъ. Оставшись одна, Ифигенія сознаетъ необходимость исполнить планъ Пилада, но ей страшно тяжело, что она не можетъ чистою и нравственною жизнью, о которой она всегда мечтала, отклонить проклятіе отъ своего рода; теперь она должна совершить двойной грѣхъ: похитить св. изображеніе и обмануть человѣка, спасшаго ей жизнь. Она въ ужасѣ чувствуетъ, какъ въ душѣ ея поднимается семейная ненависть къ богамъ и молитъ ихъ дать ей возможность сохранить вѣру въ ихъ благость. Она заключаетъ актъ, припоминая пѣсенку, которую въ дѣтствѣ пѣвала ей нянька.

Въ началѣ пятаго дѣйствія Аркасъ высказываетъ царю подозрѣніе, что плѣнники готовятся бѣжать и жрица вмѣстѣ съ ними; говорятъ, что по близости скрывается корабль, ихъ ожидающій. Царь посылаетъ за Ифигеніей и приказываетъ внимательно осмотрѣть берегъ. Онъ негодуетъ и на жрицу, обманувшую его, и на свое прежнее довѣріе къ ней. Является Ифигенія. Тоасъ настойчиво требуетъ отъ нея правды. Сперва она пытается уклониться женскою хитростью, потомъ послѣ короткой, но тяжелой борьбы, со страхомъ не за одну свою участь, разсказываетъ царю всю правду. Пораженный Тоасъ высказываетъ подозрѣніе, что сама Ифигенія обманута плѣнниками; но та разубѣждаетъ его. Въ это время является вооруженный Орестъ и зоветъ своихъ спутниковъ. Царь съ мечемъ въ рукахъ загораживаетъ ему дорогу. Ифигенія бросается между ними и умоляетъ ихъ не осквернять жилища богини. Орестъ, узнавъ, кто передъ нимъ, опускаетъ оружіе. Прибѣгаютъ вооруженные Пиладъ и Аркасъ; первый убѣждаетъ Ореста и Ифигенію не терять времени; второй уговариваетъ царя дать приказаніе сжечь корабль пришельцевъ. Тоасъ черезъ Аркаса приказываетъ своимъ воинамъ удерживаться отъ всякаго насилія; Орестъ черезъ Пилада отдаетъ такое же приказаніе своимъ. Тоасъ требуетъ отъ Ореста доказательствъ, что онъ сынъ Агамемнона и братъ Ифигеніи; Орестъ указываетъ на отцовскій мечъ и выражаетъ готовность противустать любому изъ воиновъ Тоаса. Царь предлагаетъ ему вступить съ нимъ въ единоборство, отъ исхода котораго будетъ зависѣть на будущее время судьба всѣхъ иностранцевъ въ Тавридѣ. Напрасно Ифигенія старается склонить его къ миру: онъ долженъ биться съ чужеземцемъ изъ-за св. изображенія Артемиды, которое тотъ хочетъ похитить. Тогда только Оресту становится ясенъ смыслъ оракула Аполлона: не свою сестру, а Орестову разумѣлъ богъ. Тоасъ не можетъ долѣе противиться убѣдительнымъ рѣчамъ Ореста и кроткимъ мольбамъ Ифигеніи и съ миромъ отпускаетъ ихъ въ отечество.

Льюисъ, очень высоко цѣнящій Ифигенію Гёте, какъ художественное произведеніе, тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что въ ней, кромѣ именъ и др. второстепенныхъ подробностей, нѣтъ ничего греческаго и что трагедія Эврипида, съ которымъ соперничалъ Гете, несравненно драматичнѣе. Ифигенія — не гречанка, а высоконравственная христіанская дѣвушка; Тоасъ не свирѣпый и коварный скиѳъ, жестокость котораго заставляетъ зрителя трепетать за судьбу Ореста и Пилада, а гуманный и просвѣщенный человѣкъ, безусловно вѣрный своему слову. Зрителю нечего опасаться за участь героевъ, если она зависитъ отъ Тоаса. Льюисъ правъ только отчасти. Ифигенія Гете драматичнѣе Эврипидовой въ томъ отношеніи, что у Гёте узелъ разрѣшается изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, безъ помощи «бога изъ машины». Античное въ ней не ограничивается одною фабулой: герой и героиня страдаютъ не отъ собственныхъ недостатковъ и не отъ внутренней неудовлетворенности (какъ Вертеръ), а отъ враждебной имъ судьбы; только судьба эта является у Гёте не непобѣдимой, какъ у грековъ, а съ нею при добрыхъ намѣреніяхъ и вѣрѣ въ человѣка можно сладить. Какъ въ характерѣ Ифигеніи, который выработался и очистился «въ горнилѣ страданія», такъ и въ личности Тоаса нельзя не видѣть соединенія античнаго съ новымъ. Ифигенія,

тѣснимая судьбою, можетъ возненавидѣть боговъ и жизнь свою, но любовь къ правдѣ и кроткая женственность даютъ ей побѣду въ тяжелой борьбѣ. Тоасъ отъ природы добръ и честенъ, но грубая среда и оскорбленное самолюбіе могутъ сдѣлать его минутами недовѣрчивымъ и свирѣпымъ варваромъ; однако же въ концѣ концовъ неиспорченное сердце и доброе вліяніе окружающихъ возвращаютъ его къ человѣколюбію и высшей справедливости. Идея о томъ, что Атрей и Тіэстъ, Агамемнонъ и Клитемнестра примиряются за гробомъ, идея не вполнѣ античная, но и не вполнѣ новая: это дальнѣйшее развитіе гуманности эллинской въ сторону гуманности всечеловѣческой, также какъ и заключеніе пьесы, которая кончается полнымъ примиреніемъ боговъ и людей, варваровъ и грековъ. Это примиреніе, какъ справедливо замѣчаетъ В. Шереръ, въ точности воспроизводитъ душевное настроеніе Гёте; но едва ли можно согласиться съ нимъ, что поэтъ нашелъ такой же душевный покой въ «сестринскихъ» объятіяхъ фрау ф.-Штейнъ, какъ Орестъ на груди Ифигеніи.

Въ сентябрѣ 1779 г. Гёте и герцогъ предприняли путешествіе въ Швейцарію инкогнито. Они побывали во Франкфуртѣ и посѣтили родителей Гёте. Старый совѣтникъ уже примирился съ удачною службою своего сына *) и съ удовольствіемъ выслушивалъ комплименты о пользѣ, которую тотъ приносилъ Веймару. Изъ Франкфурта путешественники отправились въ Страсбургъ, и Гёте, оставивъ на время герцога, съѣздилъ въ Зессенгеймъ посмотрѣть на Фредерику Бріонъ, воспоминаніе о которой, повидимому, нѣсколько мучило его совѣсть. Но Фредерика, оставшаяся въ дѣвушкахъ, встрѣтила его такъ ласково и задушевно, что отнынѣ этотъ эпизодъ жизни представлялся поэту только съ поэтически-отрадной стороны.

На возвратномъ пути изъ Швейцаріи, гдѣ Гёте видѣлся съ Лафатеромъ, герцогъ и Гёте заѣхали въ Штуттгартъ и попали на торжественный актъ высшей военной школы герцога Вюртембергскаго; на этомъ актѣ, между многими другими, 20-лѣтній студентъ медицинскаго отдѣленія Фридрихъ Шиллеръ получилъ 3 награды. Гёте, конечно, не обратилъ никакого особеннаго вниманія на неловкаго юношу, но Шиллеръ, уже рѣшившій отдать всю жизнь поэзіи и въ значительной мѣрѣ воспитавшій свой вкусъ на произведеніяхъ Гёте, не могъ не испытывать особаго чувства въ присутствіи царя нѣмецкой поэзіи.

Іоганнъ-Кристофъ-Фридрихъ Шиллеръ род. 10 ноября 1759 г., стало быть былъ моложе Гёте на 10 лѣтъ. Отецъ его, человѣкъ очень способный и энергичный, но ничего не имѣвшій кромѣ заработка, былъ сначала фельдшеромъ, потомъ приготовился къ экзамену на хирурга,

*) Гёте въ день своего рожденія былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ, что привело веймарскихъ чиновниковъ въ трудно сдерживаемую ярость.

а въ это время былъ лейтенантомъ на вюртембергской службѣ; онъ долженъ былъ постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто и только въ 1765 г. устроился въ мѣстечкѣ Лорхѣ.

Будущаго поэта сперва учила мать его, женщина мягкаго и впечатлительнаго характера, очень религіозная, но не фанатичная. Въ Лорхѣ ему давалъ уроки пасторъ Мозеръ, который познакомилъ его съ нѣмецкой грамматикой и элементами латинскаго языка. Въ 1768 г. отецъ Шиллера былъ переведенъ въ Людвигсбургъ, гдѣ находился увеселительный дворецъ герцога Вюртембергскаго, а въ 1770 г. былъ, въ чинѣ капитана, назначенъ завѣдующимъ дворцовыми садами. Здѣсь маленькій Фридрихъ поступилъ въ мѣстную школу и занимался очень усердно; и онъ самъ, и родные полагали, что онъ будетъ пасторомъ; но герцогъ не позволилъ осуществиться этимъ ожиданіямъ.

Карлъ Евгеній, герцогъ Вюртембергскій, былъ типичнымъ представителемъ худшей половины государей своего времени, эпохи такъ-называемаго «просвѣщеннаго деспотизма». Въ началѣ своего правленія онъ жилъ въ свое удовольствіе и мало думалъ о дѣлахъ государственныхъ; потомъ, раскаявшись, онъ изъявилъ намѣреніе исправиться; но это исправленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было не лучше прежняго распутства. Онъ, между прочимъ, вздумалъ заняться педагогіей, чтобы воспитать чиновниковъ для себя и своихъ будущихъ наслѣдниковъ; для этого онъ преобразовалъ по собственному плану Сиротскую школу, раздѣлилъ ее на спеціальности, но всѣхъ воспитанниковъ подчинилъ строгой военной дисциплинѣ *). Въ эту школу его чиновники и офицеры волей-неволей должны были отдавать сыновей своихъ. Герцогъ пожелалъ, чтобы туда перешелъ и сынъ капитана Шиллера, о способностяхъ и прилежаніи котораго онъ слышалъ похвальные отзывы. Хотя Шиллеръ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ юриспруденціи, къ которой прикомандировалъ его герцогъ, надо было покориться необходимости, и въ 1773 г. Шиллеръ сталъ воспитанникомъ Карловой школы **). Черезъ 2 года этотъ питомникъ

---

*) По Штутгарту ходило на этотъ счетъ четверостишіе, приписанное Шубарту:

Als Dionys von Syracus
Aufhören muss
Tyrann zu sein,
Da war er Schulmeisterlein.

**) При вступительномъ экзаменѣ оказалось, что Шиллеръ по-латыни читалъ довольно бѣгло, могъ переводить съ греческаго Новый завѣтъ и т. д., только въ каллиграфіи онъ аттестованъ посредственнымъ. Въ Академіи вставали лѣтомъ въ 5 часовъ, зимою въ 6; ученье продолжалось отъ 7 до 11 и отъ 2 до 6; на отдыхъ назначался всего одинъ часъ въ день; вакацій не было вовсе; 14 лѣтъ отъ роду Шиллеръ слушалъ слѣдующія обязательныя лекціи: 3 ч. естественнаго права; 2 ч. государственной исторіи; 2 ч. римскихъ древностей; 6 ч. метафизики; 6 ч. риторики; 3 ч. греч. языка; 5 ч. франц. языка; 4 ч. исторіи и географіи и 6 ч. математики, итого 37 уроковъ въ недѣлю! Но

былъ переведенъ въ столицу (18 ноября 1775 г.), чтобы герцогъ могъ ежедневно и ежечасно слѣдить за развитіемъ своихъ воспитанниковъ. Здѣсь было открыто и медицинское отдѣленіе, на которое поспѣшилъ перейти Шиллеръ, но дисциплина оставалась прежняя. Карлъ-Евгеній не только слѣдилъ за ученьемъ и поведеніемъ юношей, но и за ихъ мыслями; для этого они должны были вести дневники, которые были открыты царственному педагогу; имѣлъ такой дневникъ и Шиллеръ и въ немъ писалъ, что герцогъ для него не только второй отецъ, но выше отца и матери. Герцогъ приказывалъ ученикамъ писать характеристики другъ друга и предъявлять ему; выражать откровенно (sic) мнѣнія свои и своихъ товарищей о начальствѣ и учителяхъ и пр. Тогда-то зародилась у Шиллера ненависть къ тираннiи, которой не могъ раздѣлять Гёте, не испытавшій на себѣ ничего подобнаго. Надо, впрочемъ, замѣтить, что позднѣе на герцогскую школу взводили много небылицъ; такъ увѣряли, что воспитанники вовсе были лишены чтенія. Шиллеръ не только перечиталъ за это время множество нѣмецкихъ поэтовъ и писателей, но и самъ писалъ стихи, отсылалъ ихъ въ журналы и принималъ участіе въ представленіи пьесы Гёте: Клавиго. Уже въ 1777 г. Шиллеръ, подъ вліяніемъ прочтенныхъ имъ популярнѣйшихъ драмъ бурнаго періода, «Юлія Тарентскаго« Лейзевица *), «Уголино» Герстенберга **), Гётева Геца и первыхъ произведеній Клингера ***), задумалъ написать драму, сю-

---

не такъ тяжело было ученье, какъ полное отдѣленіе отъ семьи, суровая дисциплина и слишкомъ большое вниманіе герцога къ школѣ: письма къ роднымъ и отъ родныхъ проходили черезъ цензуру; дѣтей вовсе не отпускали домой даже въ такихъ случаяхъ, какъ опасная болѣзнь матери; свиданія съ родителями допускались только въ присутствіи приставника; посылки отъ родныхъ могли попадать въ руки дѣтямъ только контрабандой. Учителя не могли сами назначать наказанія, а только выдавать штрафной билетъ, на основаніи котораго вердикты изрекалъ герцогъ, бывшій ректоромъ школы; онъ же всегда имѣлъ возможность посредствомъ секретныхъ окошечекъ наблюдать за классами.

Въ первый годъ своего пребыванія въ школѣ Шиллеръ 7 разъ былъ боленъ и 2 раза публично наказанъ тѣлесно, а между тѣмъ по аттестаціямъ воспитателей онъ былъ однимъ изъ самыхъ смирныхъ воспитанниковъ.

Еще одна печальная сторона Академіи — рѣзкое раздѣленіе во всемъ (даже до обѣда, купальни и способа благодарить герцога за его благодѣянія включительно) дѣтей бюргеровъ отъ дѣтей дворянъ.

*) Іоганнъ Антонъ Лейзевицъ (Leisewitz) род. въ 1752 г., учился въ Геттингенскомъ университетѣ, съ 1775 г. жилъ въ Брауншвейгѣ, гдѣ близко сошелся съ Лессингомъ и въ 1776 написалъ свою единственную драму «Юлій Тарентскій», основную тему которой составляетъ вражда двухъ братьевъ изъ ревности. Онъ умеръ въ 1806 г.

**) Генрихъ Вильгельмъ фонъ-Герстенбергъ род. въ 1737 г. въ Шлезвигѣ, служилъ въ Даніи, ум. 1823 г. Его ужасная драма «Уголино» (1768 г.), рѣзко выражаетъ необузданность творчества бурнаго періода.

***) Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ, по-русски Ѳеодоръ Ивановичъ, род. въ 1752 г. во Франкфуртѣ, выросъ въ ужасной бѣдности, но получилъ хорошее образованіе, въ юности зачитывался Руссо и Шекспиромъ и началъ писать 20 л. съ небольшимъ.

жетъ для которой нашелъ въ одной газетѣ, разсказывавшей трагическую исторію двухъ братьевъ, діаметрально противоположныхъ по натурѣ *). Въ 1779 г. Шиллеръ представилъ диссертацію подъ заглавіемъ: Философія физіологіи или о связи физической и духовной жизни человѣка. Изъ диссертаціи видно, что въ Карловой школѣ, подъ вліяніемъ чтенія и наблюденій, Шиллеръ безвозвратно потерялъ принесенное изъ дому благочестіе и склонялся къ матеріализму. Диссертація была признана, и Шиллеръ получилъ награду; но герцогъ, находя автора слишкомъ неустановившимся и пылкимъ, оставилъ его еще на годъ въ своей школѣ; Шиллеръ за этотъ годъ обработалъ свою драму «Разбойники». Въ 1780 г. онъ былъ выпущенъ изъ школы врачемъ и поступилъ на службу съ жалованьемъ 18 гульденовъ въ мѣсяцъ.

Трудно найти двухъ современныхъ и соплеменныхъ писателей, ранняя молодость которыхъ прошла бы при болѣе несходныхъ условіяхъ, чѣмъ молодость Гёте и Шиллера. Одинъ выросъ при полномъ матеріальномъ довольствѣ, въ вольномъ городѣ, въ домѣ свободныхъ гражданъ, связанныхъ близкимъ родствомъ съ выборными правителями отчизны; другой—въ домѣ бѣднаго офицера, все благосостояніе котораго зависѣло отъ каприза неотвѣтственнаго начальства. Одинъ видѣлъ только радости, другой—только стѣсненія; одинъ былъ совсѣмъ незнакомъ съ школьной дисциплиной, другой до 21 года находился подъ самой суровой ферулой; одинъ уже съ 16 лѣтъ, при наилучшихъ условіяхъ, пользовался справедливо прославленной въ Германіи академической свободой, другой не имѣлъ и понятія о студенческой жизни, которой наслаждались сыновья бѣднѣйшихъ пасторовъ и школьныхъ учителей. Одинъ вступалъ въ жизнь съ прекраснымъ образованіемъ, съ дипломомъ, съ полнымъ кошелькомъ, съ обширными связями, съ правомъ выбрать ту дѣятельность, которая ему приглянется, и даже съ возможностью обойтись безъ всякаго практическаго дѣла; другой изъ-подъ корпусной ферулы попадаетъ подъ ферулу военнаго начальства, съ грошевымъ жалованьемъ, на

Одна изъ его первыхъ драмъ; Sturm und Drang, въ которой онъ съ антихудожественною рѣзкостью выражаетъ свою антипатію къ пошлому порядку и всенивеллирующей цивилизаціи, дала имя всему литературному періоду. Въ 1780 г. онъ перешелъ въ русскую военную службу и черезъ 21 годъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ директоромъ кадетскаго корпуса. Онъ ум. 1831 г. въ Петербургѣ отъ холеры. Кромѣ драмъ онъ написалъ много тенденціозно-фантастическихъ романовъ.

*) Печататься Шиллеръ началъ еще съ 1776 г., когда профессоръ «Академіи» Гаугъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ (Schwäbisch. Magazin) его оду: der Abend съ подписью Sch. и съ такимъ замѣчаніемъ отъ редакціи: видно, что авторъ уже читалъ хорошихъ авторовъ и что онъ пріобрѣтетъ современемъ os magna sonatorum.

которое существовать нельзя, въ должности, безусловно ему антипатичной. Мудрено-ли, что и позднѣе дороги ихъ расходятся еще дальше?

По возвращеніи изъ Швейцаріи, Гёте съ большою энергіей вновь принялся за начатыя произведенія и въ то же время посвящалъ много времени на изученіе естественныхъ наукъ, которыми онъ увлекался все болѣе и болѣе; онъ занимался минералогіей для практической цѣли, ради Ильменаускихъ рудниковъ; остеологіей и анатоміей—для своего удовольствія. Онъ набросалъ планъ Тассо и писалъ первую часть Вильгельма Мейстера. Почти все время проводилъ онъ въ своемъ «садовомъ домикѣ», подаренномъ ему герцогомъ; при дворѣ показывался только въ случаѣ необходимости. О публикѣ онъ вовсе не думалъ; скоро и она перестала думать о немъ: у нея явился новый герой—авторъ «Разбойниковъ».

Освоившись нѣсколько со службою и насладившись своей условной свободой, Шиллеръ окончательно обработалъ свою драму и сталъ искать для нея издателя; не найдя таковаго, онъ напечаталъ пьесу на собственный счетъ, помѣстивъ въ виньеткѣ разгнѣваннаго льва съ поднятой лапой и съ надписью in tyrannos; изданіе вовлекло его въ долги. Директоръ лучшаго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ театровъ—Маннгеймскаго—Дальбергъ предложилъ ему передѣлать ее для сцены. Шиллеръ съ радостью согласился, и въ январѣ 1782 г. «Разбойники» были даны съ необыкновеннымъ успѣхомъ; авторъ, уѣхавшій изъ Штутгарта безъ отпуска, тайкомъ присутствовавшій на представленіи, былъ свидѣтелемъ неистоваго восторга зрителей.

«Разбойники» и до сихъ поръ держатся на всѣхъ европейскихъ сценахъ, и недостатки, свойственные каждому юношески незрѣлому произведенію, никому не мѣшаютъ видѣть поразительную силу и одушевленіе этой драмы. «Разбойники» въ Германіи замѣняютъ лучшіе дни перваго года французской революціи: нѣмецкій геній ими уничтожилъ привилегіи высшихъ классовъ, ими взялъ умственную Бастилію филистерской ограниченности, ими вдохнулъ силу и вѣру въ себя въ многомилліонный даровитый народъ. Популярность драмы и ясность ея характеровъ и идеи избавляетъ насъ отъ необходимости предлагать разборъ ея. Мы обратимъ вниманіе только на одинъ ея пунктъ, который часто оставляютъ въ пренебреженіи и который особенно важенъ для уясненія связи между Шиллеромъ и Гёте съ одной стороны, а съ другой—всей эпохи ихъ съ поэзіей новѣйшаго времени. Самое совершенное и зрѣлое произведеніе Гёте—Фаустъ и юношеская драма Шиллера сходятся въ возвеличеніи гуманности и самопожертвованія; Фаустъ только тогда можетъ сказать мгновенію: остановись! когда жизнь его, ненужная ему самому, становится полезной для другихъ; Карлъ Мооръ, потерявъ надежду на личное счастье и

собираясь отдать себя въ руки правосудія, вспоминаетъ о бѣднякѣ, семью котораго онъ можетъ осчастливить, если она получитъ награду за его голову, и идетъ искать этого бѣдняка. Шиллеръ въ «Разбойникахъ», какъ Викторъ Гюго, какъ и нашъ Достоевскій, стоитъ за «униженныхъ и оскорбленныхъ», призываетъ «милость къ падшимъ», и срываетъ маску съ приличнаго, самодовольнаго лицемѣрія и эгоизма. Все то, что въ бурный періодъ неясно носилось въ умѣ и фантазіи нѣмцевъ, въ Карлѣ Моорѣ нашло себѣ юношески смѣлое, геніальное выраженіе.

Легко себѣ представить, каковъ былъ восторгъ лучшей части публики, въ первый разъ видѣвшей «Разбойниковъ» послѣ французскихъ слезливыхъ мелодрамъ и сухихъ риторическихъ трагедій; даже Минна фонъ-Барнгельмъ и Натанъ Мудрый послѣ Разбойниковъ кажутся вялыми и скучными. Восторгъ одной части публики, естественно, вызывалъ негодованіе другой, и авторъ Карла Моора въ одно и то же время сталъ идоломъ молодежи и пугаломъ отжившихъ, но самодовольныхъ стариковъ.

А между тѣмъ этотъ авторъ по прежнему оставался на 18-ти гульденахъ жалованья младшимъ медикомъ безъ портупеи. За самовольную отлучку въ Маннгеймъ его посадили подъ арестъ, и герцогъ запретилъ ему писать «комедіи и т. п. вещи», вообще что бы то ни было, кромѣ медицинскихъ сочиненій. Могъ ли Шиллеръ покориться этому приказу? Онъ просился въ отставку, его не пустили; тогда онъ рѣшился бѣжать, воспользовавшись придворными празднествами по случаю пріѣзда въ Штуттгартъ великаго князя Павла Петровича. 19 сентября 1782 г. Шиллеръ явился въ Маннгеймъ, имѣя въ портфелѣ почти законченную свою драму: «Заговоръ Фіеско», а въ карманѣ нѣсколько талеровъ. Ему казалось, что стòитъ только освободиться отъ тиранніи герцога, а тамъ, на свободѣ ждутъ его почести и деньги; но онъ жестоко ошибся.

Ему не дали впередъ денегъ за «Фіеско» и въ этомъ видѣ пьесу отказались принять на сцену. 7 тяжелыхъ недѣль прожилъ Шиллеръ въ одной деревенькѣ, обрабатывая планъ своей трагедіи, которая впослѣдствіи получила названіе: «Коварство и Любовь», и передѣлывая «Фіеско»; но послѣднюю отвергли вторично; къ счастію нашелся издатель, заплатившій за нее 11 луидоровъ. Въ то же время несчастный Шиллеръ отыскалъ себѣ прочное и даровое убѣжище въ имѣніи одной доброй дамы, фрау ф. Вольцогенъ, близъ Мейнингена. Тамъ обработалъ онъ «Коварство и Любовь» и въ мартѣ 1783 г. принялся за «Донъ Карлоса», для котораго ему понадобилось много чтенія и предварительныхъ работъ по исторіи, впослѣдствіи пригодившихся ему для «Отпаденія Нидерландовъ». Убѣдившись, что герцогъ вюртембергскій

не намѣренъ преслѣдовать своего бѣглаго медика, Дальбергъ вновь вступилъ съ Шиллеромъ въ сношенія и пригласилъ его наконецъ театральнымъ поэтомъ. Въ январѣ 1784 г. былъ поставленъ «Фіеско», а въ мартѣ—«Коварство и Любовь».

Мы уже выше (см. вып. XXIII, стр. 144) упоминали о связи этой пьесы съ Эмиліей Галотти, но противъ послѣдней драма Шиллера представляетъ важный шагъ впередъ: обличительная поэзія сбросила маску и, изображая нѣмецкихъ принцевъ и ихъ дворы, уже не обманываетъ цензуры и зрителей итальянскими именами и отношеніями, вслѣдствіе чего пьеса кажется гораздо реальнѣе и сильнѣе.

Далѣе: въ драмѣ Шиллера больше сердечности и задушевности, такъ какъ въ ней знатный любовникъ мѣщанки—не безсердечный эгоистъ, а добрый, симпатичный юноша, страдающій и гибнущій жертвою тиранніи отца, котораго тутъ же на сценѣ постигаетъ казнь. Даже сама наемная любовница государя оказывается человѣкомъ, съ впечатлительной душой и честными идеалами. Правда, за то трагедія Лессинга показываетъ бóльшую степень наблюдательности и болѣе вызываетъ на размышленія; но публика хочетъ въ театрѣ не думать, а чувствовать и жить. Успѣхъ драмы Шиллера превзошелъ ожиданія поэта.

Между тѣмъ денежныя дѣла Шиллера все же шли очень плохо, и онъ по прежнему не имѣлъ никакого приличнаго общественнаго положенія. Его порадовало вниманіе и искреннее расположеніе, которое выказала ему извѣстная своимъ умомъ Шарлота ф. Кальбъ; она доставила ему случай прочесть при дармштадскомъ дворѣ 1-й актъ «Донъ-Карлоса» (это первая пьеса Шиллера, написанная стихами); при чтеніи присутствовалъ Карлъ Августъ, герцогъ веймарскій, наградившій автора дипломомъ на званіе совѣтника; положимъ, это былъ пустой титулъ, не приносившій ни гроша дохода; все же бездомному бродягѣ и бѣглому медику онъ представлялъ нѣчто пріятное для самолюбія и небезвыгодное для жизни. Въ концѣ 1784 г. Шиллеръ вступилъ въ задушевную переписку съ двумя своими лейпцигскими поклонниками, молодыми, очень образованными людьми: Кёрнеромъ (Chr. Gottfr. Körner) и Губеромъ; въ 1785 г. онъ послѣдовалъ ихъ приглашенію, пріѣхалъ въ Лейпцигъ и попалъ какъ бы въ родную семью. Умный и великодушный Кёрнеръ отлично устроилъ дѣла поэта, и о двухъ годахъ, которые Шиллеръ прожилъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, онъ всегда вспоминалъ, какъ о счастливѣйшихъ годахъ молодости. Здѣсь Шиллеръ окончилъ «Донъ-Карлоса», написалъ «Духовидца», много читалъ и думалъ и результаты своихъ размышленій сообщалъ въ философско-эстетическихъ трактатахъ.

«Донъ-Карлосъ» самое совершенное выраженіе молодого генія Шил-

лера. Что пѣнилось и бродило, какъ молодое вино, въ «Разбойникахъ», теперь установилось и очистилось, не потерявъ ни крѣпости своей, ни аромата. Маркизъ Поза настолько же выше Карла Моора, насколько Фаустъ глубже Вертера; какъ бы ни унижали обѣ крайнія партіи «либерализмъ» и «либераловъ», послѣднимъ стоитъ только вспомнить о своемъ высокомъ идеалѣ въ трагедіи Шиллера, чтобы смыть весь позоръ и всю грязь, которой уже столько поколѣній пачкаютъ ихъ враги и неумѣлые друзья. Какъ Гёте въ Ифигеніи, такъ Шиллеръ въ Карлосѣ отдѣлился отъ частнаго и національнаго, чтобы возвыситься до общаго и всечеловѣческаго. Какъ Гёте въ Ифигеніи облагораживаетъ дикаго скиѳа, такъ и Шиллеръ въ Карлосѣ открываетъ лучшія стороны человѣческой природы и благороднѣйшія альтруистическія движенія въ душѣ ограниченнаго фанатика; но Гёте доходитъ до полнаго примиренія съ жизнью и всѣми ея несовершенствами, тогда какъ Шиллеръ и здѣсь громитъ тираннію и въ свѣтломъ будущемъ видитъ полное, идеальное счастіе человѣчества.

Въ художественномъ отношеніи Донъ-Карлосъ представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ 3-мя предыдущими трагедіями Шиллера: здѣсь не только характеры задуманы глубже и дѣйствіе мотивировано совершеннѣе, но, кромѣ того, здѣсь Шиллеръ совершенно отрѣшается отъ юношеской риторики и широковѣщательности; его языкъ достигъ необыкновенныхъ въ Германіи энергіи и благородства.

Между тѣмъ Гёте, по прежнему, жилъ и работалъ въ Веймарѣ. Въ 1782 г. умеръ старый совѣтникъ Гёте и черезъ это матеріальное благосостояніе поэта значительно увеличилось; на лишнія деньги онъ улучшилъ свою лабораторію и расширилъ свои тайныя благодѣянія.

Въ это время измѣнились отношенія Гете къ фрау ф. Штейнъ: судя по письмамъ къ ней (она истребила всѣ свои письма къ Гете, но тщательно сохранила даже самыя незначительныя его записочки). Гёте вполнѣ счастливъ своею любовью, и дружеское «ты» окончательно изгоняетъ церемонное «вы». Но въ глазахъ общества они все же оставались чужими другъ другу, и естественное въ лѣта Гёте стремленіе къ семейному счастью не было удовлетворено.

Измѣнились также отношенія Гёте къ герцогу, который еще не пережилъ своего бурнаго періода. Гёте убѣдился, что онъ ошибся, сойдясь съ герцогомъ на «ты», и сталъ этикетнѣе не потому, что онъ полюбилъ этикетъ, но потому, что при болѣе далекихъ отношеніяхъ его упреки должны были сильнѣе дѣйствовать на герцога. Всего труднѣе было Гёте внести порядокъ въ денежныя дѣла Карла Августа, который въ минуты увлеченія не щадилъ государственной казны на свои личныя прихоти. Но охлажденія между ними не было,

и размолвки были непродолжительны. Въ 1784 г. послѣ возвращенія изъ путешествія на Гарцъ, куда онъ бралъ съ собою десятилѣтняго сына фрау ф. Штейнъ, Гёте по случаю открытія работъ въ Ильменау, произносилъ рѣчь, въ серединѣ которой онъ забылъ, что говорить дальше, и остановился. Для всякаго другого это было бы публичный скандалъ, но Гёте, нисколько не сконфуженный, устремилъ свои огромные глаза на публику; все молчало. Черезъ нѣсколько минутъ Гёте вспомнилъ продолженіе и блистательно окончилъ рѣчь.

Открытіе рудниковъ въ Ильменау еще болѣе вовлекло его въ естественныя науки; около этого времени ему удалось сдѣлать важное открытіе въ остеологіи — найти у человѣка междучелюстную кость, до существованія которой онъ дошелъ дедуктивнымъ путемъ. «Вся природа,—говоритъ онъ,—есть гармонія, и каждое отдѣльное существо есть тонъ этой гармоніи; отдѣлить человѣка отъ природы—значило бы нарушить ея стройность.

Рядъ наблюденій подтвердилъ его убѣжденіе, и это открытіе еще увеличило его страсть къ естественнымъ наукамъ. Около этого же времени онъ пишетъ своему другу Якоби [1]): «Тебя Богъ наградилъ женою, дѣтьми и богатствомъ, но наказалъ метафизикою; меня онъ лишилъ многаго, но утѣшилъ положительною наукою».

Съ ранней молодости Гёте мечталъ о путешествіи въ Италію и только теперь могъ привести эту мечту въ исполненіе, когда это стремленіе, поэтически выраженное въ пѣсни Миньоны, дошло почти до болѣзненности. Въ 1786 г. онъ отправился вмѣстѣ съ герцогомъ, Гердеромъ и фрау ф. Штейнъ въ Карлъсбадъ; онъ твердо рѣшилъ про себя не возвращаться назадъ въ Веймаръ, но никому не сказалъ ни слова, пока не уѣхали Гердеръ и Штейнъ; тогда онъ открылся герцогу, но и то на половину; онъ не сказалъ, куда онъ ѣдетъ и надолго ли, такъ какъ вообще не любилъ сообщать заранѣе о своихъ планахъ кому бы то ни было. Герцогъ волей-неволей долженъ былъ согласиться, и 3-го сентября Гёте началъ свое итальянское путешествіе подъ именемъ купца Миллера. Поживъ въ Венеціи и другихъ городахъ сѣверной Италіи, онъ поспѣшилъ въ Римъ, гдѣ нѣсколько недѣль разсматривалъ памятники древности и предпринималъ ботаническія экскурсіи въ окрестности города. Изъ Рима Гёте отправился въ Неаполь, потомъ въ Сицилію, затѣмъ вернулся опять въ

[1]) Фридрихъ Генрихъ Якоби род. въ 1743 г. въ Дюссельдорфѣ, по волѣ отца сдѣлался купцомъ; получивъ наслѣдство, онъ отдался философіи и литературѣ. Съ 1804 г. онъ былъ сдѣланъ президентомъ мюнхенской Академіи наукъ и ум. въ 1819 г. Одинъ изъ его романовъ «Вольдемаръ» (1779 г.), выражавшій его жизненные идеалы, пользовался обширною извѣстностью и, какъ одно изъ первыхъ и рѣзкихъ нападеній на просвѣщеніе, имѣетъ важное историко-литературное значеніе. Въ своихъ философскихъ статьяхъ Якоби является защитникомъ вѣры и чувства противъ холоднаго разсудка.

Римъ и тамъ оставался десять мѣсяцевъ. Теперь осматривать въ Римѣ ему было уже нечего, и онъ рѣшилъ закончить нѣкоторые литературные планы; здѣсь онъ придалъ стихотворную форму своей Ифигеніи, обработалъ Тассо и Эгмонта. Фаустъ ему не давался; но все же здѣсь написалъ онъ сцену «въ кухнѣ вѣдьмы»! Онъ усердно работалъ и надъ живописью, но безъ замѣтныхъ результатовъ. Его эстетическія воззрѣнія въ это время, какъ говорится, кристаллизировались; онъ усмотрѣлъ разницу между античной и новой поэзіей и рѣшился порвать съ послѣдней, продукты которой эфемерны. Разница, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что античная, объективная, поэзія представляетъ сущность страстей, а новая, субъективная, проявленія ихъ.

Въ іюлѣ 1787 г., пока Гёте былъ въ Италіи, въ Веймаръ пріѣзжалъ Шиллеръ, куда его, между прочимъ, звала его прежняя пріятельница Шарлота ф. Кальбъ. Шиллеръ, конечно, сдѣлалъ визиты и ко двору и ко всѣмъ литературнымъ знаменитостямъ «города музъ». Виландъ, Гердеръ, герцогиня Амалія и др. приняли его отлично. Онъ пишетъ одному изъ своихъ пріятелей, что Веймаръ безъ Гёте далеко не полонъ; но тутъ же обвиняетъ Гёте за то, что тотъ, разъѣзжая по Италіи, получаетъ жалованье, а работать за него должны разные Фохты и Шмидты.

Въ апрѣлѣ 1788 г. Гёте поѣхалъ въ обратный путь, на родину. Въ эти полтора года онъ много измѣнился и прежде всего сознаiъ, что не долженъ отдавать свое время и силы на дѣла, которыя не хуже его могутъ исполнить другіе; онъ заявилъ герцогу, что отказывается отъ всѣхъ государственныхъ обязанностей, кромѣ завѣдыванія дѣлами просвѣщенія и художествъ; герцогъ подчинился его рѣшенію безъ особаго неудовольствія.

Онъ уже въ Италію уѣхалъ значительно охлажденнымъ къ фрау ф. Штейнъ; по возвращеніи онъ нашелъ ее еще болѣе постарѣвшею (ей уже было 45 л.), но нисколько не утратившею претензіи на исключительное господство надъ его сердцемъ; между ними были непріятности и сцены, которыя, конечно, не вернули ей любви Гёте, но только ослабили чувство дружбы, которое онъ питалъ къ ней.

Въ іюлѣ 1788 г., когда Гёте однажды гулялъ въ паркѣ, къ нему обратилась съ прошеніемъ хорошенькая дѣвушка, дочь горькаго пьяницы Вульпіуса. Христина Вульпіусъ пришла изъ Іены просить Гете дать мѣсто ея брату, который напрасно старался доставить пропитаніе своей семьѣ литературной работой [1]). Христина понравилась Гёте;

[1]) Впослѣдствіи этотъ братъ Христины—Христіанъ Августъ Vulpius (род. 1762 г. ум. 1827 г.), былъ секретаремъ Веймарскаго театра. Онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ многихъ разбойничьихъ романовъ, изъ которыхъ одинъ (Ринальдо Ринальдини, яв. въ 1799 г.) былъ переведенъ на многіе языки, между прочимъ и на русскій.

онъ скоро сошелся съ нею и переселилъ ее въ Веймаръ. Когда у нихъ родился ребенокъ, Гёте принялъ ее въ свою квартиру, и въ глазахъ герцогини Амаліи и др. «либераловъ», Христина съ этихъ поръ становится законною женою Гете, хотя бракъ былъ заключенъ много позднѣе.

Христина получила плохое образованіе и не отличалась особенно сильнымъ природнымъ умомъ; но нельзя согласиться съ врагами ея и главнымъ образомъ съ фрау ф. Штейнъ, которыя называютъ ее положительно глупой, и увѣряютъ, что Гёте своею связью съ ней показалъ, какъ мало осталось у него идеализма. Гёте любилъ ее искренно, писалъ ей стихи и говорилъ съ нею о своихъ работахъ; она платила ему самою искреннею и горячею привязанностью. Есть основаніе полагать, что противъ формальнаго брака былъ не Гёте, а сама Христина, слишкомъ чувствовавшая разницу, которая была въ ихъ общественномъ положеніи. Гёте былъ виноватъ въ томъ, что, не желая скандализировать веймарское общество, согласился съ нею, и по всей вѣроятности за это онъ былъ впослѣдствіи наказанъ тѣмъ, что Христина къ 40 годамъ огрубѣла, опошлѣла и даже стала пить.

По возвращеніи изъ Италіи, Гёте кромѣ стихотворной редакціи Ифигеніи опубликовалъ двѣ новыя драмы—Эгмонта и Тассо. Обѣ онѣ представляютъ высокохудожественныя, вѣчно безсмертныя произведенія, но въ то же время обѣ онѣ доказываютъ, какъ мало у Гёте было спеціально драматическаго таланта: въ «Разбойникахъ» Шиллера несравненно больше движенія и внѣшняго драматическаго интереса, нежели въ этихъ безусловно зрѣлыхъ созданіяхъ. «Эгмонтъ», до извѣстной степени, является какъ бы продолженіемъ Гёца: здѣсь, какъ и тамъ, герой жертвуетъ собою для блага общаго, которое въ глазахъ зрителя является настолько проблематичнымъ, что возможность его достиженія не миритъ насъ съ душевными страданіями и гибелью выдающейся личности. Видно, что въ продолженіе 16 лѣтъ жизни и наблюденій мнѣніе Гёте о толпѣ нисколько не повысилось, тогда какъ его поэтическое дарованіе, способность создавать идеальные характеры, очищающіе и облагораживающіе душу читателей, безконечно увеличилось. И самъ безумнодовѣрчивый Эгмонтъ, всѣхъ любящій и всѣми любимый, и Клара, которую чистая любовь возвышаетъ до совершеннѣйшаго героизма,—въ такой мѣрѣ идеальныя лица, что только одна тонкая черта отдѣляетъ ихъ отъ невозможнаго. Въ «Тассо» Гёте рѣшалъ, какъ художникъ, проблему, которая волновала его еще съ юности: о трагическомъ положеніи поэта среди другихъ, обыкновенныхъ людей. И Эгмонтъ, и Тассо, несмотря на все свое индивидуальное различіе, выражаютъ разныя стороны богатой природы самого поэта въ его молодости. Въ обѣихъ пьесахъ Гёте

пользуется исторической канвой, но онъ не чувствуетъ себя рабомъ фактовъ, а властелиномъ ихъ; исторія необходима ему, какъ фонъ, но художественная полнота и правдивость для него важнѣе исторической. Колоритъ мѣста и времени выдержанъ превосходно, но не въ мелочахъ, не въ подробностяхъ, которыя обыкновенно застилаютъ общечеловѣческое, а въ самомъ существенномъ: въ выраженіи руководящихъ идей времени.

Въ томъ же изданіи сочиненій, гдѣ появились впервые Эгмонтъ и Тассо, появился и «Фаустъ, отрывокъ»; это первая часть Фауста безъ обоихъ прологовъ и безъ многихъ важнѣйшихъ сценъ (напр. безъ сцены съ чашей яду). Немногіе истинные знатоки поэзіи восторженно привѣтствовали это первое сравнительно полное собраніе произведеній величайшаго національнаго поэта (8 томовъ, 1787—1790 г.); масса публики въ это время предпочитала ему не только Шиллера, но и Гейнзе съ его романомъ «Ардингелло» [1]).

Въ 1791 г. Гёте вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ-Августомъ ходилъ въ походъ противъ Франціи. Австрія и мелкія нѣмецкія государства рѣшили помочь несчастному Людовику XVI противъ его подданныхъ, вполнѣ убѣжденные, что французская армія обратится въ бѣгство, какъ только они вступятъ въ предѣлы революціонной страны; извѣстно, какъ горько они ошиблись въ этомъ. Гёте съ самаго начала не симпатизировалъ революціи, такъ какъ былъ врагомъ всякаго насильственнаго переворота; онъ глубоко вѣрилъ въ прогрессъ, только достигнутый путемъ мирной цивилизаціи. Но онъ еще менѣе сочувствовалъ стремленію нѣмецкихъ государей укротить революцію чужеземнымъ нашествіемъ; въ походъ онъ отправился только изъ личной привязанности къ герцогу. Герцогъ былъ революціонеръ по убѣжденіямъ, и горячо сочувствовалъ первымъ подвигамъ «Національнаго собранія», но когда Людовикъ XVI оказался въ крайне стѣсненномъ положеніи, онъ вмѣстѣ съ другими устремился освобождать его; къ тому же онъ страстно любилъ военное дѣло и хотѣлъ теперь примѣнить къ практикѣ свою маленькую армію и свои военные таланты. Гёте, напротивъ того, всегда относился къ войнѣ съ антипатіей, и грустныя сцены, которыя пришлось ему видѣть во время этого похода, превратили это чувство въ положительное отвра-

---

[1]) Joh. Jac. Wilh. Heinse род. 1746 г. въ Тюрингіи, учился въ Іенѣ и Эрфуртѣ и довольно долго былъ домашнимъ учителемъ. Въ 1780 г. ему удалось побывать въ Италіи, а съ 1789 г. онъ сдѣлался лекторомъ курфюрста майнцскаго, на службѣ котораго онъ и умеръ 1803 г. 25 лѣтъ отъ роду онъ напечаталъ сборникъ своихъ стихотвореній; живя въ Италіи, онъ переводилъ (прозой) Тассо и Аріосто; въ 1787 г. онъ издалъ свой романъ: Ardinghello oder die glückseligen Inseln, eine italienische Geschichte aus d. XVI Jahrh., въ которомъ бездна фантазіи, необузданной искусствомъ.

щеніе. Въ 1794 г. Гёте снова былъ въ походѣ (противъ Майнца), на этотъ разъ болѣе побѣдоносномъ; но его взглядъ на войну не измѣнился.

Между тѣмъ Шиллеръ, послѣ своего пребыванія въ Веймарѣ въ 1787 г., успѣлъ пожить въ Бауэрбахѣ у Вольцогена, сблизиться съ семействомъ Ленгефельдовъ, гдѣ были двѣ милыя дѣвушки, впослѣдствіи игравшія такую важную роль въ его жизни, и поселиться въ деревнѣ близъ Рудольштадта; въ мартѣ 1788 г. онъ написалъ «боговъ Греціи», въ которыхъ онъ, съ глубокомысліемъ философа и горячимъ чувствомъ и пылкой фантазіей поэта, выразилъ свое увлеченіе древнимъ міромъ (къ ближайшему знакомству съ нимъ привела его Гётева Ифигенія) и напечаталъ отрывки изъ «исторіи отпаденія Нидерландовъ». 9 сентября 1788 г. онъ въ первый разъ въ домѣ Ленгефельдовъ, въ Рудольштадтѣ встрѣтился съ Гёте; но не только не сблизился съ нимъ, а напротивъ, вынесъ изъ этого свиданія убѣжденіе, что никогда не можетъ съ нимъ сойтись. Въ декабрѣ того же года онъ, благодаря стараніямъ Гёте, который, не симпатизируя его бурнымъ и свободолюбивымъ стремленіямъ, высоко цѣнилъ его какъ мыслителя и художника, получилъ отъ веймарскаго кабинета предложеніе занять каѳедру исторіи въ Іенскомъ университетѣ; предложеніе не представляло особыхъ выгодъ для Шиллера, такъ какъ съ экстраординатурой, которую имѣли въ виду для него, не было соединено опредѣленнаго содержанія, и приготовленія къ лекціямъ требовали усиленныхъ занятій, отвлекавшихъ его отъ поэтическихъ плановъ. Тѣмъ не менѣе онъ не счелъ удобнымъ отказаться отъ почетнаго и высокаго (въ Германіи) положенія, тѣмъ болѣе, что оно давало ему возможность осуществить свою мечту и вступить въ бракъ съ Шарлотой Ленгефельдъ. Зима прошла въ приготовленіяхъ къ профессурѣ и въ журнальныхъ работахъ. Въ своемъ сборникѣ «Талія» (Thalia), который онъ издавалъ уже нѣсколько лѣтъ, Шиллеръ напечаталъ стихотвореніе: «Художники» *), въ которомъ онъ выразилъ свои вполнѣ уже сложившіеся взгляды на искусство: оно есть облеченіе истины и нравственности въ красоту; прекрасное для него — символъ истиннаго и добраго.

Въ маѣ 1789 г. Шиллеръ прочелъ въ Іенѣ свою вступительную лекцію на тему: «что́ такое всеобщая исторія и съ какою цѣлью изучаютъ ее?» Студенты были положительно въ восторгѣ, и самъ Шиллеръ былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ, хоть и не надолго. Въ январѣ 1790 г. герцогъ назначилъ ему постоянное содержаніе въ 200 талеровъ, и въ февралѣ онъ перевѣнчался съ Лоттою. На 200 талеровъ въ годъ и на студенческій гонораръ, разумѣется, не было

*) На русскомъ яз. переведено Д. Миномъ.

возможности жить женатому человѣку, и Шиллеръ принужденъ былъ усиленно работать изъ-за денегъ. Лѣтомъ, кромѣ обязательнаго для него курса, онъ читалъ еще курсъ «о трагедіи», ради котораго внимательно изучилъ піитику Аристотеля; изъ этого курса вышло потомъ нѣсколько очень важныхъ статей его. Несмотря на недостатокъ въ средствахъ и на множество работы, Шиллеру жилось въ это время такъ хорошо, какъ никогда прежде. Къ несчастію, именно въ это время стало измѣнять ему здоровье, никогда не бывшее особенно крѣпкимъ; скоро, по слабости груди, онъ долженъ былъ ограничить свои лекціи одними privatissima. Денежнымъ его затрудненіямъ неожиданно помогли двѣ владѣтельныя особы, назначившія ему на 3 года пенсію по 1000 талеровъ. Въ августѣ 1793 г. Шиллеръ имѣлъ возможность исполнить свое давнишнее желаніе — посѣтить родину, изъ которой бѣжалъ онъ 10 лѣтъ назадъ; онъ взялъ съ собою жену, которая въ Людвигсбургѣ родила ему перваго ребенка. Проживая въ Штутгартѣ, онъ работалъ надъ Валленштейномъ; во время поѣздки въ Тюбингенъ, онъ нашелъ себѣ постояннаго, въ высшей степени обязательнаго и благожелательнаго издателя въ лицѣ книгопродавца Котты. Возвратившись въ маѣ 1794 г. въ Іену, Шиллеръ привезъ съ собою важнѣйшій изъ своихъ трактатовъ: «Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода» и планъ новаго художественнаго журнала, въ которомъ должны были участвовать лучшія литературныя силы Германіи.

Вскорѣ по возвращеніи Шиллера, произошло важнѣйшее въ жизни поэтовъ и въ умственной жизни всей Германіи событіе — личное сближеніе Гёте и Шиллера. По наружности, по обстановкѣ и образу жизни они представляли почти противоположности: Гёте былъ идеаломъ мужской красоты, силы и здоровья; болѣзненный Шиллеръ держался, какъ верблюдъ, и казался ниже своего роста. Гёте работалъ раннимъ утромъ со свѣжею головою; Шиллеръ — по ночамъ, возбуждая себя шампанскимъ или крѣпкимъ кофе; Гёте не могъ жить безъ свѣжаго воздуха; Шиллеръ дышалъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ гнилыхъ яблокъ, которыя онъ держалъ въ письменномъ столѣ для облегченія дыханія. Гёте былъ вполнѣ независимъ и обезпеченъ; Шиллеръ и теперь часто нуждался въ деньгахъ на необходимое; Гёте не любилъ философіи и питалъ страсть къ положительнымъ наукамъ; Шиллеръ былъ мыслитель по натурѣ. Но у нихъ было много общаго: и тотъ, и другой красоту и истину ставили выше пользы, и служенію этимъ идеямъ отдали всю жизнь свою; и тотъ, и другой были справедливые, честные, высоконравственные люди, искренно вѣрившіе въ прогрессъ и искренно любившіе свой народъ и все человѣчество. Въ это время ихъ политическія убѣжде-

нія были ближе, чѣмъ когда нибудь прежде, такъ какъ Шиллеръ, въ молодости бывшій революціонеромъ, теперь отвернулся отъ ужасовъ французской революціи и съ презрѣніемъ отвергъ дипломъ, который прислала ему французская республика, адрессовавъ его à Monsieur Gille, publiciste allemand (его знали тамъ, какъ автора Разбойниковъ, которыхъ передѣлали для французской сцены подъ названіемъ Robert, chef des brigands), и взывалъ къ нѣмецкому обществу, приглашая его отрѣшиться отъ узкихъ интересовъ дня во имя всечеловѣческаго стремленія къ истинѣ и красотѣ.

Въ маѣ 1794 г. Гёте и Шиллеръ вмѣстѣ вышли изъ Іенскаго общества естествоиспытателей; увлекшись разговоромъ, Гёте проводилъ Шиллера къ дому и вошелъ въ его квартиру; съ этого дня началась ихъ дружба; журналъ Шиллера Die Horen, для котораго Гёте далъ свои Римскія элегіи и нѣсколько статей, сблизилъ ихъ еще болѣе.

Этотъ журналъ, несмотря на блестящія имена сотрудниковъ, имѣлъ весьма посредственный успѣхъ: плохо подготовленная критика встрѣтила его почти враждебно, а публика, занятая узкими интересами дня и испортившая свой вкусъ на чтѣніи разной дряни,—равнодушно. Обиженные этимъ, Гёте и Шиллеръ рѣшили отомстить своимъ врагамъ и вмѣстѣ составили знаменитый сборникъ эпиграммъ, извѣстный подъ именемъ Xenien. Ксеніи произвели въ Германіи сильное движеніе: они въ значительной степени очистили воздухъ, истребивъ множество мелкихъ репутацій и заставивъ задуматься публику. Совершивъ этотъ тягостный долгъ, Гёте и Шиллеръ снова обратились къ серьезнымъ и самостоятельнымъ работамъ, которыя можно назвать совмѣстными въ томъ смыслѣ, что ни одно произведеніе поэта не появлялось на свѣтъ безъ того, чтобы другой поэтъ не подвергъ его серьезной, всесторонней критикѣ. Около этого времени вышелъ Вильгельмъ Мейстеръ Гёте (1-я часть, Lehrjahren), безспорно лучшій изъ его романовъ. Въ композиціи его много недостатковъ, и онъ также мало удовлетворяетъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ къ законченной повѣсти, какъ Эгмонтъ и Тассо мало удовлетворяютъ законамъ драмы; но душевная теплота и мягкость, соединенныя съ мудростью зрѣлаго ума, дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ созданій человѣчества, а разнообразіе прелестнѣйшихъ женскихъ характеровъ заставитъ самаго строгаго моралиста примириться съ юношескими увлеченіями Гёте: не люби онъ столькихъ женщинъ послѣдовательно, онъ не былъ бы въ состояніи создать такіе женскіе типы. Укажемъ на одинъ примѣръ далекаго литературнаго вліянія этого романа: какъ ни мало общаго между самымъ субъективнымъ изъ новыхъ русскихъ поэтовъ — Ѳедоромъ Достоевскимъ и «олимпійцемъ» Гёте, всякій внимательный читатель согласится, что Нелли въ «Уни-

женныхъ и Оскорбленныхъ» есть Гётевская Миньона, только въ иной, пожалуй болѣе характерной обстановкѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей на наивно подчеркнутую въ концѣ романа тенденцію: В. Мейстеръ, пренебрегающій деньгами и благами земными, живущій мечтами и странствующій въ труппѣ актеровъ, какъ оказывается впослѣдствіи, въ отношеніи этихъ самыхъ благъ выигралъ гораздо болѣе, нежели его другъ и родственникъ, усердно занимавшійся дѣлами: послѣдній облысѣлъ и опошлѣлъ, тогда какъ Мейстеръ не только сохранилъ свою юную красоту и привлекательность, но и пріобрѣлъ аристократическую невѣсту съ богатымъ приданымъ.

По поводу Геттингенскаго Союза добродѣтели (см. вып. XXIII, стр. 112) мы уже упоминали о Фоссѣ. Іоганнъ Генрихъ Фоссъ (Voss, род. 1751 г.) происходилъ изъ Мекленбурга и былъ внукъ крѣпостного; въ университетъ попалъ онъ поздно, скопивъ себѣ денегъ учительствомъ; онъ былъ хорошій филологъ, оказавшій нѣмецкой націи огромную услугу отличными переводами Гомера, Виргилія, Овидія. Съ 1782 г. онъ былъ ректоромъ въ Эйтинѣ. Наивная поэзія Гомера и близкое знаніе деревенской дѣйствительности привели его къ идилліи, но идилліи совершенно особаго рода, чѣмъ та, которую знало предъидущее поколѣніе: онъ не выискиваетъ сладкихъ и красивыхъ сторонъ въ жизни простыхъ людей, а беретъ ее почти цѣликомъ, какъ она есть, и воспроизводитъ простыми, ясными нѣмецкими гекзаметрами. Несмотря на нѣкоторую сухость и замѣтный недостатокъ фантазіи, его идилліи нравились публикѣ. Особенно благопріятное впечатлѣніе произвела его поэма «Луиза», вышедшая въ 1795 году *), изображающая въ 3-хъ пѣсняхъ рядъ картинокъ изъ жизни семьи деревенскаго пастора. Успѣхъ «Луизы» послужилъ для Гёте внѣшнимъ поводомъ взяться за эпическій жанръ, и въ 1796 г. онъ принялся за поэму: «Германъ и Доротея», которая подняла его популярность на такую высоту, на какой она не бывала со временъ Вертера.

Гёте не выдумалъ сюжета, но взялъ его изъ одной небольшой народной книжки, вышедшей въ первой половинѣ этого столѣтія. Книжка эта разсказываетъ, какъ въ 1731 г. графъ Фирміанъ, епископъ зальцбургскій, прогналъ съ своей земли всѣхъ протестантовъ; большая толпа ихъ проходила черезъ городъ Альтмюль, гдѣ жилъ одинъ богатый гражданинъ, напрасно склонявшій къ женитьбѣ своего единственнаго сына. Молодой человѣкъ между эмигрантами увидалъ дѣвушку, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе, и о

*) Русскій переводъ Н. Теряева, Спб., 1817 г.

которой всѣ ея соотечественники дали такіе хорошіе отзывы, что онъ, придя къ отцу, объявилъ ему свое твердое рѣшеніе: онъ женится или на этой дѣвушкѣ, или ни на комъ. Отецъ сперва не соглашается принять въ свою богатую семью невѣстку съ большой дороги, но настойчивость сына и убѣжденія пастора одолѣваютъ его гордость. Сынъ идетъ къ дѣвушкѣ и предлагаетъ ей поступить къ нимъ въ услуженіе; она соглашается. Только придя въ домъ своихъ предполагаемыхъ господъ, дѣвушка узнаетъ, что̀ готовитъ ей судьба. Она охотно принимаетъ предложеніе понравившагося ей молодого человѣка и вынимаетъ изъ-за пазухи кошелекъ съ 200 дукатовъ: она вовсѐ не такая безприданница, какъ думалъ ея будущій свекоръ.

Гёте во многомъ измѣнилъ разсказъ. Прежде всего онъ придалъ ему интересъ современности, обративъ зальцбургскихъ протестантовъ въ изгнанниковъ революціи: это нѣмцы, эмигрировавшіе съ лѣваго берега Рейна отъ политическихъ неурядицъ Франціи. Это дало ему возможность противупоставить нѣмецкую «домовитость» и семейственность бурнымъ политическимъ страстямъ, волновавшимъ тогда крайній западъ Европы и причинявшимъ несчастіе милліонамъ невинныхъ. Далѣе онъ осложнилъ дѣйствіе, введя нѣсколько новыхъ лицъ: мать молодого человѣка, добрую, милую нѣмецкую Hausfrau, моделью для которой послужила Гёте въ значительной степени фрау Айя, и аптекаря, который раздѣляетъ съ отцомъ Германа его пошлое честолюбіе и страсть къ новизнѣ. Онъ, если можно такъ выразиться, углубилъ характеры героя и героини, сдѣлавъ изъ Германа вполнѣ жизненный идеалъ честнаго, трудолюбиваго, твердаго характеромъ нѣмецкаго юноши, стойкость и скромность котораго близорукимъ людямъ толпы и поклонникамъ успѣха кажется тупостью и неподвижностью, золотое сердце котораго, полное старинной нѣмецкой вѣрности, могутъ оцѣнить только его любящая мать и умный пасторъ; а изъ героини—идеалъ нѣмецкой дѣвушки, очищенной испытаніями и вполнѣ достойной такого мужа: въ волнахъ революціи погибъ ея первый женихъ, и теперь, послѣ страданій сердца и эмиграціи, убѣжденіе Германа, что нѣмецъ не долженъ поддаваться опаснымъ политическимъ мечтамъ и увлекаться «шатаніемъ» соціальнаго строя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ея убѣжденіе. У читателя, какъ справедливо замѣчаетъ Шереръ, нѣтъ ни малѣйшаго опасенія за будущее счастіе Германа и Доротеи: жена не только хочетъ повиноваться, но и съумѣетъ въ трудную минуту помочь мужу и благословить его на бой за родину; мужъ будетъ твердымъ, но кроткимъ и любящимъ господиномъ.

Гёте съ геніальнымъ тактомъ измѣнилъ и нѣкоторыя второстепенныя подробности: рѣшеніе Германа не обусловливается собран-

ными о Доротеѣ свѣдѣніями, а есть инстинктивное, мгновенно охватившее его чувство; справки собираютъ друзья его отца, а Германъ сердцемъ чувствуетъ, что они будутъ въ пользу его возлюбленной. Германъ не обманываетъ умышленно Доротеи, предлагая ей поступить въ служанки, а отъ естественной конфузливости даетъ поводъ скромной дѣвушкѣ такъ понять его предложеніе. Гёте отбрасываетъ, какъ пошлое украшеніе, 200 дукатовъ, которыми такъ филистерски вознаграждается безкорыстіе юноши.

Германъ и Доротея — самое обдуманное, самое классическое по формѣ произведеніе Гёте: дѣйствіе во всѣхъ 9 пѣсняхъ развивается замѣчательно естественно и послѣдовательно; тонъ—спокойный, ровный, идеально-эпическій; чистый, какъ кристаллъ, гекзаметръ свободенъ отъ всякихъ украшеній; подробности обыденной жизни всегда остаются фономъ, прекрасно оттѣняющимъ душевную драму, но никогда не отвлекающимъ отъ нея вниманія; вотъ почему Шиллеръ и считалъ эту поэму «увѣнчаніемъ всего новаго искусства». Но она не богата внутреннимъ содержаніемъ, и въ ней поэтическое міровоззрѣніе Гёте ограничивается его національностью и отчасти его временемъ.

Вертеръ и Германъ — двѣ крайнія противуположности, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, также какъ и Гёте бурнаго періода, бѣгавшій съ кнутомъ по площади, влюблявшійся въ чужихъ невѣстъ, то безумно-веселый, то мизантропически-мрачный, кидавшійся отъ Спинозы къ алхиміи и отъ Вольтера къ мистикамъ, повидимому, полная противуположность тайному совѣтнику фонъ Гёте, знатоку естественныхъ наукъ, другу порядка, врагу революціи, всегда важному, спокойному, ровному. Но Гёте все же Гёте. Такъ и Германъ имѣетъ общее съ Вертеромъ: оба они чистокровные нѣмцы, и прелесть произведеній, въ которыхъ они дѣйствуютъ, вполнѣ доступна только нѣмцу; по своему внѣнаціональному міровому значенію эти поэмы менѣе цѣнны, нежели другія произведенія Гёте или Шиллера, менѣе задушевныя; но за-то ихъ національно-воспитательное значеніе огромно: Германомъ и Доротеею Гёте возстановилъ и укрѣпилъ то душевное равновѣсіе нѣмецкой націи, которое потрясъ и расшаталъ Вертеромъ.

Въ томъ же 1796 г., когда Гёте работалъ надъ Германомъ и Доротеей, въ Веймаръ пріѣзжалъ Жанъ-Поль, котораго многіе считали восходящею звѣздою, способною затмить яркій, но холодный блескъ свѣтилъ веймарскихъ. Мы здѣсь посвятимъ 2 — 3 страницы этому оригинальному явленію, стоящему, повидимому, въ сторонѣ отъ общаго умственно-художественнаго движенія въ Германіи, но на самомъ дѣлѣ тѣсно связанному близкимъ внутреннимъ родствомъ съ той литературной школой, которой принадлежало ближайшее будущее.

Іоганъ-Пауль-Фридрихъ Рихтеръ, обыкновенно извѣстный подъ именемъ Жанъ-Поля Рихтера, род. въ 1763 г. въ Сосновыхъ горахъ, въ Вунзиделѣ, близъ котораго отецъ его былъ пасторомъ. Въ 1779 г. хорошо подготовленный уроками отца и массой прочитанныхъ книгъ, онъ поступилъ въ гимназію въ Гофѣ, гдѣ выказалъ замѣчательныя способности и прилежаніе. Но въ этомъ же году умеръ его отецъ, и семейство Рихтера впало въ крайнюю бѣдность, которая окрасила въ печальный сѣрый цвѣтъ всю его молодость и помѣшала его правильнымъ занятіямъ. Въ 1781 г. онъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ на богословскій факультетъ, но питалъ себя умственно не столько лекціями и наукой, сколько крайне разнообразнымъ чтеніемъ и массою выписокъ. Онъ очень увлекался Лессингомъ, но въ то же время еще больше плѣнялся Свифтомъ, Стерномъ и нѣмецкимъ юмористомъ Гиппелемъ [1]). Уже 19 лѣтъ отъ роду онъ приготовилъ къ печати свою прозаическую сатиру: «Гренландскіе процессы» (изд. 1783 г.), которая была плохо принята публикой; но эта неудача не отвлекла его отъ намѣренія жить литературнымъ трудомъ. Онъ оставилъ университетъ и поселился съ своей матерью въ Гофѣ, по прежнему угнетаемый страшною бѣдностью. Онъ не имѣлъ своей каморки и работалъ въ общей комнатѣ, гдѣ учились его братья и гдѣ вся семья пила и ѣла. Его рукописи, которыя онъ разсылалъ ко всѣмъ издателямъ, оставались ненапечатанными, его просительныя письма—безъ отвѣта. Въ 1786 г. черезъ своихъ друзей—онъ еще въ гимназіи умѣлъ возбуждать къ себѣ преданную любовь—онъ получилъ мѣсто домашняго учителя, а въ 1790 г. начальство надъ небольшой частной школой. Только теперь онъ могъ по опыту познакомиться хоть отчасти съ свѣтлой стороной жизни; теперь развернулись его оригинальныя способности, и онъ со страстію отдался писательству. Въ 1793 г. вышелъ его неоконченный романъ **Невидимая ложа**, а въ 1795 г. **Гесперусъ**; оба эти произведенія напоминаютъ по задачѣ Вильгельма Мейстера: они тоже представляютъ родъ біографіи и исторіи развитія человѣка; основная тема обоихъ—столкновеніе юношескаго идеализма съ печальною дѣйствительностью; но оригинальностью поражаетъ въ нихъ не столько содержаніе, сколько манера разсказывать, о которой можно дать понятіе только выпиской, и глу-

[1]) Теодоръ Готлибъ ф. Гиппель (Hippel) род. 1741 г. въ восточной Пруссіи, учился въ Кенигсбергѣ сперва богословіи, потомъ юриспруденціи, былъ потомъ тамъ же директоромъ полиціи и городскимъ президентомъ, ум. 1796 г. Сильно озабоченный служебной карьерой, онъ держалъ свое писательство въ тайнѣ. Одновременно поклонникъ Канта и мистикъ, онъ представляетъ любопытный переходъ отъ поэзіи разума къ сантиментализму. Большею извѣстностью пользовались его фантастическіе романы: Lebensläufe in aufsteigender Linie nebst Beilagen. S. B. C. (1778—1781) и Kreuz- und Querzüge des Ritters A bis Z (1793—1794).

бокій и сочувственный анализъ самыхъ тонкихъ движеній души человѣческой, не великой души, удивляющей насъ своими высокими замыслами или прометеевскими страданіями, а души обыкновеннаго, средняго, только очень впечатлительнаго человѣка.

Чтобы ознакомить читателей съ манерой Жанъ-Поля, приводимъ начало 3-ей главы (или, какъ онъ называетъ, отрѣзка) „Невидимой Ложи“.

Старшій лѣсничій фонъ-Кнöръ, страстный шахматный игрокъ, соглашается выдать свою единственную дочь Эрнестину за-мужъ не иначе, какъ за того, кто послѣ многихъ партій побѣдитъ невѣсту на шахматной доскѣ. Эрнестина играетъ очень хорошо, и достаточное количество жениховъ были такимъ образомъ выпровожены съ безчестіемъ. Наконецъ нѣкій ротмистръ фонъ-Фалькенбергъ, игрокъ очень посредственный, побѣдилъ Эрнестину, потому что она сама захотѣла этого и прибѣгла къ хитрости, заставивъ кошку въ послѣдней рѣшительной партіи смѣшать шахматы въ то время, какъ ротмистръ сдѣлалъ шахъ.

Эрнестина вышла за-мужъ за Фалькенберга, и молодые поселились въ своемъ имѣніи, гдѣ у нихъ черезъ девять мѣсяцевъ родился ребенокъ.

Третій секторъ или вырѣзка *).

Подземная педагогія. — Наилучшій гернгутеръ и пудель.

Теперь моя исторія идетъ впередъ. Дѣйствіе происходитъ въ Ауэнталѣ, или, точнѣе сказать, въ Фалькенберговомъ нагорномъ замкѣ, который лежитъ въ разстояніи нѣсколькихъ акровъ оттуда. Первый ребенокъ шахматной амазонки и умирающаго гладіатора и ротмистра отъ шахматъ былъ Густавъ, не знаменитый шведскій герой, а мой собственный. Привѣтствую тебя, маленькій красавецъ, на сценѣ этой тряпичной бумаги и этой тряпичной жизни! Я напередъ знаю всю твою судьбу, и вотъ отчего меня такъ трогаетъ жалобный голосъ твоихъ первыхъ минутъ. Я предвижу твои слезы въ продолженіе столькихъ лѣтъ твоей жизни, и вотъ почему мнѣ такъ жалко твоихъ глазъ теперь, когда они еще сухи, такъ какъ пока ты можешь испытывать только тѣлесную боль. Безъ улыбки приходитъ человѣкъ въ міръ, и безъ улыбки отходитъ онъ изъ него; только три мимолетныя минуты бываетъ онъ веселъ. Поэтому-то, дорогой Густавъ, я съ предвзятымъ намѣреніемъ взялся за свѣжій май твоей юности (изъ которой кое-какой кусочекъ ландшафта я отпечатаю на этой несчастной промокательной бумагѣ) въ этотъ радостный мѣсяцъ года, чтобы отдаться творчеству тогда, когда ему отдается вся природа, чтобы въ тѣ дни, когда всякое дыханіе есть лѣченіе желѣзомъ, всякій шагъ длиннѣй на четыре дюйма и вѣки не такъ опускаются на глаза, моя эластичная грудь была полна воздуха и крови и моя рука летала по бумагѣ. Къ счастію, отъ 2-го мая и вплоть до 27 (дольше я не буду объ этомъ писать) стоитъ прекрасная погода; потому что я до извѣстной степени ясновидящій въ метеорологіи, и моя короткая нога и длинное лицо — лучшее средство узнавать сырость воздуха въ этой странѣ.

Такъ какъ воспитаніе гораздо менѣе можетъ измѣнить внутренняго человѣка (и гораздо болѣе реформировать внѣшняго), чѣмъ обыкновенно думаютъ гувернеры, то насъ долженъ удивить обратный случай съ Густавомъ: вся его жизнь держала тонъ его надземнаго, вѣрнѣе сказать, подземнаго воспитанія.

*) По 3-му изд. Фöрстера Berl. 1860 (Jean Paul's sämmtliche Werke I Bd.) стр. 56.

Читатель долженъ припомнить изъ первой главы, что гернгутерски-настроенная жена оберъ форстмейстера фонъ Кнора позволила разыграть въ шахматы свою дочь Эрнестину только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы побѣдитель женихъ обѣщался въ свадебномъ контрактѣ перваго ребенка воспитывать и скрывать восемь лѣтъ подъ землею, чтобы не сдѣлать его преждевременно нечувствительнымъ къ красотамъ природы и людскимъ кривляньямъ. Напрасно ротмистръ доказывалъ Эрнестинѣ, что будущаго солдата нельзя воспитывать въ чепчикѣ; пусть подождутъ, пока родится дѣвочка. Онъ, какъ бóльшая часть мужей, срывалъ на женѣ свое недовольство тещей. Но старуха, еще до крещенія младенца, выписала изъ Барби небесно-прекраснаго „юношу“ *); ротмистръ, какъ и всѣ сильные люди, не могъ выдержать гернгутеровскаго diminuendo“.

Освобожденный въ самомъ нѣжномъ возрастѣ своимъ учителемъ отъ нянекъ и мамокъ (пеленкамъ которыхъ, говоритъ авторъ, мы бываемъ одолжены хромыми ногами и хромыми сердцами), Густавъ поселяется съ нимъ и съ чернымъ пуделемъ въ пещерѣ, выкопанной въ саду замка. Когда онъ начинаетъ понимать слова учителя, тотъ убѣждаетъ его, что всѣ радости ждутъ насъ послѣ смерти, которую надо заслужить добротой и терпѣніемъ. „Когда ты умрешь,—говоритъ онъ Густаву,—то и я умру вмѣстѣ съ тобою, и мы пойдемъ на небо“:—подъ этимъ онъ подразумѣвалъ поверхность земли.—„Тамъ все прекрасно и великолѣпно. Тамъ днемъ не зажигаютъ лампы, но большой свѣтъ величиной съ мою голову стоитъ надъ тобою и всякій день движется вокругъ тебя. Тамъ потолокъ голубой и такой высокій, что ни одинъ человѣкъ не можетъ достать его, хотя бы онъ поставилъ одну на другую тысячу лѣстницъ. Полъ тамъ мягкій и зеленый или и еще красивѣе... Тамъ ты найдешь тѣхъ хорошихъ людей, о которыхъ я тебѣ такъ часто разсказывалъ, и своихъ родителей—портреты ихъ онъ уже давно далъ ему,—которые любятъ тебя такъ же, какъ и я, и доставятъ тебѣ все, чтó хочешь“. Подготовивъ такимъ образомъ Густава къ „смерти“, учитель выводитъ его на свѣтъ Божій. Ребенокъ вполнѣ наслаждается всѣми радостями жизни. Онъ находитъ друга въ слѣпомъ, но красивомъ нищемъ мальчикѣ Амандусѣ, но тотъ скоро умираетъ; онъ отдаетъ свою первую любовь идеальной Беатѣ, которая нашла его заснувшимъ на могилѣ Амандуса. Но онъ не приготовленъ къ борьбѣ съ жизнью и, явившись ко двору, попадаетъ въ сѣти кокетки. Тайный союзъ: „Невидимая ложа“ долженъ способствовать его внутреннему очищенію и докончить его воспитаніе. Здѣсь обрывается романъ.

Полное заглавіе второго романа Жанъ Поля — Гесперусъ или 45 дней собачьей почты **); „отцвѣтшимъ читателямъ онъ долженъ служить вечерней звѣздой, а разцвѣтающимъ — утренней“; извѣстія о дѣйствующихъ лицахъ приноситъ ему — собака. Герой романа Викторъ, какъ говоритъ самъ авторъ, есть болѣе зрѣлый Густавъ. Онъ тоже попадаетъ ко двору и напрасно ищетъ тамъ своего идеала; потомъ онъ находитъ его въ Клотильдѣ и достигаетъ счастія, поборовъ всѣ препятствія.

Уже книгопродавецъ, которому Рихтеръ послалъ рукопись своей «Ложи», пришелъ отъ нея въ восхищеніе; большинство публики согласилось съ нимъ, хотя полное отрицаніе формы и цѣлостности не могло не произвести дурного впечатлѣнія на людей, вкусъ которыхъ

*) Ниже оказывается, что воспитателю, который называется „Геніемъ“ (отъ гернгутерства онъ заимствовалъ только хорошее—кротость и чистоту душевную) уже 40 лѣтъ.

**) Hesperus oder 45 Hundposttage.

былъ воспитанъ на классикахъ, ложныхъ и истинныхъ. Въ 1796 г. Рихтеръ выпустилъ въ свѣтъ «Жизнь Квинта Фикслейна» и «Цвѣты, плоды и тернія или супружеская жизнь, смерть и бракъ адвоката бѣдныхъ Зибенкеза» *). Въ послѣднемъ романѣ съ особенною ясностью выступаетъ задача, которую поэтъ, принявъ въ наслѣдство отъ Шекспира, передалъ первой половинѣ нашего столѣтія — изображеніе «проблематической натуры», человѣка, который, при многихъ задаткахъ на счастіе, не умѣетъ доставить его ни себѣ, ни другимъ; Гамлеты Рихтера запрятаны судьбой въ тину мелочной борьбы съ жизнью, къ которой они вовсе не способны; страдая отъ филистерской ограниченности, они не въ состояніи освободиться отъ нея и ищутъ утѣшенія въ безсильныхъ насмѣшкахъ надъ нею и безплодной мечтательности.

Личное знакомство съ веймарскими «богами» не произвело особенно благопріятнаго впечатлѣнія на Жанъ Поля; расхваливая манеру чтенія Гёте, онъ довольно ядовито смѣется надъ его важностью и холодностью, желаетъ превратиться въ статую, чтобы возбудить хоть нѣкоторое вниманіе великаго художника, который, какъ Богъ, съ одинаковымъ спокойствіемъ смотритъ на гибель міра и на гибель воробья (благо онъ не создалъ ни того ни другого **); Шиллеръ на его взглядъ—натура слишкомъ угловатая и холодная. Съ своей стороны и онъ произвелъ не безусловно пріятное впечатлѣніе на корифеевъ кружка; больше, чѣмъ другимъ, онъ понравился Гердеру, который нашелъ въ немъ внимательнаго ученика и подтвержденіе многихъ своихъ взглядовъ. Онъ познакомился съ Виландомъ, и тотъ нашелъ его очень интереснымъ именно по крайней противоположности ихъ взглядовъ ***). Путешествіе въ цѣломъ расширило умственный кругозоръ Рихтера и подъ вліяніемъ полученныхъ впечатлѣній онъ задумалъ романъ, въ которомъ желалъ выйти изъ узкой сферы буржуазной жизни и изобразить свой идеалъ человѣка; это его будущій Титанъ. Въ 1797 г. умерла старушка мать Рихтера, которую онъ, дѣйствительно, любилъ искренно, но о своемъ долгѣ по отношенію

*) Странное заглавіе объясняется содержаніемъ: Зибенкезъ, женившійся по любви, но потомъ разлюбившій свою жену, убѣдившись, что она любитъ другого и желая освободить ее отъ себя, притворно умираетъ; позднѣе подъ другимъ именемъ онъ начинаетъ новую жизнь и испытываетъ новую любовь.

Въ высшей степени оригинальны по замыслу и глубоки по исполненію размышленія Зибенкеза на его собственной могилѣ и измѣненіе въ чувствахъ его вдовы, которая послѣ его смерти полюбила его. Но мотивы дѣйствій, какъ обыкновенно у Рихтера, выписаны плохо и небрежно.

**) Blaze de Bury: Les écrivains modernes de l'Allemagne Paris 1808 стр. 256—307.

***) Достаточно указать одинъ примѣръ: Грековъ, передъ которыми такъ благоговѣлъ Виландъ, Рихтеръ считалъ людьми очень ограниченными.

къ которой онъ говорилъ и писалъ слишкомъ много (вообще въ характерѣ Рихтера нельзя не видѣть нѣкоторой наклонности къ рисовкѣ и недостатка благородной простоты и честной гордости, которымъ мы удивляемся въ другихъ бѣднякахъ писателяхъ Германіи, и больше всего въ Лессингѣ; такъ какъ его произведенія въ высшей степени субъективны, это замѣтно отразилось въ характерахъ его героевъ: они часто страдаютъ оттого, что, какъ избалованныя дѣти выказываютъ слишкомъ большую требовательность по отношенію къ судьбѣ и людямъ). Рихтеръ переѣхалъ въ Лейпцигъ, который теперь произвелъ на него гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ прежде, такъ какъ его принимали вездѣ съ почетомъ и сочувствіемъ, и особенно баловали его женщины; потомъ онъ снова ѣздилъ въ Веймаръ и къ другимъ мелкимъ дворамъ Германіи; отъ одного изъ нихъ онъ получилъ титулъ совѣтника посольства. Въ 1800 г. послѣ довольно многихъ любовныхъ исторій онъ нашелъ себѣ подходящую невѣсту въ Берлинѣ и женился; постранствовавъ еще нѣкоторое время, онъ въ 1804 г. поселился окончательно въ Бейрейтѣ, получая съ 1808 г. пенсію сперва отъ князя—примаса Дальберга, а потомъ (съ 1813 г.) отъ короля Баварскаго. Онъ умеръ въ 1825 г., всѣми уважаемый, какъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и задушевныхъ писателей своего времени; но уже слѣдующее поколѣніе совсѣмъ забыло неподражаемаго Жанъ Поля *). Полное собраніе его сочиненій состоитъ изъ 60 томовъ.

Изъ его произведеній, вышедшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, упомянемъ прежде всего Титана (1801—1803 г.); герой его изъ Альбано; природный князь долженъ представлять изъ себя идеалъ нравственно здороваго человѣка, которому даже всѣ несчастія и испытанія (потеря любимой дѣвушки, измѣна друга) должны, какъ Вильгельму Мейстеру, принести пользу и зрѣлость и который, подобно Фаусту, послѣ всѣхъ попытокъ жить личнымъ счастьемъ, находитъ успокоеніе въ дѣятельности на пользу другихъ, между тѣмъ какъ окружающіе его люди съ такими же титаническими замашками, но безъ его силы гибнутъ тѣмъ или другимъ образомъ. Разница между нимъ и

*) Въ Россіи онъ временно получилъ извѣстность въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ. Въ Современникѣ за 1839 годъ т. XIV появилась о немъ статья барона Ѳ. Ѳ. Корфа, авторъ которой ставитъ Жанъ-Поля Рихтера, по непосредственному восприня-тію и воссозданію природы, рядомъ съ Шекспиромъ и выше Гёте, Байрона и Пушкина. Въ 1844 г. вышла въ Петербургѣ Антологія изъ Жанъ-Поля Рихтера; на нее въ Совр. (1844 г., кн. 2) явилась хвалебная рецензія, авторъ которой считаетъ Ж. П. Рихтера вѣрнымъ лѣкарствомъ противъ пессимизма, безбожія и разочарованія. Но по поводу той-же Антологіи Бѣлинскій высказываетъ болѣе справедливое мнѣніе: онъ считаетъ Жанъ Поля большимъ, только уродливо развившимся талантомъ, именно вслѣдствіе этой уродливости недоросшимъ до великаго писателя (т. IX, стр. 140).

Фаустомъ въ томъ, что Фаустъ самъ себѣ создаетъ такую дѣятельность, а Альбано пользуется престоломъ, который ему подсовываетъ судьба, такъ что, какъ давно уже замѣтила критика, если «Титанъ» Рихтера предлагаетъ кому нравственное лѣкарство, то развѣ однимъ государямъ; простымъ же смертнымъ онъ предоставляетъ только разные виды самоуничтоженія. Но главный недостатокъ «Титана» не въ этомъ, а въ томъ, чѣмъ грѣшатъ очень многіе изъ романовъ нашего вѣка, противуполагающіе одинъ положительный характеръ многимъ отрицательнымъ: «здоровый» Альбано вышелъ мертвою куклой, а «больныя» второстепенныя лица—живыми людьми, по крайней мѣрѣ настолько, насколько бывали живы характеры, набросанные безпорядочной фантазіей Жанъ Поля.

Изъ послѣднихъ романовъ Рихтера больше другихъ имѣлъ успѣха вышедшій въ 1822 г. «Комета или Николай Маргграфъ», исторія сумасшедшаго аптекаря (герои послѣднихъ его пьесъ почти всѣ сумасшедшіе, и въ изображеніи разнообразныхъ видовъ человѣческаго безумія Рихтеръ мѣстами проявляетъ замѣчательную комическую силу), который собирается облагодѣтельствовать человѣчество своимъ открытіемъ.

Кромѣ романовъ, Жанъ-Поль написалъ еще «Эстетическую пропедевтику» (Vorschule der Aestetik 1804 г.) и «Ученіе о воспитаніи» (1807 Levana oder Erziehunglehre), но и въ ученыхъ трактатахъ онъ также безпорядоченъ и также, если можно такъ выразиться, фрагменталенъ. Очень остроумно оправдываетъ онъ этотъ свой недостатокъ при второмъ изданіи Невидимой Ложи: читателямъ, говоритъ онъ, такъ и остается неизвѣстнымъ, что вышло изъ второй любви Кунца и отчаянія Лизы; но «вспомнимъ, что вся эта жизнь вездѣ представляетъ загадки, разгадки которыхъ по ту сторону могилы, что вся исторія человѣчества есть большой, большой романъ безъ конца».

Въ историко-литературномъ отношеніи важны не столько самыя произведенія Жанъ-Поля, сколько то удовольствіе, съ которымъ они принимались читающей публикой въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Кончалось царство холоднаго разума, и вступали въ права свои сердце и фантазія, на первое время по закону реакціи обижавшія этотъ низвергнутый съ трона разумъ. Славу Жанъ-Поля составили женщины, по той же реакціи потребовавшія себѣ, послѣ ужасовъ революціи и наполеоновскихъ войнъ, права на безусловное господство въ обществѣ; близилось время г-жи Сталь, а потомъ и баронессы Крюденеръ. Наконецъ, близилось такое время, когда многое, признаваемое столько столѣтій великимъ и сильнымъ, оказывалось безсильнымъ и ничтожнымъ и когда наоборотъ, въ ничтожномъ про-

являлась великая сила. Смѣхъ сквозь слезы и грусть послѣ смѣха, иначе сказать, сантиментальный юморъ—лучшее выраженіе идей такого времени.

Въ курсахъ исторіи литературы многіе между классицизмомъ и романтизмомъ признаютъ посредствующій періодъ сантиментализма, наиболѣе яркими выразителями котораго въ Англіи долженъ считаться Стернъ, во Франціи—Руссо и Бернардэнъ де-Сенъ-Пьеръ, въ Россіи Карамзинъ, и въ Германіи Клопштокъ и Жанъ-Поль Рихтеръ. Но по нашему мнѣнію, нельзя признать особаго періода сантиментализма (что общаго между Клопштокомъ и Жаномъ-Полемъ Рихтеромъ?), а только сантиментальное вѣяніе, которое выражается во многихъ частностяхъ и въ разныхъ формахъ во всѣ переходныя эпохи; оно замѣчается и въ Жанъ-Полѣ, но не можетъ исчерпать его историко-литературнаго значенія. Онъ имѣетъ много общаго съ класическимъ періодомъ нѣмецкой литературы, что рѣзко отличаетъ его отъ романтиковъ: онъ вѣритъ въ прогрессъ человѣчества, въ идеалъ жизни свободной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разумной. Но съ другой стороны черты, общія у него съ романтиками—презрѣніе къ формѣ, ко всему установленному обычаемъ и разсудкомъ, болѣзненное развитіе фантазіи, страсть копаться въ безсознательныхъ движеніяхъ души,—замѣчаются еще рѣзче при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Гёте и Шиллеръ, какъ и всѣ истинные поэты, имѣютъ дѣло съ страстями и съ борьбою за осуществленіе идеала. Жанъ-Поль, какъ и романтики, занятъ впечатлѣніями, созерцаніемъ и констатированіемъ невозможности примирить идеалъ съ дѣйствительною жизнью. Наконецъ въ нѣкоторыхъ своихъ характерныхъ чертахъ: въ стремленіи отыскивать хорошее въ тѣхъ людяхъ, которыхъ общество обыкновенно клеймитъ своимъ презрѣніемъ, въ умѣньѣ находить драгоцѣнности въ навозѣ, въ защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ Жанъ-Поль Рихтеръ идетъ дальше романтиковъ и подаетъ руку великимъ гуманистамъ XIX столѣтія: Гюго, Диккенсу и Достоевскому.

Съ Достоевскимъ Жанъ-Поль Рихтеръ представляетъ весьма любопытное сходство, взятый самъ по себѣ, безъ отношенія къ своему времени: у обоихъ та-же болѣзненно тонкая наблюдательность болѣзненныхъ проявленій человѣческаго духа и чувства, та-же поразительная изобрѣтательность и тѣ-же скачки фантазіи, та-же крайняя субъективность, тоже рѣдкое соединеніе реализма въ мелочахъ и полное презрѣніе къ вѣроподобію въ общемъ, та-же легкость перехода образа въ отвлеченную мысль и мысли въ образъ. Но Достоевскій проживетъ у насъ дольше, чѣмъ Жанъ-Поль въ Германіи: онъ проще и вдумчивѣе, глубже захватываетъ жизнь, и его форма все же совершеннѣе и законченнѣе, чѣмъ у Жанъ-Поля.

Возвращаемся къ Гёте и Шиллеру.

1797 годъ называется годомъ баладъ, потому что оба поэта единодушно взялись за этотъ въ то время новый видъ поэзіи и тѣмъ самымъ, такъ сказать, освятили его для будущихъ поколѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ придали ему большую ширину и глубину содержанія. Въ балладахъ Гёте также свободно относится къ только что выдвигавшейся въ то время идеѣ народности, какъ и въ своей поэмѣ Рейнеке-Фуксъ, надъ которой онъ работалъ еще до сближенія съ Шиллеромъ; извѣстно, что безъ его передѣлки эта средневѣковая сатира еще долго оставалась бы достояніемъ однихъ ученыхъ. Въ концѣ этого же 1797 года Гёте въ третій разъ предпринялъ путешествіе въ Швейцарію; онъ хотѣлъ-было спуститься въ Италію, но Шиллеръ убѣдилъ его, что прежде чѣмъ собирать новые сюжеты, надо покончить со старыми. Въ Швейцаріи Гёте собралъ матеріалъ для поэтическаго произведенія о Вильгельмѣ Теллѣ, но потомъ передалъ его Шиллеру.

Уже съ 1791-го года Гёте завѣдовалъ веймарскимъ театромъ. Близко сойдясь съ Шиллеромъ, онъ часто пользовался для этого дѣла его совѣтами, а когда Шиллеръ въ 1799 г., окончательно освобожденный отъ своихъ профессорскихъ обязанностей, переѣхалъ въ Веймаръ, оба поэта рѣшили соединенными усиліями сдѣлать веймарскую сцену образцовой для всей Германіи; герцогъ не жалѣлъ средствъ для этого. Поэты только до нѣкоторой степени достигли своей цѣли: веймарскій театръ, дѣйствительно, сталъ хорошей школой для актеровъ, но публикѣ онъ не могъ угодить, такъ какъ онъ игнорировалъ ея вкусы, да и по самому положенію города этой публики было немного, еслибъ не іенскіе студенты, которые подъ праздникъ охотно дѣлали нѣсколько миль, чтобы побывать въ веймарскомъ театрѣ.

Странное впечатлѣніе производилъ этотъ театръ, содержимый на счетъ двора и управляемый не только тайнымъ совѣтникомъ и безсмѣннымъ министромъ фонъ-Гёте, но въ то же время и величайшимъ поэтомъ Германіи, авторомъ Гёца, Вертера и Мейстера. Самое послѣднее мѣсто занимала въ немъ публика, трепетавшая передъ дворомъ, который, въ свою очередь, трепеталъ передъ Гёте; актеры же не обращали вниманія ни на дворъ, ни на публику, а смотрѣли въ глаза тому же Гёте. Онъ сажалъ актеровъ на гауптвахту, актрисъ подвергалъ домашнему аресту, а когда публика осмѣливалась выражать свои чувства, ей не предписанныя, Гёте кричалъ: «не смѣть смѣяться!», грозилъ полиціей или, по крайней мѣрѣ, строгимъ взглядомъ своихъ огромныхъ глазъ превращалъ въ статуи провинившихся. Къ тому же, самыя теоретическія основы, на которыхъ Гёте и Шиллеръ хотѣли реформировать нѣмецкую сцену, были несогласны ни съ національнымъ вкусомъ, ни съ духомъ времени: по убѣжденію поэтовъ, искусство

должно быть прежде всего прекрасно, и стало быть въ угоду красотѣ сцена должна жертвовать естественностью. Актеръ не долженъ позволять себѣ ни одного рѣзкаго движенія, никогда не долженъ оборачиваться къ публикѣ спиною или даже въ профиль; короче сказать, онъ всегда долженъ прекрасно играть, а не жить на сценѣ.

Несмотря на этотъ несовременный принципъ и на нехудожественный деспотизмъ Гёте, энергія такого директора не могла остаться безплодной, и 20 апрѣля 1799 г. веймарскій театръ показалъ себя во всемъ блескѣ при представленіи Шиллерова Валенштейна.

Очень поучительна исторія созданія Валленштейна, подробно обслѣдованная Дюнцеромъ въ его „Примѣчаніяхъ къ нѣмецкимъ классикамъ“.

Окончивъ осенью 1785 г. своего Донъ-Карлоса, Шиллеръ былъ не совсѣмъ доволенъ имъ и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ этой драмой на публику. Лѣтомъ 1788 года онъ работаетъ надъ своими письмами о Донъ-Карлосѣ (лучшій образчикъ самокритики), въ которыхъ мѣстами сквозитъ его желаніе примѣнить болѣе опредѣлившіеся взгляды къ новому творенію. Познакомившись съ Гёте и получивъ предложеніе относительно каѳедры, онъ пишетъ 22 января 1789 года: „никогда еще у меня не было такого сильнаго желанія начать новую драму, какъ въ эту зиму, именно когда обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого“. Работая для своихъ курсовъ, онъ охотно принялъ предложеніе книгопродавца Гошена—составить для Дамскаго историческаго календаря исторію тридцатилѣтней войны, которая занимала его и прежде, какъ эпоха величайшаго національнаго бѣдствія: около этого времени его заинтересовалъ одинъ романъ (вышелъ въ 1788 году). „Исторія графини Теклы ф. Турнъ или сцены изъ тридцатилѣтней войны“. Окончивъ въ сентябрѣ 1790 года 1-ю часть тридцатилѣтней войны, Шиллеръ почувствовалъ сильное желаніе взять сюжетъ новой драмы именно изъ этой эпохи. Въ разговорахъ съ Дальбергомъ, къ которому онъ ѣздилъ въ Эрфуртъ, родилась у него идея героемъ ея избрать Валленштейна; на эту тему уже были двѣ трагедіи (одна явилась въ 1783 г., другая — въ 1787 году), но не онѣ имѣли вліянія на Шиллера, а скорѣе монографія Герхенгана „Исторія Альбрехта Валленштейна“ (Herchenhahn, Altenburg 1790—1791, 2 тома).

Отказавшись по болѣзни читать лекціи въ университетѣ и только дома читая privatissima по эстетикѣ, онъ все чаще и чаще возвращался къ этой мысли. Нѣсколько оправившись, онъ принялся за вторую часть Тридцатилѣтней войны, которая теперь получила для него особенный интересъ. Въ письмѣ къ Кёрнеру отъ 25 мая 1792 года, онъ говоритъ, что занятія исторіей и эстетикой (онъ работалъ надъ Эстетическими Письмами) не удовлетворяютъ его: ему хочется поэтизировать: въ особенности у него „зудитъ перо“ по Валленштейну (juckt mir die Feder nach dem Wallenstein); при Валленштейнѣ, онъ убѣжденъ, критика должна возмѣстить тотъ вредъ, который она ему сдѣлала, заставивъ его потерять смѣлость творчества. Покончивъ въ сентябрѣ съ Тридцатилѣтней войной, которая послѣ смерти Валленштейна потеряла для него значеніе (что, безъ сомнѣнія, чувствуетъ всякій читатель его монографіи), онъ клянется себѣ не брать никогда впередъ навязанной работы. 1793 годъ ушелъ на другія работы и на поѣздку въ Штутгартъ: но въ началѣ 1794 года Шиллеръ снова возвращается къ Валленштейну. 17 марта онъ извѣщаетъ Кёрнера, что планъ трагедіи постепенно зрѣетъ, а когда онъ будетъ готовъ, пьеса можетъ быть

окончена въ три недѣли. Между тѣмъ произошло сближеніе Шиллера и Гёте; на первое время оно вредно отразилось на Валленштейнѣ: Гёте убѣждалъ Шиллера отдать предпочтеніе другому сюжету („Мальтійскіе рыцари"—пьеса должна была представлять простѣйшій видъ героизма), а потомъ друзья много работали надъ своимъ журналомъ и надъ исправленіемъ вкуса публики. Только въ январѣ 1796 года Шиллеръ снова возвращается къ мысли о Валленштейнѣ, но теперь онъ думаетъ о будущей своей драмѣ съ робостью: ему надо на нее шесть свободныхъ мѣсяцевъ, а такого количества времени онъ не предвидитъ. Въ мартѣ этого же года, онъ, наконецъ, присѣлъ за Валленштейна; различіе своей задачи отъ предыдущихъ пьесъ онъ также опредѣляетъ въ письмѣ къ Гумбольдту: „прежде, напр. въ Позѣ и Карлосѣ, я старался недостатокъ правды возмѣстить прекраснымъ идеаломъ; теперь въ Валленштейнѣ я хочу попытаться возмѣстить недостающую идеальность (именно сантиментальную) простою правдою". Задача его тѣмъ труднѣе, что герой его, Валленштейнъ, въ одно и то же время и реалистъ, и неудачникъ.

Гёте, убѣдившись, что изъ Мальтійскихъ рыцарей ничего не выйдетъ, самъ всецѣло преданный театру, поощряетъ Шиллера работать надъ Валленштейномъ но поэта отвлекаютъ то мелкія работы, то болѣзнь. Однако, уже въ ноябрѣ 1786 года онъ пишетъ Кёрнеру: „Ни одно изъ моихъ прежнихъ произведеній не имѣло столько опредѣленной цѣли и формы, какъ Валленштейнъ, уже въ теперешнемъ своемъ видѣ; я въ точности знаю, чего я хочу и что я долженъ сдѣлать". Онъ находитъ сюжетъ страшно неудобнымъ: здѣсь государственное дѣйствіе, сухость политики, многія и мелкія средства, бездна мелкихъ разсчетовъ. Базисъ всего—армія, о которой онъ не имѣетъ понятія; самыя страсти Валленштейна прозаичны, какъ и его характеръ, въ которомъ нѣтъ ни благородства, ни истиннаго величія. „Но,—заключаетъ Шиллеръ,—именно таковъ долженъ быть матеріалъ, съ которымъ я могу начать мою новую драматическую жизнь". Въ письмѣ къ Гёте (отъ 18 ноября) Шиллеръ сравниваетъ Валленштейна съ Макбетомъ: въ несчастіи обоихъ обстоятельства мало виноваты; они сами устроиваютъ свою гибель; онъ хочетъ, чтобы на виньеткѣ была изображена Немезида. Работа идетъ впередъ довольно скоро, и онъ уже говоритъ опредѣленно о содержаніи 1-го акта (изъ котораго позднѣе развилась самостоятельная драма—Пикколомини). Въ январѣ 1797 года онъ обстоятельно бесѣдуетъ съ Гёте о Валленштейнѣ, но еще не показываетъ ему написаннаго; въ мартѣ онъ усиленно занимается ради Валленштейна астрологіей, ради его же изучаетъ древнихъ трагиковъ и Шекспира, перечитываетъ піитику Аристотеля. 27 мая онъ прочелъ Гёте въ первоначальномъ видѣ Валленштейновъ Лагерь, который онъ тогда считалъ прологомъ. Гёте былъ очень доволенъ имъ; въ письмѣ къ одному пріятелю онъ сравниваетъ армію, въ немъ дѣйствующую, съ хоромъ древнихъ, объясняетъ гибель Валленштейна остроумною параллелью съ современнымъ событіемъ—паденіемъ Дюмурье (въ обоихъ случаяхъ любимый войскомъ полководецъ забылъ, какое значеніе для арміи имѣетъ знамя). 18 іюня Шиллеръ посылаетъ прологъ Кёрнеру; тотъ пораженъ гётизмомъ его и наглядной правдой; Шиллеръ въ восторгѣ отъ его мнѣнія, бодро смотритъ впередъ, но сознаетъ, что раньше года ему съ Валленштейномъ не справиться. Въ это время вся пьеса, кромѣ пролога, писалась прозой; но въ ноябрѣ Шиллеръ рѣшилъ обратиться къ ямбамъ и выражалъ удивленіе, какъ это онъ вздумалъ-было написать поэтическое произведеніе въ прозѣ. При такой передѣлкѣ пришлось во многомъ измѣнить и содержаніе; многіе мотивы, бывшіе умѣстными при языкѣ обыденной жизни, стали теперь непригодны; за-то явилась новые; стихотворная форма, какъ сознавалъ Шиллеръ, вела къ усиленію элемента общаго, всечеловѣческаго. Хотя

съ перерывами (вслѣдствіе болѣзни), но Шиллеръ работалъ надъ Валленштейномъ всю зиму; онъ прочелъ себѣ все написанное и остался доволенъ; послѣ этого онъ писалъ Гёте: „я чувствую, что сталъ выше самого себя, и это есть послѣдствіе нашего сближенія; только постоянное обращеніе съ такой объективной и столь противуположной мнѣ натурой могло сдѣлать меня способнымъ перейти такъ далеко мои субъективныя границы. Я нахожу, что ясность и обдуманность, плоды болѣе зрѣлой эпохи, не лишили меня теплоты, свойственной моему прошлому". Своему издателю Коттѣ онъ пишетъ, что ни одно еще произведеніе не удавалось ему въ такой степени, какъ Валленштейнъ. 9 марта 1798 года Шиллеръ могъ сказать, что уже три четверти пьесы его готовы. Онъ долго думалъ, какъ ему спровадить со свѣта Макса Пикколомини. Поговоривши съ военными, онъ убѣдился, что лучше всего будетъ убить его за сценой. 15 августа онъ прочелъ Гёте и два послѣдніе акта, но еще вчернѣ. Покончивъ въ началѣ сентября съ обязательными статьями для Альманаха, онъ спѣшитъ воспользоваться послѣдними недѣлями на дачѣ, чтобы обработать любовныя сцены между Максомъ и Теклой, которыя ему не удавались въ городѣ. Посѣтивъ въ томъ же сентябрѣ Гёте въ Веймарѣ, онъ прочелъ ему всю пьесу. Тогда же рѣшился онъ обработать прологъ въ самостоятельное цѣлое, чтобы Гёте могъ имъ открыть въ октябрѣ театральный сезонъ (въ новомъ зданіи), а самую драму раздѣлить на 2 части. Въ Альманахѣ уже было объявлено о выходѣ въ свѣтъ Валленштейна къ Пасхѣ 1799 года.

22 сентября Гёте явился въ Іену за „Лагеремъ", но насилу могъ увезти его съ собою 29 сентября. Шиллеръ, теперь опредѣлившій, что въ его Валленштейнѣ будутъ соединены всѣ три вида драмы (Лагерь—Lustspiel, Пикколомини—Schauspiel и Смерть Валленштейна—Trauerspiel), пишетъ Кёрнеру, что ему предстоитъ еще много работы; но эта работа пріятная, не то, что сокращать и сжимать пьесу. Лагерь былъ поставленъ въ Веймарѣ и имѣлъ успѣхъ, что очень ободрило Шиллера къ продолженію работы.

Между тѣмъ, молва о знаменитой драмѣ разнеслась уже по всей Германіи, и ея домогались многіе театры. Настойчивѣе всего просилъ ее Ифландъ для Берлина, къ Рождеству 1798—99 гг.; Шиллеръ обѣщалъ доставить ему Пикколомини и страшно торопился; о каждой сценѣ онъ совѣтовался съ Гёте, многое выбрасывалъ. 4 января 1799 года Шиллеръ переѣхалъ въ Веймаръ со всею семьею, чтобы присутствовать при репетиціяхъ Пикколомини, одинъ экземпляръ котораго уже былъ отправленъ въ Берлинъ, а самъ, между тѣмъ, работалъ надъ Смертью Валленштейна. 30 января, послѣ массы трудовъ и усилій обоихъ поэтовъ, Пикколомини былъ поставленъ въ Веймарѣ и имѣлъ въ общемъ безпримѣрный успѣхъ. 7 февраля Шиллеръ вернулся въ Іену и принялся за третью часть съ замѣчательной энергіей: послѣ долгой возни съ актерами, тріумфа и продолжительныхъ свиданій съ Гёте, онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. 6 марта онъ уже окончилъ два первые акта „Смерти Валленштейна" и отослалъ ихъ къ Гёте; а 17 марта уже была окончена вся трагедія, и Шиллеръ отправился въ Веймаръ ставить всю трилогію. 15-го былъ съигранъ Лагерь, 17-го Пикколомини, а 20-го Смерть Валленштейна. Торжество и радость обоихъ поэтовъ вполнѣ вознаградили ихъ за всѣ труды. Въ Веймарѣ, въ продолженіе цѣлой недѣли не было другихъ разговоровъ, какъ только объ Валленштейнѣ. 17 мая „Смерть Валленштейна" была дана въ Берлинѣ съ большимъ успѣхомъ, но король и королева въ спектаклѣ не присутствовали: они хотѣли видѣть пьесу въ Веймарѣ, гдѣ ее режиссировалъ самъ поэтъ. Это произошло 2-го іюня, и Шиллеръ былъ осыпанъ ихъ ласками. Насколько онъ былъ доволенъ своей пьесой, видно изъ того, что онъ немедленно же принялся за Марію Стюартъ, не давъ себѣ времени отдохнуть.

Эта знаменитая трилогія яснѣе всѣхъ разсужденій и свидѣтельствъ показываетъ, какъ много пріобрѣлъ Шиллеръ отъ сближенія съ Гете, и какъ пріобрѣтенная обдуманность и объективность благотворно слились съ его природной энергіей и глубиною. Уже въ Лагерѣ мы видимъ Гётевскую манеру изображать толпу посредствомъ ряда типичныхъ, тщательно отдѣланныхъ лицъ; серія пестрыхъ сценъ даетъ живую картину интересной и глубокоизученной поэтомъ эпохи, и уже въ этой части въ Шиллерѣ видно счастливое соединеніе талантливаго историка и глубскомысленнаго поэта. Со второй части (Пикколомини) на этомъ историческомъ фонѣ развертывается драма глубокихъ характеровъ, приходящихъ въ трагическое столкновеніе съ самими собой и другъ съ другомъ. Герой выступаетъ ярко и рѣзко; онъ—такая же центральная фигура, не лишающая, однако, другихъ самостоятельности, какія мы встрѣчаемъ въ народныхъ эпосахъ. Валленштейнъ—практикъ, реалистъ, человѣкъ дѣйствія прежде всего; но въ немъ и казнится крайняя практичность суевѣріемъ и нерѣшительностью. Максъ Пикколомини, человѣкъ въ такой же степени живой и энергичный, представляетъ противуположность Валленштейну и высокохудожественный комментарій къ нему: Валленштейнъ стремится дѣйствовать цѣлесообразно, Максъ—нравственно; гибнутъ они оба, но какъ различно отношеніе зрителей къ ихъ гибели! Максъ имѣетъ въ драмѣ и другую важную роль: его любовь къ Теклѣ—идеальный оазисъ среди пустыни безотрадныхъ, хотя и не низкихъ страстей и разсчетовъ. Короче сказать, если какое нибудь художественное произведеніе можетъ претендовать на изображеніе серьезной, положительной стороны жизни во всѣхъ ея важнѣйшихъ произведеніяхъ, то только Валленштейнъ Шиллера.

При этой полной жизненности, Валленштейнъ, вовсе не реальная драма—при реализмѣ была бы невозможна такая широкая задача,—а крайне идеальная, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, въ такой же мѣрѣ идеальная, какъ и трагедіи Софокловы; но такова сила таланта, что не по военному длинныя, художественно-спокойныя рѣчи генераловъ 30-лѣтней войны не кажутся никому неестественными.

Въ томъ же апрѣлѣ 1799 г. Шиллеръ взялся за Марію Стюартъ, въ первые мѣсяцы 1800 года былъ занятъ передѣлкою Шекспировскаго Макбета, которую справедливо осуждаютъ англійскіе критики и нѣмецкіе шекспироманы, но которую все же нельзя не признать болѣе сценичной и болѣе изящной, чѣмъ ея безсмертный оригиналъ; а въ іюлѣ, того же года, онъ взялся за драматическую обработку исторіи Іоанны Д'Аркъ, которую и окончилъ въ апрѣлѣ 1801 года.

Марія Стюартъ—одинъ изъ старыхъ плановъ Шиллера, взятый изъ эпохи, которой съ особеннымъ усердіемъ занимался поэтъ. В. Шереръ *) предполагаетъ, что первоначально онъ имѣлъ въ виду и здѣсь, какъ въ Донъ-Карлосѣ, полемизировать противъ католической политики; Елизавета должна была быть героиней, и смертный приговоръ Маріи былъ бы религіозный актъ—принесеніе личности въ жертву благу общественному. Но опытъ, размышленіе о цѣляхъ и свободѣ искусства, вліяніе Гёте и, наконецъ, изученіе сюжета заставили его измѣнить намѣреніе. Героиней стала королева католическая; хотя поэтъ и не скрываетъ, что за нею стоитъ лига и іезуиты, зритель ей отдаетъ все свое сочувствіе, извиняетъ ея слабости, увлекается ея женственностью и ненавидитъ ея убійцу. Даже въ знаменитой сценѣ съ Елизаветой, гдѣ съ Маріи спадаетъ ея маска смиренномудрія, и она осыпаетъ колкими упреками властительницу своей судьбы, зритель безусловно на ея сторонѣ; это объясняется тѣмъ, что поэтъ ослабилъ историческіе мотивы и выдвинулъ на первый планъ чисто человѣческіе. Марія является у Шиллера грѣшницей откровенной и несчастной; Елизавета—бездушной, лицемѣрной, однимъ изъ тѣхъ людей успѣха, которые внушаютъ пылкую антипатію всѣмъ выдающимся поэтамъ гуманнаго направленія. Марія сама говоритъ Елизаветѣ про себя:

Какъ женщина, въ проступки я впадала
Въ младыхъ лѣтахъ; могуществомъ была
Ослѣплена, но не таила ихъ,
И съ гордостью монархини свободной
Я ложную наружность презирала.
Все худшее о мнѣ извѣстно міру,
Но смѣло тò могу сказать, я лучше
Молвы, повсюду обо мнѣ гремящей.
Но горе, горе! коль она сорветъ
Съ твоихъ дѣяній честности покровъ,
Подъ коимъ страсти, дикіе порывы
И наслажденія тайныя скрываешь! **).

Когда же Марія убѣждается въ неизбѣжности казни, она стряхиваетъ съ себя всѣ человѣческія страсти и слабости и почти добровольно принимаетъ смерть, какъ наказанье не за то, въ чемъ обвиняетъ ее Елизавета, а за свои прежніе грѣхи; тогда кающаяся грѣшница становится святою.

Марія Стюартъ представляетъ дальнѣйшій шагъ Шиллера въ сторону античной трагедіи: въ ней все сведено къ одной катастрофѣ

*) Gesch. d. d. Dicht. стр. 598 **) Переводъ А. Шишкова.

и нѣтъ ни одной сцены, которая не была бы связана съ нею самымъ тѣснымъ образомъ.

«Орлеанская Дѣва», тоже прославляющая героиню католичества, представляетъ чрезвычайно важный поворотъ не столько въ развитіи творческой дѣятельности Шиллера, сколько въ исторіи человѣческой мысли вообще: вмѣстѣ съ первой частью Гётева Фауста она даетъ силу и опредѣленность новой теоріи искусства и новому міровоззрѣнію, именно романтизму, который безъ этой несознательной поддержки Гёте и Шиллера еще долго оставался бы достояніемъ небольшого кружка мало популярныхъ писателей и, получивъ силу, могъ бы принять другое, менѣе жизненное направленіе. О началѣ романтизма мы будемъ говорить немного ниже; теперь же скажемъ два слова объ «Орлеанской Дѣвѣ» безъ отношенія къ той школѣ, для которой она служила невольнымъ и даже мало признаннымъ манифестомъ.

Въ героинѣ этой трагедіи возведено фактически въ идеалъ то «наивное», которому Шиллеръ покланялся, какъ теоретикъ искусства. Дѣтски живая фантазія и дѣтски восторженная рѣчь Іоанны дѣлаютъ ее чѣмъ-то среднимъ между ребенкомъ и ангеломъ и придаютъ ей невыразимую, не женственную, а именно дѣвственную прелесть. Женская страсть, моментальная мечта о личномъ счастіи, на время свергаютъ ее съ идеальной высоты; она становится безсильной и ничтожной; но раскаяніе очищаетъ ее, и она вновь является боговдохновенной героиней. Свершивъ свою миссію, она уже не можетъ оставаться на землѣ; она воплощаетъ въ себѣ судьбу истинно прекраснаго, которому нѣтъ мѣста среди житейской пошлости, мелочности и грязи.

Въ Орлеанской Дѣвѣ, какъ и въ поэмахъ Гомера, божественное и человѣческое неразрывно связаны; мы непрестанно въ третьемъ мірѣ: предчувствій, видѣній, чудесъ; только здѣсь не божественное спускается до человѣческаго, а наоборотъ: человѣческое возвышается до небеснаго.

Точно раскаиваясь въ томъ, что онъ такъ далеко ушелъ въ сторону романтизма, Шиллеръ въ слѣдующей своей драмѣ «Мессинская невѣста», надъ которой онъ работалъ въ 1802—3 годахъ, постарался дойти до геркулесовыхъ столбовъ классицизма. Онъ давно уже искалъ сюжета, подходящаго къ Эдипу; наконецъ рѣшился выдумать его; здѣсь передъ нами тоже «проклятый» небомъ за вину предка родъ, члены котораго напрасно хотятъ убѣжать отъ исполненія предсказанія; здѣсь ребенокъ, который осужденъ отцемъ на смерть, но остается въ живыхъ; здѣсь противуестественная любовь и убійство родныхъ; здѣсь, когда скрытое выходитъ наружу, убійца родственника самъ казнитъ себя своею рукою. Здѣсь мало того, что соблю-

денъ законъ 3-хъ единствъ; здѣсь является античный хоръ или, по крайней мѣрѣ, два полухора, его замѣняющіе. Но напрасно Шиллеръ отдѣлывалъ, какъ нигдѣ, языкъ и стихъ въ этой драмѣ; напрасно влагалъ онъ въ уста полухоровъ чудныя по глубокомыслію и звучности пѣсни; напрасно нѣмецкіе критики даже до настоящаго времени *) стараются доказать, что «Мессинская невѣста»—«высочайшее твореніе чистаго искусства» и съ тонкимъ остроуміемъ увѣряютъ, что объективность полухоровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому нерасположенію, которое побѣжденные южане питаютъ къ завоевателямъ сѣверянамъ; эта трагедія не пользуется большою популярностью, и самъ Шиллеръ почувствовалъ, что время классической трагедіи прошло невозвратно, и въ слѣдующемъ же его крупномъ произведеніи народъ, къ изображенію движеній и жизни котораго онъ чувствовалъ особенную наклонность, выраженъ не театрально неестественнымъ хоромъ, а рядомъ превосходно индивидуализированныхъ личностей.

Уже въ сентябрѣ 1802 г. онъ взялся за обработку Вильгельма Телля и началъ изучать швейцарскую хронику Эгидія Чуди (Tschudi, XVI в.); въ февралѣ 1804 г. драма была окончена. Успѣхъ ея на всѣхъ сценахъ Германіи былъ, блистательный и вполнѣ заслуженный: если въ Валленштейнѣ мы имѣемъ произведеніе, въ которомъ творческая сила Шиллера является углубленной и оплодотворенной благотворнымъ вліяніемъ анализа и объективности Гёте, въ Вильгельмѣ Теллѣ, несмотря на то, что сюжетъ этотъ былъ выбранъ и даже отчасти разработанъ Вольфгангомъ Гёте, Шиллеръ остается вѣренъ своей великой миссіи—создавать идеалы нравственнаго достоинства человѣка и общественной свободы. Здѣсь Шиллеръ выказалъ во всей силѣ свою геніальную способность изображать дѣйствіе массы и имъ подчинять себѣ массу зрителей.

Телль, убившій тирана, и швейцарскіе крестьяне, побѣдоносно возставшіе противъ своихъ притѣснителей—сюжетъ исконно революціонный; Шиллеръ не могъ взяться за него 5—6 лѣтъ назадъ, когда ужасы террора были такъ свѣжи въ памяти; но въ эпоху консульства и насильственнаго подавленія племенныхъ особенностей, Шиллеръ имѣлъ полную возможность обработать его свободно и съ увлеченіемъ. «Телль» Шиллера свободенъ отъ предвзятой мысли и искусственнаго нравоученія, но мораль, вытекающая сама собою изъ пьесы, скорѣе направлена противъ героевъ французской революціи: народъ имѣетъ право возставать противъ власти, но только тогда, когда истощены всѣ другія средства,

Когда ничто помочь ему не можетъ...

*) См. напр. W. Scherer, стр. 608, о. с.

Да и въ такомъ случаѣ цѣлью возстанія должно быть не утѣсненіе утѣснителей,не пролитіе ихъ крови, а только защита «милой отчизны», «женъ и дѣтей». Эту идею олицетворяетъ въ себѣ единоличный герой драмы—Вильгельмъ Телль (настоящій герой ея—многоличный; это — весь швейцарскій народъ). Онъ стоитъ одиноко среди своихъ единоземцевъ, но выше ихъ. Онъ не знаетъ страха; онъ сильнѣе и искуснѣе всѣхъ; онъ готовъ всѣмъ помогать, а самъ въ помощи не нуждается; но онъ дольше всѣхъ покоряется давленію тиранніи; онъ готовъ молча страдать и надѣяться на торжество справедливости безъ насилія; только тогда, когда тираннія врывается въ нѣдра его возлюбленной семьи, когда она, оскорбляя природу, направляетъ его руку на голову сына, онъ возстаетъ на нее и однимъ ударомъ разбиваетъ ея орудіе. Убійство Гесслера *) для него не только естественное право самозащиты, но даже долгъ. Онъ говоритъ про себя Паррицидѣ:

Рука моя чиста: Я безъ боязни
Ее подъемлю къ небу. Проклинаю
Тебя и твой поступокъ. Я отмстилъ
Священныя права природы—ты же
Ихъ посрамилъ. Мнѣ ничего съ тобой
Нельзя дѣлить: убійца—ты одинъ,
Я защищалъ, что мнѣ всего дороже **)

Сравнивая молчаливаго, недовѣрчиваго, осторожнаго и спокойнаго Телля, который сторонится отъ общественныхъ дѣлъ и ограничиваетъ свои интересы семьею, съ юношески пылкимъ и экспансивнымъ, благороднымъ Карломъ Мооромъ, который мечтаетъ реформировать все человѣчество, всего яснѣе можно видѣть, сколько горькихъ опытовъ пережилъ Шиллеръ и все человѣчество за послѣднія 25 лѣтъ. Но Шиллеръ остался вѣренъ самому священному изъ своихъ юношескихъ принциповъ—принципу гуманности. Герой его зрѣлаго возраста Телль говоритъ тому же Паррицидѣ:

Какъ ни ужасенъ твой поступокъ,
Ты человѣкъ, я также. Отъ меня
Не отходилъ никто безъ утѣшенья.
Что я могу, то сдѣлаю.

Не утратилъ поэтъ и своей юношеской вѣры въ людей и въ возможность счастія для нихъ, несмотря на все пережитое; напротивъ, она еще окрѣпла въ немъ, только сдѣлалась болѣе разборчива и ра-

*) На этой личности слишкомъ сгущены краски: Шереръ справедливо называетъ его Märchentyrann.

**) Переводъ Ѳ. Миллера.

зумна: швейцарскіе крестьяне хотѣли немногаго, и это немногое было вполнѣ законно, и они получили его.

Послѣдняя драма Шиллера есть единственная его драма, оканчивающаяся вполнѣ счастливо; побѣда швейцарцевъ не только внѣшняя, но и внутренняя: молодое дворянство, въ лицѣ Руденца, руководимаго любовью, присоединяется къ дѣлу народному.

Говорятъ, поэты—пророки новаго времени. Едва ли можно найти лучшее этому подтвержденіе, чѣмъ Вильгельмъ Телль Шиллера. Въ то время, какъ «сила духа народнаго» такъ плохо зарекомендовала себя (по крайней мѣрѣ въ глазахъ германской интеллигенціи) сперва ужасами революціи, а потомъ преклоненіемъ передъ солдатскимъ деспотизмомъ, въ то время, какъ еще впереди предстоялъ длинный рядъ годовъ рабства національностей передъ силою штыка и, какъ минутами казалось, полнаго уничтоженія ихъ и всѣхъ ихъ преданій, поэтъ создаетъ въ драматической формѣ гимнъ въ славу этой дотолѣ малоизвѣстной силѣ, которой было суждено сломить тиранію Наполеона въ то время, когда кости поэта давно уже истлѣли въ могилѣ. Легко себѣ представить, какъ утѣшали Германію въ 1809—10 годахъ слова поэта:

Мы потерпимъ
До времени: пусть наростаетъ намъ
Расчетъ съ тиранномъ; но настанетъ день,
И мы заразъ весь долгъ ему отплатимъ.

Молодой Руденцъ разсуждаетъ такъ, какъ разсуждали въ 1811 году трусливые эгоисты въ Германіи:

Напрасно мы противимся монарху!
Ему покоренъ свѣтъ: ужели мы
Одни съ своимъ упорствомъ своевольнымъ
Возможемъ перервать ту цѣпь земель,
Которую вкругъ насъ обвелъ могучій?..
Мы заперты, опутаны, какъ сѣтью,
Со всѣхъ сторонъ владѣньями его.

Старикъ Аттингаузенъ изображаетъ положеніе Германіи въ 1812 г. когда французы «обогатились» нѣмецкою «бѣдностью» и «покупали сраженья» нѣмецкою «кровью».

Насталъ давно ожидаемый день; народы возстали за «милую отчизну»; смоленскіе крестьяне оправдали слова Шиллера, и скоро даже Руденцы обратились въ героевъ.

Насколько самъ Шиллеръ былъ доволенъ успѣхомъ Телля, видно изъ того, что онъ почти немедля принялся за планъ новой большой драмы: Димитрій; но смерть не дала ему окончить ея *).

*) Онъ успѣлъ написать всего полтора акта; судить о томъ, какова бы вышла пьеса въ цѣломъ, мы не будемъ; но считаемъ нужнымъ указать, что идею о лучшей

Съ декабря 1799 г. Шиллеръ получалъ отъ герцога по 400 талеровъ въ годъ и жилъ въ самомъ Веймарѣ, вслѣдствіе чего его свиданія съ Гёте стали чаще и ихъ дружба еще крѣпче. Напрасно Коцебу, въ то время и позднѣе очень плодовитый и популярный писатель, пытался поссорить великихъ поэтовъ, возбудить въ Гёте зависть къ славѣ Шиллера; его неблагородныя усилія пали на его же голову. Въ 1802 г. Шиллеръ получилъ отъ герцога домъ и дипломъ на дворянство. Въ 1804 г., по окончаніи Телля, онъ отложилъ на время только-что начатаго Димитрія и съ женою и дѣтьми отправился въ Берлинъ; онъ былъ принятъ тамъ, какъ нельзя лучше, и имѣлъ удовольствіе видѣть свои пьесы при блестящей обстановкѣ берлинскаго театра. По почину королевы Луизы, прусское правительство предложило ему 3,000 талеровъ пенсіи и придворный экипажъ, если онъ останется на житье въ Берлинѣ; но Шиллеръ, несмотря на то, что его денежныя дѣла никакъ не могли назваться блестящими, отказался проявить такую неблагодарность къ герцогу веймарскому, и тотъ увеличилъ его пенсію до 800 талеровъ въ годъ. По возвращеніи Шиллера въ Веймаръ, здоровье его оказалось очень плохо; вся зима прошла въ непрерывныхъ почти страданіяхъ, и только немногіе часы могъ онъ посвящать начатымъ работамъ.

Наступила весна; онъ почувствовалъ видимое облегченіе; ему страстно захотѣлось путешествовать, и онъ рѣшился ѣхать въ Швейцарію. Но 9-го мая 1805 года его не стало. Вся Германія почувствовала этотъ ударъ, но всего сильнѣе онъ отозвался на великомъ соперникѣ Шиллера. Гёте въ это время былъ самъ сильно боленъ (у него прежде было предчувствіе, что 1805 г. будетъ для обоихъ ихъ роковымъ годомъ), и ему боялись сказать о горѣ, постигшемъ Веймаръ; но онъ замѣтилъ, что всѣ вокругъ него были чѣмъ-то смущены, и догадался: «Должно быть, Шиллеръ очень боленъ», сказалъ онъ. На другой день онъ спросилъ одного изъ друзей: «вѣдь это неправда, что Шиллеръ вчера былъ боленъ?» Тотъ зарыдалъ въ отвѣтъ; Гёте тихо сказалъ: «Онъ умеръ!» и закрылъ лицо руками.

Гёте былъ очень сдержанный человѣкъ и не любилъ выказывать своего горя даже передъ самимъ собой; онъ перестал͏ъ вести дневникъ, такъ какъ, по его сознанію, его въ это время ничто не интересовало.

Въ послѣдніе годы жизни Шиллера Гёте занимался естественными науками, директорствомъ театра и приспособленіемъ для веймарской сцены чужихъ пьесъ, будто предоставивъ творчество своему

сценѣ въ своемъ Годуновѣ гр. Алексѣй Толстой взялъ, повидимому, у Шиллера (разумѣемъ сцену между царемъ—у Шиллера патріархомъ—и царицей Мареой.

болѣе молодому и пылкому другу. Теперь, послѣ смерти Шиллера, на немъ одномъ лежитъ высокая миссія служить чистому искусству, и онъ, едва оправившись отъ жестокаго удара, даетъ окончательную отдѣлку самому задушевному своему творенію, надъ которымъ онъ работалъ тридцать лѣтъ и котораго одного было достаточно, чтобы сдѣлать Гете тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, есть и будетъ въ исторіи человѣчества; разумѣемъ первую часть Фауста.

Фабула великой драматической поэмы Гете основана на старомъ и далеко распространенномъ мотивѣ о договорѣ человѣка съ дьяволомъ, который обязуется служить человѣку въ этой жизни съ тѣмъ, чтобы въ той получить его душу въ свое владѣніе.

Уже въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х. мы находимъ такое сказаніе, пріуроченное къ житію Василія Кесарійскаго; въ немъ сатана покупаетъ душу за успѣхъ въ любви, но въ концѣ концовъ долженъ возвратить рукописанье, вслѣдствіе раскаянія грѣшника и молитвы святого. Также счастливо для человѣка оканчивается дѣло Ѳеофила (болѣе распространенное на западѣ), который уступаетъ свою душу, мучимый честолюбіемъ. Въ глубинѣ среднихъ вѣковъ такихъ легендъ много, и въ счастливомъ окончаніи ихъ (какъ и въ русскомъ сказаніи о Саввѣ Грудцынѣ, который тоже изъ-за любви продаетъ свою душу дьяволу) главную роль играетъ Богородица, заступница кающихся грѣшниковъ, представительница божественнаго милосердія. Въ это время душу продаютъ изъ-за любви, богатства, славы, мщенія, а не изъза знанія; но всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, даже изъ духовенства, народная молва обвиняетъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Идея о пожертвованіи своею душою за науку и идея о всемогуществѣ науки съ особенною чистотою и энергіей выдвинулись въ эпоху возрожденія; тогда ожили мечты алхимиковъ и къ ихъ старымъ задачамъ присоединилась самая смѣлая — создать искусственнымъ образомъ человѣка. Книжное просвѣщеніе вовсе не убило и даже не ослабило суевѣрія; вѣра въ колдовство въ XVI в. была сильнѣе, чѣмъ въ XII—XIII вѣкахъ, и дьяволъ, можетъ быть, никогда не былъ такъ популяренъ, какъ во время Лютера, который бросалъ въ него чернильницей и спокойно засыпалъ, если узнавалъ, что шумъ производятъ только черти.

Около этого времени составилось и сказаніе о докторѣ Фаустѣ, въ основѣ котораго лежитъ, несомнѣнно, какое-нибудь дѣйствительное лицо, но какое именно, мы навѣрно не знаемъ. Первое несомнѣнное и довольно ясное извѣстіе о немъ мы имѣемъ отъ 1507 г. въ письмѣ ученаго аббата Іоганна Тритемія къ его пріятелю, въ которомъ онъ говоритъ объ извѣстномъ шарлатанѣ и лгунѣ Георгіи Сабелликѣ, который называетъ себя Фаустъ младшій, источникъ

негромантіи, и пр., и пр. О томъ же лицѣ упоминаетъ въ 1513 г. извѣстный эрфуртскій гуманистъ Муціанъ Руфъ, который его уже прямо называетъ Георгій Фаустъ. Но выраженіе въ письмѣ Тритемія: Фаустъ младшій указываетъ на то, что Георгій Сабелликъ явился подражателемъ какого-то прежде жившаго и прославленнаго Фауста старшаго, намъ неизвѣстнаго. Въ лѣтописяхъ гейдельбергскаго университета значится, что въ 1509 г. тамъ получилъ степень баккалавра какой-то Іоганнъ Фаустъ, можетъ быть, тотъ самый, который, по преданію, записанному подъ 1525 г., совершилъ полетъ на винной бочкѣ въ Лейпцигѣ, въ погребѣ Ауэрбаха, и нѣсколько другихъ подобныхъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ по Германіи ходило много разсказовъ о негромантѣ Фаустѣ, у котораго была какая-то удивительная собака, превращавшаяся въ слугу, и который былъ задушенъ чертомъ въ одной деревнѣ близъ Виттенберга; къ концу столѣтія количество такихъ разсказовъ все увеличивается, и къ имени Фауста пріурочиваются многія старыя сказанія о знаменитыхъ магахъ. Эти разсказы въ 1587 г. были собраны безыменнымъ авторомъ въ одну книгу *), полное заглавіе которой таково: «Исторія о докторѣ Іоганнѣ Фаустѣ, знаменитомъ волшебникѣ и чернокнижникѣ, какъ онъ заключилъ съ чертомъ письменный договоръ на извѣстный срокъ **), какія удивительныя приключенія въ это время онъ видѣлъ, что̀ самъ дѣлалъ, пока не получилъ наконецъ заслуженной награды — бо̀льшею частію изъ его собственныхъ писаній составлена и къ печати приготовлена, какъ страшный примѣръ и вѣрное предостереженіе для людей высокоумныхъ и безбожныхъ».

Въ этой книгѣ за предисловіемъ слѣдуетъ глава о рожденіи Фауста. Будущій докторъ былъ сынъ крестьянина и родился близъ Веймара. Отецъ его, имѣвшій много друзей и родныхъ въ Виттенбергѣ, послалъ своего сына для воспитанія въ этотъ городъ. Богатые родственники приняли мальчика въ свою семью, и здѣсь Фаустъ, благодаря большимъ способностямъ, скоро пріобрѣлъ степени магистра и даже доктора богословія. Но пріобрѣтенныя имъ знанія не даютъ ему удовлетворенія; тогда онъ забросилъ св. писаніе подъ лавку и сталъ называть себя докторомъ медицины. „Онъ привязалъ себѣ орлиныя крылья и хотѣлъ изведать и небо и землю до основанія“. Не удовлетворяясь книжной наукой, онъ рѣшился продать душу свою аду. Онъ отправляется ночью въ лѣсъ и вызываетъ дьявола; тотъ появляется неохотно: сперва показываются разные странные символы, наконецъ, лукавый, въ видѣ сѣдого монаха ***); это не самъ сатана, а второстепенный духъ Мефостофилесъ (вм. Мефотофилесъ, т.-е. Μη-φοτο-φιλης, ненавистникъ свѣта?). Съ

*) Напечатана во Франкфуртѣ-на-Майнѣ Іоганномъ Шписомъ; эта книга не совсѣмъ вѣрно называется народной: авторъ ея—человѣкъ съ порядочнымъ по тому времени образованіемъ.

**) Срокъ—24 года, какъ и въ книгѣ Лерхеймера, вышедшей въ 1585 г.

***) Очевидная протестантская тенденція, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ.

нимъ Фаустъ и заключилъ договоръ, несмотря на то, что сама его кровь, нужная для подписи, предупреждала преступника: пролившись на землю, она выписала слова: homo, fuge! Авторъ сравниваетъ Фауста съ гигантами, которые хотѣли завоевать себѣ небо, и считаетъ его грѣхъ самымъ страшнымъ изъ человѣческихъ грѣховъ—стремленіемъ быть равнымъ Богу.

Первыя 8 лѣтъ Фаустъ жилъ въ Виттенбергѣ и велъ съ Мефостофилемъ продолжительныя бесѣды: о раѣ (его дьяволъ зналъ, конечно, плохо), объ адѣ и его мученіяхъ, о разныхъ странахъ земли и пр. Всѣ эти разговоры авторъ передаетъ дословно *). Временами Фаустъ испытывалъ такія мученія совѣсти, что готовъ былъ взять свой договоръ обратно; тогда Мефостофиль усыплялъ его пѣніемъ сиренъ (ср. усыпленіе Фауста у Гёте при первомъ его свиданіи съ Мефистофелемъ).

Узнавъ за это время все, для него интересное, Фаустъ требуетъ, чтобы Мефостофиль служилъ теперь ему активно; начинается описаніе чудныхъ приключеній Фауста (изъ 68 главъ книги имъ посвящены 30): онъ летаетъ по воздуху на коврѣ-самолетѣ или является въ шапкѣ невидимкѣ. Въ Римѣ, видя, какъ роскошно живетъ папа, Фаустъ раскаивается, что онъ слишкомъ дешево продалъ свою душу: ему было бы выгоднѣе, еслибы чортъ сдѣлалъ его папою. Познакомившись съ образомъ жизни кардиналовъ, Фаустъ приходитъ къ заключенію, что эти господа далеко перещеголяли его. Въ сералѣ султана Фаустъ выкидываетъ цѣлый рядъ забавныхъ штукъ. Въ Инспрукѣ онъ представляется императору Карлу V и, по его желанію, вызываетъ тѣни Александра Македонскаго и его жены, красавицы Роксаны. Однажды виттенбергскіе студенты, въ компаніи которыхъ находился Фаустъ, разговорились о красотѣ Елены Троянской, и всемогущій волшебникъ вызвалъ ея тѣлесный образъ. Красота ея такъ подѣйствовала на самого Фауста, что, по его требованію, Мефостофиль долженъ былъ оживить ее, и Фаустъ съ нею прижилъ ребенка, который назывался Justus Faustus (мать и сынъ исчезли сейчасъ же послѣ гибели Фауста).

Когда прошло 16 лѣтъ со времени заключенія договора, Фаустъ встрѣтился съ однимъ очень умнымъ и добродѣтельнымъ врачемъ, который уговорилъ его раскаяться. Мефостофиль испугался и выпросилъ у Фауста вторичную росписку; заполучивъ ее и почувствовавъ свою силу, онъ сталъ издѣваться надъ несчастнымъ докторомъ. Когда Фаустъ сталъ думать о женитьбѣ, Мефостофиль, врагъ брака, сталъ ему доказывать нелѣпость такой идеи: бракъ—божественное учрежденіе, а онъ, Фаустъ, уже отпалъ отъ божества. При Фаустѣ много разъ поминается ученикъ его Вагнеръ.

Заключительная 68-я глава озаглавлена: „Рѣчь Фауста къ студентамъ“ (Oratio Fausti ad studiosos). Въ послѣдній день своей жизни, когда истекли условленные 24 года, Фаустъ собралъ въ одной деревенской гостинницѣ пріятелей, чтобы проститься съ ними. „Я умираю,—говоритъ онъ,—какъ хорошій и какъ дурной христіанинъ въ одно и то же время: хорошій—такъ какъ чувствую раскаяніе въ сердцѣ и прошу у Бога прощенія, чтобы онъ спасъ мою душу; я дурной христіанинъ потому, что допустилъ, чтобы чортъ овладѣлъ моимъ тѣломъ; но пусть онъ имъ пользуется, только бы душу мою онъ оставилъ въ покоѣ... Прощайте... Мнѣ предстоитъ тяжелая ночь!“ Утромъ нашли Фауста замученнымъ.

Въ 13 лѣтъ эта книга была переиздана 17 разъ: такъ понравилась она публикѣ; скоро появились переводы ея на голландскій и

*) Источниками для описанія загробныхъ странъ служатъ средневѣковыя книжки въ родѣ Альбериха de Monte Cassino и пр.; а географическія свѣдѣнія почерпнуты изъ современнаго учебника: Libellus de sphaera.

англійскій языки. Напомнимъ, что Фаустъ Марло, на ней основанный, явился въ 1590 г.

Въ Германіи книга Шписа, дополнявшаяся почти при каждомъ изданіи, въ концѣ того же XVI столѣтія была передѣлана Видманомъ, причемъ объемъ ея увеличился почти вчетверо; у Видмана Мефистофель въ первый разъ появляется изъ-за печки, и первыя похожденія Фауста происходятъ въ Лейпцигѣ. Въ 1674 г. вышла передѣлка книги Видмана, гдѣ впервые является Маргарита (впрочемъ, безъ имени), скромная горожанка, любовь къ которой чуть было не спасла Фауста; но Мефистофель запретилъ ему жениться и подсунулъ ему красавицу Елену Троянскую. Эта передѣлка легла въ основу лубочной книги XVIII вѣка, которая, безъ сомнѣнія, была въ рукахъ у Гёте. Другую версію той-же легенды Гёте зналъ изъ кукольной комедіи о докторѣ Фаустѣ, которая выродилась изъ народной нѣмецкой пьесы, въ свою очередь выродившейся изъ трагедіи Марло. Народную нѣмецкую пьесу зналъ Лессингъ и въ 17-мъ литературномъ письмѣ (16 февраля 1759 г.) обратилъ на нее вниманіе своихъ читателей. Мы видѣли выше, въ какомъ духѣ онъ началъ ее передѣлывать. Гёте, еще будучи студентомъ въ Страсбургѣ, заинтересовался этимъ сюжетомъ (какъ и многіе другіе изъ его современниковъ), а позднѣе и тѣмъ направленіемъ, которое задумалъ придать ему Лессингъ, но серьезно работать надъ Фаустомъ онъ принялся въ 1774—75 годахъ и, какъ мы видѣли выше, не упускалъ его окончательно изъ виду въ продолженіе всей своей жизни. Одинъ изъ наиболѣе долгихъ перерывовъ наступилъ послѣ 1790 г., когда вышелъ «Фаустъ, отрывокъ»: его опубликованіемъ Гёте былъ не прочь покончить съ своей старой работой. Но Шиллеръ, сблизившись съ Гёте, сталъ настаивать на необходимости закончить великое дѣло, и въ 1797 г. Гёте раскрылъ портфель и энергично принялся за работу; тогда же онъ написалъ посвященіе, оба пролога и составилъ планъ обѣихъ частей. Въ 1806 г. «Фаустъ, 1-я часть» уже былъ готовъ къ печати.

Ад. Штернъ *) говоритъ: «Никому еще не удавалось въ немногихъ словахъ дать понятіе обо всей силѣ, полнотѣ содержанія и художественномъ совершенствѣ Фауста». Не будемъ и мы браться за невозможную задачу тѣмъ болѣе, что множество даже русскихъ переводовъ первой части **) дѣлаютъ разборъ ея почти излишнимъ. Мы ограничимся немногими общими замѣчаніями.

Фаустъ Гёте принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ произведеній, которыя считаются классическими по преимуществу. Какъ

*) Gesch. d. neuern Litteratur. V, 336.

**) Лучшимъ мы считаемъ переводъ покойнаго Павлова, къ сожалѣнію, ограничившагося первыми сценами и къ тому же ставшій теперь библіографическою рѣдкостью.

поэмы Гомера и какъ божественная комедія, Фаустъ представляетъ собою итоги всего того, что пережило человѣчество до его появленія. Но въ степени сложности и ясности между Гомеромъ и Фаустомъ огромное различіе: въ эпоху троянской войны въ жизни и міровоззрѣніи Грековъ все просто и понятно; на границѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтій въ западной Европѣ все запутано и спорно; поэма Данта занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

Какъ одно изъ такихъ произведеній, классическихъ κατ'ἐξοχήν, Фаустъ, одинъ разъ со вниманіемъ прочтенный, дѣлается спутникомъ и другомъ человѣка на всю жизнь; всякій возрастъ, всякое душевное настроеніе находитъ въ немъ себѣ соотвѣтствующую духовную пищу: беззаботная молодость хохочетъ надъ веселой сценой въ погребкѣ Ауэрбаха; сердце, жаждующее любви, наслаждается завязкой романа съ Гретхенъ; первый монологъ Фауста, бесѣда его съ Вагнеромъ и рѣчь Мефистофеля даютъ выраженіе скептицизму переходнаго возраста; тѣ же рѣчи нѣсколько лѣтъ позднѣе будутъ поняты совсѣмъ иначе и произведутъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Вообще, какъ бы хорошо вы ни знали Фауста, всякое новое чтеніе, отвлекая васъ отъ обыденной дѣйствительности и возводя отъ частнаго и личнаго къ общечеловѣческому (въ этомъ-то и состоитъ высокое значеніе поэзіи) представитъ вамъ или цѣлое произведеніе, или отдѣльныя его части въ совершенно новомъ видѣ и произведетъ въ головѣ вашей новый потокъ идей, а въ сердцѣ—новый потокъ чувствъ. Это относится, конечно, ко всякому классическому произведенію: не только къ Гомеру и Данту, но и къ Донъ-Кихоту и Гамлету; но для нашихъ отцевъ, для насъ самихъ и для нашихъ дѣтей, по всей вѣроятности, Фаустъ ближе всѣхъ другихъ классическихъ произведеній по времени своего созданія, по богатству своихъ идей и глубинѣ возбуждаемыхъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи Фаусту не только не повредило то обстоятельство, что онъ писался такъ долго и съ такими перерывами, а напротивъ, помогло въ высшей степени; онъ вмѣстилъ въ себѣ всего Гёте на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ его развитія, а Гёте—самая богатая и разнообразная натура раздѣла 2-хъ столѣтій. Недостатокъ внѣшняго единства и сложность его, даже частныя противорѣчія и непослѣдовательности вредятъ ему такъ же мало, какъ и Иліадѣ или Пѣсни о Нибелунгахъ; различіе въ томъ, что эти продукты эпохи безсознательнаго творчества выражаютъ жизнь и идеалы массы, а Фаустъ—самое субъективное произведеніе и потому болѣе подходящее къ нашей эпохѣ субъективизма. Герой драмы, какъ уже давно замѣчено, — самъ Гёте со всѣмъ величіемъ своихъ стремленій, со всѣми хорошими своими сторонами и со всѣми общечеловѣческими слабостями; но въ то же время Фаустъ — каждый

изъ насъ въ тѣ минуты, когда мы перестаемъ быть рабами мелочей жизни и становимся людьми изъ титулярныхъ совѣтниковъ, коммерсантовъ и пр., потому что и Гёте — одинъ изъ насъ, только лучшій. Гёте не создалъ Фауста, а геніально выразилъ въ немъ свою общечеловѣческую сторону.

Все сказанное относимъ мы именно къ первой части, такъ какъ во второй, при всѣхъ ея превосходныхъ частностяхъ, мы видимъ продуктъ старческаго рефлекса и духа аллегоризма, навѣяннаго болѣзненностью эпохи реакціи; лучше всего въ ней—общій планъ и въ особенности конецъ; но планъ, какъ было сказано выше, составленъ раньше выхода въ свѣтъ первой части, а прологъ на небѣ дѣлаетъ невозможнымъ другой исходъ: ни одинъ разумный читатель не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Мефистофель окажется побѣжденнымъ, что божественное начало въ человѣкѣ не покорится житейской грязи и низменному отрицанію.

Творческую дѣятельность Гёте всего удобнѣе раздѣлить на три неравныя части: 1) до сближенія съ Шиллеромъ, 2) совмѣстная работа съ Шиллеромъ до смерти послѣдняго или до выхода въ свѣтъ 1-й части Фауста включительно и 3) послѣдняя четверть столѣтія его жизни. Мы обозрѣли двѣ первыя; прежде чѣмъ перейти къ третьей, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобы вывести на сцену ту литературную школу, появленіе и вліяніе которой было обусловлено всѣмъ предшествующимъ ходомъ развитія идей (а стало быть, и дѣятельностью Гёте и Шиллера) и которая, съ своей стороны, въ значительной мѣрѣ обусловила дальнѣйшую дѣятельность Гёте. Разумѣемъ ранній нѣмецкій романтизмъ.

Бодмеръ и швейцарцы начали войну съ французскимъ классицизмомъ; Лессингъ и Гердеръ побѣдоносно довершили ее, намѣтивъ въ то же время новую эстетическую программу своимъ соотечественникамъ и поднявъ ихъ самосознаніе. Дѣятели бурнаго періода стремились осуществить эту программу, а Гёте и Шиллеръ осуществили ее въ своихъ произведеніяхъ. Но масса не можетъ довольствоваться слегка намѣченной программой, и послѣдняя не могла замѣнить строго опредѣленной и обстоятельно разработанной классической теоріи; а отдѣльныя высоко художественныя произведенія столько же возбуждаютъ духовную жажду, сколько и утоляютъ ее.

Одна лишь масса массу поражаетъ,

говоритъ директоръ въ прологѣ Фауста, а масса произведеній, годныхъ для ежегоднаго обихода, не можетъ явиться безъ теоріи или по крайней мѣрѣ безъ нѣсколькихъ основныхъ принциповъ, которые и вырабатываются общимъ вкусомъ и въ то же время направляютъ его. Эти прин-

ципы выразили, это новое знамя выставили съ увѣренностью, безъ колебаній нѣмецкіе романтики на самой границѣ двухъ столѣтій. Съ другой стороны эти же романтики проводили извѣстныя политическія идеи, высказывали извѣстное міровоззрѣніе, которое тоже было обусловлено общимъ настроеніемъ и обусловливало его: уже Лессингъ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ нѣмцевъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ симпатизировалъ просвѣщенію XVIII вѣка; Клопштокъ и его швейцарскіе и геттингенскіе поклонники во многихъ пунктахъ шли открыто противъ него; Гердеръ и юный Гёте, какъ мы видѣли, искали истины совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; даже авторъ «Разбойниковъ», низвергая громы на возмутительный соціальный строй, оставался вѣрящимъ и любящимъ нѣмцемъ; впрочемъ, въ общемъ, настроеніе лучшихъ людей Германіи до начала 90-хъ годовъ было либеральное. Но крайности революціи оттолкнули отъ нея даже такого поклонника просвѣщенія, какъ Альфіери, и тогда реакція противъ послѣднихъ выводовъ философіи XVIII столѣтія сдѣлалась лозунгомъ дня. Гёте и Шиллеръ во время своей совмѣстной дѣятельности, преслѣдуя высшія задачи, отказались руководить въ этомъ направленіи обществомъ; эту роль приняли на себя романтики.

Наконецъ въ-третьихъ, тѣ же романтики исполнили еще одну задачу, тоже намѣченную дѣятелями предшествующихъ поколѣній, самую благородную изъ всѣхъ трехъ—задачу научную.

Мы видѣли, какъ Бодмеръ и Брейтингеръ обратили впервые вниманіе нѣмцевъ на ихъ средневѣковую старину; видѣли, какъ Гердеръ радикально измѣнилъ воззрѣнія передовыхъ людей Германіи на народную поэзію и на все прошлое человѣчества; знаемъ, какъ Гёте въ Страсбургѣ увлекался готикой и рыцарствомъ; знаемъ, какъ черезъ Мильтона и Шекспира подготовлялось въ Германіи расширеніе историко-поэтическаго кругозора. Гёте и Шиллеръ своими безсмертными созданіями, статьями, переводами помогали и этому дѣлу; но расширить его и углубить, создать науку изученія старины и народности и положить начало сравнительной литературы были призваны романтики.

Чтобы выяснить въ немногихъ чертахъ зарожденіе романтической школы въ Германіи, мы обратимся къ исторіи развитія и литературной дѣятельности старшихъ и болѣе вліятельныхъ ея представителей. Всѣ они люди приблизительно одного поколѣнія (старшій изъ нихъ Августъ Шлегель род. 1767 г., младшій—философъ Шеллингъ род. 1775 г.); всѣ они родились въ самый разгаръ дѣятельности Клопштока, Виланда, Винкельмана, Лессинга; были дѣтьми во время бурнаго періода, начинали учиться, когда общественное мнѣніе занимали Гердеръ, Гёте, Кантъ, Шиллеръ; такимъ образомъ взгляды ихъ и вкусы слагались въ то время, когда Европа была еще спокойна, а Гер-

манія жила главнымъ образомъ научными и литературными интересами. Первымъ пріобрѣлъ на литературномъ поприщѣ извѣстность Тикъ.

Іоганнъ-Людвигъ Тикъ родился въ 1773 г. въ Берлинѣ. Онъ былъ сынъ канатнаго мастера, но человѣка съ достаткомъ и съ сильнымъ характеромъ; мать его была очень добрая и хорошая женщина. Тикъ принадлежалъ къ числу дѣтей, рано развивающихся: 4-хъ лѣтъ онъ зналъ грамотѣ, а 9—поступилъ въ гимназію. Въ берлинскихъ школахъ того времени безраздѣльно царилъ духъ просвѣщенія, и имъ были проникнуты молодые учителя почти безъ исключенія; они развили разумъ ребенка, но не съумѣли привлечь его сердца. Первыя книги, сильно подѣйствовавшія на него, были: Гецъ, ф. Берлихингенъ Гёте, нѣкоторыя пьесы Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ, Донъ-Кихотъ и въ особенности Вертеръ. Немного постарше прочелъ онъ Разбойниковъ и плѣнился ими еще болѣе. Онъ рано полюбилъ театръ и еще отрокомъ попалъ въ домъ капельмейстера Рейхардта, у котораго собирались артисты и нѣкоторые писатели. Они ставили любительскіе спектакли, въ которыхъ Тикъ, обладавшій счастливою наружностью и мимическимъ талантомъ, игралъ не послѣднія роли. Въ 1792 г. салонъ Рейхардта подвергся полицейскому разгрому, такъ какъ его хозяина обвинили въ якобинствѣ, и Тикъ былъ предоставленъ обществу своихъ товарищей и учителей. Послѣдніе давно уже обратили на него вниманіе, какъ на мальчика съ рѣдкимъ литературнымъ талантомъ; правда, стихи его не были особенно складны и звучны, но за-то онъ писалъ ихъ съ необыкновенною легкостью; вмѣсто разсужденій, онъ писалъ на заданныя темы очень удачные разсказы. Скоро взялся онъ за драмы. Одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ родѣ называется: «Взятіе Бастиліи»,—сюжетъ, тогда сильно привлекавшій нѣмецкую молодежь. Болѣе закончена и обработана его пьеса Алламодинъ, герой которой, начальникъ туземцевъ Маниллы, гибнетъ, попавъ въ руки іезуитовъ; его монологи въ защиту свободы совѣсти доказываютъ, что въ это время Тикъ былъ вѣренъ идеямъ просвѣщенія; въ постройкѣ драмы авторъ имѣлъ очевидное намѣреніе подражать Шекспиру, но не могъ его осуществить по свойству своего таланта, болѣе пригоднаго для лирической драмы.

Изъ учителей своихъ Тикъ особенно сблизился съ Бернгарди, очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ, который былъ всего на 4 года старше Тика, и на свое горе,—съ Рамбахомъ, который рядомъ съ своею педагогическою дѣятельностью имѣлъ еще другую — литературнаго поденщика и въ нее до извѣстной степени затянулъ своего даровитаго ученика.

Уже въ послѣдніе годы гимназическаго курса Тикъ часто стра-

далъ отъ безпредметной тоски, отъ безвѣрія и недостатка идеаловъ, и ему не разъ приходила мысль о самоубійствѣ. Университетъ (въ Галле), куда онъ поступилъ въ 1792 г., не произвелъ въ этомъ отношеніи перемѣны къ лучшему: ему показалось, что слушать въ немъ нечего; обычныя студенческія увеселенія вовсе не привлекали его, и ипохондрія овладѣла имъ съ небывалою силою; подъ ея вліяніемъ онъ продѣлывалъ надъ собою опасные эксперименты, послѣдствіемъ которыхъ была нервная болѣзнь; одно время онъ даже былъ близокъ къ сумасшествію. Но путешествіе и отдыхъ отъ чтенія, которому онъ предавался запоемъ, помогли ему оправиться. Пробывъ въ Галле менѣе года, Тикъ переѣхалъ въ Гёттингенскій университетъ, особенно славившійся тогда филологами. Но и гёттингенскія лекціи не удовлетворили его, и онъ работалъ одинъ, въ своей студенческой каморкѣ. Уже въ гимназіи онъ выучился порядочно по-англійски; теперь онъ читалъ въ подлинникѣ не только Шекспира, но и другихъ англійскихъ драматурговъ шекспировской эпохи, о которыхъ и въ самой Англіи въ то время мало кто имѣлъ понятіе; онъ выучился по-испански, чтобъ читать Сервантеса, и занимался отдѣлкою своихъ прежде начатыхъ произведеній и обдумывалъ новыя. Въ Гёттингенѣ, какъ и въ Галле, Тикъ былъ одинокъ: единственнымъ утѣшеніемъ ему служила переписка съ его другомъ по гимназіи—Ваккенродеромъ.

Вильгельмъ Генрихъ Ваккенродеръ род. въ Берлинѣ въ томъ же 1773 г.; онъ былъ сынъ довольно важнаго чиновника, который хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать изъ него юриста, тогда какъ онъ былъ рожденъ художникомъ. Любовь къ искусству сблизила его съ Тикомъ, а значительныя несходства въ характерахъ ихъ закрѣпили ихъ дружбу. Тикъ былъ юноша энергичный, дѣятельный; Ваккенродеръ—мягкій, женственно нѣжный; у Тика преобладала фантазія, у Ваккенродера—тонкое эстетическое чутье и чувство гармоніи.

По окончаніи курса въ гимназіи отецъ Ваккенродера нашелъ, что сынъ его недостаточно созрѣлъ для университета и продержалъ его полтора года дома; все это время молодой человѣкъ вырабатывалъ свои убѣжденія и выражалъ ихъ въ письмахъ къ Тику. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ жизни есть только одно хорошее—искусство; одно оно даетъ намъ на землѣ небесное наслажденіе; одно художественное творчество приближаетъ человѣка къ божеству. Наконецъ отецъ отправилъ Ваккенродера въ Эрлангенскій университетъ. Тикъ поспѣшилъ перебраться за нимъ туда же. Друзья вмѣстѣ изучали южную Германію, въ которой все такъ непохоже на суровый протестантскій Берлинъ; они видѣли во всей красотѣ католическое богослуженіе, бродили по Нюренбергу, изучая во-очію средніе вѣка, осматривали рыцарскіе замки. На слѣдующій семестръ они перебра-

лись въ Геттингенъ, гдѣ Тикъ по-прежнему мало посѣщалъ лекціи и много работалъ надъ Шекспиромъ и его эпохою и передѣлывалъ Бурю для нѣмецкой сцены.

Въ 1794 г. Тикъ вмѣстѣ съ Ваккенродеромъ вернулся въ Берлинъ и задумалъ жить литературнымъ трудомъ; изъ экономіи онъ поселился на дачѣ. Въ это время его бывшій учитель Рамбахъ сталъ издавать Берлинскій Архивъ, въ которомъ онъ намѣревался во что бы то ни стало угождать вкусу публики и жить въ ладу съ цензурою, не затрогивая политики. Онъ приглашалъ къ участію Тика, но тотъ отказался. Однако нужно же было примкнуть къ какому-нибудь литературному лагерю. Въ это время доживалъ въ Берлинѣ многими осмѣянный, но многимъ еще страшный самый горячій представитель нѣмецкаго просвѣщенія, книгопродавецъ и критикъ Николаи, продолжавшій думать, что онъ остается вѣренъ традиціямъ Лессинга. Его денежныя дѣла шли хорошо, и онъ давалъ работу многимъ десяткамъ молодыхъ берлинскихъ литераторовъ. На Тика онъ уже давно обратилъ вниманіе, какъ на молодого человѣка, подающаго большія надежды. Онъ поручилъ ему предпріятіе, начатое Музеусомъ, однимъ изъ популярныхъ писателей просвѣщенія *), и оставленное въ послѣднее время: передѣлывать старыя французскія повѣсти на нѣмецкіе нравы и издавать ихъ небольшими дешевыми книжками подъ общимъ заглавіемъ (Straussfedergeschichten); этимъ изданіемъ Николаи желалъ замѣнить бывшія тогда въ ходу романы съ привидѣніями, разбойниками и пр., дѣйствовавшіе только на воображеніе. Тикъ охотно взялся за эту работу; сперва онъ дѣйствительно передѣлывалъ французскія повѣсти, а потомъ сталъ сочинять собственныя, еще болѣе понравившіяся публикѣ; прирожденное ему стремленіе къ фантастикѣ онъ умѣлъ примирить (положимъ, чисто внѣшнимъ образомъ) съ просвѣтительными тенденціями Николаи. Между тѣмъ вышли въ свѣтъ его болѣе крупныя произведенія: Абдалла (1796) и Вильямъ Ловель, написанныя имъ еще на студенческой скамьѣ и сразу сдѣлавшія его извѣстнымъ. Для исторіи школы особенно важенъ Ловель (1795—96 г.).

Канва и форма этой плохой въ художественномъ отношеніи книги взята Тикомъ изъ одного французскаго романа: Развращенный крестьянинъ (Le paysan perverti) одного изъ скабрезнѣйшихъ писателей вѣка Людовика XV—Ретифа

*) Іоганнъ-Карлъ-Августъ Музеусъ род. въ 1735 г. въ Іенѣ, учился тамъ физіологіи; съ 1763 г. былъ воспитателемъ пажей въ Веймарѣ, а съ 1770 тамъ-же профессоромъ гимназіи; ум. 1787 г. Онъ былъ послѣдователемъ Виланда и въ его духѣ написалъ очень популярный въ свое время романъ «Нѣмецкій Грандисонъ» (1760—2). Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ своими «Народными сказками нѣмцевъ» (1782), въ которыхъ онъ отнюдь не довольствуется простымъ пересказомъ преданій, но даетъ полную свободу своей фантазіи, остроумію и легкой болтовнѣ.

де-ля Бретонъ (Retif de-la Bretonne). Ретифъ изображаетъ яркими красками мерзости столицы, среди которыхъ развращается и гибнетъ когда-то честный деревенскій житель. Цѣль романа—угодить публикѣ описаніемъ этихъ мерзостей, но авторъ увѣряетъ, будто его задача – предостеречь молодежь и доказать преимущество деревенской честной и здоровой жизни передъ испорченностью Парижа. Тикъ совершенно передѣлалъ романъ. Герой Ловеля—одна изъ тѣхъ рефлективныхъ, неподчиняющихся обществу натуръ, которыя находили себѣ разнообразное выраженіе и въ Донъ-Жуанѣ, и въ Вертерѣ, и въ Фаустѣ, и въ Карлѣ Морѣ. Онъ по натурѣ энтузіастъ, но отъ Вертера и др. онъ рѣзко отличается тѣмъ, что его энтузіазмъ не направляется на альтруистическія стремленія; онъ живетъ только для себя. Рефлексъ освободилъ его отъ всякой нравственной узды, насильно налагаемой обществомъ; онъ разочарованъ въ современномъ человѣкѣ и основой всѣхъ его, даже, повидимому, благородныхъ дѣйствій считаетъ чувственность. Онъ презираетъ пасмурный день, внесенный цивилизаціей и предпочитаетъ ему полный таинственности мракъ варварства. Фабула романа такова: Ловель—богатый англичанинъ; учился если не со страстію, то съ успѣхомъ; онъ влюбился, но отецъ не позволяетъ ему жениться, пока онъ въ путешествіи не ознакомится съ жизнью. Ловель ѣдетъ въ Парижъ; тамъ попадаетъ въ руки одной кокотки, которая знакомитъ его съ міромъ чувственныхъ наслажденій. Ловель увлекается ими и изъ энтузіаста превращается въ эгоистическаго эпикурейца. Изъ Парижа онъ ѣдетъ въ Римъ, гдѣ уже не довольствуется продажными женщинами, а ищетъ наслажденія въ развращеніи невинныхъ дѣвушекъ. Но и это ему надоѣдаетъ; онъ томится пресыщеніемъ и однообразіемъ жизни. Не находя ни въ чемъ успокоенія, онъ начинаетъ вѣрить въ чудесное, сходится съ старымъ мошенникомъ, который выдаетъ себя за великаго чародѣя, отрѣшается отъ всякаго понятія о правдѣ и чести и дѣлается безповоротно преступникомъ; пресытившись и преступленіями, онъ томится отъ двухъ противуположныхъ страстей: презрѣнія къ жизни и страха передъ смертью, пока его ужасную карьеру не заканчиваетъ насильственно родственникъ одной обезчещенной имъ дѣвушки. Рядомъ съ Ловелемъ дѣйствуетъ другъ его юности Бальдеръ, человѣкъ нравственный, но не умѣющій найти въ жизни никакой цѣли, никакого смысла; онъ кончаетъ сумасшествіемъ. Есть въ романѣ и счастливый человѣкъ, но онъ счастливъ только потому, что не требуетъ отъ жизни ничего, кромѣ самыхъ низкихъ наслажденій: ѣды и сна.

Разочарованность въ жизни прежде самой жизни, невѣріе въ разумность узды, налагаемой на насъ обществомъ, и особенно стремленіе искать дѣйствительнаго (не филистерски-пошлаго) счастія гдѣ-то тамъ, за предѣлами обыденной дѣйствительности, въ области таинственнаго — вотъ нѣкоторыя характерныя черты новой школы, довольно опредѣленно выступившія въ этомъ романѣ, между тѣмъ какъ въ «страусовыхъ перьяхъ» и потомъ въ исторіи Петра Леберехта выдвигался сантиментальный юморъ, обратившійся у Тика въ скептическую иронію романтиковъ. Ваккенродеръ обратилъ вниманіе Тика на старыя сказки и повѣсти, распространявшіяся среди нѣмецкаго народа посредствомъ лубочныхъ изданій; познакомившись съ ними, Тикъ пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ «грубомъ вздорѣ» больше истинной поэзіи и даже больше истинной мудрости, нежели

въ многихъ препрославленныхъ произведеніяхъ французской и нѣмецкой музы. Тикъ передѣлалъ нѣсколько такихъ сказокъ и издалъ ихъ въ 1797 г. подъ заглавіемъ: «Народныя сказки Петра Леберехта» *). Книга нашла много восторженныхъ читателей, которымъ особенно нравился элементъ фантастически-ужаснаго, охотно привносимый туда Тикомъ. Хотя ее печаталъ сынъ Николаи, продолжавшій просвѣтительную дѣятельность отца, Тикъ изъ заключительной сказки о Шильдбюргерахъ (городъ дураковъ) позволилъ себѣ сдѣлать рѣзкую сатиру противъ «просвѣтителей»: онъ издѣвается надъ ихъ стремленіемъ сдѣлать изъ сцены лазаретъ и орудіе для исправленія пороковъ человѣчества и вообще надъ ихъ утилитарнымъ пониманіемъ поэзіи, осмѣиваетъ ихъ педантичную и пошлую мораль, ихъ нетерпимую вѣротерпимость, съ которою они преслѣдовали всякую религію, какъ суевѣріе. Въ томъ же сборникѣ явились двѣ драмы Тика, тоже переработанныя изъ сказокъ: «Синяя борода» и «Котъ въ сапогахъ» **); первая представляетъ неудачную по самой задачѣ своей попытку соединить психологическій анализъ съ фантастическимъ содержаніемъ; вторая же—мѣстами очень остроумную сатиру на вкусъ тогдашней берлинской публики и въ общемъ—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній зарождающейся школы, которая рѣзко шла противъ всякихъ піитикъ и общепринятыхъ законовъ поэзіи.

Пьеса начинается не на сценѣ, а въ партерѣ; занавѣсъ еще спущенъ. Нѣсколько зрителей изъ первыхъ рядовъ жестоко бранятъ автора: какъ онъ смѣетъ занимать ихъ вниманіе глупой сказкой, въ которой не будетъ никакой добродѣтельной семейной исторіи и изъ которой нельзя будетъ извлечь никакой морали. Авторъ, услыхавъ эти рѣчи, выходитъ на сцену и защищается, нападая на извращенный вкусъ публики и на ея любимцевъ Коцебу и Ифланда ***). Затѣмъ на-

*) Volksmärchen von Peter Leberecht. Berl. Nicolai 1797.

**) Der gestiefelte Kater, ein Kindermärchen in 3 Acten, mit Zwischenspielen, Prologe und Epiloge.

***) Коцебу, о которомъ мы вскользь поминали и выше,—одинъ изъ тѣхъ писателей, которые при жизни своей наполняютъ свѣтъ громомъ своего имени и мечтаютъ жить въ потомствѣ; но забываются немедленно и въ исторіи литературы не играютъ никакой роли, такъ какъ служатъ только преходящему вкусу современной имъ толпы и не оставляютъ послѣ себя ни одной оригинальной мысли, ни одного художественнаго образа. Онъ род. въ 1761 г., въ Веймарѣ, учился въ Іенѣ (на юрид. факультетѣ) и очень рано сталъ писать преимущественно для театра. Въ 1781 г. онъ былъ секретаремъ генералъ-губернатора Бауэра, въ Петербургѣ, въ 1785 г.—президентомъ магистрата въ Ревелѣ и вышелъ въ отставку въ 1795 г. Въ 1797 г. получилъ мѣсто директора театра въ Вѣнѣ, но оставилъ его въ 1799 г. Въ 1801 г. онъ поѣхалъ въ Россію, но на границѣ былъ по подозрѣнію арестованъ и немедленно отправленъ въ Сибирь; но въ томъ же году Павелъ убѣдился въ его невинности, возвратилъ его, наградилъ имѣніемъ и сдѣлалъ его директоромъ придворнаго нѣмецкаго театра. Послѣ смерти Павла Коцебу уѣхалъ въ Веймаръ, а въ 1803 г. переѣхалъ оттуда въ Берлинъ и сталъ издавать журналъ; послѣ 1804 г. онъ сдѣлался врагомъ Наполеона и воевалъ съ нимъ въ разныхъ своихъ изданіяхъ до самаго его паденія. Съ 1813 г. онъ былъ русскимъ генеральнымъ консуломъ

чинается самая пьеса, ходъ которой прерывается замѣчаніями зрителей и пререканіями актеровъ, которые одно время доходятъ до открытаго бунта.

Еще рѣзче Тикъ выставляетъ свое знамя и еще откровеннѣе выступаетъ противъ просвѣтителей въ пьесахъ «Свѣтъ на-изнанку» (Die verkehrte Welt) и «Принцъ Цербино или путешествіе за истиннымъ вкусомъ». Герой послѣдней видитъ вокругъ себя во всемъ,что услаждаетъ толпу, пошлость и безвкусіе; онъ отправляется на поиски изящнаго вкуса и, наконецъ, находитъ его въ странѣ истинной поэзіи; тамъ царствуютъ Гёте, Шекспиръ, Сервантесъ и Дантъ.

Въ пьесѣ „Міръ на-изнанку" есть между прочимъ такая сцена: когда Скарамуцъ ѣдетъ на своемъ ослѣ черезъ лѣсъ, начинается буря. „Откуда это, чортъ возьми! Въ моей роли нѣтъ ни слова о бурѣ. Что за глупыя шутки? Да я вымокну съ моимъ осломъ, какъ мышь! Машинистъ! машинистъ! да перестаньте, чтобъ васъ чортъ взялъ!" Машинистъ является съ извиненіями: публика пожелала театральной бури, и онъ угождаетъ ея вкусу. Скарамуцъ упрашиваетъ публику отмѣнить распоряженіе, но напрасно: гроза все продолжается. „Это дѣлается очень просто", успокоиваетъ машинистъ Скарамуца, „я беру колофоній и пускаю его

въ Кенигсбергѣ, а съ 1817 жилъ въ Веймарѣ, потомъ въ Мангеймѣ и посылалъ императору Александру доклады о ходѣ нѣмецкой литературы. Онъ былъ однимъ изъ представителей консервативной реакціи въ Германіи, за что и былъ убитъ студентомъ Зандомъ въ 1819 г.

Плодовитость Коцебу прекрасно обрисована въ слѣдующемъ ироническомъ четверостишіи:

Er schmierte wie man Stiefel schmiert,
— Vergebt mir diese Trope,
Und war ein Held an Fruchtbarkeit,
Wie Calderon und Lope.

Однѣхъ театральныхъ пьесъ отъ него осталось 211 (нѣкоторыя изъ нихъ, напр., «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» — 1789 г. — держались на русской сценѣ до 40-хъ годовъ), а кромѣ того онъ написалъ массу романовъ, повѣстей, стиховъ, историческихъ изслѣдованій, сатиръ и пр. и пр. (всего—болѣе 40 томовъ). У него есть внѣшній литературный талантъ и замѣчательное знаніе сцены; лучше всего удавались ему комедіи, въ которыхъ за-то виднѣе всего выступаетъ его безпринципность.

Августъ-Вильг. Ифландъ (Iffland), о которомъ мы упоминали по поводу Шиллерова Валенштейна, род. въ 1759 г. въ Ганноверѣ, былъ предназначенъ въ богословы, но предпочелъ поступить на сцену въ Мангеймѣ; въ 1796 г. онъ перешелъ въ Берлинъ директоромъ театра, ум. въ 1814 г. Его многочисленныя пьесы (16 томовъ) имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ нихъ вмѣсто живыхъ людей дѣйствуютъ маски, представляющія крайнее преувеличеніе добродѣтелей и пороковъ. Но въ нихъ всегда есть извѣстная нравственная идея; большая часть ихъ изображаетъ конфликтъ между честной нравственной буржуазіей и развратнымъ, безсовѣстнымъ и наглымъ высшимъ дворянствомъ Германіи, т.-е. проводитъ ту же тенденцію, что и Эмилія Галотти Лессинга и Коварство и Любовь Шиллера; но разница въ томъ, что у Ифланда порокъ всегда наказанъ внѣшнимъ образомъ. Нѣкоторыя изъ его пьесъ живутъ еще до сихъ поръ на провинціальныхъ нѣмецкихъ сценахъ.

Кромѣ пьесъ, Ифландъ написалъ свою автобіографію Мангеймскаго періода (Meine theatralische Laufbahn 1798 г.) и Теорію театральнаго искусства (1815 г.).

на огонь, вотъ вамъ и молнія; между тѣмъ катаютъ желѣзный шаръ — вотъ и громъ". Дальше,—замѣчаетъ Брандесъ,—нельзя вести игру съ иллюзіей.

Старикъ Николаи отказался напечатать «Свѣтъ на-изнанку» и написалъ Тику письмо, полное упрековъ. Николаи-сынъ, нарушившій въ 1799 г. литературное инкогнито Тика, который до сихъ поръ не подписывалъ своихъ произведеній, долженъ былъ вести процессъ съ своимъ прежнимъ сотрудникомъ и проигралъ его; съ этихъ поръ Тикъ окончательно и навсегда разошелся съ «просвѣтителями».

Между тѣмъ Ваккенродеръ, по прежнему дружный съ Тикомъ и искренно радовавшійся его успѣхамъ, пытался тоже творчествовать, но неудачно, какъ онъ самъ отлично видѣлъ. Тогда онъ понялъ, что его дѣло не самостоятельное творчество, а критика; онъ сталъ набрасывать для себя свои эстетическія положенія и мысли объ искусствѣ. Тикъ, которому онъ показалъ свои замѣтки во время ихъ совмѣстнаго путешествія въ Дрезденъ, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ: то, что онъ больше чувствовалъ, чѣмъ сознавалъ, что неясно, какъ бы въ туманѣ, носилось въ умѣ его, нашло у Ваккенродера полное, прекрасное, всякому доступное изложеніе. Это были принципы новой эстетики, совершенно несогласной съ эстетикой классиковъ и Винкельмана. Одно изъ основныхъ положеній Ваккенродера состояло въ томъ, что для прекраснаго нѣтъ никакихъ правилъ; его надо не понимать, а чувствовать. Для художника вѣрить и создавать значитъ одно и то же; только вѣра можетъ дать истинное одушевленіе, необходимое для творчества; суевѣріе лучше скептицизма. Старое искусство: средневѣковое и особенно искусство эпохи возрожденія безконечно выше нынѣшняго, тенденціознаго. Царство искусства—Италія (Брандесъ остроумно замѣчаетъ, что Италія Ваккенродера и другихъ романтиковъ также мало похожа на настоящую родину Рафаэля съ ея здоровою чувственностью, съ ея роскошью красокъ, какъ Дульцинея Донъ-Кихота на свой оригиналъ); автору, какъ нѣмцу, еще дороже старая Германія; чтобы жить въ одно время съ Альбрехтомъ Дюреромъ, онъ отдалъ бы охотно всѣ выгоды цивилизаціи.

Эта книга была издана въ 1797 г. съ предисловіемъ и нѣкоторыми прибавками Тика подъ названіемъ: «Изліянія сердца любящаго искусство монаха». Въ слѣдующемъ 1798 г. Ваккенродеръ умеръ отъ нервной горячки. Въ его бумагахъ Тикъ нашелъ продолженіе замѣтокъ, въ которыхъ основныя идеи тѣ же самыя, но еще болѣе подчеркнута связь истиннаго искусства съ религіознымъ воодушевленіемъ. Тикъ издалъ ихъ подъ названіемъ: «Фантазія объ искусствѣ» (1799 г.) *).

Насколько Тикъ, какъ выражается Гаймъ, былъ «ваккенродези-

*) Отрывки переведены въ „Моск. Телеграфѣ" 1820 г.

рованъ» ясно видно изъ его романа: «Странствованія Франца Штернбальда» *), который онъ началъ обрабатывать вмѣстѣ съ Ваккенродеромъ. Хотя на канвѣ романа нельзя не видѣть вліянія Вильгельма Мейстера, тенденція его далека отъ Гёте. Герой—ученикъ Альбрехта Дюрера; черезъ него онъ знакомится съ голландскими живописцами, но недовольный протестантскимъ искусствомъ отправляется искать свой идеалъ въ католическую Италію, гдѣ и находитъ и художественное удовлетвореніе и личное счастье.

Такимъ образомъ берлинецъ Тикъ черезъ новую эстетику доходитъ до восхваленія католицизма и среднихъ вѣковъ.

Этотъ тенденціозный и плохо выписанный (особенно во второй части) романъ произвелъ на Гёте очень неблагопріятное впечатлѣніе; но за-то молодой и смѣлый критикъ Фридрихъ Шлегель былъ отъ него въ восторгѣ; онъ заявилъ, что послѣ Вильгельма Мейстера не знаетъ болѣе совершеннаго произведенія въ этомъ родѣ; что вдумчивость Ловеля, иронія Петра Леберехта, богатая фантазія народныхъ сказокъ, всѣ драгоцѣнныя черты таланта автора Штернбальда соединились теперь въ одно цѣлое. Эта восторженная статья сблизила Тика съ Шлегелями и послужила однимъ изъ поводовъ для образованія особаго кружка.

Братья Шлегели принадлежали къ семьѣ изстари литературной: ихъ отецъ Іоганнъ-Адольфъ Шлегель (ум. 1793 г.) вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ принималъ участіе въ спорѣ Бодмера съ Годшедомъ, и оба они стояли на сторонѣ національной партіи. Іоганъ-Адольфъ Шлегель занималъ мѣсто совѣтника консисторіи, имѣлъ порядочныя средства и могъ дать дѣтямъ хорошее образованіе. Старшій его сынъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель родился въ 1767 г. въ Ганноверѣ; отъ отрочества онъ чувствовалъ страсть къ поэзіи; 18-ти лѣтъ отъ роду, на гимназическомъ актѣ онъ читалъ свою дидактическую поэму, трактующую объ исторіи нѣмецкой литературы. Въ 1786 г. онъ поступилъ въ Гёттингенскій университетъ, сперва, по желанію отца, на богословскій факультетъ, но потомъ со страстью отдался филологіи и скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Гейне; подъ его руководствомъ онъ изучалъ Гомера, и въ 1788 г. явилась въ печати его небольшая латинская диссертація по географіи Гомера. Кромѣ Гейне Августа Шлегеля привлекалъ другой профессоръ—поэтъ Бюргеръ. Подъ руководствомъ Бюргера Шлегель упражнялся въ стихотворствѣ и развилъ въ себѣ замѣчательное искусство владѣть стихомъ. По собственной инціативѣ, онъ во время своего студенчества занялся Дантомъ и приготовилъ очень хорошую статью о немъ; въ ней онъ не сопоставляетъ Данта съ Гомеромъ или Виргиліемъ, не судитъ

*) Franz Sternbald's Wanderungen, eine altdeutsche Geschichte. Berl. 1797.

его съ точки зрѣнія современной піитики, а вполнѣ основательно доказываетъ, что для вѣрнаго пониманія его, надо войти въ духъ его страны и его времени. Въ 1791 г. онъ оставилъ университетъ и отправился въ качествѣ домашняго учителя въ Амстердамъ, гдѣ и оставался до 1795 г.; онъ тамъ былъ поставленъ отлично и былъ принятъ въ лучшихъ домахъ города. Отсюда онъ вступилъ въ сношенія съ Шиллеромъ, помѣстилъ въ его журналѣ «Horen» свою статью о Дантѣ и, по предложенію Шиллера, нѣсколько очень удачныхъ балладъ. Августъ Шлегель былъ лишенъ творчества, но онъ обладалъ замѣчательною способностью къ подражанію, и его баллады при первомъ бѣглому чтеніи не уступаютъ Шиллеровымъ.

Въ то же время онъ увлекался прозою Шиллера, изучая его «Тридцатилѣтнюю войну», и совершенно въ ея духѣ написалъ полуповѣсть, полумонографію изъ исторіи Испаніи. Въ духѣ эстетическихъ статей Шиллера онъ написалъ и напечаталъ въ «Horen» рядъ писемъ «о поэзіи, количествѣ слоговъ и языкѣ»; но во время этой работы онъ ясно созналъ, что философская спекуляція не его дѣло, что онъ бываетъ на своей почвѣ только тогда, когда изучаетъ извѣстнаго поэта, и обратился къ Шекспиру, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще съ дѣтства (его дядя первый поднялъ знамя Шекспира въ Германіи) и «Сонъ въ лѣтнюю ночь» котораго онъ переводилъ еще въ Гёттингенѣ вмѣстѣ съ Бюргеромъ; но тогда онъ слишкомъ подчинялся Бюргеру, который позволялъ себѣ передавать Шекспира александрійскимъ стихомъ и исправлять его рѣзкости. Теперь Шлегель зналъ, какъ слѣдуетъ переводить Шекспира, и высказалъ это въ своей статьѣ въ 1796 г. по поводу Вильгельма Мейстера. Въ 1797 г. онъ напечаталъ свой разборъ «Ромео и Юліи», къ которому былъ воодушевленъ тѣмъ же романомъ Гёте; его разборъ—не критика, а апологія и толкованіе, освѣщающее изнутри строеніе пьесы, которыя должны подготовить къ эстетическому наслажденію и усвоенію пьесы. Еще прежде этого онъ перевелъ Ромео и передѣлалъ свой переводъ Лѣтней ночи; теперь онъ взялся за другія пьесы; съ 1797 по 1801 г. вышло 8 томиковъ этого образцоваго перевода, который и до сихъ поръ не утратилъ своего значенія въ Германіи.

Съ 1796 г. Августъ Шлегель поселился въ Іенѣ и вскорѣ женился на Каролинѣ Михаэлисъ, вдовѣ доктора Бёмера, литературной и даже политической дѣятельницѣ, помогавшей ему еще въ статьѣ о Ромео. Теперь, при ея содѣйствіи, онъ съ необыкновенной энергіей принялся за рецензіи, которыхъ насчитываютъ болѣе 200. Эти рецензіи воспитывали вкусъ нѣмецкой публики, объясняли ей нѣмецкихъ и иностранныхъ классиковъ и вырабатывали принципы новой школы. Для него, какъ и для Гёте, красота на первомъ мѣстѣ; мораль, тен-

денція—на десятомъ; вѣрность дѣйствительности—одно изъ условій, но не сущность поэзіи; копированіе жизни не есть искусство. Жестоко преслѣдуя послѣдніе остатки ложно-классической школы и моралистовъ-филистеровъ, въ родѣ Коцебу и Ифланда, онъ все выше и выше ставитъ фантазію и принципъ свободы въ искусствѣ и такимъ образомъ сближается съ Тикомъ.

Ни Тикъ, ни Августъ Шлегель не могли создать теоріи, такъ какъ не обладали философскимъ умомъ; эту задачу выполнилъ младшій братъ Августа Шлегеля, Фридрихъ.

Фр. Шлегель род. въ 1772 г., слѣдовательно, былъ моложе брата на 5 лѣтъ. Ребенкомъ онъ выказывалъ скрытный, замкнутый въ себѣ и рѣшительный характеръ. Сперва онъ готовился къ занятію коммерціей, но 16 л. отъ роду онъ вдругъ круто повернулъ къ университету: поѣхалъ въ Гёттингенъ и началъ заниматься подъ руководствомъ брата; родители направили его на юридическій факультетъ, но примѣръ брата увлекъ его къ занятіямъ филологическаго характера; когда братъ его уѣхалъ въ Голландію, Фр. Шлегель перешелъ въ Лейпцигъ *), гдѣ, какъ и въ Гёттингенѣ, любимыми предметами его занятій были: Платонъ, греческіе трагики и Винкельманъ. Въ это время онъ ищетъ идеала, хочетъ отдаться чему-нибудь одному, но отдаться вполнѣ и безповоротно; о себѣ онъ очень высокаго мнѣнія и презираетъ обыкновенныхъ людей, толпу, хотя, какъ человѣкъ самолюбивый, очень дорожитъ ея мнѣніемъ; онъ атеистъ, но не индифферентно относящійся къ божеству, а враждебно; онъ стремится самъ стать божествомъ. Холодность его сердца давитъ его самого: онъ желалъ бы любить, но не можетъ. Чтобы убѣжать отъ самого себя, онъ ищетъ забвенія въ кутежахъ и интригахъ; кутежи завлекли его въ долги, и онъ проситъ брата найти ему мѣсто домашняго учителя. Но тяжелое душевное и матеріальное состояніе не мѣшало ему работать много и съ пользою: онъ изучалъ Канта, Спинозу, Гердера; занимался физіологіей, математикой, исторіей, политическими науками, слѣдилъ за всѣми литературными новостями, и результаты всѣхъ его разнообразныхъ занятій хорошо укладывались въ головѣ его. Въ 1793 г. пріѣзжалъ на время изъ Голландіи Авг. Шлегель, чтобы устроить дѣло своей будущей супруги Каролины **), которая запуталась въ до-

*) Его переписка съ братомъ за это время—главный источникъ для его біографіи и исторіи душевнаго развитія.

**) Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ романтической школы. Ее, какъ замѣчаетъ Брандесъ, обыкновенно называютъ просто Каролиной не потому, чтобъ у нея не было фамиліи, а потому, что у нея было embarras des richesses въ этомъ отношеніи. Каролина Михаэлисъ, дочь извѣстнаго Гёттингенскаго богослова, родилась въ 1763 г. и рано вышла замужъ за доктора медицины Бёмера. Овдовѣвъ, она въ 1792 г. поѣхала въ Майнцъ и жила тамъ въ домѣ Форстера, учителя Гумбольдта; вмѣстѣ съ

вольно непріятную и скандальную исторію. Онъ освободилъ ее изъ тюрьмы, поселилъ по-близости отъ Лейпцига и поручилъ ее заботамъ брата, дѣла котораго также привелъ въ нѣкоторый порядокъ. Способность Каролины глубоко чувствовать красоты поэзіи и ея революціонный энтузіазмъ благотворно подѣйствовали на Фридриха. Подъ ея вліяніемъ онъ рѣшилъ взять себя въ руки, навсегда порвалъ съ юриспруденціей и устремилъ всѣ свои силы на изученіе древности. Скоро онъ рѣшилъ покончить и съ университетомъ и переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ жила его сестра. Въ Дрезденской галлереѣ онъ нашелъ своихъ боговъ: онъ познвлъ прекрасное не въ идеѣ, а на дѣлѣ. Образъ жизни его радикально измѣнился: онъ не посѣщалъ обществъ и увеселеній и работалъ усиленно. Въ 1794 г. онъ напечаталъ свой первый трудъ: «о школахъ въ греческой поэзіи», къ которому уже давно вызывалъ нѣмецкихъ ученыхъ Гердеръ, убѣжденный, что греческую литературу можно и должно построить съ такою же исторической логикой, какую Винкельманъ положилъ въ основу греческаго искусства.

Фр. Шлегель, сильно подчиняясь Винкельману, видитъ въ Греціи 4 школы: Юническую, въ которой господствуетъ эпосъ, воспроизведеніе дѣйствительности; Дорическую—въ ней лирика, соединеніе дѣйствительности и идеала; Аѳинскую— въ ней драма, воспроизведеніе идеала (она тоже] дѣлится на 4 подшколы), и Александрійскую — въ ней рефлексъ, искусственность и, стало быть, паденіе искусства.

Такимъ самолюбивымъ и многодумающимъ людямъ, какъ Фр. Шлегель, трудно бываетъ начать литературную дѣятельность; но разъ вступивши на эту арену, они стремятся высказаться вполнѣ и сыплютъ своими статьями. За «школами» послѣдовалъ эскизъ о греческой комедіи, потомъ «о границахъ прекраснаго» и т. д. Все это были подготовительныя работы къ его «исторіи поэзіи Грековъ и Римлянъ», 1-е отдѣленіе 1-го тома которой вышло въ 1798 г., а продолженіе такъ и осталось за Фр. Шлегелемъ.

Благодаря этимъ статьямъ и книгѣ, Фр. Шлегель не только занялъ навсегда видное мѣсто въ исторіи классической филологіи и вообще въ исторіи науки, но и пріобрѣлъ извѣстность какъ талантливый критикъ — мыслитель и теоретикъ искусства. Безъ большой

нимъ кинулась она въ революціонный потокъ, скомпрометировала себя и нѣсколько мѣсяцевъ просидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ съ нею въ одной комнатѣ помѣщались еще 7 человѣкъ. Тамъ же вступила она въ связь съ однимъ французомъ, повидимому, больше съ отчаянія, нежели изъ увлеченія. Позднѣе, когда она была женою Шлегеля, не только романтики, но и Гёте дорожилъ ея мнѣніемъ; только Шиллеръ не любилъ ея и называлъ ее: «дама Люциферъ». Впослѣдствіи дочь ея, Августа Бёмеръ, оставила нѣкоторое литературное имя, хотя умерла всего 15 лѣтъ отъ роду. У гроба дочери Каролина сошлась съ философомъ Шеллингомъ; мужъ далъ ей разводъ, и она въ третій разъ вышла замужъ, не потерявъ дружбы Авг. Шлегеля; но послѣ этого жила недолго.

ученой арматуры, силою своего дарованія и философски воспитанной мысли онъ уничтожилъ много устарѣлыхъ взглядовъ, которые однакоже проповѣдывались съ университетскихъ каѳедръ; онъ доказалъ позднѣйшее происхожденіе орфической поэзіи, рѣзко отдѣлилъ Гомера *) отъ Гезіода и выяснилъ нѣсколько важныхъ законовъ эстетической культуры; онъ объединяетъ греческую поэзію съ жизнью и нравственностью Грековъ, комментируетъ ея исторію черезъ исторію греческой цивилизаціи. Впервые подъ его перомъ исторія литературы изъ сбора фактовъ и примѣчаній къ писателямъ стала дѣлаться наукой. Древніе греки въ его глазахъ — идеальные люди; эллинизмъ — синонимъ человѣчности. Онъ отождествляетъ эстетику съ этикой, прекрасное съ нравственнымъ и такимъ образомъ смѣло и опредѣленно выставляетъ принципъ, къ которому Гёте и Шиллеръ въ пору своей совмѣстной дѣятельности только подходили съ разныхъ сторонъ.

Фр. Шлегель вскорѣ по пріѣздѣ въ Дрезденъ сблизился съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и съ Шиллеромъ (черезъ Кёрнера). У Шиллера и Шлегеля было много пунктовъ соприкосновенія и общая наклонность къ философской спекуляціи. Въ 1796 г. Фр. Шлегель переѣзжаетъ изъ Дрездена въ Іену къ брату, между прочимъ, чтобы войдти въ постоянныя сношенія съ Шиллеромъ, работать для его «Horen» и познакомиться съ Гёте. Современная литература привлекаетъ все больше и больше его вниманіе; въ общемъ онъ объ ней невысокаго мнѣнія: по его убѣжденію, новая поэзія существенно отличается отъ греческой тѣмъ, что послѣдняя объективна, а первая стремится къ новизнѣ и интересности. Но теперь въ лицѣ Гёте совершается поворотъ къ объективности, и поэзія будущаго, которая соединитъ интересность съ объективностью, должна быть еще величественнѣе греческой. Въ Шиллерѣ Шлегель признаетъ большой талантъ, но, естественно (съ точки зрѣнія своей теоріи) ставитъ его гораздо ниже Гёте.

Братья Шлегели и Шиллеръ скоро разошлись и довольно рѣзко. Крайности воззрѣній младшаго Шлегеля и его самомнѣніе не нравились Шиллеру; желая доказать безпристрастіе своей критики и свое безстрашіе передъ авторитетами, Фр. Шлегель написалъ довольно ѣдкій разборъ послѣдней книжки «Альманахъ Музъ», въ которомъ позволяетъ себѣ читать нравоученія Шиллеру; въ другой замѣткѣ онъ напалъ на издателя «Horen» (куда не была принята одна его статья) за-то, что онъ наполняетъ свой журналъ переводами. Шиллеръ былъ сильно раздраженъ, порвалъ сношенія и съ Авг. Шлегелемъ и нѣсколько разъ въ Ксеніяхъ весьма значительно задѣлъ Фрид-

*) Въ первыхъ своихъ статьяхъ онъ говоритъ о личномъ Гомерѣ, но какъ только вышли знаменитыя Prolegomena Вольфа, онъ сейчасъ же перешелъ на его сторону.

риха *). Фр. Шлегель отвѣчалъ рецензіей на Ксеніи, въ которой опять-таки трактуетъ Шиллера свысока и, сравнивая его съ Гёте, называетъ его Патрокломъ, который надѣлъ доспѣхи Ахилла. Ссора Шлегелей съ Шиллеромъ была однимъ изъ поводовъ образованія романтическаго кружка; безъ нея Шлегели оставались бы подъ вліяніемъ корифеевъ нѣмецкой поэзіи.

Въ іюлѣ 1797 г. Фр. Шлегель переселился въ Берлинъ (братъ его въ это время добивался каѳедры въ Іенѣ, которую и получилъ въ 1798 г., только безъ опредѣленнаго содержанія), чтобы быть ближе къ журналу Рейхарта «Лицей изящныхъ искусствъ», въ которомъ онъ обѣщалъ сотрудничать. Берлинъ былъ единственный нѣмецкій городъ, въ которомъ существовали литературные салоны; устраивали ихъ не аристократки, какъ въ старой Франціи, а образованныя еврейки, жены банкировъ. Фр. Шлегель, молодой и смѣлый литераторъ, уже успѣвшій переломить копье въ борьбѣ съ Шиллеромъ, былъ принятъ въ нихъ съ большимъ почетомъ. Скоро онъ вступилъ въ борьбу съ остатками «просвѣтителей» и нанесъ имъ рѣшительный ударъ. Они считали себя друзьями Лессинга и его славнымъ именемъ все еще поддерживали свой авторитетъ. Фр. Шлегель выступаетъ съ статьей объ Лессингѣ; пуская въ ходъ очень вѣрный пріемъ, онъ въ этой статьѣ старается узнать черезъ Лессинга—писателя Лессинга — человѣка и приходитъ къ заключенію, что это сильная, истинно нѣмецкая натура, съ пошлыми филистерами—просвѣтителями—ничего общаго не имѣющая; Лессингъ—революціонеръ, а тѣ люди покоя. Какъ критика, Фр. Шлегель ставитъ Лессинга очень высоко, но поэтомъ признать его не соглашается: Эмилія Галлоти, по его мнѣнію, ничто иное, какъ удачно рѣшенная задача драматической алгебры. Еслибъ не «Натанъ Мудрый», Лессингъ не имѣлъ бы права на имя въ исторіи нѣмецкой поэзіи, но и «Натанъ» есть критическая статья противъ Гёца, только облеченная въ поэтическую форму.

Въ одномъ изъ берлинскихъ салоновъ Фр. Шлегель встрѣтился съ молодымъ богословомъ, только годъ назадъ получившимъ мѣсто проповѣдника въ Charité; это былъ Фридрихъ Шлейермахеръ, скромный, но вліятельный дѣятель въ исторіи нѣмецкой литературы и науки. Онъ родился въ 1768 г. въ Бреславлѣ въ семьѣ, гдѣ религіозность была наслѣдственною. Его предки были протестанты, бѣжавшіе изъ Зальцбурга; его дѣдъ былъ сектантъ, страдавшій и отъ преслѣдованій, и отъ недовольства собою; его отецъ присоединился къ

*) Онъ издѣвается надъ критиками-младенцами, которые рѣшаются исправлять великихъ поэтовъ, надъ нелѣпою оригинальностью нѣкоторыхъ его мнѣній (напр., о Гамлетѣ) и надъ его обожаніемъ всего греческаго (напр., о послѣднемъ:

«Эдипъ вырываетъ себѣ глаза, Іокаста вѣшается, и оба безвинно. Какая гармоническая развязка!»).

государственной церкви и былъ полковымъ священникомъ; его мать была дочь священника, очень религіозная женщина. Вслѣдствіе постоянныхъ переѣздовъ отца, Фридрихъ Шлейермахеръ довольно поздно поступилъ въ школу, но быстро догналъ и перегналъ своихъ товарищей. Религіозные вопросы и сомнѣнія мучили его съ ранняго дѣтства; эти сомнѣнія скоро привели его къ скептицизму, очень тяжелому въ такомъ возрастѣ. Наука, сперва въ видѣ классиковъ, которыхъ онъ перечиталъ для собственнаго удовольствія, потомъ въ писателяхъ «просвѣщенія» доставила ему нѣкоторое успокоеніе. 19 лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ, занимался усиленно, какъ своими предметами, такъ и философскими, но безъ системы. Черезъ 2 года онъ оставилъ университетъ и поселился у дяди, чтобъ готовиться къ экзамену, но увлекся чтеніемъ; въ это время ему больше всѣхъ писателей нравятся скептики Лукьянъ и Монтень, котораго онъ называетъ своею библіею. Религія въ это время казалась ему механическою смѣсью прекрасной, но безсистемной этики и софистической догматики; безвѣріе, отсутствіе идеаловъ часто приводили его къ мысли о смерти. Въ такомъ настроеніи не совсѣмъ удобно готовиться къ экзамену на кандидата богословія; однако Шлейермахеръ приготовился, выдержалъ его въ Берлинѣ и съ большимъ талантомъ прочелъ узаконенную проповѣдь. Ему доставили мѣсто учителя въ очень хорошей и гуманной семьѣ графовъ Дона. Годъ, проведенный имъ въ деревнѣ Дона, радикально измѣнилъ его: до сихъ поръ онъ совсѣмъ не зналъ жизни; теперь впервые онъ увидѣлъ ея хорошія стороны: понялъ, какое значеніе могутъ имѣть въ обществѣ женщины, которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ, понялъ, какое наслажденіе можетъ доставить для утомленнаго мозга общество развитыхъ людей. Подъ вліяніемъ болѣе свѣтлаго взгляда на жизнь у него пробудилось и религіозное чувство, и его праздничныя проповѣди, произносить которыя онъ согласился только изъ любезности, стали доставлять ему высокое наслажденіе: въ нихъ онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что христіанство есть лучшая изъ религій, такъ какъ въ основѣ его самая чистая нравственность, основанная на разумѣ. Эту-то нравственность и могъ онъ съ увлеченіемъ проповѣдывать съ церковной каѳедры. Получивъ въ 1796 г. мѣсто въ Берлинѣ, онъ за свой талантъ и жажду истины былъ очень хорошо принятъ въ лучшихъ салонахъ. Эта же жажда истины сблизила его съ Фридрихомъ Шлегелемъ, который поразилъ его своею смѣлостью, оригинальностью и трудолюбіемъ. Шлейермахеръ понравился Шлегелю своею мягкостью, терпимостью и разумностью своей религіи. Скоро они сблизились настолько, что поселились въ одной квартирѣ. Пріятели и пріятельницы ихъ острили, что они вступили между собою въ бракъ, причемъ задорный

Шлегель представлялъ мужа, а Шлейермахеръ — кроткую жену, которая однакоже во многихъ отношеніяхъ могла подчинить мужа своему вліянію. Шлейермахеръ мало интересовался поэзіей, Шлегель до сихъ поръ почти не думалъ о религіи; но они сошлись на философіи.

Шлегель еще со временъ студенчества хорошо зналъ Канта, но не вполнѣ удовлетворялся имъ; уже первыя произведенія Фихте *) привлекали его вниманіе и симпатію; въ его ученіи онъ увидѣлъ плодотворное развитіе и завершеніе идеализма Канта. Основной тезисъ Фихте о противуположеніи самостоятельно существующаго *я* не самостоятельному внѣшнему міру, такъ рѣзко отрицавшій филистерское преклоненіе передъ обстоятельствами и условіями, извнѣ на насъ наложенными, чрезвычайно ему понравился именно своею рѣзкостью. Они сходились и въ политическихъ убѣжденіяхъ, такъ какъ Фихте былъ республиканецъ и глашатай свободы. Переселившись въ Іену, Шлегель познакомился съ Фихте, и личность послѣдняго, сильная, энергичная, проникнутая ненавистью къ филистерству, спокойствію, умѣренности сдѣлала для него еще симпатичнѣе ученіе Фихте. Онъ пытался вести это ученіе еще дальше, хотѣлъ работать по философіи самостоятельно, но это плохо удавалось ему: Фридрихъ Шлегель былъ также мало философомъ, какъ его старшій братъ поэтомъ; за-то онъ былъ силенъ и вліятеленъ, какъ популяризаторъ идеальной философіи и ловкій защитникъ ея, съумѣвшій указать ей важное мѣсто въ вопросахъ искусства и нравственности.

Живя въ Берлинѣ, Фридрихъ Шлегель еще соединялъ занятіе философіей съ поэзіей, но уже замѣтно склонялся на сторону послѣдней; въ фрагментарныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ журналѣ «Лицей», онъ вырабатывалъ свою эстетическую доктрину. Въ это время въ новой литературѣ онъ признаетъ 3-хъ великихъ поэтовъ: Данта, Шекспира и Гёте. По поводу недавно появившагося Вильгельма Мейстера онъ пишетъ очень горячую статью, въ которой называетъ этотъ романъ поэтическимъ максимумомъ и произведеніемъ, въ высшей степени романтическимъ. Здѣсь же онъ даетъ опредѣленіе этому термину, который до тѣхъ поръ употреблялся въ узкомъ и не всегда ясномъ значеніи.

Романтическое произведеніе есть послѣднее слово искусства; оно должно охватывать все содержаніе жизни. Романтическая поэзія должна не только соединить всѣ разрозненные виды поэзіи, но и объединить поэзію съ философіей. Она должна соединять прозу и поэзію, необузданную свободу фантазіи и критицизмъ, творчество

*) Род. 1762 г. въ верхнемъ Лаузицѣ, учился въ Іенѣ и Лейпцигѣ богословію, но Спиноза привлекъ его къ философіи; въ 1792 г. отправился въ Кёнигсбергъ къ Канту; съ 1794 г. былъ профессоромъ философіи въ Іенѣ.

искусственное—личное и естественное—народное, то смѣшивая ихъ механически, то сливая химически. Она должна сдѣлать искусство живымъ и общественнымъ, а жизнь и общество—поэтическими; она безконечна, потому что одна свободна; произволъ поэта—ея единственный законъ. Для романтическаго поэта можетъ быть только одна философія—Фихте, такъ какъ по Фихте человѣческій духъ все подчиняетъ себѣ, все творитъ.

Въ это же время Фридрихъ Шлегель разрабатываетъ теоретически еще одинъ важный принципъ школы—иронію, черезъ которую поэзія и поднимается до философіи. Сперва иронія для него была соединеніемъ шутки и серьезнаго, которое является результатомъ сліянія 2-хъ родовъ мудрости: житейской и отвлеченной (сократовская иронія); теперь онъ понимаетъ ее глубже. Иронія, какъ необходимый ингредіентъ романтической поэзіи, есть выраженіе противорѣчія между условнымъ и безусловнымъ; Фридрихъ Шлегель искусно объясняетъ ее по Фихте: *я*, взятое философски, безконечно свободно и могущественно, а *я*, сдѣлавшись обыкновеннымъ человѣкомъ, слабо и ничтожно; проявленіе этого противорѣчія между безконечною свободою человѣческаго духа и ограниченностью силъ человѣка и есть романтическая иронія; съ нею тѣсно связанъ и рефлексъ: романтическій поэтъ одновременно и творитъ, и сознаетъ, что онъ творитъ, и даетъ это понять другимъ; онъ, стало быть, иронизируетъ надъ собою, пародируетъ самого себя; съ этимъ въ связи парадоксальность, фрагментарность новой поэзіи. Такимъ образомъ этотъ поклонникъ Гомера и Софокла дошелъ до поэзіи, которую онъ самъ называетъ трансцендентальной.

Всѣ эти взгляды Фридриха Шлегеля, высказанные талантливо, энергично и смѣло, были манною небесною для Тика, который до сихъ поръ стоялъ особнякомъ съ своею ироніею и парадоксальностью, съ своимъ смѣшеніемъ личнаго и народнаго, драмы, сказки и новеллы. Тикъ и Фридрихъ Шлегель встрѣтились и познакомились въ редакціи «Лицея», но сближенія между ними не произошло, такъ какъ у нихъ было слишкомъ мало общаго: Тикъ не хотѣлъ и знать Грековъ, которыми все еще восхищался Фридрихъ Шлегель, и ничего не понималъ въ философіи Фихте; они могли бы сойтись на Шекспирѣ, но Фридрихъ Шлегель больше говорилъ о немъ, чѣмъ читалъ его. Но когда въ 1797 г. въ Берлинъ пріѣхалъ Августъ Шлегель, имѣвшій много общаго съ Тикомъ и давно уже хвалившій его, между поэтомъ и братьями-критиками установилась прочная связь. Тикъ, оба Шлегеля и Шлейермахеръ много разъ собирались вмѣстѣ, сошлись въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, почувствовали себя школой и рѣшили основать свой органъ (къ этому времени Horen Шиллера

только что прекратились). Послѣ пасхи 1798 г. выходитъ первый нумеръ новаго журнала: Athenäum, въ программѣ котораго заявлено, что онъ будетъ исключительно заниматься искусствомъ и наукой (характерное совпаденіе съ программой Horen Шиллера), что онъ намѣренъ высказываться откровенно и смѣло. Шиллеръ очень негодовалъ на органъ Шлегелей; Гёте, превозносимый въ Атенеѣ, относился къ нему благосклонно.

Съ № 2 въ журналѣ появляется новое литературное имя, сразу обратившее на себя вниманіе оригинальностью своихъ «фрагментовъ». Это Новалисъ, псевдонимъ Гарденберга.

Фридрихъ Леопольдъ фонъ-Гарденбергъ (представляющій во многомъ любопытное сходство съ поэтическимъ типомъ Ленскаго) род. въ 1772 г. въ имѣніи родителей. Въ семьѣ, изъ которой произошелъ онъ, господствующее направленіе было поэтическое. Мальчикъ рано началъ учиться языкамъ и исторіи; скоро онъ привязался къ чтенію. Семейный піэтизмъ съ одной стороны и эстетическое направленіе, носившееся въ воздухѣ того времени, съ другой — обусловили его дальнѣйшую дѣятельность. Кончивши курсъ въ Эйслебенской гимназіи, онъ поступилъ 18 лѣтъ въ Іенскій университетъ, по желанію отца — на юридическій факультетъ, но занимался тѣмъ, что было ему болѣе по душѣ: философіей и исторіей. Какъ разъ въ то время профессорствовалъ Шиллеръ; Гарденбергъ познакомился съ нимъ и всецѣло подчинился его вліянію. Восторженный юноша считалъ Шиллера идеаломъ человѣка, находилъ въ немъ прекрасное въ соединеніи съ истиннымъ и добрымъ. Шиллеръ, на себѣ испытавшій, каково пробиваться въ жизни безъ университетскаго диплома, посовѣтовалъ ему поэнергичнѣе заняться юриспруденціей, что тотъ и исполнилъ, перейдя въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ, вѣроятно, встрѣчался съ Фридрихомъ Шлегелемъ. Выдержавъ въ Виттенбергѣ въ 1794 г. свой юридическій экзаменъ, онъ отправился на мѣсто въ небольшой городъ Теннистедтъ и, хотя не чувствовалъ никакого расположенія къ юриспруденціи, очень усердно и аккуратно исполнялъ свои служебныя обязанности.

До появленія въ свѣтъ Вильгельма Мейстера, Гарденбергъ считалъ первымъ современнымъ поэтомъ Шиллера; но это евангеліе романтиковъ сдѣлало его самымъ горячимъ поклонникомъ Гёте.

Въ 1795 г. Гарденбергъ влюбился со всѣмъ пыломъ своей идеальной натуры въ 12-лѣтнюю дѣвочку Софію фонъ-Кюнъ, поражавшую всѣхъ своею дѣтскою прелестью и развитымъ умомъ; вскорѣ онъ былъ объявленъ ея женихомъ. Въ слѣдующемъ году Софія заболѣла, выздоровѣла, но потомъ заболѣла снова гораздо опаснѣе. Понадобилось сдѣлать ей операцію, ради которой ее перевезли на нѣсколько мѣ-

сяцевъ въ Іену. Гарденбергъ пріѣзжалъ туда, какъ только могъ чаще, и гостилъ тамъ подолгу. Онъ сблизился съ Фридрихомъ Шлегелемъ, а черезъ него познакомился съ Фихте, философія котораго очень увлекла его. Изъ нея, между прочимъ, вывелъ онъ заключеніе, что Софія не должна умереть, такъ какъ міръ и обстоятельства должны подчиняться человѣку. Между тѣмъ Софія не поправлялась; ее перевезли въ деревню, гдѣ она жила до тѣхъ поръ, и она медленно угасала; женихъ почти не разставался съ ней. Она отпраздновала 15-ю годовщину своего рожденія и черезъ 2 дня скончалась. Гарденбергъ, какъ онъ самъ говоритъ, чувствовалъ себя въ положеніи игрока, который все поставилъ на карту; вотъ теперь эта карта убита; игрокъ отворачивается отъ стола, унесшаго его счастье и силу, и съ горькою насмѣшкою слушаетъ голосъ сторожа, возвѣщающаго начало новаго дня. Онъ вернулся къ піэтизму своего дѣтства и возненавидѣлъ разумъ, которымъ руководствовался до сихъ поръ. Нѣкоторое время онъ надѣялся умереть силою своей воли, потомъ готовился къ самоубійству; мало-по-малу онъ сталъ успокоиваться на творчествѣ. Онъ писалъ еще во время студенчества стихи благозвучные и изящные, но лишенные серьезной мысли. Теперь горе сдѣлало его истиннымъ поэтомъ. Его «Гимны къ ночи», смѣсь прозы съ стихами,—несомнѣнно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній этой эпохи и наиболѣе оригинальное и глубокомысленное созданіе первыхъ романтиковъ. Поэтъ предоставляетъ другимъ воспѣвать солнце и дневной свѣтъ; себѣ беретъ тьму ночную, во время господства которой душа чувствуетъ себя освобожденной отъ земныхъ узъ; смерть, которую преобразуетъ и напоминаетъ ночь, внушаетъ ему не ужасъ, а сладкое, отрадное чувство: только по ту сторону гроба человѣкъ можетъ найти истинное, полное счастіе. «Гимны» Новалиса открываютъ собою длинный рядъ романтическихъ произведеній, превозносящихъ загробную жизнь сравнительно съ настоящей.

Въ 1797 г. Гарденбергъ, по совѣту отца, отправился въ Фрейбургъ, чтобы заняться тамъ естественными науками, знакомство съ которыми было ему необходимо для его службы по солянымъ промысламъ. Въ этомъ же году случилось политическое событіе, имѣвшее немаловажное вліяніе на развитіе романтической школы: умеръ нелюбимый подданными король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II, и на престолъ вступилъ всѣмъ внушавшій симпатію Фридрихъ-Вильгельмъ III съ своей добродѣтельной женой Луизой. Романтики, до тѣхъ поръ пренебрегавшіе политикой и современностью, въ этотъ отрадный моментъ задумали быть руководителями общества и въ этомъ отношеніи. Въ берлинскихъ Jahrbücher Августъ Шлегель помѣщалъ свои красиво отдѣланныя октавы, восхвалявшія королевскую чету, а Новалисъ—

свои фрагменты, въ которыхъ проводитъ теорію патріархальной и поэтичной монархіи, какъ такой формы правленія, которая основана на вѣрѣ въ идеальнаго человѣка; а эта вѣра необходима для счастія общества.

Занятія естественными науками нисколько не склонили Новалиса къ матеріализму; напротивъ: его идеализмъ обостряется все болѣе и болѣе.

Въ повѣствовательномъ фрагментѣ: «Саисскіе ученики» и другихъ, ему современныхъ, онъ высказываетъ убѣжденіе, что эмпиризмъ есть только низшая ступень человѣческаго познанія. Постепенно переходя къ болѣе идеальному познанію, человѣкъ долженъ дойти до «магическаго идеализма», который преобразуетъ мысли въ вещи и вещи въ мысли; тогда духъ безусловно властвуетъ надъ тѣломъ, и человѣкъ не только перестаетъ бояться болѣзни и смерти, но въ той и другой видитъ особый видъ счастія. Даже грѣхъ, какъ болѣзнь духа, есть особый видъ блаженства; грѣхъ возбуждаетъ любовь къ божеству: чѣмъ грѣшнѣе человѣкъ, тѣмъ религіознѣе онъ. Постепенно Новалисъ доходитъ до такого квіетизма, что, по выраженію Брандеса, хочетъ ухитриться пустить корни изъ рукъ и ногъ, чтобы обратиться въ растеніе.

Въ 1799 г. Гарденбергъ, уже значительно успокоившійся послѣ смерти невѣсты и даже успѣвшій полюбить другую дѣвушку, въ которой онъ, впрочемъ, видѣлъ какъ бы возрожденіе Софіи, встрѣтился въ Іенѣ съ Тикомъ, и они быстро сошлись и сдружились. Тикъ искалъ, кѣмъ бы замѣнить Ваккенродера; Гарденбергъ давно искалъ человѣка, которому онъ могъ бы отдаться всею душею (Фридрихъ Шлегель былъ для него слишкомъ сухъ и разсудоченъ). Подъ вліяніемъ Тика онъ принялся за самое крупное свое произведеніе, за романъ: «Генрихъ ф. Офтердингенъ», которому суждено было сдѣлаться новымъ евангеліемъ романтиковъ, вмѣсто Вильгельма Мейстера, казавшагося имъ теперь слишкомъ реальнымъ, и положить рѣзкую грань между началомъ школы, когда она совпадала въ основныхъ своихъ принципахъ съ Гёте и Шиллеромъ, и ея дальнѣйшимъ развитіемъ, когда она окончательно разошлась съ великими поэтами.

Имя героя и отчасти обстановка взяты изъ преданій родной старины (см. т. II, стр. 433). Задача романа, разсчитаннаго на 2 части, но остановившагося на 1-й, въ которой герой только еще готовится къ поэтическому поприщу,—представить апоѳеозу поэзіи. Ключъ къ уразумѣнію основной мысли даетъ самъ авторъ въ аллегорической сказкѣ, которая вложена въ уста Клингзору: во время отсутствія Эроса и Фантазіи, писецъ (представитель сухого разума, эпохи просвѣщенія) захватилъ въ свою власть короля Артура. Поэзія, дочь

Артура, спаслась, уничтожила царство зла, которое оказалось безсильно противъ нея, и освободила отца; въ заключеніе Эросъ женится на Поэзіи, и тогда

Основывается царство вѣчное.
Любовью и миромъ разрѣшается споръ;
Исчезли долгія грезы страданій;
Софія (божественная мудрость) на вѣки осталась жрицею сердецъ *).

Т.-е. поэзія должна освободиться отъ узъ, которыми сковали ее сухая наука и разумъ, и тогда наступитъ царство мира, золотой вѣкъ.

Планъ романа таковъ: Генрихъ ф. Офтердингенъ увидѣлъ во снѣ голубой цвѣтокъ, созерцаніе котораго наполнило его сердце стремленіемъ въ даль. Такой цвѣтокъ видѣлъ когда-то въ юности его отецъ, но онъ не сталъ его отыскивать, а обзавелся женой, домомъ и сдѣлался обыкновеннымъ, пошлымъ человѣкомъ. Но сынъ не хочетъ помириться на филистерскомъ счастіи и отправляется странствовать. Послѣ многихъ приключеній и аллегорическихъ встрѣчъ (пустынники преобразуютъ философовъ, горцы—естествоиспытателей и т. д.) онъ пріѣзжаетъ къ волшебнику—поэту Клингзору, и въ его дочери Матильдѣ находитъ свою суженую, при свиданіи съ которой сердце его наполняется такою же небесною радостью, какъ при созерцаніи во снѣ голубого цвѣтка. Генрихъ надѣется на полное счастіе на землѣ, но Матильда тонетъ. Въ страшномъ отчаяніи, герой покидаетъ домъ Клингзора, попадаетъ въ монастырь живыхъ мертвецовъ и нѣкоторое время живетъ общею съ ними жизнію. Его спасаетъ отъ смерти заживо Ціане, которая послана ему Матильдой для его временнаго утѣшенія.

Во II части Генрихъ долженъ былъ обойти Италію, Грецію, Востокъ, дѣйствовать при дворѣ Фридриха II, вообще представить изъ себя идеалъ поэта. Но голубой цвѣтокъ онъ находитъ только по ту сторону гроба, гдѣ Матильда и Ціане сливаются въ одно лицо.

Почти одновременно съ этимъ «образцовымъ» продуктомъ поэзіи романтики получили изъ своей среды и основы религіи, разумѣется, отъ единственнаго своего богослова Шлейермахера. Шлейермахеръ, относившійся къ продуктамъ своей мысли въ высшей степени требовательно, въ противуположность своему другу Фридриху Шлегелю, который считалъ достойнымъ печати все то, что производила его парадоксальная голова, до сихъ поръ ничего не печаталъ, кромѣ обязательныхъ проповѣдей; въ январѣ 1799 г. онъ выѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Берлина въ Потсдамъ для времененного исполненія должности проповѣдника; возвратившись оттуда, онъ привезъ свою знаменитую книгу: Рѣчи о религіи къ образованнымъ.

Форма книги—чисто романтическая: субъективная смѣсь поэзіи съ разсужденіемъ. Авторъ очень много говоритъ о себѣ, самъ заяв-

---

*) Gegründet ist das Reich der Ewigkeit,
In Lieb' und Frieden endigt sich der Streit;
Vorüber kam der lange Traum der Schmerzen;
Sophie ist ewig Priesterin der Herzen!

ляетъ, что его книгу хорошо понимать можетъ только тотъ, кто знаетъ его лично, что онъ лучшій комментарій на свою книгу. Онъ разсказываетъ о своемъ собственномъ отношеніи къ религіи: онъ былъ всегда религіозенъ, даже и тогда, когда переставалъ вѣрить въ бытіе Божіе и безсмертіе души. Затѣмъ онъ начинаетъ полемику съ «просвѣщеніемъ» XVIII вѣка; для него «образованіе» (Bildung) и «просвѣщеніе» (Aufklärung) — два совершенно различныя понятія. «Просвѣщеніе», имѣющее въ виду только матеріальную пользу человѣка, ведетъ къ полному уничтоженію религіи, т.-е. къ гибели высшаго блага души. Такому «просвѣщенію» авторъ противуполагаетъ «образованіе», которое достигается не одной наукой и упражненіемъ мышленія, а одновременнымъ развитіемъ всѣхъ способностей человѣка: души и сердца, воображенія, творческой фантазіи и вкуса. Образованный человѣкъ презираетъ утилитарное знаніе, а живетъ интересами науки отвлеченной и интересами искусства; но чтобы быть вполнѣ человѣкомъ, ему необходима сознательная религія. Религіозное чувство совершенно независимо отъ разума; чтобы постичь его, нужно отказаться отъ пошлой мѣрки цѣлесообразности. Религія цѣли никакой не имѣетъ; ее до сихъ поръ портили, примѣшивая къ ней метафизику и мораль, которыя по существу совершенно чужды ей. Область религіи есть задушевность (Gemüth) *); религія есть стремленіе духа къ безконечному, созерцаніе вселенной во всемъ ея объемѣ, а не въ частностяхъ, которыя изучаетъ наука. Это созерцаніе есть нѣчто пассивное, но на немъ основаны активныя чувства, каковы смиренномудріе, любовь, благодарность, состраданіе, раскаяніе. Эти чувства живутъ во всѣхъ душахъ, за исключеніемъ заблудшихъ. Состраданіе, напр., не разумно и не практично, а между тѣмъ оно обязательно для человѣка; его источникъ—въ религіозномъ чувствѣ, въ созерцаніи вселенной. Такое созерцаніе возможно и безъ представленія о личномъ Богѣ. Богъ христіанскій, очеловѣченный есть только одно изъ воззрѣній на вселенную, истинность котораго условна. Не тотъ истинно религіозенъ,

---

*) Задушевность не вполнѣ вѣрно передаетъ понятіе, выражаемое нѣмецкимъ словомъ Gemüth, но мы не имѣемъ другого, болѣе подходящаго слова; Gemüth, о которомъ стали много толковать именно въ эпоху романтизма, до извѣстной степени даже противуположенъ задушевности; онъ все внѣшнее сводитъ внутрь, въ область духа; это есть центростремительная сила духа, тогда какъ задушевная мысль и задушевное слово, напротивъ того, выходятъ изъ глубины души въ міръ. Романтикамъ больше нравился Гёте, чѣмъ пылкій Шиллеръ, и въ особенности Вильгельмъ Мейстеръ именно потому, что въ немъ развитъ этотъ Gemüth: герой не столько живетъ и дѣйствуетъ, сколько наблюдаетъ и чувствуетъ; съ перваго взгляда видно, что духъ поэта игралъ въ созданіи романа несравненно большую роль, чѣмъ дѣйствительность; внѣшній міръ остается въ тѣни передъ внутреннимъ.

кто свято чтитъ св. писаніе, а тотъ, кто не нуждается въ немъ, кто можетъ изъ своей души составить свое св. писаніе.

Богословы признали книгу Шлейермахера почти атеистической; они находили, что это только остроумная апологія пантеизма и блестящее, общепонятное изложеніе ученія Спинозы. Шиллеръ и Гёте отнеслись къ ней холодно. Шиллеръ замѣтилъ, что въ ней, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ новой школы, больше претензій, нежели существеннаго. Но для Новалиса эта книга была положительнымъ откровеніемъ; онъ нашелъ въ ней религію сердца, къ которой уже давно стремился. Подъ вліяніемъ Шлейермахера онъ написалъ о значеніи христіанства статью, настолько рѣзкую, что ее не приняли даже въ Атеней. Въ ней находится та апоѳеоза католицизма и среднихъ вѣковъ, которая приведена нами въ вводной главѣ II т. (стр. 6). Авторъ мечтаетъ, что въ его время начинается возрожденіе истинной вѣры. Только новая вѣра будетъ толерантнѣе средневѣковой, духовенство будетъ просвѣщеннѣе и соединитъ результаты, добытые наукой, съ религіозной истиной. Этотъ переворотъ въ мірѣ призвана совершить Германія, гдѣ религіозное чувство еще такъ крѣпко въ народѣ. Послѣ него настанетъ золотое время, чудесное, цѣлительное, утишающее всякую личную скорбь. Кромѣ этой мечтательно-рѣзкой статьи, книга Шлейермахера вдохновила Новалиса къ нѣсколькимъ очень удачнымъ религіознымъ стихотвореніямъ.

«Рѣчи» Шлейермахера побудили Тика взяться за религіозную драму, и онъ принялся за передѣлку пьесы одного живописца Мюллера: «Жизнь и смерть св. Геновевы *), которую онъ пополнилъ мотивами изъ лубочной книги на ту же тему и обработалъ по своему, отчасти подражая Кальдерону. Въ этомъ пунктѣ юная романтическая школа впервые подаетъ руку и средневѣковой мистеріи, и религіозной испанской драмѣ, о которой до тѣхъ поръ мало кто и слышалъ въ Германіи. Гёте, которому Тикъ прочелъ свою пьесу, отнесся къ ней, какъ къ набору фантастическихъ картинокъ, мѣстами блестящихъ, но лишенныхъ всякаго драматическаго единства. Критика нашего времени не видитъ въ ней жизни, не видитъ драмы, а рядъ лирическихъ сценъ, даже не видитъ искренней религіозности, а только стремленіе къ ней; но публикѣ того времени она понравилась и вызвала не мало подражаній.

Въ то время, какъ Шлейермахеръ поднялъ кредитъ романтической школы въ глазахъ образованныхъ людей Германіи, все еще либеральныхъ, но отвернувшихся отъ ужасовъ революціи и безвѣрія, его

*) Св. Геновева или, по французскому произношенію, Женевьева — жена одного пфальцграфа, оклеветанная вассаломъ, напрасно домогавшимся ея любви, и изгнанная своимъ мужемъ.

другъ Фр. Шлегель уронилъ школу во мнѣніи всѣхъ добрыхъ граждань своимъ неоконченнымъ романомъ Люцинда. Это небольшое произведеніе, не выдерживающее съ художественной стороны и самой слабой критики, написанное съ умышленною небрежностью, изображаетъ жизнь двухъ эмансипированныхъ любовниковъ: герой его Юліусъ, молодой художникъ, работающій не для денегъ, а для славы, по внутреннему побужденію своей артистической натуры, послѣ долгаго ряда любовныхъ интригъ, сходится наконецъ съ родственной ему натурой, Люциндой, и жизнь ихъ течетъ гармонично, какъ любовная пѣснь. Рожденіе ребенка, художественную карьеру котораго они опредѣляютъ заранѣе, даетъ имъ «гражданскія права въ государствѣ природы»; о политическихъ и общественныхъ правахъ они, конечно, не хотятъ и думать.

Люцинда воплощаетъ нравственные взгляды романтиковъ, выраженные со всею рѣзкостью и необузданностью, какими отличался ея авторъ. Практическая дѣятельность, стремленіе къ извѣстной цѣли— грязнятъ душу и унижаютъ человѣческое достоинство. «Прилежаніе и польза—два ангела смерти съ огненными мечами, мѣшающіе людямъ вновь проникнуть въ рай». Прозябаніе, соединенное съ эстетическими наслажденіями, есть самая полная жизнь. Право на бездѣйствіе есть исконный принципъ истиннаго благородства; это то право, которое отличаетъ избранника отъ грубой толпы. Филистерская мораль безнравственна; фальшивый стыдъ вноситъ ложь во всѣ самыя святыя отношенія людей. Бракъ, какъ онъ практикуется въ Германіи, есть учрежденіе антиморальное; права мужа не имѣютъ никакого разумнаго основанія. Обычное представленіе о нравственности сводится къ pruderie, а pruderie есть претензія на невинность безъ самой невинности. Отъ женщины слѣдуетъ требовать прежде всего души и искренняго чувства, а не пошлой добродѣтели, источникомъ которой служитъ чаще всего трусость или желаніе пользоваться доходами мужа.

Этотъ небольшой романъ тѣмъ болѣе скандализировалъ общество, что не былъ продуктомъ воображенія, а изображалъ дѣйствительныя отношенія Доротеи Фейтъ къ автору, Фр. Шлегелю. Доротея была дочь знаменитаго Мозеса Мендельсона. Прекрасно образованная, живая, остроумная, но далеко не красавица, она была рано выдана за богатаго банкира Фейта, съ которымъ у нея по душѣ не было ничего общаго. У нихъ было уже двое дѣтей, и Доротея имѣла 32 года, когда въ Берлинѣ появился 25-лѣтній Фр. Шлегель. Единство вкусовъ и стремленій, ненависть къ филистерской пошлости, одинаково сильное увлеченіе прекраснымъ быстро сблизили ихъ. Доротея развелась съ мужемъ и переѣхала къ Фр. Шлегелю; скоро они вмѣстѣ переселились въ Іену.

Если романъ шокировалъ своими принципами такъ-называемыхъ порядочныхъ людей, нѣкоторой части молодежи онъ нравился именно этими принципами; торжество правъ природы и свобода отъ условной морали давно уже подготовлялись и послѣдователями Руссо, и дѣятелями «бурнаго» періода; за эту мораль не могли вступиться и веймарскіе корифеи; но за-то ихъ сильно возмутила Люцинда своей крайне нехудожественной формой. Съ этой же точки зрѣнія осудилъ ее и Авг. Шлегель, тогда какъ Новалисъ былъ возмущенъ издѣвательствомъ надъ институтомъ брака. Люцинда нашла себѣ между извѣстными литераторами только одного энергичнаго защитника Шлейермахера, который счелъ долгомъ заступиться за друга, подвергшагося всеобщимъ порицаніямъ.

О правахъ природы романтики толковали до сихъ поръ съ чужого голоса; наконецъ, нашелся сильный умъ въ ихъ партіи, у котораго любовь къ природѣ легла въ основу стройной философской системы; мы разумѣемъ Шеллинга.

Фридрихъ Вильгельмъ Шеллингъ, младшій изъ романтиковъ, род. въ 1775 г. въ Вюртембергѣ; онъ былъ сынъ пастора, человѣка очень ученаго и хорошаго педагога. Пробывъ всего полтора года въ гимназіи, Шеллингъ 15 лѣтъ поступилъ въ Тюбингенъ на богословскій факультетъ. Профессора были убѣждены, что изъ даровитаго юноши выйдетъ столпъ церкви, но онъ рано сталъ измѣнять имъ, увлекшись Кантомъ. Тѣмъ не менѣе его формальною спеціальностью оставалась теологія. 17 лѣтъ отъ роду онъ представилъ магистерскую диссертацію о потопѣ, изъ которой видно, какое огромное вліяніе имѣлъ на него уже въ это время Гердеръ. 20 лѣтъ онъ закончилъ свои богословскія занятія докторской диссертаціей: о Маркіонѣ, издателѣ писемъ ап. Павла. Послѣ этого онъ сталъ отыскивать философскую систему, которая удовлетворила бы его.

Онъ нашелъ таковую въ идеализмѣ Фихте, но задумалъ обосновать его, обративъ отъ метафизики на болѣе конкретные предметы, и составилъ философію природы, философію исторіи и философію искусства. Онъ взялъ мѣсто домашняго учителя, надѣялся поѣхать во Францію, но ему помѣшала война. Поселившись съ своимъ воспитанникомъ въ Лейпцигѣ, онъ началъ энергично работать надъ естественными науками.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ этой области было сдѣлано нѣсколько очень крупныхъ открытій, которыя должны были обратить на себя вниманіе всякаго серьезнаго мыслителя. Въ 1774 г. былъ открытъ кислородъ и объясненъ процессъ горѣнія; въ 1790 г. Гальвани обнародовалъ результаты своихъ знаменитыхъ опытовъ и

т. д. Шеллингъ воспользовался всѣми этими данными, чтобы выяснить единство законовъ природы и человѣческаго духа.

Въ 1798 г., 23-хъ лѣтъ отъ роду, Шеллингъ, по рекомендаціи Фихте и указанію Гёте, получилъ каѳедру въ Іенѣ. Онъ читалъ не особенно изящно, но каждое слово его было вѣско и производило впечатлѣніе. Основная задача его лекцій—дополнить философію Фихте, основавъ философію природы на идеальномъ *я*; сущность природы, по его убѣжденію,—абсолютная дѣятельность; она есть живое *я*. Съ романтиками его сблизили многія обстоятельства и между прочимъ то, что у нихъ были одни и тѣ же враги; сторонники «просвѣщенія» и тогдашняго позитивизма считали попытку Шеллинга соединить несоединимое нелѣпымъ новаторствомъ. Шеллингъ оказалъ на романтиковъ очень сильное вліяніе: самъ Фр. Шлегель сталъ заниматься физикой; Авг. Шлегель только теперь осмыслилъ занятія Гёте естественными науками, занятія, которыя до тѣхъ поръ ему казались капризомъ великаго ума. Съ другой стороны и Шеллингъ подчинился романтикамъ: онъ сталъ изучать Данта и на третій семестръ объявилъ курсъ по философіи искусства. Въ основу его былъ положенъ тезисъ, впервые выставленный Шиллеромъ и часто повторяемый романтиками (безъ указанія на автора, котораго они не любили), что эстетическій человѣкъ есть совершеннѣйшій человѣкъ. Въ искусствѣ Шеллингъ видитъ тождество безсознательнаго и сознательнаго; геній есть правда, дѣйствующая свободно; оттого и происходитъ его удовлетворенность и спокойное величіе; красота, по его опредѣленію, есть безконечное, выраженное въ формѣ конечнаго. Въ этомъ же курсѣ онъ яснѣе, чѣмъ кто-нибудь до него, опредѣлилъ значеніе миѳологіи, какъ посредствующаго члена между наукой и поэзіей.

На самой границѣ новаго столѣтія чуть не всѣ крупныя умственныя силы Германіи сосредоточились въ Веймарѣ и Іенѣ. Гёте и Шиллеръ могли ежедневно видѣть Фихте, Шеллинга, обоихъ Шлегелей съ ихъ «дамами»; Шлейермахеръ и Тикъ были съ Іеной въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Всѣ романтики усердно работали и продуцировали. Только Фр. Шлегель, находившій мало сбыта своимъ рѣзкимъ статьямъ, занимался главнымъ образомъ чтеніемъ. Когда Фихте лишился каѳедры по доносу въ атеизмѣ, Фр. Шлегель подалъ диссертацію pro venia legendi по каѳедрѣ философіи. На диспутѣ (1801 г.) произошелъ скандалъ: одинъ изъ оппонентовъ процитировалъ tractatum eroticum Lucinda; аспирантъ отвѣчалъ дерзостью; деканъ едва успѣлъ закончить диспутъ. Тѣмъ не менѣе Фр. Шлегель получилъ приватъ-доцентуру; на первыхъ лекціяхъ у него собиралась масса слушателей, но потомъ его аудиторія пустѣла все болѣе и болѣе: онъ довелъ идеализмъ Фихте до мистицизма, мало кому понятнаго; къ

концу семестра онъ убѣдился въ полной неудачѣ своей и бросилъ каѳедру, на которой онъ никакъ не могъ соперничать съ Шеллингомъ. Гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ былъ онъ въ области критики, и его статья, написанная въ ту же зиму, «разговоры о поэзіи», показываетъ, какъ расширился его художественный и историческій кругозоръ. Онъ доказываетъ въ ней, что исторію поэзіи можно изучать только въ связи съ исторіей другихъ искусствъ и вообще съ исторіей человѣчества. Это есть дѣйствительно наука, а не собраніе фактовъ, организмъ, изъ котораго нельзя исключить ни одного звена. Истинная исторія поэзіи одна можетъ дать твердыя основанія для ея теоріи. Теперь въ его глазахъ средніе вѣка,—не вѣка варварства, а эпоха, когда процвѣтала высокая національная эпопея нѣмцевъ, продуктъ безличнаго творчества; послѣ него развивается творчество личное, которое достигло высшаго развитія въ вѣкъ Шекспира и Сервантеса. Французскій классицизмъ есть временное паденіе искусства. Возрожденіе поэзіи и вообще искусства начинается съ Винкельмана и Гёте. Нѣмецкая поэзія была первоначально героической сагой, потомъ забавой рыцарей, затѣмъ ремесломъ горожанъ; теперь же она должна слиться съ наукой, стать высокимъ искусствомъ высокообразованныхъ и одаренныхъ творческой фантазіей поэтовъ. Въ этой же статьѣ Фр. Шлегель даетъ и новое опредѣленіе романтизма: романтично то, что представляетъ сантиментальное (т.-е. взятое изъ области чувства) содержаніе въ фантастической формѣ; подъ такое опредѣленіе подходятъ и Сервантесъ, и Шекспиръ, и Петрарка, и Тассо. Романтическому противуполагается античное, область котораго не чувство, а дѣйствія.

Совмѣстное житье въ одномъ городѣ членовъ романтической школы, какъ это часто бываетъ, нисколько не способствовало закрѣпленію ихъ связи другъ съ другомъ, а напротивъ производило столкновенія, которыя могли бы окончиться распаденіемъ партіи, еслибъ ихъ не сплотили въ одно цѣлое ихъ многочисленные враги. Романтики потеряли наконецъ единственный популярный органъ (Атеней шелъ плохо), въ которомъ они находили себѣ пріютъ: Allgemeine Zeitug, начавшая къ нимъ относиться двусмысленно послѣ появленія Люцинды, напечатала хвалебный отзывъ роману Николаи «Довѣренныя письма отъ Адельгейды Б. къ ея подругѣ Юліи Ц.», который пародировалъ «фрагменты» романтиковъ и Люцинду. Фр. Шлегель жестоко ополчился за это на редакцію, и романтики стали воевать брошюрами и пародіями; остроуміе нѣкоторыхъ изъ нихъ и твердость, съ которою романтики отстаивали свои принципы, разумѣется, способствовали популярности послѣднихъ, но несравненно бо̀льшее зна-

ченіе въ исторіи школы и вообще литературы имѣли публичныя лекціи, читанныя Авг. Шлегелемъ въ Берлинѣ.

Старшій Шлегель уже 3 года профессорствовалъ въ Іенѣ съ порядочнымъ успѣхомъ; въ 1801 г. онъ объявилъ, что въ зимній семестръ лекцій читать не будетъ, переѣхалъ въ Берлинъ и открылъ публичный курсъ, въ которомъ связалъ въ одно цѣлое и привелъ въ стройную систему все то, что фрагментарно и часто неясно было выражаемо его братомъ и другими членами школы. Лекціи носили общее заглавіе: «Объ изящной литературѣ и искусствѣ»; изложеніе ихъ было чрезвычайно просто, свободно отъ всякой риторики и вполнѣ общедоступно. Главная задача ихъ, ясная съ первой же лекціи,— низвергнуть старую теорію искусства и на мѣстѣ ея воздвигнуть новую, философскую, съ которой связана и исторія. Исторіи Шлегель придаетъ такое значеніе, какъ никто до него: исторія, по его словамъ, есть настоящая философія человѣчества, какъ философія есть внутренняя исторія одного человѣка. Опредѣливъ романтику, какъ противуположность классицизму,—противуположность, одновременно и историческую, и теоретическую, онъ переходитъ къ изложенію судебъ эстетики и ея основныхъ принциповъ съ точки зрѣнія Шеллинга *). Въ томъ же вводномъ курсѣ лекторъ даетъ удачныя опредѣленія отдѣльныхъ искусствъ и высказываетъ мотивированныя симпатіи и антипатіи романтиковъ.

Со второго курса (всѣхъ ихъ 3) начинается обзоръ исторіи поэзіи, главнымъ образомъ нѣмецкой. Самая плодотворная идея, которую онъ проводитъ здѣсь съ большою послѣдовательностью, есть идея національности вообще и, такъ сказать, народной гордости нѣмцевъ. Совершенною новостью въ его лекціяхъ было искусно, живо и съ знаніемъ дѣла составленное обозрѣніе наиболѣе характерныхъ памятниковъ средневѣковой нѣмецкой поэзіи. Достаточно сказать, что именно его лекціями о Нибелунгахъ молодой чиновникъ фонъ-деръ-Галенъ былъ побужденъ къ тому, чтобы оставить службу и отдаться изученію средневѣковой нѣмецкой старины.

Лекціи Авг. Шлегеля были какъ бы генеральнымъ и хорошо обдуманнымъ сраженіемъ, въ которомъ романтики не мечтали одержать рѣшительную побѣду, но надѣялись развернуть свои силы и удержать за собою поле битвы. Эти надежды оправдались: даже берлинская публика, большинство которой все еще жило идеями «просвѣщенія», заинтересовалась новой школой и приняла многіе изъ ея взглядовъ; среди молодежи эти взгляды нашли себѣ много даровитыхъ и горячихъ приверженцевъ.

*) Къ его опредѣленію прекраснаго онъ дѣлаетъ характерную прибавку: прекрасное есть символическое изображеніе безконечнаго въ конечномъ.

Послѣ этихъ лекцій кружокъ основателей школы видимо распадается: Новалисъ-Гарденбергъ умеръ еще въ мартѣ 1801 г., не доживши до своей свадьбы. Авг. Шлегель, уже разошедшійся съ женой, уѣхалъ съ M-me Сталь путешествовать за-границу; Фр. Шлегель, послѣ недолгаго пребыванія въ Дрезденѣ, вмѣстѣ съ Доротеей отправился въ Парижъ, гдѣ началъ усиленно заниматься санскритомъ. Тикъ послѣ долгихъ сборовъ уѣхалъ въ Италію и въ Ватиканѣ сталъ изучать старинную нѣмецкую литературу. Фихте и Шеллингъ отшатнулись отъ литературной борьбы и занимались своею спеціальностью, Шлейермахеръ заинтересовался Платономъ. На литературное поприще выступаетъ второе поколѣніе романтиковъ: Брентано, Ахимъ фонъ-Арнимъ, Вернеръ, Клейстъ и др.; но о нихъ, также какъ и о позднѣйшей дѣятельности Шлегелей, Тика и сильномъ движеніи въ наукѣ изученія родной старины будетъ рѣчь въ обзорѣ литературы XIX вѣка.

Теперь мы возвращаемся къ одинокому Гёте, чтобы закончить его біографію и перечень его послѣднихъ произведеній.

Рана, нанесенная его сердцу смертью Шиллера, еще не успѣла зажить, какъ тяжелыя политическія обстоятельства измѣнили всю его жизнь въ самую непріятную для него сторону: въ октябрѣ 1806 г. произошла битва подъ Іеной, бомбардированіе Веймара и занятіе его французскими войсками. Домъ Гёте и его рукописи были спасены, но французы въ нѣсколько дней выпили у него 12 бочекъ вина и причинили ему убытку на 2.000 талеровъ. Гёте, всегда равнодушный къ политикѣ, теперь волею-неволею долженъ былъ заниматься ею и энергично заступаться за своего герцога. Пять дней спустя послѣ Іенской битвы Гёте обвѣнчался съ Христиною Вульпіусъ, чтобы обезпечить ее и сына на случай несчастія. Въ 1808 г. во время Эрфуртскаго съѣзда Гёте представлялся Наполеону, который продержалъ его у себя около часу и встрѣтилъ и проводилъ словами: voila un homme! Затѣмъ они нѣсколько разъ видѣлись въ Веймарѣ. Наполеонъ расхваливалъ Вертера, котораго онъ прочиталъ 7 разъ, совѣтовалъ Гёте написать трагедію — Смерть Юлія Цезаря, усиленно звалъ его въ Парижъ и наградилъ его орденомъ почетнаго легіона.

Въ 1809 г. Гёте окончилъ новый романъ «Отилія или сродство натуръ» (Wahlverwandschaften). Когда Гёте еще учился въ Страсбургскомъ университетѣ, онъ совершилъ экскурсію въ монастырь Гогенбургъ на Отиліевой горѣ, и въ его память врѣзалась легенда о слѣпорожденной св. Отиліи, которая безъ вины съ своей стороны навлекла несчастіе на дорогихъ ей людей. Теперь онъ вспомнилъ эту легенду, чтобы воспользоваться именемъ Отиліи и мотивомъ для изображенія только-что пережитой имъ душевной драмы: пятидесятисемилѣтній

поэтъ влюбился въ молоденькую дѣвушку, Минну Герцлибъ, пріемную дочь его стараго пріятеля Іенскаго книгопродавца Фромана, которая со своей стороны полюбила знаменитаго старика. Гёте страдалъ какъ юноша, и друзья спасли его, отправивъ Минну въ пансіонъ; полное успокоеніе Гёте нашелъ только въ творчествѣ.

Въ романѣ 4 главныхъ дѣйствующихъ лица: супруги Эдуардъ и Шарлота и ихъ возлюбленные: капитанъ и Отилія; Эдуардъ и Шарлота имѣютъ, повидимому, полное право на счастіе другъ съ другомъ, но сродство натуръ, какъ нѣкая внѣшняя сила, влечетъ Эдуарда къ Отиліи, племянницѣ Шарлоты, и Шарлоту къ капитану, другу Эдуарда. Шарлота и капитанъ — люди долга, владѣющіе своими страстями; Эдуардъ и Отилія люди страсти.

Тѣмъ не менѣе, Отилія идеальная натура, готовая всѣмъ жертвовать для другихъ; несчастіе, которое она вноситъ въ чужую семью, прежде всего разбиваетъ ея собственное сердце; романъ оканчивается трагически—смертью Отиліи и потомъ Эдуарда.

Люди долга и разсудка въ поэтическомъ воспроизведеніи обыкновенно бываютъ сухи и антипатичны; Гёте въ изображеніи Шарлоты и капитана съумѣлъ избѣжать этого.

По мнѣнію критиковъ, въ Эдуардѣ и капитанѣ Гёте изобразилъ двѣ стороны самого себя; въ трагической развязкѣ романа нельзя не замѣтить любопытной параллели съ Вертеромъ: ею поэтъ, спасшійся самъ отъ крушенія, предостерегаетъ другихъ.

Въ романѣ много прекрасныхъ частностей, много тонкой психологіи; большинство второстепенныхъ лицъ очерчены рукой великаго мастера; но въ общемъ для не нѣмецкихъ читателей онъ скученъ и растянутъ *), и основная задача его представляется странной, натянутой, какъ странна и самая страсть стараго поэта къ дѣвушкѣ, которая годилась ему во внучки.

Но романъ очень интересенъ въ историко-литературномъ отношеніи: соединеніе поэзіи съ наукой, мистика чувствъ, сновъ, предчувствій, симметричность его расположенія (въ каждой части ровно по 18-ти главъ) указываютъ на вліяніе романтической эстетики, а точное и обстоятельное изложеніе мелочей помѣщичьей жизни — на стремленіе Гёте къ реализму, который въ будущемъ долженъ былъ замѣстить романтику.

«Сродство натуръ» одна изъ первыхъ художественныхъ попытокъ изображенія нѣмецкой буржуазной дѣйствительности.

Въ 1810 г. Гёте окончилъ свой ученый трактатъ «Ученіе о цвѣтахъ» (Farbenlehre), который стоилъ ему бо̀льшаго труда, нежели

*) Отчасти это объясняется тѣмъ, что въ немъ матеріалъ разсчитанъ только на повѣсть.

остальные, а положительной пользы наукѣ принесъ менѣе всѣхъ другихъ: Гёте не имѣлъ физико-математическаго образованія, необходимаго для работъ по оптикѣ. За-то въ его трактатѣ много превосходныхъ частностей, открывающихъ интереснѣйшія перспективы.

Въ слѣдующемъ 1811 г. онъ началъ печатать свою автобіографію (Dichtung und Wahrheit, 3-я книга вышла въ 1814 г.), которая должна была служить, и дѣйствительно служитъ лучшимъ комментаріемъ къ его произведеніямъ. 1-я книга чрезвычайно важна и для пониманія другихъ литературныхъ явленій XVIII вѣка.

«Великая борьба народовъ за свободу» не произвела на Гёте почти никакого впечатлѣнія: онъ былъ убѣжденъ въ ея безплодности и не признавалъ за современными ему нѣмцами способности къ активной политической жизни. Онъ отказался пѣть патріотическія пѣсни, такъ какъ не чувствовалъ себя въ такомъ настроеніи и былъ убѣжденъ, что въ случаѣ удачи нѣмцы замѣнятъ только однихъ владыкъ другими. Въ то время, какъ все вокругъ него жило только политикой, онъ началъ учиться по-арабски и по-персидски и, вдохновленный Гаммеровымъ переводомъ Гафиза, сталъ писать пѣсни въ восточномъ духѣ, изъ которыхъ немного позднѣе (1819 г.) составился его знаменитый сборникъ: Westöstlicher Divan (западно-восточный диванъ). Названіе нельзя не признать вполнѣ удачнымъ и выражающимъ сущность предмета: дѣйствительно, здѣсь соединены азіатско-восточные образы и западно-европейскія мысли и чувства, и геній Гёте могъ придать такому соединенію нѣкоторую гармоничность; но тюрбанъ, которымъ украшалъ себя Гёте, былъ плохой маской; подъ нимъ всякій легко узнавалъ величественныя черты веймарскаго тайнаго совѣтника, какъ въ Зулейкѣ—его франкфуртскую юную пріятельницу Маріанну ф. Виллемеръ (ихъ отношенія были вполнѣ чисты и могутъ быть названы поэтической дружбой), а въ Тимурѣ—Наполеона.

Когда въ 1814 г. Гёте пріѣхалъ въ родной городъ Франкфуртъ (о которомъ онъ очень тепло отозвался въ своей автобіографіи), граждане устроили ему рядъ овацій, напоминавшихъ оваціи Парижанъ Вольтеру.

Возстановленіе мира въ Европѣ застало Гёте еще въ цвѣтѣ его умственныхъ силъ и въ полномъ сознаніи честно исполненнаго долга; его незыблемо утвердившаяся слава доставляла ему немалое удовольствіе. Но жить ему становилось все скучнѣе и тяжеле, такъ какъ близкіе ему люди одинъ за другимъ покидали міръ: въ 1808 г. умерла его мать, въ 1813 г. онъ потерялъ послѣдняго изъ литературныхъ соратниковъ своей юности Виланда; наконецъ въ 1816 г. умерла его жена. Хотя Христина послѣ брака, который открылъ ей доступъ въ веймарское общество, держала себя несравненно съ бо́льшимъ тактомъ

и достоинствомъ, чѣмъ прежде, все же между нею и мужемъ, по общему мнѣнію, было слишкомъ мало общаго, и никто не ожидалъ, что ея смерть такъ тяжело подѣйствуетъ на Гёте; его раздирающая душу скорбь въ моментъ смерти жены, его долгая и искренняя печаль потомъ служатъ лучшимъ ей оправданіемъ въ глазахъ потомства. Его утѣшила до извѣстной степени только женитьба сына, въ женѣ котораго домъ Гёте нашелъ хорошую хозяйку, а старый поэтъ — любящую и заботливую дочь.

Съ 1816 года Гёте началъ издавать журналъ подъ названіемъ: «Искусство и древность», въ которомъ былъ самымъ энергичнымъ сотрудникомъ; онъ велъ его цѣлыя 12 лѣтъ и черезъ его посредство управлялъ художественными мнѣніями лучшихъ людей всей Европы. Въ это время онъ уже высоко цѣнилъ и готику, и старо-нѣмецкую живопись, но когда въ 1818 г. появились извѣстные слѣпки съ Пароенона, онъ снова вернулся къ юношескому увлеченію античной пластикой.

Въ 1817 г. Гёте оставилъ управленіе веймарскимъ театромъ; онъ нѣсколько охладѣлъ къ нему еще со смерти Шиллера, но тѣмъ не менѣе продолжалъ для него работать, между прочимъ обогащая его репертуаръ переводами и передѣлками. Чтобы заинтересовать публику, онъ часто долженъ былъ ставить модныя пьесы, внутреннее достоинство которыхъ онъ цѣнилъ не высоко; это, естественно, было тяжело для его художественной совѣсти. Наконецъ, когда, вслѣдствіе закулисной интриги, великій герцогъ *) противъ воли Гёте пригласилъ на веймарскій театръ актера Карстена ради его **собаки**, которая такъ искусно исполняла свою роль въ одной мелодрамѣ («Собака Монтаргиса»), что тѣмъ пріобрѣла себѣ обширную извѣстность, Гёте разсердился и вышелъ въ отставку.

Освобожденіе отъ занятій по театру не увеличило досугу Гёте: въ 70 лѣтъ онъ работалъ также энергично, какъ и въ 20, и занятія его были такъ же разнообразны, какъ во времена его студенчества въ Страсбургѣ: онъ занимался греческой археологіей и искусствомъ, естественными науками (въ это время его особенно интересовала химія), англійской литературой (особенно Скоттомъ и Байрономъ; послѣдняго онъ считалъ величайшимъ поэтомъ эпохи), средневѣковымъ искусствомъ, исторіей и поэзіей востока, Кальдерономъ, новогреческой народной поэзіей и т. д., и т. д. Онъ слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось замѣчательнаго во всей Европѣ, и французскіе, и итальянскіе романтики были ему также хорошо знакомы, какъ и успѣхи нѣмецкой исторіографіи и изученія народности. Онъ рѣдко

*) Карлъ Августъ получилъ это увеличеніе своего титула въ 1816 г., причемъ и Гёте былъ почтенъ нѣсколькими наградами.

выѣзжалъ, еще рѣже показывался при дворѣ; но за-то великая герцогиня бывала у него каждую недѣлю и приводила къ нему всѣхъ высокихъ посѣтителей Веймара (въ томъ числѣ Гёте навѣстилъ и великій князь, впослѣдствіи русскій императоръ Николай Павловичъ); великій герцогъ входилъ къ нему безъ доклада и оставался по цѣлымъ часамъ.

Въ 1821 г. вышла первая часть романа Гёте «Годы странствованія Вильгельма Мейстера», какъ 2-я половина знаменитаго произведенія лучшихъ годовъ его жизни *). Она далеко не имѣетъ достоинствъ первой: въ ней есть прелестные эпизоды, вполнѣ достойные Гёте, и много глубокихъ мыслей и учености, но въ общемъ нельзя не согласиться съ Льюисомъ, что это слабо обдуманная и плохо написанная книга, къ тому же сильно испорченная страстью автора къ символизму и аллегоріи. Она вызвала нѣсколько неблагопріятныхъ отзывовъ въ Германіи, но Гёте, европейская слава котораго росла съ каждымъ днемъ, не обратилъ на нихъ вниманія.

На 74-мъ году жизни Гёте въ послѣдній разъ испыталъ любовь въ Маріенбадѣ (къ молоденькой дѣвушкѣ фонъ-Левецовъ, которая, съ своей стороны, влюбилась въ него и готова была выдти за него замужъ, но Гёте не рѣшился подвергнуть ее и себя всеобщему посмѣянію) и воспѣлъ ея радости и горе въ такъ-называемой «Трилогіи страсти» и въ особенности въ средней ея части: «Элегіи».

Въ 1825 г. въ Веймарѣ отпраздновали 50-лѣтній юбилей царствованія Карла Августа, а вскорѣ послѣ этого съ неменьшею торжественностью и задушевностью и 50-лѣтіе пребыванія Гёте въ Веймарѣ; послѣднее празднество отразилось и въ другихъ городахъ Германіи.

Въ 1828 году скончался либеральнѣйшій и гуманнѣйшій изъ нѣмецкихъ государей Карлъ Августъ, «братъ по оружію», какъ называлъ его Гёте; за нимъ вскорѣ послѣдовала и герцогиня Луиза. Старый поэтъ оставался совсѣмъ одинъ среди молодого поколѣнія. Но онъ все еще не слагалъ оружія.

Въ іюлѣ 1830 г. была окончена 2-я часть Фауста. Мнѣніе о ней высказали мы выше; теперь мы ограничимся только тѣмъ, что приведемъ планъ ея, какъ его понимаетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ

*) Романъ, полное заглавіе котораго: Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden, былъ оконченъ въ 1829 г. Въ немъ-то тайное общество, членомъ котораго сдѣлался Мейстеръ, ставитъ себѣ задачею жить только для блага другихъ; Вильгельмъ Мейстеръ оставляетъ жену, ѣдетъ въ Италію и становится хирургомъ. Настоящимъ героемъ романа дѣлается сынъ Вильгельма и Наталіи: онъ получаетъ идеальное воспитаніе, и его премудро устроенная и направленная жизнь представляется, какъ противуположность заблужденіямъ и ошибкамъ его отца.

Фауста, Вильгельмъ Шереръ, не разъ читавшій въ Вѣнѣ въ Берлинѣ спеціальные курсы о немъ *):

„Въ началѣ 2-й части эльфы обвѣваютъ голову виновнаго (въ гибели Гретхенъ) Фауста, успокоиваютъ терзанія его сердца, удаляютъ отъ него горькія стрѣлы упрека, купаютъ его въ росѣ потока забвенія и снова возвращаютъ его святому свѣту. Затѣмъ мы видимъ его вмѣстѣ съ Мефистофелемъ при дворѣ императора, котораго они находятъ въ затруднительномъ финансовомъ положеніи **); они помогаютъ ему волшебствомъ, и Фаустъ показываетъ ему Елену ***). Но ея видъ производитъ на него самого магическое дѣйствіе. Онъ хочетъ овладѣть ею, хватаетъ ее, но происходитъ взрывъ,—Фаустъ падаетъ, Елена изчезаетъ въ воздухѣ; здѣсь оканчивается первый актъ.

Мефистофель относитъ упавшаго въ обморокъ Фауста въ его старый ученый кабинетъ, гдѣ, между тѣмъ, работаетъ его прежній фамулусъ Вагнеръ, который сдѣлалъ великое открытіе: ему удалось искусственнымъ образомъ произвести человѣка (Homunculus), и этотъ Гомункулюсъ оказывается скороспѣлымъ умникомъ особаго рода: онъ называетъ Мефистофеля своимъ двоюроднымъ братцемъ, но онъ видитъ дальше, нежели сѣверный чортъ: онъ угадываетъ мысли Фауста, который все еще думаетъ о Еленѣ, и рекомендуетъ перенести его на почву древности: въ Фарсалѣ готовится классическая Вальпургіева ночь, сборище древнегреческихъ привидѣній. Только тамъ можетъ излѣчиться Фаустъ. Такъ и дѣлаютъ; Мефистофель и Гомункулюсъ отправляются вмѣстѣ съ Фаустомъ по воздуху и спускаются на фарсальскихъ поляхъ у Пенея. Какъ только Фаустъ коснулся земли, онъ спрашиваетъ: „гдѣ она?“ И онъ ходитъ между миѳологическими существами и спрашиваетъ: „видѣлъ-ли кто-нибудь изъ васъ Елену?“ Центавръ Хиронъ беретъ его на свою спину и переноситъ къ пророчицѣ Манто, дочери Эскулапа, какъ помѣшаннаго, котораго она, можетъ быть, вылѣчитъ. Но она восклицаетъ: „Я люблю того, кто желаетъ невозможнаго“ и обѣщаетъ провести его темнымъ ходомъ къ Персефоніи; тамъ вымолитъ онъ Елену. Сцена, въ которой онъ дѣлаетъ это, не была написана.

Но въ третьемъ актѣ, послѣ того, какъ съ шумомъ пронеслись чудеса классической Вальпургіевой ночи, послѣ того, какъ Гомункулюсъ разбился у ногъ красоты, у раковиннаго трона Галатеи ****), послѣ того, какъ Мефистофель облекся въ античный костюмъ и принялъ видъ Форкіады, желанія Фауста оказываются исполненными. Елена уже на землѣ, въ Спартѣ. Изъ памяти ея изгладилось все, что было послѣ паденія Трои и возвращенія. Она только-что пріѣхала къ этимъ берегамъ, высланная впередъ Менелаемъ, чтобы устроить жертвоприношеніе. На

*) Gesch. der deutschen Litteratur, стр. 707 и слѣд.

**) Сцена при дворѣ, въ особенности рѣчи канцлера — одно изъ удачнѣйшихъ и доступныхъ безъ долгихъ объясненій мѣстъ пьесы. Юморъ Гёте здѣсь немного грубоватъ, но силенъ и внушителенъ.

***) Эпизодъ взятъ изъ народной книги о Фаустѣ, но обставленъ аллегоріями, смыслъ которыхъ мало кому ясенъ: Мефистофель не можетъ вызвать Елены, и Фаустъ, чтобы получить власть на это, долженъ отправиться къ матерямъ, живущимъ внѣ видимаго міра.

****) Гомункулюсъ, несмотря на свое странное происхожденіе, одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ 2-й части Фауста: его преждевременная зрѣлость, крайній матеріализмъ, насмѣшливость, наконецъ самая гибель его отъ силы чувства, котораго, повидимому, нельзя было бы и ожидать отъ его сухой, разсудочной натуры, вполнѣ достойны генія, создавшаго 1-ю часть Фауста.

порогѣ дворца встрѣчаетъ ее Мефистофель въ видѣ Форкіады и объявляетъ ей, что жертва—она сама; что ей предстоитъ пасть подъ топоромъ. Но Мефистофель предлагаетъ и средство къ спасенію: во время отсутствія Менелая, въ горахъ за Спартой поселился воинственный сѣверный народъ; властитель его можетъ защитить Елену. Она согласна. Мефистофель переноситъ ее вмѣстѣ съ ея женщинами въ волшебномъ туманѣ въ замокъ, гдѣ ее встрѣчаетъ Фаустъ, какъ владѣтель, окруженный призрачной свитой; онъ быстро пріобрѣтаетъ ея любовь и увозитъ ее съ собою въ Аркадію. Плодъ ихъ союза—мальчикъ Эвфоріонъ (прекрасный, какъ ангелъ); но онъ черезъ-чуръ рѣзвится въ игрѣ, стремится въ даль, взлѣзаетъ на скалы, хочетъ взобраться все выше и выше, хочетъ летѣть, свергается въ воздухъ и падаетъ мертвый къ ногамъ родителей. Его духъ зоветъ мать изъ глубины и увлекаетъ ее за собою. Фаустъ остается одинъ; при немъ только одежды Елены; онѣ обращаются въ облако и уносятъ его прочь.

Въ четвертомъ актѣ Фаустъ выходитъ изъ облака на вершинѣ высокой горы. Является Мефистофель и спрашиваетъ его, ужели онъ во время своего далекаго пути по разнымъ землямъ не видѣлъ ничего такого, чѣмъ онъ хотѣлъ бы владѣть? Фаустъ имѣетъ желаніе: онъ хочетъ отнять землю у моря, сдѣлать безплодное плодоноснымъ, побѣдить неукротимую стихію. Быстро исполняется его воля. Противъ императора, которому онъ уже помогалъ однажды, произошло возмущеніе; Фаустъ и Мефистофель приходятъ ему на подмогу съ своими волшебными силами и побѣждаютъ его враговъ. Въ награду за это Фаустъ долженъ получить морской берегъ; но сцены, въ которой это дѣйствительно происходитъ, нѣтъ въ пьесѣ.

Въ пятомъ актѣ новое созданіе уже въ ходу, и состарѣвшійся Фаустъ, какъ князь, владычествуетъ въ пріобрѣтенной землѣ. Гдѣ прежде ходили волны, теперь простираются луга, сады, село и лѣсъ. Мефистофель и духи должны служить великимъ цѣлямъ; но они, гдѣ могутъ, мѣшаютъ въ дѣло свой дьявольски-злой элементъ: торговлю и мореплаваніе обращаютъ они въ пиратство; они извращаютъ волю властителя: гдѣ имъ нужно дѣйствовать кроткимъ принужденіемъ, тамъ они жгутъ и убиваютъ *). Фаустъ чувствуетъ, что пока онъ не удалитъ отъ себя магіи, воля его не можетъ дѣйствовать свободно. На него нападаетъ Забота; онъ отказывается отъ своихъ магическихъ средствъ и не произноситъ волшебнаго слова; но онъ и не нуждается въ немъ. Забота не можетъ осилить его **): напрасно она пугаетъ его словами; напрасно ослѣпляетъ его своимъ дыханіемъ: внутри его по прежнему сіяетъ яркій свѣтъ, и онъ неутомимо зоветъ своихъ помощниковъ на работу. Нужно провести каналъ, и Фаустъ радуется, слыша, какъ бодро стучатъ лопаты; но копаютъ не то, что приказалъ онъ: они роютъ ему могилу. Между тѣмъ Фаустъ рисуетъ въ своемъ умѣ будущее, когда на вновь пріобрѣтенной почвѣ будетъ жить дѣятельный народъ. Онъ хотѣлъ бы стоять съ свободными людьми на свободной землѣ. Еслибъ онъ этого достигъ, онъ сказалъ бы мгновенію: „остановись: ты такъ прекрасно!“ Въ этомъ предчувствіи онъ умираетъ. Мефистофель проигралъ; ему не удалось надолго заставить Фауста свернуть съ настоящей дороги; онъ оставался до послѣдняго часа неустанно стремящимся впередъ, дѣятельнымъ для блага общаго. Напрасно выставляетъ Мефистофель свои полки: они побѣждены въ битвѣ съ ангелами. Небесные посланники возносятъ го́рѣ безсмертную часть Фауста. Марія, окруженная кающимися, не-

*) Здѣсь глубоко трагическій эпизодъ съ Филемономъ и Бавкидой.

**) Здѣсь Гёте въ прекрасныхъ стихахъ высказываетъ практическую философію, которой онъ руководился въ продолженіе своей жизни.

сется ему на-встрѣчу. Гретхенъ принимаетъ его и переноситъ въ высшія сферы: любовь возноситъ его на небо".

На революцію 1830 г. Гёте, бывшій теперь еще болѣе равнодушнымъ къ политикѣ, нежели когда-нибудь прежде, не обратилъ почти никакого вниманія; гораздо болѣе заинтересовалъ его споръ между Кювье и Жофруа С. Илеромъ о единствѣ животныхъ организмовъ; обзоръ этого спора былъ его послѣдней ученой работой.

Въ октябрѣ того же 1830 г. стараго поэта постигло страшное горе: его единственный сынъ, отправившійся въ Италію для поправленія здоровья, умеръ въ Римѣ; Гёте едва пережилъ этотъ ударъ, однако оправился и снова принялся за свои работы.

Въ Августѣ 1831 г., передъ наступленіемъ дня своего рожденія, Гёте отправился въ Ильменау, чтобы избѣжать томительныхъ для него торжествъ въ Веймарѣ, взобрался на вершину горы Гикельгана (Gickelhahn) и вошелъ въ хижину, гдѣ онъ бывалъ когда-то съ Карломъ Августомъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и молодости, переживая самые сильные моменты своей любви къ фрау фонъ-Штейнъ (ея уже давно не было въ живыхъ); въ этой хижинѣ онъ написалъ въ 1783 г. свою извѣстную пѣсню, такъ художественно переведенную Лермонтовымъ:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной и т. д.

Теперь, почти черезъ полстолѣтіе, Гёте, пережившій почти всѣхъ близкихъ людей, увидѣлъ эти стихи, написанные на стѣнѣ! Слезы брызнули изъ его старческихъ глазъ, и онъ повторилъ двѣ послѣднія строки:

Подожди немного:
Отдохнешь и ты.

До слѣдующаго своего дня рожденія Гёте не дожилъ. 16 марта 1832 г. онъ заболѣлъ простудою; на другой день онъ будто началъ поправляться, но потомъ ему стало замѣтно хуже, а 22 марта онъ скончался тихо, почти безболѣзненно. Mehr Licht! (больше свѣту) были его послѣднія слова.

Въ заключеніе этой главы мы должны назвать книгу, которая имѣетъ право занимать непослѣднее мѣсто между произведеніями величайшаго нѣмецкаго поэта, хотя она написана не имъ. Гёте въ послѣднія десятилѣтія своей жизни почти постоянно работалъ съ секретаремъ; ихъ перемѣнилось нѣсколько. Послѣднимъ и, можетъ быть, лучшимъ его помощникомъ былъ Іог. Петръ Эккерманъ (Eckermann), самъ немного поэтъ и большой поклонникъ или, вѣрнѣе, обожатель Гёте, который очень цѣнилъ его усердіе и преданность и охотно велъ съ нимъ долгія бесѣды. Эккерманъ добросовѣстно въ

тотъ же вечеръ записывалъ эти разговоры (часто возбуждавшіеся его же вопросами). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Гёте онъ издалъ ихъ подъ заглавіемъ: Gespräche mit Goethe in dne letzten Jahren seines Lebens 1823—1832 (1837—1848) *). Эта книга не только служитъ вмѣстѣ съ автобіографіей Гёте лучшимъ комментаріемъ къ его произведеніямъ, но и помимо этого имѣетъ огромный общій интересъ: добросовѣстно собранныя и живо, съ литературнымъ талантомъ изложенныя мысли и мнѣнія такого геніально-умнаго, много читавшаго и много видѣвшаго человѣка, замѣчанія по разнымъ вопросамъ искусства такого великаго художника, какъ Гёте, навсегда останутся однимъ изъ величайшихъ продуктовъ ума человѣческаго. Читая эти «Разговоры», нельзя не придти къ мысли, что въ краткой характеристикѣ Гёте, сдѣланной Наполеономъ, заключается великая правда: Voila un homme, вотъ человѣкъ, въ лучшемъ значеніи этого слова!

P.

XVI. Очеркъ исторіи Нидерландской литературы.

Главныя пособія: W. I. A. Joncbloet's Geschichte der niederländischen Literatur (deutsche Ausgabe von w. Willh. Berg) I—II Bd. Leipzig 1870.
Ferd. v. Hellwald: Geschichte der niederländischen Literatur (verfasst u. durch Proben verauschaulicht von L. Schneider) Leipz. (1887) (Geschichte der Weltlitteratur Bd. IX).
Статьи П. Корсакова.

Нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, который не интересовался бы нидерландскою живописью, и которому имена Рембрандта, Рубенса, Вандика были бы совершенно чужды; но очень немногіе иностранцы имѣютъ понятіе о новой нидерландской литературѣ. Само собою разумѣется, что это должно имѣть свои основанія, и главнѣйшее изъ нихъ то, что въ области искусствъ пластическихъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время, Нидерланды ведутъ за собою Европу, а въ области поэзіи они идутъ за передовыми націями ея. Поэтому ихъ литература въ нашемъ обозрѣніи не можетъ занимать много мѣста, но очеркъ главнѣйшихъ ея явленій мы считаемъ необходимымъ, хотя бы уже по одному тому, что онъ можетъ комментировать политическую жизнь великаго въ свое время народа и его художественныя произведенія.

Мы оставили Нидерланды на границѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени (т. II, гл. XVIII).

Мы видѣли, что вслѣдствіе ранняго развитія городовъ, нидерландская литература, уже при самомъ зарожденіи своемъ, выказала осо-

*) Потомъ не одинъ разъ переизданы.

бенное стремленіе къ дидактикѣ и сатирѣ; видѣли рано развившійся духъ общественности, проявившійся, между прочимъ, въ основаніи множества литературныхъ обществъ (стр. 699), и особенную любовь къ сценическимъ представленіямъ. Достаточно прочесть нѣсколько страницъ изъ 2-го отдѣла превосходной книги Тэна «Философія искусства въ Нидерландіи» *), чтобы убѣдиться, что народъ, государи котораго такъ обставляли свои придворныя празднества, долженъ былъ любить театръ и заботиться прежде всего о его внѣшней сторонѣ, о роскоши костюмовъ, декорацій, которая возмѣщала поучительную сухость содержанія и бѣдность творческой фантазіи. Всѣ эти черты національнаго характера должны были остаться и развиться въ новой нидерландской литературѣ, осложнившись тѣмъ, что внесли въ нее историческія судьбы народа.

Мы не будемъ говорить о началѣ и развитіи гуманизма въ Нидерландахъ, такъ какъ о Гергардѣ Гротэ и Эразмѣ Роттердамскомъ было сказано выше; самъ гуманизмъ по своему международному характеру не имѣетъ особой исторіи въ каждой странѣ, а его вліяніе на національную литературу сказывается позднѣе.

Политическая и религіозная борьба въ Нидерландахъ начинается уже съ первой половины XVI-го вѣка; вслѣдствіе густоты народонаселенія и его энергіи борьба сразу принимаетъ крайне ожесточенный характеръ: повидимому, въ такое время нельзя ожидать особыхъ успѣховъ ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ, ни въ наукѣ. И дѣйствительно, ни въ одной изъ этихъ областей нидерландцы не совершили ничего выдающагося, вѣчно памятнаго; но внутреннія силы народа были такъ велики, что и здѣсь жизнь бьетъ ключемъ и качество возмѣщается количествомъ.

Больше всего движенія замѣчаются въ камерахъ, около которыхъ группируются отдѣльные дѣятели. Камеры устраиваютъ очень часто засѣданія, въ которыхъ происходятъ состязанія старыхъ членовъ и испытанія новыхъ; упражняются преимущественно въ лирикѣ, которая доходитъ въ отношеніи формы до крайней искусственности. Пишутъ такъ-называемыя колѣнныя стихотворенія (экспромптомъ, на колѣнкѣ) съ замѣчательно чистой риѳмой; пишутъ ретрограды, въ которыхъ каждую строчку можно читать и отъ конца къ началу, allreim'ы, въ которыхъ каждое слово риѳмуетъ съ соотвѣтствующимъ словомъ въ слѣдующей строкѣ и т. д. Казалось бы, что при такой искусственности формы немыслимо серьезное или даже сколько-нибудь разумное содержаніе; но это не совсѣмъ такъ: поэзіи въ этихъ упражненіяхъ нѣтъ и слѣда, но много здоровой морали, и нерѣдки случаи энергичнаго протеста противъ общественныхъ неустройствъ и

*) Русскій переводъ А. Н. Чудинова. М. 1874 г., стр. 242 и слѣд.

притѣсненій правительства. Стихотворная форма стала настолько общимъ достояніемъ, что даже учебники піитики сочиняются стихами.

Въ торжественныхъ случаяхъ камеры устраиваютъ праздники и съѣзды, которые отличаются поразительною роскошью *). На праздникахъ даются прекрасно обставленныя представленія ad hoc сочиненныхъ пьесъ (Sinnspiele), которыя нельзя причислить ни къ какому изъ нынѣ существующихъ видовъ драмы, но которыя стоятъ въ несомнѣнной генетической связи съ средневѣковыми моралитэ. Sinnspiel должно дать въ драматической формѣ отвѣтъ на поставленный отвлеченный вопросъ. Вопросы бываютъ или сравнительно невинные, — чисто моральные, или болѣе опасные—съ религіознымъ оттѣнкомъ; послѣдніе въ эпоху реформаціонной борьбы непремѣнно сводились къ интересу дня и большею частью поддерживали новое ученіе; но и вопросы, повидимому, невинные, часто вели къ порицанію католическаго духовенства **). Вотъ отчего Филиппъ II опредѣлилъ смертную казнь авторамъ и актерамъ тѣхъ пьесъ, которыя заключаютъ въ себѣ что-либо противуправительственное; вотъ отчего между жертвами герцога Альбы такъ много видныхъ дѣятелей изъ риторскихъ камеръ.

Но иныя камерныя представленія, въ особенности въ южныхъ провинціяхъ, избѣгали опасныхъ темъ и преслѣдовали больше педагогическія цѣли, знакомя массу публики съ классическими сюжетами, причемъ придерживались и формъ классической драмы.

Вообще дѣятели нидерландскаго возрожденія не зарывали своего таланта въ землю, а охотно дѣлились классическими сокровищами съ массой общества: они часто переводили и пересказывали классиковъ, въ особенности такихъ, какъ Цицеронъ и Боэцій, мораль которыхъ подходила къ духу народному.

Характерной чертой нидерландской литературы XVI вѣка должна считаться видная дѣятельность и значительное вліяніе многихъ поэтовъ, которые не получили гуманистическаго образованія. Таковъ былъ Корнгертъ (Koornhert, 1522—1590 г.), авторъ «Книги пѣсенъ», въ свое время очень популярной; онъ только на 30-мъ году выучился по-латыни, но свои Sinnspiele онъ дѣлилъ на 5 актовъ и заканчивалъ пѣснью хора. Такова была Анна Бинсъ (Bijns) изъ Антверпена, родившаяся еще въ 1494 г. и въ 1528 г. выпустившая въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній, которое выдержало длинный рядъ изданій. Ее называли брабантскою Сафо, и она, дѣйствительно, имѣетъ нѣчто общее съ знаменитой гречанкой, если не по характеру своихъ стиховъ, то по жизни: съ молоду она жила весело и много любила.

*) См. Тэна I. с. 256 и слѣд.

**) Въ Гентѣ, въ 1537 г., на вопросъ: «кто глупѣе всѣхъ на свѣтѣ?» 11 камеръ изъ 19 отвѣтили: монахи.

Но потомъ она покаялась, оплакала грѣхи свои *), была строгой сторонницей католицизма и въ своихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ воевала съ ученіемъ Лютера и лютеранствующими поэтами.

Во второй половинѣ XVI вѣка нидерландцы много работали надъ своимъ языкомъ, за который, дѣйствительно, слѣдовало приняться, такъ-какъ даже стихотворная рѣчь, не говоря уже про разговорную и прозаическую, была испещрена множествомъ ни на что̀ не нужныхъ французскихъ и отчасти латинскихъ словъ. Въ большомъ количествѣ появляются нидерландскія грамматики, орѳографіи и словари. Нелѣпыя увлеченія, до которыхъ доходили нѣкоторые изъ этихъ фламанофиловъ, были въ духѣ времени и мало портили дѣло **), и для будущаго разцвѣта литературы подготовлялось въ очищенномъ языкѣ вполнѣ пригодное орудіе. Работу отдѣльныхъ лицъ поддерживали камеры, и черезъ ихъ посредство общество настойчиво требовало отъ ученыхъ, чтобъ они писали не по-латыни, а по-нидерландски. Этотъ подъемъ національнаго чувства стоялъ, разумѣется, въ тѣсной связи съ политическою жизнью народа. Напомнимъ главнѣйшія событія этого героическаго періода исторіи нидерландовъ.

Въ октябрѣ 1555 г. Карлъ V представилъ штатамъ своего сына и наслѣдника Филиппа II. Сухой и гордый и въ то же время конфузливый до робости кастилецъ не понравился ни блестящему и веселому дворянству штатовъ, ни прямодушнымъ и откровеннымъ бюргерамъ. Черезъ 4 года Филиппъ, противъ всеобщаго ожиданія, дѣлаетъ правительницей всѣхъ этихъ земель свою сводную сестру Маргариту Пармскую, женщину очень неглупую, но коварную и эгоистичную и къ тому же незнающую языка страны. Къ ней въ качествѣ перваго министра и въ то же время шпіона приставленъ бывшій адвокатъ кардиналъ Гранвелла. Гордое дворянство, совершенно устраненное отъ участія въ дѣлахъ, было сильно оскорблено этимъ назначеніемъ и недовольно поведеніемъ правительницы и Гранвеллы; но масса народа оставалась совершенно спокойною. Филиппъ идетъ все дальше и дальше: мало того, что страшно суровыя постановленія Карла V противъ еретиковъ (ихъ при Карлѣ было замучено отъ 50 до 100 тысячъ) неуклонно приводятся въ исполненіе, несмотря на всеобщій ропотъ, но въ провинціи вводится ни на что ненужная испанская армія, и, въ противность смыслу и буквѣ конституціи, увеличивается число епископствъ. Въ 1566 г. выведенные изъ терпѣнія наименѣе терпѣливые изъ дворянъ и гражданъ составляютъ родъ союза, который при первой же своей демонстраціи получаетъ имя союза Гёзовъ. Испуганное движеніемъ правительство должно допустить сходки еретиковъ и согласиться на многія послабленія. Затѣмъ разыгрываются возмутительныя сцены иконоборства; въ средѣ высшаго дворянства и миролюбивыхъ гражданъ проявляется сильная реакція, революціонное движеніе можетъ считаться подавленнымъ. Но тогда-то выступаетъ на сцену знаменитый герцогъ Альба съ экзекуціонной арміей. Онъ начинаетъ свои подвиги измѣнническимъ арестомъ Эгмонта и Горна,

*) Вѣроятно, она сдѣлалась учительницей и, можетъ быть, монахиней.

**) Нѣкто Joh. Goropius Becanus въ книгѣ „Origines Antwerpianae“ дошелъ посредствомъ своихъ этимологій до убѣжденія, что языкъ, на которомъ говорили Адамъ и Ева, былъ фламандскій.

открываетъ совѣтъ мятежа, который въ 3 мѣсяца казнилъ 18,000 человѣкъ. Отъ 1569 г. по 1573 г. продолжается тираннія герцога Альбы и несказанныя бѣдствія народа; но уже въ 1571 г. до тѣхъ поръ спокойные и флегматичные бюргеры, выведенные изъ терпѣнія полнымъ отсутствіемъ безопасности и отчаяннымъ экономическимъ гнетомъ, рѣшаются на отчаянное сопротивленіе, а въ то-же время морскіе Гёзы пріобрѣтаютъ себѣ прочный базисъ для морской войны. Уже осторожный Вильгельмъ давно дѣйствуетъ за-одно съ ними, какъ открытый мятежникъ, хотя номинально еще признаетъ власть короля. Въ 1573 г. уходитъ Альба, не будучи въ силахъ вынести глухого давленія всеобщей ненависти. Послѣ этого сѣверныя провинціи могутъ уже считаться свободными, хотя все еще страдаютъ отъ ужасовъ войны. Въ 1574 г. происходитъ героическая защита Лейдена, за которую городъ такъ характерно вознагражденъ впослѣдствіи, согласно его желанію,—основаніемъ университета!

Въ 1576 г. умираетъ наслѣдникъ Альбы—Цунига, кроткая твердость и искусство котораго были опаснѣй для только-что освобожденныхъ провинцій, нежели свирѣпость герцога. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжается безначаліе, во время котораго взбунтовались солдаты и до того довели южныя католическія провинціи, наполовину населенныя людьми иного (валлонскаго) языка и вполнѣ умиротворенныя Цунигой, что онѣ должны были просить помощи у протестантскихъ сѣверянъ. Союзъ сѣвера съ югомъ былъ, конечно, не долговѣченъ, и Александру Пармскому (съ 1579 г.) нетрудно было поселить раздоръ между ними; за-то 7 сѣверныхъ штатовъ, теперь соединенные Утрехтскою уніею, сплотились въ неразрывное цѣлое, подъ военнымъ управленіемъ штатгальтера Вильгельма Оранскаго. Утрехтская унія еще заключена „во имя короля", но уже въ 1581 г. сѣверные штаты оффиціально отказались признавать надъ собою власть Испаніи. Въ 1584 г. Вильгельмъ палъ отъ руки наемнаго убійцы, а въ слѣдующемъ 1585 г. послѣ взятія Антверпена 10 южныхъ провинцій покорились Испаніи и навсегда отдѣлились отъ протестантскаго сѣвера. Черезъ 14 лѣтъ законно отдѣленныя и отъ Испаніи, управляемыя популярными государями, которые возстановили прежнюю конституцію, онѣ снова зацвѣли и разбогатѣли, но жизнь ихъ пошла совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ жизнь семи штатовъ сѣвера. Послѣдніе упорно продолжали борьбу съ ослабѣвшей уже Испаніей до 1609 г., когда, благодаря хлопотамъ Генриха IV французскаго, между ними и Испаніей было заключено перемиріе.

За это тяжелое время все, что было на югѣ энергичнаго и сильнаго, бѣжало или за-границу, или на сѣверъ; уже при Альбѣ выселилось до 60,000 человѣкъ, между прочимъ и значительная часть членовъ риторскихъ камеръ. Литературная дѣятельность замѣтно ослабѣла, и поэзія большею частью старалась игнорировать суровую дѣйствительность. Единственная живая отрасль поэзіи—политическая и религіозная пѣсня, грозно звучавшая изъ рядовъ солдатъ, со стѣнъ городовъ, а часто и изъ пламени костра, недолго пережила событія, ее породившія. Изъ дошедшихъ до насъ «пѣсенъ Гёзовъ» приводимъ въ переводѣ такъ-называемый «Гентскій отче нашъ», какъ образецъ кипучаго памфлета.

«Адскій чортъ, ты, что въ Брюсселѣ! Да будетъ проклято имя твое, да погибнетъ на вѣки царство твое; да не исполнится воля твоя ни на небеси, ни на землѣ! Ты отнимаешь у насъ нашъ насущный

хлѣбъ, мучишь нашихъ женъ и дѣтей. Никому не отпускаешь ты долга его, ибо ненавистью и завистью преисполнено сердце твое. Ты вводишь всякаго въ искушеніе и никто не спасается отъ тебя. О, отецъ небесный! избавь насъ отъ адскаго чорта, отъ его кроваваго лживаго совѣта, позорныхъ дѣлъ его и отъ его чертовской испанской арміи. Аминь».

XVII вѣкъ—вѣкъ славы и силы Голландіи. Маленькій и до тѣхъ поръ мало кому извѣстный народъ, выдержавшій одинъ, безъ союзниковъ, отчаянную борьбу съ грозной имперіей, которая, какъ заключаетъ Тэнъ, была сильнѣе и обширнѣе наполеоновской, развернулъ всѣ силы своего энергическаго духа и сталъ первымъ народомъ въ Европѣ. Голландцы въ XVII вѣкѣ—первые богачи въ мірѣ, первые ученые, первые художники. Страна ихъ густо населена дѣятельнымъ и честнымъ народомъ и воздѣлана, какъ божій садъ. Уже во время войны сильно растетъ народонаселеніе городовъ *); повсемѣстно открываются школы, во всѣхъ провинціяхъ—университеты; послѣ войны въ одномъ Лейденѣ больше 2000 студентовъ; въ городахъ всѣ мальчики учатся по-латыни; всѣ дѣвочки—по-французски; даже въ деревняхъ всѣ грамотны. Эстетическое развитіе народа такъ высоко, что простые ремесленники не жалѣютъ сотенъ гульденовъ на покупку картины одного изъ своихъ многочисленныхъ великихъ художниковъ, произведенія которыхъ до сихъ поръ служатъ лучшимъ украшеніемъ галлерей. Духъ свободы до того развитъ, что ни одинъ слуга не позволяетъ хозяину поднять на него руку. Государственное устройство здѣсь лучше, нежели гдѣ бы то ни было. Изъ энергіи политической развилась энергія умственная и бодрость во всякой работѣ, а результатами ихъ явилось благосостояніе, которое въ свою очередь поддерживаетъ искусство и науку. Достаточно назвать фамилію Эльзевировъ, чтобъ показать, какъ преуспѣвало въ Голландіи книжное дѣло. Достаточно назвать имена Скалигера, Юста Липсія, Салмазія, Гуго Гроція, чтобы показать какъ высоко стоитъ голландская наука. Не только изъ Германіи, раззоряемой тридцатилѣтнею войною, и изъ сосѣдней Франціи, но и со всѣхъ концовъ Европы съѣзжаются сюда студенты слушать лучшихъ въ мірѣ профессоровъ и путешественники—учиться здѣсь жить мудро и счастливо.

При такихъ условіяхъ здѣсь не могла не прогрессировать литература, имѣвшая не ничтожные задатки и въ прошломъ. При гражданской свободѣ, при уваженіи къ личности не могла не развиться «но-

*) Въ Амстердамѣ при началѣ войны было 70,000 человѣкъ, а въ 1618 г.—300,000.

вая» субъективная поэзія, преисполненная искренняго и здороваго благочестія и чувства человѣческаго достоинства. Но нѣкоторыя спеціальныя условія, и въ томъ числѣ такія, которыя дѣйствовали благопріятно на благоденствіе народа, отозвались отрицательно на національной литературѣ и поставили ее въ невозможность сравняться по своему міровому значенію съ живописью.

Во-первыхъ жизнь закипаетъ въ Голландіи въ то время, когда медленно думающій сѣверный человѣкъ не успѣлъ достаточно надивиться на недавно открытыя литературныя сокровища древности, не успѣлъ, такъ сказать, впитать ихъ въ плоть и кровь и продолжалъ старательно и основательно изучать ихъ. Высокое развитіе филологіи мѣшало развитію вполнѣ національной литературы; это было, какъ мы видѣли, и у другихъ народовъ, но тамъ періодъ благоговѣнія передъ латынью и древностью вообще былъ короче и не совпадалъ съ временемъ проявленія наибольшей умственнной энергіи. Совершенно серьезно нѣкоторые голландскіе патріоты XVII в. доказывали, что нѣтъ ничего постыднаго писать на родномъ языкѣ. Самое изобиліе латинистовъ—въ университетахъ, конечно, латынь царила нераздѣльно—вредно вліяло на чистоту языка: онъ то пріобрѣталъ такую пеструю окраску, что многіе защитники его приходили въ отчаяніе и спрашивали: не лучше-ли писать на чистой латыни, нежели на этой смѣси, то въ рукахъ пуристовъ становился бѣденъ, искусственъ и сухъ.

Что касается до содержанія нидерландской поэзіи, самымъ крупнымъ ея недостаткомъ была подражательность не только древнимъ, но и подражателямъ древнихъ: итальянцамъ и французамъ. Между тѣмъ ни грандіозность образовъ античной поэзіи, ни изящное легкомысліе итальянцевъ не вязались съ мелочными интересами и строго семейною жизнью торговаго и трудолюбиваго народа. Эту стадію развитія нидерландская живопись успѣла пройти въ XV и XVI вѣкахъ, а литература переживала только теперь.

Теперь небольшія по объему картины, изображающія сцены домашней или уличной жизни, ландшафты, вполнѣ соотвѣтствовали національному складу, а поэзіи предстояло работать цѣлыя столѣтія, чтобы дойти до охоты и умѣнья воспроизводить и осмысливать обыденную дѣйствительность.

Другія характерныя черты нидерландской литературы выяснятся при обозрѣніи отдѣльныхъ періодовъ и дѣятелей.

Первое крупное имя въ литературѣ XVII вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ глава цѣлой школы Петръ Гофтъ (Hooft). Онъ родился въ 1581 г., былъ сынъ амстердамскаго бургомистра, получилъ отличное образованіе. Уже на 16-мъ году онъ дѣйствовалъ въ одной изъ камеръ и счи-

тался въ ней выдающимся талантомъ. Онъ писалъ лирическія стихотворенія разныхъ родовъ и даже рѣшался сочинять трагедіи по правиламъ Аристотелевой піитики и на античные сюжеты. Въ 1598 г. онъ отправился путешествовать, объѣхалъ Францію, часть Германіи и особенно долго жилъ въ Италіи, гдѣ въ то время уже господствовало печальное порожденіе ложно понятаго классицизма и моды, т. н. маринизмъ *).

По возвращеніи изъ путешествія въ 1601 г. Гофтъ поселился въ родномъ городѣ, изучалъ Полибія, Цезаря, Светонія и упражнялся въ стихотворствѣ; изученіе итальянцевъ сдѣлало его стихъ болѣе легкимъ и изящнымъ, но за-то болѣе искусственнымъ и вычурнымъ. Въ 1606 и 1607 гг. онъ поступаетъ въ Лейденскій университетъ и занимается тамъ поэзіей и юриспруденціей; потомъ снова возвращается въ Амстердамъ и пытается всѣми силами поддержать замѣтно падающую камеру. Въ 1609 г. онъ получилъ довольно почетное и выгодное мѣсто воеводы (Drost) въ замкѣ Мёйденѣ (Muiden), въ слѣдующемъ году женился и съ этихъ поръ проводилъ мирно жизнь свою— зимою въ Амстердамѣ, лѣтомъ въ Мёйденѣ, собирая около себя кружокъ любителей литературы, науки и добродушнаго веселья. Гофтъ не вмѣшивался ни въ политику, ни въ церковныя дѣла и въ это безпокойное время жилъ очень покойно въ дружбѣ съ людьми самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и партій. Онъ писалъ лирическія стихотворенія, трагедіи, пасторали и комедіи. Въ его любовныхъ стихахъ этого періода видно искреннее чувство, мѣстами остроуміе, очень хорошій языкъ, но видны и вредные слѣды изученія маринистовъ. Въ его трагедіяхъ есть хоръ, но въ то-же время есть и аллегорическія фигуры, и содержаніе стремится увлечь зрителя своимъ разнообразіемъ: въ нихъ масса сновъ, волшебныхъ хитростей, предсказаній и пр.; но силу и эстетическое достоинство можно признать только за отдѣльными монологами и сценами. Любопытно, что между сюжетами есть одинъ и изъ національной исторіи (Geerhaerdt van Velzen **); больше жизни въ его комедіяхъ, въ которыхъ онъ приспособлялъ плавтовскіе сюжеты къ голландскимъ нравамъ.

---

*) См. т. III.

**) Вотъ содержаніе этой трагедіи: графъ Флорисъ V несправедливо казнилъ брата Гергардта и лишилъ чести жену послѣдняго. Герой вмѣстѣ съ отцомъ жены и племянникомъ захватили тирана въ плѣнъ и посадили его въ Мёйденскій замокъ. Плѣннику во снѣ является казненный имъ братъ Гергардтъ и перечисляетъ его злодѣянія. Сторонники графа осаждаютъ замокъ; Гергардтъ бѣжитъ, уводя съ собою плѣнника; настигнутый преслѣдователями, онъ наноситъ графу смертельный ударъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, героиня впадаетъ въ сонъ, въ которомъ ей является богъ рѣки и въ монологѣ въ 266 стиховъ предсказываетъ будущее величіе Амстердама и всей страны. Въ пьесѣ дѣйствуютъ и аллегорическія фигуры Согласія, Вѣрности и пр.

Сравнительно поздно обратился Гофтъ къ тому роду литературы, который доставилъ ему наибольшую славу—къ исторіографіи. Въ 1618 г. онъ началъ писать исторію Генриха IV французскаго, «чтобы выработать стиль» и потомъ обратиться къ исторіи своего народа. 8 лѣтъ работалъ онъ надъ Генрихомъ, и когда книга вышла въ свѣтъ, король Французскій возвелъ автора въ санъ рыцаря. Въ 1638 г. Гофтъ принялся за обработку новѣйшей исторіи Нидерландовъ и въ то-же время «для вдохновенія» переводилъ Тацита, котораго онъ зналъ прекрасно (онъ прочелъ его 52 раза). Въ 1638 г. онъ окончилъ свою исторію въ 20 книгахъ и черезъ 4 года выпустилъ ее въ свѣтъ *). Успѣхъ былъ огромный; онъ былъ обусловленъ и интересомъ предмета, и прекрасной обработкой. Здѣсь, какъ говоритъ одинъ изъ критиковъ, полная школа государственной мудрости, дипломатики, военнаго искусства и въ то-же время школа великодушія, скромности и умѣренности. Успѣхъ побудилъ Гофта къ продолженію его труда, и онъ задумалъ прибавить еще 10 книгъ; но старость и болѣзни помѣшали ему окончить задачу. Смерть застала его въ концѣ 7-й книги въ 1647 году **).

Не столько важны литературныя произведенія Гофта, сколько то вліяніе, которое оказалъ онъ для развитія литературы посредствомъ составленнаго имъ довольно многочисленнаго литературнаго кружка. Прошло время камеръ и другихъ закрытыхъ обществъ съ ихъ средневѣковой формалистикой, близилось время салоновъ. Нѣчто въ родѣ салона составилъ у себя и Гофтъ: его кружокъ обыкновенно называется мёйденскимъ, по имени лѣтняго мѣстопребыванія семьи Гофта. Въ немъ участвовали и такіе же скромные патріоты, какъ хозяинъ, и дипломаты, адвокаты, профессора, образованные купцы и поэтессы, и просто образованныя женщины, любившія музыку и поэзію. Въ кружкѣ жилось весело: музыка, чтеніе и умные разговоры соединялись съ чисто-голландскими удовольствіями, вкуснымъ столомъ, не безъ возліяній. Въ этомъ кружкѣ довольно видную роль играли два профессора новооснованнаго амстердамскаго Атенеума, Фоссіусъ и Барлеусъ, бывшіе прежде профессорами въ Лейденѣ ***): они какъ бы составляли связующее звено между наукой и университетской, т.-е. латинской поэзіей съ одной стороны и поэзіей національной съ другой.

Фоссіусъ (Vossius, т.-е. Gerh-Ioh. Voss род. 1577, ум. 1649 г.) обладалъ огромной эрудиціей и начитанностью въ латинскихъ поэтахъ; изъ-подъ его привычнаго пера латинскіе стихи самыхъ разнообразныхъ размѣровъ изливались даже по заказу съ необыкновенною лег-

*) Nederlandsche historien 2 т. Amsterd. 1642—54.

**) Изложеніе событій доведено имъ до 1587 г.

***) Они покинули Лейденъ изъ-за религіозныхъ споровъ.

костью. Добрый Гофтъ называлъ его archipoeta, но злые языки прозвали его archimendicus (архинищій) за то, что онъ имѣлъ особое искусство выпрашивать за свои эпиталамiи, оды, эпитафіи и проч. деньги и подарки отъ своихъ многочисленныхъ милостивцевъ, между которыми было немало коронованныхъ особъ. Но и враги признавали въ немъ большой талантъ за эти надутыя и напыщенныя упражненія въ латинской версификаціи. Потомство же цѣнитъ его, во-первыхъ, какъ знаменитаго ученаго, основателя исторической грамматики латинскаго языка *) и автора многихъ для своего времени блестящихъ изслѣдованій по классической литературѣ **), и во-вторыхъ, какъ національнаго голландскаго поэта, немногочисленныя произведенія котораго по своей простотѣ и граціи представляютъ характерную противуположность его латинскимъ стихамъ. Человѣкъ веселый и остроумный, онъ былъ на своемъ мѣстѣ въ кружкѣ Гофта; только подъ старость, по смерти жены, онъ впалъ въ меланхолію и на 66-мъ году покончилъ съ собою самоубійствомъ.

Барлеусъ (Каспаръ von Baerle 1584—1648) менѣе извѣстный въ наукѣ; тоже былъ и латинскій и голландскій поэтъ; онъ самъ себя называлъ полуязычникомъ, считая это за высокую похвалу; его произведенія на родномъ языкѣ также значительно выше латинскихъ по искренности и мелодичности ***).

Къ этому же кружку принадлежалъ и рыцарь Константинъ Гейгенсъ (Huygens). Онъ родился въ 1696 г., въ Гагѣ, получилъ отличное образованіе, учился юриспруденціи въ Лейденскомъ университетѣ; въ 1618 г. отправился съ посольствомъ въ Англію, потомъ былъ секретаремъ посольства въ Венеціи, наконецъ, сдѣлался тайнымъ секретаремъ штатгальтера, былъ счастливо женатъ, имѣлъ много дѣтей и отъ своихъ служебныхъ обязанностей находилъ полный отдыхъ въ семьѣ и своихъ литературныхъ занятіяхъ. Онъ умеръ 90 лѣтъ отъ роду, передавъ свое почетное мѣсто сыну и отошелъ отъ жизни, «какъ насытившійся гость, который встаетъ изъ-за стола, благодаря хозяина». Онъ тоже писалъ и по-латыни и по-голландски, но его голландскія стихотворенія гораздо многочисленнѣе. Онъ грубъ, часто теменъ и нерѣдко грязенъ (несмотря на свою высоконравственную жизнь); но надо разбить эту жесткую скорлупу, и подъ нею окажется вкусное зерно; онъ охотно подражаетъ, но всему чужому умѣетъ при-

*) Наиболѣе извѣстное его произведеніе: Aristarchus sive de arte grammatica (1635) перепечатывалось и въ нашемъ столѣтіи.

**) Напр. De historicis graecis libri IV (1624; перепечатано Востерманомъ въ 1838 г.); De historicis latinis libri III. 1627 и др.

***) Его латинскія Poemata изданы въ 1631 г. и потомъ въ 1645—6. Онъ извѣстенъ, какъ историкъ, своей книгой: Rerum per octennium in Brasilia gestarum historia (Amst. 1647).

дать субъективный и національный отпечатокъ; въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ фламандскихъ живописцевъ,—подражателей предшествовавшей эпохи.

Самая извѣстная поэтесса этого кружка была Марія Фисхеръ (Visscher), прозванная Тессельсхаде (Tesselschade); она родилась въ 1594 г. въ Амстердамѣ, воспитана въ католицизмѣ, но охотно дружилась съ умными и образованными протестантами. Въ ея стихотвореніяхъ много чисто-женственной прелести; потерявъ дочь и овдовѣвъ, она принялась за стихотворный переводъ Освобожденнаго Іерусалима Тассо, который, по словамъ ея друзей, былъ верхомъ совершенства. Позднѣе она переводила Адониса Марини. Схоронивъ Гофта (1647 г.), она уже не могла утѣшиться и умерла черезъ два года.

Мы переходимъ къ величайшему поэту Голландіи, который замѣняетъ для своего маленькаго отечества и нашего Державина, и нашего Пушкина.

Іостъ фанъ-денъ-Фондель родился въ Кельнѣ въ 1587 г. отъ бѣглецовъ изъ Антверпена; отецъ его былъ шляпникомъ по ремеслу; черезъ десять лѣтъ послѣ рожденія будущаго поэта его родители переселились назадъ въ Голландію, сперва въ Утрехтъ, а потомъ въ Амстердамъ. Отецъ готовилъ Іоста себѣ въ наслѣдники по торговымъ дѣламъ и не считалъ нужнымъ много заботиться объ его образованіи; онъ ограничился тѣмъ, что въ Утрехтѣ посылалъ его въ начальную школу, а потомъ поспѣшилъ пристроить его къ торговлѣ. Но въ семьѣ Фонделя не все было проникнуто меркантильнымъ духомъ: его дѣдъ по матери былъ поэтъ и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ антверпенской риторической камерѣ. Мальчикъ очень рано началъ сочинять стихи; въ Амстердамѣ онъ примкнулъ къ камерѣ Брабантской и уже съ 17-ти-лѣтняго возраста сталъ подавать, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію сочленовъ, большія надежды. Тѣмъ не менѣе онъ не противился волѣ отца, нѣсколько позднѣе взялъ въ свои руки его дѣла и очень рано женился; но затѣмъ передалъ торговлю женѣ, а самъ отдался кабинетной жизни; только 25-ти лѣтъ онъ началъ учиться иностраннымъ языкамъ, сперва французскому и нѣмецкому, а потомъ рѣшился взяться за латынь и греческій и работалъ съ такой энергіей, что скоро сталъ свободно читать поэтовъ. Гофтъ и его кружокъ всячески поощряли молодого даровитаго купца, и въ ихъ высокообразованномъ обществѣ онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Въ 1623 г. вполнѣ развернулся его поэтическій талантъ, и онъ пріобрѣлъ обширную извѣстность. Въ противуположность сдержанному Гофту, Фондель отличался откровенностью и крайнею экспансивностью и принималъ горячее участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Онъ ввязался въ борьбу ремонстрантовъ съ ихъ противниками, обличалъ тиранію господ-

ствующей церкви, и въ 1625 г. послѣ казни Ольденбарнефельда онъ выступилъ съ своей трагедіей Паламедъ, которая явно была направлена противъ принца Морица и проповѣдника Богермана, въ защиту угнетенной партіи *). Его позвали къ суду и онъ могъ бы поплатиться головой за свою смѣлость; но, къ счастью, онъ скрылся, а потомъ за него заступилось амстердамское правительство, и его наказаніе ограничилось штрафомъ въ 300 гульденовъ.

Но поэтъ не укротился и преслѣдовалъ все, что считалъ достойнымъ преслѣдованія, своими сатирами, которыя иногда вызывали цѣлую полемику. Около 1630 г. въ его стихотвореніяхъ начинаетъ чувствоваться вѣяніе мистицизма; но онъ все еще остается въ хорошихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Гофта. Но въ 1639 г. 52-лѣтній поэтъ переходитъ въ католицизмъ, не изъ выгоды, какъ думали иные, а подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ друзей католиковъ, по внутреннему убѣжденію: его, какъ истиннаго поэта, давно привлекалъ красивый культъ католицизма, знакомый ему съ дѣтства, а теперь, послѣ горькихъ опытовъ жизни, его мучила жажда твердой религіи, гдѣ нѣтъ сомнѣній и споровъ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ вѣроисповѣданія измѣняются и его политическія убѣжденія: до тѣхъ поръ онъ привѣтствовалъ вдохновенными пѣснями всѣ подвиги голландскихъ патріотовъ; теперь онъ бранитъ Гёзовъ, которые «бунтуютъ чернь», и рѣзко высказывается въ пользу признанія неограниченной власти короля. Тогда Гофтъ и его кружекъ отреклись отъ Фонделя. Между тѣмъ вымирали его друзья и жить ему становилось все хуже: его преслѣдовала цензура и многочисленные враги; но съ послѣдними онъ легко справлялся, мастерски, какъ никто, владѣя стихомъ. Наконецъ общество должно было признать его литературныя заслуги, и въ 1653 г. его почтили торжественнымъ поднесеніемъ лавроваго вѣнка. Ему было уже 70 лѣтъ, когда онъ, вслѣдствіе легкомыслія сына, обѣднѣлъ и принужденъ былъ искать себѣ занятій. Въ 1658 г. онъ получилъ должность бухгалтера съ жалованьемъ въ 650 гульденовъ въ годъ, и эту должность отправлялъ онъ 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ ему назначили пенсію въ томъ же размѣрѣ. И въ эти 10 лѣтъ онъ не прекращалъ своей литературной дѣятельности: кромѣ массы мелкихъ стихотвореній, онъ сочинилъ или перевелъ 14 трагедій, перевелъ стихами всего Виргилія и написалъ 3 дидактическія поэмы.

На 84 году жизни онъ подарилъ родинѣ переводъ Метаморфозъ Овидія; даже 87 лѣтъ онъ владѣлъ стихомъ и всѣми своими способ-

*) Паламедъ, сынъ царя Эвбеи Навплія, своимъ умомъ и вліяніемъ на народъ возбудилъ зависть и ненависть Агамемнона (Морицъ) и Калхаса (Богерманъ); Улиссъ и другіе рабы предержащей власти оклеветали его и побили камнями передъ Троей. Трагедія кончается изображеніемъ радости враговъ-Троянцевъ и угрозой мщенія.

ностями; но скоро врачи запретили ему всякую умственную работу. Послѣ этого онъ по-неволѣ предался отдыху и почти не выходилъ изъ дому; но посѣщенія старыхъ друзей или дѣтей ихъ доставляли ему огромное удовольствіе. Онъ умеръ въ 1697 г. девяносто одного года отъ роду.

Фондель былъ энергичный, прямой, вѣрный и скромный человѣкъ; онъ всю жизнь бился, не зная страха, за-то, что считалъ истиной. Съ нимъ, по общему убѣжденію, нидерландская поэзія достигла зенита своего развитія. Во всеобщей литературѣ онъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и самыхъ разносторонних поэтовъ: 12 его томовъ in 4° заключаютъ въ себѣ образцы всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи, которые въ то время были въ употребленіи; служа самымъ яркимъ выразителемъ духа своего народа, онъ, какъ увидимъ ниже, оказалъ вліяніе на поэзію Германіи и Англіи

Фондель и эпикъ, и лирикъ, и драматургъ. Но его эпическія поэмы—только начинанія, которыми онъ самъ не былъ доволенъ; больше проявляетъ онъ свой талантъ разсказчика въ длинныхъ монологахъ своихъ трагедій. Его дидактическія поэмы, какъ родъ, ложный по существу своему, могутъ плѣнить только изяществомъ и эластичностью своего стиха и удачнымъ подборомъ поэтическихъ частностей.

Слава его главнымъ образомъ основывается на его лирическихъ произведеніяхъ, и въ этомъ отношеніи его «нерукотворный памятникъ» стоитъ незыблемо. Правда, онъ, какъ и другіе поэты того времени, часто писалъ стихи на заказъ и въ таковыхъ часто оставался холоденъ, и недостатокъ чувства замѣнялъ напыщенностью; но эти упражненія въ стихотворствѣ не должны приниматься въ разсчетъ при оцѣнкѣ его значенія подобно тому, какъ нельзя судить о талантѣ Державина по его заказнымъ одамъ; правда, онъ любилъ вычурныя, неестественныя выраженія (concetti), но мы знаемъ, что и самъ Шекспиръ не избѣгъ этой язвы времени. Сравнительно съ современными ему лириками, онъ одушевленнѣе, искреннѣе и естественнѣе всѣхъ. Характерная черта его народа, такъ наглядно проявляющаяся въ области искусства,—реализмъ и стремленіе опоэтизировать обыденную дѣйствительность, не подкрашивая ее, проявляется въ его лирикѣ массою картинъ и образовъ, до того полныхъ жизни и движенія, что они пользовались бы міровою извѣстностью, будь голландскій языкъ хоть въ половину такъ извѣстенъ, какъ латынь Горація. Онъ любилъ природу и умѣлъ рисовать ее то восторженно, то поэтически наивно; вся здоровая дѣйствительность голландской общественной и семейной жизни находитъ выраженіе въ его пѣсняхъ; онъ умѣетъ опоэтизировать и амстердамскую торговлю, и успѣхи

городского хозяйства, и самыя обыденныя отношенія своихъ честныхъ и прямодушныхъ, но грубоватыхъ соотечественниковъ. Онъ настолько искренній голландецъ, что въ стихотвореніяхъ не стыдится говорить о своемъ купеческомъ званіи и о своей торговлѣ чулками. Его упрекаютъ въ беззастѣнчивой откровенности его выраженій, въ «низменности» иныхъ его картинъ; но съ такою же основательностью можно упрекать и его современника Теньера за то, что онъ избираетъ такіе, а не иные сюжеты для своихъ картинъ.

Какую услугу оказалъ Фондель голландскому стихосложенію и вообще техникѣ поэзіи, всего яснѣе можно видѣть изъ сличенія его же собственныхъ раннихъ стихотвореній съ поздними: это какъ будто два разные языка.

Къ сожалѣнію, лирика—тотъ родъ поэзіи, о которомъ нельзя дать понятія ни изложеніемъ содержанія, ни прозаическимъ переводомъ отрывковъ.

Предлагаемъ въ переводѣ П. Корсакова (Библ. для Чт., 1838 г., ч. 2, стр. 205) одно изъ самыхъ изящныхъ стихотвореній Фонделя подъ названіемъ: Дѣтскій трупъ; а такъ какъ переводъ этотъ никоимъ образомъ нельзя назвать удачнымъ, присоединяемъ и несравненно лучшій нѣмецкій переводъ его, сохранившій граціозную версификацію подлинника.

Костя, счастливый малютка, Херувимчикъ горнихъ мѣстъ, Надъ величьемъ нашимъ дольнимъ Весело смѣешься ты. Маменька! О чемъ рыдаешь, Мой оплакивая трупъ? Тамъ живу я, тамъ порхаю, Словно ангельчикъ небесъ. Я сіяю, упиваюсь Тѣмъ, что горній датель благъ Пляшущимъ отъ вождслѣнья Вереницамъ душъ даритъ. Научись парить душею Въ высь чертоговъ, отъ суетъ Міра грязнаго, земного: Вѣчность выкупишь за мигъ.	Konstantinchen, Cherubinchen, Seraphinchen, den ich seh Hoch erhoben, du lachst droben Ueber Erdenlust und Weh. Mutter, weine nicht um meine Arme kleine Kinderleich, Oben leb'ich, oben schweb' ich Engelein im Himmelreich. Und ich blinke und ich winke, Ich versinke in das Heil Jener Seelen, die erwählen Gott des Vaters ewig Theil. Lerne wallen unter Lallen Zu den Hallen, die verklärt Ird'schem Staube nicht zum Raube, Mir ist Ewigkeit bescheert.

Фондель имѣлъ очень высокое понятіе о значеніи театра. «Сцена, писалъ онъ, формируетъ нравственныя воззрѣнія молодежи, учитъ добродѣтели, мудрости и краснорѣчію и руководитъ въ пониманіи жизни». Согласно съ этимъ убѣжденіемъ, онъ всю жизнь работалъ для сцены, начиная съ 25-лѣтняго возраста, когда онъ поставилъ въ брабантской камерѣ свою «Пасху» *). Онъ написалъ всего 25 ори-

*) «Пасха или освобожденіе дѣтей Израилевыхъ изъ Египта, трагикомически на всеобщее поученіе обработано для сцены».

гинальныхъ пьесъ и 7 перевелъ съ латинскаго (изъ Сенеки) и греческаго; для оригинальныхъ пьесъ онъ беретъ сюжеты изъ Библіи, изъ героическихъ преданій своей родины, изъ классической героологіи и миѳологіи (Ипполитъ, Паламедъ, Фаэтонъ), изъ современныхъ событій, даже изъ китайской исторіи (Цунгчинъ); онъ хорошо знаетъ піитику Аристотеля и всегда очень старательно изучаетъ источники, откуда беретъ сюжетъ; а все-таки онъ не драматургъ. Онъ рабски склоняется подъ иго классиковъ: почти вездѣ строго держится закона единства времени и вездѣ выводитъ на сцену хоръ, который у него играетъ ту-же роль, что и у Эврипида, т.-е. наполняетъ антракты и философствуетъ или «чувствуетъ» по поводу происходящаго на сценѣ. Единство времени особенно вредитъ ему въ библейскихъ сюжетахъ, въ которыхъ, онъ, по своему благочестію, не хочетъ ни на іоту отступить отъ св. Писанія. Онъ слишкомъ сильно стремится къ нравоучительности; въ предисловіи къ драмѣ: «Іосифъ при дворѣ» (1635 г.) онъ самъ говоритъ, что цѣль его—показать «удивительное провидѣніе Божіе, умѣющее пользоваться злобою ослѣпленныхъ людей противъ ихъ воли, чтобы спасти цѣлыя царства, земли и народы». Но всего хуже то, что онъ не понимаетъ самой сущности драмы и, кромѣ «нравоученія», цѣлью ея считаетъ только сценическое изображеніе міровыхъ событій. Но и его понятіе о сценическомъ изображеніи слишкомъ примитивное и внѣшнее: дѣйствіе у него очень часто замѣняется длинными разсказами о происходившемъ за сценой, такъ что драма превращается въ рядъ отрывковъ изъ эпоса, произносимыхъ съ подмостокъ. Характеры героевъ не узнаются изъ дѣйствія, а мы на-слово должны вѣрить разсказчикамъ, что такой-то храбръ и благочестивъ, а такой-то исполненъ злобы и пороковъ. Онъ, по мнѣнію Іонкблёта, настолько неискусенъ въ драматической характеристикѣ и такъ пунктуаленъ въ воспроизведеніи фактовъ Библіи, что ни Давида, ни Самсона не съумѣлъ представить героями, а первый у него является мелочнымъ, эгоистичнымъ и трусливымъ человѣкомъ; второй же—плаксой-нищимъ, который лишенъ всякаго нравственнаго достоинства. Въ первыхъ своихъ драмахъ Фондель показываетъ свое близкое сродство съ авторами позднихъ мистерій и моралитэ, по страсти къ морализаціи и аллегоризму; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ встрѣчаются такія фигуры, какъ Fama (молва) и пр.

Изъ послѣдующихъ его трагедій мы назовемъ «Гизбрехта Амстердамскаго» (Gissbrecht von Amstel, 1638 г.), который по содержанію примыкаетъ къ Гергардту Гофта, Марію Стюартъ (1641), изъ которой онъ, тогда уже католикъ, дѣлаетъ безупречную героиню и мученицу, Соломона (1648 г.) и Люцифера (1554 г.). Въ предисловіи къ Соломону поэтъ говоритъ, что здѣсь гибнетъ не жизнь,

а «великая душа»,—мысль трагическая, но она исполнена плохо. Соломонъ представленъ недостойнымъ государемъ, ни съ какой стороны не возбуждающимъ симпатіи зрителей; онъ ослабѣлъ отъ старости, а теперь къ тому же страдаетъ старческою влюбленностью; онъ то подчиняется верховному жрецу Содоку, то своей любовницѣ, но эти переходы совершаются безъ внутренней необходимости и безъ борьбы.

Люциферъ *), какъ и Марія Стюартъ, написанъ въ защиту вновь пріобрѣтенныхъ Фонделемъ политически-религіозныхъ убѣжденій; это политическая аллегорія, смыслъ которой вполнѣ былъ ясенъ для современниковъ: Богъ есть король испанскій, Люциферъ — принцъ Оранскій, а Адамъ—кардиналъ Гранвелла.

Всѣ демоны, какъ и ангелы, снабжены чисто-человѣческими характерами. Въ историко-литературномъ отношеніи эта пьеса важна, какъ одинъ изъ вліятельныхъ источниковъ знаменитой поэмы Мильтона **).

Чтобы дать понятіе о манерѣ Фонделя развивать сюжетъ, мы приводимъ вкратцѣ содержаніе его послѣдней оригинальной пьесы: Ной или гибель перваго міра (Noah ofte Ondergang der Eerste Weerelt 1667 г.).

Въ посвященіи говоритъ онъ, что эта пьеса должна, „какъ зеркало, явить передъ зрителями образчикъ справедливаго суда Божія". Представителями грѣшнаго человѣчества, которое Господь давно и напрасно поощряетъ къ раскаянію, являются здѣсь великій князь Ахиманъ и его супруга Уранія, которые живутъ, не думая о загробной жизни и угождая только страстямъ своимъ. Ной тщетно пытается обратить ихъ мысли къ Богу и уходитъ, угрожая имъ гибелью. Только когда Ахиману говорятъ о безпримѣрномъ поднятіи воды, онъ начинаетъ сомнѣ-

*) Вотъ какъ самъ Фондель передаетъ содержаніе этой трагедіи. «Архангелъ Люциферъ, верховный, лучезарнѣйшій изъ всѣхъ ангеловъ, но высокомѣрный и честолюбивый, ослѣпляется себялюбіемъ, завидуетъ безпредѣльности величества Божія и вмѣстѣ съ тѣмъ созданному по подобію Божію человѣку, который изъ своего цвѣтущаго рая господствовалъ надъ землею. Честолюбивый Люциферъ тѣмъ болѣе ему завидуетъ, что Гавріилъ, благовѣстникъ Божій, провозглашаетъ всѣхъ ангеловъ служебными духами и открываетъ имъ тайны созидаемаго Богомъ человѣческаго бытія, настоящую человѣческую природу, сближенную съ Божествомъ. Люциферъ опасается возвеличенія человѣка наравнѣ съ собою. Гордый и завистливый духъ уже мечталъ сравниться съ Божествомъ; онъ не хочетъ допустить человѣка до небесъ и, не внимая предостереженію Рафаила, ведетъ несмѣтные сонмы ополченныхъ единомышленниковъ противъ небесныхъ силъ архистратига Михаила. Низложенный въ бою, онъ обращаетъ месть свою на перваго человѣка, со всѣмъ его будущимъ потомствомъ, а самъ съ мятежными клевретами свергается въ адъ и предается вѣчному проклятію».

Переводъ П. Корсакова.

**) На это указалъ еще Бенжамэнъ Дизраэли (отецъ лорда Биконсфильда) въ своей книгѣ Amenities of Literature; подробнѣе развилъ эту мысль и подкрѣпилъ рядомъ доказательствъ Edmundson въ монографіи Milton and Vondel 1885 г.

ваться въ своей безопасности и готовъ помириться съ сыномъ Ламеха; но Уранія увѣщаніями и насмѣшками удерживаетъ его отъ этого. Тогда Ахиманъ хочетъ поджечь ковчегъ Ноя, но это не удается ему. Между тѣмъ прибой воды все увеличивается, и Ахиманъ, наконецъ, бросаетъ въ отчаяніи свой скипетръ. Является ангелъ мщенія Уріилъ; княгиня молитъ его о прощеніи; но онъ отвѣчаетъ ей:

„Поздно каяться! Прочь отъ меня! Ты, моля о милости, сама въ полной немилости! Но если ты умрешь съ покаяніемъ, то, потерпѣвъ наказаніе на землѣ, можешь быть помилована на небесахъ".

По собственному свидѣтельству Фонделя, далеко не всѣ его пьесы пользовались успѣхомъ у его современниковъ, которые охотнѣе ходили смотрѣть трагедіи и комедіи, переведенныя съ испанскаго (припомнимъ, что это было время Кальдерона), болѣе живыя и стройныя, хотя и не столь назидательныя и глубокомысленныя. Но на сосѣднюю Германію театръ Фонделя имѣлъ большое вліяніе: по его трагедіямъ учился драматическому искусству популярнѣйшій драматургъ своего времени Андрей Грифіусъ.

Не меньшее вліяніе на нѣмецкую сцену оказалъ другой голландскій драматургъ, современникъ Фонделя Янъ Фосъ (Ian Vos) *). Такъ какъ въ исторіи литературы вовсе необязателенъ художественный критерій, то мы позволяемъ себѣ сравнить отношеніе драмы Фоса къ драмѣ Фонделя съ той всему свѣту извѣстной благородной борьбою между Шекспиромъ и Бенъ-Джонсономъ, которая волновала англійскій театральный міръ 30 — 40 лѣтъ назадъ. Фондель, какъ мы сейчасъ видѣли, былъ или по крайней мѣрѣ хотѣлъ быть обновителемъ классически-правильной трагедіи, за которую стоялъ и Бенъ-Джонсонъ. Фосъ былъ представителемъ романтической, неправильной, но полной внѣшнимъ движеніемъ драмы. Фосъ, какъ и Шекспиръ, привлекъ на свою сторону симпатію не только толпы, но и многихъ литературно образованныхъ людей, тогда какъ за Фонделя, также какъ и за Бенъ-Джонсона, стояли немногіе ученые знатоки. Любопытно, что въ Голландіи, какъ и въ Англіи, соперничество двухъ видовъ драмы не повлекло за собой взаимнаго раздраженія ихъ представителей, и Фондель, какъ и Бенъ-Джонсонъ, прежде всѣхъ преклонился передъ талантомъ соперника.

Но этимъ сходство и ограничивается: какъ ни далеко отстоитъ по степени пониманія Аристотеля амстердамскій чулочный торговецъ отъ одного изъ величайшихъ знатоковъ классицизма въ Англіи, все же Фондель гораздо ближе къ Бенъ-Джонсону, нежели театральные кунстштюки Фоса къ безсмертнымъ трагедіямъ Шекспира.

Янъ Фосъ сдѣлался знаменитостью сразу, когда онъ въ 1641 г.

*) См. W. Creizenach: Ueber die Tragödien des Holländers Jan Vos auf der deutschen Bühne (Berichten d. philos. hist. Klasse der K. Sächs. Gesellsch. der Wissenschaften 1886).

выступилъ въ Амстердамѣ съ своей трагедіей Аранъ и Титъ (Aran en Titus). Годъ рожденія его неизвѣстенъ; онъ не получилъ образованія и по ремеслу былъ стекольщикомъ; стихотворенія, которыя онъ до тѣхъ поръ писалъ, были извѣстны немногимъ, хотя и показывали большую силу воображенія.

Но его трагедія имѣла огромный успѣхъ: ученый Борлей смотрѣлъ ее семь разъ подъ-рядъ и написалъ о ней цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ приравниваетъ Фоса къ Софоклу; Гофтъ однажды навсегда пригласилъ его посѣщать какъ можно чаще Мёйденскій замокъ, и независтливый Фондель провозгласилъ своего соперника геніемъ.

Наконецъ Фосъ за ту же драму былъ назначенъ однимъ изъ администраторовъ театра и съ этихъ поръ имѣлъ на его судьбу большое вліяніе. Вотъ содержаніе его трагедіи:

Римскій полководецъ Титъ Андроникъ празднуетъ свой тріумфъ послѣ побѣды надъ Готами; онъ захватилъ въ плѣнъ ихъ королеву Тамеру (Thamera) и ея любовника—готскаго полководца мавра Арана. Императоръ Сатурнинъ предлагаетъ Тамерѣ свою руку; она отказывается изъ любви къ Арану. Но когда Титъ хочетъ принести Арана въ жертву на алтарѣ бога Марса, Тамера, для его спасенія, дѣлается женою императора. Тогда Аранъ мститъ Титу такимъ образомъ: онъ уговариваетъ сыновей Тамеры убить Бассіана (брата императора), жениха Розелины, дочери Тита, а Розелину обезчестить и отрѣзать ей языкъ и руки, чтобы она не могла указать на виновниковъ; подозрѣніе же въ этомъ злодѣйствѣ онъ съумѣлъ направить на двухъ сыновей Тита, которыхъ императоръ и осудилъ за это на казнь. Потомъ Аранъ убѣждаетъ Тита, ради спасенія сыновей, отрубить себѣ правую руку и послать ее императору для умилостивленія послѣдняго; но Титъ не достигъ этимъ своей цѣли и въ отвѣтъ на свою кровавую посылку получилъ головы казненныхъ сыновей. Наконецъ Титъ узнаетъ правду, убиваетъ и жаритъ сыновей Тамеры и ихъ мясомъ угощаетъ ихъ мать и императора, добиваетъ свою дочь Розелину, сжигаетъ Арана и закалываетъ Тамеру. Императоръ убиваетъ Тита, но самъ гибнетъ отъ руки его сына Люція, который дѣлается императоромъ.

Чѣмъ же эта «кровавая баня», въ которой, по замѣчанію одного критика, столько мертвецовъ на сценѣ, что оставшіеся въ живыхъ не будутъ въ состояніи похоронить ихъ, къ тому же заимствованная изъ слабѣйшей пьесы Шекспира (Титъ Андроникъ), могла такъ плѣнить амстердамскую публику и критиковъ? Не формою, такъ какъ по чистотѣ стиха драмы Фонделя не уступаютъ ей, а именно—сюжетомъ.

Въ то время смѣшивали трагическое съ ужаснымъ, а этого ужаснаго здѣсь было болѣе, чѣмъ достаточно, и оно было взято изъ высокочтимой римской исторіи.

Die Masse könnt ihr nur durch Masse zwingen *), говоритъ дирек-

*) Массу можете вы поразить только массою.

торъ въ прологѣ къ Фаусту Гёте, и это блистательно подтвердилось въ данномъ случаѣ.

Легко понять, въ какомъ направленіи руководилъ Фосъ театромъ послѣ того, какъ ему удалось пріобрѣсти первенствующее значеніе въ его администраціи (онъ былъ человѣкъ очень ловкій, уживчивый, умѣвшій заискивать расположеніе высокопоставленныхъ лицъ): онъ успѣлъ придать ему внѣшній блескъ, обращалъ очень большое вниманіе на декораціи и машины; къ своимъ и чужимъ пьесамъ присоединялъ балеты, процессіи *), гдѣ можно, вставлялъ превращенія; онъ не только не изучалъ классиковъ, но боялся знакомиться съ ними, чтобы они не подчинили его себѣ.

Свои взгляды онъ выразилъ въ предисловіи въ пьесѣ Медея (1665 г.), представленіемъ которой онъ открылъ новый амстердамскій театръ. Онъ сознательно возстаетъ противъ обязательности законовъ Горація и Аристотеля, противъ монотонности классической трагедіи, противъ знаменитыхъ единствъ и требуетъ близости къ природѣ и массы дѣйствія. Надо давать больше видѣть, чѣмъ слышать, доказываетъ Фосъ. «Кто хочетъ привлечь народъ въ театръ, долженъ приковать глаза зрителей прелестью дѣйствія» **). Любопытны нѣкоторыя основанія, которыя приводитъ онъ противъ примѣнимости законовъ классической драмы въ настоящее время; такъ, напр., онъ утверждаетъ, что у Римлянъ потому было невозможно представлять убійство на сценѣ, что они слишкомъ часто видали его въ циркѣ и считали для него обязательнымъ теплыя окровавленныя внутренности, которыя вываливались изъ раненаго на смерть человѣка.

Медея до того романтическая пьеса, что ближе всего подходитъ къ нашимъ феерiямъ въ родѣ Волшебныхъ пилюль. Съ начала перваго акта Медея производитъ громъ и молнію, превращаетъ свой замокъ въ необитаемую пустыню, причемъ изъ земли выходятъ дерево съ руномъ, быки, драконъ, волны и самъ Язонъ; одного стража она обращаетъ въ колонну, другого—въ дерево; потомъ по ея мановенію замокъ снова принимаетъ свой прежній видъ, причемъ дерево обращается въ тигра, а колонна—въ медвѣдя. Въ третьемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ аду, гдѣ изъ весла Харона разцвѣтаютъ розы и проч.; потомъ адъ обращается въ лѣсъ, гдѣ въ танцахъ представляется судъ Париса и проч. и проч. Пьеса имѣла огромный успѣхъ, но Фосъ пережилъ его всего двумя годами; онъ умеръ въ 1667 г.

Фосъ любопытенъ въ исторіи литературы, какъ противовѣсъ Фонделю; но слава его была не изъ продолжительныхъ: въ немъ было

*) Арану и Титу предшествовало изображеніе тріумфа Тита.

**) Man kommt zu schau'n, man will am libsten sehn, какъ говоритъ директоръ въ томъ же прологѣ.

слишкомъ мало національнаго. За-то поэтъ, къ которому мы теперь переходимъ, въ этомъ отношеніи превосходилъ всѣхъ предшествовавшихъ и, составляя въ глазахъ знатоковъ голландской литературы тріаду вмѣстѣ съ Гофтомъ и Фонделемъ, въ народѣ пользуется несравненно бо́льшею популярностью. Толстый томъ его стихотвореній встрѣчается «и въ чертогахъ, и въ хижинахъ», почти также часто, какъ Библія. Мы разумѣемъ Катса.

Яковъ Катсъ («отецъ Катсъ», какъ его обыкновенно называютъ)—поэтъ южной Голландіи, родился въ 1577 г. въ Бродверсгофенѣ, происходилъ изъ хорошей бюргерской фамиліи и получилъ общее образованіе въ прекрасной латинской школѣ города Цирикзее; онъ оставался въ ней 4 года и подъ вліяніемъ одного брабантца еще на школьной скамейкѣ сталъ упражняться въ стихотворствѣ. Потомъ онъ былъ отправленъ въ Лейденскій университетъ, гдѣ учился греческому языку и юриспруденціи; степень доктора получилъ онъ въ Орлеанѣ, гдѣ обучался французскому языку и жилъ въ свое удовольствіе, наслаждаясь женскимъ обществомъ. Послѣ недолгаго пребыванія въ Парижѣ, онъ вернулся на родину, поселился въ Гагѣ и занялся адвокатурой. Онъ скоро пріобрѣлъ извѣстность удачной защитой одной женщины, обвиненной въ колдовствѣ. Но онъ вовсе не былъ «просвѣтителемъ» и принципіознымъ врагомъ суевѣрія: когда онъ вскорѣ послѣ этого заболѣлъ сильною лихорадкою, отъ которой не могъ вылѣчиться ни дома, ни въ Англіи, онъ обратился къ алхимику и выздоровѣлъ. Онъ самъ разсказываетъ про себя, какъ онъ въ Миддельбургѣ, гдѣ онъ служилъ синдикомъ, влюбился въ прекрасную дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью, но какъ только онъ узналъ, что ея отецъ обанкрутился, любовь его исчезла мигомъ. Онъ женился на знатной амстердамкѣ van Valkenburg и, покинувъ адвокатуру, поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ съ большимъ успѣхомъ занимался хозяйствомъ. Въ 1622 г. ему почти одновременно предложили каѳедру въ Лейденѣ и мѣсто пенсіонарія въ Миддельбургѣ; онъ принялъ послѣднее; разъ вступивъ на служебное поприще, онъ быстро пошелъ вверхъ, до первыхъ должностей въ государствѣ, хотя и не игралъ въ политикѣ крупной и самостоятельной роли. Съ 1625 г. онъ былъ кураторомъ Лейденскаго университета; два раза ѣздилъ съ посольствомъ въ Англію (во 2-й разъ уже нри Кромвелѣ, въ 1651 г.) Въ 1652 г. онъ вышелъ въ отставку и удалился въ свое прекрасно устроенное имѣніе. Онъ умеръ въ 1660 г. почти 83 лѣтъ отъ роду, оставивъ своимъ наслѣдникамъ очень крупное состояніе.

Уже при его жизни многочисленные сборники его стихотвореній расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Барлей переводилъ ихъ на латинскій языкъ, и цѣлыя два столѣтія потомъ слава его

почти не уменьшалась. Между тѣмъ, по убѣжденію Іонкблёта, Катсъ вовсе не поэтъ и даже лишенъ развитаго художественнаго вкуса; но онъ человѣкъ очень образованный и ученый, умѣвшій дѣлать общедоступными плоды своей начитанности, а главное: голландецъ съ ногъ до головы, непрестанно проповѣдующій чисто голландскую мораль и тщательно вырисовывающій детали голландской жизни. Цѣль всѣхъ его произведеній—дидактическая; онъ ко всему умѣетъ придраться, чтобы прочесть нравоученіе или дать наставленіе. Стоитъ, напр., у печки непокрытый горшокъ съ кушаньемъ; всякій другой поэтъ того времени, конечно, съ презрѣніемъ отвернулся бы отъ такого низкаго предмета; но Катсъ надолго остановитъ на немъ свое вниманіе, детально нарисуетъ его и обстоятельно изложитъ всѣ бѣдственныя послѣдствія такой невнимательности къ хозяйству.

Ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ голландскаго, не могло бы имѣть успѣха подобное переложеніе домостроя въ стихи, подобно тому, какъ только голландской школѣ живописи удается наивное воспроизведеніе мелочей обыденной жизни.

У Катса масса тонкихъ замѣчаній о людяхъ, продуктахъ ихъ дѣятельности и животныхъ, растеніяхъ и пр., которыя цитировались въ домашнемъ кругу Голландіи также часто, какъ поэмы Гомера въ общественной жизни Грековъ. Катсъ много говоритъ о любви двухъ половъ; но любовь у него лишена всякой примѣси романтизма; это—здоровая, чувственная любовь, иногда выражающаяся, по нашимъ понятіямъ, наивно до неприличія, къ чему опять-таки легко отыскать параллель въ искусствѣ.

Поэтъ очень много говоритъ объ обязанностяхъ женщинъ, сферой дѣятельности которыхъ онъ считаетъ исключительно кухню и дѣтскую. Въ своемъ сборникѣ «Обручальное кольцо» (Trouringh 1637 г.) онъ очень живо рисуетъ рядъ женскихъ характеровъ и картинокъ брачной жизни, опять таки узко національныхъ.

Послѣднее крупное его произведеніе: «Восьмидесяти-двухъ-лѣтняя жизнь» (Twee-ent-achtigjarig leven) интересно во многихъ отношеніяхъ: это его автобіографія, очевидно, вполнѣ правдивая, и изображеніе его жизни подъ старость; онъ разсказываетъ, когда онъ встаетъ, что ѣстъ и пьетъ, что читаетъ, когда и какъ гуляетъ, даже откуда получилъ онъ инструменты для подрѣзыванія деревьевъ и пр.

Немаловажной причиной популярности Катса было его строго-реформатское міросозерцаніе: онъ проявлялъ его настойчиво и въ жизни—въ полномъ собраніи генеральныхъ штатовъ, узнавъ о томъ, что онъ получилъ наконецъ отставку, Катсъ упалъ на колѣни и началъ молиться—и въ поэзіи: при всякомъ удобномъ случаѣ онъ вставляетъ въ свои стихи молитвы, иногда довольно длинныя.

Стихосложеніе его очень однообразно, но языкъ отличается замѣчательною чистотою.

Приводимъ въ переводѣ П. Корсакова (Сынъ Отечества за 1839 г., Т. V, стр. 69) стихотвореніе Катса подъ названіемъ: Geld doet gewelt (букв.—деньга насильничаетъ).

Деньга матушка законы
Человѣчеству даетъ:
Алчный свѣтъ, людей милльоны,
Все къ ней крадется, ползетъ,
Ѣдетъ и плыветъ въ молчанку,
Словно рыбка на приманку.
На кого своимъ лучемъ
Это солнышко проглянетъ,
Передъ нимъ тотъ рабски станетъ
На колѣни, и ничкомъ
Кланяться не перестанетъ.
Вотъ сановникъ. Посмотри:
Отъ зари онъ до зари
Машетъ головой, руками
И работаетъ ногами—
Только-бъ солнцу угодить.
Вотъ пловецъ: онъ дни и годы
Въ утлой лодкѣ радъ прожить,
Поле водъ избороздить,
Не страшась ни непогоды,
Ни вѣтровъ, ни дикарей,
Онъ стремится къ той же цѣли—
Къ милой денежкѣ своей.
Вотъ вамъ воинъ: безъ постели,
Безъ пріюта, подъ дождемъ,
Подъ убійственнымъ огнемъ
Радъ онъ съ тысячьми сразиться,
Радъ пройти сквозь сто смертей,
Лишь бы къ славѣ пріютиться,
Къ деньгѣ матушкѣ скорѣй.
О позоръ! И къ той же цѣли
Дѣва робкая спѣшитъ!
Ослѣпясь любостяжаньемъ,
Позабывъ дѣвичій стыдъ,
Женихово достоянье
Безъ зазора всѣмъ сулитъ.
Скромность—ненаглядный цвѣтъ—
Дѣва тайно продаетъ,
Не за чувство, за милльоны!
Стало правъ ты, алчный свѣтъ:
Деньга матушка даетъ
Человѣчеству законы.

Познакомивъ читателей вкратцѣ съ развитіемъ нидерландской литературы и главными представителями ея славнаго вѣка, мы счи-

таемъ себя въ-правѣ сократить дальнѣйшее изложеніе ея до минимума, такъ какъ въ концѣ XVII и во все продолженіе XVIII вѣковъ эта литература, не оказывая почти никакого вліянія на ходъ общеевропейской умственной культуры, сравнительно очень слабо выражаетъ и особенности характера народа, который, къ тому же, уже сыгралъ свою историческую роль и живетъ больше воспоминаніями прошлаго величія.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ упомянуть о нѣсколькихъ современникахъ Фонделя и Катса, имена которыхъ пользуются въ Голландіи большою извѣстностью и краткая характеристика которыхъ необходима для полноты картины золотого вѣка нидерландской литературы.

Между этими «планетами», какъ ихъ называетъ Іонкблётъ, самое отрадное явленіе представляетъ Диркъ Рафельзенъ Камфейзенъ (Camphuyzen); онъ родился въ 1586 г., учился въ Лейденскомъ университетѣ и слушалъ Арминія, ученію котораго и оставался вѣренъ въ продолженіе всей своей недолгой, но многострадальной жизни. Съ большимъ трудомъ досталъ онъ себѣ мѣсто проповѣдника и надѣялся прочно устроиться съ любимой женщиной; но вскорѣ принужденъ былъ бѣжать и спасаться отъ преслѣдованій: за его поимку побѣдоносная партія назначила награду въ 500 гульденовъ. Онъ постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое и терпѣлъ всяческія лишенія; но при этомъ находилъ возможность дѣлать добро всѣмъ, съ кѣмъ сталкивался. Онъ умеръ въ 1627 г., 41 года отъ роду.

Онъ благочестивый поэтъ-моралистъ, какъ и Катсъ, но его мораль не такая узкая и себялюбивая. «Я не хочу изгонять любви изъ вашего сердца,—говоритъ онъ,—но я хочу обратить ваше чувство на то, что болѣе достойно любви». Въ своей дидактической поэмѣ «Искусство хорошо писать стихи» (Wel-rymens wet) онъ стоитъ за близость къ природѣ и національность въ поэзіи.

Изъ ученыхъ голландскихъ поэтовъ мы назовемъ Даніила Гейнзіуса (Heins, род. въ 1580 г., ум. 1655 г.), ученика Скалигера, который уже 18 лѣтъ отъ роду занялъ каѳедру греческаго и латинскаго языка въ Лейденскомъ университетѣ и былъ однимъ изъ величайшихъ полигисторовъ своего вѣка. Онъ—авторъ множества латинскихъ стиховъ, но не пренебрегалъ и родной поэзіей: онъ писалъ по-голландски элегіи, любовныя письма, похвалу Іисусу Христу и одну трагедію.

И знаменитый Гуго Гроцій (1583—1645), положившій своей книгой: De jure belli et pacis (Парижъ, 1625 г.) начало новой наукѣ, международному праву, охотно тратилъ свой досугъ на поэзію; по-латыни онъ написалъ нѣсколько драмъ (Adamus exul, Christus patiens

и др.); изъ его голландскихъ произведеній наибольшею извѣстностью пользуется теологическій эпосъ: Rewys voor den waeren Godtdienst, который онъ самъ переложилъ на латинскій, подъ заглавіемъ: De veritate religionis christianae. Мартинъ Опицъ перевелъ эту поэму по-нѣмецки.

Іоганнъ фанъ Гемскеркъ (Heemskerk), другъ и родственникъ Гроція, родился въ Амстердамѣ въ 1597 г., учился въ Лейденѣ, много путешествовалъ и потомъ поселился въ Амстердамѣ, гдѣ и умеръ въ 1656 г. Онъ передѣлывалъ Овидія не только на родной языкъ, но и на народные нравы. Въ 1637 г. онъ издалъ «Батавскую Аркадію» въ прозѣ, смѣшанной со стихами, гдѣ съ большимъ остроуміемъ разсказано путешествіе компаніи молодыхъ людей (бо̀льшею частью влюбленныхъ) отъ Гаги до Лейдена. Онъ передѣлалъ для голландскаго театра Корнелева Сида.

Іеремія де Деккеръ, род. въ 1609 г. въ Дордрехтѣ, но провелъ почти всю жизнь въ Амстердамѣ (ум. 1666 г.), другъ Рембрандта, извѣстенъ какъ авторъ большой поэмы: «Похвала Любостяжанію», образцомъ для которой служила знаменитая сатира его соотечественника: Похвала Глупости.

Яковъ Вестербанъ (Westerbaen), род. въ 1599 г. въ Гагѣ, учился въ Лейденѣ богословію; но побѣда анти-ремонстрантовъ внушила ему антипатію къ этой наукѣ, и онъ перешелъ въ медики; впослѣдствіи онъ женился на вдовѣ Обербарнефельда и жилъ въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1670 г. Самое крупное его произведеніе — описательная поэма, въ которой онъ рисуетъ свое помѣстье во всѣ четыре времени года, переплетая описаніе многочисленными разсужденіями. Онъ много переводилъ стихами, между прочимъ, Теренція.

Іонктисъ (Ionctys), род. въ 1600 г. въ Дордтѣ и готовился въ медики. Онъ изгнанъ изъ родного города церковнымъ совѣтомъ за сатиру и переселился въ Роттердамъ, гдѣ и умеръ въ 1654 г. Онъ писалъ очень много, но слава его основана исключительно на любовныхъ стихотвореніяхъ, которыя явились между 1620 и 1623 гг. (всего 59 стихотвореній); непріятны у него вѣчныя персонификаціи Амура, вѣчные пастухи и пастушки, вѣчныя стрѣлы очей и проч. любовный аппаратъ; но нельзя не признать его стихотворенія изящными и остроумными.

Значительно моложе всѣхъ предыдущихъ Іоганнъ Антонидъ изъ Гоза (Goes); онъ род. въ 1647 г., воспитывался въ Амстердамѣ, готовясь въ аптекаря; онъ началъ съ латинскихъ стиховъ, но скоро потомъ перешелъ къ голландскимъ. Ему было всего 17 лѣтъ, когда онъ взялся за трагедію (Trazil) на тотъ же сюжетъ изъ китайской исторіи, который обрабатывалъ Фондель. Маститый поэтъ узналъ объ

этомъ, познакомился съ юношей и взялъ его подъ свое покровительство. Въ трагедіи Антонида оказалось больше движенія и характеровъ, нежели въ пьесѣ Фонделя. 20 лѣтъ отъ роду Антонидъ сдѣлался знаменитостью, благодаря своему стихотворенію на миръ. Черезъ 4 года (1671 г.) онъ издалъ свою поэму De Ystrom (заливъ Эй), въ которой съ большимъ одушевленіемъ, но не безъ излишка въ украшеніяхъ и миѳологіи и мѣстами не безъ напыщенности воспѣлъ столицу Голландіи *). Онъ умеръ въ 1684 г., всего 37 лѣтъ отъ роду.

Восемнадцатый вѣкъ—самое печальное время въ нидерландской литературѣ, такъ же, какъ и въ политической и въ общественной жизни этой страны: все старое, исконно національное было прожито. а между тѣмъ еще не настало время, когда нація могла войти въ общую, всенивеллирующую жизнь Европы; отсюда безплодныя колебанія между утратившими смыслъ переживаніями и неумѣлыми попытками усвоенія чужого.

Войны Людовика XIV и переселеніе въ Голландію массы гугенотовъ, бывшее слѣдствіемъ уничтоженія нантскаго эдикта, открыли широкую дорогу французскому вліянію вообще и французскому классицизму въ частности. Псевдоклассицизмъ именно здѣсь могъ произвести только зло и долженъ былъ имѣть самыя печальныя послѣдствія: онъ былъ совершенно чуждъ національному характеру и не могъ ассимилироваться съ нимъ, такъ что нидерландецъ, прикидывающійся Расиномъ или Буало, всегда производилъ впечатлѣніе неудачной и грубой маски; а съ другой стороны—очищающее и упорядочивающее вліяніе академической поэзіи здѣсь было совсѣмъ не нужно и могло вести только къ самымъ вреднымъ крайностямъ. Въ то же время сама жизнь страны, послѣ смерти Вильгельма III (1702 г.), рѣшительно не представляла ничего, способнаго возбудить чувство и фантазію, а между тѣмъ давала много досуга для служенія художественнымъ интересамъ. Тогда поэзія стала забавой, времяпрепровожденіемъ, которому предавались сотни посредственностей и тысячи бездарностей, возбуждаемыхъ славой прошлыхъ поколѣній.

Согласно преданіямъ и національному характеру, эти бездарности соединяются въ многочисленныя общества, которыя наводняютъ своими упражненіями въ метрикѣ всю голландскую печать.

Еще въ концѣ XVII в. въ Амстердамѣ составилось многочисленное и сильное своимъ вліяніемъ общество, подъ названіемъ: Nil volentibus arduum, которое видѣло свой идеалъ во французской Академіи; его цѣлью было—улучшить родной языкъ, поэзію и театръ; первое условіе красоты въ его глазахъ—гладкость и вылощенность формы; піитика псевдоклассицизма принята въ немъ цѣликомъ и

*) Амстердамъ стоитъ при впаденіи рѣки Амстеля въ заливъ Эй (Y).

развита далѣе, въ мелочи и подробности. Члены общества обмѣниваются самыми приторными любезностями по отношенію другъ къ другу и злобно преслѣдуютъ всякаго, кто не принадлежитъ къ ихъ приходу.

Только отъ 1680 по 1718 г. насчитываютъ болѣе 30 подобныхъ обществъ, и послѣ этого число ихъ увеличивается почти ежегодно. Подъ вліяніемъ блеска французской трагедіи, большинство ихъ усердно работаетъ «на пользу театра»: переводятся всѣ пьесы классическаго французскаго репертуара и создаются собственныя по тому же шаблону. Но народный духъ со сцены нельзя изгнать, и публика, послѣ скучной трагедіи, развлекается такими фарсами и комедіями, что изъ-за неприличія и грубости ихъ правительство не разъ было принуждаемо закрывать театры.

Всего хуже то, что члены этихъ многочисленныхъ обществъ насыщали себя духовно посредствомъ своихъ литературныхъ упражненій и знать не хотѣли о томъ, чтó дѣлалось вокругъ нихъ. Вотъ одна изъ причинъ, почему такъ-называемое просвѣтительное движеніе XVIII вѣка очень слабо коснулось массы голландскаго общества. Другая причина, дѣлающая болѣе чести Голландіи, та, что въ этой издавна свободной и въ то же время глубоко религіозной странѣ реакція противъ духовнаго и политическаго гнета не была такъ нужна и неизбѣжна.

Только со второй половины столѣтія (когда и въ политической жизни страны чувствуются новыя вѣянія) въ литературѣ замѣчается нѣкоторое отрадное движеніе въ сторону національности и народности. Въ концѣ XVIII в. галломанія слабѣетъ со дня на день; тогда сосѣдняя и родственная Германія, подготовляющаяся въ это время къ эпохѣ Гёте и Шиллера и уже переживающая вѣкъ Клопштока и бурный періодъ, своимъ благотворнымъ вліяніемъ уплачиваетъ старый долгъ Голландіи. Тогда нидерландская поэзія вступаетъ въ новый фазисъ развитія: въ ней являются религіозныя и патріотическія оды; потомъ она переживаетъ вертеризмъ и потомъ вмѣстѣ съ романтизмомъ вступаетъ въ XIX вѣкъ. Мы назовемъ возможно меньшее количество извѣстныхъ именъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ характеризуетъ разныя ступени движенія нидерландской литературы въ XVIII в. Начинаемъ съ лириковъ, извѣстность которыхъ основана исключительно на ихъ любовныхъ пѣсняхъ: эротическое настроеніе и въ суровомъ голландцѣ не представляетъ чего-либо рѣдкаго и необыкновеннаго, какъ это можно видѣть и на примѣрѣ Фонделя.

Янъ Лейкенъ (Luyken) представляетъ собою переходъ отъ XVII вѣка; онъ род. въ 1649 г. въ Амстердамѣ, предназначался въ граверы и достигъ въ этомъ ремеслѣ довольно высокой степени со-

вершенства. Въ 1671 г. вышелъ сборникъ его любовныхъ стихотвореній (Duytse Lier), очень разнообразныхъ по формѣ (здѣсь есть и идилліи, и романсы, и сказки) и очень живыхъ и натуральныхъ по содержанію. Немного позднѣе Лейкенъ сдѣлался до крайности благочестивымъ, сталъ прятаться отъ людей и очень хотѣлъ бы истребить свой томикъ. Его религіозныя и назидательныя стихотворенія, относящіяся ко второму періоду его жизни, очень плохи. Онъ умеръ въ 1712 г.

Его ровесникъ Янъ фонъ Брökгейзенъ тоже родился въ Амстердамѣ, готовился въ аптекаря, но почувствовалъ антипатію къ этому занятію и ушелъ въ военную службу, гдѣ дослужился до капитана. Онъ окончилъ также крайнимъ благочестіемъ (ум. 1707 г.). Онъ тоже скорѣе принадлежитъ къ предыдущей эпохѣ и учился по Гофту и Фонделю; но подобно поэтамъ XVIII вѣка больше всего дорожитъ блескомъ слога и чистотой формы. Онъ одинаково легко владѣлъ и латинскимъ стихомъ.

Губертъ Потъ (Poot), поэтъ-крестьянинъ, род. въ 1689 г.; выучившись грамотѣ въ деревенской школѣ, онъ усерднымъ чтеніемъ пополнилъ свое образованіе; съ ранней юности онъ чувствовалъ страсть къ поэзіи и сперва попалъ подъ вліяніе обществъ; но потомъ природный вкусъ заставилъ его обратиться къ изученію Гофта и Фонделя, въ которыхъ онъ такъ вчитался, что они «перешли въ его плоть и кровь». Въ 1716 г. онъ издалъ первый томикъ своихъ стихотвореній; вскорѣ потомъ онъ сталъ литературною извѣстностью и оставилъ земледѣліе. Въ 1727 г. вышелъ его второй томъ. Въ большинствѣ его произведеній видна манерность обществъ и псевдоклассицизма, но языкъ вездѣ блеститъ чистотой и стихъ—правильностью и звучностью. Его крестьянское происхожденіе и воспитаніе повліяли на него благотворно въ томъ отношеніи, что у него все же больше жизненности и искренности, чѣмъ у другихъ современныхъ ему лириковъ.

Изъ драматурговъ XVIII вѣка нельзя пройти молчаніемъ комика Петра Лангендейка (Langendijk), произведенія котораго до сихъ поръ не забыты; онъ род. въ 1683 г. въ Гарлемѣ, рано потерялъ отца и жилъ въ бѣдности, учась рисованію. Получивъ мѣсто рисовальщика на одной фабрикѣ въ Амстердамѣ, онъ сошелся съ нѣкоторыми литераторами и уже 17 лѣтъ написалъ свою первую комедію (Донъ Кихотъ,—авторъ взялъ драматическій эпизодъ съ богатымъ Камачемъ), но ставить пьесы на сцену сталъ много позднѣе. Въ 1721 г. онъ напечаталъ сборникъ своихъ стихотвореній въ 2-хъ томахъ; но въ его лирическихъ пьесахъ нѣтъ ничего особенно оригинальнаго и живого. Въ 1722 г. онъ переѣхалъ въ Гарлемъ, гдѣ про-

долженъ заниматься своимъ ремесломъ и поэзіею. Жизнь его сложилась очень неудачно: сперва его разоряла неразсудительная мать, потомъ жена; да и самъ онъ отличался крайнею безпорядочностью въ дѣлахъ; подъ старость онъ жилъ въ большой бѣдности, но не терялъ бодрости духа и веселости. Онъ умеръ въ 1756 г., 73 лѣтъ отъ роду.

Его оригинальныя комедіи рѣзко распадаются на двѣ группы по времени: пока онъ жилъ въ Амстердамѣ, онъ писалъ шутки (Possen) въ стихахъ, остроумныя и живыя, хотя не особенно содержательныя. Затѣмъ, послѣ его переселенія въ Гарлемъ наступилъ почти 20-лѣтній промежутокъ; а подъ старость онъ обратился къ высокой комедіи, въ которой дѣйствіе онъ переносилъ большею частью въ древній міръ (Ксантиппа, Папирій). Шутки его, благодаря изяществу стиха, діалога и быстрому ходу дѣйствія, живутъ и до сихъ поръ *); но его комедіи забыты по справедливости (кромѣ послѣдней неконченной, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Голландіи и гдѣ не безъ юмора выражена противуположность между старымъ и новымъ поколѣніями купцовъ): въ нихъ такъ же мало характеровъ и мысли, какъ и въ шуткахъ, но нѣтъ живости и непритязательности послѣднихъ.

Реакція противъ манерности и подражанія французамъ идетъ въ Голландіи съ сѣвера, изъ Фрисландіи, и вліятельными представителями ея являются братья Гарены (Zwier van Haren), аристократы по происхожденію и воспитанію, государственные люди по служебной дѣятельности. Старшій Вильгельмъ род. въ 1710 г.; онъ извѣстенъ своими энергичными и искренними по содержанію, но не гладкими по формѣ политическими пѣснями и поэмой: Паденіе Фризо, царя Гонгоридскаго, на которую напали всѣ «общества» за грубость стиха и недостатокъ единства дѣйствія. Онъ ум. 1768 г. Его братъ Онно моложе его на 3 года; бо̀льшую часть жизни онъ провелъ въ политическихъ треволненіяхъ; только подъ старость нашелъ онъ покой въ литературныхъ работахъ. Онъ—авторъ многихъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ больше философіи и учености, чѣмъ поэзіи, двухъ трагедій и эпической поэмы Гёзы. Его трагедія: Агонъ,

---

*) Содержаніе одной изъ нихъ, наиболѣе удачной (Huwelyksbedrog), состоитъ въ томъ, что одна бѣдная дама изъ хорошей фамиліи такъ искусно прикидывается богатой, чтобы повыгоднѣе выдать за-мужъ свою дочь, что одинъ промотавшійся дворянинъ, тоже ловко прикрывающій свою бѣдность, считаетъ дѣвушку выгодной невѣстой (какъ и она его—выгоднымъ женихомъ) и усиленно ухаживаетъ за ней. Взаимный обманъ открывается тогда, когда молодые люди уже успѣли полюбить другъ друга. Развязка счастливая: является неожиданно разбогатѣвшій братъ дамы и устраиваетъ судьбу любовниковъ.

Другія его пьесы разрабатываютъ вѣчно безсмертные водевильные сюжеты: приключенія внезапно разбогатѣвшаго крестьянина, принца на часъ и пр.

Султанъ Бантамскій явилась въ 1769 г. *) и вызвала единогласное осужденіе современной критики за грубость стиха и языка **); но въ ней нельзя не признать энергіи мысли и живыхъ очерковъ характеровъ. Въ томъ же 1769 г. вышла его поэма, которая въ позднѣйшей переработкѣ получила заглавіе De Geuzen и которая была встрѣчена такимъ же крикомъ негодованія «обществъ», но надолго пережила принципы послѣднихъ. Она состоитъ изъ 24 пѣсенъ въ десятистрочныхъ строфахъ, излагаетъ рядъ эпизодовъ изъ исторіи героической борьбы Голландіи за свободу и дѣлаетъ длинное отступленіе (отъ 7-й пѣсни до 12-ой), чтобы въ видѣ сна принца Оранскаго представить будущее величіе Голландіи и прославить революцію 1747 г. Поэмѣ нельзя отказать въ искренности здороваго одушевленія и мѣстами въ поэзіи.

Гёзы имѣли несомнѣнное и благотворное вліяніе на Якова Беллами, перваго, послѣ долгаго промежутка, лирика Голландіи съ фантазіей и чувствомъ. Беллами род. въ 1757 г. въ Флиссингенѣ и предназначался въ хлѣбопеки; но добрые люди, замѣтившіе въ немъ поэтическій талантъ, дали ему образованіе и послали въ Утрехтскій университетъ; онъ умеръ 29 лѣтъ отъ роду (1786 г.), раньше, чѣмъ успѣлъ получить мѣсто священника. Два сборника его стихотвореній вышли почти одновременно въ 1782 г., одинъ подъ заглавіемъ: «Пѣсни моей юности», другой — «Отечественныя пѣсни Зеландіи». Въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ замѣтенъ излишекъ миѳологіи и ложный паѳосъ; въ патріотическихъ пѣсняхъ воодушевленіе иногда переходитъ въ высокопарность; но его стихотворенія съ религіознымъ оттѣнкомъ показываютъ искреннее и поэтически выраженное чувство.

Приводимъ въ видѣ образца его стихотвореніе «Хлоя» въ переводѣ П. А. Корсакова.

„Сестру на землѣ мы нашли“,
Два ангела пѣли въ восторгѣ,
И съ пѣснью вспорхнувъ къ небесамъ,
На землю опять улетѣли.
И братьевъ безплотныхъ взманили съ собой;
Все небо желало то диво увидѣть:
Взвились и неслись они будто перунъ
И мчались на землю къ зеленой дубравѣ.
А Хлоя, какъ утро, прекрасная тамъ
Стоитъ на колѣняхъ въ молитвѣ и думѣ;
Ланиты ея серебрятъ двѣ слезы,

*) Сюжетъ взятъ изъ недалекаго прошлаго: Агонъ подъ старость дѣлитъ свое царство между двумя ненавидящими другъ друга сыновьями, Абдуломъ и Гассаномъ; ихъ враждою и безсовѣстностью Абдула пользуются Голландцы, чтобы овладѣть землею Агона.

**) Оба брата лучше писали по-французски, чѣмъ по-голландски.

Какъ юную розу росиночки утра;
Но дѣва вперяетъ свой взоръ въ небеса,
Какъ будто зря Бога надъ кущей священной...
Тутъ лепетъ раздался согласный духовъ:
„Отецъ! мы не въ силахъ разстаться съ сестрою“
И онъ мірозданья вершины потрясъ,
И вѣтеръ пронесся по сѣни дубравной...
Услышали духи велѣнье творца,
И дѣву въ молитвѣ восхитивъ съ собою,
„Сестру на землѣ мы нашли“,
Всѣ ангелы дружно запѣли,
И легкимъ полетомъ вспорхнувъ къ небесамъ,
Съ молящейся дѣвой явились предъ Богомъ.

Конецъ XVIII столѣтія ознаменованъ появленіемъ оригинальнаго голландскаго романа, смѣнившаго переводный испанскій и французскій. Жизнь основательницы его тоже до извѣстной степени—романъ. Елизавета Беккеръ род. въ 1738 г. въ Флиссингенѣ, получила очень хорошее образованіе, выучилась по-латыни, слушая уроки брата, перечитала массу серьезныхъ книгъ, познакомилась съ Лейбницемъ, Вольфомъ, французскими «просвѣтителями», изучила Руссо; рано начала писать стихи. Но она вовсе не была «синимъ чулкомъ», напротивъ, очень не прочь была пококетничать и не всегда могла сдержать себя въ предѣлахъ благоразумія. 20 лѣтъ она убѣжала изъ дому родительскаго съ однимъ офицеромъ; разставшись съ нимъ, она охотно вышла за-мужъ за пастора Вольфа, который былъ на 30 лѣтъ старше ея и къ которому она чувствовала только почтеніе и дочернюю привязанность, вслѣдствіе чего временами она испытывала, что-называется, «душевный голодъ». Но когда мужъ ея умеръ, она оказалась совсѣмъ одинокой на свѣтѣ; къ счастію, она нашла себѣ друга въ лицѣ одной замѣчательно способной и умной крестьянской дѣвушки Агаты Деккенъ, которая, хотя и была моложе ея на 3 года и несравненно хуже образована, подчинила ее своему вліянію. Съ этихъ поръ подруги не разставались; внезапное обогащеніе Деккенъ нисколько не измѣнило ихъ отношеній; онѣ вмѣстѣ уѣхали во Францію, вслѣдствіе политическихъ неурядицъ, вмѣстѣ вернулись на родину, позднѣе вмѣстѣ рѣшили бороться съ бѣдностью литературнымъ трудомъ. Ихъ совмѣстно написанные романы имѣли очень большой успѣхъ и не забыты до сихъ поръ («Сара Бургергартъ» вышла въ 1782 г., а въ 1886 г. выдержала восьмое изданіе). Онѣ умерли въ одинъ и тотъ же годъ (1804) и почти на одной недѣлѣ.

Романы Вольфъ и Деккенъ изображаютъ простыя отношенія и домашнія сцены изъ голландской жизни, но авторы стараются придать послѣднимъ психологическую глубину и внѣшній интересъ.

Иначе сказать, они представляютъ удачное подражаніе англійскому семейному роману.

Послѣднимъ мы назовемъ поэта, который, какъ двуликій Янусъ, смотритъ въ оба столѣтія, и, будучи связанъ съ одной стороны съ стихоплетами псевдоклассицизма, съ другой—подаетъ руку романтизму, изученію народности и байронизму.

Бильдердейкъ (Bilderdijk) родился въ 1756 г. въ Амстердамѣ; онъ былъ сынъ доктора, чувствовавшаго, однако, больше наклонности къ поэзіи, чѣмъ къ медицинѣ; вслѣдствіе одного несчастнаго случая онъ отъ 5—12-ти лѣтъ провелъ въ постели (какъ Байронъ, онъ страдалъ отъ изуродованной ноги) и поглотилъ за это время массу книгъ; уже 14-ти лѣтъ онъ началъ печатать свои стихи; 20-ти лѣтъ онъ получилъ первый призъ отъ Лейденскаго литературнаго общества, такъ что, когда онъ 24-хъ лѣтъ вступилъ въ университетъ, онъ былъ уже знаменитостью. Получивъ дипломъ, онъ сдѣлался адвокатомъ въ Гагѣ, женился, но несчастливо; въ 1785 г. онъ передѣлалъ «Гезовъ» Гарена, въ слѣдующемъ — издалъ свой романсъ въ семи пѣсняхъ Elius; въ 1795 г., когда ворвались французы, онъ оставилъ отечество, жилъ въ Гамбургѣ, Лондонѣ и Брауншвейгѣ; въ Лондонѣ онъ влюбился въ дочь своего пріятеля, которая стала потомъ его любовницей, а впослѣдствіи, когда онъ получилъ разводъ, и женою. Какъ человѣкъ, онъ имѣлъ много слабостей: онъ принималъ пенсію отъ нѣмцевъ и ругалъ Германію; онъ получалъ до 20,000 гульденовъ въ годъ, но былъ вѣчно безъ денегъ, вѣчно жаловался и клянчилъ; но онъ много работалъ и обладалъ способностью влiять на людей. Онъ замѣчательно многосторонній писатель: онъ переводилъ Делиля, Оссіана и писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Онъ много занимался исторіей языка и былъ въ усердной перепискѣ съ Я. Гримомъ. Когда послѣ изгнанія французовъ, онъ вернулся на родину, онъ оказался въ противорѣчіи съ духомъ времени: послѣдній стремился къ политической и индивидуальной свободѣ, а Бильдердейкъ въ свободѣ видѣлъ только зло, возставалъ противъ раціонализма и всего наслѣдства революціи, отождествлялъ поэзію съ религіей и умѣлъ свои убѣжденія прививать молодежи. Въ 1830 г. онъ потерялъ вѣрную подругу своей жизни и умеръ черезъ годъ.

Бильдердейкъ по натурѣ лирикъ; онъ слишкомъ субъективенъ для эпоса, а тѣмъ болѣе для драмы. Въ его трагедіяхъ (одна изъ самыхъ извѣстныхъ—Floris V), какъ и у Альфіери, на сценѣ всегда самъ поэтъ. Его неоконченная поэма «Гибель перваго міра» (De Ondergang der eerste Wereld), въ которой онъ пытался слить библейское сказаніе о сынахъ божіихъ и дщеряхъ человѣческихъ съ классическимъ—о борьбѣ титановъ съ богами, удачна только въ немногихъ

частностяхъ. Онъ великій мастеръ въ описательной поэзіи, такъ-какъ обладаетъ большою наблюдательностью и юморомъ, а его лирическія пьесы отличаются поразительной силой языка.

У него есть и байроновскія черты: эгоистическое презрѣніе къ міру и людямъ и соединеніе женской слабости съ сатанинской силой и неукротимостью.

Приводимъ два его стихотворенія въ переводѣ того же знатока нидерландской литературы П. Корсакова (къ сожалѣнію, плохо владѣвшаго русскимъ стихомъ):

1) Взглядъ назадъ и взглядъ впередъ (стансы).

Мудрецъ приходъ зимы встрѣчаетъ,
Какъ дня прекраснаго закатъ;
Онъ знаетъ, что безъ колкихъ терній
Не льется розыароматъ.
Про жизни садъ воспоминая,
Гдѣ съ наслажденіемъ гулялъ—
И я о томъ не позабуду,
Какъ часто горе тамъ встрѣчалъ.
Я наблюдалъ не разъ, какъ вѣтеръ
Листки весенніе срывалъ,
Видалъ, какъ грустный, мрачный вечеръ
Часы дней ясныхъ сокращалъ.
Вдыхая осени прохладу,
Я, подъ навѣсомъ грозныхъ тучъ,
Смотрѣлъ, какъ дубъ съ лозой свивался,
Какъ ледъ душилъ игривый ключъ.
Объятья къ небу простирая,
Я смѣло поднималъ чело;
Теперь съ главы поникшей время
Власы, какъ листья, разнесло.
И что-жъ? Ужели плакать буду
О прелестяхъ минувшихъ дней,—
Я, жертва грозъ и бурь житейскихъ!
Но все-ли шло чредой своей?
Пускай, засѣявъ ниву жизни,
Я не вкусилъ съ нея плодовъ:
Ихъ соберетъ моя отчизна,
Пожнутъ сыны моихъ сыновъ!
А если стебля цвѣтъ дождями
Сгноенъ безвременно въ соку?
А если вихорь вѣтвь цвѣтную
Сломилъ до цвѣта, на суку?
Моя-ль вина? и я плодился,
Но сухъ, червивъ былъ жизни плодъ;
Увы! вся жизнь моя на свѣтѣ
Была лишь западъ и восходъ!
Погода, почва,—все мѣшало;
Съѣдалась жатва саранчей;

Кто сѣялъ вихрями, тотъ бурей
На нивѣ пожиналъ родной.
Да будетъ! Пораженъ перуномъ,
Разбитый возъ тащу въ село,
Червямъ могильнымъ на съѣденье,
Во прахъ склоненное чело.

Нѣсколько удачнѣй переведено стихотвореніе: „Борьба“.

Какъ булатъ, въ бояхъ обдержанный,
Много бѣдъ я поборолъ,
Но меня въ борьбѣ ждалъ новый врагъ—
Разрушитель-исполинъ:
Гдѣ ногой толкнетъ, тамъ крѣпости
Валитъ, какъ снопы въ гумнѣ;
Гдѣ рукой махнетъ, тамъ улица;
Не чинился онъ въ бою.

***

Бодро встрѣтилъ я противника;
Онъ—мнѣ горбъ наколотилъ.
У иного-бъ слезы брызнули,—
Ни слезинки у меня.
Кто-бъ взглянулъ, чего мнѣ стоило
Удержаться на ногахъ.
Тотъ сказалъ бы: „Карачунъ тебѣ!“
Я стоялъ, какъ мѣдный столбъ,

***

Наконецъ онъ руки, ноги мнѣ
Раздавилъ, переломалъ;
Я рванулся... пафъ! и ð-земь бацъ!
Такъ швырнулъ меня силачъ!
Сколько съ нимъ я ни барахтался,
Какъ ни бился, ни кряхтѣлъ,
Онъ насѣлъ на добра молодца,
И не встать ему съ земли.

***

Видно время удалѣе насъ,
Удальцевъ-богатырей;
Видно мышцы сына вѣчности
Посильнѣе нашихъ рукъ,
Какъ ни бьемся мы, ни боремся,
А въ дугу согнетъ онъ всѣхъ;
Рано-ль, поздно-ль, а растопчетъ насъ
Разрушитель-исполинъ.

Скандинавская литература.

Fred. W. Horn: Geschichte der Literatur des Skandinavischen Nordens. Leipzig 1879.
Ph. Schweitzer: Geschichte der skandinavischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig (ohne Jahreszahl).
А. Н. Чудиновъ: Образцовыя Произведенія скандинавской поэзіи. Часть I. Воронежъ 1875.
Sv. Grundtvig: Danmarks gamle Folkeviser. Kjöbenhavn 1853 и слѣд.
Oehlenschläger: Gamle danske Folkeviser. Kjöbenhavn 1841.
Winther: Kjæmpeviser udgivne som Text til 1ste og 2de Hefte af Prof. Ridder Weyses Melodier. Kjöbenhavn 1840—1843.
S. Bugge: Gamle norske Folkeviser. Christiania 1858.
L. Dietrichson: Omrids af den norske. Literaturs Historie. Kjöbenh. 1866—1867.
L. Holberg. Niels Klims Reise under Iorden. Efter den baggesenske Oversattelse paa ny udgiven, ved. J. C. Lange Kjöbenhavn 1834.
Peder Paars, изданіе Liebenberg'a Копенгагенъ 1879.
A. Legrelle Holberg considéré comme imitateur de Molière. Paris 1864.
Marmier: Histoire de la littérature en Danemarc et en Suède. Paris 1839.
W. and M. Howitt: The Literature and Romance of Northern Europe. London 1852.
G. Claëson: Ofversigt af svenska spr̊akets och literaturens historia. (4 издан.). Stockholm. 1877.
Marianne d'Ehrenstrom: Notices sur la littérature en Suède 1826.

I.

Скандинавскіе народы тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ какіе бы то ни было другіе народы индо-европейскаго племени, какъ языками, отличающимися даже отъ родственныхъ съ ними германскихъ нарѣчій разными своеобразными грамматическими особенностями, такъ и литературой, запечатлѣнной общимъ духомъ и питавшейся изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Языки датско-норвежскій и шведскій настолько близки между собою, что и нынѣ всякій образованный датчанинъ или норвежецъ понимаетъ шведа и на-оборотъ, чего нельзя сказать о славянахъ или о представителяхъ романскаго племени. Исландскій языкъ, однако, нарушая эту гармонію, стоитъ особнякомъ: онъ такъ же мало понятенъ неизучавшему его шведу или датчанину, какъ польскій языкъ коренному москвичу. Между тѣмъ онъ вмѣщаетъ въ себѣ тѣ сокровища древне-скандинавской народной мысли, которыя завоевали для Эдды то же положеніе въ скандинавской литературѣ, какое имѣетъ Иліада въ греческой или Махабарата въ древне-индійской. Вслѣдствіе сложныхъ причинъ, преимущественно географическаго и политическаго характера, исландскій языкъ оказался менѣе другихъ податливымъ различнымъ вліяніямъ, которыя преобразовали нарѣчія шведовъ и датчанъ, и дошелъ до насъ, за маловажными ис-

ключеніями, въ томъ видѣ, въ которомъ его употребляли древніе скальды.

На почвѣ литературы такого различія между членами скандинавскаго племени нѣтъ. Исторія скандинавской словесности служитъ нагляднымъ доказательствомъ того всемогущаго вліянія, которое могутъ и должны оказать политическія условія на развитіе національной литературы, причемъ замѣчаемъ, что все то, что вліяло на міросозерцаніе и слѣдовательно на литературу одного скандинавскаго народа, дѣйствовало одинаково на литературу всѣхъ. Но и здѣсь Исландія находилась въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ Данія, Норвегія и Швеція, во-первыхъ благодаря своему демократическому строю, державшемуся нѣсколько столѣтій послѣ того, какъ послѣдняя тѣнь свободы исчезла въ Даніи, Норвегіи и Швеціи и оказавшему весьма благотворное вліяніе на развитіе умственныхъ и художественныхъ задатковъ народа; во-вторыхъ вслѣдствіе того, что сперва Данія, а потомъ и Швеція и Норвегія, играя роль культурныхъ посредницъ между Европой и Исландіей, подчинялись внѣшнему вліянію въ болѣе значительной степени, чѣмъ послѣдняя. При этомъ однако все полученное Исландіей совершенно ассимилировалось, принимая ту національную физіономію, которая характеризовала всѣ факторы исландской цивилизаціи. Даже католицизмъ, который не безъ основанія гордится тѣмъ, что онъ процвѣтаетъ безъ измѣненій въ Китаѣ, какъ въ Римѣ, въ Перу, какъ и въ Польшѣ, не избѣгъ общей участи: прежде, чѣмъ онъ успѣлъ покорить умы, укротить нравы и преобразовать характеръ язычныхъ исландцевъ, онъ самъ подпалъ подъ дѣйствіе этого могучаго національнаго духа и былъ вскорѣ такъ удачно приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ, что сталъ отражать національный характеръ не менѣе сильно, чѣмъ отражалъ его всенародный судъ—альтингъ.

Со временемъ, однако, христіанство освободилось отъ чужого ига и взялось за исполненіе той роли, которую оно привыкло играть въ политической жизни полудикихъ народовъ. Укрѣпленіе его въ Скандинавіи, которое не совершилось безъ «оплодотворяющей» крови, совпадаетъ съ упадкомъ древняго художественнаго творчества, возобновленнаго, однако, впослѣдствіи тѣмъ самимъ католицизмомъ и производившаго очаровательные цвѣты народной поэзіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что произведенія древне-скандинавской словесности были многочисленны. Простительное чувство патріотизма побудило нѣкоторыхъ датскихъ ученыхъ смотрѣть на нее черезъ увеличительное стекло любви къ старинѣ. Но и безпристрастный историкъ не можетъ не признать ее обширной и разнообразной, хотя сравнительно до насъ дошло отъ нея немного. На это указываютъ сохранив-

шіеся остатки съ такою же убѣдительностью, съ какою уцѣлѣвшія отъ опустошеній времени кости открываютъ опытному палеонтологу размѣры доисторическаго мамонта. Она захватила всѣ явленія тогдашней жизни и природы, всю сумму впечатлѣній и стремленій свѣжаго, правдиваго, дѣятельнаго народа и изобразила ихъ съ необычайною рельефностью.

Въ древнѣйшей эпической литературѣ скандинавскихъ народовъ замѣчаемъ четыре теченія: миѳологическое, героическое, историческое и дидактическое, которыя, однако, не строго раздѣлены послѣдовательными періодами времени. Пѣсни первой категоріи, раскрываютъ нашимъ глазамъ древне-скандинавскій пантеонъ, рисуютъ намъ дѣянія боговъ, ихъ ежедневную жизнь, ихъ ссоры другъ съ другомъ, ихъ борьбу съ великанами и ихъ конецъ. Во всемъ этомъ скандинавскіе боги, какъ и древне-индійскіе въ Махабаратѣ и Рамаянѣ, являются такими же людьми, какъ и творцы ихъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Но скандинавскій богъ несравненно болѣе естествененъ, чѣмъ его индійскій собратъ; не только его анатомическій строй, но и его психологическія черты одинаково напоминаютъ его первообразъ. Онъ стоитъ на одной плоскости съ человѣкомъ, который, слѣдовательно, можетъ вполнѣ сочувствовать его предпріятіямъ, радоваться его побѣдамъ и жалѣть о его неудачахъ; Торъ, Одинъ и ихъ товарищи не чудовища, а люди, какъ и воспѣвавшіе ихъ.

Эти пѣсни принадлежатъ къ древнѣйшимъ и по всей вѣроятности были въ обращеніи въ Норвегіи въ началѣ VII-го столѣтія. Миѳы, служившіе имъ основаніемъ, давно уже признаны общимъ достояніемъ всѣхъ германскихъ племенъ; нѣкоторые изъ нихъ—общимъ добромъ всѣхъ индокельтійскихъ народовъ. Космогонія поразительно похожа на преданія другихъ индокельтійскихъ племенъ о сотвореніи міра.

Не было въ былое время, когда Имиръ *) жилъ,
Ни песку, ни моря, ни холодныхъ волнъ
И не созданы были ни земля, ни небо,
А зіяла пропасть лишь бездонная,
Не росла нигдѣ зелена трава **)

Затѣмъ сотворена была матерія, изъ которой произошли Іётуны (великаны мороза), соотвѣтствующіе злымъ духамъ другихъ народовъ, греческимъ титанамъ. Дьяволъ у всѣхъ народовъ былъ всегда олицетвореніемъ тѣхъ бичовъ, климатическихъ или другихъ, которыхъ они преимущественно опасались: у индійцевъ такую роль играютъ зной и засуха, у скандинавовъ—холодъ и ледъ. Послѣ Іётуновъ были сотворены

*) Собств. бушеваніе.
**) См. Vӧlo Spa, 3 ст.

боги Асы (Эсиръ *), какъ, по нѣкоторымъ маздейскимъ разсказамъ, послѣ Аримана родился Ахура Мазда. Эти Асы борятся съ Іётунами, какъ Амеша Спента Авесты съ злыми духами Аримана, и они вызвали къ жизни землю и небо, и море, и цѣлый міръ разныхъ второстепенныхъ духовъ, эльфовъ, карликовъ и т. п. Богъ—Одинъ, отецъ всѣхъ, засѣдаетъ на своемъ престолѣ выше всѣхъ и управляетъ богами и людьми. Между подчиненными Одина выдаются своею красотою и неумолимостью Валкиріи, бѣлыя дѣвицы, которыя ѣздятъ по воздушному пространству на лошадяхъ, изъ гривъ которыхъ выпадаютъ градъ и роса; Валкиріи посѣщаютъ всѣ поля брани и выбираютъ между трупами павшихъ героевъ, достойныхъ войти въ Валхалъ—скандинавскій рай, въ который принимаются исключительно тѣ, которые умерли въ битвѣ. Занятія избранныхъ, живущихъ въ Валхалѣ **) тождественны съ ихъ занятіями на землѣ: они дерутся ежедневно, медъ пьютъ каждую ночь и на другой день встаютъ и начинаютъ снова, такъ какъ за ночь исчезаютъ слѣды полученныхъ ранъ. Несмотря на кроткій духъ, характеризующій скандинавскихъ боговъ, они во время необычайныхъ бѣдствій и всенародныхъ страданій охотно принимали человѣческія жертвы, и въ историческія времена мы видимъ, что Гаконъ Ярлъ пожертвовалъ своимъ единственнымъ сыномъ, чтобы умилостивить Тора и привлечь его на свою сторону.

Но особенный характеръ пѣсенъ Эдды не ограничивается изложеннымъ въ нихъ оригинальнымъ міросозерцаніемъ: онъ распространяется и на внѣшнюю форму, въ которую онѣ облечены. Метръ опредѣляется разницей между ударяемыми и неударяемыми слогами. Во всѣхъ этихъ стихахъ единицей можно считать строфу, состоящую изъ восьми полустишій, изъ которыхъ каждыя четыре составляютъ самостоятельную мысль, и каждыя два соединены внѣшнею связью аллитераціи. Это стихосложеніе называется Fornyrdalag, и каждое изъ восьми полустишій имѣетъ два такта. Аллитерація, какъ извѣстно, излюбленное средство всѣхъ германскихъ народовъ ***). Та форма, въ

*) Въ единств. числѣ Asa, съ которымъ нѣкоторые сравниваютъ зендское Ahura, санскритское Asura, кельтійское Esus (богъ) и этруск. aesar=deus.

**) Объясняется какъ: «избранные чертоги» отъ velja избрать; такъ что Valfedr, прозвище Одина значитъ «отецъ избранныхъ». Тотъ самый корень находится и въ словѣ Валкиріи (Valkyrius). Ср. томъ II, стр. 156 и слѣд.

***) Даже въ настоящее время аллитерація—одно изъ любимыхъ средствъ нѣкоторыхъ изъ хорошихъ англійскихъ поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ встрѣчаемъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

The *w*ind of the spring
In the *w*hispering *w*ings of the *w*illow,
Beating a golden *f*roth with its *f*lails.

которой она употребляется эддаическими поэтами и ихъ преемниками, требовала, чтобы по крайней мѣрѣ начальныя слова двухъ связанныхъ между собою полустишій начинались съ одной и той же согласной или же съ гласныхъ, обыкновенно разнородныхъ. Стихъ считался еще изящнѣе, когда эта аллитерація распространялась на три слова, изъ которыхъ два должны были непремѣнно находиться на первой строкѣ. Примѣромъ метра Fornyrdalag съ послѣднимъ видомъ аллитераціи могутъ служить слѣдующія строки изъ Völo spa:

*S*ôl tekr *s*ortna
*S*igr fold î mar
*H*verfa af *h*imni
*H*eidar stiörnor.

Если вмѣсто восьми полустишій строфа состоитъ только изъ шести, то тогда имѣемъ метръ, называемый Ljódaháttr, въ которомъ первая и вторая строки, какъ и четвертая и пятая, соединены между собою аллитераціей, какъ въ Fornyrdalag, между тѣмъ какъ третья и шестая имѣютъ самостоятельную аллитерацію, напр.

Deyr fe
deyjr frœndr
deyr sjálfr it sama
ek veit einn
at aldri deyr
domr um daudan hvern.

Этотъ метръ самъ по себѣ не особенно сложный, но скальды развили принципъ искусственныхъ преградъ до послѣдней крайности. Такъ, напримѣръ, кромѣ вышеописанной аллитераціи, которая никогда не теряла своего характера, они щеголяли другъ передъ другомъ слоговой аллитераціей, состоящей въ томъ, что въ каждой второй строкѣ

The *w*ild *w*et *w*antoning *w*ind that *w*ails
Sea-salt from the breast of the billow *).

или

With shaking cowslip crown
And *t*resses *t*railing,
O'er *d*eep eyes, *d*rooped *d*own,
*L*ong *l*ashes veiling
Her cheeks, though sunny brown
With *p*assion *p*aling.
O love! so lost to own
Such *j*ealons *j*ailing **).

---

*) Melilot, by Francis Prevost, London 1886, p. 10 (Spring thoughts from Snow land.).

**) Тамъ же стр. 13.

находились попеременно цѣлые ритмы и полуритмы, причемъ полный ритмъ составляли два тождественныхъ слога въ одной и той же строкѣ, полуритмъ же двѣ тождественныхъ согласныхъ, если стоящія передъ ними гласныя были разныя, напр.

*B*ramaci skein *b*runa
*b*rims af ljosum himni
*H*ristar *h*örvi glæstrar
*h*aukfránn á mik lauka.

Скальды видоизмѣняли эти метры до того, что въ первой піитикѣ, служившей руководствомъ для нихъ, подъ названіемъ Háttatál, считается не менѣе 102 разныхъ видовъ. Вслѣдствіе этихъ и другихъ искусственныхъ препятствій (см. томъ II, гл. VIII), на одолѣваніе которыхъ стихотворецъ долженъ былъ тратить весь запасъ своей энергіи, содержаніе стиховъ отступило на второй планъ, и техника играла первенствующую роль. До чего доходила виртуозность искусныхъ скальдовъ, видно напр. изъ стиховъ въ родѣ слѣдующаго:

Haki Kraki
hamdi framdi
geirum eirum
gotna flotna

или

Rœsir glœsir
rökkva dökkva
hvítum rítum
hreina reina.

Впечатлѣніе, которое слушавшіе въ первый разъ подобные стихи должны были вынести, удачно сравниваетъ Горнъ съ бушеваніемъ водопада, что же касается смысла, то они имѣли о немъ такое же смутное представленіе, какое мы составили бы себѣ о числѣ выраженномъ въ хронограммѣ, въ которой буквы, означающія цифры, ни размѣрами ни цвѣтомъ не отличались бы отъ остальныхъ.

Скальды пользовались большими почестями не только въ собственной Скандинавіи, но и на Фероэрскихъ островахъ, въ Шотландіи, Оркнеѣ и всѣхъ колоніяхъ, по которымъ они постоянно странствовали, посѣщая дворцы могущественныхъ ярловъ и царей, и воспѣвая подвиги героевъ, умершихъ или присутствующихъ между слушателями. Ихъ похвалы оцѣнивались тѣмъ выше, что они не расточали ихъ безъ причины и имѣли притязанія считаться компетентными судьями, такъ какъ они сами пожинали лавры не менѣе часто на полѣ битвы, чѣмъ въ мирномъ состязаніи съ скальдами соперниками. Вообще исторія поэзіи скальдовъ есть въ то же время исторія политическаго и военнаго величія Скандинавіи, потому что они,

какъ передовые люди своего времени, играли главную роль во всѣхъ современныхъ событіяхъ, въ какой бы области тогдашней цивилизаціи они ни происходили. Они резюмировали въ своей жизни страсти, стремленія, идеалы и недостатки времени. Всякій скандинавъ по своимъ наклонностямъ и воспитанію былъ воиномъ: датчанинъ, норвежецъ, исландецъ, фероецъ могъ быть поэтомъ, священникомъ, ученымъ, смотря по способностямъ и складу ума, но онъ не могъ не быть воиномъ. Путь ко всѣмъ политическимъ и общественнымъ поприщамъ велъ черезъ военную профессію. Скальдъ Сигватъ Тордсонъ былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ своего времени и изумлялъ своихъ современниковъ своими подвигами на полѣ брани. Тормодъ Кольбрунарскальдъ, не менѣе знаменитый, палъ вмѣстѣ съ св. Олафомъ въ битвѣ при Стиклестадѣ; слава о храбрости скальда Эйвинда Финсона была распространена по всей Скандинавіи; священникъ Тангбрандъ *) убилъ скальда Ветрлиди за то, что онъ воспѣвалъ подвиги бога Тора и насмѣхался надъ христіанами.

Слѣды исторической поэзіи между произведеніями скальдовъ встрѣчаемъ довольно рано, такъ какъ всѣ условія тогдашней жизни вызывали стремленіе не только передавать саги прошедшаго, какъ дѣйствительные факты, но и идеализировать настоящее. Изо всѣхъ индокельтійскихъ народовъ арійское племя оказалось одареннымъ наименьше историческимъ складомъ ума, между тѣмъ какъ германскіе народы выказали самыя блестящія способности къ обработкѣ исторіи во всѣхъ ея видахъ, и это не столько, намъ кажется, въ силу какихъ нибудь прирожденныхъ наклонностей, сколько вслѣдствіе совокупности политическихъ и общественныхъ условій. Такъ, между прочимъ, любовь къ родословію была одной изъ отличительныхъ чертъ скандинавскихъ гражданъ въ то время, когда они впервые являлись на сцену исторіи, и не только та фантастическая генеалогія, которая производитъ своихъ любимцевъ отъ боговъ и планетъ, а болѣе реальная, которая, слѣдя за потомками знаменитыхъ ярловъ и скальдовъ по многимъ поколѣніямъ, побуждала ихъ доказать свое благородство доблестными дѣлами. Всѣ были до того живо заинтересованы этими первобытными ярлыками на дворянство, что зорко слѣдили за всѣми пѣснями, въ которыхъ затронуты были подобные вопросы. Малѣйшая ошибка, не говоря уже объ умышленной лжи, встрѣчала всегда немедленное опроверженіе у правдивыхъ и прямодушныхъ слушателей. Результатомъ этого и многихъ другихъ условій, преимущественно

*) Этотъ священникъ былъ присланъ Олафомъ Тригвесономъ въ Исландію превратить исландцевъ въ христіанство. Въ результатѣ онъ крестилъ немногихъ, убилъ собственноручно трехъ скальдовъ и черезъ годъ вернулся къ Олафу въ Норвегію.

политическихъ, было то, что когда скальды стали записывать видѣнное и слышанное ими, они имѣли обыкновеніе добросовѣстно приводить источники, указывая на свидѣтелей, подробно излагая родословное дерево дѣйствующихъ лицъ и относясь до того объективно къ разсказываемому, что можно было бы думать, что первое лицо личнаго мѣстоименія не было имъ извѣстно.

Норвежскій скальдъ Глумъ, процвѣтавшій во второй половинѣ X-го столѣтія, сочинялъ стихи историческаго содержанія, въ которыхъ выражаетъ свою радость по поводу пріятныхъ событій и жалуется на неудачи. Кормакъ Энундсонъ, родомъ исландецъ, написалъ drâpa въ честь ярла Сигурда; но выше ихъ всѣхъ стоитъ Эйвиндъ Финсонъ, прозванный Скальдаспилиръ (затемнитель скальдовъ). Его покровителемъ, другомъ и товарищемъ по оружію былъ норвежскій король Гаконъ Добрый, царствовавшій съ 944 до 961 г., въ честь котораго онъ сочинилъ высокохудожественное стихотвореніе Hâkonarmal, въ которомъ разсказываетъ о послѣдней его битвѣ, славной смерти и вошествіи въ Валхаллу. Гаконъ, младшій сынъ Гаральда Свѣтловолосаго, воспитывавшагося при дворѣ англійскаго короля Ательстана, силой завладѣлъ престоломъ Норвегіи, изгналъ оттуда своего брата Эрика съ его женой и семью дѣтьми и началъ царствовать при одобреніи всего норвежскаго народа. Онъ впослѣдствіи оказался мудрымъ и достойнымъ королемъ, обращалъ серьезное вниманіе на благоденствіе своихъ подданныхъ, задался цѣлью смягчать ихъ дикіе нравы, и дѣйствительно, ввелъ значительныя улучшенія въ законы страны. Разъ на островѣ Стордъ, гдѣ въ присутствіи многочисленныхъ гостей, онъ справлялъ какой-то праздникъ, ему донесли, что приближается флотъ съ юга, состоящій, повидимому, изъ военныхъ кораблей. Это оказалось однимъ изъ многочисленныхъ вторженій, организованныхъ датскимъ королемъ Гаральдомъ «Синезубымъ», покровителемъ старшаго племянника Гакона, и самымъ роковымъ изо всѣхъ вторженій для норвежскаго короля. Датчане быстро соскочили съ своихъ кораблей и высадились на берегъ, въ пропорціи шести человѣкъ противъ одного норвежца. Гаконъ, однако, рѣшилъ не бѣжать на кораблѣ, что онъ еще легко могъ бы сдѣлать, а сопротивляться врагамъ. Битва завязалась съ ранняго утра. Гаконъ совершилъ чудеса храбрости и силы и наконецъ разбилъ датчанъ на голову, обративъ ихъ въ бѣгство. «Во время борьбы», говоритъ Снорро, «онъ былъ на виду у всѣхъ, и пока солнце свѣтило, его золоченный шлемъ блестѣлъ, служа цѣлью для оружія врага. Тогда Эйвиндъ Финсонъ Скальдаспилиръ, взявъ головной уборъ, надѣлъ его сверхъ королевскаго шлема. Между враждебными военачальниками находились два брата Гунгильды, жены низведеннаго Эрика, брата Гакона, оба храбрые бойцы. Старшій изъ

нихъ, Скрейя, хвастливо воскликнулъ при исчезновеніи блестящаго шлема: «скрывается ли царь норвежцевъ или убѣжалъ онъ?», и вмѣстѣ съ своимъ братомъ Альфомъ протискивался впередъ, какъ съумасшедшій. «Приближайтесь-ко», сказалъ Гаконъ, «и отыщете короля норвежцевъ»! И вскорѣ хвастунъ Скрейя добрался таки до мѣста, гдѣ Гаконъ стоялъ, и размахивая мечомъ, старался ударить короля, но Торальфъ «Сильный», исландецъ, находившійся возлѣ короля, ударилъ съ такой силой Скрейю, что тотъ пошатнулся и въ тотъ самый моментъ король поднялъ обѣими руками свой знаменитый мечъ «разрубитель жернововъ» и разрубилъ Скрейѣ шлемъ и голову до плечъ *). Торальфъ съ своей стороны убилъ Альфа, и побѣда осталась на сторонѣ норвежцевъ. Это было самой блистательной изъ битвъ, въ которыхъ отличался Гаконъ, но за-то и послѣдняя. Пока онъ усердно преслѣдовалъ врага къ кораблямъ, направленная на удачу стрѣла попала ему въ тѣло и причинила смертельную рану.

Между исландскими скальдами первое мѣсто занимаетъ Маѳусаилъ того времени, Эгилъ Скалагримсонъ, прославившійся, между прочимъ и тѣмъ, что онъ прожилъ не менѣе 90 лѣтъ., въ эпоху, когда всѣ выдающіеся люди падали въ цвѣтѣ лѣтъ въ полѣ битвы или отъ руки смертоубійцъ. Немногія изъ его произведеній дошли до насъ, но тѣ, которыя уцѣлѣли, а именно надгробная пѣснь о смерти единственнаго его, утонувшаго, сына, отрывокъ такой же пѣсни о смерти друга и такъ называемая «Hofudlausen», убѣждаютъ насъ въ томъ, что онъ вполнѣ заслужилъ свою репутацію. Лучшею изъ упомянутыхъ трехъ пѣсенъ считаютъ первую, выражающую безпредѣльную грусть, граничащую съ сумасшествіемъ.

Кабы мстить я могъ,
Мечомъ за скорбь,
То-бъ морскому богу
Причинилъ бѣду.
Если-бъ я съумѣлъ
Умертвить море,
Наступилъ бъ конецъ
Дѣвѣ Эгира **).

---

*) Жернововъ рубитель
Въ рукахъ витязя,
Рубитъ словно воду
Онъ мѣдь красную.
Копья столкнулися,
Щиты скололіся;
О людскіе черепы
Забренчала сталь.

**) Эгиръ—морской богъ; его дочь—волна.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на героическихъ и дидактическихъ пѣсняхъ, на процвѣтавшихъ исключительно въ Исландіи римурахъ, на лигисагахъ или романахъ, ни на другихъ видахъ литературной производительности древнескандинавовъ. Надо ограничиться констатированіемъ факта, что послѣ принятія христіанства свѣточъ просвѣщенія свѣтилъ не менѣе ярко въ Скандинавіи, чѣмъ въ болѣе южныхъ странахъ Европы, несмотря на старую закваску язычества, на дикость нравовъ и на другія неблагопріятныя условія, и свѣтъ, который онъ проливалъ, кажется намъ тѣмъ болѣе яркимъ и фантастичнымъ, чѣмъ рельефнѣе выступаетъ контрастъ съ окружающими условіями жизни. Никакія произведенія садоводства такъ насъ не очаровываютъ, какъ тѣ простые цвѣты, которые своими прелестными красками и нѣжнымъ запахомъ смягчаютъ впечатлѣніе, производимое грандіозной, дикой альпійской природой. Исландія, напримѣръ, съ своимъ 100,000-мъ народонаселеніемъ совершила чудеса въ разныхъ областяхъ тогдашней науки и искусства, благодаря преимущественно своему республиканскому строю и сильной привязанности къ свободѣ. Въ то время, Діогену, еслибы онъ жилъ, не понадобился бы фонарь для того, чтобы отыскать человѣка: вездѣ были яркія доказательства почти неограниченной власти человѣка надъ самыми, повидимому, непреодолимыми препятствіями. Въ Гаукадалрѣ, Одди, Скалгольтѣ и другихъ мѣстностяхъ появились школы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, которыя вскорѣ сдѣлались центрами просвѣщенія въ странѣ. Въ нихъ преподавались науки во всемъ ихъ тогдашнемъ объемѣ, съ піитикой, грамматикой, латинской и исландской, исторіей и ея вспомогательной наукой генеалогіей. Образованіе не было преимуществомъ какого нибудь привиллегированнаго класса, а было доступно всѣмъ безъ исключенія гражданамъ. Оно не служило лишь практическимъ цѣлямъ одного духовенства, какъ въ другихъ странахъ, а было широкимъ основаніемъ для воспитанія и развитія достойныхъ гражданъ, на какихъ бы поприщахъ они ни дѣйствовали.

Результаты были отрадны. Скандинавъ остался варваромъ и язычникомъ настолько, насколько это потребуется для того, чтобы быть истиннымъ человѣкомъ; съ другой стороны его жизнь олицетворяла принципы и ученіе христіанской вѣры настолько, насколько они необходимы примѣрному гражданину. Нигдѣ въ исторіи мы не находимъ подобнаго примѣра гармоническаго соединенія всего изящнаго, нравственнаго, мужественнаго, всего того, что лежитъ въ основѣ самаго привлекательнаго вида язычества и самой чистой формы католицизма. Въ жизни скандинава не было ничего искусственнаго, неестественнаго: всѣ его движенія были естественны и граціозны, какъ у льва, и его мысли возвышены и благородны, какъ мысли честнаго, свобод-

наго человѣка. Взгляды его на жизнь и на смерть были болѣе свѣтлы, болѣе человѣчны, чѣмъ у обывателей высоко культурныхъ странъ, а замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что несмотря на демократическій духъ, пустившій глубокіе корни, которые и по нынѣ въ современной Норвегіи приносятъ обильные плоды, культъ индивидуальности нигдѣ такъ не процвѣталъ, какъ въ Норвегіи и Исландіи. Сознаніе собственнаго достоинства было прирожденной чертой каждаго истиннаго скандинава, и послѣдствіемъ этого было глубокое почитаніе человѣческаго достоинства въ другихъ. Альтингъ, ярлы, короли, епископы пользовались въ разныхъ степеняхъ его уваженіемъ, но никакая изъ этихъ властей, ни всѣ онѣ вмѣстѣ не могли его заставить дѣйствовать противъ убѣжденія. Умереть онъ умѣлъ, какъ герой, но душой кривить онъ не былъ способенъ, и Іоаннъ Креститель передъ Иродомъ и Моисей передъ Фараономъ не были смѣлѣе въ своемъ порицаніи, чѣмъ обыкновенный скальдъ, возмущенный поступками своего короля или начальника. Разсказываютъ, что Гёгни разъ въ поединкѣ съ Сёрли Могучимъ обезоружилъ послѣдняго, повалилъ его и собрался его зарѣзать, когда самъ какъ-то внезапно лишился своего меча. «У меня нѣтъ въ рукахъ меча», сказалъ онъ врагу, «не хочу перегрызать тебѣ горло: полежи покамѣстъ возьму мечъ. Хочу посмотрѣть, справедливо ли идетъ о тебѣ слава, что нѣтъ тебя храбрѣе на свѣтѣ». Гёгни отошелъ отъ лежащаго врага и взялъ мечъ; Сёрли же остался на мѣстѣ, ожидая его прихода и своей смерти. Но Гёгни, довольный тѣмъ, что видѣлъ, подружился съ героическимъ врагомъ.

Другая черта, которую мы съ радостью отмѣчаемъ въ характерѣ скандинавовъ той эпохи, это глубокое уваженіе къ женщинамъ, выразившееся, между прочимъ, допущеніемъ ихъ къ участію въ дѣлахъ въ нѣкоторыхъ сферахъ дѣятельности, изъ которыхъ онѣ были исключены въ болѣе южныхъ странахъ, причемъ фактическое пользованіе этой свободой не лишило ихъ права на то гуманное обращеніе, котораго онѣ были въ правѣ ожидать, какъ женщины. Такъ, напр., мы нерѣдко слышимъ о женщинахъ скальдахъ, авторахъ разныхъ драпуръ, носившихъ титулъ Skaldmaer или Skaldkona, въ родѣ норвежки Іорунъ и исландокъ Стейнунъ и Торфинны. Женщины практиковали лѣчебное искусство съ успѣхомъ, считая между своими паціентами нѣкоторыхъ знаменитыхъ витязей. Мы читаемъ, напр., что послѣ сраженія, въ которомъ Громунду на полѣ битвы распороли животъ, причемъ онъ впихнулъ назадъ высунувшіяся внутренности и кое-какъ остановилъ кровотеченіе, его возлюбленная Сангвитъ оказала ему дѣятельную помощь, зашила рану и поставила его опять на ноги. Въ наше время сѣверо-американская законодательная власть намѣревается установить кару за выставленіе или пользованіе женскими

портретами безъ разрѣшенія оригинала. Подобный законъ существовалъ и, что еще важнѣе, строго соблюдался въ древней Скандинавіи, гдѣ запрещалось скальдамъ описывать или даже восхвалять дѣвицу въ своихъ произведеніяхъ безъ ея согласія.

Но не долго держалось это равновѣсіе между христіанскими и языческими факторами древне-скандинавской цивилизаціи. Мало-помалу ассимилировались всѣ тѣ христіанскія идеи, которыя носились, такъ сказать, въ воздухѣ нѣсколько столѣтій, не вошедши еще въ плоть и кровь. Также постепенно стали исчезать подъ давленіемъ новыхъ политическихъ условій тѣ прекрасныя демократическія учрежденія, которыя совершенно соотвѣтствовали духу и воспитанію народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что этому послѣднему несчастію и отнюдь не отсталости католической церкви *) и ея неумѣнію удовлетворять возрастающимъ требованіямъ времени, слѣдуетъ приписать окончательный упадокъ умственной энергіи и производительности. Политическія условія играютъ бóльшую роль въ духовной жизни народа. чѣмъ мы привыкли думать, и геніи, подобные Эсхилу, Фидію, Аристофану, Эврипиду, которые украшали древнюю Грецію, не могли бы жить и дѣйствовать въ удушливой атмосферѣ царства Палеологовъ. Живой интересъ, который каждый гражданинъ высказывалъ въ дѣлахъ своей деревни, своего города дѣятельное участіе, которое онъ принималъ въ политическихъ и общественныхъ событіяхъ, нравственная отвѣтственность, которую онъ чувствовалъ за всѣ свои дѣянія, и необходимость надѣяться въ трудныя минуты жизни на самого себя, энергично содѣйствовали развитію всѣхъ лучшихъ силъ народа. Съ учрежденіемъ монархіи наступили тяжелые дни; народъ постепенно привыкаетъ смотрѣть на монарха, какъ на источникъ всѣхъ благъ, и теряетъ свою прежнюю самоувѣренность и умственную энергію. Въ основѣ почти всѣхъ мѣръ, когда-либо принятыхъ скандинавскими монархами, лежатъ не стремленія къ достиженію возвышенныхъ цѣлей какъ, напр., благоденствія народа, а побужденія всегда личнаго и часто низкаго свойства. Что это не ускользнуло отъ наблюденія самого народа, видно изъ многихъ преданій. Вотъ, напр., приблизительно какъ разсказывается исторія учрежденія монархіи въ Норвегіи.

Около 860-го года одинъ изъ самыхъ могучихъ ярловъ, по имени Гаральдъ Свѣтловласый, послѣ смерти своего отца Гальфдана Чернаго, влюбился въ красавицу Гиду и, какъ всѣ пылкіе витязи своего времени вообразилъ себѣ, что стоитъ только изъясниться въ любви,

*) Въ Исландіи католическая партія была партія народа и оказала странѣ неоцѣненныя услуги въ борьбѣ съ датскимъ деспотизмомъ. Съ ея уничтоженіемъ во время рефомаціи, исчезли послѣднія надежды этого несчастнаго острова.

и онъ овладѣетъ любимымъ предметомъ. Не долго думая, онъ отправилъ къ ней посольство попросить у нея руки и сердца. Гида, однако, оказалась гордой и честолюбивой въ неожиданной степени. Она отказала посланникамъ Гаральда, сказавъ въ отвѣтъ, что не согласна унизить себя вступленіемъ въ бракъ съ простымъ ярломъ. Если-де Гаральдъ серьезно добивается чести называться ея мужемъ, онъ долженъ подражать датскому Горму или Эрику шведскому, и, покоривъ всѣхъ ярловъ, стяжать себѣ титулъ и власть короля. Отвѣтъ понравился жениху, который немедля приступилъ къ дѣлу, обязавъ себя заранѣе ни разу не стричь, ни даже чесать себѣ волосъ до удовлетворительнаго исполненія задачи. Послѣ громадныхъ усилій, продолжавшихся двѣнадцать лѣтъ, Гаральдъ наконецъ завоевалъ себѣ право возлагать функціи цирульника надъ своей головой на преданнаго ярла Рёгнвальда и потребовать обѣщаннаго вознагражденія; Гида стала его женой и королевой. Другими словами, онъ купилъ согласіе Гиды цѣной свободы своего отечества.

Перемѣна политическихъ условій, которая была совершена не въ одной Норвегіи конечно, не сразу отразилась на литературной производительности упорныхъ, смѣлыхъ скандинавовъ, какъ и введеніе христіанства не сразу подѣйствовало на ихъ нравы. Дѣйствіе ея было постепенно, но неизбѣжно, и уже въ царствованіе Христіана II въ Даніи, крестьянинъ, прежде такъ же свободный какъ ярлъ, продавался и покупался «какъ неразумный скотъ». Въ Исландіи, гдѣ свобода удержалась дольше, чѣмъ на полуостровѣ, умственная жизнь продолжала правильно и самостоятельно развиваться послѣ того, какъ она въ Даніи и Швеціи стала чахнуть и пропадать. Въ этихъ странахъ, напр., такъ-называемыя драпуры, воспѣвавшія сначала миѳологическія личности, героевъ, историческихъ подвижниковъ и затѣмъ обработывавшія христіанскія темы, перешли въ саги и наконецъ потерялись въ лигисагахъ или романахъ, перенятыхъ изъ чужихъ странъ, между тѣмъ какъ въ Исландіи явилась въ видѣ самостоятельнаго фазиса развитія драпуръ такъ-называемая *рима*,—лебединая пѣснь древне-скандинавской литературы. Это однако не было концомъ даже той литературной эпохи. Писали еще юридическія книги, историческіе трактаты, грамматики и піитики, но періодъ поэтическаго творчества прошелъ. Записывали разсказы о прошедшихъ событіяхъ, собирали пѣсни и саги, знакомились съ собранными сокровищами, но умножить ихъ число было некому. Даже и въ другихъ областяхъ обнаружились послѣдствія общей унылости и индиферентизма: въ XIII-мъ столѣтіи Норвегія лишилась Гебридовъ; въ 1469 г. король Христіанъ I заложилъ Оркнейскіе острова и Шотландію за ничтожную сумму, и въ концѣ 1-й половины XV-го столѣтія Грюнландія исчезла

съ политическаго и литературнаго горизонта, послѣ жизни продолжавшейся болѣе четырехъ вѣковъ; и во-всемъ этомъ столѣтіи и въ началѣ слѣдующаго царствовала въ Скандинавіи глубокая ночь.

Въ XVI-мъ столѣтіи скандинавскіе народы возстали отъ глубокаго умственнаго сна, въ который они были погружены въ теченіе по меньшей мѣрѣ полутора вѣковъ. Факторы, произведшіе процессъ возрожденія въ другихъ странахъ Европы, усиливались на сѣверѣ разными политическими и другими мѣстными условіями. Толчекъ, данный остальной культурной Европѣ собственнымъ возрожденіемъ, состоявшимъ въ воспитаніи новой мысли посредствомъ древней, потерялъ свою силу раньше, чѣмъ дошелъ до далекаго сѣвера, воспитаннаго менѣе на древнеклассическихъ идеалахъ, чѣмъ на видоизмѣненныхъ образцахъ германскаго язычества, на крещенныхъ богахъ и витязяхъ скандинавскаго пантеона. Между всѣми вліяніями новаго времени, реформація безспорно занимаетъ первое мѣсто; она сильнѣе дѣйствовала на умы и сердца, и что еще важнѣе дѣйствовала въ смыслѣ возбужденія и подкрѣпленія основныхъ чертъ скандинавскаго характера. Самостоятельность, само-помощь и всѣ сродныя съ ними качества были всегда національными свойствами скандинавовъ, но послѣ окончательнаго смягченія нравовъ и потери республиканскихъ учрежденій они стали было исчезать.

Въ основѣ реформаціи лежала независимость, свобода во всѣхъ сферахъ дѣятельности, умственной, нравственной, политической, экономической. Она содержала зародышъ несмѣтныхъ жизненныхъ прогрессивныхъ перемѣнъ: реформы научной методы, очищенія религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ отъ разныхъ злоупотребленій, революцій въ политикѣ и новыхъ вѣяній въ литературѣ. Она причинила смерть Карла I въ Англіи, породила богатырскій образъ Кромвелля, произвела революцію противъ Якова II въ томъ же государствѣ, создала Соединенные Штаты, Голландію и внушила голландцамъ принципъ, который они такъ смѣло изложили Филиппу II: «Каждому народу и сословіямъ его принадлежитъ неотъемлемое право отказать тиранну, нарушающему свой долгъ, послѣ тщетныхъ предупрежденій, въ исполненіи своихъ обязанностей». Нѣсколько столѣтій прошло со дня, когда Мартинъ Лютеръ торжественно сжегъ папскую буллу, и не всѣ еще зародыши реформаціоннаго движенія созрѣли и достигли надлежащаго развитія, не всѣ его существенныя идеи ассимилированы, даже передовыми народами. Сѣверно-американское возстаніе противъ власти Англіи — одна изъ послѣднихъ удачныхъ попытокъ перевести на почву политики принципы реформаціи. Въ

философія Бэконъ и Декартъ — несмотря на то, что послѣдній считался ревностнымъ католикомъ и былъ ученикомъ іезуитовъ — проводили новыя идеи Лютера и Меланхтона, которыя вполнѣ развилъ авторъ критики чистаго разума. Непосредственное вліяніе этого движенія на литературу выразилось преимущественно преобладаніемъ критики надъ фантазіей, логики надъ метафизикой, прозы надъ стихами, лютеранскаго катехизиса надъ католическими легендами.

Въ XVI-мъ столѣтіи политическое значеніе скандинавскихъ государствъ увеличилось. Данія выразила свое невѣріе въ принципъ божественнаго происхожденія королевской власти низведеніемъ съ престола короля Христіана II. Одинъ изъ его преемниковъ, Христіанъ IV, удостоился чести играть завидную роль борца протестантизма въ тридцатилѣтней войнѣ. Норвегія сдѣлалась датской провинціей и потеряла всякое значеніе въ области политики, но ея жители, народъ преимущественно мужицкій, защищали свое право на самоуправленіе съ упорствомъ и храбростью, достойными ихъ предковъ. Исландія рѣшительно противодѣйствовала новому ученію, и приверженцы католицизма, которые были одновременно представителями истиннаго демократизма, пали, борясь за свои политическія и религіозныя убѣжденія съ оружіемъ въ рукахъ. Шведу Густаву Вазѣ наконецъ удалось, послѣ невѣроятныхъ усилій и романтическихъ приключеній, освободить свое отечество отъ тиранства родного, но ненавистнаго племени и основать независимое королевство, которое предназначено было доставить исторіи матеріалы для одной изъ ея самыхъ блистательныхъ страницъ.

Новая вѣра дала сильный толчекъ всѣмъ видамъ дѣятельности. Старинныя церковныя школы съ ихъ преданіями и славными воспоминаніями уступили мѣсто заведеніямъ новаго образца, въ которыхъ преподавали латинскій языкъ и богословіе; простолюдинъ обучался грамотѣ и получалъ наставленіе въ ученіи новой вѣры отъ самыхъ образованныхъ и начитанныхъ людей государства: старый, закрывшійся было университетъ въ Упсалѣ былъ вновь открытъ, Копенгагенскій былъ основанъ, и дѣло народнаго образованія было организовано такъ прочно и умно, что и въ наши дни нѣтъ на свѣтѣ народа, у котораго общее просвѣщеніе стояло-бы на такомъ высокомъ уровнѣ, какъ у народовъ скандинавскихъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этого умственнаго пробужденія было общее употребленіе народныхъ языковъ, вмѣсто вошедшаго было въ моду между учеными и литераторами латинскаго, на которомъ написаны были древнѣйшія датскія и шведскія легенды, напр., Hexæmeron архіепископа Сунесёна (1222 г.) и многія другія не дюжинныя литературныя произеденія. Проповѣди, слова, катехизисы, церковные гимны и молитвы стали сочиняться

на народныхъ говорахъ, и первымъ послѣдствіемъ этого движенія было возведеніе датскаго нарѣчія на степень литературнаго языка. До XIV-го столѣтія языкъ пѣсенъ Эдды оставался съ неважными измѣненіями общимъ достояніемъ всѣхъ безъ исключенія людей скандинавскаго племени. Нѣтъ, конечно, языка безъ нарѣчій, какъ нѣтъ религіи безъ раскольниковъ, но черты, отличающія скандинавскіе говоры между собою, выступали не особенно рѣзко и высказывались преимущественно въ стремленіи дѣлать слова болѣе удобо-произносимыми, въ отшлифовкѣ конечныхъ звуковъ, да еще въ употребленіи извѣстнаго числа чисто мѣстныхъ словъ и выраженій. Эти различія были до того мало замѣтны, что еще въ первой четверти XIV-го столѣтія «сѣверный языкъ» противупоставляется нѣмецкому въ одномъ литературномъ памятникѣ шведскаго происхожденія. Но какъ ни незначительны были эти особенности, онѣ и тогда уже раздѣляли говоры датчанъ и шведовъ съ одной стороны отъ нарѣчій норвежцевъ и исландцевъ съ другой. Послѣ Кальмарской уніи, вслѣдствіе очень блискихъ отношеній между датскимъ и норвежскимъ народами, языкъ послѣдняго, окончательно раздробившійся въ устахъ крестьянъ на множество мелкихъ нарѣчій, лишился окончательно своей индивидуальности, уступивъ мѣсто датскому. Дальнѣйшее развитіе датско-шведскаго языка происходило постепенно, но не равномѣрно: мягкіе звуки стали являться на мѣсто жесткихъ, между тѣмъ какъ вліяніе нѣмецкаго языка проявлялось съ возрастающей силой. Древній скандинавскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ многочисленныхъ областей, которыя онъ когда-то покорилъ, за исключеніемъ одной Исландіи, да и тамъ онъ подвергся разнымъ нововведеніямъ, преимущественно въ лексикальномъ отношеніи. Послѣ того какъ Швеція освободилась отъ датскаго ига и стала независимымъ государствомъ, стремленіе подчеркивать различіе между шведами и датчанами, которое поражаетъ иностранца и понынѣ *), стало распространяться и на языкъ, и нельзя отрицать факта, что усилія шведовъ остановить естественный процессъ разложенія или развитія послѣдняго введеніемъ вновь исчезнувшихъ флексивныхъ окончаній и вышедшихъ изъ употребленія оборотовъ оставили довольно глубокіе слѣды въ исторіи шведскаго нарѣчія и препятствовали постепенному образованію обще-скандинавскаго языка.

Другимъ факторомъ въ этомъ новомъ движеніи было изобрѣтеніе

*) Когда авторъ былъ первый разъ въ Копенгагенѣ, онъ старался выражаться по датски на основаніи своихъ теоретическихъ познаній по части скандинавской филологіи вообще и практическаго знакомства со шведскимъ языкомъ въ особенности, причемъ его друзья положительно обижались всякій разъ, когда вкрадывалось въ его разговоръ шведское слово или наоборотъ.

книгопечатанія, хотя оно въ началѣ вовсе не быстро развилось въ Скандинавіи, такъ какъ датскія и шведскія книги долго печатались или заграницей или же иностранцами, выписанными нарочно изъ Германіи и Голландіи.

Весь этотъ періодъ можно справедливо назвать переходной эпохой, и онъ охарактеризовался, какъ всѣ подобные періоды въ исторіи цивилизаціи, изобиліемъ несформированныхъ типовъ, смѣсью отжившаго свой вѣкъ и возрастающаго, фигурами, напоминающими своими противоположностями Бретъ-Гартовыхъ героевъ, полу-ангеловъ и полудемоновъ. Такъ, съ одной стороны, вниманіе образованныхъ людей было сосредоточено на наукахъ, преимущественно имѣющихъ цѣлью улучшать и украшать человѣческую жизнь, а съ другой стороны домашній бытъ народа находился на очень низкой точкѣ развитія. Одежда дѣлалась домохозяйками изъ домашней ткани въ плохоосвѣщаемыхъ, сырыхъ покояхъ, стѣны которыхъ были бо̀льшею частью голы, и окна закрывались пергаментомъ. Люди стремились къ возвышеннымъ идеаламъ, исповѣдывали религію, считавшуюся болѣе чистой, чѣмъ католицизмъ съ его пышностью и трогательными обрядами, а въ то же время они, какъ женщины такъ и мужчины, истребляли пиво цѣлыми бочками, какъ солдаты Валленштейна, и ѣли какъ богъ Торъ, переодѣтый невѣстой.

Не отъ подобной эпохи, конечно, съ ея непостоянными явленіями и невыработанными типами мы въ правѣ ожидать тѣхъ безсмертныхъ произведеній національной литературы, которыя принадлежатъ всѣмъ временамъ и народамъ. Тѣ высоко-поэтическія пѣсни миѳическаго и историческаго содержанія, которыя входятъ въ составъ народной поэзіи Скандинавіи не составляютъ исключенія: онѣ не росли на этой почвѣ, не продуктъ того времени. Онѣ распѣвались по всему сѣверу за долго до появленія раціоналистическаго ученія лютеранства и родились въ то время, когда еще незаглохшія преданія язычества и обаятельныя легенды и дѣтско-наивные взгляды на природу и людей оплодотворяли фантазію скандинавскихъ творцовъ. Единственная форма христіанства, способная придать поэтическимъ задаткамъ скандинавскаго племени другое направленіе это тотъ самый католицизмъ, который вдохновлялъ Данте, Микель Анджело, Рафаэля и безъимянныхъ авторовъ граціозной народной поэзіи среднихъ вѣковъ. Тому поэтическому дару, который можно назвать миѳосоздательнымъ и которымъ владѣли въ высокой степени Скандинавы, католицизмъ далъ сильный толчекъ. Тогда именно создались этисаги, въ которыхъ мирно встрѣчаются и дружно дѣйствуютъ сѣверные боги, языческіе герои и христіанскіе святые.

Названіе народной поэзіи, которымъ принято обозначать этого рода произведенія, не должно ввести въ заблужденіе: не слѣдуетъ думать, что самъ народъ принималъ непосредственное участіе въ ея созданіи. Искусство, какъ и государство, имѣетъ свою аристократію, не всегда тождественную съ родовой аристократіей, и члены ея немногочисленны. Немногіе избранники, передовые умы своего времени, создали богатыя культурныя сокровища, скрываемыя въ каждомъ культурномъ языкѣ, въ самыхъ обыкновенныхъ выраженіяхъ, въ пословицахъ, въ поговоркахъ и въ народной поэзіи. Произведенія такъ называемой народной поэзіи сдѣлались впослѣдствіи всеобщимъ достояніемъ, благодаря ихъ художественной формѣ и всеобъемлющему содержанію. Они отражаютъ какъ бы въ зеркалѣ вѣрованія, чувства, страсти и стремленія, лежащія въ основѣ духовной жизни народа. Все то, что народъ чувствуетъ, смутно видитъ сквозь туманъ, выражается въ изящно-фантастическомъ видѣ въ народныхъ пѣсняхъ.

Мало того, эти художники были, по всей вѣроятности, членами дѣйствительной государственной аристократіи,—обстоятельство тѣмъ болѣе естественное, что въ то время скандинавская аристократія была аристократіей въ полномъ смыслѣ этого слова—лучшимъ свѣтомъ народа. На это указываетъ, между прочимъ, бытовая сторона пѣсенъ, общественная среда, въ нихъ описанная. Тамъ обрисовывается живыми красками не крестьянскій печальный бытъ и не узкій кругъ купеческихъ интересовъ, а пышная богатая приключеніями рыцарская жизнь. Въ нихъ воспѣваются княгини и знатныя дѣвицы, украшаемыя коронами, драгоцѣнными поясами, золотыми кольцами на шеѣ и на рукахъ, носящія башмаки съ золотыми или серебрянными пряжками,—дѣвицы, которыя въ нѣкоторой, впрочемъ, очень слабой степени напоминаютъ описанную Карамзинымъ боярскую дочь Наталью. Жизнь ихъ была болѣе разнообразна, чѣмъ жизнь боярской дочери. Онѣ помѣщались въ сторонѣ отъ мужчинъ, въ высокихъ теремахъ, на верху jungfrubur, вмѣстѣ съ прислугой. У безстеклянныхъ оконъ этихъ комнатъ мы часто видимъ ихъ направляющими свои взоры на неизмѣримое море, въ надеждѣ замѣтить корабль, носящій флагъ-рукодѣліе ихъ собственныхъ рукъ, и управляемый любимымъ человѣкомъ *). Знатные мужчины одѣваются въ шубы, подбитыя собольимъ или куньимъ мѣхомъ; истребляютъ невѣроятное количество пива и меда, упражняются въ рыцарскихъ турнирахъ, въ бѣгахъ, въ катаніи на конь-

*) Скандинавскія женщины иногда отличались воинственнымъ духомъ, отвагой и даже жестокостью. Онѣ отмщали за убитыхъ мужей и дѣтей небывалой свирѣпостью, и исторія оповѣщаетъ о нѣкоторыхъ героиняхъ не менѣе храбрыхъ и смѣлыхъ и несравненно болѣе счастливыхъ, чѣмъ увѣковѣченная Мицкевичемъ Гражина.

нахъ. Какъ мужчины, такъ и женщины любили музыку и умѣли извлекать обаятельные звуки изъ любимаго инструмента—арфы; и тѣ и другіе нерѣдко проводили свое время играя въ шашки и шахматы.

Народныя пѣсни мало-по-малу перешли отъ высшаго класса, изъ котораго онѣ исходили, къ простонародію, которое тогда больше отличалось отъ знати матеріальными условіями и общественнымъ положеніемъ, чѣмъ уровнемъ образованія или утонченностью нравовъ. Народъ ихъ пѣлъ и танцовалъ при пѣніи, нерѣдко измѣняя ихъ по своему, пропуская непонятные намеки на забытые факты прошлаго, замѣняя старинныя слова и выраженія новыми и вообще обновляя форму и пріурочивая ее къ современнымъ условіямъ. Въ длинныя сѣверныя ночи всѣ обыватели извѣстнаго округа собирались и пѣли эти пѣсни и разсказывали сказки до поздняго часа, какъ это дѣлалось до послѣдняго времени въ Гаммерумъ-Гардѣ, въ Ютландіи. Этотъ обычай имѣетъ много сходнаго съ русскими вечеринками. Цѣль въ обоихъ случаяхъ была почти тождественна, но скандинавскія «вязательныя комнаты» (такъ онѣ назывались на сѣверѣ) имѣли болѣе нравственнаго вліянія на молодежь, принимавшую въ нихъ участіе, чѣмъ русскія вечеринки. Всѣ являлись въ извѣстный большой домъ, каждая дѣвушка съ своимъ шерстянымъ чулкомъ, и старые люди, хорошо знакомые съ пѣснями старины, запѣвали ихъ, возбуждая то смѣхъ, то слезы умиленія или жалости. Такимъ образомъ сохранилось множество пѣсенъ въ народной памяти въ теченіе многихъ столѣтій вплоть до настоящаго времени; между тѣмъ какъ дворянство успѣло ихъ совершенно забыть изъ-за переводовъ иностранныхъ рыцарскихъ романовъ, сказокъ и любовныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ моду въ XV столѣтіи. Но не долго продолжалось это презрѣніе: дворянство опять стало проявлять интересъ къ «народнымъ» пѣснямъ: уже въ концѣ XVI-го вѣка началось дѣло собиранія, записыванія и печатанія, благодаря усерднымъ заботамъ знатныхъ скандинавскихъ дамъ и въ 1591 г. вышелъ въ свѣтъ первый собрникъ пѣсенъ, которыя опять вошли въ моду и сдѣлались любимымъ чтеніемъ всего скандинавскаго народа.

Въ народныхъ пѣсняхъ среднихъ вѣковъ нельзя не признать новаго фазиса естественнаго развитія древно-эддаической поэзіи. Онѣ содержатъ безспорно не мало новыхъ элементовъ; ихъ лирическій характеръ высказывается несравненно яснѣе чѣмъ въ наименѣе эпическихъ произведеніяхъ старины; сюжеты измѣнились, точка зрѣнія не старая, но въ сущности пѣсни стараго, какъ и новаго періода носятъ общій, чисто народный отпечатокъ какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Безъимянные творцы народныхъ пѣсенъ среднихъ вѣковъ, какъ и ихъ предки, сходятся въ существенныхъ чертахъ. И тѣ и другіе отмѣчаютъ лишь главные моменты описываемаго дѣйствія, касаясь

подробностей вскользь или же вовсе не упоминая ихъ. Кто-то остроумно назвалъ народную поэзію народной исторіей въ стихахъ, и нельзя отрицать, что уподобленіе имѣетъ извѣстное основаніе; но было бы, кажется, ближе къ дѣйствительности сравнить ее съ галлереей историческихъ картинъ или съ собраніемъ монетъ, отчеканенныхъ въ честь незабвенныхъ героевъ и въ память выдающихся событій.

Во многихъ отношеніяхъ важно то обстоятельство, что народныя пѣсни христіанской эпохи запѣвались въ видѣ аккомпанимента къ танцамъ вмѣсто инструментальной музыки. Оно потому важно, что бросаетъ свѣтъ на нѣсколько трудныхъ и интересныхъ вопросовъ, касающихся происхожденія и формальныхъ особенностей скандинавской народной поэзіи. Такъ, напр., извѣстно, что древне-германцы, включая безспорно и скандинавовъ, имѣли военныя пѣсни, пѣнію которыхъ они аккомпанировали правильнымъ стукомъ оружія; и нельзя отрицать, что даже такія скромныя начинанія могли со временемъ породить поразительные результаты у такого даровитаго народа, какъ скандинавы; тѣмъ не менѣе, граціозные танцы, художественныя пѣсни и очаровательныя мелодіи не принадлежатъ къ числу этихъ результатовъ. Напротивъ того, если мы знаемъ, что кельты страстно любили танцовать, и что скандинавы заимствовали весьма многое у нихъ во всѣхъ областяхъ культуры, естественно вывести заключеніе, что они также переняли и танцы и всѣ съ ними связанные обычаи, развивая ихъ затѣмъ по-своему. Нововведеніе понравилось скандинавскому племени, ибо въ скоромъ времени оно распространилось по всей Скандинавіи, пустило крѣпкіе корни въ народъ и сохранилось мѣстами до нашего времени. На Фероэрскихъ островахъ, напр., танецъ, который служитъ и въ XIX столѣтіи любимымъ развлеченіемъ, сохранился въ первобытной простотѣ и состоитъ въ тактномъ движеніи то впередъ, то взадъ, то въ сторону. Очевидецъ, описавшій его въ 1822 году, сообщаетъ, что при этихъ танцахъ совсѣмъ отсутствуетъ инструментальная музыка, слышатся однѣ только пѣсни, которыя поетъ то одинъ, то другой изъ присутствующихъ, причемъ всѣ владѣющіе голосомъ дружно поютъ припѣвъ. Мужчины и женщины вмѣстѣ, держа другъ друга за руки, совершаютъ три тактныхъ шага впередъ или въ сторону, затѣмъ нѣсколько мгновеній балансируютъ или остаются неподвижно, и потомъ снова продолжаютъ движеніе. Цѣль пѣсенъ, однако, не исключительно служитъ аккомпаниментомъ, регулирующимъ шаги и паузы: онѣ должны въ то же время возбуждать своимъ содержаніемъ извѣстныя чувства въ сердцахъ танцующихъ. Можно заключить изъ выраженія лицъ танцующихъ, что они относятся далеко не безучастно къ содержанію пѣсенъ; ихъ мѣняющіеся взгляды и жесты ясно свидѣтельствуютъ о производимыхъ раз-

нообразныхъ эмоціяхъ. Иногда даже церковныя пѣсни служили аккомпаниментомъ танца вмѣсто свѣтскихъ, и до того серьезными, достойными и невинными считались танцы, что духовныя лица, облеченныя въ церковную одежду, не брезгали не только присутствовать при нихъ, но и принимать въ нихъ дѣятельное участіе, какъ нѣкогда Давидъ передъ кивотомъ завѣта *).

Скандинавская народная пѣснь—продуктъ двухъ различныхъ, хотя и сродныхъ, искусствъ: поэзіи и музыки; она состоитъ изъ двухъ существенныхъ частей, неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ: словъ и мелодій, какъ и послѣднія произведенія современнаго маэстро Вагнера, который принялъ за основаніе музыки будущаго теорію, осуществленную въ отдаленныя времена скандинавскимъ народомъ. Этой живой связи между мелодіей и словами пѣснь обязана своимъ припѣвомъ, считающимся до того необходимымъ, что когда онъ отсутствовалъ, пѣвцы брали готовый припѣвъ другой пѣсни. Общая характеристика скандинавской народной поэзіи, слѣдовательно,—мелодія и припѣвъ.

Метрическія особенности далеко не такъ характерны, и нѣкоторые ученые видятъ въ нихъ нововведеніе, перенятое у нѣмцевъ, съ которыми датчане дѣйствительно находились въ довольно близкихъ отношеніяхъ въ XI, XII и XIII-мъ столѣтіяхъ. Но главное возраженіе противъ этой теоріи состоитъ въ ея излишествѣ, такъ какъ всѣ особенности двухстрочной или четырехстрочной пѣсни, аллитерація, припѣвъ и размѣръ—встрѣчаются, хотя и не часто, въ памятникахъ древне-скандинавской поэзіи и могли развиваться безъ всякихъ заимствованій отъ сосѣдей. Основой народной пѣсни служитъ двухстрочная строфа съ четырьмя повышеніями и однимъ или нѣсколькими пониженіями, какъ, напр. въ норвежской пѣснѣ, начинающейся:

1. Der bur ein bonde	ut med á
Han heve seg	dei dottane tvá
2. Syster talad	til syster gód
No vil me gá	til sjavar flod
1. Жилъ-былъ мужикъ	тамъ при рѣкѣ,
И онъ имѣлъ	двухъ дочерей
2. Сестра сказала	доброй сестрѣ
Теперь пойду я	къ морскимъ волнамъ.

*) Противъ этого заключенія можно справедливо возразить, что такой обычай свидѣтельствуетъ не менѣе наглядно объ отсутствіи у этихъ священниковъ сознанія своихъ обязанностей и собственнаго достоинства, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые исландскіе памятники духовнаго происхожденія указываютъ на танцы и пѣсни какъ на достойныя порицанія развлеченія. Но дѣло въ томъ, что отвлеченное христіанство никогда не существовало на землѣ, а лишь отдѣльные христіане, да кромѣ того, самыя логическія заключенія нерѣдко противорѣчатъ дѣйствительности.

Строфа увеличивалась при пѣніи посредствомъ повторенія отдѣльныхъ словъ или стиховъ и припѣва. Припѣвъ состоитъ иногда изъ полустишія, которое повторяется цѣликомъ послѣ каждой отдѣльной строфы или разбивается на составные стихи, которые ставятся поочередно, одинъ послѣ каждаго стиха пѣсни. Но большею частью припѣвъ состоитъ изъ одной строки, которая повторяется послѣ каждаго отдѣльнаго стиха, или же изъ двухъ, изъ которыхъ каждая выражаетъ законченную мысль и которыя ставятся попеременно послѣ каждой полустрофы. Такъ, въ датской версіи вышеприведенныхъ норвежскихъ строкъ мы находимъ четыре вмѣсто двухъ строкъ, причемъ одна изъ нихъ получается повтореніемъ первой строки стиха, а другая—припѣвъ:

Жилъ-былъ мужикъ тамъ при рѣкѣ
И онъ имѣлъ двухъ дочерей.
Прелестно бываетъ вѣдь лѣтомъ.
Жилъ-былъ мужикъ тамъ при рѣкѣ.

Такимъ образомъ строфа народной пѣсни состоитъ или изъ четырехъ строкъ, изъ которыхъ риѳмируются только вторая и четвертая, или же изъ двухъ; метръ бываетъ трохеическій или іамбическій, при чемъ, однако, допускается не мало неправильностей.

Языкъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ сильно разнится отъ языка, на которомъ онѣ впервые появились. И это вполнѣ естественно. Каждое поколѣніе, приноравливая ихъ къ новымъ обстоятельствамъ, оставляло на нихъ свой собственный отпечатокъ, иногда видоизмѣняя метръ и почти всегда замѣняя, сдѣлавшіяся темными, старинныя слова новыми, болѣе понятными; лишь изрѣдка уцѣлѣли отдѣльныя слова и выраженія, указывающія на отдаленныя времена. Поэтому весьма трудно опредѣлить время возникновенія народной поэзіи христіанской эпохи въ Скандинавіи. Самые авторитетные спеціалисты расходятся въ мнѣніяхъ по этому вопросу: нѣкоторые, основываясь на предполагаемомъ возникновеніи танцевъ въ Исландіи въ 1100 г., утверждаютъ, что одновременно явились и пѣсни, аккомпанирующія имъ; между тѣмъ, какъ другіе возводятъ, и намъ кажется—на основаніи болѣе убѣдительныхъ доводовъ, христіанскія народныя пѣсни лишь до тринадцатаго столѣтія, что косвенно подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ отрицательнымъ обстоятельствомъ, что самые древніе отрывки подобной пѣсни, дошедшіе до насъ, принадлежатъ, по всей вѣроятности, этому вѣку. Какъ бы то ни было, стоитъ внѣ сомнѣнія, что цвѣтущую эпоху народной поэзіи составляетъ тринадцатый вѣкъ. Уже въ XIV столѣтіи миѳосоздательный даръ, долго отличавшій скандинавскіе народы, начинаетъ замѣтно изсякать; во всякомъ случаѣ въ Исландіи и въ Норвегіи весьма рѣдко встрѣчаемъ его слѣды въ литературѣ; а въ XV и XVI столѣтіяхъ распространялись все больше

и больше пѣсни новаго, чисто лирическаго характера, пѣсни о любви свѣтской и религіозной. Но тогда уже вѣяніе новаго времени все-таки даетъ себя чувствуетъ; духъ Сервантеса уже воодушевляетъ поэтовъ; на ихъ лицахъ замѣчается легкая ироническая улыбка всякій разъ, когда приходится имъ намекать на фантастическое міросозерцаніе предшествовавшихъ поколѣній. И иначе быть не могло. При появленіи свѣта рефлексіи народная поэзія должна была сойти со сцены невозвратно, подобно Амуру, освѣщенному Психеею. Введеніе лютеранства со всѣми его послѣдствіями, пробужденіе критическихъ отношеній ко всѣмъ и ко всему, возникновеніе холоднаго раціонализма совпадаютъ съ окончательнымъ изсяканіемъ источниковъ народной поэзіи и началомъ болѣе рефлексивной дѣятельности въ области исторіи, философіи и естественныхъ наукъ. Послѣ вкушенія народомъ плода древа познанія добра и зла, открываются у него глаза, и онъ высылается навсегда изъ сада Эдемскаго, охраняемаго херувимомъ съ пламеннымъ мечомъ.

Скандинавскія пѣсни распадаются на двѣ категоріи: миѳическія и историческія, которыя различаются другъ отъ друга характерными чертами, не всегда рѣзко опредѣленными. Первая категорія заключаетъ въ себѣ не только пѣсни, которыя, будучи составлены въ первое время христіанства, пока воспоминанія о древнихъ богахъ были еще свѣжи, воспѣваютъ величіе, доблести, приключенія послѣднихъ, но и всѣ такъ-называемыя богатырскія пѣсни (Kœmpeviser), въ основаніи которыхъ лежатъ тѣ самые мотивы, которые мы встрѣчаемъ въ древнихъ сагахъ и сказкахъ, какъ, напр., въ сагѣ о Вользунгахъ, о Вилкинѣ, о Дитрихѣ Бернскомъ. Сюда, наконецъ, принадлежатъ и волшебныя пѣсни, въ которыхъ дѣйствуютъ или христіанскіе ангелы и дьяволы, или же древніе боги, принимавшіе ихъ наружный видъ. Въ языческой старинѣ вся природа была населена различными существами, съ которыми народъ никакъ не могъ разстаться даже долго послѣ введенія новой вѣры. Такъ, напр., троллы жили въ глубинѣ водъ, во мракѣ пещеръ и въ тѣни лѣсовъ; карлы водились въ нѣдрахъ земли и во внутренности горъ, и хотя представляли изъ себя далеко не привлекательныя существа, но за-то достигли совершенства въ разработкѣ металловъ. Въ воздухѣ, наконецъ, при лунномъ свѣтѣ, въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ, являлся симпатичный, свѣтлый народецъ—маленькіе крылатые эльфы. По введеніи христіанства, признающаго лишь дьяволовъ и ангеловъ, эти существа, принадлежащія къ одной изъ этихъ категорій, продолжали играть видную роль въ жизни народа, какъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ пѣсни и сказки.

Историческія пѣсни представляютъ намъ полную и интересную картину жизни и міросозерцанія скандинавскаго народа въ средніе вѣка, и въ отличіе отъ миѳическихъ, основанныхъ преимущественно

на отжившей свой вѣкъ цивилизаціи, являются единственными дѣйствительными представителями народной литературы христіанской эпохи. Названіе «историческія пѣсни» не должно, однако, насъ вводить въ заблужденіе. Онѣ въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно содержатъ ядро исторической правды, но за-то фактъ всегда подчиняется идеѣ, ради которой онъ часто приводится: онъ служитъ лишь внѣшней формой для ея воплощенія. Онѣ тѣмъ не менѣе заслуживаютъ названія «историческихъ», не только потому, что возникали послѣ и въ память разсказанныхъ событій, но и потому, что онѣ выражаютъ взглядъ современниковъ на это событіе, и въ то же время изображаютъ намъ жизнь этихъ современниковъ самыми вѣрными красками.

О первыхъ попыткахъ народа освободиться отъ ига скальдовъ, произведенія которыхъ остались ему бо́льшею частью непонятными, свидѣтельствуютъ тѣ пѣсни миѳическаго содержанія, которыя носятъ скорѣе характеръ передѣлокъ древнихъ пѣсенъ Эдды, чѣмъ печать самостоятельнаго творчества. Видное мѣсто между пѣснями этой категоріи занимаетъ любимый по всему сѣверу разсказъ о томъ, какъ богъ Торъ хитростью добился своего потеряннаго молота. Въ нижеслѣдующей датской версіи древне-скандинавскаго миѳа всѣ дѣйствующія лица языческаго пантеона выступаютъ не только въ чисто-антропоморфическомъ видѣ, причемъ на ихъ божественную природу нѣтъ ни малѣйшаго намека, но и по временамъ какъ ревностные христіане.

«Тордъ Гавсгардовъ ѣхалъ однажды верхомъ по нивѣ по зеленой и потерялъ свой молотъ. И надолго пропало это оружіе. Тордъ Гавсгардовъ говоритъ своему брату: «поѣзжай ты въ Норденбергъ за молотомъ моимъ». Брата звали Локе Лейманъ *), и поѣхалъ онъ, одѣтый въ платье изъ перьевъ, за три-девять земель въ Норденбергъ. Прибывъ туда, онъ остановился посреди двора и, набросивъ на себя плащъ свой, вошелъ въ высокій залъ, въ которомъ находился глупецъ-хозяинъ. «Добро пожаловать, маленькій Локе, добро пожаловать; какія дѣла у васъ въ Гавсгардѣ и что тамъ происходитъ»? «Хорошія дѣла у насъ въ Гавсгардѣ и благополучно обстоитъ все. Тордъ, однако, потерялъ свой молотъ, и потому-то меня прислали къ тебѣ». «Тордъ никогда своего молота не получитъ обратно, какъ бы это его ни огорчало; ибо глубоко погрузился онъ въ землю,—на сорокъ и пятнадцать саженей вошелъ. Никогда онъ не получитъ своего молота обратно, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, если не привезетъ онъ мнѣ Фрейденборгу **) въ жены и все ея имущество въ приданое». Локе Лейманъ облекся въ платье изъ перьевъ и перелетѣлъ домой черезъ три-девять морей. Прибывъ, онъ

*) Скандинавскій богъ зла: противникъ Бальдеру.

**) Древняя Фрея, богиня красоты и любви.

остановился посреди двора, одѣлъ свое платье и вошелъ въ комнату, гдѣ находился его братъ. «Никогда не получишь ты молота обратно; въ этомъ будь увѣренъ, или же мы должны привезти Фрейденборгу со всѣмъ ея имуществомъ глупцу». Но сидящая на скамьѣ гордая дѣвица въ отвѣтъ сказала: «мнѣ бы гораздо лучше понравился христіанинъ, чѣмъ это чудовище». «Такъ возьмемъ стараго батьку *), причешемъ ему хорошенько голову и отвеземъ его въ Норденбергъ, какъ будто онъ—молодая невѣста».

«Итакъ, они взяли его за невѣсту молодую и отправились на свадебный пиръ, на которомъ не жалѣли денегъ для музыканта. Взяли они «невѣсту» молодую и посадили ее на скамью; явился за симъ Глупецъ и сталъ наливать ей вина. Пятнадцать быковъ съѣла она и тридцать полостей сала, и двѣнадцать бочекъ пива она выпила,—такой она нестерпимой жаждой страдала **). У Глупца, какъ онъ черезъ залъ шелъ, душа въ пятки ушла: «Какъ это можетъ невѣста молодая столько ѣсть и пить»? Въ отвѣтъ сказалъ Локе Лейманъ, смѣясь подъ краснымъ платьемъ: «семь дней она не ѣла,—такъ была занята мыслью о тебѣ». Затѣмъ явились восемь бойцовъ, неся молотъ, и положили его на колѣно невѣсты. Невѣста молодая схватила молотъ рукой и подняла его какъ бы перышко. Сперва убила она Глупца высокаго, и затѣмъ другихъ маленькихъ чудовищъ, и молотъ пѣлъ къ свадьбѣ. Локе Лейману пришла счастливая мысль: «Теперь уже возвратимся на нашу родину,—невѣста сдѣлалась вдовой» ***).

Другая, весьма распространенная пѣснь, въ которой переработаны миѳическіе мотивы пѣсенъ Эдды «Гроугальдръ и Фьёльсвинсмалъ», извѣстна подъ названіемъ «Молодой Геръ Свендаль» ****). Но количество подобныхъ пѣсенъ, дошедшихъ до насъ, ограничено. Не всегда впрочемъ легко узнать въ какомъ-нибудь христіанскомъ витязѣ среднихъ вѣковъ лицо древняго бога. Дольше всѣхъ божествъ держался въ народной памяти всѣми любимый Торъ; значительно меньше—Одинъ, но несравненно чаще того и другого встрѣчаемъ древнихъ народныхъ героевъ, и въ пѣсняхъ, воспѣвающихъ ихъ подвиги, поражаетъ насъ чисто дѣтскій пріемъ, употребляемый для выраженія возвышеннаго, т.-е. простое преувеличеніе. Такъ, напр., голосъ Верландсона, когда онъ поетъ,

*) Эпитетъ бога Тора.

**) По свидѣтельству Эдды, Торъ съѣлъ лишь одного быка и восемь семгъ, а выпилъ три чана пива.

***) Ср. Horn: Gesch. d. Lit. des Skand. Nord. 106. — Schweitzer Gesch. der Scand. Lit. II, стр. 31 и слѣд.

****) Сравн. также извѣстную датскую пѣснь Свенъ Вонведъ. Kjœmpeviser udgivne som Text til 1-ste Hefte of Prof. Ridder Weyses Melodier, Kjöbnhavn 1840, стр. 58—70 или Gamle Danske Folkeviser udgivne af Oehlenschläger (1840), стр. 29.

слышенъ бываетъ на сорокъ верстъ кругомъ, Гримборгъ убиваетъ собственноручно въ одной битвѣ 12,000 человѣкъ, и т. п., такъ что можно думать, что читаешь эпизоды изъ древне-индійскаго эпоса Махабараты или Рамаяны *).

На Ферэрскихъ островахъ пѣсни о Сигурдѣ, убійцѣ змѣи, Брингильдѣ и Гудрунѣ слились въ одну изъ длиннѣйшихъ и превосходнѣйшихъ пѣсенъ Скандинавіи. Она состоитъ изъ трехъ частей, получившихъ названія отъ трехъ именъ: Регинъ, Сигурдъ, Гёгни, и составляющихъ вмѣстѣ болѣе шести сотъ строфъ. По существу она тождественна съ разсказомъ Эдды, но въ подробностяхъ украшена многочисленными, не лишенными интереса, новыми чертами, которыя по всей вѣроятности основаны на другой версіи миѳа. Вообще у всѣхъ скандинавскихъ народовъ находимъ слѣды поэтической разработки миѳа о Сигурдѣ, но вездѣ онѣ гораздо болѣе разнятся отъ разсказа Эдды, чѣмъ въ упомянутой версіи Ферэрскихъ островövъ.

Благодаря геніальнымъ изслѣдованіямъ новыхъ датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ ученыхъ, въ родѣ Грундтвига, удалось отыскивать древніе миѳы въ пѣсняхъ, повидимому самыхъ обыденныхъ, въ которыхъ прежде никто и не предполагалъ намека на язычество. Такъ, напр., Герварарсагу, передѣланную въ разныхъ датскихъ и ферэрскихъ пѣсняхъ, очень напоминаетъ распространенная по всей Скандинавіи пѣснь объ Ормѣ Унгерсвендѣ и бернскомъ великанѣ, состоящая въ датской версіи изъ пятидесяти строфъ. Содержаніе ея слѣдующее: бернскій великанъ проситъ у датскаго короля руки его дочери и половины его царства, а въ случаѣ несогласія требуетъ чтобы какой-нибудь датскій боецъ выступилъ противъ него въ поединкѣ. Король, не долго думая, отвергаетъ первое предложеніе безусловно и соглашается на другое. Но легче обѣщать, чѣмъ исполнять,—и никто не чувствуетъ себя достаточно храбрымъ, чтобы помѣряться силой съ великаномъ, несмотря даже на то, что король обѣщаетъ руку своей дочери побѣдителю. Наконецъ возвышаетъ голосъ молодой Ормъ Унгерсвендъ, который занималъ не особенно видное мѣсто за царскимъ столомъ, и взялся выручить короля изъ затрудненія и побѣдить великана. Великанъ презрительно относится къ Орму, обращаясь съ нимъ какъ Голіаѳъ съ Давидомъ и обзывая его «мы-

*) Такъ, напр., молодой Hammer Graa выпиваетъ сразу невмовѣрное количество пива и разбиваетъ на куски бочки.

De bare ind atten Læster Öl,
Dem drak hani een Drikke;
Hanslog de Tönder for Kongens Fod
De ginge i hundrede Stykker

(Vidrik Verlandson og Ulf af Jern. l. c. 48).

шенкомъ». Ормъ, однако, сознавая въ глубинѣ своей души непосильность взятаго на себя дѣла, отправился къ гробу отца, котораго, послѣ значительныхъ усилій, ему удалось разбудить. «Отчего», восклицаетъ проснувшійся отецъ, «не даютъ мнѣ мирно лежать въ этомъ мрачномъ углу? Кто меня такъ рано будитъ, причиняя мнѣ жестокія страданія? Неужели мнѣ нельзя мирно покоиться подъ жесткимъ камнемъ»? «Я, Ормъ Унгерсвендъ, твой младшій сынъ, дорогой отецъ; являюсь къ тебѣ въ моей крайней нуждѣ». Ормъ попросилъ затѣмъ у отца славнаго меча Виртинга *), получилъ отвѣтъ, что отецъ не дастъ его, пока онъ не поѣдетъ въ Ирландію отыскать его убійцу и отомститъ за его смерть. Недовольный этимъ отвѣтомъ, Ормъ опять требуетъ Биртинга, грозя, въ случаѣ отказа, разбить гору на семь тысячъ кусковъ и покрыть развалинами отцовскій гробъ. Наконецъ Ормъ Унгерсвендъ получаетъ мечъ, выступаетъ противъ великана, который еще разъ насмѣхается надъ нимъ, и послѣ трехдневнаго поединка отсѣкаетъ ему ногу у колѣна и убиваетъ его. Послѣ этой блестящей побѣды Ормъ отправился искать убійцу своего отца, котораго онъ и встрѣчаетъ въ лицѣ Торда af Валландъ. Послѣ краткаго разговора, въ которомъ Тордъ хвастается убійствомъ отца Орма и издѣвается надъ маленькимъ ростомъ послѣдняго, поединокъ завязался, и славный мечъ Виртингъ положилъ конецъ и Торду. Наконецъ Ормъ

*) Древніе скандинавы давали имена своимъ конямъ, щитамъ, мечамъ и вообще всѣмъ любимымъ предметамъ. Такъ, напр., Видрикъ Верландсонъ, сообщая длинноногому великану, котораго онъ вскорѣ затѣмъ убиваетъ, кто онъ такой, начинаетъ съ того, что называетъ своего отца, кузнеца Верланда, затѣмъ свою мать, Бодильдъ, королевскую дочь, потомъ свой щитъ Скреппингъ, свой шлемъ Бланкъ, своего коня Скимминга, свой мечъ Мимрингъ, и на послѣднемъ мѣстѣ самого себя Видрика Верландсона:

Verland hedder han Fader min.
En Smed var han saa skjön;
Bodild hedde min Moder,
En Kongedatter vön.

* * *

Skrepping hedder mit fuld gode Skjold,
Derer udi mangen Piil skudt;
Blank saa kaldes min stolte Hjelm,
Saa mangt et Svœrd haver brudt.
Skimming hedder min œdle Hest
Er födt paa vildene Stod.
Mimring kalder man mit Svœrd,
Er hördet in Kjœmpeblod.

* * *

Selv hedder jeg Vidrik Verlandsön,
Udi Jern saa er jeg klœd;
Staaer du ikke of paa dine lange Been,
Seg gjör dig visselig vred.

возвращается домой къ датскому королю, получаетъ вполнѣ заслуженную награду и его приключенія кончаются свадьбой.

Другая, во многихъ отношеніяхъ интересная пѣснь, которая была распространена во всемъ скандинавскомъ сѣверѣ, излагаетъ сагу, точь-въ-точь тождественную съ сагой о Вильгельмѣ Теллѣ. Король повелѣваетъ герою (имя котораго мѣняется, смотря по странѣ, гдѣ существовала пѣснь) стрѣлять въ яблоко, положенное на головѣ его сына. Палнатоки, какъ называетъ его датская версія, беретъ двѣ стрѣлы и при первомъ выстрѣлѣ попадаетъ въ яблоко, и спрошенный, затѣмъ, королемъ,—для чего онъ запасся второй стрѣлой, отвѣчаетъ: «чтобы стрѣлять въ тебя, еслибы я убилъ своего сына».

Сага о Гагбардѣ и Сигнѣ, изложенная скальдами задолго до водворенія христіанства и занесенная въ хронику знаменитаго Саксона, попадается намъ опять въ одной изъ прекраснѣйшихъ скандинавскихъ пѣсенъ, извѣстной въ Даніи подъ названіемъ Hafbur og Signe. Она состоитъ изъ девяноста строфъ. Содержаніе слѣдующее:

Королевичу Гаффуру, влюбленному въ Сигне, снилось, что онъ находился въ раю и, держа Сигне въ рукахъ, леталъ по облакамъ. Онъ разсказалъ этотъ сонъ на другой день приближеннымъ, но никто не удостоилъ его вниманія, кромѣ его матери, которая совѣтовала ему отправиться къ Эльфовой дочери, чтобы та растолковала ему сонъ. Послѣдовавъ совѣту, онъ узнаетъ, что пребываніе его въ раю знаменуетъ полученіе имъ любимой дѣвицы; между тѣмъ, какъ полетъ его по облакамъ означаетъ, что ему предстоитъ умереть за нее. Не устрашенный предсказанной судьбой, Гаффуръ собирается овладѣть Сигне, и обдумываетъ свой планъ. Отростивъ волосы и облекшись въ женское платье, онъ отправился въ замокъ, въ которомъ Сигне жила съ своимъ отцомъ, королемъ Сивардомъ. Явившись къ возлюбленной, онъ заявляетъ, что его прислалъ Геръ Гаффуръ учиться у нея всѣмъ искусствамъ. Не чая въ гостьѣ мужчину и еще менѣе самого Гаффура, Сигне оказываетъ радушный пріемъ мнимой дѣвицѣ, обѣщаетъ давать ей кушать изъ одного съ нею блюда, учить всѣмъ искусствамъ и класть спать съ прислугой. Гаффуръ находитъ такое предложеніе отчасти унизительнымъ, и успокоивается лишь тогда, когда Сигне обѣщаетъ взять ее спать къ себѣ. Начали затѣмъ работать; шили всѣ гордыя дѣвицы очень ревностно, одна только чужестранка теряетъ время непроизводительно: играетъ съ иголкой, кладетъ ее въ ротъ и продѣлываетъ разныя плутовства, которыя, впрочемъ, злая дѣвка-служанка не преминула замѣтить. Подобно богу Тору, переодѣтому невѣстой, Гаффуръ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ, но особенно злой служанки, громаднымъ количествомъ выпиваемаго имъ вина. «Никогда,—восклицаетъ злая служанка,— я не видала красной дѣвицы,

которая бы съумѣла столько пить вина или имѣла бы такіе наглые глаза; да и руки у нея, словно желѣзныя». На эти замѣчанія Гафбуръ велитъ ей молчать, такъ какъ глаза его не на нее глядятъ. Наконецъ, наступилъ вечеръ, и Сигне, сопровождаемая Гафбуромъ, отправляется на верхъ въ дѣвичью, и за ними, тайкомъ, слѣдуетъ злая дѣвка, ища подтвержденія своихъ подозрѣній. И въ скоромъ времени удовлетворяется ея любопытство. Гафбуръ снимаетъ платье, и т. д., Сигне удивляется ненормальному тѣлосложенію ея новой подруги, и въ концѣ концовъ, вызываетъ со стороны Гафбура полное объясненіе, которое подслушиваетъ служанка. Послѣдняя беретъ оставленный Гафбуромъ мечъ и бѣжитъ къ королю Сиварду, будитъ его и разсказываетъ ему все видѣнное и слышанное. Сначала Сивардъ отказывается вѣрить вѣсти служанки, что Гафбуръ почиваетъ на ложѣ съ Сигне, и сердится на нее за напраслину, но при видѣ меча королевича разсѣялись послѣднія его сомнѣнія, и онъ поспѣшно созвалъ рыцарей. Схватили Гафбура и связали его, но онъ разорвалъ оковы съ изумительной легкостью, и нельзя его было связать, пока злая служанка не посовѣтовала имъ употребить волосъ Сигне, послѣ чего онъ не сдвинулъ рукъ. Король Сивартъ присудилъ Гафбура къ повѣшенію, и Сигне, узнавъ объ ожидающей его участи, нѣжно утѣшаетъ его обѣщаніями обильныхъ молитвъ за упокой его души. Этимъ, однако, онъ не удовольствовался, а просилъ ее, какъ только она увидитъ его висящаго съ дерева, поджечь свой домъ и встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, на что она и соглашается. Наступилъ, наконецъ, моментъ, назначенный для приведенія въ исполненіе приговора, и Гафбуръ, стоя у висѣлицы, проситъ окружающихъ повѣсить сперва его красную шапку, будто бы для того, чтобы дать королю еще немного времени одуматься, раскаяться, помиловать его, но на самомъ дѣлѣ, чтобы испытать вѣрность возлюбленной. Сигне же, при видѣ его красной шапки, думая, что онъ уже повѣшенъ, позвала всѣхъ своихъ дѣвицъ, объявила имъ свое рѣшеніе отправиться въ рай и поднялась на верхъ поджечь домъ. Гафбуръ, съ своей стороны, увидѣвъ пламя, пожирающее замокъ, попросилъ снять красную шапку и положить ее на землю. Въ это время король Сивардъ, замѣтивъ изъ окна своего замка красную шапку Гафбура, висящую съ дуба и пожаръ въ жилищѣ Сигне, и узнавъ обо всемъ случившемся, говоритъ, что если бы онъ раньше зналъ, какъ тѣсно были связаны вмѣстѣ эти два сердца, онъ бы не разлучилъ ихъ и за цѣлую Данію. Впрочемъ, онъ и теперь дѣлаетъ, что отъ него зависитъ, чтобы сгладить свою роковую ошибку: посылаетъ людей поскорѣе въ жилище Сигне, чтобы спасти ей жизнь, другихъ же отправляетъ съ тѣмъ же порученіемъ къ висѣлицѣ, «ибо Геръ Гафбуръ не воръ». Но когда они пришли въ жилище Сигне, она лежала тамъ

въ пеплѣ, и когда другіе прибыли на мѣсто, гдѣ стояла висѣлица — Гафбуръ былъ уже мертвъ. Взяли королевича Гафбура, завернули его въ бѣлое полотно и положили въ христіанскую землю возлѣ возлюбленной Сигне. Дѣвку же вытащили за волосы и шею и подвергли ужасной смерти; приготовили ей надлежащее брачное ложе: похоронили ее живую въ землѣ» *).

Между миѳологическими пѣснями попадаются нѣкоторыя, у которыхъ безспорно лежитъ въ основѣ древне-языческій миѳъ или сага, о которомъ, однако, изъ болѣе древнихъ источниковъ ничего намъ неизвѣстно, ибо бо́льшее число старинныхъ миѳовъ, сагъ, легендъ и даже словъ безслѣдно исчезли изъ народной памяти не только у скандинавовъ, но и у большинства древнихъ народовъ. Какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ этого разряда, укажемъ на такъ-называемый «Мечъ мести» (Hævnersvardet), въ которой извѣстный мечъ представляется намъ живымъ существомъ, одареннымъ даромъ рѣчи и способностью жестоко и самостоятельно мстить за пролитую кровь.

Во всѣ эпохи исторіи Скандинавіи и во всѣхъ областяхъ словесности и искусства иностранное вліяніе дало себя чувствовать въ болѣе или менѣе сильной степени. Мы уже видѣли, что возникновеніе народной поэзіи, какъ аккомпанимента танца, приписываютъ кельтійскому обычаю, и нѣкоторые ученые предполагаютъ заимствованіе даже мелодій этихъ пѣсенъ отъ кельтовъ. Мы не находимъ, однако, достаточно убѣдительными доводы, приведенные ими въ пользу этого

---

*) Трудно передать въ переводѣ живость и простоту датскаго оригинала. Приведемъ послѣднія четыре строфы:

Löber I Nogle til Signild's Buur
Og redder hendes Liv!
Löber I Nogle til Galgen hen;
Herr Hafbur er ingen Tyv!

* * *

Og der de komme til Signild's Buur,
Da laae hun der i Glöd;
Og der de kom, hvor Galgen stod,
Da var alt Hafbur död.

* * *

Saa toge de Hafbur, Kongens Sön,
Svobte ham i hviden Lin;
Saa lagdes han i Christenjord
Hos Signild Kjœresten sin.

* * *

De Foge den Terne i Hals og Haar,
Der blev det ynkeligste Mord;
Hende redte de den rette Brudeseng:
De satte hende levende i Jord.

послѣдняго тезиса. Всему есть предѣлы. Нигдѣ эти международныя заимствованія не доходятъ такъ далеко, какъ въ области языка; но и тамъ мы видимъ, что они не распространяются дальше извѣстныхъ предѣловъ. Точно также и въ искусствѣ, въ литературѣ, въ миѳологіи установлены предѣлы подражанію. По меньшей мѣрѣ начала тѣхъ искусствъ, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ обще-человѣческимъ нуждамъ — физическимъ или нравственнымъ, не должно безъ неопровержимыхъ доводовъ объяснять заимствованіемъ. Всѣ искусства, даже въ своихъ усовершенствованныхъ видахъ, сохраняютъ безспорные признаки своей индивидуальности. Такъ, дорійскій храмъ имѣетъ все еще извѣстное сходство съ деревянной избой, въ которой Доріецъ жилъ въ доисторическое время. Китайская пагода ни что иное, какъ облагороженная татарская палатка. То же самое явленіе встрѣчаемъ въ религіи, въ философіи, въ музыкѣ. Заимствуются божества, теоріи, цѣлыя пѣсни, но каждый народъ имѣлъ свое собственное міросозерцаніе, свои собственныя «мелодіи», и отказывается отъ нихъ весьма неохотно.

Вліяніе Германіи на народныя пѣсни Скандинавіи можно наблюдать на извѣстныхъ группахъ этихъ пѣсенъ. Не говоря о пѣсни Нибелунговъ, которая была распространена въ Скандинавіи и оставила очивидные слѣды на народной поэзіи среднихъ вѣковъ, нельзя не признать чисто-нѣмецкое происхожденіе нѣкоторыхъ изъ такъ-называемыхъ Sivardslieder, какъ и всѣхъ тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ разсказываются приключенія Дитриха Бернскаго *) и его витязей. Онѣ перешли изъ Германіи въ Скандинавію, облеченныя уже въ форму пѣсенъ, и потому не нуждались въ формальномъ переводѣ, что въ то время нижне-нѣмецкое нарѣчіе мало чѣмъ отличалось отъ датско-шведскаго. Сначала онѣ пѣлись въ ихъ первоначальномъ видѣ и затѣмъ мало-по-малу видоизмѣнялись сообразно съ мѣнявшимися временами, но никогда не очистились отъ всѣхъ признаковъ иностран-

*) Theodoric von Verona. Въ виду громаднаго значенія, которое имѣла мелодія въ древне-скандинавскихъ пѣсняхъ не будетъ излишнимъ привести здѣсь древнюю мелодію этой народной пѣсни:

наго происхожденія. Если сравнить нѣкоторыя нижне-нѣмецкія пѣсни XVI столѣтія съ извѣстными произведеніями скандинавской поэзіи того же вѣка, то до того насъ поразитъ ихъ сходство, что мы поневолѣ забываемъ о разницѣ между ними.

Но хотя датчане и, благодаря имъ, остальные скандинавы, переняли цѣликомъ нѣмецкія пѣсни о Дитрихѣ Бернскомъ, этотъ герой никогда не игралъ выдающейся роли среди туземныхъ легендарныхъ витязей. Какъ египетскія и вавилонскія божества, допущенныя въ римскій пантеонъ и удостоенныя извѣстныхъ религіозныхъ почестей, culte d'estime, но не поднявшіяся до уровня римскаго бога, Дитрихъ Бернскій не завоевалъ себѣ мѣста національнаго героя, въ родѣ Свенъ Фельдинга или Гольгеръ Данске, послѣдній изъ которыхъ побѣдилъ Дитриха въ поединкѣ. Доблести этого героя разсказаны, между прочимъ, въ пѣснѣ, озаглавленной Olger Danske og Burmand, въ которой описывается его побѣда надъ великаномъ Бурмандомъ. Ольгеръ Данске не умеръ, а спитъ, и, подобно Фридриху Барбароссѣ, ирландскому удальцу Десмонду изъ Кильмаллока и Себастьяну Бразильскому, вернется еще разъ, когда наступитъ предназначенный часъ спасти отчизну.

Такъ-называемыя чудесныя и волшебныя пѣсни занимаютъ видное мѣсто въ скандинавской народной поэзіи и больше другихъ носятъ тотъ специфическій характеръ среднихъ вѣковъ, который является результатомъ чудной смѣси пышной фантазіи и здраваго смысла, безпредѣльной вѣры въ безцѣльныя чудеса, чисто практической смѣтливости и грубаго юмора, граничащаго съ цинизмомъ. Фантастическій міръ этихъ пѣсенъ заселенъ дивными существами нечеловѣческой расы—троллами, карлами, эльфами, дьяволами и ангелами, которыя—такъ или иначе, принимаютъ дѣятельное, хотя отрывочное участіе въ борьбѣ человѣка за существованіе. Эти пѣсни сочинялись въ то блаженное время, когда буднишняя жизнь человѣка представляла собою одну громадную мозаику, состоящую изъ чудесъ. То было время постояннаго вмѣшательства сверхъестественной силы, когда во всѣхъ областяхъ жизни могъ бы неожиданно явиться какой-то deux ex machina. Контрастъ лежалъ не какъ въ язычествѣ между двумя враждебными другъ другу физическими силами, свѣтлой и темной, доброй и злой, а между силами духовной и чувственной, религіозной и грѣшной. Человѣкъ отличался отъ окружавшей его природы преимущественно тѣмъ, что онъ созданъ былъ для будущей, духовной жизни, въ которой онъ ожидаетъ безконечнаго блаженства, превосходящаго все видѣнное и постижимое человѣческимъ умомъ, между тѣмъ какъ существа эти жили одною чувственною жизнью и не могли надѣяться подняться до болѣе возвышеннаго состоянія.

Поэтому неудивительно, что на лицахъ этихъ несчастныхъ созданій всегда было грустное выраженіе—послѣдствіе сознанія своей судьбы; тотъ печальный взглядъ, на который указала Ада, Каинова жена, на лицѣ Люцифера, и который, какъ полупрозрачное облако, бросалъ легкую тѣнь на красивыя черты даже въ самыя свободныя отъ печали мгновенія. Это выражается наглядно и мило въ одной сагѣ шведскаго происхожденія: одинъ Никсъ разъ сидѣлъ на водѣ и извлекалъ плѣнительные звуки изъ арфы, какъ вдругъ приблизились дѣти и сказали: Тебѣ твоя музыка, какъ она ни мила, не впрокъ; тебѣ вѣкъ не быть блаженнымъ. Услышавъ это, Никсъ опечалился, началъ горько плакать, бросилъ свою арфу волнамъ и самъ погрузился и исчезъ. Вернувшись домой, дѣти разсказали отцу, мѣстному пастору, о случившемся. Отецъ сжалился надъ Никсомъ и велѣлъ дѣтямъ возвратиться къ водѣ, вызвать Никса и утѣшить его надеждой, что въ концѣ-концовъ и онъ удостоится вѣчнаго блаженства. Дѣти исполнили волю отца, и Никсъ безпредѣльно обрадовался, взялъ свою арфу снова и игралъ обворожительныя мелодіи даже послѣ захода солнца.

Всѣ эти существа представляются основательно знакомыми съ неисповѣдимыми тайнами музыки, но неземной музыки, посредствомъ которой они иногда совершаютъ такія чудеса, какъ древнегреческій Орфей или финскій Вайнамойненъ, обвораживая людей чарующими звуками, которымъ человѣкъ не въ состояніи противустоять. Въ пѣснѣ «Her Tönne», состоящей въ датской версіи изъ 42 строфъ, имѣемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ этой силы музыки. Her Tönne ѣдетъ по рощѣ охотиться на зайцевъ и на ланей, когда неожиданно встрѣчается съ дочерью карла, которая сразу въ него влюбляется и горитъ желаніемъ владѣть имъ. Чтобы достичь желаннаго, она беретъ свою арфу и начинаетъ играть волшебныя мелодіи, дѣйствіе которыхъ сразу становится замѣтнымъ: вольныя птицы на вѣтвяхъ забываютъ свои начатыя пѣсни, дикій олень, забывая совершить начатый прыжокъ, останавливается неподвижно, и Her Tönne, вопреки своему желанію удалиться отъ нея, приближается и, движимый неотразимой силой, соскакиваетъ съ лошади, прибѣгаетъ къ обольстительницѣ и изъясняется ей въ любви *).

Одна изъ красивѣйшихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ силу музыки,

*) Все это очень напоминаетъ разсказъ финской Калевалы о подобныхъ подвигахъ Вайнамойнена, который, сдѣлавъ громадную арфу изъ березы и струны къ ней изъ гривы жеребца, извлекъ изъ этого инструмента такіе очаровательные звуки, что вся природа затрепетала: водопады остановились, деревья не сгибались отъ вѣтра, волки поднялись на заднія лапы, чтобы лучше слушать волшебные звуки. Даже Вайнамойненъ самъ прослезился, и слезы скатились на его бѣлую бороду и отъ нихъ промокли его три плаща и три шерстяныя фуфайки.

общая, впрочемъ, всему германскому племени, извѣстна подъ названіемъ: «Сила арфы» Harpens Kraft. Геръ Педеръ спрашиваетъ свою невѣсту, почему она печалится, и указываетъ на нѣкоторыя возможныя причины, изъ которыхъ она ни одной не признаетъ. Наконецъ она сознается: она боится моста, съ котораго ея пять сестеръ упали въ воду, и предчувствуетъ, что и она вскорѣ также утонетъ. Геръ Педеръ, однако, успокоиваетъ ее и даетъ ей провожатыхъ двѣнадцать рыцарей, которые будутъ отвѣчать за ея безопасность. Но эта мѣра не помогла: доѣхавши до моста, ея конь споткнулся, бросилъ ее въ воду, и она утонула. Узнавъ о несчастіи, Геръ Педеръ взялъ свою арфу, подошелъ къ водѣ и началъ играть. Вдругъ выплываетъ морской духъ изъ своей стихіи, держа за руки невѣсту Геръ Педера, возвращаетъ ее жениху и проситъ его уничтожить чары, т.-е. болѣе не играть. Геръ Педеръ однако не соглашается сразу, а требуетъ еще возвращенія ея пяти давно утонувшихъ сестеръ и въ ожиданіи исполненія этого требованія продолжаетъ играть на арфѣ. Духъ же морской опять исчезаетъ и живо возвращается съ пятью дѣвицами, и все кончается благополучно.

Но подобная власть человѣка надъ духами составляетъ исключительное явленіе; обыкновенно бываетъ наоборотъ, и никсы, эльфы и тому подобныя существа, приманивъ къ себѣ людей, рѣдко опять выпускаютъ изъ своей власти. Такъ, напр., въ одной красивой и простой датской пѣснѣ, называемой «Агнеса и водяной духъ» (Agnete og Havmanden) водяной духъ является вдругъ къ молодой дѣвицѣ Агнесѣ и объясняется ей въ любви. Агнеса безъ колебанія соглашается на его предложеніе и отправляется съ нимъ вмѣстѣ ко дну морскому, гдѣ они живутъ въ мирѣ и счастіи восемь лѣтъ, причемъ семь сыновей служатъ залогомъ ихъ взаимной любви. Но разъ въ воскресеніе утромъ Агнеса, стоя у люльки, въ которой лежалъ ея младшій ребенокъ, и воспѣвая колыбельную пѣснь, услышала благовѣстъ англійскихъ колоколовъ, вспомнила о своемъ дѣтствѣ и возымѣла непреоборимое желаніе посѣтить церковь. Испросивъ на это разрѣшеніе мужа, который, потребовалъ лишь, чтобы она опять вернулась, она поднялась и пошла въ церковь, гдѣ она увидѣла мать, которой она начала разсказывать исторію своей жизни въ днѣ морскомъ. По истеченіи извѣстнаго времени является ея мужъ съ своими «золотистыми волосами и веселыми глазами» и переступаетъ порогъ церкви, въ которой находилась Агнеса, причемъ всѣ образа переворачиваются лицомъ къ стѣнѣ. «Послушай, Агнеса, обращается онъ къ ней: твои маленькія дѣти тоскуютъ по тебѣ». «Пускай тоскуютъ, сколько хотятъ, а я ужъ больше не вернусь». «Вспомни большихъ и маленькихъ, и крошечку, которая лежитъ въ люлькѣ».

«Никогда уже больше не буду помнить ни большихъ, ни маленькихъ, ни крошечки, которая лежитъ въ люлькѣ».

Но обыкновенно подобныя приключенія имѣютъ болѣе трагическую подкладку. Всѣмъ извѣстно Гётевское Erlkönig. Въ томъ же духѣ слѣдующая исландская пѣснь, которую привожу въ переводѣ Н. В. Берга.

Олуфъ и эльва.

(Olafur og Alfamaer).

Олуфъ проѣзжалъ по высокой горѣ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И къ Эльвамъ пріѣхалъ чѣмъ свѣтъ на зарѣ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Тутъ первая Эльва къ нему подошла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Изъ нехристей родомъ та Эльва была.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

За нею другая къ Олуфу идетъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Серебряный кубокъ ему подаетъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И третья выходитъ, блестя красотой,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И поясъ играетъ на ней золотой.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Четвертая вышла, любовью горитъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И рѣчь начинаетъ, и такъ говоритъ:
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною вѣсною повѣваетъ съ горъ.

***

Пожалуй къ намъ въ гости, Олуфъ Лильерозъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
О еслибъ жить намъ съ тобой довелось!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Спасибо, но какъ мнѣ у нехристей жить?
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Какъ Господу Богу мнѣ съ вами служить?

Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Ты съ Эльвами утромъ играй, веселись!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
А вечеромъ Господу Богу молись!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И Эльва украдкой къ ларю подошла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И плащъ длиннополый оттуда взяла,
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И Эльва тихонько подъ чернымъ плащемъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Себя опоясала острымъ мечемъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Ты хочешь, о витязь, уѣхать отъ насъ!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Меня поцѣлуй на прощаніе хоть разъ!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И нехотя витязь нагнулся съ сѣдла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И къ витязю Эльва съ мечемъ подошла.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Когда онъ нагнулся съ сѣдла своего,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Тутъ Эльва мечемъ угодила въ него.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Пронзила Олуфу широкую грудь,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Коня онъ пришпорилъ, пускается въ путь,
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И къ матери въ двери стучится рукой.
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Что блѣденъ ты, сынъ мой, что синій такой?
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Совсѣмъ ты, мой сынъ, не похожъ на себя!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Какъ будто бы Эльва пронзила тебя!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

О, матушка, спать ты меня уложи!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Сестрица, ты лентой меня обвяжи!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

Не часъ и не два миновало, а три;
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Онъ блѣденъ какъ мертвый лежалъ у двери.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

***

И мигъ роковой для Олуфа пробилъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ, —
Еще поблѣднѣлъ онъ и духъ испустилъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Но не всегда удается этимъ духамъ природы исполнять свою волю надъ человѣкомъ безъ его согласія; какъ древне-греческіе боги, принимавшіе участіе въ троянской войнѣ, они иногда сами испытываютъ на себѣ силу человѣческой руки, подобно простымъ смертнымъ; такъ, напр., въ слѣдующей норвежской пѣснѣ (Sjugurdiaa trolbrura), которую приводимъ въ переводѣ Н. В. Берга:

Король во дворцѣ у окошка стоитъ—
Онъ задумался крѣпко, глубоко,
И въ поле зеленое сверху глядитъ,
И завидѣлъ Сюгура далеко.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

И кажется, будто король разсерженъ,
Что изъ горъ его дочь не приходитъ;
Но вынулъ Сюгуръ свой булатъ изъноженъ,
Къ королю онъ съ булатомъ подходитъ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

Пожалуй, Сюгуръ мой, пожалуй скорѣй;
Ты мнѣ зятемъ возлюбленнымъ будешь,
Коль въ горы поѣдешь ты смѣло за ней,
И невѣсту оттуда добудешь!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

Изволь, я поѣду туда на конѣ,
Горныхъ совъ расцѣлую всю стаю,
Но въ горы булата не надобно мнѣ,
Я и молотомъ совъ распугаю!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

И взялъ онъ желѣза шестнадцать пудовъ,
И присѣлъ за работу у горна.
Вотъ будетъ подарокъ для вѣдьмъ и бѣсовъ!
И сковалъ молотокъ онъ проворно.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

И молотъ сковавши, поѣхалъ къ чертямъ,
И велѣлъ, чтобъ на свадьбу ихъ звали,
И столько, и столько собралось ихъ тамъ,
Что и семеро три дня считали.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

Какъ стали на свадьбѣ кричать и шутить,
И Сюгуръ потихонько развѣдалъ,
Пришелъ и давай молоткомъ молотить,
И ни разу онъ промаху не далъ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

Ты думаешь—сыщешь невѣсту-красу,
Точно Софья—ничуть не бывало:
У нашей невѣсты конюшня въ носу,
А глаза—что змѣиное жало.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

И вѣдьма пустилася въ горы бѣгомъ,
Подбирая костлявыя ноги,
Но витязь въ нее угодилъ молоткомъ,
Раскидалъ башмаки на дорогѣ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

***

Сюгуръ воротился домой къ королю
И съ невѣстой прекрасной своею.
Ты выручилъ дочь дорогую мою,—
И теперь да владѣешь ты ею!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

Чудотворной этой силой обладали не только выдающіеся люди, посредствомъ словъ или плѣнительныхъ звуковъ музыки, но и неразумныя существа и неодушевленные предметы, считавшіеся нѣкоторымъ образомъ товарищами и помощниками витязя: его конь, напримѣръ, который не рѣдко вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, или его мечъ, который въ исключительныхъ случаяхъ самъ разбиваетъ врага безъ направляющей руки хозяина. Иногда дѣйствительность этого дара

связана съ какимъ-нибудь повидимому пустяшнымъ условіемъ, которое, однако, оказывается весьма трудно соблюсти,—съ запрещеніемъ, напр., произнести имя дѣйствующаго лица. Такъ въ одной, чисто народной, пѣснѣ разсказываются попытки молодой жены короля оправдать себя противъ ложнаго обвиненія въ супружеской невѣрности. Она слезно проситъ вóрона, сѣвшаго на ея окно, слетать къ брату и сообщить ему, въ какомъ безвыходномъ положеніи она находится. Вóронъ исполняетъ просьбу, и братъ, узнавъ объ опасности сестры, вскакиваетъ съ мѣста и спрашиваетъ умнаго коня Влака—согласенъ-ли онъ везти его къ страдающей сестрѣ. Влакъ изъявляетъ готовность, подъ условіемъ, что хозяинъ ни разу не произнесетъ его имени во время ѣзды. Какъ бы на крыльяхъ вѣтра везетъ его вѣрный Влакъ: приближаются и опять исчезаютъ поля, города, лѣса и моря; какъ вдругъ король вскрикнулъ «Влакъ!», и конь, лишившись способности чудесно летать, сбросилъ его въ волны и, оставивъ его тамъ, самъ продолжалъ свой путь вплавь. Прибылъ онъ, наконецъ, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда королеву, осужденную на смерть черезъ сожженіе, подвели къ костру. Конь однимъ ударомъ копыта убилъ жестокаго монарха, затѣмъ положилъ многихъ изъ его рыцарей на мѣстѣ и, взваливъ королеву на спину, быстро понесся домой. Всѣ эти подвиги онъ совершилъ до того скоро, что на обратномъ пути, найдя хозяина на томъ же мѣстѣ борющагося еще съ волнами, успѣлъ его вытащить живымъ и повезъ вмѣстѣ съ сестрой на родину. Тамъ, наконецъ, истощенный онъ упалъ мертвымъ на берегу. Нѣчто подобное видимъ мы и въ другой пѣснѣ (Ribold og Guldborg), въ которой разсказываются приключенія Рибольда, похитившаго возлюбленную невѣсту и преслѣдуемаго ея отцомъ и братьями. Когда послѣдніе его догнали, онъ приготовился къ борьбѣ и попросилъ красивую Гульдборгу не звать его по имени, пока онъ не выйдетъ побѣдителемъ. Онъ убилъ враговъ съ невообразимою легкостью, одного за другимъ, пока очередь не дошла до стараго отца; при видѣ послѣдняго, падающаго смертельно раненымъ отъ руки возлюбленнаго, Гульдборга не могла дольше воздержаться: «Рибольдъ!» воскликнула, «брось твой мечъ, пожалѣй моего стараго батьку!»—и въ тотъ моментъ, лишившись своей чудотворной силы, Рибольдъ падаетъ, умерщвленный младшимъ братомъ невѣсты *).

*) Почти тождественна съ содержаніемъ вышеизложенной пѣсни тема, обработанная въ извѣстной шотландской народной пѣснѣ: The Douglas Tragedy [cp. Border Minstrelsy, vol II, p. 214], въ которой Лордъ Дёгласъ играетъ роль Рибольда, и лэди Маргаретъ является похищенной, съ ея согласія, какъ Гульдборга. Она держитъ его коня, пока онъ дерется съ семью братьями и отцомъ.

She held his steed in her milk white hand,
And never shed one tear,

Въ этомъ фантастическомъ царствѣ, гдѣ прозаически дѣйствительное и лишь метафизически возможное слились въ одно восхитительное цѣлое, сообщеніе между любящими или ненавидящими другъ друга лицами продолжается и послѣ смерти. Такъ, страданія беззащитныхъ сиротъ вызываютъ нѣжную мать изъ загробнаго царства, и она, явившись ночью къ мачихѣ, угрожаетъ ей страшною местью, если она не измѣнитъ жестокаго обращенія съ невинными дѣтьми. Другой, умершій также, приходитъ на землю по ночамъ навѣщать свою возлюбленную, не переставшую грустить о немъ. Прощаясь съ ней, онъ умоляетъ ее не оплакивать его. «Каждая слеза твоя наполняетъ гробъ мой кровью, а отъ радости твоей цвѣтетъ онъ розами» *). Наконецъ, убитое лицо имѣетъ возможность не только вернуться для того, чтобы искать правосудія, но и одушевлять камни, дерево, цвѣты, струны, превращая ихъ въ орудія отмщенія, какъ видно изъ слѣдующей, весьма распространенной пѣсни **).

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка—
Жилъ да былъ король среди морей,
Онъ имѣлъ двухъ юныхъ дочерей.

***

Until that she saw her seven brother fa',
And her father hard fighting, who lov'd her so dear.

***

«O hold your hand, Lord William», she said,
«For your strokes they are wond'rous sair;
True lovers I can get many a one,
But a father I can never get mair».

***

O she's ta'en out her handkerchief,
It was o'the holland sae fine,
And aye she dighted her father's bloody wounds,
That were redder than the wine.

***

Lord William was dead lang ere midnight,
Lady Margaret lang ere day —
And all true lovers that go thegither,
May they have mair luck than they!

*) Болѣе естественна и не менѣе поэтична послѣдняя просьба умершаго шотландца Сандерза, обращенная къ возлюбленной Маргаретѣ, когда онъ возвращался къ гробу:

But plait a wand'o bonnie birk,
And lay it on my breast;
And shed a tear upon my grave,
And wish my saul gude rest.

Clerk Saunders. Cp. Border. Minstrelsy, vol II, p. 402.

**) Переводъ этотъ принадлежитъ перу Н. В. Берга и былъ напечатанъ въ Образцовыхъ произведеніяхъ сканд. поэзіи. Воронежъ, 1875.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка—
Вотъ однажды утромъ на зарѣ
Говорила такъ сестра сестрѣ:

***

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка—
Гей, сестра, послушай-ка, пойдемъ
Мы съ тобой по берегу вдвоемъ!

***

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка—
И была одна изъ нихъ какъ день *),
А другая какъ нѣмая тѣнь **).
Та пошла съ распущенной косой ***),
А другая съ думой роковой.
Какъ пришли, гдѣ берегъ въ море свисъ,
Тамъ она сестру столкнула внизъ.
И взмолилась та, борясь съ волной:
Помоги мнѣ, сжалься надо мной!
Ожерелье у меня есть тамъ,—
Какъ поможешь, я тебѣ отдамъ!
— Я и такъ носить его могу,
Но тебѣ, сестра, не помогу!
— Помоги мнѣ, помоги скорѣй,
И златымъ вѣнцомъ моимъ владѣй.
— Я и такъ носить его могу,
Но тебѣ, сестра, не помогу!
— Помоги! того, кого люблю,
Я тебѣ, сестрица, уступлю! ****)
— Я и такъ любить его могу,

---

*) т.-е. красивая.

**) т.-е. безобразная.

***) Каждый куплетъ начинается повтореніемъ двухъ первыхъ стиховъ, которыхъ я не привожу дальше.

****) По другой версіи она обѣщаетъ лишь помочь сестрѣ найти ей жениха; «дамъ тебѣ охотно все, что сама имѣю, а что до моего жениха, распоряжаться имъ не могу» (по рукописи г. Шретера изъ Торсгавна, цитиров. Мармье: Chants populaires du Nord Paris. 1842, pp. 75, 76). Эти мольбы о помощи выражены очень эффектно въ шотландской версіи:

O sister, sister reach your hand'!
(Binnorie, o Binnorie!)
And ya sall be heir o'half my land —
By the bonny mill-dams o'Binnorie
O sister, reach me but your glove!
(Binnorie, o Binnorie!)
And sweet William sall be your love' —
By the bonny mill dams o'Binnorie.

Такъ что и здѣсь она сестрѣ уступаетъ жениха. Ср. Allingham, Ballad Book, p. 132.

Но тебѣ, сестра, не помогу!
Рыбаки въ ночь по морю гребли
И въ волнахъ красавицу нашли.
Положили на берегъ морской
И покрыли мокрою травой.
Шелъ гусляръ и дѣву увидалъ,
Снѣжно-бѣлый трупъ ея онъ взялъ
И въ ея остынувшую грудь
Жизнь и голосъ захотѣлъ вдохнуть.
Онъ рукой искусною своей
Сдѣлалъ арфу чудную изъ ней.
Взялъ онъ обѣ нѣжныя руки
И изъ пальцевъ сдѣлалъ онъ колки.
Онъ обрѣзалъ пряди русыхъ косъ,
Сдѣлалъ струны изъ густыхъ волосъ.
Взялъ онъ арфу чудную свою
И пошелъ въ палаты къ королю.
Видитъ онъ: увѣнчана вѣнцомъ,
Тамъ сидитъ невѣста съ женихомъ.
Ты послушай пѣсню весь народъ,
Что̀ намъ арфа скажетъ, пропоетъ!
Въ первый разъ по струнамъ бьетъ пѣвецъ:
На невѣстѣ мой надѣтъ вѣнецъ!
И въ другой разъ онъ ударилъ въ нихъ:
Мой сидитъ съ невѣстою женихъ!
Грянулъ въ третій: старшая сестра
Столкнула съ берегу меня! *).
Въ воскресенье брачный былъ сговоръ,
Въ понедѣльникъ ставили костеръ;
И ее, когда костеръ зажгли,
На горячи кинули угли.

Окончимъ этотъ рядъ волшебныхъ пѣсенъ слѣдующимъ очаровательнымъ описаніемъ превращенія мачихой падчерицы-кралевны

---

*) По другому варіанту: «Первую пѣсвь сыграла арфа: и невѣста громко хохотала. При второй пѣснѣ—невѣсту увели изъ зала; и какъ она въ третій разъ звучала, она лежала мертвой въ ложѣ». Шотландская версія не сообщаетъ о послѣдствіяхъ обличеній арфы:

And sune the harp song loud and clear
(Binnorie, o Binnorie!)
Fareweel my father and mither dear!
By the bonny mill dams o'Binnorie.
And neist when the harp began to sing,
(Binnorie, o Binnorie!)
'Twas 'Fareweel sweetheart! said the string,
By the bonny mill-dams o'Binnorie.
And then as plain as plain could be,
(Binnorie, o Binnorie!)
'There sits my sister who drowned me
By the bonny mill-dams o'Binnorie!

въ соловья. Воспользуемся и здѣсь прекраснымъ переводомъ Н. В. Берга *).

Есть замокъ высокій и много на немъ
Построено каменныхъ башенъ;
И золотомъ краснымъ, и бѣлымъ сребромъ
Тотъ замокъ богато украшенъ.

***

И липа кудрявая въ замкѣ ростетъ,
Вершиной до неба доходитъ;
Подъ липой соловушка малый живетъ
И громкія пѣсни заводитъ.

***

И рыцарь однажды заѣхалъ туда,
Ночлега спокойнаго ищетъ.
Соловушку слышитъ и диву дался,
Что въ полночь соловушка свищетъ.

***

Пропой мнѣ, соловушка, пѣсню свою!
За пѣсенку эту въ замѣну
Я золотомъ крылья твои обовью
И перлами шейку одѣну.

***

Не грѣхъ-ли смѣяться тебѣ надо мной?
На что мнѣ твоя позолота!
Я птица лѣсная, о птицѣ лѣсной
Какая вамъ, людямъ, забота!

***

Когда не поможетъ тебѣ человѣкъ,
Что пѣсни за золото проситъ,—
Убьетъ тебя голодъ, и холодъ, и снѣгъ,
Что въ зиму дороги заноситъ.

***

Не страшенъ и холодъ, и снѣгъ для меня,
Что въ зиму заноситъ дороги,
И голодъ не страшенъ, а есть у меня
Другія печали-тревоги.

***

Въ долинѣ согласно и дружно бѣгутъ
Горами закрытыя рѣки;
Въ долинѣ два сердца согласно живутъ
И вѣрны другъ другу во-вѣки.

***

Я милаго друга по сердцу нашла
И нѣжно его полюбила,

*) Существуютъ, какъ и ко всѣмъ скандинавскимъ пѣснямъ, нѣсколько разныхъ версій. Та, которой воспользовался Н. В. Бергъ, имѣетъ на семь стиховъ болѣе, чѣмъ изданная Oehlenschläger'омъ. Стр. 105—107.

Но мачиха злая со мною жила
И съ другомъ меня разлучила.

***

Она извела человѣчью красу:
Мнѣ зелья дала тихомолкомъ,
И стала я малою птичкой въ лѣсу,
А братъ мой въ дубровушкѣ—волкомъ.

***

И крѣпкій зарокъ положила ему,
Что рыскать дотолѣ онъ станетъ,
Доколь человѣка не встрѣтитъ въ лѣсу
И въ сердце его не поранитъ.

***

И долго заклятье лежало на немъ;
Семь лѣтъ съ той поры миновало;
Разъ мачиха злая, забывъ обо всемъ,
Въ зеленой дубравѣ гуляла.

***

И, мачиху злую зачуявши, онъ
Вдругъ изъ лѣсу вышелъ густаго,
И сердце онъ вырвалъ изъ мачихи вонъ,
И сдѣлался молодцемъ снова.

***

А я все летаю соловушкой здѣсь,
Годъ цѣлый не знаю покою,
А пуще, какъ лѣсъ обезлиствѣетъ весь,
И холодно станетъ зимою.

***

Но Богъ милосердый могучъ и великъ:
Пятнадцать я весенъ молчала *),
Мнѣ нынче опять развязалъ Онъ языкъ,
Чтобъ Вамъ я про все разсказала.

***

Я въ замкѣ не зналась ни съ кѣмъ изъ людей,
И съ пѣсней моей соловьиной
Жила одиноко во міракѣ вѣтвей
Подъ липовой темной вершиной.

***

Послушай ты, малый Соловушка мой,
Тебѣ я гнѣздо приготовлю:
Ко мнѣ прилетай ты въ погоду зимой
Подъ теплую, вѣрную кровлю!

***

Спасибо Вамъ, рыцарь, на словѣ такомъ,
Но мачиха мнѣ наказала,
Покуда я въ замкѣ живу соловьемъ,
Чтобъ я никуда не летала.

***

*) Другая версія не даетъ опредѣленнаго числа: «много лѣтъ» находится у Oehlenschläger.

Задумалась птичка, сидитъ и глядитъ;
Вдругъ рыцарь проворной рукою
Хвать за ногу птичку,—изъ замка летитъ
И птичку увозитъ съ собою.

***

Домой пріѣзжаетъ, и окна, и дверь
Захлопнулъ—и птичку пускаетъ:
Предъ нимъ очутился невиданный звѣрь,
Какого нигдѣ не бываетъ.

***

Потомъ обернулось чудовище львомъ,
Потомъ ядовитой змѣею,
И къ рыцарю прямо съ разинутымъ ртомъ
Прыгнуло, гремя чешуею.

***

Но рыцарь ударилъ кинжаломъ своимъ,
И кровь побѣжала изъ змѣя,—
Красавица дѣва стоитъ передъ нимъ,
Какъ алая роза алѣя.

***

Заклятью и чарамъ волшебнымъ конецъ!
Свершилось великое чудо:
Скажи мнѣ, кто мать у тебя и отецъ,
И родомъ своимъ ты откуда?

***

Отецъ мой король Эфіопской земли,
И мать королева по крови,
А брата—злодѣи враги извели,
И волкомъ онъ рыскалъ въ дубровѣ.

***

Отецъ твой король въ Ѳеіопской землѣ,
И мать у тебя королева:
Ты будешь племянница милая мнѣ,
Моя свѣтлоокая дѣва!

***

И въ замкѣ веселье тогда началось,
И пиръ затѣвали великой:
Соловушку рыцарь съ собою привезъ,
Что жилъ подъ зеленою липой.

Громадное число народныхъ пѣсенъ Даніи, Норвегіи, Ферейрскихъ Острововъ и Швеціи принадлежитъ къ категоріи предыдущихъ: онѣ представляютъ ту поэтическую смѣсь христіанства и язычества, которая плѣняетъ еще даже тѣхъ, кто потерялъ вѣру въ обѣ религіи. На описываемое въ нихъ человѣчество вліяютъ двѣ разнородныя сверхъестественныя силы: единый Богъ и духи Его, съ одной стороны, и свергнутыя съ престола древнія божества съ ихъ слугами: вѣдьмами, кудесниками и т. п. съ другой стороны. Послѣдніе имѣютъ еще силу надъ людьми, но очень ограниченную, и то лишь съ раз-

рѣшенія истиннаго Бога, какъ сатана имѣлъ силу надъ Іовомъ. Но чувствуется, что вопреки всѣмъ ихъ стараніямъ, волшебствамъ и т. п. они не имѣютъ бо̀льшаго значенія, чѣмъ муха въ баснѣ. Есть, однако, не малое число и такихъ пѣсенъ, въ которыхъ сверхъестественный элементъ отсутствуетъ, въ которыхъ описываются происшествія, дѣйствительныя или выдуманныя, не выходящія изъ рамокъ обыденной жизни. Большинство этихъ произведеній принято называть историческими, хотя привести ихъ въ прямую связь съ какими-нибудь событіями, извѣстными міровой исторіи, во многихъ случаяхъ положительно невозможно. Изъ этого, однако, нельзя вывести заключенія, что онѣ ничѣмъ не заслуживаютъ названія историческихъ. Онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ времени и страны, которыя ихъ вызвали къ жизни; въ нихъ средніе вѣка отражаются съ такою поразительною ясностью, политическія, общественныя, религіозныя теченія времени описаны такими живыми красками, что нельзя не признать за ними высокаго историческаго достоинства. Онѣ срываютъ вѣками вытканное покрывало и даютъ намъ возможность познакомиться съ той странной общественной почвой, на которой процвѣтали знаменитые скальды, безъимянные поэты, кровожадные добряки, правдивые убійцы и благочестивые разбойники. Жизнь эта была, правда, дикая, грандіозная, полуварварская; но въ то же время она была облагорожена всѣми тѣми прекрасными качествами ума и сердца, которыя порождаются глубокимъ уваженіемъ къ женской чести и удальству. Обрѣтается нѣчто неуловимое въ этой своеобразной жизни, не поддающееся описанію, какъ не поддается описанію запахъ чайной розы, нѣчто положительно околдовывающее того, кто съ нимъ поближе познакомился.

Что касается пѣсенъ, дѣйствительно историческихъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова и принадлежащихъ преимущественно къ двѣнадцатому и тринадцатому столѣтіямъ, то онѣ содержатъ очень цѣнныя данныя для исторіи тѣхъ малоизвѣстныхъ странъ и временъ, данныя, которыя напрасно будемъ искать въ современныхъ хроникахъ и лѣтописяхъ, сочиненныхъ на латинскомъ языкѣ въ уединенныхъ монастыряхъ. Онѣ даютъ намъ трезвый, снисходительный взглядъ самого народа на разныя злобы дня, оцѣнку, основанную на дѣйствительности, не искаженную ни страстями, ни отсутствіемъ перспективы. Чуть какое нибудь событіе совершалось, оно, такъ сказать, немедленно отчеканивалось народной поэзіей, превращалось въ историческій медальонъ; и во всѣхъ подобныхъ медальонахъ, которые дошли до насъ, мы одинаково удивляемся отличному качеству матеріала и высокому искусству художниковъ. Бо̀льшее число этихъ историческихъ пѣсенъ находимъ мы на датскомъ языкѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ воспѣваютъ чисто шведскихъ героевъ или разсказываютъ чисто шведскія проис-

шествія и безъ сомнѣнія принадлежали первоначально къ специфически шведскому національному циклу; съ теченіемъ времени, однако, о нихъ позабылъ шведскій народъ, и онѣ дошли до насъ на датскомъ языкѣ. Изъ этого отнюдь нельзя заключить, что шведы менѣе охотно прибѣгали къ этой литературной формѣ, чѣмъ датчане. Въ этомъ отношеніи эти сосѣдніе народы мало чѣмъ различались другъ отъ друга. Между ними же и сѣверо-западными скандинавами замѣтна значительная разница въ стремленіяхъ: эти послѣдніе увлекались формой сагъ, въ которыхъ разсказываются важныя историческія событія, ихъ причины, связь между ними, ихъ неизбѣжныя послѣдствія для страны, съ строгимъ соблюденіемъ требованій исторіи. Все это излагалось сжато, эпически, объективно, безъ малѣйшаго намека на чувства поэта. Юго-восточные скандинавы, съ другой стороны, вовсе не пренебрегая историческою дѣйствительностью, подчиняютъ ее нуждамъ искусства, и, разсказывая факты, не скрываютъ отношеній къ нимъ самого художника—представителя народа.

И какъ ни кажется при первомъ взглядѣ страннымъ, но исторія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, этимъ выигрываетъ, вмѣсто того чтобы проигрывать. Дѣло въ томъ, что отдѣльные факты, насколько они дѣйствительно важны въ историческомъ отношеніи, обыкновенно намъ достаточно извѣстны по другимъ источникамъ; но чего никакіе другіе памятники намъ дать не могутъ, это—народное освѣщеніе фактовъ. И этотъ субъективный взглядъ мы находимъ въ самой привлекательной формѣ въ историческихъ пѣсняхъ, которыя были написаны, почти всѣ, тотчасъ же по совершеніи описываемыхъ событій и иногда исключительно съ цѣлью обнаружить эту лирическую сторону настолько, насколько считалось тогда возможнымъ. Факты во всемъ этомъ служатъ матеріаломъ, которымъ пользуется искусство лишь въ размѣрахъ, допускаемыхъ самой идеей, которую поэтъ берется проводить. Все то, что не входитъ въ эти рамки, не находитъ примѣненія, въ данномъ случаѣ отбрасывается.

Для насъ, слѣдовательно, эти пѣсни имѣютъ между прочимъ и то значеніе, которое имѣли бы для историка рисунки, попадающіеся на страницахъ древней рукописи и представляющіе намъ народъ давно минувшихъ временъ, одѣтый въ свои тогдашніе костюмы, занимающійся разными ремеслами и исполняющій главныя общественныя функціи забытаго вѣка.

Эти сѣверные герои, которыхъ воспѣваютъ народныя пѣсни, не мирные пастухи, живущіе на опушкѣ лѣса, не трудолюбивые купцы какъ новгородскій гость Садко,—это витязи безстрашные и жестокіе, дышащіе войною, ищущіе опасныхъ приключеній, но, при всемъ томъ, способные нѣжно любить, вѣрно служить отечеству, жертвовать собою

для друга, и, вообще, ставящіе честь—какъ тогда ее понимали—выше всего земного. Въ художественномъ отношеніи эти пѣсни оставляютъ многаго желать; мы бы тщетно искали въ нихъ тѣхъ тонкихъ штриховъ, которыхъ мы въ-правѣ требовать отъ болѣе сознательнаго искусства и которыми удовлетворяютъ самаго строгаго критика нѣкоторыя народныя произведенія современной Греціи. Но за-то сѣверные герои поражаютъ своею грандіозностью; ихъ можно сравнить съ колоссальными фигурами, высѣченными въ скалѣ на вѣчныя времена. Подобнымъ героемъ мы считаемъ датскаго рыцаря Марскъ-Стига, приключенія котораго описаны въ чисто датской пѣснѣ XIII-го столѣтія, обрисовывающей условія политической и общественной жизни того времени. Тогда уже загорѣлась борьба въ Даніи, какъ въ Англіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, между королевской властью и дворянствомъ, между представителями свободнаго рыцарства и королемъ, не опирающимся уже болѣе, какъ въ былыя времена, на дѣйствительномъ превосходствѣ передъ другими, а ссылающимся просто на божественное право, въ которое вѣрили лишь тѣ, кто не обладалъ силой его оспаривать. Этого помазанника Господа въ Даніи называли Эрикомъ; онъ, какъ и еврейскій царь Давидъ, нерѣдко злоупотреблялъ своимъ могуществомъ для достиженія самыхъ постыдныхъ цѣлей. Такъ, напр., подобно отцу Соломона, возгорѣвшему незаконною любовью къ Вирсавіи, женѣ Урія Хеттеянина, котораго онъ измѣннически послалъ на войну, датскій король полюбилъ молодую жену рыцаря Марскъ-Стига, или, какъ народъ его называетъ, Марстига. Пѣснь начинается съ того, что въ полночь Марстигъ вдругъ просыпается и разсказываетъ женѣ странный сонъ, который не предвѣщаетъ ничего добраго *). Жена всячески старается успокоить мужа, что ей удается не надолго, ибо вскорѣ является вѣстникъ отъ короля, призывающаго Марстига къ дѣятельной военной службѣ. Слѣдуя голосу долга, Марстигъ безъ тѣни подозрѣнія ввѣряетъ свою молодую жену царскому попеченію; а король коварно обѣщаетъ, что ей хуже не будетъ, чѣмъ еслибы мужъ при ней оставался, и удаливъ такимъ образомъ вѣрнаго рыцаря, не медля овладѣваетъ его женой. Смутные слухи о происшедшемъ доходятъ наконецъ и до Марстига, который тайкомъ возвращается домой. Войдя въ свой дворецъ, онъ пораженъ отсутствіемъ возлюбленной жены, которая всегда его такъ сердечно, такъ радостно встрѣчала. «Какъ это? недоумѣваетъ онъ, Фру Ингеборга не привѣтствуетъ меня?». Скоро однако онъ узнаетъ все. «Уѣзжая изъ страны, объясняетъ ему жена, ты меня

*) Сравн., напр., Oehlenschläger, стр. 179—186 или Cvend Grundtvig Danmarks Gamle Folkeviser, 3 Dels Heffe стр. 338—385.

оставилъ женой рыцаря, нынѣ же я — королева Даніи, что мнѣ вовсе не льститъ». Она проситъ его отмстить за оскорбленную честь. Марстигъ, порѣшивъ исполнить эту просьбу, напередъ торжественно объявляетъ свое рѣшеніе королю, который силится сперва задобрить его словами да обѣщаніями, а затѣмъ поколебать его угрозами. Но легче уклонить солнце отъ своего пути, чѣмъ отвратить Марстига отъ задуманнаго. Онъ привелъ свой планъ въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: однажды племянникъ Фру Ингеборги, по имени Ранильдъ, заманилъ короля охотиться и завлекъ его по окольнымъ дорогамъ въ дикія, уединенныя мѣста. Серебристые лучи взошедшаго мѣсяца падаютъ вдругъ на домъ вдали, и туда направляетъ свои шаги обреченный Эрикъ. Въ домѣ онъ встрѣчается съ красивой дѣвушкой, которую онъ горячо обнимаетъ: «Остаюсь у тебя, моя красавица, эту ночь проведу у тебя». На что та ему въ отвѣтъ: «Не отрицай этого, король Эрикъ! Ты вѣдь обманулъ Фру Ингеборгу. Не отрицай этого, король Эрикъ, многихъ и многихъ божественныхъ дѣвъ лишилъ ты чести, и потому предстоитъ тебѣ рано умереть». Король, который подобно многимъ другимъ древнимъ и новымъ монархамъ, былъ отцомъ если не всѣхъ своихъ подданныхъ, то весьма многихъ изъ нихъ, продолжаетъ уговаривать красавицу, обѣщая пожизненное вознагражденіе. «Берегись», предупреждаетъ она, исчезая изъ его рукъ, «берегись монашескихъ клобуковъ, ибо они скрываютъ проворныхъ героевъ». Исчезла красавица, погасъ свѣтъ, потухъ огонь, и король очутился въ глубокомъ мракѣ. По совѣту измѣнника Ранильда, онъ отправляется въ сосѣднюю деревню, Финдерупъ, гдѣ ему приходится пріютиться въ крытомъ гумнѣ. Тутъ уже ему приходятъ тревожныя мысли о Марстигѣ и его угрозахъ. «Запри», говоритъ онъ, «плотно дверь, тебѣ я поручаю свою жизнь». Но Ранильдъ его успокоиваетъ, и пока они еще разговариваютъ, внезапно являются монахи съ сѣрыми клобуками и приходятъ къ мѣсту, гдѣ лежитъ король. У двери стоятъ они съ мечами и копьями. «Встань, господинъ король Эрикъ: встань и выйди къ намъ!» Ранильдъ отвѣчаетъ, что короля Эрика нѣтъ, и покрывая его сѣномъ да соломой, коварно указываетъ молча на мѣсто, гдѣ король спрятался. «Послушай, ты, Ранильдъ Іонсонъ!» восклицаетъ несчастный монархъ, «если ты спасешь мою жизнь, то отдамъ я за тебя мою сестру — она будетъ твоей женой». Ничто однако не помогло: король получаетъ сорокъ шесть ранъ и умираетъ; Марстигъ же снимаетъ клобукъ и съ женой оставляетъ страну. Онъ потомъ переѣхалъ на островъ Гальмъ, по-

*) Съ этимъ собственно начинается новая пѣснь, называемая Eric Glippings Drab (Убійство Эрика-Глиппинга). Ср. Oehlenschläger Gamle danske Folkeviser, стр. 187—193.

строилъ тамъ дворецъ и оттуда совершалъ періодическіе набѣги на берега любимой отчизны, управляемой малолѣтнимъ сыномъ Эрика.

Эта, нѣсколько длинная, но образцовая пѣснь во многихъ отношеніяхъ интересна. Она служитъ, между прочимъ, наглядной иллюстраціей той характерной черты, которая отличаетъ исландскія саги отъ датско-шведскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ. Хотя матеріалы обработаны весьма объективно, хотя строго соблюдено единство дѣйствія, и живость разсказа доходитъ до драматичности, но лиризмъ тѣмъ не менѣе такъ и просвѣчиваетъ сквозь эпическое спокойствіе. Симпатія народа къ благородному Марстигу, оскорбленному королемъ— воплощеніемъ сластолюбія, даетъ себя чувствовать во всѣхъ стихахъ, имѣющихъ припѣвомъ слова: «Мой благородный Геръ Марстигъ, молодой Геръ Марстигъ». Это сочувствіе до того отдалено отъ всякой предвзятой тенденціи, демократической или монархической, что она простирается и на самого короля, когда бьетъ наконецъ и его смертный часъ. До того насъ отталкиваетъ обдуманная, хладнокровная измѣна Ранильда, сопоставленная съ дѣтскимъ довѣріемъ, выказываемымъ королемъ, что она немедленно вызываетъ реакцію, и забывая о всѣхъ его тяжкихъ грѣхахъ, мы невольно его оплакиваемъ, какъ мученика. Впослѣдствіе борьба Марстига съ наслѣдникомъ Эрика и набѣги его на датскіе берега страшно разоряютъ ни въ чемъ невиновныхъ крестьянъ, которые словами поэта намекаютъ на свою горькую участь съ такимъ же почти эпическимъ спокойствіемъ, съ какимъ описано оскорбленіе Марстига или трагическая смерть короля. Вотъ, напр., послѣднія строфы этого стихотворенія, развивающія вѣчную тему, изложенную Гораціемъ словами: quicquid delirant reges, plectuntur Achivi.

Могучіе дубы стоятъ въ лѣсу тѣнистомъ *);
Когда пролетный вихрь ихъ скрутитъ и согнетъ,
Упавшій богатырь надломится со свистомъ,
Березу и орѣхъ къ сырой землѣ пригнетъ.

***

Оплошности вождей, владыкъ и государей
Ложатся на народъ, какъ непосильный гнетъ,
Да сжалится Господь надъ участію парій,
Безпомощной толпѣ тепло и свѣтъ прольетъ.

Одна изъ самыхъ старинныхъ, чисто историческихъ пѣсенъ, принадлежащая къ XIII-му столѣтію, обрисовываетъ намъ портреты двухъ женщинъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на характеръ и царствованіе датскаго короля Вольдемара I: его любовницы Тове, или «Klein Tove», игравшей роль, нѣсколько напоминающую ту, которую играла Агнеса

*) Стихотворная форма этого перевода принадлежитъ г. М. К. Марченко.

Сорель при Карлѣ VII-мъ во Франціи, и законной жены Софьи, женщины въ высшей степени отталкивающей, жестокой, мстительной; до того она антипатична, что ея случайное положеніе законной жены подвергается дѣйствію ея пороковъ и дѣлается временно такъ же ненавистно, какъ она сама. Долго жившій съ Klein Tove, Вольдемаръ считаетъ благовременнымъ искать себѣ королеву. Его выборъ остановился на княгинѣ Софіи, въ сопровожденіи которой онъ является домой. Недовольный одобреніемъ собственнаго вкуса, онъ позвалъ къ себѣ Klein Tove и спросилъ ее, какъ она любитъ Софію. «Люблю ее какъ люблю сына своего родного; коня моего подарю ей, и буду ее величать королевой». Вольдемаръ также позвалъ Софію и спросилъ ее— какъ она любитъ Klein Tove;—вопросъ довольно наивный. Софія однако не оставляетъ ни тѣни сомнѣнія относительно своихъ чувствъ къ Klein Tove и отвѣчаетъ съ поразительною откровенностью: «Люблю ее, какъ свирѣпаго волка въ лѣсу». Вслѣдъ за тѣмъ она доказываетъ на дѣлѣ эту любовь: приглашаетъ Klein Tove войти въ ванную комнату, и когда та отказывается, велитъ ее потащить туда силой и, заключивъ ее въ комнатѣ, приказываетъ страшно натопить печку, такъ что Klein Tove умираетъ мученическою смертью *).

Какими бы недостатками ни страдали скандинавскія женщины, обрисованныя въ этихъ пѣсняхъ, нельзя не согласиться, что онѣ болѣе чѣмъ вознаграждены тѣми высокими достоинствами, которыя онѣ выказываютъ во всѣхъ превратностяхъ жизни. Нельзя имъ приписать тѣ исключительныя государственныя способности, того рѣдкаго политическаго смысла, которые характеризовали полумиѳическую Семирамиду въ древности, и Елизавету королеву Англіи или императрицу Екатерину II въ новыя времена. Съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что тогдашнія политическія условія не благопріятствовали проявленію на дѣлѣ подобныхъ качествъ, еслибы онѣ и существовали. Но смѣло можно утверждать, что мы не найдемъ въ женскихъ типахъ никакой другой страны столько истинно-благороднаго, въ то же время привлекательнаго, сколько мы видимъ въ скандинавскихъ женщинахъ, судя по портретамъ, обрисованнымъ самимъ народомъ. Душа ихъ была открыта самымъ великодушнымъ вдохновеніямъ. Привязанность ихъ сильнѣе смерти; и часто они возвращаются изъ загробнаго царства, чтобы навѣщать, защищать, ободрять оставленныхъ на землѣ мужей, обожателей, дѣтей. Обѣщаніе ихъ имѣетъ силу присяги: «сколько времени будешь ты меня ждать?»—спросилъ невѣсту женихъ, уѣзжая

*) Это—чисто датская пѣснь, но находится также въ сборникахъ шведскихъ, ферейрскихъ и исландскихъ пѣсенъ. Сравн. Danmarks Gamle Folkeviser udgivne af Svend Grundtvig 3 Dels I Hefte, стран. 20—53.

изъ страны искать приключеній: «Подожду пятнадцать лѣтъ» отвѣчаетъ она; и возвратившись по истеченіи этого срока, женихъ находитъ свою возлюбленную вѣрной, привязанной, нѣжной, какъ въ день отъѣзда. Также образцова и ихъ правдивость, даже когда она идетъ въ разрѣзъ съ самыми дорогими ихъ интересами. Рѣшительность характера, просвѣщенная предпріимчивость и чувство собственнаго достоинства въ нихъ гармонически соединяются съ очаровательной женственностью и поразительной нравственной чистотой. Вообще одушевляющія ихъ чувства, которыя служили пружинами ихъ жизненной дѣятельности, были возвышены до идеальности; воплощеніе ихъ въ дѣйствительности однако часто насъ разочаровываетъ вслѣдствіе громаднаго разстоянія между осуществленнымъ и задуманнымъ; но сквозь всѣ ихъ недостатки просвѣчиваетъ стремленіе къ идеаламъ. Были случаи, когда жена скандинавскаго витязя являлась на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ, подобно польской героинѣ Гражинѣ. Но это исключенія. Чаще всего она довольствуется менѣе выдающейся ролью подруги, совѣтницы, вдохновительницы.

Такъ, раньше чѣмъ предпринимать что-либо противъ оскорбившаго его короля Эрика, рыцарь Марстигъ проситъ у своей жены совѣта. Точно также и Нильсъ Эббесонъ совѣтуется съ своей женой въ самый критическій моментъ жизни, когда онъ еще обдумываетъ тотъ доблестный подвигъ, первымъ послѣдствіемъ котораго было освобожденіе отечества отъ невыносимаго гнета тиранна:

Быстро прилетѣлъ домой Нильсъ Эббесонъ;
До дворца доѣхавъ до роскошнаго,
Разсказалъ онъ все молодой женѣ,
Просилъ у ней совѣта добраго.

***

Ай же свѣтъ ты мой, жена любимая,
Что мнѣ скажешь ты, какой мнѣ дашь совѣтъ?
Объявилъ вчера мнѣ Гердъ, сердитый графъ,
Хочетъ гнать меня вонъ изъ отечества.

Изо всѣхъ скандинавскихъ женщинъ этой категоріи одной изъ самыхъ привлекательныхъ, самыхъ любимыхъ народомъ, является королева Дагмара, жена Вольдемара II [1202—1241], скромная, но благотворная дѣятельность которой восхваляется въ рядѣ трогательныхъ народныхъ пѣсенъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ помѣстить даже главныя изъ нихъ; а изъ одной нижеслѣдующей также невозможно составить себѣ понятіе объ образѣ этой королевы, какимъ онъ является въ пѣсняхъ, какъ судить о картинности и о природныхъ богатствахъ дремучаго лѣса по жалкой охапкѣ хвороста.

Смерть королевы Дагмары *).

1.
Въ Рибѣ давно королева слегла,
Въ Рингштатѣ ждали напрасно ее,
Ближнихъ сосѣдокъ она созвала,
Чтобы повѣдать имъ горе свое.

2.
„Пусть поспѣшатъ четырехъ или пять
Мудрыхъ и опытныхъ женъ ко мнѣ взять“.
Въ этомъ числѣ Катерина была,
Карла изъ Ривы родная сестра.

3.
Дверь отворилась, и Катя взошла,
Ей королева на встрѣчу встаетъ,
Ласково нѣжно ее обняла,
Рядомъ сажаетъ и руку даетъ.

4.
„Катя, ты можешь читать и писать?
Можешь болѣзнь ты мою отогнать?
Въ пурпуръ тебя я одѣну на-дняхъ
И на моихъ ты поѣдешь коняхъ“.

5.
Катя взялась-было книгу раскрыть,
Но не съумѣла совѣта добыть:
„Пусть нашъ Спаситель къ Тебѣ снизойдетъ.
Годы продолжитъ, здоровья пошлетъ!“

6.
Время не въ силахъ болѣзни помочь,
Жизнь становилась Дагмарѣ не въ мочь
„Видно судьбы не минуешь своей,
Пусть короля извѣстятъ поскорѣй“.

7.
„Властенъ надъ мною Господь въ небесахъ
Жизнь, какъ песокъ дотекаетъ въ часахъ.
Я объ одномъ лишь прошу и молю:
Шлите скорѣе гонца къ королю“.

8.
Конюхъ-подростокъ проворно бѣжитъ.
Конь ужъ осѣдланъ, дрожитъ и храпитъ;
Весь бѣлоснѣжный онъ смотритъ кругомъ
Гордо ступая въ уздѣ подъ сѣдломъ.

9.
Пажъ подбѣгаетъ, садится въ сѣдло;
Конь съ нетерпѣніемъ грызетъ удило,
Соколомъ взвился и быстро, вдали
Чуть показавшись, исчезнулъ въ пыли.

*) По просьбѣ моей г. М. К. Марченко любезно придалъ моему переводу эту поэтическую форму.

10.
Смотритъ печально король съ высоты,
Вдаль заглядѣлся, роятся мечты;
„Вижу я, скачетъ ко мнѣ въ попыхахъ
Пажъ мой любимый съ печалью въ чертахъ“.

11.
„Къ вамъ королева послала меня,
Видѣть васъ хочетъ скорѣй близъ себя;
Ей такъ боязно, что вы далеко!
Жить одиноко и ей не легко!“

12.
Чуетъ лихую невзгоду король;
Шахматы *) бросилъ; тоскливая боль
Въ душу запала, и сердце скребетъ!
„Боже! уже-ли Дагмара умретъ!“

13.
Быстро король выѣзжаетъ чуть свѣтъ.
Сотня служителей ѣхала вслѣдъ;
Вотъ уже Рибе и мостъ-исполинъ;
Лошадь въ истомѣ; король ужъ одинъ.

14.
Въ теремѣ плачутъ, ужъ близокъ конецъ.
Вотъ ужъ въѣзжаетъ король во дворецъ.
За руки Катю Дагмара взяла,
Тихо вздохнула, и къ Богу ушла.

15.
Дверь отворилась, король увидалъ,
Что безвозвратно ужъ онъ опоздалъ.
Больно ужасно вдругъ стало ему,
Катя, рыдая, шагнула къ нему.

16.
„Слушай, Владиміръ, нашъ Датскій король,
Ты подави въ себѣ жгучую боль!
Правда, Дагмара твоя умерла—
Сына она вѣдь тебѣ родила.

17.
„Всѣхъ въ этой залѣ прошу объ одномъ:
Будемъ молиться предъ нашимъ Творцомъ,
Чтобъ Онъ позволилъ Дагмарѣ моей
Слово мнѣ молвить, съ могилы своей“.

18.
Всѣ на колѣни склонились, молясь,
Всѣ помолились, смиренно крестясь,
Къ Богу молитва живая дошла;
Богъ милосерденъ: она ожила.

19.
Тихо Дагмара съ одра поднялась,
Алыми стали зрачки ея глазъ:

*) Въ оригиналѣ игра не опредѣляется. Онъ игралъ, по всей вѣроятности, въ игральныя кости.

„Милый король, ты зачѣмъ меня звалъ?
Тяжкимъ мнѣ міръ вашъ покинутый сталъ!“

20.

„Пусть не страшатся напрасно меня *)
Вѣдь никого не обидѣла я;
Разъ въ Воскресеніе—грѣха не таю—
Я засмотрѣлась на руку свою“.

21.

„Двѣ моихъ просьбы **) исполни, родной!
Первая просьба, король дорогой:
Всѣмъ безпріютнымъ покой удѣли
И съ заключенныхъ ты цѣпи сними!

22.

„Просьба вторая, чтобъ послѣ меня
Ты не женился бы слѣпо и зря,
Выборъ бы скорый тебя не увлекъ;
Знай Бернагирда—прегорькій цвѣтокъ.

23.

„Еслибъ я въ праздникъ—грѣха не таю—
Не засмотрѣлась на руку свою—
Въ небѣ безгрѣшной могла бъ я предстать,
Мнѣ не пришлось бы терпѣть и страдать.

24.

„Что же прибавить, король мой тебѣ?
Все я сказала на смертномъ одрѣ,
Ангелы Божьи меня уже ждутъ,
Въ горнія страны меня понесутъ.

25.

„Время настало; пора мнѣ летѣть,
Медлить нѣтъ силы; ужъ началъ звенѣть
Благовѣстъ въ небѣ; чиста, хороша
Ждетъ меня въ тихомъ эфирѣ душа“.

Изъ чисто шведскихъ народныхъ произведеній, относящихся къ этой эпохѣ, укажемъ лишь на одну историческую пѣснь, озаглавленную «Король Биргеръ и его братья» (Kong Birger og hans Brodre), дошедшую до насъ только въ датской обработкѣ. Тема—ненависть брата къ братьямъ—сама по себѣ не представляетъ ничего новаго въ христіанскомъ мірѣ; интересомъ своимъ она всецѣло обязана замѣчательному въ художественномъ отношеніи выполненію. Очень сожалѣемъ, что нельзя помѣстить ее въ цѣлости въ хорошемъ переводѣ. У короля Биргера два брата, съ которыми онъ никакъ не можетъ ладить. Они рѣшаются

*) Тѣни праведныхъ мертвыхъ, возвращающихся временно на землю, обыкновенно успокоиваютъ своихъ собесѣдниковъ при началѣ разговора словами: „Не страшитесь меня». Также поступаетъ и Геръ Мортонъ аф Фуглсангъ, обращаясь къ Фольмеру.

**) По другой версіи были три просьбы.

удалиться и искать приключеній заграницей, несмотря на мольбы и энергическія предупрежденія матери, не на шутку встревоженной зловѣщимъ сномъ. Отправляются братья и на дорогѣ встрѣчаются съ Бранкомъ, коварнымъ, вѣроломнымъ человѣкомъ. Бранкъ ихъ приглашаетъ почтить своимъ присутствіемъ пиръ, данный королевой, и тамъ на нихъ нападаютъ врасплохъ. Защищаютъ себя братья до предѣловъ возможности, пока столбы кровати, взятые ими какъ орудія защиты, не отказываются служить. Тогда одолѣваютъ ихъ и бросаютъ въ башню голода, гдѣ они страдаютъ хуже графа Уголино.

Сильному впечатлѣнію, производимому выразительной простотой этой пѣсни, не мало способствуетъ оригинальная внѣшняя форма, въ особенности же эхо-образное повтореніе предыдущаго стиха въ началѣ слѣдующаго *).

Другая датская пѣснь, состоящая изъ 74 стиховъ и замѣчательная болѣе въ историко-политическомъ отношеніи, чѣмъ въ художественномъ, описываетъ доблестный подвигъ рыцаря Нильсъ Еббесона, спасшаго датское королевство въ началѣ XIV столѣтія отъ несчетныхъ бѣдъ убійствомъ честолюбиваго графа Герда фонъ-Голстейнъ, задуманнымъ почти безъ надежды на успѣхъ и исполненнымъ несмотря на громадныя препятствія съ изумительнымъ геройствомъ **).

Тѣ многочисленныя пѣсни, которыя имѣютъ лишь посредственное историческое значеніе, описывая намъ неважныя происшествія вседневной жизни, но содержащія весьма драгоцѣнные очерки

---

*) Сравн. Schweitzer, Gesch. d. skand. Litteratur, стр. 74.

Возьмемъ для примѣра слѣдующія стихи описывающіе страданія братьевъ, ихъ просьбу о самой простой пищѣ и грубый отказъ Бранка или Бронка:

Lenger kunde vare
Denn Herre maatte nögen at Tornet fare.
De Herrer de lidde der nöd oc trang,
Aff Frost oc kuld aff Hungers tuang.

***

Nöd oc trang,
Aff Frost oc kuld, aff Hungers tuang.
„Wi giffue dig, Bronck, det Guld soa röd,
Du giff oss Vand oc det törre Bröd!"

***

„Det Guld saa röd,
Du giff oss Vand oc det törre Bröd"
„I fange hevicke i Suerigis Land
Enten Bröd eller en kald Drick Vand!"

Сравн. Danmarks Gamle Folkeviser udgivne af Svend Grundtvig, 3 Dels 2. Hefte стр. 467.

**) Oehlenschläger. Gamle danske Folkeviser, стр. 201—214.

тогдашнихъ нравовъ, вѣрованій, міросозерцанія, принято называть рыцарскими. Темами для этихъ художественныхъ произведеній народнаго творчества служили извѣстные всеобщіе мотивы: постоянство въ любви, надъ которымъ невластна сама смерть; поединки между двумя претендентами на руку красавицы; суровыя мѣры, принимаемыя мужемъ или братомъ противъ легковѣрной жены и сестры, поддавшейся соблазну; преданность религіознымъ ученіямъ, проявляющаяся даже послѣ смерти и заставляющая правовѣрнаго возвратиться на землю съ цѣлью исполнить долгъ, которымъ онъ пренебрегъ при жизни, и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ представляютъ особый для насъ интересъ, потому что онѣ содержатъ въ себѣ зародышъ скандинавской драмы, рѣзко отличающійся, по крайней мѣрѣ въ этомъ фазисѣ, отъ драматическихъ начатковъ другихъ европейскихъ народовъ. Причину этой разницы слѣдуетъ искать преимущественно, если не исключительно, въ вліяніи суроваго климата, накладывающаго запретъ на жизнь подъ открытымъ небомъ, гдѣ только возможны эти публичные споры, оживленные разговоры, культъ краснорѣчія и многія другія условія, благопріятствующія проявленію драматическаго искусства.

Люди, живущіе въ деревнѣ въ просторныхъ домахъ, удаленныхъ другъ отъ друга, пріучаются силой обстоятельствъ къ сидячей, самостоятельной жизни семейства. Города были малочисленны и находились на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, и пути сообщенія дѣлали переходъ отъ одного мѣста къ другому подвигомъ весьма опаснымъ. Въ подобныхъ условіяхъ мыслимо самостоятельное проявленіе лишь самыхъ первобытныхъ начатковъ драматическаго искусства. Полишинель или Арлекинъ замерзли бы въ попыткѣ переходить изъ дома въ домъ на этихъ безлюдныхъ пространствахъ или взбираться на обрывистыя горы, покрытыя въ теченіе полугода снѣгомъ и льдомъ. Потребность сообщаться съ согражданами побудила крестьянъ приходской общины, которые и такъ собирались разъ въ недѣлю для посѣщенія церкви, сходиться съ цѣлью коротать время. На этихъ сходкахъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающихъ великорусскія посидѣлки и малороссійскія вечерницы, разсказывались были и сказки, задавались загадки и пѣлись пѣсни при аккомпаниментѣ унылаго свиста полярнаго вѣтра и шелеста деревьевъ. Разсказы эти требовали, для усиленія дѣйствія на слушателей, перемѣны тона, смотря по мѣняющемуся характеру описываемаго событія или лица; другими словами, разсказчикъ усердно старался вникать въ духъ дѣйствующихъ лицъ, олицетворяя каждаго изъ нихъ поочередно и выражая тономъ, жестами, взглядомъ разнородныя ихъ чувства и побужденія, насколько это допускалъ родъ

декламируемаго произведенія. Мало-по-малу этому стремленію стали сознательно содѣйствовать сами поэты. Сперва слушатели ограничивались повтореніемъ одного или двухъ припѣвовъ послѣ двустишія или даже послѣ каждой строки; затѣмъ форма баллады приноровилась къ новымъ требованіямъ и состояла иногда изъ разговора между дѣйствующими лицами съ приплетенными объясненіями поэта или безъ всякаго прямого его вмѣшательства. Роли раздѣлялись между разными лицами; представленіе сопровождалось выразительными тѣлодвиженіями, танцами, музыкой. Эти полудраматическія произведенія принадлежатъ преимущественно Швеціи, гдѣ они получили названіе lek. Они обыкновенно очень коротки, и часто поражаютъ рѣдкимъ соединеніемъ простоты, изящества и драматической силы. Въ слѣдующей пѣсни разговариваютъ мать съ сыномъ, совершившимъ братоубійство.

1.

„Гдѣ, Свэнъ, ты такъ долго скитался *)?
Гдѣ, Свэнъ, пропадалъ?
Я въ стойлѣ, родная, остался,
Я въ стойлѣ все ждалъ.
Ждите долго меня; не вернусь никогда.

---

*) Поэтическая форма, въ которую облеченъ этотъ переводъ, какъ и всѣ послѣдующіе, за исключеніемъ переведенныхъ Бергомъ, принадлежитъ перу М. К. Марченко.

Существуетъ старинная шотландская съ этой почти тождественная пѣсня, которая предполагаетъ убійство отца сыномъ по наущенію матери и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ выше переведенная шведская версія. Она озаглавлена: Эдвардъ, Эдвардъ, и находится въ Percy's Reliques, ср. также Border Ballads. by Graham R. Tomson. p. 93.

1.

«Why does your brand sae drop wi' blude,
Edward, Edward?
Why does your brand sae drop wi' blude
And why sae sad gang ye, O?»

2.

O I hae killed my hawk sae gude,
Mither, mither;
O I hae killed my hawk sae gude.
And I hae nae mair but he, O.

3.

Your hawk's blude was never sae red,
Edward, Edward;
«Your hawk's blude was never sae red,
My dear son, I tell thee, O.»
O I hae killed my red-roan steed,
Mither, mither;
O I hae killed my red-roan steed,
That was sae fair and free, O.»

2.

Запятнана кровью, желанный,
Одежда твоя?
Лягнулъ меня въ хлѣвѣ буланый,
Родная моя.
Ждите долго меня; не вернусь никогда.

4.

Your steed was auld, and ye've plenty mair,
Edward, Edvard;
Your steed was auld, and ye've plenty mair;
Some ither dule ye dree, O.
«O I hae killed my father dear,
Mither, mither,
O I hae killed my father dear,
Alas! und wae is me, O!»

5.

And whatten penance will ye dree for that,
Edward, Edward?
Whatten penance will ye dree for that?
My dear son, now tell me, O.
I'll set my feet in yonder boat,
Mither, Mither;
I'll set my feet in yonder boat,
And I'll fare o'er the sea, O.»

6.

And what will ye do wi' your tow'rs and your ha'.
Edward, Edward?
And what will ye do wi' your tow'rs and your ha',
That were sae fair to see, O?»
I'll let them stand till they doun fa',
Mither, mither;
I'll let them stand till they doun fa'
For here never mair maun I be, O.»

7.

And what will ye leave to your bairns and your wife,
Edward, Edward?
And what will ye leave to your bairns and your wife,
When ye gang ower the sea, O?»
The warld's room: let them beg through life,
Mither, mither;
The warld's room; let them beg through life,
For them never mair will I see, O.»

8.

And what will ye leave to your ain mither dear,
Edward, Edward?
And what will ye leave to your ain mither dear,
My dear son, now tell me, O?»

3.

Въ крови и рубашка твоя-то,
Мой Свэнъ дорогой!
Зарѣзалъ я кровнаго брата
Своею рукой!
Ждите долго меня; не вернусь никогда.

4.

Куда же бѣжать тебѣ, милый,
Въ какія края?
Изъ этой страны опостылой
Укроюся я.
Ждите долго меня; не вернусь никогда.

5.

Когда жъ ты вернешься обратно?
Когда тебя ждать?
Когда побѣлѣетъ злой воронъ,
Родимая мать!
Ждите долго меня; не вернусь никогда.

Въ народной поэзіи всѣхъ странъ свѣта обманутая любовь служитъ излюбленной темой балладъ. Непреоборимо увлеченная и ослѣпленная своей страстью, не допускающей ни малѣйшаго сомнѣнія относительно честности и постоянства избраннаго человѣка, дѣвушка, не разсуждая, слѣдуетъ внушеніямъ собственнаго сердца и совѣтамъ жениха, и убѣгаетъ съ нимъ на чужбину. Покинутая впослѣдствіи, она умираетъ отъ тоски или довершаетъ трагедію самоубійствомъ, убивъ или простивъ заранѣе оскорбившаго ее, или же наконецъ падаетъ жертвой варварской жестокости брата, защитника поруганной чести. Слѣдующая шведская пѣсня интересна, какъ рѣдкій случай побѣды обманутой надъ обманщикомъ:

Наказаніе.

„Будь эти холмы золотые, а волны—янтарнымъ виномъ,
Я бъ съ радостью, смѣло ихъ отдалъ, чтобы стать твоимъ женихомъ".

***

„Но если меня полюбилъ ты, зачѣмъ не идешь ты къ отцу,
Не скажешь ему, что желаешь вести меня въ церковь къ вѣнцу?"

***

„Вчера я съ отцомъ повидался; вчера мнѣ отецъ отказалъ.
Но ты допытай свое сердце. Я смѣло съ тобой бы бѣжалъ!"

***

„Но если послушная сердцу съ тобой я покину страну,
Ты кинешь меня на чужбинѣ, оставишь безъ крова одну".

The curse of hell frae me sall ye bear,
Mither, mither;
The curse of hell frae me sall y'e bear:
Sic counsels ye gave to me, O!»

***

„Распятый Христосъ мнѣ свидѣтель, что вѣрность тебѣ обѣщалъ".
Бѣжали они на чужбину; другую невѣсту онъ взялъ.

***

Въ лицо ея бросивъ платокъ свой, сурово онъ вымолвилъ ей:
„Вотъ знай же какъ съ рыцаремъ-другомъ скитаться безъ брачныхъ цѣпей".

***

„Кручину свою переживши, хотѣла бъ я видѣть тебя
У отчаго дома безъ крова, такимъ же несчастнымъ какъ я".

***

„Прожить твое горе—пустое! Но знай: никогда не бывать,
Меня чтобы ты угнетеннымъ, несчастнымъ могла увидать!"

***

„Мнѣ служитъ сѣдло золотое, въ серебряныхъ блесткахъ узда;
Бездомнымъ, слѣпымъ и несчастнымъ не буду я, вѣрь, никогда".

***

Семь лѣтъ и семь дней промелькнуло, проклятье исполнилось такъ:
Къ дверямъ обездоленной дѣвы стучался несчастный бѣднякъ.

***

„Спѣшите, родимыя дѣти, скорѣй поддержите отца;
Его я влюбленныя ласки до самаго помню конца".

***

„Спѣшите, родимыя дѣти, дать хлѣба родному отцу,
Когда то сѣдло золотое ему такъ казалось къ лицу".

***

Въ лицо ему бросивъ платокъ свой, сорвалось невольно у ней:
„Вотъ знай же какъ съ рыцаремъ-другомъ скитаться безъ брачныхъ цѣпей"!

Цѣлый рядъ пѣсенъ имѣетъ религіозный характеръ, воспѣвая строгое соблюденіе не только христіанскихъ заповѣдей, но и тѣхъ чисто церковныхъ предписаній, которыя цѣлью имѣли исключительно благосостояніе духовенства. Слѣдующая баллада даетъ ясное понятіе о взглядахъ на дѣвичью непорочность.

***

На морскомъ прибрежьи дѣвушка гуляла,
Рыцаря-красавца какъ-то увидала.

***

Передъ ней браслеты цѣнные бросая,
Шепчетъ онъ ей тихо: полюби, родная!

***

Я пріемышъ бѣдный, что же мать мнѣ скажетъ,
Если мои руки вдругъ браслеты свяжутъ?

***

Скажешь, что нашла ихъ, что волной прибрежной,
Море на песокъ ихъ выбросило нѣжный.

***

Что же скажетъ мать мнѣ, если вдругъ замѣтитъ,
Что въ щекахъ румянецъ больше ужъ не свѣтитъ?

***

Ты отвѣтишь смѣло: вѣсть меня застала
На Балтійскомъ взморьѣ, что отца не стало.

***

Ты любить не хочешь; подружись со мною,
Разскажи всю правду; сядемъ здѣсь съ тобою.

***

Пѣтухи запѣли—я на свѣтъ рождалась,
А съ восходомъ солнца—мать моя скончалась.

***

Чуть въ землѣ холодной мать похоронили
По отцѣ умершемъ въ церкви зазвонили.

***

Въ черную могилу мы отца зарыли,
Звономъ погребальнымъ брата проводили.

***

Былъ зарытъ и братъ мой; насъ едва оставилъ—
По отцѣ умершемъ колоколъ ударилъ.

***

Всѣ они скончались. Стала сиротою
Я безъ крохи хлѣба съ горькою нуждою.

***

Живъ лишь младшій братъ былъ, къ матери пріемной
Онъ меня пристроилъ сиротой бездомной.

***

Съ матерью пріемной жизнь меня сроднила,
Золотомъ червоннымъ ткать она учила.

***

Ткать она учила золотымъ узоромъ,
Не затѣмъ, чтобъ быть мнѣ для страны позоромъ.

***

Мать мнѣ объяснила обиходъ домашній,
А не слушать вздоры и пустыя шашни.

***

Милая! Спасибо за отвѣтъ правдивый!
Знай, что ты сестра мнѣ! Я твой братъ ревнивый.

***

Еслибъ ты сдалася на соблазнъ нечестный,
Жизнь твою пресѣкъ бы сабли взмахъ отвѣтный.

***

Во дворцѣ богатомъ у царя мы служимъ,
Лучшій царедворецъ будетъ твоимъ мужемъ.

Изъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ Скандинавіи самой распространенной и по мнѣнію компетентныхъ критиковъ самой художественной слѣдуетъ считать Aksel Thorsen og skjön Valborg, состоящую изъ двухъ сотъ строфъ въ одной версіи и изъ ста строфъ въ другой. Тема—постоянство въ любви, въ теченіе многихъ лѣтъ, вопреки непреоборимымъ препятствіямъ, закрѣпленное наконецъ славной смертью съ

одной стороны и постриженіемъ въ монастырь съ другой. Въ виду невозможности привести эту трогательную и богатую содержаніемъ пѣсню цѣликомъ, отказываемся дать ошибочное о ней понятіе приведеніемъ отрывковъ.

Сатирическихъ пѣсенъ въ датско-норвежскомъ и особенно въ шведскомъ языкѣ не малое количество. Сатирическія стрѣлы большей частью были направлены противъ католическаго духовенства, мало-по-малу спустившагося съ того передоваго мѣста, которое оно не переставало занимать съ самаго введенія христіанства. Въ Скандинавіи, какъ и вездѣ, гдѣ церковь — союзница государства, духовенство позабыло о Богѣ и стало служить мамону; само ослѣпши, оно продолжало, ни мало не усумнясь, водить слѣпыхъ. Эта аномалія естественно бросалась въ глаза народу, который сперва добродушно насмѣхался надъ своими присяжными вождями, а затѣмъ, когда терпѣніе стало ему не въ моготу, гнѣвно возсталъ противъ духовенства, какъ одинъ человѣкъ, и окончательно стеръ его съ лица земли.

Насмѣшки эти дошли до насъ въ рядѣ такъ назыв. сатирическихъ пѣсенъ, которыя можно съ наслажденіемъ читать даже теперь, когда эти вопросы имѣютъ для насъ лишь историческое значеніе. Дѣло въ томъ, что сатира ихъ весьма мягкаго свойства, и одинаково рельефно характеризуетъ какъ тѣхъ, противъ которыхъ она употребляется, такъ и употреблявшихъ ее. Можно бы скорѣе ее назвать каррикатурой, чѣмъ ядовитой сатирой. Художественная каррикатура, не клеймитъ безжалостнымъ, негодующимъ позоромъ какъ это дѣлаетъ сатира, а вызываетъ смѣхъ и презрѣніе изображеніемъ въ сущности вѣрнаго портрета и преувеличеніемъ дѣйствительныхъ, но не общеизвѣстныхъ недостатковъ.

Было бы ошибочно полагать, что одно духовенство дало поводъ къ литературному примѣненію народнаго юмора. Дворянство, правительство, короли были также добродушно осмѣяны и, не теряя времени, приноровились къ новымъ условіямъ. Однимъ изъ самыхъ типичныхъ произведеній народнаго грубоватаго юмора считаютъ слѣдующую датско-норвежскую пѣсню, извѣстную подъ заглавіемъ Herr Lave og Herr Jon или просто Lage aa Jo *).

1.

Геръ Лаге служилъ во дворцѣ короля,
Мы знаемъ свое—
Четырнадцать мѣсяцевъ, годъ и два дня.
Два дня! сказалъ Ио.

*) Этотъ удачный переводъ принадлежитъ перу Н. В. Берга.

И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

2.

И Лаге для свадьбы вина наварилъ,
Мы знаемъ свое—
На свадьбу сосѣдей онъ всѣхъ пригласилъ—
Лишь не было Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

3.

И въ церковь невѣсту вѣнчать повели;
Мы знаемъ свое—
Богатое платье; коса до земли.
Пришли, сказалъ Ио.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

4.

Невѣсту поставили къ царскимъ дверямъ,
Мы знаемъ свое—
Дивятся невѣстѣ, дивится весь храмъ.
И впрямь, сказалъ Ио.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

5.

И Лаге повѣсилъ свой плащъ на стѣнѣ;
Мы знаемъ свое—
Даритъ по порядку онъ всѣмъ наравнѣ.
А мнѣ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

6.

И день они пляшутъ и пляшутъ другой.
Мы знаемъ свое—
Невѣста—къ кровати она ни ногой!
Постой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

7.

Три дня проплясали, и полно плясать.
Мы знаемъ свое—
Прекрасной невѣстѣ пора на кровать!
Пора! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Ио.

8.

Невѣсту—красавицу въ спальню ведутъ;
Мы знаемъ свое—
Тринадцать свѣчей за невѣстой несутъ—
Я тутъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Ио.

9.

Сажаютъ невѣсту на край на кровать,
Мы знаемъ свое—
И стали невѣсту они разувать.
Разуйте и Ио!
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

10.

Разули и спать уложили ее:
Мы знаемъ свое—
А съ нею тихонько ложится и Ио.
Я легъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

11.

И къ Лаге приходитъ ужасная вѣсть;
Мы знаемъ свое—
Ты слышишь, другой у невѣсты ужъ есть!
Да, есть! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

12.

И къ Лаге доносчикъ приходитъ другой.
Мы знаемъ свое—
И Лаге блѣднѣетъ и топнулъ ногой.
Ой! ой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

13.

И онъ постучался два раза и три.
Мы знаемъ свое—
Невѣста, невѣста, вставай, отвори!
Не ври! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

14.

И Лаге ударилъ мечемъ по стѣнѣ:
Мы знаемъ свое—
О Господи, даруй терпѣніе мнѣ!
И мнѣ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

15.

Вновь Лаге ударилъ и смѣло идетъ,
Мы знаемъ свое—
И по полу медъ расплескавшись течетъ.
Жаль медъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

16.

И Йо приподнялся и Лаге онъ—хвать,
Мы знаемъ свое—
И сильной рукою швырнулъ подъ кровать.
Лежать! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

17.

За что я такую обиду терплю?
Мы знаемъ свое—
Пойду и пожалуюсь я королю!
Люблю! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

18.

Король, предъ очами твоими стою:
Мы знаемъ свое—
Покорную выслушай просьбу мою!
Мою! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Ио.

19.

И всякой мнѣ муки и смерти больнѣй,
Мы знаемъ свое—
Что спалъ онъ сегодня съ невѣстой моей.
Ей, ей! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо,

20.

Вы любите оба, король говоритъ;
Мы знаемъ свое—
Кто больше, пускай поединокъ рѣшитъ!
И квитъ сказалъ Йо.
И пусть пропадаеть все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

21.

Коней осѣдлали, помчалися въ бой,
Мы знаемъ свое—
Конь Лаге споткнулся объ камень ногой.
Постой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

22.

Оправился Лаге и свѣсилъ копье,
Мы знаемъ свое—
Помчались и сильно ударилъ онъ Ио.
Ну, счастье твое!
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

23.

Но справился Йо—и опять понеслись.
Мы знаемъ свое—
И потомъ и кровью они облились,
Утрись! сказалъ Ио.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

24.

Въ четвертый помчались они наконецъ,
Мы знаемъ свое—
И Йо нобѣдитель, удалой боецъ!
Конецъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Ио.

25.

Красавица Ингеръ смотрѣла—ждала
Въ окошко свое.
Ахъ Лаге, онъ выбитъ копьемъ изъ сѣдла!
Иди ко мнѣ, Йо!
И пусть пропадаетъ все злато мое—
Пойду! сказалъ Йо.

Кромѣ народныхъ пѣсенъ никакихъ мало-мальски выдающихся народныхъ произведеній въ средніе вѣка не существуетъ въ датско-норвежской литературѣ, ибо все остальное, относящееся къ этой эпохѣ, носитъ иностранный отпечатокъ, и quasi—народныя легенды въ родѣ сказаній о Карлѣ Великомъ были переведены прямо съ нѣмецкаго языка. По образцу этихъ переводныхъ произведеній были написаны другія, чисто датскія, въ родѣ «Хроники въ стихахъ», въ которой описывается жизнь цѣлаго ряда датскихъ королей; тамъ каждый монархъ самъ разсказываетъ достопамятныя событія своего царствованія, не исключая фактовъ, имѣющихъ преимущественно личный интересъ, какъ напр., свою собственную смерть и похороны.

За этими и еще немногими исключеніями всѣ проявленія національнаго ума приходится искать между многочисленными обширными памятниками, громко свидѣтельствующими на мертвомъ языкѣ объ упадкѣ народнаго творчества. Долго послѣ реформаціи латинскій языкъ продолжалъ занимать то исключительное мѣсто литературнаго языка, которое онъ завоевалъ себѣ послѣ введенія христіанства, и этимъ задержалъ на продолжительное время естественное развитіе національной словесности. Къ этому неблагопріятному условію приходится еще прибавить крайне вредное въ этомъ отношеніе вліяніе сосѣдней Германіи, которое давало себя чувствовать во всѣхъ областяхъ тогдашней жизни, умственной, религіозной, политической и экономической.

Въ религіозной сферѣ нельзя считать это вліяніе исключительно

вреднымъ, потому что со времени торжественнаго признанія реформаціи народнымъ собраніемъ въ Копенгагенѣ въ 1536 г., начинается новая и болѣе свѣтлая эпоха въ литературѣ Скандинавіи вообще и въ датско-норвежской въ особенности. Необходимость для послѣдователей новой вѣры опираться на народъ, распространять въ немъ точныя свѣдѣнія о новомъ ученіи и здравые взгляды на суевѣрія старины, вызвала новыя условія и дала сильный толчекъ развитію скандинавскихъ языковъ. Но то, что выиграли языкъ, богословіе, общественная нравственность, потеряла, по крайней мѣрѣ на продолжительное время, словесность въ лучшемъ значеніи этого слова: прежнее богатство фантазіи исчезло, и даже на художественность формы смотрѣли, если не какъ на оскорбленіе истины, то по меньшей мѣрѣ, какъ на нѣчто совершенно излишнее.

Но за то въ это повидимому неплодотворное время была начата и успѣшно доведена до конца та громадная черная работа, безъ которой обширная литература немыслима: тогда именно создавался и усовершенствовался датскій языкъ, пріобрѣтая ту гибкость и выразительность, которыя впослѣдствіи насъ поражаютъ въ сочиненіяхъ Гольберга, Эленшлегера, Ибсона, Бьернстерна.

Львиная доля въ этомъ трудѣ досталась Христьерну Педерсену, начавшему свое поприще въ качествѣ католическаго каноника и продолжавшему его какъ ревнивый поборникъ новаго ученія. Педерсена можно справедливо назвать датскимъ Лютеромъ, ибо что сдѣлалъ нѣмецкій реформаторъ для литературы Германіи — трудно цѣнить эти заслуги слишкомъ высоко—совершилъ Педерсенъ для датской словесности и такимъ же точно образомъ. Кромѣ сборника ясно, краснорѣчиво написанныхъ проповѣдей для воскресныхъ и праздничныхъ дней и изданія датскихъ пословицъ, собранныхъ, вѣроятно, священникомъ или монахомъ (Педеръ Лалле), онъ перевелъ въ 1529 г. Новый Завѣтъ «для пользы простого народа», какъ самъ выражается. Двадцать одинъ годъ спустя, окончательно примкнувши къ новой вѣрѣ, онъ, если не одинъ, то при незначительной помощи нѣкоторыхъ единомышленниковъ, сопровождавшихъ короля (Христіана II) въ изгнаніе, перевелъ Священное Писаніе Ветхаго завѣта и этимъ положилъ основаніе ново-датской словесности. Дѣло, начатое Педерсеномъ, съ успѣхомъ продолжали братья Педеръ и Нильсъ Пладе (умершіе въ 1560 г.), изъ которыхъ первый издалъ такъ называемое Visitatsb'og — сборникъ нравоученій, сказанныхъ имъ во время осмотра своей епархіи. Этотъ сборникъ, весьма важный въ культурно-историческомъ отношеніи, имѣлъ выдающееся значеніе и для дѣла образованія и усовершенствованія датскаго языка. Но выше Пладе и всѣхъ его современниковъ, за исключеніемъ одного Педерсена,

справедливо считается Павелъ Эльесенъ, котораго можно бы назвать Эразмомъ Даніи (1480—1536). Отлично сознавшій всѣ недостатки католической церкви вообще и пороки датскаго духовенства въ особенности, онъ безбоязненно указывалъ на нихъ въ то время, когда о новомъ догматическомъ ученіи въ Даніи не было еще рѣчи, нападая на преступную лѣнь монаховъ, на невѣжество и корыстолюбіе священниковъ и на безнравственность сановниковъ церкви. Но, подобно Эразму, онъ отказался порвать всѣ сношенія съ церковью, и съ 1520 года, когда Лютеръ въ Виттенбергѣ сжегъ папскую буллу, Эльесенъ окончательно присталъ къ католической партіи и сталъ непримиримымъ врагомъ реформаціи. Его громадное вліяніе на соотечественниковъ нельзя измѣрять одними его сочиненіями, главными изъ которыхъ считается «Отвѣтъ на 12 богословскихъ вопросовъ» (1528) и полемическое письмо на имя Ганса Миккельсена, переводчика Новаго Завѣта.

Понятно, что это полемическое настроеніе умовъ, царствовавшее въ теченіе полустолѣтія на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ, было мало способно содѣйствовать проявленію поэтическаго вдохновенія, и не малое число произведеній, относящихся къ этому времени, которыя обыкновенно причисляются къ поэтическимъ, свидѣтельствують скорѣе о похвальныхъ попыткахъ культивировать высшія литературныя формы, чѣмъ о дѣйствительныхъ поэтическихъ дарованіяхъ. Для того, чтобы присоединиться къ восторженнымъ отзывамъ нѣкоторыхъ литературныхъ критиковъ о разныхъ переводахъ псалмовъ, о церковныхъ гимнахъ Мортенсена и Стена въ Даніи, Олауса Петри и Лаврентія Петри въ Швеціи и Эйнарсона въ Исландіи, и о другихъ видахъ религіозной лирической поэзіи, слѣдовало бы взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія, имѣющей мало общаго съ истинной литературой.

То же самое можно сказать и о сатирическихъ стихотвореніяхъ, направленныхъ противъ католической церкви и охарактеризованныхъ всѣми тѣми отличительными чертами настоящей безпощадной сатиры, которыхъ, какъ мы видѣли, недостаетъ произведеніямъ народной поэзіи. Изъ большого количества подобныхъ стихотвореній выдѣляется аллегорическая поэма о Правдѣ и Лжи, написанная Гансомъ Тавсеномъ, краснорѣчивымъ поборникомъ реформаціи, своимъ содержательнымъ, могущественнымъ языкомъ и высокой степенью религіознаго восторга, граничащаго съ истинной поэзіей. Между иностранными произведеніями, переведенными въ то время и принявшими скандинавскую физіономію, назовемъ поэму Рейнеке Фуксъ, переведенную съ нижненѣмецкаго нарѣчія и обще-европейскій Todtentanz, въ которомъ смерть открываетъ пляску съ папой римскимъ, императоромъ и кардиналами, вовсе не готовыми слѣдовать за ними, и беретъ наконецъ лю-

теранскаго пастора, охотно и весело отправляющагося на тотъ свѣтъ Оба эти произведенія очень долго были излюбленными народными книгами.

Также Германіи, по всей вѣроятности, Данія обязана своими такъ называемыми школьными комедіями, представляющими собою первый фазисъ драматическаго искусства въ Скандинавіи. Онѣ сочинялись или скорѣе переводились и представлялись въ школахъ и университетахъ и предназначались преимущественно для назиданія и увеселенія учащейся молодежи въ университетахъ и школахъ. Есть между ними мистеріи, есть аллегоріи и низкая комедія. Напрасно мы бы искали въ этихъ наивныхъ произведеніяхъ единства мѣста, времени или дѣйствія: онѣ въ этомъ отношеніи относятся къ позднѣйшимъ проявленіямъ драматическаго искусства, приблизительно такъ, какъ съ точки зрѣнія перспективы китайская жанровая картина относится къ Страшному Суду Рубенса или къ Фринѣ Семирадскаго. Съ другой стороны, вслѣдствіе странной смѣси назиданія и грубаго, неприличнаго балагурства, нелегко причислить ихъ къ какому-нибудь одному изъ признанныхъ видовъ драматическихъ произведеній. Изъ нихъ самымъ выдающимся не столько своими дѣйствительными достоинствами, сколько цѣлью, для которой онъ былъ очевидно написанъ, считается датскій Ludus de Sancto Canuto 1530-го года. Герцогъ Кнудъ былъ исторической личностью—національнымъ героемъ и святымъ; въ этой пьесѣ подчеркивается его значеніе, какъ представителя народа, и она тѣмъ именно интересна, что она — первая попытка создать національную датскую драму. Еще слѣдуетъ назвать три комедіи, приписываемыхъ Христьерну Гансену и написанныхъ въ 1531-мъ году. Изъ нихъ «Невѣрная хозяйка» (Den utro Hustru) заслуживаетъ вниманія какъ единственная датская комедія, принадлежащая къ излюбленной въ Германіи Fastnachtspiel и поэтому считающаяся переводомъ съ нѣмецкаго.

Пасторъ Ранхъ въ Выборгѣ безспорно самый выдающійся изъ драматурговъ того времени. Въ «Kong Salomons Hylding» и «Samsons Fœngsel» (заточеніе Самсона) замѣчателенъ пріемъ автора, введшаго въ нихъ народныя пѣсни, какъ составныя органическія части цѣлаго, и такимъ образомъ написавшаго первые образцы датской мелодрамы. Другой датскій драматургъ, Гансъ Стенъ (умершій въ 1604-мъ году), извѣстный какъ авторъ нравственно-аллегорической драмы (Поворотъ счастья), основанной на вышеупомянутомъ Todtentanz, стяжалъ себѣ также славу какъ поэтъ, написавшій большое количество церковныхъ гимновъ.

Обстоятельства, обусловившія медленное развитіе художественной литературы въ Швеціи, большей частью тождественны съ тѣми, которыя оказали подобное вліяніе на словесность датскаго народа Пре-

обладающій характеръ этой словесности тутъ и тамъ — религіозный; тутъ и тамъ въ теченіе продолжительнаго времени послѣ введенія лютеранства (окончательно укрѣпленнаго въ Швеціи лишь въ 1593 г.) латынь упорно удерживала свое прежнее мѣсто ученаго и литературнаго языка. Что бросается намъ въ глаза при близкомъ знакомствѣ съ шведской литературой въ эпоху реформаціи, — это, съ одной стороны, склонность шведовъ къ историческимъ занятіямъ, обусловленная отчасти особенными политическими причинами, и многосторонность ихъ литераторовъ, съ другой. Такъ напр., Олаусъ Петри, одна изъ самыхъ внушительныхъ фигуръ шведской исторіи, является намъ въ самыхъ разнородныхъ роляхъ, которыя можно себѣ представить. Сынъ кузнеца въ Эребро, онъ занимался вмѣстѣ съ своимъ братомъ подъ руководствомъ Лютера и Меланхтона въ Виттенбергѣ, гдѣ онъ получилъ магистерскую степень. Скоро послѣ этого мы видимъ его въ качествѣ каноника въ Стренгнесѣ, усердно распространяющаго новое ученіе и затѣмъ торжественно отлученнаго отъ церкви. Эти занятія и заботы повидимому не могли наполнить жизнь Олауса, ни исчерпать его изумительную энергію; онъ находилъ еще время отличиться въ исторической критикѣ, написать шведскую хронику и сочинить множество церковныхъ пѣсенъ, которыя высоко цѣнятся и понынѣ; онъ написалъ рядъ остроумныхъ богословскихъ сочиненій, между которыми выдается «Liten Postilla»; онъ занималъ отвѣтственный постъ канцлера короля Густава, которымъ онъ былъ присужденъ нѣсколько лѣтъ спустя къ смертной казни и затѣмъ помилованъ; на литургію онъ обратилъ свое вниманіе съ такимъ успѣхомъ, что его рѣшенія разныхъ сюда входящихъ вопросовъ, напечатанныя въ «Then Svenska Meszan», лежатъ въ основаніи литургическихъ порядковъ, соблюдающихся въ шведской церкви и въ настоящее время. Наконецъ онъ написалъ первую шведскую школьную комедію «Tobiae comedia» съ цѣлью, какъ онъ самъ говоритъ, «дать понять народнымъ массамъ, что именно требуется благонравіемъ и честной жизнью».

Библію перевелъ на шведскій языкъ раньше, чѣмъ она появилась на датскомъ языкѣ, братъ Олауса—Лаврентій Петри (1499—1573), который былъ назначенъ архіепископомъ въ 1531 г. и, какъ братъ, провелъ жизнь въ стараніяхъ укрѣпить лютеранство въ Швеціи. Его переводъ Библіи, какъ вообще всѣ подобные переводы, предпринятые въ то время, имѣетъ скорѣе историческое, чѣмъ филологическое значеніе, что покажется весьма естественнымъ, если припомнимъ, что онъ перевелъ Священное Писаніе не съ еврейскаго оригинала, а съ нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго Лютеромъ.

Въ группѣ шведскихъ историковъ въ родѣ Сварта, Гирса (1580—1639), короля Густава Адольфа и знаменитаго канцлера Акселя

Оксенстьерна (1583—1654), высокое мѣсто занимаетъ восторженный, но несчастный писатель Іоаннъ Мессеніусъ, сынъ мельника (1579—1637), жизнь котораго читается какъ неправдоподобный романъ съ трагической развязкой. Когда ему было шестнадцать лѣтъ, онъ былъ похищенъ іезуитами, желавшими подготовить ревностнаго и просвѣщеннаго апостола католической вѣры въ Швеціи. Окончивъ свое образованіе въ коллегіи іезуитовъ въ Бреунсбергѣ и удостоившись титула царскаго поэта, онъ вернулся на родину и былъ назначенъ профессоромъ законовѣдѣнія въ Упсалѣ, гдѣ онъ имѣлъ громадный успѣхъ между слушателями и возбудилъ противъ себя многихъ вліятельныхъ, но бездарныхъ лицъ. Обвиненный наконецъ въ томъ, что онъ велъ измѣннические переговоры съ непріятелемъ, онъ былъ присужденъ къ смертной казни; впослѣдствіи, изъ вниманія къ его рѣдкимъ ученымъ заслугамъ, приговоръ этотъ былъ замѣненъ пожизненнымъ заточеніемъ, въ теченіе котораго онъ продолжалъ свою научную дѣятельность, написавъ нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ сочиненій въ тюрьмѣ. Мессеніусъ составилъ себѣ очень высокое мнѣніе о важности своихъ занятій, на которыя онъ взиралъ какъ на религіозныя таинства, мнилѣ себя призваннымъ Провидѣніемъ для священнодѣйствія и убѣжденъ былъ, что съ этой цѣлью Господь удалилъ его отъ всѣхъ житейскихъ тревогъ, заключивъ его въ тюрьмѣ. Несмотря на это, онъ просилъ правительство, послѣ двадцатилѣтняго заключенія, даровать ему свободу, но раньше, чѣмъ прошеніе это было повергнуто обсужденію, смерть освободила его въ 1637 г. Главный историческій трудъ Мессеніуса озаглавленъ «Sconia illustrata» и представляетъ собою исторію Швеціи, написанную частью прозой, частью стихами; книга эта, не взирая на отсутствіе исторической критики, продолжаетъ служить важнымъ источникомъ для исторіи Швеціи въ XVI столѣтіи.

Мессеніусъ, неудовлетворенный успѣхомъ историка, добивался отличія и въ другихъ областяхъ литературы и задумалъ и написалъ цѣлый рядъ драматическихъ произведеній, которыя съ извѣстной точки зрѣнія заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что до него писались комедіи, ничѣмъ не отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя мы видѣли въ сосѣдней Даніи, и первая изъ которыхъ (Tobiae Comedia) имѣла своимъ авторомъ Олауса Петри. Это преимущественно библейскіе разсказы, очень осторожно переработанные, причемъ авторы не позволяли себѣ никакихъ существенныхъ отступленій отъ Священнаго Писанія. Мало-по-малу эти драматизированныя библейскія сцены замѣнялись пьесами на темы, заимствованныя изъ классической литературы Греціи и Рима, въ родѣ «Thisbe» написанной Астероферусомъ (умерш. 1647 г.), Troijenborgh Катоніуса, сюжетъ которой—разрушеніе Трои,

и т. п. Мессеніусъ далъ этому принципу болѣе широкое примѣненіе и воспользовался при составленіи своихъ драмъ историческими данными, приведенными въ Sconia illustrata. Сперва онъ возымѣлъ грандіозную мысль изобразить главные моменты шведской исторіи въ пятидесяти комедіяхъ и трагедіяхъ, изъ которыхъ онъ написалъ четыре, пока былъ на свободѣ, и двѣ въ заточеніи. Всѣ онѣ имѣютъ ту особенность, что онѣ очевидно написаны для народа, разсчитаны на его одобреніе, и поэтому содержатъ пѣсни, въ высшей степени сходныя съ народными пѣснями, и сцены, прямо взятыя изъ народной жизни. Если не принять въ соображеніе этихъ двухъ особенностей, представляющихъ собою безспорный шагъ впередъ, т.-е. стремленіе создать національную драму съ одной стороны и стараніе сдѣлать ее вполнѣ доступной народнымъ массамъ, съ другой, эти драматическія попытки Мессеніуса не заслуживаютъ особаго вниманія.

Еще слѣдуетъ упомянуть одного знаменитаго ученаго, Буреуса, игравшаго роль шведскаго Пика-де-ля-Мирандола, который близко интересовался всѣми вопросами научными и ненаучными и не пропускалъ случая высказаться обо всѣхъ и всемъ. Онъ важенъ для историка шведской словесности не многочисленными сочиненіями, канувшими давно въ заслуженное забвеніе, но тѣмъ сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на своего ученика, Густава Адольфа, и черезъ него на цѣлую литературную эпоху.

Въ Даніи, какъ въ Швеціи, только съ меньшимъ увлеченіемъ и большей объективностью стали заниматься національной исторіей. Король Фридрихъ II, желая поощрять эти занятія и наивно вѣря въ дѣйствительность и цѣлесообразность правительственной поддержки, основалъ должность придворнаго исторіографа въ 1553 г., на которомъ лежала обязанность писать всѣ свои труды по латыни. Ни одинъ изъ этихъ оффиціальныхъ представителей науки не содѣйствовалъ преуспѣянію исторіи или литературы въ такой степени, какъ придворный проповѣдникъ Ведель (1542—1616 г.), сдѣлавшійся извѣстнымъ отличнымъ переводомъ на датскій языкъ хроники Саксо (1575 г.) и взявшійся затѣмъ, по просьбѣ ученыхъ и порученію короля, продолжать ее до второй половины XVI столѣтія. Сознавая всю трудность этой задачи, онъ подготовлялся къ ней съ необычайной тщательностью и добросовѣстностью, собирая древніе памятники отовсюду, входя въ мельчайшія подробности важныхъ историческихъ событій и вообще изучая каждую эпоху со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе подобнаго отношенія къ дѣлу, работы его не могли двигаться впередъ съ желанной быстротой, и король нетерпѣливый и недовольный твердымъ намѣреніемъ Веделя издать весь трудъ на датскомъ языкѣ, отобралъ у него всѣ собранные документы и лишилъ его монаршей ми-

лости. Въ 1591 г. Ведель издалъ сборникъ, содержащій сотню народныхъ пѣсенъ среднихъ вѣковъ съ объясненіями, и приготовилъ другой меньшихъ размѣровъ сборникъ, который много лѣтъ послѣ его смерти издалъ Педеръ Сивъ.

Изъ немногочисленныхъ поэтовъ этой литературной эпохи обращаетъ на себя вниманіе Андеръ-Арребо (1587—1637), какъ своими не лишенными вдохновенія стихотвореніями, такъ и своими приключеніями. Благодаря учености и поэтическому дарованію, онъ былъ назначенъ епископомъ Дронтгейма, когда ему было всего тридцать лѣтъ отъ роду. Не смотря на возвышеніе на этотъ высокій санъ, онъ не счелъ себя обязаннымъ отречься отъ тѣхъ невинныхъ забавъ, которыя дозволяются мірянамъ, и нисколько не затруднялся на общественныхъ вечерахъ играть на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть собственныя веселыя пѣсни, напоминающія народныя пѣсни своими сюжетами и тономъ, и даже при случаѣ усердно плясать. Эти взгляды и поведеніе стоили ему не только архіерейскаго, но и священническаго сана и вскорѣ послѣ приведенія въ дѣйствіе этого незаслуженнаго наказанія, Арребо издалъ художественный переводъ псалмовъ Давида (1623), который, хотя и былъ написанъ на датскомъ языкѣ, тогда еще вовсе не тождественномъ съ норвежскимъ, тѣмъ не менѣе, пользовался такой безпримѣрной популярностью, что норвежскіе крестьяне учили его псалмы наизусть, пѣли ихъ въ церквахъ и считали ихъ автора своимъ національнымъ поэтомъ. Спустя нѣсколько времени ему дозволено было опять исправлять обязанности пастора, и ему удалось стяжать себѣ такую же вполнѣ заслуженную славу въ должности проповѣдника, какъ въ званіи поэта послѣ выхода въ свѣтъ его «Hexaemeron». Это—поэтическое описаніе сотворенія міра, въ которомъ авторъ то переводитъ обработывая, то перефразируетъ, то ставитъ себѣ образцомъ извѣстную французскую поэму Bartas «La première semaine».

Но самый выдающійся поэтъ Даніи въ XVII столѣтіи, Ѳома Кинго (1634—1703), сынъ бѣднаго ткача, былъ зеландцемъ, по происхожденію. Обширныя его познанія въ богословскихъ наукахъ рѣдкое краснорѣчіе доставили ему мѣсто сперва проповѣдника и впослѣдствіи епископа, а природа сдѣлала его поэтомъ. Онъ написалъ не мало стихотвореній различнаго содержанія, которыя высоко цѣнились его современниками и даже критиками болѣе требовательной эпохи, но онъ увѣковѣчилъ свое имя не ими, а церковными гимнами, которые превзошли, да и теперь еще превосходятъ, самыя художественныя произведенія этой категоріи, когда-либо появившіяся въ этой классической странѣ церковной поэзіи *).

*) Сборникъ этихъ гимновъ, озаглавленный aandelige Sjungehor (церковный хоръ) вышелъ въ двухъ частяхъ, первая въ 1674, а вторая семь лѣтъ спустя.

Слава самаго замѣчательнаго поэта Норвегіи въ этотъ далеко не поэтическій вѣкъ принадлежитъ Педеръ-Дассъ (1647—1708), отличавшемуся, какъ и Кинго, своими успѣхами, какъ проповѣдникъ въ сѣверной части Норвегіи. Величественную природу своего втораго отечества (онъ былъ родомъ шотландецъ) онъ описываетъ въ «Nordlands Trompet» съ такой чувствительностью къ прекрасному и возвышенному въ неодушевленной природѣ, такими живыми красками и съ такимъ заражающимъ восторгомъ, которые свойственны лишь немногимъ изъ оффиціально признанныхъ поэтовъ. Его очень любили норвежскіе крестьяне, которые и въ концѣ XIX столѣтія также хорошо знають и также высоко ставятъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Несмотря на это, Дассъ живетъ въ исторіи датско-норвежской литературы не какъ авторъ «Nordlands Trompet» и другихъ многочисленныхъ свѣтскихъ стихотвореній, а какъ авторъ церковныхъ пѣсенъ, которыя богатствомъ воображенія, теплотой чувства, классической формой и всѣми остальными признаками истинно-художественнаго творчества далеко уступаютъ гимнамъ Кинго.

Нѣкоторое вниманіе заслуживаетъ еще одна фигура въ галлереѣ литературныхъ портретовъ этого времени, замѣчательная тѣмъ, что она опередила Гольберга въ извѣстной области литературы: это Педеръ-Сивъ (отъ 1631—1702): филологъ, грамматикъ, критикъ, поэтъ, онъ былъ истинно энциклопедическимъ ученымъ.

Къ концу XVII столѣтія большая часть тѣхъ новыхъ плодотворныхъ идей, которыя лежали въ основаніи реформаціи, были уже осуществлены въ сферѣ религіозной, такъ что въ теченіи послѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ двухъ столѣтій пришлось внести въ нее разныя незначительныя видоизмѣненія; но за то въ другихъ сферахъ вліяніе этого мірового событія ничѣмъ себя еще не проявило. Ибо въ наукѣ все еще зіяла непроходимая пропасть между учеными и неучеными, какъ и въ литературѣ между образованными писателями и поэтами и простымъ народомъ. Писатели жили въ далекомъ прошломъ, народъ же въ настоящемъ, въ мірѣ дѣйствительности. До того мало общаго эти классы имѣли между собою, что идеи ихъ выражались на разныхъ языкахъ. Никто не имѣлъ доступа въ ряды литераторовъ безъ основательнаго знанія латинскаго языка, который былъ до того господствующимъ, что ученый Педеръ-Сивъ въ своей грамматикѣ датскаго языка, написанной на родномъ языкѣ, извиняется за то, что пишетъ по-датски и всякій разъ когда ему кажется необходимымъ выразиться съ особенной точностью, онъ прибѣгаетъ къ латинскимъ фразамъ и выраженіямъ. Затѣмъ всѣ области жизни представлялись въ то время авгіевыми конюшнями невѣжества, неискренности, предразсудковъ,

и безправія; въ религіи господствовали фарисейство и лицемѣріе; въ политической жизни—безсловесное повиновеніе власти, основанной на вопіющей неправдѣ и призывающей имя Бога всуе; въ общественныхъ отношеніяхъ пустые обряды, условныя приличія, присутствіе плодотворнаго народнаго единодушія; въ литературѣ высокопарность слога, соединенная съ пустотой содержанія, александрійскіе стихи, воспѣвающіе жалкія происшествія сѣрой мѣщанской жизни. Въ эти сухія кости вдохнулъ дуновеніе новой жизни норвежецъ Людовикъ Гольбергъ, изъ Бергена, который происхожденіемъ, воспитаніемъ, лишеніями и симпатіями всецѣло принадлежалъ простонародію, познаніями же, дарованіемъ, идеальными стремленіями завоевалъ себѣ мѣсто не только въ дворянствѣ Даніи, но и въ умственной аристократіи всего міра. Онъ нашелъ свое отечество окруженнымъ китайской стѣной, разобщеннымъ съ остальной Европой и, умирая, оставилъ его на ступени передовыхъ народовъ. Гольберга нельзя считать, какъ нѣкоторые это дѣлаютъ, безсмертнымъ геніемъ и ставить его рядомъ съ Данте, Шекспиромъ, Мольеромъ; болѣе естественно и сообразно съ историческими данными видѣть въ немъ выходящаго изъ ряда писателя, олицетвореніе древне-скандинавскаго грубаго, откровеннаго юмора, ясности ума, совмѣстимой съ нѣкоторой глубиной мысли, нравственною храбростью и любовью къ піонерскимъ работамъ. Подобно Вольтеру, онъ скорѣе уничтожалъ, чѣмъ создавалъ, хотя нельзя отрицать положительную сторону его дѣятельности; только она представляетъ собою не художественное творчество, а является скорѣе подражаніемъ, въ своеобразной разработкѣ идей, высказанныхъ другими. Гольбергъ былъ мѣткимъ сатирикомъ, хорошимъ драматургомъ, не дурнымъ историкомъ, но не былъ поэтомъ; не было въ немъ вдохновенія пророка. Въ исторіи скандинавской литературы онъ естественно играетъ выдающуюся роль; его заслуги въ дѣлѣ усовершенствованія датскаго языка неоцѣнимы. Въ домахъ образованныхъ датчанъ того времени также рѣдко раздавались звуки народнаго языка, какъ въ настоящее время въ домахъ образованныхъ малороссовъ. Въ Даніи существовала въ то время поговорка, что благовоспитанный датчанинъ обязанъ писать своимъ друзьямъ по-латыни, разговаривать съ дамами по-французски, звать своихъ собакъ по-нѣмецки и употреблять датскій языкъ лишь для грубой брани. Гольбергъ всему этому положилъ конецъ. Онъ сдѣлалъ датскій языкъ господствующимъ. Кромѣ того, онъ написалъ для своихъ соотечественниковъ, не имѣвшихъ до него словесности, цѣлую библіотеку, заключающую въ себѣ изслѣдованія по всѣмъ областямъ тогдашней науки, которыя находились на высотѣ общеевропейскаго уровня. Характерной чертой Гольберга является не оригинальность, которой ему вовсе недоставало, а много-

сторонность, отличавшая всѣхъ вообще писателей его вѣка и оказавшаяся въ данномъ случаѣ несравненно полезнѣе болѣе блестящихъ качествъ *). Обширный и геніальный умъ этого писателя легко усвоивалъ себѣ всѣ открытія и пріемы европейской науки; его самостоятельность развивала ихъ и давала имъ новыя примѣненія; изумительная способность уподобленія, которую такъ часто смѣшиваютъ съ творческой силой, облекала ихъ въ ту привлекательную форму, безъ которой они были бы лишены всякаго значенія для датскаго народа. Не взирая на всѣ свои недостатки, Гольбергъ былъ самымъ выдающимся литераторомъ Даніи и за исключеніемъ Вольтера, на котораго онъ во многихъ отношеніяхъ походилъ, онъ былъ самымъ крупнымъ писателемъ тогдашней Европы.

Людовикъ Гольбергъ родился въ Бергенѣ, въ Норвегіи, въ 1684 г. Его отецъ былъ офицеромъ и, предназначивъ его, младшаго изъ двѣнадцати дѣтей, въ военную службу, отдалъ его для приготовленія въ гимназію города Бергена. Послѣ смерти родителей, умершихъ, когда ему было лишь 10 лѣтъ, онъ былъ усыновленъ двоюроднымъ братомъ, который взялъ его къ себѣ въ горы и, видя его врожденную любовь и наклонность къ наукамъ, вскорѣ отослалъ его обратно въ Бергенъ, гдѣ онъ занимался изученіемъ богословія, философіи и языковъ до уничтоженія этого города пожаромъ въ 1702 г. Изъ Бергена Гольбергъ отправился въ Копенгагенъ, въ надеждѣ поступить въ университетъ, но, истощивъ свои незначительныя денежныя средства, онъ долженъ былъ снова возвратиться въ Норвегію, гдѣ получилъ мѣсто домашняго учителя въ домѣ деревенскаго пастора. Скопивъ тамъ немного денегъ, онъ поѣхалъ въ Копенгагенъ, сдалъ экзаменъ и, получивъ ученую степень, возвратился въ Бергенъ и занималъ мѣсто домашняго учителя въ образованномъ домѣ, гдѣ у него впервые проявилась любовь къ искусству. Наживъ въ этомъ домѣ 60 талеровъ, онъ отправился моремъ въ Голландію, но заболѣлъ дорогой и принужденъ былъ опять вернуться на родину, гдѣ онъ жилъ уроками французскаго языка, который зналъ плохо. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять покинулъ родину и доѣхалъ до Лондона и Оксфорда, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ снискивалъ себѣ пропитаніе уроками на скрипкѣ и флейтѣ. Видъ богатыхъ книгохранилищъ города Оксфорда вдохновилъ его и возбудилъ въ немъ желаніе завоевать себѣ почетное мѣсто между авторами, сочиненія которыхъ такъ тщательно сохранялись. По возвращеніи въ Копенгагенъ, Гольбергъ получилъ почетное, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоходное мѣсто доцента университета

*) Онъ былъ, между прочимъ, историкомъ, критикомъ, философомъ, поэтомъ, драматургомъ, богословомъ, директоромъ театра, законовѣдомъ, географомъ и филологомъ.

безъ жалованья, такъ что хотя онъ имѣлъ не мало слушателей, но никакой матеріальной пользы изъ этихъ занятій не извлекалъ; поэтому онъ очень обрадовался, когда ему сдѣлали предложеніе сопровождать богатаго юношу въ Дрезденъ, а на обратномъ пути онъ читалъ лекціи въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ Германіи. Затѣмъ Гольбергу пришлось опять долго томиться въ качествѣ домашняго учителя, пока онъ не получилъ мѣсто въ закрытомъ заведеніи въ Копенгагенѣ, гдѣ онъ имѣлъ возможность предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. Тутъ онъ написалъ первое сочиненіе: всеобщую исторію, которая была напечатана впослѣдствіи; онъ также написалъ двѣ монографіи о короляхъ Христіанѣ IV и Фридрихѣ III и, представивъ рукопись королю Фридриху IV, получилъ стипендію, сопряженную съ обязанностью усовершенствоваться путешествіями. Гольбергъ, подобно Оливеру Гольдсмиту, странствовалъ по всей Европѣ пѣшкомъ. Изъ Амстердама онъ отправился въ Роттердамъ, Антверпенъ, Брюссель и Парижъ; въ послѣднемъ городѣ, въ умственномъ центрѣ французской столицы, Гольбергъ пробылъ нѣкоторое время и пользовался публичными библіотеками; затѣмъ онъ отчасти пѣшкомъ, отчасти на конькахъ среди холодной зимы, продолжалъ свой путь до Марселя, а оттуда отправился въ Генную, Чивита-Веккію, Римъ, Флоренцію и вернулся въ Парижъ черезъ Аппенины и Альпы. Отдохнувъ въ этомъ городѣ нѣсколько недѣль, онъ продолжалъ свой путь пѣшкомъ, посѣтилъ Амстердамъ и Гамбургъ, откуда поѣхалъ моремъ въ Копенгагенъ, гдѣ онъ, послѣ еще двухъ лѣтъ крайней бѣдности, получилъ наконецъ (1718 г.) каѳедру метафизики въ университетѣ. Первая его лекція, какъ мѣтко замѣтилъ одинъ критикъ, походила на надгробную рѣчь метафизикѣ, которую Гольбергъ не особенно любилъ, да и первый его трудъ, изданный послѣ двухлѣтняго путешествія, не имѣетъ ничего общаго ни съ метафизикой, ни съ поэзіей. Это—трактатъ подъ заглавіемъ: «Естественное и народное право», въ которомъ Гольбергъ очевидно скромно подвизается по стезямъ знаменитыхъ Гроціуса, Пуфендорфа и др. Послѣ двухлѣтняго преподаванія метафизики, онъ былъ назначенъ профессоромъ латинскаго языка и краснорѣчія, послѣ чего онъ перешелъ (въ 1730 г.) натуральнѣйшимъ образомъ на каѳедру исторіи и географіи.

Полемическія выходки Гольберга |противъ законовѣда Гейера служили яснымъ доказательствомъ того, что онъ владѣетъ въ высшей степени даромъ ѣдкой, остроумной сатиры; но желая убѣдиться въ дѣйствительности этого таланта, онъ написалъ нѣсколько настоящихъ сатиръ, въ которыхъ онъ, очевидно для всѣхъ, тщательно подражаетъ Ювеналу; польщенный ихъ успѣхомъ, онъ взялся за исполненіе давно задуманнаго имъ комическаго эпоса, который вышелъ въ свѣтъ въ

1719 г., подъ заглавіемъ Педеръ Парсъ и псевдонимомъ Ганса Миккельсена, Каллунборгскаго пивовара. Это—комическое описаніе жизни и приключеній мѣщанина Педера Парса, олицетворяющаго въ себѣ датскій народъ первой половины XVIII столѣтія. Комическій элементъ этой сатиры проистекаетъ изъ двоякаго источника: во-первыхъ изъ контраста между ея пышной внѣшностью и мизернымъ содержаніемъ, между высокопарностью слога и прозаической пошлостью героя и его похожденій; съ этой точки зрѣнія Педеръ Парсъ—ничто иное какъ сатира на древнихъ эпическихъ поэтовъ Гомера и Виргилія, и ихъ смѣлыхъ, но презрѣнныхъ подражателей новаго времени; повидимому авторъ первоначально никакой другой цѣли не имѣлъ, но впослѣдствіи онъ расширилъ свой планъ и сдѣлалъ свою сатиру достояніемъ всеобщей литературы. Другой источникъ комизма это— освѣщеніе, въ которомъ выставляется тогдашняя жизнь: ветхозавѣтные взгляды на науку, литературу, искусство, дѣтскіе предразсудки, грубыя выходки людей всѣхъ слоевъ современнаго общества въ Даніи, судей, духовныхъ лицъ, ученыхъ, литераторовъ, чиновниковъ. Никто не былъ болѣе Гольберга компетентенъ, чтобы бросить яркій свѣтъ здраваго ума на весь этотъ устарѣлый міръ несообразностей, каждый уголокъ котораго былъ ему досконально извѣстенъ. Такъ, богослововъ онъ зналъ за «небесныхъ пословъ, уполномоченныхъ учить простыхъ смертныхъ церемоніямъ и формальностямъ, соблюдаемымъ приславшимъ ихъ дворомъ. Они даруютъ намъ право читать Священное Писаніе, съ тѣмъ, однако, чтобъ мы ничего въ немъ не находили, кромѣ того, что они сами въ немъ читаютъ». Въ ученыхъ онъ видѣлъ достойныхъ сожалѣнія людей, которые набиваютъ свои головы чужими мыслями до того, что своимъ собственнымъ нѣтъ въ нихъ мѣста. Философія представлялась ему въ видѣ сумбура самыхъ разнородныхъ и не связанныхъ понятій, еще болѣе помраченныхъ запутанностью изложенія. Датскій народъ, наконецъ, онъ раздѣлялъ на двѣ части, одна изъ которыхъ, презирая все датское, тратила всѣ свои силы въ погонѣ за чинами, титулами, благоволеніемъ начальства; другая же, угнетенная, презрѣнная, лишенная не только права на ученіе, но и права на плоды собственныхъ трудовъ, принужденная слѣпо повиноваться угнетителямъ, словно стадо мяснику.

Описаніе приключеній Педера Парса, который, отправляясь въ въ Ааргусъ посѣтить свою невѣсту, потерпѣлъ кораблекрушеніе на берегу острова Ангольта въ Каттегатѣ и испытываетъ впослѣдствіи не мало странныхъ превратностей счастія, даетъ Гольбергу возможность нарисовать цѣлую галлерею поразительно удачныхъ карикатурныхъ портретовъ современныхъ типовъ. Ни на выборъ, ни на исполненіе ихъ не имѣли вліянія личныя соображенія, и нельзя указать

ни одного извѣстнаго дѣятеля того времени, котораго бы Гольбергъ обдуманно осмѣялъ. Онъ поднималъ на смѣхъ типы, а отнюдь не личности. Но типы были до того твердо установлены, что всѣ ихъ существенныя черты оказались соединенными въ не маломъ количествѣ отдѣльныхъ лицъ, которыя приняли каррикатуры за собственные портреты и обидѣлись на поэта. Болѣе всѣхъ былъ озлобленъ Фридрихъ Ростгордъ, собственникъ острова Ангольта, который подалъ прошеніе на имя короля, прося его приказать, чтобъ книга была публично сожжена, а авторъ примѣрно наказанъ за несмѣтныя оскорбленія, нанесенныя имъ честнымъ обывателямъ острова, о которыхъ онъ между прочимъ писалъ, что они ведутъ истинно христіанскую жизнь, пропитывая себя кораблекрушеніями. Это прошеніе, которое покажется смѣшнымъ цивилизованнымъ людямъ XIX столѣтія, когда полиція лишена власти надъ литературой и поэтъ не страшится доносчика, легко бы могло имѣть печальный исходъ для неукротимаго Гольберга. Яковъ Вормъ, современникъ сатирика былъ вѣдь приговоренъ къ смертной казни за попавшія въ цѣль сатирическія стрѣлы, и только съ трудомъ его друзья добились отъ короля замѣны смертной казни пожизненнымъ заточеніемъ. Гольбергъ родился подъ болѣе счастливой звѣздой. Король потребовалъ книгу, прочелъ ее съ наслажденіемъ и замѣтилъ лишь, что было бы лучше, еслибъ она не была написана.

Педеръ Парсъ имѣлъ громадный успѣхъ: всѣ его читали съ наслажденіемъ, хотя въ началѣ не всѣмъ было ясно его истинное значеніе. До нашихъ дней онъ сохранилъ свое мѣсто и считается однимъ изъ лучшихъ произведеній датской литературы.

Но міровая слава Гольберга связана не столько съ сатирическими произведеніями, сколько съ комедіями, написанными имъ на скорую руку для удовлетворенія практическихъ требованій вновь открытаго датскаго театра въ Копенгагенѣ.

До появленія Гольбергскихъ комедій окончательно вышли изъ моды старинныя школьныя комедіи, написанныя для образованныхъ людей на латинскомъ языкѣ, и ихъ мѣсто заступили разныя нѣмецкія и французскія пьесы. Въ 1722 г. основанъ былъ первый датскій театръ, и въ день открытія былъ представленъ l'Avare Мольера въ датскомъ переводѣ, послѣ чего поручено было Гольбергу содѣйствовать успѣху новаго предпріятія сочиненіемъ оригинальныхъ датскихъ комедій. Онъ охотно согласился, и въ теченіе лишь немногихъ мѣсяцевъ появилось пять образцовыхъ комедій, которыя будутъ жить, пока просуществуетъ датская литература *). Несмотря на блиста-

*) Лучшая изъ этихъ комедій, первая: Den politiske Kandstöber (Котельникъ превращенный въ политикана).

тельный успѣхъ Гольберга, написавшаго въ весьма короткое время около двадцати комедій, театръ влачилъ жалкое существованіе и долженъ былъ, наконецъ, прекратить представленія. Для послѣдняго вечера Гольбергъ написалъ пьесу, озаглавленную «Похороны датской комедіи». Театральныя представленія надолго остановились. Дѣло въ томъ, что въ 1728 г., какъ зданіе театра, такъ и большая часть города Копенгагена были уничтожены пожаромъ. Два года спустя вошедшій на престолъ набожный король Христіанъ VI (1730—1746 г.) безусловно воспретилъ всякія театральныя увеселенія. Гольбергъ съ поразительною готовностью и способностью приноравливаться къ быстро мѣняющимся условіямъ, изъ комика преобразился въ очень серьезнаго ученаго и назидалъ своихъ современниковъ нѣкоторыми географическими и историческими сочиненіями. Такъ, въ 1729 г. онъ издалъ «Описаніе Даніи и Норвегіи», затѣмъ «Исторію всемірной церкви», «Исторію датскаго королевства», въ трехъ томахъ «Жизнеописанія знаменитыхъ людей», «Исторію евреевъ», «Нравственныя размышленія» и др. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ имѣли несомнѣнныя и значительныя достоинства; его «Исторія датскаго королевства» сдѣлалась авторитетной книгой, и даже въ настоящее время она служитъ незамѣнимымъ пособіемъ для нѣкоторыхъ эпохъ датской исторіи.

Но лавры историка не могли заставить Гольберга забыть о своемъ успѣхѣ на болѣе привлекательномъ поприщѣ. Не находя благоразумнымъ нарушить королевскій запретъ и писать новыя комедіи, онъ облекъ свою сатиру въ другую форму, писалъ ее на мертвомъ языкѣ и печаталъ ее на чужбинѣ. Въ Лейпцигѣ въ 1741 году вышелъ въ свѣтъ сатирико-философскій романъ на латинскомъ языкѣ, озаглавленный Nicolai Klimii iter subterraneum (Подземное путешествіе Николая Клима), который вскорѣ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и затѣмъ на датскій извѣстнымъ поэтомъ Баггесеномъ. Въ исторіи датской, да и вообще скандинавской литературы врядъ-ли можно указать на другое произведеніе, которое бы надѣлало столько шуму, такъ сильно взволновало бы общество, расшевеливая его до самыхъ низкихъ слоевъ. Въ ней описываются приключенія бергенскаго дьячка, Нильсъ Клима, попавшаго, благодаря простой случайности, въ подземное царство и наблюдавшаго тамъ множество чудныхъ народовъ и государствъ, престранные нравы, смѣшныя міросозерцанія и глупые обычаи, и изучившаго все это тѣмъ легче и основательнѣе, что онъ занималъ поочереди всевозможныя должности отъ скромнаго мѣста вѣстника до сана монарха. Подъ покрываломъ этой прозрачной, но полезной фикціи, Гольбергъ безпощадно осмѣиваетъ дикіе предразсудки и нелѣпые старозавѣтные порядки, которые, уцѣлѣвши съ незапа-

мятныхъ временъ, низводили до уровня стада тотъ самый народъ, который по принципамъ реформаціи считался компетентнымъ судьей претензій двухъ церквей, непогрѣшимымъ толкователемъ истиннаго смысла Свящ. Писанія. Широкое примѣненіе, данное Гольбергомъ въ области религіи критическому началу, освѣщенному, въ теоріи, лютеранствомъ, но осужденному на дѣлѣ лютеранскимъ духовенствомъ, и рѣшимость, съ которой онъ смелъ всю умственную паутину, затемнявшую свѣтъ истины, возбудила противъ него страшную ненависть духовенства.

Послѣ смерти Христіана VI, въ 1748 г., снова открылся датскій театръ, и Гольбергъ былъ приглашенъ въ качествѣ директора. Онъ недолго, однако, занималъ это отвѣтственное мѣсто: его годы, плохое здоровье и другія заботы заставили его подать въ отставку, но лишь послѣ того какъ онъ написалъ цѣлый рядъ новыхъ комедій, и такимъ образомъ довелъ общій итогъ своихъ пьесъ до тридцати четырехъ. Послѣднія комедіи не имѣли и не заслуживали громаднаго успѣха первыхъ; въ нихъ рельефно отражаются потеря свѣжести и ослабленіе умственныхъ силъ автора, который скоро затѣмъ издалъ собраніе писемъ (четыре тома), трактующихъ обо всемъ и не лишенныхъ извѣстнаго интереса для исторіи культуры того времени.

Награда за всѣ его неоцѣнимыя услуги, сочувствіе и поддержка въ жестокой борьбѣ за правду, достались ему лишь на закатѣ жизни: въ 1747 г. Гольбергъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство и въ 1754 г. онъ скончался.

Гольбергъ былъ безспорно крупнѣйшей фигурой литературной галлереи Скандинавіи. То, что онъ самъ совершилъ для отечественной словесности, и то что другіе сдѣлали, благодаря данному имъ толчку, не поддается точному анализу. Онъ довершилъ дѣло реформаціи въ Даніи, примѣняя принципъ критическаго изслѣдованія въ областяхъ литературной, политической, общественной; онъ значительно опередилъ свой вѣкъ, высказывая взгляды до того передовые, что они показались бы фантастическими даже многимъ дѣятелямъ французской революціи. Такъ, напр., онъ былъ горячимъ защитникомъ равноправности женщинъ и неоднократно излагалъ свой взглядъ на этотъ предметъ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Его любовь къ ближнему, независимая отъ религіозныхъ и общественныхъ ярлыковъ, его истинное и благотворное сочувствіе къ страждущимъ людямъ, его твердая вѣра въ человѣчество, достойныя черты пророка XX-го столѣтія, поражаютъ насъ въ датскомъ драматургѣ XVIII-го вѣка. Эти качества чувствуются во всѣхъ его произведеніяхъ, но нигдѣ не выступаютъ такъ рельефно какъ въ комедіи Ieppe paa Bjerget, герой которой— простой крестьянинъ. Онъ угнетенъ до предѣловъ человѣческой вы-

носливости варварскими порядками, называемыми законами, и одушевляющая его божественная искра, которая при другихъ условіяхъ, въ другой странѣ преобразовала бы его въ Мильтона, въ Рембрандта, въ Монтескье, почти что заглохла. Юморъ Стерна и остроуміе Вольтера, которыми изобилуетъ эта образцовая пьеса, основаны на плачѣ Іереміи, и сквозь стихотворную комедію просвѣчиваетъ раздирающая душу трагедія.

Заслуги Гольберга слишкомъ велики, для того, чтобы, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые датскіе критики, приписать ему тѣ, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ. Насъ поражаетъ въ немъ ширина скорѣе, чѣмъ глубина ума; многосторонность скорѣе, чѣмъ совершенство; обладаніе въ высшей степени тѣмъ, что Кантъ называетъ умомъ скорѣе чѣмъ разумомъ; онъ былъ большой талантъ, благородный человѣкъ, но не великій художникъ. Онъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ оригиналенъ: онъ владѣлъ оригинальностью, которая перерабатываетъ, уподобляетъ, преобразовываетъ, но не той, которая одна создаетъ. Работая съ успѣхомъ во многихъ областяхъ, ни въ одной онъ не явился піонеромъ. Вездѣ онъ имѣлъ предшественниковъ, проводниковъ. Его естественное и народное право было подражаніемъ сочиненіямъ Гроціуса и Пуфендорфа; маленькія сатиры мѣстами кажутся буквальнымъ переводомъ Ювенала; жизнеописанія знаменитыхъ людей напоминаютъ по заглавію, плану и исполненію безсмертный трудъ Плутарха; Педеръ Парсъ поражаетъ насъ не случайнымъ сходствомъ съ Lutrin Буало, комедія «Плутусъ» очевидно была написана подъ сильнымъ вліяніемъ Аристофана; Нильсъ Климъ носитъ на себѣ явный отпечатокъ своего сродства съ путешествіемъ Гулливера, и «Комната родильницы» вызываетъ воспоминанія объ «Отважномъ волокитѣ» (Le Galant Téméraire) француза Бурсо.

Но Гольбергъ былъ образцовымъ, можно даже сказать, геніальнымъ подражателемъ, который заимствовалъ лишь существенное, общіе пріемы, обращая мало вниманія на технику и во всемъ пренебрегая внѣшнимъ и случайнымъ. Онъ не принадлежалъ ни одной школѣ, а бралъ у всѣхъ древнихъ и новыхъ все то, что было одобрено его собственнымъ критическимъ чутьемъ и освѣщено успѣхомъ. Какъ драматургъ, онъ учился у классиковъ, у Герарди и итальянцевъ, у Мольера, Детуша, Грессе, и до того отражалъ различныя драматическія теченія своего времени, что было бы легко на основаніи однѣхъ его комедій набросать эскизъ главныхъ моментовъ исторіи комедіи въ Европѣ отъ Мольера до автора «Женитьбы Фигаро». Такъ, напр., мы видимъ въ нихъ тщательное изученіе человѣческаго характера съ цѣлью сосредоточить интересъ пьесы на воспроизведеніи его въ чисто каррикатурномъ видѣ — пріемъ не со-

всѣмъ безъизвѣстный древнимъ классикамъ—Плавту и пр., но удостоенный подобающаго ему мѣста лишь въ англійской и испанской комедіи возрожденія, и доведенный наконецъ до незыблимаго принципа истиннаго искусства въ произведеніяхъ Мольера. Находимъ также въ комедіяхъ Гольберга то, чего тщетно стали бы искать въ испанской комедіи возрожденія — единство характеровъ, выражающееся въ томъ, что одна только страсть, одинъ порокъ бичуется, одно его олицетвореніе создается, ставится подъ увеличительное стекло каррикатуры и предается общему посмѣянію. Эти особенности комедій Гольберга достаточно ясно говорятъ о силѣ вліянія Мольера на датскаго драматурга, но не только эти особенности, а также и та нравственная оправа, которую оба драматурга заранѣе готовятъ для своихъ сюжетовъ. Подобно дѣйствующимъ лицамъ въ аллегорическихъ драмахъ среднихъ вѣковъ, Мольеровскіе и нерѣдко Гольберговскіе герои не что иное, какъ олицетворенныя нравственныя качества. Это вліяніе, однако, было строго ограничено, и Мольеровскія пьесы отличаются отъ Гольберговскихъ столько подвижностью и жизненностью дѣйствующихъ лицъ, сколько однообразнымъ способомъ руководить дѣйствіемъ и приготовлять развязку сообразно заранѣе обдуманному плану, въ которомъ никакого мѣста не отведено чистымъ случайностямъ.

Рѣдкій подражатель былъ одаренъ въ такой степени, какъ Гольбергъ, талантомъ усвоивать себѣ самыя характерныя черты своихъ образцовъ, не жертвуя при этомъ своими собственными, и изумительная его способность воспроизводить мастерски уже воспроизведенные типы, не упуская ни одной существенной особенности ихъ и придавая имъ совершенно новую физіономію, уступаетъ лишь высшему художественному творчеству. Иногда онъ осмѣиваетъ пороки и обычаи, неизвѣстные внѣ своего общества (въ «Комнатѣ Родильницы», напр., издѣвается надъ обременительнымъ для родильницы обычаемъ немедленно послѣ родовъ принимать цѣлую вереницу посѣтительницъ, потчивая ихъ, разговаривая, споря и ссорясь съ ними съ явнымъ ущербомъ для здоровья), обыкновенно же страсти и пороки, общіе людямъ всѣхъ странъ и временъ, но въ послѣднемъ случаѣ не менѣе, чѣмъ въ первомъ, онъ остается на чисто датской почвѣ, и нельзя было бы потребовать лучшаго доказательства оригинальности Гольберга, чѣмъ то обстоятельство, что «Котельникъ политиканъ» былъ переведенъ по французски и имѣлъ громадный успѣхъ въ Парижѣ, хотя тамъ не было извѣстно, кто его написалъ.

Вліяніе Гольберга на своихъ современниковъ и преемниковъ, какъ литератора, было неизмѣримо глубоко; какъ драматургъ же, онъ школы не создалъ, учениковъ не приготовилъ, подражателей серьезныхъ не имѣлъ.

Между современными литераторами весьма немногіе пострадали отъ близости такой богатырской фигуры, какъ Гольбергъ: въ самую бѣдную литературными дѣятелями эпоху слава ихъ не выходила бы изъ предѣловъ отечества. Филологи, какъ Фальстеръ (1690—1752 г.), авторъ нѣкоторыхъ довольно ѣдкихъ сатиръ, стихотворцы въ родѣ Студа (1705—1758 г.) и Вадскэра, извѣстнаго своими духовными пѣснями; историки какъ Лангебекъ (1710—1775 г.) и Сумъ, авторъ исторіи Даніи въ 14 томахъ, усердно работали и оказали посильное содѣйствіе преуспѣянію народнаго просвѣщенія, но они важны лишь какъ звенья въ цѣпи литературныхъ преданій. Очень важное значеніе, съ этой точки зрѣнія, имѣло для умственнаго развитія датскаго народа основаніе періодическаго изданія «Den danske spectator» (1754 г.) представляющаго собою подражаніе англійскому «Зрителю» и преслѣдующаго тождественныя цѣли. Девятью годами раньше учреждено было плодотворное во многихъ отношеніяхъ «королевское общество отечественной исторіи и языка».

Не мало времени, силъ и таланта было непроизводительно потрачено въ такъ называемую «Эпоху Просвѣщенія» (съ 1750—1800 г.) на ожесточенную борьбу между правовѣріемъ и раціоналистическими стремленіями въ религіозной области и между существовавшимъ тогда правительственнымъ порядкомъ и революціонными идеалами въ политической сферѣ; весьма даровитые люди, способные бороться съ невѣжествомъ и предразсудками и создать общими силами нѣчто монументальное, истощали свою энергію въ злостныхъ попыткахъ вредить другъ другу, низводя искусство до уровня оружія политической или личной вражды. Между страдавшими въ этой недостойной образованныхъ людей борьбѣ высокое мѣсто занимаютъ сатирикъ Гейбергъ, также авторъ нѣсколькихъ недурныхъ комедій, и знаменитый Мальте Брунъ, поэтъ, либералъ, географъ, — оба умершіе изгнанниками въ чужбинѣ.

Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ людей, образованнѣйшихъ литераторовъ и симпатичныхъ поэтовъ этой эпохи былъ Иванъ Эвальдъ, жизнь котораго выткана изъ такихъ романическо-трагическихъ эпизодовъ, какіе въ прежнія времена выпадали на долю лишь преслѣдуемыхъ неумолимымъ рокомъ и проклятыхъ волшебницами. Поэзія завладѣла имъ, какъ болѣзнь или одержаніе бѣсомъ, не давая ему ни покоя, ни счастія. Посланный въ школу съ самаго нѣжнаго возраста, онъ очень неохотно выносилъ ту строгую дисциплину, которая была въ ходу въ то время въ Даніи. Однажды, когда ему было отъ роду двѣнадцать лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ дома съ намѣреніемъ скитаться по морямъ въ надеждѣ попасть на необитаемый островъ и жить тамъ, какъ Робинсонъ Крузо. При началѣ семилѣтней войны онъ возгорѣлъ жела-

ніемъ употребить избытокъ силъ на попытку пріобрѣсть себѣ славу и безсмертіе. Въ надеждѣ убѣдить мать опредѣлить его въ кадетскій корпусъ, онъ написалъ ей письмо, въ которомъ подробно разсказываетъ о появленіи ему ангела господня съ перомъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой; ангелъ предложилъ ему сдѣлать выборъ между ними и окинулъ его ужасающимъ взглядомъ, когда онъ отдалъ предпочтеніе перу. Мать однако не обратила вниманія на это видѣніе, и Эвальдъ продолжалъ учиться и мучиться. Когда ему было всего пятнадцать лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ заниматься богословіемъ и вскорѣ влюбился въ красивую дѣвушку, Аренсе Гулегордъ. Разсуждая, что на поприщѣ богословскомъ, онъ раньше десяти лѣтъ не будетъ въ состояніи жениться на ней, онъ внезапно покинулъ отечество и родныхъ и искалъ въ прусской арміи осуществленія розовыхъ надеждъ дѣтства, надѣясь въ скоромъ времени вернуться къ возлюбленной со славой. Разочарованіе однако не долго заставило себя ждать: вмѣсто гусара пришлось ему мириться съ положеніемъ пѣхотинца, вмѣсто знаменитости онъ сроднился съ горемъ, и выведенный изъ терпѣнія, убѣжалъ наконецъ изъ Пруссіи и поступилъ на военную же службу въ Австріи; но вскорѣ убѣдившись, что онъ перешелъ изъ огня въ полымя, онъ опять дезертировалъ и возвратился на родину, гдѣ снова взялся за богословскія науки, усердно занимаясь съ сосредоточенностью и постоянствомъ человѣка, находящагося не далеко отъ желанной цѣли. Черезъ два года, преодолѣвъ всѣ затрудненія, онъ успѣшно выдержалъ экзамены, но Аренсе Гулегордъ, принужденная родителями, вышла замужъ за другого. Послѣ этого жестокаго удара Эвальдъ, въ сердцѣ котораго любовь къ Аренсе не погасла до конца жизни, не искалъ и не ожидалъ счастья, а предавался облагороженному отчаянію. Въ этомъ настроеніи онъ написалъ въ 1766 г. аллегорическій разсказъ, озаглавленный «Храмъ Счастія», обратившій на себя большое вниманіе.

Убѣдившись, что пріобрѣтенныя познанія далеко не соотвѣтствуютъ его природному поэтическому дару и честолюбивымъ замысламъ, онъ пересталъ писать и въ теченіе двухъ лѣтъ пополнялъ пробѣлы въ своемъ умственномъ развитіи. Сильное и благотворное вліяніе оказалъ на немъ Клопштокъ, приглашенный въ Данію въ 1751 г., для поощренія литературы.

Въ 1766 г. Эвальдъ явился соискателемъ преміи, предложенной за лучшую поэму на смерть Фридриха V, и представилъ самое законченное по формѣ и возвышенное по содержанію лирическое стихотвореніе датской литературы. Въ 1770 г. онъ напечаталъ первую оригинальную датскую трагедію, озаглавленную Рольфъ Краке, сюжетъ которой взятъ изъ героической скандинавской старины. Между

достоинствами этой пьесы можно указать на то, что она написана не героическими стихами, а прозой; изъ недостатковъ главными являются вялость и историческія неточности въ подробностяхъ. Она изобилуетъ эпизодами чрезвычайной красоты; она свидѣтельствуетъ вообще о сильномъ вліяніи Шекспира на Эвальда и на преобладаніе въ последнемъ чисто лирическаго таланта. Авторъ самъ считалъ эту трагедію своимъ лучшимъ трудомъ и не сомнѣвался въ его успѣхѣ. Публика однако отнеслась къ ней презрительно, и компетентныя учрежденія утвердили приговоръ публики. Оскорбленный, разочарованный, но не побѣжденной судьбой, Эвальдъ удалился отъ образованнаго общества и жилъ въ живописномъ селѣ Рунгстедѣ, гдѣ онъ продолжалъ служить искусству, и издалъ въ 1773 г. трагедію «Смерть Бальдера», художественную драму въ стихахъ, въ которой поэтическій его талантъ достигъ высокой степени развитія. Бальдеръ, хотя первоначально божественная фигура, представленный здѣсь со всѣми взглядами, побужденіями и идеалами человѣка, плѣняетъ насъ, какъ и самъ поэтъ, создавшій его по своему подобію. Лирическія стихотворенія, встрѣчаемыя въ этой драмѣ, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ Эвальда.

Но и эта трагедія не имѣла успѣха въ смыслѣ улучшенія судьбы автора, который продолжалъ по прежнему мыкать горе въ маленькомъ селѣ, оставленный друзьями, считавшими его ни къ чему негоднымъ лѣнтяемъ, достойнымъ одного презрѣнія. Покинутый всѣми, лишенный нравственной и матеріальной поддержки, нуждаясь въ кускѣ хлѣба, онъ наконецъ подвергся величайшему несчастію, которое можетъ обрушиться на голову истиннаго поэта: онъ былъ принужденъ снискивать себѣ пропитаніе сочиненіемъ поздравительныхъ и т. под. стихотвореній по заказу, и когда этотъ источникъ изсякъ, и онъ испытывалъ муки голода, все, что могли придумать для облегченія его положенія сострадательные люди, это — предложеніе помѣстить его въ больницу для бѣдныхъ. Наконецъ судьба, тяготѣвшая такъ долго надъ нимъ какъ неотразимая сила, сжалилась надъ несчастнымъ: среди этихъ невзгодъ и лишеній датское правительство вдругъ приняло въ немъ участіе, назначило ему мѣсто и содержаніе и такимъ образомъ избавило его до конца его короткой жизни отъ необходимости заботиться о завтрашнемъ днѣ. Въ 1779 г. вышло въ свѣтъ его лучшее произведеніе Fiskerne (рыбаки), драматическая картина жизни и нравовъ бѣдныхъ, незатѣйливыхъ людей, среди которыхъ онъ такъ много времени провелъ въ укромномъ Рунгстедѣ. Эта драма имѣетъ тѣ же серьезные недостатки и тѣ самыя достоинства—послѣднія въ усиленной степени — которыя характеризуютъ смерть Бальдера: интересъ лишь возбуждается, но не поддерживается дѣйствіемъ,

которое часто переходитъ въ тривіальность. Лирическія пьесы, вставленныя безъ достаточнаго внѣшняго оправданія, дѣйствуютъ какъ бальзамъ, сохраняющій отъ разрушающаго дѣйствія времени произведеніе, которое привлекаетъ безспорными красотами, но не могло бы претендовать на безсмертіе. Разсѣянныя по драмѣ обаятельныя пѣсни, ни въ чемъ не уступающія наилучшимъ балладамъ Гёте, осуждены жить и очаровывать датскій народъ пока просуществуетъ національная литература.

Высокое мѣсто между ними занимаетъ національная баллада, начинающаяся словами: kong Christian stod ved högen Mast (король Христіанъ стоялъ на высокой мачтѣ) и «маленькая Гунверъ» (Liden Gunver). Вотъ послѣдняя *).

1.

Подъ вечеръ Гунверъ-ребенокъ въ думахъ гуляла одна,
Съ чистой прекрасной душою, съ сердцемъ грустна и нѣжна.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей,

2.

Въ море закинула Гунверъ удочки длинной лесу;
Выросли на морѣ волны, въ брызгахъ метали росу.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей.

3.

Тиной морскою подернутъ всплылъ человѣкъ изъ воды,
Блещутъ въ глазахъ его искры: въ рѣчи—волненья слѣды.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей!

4.

Гунверъ-малютка, я мучусь! Чуждъ мнѣ, невѣдомъ покой;
Сердце съ душою тоскуютъ! Сжалься же ты надо мной.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей!

5.

Руку свою ты отдай мнѣ; смѣло ее протяни,
Я приложу ее къ сердцу, чтобы печаль отвести.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ лицемѣрныхъ людей!

6.

Грубая внѣшность вѣдь стоитъ нѣжнаго сердца черты.
Слово мое нерушимо: чуждъ я коварной мечты.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей!

7.

Если рука моя можетъ быть утѣшенье, покой,
Обѣ руки я готова дать тебѣ, житель морской.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей!

8.

Съ кручи ее онъ срываетъ.... Лесть и обманъ коротки,
Грянула буря.... надъ трупомъ плачутъ, стоятъ рыбаки.
Бойся, ребенокъ мой, бойся злыхъ, лицемѣрныхъ людей!

Эвальдъ имѣлъ позднее удовлетвореніе видѣть свою драму «Смерть Бальдера» представленной на сценѣ королевскаго театра и встрѣчен-

*) Переводу моему М. К. Марченко любезно придалъ поэтическую форму.

ной вѣтренной публикой неописываемымъ восторгомъ. Подобныя торжества не могли вознаграждать за цѣлую жизнь лишеній, невзгодъ, униженій. Впрочемъ они не были продолжительны: физическія лишенія молодости дали себѣ чувствовать, причинивъ болѣзнь, которая послѣ адскихъ мученій положила конецъ его жизни въ 1781 г., когда ему было всего тридцать семь лѣтъ.

Эвальдъ былъ восторженной душой, истиннымъ поэтомъ, у котораго мысли, картины, образы находятся въ состояніи вѣчнаго броженія. Его слабость составляетъ неполное соотвѣтствіе между задуманнымъ и осуществленнымъ, неумѣніе установить такое уравновѣшеніе идеи съ формой, при которомъ каждая часть, теряя свои особенности, составляетъ съ другой слитное законченное единство. Ему не удалось сдѣлать форму совершенно пластичной, вполнѣ подчиненной всѣмъ нуждамъ искусства; вотъ почему онъ такъ часто безуспѣшно силился придавать самымъ возвышеннымъ и поэтическимъ мыслямъ то ясное, могучее и изящное выраженіе, безъ котораго литературное произведеніе никогда не сдѣлается классическимъ, безсмертнымъ.

Между норвежскими литераторами того времени нельзя не упомянуть Христіана Туллина (1728—1765 г.), фабриканта города Христіаніи, который, не претендуя на нишу въ храмѣ искусства, писалъ многіе незатѣйливые поздравительные стихи по разнымъ случаямъ и для разныхъ лицъ. Нѣкоторыя изъ этихъ случайныхъ поэмъ, однако, отличались такою теплотою чувства, такою свѣжестью колорита, такими тонкими штрихами въ описаніи красоты природы, такимъ богатствомъ фантазіи, что онѣ завоевали своему автору выдающееся мѣсто между современными поэтами. Первое изъ этихъ стихотвореній, по порядку ихъ появленія, озаглавленное «Майскій День», было написано въ 1758 г. по случаю свадьбы и описываетъ главнымъ образомъ преимущества деревенской жизни. Другое было написано на предложенную обществомъ для содѣйствія изящнымъ и полезнымъ наукамъ тему «О происхожденіи и результатахъ мореплаванія». Въ этихъ, какъ и въ другихъ менѣе значительныхъ поэмахъ Туллинъ, подобно большинству тогдашнихъ норвежскихъ литераторовъ, энергично возставалъ противъ нѣмецкаго вліянія въ области датской литературы, признавая болѣе благотворнымъ изученіе — но не рабское подражаніе — англійскихъ поэтовъ. Лучшее и наиболѣе законченное его произведеніе было написано опять таки на предложенную вышеупомянутымъ обществомъ тему: «О превосходствѣ творенія съ точки зрѣнія порядка и взаимной связи созданій».

Гораздо высшее мѣсто въ исторіи литературы слѣдуетъ отвести норвежцу Ивану Вессель (1742—1785 г.), написавшему всего лишь одинъ

небольшой томикъ сочиненій весьма различнаго достоинства, но совершившему дѣла, результаты которыхъ благотворно чувствуются въ литературныхъ вѣяніяхъ даже настоящаго времени. Вессель былъ энергичнымъ членомъ норвежскаго общества Копенгагена, которое играло нѣкоторымъ образомъ роль литературной академіи, подвергая строгой критикѣ всѣ литературныя новости дня. Это общество оказало неоцѣнимыя услуги отечественной литературѣ, поощряя все истинно художественное, народное, и твердо воспротивляясь возраставшему съ прибытіемъ въ Данію Клопштока нѣмецкому вліянію, возбуждая живой интересъ въ народѣ къ средствамъ и задачамъ литературы и служа такимъ образомъ отличнымъ противодѣйствіемъ такъ называемому Датскому литературному обществу, къ которому принадлежали всѣ почитатели Клопштока, не исключая Эвальда. Главное произведеніе Весселя—пародія, озаглавленная «Любовь безъ чулокъ», въ которой безпощадно осмѣивается слезливо-болѣзненная сентиментальность псевдо-романтизма, преобладавшаго на датскомъ театрѣ, вопреки всѣмъ усиліямъ Гольберга. Критики были правы, указывая на англійскую пародію The Rehearsal, написанную герцогомъ Бёкингамскимъ въ 1672 г. противъ крайней напыщенности нѣкоторыхъ произведеній Драйдена, какъ на прототипъ идеи, заимствованной Весселемъ; но у него нельзя отнять, что ему всецѣло принадлежитъ художественное исполненіе, дѣлающее эту пьесу образцомъ этого литературнаго рода. Изъ другихъ немногочисленныхъ произведеній Весселя, за исключеніемъ «Оды къ сну», нельзя указать ни на одно, достойное имени автора «Любви безъ чулокъ».

Послѣдній выдающійся датскій поэтъ столѣтія, произведшаго Гольберга, принадлежащій своими надеждами, инстинктомъ, стремленіями, къ XIX столѣтію, но своимъ воспитаніемъ и умственнымъ развитіемъ къ XVIII, Іенсъ Эммануилъ Баггесенъ, «поэтъ Грацій», родился въ Корсёрѣ въ 1764 г. Самое совершенное воплощеніе въ области литературы безпокойнаго волнующаго духа переходной эпохи, онъ отсталъ отъ одного берега и къ другому не присталъ; вѣчно стремился, самъ не зналъ куда, постоянно глядѣлъ въ неопредѣленную даль въ смутномъ ожиданіи явленій, которыхъ онъ не привѣтствовалъ дружелюбно, когда они пришли; можно однимъ словомъ назвать его вмѣстилищемъ грандіозныхъ мечтаній, тщетно ищущихъ воплощенія въ подобающей формѣ. Баггесенъ, подобно Эвальду, родился отъ бѣдныхъ родителей, но подъ болѣе счастливою звѣздою. Хотя онъ получилъ очень недостаточное образованіе, вслѣдствіе нищеты родныхъ, онъ пріобрѣлъ дружбу нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей литературы, которые помогли ему пополнить всѣ пробѣлы. Герцогъ Августенбургъ, напр. доставилъ ему возможность совершить путешествіе по Европѣ.

Компетентные критики, какъ Веселю, привѣтствовали его появленіе на литературномъ небосклонѣ съ неподдѣльнымъ радушіемъ, приняли его первый литературный опытъ («Комическіе разсказы», въ стихахъ) и предсказали ему великую славу въ будущемъ. И дѣйствительно, остроуміе изложенія, игривость и граціозность образовъ и красивая, строго художественная форма отчасти оправдали расточаемыя ему со всѣхъ сторонъ похвалы; между тѣмъ какъ почитаніе его высшимъ обществомъ, восторги молодежи и поощреніе иностранныхъ знаменитостей, въ родѣ Клопштока, Гердера, Виланда, Шиллера, служили скорымъ осуществленіемъ предсказаній. Обсуждая все это хладнокровно въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX столѣтія, мы легко убѣждаемся, что, если Эвальдъ былъ незаслуженно пренебреженъ, Баггесенъ былъ чрезмѣрно восхваляемъ за стихотвореніе, которое, имѣя безспорныя красоты, нельзя назвать геніальнымъ произведеніемъ. Впрочемъ при жизни поэта наступило время разочарованія, и народный кумиръ былъ разбитъ, выброшенъ и забытъ. Надежды его почитателей, однако, не были грубо обмануты, но и не были достойно осуществлены. Почти все, что Баггесенъ писалъ, носило на себѣ отпечатокъ большого таланта, и разочарованіе происходило гораздо менѣе отъ того, что онъ совершилъ, чѣмъ отъ того, что осталось у него пустымъ желаніемъ. Сатирическія, лирическія и разныя другія стихотворенія, появившіяся вскорѣ послѣ Komiske Fortoellinger, оказались на высотѣ самыхъ строгихъ требованій. «Лабиринтъ», вышедшій въ свѣтъ въ 1792 г., въ которомъ онъ пересказываетъ легкимъ, игривымъ слогомъ сдѣланныя имъ во время заграничнаго путешествія наблюденія, по самымъ разнороднымъ предметамъ, заставилъ забыть объ одной неудачной оперѣ, напечатанной имъ четыре года раньше, и заслужилъ ему репутацію перваго прозаическаго писателя Даніи. Недовольный достигнутымъ почетнымъ положеніемъ въ отечественной литературѣ, Баггесенъ добивался права гражданства и въ нѣмецкой, написавъ не мало стихотвореній на этомъ языкѣ, но успѣхъ послѣднихъ былъ весьма ограниченъ. Образцомъ маленькихъ стихотвореній Баггесена можетъ служить «Дѣтство» *):

1.

Минуло время, когда я ребенкомъ
Ростомъ едва-ли казался въ аршинъ;
Мыслямъ пріятно вернуться къ пеленкамъ:
Часто мечтаю объ этомъ одинъ!

2.

Какъ я игралъ въ материнскихъ объятьяхъ,
Дѣдъ на колѣни къ себѣ меня бралъ!

*) Стихи принадлежатъ перу М. К. Марченко.

Чужды мнѣ были—тревоги, занятья
Чужды, какъ Греки, любовь и металлъ!

3.

Наша земля небольшой мнѣ казалась,
Менѣе скверной и менѣе злой!
Звѣздами небо, блестя, зажигалось
Крыльевъ искалъ я, летѣть за звѣздой!

4.

Мѣсяцъ скользилъ, за холмомъ исчезая;
Рвался къ холму я, и думалось мнѣ:
Былъ-бы я тамъ, за луной наблюдая,
Многое смогъ-бы узнать объ лунѣ!

5.

Чутко слѣдилъ я, какъ тихо спускалось
Солнце въ объятья сверкающихъ водъ;
Какъ на востокѣ оно появлялось,
Какъ отъ него зарумянится сводъ.

6.

Думалъ я также о Томъ Многосильномъ,
Кто это солнце создалъ и меня;
Кто въ этомъ небѣ разсѣялъ обильно
Столько послушныхъ созвѣздій любя.

7.

Съ дѣтскимъ восторгомъ молитва шепталась,
Мать научила молиться дитя!
Господи, дай мнѣ—невольно срывалось,
Сдѣлаться добрымъ и слушать Тебя.

8.

И за отца, и за мать я молился,
И за сестру и за городъ родной,
И за царя, хоть онъ мнѣ и не снился,
И за несчастнаго съ ветхой сумой.

9.

Канули, минули дни золотые
Радость, спокойствіе, все унесли...
....Только остались мнѣ грёзы святыя,
Господи! Ихъ-то Ты мнѣ сохрани.

Появленіе величайшаго скандинавскаго поэта, Эленшлегера, котораго и Баггесенъ привѣтствовалъ съ искреннимъ восторгомъ, имѣло послѣдствіемъ сперва сближеніе двухъ литературныхъ знаменитостей, а затѣмъ низверженіе Баггесена съ литературнаго престола и восшествіе автора «Боговъ Скандинавіи». Вскорѣ дружба охладѣла, перейдя затѣмъ во вражду между Баггесеномъ и почитателями Эленшлегера, который самъ соблюдалъ упорное и достойное молчаніе. Происхожденіе этихъ распрей слѣдующее: Эленшлегеръ, сразу признанный царемъ скандинавской поэзіи и чувствуя свое положеніе непоколебимымъ, сталъ издавать стихотворенія, до того недостойныя

его репутаціи, что второстепенный писатель стыдился бы подписать ихъ. Баггесенъ, радуясь случаю, подвергалъ ихъ строжайшей, но вполнѣ заслуженной критикѣ, порицая одинаково безпощадно крупные ихъ недостатки, что̀ свидѣтельствуетъ о высокой степени нравственнаго мужества, и микроскопическія погрѣшности, что̀ указываетъ на личную непріязнь. Главной цѣли этой критики — предохраненія Эленшлегера отъ умственной лѣности, онъ достигъ, но не достигъ второстепенной, если она состояла въ умаленіи значенія поэта. Напротивъ, онъ самъ окончательно потерялъ послѣднихъ друзей и почитателей, и въ порывѣ негодованія уѣхалъ изъ Даніи навсегда. Баггесенъ, однако, несмотря на дѣйствительныя ошибки, сослужилъ своими критическими разборами великую службу какъ Эленшлегеру, такъ и отечественной литературѣ вообще, и если, какъ увѣряли, источникомъ ихъ была зависть, то ихъ объектомъ были крупные и постоянно возрастающіе недостатки, и ихъ результатомъ спасительный, возбуждающій толчекъ, благодаря которому великій скальдъ XVIII столѣтія удержался на высотѣ своего призванія.

Пестрая, кочевая жизнь Баггесена какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ отсутствіи того внутренняго спокойствія, которое необходимо для достиженія высокихъ цѣлей въ искусствѣ. Такъ, мы его видимъ исколесившимъ Европу, то принимающимъ присягу вѣрности философу Канту, именемъ котораго онъ одно время замѣнилъ свое, то читающимъ лекціи въ качествѣ профессора Кильскаго университета; затѣмъ онъ является въ Даніи, въ роли театральнаго директора, потомъ заграницей въ видѣ добровольнаго изгнанника, то воспѣвая подвиги «великаго» Робеспьера, то сочиняя ѣдкія эпиграммы противъ прежняго кумира, Канта, и наконецъ возвращаясь на родину послѣ послѣдняго «вѣчнаго» изгнанія, онъ скончался въ Гамбургѣ, въ 1826 году, когда его соперникъ Эленшлегеръ находился въ зенитѣ своей славы.

Глядя на лѣтописи исландской литературы со времени Реформаціи до XIX столѣтія, мы удивляемся не ея бѣдности, а существованію вопреки тяжелымъ условіямъ, которыя окончательно заглушили бы интересъ къ литературѣ и умственнымъ занятіямъ вообще у всякаго другого народа. Въ теченіе какихъ нибудь ста лѣтъ такія естественныя и политическія несчастія постигли этихъ сѣверныхъ островитянъ, что они не могли, не выказывая необычайнаго героизма, заниматься литературой. Въ 1707 г. оспа унесла треть народонаселенія. Пятьдесятъ два года спустя страшный голодъ убилъ 10,000 чел. въ 1783 г. свирѣпствовала чума на овцахъ; въ 1766 г. было изверженіе Геклы, причемъ столбъ вулканической пыли поднялся до высоты 16,000 ф., между тѣмъ какъ въ 1783 г. въ Скаптарьекулѣ имѣло

мѣсто ужаснѣйшее изверженіе и двѣ вулканическихъ рѣки текли изъ волкана, одна, имѣющая 65 верстъ въ длину, 17 в. въ ширину, и сто футовъ въ глубину; другая же 45 верстъ въ длину. Наконецъ съ 1602 г. до 1786 г. тамъ господствовала датская монополія, которая предоставляла всю исландскую торговлю горсти купцовъ-кулаковъ, требовавшихъ неимовѣрныя деньги за ввозные товары, хлѣбъ и т. п. и дававшихъ лишь номинальныя цѣны за вывозные продукты. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, народонаселеніе Исландіи, доходившее въ XV столѣтіи до 130,000 душъ, мало-по-малу уменьшилось и дошло въ 1786 г. до 38,000 человѣкъ *).

Исландская литература достигла своего апогея во время скальдовъ. Съ тѣхъ поръ ея лѣтописи не содержатъ имени ни одного міроваго поэта. Было не мало даровитыхъ людей, ученыхъ, историковъ, законовѣдовъ, но не было первокласснаго поэта. Да и темы, избранныя исландскими стихотворцами, были слишкомъ избиты для того, чтобы вдохновить великаго поэта: литераторы XVII и XVIII столѣтій жили исключительно въ прошломъ, среди труповъ и сухихъ костей забытой старины, и они писали подражанія скальдамъ, воспоминанія о старинѣ, археологическіе опыты, но отнюдь не поэтическія произведенія.

Исландское возрожденіе началось позднѣе датскаго и шведскаго и имѣло болѣе исключительный, менѣе радикальный характеръ. Не было литературнаго перелома, а лишь простая эволюція, и новѣйшіе фазисы исландской литературы представляютъ собою прямое продолженіе предшествовавшихъ. Ученые въ родѣ Арнгрима (1568—1648 г.), усердно занимавшіеся древне-исландской литературой и собравшіе массу драгоцѣнныхъ рукописей; археологъ Оле Вормъ; переводчикъ Свящ. Писанія Торлакъ Скуласонъ (1597—1656); неутомимые историки, подобные крестьянину Бьернъ Іонсону и Тормоду Торфасону; лексикографы, какъ Магнусъ Олафсонъ и Гудмундъ Андерсенъ, оказали безспорно громадныя услуги дѣлу поднятія умственнаго уровня исландцевъ и пробужденія въ нихъ интереса къ литературѣ, но сами ничего не создали, не только безсмертнаго, но даже заслуживающаго быть переведеннымъ. Единственный человѣкъ, который своими необычайными талантами, широкимъ образованіемъ, высокими идеалами и изумительной предпріимчивостью казался предназначеннымъ судьбою играть роль литературнаго Моисея и вывести своихъ соотечественниковъ изъ безплодной пустыни, въ которой они находились въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, Эггертъ Олафсонъ (1726—1767 г.) безвременно погибъ вмѣстѣ съ бо́льшею частью своихъ произведеній при кораблекрушеніи въ 1787 г. Своими взглядами

*) Эта цифра представляетъ собою минимумъ. Въ 1804 г. народонаселеніе опять возросло до 46,200 чел. и въ 1880 до 73,000.

на задачи литературы и своими стремленіями онъ очень напоминаетъ Туллина, но онъ нерѣдко стоитъ гораздо выше норвежскаго поэта. Его главное и лучшее произведеніе — дидактическая поэма, описывающая деревенскую жизнь въ Исландіи.

Еслибъ достаточно писать талантливые церковные гимны и весьма удачные переводы псалмовъ, чтобы стяжать себѣ лавры поэта, то этого названія заслуживаетъ Гальгримъ Пьетурсонъ (1614—1674 г.), псалмы котораго читаются и поются съ благоговѣніемъ въ современной Исландіи.

Степанъ Олафсонъ (1620—1688 г.) писалъ очень много лирическихъ и сатирическихъ стихотвореній, которымъ отсутствіе болѣе выдающихся произведеній придаетъ характеръ геніальности. Самый выдающійся же поэтъ со временъ Реформаціи, Бярни Торренсонъ (1786—1841 г.), авторъ стихотвореній рѣдкой красоты, принадлежитъ XIX вѣку.

Швеція достигла наивысшей точки своей славы въ XVIII-мъ столѣтіи: она въ очень короткое время до того расширила свои политическія границы, что Балтійское море превратилось въ Шведское озеро; она быстро развила свою торговлю, промышленность, мануфактуры, открыла школы, гимназіи, университеты и вообще завоевала себѣ мѣсто великой державы не въ одномъ только политическомъ отношеніи, но и въ дѣлѣ просвѣщенія и внутренняго прогресса. Условія, при которыхъ происходилъ этотъ трудный и продолжительный процессъ, мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, которыя мы наблюдали при возрожденіи въ Даніи; только шведскій языкъ оставался дольше въ состояніи грубости и неупругости, чѣмъ датскій, и туже поддавался попыткамъ сдѣлать его удобнымъ орудіемъ поэзіи.

Столѣтіе, начинавшееся въ 1640 г. и кончавшееся въ 1740 г., носитъ въ шведской исторіи имя величайшаго его литератора Стернгельма. Въ эту эпоху Швеція сдѣлала значительные успѣхи въ области литературы, науки и искусства; но труды, въ которыхъ эти старанія воплотились, имѣютъ скорѣе домашній интересъ, какъ предварительныя работы, чѣмъ всеобщее значеніе. Это было еще время полиграфовъ, какихъ мы видѣли не мало въ Даніи—людей, готовыхъ съ легкимъ сердцемъ писать подобно Пику де-ля-Мирандола обо всемъ извѣстномъ и неизвѣстномъ, и заслуги тѣхъ изъ нихъ, которые достойны упоминанія здѣсь, состоятъ преимущественно въ томъ, что они поднялись до уровня тогдашнихъ наукъ, удачно примѣняя указанный другими методъ. Такъ одинъ искусный анатомъ напримѣръ пріобрѣлъ себѣ извѣстность отличными для того времени стихотвореніями, писалъ съ успѣхомъ о законовѣдѣніи, издавалъ трактаты о музыкѣ, добросовѣстно испы-

талъ свои силы въ попыткахъ разрѣшить задачу о квадратурѣ круга и пожиналъ незавидные лавры лексикографа. При тогдашнихъ условіяхъ одинъ фактъ употребленія отечественнаго языка для обнародованія такихъ разнородныхъ изслѣдованій и совершенно независимо отъ внутреннихъ достоинствъ послѣднихъ, считался не маловажной заслугой. И дѣйствительно, по истеченіи полустолѣтія послѣ первыхъ трудовъ Стернгельма, грубый, необтесанный языкъ Густава Адольфа успѣлъ уже сдѣлаться утонченнымъ, упругимъ орудіемъ, годнымъ для всѣхъ видовъ литературы.

Въ этихъ и имъ подобныхъ попыткахъ и предварительныхъ работахъ прошла вся эта эпоха. Главная отличительная черта поэтическихъ произведеній ея была сознательнымъ подражаніемъ псевдо-классицизму Италіи, Германіи, Франціи, или въ рѣдкихъ случаяхъ непосредственное подражаніе древне-классическимъ писателямъ, причемъ обращалось особое вниманіе на форму, на метръ, на чисто техническіе пріемы. Всѣ почти извѣстные поэты были въ сущности лишь риѳмоплетами, писавшими поздравительные стихи, оды въ дни рожденія, свадьбы или похоронъ. Одни церковные гимны достигли высокой степени совершенства, и многіе изъ тѣхъ, которые были писаны въ это время, поются въ наши дни съ такимъ же восторгомъ, какой они возбуждали при жизни Спегеля (1645—1714 г.). Драматическое искусство получило лишь новое направленіе или, скорѣе, старое потеряло свое обаяніе, отжило свой вѣкъ; новаго же, дѣйствительно геніальнаго эта эпоха ничего не произвела. Шведскій театръ былъ открытъ даровитымъ врачемъ Урбанъ Герне (1641—1724 г.); драматическая труппа, состоящая изъ студентовъ университета, была сформирована, представлялись аллегорическіе балеты и трагедіи на классическія темы, но въ теченіе послѣдняго десятилѣтія и эти жалкія начинанія заглохли на продолжительное время.

Но если стихотворныя произведенія были лишены той искры истиннаго вдохновенія, которая придала бы имъ цѣнность въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній, за-то неожиданнымъ образомъ обнаруживается поэтическій духъ въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по отечественной исторіи, въ которыхъ богатая фантазія заступаетъ мѣсто усидчиваго труда, остроуміе вытѣсняетъ ученость, и миѳосоздательный даръ игриваго воображенія дѣлаютъ излишнимъ изученіе пыльныхъ документовъ архива.

Сынъ рудокопа, Геранъ Лилье, родившійся въ 1598 г., учившійся сперва въ Швеціи и затѣмъ заграницей, сдѣлавшійся послѣдовательно гимназическимъ учителемъ въ Стокгольмѣ, засѣдателемъ въ Дерптскомъ гофгерихтѣ, придворнымъ поэтомъ королевы Христины, военнымъ совѣтникомъ, и возведенный въ дворяне подъ именемъ Георга

Стернгельма, воплощаетъ въ себѣ главныя хорошія и дурныя качества своего времени. Онъ стоялъ на высотѣ тогдашней науки; былъ основательно знакомъ съ древне-греческимъ и латинскимъ языками, необходимыми для удовлетворительнаго выполненія выпавшей ему на долю задачи — перевести на литературную почву Швеціи новыя и идеальныя стремленія, вызванныя къ жизни Возрожденіемъ. Стернгельмъ слылъ, и дѣйствительно былъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Европы. Стихи онъ писалъ на иностранныхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ. Онъ ввелъ въ употребленіе новые для шведской поэзіи размѣры стиховъ, доставивъ, напр., право гражданства гексаметру, которымъ онъ написалъ и свое эпически-дидактическое стихотвореніе «Геркулесъ на рубежѣ». Въ этой поэмѣ разсказывается съ разными видоизмѣненіями древній миѳъ о выборѣ между чувственностью и добродѣтелью, сдѣланный Геркулесомъ, подъ именемъ котораго подразумѣвается патріотическій шведъ. Ясные намеки на свиту королевы Христины усилили и безъ того живой интересъ, возбужденный «Геркулесомъ». «Воспоминаніе о неудобствахъ свадьбы», поэма, сходная съ предыдущей по формѣ, но гораздо менѣе искусственная, считается первообразомъ той категоріи чисто шведскихъ лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ ярко отражается та чудная смѣсь сверкающаго юмора и глубокой печали, которая характеризуетъ шведскій народъ.

Высокое положеніе, достигнутое Швеціей между великими державами, которое, какъ мы видимъ, такъ сильно содѣйствовало умственному развитію всего народа, имѣло и другія не такъ очевидныя, но не менѣе дѣйствительныя послѣдствія въ области литературы. Такъ напр., оно произвело значительный нравственный подъемъ, который можно лишь чувствовать, но не анализировать; онъ сообщаетъ поэтамъ и литераторамъ художественное спокойствіе и глубокое сознаніе собственнаго достоинства, которыя въ неуловимыхъ формахъ отражаются во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Это отраженіе въ области литературы лучшей стороны политическаго величія составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ стихотвореній Гунно Дальстерна (1661—1709 г.), написавшаго между прочимъ «Королевскіе Скальды» и «Шведскую героическую пѣснь о королѣ и господинѣ Петрѣ» (о Карлѣ XII-мъ и Петрѣ Великомъ).

Между церковными стихотворцами, двое заслуживаютъ особаго вниманія: пьяница Лассе Луцидоръ, по прозвищу и по жизни «Несчастный», писавшій поздравительныя и другія свѣтскія пѣсни на семи языкахъ и религіозные гимны на шведскомъ; послѣ короткой и несчастной жизни, нѣсколько напоминающей жизнь американскаго поэта Эдгара Аллена Поэ, онъ былъ убитъ въ кабакѣ. Другой, епископъ

Спегель, писалъ, кромѣ весьма популярныхъ церковныхъ пѣсенъ, еще нѣкоторыя обширныя, но уже забытыя религіозныя стихотворенія.

Многіе изъ представителей историческихъ наукъ того времени съ легкимъ сердцемъ жертвовали здравой критикой и ученостью неумѣстному патріотизму. Подобно бѣдняку, внезапно разбогатѣвшему и жаждущему знатныхъ предковъ, для уравновѣшенія прошлаго съ настоящимъ, Швеціи понадобилась древняя и славная исторія. На спросъ явилось изобильное предложеніе. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ историковъ, Олофъ Вереліусъ сдѣлалъ открытіе, что Готы, которые завоевали Римъ, вышли изъ Швеціи, и прибавилъ, что тотъ, кто въ этомъ сомнѣвается, долженъ быть сурово наказанъ законами, и тому, кто вообще сомнѣвается въ глубокой древности Швеціи, нужно разбить голову руническими камнями.

Олофъ Рудбекъ, знаменитый анатомъ и всецѣло преданный наукѣ ученый въ своей «Atlantika» пускаетъ въ ходъ необычайное остроуміе и изумительную для того времени начитанность, для того, чтобы доказать тождество «Атлантиды» Платона съ Швеціей, основанной Магогомъ, сыномъ Іафета, и что въ его отечествѣ слѣдуетъ искать мѣстоположенія древняго Эдема. Четыре тома этого «историческаго» изслѣдованія вышли въ свѣтъ; но Рудбекъ не успѣлъ въ нихъ довести исторію Швеціи дальше Авраама. Другой литературный дѣятель того времени, Бенгъ, написалъ исторію церкви (1675 г.), которая не доходитъ до Рождества Христова. Характерно для учености этого труда одно то, что Адамъ изображается въ немъ епископомъ шведскаго городища Келькстада. Во всемъ этомъ насъ поражаетъ не фактъ появленія подобныхъ фантастическихъ грёзъ,—онѣ вѣдь встрѣчаются и въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX столѣтіи, а самообманъ серьезныхъ ученыхъ и твердая вѣра, съ которой относились къ нимъ современники, даже послѣ неоднократныхъ предостереженій такихъ ученыхъ, какъ Пуфендорфъ и Лейбницъ. Но никто не бываетъ такъ слѣпъ, какъ тотъ, кто не хочетъ видѣть, и Швеція продолжала восторгаться своимъ вымышленнымъ величіемъ въ прошломъ до тѣхъ поръ, пока не лишилась своего дѣйствительнаго величія въ настоящемъ.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ десятилѣтій (до 1780 г.) шведская литература только держалась на достигнутомъ уровнѣ; геніальнаго она ничего не совершила. По прежнему преобладало и укоренялось иностранное, преимущественно французское вліяніе, которое оказалось настолько благотворнымъ, насколько оно гармонировало съ національнымъ духомъ, но въ общемъ значительно затрудняло проявленіе и развитіе самостоятельнаго литературнаго направленія. Выиграли отъ этого лишь внѣшняя форма, языкъ. Важными факторами въ дѣлѣ пробужденія интереса къ литературѣ и усовершенствованія

языка явились научныя и литературныя общества, учрежденныя подъ покровительствомъ королевы Луизы, сестры Фридриха Великаго, и періодическая печать, особенно та ея часть, которая взяла себѣ образцомъ англійскій Spectator Аддисона. Громадное значеніе имѣли наконецъ романы, самыя образцовыя прозаическія произведенія тогдашней словесности, несмотря на то, что, подобно всѣмъ вообще видамъ литературы, они носятъ въ планахъ, цѣляхъ и исполненіи явный отпечатокъ французскаго происхожденія.

Центральной фигурой въ умственномъ движеніи той эпохи былъ Олофъ Далинъ, прозванный отцомъ новѣйшей шведской поэзіи (1708—1763 г.), составилъ себѣ имя въ 1733—1734 г. изданіемъ журнала подъ заглавіемъ Den Svenska Argus (Шведскій Аргусъ), напоминающаго добродушно-юмористическимъ тономъ, въ которомъ обсуждались текучіе вопросы дня, англійскій Spectator. Онъ сразу обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, кто интересовался литературой. Въ началѣ имя редактора не было извѣстно, и потомъ, когда секретъ открылся, онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство и назначенъ королевой придворнымъ поэтомъ. Когда впослѣдствіи Аргусъ прекратилъ свое существованіе, всѣ оплакивали это, какъ всенародное бѣдствіе. Обязанности, связанныя съ новымъ званіемъ, принудили Далина стискивать свой обширный талантъ въ узкія рамки придворной виртуозности, писать постоянно поздравительные стихи и вообще остановить естественное развитіе тѣхъ несомнѣнныхъ дарованій, о которыхъ громко свидѣтельствуютъ лучшія его произведенія. Для шведскаго театра, снова открытаго въ 1737 г., Далинъ писалъ нѣсколько недурныхъ комедій—подражаній пьесамъ Гольберга, лучшей изъ которыхъ считается «Завистливый» (Den Afvundsjuke). Другой очень популярный трудъ, Сага о лошади (Sagan om Hästen), прозаическій разсказъ, юмористически описываетъ судьбы Швеціи, изображенной въ видѣ лошади. Свои историческіе взгляды и познанія Далинъ изложилъ въ «Исторіи шведскаго королевства», въ которой живой образцовый слогъ замѣняетъ знаніе фактовъ, научную критику и знакомство съ источниками.

Во всѣхъ періодахъ шведской, какъ и датской литературы попадаются имена писательницъ, принесшихъ не мало пользы дѣлу умственнаго развитія своего отечества. Рѣдко онѣ возвышаются надъ уровнемъ той многочисленной трудолюбивой толпы литераторовъ, о которой можно лишь упомянуть мимоходомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ выказали вѣроятно не менѣе даровитости, чѣмъ Гедвига Норденлихтъ (1718—1763 г.), но она пользовалась въ Швеціи такою извѣстностью, такимъ почетомъ, ея дѣятельность была такъ плодотворна, что нельзя пройти ея имя молчаніемъ. Она была литераторомъ, не переставъ быть женщиной, и была ученой, не бывъ педанткой. Получивъ широкое

образованіе въ Швеціи, она была предназначена родителями въ жены почтенному, но нелюбимому ученому, который къ счастью для нея померъ раньше дня, назначеннаго для свадьбы. Вышедши затѣмъ замужъ за молодого пастора, котораго она горячо любила, она сдѣлалась вдовой черезъ семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Неутѣшная вслѣдствіе этой тяжелой потери, она удалилась отъ шума и тревогъ городской жизни въ уединенныя лѣсистыя окрестности Стокгольма—какъ знаменитый американецъ Торо въ Вальденъ—и тамъ изливала всю горесть своихъ чувствъ въ рядѣ стихотвореній, вышедшихъ вскорѣ подъ заглавіемъ «Грустящая Горлица» (Den sörjande Turturdufvan). Свѣжій романтическій духъ, чуждый заботамъ объ искусственныхъ преградахъ псевдоклассицизма, отличаетъ этотъ сборникъ отъ всѣхъ позднѣйшихъ произведеній ея таланта, въ родѣ «Спасенной Швеціи» и «Мыслей о пользѣ искусства Скальдовъ», написанныхъ послѣ того, какъ продолжительное знакомство съ Далиномъ и его единомышленниками превратило ее въ ученицу французской школы. Она собирала вокругъ себя всѣхъ выдающихся мыслителей своего времени, дѣйствовала сообща съ ними въ смыслѣ достиженія намѣченныхъ Далиномъ цѣлей и оказала на нихъ и черезъ нихъ на отечественную литературу вообще сильное, но не совсѣмъ благотворное вліяніе.

Къ той же школѣ принадлежалъ и Яковъ Мёркъ, первый романистъ Швеціи, репутація котораго связана съ успѣхомъ героическаго романа «Адильрикъ и Гетильда», сюжетъ котораго взятъ изъ прошлаго Швеціи, и «Теклы», романа, основаннаго на средневѣковой легендѣ и настолько превосходящаго первый, насколько онъ нарушаетъ одностороннія «эстетическія» правила и выходитъ изъ узкихъ рамокъ французскихъ традицій. Въ настоящее время они оба имѣютъ лишь историческій интересъ, между тѣмъ какъ романъ Якова Валленберга (1746—1768 г.) «Сынъ мой на каторгѣ» (Min son på Galejen) находитъ не мало читателей и почитателей въ Швеціи и понынѣ.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій прошлаго вѣка центромъ научнаго и литературнаго движенія Швеціи былъ соединявшій въ себѣ роли щедраго мецената и даровитаго поэта король Густавъ III, который далъ свое имя цѣлой эпохѣ (1770—1810 г.). Онъ находился въ Парижѣ, когда умеръ его отецъ, и его взоры были направлены на Парижъ, какъ на неизсякаемый источникъ научнаго и литературнаго прогресса въ теченіе всей его жизни. Ярый проповѣдникъ всего французскаго, онъ усердно распространялъ среди собравшихся вокругъ него литераторовъ взгляды на эстетику, философскіе принципы и литературныя стремленія, изложенныя французскими энциклопедистами. Но въ то же время онъ былъ слишкомъ просвѣщенъ для того, чтобы удостоивать своего покровительства и

поощренія однихъ только представителей излюбленныхъ имъ идей. Твердый въ собственныхъ убѣжденіяхъ, онъ не отворачивался отъ людей самыхъ разнообразныхъ направленій; талантъ, даже вовсе и неразвитый, служилъ лучшей рекомендаціей въ его глазахъ. Подобно царю, о которомъ повѣствуетъ Евангеліе, онъ выходилъ на распутія и большія дороги и всѣхъ, кого находилъ, если только они отличались отъ толпы научными или литературными способностями, онъ звалъ къ себѣ и принималъ въ свой кружокъ, несмотря на ихъ прошлое или настоящее положеніе, не взирая на ихъ религіозныя убѣжденія или нравственное поведеніе. Такъ, одного даровитаго пьяницу онъ отправилъ на свой счетъ учиться въ Гёттингенскій университетъ, затѣмъ назначилъ его секретаремъ посольства въ Парижѣ и закрывалъ глаза на поступки, близкограничащіе съ уголовными преступленіями; другого онъ спасъ отъ голодной смерти, обогативъ черезъ это литературу Швеціи нѣсколькими безсмертными произведеніями; отъ третьяго поэта (Кельгрена) онъ съ изумительнымъ терпѣніемъ выслушивалъ такія горькія истины, которыя сильно раздражили бы даже частнаго человѣка, и во всемъ онъ являлся просвѣщеннымъ монархомъ, даровитымъ литераторомъ, гуманнымъ человѣкомъ и какія бы ни совершилъ онъ политическія погрѣшности, онъ долженъ быть причисленъ къ лику избранныхъ монарховъ-философовъ, между которыми высокое мѣсто занимаютъ Маркъ-Аврелій и Юліанъ.

Король Густавъ основалъ шведскую академію (1786 г.) по образцу французской, съ цѣлью содѣйствовать преуспѣянію поэзіи и краснорѣчія—искусствъ, заслуживающихъ серьезнаговниман ія, «какъ самое благородное времяпрепровожденіе». Это учрежденіе, какъ и открытый имъ въ 1782 г. національный театръ, всячески распространяли вліяніе французской школы, отъ котораго не удалось вполнѣ избавиться первенствующимъ мыслителямъ эпохи. Самъ король очень любилъ театръ и написалъ для него нѣсколько драмъ, сюжеты которыхъ онъ заимствовалъ изъ шведской исторіи. Между ними особаго вниманія заслуживаютъ «Густавъ Ваза», «Густавъ Адольфъ и Эбба Браге»: обѣ эти пьесы принадлежатъ столько же поэту Кельгрену, облекшему ихъ въ поэтическую форму, сколько королю, написавшему ихъ первоначально въ прозѣ. Но самымъ талантливымъ драматическимъ произведеніемъ Густава и одной изъ лучшихъ драмъ шведской сцены вообще была: Сири Браге и Иванъ Гилленстерна (Siri Brahe och Johan Gyllenstjerna); она принадлежитъ всецѣло перу короля.

Иванъ Генрихъ Кельгренъ (1751—1795 г.), который при сотрудничествѣ композитора Неймана превращалъ драмы короля въ оперы, былъ наилучшимъ представителемъ избраннаго Густавомъ направленія и вообще самымъ типичнымъ литераторомъ своего времени. Сынъ

священника, онъ поступилъ студентомъ въ университетъ Або и по окончаніи курса переѣхавъ въ Стокгольмъ, гдѣ цѣлымъ рядомъ лирическихъ и сатирическихъ стихотвореній составилъ себѣ крупное литературное имя. Онъ издавалъ, вмѣстѣ съ засѣдателемъ Ленгреномъ литературный журналъ, Stockholmsposten, который въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ функціи верховнаго безапелляціоннаго судьи по отношенію ко всѣмъ новымъ произведеніямъ литературы, причемъ главный критикъ, самъ Кельгренъ, руководствовался въ своихъ приговорахъ уставомъ французской піитики, обращая весьма мало вниманія на болѣе существенныя соображенія. Самъ онъ старался добросовѣстно согласовать свою практику съ теоріей, что ему въ общемъ и удавалось; такъ что его многочисленныя сатирическія и лирическія поэмы, безукоризненныя по формѣ, страдаютъ главными недостатками французской школы, т.-е. отсутствіемъ истинно поэтическаго духа. Что холодность и безжизненность поэтическихъ произведеній Кельгрена должно приписать не природной бездарности автора, а тѣснымъ рамкамъ избранной имъ формы и ошибочнымъ стремленіямъ, составлявшимъ его художественные идеалы, явствуетъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ стихотвореній, которыя онъ написалъ, когда, забывая объ искусственныхъ преградахъ, онъ предавался всецѣло вдохновенію момента; тогда онъ создавалъ истинные перлы поэзіи, считающіеся и понынѣ образцами шведской лирики. Между его многочисленными сочиненіями выдаются «Новое Твореніе» (Nya Skapelse), «Враги Свѣта» (Ljusats Fiender) и «Мои Шутки» (Mina Löjen), изъ которыхъ два послѣднихъ—сатиры.

Другой столбъ псевдоклассицизма въ Швеціи и послѣ смерти Кельгрена и короля главный его представитель, былъ Карлъ Леопольдъ (1756—1829 г.), сынъ чиновника таможни; онъ обладалъ талантомъ писать безукоризненные по тогдашнему мѣрилу стихи, съ такою легкостью, съ которой немногіе изъ его коллегъ писали прозой. Если въ этой изящной скорлупѣ не оказывалось зернышка, то критики не только не усматривали въ этомъ недостатка, но считали положительнымъ достоинствомъ. Его широкое, но нѣсколько поверхностное образованіе, искрящееся остроуміе, строгая логика и ясное, живое изложеніе сдѣлали его естественнымъ поборникомъ французскаго направленія и лучшимъ сатирикомъ Швеціи. Его сатиры и эпиграммы имѣютъ гораздо больше правъ на умѣренное одобреніе теперешнихъ читателей, нежели его болѣе серьезныя произведенія. Трагедія «Виргинія» которая была привѣтствована всеобщимъ восторгомъ въ Швеціи, и «Одинъ», вызвавшія такой энтузіазмъ короля, что онъ вознаградилъ автора лавровымъ вѣнкомъ съ могилы Виргилія, теперь совершенно забыты. Современный восторгъ и послѣ-

довавшее за нимъ пренебреженіе онѣ заслужили вполнѣ: первое въ силу преобладавшаго тогда еще французскаго канона критики и послѣднее съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ задачъ и идеаловъ литературы. Вліяніе Леопольда на мыслителей соотечественниковъ, съуживавшееся по мѣрѣ приближенія старости, совершенно прекратилось съ концомъ его жизни, и теперь онъ лишь высокая межа между двумя эпохами въ исторіи шведской литературы.

Ѳома Торильдъ (1759—1808 г.), сперва союзникъ Леопольда въ полемикѣ противъ Кельгрена, сдѣлался вскорѣ противникомъ того и другого, вслѣдствіе непримиримости ихъ взглядовъ на задачи поэзіи и искуства вообще. Окончивъ курсъ въ Упсальскомъ университетѣ, Торильдъ представилъ въ литературное общество дидактическое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Страсти» (Passionerna), и благодаря тому, что Кельгренъ назвалъ ихъ ненужнымъ новшествомъ по формѣ получилъ не первую, а второстепенную награду. Вслѣдствіе такого, по мнѣнію Торильда, не заслуженнаго осужденія, возгорѣлась между нимъ и главнымъ судьей литературнаго общества, Кельгреномъ безконечная полемика. Въ сущности это было не личнымъ вопросомъ, а отчаянной борьбой между двумя школами, и вѣроятно въ виду этого Кельгренъ не задумался напечатать на страницахъ своего журнала «Stokholmsposten» сильныя нападки Торильда противъ себя и своего литературнаго направленія. Полемика эта, въ которой приняли участіе всѣ выдающіеся литераторы Швеціи, не исключая Леопольда, примирившагося съ Кельгреномъ, кончилась полной побѣдой Торильда и романтизма.

Торильдъ однако былъ не поэтомъ, а реформаторомъ, поборникомъ благородныхъ стремленій во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни. Онъ изображаетъ собою литературнаго Донъ-Карлоса, задавшагося грандіозной и химерической мыслью преобразовать не только шведскую литературу или шведскій народъ, но вообще все человѣчество. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Англію и въ Германію и дружился съ передовыми людьми Европы, но не совершилъ въ сущности ничего выдающагося. Вслѣдствіе обнародованія своихъ либеральныхъ политическихъ взглядовъ въ трактатѣ озаглавленномъ «Честность» (Aerligheten), который при жизни короля Густава III, былъ бы привѣтствованъ съ радостью, онъ былъ изгнанъ изъ отечества. Помилованный по истеченіи двухъ лѣтъ, онъ вернулся на родину, получилъ въ Грейфевальдскомъ университетѣ каѳедру и мѣсто библіотекаря и тамъ предавался почти исключительно научнымъ изслѣдованіямъ.

Торильдъ оказалъ неоцѣнимыя услуги шведской литературѣ тѣмъ, что онъ не въ качествѣ поэта, а какъ литературный критикъ окончательно уничтожилъ въ ней преобладавшій до него французскій

псевдоклассицизмъ. Лучшимъ его трудомъ считаютъ сборникъ полемическихъ статей весьма различнаго достоинства, написанныхъ то возвышенно-поэтическимъ, то юмористическо-балаганнымъ слогомъ, но вездѣ и всегда обнаруживающихъ неукротимое стремленіе къ распространенію вѣрныхъ взглядовъ и осуществленію высокихъ художественныхъ идеаловъ.

Между писательницами той эпохи выдающееся мѣсто занимаютъ Анна Ленгренъ (1754—1817 г.) и Ульрика Вильдстрёмъ (1767—1841 г.) авторъ нѣсколькихъ эротическихъ стихотвореній. Мужъ г-жи Ленгренъ издавалъ вмѣстѣ съ Кельгреномъ вышеупомянутый литературный журналъ «Stockholmsposten», и на страницахъ этого изданія она обнародовала въ теченіе многихъ лѣтъ цѣлый рядъ маленькихъ лирическихъ стихотвореній на темы, взятыя изъ обыденной жизни; въ нихъ описывается и воспѣвается семейное счастіе, скромная гражданская добродѣтель, материнскія радости не скучнымъ наборомъ словъ и не пышными эпитетами, а поэтическими образами поразительной красоты. Жизнь г-жи Ленгренъ гармонировала какъ нельзя лучше со взглядами, лежавшими въ основаніи ея поэзіи. Получивъ самое высокое образованіе, она отличалась рѣдкою скромностью, скрывала свои таланты ото всѣхъ и печатала свои поэмы безъимянно, такъ что онѣ приписывались то Кельгрену, то Леопольду. Когда стало наконецъ извѣстнымъ, что она ихъ писала, восторгу публики не было границъ. Послѣ ея смерти въ 1841 г. ея лучшія стихотворенія были изданы подъ заглавіемъ Skaldeforsök (поэтическій опытъ).

Но всѣ лучи генія, разсѣянные по произведеніямъ г-жи Вильдстрёмъ, Торильда и другихъ современныхъ поэтовъ и литераторовъ, соединились въ одинъ фокусъ и усилились до неузнаваемости въ сынѣ шведскаго чиновника, родившемся въ Стокгольмѣ въ 1740 г., Карлѣ Михаилѣ Бельманѣ, занявшемъ впослѣдствіи совсѣмъ особое мѣсто въ шведской литературѣ. Старшій изъ двадцати одного братьевъ и сестеръ, Карлъ Михаилъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ наукамъ, а отъ матери замѣчательный музыкальный талантъ и получилъ очень широкое образованіе. Будучи еще ребенкомъ, онъ во время болѣзни вдругъ удивилъ своихъ родныхъ поэтическими импровизаціями, которыя онъ пѣлъ на импровизированные имъ-же мотивы. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя всецѣло поэзіи. Когда ему было всего семнадцать лѣтъ, онъ перевелъ съ нѣмецкаго «Евангелическія размышленія о смерти» Швейдница. Въ 1759 г. онъ получилъ мѣсто въ банкѣ и въ слѣдующемъ году издалъ сатирическую поэму, озаглавленную «Луна» (Mänen), которую Далинъ прочелъ и поправилъ въ рукописи. Не ухитрившись служить двумъ господамъ: искусству и финансамъ, Бельманъ употреблялъ всѣ свои силы на художественное

образованіе, не обращая почти никакого вниманія на обязанности службы. Онъ лишился вслѣдствіе этого своего мѣста, и положеніе его становилось критическимъ когда онъ возымѣлъ идею послать письмо въ стихахъ королю Густаву, прося о скорой помощи. Король назначилъ его на доходное мѣсто, обязанности котораго исполнялись пріятелемъ поэта, получавшимъ за это половину жалованья. Бельманъ же предавался исключительно поэзіи, и посѣщалъ кабаки и притоны шатуновъ и пьянчугъ, радости и горе которыхъ онъ такъ мастерски описывалъ. Послѣ смерти короля опять наступило для него очень тяжелое время: лишившись покровительства властителей страны, онъ терпѣлъ страшную нужду, надѣлалъ долговъ и въ концѣ концовъ попалъ въ долговую тюрьму, гдѣ онъ сидѣлъ, пока его не выкупили не друзья, а простые любопытные, которые пожелали слушать пѣніе и пѣсни умирающаго поэта.

Въ послѣдніе годы жизни, когда новыя лишенія, превосходившія прежнія, подрывали здоровье поэта, его произведенія стали громко свидѣтельствовать объ упадкѣ умственныхъ силъ и о соотвѣтствующемъ усиленіи въ немъ религіознаго чувства. По мѣрѣ того какъ онъ переставалъ быть художникомъ, поэтомъ, онъ дѣлался образцовымъ христіаниномъ, и кончилъ свою литературную жизнь, какъ онъ началъ ее, книгой религіознаго содержанія. «Посланія Фридмана» и «Завѣщаніе Фридмана» безспорно содержатъ нѣкоторые перлы, не уступающіе лучшимъ изъ «Писемъ Фридмана» — его безсмертнаго произведенія, но въ общемъ они стоятъ несравненно ниже послѣдняго. Самыя послѣднія же его сочиненія «Храмъ Вакха», журналъ «Чего Изволите», переводъ басенъ Геллерта и сборникъ религіозныхъ пѣсенъ, изданный подъ заглавіемъ: «Праздникъ Сіона», не содержатъ и намека на прежній геній сѣвернаго Анакреона.

Самыя геніальныя пѣсни Бельмана были продуктами не усидчиваго кропотливаго труда, а внезапнаго вдохновленія, дѣйствующаго какъ свѣжій вѣтерокъ на нѣжнія струны эоловой арфы. Онъ сочинялъ, какъ древне-еврейскіе пророки говорили отъ имени Бога — неожиданно, невольно, покоряя себя всемогущей силѣ. Это не фраза, а засвидѣтельствованный правдивыми современниками фактъ. Такъ напр. Бельманъ, бывало, въ присутствіи самыхъ закадычныхъ друзей вдругъ встанетъ и—заявивъ о сошествіи къ нему музы, возьметъ свою цитру, закроетъ глаза и начнетъ импровизировать пѣсни въ честь Вакха или Венеры, на музыкальный мотивъ, имъ же сочиненный, очаровывая имъ слушателей.

Популярность этихъ пѣсенъ, представляющихъ собою единичное явленіе въ исторіи литературы, была вполнѣ заслужена. Онѣ безподобны. Онѣ намъ поочередно напоминаютъ оды Анакреона и Гафиза,

лирическія произведенія Лорда Байрона и глубокую меланхолію Леопарди въ его безсмертномъ Филиппо Оттоньера, и въ то-же время существенно отличаются отъ нихъ всѣхъ. Типы Бельманъ бралъ изъ ежедневной жизни; сцены—изъ прозаической дѣйствительности, видимой имъ въ кабакахъ и другихъ сборныхъ пунктахъ стокгольмскихъ бездѣльниковъ. То, что Адріанъ Броуверъ и Давидъ Тенирсъ совершили въ одной области искусства для голландской жизни, это и несравненно больше еще сдѣлалъ Бельманъ для шведской жизни въ другой художественной сферѣ. Его герои пьютъ, кутятъ, дерутся, какъ голландскіе мужики, но въ нихъ не совсѣмъ заглохли тщетныя стремленія къ высшему, къ идеальному. Почти всѣ они художники-неудачники, хорошо понимающіе, горячо любящіе искусство, преимущественно музыку, хотя отлично знаютъ, что они ввержены на вѣки въ бездонную пропасть, изъ которой нѣтъ выхода; далекіе идеалы, еле видные, какъ мерцающія звѣзды, болѣе ужъ не свѣтятъ имъ на пути къ художественнымъ торжествамъ, а лишь возбуждаютъ въ нихъ мучительныя воспоминанія о томъ, что могло бы быть при другихъ обстоятельствахъ, но теперь ужъ никогда не осуществится. Дѣйствующія лица въ сценкахъ, увѣковѣченныхъ Бельманомъ, жили, веселились, безумствовали, какъ жили и дѣйствовали герои романовъ Чарльза Диккенса. Такъ напр. Фридманъ, подъ именемъ котораго Бельманъ печаталъ главныя свои сочиненія, былъ извѣстнымъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ въ Стокгольмѣ, «безъ часовъ, безъ мастерской и безъ склада», какъ его описалъ одинъ современникъ *), точно также и Мольберги, Мовицы и другіе. Отвращеніе къ настоящему и сильное желаніе избавиться отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, изъ которыхъ оно всецѣло состоитъ, побуждаютъ ихъ предаваться пьянству, разгулу, всякой невоздержности. Подобно сумасброднымъ кутиламъ чумной Флоренціи, они танцуютъ на краю могилы, зіяющія глубины которой они время отъ времени замѣчаютъ сквозь благоухающіе цвѣты. Этотъ ужасный контрастъ, между настоящимъ и близкимъ будущимъ, который не столько выражается, сколько чувствуется, между окружающимъ адомъ и далекимъ раемъ, между исчезнувшими на вѣки идеалами и скотской дѣйствительностью, наполняетъ насъ невыразимой грустью. Хвала вину и разврату, которой, при первомъ взглядѣ, кажется исчерпаннымъ содержаніе Бальмановыхъ пѣсенъ, въ сущности ничто иное какъ одна изъ красокъ, необходимыхъ для писанія эффектной картины, и можно смѣло и безъ преувеличенія утверждать, что каждый изъ этихъ повидимому циническихъ разсказовъ — настоящая священная проповѣдь, доступная всѣмъ и

*) Онъ умеръ въ 1767 г.

каждому. Всѣ факторы, содѣйствующіе достиженію общаго результата, до того гармонируютъ между собою, до того художественно слиты воедино, что трудно указать, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. Мы ясно видимъ передъ собою всѣ элементы комедіи—нерѣдко даже фарса, а между тѣмъ сердце надрывается отъ жалости, душа сокрушается грустью по мѣрѣ того, какъ мы угадываемъ трагедію, описанную поэтомъ лишь секретными чернилами искусства. Средства, при помощи которыхъ достигается этотъ чудодѣйственный результатъ, рѣдко поддающіяся критическому анализу, часто совсѣмъ неуловимы. Иногда они заключаются въ одномъ лишь выраженіи, иногда въ поэтическомъ размѣрѣ, въ заунывномъ мотивѣ, нерѣдко въ сліяніи всѣхъ трехъ пріемовъ.

Эти пѣсни будутъ жить, пока существуетъ шведская литература, и эстетическое наслажденіе, которое онѣ способны доставлять читателю иностранцу, служило бы вполнѣ достаточнымъ вознагражденіемъ трудовъ, посвященныхъ изученію шведскаго языка. Современники Бельмана, воспитанные на произведеніяхъ псевдоклассицизма, были болѣе прихотливы и были довольны лишь тогда, когда самъ Бельманъ исполнялъ свои пѣсни. Въ какой степени это исполненіе содѣйствовало ихъ успѣху и помогало поэту преодолѣвать укоренившіеся предразсудки людей, подобныхъ Кельгрену, видно изъ того, что вскорѣ послѣ смерти Бельмана и его пѣсни были совершенно забыты, и только впослѣдствіи романтическая школа возбудила опять къ нему прежній интересъ.

Трудно себѣ представить чудодѣйственный эффектъ, который Бельманъ производилъ на своихъ слушателей; одни разсказы объ исполненіи имъ собственныхъ пѣсенъ заставили чужихъ любопытныхъ заплатить его долги и освободить его изъ тюрьмы въ надеждѣ хоть разъ послушать его. Его послѣднее появленіе въ качествѣ восторженнаго исполнителя собственныхъ произведеній драматически описано шведскимъ критикомъ Аттербомомъ: «Чувствуя приближеніе послѣдняго часа, онъ далъ знать друзьямъ, что хочетъ провести съ ними нѣсколько веселыхъ часовъ, какъ въ доброе старое время. Вошедши въ комнату, онъ казался собраннымъ тамъ друзьямъ скорѣе тѣнью, чѣмъ человѣкомъ; одна лишь улыбка, имъ знакомая, сіяла на лицѣ его, какъ въ былое время. Онъ сказалъ имъ, что ему хотѣлось дать имъ возможность «послушать Бельмана», въ послѣдній разъ—и затѣмъ началъ пѣть. Никогда въ жизни до такой степени не владѣлъ имъ «духъ пѣнія», какъ въ эту ночь, когда онъ собралъ всѣ лучи творческой силы въ зажигательную точку для этого прощанія. Цѣлую ночь онъ пѣлъ, одушевляемый безпрерывнымъ вдохновеніемъ, воспѣвая свою веселую жизнь, своего добраго короля и изливая чувство благодарности прови-

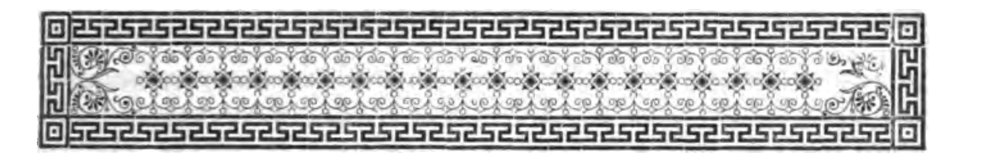
дѣнію, позволившему ему жить среди благороднаго народа въ славной землѣ скандинавской. Онъ высказалъ наконецъ каждому свою признательность въ особой импровизированной строфѣ и особымъ мотивомъ, характеризующимъ какъ личность воспѣваемаго, такъ и его отношенія къ поэту. Когда наконецъ занялась заря, его друзья со слезами на глазахъ умоляли его отдохнуть и пощадить страдающую грудь, на что онъ воскликнулъ: «давай, умремъ какъ мы жили—въ музыкѣ»!—затѣмъ, опорожнивъ бокалъ свой, онъ запѣлъ послѣднюю строфу своей пѣсни—и пѣвецъ такъ и замолкъ на вѣки *).

Были у Бельмана подражатели, ученики, называвшіеся «родными», изъ которыхъ двое, Кексель 1748(—1796 г.) и Гальманъ (1732—1800 г.), его интимные друзья, составляли съ нимъ вмѣстѣ такъ называемый трилистникъ. Кексель былъ весельчакомъ, живущимъ изо дня въ день по евангельскому изреченію: что довлѣетъ дневи злоба его. За свои политическія статьи онъ былъ неоднократно приговариваемъ къ уплатѣ большихъ денежныхъ штрафовъ и былъ одно время даже принужденъ оставить отечество. Онъ обладалъ незауряднымъ юморомъ, и его двѣ комедіи «Капитанъ Пуфъ или большой хвастунъ» (Kapten Puff eller Storpratаren) и «Михель Винглеръ или лучше быть безъ хлѣба, нежели безъ находчивости» (Michel Wingler eller bättra vara brödlös än rådlos), принадлежатъ къ лучшимъ комедіямъ шведской сцены. Гальманъ хотя и много писалъ, но заслуживаетъ вниманія исключительно какъ авторъ извѣстной комедіи: «Случай вора создаетъ» (Tillfället gör Tjufven), ни чѣмъ не уступающей «Капитану Пуфу».

Э. Дилленъ.

---

*) Бельманъ еще не скоро умеръ физически; но какъ пѣвецъ, музыкантъ, поэтъ, юмористъ, онъ проявилъ себя въ эту ночь въ послѣдній разъ.



ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Д. Смирнова.

I. Объемъ Турецкой литературы.—Источники и пособія.

Прежде чѣмъ повести рѣчь о самомъ предметѣ настоящаго очерка, считаемъ необходимымъ обозначить тѣ границы, въ какихъ онъ будетъ разсматриваться.

Названіе литературы турецкою, какъ и самое имя турокъ, въ дѣйствительности очень широко и неопредѣленно, и если бы стать строго держаться его, то слѣдовало бы обозрѣвать произведенія словеснаго творчества не однихъ турковъ-османовъ, а цѣлой массы обитателей обширныхъ пространствъ Средней Азіи, которыя тянутся отъ Сѣвернаго океана до предѣловъ Персіи, отъ Индіи и Китая и отъ Корейскаго пролива до береговъ Каспійскаго моря. Мы знаемъ, что существуютъ различные якуты, всѣхъ видовъ татаре, башкиры киргизы, кумыки, тюркмены и т. д.; но, вѣроятно, многіе и не подозрѣваютъ, что это тоже турки, или, правильнѣе, тюрки, родные братья османлы, которыхъ однихъ мы только и называемъ турками. Но османлы брезгуютъ общеродовымъ своимъ названіемъ тюркъ, допуская употребленіе его лишь въ книжномъ языкѣ историческихъ сочиненій да въ пословицахъ, въ которыхъ оно является синонимомъ грубый, мужикъ, дикарь, въ томъ родѣ какъ великоруссы и малороссы употребляютъ слова хохолъ и москаль для взаимнаго, не очень любезнаго, величанія. «Для турка городъ покажется тюрьмою»; «Турокъ будетъ ученымъ, но человѣкомъ не будетъ»; «Турку дали княжескую власть, а онъ прежде всего убилъ своего отца»—гласятъ османскія пословицы. Выдѣляя себя изъ ряда другихъ родственныхъ себѣ племенъ, тюрки османскіе называютъ себя османлы=«османскій», «османецъ», слѣдуя тому исконному обычаю среднеазіатскихъ своихъ собратьевъ, по которому имя главы рода, получившаго въ извѣстное время гегемонію среди другихъ родовъ, становилось именемъ

всего подвластнаго ему народонаселенія. Такъ незадолго до появленія на историческую сцену османлы въ Малой Азіи господствовали единоплеменные имъ сельджуки: явились османлы, и сельджуки исчезли. Куда же они дѣвались? Этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ: какъ это ничтожная вначалѣ орда Османа въ короткое время могла разростись въ цѣлую націю и подчинить себѣ столько другихъ, чуждыхъ ей по языку и вѣрѣ народностей, обитавшихъ на территоріи прежней Византійской имперіи? Очень просто: орда Османа, благодаря его личнымъ качествамъ — военному мужеству и политической ловкости—сдѣлалась центромъ, къ которому примкнули мелкія княжества, находившіяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ сельджукскому султану Иконіи, съ готовымъ народонаселеніемъ, съ готовою военною, и, какою ни на есть, гражданскою организаціею. Въ этотъ моментъ, т.-е. въ концѣ XIII и началѣ XIV в., совершилась только одна, и притомъ уже послѣдняя, изъ неоднократныхъ политическихъ группировокъ народцевъ тюркскаго племени, гораздо раньше водворившихся въ Передней Азіи и теперь соединившихся подъ знаменемъ и династическимъ именемъ Османа: сельджуки оффиціально переименовались въ османлы, а тѣ и другіе суть тюрки, которые составляютъ только одно крайнее звено въ цѣлой цѣпи тюркскихъ племенъ, тянущейся отъ Босфора почти до Берингова пролива.

Настоящій очеркъ посвящается исключительно литературѣ турковъ османскихъ, т.-е. господствующей національности нынѣшней Отоманской имперіи, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Благодаря трудамъ собирателей народнаго творчества тюрковъ, каковы напримѣръ труды г. Радлова (Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme. Sptb. 1866 и д.), г. Османова (Сборникъ памятниковъ народной словесности ногайскихъ кумыковъ), и др., мы имѣемъ въ рукахъ богатый матеріалъ для знакомства съ первобытнымъ міровоззрѣніемъ тюркскихъ племенъ, не выработавшихъ собственной культуры и не подвергавшихся никакому чужому культурному вліянію. Бухара и Самаркандъ были нѣкогда центрами тюркско-мусульманской образованности, и одно изъ среднеазіатскихъ тюркскихъ нарѣчій — джагатайское—имѣло тамъ весьма замѣчательныхъ литературныхъ представителей—Миръ-Али-Шира и императора Бабера.

Но при всемъ родствѣ турковъ-османлы съ обитателями степныхъ пространствъ Средней Азіи и крайнихъ предѣловъ нашихъ восточныхъ окраинъ, историческія и другія условія, разобщивъ ихъ, сдѣлали то, что одни изъ тюрковъ остаются доселѣ въ полудикомъ состояніи, каковы башкиры, киргизы и т. п.; джагатайская литература тоже не двинулась въ своемъ развитіи дальше сочиненій вышеназванныхъ писателей, и только одни османлы пошли далѣе всѣхъ

прочихъ соплеменниковъ своихъ въ литературномъ отношеніи, такъ что Стамбулъ въ послѣднее время сталъ для мусульманъ такимъ же центромъ образованности, какими были въ свое время Самаркандъ и Бухара. Наши казанскіе татаре, напримѣръ, начали массами вывозить изъ Константинополя книги и цѣликомъ перепечатывать ихъ для собственнаго употребленія. Этого явленія нельзя приписать простой случайности. Османлы, какъ бы то ни было, составляютъ крупную государственную единицу, еще и доселѣ не совсѣмъ утратившую свое политическое значеніе. Османское нарѣчіе, будучи богаче и развитѣе всѣхъ остальныхъ тюркскихъ нарѣчій въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ, отличается необыкновеннымъ благозвучіемъ, благодаря сильно развитому въ немъ сингармонизму гласныхъ звуковъ.

Любовь къ книжному ученію всегда составляла выдающуюся черту мусульманскихъ народовъ вообще и турковъ въ частности. Посвоему рекомендуемое Кораномъ, это ученіе находило себѣ ревностныхъ покровителей и непосредственныхъ дѣятелей въ османскихъ султанахъ, и мы нисколько не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что литература, или, выражаясь скромнѣе, письменность144 османовъ громадна. Та исконная, историческая враждебность, которую всегда питали европейцы къ туркамъ, породила вообще презрительное отношеніе ко всему турецкому, въ томъ числѣ и къ литературѣ. Но недостаточное развитіе культуры среди турковъ еще не доказываетъ исконной ихъ неспособности къ этой культурѣ. Своеобразность склада ихъ литературы еще не доказываетъ ея ничтожности во всѣ времена ихъ историческаго существованія. Мусульманскій духъ, которымъ проникнута турецкая литература во всѣхъ ея родахъ и видахъ, еще не есть черта, безусловно лишающая ее всякаго историческаго значенія. Арабы были тоже мусульмане; но это не помѣшало имъ хоть на время войти въ колею общечеловѣческой образованности, стать передатчиками результатовъ древне-классической науки новымъ народамъ и такимъ образомъ занять непослѣднее мѣсто въ исторіи человѣческой культуры. Турковъ, конечно, нельзя поставить въ этомъ отношеніи въ одинъ уровень съ арабами; но причину этого слѣдуетъ искать не исключительно въ безнадежной природной тупости этого племени, а скорѣе въ историческихъ условіяхъ его существованія.

Арабы, вдоволь повоевавъ во имя своей религіи, затѣмъ имѣли возможность нѣкоторое время предаться отдыху; располагали философскимъ досугомъ, во время котораго они и могли заняться науками. Не такъ было съ турками: ихъ національная община все время представляла военный лагерь; территорія ихъ владѣній никогда не имѣла опредѣленныхъ и естественно законченныхъ границъ; они постоянно жили вперемежку съ упорно враждебными имъ энергичными, чуж-

дыми по происхожденію и вѣрѣ національными элементами, что мѣшало ихъ полному сплоченію и крѣпкому объединенію, отвлекало ихъ силы въ одну воинственную сторону, питая завоевательный аппетитъ ихъ и развивая въ нихъ самодовольную фанатическую заядлость.

Порывистое напряженіе силъ періодически смѣнялось апатіею, пока не наступило полнаго истощенія этихъ силъ, ставшаго столь очевиднымъ въ наши дни. Въ то же время мусульманскій фанатизмъ турковъ мѣшалъ мирному сближенію и умственному общенію ихъ съ европейцами, успѣвшими уже овладѣть сокровищами науки и цивилизаціи классическаго міра. Не смотря на это, турки не все только занимались войною: среди нихъ являлись люди, сильные дарованіемъ и съ ревностью предававшіеся своего рода литературнымъ занятіямъ; всобенности развита въ нихъ была, судя по количеству произведеній, любовь къ бытописанію и поэзіи, и притомъ съ очень давняго времени. Порою обнаруживались у нихъ признаки порывовъ критической мысли и стремленія къ знакомству съ европейскою наукою; это вособенности замѣтно въ эпоху наибольшаго политическаго могущества Отоманской имперіи; но деспотическо-фанатическій складъ внутренняго быта вмѣстѣ съ разъѣдающею государственную цѣлость національною пестротою населенія и рознью его интересовъ не дали туркамъ воспользоваться этимъ могуществомъ для своего культурнаго развитія и стяжать себѣ достойное ихъ военной славы имя на поприщѣ научныхъ завоеваній. Тѣмъ не менѣе народъ этотъ жилъ же какою ни на есть идеальною жизнью: турки думали же иногда и мечтали о чемъ-нибудь; увлекались и восторгались чѣмъ-нибудь; стремились или питали отвращеніе къ чему-нибудь. Все это такъ или иначе выражалось въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя удовлетворяли ихъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. У нихъ не мало лѣтописныхъ памятниковъ; поэты у нихъ считаются десятками, хотя не всѣ, какъ историки такъ и поэты, равнаго достоинства. Но есть между ними такіе, произведеніями которыхъ турки и до сихъ поръ восторгаются, хотя намъ, конечно, трудно вполнѣ постигнуть тѣ качества, которыя составляютъ въ глазахъ турковъ прелесть этихъ литературныхъ произведеній, ибо вкусъ и взгляды восточныхъ людей слишкомъ разнятся отъ вкусовъ и понятій европейцевъ: въ чемъ одни находятъ красоту и прелесть, въ томъ другіе, напротивъ, усмотрятъ, пожалуй, несовершенство.

А между тѣмъ, если безпристрастно разсматривать литературныя произведенія турковъ, то, кромѣ своеобразныхъ и чуждыхъ нашему пониманію и вкусу чертъ, мы найдемъ въ нихъ очень много такого, чему и мы можемъ сочувствовать, какъ общечеловѣческому: многіе мотивы османской эпопеи «Сирети-Сейидъ-Батталь», какъ она

ни утомительна своимъ однообразнымъ мусульманскимъ фанатическимъ направленіемъ, напоминаютъ намъ нѣкоторые эпизоды нашихъ былинъ.

Лирическія пѣсни турковъ иногда дышатъ такимъ чистымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ любви, существованіе какого европейцы съ трудомъ допускаютъ въ туркахъ, представляя ихъ, и не безъ основанія впрочемъ, не иначе, какъ въ образѣ самыхъ пошлыхъ рабовъ противуестественнаго порока. Въ этой лирикѣ преобладаютъ, правда, піетическія мечтанія или ландшафты и картины; но первое находится въ связи съ ихъ мусульманско-фаталистическимъ міровоззрѣніемъ, а второе есть естественное слѣдствіе впечатлѣній отъ благодатной природы, красоты которой, едва доступныя воображенію обитателей сѣверныхъ странъ Европы, невольно плѣняютъ всякаго, кто живетъ или бываетъ вблизи ихъ.

Сатирическія обличенія иногда очень грубы въ способѣ выраженій, но не могутъ не вызывать нашего сочувствія, ибо въ нихъ видѣнъ протестъ оскорбленнаго человѣческаго сердца, ищущаго и не находящаго кругомъ себя правды. Панегирическій тонъ османскихъ бытописателей нерѣдко есть только литературная манера, и не мѣшалъ имъ по временамъ отзываться со строгостью безпристрастнаго судьи о нѣкоторыхъ историческихъ лицахъ и ихъ дѣяніяхъ весьма и весьма неодобрительно. Аскетическій взглядъ мусульманской религіи на изящныя искусства не въ состояніи былъ окончательно искоренить въ туркахъ врожденнаго людямъ чувства прекраснаго, и они не скрываютъ своихъ восторговъ отъ изящнаго, когда представляется къ тому случай, какъ это видно, напримѣръ, иногда у историковъ. Строгое правовѣріе не исключало трезваго взгляда мыслящихъ людей даже на нѣкоторыя проявленія религіозной жизни: они критически относились къ уродливымъ сторонамъ религіознаго культа, каковы, напримѣръ, радѣнія вертящихся дервишей.

Современная турецкая литература находится въ положеніи весьма аналогическомъ съ состояніемъ нашей русской литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Турки во множествѣ переводятъ, преимущественно съ французскаго, на свой языкъ различныя сочиненія, какъ научныя, такъ, главнымъ образомъ, и беллетристическія. Есть у нихъ, правда, и попытки самостоятельнаго творчества въ европейскомъ стилѣ, тоже сильно напоминающія сочиненія нашихъ писателей прошлаго столѣтія. Зато періодическая пресса сдѣлала большіе успѣхи: турки имѣютъ нѣсколько большихъ ежедневныхъ газетъ, нисколько не уступающихъ нашимъ въ веденіи дѣла и пониманіи задачъ общественныхъ органовъ, хотя свобода слова у нихъ находится еще въ болѣе ограниченныхъ, чѣмъ у насъ, условіяхъ. Турецкая администрація мало чему хорошему научилась у своихъ европей-

скихъ просвѣтителей, но отлично постигла и практикуетъ разныя предостереженія, запрещенія, и т. п.

Послѣ всего этого, странно какъ-то встрѣчать въ такихъ историко-литературныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, „Всеобщая исторія литературы" Шерра, завѣдомое легкомысленное игнорированье литературы турецкой, свидѣтельствующее только о полной безпомощности автора въ разработкѣ предмета, просто-на-просто недоступнаго ему по незнанію языка этой литературы и по недостатку пособій къ ознакомленію съ этою литературой.

Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, мы должны признаться, что ихъ весьма немного. Одни изъ нихъ представляютъ не болѣе, какъ собраніе сырого матеріала въ переводѣ сомнительной точности, какова Hammer's Geschichte der Osmanischen Dichtkunst bis auf unsere Zeit mit einer Blüthenlese aus zweitausend zweihundert Dichtern (Pest, 1838); Biographische Nachrichten von vorzüglichen Türkischen Dichtern, nebst einer Blüthenlese aus ihren Werken. Aus dem Türkischen übersetzt von Thomas Chabert (Zürich, 1800). Другія заключаются въ компилятивныхъ біографическихъ очеркахъ османскихъ поэтовъ, какъ, напримѣръ,—Servan de Sugny, La Muse Ottomane (Genéve, 1853) и Gibb, Ottoman poems translated into Englisch verse, with introduction, biographical notices and notes (London, 1882). Существуютъ и систематическіе обзоры турецкой литературы, но слишкомъ бѣглые и краткіе и притомъ не всегда основанные на первоисточникахъ. Таковы, напримѣръ: G. Toderini, Letteratura turchesca (Venise, 1787); затѣмъ статьи M-me Dora D'Istria въ флорентійскомъ журналѣ La rivista europea, 1877, T. I, и ея же отдѣльная книжка подъ заглавіемъ La poésie des ottomans (Paris, 1877); статья On the history, system and varities of turkish poetry, by I. W. Redhouse въ Transact. Roy. Soc. of Literature, vol. XII, part I, 1879; очеркъ турецкой литературы во введеніи къ Grammaire Turke, par A. L. Davids (Londres, 1836); переводная съ французскаго статья „О состояніи литературы въ Турціи съ начала XIX столѣтія" Диттеля, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. XIII. Къ этому можно еще присоединить нѣсколько статеекъ, разсѣянныхъ въ журналахъ Fundgruben des Orients, Journal Asiatique, Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft; нѣсколько изданій текстовъ съ переводами, напр. Conseils de Nabi, par M. Pavet de Courteille (Paris 1857), Lexicon Bibliographicum—арабскій текстъ съ латинскимъ переводомъ библіографическаго словаря Кятибъ-Челеби, сдѣланный Флюгелемъ. Есть и изданія однихъ только переводовъ, какъ, напр., переводъ поэмы Gül u Bulbul, von Hammer (Pest, 1834); его же переводъ Baki's des grössten türkischen Lyrikers Divan (Wien, 1825); или переводы очень немногихъ историческихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, итальянскій переводъ первой части историческаго сочиненія „Татжу-т-теварихъ" Братутти; никуда негодный англійскій переводъ первой части „Тарихи-Наъима" какого-то Fraser'a, да нѣмецкіе переводы Die Vierzig Veziere oder weisen Meister, von Behrnauer (Leipzig, 1851); Die Fahrten des Sajid Batthal, von H. Ethé (Leipzig. 1871), и др. Переводы же и статьи нѣмецкаго оріенталиста Дица, какъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ и въ его Denkwürdigkeiten von Asien (Berlin 1811), крайне ненадежны по своей неточности и неосновательности. Прекрасное явленіе составляетъ недавно сдѣланный венгерскимъ оріенталистомъ Игнатіемъ Куношомъ сборникъ въ двухъ томахъ произведеній народной словесности турковъ—сказокъ, загадокъ и пѣсенъ. Къ сожалѣнію, этотъ сборникъ, подъ заглавіемъ Oszmán-Török népköltési gyüjtemény. Szóbeli közlés után gyüjtötte D-r Kúnos Ignácz (Budapest. I.—1887, II,—1889), заключая въ себѣ транскрипцію турецкихъ текстовъ отчасти съ венгерскими переводами, только и доступенъ лишь оріен-

талистамъ, могущимъ понимать тексты; переводы же доступны однимъ соотечественникамъ г. Куноша.

Здѣсь указано почти все важнѣйшее, что сдѣлано европейскими оріенталистами по части изслѣдованія турецкой литературы. Затѣмъ существуетъ большое количество источниковъ въ турецкихъ подлинникахъ, которые частію напечатаны, но безъ всякой критической обработки, самими турками; частію же остаются въ рукописяхъ и составляютъ библіографическую рѣдкость; частію, наконецъ, извѣстны только по наименованіямъ въ турецкихъ тэзкерэ=библіографическихъ словаряхъ, но доселѣ не отысканы, или давнымъ-давно утрачены.

II. Народно-устная литература турковъ.—Ихъ пословицы, загадки, сказки, былины и пѣсни.—Популярныя въ народѣ книжныя произведенія.

Въ хронологическомъ обозрѣніи литературы первое мѣсто обыкновенно отводится произведеніямъ народно-устнымъ, въ томъ предположеніи, что народное творчество предшествуетъ книжной продуктивности. Хотя памятники народной словесности—пословицы, загадки, сказки, героическія сказанія и т. п.,—приводятся въ извѣстность довольно поздно, лишь съ развитіемъ научныхъ изслѣдованій и значительно видоизмѣненные, тѣмъ не менѣе однако же критическія разысканія открываютъ въ нихъ остатки преданій самыхъ отдаленныхъ эпохъ народной жизни.

Если бы дѣло шло о туркахъ въ обширномъ смыслѣ, то мы бы располагали огромнымъ запасомъ чисто народныхъ памятниковъ, какой заключается въ сборникѣ г. Радлова и другихъ постоянно время отъ времени появляющихся въ свѣтъ сборникахъ.

(Напр. г. Пантусовъ издалъ „Пѣсни таранчинскихъ татаръ" (Казань, 1881 г.) Въ „Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества", въ первомъ выпускѣ (Казань, 1870) и въ вып. третьемъ (Оренбургъ, 1875 г.), напечатаны сборники киргизскихъ, башкирскихъ и татарскихъ пѣсенъ)

Многія тюркскія племена, хоть, напримѣръ, самые близкіе къ намъ киргизы, доселѣ не имѣютъ вовсе письменъ. Русскіе ихъ просвѣтители желали бы привить у нихъ русскую азбуку; а казанско-татарскіе пропагандисты навязываютъ имъ свою мусульманскую грамоту; но ни та, ни другая пока не получила у нихъ сколько-нибудь прочнаго приложенія и распространенія; за которою останется преимущество, покажетъ время. Что же касается собственно османлы и ближайшихъ ихъ соплеменниковъ сельджуковъ, то они съ незапамятныхъ временъ, по крайней мѣрѣ не позже XI в., являются исповѣдующими исламъ, съ которымъ они отъ арабовъ и персовъ получили готовую арабскую письменность. Легенда про эмира *) Османа I, имя

*) Титулъ султана впервые усвоенъ четвертымъ главою Отоманской имперіи.

котораго носитъ основанное имъ государство и династія, представляетъ его грамотнымъ человѣкомъ, ибо онъ читаетъ Коранъ, заночевавъ въ домѣ своего будущаго тестя шейха Эдебали, когда онъ ухаживалъ за дочерью послѣдняго, красавицею Мальхатунъ. Въ сборникѣ государственныхъ грамотъ—Муншіъати-салатинъ, составленномъ въ XVI в. Феридунъ-беемъ († 1583) на основаніи архивныхъ матеріаловъ, находится, между прочимъ, бератъ=«грамота», данная послѣднимъ Иконійскимъ сельджукскимъ султаномъ Осману I на право владычества въ отведенныхъ ему земляхъ сельджукскаго султаната. Языкъ грамотъ, приписываемыхъ эпохѣ Османа I и преемника его Орхана I (1325—1359), позволяетъ думать, что онѣ не поддѣланы. Объ этомъ послѣднемъ эмирѣ всѣ турецкіе лѣтописцы единогласно говорятъ, какъ о ревностномъ покровителѣ книжнаго просвѣщенія въ своихъ владѣніяхъ, который основалъ двѣ большія школы—медресэ въ Никеѣ и Брусѣ, первой столицѣ Оттоманскаго государства. Всѣ почти послѣдующіе султаны не чуждались литературной жизни—открывали школы, основывали библіотеки, любили слушать бесѣды и споры улема = «ученыхъ» и приглашать на свои хальвэты = «интимныя увеселительныя собранія»—поэтовъ и людей, славившихся своимъ остроуміемъ; очень многіе изъ нихъ сами пописывали стихи. Всему этому есть фактическія подтвержденія. Это показываетъ, что грамотность рано привилась къ туркамъ вмѣстѣ съ религіею. Ее не приходилось насаждать наново, ибо она существовала и прежде среди тюркско-сельджукскаго населенія, въ готовыя гнѣздилища котораго засѣли потомъ османлы въ качествѣ новыхъ владыкъ этихъ мѣстъ и этого народонаселенія. Раннее же развитіе книжности должно было неблагопріятно отразиться на народной словесности, которая непремѣнно должна была парализоваться и современемъ совершенно вытѣсниться книжною. Такъ было съ нашею русскою народною словесностью, такъ случилось и съ турецкою.

Наибольшею самобытностію, надо полагать, все-таки должны отличаться пословицы. У турковъ ихъ довольно много, и въ послѣднее время ихъ издано уже нѣсколько сборниковъ. Для насъ особенно замѣчательно то, что между ними весьма много сходныхъ съ нашими русскими, не только по мысли, но даже иногда дословно, напримѣръ: «Турокъ уменъ заднимъ умомъ»; «У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ»; «Упавшій въ море хватается и за змѣю»; «Ворона воронѣ глазъ не выклюетъ»; «Съ глазъ долой—изъ памяти вонъ»; «На чьемъ возу сидишь, того и пѣсенку пой». Эти и имъ подобныя пословицы точно будто цѣликомъ переняты у насъ, хотя, въ дѣйствительности, конечно, не было никакого заимствованія: сходство нѣкоторыхъ условій первобытной жизни могло одинаково отразиться въ сознаніи того

и другого народа. Сами турки, какъ вообще восточные народы, у которыхъ воображеніе работаетъ сильнѣе разсудка, весьма высоко цѣнятъ пословицы: образное, хотя бы и не вполнѣ вѣрное, представленіе истины сильнѣе плѣняетъ умъ восточнаго человѣка, чѣмъ точное, строго логическое умозаключеніе. Турки называютъ пословицы аталаръ сöзю=«слова отцовъ (предковъ)». Дицъ издалъ сборникъ турецкихъ пословицъ, который носитъ названіе Огузъ-намэ = «Книга Огуза». Огузъ считается однимъ изъ владѣтельныхъ предковъ тюркскихъ, жизнь и дѣятельность котораго относится къ очень отдаленнымъ временамъ, такъ что личность его стала почти-что миѳическою. Этому Огузу приписывается собраніе различныхъ нравоучительныхъ сочиненій, между прочимъ и особаго рода сентенцій, равносильныхъ пословицамъ. Одна изъ этихъ пословицъ гласитъ такъ: «Слова предковъ (пословицы) не входятъ въ Коранъ, но бокъ-о-бокъ съ Кораномъ распространяются»: высшаго значенія, какое придано пословицамъ сопоставленіемъ ихъ съ священною книгою мусульманъ, и ожидать нельзя отъ мусульманъ. Но и на этой области народнаго словеснаго творчества, на турецкихъ пословицахъ уже лежитъ замѣтная печать книжности. Любовь къ приточному образу выраженія и гномическому подтвержденію своихъ мыслей повела къ тому, что рядомъ съ чисто народными пословицами не мало обращается въ народѣ изреченій извѣстныхъ любимыхъ поэтовъ и другихъ остряковъ своего времени. Напр. пословица «Придешь съ деньгами въ рукахъ, скажутъ: эфенди приглашаетъ, а съ пустыми руками—скажутъ: эфенди почиваетъ»—принадлежитъ поэту XVI в. Андалиби. Тѣмъ не менѣе все-таки въ турецкихъ пословицахъ очень много характернаго: въ нихъ турокъ, напримѣръ, отбрасываетъ свою спесь и совершенно безпристрастно отзывается о своей лѣни и грубости, говоря: «Османлы на телѣгѣ гоняется за зайцемъ»; «Для османлы нѣтъ право лѣво» и т. п. Въ сборникѣ Огузъ-намэ въ числѣ пословицъ, отличающихся самою примитивною простотою и беззастѣнчивостью, въ родѣ того, что «Никому свой пометъ не воняетъ», есть также напоминающія собою библейскія изреченія изъ книги Сираха, какъ напр.: «Не часто ходи въ домъ друга своего, чтобы ему не надоѣло постоянно видѣть тебя». Далѣе, рядомъ съ краткими афоризмами есть довольно длинныя размышленія, представляющія какъ бы цѣлую цѣпь однородныхъ изреченій. Вотъ одно изъ нихъ, характеризующее турецкій взглядъ на родственныя отношенія. «Предкамъ говорили: «У меня умеръ отецъ». «Это на твою голову», отвѣчали они.—Скажутъ имъ: «У меня мать умерла». «Ты сталъ сирота», отвѣчаютъ.—Скажутъ: «У меня померъ сынъ». «Стрѣла въ сердце твое вонзилась», отвѣчаютъ они.—Скажутъ: «У меня умерла дочь». «Отъ расходовъ избавился», отвѣтятъ.—Скажутъ: «У меня

умеръ братъ». «Ты сталъ чужаниномъ въ твоемъ мѣстѣ и племени», отвѣтятъ.—Скажутъ: «У меня умерла жена». Отвѣтятъ: «Твоя постель обновилась».—Скажутъ: «У меня умеръ сосѣдъ». «Ты совѣтчика лишился», отвѣтятъ.—Скажутъ: «Померли мои родственники». Отвѣтятъ: «Ахъ, какая радость тебѣ!»

Если бы предѣлы настоящаго обзора позволяли войдти въ болѣе близкое разсмотрѣніе турецкихъ пословицъ, то въ нихъ можно бы было найдти всѣ категоріи, по которымъ принято распредѣлять этотъ видъ народно-устной словесности: въ числѣ ихъ есть пословицы бытовыя, историческія; характеризующія мѣстности и народы поговорки, какъ напр.: «Адріанопольскій языкъ», «Брусскія враки»; «У татаръ и отца на базаръ», и т. п. Мусульманство тоже не осталось безъ практическаго приложенія къ жизни и дало обильный матеріалъ для такъ называемой народной мудрости, выраженіемъ которой служатъ пословицы, изъ коихъ многія касаются предметовъ вѣры, а также и внѣшнихъ аттрибутовъ весьма несложнаго мусульманскаго культа.

Кромѣ той простой формы, какую пословицы имѣютъ въ народномъ обращеніи у турковъ, онѣ являются у нихъ еще и въ обработанномъ видѣ, т.-е. передѣланными въ правильные стихи. А въ послѣднее время турецкій литераторъ Ахмедъ-Мидхатъ-эфенди предпринялъ-было составленіе цѣлыхъ разсказовъ на пословицы, но почему-то, написавъ всего съ десятокъ такихъ разсказовъ, остановился.

Кромѣ пословицъ, печать народной старины носятъ на себѣ также еще загадки. Намъ извѣстно весьма небольшое количество османскихъ загадокъ въ сборникѣ Куноша; но онѣ такъ разнообразны по своему содержанію, начиная отъ солнца до желѣзной дороги включительно, что разобраться въ степени ихъ древности и оригинальности не совсѣмъ-то легко. Онѣ гораздо интереснѣе по своей словесной формѣ, чѣмъ по содержанію, хотя и тутъ уже сильно отразились черты мусульманскаго міросозерцанія, сглаживающаго коренныя особенности турецкаго народнаго быта. Напримѣръ: «Въ потемкахъ кади сидитъ, надѣвши свой колпакъ поетъ» (пѣтухъ); или: «Сверху дерево, снизу дерево, внутри окровавленный софта» (ножъ); или: «Съ неба упало пять яблокъ—три лѣтомъ, два осенью» (молитва), и т. п. Изъ предметовъ природы и человѣческаго быта больше всего встрѣчается загадокъ, относящихся къ солнцу, къ овощамъ и фруктамъ, къ домашнимъ насѣкомымъ (блохамъ и т. п.); изъ животныхъ—къ курицѣ и крысѣ; изъ домашней утвари—къ двери, ключу, вѣсамъ, ножу; изъ одежды—къ штанамъ и сапогамъ; къ разнымъ членамъ тѣла; ко сну, къ письму, къ молитвѣ, и т. д. Есть такія, которыя, какъ и въ другихъ языкахъ, содержатъ въ себѣ тривіальныя сопоставленія загадываемыхъ предметовъ съ извѣстными другими, какъ, напр., загадка о

мельницѣ; иныя же прямо касаются предметовъ, изъ приличія умалчиваемыхъ въ разговорѣ. Обыкновенно загадки сложены риѳмою, которая внятна и благозвучна всякому, даже не понимающему смысла этихъ загадокъ. Напримѣръ: «Биръ кючуджюкъ зембиль—бенъ сöйлерымъ сенъ биль»=«Малесенькій мѣшечекъ—я скажу, а ты узнай» (письмо); или: «Дагда Даламанъ, суда Сулейманъ, эвдэ Османъ, капыда Арсланъ»=«Въ горахъ Даламанъ, въ водѣ Сулейманъ, въ домѣ Османъ, а у воротъ Арсланъ» (собака); или: «Чинъ-чинни хаммâмъ, куббэси тамâмъ, биръ гэлинъ алдымъ, бабасы имâмъ» (часы).

Есть также и искусственныя загадки, сочиненныя правильнымъ стихотворнымъ размѣромъ; но онѣ уже представляютъ собою только результатъ чьего-нибудь авторскаго остроумія и находчивости, а не служатъ отраженіемъ міровоззрѣнія турецкой народной массы.

Въ сказкахъ всякаго народа отражается много древняго и характернаго. Но бѣда въ томъ, что архаизмъ сказочнаго эпоса какъ-то уживается иногда съ самыми крайними новизнами, преимущественно вслѣдствіе заимствованія извчужа. Отсюда трудность выдѣленія несомнѣнно коренныхъ народныхъ элементовъ изъ смѣси, содержащей въ себѣ и элементы пришлые, наносные, перехваченные извнѣ. Такое положеніе представляется и сказками османскими, и вособенности по той причинѣ, что недавно вышедшее собраніе османскихъ народныхъ сказокъ венгерца Игнатія Куноша *) есть первый въ своемъ родѣ опытъ. Какъ ни драгоцѣненъ этотъ трудъ, но все же онъ оказывается сравнительно позднимъ наблюденіемъ надъ народнымъ творчествомъ турковъ-османлы относительно историческаго времени, прожитаго этимъ выдающимся изъ всей многочисленной тюркской семьи племенемъ. Господствующимъ мотивомъ въ нихъ служитъ отыскиваніе молодцемъ красавицы, томящейся гдѣ-нибудь въ пещерѣ дракона или въ какомъ-нибудь подземельѣ. Героемъ является обыкновенно царевичъ, и притомъ младшій изъ трехъ братьевъ; иногда, впрочемъ, и бѣднякъ, который въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ своею возлюбленною получаетъ царскій тронъ. Героиня также преимущественно принцесса, младшая изъ сестеръ и необычайной красоты, сравниваемой обыкновенно съ луною. Дорога, проходимая героями во время ихъ многочисленныхъ и полныхъ фантастическаго вымысла приключеній, очень длинна и лежитъ большею частію черезъ страну духовъ и царство фей, которыя, въ числѣ трехъ, семи или тридцати, обратившись въ голубей, летаютъ по вселенной и помогаютъ храбрымъ героямъ въ ихъ приключеніяхъ; а состоящая у нихъ въ услуженіи изумрудная птица или волшебный конь про-

*) Oszmân-török népköltési gyüjtemény. I. Kötet. Szóbeli közlés után gyujtötte Dr. Kúnos Ignacz. Budapest. I—1887. II—1889.

вожають мужественныхъ принцевъ на седьмыя небеса и по семи землямъ. Полу-пэри, толстогубый арапъ и тому подобныя существа посылаются спасать любимцевъ Пэри отъ ихъ величайшаго врага—дракона, этого чудища османскихъ сказокъ, изрыгающаго изъ своихъ семи пастей ядъ и пламя, похищающаго и держащаго у себя въ плѣну красивѣйшихъ царевенъ. Даевы, духи низшаго порядка и подчиненные Пэри, стерегутъ сокровища и талисманы; но нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ подчиненіи злымъ духамъ, каковы, напримѣръ, даевъ огня и даевъ вѣтра, или какова мать даевовъ, которая вышиною съ минаретъ, ногами упирается на двѣ огромныя горы, съ отвислыми и крестообразно закинутыми за плечи грудями; которая поджидаетъ странствующихъ искателей приключеній, вѣчно алкая человѣческаго мяса; ее можно задобрить, назвавъ ее «маменькой» и пососавъ ея точащихъ гной и кровь грудей, ибо тогда она смягчается и указываетъ, гдѣ находится талисманъ, посредствомъ котораго можно заставить служить себѣ добрыхъ геніевъ. Съ помощью этого талисмана герой проникаетъ къ живущимъ на апельсинныхъ деревьяхъ феямъ, добываетъ смѣющіяся яблоки, говорящія гранаты и самые разнообразные поющіе плоды. Частности же, которыми обставляются изображаемыя въ сказкахъ приключенія героевъ, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ азіатско-мусульманскому быту османлы: герой, отправляясь въ дальный путь, творитъ по мусульманскому обряду намазъ (молитву); освобождая трехъ дѣвицъ, бывшихъ въ плѣну у дракона, онъ женится на всѣхъ трехъ; красавица даже на уединенномъ свиданіи съ царевичемъ, прежде чѣмъ дозволитъ ему приблизиться къ себѣ, закрываетъ свое лицо яшмакомъ (особаго рода вуалемъ). Восточнымъ турецкимъ колоритомъ отличаются также и описанія мѣстностей и женской красоты: то и другое много напоминаетъ обѣщанный Магометомъ рай съ его обитательницами—хури. Тѣмъ не менѣе однако жь, не смотря на восточно-азіатскую обстановку повѣствуемыхъ въ османскихъ сказкахъ происшествій, не смотря на восточные тюрбаны героевъ и яшмаки героинь, многое въ этихъ сказкахъ напоминаетъ намъ европейскій, вчастности славянскій, сказочный міръ. И не удивительно: сказка преимущественно витаетъ у внутренняго очага домашней жизни, состоящаго изъ женщинъ и дѣтей; харемы же турковъ-османлы, какъ извѣстно, издавна наполнялись женщинами-иноплеменницами черкесской, эллинской и славянской крови. Какъ бы ни сживались и ни свыкались эти невольницы съ чуждымъ имъ бытомъ, онѣ непремѣнно вносили въ этотъ бытъ миѳическія преданія своей родины и черты своей народности.

Земля въ османскихъ сказкахъ, какъ и въ нашихъ, представляется раздѣленною на страны и государства, обитаемыя смертными

людьми и безсмертными феями и великанами. Могущественные падишахи и султаны владычествуютъ надъ милліонами подданныхъ и рабовъ; но на ихъ судьбу нерѣдко оказываютъ сильное вліяніе благодѣтельныя феи или злыя чудовища. Такъ въ одной сказкѣ разсказывается, что нѣкій богатый и могущественный падишахъ былъ несчастенъ, потому что не имѣлъ потомства. Съ горя онъ въ сопровожденіи своего дядьки отправляется въ далекое странствованіе. Разъ во время страшной грозы ему повстрѣчался дервишъ въ зеленомъ кафтанѣ и съ бѣлою бородою, который привѣтствуетъ его какъ царя, вынимаетъ изъ-за пазухи яблоко и дѣлитъ его на двѣ части—одну предназначивъ самому падишаху, а другую для султанши. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого у нихъ рождается царевичъ.

Въ формѣ изложенія османскихъ сказокъ замѣчается обычная у всѣхъ народовъ манера пересыпать разсказъ разными присказками, добавленіями и вставками, часто лишенными смысла и разсчитанными на забавную игру словъ, дающую разсказчику срокъ собраться съ мыслями, чтобы начать разсказъ, или же, когда это въ серединѣ сказки, служащую паузою, позволяющею ему припомнить какія-нибудь забытыя имъ подробности сказочнаго происшествія.

Обыкновенно сказки начинаются такимъ наборомъ фразъ: «Было ли не было ли, въ прежнія времена, въ рѣшетѣ, въ котлѣ; когда верблюдъ былъ факторомъ, а мышь брадобрѣемъ; когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я качалъ отца съ матерью въ люлькѣ качу-баю; а кто ходомъ идетъ, а кто вало́мъ валитъ, у того много совъ; а кто въ садъ войдетъ безъ спросу, тому вотъ что, друзья...; бѣлая борода, черная борода, ватная борода, русая борода, отъ цирульника вышла новая, свѣжая борода; если бы былъ я мясникъ, я-бъ не работалъ ножомъ; если бъ былъ я кузнецъ, не ковалъ бы я лошаковъ; былъ бы я баньщикъ, другу-пріятелю—удовольствіе; но ни одно изъ этихъ дѣлъ не мое дѣло, право-слово; разъ мнѣ на голову обрушилась баня; вы идите чрезъ долину, а я черезъ горную вершину; вы любите маменьку, а я дочку; вы въ сундукъ, а я въ корзину; деревянная лѣстница, каменная лѣстница, земляная лѣстница; по деревянной влѣзъ наверхъ, тамъ дѣвицы—сердце заноетъ какъ вспомнишь», и т. д. Или послѣ самыхъ первыхъ словъ слѣдуетъ такое продолженіе: «Встали и пошли; шли, шли, шли, и горами, и долами; шли полгода, осень шли; оглянулись видимъ—прошли съ ячменное зерно; опять встали; шли, шли, шли—показались китайскаго царя сады; вошли въ одинъ—тамъ мельникъ вертитъ мельницу; возлѣ него кошка; а у кошки глазъ, а у кошки носъ, а у кошки ротъ, а у кошки рука, а у кошки нога, а у кошки ростъ, а у кошки горло, а у кошки ухо, а у кошки лицо, а у кошки волоса, а у кошки хвостъ»... и т. д. Конецъ сказокъ тоже большею

частью одинаковый, въ такомъ родѣ: «сорокъ дней, сорокъ ночей пируютъ и до самой смерти все сидятъ». Вотъ, для образца, сокращенное изложеніе одной сказки довольно характерной и вмѣстѣ граціозной, значащейся подъ № 12 въ сборникѣ Куноша.

У одного царя была дочь такая красавица, какихъ въ мірѣ не было. А жена его держала взаперти одного арапа, къ которому она приходила каждый день и спрашивала: „кто красивъ—мѣсяцъ ли, я ли, ты ли?“ Онъ отвѣчалъ: „всѣ красивы“. Но какъ-то арапъ увидѣлъ проходившую мимо красавицу, которую звали Гранатное-Зернышко, и влюбился въ нее, такъ что на другой день на вопросы царицы отвѣчалъ: „и мѣсяцъ, и ты и я красивы, а Гранатное-Зернышко всѣхъ красивѣе“. Тогда дама подумала, что арапъ отстанетъ отъ нея; повела однажды дѣвушку съ собой въ поле будто на прогулку да и бросила ее тамъ, когда та задремала. Проснувшись, дѣвушка, никогда никуда прежде не выходившая, увидя себя покинутою, сидитъ и рыдаетъ. Подошли трое братьевъ охотниковъ. Дѣвушка испугалась-было; но они назвали ее сестрой и привели къ себѣ въ домъ; они приносили добычу, а она имъ стряпала. Скоро объ этомъ разнеслась молва; дошла она и до матери дѣвушкиной. Узнавъ, что дочь ея жива, она идетъ къ колдуньѣ. Колдунья дала ей двѣ волшебныя иголки. Мать, одѣвшись въ старье и набравъ разнаго тряпья и мелочей, пошла къ дочери. Братья были на охотѣ, и дверь была заперта. Мать, сказавъ, что она привезла изъ Анатоліи разные подарки сыновьямъ а ей двѣ иголки, уговорила дочь приложить голову къ замочной скважинѣ и вонзила эти иголки въ голову дѣвушкѣ, которая тутъ же и умерла. Вечеромъ братья, воротившись съ охоты, нашли дѣвушку мертвою и горько плакали по ней; потомъ не хотѣли схоронить ее въ землѣ, а сдѣлали золотой гробъ и въ этомъ гробу подвѣсили на горѣ между двухъ деревьевъ. Одинъ царевичъ, охотясь, замѣтилъ тотъ гробъ, снялъ и открылъ его. Увидѣвъ дѣвушку, влюбился въ нее; принесъ гробъ съ ней во дворецъ, поставилъ въ своей комнатѣ и, уходя, запиралъ, а по вечерамъ приходилъ и цѣлую ночь до утра любовался на лицо красавицы. Но вотъ царь затѣялъ войну, и везири присовѣтовали ему отправить въ походъ сына вмѣсто себя. Царевичъ отправился, заперевъ свою комнату. А у него была невѣста. Захотѣвши отпереть комнату царевича, она подобрала ключъ и вошла; увидѣла покойницу, сочла ее за любимицу царевича и стала ее тормошить. Замѣтивъ одну иголку, она вытащила ее. Тогда покойница обратилась въ птичку и улетѣла. Царевичъ вернулся изъ похода и, не найдя въ гробу дѣвушки, сталъ допрашивать, кто входилъ въ его комнату. Рабыни сказали, что его невѣста. Царевичъ очень горевалъ про себя. А царь устроилъ свадьбу сына, и его женили. Птичка же та каждое утро прилетала, садилась на дерево и спрашивала у садовника: „что дѣлаетъ мой царевичъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „сидитъ.“—„Ну, пусть сидитъ, пусть здравствуетъ; а вѣтки, на которыхъ я сижу, пусть сохнутъ“. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тотъ садовникъ разсказалъ объ этомъ царевичу, прибавивъ, что этакъ, пожалуй, въ саду всѣ деревья засохнутъ. Царевичъ удивился и захотѣлъ изловить птичку. Поставили на дерево капканъ, и птичка попалась. Царевичъ посадилъ ее въ золотую клѣтку. Жена же его, узнавъ въ ней ту самую птицу, которая вылетѣла изъ гроба, когда она вынула у ней изъ головы булавку, взяла оторвала ей голову и выбросила въ садъ въ отсутствіе царевича. Когда же царевичъ хватился птички, жена сказала ему, что ее съѣла кошка. Царевичъ очень сокрушался о птичкѣ; а въ саду, тамъ гдѣ упали капли крови изъ ея оторванной головы, выросло множество розовыхъ кустовъ, которыхъ никто не замѣчалъ. Какая-то старуха пришла однажды и попросила у садовника нѣсколько цвѣтковъ. Садовникъ

нарвалъ тѣхъ розъ и далъ ей. Она принесла ихъ домой и поставила въ горшокъ. Всѣ цвѣты повяли, одна только роза стояла точно сейчасъ сорванная. Старуха удивилась, понюхала розу — роза обратилась въ птичку и начала летать по комнатѣ. Старуха просто даже перепугалась; но все-таки поймала птичку и, любуясь ею, замѣтила у ней на головѣ что-то въ родѣ алмаза и вытащила. Это была иголка. Птичка тотчасъ стала дѣвушкой. Старуха разспросила ее, кто она, и, узнавъ дѣло, пошла во дворецъ и потихоньку сообщила царевичу. Онъ обрадовался и наградилъ ее деньгами. Ночью пошолъ въ домъ старухи и увидѣлся съ дѣвушкой. Она разсказала ему все случившееся съ ней, а онъ взялъ ее и повелъ къ себѣ домой. Дорогою передъ ними выскочила обезьяна. Царевичъ погнался за нею, забывъ про дѣвицу. А она ждала ждала его да и заснула. А между тѣмъ мать ея, узнавъ, что она взята изъ гроба и что она можетъ опять явиться, долго розыскивала ее. Теперь она нашла ее спящею на улицѣ и принялась наводить на нее чары, которымъ выучилась у колдуньи. Царевичъ же, не поймавъ обезьяны, вспомнилъ про дѣвушку, что бросилъ ее на улицѣ, и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ ее. Видитъ: около нея сидитъ женщина. Онъ спрашиваетъ: кто ты? Она говоритъ, что она въ его отсутствіе стерегла дѣвицу, и что она бѣдная нищая. Царевичъ хотѣлъ ее наградить и велѣлъ ей идти съ нимъ во дворецъ. Но проснувшаяся дѣвушка узнала по голосу, кто эта старуха, и потихоньку сказала это царевичу. Онъ, не подавая виду, повелъ ихъ во дворецъ; старуха же помышляла о томъ, какъ бы ей уничтожить эту „мерзавку". Когда они пришли во дворецъ, царевичъ велѣлъ позвать свою жену и мать дѣвушки и повѣсить ихъ обѣихъ за волосы, а самъ, женившись на дѣвушкѣ, у тѣхъ каждый день клещами вырывалъ по клочку мяся и такими мученіями умертвилъ ихъ, а потомъ сообщилъ обо всемъ своему отцу. „Ему задали пиръ на сорокъ ночей, и сидятъ до самой смерти своей."

Рядомъ со сказками миѳическаго характера есть также и бытовыя. Иныя имѣютъ видъ небольшихъ новеллъ, знакомыхъ намъ изъ европейскаго эпоса, какова, напримѣръ, сказка о злой женѣ дровосѣка, угодившей въ колодезь, въ которомъ жилъ чортъ, но долженъ былъ покинуть его, какъ только у него явилась такая ужасная сосѣдка. Нѣкоторыя же сказки суть ни болѣе ни менѣе какъ отдѣльные эпизоды изъ арабской сказочной эпопеи «Тысяча и одна ночь». Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь соприкосновеніе народно-устнаго творчества съ произведеніями книжной литературы; соприкосновеніе, которое замѣчается не въ однихъ только сказкахъ, а и въ другихъ отрасляхъ народной османской словесности, конечно, въ ущербъ первобытныхъ, коренныхъ свойствъ турецкаго народнаго міросозерцанія.

Исключенія не составляютъ и османскія пѣсни, какъ лирико-бытовыя, такъ и былинныя; тѣ и другія не очень богаты архаическими элементами, вытѣсненными литературною условностью, проникающею, очевидно, и въ народную массу. Мнѣнія же недавнихъ собирателей этихъ пѣсенъ, къ числу коихъ принадлежитъ и г. Грюнфельдъ, издавшій маленькую книжку—Anatolische Volkslieder aus der «Kaba dili» (Leipzig, 1888), о примитивной самобытности этого вида османской народной поэзіи, нельзя не считать преувеличенными. Народныя пѣсни турецкія раздѣляются на нѣсколько видовъ, разня-

щихся не столько сущностью своего содержанія, сколько внѣшнимъ объемомъ; для каждаго вида есть особыя обозначенія — ма'ни, тюркю, шаркы, дэсьтанъ. Изъ нихъ ма'ни могутъ быть признаны наиболѣе примитивною формою турецкой народной пѣсни. Это небольшіе куплеты, обыкновенно въ четыре стишка величиною, заключающіе въ себѣ такіе же, какъ и ихъ форма четверостишія, отрывочные, неясные лирическіе порывы. Архаизмъ этой пѣсенной формы подтверждается не только существованіемъ подобныхъ же лирическихъ эмбріоновъ у другихъ тюрковъ—у нашихъ татаръ, у кумыковъ и т. п., но еще и тѣмъ, что изъ этихъ пѣсенокъ турецкія женщины дѣлаютъ употребленіе, аналогичное нашимъ подблюднымъ и инымъ гадально-игорнымъ пѣснямъ. Въ день св. Георгія, пріуроченный греческою церковью къ 23 апрѣля, а въ мусульманскихъ святцахъ именуемый Хызръ-Элесъ, турчанки Константинополя и окрестностей собираются толпами на азіатскомъ берегу Босфора и, въ видѣ забавы, занимаются гаданіемъ, которое состоитъ въ томъ, что въ сосудъ или въ мѣшечекъ кладутъ запримѣченныя каждою изъ нихъ маленькіе камешки, а затѣмъ кто-либо посторонній постепенно вынимаетъ оттуда камешки, припѣвая напамять или импровизируя ма'ни насчетъ той, кому принадлежитъ вынимаемый камешекъ, толкуя потомъ это четверостишіе въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Въ турецкихъ харемахъ циркулируютъ цѣлые сборники подобныхъ ма'ни, по которымъ гадаютъ при случаѣ предстоящихъ свадебъ. Одинъ видъ этихъ ма'ни называется еще кая-баши=«верхушка скалы», въ родѣ того, какъ у насъ «красная горка». Особенно славятся импровизаціею этихъ пѣсенокъ жители Нигдэ, главнаго города Конійскаго округа, населеніе котораго извѣстно своею наклонностью къ поэзіи.

Такъ какъ вся прелесть этихъ куплетовъ заключается въ звучномъ наборѣ словъ, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь два образчика въ транскрипціи турецкаго текста съ переводомъ.

„Дэниздэ биръ сазъ олуръ	Въ морѣ сталъ рости тростникъ;
Гюль ачыля́ръ, язъ олуръ.	Розы въ цвѣтѣ—стало лѣто.
Бенъ ярымà гюль дэмэмъ:	Не скажу дружку: ты роза:
Гюлю́нъ öмрӱ азъ олуръ.	Розы жизнь не долговѣчна.

Эльмà аттн́мъ гэлинэ	Бросилъ яблокъ молодушкѣ—
Гели́нъ алмàзъ элинэ.	Молодушка не взяла.
Язы́къ инджэ бэлинэ	Горе тонкой ея тальи
Дуттӱ сархóшъ элинэ.	Быть въ объятіяхъ пьянчуги".

Пѣсни, именуемыя тюркю=«тюркскія», и объемомъ и содержаніемъ приближаются къ нашимъ народнымъ такъ называемымъ

бытовымъ или семейнымъ пѣснямъ. Главный сюжетъ и въ нихъ, какъ и въ ма'ни, остается тотъ же, т. е. любовь и красота предмета любви; только въ нихъ дается большій просторъ развитію и выраженію чувствъ. Въ этихъ пѣсняхъ, впрочемъ, не столько звучитъ восторгъ отъ любимаго предмета, сколько грусть отъ недосягаемости или полной утраты его; не столько чувство довольства жизнью, сколько жалоба на скуку окружающей обстановки.

„Былъ я журавль—залетѣлъ высоко;
Крылья сломались—упалъ глубоко.
Сотнѣ верблюдовъ въ подъемъ моя грусть;
Я же скитаюсь, таща этотъ грузъ.
Въ стужѣ блуждаю одинъ по горамъ;
Всюду за мною тоска по пятамъ.
Точно влюбленный я жмурю глаза;
Любящихъ тотчасъ узнать по глазамъ.
Жребій начертанъ мнѣ сажи чернѣй;
Не открывалъ я отъ горя очей;
Небо мѣшало отрадѣ моей;
Можетъ возрадовать Богъ лишь единъ".

Внѣшнія словесныя краски въ турецкихъ пѣсняхъ — эпитеты, сравненія, метафоры—большею частью суть отраженія особенностей и красотъ мѣстной природы: снѣго-вершинныя горы и различные предметы растительнаго царства и міра животныхъ больше всего доставляютъ матеріала для поэтическихъ картинъ, образовъ и олицетвореній.

„Мѣсяцъ всходитъ—иней блещетъ;
Солнце всходитъ—день свѣтлѣетъ.
Красны дѣвицы невѣсты
Рады замужъ, да не смѣютъ".

„Супротивъ на горѣ, тамъ ягненокъ кричитъ;
Тотъ ягненочка крикъ мое сердце щемитъ.
Этакъ стонетъ ли тотъ, кто въ разлукѣ съ дружкомъ?
Подь, ягненокъ, не плачь, о дружкѣ позабудь!
Супротивъ на горѣ, добрый молодецъ тамъ;
Видны родиночки по обѣимъ щекамъ;
Тонкій станъ перевитъ шалью шолковою.
Подь, ягненокъ, не плачь, о дружкѣ позабудь".
И т. д.

Изліянія чувствъ очень часто имѣютъ форму обращенія къ какому-либо предмету видимой природы, напримѣръ:

„Куда, крича, летишь такъ быстро
Ты, стая черныхъ журавлей?

Несешься-ль ты съ родного края?
Скажи, что тамъ теперь случилось,
Съ тѣхъ поръ какъ я его покинулъ?
Тотъ край милѣе мнѣ всѣхъ странъ.
Васъ, журавлей, я вопрошаю:
Все раздается-ль злой обманъ
Изъ устъ коварства и насмѣшки?
О, если бъ знали, что́ со мною,
Узрѣли бъ въ сердцѣ вы моемъ,
Какая рана въ немъ зіяетъ!"

Въ другой пѣснѣ молодецъ поетъ, обращаясь къ вершинѣ горы Султанъ-Дагы, въ такомъ родѣ:

„Тебя зовутъ Султанъ-Дагы:
Другимъ горамъ не ровня ты!
Твоя вершина въ облакахъ,
И глазъ людской ея не зритъ.
Покрыта вѣчно бѣлымъ снѣгомъ,
Царитъ надъ тысячью долинъ,
И блещетъ въ утреннемъ сіяньи
Какъ бриллiантъ твоя вершина.
Но что твоя мнѣ красота,
Когда лицо мое въ слезахъ:
Та, что зовутъ моей невѣстой,
Тобой со мной разлучена!"

Или же эти чувства прямо высказываются молодцемъ предмету своей страсти при обыкновенной бытовой обстановкѣ.

„Дѣвица, на рѣчкѣ журчащей стирая,
Одну лишь минутку ты мнѣ подари;
Отвѣть мнѣ на ласку, вуаль поднимая!
Съ тобою одною всѣ мысли мои,
Въ тебѣ мое счастье, утѣха души!
Печальный брожу я въ цвѣтущей странѣ,
Далеко направлю свои я шаги,
Хынновую *) ручку пожать дай ты мнѣ!
Съ тобою одною всѣ мысли мои,
Въ тебѣ мое счастье, утѣха души!
Не бойся, гордячка, меня не брани
И не опускай очи долу земли,
Коль нѣжно тебя поцѣлую!
Съ тобою одною всѣ мысли мои,
Въ тебѣ мое счастье, утѣха души!"

Женщина также не остается безучастною въ проявленіи нѣжныхъ чувствъ въ народной османской лирикѣ. Чувства эти, вопреки

*) Т.-е. ногти и ладони которой выкрашены хынною — особою красною краскою, употребляемою на всемъ востокѣ для окраски ногтей, волосъ, ладоней и подошвъ.

тѣмъ бытовымъ условіямъ — запертости и скрытости, въ которыя мусульманская женщина поставлена опирающеюся на предписанія религіи предразсудочностью, прорываются наружу съ неподдѣльною искренностью и граціей. Вотъ, напримѣръ, что слышится въ одной пѣснѣ дѣвушки:

„Ты бродишь за мною печаленъ и мраченъ,
О жизнь ты моя!
Тебѣ я Аллахомъ въ удѣлъ отдана,
Моихъ свѣтъ очей,
Керемъ, не снимай покрывала съ меня!"
И т. д.

Иногда въ этихъ чувствахъ женщины проглядываетъ сдержанность, какъ будто сознательная покорность своему жребію, своему долгу, напримѣръ:

—„Что нѣжно глядишь ты, пришлецъ, на меня?
Печаленъ твой видъ, ты печальный мужчина!
Поблекъ, знать, листокъ въ твоемъ садѣ любви,
Что прежде тебя зеленилъ, веселилъ?"

—„Люблю бѣлоснѣжную, милую козочку
И острую въ сердцѣ ношу я заноэочку;
Напиткомъ такимъ меня рай напоилъ,
Что съ счастіемъ вмѣстѣ болѣзнь причинилъ".

—„Но я не похожа на серну твою:
Другому обѣщана молодцу я;
Другой цѣловать будетъ щечку мою,
А той, что ты любишь, не вѣдаю я".

Но есть пѣсни, въ которыхъ сердечная искренность со стороны женщины доходитъ до степени такой эманципированной отваги и лихости, предъ которою пасуетъ и кажется даже ничтожнымъ мужчина. Эти пѣсни обыкновенно имѣютъ форму діалога между молодцемъ и дѣвицею, какъ напримѣръ, слѣдующая:

1. Дѣвушка.
Домъ отца я разорила,
Увела его гнѣдка;
Взявъ пять тысячъ, укатила.
Сядь на конь, мой бей,—уѣдемъ!

2. Молодецъ.
Мать, отецъ о томъ узнаютъ
И пошлютъ погоню вслѣдъ;
Насъ догонятъ и убьютъ.
Не могу, тюркменка, нѣтъ!

3. Дѣвушка.
Пусть же мать, отецъ узнаютъ,
Пусть погоню шлютъ они;
Будетъ хоть пять сотъ гонцовъ,
Съ ними справлюсь я, мой бей!

4. Молодецъ.
Аргамакъ мой не подкованъ;
Нѣтъ на немъ и чепрака;
Нѣтъ и корма даже на ночь.
Нѣтъ, тюркменка, не поѣду!

5. Дѣвушка.
Изъ браслетъ скую подковы,
Фередже *) дамъ на чепракъ;
Въ кормъ я жемчуги отдамъ.
Сядь на конь, мой бей—ускачемъ!

6. Молодецъ.
О, тюркменочка, тюркменка,
Утренней зари звѣзда,
Поѣзжай одна, тюркменка!

7. Дѣвушка.
О, мой бей, о мой паша!
Нѣтъ подушки—вотъ рука;
Покрывало—волоса!
Сядь на конь, мой бей—умчимся!

8. Молодецъ.
Я запрегъ своихъ воловъ,
Въ землю бросилъ сѣмена;
Честный хлѣбъ—моя земля **).
Поѣзжай себѣ, тюркменка!

9. Дѣвушка.
Волки пусть сожрутъ воловъ!
Птицы пусть склюютъ посѣвъ!
Будь же проклятъ и твой хлѣбъ!
Ничего не надо мнѣ!...“

Въ числѣ тюркю встрѣчаются также пѣсенки шуточнаго содержанія, иногда впадающія въ тривіальность и даже отзывающіяся явною безцеремонностью, хотя въ то же время чрезвычайно граціозныя въ подлинникѣ по образамъ и выраженіямъ. Одна подобная пѣсенка имѣетъ форму игриваго разговора между молодцемъ и дѣвицею.

„Я спросилъ: чтó эти перлы?
Отвѣчала: мои зубы.
Я спросилъ: чтó эти перья?
Отвѣчала: мои брови.
Я спросилъ: тринадцать—чтó?
Отвѣчала: то мой возрастъ.
Я сказалъ: дай поцѣлуй мнѣ.
Отвѣчала: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Я сказалъ: какая прелесть!
Молвитъ: то моя порода.
Я спросилъ: а этотъ тополь?
Отвѣчала: то мой ростъ.
Говорю: что за кокетство?!
Молвитъ: то моя привычка.
Говорю: подь, поцѣлую.
Отвѣчаетъ: нѣтъ, нѣтъ. нѣтъ!

***

Я сказалъ: вѣдь есть же смерть.
Молвитъ: вѣчно предъ глазами.
Я сказалъ: вѣдь есть и грѣхъ.
Молвитъ: на моей грѣхъ шеѣ.
Я сказалъ: гдѣ апельсины?
Молвитъ: въ пазухѣ моей.
Я сказалъ: дай мнѣ потрогать.
Отвѣчаетъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

***

— Кровь мою ты взволновала.
— Ты къ чему такъ говоришь?
— Чтó-бъ поспать со мной разочекъ?!
— Потерпи, мой другъ, успѣешь
После вдоволь, вдоволь, вдоволь!“

***

После такихъ пѣсенъ общенароднаго свойства, у турковъ, подобно другимъ народамъ, существуютъ еще и такъ-сказать спеціальныя, которыя слагаются въ извѣстномъ классѣ народа или въ какой-нибудь артели. Таковы, напримѣръ, пѣсни солдатскія, пѣсни бродяжническія, и т. п. Въ первыхъ воспѣваются какія-нибудь памятныя воен-

*) Верхнее платье турчанокъ въ родѣ клека.

**) Намекъ на то, что молодецъ имѣетъ уже осѣдлость, будучи женатъ на другой.

ныя событія, пріурочиваемыя къ той или другой мѣстности, въ родѣ недавняго сидѣнія Османъ-паши въ Плевнѣ. Бродяжническія пѣсни очень похожи складомъ своимъ на наши такъ-называемыя пѣсни удалыя. Нѣкоторую своеобразность представляютъ пѣсни бекчи́ =«ночныхъ сторожей», играющихъ очень видную роль въ турецкомъ общественномъ быту, за отсутствіемъ правильно организованной полиціи и патрульнаго караула. Скучная и однообразная обязанность ночного наблюдателя за пожарами, которые такъ часты и такъ опустошительны всюду въ Турціи, естественно требовала для караульщиковъ какого-нибудь развлеченія, какъ средства поддержать бодрость, чтобы не спать, когда хочется спать. Порожденіемъ такой скуки а вмѣстѣ средствомъ развлеченія, очевидно, и являются забавныя пѣсни бекчи, отличающіяся шуточною ироніею, переходящею постоянно въ вульгарность, но при этомъ не лишенныя остроумія и живости образовъ, взятыхъ изъ ночной житейской дѣйствительности. Основной мотивъ ихъ составляетъ противоположеніе жалкаго скитальческаго бодрствованія ночного сторожа сладостному спокойствію хозяина. Изъ этого разряда пѣсенъ особенно выдѣляются характеристики разныхъ мѣстностей того или другого города, или мечетей, или разнаго рода людей—дѣтей, лѣнтяевъ, караульщиковъ, и т. п., въ томъ родѣ какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ нашихъ бурлацкихъ пѣсняхъ. Вотъ начало одной пѣсни бекчи про своихъ же коллегъ, бекчи.

„Я пойду большой дорогой;
Ни о комъ мнѣ нѣтъ тревоги;
А коль ваше есть желанье,
Дамъ бекчи вамъ описанье.

***

Вотъ бекчи фонарь несетъ,
Лысу голову скребетъ.
На башку ему брюшину,
Крюкъ носильщицкій на спину!"... И т. д.

Независимо отъ собственно народныхъ лирическихъ пѣсенъ, у турковъ въ большомъ ходу и романсы нѣкоторыхъ поэтовъ, какъ, напримѣръ, Умера и Сэйрани, именуемые шаркы=«восточныя». Такихъ авторовъ простолюдины называютъ аашикъ=«влюбленный»; это названіе собственно означаетъ тотъ псевдонимъ автора, который обязательно является въ конечныхъ стихахъ эротическихъ стихотвореній. Но народомъ оно употребляется въ смыслѣ рапсода, сказителя вообще. Распространенность романсовъ извѣстныхъ авторовъ показываетъ, что книжное сочинительство овладѣло вкусомъ народа наравнѣ съ безъискусственными произведеніями, вѣроятно, вслѣдствіе того, что художественная османская лирика, отличаясь отъ народной внѣшнимъ скла-

домъ рѣчи, мало разнится отъ этой послѣдней по поэтическимъ образамъ, въ которыхъ воплощаются чувства.

Такой же характеръ имѣютъ и тѣ турецкія пѣсни, которыя всего болѣе имѣютъ сходства съ нашими былинами, насколько можно судить по немногимъ извѣстнымъ намъ образцамъ этого рода народной поэзіи турковъ.

Еще и теперь не рѣдкость встрѣтить иногда на улицахъ Константинополя толпу простолюдиновъ около какого-нибудь старика-нищаго, рецитирующаго подъ акомпанементъ особаго инструмента—домры такъ-называемыя Анадолу тюркюляри=«Анатольскія пѣсни» и собирающаго за это гроши съ своихъ слушателей. По большимъ праздникамъ въ Стамбулъ пріѣзжаютъ изъ провинціи болѣе или менѣе знаменитые меддàхи=«пѣвцы» услаждать столичную публику своими импровизаціями. О прибытіи такихъ знаменитостей въ столицу можно иногда читать даже публикаціи въ газетахъ. Но «анатольскія пѣсни», распѣваемыя турецкими народными сказителями, до сихъ поръ никѣмъ не были собраны и обнародованы. В. А. Максимовъ въ предисловіи къ своему «Опыту изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгярѣ и Караманіи» (Спб. 1867), говоритъ, что онъ во время своего путешествія по Малой Азіи записалъ между прочимъ и 18 дэсьтановъ=эпическихъ былинъ; но они до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатаны. Два изъ нихъ г. Максимовъ обязательно сообщилъ намъ. Ими-то, да отрывками, которые находятся въ его изслѣдованіи, мы и воспользовались для нашихъ соображеній. Большинство дэсьтановъ—въ родѣ нашихъ разбойничьихъ пѣсенъ (про разбойниковъ Дэли-Мехмеда, Ялабука, Каданъ-Али, Кады-Кырана, Кюрдъ-Али, Синанъ-Оглу, Топалъ-Зейбека, Сары-Зейбека). Другіе несомнѣнно поздняго образованія, какъ, напр., дэсьтанъ на смерть султана Махмуда II († 1839), или на Крымскую войну Россіи съ Турціей. Про разбойника Кады-Кырана («Истребителя судей») народное преданіе говоритъ, что онъ жилъ въ царствованіе султана Махмуда II.

Въ дэсьтанахъ (былинахъ) прежде всего воспѣвается удаль героевъ этихъ былинъ. Вотъ что, напримѣръ, поется про разбойника Ялабука:

„Сходитъ съ горы Ялабукъ, переваливаясь,
Идетъ Ялабукъ, а въ рукѣ его ножикъ блеститъ;
Завидя врага, идетъ онъ, а ножъ масломъ смазываетъ“.

Передъ боемъ богатыри хвастаются своею силою и мужествомъ. Въ дэсьтанѣ про Комарджи дэрэбея посланный противъ него Азизъ-паша, не безъ хвастовства говоритъ ему:

Ты тѣла моего не понюхаешь:
„Я левъ, моей ловкости не имѣть тебѣ!
Груба твоя рѣчь, гдѣ тебѣ состязаться во славѣ со мной!“

Довольный результатомъ своихъ подвиговъ, Кады-Кыранъ такъ изображаетъ ихъ:

„Вдоволь скалы наслышались моего голоса!..
Черноголовые попы всѣ въ норы попрятались,
Мои молодцы дымомъ ихъ всѣхъ залушили!..“

Иногда дикая удаль смѣняется печальными размышленіями, въ которыхъ разбойничье варварство уступаетъ мѣсто чувствамъ человѣческимъ. Сары-Зейбекъ, видя, что пришло время и ему сложить голову, оставляетъ такое завѣщаніе:

„Скажите матери моей: пусть она трауръ повяжетъ;
Кадынь (жена) моя пусть выйдетъ на гору и плачетъ,
Говоря: „О, Сары-Зейбекъ!“—пусть ретивое потѣшитъ!“

Этотъ отрывокъ немногимъ развѣ уступитъ прелестному финалу извѣстной русской пѣсни:

„Ужь какъ палъ туманъ на сине море“.

Дэрэбей Гальонджи видитъ отраду въ памяти о немъ товарищей его:

„Пусть блеститъ мое серебряное оружіе!
Пусть, услышавъ о судьбѣ моей, поплачутъ обо мнѣ друзья мои!“

Сжатость турецкой рѣчи сравнительно съ русскою не позволяетъ передать вточности всю силу эпическихъ выраженій вышеприведенныхъ отрывковъ, присущую подлинному османскому тексту. Но и по немногимъ даннымъ можно заключать, что основу богатырскихъ пѣсенъ турковъ составляетъ, кромѣ простого разбоя, еще оттѣнокъ борьбы на почвѣ религіозной вражды съ иновѣрнымъ христіанскимъ населеніемъ—черта, несомнѣнно архаическая, продолжающая существовать по преданію отъ временъ борьбы сельджуковъ съ византійцами. Цѣлую картину этой борьбы представляетъ одно, хотя по происхожденію и книжное, но по складу своему также народное и въ высшей степени популярное у турковъ эпическое произведеніе, извѣстное подъ заглавіемъ Сирэти Сейидъ-Батталь Гази = «Приключенія бойца за вѣру Сейида-Батталя (Уничтожателя)».

Эта османская эпопея заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ разсказовъ въ прозѣ, со вставкою иногда стиховъ, про разные подвиги и авантюры вышеназваннаго турецкаго народнаго богатыря. Всѣ разсказы начинаются однимъ и тѣмъ же выраженіемъ: азъ инъ джанибъ= «а затѣмъ», и нельзя сказать, чтобы всѣ они стояли въ тѣсной между собою связи и послѣдовательности, такъ что нѣкоторый видъ цѣлостности придаетъ имъ только единство личности главнаго героя, Сейида-Батталя, да сосредоточеніе его дѣятельности преимущественно

въ одномъ и томъ же территоріальномъ районѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экскурсій за предѣлы этого района. Намъ вточности не извѣстно, разсказываются ли дэстаны этой эпопеи народными ааши-ками устно; но въ рукописяхъ, а теперь и въ печатныхъ экземплярахъ, они страшно распространены не только среди самихъ османлы, но и у другихъ ихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ. Языкъ поэмы, не чуждый архаизмовъ, самой простой, примитивной конструкціи—каба тюрки=«грубый-турецкій», какъ называютъ его турки, въ противоположность литературно-художественной рѣчи. Кромѣ того, турки, претендующіе на европейскую образованность, въ разговорахъ съ европейцами дѣлаютъ видъ, что они гнушаются этого коренного по духу содержанія и по тону рѣчи турецкаго произведенія, дѣлая при упоминаніи о немъ гримасу и восклицая: Писъ!=«Фи, гадость»!

Если ко всѣмъ этимъ признакамъ присовокупить еще, что эпопея эта не имѣетъ имени автора, и что нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени, когда установилась ея теперешняя книжная редакція, то мы можемъ съ полнымъ правомъ разсматривать ее какъ чисто народное словесное произведеніе, какъ турецкій героическій эпосъ попреимуществу.

По содержанію Сирэти-Сейидъ-Батталь есть рядъ битвъ съ гяурами, во главѣ которыхъ стоитъ императоръ греческій. По духу—это есть апоѳеозъ борьбы правовѣрныхъ турковъ съ врагами мусульманства отъ самаго водворенія сельджуковъ въ Передней Азіи, во время существованія мусульманскаго центра въ Багдадскомъ калифатѣ, ибо калифъ багдадскій нерѣдко самъ командируетъ Батталя и его сподвижниковъ въ ту или другую сторону; ему постоянно посылаются извѣстія объ успѣшномъ исходѣ ратоборствованій этихъ героевъ, которыхъ онъ, какъ глава правовѣрныхъ, поощряетъ подобающими наградами—почетными халатами. Но вѣрная дѣйствительности въ общихъ чертахъ, эта эпопея есть чисто плодъ поэтической фантазіи въ подробностяхъ и не имѣетъ никакой исторической основы. Въ числѣ греческихъ императоровъ тамъ являются вовсе неизвѣстные исторіи—Асатуръ, Тэкфуръ и Канатусъ; въ числѣ калифовъ упоминаются никогда несуществовавшіе Тавабиль-бенъ-Муъидъ, Муслимъ и Бахтіяръ; рядомъ съ извѣстными географическими городами, какъ Стамбулъ, Багдадъ, Малатія, Амморіумъ и Кесарія, встрѣчаются мѣстности, не отыскиваемыя ни въ какой географіи. Самая личность Сейида-Батталя тоже покрыта миѳическими красками. А что нѣкоторыми позднѣйшими историками османскими онъ возведенъ въ родоначальники одной изъ турецкихъ династій, предшествовавшихъ Османской, а именно династіи Данышмэндовъ, и что доселѣ въ Малой Азіи указываютъ гробницу его въ мѣстности, носящей его имя, то все это свидѣтель-

ствуетъ лишь о необыкновенной популярности этого богатыря, подобно нашему Ильѣ Муромцу.

Эпопея начинается съ того, что Мухаммедъ проситъ сподвижниковъ своихъ занять его какимъ-нибудь разсказомъ. На это одинъ молодецъ, по имени Абду-ль-Ваггабъ описываетъ ему прелести и красоты страны Рума, принадлежащей невѣрнымъ. Лишь только мысли Пророка обратились на эту восхитительную страну, какъ вдругъ ему явился Гавріилъ (архангелъ) и возвѣстилъ, что черезъ 200 лѣтъ послѣ его посланничества явится великанъ красавецъ-юноша, одинъ изъ его потомковъ, въ городѣ Малатіи, по имени Джафаръ, и завоюетъ греческія земли; разрушитъ тамъ церкви и на ихъ мѣсто воздвигнетъ мечети и мэдрэсэ; возьметъ Стамбулъ и изжаритъ сердца монаховъ скорбію. Это предсказаніе записано было Абду-ль-Ваггабомъ, которому тотъ же Гавріилъ обѣщалъ, что онъ доживетъ и увидитъ того юношу, и даже вмѣстѣ съ нимъ будетъ совершать подвиги. Это долговѣчіе Абду-ль-Ваггаба явилось слѣдствіемъ того, что Мухаммедъ плюнулъ ему въ ротъ. Далѣе разсказывается, какъ отецъ Джафара Хусейнъ нашелъ въ одной пещерѣ, въ которую онъ былъ заманенъ какимъ-то чудеснымъ пастухомъ, коня, копье Кавуса, два пучка волосъ пророка Мухаммеда, кирасу пророка Давида, панцырь Исаака и полное вооруженіе Хамзэ, дяди пророка Мухаммеда, и все это для имѣющаго родиться ему сына Джафара. Черезъ нѣсколько времени у Хусейна точно родился сынъ. Самъ онъ былъ потомъ убитъ во время одной погони за невѣрными; а сирота его Джафаръ росъ красавцемъ и богатыремъ съ виду. Достигши 13-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ высокъ и строенъ собою, зналъ наизусть 4 книги *), былъ свѣдущъ въ толкованіи Корана и въ наукѣ преданій и находчивъ въ сужденіяхъ. Ему дали должность хатыба (проповѣдника), и онъ своимъ провозглашеніемъ молитвы по пятницамъ заставлялъ народъ рыдать отъ умиленія. Потомъ онъ отданъ былъ въ науку къ фехтовальщику и берейтору Хадбану, который такъ обучилъ его наѣздничеству и военнымъ пріемамъ, что у него не было соперниковъ. Джафаръ сдѣлался 20-ти локтей ростомъ. Разъ онъ съ товарищами гулялъ по берегу рѣки. Совершивъ омовеніе и молитву, они завели ученый разговоръ и даже споръ по наукѣ толкованія Корана и хадисовъ (св. преданій). Джафаръ всѣхъ переспорилъ. Затѣмъ онъ показалъ имъ свою ловкость въ военныхъ пріемахъ. Всѣ восхитились и толковали, отчего это онъ не добивается занять мѣсто своего отца, бывшаго предводительствующимъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ теперь помышлять объ этомъ. Товарищи разошлись по домамъ, а онъ пошелъ къ своей матери Саидэхатунъ. Та предлагаетъ ему поѣсть, а онъ расплакался, размышляя о томъ, что онъ бѣденъ, что а питавшіеся отъ сабли его отца теперь достигли богатства и власти. Мать тоже заплакала и говоритъ: „Милый мой, отецъ твой бралъ дань со Стамбула, и греческій императоръ отъ страха передъ нимъ не могъ спокойно спать на тронѣ; а мы съ тобой что такое?“ Джафаръ высказываетъ намѣреніе искать отцовскаго мѣста, занимаемаго теперь Абду-с-Саламомъ. Мать его уговариваетъ не дѣлать этого, ибо это вызоветъ лишь вражду, а Абду-с-Саламъ человѣкъ богатый и со связями, притомъ же вассалъ эмира Омара. Однако же Джафаръ поутру въ общемъ собраніи въ мечети торжественно заявляетъ эмиру Омару свою претензію. Всѣ согласились съ его доводами и сказали: „Джафаръ правду говоритъ“. Но Абду-с-Саламъ возражаетъ ему: „Твой отецъ сдѣлалъ много важнаго и потому получилъ мѣсто; сперва и ты покажи ловкость свою и тогда уже требуй себѣ мѣста. Твое дѣло сидѣть въ углу мечети или мэдрэсэ да учиться. А нѣтъ, такъ садись на коня и сперва отмсти за кровь отца своего — порази Миг-

*) Т.-е. Тору (Пятокнижіе), Зебуръ (Псалтырь), Инджиль (Евангеліе) и Коранъ.

раила (зятя греч. императора), и тогда изволь, я уступлю тебѣ свое мѣсто". Съ этого времени Джафаръ отправляется на богатырскіе подвиги, которые большею частію состоятъ въ томъ, что Джафаръ переодѣтый проникаетъ въ непріятельскій городъ или станъ, выжидаетъ удобнаго случая, нападаетъ на врага, опрокидываетъ его, беретъ за бороду и, приложивъ ножъ къ горлу, требуетъ отъ него принять исламъ, а когда тотъ отказывается, онъ отрѣзываетъ ему голову. Такъ послѣ сраженія съ братомъ Миграила Шамаспомъ, Джафаръ попалъ въ одинъ прекрасный паркъ и заснулъ подъ деревомъ на террасѣ. Въ это время Миграилъ дѣлалъ свою обычную прогулку и замѣтилъ Джафара, который отъ шума и голосовъ вокругъ него проснулся, всталъ и съ поднятыми руками началъ молиться, чѣмъ насмѣшилъ Миграила. На вопросъ его о томъ, кто онъ такой, Джафаръ отвѣчаетъ, что онъ изъ Китая; что отецъ его Серджаилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, а что самъ онъ давно имѣлъ желаніе выучиться верховой ѣздѣ и разнымъ военнымъ ловкостямъ, которыхъ такъ много въ Румѣ, и потому онъ сюда и направился. Миграилъ тоже отрекомендовался Джафару и хотѣлъ-было сдѣлать его начальникомъ рабовъ своихъ; но тотъ отказался. Потомъ предложилъ ему выпить вина, но Джафаръ отказался и отъ вина, а вызвался исполнять обязанности виночерпія; вымылъ руки, взялъ стаканъ и подалъ пить тѣмъ собакамъ. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ они охмелѣли. Пьяненькій Миграилъ между тѣмъ дотого плѣнился красотою Джафара, что взялъ его за руку и повелъ въ отдаленный уголокъ парка, чтобы совершить надъ нимъ непристойныя ласкательства. Онъ уже не разъ поцѣловалъ его. Но въ то время какъ онъ простеръ къ Джафару свои объятія, этотъ осмотрѣлся на всѣ четыре стороны и, когда никого не было видно, вскричалъ про себя: „Теперь-то я отмщу за смерть отца своего!“ Давъ Миграилу тумака, другого, онъ повалилъ его на землю, наступилъ ему на грудь и закрутилъ вокругъ своей руки бороду его, какъ ослиный хвостъ. Приложивъ ножъ къ горлу, онъ открылъ очнувшемуся тогда Миграилу свою личность и предложилъ ему навыборъ одно изъ двухъ—или принять исламъ и остаться вживыхъ, или же быть обезглавленнымъ. Когда же тотъ сталъ болтать пустыя слова, Джафаръ отрѣзалъ ему голову. Затѣмъ онъ заманилъ двухъ главныхъ военачальниковъ, закричавъ имъ: „Подите, васъ зоветъ Миграилъ!“ и зарѣзалъ ихъ; потомъ еще двухъ прикончилъ; словомъ сказать, перерѣзалъ всего 14 знатныхъ военачальниковъ; пощадилъ одного только раба Эфлихуна, который, при видѣ отрѣзанныхъ головъ, распрастерся лицомъ наземь и принялъ исламъ. Они сложили всѣ 15 головъ въ суму; забрали коней и вооруженіе убитыхъ и отправились, захвативъ по дорогѣ голову и одежды раньше убитаго Шамаспа. Черезъ три дня они прибыли въ Малатію. Спрятавъ трофеи въ отцовскомъ саду, Джафаръ отправился въ городъ, засталъ мать горюющею въ разлукѣ съ нимъ. Она стала цаловать его, а онъ разсказалъ ей о своемъ приключеніи. Пришли товарищи Джафара, привѣтствовали его и повели къ эмиру Омару. Эмиръ встрѣтилъ и привѣтствовалъ Джафара, а этотъ опустился на колѣни и вкратцѣ возвѣстилъ ему о томъ, что онъ убилъ убійцу своего отца, Миграила, брата его Шамаспа и 14 военачальниковъ. Абду-с-Саламъ, услышавъ это, разразился смѣхомъ; прочіе послѣдовали ему. „Что за глупость!“ воскликнулъ онъ: „много ли ты тамъ стараго тряпья-то набралъ?!“—„Лгать не есть дѣло истиннаго мужа“-возразилъ Джафаръ и послалъ слугу своего Тавабиля за своими трофеями. Тотъ привелъ новообращенныхъ плѣнниковъ и принесъ головы убитыхъ. Всѣ узнали головы Миграила и Шамаспа, прославляли Джафара и радовались; только „у Абду-с-Салама чуть кровь не высохла, а самъ онъ чуть не задохся отъ бѣшенства“. Головы невѣрныхъ были выставлены на городскихъ стѣнахъ. Калифу написали письмо съ извѣстіемъ. Онъ обрадовался и прислалъ эмиру и прочимъ почетныя одежды.

Императоръ, воспылавши мщеніемъ, шлетъ на Малатію войско, чтобы изло-

вить Джафара, содрать съ него кожу и возить по всему Руму, а Каъбу разрушить. Джафаръ въ единоборствѣ съ гяуромъ Джумгузомъ вырвалъ у него изъ рукъ дубину въ 5000 батмановъ вѣсомъ и размозжилъ ею голову стратега Кибріана и потомъ, совокупно съ подоспѣвшимъ мусульманскимъ войскомъ, разбилъ непріятеля. Раби, сынъ императора, взятъ живымъ и долженъ былъ выбирать исламъ или смерть. Но онъ поднялъ кверху свой палецъ и сдѣлался мусульманиномъ; другіе 5000 плѣнныхъ тоже приняли исламъ. Изъ 5000 правовѣрныхъ пало 200 человѣкъ. Тогда выступили Джаада, Али-бенъ-Гашимъ, Сулейманъ, Аугадъ, Мухаммедъ и Муса и заявили во всеуслышаніе: „Отнынѣ мы всѣ слуги Джафара! Джафаръ—нашъ предводительствующій!" Потомъ выступилъ Абду-ль-Ваггабъ и сообщилъ предсказаніе архангела Гавріила Мухаммеду о явленіи черезъ 200 лѣтъ послѣ гиджры великаго героя; выразилъ свое заключеніе о томъ, что по всѣмъ признакамъ таковой и есть Джафаръ, и въ доказательство вынулъ письмо объ этомъ Пророка, писанное рукою калифа Османа, поцаловалъ, приложилъ ко лбу и прочиталъ его. Затѣмъ показалъ у себя во рту слюну Пророка, которую тутъ же переплюнулъ въ ротъ Джафару, послѣ чего Джафаръ тотчасъ узналъ 72 разныхъ языка и 12 наукъ. Рукописаніе же Пророка Джафаръ взялъ, потеръ о свое лицо и сталъ носить, какъ талисманъ. Абду-с-Саламъ волей-неволей долженъ былъ тоже выразить свое одобреніе Джафару. Малатійцы радостно встрѣтили прибывшихъ героевъ. Калифу послана часть военной добычи, а онъ прислалъ Джафару грамоту, которою онъ жаловалъ его мѣстомъ отца его Хусейна, да, кромѣ того, тюрбанъ Хусейна, саблю Мухаммеда-Ханифэ, дубину Лендугана и знамя Омаръ-бенъ-Ваггаба. Эмиру Омару и другимъ ратникамъ онъ послалъ одежды и наставленія. Грамота была прочитана въ Малатіи въ общемъ собраніи, и всѣ ликовали, исключая одного Абду-с-Салама.

Въ лицѣ Сейида-Ватталя, какъ въ фокусѣ, собраны тѣ черты, какими, по взгляду турковъ, долженъ отличаться настоящій богатырь. Съ колоссальнымъ ростомъ онъ соединяетъ необыкновенную красоту, даже заочно плѣняющую царскихъ дочерей, которымъ является во снѣ пророкъ Мухаммедъ и возвѣщаетъ о существованіи на свѣтѣ такого красавца. При этомъ онъ обладаетъ обширными познаніями въ наукѣ вѣры, какъ своей мусульманской, такъ и христіанской, такъ что одерживаетъ верхъ въ ученыхъ диспутахъ мусульманскихъ богослововъ съ христіанскими монахами. Искусство декламаціи онъ высказываетъ то въ качествѣ муэззина, то проповѣдника, и при случаѣ даже въ рецитированіи стиховъ изъ Евангелія. Владѣя 72 языками и прекраснымъ голосомъ, Сейидъ-Б. пропѣлъ, скрѣпя сердце, въ городѣ Лаодикіи погречески пѣсню въ честь шествовавшихъ по улицѣ новобрачныхъ, изъ коихъ невѣстою была его собственная жена, полоненная въ отсутствіе Батталя греческимъ императоромъ и выдаваемая теперь замужъ за сына везиря его Бэгмэна. Жена узнаетъ его по голосу. Батталь рѣжетъ голову пьяному молодому и съ женою бѣжитъ восвояси. Этотъ эпизодъ напоминаетъ подобный же въ нашей былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Многоженецъ по мусульманскому обычаю, онъ впрочемъ одинаково плачетъ о своихъ женахъ, когда одна изъ нихъ умерла, а другую похитилъ у него пріятель его Валидъ.

Почтительный къ матери, онъ однако же соблюдаетъ предписываемыя мусульманскимъ кодексомъ правила приличій, давая цаловать свою руку красавицѣ Китаюнъ, давно мечтавшей о немъ и наконецъ свидѣвшейся съ нимъ въ чудесномъ замкѣ среди моря, куда она спрятана была отъ Батталя отцомъ своимъ, греческимъ императоромъ. Правовѣрный полигамистъ, плѣнившись красотою Китаюнъ, хотя настаиваетъ на томъ, чтобы она приняла исламъ, но зато самъ клянется ей въ вѣчной вѣрности, обѣщая не брать при ней другой жены. Не смотря на то, что коварная гречанка хотѣла его такъ или иначе извести, онъ великодушно простилъ ее, раскаявшуюся въ своемъ вѣроломствѣ, и осыпалъ ласками, когда встрѣтился съ нею, послѣ того какъ онъ благополучно и чудеснымъ образомъ спасся отъ угрожавшихъ ему опасностей. Во время своихъ похожденій Батталь постоянно прибѣгаетъ къ хитрости, переодѣваясь то свинопасомъ, то монахомъ. Будучи однажды связанъ, онъ хитростью освобождается и подвергаетъ сперва бичеванію, а потомъ и сожженію вмѣсто себя своего мучителя Фулюкрата, переодѣвшись въ его платье и выдавъ его за себя императору. Въ открытомъ же бою онъ орудуетъ ногайкою, дубиною, стрѣлою, копьемъ и ножомъ, а чаще побиваетъ противниковъ просто кулакомъ или пинкомъ ноги. Въ числѣ военныхъ пріемовъ Батталь практикуетъ обычное у степняковъ-тюрковъ притворное бѣгство отъ непріятеля, чтобы заманить и вѣрнѣе сразить послѣдняго. По турецкому обычаю, онъ отрѣзываетъ и въ торокахъ везетъ напоказъ головы убитыхъ непріятелей; снимаетъ съ нихъ одежды, но, къ чести его, никогда самъ не пользуется добычею, а раздаетъ своимъ сподвижникамъ, отсылая извѣстную долю калифу, ибо сама красавица Китаюнъ, описывая доблести Батталя, говоритъ, что онъ мужественъ какъ Рустемъ и щедръ какъ Хатимъ-Тай.

Этими, хотя и преувеличенными, но все же довольно человѣкообразными свойствами не ограничивается фантазія турецкаго народа въ очертаніи личности своего національнаго героя: мы встрѣчаемъ въ его качествахъ и приключеніяхъ не мало и сверхъестественнаго. Такъ Валидъ, похититель жены Батталя, по типу сильно смахивающій на нашего Алешу Поповича, утверждаетъ, ссылаясь на какое-то писаніе, что гдѣ только вспомянутъ про Батталя, тамъ онъ самолично является. Везирь греческаго императора свидѣтельствуетъ о безсмертности Батталя, такимъ образомъ: «О, государь, не проливай крови этого человѣка на землю: Таріунъ его въ огнѣ сжегъ, и все-таки онъ не умеръ, а ожилъ опять; кади Окба напоилъ его ядомъ, и все же онъ не умеръ. Если ты прольешь его кровь на землю, то она смѣшается съ прахомъ, и выростетъ трава; траву эту съѣстъ баранъ; а кто поѣстъ мяса этого барана, у того явятся страстныя вожделѣнія, плодомъ

которыхъ будетъ опять-таки Батталь». Однимъ словомъ, Батталю принадлежитъ то свойство, которое приписывается нашему богатырю Ильѣ Муромцу устами каликъ, сказавшихъ ему: «Смерть тебѣ на бою не писана». И въ самомъ дѣлѣ: одинъ монахъ побивалъ его каменьями и морозилъ на холоду нагого; онъ близокъ былъ къ гибели, но остался живъ; Китаюнъ накормила его отравленнымъ апельсиномъ, но онъ, пробывъ шесть дней въ одурѣніи, пришелъ опять въ чувство; его бросаютъ въ колодезь со страшными змѣями и засыпаютъ каменьями; но онъ, очертивъ около себя волшебный кругъ, тѣмъ спасаетъ себя отъ змѣй; ему угрожаетъ голодная смерть, но онъ избѣгаетъ ея, употребляя въ пищу камни, пока наконецъ подземный драконъ не выноситъ его на своемъ хвостѣ изъ колодца. Послѣ того Фулюкратъ привязалъ Баттаља къ крыльямъ мельницы, но и тутъ онъ, повертѣвшись на ней, остался невредимъ. Мало того: онъ выдерживаетъ 40-дневный постъ и воскрешаетъ двухъ мертвецовъ; разговариваетъ со слономъ имама Али; переѣзжаетъ подземное море на китѣ пророка Іоны, сражается тамъ съ чудовищемъ, чернымъ Дивомъ, у котораго было въ плѣну 18 красавицъ-дѣвушекъ; Батталь спасъ ихъ, убивши чудовище и взявши его голову и шкуру, какъ трофеи. Послѣ того онъ освобождаетъ 40 красавицъ отъ другого демона, державшаго въ плѣну и постепенно пожиравшаго ихъ. Батталь, не успѣвъ умертвить чародѣя Раада, хотя и всадилъ ему стрѣлу въ правый глазъ, такъ что она вылетѣла черезъ затылокъ, несется по воздуху съ пэри Тамусъ къ жилищу волшебника и добиваетъ его. Замѣчательно, что въ числѣ приключеній Батталя есть также сраженіе его съ одной поленицей, царевной Аданою, которая отыскивала себѣ мужа на условіи, что онъ превзойдетъ ее въ храбрости. Многіе смѣльчаки уже пали отъ руки этой богатырши, и только Батталь, давъ ей пинка каблукомъ, сшибъ ее съ лошади, такъ что она едва очувствовалась, и все-таки не взялъ ее себѣ въ жены, а отдалъ другому. Личность Аданы и самый родъ богатырства ея весьма аналогичны съ нашей поленицею Настасьей Королевичной; главные мотивы борьбы одни и тѣ же, хотя результаты различные. Подъ конецъ жизни своей Батталь, подобно нашему Ильѣ Муромцу, овдовѣлъ, не смотря на свое многоженство. Затѣмъ, оставляя богатырство, онъ помышляетъ о спасеніи души и совершаетъ хаджъ въ Мекку. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Батталь продѣлываетъ точь-въ-точь то же самое, что продѣлалъ нашъ Васька Буслаевъ, когда сказалъ себѣ: «Смолоду много бито, граблено; подъ старость надо душа спасать», и затѣмъ, отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе. Вышедшій невредимымъ изъ стольких явныхъ опасностей, Батталь получилъ смерть отъ небольшаго камешка, брошеннаго въ него съ городской стѣны дочерью императора, влюбившеюся

въ Батталя, въ то время какъ онъ спалъ среди дороги, межъ тѣмъ какъ 7000-ое войско приближалось къ нему. Красавица хотѣла только вовремя разбудить Батталя и спасти его отъ неминуемой гибели и бросила камешекъ, написавъ на немъ сперва признаніе въ любви къ Батталю. Но камень упалъ на грудь Батталю, и онъ испустилъ духъ. Красавица заколола себя кинжаломъ надъ трупомъ своего возлюбленнаго; въ этотъ моментъ разразилась буря съ громомъ и молніей, и обѣ тѣла пропали безслѣдно.

Таковъ османскій эпосъ. Основные мотивы богатырства тѣ же, что и у другихъ народовъ—сила и хитрость. Подробности частію своеобразныя, характеризующія особенности тюркскаго племени, частію сходныя съ чертами другихъ эпосовъ. Миѳическій элементъ, можно думать, навѣянъ персидскими сказаніями. Въ общемъ личность и дѣйствія турецкаго героя являются скорѣе несимпатичными, чѣмъ симпатичными, вслѣдствіе того, что чисто богатырская основа эпопеи испорчена колоритомъ слѣпого фанатизма, неизбѣжнаго спутника мусульманской религіи. Зато въ этой эпопеѣ съ большою полнотою и рельефностію отобразилась та давнишняя борьба, которая велась какъ турками османскими, такъ и ихъ предшественниками сельджуками съ Византійской имперіей, покамѣстъ они не доканали ея окончательно на глазахъ уже достовѣрной исторіи.

Другая подобная же эпопея османская, только не такая популярная, называется Мэнакыби газавати Султанъ Сары-Салтыкъ Гази=«Доблести подвиговъ за вѣру Султана Сары-Салтыка воителя» и относится къ замѣчательной въ исторіи турковъ эпохѣ—къ водворенію ихъ въ Европѣ. Весь характеръ произведенія—описаніе мѣстностей, приключеній, свойства главнаго героя, чудесность, тонъ повѣствованія, складъ рѣчи—совершенно въ духѣ эпопеи «Сирэти Сейидъ-Батталь Гази». Точно также и здѣсь въ числѣ приключеній героя эпопеи Сары-Салтыка есть напоминающія собою легенды о христіанскихъ святыхъ, какъ, напр., пораженіе св. великомученникомъ Георгіемъ пожиравшаго дѣвицъ дракона. Появленіе подобныхъ элементовъ въ османскомъ эпосѣ надо, вѣроятно, приписать заимствованію изъ области апокриѳическихъ сказаній греческаго христіанскаго населенія, съ которымъ турки много и долго сталкивались до полнаго порабощенія его себѣ.

Послѣдующія эпическія народныя сказанія турковъ гораздо скуднѣе по содержанію и блѣднѣе красками. Напримѣръ, сказаніе о султанѣ Сулейманѣ I, по всѣмъ признакамъ сложившееся въ средѣ янычарской, содержитъ въ себѣ довольно сухой перечень преобразованій, сдѣланныхъ султаномъ-законодателемъ въ пользу янычарскаго очага; перечень, облеченный въ форму былиннаго разсказа и настолько раз-

бавленный вымышленными прикрасами, что этого произведенія нельзя отнести къ разряду историческихъ отрывковъ.

Такой же полународный, полукнижный литературный типъ представляютъ собою весьма любимые и весьма распространенные у турковъ анекдоты про ходжу Насръ-эд-Дина—Лятаифи ходжа Насръ-эд-Динъ. Этотъ турецкій Балакиревъ, говорятъ, жилъ въ концѣ XIV в. и началѣ XV в. и былъ современникъ знаменитаго Тимурленка (Тамерлана); но шутки его до такой степени примитивны по своему составу и чужды всякой литературной отдѣлки, и въ такой массѣ и разнообразіи редакцій циркулируютъ въ народѣ, что ихъ съ полнымъ правомъ можно было бы отнести къ чисто народнымъ словеснымъ произведеніямъ. Имя Насръ-эд-Дина стало миѳическимъ олицетвореніемъ присущаго туркамъ своеобразнаго юмора, такъ что многіе изъ приписываемыхъ ему анекдотовъ по всей вѣроятности въ разное время сложились въ народѣ. Чтобы дать понятіе объ этомъ видѣ турецкаго комическаго эпоса, позволяемъ себѣ привести здѣсь два небольшихъ анекдота.

„Однажды ходжа увидѣлъ, что множество утокъ рѣзвятся у источника. Думая поймать ихъ, ходжа бросился-было къ нимъ, но утки улетѣли. Тогда ходжа, взявъ въ руки краюху хлѣба, сѣлъ у источника и началъ ѣсть, помакивая хлѣбъ въ воду. Кто-то, проходя мимо, спрашиваетъ ходжу: что это ты ѣшь? — „А вотъ ѣмъ похлебку изъ утокъ“, отвѣчалъ ходжа“.

„Однажды ходжа, сваривъ гуся, понесъ его къ падишаху (по другимъ варіантамъ къ Тимурленку); но дорогою оторвалъ одну ногу у гуся и съѣлъ. Приноситъ и кладетъ гуся передъ падишахомъ, который разсердился, подумавъ, что ходжа шутитъ надъ нимъ, и спрашиваетъ, куда дѣвалась другая нога. Ходжа говоритъ: „Въ нашей сторонѣ всѣ гуси одноногіе. Коли не вѣришь, такъ поди посмотри: на рѣкѣ цѣлое стадо гусей, и всѣ на одной ногѣ стоятъ“. Тимуръ приказываетъ барабанщикамъ пойдти и вдругъ всѣмъ забарабанить. Спугнутые гуси очутились двуногими. Тогда Тимуръ говоритъ ходжѣ: „Ну вотъ видишь ли? всѣ двуногіе!“—„Еще бы!“ возражаетъ на это ходжа: „если бы тебя отбарабанить палками, такъ ты бы сдѣлался, пожалуй, четырехногимъ!“

Нѣкоторые анекдоты направлены противъ судей и вообще членовъ ученой корпораціи турецкой; не мало въ числѣ ихъ и скабрезныхъ. Главными героями этихъ анекдотовъ обыкновенно являются, кромѣ самого Насръ-эд-Дина, жена и оселъ его.

II. Поэтическая литература.

Поэтическая отрасль турецкой литературы можетъ быть названа самою обширною, если принять въ основаніе то же мѣрило, какимъ обыкновенно руководятся составители такъ-называемыхъ у турковъ тэзкэрэи шуъара = «памятныхъ книжекъ поэтовъ», куда они включаютъ всякаго, кто написалъ десятокъ, другой стихотвореній, завѣдомо отличая поэтовъ признанныхъ отъ непризнанныхъ. Если такъ смот-

рѣть на дѣло, то къ 2200 поэтамъ, которыхъ Гаммеръ внесъ въ свою Geschichte des Osmanischen Dichtkunst (Pest, 1838), теперь понадобилось бы присовокупить не одинъ десятокъ еще новыхъ стихотворцевъ, до жандармскаго бимбаши, написавшаго мерсійѐ (элегію) на смерть султана Абду-ль-Азиза, включительно. Но сами турецкіе библіографы, сохраняя память о всѣхъ, даже мало извѣстныхъ писателяхъ, нельзя сказать, чтобы были совсѣмъ безразборчивы. Кромѣ отрывочныхъ отзывовъ о томъ или другомъ писателѣ, о томъ или другомъ сочиненіи, они иногда предпосылаютъ цѣлыя разсужденія о задачахъ поэзіи и предъявляютъ требованія, которымъ, по ихъ мнѣнію, удовлетворяютъ далеко не всѣ именующіеся поэтами. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этихъ разсужденій, чтобы дать понятіе о литературномъ вкусѣ турковъ. Авторъ одного изъ лучшихъ тэзкэрэ, Лятифи Кастэмуни († 990 = 1582 г.) слѣдующимъ образомъ трактуетъ о поэзіи и поэтахъ:

„Большинство людей", говоритъ онъ, „будучи неразборчивы и не въ состояніи понимать великихъ поэтическихъ твореній и прелестей стихотворныхъ произведеній, порицаютъ то, что заслуживаетъ одобренія, и хвалятъ достойное порицанія. Хотя въ наше время не стало различія между настоящимъ поэтомъ и имѣющимъ лишь претензію на это названіе, и даровитыхъ людей не отличаютъ отъ невѣждъ, тѣмъ не менѣе понастоящему поэты могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ. Къ первому принадлежатъ тѣ изъ нихъ, у которыхъ свои собственныя оригинальныя мысли и самостоятельное творческое воображеніе. Такіе поэты такъ же рѣдки, какъ и истинные сейиды (потомки Пророка). Ко второму разряду относятся тѣ, которые обладаютъ способностью стихоплетства и, нанизывая банальныя слова, воображаютъ себя настоящими поэтами. Но они не уважаются среди людей, понимающихъ, что̀ такое поэзія. Хотя стихотворческая способность лежитъ въ натурѣ большей части рода человѣческаго, но не каждому смертному дана изобрѣтательность въ словесномъ выраженіи души слова—мысли. Не всякая земля—рудникъ, хотя во всякой есть элементы благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней; не каждой серны железка бываетъ мускусъ. Къ этому-то классу принадлежатъ и литературные воры, которые тоже бываютъ разныхъ родовъ. Одни, неспособные даже скропать стихотворенія, выдаютъ чужіе стихи за свои, перемѣнивъ въ нихъ только авторскій псевдонимъ, или много что вставивъ свой стихъ, другой. Такіе впрочемъ порицаются не только у литераторовъ, но и прочею публикою, потому что рано или поздно плагіатъ ихъ становится извѣстенъ. Другіе, умѣя выражаться мѣрною рѣчью, одарены такими крошечными способностями мышленія и воображенія, что не въ силахъ сами изобрѣсти что-либо оригинальное и, поневолѣ пробавляясь идеями прежнихъ поэтовъ, тоже пріучаются воровать. Третьи заимствуютъ чужія мысли, но только выражаютъ ихъ другими словами. Они считаются выше предыдущихъ; но творчество фантазіи и результатъ его у нихъ одинаковы; ихъ въ публикѣ тоже зовутъ словесными ворами и подражателями и также не почитаютъ. Четвертые переводятъ съ другого языка, дѣлаютъ сокращенія, или компилируютъ. Это еще хорошіе воры и пользуются предпочтеніемъ сравнительно съ вышеисчисленными. Пятые наконецъ находятъ, положимъ, мысли у классическаго автора, но, хорошенько вникнувъ въ нихъ и обдумавъ, нападаютъ на новыя идеи. Эти, подобно ориги-

нальнымъ авторамъ и самобытнымъ поэтамъ, несравненно выше и достойнѣе всѣхъ предыдущихъ. Хотя вообще истиннаго поэта не найдется и одного изъ тысячи; но, какъ говорится, малъ объемъ—и цѣна мала; все же нельзя отказать и этимъ въ нѣкоторомъ достоинствѣ: „каждый цвѣтокъ имѣетъ свою пріятность, каждый плодъ—свою сладость".

Далѣе, опредѣляя главные виды поэзіи и намѣчая лучшихъ ея представителей, Лятифи продолжаетъ:

„Поэтическія сочиненія бываютъ слѣдующихъ родовъ: мэснэви, газэль, касыда, рубаъи, кытъа, лугазъ, муамма, тарихъ. Изъ превосходнѣйшихъ поэтовъ и краснорѣчивыхъ стихотворцевъ, происходившихъ ли изъ Рума, или выходившихъ изъ другихъ странъ, но сочинявшихъ на турецкомъ языкѣ, иной былъ искусенъ въ томъ или другомъ родѣ сочиненій; другіе въ нѣсколькихъ родахъ, но рѣже; а нѣкоторые прославились во всѣхъ родахъ поэзіи; но такихъ уже весьма и весьма немного, такъ что мэснэви Шейхй, касыды Ахмедъ-паши и газели Недхати считаются у знатоковъ самыми совершеннѣйшими произведеніями, а ихъ авторы признаются классическими и любимцами публики".

Въ этомъ отзывѣ мы встрѣчаемся съ двумя положеніями, весьма существенными въ исторіи турецкой поэзіи: первое изъ нихъ то, что на поэтическомъ поприщѣ подвизались не только природные турки, но и выходцы изъ другихъ странъ, разумѣй—изъ Персіи; а второе то, что образцовыми поэтами названы лица, жившія въ довольно позднее время. Первое положеніе обязываетъ насъ нѣсколько остановиться на иностранномъ вліяніи на турецкую поэзію; второе находитъ себѣ разъясненіе въ характеристикѣ поэзіи перваго періода, которую даетъ другой турецкій критикъ, историкъ Аали-эфенди. А этотъ послѣдній вотъ что говоритъ:

„Во времена Османа, Орхана и султана Мюрада совсѣмъ никто не извѣстенъ изъ поэтовъ. Если и были какіе-нибудь стихоплеты, то они не пріобрѣли репутаціи, и это потому, что въ то время обитатели Рума были большею частью воинственные турки (въ спеціальномъ смыслѣ) да татаре; прочіе жители пограничныхъ мѣстъ состояли изъ потомковъ гяуровъ, но среди нихъ тоже не было смыслившихъ въ поэзіи. На этомъ основаніи не было ни одного человѣка, достойнаго имени поэта, вплоть до временъ султана Баязида; пока не пришло въ Румъ съ Тимуръ-ханомъ нѣсколько поэтовъ персидскихъ, не было ни одного настоящаго поэта; съ этого же времени они стали появляться... Въ тѣ поры страсть къ поэзіи была въ Персіи; на (литературномъ) рынкѣ Рума не было такой цѣны стихамъ".

Слѣдуя отзыву турецкихъ критиковъ, мы должны прежде всего констатировать тотъ фактъ, что турецкая поэзія возникла подъ вліяніемъ персидской. Скажемъ даже больше: первоначальная турецкая письменность вообще носитъ слѣды сильнаго вліянія персидской: языкъ сохранившихся въ сборникѣ Феридунъ-бея грамотъ временъ первыхъ отоманскихъ правителей представляютъ странную смѣсь персидской рѣчи съ турецкою. Многіе турецкіе писатели вышли изъ Персіи. Литературная эмиграція особенно усилилась съ нашествіемъ Тимура, который любилъ бесѣдовать въ часы досуга съ учеными и

слушать остроумную болтовню поэтовъ. Персидская мода въ литературѣ одно время такъ была всемогуща, что турецкіе ученые и литераторы отправлялись въ Персію довершать свое образованіе и усовершенствоваться въ стилѣ, а потомъ, по возвращеніи на родину, не иначе допускались въ хальветы = «увеселительныя уединенія» тогдашнихъ меценатовъ, какъ имѣя въ рукахъ рекомендательныя письма отъ литературныхъ знаменитостей Персіи. Иные, чтобы получить доступъ въ эти кружки цѣнителей словеснаго искусства, даже просто выдавали себя за природныхъ персіянъ, какъ это сдѣлалъ, напр. поэтъ Ляали, который проникъ даже въ меджлисъ = «бесѣду» султана Мухаммеда II Завоевателя, выдавъ себя за персіянина; но потомъ, когда обманъ его обнаружился, онъ былъ со скандаломъ выгнанъ изъ султанскаго собранія. Оскорбленный піита написалъ и подалъ султану сатиру, начинающуюся стихами:

„Коль хочешь имѣть ты почетное мѣсто,
То долженъ арабомъ быть или же персомъ",

и оканчивающуюся такъ:

„У всѣхъ, кто приходитъ изъ Персіи въ Румъ,
Санджакомъ, везирствомъ прельщенъ уже умъ".

Лятифи замѣчаетъ по этому случаю, что и въ то время персіяне были въ большомъ почетѣ; спровѣдавъ объ этомъ, персидскія знаменитости стали во множествѣ прибывать въ Румъ. Это-то обстоятельство и подало, должно быть, поводъ Шерру отнестись съ такимъ пренебреженіемъ къ турецкой литературѣ вообще, какъ лишенной будто бы уже всякой самостоятельности и оригинальности. Но что справедливо въ извѣстной степени и для одного только періода и отдѣла литературы, то неприложимо къ ней во всей ея цѣлости и за все время ея существованія.

Итакъ фактъ персидскаго вліянія на турецкую поэзію не подлежитъ сомнѣнію: его признаютъ сами турки. А чтобы дать понятіе о направленіи, которое сообщено этимъ вліяніемъ поэзіи турецкой, достаточно сказать, что во главѣ этого вліянія стоитъ шейхъ Джеляль-эд-Динъ Руми, который еще въ 1298 г. по Р. Х. переселился изъ города Бальха въ Малую Азію, при сельджукидскомъ султанѣ Ала-эд-Динѣ, и погребенъ въ г. Коніи. Этотъ основатель и патронъ весьма уважаемаго въ Турціи ордена вертящихся дервишей мевлеви есть представитель того направленія, по которому, какъ говоритъ Лятифи, „истинная поэзія принадлежитъ святымъ и людямъ божіимъ, ибо предметъ любви ихъ — совершенства Божія; предметъ исканія ихъ — абсолютное бытіе; стихотворенія сочиняются ими не ради похвалы и славы, а для руководства ищущихъ пути вѣры и для назиданія шествующихъ стезею созерцательной жизни".

Слѣдовательно, это направленіе есть чисто мистическое. Джеляль-эд-Динъ изложилъ свои богословско-онтологическія разсужденія

въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, изъ коихъ самое извѣстное и популярное есть его Мэснэви, мистическая поэма въ 30,000 стиховъ, и другое подобное же произведеніе въ 90,000 стиховъ. Хотя эти творенія на персидскомъ языкѣ, но они прилежно штудировались и имитировались турецкими учеными, какъ классическія въ своемъ родѣ, ибо духъ и складъ ихъ пришлись какъ нельзя болѣе по вкусу послѣднимъ. Флегматическая неподвижность натуры турковъ, охарактеризованная ими въ пословицѣ «Османлы за зайцемъ охотится въ телѣгѣ» и придающая имъ внѣшнюю солидность и величавость, дѣлала ихъ людьми, любящими предаваться созерцательнымъ думамъ, углубляться въ тайны бытія, утопать въ туманныхъ размышленіяхъ объ иномъ мірѣ, съ цѣлью постигнуть конечную цѣль и назначеніе всего сущаго. Вслѣдствіе этого, вмѣсто того чтобы пускаться въ смѣлыя научныя изслѣдованія природы, они являются моралистами попреимуществу, довольствующимися готовою кораническою этикою, постоянно представляющими себѣ часъ смерти, непрерывно помышляющими о тщетности настоящей жизни и объ участи, ожидающей каждаго по переходѣ его въ вѣчность. Потому-то даже въ самыхъ легкихъ, вольнодумныхъ произведеніяхъ турецкихъ поэтовъ все-таки нѣтъ-нѣтъ да и проглядываетъ, сквозь главный сюжетъ, этотъ религіозно-философскій піетизмъ, то какъ завершеніе всякихъ въ иномъ духѣ разглагольствій, то какъ покаяніе въ грѣховныхъ помыслахъ и рѣчахъ увлекшагося порывами своей фантазіи стихотворца. Мысль, что люди суть странники и пришельцы въ здѣшнемъ мірѣ, поэтому постоянно вертѣлась въ головѣ турецкаго поэта-мистика, какъ какое-нибудь омманй-бидъ-мехўмъ въ молитвенной мельницѣ благочестиваго буддиста. А потому памятники древнѣйшей османской поэтической литературы состоятъ изъ назидательныхъ, душеспасительныхъ размышленій въ стилѣ вышеуказаннаго Мэснэви Джелаль-эд-Дина Руми, которое сдѣлалось образцомъ для послѣдующихъ богомыслящихъ философовъ, во главѣ съ сыномъ его, шейхомъ Султанъ-Веледомъ. Отрывки изъ поэмы послѣдняго Рубабъ-намэ «Книга лютни» изданы нѣкоторыми европейскими учеными подъ именемъ «Сельджукскихъ стиховъ». Особенность этого рода поэтическихъ произведеній, по объясненію Лятифи, заключается въ томъ, что въ нихъ изображается нѣжность и ласки любящихъ, или муки и страданія одержимыхъ неудовлетворенной страстью и сгорающихъ въ пламени разлуки, ибо

„Не будь любви и горестей ея,
Кто бъ пѣлъ тогда, и кто бы слушалъ“.

Но хотя рѣчи поэтовъ повидимому суть не болѣе, какъ картины красоты и любви и описанія тѣлесныхъ прелестей, въ сущно-

сти же онѣ есть только восхваленія Создателя красоты. Проницательные люди при взглядѣ на красивый образъ стараются составить себѣ понятіе объ образѣ Предвѣчнаго и въ твореніи видятъ прославленіе Творца: подобно тому, какъ взирающій на прекрасный храмъ хвалитъ не самый храмъ, а строителя его, такъ точно и поэтъ есть только прославитель Всемогущаго. Описываетъ ли онъ свойства звуковъ лютни и дѣйствіе вина, плѣнительную ли красоту любимаго лица, прелести ли предмета своей страсти, или восхваляетъ падишаха—все это, по мнѣнію благочестивыхъ людей, есть только аллегорія, относящаяся къ Богу. Всякое слово поэта имѣетъ свой сокровенный смыслъ; всякое имя—свое таинственное значеніе; всякое выраженіе подлежитъ иносказательному толкованію.

Такое мнѣніе Лятифи о свойствѣ мистической поэзіи не произвольно: оно подтверждается самыми произведеніями этой поэзіи, каково, напримѣръ, Гюльшени разъ = «Розовый цвѣтникъ таинственнаго», соч. персидскаго поэта Махмуда Шебистери, переведенное на турецкій языкъ шейхомъ Эльваномъ Ширази, современникомъ эмира Орхана, и всецѣло посвященное истолкованію смысла мистической рѣчи въ стихахъ, въ такомъ родѣ:

„Вину, свѣчѣ, любовнику значенья нѣтъ иного,
Какъ отраженіемъ служить, незримымъ свѣтомъ Бога". И т. д.

Если бы намъ пришлось охарактеризировать впечатлѣніе, производимое этими турецкими стихотвореніями въ подлинникѣ, сравненіемъ съ какими-либо произведеніями нашей отечественной литературы, то мы бы не задумались указать на стихотворенія Жуковскаго. Его поэзію обыкновенно называютъ романтическою, на томъ очевидномъ основаніи, что не только сюжеты, но и самые детальные планы его твореній большею частію цѣликомъ заимствованы у германскихъ романтиковъ; но та піетическая мечтательность, которою они проникнуты, еще въ большей мѣрѣ напоминаетъ турецкій суфизмъ, чѣмъ нѣмецкій романтизмъ. Въ этомъ не будетъ ничего для насъ удивительнаго, если мы вспомнимъ только, что Жуковскій по матери былъ турокъ. По природѣ душа его жаждала тѣхъ идеаловъ, которыми питаются его предки турки; но, выросшій и воспитанный на иной почвѣ, онъ ничего не нашелъ въ европейской литературѣ болѣе удовлетворявшаго его кровнымъ инстинктивнымъ мистико-піетическимъ стремленіямъ, какъ полныя фантастической таинственности произведенія романтическихъ писателей.

Теософическій эросъ, или эротическая теософія, перенесенная изъ Персіи на османскую почву, очень быстро и прочно привилась къ ней, но только получила нѣсколько развѣтвленій, имѣвшихъ болѣе или менѣе видныхъ представителей въ османской литературѣ:

или она продолжала существовать въ своемъ первоначальномъ видѣ, оставаясь строго-мистическою; или же этотъ мистицизмъ выработался въ особый родъ пантеистическаго міросозерцанія, увлекши послѣдователей его въ религіозное, съ мусульманской точки зрѣнія, вольнодумство; или же, наконецъ, формы мистической поэзіи, утративъ свою первоначальную условность, служили выраженіемъ самой недвусмысленной чувственности и необузданнаго цинизма. Средину между этими тремя направленіями занимаютъ такія поэтическія произведенія, въ которыхъ условность мистической рѣчи соединяется съ содержаніемъ, имѣющимъ дѣло съ обыкновенными явленіями человѣческой жизни, служа выраженіемъ думъ и чувствъ простого смертнаго подъ вліяніемъ его вседневной обстановки, а не подъ наитіемъ какого-то превыспренняго экстаза или сенсуалистической экзальтаціи. Замѣчательно то, что всѣ эти отрасли турецкой поэзіи такъ живучи, что съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ и до настоящаго времени находятъ себѣ и дѣятелей, и почитателей въ Турціи, и потому не могутъ быть строго пріурочены къ той или другой эпохѣ, какъ ея характерные признаки въ области литературы, развѣ только по количеству писателей или по объему произведеній въ одномъ изъ этихъ направленій.

Самымъ выдающимся, старѣйшимъ представителемъ поэзіи въ строго-мистическомъ духѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ Джелаль-эд-Дина Руми и сына его Султанъ-Веледа, изъ чистокровныхъ турковъ, безъ сомнѣнія, является Аашикъ-паша († 733=1332), родомъ изъ Анатоліи. Эпитетъ его паша требуетъ оговорки. Литературное поприще не составляетъ у турковъ достоянія одного какого-либо класса: среди писателей мы видимъ и султановъ, и пашей, и улемà (ученыхъ), и военныхъ, и людей безъ опредѣленныхъ профессій, и, наконецъ, даже женщинъ. Но въ данномъ случаѣ эпитетъ Аашика паша, равно какъ эпитетъ вышеупоминавшагося автора «Рубабъ-намэ» султанъ, и т. п., не имѣютъ ничего общаго съ какимъ-либо официальнымъ положеніемъ носителей этихъ титуловъ; это причуда мистиковъ придавать почетныя добавки къ именамъ замѣчательныхъ, по ихъ взгляду, дѣятелей мистицизма, и только: Аашикъ былъ пашою въ царствѣ духовномъ, въ области славы и святости. Сей везирь мистики написалъ сочиненіе въ стихахъ размѣра мэснэви, безъ специальнаго заглавія, а называемое просто диваномъ, какъ называются вообще сборники стихотвореній того или другого поэта, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ риѳмъ стиховъ. Оно состоитъ изъ 10 книгъ, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на 10 главъ, и содержитъ въ себѣ размышленія и повѣствованія, большею частью въ метафорическихъ выраженіяхъ, о самыхъ разнородныхъ предметахъ видимаго, а больше не-

видимаго, міра — о стихіяхъ, о тѣлѣ и душѣ человѣческой, объ Іерусалимѣ и путешествіи Мухаммеда на небо, о Хызрѣ, о признакахъ и дѣйствіи любви, о сотвореніи Мухаммеда, и т. п. Лятифи, похваляя это сочиненіе, какъ «весьма полезное и употребительное среди мужей благочестія и добродѣтели», въ то же время не одобряетъ слога его, говоря, что «стихосложеніе его не въ такой же мѣрѣ гармонично и картинно, ибо люди божіи въ стихотворствѣ своемъ не заботятся, въ угоду публикѣ, о художественности и иллюзіи, и не хлопочутъ, ради гордости и славы, объ украшеніи рѣчи». Уступая мнѣнію османскаго критика насчетъ чисто литературнаго достоинства поэмы Аашика, нельзя не замѣтить, что въ содержаніи своемъ она представляетъ интересъ не одною только крайностію своего мистицизма: въ ней есть также мысли любопытныя и съ общечеловѣческой точки зрѣнія, вособенности если принять во вниманіе такую давность времени, когда эти мысли были высказаны. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна четвертая статья (дэсьтанъ) седьмой главы, трактующая о семи вещахъ, созидаемыхъ и благоустрояемыхъ семью же вещами. Эти семь вещей, одушевляющихъ одна другую, суть: земля, культура, человѣкъ, душа, разумъ, любовь и Богъ. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой главы.

„Цвѣтетъ вселенная культурой,
Всѣ города и всѣ деревни...
. . . .
Культура есть душа вселенной...
. . . .
Что зданья, въ коихъ не живутъ?!
Что города, гдѣ нѣтъ людей?!
Что государство, гдѣ нѣтъ гражданъ?!
Живетъ народомъ государство,
Народы—души государствъ.
. . . .
Души не станетъ, смерть и тѣлу:
Даетъ душа лишь тѣлу блескъ..
. . . .
Душа безъ знанія мертва:
Наукой лишь повелѣваетъ
Душа, что Бога познаетъ...
Въ душѣ невѣждъ нѣтъ вовсе жизни...
. . . .
Но разумъ держится любовью,
. . . .
И разумъ, ей не вдохновленный,
И разумъ, ей не оживленный,
Во мракъ бываетъ погруженъ.
. . . .
Любовь сама живетъ чрезъ Бога;
Коль ты Его достигнуть хочешь,
Не отлучайся отъ любви...
. . . .
Семь изъясненныхъ здѣсь предметовъ,
На мѣстѣ ставятъ все своемъ,
И съ ними странствовать ты долженъ;
Но пусть ведетъ тебя любовь,
Такъ какъ любовь всего есть сущность.
Кто съ нею Бога достигаетъ,
И кто на друга съ ней взираетъ,
. . . .
Кто самъ любовью вознесенъ,
Не отвергай насъ, будь къ намъ благъ:
Умъ безъ любви бываетъ мертвъ".
И т. д.

Сверхчувственность помысловъ Аашика подтверждается его воззрѣніемъ на истинное дервишество, которое, по его словамъ, «не въ хитонѣ, дерюгѣ и рубищѣ» заключается, а въ изгнаніи изъ сердца любви ко всему,

кромѣ самоограниченія и внѣмірности, и въ отрѣшеніи себя отъ привязанности къ міру». А что нѣсколько высокопарныя рѣчи его о житейскомъ благоустройствѣ, о наукѣ, о любви, какъ проявленіи непостижимаго всемогущества существа Божія, не были въ свое время пустымъ разглагольствованіемъ, это отчасти свидѣтельствуется извѣстіями о дѣяніяхъ эмира Орхана, который осуществлялъ, какъ умѣлъ, эти аскетическія мечтанія на практикѣ, силою своей власти, устрояя порядокъ въ своихъ владѣніяхъ, заводя школы, общественныя столовыя, и т. д.

Въ области религіи, какъ науки, у турковъ мы замѣчаемъ явленіе аналогическое съ состояніемъ нашей церковной письменности древняго періода. Какъ мы, русскіе, принявъ христіанство отъ грековъ, долгое время питались плодами теологическаго творчества византійскихъ столповъ православія въ славянскихъ переводахъ, такъ точно и турки, ставъ мусульманами, должны были принять вмѣстѣ съ Кораномъ всю массу книжнаго богомыслія арабскихъ теологовъ. Особенность лишь въ томъ, что священная неприкосновенность алфавита и языка, на которомъ начертанъ кодексъ ислама, простирала свое вліяніе на всякое письменное твореніе, касающееся вѣры, и такимъ образомъ закабалила мысль турковъ чуждому для нихъ языку арабскому, сдѣлавъ богословскую ученость у нихъ какимъ-то монопольнымъ ремесломъ отдѣльнаго класса людей — улемà, которые, употребляя чуть не полжизни на зубреніе мудреной грамматики и вычурной логики арабской, невольно этимъ притупляютъ въ себѣ ясность мышленія и убиваютъ самостоятельность воззрѣній.

Тѣмъ не менѣе вопросы вѣры, подъ вліяніемъ всесильнаго персидскаго мистицизма, кромѣ формы сухихъ догматическихъ трактатовъ, находили себѣ выраженіе и въ формахъ до извѣстной степени поэтическихъ. Шейхъ Сулейманъ-челеби, въ царствованіи султана Баязида I (1389—1402) пишетъ сочиненіе Мевлюдъ, заключающее въ себѣ около 600 двустишій. Въ немъ воспѣвается рожденіе пророка Мухаммеда. Лятифи и Аали-эфенди не находятъ словъ для восхваленія прелестей этого творенія, которое «изъ года въ годъ читается въ тысячахъ собраній и не имѣетъ равныхъ себѣ между подобными, коихъ не одна сотня написана впослѣдствіи, кромѣ развѣ только сочиненія на ту же тэму поэта Хамди-челеби» († 1513). Историкъ же Аали-эфенди дотого восхищенъ красотою рѣчи сочиненія Сулеймана-челеби, что считаетъ его первымъ по времени османскимъ поэтомъ.

Но вѣнецъ твореній этого рода составляетъ Мухаммедійè («Мухаммедово сочиненіе»), произведеніе нѣкоего жителя г. Галлиполи, Язычжи-оглу или Ибнъ-Кятиба († 1449). Оно есть передѣлка мистическаго сочиненія, написаннаго этимъ авторомъ на арабскомъ языкѣ подъ

руководствомъ своего учителя шейха Хаджи-Бейрама, основателя ордена дервишей, называющихся бейрамй, и переведеннаго братомъ его Биджаномъ на турецкій языкъ. Языджи-оглу взялъ затѣмъ одну часть этого пространнаго творенія и обработалъ въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго труда, который въ 9119 двустишіяхъ обнимаетъ собою весь циклъ основныхъ мусульманскихъ знаній, вѣрованій и преданій. Авторъ самъ опредѣляетъ значеніе и цѣль своей книги въ статьѣ «О восходѣ солнца съ запада» въ такихъ выраженіяхъ:

„Изъясню по порядку, резонно я каждое слово:
Не вмѣстить бы всего и въ семидесяти даже книгахъ.
Эта жь книга должна всеобъемлющимъ быть сокращеньемъ.
Почерпнуть изъ сей книги всѣ знаніе цѣлаго міра.
Онъ есть точка одна; онъ есть центръ въ сотнѣ тысячей сферъ.
Поведемъ рѣчь о мірѣ, съ начала его до конца“ [1]).

Пророкъ Мухаммедъ, само собою разумѣется, составляетъ главный пунктъ, около котораго группируются всѣ прочіе предметы, какъ источникъ откровенія тайнъ мірозданія и бытія вообще. Отдѣльныя статьи перемежаются славословіями въ честь Мухаммеда, въ родѣ слѣдующихъ: «О, великій султанъ, совершенству котораго нѣтъ конца!»; или: «Мухаммедъ—высочайшая тайна, центръ дуги лука!» [2]); или: «Мустафа величайшій есть духъ и свѣтъ свѣта существъ!» И т. п. Эти гимнообразные эпитеты служатъ какъ бы тэмами, которыя развиваются въ слѣдующихъ за ними разсужденіяхъ о самыхъ разнородныхъ вещахъ. Тутъ трактуется о сотвореніи міра, о первыхъ людяхъ, объ ангелахъ и демонахъ, о нѣкоторыхъ праотцахъ ветхозавѣтной исторіи, о самомъ Мухаммедѣ, о его чудесахъ и подвигахъ, о его женахъ и сподвижникахъ, о Каъбѣ, о Меккѣ и Мединѣ, объ Іисусѣ Христѣ, о Гогѣ и Магогѣ, о Страшномъ судѣ и знаменіяхъ его—о восходѣ солнца съ запада, объ измѣненіи земли и неба, объ адѣ и раѣ, объ ихъ подраздѣленіяхъ и обитателяхъ, предназначенныхъ къ вѣчнымъ мукамъ или къ вѣчному блаженству, и т. д. Вотъ, напримѣръ, какъ описываются тамъ хури—высшее благо, ожидающее правовѣрныхъ мусульманъ въ раю.

„Мужи истины, кои намъ правду вѣщаютъ
И въ рѣдчайшія знанія тонко вникаютъ,
Говорятъ, что на свѣтѣ всѣ наши услады
Въ своей сущности дѣлятся на три разряда,
Каковы суть: жилище, ѣда, красота,
Словомъ то, что влюбленныхъ [3]) златая мечта.

[1]) Мухаммедійѐ. Казанск. изд. 1880 года, стр. 157.

[2]) Размѣръ близости разстоянія Мухаммеда отъ Бога. Коранъ, сура LIII, ст. 9.

[3]) Въ мистическомъ смыслѣ: влюбленныхъ въ Бога.

Что до мѣста, то райскія будутъ жилища;
И раздолье жь тамъ будетъ насчетъ всякой пищи.
А въ любовницы будутъ даны все лишь хури,
Кои блещутъ сіяньемъ свѣтлѣйшей лазури.
Говорятъ: коль онѣ свѣтовыя созданья,
Какъ возможны тогда имъ объятья, лобзанья?
Но на этотъ вопросъ намъ готовъ ужь отвѣтъ:
Ихъ субстанція есть осязательный свѣтъ,
Такъ что можно отъ нихъ наслажденье вкушать,
Цаловать, обнимать, душу нѣгой питать.
Наряжается каждая въ семьдесять ризъ:
За жемчужины можешь ихъ счесть, не дивись!
Ежечасно стоцвѣтныя платья мѣняютъ;
Точно павы въ обширныхъ чертогахъ гуляютъ.
Передъ свѣжестью лицъ день горитъ отъ стыда;
Передъ нѣжностью словъ ихъ трепещетъ луна.
И не портятъ рожденьемъ дѣтей своихъ тѣлъ;
Чувство ревности вовсе не есть ихъ удѣлъ;
Кромѣ мужа, онѣ не глядятъ никуда;
Не приносятъ ни пользы ему, ни вреда.
Вновь становятся дѣвами каждую ночь,
Этой сладости мыслямъ постигнуть не въ мочь.
Будутъ вѣчно тамъ всѣ тридцати и трехъ лѣтъ.
Ни единаго мѣста въ раю безъ нихъ нѣтъ.
По пяти сотенъ хури всѣмъ будетъ дано,
Да такихъ, что и ста не видалъ здѣсь никто."
И т. д. *).

Аали-эфенди, въ отзывѣ объ этой книгѣ, говоритъ, что «для понимающихъ цѣну ея каждый стихъ ея есть драгоцѣнный перлъ», и что авторъ ея «во время писанія бесѣдовалъ со св. Хызромъ (пророкомъ Ильею) и съ нимъ совѣтовался о нѣкоторыхъ затруднительныхъ предметахъ. О степени популярности и уваженія, какимъ пользуется это произведеніе древней турецкой мистической поэзіи, можно судить по тому, что оно неоднократно было печатаемо до послѣдняго времени, и въ томъ числѣ дважды издавалось въ Казани для назиданія нашихъ мусульманскихъ земляковъ, татаръ.

Мистицизмъ въ первоначальномъ его видѣ, разъ утвердившись на турецкой почвѣ, продолжалъ существовать до новѣйшаго времени, не развиваясь во внутреннемъ своемъ содержаніи, за неимѣніемъ основаній для своего развитія, а разнообразясь отъ времени до времени лишь въ относительной силѣ и красотѣ словеснаго выраженія, соотвѣтственно субъективнымъ качествамъ болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, придерживавшихся этого направленія. Не находя нужнымъ перебирать этихъ послѣднихъ поименно и останавливаться на раз-

*) Мухаммеdійе. Казанск. изд. 1880 года, стр. 226—227.

смотрѣніи ихъ произведеній, мы считаемъ нелишнимъ упомянуть о двухъ новыхъ писателяхъ-мистикахъ—о Галубъ-дэдэ (дядѣ Галубѣ), который родился въ 1757 г. и объ Иззетъ-моллѣ, современникѣ султана Махмуда II, отцѣ знаменитаго въ новѣйшей турецкой исторіи Фуъадъ-паши. Сочиненія Иззетъ-моллы вособенности превозносятся англійскимъ оріенталистомъ Редгаузомъ, который цѣлую половину статьи своей «On the history, system and varities of Turkish poetry» *) посвятилъ переводу и разбору его стихотвореній, какъ образцовыхъ по мыслямъ и слогу и могущихъ дать европейцамъ самое выгодное понятіе о поэзіи турковъ.

Но, какъ уже сказано выше, рядомъ съ мистическою созерцательностью, занесенною въ Турцію изъ Персіи, тамъ очень рано явилось въ жизни и литературѣ направленіе, которое, можетъ быть, есть только особенный фазисъ перваго: мы говоримъ о направленіи, которое всего ближе подходитъ къ пантеизму и представляетъ своего рода вольнодумство съ чисто мусульманской точки зрѣнія. Первымъ такимъ вольнодумцемъ былъ одинъ брусскій ваизъ (проповѣдникъ), который, толкуя слова Корана «нѣтъ различія между пророками», высказалъ мнѣніе, что онъ, въ силу этого, не находитъ разницы между Мухаммедомъ и Іисусомъ, т. е. считаетъ ихъ равными. Тогда одинъ изъ слушателей, арабскій купецъ, объятый благочестивою ревностью, напалъ на проповѣдника, назвавъ его дуракомъ, зато что онъ будто бы не умѣетъ толковать словъ св. писанія и не знаетъ другого стиха Корана, въ которомъ категорически говорится о несравненномъ превосходствѣ Мухаммеда надъ всѣми прочими пророками, и сталъ требовать суда надъ еретикомъ-проповѣдникомъ. Распря эта взволновала всѣхъ жителей города, которые—это замѣчательно—сочувствовали проповѣднику и приняли его сторону, такъ что благочестивому купцу не удалось притянуть къ суду ваиза. Но фанатикъ не успокоился: онъ отправился въ Аравію, Египетъ и Сирію къ тамошнимъ ученымъ теологамъ-законовѣдамъ и шесть разъ возвращался отъ нихъ съ фетвою, присуждавшею проповѣдника къ смертной казни; но все было тщетно. Наконецъ, въ седьмой разъ онъ явился съ фетвою, въ которой было сказано, что «если не будетъ поступлено сообразно съ фетвою, т. е. если тотъ человѣкъ (проповѣдникъ), настаивая на своихъ словахъ, не откажется отъ нихъ, и все-таки его не предадутъ смерти изъ сочувствія къ нему, то рѣшено совершить нашествіе на Румъ (т. е. на тогдашнія владѣнія турковъ въ М. А.)». И все-таки дѣло кончилось только самоуправствомъ набожнаго араба, который

*) Trans. Roy. Soc. of Literature, vol. XII, part 1, 1879.

собственноручно зарѣзалъ проповѣдника возлѣ самой мечети. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ царствованіе султана Баязида I (1389—1402). Но онъ былъ не единственный: кромѣ отдѣльныхъ вольнодумцевъ, каковы были поэты Теменнáи, Умми́, Неси́ми, Кабы́зъ, являвшихся въ разное время провозвѣстниками особаго ученія, носящаго у историковъ общее имя суфизма, и поплатившихся жизнью по уголовнымъ приговорамъ блюстителей мусульманскаго правовѣрія, мы знаемъ, что въ началѣ XV столѣтія, вскорѣ послѣ Тамерланова погрома, Отоманское государство потрясено было цѣлымъ мятежомъ религіознаго характера, во главѣ котораго стоялъ шейхъ Бедръ-эд-Динъ Симавна-оглу, повѣшенный въ 1418 году. Судя по отрывочнымъ даннымъ, сохранившимся у современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ, основной принципъ ученія этого еретика былъ близокъ къ христіанству и, въ практическомъ примѣненіи, имѣлъ цѣлью братское единеніе мусульманъ и христіанъ безъ различія. Жаль только, что не сохранилось до насъ сочиненія этого еретика подъ заглавіемъ Джаміъу-ль-фусуль, о которомъ упоминается историками по тому поводу, что одинъ улема писалъ на него опроверженіе. Но одинъ изъ этихъ вольнодумцевъ, а именно Сейидъ Амадъ-эд-Динъ Несими, съ котораго по судебному приговору въ Халебѣ съ живого содрали кожу, оставилъ цѣлыхъ два дивана стихотвореній, персидскій и турецкій, которые даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ образѣ мыслей философовъ и писателей этой категоріи. Біографы говорятъ, что Несими, родомъ изъ одной деревни близъ Багдада, а по національности тюркменъ, былъ зараженъ мистической каббалистикою персіянина Фазлю-л-Ла Хуруфи, своеобразно примѣнявшаго какое-то таинственное значеніе буквъ арабскаго алфавита къ толкованію Корана и за это заживо сожженнаго по приговору блюстителей правовѣрія, улемовъ. Далѣе они передаютъ, что братъ Несими Хова́нъ-Хаваcы́ совѣтовалъ ему держать свои воззрѣнія въ секретѣ, на что Несими будто бы отвѣчалъ ему слѣдующими словами:

„Океанъ-море пришло въ волненіе;
Вся вселенная пришла въ движеніе;
Вѣковѣчныя времена открылися—
Какъ же вѣдающему притворствовать?
Небеса и земля—абсолютный Богъ;
Лютня и барабанъ возглашаютъ: я Богъ“.

Такъ ли это было или нѣтъ, все равно; но только эти стихи взяты изъ довольно длинной вступительной оды турецкаго дивана Несими, въ которой онъ довольно ясно выразилъ свое пантеистическое міровоззрѣніе. Въ той же одѣ есть мѣста еще болѣе характерныя въ этомъ отношеніи, какъ напримѣръ:

„Живописецъ сталъ узнанъ въ картинѣ своей;
Объявился рубинъ въ Бадахшанской горѣ.

***

Съ поклоняемымъ сталъ обожатель одно;
Самъ молящійся тотъ, кому молится онъ

***

Капля каждая есть океанъ вмѣстѣ съ тѣмъ;
Каждый атомъ есть вмѣстѣ Иса и Марьямъ;

***

И безвѣрье, и вѣра—теперь все одно;
Сладость съ горечью нынѣ одно питіе.

***

Вовсе нѣтъ и въ вещахъ раздвоенья теперь:
Вѣченъ Богъ лишь одинъ, и Ему нѣтъ конца“.

И т. д.

Ода третья, напримѣръ, содержитъ въ себѣ сплошной рядъ пантеистическихъ антитезъ, о внутреннемъ свойствѣ и внѣшней формѣ которыхъ можетъ дать весьма близкое понятіе стихъ въ одѣ Державина «Богъ»: «Я царь — я рабъ; я червь — я Богъ!» Основной же взглядъ турецкаго пантеиста высказанъ имъ въ первой половинѣ второго двустишія: «Принципъ буквъ кэфъ и нунъ—начало всѣхъ существъ». Эти двѣ буквы образуютъ въ арабскомъ языкѣ глаголъ ка̀на=«быть», слѣдовательно, чистое, абсолютное, всецѣлое и всеобъемлющее бытіе, и есть основа всего міросозерцанія Несими. Вотъ подобныя-то экивоки съ буквами, довольно часто попадающіяся въ стихотвореніяхъ Несими, и подали поводъ, вѣроятно, подозрѣвать его въ приверженствѣ къ какой-то спеціальной сектѣ каббалистовъ, хотя въ нихъ, правду сказать, нѣтъ никакой особенной таинственности. Далѣе, въ четвертой одѣ Несими продолжаетъ сопоставленія всего, что только приходитъ ему на память изъ предметовъ видимаго и невидимаго міра *); а въ 5-ой одѣ онъ это пантеистическое всеединство представляетъ въ видѣ какого-то всеобщаго опьяненія:

Волей кэфа и нуна сталъ пьянъ вдругъ весь міръ:
Человѣкъ, духъ, звѣрь, птица—все пьяно теперь.
Пьянъ песокъ, пьянъ и вѣтръ, пьянъ огонь и вода...
Ной, Давидъ, Соломонъ, Захарья, Шуаибъ,
Моисей, и Иса, и Ахмедъ—пьяны всѣ.

И т. д.

Разъ ступивъ на путь иносказанія, Несими слишкомъ ужь развязно говоритъ о предметахъ, требующихъ болѣе серьознаго и почтительнаго къ нимъ отношенія, хотя бы даже и на словахъ только. «Для влюбленнаго (въ таинственномъ смыслѣ) безвѣріе и исламъ— все едино», говоритъ онъ. Или: «Черные волосы той луны (красавицы)

*) Диванъ, стр. 18—19.

есть безбожье мое; моя вѣра—лицо ея». Или еще: «На страницѣ красоты твоей я нашолъ конецъ Корана; въ кудряхъ волосъ твоихъ я нашолъ мое безвѣріе и вѣру... Тотъ, для кого, ты, душечка, не была великимъ хадджемъ (благочестивымъ пилигримствомъ), не бывалъ въ святыхъ мѣстахъ; нѣтъ блаженства ему... Тотъ шайтанъ, кто не поклонялся лику твоему»; или:

„Влюбленнымъ Мекка есть твой ликъ;
Багдадъ ученымъ есть твой ликъ;
Молящимся имамъ твой ликъ;
И сей и тотъ свѣтъ—все твой ликъ!"

И т. д.

Для насъ особенно интересно то, что такой кощунственный образъ выраженій нисколько не шокируетъ слуха правовѣрныхъ турковъ: диванъ грѣховодника Несими даже напечатанъ въ 1844 году въ Константинополѣ. Это, какъ уже замѣчено было, происходитъ отъ условности, какая придана была поэтической рѣчи въ первыхъ произведеніяхъ поэтовъ-богослововъ. Но большинство послѣдующихъ жрецовъ музы далеки были отъ бездны глубокомыслія мистиковъ и только прикидывались таковыми, будучи въ дѣйствительности проникнуты тѣми самыми чувствами и мыслями, какія выражались во внѣшней формѣ ихъ словесныхъ произведеній, а тамъ понимай ихъ слова всякій, какъ знаетъ. Когда они пѣли диѳирамбы, представляя себя держащими въ одной рукѣ стаканъ вина, а другою обнимающими красавицу, или, вѣрнѣе, красавца, то нисколько не помышляли тогда изображать собою аллегорію вкушенія высшихъ, чистыхъ, внѣмірныхъ наслажденій блаженствомъ, проистекающимъ отъ близости къ Высочайшему существу, Богу. Если же кто изъ поэтовъ, въ самомъ дѣлѣ, преднамѣренно облекалъ въ чувственные образы религіозно-нравственныя идеи, то онъ обыкновенно самъ же былъ вынужденъ комментировать свои собственныя сочиненія, какъ Кара-Фазли († 1563) комментировалъ свою романтическо-мистическую поэму Гуль у бульбуль=«Роза и соловей» въ эпилогѣ къ этому знаменитому въ своемъ родѣ произведенію; или какъ вышеупомянутый Языджи-оглу комментируетъ описаніе прелестей хури въ своемъ крайне мистическомъ сочиненіи Мегарибу-з-земанъ=«Закаты времени». Вообще же зависѣло отъ чистоты помысловъ самого читателя или критика отыскивать въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ такой смыслъ, какой ему казался наиболѣе сообразнымъ съ истиннымъ назначеніемъ и правильнымъ употребленіемъ поэтическаго таланта и творчества. Что далеко не всѣ османскіе поэты раздѣляли взглядъ своихъ собратовъ-мистиковъ на свое призваніе, это они блистательно доказали плотоугодническимъ образомъ своей жизни. Многіе изъ нихъ были самые

безпросыпные пьяницы и самые необузданные забулдыги, съ неподдѣльнымъ цинизмомъ воспѣвавшіе свои подвиги на поприщѣ оргій. Таковы, напримѣръ, были Исхакъ-челеби, Губари, Газали Дели-Берадѐръ, Ферди́, Меси́хи, Мели́хи, Рева́ни и др. Вособенности отличался остроумный Мелихи, по происхожденію землякъ знаменитаго циника древности, Діогена, пользовавшійся благосклоннымъ расположеніемъ къ себѣ султана Мухаммеда II Завоевателя. Придворный піита предпочиталъ этикетному обществу султанскихъ палатъ свободную бесѣду съ пріятелями за питейнымъ прилавкомъ. Онъ дотого упивался и развратничалъ, что даже самъ августѣйшій покровитель его вышелъ однажды изъ терпѣнія и пригрозилъ ему смертною казнью, если онъ не перестанетъ вести такую распутную жизнь. Дня два крѣпился несчастный Мелихи. Онъ пробовалъ принимать и опіумъ, и другія наркотическія вещества, но ничто не приводило его въ то блаженное состояніе, которое испытывалъ онъ подъ воздѣйствіемъ вина. Онъ утерялъ всякій аппетитъ, и силы начали оставлять его. Наконецъ онъ нашелъ-таки средство помочь своему горю, не преступая тяготѣвшаго надъ его головою султанскаго запрещенія. Разъ Мухаммедъ, долго не видѣвшій своего любимца, приказалъ разыскать Мелихи. Посланные нашли его мертвецки пьянаго, полунагого, валявшагося на улицѣ на соблазнъ цѣлаго народа, и въ такомъ видѣ привели его къ султану. Разгнѣванный на непослушнаго раба своего владыка тотчасъ же велѣлъ бросить его въ море. Еле державшійся на ногахъ Мелихи сталъ клясться всѣмъ, что только есть святого для мусульманина, призывать во свидѣтели всѣхъ пророковъ, Каъбу, Мекку, Медину и престолъ Всевышняго, что онъ и капли вина *въ ротъ* не бралъ. Что же оказалось потомъ изъ собственнаго признанія Мелихи?—Онъ употребилъ въ дѣло извѣстный медицинскій аппаратъ, чтобы удовлетворить своей злополучной страсти къ пьянству, оставшись въ то же время послушнымъ волѣ султана. А когда Шейхъ-Вефа́ началъ-было увѣщевать его оставить преступную страсть свою, то Мелихи отвѣчалъ ему на это: «Повѣрь мнѣ, другъ, что если бы небесное вдохновеніе молитвы, о которомъ ты разсказываешь, хотя наполовину могло замѣнить собою то пріятное дѣйствіе вина, то несказанно-сладостное состояніе спокойнаго оцѣпенѣнія, которымъ убаюкивается размякнувшій организмъ мой, то я бы навсегда отрекся отъ чарки!»

Другой поэтъ точно такого же поведенія, еще, пожалуй, превосходившій предыдущаго своею забубенностью, былъ Ревани († 1524), который, между многими другими должностями, занималъ должность экспедитора ежегоднаго каравана съ богатою милостынею въ Мекку и Медину, а также попечителя богоугодныхъ учрежденій при Брусскихъ теплицахъ и при мечети Ая-Суфья. Близость къ столь священ-

нымъ мѣстамъ не мѣшала Ревани вести самую невоздержную жизнь, такъ что онъ, не стѣсняясь, самъ говоритъ про себя такъ:

„Шинкарь есть докторъ мой; а половой — аптекарь;
Кутежъ—моя болѣзнь; а кабаки—больница".

Въ лицѣ поэта-забулдыги Исхака-челеби Ревани имѣлъ вѣрнаго друга и дорогого собутыльника, съ которымъ они никогда не разставались, «шелъ ли онъ», по выраженію его біографа, «самъ въ домъ вина, или вино приходило въ его домъ». Оригинальныя, остроумныя стихотворенія Ревани дышатъ такимъ неподдѣльнымъ сладострастіемъ и пьянствомъ, что самый завзятый мистикъ-теологъ не ухитрился бы вложить какой бы то ни было аллегорическій смыслъ въ эти до осязательности чувственныя сердечныя изліянія самаго безшабашнаго плотоугодника. Красивые мальчики и дѣвушки, усладительная игра на цитрѣ, веселая компанія подобныхъ себѣ бражниковъ, разныя шутки и гривуазныя выходки—вотъ сюжеты его удалыхъ пѣсенъ, раздававшихся во всѣхъ кофейняхъ Стамбула. Вѣнецъ литературной славы этого османскаго Анакреона составляетъ его сочиненіе подъ названіемъ Ышрѐтъ-намэ=«Книга удовольствій», заключающая въ себѣ 715 двустишій. Послѣ надлежащаго славословія Богу и Пророку и восхваленія султана Селима I, поэтъ-гуляка разсказываетъ исторію происхожденія вина: какъ виноградныя сѣмена принесены были голубемъ одному арабскому эмиру въ благодарность за спасеніе его отъ змѣи, чуть-чуть было не пожравшей его. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе вина, стакана, бутылки, восковой свѣчи (какъ непремѣннаго спутника ночной попойки); описаніе разныхъ яствъ, музыки, съ присоединеніемъ разсказа о буйволахъ, которыхъ будто бы вызываютъ изъ воды посредствомъ этой музыки; описаніе дружеской бесѣды, трактирныхъ послугъ, краснаго вина, весеннихъ удовольствій и зимнихъ оргій. Затѣмъ—это особенно замѣчательно — слѣдуетъ аскетическій трактатъ о благоповеденіи и, въ концѣ концовъ, покаянное моленіе о прощеніи грѣховъ. Вотъ одно изъ характерныхъ анакреонтическихъ стихотвореній Ревани:

„Коль ты питухъ, то не кидай
Прочь чары чистаго вина.
Коль ты знатокъ, не отрывай
Своихъ ты ногъ отъ Галаты *).
Кого влечетъ со стогнъ Исламскихъ (Стамбульскихъ)
Глазѣть на франкскіе кварталы,
Тотъ направляй свои стопы
Въ тотъ распрекрасный городокъ.
Когда бъ хоть разъ благочестивецъ

*) Европейская сторона Константинополя, гдѣ находятся трактиры.

Побылъ въ компанствѣ франкскихъ юношъ,
Тотчасъ забылъ бы онъ и рай,
И всѣхъ его прекрасныхъ хури.
Вотъ я открылъ окно въ кіоскѣ
И въ голубую даль гляжу:
Мнѣ кажется, что солнце всходитъ,
Другое только-что зашло;
Мнѣ кажется: на новолуньи
Плывутъ плеяды, какъ въ челнѣ—
То я красавцевъ вижу въ лодкѣ,
Близъ береговъ морскихъ плывущей.
О, мусульмане, берегитесь
И не ходите вкругъ церквей:
Онѣ вѣдь юношей полны,
А тѣ прелестнѣй хури, пэри.
Кто жь вступитъ разъ туда, Ревани,
Тому не нуженъ горній рай!"

Къ неустойчивости нравственныхъ принциповъ мусульманскихъ надо отнести такое сочетаніе противоположныхъ сторонъ въ жизни Ревани, которое приписывается ему біографами. Будучи блюстителемъ и расходчикомъ богоугодной милостыни, отправляемой ежегодно въ Мекку, онъ не опровергъ падавшихъ на него подозрѣній, что онъ поживлялся изъ ввѣренныхъ ему денегъ, а съ цинизмомъ отвѣчалъ народною поговоркою: «Кто держитъ въ рукахъ медъ, тотъ и пальцы облизываетъ». Предаваясь самому необузданному разгулу, этотъ забулдыга въ то же время выстроилъ мечеть, у паперти которой онъ и схороненъ. Самая надпись на могильной плитѣ его не чужда каламбурныхъ намековъ на образъ жизни Ревани:

„Стяжалъ себѣ имя на весь Божій міръ,
Ревàни, сей славный поэтовъ эмиръ!
Когда роковую онъ чашу вкусилъ,
То такъ охмелѣлъ, что и духъ испустилъ.
Годъ смерти его: *душа онъ святая**),
Вселился въ обители горняго рая!"

Между прочимъ въ числѣ такихъ турецкихъ анакреоновъ, хотя и меньшей извѣстности, былъ нѣкто Алеви, также другъ и пріятель Исхака-эфенди, который по матери былъ русскій. Аали-эфенди говоритъ про него, что онъ «заодно со всѣми пьяницами-русскими держался полярной звѣзды: утро и вечеръ сидѣлъ въ кабакѣ, такъ что никто не видалъ его внѣ кабака». А онъ тоже сочинялъ стихи. Цинизмъ поведенія этихъ людей однако же не мѣшалъ имъ пользоваться именемъ извѣстныхъ поэтовъ, о стихотвореніяхъ которыхъ и совре-

*) Сумма буквъ, составляющихъ подчеркнутыя слова, потурецки должна дать число, означающее годъ смерти Ревани. Такія числовыя буквосочетанія въ большомъ ходу у турковъ доселѣ и называются тарѝхъ (хронограммами).

менники ихъ, и послѣдующіе историки-критики отзывались съ большою похвалою, а все потому, что языкъ ихъ, въ сущности выражая сладострастныя мысли, не выходилъ изъ границъ той условности, которая позволяла толковать ихъ выраженія въ иносказательно-мистическомъ смыслѣ.

Но были и такіе, которые, уже не стѣсняясь, всѣ вещи прямо называли ихъ именами. Таковъ былъ нишанджи́ (статсъ-секретарь), потомъ кады-эске́ръ (главный судья) Джафаръ-челеби, кутила и ловеласъ, любимецъ султана Селима I (1512—1520), впослѣдствіи казненный этимъ лютымъ деспотомъ. Но его эротическую поэму Гевѐсъ-намэ=«Книгу страсти» не одобряетъ Аали-эфенди.

Въ новѣйшее время такимъ циникомъ по мыслямъ и по языку былъ Фазиль-бей († 1810), написавшій очень недурными стихами двѣ поэмы—Хубȁнъ-намэ и Зенȁнъ-намэ, въ которыхъ онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ описываетъ извѣстныя физическія качества мальчиковъ и женщинъ всѣхъ на свѣтѣ націй. Даже турки были скандализованы такимъ стихотворнымъ фарсомъ, и правительство предало сожженію печатное изданіе сочиненій Фазиль-бея, хотя спросъ на нихъ и теперь существуетъ, и въ Стамбулѣ можно пріобрѣсти ихъ у торгующихъ запрещенными изданіями букинистовъ. Зенанъ-намэ =«Книга женщинъ» недавно переведена на французскій языкъ Декурдманшемъ.

Средину между этими двумя направленіями—туманно-мистическимъ и фривольно-циническимъ въ турецкой поэзіи занимаютъ произведенія, въ которыхъ красота и образность словесной формы соединяются съ обыденною жизненностью содержанія. Поэтовъ, сочиненія которыхъ могутъ быть отнесены къ этой средней категоріи, великое множество. О большинствѣ изъ нихъ можно судить лишь по тѣмъ отрывкамъ, которые помѣщены въ біографическихъ словаряхъ, да по отзывамъ біографовъ-критиковъ. Много, надо полагать, между ними и посредственностей. Но есть имена, которыя особенно превозносятся единогласно всѣми турецкими историками-критиками, какъ прославившіяся своими прекрасными твореніями. Объ этихъ-то извѣстностяхъ и скажемъ нѣсколько словъ, не вдаваясь въ слишкомъ подробное разсмотрѣніе и въ оцѣнку ихъ произведеній за время до начала XVII вѣка.

Лятифи, трактуя о различныхъ формахъ поэтическихъ произведеній, указываетъ на Шейхи́, Ахмедъ-пашу и Неджати, какъ на образцовыхъ представителей трехъ родовъ поэзіи—мэснэви, касыдъ и газелей. Историкъ Аали, говоря про первое время существованія Отоманскаго государства, замѣчаетъ, что тогда въ дѣйствительности не было поэтовъ, которые бы славились своими твореніями; «развѣ

вотъ Шейхи», говоритъ онъ, «да Ахмеди, да, два вѣка спустя, Ахмедъ-паша, да Низами—тѣ еще знали, чтó такое слогъ и красота рѣчи; Неджати же въ этомъ отношеніи представляется самымъ совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ».

Кермя́нъ-оглу Синанъ Шейхи́ былъ родомъ изъ г. Кутайи; въ молодости учился у поэта Ахмеди, автора циклической поэмы Искендэ́ръ-намэ, въ Персіи изучилъ медицину, почему и носилъ добавочное прозвище Хэки́мъ=«Врачъ». Медицинская помощь, оказанная имъ султану Мухаммеду I (1413—1421), доставила ему видное положеніе лейбъ-медика какъ при этомъ султанѣ, такъ и при его преемникѣ Мюрадѣ II (1421—1451), который хотѣлъ сдѣлать поэта-медика везиремъ. Но зависть враговъ Шейхи причинила ему, съ одной стороны, серьозныя непріятности, а съ другой—способствовала прославленію его поэтическаго таланта. Когда Мухаммедъ I далъ ему, въ видѣ доходной статьи, тимаръ (небольшую вотчину) Токузлу въ 8,000 піастровъ дохода, то прежніе владѣльцы этой деревни, теперь лишившіеся ея, на дорогѣ напали на Шейхи, избили его и отняли у него все, что только у него было. Израненный и оскорбленный поэтъ написалъ сатиру на своихъ непріятелей Харъ-намэ=«Книгу ословъ», въ которой и описалъ приключившійся съ нимъ казусъ. Результатомъ было то, что султанъ, прочитавъ сатиру, съ лихвою вознаградилъ пострадавшаго поэта и строго наказалъ его обидчиковъ. Чтобы помѣшать возведенію Шейхи въ санъ везирскій, противники его, притворившись ревнителями литературы и почитателями великихъ поэтическихъ дарованій медика, убѣдили султана сперва воспользоваться талантомъ Шейхи, задавъ ему какую-нибудь капитальную литературную работу, напримѣръ, переводъ знаменитой на всемъ востокѣ Пятерицы, творенія персидскаго поэта Низами, а потомъ уже и произвести его въ везири. Султанъ внялъ внушеніямъ коварныхъ совѣтчиковъ, и окулистъ-поэтъ выбралъ изъ Пятерицы поэму Хосревъ у Ширинъ для перевода, надъ которымъ онъ проработалъ до самой своей смерти и все-таки не успѣлъ довести до конца, что было сдѣлано уже его племянникомъ по сестрѣ Джемали-задэ. Хотя Хосревъ у Ширинъ есть передѣлка, и въ большей части своей даже только переводъ чужого сочиненія, тѣмъ не менѣе эта романтическая поэма Шейхи, по отзыву турецкихъ критиковъ, есть лучшее изъ этого рода подражаній знаменитому персидскому поэту, которыхъ впослѣдствіи явилось цѣлая масса въ турецкой литературѣ.

Это произведеніе Шейхи представляетъ собою литературный типъ, который существовалъ въ Турціи до послѣдняго времени, пока европейское вліяніе не создало тамъ романистовъ новаго пошиба, каковы Кемаль-бей и Ахмедъ-Мидхатъ-эфенди. По композиціи своей Хосрэвъ

у Ширинъ есть эпическое повѣствованіе въ стихахъ о страдающихъ въ разлукѣ сердцахъ двухъ любящихъ другъ друга особъ разнаго пола, причемъ изобрѣтаются самые невѣроятные въ географическомъ и бытовомъ отношеніяхъ факты, ставящіе злополучныя преграды къ соединенію изнывающихъ любовниковъ—ихъ скитальчества, цѣлыя войны, затѣваемыя не соглашающимися на ихъ бракъ родителями, чудесныя вмѣшательства мусульманскихъ святыхъ, и т. п. По тону это лирическая поэма, о преобладаніи субъективнаго чувства въ которой могутъ дать нѣкоторое понятіе лирическія поэмы нашихъ поэтовъ.

Въ подражаніяхъ твореніямъ Низами всего болѣе отразилось вліяніе персидской поэзіи на турецкую. Кромѣ Низами, пользовался большимъ авторитетомъ въ Турціи другой персидскій поэтъ, Джами, которому султанъ Мухаммедъ Завоеватель, въ знакъ особеннаго своего благоволенія и почтенія, послалъ однажды 5,000 дукатовъ на путешествіе въ Мекку; приглашалъ его поселиться въ своихъ владѣніяхъ и ежегодно отпускалъ ему 1000 дукатовъ въ видѣ пенсіи. Это пристрастіе къ персидской модѣ вызывало иногда горькія жалобы въ природныхъ туркахъ, какъ, напримѣръ, въ Ляали, который написалъ даже сатиру по поводу того, что его выпроводили изъ султанскаго собесѣдовалища, когда узнали, что онъ не природный персіянинъ. Тѣмъ не менѣе однако же, когда историкъ Аали хотѣлъ охарактеризовать высокое достоинство поэзіи Неджати, то ничего не нашелъ лучше для этого, какъ назвать его Хафизомъ Рума (Турціи), сравнивъ его такимъ образомъ съ Хафизомъ, знаменитымъ лирикомъ Аджема (Персіи).

Кромѣ непосредственнаго знакомства турецкихъ писателей съ произведеніями персидской литературы, проводникомъ вліянія послѣдней на турецкую поэзію служилъ знаменитый поэтъ Миръ-Али-Ширъ Неваи (1441—1500), ученикъ и почитатель вышеупомянутаго персидскаго поэта Джами. Султанъ Мухаммедъ Завоеватель, который самъ сочинялъ стихи и носилъ по восточному обычаю литераторское прозвище Авни, питалъ особенное уваженіе къ туркестанскому поэту. Творенія Миръ-Али-Шира, какъ архитурецкаго писателя, до сихъ поръ высоко цѣнятся турками, которые издаютъ ихъ отдѣльно и наполняютъ ими свои хрестоматіи наравнѣ съ сочиненіями своихъ собственныхъ корифеевъ поэзіи.

Самымъ выдающимся подражателемъ персидской поэзіи былъ Ахмедъ-паша († 1497), переводныя сочиненія котораго настолько превосходны по языку, что «будь они оригинальныя», говоритъ Лятифи, «то автора ихъ слѣдовало бы признать первѣйшимъ изъ всѣхъ поэтовъ румскихъ», конечно, для тогдашняго времени. Иса Неджати по скромности такъ выразился о сравнительномъ достоинствѣ своихъ

стихотвореній и стихотвореній Ахмедъ-паши, въ видѣ каламбура на свое и его имя:

„Ахмедовы покойники
Живыхъ Неджати все же лучше:
Восшедшій на небо Иса
Былъ лишь предтечей Мухаммеда".

Тѣмъ не менѣе однако жь самъ Неджати, безъ сомнѣнія, далеко превосходитъ Ахмедъ-пашу.

Родившись въ Амасіи, Неджати еще ребенкомъ былъ взятъ на воспитаніе одною адріанопольскою старушкою и, благодаря ея попеченіямъ, получилъ хорошее образованіе. Сдѣлавшись извѣстенъ своими прекрасными стихами султану Мухаммеду Завоевателю, Неджати получилъ мѣсто секретаря Дивана, а потомъ состоялъ въ должности секретаря и компаньона сыновей султана Баязида II, Абду-л-Лы и потомъ Махмуда, которые были губернаторами въ провинціяхъ. Оплакавъ въ двухъ элегіяхъ смерть одного за другимъ обоихъ принцевъ, Неджати вернулся въ Константинополь и, не пожелавъ продолжать службу, прожилъ до смерти частнымъ человѣкомъ, удовольствовавшись небольшимъ пенсіономъ въ 1000 піастровъ въ мѣсяцъ, проводя время въ бесѣдахъ съ учеными друзьями и занимаясь поэзіею. Онъ умеръ въ 1506 году.

Неджати, по порученію принца Махмуда, перевелъ съ персидскаго языка извѣстное на Востокѣ этическое сочиненіе имама Газали Кимьяи сэъадетъ=«Алхимію блаженства», а также написалъ романтическую повѣсть Лейла уэ Меджнунъ въ подражаніе, по заглавію, сюжету и композиціи, подобнымъ же твореніямъ поэтовъ—персидскаго Джами и джагатайскаго Невай. Но эти большія произведенія его давно уже утратились; сохранился лишь диванъ лирическихъ стихотвореній, которыя и составляютъ его славу. По красотѣ поэтическихъ образовъ и необыкновенному благозвучію стиховъ стихотворенія Неджати, въ самомъ дѣлѣ, таковы, что трудно указать, кто бы превзошелъ его изъ поэтовъ послѣдующаго времени. Мотивы его стихотвореній, какъ и всѣхъ турецкихъ поэтовъ одной съ нимъ категоріи, не очень разнообразны: воспѣвается появленіе весны и расцвѣтъ природы, страстная любовь къ предмету своихъ вздыханій, печаль въ разлукѣ, ехидство соперника. По композиціи они похожи какъ бы на цѣлыя антологическія группы: отдѣльные образы, иногда очень красивые, рѣдко представляютъ въ совокупности своей что-либо цѣлое—это уже есть особенность восточнаго вкуса. Но взятые особнякомъ, эти образы нерѣдко весьма живописны, равно какъ благозвучіе и плавность стиха для понимающихъ подлинный текстъ не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Вообще періодъ времени отъ завоеванія Константинополя до конца XVI в. весьма обиленъ стихотворцами въ духѣ Неджати, хотя не одинаковаго съ нимъ и даже не равнаго между собою достоинства. Особенно много ихъ объявилось въ царствованіе султана Баязида II (1481—1512), который, будучи мистикомъ, въ то же время пописывалъ эротическія стихотвореньица. Въ одномъ изъ нихъ, въ видѣ обращенія «старца къ молодой дѣвушкѣ» онъ доказываетъ послѣдней, что гораздо выгоднѣе для нея отдаться старику, нежели юношѣ; что гораздо лучше ей бросить якорь въ безопасной гавани утихшихъ страстей старческаго сердца, нежели ввѣриться обуреваемому волнами бушующихъ чувствъ кораблю порывистыхъ увлеченій юноши, если только она желаетъ надолго сохранить красоту свою. Изъ множества именъ, наполняющихъ біографическіе словари турецкихъ писателей этого времени, можно упомянуть имена поэтовъ Таліъи, Шевкй, Андалйби, Мюнйри, Ніязи, Джелйли, Шавéри — поэтовъ болѣе ранняго періода.

Временемъ наибольшаго расцвѣта отоманской лирики считается продолжительное царствованіе султана Сулеймана I Кануни (1520—1566) и кратковременное царствованіе сына его Селима II (1566—1574), значитъ почти весь XVI вѣкъ. Въ эту пору славились Хыяли, Сатй, Фигáни, Фузýли, Фазлй и, наконецъ, Абду-ль-Бакы. Изъ нихъ восо̀бенности замѣчательны Али Наккашъ Ляміъи († 1531), родомъ изъ Туркестана, славный своими переводами многихъ персидскихъ сочиненій; Месихи († 1512), стихотворенія котораго немногимъ уступаютъ стихотвореньямъ Неджати; Хыяли († 1556)=«Фантазеръ», прозванный такъ за богатую изобрѣтательность красивыхъ поэтическихъ образовъ, вѣчно соперничествовавшій съ придворнымъ піитою Сати (1546); Фузули († 1562), котораго романтическая повѣсть въ стихахъ Лейла уэ Меджнунъ и диѳирамбы въ честь опіума и вина—Бенгъ у бадэ—до сихъ поръ съ восторгомъ читаются турками, и Фазли († 1563), аллегорическая поэма котораго Гуль у бульбуль-«Роза и соловей», если и темна по содержанію, то очень недурна по красотѣ стиховъ. Ради курьоза, чтобы показать, до какихъ размѣровъ можетъ доходить восточная стихотворческая плодовитость, можно упомянуть Фирдэуси, принявшаго это прозвище въ подражаніе знаменитому персидскому автору Шахъ-намэ, съ которымъ онъ себя ставилъ наравнѣ по своимъ литературнымъ заслугамъ, а современниками прозваннаго въ насмѣшку Узунъ=«Длинный». Въ самомъ дѣлѣ, онъ написалъ Сулейманъ-намэ=«Книгу Соломона» не болѣе ни менѣе какъ въ 360 частяхъ, куда онъ внесъ все, что зналъ по части легендарныхъ сказаній о жизни и дѣлахъ царя Соломона; все что извѣстно ему было по всеобщей исторіи, метафизикѣ, геометріи, астрономіи и дру-

гимъ наукамъ. Когда онъ съ посвященіемъ приподнесъ свое твореніе султану Баязиду II, тотъ выбралъ изъ него 80 или 90 книгъ, а остальныя велѣлъ сжечь. Обиженный стихотворецъ написалъ сатиру на султана и бѣжалъ въ Персію, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти.

Говоря объ османской поэзіи, нельзя обойдти молчаніемъ замѣчательнаго явленія—существованія многихъ дѣятелей въ этой отрасли литературы среди турецкихъ женщинъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ по настоящую пору. Вотъ имена османскихъ поэтессъ въ порядкѣ времени ихъ жизни: Зеляли Зейне́бъ-хатунъ и ея современница Мигри́-хатунъ (начало XVI в.), Сыдкы́ († 1703), Саби́-хатунъ, Ани́ Фатима́-хатунъ, Сирри́-ханымъ Діарбекирли, Феридэ́-ханымъ, Шерифе́-ханымъ (всѣ XVIII в.), Гыбету-л-Ла́-хатунъ, Фитнетъ-ханымъ и Лейла-ханымъ (первой половины XIX в.).

Слишкомъ извѣстное исключительное положеніе мусульманской женщины избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ: замкнутость, обособленность, роль аттрибута внѣшней комфортной обстановки мужчины и, такъ сказать, дѣтопроизводительнаго аппарата—вотъ удѣлъ турецкой женщины. Вслѣдствіе этого, внутренній міръ ея представляетъ такой тайникъ, въ который весьма любопытно заглянуть, насколько онъ открывается въ собственныхъ ея признаніяхъ, какія находимъ въ литературныхъ произведеніяхъ турецкихъ писательницъ. Въ этомъ отношеніи можно остановиться на Мигри-хатунъ, о жизни которой сохранилось нѣсколько интересныхъ свѣденій, и отъ которой имѣется цѣлый диванъ стихотвореній, случайно пріобрѣтенный нами въ Стамбулѣ, но, сколько намъ извѣстно, не находящійся доселѣ ни въ одной европейской коллекціи турецкихъ рукописей. Обязательная краткость настоящаго обозрѣнія не позволяетъ намъ войдти въ болѣе близкое разсмотрѣніе этого весьма любопытнаго литературнаго памятника.

Мигри-хатунъ была родомъ изъ мало-азіатскаго города Амасіи, родины весьма многихъ турецкихъ сладкопѣвцевъ, и, кажется, всю жизнь провела въ немъ, какъ это можно заключить изъ одного ея стихотворенія, которое заканчивается словами:

„Жизнь твоя съ лѣтней порою въ Амасіи вся протекла, о Мигри;
Коль ты умна, оставайся тамъ впредь и въ Стамбулъ не ходи!“

Не будучи связана брачными узами, эта страстная натура пламенѣла однако же чувствомъ самой беззавѣтной любви, которымъ дышатъ всѣ ея вдохновенныя стихотворенія, то восторженныя до экстаза, то унылыя до отчаянія. Турецкіе біографы-критики, скандализованные такою искренностью Мигри, не приличествующею, по ихъ понятіямъ, мусульманской женщинѣ, не хотятъ вѣрить этой искренности и утверждаютъ, что эта, какъ они ее называютъ, «мать

нѣсколькихъ перловъ поэзіи, если и писала о любви и сладострастіи, то только затѣмъ, чтобы писать что-нибудь, ибо ни одной посторонней рукѣ не довелось коснуться шлейфа чистоты ея, и никому изъ вожделѣвшихъ ея ученыхъ любовниковъ не удалось дотронуться сорочки невинности ея».

Подъ учеными любовниками здѣсь разумѣются землякъ ея и другъ юности, поэтъ Муайѐ-задэ Хати́ми и сынъ Синанъ-паши, очень образованный молодой человѣкъ, Искендеръ-челеби. Но едва ли любовныя отношенія къ нимъ поэтессы были чисто платоническими, какъ того хотятъ непремѣнно ея біографы, а за ними и г. Гаммеръ-Пургшталль, прозвавшій ее «османскою Сафо». Трудно согласиться, чтобы былъ напускнымъ, только воображаемымъ тотъ паѳосъ, съ которымъ Мигри описываетъ ночи, проведенныя въ свиданіяхъ съ милымъ своимъ, тѣмъ болѣе что одну она даже точно обозначаетъ 15 числомъ мѣсяца зи-ль-хыдджэ, неизвѣстно какого только года. На фактическую же любовь намекаетъ одно прелестное стихотвореніе, которымъ она напутствуетъ покидающаго Амасію друга, и именно, судя по нѣкоторымъ въ немъ намекамъ, Искендера-челеби. Равнымъ образомъ, когда за нее посватался мудеррисъ (профессоръ) мэдрэсэ Эюбійѐ въ Константинополѣ, Паша-челеби, то она отвѣчала на его предложеніе отказомъ, надо думать, тоже не по обѣту вѣчнаго дѣвства, а, вѣрнѣе вслѣдствіе неизгладившейся привязанности къ другому. А при такой глубинѣ чувства въ жизни автора мудрено подозрѣвать неискренность и въ его произведеніяхъ. То, что въ глазахъ османскихъ критиковъ служитъ къ умаленію достоинства произведеній Мигри, отчасти только увеличиваетъ эти достоинства. Лятифи говоритъ, что «украшенный многими познаніями умъ ея нарумянилъ разноцвѣтными косметиками застѣнчивое, нѣжное лицо невѣсты краснорѣчія. Но нѣкоторыя фривольныя выраженія нѣсколько омрачаютъ ея славу; ея перо выдаетъ полъ ея». Далѣе присовокупляется, что она подражала Неджати. Но что же все это значитъ? То, что Мигри, какъ женщина любившая, со всею искренностью и правдою выражаетъ свои чувства въ поэтическихъ формахъ. Эта естественность и придаетъ неподдѣльную грацію ея стихотвореніямъ, а турковъ-мужчинъ, съ притворно-фарисейскою *прюдностью* не упоминающихъ о женщинѣ даже въ разговорѣ, а потому и въ поэзіи все обращающихся къ юношѣ, это, понятно, шокируетъ. А что Мигри выбрала для подражанія самаго лучшаго изъ современныхъ поэтовъ— Неджати, это только свидѣтельствуетъ о ея прекрасномъ вкусѣ къ изящной рѣчи и поэзіи. Хотя она въ одномъ своемъ стихотвореніи со скромностью и говоритъ:

„Стихамъ Неджати, о Мигри, ты подражаешь;
Но ты лишь нищій и бѣднякъ, а онъ вѣдь царь“;

но ея стихотворенія мало уступятъ по красотѣ выраженій и плавности звуковъ стихотвореніямъ Неджати; а по однопредметности и цѣльности образовъ, пожалуй, даже и превосходятъ ихъ, на нашъ взглядъ.

Само собою разумѣется, что въ переводѣ нельзя передать словесныхъ качествъ оригинала, тѣмъ болѣе что при сжатости турецкихъ грамматическихъ оборотовъ въ сравненіи съ русскими, каждая турецкая фраза требуетъ почти двойного количества словъ въ русскомъ ея переводѣ; но все-таки можно привести нѣкоторыя мысли, высказанныя Мигри въ своемъ диванѣ.

Въ длинномъ введеніи, названномъ Тэзарруъ-намэ = «Книга покаянія», развивая мусульманское вѣрованіе «въ добро и зло отъ Бога» и рисуя недурную картину проявленія творчества и всемогущества Божія въ природѣ и человѣкѣ, Мигри говоритъ:

„Кому Ты на долю послалъ только счастье,
Кому же всю жизнь обратилъ Ты въ ненастье;
Кому Ты лица красоту даровалъ,
Кого безобразьемъ повергнулъ въ печаль;
Кого осудилъ Ты любить и страдать,
Кого жь, бывъ любимымъ, сердца покорять;
Кого Ты заставилъ терзаться въ разлукѣ,
Кого жь — наслаждаться въ объятьяхъ подруги“.

Прося напослѣдокъ у Бога прощенья, а у читателя снисходительности, Мигри высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой взглядъ на свой литературный трудъ:

„Хоть всѣ говорятъ, что коротокъ умъ женщинъ,
Поэтому надо ихъ словъ слушать меньше;
Мигри же объ этомъ не такъ разсуждаетъ;
Какъ всякій разумный, она полагаетъ:
Одна да неглупая женщина лучше,
Чѣмъ цѣлая тысяча глупыхъ мужчинъ;
Одна съ свѣтлой мыслію женщина лучше,
Чѣмъ цѣлая тыща безмозглыхъ мужчинъ.

Любовь, встрѣчающая себѣ сочувствіе, представляется у Мигри высшимъ благомъ, земнымъ счастіемъ. Картина такого счастья рисуется у Мигри обыкновенно въ совокупности съ красотами природы, которыя она мастерски описываетъ. Въ этомъ отношеніи особенно хорошо довольно длинное стихотвореніе, посвященное описанію города Лаодикіи, съ которымъ, вѣроятно, связаны были какія-нибудь пріятныя воспоминанія у поэтессы. Чувство любви представляется у Мигри беззавѣтнымъ до крайности, до страсти: то оно является подъ образомъ вина, которымъ она упивается и склоняетъ къ этому своего

возлюбленнаго; то подъ видомъ огня, на которомъ она, подобно мотыльку, готова сжечь себя и своего друга. Сердечная привязанность нерѣдко переходитъ въ безграничную покорность, считающую за счастье «быть прахомъ, по которому ступаетъ нога возлюбленнаго», «быть рабомъ его», «быть собакою у дверей его», и т. п. Любопытно при этомъ въ Мигри сознаніе, что такое состояніе противорѣчитъ нравамъ и понятіямъ окружающаго общества, и та смѣлость, съ которою выражается ея открытое пренебреженіе къ нимъ.

„Поди, Мигри, упивайся напиткомъ любви!
Ты гуляй и кути, и на стыдъ не гляди!“

—

„Не бѣда, если знаетъ про нашу разгульность весь свѣтъ:
Мы въ забвеньи; ушей для совѣтовъ его у насъ нѣтъ!“

—

„Для тебя, о мой другъ, я и стыдъ потеряла,
Изъ любви же къ тебѣ я разгульною стала!“

—

„Хотя милыхъ любить, суфи думаютъ, грѣхъ,
Ты оставь, не смотри: что жь мнѣ дѣлать съ грѣхомъ?!“

—

Но рядомъ съ этою беззавѣтностью любви мы видимъ у Мигри также и проявленіе твердой рѣшимости отстоять свои права на предметъ своей страсти: мысль о соперникѣ приводитъ ее почти въ неистовство, высказываемое въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ:

„Хоть умремъ, о Мигри, но наслѣдства красавцевъ отнюдь не уступимъ;
Что хотятъ—говорятъ, но безъ друга отнюдь никогда мы не будемъ!“

—

„Зарыдаю ль, о другъ, я въ разлукѣ съ тобой,
Небеса и земля содрогнутся тогда;
Коль заплачу въ тоскѣ по тебѣ я порой,
Мои слезы затопятъ весь міръ, какъ вода!“

—

Произведенія другихъ турецкихъ поэтесъ не отличаются такой свѣжестью и страстностью чувства и непосредственностью впечатлѣній, какъ стихи Мигри: они какъ-то меланхолично блѣдны, монотонно вялы и оттѣнены колоритомъ, преобладающимъ въ мистическомъ творчествѣ османской музы. Исключеніе представляетъ развѣ предсмертная элегія сестры султана Махмуда II (1808—1839), дѣвушки Гыбэту-л-Лы, поплатившейся жизнью за свою неосторожную свободную любовь, въ противность правиламъ придворнаго этикета и исконнымъ харемнымъ законамъ. Но это одно, хотя и чудесное, стихотвореніе не можетъ быть, ради своей единичности, принято за основаніе для характеристики поэтическаго творчества турецкихъ писательницъ новѣйшаго времени. Примѣръ же Мигри свидѣтельствуетъ о сравнительно боль-

шемъ просторѣ чувствъ, а можетъ быть даже и жизни турецкой женщины въ отдаленную эпоху водворенія турковъ на берегахъ Босфора, нежели въ послѣдующее время.

Цвѣтущій періодъ турецкой поэзіи завершается поэтомъ моллою Махмудомъ Абду-ль-Бакы († 1600), котораго турки величаютъ *султаномъ, ханомъ и хаканомъ* турецкой лирики. Стихотворенія его, правда, очень плавны и благозвучны, но не отличаются никакой оригинальностью идей и образовъ и въ сущности ничего не прибавляютъ къ тому, что дано было ранѣе его жившими первостепенными лириками, каковъ былъ, напримѣръ, Неджати. Но Бакы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже и послѣднимъ представителемъ литературнаго направленія эпохи XV—XVI вв.

Царствованіе султана Сулеймана I обыкновенно называютъ золотымъ вѣкомъ Турецкой имперіи. Дѣйствительно, счастливыя войны и сносное внутреннее управленіе еще не дѣлали жизнь подданныхъ калифа правовѣрныхъ такою тяжкою, какъ впослѣдствіи. Богатство султанскаго двора и османскаго бомонда развили роскошь и меценатство, способствовавшія размноженію жрецовъ музы, занимавшихъ своимъ остроумнымъ балагурствомъ досугъ праздныхъ султановъ и ихъ везирей. Но эти же жизненныя условія носили въ себѣ зародышъ долженствовавшаго вскорѣ наступить упадка и разложенія во всѣхъ сферахъ государственнаго и общественнаго строя Турціи. Явленіе это не замедлило отразиться въ литературѣ турецкой и не осталось незамѣченнымъ самими турецкими историками-критиками, которыхъ также особенно много проявилось въ ту эпоху, каковы Ташъ-Кöпрю-задэ, Аашикъ-челеби и Лятифи, которые составили сборники біографій поэтовъ за все предшествующее имъ время съ извлеченіями изъ сочиненій этихъ поэтовъ. У Лятифи († 1582), напримѣръ, мы встрѣчаемъ такое разсужденіе о начавшейся порчѣ литературнаго вкуса въ современной ему публикѣ и о ничтожествѣ самихъ тогдашнихъ писателей.

„Нынѣ“, говоритъ онъ, „искусства и науки представляютъ собою товаръ, на который совсѣмъ нѣтъ спроса. Вмѣсто того, чтобы пролагать путь къ почестямъ и наградамъ, они приводятъ лишь къ бѣдствію и уничиженію. Не стало больше вкуса къ доброму и прекрасному. Уже отростаетъ длинная борода на лицѣ поэзіи, какъ на подбородкѣ возмужавшаго и когда-то прелестнаго юноши. Науки теперь въ забросѣ, точно какая-нибудь рукопись, которой никто не читаетъ; точно сабли церковныхъ проповѣдниковъ, завалявшіяся гдѣ-нибудь въ кладовыхъ забвенія и покрывшіяся ржавчиною.

Достойный человѣкъ въ нуждѣ и презираемъ,
Невѣжда же одѣтъ въ шелку и уважаемъ.
Дуракъ весь золотомъ и серебромъ покрытъ,
Въ ученомъ головы отъ ногъ не отличить.

Сластолюбіе, роскошь и жадность къ деньгамъ притупили въ людяхъ нашего времени всякое расположеніе къ наукамъ. Что толку въ драгоцѣнномъ брилліантѣ изящнаго слова—кто его купитъ? кто его оцѣнитъ?

Безъ покупателей кумачъ гроша не стоитъ,
Безъ знатоковъ алмазъ—простой булыжникъ". И т. д.

Давая такой нелестный отзывъ о публикѣ, Лятифи не щадитъ и литераторовъ и воздаетъ должное ихъ бездарности, называя иныхъ прямо литературными ворами.

„Въ нашемъ языкѣ", говоритъ онъ, „теперь не осталось больше ни одного прилагательнаго имени, которое бы не было разъ десять обращено въ эпитетъ того или другого піиты въ родѣ Саади=„Счастливый", Аттаръ=„Благоухающій", Невай=„Сладкогласный", Фирдэвси=„Райскій", Мухыбби=„Возлюбленный", и т. п. Кто разъ прочтетъ Гюлистанъ Саади, уже воображаетъ себя поэтомъ; а коли скропаетъ два какихъ-нибудь жалкихъ полустишія, такъ считаетъ себя чуть не Соломономъ своего времени. А между тѣмъ каждый его стихъ, каждая мысль навѣрное откуда-нибудь да выкрадены, хотя эти подражанія такъ же мало походятъ на оригиналы, какъ батарды на законныхъ отцовъ. Если бы я захотѣлъ привести только по одному стиху каждаго изъ такихъ поэтовъ, и вмѣсто перьевъ употребилъ бы деревья, а вмѣсто чернилъ—воду, то вскорѣ я уничтожилъ бы всѣ лѣса и исчерпалъ бы всѣ моря на свѣтѣ, но все-таки не успѣлъ бы перебрать всѣхъ нашихъ поэтовъ".

Но такой строгій приговоръ Лятифи справедливъ только относительно оскудѣлости турецкой литературы романтическаго и анакреонтическаго направленія. Это было естественное явленіе: прошла пора веселой жизни, не стало потребности и въ разгульныхъ пѣснопѣніяхъ, служившихъ отголоскомъ празднаго наслажденія такою жизнью. Пораженія нѣкогда побѣдоносныхъ войскъ и флота Турціи, внутреннія неурядицы, безчинства и насилія дошедшихъ до крайней степени разнузданности янычаръ, продажность судей, взяточничество и притѣсненія всякихъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ—все это угнетало народъ и становилось слишкомъ уже очевиднымъ и чувствительнымъ, чтобы не обратить вниманія мыслящихъ и порядочныхъ людей литературнаго класса. Тогда вмѣсто дифирамбовъ вину и любви стали раздаваться вопли отчаянія и негодованія на современныя безобразія и на невыносимость условій жизни; вмѣсто хвалебныхъ одъ появилась сатира, такъ что XVII вѣкъ въ исторіи турецкой литературы можно назвать вѣкомъ господства сатирической поэзіи. Но сатира только резюмировала въ стихотворной формѣ то, что приведено было въ ясность и сознаніе прозаическими изслѣдованіями, и главнымъ образомъ историческими сочиненіями, которыми также весьма богата литература турковъ, и потому мы теперь предварительно обратимся къ этому послѣднему отдѣлу и посмотримъ, что̀ есть у турковъ относящагося къ области трезваго наблюденія окружающей человѣка дѣйствительности, къ сферѣ научныхъ знаній.

IV. Историческая литература.

Основатель военной организаціи, послужившей залогомъ будущаго могущества Турецкой державы, эмиръ Орханъ I былъ вмѣстѣ и насадителемъ школьной науки въ предѣлахъ своего владычества. Преданіе приписываетъ ему устройство школъ въ Брусѣ—первой отоманской столицѣ, наравнѣ съ благотворительными заведеніями, въ родѣ даровыхъ столовыхъ для бѣдныхъ. Такая забота Орхана о школьномъ образованіи своихъ подданныхъ могла происходить столько же отъ личныхъ его попеченій о благѣ своего народа, сколько вытекала изъ общихъ условій государственнаго быта его мусульманской державы, которая поддерживалась двумя важными орудіями—мечемъ и перомъ, такъ что всегда въ ней нужны были люди, способные владѣть и тѣмъ и другимъ — мужи меча, военные, и мужи пера, ученые. Силою меча расширялись и охранялись предѣлы мусульманской державы; съ помощью своеобразной богословско-юридической науки традиціонными казуистическими пріемами облекались въ законообразныя формы разныя явленія быта народа, прозябавшаго подъ гнетомъ самаго безправнаго деспотизма. Значитъ, хотя Орханъ впервые завелъ школы въ Брусѣ, но, безъ сомнѣнія, подобныя уже и до него существовали въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ мусульманскими предшественниками династіи Османа, сельджуками. Система и духъ обученія въ этихъ школахъ были заимствованы турками отъ того народа, отъ котораго они приняли мусульманство, т. е. отъ арабовъ. Практическое же назначеніе науки—поученіе народа въ вѣрѣ и вѣданіе юридическихъ отношеній жителей страны—опредѣлило будущій характеръ османской науки, которая должна была остаться арабской по языку, богословско-законовѣдческой по главному, если не исключительному, своему предмету. Вотъ почему съ самыхъ раннихъ поръ существованія Отоманской державы до послѣдняго времени мы встрѣчаемся съ огромною массою авторовъ и ихъ твореній въ области богословскихъ разсужденій и законовѣдческаго мудрованія, въ числѣ коихъ есть пользующіеся большимъ авторитетомъ въ мусульманскомъ мірѣ даже до настоящаго времени. А такъ какъ вся ученая мудрость заключалась въ отыскиваніи разныхъ тонкостей въ томъ или другомъ вопросѣ и въ комбинированіи ихъ съ другими подобными тонкостями, какъ это обыкновенно водится во всякой схоластикѣ, то отсюда потребность искусственнаго изощренія ума въ діалектическихъ пріемахъ поддерживала формальныя науки, похожія на нашу логику и риторику. Все это завершалось грамматикою арабскаго языка, роль котораго въ восточно-мусульманскомъ мірѣ та же, что была роль латинскаго языка въ европейско-христіанскомъ мірѣ среднихъ вѣковъ.

Въ этой области наукъ, обусловленныхъ извѣстными, разъ навсегда данными рамками, не могло быть простора свободному мышленію, а потому главнѣйшая форма ученыхъ сочиненій турецкихъ законовѣдовъ есть комментарій. Трудно представить себѣ, какую иногда длинную вереницу образуютъ собою комментаріи на комментаріи по поводу одного какого-нибудь сочиненія. Нерѣдко бываетъ, что авторъ иного сочиненія самъ же пишетъ къ нему потомъ комментарій.

Входить въ разсмотрѣніе этой отрасли литературы едва ли для насъ обязательно. Легко можетъ статься, что и въ богословско-юридическихъ трактатахъ и въ діалектико-риторическихъ изслѣдованіяхъ, принадлежащихъ турецкимъ авторамъ, но написанныхъ поарабски и въ духѣ арабской школы, отыщутся, при сравнительномъ ихъ разсмотрѣніи, кое-какія черты, отразившія особенность мыслительной способности и нравственнаго облика ихъ турецкихъ авторовъ; но въ массѣ все же это скорѣе должно быть отнесено къ области литературы арабской позднѣйшаго, такъ сказать, международно-мусульманскаго, періода ея развитія. Эта международность ученаго ремесла до такой степени развита у турковъ, что даже въ новѣйшее время улема (ученые), отстаивая необходимость существованія своихъ старинныхъ школъ—медресэ отъ нападковъ европеизованныхъ прогрессистовъ турецкихъ, указываютъ какъ на свѣтилъ науки, созданной этими школами, на старинныхъ ученыхъ въ родѣ Али-Кушчи († 1444), Ходжа-задэ († 1487), Ходжа-Исхака († 1708) и др. По справкамъ же оказывается, что сочиненія этихъ свѣтилъ написаны или поарабски, или поперсидски; о внутреннемъ же достоинствѣ ихъ можно судить по тому, что всѣ они представляютъ видъ комментарія на сочиненія прежнихъ арабскихъ и персидскихъ ученыхъ по математикѣ, астрономіи и философіи, и притомъ съ примѣсью астрологическихъ, каббалистическихъ и мистическихъ суевѣрій.

Есть преданіе, что нѣкогда турецкая литература была богата переводами классическихъ и западно-европейскихъ авторовъ, напр. сочиненій Плутарха, Ю. Цезаря, Маккіавелли, Ньютона; но теперь это такъ и остается лишь преданіемъ; самыя же сочиненія, очевидно, настолько мало соотвѣтствовали вкусамъ и потребности читающей публики турецкой, что экземпляры ихъ или вовсе утратились, или же лежатъ гдѣ-нибудь подъ спудомъ на библіотечныхъ полкахъ, не встрѣчаясь въ обращеніи заурядъ съ прочими книгами.

Въ царствованіе султана Мюрада I (1359—1388) въ Брусѣ преподавалъ астрономію нѣкій Салихъ-эд-Динъ, или Казы-задэ Руми, учитель извѣстнаго Улугъ-Бека, и авторъ «Астрономическихъ таблицъ», доконченныхъ уже его сыномъ, вышеупомянутымъ мате-

матикомъ Али-Кушчи. Но это едва ли не единственное произведеніе турецкой науки въ сферѣ точныхъ знаній, пользующееся извѣстностью у европейскихъ ученыхъ. Лѣтописцы говорятъ еще, что одинъ ученый турокъ, по имени Такый-эд-Динъ, изобрѣлъ въ 987=1579 году весьма хорошій инструментъ для наблюденія звѣздъ. Такіе и подобные имъ факты свидѣтельствуютъ, что и у турковъ были зачатки науки въ истинномъ ея смыслѣ, и они даже оставили свои слѣды въ литературѣ турецкой; но все это такъ незначительно въ общей экономіи человѣческаго знанія, такъ мало вліяло на ходъ умственнаго развитія турецкой націи, что не представляетъ чего-либо замѣчательнаго въ своей совокупности, хотя нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыя отдѣльныя личности, проявившія въ своихъ трудахъ огромную эрудицію, колоссальное терпѣніе и извѣстную степень талантливости, какъ это мы увидимъ далѣе.

Чѣмъ несомнѣнно турки богаты, такъ это историческими сочиненіями, которыя представляютъ собою цѣлую сплошную серію, начиная съ довольно отдаленной поры до настоящаго времени. Частью это объясняется не чуждою туркамъ любовью къ преданіямъ старины, частью тщеславіемъ османскихъ владыкъ, всегда заботившихся объ увѣковѣченіи своего имени занесеніемъ ихъ въ лѣтописи, для чего издавна въ Турціи существовало званіе государственнаго исторіографа.

Историческія сочиненія османовъ обыкновенно называются у нихъ общимъ именемъ тари́хъ=«дата, хронограмма, лѣтопись» хотя нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ свои спеціальныя и нерѣдко замысловатыя заглавія, въ родѣ «Зерцало міра», «Вѣнецъ лѣтописей» и т. п. По составу, расположенію матеріала и тону повѣствованія, турецкіе тарихи обнаруживаютъ большое сходство съ византійскими хронографами, а чрезъ то и съ нашими лѣтописями, что даетъ поводъ предполагать даже косвенное вліяніе византійцевъ на образованіе лѣтописной литературы ихъ завоевателей турковъ: политическое столкновеніе могло сопровождаться и нѣкоторымъ литературнымъ общеніемъ, особливо въ раннюю пору, до водворенія турковъ въ Константинополѣ. Обыкновенно полный турецкій тарихъ заключаетъ въ себѣ краткое, а иногда и довольно обширное повѣствованіе объ историческомъ прошломъ народовъ и государствъ цѣлаго міра, начиная съ сотворенія Адама, съ обращеніемъ предпочтительнаго вниманія на судьбу послѣдователей ислама, по порядку царствовавшихъ тамъ или сямъ династій, до появленія на исторической сценѣ династіи Османской, которой потомъ уже и посвящается остальная часть лѣтописи. Авторы болѣе позднихъ лѣтописей повѣствуютъ событія прежнихъ лѣтъ со словъ предшествующихъ имъ бытописателей, иногда дословно заим-

ствуя у нихъ цѣлыя статьи; но, дойдя до своего времени, они становятся оригинальными излагателями фактовъ, передавая ихъ то какъ очевидцы и участники, то какъ докладчики извѣстій, полученныхъ со стороны отъ своихъ современниковъ, съ указаніемъ источниковъ, откуда добыты тѣ или другія свѣденія, а иногда и безъ такого указанія.

Событія излагаются обыкновенно въ порядкѣ царствованій османскихъ правителей и погодно. Въ концѣ каждаго царствованія почти всегда прилагаются краткія жизнеописанія выдающихся дѣятелей каждаго періода на поприщѣ политики, науки, литературы и благочестія—везирей, улема, поэтовъ и шейховъ. Тутъ же нерѣдко, точь-вточь какъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, вставляются цѣлыя небольшія сочиненія, чѣмъ-либо заслужившія особое вниманіе автора исторіи. Текстамъ св. Писанія, придающимъ извѣстную окраску повѣствованіямъ нашихъ лѣтописцевъ, въ турецкихъ тарихахъ соотвѣтствуютъ стихи Корана, мухаммеданскія преданія, изреченія великихъ мужей мусульманскаго міра, обыкновенно на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, или же сочиненныя самими лѣтописцами цѣлыя стихотворенія, назначеніе которыхъ выражать взглядъ автора на то или другое событіе, о которомъ онъ только-что разсказывалъ или только еще собирается разсказывать. Вообще турецкихъ историковъ можно назвать безпристрастными, хотя степень нашего довѣрія къ нимъ невольно обусловливается тѣмъ, писалъ ли авторъ по должности государственнаго исторіографа — вакаа-нэвиса — или въ качествѣ частнаго наблюдателя и любителя исторической правды. Есть тѣ и другіе, и послѣдніе, конечно, представляютъ для насъ больше интереса, какъ выразители болѣе независимыхъ и безпристрастныхъ мнѣній объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Тутъ мы нерѣдко встрѣчаемъ цѣлыя разсужденія, основныя положенія которыхъ развивались потомъ въ отдѣльныхъ политическихъ трактатахъ.

Обходя вопросъ о древнѣйшихъ турецкихъ лѣтописцахъ, Аашикъ-пашѣ, жившемъ еще во времена Орхана I (1326—1360), и его внукѣ Аашикъ-паша-задэ, относительно которыхъ ученые не согласны, кто изъ нихъ дѣйствительно занимался исторіею, и кому принадлежатъ рукописные памятники древнѣйшей исторіи османской, носящіе ихъ имена, остановимъ вниманіе на двухъ несомнѣнныхъ лѣтописцахъ, писавшихъ въ царствованіе султана Баязида II (1481—1512)—на Идрисѣ Бидлиси и Мухаммедѣ Нешри.

Первый, родомъ персіянинъ, служилъ въ должности нишанджи (канцлера) у одного изъ персидскихъ шаховъ, а потомъ переселился въ Румъ, былъ обласканъ султаномъ Баязидомъ II, который и поручилъ ему написать исторію Османской династіи. Преданность новому

повелителю Идрисъ перенесъ и на его преемника, султана Селима I (1512—1520), которому онъ сопутствовалъ въ походѣ противъ своего отечества, Персіи, и содѣйствовалъ при покореніи Кюрдистана, гдѣ онъ и былъ сдѣланъ губернаторомъ. Исторію онъ написалъ поперсидски и назвалъ ее Гешти бегиштъ = «Восемь парадизовъ», по числу султановъ Османской династіи, которыхъ онъ взялся прославить, какъ онъ объ этомъ самъ заявляетъ въ предисловіи. Сообразно этой панегирической задачѣ, и стиль самаго сочиненія невообразимо высокопарный. Въ то же время оно было переложено неизвѣстно кѣмъ на турецкій языкъ. Теперь оно такъ рѣдко, что встрѣчаются лишь сборные его экземпляры. Такимъ образомъ, первымъ достовѣрнымъ лѣтописцемъ Отоманской имперіи былъ персіянинъ, и сами турки, въ лицѣ послѣдующихъ писателей, не нахвалятся прелестію его произведенія.

На нашъ же европейскій вкусъ гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ трудъ другого историка, природнаго турка, Нешри, анатольскаго уроженца, выросшаго и воспитавшагося въ Брусѣ, гдѣ онъ былъ потомъ профессоромъ медресэ. Его Джиганъ-нюма̀-«Зерцало міра», раздѣленное на 6 частей, заключало въ себѣ расположенную по династіямъ всеобщую исторію; но такъ какъ послѣдняя часть, посвященная спеціально династіи Османской, написана имъ раньше, то прочія части, менѣе интересовавшія турковъ, современемъ вовсе утратились. Большинство повѣствованій Нешри, надо полагать, основаны на устныхъ преданіяхъ, которыя въ его время были еще свѣжи, ибо онъ въ цѣломъ третьемъ періодѣ шестой части не упоминаетъ ни одного письменнаго источника; а между тѣмъ начинаетъ свои повѣствованія словами: «такъ разсказываютъ», а иногда даже приводитъ полную генеалогію преданія, дошедшаго, наконецъ, и до него. Языкъ его лѣтописи старинный, простой, грубо-турецкій; мѣстами у него проглядываетъ склонность къ юмору. Такъ, объясняя географическое названіе «Ташакъ-Язысы», онъ приводитъ разсказъ, что будто бы сельджукскій султанъ Ала-эд-Динъ, во гнѣвѣ на побѣжденныхъ татаръ, велѣлъ отрѣзать имъ всѣмъ мошонки и, сшивъ вмѣстѣ кожицы этой части тѣла, сдѣлать изъ нихъ палатку. Благочестіе Нешри заставляетъ его передавать съ наивною серьозностью разсказы легендарнаго свойства, каковъ, напр., разсказъ о явленіи пророка Хызра (Иліи) погонщикамъ воловъ на пути изъ Галлиполи въ Адріанополь, когда онъ преслѣдовалъ восемь чумъ и исцѣлилъ ногу одного вола, сломавшаго ее себѣ во время дороги. Но такая наивность Нешри не мѣшаетъ ему иногда критически относиться къ событіямъ недоказанной достовѣрности. По поводу сомнѣнія относительно того, былъ ли въ живыхъ Османъ во время взятія Брусы Орханомъ, Нешри утверждаетъ, что Османъ

былъ тогда еще живъ, но не принималъ участія въ походѣ по двумъ причинамъ: во-1-хъ онъ страдалъ подагрою, а во-2-хъ, ввѣряя сыну предводительство на войнѣ, тѣмъ самымъ старался еще при своей жизни установить престижъ его въ глазахъ его будущихъ подданныхъ. Хроника Нешри доведена до 1485 года.

Конецъ XVI в. славенъ тремя выдающимися историками. Одинъ изъ нихъ, Дженнаби († 1590) написалъ поарабски и потомъ самъ же перевелъ на турецкій языкъ исторію всѣхъ мусульманскихъ династій. Трудъ его объемистый и довольно обстоятельный въ изложеніи фактовъ. Саадъ-эд-Динъ-эфенди († 1599), бывшій учитель султана Мюрада III, когда тотъ былъ принцемъ, и потомъ шейху-ль-исламъ, фэтвы котораго въ свое время пользовались большою авторитетностью, впервые носилъ офиціальное званіе вакаа-нэвиса = «государственнаго исторіографа». Его Таджу-т-тэварихъ = «Вѣнецъ хроникъ», который называется также еще Ходжа-тарихи = «Учителева лѣтопись», есть типическое въ своемъ родѣ сочиненіе. Исторія Отоманской династіи, отъ начала ея и до 1522 года, излагается тамъ въ хронологическомъ порядкѣ по царствованіямъ. Послѣ каждаго царствованія слѣдуютъ біографіи шейховъ, улемà, поэтовъ, умершихъ въ эту пору. хотя Саадъ-эд-Динъ отзывается объ исторіи Идриса, что она, молъ, написана слишкомъ высокопарно; но его собственный слогъ, называемый имъ, впрочемъ, только среднимъ, развѣ немногимъ уступитъ въ высокопарности слогу Идриса: и у него, выражаясь его собственными словами, мускусоблагоухающіе власы его «Вѣнца исторіи», т.-е. строки, «блестятъ красотою подобно кудрямъ хури, лица которыхъ изукрашены красными полосами стиховъ Корана, хадисныхъ изреченій» и, добавимъ мы, собственныхъ стихотворныхъ вставокъ автора, которыми постоянно перемежается прозаическій разсказъ событій. Твореніе Саадъ-эд-Дина для древняго періода исторіи Отоманской имперіи представляетъ самый полный сводъ существовавшихъ до него сказаній; возвышенность стиля и офиціальное положеніе автора не мѣшали ему быть обстоятельнымъ и довольно безпристрастнымъ изобразителемъ дѣяній предковъ султана, вниманіемъ котораго онъ всегда пользовался. Нужно замѣтить, что безпристрастіе вообще свойственно большинству турецкихъ бытописателей, и у нѣкоторыхъ оно достигаетъ такихъ размѣровъ, что надо удивляться смѣлости повѣствователей, писавшихъ въ странѣ крайняго деспотизма. Такою рѣзкостью тона отличается, напримѣръ, историческое сочиненіе Мустафы Селяники, обнимающее періодъ 1566—1599 годовъ, событія которыхъ описаны авторомъ какъ очевидцемъ. Мы у него постоянно встрѣчаемъ статьи подъ стереотипнымъ заглавіемъ «жалоба времени», въ которыхъ онъ выражаетъ свои прискорбныя сѣтованія на разныя вопіющія зло-

употребленія и беззаконія въ турецкой администраціи, которыя съ давнихъ поръ давали себя чувствовать подданнымъ султана и особенно свирѣпствовали во времена султана Мюрада III (1574—1595). Эти сѣтованія Селяники можно было бы приписать его личному недовольству, вызванному въ немъ отставкою его отъ должности, для возврата которой онъ долженъ былъ дать взятку одному придворному шуту-еврею, если бы мы не видѣли другого произведенія въ такомъ же направленіи знаменитаго современника Селяники, писателя Мустафы Аали-челеби († 1599), обстоятельства жизни котораго далеко были не таковы, чтобы могли развить въ немъ безотчетное озлобленіе и сатирическую желчь, отличающія его повѣствованіе о событіяхъ своего времени.

Аали-челеби замѣчателенъ не только какъ историкъ, но и какъ первый османскій полигисторъ. Съ ранняго возраста онъ выказалъ пристрастіе къ научнымъ занятіямъ, которымъ предавался до конца своей жизни, не смотря на то, что долженъ былъ находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ и странствованіяхъ по разнымъ служебнымъ обязанностямъ. Девяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ науку великому тогдашнему филологу Сюрури, а черезъ два года продолжалъ грамматическія занятія у знаменитаго синтаксиста Мухыйэд-Дина Кафіеджи. 14-ти лѣтъ онъ сочинилъ и приподнесъ царевичу, впослѣдствіи султану, Селиму свою романтическую поэму Мигръ у Магъ=«Солнце и луна». Поступивъ на службу секретаремъ, онъ былъ съ своимъ начальникомъ въ Сиріи; потомъ служилъ на боснійской границѣ и писалъ оттуда въ столицу реляціи о побѣдахъ турецкихъ войскъ надъ австрійцами. Такія же реляціи—нусрѣтънамэ—составлялъ онъ потомъ и во время кампаніи въ Персію. Послѣ того онъ одно время былъ въ отставкѣ, но, сочинивши Джемъ-у-льбухуръ—описаніе празднованія обрѣзанія царевича, опять напомнилъ о себѣ султанскому двору и снова потомъ занималъ нѣсколько должностей. За привѣтственное стихотвореніе по случаю восшествія на престолъ султана Мухаммеда III (1595—1603) Аали-челеби было назначено этимъ султаномъ 200,000 піастровъ. Задумавъ писать исторію, Аали-челеби обратился съ письмомъ въ стихахъ къ султаншѣ Баффѣ, въ которомъ просилъ дать ему, въ видѣ синекуры, назначеніе дефтэрдаремъ (казначеемъ) Египта. Для характеристики правительственныхъ нравовъ Турціи въ то время любопытно замѣтить, что султанъ далъ Аали просимое имъ мѣсто, но везири отмѣнили высочайшее повелѣніе, назначивъ его дефтэрдаремъ Амасіи съ чиномъ санджакъ-бея (въ родѣ генералъ-губернатора). Черезъ четыре года послѣ этого Аали-челеби умеръ губернаторомъ Джедды.

Имѣя большія связи при султанскомъ дворѣ и будучи знакомъ

со многими выдающимися и знающими людьми своего времени, между которыми были нѣкоторые историки и поэты, Аали-челеби могъ получать многія свѣденія изъ первыхъ и вѣрныхъ источниковъ. Щедроты же, которыми онъ пользовался отъ двора, не помѣшали ему смотрѣть на вещи правдивыми глазами и подвергать безпристрастной критикѣ непохвальныя явленія современной ему жизни.

Главнѣйшее изъ всѣхъ его 18 сочиненій въ прозѣ и стихахъ разнаго содержанія—этическихъ, мистическихъ, историческихъ и поэтическихъ, есть, безъ сомнѣнія четвертый томъ его историческаго труда подъ заглавіемъ Кюнгу-ль-ахбаръ = «Суть извѣстій», который, будучи объемомъ больше остальныхъ трехъ въ сложности, содержитъ въ себѣ спеціально исторію Отоманской имперіи, доведенную имъ до завоеванія крѣпости Эрлау турками, случившагося въ третій годъ царствованія султана Мухаммеда III. Аали-челеби писалъ свою исторію не по обязанности, а изъ любви къ истинѣ, какъ онъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи. Этому можно повѣрить, судя по рѣзкимъ отзывамъ его о лицахъ и фактахъ, бывшихъ причиною бѣдствій его отечества, и не только прежнихъ, а и современныхъ ему; по отзывамъ, которыми наполнена вторая часть его исторіи. Говоря объ учрежденіи во времена султана Мухаммеда II Фатиха разныхъ высокихъ ученыхъ и административныхъ должностей, онъ безпощадно сатирически изображаетъ всю ту извращенность, которая впослѣдствіи произошла какъ въ принципахъ, такъ и въ практическихъ послѣдствіяхъ существованія и дѣятельности этихъ учрежденій. Въ изображеніи современныхъ злодѣяній, творившихся правительственными лицами, начиная съ самого главы государства султана Мюрада III, Аали-челеби сходится съ другимъ авторомъ историческихъ записокъ, съ упомянутымъ выше Мустафою Селяники; только у Селяники его статьи подъ заглавіемъ шикяйéтъ=«жалоба» часто суть, дѣйствительно, только лирическіе вопли о безотрадномъ положеніи страны, страдавшей отъ безнравственности ея правительства, тогда какъ у Аали-челеби эти жалобы суть выводы изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ печальнаго свойства. Вотъ, напримѣръ, что читаемъ у него въ одномъ мѣстѣ.

„Разсказываютъ, что царь вселенной, султанъ Мухаммедъ-ханъ, взирая на неурядицу государства, поневолѣ расплакался и жаловался, говоря: „Я ни одного честнаго и правдиваго человѣка не нашелъ на свѣтѣ“. Когда ему сказали: „Отчего это такъ вы изволите говорить?“, то онъ отвѣчалъ: „Сначала я благоволилъ къ шейху-ль-исламу Бустанъ-задэ, и что-же? онъ тотчасъ сдѣлалъ брата своего дурака румелійскимъ кады-эскеромъ и сталъ просить салоникскаго округа для своего невѣжды сына. Затѣмъ я выказалъ почтеніе къ наставнику моего родителя, преподобному Саадъ-эд-Дину, уповая въ немъ встрѣтить благожелателя вѣры и государства. Но онъ также сейчасъ призналъ своего юнаго сына достойнымъ занять должность анатольскаго кады-эскера, а своего совсѣмъ еще мальчика-сынишку—способнымъ

управлять судебнымъ округомъ адріанопольскимъ, и такимъ образомъ навлекъ на меня злословіе среди муллъ, а себя и своихъ сыновей опозорилъ среди народа". Такъ онъ сказалъ. А причина этого заключается въ томъ, что въ былыя времена, при прежнихъ султанахъ, ходжи и муфтіи не втирались въ улемскія должности. Городскія судебныя мѣста давались по предложенію кады-эскеровъ, а прочія должности были въ исключительномъ вѣденіи верховнаго везиря. Но потомъ верховный везирь, будучи въ Молдаванскомъ походѣ, своимъ отвратительнымъ поведеніемъ сталъ мерзокъ жителямъ страны; а въ послѣдующее везирство онъ уже окончательно предался подкупу и взяточничеству. Это было вѣдомо всѣмъ и каждому— рабу и царю, мюриду, шейху и отшельнику, и вотъ одинъ изъ улема-поэтовъ, краснорѣчивецъ и человѣкъ знаній, философъ между людьми современными, описалъ дѣла этого везиря въ прекрасной, пространной и поэтической касыдѣ. Но въ тотъ день, какъ пошлыя дѣянія везиря должны были стать извѣстны черезъ стихотвореніе блестящему государеву стремени, пришло извѣстіе о его смерти, и авторъ дополнилъ свою касыду ликованіемъ по поводу этой смерти. А касыда эта такова, что каждый стихъ ея былъ талисманомъ души и заговоромъ языка для упомянутаго жестокоглазаго тирана... Синанъ-паша былъ трижды отрѣшаемъ отъ верховнаго везирства, и всякій разъ, какъ онъ получалъ отставку, поэты сочиняли на этотъ случай саркастическіе стишки-хронограммы или даже цѣлыя касыды, содержавшія въ себѣ описаніе его положенія, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были въ обращеніи между простыми людьми и знатными, и всѣ старались переписывать эти стихотворенія".

Вѣроятно, эта ѣдкая правдивость повѣствованій Аали-челеби и была причиною того, что турки, напечатавъ часть его «Сути извѣстій», заключающую въ себѣ краткое изложеніе всеобщей исторіи въ шаблонномъ компендіальномъ стилѣ, изъ спеціальной же и самой интересной части его труда напечатали лишь небольшой отрывокъ; вотъ уже лѣтъ 15 слишкомъ это изданіе такъ и остается недоконченнымъ.

Замѣчательными представителями турецкой исторіографіи въ XVII вѣкѣ были еще Хасанъ-Бей-задэ († 1636), Ибрагимъ-паша Печеви († 1640), Солакъ-задэ († 1657), Хасанъ-Вэджиги († 1660), и вособенности знаменитый полигисторъ Хаджи-Кальфа († 1658).

Мустафа-бенъ-Абду-л-Ла, извѣстный подъ двумя прозваніями— Хаджи-Кальфа и Кятибъ-Челеби́, родился въ Константинополѣ и былъ сынъ военнаго; проходилъ нѣсколько служебныхъ должностей, но не возвысился дальше званія кальфы́, понашему помощника начальника какого-либо бюро, каковое званіе и осталось за нимъ какъ прозвище. Съ одной стороны противъ него интриговали недруги его, а съ другой стороны онъ самъ говоритъ, что онъ занимался службою только ради матеріальной выгоды, но не изъ честолюбія. Предметъ его природной склонности составляли книги и наука, которыхъ онъ не покидалъ нигдѣ и никогда въ теченіе всей своей жизни. Это былъ типъ турецкаго ученаго, прошедшаго всѣ ученыя степени и системы, составляющія программу восточно-мусульманской мудрости. Онъ прослушалъ курсы

разныхъ наукъ у многихъ современныхъ знаменитостей своего времени и потомъ самъ былъ профессоромъ и преподавалъ различныя науки. Учась, уча и правя службу, онъ въ то же время успѣвалъ писать, и писать довольно крупныя сочиненія по разнымъ предметамъ— и по богословію, и по географіи, и по юриспруденціи, и по политикѣ, особенно же много по исторіи и по библіографіи. Изъ его любопытной, хотя и краткой, автобіографіи мы узнаемъ, что онъ, любя книги, постоянно рылся въ нихъ, пересматривалъ ихъ и перечитывалъ, истративъ на пріобрѣтеніе ихъ значительную часть полученнаго имъ большого наслѣдства. Плодомъ этой его библіографической страсти были его обширныя познанія въ области мусульманскихъ литературъ, проявленныя имъ въ огромномъ библіографическомъ словарѣ арабскихъ, персидскихъ, турецко-османскихъ и вообще тюркскихъ сочиненій, названномъ имъ Кэшфу-з-зунунъ анъ асами-ль кютубъ уа-ль фунунъ=«Откровеніе мнѣній относительно именъ книгъ и научныхъ отраслей». Этотъ трудъ Хаджи-Кальфы, изданный нѣмецкимъ оріенталистомъ Флигелемъ въ 7 квартантахъ и составляющій фундаментальную справочную книгу ученыхъ оріенталистовъ, содержитъ въ себѣ 14,500 названій восточныхъ сочиненій съ именами 8000 авторовъ и біографическими свѣдѣніями о многихъ изъ нихъ. Имъ же написано объемистое сочиненіе по географіи подъ заглавіемъ Джиганъ-нюма=«Зерцало міра». По части же исторіи ему принадлежитъ описаніе морскихъ военныхъ кампаній турковъ, подъ заглавіемъ Тухфету-ль-кибаръ=«Подарокъ вельможамъ», Таквиму-т-тэварихъ = «Историко-хронологическія таблицы» и восoбенности Фезлекэ=«Appendix», которое было, по тогдашней ученой модѣ, написано поарабски и самимъ же авторомъ переведено на турецкій. Это сочиненіе первоначально состояло изъ двухъ частей—обзора всеобщей исторіи и подробнаго изложенія событій исторіи Отоманской имперіи, современныхъ автору. Доселѣ пока извѣстна ученому міру одна лишь послѣдняя часть. Она по внѣшнему составу не отличается отъ общепринятой у турковъ лѣтописной системы повѣствованія и распредѣленія историческихъ фактовъ; но она наиболѣе богата свѣдѣніями по политической и по литературной исторіи Турціи за періодъ 1591—1654 годовъ, да кромѣ того представляетъ образецъ хорошаго литературнаго слога того времени.

Въ какой степени Хаджи-Кальфа былъ страстный библіографъ, въ такой же мѣрѣ одинъ его современникъ былъ страстный путешественникъ. Это былъ Эвлія-челеби (род. 1611 г.), который въ юности славился прекраснымъ голосомъ и былъ любимымъ пажомъ султана Мюрада IV. Двадцати пяти лѣтъ онъ совершилъ свою первую экскурсію по окрестностямъ Константинополя и затѣмъ предприни-

малъ цѣлый рядъ далекихъ странствованій: въ 1640—1647 гг. въ Брусу, по берегамъ Чернаго моря, въ Крымъ, Критъ и Эрзерумъ; въ 1648—въ Дамаскъ; въ 1649—въ Сирію и Кюрдистанъ и по Румеліи; въ 1654—опять въ Кюрдистанъ, Тебризъ и по Арабскому Ираку. Затѣмъ онъ правилъ офиціальное посольство въ Вѣну, побывалъ въ Прагѣ, въ Дюнкирхенѣ, въ Голландіи, Швеціи и Польшѣ; опять посѣтилъ Крымъ, оттуда съ русскимъ посломъ проѣхалъ въ Россію, вернулся потомъ черезъ Азовъ въ Константинополь, а оттолѣ опять ѣздилъ на о-въ Критъ и былъ свидѣтелемъ завоеванія турками Кандіи.

Эти 41-лѣтнія странствованія свои Эвлія-челеби описалъ въ обширномъ сочиненіи Тарихи сейяхъ=«Исторія путешественника», между 60-мъ и 70-мъ годами своей жизни, которое не вполнѣ переведено на англійскій языкъ Гаммеромъ, въ подлинномъ же текстѣ извѣстно лишь только по отрывкамъ; а между тѣмъ въ этихъ описаніяхъ очень много содержится любопытныхъ свѣденій по части географіи, этнографіи, исторіи и даже лингвистики народовъ и странъ, посѣщенныхъ любознательнымъ туркомъ въ XVII вѣкѣ.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія жили и писали слѣдующіе турецкіе историки: Кара-Челеби-задэ († 1687), Ходжа Хусэйнъ Гезаръ-Феннъ († 1691), Ахмедъ-дэдэ Мюнеддживъ-Баши († 1702), Мустафа-эфенди Наъима († 1715), Фундуклулу († въ 1720-хъ годахъ) и Абу-ль Мэкяримъ Мухаммедъ Рашидъ († 1735). Гезаръ-Феннъ и Мюнеддживъ-Баши извѣстны своею обширною и разностороннею ученостью и составили по компендіуму всеобщей исторіи. Свѣденія въ этихъ трудахъ собраны изъ множества источниковъ предшествующаго времени; въ нихъ содержатся важныя историческія статьи, не имѣющіяся въ другихъ подобныхъ турецкихъ произведеніяхъ. Наъима-эфенди описалъ событія исторической жизни Отоманской имперіи за 1592—1669 годы, т.-е. за тотъ самый періодъ, который составляетъ содержаніе Фезлекэ Кятибъ-Челеби, откуда онъ отчасти и позаимствовался. Но онъ писалъ уже какъ офиціальный исторіографъ, получившій это званіе въ 1697 году, а потому, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ больше чѣмъ кто другой фактическихъ данныхъ, которыя съ необычайною обстоятельностью изложены у него въ двухъ объемистыхъ томахъ in-folio по 700 съ лишнимъ страницъ каждый. Въ любопытномъ введеніи къ своему труду Наъима высказываетъ свои чрезвычайно умныя и симпатичныя воззрѣнія на цѣль и значеніе исторіи—что она должна быть точнымъ, безпристрастнымъ, правдивымъ и удобопонятнымъ изображеніемъ событій. И нужно отдать справедливость автору: не смотря на свое офиціальное званіе государственнаго бытописателя, онъ съ такою объективностью и полнотою разсказываетъ многія вещи, что и заподозрить трудно въ по-

вѣствователѣ присяжнаго исторіографа, а не простого изслѣдователя фактовъ, чтущаго одну истину. А языкъ его разсказа, правда, теперь нѣсколько устарѣвшій, дотого ясенъ и плавенъ; манера разсказывать дотого непринужденная и живая, что въ подлинникѣ имъ можно просто зачитываться, да и въ переводѣ (только не въ такомъ безобразномъ, какъ англійскій переводъ перваго тома, сдѣланный какимъ-то Fraser'омъ) Наъиму могъ бы читать съ удовольствіемъ и интересомъ всякій европейски-образованный человѣкъ, любящій исторію.

Такой же превосходный историческій трудъ представляетъ и сочиненіе Фундуклулу. Мы не знаемъ даже имени этого писателя, но сообщающаго кое-что о себѣ въ своей обширной исторіи, четыре фоліанта которой содержатъ въ себѣ повѣствованіе событій за 1654—1721 годы. Долго служившій при султанскомъ дворѣ и неоднократно сопровождавшій султановъ въ походахъ, авторъ сообщаетъ очень много подробностей по внутренней и внѣшней исторіи своего отечества. Между прочимъ, напримѣръ, у него много данныхъ о войнахъ Петра I съ турками; весьма интересно также описаніе церквей и монастырей на о-вѣ Кандіи, превращенныхъ турками въ мечети по завоеваніи ими этого острова въ 1669 году. О многомъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, иное передаетъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, узнавши объ этомъ чрезъ разспросы у компетентныхъ людей.

Рашидъ-эфенди былъ преемникомъ Наъимы въ званіи вакаанэвиса (госуд. исторіографа); за нимъ потомъ слѣдуетъ цѣлый непрерывный рядъ представителей оффиціальнаго бытописанія: Челебизадэ Исмаиль-Аасимъ-эфенди († 1765), непосредственный продолжатель Рашида; Сами, Шакиръ, Субхи и Иззи, авторы хроникъ, образующихъ какъ бы одно общее ихъ произведеніе. Сааду-л-Ла Энвери-эфенди, Бегджети Хасанъ-эфенди, Халиль Нури-бей († 1798), Мухаммедъ-Эдибъ-эфенди и Ахмедъ-Васыфъ-эфенди († 1806) составляютъ другую группу писателей, которые неоднократно смѣняли другъ друга въ должности хроникеровъ съ эпохи 1774 г.; послѣдній изъ нихъ, Васыфъ-эфенди исполнялъ должность дипломатическаго чиновника турецкаго во время войнъ Россіи съ Портою и даже былъ русскимъ плѣнникомъ.

Отличительную литературную черту турецкой исторіографіи этого послѣдняго періода составляетъ стремленіе авторовъ къ многословію и вычурности слога, въ которой вышепоименованные писатели преуспѣваютъ другъ передъ другомъ въ восходящей степени, пока у Васыфа-эфенди искусственность османской прозаической рѣчи, характеризуемая громадностью и хитросплетенностью періодовъ и подборомъ риѳмъ въ окончаніяхъ отдѣльныхъ частей этихъ періодовъ достигаетъ, можно сказать, колоссальныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря талантливости автора, все-таки можетъ считаться классическою.

Финалъ такого стилистическаго направленія въ турецкой прозаической литературѣ совпадаетъ съ событіемъ, составляющимъ крупную эпоху въ самой исторической жизни Отоманской имперіи: онъ ознаменованъ произведеніемъ государственнаго исторіографа Мухаммедъ-Эсъада-эфенди подъ заглавіемъ Усси зефэръ=«Основа побѣды», заключающимъ въ себѣ повѣствованіе объ уничтоженіи янычарскаго корпуса при султанѣ Махмудѣ II въ 1826 году. Доведенная въ этомъ сочиненіи до послѣдней крайности высокопарность слога соединяется съ произвольнымъ сочинительствомъ неупотребительныхъ ни въ живой, ни въ литературной рѣчи словъ изъ арабскихъ корней, и потому произведеніе Эсъада, отпѣвшее вѣчную память янычарамъ, само является послѣднимъ продуктомъ историческаго краснорѣчія.

V. Политическіе памфлеты.—Сатира.

Исторія, можно сказать, косвеннымъ образомъ положила начало политическому памфлету и сатирѣ: фактическое изображеніе дѣйствительной жизни вызвало отрицательное отношеніе въ дѣлѣ оцѣнки этой жизни; горячія критическія страницы историка Аали-челеби дали тонъ, къ которому прислушались и на который отозвались вскорѣ потомъ явившіеся писатели XVII вѣка, каковы: Кочу-Бей Гӧмюрджинэли, Кятибъ-Челеби, неизвѣстный авторъ сочиненія Насихатъ-намэ, а также Абди-челеби, Вэйси († 1627), Нефъи († 1635), и др. Образчикъ политическаго памфлета находимъ у самого же Аали-челеби, сочиненіе котораго подъ заглавіемъ Фусули халль у акдъ уэ усули харджъ у накдъ=«Статьи рѣшенія и вязанія и принципы расхода и расплаты» есть извлеченіе изъ его всеобщей исторіи «Кюнгу-ль-ахбаръ»=«Суть извѣстій». Оно раздѣляется на вступленіе и 38 главъ, по числу зубовъ во рту человѣка, и заключаетъ въ себѣ краткое, но назидательное описаніе возникновенія и паденія 32 мусульманскихъ династій, до начала династіи Османской, «съ цѣлью», какъ говоритъ авторъ, «путемъ примѣровъ изъ исторіи напомнить правительству о томъ, какъ разрушаются государства».

Первый изъ ближайшихъ послѣ Аали-челеби авторовъ въ этомъ духѣ и направленіи, Кочу-Бей Гӧмюрджинэли, жившій въ первой половинѣ XVII вѣка, написалъ сочиненіе, которое распространено въ большомъ количествѣ списковъ. Германскій оріенталистъ Дицъ гдѣ-то нашелъ другое еще заглавіе этого сочиненія: «Ширâръ» = «Злоключенія», или «Шерâръ» = «Искра»; но обыкновенно оно просто называется «Рисалэ»=«Трактатъ» *).

*) Изслѣдованіе о личности автора, равно какъ и русскій переводъ самаго трактата находится въ моемъ сочиненіи: „Кучибей-Гумюрджинскій и другіе османскіе писатели XVII вѣка о причинахъ упадка Турціи". СПБ. 1873.

Авторъ въ шестнадцати главахъ трактата разсматриваетъ главнѣйшія стороны государственнаго строя современной ему Турціи и указываетъ причины разныхъ нестроеній въ нихъ; такъ напримѣръ, глава девятая посвящена вопросу «О чрезмѣрномъ увеличеніи податей и налоговъ съ бѣдной райи»; въ главѣ пятнадцатой разсуждается «Объ уничтоженіи взяточничества и назначеніи должностей людямъ способнымъ», и т. п. Особенно много авторъ распространяется, даже неоднократно повторяясь, о неправильностяхъ и злоупотребленіяхъ въ распредѣленіи большихъ и малыхъ вотчинъ, которыми, по старинному турецкому обычаю, должны были пользоваться стародавніе, чистокровные османлы, съ обязательствомъ выставлять соотвѣтственное своимъ доходамъ количество вооруженныхъ всадниковъ для защиты государственной территоріи или даже для увеличенія ея путемъ новыхъ завоеваній, по призыву султана. Ссылаясь въ оправданіе своихъ доводовъ на множество фактовъ, которые, предполагается-должны были быть извѣстны тогдашней публикѣ, и опираясь иногда даже на числовыя данныя, Кочу-Бей вообще сохраняетъ объективное спокойствіе въ своихъ разсужденіяхъ, изрѣдка развѣ придавая своей рѣчи незначительную долю патетическаго одушевленія. Особенною горечью отзываются тѣ мѣста его памфлета, гдѣ онъ касается придворныхъ порядковъ въ Турціи.

„Съ того времени какъ собесѣдники и прочіе приближенные", читаемъ мы у него, „получая мѣста близъ государя и достигая высшихъ степеней, стали вмѣшиваться въ правительственныя дѣла и предъявлять разныя нелѣпыя претензіи къ верховнымъ везирямъ, эти послѣдніе должны были поступать согласно съ ихъ намѣреніями, а иначе тѣ дѣлали противъ нихъ между собою стачку: улучивъ удобную минуту, чернили ихъ въ глазахъ его величества и, навлекши такимъ образомъ гнѣвъ государя на невинныхъ, кого изъ нихъ довели до казни, кого до ссылки, кого до лишенія имущества конфискаціей... Растащивъ мусульманскую казну, они довели государство до настоящаго его положенія. Мало того: открывши двери взяточничества, они начали брать въ управленіе области и провинціи и занимать иныя государственныя должности. Съ жадностью набросившись на падаль посуловъ цѣлой аравы негодныхъ и недостойныхъ людей, кому изъ нихъ давали губернаторство, кому генералъ-губернаторство, тогда какъ множество достойныхъ, опытныхъ, дѣльныхъ, ревностныхъ и храбрыхъ слугъ принуждены безславно сидѣть въ углу презрѣнія, будучи повергнуты въ бѣдность и уничиженіе".

Кятибъ-Челеби, извѣстный уже намъ турецкій полигисторъ и авторъ многихъ весьма солидныхъ и важныхъ трудовъ, тоже слѣдилъ, какъ мы видимъ, за ходомъ современной жизни и, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ событій, писалъ сочиненія, въ которыхъ онъ старался давать теоретическое осмысленіе фактамъ. Когда султанъ Мухаммедъ V (1649—1687) задалъ однажды офиціальный вопросъ правительственнымъ сановникамъ, отчего происходитъ постоянное возрастаніе дефицита, и отчего собираемыхъ правительствомъ суммъ не хватаетъ

на покрытіе государственныхъ расходовъ, то сановники, разумѣется, ничего не отвѣтили на него, а поручили секретарямъ разныхъ вѣдомствъ составить объ этомъ изслѣдованія, на основаніи статистическихъ данныхъ за послѣднія десять лѣтъ, и представить верховному везирю для дальнѣйшихъ соображеній. Вотъ тогда-то Кятибъ-Челеби и написалъ статейку подъ заглавіемъ Дэстуру-ль-амэль фи исляхи-льхылэль = «Масштабъ дѣйствій къ поправленію неурядицъ», гдѣ онъ превосходно изобразилъ благотворность благоразумія и послѣдовательности въ веденіи государственныхъ дѣлъ, подкрѣпивъ свои разсужденія разными фактическими данными; но только онъ не обнародовалъ тогда же своей меморіи, очень хорошо зная, что тогда никто не хотѣлъ слушать словъ истины; даже когда шейху-ль-исламъ, заставивъ его переписать трактатъ, прочиталъ его султану и потомъ сообщилъ объ этомъ автору, то Кятибъ-Челеби по этому поводу только меланхолически замѣтилъ: «Я зналъ, что изъ этого не выйдетъ ничего дѣльнаго, а потому и не интересовался этимъ».

Въ томъ же родѣ и памфлетъ неизвѣстнаго намъ автора, озаглавленный Насихáтъ-намэ = «Книга совѣтовъ», съ тою только особенностью литературной формы, что авторъ, разсуждая по тѣмъ или другимъ вопросамъ, прямо уже обращается къ султану, рекомендуя ему различныя мѣры для улучшенія положенія дѣлъ государства, пришедшихъ въ рѣшительный упадокъ.

Всѣ этого рода сочиненія, по своему духу, направленію, пріемамъ и тону рѣчи, обнаруживаютъ большую аналогію съ извѣстнымъ въ нашей русской литературѣ произведеніемъ И. Посошкова «Книга о скудости и богатствѣ». Не отличаясь какими-либо литературными достоинствами, эти сочиненія характеризуютъ намъ до нѣкоторой степени эпоху, господствующее настроеніе въ образѣ мыслей тогдашнихъ османскихъ писателей, изъ коихъ нѣкоторые пользуются заслуженною извѣстностью, благодаря своимъ трудамъ, высоко цѣнимымъ и нынѣшними европейскими учеными, каковы, безъ сомнѣнія, труды Кятибъ-Челеби. Разъ возникши въ османской литературѣ въ XVII вѣкѣ, этотъ видъ произведеній находилъ себѣ примѣненіе и въ послѣдующее время, вплоть до появленія великолѣпнаго политическаго памфлета въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Хулясэ-и Іътибаръ = «Сущность разсмотрѣнія», или, какъ переводитъ Сенковскій, «Сокъ достопримѣчательнаго». Авторъ его человѣкъ очень умный и бывалый. Онъ не разъ ѣзжалъ въ европейскія столицы въ качествѣ нарочитаго посла отъ Порты. Знакомый съ жизнью и цивилизаціей Европы, Ресми-Ахмедъ-эфенди, хоть и не совсѣмъ свободный отъ своихъ азіатскихъ воззрѣній, смотрѣлъ на вещи шире и мыслилъ глубже, проницательнѣе своихъ соотечественниковъ.

Сознавая отсталость турковъ отъ европейцевъ даже въ военномъ искусствѣ и абсолютную ихъ невѣжественность, онъ, будучи государственнымъ дѣятелемъ, поэтому совершенно резонно и съ убѣжденіемъ всегда стоялъ за сохраненіе мира съ Россіею, и когда невѣжественный задоръ безтолковыхъ заправилъ судебъ Отоманской имперіи втянулъ ее въ пагубную для нея борьбу съ своею сѣверною сосѣдкою, то этому же Ресми-Ахмеду-эфенди пришлось, въ качествѣ уполномоченнаго отъ Отоманской Порты, принимать участіе въ заключеніи славнаго для Россіи Кючукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1774 году. Онъ и послѣ того еще долго стоялъ у дѣлъ и былъ свидѣтелемъ многихъ дальнѣйшихъ событій, изъ которыхъ ясно видно было, что урокъ, полученный турками, прошелъ для нихъ даромъ: они ничему изъ него не научились, нисколько отъ него не образумились. Отличаясь наблюдательностью и юморомъ, Ахмедъ-эфенди проявилъ эти два качества еще ранѣе въ своемъ интереснѣйшемъ описаніи путешествія, совершеннаго имъ въ 1763—4 году въ Пруссію *). Но несравненно блестящѣе онъ выказалъ свой литературный талантъ въ вышепоименованномъ политическомъ памфлетѣ, въ которомъ столько ясности пониманія политическихъ явленій, столько остроумія и безпощадной ироніи надъ невѣжественною самоувѣренностью и самоувѣреннымъ невѣжествомъ современныхъ автору турецкихъ государственныхъ дѣятелей, что намъ европейцамъ, привыкшимъ съ предубѣжденнымъ сомнѣніемъ смотрѣть на турковъ, какъ на бездарную и неспособную къ культурѣ націю, даже не вѣрится, чтобы такая чудесная вещь могла выйдти изъ-подъ пера турка. А между тѣмъ это такъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать хоть слѣдующія вступительныя слова въ означенномъ памфлетѣ Ресми-Ахмеда, по переводу Сенковскаго.

„Съ тѣхъ поръ какъ вселенная стала обитаемой, съ тѣхъ поръ какъ начались перевороты царствъ и народовъ, постепенно происходившія событія изъ вѣка въ вѣкъ вносимы были въ лѣтописи, и тѣ, которые жили на свѣтѣ послѣ, поучались примѣрами несчастій, случившихся съ тѣми, которые имъ предшествовали. Это не подлежитъ ни спору, ни сомнѣнію. Извѣстно также, что народы во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ міра безпрестанно вели войну между собою. Но люди умные и опытные и твердо изучившіе исторію во всѣ вѣка знали также, что, въ то же время, благоденствіе и прочность государствъ зависятъ отъ умѣнья въ нужномъ случаѣ жить съ непріятелемъ въ мірѣ и дружескихъ отношеніяхъ. То ли дѣло наши государственные мудрецы! Не далъ имъ Аллахъ ни ума, ни опытности—чтеніе исторіи не ихъ занятіе—и, не зная цѣны этому великому правилу, они, сердечные, добродушно увѣрены, будто первый и священнѣйшій

*) Переводъ этого описанія, сдѣланный. В. В. Григорьевымъ, помѣщенъ былъ въ журналѣ «Москвитянинъ» за 1855 г. въ №№ 17—18.

долгъ мусульманскаго народа—истребить невѣрныхъ на всей земной поверхности или, по крайней мѣрѣ, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы свернуть шею врагу и научить его почтенію. Вотъ они и завопили: „Покуда не двинемся, проку не будетъ! Это государство мечемъ добыто и мечемъ только можетъ быть поддержано! У нашего правовѣрнаго султана звѣзда высока, мужи храбры, сабли остры; будь только у насъ везирь человѣкъ благочестивый, набожный, да распорядительный какъ Аристотель, который бы регулярно пять разъ въ сутки творилъ со всей арміей молитву и хорошенько совершалъ омовенія, такъ намъ, по милости Аллаха, не мудрено завоевать весь свѣтъ" *).

Своеобразныя же достоинства подлинника, отличающагося изяществомъ и стройностью рѣчи, а также искусствомъ подбора словъ, остроумно намекающихъ на историческія лица, не называемыя въ памфлетѣ по именамъ, могутъ быть провѣрены, конечно, только спеціалистами, знакомыми съ турецкимъ языкомъ.

Если одни изъ османскихъ писателей сатирическаго направленія ограничивались публицистическими этюдами или очерками въ родѣ указанныхъ выше, то другіе прямо уже дѣлали опыты стать на путь настоящей сатиры. Таковы были Вэйси и Нефъи въ XVII в., Сюрури и отчасти Сюнбуль-задэ Вэгби въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Молла Овэйсъ-бенъ-Мухаммедъ, извѣстный въ литературѣ подъ прозваніемъ Вэйси, былъ сынъ Ала-Шегрскаго судьи и потомъ самъ тоже, пройдя положенный для полученія званія ученаго курсъ наукъ, занималъ судейскую должность въ разныхъ мѣстахъ обширной тогда Отоманской имперіи—въ Египтѣ, Акъ-Хысарѣ, Ала-Шегрѣ, Сересѣ, Рущукѣ, Ускюбѣ, Хіосѣ, потомъ еще шесть разъ въ Ускюбѣ, въ Родосто, Гӧмюрджинѣ. Между этими назначеніями на него еще возлагались порученія ревизора вакфныхъ (отказно-благотворительныхъ) имуществъ въ Сары-Ханѣ, въ Лепанто и Негропонтѣ. Онъ умеръ, будучи въ седьмой разъ судьею въ Ускюбѣ, гдѣ и погребенъ, въ 1628 году.

Вэйси славенъ у турковъ прежде всего какъ авторъ жизнеописанія пророка Мухаммеда подъ заглавіемъ Дуррэту-ль-таджъ фи сирэти сахыби-ль-мираджъ=«Перлъ вѣнца жизнеописанія владыки восхожденія на небеса». Вэйси успѣлъ довести свой трудъ лишь до половины; продолженіе его было сдѣлано уже другою литературною знаменитостью турковъ, поэтомъ Наби, а докончено онъ позднѣйшимъ писателемъ Назми-задэ. Сочиненіе Вэйси донынѣ считается классическою книгою у турковъ, какъ по высокому достоинству своего содержанія, такъ и по красотѣ стиля, представляющаго замѣчательный образецъ искуснаго сцѣпленія цѣлыхъ серій предложеній въ періоды и потому пред-

*) Собр. соч. Сенковскаго, VI : 234—248.

ставляющаго неимовѣрную трудность для грамматическаго анализа и пониманія текста.

Кромѣ того, Вэйси сочинялъ также этическіе и аскетическіе трактаты; принимался-было за исторію завоеванія Египта и писалъ многочисленныя письма, считающіяся образцомъ эпистолярнаго слога. Но наибольшею извѣстностью и литературнымъ вліяніемъ пользовались, насколько это можно предполагать по многочисленности списковъ, другія два его сочиненія сатирическаго свойства — Вакаа̀-намэ = «Сновидѣніе» и Насихати Исламбулъ = «Увѣщаніе къ Стамбулу». Первое по формѣ своей принадлежитъ къ весьма употребительному у всѣхъ мусульманъ литературному дидактическому типу, состоящему въ описаніи мнимыхъ вѣщихъ сновидѣній, въ которыхъ обыкновенно является пророкъ Мухаммедъ, обличаетъ своихъ послѣдователей въ грѣховности жизни, призываетъ ихъ къ покаянію и грозитъ разными бѣдствіями, въ случаѣ ихъ неисправленія и косности. По содержанію же «Сновидѣніе» Вэйси есть подражаніе, поэтическая обработка упомянутаго выше прозаическаго сочиненія Аали-эфенди «Фусули акдъ», Въ Вакаа-намэ изображается будто бы видѣнное авторомъ во снѣ торжественное собраніе отшедшихъ въ вѣчность святыхъ и великихъ мужей подъ предсѣдательствомъ Александра Македонскаго. Въ это фантастическое засѣданіе явился и современный автору султанъ Ахмедъ I (1603—1617) со своею свитою, помѣстился насупротивъ Александра Македонскаго и повелъ съ нимъ рѣчь о трудности управленія государствомъ, основы котораго потрясены всякаго рода волненіями, нестроеніями и бѣдами. Тогда, чтобы успокоить печальнаго султана, Александръ Македонскій, этотъ идеалъ государственной мудрости у восточныхъ людей, перебираетъ всѣ ужасныя событія изъ священной и всеобщей гражданской исторіи, начиная съ Адама до разгрома Бухары ордою Чингизъ-хана, кончая частнымъ фактомъ злодѣйства при Насръ-эд-Динѣ, египетскомъ султанѣ изъ черкесской династіи Мамлюковъ.

Сочиненіе это, написанное Вэйси около 1608 года, было первымъ литературнымъ опытомъ его въ указанномъ направленіи, и потому въ немъ обличительный порывъ отзывается въ то же время крайнею робостью, доходящею иногда до льстивости: весь трактатъ авторъ ведетъ такъ, что, намекая на существованіе извѣстныхъ неурядицъ въ своемъ государствѣ, онъ какъ бы слагаетъ всю отвѣтственность за нихъ съ султана, приводя рядъ примѣровъ исконной испорченности міра. Тутъ, въ Вакаа-намэ, еще нѣтъ того рѣшительнаго приговора надъ государственными неурядицами и разными злоупотребленіями и ихъ виновниками. Этотъ приговоръ мы находимъ уже въ его Насихати Исламбулъ=«Увѣщаніи къ Стамбулу», кото-

рое написано Вэйси подъ конецъ его жизни, послѣ того какъ онъ, пройдя разныя должности и поживши въ разныхъ краяхъ своего отечества, собственнымъ опытомъ убѣдился во всемъ томъ, о чемъ онъ прежде разсуждалъ какъ-то философски, издалека. Не даромъ знаменитый библіографъ Хаджи-Кальфа замѣтилъ по поводу этой касыды Вэйси, что онъ этимъ извѣстнымъ сочиненіемъ своимъ составилъ себѣ славу, лишь только оно вышло въ свѣтъ: такъ оно пришлось по вкусу тогдашней турецкой публикѣ; такимъ оно было живымъ откликомъ на тогдашнюю современность, отмѣченную въ исторіи Турціи тиранніею однихъ и угнетенностью другихъ. Поэтъ начинаетъ свою сатиру такимъ обращеніемъ:

Познайте истину, о вы, сыны Стамбула, и внемлите!
Ужъ близокъ день, когда постигнетъ васъ гнѣвъ Божій, Божья кара.
Настало свѣта преставленье, вамъ однако жь міръ не скученъ;
А время нынѣ таково, что долженъ въ міръ явиться Мегди [1]).

***

Когда бъ спросилъ ты, кто разбойникъ въ мірѣ и мошенникъ,
Асасъ-баши да су-баши [2]), скажу поистинѣ, ей-ей.
Ужаснѣй этихъ будутъ развѣ лишь кады-эскеры [3]):
Они посредствомъ мзды и взятокъ міръ повергли въ разрушенье.

***

Жизнь бѣдняковъ-ученыхъ протекаетъ въ униженьи.
Будь взяточникъ, хоть и невѣжда—ты найдешь себѣ почетъ!
Коль рыба тухнетъ съ *головы*, то знаемъ, кто *глава* всѣхъ золъ.
Кто смѣетъ нынѣ дѣлать ссылку: „Такъ гласитъ, молъ, книга Божья"?!

И т. д.

Далѣе рѣчь о томъ, что всѣ мѣста въ государствѣ заняты разными проходимцами по милости придворныхъ шутовъ, нѣмыхъ, служекъ и другихъ подобныхъ лицъ; что не слѣдуетъ султану вѣрить и везирямъ, ибо нѣтъ среди нихъ людей, пекущихся о благѣ вѣры и государства. Вся эта гражданская скорбь излита у Вэйси на пространствѣ 32 строфъ, по четыре стиха въ каждой, и стихи въ турецкомъ подлинникѣ очень плавные и гладкіе.

Такою и даже еще большею плавностію отличаются всѣ стихотворныя произведенія другого, современнаго предыдущему, сатирика-поэта Омера-эфенди Нефъи́, родомъ изъ Эрзерума, который столь же славенъ своимъ талантомъ, сколь и трагическою судьбою, о которой разсказываютъ всѣ османскіе историки. Мастеръ сочинять какъ хвалебныя оды, такъ и злыя сатиры, Нефъи эти послѣднія, которыя въ совокупности своей извѣстны подъ общимъ заглавіемъ **Сига́ми каза́** = «Стрѣлы судьбы», направлялъ преимущественно противъ

[1]) Мусульманскій Мессія.

[2]) Такъ назывались встарину въ Турціи ночной патрульный и полицейскій надзиратель.

[3]) Высшіе судебные сановники.

сильныхъ міра сего, верховныхъ везирей. И вотъ одинъ изъ нихъ, Байрамъ-паша, разгнѣванный на поэта за одно оскорбительное противъ него стихотвореніе, послѣ долгихъ хлопотъ добился-таки у султана Мюрада IV (1623—1640) разрѣшенія учинить расправу надъ ненавистнымъ ему досадителемъ. Продажные и раболѣпные судьи того времени произнесли угодный вліятельному сановнику приговоръ надъ бѣднымъ піитой. Нефъи былъ позванъ въ домъ Байрамъ-паши, запертъ въ дровяномъ сараѣ и тамъ удавленъ, а тѣло его брошено было въ море. При этомъ исполнитель казни, грубый турокъ, будто бы еще позволилъ себѣ такое издѣвательство надъ несчастнымъ Нефъи, сказавъ ему: «Пойдемъ, Нефъи-эфенди, въ дровяной сарай: тамъ будетъ тебѣ изъ чего дѣлать стрѣлы», иронически намекнувъ на его стихотворныя «Стрѣлы судьбы». Улема и вельможи тогдашніе, по свидѣтельству историковъ, рады были казни Нефъи, вособенности тѣ изъ нихъ, которымъ доставалось отъ злого языка его; знать и вельможи возсылали несчетныя благословенія за это Байрамъ-пашѣ. Да и самъ Байрамъ-паша, когда жаловался на сатирика султану, то выразился довольно рѣзко, отложивъ страхъ передъ гнѣвомъ свирѣпаго Мирада IV, сказавъ прямо: «Падишахъ, соблаговоли казнить этого негодяя»; а между тѣмъ извѣстно, что Нефъи пользовался благоволеніемъ султана и на пирушкахъ у него отпускалъ колкости и язвительныя остроты насчетъ везирей, даже иногда въ присутствіи этихъ послѣднихъ.

Повѣствуя о судьбѣ Нефъи, историки присовокупляютъ съ своей стороны замѣчанія, не лишенныя для насъ своего историко-литературнаго значенія. Такъ краткій некрологъ сатирика, который находимъ у Хаджи-Кальфы, отзывается симпатіею послѣдняго къ своему собрату по музѣ.

„Поэтъ сей (Нефъи)“, говоритъ онъ, „былъ единственный въ свое время, неподражаемый въ области сатиры и авторъ дивана, остроумный стихотворецъ. Въ сарказмѣ рѣчи онъ, дѣйствительно, превзошелъ всѣхъ поэтовъ. Касыды (хвалебныя оды) его также извѣстны всему свѣту. Вообще въ области поэзіи подобные ему люди рѣдки. Помилуй его, Господи“!

Не такъ отнесся къ нему другой, упомянутый нами выше историкъ, Наъима-эфенди, который высказалъ слѣдующее по поводу Нефъи замѣчаніе.

„Не поступающіе“, читаемъ у него, „согласно со смысломъ словъ: мусульманинъ тотъ, отъ чьего языка и рукъ безопасны мусульмане—не почіютъ на коврѣ истины. Спасеніе человѣка въ храненіи устъ его. Сатира (гэджвъ), поистинѣ, есть гнусное дѣло; трудиться надъ нею и тратить на нее время еще гнуснѣе и сквернѣе. Вступающіе на это поприще бываютъ несчастны и бездольны: они большею частію и въ этомъ мірѣ бѣдствуютъ, да безъ сомнѣнія и на томъ свѣтѣ обречены на мученія. Чудесные поэты, сладкорѣчивые языки которыхъ суть ключи отъ невидимыхъ сокровищъ, считаютъ неприличнымъ пачкать поношеніемъ и бранью страницы сердецъ и кисть языка своего“.

Такой строгій взглядъ Наъимы на сатирическую дѣятельность Нефъи отчасти можетъ быть объясненъ тѣмъ, что Наъима, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствахъ, все же былъ офиціальный историографъ, слѣдовательно поневолѣ былъ связанъ въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ своимъ положеніемъ. А съ другой стороны и то надобно сказать: сатиры Нефъи, заключая совершенно справедливыя нападки на тогдашнихъ везирей и другихъ низкихъ людей, все же отличаются крайнею грубостью и цинизмомъ рѣчи, такъ что не только нынѣшнимъ европейцамъ, а даже и тогдашнимъ туркамъ могли казаться уже черезчуръ выходящими изъ всякихъ границъ приличія. Но за исключеніемъ этихъ сатиръ, прочія стихотворенія Нефъи очень хороши по своимъ литературнымъ свойствамъ, которыя, должно быть, и имѣлъ въ виду Хаджи-Кальфа, когда такъ высоко превозносилъ автора ихъ.

Нужно замѣтить, что послѣ лѣниваго эротическаго мистицизма въ лирикѣ турки особенно питаютъ склонность къ сатирѣ, и потому у нихъ рѣдкій сколько-нибудь выдающійся стихотворецъ не сочинялъ бы краткихъ эпиграммъ или большихъ стихотвореній сатирическаго свойства. Такъ, слѣдя далѣе послѣ разсмотрѣнныхъ нами выше писателей за ходомъ турецкой литературы, мы встрѣчаемъ еще двухъ весьма талантливыхъ поэтовъ-современниковъ, жившихъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія—это Сюрýри и Вэгбí.

Первый изъ нихъ поставилъ себѣ за образецъ сатирика Нефъи и другого еще ранѣе жившаго шутника—Гавáи, именемъ котораго Сюрури иногда называетъ себя, по восточному литературному обыкновенію, вмѣсто своего собственнаго имени. Всѣ его стихотворенія дѣлятся на три отдѣла: 1) мудхыкáтъ = «смѣхотворныя»; 2) газалійя́тъ=«эротическія», 3) гэджвійя́тъ=«сатирическія». Первыя—шуточнаго характера, вторыя фривольнаго, а третьи—вульгарно-браннаго. Кромѣ того, ему принадлежитъ множество отрывковъ-хронограммъ, четверостишій и двустишій. Отличаясь иногда неподдѣльнымъ остроуміемъ и искусною игрою словъ, эти перлы турецкой игривой лирики однако же въ большинствѣ своемъ также неудобопереводимы на нашъ языкъ вслѣдствіе нахожденія въ нихъ непривычныхъ нашему слуху словъ и выраженій и неупотребительныхъ въ нашемъ разговорѣ метафоръ и образныхъ представленій. Будучи современникъ и очевидецъ пораженій, нанесенныхъ русскимъ оружіемъ туркамъ, Сюрури, изъ патріотической злобы, сочинилъ также двѣ эпиграммы на виновницу бѣдъ его отечества, императрицу Екатерину: одна хронограмма по случаю заключенія мира, а другая на смерть императрицы. Но больше всего Сюрури изощрялъ свой языкъ и насмѣшку надъ своимъ собратомъ по музѣ Вэгби.

Откуда происходили эти нападки Сюрури на Вэгби—изъ литературнаго ли соперничества или изъ другихъ какихъ-либо побужденій, это, не смотря на сравнительную близость къ намъ времени жизни обоихъ турецкихъ поэтовъ, такъ и остается неразъясненнымъ, потому что турки какъ-то мало занимаются подробностями жизни тѣхъ своихъ дѣятелей, которыхъ они считаютъ въ какомъ-либо отношеніи замѣчательными.

Мухаммедъ-бенъ-Рашидъ-бенъ-Мухамедъ Вэгби Сюнбуль-задэ († 1810), какъ извѣстно, былъ недюжинный стихотворецъ и авторъ многихъ сочиненій. Кромѣ дивана стихотвореній и отдѣльныхъ касыдъ, онъ написалъ цѣлую дидактическую поэму Лютфійѐ, названную имъ такъ по имени сына его Лютфу-л-Лы, къ которому и обращается онъ съ поученіями. Онъ составилъ также руководство къ версификаціи въ видѣ персидско-турецкаго словаря подъ заглавіемъ Тухфэ = «Подарокъ» и еще нѣсколько подобныхъ же сочиненій. Между прочимъ у него есть двѣ касыды, также имѣющія отношеніе къ тогдашней современности: одна озаглавливается Таннанэ = «Звучащая», заключающая въ себѣ стихотворное описаніе посольства Вэгби въ Персію; другая Тайярэ—«Залётная», содержащая вмѣстѣ съ похвалою султану и вельможамъ злую сатиру на послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Герая за его предательство русскимъ. Вэгби, не отличаясь такою разнузданностью рѣчи, какъ его противникъ Сюрури, кромѣ вышеупомянутой касыды, проявилъ свои сатирическія наклонности и въ дидактической поэмѣ Лютфійѐ, но только косвеннымъ образомъ, лишь въ видѣ ироническихъ къ слову приходящихся замѣчаній по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ житейскаго благоповеденія, развиваемыхъ Вэгби въ своихъ наставленіяхъ сыну. Такъ какъ поэма Вэгби есть подражаніе подобному же сочиненію другого османскаго писателя, жившаго цѣлымъ столѣтіемъ раньше, Юсуфа Наби († 1712), то мы здѣсь имѣемъ поводъ и основаніе дать нѣкоторыя свѣденія относительно еще одного литературнаго отдѣла, который имѣетъ у турковъ довольно широкое развитіе, и въ которомъ у нихъ есть нѣсколько видныхъ представителей, а именно относительно отдѣла литературы этической.

VI. Этическая литература.—Фривольныя пародіи.

Вопросы нравственности издавна были нечужды туркамъ-османлы, какъ и другимъ народамъ. И у нихъ наиболѣе древнюю словесную форму основныхъ народныхъ этическихъ воззрѣній составляли ихъ пословицы и тому подобныя изреченія, изъ коихъ многія приписываются какому-то полуисторическому, полумиѳическому народному

тюркскому предку, хану Огузу, какъ объ этомъ уже было говорено выше, въ обзорѣ произведеній народной словесности. Но собственно этика, какъ особый видъ систематической философіи или какъ особый отдѣлъ литературы письменной, у турковъ османскихъ не есть явленіе вполнѣ самобытное. Теоретическую основу турецкой этики составляетъ, кромѣ обще-мусульманскихъ вѣрованій и моральныхъ предписаній, также персидскій суфизмъ, составляющій лишь видъ мистицизма. Возникши на почвѣ персидской, это мистическое ученіе, принесенное въ Малую Азію, первоначальное гнѣздилище турковъ, нѣкіимъ старцемъ Джелаль-эд-Диномъ Руми, происходившимъ изъ Бальха, но жившимъ и учившимъ въ городѣ Коніи, нашло себѣ благодарную почву у турковъ, среди которыхъ оно привилось и укоренилось гораздо глубже, нежели на мѣстѣ своей родины. Это очевидно изъ того, что дервишизмъ, какъ внѣшнее проявленіе означеннаго ученія, нигдѣ не имѣетъ столькихъ приверженцевъ, распредѣляющихся на огромное число группъ, или понашему орденовъ, со всевозможными ритуальными причудами, какъ въ предѣлахъ Отоманской имперіи; въ Персіи это религіозно-бытовое явленіе не имѣетъ такого развитія и распространенія. Какъ уже выше замѣчено, вся почти османская поэзія, вособенности лирика, тоже проникнута мистическимъ духомъ персидскаго суфизма.

Собственно такихъ сочиненій, въ которыхъ бы этическіе вопросы изслѣдовались съ научной точки зрѣнія и излагались бы въ видѣ цѣлой философской системы, не особенно много не только у турковъ-османлы, но и у ихъ учителей въ этой области—арабовъ и персовъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, заимствовали свои идеи и теоретическія воззрѣнія этическаго порядка у греческихъ мыслителей, особливо у Аристотеля. Жизненный спросъ на правильность отношеній людей между собою предшествовалъ абстрактнымъ разсужденіямъ: кажущаяся издали добродѣтельная простота человѣческихъ отношеній въ первобытныхъ обществахъ, въ дѣйствительности сопровождается такимъ угнетеніемъ человѣческой личности, что исканіе правды, стремленіе обуздать насильниковъ и притѣснителей воздѣйствіемъ на ихъ совѣсть въ эти отдаленныя времена просто изумительны. И вотъ въ сравнительно очень раннюю пору въ числѣ прочихъ народныхъ словесныхъ произведеній замѣчается появленіе также разныхъ изреченій, притчей, аллегорій, нравоучительныхъ сказаній, представляющихъ собою въ сложности цѣлый кодексъ этической философіи даннаго народа. То же мы видимъ и въ литературѣ турецкой.

Въ то время, какъ турецкіе ученые занимались разработкою формальнаго мусульманскаго законовѣденія, самой сухой, можетъ быть, изъ существующихъ въ мірѣ системъ права, и писали на араб-

скомъ языкѣ горы книгъ, въ которыхъ разбирали до тонкостей всевозможные фиктивные юридическіе казусы, другіе писатели, попроще смотрѣвшіе на жизнь и ея потребности, занимались популярною обработкою такихъ произведеній чужой литературы, которыя бы путемъ нравоучительныхъ разсказовъ сколько-нибудь способствовали улучшенію нравственныхъ понятій турецкаго общества. Одни изъ этихъ произведеній давно сдѣлались настолько популярны, что совершенно потерялись слѣды ихъ первоначальнаго литературнаго происхожденія, даже первоначальной редакціи, такъ что они и въ составѣ своихъ частей и въ расположеніи ихъ, и въ объемѣ разсказовъ, и даже въ самомъ свойствѣ рѣчи ихъ, можно сказать, варіируются до безконечности: они получили, что называется, характеръ чисто народныхъ произведеній. Другія же, явившись нѣсколько позже и принадлежа литературной обработкѣ извѣстныхъ и памятныхъ всѣмъ личностей, отличаются большею искусственностію и отдѣлкою внѣшней своей формы, а потому лишены способности къ быстрому и широкому распространенію въ народѣ и до сихъ поръ остаются на счету очень назидательныхъ и любимыхъ книгъ для чтенія людей избраннаго, нѣсколько свѣдущаго въ литературѣ общества. Во главѣ первыхъ слѣдуетъ поставить такъ-называемыя Кыркъ везирлери́нъ хикяйетлэри́ = «Сказки сорока везирей»; къ разряду вторыхъ относится Гумаюнъ-намэ.

«Сказки сорока везирей» имѣютъ своимъ первоисточникомъ индійскую литературу, но сперва прошли черезъ литературную формацію персидскую, извѣстную подъ именемъ Синдбадъ-намэ=«Книги Синдбада», и арабскую редакцію, обыкновенно озаглавливаемую «Повѣсть сорока утръ и вечеровъ», которая, впрочемъ, считается утраченною. Въ предисловіи существующихъ турецкихъ переводовъ говорится, что переложеніе съ арабскаго на турецко-османскій языкъ сдѣлано нѣкіимъ Ахмедомъ Мысыри, или иначе еще Шейхъ-задэ, для удовольствія султана Мюрада II (1421—1451), чтобы онъ, съ удобствомъ читая эту полезную книгу, назидался описываемыми въ ней случаями изъ жизни прежнихъ царей. Она предназначалась быть тѣмъ, что называется на языкѣ восточныхъ литературъ шаблоннымъ именемъ тухфэ́=«подаркомъ», или даже тухфэту-ль-мулюкъ=«подаркомъ для царей», хотя изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы заключающаяся въ повѣстяхъ этого сборника мораль имѣла такое тѣсное предназначеніе. Да и сюжеты разсказовъ не все берутся тамъ изъ придворнаго быта восточныхъ владыкъ: въ этомъ отношеніи тамъ большое разнообразіе, а потому и самая книга можетъ быть разсматриваема какъ отраженіе общаго этическаго міросозерцанія народа, облюбовавшаго ее. Оттого-то, не смотря на упоминаніе въ ней

имени ея перелагателя, впрочемъ тоже не совсѣмъ однообразное, она можетъ считаться безъимянной. Царскою же попреимуществу ее дѣлаетъ одно чисто внѣшнее обстоятельство, которое служитъ искусственною связью отдѣльныхъ разсказовъ, мало или даже совсѣмъ ничего общаго между собою не имѣющихъ. Обстоятельство же это заключается въ томъ, что у одного подишаха былъ красавецъ-сынъ, въ котораго влюбилась одна изъ молодыхъ женъ царя, понашему мачиха, и намѣревалась самымъ реальнымъ образомъ осуществить любовь свою. Когда же она встрѣтила въ этомъ отпоръ со стороны честнаго юноши, то рѣшилась извести его, оклеветавъ его передъ отцомъ въ преступномъ посягательствѣ на ея супружескую неприкосновенность и въ ужасномъ замыслѣ отцеубійства съ цѣлью овладѣть царствомъ, богатствомъ и красавицей-женой отца. Разгнѣванный царь готовъ былъ уже казнить измѣнника-сына, какъ въ защиту царевича выступаетъ одинъ изъ везирей, проситъ царя отложить исполненіе приговора надъ сыномъ и разсказываетъ исторію о злокачественности женщинъ. Царь впадаетъ въ раздумье и велитъ отвести сына въ тюрьму, а самъ ѣдетъ на охоту. Возвращаясь вечеромъ домой, онъ въ полномъ удовольствіи ужинаетъ со своею фавориткою, которая, узнавъ отъ него, что царевичъ не казненъ, упрекаетъ его въ слабости и нерѣшительности и, въ свою очередь, разсказываетъ ему исторію съ цѣлью склонить его къ жестокому рѣшенію. Царь на утро опять велитъ казнить сына, но встрѣчаетъ защитника ему въ другомъ везирѣ. И такъ это повторяется до сорока разъ, по числу сорока везирей царскихъ.

При такомъ общемъ направленіи сказокъ, большая часть ихъ, конечно, посвящена описанію приключеній не рѣдко очень пикантнаго свойства, въ которыхъ играетъ роль коварство, или злоба, или легкомысліе, или невѣрность женщинъ; но при этомъ не мало разсказовъ, изображающихъ или великія добродѣтели, или низкія качества и мужчинъ разныхъ сословій и общественнаго положенія, особливо же въ разсказахъ царской фаворитки: тутъ мы встрѣчаемъ и царей, и везирей, и придворныхъ слугъ, и ученыхъ, и поэтовъ, и дервишей, и дровосѣковъ, и ремесленниковъ, и опіумоѣдовъ, и т. п., и передъ нами рисуется цѣлая картина быта восточныхъ мусульманскихъ народовъ со специфическою окраскою этой жизни, съ чисто турецкимъ колоритомъ. Часто, впрочемъ, случается, что мораль очень мало вяжется съ содержаніемъ приводимаго разсказа и прицѣпляется къ нему какъ-то механически. Мораль эта, конечно, не очень идеальной, высокой пробы и близко граничитъ съ такъ-называемой практической мудростью; но зато самый ходъ разсказовъ, при всей первобытной простотѣ и даже грубой необработанности языка въ подлинникѣ,

отличается сплошь и рядомъ большою замысловатостію и оживленностію, сильно возбуждающею интересъ читателя; разговоры дѣйствующихъ лицъ иногда состоятъ изъ довольно остроумныхъ каламбуровъ. Всѣхъ разсказовъ въ наиболѣе полныхъ изводахъ насчитывается 112, и самый интересный изъ нихъ—это, безъ сомнѣнія, разсказъ нѣкоей хитрой женщины Даллэ-Мухталлэ, имѣвшей двухъ мужей, вора и мошенника, одновременно, но невѣдомо для нихъ, такъ что когда они случайно узнали объ этомъ, то супруга ихъ предложила имъ себя на конкурсъ: кто совершитъ наиболѣе дерзкій поступокъ по своему ремеслу, тому она и будетъ впредь исключительно принадлежать *).

Именемъ Гумаю́нъ-намэ называется турецко-османскій переводъ басенъ Бидпая, съ персидскаго извода ихъ, извѣстнаго подъ заглавіемъ Анвари Сохэйли=«Лучи Канопа», сдѣланнаго нѣкіимъ Али-челеби, обыкновенно прозываемаго Васіъ (†1543), родомъ изъ Филиппополя. Переводъ свой онъ посвятилъ султану Сулейману Кануни (1520—1566), проработавъ надъ нимъ около 20 лѣтъ. Переписавъ начисто свой трудъ въ двухъ экземплярахъ, Али-Васіъ одинъ изъ нихъ поднесъ тогдашнему везирю Лютфи-пашѣ, а другой султану. Лютфи-паша даже не взялъ въ руки этого списка, выразивъ еще сожалѣніе о напрасной потерѣ времени, а султанъ принялъ поднесеніе и пожаловалъ Али должность кади въ Брусѣ, въ которой онъ и умеръ. И персидскій оригиналъ отличается сильною вычурностью слога, а турецкій переводъ Али-Васіъ едва ли не превосходитъ его въ этомъ отношеніи, ибо переводчикъ иногда, не довольствуясь переложеніемъ стихотворныхъ отрывковъ, поминутно перемежающихъ прозаическую рѣчь апологовъ, иногда находитъ нужнымъ прибавлять еще собственные стихи. Не смотря на отдаленность времени появленія этого произведенія въ турецкой литературѣ, оно и доселѣ считается у турковъ образцовымъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ чрезвычайно большое количество списковъ этого сочиненія, какъ циркулировавшихъ въ турецкой публикѣ такъ нашедшихъ себѣ пріютъ въ разныхъ европейскихъ книгохранилищахъ.

Рядомъ съ этическими произведеніями въ формѣ поэтическихъ разсказовъ мы видимъ въ турецкой литературѣ также довольно ранніе опыты возведенія моральныхъ воззрѣній въ систематическую доктрину. И тутъ, разумѣется, образцами для турецкихъ писателей служили творенія арабскихъ и персидскихъ этиковъ, въ родѣ, напр. Ахляки мухсини=«Мухсинскіе нравы», сочиненія Хусэйнъ-Ваиза Элькяшифи († 1504), которое въ обработкѣ Азми-эфенди († 1582)

*) Русскій переводъ этой сказки помѣщенъ въ журналѣ «Москвитянинъ», № 1, стр. 94—122.

извѣстно подъ заглавіемъ Анису-ль-аарифинъ = «Другъ посвященныхъ въ знаніе».

Наиболѣе оригинальною и классическою книгою по нравственной философіи считается у самихъ турковъ Ахля́ки аляй = «Превосходнѣйшіе нравы», сочиненіе моллы Али-бенъ-Эмри-л-Ля Кынна́лы-задэ († 1571), посвященное авторомъ генералъ-губернатору города Дамаска Али-пашѣ, именемъ котораго оно и украшено. Это сочиненіе тоже не совсѣмъ оригинальное, по заявленію самого автора, который прямо указываетъ тѣхъ арабскихъ и персидскихъ писателей, твореніями которыхъ онъ пользовался для своего трактата. Его книга есть только компиляція, но подробная и систематичная компиляція, представляющая собою сводъ всѣхъ нравственно-философскихъ положеній и воззрѣній, выработанныхъ авторитетными арабскими и персидскими предшественниками его и основанныхъ какъ на трудахъ греческихъ философовъ, такъ и на догматахъ мусульманской религіи. Его задачею было согласовать часто разнорѣчивыя мнѣнія по разнымъ этическимъ вопросамъ и систематически изложить добытыя свѣденія въ цѣльномъ, законченномъ и стройномъ видѣ, въ чемъ онъ, надо отдать ему справедливость, достигъ полнаго успѣха. Кынналы-задэ, предварительно изучивъ всю литературу своего предмета, какъ это очевидно изъ множества цитатъ и ссылокъ на Алкоранъ и его толкованія, на хадисы (преданія), на законовѣдческіе трактаты, на историческія, поэтическія и философскія сочиненія, разсѣянныхъ по всей его книгѣ, не могъ, натурально, отдѣлаться отъ вліянія на него различныхъ авторитетовъ, на которыхъ онъ основывалъ свою этическую систему. Мы видимъ, что онъ одновременно придерживался и идей школы чистыхъ философовъ, послѣдователей Платона и особенно Аристотеля, и ученія суфіевъ, и, наконецъ, религіозныхъ догматовъ мусульманскихъ. Вліяніе греческихъ философскихъ идей отразилось у него преимущественно на построеніи теоріи нравственной философіи—на опредѣленіи души и сокрытыхъ въ ней силъ; на опредѣленіи высшаго блага, къ которому долженъ стремиться человѣкъ; на положеніи, что добродѣтель есть средина между двумя крайностями; на раздѣленіи добродѣтели на четыре главныя, и т. п. Вліяніе суфизма сказалось въ изложеніи практическаго примѣненія законовъ и нравоученій, вытекающихъ изъ теоріи добродѣтелей и пороковъ, потому что самый суфизмъ не былъ, строго говоря, ни философской системой, ни религіозной сектой, а скорѣе всего былъ просто извѣстный образъ жизни, родъ житейскаго аскетизма. Что же касается до вліянія религіи на Кынналы-задэ въ построеніи его этической системы, то онъ не столько черпалъ свои взгляды и положенія изъ догматовъ вѣры, сколько скорѣе старался подкрѣплять

собственныя воззрѣнія разными изреченіями изъ Корана, хадисовъ и т. п., и подыскивать въ религіозныхъ источникахъ намеки и основанія для той или другой философской посылки, иногда даже съ большими натяжками, чтобы такимъ образомъ придать своимъ теоретическимъ положеніямъ большій вѣсъ и убѣдительность въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ. Основной принципъ нравственной философіи, проведенный во всемъ сочиненіи Кынналы-задэ, есть равновѣсіе. Оно у него составляетъ краеугольный камень благосостоянія какъ цѣлыхъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ личностей. Языкъ сочиненія, свободный отъ запутанности и туманности, не чуждъ въ то же время нѣкоторой витіеватости, придающей своего рода красоту рѣчи османскихъ писателей, обращающихъ вниманіе на изящество слога. Такъ, напримѣръ, разсуждая о храбрости, Кынналы-задэ говоритъ, что «истинно-храбрый и мужественный богатырь тотъ, кто во время гнѣва справится съ рьянымъ конемъ страсти души и кто въ моментъ волненія моря гнѣва причалитъ канатъ корабля смущенія къ берегу терпѣнія и спокойствія».

Третій видъ этической литературы турковъ составляютъ сочиненія, въ которыхъ нравственныя правила излагаются не подъ покровомъ поэтической аллегоріи, ни въ системѣ философскаго разсужденія, а въ формѣ положительныхъ, точно выраженныхъ предписаній или совѣтовъ, точь-вточь какъ въ нашемъ «Домостроѣ» попа Сильвестра или въ «Поученіи Владиміра Мономаха». Къ этой категоріи принадлежитъ Кабу́съ-намэ, сочиненіе, написанное не позже 1080 года послѣднимъ царемъ Дейлемитской династіи Кэй-Кавусомъ въ руководство своему сыну Гилянъ-шаху. Оно трижды было переведено съ персидскаго языка на турецкій: первый, самый ранній, переводъ утраченъ: о немъ намъ извѣстно лишь по упоминанію въ предисловіи ко вторичному переводу, сдѣланному нѣкіимъ Мерджумекъ-Ахмедъ-бенъ-Эліасомъ въ 1436 году для султана Мюрада II, и новѣйшій, относящійся къ 1705 году и принадлежащій Муртаза-Назми-задэ, который сдѣлалъ его для багдадскаго губернатора Хасанъ-паши. Сорокъ четыре главы этого мусульманскаго домостроя обнимаютъ весь запасъ началъ, которыми человѣку должно регулировать свои отношенія къ Богу и къ людямъ и свои собственныя дѣйствія, чтобы быть благополучнымъ и добродѣтельнымъ.

Программа, по которой распредѣлены разныя отрасли обиходной морали въ Кабусъ-намэ, усвоена и позднѣйшими, собственными писателями-моралистами турецкими, изъ коихъ особенно славится у турковъ Юсуфъ Наби-эфенди († 1712), написавшій сочиненіе Хэйрійѐ—собраніе нравоучительныхъ совѣтовъ, названное такъ по имени сына его Абу-ль-Хэйра, къ которому и обращены самыя наставленія. Наби, поэтъ и авторъ многихъ другихъ сочиненій, написалъ выше-

названныя наставленія въ 1694 году, когда ему было уже за 60 лѣтъ отъ роду, во время своего пребыванія въ Халебѣ, на возвратномъ пути изъ благочестиваго путешествія въ Мекку. Сходясь въ теоретическихъ воззрѣніяхъ съ Кынналы-задэ, Наби-эфенди, умудренный опытомъ долговременной жизни, изложилъ свои совѣты въ очень плавныхъ и гладкихъ стихахъ, соединивъ такимъ образомъ глубокомысліе внутренняго содержанія своего сочиненія съ изяществомъ внѣшней формы его. Любопытно, что побужденіемъ къ составленію этого vademecum'а Наби-эфенди служило опасеніе, чтобы сынъ его не заразился господствовавшею тогда въ государственной жизни Турціи язвою, въ видѣ насилій, обмана, подкупа, лицемѣрія, продажности, хотя и приносящею человѣку большія временныя матеріальныя выгоды, но не могущею доставить душевнаго спокойствія. Поэтому онъ настоятельно совѣтуетъ своему сыну удаленіе отъ общественно-политической дѣятельности, рисуя самыми мрачными красками отрицательныя стороны этой дѣятельности. Наставленія Наби-эфенди дышатъ удивительною искренностію и задушевностію, внушаемыми отцовскою любовью. Въ нихъ, кромѣ гуманности, предписывающей не показывать никому нахмуреннаго чела, не притѣснять подчиненныхъ, не обременять ихъ холоднымъ чванствомъ, не заставлять никого терпѣть несправедливости, видна практическая опытность, дающая понять, что истинное благополучіе человѣка составляетъ его нравственная независимость. Исходя изъ этого основного положенія, Наби-эфенди особенно горячо предостерегаетъ сына отъ опасности жить не по средствамъ.

„Содѣлай сіе слово мое“, говоритъ онъ, „драгоцѣнною серьгою уха своего: крѣпко остерегайся долговъ, о душа отца твоего! Долги измѣняютъ человѣка: будь онъ Платонъ—они его сдѣлаютъ Меджнуномъ (помѣшаннымъ); если тѣло его здорово, то будетъ болѣть сердце его; онъ удрученъ рабствомъ передъ кредиторами; долги превращаютъ умныхъ въ глупцовъ; будь человѣкъ мужественъ какъ левъ—они превратятъ его въ женщину. О, свѣтъ очей моихъ, да сохранитъ тебя всемогущій Богъ отъ долговъ! Лучше продать свою одежу и ковры и лечь спать голоднымъ и нагимъ, но безъ долговъ... Взвѣшивай свои издержки съ доходомъ своимъ и живи спокойно съ семьей и дѣтьми своими. Если, съ божьей помощью, твои средства будутъ велики, то немного откладывай, а не опустошай сразу кармана своего, ибо сколько вѣдь бываетъ превратностей судьбы!...“

Но добродушный тонъ Наби-эфенди переходитъ въ патетическій, когда онъ касается уродливостей и безобразій въ нравственномъ быту современнаго ему общества—лицемѣрія подлыхъ святошъ, дервишей, притѣсненій и злоупотребленій судей, пашей и ихъ клевретовъ. Въ качествѣ человѣка письменнаго, Наби-эфенди не одинъ разъ въ своемъ сочиненіи выражаетъ желаніе внушить своему сыну любовь къ чтенію и къ наукамъ и доказываетъ превосходство знаній надъ невѣжествомъ, но совѣтуетъ въ то же время, «проходя долину философіи»,

не застревать въ ней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Наби-эфенди оказывается менѣе строгимъ ригористомъ, чѣмъ Кынналы-задэ, какъ напримѣръ въ вопросѣ объ эстетическихъ удовольствіяхъ. Кынналызадэ строжайше запрещаетъ не только самому заниматься музыкою или пѣніемъ, но даже слушать исполненіе другихъ, на томъ основаніи, что пѣніе и пріятные звуки, исходящіе отъ женщины или красиваго мальчика, возбуждаютъ страсть и чувственныя желанія такъ какъ будто бы «прелюбодѣяніе есть рабыня пѣнія». Наби-эфенди же ничего не говоритъ о безнравственномъ вліяніи музыки и пѣнія и рекомендуетъ сыну наслаждаться музыкою, только внѣ дома, а у себя дома не велитъ допускать ее.

Странный только взглядъ у Наби-эфенди на супружество: тутъ онъ не очень возвысился надъ образомъ мыслей своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Онъ не совѣтуетъ сыну жениться, а велитъ пробавляться невольницами: это, говоритъ онъ, и пріятнѣе, и спокойнѣе. Но что основаніемъ такого воззрѣнія Наби-эфенди на супружество служитъ не простая только чувственность, это отчасти явствуетъ изъ той статьи, гдѣ онъ говоритъ, что «красота есть Божій даръ, и на нее надо смотрѣть безъ страсти». Онъ также запрещаетъ пить вино, употреблять опій, и т. п. Но даже и въ выборѣ невольницъ заботливый отецъ сообщаетъ сыну въ руководство свои мнѣнія о внѣшнихъ и внутреннихъ качествахъ женщинъ разныхъ національностей, принимая, между прочимъ, въ разсчетъ и ихъ религію. Предпочтеніе имъ отдается грузинкамъ.

Наби-эфенди, и какъ продолжатель жизнеописанія пророка Мухаммеда, сочиненія Вэйси, и какъ писатель-моралистъ, нашелъ себѣ послѣдователя въ упомянутомъ уже выше Сюнбуль-задэ Вэгби-эфенди, который, въ подражаніе Хэйрійѐ, написалъ Лютфійѐ, подобный же нравоучительный кодексъ для своего собственнаго сына Лютфу-л-Лы. Вэгби тутъ особенно распространяется о свойствахъ и достоинствахъ разныхъ наукъ: о медицинѣ, философіи, астрономіи, алхиміи, исторіи, каллиграфіи, талисмановѣденіи, и т. д.: изъ 85 статей цѣлыхъ 30 посвящены имъ такому энциклопедическому обзору наукъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ собственно этическая часть. Замѣчательно, что авторъ, жившій цѣлымъ столѣтіемъ позже Наби-эфенди, отсталѣе своего предшественика въ вопросѣ о цѣнности научнаго знанія: изъ всѣхъ перебранныхъ у него наукъ онъ отдаетъ еще нѣкоторое предпочтеніе мистикѣ, къ остальнымъ же относится съ явнымъ сомнѣніемъ касательно безусловнаго значенія и пользы ихъ. Это тѣмъ болѣе странно, что самъ Вэгби былъ человѣкъ разностороннихъ и обширныхъ знаній; но такъ какъ онъ умеръ 90-лѣтнимъ старикомъ, то можно думать, что его этическій трактатъ, написанный имъ, по его заявле-

нію, въ теченіе одной недѣли и притомъ еще во время болѣзни, былъ плодомъ того скептическаго равнодушія, которое составляетъ неизбѣжный и печальный жребій преклоннаго возраста. Дидактическая поэма Вэгби написана хорошими стихами, какъ бы въ оправданіе того необыкновенно высокаго мнѣнія автора о поэзіи, которое онъ высказалъ также въ этой поэмѣ.

Въ заключеніе обзора произведеній этической литературы турецкой нельзя не упомянуть объ одномъ писателѣ, сочиненія котораго можно назвать пародіями на дидактическую поэму лучшаго османскаго поэта-моралиста Наби-эфенди—мы разумѣемъ Фазиль-бея († 1810), сына Омеръ-Тагиръ-паши Акскаго, бывшаго союзникомъ русскихъ въ войнѣ, окончившейся Кючукъ-Кайнарджійскимъ миромъ и соучастникомъ Али-бея египетскаго въ возстаніи его противъ Отоманской Порты. Фазиль, рано лишившись отца, былъ взятъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Кямиль-беемъ въ султанскій дворецъ Абду-ль-Хамида I, гдѣ и воспитывался. Потомъ онъ занималъ нѣсколько должностей и умеръ въ званіи члена Государственнаго Дивана Порты. Надо полагать, что серальское воспитаніе сильно и не очень благотворно повліяло на юношу, рано почувствовавшаго призваніе къ литературѣ и проявившаго въ ней несомнѣнное дарованіе. Все, что имъ написано, написано легкими, граціозными стихами, заключающими въ себѣ не лишенные живости образы и остроумныя сопоставленія. Но внѣшняя художественная прелесть его произведеній компрометтируется односторонностью содержанія и именно фривольностью сюжетовъ его стихотворныхъ поэмъ, какъ это уже явствуетъ даже изъ самыхъ заглавій ихъ: 1) Дефтэри ышкъ = «Тетрадь любви»; 2) «Хубàнъ-намэ» = «Книга красавцевъ»; 3) Зенàнъ-намэ = «Книга женщинъ», и 4) Ченгú-намэ, или Раккàсъ-намэ = «Книга танцоровъ». Въ первой трактуется о разныхъ психическихъ свойствахъ и состояніяхъ влюбленнаго и предметовъ его любви. Во второй описываются физическія и нравственныя качества мальчиковъ различныхъ націй. Въ третьей содержится галлерея женскихъ типовъ всѣхъ странъ міра, начиная съ индіянокъ и кончая американками. Эпилогъ этой поэмы составляютъ статьи: супружество, женская баня, приходъ обывателей и имама въ домъ куртизанки, вредъ чувственныхъ излишествъ и заключеніе. Послѣдняя посвящена описанію танцоровъ, играющихъ, какъ извѣстно, большую роль въ восточномъ развратѣ.

Нельзя сказать, чтобы Фазиль-бей вездѣ одинаково развязно выражался о предметахъ, не общепринятыхъ въ разговорѣ нравственно воспитаннаго общества, но все же игривый цинизмъ составляетъ характерное свойство вышеисчисленныхъ поэмъ его, не лишенныхъ однако же художественности во внѣшнемъ своемъ построеніи.

Чтобы судить объ этомъ характерѣ, достаточно обратить вниманіе хоть бы даже только на вступительныя слова его поэмъ: они суть также пародія на благочестивыя религіозныя славословія, которыми обыкновенно начинаются всѣ книги правовѣрныхъ авторовъ. Вотъ, напримѣръ, начало поэмы Дефтэри ышкъ:

„*Во имя черной брови душки* —
Вотъ приступъ повѣсти любви;
Затѣмъ и Господу хвала,
Что сочеталъ любовь съ красою".
И т. д.

А что Фазиль-бей пародировалъ Наби-эфенди, эти очевидно изъ того, что онъ не только тѣмъ же размѣромъ и съ тою же манерою писалъ свои поэмы, какими написана поэма Наби, но онъ даже иногда цѣликомъ удерживалъ выраженія Наби, какъ это, напримѣръ, видимъ въ начальныхъ стихахъ статей, а вособенности въ началѣ статьи «О стамбульскихъ женщинахъ». Въ статьѣ же «О бракѣ» онъ прямо уже ссылается на Наби-эфенди, какъ на авторитетъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на сущность брака и цитуетъ вышеупомянутую поэму Хэйрійè знаменитаго поэта-моралиста. Вотъ какъ онъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ:

„О ты, кто жаждешь спокойства души,
Сдѣлай ты милость, отъ брака бѣжи!
Если бы въ жены тебѣ предлагали
Царскую дочь, настоящую кралю —
Не попадай ты въ такую невзгоду,
Въ цѣпи не лѣзь, а храни ты свободу!
Вотъ что давно *старецъ Наби* вѣщалъ,
Вотъ что въ своемъ *Хэйрійè* утверждалъ:
Что за несчастье съ одной жить женой
И не вкушать наслажденья съ другой!
Ты жь, какъ луна, постоянно кочуй,
Каждую ночь въ новомъ мѣстѣ ночуй,
Въ каждомъ саду ты тюльпанчикъ срывай,
Въ каждомъ мѣстечкѣ пріютъ обрѣтай!"
И т. д.

Наиболѣе пикантное изъ сочиненій Фазиль-бея, Зенанъ-намэ переведено на французскій языкъ Декурдманшемъ подъ заглавіемъ «Le livre des femmes», Paris, 1879, да и Гаммеръ-Пургшталль не поскупился на обширныя выдержки изъ этой поэмы, «не ради», какъ говоритъ онъ, «ихъ поэтическихъ и этическихъ прелестей, но ради психологическихъ и этнографическихъ особенностей, съ которыми набросаны эти очерки».

VII. Начало книгопечатанія въ Турціи. — Знакомство турковъ съ европейскими языками и литературами. — Возникновеніе новыхъ видовъ турецкой литературы подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ. — Наиболѣе выдающіеся литературные дѣятели новѣйшаго времени. — Періодическая литература.

Сколь ни однообразно теченіе исторической жизни Турціи, но все-таки уничтоженіе янычарскаго корпуса есть фактъ несомнѣнной важности, который современемъ, коли еще надолго продлится политическое существованіе этого кое-какъ перебивающагося государства, долженъ получить значеніе рѣзкой грани, знаменующей переломъ въ ходѣ исторіи Отоманской имперіи. Это событіе нашло себѣ отраженіе и въ литературѣ. Упоминавшійся у насъ выше Эсъадъ-эфенди († 1848) увѣковѣчилъ его въ своемъ сочиненіи Усси зефэръ = «Основа побѣды». Но это надгробное слово цѣлому сословію, тяготѣвшему страшнымъ гнетомъ надъ всѣмъ остальнымъ народонаселеніемъ имперіи, является съ тѣмъ вмѣстѣ надгробіемъ и литературному творчеству въ прежнемъ духѣ и вкусѣ, господствовавшему до того времени. Сочиненіе Эсъада-эфенди есть наивысшій образчикъ той крайности, до какой можетъ дойдти стилистическая вычурность, не ограничиваемая благоразумными требованіями серьозной научности и истиннаго эстетическаго вкуса. Дальше идти было некуда: прежняя турецкая своего рода наука и традиціонная литературная манера сказала свое послѣднее слово. Теперь оставалось одно изъ двухъ — или повторять старое или вырабатывать что-нибудь новое, въ иномъ родѣ и складѣ, дотолѣ незнакомое турецкой публикѣ. Но такіе повороты совершаются не скоро и не вдругъ, а потому мы видимъ еще и до настоящаго времени борьбу двухъ началъ въ области турецкой литературы, какъ и въ самомъ османскомъ обществѣ — начала прежней, традиціонной, заматорѣлой косности, замкнутаго въ себѣ старовѣрства, и зачатковъ стремленія къ образованности на нóвыхъ основаніяхъ, созданныхъ европейскими народами, путемъ сближенія съ этими послѣдними и заимствованія отъ нихъ плодовъ ихъ науки и цивилизаціи. То и другое начало имѣетъ своихъ видныхъ представителей въ турецкой литературѣ, хотя и не-геніальныхъ, но во всякомъ случаѣ отличныхъ отъ литературнаго типа прежняго времени. При всемъ различіи ихъ направленія, общее между ними то, что тѣ и другіе суть представители переходнаго состоянія турецкой литературы, пытающейся покинуть прежнюю рутину, но не вышедшей на новую совершенно опредѣленную и самостоятельную дорогу.

Самое книгопечатаніе, этотъ могучій рычагъ въ культурномъ движеніи народовъ, лишь весьма недавно усилилось въ Турціи, явив-

шись впервые тамъ не далѣе какъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія и притомъ вначалѣ какъ весьма ограниченный опытъ: косное османское общество до послѣдняго времени неблагосклонно смотрѣло на это нововведеніе. Чѣмъ же иначе объяснить тотъ фактъ, что списываніе книгъ до настоящаго времени практикуется въ Турціи въ весьма еще широкихъ размѣрахъ, доставляя хорошій заработокъ цѣлому классу каллиграфовъ, какъ не предразсудочнымъ убѣжденіемъ правовѣрныхъ читателей, что истинная книга есть только книга рукописная, а печатная книга есть только плохая имитація.

Дѣло введенія книгопечатанія въ Турціи происходило такъ. Турецкій посолъ къ королю Франціи Мухаммедъ-эфенди, а вособенности сынъ его, сопутствовавшій ему въ качествѣ секретаря, Саъидъ-эфенди были удивлены типографскимъ искусствомъ европейцевъ и, по возвращеніи домой, сообщили объ этой диковинѣ Ибрагиму-эфенди, венгерцу по происхожденію, принявшему мусульманство, большому любителю литературы. Этотъ послѣдній написалъ цѣлый трактатъ о важности книгопечатанія и представилъ его тогдашнему верховному везирю Ибрагимъ-пашѣ, а отъ него трактатъ ходилъ по рукамъ османскихъ вельможъ, государственныхъ воротилъ. Судили рядили, и наконецъ шейху-ль-исламъ Абду-л-Ла-эфенди далъ фэтву, которою разрѣшалось печатать всякія книги, кромѣ религіозныхъ; султанъ Ахмедъ III (1703—1730) поручилъ вышеупомянутому Ибрагиму-эфенди устройство типографіи и завѣдованіе ею; на расходы была ассигнована изъ казны сумма насчетъ таможенныхъ доходовъ; также назначены были особые справщики и наблюдатели за печатаніемъ. Это случилось въ 1726 году, или въ 1139 году по мусульманскому счисленію, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Челеби-задэ, подробно повѣствующій о началѣ книгопечатанія въ своемъ отечествѣ. Два года употреблено было на отливку шрифта и другія приготовленія, и въ 1141 = 1728 году явилась первая печатная книга, довольно толстый арабско-турецкій словарь Ванкули подъ заглавіемъ Китаби луггатъ; въ томъ же году вышло изъ-подъ пресса сочиненіе Хаджи-Кальфы о морскихъ кампаніяхъ турковъ подъ заглавіемъ Тухфэту-ль-кибаръ = «Подарокъ вельможамъ», съ приложеніемъ географическихъ картъ. Затѣмъ въ теченіе 28 лѣтъ было напечатано всего 18 сочиненій. Со смертью первыхъ ревнителей и руководителей печатнаго дѣла въ Турціи, упомянутаго Ибрагима-эфенди и его преемника Кади-Ибрагима, оно пріостановилось, но не вслѣдствіе жалобъ и мятежа писцовъ, какъ объ этомъ говорится въ мемуарахъ извѣстнаго болтуна барона де-Тотта, а просто по недостатку способныхъ мастеровъ. Но и послѣ 20-лѣтняго перерыва печатнаго дѣла, по возобновленіи его декретомъ султана Абду-ль-Хамида I (1773—1789),

изданнымъ въ мартѣ 1784 года и пространно излагающимъ исторію печатнаго дѣла въ Турціи, печатаніе книгъ шло не очень дѣятельно, какъ это показываетъ очень скудный перечень книгъ, появившихся въ то время въ печати, и историческія свѣденія о ходѣ этого дѣла.

Отсюда естественно было, что введеніе книгопечатанія въ Турціи не дало ощутительнаго толчка умственному движенію турковъ. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, первая турецкая типографія помѣщалась въ одномъ зданіи съ казармами янычаръ, составлявшихъ настоящій краеугольный камень старыхъ порядковъ и рабской закоснѣлости. Только когда былъ положенъ конецъ существованію янычарскаго очага въ 1826 году при султанѣ Махмудѣ II (1808—1839) для Турціи открылась нѣкоторая возможность начатія жизни на иныхъ чѣмъ прежде основаніяхъ. Но починъ въ этомъ направленіи могъ совершиться тоже не вдругъ, а лишь послѣ ознакомленія турковъ съ европейскими порядками и чрезъ заимствованіе ими нѣкоторыхъ плодовъ просвѣщенія и культуры отъ европейцевъ, чтó уже произошло не раньше какъ въ царствованіе султана Абду-ль-Азиза I (1869—1876).

До того же времени турки пробавлялись тѣмъ, что унаслѣдовано было ими отъ прошлаго: печать дала только развѣ количественный приростъ литературы ихъ, но не качественный, за немногими исключеніями. Самымъ крупнымъ литературнымъ явленіемъ въ это переходное время былъ переводъ огромнаго арабскаго словаря извѣстнаго подъ именемъ Камуса=«Океана», сдѣланный Сейидъ-Ахмедомъ Аасимомъ, и его же переводъ персидскаго словаря Бюрхани каты. Большинство же появившихся тогда въ печати сочиненій все относится къ области комментаріевъ къ прежнимъ сочиненіямъ грамматическаго, логическаго, риторическаго, догматическаго, обрядословнаго и юридическаго содержанія. Пробудившееся сознаніе важности точныхъ наукъ также имѣло своимъ результатомъ изданіе, нѣкоторыхъ прежнихъ сочиненій, какъ «Начальныя основанія астрономіи» Али-Кушчи, турецкаго математика временъ султана Мухаммеда II Фатиха, которымъ турки продолжаютъ хвастаться и донынѣ; или изданіе переводовъ съ французскихъ сочиненій, относящихся къ военному дѣлу. Но рядомъ съ этимъ появлялись въ печати и такія забавно-оригинальныя произведенія, каковъ геометрическій трактатъ нѣкоего Хусейна, мнившаго себя рѣшившимъ проблему квадратуры круга. Большій сравнительно интересъ имѣютъ историческія сочиненія этого періода, каковы, напримѣръ, лѣтописи, которыя вели Сааду-л-Ла Энвери-эфенди († 1794), Халиль-Нури-эфенди († 1798) и въособенности Ахмедъ-Васыфъ-эфенди († 1806). Эти государственные історіографы вслoжности составили описаніе событій за время 1166—

1216=1752—1802 годовъ.—Въ области поэзіи продолжали попрежнему господствовать или піетическо-мистическіе или панегиристическіе мотивы. О вкусѣ къ первымъ свидѣтельствуетъ изданіе большого комментарія стариннаго турецкаго писателя Суди къ Гюлистану персидскаго поэта Саади. Позднѣйшими же представителями этого направленія изъ самихъ турковъ можно считать Галыбъ-дэдэ († 1795) дервишскаго шейха [1]), а затѣмъ шейха Рушени и Кіяни-эфенди. По части же сочинительства хронограмминыхъ куплетовъ и панегириковъ славились Мири-Алемъ-задэ († 1836) и Кечеджи-задэ Иззетъ-молла († 1829). Произведенія перваго изъ вышеназванныхъ поэтовъ-мистиковъ, вособенности же его аллегорическая поэма Хуснъ у диль=«Красота и любовь», не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ даже съ нашей европейской точки зрѣнія: мистическій символизмъ въ нихъ, облеченный нѣсколько въ поэтическія формы, отзывается колоритомъ средневѣковой романтики трубадуровъ. Кечеджи-задэ Иззетъ-молла написалъ до 10,000 риемованныхъ хронограммъ, составившихъ цѣлый объемистый диванъ, которому авторъ далъ названіе Хуззани асаръ=«Казнохранитель памятниковъ». Въ немъ мы видимъ изумительную изобрѣтательность турецкаго стихотворца въ подборѣ словъ, которыя должны образовать собою числовыя даты разныхъ событій, и добро бы событій важныхъ, историческихъ, а то большею частію самыхъ заурядныхъ и обыкновенныхъ. При этомъ конечно тщетно было бы разсчитывать на эстетическую прелесть и содержательность. Равнымъ образомъ и длинный панегирикъ султану Махмуду II, сочиненный Халиль-Ибрагимъ-Рифъатомъ Алемъ-задэ, подъ заглавіемъ Аинэи зефэръ—«Зеркало побѣды», тоже не отличается особенными поэтическими красотами: онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда сравненій султана Махмуда съ Александромъ Македонскимъ, съ султаномъ Мюрадомъ IV, съ Гарунъ-Аррашидомъ, и т. д.

Любопытно то, что вышеупомянутыя произведенія турецкой музы и по сіе время нельзя назвать совершенно устарѣлыми и отжившими: диванъ Иззетъ-моллы, напр., особенно его Михнэтъ(и) кешянъ [2]), и теперь въ большомъ ходу у турецкой читающей публики. Возьмите

[1]) Этого Галыба не нужно смѣшивать съ порнографическимъ стихотворцемъ, полное имя котораго есть Абду-ль-Халимъ Галыбъ: стихотворенія послѣдняго, подъ заглавіемъ Мутаибати тюркійе—„Турецкія шуточки", дотого грубо циничны и сальны, что въ сравненіи съ ними скабрезности Дефтэри ишкъ—„Любовной тетради" Фазиль-бея оказываются невинными шалостями.

[2]) Въ этомъ оглавленіи тройной персидскій каламбуръ: или оно значитъ „Страданія", или „Страдальцы", или, даже, „Страданія Кяшанскія". Всѣ три значенія намекаютъ на огорченія автора, который былъ сосланъ въ Кяшанъ, мѣстечко между Родосто и Марицею, за то будто бы, что онъ былъ противъ политики своего повелителя, приведшей Турцію къ Адріанопольскому міру.

нынѣ въ руки любую турецкую газету въ какой-нибудь табельный день, и вы тамъ увидите тьму-тьмущую всевозможныхъ стиховъ, привѣтственно превозносящихъ «царя царей», «отца своихъ подданныхъ», «ангела-хранителя государства», т.-е. султана, или же кого-нибудь изъ важныхъ персонъ, въ необыкновенно высокопарныхъ и вычурныхъ выраженіяхъ, нисколько не уступающихъ подобнымъ же твореніямъ старинныхъ піитъ.

Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ можно указать развѣ на стихотворенія новыхъ женщинъ-поэтовъ Фатинетъ-ханымъ и Лейлы-ханымъ: въ ихъ стихотвореніяхъ, не смотря на банальность мыслей и риторическихъ оборотовъ, мѣстами проглядываетъ неподдѣльное чувство и встрѣчаются нелишенные эстетическаго вкуса образы.

Первый шагъ къ знакомству турковъ съ Европою сдѣланъ былъ учащенными въ новѣйшее время посольскими сношеніями султановъ съ различными европейскими дворами. Такими послами, кромѣ упомянутаго выше Мухаммеда-эфенди, были еще Ресми-Ахмедъ-эфенди Гириди, Дурри-задэ, Ратибъ Абу-Бекръ, Васыфъ-эфенди и Вахыдъ-эфенди. Всѣ они составили описанія своихъ путешествій въ разныя страны Европы. Въ этихъ описаніяхъ особенно очевидна борьба застарѣлаго турецкаго чванства и мусульманской предразсудочности съ невольнымъ ощущеніемъ—именно ощущеніемъ превосходства европейской культуры. Всѣ турецкіе послы болѣе или менѣе обнаруживаютъ склонность подсмѣяться надъ иными сторонами европейскаго быта и нравовъ, но въ общемъ вы чувствуете, что этотъ смѣхъ есть выраженіе не гордаго презрѣнія, а скорѣе плохо скрываемой досады или зависти.

Замѣтное литературное оживленіе въ Турціи началось съ возникновеніемъ тамъ періодической прессы, впервые получившей свое бытіе только въ царствованіе султана Махмуда II, который и самъ любилъ пописывать стихи подъ стихотворческимъ псевдонимомъ Адли=«Справедливый». Основанная имъ офиціальная газета Таквими вакаи=«Табель происшествій», выходила въ началѣ разъ въ недѣлю на двухъ языкахъ—на турецкомъ и французскомъ. Первымъ редакторомъ этого изданія былъ уже упоминавшійся выше Мухаммедъ Эсъадъ-эфенди, стяжавшій себѣ литературное имя описаніемъ бунта и истребленія янычаръ въ 1826 году. Само собою разумѣется, что высокопарность и вычурность слога этого бытописателя старой школы не могла не отразиться и на редактировавшейся имъ газетѣ; но все-таки языкъ первенца турецкой періодической литературы былъ недуренъ сравнительно съ замысловато-крючковатымъ стилемъ писаній предыдущаго періода. Эсъадъ-эфенди, какъ уже выше замѣчено, былъ послѣднимъ стилистомъ стараго закала.

Болѣе чувствительный толчекъ литературному движенію въ новомъ направленіи данъ былъ уже послѣдующими редакторами Таквими вакаи — Решидомъ-эфенди, Беджан-эфенди, и др. Вособенности важное значеніе имѣлъ Решидъ-эфенди, впослѣдствіи Решидъ-паша, котораго можно считать родоначальникомъ новой литературной школы въ Турціи, разумѣется не безъ участія и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей, образующихъ первое поколѣніе этой школы. Главнѣйшею ихъ задачею было выработать легкій, упрощенный литературный языкъ, доступный пониманію не однихъ только избранныхъ книжниковъ, какъ это было до того времени, а и всѣхъ вообще заурядныхъ читателей, способныхъ разумѣть смыслъ письменной рѣчи. На этомъ поприщѣ особенно дѣятельно потрудились, какъ путемъ практическаго вліянія, такъ и посредствомъ своихъ печатныхъ сочиненій, Аали-паша и Фуадъ-паша, въ бытность свою начальниками «Переводнаго бюро» (Тэрджумэ капусу), а потомъ верховными везирями Блистательной Порты; Мюнифъ-паша, организовавшій османское литературное общество и издававшій сборникъ популярныхъ статей по разнымъ научнымъ предметамъ подъ заглавіемъ Мэджмуэи фунунъ=«Научный сборникъ»; Ахмедъ-Вефыкъ-паша и Дервишъ-паша, читавшіе публичныя лекціи по наукамъ словеснымъ и естественнымъ въ такъ-называемомъ Дару-ль-фунунъ=«Домѣ наукъ» (нѣчто въ родѣ нашихъ университетовъ); Джевдетъ-паша, бывшій профессоръ, потомъ министръ, государственный исторіографъ и авторъ многихъ сочиненій.

Указанное движеніе продолжало усиливаться, привлекая все новыя и новыя силы, при чемъ не обошлось, какъ водится, безъ странныхъ увлеченій, которыми сопровождалось утвержденіе новыхъ вкусовъ и новаго направленія въ современной турецкой литературѣ. Послѣднему явленію, кромѣ новости дѣла, много способствовало то, что начало умственнаго движенія въ Турціи, къ несчастью, совпало съ тлетворнымъ режимомъ Наполеона III во Франціи. Знакомство османскихъ прогрессистовъ съ тогдашнею Франціею привило Турціи только недуги современной европейской цивилизаціи, вмѣсто усвоенія ею лучшихъ и благотворныхъ свойствъ этой цивилизаціи. Большинство турецкой молодежи, долженствовавшей составить разсадникъ дѣятелей культуры въ своемъ отечествѣ и готовившейся для этого въ Парижѣ, поживши въ этомъ веселомъ городѣ, выучивалось тамъ только болтать пофранцузски, строить чрезъ сочетаніе французскихъ словъ съ созвучными имъ турецкими каламбуры, да прожигать жизнь поново му, а-ла-франка, на послѣднія старыя средства. Въ это же время успѣла образоваться заграницею цѣлая политическая партія, названная тогдашними просвѣтителями турковъ французами «La jeune

Turquie». Она имѣла даже свои печатные органы, въ родѣ журналовъ Мухбиръ=«Вѣстникъ» и Хуррійетъ=«Свобода», въ которыхъ особенно дѣятельно подвизались Зыя-бей, впослѣдствіи сдѣлавшійся благонамѣреннымъ пашою; Аали-Сюави-эфенди, трагически кончившій свое поприще въ султанскомъ дворцѣ, куда онъ ворвался-было съ цѣлью освобожденія низложеннаго Мюрада V, и другіе. Но всѣ эти затѣи, какъ извѣстно, кончились низверженіемъ и умерщвленіемъ султана Абду-ль-Азиза и арлекинадою торжественнаго провозглашенія «Турецкой конституціи», для которой придумано учредителями ея, по созвучію съ французскимъ constitution, каламбурное турецкое наименованіе Канунъ асаси=«Основы закона», и о которой теперь осталось одно лишь воспоминаніе по печатнымъ брошюрамъ, содержащимъ собраніе постановленій этого мертворожденнаго учрежденія.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ нѣкоторыя безплодныя иллюзіи молодыхъ турковъ, набравшихся новыхъ идей за предѣлами своего отечества, то должны будемъ признать, что между ними нашлись и такіе, труды которыхъ представляютъ литературное наслоеніе опредѣленнаго характера и направленія.

Прежде всего надобно обратить вниманіе на очень горячую дѣятельность нѣкоторыхъ турковъ, направленную на изданіе прежнихъ произведеній литературы, но только съ выборомъ во вкусѣ современной европейской науки. Благодаря этому, появились въ печати всѣ болѣе или менѣе важные памятники исторической письменности турецкой, остававшіеся дотолѣ въ рукописяхъ, каковы напр. Таджу-ттэварихъ=«Вѣнецъ лѣтописей» Саадъ-эд-Дина, историческія записки Печеви и Селяники, Мюнеджжимъ-баши тарихи = «Исторія главнаго астролога», Кюнгу-ль-ахбаръ=«Суть извѣстій» Мустафы Аали-челеби, и др. Чего стоитъ одинъ огромный, въ два фоліанта, сборникъ старинныхъ султанскихъ грамотъ подъ заглавіемъ Муншіэати салатинъ, Феридунъ-бея.

Душою этой учено-издательской дѣятельности писателей новой школы былъ нѣкій Шинаси-эфенди, человѣкъ искренно преданный наукѣ и литературѣ и съ независимымъ характеромъ, не склонившійся передъ верховнымъ везиремъ Аали-пашою, а предпочитавшій изгнаніе и бѣдность раболѣпству, столь свойственному его соотечественникамъ. Онъ основалъ газету Тэсвири эфкяръ=«Изображеніе идей», ставшую органомъ кружка писателей новой школы и образцовою по простотѣ и изяществу литературной рѣчи. Въ газетѣ принимали участіе не только начинавшіе молодые литераторы, каковъ былъ знаменитый впослѣдствіи Кемаль-бей, но также и маститые дѣятели стараго поколѣнія. Въ типографіи газеты Тэсвири эфкяръ не мало было напечатано сочиненій прежнихъ, старинныхъ и новыхъ совре-

менныхъ авторовъ, разумѣется по выбору и подъ наблюденіемъ Шинаси-эфенди, который не безъ нѣкоторой, простительной впрочемъ, гордости штемпелевалъ эти изданія своимъ именемъ. Все, что выходило съ его станка, особливо цѣнится турками, какъ самое исправное и лучшее въ печатномъ отношеніи. Самъ Шинаси, кромѣ редакторства названной газеты, написалъ нѣсколько сочиненій, въ родѣ комедіи Шаъиръ эвленмэси=«Женитьба поэта», а также составилъ и издалъ сборникъ турецкихъ пословицъ съ нѣсколькими параллельными французскими, да небольшой сборникъ нѣкоторыхъ сочиненій Ламартина, Лафонтена, Фенелона и другихъ французскихъ писателей, во французскомъ подлинникѣ съ турецкимъ переводомъ въ прозѣ и въ стихахъ — явный признакъ французскаго вліянія на передовыхъ османскихъ литераторовъ.

Французская литература сильно подѣйствовала на турковъ, ничего подобнаго дотолѣ не читавшихъ и даже не воображавшихъ, и вліяніе ея отразилось на всѣхъ отросляхъ новѣйшей литературы турецкой. Любознательные турки набросились на французскія книги съ одинаковою горячностью какъ на новыя, такъ и на старыя, ибо для нихъ все было ново, даже и то, что устарѣло для самихъ французовъ. Ближайшимъ результатомъ такой ихъ литературной галломаніи было появленіе множества переводовъ и передѣлокъ съ французскаго на турецкій языкъ всякихъ сочиненій, какъ хорошихъ, такъ и незначительныхъ, какъ беллетристическаго, такъ отчасти и научнаго содержанія, но больше, разумѣется, первой категоріи. При этомъ не могло быть обнаружено настоящей критической разборчивости; больше всего отдавалось однако же предпочтенія Мольеру, Ламартину, Поль-де-Коку, Виктору Гюго, Александру Дюма и нѣкоторымъ новѣйшимъ второстепеннымъ романистамъ въ родѣ Понсонъ-дю-Терайля, Ксавье-де-Монтепена, и т. п. Вообще французская романтика этого пошиба всего болѣе пришлась по вкусу литературнымъ туркамъ новаго покроя.

Слѣдя за выходомъ въ свѣтъ печатныхъ изданій на турецкомъ языкѣ за вторую половину нашего столѣтія, можно видѣть, какъ постепенно возрастаетъ число сочиненій въ европейскомъ духѣ и направленіи, хотя преимущественно все переводныхъ или подражательныхъ, по разнымъ отраслямъ наукъ и литературы; какъ эти произведенія все болѣе и болѣе соперничаютъ съ арабско-персидскими многотомными твореніями богословско-схоластическаго содержанія старыхъ мусульманскихъ улема̀, и теперь еще имѣющихъ обширный кругъ своихъ читателей и почитателей. Весьма естественно, что, при слабомъ развитіи въ османской публикѣ интереса къ литературѣ въ новомъ духѣ и вкусѣ, средствомъ къ пропагандированію этого духа и къ развитію этого вкуса служитъ преимущественно періодическая печать:

газеты, и очень большія по объему, обыкновенно принимають въ свое лоно, преимущественно въ отдѣлѣ нашихъ фельетоновъ, большія сочиненія научнаго или беллетристическаго содержанія, которыя потомъ уже являются отдѣльными изданіями: такъ было, по крайней мѣрѣ, съ большею частью сочиненій Ахмедъ-Мидхата-эфенди, романы котораго обыкновенно раньше печатались въ газетѣ Тэрджумани хакыкатъ = «Толковникъ истины», а послѣ уже выходили отдѣльно. Поэтому кто слѣдилъ за періодическою печатью турецкою, тотъ, можно сказать, знакомился съ литературнымъ движеніемъ въ Турціи вообще. Мы тамъ встрѣчаемъ цѣлые десятки именъ авторовъ, заявившихъ себя болѣе или менѣе удачными переводами съ французскаго или собственными опытами въ подражательномъ родѣ. Но изъ этого множества посредственностей нельзя не отмѣтить такихъ признанныхъ работниковъ на поприщѣ насажденія наукъ и просвѣщенія въ Турціи, которыми турки справедливо гордятся какъ передовыми людьми, имѣющими полное право на почетное мѣсто въ исторіи турецкой литературы, оставившими въ ней яркі еслѣды своей неутомимой и многосторонней просвѣтительно-литературной дѣятельности. Достаточно будетъ, если мы назовемъ, кромѣ упомянутыхъ выше, еще Кемаль-пашу, Зыяпашу, Тахсина-эфенди, Кемаль-бея, Ахмедъ-Мидхата-эфенди, Абу-Зыя Тэуфикъ-бея, Экремъ-бея, Сами-бея, Мухаммедъ-Тэуфика-эфенди, Абду-ль-Хаккъ-Хамидъ-бея, и др. Не упоминаемъ множества второстепенныхъ авторовъ, появленіе именъ которыхъ въ печати можно объяснить развѣ лишь тѣмъ, что «на безрыбьи и ракъ рыба», и что коли нѣтъ въ домѣ кота, то мыши по столу бѣгаютъ—разумѣемъ въ послѣднемъ случаѣ отсутствіе строгой критики и требовательности образованныхъ читателей.

Конечно, если написанное даже лучшими современными турецкими литераторами станетъ читать образованный европеецъ, то онъ не найдетъ въ ихъ сочиненіяхъ чего-либо необыкновеннаго, чего бы не нашлось въ произведеніяхъ даже не-геніальныхъ писателей европейскихъ; но бытовыя черты, этнографическія особенности турецкой націи, отразившіяся въ произведеніяхъ новыхъ турецкихъ авторовъ, представляютъ немалый интересъ и для европейскаго читателя, хотя въ нихъ больше фразъ, чѣмъ основательности; больше патріотическаго воодушевленія и задора, нежели творческой оригинальности. Для закоснѣлой же старовѣрской турецкой массы труды этихъ передовыхъ людей должны составлять такія же просвѣтительныя откровенія, какими въ свое время были для русскихъ невѣждъ прошлаго столѣтія труды Ломоносова, Фонъ-Визина, Сумарокова, Новикова и даже, можно прибавить, Карамзина. Турецкими дѣятелями проявлено столько же энциклопедической, хоть и неглубокой, разносторонности и столько

же неутомимой энергіи въ выработкѣ литературнаго языка, въ популяризаціи различныхъ отраслей научныхъ знаній, въ ознакомленіи своихъ соотечественниковъ съ произведеніями европейскихъ, преимущественно французскихъ, писателей, и наконецъ въ попыткахъ самостоятельнаго творчества въ подражательномъ родѣ, а иногда и въ духѣ собственной національности.

Независимо отъ сочиненій, самый личный характеръ и судьба нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ писателей тоже не лишены своего интереса, какъ напр. личность и жизнь Тахсина-эфенди—этого въ маленькой степени турецкаго Ломоносова. Но какъ темно харемное происхожденіе каждаго турка, сколь бы великъ и знаменитъ онъ ни былъ, такъ мало доступны и біографическія данныя объ ихъ достопримѣчательныхъ людяхъ. Не говоря о непреодолимой трудности сношеній съ книгопродавцами Турціи для всѣхъ живущихъ внѣ предѣловъ этого государства, самыя библіографическія рецензіи и литературныя обозрѣнія теперешняго времени, являющіяся въ турецкой печати, такъ же скудны фактическими подробностями, какъ подобныя же замѣтки въ старинныхъ алфавитныхъ біографіяхъ прежнихъ писателей *). Поэтому мы, не вдаваясь въ біографическія и иныя подробности, ограничимся сообщеніемъ лишь самыхъ краткихъ свѣденій о нѣкоторыхъ выдающихся литературныхъ явленіяхъ и дѣятеляхъ, чтобы дать хоть приблизительное понятіе о состояніи и характерѣ новѣйшей литературы въ Турціи.

---

*) Таковъ напримѣръ, въ газетѣ „Osmanli" за 1881 годъ цѣлый рядъ статей нѣкоего Саляха подъ заглавіемъ: „Mouvement littéraire Ottoman". Но особенно безсодержательны, хотя и съ невѣжественными претензіями, статьи туркофильствующихъ европейцевъ, какого-то Джаксона—„Le théatre Ottoman" („Osmanli", № 123) и д-ра Эдуардса—„A propos de poésie Turque" (Ibidem, № 138 и далѣе). Крайнимъ шарлатанствомъ отличаются статьи послѣдняго. Въ трактатѣ о народной поэзіи турецкой г. Эдуардсъ прежде всего обрушился на оріенталистовъ, будто бы виновныхъ въ томъ, что они „s'intitulant pompeusement orientalistes, n'ont pas pris la peine de fouiller dans ces trésors poëtiques appartenant à l'ésprit humain, distinctions abandonnées de caste, de race, de religion et de nationalité" (Osmanli, № 140). Но еще забавнѣе неожиданное восклицаніе Эдуардса: „Le peuple russe lui-même, malgré la composition disparate de tous ses éléments, posséde-t-il des richesses du peuple Ottoman, ce peuple que le gouvernement moscovite voudrait écraser par i'intrigue souterraine"? (Ibidem). И послѣ такого заносчиваго приступа османофилъ, Богъ его знаетъ кто—нѣмецъ или англичанинъ, взявшійся поправить промахъ европейскихъ оріенталистовъ, съ чего же, вы думали бы, начинаетъ собственное ознакомленіе европейцевъ съ *сокровищами* народной османской литературы?—а онъ даетъ переводъ довольно банальныхъ стиховъ о розѣ и соловьѣ Мюнифъ-паши. Мы позволили себѣ нѣсколько дольше остановиться на этомъ газетномъ фактѣ, какъ на образчикѣ лакейской развязности, соединенной съ круглымъ невѣжествомъ, многихъ европейскихъ выходцевъ, выступающихъ по найму въ роли общественныхъ дѣятелей въ Турціи на разныхъ поприщахъ, въ томъ числѣ даже и на литературномъ.

Изъ старѣйшихъ писателей новой школы, послѣ Шинаси-эфенди и Мюнифъ-паши, наиболѣе плодотворною должна быть признана дѣятельность Ахмедъ-Вефыкъ-паши, истинное направленіе котораго такого же смѣшаннаго свойства, какъ и его кровное происхожденіе. Отецъ его, говорятъ, былъ омусульманенный еврей, мать гречанка, а онъ самъ завзятый турокъ. Образованіе онъ получилъ старомодное, улемское, но потомъ, благодаря своей любознательности и способностямъ, изучилъ европейскіе языки, познакомился съ европейскими литературами и свободно говоритъ пофранцузски. Принадлежа къ прогрессистамъ, онъ во время конституціонной комедіи, устроенной Мидхадъ-пашою, занялъ мѣсто президента кратковременнаго отоманскаго парламента; прочитанная имъ, какъ имамомъ, всенгласно въ концѣ сессіи Фатиха́ (первая сура Алкорана) была вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отходною и самому парламенту. Въ прелюдію Восточной войны Ахмедъ-Вефикъ-паша былъ правителемъ Болгаріи и исправно вѣшалъ тамъ братушекъ во имя правъ Отоманской державы и во славу турецкаго имени. Потомъ онъ какъ-то сошелъ со сцены и теперь на покоѣ живетъ въ своемъ загородномъ домикѣ въ Румили-Хысарѣ, возлѣ самой высокой башни стараго замка, продолжая попрежнему на досугѣ заниматься и интересоваться литературою. Человѣкъ безспорно начитанный и много знающій, Вефыкъ-паша имѣетъ однако же слабость пускать пыль въ глаза своимъ собесѣдникамъ, даже въ разговорахъ о предметахъ общеизвѣстныхъ. Кромѣ этого, выдающуюся черту его характера составляетъ его несомнѣнное мусульманское пренебреженіе къ европейцамъ, ловко прикрываемое внѣшнею обходительностью съ ними, а также склонность къ ироніи и буфонству.

Великую заслугу этого турецкаго ученаго составляетъ, безъ сомнѣнія, его Легджéи османи́—лексиконъ коренныхъ турецкихъ словъ, объясненныхъ потурецки же, со включеніемъ нѣкоторыхъ иноязычныхъ терминовъ, преимущественно географическихъ. Въ національномъ увлеченіи Ахмедъ-Вефыкъ отурчилъ нѣкоторыя слова нетюркскаго корня; тѣмъ не менѣе его словарь служитъ настольною книгою каждаго турка и тюркиста, не смотря на принятую авторомъ мудреную систему расположенія словъ, разсчитанную на фонетическій порядокъ, плохо примѣнимый къ арабскому алфавиту. Его словарь своимъ значеніемъ можетъ равняться развѣ съ подобнымъ же трудомъ англичанина Ридгауза, составившаго туркамъ словарь арабскихъ и персидскихъ словъ, употребляемыхъ въ турецкой рѣчи, съ объясненіемъ на турецкомъ языкѣ. Другую дань своей научно-литературной самобытности отдалъ Вефыкъ-паша изданіемъ сборника турецкихъ пословицъ подъ заглавіемъ Аталаръ сöзю = «Слова отцовъ». Съ тою же національною претензіею издано имъ собственное переложеніе Фене-

ленова «Телемака», не смотря на существовавшее переложеніе—Терджумэи Телемакъ, сдѣланное Кемаль-пашою, которое долго было классною книгою въ стамбульскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ образецъ красоты османскаго литературнаго стиля. Надо отдать справедливость таланту Кемаля: не стѣсняясь выборомъ словъ и оборотовъ, равно какъ арабскимъ или персидскимъ или же чисто турецкимъ корневымъ происхожденіемъ ихъ, онъ выказалъ замѣчательное искусство въ сочетаніи благозвучныхъ риѳмованныхъ фразъ и въ передачѣ картинъ и образовъ французскаго подлинника соотвѣтственными своими, но только чисто въ турецкомъ вкусѣ. Поэтому если переложеніе Вефыкъ-паши разсчитано было имъ на большую простоту и естественность рѣчи и на больший пуризмъ турецкаго языка, то все же оно далеко уступаетъ переложенію Кемаля, которое своею прелестью напоминаетъ манеру передачи чужеязычныхъ произведеній нашего безсмертнаго Жуковскаго.

Неменьшее значеніе принадлежитъ и сверстнику Ахмедъ-Вефыкъ-паши, Джевдетъ-пашѣ. Достаточно видѣть голову этого очень подвижного человѣка съ голубыми глазами, съ большими торчащими ушами, чтобы убѣдиться въ его навѣрно славянскомъ или полуславянскомъ происхожденіи и въ принадлежности по воспитанію и образованію къ сословію улема, у которыхъ отъ ношенія низко надвигаемой чалмы обязательно оттопыриваются уши. По убѣжденіямъ и образу мыслей это чистѣйшій турокъ, объясняющійся только на своемъ родномъ языкѣ, но понимающій, кажется, и французскія книги. Занимая постоянную должность государственнаго исторіографа, онъ въ то же время былъ главою разныхъ министерствъ, начиная съ министерства народнаго просвѣщенія и кончая министерствомъ юстиціи, и только недавно былъ отрѣшенъ по жалобѣ иностранныхъ посланниковъ, за его явное потворство грубому обращенію стамбульской полиціи съ иностранцами—признакъ своеобразно понимаемаго ученымъ пашою патріотизма.

Оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Джевдетъ-паша не мало сдѣлалъ для литературы своего народа. Двѣнадцать томовъ исторіи Отоманской имперіи отъ Кючукъ-Кайнарджійскаго мира до уничтоженія янычарскаго очага содержатъ въ себѣ очень много фактовъ, изложенныхъ не только на основаніи лѣтописей его предшественниковъ, но и по документальнымъ архивнымъ даннымъ, которыя, какъ извѣстно, никому недоступны въ Турціи. Хотя историческая манера у Джевдета еще прежняя, хронологическая, но у него уже замѣтны признаки прагматизма и критики фактовъ; языкъ хоть и не совсѣмъ новомодный, но очень правильный, посвоему изящный и совершенно свободный отъ запутанности и

вычурности рѣчи стилистовъ старой школы. Видимо, что Джевдетъ-паша употреблялъ особое прилежаніе въ отдѣлкѣ языка своей исторіи, какъ и вообще съ участіемъ относился къ разработкѣ отечественной литературной рѣчи. Послѣднее свидѣтельствуется еще тѣмъ, что онъ составилъ вмѣстѣ съ Фуадъ-пашою грамматику османскаго языка—Каваи̂ди османійе́, и потомъ написалъ цѣлый рядъ трактатовъ подъ заглавіемъ Бэлягэти османійе́ = «Османское краснорѣчіе», какъ извлеченіе изъ своихъ лекцій по теоріи словесности, читанныхъ имъ въ султанской Школѣ Правовѣденія, будучи вызванъ къ этому недавнею горячею полемикою между новыми литераторами и старыми буквоѣдами объ османскомъ слогѣ вообще и объ очищеніи османскаго языка отъ чрезмѣрнаго наплыва въ него арабскаго элемента вособенности.

Эта любопытная полемика, сильно напоминающая собою распрю нашихъ Шишковистовъ и Карамзинистовъ, возгорѣлась изъ-за того, что нѣкій Ахундъ-задэ Фетхъ-Али-эфенди гласно высказался о неудобствѣ арабскаго шрифта для печати и предложилъ-было видоизмѣнить его наманеръ европейскихъ шрифтовъ. Литературные прогрессисты подхватили эту мысль; а Ахмедъ-Мидхатъ даже пошелъ еще далѣе, начавъ доказывать въ цѣломъ рядѣ бойкихъ статей необходимость позаботиться о чистотѣ турецкаго языка и объ избавленіи его отъ обилія арабскихъ словъ, дѣлающихъ многія турецкія сочиненія непонятными большинству читателей. Противъ этого ополчились книжные старовѣры въ лицѣ нѣкоего Эльхадджъ-Ибрагима-эфенди, усмотрѣвшаго въ вышеозначенныхъ разсужденіяхъ о языкѣ еретическое посягательство на религію подъ видомъ буквъ, которыми начертано слово Божіе—Алкоранъ. Столбцы крупныхъ газетъ Тэрджумани хакыкатъ и Вакытъ одно время чуть не ежедневно наполнялись статьями главныхъ участниковъ спора. Особенно хороши были статьи въ Тэрджумани хакыкатъ (№№ 1115, 1130 и 1131) въ опроверженіе возраженій Эльхадджъ-Ибрагима-эфенди, которыя печатались въ той же газетѣ. Но въ концѣ концовъ партія прогрессистовъ сочла за благо не то что отступить, а просто притихнуть предъ инсинуаціями книжныхъ мусульманскихъ ханжей, и одинъ изъ вождей этой партіи, Абу-Зыя Тэуфикъ-бей, въ 42 тетрадкѣ своего сборника Маджмуэи Абу-Зыя, прямо-на-прямо уже высказался за безразличность того или другого алфавита, а самый споръ объ этомъ призналъ безполезнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: подобные вопросы, какъ вопросъ объ установленіи литературнаго языка, рѣшаются не соглашеніемъ заурядныхъ литераторовъ даннаго времени, а, такъ сказать, диктаторскою властью являющихся въ ту или другую эпоху геніальныхъ писателей, какихъ пока еще не народилось среди турковъ. Тѣмъ не менѣе все-таки

довольно значительная доля вліянія въ этомъ отношеніи не можетъ быть оспариваема у нѣкоторыхъ изъ выдающихся писателей новѣйшаго періода, и хоть бы у того же самаго Ахмедъ-Мидхата-эфенди.

Черкесъ по крови, Ахмедъ-Мидхатъ въ юности попалъ въ число молодыхъ людей, учившихся въ Парижѣ; по возвращеніи на родину заявилъ себя рьянымъ прогрессистомъ и былъ сосланъ въ Родосъ, гдѣ онъ занимался педагогикой и изданіемъ сборника Кыркъ анбаръ=«Сорокъ анбаровъ», который наполнялся большею частью его же собственными статьями по исторіи и другимъ наукамъ, стихотвореніями и тому подобнымъ литературнымъ матеріаломъ. Всего вышло 136 книжекъ этого сборника, образующихъ три тома. Освободившись изъ ссылки, Ахмедъ-Мидхатъ водворился въ Стамбулѣ и еще горячѣе предался литературнымъ занятіямъ, участвуя въ періодической печати. Будучи потомъ главнымъ и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ въ газетѣ «Тэрджумани хакыкатъ=«Толковникъ истины», въ союзѣ съ венгерскимъ или нѣмецкимъ выходцемъ Визенталемъ, Ахмедъ-Мидхатъ при этомъ успѣвалъ писать и издавать отдѣльныя сочиненія—учебники, популярныя монографіи, романы, театральныя піесы, и т. п. Работая по 17-ти часовъ и болѣе въ сутки, онъ однако же всегда имѣлъ совершенно здоровый видъ и весьма плотную фигуру. Женатый изъ принципа на христіанкѣ-болгаркѣ, чтобы не стѣснять себя внѣшними условіями мусульманской моральной формалистики, и крайній радикалъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, онъ въ то же время не свободенъ отъ заразы мусульманскаго фанатизма, который онъ выказалъ въ томъ, что печатно одобрялъ чуть не смертный приговоръ надъ однимъ туркомъ-мусульманиномъ за сдѣланный послѣднимъ переводъ Евангелія на турецкій языкъ, а также сочиненіемъ книгъ религіознаго содержанія—мусульманскаго катехизиса и полемическаго трактата въ защиту мусульманства противъ христіанскаго миссіонерства, подъ заглавіемъ Мудафаа=«Апологія».

Одинъ перечень того, что написано Ахмедъ-Мидхатомъ, могъ бы уже достаточно свидѣтельствовать о необыкновенной плодовитости этого писателя. Это, можно сказать, совершенно пишущая машина въ человѣческомъ образѣ. Имъ написано свыше тридцати переводныхъ и оригинальныхъ романовъ. Въ числѣ послѣднихъ можно указать между прочимъ переводъ французскихъ романовъ «La dame aux camelias», «Le roman d'un jeune homme pauvre», и др. Изъ оригинальныхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе его романы и повѣсти, отражающіе въ себѣ національныя особенности склада мыслей автора и бытовыя и историческія черты его народности. Въ романѣ «Парисда биръ тюркъ»=«Турокъ въ Парижѣ» изображаются приключенія одного молодого османлы, отправившагося въ Парижъ и видѣвшаго

тамъ разныя диковины новѣйшей европейской цивилизаціи. Романъ Ченги=«Танцорка» рисуетъ разгульные нравы и безобразія извѣстной части стамбульскаго современнаго общества. Хасанъ меллахъ=«Матросъ Хасанъ» есть весьма удачное подражаніе извѣстному сочиненію А. Дюма-отца «Montechristo», которое такъ понравилось турецкой читающей публикѣ, что, по желанію ея, Ахмедъ-Мидхатъ написалъ еще продолженіе къ вышеназванному своему роману подъ заглавіемъ Зейли Хасанъ меллахъ, гдѣ мѣсто дѣйствія переносятся въ Испанію, Стамбулъ и Египетъ. Другой, подобный же предыдущему, романъ подъ заглавіемъ Хусейнъ феллахъ=«Земледѣлецъ Хусейнъ» посвященъ изображенію приключеній, начавшихся въ Стамбулѣ и кончившихся въ Алжирѣ и относящихся ко временамъ процвѣтанія янычарства въ Стамбулѣ и въ алжирскихъ владѣніяхъ Порты. Романъ подъ заглавіемъ Дуньяя икинджи гелишъ=«Вторичное появленіе на свѣтъ», «Возрожденіе», заключаетъ въ себѣ весьма живое описаніе смутъ и происшествій во времена султана Селима III (1789—1809). Романъ Сулейманъ мосуллу—«Мосулецъ Сулейманъ» есть основанное на исторіи описаніе кровавыхъ войнъ византійскихъ императоровъ съ малоазіатскими мусульманскими князьками. Такой же историческій романъ недавно напечатанъ имъ подъ заглавіемъ Арнаутларъ суліотларъ—«Арнауты суліоты».

Независимо отъ этого, Ахмедъ-Мидхатъ написалъ цѣлый рядъ мелкихъ статей анекдотическаго содержанія, образующихъ собою цѣлый сборникъ подъ заглавіемъ Лятаифи ревайятъ—«Забавные разсказы».

Но эти многочисленныя произведенія турецкаго беллетриста однако же дотого всѣ въ стилѣ легкой французской повѣсти или водевиля, что только развѣ одни восточныя имена дѣйствующихъ лицъ даютъ знать объ ихъ нефранцузскомъ происхожденіи; а дѣйствія ихъ, особенно же лицъ женскаго пола, слабо отражаютъ въ себѣ коренныя національныя и бытовыя черты турецкихъ нравовъ: точно будто вы читаете турецкій переводъ какихъ-то французскихъ піесъ второстепеннаго достоинства, а не оригинальныя созданія турецкаго автора.

Гораздо самобытнѣе и существеннѣе дѣятельность Ахмедъ-Мидхата какъ публициста. Его газетныя статьи по вопросамъ международной политики дышатъ патріотическою страстностью и нескрываемымъ нерасположеніемъ къ европейцамъ, а особенно къ русскимъ. Это не мѣшаетъ ему втайнѣ негодовать и на внутренній строй и порядки въ своемъ любезномъ отечествѣ, Турціи, что̀ онъ до нѣкоторой степени и далъ знать въ своей обширной историко-публицистической монографіи подъ заглавіемъ Усси инкылабъ=«Причина потрясенія», въ кото-

рой онъ излагаетъ новѣйшія событія въ исторіи Отоманской имперіи со времени Крымской войны до первыхъ лѣтъ царствованія нынѣшняго султана Абду-ль-Хамида. Во всякомъ случаѣ теперь пока еще нельзя произнести рѣшительнаго и окончательнаго приговора надъ литературно-просвѣтительною дѣятельностью Ахмедъ-Мидхата, такъ какъ онъ еще живъ и не особенно старъ: при его плодовитости и неутомимости онъ еще много можетъ написать, хотя въ главныхъ чертахъ его литературная физіономія уже достаточно опредѣлилась.

Несравненно выше Ахмедъ-Мидхата стоитъ и ставится самими турками Намыкъ Кемаль-бей. Красивое и умное открытое лицо, кудрявые волосы и совершенно европейская осанка его фигуры какъ-то мало напоминаютъ турка. Онъ родился въ Родосто (Текфуръ-Дагы) въ 1257=1841 году и принадлежалъ также къ той молодой кучкѣ, члены которой, отвѣдавши французскаго образованія, открыто проявляли свои несимпатіи къ отечественнымъ порядкамъ. За это ихъ не очень-то жаловало отоманское правительство и находило болѣе удобнымъ пребываніе такихъ людей не въ столицѣ, а за предѣлами ея, гдѣ-нибудь на о-вѣ Родосѣ. Такъ было и съ Кемаль-беемъ до воцаренія нынѣшняго султана, который очень цѣнилъ талантливость и горячій османскій патріотизмъ писателя, поощрялъ его литературные труды и даже сдѣлалъ его митиленскимъ мутэсаррифомъ (нѣчто въ родѣ гражданскаго губернатора). Недавно Кемаль-бей умеръ, искренно оплаканный своими соотечественными почитателями.

Не отличаясь такою разносторонностью и плодовитостью, какъ Ахмедъ-Мидхатъ-эфенди, Кемаль-бей однако же значительно превосходитъ своего коллегу большею оригинальностью замысла своихъ поэтическихъ произведеній, большею серьозностью и основательностью своихъ прозаическихъ статей и чрезвычайною легкостью и изяществомъ языка всѣхъ своихъ сочиненій, которыхъ насчитывается весьма немалое количество, включая сюда и небольшія газетныя статьи.

Изъ прозаическихъ сочиненій Кемаль-бея наиболѣе замѣчательны его историческія монографіи, посвященныя фактическому прославленію замѣчательныхъ людей мусульманскаго міра, преимущественно же близкихъ сердцу османлы, каковы сельджукскій владѣтель Салахъ-эд-Динъ, потомъ турецкіе султаны Мухаммедъ II, завоеватель Константинополя, и Селимъ I Явузъ, почти современникъ нашего Ивана IV, и по характеру сродный ему, присоединившій къ отоманскимъ владѣніямъ Египетъ въ 1517 году и чрезъ то впервые присвоившій себѣ званіе калифа всѣхъ правовѣрныхъ. Эти три монографіи вмѣстѣ носятъ заглавіе Эвра́ки паришáнъ = «Летучіе листки» — сборникъ, считающійся у турковъ классическимъ по языку и ученому значенію, хотя всѣ содержащіяся въ немъ статьи суть не болѣе какъ

хорошія компиляціи, основанныя къ тому же больше все на европейскихъ источникахъ. Наконецъ, онъ принялся-было даже за составленіе полной исторіи Турціи, но не успѣлъ многаго сдѣлать, рано похищенный смертью.

Первенствующее же значеніе принадлежитъ, безъ сомнѣнія, поэтическимъ произведеніямъ Кемаль-бея, а именно его романамъ: Интибáгъ яходъ Али-бей сэргузэшти = «Предостереженіе, или приключенія Али-бея», и Джезми, а также его драматическимъ пьесамъ: Ватáнъ яходъ Силистрá = «Отечество, или Силистрія», Акифъ-бей, Зюваллы чочжўкъ = «Злосчастный ребенокъ», Гюль-нигаль = «Розовое дерево», Анадолу кӧйлюлэри = «Анатольскіе мужики», Донá яхóдъ зефэръ = «Дунай, или побѣда», и др. Тѣ и другія не отличаются особенною глубиною психологическаго анализа характеровъ героевъ; имъ недостаетъ также естественности завязки и перипетій дѣйствія и драматизма сценъ; но зато въ нихъ довольно рельефно отражаются типическія черты турецкаго быта и воззрѣній, и очень ярко выставлена на видъ страстность восточныхъ душъ, нерѣдко переходящая въ турецкую необузданность, необлагороживаемую надлежащимъ воспитаніемъ и образованіемъ. Романъ Кемаль-бея Интибагъ яходъ Али-бей сэргузэшти = «Предостереженіе, или приключенія Али-бея» можетъ быть признанъ типическимъ не только для творчества этого лучшаго современнаго турецкаго писателя, но образцовымъ и для всѣхъ подобныхъ произведеній писателей новѣйшей школы. Сами турки тоже необыкновенно восхищаются этимъ романомъ Кемаль-бея, преисполненнымъ всякихъ красотъ и прелестей въ турецкомъ вкусѣ. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ качествъ названнаго романа нелишне будетъ здѣсь вкратцѣ пересказать его содержаніе, заключающееся въ слѣдующемъ.

Романъ начинается пространнымъ описаніемъ въ восточномъ вкусѣ прелестей весны и красотъ Чамлычи, мѣстечка въ окрестностяхъ Стамбула, куда праздная стамбульская молодежь и турецкія дамы отправляются на прогулки. Герой романа Али-бей, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, единственный сынъ богатыхъ родителей, образованный (sic), знавшій языки и даже проявлявшій поэтическія способности, но избалованный, оставшись послѣ смерти отца на попеченіи матери, сперва былъ очень скромный и благонравный юноша; но, увлеченный своими школьными товарищами, принимаетъ участіе въ ихъ прогулкѣ въ Чамлычу. Тамъ однажды изъ-за занавѣски одного экипажа какая-то красивая особа дѣлала ему знаки, смыслъ которыхъ сперва былъ ему непонятенъ, но когда былъ объясненъ ему пріятелями, то онъ сталъ все думать, думать о видѣнной имъ красавицѣ и вмѣсто того, чтобы идти на другой день на службу, опять отправился въ Чамлычу и прошатался тамъ до вечера. На третій день Али-бей вновь увидѣлъ знакомый экипажъ; ему опять сдѣлали знаки; онъ приблизился, и изъ экипажа вышла дама; оставивъ двухъ служанокъ и кучера въ сторонѣ, она приблизилась къ Али-бею. У этой красавицы были темные какъ соболь волосы, тоненькія брови

зеленые съ крапинами глаза, черныя и длинныя рѣсницы, румяныя по чуть-чуть смуглому матовому фону щеки, прямой остренькій носъ, маленькій ротъ и красныя какъ огонь пухленькія губки (признакъ необыкновенной страстности). Али-бей остолбенѣлъ отъ волненія, а Магъ-Пейкеръ (=Луноликая), какъ звали прекрасную незнакомку, съ развязностью и лукавствомъ опытной французской кокотки, повела съ нимъ рѣчь въ такомъ укоризненномъ родѣ, что какъ будто бы не она, а онъ сдѣлалъ первый шагъ къ ихъ свиданію... „Я не знаю, какъ васъ благодарить!.. Кто же я, чтобы могла быть склонна къ вамъ?!.. Вы хотѣли приласкать бѣдняжку или потѣшиться?.. Ваша раба... ваша раба, я за это благодарна... Бей мой, вѣдь женщины знаютъ своего главу, своего владыку. Мы никогда не смѣемъ увеселяться съ своими эфенди: наше дѣло только служить для ихъ развлеченія"... Сопровождая свои слова разными разсчитанными на неопытность молодого юноши кокетливыми взглядами и жестами, Магъ-Пейкеръ потомъ прямо уже признается ему въ своей страстной любви. „Вотъ я открыла мою душу. Что въ ней есть, я изливаю предъ вами. Вы заставили меня забыть женственность, приличіе. Что еще мнѣ сказать? Я люблю. Что мнѣ дѣлать? Я не въ силахъ совладать съ своимъ сердцемъ. Я люблю больше судьбы своей, больше своего разума, больше всего существа своего, больше жизни своей, больше цѣлаго свѣта, больше грядущей жизни!"... Али-бей упалъ въ обморокъ, потомъ очувствовался и пришелъ въ неизъяснимо-блаженное, поэтичное настроеніе. Такъ они провели два часа въ пріятной любовной бесѣдѣ, при чемъ одинъ былъ сдерживаемъ естественнымъ чувствомъ стыдливости, другая же притворною преданностью. Али-бей говоритъ, что онъ безъ нея жить не можетъ и изъявляетъ готовность немедленно же переговорить объ этомъ съ своей мамашей. Но хитрая Магъ-Пейкеръ останавливаетъ его торопливость и говоритъ, что она не можетъ теперь ни съ кѣмъ изъ мужчинъ связать судьбы своей, но уклонилась отъ объясненія причины, несмотря на настоятельные вопросы Али-бея, а ограничилась только тѣмъ, что попросила его пріѣзжать въ дни гуляній на свиданіе и *братское* препровожденіе времени; посмотрѣла на часы, сказала, что ужь поздно, сѣла въ экипажъ и уѣхала.

Послѣ того у нихъ начались условленныя свиданія, длившіяся съ утра до вечера. Али-бей выбралъ себѣ изъ своихъ сослуживцевъ друга, Атыфъ-бея, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ отводилъ душу, но не только не указывалъ ему на Магъ-Пейкеръ, а даже не называлъ и ея имени. Такъ разъ въ воскресенье Атыфъ-бей приглашаетъ Али-бея поѣхать въ Чамлычу, но Али-бей отказался и сказалъ, что встрѣтится съ нимъ вечеромъ. Повидавшись съ Магъ-Пейкеръ, онъ отпросился у ней идти къ другу, а она тоже удалилась, обѣщавъ минутъ черезъ 20—25 снова вернуться. Пока Али-бей поджидалъ своего друга, подошло нѣсколько пожилыхъ людей, изъ коихъ одинъ былъ большой весельчакъ и острякъ. Али-бей, любитель остроумія, сторонкой-сторонкой вмѣшался въ ихъ разговоръ. Противъ нихъ остановилось нѣсколько экипажей, и компанія начала острить насчетъ сидѣвшихъ въ нихъ дамъ. Но скоро непристойный тонъ этихъ остротъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе на Али-бея. Показался экипажъ Магъ-Пейкеръ. Весельчакъ брюнетъ подбѣжалъ-было къ ней и фамильярно заговорилъ съ ней, но она спустила занавѣску и велѣла экипажу поворотить въ другую сторону. Али-бей завелъ-было ссору съ весельчакомъ Максудомъ-эфенди за фамильярность и непристойность его поведенія относительно Магъ-Пейкеръ. Ихъ рознялъ подошедшій Атыфъ-бей, послѣ объясненія съ которымъ Максудъ-эфенди взялся предостеречь Али-бея отъ увлеченія женщиною предосудительной репутаціи. Али-бей принялъ съ признательностью благіе совѣты и внушенія Максуда-эфенди и рѣшилъ послѣдовать имъ. Но „любовь разомъ приходитъ, да не разомъ проходитъ", и потому Али-бей сталъ

мучиться раздумьемъ, потерялъ аппетитъ и сонъ, страшно измѣнился и сдѣлался самъ на себя не похожъ. Рѣшившись порвать всякія дальнѣйшія связи съ Магъ-Пейкеръ, Али-бей отправляется на послѣднее свиданіе съ ней въ ближайшую пятницу (мусульманскій воскресный день) опять въ Чамлычу. Сметливая Магъ-Пейкеръ сообразила, въ чемъ дѣло и приготовилась. Вопервыхъ она разодѣлась на славу: на ней было бѣлое усѣянное бѣлыми же бутонами платье; на головѣ спереди пришпилена къ волосамъ булавкою съ двумя звѣздами бѣлая гвоздика; на шеѣ было колье въ нѣсколько нитокъ жемчугу съ бриллiантовымъ фермуаромъ; затѣмъ газъ на головѣ, фередже, перчатки и ботинки—все это было подъ цвѣтъ платья; „лицо и станъ напоминали горизонтъ во время свѣтлой утренней зари весною". Али-бей дотого растерялся, ослѣпленный такою красотою Магъ-Пейкеръ, что забылъ заранѣе обдуманную рѣчь и только могъ вымолвить: „Ну, я отъ васъ не ожидалъ"! Магъ-Пейкеръ, напротивъ, съ большою развязностью и внушающею довѣріе напускною искренностью повела рѣчь о своей личности и положеніи: сказала, что она съ дѣтства самымъ своимъ воспитаніемъ повергнута въ тину порока и объ истинной любви порядочныхъ женщинъ не помышляла; но вотъ она увидѣла Али-бея и воспламенилась такимъ чувствомъ любви къ нему, что все только и мечтала о немъ и говорила себѣ: „если молодой человѣкъ не можетъ полюбить подобную мнѣ падшую женщину, то можетъ хоть ради забавы выказать расположеніе; если же мнѣ посчастливится, и я увижу со стороны Али-бея то же ко мнѣ отношеніе, то я буду ему слугой ниже самой послѣдней рабыни въ его домѣ, вѣрнѣе собакъ, что у воротъ его". Дальше Магъ-Пейкеръ расписываетъ то райское блаженство, которое испытывала она, когда познакомилась съ нимъ и имѣла свиданія; а теперь она знаетъ, что онъ и смотрѣть на нее не станетъ, и заявляетъ готовность покориться своей печальной участи. Али-бей растрогался отъ такихъ льстивыхъ рѣчей Магъ-Пейкеръ и говоритъ: „что было, то ушло въ пучину небытія; подумаемъ о дальнѣйшемъ!" и беретъ съ нея слово принадлежать впредь только ему одному. Она, конечно, соглашается и произноситъ цѣлое клятвенное обѣщаніе такого рода: „Будьте увѣрены; если послѣ вашего наказа я покажу лицо свое хоть одному мужчинѣ, если я, кромѣ праздничныхъ дней, когда пріѣзжаю сюда, хоть разъ выйду на улицу, убейте меня! Ей-Богу, послѣ того какъ я столько времени довольствовалась мечтою о васъ, то неужели теперь, достигши вашей ласки, я стану искать кого-нибудь другого?! Но только и вы смотрите! Обдумайте свое положеніе!"... Вечеромъ того же дня Али-бей, сказавши матери, что онъ по важнымъ дѣламъ долженъ ѣхать на дачу къ своему начальнику отдѣленія, отправляется къ Магъ-Пейкеръ.—Идетъ пространное описаніе сада и убранства кіоска Магъ-Пейкеръ въ совершенно турецкомъ вкусѣ съ примѣсью французскаго и также изображеніе разныхъ кокетствъ Магъ-Пейкеръ и нѣжныхъ экстазовъ обоихъ влюбленныхъ, въ промежутки которыхъ собесѣдники подкрѣпляли себя угощеніями, при чемъ Али-бей, искушенный своею подругою, впервые выпилъ водки, запахъ которой ему прежде былъ противенъ. Магъ-Пейкеръ время отъ времени напѣвала восточные романсы, и предъ ея прекраснымъ голосомъ даже соловьи притаили дыханіе.

Съ тѣхъ поръ Али-бей все время проводитъ у Макъ-Пейкеръ, выдумывая разные служебные предлоги для отсутствія изъ дома. Мать смутно замѣчаетъ въ немъ что-то небывалое, но путается въ догадкахъ; хочетъ вывѣдать у Атыфъ-бея и совѣтуется объ этомъ съ двумя тремя рабынями, и когда одна изъ нихъ вызвалась отыскать дачу Атыфъ-бея, мать отъ радости бросилась къ рабынѣ на шею, стала цѣловать ее въ лицо и въ глаза и даже отпустила ее на волю. Потомъ она поѣхала къ Атыфъ-бею. Челядь послѣдняго хоть и не знала ея въ лицо, но уже потому,

что она мать Али-бея, приняла ее радушно, угостила кофе и доложила Атыфъ-бею, который немедленно и вышелъ къ ней въ гостиную. Послѣ краткаго вступленія мать Али-бея повѣдала Атыфъ-бею свою печаль и просила сообщить ей, какъ своей родной матери, причину исчезанія ея сына изъ дома. Атыфъ-бей клянется, божится, что онъ ничего не знаетъ, и совѣтуетъ прибѣгнуть къ опытности Максуда-эфенди, который случайно тоже былъ тогда у Атыфъ-бея. Введенный въ гостиную Максудъ-эфенди сообщаетъ матери Али-бея о томъ, что ея сынъ должно быть попалъ въ когти „проклятой твари", имя которой недостойно чтобы упоминать его въ ея присутствіи, и совѣтуетъ во-1-хъ дѣлать видъ, что ничего не знаютъ о его поведеніи, и во-2-хъ подыскать ему красивую конкубину (джаріé, одалыкъ). Послѣднее средство особѐнно понравилось матери Али-бея, и послѣ трехдневныхъ съ утра до вечера поисковъ по разнымъ домамъ, сопряженныхъ съ большими денежными расходами, ей удалось найдти дѣвушку по имени Диль-Ашубъ, необыкновенной красоты. Между тѣмъ Али-бей цѣлую недѣлю безвыходно пребываетъ у М.-Пейкеръ, предаваясь всяческимъ удовольствіямъ, такъ что ужь она изъ доброжелательства къ нему насилу выпроводила его, взявши съ него слово раньше трехъ сутокъ не приходить къ ней. Возвратившись домой и мимоходомъ увидѣвши въ саду Диль-Ашубъ, Али-бей счелъ ее за гостью. Она ему понравилась, но свѣжія воспоминанія тотчасъ же уносили его въ воображеніи къ М.-Пейкеръ. Мать высказываетъ сожалѣніе, что Али-бей такъ долго и сильно занимается въ департаментѣ, что она его вовсе не видитъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда, когда они съ матерью гуляли и бесѣдовали въ саду, имъ прислуживала Диль-Ашубъ. Али-бей на нее поглядывалъ, но безъ всякой страсти, сколько мать ни старалась дать ему понять свои намѣренія, трактуя съ нимъ объ усталости, причиняемой ему усиленными занятіями и ночевками въ непривычныхъ мѣстахъ, и даже велѣвши Диль-Ашубъ раздѣвать и укладывать спать Али-бея: онъ оставался совершенно равнодушенъ къ красивой одалискѣ. Утромъ, узнавъ о неудачѣ своего плана, мать Али-бея совсѣмъ разстроилась и за кофе начинаетъ расхваливать ему новую одалиску— „что она красива; что у нея хорошія манеры; что она умѣетъ читать и писать; что у нея прекрасный голосъ, и она чудесно играетъ на фортепіано; свѣдующа во всѣхъ вышивальныхъ работахъ, какъ европейскія барышни, и нравомъ точно ангелъ". — „Да, очень хорошо, маменька! Когда меня здѣсь не бываетъ, она васъ будетъ развлекать".—„Мнѣ какое другое развлеченіе, какъ ожидать твоего прихода? Я ее для тебя взяла: мнѣ что дѣлать съ одалиской? Слушай-ка, что я тебѣ скажу. Слава Богу, вѣдь тебѣ скоро будетъ 22 года: пора тебѣ быть отцомъ семейства. Если бы теперь я нашла тебѣ дѣвицу высшаго круга, такъ неужто бы ты не захотѣлъ взять, развѣ бы не было тебѣ пріятно? Неужели цѣлую жизнь будешь мучиться? Вотъ эта... въ домѣ было бы двѣ женщины. А вотъ эта одалиска: что если бы она тебѣ понравилась, тебѣ бы обласкать ее, образовать ее какъ тебѣ хочется, а мнѣ она не нужна: на что мнѣ она? Если она тебѣ не по вкусу, такъ скажи, какого рода красавицу желалъ бы ты: я такую тебѣ и сыщу".—„Нѣтъ, о дѣвушкѣ я ничего не могу сказать: красивѣе даже между хуріями, между ангелами едва ли найдется; но только надобности въ ней нѣтъ. Да и что вамъ за охота такая припала женить меня"?—„Это что за рѣчи! Я ужь старѣюсь, развѣ мнѣ не хотѣлось бы собственными руками возрастить дѣтокъ моего единственнаго сокровища? Вотъ если бы тутъ явился одинъ другой ангелочекъ, развѣ, глядя на личики ихъ, думаешь, не увеличивается жизнь человѣка"?—„Что ваши за года, что вы состарѣетесь? Богъ милостивъ, еще возрастите сколько хотите внуковъ. Вы насладитесь еще больше, чѣмъ желаете: развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ наступитъ конецъ міра что-ли"?!—„Не говори, Алишечка! Коли тебѣ эта дѣвочка понравилась,

то возьми ее къ себѣ въ комнату (ода̀) ради дорогой твоей матери, успокой меня"... Послѣ безплодныхъ увѣщеваній мать наконецъ проговорилась: „А, такъ ради какой-то безпутницы оказывается неудобнымъ то, что желательно твоей матери! Ея чувства попираются ногами, такъ что-ли?" — Тогда Али-бей нагрубилъ матери и ушелъ и разстроенный завернулъ-было опять къ М.-Пейкеръ; но ея не было дома: она должна была уѣхать въ городъ къ нѣкоему Абду-л-Лѣ, у котораго она была на содержаніи.

Этотъ покровитель куртизанки былъ семидесяти слишкомъ лѣтъ старикъ сиріецъ, разбогатѣвшій разными обманами купецъ, скверной наружности и съ слѣдами французской болѣзни, ни къ чему неспособный, и единственно только изъ тщеславія имѣлъ содержанку, которой давалъ 100—200 ливровъ въ мѣсяцъ и съ которой онъ видѣлся четыре или пять разъ въ годъ, находясь постоянно въ отлучкѣ по дѣламъ своимъ. Теперь онъ пріѣхалъ въ Стамбулъ и вызвалъ къ себѣ Магъ-Пейкеръ, которая и думала для этого воспользоваться трехдневнымъ отсутствіемъ Али-бея. Не дождавшись до ночи Магъ-Пейкеръ, Али-бей выпилъ водки, поданной къ столу слугами, и въ страшномъ гнѣвѣ и раскаяніи провелъ всю ночь безъ сна. А Магъ-Пейкеръ заявила своему патрону, что она рѣшилась впредь прервать съ нимъ всякія связи, не смотря на всѣ мольбы, на всѣ льготы, которыя онъ предоставлялъ ей въ теченіе 6 мѣсяцевъ какъ ей угодно жуировать съ беемъ и обѣщалъ не отнимать, а еще увеличить ея содержаніе. Она отринула все, даже ни одного поцалуя не дала ему: передъ ней все время носился образъ любимаго ею Али-бея. Утромъ рано, при первомъ призывѣ муэззиновъ на молитву Магъ-Пейкеръ съ первымъ пароходомъ пріѣхала къ себѣ и нашла Али-бея сидящимъ въ кіоскѣ у окна. Онъ разразился гнѣвомъ, повторяя съ крикомъ вопросъ „гдѣ была?", разругалъ ее и, бросивъ ей въ лицо билетъ цѣнностью въ 400—500 золотыхъ, какъ бѣшеный прибѣжалъ домой, гдѣ мать его и Диль-Ашубъ горевали о его поведеніи. Послѣдняя просто стосковалась по немъ; но Фатыма-ханымъ — такъ звали мать Али-бея — нѣжно уговариваетъ и успокоиваетъ ее. Является Али-бей на себя непохожій, обнимаетъ колѣна матери и рыдаетъ. Мать тоже разрыдалась. Диль-Ашубъ падаетъ въ обморокъ, что̀ въ ней вышло очень мило, благодаря ея непритворству. Мать и сынъ приводятъ ее въ чувство, и она въ этотъ моментъ показалась Али-бею красивѣе Магъ-Пейкеръ. Али-бей раскаивается. Мать радуется, но въ то же время считаетъ этотъ моментъ благопріятнымъ для того, чтобы сочетать его съ Диль-Ашубъ. Поэтому опять расхваливаетъ ему прелести дѣвушки и указываетъ на чувства, которыя она питаетъ къ нему, „сдѣлавъ при этомъ многозначительный жестъ угломъ глаза".—„Если вамъ она понравилась, такъ почему же она не придется мнѣ по вкусу? Я не скрою отъ васъ, что мнѣ нравится ея лицо и характеръ...; но только я не думаю пока еще жениться", сказалъ Али-бей. Фатыма-ханымъ повторяетъ свои прежніе доводы и, рѣшившись добиться своего, сообщаетъ свое рѣшеніе Диль-Ашубъ, которая отъ радости бросается въ ноги къ Фатымѣ-ханымъ и плачетъ отъ стыда; но та успокоиваетъ ее и говоритъ: „Дитя мое, въ этомъ ничего нѣтъ постыднаго: по волѣ Божьей бей твой; коли ты любишь его, то гордись этимъ! Враги твои пусть стыдятся!" Вечеромъ всѣ втроемъ ужинали; Али-бей сидѣлъ по правую руку матери, а Диль-Ашубъ по лѣвую; потомъ погуляли немного въ саду и разошлись—мать въ свою спальню, Али-бей съ Диль-Ашубъ въ его комнату. Молодые люди наслаждаются сожительствомъ. Али-бей исправно ходитъ на службу. Магъ-Пейкеръ увѣрена, что Али-бей вернется къ ней. Но прошло 10 дней, а его все нѣтъ. Она пишетъ ему письмо—отвѣта нѣтъ. Послѣ третьяго письма, въ которомъ она грозитъ покончить съ собою, Али-бей отправляетъ ей съ ея посланнымъ письмо самаго ужаснаго свойства. Магъ-Пейкеръ при-

шла по прочтеніи его въ неистовство, особенно отъ словъ: „Я нашелъ честное хранилище, куда могу довѣрить свое сердце“. Оскорбленная куртизанка хочетъ мстить, обдумываетъ средства для этого и направляетъ свою злобу противъ избранницы Али-бея. Она отправляется къ Абду-л-Лѣ и проситъ его устроить такъ, чтобы разлучить Али-бея съ его одалиской, за что обѣщаетъ принадлежать ему одному до тѣхъ поръ, пока она достигнетъ своей цѣли. Абду-л-Ла съ готовностью берется за это, только проситъ ее провѣдать о какомъ-нибудь подозрительномъ поступкѣ Диль-Ашубъ или о какой-нибудь невидной примѣтѣ на ея тѣлѣ и сообщить ему, а онъ ужь знаетъ, что сдѣлать. М.-Пейкеръ за этотъ совѣтъ взасосъ поцаловала Абду-л-Лу въ гнилой его ротъ. Начавъ слѣдить за Диль-Ашубъ, М.-Пейкеръ встрѣтила ее въ банѣ и примѣтила, что у нея на животѣ два родимыхъ пятнышка; а одна сплетница, вхожая подъ предлогомъ торговли въ домъ Али-бея, донесла о томъ, что Али-бей засталъ Диль-Ашубъ, когда она записывала недавнія пріятныя воспоминанія, но изъ стыдливости не показала ему и изорвала бумагу. Получивъ эти два факта, Абду-л-Ла черезъ шпіоновъ узнаетъ, что въ ближайшую пятницу Али-бей поѣдетъ въ Чамлычу, и отправляется туда съ своимъ кліентомъ, молодымъ человѣкомъ Пэртэвъ-агой. М.-Пейкеръ тоже поѣхала и, замѣтивъ Али-бея, такъ помѣстилась въ своемъ экипажѣ, чтобы видѣть и слышать все, что должно было произойдти тамъ. Абду-л-Ла и Пэртэвъ-ага, сѣвши на скамью неподалеку отъ Али-бея, заводятъ громкій разговоръ со скабрезными намеками на Диль-Ашубъ, какъ на доступную всѣмъ проститутку, недавно попавшую къ *какому-то Али-бею*, причемъ они пользуются вышеприведенными данными о письмѣ и родимыхъ пятнахъ. Уязвленный такимъ разговоромъ, Али-бей, вдругъ оборотившись, встрѣчается взорами съ неистово хохочущею М.-Пейкеръ. Вѣшеный воротился онъ немедленно домой, какъ звѣрь бросился на бѣдную и ни въ чемъ неповинную Диль-Ашубъ, схватилъ ее за волосы и, крича неистовымъ голосомъ: „Кому ты показывала свои родимки, распутница?!... кому писала пригласительныя письма, проклятая?!“..., такъ ударилъ ее головой объ стѣну, что у нея изо рта и изъ носу хлынула кровь, и она грохнулась на-земь; а онъ, грубо оттолкнувъ думавшую-было вступиться мать, принялся царапать и терзать Диль-Ашубъ. Мать подняла вопли и рыданія. На крикъ сбѣжались служанки и положили изнемогшаго и впавшаго въ безпамятство бея на кровать, а Диль-Ашубъ отнесли въ другую комнату. Позвали доктора. Съ Али-беемъ сдѣлалась горячка. Мать его и Диль-Ашубъ ухаживаютъ за нимъ; онъ, очнувшись, опять хотѣлъ-было броситься на Диль-Ашубъ, но былъ удержанъ докторомъ. Ища психической причины болѣзни и разспросивъ мать, докторъ требуетъ удаленія изъ дома Диль-Ашубъ. Али-бей же, какъ только очувствовался немного, тотчасъ послалъ за эсирджи (= работорговцемъ). Эсирджи говоритъ, что покупщикъ найдется; но что товаръ-то съ изъяномъ. Тогда Али-бей произноситъ цѣлый рядъ самыхъ непозволительныхъ вещей насчетъ Диль-Ашубъ и велитъ продать ее за сколько дадутъ. Фатыма-ханымъ изъ материнской любви къ Диль-Ашубъ успокоиваетъ ее, ложно сказавъ ей, что она пошлетъ ее на нѣсколько дней погостить къ одной своей старой знакомой. Диль-Ашубъ была готова ради блага Али-бея пойдти хоть на тотъ свѣтъ, уходя однако же принималась нѣсколько разъ рыдать и падать въ обморокъ. Али-бей же, не смотря на слабость, добрался до окна и ждалъ ухода ненавистной любовницы, отчего горячка усилилась; но онъ, прохворавъ 15 дней, потомъ сталъ поправляться и выздоровѣлъ, благодаря уходу матери, которая все время почти не спала, закалала жертвы, раздавала милостыню за его здоровье. Эсирджи же привелъ Диль-Ашубъ къ Магъ-Пейкеръ, которая произноситъ ни въ чемъ неповинной Диль-Ашубъ цѣлую жестокую рѣчь и велитъ ей переодѣться въ рабочее платье. Несчастная женщина,

сперва не понимавшая своего новаго положенія, потомъ уразумѣла его и грохнулась въ обморокъ. Ее приводятъ въ чувство эсирджи и М.-Пейкеръ—одинъ изъ опасенія потерять деньги, другая—изъ опасенія потерять объектъ мести. Эсирджи получаетъ деньги и уходитъ. М.-Пейкеръ всячески издѣвается надъ Диль-Ашубъ, которая еще болѣе бѣситъ свою госпожу своею кротостью и цѣломудренностью, такъ что та готова была бросить ее въ колодезь или выкинуть изъ окна на улицу. Между тѣмъ Али-бей, не будучи въ силѣ истребить въ себѣ чувство любви къ Диль-Ашубъ, хотя и соединенное въ немъ съ бѣшеною ревностью и злобою къ ней за ея мнимую измѣну ему, впадаетъ теперь въ ипохондрію, предается пьянству, азартной игрѣ, разгулу, отшатнувшись отъ друзей, изъ которыхъ одинъ—Атыфъ-бей уѣхалъ на службу въ провинцію, а другой — Максудъ-эфенди удалился отъ него, чтобы не слышать несправедливыхъ его упрековъ. Мать Али-бея думаетъ, что его сглазили, ходитъ ко всевозможнымъ шарлатанамъ, тратя на ворожбу свое состояніе, что, вмѣстѣ съ разгуломъ и пьянствомъ ея сына, доводитъ ее до совершеннаго разоренія. Распустивъ рабынь и съ однимъ лишь вольноотпущеннымъ арапомъ да съ нѣсколькими старыми коврами и кострюльками она таскалась по наемнымъ угламъ, потомъ захворала и умерла. Безпутный же сынъ только укоралъ мать и не былъ даже на ея похоронахъ, которыя справилъ ея вольноотпущенникъ, выручившій изъ оставшихся послѣ нея вещей 70—80 піастровъ. Максудъ-бей описалъ бѣдственное положеніе Али-бея его другу Атыфъ-бею, и тотъ выслалъ ему чекъ на 1000 піастровъ, которые онъ сейчасъ же спустилъ въ кабакахъ и игорныхъ домахъ. А М.-Пейкеръ все продолжала горѣть страстью къ Али-бею, и ей опять хотѣлось бы овладѣть имъ. Съ этою цѣлью послушный ей Абду-л-Ла отыскалъ какъ орудіе для этого одного забулдыгу, который знакомится съ Али-беемъ и цѣлую недѣлю водитъ его по кабакамъ; наконецъ приглашаетъ его на оргію съ участіемъ женщинъ въ одномъ пустомъ домѣ у Адріанопольскихъ воротъ. Въ самый разгаръ кутежа появляется М.-Пейкеръ, разряженная донельзя, садится возлѣ Али-бея и заводитъ съ нимъ рѣчь въ укоризненно-примирительномъ тонѣ; но онъ обругалъ ее и ушелъ. Послѣ этой неудачной попытки къ примиренію, М.-Пейкеръ въ изступленіи идетъ къ своему Абду-л-Лѣ, разсказываетъ ему случившееся и требуетъ ни болѣе, ни менѣе какъ извести Али-бея. Патронъ ея и въ этомъ не отказываетъ ей. Для этого онъ поручаетъ своимъ клевретамъ зазвать Али-бея на пирушку въ кіоскъ одного уединеннаго сада въ Скутари. М.-Пейкеръ желала быть зрительницею казни своего врага и тоже заранѣе забралась въ кіоскъ, взявши съ собой и Диль-Ашубъ. Убійство долженъ былъ совершить одинъ хорватъ, которому М.-Пейкеръ даетъ нѣсколько наставленій и кошелекъ съ золотомъ. Диль-Ашубъ слышитъ изъ сосѣдней комнаты ихъ разговоръ и рѣшается спасти Али-бея, который, прійдя въ кіоскъ, сейчасъ же напился водки. Улучивъ благопріятную минуту, когда зазвавшій Али-бея предатель ушелъ будто бы за женщинами, Диль-Ашубъ уговариваетъ его вылѣзть въ окошко на улицу, предупреждая, что его жизнь въ опасности. Пьяный Али-бей тоже слышитъ чьи-то подозрительные голоса и немедленно спускается съ помощью Диль-Ашубъ; а она надѣваетъ оставленное Али-беемъ пальто и, завернувшись въ него, ложится, предавшись горестнымъ чувствамъ. Тогда хорватъ, принявъ ее за Али-бея, всадилъ ей ножъ въ сердце. Али-бей же, попавшись полицейскому патрулю, долженъ былъ разсказать о своемъ приключеніи. Офицеръ пригласилъ въ понятые приходскаго имама и почетныхъ лишь квартала, и всѣ отправились къ указанному Али-беемъ саду и кіоску. Услышавъ необычайный шумъ, хорватъ спряталъ М.-Пейкеръ въ одномъ шкафу и самъ тоже куда-то скрылся. Выломали дверь и нашли смертельно раненную Диль-Ашубъ, которая на моментъ открыла глаза и съ ясною улыбкою на лицѣ сказала цѣлую длинную

рѣчь Али-бею, въ рыданіяхъ цѣловавшему ей лицо и руки; крѣпко обняла его и испустила духъ. Видѣвшая всю эту сцену М.-Пейкеръ выходитъ изъ своей засады и издѣвательски разсказываетъ Али-бею, что вся исторія произошла по ея милости, и смѣется надъ его недогадливостью. Али-бей въ ярости схватилъ ножъ, которымъ была зарѣзана Диль-Ашубъ, повалилъ М.-Пейкеръ на-земь, вскочилъ ей на грудь и, не взирая на ея вопли и мольбы, закололъ ее. Когда разсыпавшіеся въ поискахъ полицейскіе и понятые, схвативъ на улицѣ хорвата, собрались въ кіоскѣ и увидѣли кровавую сцену, Али-бей разсказалъ совершившееся въ ихъ отсутствіе и отдалъ себя въ руки правосудія. Всѣ присутствующіе рыдаютъ, особенно случившійся тутъ также Максудъ-эфенди, который оправдывалъ „несчастное дитя", Али-бея, и съ презрѣніемъ попиралъ ногами трупъ М.-Пейкеръ. Али-бея уводятъ. Максудъ-эфенди похоронилъ Диль-Ашубъ подлѣ Фатимы-ханымъ. Хорватъ умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ ему при поимкѣ. Абду-л-Ла, услышавъ о происшествіи, съ испугу разбитъ до смерти параличомъ. Али-бей сидитъ въ тюрьмѣ, съ дозволенія начальства ходитъ проливать слезы надъ могилой матери и Диль-Ашубъ и наконецъ съ горя тоже черезъ шесть мѣсяцевъ умираетъ: „извѣстно, что позднее раскаяніе не приноситъ пользы", сказано въ концѣ романа.

Очевидно, что въ этомъ романѣ много ходульности, и часто недостаетъ естественности: все дѣлается вдругъ и безъ ясной причины: отчего Али-бей влюбляется въ М.-Пейкеръ, а она въ него; почему Диль-Ашубъ страстно привязывается къ Али-бею—все это темно для насъ. Не ясны и отношенія стараго Абду-л-Лы къ М.-Пейкеръ. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ одна женщина является въ романѣ свободною куртизанкою, а другая—продажною рабынею, и т. д. Затѣмъ въ романѣ больше разсказовъ и описаній, чѣмъ сценъ и разговоровъ: видимо, что на это еще не хватаетъ даже у первокласснаго турецкаго романиста наблюдательности и изобрѣтательности. Зато очень много патетическихъ рацей и восклицаній. Сцена бросанія Али-беемъ въ лицо М.-Пейкеръ денежнаго билета, очевидно, заимствована изъ романа «La dame aux camélias». Все же однако романъ интересенъ тѣмъ, что изображаетъ намъ нѣкоторыя стороны внутренняго быта турецкаго общества съ его понятіями и воззрѣніями. Понашему безпутный шалопай, Али-бей съ какою-то удивительною наивностью не разъ называется въ романѣ «благовоспитаннымъ дитяткомъ», а маменька его, все время играющая роль весьма неблаговидной посредницы между двумя молодыми людьми, представляется самымъ добрѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Она закалаетъ жертвы и раздаетъ милостыню за здоровье своего хвораго сынка, но ей и въ голову не приходитъ мысль о варварствѣ продажи въ рабство неповинной въ озорствѣ ея сына дѣвушки, безпредѣльная покорность которой и преданность безпутному мальчишкѣ возводится въ идеалъ въ романѣ. Хотя авторъ, искренно или притворно, выражаетъ симпатію къ явленіямъ и лицамъ, недостойнымъ нашей симпатіи, но великая заслуга его заключается уже въ правдивости изображенія турецкой жизни, что́ несравненно

выше допотопныхъ ханжескихъ богословскихъ словоизверженій или мистико-порнографическихъ высокопарныхъ эмблемъ, въ которыхъ иногда не отличить дѣйствительнаго отъ сумасброднаго. Правда, и въ описаніяхъ Кемаль-бея еще сильно фигурируютъ роза и соловей, луна и звѣзды, хури и пэри, а въ дѣйствіяхъ его героевъ не мало таинственно-скоропостижнаго, но все же кто прочтетъ его романъ, тотъ непремѣнно вынесетъ извѣстное впечатлѣніе, смотря по своему нравственному міросозерцанію: турки—умилительное, европейцы—отталкивающее; но и тѣ и другіе могутъ объективно созерцать то, что имъ кажется умилительнымъ или отвратительнымъ; нравственная же оцѣнка придетъ сама собою. Не думаемъ однако же, чтобы турецкія барышни плѣнились участью Диль-Ашубъ, сколь ни идеализована она въ романѣ; едва ли и въ турецкомъ обществѣ поведеніе матери Али-бея будетъ признаваться достойнымъ истинной матери. Чтобы вѣрно судить о подобныхъ безнравственныхъ основахъ турецкаго общества, необходимо объективное художественное изображеніе его, а то сами турки беззастѣнчиво морочатъ другихъ, расхваливая свою жизнь; европейцы же, не зная этой жизни, наивно вѣрятъ имъ и нерѣдко умиляются. Поэтому заслуга турецкихъ писателей въ родѣ Кемаль-бея передъ лицомъ истины едва ли можетъ быть оспариваема. О красотахъ же его стиля, изъ которыхъ мы видимъ, какъ османскій языкъ можетъ перерабатывать, претворять въ себя чуждые элементы, напримѣръ чрезъ употребленіе арабскихъ словъ въ новыхъ, своеобразныхъ значеніяхъ и чрезъ расширеніе примѣненія нѣкоторыхъ османскихъ грамматическихъ формъ и оборотовъ, или пользоваться архаизмами, объ этомъ могутъ судить только тѣ, кто въ состояніи читать романъ въ подлинникѣ, а другимъ растолковать это трудно.

Романъ Кемаль-бея Джезми содержитъ въ себѣ разсказъ о романическихъ приключеніяхъ одного изъ Крымскихъ Гиреевъ въ плѣну у персидскаго шаха. Главные факты взяты изъ исторіи; частности принадлежатъ творческой фантазіи автора. Разсказъ довольно живой и обнаруживаетъ прогрессъ въ творчествѣ Кемаля; но, къ сожалѣнію, романъ не оконченъ.

Что касается до драматическихъ піесъ Кемаль-бея, то онѣ совершенно въ стилѣ подобныхъ произведеній нашихъ драматурговъ прошлаго столѣтія — Сумарокова, Озерова, и т. п.: недостатокъ естественности въ завязкѣ дѣйствія и движенія въ немъ, обиліе случайностей, длинные монологи, неясность внутреннихъ мотивовъ тѣхъ или другихъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ, неумѣстная и невѣроятная сантиментальность — вотъ преобладающія свойства піесъ не только Кемаль-бея, но и другихъ новѣйшихъ турецкихъ драматурговъ. Зато въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очень много патріотическаго паѳоса, каковы,

напримѣръ, піесы Кемаль-бея Ватанъ яхо̀дъ Силистра, сюжетъ которой взятъ изъ исторіи Крымской кампаніи, и Дона яходъ зефэръ, на тэму изъ послѣдней Восточной войны. Содержаніе первой изъ названныхъ піесъ подробно изложено въ моей статьѣ «Турецкая цивилизація» [1]). Въ турецкихъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что Кемаль-бей написалъ еще одну драматическую піесу, подъ заглавіемъ Анадолу кёйлери=«Анатольскіе мужики», за которую онъ будто бы получилъ отъ султана особенную награду, но только она не появлялась въ печати. Вообще надо замѣтить, что въ драматической отрасли новѣйшей турецкой литературы имѣются лучшіе образцы, принадлежащіе перу другого современнаго виднаго литературнаго дѣятеля, а именно Абу-Зыя-Тэуфикъ-бея.

Живой и привѣтливый съ виду, Абу-Зыя-Тэуфикъ-бей принадлежитъ къ одной группѣ съ Ахмедъ-Мидхатомъ и Кемаль-беемъ и также былъ одно время подъ опалою. Это, вѣроятно, обстоятельство и породило въ немъ черту не то чтобы скрытности, но опасливой осторожности въ обращеніи съ людьми не его круга, а слѣдовательно и съ иностранцами. Не касаясь, впрочемъ, его личности, мы должны сказать, что литературные труды его также довольно многочисленны и преимущественно преслѣдуютъ цѣль ознакомленія соотечественниковъ автора съ европейскою цивилизаціею и возбужденія ихъ къ самодѣятельности и развитію въ культурномъ направленіи. Въ этихъ видахъ онъ предпринялъ и продолжаетъ изданіе подъ заглавіемъ Кютубъ-ханэи мушаги́ръ = «Библіотека знаменитостей», т.-е. сборникъ біографій великихъ или просто чѣмъ-либо замѣчательныхъ людей европейскаго и азіатскаго міра, каковы Галилей, Гуттенбергъ, Наполеонъ Бонапартъ, Гарунъ Аррашидъ, и др.; уже напечатано свыше 80 біографій. Сюда вошли также и біографіи извѣстныхъ женщинъ, каковы Клеопатра, г-жа Дю-Барри, Марія Стюартъ, и др. Нечего и говорить, что главнѣйшимъ источникомъ для всѣхъ этихъ очерковъ служили Абу-Зыя-Тэуфику свѣдѣнія, заключающіяся въ европейскихъ литературахъ; а бросающаяся въ глаза безсистемность въ выборѣ сюжетовъ для нихъ указываетъ на отсутствіе у Тэуфикъ-бея яснаго представленія о томъ, что̀ можно считать великимъ, и что̀ — только любопытнымъ и занимательнымъ, хотя и не имѣющимъ никакого важнаго, мірового значенія.

Другой подобный же сборникъ Тэуфикъ-бея, вышедшій уже въ четырехъ томахъ, заключаетъ въ себѣ статьи популярно-научнаго и современно-общественнаго содержанія. Имъ же предпринято еще изданіе избранныхъ сочиненій его знаменитаго литературнаго собрата, вышеупомянутаго Кемаль-бея.

[1]) Вѣстникъ Европы, августъ и сентябрь 1876 года.

Но наибольшую извѣстность стяжалъ себѣ Тэуфикъ-бей своею драматическою піесою подъ заглавіемъ Эджеликаза = «Роковая смерть», необыкновенный успѣхъ которой на стамбульской сценѣ, говорятъ, будто бы и навлекъ на него немилость отоманскаго правительства, хотя, по правдѣ сказать, успѣхъ этотъ надо приписать не столько высокимъ внутреннимъ достоинствамъ піесы, сколько скорѣе новости самаго дѣла — появленія драматическихъ произведеній и сценическихъ представленій, о чемъ прежде турки не имѣли понятія до недавняго времени, когда у нихъ завелось то и другое въ подражаніе гяурамъ-европейцамъ.

Такъ какъ страсть къ лицедѣйству вообще присуща всѣмъ людямъ и народамъ по самой уже натурѣ ихъ, то и у турковъ существовало нѣкоторое подобіе сценическаго искусства и творчества — это есть кукольный театръ, именуемый у нихъ карагöзъ и разыгрываемый, наманеръ китайскихъ тѣней и нашего петрушки, обыкновенно однимъ какимъ-нибудь искуснымъ балагуромъ, орудующимъ цѣлою коллекціею каррикатурныхъ профильныхъ фигуръ изъ толстой выглаженной сыромятной кожи, дающихъ крупныя тѣни на транспарантѣ, который скрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ зрителей и самаго комедіанта — карагöзджи. Мѣстомъ воображаемаго дѣйствія обыкновенно служитъ или кофейня, или деревенская хижина, или даже корабль. Дѣйствующія лица, изображаемыя куклами, суть Карагöзъ, являющійся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; его спутникъ и личарда Хаджи-Эйвадъ; затѣмъ Бекри-Мустафа, простой пьяненькій заблудившійся мужикъ; жидъ-купецъ изъ Салоникъ; дервишъ, танцовщицы и иныя женщины, негръ съ мандолиной, простой жидъ, кавасъ, курдъ, франкъ, опіумоѣдъ, и др. Главный интересъ кукольной комедіи сосредоточивается на Карагöзѣ и отчасти на Хаджи-Эйвадѣ, выдѣлывающихъ разныя кривлянья подъ аккомпанементъ прискавокъ комедіанта въ формѣ то монолога, то разговора, то куплетовъ. Въ жестахъ Карагöза болѣе или менѣе преобладаетъ циническая скабрёзность, какъ оно и должно быть, судя по пріапическому стилю самой фигуры Карагöза. Сообразно съ этимъ и текстъ комедіантскихъ импровизацій переполненъ остротами самаго нецензурнаго свойства и неудобными къ передачѣ ихъ на другіе языки; преобладающее остроуміе ихъ построено все на примитивныхъ каламбурахъ, какимъ тѣшатъ у насъ масляничную публику карусельные дѣды. Не смотря на формальный запретъ печатать эти фарсы, изданія ихъ конфиденціально циркулируютъ въ турецкой публикѣ, которая страстно любитъ карагöзскія комедіи, обыкновенно разыгрываемыя въ праздникъ рамазана въ кофейняхъ, а въ частныхъ домахъ богатыхъ людей тоже по праздникамъ или на свадьбахъ, гдѣ зрителями бываютъ не одни только мужчины, захлебы-

вающіеся отъ восхищенія порнографическимъ содержаніемъ этихъ комедій, а даже, говорятъ, и турецкія матроны, мнимая *прюдность* которыхъ оберегается харемными рѣшетками-жалюзи въ домахъ и лицевыми яшмаками (вуалями) на улицахъ *).

Понятно, что при существованіи вкуса къ подобнымъ представленіямъ театръ и драма въ европейскомъ вкусѣ не могли сразу привиться въ Турціи на полныхъ правахъ, какими они пользуются въ Европѣ. Театральная антреприза держится стамбульскими армянами; актеры— говорящіе потурецки армяне и армянки, да и посѣтители театровъ больше все же не чистокровные турки, а тѣмъ паче—помилуй Богъ!— не турчанки. Самые театры—скорѣе суть временные балаганы—одинъ на азіатской сторонѣ Босфора, а другой гдѣ-то въ Перѣ или Галатѣ, въ захолустномъ кварталѣ съ нетурецкимъ населеніемъ. Репертуаръ составляютъ больше все переводныя или передѣланныя съ французскаго піесы. Но ретивость турецкихъ писателей новѣйшей формаціи не остановилась передъ трудностью ихъ положенія и равнодушіемъ большинства османской публики: они продолжаютъ сочинять драматическія піесы, которыя, безъ сомнѣнія, скорѣе предназначаются для чтенія образованныхъ а-ла-франка турковъ, нежели для постановки на сценѣ и разыгрыванія ихъ туркообразными армянами. Особенно плодовитъ оказался по этой отрасли литературы Ахмедъ-Мидхатъ-эфенди. Изъ множества переведенныхъ и передѣланныхъ имъ французскихъ піесъ вособенности одобряется драма Ахзи саръ=«Отмщеніе» и комедія Ачикъ башъ = «Простоволосый»; изъ оригинальныхъ же драмъ Зейбеклеръ = «Зейбеки». Затѣмъ сравнительно больше другихъ пишетъ Хамди-бей, Рифъатъ-бей, и др. Кромѣ того, есть не мало безъимянныхъ произведеній въ драматическомъ родѣ. Въ числѣ переводныхъ встрѣчаются всякія, начиная отъ комедій Мольера, въ родѣ «Жоржъ Данденъ», и новѣйшей французской оперетки въ родѣ «Жирофле-Жирофля», и кончая «Горемъ отъ ума» нашего Грибоѣдова, въ переводѣ бѣглаго черкеса Мухаммедъ-Мюрадъ-бека, подъ турецкимъ заглавіемъ Акылданъ бэля.

Не говоря уже о піесахъ передѣланныхъ, а даже и сколько-нибудь самостоятельные драматическіе опыты турецкихъ авторовъ всѣ отражаютъ на себѣ слѣды вліянія старомодной манеры французскихъ писателей

*) Какой-то Джаксонъ съ своей пустой статейкѣ „Le thêatre Ottoman“ (газета Osmanli“, № 123, 1881 г.), говоритъ, что „Karagheuz et ses trivialités ont été délaissés dès longtemps“, а тѣмъ болѣе будто бы „ce genre de spectacle n'a jamais fait les délices de la société policée turque“. Но ложность этой льстивой апологетики несомнѣнна для всѣхъ знакомыхъ съ нравами современнаго турецкаго общества: помимо другихъ данныхъ, мы можемъ сослаться на свидѣтельство г. Лушана, которое онъ даетъ въ своей недавно напечатанной статьѣ: „Das Türkische Schattenspiel“ (Internationales Archiv für Ethnographie, Band II, 1889, ss. 8—9).

прошлаго столѣтія, хотя въ нѣкоторыхъ и замѣтно стремленіе придать піесамъ восточную національную окраску изображеніемъ сценъ турецкаго быта и типовъ турецкаго общества. Въ этомъ духѣ написаны, напримѣръ, піесы Ики ахбабъ чаушъ = «Два пріятеля чауша», Пакъ даменъ = «Невинная», Тэдбирдэ кусуръ = «Недостатокъ распорядительности», Кагриманъ - кызъ = «Дѣвушка - героиня», Каба биръ адэмъ = «Грубый человѣкъ», Гевэзэ-бербэръ = «Болтунъ-цирюльникъ», и др. Существуетъ даже цѣлый сборникъ драматическихъ произведеній, переводныхъ и оригинальныхъ, именуемый Тэмаша=«Зрѣлище», изданный сообща Хысанъ-Бедръ-эд-Диномъ и Мухаммедъ-Рифъатъ-беемъ. Чтобы дать болѣе или менѣе ясное представленіе о драмѣ въ современномъ турецкомъ вкусѣ, познакомимъ съ упоминавшейся выше трагедіей Эджели каза=«Роковая смерть», соч. Абу-Зыя-Тэуфикъ-бея, сюжетъ которой взятъ изъ провинціальной жизни.

Первое дѣйствіе происходитъ въ домикѣ привратника внутренняго двора женской половины эрзерумскаго дворца. Ночь. По комнатѣ ходитъ, вздыхая и громко жалуясь на тяжесть ожиданія, молодой Пэртэвъ-бей, сынъ предводителя одного изъ окрестныхъ племенъ. Это и есть герой трагедіи; онъ ожидаетъ свою возлюбленную Ніъметъ, дочь эрзерумскаго паши, которая любитъ его тайно отъ отца, ненавидящаго Пэртэва и собирающагося выдать ее за своего племянника Нуъманъ-бея. Но до сихъ поръ влюбленные не знаютъ еще этого и питаютъ надежду устроить свое счастіе мирнымъ путемъ. Вмѣсто Ніъметъ является однако неожиданно для Пэртэва его другъ Фазиль-бей. Его усталый, измученный видъ и блѣдное лицо пугаютъ Пэртэва, и онъ проситъ его объяснить, что̀ случилось. Вмѣсто отвѣта Фазиль-бей начинаетъ въ горячихъ выраженіяхъ упрекать Пэртэва за то, что благодаря его великодушію остался въ живыхъ его же злѣйшій врагъ погубившій почти всю его родню, кровожадный какъ лютый тигръ, эрзерумскій паша; что онъ, этотъ паша, попавшій уже во власть его дротика, пощаженъ имъ лишь потому, что Пэртэвъ любитъ его дочь. „А что, если", говоритъ онъ, „отецъ твой въ окровавленномъ саванѣ явится тебѣ во снѣ и скажетъ: „Прекрасно! я былъ причиною твоего существованія, а ты сталъ причиною существованія моего убійцы"!—что тогда? съ какимъ сердцемъ будешь ты послѣ этого жить на свѣтѣ?" Пэртэвъ говоритъ, что его жизнь тоже зависѣла отъ паши, и онъ ее пощадилъ. —„Это только на время", возражаетъ Фазиль: „и до тебя онъ доберется; но ты и тогда тоже не противься", иронизируетъ онъ: „какъ бы онъ ни нарушалъ божескія заповѣди, сколько бы ни дѣлалъ угнетеній — это все равно; даже если и на твою жизнь онъ направитъ свои замыслы, ты смотри не сопротивляйся: не то имя тебѣ будетъ бунтовщикъ, заговорщикъ; относительно тебя будетъ изданъ приговоръ, какъ о возмутившемся противъ правительства, смертные будутъ писаться приговоры!"...—„Ну, а что бы вышло изъ того, если бы я его убилъ?" говоритъ Пэртэвъ.. Ну да, онъ бы получилъ должное возмездіе; ну да, онъ бы весь въ крови сошелъ въ могилу... Но онъ съ честью, почетно ушелъ бы изъ этой жизни! Его саванъ, запятнанный кровью, запачкалъ бы полы платья моего безпорочнаго имени!.. Его назвали бы мученикомъ, а меня — убійцей!.. Что-же мнѣ дѣлать? Судьба опутала меня цѣпью несчастій, и мнѣ нельзя свергнуть ее съ себя; даже если всѣ огни преисподней предстанутъ предо мною, я ни на минуту не смогу съ нею

разстаться. Ну да что за бѣда! Пусть все, что я ни переношу, будетъ ради Ніъметъ!"—Тогда-то, наконецъ, Фазиль сообщаетъ Пэртэву, что завтра назначена свадьба Ніъметъ съ Нуъманъ-беемъ. Это извѣстіе страшно поражаетъ Пэртэва. Не успѣваетъ онъ еще опомниться отъ этого, какъ въ глубинѣ сцены появляется Ніъметъ съ своей няней Табиндэ. Фазиль уговариваетъ своего друга успокоиться и деликатно удаляется, чтобы не мѣшать свиданію влюбленныхъ, но уходитъ не совсѣмъ, а скрывается въ сосѣдній ровъ, чтобы въ случаѣ нужды явиться на зовъ друга. Пэртэвъ тщетно уговариваетъ его идти домой и не ждать его подъ открытымъ небомъ въ такую холодную, снѣжную ночь; увѣщанія его не дѣйствуютъ, и Фазиль настаиваетъ на своемъ. Ніъметъ отсылаетъ няню, и они остаются вдвоемъ съ Пэртэвомъ. Ніъметъ вся отдается радости свиданья, на которое она явилась подъ страшнымъ рискомъ быть пойманной грознымъ отцомъ. „Чего мнѣ бояться?", говоритъ она: „развѣ могутъ придумать бо̀льшее мученіе противъ того, чтобы не видѣться съ тобою?!" Но Пэртэвъ, разстроенный сообщенной ему Фазилемъ новостью, охлаждаетъ ея страстный порывъ, указывая на неблагоразуміе съ ея стороны любить его, бѣднаго кочевника, безъ слугъ, рабынь, безъ почета, безъ власти, однимъ словомъ неровню.—„Ну, что жь, такое?", возражаетъ ему однако Ніъметъ, — „ну что же въ томъ, господинъ мой, бей мой, что ты ничѣмъ не владѣешь? Тутъ бѣды еще нѣтъ: ты мною будешь владѣть, и я буду твоей служанкой, твоимъ рабомъ. Можетъ ли для меня быть счастіе выше того, какъ быть съ тобою? Что почетнѣе какъ не служить тебѣ?". Но Пэртэвъ не можетъ успокоиться; онъ волнуется все болѣе и болѣе и, наконецъ выхвативъ кинжалъ, хочетъ даже покончить съ собою, чтобы хоть этимъ прекратить и свои и ея страданія. Онъ только тогда бросаетъ кинжалъ, когда Ніъметъ въ отчаяніи говоритъ ему со слезами, что вѣрно она ужь очень надоѣла ему, коли онъ хочетъ даже цѣною жизни избавиться отъ нея. Теперь Пэртэву приходитъ чередъ успокоивать ее ласками и нѣжными именами, и это скоро удается ему, но опять не надолго. Ніъметъ, зная о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, думаетъ, что завтра ее выдаютъ именно за Пэртэва; а онъ говоритъ ей, что ихъ свадьбѣ не бывать, и Ніъметъ снова приходитъ въ отчаяніе, увѣренная, что это онъ самъ не соглашается на свадьбу. Тогда Пэртэвъ поневолѣ сообщаетъ ей истину, и она переноситъ свои упреки на отца, обвиняетъ его въ жестокости; говоритъ, что ей дурно, что у ней въ глазахъ темнѣетъ; что она сейчасъ умретъ, и бросается, рыдая, въ объятія Пэртэва. „Сюда, бей мой", восклицаетъ она; „дай мнѣ взглянуть на твое лицо! Ахъ, Пэртэвъ, ахъ! Вѣдь эдакъ лучше смерть! Разлука такъ тяжка! Господи, вотъ два сердца любятъ одно другое,—неужели Ты дашь имъ соединиться лишь въ могилѣ, разлучивъ ихъ на этомъ свѣтѣ?! Пэртэвъ! Я умру: не перенесу потери тебя". Пэртэвъ тщетно старается утѣшить и успокоить ее; оба они въ страшномъ отчаяніи и не знаютъ, что дѣлать, какъ вдругъ раздается стукъ въ дверь, и входитъ Фазиль-бей. Онъ обѣщаетъ непремѣнно устроить имъ ихъ дѣло и проситъ только Ніъметъ прислать къ нему завтра Табиндэ. Но какимъ образомъ онъ думаетъ имъ помочь, этого онъ не объясняетъ. Въ это время входитъ и Табиндэ, напоминая, что уже время вернуться домой. Тутъ происходитъ такая тяжелая сцена прощанья, можетъ быть въ послѣдній разъ, какъ говоритъ Ніъметъ, что Фазиль наконецъ восклицаетъ: „Да перестаньте, же: вѣдь надо же, чтобъ у меня хоть немного осталось разсудка въ головѣ обдумать все, что надо!"... Послѣ ухода Ніъметъ Пэртэвъ продолжаетъ жаловаться на судьбу, преслѣдовавшую его отъ колыбели. „Что смерть? адъ—и тотъ въ тысячу кратъ лучше такой жизни!" Фазиль ободряетъ его, говоря, что завтра они похитятъ Ніъметъ и убѣгутъ съ нею къ единоплеменникамъ Пэртэва, гдѣ ужь паша имъ не опасенъ. Но планъ бѣгства вовсе не

нравится Пэртэву: онъ не хочетъ жертвовать репутаціей своей возлюбленной, и здѣсь ясно обнаруживается разница въ воззрѣніяхъ двухъ друзей на любовь Фазиль говоритъ, что послѣднія слова Пэртэва не подобаютъ влюбленному. „Любовь, я знаю“, говоритъ онъ, „всевластна: разъ она заняла мѣсто въ чьемъ-либо сердцѣ, она не оставляетъ тамъ уже болѣе мѣста ни для чего, кромѣ себя, или ужь сама исчезаетъ вовсе“. — „Нѣтъ“, возражаетъ Пэртэвъ, „правда, что дороже любви на свѣтѣ ничего нѣтъ, но если она станетъ направлять меня на нечестное дѣло, я еще поборюсь... Пусть всѣ люди соглашаются на низость, если отъ этого зависитъ ихъ существованіе, я же, если бы мнѣ пришла необходимость совершить низкое дѣло, лучше бы покончилъ со своей жизнью. А то что мнѣ дѣлать съ своею жизнію, если она не заслуживаетъ дальнѣйшаго продолженія? Если я не смогу быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ, то пусть ужь лучше я стану трупомъ такого человѣка! Пока у меня есть силы, я не попущу унизить свое достоинство!“... Тогда Фазиль предлагаетъ ему другое средство: онъ предлагаетъ Ніъметъ не давать своего согласія на бракъ. И это не нравится Пэртэву: ее силой, угрозами заставятъ, и тогда это омрачитъ только его воспоминанія о ней. Фазиль не хочетъ отстать отъ мысли помочь другу; онъ готовъ пожертвовать для этого даже своей жизнію и предлагаетъ рѣшительное средство — убить пашу. Пэртэвъ не хочетъ принять такой жертвы и не соглашается и на это. Фазиль все еще не унываетъ. Его озаряетъ еще одна идея, но онъ уже не хочетъ открывать ея Пэртэву, чтобы тотъ не заставилъ его отказаться и отъ нея. Онъ только проситъ его подождать до завтра и не убивать себя, къ чему такъ и рвется Пэртэвъ, который не можетъ найдти никакого иного исхода своимъ страданіямъ. „Я готовъ пожертвовать для тебя своею жизнью, неужели же ты не согласишься одинъ день прожить ради меня?“ говоритъ Фазиль, и Пэртэвъ тогда обѣщаетъ ему потерпѣть и не лишать себя жизни по крайней мѣрѣ до завтра. Этимъ оканчивается первое дѣйствіе.

Дѣйствіе второе происходитъ у муфти Хулюси-эфенди, къ которому пришелъ Фазиль просить совѣта и помощи. Послѣ долгихъ обычныхъ любезностей онъ излагаетъ ему наконецъ свое дѣло, и Хулюси, сразу сочувственно отнесясь къ нему, обѣщаетъ помочь ему; но какъ? — выкрасть невѣсту въ день свадьбы невозможно; повліять на пашу своимъ авторитетомъ муфти — нечего и думать; остается только переговорить съ самимъ женихомъ, Нуъманъ-беемъ, который до свадьбы хотѣлъ еще зайти къ нему. Онъ какъ разъ и приходитъ, а Фазиль удаляется и оставляетъ ихъ однихъ.—Тогда Хулюси говоритъ Нуъману, что онъ не можетъ принять его приглашенія на свадьбу, потому что это будетъ не свадьба, а похороны, такъ какъ Ніъметъ не хочетъ идти за него: она любитъ Пэртэва, и онъ ее также, и если совершится свадьба, то они оба покончатъ съ собою.—„Что же мнѣ дѣлать?“ восклицаетъ потрясенный такой неожиданной для него новостью Нуъманъ.—„Что тебѣ дѣлать?“, отвѣчаетъ ему Хулюси: — „отступись! Что тебѣ гнаться за человѣкомъ, который тебя не любитъ? Развѣ не знаешь ты божеской заповѣди? Бракъ совершается съ согласія обѣихъ сторонъ. Да развѣ ужъ на свѣтѣ и невѣстъ больше нѣтъ? Ты же молодъ, хорошая партія; конечно, найдется кому полюбить тебя . Но Нуъманъ не можетъ примириться съ мыслію, что ему надо въ самый день свадьбы отказаться отъ любимой дѣвушки и уступить ее, да еще кому же?... кровному врагу, который не далѣе, какъ въ прошломъ году съ оружіемъ въ рукахъ ворвался къ нимъ въ домъ съ враждебными замыслами Хулюси объясняетъ ему, что вѣдь если онъ и имѣлъ тогда какой замыселъ, то все же не привелъ его въ исполненіе; что кровавые счеты ихъ родовъ съ избыткомъ уже покончены; а что касается невѣсты его, то вѣдь сердцу не закажешь,

ибо „на этомъ свѣтѣ даже цари не могутъ приказывать сердцу, и силой властвовать надъ нимъ не могли даже и великіе завоеватели". Его горячія, краснорѣчивыя увѣщанія побѣждаютъ наконецъ Нуъмана, который говоритъ, что сегодня онъ получилъ самый большой изъ всѣхъ уроковъ, какіе когда-либо получалъ отъ него; что Хулюси „сдѣлалъ его плѣнникомъ царя, именуемаго благородствомъ". —„Да", говоритъ онъ, „я люблю Ніъметъ... Богу извѣстно, что пламя, которое въ моемъ сердцѣ, не меньше, чѣмъ у Пэртэва. Но разъ дѣло идетъ о великодушіи, я отступаюсь. Что жь такое? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я плакалъ въ надеждѣ соединиться съ нею; теперь наступитъ время, когда я буду плакать отъ муки, причиненной утратою ея"... Тогда они вызываютъ изъ сосѣдней комнаты Фазиля и начинаютъ вмѣстѣ съ нимъ обдумывать, какъ устроить все дѣло, такъ какъ паша ни за что не согласится выдать дочь свою за Пэртэва. Нуъманъ предлагаетъ свой планъ: сегодня онъ свадьбу разстроитъ, и въ эту же ночь Пэртэвъ и Ніъметъ прибудутъ по ихъ указанію въ принадлежащую Фазилю бесѣдку на берегу рѣки, до которой отъ дворца паши всего минутъ десять ходьбы. Туда же и они доставятъ своихъ людей, лошадей и на всякій случай мужское платье для Ніъметъ; къ утру Пэртэвъ и Ніъметъ благополучно поспѣютъ добраться до племени Пэртэва, гдѣ ужь они будутъ безопасны отъ преслѣдованій паши. Фазиль одобряетъ этотъ планъ, и они расходятся, рѣшившись начать согласно ему дѣйствовать.

Третье дѣйствіе происходитъ въ харемѣ паши. Мать Ніъметъ, Сэрэфразъханымъ, убѣждаетъ ее согласиться на бракъ. Та упорно отказывается; не хочетъ ничего ни слушать, ни объяснять, и только твердитъ, что не хочетъ идти за Нуъмана. Сэрэфразъ, видя въ этомъ отказѣ лишь обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ у дѣвушекъ жеманничанье, продолжаетъ уговаривать ее, но находящаяся тутъ же ключница уводитъ плачущую Ніъметъ въ ея комнату и, вернувшись, сообщаетъ матери настоящую причину ея упорства и слезъ, т.-е. что она любитъ Пэртэвъ-бея. Сэрэфразъ, пораженная этимъ извѣстіемъ, успокоиваетъ себя однако тѣмъ, что это пройдетъ—что за свадьбой она въ одинъ часъ все забудетъ.— „Дай-то Богъ", отвѣчаетъ ей ключница, „да только... барышенька-то моя не изъ такихъ, что забываютъ. Съ самаго утра я всѣ силы истощила: говорила столько, что ужь ничего больше не осталось говорить. А какъ только упомяну о Пэртэвѣ, у нея изъ устъ словно пламень пышетъ; слезы изъ глазъ дождемъ,.. стоитъ, стоитъ и минутами не можетъ перевести дыханья... Да еще взяла она утромъ одинъ изъ кинжаловъ паши и спрятала; я всюду потомъ перерыскала, но до сихъ поръ найти не могу... Смотрите, коли будетъ свадьба, барышня сегодня же загубитъ себя". Сэрэфразъ въ отчаяніи и не знаетъ, какъ сказать это мужу, который, по ея словамъ, отъ такой вѣсти землю вверхъ дномъ перевернетъ. Въ это время онъ какъ разъ и входитъ навѣдаться, все ли готово къ празднеству. Сэрэфразъ высылаетъ ключницу и, путаясь и запинаясь, вымоливъ сперва обѣщаніе у мужа ничего не сдѣлать ей, предлагаетъ сперва повременить немного свадьбою, а потомъ на его удивленные вопросы отвѣчаетъ объясненіемъ настоящей причины такой просьбы.— „Это что такое!" восклицаетъ паша; „прекрасно! такъ наши пированья, наши приглашенья—все это даромъ? скажи на милость!... Всякій тутъ самъ по себѣ невѣстой да женихомъ становится... Позови-ка мнѣ ее, я тамъ посмотрю... Испуганная Сэрэфразъ молитъ его ничего не дѣлать дочери и зоветъ ее лишь тогда, когда онъ самъ уже хочетъ пойти за ней. Ніъметъ входитъ съ заплаканными глазами и на разспросы отца, отчего ей не нравится Нуъманъ, говоритъ, что что̀ же ей дѣлать, когда онъ не милъ сердцу ея, а что вѣдь сердцу человѣка не то что кто другой, а и онъ самъ приказывать не можетъ". Паша приходитъ въ ярость и начинаетъ

кричать на нее, бранитъ ее: упрекаетъ, что она хочетъ промѣнять дворцы своего семейства на палатку ихъ кровнаго врага.—„Паша-отецъ!" возражаетъ ему Ніъметъ, — „кровная месть это ваше дѣло; я женщина... въ эти дѣла не мѣшаюсь; что же мнѣ дѣлать?... я люблю... я буду лежать въ палаткѣ... буду лежать на голой землѣ... подъ землею... среди адскихъ огней, только бы это съ нимъ вмѣстѣ было. Я не требую дворца..., я не требую прислужницъ.., я не требую перловъ и драгоцѣнныхъ камней!... Я останусь голодной... останусь нагой..., буду полы мести своими волосами.., на всякое бѣдствіе, на всяческое униженіе я согласна!...". Долго горячо умоляетъ Ніъметъ своего отца согласиться выдать ее за Пэртэва, но все тщетно: гнѣвъ его отъ этого распаляется только все больше и больше; онъ угрожаетъ убить ее, залить собственной ея кровью пылающій въ ея сердцѣ любовный пламень..., какъ вдругъ является служанка и подаетъ ему письмо отъ Нуъманъ-бея. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ нѣсколько отсрочить свадьбу въ виду полученныхъ имъ при гаданіи неблагопріятныхъ предзнаменованій. Паша понимаетъ это какъ полный отказъ отъ брака съ его дочерью.—„Радуйся, собака, радуйся!" говоритъ онъ ей; „ну вотъ и получила, что хотѣла: Нуъманъ-бей не хочетъ тебя брать... Только ты подумай о томъ, что ты честь своего рода пустила по вѣтру! Вѣдь это онъ въ твоемъ цѣломудріи усумнился!" И пришедшій въ неудержимую ярость паша выхватываетъ ужь кинжалъ, чтобы убить дочь, но жена удерживаетъ его и зоветъ служанокъ, которыя выносятъ упавшую безъ чувствъ Ніъметъ. Ярость паши не можетъ однако улечься. „Околѣетъ, такъ пусть околѣетъ!", говоритъ онъ убѣждающей его сжалиться надъ своей дочерью женѣ.—„Ну такъ, конечно!" восклицаетъ она съ ироніей: „завтра мы другую такую найдемъ! ихъ вѣдь по Длинному Рынку возятъ да распродаютъ!" Эти слова нѣсколько отрезвляютъ пашу, но все же о Пэртэвѣ онъ и слышать не хочетъ и удаляется, чтобы велѣть переломать все приготовленное въ брачныхъ покояхъ.

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ паши. Онъ выслушиваетъ гонца, явившагося доложить ему о возстаніи Шура-Гёльцевъ, одного сосѣдняго племени. Паша призываетъ Нуъманъ-бея и поручаетъ ему взять отрядъ войска и усмирить возстаніе, прибавивъ, что это ему хорошій случай отличиться. Отпуская его, онъ говоритъ, что надо наконецъ покончить и съ мерзавцемъ Пэртэвомъ, чтобы онъ больше не былъ у нихъ бѣльмомъ на глазу. — „А въ чемъ онъ провинился?" спрашиваетъ Нуъманъ. Паша удивленъ: онъ никакъ не можетъ понять, что Нуъманъ ничего не знаетъ. Тотъ продолжаетъ разыгрывать роль непонимающаго; паша объясняетъ ему наконецъ, въ чемъ дѣло, и спрашиваетъ съ своей стороны, отчего же однако Нуъманъ написалъ ему такое письмо. Нуъманъ говоритъ, что письмо не отговорка; что онъ написалъ правду, а что если Пэртэвъ любитъ его невѣсту, то какъ ему ни тяжело, онъ принужденъ ее уступить ему, такъ какъ Пэртэвъ подарилъ ему его жизнь и этимъ связалъ его на вѣкъ.—„Если я питаю любовь къ кому-либо и слышу, что и Пэртэвъ любитъ ту же особу, или даже просто хочетъ взять ее себѣ... я постараюсь потушить свою страсть...; а если бы мнѣ это не удалось, то я долженъ хоть даже покончить съ собою!" Паша приводитъ тогда другія обвиненія противъ Пэртэва. Его дѣдъ убилъ отца паши; самъ онъ осмѣлился покуситься на честь ихъ семьи, слюбившись съ Ніъметъ; наконецъ въ прошломъ году онъ покушался истребить ихъ всѣхъ. Но все это не убѣждаетъ Нуъманъ-бея: месть удовлетворена даже съ избыткомъ; честь семьи нисколько не страдаетъ отъ чьей бы то ни было любви, а въ прошломъ году Пэртэвъ выказалъ свое лишь великодушіе. Тогда паша хватается за крайнее средство: онъ говоритъ, что Пэртэвъ — бунтовщикъ, что область не можетъ быть спокойна, пока онъ живъ; что онъ всѣхъ подстрекаетъ, и т. д. Передъ

этимъ обвиненіемъ Нуъманъ долженъ былъ склониться, чтобы не быть самому заподозрѣннымъ; но чтобы оттянуть время, онъ придумываетъ такой планъ, который и самого пашу приводитъ въ восхищеніе своимъ остроуміемъ, а ему даетъ все-таки возможность устроить дѣло Пэртэва посвоему. Онъ говоритъ, что если сейчасъ казнить Пэртэва, то къ возставшимъ Шура-Гёльцамъ присоединится еще и племя Пэртэва, что очень опасно. Поэтому онъ совѣтуетъ предложить Пэртэву созвать свое племя и идти съ нимъ вмѣстѣ усмирять Шура-Гёльцевъ. Въ первой же схваткѣ подученный имъ человѣкъ убьетъ Пэртэва, и все это обрушится на Шура-Гёльцевъ. Благодаря этому и отъ Пэртэва избавятся, и вооружатъ другъ противъ друга два пограничныхъ племени, что въ политическомъ отношеніи весьма важно. Довольный такимъ ловкимъ планомъ, паша идетъ отдохнуть, а въ комнату влетаетъ Фазиль, который находился все время въ сосѣдней комнатѣ, слышалъ весь разговоръ и принялъ слова Нуъмана за чистую монету. Онъ упрекаетъ его въ лжи, въ коварствѣ; но тотъ успокоиваетъ его, объясняя, что иначе онъ не могъ бы оттянуть время до необходимой имъ для спасенія Пэртэва и Ніъметъ ночи, такъ какъ иначе паша немедленно казнилъ бы Пэртэва. Фазиль преклоняется передъ находчивостью Нуъмана и проситъ простить ему его сомнѣнія; тотъ охотно извиняетъ Фазиля, и они, снова помирившись, разстаются, чтобы продолжать нужныя для побѣга приготовленія.

Пятое дѣйствіе происходитъ ночью того же дня въ условленной бесѣдкѣ Фазиля близъ дворца. Предупрежденный Фазилемъ Пэртэвъ въ волненіи ходитъ въ бесѣдкѣ. Онъ одинъ; кругомъ полнѣйшій мракъ, и на него, привыкшаго ко всякимъ испытаніямъ, закаленнаго лишеніями кочевнической жизни, мракъ этотъ впервые дѣйствуетъ непонятно удручающимъ образомъ. Но онъ старается оправиться, ободрить себя, вспоминая объ испытанныхъ имъ раньше лишеніяхъ; но это ему не совсѣмъ удается. „Не знаю, что это за тяжесть такая; точно будто когти тигра вцѣпились въ мое сердце“, говоритъ онъ. Чтобы какъ-нибудь сократить время ожиданія, онъ зоветъ стоящаго за дверью бесѣдки слугу Фазиля и заставляетъ его слово-въ-слово повторить то, что велѣлъ ему передать его господинъ. Тотъ повторяетъ знакомыя уже ему слова и уходитъ, и Пэртэвъ снова предается мрачнымъ думамъ. „Господи!“ говоритъ онъ, „Ты вѣрно хочешь сдѣлать этотъ міръ тюрьмой для меня!.. Да будетъ ли утро у этой ночи? Будетъ, но ужь конечно оно не для меня!..“ Наконецъ настаетъ давно желанный часъ: приходитъ Фазиль-бей, а вслѣдъ за нимъ тотчасъ же и Ніъметъ со своей няней. Они усылаютъ Табиндэ, и Ніъметъ одѣваетъ сверхъ своего платья присланное ей Нуъманомъ мужское. Пэртэвъ и Ніъметъ благодарятъ Фазиля за его помощь; но онъ говоритъ, что его услуги ничто въ сравненіи съ великодушной помощью Нуъманъ-бея, который главнымъ образомъ и устроилъ все ихъ дѣло: даже прислалъ платье для Ніъметъ и сейчасъ самъ долженъ явиться съ лошадьми. Въ это время раздается шумъ шаговъ, и Ніъметъ, выглянувъ въ окно, предполагаетъ, что это идетъ ея отецъ и съ нимъ много народу. Фазиль убѣждаетъ ее, что отецъ ничего не можетъ знать; что это идетъ Нуъманъ, и идетъ къ нему навстрѣчу. Но Ніъметъ не успокоивается; она волнуется все больше и больше и въ полномъ отчаяніи бросается къ Пэртэву. „Пэртэвъ, Пэртэвъ!“ кричитъ она, задыхаясь отъ ужаса, „о, Пэртэвъ! кто это тамъ бѣжитъ?.. Чья это кровь?.. Не тебя ли это убили?... Кто это стоитъ передъ нами съ кинжаломъ?!“. Она простираетъ передъ собою руки и съ увеличивающимся ужасомъ продолжаетъ бредить, крича: „Нѣтъ, нѣтъ! не подходи ко мнѣ!.. Ай, онъ подходитъ!.. Отецъ мой... Азраилъ!.. палачъ!..“ Тутъ силы окончательно покидаютъ ее, она падаетъ на землю и умираетъ. Пэртэвъ въ отчаяніи стоитъ, разражаясь упреками всуе ожидаемому имъ пашѣ, вмѣсто котораго входитъ дѣйствительно, какъ и увѣрялъ Фа-

зиль, Нуъманъ-бей, и Пэртэвъ накидывается на него. „Я могъ бы", говоритъ онъ ему, „одной пулей отправить тебя сейчасъ въ самую глубь преисподней, но ты не достоинъ умереть отъ руки честнаго человѣка! Такъ будь же и ты, какъ твой дядя, отпущенникомъ моего оружія; а я пойду къ Ніъметъ! Тамъ мы свидимся!" Съ этими словами онъ выхватываетъ пистолетъ и убиваетъ себя. Потрясенный этой сценой, несчастный Нуъманъ восклицаетъ, обращаясь къ Фазилю: „Вотъ и жертвуй своей возлюбленной, которая тебѣ дороже жизни! Тутъ же и обагряйся невольно кровью ея, слушая заодно уже и такія оскорбленія отъ своего друга, который тобою же долженъ былъ быть облагодѣтельствованъ... Послѣ всего этого нужна ли мнѣ моя жизнь?" — „Если тебѣ жизнь не нужна", убѣждаетъ его въ отвѣтъ на это Фазиль, „то ты нуженъ жизни. Небу вздумалось сегодня переполнить кладбище такими нѣжными созданьями... Ради Бога, ты-то ужь не старайся оказывать въ этомъ своего содѣйствія року! Мы устроили такъ, что все должно было удаться... Господу Богу захотѣлось совершить все это иначе... Судьба не выпускаетъ того, что разъ попадется ей въ руки..." Этими послѣдними словами, объясняющими и названіе трагедіи, заканчивается піеса.

Въ піесѣ, какъ легко замѣтить, больше декламаціи, чѣмъ дѣйствія; больше чувствительныхъ словъ и возгласовъ, чѣмъ истиннаго возбужденія чувствъ, обусловливаемаго естественнымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Смерть героини отъ одного только опасенія попасться въ руки своего лютаго отца почти совсѣмъ невѣроятна, если только не принять этого за этнографическую черту нравовъ представителей высшаго турецкаго общества — пашей, свирѣпость которыхъ можетъ имѣть такія, совершенно для насъ непонятныя, послѣдствія для судьбы другихъ лицъ, которыя могутъ стать объектомъ этой свирѣпости. Тѣмъ не менѣе, какъ опытъ, эта піеса Тэуфикъ-бея есть такое же знаменіе времени, переживаемаго нынѣ турками, какимъ въ свое время были у насъ подобныя же произведенія А. П. Сумарокова.

Въ такомъ же точно родѣ и комедіи турецкія. Онѣ большею частью все переводныя съ французскаго или, въ послѣднее время, и съ нѣмецкаго, и во всѣхъ ихъ больше забавныхъ разговоровъ, чѣмъ настоящаго комизма въ положеніи и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ. Такова, напр., комедія Ханымынъ джанъ сыкынтылары = «Дамская скука». Въ ней осмѣивается страсть турецкихъ дамъ фланировать по базарамъ. Мужъ высказываетъ свое неудовольствіе на постоянное отсутствіе жены изъ дома; а она возражаетъ ему на это, указывая съ упрекомъ на то, что для него всегда и все въ свое время въ домѣ готово — и пилавъ, и кебабъ, и кофе, и т. д., и что она вообще очень рѣдко выходитъ изъ дома. А затѣмъ изъ дальнѣйшихъ разговоровъ оказывается, что она за послѣднюю недѣлю каждый день да была гдѣ-нибудь внѣ дома, но объясняетъ свои выходы и позднее возвращеніе домой самыми пустыми, а по ней — важными, причинами, въ родѣ того, что, напримѣръ, она пошла на базаръ да встрѣтила на улицѣ Лейлу-ханымъ, которая такъ мило болтаетъ, и проплась съ ней

до Конной Площади, и т. п. Истиннаго юмора искать нечего въ этихъ піесахъ; но изображеніе нѣкоторыхъ смѣшныхъ сторонъ внутренней жизни турковъ можетъ съ лихвою вознаградить любопытнаго читателя своеобразною забавностью рѣчей и дѣйствій выведенныхъ въ нихъ турецкихъ мужчинъ и женщинъ.

Намъ остается въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о періодической прессѣ турецкой. Начавшись уже упомянутою выше казенною газетою Тэквими вакаи = «Табель событій», на смѣну которой впослѣдствіи явилось другое казенное же изданіе—Джеридэи хавадисъ = «Череда событій», періодическая печать особенно развилась въ Турціи въ царствованіе султана Абду-ль-Азиза. Въ ту пору возникли слѣдующія газеты: Тэрджумани эфкяръ = «Толковникъ мыслей», Тэраккы́ = «Прогрессъ», Хака́икъ = «Истины», Бэдръ = «Луна», Ибрѐтъ = «Совѣтъ», Басирэтъ = «Наблюденіе», Вакытъ = «Время», Тэрджумани хакыкатъ = «Толковникъ истины». Особенно много объявилось газетъ во время послѣдней Восточной войны, какъ, напр., Османлы́ = «Османецъ», Селямэтъ = «Спасеніе», Сэба́хъ = «Утро», Умра́нъ = «Культура», Мусава́тъ = «Равенство». Рядомъ съ этимъ издавались большія газеты двуязычныя, какъ Stamboul, Osmanli, и т. п., на турецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ выходили мѣстные органы меньшаго объема. Наконецъ въ семидесятыхъ годахъ появлялось и исчезало множество сатирическихъ листковъ, какъ-то: Хайя́лъ = «Лицедѣй», Гевэзэ́ = «Болтунъ», и т. п. Во время войны къ нимъ присоединились еще другіе подобныя же, какъ, напр., Чайла́къ = «Ястребъ», и др.

Всѣ эти изданія, какъ серьозныя, такъ и юмористическія, состоя подъ бдительнымъ и строгимъ контролемъ турецкаго правительства, не могли, конечно, быть свободными выразителями турецкаго общественнаго мнѣнія во всей его полнотѣ и цѣлости. Но все же господствующую черту всѣхъ ихъ составлялъ крайній турецко-мусульманскій патріотизмъ. Шаткость же политическаго положенія Турецкой имперіи и невыработанность опредѣленныхъ воззрѣній на внутреннюю и внѣшнюю политику была естественною причиною того колебанія въ голосѣ печатныхъ турецкихъ органовъ, вслѣдствіе котораго сегодня, напр., напропалую бранятъ англичанъ или французовъ, а завтра превозносятъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Только для Россіи и русскихъ всегда было исключеніе въ невыгодномъ для нихъ смыслѣ. Патріотическій задоръ, обыкновенно приправленный и подогрѣтый мусульманскимъ фанатизмомъ, облекавшимся въ а-ля-франкскую форму панъ-исламизма, иногда заходилъ такъ далеко въ своихъ литературныхъ проявленіяхъ, что турецкое правительство само вынуждено

было сдерживать эти черезчуръ ужъ усердные порывы и наконецъ даже прикрыть наиболѣе ярыя газеты, какова была, напр., въ свое время газета Басирэтъ. То же случилось потомъ и съ Вакы́тъ, и въ недавнее время съ Тэрджумани хакыка̀тъ. Другія же умерли собственною смертью, вѣроятно по недостатку средствъ къ продолженію своего существованія. Но на смѣну имъ въ новѣйшее время возникли новыя періодическія изданія, какъ-то: Сеадэтъ = «Счастіе», Миза̀нъ = «Вѣсы», Тари́къ = «Путь», и др. Вмѣстѣ съ военными неудачами должны были исчезнуть и увеселительныя шутки, которыми наполнялись разные юмористическіе листки, съ грубѣйшими каррикатурами и плоскими выходками насчетъ враговъ отечества; всѣ эти листки давнымъ-давно прекратились.

Но внѣшняя издательская техника, надо правду сказать, совершенно постигнута и усвоена турецкими литераторами: во всякой, большой и малой, турецкой газетѣ вы найдете статьи и замѣтки по всевозможнымъ отдѣламъ, общепринятымъ въ европейской прессѣ, и притомъ написанныя весьма недурнымъ литературнымъ слогомъ. Да и въ содержаніи ихъ нерѣдко можно встрѣтить немало любопытнаго по части изображенія внутренняго быта и нравовъ разношерстнаго населенія Отоманской имперіи. Строгость правительственной опеки не мѣшала иногда появляться на столбцахъ турецкихъ газетъ статьямъ, дѣлающимъ честь гражданскому мужеству ихъ авторовъ. Такова, напр., была статья о бѣдствіяхъ населенія Джаныкскаго санджака (округа), которое будто бы готово было все выселиться въ Россію отъ притѣсненій, претерпѣваемыхъ имъ со стороны табачнаго управленія, держащаго въ своихъ рукахъ всю мѣстную администрацію турецкаго правительства (газета «Сеадэтъ», № 795).

Наконецъ газеты же служатъ пристанищемъ и для литературныхъ новинокъ, которыя обыкновенно, прежде чѣмъ выйдти отдѣльными книжками, зачастую сперва печатаются въ газетахъ, въ отдѣлѣ фельетоновъ, а иногда и въ верхнихъ столбцахъ, смотря по тому, какого содержанія печатаемое сочиненіе—чисто ли беллетристическаго или же дидактическо-философскаго.

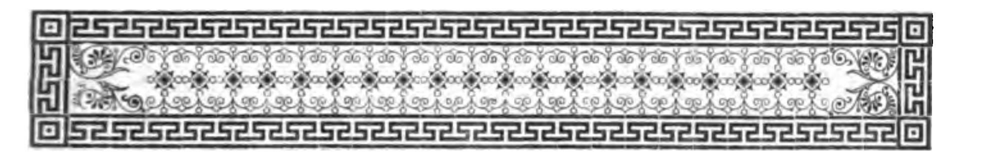
Гораздо слабѣе турецкая журналистика: ей, положительно, можно сказать, не везетъ. Сколько ни затѣвалось изданій въ родѣ европейскихъ журналовъ литературнаго и научнаго содержанія, всѣ они, послѣ кратковременнаго своего существованія, прекращались. Это надобно приписать какъ несуществованію способныхъ сотрудниковъ, могущихъ работать въ такомъ духѣ и направленіи, такъ равно и слабой поддержкѣ и недостаточному вниманію со стороны турецкой читающей публики, не настолько образованной, чтобы ее могли занимать вопросы науки и литературы въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ сколько

ежедневная пресса касается ихъ, какъ предметовъ случайнаго, мимолетнаго интереса.

Эти изданія, строго говоря, и не были журналами въ европейскомъ смыслѣ, съ опредѣленною и точно выполняемою программою, а скорѣе были литературные сборники, выходившіе постепенно, больше все еженедѣльными выпусками, въ видѣ очень тоненькихъ тетрадочекъ, хотя въ заглавіяхъ ихъ значились громкія упоминанія о наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и т. д. Въ нихъ обыкновенно помѣщались небольшія популярныя монографіи по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ, краткія біографіи европейскихъ и азіатскихъ знаменитостей, беллетристическія статейки и, непремѣнно, стихотворенія. Никакихъ обозрѣній—ни политическихъ, ни общественныхъ, ни литературно-критическихъ, не существовало. Первымъ въ этомъ родѣ изданіемъ было **Мэджмуэи фунунъ**=«Научный сборникъ» Мюнифъ-паши, въ 1279=1862—1863 годахъ, оборвавшійся на 4 книжкахъ. Потомъ въ 1298—1299=1881 году недолго выходило **Гэфтà**=«Недѣля» подъ редакціею Сами-бея. Одновременно съ тѣмъ появилось-было **Хазинэи эвракъ**=«Казна листковъ»—очень хорошенькій по внѣшности журнальчикъ и съ весьма недурнымъ литературнымъ репертуаромъ, но также прекратился по выходѣ 40 съ чѣмъ-то нумеровъ. Такими же литературными метеорами были нѣкоторыя иллюстрированныя изданія, посвященныя главнымъ образомъ географіи и естественной исторіи, каковъ, напр., журналъ **Мирати алéмъ**=«Зеркало вселенной».

Вотъ въ общихъ чертахъ наглядные результаты недавняго, если такъ можно выразиться, литературнаго возрожденія, или, лучше сказать, пробужденія въ Турціи. Все, что сдѣлано въ области турецкой литературы новѣйшаго періода, представляетъ лишь болѣе или менѣе удачные и похвальные опыты—плоды трудовъ и энергіи небольшой группы людей, проникшихся сознаніемъ пользы и необходимости для своего народа образованія на новыхъ началахъ, далеко не похожихъ на то тупое мусульманское самодовольство и чванство, составляющее краеугольный камень невѣжества, въ которое погружено огромное большинство ихъ соотечественниковъ-единовѣрцевъ. Но сомнительно, чтобы это сознаніе скоро проникло въ остальную, коснѣющую въ мусульманскихъ предразсудкахъ турецкую массу. Сомнѣніе наше возбуждается тѣмъ, что и сами передовые турки, изъ національнаго ли самолюбія, или просто по недостатку гражданскаго мужества и изъ страха передъ толпою, не рѣшаются откровенно сознаться въ правотѣ тѣхъ, кто считаетъ исламъ несовмѣстимымъ съ истинною наукою и просвѣщеніемъ, а, искренно или притворно, силятся убѣдить насъ

въ противномъ. Въ такомъ случаѣ эти люди или сами недостаточно знаютъ свой исламъ въ коренныхъ его началахъ и основаніяхъ, или же имѣютъ какія-нибудь особыя соображенія проповѣдовать то, въ чемъ они не могутъ быть убѣждены по совѣсти, если только они дѣйствительно образованные и просвѣщенные люди. Но это все равно ни къ чему не поведетъ: кто изъ немусульманъ близко и основательно знакомъ съ исламомъ, тотъ не повѣритъ имъ; а между тѣмъ ихъ косные единовѣрцы будутъ опираться въ будущемъ на нихъ какъ на авторитеты въ своей фанатической косности, разумѣется въ ущербъ просвѣщенію и развитію ихъ же собственной турецкой народности. Не безъ основанія, конечно, Ренанъ пришелъ къ тому прискорбному заключенію, что исламъ и научный прогрессъ суть два исключающихъ другъ друга начала; смутные намеки на признаніе подобающихъ правъ науки, выдергиваемые изъ Корана да и изъ хадисовъ (священныхъ преданій мусульманскихъ) поборниками или апологетами мусульманства, есть ничтожная капля въ сравненіи съ океаномъ того поистинѣ сумбура, который обязательно долженъ забивать голову всякаго честнаго и искренняго послѣдователя и преверженца мусульманской богословской доктрины и дѣлать ее непроницаемою для здравомысленныхъ идей и гуманныхъ воззрѣній. А потому теперь трудно опредѣлить, сколь долго продлится то переходное состояніе турецкой литературы, характеристикой котораго мы заканчиваемъ нашъ очеркъ. Очень можетъ быть, что теперешнее блужданіе мысли турецкихъ прогрессистовъ такъ же твердо укоренится въ туркахъ, какъ прочно привилась къ нимъ въ новѣйшее время шаткость политическая, благодаря которой Отоманская имперія ни живетъ, ни умираетъ, а такъ какъ-то влачитъ свое существованіе, безъ сладостныхъ воспоминаній о доблестномъ прошломъ и безъ твердаго упованія на отрадное будущее!



ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА.

ГЛАВА I.

Революція и реакція во Франціи.—Время консульства и имперіи.

Главнѣйшія пособія кромѣ общихъ курсовъ: Lotheissen Ferd. Litteratur u. Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution 1789—94 г. 1872.

Schmidt, Julian. Geschichte der französischen Litteratur seit der Revolution (2-ое изд. 1873—74, I–II тт.).

Brandes, G. Die Hauptströmungen der Litteratur des XIX J. übersetzt von Ad. Strodtmann. I—IV. Berl. 1872.

Faguet, Émile. Études littéraires sur le dix-neuvième siècle. 3-me éd. Paris. 1887 г.

Sainte-Beuve. Chateaubriand et son groupe littéraire 1860 г. и Op. div.

А. Шаховъ. Французская литература въ первые годы XIX вѣка, 1875.

Carton Henri. Histoire des femmes écrivains de la France.

Henri Welschlinger. Le théatre de la révolution 1789—1799. 3-me éd. 1881 и мн. др.

Теперь, по прошествіи столѣтія, мы ясно видимъ, какъ постепенно, черепашьимъ шагомъ, но съ фатальною необходимостью надвигалась революція. XVII в. былъ вѣкомъ авторитета, повидимому прочнаго и незыблемаго. Все XVIII столѣтіе усердно работало надъ тѣмъ, чтобы подорвать его основы, и добилось своей цѣли. Къ концу его люди продолжали жить по старому, но никто не вѣрилъ въ законность и разумность существующаго порядка вещей. Короли не вѣрили въ свое право; духовные насмѣхались надъ религіей; дворяне возмущались прерогативами своего сословія; люди науки и мысли отрицали пользу цивилизаціи. Тяжело было подлаживаться подъ накопленную вѣками ложь и не было силъ замѣнить ее истиной, кото-

рая однако же представлялась ясной, почти до осязательности. Одни живутъ, чувствуя ненависть къ жизни *); другіе легкомысленно пользуются настоящей минутой и ея радостями, прекрасно сознавая, что они не имѣютъ на нихъ нравственнаго права. Ученіе философовъ вошло въ плоть и кровь интеллигентнаго дворянства, но не побуждало его перенести идею въ область факта. Тоже ученіе съ великою радостью было усвоено образованной буржуазіей, но и она только выжидала событій, настоятельной близости которыхъ никто не предчувствовалъ. Опытъ прошлаго никто въ грошъ не ставитъ и на исторію новой Европы смотрятъ какъ на печальную повѣсть объ обманахъ и насиліяхъ **); настоящее, переходное, неинтересное время, точно не существуетъ; будущее представляется великимъ, свѣтлымъ и радостнымъ; только никто не знаетъ, когда оно начнется.

Наконецъ насталъ такой моментъ, когда судьба общества оказалась въ его же собственныхъ рукахъ. Съ радостной самоувѣренностью и съ полной готовностью не останавливаться передъ жертвами, люди бросились ломать старое и созидать новое; ломали и строили, строили и ломали, не жалѣя ни себя, ни другихъ, до тѣхъ поръ, пока не увидали, что, чѣмъ успѣшнѣй идетъ одна часть работы—разрушеніе, тѣмъ хуже идетъ созиданіе; на мѣсто ветхаго, неудобнаго, но каменнаго зданія строили только карточные домики, которые разлетались отъ дуновенія самихъ же строителей.

Въ странномъ положеніи была литература въ эпоху такъ-называемой великой революціи: съ одной стороны, во Франціи съ самой середины среднихъ вѣковъ не было десятилѣтія, менѣе продуктивнаго въ художественномъ отношеніи; съ другой—только тогда литература заняла въ новой Европѣ подобающее ей мѣсто и стала руководительницей политической и общественной жизни. Тѣсная связь между послѣдовательно смѣнявшими другъ друга партіями революціонной Франціи и «просвѣтителями» XVIII вѣка (Мирабо и Монтескье, жирондисты и Вольтеръ, монтаньяры и Руссо) стала общимъ мѣстомъ во всѣхъ учебникахъ исторіи. Да и сомнительные литературные таланты во время самой революціи составляли огромную политическую силу.

Само собою понятно, что въ самый разгаръ революціи литературная производительность должна была проявлять себя въ тѣхъ видахъ творчества, которые могли непосредственно дѣйствовать на толпу, т.-е. въ рѣчахъ ораторовъ, въ газетахъ и политическихъ бро-

*) Шамфоръ, любимецъ двора и знати, говоритъ, что природа поступила съ человѣкомъ, какъ злой врагъ, который, поджегши мой домъ, поставилъ стража у дверей (любовь къ жизни), чтобы я не могъ выскочить. Онъ же совѣтуетъ avaler un crapaud tous les matins pour ne trouver plus rien de dégoutant le reste de la journée.

**) Сіэйсъ говоритъ: судить о настоящемъ по прошедшему значитъ судить объ извѣстномъ по неизвѣстному.

шюрахъ и наконецъ въ политической лирикѣ и драмѣ. Самымъ даровитымъ ораторомъ въ 1789 г. былъ безспорно графъ Мирабо, который обладалъ искреннимъ паѳосомъ, находчивостью и природною конкретностью выраженія *). Послѣ его смерти лучшими ораторами считались предводители партіи жирондистовъ; они, дѣйствительно, были люди даровитые (въ особенности Верньо) **) и внимательно отдѣлывали свои рѣчи; но они и не могли и не желали отрѣшиться отъ псевдоклассической реторики. Переполнены реторическими украшеніями и водянистыя, многословныя рѣчи Робеспьера, который и по своему непріятно пискливому голосу не могъ производить чарующаго впечатлѣнія съ каѳедры. Изъ монтаньяровъ лучше всѣхъ говорилъ Дантонъ, умѣвшій увлекать за собою уличную толпу своими приспособленными къ ея вкусу и пониманію рѣчами и воззваніями.

Камиллъ Дюмуленъ (род. 1762 г.) тоже—даровитый уличный ораторъ; но значительно больше вліянія имѣлъ онъ, какъ редакторъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ газетъ «Старый Кордельеръ» ***).

Уже 1789 г. уничтожилъ цензуру, и въ слѣдующемъ 1790 г. газетъ въ Парижѣ насчитывали болѣе шестидесяти. Они рѣзко раздѣлялись на двѣ партіи и доходили до неистовства въ своей принципіозной полемикѣ. Распространеннѣй другихъ была красная газета: Révolution de Paris, имѣвшая до 200,000 подписчиковъ (тогда какъ всѣ роялистическія газеты, вмѣстѣ взятыя, насчитывали ихъ не болѣе 20,000). Огромнымъ вліяніемъ пользовалась газета Марата ****): Ami du peuple не по таланту изложенія, напротивъ: Маратъ—такой же бездарный публицистъ, какъ Робеспьеръ бездарный ораторъ,—но по сочувствію къ крайнимъ мнѣніямъ редактора. Кромѣ газетъ партіи воевали брошюрами и летучими листками, которые тоже расходились въ огромномъ количествѣ. Но эта свобода печати продолжалась

*) Напомнимъ одинъ извѣстный примѣръ. Когда шелъ вопросъ объ удержаніи господствующей религіи, Мирабо сказалъ: «Съ этой трибуны мнѣ видно окно, изъ котораго французскій король, отуманенный проклятыми бунтовщиками, стрѣлялъ въ своихъ подданныхъ и выстрѣломъ подалъ знакъ къ варѳоломеевской ночи. Мнѣ нечего болѣе говорить. Намъ не объ чемъ совѣщаться».

**) Pierre Victurnien Vergniand, род. 1753 г., казн. 1793. Удачно выбранные отрывки его рѣчей см. въ Исторіи Жирондистовъ Ламартина (въ русск. перев. II, 379—383).

***) Вотъ какъ характеризуетъ его Луи Бланъ. «Кто этотъ юноша, переполненный образами Рима и Греціи, который среди жестокой борьбы вызываетъ воспоминанія древности, то со смѣхомъ, то съ угрозой высказываетъ свои смертоносныя шутки, такъ пріятно болтаетъ о висѣлицахъ и грабежѣ, а языкъ базарныхъ торговокъ пересыпаетъ аттической солью?»

****) До начала своей публицистической дѣятельности Маратъ писалъ плохіе сантиментальные романы.

только до начала террора *); съ этихъ поръ публицистика принимаетъ сѣрый и однообразный тонъ, который остается почти безъ измѣненія во времена консульства и имперіи.

Изъ пѣсенъ революціонной эпохи одна до сихъ поръ пользуется міровой извѣстностью, и созданіе ея вызвало къ жизни цѣлую легенду. Авторъ Марсельезы Руже де Лиль (Joseph Rouget de Lisle) род. въ 1760 г., рано поступилъ въ военную службу (былъ военнымъ инженеромъ) и сочинялъ стихотворенія, обращавшія на себя вниманіе его пріятелей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и недурной музыкантъ. Весною 1792 г., когда онъ стоялъ подъ Страсбургомъ передъ началомъ войны, побужденный увѣщаніями друзей, онъ, говорятъ, сразу, въ моментъ вдохновенія сочинилъ и слова и мотивъ знаменитаго «гимна революціи», который быстро облетѣлъ всю Францію. Гимнъ получилъ названіе Марсельской пѣсни потому, что въ Парижѣ онъ сталъ извѣстенъ съ того момента, когда лѣтомъ того же 1792 г., распѣвая его хоромъ, вошли въ столицу Марсельскіе добровольцы. Въ то время, какъ Марсельеза водила къ побѣдѣ революціонныя арміи **) и гремѣла во всѣхъ якобинскихъ клубахъ, ея авторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ «подозрительный». Его освободило оттуда паденіе Робеспьера. Послѣ этого онъ продолжалъ служить и сочинять патріотическія пѣсни ***), былъ раненъ и вышелъ въ отставку. Онъ не терпѣлъ Наполеона и поэтому при немъ, какъ и при Бурбонахъ, не могъ служить и жилъ въ большой бѣдности; даже бѣднякъ Беранже, говорятъ, выкупилъ его изъ долговой тюрьмы. Послѣ революціи 1830 г. Марсельеза опять пошла въ ходъ, и Людовикъ Филиппъ далъ ея автору пенсію, на которую онъ и жилъ съ тѣхъ поръ. Онъ умеръ въ 1836 г. Его другія произведенія бо̀льшаго объема не заслуживаютъ особаго вниманія.

Марсельеза, дѣйствительно, вдохновенное произведеніе, не свободное впрочемъ отъ нѣкоторой доли реторики. Но столь же знаменитая въ свое время Карманьола — наборъ жестокихъ и грубыхъ словъ безъ поэзіи и мысли и мѣстами даже безъ соблюденія размѣра. Кромѣ этихъ двухъ пѣсенъ и извѣстной «Ça ira», пѣснелюбивые парижане распѣвали тысячи революціонныхъ и сотни реакціонныхъ пѣсенъ-сатиръ, скоро забытыхъ. Съ послѣдними даже цензура террора не могла справиться. Одинъ изъ такихъ уличныхъ поэтовъ-пѣвцевъ Питу 22 раза сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Кромѣ лирики и сатиры, революція, естественно, должна была

*) Въ 1793 г. «отравителей общественнаго мнѣнія» подвергаютъ аресту, и почти запрещено пересылать неблагопріятныя для господствующей партіи произведенія печати.

**) Говорятъ, что когда ея авторъ въ 1797 г. посѣтилъ въ Гамбургѣ Клопштока, тотъ сказалъ ему: «Вы—ужасный человѣкъ: вы побили 50,000 храбрыхъ нѣмцевъ».

***) Они собраны подъ названіемъ Cinquante chants français. Paris 1825.

сильно отразиться на театрѣ, который во Франціи еще со временъ Вольтера сдѣлался ареной для своеобразной публицистики.

Въ началѣ революціи количество театровъ въ Парижѣ возростало необыкновенно быстро *), и какъ старыя, такъ и вновь появляющіяся пьесы внушали публикѣ большой, но не художественный интересъ: актеры подчеркивали голосомъ, а зрители аплодисментами даже стихи Корнеля или Расина, которые могли быть примѣнены къ настоящимъ обстоятельствамъ. Зрители часто приходили въ театръ не смотрѣть, а дѣйствовать: чему свистала одна партія, тому неистово аплодировала другая (обыкновенно ложи воюютъ съ партеромъ). Въ это время охотно возобновляютъ старыя, снятыя цензурой или недопущенныя ею либеральныя пьесы. Появляется масса пьесъ тенденціозныхъ въ смыслѣ революціонномъ, но нѣтъ недостатка и въ комедіяхъ-сатирахъ, осмѣивающихъ революцію. Форма драмы отъ этого, конечно, сильно страдаетъ, но содержаніе ея пріобрѣтаетъ нѣчто аристофановское. Но 2 августа 1793 г. конвентъ постановилъ закрывать «развращающіе» театры и директоровъ подвергать наказанію. Съ этихъ поръ даются только «патріотическія» пьесы, которыя пекутся, какъ блины, и съ художественной стороны могутъ удовлетворять только невзыскательный раекъ.

Вотъ характерныя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Республиканскій супругъ», «Короли и народы», «Взятіе Бастиліи», «Разбойники Вандеи», «Папесса Іоанна», «Драгуны и бенедиктинки», «Эмигрантка и Якобинецъ» и пр. и пр. Любопытна пьеса «Робертъ, атаманъ разбойниковъ» **), которая оказывается передѣлкой (конечно, крайне грубой) Шиллеровыхъ Разбойниковъ; республиканскому драматургу понравились тирады Карла Мора противъ существующаго порядка вещей, но онъ счелъ нужнымъ измѣнить окончаніе: Робертъ (т.-е. Карлъ) беретъ зáмокъ приступомъ, освобождаетъ отца и женится на Амаліи.

Во времена террора полицейская цензура была до того строга и чувствительна, что даже въ пьесахъ Вольтера принуждала дѣлать «купюры» или замѣнять одинъ стихъ другимъ ***). Говорятъ, что если актеру приходилось сказать какую-нибудь нереспубликанскую фразу,

*) Въ 1790 г. считалось 78 театровъ.

**) Robert chef de brigands напечатана въ 1794 г. chez la citoyenne Toubon; авторъ ея Lamartellière (см. Welschlinder, стр. 211).

***) Напр. въ пьесѣ Вольтера Брутъ говоритъ:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons,
C'est agir en tyran nous qui le punissons.

Второй стихъ кололъ глаза конвенту и его, портя риѳму, замѣняли такимъ образомъ:

Ne peut être permis qu'en révolution.

онъ подходилъ къ рампѣ и заявлялъ публикѣ, что это не его убѣжденія. Всѣ эти нелѣпости, конечно, окончились вмѣстѣ съ терроромъ.

Во время революціи и отчасти въ связи съ нею въ сценическомъ искусствѣ замѣчается и важный шагъ впередъ: явился Тальма, а съ нимъ вмѣстѣ и историческая вѣрность костюмовъ, о которой хлопоталъ еще Вольтеръ, и большій реализмъ въ изображеніи страстей. Въ періодъ псевдоклассицизма Менелаи и Бруты выходили на сцену въ современныхъ кафтанахъ и парикахъ, и всѣ думали, что иначе это быть не можетъ. Когда Тальма потребовалъ, чтобы актеры въ римскихъ пьесахъ выходили въ тогахъ, одинъ старый актеръ наивно возразилъ ему, что тогда некуда будетъ прятать табакерку.

Такъ какъ революціей руководили классически образованные идеалисты, старавшіеся возможно болѣе перенести изъ древности въ жизнь (что между прочимъ сильно отражается и въ исторіи костюма временъ республики и директоріи), то и въ искусствѣ возрожденіе истиннаго классицизма было привѣтствуемо, какъ важный шагъ впередъ.

Самые крупные таланты, выдвинутые, и отчасти созданные революціонной эпохой, безъ сомнѣнія, братья Шенье.

Въ семидесятыхъ годахъ однимъ изъ болѣе видныхъ салоновъ Парижа былъ салонъ M-me Шенье, по происхожденію гречанки. Ея мужъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ, разбогатѣлъ тамъ торговлей, женился и прижилъ двухъ сыновей: Андрея (1762—1794) и Жозефа (1764—1811). Въ 1773 г. семейство Шенье переѣхало въ Парижъ. Въ салонѣ умной гречанки бывали литераторы и ученые, между прочимъ знаменитый химикъ Лявуазье, живописецъ Давидъ и др.; когда пріѣзжалъ въ Парижъ Альфіери, онъ провелъ тамъ цѣлый рядъ вечеровъ. Братья Шенье получили отличное образованіе; съ особеннымъ усердіемъ изучалъ классиковъ Андрей, мальчикъ серьезный, вдумчивый и сдержанный; Жозефъ былъ живѣе и практичнѣе. Окончивъ курсъ въ Наваррской коллегіи въ Парижѣ, братья поступили въ военную службу, но скоро оба вышли въ отставку. Въ 1784 г. Андрей отправился путешествовать по Италіи и востоку, откуда вернулся еще съ большей любовью къ древности, къ поэзіи и независимости, и еще съ большимъ отвращеніемъ отъ заботъ о ежедневной жизни.

Въ 1787 г. онъ прикомандировался къ французскому посольству въ Лондонѣ, гдѣ и оставался, не смотря на частые приступы тоски *), до 1790 г. Революція вызвала его на родину; онъ присталъ къ

*) Вотъ какъ онъ выражаетъ въ одномъ стихотвореніи свое душевное состояніе: «безъ близкихъ, безъ друзей и пріятелей, всѣми забытый, отторгнутый отъ семьи, отброшенный волнами на жалкій островъ, я только и дѣлаю, что повторяю сладкое имя родины, одинъ передъ чернымъ каминомъ оплакивая свою судьбу».

партіи конституціонныхъ роялистовъ и, благодаря литературному таланту и безстрашію, сдѣлался въ ней виднымъ дѣятелемъ.

Между тѣмъ Жозефъ Шенье еще въ 1786 г. выступилъ на поприще драматурга съ трагедіей «Azémire», которая имѣла небольшой успѣхъ, но не понравилась начальству, что сдѣлало ея автора, и безъ того наклоннаго къ либеральнымъ воззрѣніямъ, совсѣмъ демократомъ. Въ 1788 г. онъ написалъ трагедію Карлъ IX, которая не была допущена на сцену за свободомысліе. Но 19 августа 1789 г. театральная публика, предводимая Дантономъ, стала криками требовать постановки Карла IX, и эта трагедія 4 ноября прошла съ огромнымъ успѣхомъ, такъ что авторъ ея сразу сдѣлался героемъ дня.

Пьеса очень мало имѣетъ въ себѣ историческаго; гугенотовъ почти нѣтъ на сценѣ; все дѣйствіе (кромѣ эффектнаго эпизода благословенія мечей) происходитъ за кулисами; но публика наслаждалась эффектно-либеральными монологами, преисполнялась отвращеніемъ къ королю-убійцѣ и отождествляла Генриха Беарнскаго съ герцогомъ орлеанскимъ, и адмирала Колиньи—съ Лафайетомъ.

Двѣ слѣдующія пьесы Жозефа Шенье: Генрихъ VIII и Жанъ Каласъ, написанныя въ томъ же духѣ и родѣ, тоже имѣли успѣхъ, но не такой подавляющій. Жозефъ сблизился съ якобинцами и былъ членомъ конвента.

Между тѣмъ Андрей, горячо привѣтствовавшій первые шаги революціи (см. его оду: Le jeu de paume) *), скоро усмотрѣлъ въ крайней лѣвой будущихъ тиранновъ и началъ съ ними войну. «О мой народъ, взывалъ онъ въ сильныхъ, классически отточенныхъ стихахъ: бойся своихъ жадныхъ льстецовъ! Ты слушаешь сотни краснорѣчивыхъ палачей, которые называютъ себя твоими друзьями и возбуждаютъ въ тебѣ жажду крови» **). Онъ издаетъ брошюру подъ заглавіемъ: «Совѣтъ французамъ относительно ихъ истинныхъ враговъ» ***), въ которой предостерегаетъ согражданъ противъ деспотизма, въ какой бы формѣ и въ какомъ бы костюмѣ ни появлялся онъ; брошюра имѣла

---

*) У Пушкина (см. стих. Андрей Шенье. I т. изд. лит. фонда 337—342) Шенье говоритъ, обращаясь къ свободѣ:

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ.

**) У Пушкина:

О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ! о позоръ!

***) Avis aux Français sur leurs véritables ennemis.

огромный успѣхъ. Эта брошюра и газетныя статьи возбуждали противъ поэта сильную ненависть якобинцевъ, но особенно раздражила ихъ сатира, написанная Андреемъ по поводу тріумфа, который устроили въ Парижѣ взбунтовавшимся и теперь прощеннымъ солдатамъ изъ Нанси (живописецъ Давидъ и Жозефъ Шенье участвовали въ устройствѣ торжества). Преслѣдованія якобинцевъ не запугали Андрея Шенье: «почетно и сладко, говоритъ онъ, возвѣщеніемъ истины навлечь ненависть дерзостныхъ деспотовъ, которые угнетаютъ свободу во имя свободы» *).

Послѣ ареста короля, Андрей Шенье довольно долго скрывался отъ враговъ въ окрестностяхъ Парижа, но затѣмъ имѣлъ неосторожность вернуться въ городъ и тамъ былъ арестованъ.

Позднѣе на Жозефа клеветали, будто онъ отвернулся отъ брата, котораго могъ легко спасти по своимъ связямъ съ якобинцами. Но теперь дознано, что Жозефъ, пока самъ былъ въ силѣ, помогалъ брату (онъ нашелъ ему квартирку въ Версали), но уже въ 1792 г. его трагедія «Кай Гракхъ» возбудила подозрительность монтаньяровъ, и послѣ казни короля онъ самъ долженъ былъ скрываться отъ враговъ и каждую ночь мѣнялъ жилище.

Андрей былъ посаженъ въ тюрьму св. Лазаря и просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ежедневномъ ожиданіи смерти, но въ разнообразномъ и хорошемъ обществѣ. Тамъ испыталъ онъ въ послѣдній разъ идеальное чувство и написалъ одно изъ самыхъ задушевныхъ своихъ стихотвореній: «Молодая плѣнница» **); но тамъ же выражалъ онъ и свою жгучую ненависть къ утѣснителямъ, въ битвѣ съ которыми онъ не имѣлъ возможности «опустошить свой колчанъ» ***).

Оставалось немного дней до паденія Робеспьера; доживи Андрей до этого, онъ былъ бы спасенъ; но за него хлопотали и черезъ это

*) У Пушкина:

Гордись и радуйся, поэтъ!
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ.
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ.

**) «La jeune captive» къ M-lle de Coigny; у Пушкина:

«И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

***) Mourir sans vider mon carquois,
Sans percer, sans fouler, sans pétrir dans la fange
Le bourreaux barbouilleurs de lois!

напомнили объ немъ, и онъ посланъ былъ на смерть. По дорогѣ къ гильотинѣ, куда онъ ѣхалъ съ поэтомъ Руше *) (Roucher), друзья, говорятъ, декламировали Андромаху Расина; взойдя на эшафотъ, Шенье коснулся до головы своей и сказалъ: Pourtant j'avais quelque chose là (25 іюля 1794 г.).

Стихотворенія Андрея Шенье были собраны и изданы въ первый разъ только въ 1819 г. и оказали сильное вліяніе на публику и критику. Онъ, какъ и Буало, исходитъ изъ изученія древнихъ; отъ нихъ унаслѣдовалъ Шенье силу и изящество стиха и энергію образовъ; но его лирическія произведенія, въ которыхъ классицизмъ переходитъ въ реализмъ и въ которыхъ сбиты всѣ границы между высокимъ и низкимъ слогомъ, и оды послѣдователей Буало—полная противуположность другъ другу. Для всѣхъ стало ясно, что или Буало или Шенье не понимаютъ древнихъ; долго колебаться между ними не было возможности, и съ тѣхъ поръ стали рѣзко отличать ложный классицизмъ отъ истиннаго.

Жозефъ Шенье былъ позднѣе членомъ совѣта пятисотъ; 18 брюмера онъ былъ на сторонѣ Бонапарта, но потомъ оставилъ его **). Его трагедія Тиверій не была допущена на сцену, а за свое Посланіе къ Вольтеру онъ лишился послѣдняго своего мѣста. Тѣснимый нуждою, онъ послѣ продолжительной внутренней борьбы обратился за помощью къ Наполеону, который и назначилъ ему пенсію въ 8000 франковъ, послѣ чего, конечно, перо Шенье лишилось своей независимости. Онъ былъ членомъ академіи, по порученію которой писалъ исторію французской литературы съ 1789 г. Онъ умеръ 1891 г., и его мѣсто въ академіи занялъ Шатобріанъ.

Изъ другихъ поэтовъ революціонной эпохи назовемъ Лебрюна, Фабра д'Эглантина и Колленъ д'Арвиля. Лебрюнъ (Ponce Denis Ecouchard Lebrun, род. 1729, ум. 1807 г.) прославлялъ терроръ, писалъ кантаты на республиканскіе праздники, оду на праздникъ Высшаго Существа и пр. Конвентъ почтилъ его

*) Jean Antoine Roucher род. въ Монпелье 1745 г., воспитывался въ іезуитской коллегіи и готовился въ священники, но увлекся поэзіей. Онъ писалъ лирическія пьесы и описательныя и дидактическія поэмы, въ которыхъ проводилъ принципы новой философіи; самая извѣстная изъ нихъ: «Мѣсяцы» вышла въ 1779 г. Онъ радостно встрѣтилъ первые шаги революціи, но отвернулся отъ ея крайностей. Наканунѣ казни съ него сняли портретъ, подъ которымъ онъ подписалъ слѣдующее четверостишіе, адресованное:
A ma femme, à mes amis, à mes enfants
Ne vous étonnez pas, objets sacrés et doux,
Si quelque air de tristesse obscurcit mon visage;
Quand un savant crayon dessinait cette image
J'attendais l'échafaud et je pensais à vous.

**) Жозефъ сочувствовалъ водворенію порядка, но оставался сторонникомъ народовластія. Его пьеса: Киръ, написанная имъ какъ бы для возвеличенія Наполеона, оканчивается не апоѳеозой героя, а наставленіемъ ему не забывать, что онъ всѣмъ обязанъ народу.

именемъ французскаго Пиндара; позднѣе онъ прославлялъ „возстановителя порядка" перваго консула и императора. Фабръ д'Эглантинъ (Philippe François Nazaire Fabre, род. 1755 г.) былъ другомъ Дантона и Камилла Дюмулена и вмѣстѣ съ ними былъ казненъ 1794 г.; онъ авторъ нѣсколькихъ недурныхъ комедій и мѣщанскихъ драмъ.

Колленъ д'Арвиль (Jean François Collin d'Harville род. 1755 г., ум. 1806 г.) по образованію былъ юристъ, но жилъ исключительно литературной работой. Онъ держался въ сторонѣ отъ политики и въ своихъ стихотвореніяхъ и комедіяхъ (самая извѣстная изъ нихъ Châteaux en Espagne 1789 г.), очень искусно соединялъ чисто-французскій добродушный юморъ съ классической формой.

Прежде чѣмъ перейти къ литературѣ реакціи, мы должны остановиться на одномъ оригинальномъ и вліятельномъ писателѣ, который, по характеру своихъ произведеній, почти въ одинаковой степени принадлежитъ дореволюціонной, революціонной и реакціонной Франціи и служитъ живымъ доказательствомъ глубокой внутренней связи между Руссо съ одной стороны и Шатобріаномъ и романтиками съ другой. Разумѣемъ Бернардэна де-Сенъ-Пьера.

Бернардэнъ де-Сенъ-Пьеръ (Jacques Henri Bernardin de Saint-Pierre) род. въ 1737 г. въ Гаврѣ. Портовый городъ съ множествомъ иностранныхъ моряковъ съ дѣтства внушилъ ему страсть къ странствованіямъ и приключеніямъ; къ тому же онъ зачитывался Робинзономъ Крузо и тогда уже мечталъ отправиться на какой-нибудь отдаленный островъ и основать тамъ колонію. 12-лѣтнимъ мальчикомъ онъ совершилъ съ своимъ дядей путешествіе въ Остъ-Индію. По возвращеніи онъ учился въ іезуитской коллегіи и мечталъ сдѣлаться пустынникомъ или миссіонеромъ; но отецъ отправилъ его въ Парижъ и заставилъ готовиться въ инженеры. Покончивъ ученье, Бернардэнъ отправился заграницу, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; потомъ уѣхалъ на Мальту защищать ее отъ Турокъ, вернулся домой безъ копѣйки денегъ и поссорился съ отцемъ. Тогда онъ задумалъ уѣхать въ Россію, которую считалъ совершенно дикой страной, гдѣ онъ можетъ примѣнить свои широкіе планы преобразованія человѣчества. Онъ былъ принятъ въ инженерный штабъ и подавалъ Екатеринѣ II свои гуманные, но неисполнимые проекты. Обиженный невниманіемъ къ послѣднимъ, онъ уѣхалъ въ Польшу, оттуда на службу къ Фридриху II, наконецъ опять вернулся на родину. Все это онъ успѣлъ продѣлать до 30 лѣтъ. Одинъ знакомый предложилъ ему казенное мѣсто на островѣ Иль-де-Франсѣ (у восточныхъ береговъ Африки). Онъ охотно принялъ предложеніе, такъ какъ все еще мечталъ о возможности устроить колонію счастливыхъ людей *). Онъ пробылъ тамъ 3 года

*) Эти попытки устройства идеальныхъ общинъ—очень распространенное и очень характерное явленіе дореволюціонной эпохи.

(1768—1771). Возвратившись во Францію, онъ рѣшился посвятить себя литературной дѣятельности и въ 1773 г. издалъ книгу: Voyage à l'Isle de France, которая не имѣла особаго успѣха, но сблизила его съ Даламберомъ и Руссо; послѣдній имѣлъ на него особенно сильное вліяніе, такъ какъ Бернардэнъ и самъ былъ того мнѣнія, что всѣ несчастія людей происходятъ вслѣдствіе ихъ удаленія отъ природы. Въ это время онъ задумалъ написать поэму въ прозѣ подъ названіемъ Аркадія, но остановился на 1-ой части. Въ 1784 г. онъ началъ печатать самое крупное свое произведеніе: Études de la nature и сразу сталъ литературной знаменитостью. Это не ученое изслѣдованіе, а эстетика гармоніи природы и родъ своеобразной теософіи (познаваніе чувствомъ творца изъ наблюденія надъ красотой сотвореннаго). Книга плѣняла искреннимъ одушевленіемъ, разнообразіемъ содержанія и поэтическимъ слогомъ; больше же всего понравилась приложенная къ 4-му тому повѣсть Павелъ и Виргинія, которая вскорѣ облетѣла всю Европу и пользовалась не меньшею славою, нежели Вертеръ Гёте.

Вотъ ея немудреный сюжетъ. На островѣ Иль де Франсѣ живутъ двѣ вдовы изъ разныхъ слоевъ общества: госпожа де Латуръ и Маргарита; онѣ живутъ въ большой бѣдности и въ удаленіи отъ общества, но зато покойно, тихо и въ дружескомъ согласіи. У первой есть дочь Виргинія, у второй сынъ Павелъ. Дѣти бѣгаютъ и играютъ и изрѣдка пользуются наставленіями добраго священника; они выростаютъ идеально-нравственными, потому что не соприкасаются съ цивилизаціей, и всѣ высокія идеи получаютъ непосредственно отъ природы и своихъ неиспорченныхъ душъ; они живутъ, какъ Адамъ и Ева въ раю. Дѣти выросли, и ихъ дружба обратилась въ сильную, но чистую любовь. Одна родственница г-жи Латуръ вызываетъ Виргинію въ Парижъ, обѣщая сдѣлать ее своей наслѣдницей. Мать не устояла передъ искушеніемъ, а Виргинія имѣла въ виду облегчить жизнь матери и Павлу. Виргинія уѣхала, но не могла свыкнуться съ столичными порядками, а когда тетка задумала ее выдать по-парижски замужъ, она поссорилась съ ней и уѣхала домой. Но корабль, на которомъ она ѣхала, разбился у береговъ Иль-де-Франса, и Виргинія погибла, такъ какъ не хотѣла довѣрить свое спасеніе голому матросу, а Павелъ умеръ съ горя.

Проникнутыя теплымъ чувствомъ описанія картинъ природы (ихъ вспоминаетъ Гумбольтъ, когда въ первый разъ проѣзжаетъ подъ тропиками), два идеальные характера, высокій подъемъ нѣжныхъ чувствъ и искусно проведенная тенденція въ духѣ времени сдѣлали эту повѣсть любимымъ чтеніемъ всѣхъ, кто былъ отъ природы чувствителенъ или хотѣлъ казаться таковымъ. Любопытное знаменіе времени: даже Наполеонъ увлекался Павломъ и Виргиніею! Но и до сихъ поръ литература не знаетъ болѣе совершенной идилліи; только теперь весь этотъ видъ поэзіи признается ложнымъ.

Таже тенденція еще съ большей рѣзкостью проводится и въ другой повѣсти, напечатанной при той-же книгѣ Бернардэна; эта повѣсть называется: Индѣйская хижина (La chaumière indienne) и

описываетъ счастіе, котораго достигъ вдали отъ общества одинъ мудрый парія съ спасенной имъ отъ костра вдовой брамина. Эта повѣсть оканчивается такимъ характернымъ изреченіемъ: «Истину слѣдуетъ искать простымъ сердцемъ; ее можно найти только въ природѣ и можно высказать только честнымъ людямъ».

Революцію Бернардэнъ встрѣтилъ сочувственно; онъ и въ это время остается вѣренъ своимъ мечтамъ, и въ брошюрѣ Voeux d'un solitaire предлагаетъ учредить международную колонію съ однимъ храмомъ для всѣхъ богослуженій. Въ 1792 г. онъ былъ сдѣланъ интендантомъ королевскихъ садовъ, но въ слѣдующемъ году, естественно, лишился этого мѣста. Во время террора онъ довольно спокойно прожилъ въ деревнѣ подъ Парижемъ. Послѣ паденія Робеспьера ему предложили каѳедру въ École Normale, а позднѣе онъ сдѣлался членомъ академіи. Первый консулъ наградилъ его литературныя заслуги пенсіей. Онъ ум. въ 1814 г.

Бернардэнъ де-Сенъ-Пьеръ—самый яркій и вліятельный представитель сентиментализма во Франціи, т.-е. того направленія, которое составляетъ естественный переходъ отъ дореволюціоннаго всеобщаго увлеченія идеями Руссо къ раннему романтизму Шатобріана.

Рядомъ съ нимъ нельзя не упомянуть двухъ современныхъ ему и родственныхъ по направленію лирическихъ поэтовъ Франціи, также находившихся подъ особымъ покровительствомъ Наполеона и когда-то считавшихся знаменитостями первой величины: Делиля и Парни.

Жакъ Делиль родился въ 1738 г. въ Оверни (онъ былъ незаконный сынъ адвоката Монтанье), воспитывался въ Парижѣ, гдѣ получилъ отличное классическое образованіе, былъ учителемъ древнихъ языковъ въ Аміэнѣ, потомъ въ Парижѣ, и впервые получилъ извѣстность своимъ стихотворнымъ переводомъ Георгикъ Виргилія (1770 г.); черезъ 4 года его сдѣлали членомъ академіи. Его дидактическая поэма: Сады или искусство украшать пейзажи (Les jardins ou l'art d'embellir les paysages 1780 г.) *) представляетъ искусную попытку соединить академическую поэзію предшествующихъ поколѣній съ моднымъ обожаніемъ природы и потому одинаково нравилась и литературнымъ старовѣрамъ и поклонникамъ Руссо. Революція, такъ сказать, обошла его; онъ не сочувствовалъ террористамъ, но террористы сочувствовали ему, какъ поэту, и Робеспьеръ былъ изъ числа горячихъ его поклонниковъ. Въ 1795 г. онъ покинулъ Францію, и въ Швейцаріи докончилъ свою поэму Земледѣлецъ или французскія Георгики (L'homme des champs ou les Géorgiques françaises 1800 г.), въ которой природа отражается въ томъ же вылощенномъ и вычищенномъ видѣ, какъ и въ Садахъ. Возвра-

*) Ее переводилъ на русскій языкъ А. Ѳ. Воейковъ, авторъ Дома сумасшедшихъ.

тившись въ Парижъ въ 1801 г. онъ получилъ каѳедру въ Collège de France; въ 1804 г. онъ издалъ свой переводъ Энеиды, въ 1805 г.— Потеряннаго Рая, въ 1806 г. стихотвореніе: L'imagination, а въ 1808 г.—Три царства природы. Ум. въ 1813 г.

Эваристъ Дезире Дефоржъ виконтъ де Парни (Parny) род. въ 1753 г., на островѣ Бурбонѣ; 9 лѣтъ онъ былъ посланъ во Францію въ Реннскую коллегію. Въ дѣтствѣ онъ мечталъ сдѣлаться монахомъ, а по окончаніи курса попалъ въ полкъ, въ кружекъ офицеровъ эпикурейцевъ. 20 лѣтъ онъ былъ вызванъ родителями домой и влюбился въ свою ученицу по музыкѣ (онъ обладалъ замѣчательно музыкальнымъ ухомъ), молоденькую креолку, но отецъ не позволилъ ему жениться на ней; онъ уѣхалъ во Францію, а «Элеонору»—подъ этимъ именемъ онъ воспѣвалъ свою возлюбленную—выдали замужъ за французскаго доктора. Въ 1777 г. Парни издалъ сочувственную оду къ инсургентамъ Бостона, а въ 1778 г.—свои Poésies érotiques, рядъ полуэлегій, полуидиллій, оплакивающихъ его несчастную любовь и воспѣвающихъ красоты природы и простую жизнь на ея лонѣ. Изъ Индіи, гдѣ онъ служилъ потомъ, онъ вывезъ Chansons madecasses, очень искусную поддѣлку подъ пѣсни дикарей. Во время революціи, которой онъ сочувствовалъ только отчасти (онъ не любилъ духовенства), онъ лишился своего состоянія и съ этихъ поръ жилъ бѣднякомъ. Въ 1799 г. онъ издалъ свою сатирическую поэму: Войну боговъ (La guerre des Dieux), которая имѣла огромный успѣхъ (послѣдовало одно за другимъ 3 изданія и нѣсколько контрафакцій). Въ 1803 г. онъ сталъ членомъ академіи и началъ писать патріотическія пѣсни. Онъ умеръ въ 1814 г.

Парни, какъ и Делиль, отличается замѣчательной чистотой и законченностью формы; Сенъ Бевъ называетъ его Anacreon attendri.

Его Война боговъ—послѣднее слово скептицизма XVIII вѣка, но скептицизма уже не побѣдоноснаго, а озлобленнаго, раздраженнаго собственнымъ безсиліемъ. За нимъ естественно долженъ слѣдовать Духъ христіанства Шатобріана.

Въ политической жизни Франціи и отчасти всей западной Европы мы отличаемъ реакцію временную и, такъ сказать, поверхностную, выразившуюся въ такъ-называемомъ бѣломъ террорѣ (избіеніи якобинцевъ) и въ томъ повсемѣстномъ раздраженіи противъ французовъ, которое вызвала казнь короля, отъ глубокой и продолжительной реакціи, завершенной основаніемъ священнаго союза. Такъ и въ сферѣ духовной жизни надо отличать ту кратковременную разнузданность духа и нравовъ, которая выразилась въ массѣ шутливыхъ до

буфонства пѣсенокъ и скандалезныхъ повѣстей и романовъ, и въ страсти къ зрѣлищамъ, овладѣвшей во времена директоріи Парижемъ, а за нимъ и всей Франціей, отъ глубокаго разочарованія въ истинности идей XVIII вѣка, которое обусловливаетъ весь ходъ умственнаго движенія въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Эта вліятельная и продолжительная реакція — о ней только мы и будемъ говорить, такъ какъ реакція временъ директоріи-фактъ, слишкомъ незначительный—начинается еще въ самый разгаръ революціи среди эмигрантовъ. Усматривая несомнѣнную связь между той «философіей», которую восприняла съ такой радостью вся молодая Франція, и разрушеніемъ всякаго общественнаго порядка, эмигранты. естественно, могли придти къ заключенію, что недорогого стоитъ и сама эта «философія». Тогда-то подняли свой голосъ люди, бывшіе исконными врагами новыхъ идей, но молчавшіе по необходимости. чтобы не идти въ разрѣзъ съ всеобщимъ убѣжденіемъ; тогда принялись вновь пересматривать всѣ основные выводы вѣка просвѣщенія и стали подвергать критикѣ, далеко, впрочемъ, не объективной, ученіе энциклопедистовъ.

Первый и самый существенный пунктъ, въ которомъ философія XVIII вѣка начала терять кредитъ, былъ вопросъ религіозный. Люди въ несчастіи особенно нуждаются въ религіозномъ утѣшеніи; люди, лишенные отечества, наклонны высоко цѣнить тотъ культъ, который освящалъ ихъ дѣтскіе годы. Эмигранты соединяли оба эти условія, и заграницей масса послѣдователей Вольтера обратилась въ добрыхъ католиковъ или, по крайней мѣрѣ, увѣровала въ необходимость католицизма для толпы народной; а народная толпа внутри Франціи еще задолго до возвращенія эмигрантовъ оказалась въ этомъ случаѣ вполнѣ на ихъ сторонѣ.

Одинъ изъ современниковъ *) говоритъ: «Чтобы понять всю силу евангельскаго слова: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, нужно было видѣть и раздѣлять неудержимое стремленіе, съ которымъ толпы народа бросились въ церкви, еще носившія слѣды недавнихъ профанацій». Онъ разсказываетъ, какъ радостный плачъ заслушалъ пѣніе и звуки органа; какъ сотнями крестили и маленькихъ дѣтей и подростковъ, какъ огуломъ освящали браки, уже давно заключенные; какъ служили панихиды по тысячамъ умершихъ и убитыхъ и какъ колокольный звонъ, увеселявшій всѣ сердца, раздавался съ утра до вечера. Авторъ разсказываетъ про себя (онъ род. въ 1792 г.), что его игрушками были исключительно модели тѣхъ вещей, которыя онъ видѣлъ въ церкви; когда онъ подросъ, онъ изъ

*) Pio, основатель новой школы въ исторіи искусства. См. его Épilogue à l'art chrétien. 1870.

всѣхъ силъ домогался, чтобы ему позволили прислуживать въ церкви и, получивъ наконецъ въ свои руки кадило, считалъ себя на верху блаженства.

При такомъ настроеніи народа и подростающаго поколѣнія невозможно считать ошибкой конкордатъ, которымъ первый консулъ снова соединилъ въ 1801—1802 г. Францію съ католическимъ міромъ. Положимъ, не все общество было настроено такъ, какъ та бретонская окраина, о которой разсказываетъ вышеприведенный авторъ, и въ Парижѣ кардинала, заключавшаго конкордатъ, а потомъ предшествующій ему крестъ должны были прятать въ наглухо-закрытую карету; но въ общемъ религія была необходима всѣмъ, если не для духовнаго удовлетворенія, такъ для порядка *).

Въ томъ же нумерѣ оффиціальной газеты, въ которомъ говорилось о первомъ торжественномъ богослуженіи въ Notre Dame de Paris, было объявлено о выходѣ въ свѣтъ книги Шатобріана: «Духъ Христіанства».

Но прежде, нежели говорить объ авторѣ этой знаменитой книги, построившей мостъ между XVII и XIX вѣкомъ и возвратившей религію друзьямъ прогресса и свободы, считаемъ нужнымъ ненадолго остановиться на одномъ изъ самыхъ энергичныхъ представителей строго консервативныхъ убѣжденій, который смѣло выступилъ съ своимъ ученіемъ сейчасъ-же послѣ террора, и если не нашелъ толпы послѣдователей, то во всякомъ случаѣ былъ выслушанъ съ интересомъ и многихъ заставилъ призадуматься.

Виконтъ де Бональдъ род. въ 1754 г. въ провинціальной глуши, въ ранней юности служилъ въ королевскихъ мускетерахъ, но рано вышелъ въ отставку; въ 1790 г. онъ былъ предсѣдателемъ провинціальнаго собранія, но возмущенный дѣйствіями парижскаго правительства, онъ ушелъ въ армію эмигрантовъ, а потомъ поселился въ Гейдельбергѣ. Въ 1796 г. онъ издалъ свою книжку: Теорія политической и церковной власти (Théorie du pouvoir politique et religieuse) и послалъ экземпляръ Бонапарту; тотъ вычеркнулъ его имя изъ списка эмигрантовъ и позднѣе пригласилъ его къ себѣ на службу. Бональдъ вернулся во Францію и, оставаясь въ душѣ роялистомъ, терпѣлъ Наполеона, какъ представителя абсолютной власти. Ему предлагали быть воспитателемъ короля Римскаго, но онъ отказался отъ этой

*) Наполеонъ, истинное дитя своего времени въ этомъ отношеніи, вотъ какъ пишетъ о конкордатѣ на островѣ св. Елены: Je me servais de la réligion comme de base et de racine. Elle était à mes yeux l'appui de la morale, des vrais principes et des bonnes moeurs. D'ailleurs, l'inquiétude de l'homme est telle qu'il lui faut le vague de mystère. Mieux vaut donc pour lui prendre là le merveilleux que de le demander à Cagliostro, à madame Le-Normand, à toutes les diseuses de bonne aventure et à des fripons.

чести. При реставраціи онъ былъ депутатомъ, потомъ перомъ Франціи и всегда держался крайне консервативныхъ убѣжденій. Онъ умеръ въ 1840 г. Бональда называли Робеспьеромъ реакціи. Дѣйствительно, мы находимъ у него ту же самую прямолинейность и послѣдовательность, ту же безжалостность ко всему, что противится его теоріи, въ которую онъ вѣритъ, какъ въ евангеліе. На разумъ человѣческій онъ, въ противуположность писателямъ XVIII в., смотритъ, какъ на сосудъ всякой мерзости. Его результатъ — наука приноситъ только одинъ вредъ человѣчеству. Бональдъ серьезно увѣряетъ, что всѣ такъ-называемыя изобрѣтенія и усовершенствованія гораздо болѣе вредны, чѣмъ полезны. Онъ даже возстаетъ противъ замѣны дровъ каменнымъ углемъ: гдѣ всѣ печи нагрѣваются этимъ новооткрытымъ топливомъ, тамъ непремѣнно возникаетъ недовольство существующимъ порядкомъ.

Все воспитаніе должно быть направлено къ тому, чтобы сдержать безпокойный умъ и научить человѣка повиновенію. Семья, въ которой дѣти говорятъ родителямъ ты и въ которой господствуетъ принципъ равенства, не есть семья, а нѣчто до крайности безобразное *); въ здоровой семьѣ все должно быть основано на авторитетѣ отца. Но лучшее воспитаніе, какое можетъ получить будущій гражданинъ, есть воспитаніе общественное, корпусное, гдѣ господствуетъ суровая дисциплина. (Вспомнимъ, что необходимость суроваго и общественнаго воспитанія доказываютъ и теоретики террора, но любопытно различіе въ исходномъ пунктѣ: цѣль С. Жюста—счастіе человѣчества; цѣль Бональда—самосохраненіе).

Взрослые люди съ пользою могутъ сходиться или въ церкви или въ арміи, потому что только тамъ они слушаютъ и слушаются; всѣ другія ихъ сходки слѣдуетъ разгонять силою.

Государь есть образъ Бога на землѣ и пытаться ограничить его власть такъ же нелѣпо и грѣховно, какъ и пытаться ограничить Бога. Религія необходима для государства, такъ какъ она поддерживаетъ авторитетъ абсолютнаго монарха. Пошатнутъ люди существующій порядокъ въ одномъ пунктѣ, это отразится на всемъ строѣ; а расшатается весь строй, наступитъ революція, которая есть ничто иное, какъ рядъ глупостей, сдѣланныхъ людьми умѣлыми, рядъ нелѣпостей, сказанныхъ людьми умными, рядъ преступленій, совершенныхъ людьми честными.

Его послѣдовательность доходитъ иногда до свирѣпой ироніи. Совершилъ кто-нибудь святотатство; что съ нимъ дѣлать? Самое простое дѣло: «отошлите виновнаго къ его естественному судьѣ».

*) См. его брошюру: О разводѣ (1801 г.), которая имѣла вліяніе на ходъ преній во французской палатѣ.

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и его сверстникъ графъ Жозефъ де-Местръ (род. въ 1754 г., ум. въ 1826), который съ 1803 г. былъ Савойскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; онъ исходилъ изъ принципа первороднаго грѣха и изъ убѣжденія, что цѣль правительства—поставить людей въ такія условія, чтобы они окупали этотъ грѣхъ покаяніемъ. Онъ и революцію считаетъ божественнымъ дѣломъ, такъ какъ ею Господь наказалъ грѣшный міръ. Единственное спасеніе въ теократическомъ абсолютизмѣ, теорію котораго онъ развиваетъ въ своей книгѣ «Опытъ о производительномъ принципѣ политическихъ конституцій» (Essai sur le principe générateur des constitutions politiques. Спб. 1810).

Что голоса Бональда и де-Местра вовсе не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, всего лучше доказывается ежедневной прессой того времени *). Самой популярной газетой тогда былъ до сихъ поръ существующій Journal des Débats, за которымъ внимательно слѣдилъ и первый консулъ. Въ немъ фельетономъ завѣдуетъ ярый роялистъ-эмигрантъ; революціонеровъ иначе не называютъ, какъ разбойниками. Но съ особенною ненавистью преслѣдуютъ Вольтера, котораго ругаютъ почти каждый день и кстати и не кстати. Его выставляютъ плохимъ патріотомъ, чуть не измѣнникомъ, за его похвалы Фридриху и англичанамъ; самыя благородныя его дѣянія, какъ напр. дѣло Каласа, называютъ плачемъ крокодила. Въ томъ же «передовомъ» журналѣ поднимаются голоса противъ точныхъ наукъ, слышится сомнѣніе въ теоріи обращенія земли вокругъ солнца. Вообще открыто выражаются симпатіи къ XVII вѣку и сильная ненависть къ эпохѣ просвѣщенія. Эти крайности реакціи вызываютъ изрѣдка полемику, но робкую и бездарную.

Другая популярная газета того времени: Mercure de France тоже стоитъ на сторонѣ реакціи и нападаетъ на «философію» и на Англію; а въ ней участвуютъ самые модные писатели: Лагарпъ и Шатобріанъ.

Jean François de Laharpe род. въ Парижѣ въ 1739 г. (ум. 1803 г.), былъ очень бѣденъ, учился въ коллегіи Аркура, блестящимъ образомъ окончилъ тамъ курсъ, но сейчасъ же попалъ въ тюрьму за сатиру на своихъ бывшихъ наставниковъ; онъ дебютировалъ въ печати томикомъ Героидъ; въ 1763 г. онъ поставилъ трагедію Варвикъ, которая имѣла большой успѣхъ, несмотря на крупные недостатки; но слѣдующія его пьесы проваливались. Уже женатый, онъ нашелъ убѣжище отъ своихъ заключеній въ Фернеѣ у Вольтера, который довольно высоко цѣнилъ его литературный вкусъ, но не опасался въ немъ соперника и обращался съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ. Въ 1768 г. онъ вернулся въ Парижъ и скоро принялъ на себя критическій отдѣлъ въ Меркуріи. Его идеи не отличаются глубиной и оригинальностью; зато въ предѣлахъ данной литературной теоріи онъ судитъ здраво и выражаетъ свои сужденія съ замѣчательной ясностью; но его рѣзкость и самомнѣніе сдѣлали его непріятнымъ для многихъ. Его драма: Меланія или монахиня, въ которой онъ нападаетъ на вынужденныя пострижения, не была дозволена къ представленію, но стала извѣстна всему интеллигентному Парижу, дала ему доступъ въ Академію въ 1776 г., при вступленіи

*) См. вышеуказанную книгу Шахова passim.

въ которую ему пришлось однако пережить тяжелыя минуты. Оставивъ критику, онъ опять обратился къ театру, на которомъ теперв имѣлъ больше успѣха. Съ 1786 г. онъ дѣлается профессоромъ Лицея, и лекціи его имѣютъ огромный успѣхъ: это, можно сказать, квинтъ эссенція французскаго классицизма, въ которой однако уже слышны кое-гдѣ новые мотивы. По политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ онъ былъ сперва ученикомъ Вольтера, потомъ пошелъ дальше его и радостно привѣтствовалъ республику, даже республику 1793 г. и читалъ лекціи въ красной якобинской шапкѣ; тѣмъ не менѣе въ 1794 г. онъ былъ арестованъ, въ тюрьмѣ прочелъ Псалмы и Евангеліе и вышелъ на свободу роялистомъ и такимъ ревностнымъ католикомъ, что, переводя Освобожденный Іерусалимъ, исправляетъ Тассо съ точки зрѣнія строгой церковности—такъ онъ выбрасываетъ Плутова и возмущается противъ выраженія: orrida maestà: въ примѣненіи къ сатанѣ, по его убѣжденію, слово maestà —,величіе совсѣмъ неумѣстно. Андріё (Jean Stanislav Andrieux изъ Страсбурга 1759—1833 гг.) осмѣялъ его переводъ въ очень извѣстныхъ въ свое время стихахъ, которые можно передать такимъ образомъ:

Не бойся: словно ледъ Армида у меня
Такъ говорилъ Лагарпъ передъ судьей суровымъ:
Клорида—дурища, Германія—квашня,
И нѣтъ нечестія въ моемъ стихѣ дубовомъ.
Мнѣ скука ханжества важнѣй, чѣмъ красота.
Не какъ извѣстности желающій писатель
Я Тасса перевелъ, а съ вѣрой во Христа,
За все, что нагрѣшилъ и я и мой читатель *).

Франсуа Рене виконтъ де Шатобріанъ (Châteaubriand) **), одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ писателей начала нашего столѣтія, родился 4 сентября 1768 г. въ Бретани въ городкѣ С. Мало. Отецъ его, отпрыскъ одной изъ благороднѣйшихъ, но сильно обѣднѣвшихъ фамилій страны, своимъ трудомъ и энергіей доставилъ семьѣ нѣкоторое благосостояніе; но онъ былъ человѣкъ съ тяжелымъ, суровымъ характеромъ и не могъ имѣть благотворнаго вліянія на дѣтей; будущій поэтъ и мыслитель во всей семьѣ любилъ только сестру Люсиль, болѣзненно экзальтированную дѣвочку, которая впослѣдствіи умерла почти сумасшедшею. Домашняя обстановка была мрачная и однообразная; всѣ развлеченія способнаго мальчика заключались въ оди-

*) Rassurez-vous: mon Armide est de glace,
Disait Laharpe à son cher directeur:
Clorinde est plate, Herminie est sans grâce,
Mes vers dévots ont quelque pesanteur—
Un saint ennui du plaisir prend la place.
Car ce n'est point par un orgueil d'auteur,
C'est en chrétien que je traduis le Tasse
Pour mes péchés et pour ceux du lecteur.

**) Лучшими монографіями о Шатобріанѣ считаются: Villemain: Ch., sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique (2 vv. Paris 1858, о ней см. статью Ив. К-на-ча въ Совр. за 1857 г. № 12); Sainte-Beuve: Ch. et son groupe littéraire sous l'empire. 3 vv. Paris 1866, 2-е изд. 1873; Carné: Étude sur la vie et les ouvrages de Ch. Paris 1874.

нокихъ прогулкахъ. За плохимъ домашнимъ воспитаніемъ слѣдовало плохое ученіе въ мѣстной коллегіи; хотя мальчикъ обладалъ необыкновенно сильной памятью, онъ занимался охотно только римскими лириками: Катулломъ и Гораціемъ, и Массильономъ. Потомъ онъ перешелъ въ высшую реймскую школу, гдѣ поневолѣ долженъ былъ заняться математикой, къ которой чувствовалъ отвращеніе. Шатобріанъ былъ религіозенъ съ дѣтства и при конфирмаціи чувствовалъ себя въ духовномъ восторгѣ. Изъ школы онъ вернулся домой въ выкупленный отцемъ зàмокъ Комбургъ и провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ мечтахъ и уединеніи. Въ 20 лѣтъ это былъ юноша робкій и неловкій, плохо образованный, совсѣмъ незнающій жизни, но самолюбивый и горячій, съ страшно развитымъ воображеніемъ и чувствительностью. Послѣ неудачной попытки поступить въ морскую службу, къ которой предназначалъ его отецъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ и поступилъ въ полкъ. Тамъ онъ попалъ въ кружокъ либеральныхъ дворянъ и самъ сдѣлался другомъ свободы и «философіи»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекся литературой, началъ усердно пополнять свое образованіе чтеніемъ и уже въ 1790 г. онъ дебютировалъ стихотвореніемъ: «Любовь къ деревнѣ» въ «Альманахѣ Музъ».

Въ 1791 г. онъ былъ командированъ въ Америку, дѣвственная природа которой произвела на него сильное и благотворное впечатлѣніе и пробудила въ немъ жаръ творчества. Въ Америкѣ узналъ онъ о побѣдѣ республиканцевъ и о бѣгствѣ и арестѣ короля. По возвращеніи онъ сталъ горячимъ роялистомъ; его женили, чтобы экипировать и отослать въ армію эмигрантовъ; онъ участвовалъ въ войнѣ, былъ раненъ, спасся отъ смерти почти чудомъ и бѣжалъ въ Англію. Тамъ ему жилось очень плохо: пришлось голодать, перебиваться уроками французскаго языка и переводами.

Но въ немъ открылась замѣчательная способность работать, онъ могъ не вставать изъ-за письменнаго стола 12 часовъ подъ рядъ. Днемъ онъ работалъ для книгопродавцевъ, а ночью—для себя, надъ своимъ первымъ трактатомъ: «Опытъ о революціяхъ» *), который вышелъ въ свѣтъ въ 1797 г.

Молодой авторъ показалъ въ немъ поразительную начитанность и умѣнье писать чрезвычайно симпатично, совершенно своеобразнымъ слогомъ, чѣмъ-то въ родѣ поэтической прозы. Онъ не былъ врагомъ революціи въ цѣломъ, а только врагомъ ея крайностей. Но въ общемъ логика его слаба, сравненія натянуты, и по всему видно, что политика не его сфера.

---

*) Полное заглавіе: Essai historique, politique et morale sur les révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs raports avec la révolution française de nos jours. Переведенъ на русскій языкъ Дм. Вороновымъ, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1817 г.

Тамъ же въ Англіи возродилось въ немъ сильное религіозное чувство, сѣмена котораго были въ него вложены еще въ дѣтствѣ и въ школѣ; поводомъ для его обращенія, какъ онъ самъ говоритъ, была смерть матери, за которою скоро послѣдовала въ могилу его любимая сестра Люсиль *).

Тогда онъ задумалъ свою знаменитую книгу: **Духъ христіанства** и обработалъ значительную ея часть. Въ 1800 г. онъ могъ вернуться во Францію, гдѣ сошелся съ кружкомъ писателей реакціонеровъ. Въ 1801 г. онъ издалъ, какъ отрывокъ изъ своей будущей книги, оригинальную повѣсть: **Атала или любовь двухъ дикарей.** Эта небольшая повѣсть съ несложнымъ и страннымъ сюжетомъ **) всѣхъ поразила оригинальностью мысли и такъ понравилась прелестью языка, что она въ одинъ годъ выдержала 5 изданій.

Само собой разумѣется, что 20 лѣтъ назадъ такой клочекъ средневѣковаго аскетизма, такая апоѳеоза безбрачія, изложенная съ обстоятельностью и реализмомъ, свойственными новому роману, только возбудила бы смѣхъ; теперь же она нашла себѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Съ другой стороны горячая любовь къ природѣ и идеализація жизни дикарей были вполнѣ во вкусѣ общества, давно уже подготовленнаго къ этому Руссо и его послѣдователями.

Въ 1802 г. вышелъ **Духъ христіанства**, уже заранѣе прославленный поклонниками Шатобріана и заранѣе же возбуждавшій негодованіе людей, въ которыхъ еще уцѣлѣли традиціи XVIII вѣка и первыхъ дней революціи (между прочимъ Жозефа Шенье, который пытался осмѣять Шатобріана въ сатирѣ: Les nouveaux saints). Въ первый же день книгопродавцы продали больше, чѣмъ на 1000 экю; несмотря на контрафакціи, въ 1803 г. потребовалось цѣлыхъ 3 изданія довольно обширнаго и дорогого сочиненія. Короче сказать, успѣхъ былъ безпримѣрный.

Основную идею книги вполнѣ выражаетъ то заглавіе, подъ которымъ авторъ задумалъ ее еще въ Лондонѣ: «О поэтическихъ и нравственныхъ красотахъ христіанства и о превосходствѣ его надъ всѣми

*) Особенно поразило его то обстоятельство, что онъ читалъ письмо Люсили о смерти матери, въ то время, когда уже самой Люсили не было въ живыхъ. J'ai pleuré et j'ai cru, говоритъ Шатобріанъ.

**) Atala ou les amours de deux sauvages. Сюжетъ въ томъ, что индіецъ Шактасъ, попавшій въ плѣнъ къ враждебному племени, влюбляется въ дочь начальника этого племени, освобождается при помощи своей возлюбленной и убѣгаетъ вмѣстѣ съ нею. По дорогѣ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ они постоянно одни; Шактаса волнуетъ страсть; но Атала, при всей силѣ своей любви, сдерживаетъ его, и такъ какъ она христіанка, то требуетъ, чтобы ихъ союзъ былъ освященъ церковью. Наконецъ они отыскиваютъ миссіонера, который и обвѣнчалъ ихъ. Шактасъ на верху блаженства; но Атала убиваетъ себя, такъ какъ мать ея дала за нее обѣтъ дѣвственности.

другими культами вселенной» *). Авторъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ истинности христіанства; но онъ глубоко убѣжденъ, что людямъ необходима религія и что христіанство изъ всѣхъ религій есть наилучшая, такъ какъ она самая поэтическая. Это такая точка зрѣнія, на которой могъ, не измѣняя себѣ, остановиться любой деистъ и даже атеистъ; а человѣкъ, который разъ сталъ на эту точку зрѣнія, уже не могъ смѣяться надъ возстановленіемъ католичества.

Книга состоитъ изъ 4-хъ частей: въ 1-й авторъ говоритъ о догматикѣ христіанства; во 2-й и 3-й объ его отношеніи къ искусству и нравственности человѣка и къ природѣ, въ 4-й о культѣ христіанства. Изложеніе вовсе не отличается логичностью и послѣдовательностью, да авторъ вовсе и не претендуетъ на это: по выраженію одного изъ критиковъ, онъ не доказываетъ, не споритъ, а чувствуетъ, но чувства свои онъ выражаетъ такъ живо и искренно, что передаетъ ихъ и всѣмъ читателямъ.

Духъ христіанства есть выраженіе реакціи не только противъ безбожія революціи, даже не только противъ «вѣка просвѣщенія», но и противъ всей новой исторіи Европы, начиная съ возрожденія. Въ первый разъ съ такой поразительной смѣлостію высказано въ новой литературѣ убѣжденіе въ превосходствѣ христіанскихъ поэтическихъ типовъ передъ языческими и вообще христіанскаго искусства передъ античнымъ; христіанство не только не убило и не унизило искусства, но оно спасло его отъ окончательнаго паденія, къ которому оно неуклонно шло у древнихъ, и дало ему новую [жизнь. Средніе вѣка оказываются не періодомъ варварства, а эпохой зарожденія новой, болѣе совершенной красоты; средневѣковая музыка и готическая архитектура—высокія проявленія обновленнаго генія человѣчества. Такимъ образомъ эта книга, почти противъ воли автора, который, при всей своей начитанности и смѣлости, преклонялся передъ ничтожнѣйшими изъ псевдоклассиковъ, сдѣлалась манифестомъ новой критики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Духъ христіанства—проявленіе новаго, возможнаго только послѣ революціи взгляда на народъ. Въ народѣ, утверждаетъ авторъ, болѣе истинной мудрости, чѣмъ у философовъ, и жизнь его гораздо счастливѣй: для него все чудо, а какъ отрадно жить среди чудесъ!

Основныя положенія автора иллюстрированы множествомъ очень удачно выбранныхъ примѣровъ изъ всѣхъ областей знанія, которые дѣлали его книгу поучительною и доступною для очень обширной публики.

*) Des beautés poétiques et morales de la religion chrétienne et de sa supériorité sur tous les autres cultes de la terre.

Книга Шатобріана имѣла такой успѣхъ, конечно, главнымъ образомъ по тому, что соотвѣтствовала духу времени. Что его взгляды не были чѣмъ-то необыкновеннымъ, доказывается между прочимъ вышедшей за годъ до того книгой Балланша: «О чувствѣ въ его отношеніи къ литературѣ и искусству». Авторъ проповѣдуетъ въ ней, что фантазіи и чувству долженъ быть предоставленъ въ искусствѣ полный просторъ; онъ тоже восхищается католицизмомъ, какъ самою поэтическою религіею.

Къ книгѣ Шатобріана кромѣ Аталы есть еще другое приложеніе— небольшой романъ Рене *). Сюжетъ его очень несложенъ **), но характеръ героя—чрезвычайно важное явленіе въ новоевропейской литературѣ, столь же важное, какъ и Вертеръ Гёте. Подобно Вертеру, Рене одинъ изъ носителей міровой скорби, но меланхолія Вертера имѣетъ основаніе въ его условіяхъ его личной жизни и въ положеніи общества, а меланхолія Рене коренится исключительно въ глубинѣ его души. Общество перестроено, герой не страдаетъ ни отъ оскорбленія самолюбія, ни отъ запрещенной любви; онъ считаетъ себя безконечно выше толпы и вѣруетъ, что можетъ управлять обстоятельствами. Но онъ не сталъ отъ этого счастливѣе, а, напротивъ, разочаровался въ самой возможности счастія для человѣка съ умомъ и чувствомъ. Поэтъ называетъ этотъ видъ душевной муки состояніемъ неопредѣленности страстей (état du vague des passions) и считаетъ ее спеціальною болѣзнью нашего вѣка, когда непомѣрно развивается страсть рыться въ собственной душѣ, и человѣкъ, растративъ всѣ иллюзіи, изживается раньше, нежели начнетъ жить.

Рене написанъ искренно и задушевно потому, что Шатобріанъ изображалъ въ героѣ самого себя, но, конечно, въ преувеличенномъ и украшенномъ видѣ. Публикѣ романъ понравился оттого, что послѣ революціи разочарованность и, такъ сказать, потеря вкуса къ жизни стала, дѣйствительно, модной болѣзнью.

Та же болѣзнь нашла себѣ выраженіе въ романѣ Сенанкура „Оберманнъ" (1804), который при своемъ появленіи не обратилъ на себя большого вниманія, но

*) Оба эти разсказа составляютъ эпизоды въ прозаической поэмѣ „Натчезы", задуманной авторомъ еще въ 80-хъ годахъ, какъ «Эпопея человѣка природы» (См. предисловіе автора къ 1-му изд. Аталы).

**) Рене провелъ свое дѣтство въ замкѣ отца, среди болотъ и лѣсовъ, почти исключительно въ обществѣ своей сестры Амели. Не зная, что дѣлать съ собою, онъ отправляется путешествовать, но нигдѣ не находитъ ничего занимательнаго. Онъ готовъ рѣшиться на самоубійство, но его спасаетъ Амели, которая вскорѣ послѣ этого покидаетъ міръ и заживо хоронитъ себя въ монастырѣ. Только тогда Рене узналъ, что она питала къ нему преступную страсть, отъ которой есть только одно спасеніе—монашеская келья (только этимъ и связанъ Рене съ Духомъ христіанства). Теперь для Рене открытъ путь къ самоубійству, но горе о сестрѣ даетъ ему силы жить. Онъ ѣдетъ въ Америку, гдѣ женится на индіанкѣ и разсказываетъ свою исторію миссіонеру и Шактасу.

былъ выдвинутъ впередъ позднѣе стараніями С. Бева, Ж. Сандъ и Брандеса. Авторъ его Étienne Pierre de Sénancour род. въ Парижѣ въ 1770 г., при началѣ революціи эмигрировалъ въ Швецію, гдѣ написалъ свое первое произведеніе: „Мечтанія о первобытной природѣ человѣка, его чувствахъ и пр.". При консульствѣ онъ вернулся въ Парижъ, работалъ въ газетахъ и написалъ нѣсколько неглупыхъ книгъ. Онъ ум. въ 1846 г.

„Оберманнъ" тоже психологическій романъ, родъ поэтической автобіографіи въ письмахъ. Его герой, какъ Рене, меланхоликъ и мученикъ рефлекса, но онъ отличается отъ Рене существенно въ томъ, что онъ не исключительная личность, „отмѣченная судьбою", а человѣкъ средній, одинъ ихъ многихъ и къ тому же неудачникъ. Онъ такъ относится къ Рене, какъ Тургеневскій „Лишній человѣкъ" къ Печорину и Онѣгину *).

«Духъ христіанства» не только сдѣлалъ Шатобріана знаменитымъ писателемъ, но и обратилъ на него вниманіе перваго консула, который привлекъ его на службу и въ 1803 г. сдѣлалъ его секретаремъ римскаго посольства. Шатобріану предстояла блестящая карьера, но онъ былъ человѣкъ искренній и честный, и казнь герцога Энгіенскаго заставила его порвать всякую связь съ имперіей, въ то самое время, какъ онъ готовился ѣхать въ Швейцарію въ качествѣ chargé d'affaires. Въ 1806 г. онъ отправился путешествовать на востокъ и въ Испанію, и плодомъ этого путешествія были двѣ книги: прозаическая поэма «Мученики или тріумфъ христіанской религіи» (Les martyrs ou le triomphe de la religion chrétienne 1809 г.) и «Путеводитель, отъ Парижа до Іерусалима», описаніе его впечатлѣній. Кромѣ того изъ Испаніи онъ вывезъ небольшую повѣсть «Послѣдній изъ Абенсерраговъ» (1807 г.) **). Во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ, онъ выступилъ съ небольшой, но горячо и талантливо написанной брошюрой «Бонапартъ и Бурбоны» ***), которую бонапартисты называли ляганіемъ осла, а роялисты считали великимъ актомъ публицистики, стоившимъ крупной побѣды; она, дѣйствительно, для многихъ облегчила переходъ къ новому порядку вещей. По возвращеніи Бурбоновъ онъ сталъ горячимъ ихъ приверженцемъ, не покидалъ Людовика XVIII во время ста дней, былъ сдѣланъ перомъ Франціи и министромъ. Съ этихъ поръ онъ всецѣло отдается политической дѣятельности. Онъ былъ искренно преданъ Бурбонамъ, но столь же горячо защищалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія революціи, напр.

---

*) О немъ см. въ русскомъ пер. Брандеса, стр. 32—42.

**) На русск. яз. переведено въ Моск. Вѣстникѣ за 1827 г. №№ 3 и 4.

***) На русскомъ языкѣ появилась въ томъ же 1814 г. сразу въ двухъ переводахъ: Севастьянова и Алексѣя Огинскаго. Вообще Шатобріана у насъ очень любили и переводили немедленно: Атала тоже явилась почти одновременно въ двухъ переводахъ и одинъ изъ нихъ уже въ 1803 г. достигъ 3-го изданія (въ Смоленскѣ!). Рене тоже одновременно вышелъ въ двухъ переводахъ и первый по времени переводъ напечатанъ во Псковѣ (см. Каталогъ Смирдина s. l.). Только Духъ христіанства оставался не переведеннымъ.

свободу печати *), вслѣдствіе чего не одинъ разъ являлся въ рядахъ оппозиціи. Въ 1820 г. онъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ, въ 1822 г.— въ Лондонѣ, участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ и потомъ снова занялъ постъ министра, который оставилъ въ 1822 г. Онъ съ восторгомъ встрѣтилъ восшествіе на престолъ Карла X, но былъ дурно награжденъ имъ и перешелъ въ оппозицію, и за нимъ послѣдовали многіе молодые романтики, до тѣхъ поръ бывшіе легитимистами, а съ тѣхъ поръ начавшіе склоняться къ либерализму. Въ 1828 г. онъ былъ посланникомъ въ Римѣ, но когда власть снова перешла къ Полиньяку, Шатобріанъ подалъ въ отставку. Во время ордонансовъ онъ явился спасать короля, но не могъ ничего сдѣлать. Послѣ революціи 1830 г. онъ отказался принять присягу Людовику-Филиппу, которому очень хотѣлось привлечь его на свою сторону, и снова обратился къ литературѣ; послѣдняя не только развлекала его, но и была необходима для него, какъ средство къ жизни (много разъ въ жизни онъ могъ бы обогатиться, но деньги не держались въ его рукахъ, и онъ никогда не отказывался помочь нуждающемуся); въ 1831 г. онъ издалъ свои «Историческіе очерки» (Études historiques) и скоро занялся своими «Замогильными записками» (Mémoires d'outre-tombe); но такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы эти записки явились раньше его смерти, онъ для куска хлѣба **) перевелъ Мильтона и написалъ Опытъ объ англійской литературѣ. Онъ умеръ 4 іюля 1848 г.

Шатобріанъ даже помимо своихъ произведеній одинъ изъ самыхъ интересныхъ и характерныхъ людей въ исторіи духовной жизни нашего столѣтія. Всю жизнь онъ провелъ въ грусти: въ юности онъ тосковалъ о томъ, что еще не знаетъ жизни; въ зрѣломъ возрастѣ оплакивалъ свою юность. Еще въ 1795 г. одна англичанка сказала ему: «вы носите свое сердце на перевязкѣ» ***). Онъ недоволенъ собой за то, что ни въ чемъ не можетъ принять искренняго, сердечнаго участія, ничему не можетъ отдаться всецѣло. Знакомые не могли представить себѣ его иначе, какъ пожимающимъ плечами и какъ бы говорящимъ: à quoi bon!

А между тѣмъ этотъ человѣкъ не могъ жить безъ общества женщинъ, которымъ всегда онъ внушалъ большую симпатію. Даже во время реставраціи, когда онъ игралъ такую выдающуюся роль въ политической жизни Франціи, онъ ежедневно отъ 3—6 часовъ проводилъ время у состарившейся, но все еще очаровательной M-me Ре-

---

*) Позднѣе онъ горячо сочувствовалъ успѣхамъ греческаго возстанія.

**) См. статью Пушкина о Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго рая. Замогильныя Записки у насъ одновременно переводились въ двухъ журналахъ: въ Отеч. Зап. за 1848, 1849 и 1850 г. и въ Библ. для Чтенія въ 1848 и 1850 гг.

***) You carry your heart in a sling.

камье, одной изъ самыхъ умныхъ и интересныхъ женщинъ начала XIX вѣка *). Эта дружба оставалась неизмѣнной долгіе, долгіе годы. Когда Шатобріанъ потерялъ употребленіе ногъ, его приносили къ M-me Рекамье, которая въ то время уже была слѣпа. Онъ и умеръ на рукахъ ея и поэта Беранже.

Даже такой непримиримый и самолюбивый врагъ, какъ Наполеонъ, не могъ отказать Шатобріану въ уваженіи за честность его убѣжденій, за патріотизмъ и благородство его стремленій; но съ другой стороны самый горячій его поклонникъ не можетъ не замѣтить въ немъ суетности и тщеславія **). Онъ страшно гордъ и самомнителенъ, но онъ очень добръ, и ни одинъ изъ начинающихъ писателей не уходилъ отъ него безъ утѣшенія и ободренія.

Въ основѣ своего міровоззрѣнія Шатобріанъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе скептикъ, чѣмъ Вольтеръ; онъ скептически относится къ самому скептицизму XVIII в., послѣднимъ словомъ котораго былъ весьма отрадный «безконечный прогрессъ» Кондорсе. Христіанство не есть для него, какъ для средневѣковаго человѣка, міръ, въ которомъ онъ родился и чувствуетъ себя вполнѣ дома, а нѣчто новое, недавно найденное и пригодное только, какъ суррогатъ отсутствующихъ идеаловъ. Онъ въ своемъ Рене пускаетъ въ оборотъ ужасное выраженіе: «манія желать жить», которое служитъ знаменемъ скептицизму нашего вѣка, имѣющему незавидное право смотрѣть на скептицизмъ Вольтера, какъ на дѣтскую игру.

Въ исторіи литературы Шатобріанъ занимаетъ видное мѣсто, во-1-хъ, какъ самый талантливый представитель реакціи; во-2-хъ, какъ родоначальникъ французскаго романтизма, который въ первой стадіи своего развитія былъ независимъ отъ нѣмецкаго, а только сошелся съ нимъ въ основныхъ положеніяхъ, и въ-3-хъ, какъ предшественникъ пессимизма Байрона и даже Шопенгауэра.

Еще въ отелѣ Рамбулье французская женщина стала претендовать на господство въ области эстетики и мысли. Вѣкъ Людовика отодвинулъ ее назадъ и цѣнилъ женскую красоту выше женскаго ума, но въ эпоху просвѣщенія женщина объединяетъ героевъ мысли въ своемъ салонѣ и, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ, умнѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Во время революціи женщина своей энергіей и страданіями добивается равноправности по крайней мѣрѣ передъ то-

---

*) О ней см. статью Сары Остенъ (Austin) въ Современникѣ за 1854 г. № 10.

**) Замогильныя Записки (по-русски онѣ напечатаны отдѣльной книгой въ 1851 Спб.) онъ начинаетъ перечисленіемъ своихъ предковъ. „За 20 дней до меня родился Бонапартъ“, говоритъ онъ немного ниже.

поромъ гильотины. Марія Антуанета была болѣе королемъ, чѣмъ мужъ ея, а M-me Роланъ называютъ единственнымъ мужчиной среди жирондистовъ. Женщины честно несли свою долю страданій отъ революціи, но были несравненно менѣе виновны въ ея ужасахъ. При консульствѣ и имперіи господствовала солдатчина, и женщина была принижена фактически; но она была слишкомъ развита и самостоятельна для того, чтобы покориться внѣшней необходимости; къ тому же наступило такое время, когда царь природы—мужчина—разочаровался въ силѣ разума, которой онъ такъ гордился, и вновь завѣрилъ въ чувство, всегда бывшее областью женщины. Мужчина сталъ слабъ, нерѣшителенъ и наклоненъ къ меланхоліи; женщинѣ пришлось спасать его отъ него самого.

Рядомъ съ Шатобріаномъ въ литературѣ эмигрантовъ выдвигается женская фигура, несравненно болѣе энергичная и сильная, не потерявшая вѣры ни въ разумъ, ни въ прогрессъ человѣчества, имѣвшая опредѣленные задачи и идеалы. Въ ней ясно выражены всѣ достоинства и недостатки французскаго женскаго характера, но въ тоже время она—гражданка міра, свободная отъ всѣхъ національныхъ предразсудковъ. Мадамъ Сталь была дочь банкира и потомъ министра финансовъ, знаменитаго Неккера, и род. въ 1766 г. Ея мать, дочь кальвинистскаго пастора, была одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, особенно любила общество литераторовъ, и передъ революціей ея салонъ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ. Въ этомъ салонѣ даровитая, живая, не особенно красивая дочь Неккера получила впервые вкусъ къ литературѣ и наукѣ. Она училась и читала поразительно много и уже 15 лѣтъ написала коментарій на Духъ Законовъ Монтескье и тогда же прислала отцу (съ которымъ она была дружнѣе, нежели съ матерью) анонимное письмо съ замѣчаніями на его Отчетъ о состояніи финансовъ. Этими преждевременными работами она настолько разстроила свое здоровье, что доктора велѣли отвезти ее въ деревню и не позволили ей заниматься. Въ деревнѣ Анни Луиза Неккеръ увлеклась романами: она нѣсколько разъ перечитала Новую Элоизу Руссо и одолѣла многотомную Клариссу Ричардсона и подъ вліяніемъ ихъ стала сочинять сама и отдалась чувству любви, на первое время безпредметной; но скоро она встрѣтила ловкаго, красиваго виконта Монморанси, недавно вернувшагося изъ Америки, и влюбилась въ него. Такъ какъ онъ былъ католикъ, то родители воспрепятствовали ихъ браку, и Анну Марію 20 лѣтъ отъ роду выдали замужъ за секретаря шведскаго посольства, барона Сталь-Гольстейнъ, человѣка разсчетливаго и холоднаго, къ которому она не питала даже чувства дружбы. При началѣ дѣятельности Законодательнаго собранія она открыла салонъ, играла видную роль въ

партіи конституціонистовъ и энергически поддерживала министерство Нарбонна. Она эмигрировала изъ Парижа наканунѣ сентябрьскихъ убійство, при чемъ едва не была убита чернью. Она сперва поѣхала въ Англію, государственныя учрежденія которой очень интересовали ее, а оттуда переселилась въ Швейцарію, гдѣ издала брошюру: «Размышленія о мирѣ, адрессованныя къ Питту и французамъ» (Réflexions sur la paix adressées à M. Pitt et aux Français), настолько умно написанную, что Фоксъ цитировалъ ее въ парламентѣ. Тамъ же, въ Швейцаріи, она въ 1794 г. знакомится съ Бенжаменомъ Констаномъ (Henri Benjamin Constant de Rebecque), молодымъ даровитымъ писателемъ (род. 1767 г.) и потомъ сходится съ нимъ очень близко.

Констанъ—одинъ изъ самыхъ типичныхъ и интересныхъ представителей той разочарованной молодежи, которая тяготилась жизнью, еще не узнавъ ея. Уже въ 12 лѣтъ онъ развитъ не по годамъ и можетъ увлечься только сильной игрой. Въ 20 лѣтъ онъ говоритъ о себѣ: «когда я былъ молодъ». Въ его характерѣ любопытная смѣсь чувственности съ эгоизмомъ, великодушія съ цинизмомъ и сильныхъ страстей съ полной холодностью сердца. Онъ всю жизнь живетъ любовью, а любить искренно не можетъ; онъ защищаетъ религію, но ни во что не можетъ вѣрить. Онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ политическій дѣятель и публицистъ, проявившій больше таланта, чѣмъ твердости убѣжденій *); но одно изъ его произведеній, его романъ Адольфъ **), въ основѣ котораго лежитъ исторія его отношеній къ М-me Сталь, даетъ ему видное мѣсто и въ литературѣ.

Герой романа, сынъ разочарованія и меланхоліи, немного представляетъ собою новаго сравнительно съ Рене: онъ только реальнѣй послѣдняго и изображенъ съ безжалостностью самобичеванія; зато героиня Элеонора совершенно новое для того времени явленіе. Это

*) Онъ началъ свою дѣятельность еще во время революціи и въ 1796 г. передъ совѣтомъ 500 защищалъ дѣло гугенотовъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность горячими рѣчами, въ которыхъ онъ одинаково каралъ и анархію, и деспотизмъ. Въ своей брошюрѣ: „О политическихъ реакціяхъ“ (1797 г.) онъ убѣждаетъ друзей конституціи сплотиться, чтобы Франція не подпала власти Бурбоновъ или военнаго деспота. Первый консулъ удалилъ его въ 1802 г. изъ Парижа и сдѣлалъ эмигрантомъ. Онъ вернулся во Францію только въ 1814 г. и защищалъ дѣло Бурбоновъ. Но во время 100 дней онъ сошелся съ Наполеономъ и работалъ надъ конституціей Майскаго поля. Послѣ второй реставраціи, онъ удалился въ Брюссель, но вернулся въ 1816 г. и въ 1819 г. сдѣлался депутатомъ и стоялъ во главѣ оппозиціи. Послѣ іюльской революціи онъ дѣйствовалъ въ пользу конституціонной монархіи Орлеановъ, но вскорѣ разошелся и съ Людовикомъ-Филиппомъ. Онъ ум. въ концѣ 1830 г.

**) Adolphe. Anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu. Paris 1816 г. Русскій переводъ сдѣланъ кн. П. А. Вяземскимъ, изд. въ СПб. въ 1831 «Адольфъ, романъ Бенжамена Констана».

не молоденькая дѣвушка, безсознательно отдающаяся пылкому чувству, а женщина подъ тридцать лѣтъ, умная, развитая и глубоко чувствующая. До сихъ поръ ее пускали на сцену и въ романъ только въ непривлекательномъ видѣ Пентефріевой жены; теперь она вступаетъ въ свои права, чтобы никогда не отказываться отъ нихъ. Чувство ея сложно, развивается и видоизмѣняетя постепенно. Съ другой стороны, отъ больного духомъ героя нельзя ожидать любви безотчетной, свойственной натурамъ непосредственнымъ. Отсюда въ романѣ Констана особая манера изображенія любви; имъ начинается новый видъ романа—романъ психологическій. По остроумному выраженію Брандеса, Амуръ для Вольтера божекъ удовольствія, котораго окружаютъ les ris, les jeux et les plaisirs; у Руссо онъ сдѣлался богомъ страсти; въ Фаустѣ маленькій шалунъ выросъ и превратился въ большого негодяя; онъ получаетъ значеніе фатума и, какъ индійская богиня, давитъ людей своей колесницей; Бенжаменъ Констанъ дѣлаетъ его предметомъ науки; онъ анализируетъ его дѣйствія, опредѣляетъ съ математическою точностью, сколько грановъ дружбы, преданности, честолюбія и пр. входятъ въ любовь, и съ этого времени любовные романы, служившіе до сихъ поръ исключительно забавѣ, становятся серьезнымъ дѣломъ и для авторовъ, и для публики.

Внѣшнее содержаніе Адольфа до крайности просто: это исторія любви молодого человѣка къ женщинѣ старше его и уже имѣвшей продолжительную связь съ высокопоставленнымъ лицомъ, въ которомъ потомъ она разочаровалась. Въ эту-то тяжелую для нея пору, „когда ей надо возвратить себѣ право на жизнь", въ нее влюбляется Адольфъ, который сперва смотритъ на нее, какъ на существо высшее, боготворитъ ее и обновляетъ ея временно увядшее сердце своимъ юношескимъ пыломъ. Элеонора отдается ему, и нѣкоторое время они оба на верху блаженства. Но Элеонора только и живетъ, что этой любовью, которая отъ времени усиливается въ ней; Адольфъ же скоро начинаетъ тяготиться сильной страстію, лишающей его свободы. Послѣ долгой борьбы съ собою и психологическихъ перипетій, онъ, наконецъ, рѣшается покинуть Элеонору; та умираетъ въ горячкѣ, не переставая любить его.

Возвращаемся къ М-me Сталь. Во время директоріи и консульства она переѣхала съ мужемъ въ Парижъ (Швеція первая признала французскую республику) и опять открыла очень вліятельный салонъ, который охотно посѣщали политическіе дѣятели, мыслители и ученые. Она была какъ бы создана для салона; одна дама говорила, что еслибы она была царицей, она заставляла бы М-me Сталь говорить не умолкая. Такъ какъ ея семейная жизнь (она жила съ мужемъ только подъ одной кровлей) подавала поводъ къ сплетнямъ, она рѣшила оправдаться передъ обществомъ и написала романъ «Дельфина» *).

*) Delphine. Paris, 1803 г. (въ 1820 г. было 8-ое изданіе). Русскій переводъ „Дельфина, соч. Сталь-Голштейнъ". М. 1803—4.

Сюжетъ романа не отличается особенной новизною или сложностью: героиня (Дельфина), до тѣхъ поръ безупречно честная женщина, влюбляется въ чужого жениха. Герой (Леонсъ), послѣ женитьбы на другой, увлекается героиней; оба они послѣ тяжелой борьбы погрѣшаютъ противъ буржуазной морали, и въ заключеніе героиня уходитъ въ монастырь. Форма—довольно избитая и не изъ самыхъ занимательныхъ: переписка двухъ подругъ. Но романъ поразилъ всѣхъ оригинальностью своей психологіи и новизною идей. Авторъ такъ рисуетъ героиню романа (въ которой справедливо видѣли попытку объективировать свой собственный характеръ): «она все понимаетъ, когда идеи или люди разсматриваются съ общей точки зрѣнія; но въ своихъ дѣлахъ и привязанностяхъ она подчиняется первому впечатлѣнію, не давая участвовать разуму, можетъ быть, потому, чтобы не разрушать иллюзій». Герой самъ называетъ дворянскую честь «предразсудкомъ» и однако руководится этимъ предразсудкомъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Авторъ горячо возстаетъ противъ поклоненія успѣху и противъ ходячей морали. Онъ убѣжденъ, что слишкомъ правильное поведеніе часто доказываетъ не твердость принциповъ, а скорѣе легкость или отсутствіе ихъ. «Природныхъ качествъ достаточно, чтобы быть честнымъ, когда человѣкъ счастливъ; но когда случай и общество заставляютъ васъ бороться съ вашимъ собственнымъ сердцемъ, вамъ понадобятся выработаные мышленіемъ принципы». Авторъ не считаетъ женщину въ правѣ бравировать общественнымъ мнѣніемъ и не возводитъ такъ-называемаго «паденія» женщины въ героизмъ, но и не согласенъ считать его несомнѣннымъ проявленіемъ порочности или безсилія.

Признакомъ времени въ «Дельфинѣ» является наклонность къ сантиментализму и меланхоліи, нѣсколько поверхностной. «Самое счастіе чувствительныхъ душъ (les âmes sensibles постоянно превозносятся какъ лучшіе люди), думаетъ Дельфина, невозможно безъ нѣкоторой примѣси меланхоліи». «Если онъ умретъ», думаетъ женщина о любимомъ человѣкѣ, «я останусь ему вѣрна и буду поклоняться ему; это будетъ чувство тихое, источникъ меланхоліи, не лишенной горечи».

Романъ заинтересовалъ публику, но непонравился критикамъ. Одинъ изъ нихъ увѣряетъ, будто героиня разсуждаетъ о религіи, какъ квакеръ, о любви, какъ вакханка, о смерти, какъ гренадеръ. М-me Сталь упрекали, что она забыла всѣ строгія традиціи своей реформаторской семьи. Но эти тенденціозные нападки мало на кого дѣйствовали, и значеніе, которое пріобрѣлъ салонъ M-me Сталь, отъ нихъ только усиливалось; но первый консулъ, напрасно старавшійся привлечь даровитую женщину на свою сторону *), положилъ конецъ его

*) Онъ даже заводилъ съ нею переговоры объ уплатѣ 2 милліоновъ франковъ, которые правительство было должно ея отцу Неккеру.

существованію. Еще раньше Дельфины M-me Сталь выпустила 2-мъ изданіемъ свою книжку «О литературѣ по отношенію къ общественнымъ учрежденіямъ», въ которой, не стѣсняясь намеками, доказываетъ, что литература можетъ развиваться только при условіи политической свободы. Ей было велѣно оставить Парижъ и не приближаться къ нему на 100 миль. Такимъ образомъ, M-me Сталь снова поневолѣ сдѣлалась путешественницей. Она побывала въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Веймарѣ и пр. и познакомилась со всѣми выдающимися литераторами: больше всѣхъ она сошлась съ Авг. Шлегель и взяла его съ собою въ Швейцарію въ качествѣ воспитателя къ своимъ дѣтямъ; черезъ него она близко ознакомилась съ состояніемъ науки и литературы въ Германіи, о которой французы до тѣхъ поръ почти не имѣли понятія. Такимъ образомъ деспотическая мѣра Бонапарта, столь тяжелая для M-me Сталь, которая внѣ Парижа скучала и томилась, принесла огромную пользу Франціи. Между тѣмъ мужъ M-me Сталь умеръ на ея рукахъ; съ Констаномъ она разошлась и поѣхала въ Италію, гдѣ сблизилась съ поэтомъ Винченцо Монти *). Въ Италіи она примирилась съ католицизмомъ, оцѣнивъ его, какъ и Шатобріанъ, съ его эстетической стороны; тамъ же она преклонилась передъ искусствомъ для искусства и надумала свой второй романъ «Коринна», который обработала по возвращеніи въ свое швейцарское имѣніе Коппе́ **).

Героиня романа Коринна—дѣвушка 26 лѣтъ, итальянская поэтесса-импровизаторша, пылкая натура, всецѣло преданная свободному искусству и не признающая за обществомъ правъ стѣснять свободу чувства и дѣйствія. Герой—лордъ Нельвиль, характерный представитель суроваго и сдержаннаго сѣвера, по кодексу котораго единственная сфера для женщины—домашній очагъ и семья. Нельвиль увлекся красотою и величіемъ Коринны, когда видѣлъ ея вѣнчаніе въ Капитоліи; но онъ не могъ разстаться съ убѣжденіями, въ которыхъ онъ воспитанъ. Коринна влюбилась въ него, когда увидала его спокойный героизмъ и высоко-развитое чувство долга во время страшнаго пожара; но, отдавъ ему сердце, она не отдала ему своей свободы и своихъ убѣжденій. Понятно, какія коллизіи выходятъ изъ такихъ противуположностей. Авторъ стоитъ на сторонѣ Коринны и свободы женщины.

Проживая въ Швейцаріи, M-me Сталь отнюдь не могла себя чувствовать свободной отъ деспотизма Наполеона; его полиція окружила ее шпіонами, которые доносили обо всѣхъ гостяхъ M-me Сталь; ея

*) О немъ см. т. III, 2-е отд. стр. 173.

**) Corinne ou l'Italie. Paris. 1807 г. 3 vv. (въ 1838 г. вышло уже 15-е изданіе). Русскій пер. вышелъ въ Москвѣ въ 6 ч. въ 1809—10 г. „Коринна или Италія соч. Сталь-Голстейнъ“.

гостиная пустѣла, и самые близкіе друзья ея избѣгали компрометировать себя въ глазахъ императора даже перепиской, не говоря уже про свиданія.

Въ 1810 г. М-me Сталь окончила свою книгу «о Германіи», и рѣшила напечать ее въ Парижѣ, гдѣ въ то время было двѣ цензуры: предупредительная и карательная. Книга М-me Сталь пострадала отъ обѣихъ; изъ предварительной цензуры рукопись была возвращена ей вся испещренная красными чернилами. М-me Сталь исправила, что могла, многое выпустила совсѣмъ и, поселившись за 100 лье отъ Парижа, занялась печатаніемъ. Наконецъ, книга была отпечатана въ большомъ количествѣ экземпляровъ и готова къ выходу. Тогда вступила въ свои права цензура карательная: въ магазинъ явился полицейскій комиссаръ, заарестовалъ ее и истребилъ. Кромѣ большихъ убытковъ и потерянныхъ надеждъ М-me Сталь подверглась еще издѣвательствамъ со стороны наполеоновскаго правительства: министръ полиціи прислалъ ей письмо, гдѣ говоритъ: не думайте, чтобы ваша книга подверглась аресту потому, что въ ней нѣтъ похвалъ императору: для нихъ въ ней не нашлось бы приличнаго мѣста *)»; «уничтожена она потому, что мы, французы, еще благодаря Бога не дошли до того, чтобы пользоваться умомъ отъ другихъ».—Стало быть, книга уничтожена за непатріотичность. Брандесъ замѣчаетъ, что грубая иронія министра полиціи блѣднѣетъ передъ ироніей судьбы: эта антифранцузская книга оказалась родоначальницей всей французской литературы XIX вѣка.

М-me Сталь своей книгой открыла французамъ новую Америку: она указала имъ совсѣмъ невѣдомую глубокомысленную философію и богатую содержаніемъ поэзію по ту сторону Рейна, этимъ нанесла ударъ французскому самодовольству и ограниченности и придала новую жизнь французской наукѣ и литературѣ.

Чтобы дать понятіе о тонѣ, въ которомъ написана ея многосодержательная книга, и о той тонкости пониманія, которую она проявляетъ въ ней, мы приведемъ ея отзывы о братьяхъ Шлегеляхъ:

„А. В. Шлегель (какъ критикъ) менѣе абстрактенъ, нежели Шиллеръ. Обладая рѣдкими, даже въ его отечествѣ, свѣдѣніями по литературѣ, онъ постоянно прилагаетъ ихъ къ дѣлу, сравнивая произведенія разныхъ языковъ и литературъ: такая широта взгляда должна была бы вести къ безупречности, еслибы къ ней не примѣшивалась нѣкоторая односторонность, впрочемъ совершенно свободная отъ произвола... В. Шлегель читалъ въ Вѣнѣ курсъ драматической литературы, который обнималъ все, что явилось замѣчательнаго на театрѣ отъ Грековъ и до

*) На самомъ дѣлѣ Наполеонъ въ это время считалъ похвалы и восторги почти обязательными; немного позднѣе одинъ изъ благожелателей (Женевскій префектъ) уговаривалъ М-me Сталь сказать что-нибудь пріятное правительству или хоть воспѣть рожденіе римскаго короля. „Я могу пожелать ему только хорошую кормилицу“, отвѣчала смѣясь М-me Сталь.

нашихъ дней; это вовсе не былъ безплодный перечень произведеній различныхъ авторовъ; духъ всякой литературы былъ здѣсь схваченъ и выраженъ силою поэтическаго воображенія. Чувствуется, что подобныя обобщенія должны были явиться плодомъ упорной работы; но ученость критика проявлялась только въ совершенномъ знаніи образцовыхъ произведеній. Трудъ цѣлой жизни породилъ нѣсколько страницъ; но зато всякое сужденіе автора, всякій эпитетъ, который онъ прилагаетъ къ писателю, справедливъ и прекрасенъ, точенъ и полонъ жизни. В. Шлегель говоритъ о классическомъ произведеніи поэзіи, какъ о чудѣ природы, и изображаетъ его такимъ образомъ, что живость красокъ не вредитъ точности рисунка. Онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ искусствѣ внушать энтузіазмъ къ великимъ геніямъ, которымъ онъ удивляется... Я была въ Вѣнѣ во время его лекцій. Я ожидала услышать нѣчто умное и поучительное, но я была поражена, найдя въ критикѣ краснорѣчиваго оратора, который вмѣсто того, чтобы указывать на недостатки, вѣчную пищу завистливой посредственности, оживлялъ передъ слушателями творческій геній...

Фридр. Шлегель больше философъ и менѣе занимается литературой; однако его отрывокъ объ умственной культурѣ грековъ и римлянъ даетъ рядъ драгоцѣнныхъ обобщеній и выводовъ. Это одинъ изъ оригинальнѣйшихъ умовъ Германіи; но вмѣсто того, чтобы жить одною этой оригинальностью, онъ ищетъ для нея опоры въ упорной работѣ надъ наукой. Только тотъ, дѣйствительно, уважаетъ человѣчество, кто, прежде чѣмъ сказать что-нибудь свое, узнаетъ все, что оставили намъ въ наслѣдство поколѣнія предшествующія. Нѣмцы—истинные собственники богатствъ человѣческаго ума; кто живетъ только своимъ природнымъ свѣтомъ, тотъ пролетарій по сравненію съ ними". (Oeuvres complètes. Paris. 1820 г. XI, стр. 134 и слѣд.).

Послѣ уничтоженія «Германіи» наполеоновское правительство предложило г-жѣ Сталь на выборъ или переселиться въ Америку, или жить безвыѣздно въ Коппе. Она предпочла послѣднее, но скоро оказалось, что владыка Европы и хочетъ, и можетъ сдѣлать ей жизнь невыносимою: сыновьямъ ея былъ запрещенъ въѣздъ во Францію; благорасположенный къ ней (хотя и очень исполнительный по службѣ) женевскій префектъ лишился мѣста; А. В. Шлегелю, прожившему у нея въ домѣ 8 лѣтъ, было приказано оставить Коппе «для ея же—M-me Сталь—пользы, такъ какъ онъ дурно вліялъ на нее, внушая ей антифранцузскія мысли» *); ей не позволили пожить въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, чтобы лѣчить своего сына, а всѣхъ друзей ея преслѣдовали съ такимъ ожесточеніемъ, что «надо было проявить римскій героизмъ, чтобы пообѣдать у нея въ гостяхъ».

M-me Сталь рѣшилась бѣжать; для этого она стала изучать карту Европы съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ «ее изучалъ Наполеонъ, чтобы господствовать, и конечной цѣлью какъ для Наполеоновской кампаніи, такъ и для моей была Россія» **). Сюда пробралась M-me Сталь

*) Dix années d'exil гл. I и II. Когда же M-me Сталь пожелала узнать, чѣмъ самъ А. В. Шлегель провинился передъ Франціей, ей указали на его брошюру, гдѣ онъ, сравнивая Федру Эврипида съ Федрой Расина, отдавалъ предпочтеніе первой! Se non è vero è ben trovato.

**) Ibid. II.

въ 1812 г. черезъ Тироль и Австрію, побывала въ Москвѣ и въ Петербургѣ, переѣхала въ Швецію и оттуда, наконецъ, добралась до вожделѣнной Англіи, гдѣ напечатала въ 1813 г. и книгу «о Германіи» въ первоначальной редакціи и книгу «Десять лѣтъ ссылки», въ которой разсказала исторію своей борьбы съ Наполеономъ. Въ это время она была уже вторично замужемъ за офицеромъ де-Рокка, съ которымъ обвѣнчалась тайно въ 1811 г., чтобы не терять своей фамиліи.

При реставраціи она вернулась въ Парижъ и открыла салонъ; во время ста дней Наполеонъ, сдѣлавшійся конституціоннымъ монархомъ, изъявилъ намѣреніе привлечь на свою сторону и М-me Сталь; говорятъ, она сказала на это: «12 лѣтъ обходились безъ меня и безъ конституціи; обойдутся и теперь безъ насъ обѣихъ».

Людовикъ XVIII выплатилъ ей два милліона франковъ, которые государство должно было ея отцу, и М-me Сталь жила въ полномъ довольствѣ и спокойствіи; Бенж.-Констанъ былъ частымъ ея посѣтителемъ и пользовался ея поддержкой. Она работала надъ книгою «Размышленія о французской революціи» (Considérations sur la révolution française) и пересматривала свои прежнія сочиненія. Она ум. 14 іюля 1817 г. *).

Въ одно время съ М-me Сталь жила и писала другая выдающаяся женщина, политическая дѣятельность которой важнѣе литературной; но исторія ея внутренняго развитія такъ характерна для эпохи, когда жила она, что мы не считаемъ возможнымъ миновать ея и въ нашемъ обозрѣніи. Баронесса Крюднеръ, русская нѣмка по происхожденію, родилась въ Ригѣ 11 ноября 1764 г. въ богатомъ семействѣ Фитингофъ-Шеель и была окрещена именами Беаты Юліаны. Она получила обычное по тому времени свѣтское образованіе и 18 лѣтъ отъ роду была выдана за дипломата русской службы барона Крюднеръ, который былъ вдвое старше ея и имѣлъ дочь отъ первой жены. Бракъ ея былъ не изъ особенно счастливыхъ; молодая женщина скоро начала скучать и томиться, а въ развлеченіяхъ въ томъ кругу, гдѣ жила она, недостатка не было. Въ нее влюбился одинъ молодой человѣкъ, подчиненный ея мужа **); но онъ слишкомъ уважалъ и любилъ своего патрона, чтобы начать ухаживать за его женой. Онъ ограничился безмолвнымъ поклоненіемъ; однако чувство его не могло укрыться надолго отъ глазъ неудовлетворенной жизнью женщины и, конечно, доставило ей большое удовольствіе. Но платоническій обожатель удалился, и молодая баронесса начала ту жизнь, полную приключеній, тайныхъ мукъ и тайныхъ наслажденій, которую въ высшемъ обществѣ умѣли такъ искусно прикрывать приличною внѣшностью. Къ чести баронессы Крюднеръ и ея времени, лицемѣріе тогда не было настолько обязательно, какъ прежде, и ея біографы могутъ, если сочтутъ это нужнымъ, раскопать всѣ ея любовныя исторіи. Даже мужъ зналъ о важнѣйшихъ изъ нихъ. Между супругами произошелъ открытый разрывъ, но не было ни сценъ, ни даже вражды, и когда жена временами возвращалась подъ кровъ супружескій, ее встрѣчали тамъ довольно привѣтливо. Во время одного изъ такихъ отдыховъ, ее впервые охватила манія религіозности, которая у нея носила курьезно самомни-

*) О М-me Сталь, см. статью Н. И. Стороженко въ Вѣстн. Евр. за 1879 г. № 7.

**) Брандесъ называетъ его Stakiew.

тельный характеръ; она была убѣждена, что Господь, о которомъ она до сихъ поръ вовсе не думала, теперь какъ бы въ благодарность за ея обращеніе, готовъ все для нея сдѣлать, и когда на ея мужа изливались монаршія милости, она приписывала это своему вліянію въ небесныхъ сферахъ. Но ни сознаніе этого вліянія, ни твердое намѣреніе скрасить своимъ присутствіемъ старость добраго мужа не устояли противъ жажды жизни и наслажденій, и она снова бросила семью, и уѣхала на воды, а отсюда въ Швейцарію и наконецъ въ Парижъ. Получивъ тамъ извѣстіе о смерти мужа, она была огорчена очень серьезно и мучилась раскаяніемъ; но она, по живости ,натуры, не могла долго оставаться подъ давленіемъ одного чувства и скоро утѣшилась—успѣхами литературными.

Баронесса Крюднеръ во время своей свѣтской жизни и любовныхъ приключеній находила возможность пополнять свое недостаточное образованіе чтеніемъ и разговорами съ умными людьми и писателями: таковъ былъ тогда духъ эпохи, что литературные интересы занимали все общество. Природная живость ума давала баронессѣ возможность, что называется, съ налету схватывать модныя идеи, и еще при жизни мужа она довольно удачно дебютировала сборникомъ изреченій *); теперь же она взялась за повѣсти, а въ 1803 г. она издала романъ „Валерія“, въ которомъ она въ сантиментальномъ тонѣ и, разумѣется, со многими прикрасами пересказываетъ свою первую любовную драму, не окончившуюся связью. Авторъ, несомнѣнно соперничавшій съ „Дельфиной“, употребилъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы сдѣлать свое произведеніе популярнымъ (баронесса уговариваетъ своихъ друзей съ литературными именами привѣтствовать романъ стихами и прозой, сама разъѣзжаетъ по магазинамъ, спрашивая лентъ и шляпокъ à la Vélarie и пр. и пр.) и, добившись цѣли **), убѣждается, что Провидѣніе и въ этомъ отношеніи приняло ее подъ свою особую защиту!

Но та же природная живость ума не позволяетъ баронессѣ успокоиться на искусственно добытыхъ лаврахъ, а годы берутъ свое, и любовныя интриги становятся невозможными. Тогда-то Крюднеръ окончательно отдаетъ себя на служеніе религіозной идеѣ.

Мы не имѣемъ права заподозрить искренность ея обращенія и правдивость ея разсказовъ о томъ, какіе случаи изъ жизни ему способствовали (ее сильно поразила внезапная смерть одного ея знакомаго, который только-что раскланялся съ ней; на моравскихъ братьевъ ея вниманіе обратилъ простой башмачникъ, пріятно удивившій ее своимъ душевнымъ спокойствіемъ и отраднымъ взглядомъ на жизнь); но мы не можемъ не видѣть связи между этимъ обращеніемъ и полнымъ увяданіемъ ея наружности, и не можемъ не признать, что въ горячности ея пропаганды сильно сказывается желаніе играть роль и баловать свое самолюбіе. M-me Крюднеръ дѣлается проповѣдницей, филантропкой и пророчицей. Она ѣдетъ въ Пруссію, сближается съ королевой Луизой, которая послѣ іенскаго пораженія очень склонна искать утѣшенія въ религіи отъ земныхъ горестей, посѣщаетъ вмѣстѣ съ нею госпитали и казармы и ищетъ случаевъ сойтись съ из-

*) Pensées d'une dame étrangère.

**) Полное заглавіе романа: Valérie ou lettres de Gustave de Linar à Ernest G. 2 vv. 1804. Романъ былъ переведенъ два раза на нѣмецкій языкъ и съ перваго нѣмецкаго перевода былъ сдѣланъ русскій, отмѣченный въ Смирд. каталогѣ № 8586 „Валерія или письма Густава де Линара къ Ернесту ф. Г., сочиненіе ф. Криденеръ; пер. съ нѣм. М. Б. 3 части, М. 1807“. Подобно Вертеру романъ раздѣляется на двѣ части: первая дѣйствительно пережита авторомъ (исторія Стахѣева, который дѣлаетъ свое любовное признаніе не женѣ, а мужу); вторая—выдумана. Шмидтъ считаетъ его однимъ изъ интереснѣйшихъ романовъ даже для нашего времени.

вѣстными теософами и піэтистами. Отъ времени она все болѣе и болѣе убѣждается въ высокой роли, къ которой предназначило ее Провидѣніе и намѣчаетъ себѣ въ прозелиты самаго могучаго послѣ паденія Наполеона и самаго великодушнаго между монархами Европы русскаго императора Александра I.

Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, въ дѣтствѣ и ранней юности не получилъ религіознаго направленія и до послѣднихъ лѣтъ жизни къ формальной религіи относился довольно холодно. Но его мягкая, полуженственная натура всегда нуждалась въ духовной поддержкѣ и утѣшеніи, а горькія испытанія первой половины его царствованія и наконецъ страшныя бѣдствія отечественной войны, за которыя онъ считалъ себя отвѣтственнымъ, еще болѣе усилили эту потребность и подготовили его къ воспріятію всевозможныхъ мистическихъ ученій и откровеній. Бар. Крюднеръ добиралась до него постепенно: сперва она сблизилась съ Роксандрой (Александрой) Стурдзой, а черезъ нее сошлась съ императрицей и вступила съ ней въ переписку. Государь часто слышалъ о ней, и охотно помогалъ тѣмъ, въ комъ К. принимала особенное участіе. Въ концѣ 1814 г., когда государи и ихъ дипломаты веселились въ Вѣнѣ, пророчица-баронесса возстаетъ противъ этихъ „печальныхъ увеселеній" и грозитъ, что лиліи скоро исчезнутъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ подобными пророчествами, они никого не смутили и никому не показались особенно ясными. Но когда Наполеонъ покинулъ Эльбу и былъ встрѣченъ съ восторгомъ арміей, темныя предсказанія К. вдругъ подняли ея кредитъ до небывалой высоты; особенно сильно подѣйствовали они на впечатлительнаго и въ данную минуту угнетеннаго событіями Александра. По дорогѣ въ армію, близъ Гейдельберга, Александръ увидѣлся съ пророчицей и съ глубокой вѣрою преклонился передъ ея энтузіазмомъ, тѣмъ болѣе, что она, призывая его къ покаянію въ грѣхахъ, сама преклонилась передъ его величіемъ и благими намѣреніями.

M-me К., по просьбѣ Александра, поселилась около главной квартиры, и государь часто навѣщалъ ее. Во время его вторичнаго пребыванія въ Парижѣ, К. жила почти рядомъ съ дворцомъ Элизэ Бурбонъ и видѣлась съ Александромъ чуть не каждый день; они вмѣстѣ читали св. Писаніе, вмѣстѣ молились, и пророчица имѣла несомнѣнное и сильное вліяніе на освободителя Европы. Въ сентябрѣ 1815 г. въ долинѣ Вертю въ Шампаньи императоръ дѣлалъ торжественный смотръ своей 150,000 арміи; баронесса К. пріѣхала сюда въ царскомъ экипажѣ, и государь принималъ ее, по выраженію Брандеса, какъ посланницу небесъ. Съ удивленіемъ смотрѣли русскіе усачи на эту немолодую и уже некрасивую даму въ скромномъ полумонашескомъ одѣяніи, съ развѣвающимися по вѣтру локонами, съ легкой соломенной шляпкой на рукѣ, проѣзжавшую съ такой помпой передъ ихъ стройными рядами.

Въ то время, передъ кѣмъ преклонялся русскій императоръ, передъ тѣмъ преклонялся и Парижъ со всѣми своими знатными гостями. Недавніе „философы" и атеисты тѣснились въ скромной, умышленно плохо-убранной квартиркѣ баронессы на ея молитвенныхъ собраніяхъ и со вниманіемъ выслушивали ея безконечныя поученія; это, конечно, не мѣшало имъ за угломъ острить надъ проповѣдницей и вспоминать ея прежнюю жизнь въ томъ же Парижѣ, когда она тратила на туалеты десятки тысячъ франковъ и танцовала свой знаменитый танецъ съ шалью, такъ мило описанный г-жею Сталь въ „Дельфинѣ"; но извѣстно, что въ Парижѣ всякій выдающійся успѣхъ сопровождается остротами изъ-за угла.

Вопросъ о томъ, какую роль играла К. въ составленіи знаменитаго акта священнаго союза, все еще не вполнѣ уясненъ. Считать ее авторомъ или даже крестной матерью этой политической фикціи, повидимому, нѣтъ ни малѣйшаго

основанія. Но, по всей вѣроятности, Александръ, собственноручно написавшій весь актъ, не одинъ разъ бесѣдовалъ съ нею о его основной идеѣ, при чемъ встрѣчалъ съ ея стороны полное сочувствіе, и навѣрно извѣстно, что послѣ подписанія его государь посѣтилъ баронессу, и они вмѣстѣ радовались успѣху святого дѣла. Уѣзжая изъ Парижа, Александръ приглашалъ К. въ Петербургъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы она немедленно воспользовалась этимъ приглашеніемъ, ея вліяніе на государя не прекратилось бы такъ неожиданно и скоро.

Когда Александръ въ первый разъ замѣтилъ фальшь и аффектацію въ поступкахъ своей руководительницы, мы навѣрно не знаемъ. Весьма вѣроятно, что сейчасъ же послѣ разлуки многіе факты изъ ихъ сношеній получили въ его глазахъ совсѣмъ иную и неблагопріятную для баронессы окраску; онъ называетъ ее ignis fatuus, даетъ понять, что онъ ошибся въ ней и, очевидно, уже безъ особаго нетерпѣнія ожидаетъ ее въ Петербургъ. Но баронесса не спѣшила покидать Европу и совершила цѣлый рядъ дѣяній, окончательно подорвавшихъ ея кредитъ въ глазахъ Александра. Во-первыхъ, одинъ изъ ея приближенныхъ, нѣкто Фонтэнь, попалъ въ очень некрасивую исторію и былъ изгнанъ вюртембергскимъ правительствомъ. Во-вторыхъ, сама К. пустилась разъѣзжать по Бадену и Швейцаріи и проповѣдывать толпамъ бѣдняковъ (которымъ, къ чести ея сказать, она помогала и матеріально) свое вѣроученіе, казавшееся многимъ осторожнымъ людямъ чѣмъ-то въ родѣ христіанскаго соціализма и чуть не призыва къ бунту, а года были голодные, и всякое народное движеніе считалось крайне опаснымъ. Квартиру проповѣдницы окружаютъ полиціей; ея помощниковъ выгоняютъ вонъ или арестуютъ; наконецъ и съ ней самой перестаютъ церемониться и перегоняютъ ее съ мѣста на мѣсто. К., твердо вѣруя въ свою небесную миссію, не стѣсняется этими преслѣдованіями, а, напротивъ, гордится ими. Она все больше и больше убѣждается, что состоитъ подъ непосредственной защитой Провидѣнія, которое въ нужное время доставитъ ей и деньги, и всякія другія пособія. Слава ея растетъ, но это не та слава, которая могла бы поднять ея авторитетъ въ глазахъ Александра.

Александръ Павловичъ, какъ и всѣ застѣнчивые и одаренные тонкой душевной организаціей люди, ужасно не любилъ и даже боялся шуму и скандаловъ; все, что выволакивалось на судъ толпы, казалось ему какъ бы оскверненнымъ. Каково ему было слушать, что особа, считающаяся состоящей подъ его покровительствомъ, сдѣлалась притчей во языцѣхъ и на пути въ Россію сдается полиціей съ рукъ на руки?

Кромѣ того, онъ въ это время уже окончательно перешелъ на сторону меттерниховской политики, и всякія движенія массы казались ему опасными, а ихъ виновники—преступными. Всякое желаніе видѣть M-me К. пропало у него безслѣдно.

Въ 1818 г., сильно измученная треволненіями послѣднихъ двухъ лѣтъ, К. водворяется на жительство въ остзейскомъ краѣ; она и здѣсь занимается филантропіей и проповѣдничествомъ; она и здѣсь имѣетъ многихъ поклонниковъ и послѣдователей; имѣетъ многихъ сторонниковъ и въ Петербургѣ; но общественное мнѣніе Европы уже мало занимается ею. Въ 1821 г., въ отсутствіе императора изъ Россіи (онъ былъ въ Тропау), баронесса явилась въ Петербургъ. Голицынскій кружокъ, въ то время многочисленный и еще сильный, встрѣтилъ ее съ почетомъ, и она снова, вмѣсто безграмотныхъ латышей, стала проповѣдывать сливкамъ общества и стала центромъ тогдашняго мистицизма.

Еслибы она ограничилась проповѣдью религіозной, императоръ, вѣроятно, не имѣлъ бы ничего противъ ея дѣятельности и, кто знаетъ? можетъ быть, и опять

бы сошелся съ нею. Но баронесса все еще была слишкомъ живая особа и не могла оставить въ покоѣ политику. Она еще въ деревнѣ у себя заинтересовалась греческимъ вопросомъ и теперь съ свойственной ей энергіей и настойчивостью стала проповѣдывать въ пользу возставшихъ и порицать христіанскія правительства, особенно же Александра, за равнодушіе къ судьбѣ угнетенныхъ. Государю это было тѣмъ болѣе непріятно, что въ данномъ случаѣ проповѣдь К. встрѣтила сочувствіе во всемъ русскомъ обществѣ, которое инстинктивно понимало роль Россіи на балканскомъ полуостровѣ и энергично, хоть и глухо, побуждало правительство вступиться въ дѣло; а глава правительства, какъ на грѣхъ, именно въ это время пришелъ къ убѣжденію, что, какъ основатель священнаго союза, онъ обязанъ поддерживать святость всѣхъ троновъ, не исключая и трона султана.

Александръ, не желая вступать въ личныя сношенія съ бывшей руководительницей своей совѣсти, написалъ ей письмо, которое по прочтеніи должно было быть у нея отобрано; онъ разъяснилъ ей свой взглядъ на дѣло и настойчиво рекомендовалъ ей воздерживаться на будущее время отъ всякаго вмѣшательства въ политику, намекая на возможность другихъ болѣе строгихъ мѣръ. Огорченная проповѣдница покинула Петербургъ и уѣхала въ свое имѣніе, гдѣ предалась молитвѣ и аскетическимъ подвигамъ: она добровольно подвергала себя голоду и холоду. Такой образъ жизни скоро окончательно разстроилъ ея и безъ того расшатанное здоровье. Доктора велѣли ей переѣхать на югъ, а кн. Голицына предложила ей взять ее съ собою въ Крымъ, гдѣ она думала устроить колонію. К. охотно согласилась и весною 1824 г. отправилась туда по Волгѣ вмѣстѣ съ княгиней и переселенцами. Дорогой она оправилась, пробыла нѣкоторое время въ Ѳеодосіи, а потомъ переѣхала въ Карасубазаръ, гдѣ жила на дачѣ, принадлежавшей генералу Шитцу. Но къ осени ей опять сдѣлалось хуже, а 13 декабря она скончалась.

Баронесса К. не принадлежитъ къ числу безупречныхъ героинь и отрадныхъ своею цѣлостностью историческихъ натуръ; самый пылкій панегиристъ не въ состояніи скрыть ея недостатковъ и грѣховъ ея молодости, а безпристрастный наблюдатель увидитъ много аффектаціи и проявленій мелочного самолюбія и во всей ея проповѣднической дѣятельности. По сравненію съ M-me Сталь, ея литературныя заслуги ничтожны, и ея излюбленныя идеи не имѣли будущаго. Но все же нельзя не признать за ней ума незауряднаго и энергіи недюжинной; все же нельзя не заинтересоваться ею, какъ выдающейся представительницей интересной эпохи, когда женщина въ первый разъ выступаетъ на арену общественной дѣятельности на свой собственный страхъ, безъ колебаній и робости, съ полнымъ сознаніемъ своей равноправности съ мужчинами. Смѣлость, съ которой она признается въ прежнихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ — тоже признакъ времени, характерный фактъ для начала XIX столѣтія, для наступленія вѣка истинной и широкой гуманности, когда Маріонъ Делормъ, Жанъ Вальжанъ, Соня Мармеладова внушаютъ больше симпатіи и интереса, нежели безупречные Памелы и Грандиссоны. Такой же признакъ времени и проповѣдь аристократки, обращенная къ толпамъ крестьянъ и фабричныхъ, своего рода хожденіе въ народъ, подорвавшее ея кредитъ въ глазахъ Александра и европейскихъ правительствъ.

Шатобріанъ и M-me Сталь слишкомъ крупныя и самостоятельныя величины, чтобы ихъ можно было считать типичными представителями литературы «консульства и имперіи»; къ тому же они были эмигрантами; ихъ вкусы и стремленія окончательно сложились внѣ Франціи, и Наполеонъ вліялъ на нихъ только отрицательно; поэтому съ фономъ картины они имѣютъ слишкомъ мало общаго. Два слова объ этомъ фонѣ.

Уже во время революціи нельзя не замѣтить во французскомъ обществѣ стремленія къ классицизму, который мнилъ себя классицизмомъ истиннымъ въ противуположность псевдоклассицизму вѣка Людовика XIV; дѣйствительно, этотъ классицизмъ ближе къ своему прототипу, но все же далеко не тождественъ съ нимъ и только представляетъ одностороннее и реторически-напыщенное воспроизведеніе нравовъ римской республики.

При директоріи стремленіе подражать «добродѣтелямъ римлянъ» переходитъ въ смѣшное обезьянничанье нѣкоторыхъ сторонъ ихъ внѣшняго быта *), но съ характерной прибавкой фривольности и легкаго отношенія къ жизни, которое представляло естественную реакцію противъ суровости террора. Это отражается, разумѣется, и въ искусствѣ, и въ литературѣ: Давидъ выставляетъ свою знаменитую картину: Похищеніе Сабинянокъ, въ которой весь Парижъ восхищается изящными и роскошными формами полураздѣтыхъ красавицъ; аббатъ Ноэль пишетъ Priapeia, Лемерсье—«Четыре Метаморфозы», Парни **) — «Битву древнихъ и новыхъ боговъ», одно изъ самыхъ остроумныхъ, но въ тоже время изъ самыхъ распутныхъ стихотвореній, какія есть на свѣтѣ.

Эпоха консульства и имперіи значительно сдержала эту фривольность и ввела въ моду другую сторону римскаго классицизма: военную суровость и простоту, стремившуюся къ величію. Глава государства, желая блистать во всемъ, не жалѣлъ средствъ, чтобы поднять упавшую литературу; но ея свободному развитію препятствовала самая энергія его вмѣшательства, не говоря уже о томъ, что эпоха господства сабли и ежедневныхъ измѣненій въ картѣ Европы была неблагопріятна для поэзіи. Проза значительно упростилась и выиграла отъ вліянія великихъ мыслителей предшествовавшей эпохи и отчасти отъ самыхъ великихъ событій, требовавшихъ изложенія сильнаго и краткаго; но въ поэзіи царствуетъ формализмъ, традиція и искусственность. Въ большомъ числѣ появляются эпическія поэмы на античные или вообще героическіе сюжеты ***); еще въ большемъ— диѳирамбы, кантаты и оды, восхваляющіе императора и его семейство ****); выходитъ много дидактическихъ и описательныхъ поэмъ и

*) Женщины носятъ газовыя туники, обнажаютъ грудь, руки и почти половину спины, дѣлаютъ разрѣзы на бокахъ и одѣваютъ ноги въ трико. Члены совѣта Пятисотъ имѣютъ мундиромъ бѣлую тунику съ рукавами и золотымъ шитьемъ по подолу, синій шарфъ, красный плащъ съ синею каймою и темносиній токъ съ прорѣзами и краснымъ подбоемъ; члены Исполнительнаго совѣта носятъ золотой римскій мечъ и т. д. См. Вейсъ: Внѣшній бытъ народовъ III, стр. 411.

**) См. выше.

***) Освобожденная Франція, Каролеида, и пр.

****) Говорятъ, что рожденіе недолговѣчнаго Римскаго короля вызвало къ жизни около 1300 одъ.

масса альманаховъ и сборниковъ съ любовными стишками, подъ характерными заглавіями: Крылья Адониса, Завѣщаніе Купидона, Къ тѣни моей супруги, и пр. На большой сценѣ съ огромнымъ успѣхомъ идутъ трагедіи Корнеля, Расина и ихъ подражателей (уже въ обстановкѣ, по возможности, вѣрной исторіи); на малыхъ — патріотическія пьесы, возвеличивающія добродѣтели и побѣды императора. Для комедіи время было до крайности неблагопріятное, и самый даровитый изъ тогдашнихъ комиковъ Picard *) ограничивается тѣмъ, что осмѣиваетъ провинціальные нравы, въ угоду парижанамъ, разбогатѣвшихъ мужиковъ и мѣщанъ, и пр.

Но и въ этой однообразной и скучной, до крайности стѣсненной цензурою поэзіи нельзя не замѣтить вѣянія новаго духа, стремленія къ новымъ сюжетамъ и формамъ; люди, независимые отъ правительства, мечтаютъ о тишинѣ и успокоеніи, столь необходимомъ для измученнаго общества, и императорская цензура не имѣетъ основанія запрещать эти мечты, хотя и сознаетъ ихъ несвоевременность. Средніе вѣка, съ которыми всенивеллирующій режимъ Наполеона не можетъ имѣть ничего общаго, пріобрѣтаютъ все больше и больше симпатіи; въ альбомахъ и альманахахъ появляются стихотворенія въ родѣ: Le souvenir du ménestrel, Le troubadour, и пр. Эпики передѣлываютъ не только Chansons de geste, но и поэмы о рыцаряхъ Круглаго Стола и романы Амадисова цикла; статья Меркурія въ 1804 г. прямо указываетъ, что въ исторіи Франціи не меньше истиннаго героизма и трагическихъ сюжетовъ, чѣмъ въ исторіи Грековъ и Римлянъ. Драматургъ Люд. Лемерсье (1771—1840) началъ съ классическихъ трагедій, но, не смотря на большой успѣхъ своего «Агамемнона» (1796), потомъ обратился за сюжетами къ среднимъ вѣкамъ («Императоръ Балдуинъ», «Безуміе Карла VI», и пр.) и обрабатываетъ ихъ совсѣмъ по новому: стремится къ эффектамъ, къ фантастикѣ.

Большимъ успѣхомъ на французской сценѣ пользуются сантиментальныя пьесы, какъ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» Коцебу и «Памела или награжденная добродѣтель», передѣланная изъ извѣстнаго романа Ричардсона.

Въ 1805 г. поставлена трагедія «Тампліеры», написанная однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Франціи и однимъ изъ первыхъ серьезныхъ ученыхъ, отдавшихъ свои всѣ симпатіи французскимъ среднимъ вѣкамъ, Рейнуаромъ (François Just Marie Raynouard, авторъ Choix de poésies originales des Troubadours 1816—21, 6 тт. и Lexique roman 1836—45, 6 тт., род. 1761 г., ум. 1836).

Вообще отечественная исторія съ каждымъ днемъ все больше и больше пріобрѣтаетъ значенія: масса второстепенныхъ литературно-

*) Получаетъ извѣстность въ срединѣ 90-хъ годовъ.

научныхъ дѣятелей, бывшихъ философами до революціи, послѣ 1794 г. становятся историками. Эти историки болѣе или менѣе рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: одни, какъ Дону (1761—1840), продолжають дѣло Вольтера, вносятъ въ изслѣдованіе прошлаго ту же тенденціозность и ту же вѣру въ силу разума; другіе являются учениками Шатобріана, стремятся вникать въ жизнь и интересы отжившихъ поколѣній и излагать результаты своей работы съ теплотою чувства и изяществомъ. Самый выдающійся изъ нихъ—Мишо (Josephe François Michaud 1767—1839), «Исторія Крестовыхъ походовъ» котораго имѣла для Франціи почти то же значеніе, какое для насъ «Исторія государства россійскаго» Карамзина *).

Въ романѣ и повѣсти вѣетъ тоже новымъ духомъ: замѣтно усиливается элементъ психологическій, а историческіе и географическіе предѣлы расширяются до такой степени, что даже отдаленная Россія, съ которой многіе изъ эмигрантовъ имѣли случай ознакомиться весьма близко, часто становится мѣстомъ дѣйствія французскихъ повѣстей и романовъ, причемъ иные изъ авторовъ не совсѣмъ игнорируютъ и мѣстный колоритъ; лучшая изъ повѣстей этого рода безспорно «Молодая Сибирячка» **) Ксавье де Местра (1764—1852), брата вышеназваннаго Жозефа и генерала русской службы; сюжетъ ея взятъ изъ дѣйствительнаго происшествія ***) и обработанъ съ искусной простотой и задушевностью. Ксавье де Местръ выступилъ на литературное поприще еще въ 1794 г. съ небольшой книжечкой: «Путешествіе вокругъ моей комнаты», за которую получилъ прозваніе утонченнаго Стерна. Въ 1811 г. онъ издалъ трогательный разсказъ о своемъ посѣщеніи одного прокаженнаго подъ заглавіемъ «Прокаженный города Аосты», который тоже имѣлъ значительный успѣхъ.

Самымъ плодовитымъ и популярнымъ романистомъ этого времени опять-таки была женщина—M-me де Жанлисъ, урожденная графиня де Ланси. Она род. въ 1746 г., и хотя получила очень поверхностное образованіе, но проявила такую талантливость, что когда ей было всего 15 лѣтъ, графъ Bruslart de Genlis влюбился въ нее, не видавъ ея, за прекрасный стиль ея письма, случайно попавшагося ему на

*) Histoire des croisades 1812—1817 г. 3 т.; переиздавалась много разъ. Русскій переводъ въ 1841 г. появился уже во 2-мъ изданіи въ 5 томахъ. Кромѣ того, на русскій языкъ переведена его книга: „Очерки Іерусалима“, и пр. (пер. Тимофѣева, Спб. 1837 г.).

**) La jeune Sibirienne, 1820 г. Въ русской литературѣ она извѣстна подъ названіемъ «Параша Сибирячка»; послѣднее изданіе въ Дешевой библіотекѣ Суворина; въ 1864 г. ея переводъ изд. подъ именемъ: «Параша Лупалова».

***) Молодая дѣвушка пришла пѣшкомъ изъ Сибири въ Петербургъ и выпросила прощеніе своему отцу.

Изъ «русскихъ» романовъ отмѣтимъ еще по катал. Смирдина переведенный въ 1808 г. «Димитрій и Надежда или замокъ (!) на берегу Урала».

глаза, и женился на ней. Какъ племянница г-жи Монтессонъ, тайно обвѣнчанной съ герцогомъ Орлеанскимъ, Жанлисъ попала къ его двору. и герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи Égalité, такъ плѣнился ея красотой и умомъ, что сдѣлалъ ее «гувернеромъ» своихъ дѣтей. Чтобы оправдать свое положеніе въ глазахъ свѣта, она стала писать педагогическія и дѣтскія книги, имѣвшія большой успѣхъ. Во время революціи она, по своимъ связямъ съ Пале-Роялемъ, играла довольно важную роль, посѣщала якобинскій клубъ и сблизилась съ Петіономъ, а позднѣе съ Дюмурье. Отъ террора она спаслась въ Швейцарію, откуда потомъ переѣхала въ Германію, гдѣ и напечатала въ 1795 г. свой романъ: «Рыцари лебедя или дворъ Карла Великаго, сказка историческая и моральная» *). Во время консульства она возвращается въ Парижъ и живетъ съ этихъ поръ пенсіей отъ правительства и литературными трудами; каждый годъ она выпускаетъ въ свѣтъ по нѣскольку томовъ романовъ и повѣстей, которые читаются съ жадностью и почти немедленно переводятся на всѣ иностранные языки, въ томъ числѣ и на русскій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преобладаетъ якобы моральный интересъ **), въ другихъ якобы историческій (преимущественно изъ исторіи Франціи XVII в.); но моральныя сентенціи не мѣшали автору при случаѣ рисовать довольно фривольныя картины и положенія, а историческаго здѣсь кромѣ именъ и годовъ почти ничего нѣтъ. Но слогъ г-жи Жанлисъ отличается замѣчательной гладкостью, тонъ у нея чувствительный, нѣсколько слащавый, въ то время очень нравившійся, а главное — содержаніе интересно, разнообразно и иногда фантастично. Лучшимъ ея романомъ считается Mademoiselle de Clermont (1802 г.) изъ свѣтской, хорошо ей знакомой жизни.

Кромѣ романовъ, Жанлисъ писала книги педагогическія, комедіи, мелодраммы (даже изъ св. Исторіи, напр., Іосифъ, узнанный братьями), путешествія и пр., и пр., всего до девяноста томовъ ***). Это одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые не переживаютъ своего времени, но зато вполнѣ удовлетворяютъ его требованіямъ. Она работала до глубо-

*) Les chevaliers du Cygne, ou la cour de Charlemagne, conte historique et moral 3 т. 2-е изд. сильное измѣненное въ Парижѣ 1805.

Въ этомъ романѣ героиня умираетъ еще въ первомъ томѣ, но является потомъ въ качествѣ привидѣнія—тревожить совѣсть своего убійцы мужа.

**) Вотъ характерныя заглавія нѣкоторыхъ изъ русскихъ переводовъ, по каталогу Смирдина:

«Безразсудные обѣты или ослѣпленіе» 1802 г. и т. д.

„Матери соперницы или клевета“ (6 частей 1803—5 г.; 2-е изд. въ 8 частяхъ).

„Раскаяніе молодой женщины“ 1807 г.

„Геройство семнадцати-лѣтней дѣвицы или оклеветанная невинность“ (выдержало 3 изданія, 1-е въ 1808 г.).

***) Въ Смирдинскомъ каталогѣ поименовано пятьдесятъ четыре ея сочиненія.

кой старости (умерла въ 1830 г.) и, какъ видно изъ ея Мемуаровъ [1]), была очень довольна результатами своей дѣятельности [2]).

Значительно моложе Жанлисъ г-жа Коттэнь (урожд. Ristaud), романы которой тоже гремѣли въ свое время по всей Европѣ [3]). Она род. въ 1773 г., 17 лѣтъ вышла замужъ за банкира изъ Бордо, потомъ переѣхала въ Парижъ и рано овдовѣла. Она сперва писала, разсказываютъ, для собственнаго удовольствія, не думая объ изданіи своихъ произведеній; она продала свой первый романъ Claire d'Albe (1799), чтобы помочь одному эмигранту; этотъ романъ, явившійся безъ имени автора, имѣлъ успѣхъ, и за нимъ скоро послѣдовали другіе: Мальвина (3 т. 1800 г.) [4]), Амелія Мансфельдъ (4 т. 1803) [5]) Матильда (6 т. 1805), который понравился публикѣ больше всѣхъ предыдущихъ [6]), Елизавета или сибирскіе изгнанники (2 т. 1806 г.) [7]), долго оставшійся любимой книгой для юношества и др. У г-жи Коттэнь направленіе тоже, что у M-me Жанлисъ—сентиментально-историческое; но у ней чувствуется болѣе искренности.

ГЛАВА II.

Англійская литература въ началѣ XIX вѣка.—В.-Скоттъ.—Байронъ и Шелли.

(Главнѣйшія пособія будутъ указаны при отдѣльныхъ писателяхъ).

Большинство англійской интеллигенціи встрѣтило сочувственно первые шаги французской революціи. Лучшіе люди прекрасно знали, что идеи, нынѣ осуществляемыя въ Парижѣ, родились въ Англіи, которая уже болѣе ста лѣтъ пользовалась свободой, бывшей лозунгомъ французскихъ «философовъ» XVIII вѣка. Либеральная англійская молодежь привѣтствовала паденіе Бастиліи, какъ міровое, въ высшей степени отрадное событіе, и будущіе реакціонеры и французофобы писали оды въ честь 14 іюля; многіе изъ нихъ оставались вѣрны

---

[1]) Вышли въ Парижѣ въ 10 томахъ въ 1825 г.

[2]) О ней см. статью С.-Бева въ русскомъ пер. въ Библ. для Чт. 1851 г. № 8.

[3]) Пушкинъ упоминаетъ героя ея романа, Малекъ Аделя, рядомъ съ Де Линаромъ, Вертеромъ и Грандисономъ. Евг. Он. III, IX.

[4]) Русскій пер. въ 6 частяхъ вышелъ 1816—1818 въ Москвѣ.

[5]) Русскій пер. въ 6 частяхъ 1810 г. 2-е изд. 1817 въ Москвѣ.

[6]) Русскій пер. Дм. Бантышъ—Каменскаго въ 6 частяхъ выдержалъ 3 изданія (1806, 1813 и 1821).

Въ 1825 г. вышелъ переводъ продолженія этого интереснаго романа, соч. Верне де Люзе.

[7]) Русскій переводъ имѣлъ четыре изданія.

революціи даже и въ то время, какъ дѣло стало близиться къ провозглашенію республики, и мечтали о томъ, что примѣръ окажетъ благое дѣйствіе и на ихъ малоподвижное государственное устройство. Въ это время проповѣдь Борка противъ революціи *) находитъ немногихъ послѣдователей и встрѣчаетъ противодѣйствіе въ массѣ образованныхъ людей.

Но вотъ настаетъ 1793 г., а потомъ начинается война, продолжавшаяся почти непрерывно до ватерлооской битвы. Общественное настроеніе быстро измѣняется; все, что хоть нѣсколько отзывается революціоннымъ духомъ, подвергается безпощадному гоненію; уже въ 1794 г. пріостановлено дѣйствіе акта habeas corpus; когда въ 1798 г. произошло возстаніе въ Ирландіи, оно было подавлено съ такою жестокостью, что она ужаснула самихъ побѣдителей. Тори на много лѣтъ берутъ верхъ надъ вигами, и ихъ суровое владычество придаетъ мрачный колоритъ всей эпохѣ.

Въ то время, какъ въ политической и общественной жизни Англія проявляетъ консерватизмъ почти небывалый, въ ея литературѣ происходитъ революція, и въ ней видными и передовыми дѣятелями являются люди, давно уже искупившіе свои юношескія увлеченія политической революціей самымъ полнымъ раскаяніемъ и сдѣлавшіеся столпами консерватизма. Эта литературная революцію отчасти исходитъ изъ туземныхъ элементовъ, отчасти отъ вліянія нѣмецкаго романтизма, а отчасти связана съ политическою жизнью эпохи.

Выше (см. XIII гл. III т.) было говорено о томъ поворотѣ къ реализму, который сильно замѣтенъ въ англійской литературѣ еще въ началѣ XVIII в. и который къ концу его такъ рѣзко выразился въ «семейномъ» романѣ, на театрѣ и въ произведеніяхъ Купера и Бернса, чтб не могло не произвести благотворной перемѣны во взглядѣ общества на поэзію.

Но старое, реторическое направленіе не могло уступить безъ борьбы въ странѣ, гдѣ такъ высоко ставятъ традицію и гдѣ общественное воспитаніе даже до нашихъ дней носитъ тотъ же реторическій и формальный характеръ. Кромѣ того, реформа еще не имѣла за собой теоріи, даже не вполнѣ сознавалась самими реформаторами, и не могла указать зауряднымъ литературнымъ дѣятелямъ такого обильнаго источника для вдохновенія, какой ихъ предшественникамъ давали классическая миѳологія и исторія.

Все это измѣнилось въ два первыя десятилѣтія XIX вѣка, благодаря дѣятельности нѣсколькихъ писателей, художественные идеалы которыхъ стояли въ болѣе или менѣе очевидной связи съ нѣмецкимъ романтизмомъ.

*) См. выше III, стр. 850.

Трое изъ нихъ дѣйствуютъ совмѣстно, поддерживаютъ и взаимно дополняютъ другъ друга, вслѣдствіе чего и обособляются подъ общимъ именемъ **лекистовъ** или поэтовъ **озерной школы** *); это—Вордсвортъ (Wordswort), Кольриджъ (Coleridge) и Соути (Southey). Они современники и близкіе пріятели; всѣ они отлично образованные, почти ученые люди, съ большою любовью къ поэзіи, съ опредѣленными художественными вкусами и принципами, но съ посредственнымъ творческимъ талантомъ. Всѣ они въ юности были большими либералами, а въ зрѣломъ возрастѣ стали опорами консерватизма, государственной церкви и реакціи. Всѣ они солидные граждане, сторонники строгой англійской нравственности; всѣ знатоки и искренніе поклонники англійской природы и быта; всѣ любятъ старую англійскую литературу и презираютъ французско-англійскій псевдоклассицизмъ. Всѣ они англійскіе патріоты, стоятъ за національность и свободу противъ чужеземнаго ига и обезьянничанья передъ Европой; всѣ они высоко ставятъ народныя пѣсни и сказки; всѣ стремятся упростить англійскій стихотворный языкъ и обогатить литературу новыми образами и идеями.

Вильямъ Вордсвортъ родился въ 1770 г. въ Кумберлэндѣ, былъ сынъ довольно состоятельнаго юриста и получилъ отличное образованіе; 18 лѣтъ онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ. Еще студентомъ онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ, въ Парижѣ поклонялся жирондистамъ, объѣхалъ Швейцарію и Италію. Въ 1793 г. онъ выступаетъ на литературное поприще съ стихотворнымъ посланіемъ: «Вечерняя прогулка» (An evening walk), затѣмъ съ «Описательными очерками» (Descriptive sketches). Въ 1797 г. онъ близко сошелся съ Кольриджемъ, и они въ долгихъ дружескихъ бесѣдахъ выяснили принципы новой поэзіи; главными изъ нихъ были: безусловная простота языка и вообще формы и умѣнье находить чудесное въ обыденномъ, даже пошломъ, и естественное и простое—въ чудесномъ и сверхъестественномъ. Въ 1798 г. друзья совершили совмѣстное путешествіе въ Германію, и около этого же времени вышли Вордсвортовы «Лирическія баллады», которыя онъ самъ назвалъ «экспериментомъ».

Жизнь Вордсворта сложилась чрезвычайно удачно и покойно. Уже въ 1795 г. онъ получилъ наслѣдство отъ одного изъ своихъ друзей, которое вмѣстѣ съ его личными средствами дало ему возможность обходиться безъ службы или другой прибыльной дѣятельности. Въ 1803 г. онъ женился и былъ вполнѣ счастливъ въ семейной жизни. Поселившись въ мѣстечкѣ Рейдаль-Моунтѣ, онъ получилъ синекуру въ 500 ф. въ годъ и былъ такимъ образомъ обезпеченъ навсегда со всѣмъ семействомъ. Только въ 1842 г., 70 лѣтъ отъ роду,

*) Lake scool, такъ какъ они жили у озеръ Кумберланда и Вестморланда.

онъ отказался отъ своей выгодной должности въ пользу одного изъ сыновей своихъ, а въ слѣдующемъ 1843 г., послѣ смерти Соути, былъ сдѣланъ поэтомъ-лавреатомъ съ содержаніемъ въ 300 ф. въ годъ. Онъ умеръ въ 1850 г. 80 лѣтъ отъ роду *). Судя по портретамъ, Вордсвортъ въ молодости былъ похожъ на нашего Карамзина; по костюму и манерѣ держать себя онъ, говорятъ, напоминалъ методистскаго проповѣдника. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ и заслугахъ и вслухъ читалъ только собственныя произведенія. Насмѣшки, которымъ онъ подвергался, только увеличивали его самомнѣніе; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что подобнымъ нападкамъ подвергались всѣ реформаторы.

Вордсвортъ исходилъ изъ принципа, что для поэзіи, какъ и для живописи, нѣтъ ничего малаго и недостойнаго, что слѣпой мальчикъ, катающійся по пруду въ грязномъ корытѣ, для истиннаго поэта— сюжетъ столько же пригодный и, пожалуй, даже болѣе трогательный, чѣмъ походъ Александра Македонскаго на Персію. Его вѣчная тема— жизнь души человѣческой, проявляющаяся въ мелочахъ жизни повседневной. Задача его — растрогать читателя, вызвать къ дѣйствію ту способность, которую нѣмцы называютъ Gemüth; онъ достигаетъ этого детально вѣрнымъ изображеніемъ обыденныхъ сценъ и предметовъ и изложеніемъ своихъ чувствъ и мыслей по поводу ихъ; вытертая зубная щетка, кошка, играющая сухими листьями, распускающійся бутонъ полевого цвѣтка — все наводитъ его на размышленія о судьбѣ человѣчества и о высшихъ его задачахъ, или настолько напрягаетъ его чувствительность, что онъ заражаетъ ею читателя. Такимъ образомъ, въ его простой, повидимому, поэтической концепціи есть своего рода поэтическій символизмъ, и этотъ вдумчивый символизмъ роднитъ его съ Стерномъ и Гольдсмитомъ съ одной стороны и съ нѣмецкими романтиками съ другой. Но отъ Стерна и Гольдсмита его рѣзко отличаетъ враждебное, даже презрительное отношеніе къ самонадѣянному разуму—въ его глазахъ суевѣрный крестьянинъ лучше холоднаго скептика, а отъ раннихъ романтиковъ—строгая буржуазная мораль, религіозность и чувство гражданской порядочности **).

*) Въ 1807 г. вышли 2 послѣдніе томика лирическихъ балладъ Вордсворта; въ 1814 г. лучшая его поэма: The excursion; затѣмъ „The while doe of Rylstone", „Peter Bell" и „The Waggener". Въ 1820 г. вышелъ рядъ его сонетовъ подъ назв. The river Duddon и Ecclesiastical sonnets. Въ 1822 г. Memorials of a tour on the Continent и Description of the lakes in the Nord of England; въ 1835 г.—Jarrow revisited.

Матеріалы для его біографіи см. Memoirs of William Wordsworth 2 т. Lond. 1851.

По-русски см. хорошую, хотя немного поверхностную его характеристику въ статьѣ Дружинина: Вальтеръ-Скоттъ и его современники. Т. IV, стр. 654 и слѣд.

**) Поэтому ему очень не нравится Гётевскій Вильгельмъ Мейстеръ.

Большинство его произведеній — небольшія пьесы, къ которымъ очень подходитъ придуманное имъ названіе: Лирическія поэмы; очень характернымъ и удачнымъ образцомъ ихъ можетъ считаться стихотвореніе: «Насъ семеро», прекрасно переведенное И. Козловымъ *). Но есть у него и довольно большія поэмы, какъ напр. Прогулка, въ которой авторъ передаетъ свои разговоры съ разносчикомъ, пустынникомъ, пасторомъ на кладбищѣ, женой ткача, и пр. Характеры дѣйствующихъ лицъ въ нихъ очерчены очень слабо; сейчасъ же видно, что авторъ не къ тому стремится, чтобы создать живыя лица, а къ тому, чтобы устами созданныхъ имъ фигуръ высказать свои моральныя сентенціи **). Критики, даже Чемберсъ, который вообще относится къ Вордсворту очень благосклонно и считаетъ его характерною чертою «покойную и нѣжную красоту» ***), справедливо обвиняютъ поэта въ томъ, что его крестьяне, разнозчики и нищіе—только маски, изъ-подъ которыхъ явно сквозятъ тонкія черты поэта-философа; немногіе женскіе характеры очерчены имъ удачнѣе: это типичныя, хоть и подкрашенныя, англійскія жены и дочери.

Вліяніе Вордсворта на современную ему и позднѣйшую англійскую поэзію довольно значительно и благотворно: онъ развилъ вкусъ къ изученію простого человѣка и туземной природы; онъ взывалъ къ состраданію и до извѣстной степени объединилъ поэзію съ филантропіей; его тонкое и глубокое пониманіе того, какъ внѣшняя природа дѣйствуетъ на душу, повліяло и на Байрона, и на Шелли, хоть и привело ихъ къ другимъ выводамъ. Его языкъ замѣчательно простъ. натураленъ и вполнѣ свободенъ отъ всякаго признака реторики.

За что же надъ нимъ такъ смѣялись и такъ часто пародировали его? На это было много причинъ и, пожалуй, важнѣе другихъ двойственность въ англійскомъ характерѣ: англичанинъ очень наклоненъ къ трогательному и сантиментальному; но съ другой стороны никто такъ не шокируется публичнымъ проявленіемъ чувствительности, какъ англичанинъ. Поэтому-то Вордсвортъ, хоть и далеко не былъ геніемъ, очень рано пріобрѣлъ и горячихъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ враговъ; къ тому же остроуміе послѣднихъ онъ возбуждалъ своей обидчивостью и самомнѣніемъ, а искреннее негодо-

*) Прежде печаталось въ Христоматіи Галахова; напечатано у Гербеля. Англ. Поэты, стр. 197.

**) Одна изъ немногихъ его чисто эпическихъ поэмъ Бѣлая лань Рэльстона (The white doe of Rylstone), въ которой поэтъ хочетъ соперничать съ В.-Скоттомъ, основана на балладѣ изъ сборника Перси. Сюжетъ ея въ томъ, что добродѣтельный юноша не хочетъ вмѣстѣ съ братьями возстать противъ королевы Елизаветы; а когда мятежники побѣждены, раздѣляетъ съ ними постигшіе ихъ позоръ и казнь. Но и въ ней больше морали и сантиментальности, нежели эпическаго интереса.

***) A quiet and tender beauty. Cyclopaed. of engl. literature II, 279 и слѣд.

ваніе—равнодушіемъ къ политическимъ событіямъ времени: въ Англіи многимъ странно было видѣть образованнаго и вліятельнаго человѣка, который былъ исключительно занятъ слѣпыми мальчиками и сухими листочками въ то время, какъ Европу оглашаетъ громъ Наполеоновыхъ войнъ и народы бьются за спасеніе національности и вѣковыхъ принциповъ порядка. Но Вордсвортъ оставался вѣренъ себѣ, и уже съ 20-хъ годовъ критика начинаетъ отдавать должное твердости его художественныхъ убѣжденій.

Самуилъ Тэйлоръ Кольриджъ род. въ 1772 г.; онъ былъ сынъ бѣднаго деревенскаго викарія, въ школѣ учился такъ хорошо, что на ея счетъ былъ отправленъ въ Кембриджскій университетъ. Почти мальчикомъ онъ уже имѣлъ опредѣленный литературный вкусъ и возставалъ противъ Попа и классицизма. Въ университетѣ онъ занимался также хорошо и получилъ золотую медаль за греческую оду, но оставался тамъ всего 2 года (1791—1793): начальство съ достаточнымъ основаніемъ заподозрило его въ сочувствіи къ республиканцамъ, и кромѣ того онъ такъ запуталъ свои денежныя дѣла, что принужденъ былъ уйти въ Лондонъ и наняться въ солдаты въ драгунскій полкъ. Подобно нашему Державину, онъ въ полку писалъ письма своимъ товарищамъ, которые за это исполняли его работу въ конюшнѣ. Черезъ четыре мѣсяца родные и друзья освободили его изъ полка, и онъ возвратился къ прежнимъ занятіямъ. Кольриджъ скоро подружился съ Соути и вмѣстѣ съ нимъ и еще нѣсколькими молодыми людьми рѣшилъ уѣхать въ Америку, чтобы тамъ основать идеальную соціалистическую колонію подъ названіемъ Пантисократію (Pantisocracy), но любовь и женитьба помѣшали осуществленію этого плана. Онъ написалъ въ это время крайне либеральную трагедію подъ заглавіемъ «Паденіе Робеспьера» *), не имѣвшую успѣха, читалъ публичныя лекціи и пробовалъ издавать газету. Выше было сказано о его дружбѣ съ Вордсвортомъ и ихъ совмѣстномъ путешествіи въ 1798 г. въ Германію. Кольриджъ тамъ познакомился съ Шеллинговой философіей, съ мистическимъ ученіемъ Бёме и съ романтической поэзіей; подъ вліяніемъ романтиковъ онъ занялся изученіемъ средне-верхне-нѣмецкаго, которымъ тогда и въ самой Германіи интересовались весьма немногіе; онъ же въ первый разъ перевелъ на англійскій Шиллерова Валенштейна **). По возвращеніи изъ Германіи Кольриджъ поселился «на озерѣ» недалеко отъ Вордсворта и Соути (съ послѣднимъ Кольриджъ состоялъ въ свойствѣ: они были женаты на родныхъ сестрахъ), и въ своей поэтической дѣятельности осуществлялъ задачу изображать сверхъестественное самыми живыми красками и че-

*) The fall of Robespierre 1794. Lond.

**) Изд. въ Лонд. въ 1800 г.

резъ то придавать ему реальность. Убѣжденія Кольриджа, между тѣмъ, радикально измѣнились: изъ революціонера онъ сдѣлался роялистомъ и горячимъ приверженцемъ высокой церкви. Онъ писалъ небольшія поэмы, въ родѣ балладъ, а крупное его произведеніе «Кристабель», долго остававшееся въ рукописи *) и имѣвшее вліяніе на первыя поэмы Скотта, не было окончено. Стихъ его чрезвычайно мелодиченъ, но лишенъ страсти и пластики, которыхъ не хватаетъ и въ самыхъ созданіяхъ его фантазіи; красиво намѣченныя фигуры дѣйствуютъ какъ будто во снѣ, и читателю представляются въ такихъ же неясныхъ очертаніяхъ, какъ сонныя видѣнія. Самая извѣстная изъ его поэмъ—Старый матросъ (Rhyme of the ancient mariner) переведена на русскій довольно удачно Ѳ. Б. Миллеромъ **); сюжетъ ея трудно поддается изложенію: матросъ убилъ безвредную морскую птицу, которая довѣрчиво отдыхала на кораблѣ; почему онъ убилъ ее—мы не знаемъ. Всѣ товарищи матроса гибнутъ отъ голода и жажды, и онъ одинъ остается въ живыхъ среди ихъ труповъ; наконецъ, послѣ долгихъ (слишкомъ долгихъ для терпѣнія читателя) мученій онъ возвращается на родину. Эта бѣдная, нѣсколько нелѣпая канва украшена такими прелестными картинами моря въ разныхъ широтахъ, и ужасъ матроса передъ послѣдствіями убійства альбатроса изображенъ такъ естественно, что поэма считается однимъ изъ украшеній англійской литературы.

Драмы Кольриджа (Remorse и Zapolya) очень слабы, но интересны, какъ попытки ввести романтизмъ на сцену.

Содержаніе первой взято изъ испанской жизни, изъ эпохи Филиппа II. Два брата, Альваръ и Ордоніо, любятъ сироту Терезу, сердце которой отдано Альвару. Обручившись съ нею, Альваръ отправляется путешествовать, взявъ съ собою портретъ невѣсты. Ордоніо (страсть котораго къ Терезѣ никому неизвѣстна) поручаетъ спасенному имъ мавру Исидору убить Альвара на дорогѣ. Убійство не удалось, но портретъ Терезы попалъ въ руки Ордоніо, и тотъ старается убѣдить

*) Написано въ 1797 г., напечатано въ 1816. Вотъ вкратцѣ его сюжетъ: героиня Кристабель въ апрѣльскую ночь оставляетъ зàмокъ своего отца, чтобы молиться за своего рыцаря въ близъ-лежащемъ лѣсу; тамъ находитъ она прекрасную богато-одѣтую даму, которая называетъ себя дочерью рыцаря; замокъ ея отца взятъ врагами, которые завели ее въ этотъ лѣсъ и здѣсь покинули. Кристабель сжалилась надъ нею, взяла ее съ собою въ зàмокъ и помѣстила въ свою комнату. Ночью во снѣ Кристабель видитъ свою умершую мать, которая предостерегаетъ ее отъ незнакомки. Утромъ Кристабель ведетъ Джерольдину—такъ называлась чужестранка—къ своему отцу, который признаетъ её дочерью своего стараго товарища, чувствуетъ къ ней какую-то необъяснимую склонность и посылаетъ своего стараго барда къ отцу Джерольдины, чтобы извѣстить его, гдѣ находится его дочь. Напрасно бардъ и Кристабель уговариваютъ стараго рыцаря немедленно отослать незнакомку; тотъ не желаетъ разстаться съ ней. На этомъ обрывается поэма; изъ сновидѣнія барда можно догадаться, что Джерольдина—вампиръ, угрожающій гибелью героинѣ.

**) Библ. для Чт. 1851 г. № 7; также см. Стихотворенія Ѳ. Миллера и у Гербеля, стр. 213.

Терезу въ смерти ея жениха. Для этой цѣли долженъ явиться колдунъ, который воспроизведетъ сцену его гибели. Въ видѣ колдуна является самъ Альваръ, и послѣ того, какъ онъ убѣдился въ любви къ нему невѣсты, зритель ожидаетъ счастливой развязки; но инквизиція хватаетъ Альвара, какъ колдуна, Ордоніо убиваетъ Исидора, а самъ погибаетъ отъ руки его жены и пр.

О второй пьесѣ можетъ дать понятіе то обстоятельство, что самъ авторъ называетъ ее подражаніемъ Зимней Сказкѣ Шекспира.

Кольриджъ обладалъ большими способностями, но былъ очень слабъ характеромъ; его полныя, довольно изящныя черты и вдумчивые глаза лишены энергіи, которую онъ такъ и не съумѣлъ развить въ себѣ до конца жизни. Онъ пользовался любовью, но не уваженіемъ окружающихъ; всю жизнь онъ брался за дѣла, на которыя его толкали другіе, и исполнялъ ихъ добросовѣстно только тогда, когда при немъ были руководители. Онъ разстроилъ себѣ здоровье слишкомъ сильными пріемами опіума; семью свою сдалъ онъ на руки Соути, а самъ проживалъ у пріятеля доктора; онъ ум. въ 1834 г. *).

По легкомысленному отношенію къ жизни и наклонности къ ироніи онъ болѣе своихъ товарищей походитъ на нѣмецкихъ романтиковъ.

Робертъ Соути род. въ 1774 г. въ Бристолѣ, онъ былъ сынъ купца, учился въ Вестминстерской школѣ, въ 1792 г. поступилъ въ Оксфордскій университетъ, но пробылъ тамъ всего 2 года. Онъ рано началъ заниматься литературой и уже 20 лѣтъ отъ роду выступилъ съ поэмой «Ватъ Тейлоръ», риторически-революціонной по направленію. Потомъ онъ написалъ поэму «Іоанна д'Аркъ», въ которой также, какъ Шиллеръ, 5 лѣтъ спустя, желалъ возстановить славу Дѣвственницы, несправедливо униженной Вольтеромъ; но здѣсь же онъ прославлялъ M-me Роланъ и Лафайета и высказывалъ свои либеральныя и пантеистическія убѣжденія. Вскорѣ послѣ этого онъ отправляется по торговымъ дѣламъ въ Португалію, гдѣ основательно изучаетъ языки и литературу пиринейскаго полуострова. По возвращеніи оттуда, онъ занимается правовѣдѣніемъ и, разстроивъ усиленной работой здоровье, снова ѣдетъ на югъ Европы. Между тѣмъ его политическія и религіозныя убѣжденія радикально измѣнились, и художественные взгляды окончательно сформировались. Въ 1801 г. появляется его эпическая поэма: «Талаба разрушитель» (Thalaba the destroyer), сюжетъ которой взятъ будто бы изъ арабскаго преданія; въ 1805—поэма «Мадокъ» изъ валлійскихъ сказаній; въ 1810—«Проклятіе Кегама» (The curse of Kehama)—изъ индустанской миѳологіи;

*) Еще въ 1817 г. онъ напечаталъ свою автобіографію (Biographia literaria 2 т. 2-ое изд. въ 3-хъ томахъ 1838—1853). Memoires of S. T. Coleridge изд. Gillman (2 т. Lond. 1838). Полное собраніе его сочиненій въ 9 т. изд. въ Нью-Іоркѣ (1853—4, W. T. Shedd).

Его сынъ Hartley Coleridge (1796—1849) тоже поэтъ; его „Poems“ вышли въ 2-хъ т. въ 1851 г.

наконецъ въ 1814 г.—поэма «Родерикъ, послѣдній изъ Готовъ» (Roderick the last of the Gots). Въ его восточныхъ поэмахъ востокъ даетъ только декораціи и костюмъ (такъ же, какъ въ Родерикѣ—пиринейская старина), а въ сущности всѣ его дѣйствующія лица раціоналисты и протестанты, и мораль его—чисто англійская. Удачнѣе его баллады, основанныя на средневѣковыхъ сказаніяхъ, фантастически запугивающій колоритъ которыхъ онъ передаетъ и вѣрно и красиво [1]).

Въ 1813 г., послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ принялъ должность придворнаго поэта (poeta laureatus) и пользовался ея выгодами до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1843 г. Ненависть, которую Соути питалъ къ Байрону и Шелли, развращавшимъ, по его мнѣнію, публику [2]) и его крайне реакціонерныя убѣжденія, высказанныя имъ между прочимъ въ его 2-хъ-томныхъ Бесѣдахъ, которыя вызвали рѣзкую и справедливую критику Маколея [3]), долго заставляли смотрѣть на него съ предубѣжденіемъ. Соути, какъ мыслитель, политикъ и критикъ, не представляетъ ничего крупнаго или отраднаго, но по силѣ и ясности фантазіи онъ едва-ли не выше остальныхъ членовъ школы, и крайности его политическихъ мнѣній не мѣшали ему создавать такія свѣтлыя по мысли произведенія, какъ Бленгеймскій бой [4]).

Вотъ содержаніе первой его поэмы: Талаба.

Герой-арабъ еще съ колыбели предназначенъ судьбой для истребленія злыхъ маговъ, которые скрываются въ пещерахъ Домданіэльскихъ, подъ морской пучиной. Маги знаютъ объ угрожающей имъ гибели и стремятся уничтожить весь родъ Талабы; его отецъ и братья дѣйствительно погибаютъ, но маленькій Талаба спасается съ матерью въ пустынѣ. Мать умираетъ, и Талабу беретъ на воспитаніе старый арабъ, отецъ Онейзы, которая потомъ становится возлюбленной Талабы. Ея ранняя смерть повергаетъ героя въ отчаяніе, отъ котораго его спасаетъ только сознаніе лежащей на немъ задачи. Послѣ долгихъ перипетій Талаба наконецъ проникаетъ въ пещеру маговъ, разрушаетъ ее, губитъ враговъ, но и самъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними.

Къ той же школѣ романтиковъ причисляютъ Кембеля и Вильсона. Томасъ Кембель (1777—1844) былъ горячимъ поклонникомъ нѣмецкихъ романтиковъ, но старался соединить богатство классическихъ сюжетовъ съ классически правильнымъ стилемъ [5]). Эдинбургскій

---

[1]) Три изъ нихъ: „Судъ Божій надъ епископомъ", „Королева Урака" и „Старушка" (въ оригиналѣ Берклейская) художественно переведены Жуковскимъ.

[2]) Отъ Байрона ему жестоко досталось въ Сатирѣ „Англійскіе барды и пр." и позднѣе Байронъ осмѣялъ его оду „Видѣніе суда". и часто поминалъ его въ Донъ-Жуанѣ.

[3]) См. 1 т. русск. пер. стр. 217—270.

[4]) См. пер. Плещеева у Гербеля стр. 228.

Полное изд. сочиненій Соути въ 10 томахъ въ Лонд. 1837 г., 2-е 1844 г. Его біографію написалъ Browne (Life of Rob. Sauthey Lond., 1859 г.).

[5]) Его первая поэма: Радости Надежды (Pleasures of hope) написана еще въ

профессоръ Джонъ Вильсонъ (1785—1854) былъ человѣкъ съ очень развитымъ литературнымъ вкусомъ. Его поэма «Пальмовый Островъ» (The isle of palms) имѣла большой успѣхъ и не забыта до сихъ поръ. Изъ его трагедіи «Городъ Чумы» (The city of the plague. 1816 г.) Пушкинъ заимствовалъ свои сцены: Пиръ во время чумы.

Съ той же школой въ связи и юмористъ Чарльсъ Лембъ (Lamb 1775—1834), съ дѣтства нервный, идеалистически настроенный и болѣзненный человѣкъ, конторская дѣятельность котораго рѣзко расходилась съ его художественными вкусами; только 50 лѣтъ отъ роду онъ получилъ отставку съ пенсіей и могъ всецѣло отдаться книгамъ и мыслямъ. Всю жизнь прожилъ онъ холостякомъ вдвоемъ съ нѣжно любимой сестрою. Онъ одинъ изъ первыхъ и по времени и по таланту англійскихъ эссеистовъ (первоначально его очерки печатались въ Лондонскомъ Магазинѣ подъ псевдонимомъ Эліи, потомъ вышли отдѣльно); онъ плѣнялъ и до сихъ поръ плѣняетъ читателей рѣдкимъ соединеніемъ добродушной веселости и задушевной серьезности. Онъ не терпитъ лжи и сантиментальности; но съ Вордсвортомъ и др. поэтами той же школы его сближаетъ убѣжденіе, что простота есть первый и необходимый принципъ истинной поэзіи, и кромѣ того онъ пылкій защитникъ всего національнаго саксонскаго противъ европейской моды. Очень характерное явленіе представляетъ его «археологическая» трагедія «Джонъ Вудвиль», вышедшая въ 1801 г. Лембъ съ такой любовью изучалъ старыхъ драматурговъ, предшественниковъ Шекспира, что счелъ возможнымъ и полезнымъ воскресить ихъ пріемы и стиль въ XIX в.

Дѣтская книжка Лемба: Сказки изъ Шекспира (Tales from Shakspeare) до сихъ поръ пользуется европейской извѣстностью *).

Къ озерной школѣ также причисляются Джемсъ Монтгомери (1771—1854), Кирке Уайтъ (Kirke White 1785—1806) и поэтессы: Фелицiя Гименсъ **) 7(194—4834) и Летицiя Ландонъ (1802—1638). Всѣ они проводятъ въ своихъ произведеніяхъ тотъ же принципъ простоты и естественности; всѣ представляютъ реакцію противъ искусственности поэзіи XVIII вѣка и являются такимъ образомъ представителями натуралистическаго романтизма.

Одновременно съ озерными поэтами живетъ и дѣйствуетъ писа-

1799 г. и по направленію принадлежитъ скорѣй XVIII в.; его баллада: „Уллинъ и его дочь" переведена Жуковскимъ.

*) Лучшая работа объ немъ Percy Fitzgerald: Life, letters and writings of Charles Lamb. London. 1876.

По русски о немъ см. Отеч. Зап. 1849 г. т. LXV. Смѣсь: Англійскіе эксцентрики и юмористы стр. 32—41.

**) См. у Гербеля удачный переводъ Михайлова ея пѣсенки: Убаюкой, родная, меня.

тель съ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ, самъ изъ себя образующій цѣлую самостоятельную школу, которая по результатамъ своей дѣятельности не только сходится съ Вордсвортомъ, но и значительно опережаетъ его, хотя по своей исходной точкѣ тѣснѣе связана съ дидактической сухостью псевдоклассицизма.

Георгъ Краббъ значительно старше озерныхъ поэтовъ и какъ по времени появленія первыхъ своихъ произведеній, такъ и по характеру ихъ долженъ быть отнесенъ къ XVIII вѣку; но талантъ его достигаетъ полной зрѣлости и манера его вырабатывается окончательно только къ концу перваго десятилѣтія нашего вѣка, а вліяніе его далеко переходитъ даже за эпоху Скотта и Байрона.

Онъ род. въ 1754 г. въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Альтборо въ графствѣ Суффолькскомъ. Городокъ былъ населенъ бѣдными рыбаками и контрабандистами и имѣлъ пустынныя, некрасивыя окрестности. Отецъ поэта, бѣдный таможенный чиновникъ, былъ человѣкъ энергичный, но грубый; мать—женщина кроткая и добрая, но недальняго ума. Георгъ, красивый, но слабый и неловкій мальчикъ, часто возбуждавшій гнѣвъ отца и насмѣшки товарищей, рано пристрастился къ чтенію и, имѣя мало книгъ дома, охотно вызывался быть чтецомъ у всѣхъ старухъ Альтборо, владѣвшихъ хоть маленькой библіотекой. Онъ учился въ очень плохой школѣ, потомъ готовилъ себя къ медицинской карьерѣ. 18 лѣтъ онъ началъ писать стихи, которыми мечталъ доставить себѣ извѣстность и средства къ жизни; послѣднія ему были тѣмъ болѣе необходимы, что онъ уже въ это время былъ влюбленъ въ сосѣдку Сару Ильми, принадлежавшую къ хорошей, но очень бѣдной семьѣ. Но такъ какъ стихи, напечатанные имъ въ сборникахъ, оставались незамѣченными, а медицинская практика въ Альтборо не доставляла ничего, кромѣ трудовъ и потери времени, то 25 лѣтъ отъ роду онъ поѣхалъ искать себѣ счастья въ Лондонѣ, имѣя въ карманѣ всего 3 фунта. Онъ работалъ по 20 часовъ въ сутки и напрасно искалъ издателя для своихъ еще незрѣлыхъ произведеній. Онъ обращался съ письмами ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, умоляя ихъ дать ему возможность заработать кусокъ хлѣба и оказать ему хоть каплю вниманія, и не получалъ отъ нихъ даже отвѣта *). 13 мѣсяцевъ Краббъ буквально голодалъ въ Лондонѣ и былъ недалекъ отъ окончательной гибели; наконецъ, его просительное, но полнаго чувства и деликатнаго достоинства письмо къ Борку возъимѣло свое дѣйствіе (1781 г.): знаменитый государственный человѣкъ принялъ бѣднаго поэта, и тотъ настолько ему понравился, что онъ пригласилъ его къ себѣ жить, познакомилъ его съ лучшими людьми Англіи, нашелъ издателя для его поэмъ и наконецъ доставилъ ему мѣсто капеллана въ одной изъ первыхъ фамилій Англіи, у герцога Рутленда (нужный для этого экзаменъ усидчивый Краббъ выдержалъ безъ особаго труда). Уѣзжая изъ Лондона Краббъ роздалъ всѣ свои наличныя деньги голодающимъ литераторамъ, къ числу которыхъ самъ принадлежалъ такъ недавно.

Первая поэма Краббa: „Библіотека" (The Library. 1781 г.) носитъ исключительно дидактическій характеръ; на нее обратили вниманіе только потому, что за ея автора хлопоталъ Боркъ. Вторая поэма: „Деревня" (The Village. 1783) явилась въ то время, когда Краббa уже не было въ Лондонѣ. Въ ней плѣняла необычная въ то время простота языка и живописность многихъ картинокъ; новостью

*) Въ это время вся администрація Лондона была занята тѣми безпорядками, которые изображены въ извѣстномъ романѣ Диккенса „Барнеби Роджъ".

было стремленіе автора изображать, не подкрашивая, простыхъ людей и обыденную жизнь. Но въ поэмѣ еще замѣтны псевдоклассическіе пріемы, и авторъ пользуется случаемъ, чтобы „воспѣть великихъ мужей своего отечества“.

Герцогъ Рутлендъ и жена его, очень уважавшіе Борка, приняли рекомендованнаго имъ капеллана чрезвычайно любезно и поручили ему, по обычаю, должность милостыneраздавателя въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. При исполненіи этой обязанности Краббъ на первое время по неопытности надѣлалъ множество ошибокъ и былъ обманутъ несчетное количество разъ, что сдѣлало его впослѣдствіи суровымъ и часто недовѣрчивымъ къ назойливымъ бѣднякамъ.

Вскорѣ герц. Рутлендъ получилъ назначеніе на должность правителя Ирландіи и предлагалъ Краббу ѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что молодого поэта въ Ирландіи ожидала блестящая карьера; но онъ, почти не раздумывая, отказался отъ нея, принялъ небогатый деревенскій приходъ и женился на Сарѣ Ильми.

Краббъ сдѣлался прекраснымъ пасторомъ, нѣжнымъ мужемъ и отцемъ семейства и надолго оставилъ занятіе литературой. Больше 20 лѣтъ молчалъ онъ *), поглощенный интересами своей многотрудной дѣятельности и, повидимому, убѣжденный, что пастору не совсѣмъ прилично заниматься стихотворствомъ. Только въ 1807 г. выходитъ его новая поэма „Приходскіе списки“ (The parish Register), которою онъ сразу завоевалъ себѣ почетную извѣстность у современниковъ и важное мѣсто въ исторіи литературы.

Краббъ въ качествѣ деревенскаго пастора могъ изучить жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, и онъ воспользовался этой возможностью, какъ истинный филантропъ и великій художникъ. По выраженію Дружинина, „у постели страждущаго, передъ гробомъ усопшаго, въ пріютѣ нищеты, въ тюрьмѣ передъ раскаивающимся преступникомъ, у брачнаго алтаря въ виду счастливой пары влюбленныхъ, рядомъ съ смиреннымъ пасторомъ становился поэтъ и поэтъ первоклассный. Духовникъ не мѣшалъ поэту, и поэтъ не вредилъ духовнику; оба человѣка, находившіеся въ Краббѣ, были равно чисты духомъ, равно милосерды и равно просвѣтлены христіанскимъ воззрѣніемъ на меньшую братію“.

Съ первыхъ же строкъ поэмы видно, что Краббъ, руководимый только своимъ художественнымъ инстинктомъ, далеко, далеко оставилъ за собою поэзію XVIII вѣка и рѣзко порвалъ со всѣми ея традиціями. „Въ дѣйствительной жизни, говоритъ онъ, не найдти намъ ни золотыхъ уголковъ міра, ни вѣчно счастливыхъ людей, о которыхъ муза такъ часто напѣваетъ поэтамъ; въ жизни зло и добро смѣшаны“; а цѣль Крабба—изобразить дѣйствительную жизнь.

Планъ его поэмы чрезвычайно своеобразенъ и простъ: онъ, какъ пасторъ, пересматриваетъ метрическія книги своей деревни и по этому случаю припоминаетъ тѣхъ людей, которыхъ приходилось ему крестить, вѣнчать и хоронить. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ живо очерченныхъ типовъ: дѣвушка, выгнанная суровымъ отцомъ и умирающая отъ голода и холода съ своимъ незаконнымъ ребенкомъ; несчастная жена, нелюбимая своимъ легкомысленнымъ мужемъ; деревенскій трактирщикъ-эгоистъ и пр. и пр. Въ нѣсколькихъ десяткахъ стиховъ заключаются цѣлыя жизни простыхъ, самыхъ обыденныхъ деревенскихъ людей; въ этихъ коротенькихъ поэмахъ, повидимому, вымыселъ не играетъ никакой роли. Но это далеко не безсвязныя фотографіи: нечувствительно открываемое міровоззрѣніе автора придаетъ имъ полное художественное единство; это—міровоззрѣніе христіанской любви и жалости къ несчастнымъ, но безъ малѣйшаго признака сантиментальности. Такъ какъ жизнь бѣдной деревни представляетъ больше печальнаго,

*) Послѣдняя его поэма перваго періода „The Newspaper“ вышла въ 1785 г.

чѣмъ веселаго, то и большинство очерковъ печально; даже немногіе юмористическіе типы и положенія возбуждаютъ не смѣхъ, а скорѣй грустную улыбку. Но глубоко-нравственный и вѣрующій поэтъ примиряется и примиряетъ насъ съ этой горькой правдою: онъ убѣжденъ, что кто страдаетъ за свою вину, тотъ очищаетъ себя страданіемъ; кто безвинно мучится здѣсь, тотъ можетъ и долженъ утѣшиться надеждою на успокоеніе и блаженство тамъ.

Съ перваго взгляда, странно противорѣчитъ простота содержанія и языка и искренность тона устарѣлому александрійскому стиху „Списковъ", стиху, который мы привыкли встрѣчать въ поэмахъ „героическихъ"; но такова сила таланта Краббa, что скоро намъ начинаетъ казаться, будто о такихъ предметахъ иначе и писать нельзя.

„Приходскіе списки" не безъ основанія называютъ Иліадой деревенской Англіи начала нашего столѣтія.

Краббъ былъ очень скромный человѣкъ; вполнѣ убѣжденный, что его первые литературные опыты давно всѣми забыты, и что новая его поэма едва ли обратитъ на себя чье-либо вниманіе безъ хлопотъ съ его стороны, онъ вознамѣрился воспользоваться ею хотя бы для того, чтобы напомнить о себѣ прежнимъ друзьямъ своимъ и выразить почтеніе выдающимся современнымъ дѣятелямъ; онъ разослалъ нѣсколько десятковъ красиво переплетенныхъ экземпляровъ поэмы вмѣстѣ съ почтительными письмами, на которыя едва ли ждалъ отзыва.

Онъ былъ очень пріятно изумленъ, получивъ въ отвѣтъ длинный рядъ писемъ отъ извѣстныхъ писателей и государственныхъ людей и увидавъ, что строгая критика того времени, раздѣленная на партіи, единодушно прославляла его непритязательные „Приходскіе Списки". Поощренный такимъ образомъ, онъ сталъ работать съ новой энергіей.

Въ 1809 г. вышла его поэма „Мѣстечко" (The Borough), представляющая рядъ прекрасныхъ описаній и картинокъ изъ провинціальной жизни, а въ 1812 г.—„Повѣсти въ стихахъ" (Tales in Verses), заключающія въ себѣ 21 разсказъ неравной величины и достоинства. Въ этихъ двухъ произведеніяхъ основныя свойства поэзіи Краббa высказываются еще яснѣе, и оба они были также благосклонно приняты критикой и публикой; послѣдней въ особенности понравились „Повѣсти", которыя во многихъ домахъ (въ томъ числѣ у Вальтера Скотта) стали настольной семейной книгой.

Краббъ прожилъ до 60 л. въ той же привычной ему обстановкѣ и среди той же усиленной работы на пользу своей паствы. Онъ уже имѣлъ взрослыхъ сыновей, которые переженились и поселились около него. Въ 1814 г. его постигло страшное несчастіе: онъ потерялъ свою вѣрную Сарру. Онъ едва не умеръ съ горя, потомъ впалъ въ меланхолію, отъ которой спасся только путешествіемъ въ родной городъ Альтборо, гдѣ, осмотрѣвъ всѣ мѣста, когда-то бывшія свидѣтелями его первой и послѣдней любви, возвратилъ себѣ способность плакать; но окончательно онъ поправился только тогда, когда его перевели въ другой приходъ, гдѣ у него было гораздо больше работы среди многочисленныхъ и незнакомыхъ ему прихожанъ. Въ 1817 г. Краббъ въ первый разъ послѣ 40 лѣтъ посѣтилъ Лондонъ и познакомился съ молодымъ поколѣніемъ литераторовъ. Онъ былъ пораженъ той перемѣной, которую нашелъ въ отношеніяхъ общества къ литературѣ: во времена его молодости писатели могли существовать только милостями меценатовъ, а книгопродавцы были жалкіе торгаши, высасывавшіе кровь изъ тѣхъ несчастныхъ, которые разсчитывали жить гонораромъ. Теперь популярные писатели зарабатывали десятки тысячъ и пользовались всеобщимъ уваженіемъ; а издатели принадлежали къ высшей денежной аристократіи и жили какъ магнаты. Краббa вездѣ

принимали больше, чѣмъ любезно, и онъ тамъ же продалъ извѣстному книгопродавцу Мурраю свою новую поэму: „Разсказы въ помѣщичьемъ домѣ“ (Tales of the Hall). Это тоже рядъ повѣстей въ стихахъ, но отъ прежнихъ онѣ отличаются большимъ разнообразіемъ содержанія и тѣмъ, что связаны въ одно цѣлое общей рамкой, которая тоже представляетъ прекрасную повѣсть *). Поэма доказываетъ, что 70-лѣтній Краббъ сохранилъ всѣ силы своего ума и фантазіи и даже развилъ въ себѣ новую, весьма симпатичную черту: теперь онъ мягче и снисходительнѣе относится къ людскимъ недостаткамъ, и даже явное проявленіе эгоизма и порочной воли не вызываетъ съ его стороны суроваго осужденія, а скорѣй сожалѣніе къ злымъ людямъ, лишеннымъ счастія любить. Въ новомъ сборникѣ появляются въ первый разъ разсказы фантастическаго характера, въ чемъ нельзя не видѣть поздней и, повидимому, не особенно охотной уступки господствовавшему направленію.

Въ Лондонѣ Краббъ познакомился съ В. Скоттомъ и позднѣе посѣтилъ его въ Эдинбургѣ. Поэты питали другъ къ другу великую симпатію и уваженіе.

Краббъ умеръ тихо и спокойно 3 февр. 1832 г.

Краббъ, пользовавшійся такой благосклонностью критики при жизни, въ исторіи литературы еще не успѣлъ занять подобающаго ему мѣста: увлеченные блескомъ поэзіи Байрона и глубиною Шелли, многіе будто не хотятъ замѣтить скромной фигуры деревенскаго пастора и его заслугъ и вліянія. Такое „замалчиваніе“ объясняется между прочимъ тѣмъ, что Краббъ вліяетъ не столько на непосредственно за нимъ слѣдующія поколѣнія, въ глазахъ которыхъ художественный реализмъ все же есть изображеніе прекрасной дѣйствительности, а на литературу 50-хъ и 60-хъ годовъ **).

Байронъ называлъ Краббa единственно вѣрнымъ живописцемъ природы, и дѣйствительно, сила и значеніе его въ томъ, что онъ первый дѣлаетъ предметомъ художественнаго воспроизведенія не лучшее въ природѣ, а все подъ-рядъ, что онъ не чуждается сѣренькой обыденной дѣйствительности и мелкихъ, ничѣмъ не выдающихся людей а останавливается именно на этомъ сѣренькомъ и мелкомъ.

Въ тоже время Краббъ—моралистъ и поэтъ «трогательнаго», но

---

*) Два брата много лѣтъ не видались другъ съ другомъ; старшій разбогатѣлъ, но остался одинокимъ; младшій бѣденъ, но имѣетъ жену и дѣтей. Богатый братъ приглашаетъ къ себѣ погостить бѣднаго. Они искренно полюбили другъ друга, и старшій съ предупредительною деликатностью тихонько перевезъ въ выстроенный имъ для этого домикъ всю семью младшаго въ то время, какъ тотъ собирался уѣхать къ себѣ на борьбу съ бѣдностью.

**) Въ небольшихъ англійскихъ исторіяхъ литературы его сравниваютъ съ Бёрнсомъ, упрекаютъ его за недостатокъ „лирической прелести“ послѣдняго (будто онъ былъ лирикъ) и хвалятъ только за accuracy and minuteness. Ал. Бюхнеръ (Gesch. der engl. Poesie. Darmst. 1855, II, 233) находитъ въ немъ den platten Naturalismus. Эд. Энгель (o. c. 473) посвящаетъ ему счетомъ 8 строкъ и говоритъ, что у него „vieles ist so abstossend wahr wie ein Hogarth'sches Bild.

У насъ, вслѣдствіе ранней наклонности русской литературы къ реализму, Краббу сравнительно посчастливилось: въ IV т. соч. Дружинина (стр. 363—588) находится большой и превосходно составленный этюдъ о Краббѣ (первоначально печатался въ Совр. за 1855 и 1856 гг.), а покойный профессоръ Минъ (переводчикъ Данта) помѣщалъ въ Русскомъ Вѣст. (1857, № 8; 1862, № 12) стихотворные переводы изъ Краббa.

его мораль всегда далека отъ общихъ мѣстъ, потому что выходитъ не изъ холоднаго разсудка, а изъ искренняго чувства и горячо любящаго сердца *), а «трогательное» у него никогда не переходитъ въ идиллію и остается реальнымъ, какъ сама жизнь. Онъ «трогаетъ» не искусственнымъ примиреніемъ враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣческой жизни и обществѣ, не волшебнымъ превращеніемъ зла въ добро, а вѣрнымъ воспроизведеніемъ страданій и неизбѣжностью ихъ **). Отсюда и печальныя развязки его повѣстей; отсюда и упрекъ, будто онъ изображаетъ только отрицательныя стороны народной жизни. Но какъ Гоголь въ отвѣтъ на подобный же упрекъ указалъ на смѣхъ, какъ на положительное лицо въ комедіи, такъ и Краббъ могъ бы указать на состраданіе.

Краббъ, какъ и В. Скоттъ, какъ и всѣ болѣе характерные художники нашего демократическаго вѣка, воспроизводитъ массу народную; но онъ воспроизводитъ ее не въ красивыхъ, отчасти театральныхъ движеніяхъ (какъ Скоттъ), а въ ея обыденномъ, будничномъ настроеніи и часто въ самыхъ неприглядныхъ ея представителяхъ; употребляя наши термины, можно сказать, что онъ первый рисуетъ не «пейзанъ», а настоящихъ мужиковъ и фабричныхъ. Нельзя отрицать генетической связи между картинками «Деревни» и «Мѣстечка» Крабба съ одной стороны и грязными хижинами пьяныхъ кирпичниковъ въ Холодномъ Домѣ Диккенса съ другой; а съ Диккенсомъ и Теккереемъ, какъ извѣстно, въ связи масса современныхъ намъ «аграрныхъ» и «фабричныхъ» англійскихъ романовъ. Такимъ образомъ Краббъ, какъ первый реалистъ вполнѣ, протягиваетъ руку черезъ головы романтиковъ новѣйшимъ реалистамъ и не только англійскимъ, но и иностраннымъ, не только автору Адама Бида, но и Эркману-Шатріану, и Рѣшетникову, и Гл. Успенскому.

Полный реализмъ не услаждаетъ читателя; стало быть, онъ долженъ поучать его и, стало быть, онъ немыслимъ безъ нѣкоторой тенденціозности. Въ общемъ тенденціи Крабба не таковы, чтобы могли возбудить горячее сочувствіе послѣдующихъ поколѣній: онъ не обладаетъ геніальнымъ умомъ; онъ видѣлъ въ своей жизни немногое и

*) Вотъ образчикъ его морали, обращенный къ дѣвушкѣ, которая потеряла своего возлюбленнаго: Мужайся, милая, кроткая дѣвушка! Тоскуй о мертвомъ, но не давай воли своей скорби! Не падай передъ бѣдой... Плачь объ усопшихъ, но живи съ живыми, и исполняй свой долгъ.

**) Краббъ настолько правдивъ, что неспособенъ сдѣлать для утѣшенія читателя ни малѣйшей натяжки. Въ одной его повѣсти (2-ая повѣсть изъ Tales in Verses) женихъ и невѣста разлучены временемъ и обстоятельствами; они сходятся потомъ стариками. Всякій другой поэтъ заставилъ бы ихъ наслаждаться теперь возможно полнымъ счастіемъ; у Крабба старикъ, склонивъ голову на колѣни своей первой любви, видитъ во снѣ далекій край, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни, и свою жену испанку.

былъ убѣжденнымъ тори и сторонникомъ существующаго порядка вещей. Онъ убѣжденъ, что человѣку лучше всего живется въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ родился и живетъ съ дѣтства; онъ возстаетъ противъ высшаго образованія для дѣтей фермеровъ и вообще противъ всякой попытки выйти изъ своего сословія. Его идеалъ—здравый смыслъ, и онъ не любитъ «геніевъ» *). Тѣмъ важнѣе тѣ свѣтлыя идеи, до которыхъ дошелъ Краббъ, руководимый только наблюденіемъ и своимъ добрымъ сердцемъ. Такъ, задолго до Диккенса пасторъ-моралистъ возстаетъ противъ рабочихъ домовъ и настойчиво требуетъ отъ общества, чтобы оно не обставляло добраго дѣла такими ужасными условіями, чтобы оно дало возможность честнымъ людямъ, потерявшимъ способность къ работѣ, жить въ той обстановкѣ, къ которой они привыкли. Такъ, онъ не разъ возвращается къ «женскому вопросу» и въ одномъ отношеніи идетъ въ разрѣзъ съ англійскимъ нравственнымъ кодексомъ, пожалуй, дальше, нежели Диккенсъ и Теккерей; онъ заступается за такъ-называемую «падшую» дѣвушку и доказываетъ живыми примѣрами, что паденіе не мѣшаетъ ей быть потомъ вѣрною и любящей женой **).

Такимъ образомъ, и у Краббa, какъ у всѣхъ истинныхъ поэтовъ XIX в., слышится призываніе «милости къ падшимъ», стремленіе защитить «униженныхъ и оскорбленныхъ». Однообразная и устарѣлая форма Краббовыхъ поэмъ тоже одна изъ причинъ малаго къ нему

*) „Слава Богу", говоритъ у него одинъ отецъ (въ повѣсти „Покровитель"), провожая въ могилу своего безвременно погибшаго сына, которому вскружили голову его таланты и покровительство знатныхъ, „что у меня въ семьѣ больше нѣтъ геніевъ!"

**) Лучшая вещь на эту тему—16-ая повѣсть въ Tales in Verses, изъ которой Ч. Лембъ сдѣлалъ драму въ 7 сценахъ: бѣдная хорошенькая дѣвушка, живущая въ качествѣ приживалки при богатой графинѣ, 15 лѣтъ отъ роду становится жертвой увлеченія ирландскаго капитана. У нея родится мертвый ребенокъ, о чемъ знаетъ только одна ея подруга. Черезъ нѣсколько лѣтъ героиня дѣлается женою честнаго и хорошаго человѣка, котораго она искренно любитъ. Но ея подруга, пользуясь ея тайной, эксплоатируетъ и мучитъ ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ, пока мужъ, случайно подслушавшій ихъ разговоръ, не выгоняетъ нахалку изъ дома.

Оба женскіе характера въ этой повѣсти обрисованы превосходно. Краббъ вообще съ большимъ искусствомъ изображаетъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны женской натуры; женщина у него вообще мягче и сердечнѣе мужчины; но если ужъ она увлечена злобой или эгоизмомъ, то безсердечіе ея не знаетъ предѣловъ. Замѣчательно рельефно обрисованъ типъ холодной ханжи въ 4-ой повѣсти Tales in Verses Героиня когда-то была доброй и любящей дѣвушкой и имѣла жениха; ихъ разлучила нужда: Рупертъ уѣхалъ матросомъ за море, а его невѣста осталась при своей богатой родственницѣ, которая сдѣлала ее потомъ своей наслѣдницей. Разбогатѣвъ, Дина стала эгоисткой и ханжей и отвергла своего возлюбленнаго, когда онъ вернулся къ ней такимъ же бѣднякомъ-матросомъ. Когда теперь старая дѣва выходитъ изъ церкви съ благочестиво-опущенными глазами и задѣваетъ своимъ шелковымъ шуршащимъ платьемъ за грубую одежду матроса, все сочувствіе англійскаго пастора на сторонѣ послѣдняго.

вниманія историковъ литературы; но его александрійскій стихъ далеко не всегда «переживаніе», мѣшающее свободѣ его творчества; напротивъ, онъ помогаетъ ему выражаться кратко и сильно и обойтись одной художественной чертой тамъ, гдѣ прозаику понадобились бы цѣлыя страницы *).

Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что стихотворная форма и обстоятельность описаній скорѣе вредятъ краббовымъ поэмамъ, и онѣ производятъ несравненно лучшее впечатлѣніе въ сколько-нибудь искусномъ пересказѣ.

Въ такомъ же, какъ Краббъ, отношеніи къ Озерной школѣ стояли два поэта, въ свое время очень извѣстные: **Блумфѣльдъ** и **Роджерсъ**; оба они имѣютъ ближайшія точки соприкосновенія съ самимъ Краббомъ, одинъ по темамъ своихъ произведеній, другой по манерѣ. Робертъ Блумфѣльдъ (Bloomfield, 1766—1823), авторъ „Крестьянскаго мальчика" (The Fermers Boy) и др. бѣдный башмачникъ-самоучка изображалъ простую деревенскую жизнь и стремился найдти въ ней общечеловѣчески-трогательное. Самуилъ Роджерсъ (Rogers, 1763—1855), авторъ „Удовольствій памяти" (Pleasures of Memory 1792) и описательной поэмы „Италія" (Italy, 1822), человѣкъ съ хорошими средствами и отличнымъ образованіемъ, стремился въ чистотѣ, гладкости и простотѣ языка. Въ его „Италіи" есть знаменитое мѣсто (въ описаніи Болоньи) въ похвалу Байрону **); исходя отъ человѣка строгой и нравственной жизни и представителя старшаго поколѣнія, эта похвала хоть отчасти смываетъ съ англійскаго общества позоръ всеобщей вражды къ генію.

Уже на рубежѣ новаго столѣтія новыя требованія прилагаются къ тому роду поэзіи, который съ половины прошлаго вѣка привлекаетъ къ себѣ все больше и больше вниманія и становится главной художественной пищей и преимущественнымъ выразителемъ настроенія массы читающей публики; разумѣемъ романъ. Хотя Смоллетъ, Гольдсмитъ и Фильдингъ читаются по прежнему съ увлеченіемъ и имѣютъ массу подражателей, взволнованные революціей умы чувствуютъ потребность въ такомъ романѣ, который могъ бы удовлетворить вновь пробудившемуся вкусу къ соединенію истинно трогательнаго съ **необыкновеннымъ и чудеснымъ**. Самымъ характернымъ представителемъ англійскаго романа въ этотъ періодъ можетъ считаться «Сальваторъ Роза между романистами», Анна **Радклифъ** (Radekliffe), произведенія которой имѣли вліяніе и на В. Скотта, и

*) Даже въ прозаическомъ переводѣ многіе его стихи сохраняютъ свою конкретность и энергію, напр.: „Изъ глазъ ея льются никѣмъ, **даже ею самою, не замѣчаемыя слезы**", или передъ разлукой на долго, „взявшись за руки, медленно идутъ влюбленные, наслаждаясь сладкими минутами и **боясь пугать другъ друга грустными рѣчами**".

**) Yet thy heart, me thinks
Was generous, noble—noble in ite scorn
Of all thinks low or little и пр.

(твое сердце, я знаю, великодушно, благородно—благородно въ своемъ гнѣвѣ противъ всего, что низко и ничтожно).

на Байрона *). Анна Уардъ (Ward) род. въ Лондонѣ въ 1764 г.; она была дочь небогатаго купца, но ея родители имѣли знатныхъ и образованныхъ родственниковъ, у которыхъ дѣвочка могла встрѣчать представителей поэзіи и искусства. Она любила природу и умѣла наслаждаться ею; особенно ей нравились такіе ландшафты, которые настраивали душу къ меланхоліи и мечтательности; свои впечатлѣнія она выражала въ довольно звучныхъ и гладкихъ стихахъ, которые, впрочемъ, не способны были доставить ей славу. 23 лѣтъ отъ роду она вышла замужъ за В. Радклифа, ученаго юриста, который посвятилъ себя литературѣ и редактировалъ довольно распространенную еженедѣльную газету; Анна помогала своему мужу, и такимъ образомъ ея литературныя стремленія получили поддержку извнѣ. Въ 1789 г. выходитъ въ свѣтъ ея первый романъ: «Замки Этлинскій и Донбейнскій (Castles of Athlin and Dunbayne), не имѣвшій особаго успѣха. Черезъ годъ она издаетъ «Сицилійскій романъ» (The sicilian Romance), заинтересовавшій читателей значительно больше, а еще черезъ годъ выходитъ третій ея романъ «Лѣсъ» (Romance of the Forest) **), пріобрѣтшій такую извѣстность, что книгопродавцы предложили ей за слѣдующее ея произведеніе огромную по тому времени сумму въ 500 ф. ст. Въ 1793 г., обдумывая это слѣдующее произведеніе, Анна Радклифъ совершила путешествіе въ Голландію и Германію и осмотрѣла съ особеннымъ тщаніемъ берега Рейна съ ихъ развалинами замковъ. По возвращеніи она издаетъ самый знаменитый свой романъ, названіе котораго сдѣлалось даже у насъ нарицательнымъ именемъ, это «Удольфскія таинства» (The Mysteries of Udolpho). Наконецъ, въ 1797 г. появляется ея романъ «Итальянецъ или исповѣдальня черныхъ кающихся» (The Italian or the Confessional of the Black Penitents), которымъ она, повидимому, и заключила свою литературную карьеру, довольная пріобрѣтенной славой и доходами. Но она жила еще долго послѣ этого и ум. въ 1822 г. 57 лѣтъ отъ роду. По отзывамъ современниковъ, это была милая и симпатичная женщина, ни въ наружности, ни въ образѣ жизни которой не было ничего такого, что напоминало бы «ужасы», которые она изображала въ своихъ романахъ. Но оказывается, что эти ужасы созданы не столько ея фантазіей, сколько ошибкою послѣдующихъ поколѣній, несправедливо смѣшавшихъ Анну Радклифъ съ ея подражателями и

*) Байронъ въ Чайльдъ Гарольдѣ (IV, XVIII) говоритъ о Венеціи:
And Otway, Radcliffe, Schiller, Shakspeare's art
Had stampe'd her image in me.

**) Прекрасный разборъ этого романа и при немъ біографія Радклифъ см. Дружининъ Соч. V, 120 и слѣд. Характеристику ея романовъ ср. O. L. B. Wolff. Allgemeine Geschichte des Romans 2-te Ausg. Iena 1850 стр. 416 и слѣд.

продолжателями ея дѣла. Романы Радклифъ, дѣйствительно, прежде всего стремятся занять воображеніе читателя грандіозными образами, характерами и сплетеніемъ странныхъ и неожиданныхъ событій, очень рѣдкихъ въ жизни дѣйствительной. Полуразрушенные поросшіе мохомъ замки, стоящіе въ глубинѣ лѣсовъ или на отвѣсныхъ утесахъ, дебри и ущелія — обычныя мѣста дѣйствія въ ея романахъ. Нападенія разбойниковъ, похищенія, дуэли, побѣги встрѣчаются въ нихъ очень часто; часто выводятся на сцену ужасные злодѣи, которые безъ малѣйшаго колебанія совершаютъ сотни преступленій и въ тоже время спокойно наслаждаются почетомъ со стороны общества, или люди съ счастливыми задатками, но рано погубившіе все доброе, что было въ нихъ, вслѣдствіе свободы, которую они давали своимъ страстямъ. Герои и героини романовъ г-жи Радклифъ обыкновенно очерчены очень слабо; героини, подвергающіяся всевозможнымъ злоключеніямъ, только плачутъ и трепещутъ въ рукахъ своихъ ужасныхъ преслѣдователей; къ ихъ счастію, герои или ихъ помощники поспѣваютъ для ихъ спасенія въ самую послѣднюю критическую минуту.

Есть въ ея романахъ и фантастическій элементъ: предчувствія и сны играютъ въ нихъ видную роль; изрѣдка встрѣчаются и привидѣнія и др. подобныя явленія; но въ концѣ концовъ все сверхъестественное (кромѣ сновъ и предчувствій, къ которымъ, какъ извѣстно, позволяетъ себѣ прибѣгать и В. Скоттъ, и др. романисты, ни кѣмъ не обвиняемые въ развращеніи фантазіи читателей) разъясняется болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Настоящіе же «ужасы»: явленія окровавленныхъ призраковъ, злыхъ духовъ обоего пола, и пр., и пр. принадлежатъ менѣе даровитымъ послѣдователямъ г-жи Радклифъ, которые усвоили всѣ ея недостатки и усилили ихъ до крайней степени.

Романы Радклифъ прежде всего, конечно, романы обстановки и интриги; но характеры нѣкоторыхъ ея «злодѣевъ» очерчены съ талантомъ и правдоподобіемъ. Интрига часто обусловливается довольно тонкими психологическими мотивами. Многіе десятки страницъ изъ ея произведеній могутъ быть прочитаны не безъ удовольствія и въ настоящее время *).

Хотя романы г-жи Радклифъ написаны въ концѣ прошлаго столѣтія, имъ мѣсто въ исторіи литературы XIX вѣка, такъ какъ они переиздавались, читались, переводились и вызывали массу подражаній въ періодъ консульства и имперіи. Большинство этихъ подра-

*) Ей, между прочимъ, принадлежитъ умѣнье поражать читателя контрастами, перенося его изъ мрачнаго замка въ веселый деревенскій пейзажъ и изъ общества злодѣевъ-аристократовъ и ихъ наемныхъ бандитовъ—въ скромную семью пастора или трудолюбиваго крестьянина.

жаній принадлежатъ совершенно неизвѣстнымъ авторамъ, которые обманно надписывали свои произведенія именемъ знаменитой романистки *).

Романы г-жи Радклифъ и ея безвѣстныхъ подражателей, служа проявленіемъ внѣшней стороны романтизма, связаны съ одной стороны съ романомъ героическимъ и даже рыцарскимъ, а съ другой они подготовляютъ читателей для школы В.-Скотта, которой стоило только присоединить къ этому роману приключеній мѣстный колоритъ и вѣроподобіе семейнаго романа, чтобы произвести огромный переворотъ въ исторіи развитія прозаическаго эпоса. Но тѣ же романы г-жи Радклифъ и ея школы играютъ роль и въ періодъ много позднѣйшій, роль, далеко не столь почтенную: потворствуя страсти людей къ фантастикѣ и пустой забавѣ воображенія, они научили и слѣдующія поколѣнія требовать себѣ подобной пищи; они, такимъ образомъ, связаны съ уголовными и нелѣпо-фантастическими романами, которые безполезно занимаютъ досугъ неразвитыхъ людей даже до нашего времени.

Изъ представителей страшнаго романа, которыхъ несправедливо считали послѣдователями Анны Радклифъ, самый извѣстный и самый даровитый Матью Грегори Льюизъ (Lewis 1773—1818) **), пріятель В. Скотта и Байрона. Его романъ—„Монахъ“ (The Monk), написанный имъ, когда ему было всего 20 лѣтъ отъ роду, положительно обошелъ всю Европу. Его авторъ воспользовался Духо-

*) Вотъ какіе романы и съ какими характерными заглавіями значатся подъ именемъ Радклифъ въ каталогѣ Смирдина: Видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ. Москва, 8 частей. 1809 г. Гробница. 3 части. Москва. 1802 (тоже изд. 2-е. Орелъ. 1823 г.). Двѣ повѣсти: Марія и графъ М—въ или несчастная россіянка. Истинное происшествіе. М. 1810. Живой мертвецъ или Неаполитанецъ. М. 1808 (тоже изд. 2-е, 1816 г.). Замокъ Альберта или движущійся скелетъ. 2 ч. 1803. Замокъ или ночныя привидѣнія и пр., 2 ч. М. 1808 (тоже изд. 3-е, 4 ч. 1816). Итальянецъ или исповѣдная черныхъ кающихся. 3 ч. М. 1802—1804. Луиза или подземелье Ліонскаго замка. 3 ч. М. 1819. Лѣсъ или Сенъ-Клерское аббатство. 8 ч. М. 1801—1802 (тоже изд. 2-е, 1811; 3-е изд. Орелъ. 1823 г.). Монастырь св. Екатерины или нравы XIII в. 4 ч. Орелъ. 1815 г. Монастырь св. Колумба или Рыцарь Краснаго оружія 4 ч. М. 1816. Наслѣдница Монтальда или привидѣнія и таинства замка Безанто. 7 ч. М. 1818. Ночныя видѣнія или приключенія несчастной Аманды и пр. М. 1811. Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. М. 1806 (Изд. 2-е). Полночный колоколъ или таинства Когенбургскаго замка. 2 ч. Спб. 1802 г. (тоже, изд. 2-е. Москва. 4 ч. 1816). Пустынникъ таинственной гробницы или привидѣнія стараго замка. М. 4 ч. 1818. Таинства Удольфскія. 4 ч. М. 1802. Таинства черной башни. М. 1811. 2 ч. (тоже, изд. 2-е, 1816). Ужасныя и пр. приключенія и видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ. М. 1809. Юлія или подземельная темница Мадзини, переводъ съ французскаго, 4 ч. М. 1802 (тоже, изд. 2-е, 1819; тотъ же романъ перев. съ англ. 1803. М.). Любопытно, что всѣ вышеозначенные романы изданы въ Москвѣ или губернскихъ городахъ, отъ нея недалекихъ, и только одинъ въ Петербургѣ, да и тотъ переизданъ въ Москвѣ же.

**) См. его характеристику въ статьѣ Дружинина о В. Скоттѣ, стр. 631 и слѣд.

видцемъ Шиллера и старонѣмецкими книжками и о д-рѣ Фаустѣ и о Вѣчномъ Жидѣ и сплелъ исторію, переполненную такой чертовщины и такихъ ужасовъ, подобные которымъ трудно указать во всей литературѣ *). Черезъ 2 года послѣ „Монаха" Льюизъ написалъ драму, самое заглавіе которой: Замокъ—Привидѣніе (The Castle Spectre. 1797) указываетъ на ея характеръ. Въ 1810 г. онъ издалъ въ 3 томахъ „Повѣсти ужаса" (Talles of Terror).

Большой извѣстностью пользовался также Матьюренъ (Mathurin 1782—1824) въ особенности за два свои романа: „Семейство Монторіо" (The Familie of Montorio. Lond. 1807), основную тему котораго составляетъ страшная ненависть одного брата къ другому, и Мельмотъ-скиталецъ (Melmoth the Wanderer, 1820. Lond. 4 vv.); послѣдній романъ упоминаетъ Пушкинъ въ той строфѣ Онѣгина (III, XII), гдѣ онъ такъ удачно характеризуетъ „британской музы небылицы", бывшія повсемѣстно въ модѣ въ 20-хъ годахъ столѣтія.

Переходимъ къ величайшему изъ романистовъ первой четверти нашего столѣтія, основателю новаго романа, «школа» котораго дѣйствуетъ съ успѣхомъ и до сихъ поръ, Вальтеру Скотту.

Вальтеръ Скоттъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Въ средніе вѣка въ Шотландіи, недалеко отъ англійской границы, стоялъ мрачный и массивный замокъ его предковъ, замокъ Гарденскій. Владѣтели его занимались, между прочимъ, выгоднымъ и, по тому времени, нисколько не безчестнымъ ремесломъ: они грабили своихъ сосѣдей. Одинъ изъ предковъ поэта былъ женатъ на знаменитой красавицѣ, извѣстной подъ именемъ „Ярроутскаго цвѣтка". Гордая дама не только ничего не имѣла противъ грабительскихъ подвиговъ мужа, но даже поощряла ихъ; разсказываютъ, что когда въ замкѣ чувствовался недостатокъ провизіи, она приказывала подавать мужу вмѣсто всякаго угощенія пару шпоръ на пустомъ блюдѣ; тотъ безъ труда понималъ намекъ, пристегивалъ шпоры и отправлялся на добычу. Сынъ „цвѣтка", Вильямъ, унаслѣдовалъ красоту матери и храбрость отца. Однажды, во время нападенія на замокъ одного изъ сосѣдей, онъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Въ подобныхъ случаяхъ расправа была короткая: Вильяма вывели на дворъ замка, гдѣ на старомъ деревѣ уже болталась петля, и велѣли ему прочитать предсмертную молитву. Вся семья барона-побѣдителя сошлась посмотрѣть на интересное зрѣлище. Вдругъ жена барона подошла къ мужу: „Что ты хочешь дѣлать, сумасшедшій! сказала она ему. У тебя три дочери невѣсты, а ты собираешься повѣсить благороднаго рыцаря, какъ будто какого-нибудь конюха! Скорѣй поди къ нему и предложи ему жениться на самой некрасивой изъ нашихъ дѣвушекъ; а остальныхъ мы ужъ какъ-нибудь сбудемъ". Баронъ послушалъ умнаго совѣта, а Вильямъ, не раздумывая, изъявилъ свое со-

*) Герой романа, высокоталантливый, добродѣтельный и искренно вѣрующій монахъ Амброзіо, становится добычею дьявола, который пользуется его самолюбіемъ и пылкостью его натуры, постепенно развращаетъ его и доводитъ до самыхъ ужасныхъ преступленій. Орудіемъ для гибели Амброзіо между прочимъ служитъ «сатанилла» Матильда, утилизирующая даже великодушные и альтруистическіе инстинкты своей жертвы и направляющая ко злу всѣ его мысли и чувства. См. его обстоятельный разборъ въ книгѣ Mézières: Histoire critique de la litérature anglaise, etc. Paris. 1834. III, 172—191. Монахъ или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей переведенъ на русск. яз. съ французскаго (И. Павленковымъ и И. Росляковымъ 1802—1803, въ 4 ч.; въ 1805 г. тоже, изд. 2-е, подъ названіемъ: Монахъ Францисканскій). Во французскомъ переводѣ этотъ романъ тоже приписанъ г-жѣ Радклифъ, и только русскіе переводчики возстановили настоящее имя автора—*Левиса*.

гласіе. Сейчасъ же на мѣстѣ былъ составленъ брачный контрактъ; такъ какъ въ замкѣ не нашлось пергамента, чтобы записать его, то вырѣзали кусочекъ кожи изъ барабана. Преданіе прибавляетъ, что изъ некрасивой, подъ висѣлицей навязанной Вильяму дѣвушки вышла преданная и умная жена. Въ новое время изъ предковъ поэта болѣе другихъ извѣстенъ Вальтеръ Скоттъ Бородатый; онъ получилъ такое прозвище отъ того, что, будучи горячимъ яковитомъ, далъ клятву не брить бороды, пока не вернется на престолъ король Іаковъ II; такъ и сошелъ онъ въ могилу съ длинной бородой. Онъ участвовалъ во всѣхъ яковитскихъ заговорахъ и имѣнія его были нѣсколько разъ конфискованы. Отчасти поэтому, отчасти же вслѣдствіе размноженія фамиліи, Скотты обѣднѣли. Отецъ поэта былъ небогатый эдинбургскій чиновникъ, человѣкъ очень неглупый, въ своемъ кругу часто остроумный, но при чужихъ конфузливый и прикрывавшій свою конфузливость сухостью обращенія. Мать поэта была дочь доктора, женщина образованная, но нѣсколько забитая съ дѣтства; до старости она сидѣла прямо, не прикасаясь къ спинкѣ стула, какъ пансіонерка. Она знала массу стиховъ и исторій и охотно разсказывала ихъ дѣтямъ. Вальтеръ Скоттъ родился 1771 г. 15 августа. Онъ былъ ребенокъ здоровый и сильный, но на 3 году внезапно охромѣлъ. Его лѣчили долго, почти безъ всякихъ благихъ результатовъ; наконецъ послали на минеральныя воды въ Батъ. Здѣсь маленькій Вальтеръ оправился и отъ лѣченья, и отъ болѣзни; но хромымъ остался на всю жизнь.

Въ Батѣ 6 лѣтній мальчикъ въ первый разъ былъ въ драматическомъ театрѣ, который произвелъ на него необыкновенно сильное впечатлѣніе. Въ это время онъ былъ чрезвычайно развитъ для своихъ лѣтъ, какъ это часто бываетъ съ больными дѣтьми.

9 лѣтъ Вальтеръ поступаетъ въ Эдинбургскую школу; онъ былъ очень способенъ, но усердно занимался только тѣмъ, что ему нравилось; въ греческомъ онъ отставалъ отъ всѣхъ товарищей. 15 лѣтъ В. Скоттъ окончилъ среднее образованіе и поступилъ на юридическій факультетъ и, стало быть, сдѣлался гражданиномъ Эдинбурга. Старинная столица Шотландіи не имѣла въ это время вида цивилизованнаго города; огромные дома въ 7—8 этажей почти лишали дневного свѣта узкія улицы, на которыя хозяйки выливали и выбрасывали всякую дрянь. Убійства были рѣдки, такъ какъ строго запрещалось носить орудіе; за то драки случались ежедневно. При этомъ внѣшнемъ варварствѣ, Эдинбургъ былъ культивированъ умственно: въ немъ были десятки ученыхъ и литературныхъ обществъ; членомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ скоро сдѣлался юный юристъ. Онъ съ дѣтства былъ воодушевленъ къ собиранію старыхъ пѣсенъ и народныхъ преданій черезъ посредство знаменитой книги еп. Перси; когда онъ 16 лѣтъ отъ роду получилъ возможность зарабатывать себѣ деньги (отецъ доставлялъ ему переписку по 12 коп. за страницу; В. Скоттъ иногда успѣвалъ за одинъ присѣстъ переписать больше 100 страницъ), онъ тратилъ ихъ всѣ на покупку старыхъ книгъ и древностей; чувствуя страсть къ рыцарской поэзіи, онъ выучился по-итальянски и могъ читать въ оригиналѣ Аріосто и Данта. Онъ съ охотою занимался живописью, и хоть живописцемъ не сдѣлался, но, какъ поэтъ, вынесъ очень много изъ этихъ уроковъ. В. Скоттъ рано началъ печатать небольшія статьи и собственныя, но подражательныя стихотворенія. Темы его статей, оригинальныя по тому времени, указываютъ на его литературныя симпатіи; онъ писалъ о феодализмѣ, объ Оссіанѣ, о скандинавской миѳологіи. Въ 1791 г. онъ сдѣлался членомъ, а скоро и секретаремъ самаго извѣстнаго изъ эдинбургскихъ обществъ: Speculative society. Въ 1792 г. В. Скоттъ сдалъ свой адвокатскій экзаменъ и началъ понемногу заниматься практикой; она доставляла ему мало доходу, но давала возможность

изучать разнообразные шотландскіе типы. Свободнаго времени онъ имѣлъ достаточно и продолжалъ усердно заниматься литературой и изученіемъ старины.

Статья Меккензи: „о германской литературѣ", вышедшая въ 1788 г., произвела на англійскую и шотландскую публику очень сильное дѣйствіе, была своего рода открытіемъ Америки; изъ нея узнали, что на материкѣ есть нація, родная англичанамъ по крови и по языку, обладающая теперь уже сильной и оригинальной поэзіей и философіей. Въ Эдинбургѣ составился кружокъ молодыхъ людей, которые энергично взялись за изученіе нѣмецкаго языка. В. Скоттъ былъ дѣятельнымъ его членомъ; кое-какъ перескочивъ черезъ этимологію и синтаксисъ, онъ скоро принялся за чтеніе, а потомъ и за стихотворные переводы изъ Бюргера. Онъ очень удачно перевелъ знаменитую Ленору, а потомъ Дикаго Охотника; въ 1796 г. онъ издалъ обѣ баллады отдѣльной книжечкой безъ имени переводчика; тѣмъ не менѣе въ литературныхъ кружкахъ его узнали и оцѣнили по достоинству. Съ 1793—1798 г. В. Скоттъ отдаетъ не мало времени на военную службу въ милиціи; больная нога заставила его предпочесть кавалерію пѣхотѣ; и начальники, и товарищи одинаково любили добродушнаго, всегда веселаго, очень красиваго, несмотря на свою хромоту, молодого адвоката, остроумнаго собесѣдника и неистощимаго разказчика. В. Скоттъ былъ нѣсколько лѣтъ влюбленъ въ дѣвушку, стоявшую гораздо выше его на ступеняхъ общественной лѣстницы; такъ какъ изъ этой любви ничего не могло выдти, то сердце его стало искать другой привязанности. Въ 1797 г. во время вакаціи, на озерахъ онъ встрѣтилъ красивую дѣвушку, родомъ француженку, но протестантку, отецъ которой измѣнилъ свою фамилію Шарпантье на англійскій ладъ въ Карпентеръ и принялъ англійское подданство; теперь она была сирота съ небольшими средствами. Они полюбили другъ друга, и вскорѣ была отпразднована скромная свадьба; черезъ годъ у нихъ родилась дочь. Въ томъ же году В. Скоттъ издалъ въ свѣтъ оригинальную поэму-балладу: „Канунъ Иванова дня", которая сразу дала ему литературное имя и которая такъ хорошо извѣстна у насъ въ классически-прекрасномъ переводѣ Жуковскаго (Замокъ Смальгольмъ). Въ 1799 г. В. Скоттъ, благодаря протекціи Боклю, предка котораго воспѣлъ онъ въ своей балладѣ, получилъ мѣсто шерифа-депутата Селькиркскаго графства. Оно требовало отъ него частыхъ разъѣздовъ, но за то вполнѣ его обезпечивало и оставляло ему досугъ для литературныхъ занятій. Въ это время В. Скоттъ жилъ въ нанятой имъ фермѣ Эштилѣ въ полномъ довольствѣ. Онъ вставалъ очень рано, въ 5 часовъ утра, и сейчасъ же садился за рабочій столъ, гдѣ у него еще съ вечера были приготовлены нужныя книги и бумаги. Прежде всего онъ писалъ письма, затѣмъ принимался за работу. Часовъ въ 10 собиралась его семья, и онъ завтракалъ вмѣстѣ со всѣми, послѣ чего опять работалъ часа два. Такимъ образомъ, онъ успѣвалъ пресытиться трудомъ къ тому времени, когда другіе успѣваютъ только сѣсть за дѣло, и остальной день былъ свободенъ: ѣздилъ верхомъ, принималъ гостей, сажалъ цвѣты и пр. Дождливые дни, какъ онъ выражался, служили для него экстреннымъ фондомъ. Въ 1802 г. выходитъ книга Скотта: Поэзія менестрелей пограничной Шотландіи „(Minstresly of Scotch Border), сборникъ народныхъ балладъ, надъ которымъ онъ трудился почти съ самаго дѣтства. Въ 3-й ея части между новѣйшими подражаніями не мало собственныхъ опытовъ собирателя на сюжеты, взятые изъ народныхъ преданій. И публика и критика встрѣтила эту книгу довольно благосклонно, и послѣдняя будто пророчески замѣтила, что въ этихъ балладахъ скрываются сотни сюжетовъ для историческихъ романовъ. Въ 1805 г. выходитъ первая большая поэма Скотта, „Пѣснь послѣдняго менестреля", которая сразу сдѣлала его литературной знаменитостью первой величины. Въ 2 года она выдержала 8 изданій.

О В. Скоттѣ заговорили всѣ журналы; объ отдѣльныхъ стихахъ и эпизодахъ его поэмы вели ожесточенные споры, а въ общемъ почти всѣ восхищались ею; изъ Лондона совершали пиллигримства къ мѣстамъ, которыя воспѣлъ онъ. Если такъ чтили „Пѣснь" въ Англіи, то для Шотландіи она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была Иліада для Грековъ: каждая старая фамилія искала въ ней своихъ предковъ; длинныя тирады изъ нея повторяли наизусть и въ зàмкахъ аристократіи, и въ хижинахъ фермеровъ, и за семейнымъ столомъ буржуазіи. Сюжетъ поэмы не особенно оригиналенъ и новъ: это вражда и примиреніе двухъ аристократическихъ фамилій; но дѣло не въ основномъ сюжетѣ, а въ поэтически-воодушевленномъ воспроизведеніи средневѣковой жизни, въ массѣ прелестныхъ эпизодовъ, гдѣ развертываются сцены и характеры то героически-сильные, то задушевно-нѣжные, въ свѣтломъ взглядѣ поэта на людей и на родную старину и въ его умѣньи передать этотъ взглядъ другимъ въ прекрасныхъ образахъ и звучныхъ, сильныхъ стихахъ, которые повидимому сами собой льются изъ-подъ его пера *).

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ своей поэмы В. Скоттъ вошелъ въ компанію съ братьями Беллентейнами (Bellantyne), которые открыли огромную типографію, и вступилъ въ постоянныя дѣловыя сношенія съ книгопродавцемъ Констеблемъ, чрезвычайно предпріимчивымъ, энергичнымъ человѣкомъ, обладавшимъ поразительнымъ умѣньемъ угадывать заранѣе успѣхъ книги. Констебль, не задумываясь, предложилъ Скотту 1,000 гиней (около 10,000 руб.) за ненаписанную, но задуманную имъ вторую поэму Марміонъ, и предпринялъ изданіе англійскихъ классиковъ съ предисловіями и примѣчаніями Скотта. Марміонъ или битва при Флодденъ-Фельдѣ вышла въ 1802 г. и имѣла такой же огромный успѣхъ. Въ ней, какъ и въ „Пѣснѣ послѣдняго менестреля", дѣйствіе происходитъ въ зàмкахъ и при дворѣ Шотландіи. Герой ея—гордый и безстрашный, но преступный рыцарь. Онъ увлекаетъ прекрасную монахиню Констанцію Беверлей, которая слѣдуетъ за нимъ въ платьѣ пажа; когда же она ему надоѣла, онъ хочетъ жениться насильно на благородной дамѣ, невѣстѣ другого. Когда Констанція, узнавъ объ этомъ, покушается убить своего соблазнителя, тотъ выдаетъ ее, какъ бѣглую монахиню, духовному суду **). „Дѣва Озера", третья поэма Скотта (1810 г.) представляетъ важный шагъ впередъ, вмѣсто бѣдной канвы съ изящными арабесками, какую мы находимъ въ „Пѣснѣ" и „Марміонѣ", здѣсь эпическая полнота и богатство; это уже романъ въ прелестныхъ стихахъ; вотъ ея содержаніе:

Въ царствованіе Іакова V въ верхней Шотландіи происходитъ охота; спасшійся отъ другихъ охотниковъ олень завлекаетъ одинокаго всадника, продолжающаго его преслѣдовать, далеко въ горы. Лошадь всадника падаетъ, и при наступленіи ночи онъ оказывается на пустынномъ берегу озера. Онъ трубитъ изъ всѣхъ силъ въ рогъ, и въ отвѣтъ на поверхности озера показывается челнокъ, управляемый рукою прекрасной дѣвушки. Дѣвушка, очевидно, ждала своего отца или друга и, увидавъ незнакомаго охотника, хочетъ погнать челнокъ назадъ; но незнакомецъ проситъ оказать ему гостепріимство, и она беретъ его съ собой и везетъ въ хижину, скрытую на одномъ изъ островов. Эта дѣвушка—Элленъ, дочь графа Дугласа, который прогнѣвалъ короля и скрылся въ горахъ во владѣніяхъ начальника клана Родерика Ду. Теперь Дугласа нѣтъ дома, и Элленъ, при которой находится старикъ бардъ, даетъ охотнику пріютъ подъ своей кровлей, а на дру-

---

*) Питтъ говорилъ, что во многихъ описаніяхъ стихи Скотта производятъ такое же дѣйствіе, какъ хорошая картина масляными красками.

**) Описаніе этого суда и страшной казни Констанціи прекрасно переведено Жуковскимъ, подъ назв. „Судъ въ подземельѣ".

гое утро тотъ же челнокъ снова отвозитъ его на берегъ озера. Вскорѣ послѣ того являются Дугласъ, Родерикъ и молодой Малькольмъ Грэмъ, возлюбленный Эллень. Родерикъ, который также любитъ Элленъ, объявляетъ, что король намѣренъ напасть на его земли за то, что онъ далъ убѣжище Дугласу; между Родерикомъ и Малькольмомъ возникаетъ ссора; Дугласу насилу удается успокоить противниковъ. Все изложенное занимаетъ первыя двѣ пѣсни.

Въ III-й пѣснѣ разсказывается, какъ Родерикъ собираетъ свой кланъ, разсылая повсюду огненный крестъ, то-есть деревянный крестикъ, омоченный въ крови козла и обожженный на огнѣ. Женихъ ведетъ невѣсту въ храмъ, но вотъ показывается гонецъ Родерика съ крестомъ, и женихъ, не прощаясь съ невѣстой, спѣшитъ на зовъ вождя; рыбакъ бросаетъ свои сѣти, хватаетъ кинжалъ, мечъ и бѣжитъ на сборное мѣсто; пастухъ покидаетъ стадо; земледѣлецъ—свой плугъ на серединѣ нивы и т. д.

Незнакомый охотникъ, на котораго произвела впечатлѣніе красота Элленъ, возвращается къ ней, но напрасно умоляетъ ее о любви: ея сердце отдано другому, и она уговариваетъ его скорѣе оставить эти мѣста, такъ какъ ему, жителю нижней Шотландіи, здѣсь грозитъ смерть вслѣдствіе начинающейся войны. Незнакомецъ, прощаясь съ нею, даетъ ей кольцо, которое онъ когда-то получилъ отъ короля Шотландіи за важную услугу; тотъ, кто принесетъ это кольцо королю, можетъ надѣяться, что король исполнитъ всякое его желаніе. Покинувъ дѣвушку, охотникъ ночью натолкнулся на пикетъ горцевъ, гдѣ ему оказали гостепріимство и обѣщали утромъ свести въ долину. На другой день начальникъ отряда провожаетъ незнакомца; по дорогѣ между ними завязывается разговоръ, и путешественникъ высказываетъ свою ненависть къ Родерику и желаніе сразиться съ нимъ на жизнь и на смерть. Тогда его проводникъ свистнулъ, и внезапно изъ-за всякой скалы, изъ-за всякаго куста показались вооруженные горцы. „Смотри, Саксонецъ, вотъ кланъ Альпина и передъ тобой Родерикъ Альпинъ". Чужестранецъ готовится дорого продать свою жизнь, но по знаку вождя горцы скрываются, и Родерикъ сводитъ своего врага въ долину; тамъ онъ бросаетъ прочь щитъ и плащъ и вызываетъ на поединокъ незнакомца. Тотъ, послѣ напрасной попытки разстаться мирно съ своимъ великодушнымъ врагомъ, принимаетъ вызовъ; начинается битва, и Родерикъ, лишенный щита, оказывается не въ силахъ бороться съ рыцаремъ. Послѣдній наноситъ ему нѣсколько ранъ и обезоруживаетъ его, но Родерикъ, воспользовавшись минутной оплошностью врага, вцѣпляется ему въ горло; однако силы оставляютъ его, онъ падаетъ, и незнакомецъ остается побѣдителемъ. Дѣйствіе переносится въ Стирлингъ, гдѣ король даетъ праздникъ. Туда явился переодѣтый Дугласъ, чтобы принять участіе въ состязаніи и, если будетъ случай, заслужить милость короля, но онъ узнанъ и схваченъ. Война началась. Элленъ въ сопровожденіи стараго барда проникаетъ въ шотландскій лагерь, чтобы съ помощью кольца попытаться спасти своего отца, графа Дугласа; сюда же перенесенъ и раненый на смерть Родерикъ, котораго бардъ утѣшаетъ передъ смерью своею пѣсней. Добившись свиданія съ королемъ, Элленъ узнаетъ въ немъ того охотника, которому она дала пріютъ; отецъ ея прощенъ, Малькольмъ получаетъ ея руку, и Іаковъ заключаетъ съ горцами миръ.

Вскорѣ появляются 1-ыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда Байрона; В. Скотта онѣ привели въ восторгъ, но къ этому восторгу примѣшивалась и горечь: онъ понялъ, что мѣсто перваго поэта Англіи потеряно имъ безвозвратно. Вскорѣ послѣ выхода Гарольда, Скоттъ, не желавшій безъ борьбы уступить Байрону, выступилъ съ поэмой Рокби, гдѣ онъ усвоилъ нѣкоторые пріемы Байрона и гдѣ герой—демоническая натура въ родѣ Байроновыхъ героевъ. Въ денежномъ отношеніи Рокби

имѣлъ огромный успѣхъ и далъ поэту возможность исполнить свою завѣтную мечту: купить землю, на которой онъ позднѣй построилъ свой знаменитый зàмокъ Абботсфордъ. Но неослѣпленные друзья Скотта и самъ поэтъ увидали, что съ Байрономъ ему тягаться не подъ-силу. В. Скоттъ сидѣлъ передъ столомъ и работалъ, когда къ нему вошелъ Беллентейнъ старшій, который ходилъ узнавать, какъ новая поэма принята критикой и публикой. „Ну, что говорятъ о Рокби?" спросилъ В. С. Беллентейнъ опустилъ голову. „Неудача! Что дѣлать! Байронъ гонитъ насъ стариковъ со сцены. Не будемъ унывать: бери это и тащи въ типографію", сказалъ Скоттъ, подавая ему толстую рукопись. Эта рукопись заключала въ себѣ первый романъ В. Скотта: Веверлей или 60 лѣтъ назадъ. Скоттъ началъ его въ часы досуга еще въ 1805 г.; написавъ начало, далъ прочитать пріятелю; тотъ нашелъ романъ скучнымъ. Черезъ 5 лѣтъ Скоттъ, приписавъ еще нѣсколько главъ, показалъ Беллентейну; тотъ тоже остался недоволенъ романомъ. Рукопись снова отправилась въ пыльную груду неконченныхъ работъ. Теперь, зная, что типографія Беллентейна, вслѣдствіе временнаго застоя въ книжной торговлѣ, крайне нуждается въ работѣ, В. Скоттъ взялся снова за рукопись и кончилъ романъ. Но онъ не хотѣлъ рисковать своей славой и не только не поставилъ на романѣ своего имени, но и пожелалъ скрыть свое авторство отъ всѣхъ, кромѣ Беллентейна. Беллентейнъ предлагалъ купить рукопись Констеблю. Тотъ, вѣроятно, проникъ тайну и предложилъ около 7,000 рублей. „Это слишкомъ много, если романъ провалится, разсудилъ Скоттъ, слишкомъ мало, если онъ будетъ имѣть успѣхъ". Продажа не состоялась, и Констебль получилъ право только на первое изданіе. Оно разошлось въ нѣсколько недѣль; за нимъ послѣдовало 2-е, исчезнувшее изъ магазиновъ еще быстрѣе, за 2-мъ 3-ье и т. д. Отсутствіе имени автора, какъ разсчиталъ В. Скоттъ, мѣшало успѣху только первые дни; потомъ это обстоятельство, напротивъ, усиливало интересъ критики и публики. Всѣ сейчасъ же замѣтили опытное, увѣренное, искусное перо; пошли безконечныя догадки; романъ приписывали всѣмъ тогдашнимъ знаменитостямъ. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ очень близко подошелъ къ дѣлу. Онъ доказывалъ, что авторъ шотландецъ, что авторъ ученый юристъ и страстный антикварій и что онъ служитъ въ кавалеріи. В. Скоттъ отмалчивался.

Въ чемъ тайна успѣха Веверлея, который теперь считается далеко не лучшимъ романомъ В. Скотта? Прежде всего въ томъ, что онъ создалъ родъ романа, до тѣхъ поръ неизвѣстный; родъ, соединяющій въ себѣ достоинства романа, героическаго, который прежде занималъ мѣсто историческаго, романа семейнаго, романа комическаго и даже романа ужасовъ школы Анны Радклифъ. Здѣсь есть и предчувствія и даже привидѣніе (явленіе сѣраго человѣка) и рядъ комическихъ сценъ и интересный историческій сюжетъ—исторія послѣдняго возстанія яковитовъ, изображенная съ большимъ историческимъ тактомъ и объективностью, и прекрасный семейный романъ; здѣсь есть и совершенно новый элементъ—этнографическій. А главное, здѣсь вмѣсто фантомовъ, вмѣсто однообразія книжности, мы находимъ все разнообразіе жизни. Вотъ какъ авторъ самъ говоритъ о своей задачѣ:

„Я взялъ содержаніе моего романа изъ великой книги природы, всегда новой, несмотря на безчисленныя извлеченія. Состояніе общества въ избранную мною эпоху доставило мнѣ нѣсколько счастливыхъ контрастовъ; эти контрасты могутъ разнообразить и рельефнѣе выставить тѣ нравственные выводы, которые я считаю важнѣйшей частью моего труда, но я увѣренъ, что нравственная цѣль моя не будетъ достигнута, если я не съумѣю заставить слушать себя съ удовольствіемъ. А это теперь не такъ легко какъ „шестьдесятъ лѣтъ назадъ!"

В. Скоттъ и его многочисленные ученики и послѣдователи избаловали насъ. Но поставьте себя на мѣсто читателя того времени. Тогда читали медленнѣе, больше, если смѣю такъ выразиться, смаковали читаемое. Первыя 5 главъ, которыя мы теперь, пробѣгая ихъ, считаемъ скучными, тогда доставляли много удовольствія своимъ юморомъ и умными мыслями. Характеръ героя, о воспитаніи и ранней молодости котораго разсказываютъ эти главы, не отличается особой оригинальностью; но онъ скромный и добрый юноша, и внимательный читатель привязывается къ нему уже въ силу того, что такъ долго находится въ его обществѣ *).

До середины романъ читается съ посредственнымъ интересомъ. Но съ того момента, какъ герой оказывается арестованнымъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и дѣйствительно волей-неволей становится измѣнникомъ, интересъ усиливается до крайности. Начинается рядъ приключеній, очень разнообразныхъ, но вполнѣ вѣроятныхъ. Какъ живые стоятъ передъ нами горцы, шотландскіе якобиты, англійскіе офицеры, и дѣйствіе течетъ такъ быстро, что наступаетъ полная иллюзія. Мы забываемъ, что это вымыселъ и слѣдимъ за судьбою созданныхъ воображеніемъ лицъ, какъ будто они были наши братья и сестры; если не оригиналенъ герой, за то тѣмъ живѣе очерченъ Макъ-Айворъ, эгоистичный, но сильный, смѣлый и блестящій характеръ, въ минуты бѣдствія возвышающійся до истиннаго героизма. Если слишкомъ скромна и не самостоятельна героиня романа Роза, тѣмъ энергичнѣе и смѣлѣе обрисована ея подруга Флора, жертвующая всѣмъ личнымъ счастьемъ служенію идеѣ.

В. Скоттъ очень хорошій и оптимистически настроенный человѣкъ, и ему хорошо жилось на свѣтѣ. И то и другое ясно отразилось въ его романѣ. Ужасы междуусобной войны онъ съумѣлъ изобразить такъ, что они не внушаютъ отвращенія къ воюющимъ, а только жалость и даже заставляютъ одинаково любить и уважать лучшихъ представителей той и другой партіи **).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ Веверлея совершилось паденіе Наполеона, которое В. Скоттъ привѣтствовалъ съ такой радостью, какъ немногіе. Онъ въ первый разъ отправился на континентъ: осмотрѣлъ поле Ватерлооской битвы и черезъ Бельгію проѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ удостоился многихъ знаковъ почтительнаго вниманія отъ героевъ недавней міровой войны: императоръ Александръ I былъ съ нимъ любезенъ и предупредителенъ; казацкій генералъ Платовъ цѣловалъ его при всякой встрѣчѣ и сопровождалъ его на прогулкахъ; Блюхеръ, Веллингтонъ принимали его, какъ дорогого гостя. Но какъ ни хорошо ему было въ Парижѣ, онъ пробылъ тамъ всего 6 недѣль и, страшно соскучившись по семьѣ, поспѣшилъ въ Абботсфордъ.

---

*) Извѣстно, что герои и въ другихъ романахъ В. С. не отличаются особою оригинальностью и слабѣе очерчены, чѣмъ второстепенныя и даже третьестепенныя лица. За это упрекали В. Скотта самые горячіе его поклонники. Онъ признавалъ справедливость упрека и шутя говорилъ: „Удивляюсь, что это значитъ: самъ я, кажется, человѣкъ честный, а между тѣмъ честные люди мнѣ удаются гораздо хуже, чѣмъ разбойники. Не кровь ли моихъ почтенныхъ предковъ говоритъ во мнѣ?“

Кольриджъ даже обвинялъ Скотта въ безнравственности за то, что преступное представлено у него слишкомъ симпатичнымъ. Любопытно, что сказалъ бы Кольриджъ объ творцахъ Жана Вальжана и Раскольникова?

**) Успѣхъ романа и убѣжденіе въ необходимости уступить Байрону не заставило однако Скотта совсѣмъ отказаться отъ стиховъ. Послѣ Рокби вышли Лордъ Островов (The Lord of the Isles 1814 г.). Ватерлооское поле (1815), Свадьба Триермена (The Bridal of Triermain), и Гарольдъ Безстрашный (Harold the Dauntless, 1817 г.).

Успѣхъ Веверлея не заставилъ Скотта разоблачить свое инкогнито; второй его романъ Гей-Мейнрингъ *) (1815 г.) былъ подписанъ авторомъ Веверлея. Его 1-е изданіе въ 2,000 экз. разошлось въ два дня. За Гей-Мейнрингомъ послѣдовалъ черезъ годъ Антикварій (6,000 экз. въ два дня); въ 1818 г. выходятъ одинъ за другимъ 2 романа: Робъ Рой и Эдинбургская темница, больше всѣхъ предыдущихъ возбудившая восторгъ публики; въ слѣдующемъ году вышли Ламмермурская невѣста и Айвенго. В. Скоттъ по прежнему принималъ всѣ мѣры къ сохраненію тайны: рукопись каждаго романа переписывалъ своей рукой Беллентейнъ старшій. Корректура доставлялась въ 2-хъ экземплярахъ: по одному исправлялъ авторъ; на другой Беллентейнъ переводилъ его поправки. Чтобы замаскировать свою работу еще болѣе, В. Скоттъ писалъ много статей въ журналахъ и издалъ цѣлый рядъ изслѣдованій преимущественно по исторіи Шотландіи. Однако многіе подозрѣвали истину, и на торжественныхъ обѣдахъ въ присутствіи Скотта провозглашались тосты за здоровье „автора Веверлея". Скоттъ вставалъ и отвѣчалъ на привѣтствія, обѣщая передать ихъ своему пріятелю, великому незнакомцу. Это была несомнѣнно лучшая эпоха жизни и дѣятельности В. Скотта. Онъ зарабатывалъ литературнымъ трудомъ до 100,000 руб. въ годъ, обогащалъ своихъ товарищей по дѣламъ, давалъ работу и денежныя пособія массѣ бѣдняковъ и отстраивалъ свой замокъ и увеличивалъ его библіотеку и музей древностей. 9-го января 1825 г. въ Абботсфордѣ съ большимъ торжествомъ отпраздновалось обрученье старшаго сына поэта, тоже Вальтера. Такіе праздники въ Абботсфордѣ, вслѣдствіе широкаго гостепріимства Скоттовъ, составляли эпоху въ жизни всего околодка; на нихъ приглашались не только всѣ сосѣдніе помѣщики, но и всѣ фермеры. Поэтъ, недавно оправившійся отъ смертельной болѣзни, былъ веселъ и оживленъ даже болѣе, чѣмъ всегда. Но это былъ послѣдній веселый праздникъ въ Абботсфордѣ. На другой день почта принесла извѣстіе о банкротствѣ одного торговаго дома, съ которымъ имѣли сношенія Констебль и Беллентейнъ, а стало быть и компаньонъ ихъ В. Скоттъ. Дѣло въ томъ, что въ 1825 году вслѣдствіе излишка производства во всей Европѣ, а особенно въ Англіи, произошелъ торговый кризисъ. Масса банковъ лопнула; масса торговыхъ домовъ обанкрутилась. А между тѣмъ Констебль „Наполеонъ книжной торговли", какъ называлъ его Скоттъ, въ это самое время до крайности расширилъ свои операціи; Беллентейны вели дѣла скромнѣе, но жили, какъ магнаты. Въ трудную минуту Констебль пустилъ въ оборотъ векселя Беллентейна, на которыхъ стояла и подпись В. Скотта. Послѣ отчаянной борьбы, Констебль былъ вынужденъ объявить себя несостоятельнымъ на 2½ милліона и заплатилъ кредиторамъ по 25 коп. за рубль. Также думалъ поступить и Беллентейнъ, пассивъ котораго простирался на 1,500,000 рублей; но В. Скоттъ не согласился. „Пока наши имена соединены, говорилъ онъ, мы должны вести дѣло, какъ джентельмены, а не какъ торгаши". Онъ рѣшился уплатить все не Абботсфордомъ, который уже давно былъ укрѣпленъ за дѣтьми его, а трудомъ. Дѣти предлагали ему уничтожить дарственную запись; онъ отказался.

Вся Шотландія и значительная часть Англіи заволновались, узнавъ о бѣдѣ, постигшей любимаго поэта. Читатели и почитатели засыпали его выраженіями сочувствія и предложеніями услугъ. Иная старая дѣва предлагала ему въ долгъ безъ процентовъ свои грошовыя сбереженія; иной благодушный помѣщикъ изъявлялъ готовность перезаложить свое маленькое имѣніе; но какой-то неизвѣст-

*) Говорятъ, онъ написалъ его въ 25 дней; съ этихъ поръ Скоттъ отличается поразительной быстротой работы; онъ пишетъ круглымъ счетомъ 12 томиковъ въ годъ; ему ничего не стоило написать утромъ до завтрака 14 печатныхъ страницъ. Такая поспѣшность вполнѣ объясняетъ растянутость многихъ описаній и сценъ въ его романахъ.

ный корреспондентъ предложилъ ему 300,000 р. Скоттъ благодарилъ и отказывался. Оно продалъ городской домъ, сократилъ до послѣдней возможности расходы и надумывалъ выгодныя работы для пользы своихъ кредиторовъ. Въ это время заболѣваетъ его жена и черезъ нѣсколько недѣль оказывается въ безнадежномъ состояніи. А мужу некогда за ней ухаживать; онъ распродаетъ, что можетъ, и лихорадочно работаетъ надъ романомъ „Вудстокъ". Вѣрная спутница лучшей половины его жизни умерла во время отсутствія несчастнаго поэта, который не имѣлъ возможности отдаться горю. Осенью 1826 г. Вальтеръ Скоттъ, едва оправившійся отъ постигшаго его удара, поѣхалъ сперва въ Лондонъ, а оттуда въ Парижъ, отчасти съ цѣлью разсѣяться, отчасти чтобы собрать матеріалы для исторіи Наполеона. Въ Лондонѣ для него открыли всѣ государственные архивы; въ Парижѣ его ожидалъ очень ласковый пріемъ короля Карла X. На континентѣ старый поэтъ впервые послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мучительной безсонницы воротилъ себѣ покойный сонъ. По возвращеніи на родину, онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся диктовать свою „Жизнь Наполеона", которая вышла въ свѣтъ въ 1827 г. въ 9 томахъ. Денегъ она принесла ему много (около 180,000 рублей), но къ славѣ его ничего не прибавила. Преподнеся кредиторамъ гонораръ за „Жизнь Наполеона" и почти вдвое бо̀льшую сумму, вырученную за новое полное собраніе сочиненій, В. Скоттъ могъ отдохнуть отъ денежныхъ затрудненій; онъ снова сталъ пополнять свои коллекціи, и въ Абботсфордѣ снова послышались голоса гостей. Но веселость прежнихъ дней не могла вернуться; не было милой хозяйки и подруги Скотта, да и самъ поэтъ былъ уже другимъ человѣкомъ. Теперь тайна великаго незнакомца перестала быть тайной для кого бы то ни было, такъ какъ во время денежнаго кризиса Скоттъ долженъ былъ согласиться на продажу всѣхъ своихъ автографовъ, которые были разобраны любителями за хорошія деньги; туда попали и автографы его романовъ, въ авторѣ которыхъ такимъ образомъ никто уже не могъ сомнѣваться. Но теперь по странному капризу публики стали распространяться упорные слухи, будто Скоттъ не одинъ, а при помощи друзей, сочинялъ свои знаменитые романы. Скоттъ долженъ былъ заявить печатно, что слухи не имѣютъ никакого основанія; всѣ поняли, конечно, что это онъ дѣлаетъ не для себя, а для своихъ кредиторовъ, которые иначе могли бы думать, что, лишенный своихъ помощниковъ, Скоттъ не въ состояніи угождать публикѣ такъ хорошо, какъ прежде, и что половина гонорара, которую имъ предоставилъ поэтъ, будетъ не велика. Романы этого періода жизни В. Скотта несомнѣнно слабѣе прежнихъ; въ нихъ историческій элементъ сильнѣе поэтическаго, и ихъ называютъ обыкновенно въ отличіе отъ раннихъ романовъ, которые зовутъ романы-поэмы—романами-хрониками.

Въ 1830 г. В. Скоттъ почувствовалъ такой упадокъ силъ, что счелъ нужнымъ подать въ отставку изъ судей; почти все его жалованье было обращено ему въ пенсію. Скоро онъ ощутилъ первые приступы болѣзни (паралича), которая потомъ свела его въ могилу.

Іюльская революція 1830 г. нанесла ему сильный нравственный ударъ. Карлъ X, который такъ ласково принималъ его въ Парижѣ, поселился изгнанникомъ въ Голирудѣ, какъ В. Скоттъ думалъ, изгнанникомъ совершенно невиннымъ. Еще тяжелѣе было Скотту перенести послѣдствія этой революціи въ Англіи: крайне не сочувствуя биллю о реформѣ, онъ даже явился на митингъ и говорилъ противъ него рѣчь, которую закончилъ трогательными словами: „Moriturus vos salutat". Но ни видъ дряхлѣющей „славы Шотландіи", ни рѣчь не подѣйствовали на слушателей и изъ густыхъ рядовъ ихъ раздалось нѣсколько свистковъ. „Англія съ своими реформами, говорилъ послѣ этого вспыльчивый

поэтъ, теперь не мѣсто для честныхъ людей". Осенью 1831 г. самъ поэтъ и окружающіе его (съ нимъ всегда жила его младшая дочь Анна, которую онъ называлъ своею Антигоной) почувствовали, что отъ болѣзни сталъ портиться его милый и почти всегда ровный характеръ. Въ октябрѣ онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ въ британскомъ музеѣ собиралъ матерьялы для своего 29-го романа, но доктора уговорили его поѣхать въ Италію. Министерство отдало въ его распоряженіе цѣлый корабль, на которомъ онъ 27-го декабря прибылъ въ Неаполь. Въ апрѣлѣ 1832 г. Скоттъ былъ въ Римѣ, о поѣздкѣ въ который онъ, какъ страстный археологъ, мечталъ всю жизнь свою; но теперь и глаза и ноги плохо служили ему; онъ ни въ чемъ не находилъ интереса и поспѣшилъ на родину, чтобы умереть тамъ; дорогой онъ мало берегся, много работалъ (одинъ разъ онъ проработалъ 17 ч. подрядъ) и тѣмъ еще больше надломилъ свои силы. Когда онъ въ маѣ пріѣхалъ въ Лондонъ, и туда съѣхались его родные и друзья, они нашли его апатичнымъ, почти безсловеснымъ; только изрѣдка бормоталъ онъ одно слово: Шотландія! Съ большимъ трудомъ перевезли его въ Абботсфордъ, гдѣ онъ и умеръ 21 сентября 1832 года, полгода спустя послѣ смерти Гёте.

Мы остановимся ненадолго на двухъ его романахъ, которые многими считаются за лучшіе, и во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ лучшей порѣ его творчества.

Айвенго изданъ въ 1819 г., когда Скотту было уже 50 лѣтъ, а какимъ юношескимъ оптимизмомъ, какимъ свѣтлымъ міросозерцаніемъ проникнутъ весь романъ! Сравнимъ положеніе вещей въ началѣ и въ концѣ его. Романъ начинается съ изображенія цѣлаго ряда данныхъ жизнью диссонансовъ и трагическихъ узловъ. Всѣ враждуютъ другъ съ другомъ: Саксы съ Норманами, отецъ съ сыномъ, воспитатель съ воспитанницей, братъ правитель съ братомъ королемъ; все населеніе Англіи смотритъ съ глубокой ненавистью и презрѣніемъ на евреевъ, которые платятъ ему тѣмъ же. И къ какому полному аккорду примиренія ведетъ насъ авторъ черезъ длинный рядъ драматическихъ событій, которыя обнимаютъ собою всего нѣсколько мѣсяцевъ! Онъ, конечно, не задавался такою задачею—иначе читатель почувствовалъ бы натяжку, а дѣйствовалъ такъ въ силу того чувства любви къ людямъ, которое живо въ душѣ его и теперь переходитъ въ душу каждаго. Точно также у В. Скотта нѣтъ придуманныхъ и насильственныхъ эффектовъ, но масса эффектовъ поразительныхъ разсыпана по всему роману. Какъ наивна идиллическая сцена въ первой главѣ; какъ эффектна сцена въ залѣ Седрика, гдѣ переодѣтый пилигримомъ герой въ домѣ отца своего вызываетъ на бой Буагильберта и разсказываетъ о подвигахъ крестоносцевъ предмету своей любви... «А послѣдній, кто сражался на этомъ турнирѣ, говоритъ пилигримъ, опуская глаза...я забылъ его имя». Какъ поразительна сцена суда Божьяго, гдѣ больной тѣломъ Айвенго бьется за жизнь Ревекки противъ больного душей Буагильберта, который падаетъ мертвымъ отъ одного прикосновенія слабой руки своего противника!

Доброе сердце автора заставлятеъ его не только примирить, но

и осчастливить нравственно всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя способны къ исправленію и не отравлены ядомъ озлобленія. Даже глупый Адельстанъ возсталъ изъ мертвыхъ, чтобы наслаждаться жизнью и, отказавшись отъ леди Роуэны, осчастливить своихъ вѣрныхъ вассаловъ и способствовать примиренію Норманновъ съ Саксами. В. Скоттъ вовсе не былъ горячимъ защитникомъ евреевъ, и отца Ревекки изобразилъ далеко не симпатичнымъ. Но сама Ревекка—одно изъ самыхъ прекрасныхъ созданій его генія; она гораздо привлекательнѣе героини, доброй, но самомнительной и гордой леди Роуэны. Тампліеръ, по широтѣ своихъ плановъ и по честолюбію, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ столѣтіемъ, куда помѣстилъ его авторъ; онъ скорѣе похожъ на умнаго іезуита XVII-го вѣка. Пѣснь Тука относится къ гораздо болѣе позднему времени; вообще средневѣковая жизнь подкрашена, идеализирована. Седрикъ, Вамба, да и самъ Айвенго, переодѣвшись, дѣлаются совсѣмъ неузнаваемыми, какъ въ плохой театральной пьесѣ. Но въ общемъ Айвенго—чудная сказка, которая для ребенка украшаетъ жизнь волшебными цвѣтами, а взрослаго миритъ съ печальной дѣйствительностью, напоминая ему его прежнія мечты.

Квентинъ Дорвардъ, первый романъ, въ которомъ В. Скоттъ выступилъ изъ хорошо знакомыхъ ему предѣловъ Великобританіи, явился въ свѣтъ 4-мя годами позднѣе и показываетъ бо́льшую зрѣлость таланта и бо́льшій историческій тактъ: авторъ заинтересовался болѣе сложной эпохой перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и болѣе глубокимъ характеромъ умнаго, но безчестнаго Людовика XI-го. Карлъ Смѣлый, который представляетъ до нѣкоторой степени дублетъ Ричарда—Львиное Сердце, изображенъ съ темныхъ сторонъ своихъ; авторъ какъ бы противъ воли становится на сторону судьбы, которая возвышаетъ Людовиковъ и унижаетъ Карловъ: во время битвы подъ Лютихомъ невоинственный Людовикъ является героемъ, а Карлъ только безъ толку кричитъ и свирѣпствуетъ. По постройкѣ оба романа сходны: здѣсь, какъ въ Айвенго, всѣ перепетіи ведутъ къ браку героя и героини. Романъ также оканчивается полнымъ примиреніемъ. Людовикъ какъ будто сталъ честнѣе, Карлъ—разсудительнѣе; спасены добрые горожане; люди, не могущіе помириться съ новымъ порядкомъ вещей, какъ Гейраддинъ, тихо и безъ страданія сошли съ жизненнаго поприща. Авторъ употребляетъ тотъ же, что и въ Айвенго, пріемъ, чтобы сдѣлать намъ симпатичнымъ своего довольно безцвѣтнаго героя: передъ самымъ концомъ онъ заставляетъ его рискнуть всѣмъ, даже любовью Изабеллы для спасенья чужой ему дѣвушки. Въ общемъ постройка обоихъ романовъ, можетъ быть безсознательно для автора, сильно напоминаетъ народную сказку: тѣ же перепетіи, тѣ же проявленія непоколебимаго героизма, тѣ же, пови-

димому, непреоборимыя препятствія, то же исправленіе злодѣевъ и та же награда бракомъ. Но вѣдь подъ такую канву можно подвести и лучшіе романы Диккенса и Теккерея.

В. Скоттъ несомнѣнно самый видный представитель англійскаго чистаго романтизма и одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей романтизма общеевропейскаго: у него учатся романтики Франціи и всей остальной Европы, не исключая и родины романтизма Германіи. Онъ сталъ учителемъ своихъ учителей потому, что, благодаря особенностямъ англошотландскаго характера, заимствовалъ у нихъ не все, а именно то, чему предстояла будущность; остальное же откинулъ, какъ вредную крайность. Онъ раздѣляетъ съ ними любовь и уваженіе къ народной поэзіи и вообще къ народному міровоззрѣнію, страсть къ изученію среднихъ вѣковъ и вообще старины, увлеченіе всѣмъ необыкновеннымъ, чудеснымъ. Но, воодушевляясь чудеснымъ, онъ вовсе не презираетъ обыденной дѣйствительности, а напротивъ умѣетъ, подобно Вордсворту, и въ ней указать поэтическое. Онъ остается трезвымъ реалистомъ и отчасти моралистомъ въ изображеніи этого чудеснаго, и оно не переходитъ у него въ уродливую и ужасную фантастику; оно только заинтересовываетъ, привлекаетъ, но не пугаетъ, не разстраиваетъ нервовъ и не уноситъ человѣка изъ предѣловъ того міра, гдѣ для него обязательны извѣстныя моральныя правила. Обладая въ высшей степени свѣтлымъ міросозерцаніемъ, В. Скоттъ умѣлъ даже дѣйствительно страшное изображать такимъ образомъ, что оно не подавляетъ человѣка, а напротивъ возбуждаетъ энергію души его: его герои и даже созданные имъ отрицательные типы, находясь во власти непримиримыхъ враговъ и передъ лицемъ насильственной смерти, сохраняютъ присутствіе духа и мужество; самые злодѣи, которыхъ тревожатъ тѣни ихъ жертвъ, сохраняютъ до конца силу бороться съ проявленіями своей фантазіи: трусость мужчины въ его глазахъ есть проявленіе безумія, болѣзнь, для которой онъ ищетъ иногда физіологической причины (см. Пертская Красавица) *); а на болѣзненномъ онъ не любитъ останавливать своего вниманія.

Отъ Вордсворта и его школы В. Скотта рѣзко отдѣляетъ до-нельзя сильно развитый въ немъ историческій инстинктъ; по остроумному наблюденію Брандеса, группа деревьевъ, которая интересна для лекистовъ сама по себѣ, для Скотта имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если подъ нею отдыхалъ Карлъ II. Скоттъ въ своихъ поэмахъ

*) Онъ самъ разсказываетъ про себя, что однажды, не находя свободнаго номера въ гостинницѣ, переночевалъ въ одной комнатѣ съ мертвецомъ и спалъ совершенно спокойно. „Пусть вообразятъ себѣ въ подобномъ положеніи Новалиса или Гофмана“ восклицаетъ Брандесъ.

и романахъ больше историкъ, нежели всѣ предшествующіе ему историки, писавшіе о среднихъ вѣкахъ и 3-хъ послѣднихъ столѣтіяхъ: онъ стремится изображать прошлое со всей его обстановкой и его особымъ міровоззрѣніемъ; онъ первый указалъ значеніе племенной борьбы и массовыхъ, стихійныхъ движеній; онъ первый разъяснилъ, какую роль играютъ въ исторіи почва, климатъ и расовыя особенности. Онъ одинъ изъ основателей новой исторіографіи, изученія народности и народной психологіи. Онъ истинный Колумбъ «мѣстнаго колорита», который съ тѣхъ поръ становится лозунгомъ всей новой поэзіи и искусства.

Вліяніе Скотта не ограничивается наукой и искусствомъ; оно простирается и въ область политики и соціальнаго прогресса. Этотъ завзятый тори и роялистъ, заклятый врагъ всѣхъ бунтовщиковъ, невольно способствовалъ многимъ революціоннымъ движеніямъ нашего столѣтія: горячая любовь къ родинѣ, ея старинѣ и своему племени, которой проникнуты его поэмы и романы, возбуждала сильное національное чувство въ иноземныхъ читателяхъ и порождала повсюду охоту къ историческимъ изслѣдованіямъ своего прошлаго и къ поэтическому его воспроизведенію; а эта національная наука и поэзія, обусловливая національную политику въ странахъ свободныхъ, заставляла стремиться къ независимости племена угнетенныя, и придавала имъ энергію въ борьбѣ за свободу; а свѣтлая гуманность, которой проникнуты произведенія новой школы, вносила въ эту борьбу духъ кротости и дѣятельнаго протеста противъ стараго ужаснаго принципа: vae victis.

Брандесъ называетъ Скотта исполненнымъ души, но лишеннымъ идей *) и увѣряетъ, будто взрослые люди теперь не читаютъ его **).

Плохо пришлось бы человѣчеству, еслибы всѣ взрослые потеряли способность находить удовольствіе въ поэтическихъ произведеніяхъ, гдѣ больше души, чѣмъ мыслей, и въ перечитываніи того, что увлекало и внутренно формировало ихъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ ***).

---

*) Seelenvoll, aber ideenlos (стр. 204).

**) Скоттъ, по его словамъ, ein Dichter, den jeder Erwachsene gelesen hat, aber den kein Erwachsener mehr liest.

***) Русская библіографія В. С. настолько обширна, что мы принуждены ограничиться только нѣсколькими общими замѣчаніями и немногими указаніями частнаго характера. Скоттъ дѣлается у насъ извѣстнымъ еще раньше 20-хъ годовъ по указаніямъ нѣкоторыхъ журналовъ романтическаго направленія. Въ 20-хъ годахъ онъ пользуется огромной славою: не только переводятся почти всѣ его романы (часто съ французскаго), но и поэмы („Поэма послѣдняго барда" перев. въ 1823 г., „Матильда Рокби" тоже; „Невѣста Трирмена" въ 1825 г., „Владѣтель острововъ" въ 1827 г.) и даже подъ его име-

Томасъ Муръ, близкій пріятель Скотта и Байрона, долженъ быть поставленъ между ними не только по времени своего рожденія и выступленія на литературное поприще (онъ на 8 лѣтъ моложе В. Скотта и на 9 лѣтъ старше Байрона), но и потому, что авторъ «Ирландскихъ мелодій» и Лалла-Рукъ какъ разъ стоитъ по серединѣ между національными тенденціями и эпической объективностью одного и общечеловѣчностью и крайней субъективностью другого. Но самъ по себѣ онъ очень оригинальное явленіе: передовой дѣятель англійскаго романтизма по наклонности находить трогательное и чудесное въ обыденномъ *) и по способности переноситься фантазіей въ отдаленныя страны, на поэтическій востокъ—колыбель человѣчества, онъ, съ другой стороны, стоитъ внѣ всякихъ школъ по особеннымъ свойствамъ своего міросозерцанія, то легкомысленно-веселаго, то проникнутаго глубокой грустью и страданіемъ; а это міросозерцаніе есть высокохудожественное выраженіе характера того несчастнаго племени, къ которому всецѣло принадлежитъ онъ и по рожденію и по духу.

Томасъ Муръ род. въ 1779 г. въ Дублинѣ; онъ былъ сынъ католика виноторговца, человѣка небогатаго, но довольно образованнаго и свободомыслящаго; мать его тоже была очень хорошая женщина, и первые годы его жизни прошли въ наилучшихъ условіяхъ. Рано въ немъ открылись довольно разнообразные таланты; еще ре-

---

немъ издаются романы, ему не принадлежащіе (таковы напр. „Густавъ Вальдгеймъ или преступникъ по неволѣ" 1824 г.); романы Скотта тогда издаются большею частью маленькими книжечками, и ученыя примѣчанія автора изъ нихъ выбрасываются. Около середины 40-хъ гг. начинается вторая серія переводовъ только лучшихъ романовъ уже съ оригинала и со всѣмъ аппаратомъ (такъ въ 1845 г. выходитъ Квентинъ Дорвардъ подъ ред. Краевскаго); изъ журналовъ особенно популяризируетъ В. Скотта Библ. для чтенія, гдѣ въ одномъ 1848 г. появляются Пертская красная дѣвица и Вудстокъ; тогда тоже встрѣчаются поддѣлки, но болѣе искусныя; такъ въ той же Библ. для чт. изложенъ вышедшій во Франціи романъ „Олленъ Камеронъ", принадлежащій перу нѣкоего Calais; тамъ есть и горцы, и колдунья, и Кромвель и Карлъ Стюартъ, нѣтъ только самого В. Скотта (онъ вышелъ въ полномъ переводѣ въ Москвѣ въ 1852 г.). Въ 60-хъ годахъ у насъ сокращали, вѣрнѣе, уродовали романы Скотта, приспособляя ихъ для чтенія „юношества" (точно они не годятся для этой цѣли въ естественномъ своемъ видѣ). Въ 70-хъ гг. опять появляется серія изданій хорошихъ переводовъ, но только лучшихъ романовъ, съ примѣчаніями и недурными иллюстраціями.

Изъ статей о В. С., кромѣ Дружинина, мы укажемъ отзывы о немъ Бѣлинскаго (I, 454 и X, 146), хорошую переводную статью „Домашняя жизнь и послѣднія минуты В. Скотта" въ книгѣ: Кабинетъ для чтенія (I часть 1838 г.), небольшую статью въ Современникѣ за 1838 г. № 12 и тамъ же въ 1839 г. (т. XV) „Знакомство Вашингтона Ирвинга съ В. Скоттомъ".

Еще въ 1835 г. на русскій яз. переведена дѣвицей Д. книга Аллана Каннингама: „О жизни и произведеніяхъ сира В. Скотта" (Спб.).

*) См. напр. стихотворенія: „Вечерній звонъ" и „Когда пробьетъ послѣдній часъ" въ прекрасномъ переводѣ И. Козлова у Гербеля стр. 248 и 249.

бенкомъ онъ хорошо декламировалъ стихи *) и обладалъ прекраснымъ музыкальнымъ слухомъ и довольно сильнымъ голосомъ. Онъ былъ очень малъ ростомъ для своихъ лѣтъ, но такъ красивъ и изященъ, что его прозвали маленькимъ купидономъ; кромѣ того онъ отличался чисто ирландской живостью, остроуміемъ и любовью къ обществу. Благодаря этимъ талантамъ, сынъ виноторговца былъ желаннымъ гостемъ даже въ аристократическихъ салонахъ Дублина; всѣ ласкали его и восхищались имъ.

Рано Муръ началъ писать стихи; ему было всего 14 лѣтъ, когда первыя его произведенія появились въ «Дублинскомъ Магазинѣ». 15 лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ (на юридическій факультетъ) и переводилъ Анакреона такъ удачно, что профессора признали его переводъ достойнымъ печати. Въ это время Ирландія переживала очень тяжелые годы: англійская тираннія давила ее сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было; домашніе обыски, наказанія плетьми и пытки во время судебныхъ слѣдствій практиковались совершенно открыто; нѣсколько попытокъ къ возстанію были подавлены съ невѣроятною жестокостью; тѣмъ не менѣе мученики свободы находили многихъ продолжателей своего дѣла, въ особенности между молодежью. Составилось тайное общество подъ названіемъ «Соединенныхъ Ирландцевъ», имѣвшее не мало членовъ и между студентами. Молодой поэтъ горячо принималъ къ сердцу страданія родины и былъ очень близокъ съ Робертомъ Эмметомъ, который, несмотря на свою молодость, игралъ довольно важную политическую роль и черезъ нѣсколько лѣтъ погибъ мученическою смертію послѣ неудачной попытки овладѣть Дублинской крѣпостью.

Но надъ Муромъ бодрствовали родители, старавшіеся не допускать его до компрометирующихъ дѣйствій, да и самъ Эмметъ, повидимому, щадилъ талантливаго юношу (подобно тому, какъ декабристы щадили Пушкина). Когда существованіе тайнаго общества сдѣлалось извѣстнымъ правительству и начались репрессаліи, прежде всего въ университетѣ, Томасъ Муръ былъ вызванъ къ допросу, держалъ себя съ достоинствомъ, но не былъ подвергнутъ никакой карѣ, такъ какъ онъ и дѣйствительно не былъ виноватъ ни въ чемъ, кромѣ сочувствія.

19 лѣтъ отъ роду Муръ, получивъ степень баккалавра, отправился въ Лондонъ, съ намѣреніемъ заниматься юриспруденціей и литературой; свой переводъ Анакреона онъ посвятилъ принцу-регенту, который тогда внушалъ большія надежды не только вигамъ Англіи, но и ирландскимъ патріотамъ. Въ 1801 г. Муръ издалъ книжку ори-

*) Уже 11 лѣтъ отъ роду онъ выступалъ, какъ чтецъ, публично и вскорѣ послѣ этого игралъ роль арлекина на дѣтскомъ театрѣ.

гинальныхъ лирическихъ стихотвореній подъ названіемъ: «Поэмы Томаса Маленькаго» *), которыя блистаютъ чисто ирландской веселостью, юношеской чувственностью и классической граціей и по разнообразію мотивовъ, а также и по робости передъ старой теоріей напоминаютъ «Лицейскія стихотворенія» Пушкина. Книжка его выдержала рядъ изданій, и при каждомъ Муръ выбрасывалъ нѣсколько стихотвореній, формой которыхъ онъ былъ не совсѣмъ доволенъ.

Въ это время Муръ былъ принятъ въ лучшемъ лондонскомъ обществѣ, гдѣ появленіе его маленькой изящной фигурки возбуждало всеобщее оживленіе. Казалось, онъ забылъ свою несчастную родину и думалъ только о весельи и устройствѣ своей собственной карьеры; но когда ему предложили мѣсто придворнаго поэта (съ сотней фунт. стерлинг. въ годъ содержанія и бочкой вина вдобавокъ), онъ, несмотря на крайнюю нужду въ деньгахъ, рѣшительно отказался отъ него, чѣмъ очень порадовалъ своихъ друзей виговъ. Въ 1803 г. онъ, благодаря имъ, получилъ довольно выгодное мѣсто (регистратора адмиралтейства) на Бермудскихъ островахъ, поѣхалъ туда, но пробылъ тамъ всего 3 мѣсяца и постарался найдти себѣ замѣстителя; оттуда онъ проѣхалъ въ Сѣверо-Американскіе Штаты, былъ представленъ президенту, видѣлъ ніагарскій водопадъ, видѣлъ дикихъ и вернулся въ Лондонъ, гдѣ подѣлился съ публикой своими впечатлѣніями въ книжкѣ: «Оды и письма»; въ ней онъ является скорѣй консерваторомъ, чѣмъ либераломъ: проклинаетъ философію XVIII вѣка, порицаетъ американцевъ и отрекается отъ своихъ демократическихъ убѣжденій. Джефри, критикъ Эдинбургскаго Обозрѣнія, побранилъ его книгу, и Муръ отвѣтилъ ему вызовомъ на дуэль. Два талантливыхъ маленькихъ человѣка совершенно серьозно вознамѣрились убить другъ друга, но имъ помѣшали, говорятъ, секунданты, тихонько разрядившіе пистолеты, и полиція, и дуэль не состоялась. Когда Байронъ въ своей знаменитой сатирѣ «Англійскіе барды и Шотландскіе обозрѣватели» посмѣялся надъ этой дуэлью **), Муръ вызвалъ немедленно Байрона, но тотъ въ это время уже уѣхалъ на континентъ, а когда по возвращеніи нашелъ у себя этотъ вызовъ и изъявилъ согласіе драться, его противникъ уже былъ скромнымъ отцомъ семейства; тѣмъ не менѣе Муръ не отказался отъ своего вызова; но пріятели поэтовъ разстроили нелѣпую дуэль, и Муръ и Байронъ сдѣлались друзьями.

---

*) Poems of Thomas Little; little—намекъ на ростъ Мура; предполагаемый ихъ авторъ будто бы умеръ 21 года.

**) Can none remember that eventful day
That ever glorious, almost fatal fray,
When Little's leadless pistol met his eye,
And Bow-street myrmidons stood lauphing by? и пр.

Муръ женился по любви на очень умной, красивой дѣвушкѣ (miss Dule) и былъ очень счастливъ въ семейной жизни.

Возбуждаемый лаврами Скотта и Байрона и совѣтами жены, Муръ рѣшился взяться за большой трудъ: отъ 1812 по 1817 г. онъ прожилъ въ деревнѣ, изучалъ по книгамъ востокъ и работалъ надъ своей поэмой Лалла-Рукъ. Онъ такъ хорошо усвоилъ колоритъ, что когда поэма вышла въ свѣтъ, многіе оріенталиты не хотѣли вѣрить, что Муръ не былъ на востокѣ и не зналъ восточныхъ языковъ. Она переведена на персидскій языкъ и, говорятъ, читается въ Тегеранѣ и Испагани, какъ великая туземная поэма. Въ Англіи она выдержала болѣе 20 изданій *), и если имѣетъ сравнительно немного переводовъ, то только потому, что надо обладать громаднымъ талантомъ для передачи роскошнаго языка и блестящихъ стиховъ поэмы.

Лалла-Рукъ состоитъ изъ 4-хъ поэтическихъ разсказовъ, вплетенныхъ въ общую канву такого содержанія: принцесса Лалла-Рукъ (Тюльпановая ланита), дочь великаго Могола Аурензеба **), обручена съ Бухарскимъ принцемъ, котораго она до тѣхъ поръ не видала въ глаза, и отправляется въ его владѣнія. По дорогѣ къ ея каравану присоединяется странствующій пѣвецъ Фераморцъ и сокращаетъ ея путь своими разсказами; принцесса влюбляется въ талантливаго юношу. По пріѣздѣ въ Бухару оказывается, что Фераморцъ никто иной, какъ ея царственный женихъ.

1-й и 3-й разсказы заключаютъ въ себѣ по 2,000 стиховъ, 2-й и 4-й вмѣстѣ около 1,000.

1-й разсказъ: „Корассанскій пророкъ въ покрывалѣ“ (The veiled Prophet in Khorassan) имѣетъ сюжетъ историческій. Дѣйствіе происходитъ при Абассидахъ; безсовѣстный обманщикъ Мокама, всегда покрывавшій свое лицо серебристой тканью, будто изъ нежеланія ослѣпить блескомъ своихъ подданныхъ, старается привлечь на свою сторону храбраго Азима, возлюбленная котораго, Зелика, считающая его мертвымъ, состоитъ главной жрицей пророка. Узнавъ, что Азимъ живъ и по прежнему любитъ ее, она готовится бѣжать съ нимъ; но Мокама напоминаетъ ей объ ея клятвѣ и тѣмъ удерживаетъ ее при себѣ. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе войны калифа, въ войскѣ котораго сражается и Азимъ, противъ Мокамы; пророкъ разбитъ въ сраженіи; запершись въ крѣпости, онъ отравилъ своихъ оставшихся приверженцевъ, показалъ имъ свое безобразное лицо и осмѣялъ ихъ, а самъ бросился въ колодезь. Въ живыхъ осталась одна Зелика, которая, надѣвъ на себя покрывало пророка, выходитъ изъ укрѣпленія и погибаетъ отъ руки Азима.

Второй разсказъ: „Рай и Пери“, который многими считается лучшимъ, прекрасно переведенъ на русскій языкъ Жуковскимъ ***).

Сюжетъ третьяго разсказа: „Огнепоклонники“ (Fireworshippers) составляетъ неудачное героическое возстаніе Гафеда и гибель его и его возлюбленной Гинды;

*) Слава поэмы предшествовала ея появленію въ свѣтъ: права на ея изданіе добивались многіе книгопродавцы; Лонгманъ, одержавшій верхъ надъ соискателями, заплатилъ за нее 3,000 фунт. стерл., т.-е. около 5 рублей за строчку.

**) Лицо историческое 1659—1707 г.

***) Изгнанная изъ рая пери, чтобы получить доступъ къ потерянному блаженству приноситъ въ даръ кровь воина, умирающаго за отечество, вздохъ любви и наконецъ слезу раскаянія.

Брандесъ убѣжденъ, что Муръ здѣсь имѣлъ въ виду трагическую судьбу своего друга Эммета и его невѣсты Сáры Корэмъ.

Четвертый разсказъ: „Свѣтило гарема" (the Light of the Haram) полонъ блестящими описаніями, но бѣднѣе всѣхъ остальныхъ по сюжету (разъединеніе и примиреніе двухъ влюбленныхъ).

Кромѣ этой поэмы большой успѣхъ имѣли скорѣй веселыя, чѣмъ злыя сатиры Мура, писанныя имъ какъ прозой, такъ и стихами послѣ посѣщенія имъ Парижа; въ нихъ онъ остроумно осмѣиваетъ священный союзъ и самодовольство англичанъ послѣ паденія Наполеона. Болѣе другихъ злы и мѣтки его басни и его «Семейство лгуновъ въ Парижѣ» (The Fudge family in London); къ сожалѣнію, въ настоящее время многія изъ его остротъ и шутокъ непонятны безъ комментарія. Виги, партія которыхъ усиливалась со дня на день, смотрѣли на Мура, какъ на лучшее перо своей партіи и поддерживали его всѣми силами.

Но на своей «зеленой» родинѣ Муръ былъ славенъ не какъ сатирикъ и не какъ авторъ Лалла-Рукъ, а какъ творецъ «Ирландскихъ мелодій», первая книжка которыхъ вышла еще въ 1807 г. *). Выше было сказано, что Муръ еще съ дѣтства любилъ и хорошо зналъ музыку; начавъ писать стихи, онъ, подобно шведскому поэту Бельману, часто одновременно импровизировалъ и слова пѣсни и мелодіи. Теперь онъ воспользовался разнообразными и изящными мелодіями народныхъ ирландскихъ пѣсенъ, изданными незадолго передъ тѣмъ **), и сочинилъ на нихъ слова, смыслъ которыхъ почти всегда тѣсно связанъ съ характеромъ мелодіи. Въ результатѣ получилось самое музыкальное произведеніе англійской лирики (нѣкоторыя строчки и даже цѣлыя строфы звучатъ такъ, какъ будто Муръ писалъ по-итальянски), возбудившее всеобщій восторгъ и сдѣлавшееся въ Ирландіи народной книгой. «Все, что пережилъ его несчастный народъ въ долгіе годы униженія, его горе и стоны, его живость и одушевленіе, его воинственность, его смѣхъ сквозь слезы, все нашло выраженіе въ звучныхъ стихахъ Мура». Въ бóльшей и лучшей части «Мелодій» видна глубокая, до тѣхъ поръ подавленная любовь Мура къ «зеленому Эрину» ***); въ другихъ отражаются другія, менѣе привлекательныя стороны ирландскаго характера; можно указать и такія пьесы, которыя плохо вяжутся съ общимъ тономъ и не могутъ быть понятны народу по вычурности и искусственности образовъ ****); есть пьесы чисто

*) Говорятъ, что въ Ирландіи нѣтъ крестьянина, который не зналъ бы напр. пѣсни, начинающейся словами: When he who adores thee.

**) Бунтингомъ въ 1796 г.

***) См. напр. его пѣсню «Къ Ирландіи» въ прекрасномъ переводѣ Ю. Доппельмайеръ у Гербеля, стр. 250.

****) См. напр. «Рожденіе Арфы», очень удачно перевед. Крешевымъ. ibid. 248.

любовныя, но есть и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, эротическая форма которыхъ служитъ только прозрачнымъ аллегорическимъ покрываломъ для изображенія страданій Ирландіи: послѣ казни Эммета нельзя было славить его открыто; Муръ прибѣгъ къ иносказанію и имѣлъ горькое удовольствіе видѣть, какъ восхищались его мелодіями въ англійскихъ салонахъ недогадливые палачи его отечества и вмѣстѣ съ поэтомъ, противъ своей воли, оплакивали судьбу Ирландіи.

«Ирландскія мелодіи» Муръ переиздавалъ съ прибавками до 1834 г., когда число пѣсенъ дошло до 125. Когда Муръ въ 1818 г. посѣтилъ Дублинъ, ему былъ данъ торжественный обѣдъ отъ города, гдѣ его счастливый старикъ отецъ сидѣлъ рядомъ съ президентомъ. Въ слѣдующемъ году Муръ ѣздилъ въ Италію, и въ Венеціи довольно долго гостилъ у Байрона, вмѣстѣ съ которымъ посѣтилъ и Римъ. Въ это время Байронъ передалъ ему въ полную собственность свои записки, которыя Муръ послѣ 1824 г. хотѣлъ было напечатать и уже продалъ за 2,000 фунт. стерл.; узнавъ, что печатаніе записокъ будетъ непріятно семьѣ покойнаго, Муръ вернулъ деньги, и записки бросилъ въ огонь. Но немного позднѣе, пользуясь документами, личными воспоминаніями и разсказами друзей, онъ написалъ біографію Байрона, которая и до сихъ поръ не потеряла своего значенія *).

По возвращеніи изъ Италіи Муръ узналъ, что его уполномоченный, заступавшій его мѣсто на Бермудскихъ островахъ, бралъ взятки и мошенничалъ, а такъ какъ отвѣтственность за это падала на Мура, то съ него и взыскивали 6,000 фунт. стерл. Не имѣя возможности заплатить такую сумму, Муръ бѣжалъ во Францію. Друзья и поклонники его таланта предложили устроить подписку въ его пользу, но онъ отказался на отрѣзъ и вознамѣрился отработать эти деньги. Между тѣмъ требованія уменьшились до 1,000 фунт. стерл., и Муръ одной небольшой поэмой «Любовь Ангеловъ» **) уплатилъ свой штрафъ, и въ 1822 г. онъ вернулся въ Англію и занимался съ этихъ поръ главнымъ образомъ историческими работами ***).

---

*) Letters and Journals of Lord Byron with notices of his life by Thomas Moore. 1830 г. Новое изд. Lond. 1860.

**) Love of the Angels—тема та же, что въ мистеріи Байрона: «Небо и Земля»—любовь 3-хъ ангеловъ къ 3-мъ дочерямъ человѣческимъ.

***) Его единственный романъ (скорѣе біографическая новелла) Эпикуреецъ (въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи) остался неоконченнымъ; въ немъ дѣйствіе происходитъ во II вѣкѣ по Р. Х. Герой—молодой учитель эпикурейской философіи, отправляющійся въ Египетъ, чтобы изучить тамъ таинства. Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая послѣ разныхъ перипетій дѣлается христіанкой и увлекаетъ за собою въ новую религію эпикурейца.

Въ 1825 г. Муръ посѣтилъ Скотта въ Абботсфордѣ и привелъ романиста въ восторгъ своимъ добродушіемъ и веселостью. «Мы оба, писалъ о немъ и себѣ Скоттъ, добрые ребята и стараемся наслаждаться жизнью и не хлопочемъ о томъ, чтобы поддержать свое львиное достоинство». Когда поэты вмѣстѣ посѣтили эдинбургскій театръ, публика устроила имъ шумную овацію.

Несмотря на свои политическія сатиры противъ тори, несмотря на свою популярность въ Ирландіи (когда Муръ въ 1835 г. посѣтилъ Дублинъ и пришелъ въ театръ, публика не хотѣла слушать актеровъ и настойчиво требовала отъ него рѣчи), Муръ пользовался всеобщей любовью въ Англіи: ему предлагали самыя выгодныя должности; но онъ только подъ старость принялъ пенсію въ 300 фунт. стерл. отъ министерства виговъ. Онъ умеръ въ 1852 г., потерявъ за нѣсколько лѣтъ до смерти употребленіе умственныхъ способностей *).

Муръ несомнѣнно одинъ изъ первыхъ лириковъ новой Европы и какъ лирикъ-художникъ (въ противуположность лирику-мыслителю), какъ лирикъ объективный, на англійскомъ языкѣ не имѣетъ себѣ равнаго. Его стихъ необыкновенно мелодиченъ, изященъ и въ тоже время выразителенъ, и онъ всегда умѣетъ удержаться на той тонкой и опасной чертѣ, которая отдѣляетъ богатство образовъ отъ надутости и высокопарности. Въ исторіи литературы онъ занимаетъ видное мѣсто, какъ высокодаровитый представитель народности въ искусствѣ. То, что Гердеръ проводилъ въ теоріи, Муръ осуществилъ на практикѣ. Помимо воспроизведенія духа своего племени въ «Ирландскихъ мелодіяхъ», онъ съ небывалой до его времени ясностью пониманія входилъ и въ характеръ всѣхъ другихъ народовъ сѣвера и юга и въ положенія самыя разнообразныя и его природѣ, повидимому, совсѣмъ чуждыя. Оттого всякій найдетъ въ немъ свое; оттого его стихи и запоминаются съ такою легкостью.

Мы переходимъ къ самому крупному, самому вліятельному и самому трудному для историко-литературнаго уясненія явленію начала нашего вѣка—къ поэзіи Байрона. Извѣстно, подъ какимъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ Байрона развивался Пушкинъ. Пушкинъ не только геній творчества, но и несравненный мастеръ критики: самое его положеніе среди народа, еще не вошедшаго въ то время въ семью культурныхъ народовъ Европы, такъ сказать, въ сторонѣ отъ большой дороги умственнаго движенія, давало ему возможность видѣть яснѣе, судить объективнѣе и вѣрнѣе, выражаться

*) Онъ самъ издалъ полное собраніе своихъ сочиненій (Lond. 1840—1843).

свободнѣе всѣхъ европейскихъ собратьевъ, которые были связаны національными или партійными интересами.

Поэтому сужденіе Пушкина, какъ наиболѣе компетентнаго представителя того поколѣнія, которое подчинилось вліянію Байрона и воспиталось на его произведеніяхъ, можетъ служить для насъ самой удобной точкой отправленія.

Пушкинъ знаетъ между своими современниками только двухъ истинно великихъ поэтовъ: Гёте и Байрона; онъ всегда ставитъ ихъ рядомъ, и если къ старику Гёте относится съ большимъ уваженіемъ, то личная и художественная симпатія и горячая любовь его всецѣло на сторонѣ Байрона: онъ ради Байрона хорошо выучивается по-англійски, слѣдитъ за каждой его строчкой, повторяетъ его остроты, идетъ въ своихъ юношескихъ поэмахъ за нимъ шагъ за шагомъ, и его творчество въ Чайльдъ-Гарольдѣ и первыхъ пѣсняхъ Донъ-Жуана считаетъ свыше-человѣческимъ *). Онъ преклоняется и передъ его характеромъ, во многомъ копируетъ его и поощряетъ въ себѣ тѣ слабости, которыя находитъ въ своемъ великомъ образцѣ; онъ заказываетъ панихиду въ годовщину его смерти. Это поклоненіе не мѣшаетъ Пушкину вѣрно опредѣлить значеніе Байрона и выразить его въ немногихъ, но такихъ содержательныхъ и вѣскихъ словахъ, что они вполнѣ могутъ замѣнить цѣлые десятки страницъ удачнѣйшей характеристики. Для него Байронъ «Властитель нашихъ душъ», «поэтъ мучительный и милый», «вдохновенный страдалецъ»; по силѣ, глубинѣ и мрачной неукротимости онъ сравниваетъ Байрона съ океаномъ, считаетъ самымъ яркимъ признакомъ холодности своихъ современниковъ то, что

Звукъ новой чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлечь ихъ могъ.

Но тотъ-же Пушкинъ называетъ Байрона поэтомъ «гордости» и такъ опредѣляетъ его историко-литературное значеніе:

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

и въ томъ же Онѣгинѣ немного ниже говоритъ, что въ произведеніяхъ Байрона, какъ и въ немногихъ лучшихъ романахъ этой эпохи,

Отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,

*) Изд. лит. фонда, VII, 80.

Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящемъ въ дѣйствіи пустомъ.

Не разъ Пушкинъ высказываетъ свое убѣжденіе, что Байронъ воспроизводитъ только одинъ характеръ, именно свой собственный, вслѣдствіе чего драматическія его произведенія слабѣе всего остального *).

Но собственный характеръ поэта Пушкинъ признаетъ plein, sombre et énergique и заинтересовывается имъ настолько, что въ пору полнаго мужества своего таланта, заваленный массою литературныхъ работъ, онъ начинаетъ писать біографію Байрона, пользуясь матеріаломъ, собраннымъ въ книгѣ Мура.

Та же книга Мура внушаетъ преемнику Пушкина, Лермонтову, тогда еще очень юному, извѣстныя строфы:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣже муки,
О еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!..

Такимъ образомъ наши знаменитые байронисты въ одинаковой степени заинтересованы личностью Байрона и его біографіей, которая, дѣйствительно, одна только и можетъ дать ключъ къ его поэзіи, такъ какъ Байронъ первый осуществилъ ту задачу, о которой мечтали нѣмецкіе романтики на границѣ 2-хъ столѣтій — объединенія поэзіи съ жизнью. Вотъ главные факты его біографіи въ связи съ исторіей его литературной дѣятельности.

Лордъ Байронъ принадлежалъ къ древней аристократической фамиліи: два брата Burun пришли въ Англію съ Вильгельмомъ Завоевателемъ; потомокъ одного изъ нихъ при Генрихѣ II измѣнилъ свою фамилію соотвѣтственно выговору въ Byron'a. При Елизаветѣ родъ Байроновъ пресѣкся, и фамилія съ имѣніями была передана незаконному сыну Байрона. Во время борьбы Стюартовъ съ народомъ, потомки этого незаконнаго Байрона были горячими приверженцами Стюартовъ, и старшій представитель этого рода еще при Карлѣ I былъ сдѣланъ лордомъ. Въ концѣ XVII-го столѣтія одинъ изъ Байроновъ былъ извѣстенъ своею любовью къ поэзіи. Внукъ его, пятый лордъ Байронъ (род. въ 1727 г.), пріобрѣлъ печальную славу, убивъ своего сосѣда и родственника на дуэли безъ свидѣтелей; какъ перъ, онъ избѣжалъ наказанія, но общество изъвергло его изъ своей среды и къ его титулу обыкновенно придавали эпитеты: Безбожный или Безумный. Про него разсказывали, что своимъ ужаснымъ обращеніемъ онъ уморилъ жену и нарочно разорялъ имѣніе, чтобы насолить своему сыну и наслѣднику, женитьбой котораго онъ былъ недоволенъ. Послѣ смерти сына, онъ перенесъ ненависть и на внука, котораго ему тоже удалось пережить. Братъ Безбожнаго Байрона, адми-

*) V, 50; VII, 158; тоже и въ извѣстной шутливой одѣ къ графу Хвостову:
Глубокъ онъ, но единобразенъ.

ралъ Джонъ Байронъ, былъ дѣдомъ поэта; онъ назывался „Смѣлый“ или „Буревой“ Байронъ, такъ какъ ни одно его путешествіе не обходилось безъ бури; еще 17-ти лѣтъ онъ потерпѣлъ первое кораблекрушеніе у береговъ Патагоніи и приключенія свои въ этой малоизвѣстной странѣ описалъ впослѣдствіи въ даровито составленной книгѣ. Оба его сына были капитаны; старшій Джонъ Байронъ, отецъ поэта родился въ 1755 г.; въ юности онъ такъ дурно велъ себя, что отецъ отказался отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Прокутивъ все, что имѣлъ, и надѣлавъ долговъ, онъ въ 1778 г. обвѣнчался во Франціи съ бывшей леди Комартенъ, прожилъ приданое жены и своимъ поведеніемъ, можно сказать, сжилъ ее со свѣта; несчастная умерла въ 1784 г., оставивъ ему дочь Августу, которую взяли къ себѣ на воспитаніе родственники ея матери. Послѣ смерти жены Джонъ Байронъ явился въ Англію и изъ разсчета женился на некрасивой шотландкѣ Екатеринѣ Гордонъ. Екатерина, родственница Стюартовъ, происходила изъ нездоровой семьи; отецъ ея кончилъ жизнь самоубійствомъ; ея собственная нервность доходила до припадковъ. Поживъ въ Парижѣ, молодые вернулись въ Лондонъ и заняли меблированную квартиру, въ которой 22-го января 1788 г. родился поэтъ Джоржъ Байронъ; говорятъ—и этого не отвергалъ самъ поэтъ—что онъ явился на свѣтъ хромоногимъ по винѣ своей матери, которая изъ ложнаго стыда не позволила подать себѣ надлежащей помощи. Джонъ Байронъ поспѣшилъ разорить и вторую свою жену; въ годъ съ небольшимъ изъ 24,000 фунтовъ стерлинговъ, у нея осталось только 3,000; понявъ, что если она дольше останется съ мужемъ, эти 3,000 превратятся въ нуль, Екатерина Байронъ съ сыномъ уѣхала къ роднымъ въ Шотландію, а потомъ поселилась въ скромной наемной квартиркѣ въ Эбердинѣ. Промотавшись до послѣдней копѣйки въ Лондонѣ, заботливый мужъ и отецъ явился въ Эбердинъ. Недолго прожилъ онъ съ женой на одной квартирѣ; недолго, живя на разныхъ квартирахъ, супруги пили вмѣстѣ чай; вслѣдствіе безпрерывныхъ ссоръ, свиданія сдѣлались скоро невозможными. Сына своего Джонъ Байронъ видалъ только на улицѣ съ нянькой; въ одинъ прекрасный день онъ задумалъ предъявить свои родительскія права и потребовалъ ребенка къ себѣ; мать, конечно, подняла бурю, но нянька, знавшая характеръ своего питомца и выносливость отца, посовѣтовала уступить безъ спора, увѣряя, что ребенокъ такъ надоѣстъ родителю своимъ крикомъ, что тотъ пришлетъ его обратно очень скоро. Ея предположеніе оправдалось: на другой же день отецъ возвратилъ сына съ просьбой никогда больше не присылать его. Выманивъ нѣсколько денегъ у жены, Джонъ Байронъ бѣжалъ отъ кредиторовъ во Францію, гдѣ неизвѣстно отъ чего скоро умеръ (1791 г.). Екатерина такъ громко плакала о его смерти, что воплями собрала всѣхъ сосѣдей. Такимъ образомъ воспитаніе маленькаго Байрона, который по смерти внука „Безбожнаго“ лорда оказался наслѣдникомъ титула и имѣнія, осталось исключительно на рукахъ его матери, такъ какъ лордъ не хотѣлъ знать своего наслѣдника, и иначе не называлъ его, какъ „хромой мальчикъ изъ Эбердина“. Екатерина Байронъ менѣе, чѣмъ какая-нибудь другая женщина, была способна воспитывать сына; она то цѣловала его до боли, то отталкивала, била за дѣло и безъ дѣла и ругала хромоногимъ уродомъ. Ребенокъ больше любилъ няньку, которая разсказывала ему сказки, пѣла народныя пѣсни и псалмы, переложенные въ англійскіе стихи; на бѣду она слишкомъ много разсказывала ему про его предковъ; изъ этихъ разсказовъ Байронъ вынесъ родовую гордость, вѣру въ „фатальность“ своего рода, страсть къ морю, гдѣ отличался его дѣдъ, и къ дуэлямъ. На пятомъ году отъ роду мать отдала его въ дешевую, плохую школу, главнымъ образомъ изъ желанія освободиться на нѣсколько часовъ въ день отъ безпокойнаго мальчика. Черезъ годъ она взяла его

домой и стала приглашать учителей; случайно между ними попался одинъ хорошій человѣкъ, и маленькій Байронъ въ короткое время сдѣлалъ огромные успѣхи. Мать его не съумѣла оцѣнить учителя и отдала сына вторично въ школу, гдѣ Байронъ учился скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго уровня. Какъ всѣ одинокія дѣти, онъ рано пристрастился къ чтенію, читалъ преимущественно историческія книги и путешествія, особенно по востоку; несмотря на хромоту, онъ отличался ловкостью во всѣхъ дѣтскихъ играхъ и поражалъ товарищей своею смѣлостью. Хромота Байрона сильно безпокоила его мать, и она обращалась къ лѣкарямъ-шарлатанамъ, которые мучили ребенка, вытягивая ему ногу, и, разумѣется, не принесли никакой пользы. Изъ школы мать очень часто брала Байрона на нѣсколько дней и недѣль, когда ей приходила фантазія ѣхать къ родственникамъ. Одно изъ этихъ путешествій, болѣе продолжительное, чѣмъ другія, принесло большую пользу мальчику: грандіозная природа горной Шотландіи произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ значительно окрѣпъ физически. Воображеніе его развилось очень рано: восьми лѣтъ отъ роду онъ влюбился въ дѣвочку на два года его старше; любовь эта продолжалась довольно долго, и когда черезъ много лѣтъ онъ узналъ, что Мери Дюфъ вышла замужъ, онъ едва не упалъ въ обморокъ. Какъ ни держался „Безбожный“ лордъ Байронъ за жизнь, ему пришлось разстаться съ нею, и въ 1798 г. „хромой мальчикъ изъ Эбердина“ унаслѣдовалъ его титулъ и имѣніе; легко себѣ представить, какъ наслѣдство подѣйствовало на болѣзненно-развитое самолюбіе и воображеніе Байрона! Онъ сейчасъ же прибѣжалъ къ матери, и спросилъ, незамѣтно ли въ его лицѣ чего-нибудь особеннаго; когда въ школѣ его въ первый разъ вызвали съ титуломъ: dominus, онъ расплакался, самъ не зная отчего. Мать тоже до комизма гордилась сыномъ-лордомъ, хотя обращеніе съ нимъ осталось тоже, до крайности неровное и не педагогичное.

Родовой зàмокъ Байроновъ оказался до того разоренным, что въ немъ жить было невозможно; мать съ сыномъ поселились въ сосѣднемъ городкѣ Ноттингамѣ. Прежде всего мать воспользовалась средствами сына, чтобы снова начать мучить его ногу; далѣе она нашла ему учителя, который съ одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, плохо знавшимъ грамматику, началъ читать Цицерона и Виргилія. По настойчивому совѣту опекуна лорда Карлейля, мать и сынъ въ 1799 г. переѣхали въ Лондонъ, гдѣ опять-таки началось вытягиванье ноги, къ счастью, на этотъ разъ непродолжительное. Въ Лондонѣ Байронъ поступилъ въ частную школу доктора Глени, въ которой, благодаря хорошимъ учителямъ, могъ скоро и легко возмѣстить недостатки первоначальнаго обученія. Въ это время нянька Байрона вышла замужъ и уѣхала въ Шотландію. При разставаньи привязчивый мальчикъ одарилъ ее, чѣмъ только могъ, и потомъ переписывался съ нею. Финансовое положеніе матери маленькаго лорда значительно улучшилось. Помимо того, что она пользовалась выгодами совмѣстной жизни съ сыномъ, ей было назначено 300 фунтовъ ежегодно изъ шкатулки короля; но это нисколько не улучшило ея характера. Она по-прежнему дѣлала безобразныя сцены сыну, а въ добрыя минуты мечтала о великой будущности для него и таскала его къ гадалкамъ. Байронъ не чувствовалъ никакого уваженія къ матери и, разсказываютъ, что когда одинъ его товарищъ назвалъ ее передъ сыномъ дурою, Байронъ согласился съ нимъ. Въ школѣ ее знали очень хорошо, такъ какъ она часто являлась туда заступаться передъ учителями за сына, хотя въ этомъ не было никакой нужды. Байронъ въ школѣ былъ любимъ товарищами; только его родовая гордость вызывала ихъ насмѣшки, вслѣдствіе чего она развилась еще болѣе; онъ уступалъ сверстникамъ въ древнихъ языкахъ и математикѣ, но превосходилъ ихъ въ начитанности и развитіи. Онъ началъ писать стихи на 11-омъ году, а 12-ти лѣтъ

уже пытался создать драму. Скоро мать перевела его въ общественную школу въ Гарроу, очень аристократическую и до крайности классическую. Байронъ былъ плохо подготовленъ къ ней, долго дичился и конфузился и только послѣдніе два года сравнялся съ товарищами и сошелся съ ними; въ дружбѣ своей онъ былъ также стремителенъ и страстенъ, какъ впослѣдствіи въ любви. Въ октябрѣ 1805 г. Байронъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ. Впослѣдствіи онъ самъ распустилъ ужасные слухи про свою студенческую жизнь, а на самомъ дѣлѣ онъ кутилъ во всякомъ случаѣ не болѣе, если не менѣе, другихъ; занимался мало, но много читалъ и предавался физическимъ упражненіямъ. Во время вакацій между нимъ и матерью происходили такія ссоры, что каждый изъ нихъ по секрету предупреждалъ аптекаря, чтобы онъ не давалъ другому яду, когда онъ пришлетъ за нимъ; отъ этого домашняго ада Байронъ одно время отдыхалъ въ семействѣ Пиго (Pigot), гдѣ, между прочимъ, читалъ свои стихотворенія; они понравились молодежи, и автора уговорили напечатать ихъ. Онъ издалъ ихъ подъ заглавіемъ „Раннія стихотворенія“ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и роздалъ друзьямъ и знакомымъ; ихъ похвалили. Тогда онъ предпринялъ другое изданіе, гдѣ къ старымъ прибавилъ много новыхъ пьесъ, уже предназначенное для публики. Сборникъ вышелъ въ 1807 г. подъ заглавіемъ „Часы Досуга“ (буквально: лѣности, Hours of Idleness). Онъ выставилъ на книгѣ свое имя и полный титулъ и даже счелъ нужнымъ обозначить, что онъ еще несовершеннолѣтній. Во всей этой книжкѣ едва-ли найдется сто стиховъ, достойныхъ Байрона; большинство стихотвореній—подражаніе древнимъ и Оссіану и изліяніе обычныхъ у юныхъ поэтовъ чувствъ въ условныхъ формулахъ *).

Покончивъ съ университетомъ, гдѣ онъ получилъ дипломъ магистра искусствъ, Байронъ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ предался всѣмъ удовольствіямъ столичной жизни и надѣлалъ долговъ. „Часы Досуга“ были довольно благопріятно встрѣчены критикой, и между аристократической молодежью Байронъ даже нашелъ себѣ поклонниковъ.

Прокутившись въ Лондонѣ, Байронъ поѣхалъ въ свой родовой замокъ Ньюстедъ, когда-то бывшій аббатствомъ, а теперь почти лежавшій въ развалинахъ. Онъ отдѣлалъ въ немъ всего 4 комнаты; мать не захотѣла переѣхать къ нему, но онъ пригласилъ къ себѣ пріятелей, съ которыми проводилъ время въ фехтованіи, охотѣ и попойкахъ. Байронъ читалъ только по ночамъ, тайкомъ отъ пріятелей; онъ, какъ и нашъ Пушкинъ, скрывалъ свою любовь къ литературѣ подъ маской полнаго бездѣльничанья. Ходила молва, что въ старые годы монахи зарыли въ аббатствѣ кладъ. Байронъ искалъ этого клада, конечно, ничего не нашелъ, но вырылъ нѣсколько череповъ, и одинъ изъ нихъ велѣлъ обдѣлать въ видѣ кубка и употреблялъ его, какъ круговую чашу. Другіе ужасы, которые позднѣе передавали про ньюстедскую жизнь Байрона, всѣ вымышлены или его врагами, или имъ самимъ. Настроеніе Байрона въ это время было не особенно веселое вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ: у него не было ни наличныхъ денегъ, ни вліятельныхъ друзей. Общество смотрѣло на него враждебно изъ-за дур-

*) Въ «Часахъ Досуга» одна пьеса большая по объему: Oscar of Alva даетъ возможность предугадать будущаго Байрона. Сюжетъ ея, взятый будто бы изъ Оссіана, очень фантастиченъ и не особенно оригиналенъ (убитый является на брачный пиръ своего убійцы); но въ ней рѣзко выражена чисто байроновская черта: трагическій и въ тоже время крайне реальный взглядъ на любовь.

Любопытно также его стремленіе къ изображенію, такъ сказать, неукротимыхъ страдальцевъ (см. его вольный переводъ „from the Prometheus vinctus of Aeschylus“.

ного поведенія его дѣда и отца, а гордый юноша не желалъ заискивать передъ нимъ и самъ портилъ и безъ того неблагопріятныя условія своей жизни. Когда онъ праздновалъ свое совершеннолѣтіе, никто изъ сосѣдей не пріѣхалъ къ нему, и, чтобы угостить по обычаю фермеровъ, онъ долженъ былъ занять денегъ у ростовщиковъ подъ огромные проценты.

Въ январьской (за 1808 г.) книжкѣ „Эдинбургскаго Обозрѣнія", лучшаго критическаго журнала того времени, появилась очень остроумная и злая рецензія на „Часы Досуга", смыслъ которой былъ тотъ, что изъ 10 учениковъ 9 могутъ состряпать такіе стихи, а одинъ — лучшіе. Такіе сборники стихотвореній, какъ „Часы Досуга", выходили тогда въ большомъ количествѣ, и „Эдинбургское Обозрѣніе" обыкновенно не удостоивало ихъ рецензіи. Книжкѣ Байрона было отдано печальное преимущество, вѣроятно, потому, что авторъ расписался на ней полнымъ титуломъ, и рецензентъ счелъ нужнымъ наказать его за мальчишеское тщеславіе. Байронъ сдѣлалъ видъ, что онъ мало обращаетъ вниманія на критику, но въ душѣ былъ страшно озлобленъ и твердо рѣшился отплатить не одному неизвѣстному рецензенту, а всей англо-шотландской литературѣ; онъ задумалъ и скоро началъ писать свою знаменитую сатиру: „Англійскіе барды и Шотландскіе обозрѣватели", которую Брандесъ очень удачно сравниваетъ съ неистовымъ свирѣпствомъ молодого льва, задѣтаго охотничьей пулей и бросающагося на всѣхъ безъ разбора. Въ этой сатирѣ, несмотря на несправедливость и пристрастіе многихъ отзывовъ, уже виденъ будущій Байронъ по энергіи стиха и силѣ выраженій.

Въ началѣ 1809 г. Байронъ переѣхалъ въ Лондонъ и сразу вступилъ въ свѣтъ двумя путями: въ палату лордовъ и въ литературу своей сатирой. По обычаю, молодого лорда долженъ „ввести" кто-нибудь изъ стариковъ. У Байрона не нашлось никого для этого, и онъ долженъ былъ войти одинъ. Предсѣдатель, желая сгладить впечатлѣніе отъ такого необычнаго вступленія, очень любезно привѣтствовалъ Байрона; тотъ сухо отвѣтилъ ему, сѣлъ на одну изъ свободныхъ скамеекъ оппозиціи и черезъ минуту вышелъ вонъ, такъ какъ не желалъ покамѣстъ пользоваться своими правами. Сатира его имѣла скандальный, но огромный успѣхъ: всякому хотѣлось прочесть, какъ молодой человѣкъ съ поразительной смѣлостью отдѣлалъ всѣ современныя знаменитости и одинъ возсталъ противъ всѣхъ. Она выдержала 4 изданія и только 5-ое Байронъ уничтожилъ самъ, такъ какъ находилъ, что многихъ онъ обругалъ совершенно безвинно. Тогда же Байронъ рѣшился предпринять давно задуманное имъ путешествіе по востоку. Уже 10-ти лѣтъ отъ роду онъ прочелъ больше книгъ о Турціи, нежели иной прочитаетъ во всю жизнь. Онъ задумалъ добраться до Персіи и Индіи, набралъ себѣ цѣлую свиту и двинулся въ путь моремъ до Лиссабона, откуда свиту послалъ дальше моремъ же, а самъ поѣхалъ сухимъ путемъ до Гибралтара. Въ это время его чарующая красота, говорятъ, не передаваемая никакими портретами, развилась вполнѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что красавецъ-лордъ пользовался большимъ успѣхомъ у пылкихъ женщинъ южной Испаніи, а его Испанія приводила въ восторгъ именно тѣмъ, что была совсѣмъ не похожа на Англію съ ея эгоизмомъ, филистерствомъ и наружнымъ приличіемъ. Черезъ Мальту Байронъ проѣхалъ на Балканскій полуостровъ, гдѣ ему больше всего понравилась Албанія своей дикостью и варварской непосредственностью жителей. Онъ прогостилъ нѣсколько недѣль у знаменитаго въ то время полу-разбойника, полу-князя Али-паши, который полюбилъ его какъ сына и присылалъ ему каждый день лакомства со своего стола. Проживъ въ Аѳинахъ около 3-хъ мѣсяцевъ, Байронъ проѣхалъ въ Смирну, затѣмъ опять вернулся въ европейскую Турцію и по дорогѣ въ Константинополь совершилъ свое

знаменитое плаваніе черезъ Геллеспонтъ. Онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Египетъ, но средства истощились, и онъ, поживъ еще нѣкоторое время въ Греціи, долженъ былъ воротиться въ Англію. По пріѣздѣ въ нелюбимое отечество онъ узналъ объ опасной болѣзни матери, сломя голову полетѣлъ въ Ньюстедъ, но не засталъ ее въ живыхъ. Проводивъ глазами погребальную процессію съ гробомъ матери, Байронъ велѣлъ подать себѣ боксерскія перчатки и началъ упражняться, но черезъ нѣсколько минутъ онъ заперся у себя въ комнатѣ на цѣлый день. Сознавая недостатки матери, онъ искренно любилъ ее и былъ глубоко огорченъ ея смертью, такъ какъ теперь оставался совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ; попытка заняться боксомъ была только характернымъ стремленіемъ насиловать свою природу и удивлять людей. Байронъ уже въ это время окончательно сложился нравственно; не нормально развивавшійся, но способный и впечатлительный мальчикъ теперь сдѣлался живымъ протестомъ противъ ходачей нравственности того общества, среди котораго ему привелось жить. Его богатоодаренная натура вовсе не была пропитана порокомъ, но онъ чувствовалъ антипатію къ той нравственности, которую ему навязывали. Наклонность къ противорѣчію, существующая болѣе или менѣе въ каждомъ умномъ и душевно-сильномъ человѣкѣ, у него приняла необыкновенные размѣры, тѣмъ болѣе, что вся его жизнь была, такъ сказать, соткана изъ противорѣчій: владѣлецъ обширныхъ имѣній и въ то же время почти нищій по отсутствію наличныхъ денегъ, членъ самой гордой въ мірѣ аристократіи, потомокъ знаменитыхъ предковъ и въ то же время лишенный всякихъ родственныхъ связей и той внѣшней поддержки, которую находитъ каждый крестьянинъ въ своихъ односельчанахъ, красавецъ и въ тоже время калѣка, онъ самъ былъ живое противорѣчіе. Онъ презиралъ всѣ общественные ранги и цѣнилъ въ человѣкѣ только свободный духъ и внутреннюю силу; но онъ же былъ тщеславенъ, какъ ребенокъ, носилъ во время путешествія непринадлежащій ему мундиръ и гордился своими предками, какъ американскій дикарь. Онъ презиралъ общество, все дѣлалъ для того, чтобы заслужить его ненависть, а самъ все время думалъ о томъ, что̀ объ немъ скажутъ и подумаютъ. Всеобщее неодобреніе, вмѣсто того, чтобы предостеречь или удержать его, только побуждало его поступать еще хуже. Онъ точно говорилъ: „А! Вамъ это не нравится? Хорошо. Я сдѣлаю нѣчто похуже. Можете тогда ахать сколько угодно“ (В. Скоттъ). Такой человѣкъ какъ будто былъ созданъ и воспитанъ для того, чтобы осуществить и выразить въ себѣ ненормальное развитіе, противорѣчащія стремленія и горькое отчаяніе эпохи, въ которой однако же лежали задатки величія и славы нашего вѣка.

Когда Байронъ вернулся въ Лондонъ, его пріятель Далласъ спросилъ его: не привезъ-ли онъ съ собой новыхъ произведеній изъ путешествія. Байронъ отвѣтилъ утвердительно и далъ ему свои „Мысли по Горацію“ (Hints from Horace), родъ вольной передѣлки извѣстнаго посланія Горація, въ которой Байронъ развивалъ свое литературное profession de foi, вполнѣ умѣстное, какъ онъ думалъ, послѣ его знаменитой сатиры. Онъ вообразилъ, что сила его въ сатирѣ и дидактикѣ. Далласъ, просмотрѣвъ „Мысли“, возвратилъ ихъ Байрону съ кислой миной и спросилъ, нѣтъ-ли у него еще чего-нибудь. Байронъ отвѣтилъ, что есть у него повидимому никуда негодные стансы, которые онъ показывалъ кому-то, но тотъ осудилъ ихъ, и передалъ Далласу на разсмотрѣніе двѣ первыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда. Далласъ въ тотъ же день написалъ ему, что это одна изъ лучшихъ вещей въ мірѣ и насилу уговорилъ его напечатать ее прежде „Мыслей“. Но Байронъ въ сущности больше вѣрилъ Далласу, чѣмъ показывалъ, и его „Мысли“ долго не увидали свѣта. Во время печатанія Чайльдъ-Гарольда Байронъ выступилъ въ первый разъ съ рѣчью въ парламентѣ при обсужденіи вопроса о наказаніи нот-

тингамскихъ ткачей, которые поломали машины. Байронъ требовалъ ихъ оправданія и жестоко нападалъ на торійское министерство, которое губитъ страну. Рѣчь была блестяща и эффектна и въ публикѣ имѣла успѣхъ, хотя по своей театральности была не вполнѣ умѣстна въ палатѣ лордовъ. Черезъ два дня послѣ нея вышелъ Чайльдъ-Гарольдъ.

Чайльдъ-Гарольдъ поразилъ прежде всего критику и публику своей формой, въ которой школьные учителя по-неволѣ должны были видѣть полное ниспроверженіе обязательныхъ до тѣхъ поръ законовъ. Что это такое? Эпическая поэма? но въ ней нѣтъ совсѣмъ эпическаго содержанія. Описательная поэма? тамъ въ сущности нѣтъ и описанія, а только рядъ впечатлѣній по поводу множества предметовъ, о которыхъ поэтъ вовсе не стремится дать яснаго понятія. Къ лирикѣ тоже нельзя причислить это произведеніе, какъ по размѣрамъ, такъ и потому, что мысли и впечатлѣнія героя движутся, измѣняются соотвѣтственно предметамъ внѣшняго міра. Но форма интересовала только спеціалистовъ; на публику гораздо болѣе подѣйствовало содержаніе и идея, воплощенная въ героѣ.

Герой этой поэмы (такъ какъ по объему ее все-таки слѣдовало назвать поэмой) несомнѣнно самъ авторъ; это видѣли не только тѣ, кто зналъ что-нибудь о лордѣ Байронѣ, о его раннемъ отчужденіи отъ людей, о его разочарованности; но это было совершенно ясно и для тѣхъ, кто не имѣлъ никакого представленія о личности поэта: всѣ тѣ черты, которыми Байронъ рисуетъ душевное состояніе добровольнаго изгнанника, настолько правдивы, настолько субъективны, что такъ поэтъ можетъ говорить только о самомъ себѣ. Основная черта — болѣзнь вѣка, называемая то разочарованностью, то міровой скорбью, то блужданіемъ страстей, какъ у Шатобріана. Вертеръ, Рене, Гарольдъ три ступени развитія этой болѣзни. Вертеръ смотритъ на міръ снизу вверхъ; его давятъ неразумныя условія жизни, какъ страшный рокъ, которому онъ не въ силахъ противиться. Рене стоитъ, такъ сказать, на одной линіи съ этимъ міромъ и въ своемъ мучительномъ эгоизмѣ, покинувъ его на жертву злу, смотритъ только въ свою собственную душу и бередитъ ея раны. Гарольдъ сталъ выше жизненной пошлости, созналъ всю грязь и ничтожество того, что обыкновенно называется наслажденіями; могучимъ усиліемъ воли освободилъ себя отъ мукъ и радостей міра и теперь, какъ страдающій демонъ, летаетъ надъ этой грязной землей и съ горькимъ смѣхомъ указываетъ на ея ничтожество. Онъ несчастенъ, онъ гораздо несчастнѣе Вертера, но его несчастье внушаетъ зависть: всѣмъ хочется быть такими несчастными, чтобы стоять выше міра; человѣку пріятно возбуждать состраданіе другихъ, если только оно соединяется съ удивленіемъ. Гарольдъ по природѣ умный, сильный и хорошій человѣкъ: онъ любитъ добро и ненавидитъ зло; но онъ слишкомъ впечатлителенъ, требователенъ и нетерпѣливъ: онъ страдаетъ оттого, что ни въ себѣ, ни въ своихъ современникахъ не видитъ добра въ безподмѣсной чистотѣ; надъ зломъ и пошлостью онъ смѣется, какъ позднѣе говоритъ самъ Байронъ, только для того, чтобы не плакать. Разочарованность Гарольда въ двухъ первыхъ пѣсняхъ несомнѣнно имѣетъ въ себѣ нѣчто театральное, преувеличенное. Это разочарованность юноши, который еще очень мало знаетъ жизнь и не испыталъ въ ней никакихъ глубокихъ огорченій. Но въ этой преждевременной разочарованности чувствуется такая энергія, такой аристократизмъ, если можно такъ выразиться, ума и души, что театральное преувеличеніе не производитъ впечатлѣнія фальши. Небывалая за послѣднее время энергія стиха, смѣлость мысли и оригинальность міросозерцанія способствовали огромному успѣху поэмы.

Изданіе было распродано въ нѣсколько недѣль, и Байронъ сразу сдѣлался знаменитостью не только литературной, но и свѣтской. Все то, что отталкивало людей

отъ прокутившагося молодого лорда, стало привлекательнымъ въ великомъ поэтѣ и смѣлолиберальномъ писателѣ. Принцъ-регентъ, первый джентельменъ Европы, какъ тогда его называли, самъ изъявилъ желаніе познакомиться съ Байрономъ, и того засыпали приглашеніями въ аристократическіе салоны, въ которые нѣсколько недѣль назадъ его бы не пустили на порогъ; и Байронъ, самолюбивый съ дѣтства, воспользовался своимъ успѣхомъ въ полной мѣрѣ и былъ лондонскимъ львомъ, въ такой степени гордымъ и самомнительнымъ, что немногіе друзья его юности были готовы обвинить его въ пустотѣ и тщеславіи. Но онъ былъ гордъ только съ тѣми, кто его прежде знать не хотѣлъ; съ своими старыми друзьями онъ оставался такимъ же простымъ, откровеннымъ, и такъ-называемый „свѣтъ" ни въ чемъ не заставилъ его покориться себѣ. Байронъ, какъ и нашъ Пушкинъ, дѣлалъ видъ, что вовсе не дорожитъ своимъ литературнымъ успѣхомъ, но на самомъ дѣлѣ цѣнилъ его очень высоко и при всѣхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ находилъ время работать съ лихорадочной поспѣшностью. Въ 1813 году выходитъ его поэма: „Гяуръ", выдержавшая 5 изданій, а вслѣдъ за ней „Абидосская невѣста". Въ той и въ другой онъ пользуется мотивами, привезенными имъ съ востока. Герои обѣихъ поэмъ имѣютъ много общаго съ Гарольдомъ; различіе въ положеніяхъ. Гяуръ и Селимъ—восточные люди съ необыкновенно пылкими страстями. Они страдаютъ не столько отъ враждебныхъ обстоятельствъ, сколько отъ той трагичности, которую носятъ въ самихъ себѣ. Еще прежде, чѣмъ Гяуръ лишился своей возлюбленной,

„Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, а вдоль чела
Ужъ жизнь былая провела
Свои глубокія бразды".

Въ Абидосской невѣстѣ геніально набросанъ идеалъ скромной, беззавѣтно любящей женщины (Зюлейки), указывающій на то, что Байронъ въ это время, по крайней мѣрѣ, далеко не былъ разочарованъ въ человѣкѣ вообще; человѣка съ сердцемъ и сильными страстями онъ любитъ и уважаетъ. Но сѣверная любовь холодная, разсчетливая внушаетъ ему презрѣніе; его идеалъ на востокѣ, гдѣ люди живутъ непосредственнымъ чувствомъ, а не умомъ, и какъ любви, такъ и ненависти отдаются беззавѣтно. Мѣстному колориту въ обѣихъ поэмахъ Байронъ придаетъ огромное значеніе и изображаетъ востокъ и его жизнь со страстью и искусствомъ; но эта восточная жизнь и у него остается только декораціей, хотя и нарисованной рукой великаго художника. Обѣ поэмы бѣдны сюжетомъ, но богаты прекрасными описаніями, поразительно-красивыми сравненіями и сильными, точно вырубленными изъ мрамора, стихами. Въ примѣчаніяхъ Байрона сквозь напускной, пренебрежительный тонъ слышится довольство своими успѣхами и славой.

Въ началѣ 1814 г. является „Корсаръ", а въ 1815 г.—„Лара"; ихъ обыкновенно связываютъ такимъ образомъ, будто „Лара" есть продолженіе „Корсара". Для этого нѣтъ въ сущности ни внѣшняго, ни внутренняго основанія: „Корсаръ"—восточная поэма съ мѣстнымъ колоритомъ, въ „Ларѣ"—дѣйствіе происходитъ гдѣ-то на западѣ; „Корсаръ" полонъ преувеличеній, оторванъ отъ дѣйствительности, написанъ будто исключительно для юношей и дѣвицъ, наклонныхъ къ декламаціи. „Лара" гораздо серьезнѣе, обдуманнѣе и субъективнѣе. Герой, какъ и поэтъ, не любилъ блаженной середины и „лишь въ страстяхъ спасенія искалъ"; „Лара" какъ бы недоразвитой „Манфредъ". Его поведеніе на пиру Оттона даетъ программу дѣйствія салоннымъ героямъ отъ 1814 г. до 40-хъ годовъ и пожалуй даже далѣе, отъ Лондона и до любого губернскаго города Россіи включительно.

„Поднявъ чело, сложивши накрестъ руки,
И прислонясь къ колоннѣ, онъ взиралъ
На группы дамъ, на полный блеска залъ“.

Всѣ три послѣднія поэмы нарушаютъ самымъ рѣзкимъ образомъ основной законъ стараго искусства—ясность, но самыми своими недомолвками сильно возбуждаютъ воображеніе: прошлое Лары такъ и остается неизвѣстнымъ читателю. Это одна изъ характерныхъ особенностей романтизма, который ясность отождествлялъ почти съ пошлостью.

„Осада Коринѳа“, вышедшая въ томъ же 1815 г., страшно-кровавая и воинственная поэма; въ ней опять восточный колоритъ и даже съ пріуроченіемъ къ опредѣленному времени и историческому событію. Герой ея—измѣнникъ ренегатъ венеціанецъ, измѣну котораго поэтъ объясняетъ его честолюбіемъ и страданіями. Въ этой поэмѣ, какъ и въ значительно позднѣйшей „Шильонскій узникъ“, Байронъ развертываетъ всю силу своего творчества и своего анализа, чтобы изобразить ужаснѣйшія душевныя муки, которыя только можетъ испытывать человѣкъ. Всякій другой, даже первоклассный поэтъ, наскучилъ бы ими читателю, а Байронъ съумѣлъ въ нихъ внести разнообразіе и жизнь и приковываетъ къ себѣ вниманіе своимъ пластически-прекраснымъ стихомъ.

„Паризина“—одно изъ лучшихъ произведеній Байрона по своей граціи и энергіи; талантъ поэта здѣсь достигаетъ полнаго своего развитія, и онъ пріобрѣтаетъ способность объективироваться, входить въ чужое положеніе. Всѣ три дѣйствующія лица: жена, измѣнившая мужу, сынъ, лишившій чести отца, и отецъ убившій сына—всѣ правы по своему, и жизнь, въ которой возможны такія положенія, представляется чѣмъ-то ужаснымъ; примиряетъ съ нею только неизбѣжность смерти и сила человѣческаго духа.

Байронъ, въ такъ-называемой „свѣтской“ жизни, находилъ одно положительное удовольствіе—это увлеченія, интриги преимущественно съ замужними женщинами. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этомъ отношеніи онъ былъ менѣе виновенъ, нежели допускалъ про себя разсказывать, но все же у него было нѣсколько довольно громкихъ исторій, изъ которыхъ одна нашла себѣ литературное выраженіе въ извѣстномъ романѣ леди Лембъ „Гленарвонъ“ *). Утомленный интригами и разстроивъ еще болѣе свое состояніе свѣтской жизнью (въ это время онъ считалъ ниже своего достоинства пользоваться доходами со своихъ литературныхъ произведеній) Байронъ рѣшилъ жениться, чтобы, какъ онъ выражался, „зѣвать съ женой“, но при необходимомъ условіи, чтобы ея приданое поправило его средства. Онъ нашелъ подходящую, какъ ему казалось, дѣвушку въ Аннѣ-Изабеллѣ Мильбанкъ, дочери и единственной наслѣдницѣ шотландскаго баронета, дѣвушкѣ очень образованной и гордившейся своимъ образованіемъ. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе въ 1813 году, получилъ отказъ, но Анна Мильбанкъ сама изъявила желаніе вести съ нимъ переписку. Въ 1814 г. онъ возобновилъ предложеніе, и оно было принято. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ до свадьбы Байронъ находился въ самомъ розовомъ настроеніи духа, хотя и смѣялся надъ собой и желалъ скорѣйшаго окончанія всей этой процедуры. Во время самаго вѣнчанія (2-го января 1815 г.) невѣста была совершенно спокойна, а Байронъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ **). Медовый мѣ-

---

*) Леди Лембъ, изъ любви къ Байрону, едва не зарѣзалась; утомила его своею страстью и въ заключеніе изобразила его въ романѣ далеко не съ хорошей стороны.

**) Невольно напрашивается сравненіе въ этомъ пунктѣ между Байрономъ и Пушкинымъ, и сравненіе не въ пользу перваго; Пушкинъ также въ юности жилъ интригами,

сяцъ супруги провели въ имѣніи родителей леди Байронъ. Отецъ ея былъ человѣкъ повидимому добрый, но ограниченный, всецѣло находившійся подъ вліяніемъ своей энергичной и самомнительной жены. Поэтъ отчаянно скучалъ въ ихъ обществѣ, но повидимому искренно привязался къ женѣ своей. По дорогѣ въ Лондонъ супруги заѣхали къ сестрѣ Байрона, Августѣ, и леди Байронъ повидимому искренно привязалась и подружилась съ этой единственной близкой родственницей своего мужа. Въ Лондонѣ супруги стали вести жизнь, къ которой леди Байронъ была совсѣмъ не подготовлена, жизнь свѣтскую, но безалаберную и неправильную. Леди Байронъ оказалась довольно ревнива, и хотя мужъ ея въ это время не подавалъ ей поводовъ къ ревности, но слава его была слишкомъ извѣстна ей, а образъ жизни поэта не могъ быть ручательствомъ за будущее. Вслѣдствіе безалаберности Байрона приданое жены не поправило его дѣлъ, и ихъ мебель нѣсколько разъ описывалась за долги. Поэтъ вовсе не хотѣлъ передъ женой показывать себя лучше, чѣмъ онъ былъ; напротивъ, какъ будто желалъ очернить себя въ ея глазахъ и давалъ иногда волю своей страшной вспыльчивости. Но въ общемъ ихъ бракъ не могъ назваться несчастливымъ; къ концу года у нихъ родилась дочь Ада, которая была бы должна еще болѣе скрѣпить ихъ союзъ. Отчасти, чтобы отдохнуть въ деревнѣ послѣ болѣзни, отчасти, чтобы сократить расходы мужу, леди Байронъ уѣхала къ родителямъ вмѣстѣ съ ребенкомъ и съ дороги писала мужу письма, исполненныя любви и ласки. Но черезъ нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда домой, Байронъ получаетъ письмо отъ тестя, въ которомъ тотъ предлагаетъ ему согласиться на разводъ, такъ какъ жена не намѣрена возвращаться къ нему. Крайне удивленный этимъ, Байронъ пожелалъ получить извѣщеніе отъ самой жены и получилъ его еще съ угрозою, что въ случаѣ его несогласія онъ подвергнется большимъ непріятностямъ и съ явными намеками, что она считаетъ его психически больнымъ *).

Байронъ согласился на разводъ и съ тѣхъ поръ никогда не видалъ ни жены, ни ребенка. Позднѣе сторонники леди Байронъ увѣряли, будто леди Байронъ уѣзжала отъ мужа съ намѣреніемъ не возвращаться къ нему вслѣдствіе его ужаснаго поведенія, а ласковыя письма писала только для того, чтобы его успокоить. За Байрономъ водились какіе-то такіе пороки, что совмѣстная жизнь супруговъ была рѣшительно невозможна, и Байронъ только потому и согласился такъ легко на разводъ, что зналъ свою вину. Много лѣтъ спустя послѣ смерти Байрона и даже послѣ смерти леди Байронъ (та умерла въ 1860 г.) извѣстная романистка Бичеръ-Стоу взяла на себя неблагодарную задачу объяснить потомству это дѣло. Въ 1869 г. она заявила печатно, что во время пребыванія въ Англіи она сблизилась съ леди Байронъ и отъ нея узнала ужасную тайну: Байронъ будто бы былъ еще до женитьбы въ связи съ своей сестрой и только для

но увлекался повидимому искреннѣе Байрона и не высказывалъ такихъ „турецкихъ" воззрѣній, какъ его поэтическій прототипъ. Онъ тоже почувствовалъ въ извѣстные годы потребность къ семейной жизни, но не стремился „зѣвать съ женой", и женился не по разсчету, а изъ искренняго увлеченія; онъ не стыдился своей радости, когда Гончарова изъявила свое согласіе, а напротивъ, высказывалъ ее открыто и, вдохновленный счастіемъ работалъ, какъ никогда прежде.

*) Нѣкоторыя мѣста дневника Байрона и свидѣтельства благорасположенныхъ къ нему людей, напр. В. Скотта, показываютъ, что Байронъ часто подвергался припадкамъ безпричинной тоски и раздражительности, во время которыхъ его всего лучше было оставлять въ покоѣ. Но отсюда еще очень далеко до сумасшествія.

того и женился, чтобы прикрыть этотъ грѣхъ. Это обвиненіе есть чистая клевета уже по одному тому, что леди Байронъ была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Августой Лей, вѣрной, любящей женой, матерью многочисленнаго семейства. Гнусная сплетня, если только вдова поэта сколько-нибудь виновна въ ней, показываетъ, что умственныя способности самой леди Байронъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ, подъ старость были ненормальны. Дѣло, повидимому, объясняется несходствомъ привычекъ и убѣжденій супруговъ, а его печальный исходъ—безхарактерностью леди Байронъ: пока она была съ мужемъ, она мирилась съ этимъ несходствомъ и прощала слабости геніальнаго человѣка, а когда она разсказала отцу и въ особенности матери о своей „горькой“ жизни, тѣ пришли въ такой ужасъ, что она и сама убѣдилась, будто не можетъ долѣе жить съ мужемъ. А что Байронъ не пожелалъ вести скандальнаго процесса, удовлетворительно объясняется его вполнѣ законнымъ самолюбіемъ.

Какъ бы то ни было, но супруги разошлись, и Байронъ остался одинъ на свѣтѣ. Его многочисленные враги воспользовались его несчастьемъ и начали рвать на части его доброе имя съ необыкновенной настойчивостью. Многіе газеты и журналы открыли даже особый отдѣлъ, гдѣ печатались всевозможныя инсинуаціи противъ Байрона. Литературные староверы, писатели, оскорбленные его аристократическимъ отношеніемъ къ литературѣ, свѣтскіе молодые люди, бывшіе его несчастными соперниками, покинутыя имъ любовницы и т. д., всѣ соединились противъ него. Ихъ поддерживало такъ-называемое общественное мнѣніе, кодексъ котораго безжалостно нарушалъ и презиралъ Байронъ. Уже съ первыхъ шаговъ его выступленія на литературное поприще въ сатирѣ и первыхъ пѣсняхъ Чайльдъ-Гарольда англійскія „приличія“ чувствовали себя глубоко оскорбленными; но пока Байронъ былъ побѣдителемъ въ жизненной борьбѣ, это общественное мнѣніе только въ тихомолку шипѣло на него; теперь же оно подняло грозный, единодушный вой, причемъ съ наивной злобою переносило на него всѣ тѣ преступленія, которыя онъ приписывалъ своимъ героямъ. Люди, которые такъ возстаютъ противъ общества, могутъ существовать въ немъ только подъ условіемъ постоянныхъ успѣховъ; одна неудача, которая для другого не значила бы ровно ничего, или очень мало, для нихъ превращается въ своего рода Ватерлоо. Общество отвернулось отъ Байрона. Въ театрѣ публика шикала при его появленіи; на улицѣ мальчишки свистали вслѣдъ ему и кидали въ него грязью. Онъ не могъ больше оставаться въ Англіи и покинулъ ее навсегда въ 1816 году.

Насколько мало было правды въ ужасныхъ обвиненіяхъ на Байрона, ясно, между прочимъ, доказываютъ его отношенія къ В. Скотту. Байронъ жестоко и несправедливо отзывавшійся о немъ въ своей сатирѣ, въ эпоху своей славы черезъ общаго ихъ издателя Муррея самъ же протянулъ ему руку примиренія; между ними началась дружеская переписка, а потомъ состоялось и личное знакомство, скоро обратившееся въ дружбу, которая продолжалась до самой смерти Байрона. Скоттъ былъ настолько нравственно чистый человѣкъ и безукоризненный джентельменъ, что онъ не могъ бы быть въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ соперникомъ и побѣдителемъ, еслибы была справедлива десятая доля того, что разсказывали о Байронѣ.

Байронъ отправился на континентъ съ тремя лакеями и докторомъ, въ каретѣ, особо для него устроенной, вмѣщавшей въ себѣ небольшую библіотеку и буфетъ; осмотрѣвъ поле битвы при Ватерлоо; черезъ Бельгію и Германію онъ проѣхалъ въ Швейцарію; по дорогѣ онъ окончилъ третью пѣснь Чайльдъ-Гарольда, въ которой юношеская, отчасти напускная разочарованность уступила мѣсто глубокому, вполнѣ искреннему отчаянію, такъ какъ теперь поэтъ презиралъ жизнь

и ея радости, уже изведавъ ихъ вполнѣ и на дѣлѣ, а не только въ мечтахъ; теперь господствующее въ душѣ его чувство есть дѣйствительно міровая скорбь, сконцентрированная въ одномъ человѣкѣ, у котораго изъ всѣхъ увлеченій и радостей жизни осталась только любовь къ свободѣ и отчасти къ поэзіи *). Насколько важна была для него семья, которой обстоятельства лишили его, видно изъ глубоко прочувствованныхъ строфъ къ дочери; обращеніемъ къ ней онъ начинаетъ и оканчиваетъ эту третью пѣснь. Но Байронъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы „жить одному, весь міръ забыть", какъ онъ мечталъ въ Гарольдѣ, и слишкомъ любилъ жизнь и людей, чтобы навсегда уйти въ мрачную мизантропію. Въ Женевѣ онъ познакомился съ Шелли, молодымъ многообѣщающимъ поэтомъ, и они скоро сошлись настолько, какъ Байронъ едвали съ кѣмъ до сихъ поръ сходился, кромѣ немногихъ друзей своей юности. Вмѣстѣ съ Шелли Байронъ посѣтилъ Шильонскій зàмокъ, который вдохновилъ его написать Шильонскаго узника, одно изъ самыхъ законченныхъ и объективныхъ произведеній Байрона **). Вмѣстѣ любовались поэты на альпійскія горы, на Юнгфрау, которую Байронъ избралъ мѣстомъ дѣйствія своей лирической драмы: „Манфредъ". Наплывъ англичанъ, смотрѣвшихъ на Байрона какъ на какое-то чудовище, и строгость протестантскихъ женевскихъ нравовъ принудили его уѣхать въ Италію. Побывавъ въ Миланѣ, гдѣ онъ сошелся съ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ французскихъ писателей Анри Бейлемъ-Стендалемъ, Байронъ отправился въ Венецію и рѣшился поселиться въ этомъ оригинальномъ и веселомъ городѣ, который отъ прежней своей славы унаслѣдовалъ только аристократическую гордость и распутство. Байронъ велъ тамъ жизнь далеко не нравственную, но то, что разсказывали про его жизнь, конечно, далеко превосходило дѣйствительность; толки чопорныхъ англичанъ объ этой безнравственности только доставляли ему удовольствіе; венеціанское аристократическое общество очень охотно приняло его въ свою среду, и онъ игралъ въ немъ почти такую же роль, какъ въ Лондонѣ до женитьбы. Но любовныя интриги и свѣтскія развлеченія не поглощали всего Байрона; онъ много читалъ и думалъ, выучился по-итальянски; каждый день отправлялся на островъ въ монастырь св. Лазаря, чтобы учиться по-армянски и серьезно занялся изученіемъ исторіи Венеціи, которая позднѣе дала ему матерьялъ для его двухъ знаменитыхъ трагедій. Здѣсь же въ Венеціи окончилъ онъ „Манфреда", свое первое произведеніе въ драматической формѣ. „Манфредъ" одно изъ самыхъ задушевныхъ твореній Байрона, хотя самъ поэтъ отзывался о немъ довольно презрительно ***). Здѣсь тотъ же характеръ, который мы видѣли до сихъ поръ чаще всего подъ расшитой курткой восточнаго разбойника, подъ вліяніемъ Фауста Гёте поставленъ въ условія свыше человѣческія. Манфредъ не боится духовъ, а подчиняетъ ихъ себѣ; самъ адъ не имѣетъ надъ нимъ власти. Вѣчный страдалецъ,

---

*) Быть можетъ пѣсня дастъ забвенье,
Наполнитъ сердца пустоту, (говоритъ онъ самъ о себѣ).

**) Герой поэмы, Франсуа де Бонниваръ, мученикъ за свободу Женевы, род. въ 1496 г., сидѣлъ въ Шильонскомъ зàмкѣ отъ 1530—1536 г., ум. около 1570 г. Поэма Байрона художественно переведена Жуковскимъ.

***) Вотъ какъ онъ пишетъ о Манфредѣ своему издателю Муррею 15 февр. 1817 г.: „Пьеса въ 3-хъ актахъ, но содержаніе ея неопредѣленное, метафизическое, необъяснимое. Кромѣ 2-хъ или 3-хъ лицъ всѣ прочія духи земли, воздуха или воды; герой что-то въ родѣ мага, волнуемый разными страданіями, которыхъ причина оставлена въ полутуманѣ.. Отъ васъ будетъ зависѣть, бросить ее въ огонь или не бросить".

вносящій одни только страданія и въ жизнь другихъ, Манфредъ стоитъ выше всѣхъ человѣческихъ желаній и страховъ; онъ величественнѣй Фауста, но за то менѣе человѣченъ, чѣмъ нѣмецкій докторъ, и сцены, въ которыхъ развивается сюжетъ, несравненно менѣе жизненны и пластичны: онѣ написаны только ради одной идеи, воплощенной въ героѣ.

Разстроивъ свое здоровье безсонными ночами и работой, Байронъ уѣхалъ отдохнуть въ Римъ, гдѣ художникъ Торвальдсенъ сдѣлалъ съ него знаменитый бюстъ; потомъ черезъ Феррару, гдѣ написалъ „Жалобу Тассо", снова вернулся въ Венецію и гдѣ на этотъ разъ устроилъ свою жизнь нѣсколько иначе: онъ сталъ избѣгать аристократическихъ знакомствъ и интригъ и изучалъ жизнь народную.

Роль донны di governo при немъ играла въ это время жена одного булочника, красивая, но рѣзкая и грубая итальянка, отъ которой онъ потомъ на силу отдѣлался. Брандесъ справедливо замѣчаетъ, что это погруженіе въ волны народной жизни принесло пользу его таланту; онъ вылѣчился отъ крайняго субъективизма и сталъ болѣе реалистомъ, чѣмъ прежде, о чемъ свидѣтельствуетъ его извѣстная поэма „Беппо" (1817 г.) *), вдохновившая Пушкина къ „графу Нулину" и „Домику въ Коломнѣ". Но тогда друзья Байрона не могли предвидѣть этихъ благихъ послѣдствій и ужасались, видя, какъ онъ губитъ свой талантъ среди грязныхъ удовольствій, и уговаривали его съѣздить въ Англію хотя на время для устройства своихъ дѣлъ. Но Байронъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ и скоро порвалъ съ Англіей навсегда, продавши свой родовой зáмокъ **).

Отъ венеціанской безобразной жизни Байрона спасла серьезная страсть къ графинѣ Терезѣ Гвиччіоли. Урожденная графиня Гамба, она была выдана замужъ 15-ти лѣтъ за 60-ти-лѣтняго вдовца. Ей было 16 лѣтъ, когда она встрѣтилась съ Байрономъ, и она по справедливости считалась одной изъ первыхъ красавицъ Италіи. Познакомившись въ обществѣ, они съ перваго взгляда поняли, что созданы другъ для друга. Послѣ нѣсколькихъ свиданій графиня до того привязалась къ Байрону, что когда мужъ увезъ ее въ Равенну, она исхудала отъ тоски, начала кашлять кровью и чуть не умерла; когда Байронъ узналъ объ этомъ, онъ поспѣшилъ въ Равенну, и графиня скоро выздоровѣла. Послѣ многихъ перепетій дѣло кончилось тѣмъ, что графиня разошлась съ мужемъ и поселилась у своихъ родныхъ и съ Байрономъ жила почти открыто. Графиня Г., самая продолжительная и послѣдняя любовь Байрона, имѣла чрезвычайно благотворное вліяніе на него самого и на его талантъ; получивъ образованіе чисто-итальянское (она совсѣмъ не знала математики и ни слова не понимала по-англійски, но знала наизусть „Божественную комедію" и интересовалась итальянской политикой), она могла не только понимать, но даже направлять Байрона поэта, упрашивала хоть для нея не писать ничего скабрезнаго и относиться съ уваженіемъ ко всему истинно-высокому. Подъ ея вліяніемъ Байронъ сталъ серьезно изучать итальянскую поэзію, переводить Данта и др. и писать трагедіи изъ итальянской исторіи. Только въ ея обществѣ узналъ Байронъ всю силу самоотверженной женской любви, и съ этихъ поръ въ его произведеніяхъ постоянно повторяется идеальный, кроткій, глубоколюбящій, и въ то же время величавый женскій характеръ. Италія съ этихъ поръ стала для Байрона отечествомъ, а семья Гамба—его собственной семьей. Остановимся здѣсь не надолго, чтобы сказать о произведеніяхъ Байрона, написанныхъ имъ въ итальянскій періодъ его жизни. Беппо, какъ сказано выше, на-

*) Лучшій переводъ Козлова въ Русск. Обозр. Окт. 1890 г.

**) Но около этого же времени Байронъ написалъ IV пѣснь Гайльдъ-Гарольда, гдѣ съ такой силою и искренностью высказываетъ свою любовь къ родинѣ, см. гл. IX и X.

писанъ въ Венеціи до встрѣчи Байрона съ графиней Гвиччіоли. Поэма полна жизни и венеціанской, немного распущенной веселости. Съ изящной легкостью ея шутокъ и лирическихъ отступленій не могутъ сравняться ни Пульчи, ни Аріосто; силою таланта Байронъ является въ ней больше романцемъ, чѣмъ сами остроумные и легкомысленные сыны Италіи. Поэтъ играетъ рифмами и образами, какъ черкесъ своимъ смертоноснымъ оружіемъ во время джигитовки. По манерѣ, „Беппо" есть какъ бы этюдъ къ Донъ-Жуану.

„Мазепа" написанъ осенью 1818 году въ Равеннѣ и составленъ, какъ извѣстно, по исторіи Карла XII Вольтера *). Это одно изъ лучшихъ объективныхъ произведеній Байрона; какъ бы волшебствомъ читатель переносится въ безконечныя степи Украйны, въ ночной станъ бѣглецовъ на берегу Дуная. Мазепа также мало имѣетъ общаго съ Байрономъ, какъ и любовникъ венеціанской купчихи въ „Беппо", тѣмъ не менѣе поэмы связаны единствомъ міровоззрѣнія, которое можно формулировать такъ: все на свѣтѣ вздоръ, начиная отъ измѣны жены до потери генеральнаго сраженія. Веселье смѣняется горемъ, которое можно обратить въ шутку, а страданія и горе чередуются съ успѣхомъ и славой. Разсказъ стараго гетмана прекрасно мотивированъ словами:

„О чтобъ ту школу чертъ побралъ,
Гдѣ научился ѣздить я!"

и прекрасно обставленъ до заключительныхъ словъ: „Король спасибо не сказалъ, за тѣмъ, что ужъ давно онъ спалъ". Здѣсь передъ нами не нравственныя страданія героя, а физическія; мѣстный колоритъ соблюденъ поразительно вѣрно; особенно хороша та ужасающая скромность, съ которой Мазепа говоритъ о своемъ мщеніи.

Трагедія „Марино Фальеро" написана и напечатана въ 1820 г., но задумана значительно раньше, во время пребыванія въ Венеціи. Это одно изъ самыхъ отдѣланныхъ произведеній Байрона. Трагедія на сценѣ имѣла успѣхъ сомнительный, а между тѣмъ, помимо своихъ длиннотъ, это, можетъ быть, самое драматическое произведеніе первой половины XIX-го вѣка. Единство мѣста соблюдено не строго, а единство времени до извѣстной степени оправдывается исторіей. Фактъ самъ по себѣ очень драматиченъ: старикъ аристократъ, всю жизнь вѣрно прослужившій Венеціи и наконецъ ставшій ея государемъ, дѣлается измѣнникомъ, составляетъ заговоръ для низверженія того порядка вещей, во главѣ котораго стоитъ онъ, и подвергается позорной казни на ступеняхъ своего собственнаго дворца. Характеры дѣйствующихъ лицъ до второстепенныхъ заговорщиковъ и благодушнаго измѣнника Бертрама — всѣ какъ отлитые; злодѣя нѣтъ ни одного: всякій правъ съ своей точки зрѣнія; даже самъ Стено своимъ глубокимъ раскаяніемъ примѣряетъ съ собою зрителя. Лучше всѣхъ самъ дожъ и жена его догаресса Анджолина; по величію характера она скорѣй древняя римлянка, чѣмъ венеціанка, а между тѣмъ твердость ея воли и строгость ея принциповъ не переходитъ въ суровость; даже въ ея уничтожающей рѣчи, обращенной къ Стено, слышна гуманность и несокрушимое благородство духа. Старый дожъ въ одина-

*) У Вольтера сказано: Le cheval qui était du pays de l'Oukraine y retourna et y porta Mazeppa, demimort de fatigue et de faim. Байронъ отъ себя усилилъ краски.

ковой степени руководится и личнымъ мщеніемъ и стремленіемъ къ общественному благу; онъ самъ не въ состояніи отдѣлить одинъ мотивъ отъ другого. Мистерія „Небо и Земля" написана въ Равеннѣ въ октябрѣ 1821 г. Въ основѣ ея извѣстный стихъ изъ книги Бытія о любви сыновъ Божіихъ къ прекраснымъ дочерямъ человѣческимъ. Сопоставлены два женскихъ характера: сильная, гордая, смѣлая внучка Каина Аголибама и кроткая, женственная Ана; при различіи ихъ натуръ судьба ихъ одинакова. Онѣ отказываются спастись отъ потопа:

„Подлъ, кто погибель родимаго племени видитъ
И остается одинъ и живетъ",

говоритъ Аголибама. Іафетъ—герой любви и гуманности, страдающій за все человѣчество. Ной и Симъ только слѣпые исполнители верховной воли, счастливые въ своемъ смиренномъ эгоизмѣ.

Тамъ же въ Равеннѣ и въ томъ же году написанъ „Сарданапалъ", полный такого же драматизма, какъ и Фальеро, но гораздо болѣе оригинальный по мысли. Поэтъ рѣшилъ необыкновенно трудную задачу: составить цѣльный поэтическій характеръ изъ двухъ черточекъ, которыя сообщаетъ преданіе объ ассирійскомъ царѣ. Что знаемъ мы о Сарданапалѣ? Что онъ всю жизнь свою наслаждался пирами и гаремомъ, а когда былъ окруженъ врагами, дрался храбро и погибъ на кострѣ со своими женами. Что можетъ быть непоэтичнѣе такого восточнаго деспота и для какой драмы кромѣ, такъ называемаго, государственнаго дѣйствія XVII-го вѣка могло дать сюжетъ такое преданіе? Творческимъ прозрѣніемъ Байронъ создалъ изъ Сарданапала общечеловѣческаго героя. Это царственный эпикуреецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. „Живи и жить давай другимъ", его принципъ. Сарданапалъ по волѣ судьбы—восточный деспотъ, а по натурѣ—герой свободы; онъ никого не стѣсняетъ, но не терпитъ стѣсненія для себя; это самъ Байронъ, защищающій передъ современниками и потомствомъ свою венеціанскую жизнь:

„Я вѣчно ненавидѣлъ малѣйшее подобіе цѣпей
И для себя и для другихъ",

говоритъ Сарданапалъ. А между тѣмъ онъ не можетъ жить такъ, какъ хочетъ; его друзья мучатъ его упреками, его враги: грубый солдатъ Арбакъ и хитрый жрецъ Белезисъ, составляютъ противъ него заговоръ, чтобы низвергнуть его съ престола, какъ недостойнаго; но тогда-то, въ виду опасности, Сарданапалъ становится героемъ въ общемъ и обыденномъ значеніи слова, и показываетъ, что его прежняя жизнь не есть проявленіе слабости, а напротивъ оригинальной силы. Проявивъ высокую гуманность въ заботѣ о тѣхъ, кто остался ему вѣренъ, онъ восходитъ на костеръ, какъ на тронъ. Внѣ своей внутренней силы Сарданапалъ находитъ поддержку у гречанки Мирры, преданная, восторженная любовь которой сильно напоминаетъ отношеніе графини Гвиччіоли къ поэту. Вообще въ этой трагедіи много автобіографическаго: внутренняя борьба Сарданапала между уваженіемъ къ женѣ и любовью къ Миррѣ есть результатъ воспоминаній поэта о леди Байронъ. Важна въ біографическомъ отношеніи апоѳеоза Греціи, въ которой уже тогда началось возстаніе. Интересно противорѣчіе между посвященіемъ этой драмы создателю нѣмецкой литературы Гете „отъ его литературнаго вассала" и предисловіемъ, гдѣ Байронъ доказываетъ, что теорія трехъ единствъ не отжила и никогда не отживетъ.

Трагедія „Двое Фоскари" *) тоже взята изъ венеціанской исторіи. Это одна

*) Написана въ Равеннѣ между 11 іюня и 10 іюля 1821 г.; напечатана вмѣстѣ съ Сарданапаломъ въ декабрѣ того же года.

изъ слабѣйшихъ драмъ Байрона и по замыслу, и по обработкѣ; въ ней много реторики, и безумно экзальтированная любовь къ отечеству—идея слишкомъ исключительная, чтобы быть драматичной; въ ней только одна свѣтлая, живая личность—это Марина Фоскари.

„Преображенный уродъ" *) (Deformed Transformed), какъ замѣтилъ еще Пушкинъ **), есть подражаніе Фаусту Гете ***). Это какъ бы поправка или дополненіе къ Манфреду: здѣсь гетевская идея не повышена въ небесныя сферы, какъ въ Манфредѣ, а напротивъ, понижена въ мелочи жизни. Байроновскій Мефистофель-Цезарь владѣетъ несравненно большей силой ироніи, нежели его прототипъ; въ немъ нѣтъ и слѣдовъ благодушія нѣмецкаго черта, какъ и во всей пьесѣ, къ сожалѣнію, не конченной, нѣтъ никакихъ слѣдовъ наивной кукольной комедіи или старонѣмецкой повѣсти: здѣсь сатана не требуетъ росписки кровью и не боится креста; онъ слишкомъ глубоко презираетъ людей, чтобы обманывать и мучить ихъ. За то въ пьесѣ Байрона мало жизни и конкретности, и мысль слишкомъ перевѣшиваетъ образы.

„Каинъ" ****) тоже мистерія, какъ и „Земля и Небо", которая служитъ для Каина какъ бы этюдомъ: въ обѣихъ пьесахъ смѣлая человѣческая личность противупоставляется смиреннымъ рабамъ верховной воли. Поэтъ взялъ на себя трудную задачу: онъ дѣлаетъ героя, защитника свободы и мученника за человѣчество изъ перваго убійцы и завистника; у него Каинъ — первый человѣкъ, достойный этого имени, человѣкъ съ пытливымъ умомъ, неукротимой душой и пылкой ненавистью къ неправдѣ; убійство произведено имъ подъ вліяніемъ аффекта и безъ сознанія; оно искупается его готовностью пожертвовать собою, чтобъ воскресить Авеля, и его страданіями. Ада, сестра и жена Каина,—идеалъ женщины, какъ понималъ его Байронъ и какъ научилъ понимать рядъ послѣдующихъ поколѣній: преданная до самозабвенія любимому человѣку, она сознаетъ его недостатки и ошибки, но все же не перестаетъ любить его; чѣмъ онъ несчастный, тѣмъ болѣе прочную опору находитъ онъ въ ней; но любовь не дѣлаетъ ее рабой мужа и не лишаетъ ее самостоятельности мысли и чувства.

Трагедія „Вернеръ" (написана въ Пизѣ, въ 1822 г.)—самая слабая пьеса Байрона: судя по плохой обработкѣ, она не нравилась и самому автору *****). Въ ней есть нѣсколько десятковъ байроновскихъ строкъ, но въ общемъ это трагедія интриги, возникшая чуть ли не единственно изъ желанія написать драму изъ нѣмецкой исторіи и спеціально изъ исторіи тридцатилѣтней войны, общеинтересной послѣ шиллерова Валленштейна. Въ трагедіи не соблюдены единства.

Поэма „Островъ или Христіанъ и его товарищи" ******) во многомъ напоминаетъ юношескія поэмы Байрона, особенно Корсара; но въ ней вмѣсто театрально-красивыхъ разбойниковъ Средиземнаго моря дѣйствуютъ бѣглые англійскіе матросы; интересна удачная попытка воспроизвести „мѣстный колоритъ" такой далекой и малоизвѣстной мѣстности, какъ Отаитскіе острова. Блестящій стихъ и описанія, превосходныя даже по сравненію съ описаніями „Корсара" и „Лары", показываютъ, как Байронъ совершенствовался въ техническомъ отношеніи.

*) Начата въ Пизѣ въ 1821 г.; изд. въ 1824.

**) V, 50.

***) На это указалъ и самъ Б., назвавшій пьесу, надъ которой онъ работалъ, въ разговорѣ съ Шелли: a faustish kind of drama.

****) Начатъ въ Равеннѣ 16 іюля 1821 г., оконч. 9 сентября.

*****) А между тѣмъ это единственная драма Байрона, имѣвшая успѣхъ на англійской сценѣ.

******) Написана въ Генуѣ, въ 1823 г.

„Донъ-Жуанъ“ *), самая большая поэма Байрона и, безъ сомнѣнія, самое задушевное его произведеніе; онъ писалъ его цѣлыя шесть лѣтъ, и даже усердныя просьбы граф. Гвичіоли, которой не нравилась фривольность Донъ-Жуана, не могли отклонить его отъ этой излюбленной работы. Испанской сагѣ Байронъ одолженъ очень немногимъ: онъ беретъ изъ нея только имя и тотъ фактъ, что Донъ-Жуанъ любилъ многихъ женщинъ; его герой не имѣетъ ничего общаго съ полусатанинскими фигурами многочисленныхъ его предшественниковъ: онъ скромный добрый юноша, очень привязчивый и впечатлительный, иногда наивный, иногда лукавый; его приключенія въ разныхъ странахъ Европы представляютъ только внѣшнюю связь для длиннаго ряда картинъ и характеровъ, по поводу которыхъ авторъ выражаетъ свои чувства и мысли. Талантъ Байрона въ этой поэмѣ достигаетъ полной зрѣлости, и въ ней какъ бы подводятся итоги всей его дѣятельности. Злыя выходки противъ личныхъ враговъ и неблагодарнаго отечества, поразительная наблюдательность и тонкость ощущеній, глубина мысли, доходящая до парадоксовъ, трагическое міросозерцаніе Манфреда и Каина, реализмъ и чувственная веселость Беппо, все здѣсь соединяется вмѣстѣ и все сводится къ геніальному выраженію безотраднаго пессимизма. Въ Донъ-Жуанѣ на видъ все красиво: и самъ онъ, и его возлюбленныя и пестрая жизнь, радостями которой такъ полно наслаждается герой; но вотъ поэтъ прикасается къ этому прекрасному міру, имъ же созданному, своей волшебной палочкой, занавѣсъ падаетъ, и вмѣсто юныхъ красавцевъ передъ нами отвратительные скелеты, фальшь, пошлость, грязь эгоизма; передъ нами тотъ человѣкъ-звѣрь, котораго Байронъ такъ любилъ сравнивать съ собакой къ невыгодѣ „царя природы“.

Всего ужаснѣе то, что теперь поэтъ, повидимому, не возмущается этимъ противорѣчіемъ между прекрасной формой и грязнымъ содержаніемъ, а только смѣется надъ обманутыми неопытными идеалистами. Донна Юлія, героиня первой любви Жуана, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина: она кротка и благочестива, свято исполняетъ весь уставъ общепринятой морали, безусловно вѣрна своему старому мужу. Но вотъ судьба сводитъ ее съ красивымъ юношей; она будто борется съ собой, будто укрощаетъ зародившееся чувство, а на самомъ дѣлѣ обманываетъ самое себя и только разжигаетъ свою страсть... Мужъ засталъ ее на мѣстѣ преступленія, но ей удалось ловко спрятать любовника, и она осыпаетъ мужа нескончаемыми ядовитыми упреками и бранью. Оказывается, что у этой цѣломудренной аристократки нѣтъ ни капли ни стыда, ни совѣсти. Но поэтъ повидимому оправдываетъ ее и снова возвышаетъ ее въ нашихъ глазахъ знаменитымъ письмомъ. Что же дѣлать! Вѣдь она живая женщина! Ея юный любовникъ принужденъ уѣхать: слезами обливаетъ онъ ея прощальное посланіе и клянется себѣ жить однимъ прошлымъ. Но на кораблѣ начинается качка, и Донъ-Жуанъ въ припадкѣ морской болѣзни бросаетъ письмо, спѣшитъ въ каюту и при первой возможности измѣняетъ Юліи, какъ позднѣе измѣняетъ и всѣмъ остальнымъ своимъ любовницамъ. Кто же осудитъ его? Вѣдь онъ только живой человѣкъ! Реальновѣрное воспроизведеніе самыхъ интересныхъ, самыхъ величественныхъ сторонъ жизни, поразительное разнообразіе картинъ, типовъ и характеровъ, вся эта небывалая роскошь ума и фантазіи служитъ, повидимому, только для того, чтобы облить ядомъ цинизма и скептицизма всѣ наши иллюзіи, всѣ наши идеалы, „разрушить міръ“, по выраженію Гете, безъ возможности замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. Печальное завершеніе блестящей литературной карьеры!

Но это только **повидимому**: поэтъ долженъ сознаться намъ, что онъ смѣется

*) 1-я пѣснь окончена 19 сентября 1818 г.

только для того, чтобы не плакать *). Горе человѣческой жизни глубоко волнуетъ его душу; онъ становится страдальцемъ, искупительной жертвой за міръ, и его „міровая скорбь" миритъ насъ съ человѣкомъ. Срывая маску съ фальшиво-возвышенныхъ чувствъ, Байронъ никогда не клевещетъ на человѣка; а печальная истина лучше радостной лжи.

Послѣднія пѣсни Донъ-Жуана значительно слабѣе первыхъ; Байронъ повторяется, безъ нужды останавливается на подробностяхъ, и его остроуміе мѣстами бываетъ натянуто; но иначе и быть не могло: такого напряженнаго, остраго настроенія долго не могъ вынести никакой геній.

Возвращаемся къ біографіи Байрона. 20-ти-лѣтній братъ графини Пьетро Гамба, страстно преданный Байрону, ввелъ поэта въ общество карбонаріевъ, въ которыхъ Байронъ видѣлъ поэтовъ политики. Но увлекаясь этой поэзіей, Байронъ, какъ англичанинъ, не могъ не видѣть отрицательной стороны карбонаризма и вообще итальянской политики и временами возмущался этимъ. Преслѣдуемый полиціей, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Равенны въ Пизу, куда Гамбы уѣхали еще прежде него; тамъ онъ опять встрѣтился съ Шелли и вдвоемъ они задумали издавать журналъ въ Лондонѣ, но изъ этого предпріятія ничего не вышло; Шелли утонулъ; появились только 4 тетрадки, не имѣвшія успѣха ни въ Англіи, ни заграницей, и журналъ прекратился; для Байрона онъ былъ полезенъ только въ томъ отношеніи, что онъ напечаталъ въ немъ нѣсколько своихъ произведеній, которыя боялся печатать Муррей. Началось движеніе въ Греціи; Байронъ отнесся къ нему въ высшей степени сочувственно изъ любви къ народу, съ которымъ провелъ нѣсколько лучшихъ мѣсяцевъ жизни своей, и къ свободѣ. Онъ видѣлъ, что итальянцы еще не дозрѣли до нея, и власть австрійцевъ и туземныхъ тирановъ, конечно, была сноснѣе власти турокъ. Байронъ пришелъ къ заключенію, что можно сдѣлать для человѣчества „нѣчто лучшее, чѣмъ кропанье стиховъ". На самомъ же дѣлѣ онъ зналъ, что его имя именно вслѣдствіе этого „кропанья стиховъ" принесетъ огромную пользу дѣлу. Поводомъ послужило предложеніе лондонскаго комитета возстанія, которое Байронъ принялъ съ полной готовностью. 15 іюля 1823 г. Байронъ отправился изъ Генуи на мѣсто возстанія съ братомъ своей возлюбленной Пьетро Гамбой, съ цѣлой свитой слугъ, двумя пушками и всѣми своими наличными деньгами. Въ Ливорно, куда бригъ завернулъ на нѣсколько дней, Байронъ получилъ стихотвореніе отъ Гете и рекомендаціи къ Маврокордато и другимъ начальникамъ возстанія. Въ Кефалоніи Байронъ долженъ былъ найти члена комитета, который сообщилъ бы ему планъ дѣйствія, но ошибся въ ожиданіи и только потерялъ время. Напрасно посылалъ онъ своихъ людей отыскивать греческое правительство, чтобы отдать себя въ его распоряженіе; таковаго не оказывалось. Въ это время центръ возстанія былъ въ западной Греціи. Миссолунги были осаждаемы турками; туда пробрался Маврокордато и прислалъ бригъ за Байрономъ. Байронъ былъ настолько остороженъ, что отказался отъ брига, который легко могъ попасться въ руки туркамъ; свое золото и людей отправилъ подъ начальствомъ Гамбы на нанятомъ кораблѣ, а самъ поѣхалъ на простой баркѣ. Онъ счастливо добрался до Миссолунговъ и былъ встрѣченъ торжественно народомъ и войскомъ.

Помимо своего богатства и славнаго имени Байронъ долженъ былъ принести большую пользу возстанію, какъ человѣкъ способный быть посредникомъ между грубыми и эгоистичными инсургентами и европейскими филэллинами, которые устрем-

*) Смѣюсь я для того, чтобъ слезъ не лить
And if I laugh at any mortal thing
'T is that I may not weep.

лялись сюда изъ университетовъ Германіи, въ надеждѣ найти здѣсь истинныхъ потомковъ Мильтіада, и совершенно терялись, сталкиваясь съ печальной дѣйствительностью. Греки не понимали ихъ и смотрѣли на нихъ почти какъ на сумасшедшихъ. Байронъ по развитію былъ европеецъ, но онъ зналъ грековъ прежде и слѣдовательно не могъ въ нихъ разочароваться. Ихъ природная грубость и простота ихъ стремленій были скорѣй симпатичны ему. Но несмотря на все это, и его часто выводили изъ терпѣнія глупости однихъ и низости другихъ. Въ особенности много мѣшали вѣчныя ссоры полководцевъ и руководителей дѣла, которыя могли прекратиться только въ виду рѣшительнаго и многообѣщающаго, хотя бы и опаснаго предпріятія. Рѣшили ударить на Лепанто, но это было немыслимо безъ артиллеріи; пріѣхали пушки, но скоро уѣхали англійскіе рабочіе, которые одни могли владѣть ими; однако кое-какъ дѣло обошлось; во главѣ предпріятія долженъ былъ стать Байронъ; пока шли сборы, онъ серьезно заболѣлъ вслѣдствіе простуды. Странная діета, которой онъ подвергалъ себя уже много лѣтъ—онъ боялся растолстѣть и ѣлъ слишкомъ мало — ослабила его на столько, что когда невѣжественные доктора стали лѣчить его кровопусканіями, силы стали быстро оставлять его, и онъ оказался на смертномъ одрѣ въ то самое время, когда дѣла грековъ стали поправляться. 18-го апрѣля въ день свѣтлаго праздника Байронъ почувствовалъ, что все кончено. Начальники города и отрядовъ изъ страха потревожить больного запретили обычные въ этотъ день выстрѣлы, и всѣ ожидали со страхомъ, чѣмъ кончится борьба когда-то могучаго организма со смертью Увидя слезы своихъ приближенныхъ, Байронъ попросилъ всѣхъ уйти изъ комнаты, подозвалъ своего вѣрнаго камердинера и сталъ отдавать ему какія-то непонятныя приказанія, въ которыхъ можно было только разслышать имена дочери, сестры и жены. Парри замѣтилъ ему, что онъ ничего не понялъ. „Не понялъ, повторилъ Байронъ, какая жалость! А между тѣмъ жизнь моя улетаетъ"; „на все воля Божія" сказалъ Парри. „Воля Божія, а не моя" отвѣчалъ Байронъ; „и всетаки я оставляю въ мірѣ нѣчто дорогое", сказалъ онъ по-итальянски, вспоминая графиню Гвиччіоли. Скоро впалъ онъ въ сонъ и уже больше не просыпался.

Три дня въ городѣ были закрыты всѣ лавки; его похоронили съ военными почестями, какъ главнокомандующаго.

Смерть Байрона для Греціи была также полезна, какъ и его жизнь. Она обратила всеобщее вниманіе на дѣло грековъ, которое многіе до тѣхъ поръ считали незначительнымъ бунтомъ. Огромное вліяніе Байронъ на молодежь того времени, которая во всемъ стремилась подражать ему, усилило филэллинское движеніе до крайней степени, а съ другой стороны слухъ о томъ, что богатый лордъ и великій европейскій поэтъ сложилъ свою голову за дѣло ихъ свободы, усилило вѣру грековъ въ самихъ себя и энтузіазмъ ихъ. Пьетро Гамба отвезъ трупъ Байрона въ Англію, но друзьямъ поэта не удалось устроить для него погребенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Его похоронили близъ его родоваго замка; его дочь Адда была воспитана въ полномъ невѣденіи о своемъ отцѣ и не читала его произведеній. Графиня Гвиччіоли въ 1868 г. издала свои мемуары о Байронѣ *), гдѣ представила только лучшія стороны его характера и жизни. Ея мемуары вызвали статью Бичеръ-Стоу, а послѣдняя—цѣлую литературу о жизни Байрона, которая очистила его отъ многихъ обвиненій и подтвердила главные выводы книги Мура **).

---

*) Lord B. jugé par les témoins de sa vie. Paris. 2 т.

**) Лучшими біографіями считаются: Eberty: Lord B., eine Biographie (2-ое изд. 2 т. Lpz. 1879). Elze: Lord B. (2-ое изд. Berl. 1880); John Nichol: Lord B. (Lond. 1880).

Байронъ, какъ поэтъ, одна изъ самыхъ крупныхъ величинъ не только въ англійской, но и во всей европейской литературѣ. Онъ глава и выразитель цѣлаго періода въ исторіи человѣческой мысли, періода слишкомъ близкаго къ намъ и, пожалуй, еще не вполнѣ пережитаго. Онъ одинъ представляетъ собою цѣлую художественную и духовную революцію, полное ниспроверженіе стараго порядка вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе основныхъ принциповъ новаго. До него всякій поэтъ принадлежалъ къ извѣстной школѣ, придерживался извѣстныхъ традицій; принимаясь писать, приноравливался къ требованіямъ публики и критики, въ большей или меньшей мѣрѣ взбирался на пьедесталъ, внутренно маскировался, короче сказать: переставалъ быть самимъ собою. Оттого историку литературы и приходится обыкновенно давать двѣ характеристики одного и того же лица, какъ человѣка и какъ поэта, и часто надо не мало поработать, чтобы указать тѣсную связь между ними.

Величайшая заслуга Байрона въ томъ, что у него поэзія становится безусловно искренней, свободной отъ всякаго формализма и манерности; въ немъ человѣкъ не можетъ быть отдѣленъ отъ поэта.

Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ эпитетъ сатанинскій, который иные до сихъ поръ прилагаютъ къ поэзіи Байрона и его послѣдователей *); сатанизмъ, если только это понятіе можетъ имѣть опредѣленное содержаніе, предполагаетъ злую и неумолимую ненависть ко всему божьему міру и холодное презрѣніе къ людямъ, полный индиферентизмъ къ добру и злу и беззавѣтный самодовольный и спокойный эгоизмъ. Развѣ это хоть сколько-нибудь похоже на Байрона?

Основа міросозерцанія Байрона, напротивъ того, есть страстная жажда жизни и любовь къ людямъ, необходимо присущія всякой сильной и впечатлительной натурѣ. Истинный поэтъ, каковъ былъ Байронъ, не можетъ быть мизантропомъ, какъ не можетъ быть и атеистомъ. Пессимизмъ Байрона и его недовольство жизнью есть только оборотная сторона той же любви. Безъ этой страстной любви онъ не могъ бы изображать жизнь въ такихъ привлекательныхъ краскахъ, не могъ бы придавать своимъ героямъ и героинямъ такую ненасытную жажду счастья. Байронъ очень часто и въ разныхъ настроеніяхъ возвращается къ вопросу о смерти именно изъ страха передъ уничтоженіемъ, съ которымъ никакъ не можетъ помириться живая душа его; онъ постоянно стремится заглянуть въ тайны гроба; страхъ передъ смертью заставляетъ его высказывать ненависть къ

*) См.: Lord Byron ud die satanische Schule въ книгѣ: Gesch. d. englischen Poesie etc. von D-r Alex. Büchner. Эпитетъ пущенъ въ ходъ личными врагами поэта и въ литературѣ получилъ право гражданства, кажется, благодаря стараніямъ Соути.

самому факту жизни *): небытіе лучше бытія, такъ какъ оно ничѣмъ не грозитъ. Кто дѣйствительно не любитъ жизни, относится къ ней равнодушно и холодно; а для Байрона это совершенно невозможно.

Байронъ говоритъ устами Мирры въ III дѣйствіи Сарданапала:

Возможно-ль, чтобы смерть могла найдти
Такое зло, какого-бъ не явила
Земная жизнь тому, кто прожилъ въ ней
Ряды годовъ?

Но Мирра—гречанка, умѣвшая любить, т.-е. наслаждаться жизнью въ полной мѣрѣ, и способная добровольно покинуть жизнь только въ минуту экстаза и ради той же любви. Таковъ же былъ и Байронъ: неизбѣжность смерти, ограниченность нашихъ силъ и разума приводятъ его въ отчаяніе, заставляютъ изливаться въ проклятіяхъ на жизнь, но въ этихъ проклятіяхъ высказывается ничто иное, какъ страстное влеченіе къ недостижимому идеалу; а вѣчное присутствіе идеала въ душѣ поэта—лучшее опроверженіе его мизантропіи.

Байронъ наизусть знаетъ Гамлета и очень часто цитируетъ его и въ дневникѣ, и въ письмахъ; это не есть любовь одного художника къ образцовому произведенію другого, а проявленіе близкаго духовнаго родства между геніальнымъ созданіемъ творческой фантазіи и живымъ геніальнымъ человѣкомъ. Байронъ такой же кажущійся мизантропъ и пессимистъ, а на самомъ дѣлѣ нѣжная, болѣзненно чувствительная душа, какъ и Гамлетъ; его деликатность по отношенію къ друзьямъ, привязанность, которую внушалъ онъ окружающимъ, совсѣмъ не стараясь объ этомъ,—лучшее тому доказательство. Различіе между ними въ томъ, что Гамлетъ подавленъ прежде всего личнымъ горемъ, и его прекрасный внутренній міръ разрушенъ безобразіемъ внѣшняго, а Байронъ живетъ въ такое время, когда лучшихъ людей прежде всего мучитъ міровая скорбь, и его болѣзненно настроенная мысль задергиваетъ для него траурнымъ покровомъ все окружающее.

Байронъ, какъ и Гамлетъ, исполненъ противорѣчій: онъ бѣжитъ общества и не можетъ жить безъ него; онъ дѣлаетъ все на зло ему, а между тѣмъ ужасно страдаетъ, когда это общество высказываетъ ему свою ненависть, и не разъ склоняется къ тому, чтобы смотрѣть на самого себя глазами враговъ своихъ. Съ одной стороны, онъ трепещетъ передъ мнѣніемъ всякаго газетнаго писаки, и умоляетъ не присылать ему газеты, гдѣ есть что-нибудь объ немъ, а съ другой, онъ еще съ юности бросаетъ перчатку всему міру и находитъ особую

*) Чѣмъ бы мы ни были въ семъ мірѣ,
Есть нѣчто болѣе отрадное—не быть.

сладость «въ борьбѣ и гоненіяхъ» и, дѣйствительно, никогда не подлаживается подъ господствующій тонъ. Въ политикѣ онъ является революціонеромъ именно потому, что тогда господствовала реакція; живи онъ во Франціи во время разгара революціи, онъ навѣрно былъ бы въ числѣ «подозрительныхъ». Онъ самъ пишетъ въ дневникѣ, что необыкновенно упростилъ свою политическую систему; въ ней только и есть одинъ принципъ—ненависть ко всѣмъ существующимъ правительствамъ. Какъ поэтъ и мыслитель, онъ всю славу свою полагаетъ въ томъ, чтобы быть всегда оригинальнымъ, и въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, всегда вѣренъ себѣ:

Умъ независимый, свободный,
Онъ подчиняться не умѣлъ;
Надменный, лучше онъ хотѣлъ,
Нести свой жребій одинокій.

Вѣчная борьба между искренней любовью и кажущейся ненавистью къ людямъ выражается еще съ большей рѣзкостью въ отношеніяхъ Байрона къ отдѣльнымъ группамъ человѣчества. Кто больше его бранилъ и унижалъ женщинъ и кто больше его служилъ имъ и идеализировалъ ихъ и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ? Кто ядовитѣе его издѣвался надъ Англіей и англичанами и съ большей дерзостью отрицался отъ собственнаго отечества даже въ то время, когда Англія превозносила его похвалами и гордилась имъ? А между тѣмъ, и послѣ своего окончательнаго разрыва съ Англіей онъ говоритъ:

Любилъ я родину....
И если прахъ остывшій мой
Въ чужой землѣ въ могилу сложатъ,
Мой духъ вернется въ край родной.

Несмотря на свои замѣчательныя способности къ языкамъ, Байронъ всю жизнь пишетъ только по-англійски; онъ гордится своею національностью, и даже въ безпощадномъ Донъ-Жуанѣ подкрашиваетъ типъ англійскаго наемнаго солдата, искателя приключеній.

Тэнъ, составившій себѣ славу блестящими параллелями между произведеніями искусства и характеромъ націй, ихъ породившихъ, объясняетъ и особенности поэзіи Байрона его національностью: мрачный юморъ, демонская гордость, страсть къ борьбѣ—все это исконныя черты саксонско-скандинавскаго характера. Тэнъ, безъ сомнѣнія, правъ, и поэзія Байрона есть вполнѣ продуктъ англійскаго духа. Но въ то время Англія достигла такой степени культурнаго развитія, что ея передовые люди, не переставая быть англичанами, становились представителями міроваго прогресса, и Байронъ есть поэтъ общечеловѣческій; въ немъ личность расширяется не только до предѣловъ національности, но и далеко заходитъ за нихъ. Его поэзія

есть личная по преимуществу, до крайности субъективная: чтобы ни писалъ онъ: поэмы, трагедіи, мистеріи—онъ всегда или почти всегда пишетъ о самомъ себѣ; но онъ самъ есть все человѣчество, мыслящее, стремящееся къ идеаламъ и страдающее отъ невозможности осуществить ихъ; въ его душѣ будто сконцентрировано все недовольство собой и жизнью, которое носили въ себѣ люди. Оттого всѣ сильные умы Европы и подпадаютъ подъ его вліяніе и подпадаютъ не какъ подъ что-то внѣшнее, навязанное, а видятъ въ немъ выраженіе того, что бродило въ нихъ самихъ безъ яснаго сознанія. Онъ высказалъ всеобщее горе и, стало быть, облегчилъ его.

Субъективность поэзіи Байрона подавляетъ самого поэта: онъ не разъ жалуется, что не можетъ писать ни романа, ни драмы изъ современной жизни, такъ какъ не можетъ не затронуть въ нихъ больныхъ струнъ въ душѣ своей: въ стихахъ онъ дальше отъ тяжелыхъ воспоминаній; вотъ какимъ путемъ личное возвышается до общечеловѣческаго: черезъ посредство изящной формы и черезъ отрѣшеніе отъ жизненной прозы.

Увѣряютъ, будто Байронъ великъ только въ отрицаніи; будто и въ жизни, и въ произведеніяхъ онъ увлекается только неосуществимыми идеалами, склоненъ возбуждать только неутомимую вражду и, стало быть, увеличивать сумму людского горя. Но это совершенно невѣрное мнѣніе: не говоря уже о томъ, что горячая любовь къ людямъ и къ жизни *) есть нѣчто очень положительное, не трудно указать у Байрона и осуществимые идеалы: онъ ненавидитъ рабство во всѣхъ видахъ и формахъ и неуклонно проводитъ и въ жизни, и въ каждой строчкѣ идею свободы. Онъ страстно любитъ поэзію и вообще искусство **)—стало быть, по старинной терминологіи, проводитъ идею красоты,—и наконецъ горькій реализмъ его произведеній есть служеніе идеѣ истины.

Творческая дѣятельность Байрона ясно раздѣляется по двумъ послѣднимъ идеямъ (идеѣ свободы онъ съ одинаковымъ напряженіемъ служилъ всю жизнь свою) на два періода: до его вторичнаго отъѣзда изъ Англіи и послѣ него. Въ первомъ періодѣ Байронъ—поэтъ-романтикъ, отличающійся отъ своихъ континентальныхъ и англійскихъ собратьевъ тѣмъ, что въ новыя формы онъ влагаетъ болѣе серьезное содержаніе, болѣе глубокую мысль. Во второмъ періодѣ

*) Припомнимъ ужасъ и трепетъ, который объемлетъ поэта при мысли о томъ времени, когда потухнетъ солнце и исчезнетъ человѣческій родъ (стихотв. Сонъ).

**) Изъ духа противорѣчія, обманывая самого себя, онъ увѣряетъ, будто пишетъ только для того, чтобы занять праздный умъ и тоскующее сердце; но въ Лондонѣ, въ пору своихъ свѣтскихъ успѣховъ и увлеченій, онъ находитъ время тщательно поправлять корректуру своихъ произведеній; онъ, какъ ребенокъ, радуется, узнавши, что его стихи имѣютъ успѣхъ и въ С.-Американскихъ Штатахъ.

Байронъ-поэтъ—реалистъ, родоначальникъ всей новой поэзіи, которая захватываетъ въ свою область все содержаніе жизни, не чуждается ни грязнаго, ни мелкаго, если оно только истинно, сущность свою полагаетъ не въ красотѣ сюжета и не въ чистотѣ формы, а въ жизненной правдѣ и силѣ впечатлѣнія.

Но въ оба періода своей дѣятельности Байронъ, и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ, занятъ прежде всего своей личной жизнью, любуется своимъ величіемъ и презираетъ толпу, которой долженъ отдать на служеніе всю горячность своего сердца, всѣ силы своего геніальнаго ума. Оттого онъ и страдалъ всю жизнь, что не умѣлъ дойти до того простого разрѣшенія великой проблемы, которую Фаустъ рѣшилъ въ послѣдній мигъ своей жизни: «счастіе человѣка въ возможности дѣлать счастливыми другихъ». Въ этомъ темная сторона его поэзіи.

Возвращаемся къ Пушкину. Татьяна Ларина, войдя въ деревенскій кабинетъ Онѣгина, видитъ тамъ портретъ Байрона и бюстъ Наполеона. Это не случайное, конечно, сопоставленіе: между этими двумя людьми есть внутреннее сродство и крѣпкая историческая связь; недаромъ Байронъ, такъ ненавидѣвшій войну и деспотизмъ, относился съ нескрываемымъ сочувствіемъ къ Наполеону, солдату-деспоту. Оба они дѣти революціи, и каждый изъ нихъ самъ по себѣ цѣлая революція; какъ Наполеонъ, сынъ революціи политической, сконцентрировалъ въ себѣ самомъ всѣ ея свѣтлыя и темныя стороны, слилъ ихъ съ тѣми основами до-революціоннаго порядка, которыя считалъ живучими, и разнесъ ихъ по всей Европѣ, такъ и Байронъ, сынъ революціи художественной и умственной, соединилъ въ одномъ себѣ и нѣмецкій романтизмъ, и англійскій реализмъ, удержалъ кое-что изъ отвергнутаго классицизма и въ литературахъ всей Европы началъ новый періодъ, называемый обыкновенно его именемъ. Оба они, Наполеонъ и Байронъ, не признаютъ преградъ, раздѣляющихъ національности и религіозныя группы и стремятся къ общечеловѣческому. Оба они ученики Руссо, поклонники первобытнаго человѣка, враги пошлаго довольства всенивеллирующей культурой и потому оба такъ любятъ полудикій востокъ. Оба они представители правъ геніальной личности надъ толпой; они ни хотятъ подчиниться ничему общепринятому и противуполагаютъ себя, свои личные взгляды и волю мнѣнію такъ-называемаго «свѣта»; для дѣятельности обоихъ ихъ главное основаніе:

Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas!

Оба они—великіе люди, проводники великихъ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе эгоисты. Оттого и палъ Наполеонъ; оттого и безраздѣльное господство байронизма продержалось такъ недолго.

Въ Россіи уже самъ Пушкинъ указываетъ на его темную сторону, и его «Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ» никакъ не свидѣ-

тельствуетъ о жизненности направленія. Въ «Героѣ нашего времени» байроновскій типъ разбивается на двѣ фигуры: положительную въ лицѣ Печорина и отрицательную въ лицѣ рисующагося напускной разочарованностью Грушницкаго. Слѣдующее поколѣніе русскихъ писателей выводитъ Гарольдовъ уже исключительно въ отрицательномъ видѣ; ихъ «безнадежный эгоизмъ» изображается во всей наготѣ своей; они мелочны и тщеславны, и кружатъ головы дамамъ и дѣвицамъ даже не изъ чувственной страсти, а только изъ желанія рисоваться и отъ бездѣлья; въ комъ изъ нихъ есть умъ и нѣкоторая доза сердечности, тѣ въ случаяхъ серьезнаго столкновенія съ жизнью оказываются людьми безхарактерными и фразерами.

Въ 60-хъ годахъ Пушкинъ подвергается ожесточеннымъ нападеніямъ именно за ту часть своихъ произведеній, въ которой онъ является послѣдователемъ Байрона *); его мѣшали съ грязью именно за преклоненіе передъ Корсаромъ и Гарольдомъ, за Онѣгина, «въ которомъ отразился вѣкъ» и за его лирику, въ которой выражаетъ презрѣніе къ «толпѣ». Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ возстановляютъ его славу, указывая и въ Онѣгинѣ національно-русскія, небайроновскія черты; но и байронизмъ есть необходимая ступень развитія, какъ Пушкина, такъ и всего европейскаго общества. Послѣдующія поколѣнія извлекали и извлекаютъ изъ байронизма все истинное и жизненное и отбрасываютъ все болѣзненное; художественное же значеніе лучшихъ произведеній Байрона незыблемо и вѣчно **).

Если эпитетъ сатанинскій несправедливъ по отношенію къ поэзіи Байрона, еще возмутительнѣе онъ въ приложеніи къ произведеніямъ и личности Шелли, проповѣдника безграничной любви и гуманности.

Научное отождествленіе генія съ сумасшествіемъ началось, какъ извѣстно, только въ послѣднее время, но Шелли былъ такой геній,

*) Писаревъ въ своей знаменитой статьѣ: „Пушкинъ и Бѣлинскій“ ни одного слова не говоритъ о Пушкинѣ, какъ создателѣ Бориса Годунова и Капитанской Дочки.

**) Русская библіографія Байрона еще обширнѣе, чѣмъ библіографія В. Скотта и мы не будемъ приводить ее, тѣмъ болѣе, что въ изданіи Н. В. Гербеля (Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, томы I—IV, Спб. 1874—1877) собрана большая часть ея. Новый переводъ Донъ-Жуана, сдѣланный П. А. Козловымъ, общеизвѣстенъ. Изъ прежнихъ переводовъ Донъ-Жуана отмѣтимъ Н. Жанра, Спб. 1846 г. и Любича-Романовскаго, Спб. 1847 г., оба плохіе. Переводъ Д. Минаева помѣщенъ въ Совр. 1865 г. №№ 1 и слѣд. Паризина переведена А. Григорьевымъ въ Совр. 1859 г. № 8. Каинъ пер. Е. Барышева Спб. 1881.

Одна изъ первыхъ характеристикъ Байрона, какъ человѣка, сдѣлана Очкинымъ въ Библ. д. чт. 1834 г. № 3 (Плаваніе съ лордомъ Байрономъ); обширная біографія, главнымъ образомъ на основаніи Мура, составлена Пл. И. Рѣдкинымъ въ Совр. 1850 г. №№ 1, 3, 4, 5, 6 и 7. См. также Вѣстн. Евр. 1878 №№ 2 и 4. „Лордъ Байронъ и его судьба“. Біографич. очеркъ О. Ѳ. Миллера.

котораго прославили сумасшедшимъ и въ ту эпоху, когда геній считался высочайшимъ выраженіемъ равновѣсія духовныхъ силъ, совершеннѣйшимъ изъ людей; сумасшедшимъ прославили его враги, которыхъ у этого замѣчательно добраго и скромнаго человѣка было такъ много, что небольшое количество людей, ему преданныхъ, исчезало въ ихъ массѣ. Послѣ его смерти и послѣ побѣды тѣхъ идей, на служеніе которымъ онъ отдалъ себя, его поклонники возвели его на степень міроваго генія и почти канонизировали его. Теперь уже возможна болѣе объективная оцѣнка, а такая оцѣнка, не отвергая огромнаго и оригинальнаго таланта въ немъ, должна его признать тѣмъ, что психіатры называютъ неуравновѣшенной натурой; болѣзненная экзальтація, крайняя раздражительность, отсутствіе самообладанія при громадной силѣ воли, а главное неравномѣрность между пылкимъ и сильнымъ духомъ и слабымъ болѣзненнымъ тѣломъ дѣлаютъ изъ него явленіе анормальное—психопатическое, хотя тѣ же самыя особенности въ соединеніи съ горячимъ желаніемъ добра людямъ дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій, какія только можетъ представить Англія. Перси Биши Шелли (Percy Bysshe Shelly), поэтъ человѣческаго горя, какъ его называютъ одни, или поэтъ человѣческой свободы, по другимъ, поэтъ будущаго, по опредѣленію третьихъ, родился въ 1792 г. въ Суссексѣ, въ помѣстьѣ своего отца баронета и происходилъ изъ древней, но пріобрѣтшей печальную извѣстность своей безпорядочностью, семьи. Отецъ его былъ человѣкъ вздорный и мелочно-требовательный; мать очень холодно относилась къ дѣтямъ, а ребенокъ обладалъ такой до крайности нѣжной организацiей, для которой ласка и любовь были такъ же необходимы, какъ пища. Такимъ образомъ Шелли еще въ дѣтствѣ былъ глубоко несчастенъ и страдалъ отъ тиранніи и холодности. Онъ поступилъ въ школу, сперва въ мѣстную небольшую, потомъ въ знаменитый Итонъ, гдѣ воспитываются дѣти лучшихъ фамилій Англіи; и здѣсь ему было не лучше: въ мѣстной школѣ грубые мальчики преслѣдовали его, какъ изнѣженнаго барченка, въ Итонѣ всѣ возненавидѣли его за отказъ подчиниться старинному обычаю, въ силу котораго младшіе воспитанники прислуживали старшимъ. Уже тогда стало ясно, что Шелли какъ будто созданъ для того, чтобы страдать отъ тиранніи и притѣсненій. Мальчикъ болѣзненный, слабый, но поразительно красивый (несмотря на неправильныя черты лица), и при этомъ настойчивый и смѣлый до безстрашія, онъ возбуждалъ уже однимъ видомъ своимъ органическое нерасположеніе всѣхъ людей тупыхъ, грубыхъ или даже просто обыкновенныхъ. Рѣзкость его мнѣній и нежеланіе идти на компромиссъ съ обществомъ обращали это нерасположеніе въ ненависть, которая только усиливалась вслѣдствіе его высокаго раз-

витія и рѣдкихъ способностей. Его кроткая отъ природы, почти женственная натура, отъ противорѣчій и отсутствія ласки, раздражалась почти до изступленія; онъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ проявлялъ

„Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду",

а такъ какъ въ своемъ болѣзненномъ увлеченіи и при своей неопытности онъ и самъ не могъ опредѣлить, гдѣ эта подлость, то не только товарищи, презиравшіе его за физическую слабость, но и педагоги вели жестокую войну съ этимъ непрошенным обличителемъ человѣческой неправды. Ученики съ ужасомъ передавали другъ другу, что маленькій Шелли бранитъ своего отца и короля и объявляетъ всѣмъ и каждому, что онъ не вѣритъ въ Бога. Одни называли его сумасшедшимъ Шелли, другіе—атеистомъ Шелли. Онъ занимался много и усердно, но не тѣмъ, чего требовала отъ него школа. Отношенія его къ Итону становились все хуже и хуже; въ припадкѣ бѣшенства онъ ранилъ ножомъ пристававшаго къ нему товарища, былъ за это исключенъ, и заболѣлъ воспаленіемъ мозга. 18-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ; за это время онъ много началъ, надумалъ и успѣлъ сформировать себѣ убѣжденія, но характеръ его не пріобрѣлъ ровности, и прежнія испытанія не научили его осторожности. Онъ разсылаетъ профессорамъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ письма, гдѣ высказываетъ свои сомнѣнія относительно разумности существующаго порядка вещей и печатаетъ брошюру о необходимости атеизма; въ результатѣ—изгнаніе изъ университета и изъ родительскаго дома и на всю жизнь слава отъявленнаго безбожника; а между тѣмъ Шелли ни теперь, ни послѣ не былъ безбожникомъ и матеріялистомъ; напротивъ, Шелли былъ болѣе идеалистомъ, нежели большая часть его преслѣдователей *). 19-ти лѣтъ отъ роду Шелли похитилъ пансіонскую подругу своихъ сестеръ, 16-ти-лѣтнюю дочь одного бывшаго трактирщика Гарріету Весбрукъ, въ него сильно влюбленную, и въ Эдинбургѣ обвѣнчался съ ней. Жить имъ было нечѣмъ, но Шелли объ этомъ вовсе не сокрушался и поѣхалъ вмѣстѣ съ женой въ Дублинъ агитировать противъ правительства. Онъ говорилъ рѣчи и печаталъ прокламаціи, которыя разбрасывалъ съ балкона гостинницы или для

*) Въ предисловіи къ Возмущенію Ислама онъ говоритъ: „я возстаю здѣсь противъ ложной и унизительной идеи людей о Высшемъ Существѣ, а не противъ Высшаго Существа". Достаточно прочитать начало его юношеской поэмы „Королева Мабъ", чтобы убѣдиться, какъ сильна у Шелли вѣра въ самостоятельное существованіе души:

„И вдругъ воспрянула душа,
Красой блистая обнаженной" и пр.

(перев. Минскаго). А между тѣмъ эта поэма и послужила главнымъ основаніемъ для обвиненія Шелли въ безбожіи.

удовольствія дѣвочки-жены засовывалъ дамамъ въ капюшоны. Когда прошли первые мѣсяцы увлеченія, Шелли увидалъ, что его Гарріета— самая обыкновенная и довольно безхарактерная женщина, слѣпо подчинявшаяся своей до крайности несимпатичной сестрѣ. Родился у нихъ ребенокъ: поэтъ привязался къ нему со всѣмъ пыломъ своей любящей натуры, а жена, наоборотъ, выказывала къ нему непонятную холодность. Тогда 20-ти-лѣтній Шелли почувствовалъ отвращеніе къ собственной семьѣ, сталъ искать себѣ другихъ привязанностей и скоро влюбился въ дѣвушку, которая несравненно больше подходила къ нему по развитію, Марію Годвинъ *), и сошелся съ нею. Въ это время онъ началъ заниматься медициной и посѣщалъ госпитали въ Лондонѣ, гдѣ пріобрѣлъ заразительную болѣзнь. Между тѣмъ жена его утопилась, а тесть началъ съ нимъ процессъ, чтобы отнять у него право воспитывать своихъ дѣтей. Шелли былъ лишенъ опеки за атеизмъ и безнравственность; его дѣти были поручены священнику. Опасаясь, что у него отнимутъ и сына отъ Маріи Годвинъ, на которой онъ женился послѣ смерти Гарріеты, Шелли покинулъ Англію. Онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ Швейцаріи и Италіи и близко сошелся съ Байрономъ. Въ Англіи имя Шелли послѣ добровольнаго изгнанія продолжало возбуждать пылкую ненависть **); его поэтическія произведенія встрѣчали повсемѣстно осужденіями и насмѣшками, которыя заставляли глубоко страдать поэта, но не озлобляли его, какъ Байрона. Когда началось возстаніе въ Греціи, Шелли примкнулъ къ нему всею душею, и одинъ изъ первыхъ указалъ на міровое значеніе этого событія. Въ 1822 году онъ утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ изъ Ливорно въ Специю. Долго искали его трупъ, наконецъ нашли почти въ неузнаваемомъ видѣ. Байронъ сжегъ этотъ трупъ на кострѣ, а пепелъ и несгорѣвшее сердце похоронилъ у пирамиды Цестія въ Римѣ, написавъ надъ могилой Cor cordium (сердце сердецъ).

Шелли уже съ 20-лѣтняго возраста питался только растительной пищей, страдалъ грудью, подвергался галлюцинаціямъ и испытывалъ такія страшныя нервныя боли, что безъ памяти катался по землѣ и прибѣгалъ къ огромнымъ пріемамъ опіума. Его пылкая душа будто сжигала его тѣло, и въ 26 лѣтъ голова его была почти сѣдая, что производило очень странное впечатлѣніе при молодости его лица и юношескомъ

*) Дочь довольно извѣстнаго въ свое время писателя Вильяма Годвина (1756—1836 г.), автора философскаго романа: Кеслабъ Вильямсъ, 1794 г. Марія Шелли и сама была писательницей, и ея страшный романъ: Франкенштейнъ или Новый Прометей, герой котораго (нѣчто въ родѣ Фауста) создаетъ чудовище, обращающееся въ дьявола и убивающее своего создателя, надѣлалъ много шуму.

**) Разсказываютъ, что одинъ англичанинъ, офицеръ португальской службы, услышавъ на почтѣ, какъ Шелли назвалъ себя по фамиліи, закричалъ: „какой Шелли? атеистъ Шелли?“ и ударомъ кулака повалилъ его на землю.

блескѣ его глазъ. Живи Шелли въ средніе вѣка, онъ сталъ бы героемъ религіознаго эпоса. Изъ филантропіи онъ сдѣлалъ себѣ какъ бы особую религію; когда онъ самъ былъ бѣденъ, онъ отдавалъ нуждающимся послѣдній свой грошъ; когда онъ въ качествѣ наслѣдника перства сталъ получать ежегодное содержаніе въ 1000 фунтовъ, едва ли пятая часть изъ нихъ шла на удовлетвореніе его нуждъ, остальное онъ раздавалъ. Однажды онъ пришелъ босикомъ къ одному изъ сосѣдей, такъ какъ по дорогѣ отдалъ свои башмаки бѣдной женщинѣ. Въ другой разъ онъ самъ, больной и слабый, долго несъ на своихъ плечахъ отъ двери къ двери истомленную странницу, пока не нашелъ для нея пріюта. Онъ страстно любилъ природу. Въ Италіи онъ почти все время проводилъ на открытомъ воздухѣ: солнечный жаръ доставлялъ ему только удовольствіе; лежа на припекѣ, или катаясь въ лодкѣ, онъ и читалъ и писалъ; море онъ любилъ до такой степени, что готовъ былъ проводить на его поверхности цѣлыя недѣли. Уже будучи отцомъ семейства, онъ не могъ видѣть текущей воды безъ того, чтобы не спустить на нее хоть лодочку изъ бумаги, и разсказываютъ, что однажды, не имѣя другой бумаги въ карманѣ, онъ сдѣлалъ лодочку изъ банковаго билета въ 50 фун. Общество дѣтей было для него гораздо пріятнѣе, чѣмъ общество взрослыхъ, и дѣти, платившія ему любовью за любовь, никакъ не соглашались признать его «большимъ». А между тѣмъ Шелли былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей, и когда онъ встрѣтился и подружился съ Байрономъ, тотъ долженъ былъ по неволѣ подчиниться руководству своего молодого друга въ философскихъ и вообще серьезныхъ вопросахъ. Шелли былъ знакомъ съ нѣмецкой философіей и нѣмецкой литературой, какъ немногіе англійскіе профессора. Шелли, какъ членъ общества, былъ несравненно скромнѣе и симпатичнѣе Байрона. Вотъ какъ отзывается о немъ капитанъ Трелоуни, часто видавшій обоихъ поэтовъ. «Шелли вездѣ былъ, какъ у себя дома, говорилъ ровно, непринужденно со всякимъ, всякому былъ радъ оказать услугу, не справляясь, кто онъ, и не требуя никакихъ рекомендацій. Онъ любилъ всѣхъ и все на свѣтѣ, любилъ больше, чѣмъ самого себя и потому къ нему нельзя было не привязаться. Его умственная энергія была заразительна, и самый заплѣсневѣлый мозгъ не могъ не работать въ его присутствіи».

Шелли началъ писать чрезвычайно рано, еще до поступленія въ университетъ. Онъ началъ съ романовъ—сказокъ, которые не имѣли успѣха и недостойны его имени (Zastrozzi и Yh. Yrvyne написаны имъ на 17-омъ году отъ роду). Студентомъ онъ пишетъ массу лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ тоже талантъ его еще не успѣлъ развернуться и горячность его убѣжденій напрасно ищетъ для себя подходящихъ формъ. Когда ему было 18 лѣтъ, противъ его воли

выходитъ его первая поэма «Королева Мабъ», родъ поэмы-діалога о важнѣйшихъ вопросахъ жизни между душей чистой дѣвы, освобожденной онъ низменныхъ страстей и земныхъ понятій, свойственныхъ тѣлесной оболочкѣ, и всевѣдущей феей Мабъ; крайнія убѣжденія, которыя высказалъ онъ въ поэмѣ и въ примѣчаніяхъ къ ней, были причиною всеобщаго противъ него гоненія. Въ 1815 году онъ написалъ поэму «Аласторъ или духъ уединенія»; въ 1817 г. «Возстаніе Ислама»; въ 1818 г. діалоги: «Розалинда и Елена» и «Юліанъ и Маддоло»; въ 1819 г. «Освобожденнаго Прометея» и трагедію «Ченчи». Послѣднія два произведенія вмѣстѣ съ его лирикой показываютъ, что своеобразный талантъ его только въ это время достигъ полнаго своего развитія. Три его поэмы написаны сильнымъ языкомъ и прекрасными стихами; мысли, въ нихъ выраженныя, проникнуты самой искренней любовью къ человѣчеству, но, какъ поэмы, онѣ имѣютъ прежде всего тотъ громадный недостатокъ, что въ нихъ почти нѣтъ содержанія. Въ нихъ поэтъ говоритъ обо всемъ, о чемъ угодно и меньше всего о томъ, что обѣщаетъ въ заглавіи. Онъ постоянно забываетъ о сюжетѣ; выведенныя имъ лица не люди, а какія-то тѣни, поэтически высокія, но лишенныя опредѣленныхъ очертаній. Больше всего опредѣленности въ субъективной поэмѣ «Аласторъ», такъ какъ тамъ поэтъ изображаетъ самого себя въ своемъ временномъ отчужденіи отъ человѣчества *), меньше всего—въ большой поэмѣ «Возстаніе Ислама», гдѣ борьба за свободу ведется съ какимъ-то абстрактнымъ тираномъ и гдѣ масса туманныхъ образовъ подавляетъ читателя *). Изъ діалоговъ «Юліанъ и Маддоло», самый удачный по формѣ, изображаетъ бесѣду поэта съ Байрономъ. «Розалинда и Елена» есть поэтическое рѣшеніе вопроса о бракѣ: женщина, живущая въ законномъ бракѣ, оказывается несчастной, почти мученицей, а представительница свободной любви—счастливицей, наслаждающейся жизнью.

Въ предисловіи къ этому стихотворенію Шелли даетъ слѣдующую характеристику Байрона и самого себя:

*) „Всякое существованіе, несогрѣтое любовью къ ближнимъ, есть существованіе безплодное, печальное и мрачное", говоритъ по поводу этой поэмы самъ Шелли. Это состояніе отчужденности онъ характерно называетъ self centred seclusion. Въ одно время съ Аласторомъ Шелли издаетъ Гимнъ умственной красотѣ (Hymn to the intellectual beauty), гдѣ выражаетъ свое примиреніе съ жизнью („Аласторъ или духъ уединенія" перевелъ Минскій. Вѣстн. Евр. 1881 г. № 12.

**) Поэма имѣла первоначально заглавіе: „Laon and Cythna"; ея герой и героиня были въ одно и тоже время братомъ и сестрою, мужемъ и женою; но критика подняла такой неистовый крикъ противъ этой безнравственности, что издатель упросилъ поэта уничтожать кровное родство между ними. Любопытно это стремленіе романтической школы изображать кровосмѣсительную любовь: одно изъ первыхъ проявленій его см. въ повѣсти Карамзина „Островъ Борнгольмъ; въ „Каинѣ" Байрона это стремленіе находитъ себѣ законное оправданіе; этотъ поэтическій фактъ служитъ единственнымъ основаніемъ вышеупомянутой гнусной клеветы на Байрона.

«Графъ Маддоло—молодой аристократъ, чуждающійся общества своихъ соотечественниковъ. Онъ одаренъ самыми блестящими и возвышенными качествами ума и, еслибъ захотѣлъ направить свою энергію къ надлежащей цѣли, былъ бы способенъ сдѣлаться обновителемъ и освободителемъ своего отечества; но его бѣда въ томъ, что онъ слишкомъ гордъ; сравнивая свой гигантскій умъ съ мелкими умами другихъ людей, онъ дошелъ до равнодушія, почти до отвращенія къ нимъ... Его страсти и его силы значительно крупнѣе, чѣмъ страсти и силы другихъ людей, но вмѣсто того, чтобъ воспользоваться ими для благой цѣли, онъ истощаетъ ихъ въ насмѣшкахъ и въ борьбѣ съ самимъ собою, не находя вокругъ себя достойнаго соперника. Я говорю, что М. гордъ только потому, что не нахожу другого слова, которымъ можно бы назвать то самососредоточеніе и то нетерпѣливое презрѣніе ко всему, которыя разъѣдаютъ его. Но гордость и презрѣніе обрушиваются, главнымъ образомъ, на его же собственныя заповѣдныя мечты и стремленія, а въ сношеніяхъ съ другими М. является милѣйшимъ, общительнѣйшимъ и безпритязательнѣйшимъ изъ людей: онъ добръ, прямодушенъ и остроуменъ».

«Джуліано страстно преданъ тѣмъ философскимъ воззрѣніямъ, которыя утверждаютъ власть человѣка надъ собственной личностью. Онъ вѣритъ въ возможность громаднаго улучшенія общественныхъ отношеній путемъ искорененія вредныхъ предразсудковъ и предубѣжденій. Онъ видитъ зло въ мірѣ, но онъ сосредоточиваетъ всѣ свои помыслы на изысканіи средствъ подчинить это зло добру».

«Освобожденный Прометей»—скорѣй лирическая драма, чѣмъ поэма, указываетъ на внимательное изученіе нѣмецкой, въ особенности гётевской, поэзіи и въ то же время больше всего остального свидѣтельствуетъ объ оригинальности и творческой силѣ Шелли. Въ противоположность своимъ многочисленнымъ предшественникамъ по обработкѣ этого сюжета, Шелли представляетъ Прометея стоящимъ выше страданій и ненависти къ своимъ врагамъ. Дѣйствіе въ будущемъ. Герой—духъ добра и любви, увѣренный въ своей побѣдѣ надъ зломъ даже и во время своего униженія, и тотъ же герой есть само человѣчество, просвѣтленное и очищенное страданіемъ и любовью. Вся пьеса есть радостный гимнъ любящаго человѣческаго сердца, живущаго не своими личными, а общими интересами. Много красивыхъ картинъ и въ поэмахъ, но здѣсь *все* красиво и высоко, хоть иногда и черезчуръ высоко и почти недоступно для воспріятія тѣхъ, кто настроенъ не такъ, какъ поэтъ.

Шелли мало думалъ о своихъ гонителяхъ, которые тѣснили его за крайность его политическихъ мнѣній, но при своей страстной любви къ людямъ онъ не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что

масса публики плохо понимала его, мало читала и сочувствовала жестокимъ отзывамъ критики *); въ своей трагедіи: «Ченчи» онъ выступаетъ на новую дорогу; онъ беретъ сюжетъ историческій (исторію молодой римской патриціанки, которая убила своего отца, страшнаго развратника и преступника, за насиліе, совершенное имъ надъ нею) и обрабатываетъ ее такъ, что, по мнѣнію Байрона, повторяемому многими, его пьеса—лучшая англійская трагедія послѣ Шекспира. Героиня, возбудившая симпатію поэта своей печальной судьбой, въ его изображеніи заставляетъ невольно преклоняться передъ ней, какъ рѣдкое и высоко-поэтическое соединеніе энергіи и нравственной чистоты. Но и это его произведеніе, въ успѣхѣ котораго онъ былъ увѣренъ, такъ какъ предназначалъ его «для толпы», было встрѣчено рѣзкими свистками критики за характеръ старика Ченчи и низость окружающаго его общества, какъ будто Шелли былъ виноватъ въ томъ, что тотъ былъ такимъ на самомъ дѣлѣ; Шелли глубоко опечалился. Онъ увидѣлъ, что единственное средство сообщаться съ гражданами и вліять на нихъ ускользаетъ у него изъ рукъ.

Однако въ 1821 году онъ выразилъ свое сочувствіе возстанію Грековъ въ драматической фантазіи «Эллада», полной искренняго одушевленія. Какъ поэтъ, стоящій на границѣ художественнаго восприятія и философской абстракціи, какъ поэтъ проповѣдникъ, Шелли лирикъ все-таки стоитъ выше своей трагедіи и своихъ поэмъ. Многіе теперь признали его первымъ лирикомъ Англіи и однимъ изъ первыхъ лириковъ всего міра. Его лирическія пьесы можно раздѣлить на двѣ категоріи: въ однѣхъ онъ воспѣваетъ природу такъ, какъ никто не воспѣвалъ ее ни до него, ни послѣ него, потому что никто не сжился съ нею, какъ Шелли. Про него съ бо́льшимъ правомъ чѣмъ про Гёте можно сказать: «съ природой одною онъ жизнью дышалъ».

Онъ, можно сказать, даже не воспѣваетъ, а воспроизводитъ ее и живетъ въ ней, и она ему понятна не одной своей стороной, а всѣми вмѣстѣ. Облако, западный вѣтеръ для него живыя существа, такія же, какъ онъ самъ. Растенія и животныя для него братья и сестры. Онъ самъ себя сравниваетъ съ Актеономъ, который погибъ отъ того, что не отвратилъ своего взгляда отъ обнаженной богини природы, и его пьесы этой категоріи удачно сопоставляютъ съ Гомеровскими гимнами и древнеиндусскими Вѣдами.

Въ пѣсняхъ, въ которыхъ онъ имѣетъ дѣло не съ природой, а съ людьми—переходомъ къ этой категоріи отъ предыдущей можетъ служить его знаменитая пѣсня «Жаворонку» (см. у Гербеля)—онъ

---

*) Самъ Шелли заявилъ, что онъ задумалъ „Прометея“ для пяти, шести лицъ.

возстаетъ противъ тиранніи всякаго рода и проповѣдуетъ гуманность ко всему, даже къ побѣжденной тиранніи—

«И пусть лишь одинъ не мрачитъ вамъ одежды
Цвѣтъ мести и памяти старыхъ обидъ»

—говоритъ онъ Грекамъ, предвидя ихъ освобожденіе. При всѣхъ своихъ личныхъ и общественныхъ разочарованіяхъ онъ до конца оставался самымъ горячимъ оптимистомъ, какого только знаетъ нашъ вѣкъ *).

Одни находятъ, что не Шелли владѣлъ своимъ геніемъ, а геній владѣлъ имъ, подобно тому, какъ дьяволъ владѣлъ въ средніе вѣка бѣсноватыми; другіе критики боготворятъ его; но всѣ должны сойтись въ томъ, что Шелли въ новое время чуть ли не единственный образщикъ поэта-пророка. Пророкомъ былъ Шелли и въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, напр. въ вопросѣ о парламентской реформѣ, проповѣдуя принципы, которые въ то время казались дикими и нелѣпыми, а черезъ 50 лѣтъ получили силу закона.

Шелли сравниваютъ съ Новалисомъ; между ними, дѣйствительно, много общаго: не только красота, молодость, ранняя смерть, безграничная мягкость натуры и отвращеніе къ насилію, но и тоже стремленіе проникнуть въ тайны природы, тоже соединеніе крайней чувствительности съ метафизикой, тотъ же недостатокъ пластичности, тѣни предметовъ вмѣсто самыхъ предметовъ и таже неопредѣленность стремленій. Различіе между ними обусловливается различіемъ національностей и времени. Новалисъ, скромный нѣмецкій вѣрноподданный, не помышлявшій о возможности революціи, Шелли сынъ свободной Англіи и воспитанникъ революціоннаго періода.

Шелли ярче, нежели Байронъ, представляетъ конецъ реакціи и свободолюбивый романтизмъ. «Пора намъ отдѣлаться, говоритъ онъ, отъ паническаго страха, внушеннаго революціей»; изъ того, что одинъ народъ послѣ долгаго рабства и страданій надѣлалъ ошибокъ при

*) Чтобы дать понятіе объ энергіи стиха Шелли и напряженія его чувства, приведемъ небольшой отрывокъ изъ его пьесы «Masque of Anarchy»:

Men of England, heirs of glory
Heroes of unwritten story,
Nurslings of one mighty mother
Hopes of her, and one another!
Rise, like lions after slumber,
In unvanquishable number
Shake your chains to earth like dew,
Wich in sleap had fall'n on you.
Je are many, they are few!

(Англичане, наслѣдники славы, герои неписанной исторіи, питомцы могущественной матери, надежда ея и другъ друга! Возстаньте, какъ львы послѣ сна въ непобѣдимомъ множествѣ. Сбросьте на землю, какъ росу, свои цѣпи, наложенныя на васъ во время сна; васъ много, а ихъ мало).

осуществленіи великихъ принциповъ, слѣдуетъ ли, что эти принципы должны навсегда потерять свою цѣну въ глазахъ человѣчества? Шелли больше, чѣмъ Байронъ, поэтъ-мыслитель и поэтъ-гражданинъ, и онъ тѣснѣе связанъ съ французскими романтиками—проповѣдниками гуманности и съ «Молодой Германіей» *).

Между Озерной школой съ одной стороны и Байрономъ и Шелли съ другой совсѣмъ одиноко стоитъ очень оригинальный поэтъ, жившій еще менѣе нашего Лермонтова, умершій такъ рано, что талантъ его еще не успѣлъ окончательно сложиться—**Джонъ Китсъ** (Keats). Онъ род. въ 1795 г. въ очень небогатой семьѣ—отецъ его сперва былъ извощикомъ, потомъ содержателемъ извощичьяго двора; 9-ти лѣтъ онъ потерялъ отца, а спустя немного времени—и нѣжно любимую мать, умершую отъ чахотки. Окончивъ ученье въ средней школѣ, Китсъ 15 лѣтъ поступилъ въ ученики къ хирургу, но, не чувствуя внутренней склонности къ медицинѣ, посвятилъ свои незаурядныя способности литературѣ; съ очень небольшой подготовкой и почти безъ посторонней помощи онъ сдѣлалъ себѣ подстрочный переводъ Виргилія и выучился по-гречески и по-итальянски. Немного позднѣе Китсъ въ качествѣ студента сталъ посѣщать госпитали, но не прерывалъ и своихъ литературныхъ занятій. 20 лѣтъ отъ роду онъ выдержалъ экзаменъ по хирургіи и получилъ мѣсто ординатора; но скоро онъ навсегда оставилъ медицину: онъ показалъ свои стохотворные опыты нѣсколькимъ пріятелямъ и въ томъ числѣ извѣстному критику и либеральному политическому писателю Ли-Генту (Leigh Hunt), редактору Examiner'а (ум. въ 1859 г. 75 лѣтъ отъ роду); Гентъ и др. признали въ этихъ опытахъ такой оригинальный и сильный талантъ, что Китсъ въ 1817 г. выпустилъ въ свѣтъ томикъ своихъ стихотвореній, а въ 1818 г. цѣлую поэму—**Эндиміонъ** **).

---

*) Новое изданіе его въ 3-хъ томахъ въ Лондонѣ 1878 г. D. G. Rosett; русская библіографія необширна, но представляетъ нѣсколько цѣнныхъ работъ: въ Рус. Словѣ 1864 г. № 8 и 9 напечатанъ хорошій переводъ его трагедіи «Ченчи» (Вейнберга); въ Отеч. Зап. 1873 №№ 1 и 5 статья г-жи Цебриковой о жизни и сочиненіяхъ Шелли; въ журн. Дѣло за 1880 г. № 9 и 10 помѣщена большая статья В. Басардина, очень обстоятельно излагающая его біографію. Въ Загр. Вѣст. 1882 г. №№ 1 и 2 помѣщенъ прекрасный переводъ Королевы Мабъ П. Минскаго и его же глубоко прочувствованная статья о значеніи Шелли. Вѣст. Евр. 1881 г. № 12 его же пер. **Аластора** и пр.

**) Въ ней около 4,000 стиховъ въ 4-хъ частяхъ. Въ основѣ поэмы лежитъ миѳъ объ Эндиміонѣ, царѣ пастуховъ и любимцѣ луны; Китсъ пользуется той его версіей, по которой Эндиміонъ влюбляется въ неизвѣстную ему богиню—она явилась ему во снѣ—и потомъ награждается за вѣрную любовь вознесеніемъ на небо; въ эту основную тему, обработанную очень свободно (Эндиміонъ у Китса, уже любя Діану, увлекается вакханкой, и сердце его раздирается между двумя чувствами, но потомъ оказывается, что вакханка и Діана одно и тоже лицо), вплетены другія миѳологическія сказанія объ Адонисѣ, о Главкѣ и пр.

Какъ въ лирическихъ его произведеніяхъ, такъ и въ поэмѣ видны поразительная сила воображенія и любопытное соединеніе романтической мечтательности и фантастики съ глубокимъ пониманіемъ духа греческой поэзіи и жизни; но какъ въ поэмѣ, такъ и въ лирикѣ много неровностей, преувеличеній и подчасъ замѣчается неумѣнье найдти подходящую форму для выраженія мысли или чувства *). Но во всякомъ случаѣ мелкія пьесы Китса должны были обратить на себя серьезное вниманіе художественной критики, а его поэма никакъ не заслуживала такого суроваго и ѣдкаго осужденія, какимъ ее встрѣтили литературные обозрѣватели Quarterly Revew и Blackwood Magazine, которые изъ ненависти къ кружку Гента, выставили ее образцемъ безсмыслицы и совѣтовали автору возвратиться къ покинутой имъ аптекарской ступкѣ.

Впослѣдствіи друзья Китса увѣряли, будто эта несправедливо-жестокая критика вогнала въ чахотку высокоталантливаго юношу, до тѣхъ поръ здороваго и сильнаго. Китсъ, дѣйствительно, считался здоровымъ, но расположеніе къ чахоткѣ у него было наслѣдственное; онъ зналъ, что его бранятъ такъ жестоко, чтобы выбранить Гента, и кромѣ того, дѣйствіе враждебной критики было въ значительной степени парализовано очень сочувственной статьей Джеффри. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эти нападенія имѣли сильное вліяніе на настроеніе духа поэта, которому и безъ того жизнь далеко не улыбалась: онъ до сихъ поръ не имѣлъ вѣрнаго куска хлѣба и даже не предвидѣлъ возможности скоро соединиться съ дѣвушкой, къ которой чувствовалъ страстную любовь.

Въ 1820 г. вышла 3-ья книга его произведеній, гдѣ кромѣ одъ, сонетовъ и небольшихъ поэмъ находится его эпическій отрывокъ Гиперіонъ.

Содержаніе первой изъ поэмъ—„Изабелла" взято изъ извѣстной новеллы Боккачіо о вѣрной любовницѣ (5-ая новелла 4-го дня; у Боккачіо героиня называется Lisabetta), которая умираетъ съ горя, когда жестокіе братья, убившіе ея возлюбленнаго, отнимаютъ у нея послѣднее утѣшеніе—горшокъ съ цвѣткомъ, заключающій въ себѣ голову Лоренцо; содержаніе второй—„Ламія" заимствовано изъ жизни Аполлонія Тіанскаго, узнавшаго ламію (полузмѣю, полувѣдьму) въ красавицѣ-невѣстѣ одного юноши; „Канунъ св. Агнесы" и „Канунъ св. Марка" (неокончена)—взяты изъ средневѣковыхъ полухристіанскихъ вѣрованій; но всѣ эти сюжеты обработаны совершенно самостоятельно и свободно. Такъ, напр., въ Ламіи мрачная демонологическая сказка обратилась въ чудную аллегорію, направленную противъ холоднаго разума и науки, разрушающихъ всю прелесть жизни **). Вотъ описательный отрывокъ изъ 4-ой поэмы: „Тихія улицы были

*) Всего неудачнѣй у Китса любовныя объясненія.

**) Разсказавъ о томъ, какъ влюбленный юноша проклинаетъ философа за разрушеніе его счастія и умираетъ съ горя (въ источникѣ ученикъ, напротивъ, благодаритъ учителя), поэтъ говоритъ: «не исчезаютъ ли всѣ очарованія отъ прикосновенія холод-

полны степенно шагающими набожными людьми; они только что покинули молитву у теплаго очага и направлялись съ сосредоточеннымъ видомъ къ вечернѣ; сводчатые, низкіе входы были полны молчаливой и терпѣливой толпой, которая тихо шепталась, ступая нерѣшительными шагами, въ то время, какъ стройно и громко звучалъ органъ".

Гиперіонъ—рядъ картинъ и сценъ изъ миѳологической эпохи борьбы титановъ съ новыми богами—идеалами красоты; поэтъ возбуждаетъ глубокое состраданіе къ гибнущимъ божествамъ, но читателя миритъ съ ихъ гибелью сознаніе необходимости прогресса: первый по красотѣ долженъ сдѣлаться и первымъ по могуществу. Вотъ какъ разсказываетъ младшая дочь Океана Климена о своей встрѣчѣ съ Аполлономъ: „Я стояла на красивомъ берегу, гдѣ дулъ мягкій вѣтерокъ, шедшій изъ страны, полной благоуханія деревьевъ и цвѣтовъ. Воздухъ былъ исполненъ спокойной радости, какъ я полна печали, и я почувствовала желаніе потревожить, нарушить этотъ покой музыкой нашихъ страданій. Я сѣла, взяла сладкозвучную лиру и начала мелодію. Но конецъ музыкѣ! пока я пѣла и неумѣлыми звуками наполняла эхо, съ тѣнистаго берега противулежащаго острова перемѣнчивый вѣтеръ принесъ волшебные звуки, которые одновременно устрашали и услаждали мой слухъ. Я бросила лиру на песокъ, и ее поглотила волна, какъ мою душу поглотили золотые звуки. Жизнь и смерть слышались въ каждомъ аккордѣ, въ каждомъ соединеніи упоительныхъ быстрыхъ звуковъ, падающихъ одинъ за другимъ, всѣ вмѣстѣ какъ жемчужины, сорвавшіяся внезапно съ нити. Затѣмъ опять другіе напѣвы, каждый, какъ голубь, оставляющій оливковую вѣтвь, чтобы, окрыленный музыкой вмѣсто тихихъ перьевъ, кружиться надъ моей головой, заставляя меня страдать отъ радости и грусти. Грусть превозмогла, и я закрыла руками свои негодующія уши; но, несмотря на усиліе дрожащихъ рукъ, моего слуха достигалъ сладкій голосъ, нѣжнѣе всякой музыки, громко взывавшій: „Аполлонъ! Молодой Аполлонъ! Свѣтлый, какъ утро, молодой Аполлонъ!" Я бѣжала, но голосъ преслѣдовалъ меня, крича: „Аполлонъ!"

О, отецъ! о братья! Еслибы вы чувствовали мои страданія!

(*Переводъ З. В.*).

Вотъ какъ Китсъ говоритъ о томъ же культѣ красоты въ своей прекрасной одѣ „Къ греческой урнѣ": „О памятникъ аттическаго искусства! прекрасная картина, населенная мраморными юношами и дѣвушками, полная лѣсныхъ вѣтвей и стоптанной травы!.. Когда старость разрушитъ это поколѣніе, ты останешься среди страданій нашихъ потомковъ, будешь другомъ людей, говоря имъ: „Красота есть истина, истина—красота"; вотъ все, что извѣстно на землѣ, и все, что нужно знать!"

Третья книга стихотвореній Китса имѣла положительный успѣхъ: враги старались обойти ее молчаніемъ, а число поклонниковъ молодого поэта значительно возросло; даже Байронъ, очень не любившій Китса и чуть не поссорившійся съ Джеффри за его сочувственный отзывъ о первыхъ его произведеніяхъ, прочтя Гиперіона, долженъ былъ сознаться, что эта поэма дѣйствительно вдохновлена титанами,

---

ной философіи? Была нѣкогда таинственная радуга на небѣ; теперь мы знаемъ, изъ чего она соткана, и она внесена въ перечень обыденныхъ вещей. Философія обрѣзаетъ крылья у ангеловъ, овладѣваетъ чудесами при помощи своихъ измѣреній, лишаетъ воздухъ его таинственныхъ обитателей, подземелья гномовъ, разсѣиваютъ радугу, какъ въ настоящемъ случаѣ она обратила въ тѣнь нѣжную Ламію». (Переводъ З. В.).

которыхъ она воспѣваетъ. Но болѣзнь Китса развивалась чрезвычайно быстро, и доктора настоятельно потребовали его удаленія изъ Англіи. Онъ уѣхалъ въ Италію, какъ онъ самъ ясно сознавалъ, чтобы умереть тамъ; сперва онъ поселился въ Неаполѣ, но тираннія, тамъ господствовавшая, сдѣлала ему отвратительнымъ этотъ прелестный городъ, и онъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ 1821 году. Шелли воспѣлъ безвременно погибшаго юношу съ высоко поэтической душей и громаднымъ талантомъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній: Адонаида, и тѣмъ обратилъ на него вниманіе многихъ, которые до тѣхъ поръ не знали его имени.

Китсъ представляетъ чрезвычайно оригинальное явленіе въ исторіи новой литературы: юный, неустановившійся поэтъ проникнутъ античнымъ пантеистическимъ натурализмомъ и объективностью почти въ той же степени, какъ и старецъ Гёте; онъ объективенъ даже въ своей лирикѣ. Но въ то же время онъ пылкій романтикъ по своему отвращенію отъ полезнаго и культу прекраснаго; онъ ненавидитъ псевдоклассиковъ и со страстью изучаетъ Шекспира, изъ котораго ему больше всего нравятся фантастическія пьесы, чтитъ поэтовъ Елизаветинской эпохи и Мильтона. Поэзія ума для него не существуетъ; по его убѣжденію, если поэзія не является такъ же естественно, какъ листья на деревьяхъ, ей и совсѣмъ не слѣдуетъ являться *).

Не менѣе оригинальную попытку соединить классицизмъ съ радикализмомъ въ политикѣ и романтизмомъ въ поэзіи представляетъ и другой, еще болѣе одиноко стоящій поэтъ Вальтеръ Саваджъ Ландоръ, тоже одинъ изъ англійскихъ скитальцевъ и мучениковъ свободы. Онъ жилъ такъ долго, что можетъ считаться и современникомъ Шеридана, и современникомъ Диккенса и Теккерея. Онъ род. въ 1775 г. въ Валлисѣ, происходилъ изъ благородной фамиліи и унаслѣдовалъ огромное состояніе; онъ учился въ Оксфордѣ, потомъ путешествовалъ, потомъ занялся устройствомъ судьбы своихъ фермеровъ, на что истратилъ огромную сумму денегъ; но, видя, что его со всѣхъ сторонъ обманываютъ, продалъ всѣ свои имѣнія, и уѣхалъ въ Испанію, гдѣ въ то время велась народная война противъ Наполеона; онъ сформировалъ на свой счетъ отрядъ волонтеровъ и храбро сражался за свободу Испаніи. Но послѣ воцаренія Фердинанда, Ландоръ отослалъ королю свой полковничій дипломъ, заявляя, что онъ не желаетъ имѣть ничего общаго съ королемъ-клятвопреступникомъ и

---

*) Лучшее изданіе произведеній Китса въ Лонд. 1869 г. По-русски о немъ есть очень хорошо составленная обстоятельная статья въ Вѣстн. Евр. 1889, №№ 10 и 11: «Джонъ Китсъ и его поэзія». З. В. См. также о немъ въ статьѣ Louis Etienne'а въ Rev. d. d. Mondes 1867 г. 15 мая: «Le paganisme poétique en Angleterre.

измѣнникомъ. Въ 1819 г. онъ отправился въ Италію и тамъ, преимущественно во Флоренціи, прожилъ болѣе 40 лѣтъ; только въ 1857 г. онъ вернулся въ Англію, но потомъ снова покинулъ ее и умеръ во Флоренціи же 1864 г. Всю жизнь онъ поддерживалъ всякія революціонныя движенія и боролся противъ тиранніи; онъ помогалъ Гарибальди и уже 80 л. отъ роду объявилъ, что вдовѣ убійцы Наполеона III онъ готовъ завѣщать все свое состояніе. Всѣ политическіе изгнанники находили у него привѣтъ, и онъ поддерживалъ ихъ, чѣмъ могъ.

Ландоръ написалъ вдвое больше Байрона, но никогда не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха: критика встрѣчала всѣ его произведенія или холодно, или насмѣшливо. Но Ландора это, повидимому, вовсе не огорчало: онъ слишкомъ презиралъ мнѣніе своихъ ближнихъ и ставилъ самъ себя очень высоко. На 75 году жизни онъ такъ говоритъ о себѣ въ маленькомъ стихотвореніи:

Не спорилъ я ни съ кѣмъ: не стоило труда; Любилъ искусство я, а болѣе—природу; Предъ жизненнымъ костромъ грѣлъ руки я всегда, Но гаснетъ онъ, и вотъ ужъ я готовъ къ отходу.	I strove with none, for none was worthy my strife; Nature I loved and next to Nature Art. I warmed both hands before the fire of life; It sinks, and I am ready to depart. (*Пер. Ѳ. К.*).

Только съ 50-хъ годовъ критика обратила на него вниманіе и стала отдавать ему справедливость; но и теперь нельзя не признать, что ученый и мыслитель въ немъ подавилъ поэта; яркимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что первую свою поэму «Gebir» (явилась въ 1748 г.) *) онъ написалъ сперва по-латыни. Рано началъ онъ работать надъ самымъ цѣннымъ своимъ произведеніемъ «Вымышленными разговорами литераторовъ и государственныхъ людей» (Imaginary conversations of literary men and statesmen), но издалъ первую серію ихъ только въ 1824 г. (въ 3-хъ томахъ), а вторую въ 1836 г. Въ этихъ 125 діалогахъ онъ выводитъ на сцену знаменитыхъ мужей древности, которую онъ зналъ превосходно, а также дѣятелей новой исторіи и своихъ современниковъ, иногда самого себя и другихъ англійскихъ писателей. Нѣкоторые изъ «Разговоровъ» представляютъ превосходныя характеристики и очень живыя картины нравовъ, одухотворенныя умными мыслями; другіе—рѣзкую и сильную политическую сатиру; но въ нихъ же часто встрѣчаются и парадоксы и стремленіе оригинальничать, недостойное такого умнаго человѣка **).

*) Раньше этого, еще на 18 году жизни онъ издалъ томикъ своихъ стихотвореній.

**) Онъ напр. стремится доказать, что Неронъ принесъ огромную пользу Риму въ гигіеническомъ отношеніи, поджегши городъ; онъ убѣждаетъ грековъ выступить противъ турокъ не съ ружьями, а по старинному—съ луками и стрѣлами и т. д.

Его романъ «Периклъ и Аспазія» (1836 г.) основывается на старательномъ изученіи эпохи и въ Аспазіи удачно рисуетъ свободную и всецѣло эстетическую женскую натуру; но онъ растянутъ, и форма его (разсказъ въ письмахъ) выбрана неудачно.

Его драмы: Count Julian (1831 г.) и трилогія, состоящая изъ пьесъ: Andrea of Hungary, Giovanna of Naples и Fra Rupert—не годятся для сцены, хотя въ нихъ и нельзя отрицать значительной драматической силы.

Ландоръ—человѣкъ съ очень широкимъ образованіемъ и развитымъ вкусомъ; кромѣ того онъ смѣлъ и откровененъ. Поэтому къ его литературнымъ сужденіямъ—онъ работалъ въ журналахъ—поневолѣ прислушивались люди, не признававшіе въ немъ творческаго таланта. Онъ терпѣть не можетъ псевдоклассиковъ и Попа и преклоняется передъ Мильтономъ. Онъ всецѣло раздѣляетъ основные принципы Вортсворта и, несмотря на разность политическихъ мнѣній, выражаетъ уваженіе къ Соути. Но какъ жрецъ свободы, онъ еще выше цѣнитъ Китса и Шелли и высказываетъ горькое раскаяніе въ томъ, что не посѣтилъ Шелли, повѣривъ сплетнѣ о его злодѣйскомъ поступкѣ съ женою; онъ считаетъ безвременно погибшаго поэта высокой и свѣтлой личностью, рѣдкимъ соединеніемъ творческаго генія и философскаго ума. Но Байрона онъ терпѣть не могъ, такъ какъ тотъ осмѣялъ его юношескую поэму «Gebir» *).

ГЛАВА III.

Нѣмецкая литература въ первыя десятилѣтія XIX в.

Чтобы не разбивать на части исторіи литературной дѣятельности Гёте, мы въ XVI главѣ Новой литературы должны были сказать о многихъ выдающихся явленіяхъ въ первыя 30 лѣтъ нашего столѣтія. Теперь мы возвращаемся назадъ и прежде всего скажемъ о дальнѣйшей судьбѣ основателей романтической школы и о распространеніи ихъ идей между молодежью.

Мы оставили ихъ почти на самой грани 2-хъ столѣтій **), когда послѣ лекцій Авг. Шлегеля въ Берлинѣ основатели школы разсѣялись по лицу Европы, разсѣялись не такъ, какъ воины разбитой арміи, а какъ миссіонеры, глубоко вѣрующіе въ истину своей проповѣди.

*) Біографія Ландора издана извѣстнымъ Форстеромъ въ Лондонѣ, въ 2-хъ томахъ, въ 1869 г. Полное собраніе его сочиненій вышло тамъ же, въ 1876 г. въ 7 томахъ.

**) Вып. XXIV, стр. 275—6.

Мы видѣли, что романтики, люди по природѣ свободомыслящіе и революціонеры въ области мысли, въ политикѣ почти всѣ отличались полнѣйшей безцвѣтностью, такъ какъ по принципу относились равнодушно къ обыденной дѣйствительности и политической жизни. Тикъ когда-то сочувствовалъ французской революціи, но, сознавъ важность своей художественной миссіи, забылъ объ ней и думать; если въ его пьесахъ встрѣчаются выходки противъ просвѣщенія, то не потому, что это просвѣщеніе породило ужасы террора, а потому, что оно слишкомъ превознесло разумъ и стремилось подавить чувство и фантазію.

Пока война велась на границахъ и даже за границами Германіи, а слабыя правительства послѣдней подозрительно смотрѣли на всѣхъ мыслящихъ людей, какъ на тайныхъ якобинцевъ, такое отношеніе къ политикѣ со стороны молодыхъ литераторовъ было вполнѣ возможно и понятно. Но скоро обстоятельства измѣнились. 1806 годъ былъ самымъ несчастнымъ годомъ для Пруссіи и всей сѣверной Германіи: она была покорена французами. Нѣмецкіе театры вездѣ закрываются, и многіе выражаютъ страхъ, что черезъ 100 лѣтъ въ этой странѣ не будетъ слышно нѣмецкой рѣчи. Это вызвало цѣлый рядъ реформъ и возбудило заснувшее патріотическое чувство нѣмцевъ; поэты и ученые забыли свои чернильныя распри; романтики уже не могли оставаться на высотѣ своихъ идеальныхъ стремленій и стали во главѣ этого движенія и черезъ то пріобрѣли всеобщее сочувствіе. Уже весною 1806 года Авг. Шлегель требовалъ отъ друзей такой поэзіи, которая въ эти тяжелые дни поднимала бы духъ народа. Шеллингъ доказываетъ, что истинное искусство должно быть непремѣнно народно. Фихте, до тѣхъ поръ преслѣдуемый правительствомъ, былъ вызванъ въ Берлинъ; его «Рѣчи къ нѣмецкой націи» (Reden an die deutsche Nation) 1808 г. возбудили страшное воодушевленіе въ молодежи; въ нихъ онъ убѣждаетъ мыслителей спуститься съ неба на землю и въ проникновеніи патріотизмомъ видитъ панацею. Съ такой же энергіей дѣйствовалъ онъ и во время войны за освобожденіе и палъ ея жертвой, заразившись въ госпиталѣ горячкой (27 янв. 1814 г.). Фр. Шлегель, уже въ 1803 г. принявшій въ Кёльнѣ, вмѣстѣ со своей женою, вышеупомянутой (стр. 271) Доротеей Мендельсонъ (умерла 1839 г.) католицизмъ, въ 1808 г., подведя итоги своимъ парижскимъ работамъ въ книгѣ «О языкѣ и мудрости Индусовъ», переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ старшій его братъ читалъ охарактеризованныя въ книгѣ M-me Сталь публичныя лекціи о драмѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1809 г. въ качествѣ секретаря главной квартиры; содѣйствовалъ въ борьбѣ съ Наполеономъ знаменитому публицисту Гентцу (см. ниже); издавалъ пылкія про-

кламаціи, которыя должны бы были одушевить всѣ сословія, и въ томъ же духѣ редактировалъ Армейскую газету. «Да будетъ мое сердце и моя кровь посвящены спасенію отечества!» *) восклицаетъ онъ въ это время.

Неудача австрійской войны снова возвратила Фридриха Шлегеля къ учено-литературной дѣятельности; онъ читалъ въ Вѣнѣ публичныя лекціи, которыя потомъ издалъ подъ заглавіями: «О новѣйшей исторіи» («Ueber die neuere Geschichte» 1811 г.) и «Исторія древней и новой литературы» **). Второе изъ этихъ произведеній особенно важно: оно переиздавалось много разъ, переведено на всѣ языки ***) и можетъ считаться первой, хотя и далекой отъ совершенства во многихъ отношеніяхъ ****) и испорченной тенденціозностью, но все-же чрезвычайно остроумной попыткой набросать исторію всеобщей литературы.

Скоро Фр. Шлегель подпалъ вліянію Меттерниха и сдѣлался крайнимъ пессимистомъ. Онъ исполнялъ разнообразныя дипломатическія порученія, дѣйствовалъ какъ публицистъ и продолжалъ съ успѣхомъ свою учено-литературную дѣятельность: читалъ лекціи по философіи жизни, по философіи исторіи; но все это онъ дѣлалъ уже не ради идеи общественной пользы, а ради житейскихъ выгодъ; бывшій аскетъ обратился въ эпикурейца; бывшій проповѣдникъ свободы—въ поклонника среднихъ вѣковъ и почти гасителя просвѣщенія. Онъ умеръ въ 1829 г. 57 лѣтъ отъ роду. Его сочиненія изданы въ 15-ти томахъ, въ 1846 г. *****).

Въ отношеніи постепеннаго перехода романтическаго либерализма въ эгоистическій пессимизмъ и обскурантизмъ еще болѣе яркимъ примѣромъ можетъ служить вышеупомянутый публицистъ Гентцъ, характеристикой котораго Брандесъ заканчиваетъ свою книгу о нѣмецкомъ романтизмѣ.

---

*) Es sei mein Herz und Blut geweiht
Dich, Vaterland, zu retten.

**) Изд. въ 2-хъ том. 1815 (Geschichte der alten und neuen Literatur. Sechszehn Vorlesungen gehalten zu Wien im Jahre 1812).

***) По-русски выдержала 2 изданія: 2-ое въ 2-хъ томахъ, Спб. 1834.

****) Авторъ въ предисловіи самъ признаетъ, что въ его исторіи слишкомъ много философіи; но это вяжется съ его представленіемъ о литературѣ, какъ о совокупности умственной жизни народа. Насколько смѣлы для того времени его критическіе взгляды, можно судить хотя потому, что ставя поэмы Гомера (въ личное его творчество онъ не вѣритъ) безконечно выше всякаго искусственнаго эпоса, онъ не безусловно восхищается имъ; по глубинѣ чувства, онъ думаетъ: ихъ превосходитъ эпосъ сѣверный, а по живости красокъ—восточный, но греческій эпосъ имѣетъ громадное преимущество по ясности ума и внутреннему равновѣсію.

*****) Изъ послѣднихъ работъ о немъ см. Minor (Jacob) Fr. Schlegels Jugend-Schriften. Нѣсколько одностороннюю, но высокоталантливую характеристику его см. Гейне: „Романтическая школа“, русскій переводъ томъ V, кн. I—II.

Фридрихъ Гентцъ (впослѣдствіи фонъ-Гентцъ) родился въ 1764 г. въ бюргерскомъ семействѣ; воспитывался въ Кёнигсбергскомъ университетѣ и усердно посѣщалъ лекціи Канта; онъ началъ свою службу въ Берлинѣ и сразу выдвинулся своими способностями. Платоническая любовь къ одной дамѣ не помѣшала ему вступить въ бракъ по разсчету, а женитьба не помѣшала предаваться всевозможнымъ излишествамъ. Революція 1789 г. привела его въ восторгъ. „Это первый практическій тріумфъ философіи!—восклицалъ онъ:—первый примѣръ правленія, основаннаго на разумныхъ началахъ, надежда и утѣшеніе во всѣхъ старыхъ бѣдствіяхъ, отъ которыхъ стонетъ человѣчество!" Но скоро его взглядъ на французскую революцію измѣняется радикально. Гентцъ увлекается англійской конституціей: при восшествіи на престолъ Фридриха III онъ подаетъ королю записку, гдѣ убѣждаетъ его дать свободу печати (противъ которой онъ возставалъ впослѣдствіи съ такимъ ожесточеніемъ). Англійское правительство сочло нужнымъ поддерживать въ Гентцѣ англоманскій пылъ, присылая ему отъ времени до времени довольно крупныя суммы; а деньги были нужны Гентцу: онъ волочился за танцовщицами и несчастливо игралъ въ азартныя игры. Разгульная жизнь и политика не мѣшали ему отъ времени до времени предаваться сантиментальности. Въ апрѣлѣ 1801 г. онъ записываетъ въ дневникѣ: „Сильно огорченъ смертью собаки". Во время поѣздки въ Веймаръ, гдѣ онъ сошелся со всѣми корифеями литературы, онъ познакомился съ поэтессой Амаліей Имхофъ *), страстно влюбился въ нее и твердо рѣшилъ измѣнить образъ жизни. Но вскорѣ по возвращеніи въ Берлинъ, онъ заноситъ въ дневникъ: „Слѣдствія Веймарскаго рѣшенія: 23-го декабря проигралъ все, что у меня было". Нѣкоторое время онъ переписывается съ Амаліей Имхофъ, потомъ безумно влюбляется въ актрису и забываетъ все. „Maintenant c'est le délire complet", записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Жена оставляетъ его; въ тотъ же вечеръ, чтобы забыть домашнія непріятности, онъ отправляется играть. Скоро пребываніе въ Берлинѣ стало для него невозможнымъ, и онъ перешелъ на службу въ Австрію, чтобы сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Меттерниха. Но прежде этого онъ имѣлъ свое время блеска и славы. Ненависть къ французскому владычеству и къ Наполеону, при большомъ талантѣ, сдѣлала его нѣмецкимъ Демосѳеномъ; онъ пишетъ прекрасныя статьи и искусно дѣйствуетъ, чтобы составить противъ тирана союзъ. Даже Аустерлицъ не устрашаетъ его. Когда самые, повидимому, вѣрные люди переходятъ на сторону Наполеона, Гентцъ остается одинъ непоколебимымъ и съ горечью обличаетъ въ глаза тѣхъ, „чья жизнь непрестанная конституція". Но удовольствія, которымъ предалась Вѣна въ 1809—10 годахъ, увлекли Гентца; денежныя затрудненія отдали его въ руки Меттерниху. Надо сказать къ чести Гентца: нравственное паденіе не легко обошлось ему: женская нервозность, душевная усталость—его постоянное состояніе; онъ иронизируетъ и надъ всѣмъ окружающимъ и надъ самимъ собою. Къ политикѣ онъ относится довольно равнодушно; покой, покой, во что бы то ни стало, вотъ его политическій лозунгъ. Изъ апатіи его и подобныхъ дѣятелей можетъ вывести только то, что грозитъ ихъ благосостоянію: Гентцъ требуетъ строжайшей цензуры для печати (даже на нѣсколько лѣтъ желалъ бы упразднить печать) и послѣ убійства Коцебу заботится объ искорененіи патріотическихъ обществъ. На 65 году жизни съ

*) Амалія v. Helwig, урожд. Imhoff, род. 1776 г. въ Веймарѣ, была въ дружбѣ съ Гёте и Шиллеромъ, которые признавали въ ней поэтическій талантъ; въ 1800 г. напечатала въ Шиллеровомъ Альманахѣ Музъ поэму въ 6 пѣсняхъ: Лезбосскія сестры (Die Schwestern von Lesbos), въ 1803 г. вышла замужъ за шведскаго полковника Гельвига и переѣхала въ Стокгольмъ, а оттуда въ Берлинъ, въ 1826 г. перевела на нѣм. Тегнерова Фритіофа, ум. 1832 г.

нимъ случилось чудо: старый, разбитый жизнью подагрикъ вдругъ обратился въ юношу. Во-1-хъ онъ, безумно влюбился въ 19-лѣтнюю танцовщицу Фанни Эйслеръ. „Я овладѣлъ ею волшебной силой моей любви, пишетъ онъ; не зная меня, она и не подозрѣвала, что существуетъ такая любовь. Въ созерцаніе каждой ея прелести я могу погрузиться на цѣлые часы; голосъ ея чаруетъ меня; я веду съ ней, какъ со способнѣйшей ученицей, нескончаемые разговоры; она въ одно и тоже время и моя возлюбленная и мое дорогое дитя“.

Во-2-хъ, его увлекла противъ его воли „Книга пѣсней“ Гейне, недавно появившаяся. Онъ бранитъ автора, но купается, по его выраженію, по цѣлымъ часамъ въ этихъ меланхолическихъ, сладкихъ волнахъ. Даже тѣ пѣсни, которыя онъ признаетъ прямо оскорбительными для божества, невольно увлекаютъ его и онъ перечитываетъ ихъ помногу разъ. Гентцъ въ концѣ поприща не могъ не чувствовать, что реакціи идти дальше некуда: отпаденіе Шатобріана, движеніе въ Греціи, все это указывало на начало новаго періода, на реакцію противъ реакціи. Но о будущемъ Гентцъ и подобные ему политики заботились мало: „только бы на нашъ вѣкъ хватило, разсуждали они, а тамъ хоть трава не рости“. Гентцу дѣйствительно хватило: онъ ум. въ 1832 г. и былъ похороненъ по протестантскому обряду, такъ какъ оказалось, что формально онъ никогда не перемѣнялъ религіи, а только ради благъ земныхъ считался католикомъ. Важнѣйшія его произведенія изданы Вейкомъ (Weick, 5 тт. Stuttg. 1836—38) и Шлезіеромъ (5 тт. Manh. 1838—1840).

Августъ Шлегель во время долговременныхъ сношеній съ M-me Сталь сильно подчинился вліянію этой высокоталантливой женщины и, можетъ быть, вслѣдствіе этого никогда не доходилъ до такого обскурантизма, какъ его младшій братъ. Послѣ вышеупомянутыхъ лекцій «о драматическомъ искусствѣ и литературѣ», онъ писалъ много стиховъ, въ которыхъ нѣтъ творчества, но есть поразительное искусство версификаціи, и въ томъ числѣ свою элегію «Римъ» (перевед. на русск. яз. Ѳ. Миллеромъ см. у Гербеля. Нѣм. поэты стр. 351 и слѣд.) M-me Сталь рекомендовала его шведскому двору; онъ былъ пожалованъ дворяниномъ и совѣтникомъ посольства, въ 1813 году прикомандировался къ шведской штабъ-квартирѣ и сочинялъ по-французски и по-нѣмецки прокламаціи и летучіе листки на помощь дѣлу освобожденія.

По окончаніи войны Авг. Шлегель съ M-me Сталь путешествовалъ по Италіи, и жилъ въ Швейцаріи. Послѣ смерти M-me Сталь онъ принялъ каѳедру въ новооснованномъ Боннскомъ университетѣ, гдѣ въ 1819 году его слушалъ Гейне *), обязанный ему очень многимъ. Въ это время и позднѣе Шлегель занимался главнымъ образомъ санскритомъ, издалъ отрывокъ изъ Магабгараты и переводилъ Рамаяну. Въ 1827 году онъ читалъ въ Берлинѣ курсъ публичныхъ лекцій **) „о теоріи и исторіи искусствъ“.

О себѣ онъ былъ очень высокаго мнѣнія и на своихъ товарищей по каѳедрѣ и молодыхъ ученыхъ и литераторовъ смотрѣлъ сверху внизъ, а такъ какъ значительная часть ихъ далеко обогнала его, то это дѣлало его смѣшнымъ

*) „Романт. школа“, русск. пер. V, 262.

**) Изд. въ 3-хъ томахъ въ Гейдельб. 1809—11. Прекрасный разборъ ихъ см. у Шевырева: Теорія поэзіи, изд. 1887 г. стр. 207 и слѣд.

и для многихъ антипатичнымъ; но исторія нѣмецкой науки и литературы не можетъ не признать его огромныхъ заслугъ; что ученики обогнали учителя, это вполнѣ естественно и дѣлаетъ честь учителю.

Авг. Шлегель ум. въ 1845 г. Его Sämmtliche Werke изданы Böching'омъ въ 1846—47 г.г. Изъ послѣднихъ работъ о немъ см. Minor (Jacob) W. Schlegels Vorlesung. Heilbr. 1888.

Людвигъ Тикъ болѣе другихъ основателей школы остался вѣренъ принципу равнодушія къ политикѣ и не принималъ непосредственнаго участія въ великомъ дѣлѣ освобожденія Германіи. Отъ появленія его архи-романтической драмы «Octavianus» (1804 г. составлена на основаніи извѣстной народной книги того же названія), въ которой совсѣмъ нѣтъ дѣйствія, а только длинный рядъ лирико-фантастическихъ моментовъ *) въ родѣ 2-ой части Фауста, до 1815 г. ему жилось сравнительно съ прежнимъ очень плохо.

Онъ будто лишился своей продуктивной силы, писалъ очень мало **), а потому сильно нуждался въ деньгахъ; кромѣ того онъ страдалъ ревматизмомъ. Къ счастію, онъ нашелъ себѣ прибѣжище въ семьѣ графовъ Финкенштейнъ, въ имѣніи которыхъ близъ Франкфурта на Одерѣ и проживалъ большую часть времени. Въ 1805—6 г. онъ былъ въ Италіи; тамъ и позднѣе въ Германіи онъ довольно усердно занимался старонѣмецкимъ, а также и исторіей англійскаго театра. Онъ ознакомилъ публику съ поэмой о королѣ Ротерѣ, въ 1811 г. издалъ книгу о староанглійскомъ театрѣ, а въ 1812 г. знаменитую книгу Ульриха Лихтенштейна: «Служеніе дамамъ».

Послѣ умиротворенія Европы Тикъ почувствовалъ себя лучше и въ 1815 г. выступилъ съ своей драматической сказкой Фортунатъ ***) тоже, какъ и Октавіанъ, на основаніи народной книги, но съ бо̀льшей эпичностью содержанія.

Побывавъ во Франціи и въ Англіи, Тикъ вмѣстѣ съ графами Финкенштейнъ переѣхалъ въ 1818 г. въ Дрезденъ, гдѣ скоро собралъ около себя кружокъ и началъ работать съ юношеской почти энергіей.

Въ это время творчество его измѣняетъ и форму и характеръ: вмѣсто сказокъ и драмъ онъ пишетъ психологическія новеллы, которыя по сравненію съ прежними его произведеніями могутъ быть названы реальными: содержаніе большей части ихъ взято изъ обыденной дѣйствительности; фантастическаго, сверхъестественнаго въ нихъ почти ничего нѣтъ; характеры дѣйствующихъ лицъ представляютъ такія крайности, которыя въ жизни встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, но которыя за то съ поразительной яркостью выражаютъ идею автора: если напр. онъ изображаетъ молодыхъ влюбленныхъ супруговъ, которые живутъ настоящимъ днемъ, не думая о будущемъ, онъ доводитъ ихъ мило-легкомысленную философію

*) См. большой отрывокъ изъ нея въ прекрасн. переводѣ Ѳ. Миллера у Гербеля стр. 372 и слѣд.

**) Единственная его оригинальная вещь, вышедшая за это время, это 2 тома сборника Phantasus (1812);. но большинство его статей—перепечатка лучшихъ его произведеній перваго періода его дѣятельности.

***) Перев. на русскій языкъ Шишковымъ 2-мъ въ Избранномъ нѣм. театрѣ 1831 г. т. II.

до такой крайности, что они сжигают въ печкѣ свою собственную лѣстницу, сообщающую ихъ съ міромъ *); если онъ подмѣчаетъ, что лгунъ иногда вѣритъ въ свою ложь, онъ выводитъ передъ нами лгуна идеальной честности, который готовъ отдать голову на отсѣченіе за всякое слово, имъ сказанное; скупость у него превращается въ мономанію и т. д. Хотя дидактическій и пессимистическій элементы и здѣсь иногда подавляютъ поэтическій, въ общемъ таланту Тика вполнѣ по плечу такіе реально-фантастическіе очерки, и новеллы его дрезденскаго періода суть наиболѣе совершенныя изъ его произведеній; только въ нихъ его пресловутая психопатическая иронія дорабатывается до здороваго юмора. Между ними есть и повѣсти историческія, преимущественно изъ жизни поэтовъ **). Въ 1826 г. онъ издалъ отрывокъ романа: „Возстаніе въ Севеннахъ", обѣщавшаго нѣчто очень хорошее, но такъ и оставшагося въ видѣ отрывка. Между тѣмъ его литературная слава, рядъ его интересныхъ работъ по театру и замѣчательное искусство чтенія въ 1825 г. доставили ему мѣсто драматурга и отчасти главноуправляющаго королевскаго театра; но усиленныя занятія по театру не мѣшали его творческой производительности, которая начинаетъ слабѣть только къ концу 30-хъ годовъ. Въ послѣднемъ своемъ крупномъ произведеніи: Викторія Аккорамбони (1840 г.) ***) онъ старается быть еще болѣе реалистомъ, чѣмъ въ новеллахъ.

Фридрихъ Вильг. IV, вскорѣ послѣ своего вошествія на престолъ, призвалъ Тика въ Берлинъ съ жалованьемъ въ 3000 талеровъ и почти безъ всякихъ опредѣленныхъ обязанностей, только чтобы дать ему возможность спокойно работать. Но Тикъ былъ уже слишкомъ старъ и измученъ; новое поколѣніе мало интересовалось имъ, и онъ жилъ почти забытый; смерть его въ 1853 г. вновь напоминала о немъ ****).

Въ тяжелое время угнетенія Германіи на литературное поприще выступаетъ цѣлый рядъ даровитыхъ поэтовъ и ученыхъ, которые всѣ такъ или иначе примыкаютъ къ романтической школѣ. Изъ нихъ прежде всего назовемъ безвременно погибшаго, по мнѣнію многихъ талантливѣйшаго изъ романтиковъ, котораго не стыдно назвать послѣ Шиллера и Гёте—Клейста.

Генрихъ фонъ-Клейстъ происходилъ изъ того же дворянскаго рода, изъ котораго вышелъ лирикъ Эвальдъ фонъ-Клейстъ, упомянутый нами въ біографіи Лессинга *****). Онъ родился 1777 г. во Франкфуртѣ на Одерѣ, былъ сынъ бѣднаго офицера прусской службы, рано потерялъ родителей и былъ воспитанъ теткою. Онъ учился въ корпусѣ, уже 19 лѣтъ отъ роду былъ офицеромъ гвардіи; но военная

---

*) См. Повѣсть: „Избытокъ жизни" въ русск. переводѣ. Отеч. Зап. 1839 г. т. II, стр. 255. (Des Lebens Ueberfluss 1838; перепечатана въ I т. Novellenschatz).

**) Кальдерона (Der Tod des Dichters), Шекспира и пр.

***) Переведена въ От. Зап. за 1841 г., томъ XV. Изъ повѣстей Тика переведены: Бѣлокурый Экбертъ, Моск. Вѣстн. 1830 г. № 6 (Шишковымъ 2-мъ), Пьетро Апоне волшебная повѣсть, Моск. Вѣстн. 1828 г. №№ 4 и 5 и др.

****) Лучшая его біографія написана Кёпке (Köpke: Ludwig Tieck. Errinerungen aus dem Leben des Dichters nach dessen mündlichen und schriftlichen Mitteilungen, Leipz. 1855 г. въ 2-хъ частяхъ). Изъ новѣйшихъ работъ мы назовемъ статью вѣнскаго профессора Минора: Tieck, als Novellendichter.

*****) См. III, 2-ая ч., стр. 119—20.

служба не понравилась ему; онъ вышелъ въ отставку, поступилъ въ университетъ и со всею страстностью своей природы накинулся на занятія математикой и философіей Канта. Онъ былъ крайне раздражительный, нервный человѣкъ, на многихъ производившій впечатлѣніе сумасшедшаго; къ тому же онъ очень рано сталъ прибѣгать къ опіуму. Онъ безъ особыхъ причинъ разошелся со своей невѣстой, ссорился съ нѣжно любимой сестрой и нѣсколько разъ радикально мѣнялъ планъ своей жизни. Литературную свою дѣятельность онъ началъ прямо съ драмы; въ бытность въ Швецаріи онъ написалъ драму: Семейство Шроффенштейнъ *), набросалъ комедію «Разбитая кружка» и нѣсколько сценъ изъ трагедіи «Робертъ Гюискардъ». Осенью 1802 г. онъ былъ въ Веймарѣ, познакомился съ Гёте, Шиллеромъ и Виландомъ, который пришелъ въ восторгъ отъ его чтенія отрывковъ Роберта Гюискарда. Отъ философіи Канта онъ однимъ скачкомъ перебросился въ самый крайній мистицизмъ, граничившій съ спиритизмомъ, или пожалуй съ мономаніей; то онъ воображалъ себя великимъ поэтомъ, то приходилъ въ совершенное отчаяніе на счетъ своихъ способностей и силъ. Въ одномъ изъ такихъ припадковъ онъ, путешествуя по Франціи, послѣ напрасныхъ стараній уговорить своего друга совмѣстно лишить себя жизни, сжегъ Роберта Гюискарда и всѣ свои поэтическіе наброски и вздумалъ поступить во французскую военную службу. Его почти выслали на родину, гдѣ онъ заболѣлъ довольно сильно. Когда онъ оправился, родные уговорили его поступить въ чиновники, и онъ 2 года (1804—1805) прожилъ смирно, почти покинувъ литературу. Потомъ снова зашевелились планы въ его головѣ: онъ написалъ прекрасную новеллу: Die Marquise von O, передѣлалъ Мольерова Амфитріона и обработалъ свою комедію: «Разбитая кружка» (напечатана 1806 г.).

Вотъ краткое ея содержаніе:

Дѣйствіе происходитъ въ одной деревнѣ близъ Утрехта; мѣстный судья Адамъ, человѣкъ безнравственный, полюбилъ молодую дѣвушку Еву, дочь вдовы Марты Руль; онъ пытается овладѣть ея сердцемъ, хотя ему извѣстно, что оно отдано молодому Рупрехту Фейтцъ, сыну зажиточнаго крестьянина. Чтобы достигнуть своей цѣли или, по крайней мѣрѣ, набросить тѣнь на репутацію Евы, судья назначаетъ ей ночное свиданіе, отъ котораго она не можетъ отказаться, такъ какъ онъ обѣщаетъ ей выдать бумагу, чтобы избавить Рупрехта отъ военной службы въ далекой Остъ-Индіи. Во время свиданія Ева убѣждается въ безчестныхъ намѣреніяхъ Адама; къ счастью для нея, является ея возлюбленный Рупрехтъ, и судья, неузнанный въ темнотѣ и избитый Рупрехтомъ, спасается бѣгствомъ, причемъ теряетъ свой парикъ и разбиваетъ дорогую кружку Марты. На этотъ шумъ и суматоху прибѣгаетъ сама Марта и сосѣди; видя дочь и Рупрехта вдвоемъ, Марта обвиняетъ молодого человѣка въ покушеніи на честь дочери, а

*) Die Familie Schroffenstein вышла безъ имени автора въ 1803 г. (Zürich und Bern).

Рупрехтъ клянетъ мать и дочь, вполнѣ увѣренный въ коварной измѣнѣ послѣдней. Мать рѣшается пожаловаться на него судьѣ, тому же Адаму. Во время суда Адамъ старается взвалить всю вину на Рупрехта или на другого крестьянина, но его положеніе сильно затруднено присутствіемъ ревизора, который скоро убѣждается, что дѣло нечисто. Наконецъ Адама уличаетъ служанка Бригитта, которая видѣла всѣ его похожденія и нашла парикъ, такъ что дѣло оканчивается наказаніемъ порока и награжденіемъ скромной добродѣтели Евы; только неугомонная Марта готовится подавать на аппеляцію въ высшій судъ, чтобы взыскать убытки за разбитую кружку.

Тяжелое положеніе отечества въ 1806 году сильно волновало Клейста: смиреніе нѣмцевъ приводило его въ глубокое негодованіе, и онъ мечталъ возбудить въ Германіи народную войну въ родѣ испанской. Повидимому, это дошло до полиціи Наполеона. Когда Клейстъ въ 1807 г. поѣхалъ въ Берлинъ, его арестовали у заставы, несмотря на законный паспортъ, и препроводили во французскую крѣпость, гдѣ и продержали его нѣсколько мѣсяцевъ. Клейстъ воспользовался этимъ невольнымъ досугомъ, написалъ нѣсколько новеллъ и трагедію Пентезилея (Penttesilea) *), въ болѣзненно дикомъ характерѣ героини которой онъ пытался выразить свои душевныя муки. Получивъ свободу, Клейстъ появляется въ Дрезденѣ и издаетъ журналъ Phoebus. Около того же времени онъ написалъ лучшую изъ своихъ новеллъ Михаилъ Кольгаасъ (Michael Kohlhaas) **) и набросалъ рыцарскую драму Кетхенъ изъ Гейльбронна, которая до сихъ поръ держится на нѣмецкой сценѣ и считается одной изъ наиболѣе національныхъ пьесъ Германіи.

Говорятъ, что Клейстъ рѣшился написать эту странную драму изъ чисто личнаго побужденія: онъ хотѣлъ показать одной знакомой барышнѣ, какова должна быть истинная любовь. Героиня пьесы—дитя любви высокаго происхожденія, но воспитанная въ семьѣ честнаго оружейника Теобальда, какъ его дочь. Она во снѣ видитъ рыцаря, будущаго своего мужа, и съ этого момента живетъ двойственной жизнью: въ глазахъ людей и даже въ собственномъ сознаніи она та же, что и прежде, и даже соглашается выйти замужъ по выбору своего предполагаемаго отца, но въ глубинѣ ея души видѣнный ею образъ утверждается все болѣе и болѣе, и когда она на-яву увидѣла рыцаря (графа Веттера фонъ-Штраль: онъ случайно

---

*) Изд. Stuttgart. 1808.

**) Дѣйствіе происходитъ въ эпоху Лютера. Герой новеллы, честный купецъ, жестоко и несправедливо разобиженъ богатымъ барономъ. Онъ желаетъ добиться наказанія обидчика законнымъ путемъ, но знатность и связи послѣдняго обращаютъ старанія Кольгааса на его же голову; онъ разоренъ, жена его умерла отъ огорченій Тогда Кольгаасъ начинаетъ мстить помимо закона: съ вѣрными слугами нападаетъ на замокъ обидчика, зажигаетъ его и, когда хозяину удается спастись, преслѣдуетъ его неотступно; постепенно втягиваясь въ противузаконныя дѣйствія, Кольгаасъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки. Черезъ посредство Лютера ему въ концѣ-концовъ удается достигнуть правосудія: его обидчикъ осужденъ, но и Кольгаасъ долженъ погибнуть отъ руки палача.

зашелъ къ Теобальду поправить вооруженіе), она упала къ его ногамъ, потомъ бросилась за нимъ изъ окна и съ тѣхъ поръ слѣдовала за нимъ, какъ тѣнь, хотя онъ вовсе не поощрялъ ее къ этому и, напротивъ, чтобы отдѣлаться отъ нея, поступалъ съ ней довольно грубо.

Въ первомъ дѣйствіи передъ нами тайное судилище, передъ которымъ Теобальдъ является въ качествѣ обвинителя; онъ убѣжденъ, что только волшебство могло такъ непонятно измѣнить Кетхенъ, и обвиняетъ графа фонъ-Штраль въ нечестивомъ сношеніи съ адскими силами; но когда Кетхенъ, призванная сюда же въ качествѣ corpus delicti, по приказанію своего единственнаго „повелителя"— графа, откровенно разсказываетъ свою исторію и тѣмъ обнаруживаетъ честный образъ дѣйствій послѣдняго, судьи, хотя и тронутые несчастьемъ честной семьи оружейника, должны отказать обвинителю и напомнить ему объ „общемъ волшебствѣ природы".

Въ дальнѣйшемъ, очень сложномъ и болѣе пригодномъ для романа или сказки, чѣмъ для драмы, развитіи сюжета фантастика играетъ еще бо́льшую роль. Графъ ф.-Штраль плѣненъ красотою благородной Кунигунды ф.-Турнекъ и готовъ сдѣлаться ея мужемъ. Кунигунда—на самомъ дѣлѣ, злая и безобразная вѣдьма, которая своими чародѣйствами всѣмъ отводитъ глаза; графу фонъ-Штраль угрожаетъ смертельная опасность во время пира отъ внезапнаго нападенія на за́мокъ, но въ минуту крайности является Кетхенъ, убѣжавшая для этого изъ монастыря, и спасаетъ его. Враги побѣждены. За́мокъ объятъ пламенемъ и тамъ должны погибнуть бумаги, которыми очень дорожитъ Кунигунда. Не задумываясь, она посылаетъ на вѣрную смерть Кетхенъ, но ту спасаетъ ея ангелъ хранитель; Кетхенъ узнаетъ тайну Кунигунды, и та пытается погубить ее разными способами.

Послѣ многихъ перипетій: сценъ сомнамбулизма, судебнаго поединка, и пр., и пр., Кетхенъ оказывается побочной дочерью императора и дѣлается женою графа ф.-Штраль, который тоже въ свое время въ ночь св. Сильвестра имѣлъ видѣніе, предназначавшее ему Кетхенъ, но забылъ его въ шумѣ жизни.

Сравнительно съ пьесами Тика, Кетхенъ изъ Гейльброна гораздо драматичнѣе; въ ней много широты, искренности и одушевленія, но она совсѣмъ лишена вѣроподобія и, такъ сказать, чувства мѣры.

Чтобы выразить свою ненависть къ притѣснителямъ французамъ и къ ихъ нѣмецкимъ лакеямъ, Клейстъ обратился къ пресловутой и затасканной эпиками прошлаго вѣка темѣ—битвѣ въ Тевтобургскомъ лѣсу и обработалъ ее въ драмѣ: битва Германа (Hermans-Schlacht). Вотъ вкратцѣ ея содержаніе:

Германскіе князья горюютъ о свободѣ, которой лишилъ ихъ Римъ; но своекорыстіе и эгоизмъ мѣшаютъ имъ дѣйствовать единодушно. Въ ихъ совѣтъ входятъ Германъ, Туснельда и римлянинъ Вентидій, который пріѣхалъ уговорить Германа вступить съ римлянами въ союзъ противъ Марбода; Германъ льститъ Вентидію и любезно предлагаетъ ему проводить Туснельду въ Тевтобургъ, такъ какъ онъ, Германъ, долженъ остаться съ князьями. Вентидій уходитъ; князья при Германѣ продолжаютъ жаловаться на угнетенія, но Германъ хорошо понимаетъ, что изъ этой болтовни ничего не выйдетъ, такъ какъ у его соотечественниковъ нѣтъ готовности къ жертвамъ. „Если вы согласны, говоритъ онъ имъ, расплавить вашу золотую и серебряную посуду, опустошить ваши нивы, уничтожить стада, сжечь села, тогда я вашъ". „Опустошить нивы! сжечь села! восклицаютъ пора-

женные князья: „да вѣдь это то самое, безумный, для избѣжанія чего мы хотимъ войны“. „А я думалъ, говоритъ Германъ, что вы хотите биться за свободу!“

Между тѣмъ, Вентидій въ самыхъ пылкихъ и отборныхъ выраженіяхъ объясняется Туснельдѣ въ любви и на колѣняхъ умоляетъ дать ему локонъ ея волосъ; испуганная его смѣлостью, она зоветъ служанокъ, беретъ лютню и начинаетъ пѣть. Вентидій незамѣтно срѣзаетъ одинъ изъ ея локоновъ, страстно прижимаетъ его къ своимъ губамъ и убѣгаетъ со своей добычей. Входитъ Германъ, и Туснельда разсказываетъ ему о происшедшемъ; Германъ усмѣхается: онъ не вѣритъ въ любовь римлянина и подозрѣваетъ въ его ухаживаніи другую цѣль: римлянкамъ нужны золотистые и сухіе волосы германокъ, чтобы париками изъ нихъ замѣнить свои жирныя черныя косы. Туснельда не рѣшается вѣрить ему.

Германъ измѣняетъ римлянамъ: онъ отправляетъ Луитгара къ Марбоду съ планомъ битвы и, чтобы устранить всякое сомнѣніе со стороны послѣдняго, даетъ ему въ заложники своихъ сыновей. Отовсюду приходятъ извѣстія о жестокостяхъ римлянъ; Германъ принимаетъ ихъ съ демоническою радостью: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; онъ намекаетъ извѣщателямъ, что не будетъ грѣха даже преувеличить слухи. Актъ (третій) заканчивается сценой дефилированія прибывшихъ римскихъ войскъ передъ Варомъ и князьями Херусковъ.

Въ 4-мъ актѣ сцена переносится въ лагерь Марбода; онъ принимаетъ предложеніе Германа и оказываетъ ему полное довѣріе; римскій легатъ уѣзжаетъ отъ него, отказавъ ему въ дружбѣ съ Римомъ. Слѣдующая сцена въ Тевтобургѣ; ночь; Германъ негодуетъ, что римляне новыми злодѣйствами не подаютъ народу повода къ возстанію. „Къ чему мнѣ ихъ благодѣянія? Къ чему строгая дисциплина когортъ? я разсчитывалъ на пожары, грабежи, насилія, на весь ужасъ свирѣпой войны!“ Онъ самъ готовъ поджечь Тевтобургъ. Эгингартъ, его вѣрный совѣтникъ, успокоиваетъ его: навѣрно найдется удобный предлогъ. И дѣйствительно: херусская дѣвушка оскорблена римляниномъ, послѣ чего ее убиваетъ ея родной отецъ Германъ пользуется этимъ случаемъ: велитъ разрѣзать трупъ дѣвушки и разсылаетъ куски его по всѣмъ областямъ.

Германъ очень осторожно сообщаетъ Туснельдѣ о своихъ кровавыхъ планахъ; она въ ужасѣ и умоляетъ его пощадить хоть жизнь Вентидія, пылкая любовь котораго все же произвела нѣкоторое впечатлѣніе на ея мягкое сердце Германъ согласенъ; но будто къ слову показываетъ ей перехваченное письмо Вентидія къ женѣ императора въ Римъ; оказывается, что онъ послалъ ей локонъ Туснельды, какъ образчикъ, обѣщая доставить при удобномъ случаѣ и всѣ волосы германки. Туснельда клянется жестоко отомстить негодяю. Слѣдующее дѣйствіе въ Тевтобургскомъ лѣсу ночью, во время грозы. Римляне заблудились; призракъ возвѣщаетъ имъ близкую гибель. Варъ догадывается, что онъ сталъ жертвой измѣны, и проклинаетъ Германа. Между тѣмъ германскіе князья все еще не знаютъ о замыслахъ Германа и высказываютъ нежеланіе идти противъ Марбода. Только тогда Германъ открываетъ имъ истину, и они радостно привѣтствуютъ войну за освобожденіе. Вентидій назначилъ Туснельдѣ свиданіе, и она обѣщала придти на опушку лѣса въ отгороженный паркъ; по ея приказанію, туда впущена голодная медвѣдица, которая и разрываетъ Вентидія.

Послѣдній актъ—на полѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу. Римляне побѣждены, Варъ смертельно раненъ, и германскіе князья спорятъ о чести добить его. Затѣмъ сцена переносится въ разрушенный Тевтобургъ. Марбодъ и Германъ, герои великаго дня, привѣтствуютъ другъ друга, и Марбодъ преклоняетъ колѣна передъ Германомъ, какъ передъ королемъ и повелителемъ. Первый актъ власти Германа—осужденіе на казнь одного изъ князей, который уклоняется отъ общаго

дѣла. Послѣднія слова Германа звучатъ пророчески: „Идемъ на Рейнъ, чтобы ни одинъ римлянинъ не остался живымъ на землѣ Германской, а потомъ въ Римъ!... на землѣ не будетъ покоя, пока не будетъ разрушено это разбойничье гнѣздо“.

Клейстъ, какъ можно видѣть и изъ этого краткаго изложенія, не думаетъ объ археологической вѣрности; напротивъ, стремится сдѣлать какъ можно прозрачнѣе свою патріотическую тенденцію; но поэтъ счастливо избѣгъ банальности въ обработкѣ своего архипатріотическаго сюжета; вмѣсто идеализированныхъ фантомовъ здѣсь живые люди; вмѣсто громкихъ фразъ—выраженіе человѣческихъ страстей и слабости. Его Германъ далеко не безупречный герой; онъ коваренъ и жестокъ съ врагами; онъ недовѣрчивъ къ своимъ и не остановится передъ частнымъ преступленіемъ для достиженія общей цѣли. Но такимъ-то именно людямъ и принадлежитъ успѣхъ. Туснельда — вѣрная и любящая жена, но ея неопытность и тщеславіе могутъ сдѣлать ее чуть не преступной. Чисто по-женски переходитъ она отъ благодушія ласкаемаго самолюбія къ неистовой ярости самолюбія оскорбленнаго. Въ свое время въ битвѣ Германа всего интереснѣе были умные совѣты, которые поэтъ давалъ въ формѣ драмы своимъ угнетеннымъ соотечественникамъ: прежде всего будьте единодушны и готовы къ жертвамъ; затѣмъ не мечтайте, что такое великое дѣло, какъ освобожденіе отечества, можно совершить, не запятнавши рукъ кровью, а совѣсть—обманомъ.

Война Австріи противъ Наполеона привела Клейста въ восторженное состояніе, которое заставило его забыть о личныхъ неудачахъ (его журналъ Phoebus не пошелъ, а Гёте рѣшительно отказался принять на Веймарскую сцену Пентезилаю). Онъ написалъ глубоко прочувствованный дифирамбъ: «Германія къ своимъ дѣтямъ» (Germania an ihre Kinder) и отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій; но пораженіе при Ваграмѣ и позорный миръ повергли его въ отчаяніе. Онъ переѣхалъ въ Берлинъ и работалъ нѣкоторое время только для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ 1810—11 гг. онъ издалъ свои разсказы и тогда же написалъ свою послѣднюю драму: Гомбургскій принцъ (Prinz v. Homburg), въ которой языкъ его и вообще способъ изображенія характеровъ и страстей достигъ полной зрѣлости и силы; въ ней тоже есть личный элементъ: болѣзненная чувствительность героя, рѣзкіе переходы въ его настроеніи, его борьба съ жизнью, паденіе и примиреніе съ принципомъ справедливости—все это списано Клейстомъ, какъ съ зеркала *).

*) Дѣйствіе начинается передъ битвой при Форбеллинѣ. Бранденбургскій курфюрстъ раздаетъ приказанія своимъ генераламъ; принцъ Гомбургскій, командующій конницей, долженъ воздерживаться отъ всякаго участія въ сраженіи до полученія приказа. Но принцъ, влюбленный въ сироту Наталью, принцессу Оранскую, которая присутствуетъ

Принцъ Гомбургъ тоже не попалъ на сцену при жизни автора. Въ томъ же 1811 г. Клейстъ, отчаявшись и въ своей собственной карьерѣ и въ освобожденіи отечества, покончилъ съ собою при такихъ странныхъ обстоятельствахъ: одна дама, Генріетта Фогель, тоже страдавшая отъ меланхоліи и считавшая себя неизлѣчимо больной, соединенная съ Клейстомъ только узами дружбы, напомнила ему объ его обѣщаніи оказать ей услугу, какова бы она ни была. «Я всегда готовъ», отвѣчалъ Клейстъ.—Въ такомъ случаѣ убейте меня: мои страданія дѣлаютъ для меня жизнь невыносимой. 21-го ноября Клейстъ вмѣстѣ съ ней отправился за городъ; они весело провели день, переночевали въ гостинницѣ, написали вмѣстѣ полное горькаго юмора письмо къ общей пріятельницѣ, потомъ пошли гулять. На берегу озера Клейстъ сперва застрѣлилъ Генріетту, потомъ себя.

Слава Клейста начинается съ 20-хъ годовъ, когда Тикъ издалъ сперва его Hinterlassene Schriften (Berl. 1821 г. 2 Bd.), потомъ Gesammelte Schriften (ibid. 1826 г. 3 Bd.). О немъ см. Bülow: H. von Kleist's Leben und Schriften Berl. 1848.

Клейстъ не во всѣхъ пунктахъ сходится съ романтической школой: онъ не признаетъ красоты безъ истины; онъ не знаетъ романтической ироніи, не придаетъ такого значенія религіозному началу и даже въ своей фантастикѣ стремится къ ясности и вѣроятности. Но въ общемъ онъ все же романтикъ, прежде всего какъ представитель драмы свободной съ обширнымъ эпическимъ содержаніемъ; онъ характерный романтикъ и по своей склонности переселяться всецѣло въ отдаленныя эпохи, преимущественно эпохи вѣры и чувства, и по своему отношенію къ окружавшей его дѣйствительности.

Другой драматургъ школы, Захарія Вернеръ род. въ Кёнигсбергѣ въ 1768 г.; онъ былъ сынъ профессора, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ театральнымъ цензоромъ; черезъ него ребенокъ имѣлъ возможность близко ознакомиться со сценой и кулисами. Мать Вернера была женщина до крайности нервная, а временами и совсѣмъ сумасшедшая; отецъ умеръ, когда сыну было всего 14 лѣтъ. Онъ учился правовѣдѣнію и философіи въ Кёнигсбергскомъ университетѣ

на этомъ совѣтѣ, плохо вникаетъ въ смыслъ распоряженія. Во время битвы онъ, не смотря на противодѣйствіе старшихъ офицеровъ, бросается въ сраженіе, совершаетъ чудеса храбрости и блистательно отмщаетъ за предполагаемую смерть курфюрста. Курфюрстъ осуждаетъ его на смерть за нарушеніе дисциплины; принцъ громко протестуетъ и готовъ произвести возстаніе противъ подражателя Брута; но когда курфюрстъ обращается къ его совѣсти и соглашается освободить его изъ-подъ ареста, если онъ напишетъ, что ему оказана несправедливость, принцъ, несмотря на свою юношескую жажду жизни, несмотря на мольбы Натальи, которая его любитъ, признаетъ справедливость приговора и добровольно идетъ на казнь. Его выводятъ изъ тюрьмы съ завязанными глазами; онъ ждетъ роковой команды, но курфюрстъ возвращаетъ ему жизнь и свободу и даже отдаетъ руку Натальи.

и на литературное поприще выступилъ въ 1789 г. съ томикомъ стихотвореній, въ которыхъ не было ничего романтическаго, а скорѣй вѣяло духомъ «просвѣщенія». Онъ рано поступилъ на службу и служилъ сперва въ своей провинціи, потомъ въ Варшавѣ; велъ жизнь очень безпорядочную и уже 33-хъ лѣтъ отъ роду оказался дважды женатымъ и дважды разведеннымъ. Потомъ онъ женился въ третій разъ на замѣчательной красавицѣ полькѣ, не понимавшей по-нѣмецки, а онъ самъ не понималъ по-польски; позднѣе онъ ушелъ и отъ нея, чтобы, какъ говоритъ онъ, не дѣлать ее несчастной. Онъ рано сталъ вдаваться въ мистицизмъ, впадать въ религіозный экстазъ. Извѣстность онъ получилъ своей пьесой: Сыны Долины *). Шиллеръ ознакомился съ ней въ рукописи и, заинтересованный личностью автора, хлопоталъ о переводѣ Вернера въ Берлинъ. Въ салонахъ столицы Вернера приняли съ распростертыми объятіями. Но онъ продолжалъ и здѣсь вести такую же безпутную жизнь. Въ 1807 г. вышла одна изъ популярнѣйшихъ его пьесъ «Мартинъ Лютеръ или посвященіе силы» **), въ которой онъ сильно измѣнилъ историческій характеръ великаго реформатора, а въ особенности его жены, Катерины Бора: онъ сдѣлалъ изъ нея въ высшей степени экзальтированную дѣвушку, которая молится Лютеру при встрѣчѣ съ нимъ и бѣгаетъ за нимъ повсюду, какъ Кетхенъ изъ Гельбронна за графомъ ф.-Штраль. Когда французы овладѣли Берлиномъ, Вернеръ вышелъ въ отставку и уѣхалъ путешествовать; между прочимъ, онъ около 3-хъ мѣсяцевъ пробылъ въ Веймарѣ, гдѣ Гёте принялъ его очень любезно и поставилъ на Веймарской сценѣ его пьесу «Ванда, царица Сарматовъ» ***). Около того же времени онъ написалъ другую историческую трагедію «Аттила, царь Гунновъ», гдѣ подъ именемъ Бича Божія довольно наглядно изображался императоръ французовъ.

Потомъ Вернеръ былъ въ Швейцаріи, гдѣ сошелся съ М-me Сталь и Авг. Шлегелемъ, ѣздилъ въ Парижъ, а оттуда въ Италію; пенсія въ 1000 гульденовъ, которую ему назначилъ князь примасъ фонъ-Дальбергъ, дала ему возможность существовать безбѣдно. Въ 1811 г. въ Римѣ Вернеръ принялъ католицизмъ и началъ заниматься богословіемъ, готовясь въ священники; послѣ посвященія онъ снова появился въ Германіи, издаетъ свою «Военную пѣснь нѣмцевъ» (Kriegslied der Deutschen), имѣвшую большой успѣхъ, благодаря настроенію минуты, и во время Вѣнскаго конгресса является пропо-

*) Die Söhne des Thales, dramatisiches Gedicht: Berl. 1803. Въ ней двѣ драмы: I die Templer auf Cypern и II die Kreuzbrüder.

**) Martin Luther oder die Weihe der Kraft. Впослѣдствіи, ставъ католикомъ, Вернеръ постарался уничтожить дѣйствіе этой пьесы другою: die Weihe der Unkraft.

***) Wanda, Königin der Sarmaten.

вѣдникомъ въ столицѣ Австріи, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Ряса не принудила его оставить театра. Въ 1820 г. выходитъ его послѣдняя драма «Мать Маккавеевъ», въ которой крайній фанатизмъ очень оригинально слитъ съ театральными эфектами: въ этой пьесѣ на глазахъ Саломеи, и отчасти зрителей, рѣжутъ и жгутъ всѣхъ дѣтей ея; по выраженію Брандеса, варваръ-царь и варваръ-поэтъ отрубаютъ героямъ Израиля одинъ суставъ за другимъ; на заднемъ планѣ колоссальный котелъ съ масломъ и костеръ; за сценой слышны удары топора.

Вернеръ умеръ въ 1823 году.

Вотъ вкратцѣ содержаніе его одноактной трагедіи „24-ое февраля", которую поставилъ Гёте въ 1810 г. (напечатана въ 1815 г.) и которая породила множество такъ-называемыхъ трагедій судьбы. Крестьянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ содержатель гостинницы противъ воли своего отца женился на дочери священника; когда одинъ разъ свекоръ сдѣлалъ непріятность ненавистной невѣсткѣ, родной сынъ бросилъ въ него острымъ ножомъ, и, хотя не попалъ, отецъ проклялъ его и самъ умеръ отъ ужаса. Проклятіе имѣло страшную силу; старшій сынъ крестьянина, еще будучи ребенкомъ, тѣмъ же самымъ ножомъ перерѣзалъ въ игрѣ двухлѣтней сестрѣ горло, въ ужасѣ бѣжалъ изъ родительскаго дома, долго скитался, пріобрѣлъ состояніе (все это, разумѣется, происходитъ до начала пьесы) и приходитъ въ родительскій домъ въ годовщину преступленія, совершеннаго отцомъ его.

Родители не узнали сына, и отецъ, сильно стѣсненный въ это время долгами, рѣшается посредствомъ преступленія овладѣть кошелькомъ богатаго путешественника. Тѣмъ же ножомъ, которымъ онъ нѣкогда бросилъ въ своего отца, онъ рѣжетъ собственнаго сына и узнаетъ отъ умирающаго, кто онъ.

Всѣ эти ужасы происходятъ 24-го февраля потому, что мать автора умерла 24-го февр. 1804 г.

Изъ другихъ трагиковъ—фаталистовъ назовемъ Мюльнера (Müllner) и Гоувальда (Houwald). Адольфъ Мюльнеръ, родственникъ Бюргера, род. въ 1774 г., учился въ Лейпцигѣ, съ 1798 г. былъ двокатоамъ въ родномъ городѣ, съ 1820 г. посвятилъ себя исключительно литературѣ, преимущественно критикѣ, ум. въ 1829 г.

Мюльнеръ—разсудочная натура и криминалистъ, усматривающій въ человѣкѣ прежде всего преступные инстинкты; оттого, несмотря на звучные стихи и искусную постройку, пьесы его производятъ тяжелое впечатлѣніе. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ: „29 февраля" (1812 г.), „Вина" (die Schuld 1816 г.), „Король Ингурдъ" (König Ingurd 1817 г.) и „Албанка" (die Albaneserin 1820 г.); свои „Dramatische Werke" онъ издалъ въ 7 томахъ въ 1828 г.

Эрнестъ фонъ-Гоувальдъ род. въ 1778 г., учился въ Галле, жилъ большею частію у себя въ имѣніи въ Нижнемъ-Лаузицѣ, ум. 1845 г. Онъ по натурѣ скорѣе наклоненъ къ трогательному и даже сантиментальному; но судьба была тогда въ модѣ, и онъ подчинился ей. Наиболѣе извѣстны его пьесы: Das Bild (1821 г.), Der Leuchtturm (1824 г.), Die Feinde (1825 г.), Die Räuber (1830 г.). Онъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ на поприще дѣтской литературы.

Въ драмахъ Вернера непріятно поражаютъ страшныя преувеличенія, мѣстами нелѣпая декламація, курьезное соединеніе грубой чувственности съ крайней мистикой; перемѣна декорацій, процессіи

играютъ такую роль, что драма часто переходитъ въ трагическій балетъ. Но при всемъ этомъ въ немъ нельзя отвергать сильной творческой фантазіи и мѣстами искорокъ генія *).

Несравненно болѣе видное участіе въ войнѣ за освобожденіе принадлежитъ лирикамъ, а между ними первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ по силѣ нравственнаго чувства и вліянію Арндту, который, благодаря природной ясности ума, условіямъ своего развитія и характеру дѣятельности съумѣлъ извлечь изъ романтизма все хорошее, прогрессивное, вѣчное и остаться свободнымъ отъ всѣхъ его нездоровыхъ увлеченій и крайностей.

Эрнстъ Морицъ Арндтъ родился въ 1769 г. на островѣ Рюгенѣ, который тогда принадлежалъ Швеціи, въ честной и благочестивой семьѣ, глава которой вышелъ изъ крѣпостныхъ; мать поэта съумѣла вложить въ сердце сына сѣмена глубокой вѣры и строгой нравственности. Онъ учился въ Штральзундской гимназіи, а потомъ въ университетахъ: Грейфсвальдскомъ (1791—93) и Іенскомъ, гдѣ занимался философіей и богословіемъ и былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ. Онъ пѣшкомъ обошелъ значительную часть Германіи, потомъ побывалъ въ Австріи, Венгріи, въ Парижѣ и даже въ Италіи. Живо, умно и ясно описалъ онъ свои впечатлѣнія въ книгѣ, которая доставила ему нѣкоторую извѣстность **). Въ 1800 г. онъ занялъ приватъ-доцентуру по исторіи и филологіи въ Грейдесвальдѣ и своимъ живымъ изложеніемъ привлекалъ массу слушателей. Въ 1803 г. онъ написалъ «Опытъ исторіи крѣпостнаго права въ Помераніи и на Рюгенѣ»; многіе дворяне были очень недовольны ею и обжаловали Арндта передъ королемъ, но тотъ разобралъ дѣло и въ 1806 г. уничтожилъ крѣпостное право въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1806 г. Арндтъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ. Когда-то Арндтъ благоговѣлъ передъ геніемъ Наполеона, но послѣ пораженія Австріи и затѣмъ Пруссіи онъ возненавидѣлъ его, какъ тирана Германіи и Европы, и свои мысли о его преобладаніи выразилъ съ блестящею убѣдительностью въ первой части своей книги «Духъ времени» ***). Императорское прави-

*) Полное собраніе его сочиненій вышло въ 14 томахъ съ его біографіей, нап. Schutz'омъ (Grimma 1839—41). Очень хорошую статью о немъ см. въ книгѣ Phil. Chasles: Trente années de critique. La litterature et les moeurs de l'Allemagne au XIX s. Paris 1861. На русскій яз. изъ Вернера переведены: «Аттила, царь Гунновъ» Шишковымъ II (Избр. нѣм. театръ 1831 г. т. Ш), «Двадцать четвертое февраля» имъ же 1832 г. Послѣдняя пьеса переведена также Струговщиковымъ (Европ. театръ 1815 г. т. I, стр. 229, 362 и слѣд.). У Гербеля Нѣм. поэты см. удачно выбранный отрывокъ изъ Аттилы и послѣднюю сцену изъ «24 февраля».

**) Reise durch einen Theil Deutschlands, Italien u. Frankreichs. Lpz. 1800 и слѣд. 6 частей.

***) «Geist der Zeit» (Altona 1807 г.; въ 1877 было 6-ое изданіе).

тельство не могло оставить въ покоѣ такого даровитаго противника, и Арндтъ бѣжалъ въ Швецію, гдѣ служилъ около 3-хъ лѣтъ. Послѣ паденія Густава IV онъ возвратился въ Германію, а въ 1812 г. его вызвалъ въ Петербургъ знаменитый фонъ-Штейнъ, избравшій дворъ Александра I базисомъ своихъ операцій противъ Наполеона. Послѣ гибели «великой арміи» Арндтъ вмѣстѣ съ Штейномъ поспѣшилъ въ Германію и своими брошюрами и пѣснями старался возбудить нѣмецкій народъ къ «священной войнѣ» противъ утѣснителей. Пѣсни его имѣли громадный успѣхъ, быстро распространялись въ городахъ, и въ селахъ, и въ рядахъ арміи, и водили ее къ побѣдамъ *); многія изъ нихъ надолго пережили своего автора, гремѣли въ солдатскихъ хорахъ во время послѣдней франкопрусской войны и до сихъ поръ живутъ въ устахъ народа; сила ихъ въ томъ, что Арндтъ, человѣкъ глубоко убѣжденный и самъ вышедшій изъ народа, выражалъ въ нихъ не личное чувство, а общее для всѣхъ истинныхъ нѣмцевъ и выражалъ словами простыми и ясными, безъ обдуманной реторики и вычурности, но съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ. По выраженію Курца, всякая пѣсня, которую онъ бросалъ въ народъ въ эти бурныя времена, была острымъ мечемъ, наносившимъ врагу неизлѣчимыя раны; эти пѣсни наполняли всѣ сердца тою же бодростью, которая одушевляла самого поэта, тою же довѣрчивой надеждой на Бога, которой былъ проникнутъ онъ самъ. Надо еще прибавить, что пѣсни его появлялись вмѣстѣ съ прекрасными мелодіями, изъ которыхъ многія принадлежатъ тому же Арндту. Но нельзя отрицать и того, что только для нѣмцевъ, да и то въ извѣстномъ настроеніи, въ этихъ пѣсняхъ все чистая и высокая поэзія; всякій другой увидитъ въ нихъ мѣстами и тупоумную самомнительность и грубую кровожадность и стремленіе сдѣлать изъ религіознаго чувства орудіе узкаго патріотизма. Короче сказать, эта поэзія мѣстная и частная, но не обще-человѣческая.

Послѣ возвращенія Наполеона съ Эльбы, Арндтъ сейчасъ же поспѣшилъ на Рейнъ и въ Кёльнѣ сталъ издавать политическую газету «Стражъ» (Der Wächter). Послѣ открытія университета въ Боннѣ онъ занялъ тамъ каѳедру новой исторіи, но не долго удержалъ ее за собой. Арндтъ былъ горячимъ патріотомъ, искреннимъ монархистомъ, но въ то же время и пылкимъ либераломъ, защитникомъ свободы совѣсти, слова и личности, и врагомъ неравноправности. Онъ, какъ и всѣ лучшіе борцы за освобожденіе, смотрѣлъ на сверженіе французскаго ига, только какъ на первый актъ возрожденія Германіи, за которымъ должны послѣдовать другіе, и когда былъ отданъ приказъ вернуться во всемъ къ старинѣ и отказаться отъ всякихъ фан-

*) 1-ое изданіе въ 1813 г. Lieder für Deutsche; въ 1815 Kriegs und Wehrlieder.

тазій, онъ не могъ и не хотѣлъ скрыть своего негодованія. Послѣ пресловутаго убійства Коцебу въ 1820 г., всѣ бумаги Арндта были опечатаны и забраны полиціей по поводу рѣзкостей, которыя цензура усмотрѣла въ 4-ой книгѣ его «Духа времени», онъ самъ отданъ подъ судъ и, хотя сохранилъ свое жалованье, но былъ лишенъ права читать лекціи. И въ такомъ двусмысленномъ положеніи онъ оставался не болѣе, не менѣе, какъ 20 лѣтъ (1820—1840), лучшихъ лѣтъ жизни, когда ему такъ хотѣлось работать для нѣмецкой молодежи! Арндтъ не впалъ въ отчаяніе и бездѣйствіе, и сносился съ обществомъ посредствомъ печати: за это время онъ издалъ рядъ историческихъ монографій, написанныхъ замѣчательно живо и ясно, воспоминаній и трактатовъ по политическимъ и общественнымъ вопросамъ; онъ стоялъ на стражѣ блага и свободы возлюбленной Германіи, «какъ вѣрный Эккартъ». Въ тоже время онъ писалъ и стихотворенія и сказки; послѣднія *) съ особенной яркостью указываютъ и на его сродство съ романтиками и на его отличіе отъ нихъ: все самое фантастичное является въ его передачѣ яснымъ и нагляднымъ, свободнымъ отъ произвола и ироніи. Однимъ изъ первыхъ актовъ царствованія Фридриха Вильгельма IV было возстановленіе Арндта въ правахъ его. Его возвращеніе на каѳедру въ Боннъ было тріумфомъ, которому сочувствовали всѣ лучшіе люди Германіи; въ слѣдующемъ же (1841) году онъ былъ избранъ ректоромъ. Въ 1848 г. онъ былъ депутатомъ во Франкфуртскомъ парламентѣ, и когда онъ въ первый разъ появился въ собраніи, многосотенная толпа лучшихъ людей Германіи привѣтствовала его пѣніемъ знаменитой его пѣсни: «Des Deutschen Vaterland» и принесла ему торжественную благодарность за сочиненіе этого народнаго гимна. Въ парламентѣ Арндтъ дѣйствовалъ вполнѣ независимо отъ партій, искренно и обдуманно. Онъ былъ убѣжденъ, что во главѣ объединенной Германіи должна стать либеральная Пруссія, короля которой нужно выбрать въ императоры. Когда онъ, вмѣстѣ съ другими депутатами, отправился въ Берлинъ подносить императорскую корону Фридриху Вильгельму IV, ему по всей дорогѣ устраивали оваціи, и тысячныя массы народа распѣвали его гимнъ. Горько было 80-лѣтнему идеалисту разочарованіе, которое въ слѣдующіе дни и мѣсяцы испытали германскіе либералы, и точно флеромъ подернуло оно послѣдніе годы его жизни, но онъ продолжалъ энергично работать; 26 декабря 1859 года по поводу 90 годовщины его рожденія, ему устроили рядъ овацій, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (29 янв. 1860 г.) его уже не было въ живыхъ. Арндтъ

*) Напр. перепечат. въ изв. Энциклопедія Вольфа (Encyclopedie der deutschen Nationalliteratur etc. von Dr. O. L. B. Wolff 2-te Ausg. I Lpz.) стр. 72 Abenteuer des Ioh. Dietrich.

и характеромъ своей политической дѣятельности и своими произведеніями представляетъ переходъ отъ романтизма къ позднѣйшимъ и болѣе здоровымъ теченіямъ: изученію народности съ одной стороны и стойкому глубокоубѣжденному либерализму середины нашего столѣтія съ другой; онъ прототипъ для Уланда и многихъ другихъ лучшихъ людей Германіи.

Чтобы дать понятіе о характерѣ и значеніи его трудно переводимой лирики, выписываемъ изъ современнаго сборника нѣмецкихъ студенческихъ пѣсенъ (Commers-Buch) два наиболѣе извѣстные его гимна съ переводомъ:

I.

Was ist des Deutschen Vaterland?
Ist's Preussenland? ist's Schwabenland?
Ist's, wo am Rhein die Rebe glüht?
Ist's, wo am Belt die Möve zieht?
O nein, o nein, o nein, o nein!
Sein Vaterland muss grösser sein.
Was ist des Deutschen Vaterland?
Ist's Baierland? ist's Steierland?
Ist's, wo des Marsen Rind sich streckt?
Ist's, wo der Märker Eisen reckt?
O nein etc.
Was ist des Deutschen Vaterland?
Ist's Pommerland? Westphalenland?
Ist's, wo der Land der Dünen weht?
Ist's, wo die Donau brausend geht?
O nein etc.
Was ist des Deutchen Vaterland?
So nenne mir das grosse Land!
Ist's Land der Schweizer, ist's Tyrol?
Das Land und Volk gefiel mir wohl!
O nein etc.
Was ist des Deutschen Vaterland?
So nenne mir das grosse Land!
Gewiss ist es das Oesterreich,
An Siegen und an Ehren reich?
O nein etc.
Was ist des Deutschen Vaterland?
So nenne mir das grosse Land!
Ist's was der Fürsten Trug zerklaubt?
Vom Kaiser und vom Recht beraubt?
O nein etc.
Was ist des Deutschen Vaterland?
So nenne endlich mir das Land!
„So weit die deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt;
Das soll es sein;
Das, wackrer Deutsche, nenne dein!
Das ist des Deutscher, Vaterland
Wo Eide schwört der Druck der Hand,
Wo Treue hell vom Auge blitzt
Und Liebe warm im Herzen sitzt.
Das soll es sein;
Das. wackrer Deutscher, nenne dein!
Das ist der Deutschen Vaterland,
Wo Zorn vertilgt den welschen Tand,
Wo jeder Frevler heisset Feind,
Wo jeder Edle heisset Freund!
Das soll es sein;
Das ganze Deutschland soll es sein!
Das ganze Deutschland soll es sein,
O Gott vom Himmel, sieh darein,
Und gieb uns ächten, deutschen Muth,
Dass wir es lieben treu und gut!
Das soll es sein;
Das ganze Deutschland soll es sein.

То-есть:

Что такое отечество нѣмца? Пруссія ли это? Швабія ли? На Рейнѣ ли оно, гдѣ рдѣютъ лозы? На Балтикѣ ли, гдѣ носится чайка? О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Оно должно быть обширнѣе.

Что такое отечество нѣмца? Баварія ли это? или Штирія? Тамъ ли оно, гдѣ отдыхаетъ волъ Марсійца? Или гдѣ житель Марки куетъ желѣзо? О нѣтъ и пр.

Что такое отечество нѣмца? Это Померанія? Вестфалія? Это та страна, гдѣ вѣтеръ разноситъ приморскій песокъ? Гдѣ съ шумомъ течетъ Дунай? О нѣтъ и пр.

Что такое отечество нѣмца? Назови мнѣ великую землю. Швейцарія ли это, или Тироль? Мнѣ понравилась тамъ и земля и народъ! О нѣтъ и пр.

Что такое отечество нѣмца? Назови мнѣ великую землю! Навѣрно это Австрія, богатая побѣдами и вознесенная? О нѣтъ и пр.

Что такое отечество нѣмца? Назови мнѣ великую землю! Та ли это страна, которую растерзалъ обманъ князей, лишенная императора и царства? О нѣтъ и пр.

Что же такое отечество нѣмца? Назови мнѣ наконецъ эту землю!.. „Гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь и гдѣ возноситъ она пѣсни Богу небесному тамъ, ту землю, честный нѣмецъ, называй своею.

Тамъ отечество нѣмца, гдѣ пожатіе руки замѣняетъ клятву, гдѣ вѣрность ярко сіяетъ въ глазахъ и любовь горитъ въ сердцѣ. Ту землю, честный нѣмецъ, называй своею.

Тамъ отечество нѣмца, гдѣ отъ гнѣва таетъ романская фальшь, гдѣ всякій негодяй считается врагомъ, а всякій благородный человѣкъ—другомъ. Тамъ должно быть она; вся Германія должна быть имъ.

Вся Германія должна быть имъ. О Боже небесный, воззри на нее! Сошли намъ неподдѣльный нѣмецкій духъ, чтобы мы любили ее вѣрно и истинно. Вся Германія должна быть имъ.

II.

Der Gott, der Eisen wachsen liess.
Der wollte keine Knechte;
Drum gab er Säbel, Schwert und Spiess
Dem Mann in seine Rechte.
Drum gab er ihm den kühnen Muth,
Den Zorn der freien Rede,
Dass er bestände bis aufs Blut,
Bis in den Tod die Fehde.

—

So wollen wir, was Gott gewollt,
Mit rechten Freuen halten.
Und nimmer um Tyrannengold
Die Menschenschädel spalten,
Doch wer für Tand und Schande ficht,
Den hauen wir in Scherben.
Der soll im deutschen Lande nicht
Mit deutschen Männern erben

—

O Deutschland, heil'ges Vaterland!
O Deutsche Lieb und Freue!
Du hohes Land, du schönes Land!
Wir schwören dir aufs Neue.
Dem Buben und dem Knecht die Acht!
Der nähre Kräh'n und Raben!
So zieh'n wir aus zur Hermannsschlacht
Und wollen Rache haben.

—

Lasst brausen, was nur brausen kann,
In hellen lichten Flammen!
Ihr Deutsche, alle Mann für Mann
Zum heli'gen Krieg zusammen!
Und hebt die Herzen himmelan
Und himmelan die Hände,
Und rufet alle Mann für Mann:
„Die Knechtschaft hat ein Ende!"

—

Lasst klingen, was nur klingen kann,
Trompeten, Trommeln, Flöten!
Wir wollen heute Mann für Mann
Mit Blut das Eisen röthen,
Mit Henker und mit Knechteblut—
O süsser Tag der Rache!
Das klinget allen Deutschen gut,
Das ist die grosse Sache.

—

Lasst wehen, was nur wehen kann,
Standarten weh'n und Fahnen.
Wir wollen heut' uns Mann für Mann
Zum Heldentode mahnen.
Auf! fliege, hohes Siegspanier,
Voran den kühnen Reihen!
Wir siegen oder sterben hier
Den süssen Tod der Freien!

—

Что можно приблизительно перевести такъ:

Богъ не хотѣлъ рабовъ, а то-бъ
Желѣза не творилъ;
Тогда бы въ руки людямъ онъ
Оружья не вложилъ.
Иначе-бъ мужества не далъ
Намъ слабымъ смертнымъ Богъ;

Иначе-бъ за свободу намъ
Бороться не помогъ.
Исполнимъ божью волю мы!
И не найдетъ тиранъ
Того, за плату ктобъ дерзнулъ
Востать на сограждавъ
А кто, свою забывши честь
Служить тирану будетъ,
Того изрубимъ мы въ куски,
А родина забудетъ,
О родина, гдѣ есть еще
И вѣрность и любовь!
О милая Германія,
Тебѣ клянемся вновь,
Какъ мы клялись съ Арминіемъ,
Идя на смертный бой
„Умремъ или пожертвуемъ
Своею головой!"
Пусть все пылаетъ и горитъ,
Что можетъ лишь горѣть!
Идемъ спасти свободу, иль
Сражаясь умереть!

Простерты къ небу руки всѣхъ,
И радостно въ сердцахъ,
И кликъ: „нѣтъ болѣе рабовъ"
Живетъ во всѣхъ устахъ.
Пусть все, что можетъ лишь звучать
Немедля прозвучитъ,
Идемъ мы въ бой, и кровь враговъ
Желѣзо обагритъ.
То кровь враговъ и палачей!
Проливъ ее, отмстимъ
За все и за отмщенье жизнь
Охотно отдадимъ.
Пусть развѣваетъ вѣтеръ все,
Что можетъ развѣвать!
Геройской смертію, друзья,
Идемъ мы умирать.
Побѣды знамя впереди!
Вся армія за нимъ!
Мы побѣдить иль умереть
Свободными хотимъ!

(Е. К.)

Арндтъ не только нѣмецкій поэтъ, но и народный герой, и потому о его жизни и сочиненіяхъ существуетъ цѣлая литература, въ которой не мало хорошихъ книгъ, написанныхъ исключительно для народа. Лучшими монографіями считаются: Langenberg: E. M. Arndt, sein Leben und seine Schriften 1865 г. Bonn (2-ое изданіе 1869). W. Baur: E. M. Arndt's Leben, Thaten und Meinungen 3-tte Aufl. Hamburg 1870. F. Schmidt: E. M. Arndt, ein Lebensbild Berl. 1875 и др.

Славу нѣмецкаго Тиртея войны за освобожденіе съ Арндтомъ раздѣляетъ Теодоръ Кёрнеръ, о значеніи пѣсенъ котораго Гейне говоритъ въ своемъ «Тамбуръ-мажорѣ»:

„Мы всѣ терпѣливо то иго несли,
Какъ дубы германской породы.
Но вдругъ отъ начальства къ намъ вѣсти пришли:
Вовстанье за дѣло свободы!
Тогда мы, уставивъ рога, какъ быки,
Отважно на бой полетѣли,
И гальскіе всюду сбивали штыки
И Кёрнера пѣсни мы пѣли.
Ужасныя пѣсни! Ихъ звуки и хоръ
Грозой для тирановъ звучали.
Отъ нихъ императоръ и тамбурмажоръ
Со срахомъ домой убѣжали" *).

*) «Wir haben lange getragen das Leid,
Geduldig wie deutsche Eichen.
Bis endlich die hohe Obrigkeit
Uns gab das Befreiungszeichen.
Wie in der Kampfbahn der Auerochs,
Erhuben wir unsere Hörner,

Карлъ Теодоръ Кӧрнеръ (Körner), сынъ извѣстнаго друга Шиллера, род. въ Дрезденѣ въ 1791 г., учился сперва въ горной академіи въ Фрейбургѣ, а въ 1809 г. перешелъ въ Лейпцигскій университетъ. Уже въ 1810 г. онъ издалъ сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Почки» (Knospen) и послѣ того началъ писать комедіи въ стихахъ и драмы; въ комедіяхъ онъ скорѣе является подражателемъ Коцебу и др. «легкихъ драматурговъ», чѣмъ Шиллера, но въ драмахъ явно стремится подражать великому трагику. Первые его опыты въ этомъ родѣ: Тони *), Hedwig и др. не имѣли большого успѣха, но трагедія Цринп (1812 г.) сдѣлала его сразу выдающимся поэтомъ и на вѣнской сценѣ произвела положительный фуроръ въ виду политическихъ обстоятельствъ того времени; но и теперь ее нельзя не признать одной изъ лучшихъ лирическихъ драмъ, какія только знаетъ исторія литературы.

Правда: дѣйствія въ ней мало, характеры очерчены слабо; Цринп, его жена, его дочь, Билаки, ея женихъ, Алапи и пр. такіе прекрасные люди, какіе на свѣтѣ въ такомъ количествѣ не встрѣчаются; монологи героя Бѣлинскій справедливо называетъ «семимильными»; но въ этихъ монологахъ, въ рѣчахъ сподвижниковъ Цринп и вообще во всемъ ходѣ драмы столько неподдѣльнаго юношескаго увлеченія и благородства, что и теперь хорошая постановка этой трагедіи можетъ вызвать энтузіазмъ зрительной залы **).

Кӧрнеръ вскорѣ получилъ мѣсто драматурга при вѣнскомъ театрѣ, влюбился въ красавицу артистку, которая отвѣчала ему столь же пылкимъ чувствомъ и былъ уже обрученъ съ нею. Но насталъ 1813 г., появился манифестъ прусскаго короля «къ моему народу» и 24 лѣтній

Entledigten uns des fränkischen Jochs
Und sangen die Lieder von Körner.
Entsetzliche Verse! sie klangen ins Ohr
Gar schauderhaft der Tyrannen!
Der Kaiser und der Tambourmajor,
Sie flohen erschrocken von dannen».

Въ другомъ мѣстѣ (Die romantische Schule изд. 1875 г. стр. 52) онъ отзывается объ нихъ менѣе благосклонно: und wir begeisterten uns durch die guten Melodien und schlechten Verse der Körner'schen Lieder, und wir erkämpfen die Freiheit: denn wir thun Alles, was uns von unseren Fürsten befohlen wird.

*) Пер. Шишковымъ 2-мъ. Избранный нѣмецк. театръ, 1831 г. т. II.

**) Zriny. Trauerspiel (Wien 1812 г.); на русскій языкъ Цринп переведена 5 разъ: Михайловскимъ (Тифлисъ 1832 г.), безъ имени переводчика (Москва 1832 г.), Мордвиновымъ (Спб. 1847 г.), Аппельротомъ (Пантеонъ 1851 г. т. III) и опять-таки безъ имени переводчика (Спб. 1871). По поводу перевода Мордвинова есть статья Бѣлинскаго (XI т. стр. 476), подробно излагающая содержаніе. Переводъ Аппельрота вполнѣ удовлетворителенъ. Послѣдняя драма Кӧрнера Розамунда, вышедшая послѣ его смерти, показываетъ больше глубины чувства.

поэтъ, оставивъ обезпеченное положеніе и возлюбленную, устремился на призывъ отечества. Онъ поѣхалъ въ Силезію, поступилъ въ партизанскій отрядъ, былъ раненъ, лѣчился въ Карльсбадѣ, еще не вполнѣ оправившись отъ раны снова вернулся въ армію и былъ убитъ 26 августа 1813 г.

Кöрнеръ, какъ человѣкъ, внушалъ такую симпатію близкимъ людямъ, что сестра поэта и одинъ изъ его друзей не могли пережить его.

Немногіе мѣсяцы его военной службы—самое продуктивное время для Кöрнера, какъ лирика; къ его патріотическимъ пѣснямъ, которыя почти импровизировались поэтомъ, подбиралъ музыку Веберъ, и онѣ быстро распространялись между интеллигентной молодежью; геройская смерть Кöрнера еще больше подняла ихъ значеніе, и Кöрнеръ въ это время былъ несомнѣнно величайшимъ поэтомъ для нѣмцевъ. Но его пѣсни были значительно субъективнѣе произведеній Арндта и потому не могли въ такой степени проникнуть въ народъ *).

Кöрнеръ успѣлъ кромѣ того написать нѣсколько недурныхъ повѣстей романтическаго направленія: къ сожалѣнію, онъ слишкомъ любилъ малоудобную форму повѣсти въ письмахъ. Еслибы Кöрнеръ прожилъ долѣе, онъ былъ бы, вѣроятно, лучшимъ представителемъ школы Шиллера, съ которымъ онъ имѣлъ очень много общаго и по характеру, и по взглядамъ.

Приводимъ начало его пѣсни: „Männer und Buben“:

Das Volk steht auf, der Sturm bricht los;
Wer legt noch die Hände feig in den Schoss?
Pfui über dich, Buben, hinter den Zofen!
Bist doch ein ehrlos erbärmlicher Wicht:
Ein deutsches Mädchen küsst dich nicht,
Ein deutsches Lied erfreut dich nicht,
Und deutscher Wein erquickt dich nicht.
Stosst mit an,
Mann für Mann,
Wer den Flamberg schwingen kann!
Wenn wir die Schauer der Regennacht
Unter Sturmespfeifen wachend vollbracht:
Kannst du freilich auf üppigen Pfühlen
Wollustigträumend die Glieder fühlen.
Du bist doch etc.

Народъ возстаетъ, поднимается буря. Кто же сидитъ робко сложивши руки? Горе тебѣ, трусъ, прячущійся за печкой между блюдолизами и горничными. Ты безчестная жалкая дрянь! Нѣмецкая дѣвушка не поцѣлуетъ тебя, нѣмецкая пѣсня

*) 1-ое изданіе: Zwölf freie deutsche Lieder. Nebst einem Anhange Lpz. 1813. Вскорѣ послѣ смерти поэта отецъ его собралъ его патріотическія пѣсни въ сборникъ: Leyer und Schwert (Berl. 1814 г.), который до 1834 г. выдержалъ 7 изданій.

не порадуетъ, нѣмецкое вино не утолитъ твоей жажды. Впередъ! человѣкъ къ человѣку! Кто можетъ взмахнуть на Фламмбергъ?

Въ то время, какъ мы проводимъ ужасную ночь подъ дождемъ и бурею, ты можешь дремать на мягкихъ пуховикахъ и нѣжить свои члены. Ты и пр.).

Вотъ небольшое стихотвореніе къ Москвѣ, удачно переведенное Фетомъ:

Какъ высоки церквей златыя главы!
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ и памятники славы.
Но часъ твой билъ, о, городъ величавый!
Твои граждане руку поднимаютъ
Трещитъ огонь и факелы сіяютъ,
И ты стоишь въ горячей ризѣ лавы.
О, пусть тебя поноситъ изступленье!
Ломитесь башни, рушьтеся палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый
Горитъ вѣкамъ. Но близко искупленье!
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ поднялъ святой Георгій *).

Третій поэтъ войны **Максъ ф. Шенкендорфъ** (1783—1817) **) имѣетъ меньше значенія, потому что стоитъ еще дальше отъ дикаго одушевленія народной пѣсни. По элегическому тону, звучности и стремленію возвысить отдѣльныя личности на счетъ массы его произведенія напоминаютъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго.

Корнеръ и Шенкендорфъ принадлежатъ къ группѣ **младшихъ романтиковъ**, которые всѣ выступаютъ на литературное поприще около времени войны за освобожденіе. Въ общемъ эти младшіе романтики гораздо болѣе производительны, нежели родоначальники школы и не столько потому, что ихъ больше, и что они обладаютъ въ большей мѣрѣ творческой способностью, сколько потому, что имъ уже не приходилось тратить силы на борьбу съ противниками и на выработку теоріи; романтизмъ сталъ модой, и въ ряды его горячихъ приверженцевъ устремились всѣ второстепенные и третьестепенные литераторы. Само собою разумѣется, что люди съ выдающимся талантомъ далеко не во всемъ слѣдуютъ ученію и примѣру родоначальниковъ школы, и каждый пробиваетъ свою собственную дорогу.

Во главѣ младшихъ романтиковъ обыкновенно ставятъ двухъ издателей сборника народныхъ пѣсенъ: Брентано и Ахима-фонъ Арнима, на которыхъ виднѣе всего преемственность идей и вкусовъ отъ основателей романтизма; односторонность своихъ учителей они

*) Полное изданіе произведеній Кöрнера вышло въ Берлинѣ въ 1834 г. новое изд. Ad. Stern. Stuttg. 1883 г. Лучшія изслѣдованія о немъ Hadermann: Teodor Körner, Berl. 1848 и L. Bauer: Körners Leben. Въ 1863 г. по случаю 60-лѣтняго юбилея со дня смерти Кöрнера вышла масса статей и брошюръ ему посвященныхъ.

**) Gedichte. Stuttg. 1815 г.; новое изд. ibid. 1862 г.

довели до крайности и являлись, такимъ образомъ, романтиками самой чистой воды.

Клеменсъ Брентано род. въ 1778 г. и воспитывался во Франкфуртѣ на Майнѣ. Отецъ его былъ купецъ, а мать Максимильяна де-ла-Рошъ, извѣстная пріятельница Гёте (дочь Софіи). Отецъ предназначалъ его къ торговлѣ, но мальчикъ чувствовалъ къ ней такое отвращеніе и такое стремленіе къ литературной дѣятельности, что ему было дано позволеніе поступить въ университетъ. Онъ учился, между прочимъ, въ Іенѣ; тамъ познакомился съ основателями школы и сразу вошелъ къ нимъ въ милость, написавъ остроумную пародію на Коцебу. Тогда же написалъ онъ нѣсколько лучшихъ своихъ балладъ и въ томъ числѣ знаменитую «Лора-лей» *). Въ печати онъ выступилъ съ небольшой книжкой: Сатиры и поэтическія забавы Марія (Satiren und poetische Spiele von Maria. Lpz. 1800 г.), а черезъ годъ подъ тѣмъ-же псевдонимомъ издалъ романъ: «Годви или каменное изображеніе матери» **); въ немъ онъ, какъ Фр. Шлегель въ Люциндѣ, пересказываетъ свою любовную исторію съ чужой женою, довольно извѣстной литераторшей Софіей Мерò (Mereau), которая вскорѣ послѣ этого развелась съ мужемъ и вышла замужъ за Брентано; но умерла родами при первомъ ребенкѣ (она была на 17 лѣтъ старше Брентано, но горячо любима имъ). Послѣ довольно продолжительныхъ странствованій, Брентано поселился въ Гейдельбергѣ, гдѣ близко сошелся съ Ахимомъ фонъ-Арнимъ и издалъ вмѣстѣ съ нимъ «Волшебный рогъ мальчика» ***), довольно обширный сборникъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ. Этотъ сборникъ далеко не удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ, такъ какъ тексты въ немъ подправлены; но издатели имѣли въ виду не ученыхъ, а большую публику, въ которой желали пробудить интересъ къ народной пѣснѣ, и этой цѣли достигли вполнѣ: такимъ образомъ исполнилась завѣтная мечта Гердера; «Волшебный Рогъ» вдохновилъ многихъ нѣмецкихъ поэтовъ, и изученію нѣмецкой народности открылъ широкія перспективы.

Въ 1809 г. Брентано поселился въ деревнѣ и въ слѣдующемъ году издалъ «Романсы о розовомъ вѣнкѣ», родъ аллегорическаго романа, гдѣ ограниченное и самодовольное человѣческое полузнаніе (олицетворенное въ лицѣ доктора Апонэ, руководимаго чертомъ Молесомъ) противуполагается міру вѣры и любви ****). Вскорѣ Брентано женился

*) См. переводъ у Гербеля: Нѣм. поэты, стр. 395—6.

**) Godwi oder das steinere Bild der Mutter.

***) «Des Knaben Wundenhorn» (виньетка изображаетъ мальчика, трубящаго въ рогъ), 1806—8, въ 3-хъ частяхъ.

****) «Romanzen vom Rosenkranz» см. III т. Gesamm. Schrift. Романъ неоконченъ.

во второй разъ, потомъ развелся съ своей женой и опять началъ вести бродячую жизнь. Проживая въ Богеміи, онъ надумалъ историческую драму изъ ея исторіи: «Основаніе Праги» (1815); тема ея: бракъ славянской амазонки Любуши съ Пшемысломъ; какъ драма, эта пьеса имѣетъ огромные недостатки: въ ней всего одинъ характеръ; ея отдѣльныя сцены плохо связаны между собой и далеко не всѣ удачны; но отъ нея вѣетъ духомъ сѣдой древности, и она очень важна для исторіи развитія славянскаго самознанія. Въ 1817 г. вышла лучшая новелла Брентано изъ народной жизни: «Исторія о храбромъ Каспарѣ и прекрасной Аннѣ» *).

Начиная съ 1819 г. Брентано живетъ почти исключительно узко-католическими интересами, съ глубокимъ вниманіемъ и почтеніемъ относится къ больнымъ фанатикамъ, пропагандируетъ мистицизмъ и самъ становится крайнимъ мистикомъ и визіонеромъ. Но такое нездоровое настроеніе не мѣшало ему писать очень хорошія сказки и недурныя повѣсти. Онъ умеръ (въ 1842 г.) полусумасшедшимъ въ домѣ своего младшаго брата, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, издателемъ его сочиненій **).

Брентано несомнѣнно обладалъ сильнымъ и оригинальнымъ дарованіемъ, но онъ былъ лишенъ чувства мѣры и порядка, и довелъ до крайности принципъ произвола въ творчествѣ; если, съ одной стороны, почти во всякомъ его произведеніи есть поразительно-блестящіе эпизоды или страницы, во всякомъ же встрѣчаются и отталкивающія частности.

Его другъ и родственникъ Людвигъ **Ахимъ** (т.-е. Іоахимъ) **фонъ-Арнимъ** моложе его на 3 года: онъ родился въ 1781 г. въ Берлинѣ и былъ аристократомъ какъ по рожденію, такъ и по воспитанію и манерамъ; онъ много занимался естественными науками и уже 18 лѣтъ выступилъ въ печати съ книгой «Теорія электрическихъ явленій» (Halle 1799). Онъ много путешествовалъ по Германіи и хорошо познакомился съ народомъ, въ особенности съ его пѣснями. Въ 1806—11 онъ жилъ въ Гейдельбергѣ и тамъ женился на сестрѣ Брентано—Беттинѣ (уменьш. отъ Елизавета).

Первый его романъ: «Откровенія Аріэля» вышелъ въ 1804 г. ***); въ 1809 г. появился первый сборникъ его новеллъ ****), а въ 1810 г. двухтомный романъ: «Бѣдность, богатство, проступокъ и раскаяніе

*) «Geschichte des braven Kasperl und des schönen Annerl», въ «Gaben der Milde» Гибица. Гейне въ Романт. школѣ приводитъ изъ нея характерный отрывокъ.

) Полное собраніе ихъ изд. въ 1851—55 г. См. его блестящую характеристику у Гейне: Romantische Schule, стр. 185 и слѣд. Лучшая біографія **Diel und Kreiten: Clemens Brentano, ein Lebensbild 2. Bd. Freib. 1877—1878.

***) Ariels Offenbarungen.

****) Wintergarten, eine Sammlung von Novellen.

графини Долоресъ» (героиня его вышла изъ бѣдности замужъ за богатаго графа; закружившись отъ своихъ свѣтскихъ успѣховъ, измѣнила мужу, потомъ раскаялась, но не нашла покоя для своей измученной души: она подозрѣвала мужа въ измѣнѣ и, сознавая свою вину, не смѣла упрекать его въ ней; она узнала истину слишкомъ поздно), имѣвшій большой успѣхъ *). Съ 1811 г. Арнимъ жилъ то въ деревнѣ, то въ Берлинѣ и близко принималъ къ сердцу общественныя бѣдствія; его страстная отъ природы натура прониклась патріотизмомъ, почти изступленнымъ. «Тотъ отказывается отъ Бога,—говорилъ онъ,—кто отказывается отъ мщенія врагамъ родины». Послѣ освобожденія Германіи онъ продолжалъ жить независимымъ помѣщикомъ и умеръ отъ нервнаго удара въ 1831 г. Онъ написалъ массу повѣстей, бо́льшею частью крайне фантастическаго содержанія, нѣсколько пьесъ, совсѣмъ не удобныхъ для постановки на сценѣ, хоть и очень драматичныхъ по замыслу, и большой историческій романъ: «Охранители короны» **) (1817 г.), къ сожалѣнію не конченный, который нѣмецкіе критики ставятъ выше романовъ Вальтеръ Скотта; но въ историческомъ романѣ такое количество фантастики едва ли можно считать удобнымъ.

Арнимъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и умныхъ, но въ то же время одинъ изъ самыхъ странныхъ людей Германіи XIX вѣка и одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ выразителей нѣмецкаго романтизма. По выраженію французскаго критика ***), для него реальное есть только кажущееся и существуетъ только какъ символъ сверхъестественнаго. Для него міръ есть домъ сумасшедшихъ, и въ противуположность классикамъ (въ современномъ значеніи этого слова): Шекспиру, Мольеру и др., которые изображаютъ человѣка въ его лучшемъ видѣ, онъ всего охотнѣе воспроизводитъ его въ болѣзни, безуміи, галлюцинированіи, кошмарѣ; оттого и увлекшійся имъ читатель чувствуетъ себя какъ бы въ состояніи болѣзненнаго кошмара. Фантазія его отличается необыкновеннымъ богатствомъ и способна сочинить такія странныя фигуры и положенія, какія не снились и востоку: вампиры, оживающія куклы, люди безъ сердца (буквально), человѣкообразныя растенія

*) Armuth, Reichtum, Schuld und Busse der Gräfin Dolores, eine wahre Geschichte zur lehrreichen Unterhaltung armer Fräulein aufgeschrieben.

**) Полное заглавіе: „Die Kronenwächter, oder Bertholds erster und zweiter Leben". Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Максимильяна I, въ эпоху смѣны средневѣковаго порядка новымъ. На заднемъ планѣ стоитъ братство рыцарей, члены котораго хранятъ въ заколдованномъ зáмкѣ древнюю корону Гогенштауфеновъ въ намѣреніи возстановить ихъ на императорскомъ престолѣ. На первомъ планѣ жизнь Бертольда, бѣднаго потомка Гогенштауфеновъ, судьбу котораго направляютъ „охранители короны". Въ числѣ дѣйствующихъ является и докторъ Фаустъ.

***) Blaze de Bury: Les écrivains modernes de l'Allemagne. Paris. 1880.

и летучія мыши, живые трупы, открытые черезъ семь лѣтъ, чудодѣйственные запахи, двойныя и тройныя непобѣдимыя половыя влеченія, негроманты и волшебники обоихъ половъ и всѣхъ родовъ, нечистые духи всѣхъ видовъ и пр., и пр. Впечатлѣніе, производимое этой фантастикой тѣмъ сильнѣе, что она почти всегда пересыпана чертами полнѣйшаго реализма. Но это впечатлѣніе въ общемъ далеко не изъ пріятныхъ, такъ какъ фантастика Арнима рѣдко согрѣта чувствомъ любви къ людямъ и примиренія съ жизнью и столь же рѣдко достигаетъ эстетическаго совершенства. Арнимъ самъ точно волшебникъ, не злой по натурѣ, но находящійся въ дурномъ и капризномъ настроеніи духа. Пользуясь своей чудесной силой, онъ будто отъ скуки вызываетъ къ жизни тысячи образовъ, безпорядочныхъ и безпутныхъ, и сейчасъ же уничтожаетъ ихъ, раньше чѣмъ лица ихъ успѣютъ окраситься теплой кровью. Оттого Арнимъ и не пользовался никогда популярностью за предѣлами Германіи и мало переводился на другіе языки. Оттого къ нему можно примѣнить слова его же стихотворенія «Laune»:

Ein kühner Sinn kann Ströme hemmen
Und bricht durch Felsen seine Bahn,
Doch wenn die Nebel ihn beklemmen
Da fühlt er: seine Macht sei Wahn.

(Смѣлый духъ можетъ остановить потоки и пробиваетъ дорогу черезъ скалы, но когда его окружаетъ туманъ, онъ чувствуетъ, что его сила только мечта).

Мы изложимъ вкратцѣ содержаніе двухъ его наиболѣе извѣстныхъ новеллъ, въ которыхъ чувствуется нѣкоторая теплота и задушевность, и которыя не въ примѣръ прочимъ оканчиваются счастливо; изъ нихъ первая, также въ видѣ исключенія, не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго, а во второй фантастическое можетъ быть объяснено естественнымъ путемъ.

„Князь Ганцготтъ и пѣвецъ Гальбготтъ“ (Fürst Ganzgott und Sänger Halbgott).

Талантливый оперный пѣвецъ, сынъ довольно легкомысленной итальянки, позорно освистанъ публикою за то, что потерялъ голосъ; а потерялъ онъ его потому, что мать облила его ночью холодной водой, когда онъ, чтобы избавиться отъ ея ручныхъ мышей, замяукалъ кошкою. Пѣвецъ прямо изъ театра въ костюмѣ со звѣздой ушелъ пѣшкомъ изъ города и къ ночи очутился въ Карльсбадѣ, усталый до послѣдней возможности. Онъ входитъ въ лучшій отель, гдѣ, къ его удивленію, всѣ почтительно кланяются ему и называютъ его „Ваша Свѣтлость“. Онъ съ аппетитомъ пообѣдалъ, выпилъ шампанскаго и былъ торжественно отведенъ въ роскошную спальню. Едва успѣлъ онъ заснуть, какъ его разбудилъ шумъ многихъ голосовъ, и онъ видѣлъ молодого человѣка, какъ двѣ капли воды похожаго на него, который тоже былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ своимъ съ незнакомцемъ, занявшимъ его постель; это владѣтельный князь, проживающій ради лѣченья въ Карльсбадѣ. Сходство молодыхъ людей объясняется тѣмъ, что отецъ князя былъ когда-то въ связи съ итальянкой. Пѣвецъ пригла-

*) H. Blaze de Bury: o. c.

силъ князя раздѣлить постель; тотъ соглашается, и молодые люди на другое утро очень подружились. Пѣвецъ легко уговорилъ князя бросить всякое лѣченіе, и князь въ его обществѣ почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Пѣвецъ изложилъ свои несчастья князю, а тотъ разсказалъ пѣвцу, что ему жизнь тоже не улыбается: жена совсѣмъ его не любитъ, придворный этикетъ надоѣлъ ему до послѣдней степени, и онъ очень хотѣлъ бы испытать жизнь артиста, для которой у него есть всѣ задатки: онъ поетъ не хуже Гальбготта. Полубратья рѣшаютъ на время перемѣниться судьбою; пѣвецъ, въ сопровожденіи посвященнаго въ тайну камергера, отправляется въ резиденцію князя, своей простотой и веселостью очаровываетъ дворъ и княгиню, и послѣднюю до такой степени, что еслибы онъ не былъ такъ честенъ и преданъ князю, онъ легко могъ бы воспользоваться супружескими правами послѣдняго. Но въ самую опасную для пѣвца минуту является самъ князь, который, въ свою очередь, хорошо устроилъ дѣла своего полубрата: съ успѣхомъ пѣлъ на сценѣ и примирился съ матерью. На другой день послѣ прибытія князя, побочный братъ, успѣвшій проявить при пріемѣ чиновъ большую дозу здраваго смысла, котораго такъ часто не хватаетъ великимъ государственнымъ умамъ, торжественно признанъ княгинею и назначенъ первымъ министромъ.

Сюжетъ другой новеллы „Сумасшедшій инвалидъ въ формѣ Ратоно" *) пріуроченъ ко времени семилѣтней войны. Вскорѣ послѣ ея окончанія, добродушный, хотя и строгій по службѣ, комендантъ Марсели въ октябрьскій вечеръ сидитъ передъ каминомъ и своей деревянной ногой мѣшаетъ въ немъ уголья. Замечтавшись, онъ не замѣтилъ, какъ загорѣлась его деревяшка, и такъ какъ его служитель крѣпко спалъ, онъ пострадалъ бы очень серьезно, еслибы къ нему не подоспѣла на помощь молодая женщина, дожидавшаяся въ качествѣ просительницы въ его передней. Эта женщина—нѣмка, вышедшая по любви замужъ за плѣннаго и раненаго французскаго сержанта Франкöра, противъ воли своей матери, которая прокляла ее за непослушаніе и предала во власть дьяволу. Сейчасъ же послѣ страшныхъ словъ матери, Розалія—такъ зовутъ героиню—почувствовала, „будто черная летучая мышь распростерла свои прозрачныя перепончатыя крылья передъ ея глазами", и въ сердце ея вселилась невыразимая тоска. Когда совершился ея бракъ съ сержантомъ, и вѣнчавшій ихъ патеръ сказалъ, что съ этой минуты мужъ долженъ дѣлить горести своей жены, которая для него всѣмъ пожертвовала, Розалія почувствовала значительное облегченіе, но за то сержантъ сталъ ощущать приступы ужасной тоски, которые ослабѣвали только тогда, когда онъ пилъ и плясалъ, и возненавидѣлъ все церковное и всѣхъ церковниковъ. Сержантъ скоро освободился изъ плѣна и вернулся вмѣстѣ съ женою къ своему отряду, но приступы тоски обратились въ припадки умопомѣшательства; полковой врачъ объявилъ, что сержантъ страдаетъ отъ дурно залѣченной раны въ голову и что ему полезно пожить года два въ тепломъ климатѣ, вслѣдствіе чего Франкöра и препроводили въ Марсель. Теперь Розалія проситъ полковника назначить ея мужа въ какое-нибудь болѣе уединенное мѣсто, имѣть въ виду его болѣзненное состояніе, но ничего не говорить ему объ ея сообщеніи. Комендантъ охотно исполнилъ ея желаніе и назначилъ Франкöра (отличнаго артиллериста и страстнаго пиротехника) въ фортъ Ратоно, гдѣ въ его распоряженіи было всего два инвалида, и поручилъ ему привести фортъ въ порядокъ и изготовить большой фейерверкъ къ торжественному дню. Среди работы и на свѣжемъ воздухѣ Франкöръ былъ совсѣмъ здоровъ, и все шло прекрасно. Къ сожалѣнію, комендантъ

*) Der tolle Invalide auf dem Fort Ratonneau. Перепечатанъ въ Novellenschatz Гейзе.

имѣлъ привычку разговаривать самъ съ собою, и его служитель Бассе, старый товарищъ Франкöра, узналъ изъ его монолога, чѣмъ страдаетъ сержантъ. По своей наивности, онъ выболталъ все это Франкöру, а тотъ, узнавъ, что онъ одержимъ дьяволомъ, впалъ въ самый ужасный припадокъ бѣшенства: онъ выгналъ изъ форта свою жену съ ребенкомъ, вообразивъ, что она въ связи съ комендантомъ, прогналъ и своихъ товарищей, зарядилъ всѣ пушки форта, господствовавшаго и надъ моремъ и надъ городомъ, и, имѣя въ своемъ распоряженіи массу запасовъ, объявилъ войну коменданту, выставивъ знамя съ изображеніемъ черта. Онъ стрѣлялъ такъ искусно, что городу грозила серьезная опасность. На военномъ совѣтѣ было рѣшено взять фортъ штурмомъ во что бы то ни стало, и тогда сержантъ долженъ былъ погибнуть или въ бою, или по рѣшенію военнаго суда. Розалія рѣшилась спасти мужа: она взяла слово съ коменданта, что если ей удастся заставить Франкöра сдаться безъ кровопролитія, онъ будетъ прощенъ, и, оставивъ ребенка у подножія форта, смѣло пошла одна къ мужу. Тотъ грозилъ ей смертію и даже стрѣлялъ въ нее, но она продолжала идти впередъ. Ея безстрашіе заставило сержанта задуматься: потъ выступилъ у него на лбу, и онъ началъ колотить себя въ больную голову; рана открылась, потекла кровь.... въ это время порывъ вѣтра сдулъ порохъ съ полки картечной пушки и свалилъ чертово знамя; сержантъ опомнился и бросился въ объятія вѣрной жены. Онъ немедленно отдалъ свою шпагу коменданту, а хирургъ изслѣдовалъ его рану и нашелъ тамъ кусочекъ кости съ нагноеніемъ, который онъ извлекъ вполнѣ удачно. Когда сержанта послѣ операціи ввезли въ городъ, народъ, „который смѣлость цѣнитъ выше доброты", бросалъ ему лавровые вѣнки. Черезъ нѣкоторое время Розалія, къ довершенію своего счастія, узнала, что мать сняла съ нея проклятіе.

По старинному восточному обыкновенію, Тикъ кончаетъ свою повѣсть двустишіемъ:

Gnade löst den Fluch der Sünde,
Liebe treibt den Teufel aus *).

Какъ драматургъ, Арнимъ, подобно почти всѣмъ романтикамъ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что пьесы его не годятся для сцены. Наиболѣе отдѣланное изъ его драматическихъ произведеній —«Тетеревъ» (Auerhahn); сюжетъ ея взятъ изъ разсказа Тюрингенской хроники (подъ 1129 г.), герой котораго Людвигъ Желѣзный у Арнима почему-то обратился въ Генриха. Это тоже трагедія судьбы и самаго мрачнаго колорита: отецъ убиваетъ обоихъ сыновей своихъ, нелюбимаго и любимаго, и его владѣнія переходятъ къ представителю побочной линіи. Здѣсь подавляющая масса приключеній, переодѣваній и самыхъ странныхъ положеній (напр. братъ ревнуетъ свою невѣсту къ родной сестрѣ, которая переодѣта монахомъ); характеры слишкомъ необыкновенны; страсти—преувеличенно сильны; любовь всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто фатальное. Въ общемъ, это—«театръ маріонетокъ и китайскихъ тѣней, въ которомъ однакоже пружины двигаетъ истинный поэтъ» **).

*) „Милосердіе разрѣшаетъ проклятіе грѣха; любовь изгоняетъ черта". Содержаніе одной части исторической (?) повѣсти Арнима: „Изабелла Египетская", гдѣ излагается любовная исторія Карла V, см. у Гейне l. c.

**) Blaze de Bury l. c.

Полное собраніе сочиненій Арнима издано его вдовою Беттиной съ предисловіемъ Вильг. Гримма *).

Беттина Арнимъ тоже оставила громкое, хотя и не безупречное имя въ исторіи нѣмецкой литературы. Ее трудно пріурочить къ опредѣленной какой-нибудь эпохѣ или школѣ: по первой половинѣ своей дѣятельности она принадлежитъ къ кругу Гёте, а по второй—къ соціальной литературѣ 40-хъ годовъ; за то по своему нравственному и умственному облику и по своей манерѣ писать, она можетъ считаться романтикомъ par excellence.

Беттина Брентано родилась въ 1785 г. и воспитала въ себѣ до болѣзненности доходившую любовь къ природѣ и къ искусству; около 20 лѣтъ отъ роду она влюбилась въ 60-ти-лѣтняго Гёте, который съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нею и переписывался. Послѣ смерти Гёте она напечатала свою переписку съ нимъ вмѣстѣ съ своимъ дневникомъ подъ заглавіемъ: Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde (3 тома, Berl. 1835); книга вышла очень интересною; но чтò въ ней принадлежитъ къ области факта и чтò вымышлено, критика до сихъ поръ разобрать не въ состояніи; повидимому, „Переписку Гёте съ ребенкомъ" скорѣе надо признать романомъ изъ жизни Гёте, чѣмъ историко-литературнымъ матеріаломъ.

Въ 40-хъ и 50-хъ гг. Беттина писала книги о соціально-политическихъ вопросахъ подъ сенсаціонными заглавіями: „Эта книга принадлежитъ королю" **), „Юлій Памфилъ и амвросія" ***), „Разговоры съ демонами" ****), и пр. Беттина рѣзко становилась на сторону демократіи и христіанскаго соціализма; но она писала такъ странно, съ такими курьезными отступленіями, апокалипсическими видѣніями, и пр., что цензура не имѣла духу запрещать ея произведенія. Она ум. въ 1859 г. Льюисъ, біографъ Гёте, говоритъ о Беттинѣ: „Скорѣе демонъ, чѣмъ женщина, но не безъ проблесковъ геніальности, придающихъ блескъ безсмысленной чепухѣ, она рѣшительно ускользаетъ отъ всякой критики" *****). Генрихъ очень удачно характеризуетъ ее словами: „это постоянная экзальтація, близкая къ безумію; она иногда забавна, всегда интересна и часто скандальна" ******).

Большей извѣстностью, а стало быть и вліяніемъ, пользуются другіе поэты-романтики этого поколѣнія: Ламоттъ Фуке, Шамиссо, а въ особенности Амедей Гофманъ, Рюккертъ и Уландъ. Фридрихъ-Генрихъ-Карлъ де-Ламоттъ Фуке, «средневѣковой рыцарь, ошибкой попавшій въ новое время», былъ внукъ генерала прусской службы и происходилъ изъ аристократической нормандской фамиліи, которая выселилась за Рейнъ при гоненіи на протестантовъ; онъ род. въ 1777 г. въ Бранденбургѣ, съ дѣтства былъ расположенъ къ мечтательности, воспитывался дома, и въ 1794 г. поступилъ корнетомъ въ кирасирскій полкъ. Досугъ отъ службы онъ употреблялъ на изученіе отечественной литературы и скоро началъ пробовать собственныя силы. Въ 1802 г. онъ посѣтилъ Веймаръ, познакомился съ Гёте и Шиллеромъ, и вскорѣ, къ своему великому удовольствію, узналъ, что молодые

*) въ 20 томахъ. Berl. 1839—48; новое изд. въ 22 т. ibid. 1853—56.

**) Dies Buch gehört dem Konige. 2 тт. Berl. 1843.

***) Iulius Pamphilus und die Ambrosia. 2 тт. Berl. 1848.

****) Gespräche mit Dämonen. Berl. 1852.

*****) II, 295 русс. пер.

******) o. c. III, 379.

критики Шлегели признають въ немъ несомнѣнный поэтическій талантъ. Послѣ этого, поселившись въ имѣніи своей жены *), онъ отдался исключительно литературѣ: подъ псевдонимомъ Пеллеррима онъ перевелъ Нуманцію Сервантеса, написалъ «Исторію о рыцарѣ Гальми и герцогинѣ Бретанской» (1806), романъ «Альвинъ» въ 2-хъ частяхъ и нѣсколько пьесъ. Кромѣ сказаній о французскихъ рыцаряхъ **), его еще съ ранней юности увлекали героическія преданія сѣвера, и теперь, познакомившись съ ними по источникамъ, онъ написалъ драматическую поэму: «Сигурдъ-змѣеборецъ», на которой впервые выставилъ свое имя; духъ мрачной поэзіи скандинавскихъ странъ схваченъ въ ней замѣчательно вѣрно, хотя характеры и чувства сильно идеализированы ***). Немного позднѣе Фуке написалъ двѣ драмы изъ нѣмецкихъ преданій: «Эгингардъ и Эмма» (1811) и «Албоинъ, король Лонгобардовъ» (1813); къ этому же періоду относится его прозаическая поэма—сказка «Ундина», переведенная на всѣ языки и на русскомъ художественно воспроизведенная въ стихахъ Жуковскимъ.

Если отъ всей романтической школы до нашихъ потомковъ не дойдетъ ничего кромѣ Ундины, они будутъ имѣть полную возможность по одному этому произведенію составить ясное представленіе о новонѣмецкомъ романтизмѣ, о его свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ: до того ярко выражены онѣ въ этомъ граціозномъ вымыслѣ. Здѣсь и изумительная сила фантазіи, направленная на воспроизведеніе того, чего никогда не производила природа; здѣсь и сила чувства, напряженная до перехода въ нервноболѣзненную чувствительность; здѣсь и полубезсознательный пессимизмъ, презрѣніе къ человѣку, прикрытое жалостью къ его эгоизму и къ ограниченности его самодовольнаго разума; здѣсь и отвращеніе ко всякой „дѣловитости", филистерству и „приличіямъ" и преклоненіе передъ „капризомъ" (Laune) и стихійными движеніями души; здѣсь и попытка оцѣнить „простоту народную" и рядомъ съ нимъ признаніе принципа родовой аристократіи; здѣсь и пылкая, но своеобразная, не вполнѣ христіанская религіозность; здѣсь и невольное смѣшеніе двухъ миѳологій, школьно-классической и старонѣмецкой; здѣсь, наконецъ, и любовь къ среднимъ вѣкамъ и претензія на знаніе ихъ безъ самаго знанія. И все это выражено въ изящно-изложенной и занимательной сказкѣ, сцены которой будто сами просятся на музыку и почти не могутъ быть выражены живописью. Правда, здѣсь нѣтъ романтической ироніи, нѣтъ смѣшенія философіи и фантазіи, крайняго реализма съ безпредѣльнымъ спиритуализмомъ; но произведенія, въ которыхъ выражены эти черты, или должны быть классически прекрасны, какъ Фаустъ-Гёте—тогда они выходятъ за предѣлы романтизма,

*) Это вторая его жена Каролина — въ первый разъ онъ женился очень рано и, какъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи (Selbstbiographie 1840), разошелся съ женой по собственной винѣ; она род. въ 1773 г., ум. въ 1831 и извѣстна своими многочисленными романами и трактатами: о женскомъ образованіи, о греческой миѳологіи, о магіи природы и пр. и пр.

**) Еще въ 1805 г. появились его „Романсы о долинѣ Ронсенвалльской".

***) Sigurd der Schlangentöter Berl. 1808. Гейне характеризуетъ героя поэмы болѣе ѣдко, чѣмъ мѣтко, словами: „Онъ крѣпокъ, какъ норвежская скала, и бурливъ, какъ окружающее ее море; у него столько смѣлости, какъ у сотни львовъ, и столько ума, какъ у пары ословъ".

или это лишенные чувства мѣры продукты антихудожественнаго рефлекса, въ родѣ раннихъ драмъ Тика; тогда они не принадлежатъ къ области поэзіи.

Во время войны за освобожденіе, Фуке снова вступилъ въ военную службу, а по окончаніи ея вышелъ въ отставку маіоромъ и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ и проживалъ до 1830 г., дѣятельно и съ большимъ успѣхомъ занимаясь литературой. Очень понравился публикѣ большой его романъ: «Волшебное кольцо» *), который, несмотря на порядочную монотонность, послужилъ недосягаемымъ образцемъ для многихъ сотенъ романовъ, идеализировавшихъ средневѣковую жизнь и составлявшихъ любимое дамское чтеніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Вслѣдъ за нимъ Фуке выпустилъ въ свѣтъ массу подобныхъ «рыцарственныхъ исторій», однообразіе направленія и сюжетовъ которыхъ онъ старается возмѣстить разнообразіемъ формы: онъ обдѣлываетъ ихъ въ видѣ романовъ, повѣстей, сказокъ, большихъ и малыхъ поэмъ, драмъ, сценъ, полуученыхъ монографій и пр. Много лѣтъ всѣ его произведенія читались, что называется, на расхватъ, но, наконецъ, стали пріѣдаться публикѣ.

Его многочисленныя лирическія произведенія, въ томъ числѣ и духовныя пѣсни, не отличаются большой оригинальностью.

Въ 1831 г. Фуке, по смерти жены, переѣхалъ въ Галле, гдѣ женился въ третій разъ и началъ доцентствовать въ университетѣ по новѣйшей исторіи и исторіи поэзіи. Къ этому времени творчество у него изсякло, а внѣшняя производительность не слабѣла; къ его произведеніямъ этого періода вполнѣ приложима ѣдкая характеристика Гейне: «Рыцари Фуке состоятъ только изъ желѣза и храбрости; у нихъ нѣтъ ни плоти, ни разсудка. Его женщины — только картинки или скорѣе куклы съ золотыми локонами и цвѣтущими личиками». Только одна книга Фуке изъ времени его доценства достойна вниманія — его автобіографія.

Средневѣковыя воззрѣнія Фуке шли все болѣе и болѣе въ разрѣзъ съ окружающимъ его міромъ; онъ сердится на младшія поколѣнія и дѣлается злостно тенденціозенъ; его безсильно-старческія выходки встрѣчаются насмѣшками, и онъ теряетъ уваженіе соотечественниковъ; въ то же время и личныя его дѣла идутъ плохо. Наконецъ въ 1842 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV призвалъ его въ Берлинъ, чтобы доставить заслуженный покой его старости. Онъ умеръ въ 1843 г. **).

---

*) Der Zauberring. Nürnb. 3 Th. 1816 г.

**) „Избранныя сочиненія“ Фуке, изд. имъ самимъ, заключаютъ въ себѣ 12 томовъ (Halle 1841 г.). Ундина на русскомъ языкѣ, кромѣ передѣлки Жуковскаго (1836 г.), имѣетъ еще переводъ Влидсе (Спб. 1831 г.). Въ Невскомъ Зрителѣ за 1821 г. іюнь переведена его повѣсть: Любовный напитокъ, стр. 197—230.

Близкій пріятель Фуке Шамиссо́, или какъ нѣмцы называютъ его Хами́ссо, во многихъ отношеніяхъ является двуликимъ Янусомъ: онъ французъ, до 10-ти-лѣтняго возраста не знавшій ни слова по-нѣмецки, и въ тоже время нѣмецкій писатель, нѣмецкій не только по языку, но и по всему складу мыслей; онъ и поэтъ и естествоиспытатель; онъ аристократъ по рожденію и демократъ по убѣжденіямъ; онъ горячій романтикъ и въ тоже время одинъ изъ первыхъ поэтовъ «Молодой Германіи».

Карлъ-Людвигъ-Аделаидъ де-Шамиссо де-Бонкуръ род. въ 1781 г. въ родовомъ за́мкѣ Бонкуръ въ Шампаньи. На второй годъ революціи семейство Бонкуръ эмигрировало, и его за́мокъ былъ разрушенъ до основанія; маленькій Шамиссо, неожиданно попавшій изъ богатства въ бѣдность, не могъ получить правильнаго образованія, и родные его были очень рады, когда имъ удалось пристроить его ко двору прусскому. 17-ти лѣтъ онъ былъ уже офицеромъ прусской арміи и вынужденъ былъ сражаться противъ отечества, куда родные его вернулись еще въ 1801 г. Крайне тяготясь этимъ, онъ въ 1806 г. подалъ въ отставку, пытался пристроиться учителемъ во Франціи; но это ему не удалось, и онъ рѣшился навсегда поселиться въ Германіи.

Стихи онъ началъ писать очень рано, сперва по-французски, а потомъ и по-нѣмецки, раньше, нежели онъ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ (впрочемъ онъ всю жизнь и говорилъ и писалъ на немъ съ ошибками). Уже въ 1804 г. онъ вмѣстѣ съ Фарнгагеномъ издалъ Альманахъ Музъ и съ тѣхъ поръ привыкъ изливать свои мысли и чувства въ стихахъ. Нѣсколько лѣтъ онъ велъ скитальческую жизнь, гостилъ между прочимъ въ Коппе у М-me Сталь и тамъ заинтересовался ботаникой. Въ октябрѣ 1812 г., на 32 году отъ роду, онъ записался студентомъ медицины въ Берлинскій университетъ и началъ усердно работать. Въ 1813 г., когда двѣ націи, къ которымъ принадлежалъ онъ въ одинаковой степени, вступили въ смертельную борьбу, онъ сильно страдалъ душевно; нѣсколько разъ готовъ былъ вступить въ ряды нѣмецкаго ополченія, но потомъ восклицалъ въ отчаяніи: «нѣтъ для меня меча у нашего времени!» Его уговорили уѣхать въ деревню, чтобы быть дальше отъ печальныхъ для него событій.

Въ 1815 г. Шамиссо получилъ предложеніе отправиться въ качествѣ натуралиста кругомъ свѣта въ ученую экспедицію на русскомъ кораблѣ «Рюрикъ», съ радостью принялъ его и былъ въ отъѣздѣ 3 года. Въ 1819 г. Берлинскій университетъ далъ ему степень доктора, и онъ получилъ мѣсто хранителя ботаническаго сада въ Берлинѣ; въ томъ же году онъ женился на очень милой дѣвушкѣ, которую зналъ еще съ дѣтства, былъ счастливымъ и нѣжнымъ отцемъ семейства и спокойно прожилъ остальную жизнь среди ученыхъ трудовъ (за нихъ

въ 1835 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи наукъ) и литературныхъ занятій. Онъ не переставалъ питать глубокій интересъ къ своей родинѣ, и извѣстіе о революціи 1830 г. подѣйствовало на него чрезвычайно сильно. Упорнымъ трудомъ онъ такъ расширилъ узкія рамки своего образованія, что не только зналъ по-англійски, по-итальянски, по-испански, но и переводилъ съ новогреческаго и староиспанскаго. Онъ умеръ въ 1838 г. послѣ продолжительной болѣзни. Смерть его искренно оплакивали лучшіе представители нѣмецкой поэзіи; Дингельштедтъ говоритъ объ немъ:

Ein Fremdling warst du unserm deutschen Norden,
Im Sitt' und Sprache andrer Stämme Sohn;
Und Wer ist heimischer, als du, ihm worden? *)

Шамиссо—истинный и искренній поэтъ; онъ пишетъ то, что̀ думаетъ и чувствуетъ, и та̀къ, какъ думаетъ и чувствуетъ, и нѣмецкая публика, хотя и поздно **), но оцѣнила его по заслугамъ: собраніе его стихотвореній вышло въ первый разъ въ 1831 г.; при жизни его оно выдержало 4 изданія, а въ 1861 г. было переиздано въ 17-й разъ.

Шамиссо—ученикъ романтиковъ; отъ нихъ усвоилъ онъ безусловную свободу фантазіи и любовь къ формамъ средневѣковой романской поэзіи, между прочимъ къ терцинамъ. Но романтики не поработили его убѣжденій, и онъ всю жизнь былъ свободомыслящимъ человѣкомъ; его горячее увлеченіе правдой, наклонность къ рѣзкой и горькой сатирѣ, отвращеніе отъ слащавости, которая такъ часто портитъ нѣмецкую поэзію—черты совсѣмъ не романтическія. Въ нѣмецкую форму Шамиссо внесъ французскую ясность и смѣлость ума и трезвый политическій смыслъ; разрушившая благосостояніе его семьи революція нисколько не ослабила въ немъ сочувствія къ свободѣ и желанія счастія людямъ; стихотвореніе къ родному за̀мку Бонкуръ онъ заканчиваетъ такими прочувствованными и благородными словами:

Будь щедра, о земля дорогая!
Призываю въ сердечной мольбѣ
Благодать на тебя и на руки,
Проводящія плугъ по тебѣ.
Я же съ доброю арфой моею
По широкому свѣту пойду,
Вдохновенныя пѣсни слагая
Добротѣ, и уму, и труду ***).

*) „Чужой на нашемъ нѣмецкомъ сѣверѣ, ты былъ сыномъ другого племени по языку и по нравамъ; а кто сдѣлался болѣе роднымъ для Германіи?“

**) Шамиссо стали считать крупнымъ поэтомъ только съ 1829 г., когда въ Альманахѣ Музъ Вендта (Wendt) появилась его описательная поэма Salaz y Gomez, написанная терцинами.

***) Переводъ П. Вейнберга.

Такимъ образомъ, подчиняясь относительно формы романтикамъ, относительно содержанія Шамиссо стоялъ ближе къ своимъ соотечественникамъ Беранже и Барбье, изъ которыхъ перваго онъ съ большимъ увлеченіемъ перекладывалъ въ нѣмецкіе стихи вмѣстѣ съ своимъ другомъ Годи *).

Несмотря на популярность своихъ лирическихъ стихотвореній, Шамиссо по свойству таланта скорѣе эпикъ: такъ живо и наглядно рисуетъ онъ положенія и такъ искусно умѣетъ въ нѣсколькихъ моментахъ передать цѣлую жизнь человѣческую; свои лирическія пьесы онъ любилъ соединять въ циклы, черезъ что превращалъ ихъ въ поэмы. Его передѣлка «Бѣднаго Генриха» (посвящена братьямъ Гриммамъ) есть одно изъ лучшихъ поновленій старо-нѣмецкихъ сюжетовъ **).

Замѣчательный эпическій талантъ проявился и въ той небольшой повѣсти Шамиссо, которой онъ обязанъ своей всемірной извѣстностью; это—«Чудесная исторія Петра Шлемиля», переведенная на всѣ языки Европы и переизданная безконечное число разъ ***). Эта фантастическая повѣсть о человѣкѣ, продавшемъ свою тѣнь за неисчерпаемый кошелекъ, возникла, какъ разсказываютъ, изъ такого обыденнаго случая: Шамиссо, въ молодости очень разсѣянный человѣкъ, одинъ разъ во время путешествія потерялъ шляпу, платокъ, перчатки и пр.; пріятель, которому онъ разсказалъ объ этомъ, спросилъ его: не потерялъ ли онъ также и своей тѣни? Поэта поразила мысль о томъ, какія послѣдствія могла бы имѣть потеря этой никому ненужной вещи? онъ обработалъ ее во время невольнаго деревенскаго досуга въ 1813 г. для забавы дѣтей одного изъ своихъ друзей и издалъ въ 1814 г., вовсе не ожидая, что она послужитъ базисомъ его литературной славы.

Повѣсть такъ замысловато придумана и разсказана такъ хорошо, что, кромѣ вышеприведенной легенды, около нея сложилось нѣсколько другихъ, и критики стали трудиться надъ вопросомъ: какая мысль

*) Franz Gaudy род. 1800, ум. 1845 г.; извѣстенъ, какъ юмористическій писатель.

**) См. удачный выборъ стихотвореній Шамиссо въ сборникѣ Гербеля, стр. 398 и слѣд.; также „Старая прачка“, Дѣло 1870 г., № 1. „Вторая пѣснь о старой работницѣ“; ibid. № 12.

О немъ см. Farchi: Adalbert de Chamisso, sa vie, ses oeuvres, ses amis et la poesie allemande de 1800—1838. Paris 1877. Также Chabozy Fr. Ueber das Jugendleben Adelberts v. Chamisso, zur Beurtheilung seiner Dichtung: Peter Schlemil. München 1879. Книга Fulda: Chamisso und seine Zeit. Mit dem Porträt. Lpz. 1881 составлена слишкомъ небрежно. Наиболѣе распространенное изданіе его произведеній (Chamisso's Werke, 4 Bd. Berl. Gustav Hempel) имѣетъ при себѣ хорошую его біографію, написанную C. Hesekiel'емъ.

***) На русскій яз. переведена Львомъ Самойловымъ въ 1842 г.; новый переводъ см. Пантеонъ литературы за 1889 г.

лежитъ въ основѣ этой «аллегоріи»? Напрасно увѣрялъ Шамиссо, что подъ тѣнью онъ разумѣлъ только тѣнь; многіе до сихъ поръ доказываютъ, что Петръ Шлемиль *) самъ авторъ, а потерянная тѣнь его—отечество, хотя Шамиссо никогда не продавалъ своей родины и никогда не считалъ отечества такимъ не нужнымъ для человѣка аксесуаромъ, какъ тѣнь.

Въ противоположность Ундинѣ и многимъ повѣстямъ Гофмана, сцены «Исторіи П. Шлемиля» очень легко поддаются воспроизведенію посредствомъ живописи.

Гофманъ, вмѣстѣ съ Гейне, принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, къ которымъ всецѣло прилагается извѣстное изреченіе относительно пророка въ его отечествѣ: въ то время, какъ Франція, Англія, Америка, Италія и Россія чтятъ въ немъ одного изъ величайшихъ писателей нашего вѣка и указываютъ замѣтные слѣды его воздѣйствія въ своихъ литературахъ, непосредственное его вліяніе въ Германіи ограничивается очень немногими и бо́льшею частію не популярными писателями, и нѣмецкая историческая критика признаетъ въ немъ больного фантаста, «весь идеализмъ котораго ограничивается юношеской влюбчивостью» **), неудачнаго подражателя Жанъ-Поля Рихтера; а авторъ одной изъ распространеннѣйшихъ исторій нѣмецкой литературы Вильмаръ ***) говоритъ: «Кто находитъ удовольствіе въ котѣ Муррѣ, Чертовомъ элексирѣ и Щелкунчикѣ, для того не существуютъ Шиллеръ и Гёте, не говоря уже у Небелунгахъ и Гомерѣ».

Эрнстъ-Теодоръ-Вильгельмъ Амедей Гофманъ род. въ Кенигсбергѣ въ 1776 г.; его мать была очень нервная женщина; отецъ юристъ по профессіи,—человѣкъ очень способный, но до крайности безпутный; родители разошлись, когда Амедею было всего 3 года; отецъ уѣхалъ изъ Кенигсберга, а мать съ дѣтьми переѣхала къ бабушкѣ, вмѣстѣ съ которой жили незамужняя тетка и дядя будущаго поэта; тетка, веселая, милая дѣвушка, имѣла на мальчика очень благотворное вліяніе, которое, впрочемъ, перевѣшивалось вліяніемъ дяди, человѣка умнаго и талантливаго, но фантаста и мистика, и въ тоже время съ большой наклонностью къ сарказму; дядя былъ учителемъ Амедея, который рано выказалъ большія способности не только къ ученію, но и къ музыкѣ и живописи, такъ что вся семья смотрѣла на него, какъ на чудо-ребенка. Семи лѣтъ Амедей поступилъ въ школу и дѣлалъ въ ней быстрые успѣхи, хотя и тратилъ много времени на искусства; онъ компонировалъ уже въ тѣ годы, когда дру-

*) Шлемиль по-еврейски значитъ несчастный, жалкій (Goedeke).

**) Goedeke Grundriss, 412.

***) 20-ое изд. 1881 г. стр. 415.

гіе только проходятъ этюды и копируютъ съ гравюръ. Кончивъ курсъ въ школѣ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ кенигсбергскаго университета, и хотя не чувствовалъ къ юриспруденціи ни малѣйшей наклонности, исправно посѣщалъ лекціи, но все остальное время посвящалъ рисованію и музыкѣ, учась и уча другихъ. Онъ влюбился въ дѣвушку, стоявшую настолько выше его, что онъ не могъ надѣяться на счастливый исходъ своей любви, хотя и пользовался взаимностью; такимъ образомъ онъ рано узналъ сердечное горе, но изъ самолюбія скрывалъ его отъ другихъ подъ маской напускной веселости. Въ 1795 г. Гофманъ выдержалъ свой первый экзаменъ и уѣхалъ практиковать въ Глогау, гдѣ служилъ другой его дядя; въ этомъ скучномъ мѣстечкѣ онъ усердно занимался искусствами и приготовленіемъ ко второму экзамену, который сдалъ въ 1798 г. Послѣ этого онъ совершилъ небольшое путешествіе по Богеміи и Саксоніи, и въ одномъ мѣстечкѣ ему везло такое удивительное счастье въ игрѣ, что потомъ онъ всю жизнь свою боялся брать карты въ руки, опасаясь, что судьба потребуетъ отъ него реванша. Дядя перешелъ изъ Глогау на службу въ Берлинъ, и за нимъ туда же переѣхалъ и Амедей. Въ 1800 г. онъ блистательно сдалъ послѣднее испытаніе: examen rigorosum и получилъ мѣсто ассесора въ Познани, гдѣ широкое гостепріимство поляковъ впервые пріучило его къ неправильной жизни. Гофмана повсюду приглашали, какъ остроумнаго собесѣдника, отличнаго музыканта и талантливаго каррикатуриста. Разъ въ маскарадѣ одинъ изъ его пріятелей, одѣтый итальянскимъ разносчикомъ, раздавалъ каррикатуры Гофмана присутствующимъ; когда они дошли до тѣхъ, на кого были направлены, генералъ Цастровъ, сильно задѣтый, послалъ объ этомъ эстафету въ Берлинъ, гдѣ уже лежалъ совсѣмъ готовый къ подписи указъ, назначавшій Гофмана совѣтникомъ въ Познань. Эстафета заставила замѣнить этотъ указъ другимъ, ссылавшимъ дерзкаго чиновника въ Плоцкъ на гораздо худшее мѣсто; тамъ Гофманъ могъ бы совсѣмъ погибнуть; но, къ счастію, онъ въ Познани женился на очень доброй и преданной полькѣ, которая съумѣла скрасить для него ссылку; это обстоятельство сдѣлало его на время болѣе «порядочнымъ» человѣкомъ: онъ усердно работалъ по должности, много читалъ и, не оставляя ни живописи, ни музыки, выступилъ на литературное поприще. Еще студентомъ Гофманъ сочинилъ трехъ-томный романъ Cornaro, но не нашелъ для него издателя. Теперь онъ помѣстилъ въ журналѣ Коцебу (Freimutiger) ироническую критику на попытку ввести въ драму древній хоръ безъ музыки; а когда журналъ назначилъ премію за лучшую комедію, Гофманъ написалъ пьесу «Премія» (der Preis); преміи онъ не получилъ, но комедія его въ чтеніи понравилась очень многимъ.

Въ 1804 г. Гофманъ былъ переведенъ совѣтникомъ въ Варшаву; здѣсь онъ сошелся съ Гитцигомъ, своимъ будущимъ біографомъ, и черезъ него познакомился съ Захаріей Вернеромъ. Добросовѣстно исполняя свои обязанности по службѣ, Гофманъ больше, чѣмъ когда-нибудь, занялся музыкой и устроилъ музыкальное общество, дававшее концерты подъ его управленіемъ и даже пріобрѣтшее собственное помѣщеніе, залъ котораго самъ же Гофманъ украсилъ своей живописью. Вскорѣ послѣ іенскаго сраженія всѣ прусскіе чиновники въ Варшавѣ были уволены отъ службы. Гофманъ отослалъ семью въ Познань, а самъ остался въ варшавской мансардѣ, гдѣ вскорѣ заболѣлъ нервной горячкой. Оправившись, онъ поѣхалъ въ Берлинъ съ портфелемъ, биткомъ набитымъ партитурами сочиненныхъ имъ оперъ, съ намѣреніемъ отдаться всецѣло искусству; но онъ не нашелъ тамъ ни сбыта своимъ произведеніямъ, ни уроковъ и оказался безъ копѣйки въ карманѣ. Наконецъ ему удалось получить мѣсто театральнаго капельмейстера въ Бамбергѣ; но антрепренеръ скоро разорился, а его кредиторы, взявшіе въ свои руки управленіе театромъ, вели дѣло до того плохо, что Гофманъ принужденъ былъ бросить мѣсто и перебивался частными уроками и музыкальными статьями. Въ 1810 г. одинъ старый знакомый Гофмана, Гольбейнъ, взялся возстановить Бамбергскій театръ. Гофманъ помогалъ ему, работая какъ композиторъ, дирижеръ, декораторъ, машинистъ, архитекторъ и начальникъ репертуара: на все хватало его способностей и кипучей дѣятельности; дѣло прекрасно пошло въ ходъ; но черезъ два года Гольбейнъ отказался отъ антрепренерства, и театръ закрылся. Гофманъ снова началъ бѣдствовать; 26 ноября 1812 г. онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «продалъ сюртукъ, чтобъ пообѣдать». А ему еще приходилось кормить жену и ребенка! Съ начала 1813 г. дѣла его пошли лучше: онъ получилъ маленькое наслѣдство и предложеніе занять мѣсто капельмейстера въ артистическомъ товариществѣ въ Дрезденѣ. 21 апрѣля онъ покинулъ Бамбергъ тѣмъ съ большей охотой, что желалъ спастись отъ любви къ одной своей ученицѣ, и поѣхалъ въ Дрезденъ, занятый тогда русскими. Не найдя труппы въ Дрезденѣ, онъ поѣхалъ за ней въ Лейпцигъ, откуда черезъ 4 недѣли вмѣстѣ съ труппой вернулся опять въ Дрезденъ. Во время одного изъ этихъ переѣздовъ по дорогамъ, переполненнымъ войсками, дилижансъ, гдѣ сидѣлъ Гофманъ съ семьею, опрокинулся, одна изъ пассажирокъ убилась до смерти, а жена Гофмана получила серьезную рану въ голову и была поднята замертво, но сравнительно скоро оправилась. Страшные дни августовскихъ битвъ Гофманъ пережилъ въ Дрезденѣ, занятый музыкальными и поэтическими композиціями. Гофманъ испыталъ на себѣ всѣ ужасы войны: пережилъ

и бомбардировку, и голодъ, и родъ чумы; обходилъ и поле сраженія; и при всемъ этомъ онъ былъ бодръ духомъ и даже веселъ, какъ никогда; онъ началъ писать романтическую оперу «Ундина» на текстъ Фуке, собралъ свои прежніе музыкально-поэтическіе очерки, написалъ нѣсколько новыхъ и очень удачныхъ вещей и приготовилъ къ печати родъ сборника своихъ произведеній, подъ названіемъ: «Фантастическіе очерки по манерѣ Калло» *); Жанъ-Поль Рихтеръ нашелъ въ Гофманѣ сродный себѣ талантъ, написалъ предисловіе къ 1-му тому фантастическихъ очерковъ, и книга имѣла значительный успѣхъ. Скоро Гофманъ потерялъ мѣсто капельмейстера, переѣхалъ въ Берлинъ и снова поступилъ въ прусскую гражданскую службу. Съ 1815 г. онъ занималъ должность совѣтника при камерномъ судѣ, гдѣ нашелъ въ такомъ же званіи своего варшавскаго друга Гитцига, который познакомилъ его съ Фуке́, Шамиссо и другими берлинскими литераторами и художниками. Служба вполнѣ обезпечивала Гофмана и при этомъ оставляла ему много досугу, такъ что его творческій талантъ могъ развернуться теперь во всей силѣ. Къ сожалѣнію, нервныя потрясенія, имъ испытанныя, и привычка къ неправильной жизни, не сломившая его энергичной натуры, дурно отозвались на немъ въ томъ отношеніи, что внушили ему чрезмѣрную увѣренность въ себѣ, и онъ, что называется, сталъ жечь свѣчу жизни съ обоихъ концовъ. Утромъ два раза въ недѣлю Гофманъ отправлялся на службу, гдѣ честно и аккуратно исполнялъ свои обязанности; а остальное время онъ проводилъ, какъ хотѣлъ. Разъ въ недѣлю по вечерамъ къ нему собирались пріятели—литераторы и художники, составлявшіе кружокъ, названный Серапіоновскимъ по имени святого, котораго жена Гофмана отыскала въ своемъ польскомъ календарѣ въ тотъ день, когда участники задумали придать своимъ собраніямъ правильность; въ кружкѣ читались новыя или вновь отдѣланныя повѣсти Гофмана и другихъ, и обсуждались художественные вопросы. Но Гофманъ не

---

*) Phantasienstücke in Callot's Manier. Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Enthusiasten. I—IV Bamberg 1814—1815. (III томикъ состоитъ изъ одной сказки: „Золотой горшокъ", наиболѣе характернаго изъ произведеній Гофмана, полнѣе другихъ раскрывающаго его profession de foi; она переведена по-русски въ Моск. Наблюдателѣ за 1839 г. кн. 1-ая стр. 36—194). Жакъ Калло, французскій художникъ, родился въ Нанси въ 1592 г., 12 лѣтъ бѣжалъ изъ дому родительскаго съ шайкой цыганъ, пришелъ съ ними во Флоренцію и поступилъ въ ученье къ одному живописцу. Возвращенный силою, онъ бѣжалъ вторично и снова былъ возвращенъ. Когда ему было 17 лѣтъ, родители отпустили его добровольно въ Италію, гдѣ онъ и выучился гравировать. 30 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже европейской знаменитостью. Онъ умеръ въ 1635 г.

Любимый родъ Калло—гротескъ и фантастическій юморъ; на изображеніи сказочныхъ чудовищъ, курьезныхъ фигуръ и сценокъ онъ отдыхалъ отъ заказныхъ работъ: сраженій, осадъ и пр. Одна изъ любимыхъ его темъ—искушеніе св. Антонія.

могъ довольствоваться такимъ скромнымъ и рѣдкимъ развлеченіемъ: ненавидя чинныя «чайныя» общества, онъ проводилъ большую часть вечеровъ, а часто и ночи напролетъ въ винномъ погребкѣ, гдѣ около него всегда собиралась веселая компанія; тамъ пѣли, пили (Гофманъ часто—очень немного, только для того, чтобы «монтировать себя»), болтали о серьезномъ и о пустякахъ, иногда тушили свѣчи и устраивали всякія «чертовскія» штуки (Teufelsspuck): вызывали привидѣнія и пр. Часто къ компаніи присоединялись пріѣзжіе, которые желали видѣть знаменитаго Гофмана и слышать его остроумную бесѣду. Разстроивъ себѣ виномъ и безсоницей нервы, Гофманъ приходилъ домой и садился писать *). Ужасы, создаваемые его воображеніемъ, говорятъ, часто пугали его самого; тогда онъ будилъ жену, и преданная женщина садилась съ чулкомъ около его письменнаго стола. А въ назначенный часъ, если это былъ служебный день, Гофманъ уже сидѣлъ въ палатѣ и работалъ, какъ лучшій изъ чиновниковъ, такъ что черезъ шесть лѣтъ получилъ значительное повышеніе. (Въ неслужебные дни онъ вознаграждалъ себя сномъ среди дня).

Произведенія Гофмана быстро слѣдуютъ одно за другимъ въ такомъ порядкѣ.

Въ 1815 г. выходитъ „Чертовъ элексиръ. Бумаги, оставшіяся послѣ брата Медарда капуцина“ **) (2-я ч. 1816). Это цѣлый романъ, по темѣ напоминающій вышеуказанный романъ Люиса: „Монахъ“, съ такими же ужасами, но съ несравненно большей глубиною мысли, реальностью образовъ и съ блестками геніальнаго юмора.

Въ 1817 г. выходятъ 2 томика „Ночныхъ Повѣстей“ ***)—рядъ болѣе или менѣе страшныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ, двойникахъ, ужасныхъ убійствахъ и пр.; изъ нихъ лучшимъ считается „Майоратъ“, излагающій исторію ужаснаго преступленія въ одномъ старомъ замкѣ въ сѣверной Германіи.

Между 1816 и 1819 гг. и позднѣе въ журналахъ и сборникахъ выходилъ рядъ повѣстей и сказокъ Гофмана, большая часть которыхъ вошла потомъ въ „Серапіоновыхъ братьевъ“.

Въ 1819 г.—„Удивительныя страданія одного директора театра. Изъ устнаго преданія“ ****); въ основѣ ихъ рядъ фактовъ изъ дѣятельности Гольбейна.

---

*) Эйхендорфъ говоритъ про него: онъ писалъ для того, чтобы пить и пилъ для того, чтобы писать.

**) Die Elixiere des Teufels, Nachgelassene Papiere des Bruders Medardus, eines Capuziners. Herausgegeben vom dem Verfasser der Fantasiestücke in Callot's Manier. Berl. 1815.

***) Nachtstücke hsgb. vom dem Verfasser der Fantasiestücke in Callot's Manier. Berl. 1817.

Erster Theil: 1) Der Sandmann. 2) Ignaz Denner. 3) Die Jesuitenkirche in G. (переведена на русскій яз. въ „Моск. Вѣстн.“ за 1830 г., ч. VI, стр. 33—78). 4) Das Sanctus.

Zweiter Theil: 1) Das öde Haus. 2) Das Majorat. 3) Das Gelübde. 4) Das steinere Herz.

****) Seltsame Leiden eines Theater—Directors. Aus mündlicher Tradition mitgetheilt vom Verfasser etc.

Въ томъ же году—„Крошка Цахесъ, прозванный Киноварь“ [1]), одна изъ лучшихъ сказокъ Гофмана, которая произвела большой фуроръ, такъ какъ въ ея героѣ усмотрѣли одного извѣстнаго берлинца, котораго долго цѣнили свыше его достоинствъ.

Въ 1819—1821 гг. выходятъ 4 тома „Серапіоновыхъ братьевъ“ [2]); кромѣ общеизвѣстныхъ двадцати повѣстей и сказокъ въ разговорахъ „братьевъ“ заключается множество мелкихъ разсказовъ, болѣе или менѣе развитыхъ, то странныхъ, то трогательныхъ, и часто очень цѣнныхъ по своему поэтическому достоинству. Сужденія Гофмана о Шиллерѣ, Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ [3]) замѣчательно тонки и остроумны; только относительно нѣмецкихъ романтиковъ (напр. Вернера) онъ оказывается нѣсколько пристрастнымъ. Довольно рѣзкая самокритика автора—образецъ пресловутаго рефлекса романтиковъ.

Въ 1820—22 гг. „Жизненныя воззрѣнія кота Мурра вмѣстѣ съ фрагментарной біографіей капельмейстера Іоганна Крейслера въ случайно собранныхъ макулатурныхъ листахъ“ [4]). Полупомѣшанный капельмейстеръ Крейслеръ, олицетвореніе юмористическаго *я* поэта, былъ уже близко знакомъ читателямъ Гофмана изъ его фантастическихъ очерковъ, гдѣ авторъ его устами излагалъ свои музыкальныя воззрѣнія. Здѣсь Гофманъ разсказываетъ его біографію въ перемежку съ записками кота, обрывая то то, то другое на полусловѣ, будто вслѣдствіе типографской ошибки. Практическій, здоровый эгоизмъ кота и болѣзненная впечатлительность фантазера-эстетика, противуполагаясь здѣсь другъ другу, производятъ совершенно оригинальный эффектъ; самъ Гофманъ считалъ „Кота Мурра“ лучшимъ изъ своихъ произведеній. За существующими двумя томами должны были слѣдовать еще два, гдѣ разочарованія Крейслера доводили его до сумасшествія.

Въ 1821 г. „Принцесса Брамбилла“ [5])—пестрая, запутанная исторія изъ жизни итальянскихъ комедіантовъ, разрабатывающая вопросъ о связи юмора съ фантазіей. Гофманъ былъ вдохновленъ къ ней оригинальными гравюрами Калло, которыя онъ недавно получилъ въ подарокъ.

Въ 1822 г. „Мейстеръ Фло, сказка въ семи приключеніяхъ двухъ друзей“ [6])—чрезвычайно остроумная по замыслу и богатая по содержанію фантастическая повѣсть, гдѣ, между прочимъ, разрабатывается вопросъ о различіи между истинной любовью и влюбленностью, противуполагаются типы бальной кокетки и скромной „семейственной“ дѣвушки и превосходно обрисованъ вѣчный ребенокъ душею, чудакъ и идеалистъ Перегринусъ Тишъ, которымъ такъ восхищается Дружининъ (VIII т., стр. 208 и слѣд.).

---

[1]) Klein Zaches genannt Zinnober. Ein Märchen hsgb. von E. T. A. Hoffmann. На русскій языкъ переведена въ „Отеч. Зап.“ за 1844 г., томъ XXXIV.

[2]) Die Serapions-Brüder. Gesammelte Erzählungen und Märchen. Hsgb. von E. T. A. Hoffmann. На русскій яз. переведены два раза; второй разъ Гербелемъ и Соколовскимъ въ 4 тт. (Спб. 1873—1874), какъ первыя 4 книги „Полнаго собранія сочиненій Гофмана“, которое, къ сожалѣнію, не пошло дальше.

[3]) См. напр. русск. пер. IV, 146, 255 и слѣд.

[4]) Lebensansichten des Katers Murr nebst fragmentarischer Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler in zufälligen Makulaturblättern. Erster Band. Berl. 1820. Zweiter Band. Berl. 1822. На русскій яз. переведена Н. Кетчеромъ и издана Песоцкимъ въ 4 книжкахъ въ 12° въ 1840 г.

[5]) Princessin Brambilla. Eine Capriccio nach Jacob Callot. Breslau.

[6]) Meister Floh. Ein Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde. На русскій яз. переведена въ „Отеч. Зап.“ за 1840 г., томъ XIII.

Между Серапіоновыми братьями и Мейстеромъ Фло, послѣднимъ произведеніемъ Гофмана, напечатаннымъ при его жизни, онъ помѣстилъ въ журналахъ и альманахахъ рядъ небольшихъ разсказовъ.

Гофману еще далеко не было 50 лѣтъ, а жизненныя силы его были уже совсѣмъ надорваны; члены его тѣла одинъ за другимъ отказывались служить ему, и у него стало развиваться нѣчто въ родѣ сухотки спинного мозга; скоро онъ слегъ въ постель, чтобы больше не вставать. Силою воли Гофманъ побѣждалъ самыя ужасныя страданія, шутилъ и, когда правая рука его перестала дѣйствовать, диктовалъ свои послѣднія произведенія, въ которыхъ не видно слѣда какой-либо особой болѣзненности. Въ это время написана имъ повѣсть «Мастеръ Іоганнъ Вахтъ», въ которой характеры отличаются замѣчательной законченностью.

Гофманъ не зналъ о безнадежности своего положенія и говорилъ Гитцигу, что послѣ выздоровленія онъ намѣренъ совершенно измѣнить образъ жизни. Когда параличъ достигъ шеи, боли прекратились, и Гофманъ считалъ себя вылѣчившимся, но на слѣдующій день 25 іюня 1822 г. онъ умеръ.

Гофманъ былъ невысокаго роста, но широкъ въ плечахъ; его лобъ наполовину заросъ волосами; его большіе глаза въ минуту одушевленія такъ блестѣли, что тѣмъ, кто не зналъ его благодушія и незлобія, дѣлалось страшно въ его присутствіи.

Если бы только напряженность и богатство фантазіи дѣлали поэта, Гофманъ былъ бы первымъ поэтомъ въ мірѣ. Все, что создалъ мечтательный востокъ, все, до чего доработалось изящное и жизнерадостное творчество Грековъ и мрачно настроенное воображеніе Римлянъ, все неисчерпаемое, повидимому, богатство средневѣковаго Олимпа, насколько онъ былъ извѣстенъ въ то время, все это съумѣлъ усвоить и переработать Гофманъ, и все это онъ слилъ въ одно гармоническое цѣлое, въ оригинальную эстетико-философскую миѳологію, при помощи безконечно разнообразныхъ продуктовъ собственной капризной фантазіи, иногда мрачной, какъ у Арнима и др. романтиковъ, но чаще граціозно веселой и шаловливо насмѣшливой. Недовольный міромъ существующимъ, Гофманъ создаетъ свой собственный міръ, пестрый и разнообразный, міръ съ особой нравственностью, съ особой наукой, съ особыми соціальными законами. «Великій фантазеръ» и сказочникъ самъ дѣлается сказочной фигурой: какъ тотъ Иванъ Царевичъ, которому Кощей велитъ построить въ одну ночь дворецъ, онъ, при помощи своей возлюбленной—Фантазіи, творитъ нѣчто небывалое по красотѣ и великолѣпію и на глазахъ читателя только ходитъ съ молоточкомъ и постукиваетъ, прилаживая маленькія неровности... Стоитъ захотѣть, и онъ введетъ васъ туда. Не можетъ

быть спора о томъ, хорошо ли почувствуетъ себя читатель въ этомъ волшебномъ дворцѣ. Вопросъ въ томъ, что вынесетъ онъ оттуда? Выйдетъ ли онъ изъ него съ обновленными силами, съ проясненнымъ умомъ и облагороженнымъ сердцемъ, съ твердой увѣренностью, что теперь есть для него мѣсто, гдѣ можетъ онъ отдохнуть и освѣжиться, или онъ проснется съ больной отуманенной головой и съ отвращеніемъ, какъ къ обыденной дѣйствительности, такъ и къ этой обманчивой, болѣзненной фантастикѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо хотя бы въ общихъ чертахъ выяснить значеніе и сущность міровоззрѣнія Гофмана.

Убѣжденіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ, будто Гофманъ—писатель съ ограниченнымъ талантомъ и вліяніемъ, будто онъ только одинъ изъ рядовыхъ романтиковъ, не создавшій теоріи и не сильный въ практикѣ, будто его безшабашная, саморазрушившаяся жизнь привлекательнѣй его произведеній *) опровергается общеизвѣстными фактами. Для не нѣмцевъ Гофманъ чуть ли не важнѣе всѣхъ остальныхъ романтиковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Критическіе взгляды Шлегелей давно забыты; ученіе Фихте и Шеллинга теперь интересуетъ только спеціалистовъ; Тика, Арнима и др. нынѣшній средній читатель знаетъ только потому, что надъ ними остроумно издѣвался Гейне. Только одинъ Гофманъ извѣстенъ всей читающей Европѣ близко и непосредственно; не будь его, мы знали бы о нѣмецкой романтической школѣ немного болѣе того, что знаемъ о школахъ Силезскихъ.

Если Гофманъ, какъ увѣряютъ, мало вліялъ на нѣмецкую литературу непосредственно, то онъ вдохновлялъ французовъ и англичанъ, которые, въ свою очередь, оказали и оказываютъ вліяніе на нѣмцевъ.

Гофманъ—самый законченный романтикъ, если можно такъ выразиться, самый классическій изъ романтиковъ; не раздѣляя тѣхъ крайнихъ воззрѣній, у которыхъ не было будущности—такъ, напр., онъ отнюдь не преклоняется передъ католицизмомъ и папою, и столь ненавистный основателямъ школы вѣкъ реформаціи пользуется его полной симпатіей,—онъ реализируетъ, осуществляетъ то, что у тѣхъ носилось только въ идеѣ. Такъ самостоятельное созданіе собственнаго міра Гофманомъ есть самое наглядное осуществленіе идеальной философіи Фихте и эстетической теоріи Новалиса и Шлегелей о божественности творческой фантазіи. Или еще примѣръ: антипатія къ «просвѣщенію» у другихъ романтиковъ есть случайный, преходящій моментъ, объясняемый временной реакціей противъ «просвѣщенія» XVIII вѣка. Таже антипатія у Гофмана осмыслена въ вѣковѣчную борьбу свободнаго чувства и сердечности противъ самомнительнаго утилита-

*) Goedeke o. c. 413: „Anziehender als seine Schriften ist sein Leben.

ризма и холодной разсудочности, и эту антипатію съ Гофманомъ раздѣляютъ люди сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которыхъ никто не заподозритъ въ обскурантизмѣ *).

Короче сказать, Гофманъ подводитъ въ своей дѣятельности итоги нѣмецкому романтизму, въ виду чего мы и считаемъ необходимымъ остановиться на его міросозерцаніи и прежде всего постарались опредѣлить, чѣмъ именно ему не нравится реальный міръ? Это вмѣстѣ съ тѣмъ и разъяснитъ намъ, за что нѣмцы такъ несправедливы къ своему знаменитому соотечественнику.

Самое ненавистное для Гофмана понятіе, самое позорящее слово въ устахъ всякаго «Серапіонова брата»—филистерство—у Гофмана понятіе очень широкое: въ немъ заключается и самодовольная пошлость, и умственный застой, и эгоизмъ, и грубый матеріализмъ, и все нивеллирующій формализмъ, и скука, убивающая всякую душевную жизнь и превращающая человѣка въ машину, и педантизмъ, доходящій до того, что человѣкъ даже и влюбляется и предложеніе дѣлаетъ по книгѣ Томазіуса.

Филистеръ родится въ законномъ бракѣ, отъ «порядочныхъ» родителей, получаетъ «приличное» воспитаніе и образованіе, т.-е. пріучается подавлять всякое естественное душевное движеніе, и дѣлать, что прикажутъ и что принято; въ школѣ безъ разсужденія вызубриваетъ массу неинтересныхъ и ненужныхъ фактовъ, знаніемъ которыхъ онъ однакоже премного гордится, получаетъ установленный дипломъ и спѣшитъ составить себѣ карьеру. Отдавая дань молодости, онъ можетъ иногда и кутнуть, но въ хорошемъ обществѣ и приличныхъ размѣрахъ; въ установленный возрастъ онъ влюбляется, но и въ любви не упускаетъ житейскихъ выгодъ. Устроивъ свои дѣла, онъ женится и плодитъ такихъ же филистеровъ, какъ онъ самъ. Онъ усердно служитъ, или торгуетъ; но никогда не увлекается дѣломъ изъ-за дѣла, а только изъ-за личной выгоды; онъ и развлекается и поощряетъ искусства и науку, но не по внутреннему увлеченію, а изъ приличія, изъ-за того, чтобы отъ людей не отстать. Быть счастливымъ для него значитъ имѣть успѣхъ и перегонять сверстниковъ; быть несчастнымъ значитъ остаться за флагомъ въ погонѣ за житейскими выгодами и карьерой. То, что признается въ этомъ филистерскомъ обществѣ умомъ, есть только самодовольная ограниченность; филистерская добродѣтель есть проявленіе себялюбія и носитъ только отрицательный характеръ: филистеръ не дѣлаетъ зла потому, что страсти его ничтожны, а обузданіе ихъ выгодно. Филистеръ наслаждается обществомъ себѣ подобныхъ на своихъ чайныхъ вечерахъ и въ своихъ клубахъ, гдѣ люди только дѣлаютъ видъ, что развлекаются,

*) Напр. Диккенсъ и Бѣлинскій.

а на самомъ дѣлѣ испытываютъ страшную скуку; они наслаждаются и природой, но чисто по-филистерски, въ опредѣленные дни и часы и въ такой формѣ и мѣрѣ, чтобы это было и удобно и здорово; они любятъ зелень потому, «что она полезна для глазъ», любятъ цвѣты на окнахъ потому, что тогда «въ комнатѣ не надо курить духами». Для развлеченія филистеровъ существуетъ и особая филистерская поэзія—«наборъ высокопарныхъ фразъ, продуктъ сомнительнаго вдохновенія и минутнаго экстаза».

Самыя высокія проявленія душевной жизни въ филистерствѣ обусловлены эгоизмомъ и тщеславіемъ. Дѣвушка любитъ своего жениха, «такъ какъ ей надобно же за кого-нибудь выйти замужъ»; всѣ ея мечты о будущемъ сводятся къ красивымъ серьгамъ и къ титулу «надворной совѣтницы»; всѣ семейныя добродѣтели—къ заботѣ о любимыхъ блюдахъ будущаго мужа и безошибочному размѣшиванію пуддинга. Студентъ пишетъ восторженныя письма своей возлюбленной не потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ воспламененъ любовью, а потому, что обычай требуетъ, чтобы студентъ изъ дворянъ имѣлъ возлюбленную и писалъ ей письма стихами, такъ же, какъ обычай требуетъ, чтобы онъ въ первые семестры своей университетской жизни пилъ и буянилъ, а въ послѣдніе—бывалъ на профессорскихъ вечеринкахъ и готовился къ экзамену.

Кто не согласится, что филистерство, какъ его представлялъ Гофманъ, есть національное сокровище нѣмецкой націи и что, разрушая этотъ устойчивый міръ самодовольства, Гофманъ обижалъ прежде всего своихъ соотечественниковъ?

Но Гофманъ разрушалъ міръ филистеровъ вовсе не изъ страсти къ разрушенію, а потому, что человѣкъ съ умомъ и сердцемъ задыхался въ немъ; да и никто не могъ чувствовать себя въ немъ дѣйствительно счастливымъ. Къ тому же онъ не ограничивался разрушеніемъ, а создавалъ одновременно другой міръ, гдѣ основная проблема человѣческой жизни—достиженіе счастія—рѣшалась, повидимому, такъ легко и просто.

Первое условіе для того, чтобъ освободиться отъ узкихъ рамокъ обыденной пошлости, и войти въ этотъ міръ счастья, по убѣжденію Гофмана —«дѣтски благочестивое поэтическое настроеніе» *), только обладая этимъ талисманомъ, можно вѣрить, любить людей и природу, понимать поэзію; а понимать поэзію значитъ понимать все, такъ какъ «поэзія есть высшее знаніе». Истинная поэзія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и высшая нравственность; она можетъ исходить только изъ чистой любящей души и до нея нельзя добраться никакими ухищреніями

*) Ein kindliches frommes po. tisches Gemüth (Der gold. Topf).

ума *). Такимъ образомъ въ поэзіи отождествляется прекрасное, истинное и нравственное.

Но Гофманъ вовсе не стремится выдѣлить художниковъ въ аристократію человѣчества, поставленную выше всѣхъ законовъ и имѣющую исключительное право на пользованіе счастьемъ, какъ это дѣлали ранніе романтики, особенно Фридрихъ Шлегель. По его убѣжденію право на счастіе дано всѣмъ одинаково, но не всѣ имъ пользуются. Дѣти, исключая нравственныхъ уродовъ, обладаютъ тѣмъ талисманомъ, который открываетъ путь въ царство поэзіи, пока они живутъ согласно съ природой, которая для нихъ служитъ и лучшимъ собраніемъ игрушекъ и лучшей учительницей; имъ кланяются въ лѣсу березки, съ ними играютъ бабочки, и вѣтерокъ и ручей разсказываютъ имъ чудныя сказки. Юноша, который «грезитъ съ открытыми глазами», истинный богачъ и счастливецъ, хотя бы у него не было гроша въ карманѣ, истинный поэтъ, хотя бы онъ не написалъ ни одной строчки стиховъ; но горе ему, если онъ начнетъ стыдиться своихъ мечтаній, если увлечется пошлыми удовольствіями и пошлыми житейскими заботами объ устройствѣ своей карьеры! Онъ скоро потеряетъ свой талисманъ и вмѣстѣ съ другими филистерами будетъ считать безумными или, по крайней мѣрѣ, чудаками всѣхъ, кто остался дѣтски чистъ душею, исполненъ вѣры и любви; и проживетъ онъ всю жизнь филистеромъ и только развѣ передъ смертью, когда ослабѣютъ физическія силы, онъ, какъ Тадеусъ Брокель, вспомнитъ, что когда-то былъ знакомъ съ Неизвѣстнымъ Дитятею и леталъ съ нимъ въ царство поэзіи.

Гофманъ, стало быть, указываетъ средство для счастія, сходное съ тѣмъ, до котораго додумался и Пьеръ Безухій въ «Войнѣ и Мирѣ» послѣ всѣхъ своихъ душевныхъ и физическихъ страданій: надо опроститься; но для Пьера идеалъ простоты — солдатикъ Платонъ Каратаевъ; а для Гофмана—ребенокъ, который не можетъ отдѣлять фантазіи отъ дѣйствительности.

Если счастіе доступно всѣмъ, то высшее блаженство все же принадлежитъ творцамъ-художникамъ. Юноша, чувствующій въ груди своей божественную искру творчества, долженъ беречь ее и лелѣять всѣми мѣрами: онъ не долженъ останавливаться ни передъ какой жертвой, ни передъ какимъ усиленнымъ трудомъ и никогда не долженъ приходить въ отчаяніе: вѣра и любовь скоро помогутъ ему преодолѣть, повидимому, самыя непреодолимыя трудности, и искусство замѣнитъ ему все въ жизни и сдѣлаетъ его недоступнымъ для страданій. Дѣвушка, которую любилъ онъ, вышла замужъ за другого; что за бѣда? Вѣдь онъ любилъ въ ней свой идеалъ, который и теперь

*) Состязаніе пѣвцевъ.

остается въ душѣ его, и который онъ можетъ перенести на другую; а до уголовной совѣтницы Матезіусъ ему нѣтъ никакого дѣла *). Бѣдность угнетаетъ его; но развѣ онъ не богаче всѣхъ богачей сокровищами своей фантазіи и развѣ не все равно вѣрить, что я имѣю что-нибудь, и имѣть это на самомъ дѣлѣ? Да онъ и не будетъ замѣчать этого, живя въ поэзіи, «гдѣ священное созвучіе всѣхъ существъ открывается, какъ глубочайшая тайна» **).

Все это—основныя положенія романтическаго міросозерцанія, но приведенныя въ систему и освобожденныя отъ нѣкоторыхъ крайностей. Такимъ же усовершенствованнымъ романтикомъ является Гофманъ и въ своихъ чисто литературныхъ воззрѣніяхъ и пріемахъ.

Онъ историкъ, проводникъ «мѣстнаго колорита», и реалистъ на особый манеръ, и тонкій психологъ. Въ глубину среднихъ вѣковъ онъ спускается неохотно, потому что при тогдашнихъ пособіяхъ онъ не могъ ясно представить ее себѣ; но конецъ ихъ, эпоха реформаціи и возрожденія, для него какъ родныя; «Мастеръ Мартинъ бочаръ»—такая живая и содержательная картинка нравовъ, что дѣйствіе ея равняется дѣйствію нѣсколькихъ лучшихъ романовъ В. Скотта; итальянскіе нравы и итальянская природа такъ вѣрно имъ схвачены, будто онъ прожилъ въ Италіи десятки лѣтъ. Но онъ мастерски изображаетъ и эпоху Людовика XIV, столь антипатичную романтикамъ ***): роскошь, любовныя интриги, уваженіе къ стихамъ, общая галантность, но при этомъ и казни, пытки и грубая вѣра въ колдовство воспроизведены съ поразительной конкретностью.

Какъ психологъ, Гофманъ отмежевалъ себѣ особую область неопредѣленныхъ чувствъ, неясныхъ стремленій, необыкновенныхъ ощущеній, магнетическихъ вліяній, страшнаго и трогательнаго. Онъ напр. подробно излагаетъ ощущенія человѣка, сидящаго въ бутылкѣ зеленаго стекла; у него дѣйствующія лица гораздо болѣе руководятся вліяніемъ обонянія и слуха, чѣмъ зрѣнія и осязанія; сонъ, галлюцинаціи, безотчетный страхъ, причиняемый самымъ, повидимому, обыкновеннымъ фактомъ, потеря душевнаго равновѣсія, любимые мотивы его психологическихъ этюдовъ. Подобные этюды мы встрѣчаемъ и у другихъ романтиковъ, но у Гофмана они глубже к увлекательнѣе, тѣмъ болѣе, что всегда облечены въ изящную, поэтическую форму. Въ трогательномъ Гофманъ умѣетъ держаться вдали отъ сантиментальнаго; онъ задѣваетъ самыя тонкія струны человѣческаго сердца, но дѣлаетъ это такъ искусно и нѣжно, что не столько огорчаетъ читателя, сколько примиряетъ его съ человѣческой непослѣдователь-

*) Артусова зала; ср. окончаніе: „Выборъ невѣсты“.

**) Der gold. Topf.

***) Дѣвица Скюдери.

ностью; любовь матери къ уроду ребенку, живыя воспоминанія одинокаго старика о веселыхъ годахъ дѣтства, горе художника, который принужденъ обратиться въ ремесленника, встрѣча молодой женщины съ человѣкомъ, котораго она тайно отъ всѣхъ любила больше всего на свѣтѣ; вотъ на чемъ любитъ останавливаться Гофманъ. Если не ошибаемся, только у него можно найти сцену, которую такъ охотно воспроизводитъ Достоевскій: сходятся двѣ женщины, влюбленныя въ одного человѣка, и вмѣсто того, чтобы говорить другъ другу непріятности, дружески обнимаются, соединенныя общимъ чувствомъ *).

Вообще между Гофманомъ и Достоевскимъ много сходства какъ во взглядахъ, такъ и въ литературныхъ пріемахъ. Оба они одинаково любятъ дѣтей и чудаковъ, и не любятъ холодныхъ, сдержанныхъ жрецовъ «приличія» и поклонниковъ успѣха; оба превозносятъ неподкрашенную природу на счетъ культуры; оба принижаютъ разумъ передъ сердцемъ; оба творятъ фантазіей и чувствомъ, а не умомъ **); оба въ повѣствованіи ужасно любятъ неожиданности, у обоихъ кроткая идиллія внезапно смѣняется порывомъ всеуничтожающей бури и наоборотъ; знаменитое: «тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное» Достоевскаго часто дословно встрѣчается у Гофмана ***). Гофманъ и Достоевскій одинаково любятъ сопоставлять высокое трагическое съ мелочнымъ и обыденнымъ и черезъ то представляютъ оригинальное соединеніе крайняго идеализма, безусловнаго господства духа надъ матеріей, съ реализмомъ.

Гофманъ является реалистомъ главнымъ образомъ въ своей фантастикѣ; онъ считаетъ такую амальгаму сверхестественнаго съ обыденнымъ необходимой для того, чтобы это сверхестественное казалось вѣроятнымъ ****). Въ виду этого глубокомысленнаго принципа, у него привидѣнія принимаютъ желудочныя капли, феи угощаются кофе, колдуньи торгуютъ яблоками и пирожками, герцоги и графы овощнаго царства рѣжутся звѣздочками и кладутся въ супъ; стоптанный башмакъ разгоняетъ враждебную герою армію и т. д. Крайняя прозаичность нѣмецкой жизни является сѣренькимъ фономъ, на которомъ тѣмъ рѣзче выдѣляется яркость красокъ Гофмановой фантастики.

Какъ ни изумительно свободна и изобрѣтательна фантазія Гоф-

*) „Роковая связь событій“ (Серап. братья).

**) Оттого у обоихъ часто встрѣчаются непослѣдовательности и недосмотры.

***) См. напр. „Выборъ невѣсты“.

****) „Основаніе подмостокъ, на которыя фантазія хочетъ взобраться, должно быть непремѣнно укрѣплено на реальной почвѣ жизни, чтобы на нихъ легко могъ взойти вслѣдъ за авторомъ всякій“, говоритъ онъ въ Серап. братьяхъ послѣ разсказа: „Выборъ невѣсты“.

мана, все же въ основныхъ мотивахъ своихъ сказокъ онъ отчасти вольно, отчасти невольно сходится съ сказками народными; герои его такіе же кажущіеся дурачки, исполненные вѣры и самопожертвованной любви; героини—заколдованныя красавицы, или простушки, награждаемыя за доброту и преданность; основная формула вездѣ добываніе невѣсты или мужа; основная мораль: чтобы достигнуть счастія, надо бороться со зломъ, трудиться и не жалѣть себя. Въ «Золотомъ Горшкѣ» мы имѣемъ тему царевны-змѣйки, которая помогаетъ своему возлюбленному исполнять трудныя задачи; въ Щелкунѣ—превращеннаго принца, который долженъ быть освобожденъ самопожертвованіемъ дѣвушки, въ Крошкѣ Цахесъ видоизмѣненную тему сказки о судьбѣ и т. д.

Но существенное отличіе сказокъ народныхъ и сказокъ Гофмана въ томъ, что первыя противуполагаютъ себя дѣйствительности, а послѣднія, напротивъ, желаютъ слиться съ нею въ одно неразрывное цѣлое, украшая ее и просвѣтляя, и въ свою очередь приспособляясь къ ней. «Попытайся, благосклонный читатель, говоритъ Гофманъ: узнать знакомые образы, окружающіе тебя въ обыденной жизни,—въ волшебномъ царствѣ, исполненномъ чудесъ, которыя то доставляютъ неизъяснимое наслажденіе, то погружаютъ въ глубочайшій ужасъ, въ томъ царствѣ, гдѣ суровая богиня поднимаетъ край своего покрывала, при чемъ ея строгое лицо озаряется улыбкой, и она шутитъ съ нами, какъ нѣжная мать съ дѣтьми».

Это смѣшеніе обыденной дѣйствительности съ пестрой фантастикой даетъ полную свободу знаменитой романтической ироніи, которой совершенно чужда здоровая народная поэзія.

Вообще нужно замѣтить, что если Гофманъ, руководимый ясностью своего ума и вѣрностью чувства, счастливо избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей школы, все же онъ въ сущности вполнѣ послѣдовательный нѣмецкій романтикъ въ своихъ недостаткахъ, какъ и въ своихъ достоинствахъ, только болѣе даровитый, чѣмъ другіе.

Прежде всего это превознесеніе прекраснаго надъ истиннымъ и полезнымъ есть характерная черта романтическаго міросозерцанія. Искусство, по его убѣжденію, выше всего на свѣтѣ; оно имѣетъ цѣль только въ самомъ себѣ; первое условіе его—полнѣйшая свобода отъ всякой тенденціи; только въ такомъ случаѣ оно можетъ согрѣвать сердце и благодѣтельно возбуждать духъ *).

Истинное искусство не только выше прозаической пользы, богини филистеровъ, но несравненно выше и науки; искусство откры-

*) Das erste Bedingniss alles Dichtens und Trachtens ist eben jene gemüthliche, Anspruchlosigkeit, die allein das Herz zu erwärmen, den Geist wohlthuend anzuregen vermag. (Конецъ Серап. братьевъ).

ваетъ намъ истину въ цѣломъ, а наука—только въ частностяхъ, а освѣщеніе частностей часто лишь ослѣпляетъ наши глаза и придаетъ намъ самомнѣніе, которое мѣшаетъ ясности нашего пониманія *).

Истинное искусство не только не имѣетъ ничего общаго съ техническимъ навыкомъ въ рисованіи, музыкѣ или стихотворствѣ и съ простымъ воспроизведеніемъ того, что доступно чувствамъ толпы, но часто прямо противуположно ему; тотъ, кто, успѣвая въ техникѣ, воображаетъ себя художникомъ, дальше отъ цѣли искусства, чѣмъ всякій неиспорченный ребенокъ или юноша, который хоть минутами способенъ вознестись надъ пошлой дѣйствительностью.

Истинный художникъ долженъ жертвовать для искусства всѣмъ остальнымъ, не исключая и счастія самыхъ близкихъ людей **). Онъ избранникъ неба, но онъ и мученникъ своего призванія; для него недоступно человѣческое счастье: если онъ любитъ женщину, онъ не долженъ стремиться къ обладанію ею: идеалъ, сдѣлавшійся законной женой и хозяйкой дома, перестаетъ вдохновлять его, потому что падаетъ съ своего пьедестала въ грязь обыденной пошлости; мужъ-художникъ возненавидитъ и замучитъ какъ себя, такъ и предметъ своей любви ***).

Истинный художникъ оторванъ такимъ образомъ отъ здоровой дѣйствительности. Онъ живетъ въ мірѣ сверхчувственныхъ наслажденій и сверхчувственныхъ страданій и страховъ, и задача его по отношенію къ другимъ людямъ—освобождать ихъ отъ оковъ реальнаго міра, трогать ихъ до слезъ и ужасать ихъ до душевной боли; чѣмъ сильнѣй вымыселъ заставляетъ насъ блѣднѣть, тѣмъ болѣе, стало быть, въ немъ истинной поэзіи. Средство для исполненія задачи—полная иллюзія, которая достигается нѣкоторыми внѣшними пріемами ****).

---

*) „Просвѣщеніе до того насъ просвѣтило, говоритъ Гофманъ въ Неизв. Дитяти что мы совсѣмъ ослѣпли отъ его блеска и натыкаемся на каждое дерево". Очень наглядное указаніе на связь романтизма съ Руссо.

**) См. Выборъ невѣсты въ концѣ.

***) См. Іезуитская церковь. Очевидна связь Гофмана и съ средневѣковымъ обожаніемъ женщины и съ идеей Ваккенродера о монашескомъ аскетизмѣ, какъ необходимомъ условіи истиннаго искусства.

****) Такимъ пріемомъ, между прочимъ, считается вплетеніе одного вымысла въ рамку другого; тогда рамка по сравненію съ вставною повѣстью кажется читателю дѣйствительностью. У Гофмана, какъ у восточныхъ сказочниковъ, въ вставочную повѣсть вплетается иногда еще разсказъ, такъ что получается двойная иллюзія.

Въ повѣсти „Таинственный Гость" Гофманъ пользуется этимъ пріемомъ для внушенія тройного ужаса читателю: одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказываетъ страшную исторію и прерываетъ ее на словахъ: „Страшный ударъ въ запертую дверь раздался ему въ отвѣтъ"...

Стремленіе приводить читателя въ трепетъ, вѣра въ судьбу, въ господство какихъ-то мрачныхъ силъ надъ человѣкомъ *) есть несомнѣнно отрицательная, темная сторона поэзіи Гофмана. Другой ея недостатокъ особенно ярко выступаетъ при сравненіи Гофмана съ французскими романтиками, которыхъ обыкновенно ставятъ въ непосредственную связь съ нимъ и которые дѣйствительно ближе подходятъ къ Гофману, нежели къ Шлегелямъ, Тику и др.: у французскихъ фантастовъ всегда бьется живая мысль, всегда видно сочувствіе къ угнетеннымъ, желаніе исправить дурныхъ людей; Гофманъ же будто гордится своей полной безучастностью къ соціальнымъ вопросамъ; его антипатія къ тенденціи переходитъ въ возмутительный въ такомъ живомъ человѣкѣ квіэтизмъ. Зло, существующее въ мірѣ, будто представляется ему непоправимымъ даже въ частностяхъ, такъ какъ судьба человѣка не во власти его самого или его ближнихъ, а зависитъ отъ темныхъ силъ, нами управляющихъ. Лучшіе люди пусть уходятъ изъ этого міра въ страны горнія и смотрятъ оттуда на наши мелкія бѣдствія, какъ боги Олимпа. Надъ исправленіемъ негодяевъ безполезно трудиться: каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Да и вообще эта жизнь слишкомъ мелочна и ничтожна, слишкомъ полна обмановъ, чтобы стоило надъ ней серьезно задумываться... Такимъ образомъ романтизмъ Гофмана переходитъ въ байроновскій пессимизмъ.

Гофманъ и Байронъ слишкомъ неравномѣрныя величины, чтобы сравнивать ихъ въ цѣломъ; но сопоставленіе ихъ въ одномъ частномъ пунктѣ можетъ быть не лишено поучительности. Повѣсть Гофмана «Дожъ и догаресса» вышла въ первый разъ въ 1819 г. **), стало-быть, появилась совершенно независимо отъ Марино Фальери. Сюжетъ одинъ и тотъ же и разработанъ обоими поэтами въ одинаковой степени; они сошлись въ томъ, что жена дожа невинна и что Стено клеветникъ; стало-быть, не ревность подвинула стараго дожа къ возстанію; но затѣмъ какая разница въ обработкѣ! Байронъ выдвинулъ впередъ политическіе мотивы; Гофманъ совершенно игнорируетъ ихъ и говоритъ о возстаніи только мимоходомъ, такъ что читателю вовсе непонятно, почему Фальери, въ его изображеніи довольно пустой и

„Какъ разъ въ эту минуту сорвалась съ крючка, подъ точно такимъ же ударомъ, и дверь комнаты, гдѣ сидѣло все общество“.

А въ то время, какъ Отмаръ читалъ Серапіоновымъ братьямъ это мѣсто своей повѣсти, въ садовой бесѣдкѣ, гдѣ сидѣли друзья, съ трескомъ распахнулись обѣ половинки дверей и вошла темная, закутанная въ широкій плащъ фигура.

*) Если человѣкъ случайно выигралъ въ карты, это, по мнѣнію Гофмана (мнѣнію, вполнѣ искреннему, см. выше въ его біографіи), „страшная приманка, помощью которой злобная враждебная власть овладѣваетъ нами“ (См. Счастье игрока).

**) Taschenbuch der Liebe und Freundschaft. Стр. 219—309.

мелочный старикъ, рѣшилъ стать во главѣ демократической партіи. «Древняя римлянка» догаресса у Гофмана—сантиментальная, добродѣтельная и довольно безцвѣтная нѣмецкая дѣвушка. Но за то какими арабесками романтической фантастики раскрасилъ онъ эту печальную исторію! Здѣсь и дѣтская любовь двухъ сиротъ, на всю жизнь оставляющая глубокій слѣдъ въ сердцахъ ихъ, и кровь отца, вопіющая къ сыну, и полусумасшедшая пророчица-колдунья, и веселая жизнь венеціанскихъ гондольеровъ, и летаніе по канату съ вершины св. Марка, и двѣ страшныя бури, и небесная кара за беззаконную, хотя и чистую любовь! Короче сказать, здѣсь пестрая поэтическая сказка, которую читатель, наклонный къ мечтательности, поглотитъ, не отрываясь, и въ концѣ которой онъ почувствуетъ тихую, но щемящую грусть, а у Байрона—величавая трагедія, взывающая къ благороднѣйшимъ сторонамъ человѣческой природы и возвышающая душу читателя до пониманія истиннаго героизма.

Другой знаменитый англичанинъ, съ которымъ Гофманъ сходится по стремленію воспроизводить мѣстный и историческій колоритъ, В. Скоттъ представляетъ еще болѣе яркую ему противоположность по трезвости своего взгляда на жизнь. Средніе вѣка и эпоха возрожденія у обоихъ поэтовъ подкрашены; но у Скотта и самыя поэтическія сцены выходятъ такъ реальны, будто онѣ сфотографированы съ жизни, а у Гофмана и самыя прозаическія, въ родѣ пирушки въ домѣ бочара, изображены такъ, будто происходятъ не въ дѣйствительности, а въ сонномъ видѣніи или на оперной сценѣ; одинъ и поэтическое прошлое сводитъ на землю, въ современную ему Шотландію; другой и современную ему мѣщанскую жизнь Германіи возноситъ въ заоблачныя сферы романтической фантастики.

Вмѣсто заключенія приводимъ слова Бѣлинскаго о воспитательномъ значеніи произведеній Гофмана *).

„Самымъ лучшимъ писателемъ для дѣтей, высшимъ идеаломъ писателя для нихъ можетъ быть только поэтъ. И такимъ явился одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ—Гофманъ въ своихъ двухъ сказкахъ: «Неизвѣстное Дитя» и „Щелкунъ Орѣховъ и Царь Мышей“, хотя и написанныхъ не для дѣтей собственно и годныхъ для людей всѣхъ возрастовъ. Нисколько не удивительно, что странный, причудливый и фантастическій геній Гофмана ниспустился до сферы дѣтской жизни: въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, младенческаго, простодушнаго, и никто не былъ столько, какъ онъ, способенъ говорить съ дѣтьми языкомъ поэтическимъ и доступнымъ для нихъ. Сверхъ того, Гофманъ есть по преимуществу воспитатель людей, поэтъ юношества — почему бы ему не быть и поэтомъ дѣтства? Да, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти начинаютъ переставать быть дѣтьми и становятся юношами, Гофманъ долженъ быть ихъ поэтомъ по преимуществу. Гофманъ-поэтъ фантастическій, живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидецъ таинственныхъ силъ природы и духа. Фантастическое есть предчувствіе таин-

*) Соч. III, 532.

ства жизни, противуположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индустріальность или сытный обѣдъ съ трюфелями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастіе только во внутренней жизни; слѣдственно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаній и отрывая отъ живой и полной дѣйствительности. Чтобы дать юной душѣ равновѣсіе, Гофману не должно противупоставлять пошлую повседневность и ея дюжинныхъ представителей; но молодымъ людямъ должно читать всѣ безъ исключенія романы В. Скотта и Купера, которые по свѣтлому и вѣрному взгляду на жизнь. заслуживаютъ названіе представителей разумной дѣйствительности".

Фридрихъ Рюккертъ, сынъ адвоката, род. въ 1788 г. въ Швейнфуртѣ, учился въ мѣстной гимназіи, потомъ былъ юристомъ въ Вюрцбургѣ и Гейдельбергѣ, но несравненно съ большею охотою занимался филологіей. По окончаніи курса онъ жилъ дома, изучая главнымъ образомъ восточные языки. Еще въ 1812 г. стали пріобрѣтать извѣстность его политическія пѣсни и сонеты, въ которыхъ онъ горько издѣвался надъ трусливой покорностью нѣмцевъ и взывалъ къ народу, приглашая его возстать и сбросить ненавистное иго. Въ 1813 г. его такъ-называемыя «Броненосныя сонеты» (Geharnischte Sonette) *) расходились по всей Германіи; искусственная форма нисколько не вредила ихъ дѣйствію; напротивъ, какъ будто концентрировала ихъ силу; по выраженію одного критика, онѣ звучали, какъ барабанная дробь, которая собираетъ заспавшихся солдатъ и гремитъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не встанутъ въ ряды. Рюккертъ, подобно Арндту, не стѣсняется въ выраженіяхъ, часто бываетъ грубъ, но всегда искрененъ и силенъ. Въ 1816 г. Рюккертъ редактировалъ литературную часть Утренней газеты (Morgenblatt); вскорѣ послѣ этого онъ поѣхалъ на два года въ Италію, а по возвращеніи оттуда поселился въ Кобургѣ; тамъ онъ влюбился въ Луизу Фишеръ, дочь архиваріуса и, вдохновленный чувствомъ къ ней, написалъ лучшія свои лирическія пьесы, которыя потомъ вошли въ сборникъ «Весна Любви». Въ 1821 г. Рюккертъ женился на Луизѣ и до 1826 г. оставался частнымъ ученымъ, а въ этомъ году получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора восточныхъ языковъ въ Эрлангенѣ. Въ 1841 г. Фридрихъ Вильгельмъ IV уговорилъ его переѣхать въ Берлинъ, гдѣ сдѣлалъ его ординарнымъ профессоромъ и тайнымъ совѣтникомъ. Но Рюккерта тянуло въ деревню, на покой; въ 1849 г. онъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ занимался только литературными трудами. Онъ умеръ въ 1866 г.

*) Напечат. въ Deutsche Gedichte, которыя Рюккертъ выпустилъ подъ псевдонимомъ: Freimund Raimor (1814 Heidelb.). Другія его патріотическія произведенія напеч. въ сборникѣ: Вѣнокъ времени (Kranz der Zeit. 1816).

Рюккертъ представляетъ совершенно особую сторону нѣмецкаго романтизма, такъ сказать, восточно-этнографическую; далеко не раздѣляя всѣхъ основныхъ принциповъ братьевъ Шлегелей, онъ съ готовностью принялъ ихъ положеніе: ex oriente lux, отмежевалъ себѣ эту область, и, подготовившись къ обработкѣ ея трудомъ ученаго, явился въ ней полнымъ хозяиномъ; онъ поставилъ себѣ задачу: усвоить нѣмецкой, а черезъ нея и европейской литературѣ восточную поэзію и мудрость и исполнилъ ее блистательно. Такимъ образомъ въ главной части своей дѣятельности онъ скорѣе является продолжателемъ дѣла Гердера и поэта «Западно-восточнаго дивана», съ которымъ у него много общаго и въ характерѣ, и въ міровоззрѣніи, и даже въ литературныхъ пріемахъ, чѣмъ чистымъ романтикомъ. Рюккертъ необыкновенно искусно владѣлъ нѣмецкимъ стихомъ и изъ этого, повидимому не особенно гибкаго матеріала лѣпилъ все, что хотѣлъ: онъ употреблялъ риѳмы всѣхъ видовъ, ассонансы, аллитерацію; онъ обновилъ самые трудные размѣры эпохи миннезингеровъ, ввелъ въ нѣмецкій персидскія газели (двустишія изъ длинныхъ стиховъ), санскритскія шлоки, капризные арабскіе макамы; онъ переводилъ Гафиза въ своемъ сборникѣ «Восточныя Розы» [1]), Гарири въ книгѣ Превращенія Абу-Саида [2]); онъ воспроизвелъ крупный и характерный отрывокъ изъ Магабгараты [3]); не зная по-китайски, по пособіямъ перевелъ китайскія пѣсни Ши-Кингъ [4]); воспроизвелъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ персидскаго эпоса: Рустемъ и Зорабъ [5]), издалъ въ переводѣ арабскія народныя пѣсни [6]); посвятилъ цѣлые шесть томовъ на изложеніе «Мудрости Брахмана» [7]), которые одни изъ критиковъ считаютъ лучшимъ дидактическимъ произведеніемъ нѣмецкой поэзіи, а другіе, напротивъ, находятъ, что слава Рюккерта скорѣе выиграли бы, еслибъ онъ не писалъ этихъ томовъ [8]), и т. д.

Что касается до оригинальныхъ произведеній Рюккерта, въ свое

---

[1]) Oestliche Rosen. Lpz. 1821.

[2]) Die Verwandlungen des Abu-Said von Serug. 1-ая ч. Stuttg. 1826. Новое изд. 1837 г. 2 тома.

[3]) Nal und Damajanti. Indische Geschichte. 1828. Передѣлана Жуковскимъ. (Соч. III, 290).

[4]) Schi-King. Chinesisches Liederbuch. Altona. 1833.

[5]) Rostem und Suhrab. Erlang. 1837. Вольное подражаніе Жуковскаго IV, I.

[6]) Hamasa oder die aelteste arabische Volkslieder. Stuttg. 1846.

[7]) Die Weisheit des Brahmanen. Leipz. 1836—9.

[8]) И тѣ и другіе правы до извѣстной степени, такъ какъ дѣйствительно эта „Мудрость“ мѣстами блеститъ искрами истинной поэзіи и вѣрно воспроизводитъ духъ индусской философіи, а съ другой стороны, прочесть шесть томовъ ея подъ-рядъ—трудъ весьма серьезный.

время очень популярныхъ въ Германіи и теперь не забытыхъ, то онъ самъ далъ очень удачную характеристику собственнаго таланта въ слѣдующихъ стихахъ:

Geist genug und Gefühl in hundert eigenen Liedern
Streu'ich wie Duft im Wind, oder wie Perlen im Gras.
Hat sich in einem Gebild es vereinigen können, ich wär'ein
Ganzer Dichter, ich bin ein zersplitterter nur *).

Въ его лирикѣ можно прослѣдить постепенное развитіе «новаго человѣка», очень характерное для исторіи его времени. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ (не считая, конечно, патріотическихъ пѣсенъ) Рюккертъ, какъ чистокровный романтикъ, воспѣваетъ аскетизмъ и квіетизмъ: блаженны души, никогда не покидавшія неба! жизнь есть изгнаніе; лучшіе люди стремятся какъ можно скорѣе сбросить съ себя ея оковы; любовь къ божеству, иначе сказать, къ идеалу есть единственная вѣра, единственная добродѣтель, единственное сокровище человѣка.

Потомъ Рюккертъ начинаетъ находить радости въ жизни: весна, молодость, любовь, даже вино становятся темами его вдохновенія.

Но и на этомъ онъ выдерживаетъ недолго; въ его стихахъ начинаетъ звучать болѣе серьезная нота. Рюккертъ воспѣваетъ семейную жизнь и ея радости и старается развить въ вяломъ нѣмецкомъ обществѣ понятіе о долгѣ гражданина.

Въ произведеніяхъ послѣдняго періода его жизни все чаще и чаще слышится грустная нота, глубже становится его философія; но убѣжденнымъ обожателемъ природы онъ остается до послѣдняго момента своей жизни.

Главное достоинство Рюккерта—конкретность, усвоенная имъ въ значительной мѣрѣ отъ восточныхъ образцевъ, и оригинальное соединеніе чувства съ разсудкомъ, чистой лирики съ дидактикой, тоже отчасти происходящее съ востока; но востокомъ сталъ заниматься Рюккертъ именно потому, что въ немъ самомъ много восточнаго: это—натура спокойная, наклонная къ созерцанію, одаренная замѣчательно плодовитой фантазіей; образы, имъ создаваемые, тихо плывутъ передъ нашими глазами, какъ полусонныя видѣнія восточнаго мечтателя, который дремлетъ подъ тѣнью своей пальмы, прислушиваясь къ журчанію немолчнаго фонтана.

Рюккертъ въ одно и тоже время и наименѣе національный поэтъ между нѣмцами и нѣмецкій поэтъ par exellence: онъ то персъ, то итальянецъ, то индусъ, то французъ; но въ этой способности усвои-

*) Какъ благоуханія по вѣтру, какъ жемчугъ по травѣ разсыпаю я достаточно ума и чувства въ сотняхъ моихъ пѣсенъ. Еслибъ я съумѣлъ соединить все это въ одномъ произведеніи, я былъ бы цѣлый поэтъ, а теперь я только обломки поэта".

вать себѣ чужое и воспроизводить его, прибавляя нѣкоторую долю нѣмецкаго благодушія и вдумчивости, сглаживая рѣзкости и шероховатости, и видять критики національную нѣмецкую черту. Человѣкъ XIX столѣтія, Рюккертъ изъ всей природы хуже всего знаетъ новаго человѣка: жизнь цвѣтовъ ему гораздо болѣе понятна, нежели жизнь салоновъ и парламентовъ.

Но и у Рюккерта бываютъ «шипы между розами», довольно ѣдкія выходки противъ современнаго положенія вещей: недаромъ пережилъ онъ разочарованіе 20-хъ годовъ.

Самыя слабыя изъ его произведеній—его драмы: «Иродъ Великій», «Императоръ Генрихъ IV», «Христофоръ Колумбъ» и пр.; всего удачнѣе его восточныя баллады, сюжеты которыхъ имъ заимствованы, но переработаны вполнѣ самостоятельно *).

«Spinae inter rosas» гораздо больнѣе кололись въ произведеніяхъ современника Рюккерта, который, также какъ и онъ, дѣлилъ свою дѣятельность между поэзіей и наукой—Уланда.

Іоганнъ-Людвигъ Уландъ, сынъ университетскаго секретаря въ Тюбингенѣ, род. въ 1787 г., очень рано поступилъ въ студенты юридическаго факультета. Онъ хорошо занимался своею спеціальностью, но еще съ большей охотою изучалъ миѳологію и исторію поэзіи; особенно онъ заинтересовался средневѣковымъ эпосомъ и лирикою, выучился, между прочимъ, по-скандинавски и скоро оказался хорошимъ знатокомъ дѣла въ этой, тогда еще очень юной, научной области. 22-хъ лѣтъ отъ роду онъ былъ уже докторомъ правъ и пользовался въ литературныхъ кружкахъ извѣстностью за свои стихотворенія, которыя начали появляться еще съ 1806 г. Въ 1810 г. Уландъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ усердно читалъ и списывалъ старофранцузскія поэмы, въ то время мало кому извѣстныя и въ самой Франціи. По возвращеніи на родину онъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи и за движеніемъ 1813 г. слѣдилъ только издали. Въ 1815 г. выходитъ сборникъ его стихотвореній **), и онъ сразу становится любимѣйшимъ нѣмецкимъ поэтомъ.

Въ 1819 г. Уландъ дѣлается членомъ вюртембергской палаты и 20 лѣтъ энергично работаетъ на пользу родины, а свободное время

*) У Гербеля l. c. стр. 431 и слѣд. см. „Бухарское посольство", „Хитгеръ" (Хызръ). Онѣ изданы въ 1837 г. подъ заглавіемъ: Morgenländische Sagen und Geschichten. 2 Bd. Stuttg.

Полное изд. его произведеній въ 15 томахъ, Frankf. 1867 и слѣд.

О немъ см. Beyer: R. Leben und Dichtungen. 2-ое изд. Koburg. 1866.

Fortlage. R. und seine Werke Frankf. 1867.

Boxberger. Rückert-Studien Gotha 1878.

Ср. Blaze. Revue d. d. M. 1845, т. X, 326 и слѣд.

**) Въ 1845 г. восемнадцатое изданіе.

посвящаетъ литературѣ и наукѣ, главнымъ образомъ изученію нѣмецкой пѣсни и исторіи средневѣковой нѣмецкой поэзіи. Въ 1830 г. онъ получилъ каѳедру въ родномъ Тюбингенѣ, и лекціи его собрали огромную аудиторію, изъ которой вышло много дѣльныхъ работниковъ науки—«германистовъ». Но скоро Уланду пришлось выбирать между столь любимой имъ каѳедрой и долгомъ гражданина; онъ покинулъ каѳедру, чтобы остаться независимымъ членомъ палаты; онъ отказался отъ своего мѣста въ палатѣ въ 1839 г., когда увидалъ безполезность всякой оппозиціи. Въ 1848 г. онъ былъ выбранъ въ Франкфуртскій парламентъ и энергично работалъ тамъ, горячо защищая свободу, но въ то же время удерживая своихъ сочленовъ отъ крайностей; онъ принадлежалъ къ демократической секціи такъ-называемой великогерманской партіи и оставался на своемъ посту до послѣдней возможности. Послѣ окончательнаго распущенія парламента онъ вернулся въ родной Тюбингенъ и жилъ тамъ, окруженный всеобщимъ почтеніемъ, какъ честный политическій дѣятель, великій ученый и любимый нѣмецкій поэтъ. Онъ умеръ въ 1862 г.

Политикъ, ученый и поэтъ въ Уландѣ не отдѣлены другъ отъ друга: онъ остается поэтомъ и въ политикѣ, и въ наукѣ, но въ такой степени, что это не вредитъ дѣлу, а напротивъ, помогаетъ ему: и въ политику, и въ науку онъ вноситъ благородное одушевленіе; съ другой стороны, привычка усиленной кабинетной работы ученаго дѣлаетъ его осмотрительнымъ и трезвымъ поэтомъ и осторожнымъ-серьезнымъ политикомъ, всякое заключеніе котораго основано на глубокомъ изученіи вопроса; а политическій смыслъ и навыкъ къ обращенію съ людьми придаетъ удивительную ясность его ученымъ изысканіямъ и здравый реализмъ его поэзіи.

Уландъ, какъ поэтъ, прежде всего истинный художникъ въ отношеніи языка и стихосложенія: полный мелодіи стихъ его отличается ясностью, точностью и сжатостью; врагъ неологизмовъ и архаизмовъ романтической берлинской школы, онъ избѣгаетъ, въ одинаковой степени, какъ напыщенности, такъ и небрежности. Его стихотворная рѣчь такъ проста, что, за исключеніемъ Гейне, Уландъ самый доступный изъ нѣмецкихъ поэтовъ для иностранцевъ, а въ то же время она исполнена достоинства, которое однакожъ не мѣшаетъ ея гибкости и способности переходить изъ серьезнаго тона въ шутливый.

Въ отношеніи религіи Уландъ глубоко убѣжденный спиритуалистъ; но вѣра его свободна отъ всякихъ слѣдовъ экзальтаціи и нетерпимости, и служитъ основой его нравственныхъ принциповъ; смерть въ его глазахъ милосердый посланникъ неба, переходъ къ новой лучшей жизни, въ его изображеніи всегда окрашенный поэзіей. Онъ принадлежитъ къ числу поэтовъ, чтеніе которыхъ всегда утѣшаетъ,

успокаиваетъ человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ горячій оптимистъ: невинность у него всегда торжествуетъ, и раскаявшійся преступникъ находитъ прощеніе передъ Богомъ и людьми.

Въ отношеніи политическихъ убѣжденій Уландъ-поэтъ безусловно тождественъ съ Уландомъ-депутатомъ: онъ горячій нѣмецкій патріотъ, другъ народа и защитникъ разумной свободы. Онъ любитъ средніе вѣка, какъ и берлинскіе романтики, и охотно воспроизводитъ ихъ, но только не въ цѣломъ, а исключительно съ ихъ свѣтлой стороны, со стороны патріархальной простоты, чистой вѣры, идеализма (пока онъ не переходитъ границъ разумности), свободнаго развитія личности. Онъ и относительно прошлаго такой же глубокоубѣжденный оптимистъ, какъ и относительно настоящаго.

Поэтическія произведенія Уланда обыкновенно дѣлятъ на три книги, изъ которыхъ одна заключаетъ пѣсни, патріотическія стихотворенія, сонеты, октавы и пр., вторая—баллады и романсы, и третья—двѣ большія драмы: Эрнстъ, герцогъ Швабскій (написана 1817 г.) и Людвигъ Баварскій (нап. 1818 г.) *). Изъ первой книги многія пѣсни сдѣлались народными; нѣкоторыя патріотическія стихотворенія, напр. на 18 октября 1815 г. и на 18 октября 1816 г., гдѣ онъ убѣждаетъ князей Германіи не забывать заслугъ нѣмецкаго народа и дать ему свободу развиваться, имѣли въ свое время огромное значеніе, а теперь являются памятникомъ мыслей и чувствъ лучшихъ людей той эпохи.

Баллады Уланда —такіе продукты нѣмецкаго романтизма, которые, вмѣстѣ съ произведеніями Гёте и Шиллера, останутся на вѣчное пользованіе потомкамъ; разнообразные сюжеты ихъ, взятые изъ преданій чуть не всѣхъ народовъ Европы, служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, насколько новая школа расширила поэтическій кругозоръ; поэтъ обыкновенно оставляетъ ихъ въ первобытной простотѣ и несложности, не прибавляетъ своихъ прикрасъ, но мастерски обрабатываетъ данное, придавая смыслъ каждой мелкой чертѣ и одухотворяя цѣлое поэтической мыслью. Между романсами Уланда не мало вполнѣ оригинальныхъ и въ томъ числѣ нѣсколько полныхъ чисто гейневскаго юмора, но безъ злобы и раздражительности Гейне **).

---

*) Драматическіе отрывки и сцены (Schildheis, das Standchen, Normannischer Brauch, Konradin) относятъ къ 1-ой книгѣ.

**) Таковъ напр. романсъ о рецензентѣ (1815 г.), который мы позволимъ себѣ привести въ оригиналѣ и въ переводѣ.

	т.-е.
Recensent der tapfre Ritter,	Рецензентъ, отважный рыцарь,
Steigt zu Rosse kühn und stolz;	Смѣло мчится въ страшный бой,
Ist's kein Hengst aus Andalusien,	И очки онъ, какъ забрало,

Драмы Уланда *) слабѣе другихъ его произведеній и не сценичны; но въ чтеніи и онѣ производятъ тоже освѣжающее и облагораживающее впечатлѣніе, какъ и его баллады.

Уландъ, какъ поэтъ, имѣлъ сильное вліяніе на русскую литературу черезъ посредство Жуковскаго, который симпатизировалъ ему, пожалуй, больше, чѣмъ кому бы то ни было изъ нѣмецкихъ романтиковъ. Едва только появилось первое изданіе стихотвореній Уланда, какъ Жуковскій немедленно сталъ знакомить съ ними русскую публику: въ 1816 г. онъ перевелъ шесть пьесъ изъ Уланда, въ 1818—одну, въ 1822—двѣ, въ 1829—одну, въ 1832—двѣ, а въ 1833—четыре и въ томъ числѣ три такихъ, по которымъ рядъ поколѣній знакомился съ сущностью романтизма: Роландъ Оруженосецъ, Плаваніе Карла Великаго и Рыцарь Роллонъ **).

Ist es doch ein Bock von Holz.	Надвигаетъ на носъ свой.
Statt des Schwerts die scharfe Feder	Конь его—не андалузскій
Zieht er kampfbereit vom Ohr,	Чистокровный жеребецъ,
Schiebt statt des Visiers die Brille	Нѣтъ, то стулъ; перо стальное—
Den entbrannten Augen vor.	Вотъ его мечъ-кладенецъ,
Publicum, die edle Dame,	Дама сердца рецензента
Schwebt in tausendfacher Noth,	Это—публика, и ей
Seit ihr bald barbarisch schnaubend	Непріятель разставляетъ
Ein siegfried'scher Lindwurm droht;	Хитрыхъ множество сѣтей.
Bald ein süsser Sonettiste	Иль драконъ ей угрожаетъ,
Sie mit Lautenklimpern lockt,	Или, полонъ сладкихъ думъ,
Bald ein Mönch ihr mystisch predigt,	Бардъ бряцаетъ ей на арфѣ,
Dass ihr die Besinnung stockt.	Иль монахъ мутитъ ей умъ.
Recensent der tapfre Ritter	Пораженъ драконъ; разбита
Hält sich gut im Drachen Mord,	Арфа рыцаря рукой,
Schlägt in Splitter alle Läuten,	Даже съ каѳедры монаха
Stürzt den Mönch vom Kanzelbord.	Рецензентъ столкнулъ долой.
Dennoch will er, gross bescheiden,	Столь же скромный, какъ и храбрый
Dass ihn niemand nennen soll,	Гербъ свой скрылъ нашъ паладинъ:
Und den Schild des Helden zeichnet	Щитъ героя украшаетъ
Kaum ein Schriftzug rätselvoll.	Знакъ таинственный одинъ.
Recensent, du Hort der Schwachen,	Рецензентъ, опора слабыхъ!
Sei uns immer treu und hold!	Правду, честь храни и въ даръ
Nimm zum Lohn des Himmelssegen,	Отъ редактора и неба
Des Verlegers Ehrensold!	Ты получишь гонораръ. *Пер. Е. К.*

*) Первая разрабатываетъ тему нѣмецкой вѣрности съ помощію сюжета извѣстной героической поэмы (см. у насъ т. II, 197); вторая, которую самъ Уландъ называетъ „символизаціей нѣмецкаго единства", драматизируетъ борьбу, примиреніе и совмѣстное царствованіе Людвига баварскаго и Фридриха Красиваго австрійскаго.

**) Нѣмецкая литература объ Уландѣ очень обширна; отмѣтимъ изъ нея Pfeiffer: Ludwig Uhland. Wien 1862, Notter: Ludw. Uhland. Sein Leben und seine Dichtungen. Stuttg. 1863, Jahn: L. Uhland. Bonn. 1863. Eichholtz: Quellenstudien zu Uhland's Balladen. Berl. 1879 и пр.

Уландъ такъ много сдѣлалъ для изученія старины и народности въ Германіи, что непосредственно за нимъ всего справедливѣе сдѣлать небольшой экскурсъ, цѣль котораго указать на самую свѣтлую сторону романтизма—его научное вліяніе.

Выше было говорено о томъ, какъ Бодмеръ и Швейцарцы обратили впервые вниманіе на изученіе нѣмецкой старины, какъ Гердеръ доказалъ необходимость разработки среднихъ вѣковъ и оправдалъ теоріей высокое значеніе народной поэзіи. У Швейцарцевъ и Гердера были ученики и послѣдователи, но всѣ труды ихъ только слабыя попытки сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлали романтики.

Уже въ 1792 г. Ваккенродеръ, оставшись по желанію отца въ Берлинѣ, пишетъ своему другу студенту Тику: „Я познакомился съ очень интереснымъ предметомъ—старонѣмецкими поэмами и вижу, что это занятіе, если продолжать его съ энергіей и толкомъ, можетъ представить много привлекательнаго“. Онъ видитъ въ этихъ „поэмахъ“ не только цѣнный матеріалъ для исторіи языка и народа, но и „много генія и поэтическаго духа“. Тикъ и въ этомъ случаѣ оказался послушнымъ ученикомъ своего друга; вскорѣ послѣ смерти Ваккенродера онъ издалъ переводъ пѣсенъ миннезингеровъ, который, не смотря на многія ошибки и неточности, имѣлъ большое вліяніе на развитіе интереса къ средневѣковой старинѣ.

Братья Шлегели самостоятельно приходятъ къ такому же сознанію важности изученія старонѣмецкой поэзіи; если они, какъ и Тикъ, немного знаютъ въ ней, за то они вносятъ въ дѣло теплоту, неизвѣстную въ періодъ антикварскихъ работъ, и ясность взгляда. По поводу преміи, назначенной однимъ любителемъ за нахожденіе „Пѣсенъ бардовъ“, собранныхъ Карломъ Великимъ, Авг. Шлегель доказываетъ въ Атенеѣ, что бардовъ въ Германіи не было и что эпическія пѣсни отъ времени К. В. должны были подвергнуться наслоенію и передѣлкамъ въ родѣ тѣхъ, которыя испытали Нибелунги. Фр. Шлегель въ своихъ „Идеяхъ“ требуетъ національной поэзіи и искусства, а средство для этого—изученіе старины.

По миннезингерамъ Тика впервые знакомились съ старонѣмецкой поэзіей величайшіе въ этой области ученые нашего вѣка: братья Гриммы.

Старшій изъ нихъ, Яковъ Гриммъ, род. въ 1785 г. въ Ганау въ семьѣ трудолюбиваго гессенскаго чиновника реформата; братъ его Вильгельмъ былъ моложе его на 13 мѣсяцевъ; братья учились вмѣстѣ у своей тетки; когда Якову было 11 лѣтъ, отецъ ихъ умеръ, не оставивъ почти никакихъ средствъ; сестра ихъ матери, каммерфрау при дворѣ ландграфини Гессенской, взяла мальчиковъ на свое попеченіе и помѣстила ихъ въ Кассельскій лицей. Въ лицеѣ преподавалась масса разнородныхъ предметовъ, между прочимъ логика, мораль, антропологія, физика и пр.; а на филологію и исторію обращалось мало вниманія. Яковъ окончилъ курсъ 17 лѣтъ и немедленно поступилъ въ Марбургскій университетъ на юридическій факультетъ, а Вильгельмъ, разстроившій себѣ въ лицеѣ здоровье, долженъ былъ отдыхать дома и присоединился къ брату только черезъ годъ. Яковъ слушалъ лекціи и подчинился вліянію тогда еще молодого профессора, впослѣдствіи знаменитаго Савиньи, который проводилъ совсѣмъ новую идею—о громадномъ значеніи традиціоннаго, народнаго права; въ его библіотекѣ Я. Гриммъ впервые познакомился съ текстомъ миннезингеровъ по изд. Бормера. Въ 1806 г. Савиньи предпринялъ поѣздку въ Парижъ и въ качествѣ секретаря и помощника взялъ съ собою Я. Гримма, который въ первый же разъ, какъ явился въ парижскую публичную библіотеку, пожелалъ видѣть знаменитую Манессовскую рукопись, оригиналъ изд. Бодмера, и все свободное время употреблялъ на изученіе памятниковъ средневѣковой литературы. Вскорѣ по возвращеніи изъ Парижа Я. Гриммъ сдалъ экзаменъ и получилъ мѣсто секретаря военной коллегіи въ Касселѣ съ очень небольшимъ содержаніемъ и массой работы; но онъ и теперь на-

ходилъ досугъ для своихъ любимыхъ занятій: его интересовало все, что выражало жизнь народную не только въ средніе вѣка, но и дальше, въ эпоху языческую. Послѣ занятія Касселя французами, Я. Гриммъ вышелъ въ отставку; мѣсто въ Кассельской публичной библіотекѣ, на которое онъ разсчитывалъ, было отдано другому, и тогда же умерла его нѣжно любимая мать; это было самое тяжелое время жизни Гримма. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему удалось пристроиться библіотекаремъ королевской библіотеки съ порядочнымъ содержаніемъ и массой свободнаго времени; теперь онъ могъ вполнѣ отдаться наукѣ, могъ пріобрѣтать не только книги, но и рукописи. Послѣ удаленія французовъ Я. Гриммъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства при курфюрстѣ гессенскомъ, вторично посѣтилъ Парижъ и продолжалъ тамъ свои занятія. Въ 1814—15 гг. онъ по обязанностямъ службы проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимался, между прочимъ, и славянскими нарѣчіями. Наконецъ, въ 1816 г. ему удалось достигнуть давнишней цѣли своихъ желаній и получить мѣсто второго библіотекаря въ Кассельской библіотекѣ, гдѣ въ качествѣ секретаря пристроился также и Вильгельмъ Гриммъ.

Въ это время братья Гриммы уже имѣли имя въ наукѣ; они оба начали свою дѣятельность съ журнальныхъ статей и рецензій, и Яковъ въ первыхъ же статьяхъ *) высказалъ и подкрѣпилъ нѣсколько смѣлыхъ положеній. Онъ показалъ, что исторія поэзіи въ первой своей стадіи есть ни что иное, какъ исторія саги; сага же не есть простой вымыселъ, а сумма вѣрованій народа; изъ нея же исходитъ и эпосъ, котораго нельзя создать искусственно; онъ высказалъ убѣжденіе въ невозможности отыскать автора Нибелунговъ. Въ полемикѣ съ Гагеномъ и Доценомъ онъ разграничилъ миннезингеровъ отъ мейстерзингеровъ и въ особой монографіи, вышедшей въ 1811 г. **), раздѣлилъ на періоды средневѣковую нѣмецкую поэзію. Въ томъ же 1811 г. Вильгельмъ Гриммъ, совершенно сходившійся съ братомъ во вкусахъ и мысляхъ, издалъ „Древне-датскія героическія пѣсни“ ***); онъ также въ длинномъ рядѣ статей пояснялъ отдѣльные пункты изъ исторіи національной нѣмецкой поэзіи и между прочимъ рѣзко разграничилъ ея продукты отъ заимствованнаго рыцарскаго эпоса, тогда какъ романтики до тѣхъ поръ объединяли одно съ другимъ.

Въ 1812 г. братья совмѣстно издаютъ свое знаменитое собраніе сказокъ, которое они начали готовить еще съ 1806 г. Въ предисловіи издатели выражаютъ свою горячую любовь къ этому несправедливо пренебреженному роду поэзіи и высказываютъ свой взглядъ на дѣло: сказки—древнѣйшая поэзія народа, выраженіе его духовной жизни; въ нѣмецкихъ сказкахъ мы находимъ богатый матеріалъ для прагерманской миѳологіи и отраженіе исконнаго характера племени; измѣнять ихъ, урѣзывать, украшать издатель не имѣетъ никакого права. Книга, какъ извѣстно, имѣла огромный успѣхъ и породила подобныя же драгоцѣнныя коллекціи у другихъ народовъ.

Въ 1816—18 гг. выходятъ „Нѣмецкія саги“ братьевъ Гриммовъ ****), въ предисловіи къ которымъ издатели говорятъ: „Человѣкъ получаетъ отъ своей родины ангела-хранителя, который сопровождаетъ его въ жизни; кто не видитъ отъ него добра, тотъ почувствуетъ его, когда перейдетъ границы отечества, гдѣ онъ разстанется съ нимъ. Этотъ благодѣтельный провожатый есть неисчерпаемое сокровище сказокъ, сагъ и исторій“. Саги отличаются отъ сказокъ тѣмъ, что они при-

*) См. его Kleinere Schriften, главнымъ образомъ III томъ. Berl. 1869.

**) Das altdeutsche Meistergesang.

***) Altdänische Heldenlieder.

****) Deutsche Sagen. 2-ое изд. 2 тома Berl. 1865—66.

урочены къ определенной мѣстности или къ опредѣленной личности, соотвѣтственно чему Гриммы и дѣлятъ свою коллекцію на два отдѣла: саги географическія и саги историческія.

Въ 1815—16 гг. братья издаютъ совмѣстно журналъ: „Древненѣмецкіе лѣса" *), посвященный нѣмецкой старинѣ, гдѣ, между прочимъ, Я. Гриммъ подвергаетъ научному обслѣдованію вопросъ о рукописяхъ Нибелунговъ. Около того же времени братья объясняютъ героическія пѣсни древней Эдды **) и съ успѣхомъ занимаются изученіемъ искусственной нѣмецкой поэзіи эпохи Гогенштауфеновъ, и Я. Гриммъ одинъ, подъ вліяніемъ Шлегеля, издаетъ собраніе испанскихъ романсовъ ***).

Въ это время Я. Гриммъ былъ еще плохой лингвистъ и въ своемъ увлеченіи нѣмецкой стариной позволялъ себѣ дѣлать натяжки, за которыя подвергся упрекамъ со стороны А. Шлегеля; эти упреки не только не лишили его энергіи, но побудили его взяться за огромный трудъ составленія исторической грамматики нѣмецкаго языка, первый томъ которой вышелъ въ 1819 г. ****). Въ предисловіи къ нему Я. Гриммъ выступаетъ противъ господства въ школахъ искусственной философской грамматики и излагаетъ свои руководящіе принципы. Трудъ этотъ хотя и предназначался только для ученыхъ, имѣлъ огромное вліяніе и на школу, и на изученіе родного языка во всѣхъ сосѣднихъ странахъ.

Въ 1828 г. Я. Гриммъ издалъ „Нѣмецкія правовыя древности" *****), въ которыхъ указываетъ памятники права въ языкѣ и въ поэзіи, а въ правовомъ обычаѣ—драгоцѣнный матеріалъ для исторіи культуры.

Въ 1830 г. братья Гриммы одновременно получили предложеніе перейти въ Гёттингенскій университетъ, который находился въ это время на высокой степени процвѣтанія, и приняли его съ радостію, такъ какъ въ Касселѣ ихъ заслуги вознаграждались плохо. Я. Гриммъ занялъ каѳедру нѣмецкаго языка и литературы, В. Гриммъ (женатый съ 1825 г.)—мѣсто въ университетской библіотекѣ, а съ 1835 г.—экстраординатуру по той же каѳедрѣ. Но въ 1837 г. семь профессоровъ Гёттингенскаго университета, въ томъ числѣ и братья Гриммы, отказались подкрѣпить своей присягой актъ несправедливости Эрнста Августа, уничтожившаго ганноверскую конституцію, и лишились за это своихъ мѣстъ, причемъ Дальману, Гервинусу и Я. Гримму кромѣ того было предписано въ 3 дня оставить предѣлы королевства.

Во время своего пребыванія въ Гёттингенѣ, Я. Гриммъ издалъ свое изслѣдованіе о поэмѣ: Reinhart Fuchs (1834), въ которомъ впервые опредѣлилъ сущность животнаго эпоса и нарисовалъ почти поэтическую картину жизни нашихъ предковъ въ арійской прародинѣ, когда человѣкъ стоялъ такъ близко къ природѣ, когда всякое слово его было продуктомъ поэтическаго творчества. Въ 1835 г. выходитъ его „Нѣмецкая миѳологія", въ которой онъ по крайней мѣрѣ впятеро увеличилъ матеріалъ, привлекавшійся до тѣхъ поръ для выясненія вѣрованій языческихъ германцевъ и между прочимъ доказалъ, что система миѳологіи вовсе не

*) Altdeutsche Wälder.

**) Lieder der alten Edda. Aus der Handschrift hsgb. und erklärt durch die Brüder Grimm 1815.

***) Silva de romances viejos 1815. Гриммъ идетъ въ научномъ отношеніи дальше Шлегеля тѣмъ, что старается отдѣлить древніе и безъискусственные романсы отъ позднѣйшихъ.

****) 4-й въ 1837 г.

*****) Deutsche Rechtsalterthümer.

принадлежитъ народу, а есть позднѣйшее объективированіе разнохарактернаго матеріала, и что миѳологическое воззрѣніе не умираетъ съ принятіемъ христіанства, а живетъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, доживаетъ и до нашего времени.

Изъ Гёттингена братья Гриммы вернулись въ Кассель и, по предложенію одной фирмы, приступили къ составленію знаменитаго Словаря, который продолжается до сихъ поръ по той же программѣ.

Въ 1840 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, только-что вступившій на престолъ, для поднятія берлинскаго университета предложилъ профессорскія каѳедры обоимъ Гриммамъ. Они приняли предложеніе и въ слѣдующемъ году начали здѣсь свою дѣятельность. Вступительная лекція Я. Гримма подала поводъ къ ряду овацій въ его честь. Въ это время въ берлинскомъ университетѣ слушалъ лекціи молодой московскій ученый, Михаилъ Катковъ, который писалъ по этому поводу слѣдующее *): „Недавно берлинскій университетъ торжествовалъ вступленіе на его каѳедру знаменитыхъ братьевъ Гриммовъ, принадлежавшихъ къ числу семи, т.-е. семи профессоровъ, оставившихъ Гёттингенскій университетъ по различнымъ причинамъ, при восторженныхъ восклицаніяхъ всей Германіи. Братья Гриммы—ученые въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова... Гриммы—ученые, посвятившіе безъ раздѣла, съ полной любовью всю свою жизнь глубокимъ и тяжелымъ изслѣдованіямъ древней жизни своего народа, но не только не умертвившіе духъ, но оживляющіе и самыя мертвыя буквы согрѣвающимъ прикосновеніемъ своей любящей души. И потому благородными плодами ихъ трудовъ гордятся націи и нѣжно, заботливо любятъ ихъ самихъ“. Вмѣстѣ съ каѳедрами университетскими Гриммы заняли и каѳедры въ Академіи, гдѣ, главнымъ образомъ, и сосредоточилась ихъ дѣятельность въ послѣдній періодъ ихъ жизни. В. Гриммъ умеръ въ 1859 г. **); Яковъ пережилъ брата 4-мя годами; только на 81-мъ году отъ роду онъ сталъ чувствовать нѣкоторую слабость и былъ принужденъ работать умѣреннѣй.

Въ 1846 г. въ Берлинѣ состоялся первый съѣздъ филологовъ-германистовъ; на немъ предсѣдательствовалъ Яковъ Гриммъ, окруженный многочисленной толпой своихъ учениковъ и послѣдователей, уже пріобрѣтшихъ имя въ наукѣ, о которой нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ не имѣли и понятія ***).

Эта наука, явившаяся на свѣтъ подъ вліяніемъ романтиковъ, скоро получила доступъ и въ среднія школы Германіи, вслѣдствіе чего образованіе стало несравненно болѣе національнымъ и до сихъ поръ продолжаетъ реформироваться въ томъ же направленіи. Она породила и національную музыку (Тангейзеръ,

*) «Отеч. Зап.» 1841 г. т. XIV (Смѣсь. Письмо изъ Берлина).

**) Сынъ его Германъ Гриммъ тоже былъ профессоромъ берлинскаго университета; извѣстенъ рядомъ выдающихся трудовъ, главнымъ образомъ по исторіи искусства.

***) Для популяризаціи ея едва ли не больше другихъ сдѣлалъ Зимрокъ (род. въ 1802 г. въ Боннѣ; съ 1850 г. тамъ же былъ профессоромъ; ум. 1876 г.) своими превосходными переводами памятниковъ старонѣмецкой поэзіи.

О немъ, какъ и о самихъ Гриммахъ, ихъ предшественникахъ и послѣдователяхъ см. R. v. Raumer, Geschichte der german. Philologie etc. Münch. 1870.

О Гриммахъ по-русски см. статью Фелькеля въ Атенеѣ за 1857 г.

О вліяніи Гриммовъ на русскую науку см. А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи II, стр. 4 и passim. Спб. 1891.

О Лахманѣ, какъ другомъ „учителѣ“ германистовъ, его послѣдователяхъ и противникахъ, см. у насъ т. II, стр. 170 и слѣд.

Лоэнгринъ, Нибелунги) и національное направленіе въ живописи; она поддерживаетъ діалектическую литературу и задерживаетъ обезличеніе національностей въ жизни, которое безъ такого противодѣйствія, при нынѣшнихъ условіяхъ, скоро возобладало бы повсемѣстно въ средней Европѣ. „Германистика“ въ тѣсной связи съ изученіемъ старины и народности во всѣхъ другихъ странахъ, а это изученіе есть одинъ изъ величайшихъ успѣховъ европейской цивилизаціи въ XIX вѣкѣ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, folk lore („живая старина“) повсюду заняла высокое мѣсто среди популярныхъ и вліятельныхъ отраслей человѣческаго знанія.

Сохраняя мѣсто для болѣе вліятельныхъ явленій, относительно нѣмецкой литературы отъ 1815 до 1830 г. мы ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями и краткими указаніями преимущественно библіографическаго характера.

Послѣ 1815 г. нѣмецкія правительства, какъ извѣстно, не оправдали довѣрія либеральной части общества, надѣявшейся на цѣлый рядъ реформъ и не только не ослабили давленія абсолютизма, но напротивъ, усилили его. Въ правящихъ сферахъ господствовалъ консерватизмъ, болѣе систематичный, чѣмъ прежде. Университетская молодежь представляла ему болѣе или менѣе послѣдовательную оппозицію; поэтому крайніе романтики потеряли ея симпатію; но ихъ эстетическіе принципы были удержаны и усвоены по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они сходились съ Шиллеромъ и Гёте.

Въ это время наиболѣе вліятельнымъ представителемъ философіи является продолжатель Шеллинга, Гегель *), который уже съ 1807 г., когда появилась его «Феноменологія духа», пошелъ по самостоятельной дорогѣ; въ 1818 г. онъ призванъ на каѳедру берлинскаго университета и съ этихъ поръ становится царемъ философской мысли въ Германіи. На мѣсто субъективнаго идеализма Фихте и объективнаго идеализма Шеллинга онъ выдвигаетъ свой «абсолютный» идеализмъ. Очень трудно было понять основы его ученія, но тѣмъ привлекательнѣе было оно для того, кто считалъ себя избранникомъ, стоящимъ выше толпы. Философія Гегеля обѣщала разгадать загадку жизни, дать полное знаніе и успокоеніе; въ ней было своеобразное величіе, и идея Гегеля о міровомъ духѣ въ исторіи, носителемъ котораго въ каждый моментъ является извѣстный народъ, поддерживала патріотизмъ и вѣру въ великое будущее нѣмецкой націи. Слава Шиллера и Гёте и видная роль, которую играли романтики, очень усилили литературную продуктивность; поэзія была въ такомъ почетѣ, что государственные люди и самые серьезные ученые стремились занять хоть второстепенное мѣсто на нѣмецкомъ Парнасѣ; большимъ уваженіемъ пользуются такія формы творчества, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ почти не существовали, каковы: народная пѣсня и фантастическая сказка; появляются особые альма-

*) Род. 1770 г. въ Штутгартѣ, ум. 1831 г.

нахи, составленные исключительно изъ сказокъ; народныя преданія, саги—наиболѣе любимые сюжеты для поэмъ и небольшихъ разсказовъ. Переводятся романы В. Скотта и вызываютъ массу подражаній *).

Наиболѣе видные литературные дѣятели держатся либеральнаго направленія; иныхъ гонимое правительствами «буршеншафство» увлекаетъ въ радикализмъ, но масса, въ угоду начальству и отчасти обществу, желавшему отдохнуть послѣ тяжелыхъ потрясеній, совершенно игнорируетъ политику и стремится только къ занимательности; эта мишурная занимательность дѣлается особенно замѣтной и особенно вредной, какъ въ повѣсти и романѣ, такъ и на сценѣ къ концу періода; она связана съ полнымъ отсутствіемъ оригинальности, съ эклектизмомъ, который часто переходитъ въ беззавѣтный плагіатъ; эксплуатируютъ и Шекспира, и испанцевъ, и Байрона; не стыдятся даже обкрадывать родного Шиллера. Въ драмѣ стараются занять и поразить зрителя роскошной обстановкой и массой сценическихъ эффектовъ; въ комедіи мѣсто истиннаго комизма занимаетъ балаганное шутовство **).

Этотъ довольно сѣрый фонъ литературы скрашивался блестящимъ состояніемъ фолософіи, исторіи, филологіи разныхъ отдѣловъ и особенно германистики, а также и дѣятельностью нѣкоторыхъ выдающихся поэтовъ.

Вильг. Мюллеръ род. въ 1794 г. въ Дессау въ достаточномъ семействѣ, началъ писать такъ рано, что въ 13 лѣтъ уже имѣлъ наготовѣ къ печати цѣлый томъ стихотвореній. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ берлинскій университетъ и сталъ заниматься филологіей, но черезъ годъ ушелъ на войну; въ 1814 г., вернувшись изъ похода, онъ спѣшилъ наверстать усердной работой потерянное время и съ одинаковой любовью занимался и классической, и старонѣмецкой поэзіей. 22 лѣтъ отъ роду онъ издалъ Хрестоматію изъ миннезингеровъ ***); въ слѣдующемъ 1817 г. онъ отправился въ Италію и по

*) Самый популярный изъ тогдашнихъ романистовъ Шпиндлеръ (1791—1855), позднѣе вступившій на путь подражанія французскимъ романтикамъ. На русскій яз. переведенъ его романъ: „Іезуитъ“ (Спб. 1847 г. 3 части). О немъ см. Бѣлинскій XI, 146.

**) На берлинской сценѣ въ это время царитъ Раупахъ (1784—1852), долго жившій въ Россіи, служившій профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и уволенный за либерализмъ въ 1823 г. Онъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ драматурговъ на свѣтѣ; его драматическія произведенія собраны въ 18 томахъ, и это далеко не все. Наибольшей славой пользовались его драмы яко бы изъ русской жизни: „Крѣпостные или Исидоръ и Ольга“, „Князья Хованскіе“ (изъ эпохи стрѣлецкихъ бунтовъ) и циклъ Гогенштауфеновъ, состоявшій ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ 16 драмъ.

См. у Гербеля, о. с. стр. 405 отрывокъ изъ „Хованскихъ“ и перечисленіе другихъ пьесъ Раупаха, переведенныхъ по-русски.

***) Blumenlese aus den Minnesänger. 1816.

возвращеніи оттуда изложилъ свои впечатлѣнія въ прекрасно написанной книгѣ: «Римъ, римляне и римлянки» (1820 г.). Въ 1819 г. Мюллеръ поступилъ учителемъ древнихъ языковъ въ дессаусскую гимназію, а потомъ получилъ мѣсто библіотекаря герцога; въ 1821 г. онъ вступилъ въ счастливый бракъ съ внучкой Базедова и съ того же года начинается его литературная извѣстность, такъ какъ выходятъ два его сборника: «Семьдесятъ семь стихотвореній» *) и «Пѣсни Грековъ» **); послѣднія сильно способствовали развитію филэллинизма въ Германіи. Языкъ его стихотвореній замѣчательно простъ и мелодиченъ, а юношеская веселость, гуманность и теплота сердца выдающіяся свойства ихъ содержанія. Онъ умеръ въ 1827 г. отъ разрыва сердца. Его сынъ, знаменитый лингвистъ и санскритологъ, Максъ Мюллеръ издалъ его стихотворенія ***).

Поэтовъ двадцатыхъ годовъ, дѣйствовавшихъ въ Швабіи, обыкновенно объединяютъ подъ именемъ **Швабской школы**, причемъ указываютъ, какъ на отличительныя черты ихъ, на любовь къ природѣ, задушевность и мѣстный патріотизмъ. Если не причислять къ нимъ Юстина Кернера и Уланда, то главою школы слѣдуетъ считать **Густава Шваба**; онъ род. въ 1792 г. въ Штутгартѣ, учился въ мѣстной гимназіи, потомъ въ Тюбингенскомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ, но при этомъ усердно занимался и филологіей. Въ 1815 г. онъ путешествовалъ по сѣверной Германіи, при чемъ въ Берлинѣ познакомился съ нѣкоторыми корифеями романтизма; въ 1817 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ Штутгартѣ, а черезъ 20 лѣтъ сдѣлался деревенскимъ пасторомъ; впослѣдствіи онъ занималъ должность главнаго совѣтника консисторіи; ум. въ 1850 г. ****).

Швабъ былъ настолько хорошій классикъ, что переводилъ стихотворенія Уланда на латинскій языкъ метрами Горація; онъ не могъ освободиться отъ нѣкоторыхъ пріемовъ реторики, хотя и усиленно старался объ этомъ. Лучшими изъ его поэтическихъ произведеній считаются его романсы и баллады, написанные въ духѣ Уланда. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ, напр. «Аде!» (прощаніе студента съ

---

*) Полное заглавіе: Sieben und siebzig Gedichte aus den Papieren eines reisenden Waldhornisten.

**) 2-ой выпускъ 1822.

***) Послѣднее изд. съ роскошными иллюстраціями въ 1874 г.

Въ каждомъ сборникѣ студенческихъ пѣсенъ стихотворенія Вильг. Мюллера встрѣчаются во множествѣ; между прочимъ ему принадлежитъ извѣстная пѣсня: Tres faciunt Collegium, wir zwei etc.

****) Его жизнь описана сыномъ его: Chr.,Th. Schwab: G. Schwab's Leben. Freiburg u. Tübing. 1883.

университетомъ)[1]) до сихъ поръ пользуются огромной популярностью. Швабъ горячо интересовался судьбой Греціи и Польши и въ этомъ отношеніи примыкалъ къ Молодой Германіи. Еще большей извѣстностью между «Швабами» пользуется Вильг. Гауфъ (Hauff), чрезвычайно разносторонній и плодовитый талантъ; онъ род. въ Штутттартѣ въ 1802 г., послѣ смерти отца воспитывался въ домѣ дѣда въ Тюбингенѣ и еще въ школѣ началъ писать стихи; въ 1820 г. онъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ, а въ 1824 г. былъ докторомъ философіи. Вскорѣ онъ издалъ «Альманахъ сказокъ на 1826 г.», который перепечатывался впослѣдствіи огромное число разъ[2]), и началъ «Сообщенія изъ мемуаровъ сатаны»[3]). Успѣхъ его произведеній заставилъ его всецѣло отдаться литературѣ. Въ 1826 г. Гауфъ былъ въ Парижѣ, въ Нидерландахъ и въ Бременѣ, гдѣ надумалъ свою знаменитую новеллу: «Фантазіи въ погребкѣ бременской ратуши»[4]).

Въ 1827 г. Гауфъ сталъ редакторомъ журнала (Morgenblatt) и женился по любви, но въ этомъ же году умеръ отъ тифа.

Хотя Гауфъ прожилъ только 25 неполныхъ лѣтъ, онъ успѣлъ написать цѣлые тридцать шесть томовъ[5]): до того легко давались ему и стихи, и проза. Нѣкоторыя изъ его пѣсенокъ стали народными. Имъ написанъ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ историческихъ романовъ: Лихтенштейнъ[6]); другимъ своимъ романомъ-пародіей «Человѣкъ на лунѣ»[7]) онъ уничтожилъ многолѣтнюю литературную репутацію моднаго романиста и драматурга Клаурена[8]); а новеллы его до сихъ поръ пользуются большою популярностью. Въ характеристикахъ его нѣтъ глубины, но сюжетъ составленъ очень искусно, отдѣльныя сцены живы и естественны, и въ тонѣ чувствуется юно-

---

[1]) Начинается:

Bemooster Bursche zieh'ich aus, Ade!
Behüt 'dich Gott, Philisterhaus! Ade!
Zur alten Heimath geh 'ich ein,
Muss selber nun Philister sein. Ade! Ade! Ade!

[2]) Уже въ 1864 г. вышло 10-е изданіе.

[3]) Mittheilungen aus den Memoiren des Satans (2 тт. Stuttg. 1827 г.).

[4]) Phantasien im Bremer Raths Keller. Содержаніе ея — рядъ видѣній, которыя имѣлъ поэтъ, просидѣвшій будто бы цѣлую ночь въ винномъ погребкѣ подъ бременской ратушей; это нѣчто среднее между сказкой, драматической повѣстью и „сномъ".

[5]) Sämtl. Werke 1830. Stuttg.

[6]) Lichtenstein 3 Bd. Stuttg. 1826.

[7]) Mann im Monde. Stuttg. 1827.

[8]) H. Clauren, анаграмма изъ Carl Heun; Heun род. въ 1771 г., учился въ Лейпцигѣ и Гёттингенѣ, былъ домашнимъ учителемъ, потомъ занималъ различныя должности въ Польшѣ и Пруссіи, ум. тайнымъ придворнымъ совѣтникомъ въ 1854 г. въ Берлинѣ. Онъ написалъ массу повѣстей и романовъ, а съ 1815 г. работалъ для театра. Его Gesammelt. Schriften въ 25 тт. Лейпц. 1851.

шеское одушевленіе. Онъ очень искусно соединяетъ фантастику съ веселымъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ, но фантастика его далеко не такъ оригинальна, какъ у Гофмана, и впечатлѣніе отъ его повѣстей несильно и непродолжительно *).

Къ той же школѣ принадлежитъ Эдуардъ Мӧрике (Mörike), бывшій на 2 года моложе Гауфа; онъ учился въ гимназіи въ Штуттгартѣ, затѣмъ въ Тюбингенѣ на богословскомъ факультетѣ; съ 1827 г. былъ помощникомъ священника въ разныхъ мѣстахъ Вюртенберга, потомъ съ 1834 г. священникомъ, а впослѣдствіи учителемъ; ум. въ 1866 году.

Уже первый его романъ: «Живописецъ Нольтенъ» **) обратилъ на него вниманіе; онъ писалъ пѣсни и баллады, которыя очень охотно перекладывали на музыку, стихъ его былъ гибокъ и звученъ, такъ что его называли швабскимъ Гёте; его сказки и повѣсти украшены довольно богатой фантастикой; какъ Гофманъ, онъ населяетъ природу цѣлымъ роемъ фантастическихъ существъ. Хорошій знатокъ античной поэзіи, онъ наклоненъ къ символизму, которому придаетъ нѣсколько сантиментальный оттѣнокъ.

Вообще въ это время въ Германіи сильно развивается новелла, преимущественно фантастическаго содержанія: стремятся сдѣлать болѣе здоровой фантастику Гофмана, но не замѣчаютъ, что при этой своеобразной дезинфекціи она теряетъ свой оригинальный ароматъ.

Въ сторонѣ отъ Швабской школы стоитъ Михаилъ Беэръ (Beer), сынъ берлинскаго банкира еврея, младшій братъ знаменитаго композитора Мейербеера; онъ род. въ 1800 г., рано обратилъ на себя вниманіе своими удивительными способностями, учился въ берлинскомъ университетѣ; литературную карьеру началъ трагедіей «Клитемнестра» (въ 1823 г.), которая не имѣла особаго успѣха; за то всеобщее вниманіе возбудили его пьесы «Парія» (1826 г.), а особенно трагедія «Струэнзе», поставленная въ первый разъ въ Мюнхенѣ и вызвавшая тамъ такой восторгъ, что публика цѣлый часъ по окончаніи спектакля требовала автора; Гейне привѣтствовалъ ее, какъ пѣснь свободы ***).

Интересъ трагедіи сосредоточенъ исключительно на героѣ, который, какъ и всѣ лучшіе характеры въ произведеніяхъ нѣмецкихъ евреевъ, не свободенъ отъ лирическаго преувеличенія и нѣсколько

---

*) Біографію его написалъ Klaiber: Wilh. Hauff, ein Lebensbild des Dichters. Stuttg. 1881. На русскій яз. переведены: фантастическая повѣсть: „Отелло". Спб. 1835 (о ней см. отзывъ Бѣлинскаго II, 211) и „Тайна Біанетти", Библ. д. чт. 1855. № 134.

**) Maler Nolten. Stuttg. 1832.

***) На русскій яз. переведена Плещеевымъ, Вѣстн. Евр. 1870 г. №№ 5, 6 и 7. Отрывки у Гербеля стр. 507 и слѣд.

затемненъ мрачнымъ ореоломъ страданій. Струэнзе сильно напоминаетъ маркиза Позу, но гуманный мечтатель долженъ былъ обратиться въ энергичнаго дѣятеля; какъ и у другихъ евреевъ, у Беэра протестъ противъ тиранніи и несправедливости искрененъ и глубокъ, но нѣсколько охлажденъ рефлексомъ. О вѣрности исторической онъ заботился сравнительно мало.

Беэръ ум. въ 1833 г.; проживи онъ дольше, онъ несомнѣнно былъ бы однимъ изъ видныхъ дѣятелей «Молодой Германіи».

Изъ группы **австрійскихъ** поэтовъ назовемъ Грильпарцера и Цейдлица.

Францъ Грильпарцеръ (Grillparzer) представляетъ талантъ незаурядный, но все же нельзя не признать, что онъ слишкомъ захваленъ поклонниками, особенно послѣ смерти. Онъ род. въ 1791 г. въ Вѣнѣ и въ вѣнскомъ же университетѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Въ 1813 г. онъ поступилъ на государственную службу и по мѣрѣ возвышенія въ ней все больше и больше чувствовалъ, какъ трудна его задача остаться честнымъ и свободомыслящимъ чиновникомъ при управленіи Меттерниха. Въ 1816 г. вышла его трагедія «Прабабушка»; она имѣла большой успѣхъ *), и это дало возможность Грильпарцеру искать въ поэзіи отдыха отъ служебныхъ непріятностей; но все же вѣчная борьба съ «системой» неблагопріятно отразилась на его характерѣ, развивъ въ немъ наклонность къ противорѣчію и упорству. Поздно Грильпарцеръ дождался облегченія: въ 1847 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ Академіи наукъ, а въ 1848 г., какъ извѣстно, палъ Меттерниховскій режимъ; въ 1856 г. Грильпарцеръ получилъ независимое мѣсто директора архива и послѣдніе годы прожилъ на покоѣ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Его хоронили въ 1872 г. съ такимъ торжествомъ, какого не удостоились ни Шиллеръ, ни Гёте **).

Грильпарцеръ обладаетъ сильнымъ воображеніемъ, способностью къ тонкому анализу и чувствомъ мѣры. Но идеи его не отличаются особенной глубиной, и школьныя воспоминанія будто тяготѣютъ надъ нимъ въ продолженіе всей его жизни. Кромѣ того, талантъ его подавляется чисто австрійскимъ недостаткомъ: квіэтизмомъ и холоднымъ отношеніемъ къ прогрессу человѣчества. Въ его лирическихъ

*) Въ 1844 г. явилось ея 6-е изданіе.

) Лучшая монографія о немъ, написанная по случаю его смерти, **Wilh. Scherer: Zum Gedächtniss Fr. Grillparzers. Wien 1872. Изъ позднѣйшихъ много новаго представляетъ: **Adalb. Fäulhammer**: Fr. Grillparzer. Eine biographische Studie. Graz. 1884. Самую полную біографію его составилъ **H. Laube** въ 1884 г. Тотъ же Лаубе вмѣстѣ съ **Weilen**'омъ въ 1872 г. издалъ полное собраніе его сочиненій въ 10 томахъ (3-е изд. 1878—1880). Существуетъ и особая хрестоматія изъ сочиненій Грильпарцера.

произведеніяхъ слишкомъ много рефлекса; его единственная новелла: «Слѣпой музыкантъ» настолько удачна, что заставляетъ сомнѣваться, не сдѣлалъ ли онъ серьезной ошибки, посвятивъ себя главнымъ образомъ драмѣ. Его поэма: «Радецкій» (1848 г.) имѣла значеніе только какъ стихотвореніе «къ случаю».

Грильпарцеръ началъ съ трагедіи судьбы, украшенной всевозможными романтическими ужасами: привидѣніемъ, кровосмѣсительной любовью и пр. и обработанной очень искусно. Вотъ вкратцѣ содержаніе его знаменитой Прабабки.

Старый графъ Баротинъ только-что получилъ извѣстіе о смерти послѣдняго представителя своего рода; самъ онъ имѣетъ только дочь Берту, такъ какъ сына своего считаетъ утонувшимъ въ младенчествѣ. Красавица Берта давно уже любитъ молодого Яромира фонъ-Эшенъ, противъ котораго ничего не имѣетъ и ея отецъ. Такимъ образомъ Яромиру предстоитъ сдѣлаться наслѣдникомъ графа.

Старому графу является въ полуснѣ тѣнь его прабабки, которую тоже звали Бертой и на которую очень похожа его дочь. Кастелянъ зàмка по этому случаю разсказываетъ ея трагическую исторію: мужъ засталъ ее въ объятіяхъ любовника и убилъ кинжаломъ, который до сихъ поръ хранится въ зàмкѣ; говорятъ, что душа несчастной до тѣхъ поръ не будетъ имѣть покоя, пока родъ Баротиновъ не вымретъ окончательно; когда дому грозитъ бѣда, тѣнь ея блуждаетъ по зàмку съ жалобными воплями.

Яромиръ, возлюбленный Берты, на самомъ дѣлѣ атаманъ разбойниковъ, чего, конечно, не знаетъ его невѣста. Такъ какъ теперь высланы правительственныя войска для его поимки, онъ пріѣзжаетъ въ зàмокъ Баротина, будто бы спасаясь отъ разбойниковъ; графъ съ полной готовностью предоставляетъ зàмокъ къ его услугамъ. Яромиру является прабабка—Берта, которую онъ принимаетъ за свою возлюбленную и хочетъ обнять; но ея ледяной взоръ повергаетъ его въ несказанный ужасъ. Между тѣмъ къ графу является начальникъ правительственныхъ войскъ и проситъ у него позволенія сдѣлать его зàмокъ базисомъ своихъ дѣйствій противъ разбойниковъ; тотъ охотно соглашается и вызывается помогать ему. Начинается битва близь зàмка; Яромиръ, видя своихъ товарищей въ опасности, не можетъ устоять противъ желанія помочь имъ, и такимъ образомъ невѣста узнаетъ его страшную тайну; но она не въ силахъ разлюбить его и готова бѣжать съ нимъ на край свѣта; Яромиръ и Берта условливаются сойтись ночью у могилы прабабки. Уходя, Яромиръ, лишившійся въ схваткѣ оружія, беретъ старинный кинжалъ, отъ котораго погибла его прабабка; онъ попалъ въ засаду и спасся только тѣмъ, что ранилъ роковымъ кинжаломъ на смерть графа Баротина. Умирающаго графа переносятъ въ зàмокъ, и одинъ изъ плѣнныхъ разбойниковъ, надѣясь тѣмъ спасти свою жизнь, открываетъ, что ихъ атаманъ Яромиръ—сынъ графа, похищенный трехъ-мѣсячнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ оказывается, что Берта любила родного брата, который къ тому же, хоть и безсознательно, сталъ отцеубійцей; Берта умираетъ съ разбитымъ сердцемъ, такъ же какъ и ея отецъ.

Послѣдняя сцена происходитъ у склепа прабабки; невдалекѣ слышно погребальное пѣніе надъ тѣломъ Баротина. Здѣсь сходятся Яромиръ и старый разбойникъ, котораго онъ до сихъ поръ считалъ своимъ отцомъ; разбойникъ открываетъ молодому человѣку настоящее его происхожденіе; онъ только не говоритъ о смерти Берты, такъ какъ самъ не знаетъ объ этомъ. Яромиръ въ ужасѣ, но

потомъ жажда жизни беретъ свое, и онъ все же хочетъ бѣжать съ Бертой, которую любитъ больше всего на свѣтѣ. На зовъ его является другая Берта прабабка, сдергиваетъ покрывало съ гроба его невѣсты—сестры, и Яромиръ умираетъ на ея рукахъ. Пьеса заканчивается слѣдующими словами привидѣнія надъ трупомъ героя: „Миръ тебѣ, безпокойный! Все закончено ужасной ночью! Да будетъ благословенно вѣчное могущество! Откройся тихая келья: прабабка возвращается домой!“ *).

Грильпарцеръ, какъ драматургъ, не остановился на романтической драмѣ судьбы, и слѣдующее его произведеніе Сафо (1819 г.) есть психологическая трагедія. Въ ней характеры задуманы и отдѣланы прекрасно, но отдѣльные монологи слабо связаны въ одно цѣлое **). Затѣмъ слѣдуетъ трилогія: Золотое Руно (1822), въ которой драматизма значительно больше, но сильно сказывается сантиментальный рефлексъ, неумѣстный въ античномъ сюжетѣ. Затѣмъ слѣдуютъ пьесы изъ національной исторіи, изъ которыхъ больше всего имѣла успѣха трагедія или, вѣрнѣе, драматическая хроника: «Счастье и конецъ короля Оттокора» ***) (1825), въ которой эпическій элементъ сильнѣе драматическаго. Лучшей комедіей Грильпарцера считается «Горе тому, кто лжетъ» ****), но и въ ней комическаго таланта не много.

Въ общемъ, въ пьесахъ Грильпарера много благородства, чувства и ума; онѣ отдѣланы большею частію прекрасно; но въ нихъ мало самобытности и творчества и потому на исторію европейскаго театра вліяніе ихъ ничтожно.

Другой австрійскій поэтъ, болѣе извѣстный въ Россіи—Христіанъ-Іосифъ фонъ-Цедлицъ (Zedlitz) род. въ 1790 г. въ австрійской Силезіи, учился въ Бреславльской гимназіи, отъ 1806 до 1816 г. служилъ въ военной службѣ, особенно отличался въ войнѣ 1809 г. Выйдя въ отставку, онъ женился на венгерской баронессѣ и жилъ частію въ Вѣнѣ, частію въ своихъ помѣстьяхъ. Позднѣе онъ опять поступилъ на государственную службу, и Меттернихъ ловко утилизировалъ его литературный талантъ. Онъ ум. въ 1862 г.

Онъ началъ свою литературную дѣятельность трагедіями, въ которыхъ, какъ и многіе другіе австрійцы, подражалъ испанскимъ образцамъ. Въ 1827 г. вышелъ томъ его кансонъ подъ заглавіемъ «Мо-

*) Scheid' in Frieden, Friedeloser!
Nun wohlan, es ist vollbracht
Durch der Schlüsse Schauernacht!
Sei gepriesen, ew'ge Nacht!
Oeffne dich, du stille Klause,
Denn die Ahnfrau kehrt nach Hause.

**) См. отрывокъ изъ нея у Гербеля въ переводѣ Протопопова о. с. стр. 547 и слѣд.

***) König Ottokart's Glück und Ende.

****) Wehe dem der lügt. 1840.

гильные Вѣнки» (Todtenkränze), рядъ поэтическихъ характеристикъ былыхъ знаменитостей политическихъ и литературныхъ. Его «Лирическія поэмы» (Lyrische Gedichte 1832 г.)—очень удачное переложеніе народныхъ сагъ или столь же удачное подражаніе имъ. Изъ эпическихъ его поэмъ «Лѣсная дѣвушка» *), продуктъ архиромантической фантастики не безъ примѣси чувствительности, считается наиболѣе удачной.

Внѣ отечества Цедлицъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ провозвѣстниковъ культа Наполеона; его «Ночной смотръ», перевед. Жуковскимъ и «Воздушный корабль», перев. Лермонтовымъ, знакомы у насъ всѣмъ и каждому.

Самые крупные поэты этой эпохи—литературные враги Платенъ и Иммерманъ; оба они начали съ романтизма и оба потомъ съумѣли пробить себѣ новые пути.

Карлъ-Августъ графъ Платенъ Галлермюнде род. въ 1796 г. въ Ансбахѣ; 10 лѣтъ онъ поступилъ въ мюнхенскій кадетскій корпусъ, а 14-ти перешелъ въ институтъ пажей, гдѣ оставался до 1814 г.; въ 1815 г. онъ уже участвовалъ въ походѣ во Францію. Бродячая жизнь такъ ему понравилась, что послѣ заключенія мира онъ отправился странствовать пѣшкомъ по южной Германіи и Швейцаріи. Въ 1819 г. онъ взялъ на долгій срокъ отпускъ и, сознавая недостаточность своего образованія, поступилъ въ Вюрцбургскій университетъ, откуда потомъ перешелъ въ Эрлангенскій. Онъ держался вдали отъ студенческихъ кружковъ и работалъ поразительно много; достаточно сказать, что онъ выучился свободно читать на 12 языкахъ, живыхъ и мертвыхъ. Въ 1824 г. онъ посѣтилъ въ первый разъ Италію, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ пожелалъ поселиться въ ней навсегда; но, несмотря на свой графскій титулъ, онъ былъ очень бѣденъ; только въ 1826 г. ему удалось устроить дѣла такимъ образомъ, что онъ могъ осуществить свою мечту: переѣхать въ Италію и отдаться всецѣло поэзіи. Онъ жилъ преимущественно въ Неаполѣ и только два раза ѣздилъ на родину; умеръ въ 1835 г. въ Сициліи, куда уѣхалъ, спасаясь отъ холеры.

Платенъ выступилъ на литературное поприще еще въ 1821 г. съ сборникомъ «Газелей», которыя были результатомъ его усиленныхъ занятій персидской поэзіей, и съ «Лирическими Листками» (Lyrische Blätter Lpz. 1821); въ слѣдующемъ году вышли его «Смѣшанныя сочиненія». Платенъ въ то время является ученикомъ романтиковъ, преимущественно Рюккерта, но ученикомъ съ своими собственными идеями: въ то время, когда форма была совсѣмъ въ загонѣ, Пла-

*) Waldfräulein, ein Märchen in 18 Abenteuern. 1843.

тенъ на нее обращаетъ особенное вниманіе; онъ отдѣлываетъ ее съ такой строгостью, которая напоминаетъ Буало и грозитъ перейти въ сухость. Онъ—лирикъ, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ Арндтъ, Кёрнеръ или даже Уландъ: онъ не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой народной пѣснью, мало выдержанною по формѣ, грустно-мечтательною или добродушно-веселою; его лирика—сонеты, оды, эклоги, рѣже идилліи, превосходно отдѣланныя, исполненныя благороднаго мужества и силы мысли древнихъ, проникнутыя ихъ свѣтлымъ міросозерцаніемъ; только въ видѣ уступки духу времени Платенъ пишетъ романсы и баллады; но въ нихъ таже отчетливость отдѣлки и античная ясность мысли. Въ своихъ сатирическихъ комедіяхъ, «Роковая вилка» и «Романтическій Эдипъ» *), Платенъ довольно остроумно осмѣиваетъ трагедію судьбы, «драматическихъ дѣлъ мастера» Раупаха и молодыхъ романтиковъ, въ особенности Иммермана; въ послѣдней онъ задѣлъ и Гейне, который, какъ извѣстно, въ концѣ своихъ «Путевыхъ картинъ» (городъ Лукка) накинулся на Платена со всей свойственной ему беззастѣнчивостью и стремился изорвать въ клочки его репутацію, какъ человѣка и какъ поэта. Своей невоздержностью Гейне по крайней мѣрѣ столько же повредилъ себѣ, сколько и своему противнику; но не слѣдуетъ забывать, что не онъ началъ полемику.

Серьезныя драмы Платена (Вѣрность за вѣрность, Башня съ семью воротами и др.) больше вдохновлены драмой испанской, преимущественно Лопе де-Вегой. Его послѣдняя драма «Камбрейская лига» (1833 г.) слишкомъ заботится объ исторической вѣрности для того, чтобы быть драматичной. Его поэма въ 9 пѣсняхъ «Абассиды» (1835 г.) написана замѣчательно легко и изящно **).

Карлъ Иммерманъ род. въ томъ же 1796 г. въ Магдебургѣ; онъ былъ сынъ прусскаго военнаго совѣтника, горячаго поклонника Фридриха Великаго; до 1813 г. онъ учился въ гимназіи, потомъ поступилъ въ университетъ въ Галле; когда вслѣдствіе войны прекратились лекціи, 17-лѣтній Иммерманъ пошелъ въ солдаты, участвовалъ въ Ватерлооской битвѣ, дошелъ до Парижа и былъ произведенъ въ офицеры. По окончаніи войны онъ немедленно вернулся въ университетъ и сталъ усердно заниматься. Въ послѣдній годъ его студенчества корпорація Тевтонія постановила подвергнуть позорному наказанію одного студента; Иммерманъ вступился за несчастнаго товарища и обратился къ университетскому сенату; когда сенатъ при-

*) „Verhängnissvolle Gabel", 1826 г. и „Romantischer Oedipus" 1829 г.

**) Главный матеріалъ для характеристики Платена даютъ Minkwitz: Graf Platen als Mensch und Dichter: Lpz. 1838 и Platen's Tagebuch hsgb. v. Pfeufer. Stuttg. 1860. Новое изд. его произведеній въ 3-хъ томахъ Redlich'a. Berl. 1880—83.

зналъ себя некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, Иммерманъ поѣхалъ въ Берлинъ и подалъ жалобу королю; такимъ образомъ онъ достигъ своей цѣли, а чтобы оправдать себя въ глазахъ публики, либеральная часть которой считала въ то время университетскія корпораціи чуть ли не главнымъ очагомъ свободы, напечаталъ брошюру *), которая удостоилась торжественнаго сожженія на «Вартбургскомъ праздникѣ». Въ томъ же году онъ вступилъ на государственную службу и въ 1819 г. былъ аудиторомъ въ Мюнстерѣ, гдѣ влюбился въ умную и энергичную графиню Алефельдъ (Ahlefeld), по мужу Лютцовъ, которая побудила его къ литературной дѣятельности. Въ 1827 г. онъ переѣхалъ въ Дюссельдорфъ, и графиня Алефельдъ, уже разведшаяся съ мужемъ (но не соглашавшаяся выйти за Иммермана), переѣхала туда за нимъ. Въ 1835 г. Иммерманъ бросилъ службу и принялъ на себя завѣдываніе Дюссельдорфскимъ театромъ, мечтая здѣсь устроить образцовую сцену; ему удалось сдѣлать кое-что для этой цѣли, но оказался недостатокъ въ деньгахъ, дѣло разстроилось, и Иммерманъ долженъ былъ вновь поступить на службу. Теперь онъ сосредоточилъ свою энергію на литературѣ. Въ 1837 г. Иммерманъ женился на очень образованной и милой дѣвушкѣ, вслѣдствіе чего графиня Алефельдъ покинула его; въ слѣдующемъ 1840 году онъ неожиданно умеръ отъ нервной горячки.

Многочисленныя произведенія Иммермана распадаются на двѣ группы по времени и по направленію: юношескія его пьесы и попытки романовъ представляютъ крайность чистаго романтизма по стремленію къ оригинальности и произволу, по страсти къ неразгаданному и тайному; какъ драматургъ, онъ исходитъ изъ серьезнаго изученія Шекспира: онъ старательно избѣгаетъ лирической расплывчатости, стремится къ эпической полнотѣ, къ глубинѣ и энергіи; но онъ не умѣетъ придавать своимъ пьесамъ сценическаго интереса.

Второй періодъ начинается приблизительно около 1827 г.; съ этого времени Иммерманъ романтизмомъ пользуется только, какъ формою, для того, чтобы проводить идеи любви къ свободѣ, гуманности, уваженія къ человѣческой личности, и такимъ образомъ изъ романтика становится поэтомъ Молодой Германіи. Къ этому періоду, кромѣ драматической поэмы «Трагедія въ Тиролѣ» (Trauerspiel in Tyrol), которая, по словамъ Гейне, читалась народомъ, какъ настоящая исторія великихъ событій, и трагедіи «Императоръ Фридрихъ II», относится его глубокомысленный миѳъ «Мерлинъ» (1832 г.), родъ драматической эпопеи, раздѣленной на сцены, изъ которой онъ хотѣлъ сдѣлать нѣчто въ родѣ Гётева Фауста.

*) Letztes Wort ueber die Streitigkeiten der Studierenden in Halle. Lpz. 1817.

Пьеса начинается съ пролога въ аду, гдѣ рѣшается вопросъ о появленіи на свѣтъ Мерлина, который долженъ родиться отъ сатаны и чистой дѣвы, чтобы представить собою противовѣсъ Спасителю, и долженъ унаслѣдовать отъ своего отца знаніе и силу, а отъ матери способность внушать всѣмъ симпатію. Если внутренняя борьба, которая необходимо должна возникнуть въ немъ, окончится въ пользу злого начала, погибнетъ весь міръ; если—въ пользу добраго, погибнетъ самъ Мерлинъ. Намѣреніе ада исполнено, и сатана, воспользовавшись минутой забвенія дѣвы, производитъ на свѣтъ Мерлина. Чѣмъ больше растетъ онъ, тѣмъ болѣе склоняется къ Богу и добру; онъ собираетъ рыцарей Артура и ведетъ ихъ на завоеваніе Граля; но адъ вооружается всѣмъ своимъ коварствомъ: увлеченный чувственною любовью къ Ниніанѣ, Мерлинъ покидаетъ рыцарей и скоро лишается своихъ силъ и мудрости; тогда-то къ нему, безумному, несчастному, всѣми покинутому является сатана и предлагаетъ возвратить мудрость и всемогущество, если онъ станетъ на сторону зла; но Мерлинъ устоялъ и погибъ за любовь къ добру; за то и Граль остался незавоеваннымъ.

Въ томъ же 1832 г. вышла трилогія Иммермана «Алексѣй», имѣвшая сюжетомъ исторію несчастнаго сына Петра Великаго; авторъ хорошо понялъ трагическій конфликтъ между старой и новой Русью, между царевичемъ и его геніальнымъ отцомъ; но и здѣсь въ 3-ей части («Евдокія») не обошлось безъ мистики и фантастики.

Романъ «Эпигоны» (1836 г.) есть явное подражаніе Вильгельму Мейстеру, осложненное стремленіемъ указать на различіе двухъ эпохъ и обрисовать современную борьбу дворянства съ буржуазіей. Герой романа — Германъ въ концѣ концовъ получаетъ по наслѣдству отъ дяди фабриканта земли, которыя когда-то принадлежали герцогской фамиліи, и уничтожаетъ всѣ фабрики. Миньонѣ Мейстера здѣсь соотвѣтствуетъ Фьяметта, которая еще неопредѣленнѣе и фантастичнѣе своего прототипа.

«Мюнхгаузенъ» (4 тома, 1838—9 г.) есть довольно остроумное подражаніе Донъ-Кихоту *); въ немъ сатира на глупости и странности современниковъ поэта искусно переплетена съ деревенскимъ любовнымъ романомъ, въ которомъ много теплоты и задушевности.

Иммерманъ не обладалъ большой силой творчества; но ловко умѣлъ прикрывать это любовью къ дѣлу, умомъ, образованіемъ и внѣшнимъ литературнымъ талантомъ **).

Мы заканчиваемъ эту главу нѣсколькими замѣчаніями о двухъ типичныхъ романтикахъ, которые дожили до окончательнаго паденія идеаловъ своей школы и полнаго торжества враждебныхъ ей принциповъ и новѣйшихъ литературныхъ пріемовъ.

---

*) Ламанчскому витязю соотвѣтствуетъ баронъ Schnuck-Puckelin, маньякъ феодализма; Санчо-Пансѣ—его слуга Карлъ Буттерфогель.

**) Его Gesamm. Schriften изд. въ 14 томахъ .Düsseld. 1835—1843. Новое изд. Boxberger'a, съ біографіей и введеніемъ въ 20 томахъ. Berl. 1883. О немъ см. Freiligrath: Blätter der Erinnerung. Stuttg. 1842. Putlitz: K. Immerman, sein Leben und seine Werke. 2 Bd. Berl. 1871.

Юстинъ Андрей Кернеръ (Kerner), одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей мистической стороны романтизма, род. въ 1786 г. въ Людвигсбургѣ, воспитывался сперва въ мѣстной латинской школѣ, потомъ въ монастырѣ. Послѣ смерти отца его отдали на полотнянную фабрику и предназначали къ практической дѣятельности; но онъ не чувствовалъ къ ней расположенія, и ему удалось приготовиться въ университетъ; онъ испыталъ серьезную болѣзнь, отъ которой вылѣчился, какъ онъ полагалъ, благодаря магнетизму, и съ тѣхъ поръ въ немъ укрѣпилась вѣра во все чудесное, мистическое. Отъ 1804 до 1808 г. онъ учился медицинѣ въ Тюбингенѣ и учился очень усердно; но эти занятія не излѣчили его отъ мистицизма, а корифеи входившей въ моду литературной школы дали послѣднему, такъ сказать, художественное оправданіе; въ Тюбингенѣ Кернеръ подружился съ Уландомъ и Швабомъ, примѣръ которыхъ побудилъ его пытать свои силы въ поэзіи. По окончаніи курса Кернеръ путешествовалъ и продолжалъ научнымъ образомъ заниматься медициной, но выбиралъ въ ней такія темы, которыя подходили къ его настроенію. Въ 1811 г. онъ издалъ свои письма къ друзьямъ подъ заглавіемъ: «Путевыя тѣни» *). Въ 1819 г. Кернеръ сдѣлался главнымъ врачемъ въ Вейнсбергѣ и соединялъ медицинскія занятія съ литературой. Онъ писалъ лирическія произведенія и небольшія поэмы-баллады, въ которыхъ обработывалъ народныя сказанія, преимущественно фантастическаго характера. Въ тоже время онъ издалъ въ общедоступной формѣ цѣлый рядъ трактатовъ полумедицинскаго, полумистическаго содержанія: о ясновидѣніи, животномъ магнетизмѣ, демонизмѣ и пр., проникнутыхъ горячею вѣрою во всѣ эти «мрачныя чудеса природы» **); субъектовъ, надъ которыми онъ производилъ наблюденія, онъ иногда по нѣскольку лѣтъ держалъ въ своемъ гостепріимномъ домѣ. Онъ умеръ въ 1869 г., задолго до тѣхъ поръ потерявъ зрѣніе.

Какъ поэтъ, Кернеръ слишкомъ монотоненъ; душа читателя должна быть очень родственна съ его душою, чтобы находить наслажденіе во всѣхъ его произведеніяхъ; но въ тѣхъ изъ нихъ, которыя написаны въ духѣ народной пѣсни и въ нѣкоторыхъ изъ его романовъ нельзя не видѣть блестящихъ искоръ истинной поэзіи ***).

*) Reiseschatten von dem Schattenspieler Lux (Heidelb.). Въ нихъ авторъ довольно рѣзко возстаетъ противъ холоднаго скептицизма и невѣрія новаго поколѣнія.

**) Nachtseite der Natur, какъ онъ выражался.

***) Такова напр. пьеса: Abschied, начинающаяся словами:

Geh ich einsam durch die schwarzen Gassen,
Schweigt die Stadt, als wär' sie unbewohnt;
Aus der Ferne rauschen nur die Wasser
Und am Himmel zieht der bleiche Mond.
Bleib' ich lang' vor jenem Hause stehen.

„Романтическія поэмы“ Кернера вышли въ 1817 г. (Romantische Dichtungen. Karlsruhe), а первое собраніе стихотвореній въ 1826 г. (Gedichte. Stuttg.); новое изд. избранныхъ произведеній въ 1878—9 гг. (Ausgewählte poetische Werke, Stuttg.). Очень живо написана его автобіографическая книга: Bilderbuch aus meiner Knabenzeit (Braunschweig 1839). Монографія о немъ: Watts: Life and works of Kerner. Lond. 1884.

Іосифъ фонъ-Эйхендорфъ *), котораго часто называютъ послѣднимъ романтикомъ, род. въ 1788 г. въ родовомъ замкѣ Любовичъ въ верхней Силезіи и былъ крещенъ по католическому обряду. Онъ воспитывался въ гимназіи въ Бреславлѣ, а въ 1805 г. поступилъ на юридическій факультетъ въ Галле, откуда перешелъ въ Гейдельбергъ, гдѣ сошелся съ Арнимомъ и Брентано; примѣръ ихъ возбудилъ въ немъ литературныя стремленія; онъ началъ писать стихи и задумалъ романъ: «Мечты и дѣйствительность» **), герой котораго—крайній идеалистъ, напрасно пытающійся приладить свои идеалы къ жизни. Мысль проведена хорошо, но характеры блѣдны, и авторъ слишкомъ много разсуждаетъ за дѣйствующихъ лицъ.

Эйхендорфъ готовился поступить на службу въ Вѣнѣ (гдѣ онъ познакомился съ Фр. Шлегелемъ), но 1813 годъ заставилъ его стать въ ряды прусской арміи; въ 1816 г. онъ перешелъ въ гражданскую службу и занималъ довольно важныя должности до 1844 г.; тогда онъ вышелъ въ отставку и остальные годы жизни провелъ въ семействѣ своей замужней дочери. Онъ умеръ въ 1857 г. Эйхендорфъ написалъ рядъ повѣстей, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется разсказъ: «Изъ жизни одного шалопая» ***), одно изъ самыхъ ультраромантическихъ произведеній.

Герой его—лѣнтяй по глубокому убѣжденію, которое раздѣляетъ, очевидно, и самъ авторъ: онъ не хочетъ работать, не хочетъ думать объ устройствѣ своей карьеры, потому что хочетъ быть счастливымъ. Отецъ за лѣность выгоняетъ его изъ дому; онъ беззаботно уходитъ бродить по свѣту, захвативши свою скрипку. Во время своихъ странствованій онъ влюбляется въ графиню; но и любовь не можетъ заставить его трудиться и заботливо относиться къ своему будущему. Когда онъ получаетъ мѣсто—разумѣется, дающее ему полную возможность лѣниться: иначе онъ не принялъ бы его—съ домикомъ и огородомъ, онъ выбрасываетъ изъ огорода картофель и всѣ полезныя растенія и весь его засаживаетъ цвѣтами, изъ

Drin das liebe, liebe Liebchen wohnt,
Weiss nicht, dass sein Treuer ferne ziehet,
Stumm und harmvoll wie der bleiche Mond и т. д.

Она удачно переведена М. М. (см. у Гербеля, стр. 408—9):

Я иду по улицамъ уснувшимъ:
Словно вымеръ городъ—все молчитъ,
Лишь вдали рѣка шумитъ сонливо,
Да луна межъ тучами блеститъ и т. д.

*) Joseph Freiherr von Eichendorf.

**) Ahnung und Gegenwart, напеч. 1815 г. Nürenberg.

***) Aus dem Leben eines Taugenichts. 1824.

которыхъ составляетъ букеты для своей возлюбленной. Послѣ многихъ приключеній, судьба забрасываетъ героя въ Италію, классическую страну лѣни и пассивнаго наслажденія красотой; оттуда онъ снова возвращается въ отечество и въ концѣ концовъ женится на своей возлюбленной, которая, къ счастію для него, оказывается не графиней, а племянницей швейцара, но съ богатымъ приданымъ; теперь, стало-быть, онъ имѣетъ полную возможность лѣниться всю остальную жизнь.

Этотъ небольшой романъ есть нѣчто среднее между подражаніемъ и невольной пародіей на В. Мейстера Гёте; та-же основная мысль, что счастіе состоитъ не въ удачномъ устройствѣ своихъ практическихъ дѣлъ, а въ умѣньѣ наслаждаться жизнью, здѣсь проведена въ болѣе низменной, опошленной, но за то болѣе реальной формѣ; стремленіе къ самосовершенствованію замѣнено квіетизмомъ; отвращеніе отъ борьбы и труда возведено въ принципъ.

Лирическія пьесы Эйхендорфа *) представляютъ одинъ изъ лучшихъ продуктовъ романтизма: простота замысла, искренность чувства, горячая любовь къ природѣ, музыкальность стиха—выдающіяся достоинства значительной ихъ части; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. «Сломанное колечко» **), стали народными пѣснями.

Драмы Эйхендорфа: «Послѣдній герой Маріенбурга» ***), «Эццелинъ Романскій» ****) и пр., также какъ и его комедіи *****), значительно слабѣе его повѣстей и лирическихъ пьесъ. Его послѣднія

---

*) Первое изд. 1837 г.; въ 1869 г. 5-ое изд.

**) Вотъ оригиналъ и опытъ перевода этой небольшой пѣсни.

In einem kühlen Grunde
Da geht ein Mühlenrad;
Mein Liebste ist verschwunden,
Die dort gewohnet hat.
Sie hat mir Treu versprochen,
Gab mir ein'n Ring dabei;
Sie hat die Treu gebrochen
Mein Ringlein sprang entzwei.
Ich möcht' als Spielman reisen
Weit in die Welt hinaus
Und singen meine Weisen
Und gehen von Haus zu Haus.
Ich möcht' als Reiter fliegen
Wohl in die blut'ge Schlacht
Um stille Feuer liegen
Im Feld bei dunkler Nacht.
Hör' ich das Mühlrad gehen,
Ich weiss nicht, was ich will
Ich möcht' am liebsten sterben,
Da wär's auf ein Mal still, т-е.:

По лѣсу темныхъ сосенъ,
Развѣсистыхъ березъ
Разносится далеко
Шумъ мельничныхъ колецъ.
Тамъ мельница у рѣчки,
Гдѣ милая жила;
Она клялась быть вѣрной,
Клялась,—но солгала.
И нѣтъ ея со мною,
И я-бъ уйти хотѣлъ;
Я-бъ странствовалъ по свѣту,
Свои бы пѣсни пѣлъ.
Помчался бы я въ битву,
Ударилъ на враговъ;
Съ товарищами ночью
Лежалъ бы у костровъ.
Когда же начинаетъ
Шумѣть вновь колесо,
Желаю только смерти;
Тогда ужъ стихаетъ все.

См. нѣсколько пьесъ Эйхендорфа у Гербеля, стр. 428 и слѣд.

***) Der letzte Held von Marienburg 1830.

****) Ezzelin von Romano 1831.

*****) Die Freier (1833), Viel Lärmen um Nichts (1833) и пр.

поэмы: «Юліана» (рядъ романсовъ, 1853), «Робертъ и Гюискардъ» (1855) и «Люцій» (1857), ко вреду своему, сильно проникнуты католической тенденціей, которая также вредитъ научной объективности его историко-литературныхъ работъ; рядъ послѣднихъ начинается книгой: «О религіозномъ и нравственномъ значеніи новой романтической поэзіи въ Германіи» *).

Такимъ образомъ послѣдній нѣмецкій романтикъ подводитъ итоги всей дѣятельности школы.

ГЛАВА IV.

Романтизмъ во Франціи и современная ему литература.

Одновременно съ паденіемъ имперіи окончательно падаетъ во Франціи псевдоклассицизмъ. Побѣжденные въ рѣшительной борьбѣ французы должны были по-неволѣ отказаться отъ своего китайскаго самодовольства и широко отворить двери иноземнымъ вліяніямъ; ироническое замѣчаніе министра полиціи госпожѣ Сталь, что французы еще не дошли до печальной необходимости пользоваться чужимъ умомъ, теперь оказалось нелѣпостью. Вернулись эмигранты и указывали на умственное богатство другихъ странъ, которыя прогрессировали въ области мысли въ то время, пока французы отдавали всѣ свои силы войнѣ и политикѣ.

Даровитый народъ не упалъ духомъ и обратилъ въ свою пользу суровый урокъ судьбы; онъ смирился и сѣлъ на ученическую скамейку, но съ тѣмъ, чтобы вскорѣ встать съ нея возродившимся къ новой жизни и новымъ культурнымъ побѣдамъ.

Отъ 1815 г. до 1830 г. французы заняты главнымъ образомъ усвоеніемъ чужого. В. Скоттъ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, Оссіанъ имѣютъ между ними массу поклонниковъ; курсъ Фридриха Шлегеля переводится и усвоивается тѣми самыми людьми, которые нѣсколько лѣтъ назадъ не знали ничего выше и совершеннѣе «Лицея» Лагарпа. Такимъ образомъ практика и теорія новой школы идутъ рука объ руку; замѣтили что эта школа уже имѣетъ почву въ «Духѣ Христіанства», «Кориннѣ» и пр.; ея побѣдѣ не мало способствуетъ и состояніе общества: утомленіе послѣ столькихъ лѣтъ на-

*) Ueber die religiöse und ethische Bedeutung der neuern romantischen Poesie in Deutschland. Lpz. 1847. За нею слѣдовала еще болѣе тенденціозная монографія: Der deutsche Roman des XVIII J. in seinem Verhältniss zum Christenthum (Lpz. 1851. 2-ое изд. Paderborn 1866); потомъ: Zur Geschichte des Dramas (Lpz. 1854) и наконецъ Geschichte der protest. Literatur Deutschlands (2 Th. Paderb. 1856; 2-ое изд. 1861). По-русски о немъ см. статью Ф. Видерта, Атеней 1858 г., IV, стр. 877 и слѣд.

пряженной жизни, всеобщее стремленіе къ покою, временный застой внѣшней культуры, необыкновенныя приключенія, пережитыя чуть ли не каждымъ семействомъ, временное преобладаніе эмигрантовъ, которые естественно являются сторонниками средневѣковыхъ идеаловъ, все это условія, благопріятныя для усвоенія и развитія романтизма.

Французскій романтизмъ есть растеніе чужестранное, но пересаженное во-время на почву подготовленную и принесшее плоды обильные, но совсѣмъ иные, нежели на своей исконной родинѣ. При первомъ своемъ появленіи онъ и здѣсь стоитъ за средніе вѣка, за тронъ и алтарь, за фантастическое и неправильное, за воображеніе и чувство противъ разума. Но характеръ племени неистребимъ, и французскіе романтики скоро оказались классичнѣе, чѣмъ иные классики нѣмецкой крови. Французы и въ романтизмѣ остались риторами, только риторику ума замѣнили риторикой страсти. Форма все же у нихъ на видномъ планѣ, только измѣнилось представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ красота формы: допускаются, даже поощряются гротескъ и крайности; но эти крайности ставятся въ красивые контрасты. Интересы современности тоже всегда на видномъ мѣстѣ: восхваленіе трона и алтаря продолжается очень недолго, только до тѣхъ поръ, пока этотъ тронъ и этотъ алтарь имѣютъ прелесть новизны и не оскорбляютъ добытой съ такими жертвами свободы. Едва сойдя съ школьной скамьи, будущіе романтики уже начинаютъ чувствовать недовольство правительствомъ и постепенно изъ подъ бѣлаго знамени переходятъ въ ряды оппозиціи; это совершается тѣмъ легче, что поколѣніе, увидавшее свѣтъ при громѣ Наполеоновыхъ пушекъ, было расположено гордиться подвигами своихъ отцовъ, а въ то время всякій, кто находилъ что-либо хорошее въ революціи и имперіи, уже считался врагомъ господствующей династіи. Такимъ образомъ передъ 1830 г. большинство дѣятелей новой школы уже отказалось отъ идеаловъ роялизма и отождествляло политическій консерватизмъ съ литературной рутиной.

Іюльская революція составляетъ переломъ въ исторіи этой школы: она изъ гонимой стала господствующей; кружокъ распался, такъ какъ его принципы восторжествовали надъ массою и его знамя стало общимъ.

Но монархія Луи-Филиппа не была такова по своей природѣ. чтобы французская романтика могла задремать въ упоеніи побѣды и застыть безъ движенія, какъ это случилось 15 лѣтъ назадъ съ романтикой нѣмецкой; господствующее въ правящихъ классахъ настроеніе содѣйствовало литературному прогрессу столько же своими отрицательными, сколько и положительными сторонами, и многолѣтній миръ сконцентрировалъ всѣ силы страны на культурной работѣ.

Буржуазія во Франціи начинаетъ усиливаться еще съ революціи

1789 г.; терроръ возвысилъ ея значеніе, показавъ ужасныя послѣдствія ея удаленія отъ власти; имперія ее обогатила; реставрація только на короткое время заставила ее спрятать голову и работать подъ землею; тѣмъ сильнѣе оказалась она, когда снова вышла на свѣтъ и вмѣстѣ съ Луи-Филиппомъ вступила на тронъ Франціи. Но іюльская революція вовсе не имѣла въ виду ея возвышенія, а послужила ей невольно, сыграла роль кошки, достававшей каштаны. Поэтому недовольство осталось, но только вступило въ новый фазисъ, который немедленно отразился и на литературѣ.

Буржуазная монархія придала жизни сѣрый и прозаичный колоритъ. Во внѣшней политикѣ нѣтъ ничего величественнаго, блестящаго, что такъ любятъ французы; внутри С.-Оноре съ его банкирами и англійской кухней оказалось не только не лучше, но хуже С.-Жермена. Этотъ сѣрый колоритъ жизни неудержимо толкаетъ литературу къ романтизму. Во главѣ литературнаго движенія стоятъ образованные и талантливые молодые люди, не карьеристы, искренно преданные искусству въ цѣломъ, братающіеся съ художниками иныхъ спеціальностей. Прошлое французской поэзіи не внушаетъ имъ гордости, а, напротивъ, приводитъ ихъ въ отчаяніе; у другихъ были Шекспиры и Сервантесы, плачутся они: а у насъ только Буало и Расины. Они ищутъ примитивнаго, безъискусственнаго, народнаго, требуютъ природы и правды, которая для нихъ важнѣе красоты; они ищутъ красокъ и силы, и за это готовы пренебречь вѣрностью рисунка и чувствомъ мѣры. Они спѣшатъ усвоить себѣ все чужое хорошее и, вѣруя въ силы своего духа, стремятся сейчасъ же создавать своихъ Шекспировъ, Скоттовъ, Байроновъ и Гёте.

Луи-Филиппъ, мало понимавшій въ поэзіи и не сочувствовавшій новой школѣ *), безъ усилій и сознанія оказалъ важную услугу французской литературѣ именно тѣмъ, что предоставилъ ее самой себѣ; пользуясь только пассивной терпимостью правительства и благопріятными условіями времени, она быстро претворяетъ въ себѣ все, выработанное сосѣдями, и снова становится міровой, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда-нибудь; въ это время она пріобрѣтаетъ небывалую силу и значеніе, такъ какъ живетъ не милостью покровителей, а сочувствіемъ массы читателей; теперь не она прислушивается къ голосу политиковъ, а заставляетъ ихъ подчиняться и льстить себѣ; она ведетъ своихъ талантливыхъ представителей на каѳедры, въ сенатъ и въ совѣтъ министровъ; она доставляетъ богатство своимъ корифеямъ и даетъ возможность существовать многимъ тысячамъ заурядныхъ работниковъ; короче сказать, только

*) Онъ обидѣлся на Мюссе, который обратился къ нему на ты въ сонетѣ, и когда ему представили поэта, смѣшалъ его съ какимъ-то лѣсничимъ.

теперь достигаетъ литература полной независимости. Но съ этой свѣтлой стороной возвышенія литературы, по необходимости, соединяется и темная; литературный успѣхъ становится завиднымъ призомъ; къ нему стремятся ловкіе промышленники, масса которыхъ поглощаетъ литераторовъ по призванію; количество развивается на счетъ качества, и внѣшнія достоинства—на счетъ внутреннихъ. Тогда осуществляется идеалъ директора театра въ Фаустѣ *), и побѣдоносный романтизмъ во Франціи превращается въ литературную индустрію, которая въ нижнемъ слоѣ читающей публики господствуетъ и до сихъ поръ.

Прежде чѣмъ перейти къ главнымъ дѣятелямъ романтической школы во Франціи, мы должны сказать о двухъ популярныхъ и вліятельныхъ поэтахъ, изъ которыхъ одинъ, вслѣдствіе особыхъ условій своего воспитанія и развитія, а также и вида своего творчества, стоитъ внѣ всякой школы; а другой ближе сходится съ предшественникомъ французскаго романтизма Шатобріаномъ, чѣмъ съ своими современниками; разумѣемъ Беранже и Ламартина.

Пьеръ Жанъ де-Беранже **) былъ сынъ приказчика и модистки, которые разошлись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы; онъ род. въ 1780 г. въ домѣ дѣда по матери, ремесломъ портного. Мѣсто его первоначальнаго воспитанія—парижская улица и комнатки ремесленниковъ, гдѣ онъ прислушивался къ разговорамъ своихъ родственниковъ, вовсе не стѣснявшихся его присутствіемъ, занятый вырѣзываніемъ красивыхъ штучекъ изъ вишневыхъ косточекъ. Въ 9 лѣтъ онъ не умѣлъ писать, но зналъ жизнь лучше, нежели иной молодой человѣкъ по окончаніи полнаго курса наукъ. Съ крыши школы, куда его отдали на нѣсколько мѣсяцевъ, онъ видѣлъ взятіе Бастиліи, и это торжество народной идеи произвело на него сильное впечатлѣніе. Его дѣдъ, напуганный революціей, отправилъ мальчика въ провинцію къ теткѣ, строгой и набожной женщинѣ, которая засадила шалуна за книгу и заставила его учить катехизисъ. Тогда онъ пристрастился къ чтенію, и «классиковъ» XVII и XVIII вѣковъ проштудировалъ превосходно; изученіе Вольтера рано развило въ немъ религіозный скептицизмъ. 14-ти лѣтъ онъ поступилъ ученикомъ въ типографію; его хозяинъ, замѣтивъ блестящія способности мальчика, помѣстилъ его въ «патріотическій» институтъ, гдѣ Беранже

---

*) Пріятно мнѣ, когда толпа народа
Со всѣхъ сторонъ рѣкою къ намъ течетъ, и пр.
Прологъ, пер. Павлова.

**) Онъ самъ смѣялся надъ частичкой де, которую, повидимому, несправедливо присвоилъ себѣ его отецъ и которую онъ удержалъ только для того, чтобы отличить себя отъ другихъ писателей съ тождественной по произношенію фамиліей.

вскорѣ сдѣлался школьнымъ ораторомъ, но едва ли выучился чему-нибудь путному; чтеніе все продолжало развивать его вкусъ и формировать его умъ; онъ съ удовольствіемъ поглотилъ и Иліаду въ переводѣ M-me Дасье, и Аристофана. Въ 17 лѣтъ, вернувшись въ Парижъ, на вопросъ отца, чѣмъ онъ думаетъ сдѣлаться, онъ заявилъ, что желаетъ во что бы то ни стало быть поэтомъ; между тѣмъ дѣла его отца, который, въ надеждѣ обогатиться, много разъ мѣнялъ родъ занятій, идутъ хуже, чѣмъ когда-нибудь; Беранже начинаетъ пробиваться самъ, какъ умѣетъ; онъ испытываетъ себя во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи: сочиняетъ комедіи, идилліи, эпическія поэмы, оды и пр. и пр.; жизнь его скрашена любовью къ дѣвушкѣ легкомысленной, но милой и веселой, которая почти-что свободна отъ другихъ любовныхъ обязательствъ. Беранже долго и геройски борется съ бѣдностью: голодаетъ, зашиваетъ нитками разорванную обувь; наконецъ рѣшается искать покровительства высокопоставленныхъ особъ. Въ 1803 г. Люсьенъ Бонапартъ, которому Беранже послалъ свои стихотворные опыты, угадалъ въ немъ крупный талантъ, выказалъ теплое участіе, назначилъ небольшую пенсію и доставилъ ему мѣсто. Беранже, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, зажилъ въ свое удовольствіе; тогда-то онъ обратился къ тому виду поэзіи, для котораго былъ рожденъ и воспитанъ, и остроумныя пѣсенки полились изъ-подъ его пера. Его «Король Ивето» (Le roi d'Ivetot 1813 г.), представлявшій, какъ онъ самъ сознается, «очень умѣренную критику императорскаго режима», но явившуюся въ такое время, когда молчаніе было обязательно *), привлекъ на себя вниманіе полиціи, которая напрасно отыскивала автора между литературными знаменитостями; но самому Наполеону эта сатира-пѣсня, повидимому, доставила только удовольствіе. Вступленіе союзниковъ въ Парижъ возбудило въ душѣ Беранже дремавшій до тѣхъ поръ патріотизмъ, и паденіе Наполеона надолго сдѣлало его горячимъ бонапартистомъ.

Въ 1815 г. вышло первое собраніе его пѣсенъ **), въ которыхъ имперія представлялась съ своей поэтически-величественной стороны, а настоящій порядокъ вещей—позоромъ для передовой страны, какова Франція; побѣдоносные эмигранты, надутые глупымъ тщеславіемъ, ханжи-аббаты и капуцины, пользовавшіеся своимъ преобладаніемъ для самыхъ низкихъ цѣлей, возбуждаютъ его ѣдкое остроуміе, выражающееся въ такой формѣ, которая изъ книжки быстро переходитъ на улицу и непосредственно дѣйствуетъ на народъ. Ему замѣтили, что, продолжая дѣйствовать въ томъ же направленіи, онъ мо-

*) . . . . critique fort modéreé du gouvernement imperial, lorceque le mutisme était d'ordre publique.

**) Les chansons morales et autres.

жетъ лишиться своего мѣста. Подготовляя въ 1821 г. къ выпуску слѣдующій сборникъ, гдѣ реставрація подвергается еще болѣе чувствительнымъ ударамъ, Беранже самъ заранѣе подалъ въ отставку. Публика была въ восторгѣ, а Беранже привлекли къ суду и осудили на 500 франковъ пени и на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Когда въ 1829 г. вышелъ новый сборникъ его пѣсенъ, отцы-іезуиты, имъ разоблаченные, возбудили противъ поэта такую бурю, что его приговорили къ 9 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ пенѣ въ 10,000 франковъ. Пеню заплатили за него по подпискѣ, и тюрьма сдѣлалась для него чуть не дворцемъ: ежедневно онъ долженъ былъ принимать тамъ массу посѣтителей-поклонниковъ изъ всѣхъ классовъ общества; новыя его пѣсенки быстро распространялись по Парижу и всей Франціи и распѣвались недовольными, какъ выраженія народнаго чувства.

Вспыхнула революція; «подобно птичкѣ, въ страхѣ прекращающей свои пѣсни во время бури, смолкъ и народный поэтъ въ эти дни кровавой расправы». Революція побѣдила; съ нею побѣдилъ и Беранже; еслибъ онъ захотѣлъ, онъ могъ бы воспользоваться своей славой и недавними гоненіями для самой блистательной карьеры: бюсты и портреты его продавались на всѣхъ перекресткахъ и увѣнчивались при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ; его поклонники стояли у самаго кормила Франціи. Но Беранже самъ говорилъ про себя: «когда Богъ создавалъ меня, онъ сказалъ мнѣ: будь ничѣмъ, и я долженъ исполнить его волю»; на самомъ дѣлѣ, онъ не чувствовалъ симпатіи къ правительству Луи-Филиппа и не хотѣлъ рисковать народной любовью. Онъ отказывается отъ всѣхъ предложеній и перебирается въ Пасси; видя, что и тамъ не оставляютъ его въ покоѣ, онъ уѣзжаетъ на время въ провинцію, говоря: «поэтъ умеръ, а человѣку пора и отдохнуть». Когда онъ вернулся въ Парижъ, оказалось, что слава его нисколько не померкла; Беранже съ этого времени избѣгаетъ, сколько возможно, политическихъ темъ, чтобы его не обвинили въ постоянномъ недовольствѣ и подстрекательствѣ; но онъ и не могъ и не хотѣлъ скрывать, что буржуазная монархія вовсе не представляется ему особымъ благомъ для Франціи: лучшей формой правленія онъ считаетъ республику. Беранже былъ такъ мало честолюбивъ, что отказался отъ кресла въ Академіи, которое составляетъ высшую награду для всякаго французскаго литератора, какъ бы высоко ни стоялъ онъ въ общественномъ мнѣніи. Въ республикѣ 1848 г. Ламартинъ предлагаетъ ему министерскій портфель, а народъ противъ его желанія избираетъ его въ національное собраніе огромнымъ количествомъ голосовъ; Беранже и тутъ остался вѣренъ своей благоразумной скромности, отказался отъ всякой политической дѣятельности и за то сохранилъ свою поэтическую славу незапятнанной. Борьба іюньскихъ

дней, паденіе довѣрія къ республикѣ и coup d'état Наполеона III глубоко огорчаютъ Беранже и придаютъ грустный, элегическій оттѣнокъ его послѣднимъ пѣснямъ; но все же общимъ тономъ ихъ остается добродушная старческая мягкость.

Вторая имперія старается обходиться какъ можно осторожнѣй съ старымъ пѣвцомъ Наполеона и любимцемъ народа; но Беранже съ 1853 г. самъ избѣгаетъ всякаго проявленія популярности и тихо доживаетъ дни свои.

Его предсмертная болѣзнь въ 1857 г. взволновала весь Парижъ и озаботила министерство: на похоронахъ народнаго поэта ожидалась сильная манифестація рабочихъ классовъ. Правительство прибѣгло къ хитрости, которая превратила эти похороны въ иронію судьбы: они были совершены великолѣпно на счетъ казны; за гробомъ пѣвца рабочихъ и гризетокъ шли всѣ высшіе чиновники, сенаторы, генералитетъ въ полной парадной формѣ и огромная толпа разодѣтой буржуазіи, а народъ держали вдалекѣ «согласно волѣ покойнаго».

Какъ человѣкъ, Беранже во многомъ напоминаетъ нашего Крылова: въ немъ тотъ же тонкій, практическій умъ, подъ маской небрежности, то же благодушіе не безъ примѣси лукавства, та же осторожность; только онъ добрѣй Крылова: всякое горе и несчастіе встрѣчаетъ въ немъ дѣятельное сочувствіе; все готовъ онъ отдать на пользу ближнему. Никогда не завидуя чужой славѣ, онъ всегда одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ всякій новый талантъ, хотя бы несимпатичнаго ему направленія.

Беранже—самый національный поэтъ новой Франціи; въ немъ въ первый разъ послѣ Виллона и Рабле личная поэзія сливается съ народной; этому способствуетъ самая неполнота его образованія, ограничившагося, какъ мы видѣли, однимъ изученіемъ родныхъ поэтовъ (подобно тому, какъ недостатокъ образованія и раннее вступленіе въ жизнь дѣлаетъ Крылова русскимъ баснописцемъ по преимуществу).

Пѣсня то бравурная, то грустная, а чаще всего веселая и остроумная, но не безъ примѣси ѣдкости, пѣсня, предназначенная не для одинокаго мурлыканья, а для хорового пѣнія слегка подгулявшей компаніи, пѣсня съ припѣвомъ, который подхватываетъ хоръ и въ которомъ выражается вся соль пьесы—вотъ та область поэзіи, гдѣ французскій народъ не имѣетъ себѣ равнаго. Ее-то и культивировалъ французскій поэтъ, вышедшій изъ народа, поэтъ-реалистъ, свободный отъ всякой вычурности, условности, называющей всѣ вещи ихъ настоящими именами, но при этомъ умѣвшій избѣгнуть рѣзкой грубости, отъ которой не всегда убережется даже культурный англичанинъ или нѣмецъ, поэтъ, строгій къ себѣ въ отношеніи формы до

того, что у него нѣтъ ни одного слова, котораго не призналъ бы словарь французской академіи.

Какъ истый французъ, Беранже прежде всего поэтъ политическій; но было бы несправедливо втискивать его въ узкія рамки бонапартизма, орлеанизма или республиканизма; онъ всегда вѣренъ своей «музѣ»—народу *), онъ превозноситъ тѣхъ, кому сочувствуетъ народъ и бичуетъ тѣхъ, кто унижаетъ и обижаетъ этотъ народъ. Ядовитый смѣхъ его пѣсни раздался впервые во время реставраціи, когда не было слышно ничего, «кромѣ стоновъ побѣжденныхъ»; еслибъ онъ началъ писать раньше, онъ выражалъ бы негодованіе на солдатчину, отнимающую у семьи рабочія руки, наводящую на всѣхъ уныніе суровой дисциплиной, смѣялся бы надъ ея напускной торжественностью, но, какъ потомокъ живыхъ и воинственныхъ Галловъ, онъ гораздо скорѣе примирился бы съ нею, чѣмъ съ позорнымъ миромъ, мрачнымъ ханжествомъ и мертвеннымъ покоемъ реставраціи; въ укоръ героямъ дня онъ превозноситъ Наполеона, но не какъ неограниченнаго монарха, а какъ представителя побѣдоноснаго равенства; у него не историческій Наполеонъ, а народный, легендарный. Послѣ 1830 г. врагомъ интересовъ народа является буржуазія, и Беранже, какъ ни старается онъ сдерживать себя, оказывается ея непримиримымъ противникомъ.

Ученикъ Вольтера, Беранже въ своихъ пѣсняхъ вовсе не является безбожникомъ, а напротивъ—убѣжденнымъ деистомъ. Но его Богъ не имѣетъ ничего общаго съ суровымъ божествомъ средневѣковыхъ аскетовъ и учениковъ Лойолы; это Богъ благой и всепрощающій, создавшій человѣка для наслажденій и радостей жизни, которому поклоняются проявляя любовь къ ближнему; награды отъ него удостоится тотъ,

Кто осушилъ хоть каплю слезъ:
Носилъ ли онъ вѣнокъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.

Беранже, какъ и всякій лирикъ, прежде всего поэтъ любви; но любовь, которую воспѣваетъ онъ, не можетъ служить источникомъ возвышенныхъ чувствъ и сама по себѣ не высокаго полета. Это любовь веселая, легкомысленная, чувственная на французскій ладъ (безъ страстности), иногда даже циничная; вѣрность до гроба, платоническая влюбленность, идеализація любимаго человѣка въ глазахъ Беранже—нелѣпость и самообманъ. Чѣмъ менѣе формализма въ отношеніяхъ половъ, тѣмъ лучше; «люби, покуда любится» и не заботься о томъ, что подумаютъ о тебѣ; дѣли съ любимымъ человѣкомъ горе, а больше всего дѣли радости; веселиться въ одиночку человѣкъ ни-

*) Ne sers que lui, говорилъ онъ въ 1831 г. Шатобріану: Sa cause est sainte: il souffre.

какъ не можетъ. Это—любовь парижскаго рабочаго къ подругѣ своихъ воскресныхъ удовольствій, такой же труженицѣ, какъ и онъ; въ ихъ беззаботной жизни даже ссоры, даже потасовки служатъ только безобиднымъ развлеченіемъ.

Но веселость и бодрость духа Беранже не есть безоблачная, жизнерадостная веселость Анакреона; это «веселость парижскаго гамена», въ остротахъ и шуткахъ котораго всегда слышенъ сарказмъ, а иногда и подавленныя слезы; его доброта—доброта Гавроша, который, какъ ни погруженъ въ заботы о своихъ питомцахъ, все же не упуститъ случая осмѣять и уязвить самодовольнаго буржуа или толстую лавочницу.

Какъ истинный сынъ своего народа, Беранже никогда не отдается чувству настолько, чтобы заставить молчать умъ, и въ его, повидимому, непритязательныхъ пѣсняхъ разсыпано больше тонкой наблюдательности и практической мудрости, нежели во множествѣ «серьезныхъ» книгъ.

Форма и содержаніе у Беранже всегда въ безусловной гармоніи; это обстоятельство, а также звучность его стиха и выдержанность стиля дѣлаютъ его классикомъ въ настоящемъ значеніи этого слова.

По ясности и простотѣ своего міросозерцанія, по своей антипатіи ко всему темному, мистическому и наконецъ по своей полной вѣрности духу французскаго народа, Беранже является живымъ протестомъ противъ романтиковъ; но его сближаетъ съ ними стремленіе къ простотѣ, искренности и народности и отвращеніе ко всему искусственному, натянутому, вообще ко всѣмъ особенностямъ вѣка Людовика XIV *).

Переходимъ къ Ламартину.

Alphonse Marie Louis de Prât, получившій впослѣдствіи родовую фамилію Ламартина, принадлежалъ къ древнему дворянству; онъ род. въ 1790 г. въ имѣніи Milly близъ Макона. Отецъ его, шевалье de Prât, защищалъ короля 10 августа вмѣстѣ съ швейцарцами, но не эмигрировалъ за границу, какъ другіе, а уѣхалъ изъ Парижа на родину, гдѣ былъ арестованъ и оставался въ тюрьмѣ до самаго конца террора.

*) Его автобіографія, набросанная, какъ эскизъ въ 1840 г., напечатана въ 1858 г. въ Oeuvres complètes изд. Perrofin (18 томовъ). Превросное изд. пѣсенъ съ гравюрами въ 3-хъ т. 1865 г. О немъ см. A. Arnould: Béranger, ses amis, ses ennemis et ses critiques. Paris 1864, 2 т. J. Janin: Béranger et son temps ibid. 1866, 2 т. Лучшимъ русскимъ переводчикомъ Б. считается Курочкинъ (Спб. 1858), который впрочемъ иногда скорѣй передѣлывалъ его, чѣмъ переводилъ. Около 40 пьесъ переведено Меемъ (Сочиненія, II, 255—330). Въ Отеч. Зап. 1870 г. № 5 10 его пьесъ переведены Б. Ленскимъ. Некрологъ и біографія Б. въ Совр. 1857 г. т. LXIV, стр. 268 и слѣд. Статья о немъ Отеч. Зап., 1858 г., № 3.

Будущій поэтъ росъ въ деревнѣ, гдѣ родители его проживали безъ особой нужды, но и безъ роскоши; мать его, женщина искренно религіозная и мечтательная, начитавшаяся Руссо и Бернардена де-С. Пьера, была первой его руководительницей и наставницей; затѣмъ пригласила давать ему уроки латыни священника, тоже большого мечтателя. «Я родился серьезнымъ и нѣжнымъ», говорилъ впослѣдствіи о себѣ поэтъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и первые его руководители способствовали развитію его природныхъ наклонностей. Когда его отдали въ школу, жизнь тамъ показалась ему такъ ужасна, что онъ убѣжалъ домой. Черезъ нѣкоторое время его послали въ іезуитскую коллегію Беллей, гдѣ способный мальчикъ въ 3 года прошелъ всѣ классы и гдѣ религіозность, принесенная изъ дому, обратилась у него, по его выраженію, въ «страсть къ Богу». По возвращеніи домой онъ со страстію предался чтенію, и особенно сильно впечатлѣніе произвели на него Библія, Освобожденный Іерусалимъ, Бернарденъ и Оссіанъ; чтеніе возбудило въ немъ жажду идеальной любви. Такъ какъ онъ, какъ роялистъ, не могъ служить Наполеону, его отправили для пополненія образованія въ Италію, гдѣ онъ жилъ на полной свободѣ, какъ истинный художникъ, и испыталъ въ первый разъ любовь къ экзальтированной рыбачкѣ, которую впослѣдствіи прославилъ подъ именемъ Граціэллы; изъ итальянскихъ поэтовъ сильнѣй всего на него подѣйствовалъ авторъ «Писемъ Ортиса». Въ 1814 г. Ламартинъ поступилъ въ королевскую гвардію Людовика XVIII; но во время ста дней она была распущена, и Ламартинъ, чтобы не попасть на службу Наполеона, снова уѣхалъ за границу, въ Швейцарію и Савойю, и не спѣшилъ возвращаться назадъ. Въ Эксѣ онъ встрѣтился съ красавицей креолкой, которая потомъ скоро умерла (какъ и Граціэлла) и которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Эльвиры. Въ 1816 г. онъ опять въ Парижѣ въ военной службѣ и посѣщаетъ вновь открывшіеся литературные салоны, гдѣ его стихотворенія имѣютъ большой успѣхъ; но и въ это время онъ остается робкимъ и чрезмѣрно чувствительнымъ полуребенкомъ, на которомъ рѣзко отпечаталось женское и монашеское воспитаніе. Въ 1820 г. выходитъ его сборникъ стихотвореній Méditations poétiques, который сразу дѣлаетъ его литературной знаменитостью не только во Франціи, но и во всей Европѣ *); многочисленные поклонники Шатобріана увидали въ немъ Шатобріана-стихотворца; классики были довольны чистотой и изяществомъ его стиха; только-что слагавшаяся романтическая школа была въ восторгѣ

*) У насъ этотъ сборникъ былъ перепечатанъ въ 1821 г. департаментомъ мин. нар. просвѣщенія. Пушкинъ въ черновомъ письмѣ изъ Одессы отъ 4 ноября 1823 г. пишетъ: „Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ“.

отъ задушевности и сладкой меланхоліи содержанія; мечтательно-нѣжныя любовныя стихотворенія нравились молодежи и женщинамъ; сопоставленіе ничтожества человѣка съ величіемъ божества и грусть вслѣдствіе невозможности удовлетворить стремленію къ идеалу—зрѣлымъ людямъ. Вся интеллигентная Франція радовалась, что появился такой симпатичный поэтъ въ ту пору творческой бѣдности.

Литературный успѣхъ открылъ Ламартину служебную карьеру по министерству иностранныхъ дѣлъ: его отправили въ Италію, языкъ которой былъ такъ хорошо знакомъ ему; вскорѣ онъ женился на богатой и красивой англичанкѣ, которая плѣнилась его талантомъ и симпатичностью. Въ 1823 г. выходятъ его Nouvelles méditations, имѣвшія почти такой же успѣхъ, какъ и первый сборникъ, а затѣмъ двѣ поэмы: «Смерть Сократа» и «Послѣдняя пѣснь странствованія Гарольда» *), гдѣ онъ заканчиваетъ знаменитую поэму Байрона, воспѣвая послѣдній подвигъ поэта и его смерть за свободу Греціи. Ламартинъ очень любитъ «благороднаго барда» Байрона, но войти въ его настроеніе и въ его тонъ рѣшительно не можетъ, какъ это видно и изъ первыхъ строкъ поэмы **); его Гарольдъ несравненно сантиментальнѣе, риторичнѣе, но за то и благочестивѣе своего прототипа.

Въ 1829 г. выходитъ 3-й его сборникъ: Harmonies poétiques et religieuses, въ которомъ, соотвѣтственно заглавію, религіозное чувство еще напряженнѣе, и поэтъ является еще болѣе горячимъ защитникомъ правъ вѣры надъ человѣкомъ. Вскорѣ Ламартинъ былъ выбранъ въ члены академіи.

Ему предстояло занять постъ посланника въ Аѳинахъ, когда разразилась іюльская революція; Луи Филиппъ очень желалъ бы оставить его на службѣ, но Ламартинъ отказался (очень, впрочемъ, деликатно) отъ службы новому правительству. Въ 1832 г. онъ, вмѣстѣ съ женою и дочерью, на собственномъ кораблѣ, нагруженномъ подарками для арабскихъ шейховъ, съ цѣлой библіотекой и многочисленной свитой отправился путешествовать по востоку. Плодомъ этого путешествія, продолжавшагося 16 мѣсяцевъ, была книга: «Воспоминанія, впечатлѣнія, мысли и картины путешествія по востоку», вышедшая въ 1835 г.; въ предисловіи авторъ говоритъ, что это только

---

*) Le dernier chant du pélerinage d'Harold. 1825.

**) Muse des derniers tems! divinité sublime
Qui des monts fabuleux n'habites plus la cime;
Toi qui n'as pour séjour, pour temples, pour autels
Que le sein frémissant des genéreux mortels...

Пушкинъ въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго (апрѣль 1825 г.) проситъ прислать ему Ламартинова Гарольда и въ скобкахъ прибавляетъ: „То-то чепуха должна быть".

непритязательныя замѣтки, набросанныя на бумагу въ моментъ созерцанія самихъ предметовъ. Книга написана необыкновенно живо и увлекательно, но не свободна отъ массы неточностей и ошибокъ *).

Въ томъ же 1835 г. выходитъ поэма Ламартина «Жоселенъ» (Jocelyn), представляющая, по словамъ предисловія, «разрозненныя страницы поэтическаго произведенія, которое было мечтою моей юности»; въ томъ же предисловіи поэтъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію вообще и на тему въ частности: по его мнѣнію, поэзіи слѣдуетъ посвящать «только часы, остающіеся свободными отъ обязанностей по отношенію къ семьѣ, родинѣ и современникамъ. Она только услажденіе мысли и не можетъ быть насущнымъ хлѣбомъ человѣческой жизни».

Время героической эпопеи прошло безвозвратно; теперь героемъ поэмы можетъ быть только само человѣчество, но, конечно, изображаемое въ своихъ лучшихъ представителяхъ. Герой поэмы Ламартина—священникъ, такъ какъ деревенскій священникъ, по убѣжденію поэта, есть одна изъ самыхъ живописныхъ и трогательныхъ фигуръ новѣйшаго просвѣщенія. Но поэма его свободна отъ всякой тенденціи; онъ не навязываетъ никому своихъ убѣжденій, и на католицизмъ смотритъ только какъ на одну изъ формъ поклоненія Богу.

Поэма начинается съ пролога, въ которомъ авторъ разсказываетъ, какъ онъ, поднявшись однажды въ горы къ своему другу, бѣдному священнику, нашелъ его мертвымъ—тотъ погибъ, исполняя свой долгъ во время заразы,—какъ онъ похоронилъ его и, по указанію служанки покойнаго, на чердакѣ нашелъ листики его дневника.

Дневникъ начинается, когда его автору—Жоселену всего 16 лѣтъ; непонятныя влеченія волнуютъ его душу; пребываніе на деревенскомъ праздникѣ 1-го мая мѣшаетъ ему молиться; при чтеніи исторіи Павла и Виргиніи онъ обливается слезами, думая о горѣ влюбленныхъ во время ихъ разлуки... Но пока онъ еще не знаетъ жизни и любитъ только Бога и своихъ родныхъ. Случайно узнаетъ онъ, что сестра его очень несчастна: она любитъ и любима, но отецъ ея возлюбленнаго требуетъ сравнительно большого приданаго; мать сочувствуетъ ея горю, но помочь ей не въ состояніи. Жоселенъ рѣшается пожертвовать собою для счастія сестры: онъ желаетъ уступить ей свою долю наслѣдства, а чтобы мать не воспротивилась этому, объявляетъ ей, что чувствуетъ твердое намѣреніе посвятить себя на служеніе Богу. Жертва его принята, и сестра вполнѣ счастлива; но когда, во время свадьбы, подруги невѣсты жалѣютъ юношу, стремящагося похоронить себя, сердце его обливается кровью.

Жоселенъ поступаетъ въ семинарію, и уже близокъ день его посвященія. Но вотъ вспыхнула революція, и въ провинціи настало господство террора. Жоселенъ бѣжитъ въ горы, и тамъ укрывается въ пещерѣ, гдѣ у него находитъ убѣжище незнакомый ему прекрасный юноша; когда этотъ юноша оказывается дѣвушкой Лауренсіей, въ душѣ Жоселена съ необыкновенной силой вспыхиваетъ

*) Въ ней Ламартинъ, между прочимъ, обращается къ національному чувству Сербовъ и Болгаръ, и слова вліятельнаго поэта не остались безъ слѣда въ умахъ образованной славянской молодежи.

подавленная жажда жизни, и онъ безъ памяти влюбляется въ Лауренсію. Но старый епископъ, высоко чтимый Жоселеномъ, долженъ умереть на эшафотѣ, и ему не отъ кого принять св. причастіе; Жоселенъ, чтобы причастить его, сперва самъ долженъ принять отъ него посвященіе и такимъ образомъ отказаться отъ личнаго счастія. Послѣ нелегкой борьбы, чувство долга и благодарности одерживаетъ верхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Жоселенъ всецѣло преданъ исполненію священническихъ обязанностей, онъ снова встрѣчается съ легкомысленной, свѣтской, но все еще привлекательной Лауренсіей и подвергается искушенію на этотъ разъ еще болѣе сильному и опасному, но и теперь онъ выходитъ побѣдителемъ; впослѣдствіи ему же приходится принять послѣдній вздохъ Лауренсіи и утѣшать ее воспрещающей религіей любви.

Несмотря на нѣсколько искусственный паѳосъ въ изображеніи душевныхъ тревогъ героя, несмотря на многіе недостатки въ концепціи и неровности въ обработкѣ—Ламартинъ не умѣлъ выправлять и выглаживать свои стихи,—Жоселенъ—лучшее поэтическое произведеніе Ламартина, и успѣхъ его былъ вполнѣ заслуженъ. Слѣдующая поэма «Паденіе ангела» (La chute d'un ange 1838 г.), написанная на ту же тему, что и мистерія Байрона: «Небо и земля», была значительно слабѣе, и публика, ожидавшая отъ творчества Ламартина прогрессированія, была ею очень недовольна; мало имѣлъ успѣха и новый сборникъ его лирическихъ стихотвореній, вышедшій въ 1837 г. (Recueillements poétiques). Тогда Ламартинъ рѣшилъ отказаться отъ поэзіи и перейти на поприще политики и публицистики.

Когда онъ въ первый разъ вступилъ въ палату, куда былъ выбранъ во время своего путешествія по востоку, и его спросили, гдѣ онъ сядетъ, онъ отвѣчалъ: «я буду сидѣть на потолкѣ», и дѣйствительно, въ первые годы онъ держался вдали отъ партій, на идеальной высотѣ, но потомъ сталъ все болѣе и болѣе сближаться съ оппозиціей и, какъ ораторъ, имѣлъ блестящій успѣхъ; между тѣмъ онъ занялся большимъ историческимъ трудомъ: Исторіей Жирондистовъ, которую и издалъ въ 1847 г. *). Какова бы ни была научная цѣнность этой книги, она имѣетъ большое литературное значеніе по талантливости изложенія; она читается также легко, какъ хорошій романъ, и основныя ея идеи также прочно врѣзываются въ память. Блестящія картины, тонкія, живыя, хоть и преувеличенныя иногда характеристики, искусно выбранные отрывки изъ рѣчей (иногда слегка подкрашенныхъ), горячо прочувствованные выводы и обобщенія дѣлаютъ ее высокохудожественнымъ произведеніемъ.

Совершенно ошибочно считать «Исторію Жирондистовъ» апоѳеозой той партіи, имя которой она носитъ, и еще ошибочнѣй называть Ламартина панегиристомъ Робеспьера. Симпатіи автора, правда, явно клонятся на сторону республиканской партіи, но это не мѣшаетъ ему

*) Histoire des Girondins 1847 г.; перепечатана много разъ. На русск. яз. переведена только первая половина Н. С. Кутейниковымъ (I—II т. Спб. 1871—2).

отдавать должное и честности короля и героизму его приверженцевъ; описаніе жизни королевской фамиліи въ Темплѣ, судъ надъ Капетомъ, смерть его, казнь Маріи Антуанеты такъ картинны и проникнуты такой глубокой симпатіей къ незаслуженному несчастію, что подъ этими страницами не отказался бы подписаться и самый горячій роялистъ. Авторъ поднимаетъ до героизма всѣхъ выдающихся дѣятелей революціи, къ какой бы партіи они не принадлежали, дѣлая исключеніе только для Марата и гербертистовъ. Изъ двухъ главныхъ группъ онъ, повидимому, самъ не знаетъ, которой отдать преимущество: талантливымъ ли идеалистамъ Жиронды, которые не хотѣли марать преступленіемъ святого дѣла свободы, или монтаньярамъ, которые смотрятъ въ глаза правдѣ и для блага народнаго не останавливаются передъ жертвами; но преступная слабость жирондистовъ въ процессѣ короля и ихъ готовность поднять знамя междоусобной войны, такъ же какъ и безчеловѣчное озлобленіе монтаньяровъ, гибкость совѣсти Дантона, самообожаніе Робеспьера и тупая ограниченность С. Жюста выставлены имъ съ поразительной наглядностью. Въ общемъ, дѣло революціи представляется ему исполненнымъ «вѣры» *); это своего рода религія, которая, какъ и всякая другая, потребовала тысячи мучениковъ; но ея высокая задача запятнана преступленіемъ **), съ которымъ, какъ въ трагедіи, насъ примиряетъ гибель виновныхъ. «Мы, дѣти бойцовъ или жертвъ, простимъ другъ другу! примиримся надъ могилами погибшихъ отцовъ нашихъ и будемъ продолжать ихъ прерванную работу на благо человѣчества», говоритъ онъ въ заключеніи. Книга Ламартина такимъ образомъ связывала настоящее съ прошлымъ и преисполняла его соотечественниковъ національной гордости по поводу событій тѣхъ лѣтъ, на которыя цѣлыя два поколѣнія смотрѣли какъ на нѣчто столь преступное и кровавое, что объ немъ совѣстно было и вспоминать.

Не было, конечно, и до тѣхъ поръ недостатка въ удачныхъ попыткахъ «реабилитировать» великую революцію, но ни одна изъ нихъ не была такъ проникнута гуманностью и такъ художественна по изложенію ***).

Благодаря этой книгѣ, Ламартинъ занялъ выдающееся мѣсто между

*) Cette histoire est pleine de deuil, elle est pleine surtout de foi, говоритъ онъ въ концѣ книги.

**) Le crime a tout perdu en se mêlant dans les rangs de la république.

***) Не говоря о множествѣ другихъ, въ 20-хъ годахъ явились блестящія монографіи молодыхъ историковъ Тьера (Histoire de la révolution franç. 6 т. 1823—1827) и Минье (id. 1824 г. 2 т.). О нихъ см. у М. Н. Петрова: Новѣйшая національная историографія въ Германіи, Англіи и Франціи. Харьковъ, 1861, стр. 281 и слѣд. Къ этой прекрасной книгѣ мы отсылаемъ нашихъ читателей для ознакомленія съ главнѣйшими представителями исторической литературы, которымъ не можемъ дать мѣста въ нашемъ очеркѣ.

членами оппозиціи, и когда разразилась революція 1848 г., онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей во Франціи, что, конечно, не мало способствовало его возвышенію до степени главы государства.

Что дѣлалъ онъ въ тѣ шесть мѣсяцевъ, когда «стоялъ у руля Франціи», извѣстно всѣмъ; но далеко не всѣ одинаково оцѣниваютъ мотивы его дѣятельности, не говоря уже о результатахъ; причина разногласія въ томъ, что въ Ламартинѣ (какъ и во многихъ другихъ высокоталантливыхъ «романцахъ») нѣтъ черты, отдѣляющей горячее стремленіе къ общему благу отъ эгоистическаго желанія рисоваться талантливостью и благородствомъ *). Результаты его дѣятельности не могли быть блестящи уже по одному тому, что въ немъ, при всѣхъ его талантахъ, не было той практической сметки, въ недостаткѣ которой онъ такъ справедливо обвинялъ жирондистовъ; извѣстно, что возстаніе рабочихъ и диктатура Кавеньяка положили конецъ его популярности, а выборъ Луи Наполеона въ президенты окончательно лишилъ его возможности играть какую бы то ни было роль.

Тогда начинается третій и самый печальный періодъ дѣятельности Ламартина, который, по сравненію съ первымъ—поэтическимъ и вторымъ—политическимъ, называютъ литературно-промышленнымъ.

Ламартинъ, вслѣдствіе своей щедрости, доброты и неумѣнья обращаться съ деньгами, раззорился и, чтобы спасти отъ продажи за долги свое небольшое родовое имѣніе, онъ долженъ писать и писать безъ конца, не для славы, а для удовлетворенія своихъ кредиторовъ. Онъ составляетъ Исторію революціи 1848 г., Исторію реставраціи (въ 8 томахъ, 1851—1853), Исторію Турціи (въ 6 т., 1854), Исторію Россіи (въ 2 т., 1855) и пр. Онъ пишетъ драму **), повѣсти, издаетъ свои Признанія ***), въ которыхъ отдаетъ на общественный неблагорасположенный къ нему судъ исторію своихъ родителей, своей юношеской любви и юношескаго тщеславія, издаетъ журналъ и все же не можетъ поправить своихъ дѣлъ. Въ его пользу устраиваютъ подписку, которая даетъ очень ничтожную сумму. Наконецъ въ 1867 г. его выручилъ изъ бѣды Наполеонъ III, назначившій ему, какъ милостыню, пожизненную пенсію. Ламартинъ умеръ черезъ два года послѣ этого униженія.

Типичный представитель романской расы, Ламартинъ не былъ поэтомъ съ большимъ творческимъ талантомъ: красота выраженія и

---

*) Тоже бываетъ и въ другихъ расахъ. См. Достоевскій: Зап. изъ Мертв. Дома гл. VII, „Претензія": «Я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ».

**) Taussaint-Louverture 1850 г.

***) Confidences 1849. Nouvelles Confidences 1851.

чувство мѣры всегда превышали у него силу фантазіи и страсти; но онъ—тонко и благородно чувствующій и изящно-мечтающій человѣкъ, вѣчный любимецъ серьезныхъ юношей и чувствительныхъ, добрыхъ и развитыхъ женщинъ. Онъ самъ называетъ себя диллетантомъ въ поэзіи, и дѣйствительно, если у него мало глубины и выработки, за то полное отсутствіе педантизма: читатель его не можетъ не чувствовать, что Ламартинъ пишетъ стихи также легко, съ такимъ же малымъ напряженіемъ, съ какимъ умный свѣтскій человѣкъ ведетъ разговоръ въ салонѣ. Онъ идеалистъ и оптимистъ: сквозь его элегическій тонъ нельзя не видѣть, что онъ любуется природой, людьми и самимъ собою, и грусть, которую возбуждаютъ въ немъ несовершенства жизни, умиротворяется сознаніемъ, что человѣкъ носитъ въ себѣ вѣру въ другой, лучшій міръ. Существуетъ ли этотъ другой міръ на самомъ дѣлѣ, для него, какъ и для его учителя Шатобріана, вопросъ второстепенный: дѣло въ вѣрованіи, которое возвышаетъ, облагораживаетъ человѣка, даетъ ему возможное на землѣ счастіе. Ламартинъ любилъ и высоко ставилъ Байрона, но, по различію натуръ, понималъ его по своему и воспроизводя исправлялъ его подобно тому, какъ Вольтеръ исправлялъ Шекспира. Нѣмецкіе романтики съ своей враждой къ формѣ и порядку и съ разнузданностью своей мысли вовсе не привлекали его; съ молодыми французскими романтиками онъ сходился охотно, но онъ чувствовалъ себя среди нихъ, какъ либеральный и образованный аристократъ среди неотесанныхъ буршей; ихъ многое сближало, но многое и отталкивало, и Пушкинъ былъ совершенно правъ, когда возставалъ противъ отождествленія Ламартина съ романтизмомъ *): чувствительнаго, задумчиво-нѣжнаго, всегда изящнаго автора Méditations отъ поклонниковъ красоты безобразія, необузданной фантазіи, яркаго колорита и горькой реальности отдѣляетъ еще цѣлая пропасть **).

Для сформированія партіи, могущей провести въ жизнь извѣстную уже назрѣвающую въ передовыхъ умахъ идею, бываютъ въ одинаковой степени полезны натуры двухъ родовъ: люди съ очень

*) VII, 166; ср. ibid. 57 отъ 1823 г.: „Романтизма нѣтъ еще во Франціи.. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы".

**) О немъ см. большую статью Ch. de-Mazade (Revue d. d. M. 1870, т. 88—90); очень хорошую, но нѣсколько пристрастную характеристику его у Faguet: Études littér. и пр. 1887, стр. 73—126. По-русски: біограф. очеркъ Полонскаго, Вѣст. Евр. 1869, № 4, 871—894. Признанія, Совр. 1849 г. №№ 3—5; продолженіе, 1850 №№ 9, 10, 12; тоже Отеч. Зап. 1849, т. 63, 64. Рафаэль, страницы 20-го года жизни, Совр. №№ 4 и 5 и др.

широкимъ взглядомъ на вещи, мягкіе и терпѣливые, и люди рѣзкіе и самоувѣренные, съ принципами твердыми, держащіеся правила: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ»; первые полезны для привлеченія адептовъ въ началѣ, вторые—для дисциплинированія и полнаго объединенія партіи. Для сформированія французской романтической школы больше всѣхъ сдѣлали два человѣка, изъ которыхъ первый собралъ ее, а второй объединилъ: это Шарль Нодье и Викторъ Гюго.

Шарль Нодье, котораго Шатобріанъ назвалъ своимъ возлюбленнымъ ученикомъ, а Гюго—братомъ, человѣкъ съ несомнѣннымъ, хотя и не глубокимъ дарованіемъ, род. въ Безансонѣ въ 1780 г. Отецъ его, очень дѣльный юристъ, давъ сыну солидное начальное образованіе, послалъ его въ Страсбургъ, чтобы онъ тамъ подготовился къ адвокатурѣ; но способный и впечатлительный юноша познакомился съ Пишегрю, который увлекъ его въ военную службу. Въ 1797 г. онъ опять въ родномъ Безансонѣ, гдѣ служитъ въ библіотекѣ, но вмѣсто юриспруденціи увлекается естественными науками и зачитывается Вертеромъ, подъ вліяніемъ котораго испытываетъ и свою творческую способность. Уже въ первыхъ его повѣстяхъ: «Стелла» (1802 г.) и «Зальцбургскій живописецъ» (1803) слышенъ духъ фантастики и романтизма, но еще съ сильной примѣсью сентиментализма. Долго бывшій республиканцемъ, Нодье былъ вовлеченъ въ роялистическій клубъ, плѣнился роялизмомъ, какъ угнетенной партіей, и написалъ восторженную оду-сатиру: La Napoléone, которая навлекла на него такое преслѣдованіе со стороны полиціи, что онъ принужденъ былъ укрываться сперва въ горахъ Юры, потомъ въ Швейцаріи. Оттуда Нодье перебрался въ Лайбахъ, гдѣ онъ редактировалъ газету: Le Télégraphe illyrien и знакомился съ народными преданіями жителей Иллиріи. Въ 1814 г. онъ вернулся во Францію и поселился въ Парижѣ; за свою ненависть къ Наполеону онъ получилъ дворянство, а въ 1824 г.—мѣсто библіотекаря въ Арсеналѣ.

Конецъ десятыхъ и двадцатые года—лучшее и самое плодотворное время литературной дѣятельности: онъ пишетъ массу сказокъ и повѣстей—въ томъ числѣ и своего «Сбогара» (1818 г.), по выраженію Брандеса, «иллирійскаго Карла Мора», котораго Пушкинъ характеризуетъ словомъ «таинственный» и который, задолго до Прудона, проповѣдуетъ, что «собственность есть кража» *), и кромѣ того съ большимъ знаніемъ дѣла и энергіей работаетъ надъ исторіей языка и пишетъ цѣлый рядъ монографій историческаго содержанія. Въ это-

*) Любопытно, что это одна изъ книгъ, которыя усердно читалъ Наполеонъ на остр. св. Елены.

то время въ его маленькой квартиркѣ собирается по воскресеньямъ знаменитый кружокъ—cénacle, въ которомъ участвуютъ Гюго, де-Виньи, Дюма, С.-Бевъ и др.; здѣсь читаются и обсуждаются новыя произведенія членовъ кружка и вырабатываются принципы школы. Нодье имѣлъ всѣ данныя, чтобы стоять во главѣ дѣла: онъ приблизительно на 20 лѣтъ старше остальныхъ товарищей и уже имѣетъ крупное литературное имя; онъ отличный знатокъ древнихъ поэтовъ, передъ которыми французы привыкли благоговѣть съ первыхъ уроковъ латинской грамматики; онъ знатокъ родного языка и самъ владѣетъ стилемъ изящнымъ и классически-яснымъ; но онъ же отлично знакомъ съ нѣмецкой и англійской литературами и среди нѣмецкихъ романтиковъ, о которыхъ другіе имѣютъ только смутное представленіе, чувствуетъ себя совсѣмъ какъ дома. Наконецъ его мягкій, уживчивый характеръ, его терпимость и разносторонность его ума также не мало способствуютъ тому, что ему легче было собрать подъ знаменемъ новаго искусства рядъ талантовъ и открыть для нихъ дорогу къ вниманію и симпатіи публики.

Но та же самая терпимость и широта взглядовъ оказались непригодными, когда новое искусство, заручившись хоть отчасти этой симпатіей, объявило войну на смерть искусству старому, и тогда во главѣ школы сталъ Гюго, первое крупное произведеніе котораго «Галъ Исландецъ» Нодье поддержалъ своимъ сочувственно-теплымъ отзывомъ.

Въ 1834 г. Нодье принятъ въ Академію; въ своей вступительной рѣчи онъ доказываетъ необходимость оживить поэтическій геній французовъ обращеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и XVI ст.; но здѣсь же онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что чистота языка и высокая нравственность вѣчно должны оставаться необходимымъ условіемъ изящной литературы. Академикъ, на котораго возложили обязанность сказать отвѣтную рѣчь, призналъ смѣлыя начинанія Нодье удачными *), но совѣтывалъ новой школѣ не забывать, что французы говорятъ не только для того, чтобы понимать другъ друга, но и для того, чтобы другъ другу нравиться **).

Нодье умеръ въ 1844 г.; онъ до конца жизни оставался дѣтски чувствительнымъ и цѣломудреннымъ человѣкомъ, восторженнымъ, какъ юноша; онъ всегда ратовалъ за побѣжденныхъ: при Наполеонѣ за Бурбоновъ, при Карлѣ X за конвентъ. Въ его историческихъ монографіяхъ слишкомъ сильна примѣсь фантазіи и слишкомъ замѣтна страсть къ парадоксамъ; его лингвистическіе труды теперь устарѣли, но предыдущему поколѣнію принесли большую пользу. Относительно

*) Vous osez heureusement, говорилъ онъ.

**) Les français ne parlent pas seulement pour s'entendre, mais pour se plaire.

чистоты языка и изящества постройки фразы онъ ближе къ классикамъ, чѣмъ къ романтикамъ, и Мериме очень остроумно назвалъ произведенія его фантазіи сновидѣніями Скиѳа, пересказанными древне-греческимъ поэтомъ; но онъ обогатилъ французскій литературный языкъ введеніемъ многихъ удачно выбранныхъ архаизмовъ. Какъ поэтъ, онъ обладаетъ несомнѣннымъ и оригинальнымъ дарованіемъ; но онъ не умѣлъ, что называется, вынашивать своихъ произведеній и показывать товаръ лицомъ; оттого его и забыли такъ скоро [1]). Нодье во многомъ ближе къ нѣмецкимъ романтикамъ, чѣмъ къ Гюго, Мюссе и др. Онъ одинъ изъ всей школы обладаетъ юморомъ. Все лучшее въ человѣкѣ онъ объясняетъ инстинктомъ; разумъ для него la sotte et présomptueuse raison, и разумный человѣкъ есть «самая глупая вещь, какую только можно выдумать» [2]). Политика для него есть не что иное, какъ софистика, посредствомъ которой люди оправдываютъ взаимную ненависть. Онъ открыто заявляетъ, что ненавидитъ правду въ искусствѣ [3]); но вѣроятность признаетъ необходимымъ условіемъ. Для него, какъ для Гофмана, поэзія есть «страна души и воображенія, гдѣ люди не старѣются и не умираютъ» [4]). Онъ, какъ и Гофманъ, страшное считаетъ особенно поэтичнымъ и любитъ и умѣетъ пугать своихъ читателей.

Но фантастика Нодье все же фантастика французская, истекающая изъ ума или, по крайней мѣрѣ, такъ сказать, процензурованная имъ: чудесное въ концѣ повѣсти находитъ себѣ натуральное (хотя бы и не особенно удачное въ художественномъ отношеніи) объясненіе [5]). Въ предисловіи къ лучшей изъ своихъ сказокъ «Фея крошекъ» (La fée au miettes) Нодье говоритъ, что фантастическая исторія, которая не оставляетъ никакого слѣда въ сердцѣ читателя, есть только безполезный фейерверкъ [6]). Иронія, «разъѣдающая душу» нѣмец-

[1]) Перепечатываются и читаются до сихъ поръ только его Contes fantastiques

[2]) Un homme raisonable est la chose la plus insipide que l'on puisse imaginer.

[3]) Je déteste le vraie dans les arts.

[4]) Un pays d'âme et d'imagination où l'on ne viellit plus et où l'on ne meurt pas.

[5]) Такъ въ одной изъ лучшихъ его повѣстей Jnes de la Sierras (по-русски см. Библ. д. Чт. 1837 г., томъ 24, стр. 1—58), сюжетъ которой онъ привезъ съ собою изъ путешествія въ Испанію въ 1827 г., (нѣсколько французскихъ офицеровъ проводятъ ночь въ старомъ замкѣ, относительно котораго въ народѣ ходятъ недобрые слухи: 300 лѣтъ назадъ атаманъ разбойниковъ здѣсь убилъ на пиру свою любовницу Инесу и съ тѣхъ поръ въ извѣстный вечеръ здѣсь мертвецы совершаютъ свой праздникъ. Поужинавъ и выпивъ, офицеры переодѣваются въ театральные костюмы и громко вызываютъ красавицу Инесу. На ихъ призывъ является дѣвушка удивительной красоты въ старинномъ платьѣ и поражаетъ ихъ своимъ пѣніемъ и пляской; на груди у нея зіяетъ рана; передъ утромъ она исчезаетъ въ подземельѣ), вся прелесть страшнаго разсказа испорчена раціоналистически-сантиментальнымъ объясненіемъ въ концѣ.

[6]) Une histoire fantastique manquoit de la meilleure partie de son charme, quand

кихъ романтиковъ, у Нодье обращается въ живое остроуміе француза, но француза вдумчиваго и временами немного сентиментальнаго. Онъ тоже, какъ и Гофманъ, позволяетъ себѣ эксцентричности относительно художественной формы, но и въ этихъ эксцентричностяхъ есть система и разсчетъ *).

Тикъ передѣлываетъ, иначе сказать, уродуетъ народныя сказки; Гофманъ, какъ мы видѣли, невольно повторяетъ ихъ темы, а Нодье совершенно сознательно сказки Перро считаетъ высоко-художественнымъ произведеніемъ и пользуется его мотивами и фигурами, только усложняя ихъ и усиливая краски **).

Тѣмъ не менѣе, Нодье все же остается отпрыскомъ мечтательнаго нѣмецкаго романтизма, который, исходя изъ кабинета мыслителя и ученаго, оказался безсильнымъ въ вопросахъ, выдвигаемыхъ современностью, вслѣдствіе чего скоро потерялъ кредитъ даже и въ своемъ отечествѣ. Чтобы нести къ побѣдѣ знамя романтизма французскаго, бойкаго сына вѣка и работника практической жизни, нуженъ былъ иной характеръ и талантъ иного рода. Вотъ въ основныхъ чертахъ исторія развитія и литературной дѣятельности истиннаго главы романтиковъ во Франціи—Гюго.

Викторъ Гюго род. 26 февраля 1802 г. въ Безансонѣ, гдѣ отецъ его командовалъ батальономъ. Жозефъ Гюго, отецъ поэта, происходилъ изъ старой дворянской фамиліи, въ 1788 г. поступилъ въ военную службу и быстро шелъ впередъ. Онъ былъ женатъ на дочери одного состоятельнаго буржуа изъ Нанта (двоюрод-

---

elle se bornoit à égayer l'esprit, comme un feu d'artifice, de quelques émotions passagères sans rien laisser au coeur. Содержаніе этой высокоталантливой, но немного длинной сказки, вплетенной въ романтическую канву признаній сумасшедшаго, имѣетъ основаніе въ дѣйствительности: Нодье отъ временъ дѣтства помнилъ служившую въ ихъ домѣ маленькую старушенку, которая на его 60-лѣтняго отца ворчала, какъ на неопытнаго молодого человѣка, и которая говорила, какъ о своемъ современникѣ, о губернаторѣ, умершемъ чуть не 300 лѣтъ назадъ. Эту старушку Нодье обратилъ въ Белкису, царицу Савскую, извѣстную подругу Соломона, поселивъ ее въ маленькомъ французскомъ городѣ, и заставивъ ее собирать остатки отъ завтраковъ школьниковъ. Герой сказки пользуется особеннымъ благорасположеніемъ старушки, которая зоветъ его своимъ женихомъ. Она даритъ ему портретъ царицы Белкисъ, и тотъ влюбляется въ него. Послѣ того, какъ онъ показалъ доброту своего сердца, и силу любви своей, онъ дѣлается счастливымъ супругомъ феи, которая днемъ имѣетъ видъ согбенной старушки, какъ мудрость, а ночью—сама красота и поэзія.

*) Его сказка «Чешскій король и его семь замковъ» напечатана разными шрифтами соотвѣтственно содержанію: буквы дѣлаются микроскопически-маленькими, когда онъ говоритъ о мелочахъ, вытягиваются въ вышину, когда содержаніе дѣлается болѣе важнымъ, превращаются въ лѣстницу, когда герой идетъ по лѣстницѣ и т. д.

**) О немъ см. кромѣ его собственныхъ Souvenirs de jeunesse и др. M-me Menessier Nodier (его дочь): Ch. Nodier, épisodes et souvenirs de sa vie. Paris 1867. E. Montégut: Esquisses littéraires R. d. d. Mondes 1882 1 и 15 Іюня. Изданіе его произведеній (неполное) Bruxelles 1832—7 12 т. Contes fantastiques много разъ перепеч. у Charpentier.

ной сестры извѣстнаго публициста Вольнея) *) и до появленія на свѣтъ Виктора имѣлъ уже двухъ сыновей. Черезъ 6 недѣль послѣ рожденія будущій поэтъ вмѣстѣ съ остальною семьей переѣхалъ на островъ Эльбу, куда Жозефъ Гюго былъ командированъ по дѣламъ службы. Викторъ былъ ребенокъ до того слабый, что въ 15 мѣсяцевъ еще не могъ держать головы, и всѣ были убѣждены, что онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ; однако постепенно онъ сталъ оправляться и крѣпнуть. Въ 1805 г. Жозефъ Гюго получилъ приказъ вступить на службу короля Неаполитанскаго и отправилъ семью въ Парижъ; но черезъ 2 года, когда волненіе въ Италіи стало утихать, снова вызвалъ ее къ себѣ, такъ что 5-лѣтній Викторъ у подошвы Везувія слушалъ разсказы о знаменитомъ Фра Діаволо, въ поимкѣ котораго его отецъ игралъ главную роль.

Въ то время отецъ поэта долженъ былъ сопровождать Жозефа Бонапарта въ новое его королевство Испанію, а семью снова отправилъ въ Парижъ, на этотъ разъ на нѣсколько лѣтъ.

M-me Гюго, женщина умная и энергичная, уже въ это время расходившаяся въ убѣжденіяхъ съ республиканцемъ и бонапартистомъ мужемъ,—она отъ отца унаслѣдовала роялизмъ—поселилась со своими сыновьями въ бывшемъ монастырѣ фельятинокъ и приставила къ дѣтямъ въ качествѣ учителя одного аббата, пострадавшаго во время революціи. Викторъ Гюго рано началъ учиться по-латыни и по-гречески. Въ это время въ обширномъ саду ихъ квартиры, конечно, съ согласія M-me Гюго, укрывался крестный отецъ Виктора, генералъ Лагори, впослѣдствіи разстрѣлянный послѣ неудачной попытки возстанія противъ Наполеона; онъ читалъ съ Викторомъ Тацита и внушалъ ему любовь къ свободѣ.

Въ 1811 г. трое мальчиковъ получили отъ матери приказаніе въ 3 мѣсяца выучиться по-испански: они должны были ѣхать въ Мадридъ. Семья генерала Гюго двинулась въ путь съ эскортой, которая везла 12 милліоновъ франковъ субсидіи королю испанскому; она ѣхала медленно по странѣ, находившейся въ полномъ разгарѣ народной войны. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ столицу Испаніи старшій братъ Гюго былъ назначенъ пажемъ короля, а двое младшихъ отданы въ семинарію, гдѣ обучались дѣти аристократическихъ семействъ и гдѣ маленькимъ французамъ приходилось иногда терпѣть жестокое, хоть и тайное гоненіе за свою національность.

Въ 1812 г. положеніе французовъ въ Испаніи стало настолько опасно, что генералъ Гюго, какъ и другіе, поспѣшилъ отправить семью на родину; только старшій сынъ остался при немъ.

Такимъ образомъ оказывается, чтъ Викторъ Гюго въ раннемъ дѣтствѣ получилъ почти одинаково сильныя впечатлѣнія отъ 3-хъ главныхъ романскихъ расъ: французовъ, итальянцевъ и испанцевъ, и испыталъ и видѣлъ много такого, чтò должно было оставить замѣтные слѣды даже и въ не столь воспріимчивомъ воображеніи. Мало имѣлъ онъ времени, чтобы воспользоваться правильнымъ книжнымъ ученьемъ, но за то его учила сама жизнь, полная поразительныхъ контрастовъ.

По возвращеніи въ Парижъ m-me Гюго поселилась на прежней квартирѣ и серьезнѣе прежняго принялась за ученіе своихъ мальчиковъ. Она была мать скорѣе строгая, чѣмъ снисходительная, требовавшая себѣ безусловнаго повиновенія; но такъ какъ она нѣжно любила дѣтей и по принципу давала имъ много

*) Constantin François de Volney (1757—1820), путешественникъ, публицистъ и историкъ, больше всего извѣстенъ, какъ авторъ книги: Les ruines, ou méditations sur les révolutions des empires 1791 г. О немъ см. у Ю. Шмидта о. с. I, 41 и слѣд.

свободы, то пользовалась съ ихъ стороны полнымъ довѣріемъ и любовью, граничащею съ обожаніемъ.

Во время войны 1813 г. генералъ Гюго былъ комендантомъ крѣпости Тіонвиля, которую защищалъ съ рѣдкимъ упорствомъ и стойкостью; совершилась реставрація, и онъ, какъ горячій бонапартистъ, потерялъ мѣсто и лишился всякихъ видовъ на будущее. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ помѣстилъ младшихъ сыновей въ пансіонъ, чтобы приготовить ихъ къ поступленію въ политехническую школу. Оба мальчика были живыя и шаловливыя дѣти, являвшіяся предводителями во всѣхъ товарищескихъ играхъ, но правдивыя и усердныя въ работѣ. До сихъ поръ Викторъ, какъ и второй его братъ Евгеній, занимался почти исключительно классиками; тепетрь-же пришлось сильно приналечь на математику. У Виктора и къ этой анти-поэтической наукѣ оказались прекрасныя способности, но онъ и въ ней проявлялъ свободу творчества: вмѣсто того, чтобы усвоивать данныя доказательства теоремъ, онъ выдумывалъ свои собственныя. Но математика не убила въ немъ страстной любви къ поэзіи, или вѣрнѣе къ стихотворству, которому онъ предавался еще до поступленія въ пансіонъ; не зная правилъ, онъ, такъ сказать, ощупью дошелъ до пониманія размѣра и риѳмы. Теперь онъ, пользуясь всякой свободной минутой, цѣлыя тетради исписывалъ стихотвореніями всѣхъ родовъ и видовъ, изъ которыхъ иныя были настолько хороши, что подъ ними не отказался-бы подписаться и поэтъ съ извѣстнымъ именемъ. Въ этихъ дѣтскихъ опытахъ видны его крайнія роялистическія убѣжденія, которыя передала ему мать; но здѣсь же мѣстами слышится и любовь къ народу; онъ ненавидитъ Наполеона, какъ тирана, и отъ Бурбоновъ ждетъ свободы и счастія для Франціи. Въ отношеніи формы онъ слѣдуетъ большею частію „классикамъ“, но (иногда) выбираетъ сюжеты уже романтическаго характера, напр., Послѣдній бардъ, подражатіе Оссіану, и пр. Большое вліяніе имѣетъ на него Шатобріанъ, котораго отъ считаетъ для себя образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

15 лѣтъ отъ роду В. Гюго возымѣлъ смѣлую мысль представить свое стихотвореніе на конкурсъ въ Академію, авторитетъ которой въ то время стоялъ непоколебимо. Тема, данная академіей, можетъ быть выражена стихомъ Ломоносова: „Науки пользуютъ вездѣ“. Со страхомъ и трепетомъ юный поэтъ отнесъ свой пакетъ въ канцелярію Академіи; съ замираніемъ сердца ждалъ приговора и удостоился высокой по тогдашнему почести—похвальнаго отзыва, впрочемъ, съ нѣсколько обидной припиской: „если авторъ дѣйствительно такъ молодъ, какъ говоритъ онъ въ своемъ стихотвореніи“. Съ этихъ поръ судьба его была рѣшена: литература будетъ его карьерой.

Но онъ не бросилъ учиться: вмѣстѣ съ братомъ онъ зачисляется слушателемъ въ коллегію Людовика Великаго и довольно усердно посѣщаетъ лекціи по философіи, физикѣ и математикѣ. Въ то-же время онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ (Абелемъ), который оставилъ военную службу, дѣлается членомъ одного литературнаго кружка и на пари въ двѣ недѣли пишетъ свою первую повѣсть „Бюгъ Жаргаль“, которую потомъ онъ исправилъ и счелъ достойною печати. „Бюгъ Жаргаль“ поражаетъ своею крайнею незрѣлостью, но уже въ немъ замѣчается та гуманность, то стремленіе защищать, даже идеализировать пасынко ъ судьбы, которое сдѣлало Гюго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ впослѣдствіи.

Не удостоившись за свою попытку конкурировать въ Академіи даже и похвальнаго отзыва, Гюго сталъ посылать свои стихотворенія въ тулузское литературное общество, почти всякій разъ получалъ награды и уже 18 лѣтъ былъ почтенъ званіемъ магистра поэзіи. Въ томъ-же году онъ окончилъ свое среднее образованіе и вмѣсто политехнической школы зачислился на юридическій фа-

культетъ, повидимому, больше для того, чтобы состоять при чемъ-нибудь, а вовсе не съ намѣреніемъ серьезно заняться юриспруденціей; за это отецъ лишилъ его содержанія. Викторъ Гюго поселился съ матерью и началъ писать критическія статьи въ журналахъ; одна изъ первыхъ и наиболѣе прочувствованныхъ была посвящена Вальтеру Скотту, котораго онъ считалъ выдающимся поэтомъ эпохи. Гюго былъ прекрасный, аккуратный работникъ и былъ вполнѣ доволенъ своею дѣятельностью; жизнь его скрашивалась счастливой любовью къ дочери друга его отца Фуше, съ которой онъ игралъ еще ребенкомъ. Молодые люди сказали родителямъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ, но тѣ нашли, что они слишкомъ молоды, чтобы думать объ этомъ, и прекратили ихъ частыя свиданія. Гюго безъ сопротивленія подчинился приказу старшихъ и изливалъ свою любовь въ стихахъ.

Въ 1821 году мать Гюго умерла послѣ недолгой, но тяжкой болѣзни. Сынъ, обожавшій ее, былъ страшно пораженъ этимъ ударомъ; но любимая имъ дѣвушка, съ которой ему теперь разрѣшили свиданія, раздѣлила и облегчила его горе.

Въ 1822 году Гюго издалъ свой первый сборникъ „Оды и Баллады“ съ такимъ характернымъ предисловіемъ:

„Изданіе этой книжки въ свѣтъ имѣетъ двѣ цѣли: литературную и политическую. Но послѣдняя, по мнѣнію автора, есть слѣдствіе первой, такъ какъ исторія человѣчества можетъ быть поэтична только съ точки зрѣнія монархическихъ идей и религіозныхъ вѣрованій... Впрочемъ, область поэзіи безгранична: надъ міромъ реальнымъ существуетъ міръ идеальный, являющійся въ полномъ блескѣ взору того, кого серьезныя размышленія пріучили видѣть въ вещахъ болѣе чѣмъ вещи. Прекрасныя созданія поэзіи всякаго рода, въ стихахъ и въ прозѣ, приносящія честь нашему вѣку, вполнѣ открыли истину, которую до тѣхъ поръ только подозрѣвали,—что поэзія заключается не въ формахъ идей, а въ самыхъ идеяхъ. Поэзія есть все то, что̀ составляетъ внутреннюю сторону всего“.

Несмотря на нѣкоторую юношескую туманность этихъ фразъ, видно, что Гюго хочетъ соединить крайнее новаторство въ поэзіи съ консерватизмомъ въ политикѣ. Въ этихъ его одахъ дѣятели революціи—палачи, конвентъ—исчадіе ада, вандейцы—герои, Бонапартъ—кровавый солдатъ; а между тѣмъ, въ области литературной этотъ роялистъ является пылкимъ революціонеромъ. Онъ не довольствуется игнорированіемъ классицизма и умѣреннымъ новаторствомъ въ отношеніи литературныхъ формъ,—онъ требуетъ радикальныхъ перемѣнъ во взглядѣ на поэзію и относится къ классикамъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Позднѣе Гюго значительно усовершенствовалъ свой стихъ, и его политическія убѣжденія радикально измѣнились. Но во всѣхъ его послѣдующихъ сборникахъ характерныя черты его таланта остаются тѣ же самыя и поэтому возможно здѣсь сказать о немъ, какъ о лирикѣ.

Пушкинъ былъ убѣжденъ, что Гюго поэтъ второстепенный; онъ основывалъ это сужденіе, главнымъ образомъ, на его лирическихъ стихотвореніяхъ и съ нимъ нельзя не согласиться. У первостепеннаго поэта идея и образы ее облекающіе, зарождаются одновременно; у Гюго идея предшествуетъ образамъ и, такъ сказать, ищетъ ихъ. Для него стихъ есть только художественная форма, въ которой отчеканивается его мысль. Въ этой красивой формѣ она сильнѣе подѣйствуетъ, скорѣй врѣжется въ память, а для него только это и нужно. Чувства его не отличаются особенною, если можно такъ выразиться, сверхнатуральною тонкостью, какъ у Гёте, Байрона или Пушкина. Это чувства средняго нравственно-здороваго и добраго человѣка. Его мысли—умныя мысли честнаго и горячо любящаго свою родину гражданина, смѣлаго политическаго дѣятеля, зорко слѣ-

дящаго за всѣмъ, что происходитъ вокругъ него; онъ умѣетъ безъ труда облечь ихъ въ энергичные, звучные стихи, въ остроумныя антитезы, въ красивыя риторическія фигуры и, тщательно отшлифовавши, пускаетъ въ обращеніе. Въ свое время его стихотворенія гремѣли по всей Европѣ, такъ какъ служили выраженіемъ мнѣній лучшей ея части; для потомства они останутся интереснымъ памятникомъ прошлаго, любопытнымъ комментаріемъ къ лѣтописи; для учащейся молодежи будутъ образцами сильнаго французскаго стиха, облекающаго честное и умное содержаніе, но и только. Еслибы Гюго не писалъ ничего кромѣ стиховъ, онъ такъ и остался бы второстепеннымъ поэтомъ и былъ бы забытъ черезъ 2—3 года послѣ смерти.

Публика скоро раскупила книжку, несмотря на ея неизящную внѣшность, а Людовикъ XVIII назначилъ молодому поэту пенсію въ 1000 франковъ.

Успѣхъ „Одъ и Балладъ“ Гюго далъ возможность поэту выпросить у Фуше согласіе на бракъ. Скромная свадьба совершилась 27 октября 1822 года. Мужу и женѣ вмѣстѣ было 35 лѣтъ отъ роду. День свадьбы былъ омраченъ неожиданной бѣдой: братъ и совоспитанникъ Виктора, Евгеній, выказалъ несомнѣнные признаки умственнаго разстройства. Отецъ Гюго пріѣхалъ надолго въ Парижъ, чтобы лѣчить сына, и теперь въ первый разъ юный поэтъ, до сихъ поръ руководствовавшійся воззрѣніями матери, имѣлъ случай узнать отца и полюбить его, что не могло не отразиться на его политическихъ убѣжденіяхъ: имперія перестала ему казаться пугаломъ. Впослѣдствіи въ Les Miserables онъ опоэтизировалъ этотъ моментъ своей жизни въ исторіи Марія Понмерси. Немедленно послѣ свадьбы В. Гюго засѣлъ за романъ „Ганъ Исландецъ“, который окончилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Романъ имѣлъ огромный, но условный успѣхъ: молодая Франція была отъ него въ восторгѣ; писатели старой школы указывали на него, какъ на образецъ нелѣпости, какъ на явный признакъ глубокаго паденія искусства.

В. Гюго самъ заявляетъ, что онъ ученикъ Вальтеръ-Скотта; что отъ него узналъ онъ, какъ развивать характеры дѣйствующихъ лицъ изъ самаго дѣйствія; отъ него-же унаслѣдовалъ онъ стремленіе и умѣнье воспроизводить **мѣстный колоритъ**. У него-же заимствовалъ онъ и одну отрицательную черту: блѣдность характеровъ—героя и героини, которые являются игрушками въ рукахъ судьбы и другихъ людей. Ему—Гюго—лично принадлежитъ главная фигура—ужаснаго, небывалаго злодѣя, пьющаго кровь младенцевъ, живущаго въ мрачной пещерѣ въ сообществѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ, убивающаго людей для удовольствія убійства. Но эта фигура создана не для устрашенія читателей, какъ у другихъ романтиковъ, а для проведенія извѣстной идеи: будущій создатель Квазимодо, Вальжана и „Человѣка, который смѣется“ виденъ и здѣсь: кровожадный Ганъ Исландецъ въ сущности добрѣе и человѣчнѣе, нежели другіе злодѣи романа, прикрытые кружевами и бархатомъ; **отвратительно не то, что безобразно по наружности, а то, что гнусно по эгоизму и холодной злобѣ.**

Въ общемъ Ганъ Исландецъ безконечно ниже самаго слабаго изъ романовъ **Вальтера Скотта**. Въ немъ бьетъ въ глаза стремленіе къ дикимъ, вымученнымъ эффектамъ; въ немъ бездна поэтической риторики и мало поэзіи. Но въ одномъ **пунктѣ ученикъ превзошелъ учителя**: онъ лучше умѣетъ изображать движеніе **толпы**.

Гюго самъ сознавалъ крупные недостатки своего романа и признавался, что его произведеніе не есть нѣчто жизненное, а только продуктъ фантазіи: жизни онъ еще не зналъ, но стремился открыть для поэзіи новые и широкіе пути, усвоить для французской литературы то богатство содержанія и идей, которое въ послѣднее время пріобрѣли литература нѣмецкая и англійская.

За первымъ изданіемъ его романа скоро послѣдовало и второе, за которое авторъ получилъ около 10 тысячъ франковъ, и пенсія его была удвоена; это дало возможность молодымъ супругамъ отдѣлиться отъ родителей и переѣхать на собственную квартиру.

Въ молодомъ поэтѣ пріятно поражала, какъ писалъ еще его тесть—Фуше, смѣсь безкорыстія съ разумной разсчетливостью. Эту разумную разсчетливость онъ проявлялъ не только въ денежныхъ дѣлахъ, но и въ работѣ: послѣ романа онъ всегда считалъ нужнымъ давать отдыхъ напряженной фантазіи на журнальныхъ статьяхъ (благодаря этому, онъ сохранилъ фантазію до глубокой старости). Такъ и теперь онъ напечаталъ нѣсколько статей и въ томъ числѣ статью о Вольтерѣ, въ которой въ первый разъ великій энциклопедистъ сталъ предметомъ болѣе или менѣе объективнаго изученія. Другая статья Гюго посвящена Байрону, къ которому онъ высказываетъ глубокое сочувствіе и съ появленіемъ котораго, по его убѣжденію, навсегда умеръ классицизмъ. Въ предисловіи ко второму и потомъ къ третьему изданію своихъ Одъ Гюго, несмотря на свое стремленіе быть примирителемъ между классиками и романтиками, все рѣзче и рѣзче становится во главѣ послѣднихъ и все опредѣленнѣе высказываетъ основныя положенія новой школы. Подъ его руками романтизмъ долженъ преобразиться въ нѣчто болѣе свойственное французской націи: „свобода никогда не должна переходить въ анархію и оригинальность никогда не должна служить предлогомъ для неправильности“. Его идеалъ—смѣлый замыселъ и безукоризненное исполненіе.

Гюго попытался выступить на поприще драматурга еще въ началѣ своей карьеры съ пьесой, содержаніе которой онъ взялъ изъ романа Вальтеръ Скотта—Замокъ Кенильвортъ. Пьеса (Эми Росбартъ) вышла очень слаба. Теперь онъ снова обратился къ театру и написалъ драму—„Кромвель“, которая уже по одному своему объему не годилась для сцены. Онъ напечаталъ въ 1827 г. ее отдѣльной книгой, съ предисловіемъ, въ которомъ рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь прежде, выступилъ на защиту новой литературной школы. Онъ объявляетъ Шекспира „богомъ театра“ и свободную драму—высшимъ родомъ поэзіи. По его убѣжденію, для драматурга одинаково доступны всѣ стороны жизни, и онъ долженъ воспроизводить ихъ, не подкрашивая и не насилуя природу. Это предисловіе было встрѣчено очень враждебно большинствомъ журналовъ; ихъ критики негодовали на то, что „юный поэтъ превратился въ авторитетнаго профессора“ и является проповѣдникомъ дѣйствительно новыхъ, но крайне дикихъ принциповъ.

Въ 1829 году Александръ Дюма, еще тогда мало кому извѣстный, поставилъ на сцену свою драму: Генрихъ III; вслѣдствіе того, что эта была драма романическая, т.-е. богатая по содержанію, неправильная по формѣ и по возможности соблюдающая колоритъ эпохи, она имѣла успѣхъ. Послѣ этого Гюго выбралъ себѣ сюжетъ, обдумалъ его въ теченіе 4-хъ съ половиною мѣсяцевъ и написалъ пяти-актную трагедію въ стихахъ въ 27 дней. Это—„Маріонъ Делормъ“. Героиня—куртизанка временъ Людовика XIII. Онъ изображаетъ ее преданной и горячо любящей женщиной, которую въ ранней юности развратило физически, но не могло испортить нравственно окружающее ее общество. Маріонъ влюбляется въ дворянина Дидье, который представляетъ собою нѣчто въ родѣ французскаго Вертера, осложненнаго байронизмомъ. Дидье-фразеръ и то, что французы называютъ poseur, но не по волѣ автора. Маріонъ жертвуетъ всѣмъ для любимаго человѣка, но Дидье, полюбившій ее потому, что онъ считалъ ее за честную дѣвушку, жестоко отталкиваетъ ее отъ себя и тѣмъ усиливаетъ къ ней сочувствіе зрителей.

Дѣйствіе ведется чрезвычайно живо; въ пьесѣ много эффектныхъ сценъ, до

того эффектныхъ, что онѣ при порядочномъ исполненіи, что называется, захватываютъ дыханіе у зрителей. Людовикъ XIII и кардиналъ Ришелье очерчены мастерски. Вообще въ этой пьесѣ Гюго показалъ разительную способность владѣть зрительной залой и пользоваться драмой своихъ идей.

Пьеса была запрещена цензурой главнымъ образомъ за IV актъ, гдѣ на сцену выведенъ слабый, безхарактерный король. Гюго добился аудіенціи у Карла X. Тотъ принялъ его очень любезно, но запрещеніе осталось въ силѣ. Гюго немедленно засѣлъ за новую драму, и черезъ нѣсколько недѣль былъ готовъ „Эрнани", котораго старались отбить другъ у друга три директора театровъ. Побѣда осталась за „Comedie française". Въ Эрнани съ поразительной яркостью выразились всѣ достоинства и недостатки французской романтической школы: богатство сюжета, разнообразіе мотивовъ, рѣзко очерченные характеры, эффектныя сцены, умѣнье рядомъ воспроизводить самое высокое и самое низкое, что есть въ человѣческой природѣ, и при этомъ, въ отличіе отъ нѣмецкаго романтизма, тотъ-же недостатокъ сердечности и задушевности, та же умная риторика, та же ходульность, за которую намъ несимпатиченъ и французскій классицизмъ. Но понятно, какой эффектъ должна была произвесть эта драма послѣ безконечнаго ряда всѣмъ надоѣвшихъ Клеопатръ, Софонизбъ и т. п. Здѣсь чувствуется присутствіе силы,—риторика является только формой.

Первое представленіе Эрнани было рѣшительнымъ днемъ въ жизни не только Гюго, но и всей романтической школы. Защитники классицизма постановили во что бы то ни стало провалить пьесу. Гюго отказался отъ наемныхъ клакеровъ, но воспользовался правомъ на огромное число даровыхъ мѣстъ. Его друзья кликнули кличъ—и толпа художниковъ, юныхъ сторонниковъ романтизма, между которыми особенно выдѣлялся своею энергіей красивый юноша Теофилъ Готье, еще съ двухъ часовъ загородила улицу передъ подъѣздомъ театра. Широкополыя шляпы, кудри по плечамъ, красные жилеты и другіе фантастическіе костюмы поражали проходящихъ. Во время представленія каждый монологъ, каждый стихъ вызывали бурю рукоплесканій одной партіи, свистки и смѣхъ другой. Но была въ театрѣ и настоящая публика, незакупленная ни въ ту, ни въ другую сторону. Отъ нея зависѣло рѣшеніе дѣла. Послѣ нѣкотораго колебанія, она склонилась на сторону пьесы и рѣшила побѣду Гюго. Но классики не считали себя побѣжденными, тѣмъ болѣе, что ихъ поддерживало большинство журналовъ. Они возобновили борьбу при второмъ представленіи, на которое опять-таки явилась армія юныхъ романтиковъ, и при слѣдующихъ, на которыхъ автору предоставлялось только сто мѣстъ. Они оставляли ложи пустыми или повертывались спинами къ сценѣ, читали газеты, встрѣчали взрывомъ хохота наиболѣе сильныя мѣста, но ничего не помогало,—пьеса держалась и давала огромные сборы, отчасти благодаря ихъ же оппозиціи. Это происходило въ февралѣ и мартѣ 1830 года, а въ іюлѣ того же года вспыхнула революція.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ романъ Гюго: „Соборъ Парижской Богоматери". Издатель въ виду политическихъ событій не ожидалъ успѣха. И, дѣйствительно, первые дни о романѣ говорили мало. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ во Франціи не оставалось ни одного интеллигентнаго семейства, гдѣ бы не лежалъ на столѣ зачитанный экземпляръ, и объ его авторѣ уже успѣли сложиться легенды.

Соборъ Парижской Богоматери — памятникъ новаго романтизма, почти столь же важный и характерный, насколько важно и характерно то зданіе, которое дало ему заглавіе и послужило для него основой; въ этомъ романѣ также величіе замысла переплетено съ недостатками въ частностяхъ; въ немъ также

нагромождены одинъ на другой различные слои французской духовной культуры, какъ и въ его монументальномъ прототипѣ.

Гюго въ этомъ произведенiи настолько еще близокъ къ своимъ учителямъ, нѣмецкимъ романтикамъ и В. Скотту, что среднiе вѣка имѣютъ для него притягательную силу; но онъ выбираетъ не время ихъ расцвѣта, а время паденiя, и въ немъ изображаетъ одну темную сторону, изображаетъ такъ, что вся жизнь того времени представляется какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ, когда разумъ молчитъ, а воображенiе и дикiя страсти безраздѣльно господствуютъ надъ людьми.

Съ 1-ой же главы видно, въ чемъ сила романиста: онъ мастерски умѣетъ олицетворять толпу въ ея стихiйныхъ движенiяхъ. Въ немъ сейчасъ виденъ парижанинъ, изучившiй массу въ моменты ея горя и радостей. Съ большой симпатiей относится онъ къ порожденiю и руководителю парижской улицы, къ буйному школьнику Жегану, представителю знаменитой богемы, изъ котораго ни англичанинъ, ни нѣмецъ не съумѣли бы сдѣлать ничего, кромѣ зауряднаго негодяя, если-бъ не придали ему частички мiровой скорби и недовольства собой, что, безъ сомнѣнiя, испортило бы чистоту его типа. У Гюго онъ выходитъ милъ и уменъ при всемъ своемъ безпутствѣ.

Несравненно менѣе удался ему братъ Жегана, архидьяконъ Фролло, злодѣй и атеистъ подъ маской святости. На его созданiе, несомнѣнно, вліялъ Бріанъ де-Буа Гильберъ въ Айвенго, но насколько тотъ живѣе, изящнѣй, величественнѣй!

Зато Гюго вѣрнѣе исторiи: если въ среднiе вѣка могли существовать такiе отрицатели, то, конечно, скорѣй въ кельяхъ духовенства, чѣмъ въ домахъ рыцарей.

Канва исторiи Эсмеральды заимствована изъ повѣсти Сервантеса: La jitana (цыганка), но характеръ героини задуманъ и исполненъ превосходно и вполнѣ самостоятельно.

Всѣ женщины В. Скотта, по сравненiю съ Эсмеральдой, то же что средневѣковыя миніатюры, обведенныя одними контурами, по сравненiю съ прекрасными фигурами венецiанской школы, у которыхъ, говорятъ знатоки, видно, какъ кровь переливается по жиламъ. Тамъ—„героини"; здѣсь—живой человѣкъ съ плотью и кровью, съ человѣческимъ страхомъ смерти и слабостью передъ физическимъ страданiемъ. При всей идеальной чистотѣ своей и грацiи Эсмеральда все же уличная парижская пѣвица; она любитъ горячо и сильно, забывая о себѣ, но любитъ пустоголоваго франта, какъ это, увы! часто случается въ жизни. Она безконечно добра, но въ минуту страсти готова подвергнуть обожающаго ее Квазимодо самымъ послѣднимъ униженiямъ. Она тотъ мостъ, который соединяетъ французскiй романтизмъ съ реализмомъ, тотъ мостъ, который ведетъ отъ Миньоны Гёте къ женщинѣ Бальзака и Флобера съ ея преклоненiемъ передъ внѣшнимъ блескомъ, съ ея мелочной злобой и великой, всепрощающей любовью.

Съ ужасами романа насъ миритъ только честная и любящая душа романиста, который страдаетъ самъ съ своими героями и только потому заставляетъ и насъ страдать. Его симпатiи всецѣло на сторонѣ „несчастныхъ", униженныхъ и оскорбленныхъ, и какъ ни издѣвались надъ его принципомъ, будто безобразное есть прекрасное и надъ носителемъ этого принципа, уродомъ Квазимодо, все же нельзя не признать этого младенчески-добраго, любящаго и преданнаго Квазимодо воплощенiемъ высокогуманной идеи, поэтическимъ образомъ, который никогда не забудется.

Послѣ Собора Парижской Богоматери Гюго снова обратился къ театру.

За „Эрнани“ послѣдовала трагедія „Le roi s'amuse“, всѣмъ извѣстная по крайней мѣрѣ подъ формой оперы „Риголетто“.

Въ ней „великій король“ Францискъ I выставленъ безсердечнымъ эгоистомъ, а сочувствіе или по крайней мѣрѣ состраданіе зрителей принадлежитъ несчастной жертвѣ и ея отцу шуту Трибуле.

По проискамъ литературныхъ враговъ Гюго, пьеса была запрещена. Гюго началъ процессъ, самъ въ первый разъ въ жизни выступилъ на трибуну—и имѣлъ огромный успѣхъ. Процессъ онъ проигралъ, но Луи Филиппъ понялъ, что молодая литературная партія представляетъ огромную силу, съ которой нельзя не считаться, и сталъ искать сближенія съ ея предводителемъ. Лично противъ короля Гюго ничего не имѣлъ; они сошлись скоро, и Гюго сталъ частымъ и желаннымъ гостемъ во дворцѣ.

Между тѣмъ Гюго продолжалъ работать для театра: въ 1833 г. явились „Лукреція Борджіа“ и „Марія Тюдоръ“, въ 1835: „Анджело“, въ 1838: „Рюи Блазъ“ и наконецъ въ 1843 г. архиромантическая драма „Les Burgraves“, гдѣ дѣйствуютъ представители трехъ поколѣній и гдѣ столько ужасовъ и странностей, что французская публика вышла изъ терпѣнія и мало того, что провалила пьесу Гюго, но еще встрѣтила рядомъ овацій „Лукрецію“ Понсара (см. ниже), которая пыталась воскресить классическую трагедію.

Сборники новыхъ лирическихъ стихотвореній Гюго (Les feuilles d'automne 1831 г., Les chants du crépuscule 1835, Voix intérieures 1837, Les rayons et les ombres 1840), въ которыхъ онъ все больше и больше совершенствовался относительно формы, встрѣчались всегда очень сочувственно. Въ историко-литературномъ отношеніи особенно важенъ первый изъ нихъ: „Осеннія листья“, такъ какъ Гюго дѣлаетъ въ немъ предметомъ поэзіи свою домашнюю, семейную жизнь и ея радости; во Франціи никто до тѣхъ поръ не рѣшался на это.

Гюго началъ мечтать о политической карьерѣ. Нижняя палата была для него закрыта, такъ какъ онъ не имѣлъ состоянія и не надѣялся пріобрѣсти его. Оставалась палата перовъ, куда онъ могъ попасть черезъ академію. Въ 1836 г. онъ въ первый разъ попытался проникнуть въ это святилище и былъ единогласно забаллотированъ; немногимъ лучше его встрѣтили въ 1839 г. и потомъ въ 1840 г., хотя онъ каждый разъ объѣзжалъ всѣхъ „знаменитыхъ старичковъ“. Только въ 4-й разъ прошелъ онъ, да и то большинствомъ 17 голосовъ противъ 14.

Въ 1845 г. В. Гюго достигъ цѣли своихъ желаній и сталъ перомъ Франціи. Первая рѣчь была имъ сказана въ защиту польскаго дѣла. Ораторъ изъ него вышелъ блестящій, какъ и слѣдовало ожидать, а политикомъ онъ оказался не дальновиднымъ и не глубокимъ. Въ февральскіе дни онъ былъ изъ числа тѣхъ либеральныхъ дѣятелей, для которыхъ результатъ ихъ дѣятельности былъ неожиданнымъ ударомъ грома. Видя гибель трона Луи Филиппа, Гюго поддерживалъ регентство герцогини Орлеанской; когда же убѣдился, что событія обогнали его, сталъ на сторону республики. Сложивъ званіе пера, онъ былъ выбранъ депутатомъ, во время борьбы рабочихъ съ буржуазіей онъ оказался въ лѣвомъ центрѣ палаты, спасалъ, кого могъ, отъ смерти, настаивалъ на амнистіи, но поддерживалъ 2-хъ палатную систему.

Вскорѣ послѣ революціи сыновья Гюго предприняли изданіе газеты Évenement; отецъ помогалъ имъ статьями и вліяніемъ. Въ 1851 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до государственнаго переворота, редакторъ газеты Шарль Гюго былъ привлеченъ къ суду за горячую обличительную статью по поводу возмутительныхъ подробностей только-что произведенной смертной казни одного убійцы. Въ этомъ случаѣ Ш. Гюго только слѣдовалъ примѣру своего отца.

Еще 26-лѣтнимъ почти безвѣстнымъ юношей В. Гюго выступилъ на защиту человѣческой жизни съ своимъ „Послѣднимъ днемъ осужденнаго“; это не повѣсть и не трактатъ, но во всякомъ случаѣ хорошая книга и гражданскій подвигъ. „Послѣдній день“ выражаетъ невыносимыя муки интеллигентнаго человѣка, ожидающаго законной казни. „Клодъ Ге“, написанный 5-ю годами позднѣе, беретъ вопросъ конкретнѣе: это горячій протестъ противъ юридическаго убійства человѣка изъ народа, который эгоизмомъ и безсердечіемъ людей доведенъ до острога и потомъ до гильотины, который, несмотря на совершонное имъ убійство, и на эшафотъ входитъ почти такимъ же младенцемъ, какимъ вошелъ въ жизнь. Этотъ простой пересказъ довольно обыденнаго судебнаго процесса оканчивается такимъ обращеніемъ къ обществу: „Вы заботитесь объ экономіи, упраздняете должности. Экономничайте, пожалуйста, человѣческими головами и упраздняйте прежде всего должность палача. На жалованье, которое вы платите 80 палачамъ, можно содержать 600 школьныхъ учителей. Просвѣтите голову человѣка, и тогда не будетъ надобности рубить ее“.

При Луи Филиппѣ Гюго пользуется своимъ вліяніемъ на короля, чтобы спасать осужденныхъ на смерть. Въ 1848 г. онъ проповѣдуетъ противъ казни съ трибуны: смертная казнь, по его убѣжденію, остатокъ варварства и страшный грѣхъ; люди, присуждающіе къ ней ближняго, вторгаются въ права Бога.

Теперь Гюго пожелалъ быть адвокатомъ сына и сказалъ рѣчь, которая быстро облетѣла всю Европу. „Вы можете понять, говорилъ онъ присяжнымъ какъ велико мое волненіе. Обвиненъ мой сынъ, но истинный преступникъ, если тутъ есть преступленіе,—это я. Я 25 лѣтъ воюю противъ смертной казни.. Я доношу на себя. Я совершилъ это преступленіе прежде сына, совершилъ его съ отягчающими обстоятельствами, предумышленно, упорно, повторительно, нераскаянно. Я объявляю, что съ этимъ остаткомъ варварства, съ этимъ неразумнымъ закономъ возмездія кровью за кровь я воевалъ всю жизнь и буду воевать... Это я обѣщаю передъ Христомъ, этой жертвой смертной казни; я клянусь въ этомъ передъ висѣлицей, на которой 2000 лѣтъ назадъ законъ человѣческій распялъ законъ божественный. Противъ смертной казни внутреннее чувство, противъ нея всѣ принципы, подъ сѣнію которыхъ Франція идетъ 60 лѣтъ и ведетъ за собою міръ; противъ нея все, что просвѣщаетъ, все, что двигаетъ душу—философія и религія; противъ нея Вольтеръ и Іисусъ Христосъ“.

И позднѣе Гюго, гдѣ только могъ, ратовалъ противъ смертной казни, и если гдѣ отмѣнялась таковая, всѣ поздравляли Гюго съ побѣдой.

Только наканунѣ государственнаго переворота Гюго увидалъ, въ какую бѣду влечетъ Францію Людовикъ Бонапартъ, и началъ борьбу съ нимъ. Борьба, какъ извѣстно, окончилась побѣдой претенденда, и Гюго переодѣтый и съ чужимъ паспортомъ 12 декабря 1851 прибылъ въ Брюссель, а 14-го засѣлъ за книгу; „Histoire d'un crime“. Онъ ее издалъ двадцатью годами позднѣе, чтобы предохранить Францію отъ новаго государственнаго переворота.

Когда Наполеонъ потребовалъ отъ Бельгіи изгнанія Гюго, поэтъ, вмѣстѣ съ сыновьями и нѣсколькими молодыми пріятелями, переселился сперва на островъ Джерсэй, и потомъ на Гернесэй. Въ началѣ онъ жилъ болѣе чѣмъ скромно; потомъ, когда новый сборникъ его стихотвореній и въ особенности рядъ эпическихъ поэмъ подъ названіемъ Lègendes des siècles разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ повсюду, не исключая и Франціи, Гюго могъ купить себѣ домъ и обставить его по собственному вкусу. Тамъ онъ началъ величайшее свое произведеніе — романъ „Les Misèrables“. Вотъ какъ онъ самъ въ коротенькомъ предисловіи опредѣляетъ его значеніе. „Пока законы и обычаи будутъ поддержи-

вать соціальное проклятіе, искусно устрояющее адъ при полномъ блескѣ цивилизаціи... пока не будутъ разрѣшены три проблемы нашего вѣка: паденіе человѣка, вслѣдствіе пролетаріата, паденіе женщины, вслѣдствіе голода, замариваніе дѣтей, вслѣдствіе умственнаго мрака,—иначе сказать, покуда на землѣ будутъ существовать невѣжество и нищета,—книги подобныя этой не будутъ безполезны". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что его романъ имѣетъ базисомъ — братство людей, а конечной цѣлью—прогрессъ.

Языкъ романа — оригинальная, своеобразная, эффектная риторика. Самая его отрывочность, видимая небрежность и нелогичность, постоянное смѣшеніе разсужденій съ разсказомъ — все это бьетъ на эффектъ, все это неестественно, но очень красиво. Авторъ постоянно играетъ словами и фигурами даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ. Изъ языка, изъ стиля эта риторика и аффектація переходитъ и въ содержаніе; краски вездѣ сильно сгущены. Все такъ подчеркнуто, что естественность слабѣетъ и иллюзія часто нарушается.

Но съ этой риторикой и аффектаціей насъ миритъ то обстоятельство, что въ нихъ, въ сущности, нѣтъ ничего напускного, искусственно придуманнаго. Это форма, въ которую отливаются мысли автора сами собою, безъ всякаго напряженія. Эта „поза" настолько же естественна у Гюго, какъ у всякаго, вошедшаго въ свою роль, опернаго актера. Мы скоро привыкаемъ къ ней, и такъ какъ эти фразы облекаютъ умныя мысли, а эти преувеличенія выходятъ красивы, и такъ какъ эта аффектація есть продуктъ искренняго воодушевленія, общее впечатлѣніе выходитъ полно и сильно.

„Несчастные" не одинъ романъ, а цѣлый рядъ романовъ, связанныхъ единствомъ идеи и единствомъ героя, воплощающаго эту идею. При первомъ появленіи это грубый и неразвитой каторжникъ, озлобленный противъ людей и закона, который поступилъ съ нимъ сурово—это волкъ въ человѣческой одеждѣ, фигура, достойная жалости, какъ и всякій страдающій человѣкъ, но и только. Гюго на глазахъ читателя дѣлаетъ изъ него мученика и святого, самый высокій идеалъ самоотреченія, какой только знаетъ новая литература, идеалъ, который Гюго на своемъ риторическомъ языкѣ выражалъ словами: человѣкъ—ягненко-левъ (lion-agneau), т.-е. кроткій, какъ ягненокъ, и сильный, какъ левъ. Онъ умираетъ, какъ праведникъ, окруженный тѣми, за кого онъ принесъ себя въ жертву, тысячу разъ искупивши свои ничтожные грѣхи невыносимыми страданіями.

Гюго глубоко вѣруетъ въ чистоту человѣческой природы, и эта-то вѣра дѣлаетъ его книгу одной изъ самыхъ нравственныхъ книгъ, какія только есть на свѣтѣ. Вальжанъ—любимецъ поэта; но та же глубокая вѣра видна и въ его отношеніи къ врагу бывшаго каторжника, инспектору Жаверу. Жаверъ преслѣдуетъ Вальжана не для того, чтобъ выслужиться, а въ силу своихъ принциповъ: онъ рабъ закона, съ которымъ ведутъ войну поэтъ и его герой; они ведутъ ее великодушно, не отказывая врагу въ уваженіи. Принципъ Жавера: pereat homo, fiat justitia. „Добрымъ быть легко, говоритъ онъ: справедливымъ быть трудно". „Миръ держится порядкомъ, порядокъ—авторитетомъ; разрушьте авторитетъ, и міръ погибнетъ".

Борьба Вальжана съ Жаверомъ есть вѣковая борьба разума съ сердцемъ и въ то же время борьба римскаго права съ христіанствомъ. Гюго стоитъ на сторонѣ сердца и христіанства и такимъ образомъ оказывается и здѣсь романтикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Послѣ появленія „Несчастныхъ" жизнь Гюго въ изгнаніи есть длинный рядъ тріумфовъ. Въ сентябрѣ 1862 г. издатели романа въ Брюсселѣ устроили въ его честь банкетъ, на который съѣхались сотни его поклонниковъ. Когда Гюго пред-

принялъ поѣздку въ Зеландію, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ инкогнито, но оно было нарушено, и путешествіе обратилось въ рядъ овацій; онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что имя его популярно даже среди полуграмотнаго простонародья: пастухи увѣряли его, что они по „Несчастнымъ“ учатъ читать своихъ дѣтей.

Во время изгнанія Гюго издалъ еще два романа: „Труженики моря“ *) и „Человѣка, который смѣется“ **). Они проникнуты тою же гуманностью; въ нихъ масса прекрасныхъ частностей, умныхъ мыслей и драматическихъ сценъ; но они значительно слабѣе „Несчастныхъ“: въ нихъ есть всѣ недостатки этого романа и нѣтъ многихъ его достоинствъ.

Наполеонъ III предлагалъ Гюго амнистію въ 1859 г., потомъ въ 1869 г.; тотъ оба раза отказался, не признавая, какъ писалъ онъ, „права за палачемъ прощать свою жертву и за преступникомъ права прощать невинность“. „Я возвращусь вмѣстѣ съ свободой“, грозилъ онъ. При первомъ извѣстіи о началѣ франко-прусской войны Гюго переѣхалъ въ Брюссель, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій. 4 сентября 1870 г. произошла революція, и 5-го Гюго переѣзжаетъ границу Франціи. Первое, что онъ увидѣлъ въ ней, это была бѣгущая, разстроенная французская армія. Гюго плакалъ, какъ ребенокъ, и раздавалъ солдатамъ свои вещи и деньги. Онъ въѣхалъ въ Парижъ съ послѣднимъ поѣздомъ, который пропустили изъ-за границы пруссаки. Его встрѣтила огромная толпа народа, которой онъ сказалъ рѣчь съ площадки вагона. Черезъ нѣсколько дней онъ обратился съ посланіемъ къ пруссакамъ, приглашая ихъ прекратить братоубійственную войну, такъ какъ врага ихъ, Наполеона, больше уже нѣтъ во Франціи. Когда оно, какъ и слѣдовало ожидать, не подѣйствовало, и Европа встрѣтила смѣхомъ предложеніе стараго идеалиста, Гюго обратился къ французамъ съ воззваніемъ къ поголовному вооруженію. Во время осады онъ устраивалъ публичныя чтенія, чтобы собирать деньги на раненыхъ и на пушки. Огромнымъ большинствомъ онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Парижа; часто говорилъ рѣчи и энергично дѣйствовалъ во время коммуны противъ нея, а послѣ ея пораженія — въ пользу амнистіи. Въ 1874 г. онъ издалъ свой послѣдній романъ „Девяносто-третій годъ“, въ которомъ старается примирить крайніе взгляды на французскую революцію и энергично проводитъ излюбленную свою мысль, что соціальныя реформы важнѣе политическихъ. Изъ его послѣднихъ стихотворныхъ произведеній симпатичнѣе другихъ: L'art d'être grand père (1877 г.), а больше всего величія, но также и больше всего эмфаза и риторики въ послѣдней части „Легенды вѣковъ“ ***).

Въ 1876 г. Гюго возобновляетъ свою политическую карьеру послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ (его вытѣснили изъ палаты за постоянныя напоминанія объ амнистіи): онъ выбранъ сенаторомъ отъ департамента Сены, сейчасъ же возобновилъ свое требованіе амнистіи и на этотъ разъ добился своего. Между тѣмъ Гюго, какъ писатель, сталъ, можно сказать, предметомъ культа для французовъ: рукописи его изучались, какъ рукописи классиковъ, и издавались со всѣми варьянтами; выгравировали и распродавали по высокой цѣнѣ всѣ его рисунки, хотя онъ рисовалъ очень посредственно. 27 февраля 1881 г. Франція праздновала 79-ую годовщину рожденія поэта (боялись, что онъ не доживетъ до 80-й). Въ Парижъ съѣхались многія сотни депутацій; домъ поэта былъ буквально заваленъ вѣнками и передъ нимъ продефилировало болѣе 500,000 человѣкъ. Черезъ 4 года

*) Les Travailleurs de la Mer. 1866.

**) L'homme qui rit. 1869.

***) La légende des siècles; первые 2 тома 1859, послѣдній въ 1884 г.

Гюго тихо угасъ среди нѣжно любящей его семьи и поклоняющихся ему согражданъ.

Историко-литературное значеніе В. Гюго вполнѣ можетъ быть выяснено только впослѣдствіи, но и теперь съ увѣренностью можно сказать, что оно далеко не исчерпывается его главенствомъ въ романтической школѣ Франціи. Уже въ 40-хъ годахъ стало ясно, что онъ идетъ дальше самыхъ смѣлыхъ ожиданій ея первыхъ поборниковъ: уже тогда поражалъ онъ всю читающую публику небывалымъ до тѣхъ поръ расширеніемъ рамокъ поэзіи; тогда же одинъ изъ его поклонниковъ характеризовалъ его слѣдующимъ «куплетомъ», имѣвшимъ большой успѣхъ:

Sa puissance
Est immense:
Il condense
Mort et danse,
Rire et pleurs;
Il mélange
L'homme et l'ange,
Et la fange
Et les fleurs.

(т.-е. его могущество безгранично: онъ сгущаетъ смерть и пляску, смѣхъ и слезы; онъ смѣшиваетъ человѣка и ангела, грязь и цвѣты).

Позднѣе самъ Гюго, выставляя на первый планъ гражданскую задачу, такъ опредѣляетъ свое значеніе:

J'ai dans le livre, avec le drame, en prose, en vers
Plaidé pour les petits et pour les miserables,
Suppliant les puissants et les inéxorables,
J'ai réhabilité le bouffon, l'histrion,
Tous les damnés humains, Triboulet, Marion,
Le laquais, le forçat et la prostituée *).

Гуманистическое вліяніе должны признать за Гюго даже и всѣ тѣ, въ глазахъ которыхъ отсутствіе натуральности и простоты составляютъ ничѣмъ неискупаемый недостатокъ. Но и этого мало: драмы и романы Гюго являются противовѣсомъ крайнему реализму нашего времени, и бывшій глава романтизма становится на нашихъ глазахъ главою новаго идеализма; его талантливые послѣдователи, число которыхъ, несомнѣнно, будетъ быстро увеличиваться, безъ труда избѣгнуть его недостатковъ; но, сохраняя его сердечную теплоту и отрадное, оптимистическое міросозерцаніе, будутъ имѣть такое же благотворное вліяніе на душу человѣческую и легко оттѣснятъ на подо-

*) „Въ книгѣ, въ драмѣ, прозой и стихами я заступался за малыхъ и несчастныхъ, умоляя могучихъ и неумолимыхъ; я возстановлялъ шута, скомороха, всѣхъ осужденныхъ въ человѣчествѣ: Трибуле, Маріонъ, лакея, каторжника и проститутку".

бающее мѣсто фотографовъ жизни и занимательные, но безъидейные вымыслы литературной промышленности *).

Во многихъ отношеніяхъ полную противуположность Виктору Гюго представляетъ другой выдающійся поэтъ школы, де-Виньи.

Графъ Альфредъ Викторъ де-Виньи род. въ 1799 г. въ городѣ Лошъ въ Турени въ дворянской, роялистически настроенной, но не эмигрировавшей семьѣ, и въ дѣтствѣ испыталъ не мало огорченій. Реставрація возвратила его роднымъ значеніе; будущій поэтъ былъ немедленно принятъ въ королевскую гвардію и скоро произведенъ въ офицеры. Но онъ стремился не къ чинамъ, а къ битвамъ и военной славѣ, и когда онъ убѣдился, что при реставраціи нельзя на это надѣяться, онъ сталъ тяготиться военной службой, пополнялъ чтеніемъ недостатки своего образованія и началъ писать стихи подъ вліяніемъ особенно понравившихся ему Андрея Шенье и Ламартина. Скоро онъ сдѣлался членомъ cénacle'я; но, искренно сочувствуя романтикамъ относительно ихъ стремленій расширить поэтическій кругозоръ и слить поэзію съ правдою жизни, въ формѣ своихъ произведеній онъ оставался вѣренъ классическимъ традиціямъ. У него нѣтъ такъ-называемыхъ ломаныхъ стиховъ (vers brisés), и онъ любитъ красивыя метафоры, которыя даютъ возможность избѣгать употребленія «низкихъ» и слишкомъ реальныхъ выраженій **), вслѣдствіе чего классики и не чувствовали къ нему никогда такой злобы, какъ къ Гюго и другимъ.

Въ 20-хъ годахъ выходятъ вервыя его поэмы (между ними находится Le Cor, гдѣ Виньи съ искусствомъ истиннаго драматурга пользуется сказаніемъ о битвѣ въ Ронсенвальскомъ ущельѣ, Моисей, Элеа, сестра ангеловъ, La Neige и др.); онѣ не имѣли большого

---

*) Литература, по В. Гюго, и не только иностранная, но и русская, такъ обширна, что мы поставлены въ необходимость указать только на немногія особенно выдающіяся явленія. Кромѣ чрезвычайно живо написанной (въ тонѣ панегирика) и богатой фактами книги Barbou: Victor H. et son temps. Paris 1881, прекрасный источникъ представляетъ книга жены поэта: Victor H. raconté par un témoin de sa vie (1-ое изд. Brux. 1863 въ 2 т. на русскій яз. она прекрасно переведена Г. Доппельмейеръ М. 1887). Ср. Edm. Biré: V. H. avant 1830, Paris et Nante 1883. Alfr. Asseline: V. H. intime. Mémoires, Correspondances, Documents inédits, P. 1885. Paul de Saint-Victor: V. H. Paris 1884. G. Barneft-Smith: V. H. his life and works. Lond. 1885. E. Dupuit: V. H. l'homme et le poète. Paris. 1886. Лучшій переводъ по-русски Ватсона (къ сожалѣнію, не напечатанный: вышли только романы въ одномъ большомъ томѣ. Спб. 1887).

**) У него фортепьяно есть instrument mobile, harmonieux ivoire à la touche blanche et noire. Чтобы избѣгнуть слова pendule, онъ прибѣгаетъ къ такому описанію:

Et bien du temps a fui
Depuis que sur l'émail, dans sesdouze demeures
Ils suivent ce compas, qui tourne avec les heures.

успѣха, потому что классическія традиціи были въ то время еще слишкомъ сильны; но тѣ же поэмы, переизданныя въ 1829 г. подъ названіемъ Poèmes antiques et modernes, разошлись въ нѣсколько недѣль, такъ какъ романтическая школа была уже близка къ побѣдѣ и такъ какъ историческій романъ Виньи: «Сенъ-Марсъ или заговоръ при Людовикѣ XIII» (1826 г.), представляющій очень талантливое не подражаніе, а воспроизведеніе и улучшеніе манеры В. Скотта, сдѣлалъ имя его популярнымъ во всей Франціи и Европѣ.

Въ 1826 г. Альфредъ де-Виньи женился на богатой англичанкѣ и черезъ 2 года вышелъ въ отставку, чтобы отдаться всецѣло поэзіи и театру.

Первая поставленная имъ пьеса,—прекрасный и вѣрный (хоть и написанный александрійскими стихами) переводъ Отелло (1829 г.), провалилась, такъ какъ въ то время слово le mouchoir, употребленное въ трагической сценѣ, еще не могло не разсмѣшить французскую зрительную залу. Его оригинальная и очень сценичная (несмотря на нѣкоторый недостатокъ единства) трагедія «Жена маршала д'Анкръ» *), тоже вдохновленная Шекспиромъ, имѣла успѣхъ посредственный; за то третья его пьеса — трагедія «Чаттертонъ» (1835 г.) возбудила почти такой же восторгъ публики, какъ Эрнани Гюго **).

Въ томъ же 1835 г. выходитъ прекрасно написанная книга Виньи: «Servitude et grandeur militaire» — рядъ очерковъ изъ хорошо извѣстной автору военной жизни, проникнутыхъ оригинальной идеей—о солдатѣ мученикѣ, и съ нею высокоталантливый поэтъ почти сходитъ со сцены: онъ пишетъ изрѣдка новеллы, комедіи, изрѣдка помѣщаетъ въ журналахъ стихотворенія ***), но больше наслаждается славой за прошлое и, какъ будто опасаясь повредить ей, многое оставляетъ въ своемъ портфелѣ.

Въ 1845 г. де-Виньи былъ сдѣланъ членомъ академіи, а умеръ въ 1863 г. ****).

Въ Альфредѣ де-Виньи, какъ замѣчаетъ Фаге [5]), артистъ

---

*) La maréchale d'Ancre.

**) Сюжетъ ея Виньи взялъ у самого себя изъ цикла новеллъ „Stello ou les diables bleus», гдѣ для выясненія сущности и особенностей творческаго генія обработалъ между прочимъ исторію рано погибшаго англійскаго поэта Чаттертона. Въ трагедіи изъ этого явилось обоготвореніе поэта вообще, который никуда не годенъ въ жизненной борьбѣ, но великъ въ мощи своего духа, и настойчивое воззваніе къ обществу съ требованіемъ отстранять всѣ житейскія непріятности отъ такихъ избранниковъ.

***) Они собраны въ 1843 г. подъ назв. Poèmes philosophiques.

****) Въ 1864 г. изданы его посмертныя поэмы въ сборникѣ Les destinées, а въ 1867 г. Louis Ratesbonne издалъ его записки подъ названіемъ: Journal d'un poète. По этому поводу см. статью Émile Montegut въ Revue d. d. M. 1867 т. LXVIII.

[5]) Faguet: Études littéraires etc. стр. 145 и слѣд.

ниже поэта, тогда какъ въ Гюго поэтъ значительно ниже артиста; иначе сказать, Виньи не съумѣлъ эксплуатировать тѣ громадныя творческія силы, которыя были въ душѣ его. Онъ безусловно оригинальный и вполнѣ субъективный поэтъ, и только онъ да Мюссе изъ всѣхъ французскихъ романтиковъ и могутъ претендовать на сравненіе съ Байрономъ. Онъ вѣчный и искренній страдалецъ, самый логичный изъ семейства Рене; онъ обожаетъ идеалъ и не вѣритъ въ него. Съ одной стороны, онъ глубоко убѣжденный пессимистъ относительно возможности достигнуть на землѣ счастія; съ другой стороны, онъ столь же твердо вѣруетъ въ несокрушимую силу человѣческаго духа, въ способность человѣка всецѣло отдаваться чувству и идеалу и молча, съ достоинствомъ сносить страданія,—несправедливости и даже полное отчаяніе. Для него мудрость есть ни что иное, какъ тихое отчаяніе безъ гнѣва и упрековъ провидѣнію *); онъ находитъ спасеніе въ самой безнадежности на спасеніе. У него молча страдаетъ и гибнетъ «сестра ангеловъ», прелестная Элеа, которая изъ жалости и любви отдалась во власть сатанѣ; съ благородной гордостью 18-лѣтній Чаттертонъ отвергаетъ всѣ унизительныя предложенія и умираетъ отъ яду; въ одной изъ его послѣднихъ пьесъ взоръ «Умирающаго волка» говоритъ:

Работай надъ собой
И духъ свой укрѣпляй суровою борьбой
До непреклонности и твердости могучей;
Молиться, плакать, ныть—все подло, все равно;
Иди безтрепетно, всѣхъ въ мірѣ ждетъ одно **).

Въ большихъ по объему произведеніяхъ Виньи мало выдержки, за то какъ лирикъ онъ, кромѣ Мюссе, не имѣетъ себѣ равнаго между французскими романтиками. Изъ предшественниковъ онъ ближе всего къ Андрею Шенье по строгости, трезвости и простотѣ мыслей и ихъ выраженія; но у Шенье еще слишкомъ много эллинскаго архаизма, между тѣмъ какъ Виньи вполнѣ современный поэтъ.

Альфредъ Мюссе—наиболѣе сильный творческій талантъ и самый свѣтлый умъ между французскими романтиками; еслибъ онъ имѣлъ возможность эксплуатировать всѣ свои силы, онъ одинъ составилъ бы цѣлую школу, но и при неблагопріятныхъ данныхъ положеніе его въ европейской литературѣ независимо и высоко.

Мюссе род. въ 1810 г.; онъ былъ сынъ чиновника изъ дворянъ,

*) Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: Un désespoir paisible, sans convulsion de colère et sans reproche au ciel est la sagesse même.

**) Переводъ Курочкина. Совр. 1864 № 7. „Сенъ-Марсъ" переведенъ Очкинымъ въ 1835 г.; въ томъ же году переведены „Стелло или синіе дьяволы" и „Чаттертонъ" (Воейковымъ). См. въ Вѣстн. Евр. 1868 № 9 удачный переводъ „Грѣшницы" Буренина.

небогатаго, но очень образованнаго человѣка, который своими историческими монографіями и повѣстями составилъ себѣ (подъ именемъ Musset-Pathay) нѣкоторую извѣстность въ литературѣ. Второй его сынъ, Альфредъ, учился въ коллегіи Генриха IV, гдѣ его товарищемъ былъ старшій сынъ Людовика Филиппа, остававшійся потомъ всю жизнь другомъ поэта.

Альфредъ обладалъ выдающимися способностями и симпатичностью, но долго не зналъ, на чемъ ему остановиться: онъ изучалъ и право, и медицину; одно время дѣятельно готовился стать живописцемъ; но все это скоро пресыщало его; только чтенію поэтовъ предавался онъ съ постояннымъ усердіемъ. 18 лѣтъ, несмотря на небольшія средства, Альфредъ Мюссе былъ уже вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ и съ увлеченіемъ отдавался всѣмъ удовольствіямъ парижской жизни. Тогда же онъ сдѣлался членомъ cénacle'я и представилъ свои первые поэтическіе опыты главѣ молодой школы—Гюго. Тотъ одобрилъ его начинанія, и въ 1830 г. выходитъ первый сборникъ стихотвореній Мюссе: Les contes d'Espagne et d'Italie. Это рядъ лирическихъ поэмъ, высказывающихъ несомнѣнный и оригинальный талантъ и сильный, самостоятельный умъ: стихъ его энергиченъ и вполнѣ свободенъ отъ риторики, какъ классической, такъ и романтической: здѣсь нѣтъ антитезъ, нѣтъ никакого слѣда напыщенности и стремленія взобраться на пьедесталъ; мысль изложена просто и точно; настроеніе поэта съ необыкновенной быстротой переходитъ отъ глубокой грусти въ добродушный юморъ, а чаще—въ сарказмъ и горькую иронію, больше всего напоминающую Байрона въ его Донъ-Жуанѣ; подобно Байрону, Мюссе любитъ востокъ и Испанію и подобно ему прикрываетъ циничнымъ смѣхомъ свое глубокое отчаяніе; обманутый любовницей и другомъ, юный поэтъ не вѣритъ въ людей и готовъ во всемъ идти имъ наперекоръ. На молодежь эта новая, такъ сказать, нигилистическая романтика, проникнутая тѣмъ ésprit, который такъ высоко цѣнятъ французы и котораго совсѣмъ лишенъ Гюго, подѣйствовала очень сильно; ей нравилась и чувственность Мюссе, и его дерзкая мизантропія, и необыкновенная простота и ясность формы.

Черезъ 2 года выходитъ небольшое собраніе пьесъ Мюссе, большею частью въ стихахъ, подъ оригинальнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ сущности предмета заглавіемъ: С п е к т а к л ь в ъ к р е с л ѣ (Un spectacle dans un fauteuil); пьесы эти вовсе не предназначены для сцены; въ нихъ видно стремленіе проникнуть во всѣ изгибы человѣческаго сердца и умѣнье соединить оригинальную философію съ веселыми картинками жизни.

Въ слѣдующемъ 1833 г. въ новомъ журналѣ Revue de deux

mondes [1]) выходитъ одно изъ самыхъ характерныхъ произведенiй Мюссе—небольшая поэма Ролла.

Герой поэмы Jacques Rolla, небогатый дворянинъ, не желающiй работать и дающiй полную волю своимъ страстямъ, дѣлитъ свое имущество на три части и прокучиваетъ его въ три года. На послѣднiя деньги онъ устраиваетъ себѣ послѣднiй пиръ, приглашаетъ гризетку и въ ея объятiяхъ готовится умереть отъ принятаго яду. Теплое участiе и доброта подруги его послѣднихъ часовъ трогаютъ его сердце и скрашиваютъ его смерть [2]).

Обрисовавъ своего героя, поэтъ обращается съ упреками къ вѣку просвѣщенiя и Вольтеру, который развилъ въ насъ страсть къ анализу и уничтожилъ вѣру [3]). Такимъ образомъ Мюссе является и живописцемъ пороковъ ложной цивилизацiи своего времени и ежедневно усиливающагося эгоизма и убѣжденнымъ обличилелемъ ихъ.

Въ томъ же году Мюссе сближается съ Жоржъ-Сандъ и скоро вмѣстѣ съ нею уѣзжаетъ въ Венецiю [4]). Связь двухъ поэтовъ, какъ извѣстно, скоро окончилась разрывомъ (въ апрѣлѣ 1834 г.), но она принесла большую пользу обѣимъ сторонамъ. Жоржъ-Сандъ стала больше обращатъ вниманiя на форму своихъ произведенiй, а Мюссеересталъ смотрѣть на поэзiю, какъ на капризъ и забаву, и сдѣлался истинымъ художникомъ. Отъ 1834 до 1839 г. включительно—лучшее время его творчества: кромѣ массы стихотворенiй онъ печатаетъ рядъ полныхъ мысли и оригинальности драматическихъ произведенiй [5]) и автобiографическiй романъ: «Исповѣдь сына вѣка» [6]), одно изъ самыхъ характерныхъ созданiй XIX столѣтiя.

---

[1]) Въ № 15 августа. На русскiй яз. переведена Н. Грековымъ. М. 1867 г.

[2]) Узнавъ о печальномъ положенiи его дѣлъ, она говоритъ:

Je voudrais pour tout bien te faire une demande,
Murmura-t-elle enfin: moi je n'ai pas d'argent,
Et sitôt que j'en ai, ma mère me le prend.
Mais j'ai mon collier d'or; veux tu que je le vende?
Tu prendras ce qu'il vaut, et tu l'iras jouer.

Тогда озлобленный скептикъ „baisa son collier“ и „dans ce chaste baiser son âme était partie“.

[3]) Voilà pourtant ton oeuvre, Arouet, voilà l'homme
Tel que tu l'as voulu и т. д.

[4]) Чрезвычайно красивый, картинный разсказъ о знакомствѣ ихъ см. у Брандеса, l. c. V, 120 и слѣд.

[5]) Fantasio (1834), On ne badine pas avec l'amour (id.), La Quenouille de Barberine (1835), Le Chandelier (id.), Lorenzaccio (1836), Il ne faut jurer de rien (id.), Un Caprice (1837).

[6]) La Confession d'un enfant du siècle 1836. По-русски отд. книгой Спб. 1871 г.

Въ немъ всего два дѣйствующихъ лица: герой Октавъ, въ которомъ личность поэта доведена до высокой типичности—онъ уже въ 20 лѣтъ дошелъ до полнаго отчаянія въ себѣ и въ людяхъ, а затѣмъ и до безобразнаго цинизма, но подъ вліяніемъ истинной любви будто излѣчивается отъ этой нравственной болѣзни, чтобы скоро ощутить въ себѣ другую еще худшую — безпричинное невѣріе въ горячо любимую женщину, и героиня Бригитта Пирсонъ, въ основѣ которой лежатъ главныя черты на-вѣки утраченной для Мюссе Авроры Дюдеванъ, его единственной глубокой любви; это одинъ изъ лучшихъ женскихъ характеровъ, созданныхъ нашимъ женственнымъ вѣкомъ; она — живая женщина, изъ мяса и костей, съ обычными женскими слабостями француженки, а въ то же время высоко-идеальная личность. Октавъ прекрасно понимаетъ ее, безумно любитъ и въ то же время мучитъ ее своими подозрѣніями, мучитъ до тѣхъ поръ, пока Бригитта разлюбила его и полюбила другого. Только тогда онъ проявляетъ нѣкоторое мужество: онъ подозрѣваетъ истину, страшно боится ея, но добивается ея всѣми силами, а добившись, отказывается отъ жертвы Бригитты и радуется, что изъ трехъ несчастныхъ въ концѣ концовъ несчастнымъ остается только онъ одинъ. Въ этомъ сознаніи онъ находитъ особое наслажденіе и нѣкоторое примиреніе съ жизнью.

Октавъ есть дальнѣйшее развитіе Рене и Обермана, осложненное глубиною байроновскаго анализа. Въ немъ разочарованность доходитъ до полнѣйшаго нравственнаго нигилизма, дальше котораго идти нельзя; жизнь становится уже не мученіемъ, а отвратительнымъ бременемъ, отъ котораго только одно спасеніе—смерть à la Ролла.

Великая заслуга Мюссе въ томъ, что онъ, не щадя самого себя, снялъ съ «героя нашего времени» красивый плащъ Гарольда и вскрылъ скальпелемъ его истерзанное и отравленное сердце; оказалось, что онъ страдаетъ не отъ избытка чувствительности, какъ его предшественники, а отъ полнаго отсутствія ея; «одно только благо осталось мнѣ на свѣтѣ, говоритъ Мюссе, это сознаніе того, что я когда-то плакалъ» *).

Въ этотъ же періодъ выходитъ нѣсколько повѣстей Мюссе и въ томъ числѣ „Фредерикъ и Бернеретта" **), одно изъ самыхъ совершенныхъ и по формѣ и по содержанію произведеній реалистической романтики. Сюжетъ повѣсти необыкновенно простъ: смерть молодой дѣвушки, покинутой своимъ любовникомъ. Ни герой, ни героиня нисколько не идеализированы: онъ самый заурядный и безхарактерный человѣкъ; она—гризетка, привыкшая чуть не съ младенчества жить на содержаніи. Ихъ исторія разсказана безъ всякихъ украшеній и эффектовъ небрежнымъ тономъ свѣтскаго, порядочно развращеннаго человѣка, избѣгающаго всякихъ „чувствительностей". Но именно вслѣдствіе этой простоты и небрежности, вслѣдствіе недовѣрія автора къ благородству человѣческой натуры то хорошее, что изображаетъ онъ, дѣйствуетъ особенно сильно: послѣднее письмо Бернеретты—верхъ совершенства по глубинѣ неподкрашеннаго трагизма, и немногіе могутъ читать его безъ слезъ. Подобныя трагическія исторіи у Гюго по сравненію съ этой маленькой повѣстью то же, что красивая декорація, написанная

*) Le seul bien qui me reste au monde c'est d'avoir quelque fois pleuré.

**) Русскій переводъ см. Современникъ 1847 г. т. II (она появилась въ Rev. d. d. Mondes 15 янв. 1838. Тамъ же Emmeline 1 авг. 1837, Les deux maitresses 1 ноября 1837, Le fils du Titien 1 мая 1838, Margot 1 окт. 1838, Croisilles 15 февр. 1839.

широкими мазками кисти и освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, по сравненію съ маленькой, но полной правдивой прелести нидерландской картинкой. У Гюго гризетка, чтобы заслужить наше сочувствіе, должна стать героиней; у Мюссе гризетка такъ и остается гризеткой; но мы не можемъ не видѣть въ ней человѣка и плачемъ надъ ея гробомъ, какъ надъ гробомъ несчастной сестры.

Начиная съ 1836 г. Мюссе выступаетъ съ рядомъ прозаическихъ сатиръ на крайности того самаго романтизма, которому въ своихъ раннихъ произведеніяхъ онъ служилъ съ такимъ усердіемъ; вотъ какъ, напр., онъ пародируетъ стиль крайнихъ романтиковъ, опредѣляя устами одного изъ нихъ новую поэзію: «романтизмъ это плачущая звѣзда, кричащій вѣтеръ, дрожащая ночь, летающій цвѣтокъ, благоухающая птица; это неожиданное метаніе, томительный экстазъ, водоемъ подъ пальмами, румяная надежда и ея тысяча любвей, ангелъ и жемчугъ, бѣлая одежда ивъ, о, это прекрасная вещь! Это безконечное и звѣздчатое, горячее, изломанное, разслабленное, и въ тоже время полное и круглое, діаметральное, пирамидальное, оріентальное, голое, сдавленное, затрудненное, крутящееся. Это новая наука, это провиденціальная философія, геометрически измѣряющая совершенные факты, потомъ устремляющаяся въ неопредѣленность опытовъ, чтобы отчеканить на нихъ секретныя фибры» и т. д. *). Мюссе смѣется и надъ страстью къ мѣстному колориту, и надъ стремленіемъ къ ужасамъ; но само собою разумѣется, что и соперникамъ романтиковъ съ ихъ школьной мудростью, утилитаризмомъ и дешевой моралью отъ него достается по крайней мѣрѣ столь же сильно **).

Вполнѣ независимымъ отъ «школы» Мюссе оказывается въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ: онъ, правда, не заботится о единствахъ и въ «Лоренцаччіо» и «Прялкѣ Барберины» не пренебрегаетъ мѣстнымъ колоритомъ; но онъ не стремится къ сценическимъ эффектамъ, ненавидитъ крайности и рѣзкости и сосредоточиваетъ всѣ свои силы на тонкостяхъ психологіи и живости діалога. Въ его драматическихъ произведеніяхъ, какъ и въ повѣстяхъ, особенно поражаютъ своей живостью женскіе характеры; его героини—сама природа, но природа въ высшей степени интересная и прекрасная, хотя и не подкрашенная.

---

*) Le romantisme c'est l'étoile qui pleure, c'est le vent qui vagit, c'est la nuit qui frisonne, la fleur qui vole et l'oiseau qui enbaume; c'est la jet inespéré, l'extase alanguie, la citerne sous les palmiers, et l'espoir vermeil et ses mille amour, l'ange et la perle, la robe blanche des saules, ô la belle chose, monsieur! C'est l'infini et l'étoilé, le chaud, le rompu, le désenivré et pourtant eu même temps le plein et le rond, le diamétral, le pyramidal, l'oriental le un à vif, l'étreint, l'embrassé, le tourbillonant; quelle science nouvelle! C'est la philosophie providentielle géométrisant les faits accomplis, puis s'élançant dans le vague des expériences pour y cyseler des fibres secrètes etc.

**) См. статью Les Humanitaires. Revue d. d. M. 1 дек. 1836.

Большинство пьесъ Мюссе—такъ-называемыя пословицы (proverbes), видъ, если не изобрѣтенный имъ *), то во всякомъ случаѣ имъ прославленный; proverbe отличается отъ другихъ видовъ комическаго представленія простотою и несложностью содержанія и тѣмъ, что предназначается не для большой зрительной залы, а для салона; въ ней дѣйствія мало и весь интересъ сосредоточивается въ остроумномъ діалогѣ. Для Мюссе, который самъ сознавалъ несценичность своихъ пьесъ **) и который не любилъ работать надъ большими вещами, такая форма была очень удобна, и его proverbes пользовались большимъ успѣхомъ въ чтеніи. M-me Алланъ, даровитая актриса, въ первый разъ поставила нѣкоторыя изъ нихъ на французской сценѣ въ Петербургѣ, а уже оттуда перешли онѣ и въ Парижъ, гдѣ къ тому времени чисто-романтическая драма успѣла всѣмъ порядочно надоѣсть. Въ виду успѣха пословицъ Мюссе приспособилъ для сцены и нѣкоторыя изъ своихъ комедій.

Особенною живостью діалога и дѣйствія отличается комедія „Не должно ни въ чемъ клясться" ***), въ которой свѣтскій кутила, не вѣрящій въ добродѣтель женщины и поклявшійся никогда не жениться послѣ того, какъ увидалъ женатаго пріятеля, надѣвавшаго разорванную перчатку, увлеченъ добродѣтелью и умомъ простой наивной дѣвушки, и комедія „Подсвѣчникъ", гдѣ скромный писецъ ревниваго мужа, играющій сперва жалкую роль подставного любовника, своей безпритязательностью и самопожертвованіемъ пріобрѣтаетъ сердце хозяйки.

Съ 1840 г. талантъ Мюссе повидимому клонится къ упадку, но только потому, что самъ поэтъ не думаетъ о его совершенствованіи; его мучитъ постоянная тоска и, чтобы затушить ее, онъ все чаще и чаще прибѣгаетъ къ абсенту. Его другъ, принцъ Орлеанскій доставилъ ему должность библіотекаря при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая была чистѣйшей синекурой. Революція 1848 г. лишила его этого мѣста, но Наполеонъ III возвратилъ его поэту, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ чтецомъ императрицы; но обезпеченное положеніе не усилило творческой энергіи Мюссе. Только въ 1852 г. послѣ долгихъ колебаній академія «безсмертныхъ» допустила его въ свою среду; ожидали, что эта почесть пробудитъ его дремлющія силы; ожидали

*) Proverbes первоначально разыгрывались экспромптомъ, какъ итальянская comedia dell'arte. Въ XVIII в., какъ сочинитель пословицъ, пріобрѣлъ большую извѣстность поэтъ Кармонтель (Carmontelle 1717—1806), чтецъ и ordonnateur des fêtes при дворѣ Орлеанскомъ, отличавшійся необыкновенной плодовитостью (14 томовъ его пьесъ напечатано, а непечатныхъ, говорятъ, хватило бы на 100 томовъ). Въ XIX в. въ этомъ родѣ творчества отличался Леклеркъ (Michel Leclercq 1777—1851), написавшій много пословицъ (нѣкоторая часть ихъ имѣетъ цѣлью политическую сатиру) и устроившій для ихъ разыгрыванія очень недурную труппу любителей.

**) Сборникъ ихъ, вышедшій въ 1836 г., онъ назвалъ „Les comédies injouables.

***) По-русски переведена подъ назв. „Женскій умъ лучше всякихъ думъ" въ Библ. д. чт. 1837, № 23.

съ нетерпѣніемъ вступительной рѣчи Мюссе; рѣчь его была умна, какъ и все, что̀ исходило изъ головы его, но спокойна, почти холодна и строго ограничена обычнымъ сюжетомъ.

Во время одной поѣздки въ провинцію, Мюссе полюбилъ дѣвушку изъ хорошей фамиліи, которая, въ свою очередь, искренно привязалась къ нему. Родные ея были согласны на бракъ, но только просили у поэта обѣщанія бросить пить; онъ отказался, не разсчитывая на силу своей воли.

Послѣдніе годы жизни онъ писалъ чрезвычайно мало *), а почти все время проводилъ въ кафе съ чашкой абсента передъ собою, за шахматной доскою; онъ игралъ иногда по 8 партій подъ-рядъ; весь его литературный геній шелъ только на каламбуры, которые сочинялъ онъ въ компаніи съ нѣсколькими присяжными остряками. Онъ умеръ въ 1857 г.

Мюссе всю жизнь работалъ какъ разъ наоборотъ противъ извѣстнаго правила Горація: онъ писалъ порывами, въ минуты вдохновенія, и если ему сразу не удавалась форма, въ которой должна была отлиться идея, онъ бросалъ и самую идею.

Какъ лирикъ, онъ прежде всего поражаетъ своей безусловной искренностью **), оригинальностью и простотой. «Мой стаканъ не великъ, но я пью изъ моего стакана» ***), говоритъ онъ самъ о себѣ; простота иныхъ пѣсенъ этого дэнди сдѣлала ихъ столь же популярными среди французовъ, какъ и пѣсни Беранже.

Мюссе самъ указываетъ на огромное вліяніе, какое имѣлъ на него Байронъ; но по манерѣ онъ оставался всегда французомъ, изящнымъ, легкимъ, никогда не забывающимъ чувства мѣры; по настроенію онъ гораздо несчастнѣе Байрона: Байронъ кутается въ величіе своей разочарованности и гордится своимъ скептицизмомъ; Мюссе презираетъ себя и свое поколѣніе за эту преждевременную разочарованность, а его скептицизмъ мучитъ его и лишаетъ жизнь его нравственной идеи и всякаго смысла ****). Онъ представитель и любимый поэтъ людей съ обширнымъ и трезвымъ умомъ, съ жаждой вѣры и идеаловъ, но разъѣденныхъ до костей сомнѣніемъ и эгоизмомъ, тѣхъ людей, которые послѣ оргіи бѣгутъ въ церковь и обливаются слезами, чтобы черезъ часъ послѣ этого ядовито издѣваться надъ религіей и нравственностью.

*) Любопытно, что чѣмъ ниже падалъ онъ въ жизни, тѣмъ болѣе идеализировалъ человѣка въ своихъ произведеніяхъ (см. пьесы Bettine 1851 г., Carmosine 1852 г.).

**) Celui-là au mioins n'a jamais menti, сказалъ о немъ С. Бевъ.

***) Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre.

****) По его убѣжденію просвѣтители принесли страшный вредъ человѣчеству:

L'hypocrisie est morte: on ne croit plus aux pretres.
Mais la vertu se meurt: on ne croit plus à Dieu.

Въ историко-литературномъ отношеніи Мюссе представляетъ чрезвычайно вліятельную реакцію противъ академическаго идеализма и всякой реторической вычурности; онъ посредникъ между романтиками и реалистами; отъ него недалеко до Бальзака, Флобера; мы сказали бы: и до Золя, еслибъ уваженіе къ искусству, любовь къ людямъ, обширный умъ и тонкій вкусъ не воздвигли стѣны между Мюссе и реалистами 40-хъ и 50-хъ годовъ съ одной стороны и современными фотографами низкихъ страстей человѣка съ другой.

Письма Мюссе изданы и біографія его написана его старшимъ братомъ Полемъ Мюссе (ум. въ 1880 г.) *), который тоже былъ довольно извѣстнымъ писателемъ: въ свое время его романы и повѣсти читались съ большимъ интересомъ, благодаря его наблюдательности и умѣнью разсказывать. Поль Мюссе — болѣе послушный ученикъ романтиковъ, чѣмъ его братъ Альфредъ; онъ усиленно заботится о мѣстномъ колоритѣ (преимущественно итальянскомъ, который онъ дѣйствительно знаетъ хорошо) и чувствуетъ склонность къ таинственному, провиденціальному, къ чудакамъ и помѣшаннымъ. Когда послѣ смерти Альфреда Жоржъ Сандъ нѣсколько односторонне изобразила свои отношенія къ покойному въ романѣ: Elle et lui, Поль Мюссе отвѣтилъ ей книгою Lui et elle, которая тоже содержитъ въ себѣ матеріалъ для біографіи А. Мюссе **).

Родствененъ Альфреду Мюссе по силѣ ума и по стремленію къ реализму другой вполнѣ оригинальный, хотя далеко не столь талантливый писатель, Анри Бейль (Beyle), болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Стендаля, подобно Нодье связывавшій XVIII вѣкъ съ тридцатыми годами, но вполнѣ независимо относившійся къ принципамъ новой школы. Бейль род. въ 1783 г. въ Греноблѣ; отецъ его былъ землевладѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскій адвокатъ, очень строгій и требовательный къ сыну; мать Бейля была итальянка. Онъ получилъ очень хорошее первоначальное образованіе, рано задумалъ сдѣлаться живописцемъ и въ 1799 г. явился въ Парижъ, гдѣ попалъ на службу въ канцелярію Дарю. Уже въ 1800 г. Бейль участвуетъ въ итальянской войнѣ и присутствуетъ при низверженіи австрійскаго владычества въ Италіи; затѣмъ, оставивъ службу, онъ

---

*) Онъ же издалъ и полное собраніе сочиненій А. Мюссе въ 10 томахъ (Paris, 1865—8; 2-ое изд. 1876).

Объ А. Мюссе см. Paul Lindau: Alfred de Musset, 2-ое изд. Berl. 1877. Также Montégut: Esquises littéraires R. d. d. M. 1881, 1 мая и 1 іюня. По-русски кромѣ вышеуказ. нѣсколькихъ повѣстей и массы мелкихъ стихотвореній см. Намуна, Отеч. Зап. 1876 г. № 10 перев. Минаева; „Люція“ Загр. Вѣстн. 1882, № 5, пер. Минскаго и мн. др. и также пословицы: „Нужно, чтобы дверь была отворена, либо затворена“ (Соврем. 1848 г. № 12) и др.

**) На русск. яз. изъ П. Мюссе перев. романъ „Жанъ Счастливецъ“, М. 1852 г. 5 частей; повѣсть „Бешельязецъ“ (Библ. для Чт. 1851, №№ 7 и 8), „Сицилійскія воспоминанія“ (Совр. 1852 № 3, смѣсь), „Бастарда, сцены изъ сицилійской жизни“ (Совр. 1855, т. L.).

ѣдетъ въ Парижъ. гдѣ изучаетъ Монтеня, Монтескье и продолжаетъ заниматься живописью; но, влюбившись въ провинціальную актрису, онъ уѣзжаетъ съ нею въ Марсель и поступаетъ въ приказчики. Съ 1806 г. онъ снова на службѣ, на этотъ разъ въ Германіи, собираетъ контрибуцію, завѣдуетъ госпиталями и т. д. Въ 1812 г. онъ участвуетъ въ походѣ на Россію и во время отступленія великой арміи исполняетъ печальную обязанность генералъ-директора интендантства. Послѣ паденія Наполеона Бейль оставилъ службу и жилъ преимущественно въ Миланѣ, посѣщалъ театръ и охотно знакомился съ туземными и иностранными писателями, между прочимъ съ Байрономъ, Шлегелемъ и M-me Сталь. Тамъ началъ онъ свою литературную карьеру монографіями по исторіи музыки и живописи *); слогъ ихъ чрезвычайно простъ и даже сухъ; мысли оригинальны и часто парадоксальны. Въ 1821 г. австрійская полиція заподозрила его въ карбонаризмѣ и выгнала изъ Милана; тогда онъ переселился въ Парижъ и жилъ въ обществѣ знаменитостей оппозиціи и новой литературной школы. Въ 1825 г. онъ написалъ монографію о Расинѣ и Шекспирѣ, отъ которой романтики были въ восторгѣ. Послѣ 1830 г. Бейль опять поступилъ на службу и получилъ назначеніе на мѣсто генеральнаго консула въ Тріэстѣ, а когда Меттернихъ не допустилъ его остаться тамъ, онъ переѣхалъ въ томъ же званіи въ Чивитта-Веккію. Когда въ 1840 г. Франція проявила крайнюю уступчивость въ восточномъ вопросѣ, онъ собственною консульскою властью освободилъ себя отъ французскаго подданства, что тогда надѣлало много шуму. Онъ ум. въ 1842 г. въ Парижѣ, куда пріѣхалъ для свиданія съ родными. На могилѣ у себя онъ велѣлъ написать по-итальянски «Арриго Бейль миланецъ писалъ, любилъ и жилъ 59 лѣтъ» **).

Бейль искренно презиралъ французовъ за ихъ шаблонность и подражательность и за страсть жить по модѣ; самъ онъ всегда былъ готовъ идти наперекоръ общепринятому, и такъ какъ молодость его прошла во время реакціи противъ XVIII вѣка, то онъ представлялъ изъ себя реакцію противъ реакціи и крайне охотно выставлялъ на видъ свой апріорный скептицизмъ, который онъ соединялъ съ рефлексомъ и горькимъ пессимизмомъ людей, переживпихъ революцію и имперію. Въ романтизмѣ онъ симпатизировалъ широтѣ его художественнаго кругозора, отсутствію формализма и чопорности, снисходительности къ капризу художника и уничтоженію границъ между прекраснымъ и не прекраснымъ; но фантастичность и другія столь же существенныя стороны новой школы были совершенно чужды его

*) Lettres sur Haydn 1814, Vie de Haydn, Mozart et Métastase 1817 (подъ псевдонимомъ Bombet) и др.

**) Arrigo Beyle milanese scrisse, amó, visse anni 59.

холодному и вдумчивому уму. Бейль имѣлъ «романтическую» страсть къ мистификаціямъ: онъ подписывалъ псевдонимами не только свои произведенія, предназначавшіяся для печати *), но и письма къ друзьямъ, которыхъ тоже никогда не называлъ настоящими именами (будто бы изъ страха полиціи), указывалъ несуществующіе источники для своихъ вымысловъ и т. д. Онъ не заботился объ отдѣлкѣ своихъ произведеній, не приноравливался ко вкусу публики и былъ убѣжденъ, что пишетъ для небольшого кружка читателей; дѣйствительно, при жизни онъ былъ очень мало популяренъ, а былъ оцѣненъ только въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Особенно высоко ставитъ его Тэнъ, у котораго Бейль предвосхитилъ, между прочимъ, основную мысль его чтеній объ искусствѣ—о неразрывной связи среды съ характеромъ творчества.

Слава Бейля въ большой публикѣ основывается главнымъ образомъ на его романѣ: «Красное и черное, хроника XIX столѣтія» **), который многіе считаютъ первымъ реалистическимъ романомъ во Франціи; этотъ романъ построенъ на дѣйствительномъ фактѣ—смертной казни одного безансонскаго духовнаго, который, въ припадкѣ любовной ярости, убилъ мать своихъ воспитанниковъ.

Герой Бейля—Жюльенъ Сорель, сынъ крестьянина, получившій образованіе которое, вмѣстѣ съ природнымъ умомъ, поставило его гораздо выше его грубой среды. Онъ страшно гордъ, эгоистиченъ и честолюбивъ; еслибъ онъ жилъ при Наполеонѣ, онъ сдѣлался бы солдатомъ; теперь при реставраціи онъ готовится въ духовные (хоть и не вѣритъ въ Бога), такъ какъ убѣжденъ, что имъ предназначено господствовать. Попавъ учителемъ въ домъ провинціальнаго дворянина Реналя, онъ рѣшается соблазнить добродѣтельную M-me де Реналь и успѣваетъ въ этомъ. Когда ихъ связь открыта, онъ поступаетъ въ семинарію, гдѣ отцы-іезуиты доканчиваютъ его развращеніе. Оттуда Жюльенъ попадаетъ въ Парижъ въ аристократическій домъ и тамъ соблазняетъ гордую дочь хозяина и покоряетъ ее своей волѣ. Уже готовится ихъ свадьба, когда получается письмо отъ г-жи Реналь, которое разоблачаетъ прошлое Жюльена. Онъ ѣдетъ въ провинцію и въ церкви стрѣляетъ въ свою бывшую любовницу. Передъ казнью Жюльенъ приходитъ къ убѣжденію, что такъ-называемые великіе люди—только ловкіе мошенники, которые были столь счастливы, что ихъ не захватили на мѣстѣ преступленія, что нужда есть первый и высшій законъ и т. д. Несмотря на всѣ мерзости, имъ совершаемыя и проповѣдуемыя, женщины, имъ погубленныя, любятъ его до забвенія самихъ себя, такъ какъ чувствуютъ въ немъ присутствіе огромной силы.

Романъ написанъ очень небрежно; въ немъ вообще мало искусства, но много ума и силы; жизнь передана плохо, но психологическія наблюденія поражаютъ своей глубиной и точностью ***). Дѣй-

---

*) Псевдонимъ Стендаля онъ взялъ отъ мѣста рожденія Винкельмана, такъ какъ очень уважалъ основателя исторіи искусства.

**) Le Rouge et le Noir, chronique du XIX siècle. 1830—1 г. въ 4-хъ томахъ.

***) Брандесъ (o. c. V, 228—270) приводитъ рядъ такихъ тонкихъ наблюденій, которыя вполнѣ оправдываютъ похвальбу Бейля, что его спеціальность—изученіе чело-

ствующія лица вовсе не отличаются полнотой и живостью, но въ каждомъ изъ нихъ есть такая черточка, которая дѣлаетъ его замѣчательно нагляднымъ и поучительнымъ.

Характеръ героя имѣетъ важное историческое значеніе: примѣръ Наполеона породилъ массу маленькихъ Наполеоновъ, которые, ради личнаго возвышенія, ни передъ чѣмъ не останавливались. Это была болѣзнь вѣка, и Бейль, обнаруживъ и изслѣдовавъ ее, оказалъ огромную услугу обществу.

Трудно согласиться съ тѣми критиками, которые возлагаютъ на автора отвѣтственность за недостатки Жюльена Сореля, будто бы выражающаго идеалъ автора *); это все равно, что утверждать, будто Раскольниковъ, у котораго исходная точка тотъ же Наполеонъ, есть идеалъ Достоевскаго. Раскольниковъ и Сорель различаются главнымъ образомъ тѣмъ, что одинъ мечтаетъ объ общемъ благѣ, а другой о личномъ благополучіи; но способъ дѣйствія и результатъ—тѣже. Роману: Le Rouge et le Noir предшествовала повѣсть: «Армансъ» **), представляющая скорѣй физіологическій, чѣмъ психологическій интересъ и не понравившаяся публикѣ; а за нимъ послѣдовалъ въ 1839 г. романъ: La chartreuse de Parme, въ которомъ Бейль изображаетъ рядъ картинъ изъ итальянской придворной жизни. Бальзакъ встрѣтилъ этотъ романъ восторженной похвалой; онъ увѣряетъ, что прочелъ его три раза и ощутилъ что-то въ родѣ счастья. Бейль здѣсь столько же на своемъ мѣстѣ, сколько и въ изложеніи уголовнаго дѣла, такъ какъ острая его наблюдательность въ такой же степени способна проникнуть въ тайны политическихъ интригъ, въ какой и въ тайны души квалифицированнаго убійцы. Лучшій характеръ здѣсь графъ Моска, глава консервативной партіи, способный ученикъ Макіавелли, въ которомъ видѣли то Меттерниха, то Талейрана. Моска, какъ и Сорель, «раздвоенная» натура ***) изъ тѣхъ, какія могли удаваться только очень тонкому психологу. По общественному положенію Сорелю въ этомъ романѣ соотвѣтствуетъ Фабричіо, тоже поклонникъ Наполеона и тоже аббатъ изъ честолюбія; онъ, какъ и Сорель, употребляетъ свою энергію главнымъ образомъ на покореніе женскихъ сердецъ; но для итальянца это—цѣль, тогда какъ для честолюбиваго француза только средство. Постройка цѣлаго здѣсь еще слабѣе, чѣмъ въ Rouge et Noir.

Кромѣ того Бейль напечаталъ рядъ повѣстей, хроникъ изъ италян-

---

вѣческаго сердца. Параллели къ нимъ можно найти только у Достоевскаго, который, впрочемъ, въ основѣ своего міросозерцанія представляетъ полную противуположность пессимисту Бейлю.

*) Напр. Ю. Шмидтъ, II, 82.

**) Armance ou quelques scènes de Paris. 1829.

***) Сорель—полугерой, полузлодѣй; Моска—полушутъ, полугеній.

ской старины: Викторія Аккорамбони *), Ченчи **), Герцогиня Пальяно ***) и др. Тонкія замѣчанія, умныя мысли разбросаны и здѣсь; и здѣсь каждый характеръ представляетъ одну черту, но развитую такъ естественно, что она рисуетъ цѣлаго человѣка.

Бейль вовсе не заботился о стилѣ своихъ произведеній ****), и это важнѣйшая изъ причинъ невниманія къ нему современниковъ; онъ не обдумывалъ заранѣе плана и могъ сказать вмѣстѣ съ Стерномъ: «я пишу первую мою фразу, а объ остальномъ заботится Провидѣніе»; къ изяществу постройки и выглаженному стилю онъ даже чувствовалъ отвращеніе и презиралъ стихи; по его убѣжденію, эта курьезная форма изобрѣтена только для облегченія памяти и удерживать ее въ настоящее время, въ особенности въ драмѣ,—верхъ варварства *****).

Бейль имѣлъ ученика и послѣдователя, который въ своихъ научныхъ трудахъ высказалъ лучшую подготовку и бóльшее усердіе, а въ художественныхъ—больше таланта: это Мериме, который, между прочимъ, впервые познакомилъ большую европейскую публику съ корифеями русской литературы: Пушкинымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ.

Просперъ Мериме род. въ Парижѣ въ 1803 г., въ семействѣ извѣстнаго въ свое время и очень образованнаго живописца, который имѣлъ достаточно средствъ, чтобы дать сыну отличное воспитаніе и возможность не искать въ ранней молодости хлѣбныхъ занятій. Школьное образованіе онъ получилъ въ одной изъ лучшихъ коллегій Парижа, потомъ поступилъ на юридическій факультетъ, но кромѣ своей спеціальности много занимался языками, литературой и исторіей; на 19-мъ году онъ познакомился и подружился съ Бейлемъ и сильно подчинился его вліянію. Окончивъ блестяще курсъ, Мериме сблизился съ кружкомъ романтиковъ; онъ вполнѣ сочувствовалъ признанію важности мѣстнаго колорита въ поэзіи, и высоко цѣнилъ фантастичное; но широковѣщательный энтузіазмъ романтиковъ и ихъ стремленіе къ неправильности были антипатичны его сдержанной натурѣ. Отъ Бейля онъ заимствовалъ страсть къ мистификаціямъ, и 22 лѣтъ отъ роду

*) Revue d. d. M. 1837, 1 марта.

**) ibid. 1837, 1 іюля.

***) ibid. 1838, 15 авг. См. ихъ переводъ въ Библіотекѣ европ. писателей и мыслителей В. В. Чуйко. Спб. 1883.

****) Мериме говоритъ о немъ, что когда онъ пытался поправлять написанное, онъ передѣлывалъ все заново.

*****) О немъ см. A. de Bougy: Stendhal, sa vie et son oeuvre. Paris 1868. Paton: Henry Beyle, a critical and biographical study. Lond. 1874. Статьи объ немъ Enrico Panzacchi въ Nuova Antologia 1885. Дек., Paul Bourget въ Nouv. Revue 1883. 15 авг. Изданіе его сочиненій въ 18 томахъ. Paris 1855—6. О немъ по-русски двѣ статьи В. В. Чуйко. Дѣло 1874 г. №№ 10 и 12.

выступилъ на литературную арену съ небольшимъ, но надѣлавшимъ много шуму сборникомъ пьесъ, въ заглавіи котораго тройная мистификація: эти пьесы будто бы переведены съ испанскаго, будто бы нѣкіимъ Жозефомъ L'Estrange и будто бы сочинены актрисой изъ Кадикса, Кларой Газюль *); въ пьесахъ (написанныхъ прозой) было много правдивости; онѣ поражали ясностью представленія и силою ума, хладнокровіемъ передъ ужасами и полнымъ отсутствіемъ декламаціи.

Въ 1824—5 гг. извѣстный филологъ и знатокъ романской поэзіи Форіель **) выпустилъ сборникъ новогреческихъ пѣсенъ, которому предпослалъ обширное и горячо написанное введеніе, способное заинтересовать народной поэзіей и ученыхъ и большую публику. Въ 1827 г. выходитъ подъ названіемъ Гусля сборникъ иллирійскихъ пѣсенъ Мериме опять-таки съ мистификаціей ***): предполагаемый издатель говоритъ въ предисловіи, что, собирая нѣкогда безъискусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародывать, но потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ народнаго творчества, онъ вспомнилъ о своемъ собраніи и и по совѣту друзей своихъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ перевелъ по-французски.

«Гусля» имѣла большой успѣхъ и не возбудила недовѣрія: нѣмецкій ученый Герхардъ не только перевелъ оттуда рядъ пѣсенъ и издалъ ихъ вмѣстѣ съ переводомъ подлинныхъ сербскихъ, но и въ прозѣ Мериме усмотрѣлъ метръ иллирійской поэзіи. Пушкинъ изъ нея взялъ свои Пѣсни западныхъ славянъ, по которымъ Россія впервые познакомилась съ славянской поэзіей.

Впослѣдствіи П. Мериме увѣрялъ, будто вся «Гусля» — только насмѣшка надъ страстію романтиковъ къ мѣстному колориту, и что славянскія пѣсни выдуманы имъ на основаніи 5—6 извѣстныхъ ему славянскихъ словъ, одной главы путешествія въ Далмацію аббата Фортиса ****) и брошюры одного французскаго консула въ Баньялукѣ. Но Мериме и въ этомъ разъясненіи мистифицируетъ публику и клевещетъ самъ на себя: онъ дѣйствительно никогда не былъ въ славянскихъ земляхъ; но надъ мѣстнымъ колоритомъ онъ въ то время

*) Théâtre de Clara Gazul, comédienne espagnole 1825. Ихъ изложеніе см. у Ю. Шмидта, II, 88 и слѣд.

**) Claude Charles Fauriel род. 1772 г., ум. 1844 г. Главныя его работы: Histoire de la poésie provençale (3 vv. 1846 г.), Dante et les origines de la langue et de la littérature italienne (2 vv. 1854).

***) La Gouzla ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine (2-е изд. 1840 г.).

****) Fortis Albert род. 1741, ум. 1803. Viaggio in Dalmazia etc. 2 vv. in 4°. Venezia 1774 г.

вовсе не думалъ издѣваться и, составляя свою книгу, не только проштудировалъ Фортиса, но и много другихъ серьезныхъ пособій.

Вскорѣ послѣ изданія «Гусли» выходятъ двѣ большія историческія повѣсти Мериме: «Жакерія, феодальныя сцены» *) и «Хроника царствованія Карла IX» **). Въ нихъ Мериме является не послѣдователемъ В. Скотта, а его, такъ сказать, обновителемъ: колоритъ времени воспроизводитъ онъ съ поразительною точностью, но безъ малѣйшей прикрасы; вымышленные лица и факты тѣсно связаны съ историческимъ фономъ и столько же освѣщаютъ его, сколько и онъ ихъ. Стиль его необыкновенно ясенъ и правиленъ; манера разсказывать безусловно объективна; съ поразительнымъ спокойствіемъ изображаетъ онъ самые вопіющіе ужасы, и какъ будто наслаждается тѣмъ, что пугаетъ читателя, оставаясь равнодушнымъ. Онъ, какъ Бейль, ненавидитъ сантиментальность и всякій лиризмъ; одушевленіе въ его глазахъ вовсе не достоинство, а родъ болѣзни.

Таковъ же былъ Мериме и въ жизни: онъ самъ говоритъ о себѣ (характеристика С. Клера въ повѣсти Vase étrusque), что еще съ дѣтства, опасаясь быть смѣшнымъ, привыкъ подавлять въ себѣ всякое проявленіе чувствительности. Теперь ему было обиднѣе всего, если его смѣшивали съ крикливыми и не совсѣмъ толковыми романтиками.

Передъ революціей 1830 г. Мериме былъ въ числѣ недовольныхъ и іюльскіе дни встрѣтилъ съ радостію; вскорѣ онъ принялъ мѣсто правителя канцеляріи у одного изъ новыхъ министровъ, потомъ занялъ должность инспектора историческихъ памятниковъ и такимъ образомъ по обязанностямъ службы сдѣлался историкомъ и археологомъ. Какъ изслѣдователя старины, его больше всего привлекали проявленія силы и энергіи, хотя бы и грубой; поэтому его между прочимъ заинтересовала исторія нашего казачества и смутное время на Руси; исторію Лжедимитрія онъ обратилъ въ рядъ драматическихъ сценъ, начавъ тамъ, гдѣ прервалъ свою пьесу Шиллеръ.

Въ литературѣ онъ всего охотнѣе выступаетъ съ небольшими повѣстями, изъ которыхъ лучше всѣхъ тѣ, гдѣ изображается жизнь Испаніи и итальянскихъ острововъ; таковы Томанго, Маттео Фальконе, Коломба ***) и Карменъ, давшая сюжетъ для знаменитой оперы ****).

---

*) La Jacquerie scènes féodales 1828.

**) Chronique du règne de Charles IX. 1829.

***) Revue d. d. M. 1840 г. 15 іюля.

****) Ibid. 1845, 1 октября. Въ повѣсти событія и характеръ „дикой кошки“, цыганки Карменъ, смягчены тѣмъ, что все это читатель узнаетъ изъ спокойнаго разсказа путешественника.

Съ 1835 г. Мериме все больше и больше расходится съ романтиками, и въ 1845 г. онъ безъ особаго затрудненія принятъ въ академію.

Паденіе іюльской монархіи онъ встрѣтилъ безъ особаго сожалѣнія; въ смутные года онъ держался вдалекѣ отъ политики, а при второй имперіи оказался лицомъ, пользующимся авторитетомъ при дворѣ. Кружокъ Гюго обвинялъ его за это въ измѣнѣ, но обвиненіе не имѣетъ основанія: въ милость къ Наполеону III онъ попалъ случайно, черезъ императрицу, которую зналъ въ Испаніи еще ребенкомъ; позднѣе онъ знакомилъ Евгенію Монтико съ Парижемъ и былъ представителемъ ея интересовъ при заключеніи брака съ императоромъ. Мериме былъ искренно сконфуженъ, когда въ 1853 г. его произвели въ сенаторы, тѣмъ болѣе, что еще наканунѣ онъ былъ въ обществѣ, гдѣ ругали императора; но онъ былъ настолько равнодушенъ къ политикѣ, что могъ служить и имперіи; придворная жизнь иногда томила его, но онъ не потерялся въ ней и дожилъ до 67 лѣтъ такимъ же остроумнымъ и насмѣшливымъ пессимистомъ, «охлажденнымъ Байрономъ», примирившимся съ недостатками мірового порядка. Въ послѣдній (1870-й) годъ своей жизни Мериме испыталъ горе, къ которому вовсе не былъ подготовленъ,—горе за побѣжденную и униженную Францію; къ своему удивленію и онъ оказался патріотомъ.

Мериме съ своей тонкой наблюдательностью, научной точностью, любовью ко всему первобытному и дикому, и антипатіей къ риторикѣ—одинъ изъ самыхъ яркихъ выразителей той художественной революціи, которая сдѣлала французское искусство будто вовсе не французскимъ; но его сдержанность, разсудочность и стремленіе къ изяществу—черты чисто національныя. Мериме хорошо знаетъ Гофмана и подобно ему любитъ ужасное; но его воображеніе всегда строго подчинено разсудку и какъ будто совсѣмъ не руководится чувствомъ *). Тѣмъ не менѣе Мериме по силѣ творчества истинный поэтъ, да и безчувственность его только свѣтская маска. Въ историко-литературномъ отношеніи онъ важенъ тѣмъ, что сближаетъ поэзію съ неподкрашенной исторіей **).

---

*) Одна изъ его послѣднихъ повѣстей (Lokis, le manuscrit du professeur Wittenbach, nouvelle russe. Revue d. d. M. 1869 г., 15 сент.) заканчивается тѣмъ, что литовскій графъ, сынъ сумасшедшей, перекусываетъ въ первую брачную ночь горло своей женѣ. Ужасъ тѣмъ сильнѣе поражаетъ читателя, что всѣ перипетіи пробужденія звѣрской натуры героя описываетъ спокойнѣйшимъ тономъ ученый нѣмецкій профессоръ.

**) О немъ см. Tamisier: Mérimée; l'écrivain et l'homme. Paris 1875. Comte D'Haussonville: Pr. Mérimée et Hugh Elliot, études biographiques et littéraires. Paris 1888. По-русски кромѣ Пѣсенъ зап. славянъ см. Илльская Венера. Библ. д. Чт. 1837, т. 24. Коломба ibid. 1840 т. 41. Двойная ошибка, Совр. 1847 іюнь. Вар-

Къ той же цѣли стремится, преимущественно въ формѣ драмы, другой ученый историкъ Луи Вите (Vitet); онъ род. въ Парижѣ въ 1802 г., учился въ Нормальной школѣ и послѣ 1830 г. былъ нѣкоторое время инспекторомъ памятниковъ. Онъ написалъ рядъ драматическихъ сценъ изъ новой исторіи Франціи: „Баррикады" 1826 г. (изъ временъ лиги), „Блоасскіе штаты или смерть Гиза" (1827 г.), „Смерть Генриха III" (1829 г.). Онѣ отличаются такой же научной точностью и объективностью, какъ и „Хроника Карла IX"; но на сценѣ не могли имѣть успѣха; впослѣдствіи Вите больше всего занимался исторіей искусства; онъ ум. 1873 г.

Другіе послѣдователи новой школы отыскиваютъ новыя, совсѣмъ не обслѣдованныя области въ настоящемъ своего отечества: открываютъ провинцію, которая до тѣхъ поръ какъ будто не существовала для литературы. Однимъ изъ выдающихся представителей этой этнографической поэзіи былъ Жюльенъ Огюстъ Бризё (Brizeux 1806—1858), пріобрѣтшій извѣстность идилліями изъ бретонской жизни; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и талантливый лирикъ, писавшій какъ по-французски, такъ и по-бретонски *).

Вѣрнѣй знамени романтиковъ остался упомянутый нами въ біографіи Гюго Теофилъ Готье. Онъ род. въ 1811 г. въ провинціи, 3-хъ лѣтъ былъ привезенъ въ Парижъ, получилъ хорошее классическое образованіе, но, уже будучи въ коллегіи, предпочиталъ Рабле Расину и Петронія—Цицерону. Онъ рѣшилъ сдѣлаться живописцемъ, и страстно любившіе его родители не препятствовали ему; но первыя неудачи отвратили его навсегда отъ этого поприща, а увлеченіе новой романтической поэзіей заставило его всецѣло отдаться литературѣ. 18-лѣтнимъ юношей онъ черезъ С.-Бева (см. ниже), котораго восхитилъ своимъ знаніемъ поэтовъ XVI вѣка, входитъ въ cénacle, пользуется расположеніемъ Гюго и играетъ роль знаменоносца въ «священномъ батальонѣ». Сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній онъ выпустилъ въ первый день революціи 1830 г., и, разумѣется, его книжка не была никѣмъ замѣчена **). Впрочемъ Готье былъ мало способенъ къ лирикѣ, такъ какъ его поэзія воспроизводитъ почти исключительно внѣшній міръ; но метрика его очень богата и разнообразна. Въ 1835 г. производитъ довольно сильное впечатлѣніе его романъ: M-lle de Maupin, за которымъ слѣдуетъ длинный рядъ талантливо написанныхъ повѣстей.

Средства къ жизни Готье добывалъ себѣ журнальными статьями, преимущественно театральной критикой; кромѣ того въ France littéraire онъ помѣстилъ рядъ этюдовъ о писателяхъ XVI и первой половины

Ѳоломеевская ночь, Прилож. къ Ист. Вѣстн. 1882. id. Дорожная библ. 1885. Ibid. Карменъ 1890.

*) Впервые на него обратили вниманіе за его симпатичныя стихотворенія подъ назв. „Marie" (1832).

О немъ см. Saint-René Taillandier въ Revue d. d. M. 1858, 1 сент. и 15 декабря.

**) Перезиз. 1833 г.

XVII вѣка, которые потомъ соединилъ въ отдѣльной книжкѣ *). Эти этюды, вмѣстѣ съ вышедшей нѣсколько лѣтъ назадъ книгой С.-Бева — важный моментъ въ исторіи развитія школы: французскіе романтики прекрасно понимаютъ, что для ихъ самомнительныхъ соотечественниковъ недостаточно выставить иностранные образцы для подражанія: надо было найти подобное въ прошломъ ихъ собственной литературы, и искомое нашли въ литературѣ возрожденія.

Теофиль Готье всю жизнь прожилъ журналистомъ, литературнымъ поденщикомъ; но эта поденщина вовсе не убивала въ немъ самостоятельности; онъ воплощалъ въ себѣ романтическій идеалъ свободнаго художника: не думалъ о составленіи себѣ карьеры и объ устройствѣ своихъ дѣлъ (правда, онъ пользовался милостями второй имперіи и даже написалъ стихотвореніе на рожденіе императорскаго принца; но не онъ искалъ этихъ милостей, а онѣ его; не уклонялся же онъ отъ нихъ по той же артистической безшабашности, которую многіе не безъ основанія считаютъ нравственной неопрятностью); жилъ всегда холостякомъ, а своихъ незаконныхъ дочерей воспитывалъ крайне оригинально **); былъ всегда добрымъ товарищемъ по отношенію къ знакомымъ литераторамъ и художникамъ; до старости любилъ приключенія, много путешествовалъ: былъ и въ Африкѣ и въ Константинополѣ, въ Москвѣ и въ Новгородѣ, не говоря уже объ Италіи, Испаніи, Лондонѣ и Петербургѣ, и со страстью занимался исторіей искусства, которое было для него единственной религіей. Послѣдніе годы жизни (онъ ум. въ 1872 г.) онъ писалъ почти исключительно театральныя рецензіи, въ которыхъ «лѣниво и величественно» хвалилъ почти все, что появлялось на французской сценѣ.

Въ Теофилѣ Готье несравненно больше творческой способности, нежели критической; но онъ дѣйствовалъ на поприщѣ критики (и дѣйствовалъ съ успѣхомъ) ***) изъ желанія защитить излюбленную теорію. Онъ не только возстаетъ противъ классической трагедіи, но и противъ «буржуазнаго» искусства Скриба, который для него играетъ ту же роль, что Коцебу и К° для романтиковъ нѣмецкихъ. Какъ поэтъ, Готье принадлежитъ къ крайней лѣвой романтизма и занимаетъ во французской литературѣ то же мѣсто, какое Гофманъ въ нѣмецкой. Но если ихъ сравнивать безъ отношенія къ ихъ средѣ, Гофманъ окажется несравненно мягче и умѣреннѣе; гдѣ онъ только благодушно подсмѣивается, тамъ Готье рубитъ съ плеча; онъ преслѣдуетъ утилитаризмъ и нравственность въ поэзіи несравненно съ большей

*) Les Grotesques 2 т. 1844 (перепеч. Collection Lévy 1856).

**) Училъ ихъ между прочимъ по-китайски.

***) Отъ 1832 до 1834 г. въ Figaro и Revue de Paris, 1836—56 въ Presse, и с 1856 г. въ Moniteur.

рѣзкостью и беззастѣнчивостью. Онъ совсѣмъ «распустилъ поводья своей фантазіи» и отдался ея неудержимому бѣгу. Въ стихотвореніи «Комедія смерти» *) онъ спускается въ глубину могилъ и заставляетъ мертвецовъ вступать въ разговоры съ поѣдающими ихъ червями. Въ «Фортуніо» (1838) онъ изображаетъ цѣлый рядъ оргій, не пытаясь ничѣмъ примирить съ ними читателя. Капризъ—его муза; «искусство для искусства»—его лозунгъ; по его убѣжденію, все проходитъ; сами боги умираютъ; только одно искусство вѣчно.

Но творческая сила Готье ниже силы Гофмана: у него не достаетъ терпѣнія, какъ говорится, вынашивать свои произведенія; даже его повѣсти, лучшія его созданія, сильно страдаютъ отъ небрежности въ отдѣлкѣ **); въ нихъ встрѣчаются превосходныя частности; поэтъ искусно изображаетъ внѣшнюю сторону жизни, доступную живописцу, но не любитъ заглядывать глубоко въ человѣческую душу, а главное—въ его созданіяхъ мало цѣльности. Готье—истинный художникъ въ описаніяхъ и потому всѣ его путешествія очень интересны ***). Онъ пишетъ необыкновенно легко, безъ всякой академической ходульности, такъ что читателю кажется, будто съ нимъ отъ нечего дѣлать бесѣдуетъ умный и много видавшій человѣкъ. Мѣстный колоритъ соблюденъ у Готье всегда прекрасно.

Но при всей чисто романтической любви къ странному, фантастичному и капризному, Готье, какъ французъ, все же убѣжденъ, что красивая статуя лучше самаго ужаснаго привидѣнія и солнечный полдень лучше туманныхъ сумерекъ.

Готье обогатилъ французскій литературный языкъ массой красивыхъ словъ, взятыхъ изъ старыхъ поэтовъ ****).

Сентъ-Бевъ, какъ поэтъ, тоже пылкій романтикъ, не измѣнив-

---

*) Comédié de la mort, 1838.

**) Лучше другихъ обработана: Le capitaine Francasse (1863) изъ быта странствующихъ актеровъ. Драмы, водевили и пословицы Готье значительно слабѣе повѣстей и стихотвореній.

***) Поучительнѣй другихъ Tralos montes (1843) — путешествіе въ Испанію и Voyage en Russie (1867 г. 2 т.), гдѣ между прочимъ есть нѣсколько очень дѣльныхъ и тонкихъ замѣчаній о византійскомъ и русскомъ искусствѣ. Но при всей симпатіи къ русскому народу, который онъ между прочимъ хвалитъ за опрятность, все же онъ разсказываетъ, будто въ Москвѣ въ баняхъ моются оба пола вмѣстѣ: такую силу имѣетъ литературное преданіе даже и надъ этими литературными революціонерами!

****) О немъ см. E. Feydeau: Theophile Gautier, souvenirs intimes. Paris 1874. C. Sp. de Lovenjoul: Histoire des oeuvres de Th. Gautier. 1887, 2 mm. Maxime du Camp.: Th. Gautiev (въ собраніи: Les grands écrivains français). Его Poésies complètes изд. Bergerat 1875 г., 2 т. Его статьи по театральной критикѣ собраны въ Hist. de l'art dramatique en France 6 т. 1858—9.

По-русски см. повѣсть: Безъ вины виноватые, Библ. для Чт. 1847, № 9. Милитона, романъ (скорѣй повѣсть) изъ испанской жизни. Ibid. 1847, № 5.

шій своему знамени; но, какъ критикъ и историкъ литературы, онъ пошелъ гораздо дальше.

С.-Бевъ род. въ 1804 г.; его отецъ, довольно образованный провинціальный чиновникъ, женился только 52 лѣтъ отъ роду и умеръ, не доживъ до рожденія сына, который познакомился съ нимъ черезъ доставшуюся ему библіотеку и былъ воспитанъ, такимъ образомъ, исключительно подъ женскимъ вліяніемъ. Мать С.-Бева, полуангличанка, рано познакомила его съ англійскимъ языкомъ и поэзіей и внушила ему сильное религіозное чувство. С.-Бевъ учился въ провинціальной коллегіи родного города (Boulogne sur Mer), затѣмъ поѣхалъ въ Парижъ и поступилъ на медицинскій факультетъ; онъ оставался медикомъ три года (1823—1826); но борьба романтиковъ съ классиками увлекла его къ занятію литературой. Написавъ восторженную статью объ одахъ и балладахъ Гюго, онъ сразу сталъ своимъ въ кружкѣ романтиковъ. Въ 1828 г. выходитъ его «Картина французской поэзіи въ XVI вѣкѣ» *), до сихъ поръ не потерявшая значенія. Въ слѣдующемъ году появился сборникъ его стихотвореній, связанныхъ единствомъ настроенія, подъ заглавіемъ: «Жизнь, стихотворенія и мысли Жозефа Делормъ» **); Делормъ близокъ по своей природѣ къ Рене Шатобріана и Октаву Мюссе; онъ отличается отъ нихъ только болѣе развитымъ альтруистическимъ чувствомъ, но въ такой же степени безсиленъ сдѣлать что-нибудь для счастья личнаго, какъ и для счастья человѣчества. Въ 1830 г. выходитъ другой сборникъ: «Утѣшенія» (Consolations). Въ стихахъ С.-Бева, кромѣ тѣхъ особенностей, которыя принадлежатъ всей школѣ, видно близкое знакомство съ «озерными поэтами» Англіи: стремленіе къ сантиментальному реализму и глубокое религіозное чувство. Тогда же С.-Бевъ начинаетъ свои «литературные портреты»—историко-критическіе этюды по французской литературѣ, которые потомъ такъ привлекали вниманіе читателей Revue d. d. Mondes. Вскорѣ послѣ іюньской революціи С.-Бевъ увлекся сенъ-симонизмомъ (см. ниже), но ненадолго. Въ 1834 г. выходитъ романъ С.-Бева «Удовольствіе» (la Volupté), герой котораго бросаетъ свою невѣсту изъ любви къ чужой женѣ, а потомъ вступаетъ въ связь съ третьей женщиной, къ которой не чувствуетъ любви, и, послѣ долгихъ треволненій и мученій, находитъ наконецъ успокоеніе въ монастырѣ. Черезъ посредство этого романа С.-Бевъ покончилъ съ своей религіозной тенденціей, которую онъ привезъ съ

*) Tableau de la poésie française en XVI siècle; къ ней, какъ 2-ой томъ: Oeuvres choisies de Pierre de Ronsard тоже 1828 г.

**) Vie, poésies et pensées de Josephe Delorme.

собою въ Парижъ еще изъ провинціи и которую въ немъ поддерживала дружба съ M-me Гюго *).

Въ концѣ 30-хъ годовъ С.-Бевъ расходится съ Гюго и романтиками; онъ уѣзжаетъ за-границу и въ Лозаннѣ читаетъ публичныя лекціи объ исторіи янсенизма во Франціи, изъ которыхъ потомъ составилась извѣстная его книга «Исторія Поръ-Рояля» **), показывающая глубокую симпатію къ предмету и серьезное, хотя нѣсколько одностороннее изученіе его. Объѣхавъ Италію, С.-Бевъ вернулся въ Парижъ, гдѣ получилъ мѣсто консерватора въ библіотекѣ Мазарини. Его критическія статьи этого времени указываютъ на колебаніе между романтизмомъ и классицизмомъ; скоро онъ, повидимому, окончательно сошелся съ послѣднимъ, вступилъ въ академію и съ 1848 г. началъ писать въ газетѣ Constitutionel по понедѣльникамъ критическія статьи, которыя потомъ были собраны подъ заглавіемъ: «Causeries du Lundi» (1851—1862, 15 томовъ) ***). С.-Бевъ сталъ на сторону будущей имперіи и въ 1851 г. былъ сдѣланъ профессоромъ латинскаго языка и литературы въ Collège de France; но студенты встрѣтили его свистками, и лекціи его не могли состояться; а когда впослѣдствіи С.-Бевъ отказался давать отзывъ о Жизни Цезаря и заступился за Ренана и свободу печати, студенты устроили ему овацію, и популярность его дошла до апогея. Онъ ум. въ 1869 г., окончательно порвавъ съ имперіей, хотя и былъ послѣднее время ея сенаторомъ.

Значеніе С.-Бева, какъ критика и историка литературы, такъ велико, что передъ нимъ совсѣмъ исчезаетъ С.-Бевъ, какъ поэтъ. Не по характеру его дѣятельности, а по силѣ и отчасти по характеру вліянія, его можно сравнить съ Я. Гриммомъ ****): онъ тоже довелъ интеллигенцію до потребности изучать старину и народность и тоже положилъ основы здравой исторической критикѣ. С.-Бевъ оставилъ около ста томовъ критическихъ статей, и между ними нѣтъ ни одного малосодержательнаго. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ три періода своей критической дѣятельности. «При реставраціи въ журналѣ «Globe» я дебютировалъ полемической, такъ сказать, наступательной критикой. Въ продолженіе 18 лѣтъ царствованія Луи Филиппа, когда литература носила миролюбивый характеръ и страдала отсутствіемъ инициативы и одушевленія (sic), моя критика была нейтральна, безпристрастна,

*) Слѣды ея еще замѣтны въ третьемъ сборникѣ стихотвореній: Les pensées d'août (1837), связанныхъ разсказомъ объ учителѣ Жанѣ, сынѣ Руссо и Терезы.

**) Histoire du Port-Royal. 1-ое изд. Парижъ 1840—8.

***) Ихъ продолженіе изъ фельетоновъ Moniteur'а: Nouveaux Lundis 13 томовъ 1863—1872.

****) Вполнѣ естественно, что то дѣло, которое въ Германіи совершилъ выдающійся ученый, во Франціи могъ совершить выдающійся литературный талантъ.

стремилась къ анализу и имѣла тотъ недостатокъ, что не давала выводовъ. Времена измѣнились: бурный шумъ улицы принуждалъ каждаго расширить діапазонъ своего голоса, и недавній опытъ для всѣхъ сдѣлалъ болѣе живымъ чувство добра и зла, справедливаго и несправедливаго, и я подумалъ, что, не нарушая приличія, могу рѣшиться на бо̀льшее и высказать открыто, что я думаю о произведеніяхъ и ихъ авторахъ». Дѣйствительно, критика С.-Бева въ послѣдній періодъ его жизни несравненно рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ во второй, а по направленію во многомъ противоположна его юношескимъ статьямъ: онъ сжигаетъ все, чему тогда поклонялся, но не поклоняется тому, что сжигалъ. Во всѣхъ трехъ періодахъ онъ является своего рода Колумбомъ въ этой въ то время до крайности распатанной области и находитъ твердые, здравые принципы: онъ научаетъ не смотрѣть на художественное произведеніе, какъ на упавшее съ облаковъ, не препираться о частностяхъ, а выяснить общее, изучить поэта, какъ человѣка извѣстнаго племени и времени. Основа у него, стало быть, та же, что у А. Шлегеля; но пріемы его совершенно иные: Шлегель и разбору современныхъ произведеній старается придать объективный, научно-философскій характеръ; С.-Бевъ и исторію литературы сближаетъ съ публицистикой. Стиль С.-Бева не имѣетъ той пестроты и живописности, какъ у Готье; но онъ также простъ и откровененъ и также чуждъ академической условности *).

Кресло С.-Бева въ академіи занялъ фельетонистъ Жюль Жаненъ, также соединявшій въ себѣ критика съ поэтомъ-романтикомъ. Ж. Жаненъ былъ еврей по происхожденію; онъ родился въ 1804 г. въ провинціи, на 15-мъ году пришелъ въ Парижъ, гдѣ, благодаря своей энергіи, получилъ нѣкоторое образованіе, и рано вступилъ на поприще журналиста. Онъ писалъ сперва въ газетѣ Quotidienne, потомъ въ Journal des Débats, гдѣ съ 1830 г. въ продолженіе 40 лѣтъ занималъ вниманіе публики литературными и театральными вопросами по понедѣльникамъ. Журнальной работой онъ пріобрѣталъ столько денегъ, что могъ жить, какъ богатый баринъ, и собирать на своихъ обѣдахъ цвѣтъ литературы и искусства. Онъ достигъ этого главнымъ образомъ той реформой, которую произвелъ въ фельетонѣ. И до сихъ поръ фельетонъ былъ, конечно, легкимъ видомъ литературы; но все же авторы его писали объ извѣстныхъ вопросахъ

---

*) О немъ см. Bartling: Sainte Beuve u. seine Schriften, Unsere Zeit 1870, № 1. G. Levallois: S. Beuve, Paris 1872. O. d'Haussonville: S. B., sa vie et ses oeuvres. Paris. 1875. A. Caumont: La critique littéraire de S. B. Frankf. 1887. По-русски см. Совр. 1848, № 7: Кавалеръ де-Мере или о порядочномъ человѣкѣ въ XVII ст. (на основаніи писемъ де-Мере). Вышеупомянутая книга А. Шахова „Франц. литература въ первые годы XIX в.“ имѣла главнымъ пособіемъ С.-Бева.

въ формѣ болѣе или менѣе строго обдуманной, предъявляли читателю результаты своей работы и мысли. А Ж. Жаненъ создалъ фельетонъ-болтовню, читатель котораго слѣдитъ за самымъ процессомъ мышленія автора, что требуетъ несравненно меньшаго напряженія, нежели усвоеніе результата процесса. Жаненъ пишетъ рѣшительно все, что приходитъ ему въ голову, нисколько не стѣсняясь противорѣчіями и недомолвками, а такъ какъ онъ человѣкъ умный и много читавшій, и слогъ его отличается замѣчательной легкостью и изяществомъ, то его фельетонъ доставляетъ удовольствіе читателю и заставляетъ его безъ всякаго труда съ своей стороны усвоить рядъ неглупыхъ мыслей.

Ж. Жаненъ до того увлекся самымъ процессомъ мышленія о вопросахъ поэзіи и драматическаго искусства, что какъ будто забылъ выработать себѣ какія-нибудь общія положенія, остановиться на опредѣленной точкѣ зрѣнія. Но успѣху его это нисколько не вредило, а напротивъ, помогало, такъ какъ давало ему возможность и даже ставило въ необходимость держаться той точки зрѣнія, которая популярна въ данную минуту. Въ началѣ своей критической дѣятельности онъ, конечно, былъ крайнимъ романтикомъ, потомъ перешелъ къ такъ-называемому здравому смыслу (bon sens см. ниже), потомъ къ реализму, потомъ опять сталъ жаловаться на позитивизмъ, который убиваетъ въ человѣкѣ стремленія къ идеалу и т. д. *).

Такія же колебанія замѣчаются въ немъ какъ въ поэтѣ; онъ дебютируетъ въ 1829 г. романомъ, заглавіе котораго говоритъ само за себя: «Мертвый оселъ и гильотинированная женщина» (L'Ane mort et la femme guillotinée); это, строго говоря, не романъ, а рядъ сценъ, переполненныхъ всевозможными ужасами и изображеніями самаго безчеловѣчнаго разврата. Черезъ 2 года выходитъ «Barnave», гдѣ революція служитъ только фономъ для изображенія такихъ же дикихъ и фантастическихъ сценъ, какъ и «Мертвый оселъ». Изучивъ въ переводѣ сказки Гофмана, Жаненъ пишетъ въ Revue de Paris рядъ разсказовъ, въ которыхъ безъ всякой совѣстливости пользуется характерами и мотивами нѣмецкаго фантаста, но далеко оставляетъ его за собой по части изображенія уродствъ человѣческой природы и общества **). Въ 1836 г. выходитъ его романъ «Окольная дорога» (Le chemin de travers), представляющій своей развязкой и развитіемъ сюжета

---

*) Свои статьи по театру онъ собралъ въ 6 томовъ: Histoire de la littérature dramatique 1853 и слѣд. Ср. также Critiques, portraits et caractères contemporains 1859 и слѣд.

**) Чтобы уяснить себѣ отличіе ужаснаго въ романтизмѣ нѣмецкомъ и французскомъ, достаточно припомнить одинъ разсказъ Жанена: Elle se vend en detail, гдѣ дѣвушка изъ страшной нужды продаетъ свои зубы, волосы и т. д.; извѣстно, что Гюго въ Miserables не задумался воспользоваться имъ, только смягчивъ рѣзкость красокъ.

своеобразную параллель къ Вильгельму Мейстеру; здѣсь тоже два человѣка стремятся къ счастью, одинъ путемъ жизни нравственной и преданной наукѣ и искусству, другой—окольнымъ путемъ; результатъ—страшныя испытанія второго и возвышеніе перваго до мѣста государственнаго секретаря. Въ 1850 г. Жаненъ издалъ полуроманъ, полумонографію: «Тулузская монахиня» (La Religiéuse de Toulouse); въ исторической ея части слишкомъ много фантазіи, а въ поэтической—слишкомъ мало; тѣмъ не менѣе и эта книга, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Жанена, благодаря его манерѣ писать, имѣла успѣхъ. Ж. Жаненъ ум. въ 1874 г. *).

Полную противуположность Жанену по серьезности и высокому мнѣнію о задачѣ поэзіи и самомъ себѣ представляетъ Эдгаръ Кине (Quinet), который тоже соединялъ въ себѣ критика и историка литературы съ поэтомъ. Онъ род. въ 1803 г. въ Страсбургѣ, учился въ Женевѣ, Парижѣ и, что особенно важно, въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушалъ лекціи Крейцера **) и изучалъ романтиковъ и Гердеровы идеи. Въ 1828 г. онъ сопровождалъ французскую экспедицію въ Грецію, и результатомъ этого путешествія явилась талантливо написанная книга: «Новая Греція и ея отношеніе къ древности» ***). Въ 1833 г. выходитъ его поэма Агасверъ (Ahasvérus), написанная поэтической прозой, въ оригинальной формѣ средневѣковой мистеріи, раздѣленной на четыре «дня», съ эпилогомъ, которая по замыслу автора должна служить философіей исторіи. Въ поэмѣ есть прекрасныя частности, много умныхъ мыслей, замѣчательно красивый, полный искренняго паѳоса языкъ; но въ общемъ это—мертворожденное чадо аллегорической поэзіи. Въ 1836 г. выходитъ вторая поэма Кине: Наполеонъ, уже написанная александрійскими стихами и долженствовавшая служить второй частью «мірового эпоса», который задумалъ поэтъ. «Наполеонъ», собраніе отдѣльныхъ картинъ, изложенныхъ въ разныхъ тонахъ, есть образецъ новой поэтической реторики, входившей тогда въ моду во Франціи. Роскошь красокъ, о которой такъ заботится Кине, умѣстна только въ изображеніи подвиговъ Наполеона на востокѣ; въ общемъ, герой поэмы рисуется въ туманѣ, и читатель знакомится собственно не съ нимъ, а съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на поэта. Въ 1838 г. появляется третья часть: «Про-

---

*) На русск. яз. изъ него переведено: „Сто тысячъ первая и послѣдняя новая повѣсть". Библ. д. Чт. 1834, № 4, „Жена солнца", ibid. 1835, № 9, „Вандейская свадьба", Отеч. Зап. 1839, № 5. О немъ см. A. Piédagnel: Jules Janin. Paris 3-e изд. 1883.

**) Георгъ Фридр. Крейцеръ (Creuzer), авторъ знаменитой „Символики и Миѳологіи древнихъ народовъ" (1-ое изд. 1810—12 г. въ 4-хъ томахъ въ Лейпцигѣ), род. въ 1771, съ 1802 г. былъ профессоромъ въ Марбургѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ, ум. въ 1858 г.

***) De la Grèce moderne et de ses rapports avec l'antiquité 1830 (2-ое изд. 1832).

метей», лирическая драма, гдѣ тоже больше философіи, чѣмъ поэзіи. Относительно всѣхъ 3-хъ произведеній надо замѣтить, что идея Кине—создать нѣчто міровое, въ родѣ «Божественной комедіи» или «Фауста», рѣшительно не удалась, и его предисловія къ поэмамъ интереснѣе самихъ поэмъ. Въ 1840 г. Кине былъ назначенъ профессоромъ иностранной литературы въ Ліонѣ, а черезъ 2 года переведенъ въ Парижъ, въ Collège de France, куда въ то время старались привлекать людей съ извѣстными идеями и литературнымъ именемъ. Съ этого времени Кине отдается главнымъ образомъ наукѣ и публицистикѣ по религіознымъ вопросамъ. Въ 1846 г. Кине вмѣстѣ съ Мишле лишенъ каѳедры за нападки на іезуитовъ, вслѣдствіе чего онъ перешелъ въ лагерь радикаловъ, участвовалъ въ революціи 1848 г., а въ 1851 г. отправился въ изгнаніе (въ Брюссель и въ Швейцарію), во время котораго написалъ еще одну поэму въ прозѣ: «Мерлинъ чародѣй» (Merlin l'enchanteur 1860 г. 2 т.), гдѣ тоже стремился выразить свой взглядъ на исторію человѣчества. Онъ вернулся въ 1870 г., выбранъ въ депутаты вмѣстѣ съ В. Гюго и находился на крайней лѣвой. Въ послѣдней своей книжкѣ: «Новый духъ» (L'esprit nouveau 1874 г.) онъ переходитъ отъ изслѣдованія къ пророчеству и гимну, клянетъ настоящее и мечтаетъ о лучшемъ будущемъ. Онъ ум. въ 1875 г.

Въ монографіяхъ: «Духъ религій» (Du génie des religions 1842 г.), «Христіанство» (Le christianisme 1845 г.) и др. Кине является апостоломъ религіозной демократіи. Въ своихъ историческихъ трактатахъ Кине слишкомъ поэтъ, а въ своихъ поэмахъ—слишкомъ философъ и историкъ; нѣмецкая наука 20-хъ годовъ наложила на него свою тяжелую руку и лишила его французской легкости и ясности. Но онъ очень умный и знающій человѣкъ, и на своихъ французскихъ читателей имѣлъ, несомнѣнно, благотворное вліяніе, знакомя ихъ съ результатами умственной дѣятельности ихъ зарейнскихъ сосѣдей. Натуръ-философская поэзія, конечно, не могла быть популярна во Франціи, но образцы ея были очень полезны и воспитательны *).

Изъ вліятельныхъ въ свое время членовъ романтической школы мы должны еще назвать двухъ поэтовъ Дешанъ (Deschamps) и романиста Жерара де Нерваля. Старшій изъ братьевъ Дешанъ, горячихъ дѣятелей cénacle'я, Эмиль род. еще въ 1791 г.; онъ сдѣлалъ нововведенія во французской метрикѣ и талантливо переводилъ испанскіе романсы и нѣмецкихъ поэтовъ (въ томъ числѣ „Пѣснь о колоколѣ" Шиллера); онъ ум. въ 1871 г.; лучшіе его переводы и подражанія собраны въ Études françaises et étrangères. Младшій—Антони (1800—1869), прекрасный

---

*) Кромѣ указанныхъ произведеній Кинѐ назовемъ еще его философскую поэму Сирена (1843) и „Спартакъ или рабы" (Les esclaves 1853 г.). Собраніе сочиненій Кине вышло въ Парижѣ въ 10 томахъ, въ 1856—59 г. сразу двумя изданіями. О немъ см. Chassin: Edgar Quinet, sa vie et ses oeuvres. 1859. Ср. Edgar Q. Ein litterarischer Essay (Unsere Zeit. 1875, II). По-русски о „Наполеонѣ" см. Пушкинскій Современникъ (1836 г. II).

знатокъ Данта и Петрарки, далъ очень хорошій стихотворный (къ сожалѣнію, неполный) переводъ Божественной Комедіи (1829 г.) и писалъ очень звучныя стихотворенія преимущественно на итальянскія темы.

Gérard de Nerval (настоящая его фамилія Labrunie) род. въ 1808 г., прекрасно зналъ нѣмецкій языкъ и литературу, и уже 20 л. издалъ переводъ Фауста, а черезъ 2 года—рядъ переводовъ изъ Шиллера, Уланда, Бюргера и др. (Poésies allemandes 1830); въ 40-хъ годахъ онъ много путешествовалъ по востоку и чрезвычайно живо описывалъ свои впечатлѣнія въ Revue d. d. Mondes; въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ замѣтно подражалъ Гофману; онъ ум. въ 1855 г.; одно изъ самыхъ характерныхъ его произведеній „Король Шутовъ" (Le prince des Sots) переведено въ 1889 г., какъ приложеніе къ Ист. Вѣстнику.

Крайности романтизма непремѣнно должны были вызвать реакцію, которой предстояло хоть на время возстановить уваженіе къ слишкомъ забитому классицизму, и которая дѣйствовала въ силу здраваго смысла, часто унижаемаго романтиками. Добродѣтельные злодѣи и высоконравственныя куртизанки стали казаться еще болѣе далекими отъ природы и жизни, нежели величественные греки и римляне Расина. Пробудился никогда не умиравшій во Франціи вкусъ къ приличію и соблюденію «мѣры». Школа «здраваго смысла» (École de bon sens) побѣдоносно выступаетъ съ «Лукреціей» Понсара.

Франсуа Понсаръ (Ponsard) род. въ 1814 г. въ провинціи, учился правовѣдѣнію въ Ліонѣ и Парижѣ, потомъ адвокатствовалъ въ родномъ городкѣ Віеннѣ. 29-ти лѣтъ онъ явился въ Парижъ со своей «Лукреціей». Ея успѣхъ побудилъ его всецѣло отдаться литературѣ и, казалось, подалъ ему надежду стать выше Гюго и всѣхъ его товарищей, но это только казалось: столь рѣзкая реакція противъ романтизма была скоропреходящей модой, и возвращеніе къ классической реторикѣ не имѣло будущности; да и Понсаръ, человѣкъ съ внѣшнимъ литературнымъ талантомъ, способный отдѣлывать свои пьесы по извѣстному рецепту Горація, былъ въ сущности лишенъ творчества. Успѣхъ Лукреціи объясняется тѣмъ, что, не смотря на всю избитость сюжета, онъ съумѣлъ внести въ него кое-что новое, и въ его александрійскомъ стихѣ мѣстами слышится живая рѣчь; но этого было мало для того, чтобы пріобрѣсти прочную извѣстность и вліяніе.

Въ слѣдующихъ своихъ пьесахъ «Агнесса» (Agnéss de Meranie) *) (1846 г.) и «Шарлотта Корде» (1850 г.), удержавъ тѣ же достоинства классической трагедіи, онъ обратился къ новымъ сюжетамъ, но они имѣли успѣхъ весьма слабый, также какъ и его классическая драма «Улиссъ» (1852 г.) и классическая комедія «Горацій и Лидія», (которая, впрочемъ, и до сихъ поръ держится на сценѣ Comédie française). Во всѣхъ этихъ, какъ и въ слѣдующихъ пьесахъ Понсаръ волей-неволей подчиняется требованію романтиковъ относительно «мѣстнаго ко-

*) Въ ней дѣйствіе происходитъ при Филиппѣ Августѣ.

лорита» и разнообразія характеровъ; чѣмъ дальше, тѣмъ онъ больше и больше сближается съ новымъ искусствомъ. Послѣдняя его трагедія «Галилей» напомнила своимъ успѣхомъ «Лукрецію». Онъ ум. въ томъ же 1867 г., когда она была поставлена на сцену. Въ его послѣднихъ комедіяхъ (L'Honneur et l'Argent 1854 г., La Bourse 1856 г.) нравы второй имперіи нашли себѣ довольно остроумнаго и ѣдкаго сатирика *).

Къ той же школѣ «здраваго смысла» причисляютъ популярнаго комика Эмиля Ожье; онъ род. въ 1820 г., учился въ Парижѣ правовѣдѣнію и нѣсколько лѣтъ служилъ у нотаріуса. Онъ выступилъ въ 1844 г. съ пьесой «Цикута» (La Cigue), въ которой разочарованный мизантропъ аѳинянинъ, рѣшившійся лишить себя жизни, примиряется съ послѣднею и радикально измѣняется подъ вліяніемъ преданной любви юной рабыни. Успѣхъ пьесы заставилъ Ожье посвятить себя всецѣло литературѣ. Въ 1848 г. появляется его комедія въ стихахъ: «Авантюристка» (L'aventurière), склоняющаяся болѣе къ романтизму, чѣмъ къ «bon sens»; затѣмъ въ 1849 комедія «Габріель», награжденная Монтіоновской преміей **), и позднѣе длинный рядъ комедій, въ рѣзкихъ чертахъ изображающихъ нравы второй имперіи; большой успѣхъ имѣла поставленная въ 1855 г. драма «Бракъ Олимпы» (Le Mariage d'Olympe), въ которой Ожье рѣзко выступилъ противъ гуманистической тенденціи «Дамы съ камеліями» Дюма сына ***). Черезъ 2 года Ожье вступилъ въ академію; въ это время онъ считался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ писателей.

Въ пьесахъ Ожье, не смотря на стихотворную форму, мало красоты, но много энергіи и живости. Мораль его не особенно высокаго полета, за то по плечу среднему человѣку. Темы его комедій—распутство внѣ семьи и въ семьѣ, модная жизнь выше средствъ, игра на биржѣ, продажность прессы, интриги духовенства и пр. и пр.

---

*) О немъ см. J. Janin: Fr. Ponsard. Paris 1872 г. Oeuvres complètes 1876 г. 3 т. Его „Лукреція" изложена въ „Библ. д. Чт." 1843 г., кн. 6. „Галилей" драм. отрывокъ пер. П. Вейнберга. Дѣло 1867 г., № 6.

**) Сюжетъ пьесы: жена практическаго, но хорошаго человѣка готова измѣнить своему мужу и бѣжать съ любовникомъ. Мужъ узнаетъ объ этомъ заблаговременно и въ присутствіи жены разъясняетъ герою, въ какое ужасное положеніе поставитъ онъ любимую женщину; виновные раскаиваются и покидаютъ свое намѣреніе. Комизмъ пьесы въ дядюшкѣ Тампоне, который ревнуетъ къ герою свою 40-лѣтнюю супругу. По-русски она пер. Крешевымъ довольно тяжелыми стихами. Библ. д. Чт. 1858 г. № 6.

***) Задача пьесы показать, что куртизанка не можетъ сдѣлаться порядочной женщиной. Героиня Олимпа вышла замужъ за молодого графа Пюижирона и повидимому порвала со своимъ прошлымъ. Но она скучаетъ въ обществѣ добродѣтельныхъ родныхъ мужа; визитъ ея матери пробуждаетъ въ ней la nostalgie de la boue, и бриліантовый уборъ подвергаетъ непреоборимому искушенію ея добродѣтель. Такъ какъ она не намѣрена отказаться отъ своей незапятнанной фамиліи, то старый графъ убиваетъ ее.

Силой соціальной тенденціи своихъ послѣднихъ пьесъ Ожье далеко отходитъ отъ первоначальной программы школы *). Вѣрнѣе ея принципамъ остаются Жозефъ Отранъ (Autran) и Сувестръ. Отранъ род. въ 1813 г. въ Марсели; въ 1835 г. выступилъ съ томикомъ стихотвореній; въ 1848 г. онъ поставилъ на сцену «Дочь Эсхила» (La fille d'Eschyle), драматическій этюдъ въ 5-ти дѣйствіяхъ, которымъ антиромантическая критика восхищалась за выпуклость характеровъ, пластичность стиха и благородство чувствъ, хотя и находила, что здѣсь Греція романтизирована. Въ 1868 г. онъ вступилъ въ академію и ум. въ 1877 г. Его довольно многочисленныя поэмы отличаются ясностью и чистотой стиля; онѣ нравятся при первомъ чтеніи, въ особенности при чтеніи вслухъ, но рѣдко кто возвратится къ нимъ второй разъ.

Эмиль Сувестръ (Souvestre) род. въ 1806 г. въ Бретани, былъ адвокатомъ и преподавателемъ, 30-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ, началъ свою литературную карьеру очерками изъ бретонской жизни (Études sur la Bretague въ Revue d. d. M. съ 1833 г.), которые имѣли большой успѣхъ; потомъ онъ писалъ и историческія повѣсти, и очерки изъ парижской и провинціальной жизни, и небольшія пьесы; онъ жилъ очень просто и тихо; ум. въ 1854 г. отъ болѣзни сердца.

Сувестръ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ французскихъ писателей. Лучшія его вещи—идиллическія повѣсти безъ «романтическихъ затѣй», до крайности бѣдныя фантазіей, но богатыя чувствомъ и здоровой моралью, противополагающія добродѣтель и простоту низшихъ классовъ испорченности высшихъ **).

Въ историко-литературномъ отношеніи Сувестръ важенъ, какъ одинъ изъ популярныхъ провинціальныхъ романистовъ, изображающихъ жизнь извѣстной мѣстности, которые появляются въ 30-хъ годахъ. Изъ нихъ еще назовемъ Тепфера, автора «Женевскихъ повѣстей» (Les nouvelles genèvoises 1840); онъ род. въ 1799 г. въ Женевѣ,

*) Его Théatre complet изд. въ 1847 и слѣд. г. въ 6 т. О немъ см. E. Montégut: Esquisses dramatiques R. d. d. M. 1878, 1 апр. Онъ сотрудничалъ и съ Ж. Сандо (см. ниже) и въ такомъ случаѣ писалъ комедіи прозой.

**) De philosophe sous les toits, Au coin du feu и пр. Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ первая изъ нихъ (перев. на русс. яз. подъ заглавіемъ „Дневникъ обитателя мансарды", см. Библ. д. Чт., 1852 г. № 10 и слѣд.). Содержаніе ея въ томъ, что бѣдный конторщикъ, не отказывавшійся при случаѣ помочь сосѣдямъ, заболѣлъ горячкой, и когда онъ опомнился, оказалось, что сосѣди заботятся объ немъ, какъ о родномъ. Само собою истекаетъ отсюда нравоученіе, что быть добрымъ и любимымъ (что одно и тоже) вовсе не трудно. Сувестра много переводили на русск. яз. въ 40-хъ и 50-хъ гг. См. Пьеръ Ланде повѣсть (изъ исторіи Бретани XV в.), От. Зап. 1840 г. т. XII, Сцены и нравы приրѣчныхъ и приморскихъ жителей, Совр. 1852 г. №№ 2, 5, 7, 8 и 10. Смотритель надъ шлюзами, Совр. 1853, № 3 и др.

былъ сынъ живописца и самъ готовился сдѣлаться художникомъ, но этому помѣшала болѣзнь глазъ. Онъ сталъ педагогомъ и открылъ пансіонъ. Совершивъ путешествіе съ учениками по горамъ Швейцаріи, онъ описалъ его въ книгѣ «Voyages en zigzag». Онъ ум. въ 1846 г. Одна изъ лучшихъ его повѣстей «Le lac de Gers»; она исполнена своеобразнаго юмора *).

Сувестръ, Тепферъ и другіе нувеллисты-этнографы являются поборниками идеи **народности** и предшественниками знаменитой въ наше время четы романистовъ Эркмана-Шатріана **).

Мы переходимъ къ двумъ крупнымъ литературнымъ дѣятелямъ, которые вышли изъ той же романтической школы, но потомъ каждый пошелъ по самостоятельной дорогѣ и образовалъ свою собственную школу, существующую до настоящаго времени, причемъ школа одного рѣзко противополагается школѣ другого: разумѣемъ Бальзака, родоначальника современнаго реализма, и Жоржъ Сандъ, главу **идейныхъ** романистовъ.

Оноре де Бальзакъ род. въ 1799 г. въ Турѣ отъ небогатыхъ и вовсе не аристократическихъ родителей ***). Онъ учился въ Вандомской коллегіи и занимался довольно плохо; на 14-омъ году онъ былъ присланъ въ Парижъ и отданъ въ пансіонъ; затѣмъ поступилъ въ ученики къ адвокату-нотаріусу, чтобы самому готовиться въ нотаріусы, но онъ чувствовалъ отвращеніе отъ юриспруденціи и страстно желалъ пробить себѣ дорогу въ литературѣ; его практичный отецъ всячески удерживалъ его отъ этой «глупости», наконецъ, видя упорство юноши, предоставилъ ему жить, какъ онъ хочетъ. Бальзакъ поселился въ мансардѣ и принялся за трагедію въ стихахъ. Послѣ того, какъ первый его опытъ оказался безусловно никуда негоднымъ, онъ обратился къ роману и уже 23-хъ лѣтъ отъ роду былъ авторомъ цѣлаго ряда печатныхъ произведеній этого рода, которыя подписывалъ обыкновенно аристократическими псевдонимами. Эти первые его романы—продукты болѣе или менѣе ловкой подражательности и не

*) Авторъ разсказываетъ, какъ онъ, однажды, путешествуя пѣшкомъ по Швейцаріи попалъ въ руки контрабандистовъ, которые сперва хотѣли убить его, но потомъ сжалились надъ нимъ и только привязали къ дереву. Въ этомъ видѣ находятъ его мѣстные крестьяне, но не рѣшаются отвязать его, а только снимаютъ съ него допросъ, пока наконецъ приходскій священникъ не возвращаетъ несчастному свободы.

**) Emile Erckmann род. 1822 г. въ Пфальцбургѣ; Alexandre Chatrian — въ 1826 г. въ окрестности того же города; они выступаютъ въ 1859 г. романомъ: L'illustre docteur Matthéus.

***) Частичка де прибавлена имъ произвольно. Когда ему доказывали неосновательность его притязаній на дворянство, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что если его предки не принадлежали къ дворянству франкскому, то, стало быть, вели свой родъ отъ дворянства кельтскаго.

заслуживають никакого вниманія; даже самъ авторъ въ письмахъ къ сестрѣ называетъ ихъ «литературнымъ свинствомъ»; единственная цѣль ихъ—дать средства къ жизни молодому литератору, который чувствовалъ въ себѣ массу энергіи и крупный талантъ, но еще самъ не зналъ, въ чемъ онъ выразится; однако, и эта скромная цѣль достиглась плохо: издатели платили векселями, курсъ которыхъ былъ очень невысокъ.

Любопытны эти первыя произведенія Бальзака только въ томъ отношеніи, что и въ нихъ юный авторъ показываетъ наклонность къ изображенію отрицательныхъ сторонъ человѣческой натуры; герои ихъ бо̀льшей частью разбойники, но пока болѣе напоминающіе фигуры г-жи Радклифъ, чѣмъ будущихъ героевъ Бальзака.

Итакъ, пока дѣла Бальзака шли плохо; но онъ не приходилъ въ отчаяніе и, гуляя по кладбищу отца Лашеза и смотря на разстилающійся у ногъ его Парижъ, былъ убѣжденъ, что когда-нибудь завоюетъ его *).

Первая задача Бальзака—обогатиться; его изобрѣтательная голова измышляетъ сотни плановъ, и наконецъ онъ останавливается на однотомныхъ изданіяхъ французскихъ классиковъ съ иллюстраціями. Мысль была хорошая, и Бальзакъ задумалъ воспользоваться ею всецѣло; на занятыя у родственниковъ деньги онъ устраиваетъ типографію, потомъ словолитню и работаетъ со свойственной ему неукротимой энергіей, то какъ хозяинъ и составитель предисловій, то какъ простой работникъ. Предпріятіе не удалось: книгопродавцы и издатели сдѣлали стачку противъ дерзкаго выскочки, довели его до полнаго банкротства, а потомъ, когда онъ принужденъ былъ распродать свои изданія на пуды, воспользовались его идеей. Бальзакъ оказался въ страшныхъ долгахъ, съ которыми онъ боролся всю жизнь свою, перемѣняя векселя и уплачивая, говорятъ, до 8,000 франковъ въ годъ однихъ процентовъ. Въ 1827 г. выходитъ его первое произведеніе, подписанное его именемъ и имѣвшее нѣкоторый успѣхъ; это—историческій романъ, написанный по образцу Вальтеръ Скотта, но съ большимъ реализмомъ въ изображеніи характеровъ, «Le dernier Chouan»; («Послѣдній изъ Шуановъ или Бретань въ 1799 г.») **). Успѣхъ побудилъ Бальзака культивировать этотъ родъ; онъ издалъ «Екатерину Медичи» и задумалъ изобразить всю исторію Франціи въ рядѣ такихъ романовъ, но потомъ оставилъ эту идею. Въ 1829 г. выходитъ его книжка «Физіологія брака», рядъ размышленій, наблю-

*) Впослѣдствіи онъ во многихъ изъ своихъ произведеній выводитъ молодыхъ, энергичныхъ провинціаловъ, которые находятся въ такомъ положеніи, какъ когда-то находился онъ.

**) По-русски отдѣльной книгой, М. 1840 г. 2 части.

деній и очерковъ, интересъ которыхъ авторъ возвысилъ искусственнымъ образомъ тѣмъ, что запретилъ читать ихъ женщинамъ; черезъ годъ выходитъ его романъ «Peau de chagrin», въ которомъ впервые проявляется во всей силѣ необыкновенная тонкость его наблюденій. Этотъ знаменитый романъ, который заинтересовалъ даже старика Гёте, еще истинное дѣтище романтики, но понятой своеобразно и приправленной такимъ пессимизмомъ, передъ которымъ пессимизмъ Байрона кажется въ высшей степени утѣшительной философіей *). Идея романа въ томъ, что всякій человѣкъ самъ себѣ врагъ, что наша воля снѣдаетъ нашу жизнь. Но романъ нравился не столько по своей странной идеѣ, сколько по необыкновенно тонкому и вѣрному воспроизведенію картинъ парижской жизни и именно грязной стороны жизни.

Послѣдующіе романы Бальзака всѣ изображаютъ современное ему общество, его страсти, уродства и пороки. Двѣ тенденціи, которыя проявляются уже въ «Peau de chagrin»: романтическая и ультрареалистическая, идутъ въ нихъ рука объ руку, осуществляя то, о чемъ мечтали нѣмецкіе романтики въ началѣ столѣтія—соединеніе творчества съ наукой. Бальзакъ проводитъ своеобразную философію, которая часто доходитъ до мистики и до вѣры въ колдовство; изслѣдуетъ вопросы медицинскіе, физіологическіе, патологическіе, политико-экономическіе и здѣсь же производитъ рядъ вивисекцій окружающей его среды и описываетъ людей, ихъ низкія страсти, ихъ ошибки и самообольщенія съ такой детальной точностью, что иллюзія доходитъ до небывалой силы и полноты. Всего больше интересуютъ его двѣ темы: деньги и женщина. Только онъ одинъ съ такой силой и наглядностью обнажилъ главную пружину дѣятельности общества іюльской монархіи. Самъ вѣчно занятый денежными вопросами, онъ въ своихъ романахъ высчитываетъ до сантимовъ неизбѣжные расходы парижанъ и парижанокъ; онъ показываетъ, какъ это новое божество, этотъ Молохъ, развращаетъ и пожираетъ всѣ классы общества, отравляетъ всѣ сферы человѣческой дѣятельности, не исключая ни любви, ни науки, ни искусства.

Женщину Бальзакъ изслѣдуетъ со страстью записного археолога или естествоиспытателя, нашедшаго новый и интересный матеріалъ: героини революціи, жены героевъ имперіи, благочестивыя дамы реставраціи, а, особенно, разнообразные типы женщинъ іюльской монархіи проходятъ передъ нами длинной вереницей, но обрисованные съ

---

*) Сюжетъ его: молодой человѣкъ, запутавшійся въ долгахъ и не видящій другого исхода, кромѣ самоубійства, пріобрѣтаетъ отъ стараго еврея чудесную кожу, имѣющую свойство исполнять всѣ желанія своего владѣльца, но уменьшающуюся при каждомъ проявленіи какого-нибудь желанія.

такимъ мастерствомъ, что ни одна особь не смѣшается съ другой. Добродѣтельныя женщины встрѣчаются у него какъ рѣдкія исключенія, да и у нихъ добродѣтель объясняется какой-нибудь странностью въ условіяхъ ихъ жизни или въ ихъ характерѣ; но за то у него нѣтъ ни одной безусловно порочной женщины, и во всякой есть своеобразный героизмъ, стремленіе къ самопожертвованію подъ вліяніемъ аффекта. Мы уже видѣли, что въ самомъ началѣ столѣтія молоденькая невинная дѣвушка принуждена была уступить мѣсто героини женщинѣ отъ 25—30 лѣтъ, знающей жизнь и пострадавшей отъ жизни. Бальзакъ идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше. У него молоденькая дѣвушка представляется чѣмъ-то недоконченнымъ и неинтереснымъ; женщина между 30 и 40 годами и даже послѣ 40—вотъ его настоящая героиня,—и чтобы быть таковой, ей вовсе не нужна моложавость, даже не нужно то, что обыкновенно считается красотой. Пускай цвѣтъ лица ея тусклъ и кожа покрыта пятнами, пускай она будетъ даже совсѣмъ уродлива, Бальзакъ, какъ Ѳедоръ Карамазовъ, съумѣетъ найти въ ней какую-нибудь «черточку», съумѣетъ изобразить ее въ такой моментъ, когда она будетъ интересна; въ ея многоиспытавшемъ сердцѣ онъ найдетъ матеріалъ для бездны любопытныхъ наблюденій часто патологическаго характера.

Такую же смѣсь зла и добра, низости и идеальныхъ побужденій представляютъ и его мужчины; добродѣтель въ порокѣ и порокъ въ добродѣтели служатъ для него лозунгомъ въ той же степени, какъ и для В. Гюго, но различіе въ томъ, что Гюго всю энергію употребляетъ на изображеніе добродѣтели, а Бальзакъ—на воспроизведеніе порока.

Въ 1833 и 1834 г. выходятъ его два романа, обратившіе на него вниманіе всей читающей Европы; одинъ изъ провинціальной жизни—«Евгенія Гранде», другой изъ парижской—«Отецъ Горіо» *), которымъ онъ начинаетъ длинный рядъ очерковъ, соединенныхъ имъ въ 1836 г. подъ общимъ заглавіемъ «Комедія человѣческой жизни». Въ предисловіяхъ къ переизданію первыхъ романовъ онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что такого рода очерки и заключаютъ въ себѣ настоящую исторію человѣчества, тогда какъ то, что мы обыкновенно знаемъ подъ именемъ исторіи, есть только рядъ сухихъ и ни для кого непоучительныхъ замѣтокъ; если Вавилонъ, Аѳины, Римъ лишены такой исторіи, пусть ее будетъ имѣть хоть Парижъ. Съ этихъ поръ опредѣляется вполнѣ задача Бальзака, надъ которой онъ работаетъ въ продолженіе остальной жизни. Съ 1827 до 1848 г. онъ написалъ 97 произведеній, заключающихъ въ себѣ болѣе 10,000 страницъ

*) Тема его та же, что въ „Королѣ Лирѣ"; заслуга Бальзака, по замѣчанію Брандеса, въ томъ, что если онъ не съумѣлъ представить Корделіи, за то Регана и Гонерилья вышли у него гораздо человѣчнѣе.

убористой печати. А при этомъ надо замѣтить, что онъ работалъ вовсе не легко: стихъ не давался ему вовсе *) и сколько-нибудь литературная проза доставалась съ большимъ трудомъ.

Кромѣ того онъ не умѣлъ экономично распорядиться работою: онъ начиналъ писать раньше, нежели самъ себѣ выяснитъ то, что намѣренъ писать и сдавалъ въ типографію скорѣе остовъ произведеній, который набирался съ огромными полями, чтобы Бальзакъ могъ дѣлать на нихъ дополненія и поправки, и для этихъ дополненій и поправокъ иногда требовалось до 12-ти корректуръ, которыя уменьшали его гонораръ чуть ли не на половину **). Чтобы написать такую массу, онъ долженъ былъ работать по 18 часовъ въ сутки и вести самую нездоровую жизнь, которую и его необыкновенно крѣпкая натура выдержала не долго. Онъ спалъ по вечерамъ, а писалъ ночи напролетъ, поддерживая себя огромнымъ количествомъ кофе. Эта нездоровая ***) жизнь и постоянное напряженіе воображенія довели Бальзака до особаго рода мономаніи, о которой разсказываютъ сотни анекдотовъ. Онъ не отличалъ вымысла отъ дѣйствительности и сообщалъ о перемѣнахъ въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ въ своихъ романахъ, какъ будто они были живые люди. Онъ такъ много сочинялъ въ своихъ разговорахъ, что пріятели рѣшительно не знали, чему слѣдуетъ вѣрить, чему нѣтъ. Онъ сталъ чудакомъ и часто бывалъ посмѣшищемъ, но не смущался этимъ и сохранялъ твердую вѣру въ свое величіе: честный и великодушный человѣкъ, онъ былъ смѣшонъ и жалокъ своимъ тщеславіемъ. «Смотрите на мой носъ, говорилъ онъ художнику, который снималъ его бюстъ; вѣдь это цѣлый міръ», а на самомъ дѣлѣ это былъ самый обыкновенный некрасивый носъ. Онъ самъ рекламировалъ свои произведенія въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ и такъ мало заботился скрыть свои слѣды, что все это легко вышло наружу. Этотъ архициникъ, какимъ считали его на основаніи романовъ, былъ въ глубинѣ души идеалистомъ, какихъ немного между знаменитостями XIX-го вѣка. Онъ рекомендовалъ молодымъ литераторамъ прежде всего безусловное цѣломудріе и самъ съ 1822—1837 г. былъ идеально влюбленъ въ одну даму (г-жу де-Берни), которую называлъ своимъ ангеломъ, а потомъ влюбился въ графиню Ганскую и, не смотря на все свое желаніе соединиться съ

*) Всѣ стихи въ его романахъ сочинены другими.

**) Но эти 12 корректуръ, эта заботливость Бальзака выразить какъ можно полнѣе и лучше то, что онъ имѣлъ сказать, — лучшее указаніе на то, какъ далекъ былъ Бальзакъ отъ литературнаго индустріализма и какое высокое понятіе имѣлъ онъ о значеніи литературы.

***) Бальзакъ, правда, изрѣдка возобновлялъ свои силы непродолжительными путешествіями; но въ 2—3 дня напряженной работы онъ затрачивалъ все, что пріобрѣталъ отдыхомъ.

нею и зажить по-людски, откладывалъ свой бракъ до 1850 года, когда онъ могъ окончательно расплатиться съ долгами и устроить по своему вкусу свой семейный очагъ. Въ мартѣ 1850 г. онъ въ Бердичевѣ перевѣнчался со своей невѣстой, а черезъ 3 мѣсяца умеръ въ Парижѣ.

Бальзакъ и при жизни имѣлъ милліоны читателей и много поклонниковъ и особенно поклонницъ: масса женщинъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ, пансіонахъ, институтахъ или въ слишкомъ благоустроенныхъ семьяхъ, гдѣ молодая дѣвушка будто подъ стекляннымъ колпакомъ охраняется отъ тлетворнаго вліянія житейской грязи и страстей, вслѣдствіе чего потомъ, при столкновеніи съ дѣйствительностью, оказывается въ положеніи Гурона въ Парижѣ, по его романамъ впервые научались познавать окружающихъ и самихъ себя; масса грѣшницъ находили въ нихъ себѣ оправданіе и утѣшеніе; для массы юношей Бальзакъ замѣнялъ «опыты быстротекущей жизни». Но критика цѣнила его не очень высоко, ставила его во второмъ ряду современныхъ талантовъ и искала для него параллелей въ дѣвицѣ Скюдери и др. когда-то безсмертныхъ романистахъ. Слава его начинается послѣ смерти; у него явилась цѣлая школа, обратившая романъ и повѣсть въ научно-микроскопическое изслѣдованіе нравовъ общества *). Тогда начался, такъ сказать, «культъ» Бальзака: его ставятъ рядомъ съ Шекспиромъ и считаютъ величайшимъ поэтомъ нашего вѣка, хотя и признаютъ за нимъ крупные недостатки какъ за писателемъ. Этотъ культъ скоро встрѣчаетъ тѣмъ болѣе горячихъ противниковъ, что иные изъ бытописателей общества, признающіе Бальзака своимъ учителемъ, идутъ дальше него и обращаютъ романъ въ трактатъ по физіологіи и патологіи, а съ другой стороны иные поклонники тѣхъ же «бытописателей» стараются превознести учениковъ на счетъ учителя, усматривая въ немъ недостатокъ полезности и даже проявленія обскурантизма. Споръ между сторонниками крайняго реализма и его противниками далекъ отъ конца, вслѣдствіе чего историко-литературное значеніе Бальзака еще не можетъ быть оцѣнено по достоинству.

Но уже и теперь ясно, что Бальзакъ—огромная творческая сила, только сила, такъ сказать, не дисциплинированная, сама не знавшая себѣ границъ и удержу и не умѣвшая отливать свои продукты въ соотвѣтствующую форму. Это — Дантонъ художественной революціи

*) Одинъ изъ первыхъ его послѣдователей, относившійся еще съ большимъ пессимизмомъ къ человѣчеству, Charles de Bernard, не пережившій своего учителя (род. 1805, ум. 1850 г.). Сборникъ его стихотвореній носитъ характерное заглавіе: Plus deuil que joie 1832 г.; онъ писалъ романы, повѣсти и небольшія драмы. Наиболѣе имѣли успѣха: Le gerfaut (Кречетъ 1838), Les ailes d'Icare, Le peau du lion и др.

нашего вѣка, то сердечно-добрый, то безчеловѣчно-жестокій, то геніально-дальнозоркій, то дѣтски-ограниченный, способный набросать груды великихъ идей и неспособный провести ни одной изъ нихъ послѣдовательно. Онъ спѣшилъ творить, какъ Дантонъ спѣшилъ жить и дѣйствовать. Его обвиняютъ въ постыдномъ равнодушіи къ политикѣ Франціи съ одной стороны и въ индиферентизмѣ къ теоретическимъ основамъ искусства съ другой, подобно тому, какъ Дантона обвиняли въ равнодушіи къ формѣ правленія; но развѣ послѣдующія событія не оправдали ихъ обоихъ? Развѣ споры о классицизмѣ и романтизмѣ и о задачахъ искусства не выдохлись сами собой? Бальзака обвиняютъ въ томъ, что онъ слишкомъ превозноситъ развратный Парижъ на счетъ провинціи, что онъ, какъ мѣщанинъ въ дворянствѣ, унижаетъ мужиковъ и вѣчно толкуетъ о благородствѣ крови. Но Бальзакъ создалъ такую массу фигуръ и положеній и разбросалъ по своимъ романамъ столько мыслей и замѣчаній, что ему можно приписать любую политическую или соціальную теорію и подкрѣпить ее множествомъ цитатъ *); противорѣчія, которыя мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ—не его вина, а противорѣчія самой жизни, которую Бальзакъ воспроизводитъ въ возможномъ разнообразіи. На такія обвиненія отвѣтить не трудно. Но Бальзака же обвиняютъ въ отсутствіи идеаловъ и въ недостаткѣ любви и уваженія къ человѣку, и на это самые горячіе его защитники могутъ сказать только одно: «нечего на зеркало пенять, если рожа крива». Чтеніе его романовъ не возвышаетъ и не облагораживаетъ души читателя, не увеличиваетъ въ немъ количества жизненной энергіи, не даетъ силы мириться со зломъ, не возбуждаетъ стремленія дѣлать добро. Оно развиваетъ умъ, подготовляетъ къ жизненной борьбѣ, но угнетаетъ чувство и лишаетъ жизнь поэзіи; оно будто старитъ человѣка; это та истина, которая говоритъ у Баратынскаго:

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ направлю твой.
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой“.

За то и противники Бальзака должны сознаться, что его романы не принадлежатъ къ числу тѣхъ эфемерныхъ произведеній, которыя

*) Напр. „аристократъ“ Бальзакъ въ „Кузинѣ Беттѣ“ всѣ добродѣтели Аделины приписываетъ ея здоровой крестьянской крови и нѣсколько разъ говоритъ о народномъ здравомъ смыслѣ, о мужицкой честности и даже объ особой деликатности женщинъ изъ народа.

могутъ заинтересовать только при первомъ чтеніи; напротивъ, при перечитываніи они выигрываютъ; только тогда выступаетъ масса тонкихъ деталей, наблюденій и замѣчаній, которыя показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ художникомъ.

Кромѣ романовъ, Бальзакъ писалъ небольшіе разсказы, которые называлъ Contes drôlatiques (1835 — 45), и написалъ рядъ драмъ и комедій *). Драматическаго таланта у него нѣтъ, и его способъ воспроизведенія жизни вовсе не удобенъ для сцены. Его «Contes» своимъ здоровымъ скабрезнымъ содержаніемъ и грубоватымъ юморомъ напоминаютъ Рабле; въ нихъ Бальзакъ не углубляется въ жизнь, а скользитъ по ея поверхности; они какъ будто служили отдыхомъ для этого микроскопическаго изслѣдователя человѣческаго сердца, который самъ часто испытывалъ ужасъ передъ результатомъ собственной работы **).

Идейный или тенденціозный романъ естественно долженъ быть тѣсно связанъ съ личностью автора; поэтому на условіяхъ жизни Жоржъ Сандъ мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе.

Защитница христіанскаго соціализма и правъ народа, Ж. Сандъ, по отцу происходитъ отъ королевской крови. Морицъ Саксонскій (1696—1750), незаконный сынъ Августа III, впослѣдствіи маршалъ Франціи, вступилъ въ связь съ оперной пѣвицей въ Парижѣ и отъ этой связи родилась бабушка и воспитательница романистки, Марія-Аврора, которую, когда ей было 14 лѣтъ, актъ парламента призналъ дочерью покойнаго маршала. 16-ти лѣтъ Марія-Аврора была выдана замужъ за графа Горна, побочнаго сына Людовика XI, но уже черезъ годъ осталась вдовой, такъ какъ мужъ ея былъ убитъ на дуэли. Скоро послѣ этого молодая вдова лишилась и матери и, не имѣя другого прибѣжища, поселилась въ томъ монастырѣ, гдѣ была воспитана. Здѣсь съ Авророй познакомился нѣкто Дюпэнъ (Dupin de Francueil), довольно богатый человѣкъ, и сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято послѣ нѣкотораго колебанія. Не смотря на то, что мужъ былъ на 30 лѣтъ старше жены, супруги жили въ большомъ согласіи. Дюпэнъ много читалъ, имѣлъ обширный кругъ знакомства, въ который входили извѣстные писатели и художники и старался забавлять свою сравнительно молодую жену. Скоро у нихъ ро-

*) Vautrin поставленъ въ 1840 г. на театрѣ Porte Saint Martin. „Théatre de Balzac" изд. въ 1853 г.

**) Основной матеріалъ для біографіи Б—а дала книга его сестры M-me Surville: Balzac, sa vie et ses oeuvres d'aprés sa correspondence 1858 г. Самое внимательное изслѣдованіе о немъ: Histoire des oeuvres de H. de Balzac par vicomte de Spoelberch de Jovenjoul (Charles de Jovenjoul) 1876 г. 2-ое изд., revue et corrigée 1886 По-русски о немъ см. статью въ Совр. 1841 г. т. XXIV, стр. 14—46. Далѣе: Воспоминанія о Бальзакѣ, статья Леона Гозлана, пер. въ Пантеонѣ 1856 г. IV. У Дружинина (т. V стр. 192—211) см. прекрасный разборъ романа Madame Jules и здѣсь же характеристику Бальзака (изъ Совр. 1850 г.). Въ Загран. Вѣстн. Корша 1881 г. окт. переведена статья Брандеса о Бальзакѣ.

Романы Бальзака переводились у насъ еще съ 30-хъ гг. въ большомъ количествѣ, и отдѣльными книгами, и въ журналахъ; больше всего въ Библ. д. Чт. отъ 1837 до 1848 г. (Старикъ Горіо, тамъ же еще въ 1835 г. № 8—9).

дился сынъ Морисъ, къ которому мать привязалась всѣми силами своей души. Черезъ 10 лѣтъ послѣ брака Дюпэнъ умеръ, оставивъ женѣ и ребенку хорошее состояніе. Аврора переѣхала изъ провинціи въ Парижъ и взяла для сына гувернера, нѣкоего Дешартра, человѣка, несомнѣнно знающаго и преданнаго, но большого чудака и педанта. Революцію Аврора Дюпэнъ встрѣтила безъ страха и въ началѣ горячо сочувствовала противникамъ двора; но состояніе ея пострадало, и на оставшіяся деньги она поспѣшила купить имѣніе Nohant. Не смотря на ея либеральный образъ мыслей, ей пришлось имѣть дѣло съ республиканской полиціей; у ней произвели обыскъ, нашли подозрительныя бумаги и посадили ее въ тюрьму, гдѣ она оставалась до августа 1794 года, послѣ чего она уѣхала въ имѣніе, гдѣ принуждена была жить на самыя ничтожныя средства. Между тѣмъ Морисъ сталъ юношей и стремился въ военную службу; матери трудно было примириться съ мыслью, что внукъ Морица Саксонскаго начнетъ свою карьеру солдатомъ республиканской арміи; но законъ объ общей воинской повинности помогъ ему, и онъ надѣлъ мундиръ; изъ него вышелъ исполнительный и храбрый солдатъ, и онъ быстро пошелъ по службѣ. Въ Италіи онъ встрѣтился съ любовницей одного генерала Софіей Делабордъ, красивой парижанкой, отецъ которой снискивалъ себѣ пропитаніе продажей птицъ; при вторичной встрѣчѣ Морисъ и Софія серьезно привязались другъ къ другу. Когда Морисъ попалъ въ плѣнъ, гдѣ чуть не погибъ отъ разнообразныхъ физическихъ лишеній, Софія сдѣлала все возможное, чтобы способствовать его освобожденію, и связь ихъ этимъ закрѣпилась навѣки. Мать, не желавшая дѣлиться любовью сына съ другой женщиной, да еще такой, какъ думала она, недостойной, старалась всѣми силами расторгнуть ихъ связь, но это ей не удалось. Когда Софія Делабордъ была уже беременна будущей романисткой, Морисъ Дюпэнъ обвѣнчался съ нею въ Парижѣ тайно отъ матери. Увѣрившись въ невозможности сдѣлать бракъ недѣйствительнымъ, Аврора согласилась примириться съ невѣсткой, которая скоро потомъ даже была представлена ко двору Мюрата. Амантина Люсилія Аврора Дюпэнъ род. 5 іюля 1804 г. очень крѣпкимъ и здоровымъ ребенкомъ и въ дѣтствѣ обѣщала изъ себя красавицу, но, какъ замѣчаетъ она сама, не сдержала своего обѣщанія, за что мать постоянно упрекала ее. Она начала себя помнить очень рано; прежде нежели она выучилась читать, она декламировала басни, заученныя со словъ другихъ; воображеніе ея было настолько живо, что она доходила до галлюцинацій; однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій ея было разсказывать себѣ самой или другимъ безконечныя сказки, ею сочиненныя. Отца она видала рѣдко, такъ какъ обязанности службы часто заставляли его покидать Парижъ; только зиму 1807—8 года имѣлъ онъ возможность провести дома. Въ слѣдующую зиму онъ принужденъ былъ отправиться съ Мюратомъ въ Испанію, куда за нимъ послѣдовала и беременная жена съ дочерью. На впечатлительную дѣвочку сильно подѣйствовала необыкновенная обстановка, среди которой она очутилась: отсутствіе женщинъ, военные мундиры кругомъ, роскошный, но страшно запущенный дворецъ испанскихъ королей, красивыя игрушки инфантовъ, предоставленныя въ ея распоряженіе,—все это развивало и безъ того пылкую ея фантазію. Въ Мадридѣ у нея родился братъ, совершенно слѣпой; увѣряли, будто испанскій акушеръ нарочно ослѣпилъ его. На обратномъ пути изъ Испаніи, Морисъ заѣхалъ въ Nohant, гдѣ умеръ его маленькій сынъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Морисъ Дюпэнъ былъ разбитъ на смерть своею верховою лошадью. Смерть его страшно поразила жену и мать; послѣдняя съ этихъ поръ никогда не была искренно весела. Почти на два года Nohant обратился въ мѣсто плача и скорби; въ это время и матери и

бабушкѣ было не до Амантины, и ей взяли въ компаньонки крестьянскую дѣвочку, которая съумѣла себя поставить въ товарищескія отношенія къ барышнѣ. Но когда горюющія дамы нѣсколько оправились, будущей романисткѣ пришлось очутиться въ томъ же трагическомъ положеніи, въ какомъ недавно былъ ея несчастный отецъ: ей приходилось дѣлить любовь свою между двумя женщинами, одинаково сильными и упорными и рѣзко противуположными по воспитанію, по наклонностямъ и образу жизни: одна—сдержанная, вѣчно учтивая аристократка; другая—пылкая, часто взбалмошная и всегда рѣзкая парижанка изъ народа. Амантина больше любила мать, но больше боялась бабушки, не смотря на то, что мать иногда била ее, а бабушка никогда не позволяла себѣ возвысить голосъ.

Наконецъ госпожи Дюпэнъ рѣшили разстаться: ради счастія дочери, Софія уступила письменно ребенка бабушкѣ и уѣхала въ Парижъ къ своей старшей незаконной дочери Каролинѣ; за это ей была назначена небольшая вдовья пенсія. Лѣто дѣвочка проводила въ деревнѣ, гдѣ она пользовалась сравнительно большой свободой и могла играть съ крестьянскими дѣтьми, а зиму—въ Парижѣ; тамъ по воскресеньямъ утромъ они всегда съ великой радостью переселялась изъ аристократической квартиры бабушки въ мѣщанскую квартиру къ матери и Каролинѣ. Умственное развитіе Амантины подвигалось быстро впередъ: бабушка сама занималась съ нею французскими сочиненіями и, пока была въ силахъ, музыкой; Дешартръ училъ ее по-латыни; Амантина страстно любила читать и, обладая прекрасною памятью, пріобрѣла массу свѣдѣній по литературѣ и исторіи; чрезвычайно сильное дѣйствіе произвелъ на нее „Освобожденный Іерусалимъ". Такъ какъ бабушка, воспитанница энциклопедистовъ, пренебрегала религіознымъ воспитаніемъ внучки, то пылкій ребенокъ самъ создалъ себѣ религію и выдумалъ особое божество, которое представляло амальгаму изъ Христа, античныхъ богинь и лучшихъ чертъ характера обожаемой матери. Изъ-за этой любви къ матери Амантина-Аврора не одинъ разъ ссорилась съ своими воспитателями; разъ бабушка рѣшилась на сильную мѣру: позвала къ себѣ дѣвочку и разсказала ей исторію ея матери, которую называла потерянной женщиной. Съ этого начинается тяжелый періодъ въ дѣтской жизни будущей писательницы: бабушку свою она безсознательно возненавидѣла, но по матери не могла мечтать съ прежней любовью; она стала холодна и дерзка со всѣми. Послѣ нѣкотораго колебанія, бабушка рѣшила отвезти ее въ Парижъ и отдала ее въ пансіонъ при монастырѣ „Des anglaises".

Жизнь А. А. Дюпэнъ въ монастырѣ распадается на три періода: въ первомъ она шалитъ и рѣзвится, какъ воспитанный на деревенской волѣ ребенокъ и смѣется надъ монахинями; во второмъ она дѣлается страстно благочестивой и доходитъ до религіознаго экстаза; третій періодъ — умѣреннаго благочестія, но при твердомъ намѣреніи отказаться впослѣдствіи отъ міра. Умудренная жизнію, бабушка не очень боялась за А. Аврору, когда та простаивала ночи на молитвѣ и ждала откровенія: она знала, что острый періодъ экстаза бываетъ непродолжителенъ; ее гораздо болѣе испугало умиротворенное состояніе Авроры; она поспѣшила взять внучку изъ монастыря и ради нея сама переселилась въ Парижъ; дѣвушка довольно долго выдерживала характеръ: безъ принужденія посѣщала общество, но не принимала дѣятельнаго участія въ его забавахъ; женихамъ, которыхъ ей представляли, она отказывала, не вглядѣвшись имъ въ лицо, и съ удовольствіемъ уѣхала въ деревню. Убѣдившись, что изъ монастырскаго ученья она вынесла немного, А. Аврора рѣшилась пополнить пробѣлы своего образованія. Долго она ломала голову надъ Лейбницемъ и отдохнула, когда перешла къ Руссо;

Вольтера она не читала, соблюдая слово, данное матери. Чтеніе сильно поколебало ея религіозныя убѣжденія; въ послѣдній разъ она исповѣдовалась у деревенскаго священника, который крайне оскорбилъ ея высокое понятіе объ этомъ таинствѣ, начавъ ее допрашивать о ея странномъ съ точки зрѣнія провинціальныхъ барышень образѣ жизни (она между прочимъ развлекалась охотою и, по совѣту Дешартра, для удобства тогда въ первый разъ стала носить мужской костюмъ). Религіозныя сомнѣнія и внутренняя борьба, сопровождающая выработку взглядовъ, мучили А. Аврору, и у нея не разъ появлялась мысль о самоубійствѣ.

Въ декабрѣ 1821 г. бабушка умерла, завѣщавъ имѣніе свое Аврорѣ, которая вскорѣ послѣ этого переѣхала къ матери въ Парижъ. Та рѣшила, что на ней лежитъ обязанность перевоспитать „испорченную" дѣвушку: она прогнала ея горничную, запретила ей читать и вообще старалась сдѣлать изъ нея домовитую и скромную мѣщанку. Жизнь съ матерью, о которой такъ долго мечтала Аврора, какъ о величайшемъ счастіи, оказалась почти пыткой; мать сама минутами сознавала тяжелое положеніе дочери, раскаивалась, плакала, но не могла совладать съ своимъ характеромъ. Наконецъ она рѣшила отправить Аврору на время въ деревню, къ однимъ знакомымъ. Свѣжій воздухъ и трезвая семейная жизнь, при полной свободѣ, быстро поправила начинавшее увядать здоровье Авроры. Тамъ встрѣтила она молодого человѣка: Казимира Дюдеванъ, который, сблизившись съ нею въ играхъ, сдѣлалъ ей предложеніе довольно спокойно и умно, не прикидываясь влюбленнымъ. Аврора съ своей стороны вовсе не была влюблена въ него, но онъ казался ей удобнымъ товарищемъ для прохожденія жизненнаго пути, а о возвращеніи въ домъ матери ей тяжко было и подумать. Аврора согласилась; послѣ колебаній согласилась и мать ея, и свадьба состоялась въ сентябрѣ 1822 г. Молодые супруги поселились въ Nohant, и уже въ первый годъ стало замѣтно сказываться различіе въ ихъ характерахъ: мужъ жилъ только для себя и про себя и бóльшую часть времени проводилъ внѣ дома; жена стремилась жить сердцемъ и умомъ, тяготилась однообразными хозяйственными заботами и напрасно пыталась убить свои душевныя потребности шитьемъ. Рожденіе сына въ 1823 г. не измѣнило положенія дѣлъ, и Аврора стала временами подвергаться припадкамъ меланхоліи; только небольшія путешествія изрѣдка развлекали ее. Отъ 1826 до 1830 г. супруги жили почти безвыѣздно или въ Nohant, или въ сосѣднемъ городкѣ, гдѣ мужъ Авроры, занявшись политикой, открылъ нѣчто въ родѣ салона; съ женою онъ расходился все больше и больше, и каждый изъ нихъ жилъ своею особою жизнью. Такъ какъ Аврорѣ не хватало денегъ на ея личные расходы, она искала себѣ заработка; вѣрнѣе: исканіе заработка служило выраженіемъ потребности въ какой-нибудь самостоятельной дѣятельности. Оставивъ довольно непрактичную мысль добывать деньги живописью, она рѣшила обратиться къ литературѣ (на возможность въ ней литературныхъ способностей ей указалъ еще прежде одинъ изъ ея родственниковъ по отцу, де-Вильневъ). Она предложила мужу такую сдѣлку: полторы тысячи франковъ, которыя онъ былъ обязанъ выдавать ей по брачному контракту, онъ будетъ выплачивать ей сразу за весь годъ и на эти деньги полгода она будетъ жить одна въ Парижѣ, а другіе полгода будетъ проводить въ имѣніи; онъ согласился. Аврора наняла себѣ квартиру въ мансардѣ и принялась изучать Парижъ; не имѣя возможности тратить много денегъ и желая въ то же время видѣть все интересное, она заказала себѣ мужской костюмъ, который давалъ ей право ходить безъ провожатыхъ по улицѣ, сидѣть въ дешевыхъ мѣстахъ въ театрѣ и пр. Въ Парижѣ она сошлась съ кружкомъ своихъ

земляковъ беррійцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ редакторъ Фигаро, Делатушъ *); они доставили ей первый литературный заработокъ и ввели ее въ литературные и политическіе интересы тогдашняго Парижа. Аврора скоро привязнула къ сенъ-симонистамъ и свою симпатію къ идеальному соціализму удержала на всю жизнь.

Скоро Аврора Дюдеванъ сошлась съ однимъ молодымъ, уже прежде знакомымъ ей литераторомъ Жюлемъ Сандо **) и въ компаніи съ нимъ написала романъ „Rose et Blanche" (1831 г.), планъ котораго принадлежатъ Аврорѣ, а литературная обработка ея болѣе самоувѣренному сотруднику. Этотъ романъ былъ подписанъ полупсевдонимомъ: Жюль Сандъ, и имѣлъ успѣхъ благодаря свѣжести фигуръ, живости разсказа и мѣстами психологической глубинѣ. Слѣдующій романъ Индіана (1832 г.) былъ написанъ одной Авророй и, по желанію издателя, былъ подписанъ сходнымъ псевдонимомъ: Жоржъ Сандъ, который А. Дюдеванъ удержала на всю жизнь тѣмъ съ бо́льшей охотой, что аристократическіе родственники мужа высказали нежеланіе, чтобы ихъ фамилія позорилась на литературномъ рынкѣ.

За Индіаной появились Валентина (1832), Лелія (1833), Жакъ (1834) и др. и имя Жоржъ Санда сразу стало блестящей звѣздой на горизонтѣ французской романтики. Критика, введенная въ заблужденіе псевдонимомъ, довольно долго недоумѣвала, мужчина или женщина авторъ; многіе увѣряли, что женскому перу принадлежатъ только женскіе характеры, а въ слогѣ и постройкѣ цѣлаго усматривали болѣе сильную мужскую руку. Публика была поражена оригинальностью и богатствомъ идей и умѣньемъ автора затрогивать сердце человѣческое, и рѣзко раздѣлилась на двѣ партіи: молодежь, взволнованная революціей и побѣдой романтизма, горячо сочувствовала стремленію Ж. Сандъ эмансипировать любовь и женщину и ниввергнуть „устарѣлыя" понятія о домѣ и семьѣ; защитники существующаго порядка вещей возмущались дерзкой безнравственностью тенденцій автора, хотя и должны были признать за нимъ талантъ и искренность; но какъ поклонники, такъ и враги въ своемъ увлеченіи преувеличивали рѣзкость мнѣній Ж. С. и не хотѣли замѣтить того, что она вовсе не возводитъ въ аво-

---

*) Hyacinthe Thabaud de Latouche (1785—1851), первый издатель стихотвореній Андрея Шенье, и самъ поэтъ, драматургъ и романистъ, пользовался въ свое время большой, но нѣсколько скандальной извѣстностью: онъ взялъ изъ романтизмовъ нѣмецкаго и французскаго самые, такъ сказать, нездоровые ихъ элементы. Больше всего вниманія возбудилъ его историческій романъ: Fragoletta (1829 г. 2 т.).

**) Leonard Sylvain Jules Sandeau, представляющій въ своихъ произведеніяхъ любопытный переходъ отъ романтизма къ школѣ здраваго смысла, род. въ 1811 г. въ Обюссонѣ, пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы изучать юриспруденцію, но увлекся литературой. Его самостоятельный романъ Madame de Sommerville (1834 г.) имѣлъ успѣхъ средній, но Marianna (1839), представляющая очень тонкій и изящный психологическій этюдъ, сдѣлала его однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Revue d. d. Mondes. Въ 1851 г. на Théatre français поставлена его пьеса M-lle de la Seglière, очень одобренная критикой и публикой; потомъ онъ писалъ для театра въ сообществѣ съ Эм. Ожье. Въ 1858 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи; ум. 1883 г.

Въ Россіи, благодаря умѣнью разсказывать, онъ пользовался довольно большой извѣстностью: въ 1842 г. (т. L) въ Библ. д. Чт. переведена его повѣсть: „Докторъ Ербо" (Herbeau); въ 1849 г. въ Соврем. (т. XVI) романъ: „Искатель приключеній" (въ оригиналѣ: La chasse au roman; нѣчто въ родѣ пародіи на романтизмъ въ жизни); въ 1852 г. въ Библ. д. Чт. № 9 „Послѣдняя фея"—аллегорическая сказка и др.

өеозу такъ-называемую свободную любовь и вовсе не возстаетъ противъ брака въ принципѣ.

На первое время А. Дюдеванъ довольно строго придерживалась первоначальнаго плана жизни, но, обезпечивъ себя, благодаря успѣху романовъ, съ денежной стороны, она неохотно и не надолго ѣздила въ деревню, и сына своего взяла къ себѣ въ Парижъ.

О ея отношеніяхъ къ Мюссе было сказано въ біографіи послѣдняго.

Вскорѣ послѣ позвращенія изъ Италіи отношенія Авроры къ мужу обострились почти до взаимной ненависти; въ февралѣ 1836 г. она, по совѣту друзей, начала съ мужемъ процессъ о разводѣ и объ имѣніи; процессъ этотъ прошелъ всѣ инстанціи; адвокатъ мужа закидалъ имя ея грязью и возстановилъ противъ писательницы значительную часть общества. Тѣмъ не менѣе Аврора вышла побѣдительницей: имѣніе и дѣти остались за нею.

Ставъ свободною и независимою въ денежномъ отношеніи, Ж. Сандъ могла войти въ сношеніе съ большимъ кругомъ литераторовъ и открыла у себя салонъ, гдѣ встрѣчались знаменитости художественнаго міра. Ея друзья завлекли ее въ политику—уже съ 1834 г. она находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ республиканцемъ Мишелемъ Буржъ и черезъ него была въ дружбѣ съ Пьеромъ Леру, Ламеннэ и др.,—и она примкнула къ лагерю радикаловъ, но не безъ тяжелой внутренней борьбы, такъ какъ ей, по ея сознанію, трудно было оставить дѣло цивилизаціи и чистаго искусства.

До 1841 г. Ж. Сандъ помѣщаетъ свои романы въ Revue d. d. Mondes *); въ нихъ проявляется бо̀льшая нравственная зрѣлость и опредѣленность идеаловъ: сущность идеальнаго женскаго характера для нея теперь—безконечное самопожертвованіе и преданность; что касается „господствующаго“ пола, Ж. Сандъ, которая уже и въ первыхъ романахъ не чувствовала расположенія къ избалованнымъ, разочарованнымъ и лишеннымъ власти надъ собой „сынамъ вѣка“, теперь окончательно склоняется въ пользу скромнаго труда и здоровой энергіи. Самое чистое въ нравственномъ отношеніи сословіе для нея крестьяне; имъ принадлежитъ будущее Франціи и всего міра.

Въ 1841 г. Ж. Сандъ разошлась съ Revue d. d. M. и вмѣстѣ съ другими основала Revue indépendante; ея романы этого періода (главные изъ нихъ: Le compagnon du tour de France, 1841 г., Consuello, 1842 г., Le meunier d'Angibault, 1845 и Péché de M-r Antoine 1846 г.) проводятъ болѣе или менѣе рѣзко идею христіанскаго соціализма, подробности котораго ей самой очень неясны, вслѣдствіе чего ея идеальныя личности страдаютъ неопредѣленностью и иногда карикатурнымъ преувеличеніемъ; но сила ея воображенія именно въ это время достигаетъ полнаго своего развитія. Тогда же появляются ея повѣсти изъ народной деревенской жизни, пріятно поражавшія правдивостью, теплотой чувства и здоровой и чистой поэзіей.

Въ революціи 1848 г. Ж. Сандъ играетъ не послѣднюю роль; время отъ февральскихъ до іюльскихъ дней промелькнуло для нея какъ въ чаду; въ лагерѣ радикаловъ не было лучшаго пера и болѣе энергичнаго работника.

Послѣ неудачи своей партіи и торжества буржуазіи Ж. Сандъ потеряла вѣру въ возможность осуществленія своихъ соціальныхъ мечтаній, и произведе-

---

*) Léone Leoni 1834. Le poème de Myrza.1835. Simon 1836. Mauprat 1837. Les Maîtres mosaïstes 1837. La dernière Aldine 1837—8. L'Uscoque 1838. Spiridion 1839. Les Sept cordes de la lyre 1839. Gabriel 1839. Pauline 1839—40. Mouny-Robin 1841 и др.

нія ея освобождаются отъ тенденціозности. Съ 1849 г. она выступаетъ какъ драматургъ (François le Champi 1849 г., Claudie 1851 и др.) и имѣетъ значительный, вполнѣ заслуженный успѣхъ: быстрота и энергія дѣйствія въ ея романахъ указываютъ на крупный драматическій талантъ. Послѣ государственнаго переворота 1851 г. Ж. Сандъ удалилась навсегда въ Nohant, гдѣ, неутомимо работая и сохраняя до глубокой старости энергію мысли и фантазіи, провела она послѣднюю треть своей жизни. Она ум. 8 іюня 1876 г.

Изъ послѣднихъ ея романовъ наиболѣе извѣстны: La ville noire (1860), Le Marquis de Villemer (1860), Tamaris (1862), Antonia (1862), M-lle de la Quintinie (1863), La confession d'une jeune fille (1864), M-lle Merquem (1868), Francia (1871) и рядъ фантастическихъ сказокъ, въ которыхъ впрочемъ больше морали и знанія, чѣмъ фантазіи (всѣ эти и многія драматическія произведенія напечатаны въ Revue d. d. M., куда Ж. Сандъ возвратилась послѣ 1851 г.). Съ 1854 г. она начала печатать свои мемуары подъ заглавіемъ: Histoire de ma vie (сперва въ газетѣ Presse, потомъ отдѣльно), которыя въ 1873 г. продолжала подъ именемъ: Impressions et Souvenirs. Собраніе ея сочиненій съ прибавленіями составляетъ 109 томовъ (Paris 1862—83) *).

Условія и обстановка, въ которыхъ прошли дѣтство и ранняя юность Ж. Сандъ, очень сильно отразились въ ея произведеніяхъ. Принадлежа по рожденію съ одной стороны къ барству, съ другой къ народу, лучшіе годы дѣтства она провела между барскимъ домомъ и деревней; деревенскія дѣти—первыя друзья ея младенчества. Вотъ первый источникъ ея глубокой симпатіи къ народу, прежде всего къ крестьянину; вотъ откуда ея для того времени глубокое пониманіе его природы и способность идеализировать простонародные типы, не выходя изъ предѣловъ правды. Но въ тѣхъ же условіяхъ жизни мы находимъ и фактическое оправданіе созданныхъ ею идеальныхъ фигуръ изъ аристократіи, преимущественно деревенской. Эта послѣреволюціонная обѣднѣвшая аристократія не имѣла съ своими дѣдами почти ничего общаго, кромѣ изящества и деликатности, и могла внушить симпатію самому горячему борцу за права четвертаго сословія; у ней и у этого четвертаго сословія былъ общій врагъ, безгранично властвовавшій во Франціи при Луи Филиппѣ и, съ легкой модификаціей, при Наполеонѣ III -- разбогатѣвшая буржуазія. Съ нею же враждовала всю жизнь и Ж. Сандъ, и изъ ея рядовъ она брала почти

---

*) Лучшія монографіи о ней E. Caro: George Sand, и его же: G. S. histoire de ses oeuvres (обѣ Paris 1887). На русскій яз. переводились почти всѣ выдающіеся ея романы и повѣсти частію отдѣльно, частію въ журналахъ (особенно въ 40-хъ и 50-хъ годахъ). По поводу перевода Мопра Бѣлинскій говоритъ, что разсказъ ея „сама простота, сама красота, сама жизнь, самъ умъ, сама поэзія (V, 301 и слѣд.; ср. о ней же X, 373 и др.). „Исторія моей жизни“ пересказана въ Совр. 1855, № 1 и слѣд. Кромѣ того см. въ Библ. д. Чт. 1848 г. № 7 „Разсказъ русскаго путешественника о Ж. Сандѣ“; въ Совр. 1847, I, статья А. Кронеберга: Послѣдніе романы Жоржъ Сандъ. Ibid. 1851 № 4 переведена рецензія Густава Планша на ея пьесу Claudie. Загран. Вѣстн. 1881 г. № 10: Жоржъ Сандъ по ея письмамъ Е. И. К. и пр. и пр.

всѣ свои отрицательные типы, всѣхъ самодовольныхъ, ограниченныхъ, эгоистичныхъ и безсердечныхъ мужчинъ и женщинъ.

Возросши почти безъ мужского вліянія и въ постоянномъ общеніи съ двумя сильными женскими характерами, то подчиняясь вліянію бабушки, которая съумѣла остаться вѣрной себѣ отъ колыбели до могилы, которая не измѣнила принципамъ эпохи «просвѣщенія» ни въ тюрьмѣ революціи, ни на смертномъ одрѣ, то живя любовью къ матери, которая безъ усилій и борьбы изъ едва грамотной куртизанки стала любящей, вѣрной женой и членомъ общества, которая боролась какъ равная, съ старой аристократкой, полновластной барыней, Ж. Сандъ рано завѣрила въ силу женской воли, въ свою собственную силу и въ равноправность женщинъ.

Ранняя смерть отца, память котораго обожали ея двѣ воспитательницы, потерявшія въ немъ все или почти все, чѣмъ скрашивается жизнь, затѣмъ монастырскій пансіонъ, изъ забѣленыхъ оконъ котораго всѣ мужчины кажутся красавцами, имѣли слѣдствіемъ наклонность и способность создавать идеальные мужскіе характеры, идеальные по красотѣ, но уступающіе женщинамъ въ силѣ.

Религіозный экстазъ, пережитый въ томъ же пансіонѣ, обусловленный природной впечатлительностью, обусловилъ съ своей стороны наклонность, почти необходимость жить извѣстной идеей. Та же ранняя религіозность придала особый характеръ ея политико-экономическимъ взглядамъ, а съ другой стороны дала ей возможность облагородить чувственную любовь, которая въ ея глазахъ есть проявленіе высочайшаго свойства души человѣческой — charité chretienne, сконцентрированная на одномъ человѣкѣ.

Несправедливо считать Ж. Сандъ врагомъ брака и семьи по принципу; изъ горькаго опыта собственной жизни она вынесла убѣжденіе, что несчастны браки, заключаемые по разсчету или по легкомыслію, безъ истинной любви; несчастны браки, когда въ нихъ вступаютъ люди, точно отбывая какую-то повинность, изъ страха остаться старой дѣвой или старымъ холостякомъ, люди, въ темпераментахъ, взглядахъ, характерахъ которыхъ лежитъ зерно непримиримаго разлада. Она убѣждаетъ и жизнью своей и романами, что лучше разбить тяжелыя цѣпи, нежели лицемѣрить и волочить их всю жизнь; но отъ признанія законности развода и равенства брачныхъ правъ далеко до разрушенія семьи. Ж. Сандъ рѣдко описываетъ семейное счастье; но это не потому, чтобъ она считала его мало возможнымъ, а потому, что оно плохо поддается описанію; да къ тому же она сама не испытала его.

И въ романахъ, какъ и въ жизни, Ж. Сандъ стоитъ за право человѣка (безъ различія пола и званія) на свободу и на трудъ, трудъ

не ради выгоды, которую онъ приноситъ дѣлателю, а ради его нравственной пользы и для дѣлателя и для общества.

Романы Ж. Сандъ, какъ художественныя произведенія, имѣютъ крупные недостатки: часто развитіе дѣйствія у нея вымучено, отдѣлка небрежна; второстепенныя лица, и герои и героини, часто очень блѣдны и слишкомъ похожи на перемѣнныя маски съ машинкой для усиленія голоса автора, который не даетъ читателю забыться; но мысли, проводимыя авторомъ, почти всегда новы и оригинальны и большею частію исполнены глубокой гуманности; болѣе удачныя фигуры ея отличаются поразительной нравственной чистотой и тонкимъ благородствомъ; онѣ гораздо здоровѣе и выше разочарованныхъ «сыновей вѣка» и жалкихъ, безсильныхъ жертвъ ихъ эгоизма; онѣ тоже страдаютъ и мучатся, но не отчаяваются, и если не умираютъ, то находятъ примиреніе съ жизнью въ дѣятельной любви къ людямъ.

Ж. Сандъ, вмѣстѣ съ В. Гюго и Диккенсомъ, является такимъ образомъ апостоломъ величайшей нравственной идеи нашего столѣтія: безграничной гуманности, милости къ падшимъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ, не снисходительной, брезгливой милости дамы патронессы, а беззавѣтной евангельской любви сестры милосердія. Миссія искусства, говоритъ Ж. Сандъ, есть миссія любви. Цѣль поэта—вселить любовь къ тому, что ему кажется хорошимъ. Искусство не есть изученіе дѣйствительности, а стремленіе къ идеалу.

Оставаясь вѣрной этому принципу въ продолженіе своей многолѣтней и многоплодной литературной дѣятельности, Ж. Сандъ была любимымъ поэтомъ увлекающихся людей съ альтруистическими наклонностями, которыя и въ романѣ ищутъ не воспроизведенія жизненной пошлости и не пустой забавы воображенія, а возвышенія надъ дѣйствительностью и возбужденія къ добру; поэтому ея романы составляютъ въ высшей степени благодѣтельный противовѣсъ не только крайнему реализму послѣдователей Бальзака, но и такъ-называемому индустріализму.

Индустріализмъ, какъ видно и изъ самаго названія, не представляетъ во французской литературѣ особой школы, а скорѣй литературную болѣзнь, явившуюся результатомъ такихъ условій, которыя должны были повліять одинаково на всякую школу. Большинство его представителей выходятъ изъ рядовъ романтизма; они выступаютъ на литературное поприще съ извѣстными идеалами; берутся за дѣло со страстью, но по мѣрѣ успѣха начинаютъ интересоваттся исключительно результатомъ и приноровляться прежде всего ко вкусу публики; а публика въ это время читаетъ массу, читаетъ, конечно, на̀скоро, требуетъ постоянно новой пищи и притомъ пищи пряной, но въ то же время удобовари-

мой. Талантливые люди, отдавшіеся этому индустріальному направленію, способствують одновременно и популяризаціи французской литературы и ея паденію. Тогда вырабатывается понятіе о беллетристѣ, т.-е. о такомъ писателѣ, которой только доставляетъ кратковременное удовольствіе, не занимая серьезно ни ума, ни воображенія и не двигая впередъ искусства. Такой литераторъ можетъ совсѣмъ обойтись безъ идей и безъ творчества; но онъ долженъ быть начитанъ и долженъ хорошо знать и публику и мѣру силъ своихъ, и въ высокой степени обладать литературной ловкостью.

Самый крупный представитель индустріализма, безъ сомнѣнія, Александръ Дюма, вокругъ имени котораго еще при жизни его стали создаваться легенды.

Онъ сынъ бригаднаго генерала республики, мулата по происхожденію, род. въ 1803 году въ провинціи; рано потерялъ отца, жилъ вдвоемъ съ матерью въ большой бѣдности. Рано онъ началъ писать стихи. Въ 1822 г. онъ попалъ въ Парижъ въ секретари къ герцогу Орлеанскому. Его драма «Христина Шведская» произвела въ кружкѣ романтиковъ сенсацію, но не была принята на сцену. Въ 1829 г. онъ поставилъ своего Генриха III-го, имѣвшаго успѣхъ колоссальный. Эта пьеса имѣетъ еще всѣ характерныя свойства романтизма, но и въ ней выдвинуто на первый планъ то, что особенно нравится толпѣ. Слѣдующая его пьеса: Наполеонъ или 30 лѣтъ исторіи Франціи уже исключительно приспособлена для массы: это рядъ драматическихъ картинъ, живописныхъ и эффектныхъ, но плохо связанныхъ. Страсти необыкновенно сильны, выраженіе ихъ красиво; притомъ діалогъ чрезвычайно оживленъ и внѣшняго дѣйствія такъ много, что зритель, не особенно развитой, не можетъ глазъ отвести отъ сцены. Съ «Наполеона» начинается рядъ пьесъ, которыя всѣ имѣютъ успѣхъ. Немного позднѣе Дюма дѣлается и самымъ популярнымъ романистомъ. Скоро у него не хватаетъ времени, чтобы удовлетворять требованіямъ публики, и онъ начинаетъ подбирать себѣ сотрудниковъ.

Эти сотрудники *) все люди болѣе или менѣе даровитые, съ такимъ же внѣшнимъ талантомъ, какъ и Дюма, но безъ его иниціативы и изобрѣтательности. Дюма отыскиваетъ сюжетъ, который непремѣнно долженъ понравиться въ данный моментъ. Онъ великій мастеръ на это дѣло; но мастерству его не мало помогаетъ и его беззастѣнчивость: онъ не только обираетъ всѣхъ иностранныхъ поэтовъ (это онъ

*) Quérard (Les supercheries littéraires devoilées) насчитываетъ ихъ болѣе 70 человѣкъ.

называетъ завоеваніемъ), но не даетъ пощады и французамъ и даже своимъ современникамъ *). Онъ или самъ выдумываетъ сюжетъ или развиваетъ планъ сюжета, ему указаннаго, за тѣмъ раздаетъ по рукамъ отдѣльныя части романа или драмы, и когда онѣ будутъ готовы, связываетъ ихъ въ одно цѣлое и проходитъ все это съ редакторскимъ карандашомъ, кое-гдѣ сокращая, кое-гдѣ вставляя то фразы, то эффектныя сценки. Отъ середины 30-хъ до 60-хъ годовъ на Францію и вообще на весь читающій и посѣщающій театръ міръ изъ лабораторіи Дюма сыплется цѣлый дождь романовъ, повѣстей, драмъ, комедій, путешествій, хроникъ, якобы историческихъ произведеній и пр. Однихъ романовъ вышло до 500 томовъ **); наиболѣе популярные изъ нихъ въ той же лабораторіи немедленно передѣлываются въ драмы, которыя выдерживаютъ сотни представленій. Въ 1841 году выходитъ первый томикъ «Графа Монтекристо». Его читаютъ рѣшительно всѣ, кто понимаетъ по-французски, и если болѣе требовательные читатели подсмѣиваются надъ тѣмъ, какъ герой въ тюрьмѣ выучивается всѣмъ языкамъ и наукамъ, и какъ его товарищъ по заключенію простымъ гвоздемъ проламываетъ толстѣйшія каменныя стѣны, масса публики вѣритъ даровитому сказочнику отъ всего сердца и съ нетерпѣніемъ ждетъ продолженія. Въ «Монтекристо» есть и соціальный интересъ и интересъ этнографическій; въ немъ есть даже и психологія (для мщенія герой пользуется слабостями своихъ враговъ), но грубая и наивная, приноровленная ко вкусу литературнаго райка. Въ 1844 году выходятъ «Три Мушкетера», и ихъ имена скоро дѣлаются нарицательными, какъ и имя Монтекристо. Публикѣ жалко разставаться съ этими веселыми, легкомысленными, безумно храбрыми французами, и Дюма для удовольствія публики и своей выгоды выпускаетъ продолженіе «Трехъ Мушкетеровъ», за которымъ опять слѣдуетъ продолженіе и т. д. Въ этой серіи на первомъ планѣ будто бы интересъ историческій; передъ нами проходятъ длинной вереницей кардиналъ Ришелье, Людовикъ XIII, Анна Австрійская и потомъ множество другихъ крупныхъ дѣятелей исторіи Франціи; дѣйствіе переносится и за границу: развертываются картины англійской революціи и реставраціи, войнъ Людовика XIV, политики голландскихъ штатовъ и пр. и пр. Событія уродуются ради внѣшней занимательности ***); ха-

---

*) Онъ самъ сознаетъ, что въ Antony воспользовался многимъ изъ Marion Delorme Гюго, тогда недозволенной къ представленію.

**) Тотъ же Quérard вычислилъ, что если составить библіотеку изъ книгъ Дюма, вышедшихъ только отъ 1825 г. до 1847, она обойдется въ 1687 франковъ и 80 сантимовъ.

***) Казнь Карла I совершилась оттого, что три мушкетера, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, не могли во время остановить ее. Реставрація, оказывается, совершилась главнымъ образомъ оттого, что Д'Артаньянъ похитилъ Монка и свозилъ его въ Голла-

рактеры набросаны самыми грубыми штрихами и опредѣляются нѣсколькими внѣшними чертами и анекдотами сомнительной вѣрности. Но все же считать эти романы Дюма вреднымъ для историческаго развитія публики чтеніемъ было бы преувеличеніемъ: имена, нѣкоторыя картины все же остаются въ памяти, а лганье такъ наивно и явно, что всякій слѣдъ его исчезнетъ при первомъ словѣ правды.

Дюма зарабатываетъ сотни тысячъ, почти милліоны; онъ живетъ какъ немногіе аристократы и банкиры и даетъ возможность вести безбѣдную, даже роскошную жизнь лучшимъ изъ своихъ сотрудниковъ. Въ 1848 году Дюма на собственномъ пароходѣ Véloce совершаетъ путешествіе по Средиземному морю и варварійскимъ владѣніямъ и окупаетъ его живо, остроумно написанной книгой, гдѣ, какъ и въ его романахъ, переплетается наивная ложь съ правдой *).

При всей его безалаберности ему никогда бы не прожить того, что зарабатывалъ онъ, еслибъ онъ не вздумалъ содержать театръ (Théatre historique), гдѣ обставлялъ свои пьесы съ небывалой роскошью. Раззорившись на подобныхъ предпріятіяхъ, онъ въ 1853 году долженъ былъ въ первый разъ бѣжать отъ долговъ изъ Парижа. Во время итальянской войны онъ является корреспондентомъ со сцены военныхъ дѣйствій. Позднѣе, онъ нѣсколько разъ поправлялъ свои дѣла и опять раззорялся. Въ 1858 г. онъ былъ въ Россіи **), изъ которой вывезъ кромѣ длиннаго ряда живыхъ, хоть и очень далекихъ отъ дѣйствительности, картинъ и сценъ, нѣсколько сюжетовъ для романовъ и повѣстей, будто бы изъ русской жизни; въ насъ возбуждаютъ они смѣхъ, но провинціальный буржуа, до тѣхъ поръ вполнѣ увѣренный, что бѣлые медвѣди опустошаютъ улицы Москвы и Петербурга, и что казаки ѣдятъ сырое человѣческое мясо, получалъ оттуда сравнительно «здравыя» понятія. То же самое можно сказать и обо всей «просвѣтительной» дѣятельности Дюма: онъ полезенъ для тѣхъ, кто не знаетъ ничего лучшаго,

Дюма умеръ въ 1870 г. въ провинціи, куда бѣжалъ изъ Парижа, опасаясь нѣмецкой осады.

Его мемуары (1852 г. и слѣд.) вполнѣ соотвѣтствуютъ его романамъ; та же живость и занимательность, таже поверхностность и хвастовство. Они, какъ и вся его личность и дѣятельность, производятъ смѣшанное чувство участія и отвращенія. Библіографія русскихъ переводовъ Дюма заняла бы слишкомъ много мѣста;

дію и пр. По поводу пьесы „Chevalier de Maison Rouge“ изъ временъ Жиронды (1847 г.), въ которой даже великая революція обращена въ рядъ арлекинадъ, критика иронически удивлялась, почему Дюма не рѣшился вывезти Марію Антуанету изъ Франціи.

*) Объ этомъ путешествіи см. Соврем. за 1850 г. № 7.

**) См. о его пребываніи въ Петербургѣ Совр. 1858 г. № 7. Замѣтки новаго поэта. См. удачную его характеристику, какъ человѣка, въ запискахъ Панаевой-Головачевой (Ист. Вѣстн. 1890 г.).

уже въ 30-хъ годахъ его романы (даже такіе плохіе, какъ „Полина") являются одновременно въ 2-хъ и болѣе переводахъ; тоже продолжается и въ 40-хъ и даже до конца 50-хъ годовъ. Для извѣстнаго сорта читателей его романы переводятъ и тѣ журналы, которые въ отдѣлѣ критики разражаются громами противъ индустріализма.

Отмѣтимъ только его статью „Капитанъ Бонтеке" (Библ. д. чт. 1832 г. № 6, смѣсь), какъ образецъ того, какъ Дюма умѣетъ пользоваться дѣльной книгой, чтобы сдѣлать изъ нея разсказъ живой и общеинтересный, и повѣсть, „Женщина съ бархатной кокеткой" (Библ. д. чт. 1852 г. №№ 1—3), какъ любопытный примѣръ пользованія мотивами нѣмецкой (спеціально Гофмановской) фантастики. (См. Бѣлинскій, X, 215 и слѣд. т. XI, 131 слѣд. и др.).

Изъ сотрудниковъ Дюма по драмамъ извѣстнѣе другихъ Буржуа (Auguste Anicet Bourgeois); онъ род. въ 1806 г. въ Парижѣ, началъ ставить пьесы съ 18 лѣтъ, ум. въ 1871 году. Послѣдняя изъ его пьесъ Les pilules de diable; въ самомъ Парижѣ шла болѣе 800 разъ и до сихъ поръ во всѣхъ странахъ Европы веселитъ своимъ внѣшнимъ комизмомъ и сотнями превращеній дѣтей и раекъ. Буржуа написалъ всего до 300 пьесъ. Онъ обладалъ живой фантазіей и прекраснымъ знаніемъ своей зрительной залы. Самый талантливый сотрудникъ Дюма по романамъ—Огюстъ **Маке** (Maquet, род. въ 1813 г.), уже съ 17 лѣтъ попавшій въ кружокъ романтиковъ. Говорятъ, что онъ помогалъ своему патрону и въ „Монтекристо" и въ „Трехъ мушкетерахъ". Поссорившись съ нимъ, онъ принялся писать на свой страхъ, но далеко не имѣлъ такого успѣха, такъ какъ, имѣя всѣ недостатки Дюма, не обладалъ его живостью. Онъ написалъ: La belle Gabrielle (1853—55), Le comte de Lavernie (1855), La rose blanche (1859) и др. Онъ также передѣлывалъ свои романы въ драмы (Прекрасная Габріелла, см. Собр. романовъ 1867, 1—9).

Эженъ Сю (собств. Marie Joseph Sue) представляетъ другую, слѣдующую ступень въ развитіи индустріальнаго романа: Дюма довольствуется тѣмъ, что только забавляетъ читателя; Сю хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и учить его. Онъ имѣетъ еще большій успѣхъ, такъ какъ человѣку обыкновенно бываетъ неловко сознаться, что онъ читаетъ что-либо исключительно для одной забавы.

Сю род. въ 1804 г. въ Парижѣ; учился въ медицинской школѣ и уже въ 1823 году участвовалъ въ качествѣ военнаго врача въ походѣ въ Испанію; затѣмъ перешелъ во флотъ и былъ свидѣтелемъ Наваринскаго боя. Въ 1829 г. онъ возвращается въ Парижъ, чтобъ посвятить себя живописи, но вскорѣ увлекается литературой.

Первый его романъ «Пиратъ Кернокъ» (Kernock le pirate 1830 г.), изображающій хорошо знакомую ему морскую обстановку, принятъ публикой благосклонно. Онъ пытается соперничать съ Дюма историческими, лишенными идеи, романами; но они имѣютъ успѣхъ весьма незначительный. Онъ считался романистомъ третьяго ранга даже и въ то время, когда въ романѣ „Матильда или исповѣдь молодой женщины" (1840) сталъ затрогивать соціальные вопросы, которые во вторую половину царствованія Луи Филиппа занимали всю читающую Францію. Сю сразу сдѣлался знаменитостью, когда въ 1841 году

начали печататься въ фельетонѣ газеты Presse его «Парижскія тайны» *); изъ-за нихъ газета стала раскупаться въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Изображеніе ужасовъ и грязи мірового города въ длинномъ рядѣ живыхъ, занимательныхъ и въ началѣ загадочныхъ сценъ заинтересовало всю Европу. Его герой, обладающій необыкновенною физическою силою, колоссальнымъ богатствомъ, огромнымъ вліяніемъ, необыкновеннымъ умомъ, посѣщающій въ блузѣ рабочаго парижскіе вертепы и играющій тамъ роль провидѣнія; обращеніе къ лучшимъ сторонамъ человѣческаго сердца посредствомъ возбужденія состраданія къ торгующей собою, но въ душѣ нравственной дѣвушкѣ; постепенное расширеніе рамокъ романа, который отъ грязныхъ кабаковъ доходитъ до дворца—все это заставляло увлекаться «Парижскими тайнами» самыхъ серьезныхъ людей, и только во второй половинѣ романа ходульность и мишура стали рѣзать имъ глаза. Но романъ былъ переведенъ на всѣ языки и нашелъ себѣ сотни тысячъ поклонниковъ и вызвалъ массу подражаній **).

Въ 1845 г. начинаетъ выходить въ фельетонѣ Constitutionel «Вѣчный Жидъ». Здѣсь рамки еще шире, и въ постройкѣ романа нельзя отрицать нѣкотораго величія. Идея его—объяснять чуть не всѣ бѣдствія человѣчества вліяніемъ іезуитовъ—была въ то время самой модной; она была проведена такъ искусно, что «Вѣчный Жидъ» нанесъ братству Іисуса пожалуй не меньше вреда, нежели вся дѣятельносвь Вольтера и энциклопедистовъ; знаменитый монологъ генерала ордена о размѣрахъ его власти врѣзался у всѣхъ въ памяти ***).

За Вѣчнымъ Жидомъ слѣдуетъ «Мартынъ Найденышъ» (Martin l'Enfant trouvé 1847) и «Семь смертныхъ грѣховъ» (Les sept péchés capitaux 1847—49), которые гораздо слабѣе своихъ предшественниковъ.

---

*) Изд. 1842 г. въ 10 т.

**) Самъ Дюма, начиная съ 3-го тома „Монтекристо", несомнѣнно подъ его вліяніемъ. Уже по поводу „Парижскихъ Тайнъ" въ № 1 Revue de deux Mondes за 1844 г. появилась статья Лимейрака (Paulin Limayrac), который жестоко нападаетъ на этотъ романъ и изъ-за него на все современное общество, способное простить и тривіальность и невѣроятность роману, если только въ немъ есть что-нибудь пикантное. По его убѣжденію, Сю могъ бы сдѣлаться французскимъ В. Скоттомъ, но, гоняясь за успѣхомъ, являетъ изъ себя нѣчто среднее между Дюкре Дюменилемъ и Петроніемъ. Критикъ перечисляетъ всѣ нелѣпости романа и довольно наивно упрекаетъ автора за то, что онъ изображаетъ нравы преступниковъ à nu (очевидно онъ не замѣчаетъ грубой подмалевки). Но строгій критикъ умѣреннаго журнала, читающій мораль несчастной Fleur de Marie за то, что она предпочла проституцію работѣ и упрекающій автора за его вражду къ существующему порядку, въ обществѣ 40-хъ годовъ не могъ повредить успѣху романа. Сю однако сообразовался и съ враждебными критиками: передѣлывая романъ въ драму, онъ сдѣлалъ Fleur de Marie уличной пѣвицей.

***) По поводу „Вѣчнаго Жида" тотъ же Лимейракъ упрекаетъ Сю въ неблагородныхъ нападкахъ на іезуитовъ, которые теперь и безъ того преслѣдуются всѣми.

Въ 1848 году Сю сдѣлался депутатомъ, былъ на сторонѣ соціалистовъ и, служа своей партіи, написалъ «Тайны народа» (Mysteres du peuple 1849—1850), несомнѣнно лучшій свой романъ.

Это романъ-монстръ, далеко превосходящій все, что произвели въ этомъ родѣ предыдущіе вѣка; романы дѣвицы Скюдери сравнительно съ нимъ покажутся незначительными повѣстями. Время дѣйствія его около 2000 лѣтъ; дѣйствующихъ лицъ надо считать сотнями; въ немъ 12 томовъ in 8° и при этомъ дѣйствіе течетъ чрезвычайно быстро, почти не задерживаясь разсужденіями. Это исторія вражды двухъ семействъ: германскаго и галльскаго, столкновеніе которыхъ начинается еще до Рождества Христова при Цезарѣ и оканчивается въ революцію 1848 года; иначе сказать, это рядъ историческихъ повѣстей, связанныхъ единствомъ идеи и родственными отношеніями двухъ группъ актеровъ. Галльской семьѣ приписаны всѣ добродѣтели и всѣ страданія, а германской всѣ пороки и злодѣйства. Конечно, не всѣ эпизоды этой борьбы одинаково интересны, но отдѣльныя части доказываютъ несомнѣнный талантъ автора и довольно старательную подготовку (таковы нѣкоторые эпизоды 3-го тома и отдѣльныя картинки изъ средневѣковой жизни). Краски вездѣ очень густы, но смѣлость фантазіи и горячность чувства заставляютъ забывать о нѣкоторой грубости рисунка и преувеличеніяхъ.

Крайній демократъ и послѣдователь Фурье, Сю жилъ сибаритомъ и тратилъ сотни тысячъ франковъ, которыя зарабатывалъ своими романами. Почти вездѣ критика нападала на него, но количество читателей отъ этого нисколько не уменьшалось. Сю, очевидно, не имѣлъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, но за то проявлялъ очень рѣзко свои убѣжденія политическія. Государственный переворотъ 1851 г. заставилъ его покинуть Францію и бѣжать въ Савойю. гдѣ между прочимъ онъ написалъ Ferdinand Duplessis, mémoires d'un mari» (6 томовъ 1852 г.) и «Семейство Жуфруа». Онъ умеръ въ 1857 году *).

У Сю нѣтъ характеровъ, а только шаблоны, собственныя имена, къ каждому изъ которыхъ привязано одно свойство или одна страсть, доведенная до невѣроятныхъ размѣровъ. Это кукольный театръ, въ которомъ даже и неопытный глазъ различитъ проволоки, сперва довольно простыя, а по мѣрѣ развитія сюжета страшно перепутывающіяся; но этими проволоками двигаетъ великій мастеръ своего дѣла,

*) О „Парижскихъ Тайнахъ" см. Бѣлинскаго IX т., стр. 3 и ср. XI т., стр. 138, о „Вѣчномъ Жидѣ", ibid. О „Матильдѣ" XI, 119. Бѣлинскій справедливо признаетъ, что у Сю „всегда есть что-то въ родѣ мысли, какое-то стремленіе рѣшить или по крайней мѣрѣ поставить на видъ какой-нибудь нравственный или соціальный вопросъ".

умѣющій увлечь даже предубѣжденнаго зрителя, и тотъ волей-неволей собственнымъ воображеніемъ дополнитъ недостатокъ вѣроятности и будетъ съ интересомъ ждать развязки, хотя и предвидитъ ее заранѣе. Секретъ мастера въ томъ, что масса въ области вымысла стремится видѣть силу, добродѣтель и гармонію, не существующія въ дѣйствительной жизни, и за этотъ самообманъ, при условіи нѣкоторой внѣшней вѣроятности, готова простить недостатокъ вѣроятности внутренней. Фельетонный романъ, который входитъ въ моду, благодаря успѣху романовъ Сю, значительно поднялъ газетное дѣло: теперь изъ-за «беллетристики» газеты стали читать дамы и почти дѣти, и число подписчиковъ наиболѣе популярныхъ газетъ теперь уже считаютъ десятками тысячъ. Но такая манера публиковать романы не могла не отразиться вредно на ихъ внутреннемъ достоинствѣ: авторъ растягивалъ разсказъ изъ-за построчной платы и въ каждомъ номерѣ вымучивалъ изъ сюжета эффекты *).

Изъ соперниковъ Сю больше всего успѣха имѣли Сулье и Феваль. Мельхіоръ Фредерикъ Сулье (Soulié) род. въ 1800 г. въ провинціи, учился въ Парижѣ, былъ адвокатомъ, потомъ служилъ и былъ между прочимъ библіотекаремъ въ библіотекѣ Арсенала; ум. въ 1847 г. Въ 1829 г. онъ выступилъ съ драмой въ стихахъ „Христина въ Фонтенебло", которая успѣха не имѣла; потомъ писалъ массу пьесъ для такъ-называемыхъ бульварныхъ театровъ. Какъ романистъ, онъ начинаетъ съ подражанія Вальтеръ Скотту, но старается усовершенствоватъ его болѣе сложной и болѣе занимательной интригой, въ которой пожаръ и убійства и прочіе эффекты восполняютъ недостатокъ характеровъ и обдуманности. Первый романъ, который обратилъ на него вниманіе: „Два трупа" **) (Les deux cadavres 1832 г. изъ эпохи

---

*) Кромѣ главныхъ романовъ Сю, которые переведены на русскій языкъ (за исключеніемъ „Mysters du peuple") по нѣскольку разъ и вызвали массу критическихъ отзывовъ (см. ихъ перечисленіе въ каталогѣ Базунова за 1869 годъ подъ №№ 11288 и 11530); у насъ переведены: „Полковникъ Сюрвиль" (Отеч. Зап. 1841 г. т. XIV, одинъ изъ первыхъ романовъ Сю, въ которомъ авторъ еще благоговѣетъ передъ аристократизмомъ и высшимъ тономъ и проявляетъ квасной патріотизмъ по отношенію къ Англіи); „Удалой Гасконецъ и Синяя борода" М. 1845 г.; „Мартынъ Найденышъ" (Библ. для чт. 1846 г. и продолж. 1847 г.); „Миссъ Мери или гувернантка" (изъ послѣднихъ его романовъ; въ немъ какъ и въ Пар. Тайнахъ идеальное лицо—иностранка, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, обладающая всевозможными добродѣтелями и совершающая рядъ самыхъ удивительныхъ нравственныхъ подвиговъ; этотъ романъ, несмотря на свои вопіющіе недостатки, въ продолженіе одного полугода 1852 г. въ Петербургѣ явился въ 4-хъ видахъ: въ оригиналѣ въ Revue Etrangère и въ 3-хъ переводахъ: въ Библ. для чт., въ Сынѣ Отеч. и отдѣльной книгой); „Морской разбойникъ и торговцы неграми или мщеніе чернаго невольника" Спб. 1847 г. 2 ч.; „Матильда или записки молодой женщины", подъ редакціей Строева, Спб. 1846 г. 12 ч.; „Маркизъ Леторьеръ", переводъ Строева 2 ч. Спб. 1847 г.; „Тереза де Нойе", переводъ Строева 1847 г. 4 части.

**) Въ началѣ его изображается казнь Карла I, при которой присутствуетъ дѣвушка, бывшая въ связи съ королемъ (sic) и не знавшая до сихъ поръ, что онъ король. Отъ страшнаго потрясенія съ ней дѣлается преждевременные роды, и она умираетъ, а дочь ея Шарлотта Стюартъ служитъ центромъ всей сложной интриги.

англійской революціи); затѣмъ Сулье переходитъ къ романамъ будто бы нравоописательнымъ изъ современной жизни, которые съ успѣхомъ стремится сдѣлать интересными тѣми же средствами *): героевъ своихъ онъ убиваетъ, закалываетъ, выбрасываетъ въ море, что не мѣшаетъ имъ являться снова въ полномъ цвѣтѣ силъ; всевозможныя уродства, какъ физическія, такъ и нравственныя тоже составляютъ немаловажную привлекательность **). Въ предисловіи къ одному изъ своихъ самыхъ популярныхъ романовъ „Записки Дьявола" (Memoires de diable 1837 г. 8 томовъ) самъ авторъ говоритъ: „чтобы разбудить заснувшее чувство нашей публики, надо обращаться къ самымъ сильнымъ средствамъ".

Сулье былъ пессимистомъ только ради моды, изъ выгоды: въ его посмертной драмѣ „Гортензія" гораздо больше сантиментализма, чѣмъ пессимизма, и замѣтно, какъ и у Сю, стремленіе изображать необыкновенное благородство и величіе души.

Поль Анри Февалъ, имѣвшій еще бóльшій успѣхъ и еще менѣе достойный его, род. въ 1817 г. въ Бретани, былъ адвокатомъ, но бросилъ эту профессію послѣ первой неудачи и переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ занялъ мѣсто въ банкирской конторѣ; какъ литераторъ онъ дебютировалъ рядомъ водевилей и разсказомъ: „Клубъ тюленей" (Le club de phocas 1841 г.). Послѣ успѣха своего романа „Бѣлый волкъ" (Loup blanc) онъ получилъ массу „заказовъ" для фельетоновъ газетъ и отъ издателей. Подъ псевдонимомъ Френсиса Троллопа онъ въ 1844 г. издалъ романъ „Лондонскія тайны", видимой цѣлью которыхъ было защитить Парижъ отъ обвиненій, возведенныхъ на него романомъ Сю, и показать, что столица Англіи гораздо безнравственнѣе Новаго Вавилона ***). Здѣсь та же грязь кабаковъ, что у Сю, но нѣтъ его идей и занимательности. Въ 1847 г. выходитъ романъ Феваля „Сынъ дьявола" (въ русскомъ переводѣ называющійся „Сынъ тайны"), который Бѣлинскій справедливо характеризуетъ словами: „нелѣпость на нелѣпости, вздоръ на вздорѣ" (томъ XI, стр. 119). Этотъ романъ немедленно былъ передѣланъ въ драму, которая выдержала 150 представленій! Въ 50-хъ годахъ Февалъ въ 4-хъ газетахъ одновременно ведетъ 4 большіе романа, изъ которыхъ одинъ „Горбунъ" (Le bossu 1856 г.) пользовался всемірнымъ, хотя нисколько незаслуженнымъ успѣхомъ. Подъ старость Февалъ впалъ въ ханжество и сталъ проводить въ своихъ романахъ ультрамонтанскія воззрѣнія. Ум. въ 1887 году ****).

Главою индустріальной драмы, безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ **Августинъ Евгеній Скрибъ**, пользовавшійся такой же славой на этомъ поприщѣ, какъ Дюма въ романѣ и также работавшій съ помощью многихъ сотрудниковъ. Онъ родился въ 1791 г. въ Парижѣ въ купеческой семьѣ, учился юриспруденціи, но уже и въ то время чувствовалъ влеченіе къ театру. Первыя его пьесы прова-

---

*) Въ одномъ его романѣ главную роль играютъ глухонѣмая и слѣпой: здѣсь же у одной англійской леди два незаконныхъ сына, одинъ французъ, другой неаполитанецъ. О немъ см. Champion: Frederic Soulié. Paris 1847 г.

**) На русскій языкъ переведены его романы: „Карлисты и Филипписты" (Библ. д. чт. 1835 г. т. XII), „Влюбленный левъ" (От. Зап. 1839 г. т. XI), „Призракъ любви" (Отеч. Зап. 1840 г. № 9), „Маргарита" (Библ. д. чт. 1842 г. т. LI и Отеч. Зап. 1842 т. XXI), „Герцогъ де Гизъ" (Библ. д. чт. 1846 г. т. 75 и слѣд.).

***) Переведены на русскій языкъ въ 5 томахъ въ 1845 г.

****) По-русски, кромѣ вышеназванныхъ, переведены: „Смѣльчакъ", эпизодъ изъ времени пизанскихъ войнъ (От. Зап. 1844 г. т. 35), „Питомица фей" (1851 г. М. 4 части; дѣйствіе происходитъ въ XV вѣкѣ) и „Графъ Барбеле" (sic) М. 1854 г. 2 части.

ливаются одна за другой, но онъ такъ любилъ сцену, что и рядъ неудачъ не ослабилъ его энергіи. Онъ начинаетъ пріобрѣтать извѣстность только въ 1816 г., во время реставраціи, пьесами, изъ которыхъ иныя, подобно пѣснямъ Беранже, возвеличиваютъ павшую имперію. До 1830 г. онъ работаетъ для маленькихъ театровъ, а потомъ переходитъ на Theâtre français съ пьесой «Le mariage de raison» (въ первый разъ дана въ 1827 г.). Вмѣстѣ съ сотрудниками онъ написалъ и поставилъ на сцену свыше 300 пьесъ; изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались его историческія комедіи, въ которыхъ впрочемъ кромѣ именъ и двухъ трехъ основныхъ фактовъ нѣтъ и тѣни исторической правды, и такъ-называемыя комедіи нравовъ, которыя на дѣлѣ гораздо ближе подходятъ къ комедіямъ интриги. Скрибъ съ 1836 г. былъ сдѣланъ академикомъ и подобно Дюма нажилъ милліоны, но не швырялъ такъ безумно свой заработокъ *). Онъ умеръ въ 1861 г. Въ послѣднихъ его пьесахъ сильно замѣтна рутина, но изобрѣтательность не оставляла его до конца жизни. Кромѣ массы комедій, драмъ и водевилей—этотъ маленькій видъ театральнаго представленія Скрибъ умѣлъ возвысить до картинки нравовъ — онъ составилъ либретто почти для всѣхъ выдающихся оперъ, появившихся въ его время, и написалъ нѣсколько очень удачныхъ романовъ, въ которыхъ дѣйствіе идетъ такъ-же живо, какъ и въ его пьесахъ. Скрибъ представляетъ далеко незаурядное дарованіе, и еслибы промышленность не овладѣла имъ всецѣло, онъ занималъ бы второе мѣсто послѣ Мольера; въ такой сильной степени обладаетъ онъ знаніемъ сцены, живостью діалога и умѣньемъ производить эффекты, не насилуя человѣческой природы. И при томъ условіи, что онъ работалъ исключительно для эфемернаго успѣха, лучшія его пьесы обошли всю Европу и до сихъ поръ остаются популярными и чрезвычайно сценичными. Главное ихъ достоинство—необыкновенная отчетливость въ постройкѣ плана и масса движенія. Зритель никогда не бываетъ вынужденъ дѣлать усиліе, чтобы понять интригу, но въ то же время и никогда не скучаетъ; вниманіе его напряжено безъ всякаго старанія съ его стороны и, при хорошемъ исполненіи, цѣлый вечеръ проходитъ, какъ одинъ часъ. Здравый смыслъ, ничѣмъ никогда не оскорбляемый—второе выдающееся достоинство Скриба. Никогда у него не проводится безнравственная идея, никогда онъ не признаетъ за геніемъ права нарушать обще-

---

*) Надъ своей роскошной дачей онъ сдѣлалъ слѣдующую „благодарную" надпись:

Le theâtre a payé cet asile champêtre;
Vous, qui passez, merci! Je vous le dois peut être,

которую можно перевести такъ:

Пріютъ мой смиренный со сценою связанъ;
Прохожій, спасибо! быть можетъ, богатствомъ тебѣ я обязанъ.

признанные законы; въ основѣ всегда лежитъ мораль: порокъ всегда производитъ дурныя послѣдствія. Характеры у Скриба не особенно глубоки, но и не блѣдны и не страдаютъ крайнимъ преувеличеніемъ; интрига не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и фальшиваго. Но, стремясь исключительно къ успѣху и наживѣ, Скрибъ, конечно, не имѣлъ возможности отдѣлывать свои пьесы. Онъ какъ будто скользитъ по поверхности жизни, избѣгая заглядывать въ ея глубину. Затѣмъ собственная его нравственность не высокаго пошиба; онъ всецѣло принадлежитъ тому міру, среди котораго живетъ, и дальше его не видитъ ни на полъ-вершка. Онъ стоитъ въ уровень съ той буржуазіей, которая представляла оппозицію до 1830 г. и безраздѣльно царствовала послѣ іюльской революціи. Онъ безусловный поклонникъ успѣха, врагъ неосуществимыхъ идеальныхъ стремленій, сторонникъ нравственности утилитарной, для которой «не пойманный—не воръ»; для которой первыя правила: «живи, какъ люди живутъ», «не суйся въ чужія дѣла» и пр.; онъ врагъ всего, что выходитъ изъ нормы. Задача человѣка въ жизни—пріобрѣсти себѣ богатство и умѣть наслаждаться имъ; лучше, конечно, пріобрѣсти богатство честнымъ путемъ; кто достигъ его подлостью, и самъ не будетъ чувствовать себя счастливымъ, и другіе будутъ его ненавидѣть; но тотъ, кто совсѣмъ ничего не добился—или дуракъ, или чудакъ; а право быть чудакомъ и идеалистомъ предоставляется у него только развѣ однимъ военнымъ, которые, живя въ лагеряхъ, совсѣмъ не знаютъ жизни. Моральный кодексъ Скриба для счастливцевъ очень снисходителенъ: женщина, измѣнившая мужу, но потомъ не желающая брать другого любовника, считается возвратившеюся къ своему дому, и Скрибъ будто требуетъ, чтобы общество отнеслось къ ней съ уваженіемъ, если только она съумѣетъ устроить такъ, что обманутый мужъ будетъ счастливъ въ своемъ невѣдѣньѣ. Молодой кутила и нарушитель семейнаго счастья дѣлается достойнымъ уваженія человѣкомъ, если съумѣетъ во время остановиться и устроить посредствомъ выгоднаго брака свои дѣла.

Скрибъ такъ хорошо себя чувствуетъ въ современномъ ему обществѣ, что не хочетъ признавать никакого другаго; оттого онъ такъ рѣзко нарушаетъ мѣстный колоритъ, и всѣхъ рыцарей и государственныхъ людей обращаетъ въ банкировъ и нотаріусовъ предмѣстья Сентъ Оноре; буржуазно самодовольное міровоззрѣніе заставляетъ его во всемъ трагическомъ видѣть смѣшную сторону.

Одна изъ первыхъ пьесъ, поставленныхъ Скрибомъ послѣ революціи 1830 г. и одно изъ самыхъ характерныхъ его произведеній—комедія „Бертранъ и Ратонъ или искусство составлять заговоры“ (1833 г.) *), сюжетъ которой онъ взялъ

*) Названіе ея основано на извѣстной баснѣ Лафонтена объ обезьянѣ и котѣ, достающей каштаны, гдѣ первая называется Bertrand, а вторая Raton.

изъ чрезвычайно трагическаго эпизода исторіи Даніи—паденія Струэнзе. Въ ней главныя дѣйствующія лица: графъ Бертранъ Ранцау, хитрый, ловкій интриганъ, въ которомъ, говорятъ, авторъ изобразилъ нѣкоторыя черты знаменитаго Талейрана, и купецъ Ратонъ Бюркенстафъ, по глупости вмѣшивающійся въ государственныя дѣла, которыя вовсе до него не касаются, и оказывающійся орудіемъ въ рукахъ Ранцау. Датскій народъ волнуется вслѣдствіе непопулярныхъ мѣръ Сруэнзе; Ратонъ, поощряемый Ранцау, стремится стать во главѣ движенія, не смотря на то, что умная жена его Марта, какъ дважды два—четыре, доказываетъ ему глупость его поведенія; сынъ Ратона Эрикъ сообщаетъ отцу, что его собираются арестовать за дерзкіе разговоры о министрѣ и королевѣ; и купецъ принужденъ укрыться въ загородномъ домѣ своего пріятеля фабриканта Михельсона, куда онъ отправляется вмѣстѣ со своимъ прикащикомъ Жаномъ. Между тѣмъ Эрикъ открываетъ матери, что его оскорбилъ одинъ дворянинъ, который отказался дать ему удовлетвореніе на томъ основаніи, что онъ, Эрикъ, только купецъ и не имѣетъ военнаго чина, вслѣдствіе чего онъ рѣшился добиться званія поручика. Возвращается Жанъ и разсказываетъ хозяйкѣ, что мужъ ея былъ арестованъ солдатами, но освобожденъ толпой народа. Извѣстіе это какъ громомъ поражаетъ бѣдную Марту и ея сына. Въ это время Эрикъ слышитъ громкіе крики подъ окнами; онъ выскакиваетъ на улицу и видитъ карету, окруженную враждебно настроенной толпой, а въ каретѣ молоденькую дѣвушку, дочь военнаго министра. Эрикъ разогналъ толпу и привелъ испуганную дѣвушку въ домъ своего отца. Въ это время пріѣзжаетъ графъ Ранцау, привозитъ Эрику бумагу о его производствѣ въ поручики и сообщаетъ, что отецъ его сталъ идоломъ народа. Дѣйствительно, толпа громкими криками требуетъ уничтоженія указа объ арестѣ Бюркенстафа, и министръ Струэнзе, войдя на балконъ, объявляетъ этотъ указъ недѣйствительнымъ; народъ привѣтствуетъ его слова радостными криками, а Ратона относитъ съ торжествомъ домой; но графъ Ранцау вовсе не доволенъ такимъ скорымъ окончаніемъ удачно начатой смуты, и когда Ратонъ, находящійся на верху блаженства, вслѣдствіе своего торжества, и приготовляющійся къ тріумфальному шествію въ ратушу, спускается въ погребъ, чтобы достать вина къ ужину, на которомъ будутъ присутствовать всѣ представители города, графъ Ранцау запираетъ его тамъ, и народъ, предполагая, что его любимецъ арестованъ по приказанію министра, снова спѣшитъ ко дворцу съ криками: „долой Струэнзе"! Въ концѣ концовъ Бертранъ достигаетъ своей цѣли и замѣняетъ Струэнзе, а Ратонъ, разоренный вслѣдствіе разрушенія своего магазина, получаетъ всего на всего титулъ придворнаго поставщика шелковыхъ матерій.

Въ январѣ 1848 г. Скрибъ поставилъ пяти-актную комедію «Пуфъ», въ которой представилъ рядъ комическихъ картинъ изъ жизни буржуазіи, литературы и чиновничества. Сатира его не глубока и мѣстами аляповата, но вслѣдствіе своей сценичности пьеса, по обыкновенію, имѣла успѣхъ. Герой ея—ловкій мошенникъ, наживающій богатство тѣмъ, что выдаетъ себя за богатаго скрягу; въ пьесѣ есть идеальное лицо—честный офицеръ, незнающій парижскихъ нравовъ. Такимъ образомъ Скрибъ какъ будто наноситъ ударъ царству той же самой буржуазіи, съ которой онъ такъ сжился.

До сихъ поръ большою популярностью на всѣхъ сценахъ Европы пользуется пьеса Скриба, поставленная въ 1849 г.: «Адріена Лекувреръ», написанная имъ для знаменитой актрисы Рашель, которая

желала перейти отъ расиновскаго стиха къ прозѣ. Пьеса, дѣйствительно, чрезвычайно сценична и эффектна; тема ея: борьба двухъ женщинъ: актрисы начала XVIII-го вѣка и герцогини Бульонской, за любовь Морица Саксонскаго. Поэтъ стоитъ на сторонѣ женщины изъ народа; герцогиня представлена у него гнусной интриганкой, а Морицъ—слабохарактернымъ эгоистомъ. Въ пьесу вставлено очень умѣстно и эффектно нѣсколько лучшихъ монологовъ изъ Расина и Корнеля, которые читаетъ актриса.

Изъ романовъ Скриба извѣстнѣе других исторический романъ «Пекильо Альяга», сюжетъ котораго взятъ изъ исторіи послѣдней борьбы испанцевъ съ маврами. Герой его—мавръ, но воспитанный среди христіанъ, добрый и умный юноша. Симпатіи автора — на сторонѣ угнетенныхъ, т.-е. въ данномъ случаѣ мавровъ. Ходъ дѣйствія необыкновенно живъ и драматиченъ, но также, какъ и въ пьесахъ Скриба, жизнь изображена чисто съ внѣшней, поверхностной стороны. Исторія, какъ и у Дюма, состоитъ изъ анекдотовъ.

Повѣсти Скриба больше отдѣланы, чѣмъ его романы; окончаніе въ нихъ почти всегда сказочно-счастливое.

Скрибъ по своему міровоззрѣнію полная противоположность чистымъ романтикамъ, но въ угоду господствующей школѣ и изъ желанія воспользоваться выгодами свободы, которую она представила вымыслу, онъ не соблюдаетъ единствъ и пользуется обширнымъ репертуаромъ исторіи *).

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Скриба былъ поэтъ, товарищъ его дѣтства, считавшійся въ 20-хъ годахъ звѣздой первой величины, Казиміръ Делавинь. Онъ род. въ Гаврѣ въ 1794 г., получилъ классическое образованіе и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность уже 17-ти лѣтъ отъ роду, получивъ награду за диѳирамбъ на рожденіе короля римскаго, выдѣлившійся оригинальностью содержанія и формы изъ страшной массы стихотвореній, которыя тогда появились на этотъ сюжетъ. Въ 1815 г. онъ пишетъ патріотическія стихотворенія подъ названіемъ «Les Messéniennes» (названіе это объясняется изъ знаменитой книги Бартелеми, гдѣ помѣщено нѣсколько элегій въ прозѣ, вложенныхъ въ уста побѣжденнымъ Мессенцамъ). Первая изъ

*) Oeuvres complètes Скриба издан. въ 1874 г. и слѣд. О немъ см. Degouvé: Eugène Scribe. Paris 1874 г. По-русски см. Современ. 1849 г. т. XV: „Драма Скриба и критика Густава Планша“; „Свои люди“ Библ. д. чт. 1837 г. т. XXV; „Ложа въ оперномъ театрѣ“; Библ. д. чт. 1838 г. т. XXVII; „Клятва или дѣлатели фальшивой монеты“, опера 1838 г.; „Клевета“, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, переведена 2 раза въ Пантеонѣ и Репертуарѣ (1840); „Незнакомка“, повѣсть, Отеч. Зап. 1840 г. т. VIII; „Пекильо Альяга или мавры при Филиппѣ II“, Библ. д. чт. 1846 г. т. LXXV; „Скуотерн“, От. Зап. 1849 г. т. LXIV; „Неутѣшные“, комедія, переводъ Кони, Пантеонъ 1850 г. т. V; „Дамская война, Пантеонъ 1851 г. т. VI и др.

этихъ элегій названа: «Ватерлооская битва» *), вторая: «Опустошеніе музея и монументовъ», третья: «О необходимости соединиться послѣ ухода иноземцевъ» и проч. **). Франція въ то время чувствовала потребность въ такомъ поэтическомъ утѣшеніи тѣмъ болѣе, что знала, какое громадное значеніе пріобрѣла въ послѣднее время патріотическая поэзія въ Германіи. Элегіи Делавиня не отличаются особенной глубиной мысли, но чувство въ нихъ было искреннее, и форма ихъ красива. Цензура реставраціи, конечно, была противъ нихъ, и онѣ распространялись въ рукописяхъ. Первая трагедія Делавиня «Сицилійскія вечерни» (Les vêpres siciliennes) написана вполнѣ по правиламъ ложно-классической піитики, александрійскими стихами и въ явное подражаніе Корнелю. (Прочида есть величественный Брутъ); но въ историческій сюжетъ запутана очень сложная любовная интрига. Въ 1823 г. эта трагедія удостоилась запрещенія со стороны цензуры Людовика XVIII. Немного ранѣе этого времени министерство лишило Делавиня за либерализмъ мѣста библіотекаря, которое занималъ онъ; тогда герцогъ Орлеанскій поручилъ ему завѣдываніе библіотекой Пале-Рояля; тогда же Делавинь поставилъ на сцену лучшую изъ своихъ комедій: «Школа стариковъ». Вторая трагедія Делавиня: «Парія» въ такой же степени подражаніе Расину; въ ней есть даже попытка ввести хоръ. Въ 1825 г. онъ былъ принятъ въ члены академіи, такъ сказать, по требованію публики, которая считала его великимъ поэтомъ и на-расхватъ раскупала полное собраніе его сочиненій, великолѣпно напечатанное въ Брюсселѣ; и за-границей, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, Делавинь пользовался большимъ уваженіемъ ***).

Въ 1829 г. Делавинь поставилъ свою трагедію «Марино Фальери» и такимъ образомъ показалъ нѣкоторую готовность перейти въ ряды романтической школы; но у него нѣтъ и слѣда байроновской энергіи, и, подражая ему въ мелочахъ, онъ все же главнымъ мотивомъ для героя выставляетъ ревность, будто бы имѣющую реальное основаніе. Въ этой трагедіи, также какъ и въ слѣдующей: «Людовикъ XI» (1832 г.), Делавинь все еще пользуется александрійскимъ стихомъ. Въ «Людовикѣ XI» замѣтно стремленіе воспроизвести колоритъ мѣста и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдаются и аристотелевскія единства. Въ

*) Идея ея ясна изъ послѣднихъ стиховъ:

Et vous, peuples si fiers du trépas de nos braves,
Ne croyez pas
Que pour être vaincus, ler Français soient esclaves
и т. д.

**) Послѣднія „Мессеньены“ посвящены дѣлу Греціи.

***) Князь П. Вяземскій, какъ видно изъ письма Пушкина (VII, 129), высоко цѣнилъ его; но самъ Пушкинъ называлъ его „школьникомъ Вольтера“, а его лирическія стихотворенія—„конфектными билетиками“.

пьесѣ есть сильныя мѣста и прекрасные стихи, и она до сихъ поръ держится на сценѣ, несмотря на многіе недостатки концепціи и излишнюю густоту красокъ въ характерѣ героя *). Въ трагедіи «Донъ Жуанъ Австрійскій» (1836 г.) Делавинь уже окончательно переходитъ на сторону романтиковъ; она написана прозой, довольно сильной и колоритной; въ основѣ ея лежитъ удачная мысль изобразить Карла V въ монастырѣ Св. Юста, какъ хитраго интригана, который, отказавшись въ минуту аффекта отъ власти, теперь въ монастырѣ принужденъ интриговать и хитрить въ мелочахъ.

Въ 30-хъ годахъ популярность Делавиня слабѣетъ, и онъ принужденъ идти въ сотрудники къ Скрибу. Въ 1843 г. слабость здоровья принудила его уѣхать на югъ, но онъ не достигъ мѣста своего назначенія и умеръ въ Ліонѣ.

Къ промышленной литературѣ Делавинь принадлежитъ только случайно, по сотрудничеству со Скрибомъ. Самъ по себѣ онъ высоко цѣнитъ искусство и, если заставляетъ его служить жизни, то только въ тѣхъ предѣлахъ, какъ и лучшіе изъ романтиковъ. По своему историко-литературному положенію онъ одинъ изъ примирителей романтиковъ съ классиками, представитель эклектизма или золотой середины.

Всецѣло принадлежитъ къ индустріализму дѣятельность писателя, котораго всѣ читали, но въ любви къ которому далеко не всѣ имѣли храбрость сознаваться—Поль-де-Кока. Поль-де-Кокъ (Charles Paul de Kock), сынъ голландскаго банкира, казненнаго во время революціи, род. въ 1794 г.; получивъ очень недостаточное образованіе, онъ поступилъ въ банкирскую контору, но уже на 17-мъ году фигурировалъ романомъ «Сынъ моей жены», который имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Съ тѣхъ поръ больше 50-ти лѣтъ (онъ ум. въ 1871 г.) подъ-рядъ онъ снабжалъ Францію, а черезъ нее и весь остальной міръ, легкимъ романомъ и водевилями **). Его водевили шли на бульварныхъ театрахъ, а романы выдерживали десятки изданій и переводились на всѣ языки. Въ его романахъ главную роль играетъ не остроумный вымыселъ, какъ у Дюма и др., но и не реальное воспроизведеніе дѣйствительности, какъ у Бальзака, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ; въ нихъ рядъ картинокъ часто забавныхъ, не всегда опрятныхъ, и иногда наивно циничныхъ, но вовсе не такъ опасныхъ для нравственности юношей, какъ думаютъ многіе: онъ, если можно такъ выразиться, не «смакуетъ» извѣстныя стороны чело-

*) Источникомъ для Делавиня служили мемуары Коммина, а пособіемъ—„Квентинъ Дорвардъ" В. Скотта.

**) Онъ писалъ и стихи (Contes en vers 1824 г. и Chansons 1829), но они были забыты вскорѣ же послѣ появленія изъ-за славы его романовъ.

вѣческихъ отношеній и не останавливается на ихъ подробностяхъ. Развратъ и порокъ вовсе не изображаются у него въ привлекательныхъ краскахъ и бо̀льшею частью бываютъ наказаны. Правда, и пользы отъ него мало, такъ какъ онъ не останавливается и ни на чемъ другомъ, и скользитъ по поверхности жизни, которая представляется у него вѣчнымъ праздникомъ для того, кто умѣетъ ею пользоваться, т.-е. не вглядывается въ глубь ея и не ставитъ себѣ высокихъ задачъ, но при этомъ отъ души любитъ своихъ ближнихъ и свободенъ отъ пороковъ, извращающихъ человѣческую природу. Онъ вполнѣ понятенъ всякому даже малограмотному человѣку, вслѣдствіе чего и составляетъ въ настоящее время любимое чтеніе модистокъ, лакеевъ и горничныхъ; для нихъ его «поэзія» можетъ быть воспитательна и его мораль полезна и поучительна, чего нельзя сказать о многихъ романахъ, также перекочевавшихъ изъ гостиныхъ въ переднія.

Поль-де-Кокъ, какъ и Беранже, по живости ума и изобрѣтательности, истинный наслѣдникъ Виллона и Ренье, но онъ лишенъ глубины мысли и силы чувства французскихъ лириковъ *).

Индустріализмъ въ литературѣ не такого рода болѣзнь, которая можетъ быть излѣчена при настоящихъ условіяхъ цивилизаціи; напротивъ, пока увеличеніе числа читателей и посѣтителей театровъ будетъ сопровождаться прогрессивнымъ пониженіемъ уровня ихъ умственнаго и художественнаго развитія, индустріализмъ будетъ развиваться все болѣе и болѣе, и уголовные и всякаго другого рода сенсаціонные романы и драмы будутъ появляться въ огромномъ количествѣ. Но нельзя не считать большимъ шагомъ впередъ то, что, начиная съ 60-хъ годовъ, и во Франціи литературной промышленности отдаются только второстепенные дѣятели, тогда какъ истинные таланты находятъ сотни тысячъ читателей, и не приноравливаясь ко вкусамъ литературнаго райка.

---

*) Библіографію его переводовъ на русскій языкъ считаемъ приводить излишнимъ; укажемъ только на далеко несходные отзывы о немъ Бѣлинскаго: по поводу романа „Сынъ жены моей“ (Спб. 1835 г. 2 ч.) Бѣлинскій (I т. 414) высказываетъ убѣжденіе, что Поль-де-Кокъ вредный писатель, и по поводу „Сестры Анны“ называетъ его корифеемъ кабаковъ и лакейскихъ (I т. 431). Немного позднѣе, рецензируя его романъ „Сѣдина въ бороду“ (Москва 1838 г.), хотя и упрекаетъ его за цинизмъ, но называетъ „Теньеромъ литературы“ (II т. 407); еще позднѣе, говоря о романѣ „Парижская красавица“ (Спб. 1842 г. 4 ч.), Бѣлинскій признаетъ характеръ героини и ея судьбу возбуждающими „живое участіе своимъ благородствомъ и женскимъ достоинствомъ“.

ГЛАВА V.

Итальянская литература XIX вѣка.

Итальянскій романтизмъ, естественно, имѣетъ свои особенности и, столь же естественно, ближе подходитъ къ романтизму французскому, чѣмъ къ нѣмецкому или англійскому. Итальянцы были не въ состояніи такъ рѣзко порвать съ классиками, и самые романтичные изъ нихъ ближе къ поэтамъ Греціи и Рима, нежели иные изъ нѣмецкихъ классиковъ. Далѣе: стремленія итальянскихъ романтиковъ по условіямъ политическаго состоянія ихъ отечества рѣзко проникнуты очень опредѣленной патріотической идеей: всѣ они стремятся къ освобожденію Италіи и изгнанію изъ нея иноземцевъ. Романтизмъ въ Италіи выражается возстаніемъ противъ академическихъ стѣсненій, уваженіемъ правъ фантазіи, субъективизмомъ въ литературѣ и стремленіемъ къ расширенію предѣловъ поэзіи. Правила аристотелевской піитики, конечно, низвергнуты; на мѣсто эпоса выдвигаются романы, повѣсти; лирика дѣлается болѣе простой и естественной; драма избавлена отъ пресловутыхъ трехъ единствъ; все это, какъ и въ остальныхъ странахъ. Но романтическая драма итальянцевъ не признаетъ прозы; мы встрѣчаемъ въ ней громозвучные стихи и хоры; въ ихъ романахъ психологія не отличается глубиной; итальянцы почти не знаютъ фантастическихъ сказокъ, избѣгаютъ тѣхъ рѣзкихъ нарушеній формы, которыя для Гюго и Гофмана кажутся послѣднимъ словомъ искусства, и въ ихъ лирикѣ, какъ и въ ихъ прозѣ, все же остается бо́льшая доза риторичности и стремленія къ внѣшней красотѣ, чѣмъ даже у Гюго и Мюссе. За то итальянскіе романтики свободны отъ мистицизма и болѣзненной ироніи и, не отказываясь подчиниться въ извѣстной степени вліянію чужихъ образцовъ, высоко чтятъ родную старину, гордятся Дантомъ и энергично изучаютъ его, и вообще сразу ставятъ новую поэзію на твердую почву черезъ посредство могучей и плодотворной идеи національности.

Переходною ступенью отъ XVIII вѣка къ романтизму, послѣднимъ классикомъ по мнѣнію однихъ, первымъ романтикомъ по мнѣнію другихъ, считается Уго Фосколо.

Николай Фосколо, впослѣдствіи принявшій имя Уго, родился въ 1778 г. на островѣ Занте или Закинфѣ, принадлежавшемъ тогда Венеціи; отецъ его былъ венеціанецъ, а мать гречанка. Дѣтство свое онъ провелъ въ Далмаціи; рано потерялъ отца и вмѣстѣ съ матерью и двумя братьями переѣхалъ въ Венецію, которую всегда считалъ своимъ истиннымъ отечествомъ. Онъ учился въ падуанскомъ универ-

ситетѣ и еще 19 лѣтъ отъ роду поставилъ трагедію «Тіэстъ», въ которой явно подражалъ Альфіери. Во время революціи онъ сражался противъ австрійцевъ во французскомъ войскѣ и прославлялъ Бонапарта, какъ освободителя Италіи, но послѣ Кампоформійскаго мира разочаровался въ немъ и сталъ считать Италію преданной и проданной. Живя въ Миланѣ, онъ познакомился съ поэтомъ Парини *) и охотно подчинился его вліянію.

Въ 1802 г. вышелъ въ первый разъ небольшой романъ Фосколо, которому онъ обязанъ своей европейской извѣстностью, это—«Послѣднія письма Якопо Ортиса» **). Это несомнѣнно лучшая и вполнѣ національная вертеріада, по существу независимая отъ знаменитаго романа Гёте, но совпадшая съ нимъ по единству условій и причинъ. Фосколо задумалъ «Ортиса» раньше, нежели онъ узналъ о существованіи «Вертера»; прочтя послѣдняго, онъ старался по возможности отдалиться отъ него, чтобы не заподозрили его оригинальности. Въ основѣ лежитъ дѣйствительный фактъ изъ первыхъ лѣтъ юности Фосколо: исторія падуанскаго студента, убившаго себя двумя ударами кинжала въ грудь и не оставившаго ни единаго клочка бумаги для объясненія самоубійства. Фосколо, какъ и Гёте, объединилъ себя съ несчастнымъ самоубійцей и воспользовался нѣсколькими любовными письмами, бывшими въ его распоряженіи. Ортисъ, какъ и Вертеръ, гибнетъ отъ двухъ причинъ: несовершенства человѣческаго общества и несчастной любви; различіе въ томъ, что у Ортиса не міровая скорбь, а чисто національная; первое его письмо написано 11-го октября 1797 г. и начинается словами: «Отечество наше окончательно принесено въ жертву; все погибло, и жизнь, если только намъ дадутъ жить, вся пойдетъ на оплакиваніе нашихъ несчастій и нашего безчестія; мое имя въ спискѣ осужденныхъ, я это знаю» и т. д.

Уже отсюда видно, что главная причина гибели Ортиса не несчастная любовь, а бѣдствія отечества. Любовь къ Терезѣ только увеличиваетъ его страданія, переплетаясь съ патріотизмомъ. Здѣсь нѣтъ той глубокой психологіи, какую мы находимъ въ Вертерѣ, нѣтъ тѣхъ тонкихъ переходовъ въ душевномъ состояніи героя, нѣтъ путаницы отношеній, больше опредѣленности и больше мужества, больше страсти, но за то гораздо больше риторики.

Кромѣ «Послѣднихъ писемъ Ортиса» изъ произведеній Фосколо до сихъ поръ пользуется большой популярностью его незначительная по объему, и тоже глубокопрочувствованная элегія: «I sepolcri» (Могилы, 1807), тоже имѣющая реальную основу: его учителя и

*) См. выше стр. 165 и слѣд.

**) Ultime Lettere D'Jacopo Ortis; послѣдняя отдѣлка дана этому роману самимъ авторомъ въ изданіи 1814 г.

друга, Парини, по бѣдности похоронили въ общественной могилѣ; этотъ фактъ возмутилъ поэта, и онъ по этому поводу высказываетъ свои чувства и мысли о разныхъ формахъ погребенія. Смерть не внушаетъ ему ни ужаса, ни надежды на будущую жизнь; онъ относится къ ней со стоическимъ героизмомъ и вѣрой не въ Бога, а въ божественность человѣка. Въ 1809 г. Фосколо получилъ каѳедру итальянскаго краснорѣчія въ Павіи и, какъ профессоръ, обѣщалъ быть славой Италіи, но такъ какъ онъ въ это время былъ врагомъ Наполеона и чувствъ своихъ не скрывалъ, то каѳедра была закрыта. Онъ переѣхалъ въ Миланъ и тамъ поставилъ свою трагедію: «Аяксъ», (Ajace), въ которой не трудно было усмотрѣть намеки на современныя событія *). Трагедія его была запрещена, и онъ принужденъ былъ переѣхать во Флоренцію, гдѣ поставилъ свою новую трагедію уже изъ средневѣковой итальянской исторіи «Риччарда», но все же написанную въ духѣ Альфіери; она была запрещена за нѣсколько патріотическихъ тирадъ. Послѣ паденія Наполеона, Фосколо присоединяется къ тѣмъ мечтателямъ, которые надѣялись, что итальянское государство удержится, и теперь будетъ независимо и свободно. Когда австрійцы завладѣли Ломбардіей и Венеціей, они выказали готовность оказать Фосколо всякія любезности, какъ врагу ихъ врага, а патріоты по этому случаю готовы были обвинять его въ измѣнѣ. Онъ счелъ за лучшее уѣхать сперва въ Швейцарію, а потомъ, въ 1816 г. въ Англію, гдѣ оставилъ поэзію и занимался главнымъ образомъ политикой и историко-литературной критикой. Его статьи о Петраркѣ и Бокаччіо были для того времени большой новостью; онъ первый изъ популярныхъ писателей указалъ на Данта, какъ на знамя объединенія Италіи. Въ политикѣ не было той мечтательной теоріи освобожденія его отечества, которой бы онъ ни пытался служить со свойственными ему энергіей и увлеченіемъ. Потомъ онъ впалъ въ отчаяніе, пересталъ вѣрить въ силу слова, сталъ доказывать, что Италія трупъ, что нашъ вѣкъ— вѣкъ царства золота и неспособенъ къ воспріятію благородныхъ идей. Онъ имѣлъ массу враговъ вслѣдствіе рѣзкости характера и взглядовъ; его подозрѣвали въ подкупнсоти, чуть не въ шпіонствѣ; тогда-то онъ написалъ свою «Апологію», въ которой, по выраженію Мадзини, отпечатлѣлся его ликъ, строгій и презрительный, какъ ликъ Спасителя на убрусѣ. Фосколо велъ очень неправильную жизнь и самъ разстроилъ свои дѣла до такой степени, что былъ посаженъ въ долговую тюрьму. Въ послѣдніе годы онъ мечталъ уѣхать на свой родной островъ и тамъ дожить свою жизнь школьнымъ учителемъ. Онъ ум. близъ Лондона въ 1827 году.

---

*) Аяксъ—генералъ Моро, Агамемнонъ—Наполеонъ, Калхасъ—Пій VII и т. д.

Фосколо представлялъ странное смѣшеніе энтузіазма и матеріализма, скептицизма и горячей вѣры въ иллюзіи; отсюда мрачность и грація въ его поэзіи *).

Фосколо только предшественникъ романтиковъ уже и по времени своей жизни; настоящіе дѣятели итальянскаго романтизма воспитались между 1790 и 1814 годами. Они раздѣляются на двѣ группы: одни ищутъ спасенія для своей несчастной родины въ объединеніи черезъ церковь, другіе остаются чистыми революціонерами.

Настоящимъ главою романтизма слѣдуетъ считать миланца Манцони, самаго даровитаго лирика, драматурга и эпика новой Италіи.

Александръ Манцони род. въ 1785 г. Отецъ его происходилъ изъ благородной фамиліи, но былъ человѣкъ малоразвитой и ограниченный; мать Манцони была дочерью знаменитаго Беккаріи и имѣла на сына несравненно бóльшее вліяніе. Будущій поэтъ учился первоначально у монаховъ, о которыхъ самъ потомъ говорилъ, что они могли бы быть недурными воспитателями только въ томъ случаѣ, еслибъ ихъ самихъ можно было перевоспитать предварительно; тѣмъ не менѣе, изъ ихъ рукъ онъ вышелъ на всю жизнь человѣкомъ искренно религіознымъ. Вмѣстѣ съ матерью и ея другомъ, графомъ Карломъ Имбонати, котораго онъ потомъ прославилъ въ своихъ стихахъ, Манцони жилъ довольно долго въ Парижѣ, гдѣ близко сошелся съ такъ-называемымъ Отельскимъ кружкомъ (societé d'Auteil), къ которому принадлежала вдова Кондорсе и другіе свободомыслящіе люди, спасшіеся отъ террора; тамъ Манцони подружился съ извѣстнымъ историкомъ провансальской и итальянской литературы Форіелемъ. Манцони началъ свою литературную дѣятельность въ 1806 г. сборникомъ лирическихъ стихотвореній (Versi sciolti), посвященнымъ памяти графа Имбонати; за нимъ слѣдовала аллегорическая поэма «Уранія», но славу пріобрѣлъ онъ, выпустивъ въ 1810 г. свои «Inni sacri» (Священные гимны). Такихъ стиховъ не слыхала Италія чуть ли не съ XIV-го вѣка: всѣхъ поразила простота и ясность выраженія, полное отсутствіе всякой вычурности и безусловная искренность чувства. Это былъ смертельный ударъ, нанесенный академической поэзіи; всѣ убѣдились, что самыя тонкія чувства можно выражать самымъ простымъ языкомъ, и что въ этой задушевной простотѣ больше истин-

---

*) Лучшее изданіе его Opere edite e postume—le Monnier, Firenze, начиная съ 1862 г. 11 томовъ. Лучшая его біографія: Vita di Ugo Foscolo per F. Gilbert de Winckels con prefazione di Francesco Trevisan, Verona, Münster 1885 г. и слѣд. См. также Ferrari: Revue de deux Mondes 1845 г. IX, 153 и слѣд.: статья La révolution et les révolutionnaires en Italie. По-русски см. Совр. 1860 г. № 3 Иностранная литература: „Новые итальянскіе поэты". Переводъ „Писемъ Ортиса" Г. Чуйко въ Библіотекѣ европейскихъ писателей. Спб. 1883.

ной красоты, нежели въ трескучихъ фразахъ, которыя надо произносить на-распѣвъ неестественнымъ голосомъ и съ неестественными жестами. По содержанію, его гимны — религіозная, даже католическая поэзія, но безъ всякой примѣси ханжества и суевѣрія. Манцони въ это время жилъ въ Миланѣ, былъ женатъ на дочери женевскаго банкира, былъ счастливъ въ семейной жизни и избѣгалъ треволненій жизни общественной, но всякая попытка къ освобожденію Италіи вызывала его горячее сочувствіе. Въ 1815 г., во время извѣстнаго движенія Мюрата, онъ началъ писать патріотическую пѣсню *), гдѣ находится знаменитый стихъ: «Мы не будемъ свободны, если не будемъ вмѣстѣ» (Liberi non sarem, se non siamo uni). Въ 1821 г. по поводу смерти Наполеона онъ написалъ знаменитую пьесу «5-ое Мая» (Il cinque Maggio), которую Гёте, плѣненный ея изяществомъ и гуманностью, удостоилъ своего перевода, хотя и зналъ, конечно, что Наполеонъ вовсе не имѣлъ тѣхъ благочестивыхъ мыслей, которыя ему вложилъ въ сердце религіозный Манцони.

Еще за годъ передъ этимъ появилась первая драма Манцони и вмѣстѣ съ тѣмъ и первая романтическая драма въ Италіи, т.-е. первая національно-историческая: «Графъ Карманьола». Манцони предпосылаетъ ей небольшое историческое изслѣдованіе о своемъ героѣ и кромѣ, того, длинное письмо къ Форіелю о томъ, какъ онъ понимаетъ задачу драматурга. Графъ Карманьола, извѣстный кондотьери, родился въ 1390 г., и изъ пастуха сдѣлался главнокомандующимъ Висконти миланскаго; въ 1425 г. онъ поступилъ на службу къ венеціанцамъ и погибъ, обвиненный ими въ измѣнѣ. Трагическое заключается въ борьбѣ такого храбраго воина, но плохого политика со строгостями венеціанскаго правительства, которое погубило его несправедливо. Авторъ въ самомъ обозначеніи дѣйствующихъ лицъ выдѣляетъ два элемента: историческій и поэтическій **). Онъ сильно заботится о фактической вѣрности, но надѣляетъ своихъ героевъ такими чувствами и мыслями, которыя вполнѣ естественны только у его современниковъ. Гёте, отнесшійся съ большой симпатіей къ этой пьесѣ, которая была, безъ всякаго сомнѣнія, вдохновлена любимымъ дѣтищемъ его юности—Гецомъ фонъ-Берлихингенъ, доказываетъ, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ мы можемъ сочувствовать только тому, что вполнѣ понятно намъ, а драма должна прежде всего вызывать сочувствіе.

Въ 1822 г. выходитъ вторая драма Манцони «Adelchi» (Адельгизъ), при которой тоже приложено еще болѣе обширное историческое

*) Il proclama di Rimini; онъ не успѣлъ ее докончать, когда предпріятіе оказалось пуфомъ.

**) За personaggi storici слѣдуютъ personaggi ideali (вымышленныя лица).

изслѣдованіе, изображающее судьбы и положеніе сѣверной Италіи во время завоеванія ея Карломъ Великимъ. Въ ней отдѣлка сценъ и характеровъ лучше, но за то въ ней нѣтъ героя, такъ какъ нѣсколько лицъ въ одинаковой степени привлекаютъ наше вниманіе. Въ обѣихъ драмахъ аристотелевскія единства уничтожены безусловно (въ Карманьолѣ дѣйствіе продолжается семь лѣтъ и безпрестанно переносится съ мѣста на мѣсто); но обѣ драмы написаны стихами, и въ обѣихъ есть хоръ; существованіе послѣдняго Манцони объясняетъ тѣмъ, что драматургу надо выразить свои мнѣнія, и чтобъ онъ не выражалъ ихъ устами дѣйствующихъ лицъ, что́ слишкомъ сильно нарушаетъ иллюзію, лучше вставить такое идеальное лицо, которое и будетъ служить олицетвореніемъ моральныхъ мыслей, внушаемыхъ дѣйствіемъ *). Пѣсни хора несомнѣнно лучшая часть въ обѣихъ драмахъ; въ нихъ выражается патріотизмъ поэта: въ Карманьолѣ это—горькое чувство отъ раздѣленности Италіи и ея слабости; въ Адельгизѣ—глубоко трогательный плачъ о порабощеніи Италіи. Манцони, несмотря на прелестныя частности въ обѣихъ драмахъ, не можетъ быть признанъ драматургомъ по натурѣ: онъ слишкомъ спокоенъ для этого, и драма его гораздо болѣе приспособлена къ чтенію, чѣмъ къ представленію. Около этого же времени Манцони пишетъ «Замѣчанія о католической морали» (Osservazioni sulla morale catolica), въ которыхъ онъ, полемизируя съ Сисмонди, защищаетъ христіанство отъ обвиненій философовъ. Но религіозность Манцони, какъ и большинства итальянскихъ романтиковъ этой секціи, не имѣетъ ничего общаго съ ультрамонтанствомъ: онъ убѣжденъ, напримѣръ, что свѣтская власть папъ есть страшное зло; онъ мечтаетъ о возвращеніи къ простотѣ временъ апостольскихъ, и потому его книга вовсе не пользовалась симпатіей духовной цензуры.

Послѣ погрома, который постигъ сѣверно-итальянскихъ патріотовъ въ 1820—21 годахъ, Манцони, несмотря на свою политическую скромность, оказался подъ надзоромъ полиціи. Онъ переѣхалъ въ свое имѣніе и тамъ занимался главнымъ образомъ исторіей. При чтеніи хроники Рипомонте онъ натолкнулся на описаніе миланской чумы и рѣшился воспользоваться этимъ эпизодомъ для историческаго романа, который увлекъ его такъ, что онъ ради него оставилъ не окончивши третью свою драму «Спартакъ». Въ 1827 г. выходитъ его романъ «Обрученные» (I promessi sposi), который не только сдѣлалъ его литературной знаменитостью первой величины, но и далъ новую жизнь всей итальянской поэзіи.

Дѣйствіе «Обрученныхъ» происходитъ въ XVII-мъ столѣтіи, когда Италія томилась подъ испанскимъ владычествомъ. Въ основу поло-

*) La personificazione dei pensieri morali che l'azione inspira.

жено глубокое, всестороннее изученіе эпохи по источникамъ, но историческихъ лицъ почти нѣтъ, такъ какъ Манцони убѣжденъ, что поэтъ долженъ воспользоваться исторіей, а не конкурировать съ ней. Хотя Манцони страстный археологъ, но онъ вовсе не считаетъ нужнымъ воспроизводить мелочи жизни, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ учитель его В. Скоттъ пустился бы въ самое подробное описаніе деталей, Манцони ограничивается очень короткимъ указаніемъ. Сюжетъ романа вовсе не представляетъ захватывающаго интереса: это исторія молодого человѣка (Renzo) и молодой дѣвушки (Lucia) изъ рабочаго класса, браку которыхъ мѣшаетъ высокопоставленное лицо (Донъ Родриго), имѣющее свои виды на дѣвушку, и которымъ въ ихъ многочисленныхъ бѣдствіяхъ помогаетъ только бѣдный капуцинскій монахъ. Интригу распутываетъ миланская чума. Глубокое религіозное чувство автора видно въ изображеніи нѣскольких идеальныхъ личностей изъ среды церкви, которая одна только и утѣшаетъ Италію въ ея политическихъ бѣдствіяхъ.

«Обрученные» есть, съ одной стороны, явное подражаніе англійскимъ и французскимъ образцамъ историческаго романа, котораго до сихъ поръ не имѣла Италія, но вмѣстѣ съ тѣмъ это одно изъ самыхъ національныхъ и даже народныхъ произведеній итальянской поэзіи за послѣднія три столѣтія. Романъ написанъ просто безъ тривіальности и краснорѣчиво безъ декламаціи. Краски его ярки, какъ итальянское небо; необыкновенная ясность дѣйствія и чувство мѣры, свойственныя романцамъ, соединены съ психологической глубиной. Общій тонъ его печальный, но это печаль мужественнаго человѣка, который смотритъ горю прямо въ глаза и находитъ отраду въ сознаніи своей правоты и внутренней силы. Недостатокъ этого романа—медленность дѣйствія, часто прерываемаго слишкомъ длинными описаніями; но этотъ недостатокъ чувствуется только при первомъ чтеніи, когда читатель спѣшитъ къ концу; многія изъ этихъ описаній такъ хороши, что ставятся наравнѣ съ лучшими мѣстами «Божественной комедіи». Что касается характеровъ, они всѣ отдѣланы съ большой тщательностью, но злодѣи удаются Манцони далеко не такъ хорошо, какъ В. Скотту, а герой и героиня, отличающіеся у Скотта такой блѣдностью, здѣсь, напротивъ, полны жизни и поэзіи.

Въ Италіи этотъ романъ возбудилъ восторгъ одной части публики и негодованіе другой, если меньшей, то за то болѣе вліятельной. Патріоты обвиняли Манцони въ реакціонерствѣ; критики доказывали, что его «Обрученные» слишкомъ низки для интеллигенціи и слишкомъ высоки для народа. Но «Обрученные» были переведены на всѣ языки Европы, и похвалы европейской критики подѣйствовали наконецъ и на общественное мнѣніе Италіи. Отъ 1830—1848 г. Манцони живетъ

тихо и смирно, то въ деревнѣ, то въ Миланѣ *). Революціонное движеніе увлекаетъ его только до извѣстной степени; освобожденная Италія относится къ нему съ великимъ уваженіемъ, и его почти противъ воли осыпаютъ почестями и всевозможными знаками вниманія. Онъ ум. въ 1873 г. сенаторомъ. Манцони, какъ человѣкъ, отличался большой мягкостью, но былъ робокъ и недовѣрчивъ. Это отразилось и въ его произведеніяхъ и въ хорошую, и въ дурную сторону. Онъ чрезвычайно долго работалъ надъ ними: только лирическія пьесы давались ему сразу, а на каждую изъ своихъ драмъ онъ посвятилъ по 3 года, на романъ же около 6 лѣтъ; за то онъ и далъ произведенія въ такой степени образцовыя, что̀ ему, какъ главѣ школы, было особенно необходимо. Благодаря именно этому обстоятельству, романтизмъ сразу сталъ въ Италіи такъ прочно, и примѣръ Манцони вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ талантовъ **).

Изъ школы Фосколо выходитъ другой, столь же извѣстный итальянскій романтикъ, «кроткій страдалецъ», какъ называетъ его Пушкинъ, Сильвіо Пелико.

Онъ род. въ 1789 г. въ Салуццо въ Пьемонтѣ, былъ сынъ чиновника. который очень любилъ литературу, и самъ довольно удачно пробовалъ въ ней свои силы. Сильвіо уже ребенкомъ пытался создать трагедію на сюжетъ, заимствованный изъ Оссіана. Около 16-ти лѣтъ отъ роду онъ попалъ во Францію и жилъ тамъ настолько долго, что сталъ забывать Италію, но чтеніе Фосколовыхъ «Могилъ» возбудило въ немъ горячій патріотизмъ, и онъ вернулся на родину съ намѣреніемъ отдать себя на служеніе ея умственному развитію. Онъ былъ сперва учителемъ французскаго языка въ миланской военной школѣ, потомъ домашнимъ учителемъ у графовъ Порра, въ домѣ которыхъ имѣлъ случай познакомиться со многими литературными и учеными знаменитостями Европы: M-me Сталь, Шлегелемъ, Байрономъ и др. Первая его трагедія «Лаодикея» еще принадлежитъ къ классической школѣ, но оконченная въ 1818 г. «Франческа риминійская» уже вполнѣ романтическая трагедія. Это, несомнѣнно, самое удачное и самое популярное изъ стихотворныхъ произведеній Пелико.

---

*) Въ 1840 г. онъ напечаталъ „Исторію позорной колонны", какъ эпизодъ, который нужно вставить въ „Обрученныхъ".

**) Первое изданіе произведеній Манцони редактировано Томассо въ 5 томахъ 1828—1829; удобное для иностранцевъ изданіе его трагедій (съ переложеніемъ въ прозу en regard) Густава Модена въ Брюсселѣ 1837 г. 2 т. О Манцони см. Piumati: La vita e le opere di Manzoni 1886 г. (со всей библіографіей). Sauer: Alessandro Manzoni, eine Studie, 2-ое изд. Prag 1872 г.; ср. Balbiani, Alessandro Manzoni e soui scritti. Milano 1873 г. По-русски „Мнѣніе Гёте о Манцони" Соврем. 1846 г. т. 44; ср. Соврем. 1863 г. т. 6, а также Соврем. 1860 г. № 3 „Новоитальянскіе поэты" Михайловскаго, „Обрученные" перев. Межевича. М. 1854 г.

Въ 1819 г. Пелико, вмѣстѣ съ Манцони и другими, основалъ патріотическо-литературный журналъ «Conciliatore» (Примиритель), редакція котораго сдѣлалась центромъ либеральнаго патріотизма. Журналъ могъ просуществовать очень недолго: такъ сильно тѣснила его австрійская цензура. Новая трагедія Пелико «Эвфимiо Мессинскій» тоже была запрещена. Вскорѣ послѣ этого Пелико арестовали по подозрѣнію въ карбонаризмѣ, держали сперва въ миланской тюрьмѣ, потомъ перевели въ знаменитыя свинцовыя тюрьмы въ Венеціи, судили и приговорили къ смертной казни; но императоръ замѣнилъ послѣднюю тяжкимъ заключеніемъ на 15 лѣтъ, и Пелико былъ отправленъ въ Моравію, въ крѣпость Шпильбергъ близъ Брюна. Едва ли австрійское правительство считало кроткаго Пелико въ самомъ дѣлѣ опаснымъ заговорщикомъ; вѣрнѣй, что его желали удалить, какъ одного изъ тѣхъ людей, которые были способны пробудить въ итальянцахъ патротiизмъ. 10 лѣтъ протомился Пелико въ Шпильбергѣ, сперва одинъ въ своей каморкѣ, потомъ въ сообществѣ съ другимъ поэтомъ Марончели, видѣлъ, какъ его товарищей—одного за другимъ—выносили на пустынное тюремное кладбище, исамъ нѣсколько разъ былъ на шагъ отъ смерти. Наконецъ въ 1830 г. онъ былъ помилованъ и возвращенъ на родину къ отцу, матери и братьямъ. Немного оправившись, онъ началъ писать книгу «Мои темницы» (Mie prigioni), которой вся Италія, возмущенная долгимъ мученичествомъ одного изъ своихъ любимыхъ поэтовъ, ждала съ нетерпѣніемъ. Въ 1833 г. явилась эта книга. Какъ говоритъ Пушкинъ *), «изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью; прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства». Дѣйствительно, «Мои темницы» исполнены благодушія, и авторъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что именно тюремное одиночество сдѣлало его изъ равнодушнаго къ религіи, полувѣрующаго человѣка истиннымъ христіаниномъ; но тѣмъ дѣйствительнѣе были тѣ упреки и жалобы, которые будто противъ воли автора прорываются въ его книгѣ, и самая библейская простота и правдивость его разсказа приводитъ читателя въ ужасъ. Книга Пелико, по словамъ одного изъ критиковъ, нанесла больше вреда австрійскому владычеству въ Италіи, нежели потеря генеральнаго сраженія. Самъ императоръ устыдился своихъ дѣяній, и политическая тюрьма въ крѣпости Шпильбергъ была уничтожена. «Мои темницы» произвели такое сильное дѣйствіе и до сихъ поръ не потеряли своего литературнаго значенія, именно благодаря необыкновенной простотѣ и откровенности, съ которой онѣ написаны.

Авторъ вовсе не щадитъ себя и не становится на ходули. Онъ

*) V т. 341.

не скрываетъ, что въ одиночествѣ тюрьмы испытывалъ далеко не всегда высокія, благородныя чувства, откровенно разсказываетъ любовный эпизодъ съ дочерью тюремщика Цанце, также какъ и свою измѣну въ дѣлѣ съ корреспондентомъ атеистомъ. Онъ не изъ очень сильныхъ людей и вовсе не герой добродѣтели; онъ добрый и честный человѣкъ, на мѣсто котораго себя можетъ поставить всякій средній читатель. Особенныхъ ужасовъ онъ не испытывалъ, и даже въ австрійской тюрьмѣ всѣ непосредственные его начальники были добры къ нему; но тѣмъ ужаснѣе представляется эта система, въ силу которой самые благодушные люди должны неотступно мучить своихъ ближнихъ. Черезъ два года послѣ «Темницъ» Пелико издалъ свою книжку «Объ обязанностяхъ человѣка», которая, какъ замѣтилъ Пушкинъ, и доказала всѣмъ и каждому полную искренность его «Темницъ». Это родъ христіанскаго Цицерона (De officiis), и въ ней Пелико является искреннимъ патріотомъ, но человѣкомъ до крайности подавленнымъ обстоятельствами. Кромѣ этого, онъ издалъ нѣсколько трагедій и рядъ лирическихъ стихотвореній, значительная часть которыхъ была имъ сочинена въ тюрьмѣ, гдѣ, за недостаткомъ бумаги, несчастные узники развивали до такой степени свою память, что могли наизусть рецитировать длинныя эпопеи и драмы. Изъ лирическихъ стихотвореній тюремнаго періода лучше всѣхъ небольшой діалогъ, называющійся «Mamita и Bimbo» (Мать и ребенокъ) и маленькое стихотвореніе, начинающееся словами: «Нѣтъ запоровъ и цѣпей, которые могли бы сжать мой духъ; для ума не существуетъ оковъ, вольность—его природа» *).

Очень недолго Пелико пользовался полной популярностью. У него скоро оказалось много враговъ, которые дѣлились на двѣ группы: далеко шагнувшая впередъ молодежь считала его отсталымъ и вреднымъ писателемъ въ томъ смыслѣ, что онъ убиваетъ въ своихъ соотечественникахъ духъ благородной отваги, прививая имъ свою слезливую сантиментальность; съ другой стороны, крайніе консерваторы продолжали считать его революціонеромъ. Итакъ, онъ оказался между двухъ крайнихъ партій въ самый разгаръ борьбы; а извѣстно, какъ невыгодно такое положеніе. Ему удалось получить мѣсто библіотекаря и секретаря у маркизы Баролла въ Туринѣ; тамъ онъ и умеръ въ 1854 г.

Изъ послѣднихъ его драматическихъ произведеній лучшей считается его трагедія «Томасъ Морусъ», написанная (конечно, въ сти-

---

*) „Non v'e sbarre ne catene,
Che lo spirto mio rinserri,
Per la mente non v'ha ferri:
Sua natura è libertà“.

хахъ) въ 1833 г. Въ ней, какъ и въ другихъ его пьесахъ, замѣтно противорѣчіе между исполненнымъ энергіей сюжетомъ и мягкой натурой автора. Герой ея, злосчастный англійскій канцлеръ, вовсе не проявляетъ силы, а только доброту. Каждый изъ борящихся правъ со своей точки зрѣнія, и даже честолюбивая интриганка Анна Болейнъ стремится къ добродѣтели; даже злодѣй пьесы, царедворецъ Кромвель (отецъ будущаго главы республики: указаніе на то, что дѣти льстецовъ бываютъ цареубійцами) въ сущности довольно добрый человѣкъ. Тенденція этой пьесы—апоѳеоза свободы и католической церкви.

Сильвіо Пелико по своимъ литературнымъ воззрѣніямъ представляетъ переходъ отъ классиковъ къ романтикамъ и не отличается особою смѣлостью; изъ толпы его выдвинули его страданія и красиво-правдивое описаніе ихъ *).

Больше драматическаго дарованія у драматурга Николини, но и онъ, какъ Пелико, стоитъ на грани между Альфіери и Манцони. Джовани Батиста Николини (Niccolini) род. въ 1782 г. близъ Пизы, учился во Флоренціи, потомъ въ пизанскомъ университетѣ. Съ 1807 г. королева Эртруріи предоставила ему каѳедру исторіи во Флоренціи; но при реставраціи онъ потерялъ ее и удержалъ за собою только скромное мѣсто секретаря академіи искусствъ, которое занималъ въ продолженіе всей своей остальной жизни, разнообразившейся только преслѣдованіями полиціи за то свободомысліе, которое высказывалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ ум. въ 1861 г. Николини началъ свою литературную дѣятельность чисто классической пьесой «Поликсена» (Polissena) 1810 г., за которую онъ былъ увѣнчанъ академіей della Crusca; въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ онъ все болѣе и болѣе отдаляется отъ правилъ классической трагедіи, не доходя, однако, до полнаго романтизма; такъ, освободившись отъ единства времени и мѣста, онъ строго придерживается единства дѣйствія и тона, не позволяя себѣ вводить даже тѣнь комическаго элемента. Въ 1819 г. въ Лондонѣ безъ имени автора выходитъ его пьеса «Nabucco», гдѣ подъ видомъ Навуходоносора выведенъ Наполеонъ и вообще встрѣчается масса очевидныхъ намековъ на современность. Огромный успѣхъ имѣла и его пьеса изъ національной венеціанской исторіи «Антоніо Фоскарини» (1827 г.). Еще больше понравилась «Giovani da Procida»

---

*) О немъ см. Chiala: Vita di Silvio Pellico, Torino. 1852 г., также Bourdon, Silvio Pellico, sa vie et sa mort. Paris 1868 г. По-русски см. „Объ обязанностяхъ человѣка“ пер. Хрусталева въ Одессѣ 1835 г., тоже пер. С. Н. Дирина 1836 г. (см. рец. Пушкина въ Соврем. 1836 г. книга 3-я) „Мои темницы“, 1836 г. Евграфа Серчевскаго; новое изданіе—приложеніе къ Историческому вѣстнику. Спб. 1886 г. „Томасъ Морусъ“ со статьей Петерсона, Соврем. 1839 г. т. XIV.

(1830 г.); но ко всеобщему сожалѣнію цензура страшно преслѣдовала ее, и она могла попасть только на очень немногіе театры; тамъ находится знаменитая фраза: «Ripassi l'Alpe e diverra fratello» (Пусть онъ перейдетъ черезъ Альпы, и онъ будетъ нашимъ братомъ), которая сдѣлалась лозунгомъ гуманныхъ патріотовъ Италіи *).

Въ 1835 г. Николини поставилъ трагедію «Арнольдъ Брешіанскій» (Arnaldo da Brescia), гдѣ онъ разрабатываетъ вопросъ объ отношеніяхъ къ папѣ, черезъ протекторатъ котораго многіе мечтали достигнуть объединенія Италіи. Поэтъ убѣжденъ, что отъ свѣтской власти папы, кромѣ зла, ожидать нечего, но высказываясь такимъ образомъ противъ ново-Гвельфовъ, онъ подвергаетъ справедливому порицанію и крайности ново-Гибеллиновъ. Барбарусса у Николини не герой, а игрушка папы; его армія—грубые варвары. Здѣсь, какъ и въ другихъ пьесахъ Николини, безполезно искать колорита мѣста и времени, такъ какъ эти пьесы тенденціозныя; поэтъ умышленно выводитъ здѣсь своихъ современниковъ, и казнь Арнольда для него есть ничто иное, какъ символъ современной ему казни Италіи; здѣсь дѣйствуютъ хоры (итальянцевъ и германцевъ), которые являются также художественнымъ развитіемъ тезиса о возможности возрожденія Италіи; какъ и у Манцони, эти лирическіе хоры—лучшія мѣста пьесы. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ своихъ трагедій, наприм. «Беатриче Ченчи» и «Розамунда англійская», Николини на первый планъ выдвигаетъ психологическій интересъ; но и въ нихъ есть риторика, и въ нихъ герои больше говорятъ, нежели дѣлаютъ **).

Главой того отдѣла романтической школы, который не желаетъ имѣть ничего общаго съ католической церковью, считается графъ Джакомо Леопарди, если не великій поэтъ, то во всякомъ случаѣ великій и оригинальный умъ, имѣвшій сильное вліяніе на развитіе родной словесности. Онъ род. въ 1798 г. близъ Анконы. Первыми его учителями были два священника, но съ 14 лѣтъ онъ уже занимался самъ; благодаря своей необыкновенной энергіи и способностямъ, онъ не только превосходно усвоилъ классическіе языки до того, что могъ писать стихи по-гречески, но и выучился хорошо по-еврейски. Уже 16-ти лѣтъ отъ роду онъ издаетъ комментаріи на ораторовъ II-го вѣка; въ слѣдующемъ 1815 г. пишетъ онъ трактатъ «О суевѣріяхъ

---

*) Смыслъ фразы въ томъ, что австрійцы будутъ врагами итальянцевъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ владѣть ими; освобожденная Италія не должна ни къ кому питать ненависти.

**) О немъ см. Феррари. Revue des deux Mondes 1845 г.: La révolution et les révolutionnaires en Italie: тамъ же статья де-Мазада 1845 г. 15 сент. Vanucci: Ricordi della vita e delle opere di Giovanni Battista Niccolini, 2 т. Fir. 1866.

древнихъ» (Saggio sopra gli errori popolari degli antichi). Разойдясь съ отцомъ вслѣдствіе несходства убѣжденій, Леопарди покидаетъ родовое имѣніе, довольно долго живетъ въ Римѣ, гдѣ, между прочимъ, сходится съ Нибуромъ, который удивляется его необыкновеннымъ способностямъ и предлагаетъ ему каѳедру въ Германіи; затѣмъ онъ проживалъ въ Миланѣ, Болоньѣ, во Флоренціи, гдѣ участвовалъ въ изданіи главнаго органа новой литературы журнала «Antologia». Въ 1831 г. по крайне-разстроенному здоровью онъ переселился въ Неаполь, гдѣ и умеръ черезъ 6 лѣтъ (въ 1837 г.).

Леопарди былъ очень несчастный человѣкъ, несмотря на громкое имя и хорошее состояніе; горячій патріотъ, видѣвшій не только въ настоящемъ рабство, но и не ожидавшій спасенія отъ будущаго, человѣкъ съ любящимъ сердцемъ и между тѣмъ жившій въ разладѣ со всѣми близкими; вѣчно больной и страдавшій, почти уродъ, для котораго уже въ 30 лѣтъ смерть казалась великимъ благомъ, слабый настолько, что не могъ заниматься больше двухъ часовъ въ день, онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться поэтомъ пессимизма. Необыкновенно простой въ обращеніи со всѣми, по ясности ума достойный быть современникомъ Софокла и Ѳукидида (его такъ и называли «воскресшимъ грекомъ»), онъ могъ дать своему отечеству новые образцы въ прозѣ и въ поэзіи, чтобы окончательно освободить итальянскую литературу отъ заѣдавшей ее риторики и многословія.

Первое изданіе стихотвореній Леопарди вышло въ 1826 г.; послѣднее, имъ редактированное, въ 1836 г.; собраніе его прозаическихъ произведеній появилось подъ именемъ: Operette morali въ 1827 г. Изъ послѣднихъ интереснѣе и характернѣе всего рядъ Діалоговъ, проникнутыхъ совершенно оригинальной горькой ироніей итальянскаго пессимиста; благорасположенные къ нему критики усматриваютъ въ нихъ глубокомысліе Платона и остроуміе Вольтера. Въ этихъ діалогахъ переговариваются иногда довольно странныя лица, напр. Мода и Смерть, Природа и Исландецъ, Коперникъ и Солнце и пр.; мысль въ нихъ, дѣйствительно, сильна и оригинальна и выражена съ необыкновенной простотой, переходящей часто въ лаконизмъ.

Такими же античными свойствами отличается и стихотворная рѣчь Леопарди.

Вотъ для образца начало его знаменитой оды къ Италіи:

O patria mia, vedo le mura e gli archi
E le colonne e i simulacri o l'erme,
Torri degli avi nostri,
Ma la gloria non vedo,
Non vedo il lauro e il ferro ond'eran carchi
I nostri padri antichi. Or fatta inerme,
Nuda la fronte e nudo il petto mostri.

Oimè quante ferite,
Che lividor, che sangue! oh qual ti veggio,
Formosissima donna! Io chedo al cielo
E al mondo: dite, dite,
Che la ridusse a tale? E questo è peggio
Che di catene ha carche ambe le braccia;
Si che, sparte le chiome e senza velo,
Siede in terra negletta e sconsolata,
Nascondendo la faccia
Tra le ginocchia e piange и т. д.

(Т.-е. О мое отечество! Я вижу стѣны и арки, колонны и изображенія, и бюсты, вижу башни нашихъ предковъ, но не вижу славы; я не вижу лавра и желѣза, которыми были богаты наши древніе отцы. Теперь моя родина, ослабѣвъ, показываетъ обнаженное чело и обнаженную грудь. О сколько ранъ на ней, какая блѣдность, сколько крови! О въ какомъ ужасномъ положеніи вижу я тебя, дорогая красавица! Я взываю къ небу и къ свѣту. Скажите, кто ее довелъ до этого? А всего хуже то, что цѣпи обременяютъ обѣ ея руки. И вотъ, съ распущенными волосами, безъ покрывала сидитъ она на землѣ въ пренебреженіи, неутѣшная, прячетъ лицо въ колѣняхъ и плачетъ).

Вотъ довольно удачно переведенный отрывокъ его стихотворенія „На свадьбу сестры моей Паулины":

Сестра моя, веди своихъ дѣтей
На честный путь суроваго несчастья...
Пусть видятъ жизнь, пусть знаютъ жизнь они;
Пусть вступятъ въ жизнь съ открытыми глазами.
Пустыхъ надеждъ невѣрные огни
Не зажигай предъ пылкими мечтами...
И къ гробу ихъ толпы людей придутъ
И уберутъ могилы ихъ цвѣтами:
Живымъ вѣнковъ дни наши не даютъ,
Ихъ въ первый разъ кладутъ надъ мертвецами.

Леопарди, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ, скептикъ и пессимистъ, но такого сорта, что другихъ онъ дѣлаетъ вѣрующими оптимистами, такъ какъ его душа огорчена, но не ожесточена страданіями, и сила его мысли и чувства возбуждаетъ въ читателяхъ вѣру въ божественную природу человѣка *).

Іюльская революція 1830 г. произвела въ Италіи, какъ извѣстно, сильное политическое движеніе, окончившееся, вслѣдствіе вмѣшательства Австріи, самымъ печальнымъ образомъ. Эта неудача «либераловъ» отразилась въ литературѣ усиленіемъ «горькаго» тона и пессимизма. Но потребность въ свободѣ настолько созрѣла въ итальян-

*) О немъ см. Соврем. 1860 г. № 3 ст. Михайловскаго. Переводъ его Діалоговъ Пантеонъ за 1888 г.; ibid. Соколова пер. нѣсколькихъ стихотвореній. Вѣстн. Евр. 1871 № 10 Плещеева перев. 4-хъ стихотв. ibid. № 11. „Къ Италіи" пер. Буренина (одно изъ лучшихъ и характернѣйшихъ произведеній Л.). Ibid. 1874 г. № 11. La ginestra o il Fiore del deserto—„Цвѣтокъ пустыни" пер. Александра Орлова и пр.

скомъ обществѣ, что послѣдующія два десятилѣтія литература, не смотря на всѣ строгости цензуры, становится еще болѣе воинственно-либеральной, чѣмъ когда бы то ни было. Тюрьмы полны интеллигентными арестантами; но молодежь не запугана и глухо волнуется, да и зрѣлые люди не чувствуютъ себя въ силахъ укрощать и уговаривать ее. Почти вся поэзія носитъ тенденціозно-политическій характеръ, и романтизмъ остается господствующимъ направленіемъ только въ смыслѣ формы.

Самый крупный и оригинальный стихотворный талантъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, политическій сатирикъ Джусти, итальянскій Беранже, какъ его называли многіе. Онъ род. въ 1809 г. въ Тосканѣ въ довольно богатой и образованной семьѣ, учился въ Пистойѣ и Луккѣ, потомъ, по желанію отца, изучалъ юриспруденцію въ Пизѣ и, получивъ дипломъ доктора правъ, занялся адвокатской практикой во Флоренціи, но, не чувствуя къ ней расположенія, больше времени посвящалъ изученію латинскихъ поэтовъ и Данта. Въ 1835 г по Флоренціи, а потомъ и по всей Тосканѣ распространилась во множествѣ списковъ чрезвычайно остроумная и ядовитая сатира, по поводу смерти императора Франца, подъ названіемъ: «il Dies irae», которую, конечно, ни за что не пропустила бы тосканская цензура. Въ слѣдующемъ году такимъ же образомъ распространяется сатира «Сапогъ» (il Stivale), гдѣ сапогъ—Италія жалуется на то, что постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ одного мошенника къ другому *). «Здѣсь я голубого цвѣта, продолжаетъ онъ: тамъ краснаго и бѣлаго, а тамъ желтаго и чернаго. Настоящій арлекинъ!» А онъ желаетъ быть изъ одного куска и одного цвѣта (tutto d'un pezzo e tutto d'un colore). «Сапогъ» читали и твердили наизусть далеко за предѣлами Тосканы; народное нарѣчіе, на которомъ написана сатира, нисколько не препятствовало ея популярности; напротивъ, придавало ей, такъ сказать, особую терпкость. За «Сапогомъ» скоро послѣдовалъ рядъ другихъ произведеній, очевидно, одного и того же пера, и между прочимъ въ 1839 г. сатира, написанная съ поразительной силой: «Пожалованіе орденомъ» *). Скоро всѣ узнали, что авторъ—молодой флорентійскій адвокатъ Джусти, который и сталъ самымъ популярнымъ поэтомъ Италіи, хотя и не рѣшался печататься; безъ его воли и согласія и, конечно, безъ цензуры (подъ именемъ Anonimo toscano или Poesie d'un italiano) выходили отъ времени до времени неполныя и испорченныя коллекціи его сатиръ; многія изъ нихъ были въ формѣ пѣсенокъ съ припѣвами, вслѣдствіе чего Джусти и сравниваютъ

*) Come io passai di ladro in ladro.

*) La Vestizione. Содержаніе ея: видѣніе разбогатѣвшаго ростовщика Боцери въ храмѣ, куда онъ явился, чтобы быть облеченнымъ въ санъ рыцаря св. Стефана.

Беранже. Дѣйствительно, между этими поэтами есть значительное сходство: они одинаково искусно владѣютъ формой національной пѣсни и свѣжестью народнаго чувства, и стихъ ихъ отличается одинаковой пластичностью и силою; но есть между ними и большое различіе, прежде всего по различію положенія ихъ національностей: Беранже — сынъ великой передовой державы; Джусти — сынъ раздробленной и униженной Италіи; первый добродушно смѣется тамъ, гдѣ второй негодуетъ и злится. Джусти самъ говоритъ, что его мысль возбуждаетъ «то, что имѣетъ видъ смѣха, а на самомъ дѣлѣ есть скорбь» *); у него больше экстаза, раздраженія и больше злого юмора; у него совсѣмъ нѣтъ мудрой, немного эгоистичной, практической философіи, которой дышатъ пѣсни Беранже, и онъ рѣшительно не имѣетъ политической программы; въ одномъ только увѣренъ онъ, что жить такъ, какъ жила тогда Италія, нѣтъ возможности. Ихъ натуры тоже различны: Джусти нравственно больной человѣкъ, глубоко несчастный вслѣдствіе неудачной любви, то безумно рѣшительный, то робкій, какъ слабонервная женщина; по ѣдкому выраженію Гверацци, это Самсонъ, разрушающій колонны, но боящійся штукатурки, которая можетъ обвалиться при этомъ. При всей своей популярности, Джусти имѣлъ очень мало друзей и огромное количество враговъ: либералы обвиняли его въ реакціонерствѣ; консерваторы—въ стремленіи къ анархіи; но читали его всѣ, и слово его пользовалось большимъ значеніемъ. Онъ воспитывалъ политическую мысль итальянцевъ, отучая ихъ отъ фразы и театральности. Онъ бранилъ князей и ультрамонтановъ, но не щадилъ и буржуазіи; онъ жестоко преслѣдовалъ слугъ деспотизма, но сильно доставалось отъ него и фразерамъ: либераламъ и даже карбонаріямъ. Какъ всякій истинный сатирикъ, онъ исходилъ изъ того, что занимало людей въ данную минуту, но поднимался до общечеловѣческаго; къ сожалѣнію, по особенностямъ языка и стихосложенія, онъ страшно труденъ для перевода, и уже теперь большинство его пьесъ нуждаются въ историческомъ комментаріи **).

---

*) In quanta guerra di pensier mi pone
Questo che par sorriso ed è dolore.

**) Чтобы дать понятіе о звучности его стиха, приводимъ начало его пѣсни на конгрессъ ученыхъ въ 1839 г.

Di si nobile congresso
Si rallegra con se stesso
Tutto l'uman genere.
Tra i potenti della penna
Non si tratta come a Vienna
D'allottare i popoli и т. д.

(т.-е. весь человѣческій родъ радуется этому благородному съѣзду. Между властителями пера дѣло идетъ не объ розыгрышѣ народовъ, какъ это было въ Вѣнѣ).

Въ 42 г. съ Джусти случилось несчастіе: его укусила бѣшеная кошка, и страхъ (какъ оказалось, неосновательный), передъ ужасной болѣзнью, разстроилъ его и безъ того слабое здоровье. Насилу оправившись, онъ въ 1845 г., въ первый разъ самъ издалъ свои Versi; за этимъ изданіемъ (чрезвычайно рѣдкимъ) послѣдовало множество другихъ. Въ 1848 г., когда и Тосканѣ дана была конституція, онъ написалъ Леопольду II глубоко-прочувствованное стихотвореніе, полное надеждъ. Онъ былъ выбранъ въ первый тосканскій парламентъ, но скоро разошелся съ демагогами, которые обвиняли его чуть не въ государственной измѣнѣ. Онъ ум. въ 1850 г. отъ чахотки, ускоренной затемнѣніемъ политическаго горизонта. Отъ Джусти, кромѣ стиховъ, осталось очень цѣнное собраніе тосканскихъ пословицъ, изслѣдованіе о жизни и трудахъ Парини и нѣсколько дѣльныхъ статей о Дантѣ, котораго онъ зналъ превосходно *).

Во многихъ отношеніяхъ ему представляетъ противуположность Алеардо графъ Алеарди; онъ род. въ Веронѣ въ 1814 г., учился въ Падуанскомъ университетѣ и еще въ ранней юности былъ преслѣдуемъ за карбонаризмъ; въ его стихотвореніяхъ австрійская цензура видѣла опасные намеки, и даже то немногое, что пропускалось въ печать, потомъ уничтожалось полиціей. Въ 1848 г. Алеардо работаетъ подъ руководствомъ Манина въ Венеціи, за что потомъ попадаетъ въ мантуанскую тюрьму. Въ 1859 г. онъ снова долженъ попасть въ тюрьму, но уѣзжаетъ въ Миланъ, дѣлается членомъ парламента и крупнымъ политическимъ дѣятелемъ. Послѣ 1862 г. онъ оставилъ поэзію, былъ профессоромъ эстетики и сенаторомъ; ум. въ 1878 г.

Алеардо—чистый лирикъ по своей натурѣ и лирикъ, конечно, тенденціозный (его циклическую поэму: Prime Storie 1846 г. даже его поклонники признаютъ неудачной); способъ его выраженія—риторика и паѳосъ, достойные временъ Альфіери; въ его описательныхъ поэмахъ итальянца поражаетъ богатство красокъ, но иностранцу онѣ кажутся напыщенными и лишенными психологической глубины. Такъ какъ его Пѣсни **) прославляютъ Гарибальди и другихъ героевъ итальянскаго дѣла и мѣшаютъ съ грязью Пія IX и другихъ «измѣн-

*) Главный матеріалъ для его біографіи — собраніе его писемъ (Epistolario). Въ 1850 г. (VIII) въ Revue d. d. M. о немъ появилась статья Густава Планша, холодная и несочувственная; она вызвала горячій отвѣтъ маркиза Каппони, который перепечатывается въ собраніи произведеній Джусти (Le Monnier 1852 и др.). Извѣстный поэтъ Paul Heyse издалъ (Berl. 1875) почти полный нѣмецкій переводъ его сатиръ. См. о немъ Susan Horner: The toscan poet Guiseppe Guisti and his times 1864, и Fioretta G. G. e il suo tempo. Verona 1877. По-русски: Вѣстн. Евр. 1882 № 10: Дж. Джусти, Очеркъ жизни и произведеній.

**) Canti; 1-ое изд. во Флоренціи въ 1862 г., 6-ое тамъ же въ 1882.

никовъ», онѣ и до сихъ поръ пользуются большимъ успѣхомъ; главное их достоинство—чистота формы *).

Итальянскіе романисты этой эпохи всѣ поголовно подражаютъ Манцони; двое изъ нихъ Азеліо и Гверацци пріобрѣтаютъ извѣстность и за предѣлами Италіи. Massimo Taparelli маркизъ d'Азеліо (Azeglio) род. въ 1798 г. въ Туринѣ, уже 14 лѣтъ отъ роду былъ отлученъ отъ церкви за то, что выбросилъ за дверь своего учителя-священника; служилъ въ военной службѣ, потомъ въ Римѣ занимался живописью и горячо интересовался политикой. Послѣ смерти своего отца онъ переѣхалъ въ Миланъ, сблизился съ Манцони и женился на его дочери. Частые разговоры съ первымъ итальянскимъ романистомъ пробудили и его дремлющій талантъ, и въ 1833 г. вышелъ его первый романъ, имѣвшій большой успѣхъ: Ettore Fieramosca **), въ которомъ, кромѣ сильнаго вліянія Манцони, легко замѣтить подражаніе В. Скотту съ одной стороны и Notre Dame de Paris съ другой; но грустный тонъ и простота концепціи, напоминающая лучшія итальянскія хроники, выгодно отличаютъ его и отъ Скотта и отъ Гюго. Слѣдующій его романъ Nicolo de Lapi вышелъ въ 1841 г.; въ обоихъ этихъ романахъ болѣе самостоятельности, субъективности и энергіи, чѣмъ въ «Обрученныхъ»; оба они представляютъ характерную и отрадную противоположность пошлому оптимизму французской индустріальной школы, произведенія которой съ жадностью читались въ то время и въ Италіи.

Скоро Азеліо оставилъ литературу для политики; онъ одинъ изъ первыхъ сознал, что Италія можетъ быть спасена только съ крайняго сѣвера и былъ энергичнымъ и искуснымъ посредникомъ между національной партіей и королемъ Карломъ Альбертомъ. Въ 1848 г. онъ храбро сражался въ рядахъ пьемонтскаго, потомъ итальянскаго ополченія и былъ тяжело раненъ при Виченцѣ, а его знаменитая брошюрка: Послѣднія происшествія въ Романьѣ сильно повліяла на правительство и народъ. Въ 1849 г. онъ сталъ членомъ сардинскаго парламента и послѣ отреченія Карла Альберта составилъ первое министерство Виктора Эммануила; позднѣе онъ былъ губернаторомъ въ Романьѣ и Миланѣ и сенаторомъ; когда онъ ум., въ 1866 г., туринскій муниципалитетъ приглашалъ всѣхъ итальянцевъ соединиться, «чтобы воздвигнуть монументъ великому гражданину» ***).

*) Poesie complete. Lausanne. 1863 г. О немъ см. Daneo: Aleardo Aleardi. Genua 1879. Его Epistolario изд. G. Trezza въ 1879 г.

**) „Гекторъ Фьерамоске или Барретскій поединокъ". Библ. для Чт. 1847 г. №№ 1, 2, 3, 5 и 6.

***) Его интересныя воспоминанія переведены на франц. въ 1877 г. (M. d'Azeglio: Mes Souvenirs, trad. sur la 6-me éd. par M-lle H. Douesnel. 1877. Paris). Scritti politici e lettere rari вышли во Флоренціи 1872 г. По-русски о немъ см. Совр. 1863 г. т. VI.

Доменико Гверацци род. въ 1804 г. въ Ливорно; рано потерялъ онъ мать и рано пристрастился къ ученію; уже поступая въ школу, онъ хорошо зналъ языки французскій, нѣмецкій и англійскій. Онъ закончилъ свое образованіе въ Пизанскомъ университетѣ юристомъ и занялся въ Ливорно адвокатской практикой, но въ то же время сдѣлался сотрудникомъ журнала Мадзини и читалъ публичныя лекціи по исторіи. Хоть онъ не принадлежалъ къ крайней партіи, но, какъ видный дѣятель, попалъ въ ссылку на островъ Эльбу. По возвращеніи оттуда, онъ переѣхалъ во Флоренцію, гдѣ сблизился съ Джусти и Леопарди.

Въ 1828 г., вышелъ его первый романъ: «Битва при Беневентѣ» (Battaglia di Benevento); второй романъ: «Осада Флоренціи» написанъ имъ въ крѣпости, на островѣ Эльбѣ и посвященъ Мадзини; авторъ самъ называетъ его «генеральнымъ сраженіемъ врагамъ Италіи», и предисловіе обращаетъ къ итальянской молодежи. Само собою разумѣется, что отъ такого произведенія нельзя ожидать объективности и высокой художественности, но въ немъ много движенія и чувства, хотя послѣднее освѣщаетъ не то время, когда происходитъ дѣйствіе, а современное состояніе Италіи. Около того же времени Гверацци написалъ нѣсколько драмъ, изъ которыхъ самая извѣстная: «Бѣлые и Черные» (I bianchi ed i neri 1847 г.), которая также пользуется историческимъ сюжетомъ для проведенія политической тенденціи. Во время революціи 1848 г. Гверацци былъ министромъ и даже регентомъ тосканской республики, за что потомъ протомился нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ; тамъ написалъ онъ свой романъ: «Беатриче Ченчи», переполненный всевозможными ужасами, но написанный живо и съ глубокимъ чувствомъ *). Освобожденный изъ заключенія, Гверацци былъ изгнанъ въ Корсику, откуда вернулся въ отечество только въ 1859 г. Ожидали, что онъ, какъ горячій патріотъ и мученикъ свободы, будетъ играть видную роль, но вышло иначе: Гверацци вынесъ изъ ссылки большую нетерпимость и раздражительность и не могъ ужиться съ новой буржуазной Италіей, какъ и она не могла ужиться съ нимъ. Въ послѣдніе годы жизни, Гверацци написалъ много романовъ и драмъ исключительно изъ-за денегъ. Онъ ум. 1873 г. Гверацци имѣлъ важное значеніе, какъ посредникъ между общеевропейскою и итальянскою поэзіей: онъ подчинялся не только вліянію Скотта и Гюго, но также и Байрона и Гейне **).

Такой же переходъ отъ романтической поэзіи къ политической

*) Переведенъ въ Соврем. за 1863 г. №№ 1 и 2.

**) Матеріаломъ для его біографіи можетъ служить его: Apologia della vita politica di Guerazzi. Fir. 1851. По-русски о немъ см. двѣ статьи Леона Бранди. Совр. 1864 №№ 5 и 10.

замѣчается и въ эпосѣ и лирикѣ; и здѣсь дѣятелями являются ученики Манцони, идущіе дальше своего учителя; наиболѣе извѣстны изъ нихъ Беркетъ и Гросси; къ слѣдующему поколѣнію принадлежитъ Прати.

Джіованни Беркетъ (Berchet) происходилъ изъ французской фамиліи, которая переселилась въ Ломбардію въ первой половинѣ XVIII в. Онъ род. въ 1783 г. въ Миланѣ въ купеческой семьѣ; рано выучился языкамъ для торговыхъ цѣлей, но рано почувствовалъ склонность къ новой поэзіи и перевелъ Ленору и другія баллады Бюргера; потомъ онъ участвовалъ въ редакціи «Conciliatore», гдѣ напечаталъ статью (Lettera semiseria и пр.), служившую манифестомъ новой школы, подвергся подозрѣнію въ революціонныхъ замыслахъ вмѣстѣ съ Сильвіо Пеликко, но успѣлъ бѣжать заблаговременно; онъ путешествовалъ по Франціи, Бельгіи и Англіи, гдѣ долго служилъ бухгалтеромъ, потомъ сопровождалъ богатаго маркиза Аркомати (тоже изгнанника) въ странствованіяхъ по Германіи и Греціи и, получивъ амнистію, вернулся на родину послѣ 27-лѣтняго отсутствія. Въ 1848 г. онъ былъ въ Миланѣ министромъ просвѣщенія; ум. въ Туринѣ въ 1851 году.

Лучшая его поэма: «Бѣглецы Парги» (Profughi di Parga) имѣетъ сюжетомъ эпизодъ изъ греческаго возстанія 1819 г.; въ его лирическихъ и полу-лирическихъ стихотвореніяхъ много искренности, оригинальности и силы; общая тема ихъ—печаль по поводу рабства Италіи, но вмѣсѣ съ тѣмъ и надежда на скорое освобожденіе. Беркетъ, какъ и другіе патріоты новаго поколѣнія, не ненавидитъ утѣснителей своей родины, а скорѣе жалѣетъ ихъ, считая ихъ рабами ложной системы *)

Беркетъ также не мало способствовалъ расширенію литературнаго кругозора итальянцевъ; кромѣ Бюргера, онъ переводилъ и Телемака, и Шиллерова Духовидца, и Векфильдскаго священника; а по возвращеніи изъ изгнанія, въ своихъ очень вліятельныхъ статьяхъ, онъ знакомилъ соотечественниковъ, такъ сказать, съ послѣднимъ словомъ европейской поэзіи **).

Томасо Гросси род. въ 1791 г. близъ озера Комо; онъ учился

*) Въ его лирической поэмѣ „Угрызеніе" (Rimorso) изображается ужасная судьба итальянки, вышедшей замужъ за австрійскаго офицера. Она не виновата въ томъ, что полюбила врага своей родины; да и мужъ ея лично ни въ чемъ не виновенъ; тѣмъ не менѣе она живетъ какъ мученица: общество соотечественниковъ постоянно даетъ ей понять, что она измѣнила родинѣ; она вездѣ чужая и даже предметъ отвращенія.

Въ другой поэмѣ (Giulia) онъ изображаетъ положеніе матери, у которой два сына въ военной службѣ: одинъ въ австрійской, другой на итальянской.

**) Его Poesie italiane вышли въ 1848 г. Лучшее изданіе F. Cusani (Milano) 1863. О немъ см. Bersezio: Il regno di Vittorio Em. II. Tur. 1878—81. III Т. 179—184.

у своего дяди священника, къ которому очень привязался, потомъ готовился къ духовной карьерѣ; но, не чувствуя въ себѣ къ ней призванія, поступилъ на юридическій факультетъ въ Павіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1810 г. Онъ поселился въ Миланѣ и занимался адвокатурой; тамъ сблизился онъ съ Манцони, съ которымъ его соединяла не только любовь къ литературѣ, но и искреннее благочестіе; по опредѣленію Манцони, это былъ нѣжный и серьезный поэтъ, писавшій подъ вліяніемъ сердца. Тѣмъ не менѣе, положеніе родины и его заставило писать сатиры и патріотическія стихотворенія, вслѣдствіе чего ему скоро пришлось познакомиться съ тюрьмой. Подъ вліяніемъ поэта Карла Порта и по примѣру Джусти, онъ пользовался для своей лирики мѣстнымъ (ломбардскимъ) діалектомъ. Первая его крупная вещь была поэма «Ильдегонда» (Ildegonda 1820 г.), написанная октавами и изображающая трогательную исторію изъ временъ Фридриха II; въ ней авторъ пытался соединить классическую манеру съ романтической. Самая обширная его поэма—«Ломбардцы въ первомъ крестовомъ походѣ» (I lombardi alla prima crociata 1826 г.), состоящая изъ 15 пѣсенъ и написанная въ очевидное подражаніе Тассо. Большой извѣстностью пользовался его довольно обширный историческій романъ: «Марко Висконти» **) (1834 г.), для котораго образцемъ служили тѣ же «Обрученные» Манцони; въ 26-й главѣ его помѣщенъ сантиментальный романсъ «Rondinella pelegrina» (Залетная ласточка), который сдѣлался въ Италіи народной пѣснью и переведенъ почти на всѣ языки.

Въ 1838 г. Гросси женился и навсегда отказался, какъ добрый отецъ семейства, отъ опаснаго въ то время литературнаго поприща; онъ занялъ скромное мѣсто нотаріуса; но въ 1848 г. онъ снова выступилъ, какъ поэтъ, и въ звучныхъ стихахъ прославлялъ освобожденіе отечества. Послѣ возстановленія австрійской власти, онъ снова вернулся къ своей конторѣ, ум. въ Миланѣ въ 1853 г. На памятникѣ, который воздвигла ему Брерская академія, онъ изображенъ въ мечтательной позѣ поэта, но съ нотаріальнымъ актомъ въ рукахъ **).

Джіованни Прати род. въ 1815 г. близъ Трента, учился на юридическомъ факультетѣ въ Падуѣ, и еще студентомъ, началъ писать стихи; 25 л. онъ написалъ поэму: «Эрменгарда» (1841 г.), къ которой, какъ и ко многимъ послѣдующимъ, его вдохновилъ Байронъ; но байронизмъ у него всегда умѣряется элементомъ трогательнаго.

---

*) Переведенъ на франц., нѣмецкій и англійскій.

**) Удачную его характеристику см. у G. Mestica Manuale della litteratura taliana nel sec. XIX Fir. 1885 II, 1, стр. 238 и слѣд. См. о Гросси Cantu: Vita ed opere di T. Grossi Mil. 1854. Въ 1862 г. Curti издалъ собраніе его сочиненій въ 2-хъ томахъ.

Прати писалъ пѣсни для народа, баллады и лирическія стихотворенія всевозможныхъ видовъ. Въ 1843 г. онъ переселился въ Туринъ и сдѣлался, такъ сказать, Тиртеемъ Карла Альберта, который охотно прислушивался къ его голосу; своими воодушевленными стихотвореніями Прати поощрилъ его взяться за оружіе, воспѣвалъ его первыя удачи и послѣдующія бѣдствія; а впослѣдствіи, въ 1859 г., снова явился выразителемъ мнѣній той партіи итальянскихъ патріотовъ, которые всю надежду возлагали на Сардинію. Съ 1860 г. онъ участвуетъ въ славѣ, доставшейся на долю этой партіи, дѣлается членомъ совѣта министерства и королевскимъ поэтомъ (poeta cesareo), вмѣстѣ съ правительствомъ переѣзжаетъ во Флоренцію, а потомъ въ Римъ. Онъ ум. въ 1884 г.

Самое задушевное и зрѣлое его произведеніе, поэма «Армандо» (Armando 1868), нѣчто въ родѣ итальянскаго Фауста, есть результатъ его усердныхъ занятій нѣмецкой литературой и философіей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже принужденъ бороться съ крайностями итальянскаго реализма и съ такъ-называемыми веристами *).

Въ эпоху борьбы за освобожденіе въ Италіи является масса поэтовъ, преисполненныхъ искренняго и горячаго патріотизма, но въ силу самаго единства чувства, ихъ воодушевляющаго, однообразныхъ по манерѣ и по содержанію; почти всѣ они очень хорошіе люди, но значеніе ихъ не переходитъ за ихъ эпоху. Многіе изъ нихъ, въ ожиданіи надлежащаго момента для дѣйствія, усердно и не безъ успѣха занимались исторіей родины и другихъ странъ, и даже въ ученыхъ трудахъ съумѣли проявить публицистическій талантъ.

Самый извѣстный, плодовитый и вліятельный изъ такихъ поэтовъ-историковъ, безъ сомнѣнія, Чезаре Канту (Cantu); онъ род. въ 1804 г. близъ Милана и уже въ 17 лѣтъ отъ роду былъ учителемъ. Во время революціи 1830 г. онъ подготовилъ свои „Разсужденія о ломбардской исторіи XVII вѣка“ **), за которыя австрійскій судъ приговорилъ его къ годичному тюремному заключенію. Изъ тюрьмы онъ вышелъ съ историческимъ романомъ „Margherisa Pusterla“ и массой патріотическихъ одъ. Самый большой трудъ его—Всеобщая исторія (1838—47), не смотря на свою обширность переведенная на многіе языки ***) и до сихъ поръ сильно распространенная въ Италіи. Канту писалъ почти во всѣхъ родахъ и видахъ (его „книгъ“ считаютъ свыше 250) и почти всегда имѣлъ успѣхъ ****).

Въ этотъ періодъ большимъ значеніемъ пользуются историческій романъ и драма, тоже преимущественно историческая; первый зани-

---

*) О Прати см. статью Marchese въ Rev. d. d. M. 1856 г. 15 марта и монографіи De Gubernatis. Его Opere edile ed inedite. Firenze, 1862—1865, 5 томовъ.

**) Ragionamenti sulla storia lombarda nel XVII secolo.

***) На франц. два раза: 1843—8 г. въ 19 томахъ и въ 1857—9 г. въ 20 томахъ.

****) О немъ см. въ Correspondant статью Gaillard'a: C. Cantù, historien italien, sa vie et ses oeuvres 25 янв. 1857.

маетъ досугъ гражданъ дома, заставляя ихъ задумываться надъ несчастіями ихъ отечества и возбуждая въ нихъ стремленіе къ объединенію Италіи; вторая—горячими монологами дѣйствуетъ на зрительную залу. Цензура смотритъ, что называется, въ оба глаза, въ особенности за драматургами, но послѣдніе такъ изловчились, что при всей ихъ тенденціозности нѣтъ возможности придраться къ нимъ. Общій тонъ этихъ драмъ—печальный, трагическій, но не безотрадный: тираннія и несправедливость часто оказываются побѣдоносными; но угнетенные гибнутъ съ такимъ достоинствомъ, проявляютъ такую горячую вѣру въ святость своего дѣла, что зритель выходитъ изъ театра утѣшеннымъ.

Наиболѣе извѣстны изъ драматурговъ этого періода знаменитый юристъ Монтанелли (1813—1862) и его сверстникъ Giuseppe Revere; значительно меньше тенденціозенъ даровитый и плодовитый драматуръ Паоло Джакометти (род. 1816 г., ум. 1882 г.), одна изъ пьесъ котораго „La morte civile" переведена на русскій А. Н. Островскимъ подъ названіемъ „Семья преступника" и, благодаря своей сценичности, до сихъ поръ пользуется большимъ успѣхомъ. Сценичность и чувство мѣры составляютъ почти неотъемлемое достоинство всѣхъ болѣе удачныхъ итальянскихъ пьесъ, даже и крайне тенденціозныхъ.

Изъ школы Манцони вышелъ и самый вліятельный критикъ, историкъ литературы и публицистъ Италіи Ник. Томасео (Nicolo Tommaseo). Онъ род. въ 1803 г. въ Далмаціи и по происхожденію былъ славяниномъ (настоящее его имя — Николай Томашичъ); онъ учился юриспруденціи въ Падуѣ, потомъ жилъ во Флоренціи и участвовалъ въ журналѣ Antologia, который былъ запрещенъ за его же статью противъ Австріи; послѣ 1833 г. онъ былъ принужденъ покинуть отечество и жилъ сперва во Флоренціи, потомъ на о. Корсикѣ; за это время онъ составилъ свой комментарій къ Данту (изд. въ 3-хъ томахъ въ Венеціи въ 1837 г.) *) и собраніе тосканскихъ, корсиканскихъ и пр. народныхъ пѣсенъ **). Потомъ онъ переселяется въ Венецію и съ середины 40-хъ годовъ является однимъ изъ главарей національной партіи. Въ началѣ 1848 г. онъ былъ посаженъ въ тюрьму, но скоро освобожденъ изъ нея народомъ; во время революціи онъ игралъ видную роль, былъ посланъ во Францію просить помощи, въ 1849 г. бѣжалъ въ Корфу, вернулся оттуда въ 1864 г. почти ослѣпшимъ и поселился сперва въ Туринѣ, потомъ во Флоренціи, гдѣ и умеръ въ 1874 г.

Томасео больше всего извѣстенъ, какъ издатель памятниковъ итальянской литературы и знатокъ языка ***); но не лишены исто-

*) 4-ое изд. въ Миланѣ 1869 г.

**) Canti popolari toscani, corsi, illirici, greci 27 сент. 1843 г.

***) Его Dizionario dei sinonimi della lingua italiana (1832 г.) въ 1867 г. былъ переиздан уже въ 5-й разъ. Его большой словарь итальянскаго языка, составленный имъ вмѣстѣ съ Беллини, былъ оконченъ печатаніемъ черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти.

рико-литературнаго значенія два его романа: «Герцогъ Аѳинскій» (Il duca d'Atene 1836 г.) и «Вѣра и красота» (Fede e Bellezza 1852), выдѣляющіеся изъ массы тонкостью своей психологіи; содержаніе второго взято изъ современной жизни.

Современный или семейный романъ съ успѣхомъ культивировалъ въ этотъ періодъ миланецъ Джуліо Каркано; онъ родился въ 1812 г. въ патриціанской фамиліи, былъ юристомъ въ Павіи, потомъ жилъ въ Миланѣ и, хотя до тѣхъ поръ держался въ сторонѣ отъ политики, принялъ участіе въ революціи 1848 г., въ 1849 г. бѣжалъ въ Швейцарію, возвратился, получивъ амнистію, въ 1859 г. былъ сдѣланъ профессоромъ и секретаремъ академіи искусствъ, а впослѣдствіи и сенаторомъ. Онъ умеръ въ 1884 г.

Его поэма въ 5-ти пѣсняхъ, написанная октавами: Ida della Torre (1834 г.), всецѣло принадлежитъ школѣ Манцони. Большой успѣхъ имѣлъ его романъ: «Анджола Марія, домашняя исторія» (Angiola Maria, storia domestica), немного монотонный, но очень трогательный и съ тонкимъ психологическимъ анализомъ; за этотъ романъ его прозвали итальянскимъ Гольдсмитомъ. Тотъ же Каркано былъ и основателемъ жанровой повѣсти, которая у него и лучшихъ его послѣдователей является однимъ изъ наиболѣе отрадныхъ продуктовъ итальянской поэзіи; она не такъ наивна, какъ деревенская повѣсть нѣмецкая, не такъ искусственна, какъ французская, и не такъ пропитана скучной моралью, какъ англійская; но всегда дышитъ истиной и своеобразной прелестью, которую придаетъ ей сама итальянская жизнь *). Одинъ изъ послѣднихъ романовъ Каркано: Gabrio e Camilla (1874 г.) изображаетъ событія освобожденія Италіи. Каркано хорошій знатокъ Шекспира и усердный его переводчикъ **), но собственныя его драмы слабы.

Въ теченіе 9 лѣтъ Италія добилась того, о чемъ лучшіе ея люди мечтали уже нѣсколько столѣтій и за что они несли на плаху свои головы—объединенія и свободы. Само собою разумѣется, что это досталось не легко, что народъ долженъ былъ потратить на это столько силъ, что за этимъ напряженіемъ необходимо должно было послѣдовать нѣкоторое истощеніе и паденіе энергіи, и это переходное состояніе еще до сихъ поръ не вполнѣ пережито итальянцами. Но, съ другой стороны. достиженіе завѣтной цѣли придало итальянскому обществу небывалую бодрость и самоувѣренность, что̀ не могло не отразиться выгодно какъ на политической и экономической, такъ и на

*) Сборники его повѣстей: Racconti semplici 1843, Racconti compagnuoli 1869, Racconti popolari 1871 г.

**) Его переводъ вышелъ въ 12 томахъ 1875—1882. О немъ см. Prina: G. Carcano. Firenze. 1884.

умственной его жизни. Въ свободномъ государствѣ не только явилась «свободная церковь», но и свободная наука и свободная литература; онѣ полны энергіи и надеждъ. Но въ 20 лѣтъ эти надежды, конечно, далеко не успѣли осуществиться. Итальянская литература носитъ нѣсколько неустойчивый и бурный характеръ; въ ней какъ будто все въ хаосѣ: прошлое, пережитое сказывается еще слишкомъ сильно, а новое еще не сложилось; съ одной стороны, торопясь догнать другихъ, она готова поддаваться почти безъ критики вліянію сосѣдей, развитіе которыхъ не было задержано политическими причинами; съ другой, преисполнена національной гордости, стремится къ полной независимости и относится къ своимъ продуктамъ съ самоувѣренностью, пока еще мало оправдываемой фактами. Элегическій паѳосъ, которымъ жила до сихъ поръ итальянская поэзія, теперь уже неумѣстенъ, но настоящее поколѣніе такъ привыкло къ нему, что для многихъ это единственный способъ выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Горькая сатира, которая въ прежнее время была могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ врагами націи, продолжаетъ жить и теперь, и направляетъ свое жало на собственныя политическія партіи. Значительное большинство выдающихся, какъ политическихъ, такъ и литературныхъ дѣятелей 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ молодости дрались, кто въ войскахъ короля, кто у Гарибальди, и теперь остаются такими же бойцами, воюютъ другъ съ другомъ и съ собственнымъ правительствомъ, кричатъ, проклинаютъ и взываютъ къ мщенію тамъ, гдѣ часто можно бы уладить дѣло совершенно мирнымъ путемъ.

Господствующія направленія въ итальянской литературѣ тѣже, что и въ другихъ странахъ, т.-е. реализмъ и народность. Современный романъ нравовъ, комедія нравовъ и драма, разрѣшающая путаницу соціальныхъ или семейныхъ отношеній, деревенскія повѣсти, часто написанныя на діалектѣ или по крайней мѣрѣ въ точности воспроизводящія діалектъ въ разговорахъ, романсъ, являющійся подражаніемъ народной пѣсни, вотъ главные въ смыслѣ популярности виды современной итальянской литературы.

Изъ драматурговъ уже съ конца 50-хъ годовъ едвали не первую роль играетъ Паоло Феррари; онъ род. въ Моденѣ въ 1822 г.; учился юриспруденціи, но съ 25 лѣтъ посвятилъ себя главнымъ образомъ комедіи; уже первое его произведеніе „Bartolomeo Calzolajo“ имѣло выдающійся успѣхъ; съ тѣхъ поръ какъ его „Goldoni a le sue sedici comedie“ обошло всѣ итальянскія сцены, появленіе всякаго новаго его произведенія есть цѣлое событіе; „Goldoni“ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія его пьесы, принадлежатъ къ тому же виду исторической комедіи, который во Франціи культивировалъ Скрибъ, а въ Германіи Гуцковъ.

Между романистами реальной школы одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Витторіо Берсезіо; онъ род. въ Пьемонтѣ въ 1830 г., учился въ Туринѣ юриспруденціи и уже 18 лѣтъ отъ роду воевалъ съ австрійцами. Первый сборникъ его новеллъ: „Il novelliere contemporaneo“ (Туринъ 1856 г.) съ большимъ оду-

шевленіемъ и теплотою воспроизводитъ картинки изъ пьемонтской жизни *). Самый извѣстный его романъ—„Ангелы земли“ (Gli Angeli della terra, Milano 1879 г.) —едва ли не лучшее произведеніе итальянскаго реализма; въ его „Политическихъ разсказахъ“ воспроизводится цѣлый рядъ живыхъ типовъ; но и у него есть „герои“, которыхъ онъ раскрашиваетъ рѣдкими, почти небывалыми добродѣтелями.

Болѣе оригинальное явленіе представляетъ школа такъ-наз. веристовъ, которые убѣждены, что поэзія должна представлять нѣчто особенное отъ жизни, хотя при непремѣнномъ условіи вѣрности ей. Съ ихъ точки зрѣнія жизнь, чтобы стать поэзіей, должна пройти черезъ фантазію и чувство художника; въ этомъ, конечно, съ ними согласится всякій; но не всякій согласится съ ихъ представленіемъ о томъ, кто истинный художникъ. Для нихъ поэзія есть прежде всего проявленіе неукротимой духовной и умственной силы и безусловнаго субъективизма. Они стремятся обратить поэтическій языкъ въ прозу, мѣшаютъ возвышенное съ тривіальнымъ, стараются опоэтизировать животную сторону человѣка, слить искусство съ наукой и освободить своихъ согражданъ отъ уваженія ко всякому «старому тряпью», въ кучу котораго иные изъ нихъ готовы бросить и «Божественную комедію».

Самый извѣстный изъ нихъ Джозуэ Кардучи, поэтъ несомнѣнно очень талантливый, но губящій по крайней мѣрѣ половину своего таланта, вслѣдствіе стремленія быть до-нельзя оригинальнымъ и свободомыслящимъ. Онъ род. въ 1836 г. въ пизанской области, былъ сынъ врача, который могъ учить его только урывками; онъ съ дѣтства возненавидѣлъ Манцони, какъ любимаго автора своего отца; воспитывался онъ въ пизанскомъ университетѣ, рано выступилъ съ лирическими стихотвореніями **), въ которыхъ является послѣдователемъ Леопарди, хотя и не раздѣляетъ его пессимистическихъ воззрѣній; другой его образецъ—Горацій, котораго онъ предпочитаетъ всѣмъ романтикамъ, вмѣстѣ взятымъ, но котораго старается превзойти содержательностью и идейностью своихъ стихотвореній.

Съ 1860 г. онъ состоитъ профессоромъ итальянской литературы въ Болоньѣ.

Въ 1863 г. вышелъ его «Гимнъ къ сатанѣ» (Inno a Satana), который онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ Энотріо Романо. Сатана для него есть отрицательный принципъ, который онъ считаетъ главной двигательной силой человѣческаго прогресса. Въ 1868 г. вышелъ сборникъ его стихотвореній «Levia gravia», въ 1873—«Новыя стихотворенія», а въ 1877 г. Odi barbare, и въ нихъ его направленіе опредѣлилось уже вполнѣ и безповоротно. Онъ радикалъ и даже от-

*) О немъ см. Отеч. Зап. 1863: „Пьемонтскіе разсказы и разскащики“. На франц. яз. ихъ перевелъ Améd. Roux 1859 г. Hachette.

**) Rime. 1857 г.

части циникъ, ненавистникъ всякой реторики; смѣхъ у него почти всегда переходитъ въ рѣзкую сатиру; онъ стремится, такъ сказать, расхолодить самодовольный энтузіазмъ своихъ согражданъ. Но, какъ итальянецъ, онъ не можетъ дойти до байроновскаго отрицанія; а въ минуты увлеченія не можетъ удержаться отъ стремленія къ музыкальности и красивой фразѣ. Его оды къ Гарибальди проникнуты сильно итальянской страстью и паѳосомъ *).

Въ области драмы веристомъ является Пьетро Косса (Cossa); онъ род. въ Римѣ въ 1834 г.; кончивъ ученье, участвовалъ въ борьбѣ за независимость; путешествовалъ по южной Америкѣ; вернувшись, получилъ мѣсто преподавателя итальянской литературы въ технической школѣ. Первая его трагедія «Марій и Кимвры» (1862 г.) не была поставлена на театрѣ, но имѣла успѣхъ въ чтеніи; за нею послѣдовало нѣсколько драмъ изъ жизни художниковъ: Пушкина (1869 г.), Сорделло, Бетховена. Огромный успѣхъ на театрѣ имѣла его трагикомедія «Неронъ артистъ» (Nerone artista 1871 г.), гдѣ характеръ главнаго дѣйствующаго лица обработанъ вполнѣ оригинально, съ замѣчательной психологической глубиной и ужасающей пессимистической правдивостью. За тѣмъ слѣдовалъ рядъ историческихъ драмъ, изъ которыхъ одна—трагедія «Мессалина» (1876 г.)—имѣетъ большой успѣхъ и на русской сценѣ **). Косса ум. въ 1881 г. Косса очень даровитый драматургъ, умѣющій держать зрителя въ постоянномъ напряженіи, волновать его неожиданностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть вѣрнымъ жизни и исторіи; онъ особенно заботится объ археологической вѣрности, которой и достигаетъ, благодаря эрудиціи и своему художественному прозрѣнію.

Археологическое направленіе господствуетъ на всѣхъ большихъ театрахъ Италіи такъ же, какъ этнографическое въ итальянской повѣсти; но и въ качествѣ археолога и этнографа итальянецъ все же остается художникомъ. Однимъ изъ характерныхъ примѣровъ этой жизненности эстетическаго инстинкта представляетъ Кавалотти (Cavallotti, род. въ 1842 г. въ Миланѣ), который написалъ своего «Алкивіада» (рядъ сценъ изъ древне-греческой жизни) для чтенія, но съумѣлъ сдѣлать его на столько живымъ, что онъ съ большимъ успѣхомъ идетъ и на театрѣ. Греческая «Народная библіотека» ***)

*) О немъ см. Заграничный Вѣст. 1882 № 1; также Вѣст. Евр. 1883 №№ 5 и 6 „Очерки новѣйшей итальянской поэзіи“ С. Г., гдѣ кромѣ того говорится и о Кавалотти, Рапизарди и мн. др. Для его біографіи см. Il primo passo. Note autobiographiche. Bologna 1882 г. Ср. о немъ Etienne въ R. d. d. M. 1874 1 іюня и Ed. Rod, Nouvelle Revue 15 марта 1889.

**) Переводъ Алексѣя Аксакова въ стихахъ.

***) Нѣчто въ родѣ нѣм. Reclam's Universal-Bibliothek, но только въ періодѣ начинанія.

перевела этого Алкивіада въ одной изъ первыхъ своихъ книжечекъ; но сѣверный читатель не можетъ не чувствовать и въ этой археологической пьесѣ значительной доли реторическаго паѳоса.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ беллетристовъ-этнографовъ, безъ сомнѣнія, Верга, изображающій нравы сицилійской деревни (род. въ Катоніи въ 1840 г.); онъ проникнутъ горячею любовью къ своему народу и умѣетъ рисовать его типы съ правдивостью и задушевностью; онъ не любитъ надрывать сердце читателя, а старается только трогать его. Онъ берется воспроизводить и жизнь большого свѣта, но дѣлаетъ это несравненно хуже. Одна изъ лучшихъ его повѣстей «Недда» (вышла въ 1874 г.) переведена на русскій языкъ *).

Нельзя не замѣтить въ современной итальянской литературѣ отраженія усерднаго изученія Данта; нерѣдко появляются въ ней видѣнія и аллегорическія поэмы, конечно, на современныя темы; такимъ образомъ, дидактическая поэзія, сданная въ архивъ въ другихъ странахъ, здѣсь еще существуетъ и повидимому имѣетъ будущность. Самый извѣстный изъ такихъ поэтовъ-мыслителей Марко Рапизарди (род. 1843 г.), авторъ поэмъ «Возрожденіе» (Palingenese 1868) и «Lucifero» (1877).

Изъ современныхъ писателей Италіи за ея предѣлами едва ли не популярнѣе всѣхъ другихъ чрезвычайно симпатичный романистъ Эдмондо де-Амичисъ; онъ родился въ 1846 г. близъ Генуи, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, былъ офицеромъ, сражался при Кустоццѣ, потомъ издавалъ военную газету. Въ 1869 г. онъ выпустилъ книжечку разсказовъ: «La vita militare. Bozzetti», которая сразу сдѣлала его однимъ изъ первыхъ писателей всего свѣта: столько въ ней правдивости и поэзіи вмѣстѣ. Де-Амичисъ — горячій оптимистъ, вслѣдствіе чего его дѣтскія книжки (напр. «Дневникъ школьника», пер. псевд. Крестовской) въ настоящее время справедливо считаются лучшими во всей Европѣ.

Почти также охотно переводятъ на всѣ языки романы его сверстника: пьемонтца Сальватора ля-Фарина (La Farina), который выдается замѣчательной глубиной и тонкостью психологическаго анализа; критика то называетъ его итальянскимъ Диккенсомъ, то приравниваетъ къ Эркману-Шатріану.

Успѣхъ Амичиса и Фарины предсказываетъ итальянской литературѣ свѣтлую будущность, достойную ея славнаго прошлаго **).

---

*) Вѣстн. Евр. 1887 г., № 1, пер. псевд. Крестовской. На франц. Ed. Rod перевелъ изъ него Les Malavoglia, moeurs siciliennes. 1887. Paris.

**) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ новѣйшей итальянской литературой см. книгу Amédée Roux: La littérature contemporaine en Italie 1873—1883 Paris 1883, которая служитъ продолженіемъ его же книги: Histoire de la littérature italienne sous

ГЛАВА VI.

Испанская и португальская литература въ XIX вѣкѣ.

Испанія, безспорно, самая несчастная страна Европы въ первыя три четверти XIX вѣка. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія этотъ когда-то первенствовавшій народъ былъ до крайности бѣденъ и невѣжественъ, до крайности угнетенъ дурнымъ правительствомъ и фанатизмомъ духовенства, и въ умственномъ отношеніи онъ настолько отсталъ отъ своихъ сосѣдей, что, какъ мы видѣли выше *), вѣкъ просвѣщенія почти не отразился на его духовной жизни.

Страшная революція, разыгравшаяся въ сосѣдней Франціи, не могла не отразиться на Испаніи; она привела въ ужасъ правительство, и инквизиція, исполнявшая между прочимъ и роль цензуры, издала обширное дополненіе къ индексу запрещенныхъ книгъ, въ который были внесены преимущественно книги «предвѣстниковъ революціи». Но, подъ вліяніемъ тѣхъ же событій, въ Испаніи образовалась либеральная партія дѣйствія, и гоненіе слабаго, близорукаго правительства Карла IV только увеличивало ея значеніе, не до такой однакожъ степени, чтобы она могла надѣяться на поддержку со стороны глубоконевѣжественнаго народа, который былъ всецѣло въ рукахъ монаховъ. Неожиданно ей помогли сами члены королевской фамиліи: началась борьба между отцомъ (Карломъ IV) и сыномъ (Фердинандомъ VII). Въ эту борьбу вмѣшался Наполеонъ и возложилъ испанскую корону на своего брата Жозефа. Тогда-то Испанія возстала изъ своего вѣкового сна и начала отчаянную, народную войну съ французами, въ которой побѣдитель Европы впервые испыталъ крупныя неудачи, но возмѣщенныя окончательной побѣдой. Либеральная партія съумѣла воспользоваться этой борьбой, стала во главѣ народа и въ 1812 г. провозгласила конституцію, которая должна была возродить Испанію къ новой жизни; масса пока еще не понимала хорошихъ сторонъ новаго порядка вещей, но, съ другой стороны, плохо поддавалась и увѣщаніямъ монаховъ, которые хотѣли возмутить ее противъ патріотовъ. Въ 1814 г. возвращается Фердинандъ VII; вмѣсто того, чтобы выказать благодарность вождямъ народа, изгнавшимъ французовъ, онъ уничтожаетъ конституцію, возстановляетъ инквизицію и начинаетъ страшное гоненіе на либераловъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ продолженіе болѣе чѣмъ полустолѣтія столь же почти краткіе промежутки свободы, умственнаго прогресса и розо-

---

le régime unitaire 1873 г. изд. Charpentier. Авторъ обозрѣваетъ не только поэзію, но и философію, и эстетику, и педагогику и пр.

*) См. т. IV, гл. XIII.

выхъ надеждъ смѣняются рядами годовъ мрака, угнетенія и политическаго хаоса. Выдающіеся представители испанской литературы начала нынѣшняго столѣтія были воспитаны почти поголовно на книгахъ просвѣтителей, и принадлежали, разумѣется, къ партіи прогрессивной. Въ войнѣ за освобожденіе они дѣйствовали за-одно съ народомъ, и подобно тому, какъ нѣсколько позднѣе нѣмецкіе романтики, преисполнились народнаго духу и, стремясь изгнать чужеземцевъ, естественно начали съ того, что сами освободились отъ французскаго вліянія. Но когда Наполеонъ сталъ отзывать свои войска изъ Испаніи, испанская интеллигенція возвратилась къ своимъ прежнимъ либеральнымъ мечтаніямъ и осуществила ихъ въ конституціи 1812 г. По возвращеніи Фердинанда, для этой интеллигенціи наступило горькое разочарованіе, и значительное большинство ея передовыхъ дѣятелей попало въ тюрьму, въ ссылку, или бѣжало за-границу, вслѣдствіе чего между 1814 и 1820 гг. здѣсь возникаетъ особая литература эмигрантовъ.

Эмигранты вернулись на родину черезъ 6 лѣтъ гораздо болѣе просвѣщенными, нежели оставили ее, и, естественно, должны были провести родную литературу въ короткій промежутокъ времени по тѣмъ ступенямъ, на прохожденіе которыхъ народы средней Европы употребили десятки лѣтъ. Вслѣдствіе этого, въ испанской литературѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ (а отчасти и много позднѣе) господствуетъ оригинальное и поучительное смѣшеніе школъ и стилей: одно и то же лицо является и просвѣтителемъ-псевдоклассикомъ, и патріотомъ-французофагомъ, и романтикомъ, а иногда и реалистомъ; поэтъ, въ первыхъ своихъ драмахъ подражавшій Альфіери и Вольтеру, въ 1809—1810 годахъ сочиняетъ народныя пѣсни, дышащія ненавистью къ французамъ, а въ концѣ 20-хъ годовъ является послѣдователемъ французскихъ романтиковъ.

Романтизмъ въ Испаніи, въ главныхъ своихъ представителяхъ, соединяется съ патріотической тенденціей и является до нѣкоторой степени старовѣрскимъ возвращеніемъ къ родной старинѣ. Но такъ какъ въ странѣ идетъ жестокая борьба, въ которой большинство интеллигенціи стоитъ за либеральныя идеи, естественно, что это старовѣрство ограничивается формой, и только въ исключительныхъ случаяхъ переходитъ на сущность міровоззрѣнія. Все это было бы яснѣе видно на литературной карьерѣ отдѣльныхъ писателей; но мы не имѣемъ возможности останавливаться на деталяхъ и ограничимся общими положеніями и указаніемъ на нѣсколько болѣе крупныхъ именъ.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ основателей испанскаго романтизма считается Анхелъ де-Сааведра, болѣе извѣстный подъ именемъ герцога Риваса (онъ наслѣдовалъ этотъ титулъ по смерти

брата въ 1834 г.). Онъ род. въ 1791 г., въ ранней молодости сражался за независимость Испаніи и между 1814 и 1820 гг. поставилъ въ Мадридѣ и Севильѣ нѣсколько псевдоклассическихъ трагедій. Послѣ 1823 г. онъ долженъ былъ эмигрировать, оставался за-границей около 10 лѣтъ и вернулся съ совершенно новымъ взглядомъ на поэзію: онъ изучилъ Шекспира, Байрона, Скотта и Гюго и самъ рѣшился перенести новую поэзію на родину. Его эпическая поэма «Moro esposido» (покинутый мавръ) романтична только по старанію воспроизвести во всей точности мѣстный колоритъ, а не по основной идеѣ; но его драма: «Донъ Альваро или сила судьбы» (до сихъ поръ всѣмъ извѣстная по оперѣ Верди: Forza del Destino)—одинъ изъ самыхъ типическихъ представителей романтическаго фатализма и превознесенія чувства надъ разумомъ; первое ея представленіе (1835 г.) произвело фуроръ и составило эпоху въ исторіи испанскаго театра.

Въ своихъ историческихъ романахъ Ривасъ подражалъ и Скотту, и Гюго одновременно.

Литературная слава доставила ему впослѣдствіи министерскій портфель, но министромъ онъ оказался плохимъ. Онъ ум. въ 1865 г. Характерно, что въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Ривасъ и въ 40-хъ гг. не могъ обойтись безъ Феба и реторики *).

Біографіи большинства испанскихъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ чрезвычайно однообразны, хотя каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности и изложенная подробно, могла бы представить абрисъ интереснаго историческаго романа. Всѣ они въ ранней молодости дерутся за свободу Испаніи, въ 1812 г. помогаютъ создавать конституцію, въ 1814 г. наполняютъ тюрьмы или бѣгутъ въ Парижъ и Лондонъ; когда въ 1820 г. невыносимый гнетъ Фердинанда вызвалъ революцію, они опять занимаютъ видныя мѣста; а когда французскіе штыки снова сдѣлали Фердинанда абсолютнымъ монархомъ, они снова уходятъ въ ссылку и возвращаются черезъ 10 лѣтъ, чтобы въ третій разъ стать во главѣ освобожденнаго общества и воспользоваться въ бóльшей или меньшей степени плодами своихъ трудовъ и страданій. Такова, напримѣръ, жизнь Мануэля Хозе де-Кинтаны (Quintana 1772—1857), Мартинеца Делярозы (1789—1862), Хуана Гальего и мн. другихъ. Кинтана въ 1805 г. написалъ драму «Пелайо», которую сравниваютъ съ Шиллеровымъ Телемъ потому, что она тоже была, такъ сказать, манифестомъ къ угнетенному чужеземцами народу раньше самаго появленія этихъ чужеземцевъ; разница въ томъ, что Кинтана въ ней слѣдуетъ французскимъ ложно-классическимъ образцамъ. Въ 1808 г. и слѣд. Кинтана написалъ рядъ очень популярныхъ народныхъ пѣсенъ и оду къ освобожденной Испаніи.

*) О немъ см. Ch. de Mazade. Revue d. d. M. 1846 г. 1 авг.

Деляроза тоже начинаетъ съ классическихъ трагедій на національные сюжеты; въ 1808 г., отправившись, по порученію регентства, въ Лондонъ, онъ тамъ пишетъ поэму: Сарагосса (Zaragoza); въ Кадиксѣ, осажденномъ французами, съ огромнымъ успѣхомъ ставитъ трагедію: «Вдова Падильи» (La viuda de Padilla), которая написана еще въ духѣ Альфіери, между тѣмъ, какъ позднѣйшія его драмы, напр. «Заговоръ въ Венеціи», уже слѣдуютъ принципамъ романтизма и выдвигаютъ на первый планъ сильное чувство и мѣстный колоритъ. Деляроза былъ два раза изгнанникомъ, два раза былъ президентомъ кортесовъ и много разъ министромъ и посланникомъ. Онъ писалъ и лирическія пьесы (1-ое изд. въ 1833 г.), комедіи и романы *) не особенно высокаго достоинства; но ими вполнѣ удовлетворялась малотребовательная въ то время испанская публика.

Одно изъ немногихъ исключеній по ходу своей жизни представляетъ Хуанъ Арріаса (Arriaza y Superviela), такъ какъ онъ былъ убѣжденнымъ консерваторомъ. Онъ род. въ 1770 г. въ Мадридѣ, рано вступилъ на дипломатическое поприще и быстро шелъ впередъ; во время борьбы за освобожденіе онъ издалъ свои патріотическія пѣсни **), которыя въ особенности нравились легкостью своего склада; онъ возставалъ не только противъ французовъ, для истребленія которыхъ увѣщевалъ не останавливаться ни передъ какими средствами, хотя бы и самыми варварскими, а также и противъ либераловъ. Онъ былъ кабинетъ-секретаремъ, потомъ каммергеромъ Фердинанда VII и пережилъ своего возлюбленнаго государя только на 4 года (ум. 1837 г.). Лирическія стихотворенія Арріасы ***) симпатичнѣе патріотическихъ: они проникнуты искреннимъ чувствомъ и близки по тону къ пѣснѣ народной.

Между творцами конституціи 1812 г. и тѣмъ поколѣніемъ, которое выступило на политическую арену въ 1833 г., по времени стоятъ два извѣстныхъ поэта, уже всецѣло принадлежащіе къ романтической школѣ; это Бретонъ Эрреросъ и Зарате.

Manuel Breton de los Herreros род. 1796 г., учился въ Мадридѣ и 6 лѣтъ служилъ солдатомъ; потомъ онъ занималъ разныя должности, былъ, между прочимъ, довольно долго библіотекаремъ и умеръ членомъ Академіи въ 1873 г. Онъ главнымъ образомъ драматургъ и прежде всего комикъ, и по искусству композиціи и живости діалога, а также и по плодовитости онъ болѣе всѣхъ новыхъ писателей напоминаетъ драматурговъ золотого для Испаніи XVII вѣка. Онъ выступилъ на сцену

*) Самый извѣстный изъ нихъ „Изабелла де Солисъ" (Isabella de Solis. 1837 г.).

**) Poesias patrioticas Lond. 1840 г.; потомъ переиздавались много разъ.

***) Poesias liricas. Madr. 1829—32; см. также выборъ изъ нихъ съ біографіей Арріасы у Вольфа (F. Wolf): Floresta de rimas modernas castellanas (1837 г.).

очень рано, какъ послѣдователь Моратина, но скоро поддался вліянію Виктора Гюго, и его комедія «Марцелла» (1831 г.) была одной изъ первыхъ романтическихъ драмъ Испаніи. Онъ написалъ и поставилъ болѣе 150 пьесъ, изъ которыхъ 103 считаются оригинальными.

Его прозвали испанскимъ Скрибомъ; онъ, дѣйствительно, зналъ сцену и публику такъ же хорошо, какъ и Скрибъ; но если и самого Скриба можно не признавать истиннымъ художникомъ, а только ловкимъ мастеромъ пьесъ, то тѣмъ болѣе несправедливо поставить въ числѣ замѣчательныхъ драматурговъ Бретона, который беззастѣнчиво передѣлывалъ на испанскіе нравы этого самаго Скриба и др. французовъ, только вставляя свои остроумныя «словечки» и испанскія поговорки.

Gil y Zárate род. въ 1799 г. въ Эскуріалѣ отъ актрисы и актера. Когда ему было 8 лѣтъ, отецъ послалъ его учиться въ Парижъ. Вернувшись оттуда въ 1819 г., онъ былъ принужденъ снова учиться родному языку. Онъ былъ и политическимъ дѣятелемъ, и журналистомъ, и вліятельнымъ чиновникомъ министерства просвѣщенія, но больше всего принесъ пользы театру, для котораго началъ писать съ 1828 г. Въ своей драматической дѣятельности онъ прошелъ всѣ три стадіи развитія: классическую, подражательно-романтическую и національную; но и въ первыхъ своихъ пьесахъ, гдѣ строго соблюдалъ три единства, предпочиталъ сюжеты изъ испанской исторіи. Въ немъ, какъ и въ Бретонѣ, видны добрыя преданія золотого вѣка испанскаго театра: живость діалога и масса движенія *). Самая извѣстная изъ его драмъ романтическаго періода: «Заколдованный Карлъ II» (Carlos II, el Hechizado, 1837 г.), гдѣ особенно сильное впечатлѣніе производитъ личность инквизитора Діаца, напоминающаго знаменитаго архидіакона Фролло въ Notre Dame de Paris. Зарате ум. въ 1861 г.; составленный имъ учебникъ испанской литературы пользуется большой популярностью.

Въ противуположность другимъ литераторамъ этого періода, столь ревностно работавшимъ на политическомъ поприщѣ, Донъ Хуанъ Эвгеніо Гарценбушъ (Hartzenbusch), третій извѣстный драматургъ 30-хъ годовъ, былъ скромный кабинетный человѣкъ, старательно уклонявшійся отъ сутолоки жизни. Онъ род. въ 1806 г. въ Мадридѣ, былъ сынъ нѣмецкаго столяра, переселившагося сюда изъ Кельна и женившагося на испанкѣ; столяръ нашелъ возможность дать сыну кое-какое образованіе—выучилъ его языкамъ, но самъ скоро сошелъ

*) О немъ, какъ и о послѣдующихъ, см. Gustave Hubbard: Hist. de la littérature contemporaine en Espagne. Paris. 1876, стр. 134 и слѣд. Ср. о новомъ испанскомъ театрѣ книгу: D. A. Canovas del Castillo: Le théatre espagnol contemporain, traduit avec l'autorisation de l'auteur par I. Magnabal. Paris. 1886 г.

съ ума и умеръ, такъ что будущій поэтъ принужденъ былъ рано бросить ученье, чтобы добывать отцовскимъ ремесломъ пропитаніе для своихъ сестеръ и братьевъ; потомъ онъ выучился стенографіи и сталъ зарабатывать деньги этимъ способомъ; потомъ онъ берется за переводы и передѣлки пьесъ для театра, который успѣлъ полюбить, усердно изучая Вегу, Кальдерона и др. Первыя его оригинальныя произведенія потерпѣли фіаско, но анонимно поставленная въ 1836 г. 5-ти актная драма въ стихахъ «Тируэльскіе любовники» (Los amantes de Teruel) имѣла успѣхъ колоссальный, и Гарценбушъ сразу сдѣлался знаменитостью. Послѣдующія его пьесы всѣхъ родовъ и видовъ (до мистерій включительно), такъ же, какъ и многочисленные его повѣсти и разсказы, показываютъ въ немъ больше усердія и любви къ испанскимъ классикамъ, которыхъ онъ, дѣйствительно, зналъ превосходное, нежели творчества. Онъ былъ впослѣдствіи членомъ Академіи (съ 1847 г.), директоромъ реальнаго училища и библіотекаремъ; онъ принесъ большую пользу испанской литературѣ, какъ начитанный критикъ, добросовѣстный издатель Тирсо де Молины и др. и переводчикъ Лессинга и Шиллера; онъ былъ чуть ли не единственный знатокъ и любитель нѣмецкой литературы среди испанскихъ писателей *); но по взглядамъ и отчасти характеру, онъ оставался типичнымъ испанцемъ. Онъ ум. въ 1880 г.

Говоря о драматургахъ этого періода, нельзя не упомянуть о Гарсіи Гутьересъ (Garsia Gutierrez), авторѣ рыцарской драмы «el Trovador», сюжетъ которой извѣстенъ всѣмъ и каждому по «Трубадуру». Верди. Онъ род. въ 1812 г., учился медицинѣ, потомъ служилъ волонтеромъ противъ карлистовъ, но и въ лагерѣ готовился къ литературному поприщу. 24 лѣтъ отъ роду съ «Трубадуромъ» въ портфелѣ онъ явился въ Мадридъ и не безъ большихъ усилій добился постановки своей драмы на одномъ изъ театровъ 1-го марта 1836 г. Въ тотъ же вечеръ Гарсія сдѣлался первой литературной знаменитостью Испаніи: ультра-романтическая фабула, либеральная тенденція, живость дѣйствія, рядъ сценическихъ эффектовъ и прекрасный языкъ привели публику въ положительный восторгъ. Послѣдующія произведенія Гарсіи, хотя написанныя съ тѣмъ же внѣшнимъ талантомъ и въ столь же романтическомъ духѣ, понравились публикѣ гораздо менѣе; Гарсія почувствовалъ себя оскорбленнымъ, и въ 1844 г. уѣхалъ «навсегда» въ Америку; но позднѣе онъ вернулся на родину, гдѣ ему предоставили видное мѣсто по управленію театромъ. Изъ его драмъ позднѣйшаго періода большой успѣхъ имѣло: «Каталонское мщеніе» (Venganza Catalona, въ одинъ годъ 7 изданій). Онъ по справедливости

*) О немъ см. Дѣло 1874 г. № 3 „Очерки новѣйшей исп. литературы" Дегри. Изд. его Obras escogidas съ біографіей. Lpz. 1876 г. (2-е изд.).

считается самымъ искуснымъ версификаторомъ и лирикомъ изъ новыхъ драматурговъ; а его чисто-лирическія произведенія*) даже и въ Испаніи имѣли успѣхъ очень посредственный.

Лучшія статьи о Тируэльскихъ Любовникахъ Гарценбуша и Трубадурѣ Гарсіи безспорно принадлежатъ перу рано погибшаго юмориста Ларры.

Донъ Маріанъ Хосе де Ларра род. въ 1809 г. въ Мадридѣ; онъ былъ сынъ военнаго доктора, служившаго во французской арміи, и въ 1812 г., вмѣстѣ съ отцомъ. переѣхалъ вслѣдъ за войскомъ Наполеона во Францію, гдѣ оставался около 5 лѣтъ и совсѣмъ-было забылъ родной языкъ; но по возвращеніи въ отечество, поступивъ въ институтъ св. Антонія, онъ быстро наверсталъ потерянное и скоро сдѣлался лучшимъ ученикомъ. Онъ до того пристрастился къ занятіямъ, что его трудно было оторвать отъ книги. 18 лѣтъ отъ роду, онъ выступаетъ, какъ поэтъ, и имѣетъ довольно значительный успѣхъ. 20 лѣтъ онъ уже женатъ, имѣетъ имя въ литературѣ и вліяніе въ политическихъ дѣлахъ. Его сатирическія письма «Бѣднаго болтуна» (El pobrecido hablador) на-расхватъ читаются молодежью и подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ цензуры. Но вотъ обстоятельства измѣнились, и либеральныя рѣчи не только не навлекаютъ на человѣка гоненія и опасностей, а, напротивъ, открываютъ ему дорогу по службѣ. Въ это время Ларра, сотрудничавшій въ очень распространенномъ журналѣ: Revista Espagnola, проникается глубокимъ негодованіемъ на ненужную болтовню и прекраснодушіе: власть эгоистической буржуазіи, прикидывающейся либеральною, и конституціонный маскарадъ не удовлетворяютъ его и не кажутся ему ничѣмъ лучше прежняго гнета. Испанской интеллигенціи дѣлаетъ большую честь то обстоятельство, что она не разочаровалась въ Ларрѣ, вслѣдствіе этой, какъ иные называли, «измѣны» дѣлу свободы, и читала его съ прежнимъ увлеченіемъ. Но личный успѣхъ не радуетъ его, и жить ему становится все тяжеле и тяжеле, тѣмъ болѣе, что онъ безумно влюбляется въ одну замужнюю даму, которая, повидимому, была не прочь пококетничать съ нимъ, но не любила его.

Ларра застрѣлился 28 л. отъ роду (13 февраля 1837 г.), оставивъ вдову и 3-хъ сиротъ **). Напрасно было бы приписывать его самоубійство исключительно несчастной любви; послѣдніе его фельетоны указываютъ на глубокое его разочарованіе въ прежнихъ идеалахъ и на такой пессимизмъ по отношенію ко всей современной ему интел-

---

*) Luz y tinieblas. 2 т. Madrid. 1861.

**) Одинъ изъ его сыновей: Luis de Larra самъ впослѣдствіи сдѣлался довольно извѣстнымъ драматургомъ.

лигенціи, что вполнѣ мотивируютъ его печальное рѣшеніе. Масса общества была серьезно потрясена его смертью.

Сборникъ фельетоновъ Ларры подъ именемъ Figaro перепечатывался много разъ, да и до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ Испаніи, какъ за остроуміе, такъ и за прекрасный стиль. Ларра писалъ довольно много для театра (болѣе всего извѣстна его трагедія Macias), составилъ исторію Испаніи съ 1830 по 1835 г. и пр. Юморъ Ларры есть любопытное соединеніе староиспанскаго добродушнаго юмора Сервантеса, Гузмана и реалистическихъ картинъ Мурильо съ субъективной разочарованностью, которой Ларра заразился отъ французскихъ байронистовъ и романтиковъ *).

Ларра изъ тѣхъ людей, которые заглядываютъ дальше своего времени и поэтому не могутъ сжиться съ современниками; другой, почти столь же рано, но не по своей волѣ, погибшій писатель Эспронседа можетъ считаться гораздо болѣе типичнымъ представителемъ поколѣнія, родившагося въ эпоху пробужденія испанскаго народа. Это поколѣніе, естественно, вступило въ свѣтъ съ большими надеждами и нѣкоторымъ политическимъ самомнѣніемъ; а когда при Фердинандѣ оказалось, что условія жизни вовсе не соотвѣтствуютъ этому самомнѣнію, оно кидалось въ тайныя общества. подвергалось заточеніямъ и изгнаніямъ, а по возвращеніи становилось во главѣ разнообразныхъ pronunciamentos.

Хозе де Эспронседа род. въ 1810 г. въ лагерѣ подъ Эстремадурой, гдѣ отецъ его стоялъ съ полкомъ; онъ воспитывался въ Мадридѣ и рано выказалъ необыкновенныя способности. Уже 14 лѣтъ отъ роду онъ пользовался нѣкоторою извѣстностью, какъ поэтъ, и тогда же сталъ членомъ тайнаго общества «Нуманція». 15 лѣтъ онъ былъ арестованъ и заключенъ полиціей въ монастырь, гдѣ набросалъ планъ и нѣсколько пѣсенъ поэмы «Pelayo». Отбывъ срокъ своего заключенія, но все еще гонимый полиціей, онъ уѣхалъ въ Лиссабонъ, на улицахъ котораго очутился съ 2-мя франками въ карманѣ; разсудивъ, что съ такой ничтожной суммой ничего не сдѣлаешь въ такомъ большомъ городѣ, онъ счелъ за лучшее и ихъ бросить въ воду и выкарабкиваться, какъ съумѣетъ. Ему, дѣйствительно, удалось устроиться и даже удачно влюбиться въ одну замужнюю даму. Но правительство Фердинанда VII не могло терпѣть въ такой близости отъ себя

*) Собраніе его сочиненій вышло въ 2-хъ томахъ въ Парижѣ въ 1848. О немъ см. статью Ch. de Mazade въ R. d. d. M. 1848 № 2. По-русски см. Современникъ, 1848 г. № 3 Смѣсь, и Вѣстникъ Евр. 1877 г. № 7, гдѣ обстоятельно изложена его біографія и ib. 1878 № 3 (ст. М. В.); въ послѣдн. переведены нѣкоторые его фельетоны, въ томъ числѣ и знаменитый фельетонъ 1836 г., гдѣ пессимизмъ Ларры высказывается съ необыкновенною силою.

такого «опаснаго человѣка», и Эспронседа былъ принужденъ уѣхать въ Лондонъ, гдѣ сильно увлекался Байрономъ; изъ Лондона онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ іюньскіе дни 1830 г. храбро дрался на баррикадахъ. Послѣ обнародованія амнистіи, Эспронседа вернулся въ отечество и, благодаря протекціи, былъ принятъ въ королевскую гвардію, но изгнанъ оттуда за дерзкое стихотвореніе. Тогда онъ становится журналистомъ, участвуетъ въ газетѣ «El Siglo» (Вѣкъ), которая запрещена именно за его статьи, составляетъ заговоры, дерется на мадридскихъ баррикадахъ и всѣмъ сердцемъ отдается движенію 1840 г. Когда либералы побѣдили, Эспронседа могъ, повидимому, надѣяться занять выдающееся положеніе; но его неугомонный характеръ и отвращеніе отъ сдѣлокъ съ совѣстью поставили его въ натянутыя отношенія и съ новымъ правительствомъ. Отъ него поспѣшили отдѣлаться, отправивъ его секретаремъ посольства въ Гагу, гдѣ сырой климатъ окончательно расшаталъ его и безъ того не крѣпкое здоровье. О немъ вспомнилъ народъ, и его выбрали въ депутаты; онъ вернулся въ Испанію въ 1842 г., но скоро простудился и умеръ.

Эспронседа былъ красавецъ собою и человѣкъ поразительной смѣлости; онъ былъ скептикомъ въ религіи, но глубоко вѣрующимъ, почти фанатикомъ въ политикѣ.

Самое выдающееся его произведеніе—неоконченная полулирическая или, какъ принято называть такія произведенія послѣ Байрона, романтическая поэма «Дьяволъ-Міръ» (Diablo mundo; всего 7 пѣсенъ), въ значительной степени вдохновленная Байрономъ, но изображающая съ большимъ реализмомъ и богатствомъ фантазіи рядъ пестрыхъ картинъ изъ испанской жизни. Герой поэмы отчасти напоминаетъ нашего Печорина, какъ его рисуетъ Максимъ Максимовичъ: онъ то разслабленный старикъ, то пылкій юноша, не знающій удержу своимъ страстямъ; но онъ тѣмъ отличается отъ лермонтовскаго героя, что не хочетъ знать приличій и не обращаетъ вниманія на мнѣніе другихъ людей. Стихъ этой поэмы, также какъ и стихъ лучшихъ пѣсенъ Эспронседы: «Пиратъ»*), «Казакъ», «Нищій», отличается рѣдкой силой и выразительностью.

Наибольшей популярностью пользуется поэма Эспронседы: «Саламанкскій студентъ», также проникнутая испанскимъ байронизмомъ **); онъ же авторъ одного изъ лучшихъ испанскихъ историческихъ романовъ: «Донъ Санчо Сольданья», гдѣ изображается эпоха Альфонса X ***).

*) Его прозаическій переводъ см. у Hubbard'a: Histoire de la littérature contemporaine en Espagne. Paris. 1876, стр. 154—9

**) См. стихотворный переводъ ея Е. Бекетовой въ Заграничн. Вѣстн. №№ 10 и 11

***) Самое доступное и изящное изданіе стихотворныхъ произведеній Эспронседы съ его біографіей въ Biblioteca amena e istructiva. Barcelona. Тамъ же см. и Figaro Ларры. По-русски о немъ см. Дѣло 1873 г., № 9, статью Денегри.

Такова же приблизительно, по крайней мѣрѣ въ первой своей половинѣ, и жизнь Эскосуры. Patricio de la Escosura род. въ 1807 г. въ Мадридѣ, получилъ отличное образованіе, почти мальчикомъ вступилъ въ общество Нуманцію; въ 1824 г. былъ принужденъ бѣжать въ Парижъ, а оттуда переѣхалъ въ Лондонъ. Онъ вернулся на родину послѣ амнистіи и скоро сталъ виднымъ и шумнымъ политическимъ дѣятелемъ; онъ былъ еще два раза изгоняемъ изъ Испаніи то какъ карлистъ, то какъ либералъ, былъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и посланникомъ (1872 до 1874 въ Берлинѣ), не одинъ разъ дѣлался журналистомъ, и въ продолженіе всей своей бурной жизни находилъ досугъ для литературныхъ занятій (ум. въ 1878 г.). Онъ написалъ нѣсколько эпическихъ поэмъ, и въ томъ числѣ одну, посвященную изображенію подвиговъ Кортеса; писалъ и историческія драмы, въ одной изъ нихъ обработываетъ ранніе годы того же Ферд. Кортеса (Las mocedades de Hernan Cortes); онъ же и довольно извѣстный лирикъ и авторъ нѣсколькихъ историческихъ романовъ, въ которыхъ, какъ и въ Салданьѣ Эспронседы, нельзя не видѣть подражанія В. Скотту; въ романѣ «Патріархъ долины» (1846) онъ очень живо изображаетъ современную ему политическую жизнь Испаніи и приключенія испанскихъ изгнанниковъ въ Лондонѣ; онъ же написалъ и конституціонную исторію Англіи (1859 г.) и т. д. Короче сказать, по широтѣ и разнообразію своей дѣятельности, онъ напоминаетъ испанскихъ литераторовъ-вельможъ XVI и XVII вѣковъ, но съ тою разницею, что тѣ черпали свои идеи или изъ классиковъ, или чаще изъ жизни, а онъ, какъ сынъ XIX вѣка, не могъ не поддаваться вліянію болѣе передовыхъ сосѣдей Испаніи.

Совсѣмъ не таковы характеръ и жизнь Сорильи, котораго очень недавно считали первымъ изъ современныхъ лириковъ Испаніи и сравнивали съ В. Гюго. Донъ Xoze Zorrilla y Moral род. въ 1817 г. въ Вальядолидѣ, учился въ дворянской семинаріи въ Мадридѣ, путешествовалъ за-границей: вернувшись, изъ послушанія отцу занимался въ Толедо правовѣдѣніемъ, но стремился отдать себя всецѣло поэзіи; наконецъ, спасаясь отъ отцовскаго гнета, онъ бѣжалъ въ Мадридъ и тамъ чуть не умиралъ съ голоду, пока глубоко прочувствованное стихотвореніе, сказанное имъ надъ гробомъ Ларры, не сдѣлало его сразу знаменитостью. Въ 1840 г. вышли его «Пѣсни трубадура» *); въ нихъ поразительная музыкальность и много своеобразной прелести, но мало энергіи и глубины мысли; на нихъ ясно вліяніе Шатобріана и другихъ «нѣжныхъ» романтиковъ съ одной стороны, и старательнаго изученія Кальдерона съ другой. Сорилья тщательно удалялся отъ политики и

*) Cantos del trovador, collection de leyendas y traditiones historicas. Madr. 1840—1. 3 тома.

вращался въ сферѣ идей прошлаго; онъ жилъ то въ Испаніи, то во Франціи, то въ Мексикѣ, гдѣ былъ чтецомъ у несчастнаго Максимильяна; послѣ его смерти, Сорилья опять вернулся въ Мадридъ (1876 г.) и началъ тамъ рядъ публичныхъ курсовъ по литературѣ, часть которыхъ уже издана имъ въ свѣтъ.

Произведенія Сорильи составляютъ около 15 томовъ, и почти всѣ они въ одинаковой степени отличаются рѣдкой красотой слога и стиха; одно изъ самыхъ большихъ по объему: «Гренада, восточная поэма». Его довольно многочисленныя комедіи есть только удачное подражаніе старымъ образцамъ плаща и шпаги; оригинальнѣе и извѣстнѣе другихъ его передѣлка знаменитой саги о Донъ-Жуанѣ (Don Juan Tenorio), который у него, какъ и у нашего Алексѣя Толстого, испытавъ истинную любовь, спасаетъ свою душу искреннимъ покаяніемъ *).

Начиная съ сороковыхъ годовъ, испанская литература значительно измѣняетъ свой характеръ: въ Испаніи, какъ и вездѣ, слабѣетъ романтизмъ и, какъ вездѣ въ сосѣднихъ странахъ, поднимаетъ свой голосъ либеральная буржуазія, хотя монахи, или такъ-наз. новокатолическая реакція, и стараются обуздать ее довольно сильными средствами. Но деспотическія дѣйствія крайнихъ министерствъ тяготѣли, главнымъ образомъ, надъ верхнимъ слоемъ интеллигенціи, а масса общества уже съ 1846 г. пользовалась значительной свободой и благосостояніемъ; умственный кругозоръ ея расширяется, и въ ней развивается потребность въ чтеніи. Повѣсть и романъ, какъ и вездѣ, становятся самымъ виднымъ родомъ поэзіи, къ тому же обогащающимъ своихъ производителей; но при этомъ историческій романъ во вкусѣ Скотта уступаетъ первое мѣсто роману современному, въ которомъ сама жизнь выдвигаетъ рядъ вопросовъ, и между прочимъ роковую борьбу отцовъ и дѣтей; отцы здѣсь—сторонники національныхъ, специфически испанскихъ нравовъ и взглядовъ, дѣти — европейцы. Но значительное большинство публики, которое смотритъ на романъ только какъ на забаву и на средство убить время, отдаетъ преимущество подражателямъ французскихъ индустріалистовъ.

Чтобы не останавливаться долго на продуктахъ этого индустріализма, мы укажемъ только на одного наиболѣе даровитаго его представителя Фернандеса-Гонзалеса. Manuel Fernandez y Gonzalez **),

*) Но по основной идеѣ Жуанъ Сорильи несравненно мельче и поверхностнѣе; по сюжету же гораздо фонтастичнѣе. О раннихъ произведеніяхъ Сорильи см. Revue de d. M. 1848 г. 15 апр. статью L. de Lavergue. По русски см. о немъ прекрасныя статьи С. В. Костарева. Атеней 1858 г. №№ II и III.

**) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ французскимъ романистомъ Louis Jean Emmanuel Gonzalés, который былъ старше своего испанскаго полуоднофамильца (род. 1815 г.) и тоже принадлежалъ къ литературнымъ промышленникамъ, но несравненно меньшаго значенія; изъ франц. Гонзалеса на русск. переведены: Береговые братья въ (Библ.

род. въ Севильѣ въ 1830 г., воспитывался въ Гренадѣ, былъ юристомъ, потомъ 7 лѣтъ служилъ въ арміи и исходилъ съ полкомъ чуть не всю Испанію. Онъ началъ съ стихотвореній, но уже 19 лѣтъ поставилъ на сцену первую свою драму, а потомъ скоро перешелъ къ историческимъ повѣстямъ, передѣлкамъ народныхъ преданій и пр., и, наконецъ къ романамъ, которыми добылъ и богатство, и славу. Лучшими его романами считаются: Martin Gil (1854 г.), «Семь дѣтей Лары» (1862 г.) и др. Въ нихъ большой внѣшній интересъ, и они читаются также легко, какъ и романы Дюма-отца, способнымъ ученикомъ котораго и былъ Гонзалесъ на самомъ дѣлѣ. Герои его безсовѣстные, хотя и очень привлекательные обольстители, а еще чаще атаманы разбойниковъ и корсары, необыкновенно ловкіе и храбрые, счастливо избавляющіеся отъ самыхъ ужасныхъ опасностей. Поэтъ дѣлаетъ ихъ настолько симпатичными для массы читателей, что одинъ изъ критиковъ приписываетъ его вліянію усиленіе разбоевъ въ Испаніи. При кажущемся разнобразіи, произведенія Гонзалеса въ сущности очень однообразны по постройкѣ и неспособны произвести продолжительнаго и глубокаго впечатлѣнія; помѣщая дѣйствіе въ разныя эпохи и выводя массу историческихъ лицъ, Гонзалесъ однако же вовсе не историческій романистъ: о колоритѣ времени онъ заботится очень мало. Хорошая сторона у него та, что онъ знакомитъ средній классъ съ старинными поэтическими преданіями народа, почти забытыми въ это время. Подобно своему учителю Дюма, Гонзалесъ былъ не только романистомъ, но и драматургомъ; въ драмахъ его много эффектовъ и движенія, но мало глубины и серьезности; смотрятся онѣ съ большимъ вниманіемъ, но забываются очень быстро.

Онъ умеръ въ Мадридѣ въ 1888 г.

Изъ писателей, которые въ великой борьбѣ между отцами и дѣтьми высказались за первыхъ, безъ сомнѣнія талантливѣй и вліятельнѣй всѣхъ Кавальеро Фернанъ (Caballero Fernan), испанскій Жоржъ Сандъ, какъ выражаются многіе; сходство въ томъ, что Кавальеро тоже женщина, пишущая подъ мужскимъ псевдонимомъ, который въ началѣ смущалъ критиковъ, и женщина съ несомнѣннымъ талантомъ; но по убѣжденіямъ и міровоззрѣнію, она и Аврора Дюпэнъ — два полюса. Испанская романистка по происхожденію нѣмка; она род. въ 1797 г. отъ гамбургскаго купца Boehl v. Faber, который переселился въ Кадиксъ и женился на испанкѣ; онъ былъ настолько образованный человѣкъ и такъ полюбилъ языкъ и литературу своего новаго отечества, что впослѣдствіи былъ сдѣланъ членомъ испанской академіи. Его дочь Сесилія раннее дѣтство провела въ Испаніи, отро-

для чтенія 1842, т. 54) и разсказъ Пѣвицы (ibid. 1847 г., № 5), гдѣ изображается невѣроятно низкій мужской характеръ и невѣроятно благородный женскій.

чество же и юность (отъ 9 до 17 л.) въ Германіи, гдѣ получила превосходное образованіе, а въ 1813 г. снова вмѣстѣ съ отцомъ переселилась въ Испанію. 19 лѣтъ отъ роду она вышла замужъ за испанскаго офицера, который женился на ней чуть ли не изъ-за пари и обращался съ женой варварски, но прожилъ очень недолго. Молодая и красивая вдова скоро вышла замужъ вторично за богатаго и любезнаго маркиза Arco Hermosa, поселилась съ нимъ въ Севильѣ, гдѣ жила большой барыней и открыла салонъ, въ которомъ собирались самые интеллигентные люди города. Черезъ нѣсколько лѣтъ маркиза вторично овдовѣла и осталась почти безъ всякихъ средствъ; впослѣдствіи, по настоянію родныхъ, она въ третій разъ вышла замужъ за севильскаго адвоката Аррома, который скоро уѣхалъ за-границу и, разорившись, убилъ себя въ Лондонѣ въ 1854 г.: но въ это время жена его, благодаря своимъ литературнымъ успѣхамъ, уже не нуждалась ни въ чьей помощи.

Она начала печататься еще въ началѣ 30-хъ годовъ, и первое ея произведеніе: «Очерки народныхъ нравовъ Андалузіи» появилось по-нѣмецки безъ имени автора. Значительно позднѣе она напечатала рядъ талантливо написанныхъ «деревенскихъ» повѣстей по-испански; но всеобщее вниманіе она обратила на себя въ 1849 г. своимъ небольшимъ романомъ «Чайка» (La Gaviota; его она набросала сперва по-французски и потомъ перевела на испанскій), сюжетъ котораго — жизнь деревенской красавицы, прозванной Чайкой *). Но романъ произвелъ впечатлѣніе не сюжетомъ и не своей довольно печальной моралью, а превосходной отдѣлкой ряда жанровыхъ картинъ изъ жизни андалузской деревни. Цѣль автора, по его собственному выраженію, «поэтизировать дѣйствительность, не измѣняя ее» (poetizar la realidad sin alterarla); онъ достигъ ее и создалъ незнакомый до тѣхъ поръ Испаніи романъ нравовъ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Всѣ были пріятно поражены такимъ теплымъ воспроизведеніемъ испанской деревни, такимъ глубокимъ знаніемъ народнаго языка, пѣсенъ, поговорокъ и еще болѣе поразились, когда узнали, что авторъ — 50-лѣтняя нѣмка.

Слѣдующія еще бо́льшія по объему произведенія Кавальеро: «Cle-

---

*) Эта красавица сходится съ нѣмецкимъ хирургомъ, котораго судьба забросила въ эту прибрежную деревушку; онъ открываетъ у ней великолѣпный голосъ, даетъ ей музыкальное образованіе, женится на ней и увозитъ ее въ Севилью, гдѣ она дѣлается знаменитой оперной пѣвицей; но скоро деревенская кровь беретъ въ ней верхъ надъ внѣшнимъ лоскомъ; она влюбляется въ грубаго торреадора, который всячески унижаетъ ее; мужъ ее покинулъ; общество отвергло, голосъ свой она пропила окончательно, и когда ея возлюбленный и мучитель погибаетъ, она возвращается въ родную деревню, гдѣ дѣлается сожительницей жалкаго цирюльника.

mencia» *), «Lagrimas» и пр. имѣли приблизительно тѣ же достоинства, но часто впадали въ сантиментальность и не нравились молодежи за свою ультра-консервативную и узко-національную тенденцію: хорошо для Испаніи только то, что идетъ изъ родной старины; кто стремится къ новизнѣ или старается возвыситься надъ тѣмъ сословіемъ, къ которому принадлежитъ по рожденію, тотъ гибнетъ, или послѣ горькихъ испытаній находитъ утѣшеніе только въ стѣнахъ монастыря; задача человѣка на землѣ — молча терпѣть испытанія, посылаемыя Провидѣніемъ.

Удачнѣй мелкія повѣсти Кавальеро и передѣлки народныхъ разсказовъ **); у автора немного фантазіи и творчества, но масса наблюдательности и чисто народнаго юмору.

Консервативныя убѣжденія Кавальеро были очень по душѣ правительству Изабеллы, и женщина-поэтъ пользовалась искреннимъ уваженіемъ королевы и двора. Она ум. въ 1877 г. ***).

Въ пятидесятыхъ годахъ этнографическая или жанровая поэзія входитъ въ моду и привлекаетъ массу дарованій. Подобно тому, какъ Кавальеро разрабатываетъ Андалузію, молодой писатель Труэба разрабатываетъ Бискайю. Antonio de Trueba y la Quintana ****) род. въ 1821 г. въ Бискайѣ, жилъ въ деревнѣ и еще ребенкомъ сочинялъ для сельскихъ дѣвушекъ стихи, которые дѣлались народными пѣснями; онъ учился въ Мадридѣ и готовился быть купцомъ; но скоро страсть къ поэзіи отвлекла его отъ прозаичныхъ занятій. Въ 1852 г. онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній (Libro de los cantarès) *****), который прославилъ его имя по всей Испаніи и обратилъ на него вниманіе молодой королевы. Его называли испанскимъ Беранже, конечно, имѣя въ виду популярность его пѣсенъ и ихъ мелодичность, а никакъ не сходство убѣжденій: Труэба вовсе не прогрессистъ и, горячо любя испанскій народъ, вполнѣ доволенъ его настоящимъ положеніемъ и правительствомъ.

*) Сюжетъ въ томъ, что вдова, измученная своимъ первымъ мужемъ негодяемъ, удостаивается любви очень хорошаго человѣка, но долго не хочетъ отдать ему свое сердце, такъ какъ онъ недостаточно блестящъ. Окончаніе счастливое.

**) См. у Hubbard o. c. 272 и слѣд. переводъ разсказа объ Иванѣ Солдатѣ, составляющаго передѣлку нѣсколькихъ сказокъ.

***) О ней см. De Mazade: Revue d. d. M. 1858 Nov. По-русски ст. Де-Негри „Очерки новой испанской литературы". Дѣло 1874 г., № 2.

****) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Труэбой, англо-испанскимъ писателемъ (Trueba y Cosio, род. 1805 г., ум. 1835), который, начиная съ 1828 г., далъ Англіи нѣсколько недурныхъ романовъ изъ испанской жизни, рядъ драмъ, имѣвшихъ успѣхъ въ свое время, историческую монографію: Lives Cortes and Pizarro и пр.; въ Испаніи же извѣстенъ своими комедіями: „Флюгеръ" (El veleta) и „Замужество съ большимъ приданымъ" (Casarse con 60,000 duros; duros—около 5 фр.).

*****) Второй сборникъ въ 1868 г. El libro de las mondanas.

Еще популярнѣй Труэба, какъ прозаикъ. Онъ началъ съ переложеній бискайскихъ народныхъ сказаній и сказокъ, потомъ перешелъ къ картинамъ изъ деревенской жизни, которую онъ изображаетъ въ идиллическомъ тонѣ; написалъ и рядъ очень симпатичныхъ очерковъ изъ жизни мадридскихъ художниковъ (Cuentos populares) и рядъ разсказовъ изъ кастильской деревенской жизни (Cuentos campesinos). Вездѣ онъ показываетъ большую наблюдательность и душевную теплоту; но онъ слишкомъ старательно сдерживаетъ свою фантазію и часто впадаетъ въ сантиментальность. Менѣе удачны его историческіе романы; въ наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ (El Cid Campeador и Las hijas del Cid, т.-е. дочери Сида), онъ только перелагаетъ старую поэму и хронику, но невольно вноситъ въ это переложеніе нѣкоторую аффектацію и слащавость, подобно тому, какъ это дѣлаетъ и знаменитый шведскій поэтъ Тегнеръ въ своемъ Фритьофѣ (см. ниже).

Подобное же переживаніе романтизма находимъ мы и въ рано умершемъ даровитомъ разсказщикѣ легендъ Густавѣ Беккерѣ (Gustavo Adolfo Becquer род. 1836, ум. 1870 г.), который явно подражалъ Гофману.

Чтобы кончить съ испанскимъ романомъ, намъ остается еще сказать о двухъ современныхъ романистахъ, имена и талантъ которыхъ довольно хорошо извѣстны русской публикѣ: Аларконѣ и Пересѣ Гальдосъ.

Pedro Antonio de Alarcon родился въ аристократическомъ, но обѣднѣвшемъ во время войны за освобожденіе семействѣ, въ Гренадѣ, въ 1833 г., по волѣ родителей готовился въ священники, но увлеченный страстью къ литературѣ вышелъ изъ семинаріи и уже 20 лѣтъ отъ роду вдвоемъ съ пріятелемъ сталъ издавать въ Кадиксѣ еженедѣльную литературную газету (Eco del Occidente), которая имѣла значительный успѣхъ. Ободренный этимъ, онъ переселился въ столицу, кинулся въ политику и, по его собственному выраженію, сталъ «странствующимъ рыцаремъ революціи и солдатомъ скандала». Отчасти своими остроумными статьями, отчасти приключеніями, онъ пріобрѣлъ себѣ «имя», но и нажилъ бездну враговъ; первый его романъ «Финалъ Нормы» (1855 г.) *) имѣлъ успѣхъ, но его пьеса «Расточительный сынъ» (1877 г.) провалилась съ большимъ шумомъ. Аларконъ возненавидѣлъ сцену и уѣхалъ въ армію, которая была занята марокской экспедиціей; онъ отличился храбростью въ нѣсколькихъ горячихъ схваткахъ, былъ раненъ на полѣ сраженія и награжденъ орденомъ. По возвращеніи, онъ напечаталъ свой прекрасно-написанный «Дневникъ свидѣтеля африканской войны» (Diaria de un testigo de la guerra de Africa 1859 г.), который имѣлъ огромный успѣхъ, такъ же, какъ и вышедшее черезъ два года описаніе его пу-

*) На франц. переведенъ Yriarte'омъ. Paris, 1866.

тешествія по Италіи. Около того же времени вышелъ сборникъ его разсказовъ и повѣстей *), который упрочилъ за нимъ славу одного изъ первыхъ романистовъ Испаніи: онъ соединяетъ въ себѣ лучшія качества старыхъ испанцевъ: богатое воображеніе, тонкую наблюдательность и юморъ, съ развитымъ умомъ и вкусомъ современнаго европейца.

Аларконъ, какъ и огромное большинство испанскихъ литераторовъ съ именемъ, не могъ не увлечься политикой: въ 1865 г. онъ попалъ депутатомъ въ кортесы, позднѣе энергично дѣйствовалъ въ пользу реставраціи Альфонса XII и въ 1876 г. сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта.

Лучшія его новеллы заключаются въ сборникѣ (Novelas), вышедшемъ въ 1872—3 гг. (2 т.) **). Въ послѣднее время онъ написалъ нѣсколько большихъ романовъ ***), которые въ Испаніи пользуются большимъ успѣхомъ, но за-границей ставятся не очень высоко. Аларконъ извѣстенъ и какъ даровитый лирикъ ****), которому особенно удаются юмористическія стихотворенія.

Донъ Бенито Пересъ Гальдòсъ, самый выдающійся изъ современныхъ испанскихъ беллетристовъ, род. въ 1845 г. на Канарскихъ островахъ, но воспитаніе получилъ въ Мадридѣ и тамъ остался навсегда. Онъ человѣкъ съ широкимъ литературнымъ и философскимъ образованіемъ, зрѣлымъ умомъ, большою наблюдательностью, горячимъ патріотическимъ чувствомъ и несомнѣннымъ талантомъ; онъ реалистъ, но на испанскій ладъ: съ сильнымъ воображеніемъ и наклонностью къ паѳосу, которая впрочемъ съ годами слабѣетъ въ немъ и болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто тонкой психологической отдѣлкѣ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, выпустивъ въ 1870 г. историческій романъ: «Золотой фонтанъ» (La fontana de oro; до тѣхъ поръ онъ писалъ только небольшіе очерки), изображающій событія 1820—1823 гг. *****). Романъ написанъ чрезвычайно живо и правдиво, но страсть къ эффектамъ и преувеличеніямъ напоминаетъ Дюма, а нѣкоторая патріотическая сантиментальность—нашего Юрія Милославскаго. Свободнѣй отъ этихъ недостатковъ его второй романъ «Смѣльчакъ» (El Audaz 1871 г.), изображающій Испанію въ 1804 г. Увлеченный благимъ примѣромъ Эркмана-Шатріана, Пересъ предпринялъ написать цѣлую серію романовъ, полуисторическихъ, полубытовыхъ, и въ нихъ изобра-

*) Cuentos, articulos y novelas, 4 тома.

**) Двѣ изъ нихъ переведены въ Revue d. d. M. 1875 15 мая вмѣстѣ съ статьею объ авторѣ (Louis-Lande); по-русски переведена цѣлая книга въ Дорожной библіотекѣ Суворина.

***) El Escandalo 1875 (7-ое изд. 1882), El Nino de la bola (1880) и др.

****) Poesias serias y humoristicas 1870 г., 3-ье изд. 1885.

*****) См. его переводъ въ Загр. Вѣстн. Корша 1881 г., №№ 10 и 11.

зить жизнь Испаніи съ начала нынѣшняго столѣтія; отъ 1872 г. до 1876 г. онъ издалъ цѣлые двадцать томовъ такихъ романовъ подъ общимъ заглавіемъ: Episodios nacionales; конечно, не всѣ составныя части этого грандіознаго труда одинаковой цѣнности (лучшими считаются Trafalgar, Bailen и El terror de 1824), но всѣ читаются съ большимъ интересомъ. Позднѣе, онъ обращается къ современному роману нравовъ, изображаетъ борьбу старыхъ порядковъ съ новыми, не щадитъ ни новокатоликовъ, которые подъ маской смиренія скрываютъ свирѣпую злобу ко всякой свѣтлой и свободной мысли, ни политическихъ проходимцевъ изъ современной молодежи; самъ же всецѣло стоитъ на сторонѣ партіи прогресса и сильно способствуетъ ея успѣху. Ars, natura, veritas—его девизъ, и онъ энергично проводитъ его ко благу родины *).

Къ сожалѣнію, «школа» Переса не богата представителями, да и немногое, что даетъ она, читается далеко не такъ усердно, какъ романы и повѣсти, написанные совершенно въ иномъ духѣ; въ Испаніи еще до сихъ поръ не мало представителей крайняго ультрамонтантства и консерватизма, и они-то зачитываются романами Номвелы (Julio Nombela) и г-жи Пиларъ Синуэсъ, и ихъ единомышленниковъ, у которыхъ нельзя отрицать нѣкотораго таланта. Заурядные испанскіе романы, которые ежегодно выходятъ сотнями и въ журналахъ, и отдѣльными книгами, и въ нѣсколько мѣсяцевъ исчезаютъ съ книжнаго рынка въ провинціальныя библіотеки для чтенія, сравнительно, напр., съ французскими, отъ которыхъ они зачастую пользуются и сюжетами, и манерой, характеризуются большей смѣлостью фантазіи и значительной устарѣлостью взглядовъ: тамъ не диво и въ 90-хъ годахъ встрѣтить мораль временъ Жанлисъ и Коттенъ и наивную психологію начала нынѣшняго столѣтія. Но относительно искусства сбывать свои произведенія испанцы—способные ученики своихъ сѣверныхъ сосѣдей: тамъ тѣ же привлекательныя заглавія, та же невыгодная для читателя манера заканчивать романъ, не давая развязки и указывая на имѣющійся появиться новый романъ того же автора; уголовные, охотничьи и всякіе другіе романы интриги тамъ тоже въ большомъ ходу; но крайній реализмъ Золя еще мало находитъ почитателей.

Еще болѣе характерныя, чѣмъ въ области романа, переживанія встрѣчаемъ мы въ области испанской лирики и вообще стихотворства. Достаточно указать на примѣръ одного поэта, который считается наиболѣе талантливымъ и ставится во главѣ цѣлой школы.

---

*) О немъ см. статью В. Л. въ Вѣстн. Евр. за 1882, №№ 2 и 3. «Пересъ Гальдосъ, современный исп. романистъ». Тамъ же см. 1883, №№ 10, 11 и 12 переводъ одного изъ лучшихъ его романовъ-сатиръ: Другъ Мансо (El amigo Manso) и др.

Донъ-Рамонъ Кампоаморъ (Campoamor y Campoosario), аристократъ по происхожденію и по убѣжденіямъ, род. въ 1817 г. въ Астуріи, учился медицинѣ въ Мадридѣ, но скоро увлекся поэзіей (сохранивъ, впрочемъ, на всю жизнь интересъ къ естественнымъ наукамъ); въ 1838—1841 гг. онъ написалъ рядъ драмъ и комедій въ стихахъ, которыя не имѣли большого успѣха; въ царствованіе Изабеллы онъ очень охотно принималъ участіе въ любительскихъ литературныхъ вечерахъ (въ частномъ театрѣ), которые часто посѣщала королева, и выступалъ тамъ съ своими акростихами, тріолетами *) и пр., которые всегда доставляли великое удовольствіе высокопоставленнымъ слушателямъ. Первый печатный сборникъ его лирическихъ произведеній (Ternezas y Flores, т.-е. нѣжности и цвѣты) выражаетъ чувства молодого человѣка, полнаго надеждъ и наслаждающагося всѣми радостями жизни; но въ послѣдующихъ онъ все болѣе и болѣе является поэтомъ-философомъ. Въ 1846 г. выходятъ его «Las Doloras» (8-ое изд. 1864, 1888—18-ое), видъ поэзіи, имъ введенный въ моду **) и распространившійся даже въ сосѣдней Португаліи; съ этихъ поръ на пиринейскомъ полуостровѣ перестаютъ видѣть въ поэзіи только одну усладу чувствъ, и Гёте, Байронъ, Мюссе становятся понятными во всей полнотѣ своего рефлективнаго творчества.

Въ 1853 г. Кампоаморъ издалъ свою эпическую поэму: «Колумбъ» (Colon) и затѣмъ много лѣтъ работалъ надъ самымъ обширнымъ и характернымъ своимъ произведеніемъ: «Міровая драма» (El drama universal), большой философской поэмой, которая раздѣляется на 8 дней (хорнадъ); въ ней поэтъ является продолжателемъ и соперникомъ не только Мильтона и Клопштока, но и Данта, и даже Романа Розы; героиня ея—молодая женщина Soledad (уединеніе), герой—Гонорій; первая нѣсколько разъ умираетъ и возрождается, а второй, кромѣ того, превращается въ мраморъ, дерево, орла и пр.; дѣйствіе въ первыхъ хорнадахъ часто переносится изъ этого міра въ другой, а въ 5-ой, 6-ой и 7-ой хорнадахъ читатель странствуетъ исключительно за гробомъ и обходитъ съ поэтомъ неизмѣримыя пространства, гдѣ находятся души умершихъ, повинныхъ одному изъ семи смертныхъ грѣховъ, причемъ онъ встрѣчаетъ, конечно, и массу историческихъ лицъ (между прочимъ въ 7-ой хорнадѣ онъ присутствуетъ при рожденіи планеты); въ 8-ой хорнадѣ—страшный судъ, и здѣсь же раскры-

*) Тріолетъ старофранцузская (XV—XVI в.) форма лирики; въ немъ 8 стиховъ и первый стихъ повторяется еще 2 раза (послѣ 3-го и 6-го).

**) По его собственному опредѣленію, это „поэтическая композиція, соединяющая легкость формы съ прочувствованнымъ содержаніемъ, точность выраженія съ важностью философской идеи“.

вается основная идея поэта—очищеніе страстной любви черезъ высшее знаніе и вѣру въ идеалъ *).

Автору поэмы никакъ нельзя отказать въ силѣ мысли и поразительномъ богатствѣ воображенія, но читать его поэму все-таки трудъ нелегкій.

Кампоаморъ занималъ много разъ видныя должности, засѣдалъ въ кортесахъ и велъ довольно энергично борьбу съ Кастелляромъ; но философія и поэзія все же составляли главный интересъ его жизни.

Послѣ «Міровой драмы» онъ, кромѣ многихъ статей и трактатовъ, написалъ нѣсколько поэмъ, конечно тоже философскихъ; мы назовемъ изъ нихъ одну: «Лиценціатъ Торральва» (El licenciado Torralva въ 8 пѣсняхъ 1888 г.), представляющую нѣчто въ родѣ испанскаго Фауста **).

Драмы Кампоамора также серьезны и оригинальны по мысли и также тяжелы для чтенія, не говоря уже о воспроизведеніи ихъ на сценѣ.

Въ томъ переживаніи, которое представляетъ поэтическая дѣятельность Кампоамора, есть и значительная доля прогресса: его послѣдователи уже не пишутъ тріолетовъ, и едвали многіе изъ нихъ рѣшатся на подражаніе «Міровой драмѣ», а облеченіе глубокой мысли въ красивые и сильные образы есть несомнѣнно самая высокая задача всей новѣйшей лирики.

Нельзя того же сказать про школу старшаго его современника Вентуры.

Вентура де ля Вега род. въ 1807 г. въ Буэносъ-Айресѣ, въ 1818 г. пріѣхалъ учиться въ Мадридъ и остался тамъ на всю жизнь (онъ ум. 1865 г.). Въ ранней молодости онъ былъ либералъ и принадлежалъ къ вышеупомянутому тайному обществу Нуманціи; но ловко умѣвъ спастись отъ преслѣдованій полиціи, покаялся и измѣнилъ свои убѣжденія. Въ литературѣ онъ видѣлъ средство сдѣлать карьеру безъ особаго труда и въ этомъ смыслѣ рано началъ культивировать свой незаурядный, но чисто-внѣшній талантъ къ стихотворству. Въ своихъ многочисленныхъ одахъ онъ довольно ловко восхвалялъ всѣхъ царствующихъ особъ не только въ Испаніи, но и во Франціи, да и всякое высокопоставленное лицо, отъ котораго онъ надѣялся получить что-нибудь, могло разсчитывать на нѣсколько блестящихъ въ отношеніи формы, но мало содержательныхъ строкъ въ произведеніи «знаменитаго» поэта; зато онъ и былъ осыпанъ наградами и почестями.

Вентура прославился и какъ драматургъ: почти ни одна его пьеса

*) Содержаніе см. у Hubbard o., c. стр. 192 и слѣд.

**) Его Obras escogidas издалъ Brockhaus въ 3 т. Lpz. 1885—6.

не проваливалась, а иныя давались множество разъ и принесли ему массу денегъ; но въ огромномъ большинствѣ этихъ пьесъ нѣтъ ни капли творчества; онѣ ловко передѣланы съ французскаго. Зато Вентура клалъ не мало труда на постановку своихъ беззастѣнчивыхъ заимствованій; онъ самъ обставлялъ сцену и самъ костюмировалъ актеровъ. А между тѣмъ немногія самостоятельныя его произведенія доказываютъ, что онъ могъ бы, еслибы потрудился, сочинять недурныя комедіи интриги и характеровъ.

Хвалебныя оды, по образцу Вентуры, и до сихъ поръ приносятъ своимъ авторамъ житейскія выгоды. Вообще упражненіе въ стихотворствѣ въ Испаніи развито и до сихъ поръ очень сильно: кромѣ академіи, въ члены которой все еще легче всего попасть за стихи, въ Испаніи существуетъ масса частныхъ поэтическихъ обществъ, гдѣ молодые люди услаждаются взаимно чтеніемъ своихъ произведеній, изъ которыхъ многія попадаютъ и въ печать. Часто появляются знаменитости на часъ, которыя поражаютъ любителей поэзіи чистотой и звучностью своего стиха и роскошью образовъ: благо языкъ такъ гармониченъ, а воображеніе такъ пылко; большинство ихъ не отличается богатствомъ идей и, подобно дѣдамъ, воспѣваетъ цвѣты, зефиры и красоту возлюбленной; не мало находятъ читателей и почитателей и удачные религіозные гимны (Antonio Arnao); но рядомъ съ этимъ пользуются успѣхомъ и нѣкоторые остроумные сатирики (напр. Manuel Palacio *)), умѣющіе подмѣтить дѣйствительные недостатки общества.

Театръ по прежнему остается любимымъ развлеченіемъ испанской интеллигенціи, которая во всякомъ случаѣ не можетъ пожаловаться на недостатокъ новыхъ пьесъ, также какъ и драматурги и актеры не могутъ жаловаться на недостатокъ вниманія къ нимъ. Ксавье Дюрьё (Durrieu), довольно долго жившій въ Испаніи, набросалъ **) очень живую картинку представленія въ мадридскомъ театрѣ въ началѣ 40-хъ годовъ: зрительная зала не велика и плохо освѣщена; цѣны на мѣста низкія (такъ что самая популярная пьеса не можетъ доставить автору большихъ богатствъ); но публика наполняетъ ее во-время, зато требуетъ, чтобы и занавѣсъ поднимался пунктуально въ свое время; только для любимца или любимицы она можетъ сдѣлать нѣкоторую уступку; это публика строгая и внимательная, для которой пріятно играть и писать пьесы.

Съ тѣхъ поръ построено много новыхъ театровъ, обширныхъ и прекрасно-освѣщенныхъ; значительная часть фешенебельной публики увлекается оперетками (zarzuelas); но, во-первыхъ, и отъ оперетки

---

*) См. переводъ его сатиры у Hubbard o. c., 210—11.

**) Rev. d. d. M. 1844, 15 Juillet и 15 Août.

испанцы требуютъ національнаго колорита, вслѣдствіе чего тамъ явилась масса собственныхъ композиторовъ (обильно черпающихъ изъ національныхъ мотивовъ) и либретистовъ, а во-вторыхъ, и для драмы, сколько-нибудь сносной, всегда находятся тысячи зрителей. Къ сожалѣнію, какъ въ 40-хъ годахъ, такъ и теперь между драматургами немногіе возвышаются надъ посредственностью, да и тѣ выдаются больше ловкостью, чѣмъ творчествомъ.

Въ Испаніи существуетъ высокая комедія, подъ которой разумѣютъ изображеніе аристократическаго, салоннаго общества; существуетъ комедія нравовъ, рисующая жизнь средняго и низшаго классовъ, но въ наибольшемъ ходу комедія интриги, соотвѣтствующая старинной «комедіи плаща и шпаги»; есть и комедіи тенденціозныя или политическія съ громкими монологами, электризующими зрительную залу въ виду особыхъ обстоятельствъ; характеры во всѣхъ видахъ комедіи обыкновенно очерчены очень слабо и отдѣлываются чаще въ виду того актера, которому будетъ отдана роль, чѣмъ въ виду требованій полноты и естественности.

Что касается драмы въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, то, по особенностямъ испанскаго національнаго характера, романтическая школа, съ своимъ смѣшеніемъ трагическаго и комическаго, здѣсь раньше, чѣмъ во Франціи, стала возбуждать недовольство; явились свои Понсары, пытавшіеся возстановить чистую трагедію, и они держались здѣсь нѣсколько дольше, но все же въ концѣ концовъ провалились. Тогда почти одновременно было сдѣлано нѣсколько довольно удачныхъ попытокъ возстановить старую драму—Лопе де-Веги, но съ соблюденіемъ исторической вѣрности и бо́льшимъ реализмомъ; самая извѣстная изъ нихъ драма «Rica Hembra» (магнатка), появившаяся въ 1854 г. и принадлежащая перу двухъ авторовъ: Тамайя (Tamayo y Baus, одинъ изъ испанскихъ Понсаровъ, авторъ Виргиніи) и Герры (Geurra y Orbe); въ ней очень хорошо отдѣланъ основной женскій характеръ, чисто испанскаго склада *).

Въ 60-хъ годахъ между драматургами пріятно выдѣлялся своей самостоятельностью Айяла (Adelardo Lopez de Ayala), давшій испан-

---

*) Дѣйствіе происходитъ при Петрѣ Жестокомъ; завязка въ томъ, что героиня храбро обороняетъ наслѣдственныя земли отъ враговъ и втайнѣ любитъ молодого пажа, котораго хочетъ возвысить до себя. Но король намѣревается выдать ее замужъ. за своего родственника съ лѣвой стороны; съ этимъ „предложеніемъ“ къ ней является самъ претендентъ, и когда героиня высказала ему свое мнѣніе, конечно, для него нелестное, онъ даетъ ей пощечину. Она могла бы велѣть убить его, но это не смоетъ съ нея пятна; ненавидя и презирая его и любя другого, она рѣшается выдти за него замужъ, чтобы не сказали, что до ея благороднаго лица коснулся кто-нибудь другой, кромѣ жениха!

ской сценѣ нѣсколько недурныхъ комедій нравовъ въ стихахъ и особенно жестоко и ѣдко преслѣдовавшій страсть къ наживѣ, которая тогда овладѣла испанской буржуазіей. Но съ 1868 г. онъ сталъ важнымъ государственнымъ человѣкомъ и перестадъ писать.

Въ послѣднее время и на сценѣ замѣчается сильное стремленіе къ реализму; но и здѣсь, какъ въ Италіи; оно далеко отъ тѣхъ крайностей, до какихъ дошелъ во Франціи.

Молодыхъ драматурговъ очень много, такъ какъ театръ даетъ и деньги, и славу, но покамѣстъ еще никто изъ нихъ не можетъ претендовать на европейскую извѣстность.

О пробужденіи умственной жизни въ Испаніи, начиная съ середины нынѣшняго столѣтія, ничто не свидѣтельствуетъ съ такой ясностью, какъ появленіе цѣлаго ряда серьезныхъ и обширныхъ научныхъ трудовъ по исторіи и исторіи литературы, пока исключительно національной. До тѣхъ поръ испанцы довольствовались или передѣлками иностранныхъ сочиненій, или оригинальными сводами лѣтописей; но въ 60-хъ годахъ почти одновременно является и «Общая исторія Испаніи» Ляфуэнтэ (Historia general de Espana; Lafuente род. въ 1806 г., ум. 1866) *) и семитомная, съ массой неизданныхъ памятниковъ, снимками и пр. исторія испанской литературы до XV в. Амадора де-лосъ Ріосъ **). Ляфуэнтэ по взглядамъ испанскій Карамзинъ, гуманный и либеральный, но не свободный отъ національныхъ предразсудковъ и нѣкоторой патріотической узости; а по точности изслѣдованія его удачно сравниваютъ съ извѣстнымъ французскимъ историкомъ Анри Мартеномъ. Amador de los Rios (род. 1818, ум. 1878), долго и со славою занимавшій каѳедру въ Мадридѣ, началъ свою литературную дѣятельность съ стихотвореній, потомъ задумалъ перевести и дополнить часть Литературъ юга Сисмонди, касающуюся Испаніи, но постепенно эта скромная задача завела его въ дебри самостоятельныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ онъ вышелъ съ великою честію. Напрасно иные жалѣютъ о томъ, что онъ не перенесъ центръ тяжести своихъ работъ на золотой періодъ испанской литературы, на XVI и XVII вѣка: тутъ и безъ него работниковъ было не мало, и иностранцы могли сдѣлать не меньше своихъ; но обработать средніе вѣка съ такою пользою для національнаго самосознанія могъ только онъ одинъ.

Не мало появляется за послѣднее время и хорошихъ книгъ по новѣйшей исторіи Испаніи, и есть даже недурная исторія испанской цивилизаціи (Eugenio Tapia). Что касается до исторіи національной литературы и языка, то въ послѣднее время въ испанскихъ универ-

*) 1-ое изд. въ 30 томахъ 1850—66; 2-ое въ 1874—5 въ 13 томахъ; 3-ье 1877—1882 съ иллюстраціями и дополненіями (до нашего времени).

**) Historia critica de la literatura españ ola 1861—67.

ситетахъ появилось не мало работниковъ, знающихъ и Боппа, и Гримма, и Дица, и стоящихъ на уровнѣ современной науки; ихъ полезная работа значительно облегчается многочисленными трудами ихъ предшественниковъ,—собирателей, издателей и библіографовъ.

Если политическое положеніе Испаніи въ первой половинѣ столѣтія представляло невыгодныя условія для развитія умственной жизни, то еще хуже было положеніе Португаліи *), которая шла сзади отставшей отъ Европы Испаніи; мало помогали ей близкія сношенія съ Франціей, которая сравнительно съ нею слишкомъ далеко ушла впередъ. По особымъ причинамъ, Португалія сблизилась съ Англіей, но почти ничѣмъ отъ нея не воспользовалась.

Извѣстно, что въ первые годы столѣтія Португалія еще раньше Испаніи и въ бóльшей степени, нежели послѣдняя, подпала владычеству французовъ **), что даже королевская фамилія покинула страну и переселилась въ Бразилію, которая тогда была португальской колоніей. Португалія возстала противъ поработителей и окончательно освободилась уже въ 1811 г. Но она совершила этотъ подвигъ не сама собой, а при помощи войскъ и подъ предводительствомъ генераловъ Англіи ***), подъ протекторатъ которой она и попала тѣмъ легче, что королевская фамилія и не думала возвращаться въ Европу; теперь Португалія будто превратилась въ колонію собственной колоніи.

Извѣстно, что такое положеніе вещей и революція въ сосѣдней Испаніи возбудили движеніе и въ португальскомъ народѣ; въ 1820 г. собрались кортесы (не собиравшіеся болѣе 100 лѣтъ); но вскорѣ произошли сильныя политическія замѣшательства, которыми воспользовалась Бразилія, чтобы объявить себя независимой, началась междоусобная война съ жестокими репрессаліями ****), въ которую опять-таки должна была вмѣшаться Англія, а потомъ и другія державы; затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ внутреннихъ волненій въ правленіе Маріи II da Gloria (съ 1834 г.), и только къ пятидесятымъ годамъ страна достигла сравнительнаго спокойствія, и въ ней началось замѣтное прогрессивное движеніе.

---

*) Единственный общедоступный обзоръ новой португальской литературы: A. Loiseau: Histoire de la littérature portugaise. 2-me éd. Paris. 1887 (стр. 348 до конца); онъ составленъ съ знаніемъ дѣла, хотя и впадаетъ часто въ тонъ панегирика. Ср. также Ferd. Wolf'a: Zur Geschichte der portug. Nationallitteratur in der neuesten Zeit въ Jahrbuch Эберта (V, стр. 267 и слѣд.).

**) Генералъ Жюно (впослѣдствіи герцогъ Абрантесъ) занялъ ее въ 1807 г. за сношенія съ Англіей.

***) Главнымъ образомъ будущаго герцога Веллингтона.

****) Въ нѣсколько мѣсяцевъ царствованія Д. Мигуэля до 16,000 человѣкъ было заключено въ тюрьму, казнено или сослано въ Африку.

Понятно, почему «классическая» или формальная поэзія здѣсь держались дольше, нежели гдѣ бы то ни было въ западной Европѣ. Въ другихъ странахъ псевдоклассицизмъ по крайней мѣрѣ способствовалъ очищенію языка; а здѣсь и того не было: галломанія сильно портила португальскій стихъ и прозу **). Даже великаго національнаго поэта Камоэнса пытались исправлять или топтали въ грязь въ угоду чуждымъ богамъ сомнительнаго достоинства.

Въ двадцатыхъ годахъ происходитъ и здѣсь, какъ и повсюду, художественная революція, и эти боги падаютъ съ своихъ пьедесталовъ. Подобно тому, какъ во Франціи и въ Испаніи, главными дѣятелями въ этой революціи являются эмигранты, познакомившіеся съ романтизмомъ во время изгнанія.

Возрожденіе поэзіи и національной идеи начинается именно съ возвращенія къ Камоэнсу; первымъ новымъ поэтомъ Португаліи является Альмейда Гарретъ, который въ 1825 г. издалъ въ Парижѣ восторженную, въ романтическомъ духѣ написанную, поэму въ 10 пѣсняхъ «Камоэнсъ».

Виконтъ Жоанъ Баптиста де Альмейда Гарретъ **) род. въ 1799 г. въ Опорто, получилъ очень хорошее классическое образованіе и уже 16 лѣтъ вступилъ въ университетъ, чтобы изучать право. Еще студентомъ, началъ онъ печатать свои поэтическія произведенія, охватывавшія и лирику, и эпосъ, и трагедію, и написанныя въ строго классическомъ духѣ. Лучшимъ его твореніемъ и украшеніемъ португальской поэзіи считалась его трагедія: «Катонъ» (Catão), образцомъ для которой служилъ столь же когда-то превознесенный «Катонъ» Адиссона.

Но во время реакціи 1823 г. Альмейда Гарретъ былъ принужденъ удалиться въ изгнаніе сперва въ Англію, потомъ во Францію. Онъ познакомился съ произведеніями Байрона, Шатобріана, Ламартина, де-Виньи, и др. и преклонился передъ новыми богами; но онъ не могъ сразу рѣшиться сжечь все, чему поклонялся до тѣхъ поръ, и въ его слѣдующей за «Камоэнсомъ» поэмѣ «Dona Branca» (Paris, 1826), не смотря на предисловіе, въ которомъ заключается манифестъ португальскаго романтизма, видятъ столько же вліяніе Скотта, сколько и просвѣтителей XVIII в.

*) Въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе составляетъ препрославленный за чистоту своего языка и тонкость вкуса поэтъ Francisco Manoel do Nascimento (1734—1819), въ которомъ впрочемъ замѣчаются уже многія черты романтизма.

**) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ двумя другими португальскими писателями XIX в., которые носятъ фамилію Альмейды: съ Николаемъ Толентино Альмейдой (род. 1745 г., ум. 1811), извѣстнымъ въ свое время сатирикомъ, и съ нынѣ живущимъ издателемъ португальской энциклопедіи Франциско Альмейдой (род. 1838), авторомъ очень популярной пародіи—сатиры: „Луизіады XIX вѣка“.

Въ томъ же 1826 г. Альмейда Гарретъ возвратился въ отечество; но въ 1827 г. при Донъ Мигуэлѣ онъ былъ заключенъ на 3 мѣсяца въ тюрьму, потомъ опять принужденъ скрыться за границу и опять уѣхалъ въ Англію; тамъ издалъ онъ двѣ самыя характерныя свои поэмы: «Adozinda, романсъ въ 4-хъ пѣсняхъ», и «Bernal Francez»; обѣ онѣ основаны на народныхъ преданіяхъ и романсахъ. Впослѣдствіи, перепечатывая въ 1851—3 гг. въ Лиссабонѣ эти поэмы, онъ прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько подобныхъ же меньшаго объема и цѣлый рядъ собранныхъ имъ народныхъ романсовъ, которые онъ, по обычаю того времени, позволялъ себѣ очищать и отдѣлывать. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ видѣ народная поэзія производила на португальскую интеллигенцію освѣжающее дѣйствіе.

По возвращеніи въ отечество, А. Гарретъ игралъ довольно видную политическую роль и былъ выдающимся ораторомъ. Онъ умеръ въ 1854 г.

Онъ считается также и основателемъ новаго историческаго романа (o Arco de Santa Anna) и національной драмы; наибольшей популярностью пользуются его историческія пьесы: «Представленіе Хиль Висента» (Auta de Gil-Vicente 1838 г. въ стихахъ и прозѣ) *), «Сантаремскій оружейникъ» и др. Онъ же авторъ многихъ «пословицъ», сдѣлавшихъ моднымъ въ Португаліи этотъ видъ комедіи, изобрѣтенный французскими романтиками.

Сотрудниками А. Гаррета по возрожденію португальской литературы были два даровитыхъ поэта: **Кастильо** и **Эркуляно**.

Антоніо Фелиціано де Кастильо (Castilho) род. въ 1800 г. въ Лиссабонѣ и 6-ти лѣтъ отъ роду ослѣпъ безвозвратно, но съ помощію чужихъ глазъ и изумительнаго прилежанія получилъ превосходное литературное образованіе; уже съ 16 лѣтъ онъ началъ печатать оды, которыя обратили на него всеобщее вниманіе; поэмы А. Гаррета и близкое знакомство съ произведеніями Байрона сдѣлали его романтикомъ съ сильной наклонностью къ меланхоліи, которая вполнѣ понятна при особыхъ условіяхъ его жизни. Лучшія его произведенія лирическія, чисто субъективныя стихотворенія; онъ мастерски владѣлъ стихомъ и могъ съ одинаковой легкостью и искусствомъ писать и на современномъ, и на средневѣковомъ португальскомъ языкѣ. Онъ же далъ родной литературѣ очень хорошіе переводы Шатобріана, Мольера, Фауста, пьесъ Шекспира и пр. Онъ умеръ въ 1878 г.

Александръ Эркуляно (Herculana de Carvalho e Araujo) былъ вполнѣ ученикомъ А. Гаррета; онъ род. въ 1810 г. въ Лиссабонѣ и тоже былъ принужденъ эмигрировать въ Парижъ; тамъ онъ очень много

*) Содержаніе см. Loiseau o. c., стр. 363.

работалъ и близко познакомился съ иностранными литературами. По возвращеніи, онъ, ради умственной свободы, отказался отъ выгодныхъ предложеній, которыя ему дѣлали, и началъ съ романтическо-патріотическихъ поэмъ, потомъ обратился къ философско-политическимъ («Арфа вѣрующаго», «Пророческій гласъ»), но скоро предоставилъ стихотворство тѣмъ, кому эта форма дается легче, отдался почти исключительно историческому роману, въ которомъ, онъ удачно подражалъ и Notre Dame, и Скотту, и Манцони *); онъ старался соединить художественный интересъ съ исторической правдивостью. Отъ такого романа недалекъ былъ переходъ къ исторіи, и Эркуляно въ своей 4-хъ томной исторіи Португаліи является достойнымъ ученикомъ Тьери, Тьера, Гизо и др., хотя и не обладаетъ искусствомъ ихъ разсказа. Характерно, что, несмотря на горячій патріотизмъ, его трудъ вызвалъ сильные протесты со стороны обскурантнаго духовенства, которое находило, что объяснять событія естественнымъ путемъ значитъ развращать народъ и юношество. Онъ умеръ въ 1877 г.

Вотъ перечень другихъ выдающихся представителей школы А. Гаррета:

Rebello da Silva род. въ 1822 г., политическій ораторъ, профессоръ исторіи, романистъ и драматургъ. Наибольшую славу пріобрѣлъ онъ своими историческими романами, рядъ которыхъ начинается съ „Завоеванія Сеуты" (1886 г., остался неоконченнымъ); извѣстнѣй другихъ его романъ: „Старая ненависть не утомляется", изображающій борьбу двухъ фамилій; въ немъ, какъ и въ послѣдующихъ, въ сильную драматическую основу авторъ удачно ввелъ комическій элементъ. Въ его комедіяхъ много жизни и движенія.

Mendes Leal род. въ 1823 г. въ Лиссабонѣ въ бѣдной семьѣ, но, благодаря энергіи, усердію въ ученьѣ и способностямъ, сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру; уже въ 1851 г. онъ попалъ въ палату, которая черезъ нѣсколько лѣтъ выбрала его своимъ президентомъ; онъ былъ два раза министромъ, былъ посланникомъ въ Парижѣ и Мадридѣ; въ Парижѣ основалъ «международную литературную ассоціацію». Онъ писалъ во всѣхъ родахъ и тонахъ, но преимущественно въ восторженно-патріотическомъ. Какъ драматургъ, онъ началъ съ «ужасныхъ» драмъ судьбы, въ которыхъ, какъ и въ послѣдующихъ своихъ комедіяхъ, показалъ больше ловкости и знанія сцены, чѣмъ творчества. Онъ важнѣе какъ романистъ, такъ какъ можетъ считаться основателемъ романа нравовъ въ Португаліи.

Luis Augusto Palmeirim род. въ 1821 г., былъ офицеромъ; больше всего имѣлъ успѣхъ, какъ лирикъ, это португальскій Беранже; многія изъ его Poesias populares дѣйствительно стали народными пѣснями.

Gomes de Amorim род. въ 1827 г. въ Португаліи, но мальчикомъ былъ принужденъ уѣхать въ Бразилію, чтобъ добывать себѣ хлѣбъ; произведенія Гаррета возбудили его талантъ. Его богатая, чисто субъективная лирика отчасти напоминаетъ Гейне. Въ своихъ драмахъ и нѣкоторыхъ романахъ онъ очень занимательно воспроизводитъ нравы Бразиліи.

*) Самый извѣстный изъ его романовъ: „Эйрикъ, готскій священникъ" изъ времени вторженія Арабовъ. Перечисленіе и отчасти содержаніе другихъ см. Loiseau o. c., стр. 370 и слѣд

Thomas Ribeiro род. въ 1831 г., былъ адвокатомъ; славу ему составила его поэма Don Jayme, богатая авантюрами и исполненная пылкаго и нѣсколько узкаго патріотизма (дѣйствіе ея происходитъ въ XVII вѣкѣ, въ эпоху сверженія испанскаго ига).

Въ 40-хъ годахъ въ Бразиліи, уже давно независимой, обособляется собственная литературная школа, но она ничѣмъ существенно (кромѣ наклонности къ описанію красотъ богатой бразильской природы и оригинальныхъ нравовъ страны) не отличается отъ португальской. Два ея поэта, которыхъ на родинѣ признаютъ „великими": Порто Алегре (род. 1806 г.) и Антоніо Гонзальесъ Діасъ (род. 1823 г.) выдаются изъ среды другихъ главнымъ образомъ потому, что долго жили въ Европѣ и тѣмъ расширили свой литературный кругозоръ.

До 50-хъ годовъ португальская литература идетъ по слѣдамъ французскаго романтизма; но въ области драмы въ ней, какъ и въ Испаніи, подновленный классицизмъ собственныхъ Понсаровъ довольно энергично борется съ новой школой; наклонность къ «стиху и благородному паѳосу» остается на сценѣ и до сихъ поръ. Зато въ области романа новое направленіе царствовало безраздѣльно, и «ужасные» романы Камилло Бранко (португальскаго Дюма, но съ болѣе мрачнымъ міросоверцаніемъ) читались на-расхватъ. Въ 50-хъ годахъ французскій романтизмъ здѣсь постепенно перерождается въ реализмъ; возникаетъ этнографическая школа, воспроизводящая народную жизнь и нравы отдѣльныхъ провинцій; романъ современный и соціальный беретъ перевѣсъ надъ историческимъ; развивается повѣсть; даже сцена начинаетъ воспроизводить жизнь португальскаго общества, какъ она есть, но опять-таки, какъ и въ Испаніи, безъ крайностей современнаго французскаго реализма.

Самый даровитый поэтъ 60-хъ годовъ безспорно Коэльо (Ioachim Gomes Coelho), писавшій подъ псевдонимомъ Julio Dinis; онъ род. въ Опорто въ 1839 г., учился въ политехникумѣ, потомъ занимался медициной. Съ 1867 года былъ профессоромъ хирургической школы въ Опорто; ум. въ 1871 г., когда его замѣчательный талантъ едва успѣлъ выказать свою силу и разнообразіе. Свою литературную карьеру онъ началъ съ стихотвореній, которыя имѣли успѣхъ, но не выдающійся. Въ 1866 г. вышелъ его романъ «Ученицы господина священника» (As popillas do senhor reitor) *), простая деревенская исторія съ сохраненіемъ мѣстнаго колорита, но разсказанная съ такой задушевностью, теплотою и правдивостью, и представляющая такое разнообразіе характеровъ и такой живой интересъ по тонкой психологической отдѣлкѣ, что португальская публика пришла въ восторгъ и не только зачитывалась романомъ, но и охотно смотрѣла его передѣлку на сценѣ. Съ этого момента реализмъ сталъ твердою ногою въ

*) Перев. на франц. Olivier du Chastel въ фельетонѣ Gagne Petit за 1886 г.

Португаліи. Въ слѣдующемъ 1867 г. вышелъ второй романъ Диниза: «Англійское семейство» (Uma familia ingleza), изображающій жизнь горожанъ, затѣмъ еще два, воспроизводящіе жизнь деревенскаго дворянства и нѣсколько превосходныхъ повѣстей опять-таки изъ жизни простого народа.

Школа Диниза только теперь формируется; ей предстоитъ блестящая будущность, когда успокоенная Португалія догонитъ своихъ сосѣдей. Этого не долго ждать, такъ какъ португальцы читаютъ очень много (въ этой маленькой странѣ нѣсколько газетъ различныхъ партій имѣютъ по 30,000 подписчиковъ), и между ними встрѣчаются такіе великіе литературные труженники, какъ напр. Теофилъ Брага (род. 1843 г. на Азорскихъ островахъ), который уже съ 16 л. печатаетъ свои стихотворенія, считается однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ профессоровъ Лиссабонскаго лицея (сперва по политической экономіи—онъ юристъ по образованію, теперь политературѣ), издалъ уже 5 томовъ сборника португальскихъ романсовъ (1867—69) и отъ 1870 до 1882 г. напечаталъ 20 томовъ исторіи португальской литературы, не считая массы статей и книгъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ; изъ однихъ его произведеній можно составить цѣлую библіотеку.

ГЛАВА VII.

Скандинавскія страны. Голландія, Венгрія, Финляндія и Румынія *).

Племенное родство, географическая близость и постоянныя сношенія скандинавскихъ странъ съ Германіей вполнѣ естественно обусловливали сильное и непосредственное вліяніе нѣмецкой литературы на скандинавскія; въ Даніи, напр., романтическія «вѣянія» чувствуются значительно раньше, чѣмъ романтическая школа сформировалась въ Германіи. Клопштокъ, прожившій двадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни въ Даніи, имѣлъ тамъ не менѣе горячихъ поклонниковъ и подражателей, какъ и на родинѣ; уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія тамъ являются образцы романтическаго эпоса **), столь же характерные, какъ и тѣ, которые приводили въ восторгъ германскую молодежь спустя цѣлое поколѣніе. Въ Швеціи, Норвегіи и даже

---

*) Въ этой главѣ мы остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ писателяхъ этихъ странъ, которые пользовались нѣкоторою популярностью и вліяніемъ у насъ въ Россіи.

Для скандинавскихъ поэтовъ см. очень полезный сборникъ А. Н. Чудинова: „Образцы скандинавской поэзіи". Воронежъ 1875 г. Кромѣ того о шведской поэзіи см. статью Я. К. Грота. Соврем. 1839, т. XIII и ibid. т. XIV статью, составленную по Лёнстрому.

**) См. у насъ вып. XXV, стр. 401 и слѣд.

маленькой Исландіи изученіе родной старины началось не позже, нежели въ Германіи, и братья Гриммы находили во всѣхъ скандинавскихъ странахъ не только энергичныхъ сотрудниковъ, но и полезныхъ руководителей *).

Въ Швеціи борьба между классицизмомъ (который здѣсь мало былъ поддержанъ вліяніемъ «просвѣтителей») и романтизмомъ начинается на самой грани двухъ столѣтій; обскурантное правительство Густава IV Адольфа безъ всякаго почти основанія считало новые литературные взгляды революціонными и старалось подавить ихъ полицейскими мѣрами, чѣмъ, конечно, увеличивало ихъ популярность среди молодежи. Въ 1807 г. нѣсколько упсальскихъ студентовъ и писателей составили литературное общество, которое приняло названіе «союза Авроры» (Aurora-Förbundet), и это общество, не смотря на несочувствіе властей, смѣло начало борьбу съ всесильной, повидимому, Академіей, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ препрославленный поэтъ Леопольдъ **). Черезъ 2 года безкровная революція свергла правительство Густава IV Адольфа; пресса и книжная торговля освободились отъ всякихъ стѣсненій, и молодое общество уже безпрепятственно продолжало свое дѣло возрожденія національной литературы.

Ожесточенная война между классиками и романтиками велась всевозможными орудіями, отъ ученыхъ трактатовъ до эпиграммъ и пародій (подобно тому, какъ у насъ между шишковистами и карамзинистами); каждая изъ партій имѣла свои органы, и читающая публика горячо интересовалась ихъ спорами. Борьба окончилась, конечно, въ пользу молодого поколѣнія, и явнымъ признакомъ побѣды его послужило избраніе главы романтиковъ Аттербома въ члены Академіи на мѣсто умершаго Леопольда (1829 г.).

Но еще задолго до своей побѣды надъ Академіей новая школа раздѣлилась на двѣ подшколы, изъ которыхъ каждая имѣла свои корни въ различныхъ сторонахъ нѣмецкаго романтизма: фосфориты, называвшіеся такъ отъ журнала Phosphoros, который въ 1810—13 гг. служилъ главнымъ органомъ всей партіи, преклонялись передъ роскошью красокъ и искреннимъ вдохновеніемъ безъ вниманія къ національности и, находя то и другое въ изобиліи въ странахъ южной Европы и на востокѣ, вводили въ родную литературу испано-итальянскіе и восточные сюжеты и картины, и такъ-называемые готы, которые были представителями строгаго націонализма въ поэзіи и вдохновлялись и позволяли вдохновляться другимъ только отечественными преданіями и скандинавской природой; они скоро

*) См. v. Raumer o. c. passim.

**) См. у насъ вып. XXV, стр. 418.

основали свой собственный журналъ: Идуна *), въ которомъ участвовалъ и знаменитый Тегнѐръ.

Въ то же время хорошіе стихотворные переводы Шиллера, Гёте, романсовъ о Сидѣ Гердера, а потомъ и поэмъ Байрона расширяли кругозоръ и изощряли вкусъ читающей шведской публики.

Переходимъ къ отдѣльнымъ писателямъ.

Петръ Даніель Амадеусъ Аттербомъ род. въ 1790 г.; онъ былъ сынъ деревенскаго священника, учился въ гимназіи, а съ 1805 г. сталъ студентомъ упсальскаго университета. Онъ рано ознакомился съ нѣмецкой поэзіей и съ философіей Шеллинга. Въ 1807 г. онъ, не смотря на свою молодость, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей союза Авроры, и съ 1810 г. былъ главнымъ редакторомъ Фосфора. Послѣ прекращенія этого журнала онъ въ продолженіе 10 лѣтъ (1812—1822) издавалъ «Поэтическій Календарь» (Poetisk Kalender). Въ 1817 г. онъ отправился черезъ Германію въ Италію, а по возвращеніи изъ путешествія (1819) состоялъ учителемъ нѣмецкаго языка и литературы при кронпринцѣ Оскарѣ; въ 1821 г. онъ былъ сдѣланъ доцентомъ упсальскаго университета, а въ 1828 г. профессоромъ; онъ ум. въ 1855 г.

Аттербомъ—очень крупный и вліятельный литературный дѣятель, но творческой силой обладаетъ въ небольшой степени. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на англійскаго реформатора поэзіи Вордсворта, съ которымъ близко сходится и во многихъ своихъ литературныхъ принципахъ и пріемахъ: онъ также любитъ описанія и дидактику и также въ своей лирикѣ мѣшаетъ философію съ поэзіей. Но Аттербомъ начитаннѣй Вортсворта и разнообразнѣй его; онъ не только поэтъ, но и критикъ, и философъ, и историкъ литературы; эта широта развитія, конечно, выгодно отражается и на его поэтическихъ произведеніяхъ.

Лучшей изъ его поэмъ считается «Островъ счастья», аллегорически, но въ рядѣ прекрасныхъ картинъ изображающій самыя поэтическія стороны человѣческой жизни. Рамкой для этихъ картинъ служитъ любовь сѣвернаго короля Астольфа и прекрасной Фелиціи.

Лирическія произведенія Аттербома часто соединяются въ циклы; лучшія изъ нихъ тѣ, которыя представляютъ подражаніе народнымъ пѣснямъ.

Изъ другихъ поэтовъ того же кружка вліятельнѣй и популярнѣй остальныхъ Karl Joh. Dahlgren (1791—1844), товарищъ Аттербома по упсальскому университету, впослѣдствіи проповѣдникъ въ главной стокгольмской церкви. Многія изъ его небольшихъ стихотвореній перешли въ уста народа; у него много при-

*) Idhun—скандинавская богиня, жена бога поэзіи Браги, хранительница яблокъ отъ которыхъ зависитъ и вѣчная юность боговъ.

роднаго юмору и веселости, благодаря которымъ его повѣсти охотно читаются и до сихъ поръ.

Изъ сотрудниковъ Идуны, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ стоитъ Тегнѣръ, величайшій поэтъ Швеціи и одинъ изъ величайшихъ поэтовъ романтической школы вообще; не будь Тегнѣра, шведская литература XIX вѣка имѣла бы только мѣстный интересъ, а, благодаря его «Фритьофу», она заинтересовала собою весь читающій міръ *).

Исайя Тегнѣръ, родившійся въ 1782 г. въ деревнѣ Вермландѣ, былъ младшимъ сыномъ бѣднаго пастора, который самъ вышелъ изъ крестьянъ. На 9-мъ году Тегнѣръ потерялъ отца и былъ принятъ на воспитаніе другомъ покойнаго, небогатымъ чиновникомъ, который бралъ его съ собою въ качествѣ прислужника въ дѣловыя поѣздки, что дало возможность наблюдательному мальчику узнать страну и людей. Будущій поэтъ рано пристрастился къ чтенію и въ особенности восхищался народными сагами и пѣснями, которыя выучивалъ наизусть. До 14 лѣтъ онъ не зналъ ничего кромѣ шведской грамоты, а въ это время началъ правильно учиться подъ руководствомъ брата, кандидата философіи. Въ 9 мѣсяцевъ онъ выучился очень порядочно по-латыни и немного по-французски и по-гречески, а потомъ уже безъ чужой помощи выучился по-англійски. Съ 16-лѣтняго возраста Тегнѣръ содержалъ себя уроками и между прочимъ жилъ въ семействѣ нѣкоего Мирмана, гдѣ, пользуясь порядочной библіотекой, пополнялъ пробѣлы своего образованія и особенно зачитывался Гомеромъ и Оссіаномъ. Скопивъ себѣ немного денегъ, онъ 17 лѣтъ поступилъ въ Лундскій университетъ и работалъ по 18—20 часовъ въ

*) По-русски, кромѣ вышеуказанной книги г. Чудинова, см. о Тегнѣрѣ Современникъ, 1841 г., № 21: Жизнь Т., описанная Франценомъ (по біографіи, составл. въ 1839 г.). Разборъ его Фритьофа, превосходно переведеннаго размѣромъ (точнѣе: размѣрами) подлинника Я. К. Гротомъ см. Бѣлинскій, V, 327 и слѣд. Некрологъ Т. см. Библ. для Чт. 1847 г. № 1 (Смѣсь, стр. 6). Поэму „Аксель“ перевелъ Д. П. Ознобишинъ; „Первое Причащеніе“ перевелъ В. И. Головинъ (см. Чудиновъ о. с.). Большую статью о немъ см. въ книгѣ Брандеса: „Новыя вѣянія“, изд. журн. Пантеонъ Литер. 1889 г.

Лучшая біографія Т. написана его зятемъ K. W. Böttiger'омъ, который былъ и издателемъ его сочиненій (7 томовъ. Stockh. 1847—50; юбил. изд. ibid, въ 8 тт. 1882—5); на нѣмецкій языкъ ее перевелъ Wilken: T.s Leben. Berl. 1847. Новѣе: Christensen: Esaias Tegner, 2-te Aufl. Lpz. 1883. Нѣм. переводъ Фритьофа Leinburg'a въ 1875 г. выдержалъ 9-ое изданіе; тотъ же Leinburg издалъ шведскій текстъ Фритьофа съ нѣмецкимъ переводомъ, примѣчаніями, грамматикой и словаремъ (Frankf. a. M. 2-te Aufl. 1873); онъ же изд. переводъ всѣхъ произведеній Тегнѣра въ 4-хъ томахъ (2-ое изд. 1885). Переводъ Фритьофа Mohnike въ 1879 г. выдержалъ 16-ое изд. (его же Sämtliche Gedichte Tegners nebst Lebensschilderung. Lpz. 1840).

О Фритьофѣ см. Revue d. d. M. 1833 г. 15 янв.; ibid. статью X. Marmier 15 дек. 1837; французскій переводъ Desprezet 1843. Paris; Louis Boutiller 1851. Но важнѣе всего для ознакомленія французовъ съ Т. была книга: Léouzon-Leduc: Histoire littéraire du Nord, 1-re partie, Poesie. Js. Tegner. 1850. 12°.

сутки, занимаясь съ одинаковымъ почти усердіемъ и древними языками, и философіей, и математикой; будучи студентомъ, онъ началъ сочинять стихи на торжественные случаи. Онъ блестяще окончилъ курсъ и уже 20 лѣтъ отъ роду сдѣлался магистромъ. Вскорѣ онъ посватался къ дочери Мирмана и получилъ согласіе, но съ тѣмъ, что бракъ совершится только тогда, когда женихъ пріобрѣтетъ прочное положеніе. Тегнѐръ сдѣлался сперва приватъ-доцентомъ, потомъ адъюнктомъ эстетики; но на адъюнктное содержаніе и одному существовать было трудно; только въ 1806 г., получивъ мѣсто библіотекаря и нотаріуса факультета, съ жалованьемъ въ «60 бочекъ хлѣба» *), онъ могъ считаться до нѣкоторой степени обезпеченнымъ; только тогда онъ получилъ возможность обзавестись своимъ домомъ. Въ это время въ характерѣ Тегнѐра произошла разительная перемѣна: отъ борьбы съ нуждою онъ казался до сихъ поръ нелюдимымъ и мрачнымъ; теперь вдругъ, что̀ называется, развернулся и обратился въ жизнерадостнаго, веселаго, остроумнаго человѣка. Въ 1811 г. Тегнѐръ за свое стихотвореніе: «Свея» получаетъ отъ Академіи большую золотую медаль, а въ слѣдующемъ 1812 г. онъ въ Стокгольмѣ лично знакомится и дружится съ Леопольдомъ и др. борцами «классицизма».

Дружба Тегнѐра съ академиками не должна удивлять насъ; дѣло въ томъ, что, будучи самымъ талантливымъ изъ романтиковъ, онъ далеко не былъ крайнимъ романтикомъ: онъ не любилъ таинственности, мистики, и на художника смотрѣлъ не какъ на мученика, лишеннаго всѣхъ обычныхъ радостей жизни, а какъ на счастливца, которому эти радости доступны больше, чѣмъ другимъ. «Здоровый духъ» въ его глазахъ — первое условіе истиннаго творчества. Онъ высоко ставилъ отечественныя преданія и народную поэзію; но относился съ почтеніемъ и къ классикамъ; даже самого Леопольда уважалъ столько же, какъ Байронъ уважалъ Попа. Съ другой стороны, Академія была не прочь примириться съ тѣми изъ новыхъ поэтовъ, съ которыми примиреніе было возможно; лирическая поэма «Свея» проникнута глубокимъ патріотизмомъ; она написана чистымъ правильнымъ языкомъ и звучными стихами, и въ глазахъ академиковъ эти достоинства покрывали страсть автора къ сѣверной миѳологіи.

Въ томъ же 1812 г. Тегнѐръ былъ сдѣланъ профессоромъ греческой словесности, и по мѣстному обычаю ему вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предоставленъ пасторатъ; профессоръ изъ него вышелъ очень хорошій; но его литературная слава далеко затмила преподавательскую: уже его лирическія произведенія и небольшія поэмы заставили Академію

*) Бочка хлѣба — ржи или ячменя — стоила тогда на наши деньги отъ 10 до 17 рублей.

выбрать его въ члены (1818 г.), а появленіе Фритьофа сдѣлало его первымъ поэтомъ Швеціи.

Въ VIII—IX вѣкѣ въ Норвегіи произошло событіе, легшее въ основу очень распространенной впослѣдствіи саги, которую не разъ переработывали и сѣверные скальды. Въ сагѣ центромъ событія является сватовство храбраго, но не высокороднаго витязя Фритьофа (Fridtjof) за дочь короля Бели Ингеборгу (Ingebiorg), отказъ ея гордыхъ братьевъ, ея принудительный бракъ съ старымъ королемъ Рингомъ (Hring) и сожженіе Фритьофомъ храма Бальдера. Развязка счастливая: Фритьофъ отстраиваетъ сожженный имъ храмъ и женится на овдовѣвшей Ингеборгѣ.

На этой богатой движеніемъ, но полной грубаго варварства сагѣ Тегнѐръ построилъ свою знаменитую поэму. Рамки онъ оставилъ въ цѣлости, но характеры и мотивы измѣнилъ по своему: онъ отбросилъ все грубое и рѣзкое; варвара-героя сдѣлалъ нѣжнымъ, благороднымъ, любящимъ юношей, который можетъ «забыться» только подъ давленіемъ отчаяннаго горя; изъ довольно безличной героини саги поэтъ сдѣлалъ идеалъ сѣверной женщины, нѣжной и кроткой, но въ то же время безусловно вѣрной своему долгу; пробужденіе любви въ сердцахъ Фритьофа и Ингеборги онъ изобразилъ съ замѣчательною теплотою и живостью *), хотя и не безъ нѣмецкой сентиментальности и съ весьма малымъ вниманіемъ къ колориту времени **). Обстановка, въ которой дѣйствуютъ герой и героиня,—верхъ художественной ловкости: она составлена изъ массы археологическихъ фактовъ, которые объединены патріотической, полубезсознательной тенденціозностью; поэтъ выбралъ изъ поэтическихъ и историческихъ памятниковъ, которые были ему доступны, всѣ симпатичныя черты скандинавской древности, внесъ туда же все самое благородное и наиболѣе разумное, что знали времена рыцарскія, слилъ съ этимъ рядъ характерныхъ деталей изъ хорошо ему знакомаго патріархальнаго быта современной шведской деревни и изъ всего этого создалъ прекрасный міръ, въ которомъ не отказался бы жить самый требовательный насчетъ чести и душевнаго аристократизма современный идеалистъ. Беззавѣтная удаль, презрѣніе къ удобствамъ жизни, тонкое пониманіе чувства чести, глубокая грусть благородной души, оскорбленной родовою гордостью, и въ то же время полное отсутствіе озлобленія и несокрушимая бодрость духа и ясность міровоззрѣнія—вотъ что сдѣлало героя поэмы національнымъ героемъ шведскаго народа. Уставъ викинга,

*) Брандесъ объясняетъ это тѣмъ, что самъ поэтъ, не смотря на свою благоустроенную семейную жизнь, былъ почти постоянно влюбленъ или полу-влюбленъ.

**) Не могъ же Тегнѐръ предполагать, чтобы въ VIII—IX в. любовники вырѣзывали свои вензеля на деревьяхъ, какъ это дѣлали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ.

поединокъ Фритьофа съ Атли, выѣздъ Ринга на охоту, все это такія картинки, которыя вѣчно останутся высокой поэзіей для всякаго юнаго сердцемъ скандинава. Не забудемъ при этомъ, что страданія и душевныя бури героя заканчиваются такимъ полнымъ аккордомъ заслуженнаго счастія, какихъ немного знаетъ міровая поэзія.

Прекрасная своимъ разнообразіемъ форма вполнѣ соотвѣтствуетъ богатству содержанія: каждая изъ пѣсенъ Фритьофа писана особымъ размѣромъ, вполнѣ подходящимъ къ ея тону.

Уже появленіе первыхъ пѣсенъ въ Идунѣ возбудило всеобщее вниманіе; но многіе боялись, что прелестныя картинки такъ и останутся отрывками: «фрагментарность» же была въ такой модѣ у романтиковъ. Опасались, что поэтъ не съумѣетъ свести этихъ отрывковъ въ одно цѣлое и придать сюжету эпическій интересъ и полноту. Но появленіе XVI—XIX пѣсенъ въ 1820 г. успокоило опасенія; а когда, въ 1824 г., Фритьофъ вышелъ въ полномъ видѣ, отовсюду раздался шумъ похвалъ; самъ старикъ Гёте, такъ давно разошедшійся съ романтиками, пришелъ въ восторгъ, и многія сотни молодыхъ нѣмцевъ стали учиться по-шведски исключительно для того, чтобы читать Фритьофа.

Въ томъ же 1824 г. Тегнѐръ покинулъ родной Лундъ, такъ какъ былъ сдѣланъ епископомъ въ Векшё (Wexjo), что открыло обширное и привлекательное для его дѣятельной натуры поприще: онъ оказался превосходнымъ ораторомъ и въ высшей степени полезнымъ работникомъ по народному образованію. Повидимому, теперь должна была начаться самая счастливая пора жизни Тегнѐра; а между тѣмъ тутъ-то и ожидало его страшное бѣдствіе: уже въ 1825 г., послѣ болѣзни, онъ подвергся сильному припадку ипохондріи, и скоро друзья его убѣдились, что у него есть наклонность къ умопомѣшательству, отъ котораго умеръ братъ его всего 39 лѣтъ отъ роду. Однако, черезъ нѣкоторое время Тегнѐръ оправился и сталъ по прежнему усердно работать; только убѣжденія его измѣнились весьма замѣтно: въ молодости онъ былъ горячимъ приверженцемъ либерализма и прогресса; когда же съ 1830 г. либералы стали господствующей партіей, Тегнѐръ сперва возстаетъ противъ ихъ крайностей, а потомъ и противъ основъ либерализма. Припадки болѣзненной тоски иногда возвращались, но въ слабой степени. Въ 1833 г. Тегнѐръ ѣздилъ на воды въ Карльсбадъ, и въ Германіи ему былъ устроенъ цѣлый рядъ оваций; но почетъ, который ему оказывали и дома, и за-границей, не примирилъ его съ современностью, и положеніе дѣлъ въ его отечествѣ раздражало его все болѣе и болѣе. Въ 1840 г. наконецъ наступила катастрофа, и величайшій поэтъ Швеціи сошелъ съ ума; черезъ годъ онъ оправился, даже сталъ опять писать; но силы его были сокрушены

недугомъ; въ 1843 г. его поразилъ нервный ударъ, а въ 1846 году онъ умеръ, сложивъ съ себя за годъ до того епископскій санъ.

При всѣхъ своихъ близкихъ связяхъ съ нѣмецкимъ романтизмомъ, Тегнѐръ по натурѣ своей и по основамъ міровоззрѣнія ближе къ французамъ, чѣмъ къ нѣмцамъ: онъ не любитъ туману, неясности; его идеалы: Наполеонъ, Карлъ XII, Густавъ-Адольфъ, все люди смѣлые, рѣшительные, съ опредѣленными цѣлями и въ высшей степени дѣятельные. Байрону онъ не можетъ сочувствовать: заблужденія, колебанія, безпричинное отчаяніе — въ его глазахъ просто душевная болѣзнь, которая можетъ возбуждать жалость, но не симпатію. Но онъ существенно отличается отъ французовъ въ томъ отношеніи, что природа вычурная, подкрашенная и даже просто утилизованная внушаетъ ему отвращеніе: онъ понимаетъ только природу дикую и сильную, и изображаетъ ее, какъ истинный художникъ. Изобиліе, пожалуй, мѣстами излишекъ картинности въ его слогѣ хотя и напоминаетъ отчасти французскихъ романтиковъ, но идетъ не отъ нихъ, а отъ поэзіи скальдовъ.

Тегнѐръ—классикъ въ томъ смыслѣ, что силою таланта свое народное сдѣлалъ общечеловѣческимъ, міровымъ.

Изъ современниковъ и единомышленниковъ Т. мы отмѣтимъ, во-первыхъ, Линга (Ling род. въ 1776 г.), горячаго приверженца направленія „Идуны"; послѣ долгихъ странствованій по Германіи, онъ нашелъ себѣ мѣсто учителя фехтованія въ Лундѣ, откуда потомъ перешелъ директоромъ гимнастическаго института въ Стокгольмѣ (онъ оказалъ важную услугу родинѣ, какъ основатель врачебной гимнастики). Въ своихъ поэмахъ: Gylfe (1814 г.) и Asarne (3 ч. 1816—1826) онъ старался привить шведскому народу древнескандинавскія добродѣтели, о которыхъ имѣлъ самое высокое понятіе; эти поэмы, такъ же какъ и его довольно многочисленныя драмы изъ скадинавской древности, заключаютъ въ себѣ много прекрасныхъ частностей, но въ общемъ страдаютъ туманностью.

Гейеръ (Geier род. въ 1783 г.) одинаково извѣстенъ и какъ поэтъ, и какъ историкъ; онъ былъ прекрасно образованъ и рано подчинился вліянію Шиллера и романтиковъ; еще юношей онъ получилъ премію отъ академіи за свои патріотическія стихотворенія. Позднѣе онъ, вмѣстѣ съ Афцеліусомъ, издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1825 г. онъ началъ издавать хроники Швеціи, потомъ написалъ исторію шведскаго народа, которая имѣетъ въ его отечествѣ то же значеніе, что у насъ исторія Карамзина.

Большимъ творческимъ талантомъ обладаетъ Стагнеліусъ (род. 1793 г.), но онъ велъ очень неправильную жизнь и умеръ, едва доживъ до 30 лѣтъ; онъ написалъ массу эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ произведеній, показывающихъ большую силу чувства и фантазіи, но плохо обдуманныхъ и необдѣланныхъ. Онъ не только раздѣляетъ мрачный взглядъ первыхъ романтиковъ, но и идетъ въ этомъ отношеніи дальше самого Новалиса; онъ крайній мистикъ и горячій поклонникъ Сведенборга.

Болѣе извѣстны за предѣлами своего отечества романисты этого направленія: Альмквистъ и Никандеръ. Альмквистъ, крайній романтикъ и въ жизни, род. въ Стокгольмѣ въ 1793 г., былъ студентомъ въ Упсалѣ, гдѣ и получилъ степен

магистра философіи и потомъ мѣсто въ университетской канцеляріи. Вдругъ, ко всеобщему удивленію, онъ вышелъ въ отставку, женился на крестьянкѣ и самъ сталъ крестьяниномъ. Но въ 1827 г. онъ снова вернулся въ общество и сталъ учителемъ, потомъ ректоромъ школы и въ то же время однимъ изъ плодовитѣйшихъ шведскихъ писателей: онъ издалъ нѣсколько учебниковъ, рядъ ученыхъ статей, повѣстей изъ народнаго быта и цѣлый циклъ романовъ и драматическихъ сценъ, вплетенныхъ въ одну общую рамку. Изъ его поэтическихъ произведеній больше возбудилъ вниманія сборникъ: Törnrosen Bok (книга шиповника). Онъ же былъ редакторомъ одной изъ очень распространенныхъ газетъ, и вслѣдствіе ѣдкости своихъ полемическихъ статей имѣлъ рядъ крупныхъ непріятностей. Въ 1851 г. онъ былъ обвиненъ и даже, говорятъ, уличенъ въ убійствѣ (отравленіи ростовщика), вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Америку и подъ чужимъ именемъ сдѣлался секретаремъ Линкольна. Но и въ Америкѣ онъ не ужился и принужденъ былъ бѣжать оттуда въ Европу, гдѣ долженъ былъ опять перемѣнить имя и умеръ въ 1866 г. Альмквиста одни считали геніемъ, другіе сумасшедшимъ, но какъ враги не могли отказать ему въ удивительно богатой фантазіи, такъ поклонники не могли признать его натурой уравновѣшенной и должны были сознаться, что въ его произведеніяхъ не достаетъ гармоничности. Онъ крайній романтикъ, часто доходящій до мистицизма, но всегда остающійся сторонникомъ гуманности и свободомыслія; по его убѣжденію, прекрасное есть сліяніе добра и истины, и противуполагать одну изъ этихъ идей двумъ другимъ значитъ нарушать міровую гармонію.

Альмквистъ былъ однимъ изъ основателей шведской исторической драмы; изъ его романовъ извѣстнѣй другихъ „Владѣтели Экользунда" и „Аморина" *).

Карлъ Августъ Никандеръ род. въ 1799 г., былъ сынъ педагога, учился въ университетѣ въ Упсалѣ и въ 1824 г. получилъ тамъ степень магистра философіи; но, уже за три года передъ тѣмъ, онъ получилъ извѣстность, благодаря своей романтическо-патріотической трагедіи: „Руническій мечъ" **). Потомъ онъ путешествовалъ по Италіи, прекрасно выучился ея языку и, можно сказать, влюбился въ эту страну, столь мало похожую на его родину. Оттуда вывезъ онъ „исторію фамиліи Ченчи", которую онъ съумѣлъ пересказать необыкновенно просто, но въ то же время такъ, что эта эпически-наивная простота дѣйствуетъ сильнѣе всякаго паѳоса ***) и нѣсколько повѣстей изъ современной итальянской жизни ****). Въ 1826 г. вышла его поэма: „Смерть Тассо", за тѣмъ „Король Энціо" и др. Онъ же перевелъ на шведскій яз. Орлеанскую дѣву Шиллера. Онъ ум. въ 1839 г. *****).

Переходъ отъ романтизма къ индустріализму представляютъ довольно многочисленные романы пастора Меллина (Mellin, род. въ 1803 г. въ Финляндіи, учился въ Упсалѣ, съ 1829 г. жилъ въ Стокгольмѣ, потомъ въ провинціи, ум. въ 1876 г.), которые и теперь находятъ многочисленныхъ читателей; это романы

---

*) По-русски о немъ см. Совр. 1842 г. Т. XXVIII: „Листки изъ сканд. міра". Тамъ же въ 1845 г. (I, стр. 185) переведенъ изъ него очень характерный фантастическій романъ: „Дворецъ", а въ 1846 (№ 44) разсказы: „Ночь поэта" и „Болонка баронессы".

**) Переведенъ на франц. Léouzon Leduc'омъ; отчетъ см. R. d. d. M. 1846 г. 15 сентября.

***) Ея русскій пер. см. въ Совр. 1845 г. № 3.

****) Въ томъ же № Совр. переведена очень удачная его повѣсть: „Непризнанный кладъ", гдѣ итальянскіе нравы изображены съ рѣдкой рельефностью.

*****) Некрологъ его см. Соврем. 1839 г. № 14.

интриги (бо́льшею частію историческіе) съ массой эффектовъ и ужасовъ, но бо́льшею частію съ счастливымъ окончаніемъ *).

Въ концѣ 30-хъ годовъ крайній романтизмъ начинаетъ пріѣдаться шведской публикѣ; но паденіе его совершается не такъ быстро, потому что въ скандинавскихъ странахъ онъ былъ связанъ съ изученіемъ старины и народности теснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, не исключая и Германіи. Съ другой стороны реализмъ, который выступаетъ на смѣну его, тоже проникнутъ національной идеей и горячей любовью къ природѣ и стало быть свободенъ отъ разъѣдающаго анализа и «міровой скорби». Оттого въ общемъ шведская литература послѣднихъ десятилѣтій пріятно поражаетъ наблюдателя своимъ честнымъ и здоровымъ направленіемъ, но за то она не представляетъ ничего особенно выдающагося, глубокаго и оригинальнаго. Среди другихъ своихъ сестеръ она точно краснощекая, здоровая духомъ и тѣломъ, еще не затронутая горемъ дѣвушка, способная иногда разчувствоваться и поплакать, иногда благодушно посмѣяться, но въ сущности больше живущая физіологической, чѣмъ умственной и душевной жизнью; это Мароинька «Обрыва» по сравненію съ своей несчастной, но несравненно болѣе интересной сестрой; ея несложное міровоззрѣніе временами кажется чрезвычайно отраднымъ и успокоительнымъ, но этимъ спокойствіемъ современный человѣкъ насыщается слишкомъ скоро, а за насыщеніемъ сейчасъ же слѣдуетъ скука.

Мы остановимся только на трехъ поэтахъ Швеціи, произведенія которыхъ временами возбуждали вниманіе всей Европы, быстро переводились на всѣ языки, но не оказывали глубокаго и прочнаго вліянія.

Въ 40-хъ годахъ русская, тогда немногочисленная, но серьезно-развитая публика зачитывалась переводнымъ романомъ «Семейство» **); въ рецензіи на этотъ романъ Бѣлинскій настолько рѣзко разошелся съ общимъ мнѣніемъ ***), что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ иностранной литературы Я. К. Гротъ рѣшился возражать блестящему и всѣми уважаемому критику ****) что, конечно, вызвало суровую отповѣдь со стороны Бѣлинскаго [5]).

Романъ, изъ-за котораго такъ рѣзко разошелся и Бѣлинскій съ другими руководителями общественнаго мнѣнія [6]), написанъ шведской

*) По-русски см. повѣсть: Чужой между своими. Финскій Вѣстникъ 1845 г. № 2.

**) Въ Соврем. 1842 и 1843 г. и отдѣльной книгой тогда же.

***) См. Соч. IX, 69.

****) Москвитянинъ, книга III.

[5]) IX и 120.

[6]) Бѣлинскій характеризовалъ романъ извѣстными стихами Пушкина:

Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный...

сравнивалъ его съ повѣстями Авг. Лафонтена, и находилъ во всемъ произведе-

писательницей Фредерикой Бремеръ. Она род. въ 1801 г. въ Финляндіи близъ Або, на 3-мъ году была перевезена въ Швецію, гдѣ ея родители купили имѣніе и, проживая отчасти въ деревнѣ, отчасти въ Стокгольмѣ, она получила превосходное литературное образованіе. Уже 8 лѣтъ отъ роду она писала французскіе стихи, 16-ти сочиняла и разыгрывала драматическія сцены, а 19-ти серьезно и со страстію отдалась шведской поэзіи, тѣмъ болѣе, что ея некрасивая наружность лишила ее другихъ радостей жизни. Родные не желали видѣть ея имя въ печати, и до 1827 года она писала только для себя; но въ этомъ году, ради добраго дѣла, издала рядъ повѣстей-идиллій преимущественно изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ: «Очерки обыденной жизни»; въ нихъ было столько житейской правды и въ то же время столько гуманности, теплоты и наивнаго юмору, что онѣ не могли пройти незамѣченными, и Ф. Бремеръ сразу стала литературной знаменитостью. Отъ повѣстей и очерковъ она скоро перешла къ романамъ, изъ которыхъ одинъ «Семейство X.» (1830—1) имѣлъ огромный успѣхъ на всѣхъ языкахъ; этотъ романъ и теперь читается съ удовольствіемъ, а въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, до появленія лучшихъ англійскихъ романовъ, во время «неистовства» французскихъ романтиковъ и пошлости индустріализма онъ считался геніальнымъ произведеніемъ. Въ немъ, какъ и въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ произведеній: «Сосѣди» (1837 г.) *), авторъ, самъ лишенный семьи, убѣждаетъ читателя, что счастіе только въ семейной жизни; но въ то же время онъ стоитъ и за равноправность, за эманципацію женщины, только не на французскій ладъ.

Значительный гонораръ далъ возможность Фредерикѣ Бремеръ удовлетворить своей страсти къ путешествіямъ; она не только объѣхала Европу, но и Америку, Палестину и пр. Свои путешествія она описывала въ прекрасно-составленныхъ очеркахъ, которые тоже переводились на многіе языки.

Въ 1844 г. Академія назначила ей большую золотую медаль за то, что она «прославила шведскую литературу».

Послѣднимъ романамъ Фредерики Бремеръ: «Братская жизнь» (1848), «Херта, исторія одной души» (1856), «Отецъ и дочь» (1858) много вредятъ длинныя отступленія и разсужденія на всевозможныя серьезныя темы; романистка превращается въ проповѣдника, часто весьма скучнаго. Она умерла въ 1865 г. **).

ніи только одно живое лицо — Сару, которая казнена за то, „что не можетъ дышать въ этой средѣ филистерства“. А издатели русскаго перевода доказывали, что автору этого романа „предназначено возстановить господство чистаго вкуса“.

*) О немъ см. R. d. d. M. 1845 г. 15 ноября.

**) По-русски, кромѣ „Семейства“, см. ея повѣсть „Суженная“, Совр. 1846, т. 42.

Другой знаменитый шведскій реалистъ 40-хъ годовъ всецѣло принадлежалъ къ финскому племени. Іог. Людвигъ Рунебергъ род. въ 1804 г. въ Якобштадтѣ, учился въ Або, съ 1830 г. былъ доцентомъ краснорѣчія въ Гельсингфорсѣ, съ 1832 тамъ же редактировалъ Утреннюю газету; а въ 1837 г. онъ получилъ мѣсто учителя древнихъ языковъ въ гимназіи въ Боргѣ, которое и занималъ въ продолженіе 20 лѣтъ; съ 1863 г. онъ былъ разбитъ параличемъ, ум. въ 1877 г.

Рунебергъ началъ печататься еще студентомъ и сперва былъ горячимъ приверженцемъ Тегнèра; но основательное изученіе древнихъ съ одной стороны и окружавшей его народной жизни съ другой привело его къ убѣжденію, что въ романтизмѣ не меньше фальши и условности, чѣмъ и въ псевдоклассицизмѣ, и что искренней поэзіи надо искать въ пѣсняхъ и сказаніяхъ народа. Онъ высказалъ свои мысли въ критическихъ статьяхъ, потомъ занялся переводами произведеній народной поэзіи, а потомъ выступилъ и съ собственными поэмами-идилліями, изъ которыхъ больше всего произвели впечатлѣніе: «Ловцы оленей» и «Ганна» (Hannah).

Рунебергъ старался какъ можно менѣе отходить отъ простыхъ пріемовъ народной поэзіи и отъ ея наивнаго, но свѣтлаго міросозерцанія; ему это удалось въ значительной степени, и его поэмы на многихъ производили впечатлѣніе будто гомеровскихъ рапсодій; обѣ поэмы ничѣмъ не хуже «Луизы» Фосса, но имъ не хватаетъ широты творчества, чтобы стать рядомъ съ «Германомъ и Доротеей» Гёте. Очень понравился его разсказъ «Рождественскій вечеръ въ лоцманской избѣ» *) и рядъ стихотворныхъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторіи прапорщика Сталя» (изъ временъ финляндской войны Густава IV). Въ одной изъ послѣдующихъ его поэмъ: «Надежда» **) на сцену выступаютъ Екатерина II и Потемкинъ, лишенные впрочемъ всякаго историческаго вѣроподобія. Драматическія произведенія Рунеберга— самое извѣстное изъ нихъ: «Цари Саламинскіе» въ 5 актахъ,—какъ этого и слѣдовало ожидать со стороны человѣка, который зналъ театръ

Нѣм. переводъ всѣхъ ея произведеній вышелъ въ 50 томахъ. Lpz. 1857—70. Romane und Erzählungen нов. изд. въ 24 томахъ. Lpz. Лучшая книга о ней ея сестры —Charlotte Quiding—вышла почти одновременно на 3-хъ языкахъ (по нѣм. Frederika B'S Lebensschilderung, Briefe u. nachgelassene Schriften 3 Bd. 1868). Ср. Marg. Howitte: Twelve months with Fr. Br. Lond. 1866.

*) Перев. на русскій въ Совр. № 2, стр. 154 и слѣд. Тема его — ἀναγνώρισις: капитанъ съ своей компаніей загнанъ бурей въ лоцманскую хижину, гдѣ находитъ своихъ давно потерянныхъ родныхъ.

**) Ее перевелъ размѣромъ подлинника Я. К. Гротъ. Соврем. за 1841 г. т. XXIV.

почти исключительно по книгамъ, лишены движенія и вообще слабы *).

Финляндіи же, когда-то всѣми презираемой, а съ 40 годовъ возбудившей всеобщій интересъ, благодаря своему первобытному миѳологическому эпосу: Калевала **), всецѣло принадлежитъ и третій извѣстный шведскій поэтъ Топеліусъ. Захаріасъ Топеліусъ род. въ 1818 г.; онъ былъ сынъ врача, который очень дѣятельно собиралъ финскія народныя пѣсни, учился сперва въ Улеаборгѣ, потомъ въ Гельсингфорсѣ, съ 1842 по 1860 г. былъ публицистомъ (въ Гельсингфорскомъ Вѣстникѣ), съ 1863 г. состоялъ профессоромъ русской, финской и сѣверной исторіи въ Гельсингфорскомъ университетѣ; съ 1848 г. онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ. Онъ послѣдователь Рунеберга, но бо́льшая широта образованія и кругозора придаетъ его произведеніямъ больше разнообразія. Онъ началъ съ лирики («Луговые цвѣты», первое изд. 1845 г.), писалъ драмы и феерія, въ «Разсказахъ фельдшера» изобразилъ судьбы Финляндіи въ послѣднія два столѣтія; но европейскую знаменитость онъ пріобрѣлъ своими дѣтскими повѣстями и стихотвореніями, сборникъ которыхъ (Läsning von barn, т.-е. чтеніе для дѣтей, 1865—84) сейчасъ же по выходѣ былъ въ одинъ годъ дважды переведенъ на нѣмецкій языкъ, а теперь, какъ извѣстно, составляетъ вмѣстѣ съ сказками другого скандинавскаго поэта Андерсена любимое чтеніе и русскихъ дѣтей.

Изъ шведскихъ поэтовъ послѣдняго времени мы еще назовемъ, во-первыхъ, Бердарда Элиса Мальштрöма (род. въ 1816 г., ум. 1865 г.), извѣстнаго своими прочувствованными элегіями ***), потомъ историческаго романиста Виктора Ридберга (род. въ 1829 г.), въ романѣ котораго: „Послѣдній аѳинянинъ" очень талантливо изображена борьба погибающаго язычества съ христіанствомъ и византинизмомъ, и замѣчательно плодовитаго драматурга, бывшаго актера, Теодора Гедберга (род. 1828 г.), пьесы котораго отличаются большой сценичностью; затѣмъ двухъ вѣнценосныхъ поэтовъ: Карла XV (1826—1872) ****) и Оскара II (род. 1829), которые по направленію своихъ стихотвореній больше подходятъ къ романтикамъ-патріотамъ, юмориста Шотландера (род. 1816 г., архитекторъ и живописецъ, издалъ подъ именемъ Ахаріуса баллады, „Новеллы въ октавахъ", поэму „Люизелла" и пр.), и наконецъ графа Снольскаго (род. 1841 г.), котораго

*) Кромѣ вышеуказаннаго см. о немъ по-русски Я. Грота: „Знакомство съ Рунебергомъ". Соврем. за 1839, т. XIII. Его же изложеніе и разборъ поэмы: „Ловцы оленей". Соврем. 1841 г. т. 22. Ср. X. Marmier: R. d. d. M. 1839 г. 1 авг. По нѣм. Peschier: I. Ludw. Runeberg. Stuttgart. 1881.

**) Русскій полный переводъ размѣромъ подлинника г. Бѣльскаго. Изд. Журн. Пантеонъ литературы.

***) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ историкомъ Карломъ Густавомъ Мальштрöмомъ (род. въ 1822, написалъ Политическую исторію Швеціи съ Карла II, въ 1878 г. былъ призванъ на постъ министра просвѣщенія).

****) См. о его произведеніяхъ R. d. d. M. 15 мая 1864, ст. Saint-Amand.

считають по прелести и разнообразію ритма и богатству образовъ первымъ современнымъ поэтомъ Швеціи.

Мы видѣли *), что еще въ XVIII столѣтіи маленькій датскій народъ не отставалъ въ литературномъ отношеніи отъ передовыхъ странъ Европы; такимъ образомъ XIX вѣкъ въ Даніи получилъ сравнительно богатое наслѣдство, и хотя «не все золото оказалось настоящимъ», страна хорошо распорядилась имъ и увеличила его въ такой степени, что въ послѣднія 10—20 лѣтъ умѣнье читать по-датски становится почти необходимостью для тѣхъ, кто хочетъ держаться на уровнѣ современной науки и искусства.

На самой границѣ нашего столѣтія Данія пережила тяжелое и въ то же время плодовитое благими послѣдствіями время. Въ 1788 г. въ ней было уничтожено крѣпостное право и преобразована военная повинность; вскорѣ послѣ этого Данія оказалась во враждѣ съ могучей Англіей, и подъ Копенгагеномъ произошла большая морская битва, которая окончилась, конечно, пораженіемъ датскаго флота, но такимъ пораженіемъ, которое равнялось большой побѣдѣ по своему благотворному вліянію на подъемъ народнаго духа и національнаго чувства. Черезъ 3—4 года послѣ этого пріобрѣтаетъ извѣстность высоко-талантливый поэтъ, вполнѣ національный по правленію, но съ обширнымъ, вполнѣ европейскимъ образованіемъ и кругозоромъ—Эйленшлегеръ.

Эйленшлегеръ (Oelenschlaeger) род. въ 1779 г. въ семействѣ бѣднаго органиста**). Въ 1780 г. отецъ его былъ сдѣланъ капельмейстеромъ и въ то же время смотрителемъ королевскаго лѣтняго замка, гдѣ будущій поэтъ и провелъ свое дѣтство въ очень оригинальныхъ условіяхъ: лѣтомъ кругомъ него кипѣла жизнь, а зимою онъ могъ свободно бродить по пустымъ галлереямъ и заламъ. Уже въ 9 лѣтъ Э. пытался писать стихи (перекладывать псалмы); прочитавъ нѣсколько комедій Гольберга, онъ сталъ сочинять пьесы и, какъ нашъ Пушкинъ, разыгрывалъ ихъ съ своей сестрой и однимъ товарищемъ. Окончивъ среднюю школу, онъ началъ заниматься правовѣдѣніемъ, потомъ поступилъ въ труппу актеровъ, но скоро разочаровался въ прелестяхъ артистической жизни и снова взялся за ученье; онъ заинтересовался родной стариной и скоро сталъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ скандинавской миѳологіи и поэзіи. Въ 1803 г. онъ издалъ 1-й томъ своихъ балладъ и легендъ; въ 1804 г. вышелъ новый томъ его стихотвореній, который онъ посвятилъ наслѣдному принцу, и за это получилъ небольшую стипендію для путешествія. Въ это время онъ былъ влюбленъ и собирался жениться, но ради образованія и литературныхъ работъ онъ рѣшился отложить свадьбу до возвращенія. Онъ пріѣхалъ въ Веймаръ въ то время, когда тамъ хозяйничали французы, а Гёте только-что женился и почти не имѣлъ возможности бесѣдовать съ молодымъ

---

*) Вып. XXIV, стр. 401 и слѣд.

**) См. его біографію, составленную на основаніи его записокъ, въ Совр. 1851 г. № 7.

поэтомъ. Изъ Веймара Э. направился въ Парижъ, гдѣ изучалъ въ національной библіотекѣ скандинавскія рпп. и написалъ одну изъ лучшихъ своихъ драмъ: Пальнатоке (изъ сѣв. исторіи). Такъ какъ въ то время англичане блокировали Копенгагенъ, то ему пришлось бы, не получая стипендіи, погибнуть съ голоду, еслибъ его не спасъ Котта, купившій изданіе его нѣскольких произведеній. Въ Швейцаріи Э. гостилъ у M-me Сталь, гдѣ познакомился съ Шлегелемъ. Бенж. Констаномъ и др.; оттуда проѣхалъ онъ въ Италію до Рима включительно и, какъ почти всѣ сѣверяне, пришелъ въ необыкновенный восторгъ отъ этой страны искусства и поэзіи. Только въ 1809 г. вернулся онъ на родину, гдѣ слава его сильно возросла въ его отсутствіи; невѣста осталась ему вѣрна и скоро стала его женой; онъ получилъ каѳедру профессора эстетики, потомъ званіе государственнаго совѣтника; былъ торжественно увѣнчанъ Тегнеромъ и прожилъ остальную свою жизнь (онъ ум. въ 1850 г.) вполнѣ счастливо, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ.

Э. превосходно зналъ по-нѣмецки и, желая имѣть болѣе обширную публику, самъ переводилъ многія свои произведенія на нѣмецкій языкъ, а иныя прямо писалъ на этомъ языкѣ, а потомъ переводилъ на свой родной.

Эйленшлегеръ написалъ такъ много, что одинъ представляетъ собою цѣлый литературный періодъ и почти цѣлую школу. Его поэмы: Гельги и Боги сѣвера послужили орудіемъ и выраженіемъ возрожденія національной идеи въ Даніи; его Аладдинъ (1805 г.)—одинъ изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ продуктовъ романтизма *). Онъ написалъ массу балладъ, романсовъ, идиллій, длинный рядъ трагедій и комедій; стихи давались ему необыкновенно легко (поэму «Золотые рога» онъ написалъ въ одну ночь), и къ нему справедливо примѣняли слова Овидія: «что бы ни писалъ я, выходилъ стихъ» **); но при такой быстротѣ писанія, разумѣется, отъ него нельзя требовать большой обдуманности и чистоты въ отдѣлкѣ. Его лирическія произведенія отличаются объективностью, напоминающею Шиллера, но его драмы, считающіяся классическими въ Даніи, страдаютъ отъ длинныхъ діалоговъ и монологовъ и недостатка дѣйствія. Въ общемъ это даровитый, бодрый духомъ и высокочестный писатель, возродившій литературу своей родины ***).

Изъ его современниковъ-поэтовъ мы назовемъ только Гейберга (Heiberg, ум. 1860 г.), основателя самаго популярнаго журнала Летучая почта и отца датскаго водевиля; но мы не можемъ не указать на поразительно-сильное для такой маленькой страны научное движеніе въ первой половинѣ нынѣшняго сто-

---

*) Герой поэмы—самъ геній романтизма, нѣчто среднее между В. Мейстеромъ Гёте и „шалопаемъ“ Эйхендорфа, лѣнивый, безпечный идеалистъ, которому все удается; это, по замѣчанію Брандеса, Фаустъ на-изнанку, который ничего не стремится знать, а знаетъ все (настоящій Фаустъ это—волшебникъ Нурединъ); въ то же время это датскій національный герой, мудрый дурачекъ сказокъ, которому за его простодушіе и прямоту ниспосылаются всѣ блага земныя.

**) Quidquid tentabam scribere versus erat.

***) По-русски см. „Гагбартъ и Сигна, скандинавская трагедія“, пер. Деринкера. Библ. д. Чт. 1839 г. т. 36. „Корреджіо, трагедія“, пер. Петровскаго ibid. 1840 г. т. 39. См. о немъ X. Marmier. въ Revue d. d. M. 1838 г. 15 февр. и книгу Le Fèvre Deumier: Oelenschlager, le poète national du Danemarque. 1854.

лѣтія. Не говоря о массѣ знаменитыхъ богослововъ, между которыми многіе, какъ напр. Грундтвигъ, отдавали лучшіе свои годы и силы изученію скандинавской миѳологіи, не говоря о такихъ знатокахъ родной старины, исторической и литературной, какъ Верлауфъ (ум. 1843 г.), Мюллеръ (1776—1834, изд. библіотеку сагъ), Петерсенъ, Финнъ Магнуссенъ (1781—1847) и Нирупъ (Nyerup, ум. 1823, который вполнѣ научнымъ образомъ изслѣдовалъ датскую средневѣковую поэзію въ то время, когда Франція и Германія только начинали собирать матеріалы для подобныхъ работъ), Данія представила нѣсколько міровыхъ ученыхъ, какъ мученикъ науки лингвистъ Раскъ (1787—1832 г.), который изъ своего семилѣтняго путешествія по востоку вывезъ 113 томовъ собственныхъ изслѣдованій и новыхъ матеріаловъ, и латинистъ Мадвигъ, по книгамъ котораго до сихъ поръ учатся филологи всѣхъ странъ, не исключая и Германіи.

Мы переходимъ къ наиболѣе выдающемуся писателю Даніи, который извѣстенъ всѣмъ и каждому съ дѣтскихъ лѣтъ. Гансъ Христіанъ Андерсенъ род. въ 1805 г. въ Одензее въ Фіоніи и происходилъ изъ фамиліи, когда-то знатной и богатой, но потомъ до того обѣднѣвшей, что отецъ его снискивалъ себѣ пропитаніе сапожнымъ ремесломъ, и когда женился, то брачнымъ ложемъ служилъ ему купленный по случаю старый церковный катафалкъ. Будущій романистъ осиротѣлъ очень рано и поступилъ въ ученье къ портному, гдѣ ему жилось чрезвычайно плохо. Онъ выучился читать въ школѣ для бѣдныхъ, и скоро въ тѣхъ немногихъ книгахъ, которыя могъ доставать себѣ, онъ сталъ находить наслажденіе, вознаграждавшее его за всѣ житейскія горести. Прочтя нѣсколько драматическихъ пьесъ, онъ почувствовалъ такую страсть къ театру, что 18 лѣтъ отъ роду отправился въ Копенгагенъ съ нѣсколькими талерами въ карманѣ; на драматическую сцену его не приняли изъ-за его худобы; онъ хотѣлъ сдѣлаться пѣвцемъ, но потерялъ голосъ; рѣшился выучиться танцовать, чтобы поступить хотя бы въ балетъ, но и для этого у него не было средствъ. Между тѣмъ одно его маленькое стихотвореніе попало въ руки нѣсколькихъ добрыхъ людей; по ихъ рекомендаціи въ немъ принялъ участіе самъ Эйленшлегеръ, и Андерсену дали возможность поступить въ гимназію, гдѣ ему, 19-лѣтнему юношѣ, пришлось сидѣть вмѣстѣ съ 11-лѣтними мальчиками. Онъ однако же окончилъ курсъ и въ 1828 г. поступилъ въ Копенгагенскій университетъ, а въ слѣдующемъ 1829 г. выступилъ и въ печати. Въ 1830 г. вышелъ первый сборникъ его стихотвореній, за которымъ скоро послѣдовалъ второй, и ему выхлопотали стипендію на путешествіе. Въ Германіи онъ подружился съ Тикомъ и Шамиссо; 1833—34 годъ онъ провелъ въ Римѣ, который произвелъ на него очень сильное впечатлѣніе, выраженное имъ въ его когда-то знаменитомъ романѣ: «Импровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта» (1835 г.) *).

*) На русск. яз. онъ переведенъ въ Совр. 1844 г. № 1 и слѣд.; отдѣльн. книгой Спб. 1845 г. Библ. д. чт. 1848 г. томы 91 и слѣд.

Этотъ романъ—одно изъ самыхъ яркихъ выраженій скандинавскаго романтизма; мѣстный колоритъ соблюденъ въ немъ съ такою точностью, что сейчасъ же чувствуется рука сѣверянина, для котораго итальянская природа и жизнь—прелестная новинка. Сюжетъ интересенъ, но запутанъ и переполненъ маловѣроятными приключеніями. Тонъ лирически-восторженный, но въ этой восторженности чувствуется преувеличеніе, и слишкомъ сильная чувствительность героя производитъ впечатлѣніе нѣкоторой безсознательной фальши. Восторженность автора мѣшаетъ ясности характеристикъ и дѣйствія, которое своей пестротой и яркостью напоминаетъ калейдоскопъ, гдѣ отдѣльныя картинки не связаны другъ съ другомъ. Отроки до сихъ поръ читаютъ «Импровизатора» съ увлеченіемъ, но созрѣвши рѣдко въ состояніи перечесть его снова *).

Въ 1840 г. Андерсенъ поставилъ романтическую драму: «Мулатъ», которая имѣла большой успѣхъ и тогда же напечаталъ рядъ поэтическихъ очерковъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ: «Книга картинъ безъ картинъ», въ формѣ разговоровъ автора съ луною. Въ 1842 г., недовольный отзывами датскихъ критиковъ, Андерсенъ снова уѣхалъ путешествовать и почти всю остальную жизнь свою провелъ въ разъѣздахъ. Онъ былъ 4 раза въ Римѣ; посѣтилъ и Испанію, и М. Азію, и Америку, и талантливо описывалъ свои впечатлѣнія. Только съ 1863 г. онъ поселился навсегда въ Копенгагенѣ; въ 1872 г. опасно заболѣлъ, а черезъ 3 года (4 авг. 1875 г.) умеръ **).

Кромѣ вышеуказаннаго, Андерсенъ написалъ цѣлый рядъ романовъ ***), поэму «Агасверъ», много драмъ, оперъ и даже феерій, изъ которыхъ иныя и до сихъ поръ держатся на датской сценѣ ****); но за-границей онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ сказочникъ.

Написать хорошую сказку для дѣтей, какъ извѣстно, можетъ только истинный поэтъ, въ которомъ самомъ есть нѣчто непосредственное, дѣтское. Сказки Андерсена [5]) въ этомъ отношеніи само совершенство, такъ какъ для него, какъ и для ребенка, нѣтъ ничего мертваго, бездушнаго: все живетъ, говоритъ и дѣйствуетъ; дѣйствуетъ, конечно, съ опредѣленной цѣлью, съ тенденціей; но, какъ справедливо замѣтилъ Брандесъ, надо удивляться не тому, что тенденція

*) Неблагопріятный отзывъ Бѣлинскаго. См. X, 4—5.

**) Главнымъ матеріаломъ для его біографіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней, служитъ его автобіографія „Сказка моей жизни", вышедшая въ 1847 г.; въ 1879 ее дополнилъ и издалъ въ 2-хъ томахъ Emil Jonas, Lpz.

***) Замѣчательнѣй другихъ романъ изъ датской жизни: „Двѣ баронессы" (1842 г.) и одинъ изъ послѣднихъ: „Быть иль не быть" (1857).

****) Всѣхъ его сочиненій наберется до 50 томовъ.

[5]) Первый ихъ сборникъ вышелъ еще въ 1835 г.; въ 1886 г. появилось 21-ое изд. нѣм. перевода полнаго ихъ собранія.

присутствуетъ въ этихъ сказкахъ, а тому, какъ ея мало въ нихъ. За то съ Брандесомъ едва ли можно согласиться въ томъ, что сказки Андерсена, по своей сантиментальности и стремленію дѣйствовать исключительно на сердце, годятся только для нѣмецкихъ дѣтей: всякій неиспорченный ребенокъ живетъ прежде всего сердцемъ и въ узкомъ кругу понятій, и фантастическіе образы, проникнутые не чувствомъ, а общей идеей, какъ напр. въ сказкахъ Нодье или Ж. Сандъ, покажутся ему будто вымученными. Въ сказкахъ Андерсена есть, конечно, и сатира, и иногда очень мѣткая (какъ напр. и въ знаменитомъ Гадкомъ Утенкѣ); но на дѣтей она не можетъ имѣть вреднаго вліянія, потому что въ сущности она добродушна и больше подходитъ подъ понятіе юмора. По сравненію съ Гофманомъ, Андерсенъ гораздо болѣе здоровый дѣтскій писатель уже и по одному тому, что онъ не переноситъ ребенка въ фантастическій міръ, а только заставляетъ его внимательнѣй всматриваться въ окружающее *).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, отчасти подъ вліяніемъ Андерсена, отчасти самостоятельно, вслѣдствіе подъема народнаго духа отъ успѣховъ политическихъ (1848—1851) въ Даніи выдвигается цѣлый рядъ романистовъ, достаточно талантливыхъ, чтобы обратить на себя вниманіе всей Европы. На первомъ мѣстѣ, естественно, стоитъ романъ семейный, которому такъ не везетъ въ Германіи; но датская семейная жизнь значительно проще, задушевнѣе, чѣмъ жизнь нѣмцевъ, которыхъ датчане не безъ основанія упрекаютъ въ чопорности, надутости и нѣкоторой грубости сердца; женщина, которой въ семейномъ романѣ принадлежитъ главное мѣсто, въ Даніи поставлена лучше, держитъ себя свободнѣе, и филистерская pruderie вовсе не обязательна для нея. За семейнымъ романомъ слѣдуетъ жанръ, который является послѣдствіемъ увлеченія народностью и скандинавофильствомъ, и за нимъ наконецъ историческій романъ.

Изъ авторовъ современнаго романа мы назовемъ Карла Бенгарда, между произведеніями котораго наиболѣе извѣстны: „Кузенъ Карлъ“, „Дамонъ и Пиѳіасъ“, „Тетка Франциска“ и пр.; разсказъ у него очень живъ, интрига придумана интересно, и характеры, не отличающіеся глубиной, нарисованы съ большой дозой душевной теплоты. Между жанристами выдаются Этларъ („Кладъ“, „Слишкомъ старъ“) и Эсбенъ Бличеръ, который писалъ также и крайне романтическія повѣсти („Дядя Адамъ“). Прозвища датскаго Вальтеръ Скотта удостоился Ингеманъ („Проклятый домъ“, „Старый раввинъ“ и пр.), романы котораго грѣшатъ однако же слащавостью и наивностью.

---

*) По-русски, кромѣ вышеуказаннаго, см. „Сказка моей жизни“, пер. А. Гревова, Пантеонъ 1851, № 4. Разсказы: „Месть“ и „Бронзовый вепрь“, Соврем. 1845 г. т. 40. „Союзъ дружбы“, „Роза съ могилы Гомера“, „Праздникъ свободы“, „Мои сапоги“ ibid. 1846 г. т. 44, „Дочь короля Рене“, драма, пер. В. Зотовъ. Пантеонъ 1850 г. № 2. Полное собраніе сказокъ съ 125 грав. 1863 года. См. о немъ Библ. для чтенія 1848 г. №№ 11 и 12.

Въ 1864 г. Данія, какъ извѣстно, потерпѣла жестокое пораженіе отъ своего могучаго сосѣда; это отразилось на литературѣ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, датчане, до тѣхъ поръ явно подражавшіе нѣмцамъ, изъ всѣхъ силъ стараются освободиться отъ ихъ вліянія и охотнѣй подчиняются вліянію французскому, а во-вторыхъ, въ датскомъ обществѣ развивается пессимистическое отношеніе къ жизни, до тѣхъ поръ почти не имѣвшее здѣсь почвы. Кромѣ этого, здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ странахъ, романтизмъ теряетъ всякій кредитъ и смѣняется реализмомъ.

Наиболѣе выдающійся поэтъ переходной эпохи, безъ сомнѣнія, Фредерикъ Палудонъ-Мюллеръ (род. въ 1809 г. въ Фіоніи въ семействѣ пастора, который впослѣдствіи былъ епископомъ, ум. въ 1876 г.), который началъ съ поэмъ романтическихъ и романтическо-классическихъ („Четыре романса", „Танцовщица" „Амуръ и Психея") и веселыхъ комедій, а потомъ въ поэмѣ „Адамъ Гомо" (Homo), напоминающей и по формѣ, и по тону „Донъ-Жуана" Байрона, является однимъ изъ выдающихся реалистовъ *).

Болѣе чистымъ представителемъ реализма является Драхманъ (род. 1846 г.), который началъ съ лирики и сказокъ, но пріобрѣлъ извѣстность вѣрнымъ воспроизведеніемъ жизни датскихъ рыбаковъ („Поль и Виргинія въ сѣверныхъ широтахъ", „Лишній" и пр.).

У Шандорфа (род. въ 1834 г.) реализмъ принимаетъ пессимистическій и тенденціозный характеръ. Въ романѣ: „Безъ точки опоры" онъ изображаетъ съ отрицательной стороны состояніе датскаго общества и борьбу стараго поколѣнія съ новымъ; а въ романѣ „Бѣдный людъ" проводитъ свои демократическія воззрѣнія. Рано умершій романистъ Торзöэ (1840—1881) въ главномъ своемъ произведеніи: „Язонъ съ золотымъ руномъ" является горячимъ послѣдователемъ Флобера и Доде и въ отношеніи скептицизма идетъ еще дальше ихъ. Такой же отчаянный скептикъ и Якобсенъ (род. 1847), проявившій глубокое изученіе эпохи (XVII ст.) въ романѣ „Фрау Марія Груббе" и далеко незаурядный талантъ въ „Niels Nyhne" (1881 г.).

Личность и далеко еще незакончившаяся дѣятельность высокоталантливаго датскаго критика и историка новѣйшей литературы Георга Брандеса **) слишкомъ хорошо извѣстна русской читающей публикѣ.

Съ самой Кольмарской уніи (1394 г.) почти до Вѣнскаго конгресса Норвегія во всѣхъ отношеніяхъ была провинціей Даніи; она не имѣла ни своего языка, ни своей литературы, ни своихъ просвѣ-

*) Герой его поэмы—простой не-романтическій человѣкъ, который, идя своей будничной дорогой, дѣлаетъ себѣ карьеру, старѣетъ и умираетъ барономъ и тайнымъ совѣтникомъ. Поэма вышла еще въ 40-хъ годахъ (1841—49), но особенной популярностью стала пользоваться впослѣдствіи.

**) Род. въ Копенгагенѣ въ 1842 г. въ еврейскомъ семействѣ, долго, между прочимъ, учился во Франціи и, пока не выбрался на самостоятельную дорогу, шелъ по слѣдамъ С. Бева и Тэна.

тительныхъ центровъ. Въ 1811 г. былъ открытъ университетъ въ Христіаніи, а черезъ 3 года Норвегія была отдѣлена отъ своей метрополіи и политически присоединена къ Швеціи, несравненно болѣе ей чуждой, но присоединена на условіи полной общественной самостоятельности. Тогда въ ней начинается сильное умственное движеніе, которое очень скоро приноситъ богатые плоды. Хотя норвежцамъ не удалось сдѣлать свой діалектъ литературнымъ языкомъ, и они остались при болѣе развитомъ языкѣ датскомъ (обогативъ его, впрочемъ, норвежскими словами и оборотами), но норвежская литература теперь несомнѣнно живетъ своею собственною жизнью, и ей принадлежатъ два величайшихъ скандинавскихъ писателя нашего времени: Ибсенъ и Бьернсорнъ.

Генрихъ Ибсенъ род. въ 1828 г. въ Фіоніи; онъ былъ сынъ купца, который скоро обанкрутился, вслѣдствіе чего семья его жила чрезвычайно уединенно. Будущій поэтъ былъ сперва аптекарскимъ ученикомъ и только на 23 году вступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ, гдѣ страшно бѣдствовалъ; бѣдность закалила его характеръ и подготовила къ будущимъ испытаніямъ. Выйдя изъ университета, Ибсенъ пробовалъ издавать газету, но она прекратилась за недостаткомъ подписчиковъ. Съ начала пятидесятыхъ годовъ онъ писалъ пьесы для Бергенскаго театра, потомъ былъ въ Христіаніи директоромъ театра, который обанкрутился въ 1862 г. Ибсенъ жилъ въ это время крайне неправильно и надѣлалъ массу долговъ; литературной извѣстности онъ еще не имѣлъ. Въ 1862 г. онъ издалъ свою «Комедію любви», которая заставила обратить на него вниманіе; за ней послѣдовала пьеса: «Претенденты на корону», историческая по темѣ, но безъ всякаго вниманія къ колориту времени; за нее онъ получилъ отъ государства стипендію. Въ 1864 г. Ибсенъ, настойчиво требовавшій, чтобы Швеція и Норвегія заступились за Данію, и не добившійся своей цѣли, навсегда оставилъ родину; съ тѣхъ поръ онъ живетъ то въ Римѣ, то въ Дрезденѣ или Мюнхенѣ, то въ Вѣнѣ.

Ибсенъ выказалъ несомнѣнный лирическій талантъ (въ своихъ Lyriske Digte 1871), но онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ драматургъ; по конкретности характеровъ и по энергіи дѣйствія онъ несомнѣнно одинъ изъ первыхъ современныхъ драматурговъ. Основной тонъ его міровоззрѣнія мрачный, но его нельзя назвать пессимистомъ и тѣмъ менѣе возможно помѣстить въ одну группу съ западными пессимистами-романтиками. Онъ не признаетъ иной красоты, кромѣ моральной; жизнь чувствомъ находитъ грѣховной и позорной. Нравственныя требованія его чрезвычайно высоки: онъ горячо любитъ правду и ненавидитъ ложь и фразерство; ненавидитъ «золотую середину», оппортунизмъ и утилитаризмъ. Хотя онъ придаетъ боль-

шое значеніе наслѣдственности и тѣмъ ограничиваетъ свободу воли, тѣмъ не менѣе по стремленію къ индивидуализму онъ крайній романтикъ; человѣкъ «настоящій», по его убѣжденію, имѣетъ высокую задачу на землѣ, но онъ представляетъ явленіе рѣдкое; а масса—средніе люди, живущіе изо дня въ день; большинство ихъ—дрянь, вполнѣ испорченная, хотя и не злая по натурѣ. Человѣчество надо передѣлать, но не тѣми частными полумѣрами, на которыя возлагаютъ свои надежды прогрессисты-реформаторы, а радикально; какимъ способомъ—онъ этого и самъ пока не знаетъ.

Въ религіозномъ вопросѣ Ибсенъ соединяетъ трудно соединимыя вещи: наклонность къ мистицизму съ стремленіемъ къ разсудочному анализу.

Въ общемъ, это натура сильная изъ ряду вонъ (на что указываетъ и самая его наружность) и пылкое, благородное сердце, вѣчно мучимое противорѣчіями между идеаломъ и дѣйствительностью.

Какъ поэтъ, Ибсенъ далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова: такъ какъ онъ не приспособляется къ требованіямъ минуты, а работаетъ съ любовью, медленно и внимательно, то техника его все совершенствуется, и уже въ «Призракахъ» критиковъ поражаетъ почти классическая простота и ясность *).

Біорнштирнъ-Біорнсонъ (Björnstjerne Björnson)—полная противоположность Ибсену въ томъ отношеніи, что онъ всецѣло принадлежитъ современности, толпѣ и спеціально своему маленькому народу. По опредѣленію Брандеса, онъ великій сѣятель Норвегіи, на половину поэтъ, на половину предводитель клана, горячій норвежскій патріотъ, произнести имя котораго все равно, что поднять норвежское знамя. «Пусть меня бьютъ,—говоритъ онъ:—я буду давать сдачи и умру на своемъ мѣстѣ».

Онъ род. въ 1832 г. въ семействѣ провинціальнаго пастора; уже въ училищѣ онъ началъ собирать норвежскія саги. 20 лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ въ Христіанію, но не удалился отъ деревенскаго люда, среди котораго былъ воспитанъ; пѣсни, имъ сочиняемыя, дѣлаются народными; а въ то же время онъ выступаетъ и въ печати, и въ рядѣ бытовыхъ повѣстей, разсказанныхъ сильнымъ языкомъ, въ наивно-простомъ стилѣ древнихъ сагъ знакомитъ высшіе классы съ жизнью крестьянства. Большинство его героевъ такіе же крупные и сильные люди, какъ онъ самъ, и также переполненные жизнью. Повѣсти доставили ему извѣстность, и онъ получилъ мѣсто директора въ Бергенѣ. Онъ принимается усиленно работать надъ со-

*) Изъ прежнихъ его драмъ наибольшею извѣстностью пользуется „Brand" (1866 г.), изъ послѣднихъ: „Основы общества" (1877 г.), „Нора" (1880 г., такъ-наз. въ нѣмецкомъ переводѣ, въ оригиналѣ: Et Dukkehjem), „Врагъ народа" (1882 г.) и др.

зданіемъ національнаго норвежскаго театра и самъ ставитъ нѣсколько пьесъ, имѣющихъ большой успѣхъ *). Въ 1865 г. онъ дѣлается директоромъ театра въ Христіаніи; въ это время онъ достигаетъ апогея своей славы, но и не думаетъ почивать на лаврахъ: онъ энергично работаетъ, какъ политическій дѣятель въ пользу полной независимости Норвегіи, много путешествуетъ, а когда въ 1871—72 г. началось въ скандинавскихъ странахъ сильное умственное движеніе, онъ съ такой же энергіей пополняетъ пробѣлы своего образованія: перечитываетъ Дарвина, Штейнталя, Макса Мюллера, Тэна и пр. Первое крупное произведеніе его, явившееся вслѣдъ за тѣмъ, комедія «Банкротство» **) носитъ слѣды несравненно бóльшей зрѣлости; почти одновременно появляется тоже комедія «Редакторъ»; а затѣмъ слѣдуетъ рядъ драмъ и повѣстей въ томъ же реальномъ направленіи и съ той же либеральной тенденціей. Но тенденціозность не мѣшаетъ живости его образовъ, а реализмъ у него никогда не переходитъ границъ, и онъ остается такимъ же бодрымъ, полнымъ жизни оптимистомъ, какимъ онъ былъ и въ юности.

Изъ другихъ норвежскихъ писателей послѣдняго времени мы назовемъ, во-первыхъ, натуралиста Асбіорнсена (Peter Christian Asbjoernsen род. въ 1812 г., ум. 1885), собраніе „Новержскихъ народныхъ сказокъ" котораго переведено почти на всѣ европейскіе языки; потомъ даровитаго, рано умершаго романиста Христіана Эльстера (1840—1881 г.), произведенія котораго („Тара Трондаль", „Опасные люди"), при всѣхъ своихъ достоинствахъ, въ общемъ производятъ тяжелое впечатлѣніе, и послѣдователя французскихъ реалистовъ Александра Килланда (род. въ 1849 г., „Шкиперъ Ворзе" и др.), который особенно охотно разсматриваетъ самые уродливые наросты соціальнаго организма ***).

Въ концѣ этой небольшой главы мы сообщимъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о литературномъ движеніи у двухъ народовъ, помѣщенныхъ на противуположныхъ концахъ средней Европы и представляющихъ противуположность во многихъ отношеніяхъ; литература одного изъ нихъ почти ничего не дала Европѣ за послѣднее время потому, что, такъ сказать, пережила себя, а литература другого

---

*) Въ 1864 г. поставлена „Марія Стюартъ въ Шотландіи" (гдѣ всего неудачнѣй сама героиня, имъ невѣрно понятая), въ 1865 г. „Новобрачные", сильная, глубокопрочувствованная пьеса. Изъ національныхъ его драмъ особенно понравился „Сигурдъ Злой!"

**) На русск. яз. переведена въ журналѣ „Пантеонъ" за 1889 г. Кромѣ того, укажемъ переводъ его романа „Дочь рыбачки". Изящная литература 1883 г. № 7 (перев. Зенкевичъ).

***) На дняхъ мы получили извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ новаго прекраснаго пособія для знакомства съ скандинавской литературой; разумѣемъ: Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей М. В. Лучицкой; тамъ помѣщено между прочимъ нѣсколько разсказовъ Біорнсона, Килланда и драма Ибсена: „Нора".

еще слишкомъ молода, хотя и подаетъ большія надежды, которыя должны оправдаться въ недалекомъ будущемъ. Разумѣемъ голландцевъ и венгерцевъ.

Мы видѣли (выпускъ XXIV), что когда-то богатая талантами и оригинальная по направленію нидерландская литература уже въ XVIII вѣкѣ представляетъ какъ бы вымираніе; въ XIX столѣтіи оно еще замѣтнѣе, особенно по сравненію съ богатой духовной производительностью другихъ странъ; да и что тутъ удивительнаго, когда въ Голландіи до сихъ поръ изящный латинскій стиль считается обязательнымъ для всякаго хорошо образованнаго человѣка *); когда свѣтскіе люди живутъ литературными интересами Англіи, Германіи и Франціи; а серьезное занятіе отечественной словесностью предоставлено сравнительно немногимъ любителямъ?

Въ первыя десятилѣтія нашего вѣка эти любители гордились нѣсколькими высокоталантливыми, по ихъ мнѣнію, лириками (каковы: Іог. Кинкеръ, послѣдователь Канта, Гендрикъ Толленсъ 1780—1856, Корнелисъ Лотсъ 1765—1834 и въ особенности Адріанъ Лосьесъ—Loosjes 1761—1818, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и романистомъ, и драматургомъ, и „нравственныя сказки“ котораго считаются образцовыми); но на взглядъ иностранца эти „знаменитые“ поэты не вносятъ ничего новаго и проявляютъ только общія всей націи достоинства, которыя находили гораздо болѣе яркое выраженіе въ литературѣ XVII вѣка. Новѣйшая литература Голландіи начинается только съ Леннепа, перваго провозвѣстника романтизма.

Яковъ фанъ Леннепъ род. въ 1802 г. въ Амстердамѣ; онъ былъ сынъ очень извѣстнаго въ свое время профессора и имѣлъ возможность получить отличное образованіе; еще когда онъ былъ студентомъ въ Лейденѣ, его „Академическія идилліи“ обратили на него вниманіе почитателей родной литературы. Основательно изучивъ В. Скотта и Байрона, Леннепъ вступаетъ на новую дорогу и увлекаетъ всѣхъ за собою своими „Нидерландскими легендами“; за ними слѣдуютъ нѣсколько большихъ поэмъ, тоже романтически-патріотическаго характера и длинный рядъ романовъ, изъ которыхъ лучшимъ считается „Ferdinand Huck“ (1840). Онъ же съ 1838 г. началъ серію историческихъ романовъ, подъ названіемъ „Наши предки“, въ которой воспроизвелъ всѣ главнѣйшія эпохи національной исторіи, черезъ что оказался предшественникомъ Сю (Mystères du peuple) и Фрейтага (Die Ahnen). Леннепъ является подражателемъ В. Скотта во всемъ, даже и въ его недостаткахъ: у него также дѣйствіе движется чрезвычайно медленно, и онъ также подолгу останавливается на культурныхъ подробностяхъ.

Комедіи Леннепа и его историческіе труды также пользуются въ Голландіи славою. Онъ же считается реформаторомъ литературнаго языка, который онъ сблизилъ съ языкомъ разговорнымъ. Леннепъ ум. 1868 г. **); онъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, которые писали баллады изъ національныхъ преданій. Мы назовемъ изъ нихъ: Тенъ-Кате, собирателя народныхъ пѣсенъ, и M-lle Туссенъ (Toussain род. 1812 г., по мужу Босбомъ), француженку, натурализованную въ Голландіи и подарившую своему новому отечеству цѣлый рядъ историческихъ романовъ (1835—47 гг.); изъ нихъ самый извѣстный: „Лейчестеръ въ Голландіи“ ***). Впослѣдствіи она перешла къ роману современному („Майоръ

*) Любопытно, какъ крайняя молодость сходится съ старостью: развитію венгерской литературы еще очень недавно вредило сильное распространеніе латыни.

**) О немъ см. Revue d. d. M. Alb. Reville: Le romancier national de la Hollande-Jacob van Lennep et ses oeuvres. 1868. 15 окт.

***) О немъ см. Revue d. d. M. статью I. I. Ampère 1850 г. 1 іюня.

Франць“ *). Переходъ отъ романтизма къ реализму произошелъ здѣсь тихо и незамѣтно между прочимъ потому, что голландское искусство вообще (какъ и поэзія въ частности, см. вып. XXIV) было всегда реально и оставалось таковымъ даже и въ періодъ романтизма. Уже въ сороковыхъ годахъ здѣсь появляется масса жанристовъ, которые между прочимъ съ большой пользой для дѣла изслѣдуютъ жизнь колоній. Самый вліятельный изъ этихъ реалистовъ Э. Д. Деккеръ (род. 1820 г., съ 1840 г. служилъ на остр. Явѣ), который въ своемъ тенденціозномъ, но прекрасно написанномъ романѣ: „Максъ Гавелоръ или продажа кофе“ (1860–2 гг.) раскрылъ глаза своимъ соотечественникамъ на положеніе колоніальныхъ дѣлъ. Его „Любовныя письма“ (1861 г.) и „Идеи“ (1862) отличаются психологической глубиной и тонкостью, а драмы: „Невѣста“ и въ особенности „Школа князей“—живыми характерами и удачной композиціей.

Многимъ изъ современныхъ голландскихъ писателей очень удаются небольшіе разсказы—картинки изъ народной жизни; они хороши даже у Шиммеля (род. 1824 г.), историческіе романы и драмы котораго сухи и банальны.

Фламандское нарѣчіе (т.-е. нарѣчіе, на которомъ говорятъ бельгійцы нѣмецкой крови) есть, какъ извѣстно, ни что иное, какъ разновидность голландскаго; фламандская литература, конечно тоже реалистическая по своему основному характеру, можетъ считаться существующей самостоятельно только съ тѣхъ поръ, какъ фламандцы сознали необходимость бороться за свою національность съ романской (валлонской) частью бельгійскаго населенія, которая ведетъ страну къ полному культурному подчиненію Франціи, а это сознаніе явилось во всей силѣ только послѣ революціи 1830 г. Борьба питаетъ и возбуждаетъ маленькую фламандскую литературу и придаетъ ей особый интересъ; но та же борьба приноситъ ей и существенный вредъ, такъ какъ лишаетъ ее критики: превознося и захваливая всякаго изъ „своихъ“ уже за одно намѣреніе быть національнымъ писателемъ, фламанофилы мѣшаютъ ему учиться и прогрессировать.

Въ пятидесятыхъ годахъ главою этой литературы считался Генрихъ Консіансъ (Conscience); онъ род. въ Анверѣ въ 1812 г. и только по матери и по мѣсту жительства былъ фламандцемъ; служилъ въ военной службѣ, а съ 1836 г. отдался всецѣло литературѣ. Онъ началъ съ созданія литературнаго языка и, создавъ его, успѣлъ подарить фламандской литературѣ длинный рядъ романовъ, изъ которыхъ многіе переведены на англійскій, французскій, нѣмецкій и проч. Онъ началъ съ романовъ историческихъ, вдохновленныхъ В. Скоттомъ, но, конечно, изъ исторіи Бельгіи, потомъ скоро перешелъ къ роману современному (въ 1843 г.: „Что можетъ вынести мать“); эти два вида національной поэзіи—воспроизведеніе прошлаго и настоящаго—онъ культивировалъ параллельно въ продолженіе многихъ лѣтъ къ удовольствію и пользѣ согражданъ. Когда въ 1881 г. онъ издалъ свой сотый томъ, вся нація безъ различія партій и съ правительствомъ во главѣ устроила въ честь его небывалую манифестацію, и ему заживо поставили бронзовую статую въ его родномъ городѣ. Онъ ум. въ 1883 г.

Консіансъ—писатель честный и добросовѣстный, проникнутый религіознымъ чувствомъ и искренно любившій свою родину; онъ хорошо знаетъ жизнь всѣхъ классовъ бельгійскаго общества и много работалъ надъ исторіей Европы; но талантъ у него не выходящій изъ ряду вонъ: характеры не отличаются глубиной и оригинальностью, и сюжетъ часто бываетъ лучше задуманъ, нежели обработанъ **).

---

*) Изложилъ Albert Reville въ Revue d. d. M. 15 іюня и слѣд. 1875 г.

**) О немъ см. по-русски: статью „Консіансъ Генрихъ и фламандская литература“. Пантеонъ 1856 г. кн. IV. (Здѣсь пересказанъ его романъ „Хлодвигъ и Клотильда“.

Въ настоящее время первымъ фламандскимъ поэтомъ считается Э. Гиль (Emm. Hiel, род. 1834 г., профессоръ декламаціи въ брюссельской консерваторіи), извѣстный также и какъ переводчикъ съ нѣмецкаго и съ англійскаго; онъ прекрасно владѣетъ стихомъ и одинаково способенъ создавать какъ дѣтскія пѣсни, такъ и патетически-торжественныя кантаты; онъ же авторъ нѣсколькихъ поэмъ, встрѣченныхъ съ большимъ энтузіазмомъ.

Новѣйшіе фламандскіе романисты, какъ А. де Лаэтъ (род. въ 1815 г.), братья Шнидерсъ и др., являются почти исключительно жанристами. Немногочисленные фламандскіе драматурги (какъ напр. фонъ Пееве 1811—1864) пишутъ или драмы изъ національной исторіи, или жанровыя картинки; послѣднія удаются имъ лучше.

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ западной Европы дворянство, а потомъ и буржуазія работали надъ созданіемъ свѣтской цивилизаціи, которая скоро начала успѣшно соперничать съ церковной, дворянство венгерское оставалось въ первобытной дикости *). Оттого вся умственная дѣятельность сосредоточилась въ рукахъ духовенства, а такъ какъ духовенство говорило и писало по-латыни, то національному языку, а, стало быть, и національной литературѣ не было возможности развиться; оттого вся средневѣковая венгерская письменность ограничивается нѣсколькими незначительными отрывками. Она довольно быстро развивается въ концѣ XV в. подъ вліяніемъ гуситства, и въ эпоху реформаціи ей предстояла бы блестящая будущность, еслибъ владычество австрійское не воздвигло почти непреодолимыхъ препятствій для ея развитія: здѣсь, какъ и въ Богеміи, правительство смотрѣло на народный языкъ, какъ на признакъ схизмы. Тѣмъ не менѣе, венгерскіе патріоты дѣлали, что могли, для просвѣщенія народа и созданія литературы, и труды ихъ не оставались совсѣмъ безплодны: кромѣ переводовъ св. Писанія, печатаются хроники, проповѣди, сборники духовныхъ пѣсенъ, пѣсни народныя и искусственныя, эпопеи, сочиненныя въ духѣ національныхъ былинъ; составляются грамматики и словари; а правительство и католическое духовенство, въ противодѣйствіе этому, наводняютъ Венгрію книгами латинскими **); такъ какъ сила была въ рукахъ начальства, то дѣло дошло до того, что когда въ XVIII в. оказалась потребность въ газетахъ, онѣ печатались по-латыни. Положеніе дѣла измѣняется во второй половинѣ XVIII в. въ царствованіе Іосифа II; тогда національная партія поднимаетъ голову; въ 1781 г. появляется первая мадьярская газета; скоро мадьярскій языкъ дѣлается предметомъ преподаванія въ школахъ, а позднѣе на немъ начинаютъ преподаваться и нѣкоторые изъ учебныхъ предметовъ. Это національное направленіе особенно усиливается послѣ 1815 г. подъ вліяніемъ романтизма и вызваннаго имъ умственнаго движенія; въ двадцатыхъ годахъ латынь и нѣмецкій все болѣе и болѣе вытѣсняются изъ употребленія; въ 1830 г. основывается мадьярская академія наукъ, и тогда же выходитъ въ свѣтъ національная эпопея Андрея Хорвата: „Арпадъ". Но венгерцамъ пришлось нагонять слишкомъ много для того, чтобъ они

P. de Mont: Henri Conscience, sa vie et ses travaux. Anvers. 1883. I. Eeckhoude: Vie de H. Conscience. Bruxelles. 1883, ср. въ R. d. d. M. статью Saint René Taillandier 15 марта 1849 и 2 повѣсти Консіанса 15 янв. и 1 мая 1854 г.

*) Даже въ концѣ XV в. многіе высшіе чиновники изъ дворянъ не умѣли ни читать, ни писать.

**) Вычислено, что изъ 4200 сочиненій, напечатанныхъ въ венгерскихъ типографіяхъ отъ 1484 г. до 1711 г., 2000 написаны по-мадьярски, 1900 по-латыни и 300 по-нѣмецки.

хотя хоть приблизиться къ народамъ запада, а крайности мадьярофильства, въ родѣ изгнанія всѣхъ иностранныхъ техническихъ словъ и замѣны ихъ неологизмами, и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, скорѣй вредили, чѣмъ помогали успѣху національной идеи. Тѣмъ не менѣе, дѣло быстро идетъ впередъ: массами появляются переводы извѣстныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, также В. Скотта, Сю и др.; въ области эпоса и лирики мадьярскіе поэты и сами являются вполнѣ удовлетворительными, для потребностей своей публики, производителями, а когда начинаетъ дѣйствовать знаменитый Кошутъ, основатель венгерской журналистики,—его „Пештскій журналъ" выходитъ съ 1841 г. и быстро пріобрѣтаетъ тысячи подписчиковъ,—оказывается, что венгерская публика уже вполнѣ дозрѣла до того, чтобы всѣ ея главнѣйшіе интересы выражались въ періодической печати. Появилась масса газетъ, литературныхъ журналовъ и альманаховъ; лучшіе изъ нихъ читаются на-расхватъ. Собираютъ и издаютъ памятники народной поэзіи.

Революція 1848 г. дала сильный толчекъ умственному движенію венгерскаго народа и слѣдовательно способствовала развитію литературы; но, съ другой стороны, та же революція увлекла и погубила лучшія ея силы. Въ ней погибъ и величайшій изъ венгерскихъ поэтовъ Петёфи.

Alex. Petőfi (настоящая фамилія котораго была Петровичъ) род. въ 1822 г. въ реформатскомъ небогатомъ семействѣ; онъ учился мало, рано поступилъ въ солдаты, потомъ вышелъ въ отставку и былъ странствующимъ актеромъ. Въ 1843 г. появляются въ газетахъ его стихи, а въ слѣдующемъ 1844 г. выходитъ сборникъ его раннихъ произведеній, быстро доставившій ему славу перваго поэта: столько задушевности и правды было въ стихахъ этого самоучки. Въ 1844 г. выходитъ его комическій эпосъ: „Деревенскій молотъ"; въ 1845—эпосъ сказочный: „Витязь Яносъ"; въ слѣдующемъ 1846 г. романъ: „Веревка палача", драма: „Тигръ и гіена" и рядъ разсказовъ изъ деревенской жизни. Романъ и драма его плохи, но разсказы и особенно лирическія стихотворенія, которыя онъ печаталъ въ это время, превосходны. Тогда же онъ начинаетъ переводить Шекспира. Въ 1847 г. Петёфи женился, и въ 1848 г. оказался во главѣ политическаго движенія; его знаменитая пѣсня: „Возстаньте, мадьяры" вела венгерцевъ къ бою, какъ Марсельеза—республиканцевъ 1793 г.; самъ поэтъ въ качествѣ офицера принималъ въ войнѣ дѣятельное участіе и погибъ въ одномъ сраженіи въ 1849 г.; по крайней мѣрѣ тамъ его видѣли въ послѣдній разъ; много лѣтъ спустя, разнесся слухъ, будто онъ томится въ Сибири, но слухъ оказался невѣрнымъ.

Петёфи освободилъ венгерскую поэзію отъ рабства передъ западно-европейскими и возвратилъ въ нее духъ народной пѣсни; къ сожалѣнію, какъ лирикъ по преимуществу, онъ можетъ быть оцѣненъ вполнѣ только въ оригиналѣ *).

Отъ 1847 до 1867 г. венгерская литература двигалась по пути, указанному дѣятелями сороковыхъ годовъ; со времени уравненія 1867 г. венгерскій языкъ сдѣлался языкомъ оффиціальнымъ, и литература получила новую, болѣе широкую жизнь; съ тѣхъ поръ ея произведенія, въ особенности романы, пріобрѣтаютъ все бóльшую и бóльшую цѣнность на европейскомъ литературномъ рынкѣ.

Самый извѣстный изъ романистовъ Венгріи, безъ сомнѣнія, Маврусъ Іокай **); онъ род. въ 1825 г., былъ по школѣ товарищемъ Петёфи, но получилъ несравненно лучшее образованіе; былъ адвокатомъ, но еще раньше того высту-

*) Переводы отдѣльныхъ его произведеній разсѣяны въ русскихъ журналахъ 60-хъ гг. См. о немъ Saint-René Taillandier: Saudor Petoöfi въ Revue d. d. M. 1860 г. 15 авг. Ср. ibid. 15 авг. 1870 г. Ed. Sayour: La poésie populaire hongroise pendant la guerre 1848—9.

**) Правильное произношеніе—Johkoi.

пилъ на литературное поприще съ драмой: „Жиденокъ“ (1842); первый романъ его „Будни“ вышелъ въ 1846 г. и доставилъ ему нѣкоторую извѣстность; за нимъ послѣдовалъ сборникъ повѣстей. Онъ вмѣстѣ съ Петőфи принималъ дѣятельное участіе въ революціи 1848 г. и послѣ ея неудачи принужденъ былъ нѣкоторое время скрываться. Послѣ „уравненія правъ“ онъ непремѣнный членъ и видный дѣятель венгерскаго парламента.

Іокай выпустилъ въ свѣтъ около 300 томовъ своихъ произведеній всѣхъ родовъ и видовъ. Изъ его драмъ мы назовемъ двѣ, которыя считаются лучшими: „Король Коломанъ“ (1855 г.) и „Мильтонъ“ (1878 г.); наибольшій успѣхъ имѣютъ его романы не только въ Венгріи, но и въ Германіи и другихъ странахъ. Въ нихъ смѣшаны различныя литературныя школы, такъ какъ самъ Іокай былъ сперва романтикомъ, потомъ сталъ сторонникомъ крайняго націонализма и наконецъ подпалъ подъ вліяніе реалистовъ. Дѣйствіе и характеры не отличаются большой вѣроятностью, но фабула у него всегда занимательна и отдѣльныя явленія жизни изображены очень правдиво. Перипетіи слѣдуютъ одна за другой слишкомъ быстро, но его живость, богатство фантазіи, а мѣстами юморъ и невѣроятное заставляютъ казаться вѣроятнымъ; жизнь у него бьетъ ключемъ, но иногда слишкомъ замѣтно сказывается погоня за эффектами. Іокай—венгерскій Дюма, но не испорченный индустріализмомъ и идущій въ уровень съ передовыми людьми вѣка. Лучшими изъ его романовъ считаются: „Бѣлая роза“, „Турки въ Венгріи“, „Венгерскій набабъ“, „Черные бриліанты“, „Бѣдные богачи“, „Золотой человѣкъ“, „Новый землевладѣлецъ“, „Рабъ Раби“ и пр. *).

Рядомъ съ Іокаемъ многіе ставятъ барона Зигмунда фонъ-Кемéни (Kemeny), который можетъ считаться главою венгерскаго реализма; онъ род. въ 1816 г.; выступилъ въ первый разъ съ идеалистическимъ романомъ „Павелъ Гіулай“ въ 1842 г., потомъ увлекся политикой, а когда въ 1851 г. снова возвратился къ литературѣ въ романѣ: „Пропасти сердца“, за которымъ въ 1854 г. послѣдовалъ „Мужъ и жена“, то оказался венгерскимъ Бальзакомъ. Онъ ум. въ 1875 г.

Въ венгерскомъ стихотворствѣ еще и послѣ сороковыхъ годовъ видно сильное вліяніе Байрона; въ этомъ направленіи дѣйствовали Э. Мадахъ (род. 1823, ум. 1864), авторъ лирико-философской поэмы: „Трагедія людей“, и лирикъ Павелъ Гіулай (род. 1826). Въ послѣднее время въ Венгріи появилось нѣсколько довольно даровитыхъ жанристовъ (напр. L. Abonyi съ его „Альфольдскими разсказами“, G. Esiky и пр.), и общій тонъ венгерской беллетристики и театра перестаетъ быть въ такой степени исключительно-національнымъ, какъ былъ до 1867 г. или непосредственно послѣ него.

Еще въ XVIII в., задолго до начала научной сравнительной грамматики, замѣтили близкое родство венгерскаго языка съ финнскимъ и были не мало удивлены этимъ фактомъ; теперь вполнѣ выяснилось, что эти два столь отдаленные и мало похожіе народа представляютъ двѣ вѣтви одной и той же алтайской или туранской семьи (къ которой принадлежатъ и турки). Финнскій языкъ сталъ получать литературную обработку въ ту же реформаціонную эпоху, но вслѣдствіе бѣдности страны здѣсь дѣло шло несравненно медленнѣе, нежели въ плодородной Венгріи, и первая финнская Библія явилась только въ 1642 г., да и послѣдующія полтора столѣтія финны совсѣмъ не имѣли литературы; она зарождается только

*) На русскій яз. переведены: «Золотой человѣкъ», «Черные бриліанты», «Дважды умереть» (два раза), «Новый землевладѣлецъ» и пр. Съ мая 1891 года въ «Русскомъ Вѣстникѣ» переводится «Божья воля».

въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка подъ вліяніемъ той же великой идеи уваженія къ народности.

Творцемъ финской литературы считается Э. Лёнротъ, собиратель пѣсенъ Калевалы, о которой мы уже говорили; онъ род. въ 1802 г. въ большой бѣдности, готовился въ портные, потомъ поступилъ ученикомъ къ аптекарю, но показалъ такія выдающіяся способности и трудолюбіе, что 20-ти лѣтъ добылъ себѣ возможность поступить въ Абосскій университетъ, гдѣ занимался филологіей и естественными науками; оттуда онъ перешелъ въ Гельсингфорсъ на медицинскій факультетъ и по окончаніи курса сдѣлался военнымъ докторомъ. Пѣсни Калевалы онъ началъ собирать уже съ 1828 г.; издавъ ихъ, онъ сталъ подготовлять къ изданію лирическія пѣсни и баллады финновъ: онѣ вышли въ 1842 г. въ 3-хъ томахъ (подъ назв. Kantelatar); за ними послѣдовали сборники загадокъ, пословицъ, пѣсенъ. Между тѣмъ Калевала произвела большую сенсацію между учеными Европы, а Лёнротъ и примѣромъ, и совѣтами поощрялъ финновъ писать по-фински. Съ 1853 г. ему была предоставлена каѳедра финскаго языка и литературы въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, которая была создана для его высокодаровитаго послѣдователя и отчасти ученика, безвременно погибшаго вслѣдствіе усиленныхъ научныхъ трудовъ, Кастрена (1813—1852). Послѣ трудовъ Ланрöта и Кастрена („Этнографія алтайскихъ народовъ", „Лекціи о финской миѳологіи", „Путешествія и изслѣдованія" и рядъ грамматикъ: самоѣдская, зырянская и пр.), финны смѣло могли признать себя культурнымъ народомъ, имѣющимъ право на собственную литературу. Формированію ея сильно способствуетъ „Финское литературное общество" въ Гильсингфорсѣ, которое, кромѣ грамматики и словарей, издаетъ много книгъ для чтенія; финскій языкъ становится постепенно языкомъ школы; появляются переводы классическихъ произведеній, а также дѣйствуютъ собственные историки, поэты и разсказчики. Лёнротъ имѣлъ счастіе дожить до полнаго успѣха своего дѣла: въ годъ его смерти (1884) финны имѣли уже около 30 періодическихъ изданій на своемъ языкѣ.

Если мы посвятили, хотя бы по нѣскольку строкъ, литературамъ фламандской и финской, мы не въ правѣ обойти совершеннымъ молчаніемъ литературу румынскую, такъ какъ и народъ, духовные интересы котораго она выражаетъ, играетъ теперь нѣкоторую роль въ судьбахъ Европы, да и сама по себѣ она гораздо старше и производительнѣе.

Начальная исторія румыновъ все еще остается исторической загадкой *), но зато исторія ихъ древней письменности изслѣдована теперь вполнѣ удовлетворительно: она представляетъ въ высшей степени интересный матеріалъ для сравнительнаго изученія словесности; но, какъ и слѣдовало ожидать въ виду господства славянскаго языка въ румынскомъ богослуженіи, въ ней очень мало самостоятельнаго: ея памятники—переводы или пересказы съ славянскаго и изрѣдка непосредственно съ греческаго. Національное чувство пробуждается и здѣсь въ реформаціонную эпоху, но позднѣй, нежели въ Венгріи. Первая румынская печатная книга (Псалтырь) явилась въ 1577 г.; черезъ 3 года появляется полный переводъ Библіи. Составляются на родномъ языкѣ хроники и въ томъ числѣ хроника

*) См. книгу Ксенополя (Une énigme historique. Les Roumains au moyen âge par A. D. Xénopol, professeur d'histoire roumaine à l'Université de Jassy. Paris. 1885), который возстаетъ противъ извѣстной теоріи Рöзлера, и ея разборъ: Romania т. XIV (1885), стр. 587 и слѣд.

Урехи *); пишутся литературныя посланія и пр. Литературное движеніе усиливается, когда наконецъ румынскій языкъ въ XVII в. становится богослужебнымъ; открываются довольно многочисленныя школы съ роднымъ учебнымъ языкомъ и наконецъ становится возможно появленіе такихъ образованныхъ людей и литературныхъ дѣятелей, какъ знаменитый союзникъ Петра Великаго Димитрій Кантеміръ. Съ Кантеміромъ же и кончается этотъ недолгій блескъ румынскаго просвѣщенія: послѣ его отпаденія турки начинаютъ усиленно тѣснить румыновъ и убивать въ нихъ національное чувство; въ господари присылаются большею частію греки (фанаріоты), и румынскій языкъ снова дѣлается нарѣчіемъ одного простого народа.

Онъ возрождается къ новой жизни и зарождаетъ богатую для ея возраста литературу опять-таки въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, что здѣсь совпадаетъ съ возстаніемъ Владимиреску и изгнаніемъ фанаріотовъ (1822 г.). Румынскій языкъ вскорѣ принимаетъ латинскій алфавитъ, начинаетъ усиленно очищаться отъ славянскихъ и греческихъ словъ (причемъ пуристы идутъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и сочиняютъ массу словъ, непонятныхъ народу), открывается много школъ съ румынскимъ языкомъ, появляется періодическая пресса; появляются собственные историки, лирики, сатирики, эпики, даже драматурги; переводятся въ большомъ количествѣ классическія произведенія запада.

Однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ лириковъ считается Григорій Александреску. Онъ род. въ 1812 г., учился въ лучшей изъ національныхъ школъ— коллегіи св. Саввы, служилъ въ военной службѣ, потомъ сдѣлался виднымъ членомъ филармоническаго общества, которое представляло тогда въ Румыніи либеральную оппозицію. Въ 1839 г. вышло собраніе его стихотвореній, въ которомъ особенной силой отличались сатиры и политическія басни. Смѣлость его сатиры навлекла на него жестокія преслѣдованія, и онъ былъ на нѣкоторое время заключенъ въ монастырь. Въ 1847 г. выходятъ его „Воспоминанія", а черезъ два года лучшая изъ его лирическихъ поэмъ: „1848 годъ". Въ 1859 г. Александреску былъ назначенъ министромъ финансовъ, но вскорѣ оставилъ этотъ постъ, чтобы дѣйствовать въ рядахъ оппозиціи. Въ 1863 г. вышелъ сборникъ его новыхъ стихотвореній: „Размышленія и элегіи", показывающій, насколько за это время развился румынскій языкъ и стихъ.

Величайшій изъ румынскихъ поэтовъ Василій Александри (Alecsandri), род. въ 1821 г. въ Яссахъ; получивъ довольно поверхностное начальное образованіе во французскомъ пансіонѣ роднаго города, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ работалъ очень много, но не успѣлъ выбрать себѣ спеціальности, и послѣ небольшого путешествія по Италіи вернулся на родину, гдѣ принялъ участіе въ редакціи журнала Когальничану: Dacia literara и выступилъ съ повѣстью: „Флорентійская цвѣточница". Уже 21 года отъ роду онъ отправился въ горы Молдавіи изучать родной народъ; тамъ онъ написалъ лучшія свои жанровыя поэмы и собралъ массу балладъ и пѣсенъ. Въ 1844 г. онъ вмѣстѣ съ Когальничану завѣдуетъ ясскимъ театромъ и ставитъ на немъ нѣсколько своихъ пьесъ, возбудившихъ всеобщій восторгъ энергіей дѣйствія и живостью бытовыхъ красокъ. Онъ основываетъ новый журналъ: „Прогрессъ", который черезъ 9 мѣсяцевъ былъ закрытъ правительствомъ. Послѣ этого Александри путешествовалъ по востоку и принималъ настолько дѣятельное участіе въ революціи 1848 г., что принужденъ былъ бѣжать въ Парижъ, гдѣ въ 1852 г. и издалъ собранныя имъ народныя баллады и пѣсни **).

*) См. Chronique de Moldavie, depuis le milieu du XIV s. jusqu'à l'an 1594 par Grégoire Urechi, par Em. Picot. 1878, Paris (текстъ, переводъ и изслѣдованіе).

**) См. о нихъ: A. Rocques: Chants populaires roumains d'après les recueils de

Тогда же напечаталъ онъ сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній (Doine ši Lacrimoare), который доставилъ ему славу перваго лирика Румыніи. Ободренный успѣхомъ, онъ написалъ длинный рядъ вполнѣ оригинальныхъ, исполненныхъ горячаго патріотизма поэмъ, сильно дѣйствовавшихъ на подъемъ народнаго духа. Когда въ 1855 г. умеръ отецъ Александри, и поэтъ оказался владѣльцемъ большихъ имѣній, онъ далъ свободу всѣмъ своимъ крѣпостнымъ; его примѣру послѣдовали многія сотни румынскихъ землевладѣльцевъ, а это повлекло за собою общее освобожденіе крестьянъ въ Румыніи. Въ 1857 г. поэтъ вступаетъ на политическое поприще, и вліяніе его оказывается настолько велико, что уже черезъ два года онъ получаетъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, но оставляетъ его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ 1865 г. Александри покидаетъ политику для литературы и науки, основываетъ учено-литературное общество и журналъ (Convorbiri literare), который собираетъ въ себѣ лучшія литературныя силы Румыніи, но въ которомъ лучше всего остального поэмы и пьесы Александри; послѣднія интересны и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ онѣ изображаютъ рядъ типовъ, вымирающихъ или уже вымершихъ подъ вліяніемъ новой культуры. Въ 1879 г. Александри поставилъ въ Букарештѣ свою большую драматическую легенду: Despot Voda, которая имѣла большой успѣхъ. Въ 1885 г. онъ принялъ постъ румынскаго посланника въ Парижѣ. Литературная дѣятельность Александри тѣмъ отраднѣе, что онъ вовсе не сочувствуетъ тѣмъ пуристамъ, которые изъ румыновъ желаютъ превратиться въ римлянъ и, стремясь поднять родной языкъ, на самомъ дѣлѣ уничтожаютъ его латынью; онъ пишетъ тѣмъ языкомъ, какимъ говорятъ, а сочиненныя пуристами слова жестоко осмѣиваетъ. Для пользы румынской молодежи онъ не счелъ ниже своего достоинства приняться за составленіе румынской грамматики (напечатана подъ псевдонимомъ Mirescu); серьезныя научныя работы по исторіи языка встрѣчаютъ съ его стороны самое горячее сочувствіе и поддержку.

Въ послѣднее время, отчасти подъ его вліяніемъ, въ румынской литературѣ все болѣе и болѣе усиливается національная школа, которая успѣшно борется противъ подражанія западу, недавно бывшаго настоящей болѣзнью румынской интеллигенціи (одинъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣятелей—критикъ Титъ Майореску).

Послѣдняя русско-турецкая война и возведеніе Румыніи на степень королевства подѣйствовали очень благодѣтельно на ходъ румынской культуры; записки румынской академіи и труды такихъ выдающихся фольклористовъ, какъ Хыждеу, пользуются уваженіемъ во всей Европѣ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть двухъ выдающихся современныхъ писательницъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ Румыніи по рожденію, а другая по положенію: разумѣемъ Дору d'Istria и румынскую королеву Елизавету, пишущую подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва.

Елена Гика род. въ 1828 г. въ Букарештѣ въ самой аристократической румынской фамиліи: она племянница двухъ господарей и дочь министра; она получила прекрасное воспитаніе въ Дрезденѣ и Вѣнѣ, 20-ти лѣтъ возвратилась на родину, вышла замужъ за князя Козлова-Мосальскаго и нѣсколько лѣтъ пробыла въ Россіи. Въ 1855 г. она переѣхала въ Италію и подъ псевдонимомъ Dora d'Istria начала писать по-французски; ей принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей по женскому вопросу и рядъ талантливыхъ повѣстей (въ Revue d. d. M.); она много и съ пользою занималась албанской этнографіей и поэзіей.

В. Alexandri. 1879. Ср. Cratiunescu: Le peuple roumain d'après les chants nationaux Paris, 1874, а по нѣм. von Kotzebue: Rumänische Volkspoesie. Berl. 1857.

Карменъ Сильва (род. 1843 г., вышла замужъ въ 1869 г.) пишетъ по-нѣмецки, но выказываетъ глубокую симпатію къ Румыніи; она перевела превосходными стихами нѣсколько лучшихъ пьесъ Александри и ея картинки румынской жизни показываютъ не заурядный талантъ и теплое, любящее сердце.

ГЛАВА VIII.

Англійская литература новѣйшаго времени *).

Полтора столѣтія политической свободы и энергичной умственной работы возвели Англію на такую степень матеріальнаго благосостоянія, какого еще не достигала ни одна страна въ мірѣ. Результатомъ этого была ея побѣда надъ Наполеономъ, съ одной стороны, и первенство ея литературы, съ другой.

Мы оставили Англію на эпохѣ Байрона и В. Скотта и имѣли случай замѣтить въ литературахъ другихъ странъ преобладающее вліяніе этихъ двухъ поэтовъ. Послѣ этого естественно ожидать въ самой Англіи количественнаго подъема творчества именно въ области стихотворства и романа. Но вопросъ былъ въ томъ, ограничится ли англійская литература подражаніемъ имъ или поведетъ ихъ дѣло дальше и откроетъ новые пути; только во второмъ случаѣ продукты этого творчества могли перейти за границу Англіи и имѣть благотворное вліяніе на ходъ всемірной литературы. Въ силу той же высокой культуры англійскаго народа, періодъ застоя былъ очень непродолжителенъ, и въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ англійская поэзія и особенно англійскій романъ оказываютъ такое же огромное вліяніе на весь цивилизованный міръ, какъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ стихотворству и роману, мы должны сказать хотя нѣсколько словъ объ наукѣ и исторіографіи въ Англіи. Англійская наука новѣйшаго времени далеко не отличается такою производительностью, какъ наука нѣмецкая, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и французская, но въ общемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи

---

*) Согласно нашему плану, три послѣднія главы должны заключать въ себѣ обозрѣніе англійской, нѣмецкой и французской литературъ за послѣднія десятилѣтія. Компетентные читатели понимаютъ, что каждая изъ этихъ главъ должна бы занимать многія сотни страницъ. Но такъ какъ мы давно уже истощили терпѣніе нашего издателя и публики, мы по-неволѣ должны сжать наше изложеніе до послѣдней возможности и даже дальше нея. Въ виду этого мы ограничиваемся почти исключительно сообщеніями и замѣтками о тѣхъ литературныхъ явленіяхъ трехъ передовыхъ странъ, которыя имѣли непосредственное вліяніе на массу русской интеллигенціи, вслѣдствіе чего и библіографію мы сводимъ главнымъ образомъ къ указаніямъ на переводы и русскія статьи, да и за ихъ полноту не можемъ ручаться опять-таки въ виду недостатка мѣста.

она занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Это происходитъ отъ того, что тамъ за разработку науки берутся не въ силу принадлежности къ кастѣ ученыхъ и не за неимѣніемъ другихъ обезпечивающихъ занятій, а по призванію; оттого тамъ меньше спеціалистовъ и чернорабочихъ науки, но больше ученыхъ съ широкимъ кругозоромъ и сильной, оригинальной мыслью; большинство крупныхъ дѣятелей выходитъ непосредственно изъ общества и потому говоритъ языкомъ, понятнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ соспеціалистамъ и студентамъ. Кромѣ того, нѣмецкому ученому часто нѣтъ дѣла до того, что̀ выйдетъ изъ добытыхъ имъ крупицъ истины: послѣдняя въ его глазахъ имѣетъ цѣль въ самой себѣ; болѣе практичный англичанинъ ведетъ изслѣдованіе въ такомъ направленіи, чтобы истина получала приложеніе къ жизни, а масса общества, конечно, интересуется главнымъ образомъ этимъ приложеніемъ. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ въ Германіи даже философскія ученія вліяютъ на духовную жизнь народа только черезъ посредство поэзіи, въ Англіи даже изслѣдованія по зоологіи и антропологіи являются крупнымъ литературнымъ фактомъ. Оттого имена Дарвина (1807—1882) и Спенсера (род. 1820 г.) теперь настолько же популярны и настолько же въ послѣдующіе вѣка будутъ характеризовать движеніе мысли въ XIX столѣтіи, какъ и имена Байрона и Диккенса.

Особый характеръ англійской науки виденъ, между прочимъ, и въ той области, о которой мы сочли нужнымъ говорить и въ нѣмецкой литературѣ: въ изученіи старины и народности. Мы видѣли, что на мѣстѣ своей родины, въ Германіи, эта новая наука, за которой, кстати сказать, повидимому вездѣ удержится ея англійское названіе folk lore, въ началѣ была тѣсно связана съ поэзіей, но теперь, какъ извѣстно, она разбилась на нѣсколько спеціальностей археологическаго и филологическаго характера, которыя уже не интересуютъ большую публику; въ Англіи, во-первыхъ, ея результаты часто эксплуатировали съ чисто практическими цѣлями даже въ политическихъ вопросахъ, а во-вторыхъ, она тамъ расширила и углубила свои задачи и стала одной изъ самыхъ видныхъ частей антропологіи.

Англичане, столь самомнительные при столкновеніи съ иностранцами въ обыденной жизни, въ дѣлѣ науки отлагаютъ свое самолюбіе въ сторону и готовы усвоить чужое, но съ тѣмъ, чтобы, такъ сказать, выбрать изъ него лучшіе соки и придать ему собственнымъ геніемъ новую жизнь. Уже въ 20-хъ годахъ они усердно учатся нѣмецкой философіи и совершаютъ пилигримства въ Іену, а потомъ въ Берлинъ (подобно тому, какъ поэты и любители поэзіи совершаютъ въ это время пилигримства въ Веймаръ); но они не подчинились идеальной нѣмецкой философіи, а выработали свою собствен-

ную, во главѣ которой можетъ быть поставлено всѣмъ извѣстное имя Милля, одного изъ величайшихъ логиковъ міра.

Джонъ Стюартъ Милль род. въ 1806 г.; онъ былъ сынъ Джемса Милля, одного изъ извѣстныхъ мыслителей своего времени (1775—1836), который былъ близокъ съ знаменитымъ Іеремією Бентамомъ (1748—1836), основателемъ разумнаго утилитаризма (работа и самопожертвованіе въ пользу „рода"). Джонъ Милль былъ чудо-ребенокъ, порядочно изуродованный страннымъ воспитаніемъ, которое далъ ему отецъ, считавшій вредными новую поэзію и всѣ религіи: въ 12 лѣтъ Джонъ Милль уже свободно читалъ въ оригиналѣ Платона, въ 17 уже началъ помѣщать статьи въ журналахъ, а въ тоже время онъ не имѣлъ понятія ни о Библіи, ни о Шекспирѣ; вслѣдствіе этого, въ 24 года жизнь ему опротивѣла, и онъ могъ бы покончить съ ней, еслибъ его не утѣшила сперва поэзія, а потомъ любовь. Съ 1835 по 1840 г. Милль редактировалъ журналъ: „Лондонское и Вестминстерское Обозрѣніе" (онъ составился изъ 2-хъ Review, изъ которыхъ основателемъ одного былъ Бентамъ) *), а въ 1843 г. вышло первое изданіе его „Системы

*) Пользуемся случаемъ, чтобы сказать два слова объ англійской журналистикѣ: въ разсказѣ о В. Скоттѣ и Байронѣ мы упоминали объ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи", первомъ серьезномъ и вліятельномъ журналѣ въ Англіи, органѣ либеральной партіи; для борьбы съ нимъ консервативная партія скоро создала Quarlerly Review, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Въ англійскихъ Обозрѣніяхъ почти каждая статья стоитъ хорошей книги. Кромѣ „Обозрѣній" тамъ существуетъ масса „Магазиновъ", редакціи которыхъ далеко не такъ требовательны, за то „Магазины" легче для чтенія и несравненно дешевле. Въ общемъ, англійскіе журналы далеко превосходятъ французскіе, не говоря уже о нѣмецкихъ. Въ такомъ же отношеніи англійская ежедневная пресса, во главѣ которой стоитъ знаменитый Times, основанный въ 1788 г. съ скромной цѣлью примѣнить новую систему печатанія (такъ-наз. логографію); система не выдержала опыта, а газета скоро пріобрѣла всеобщее сочувствіе и во время борьбы съ Наполеономъ получала свѣдѣнія вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ многія правительства. Въ 1814 г. впервые была примѣнена въ ея типографіи паровая машина; въ 1834 г. Times имѣлъ 10,000 подписчиковъ, въ 1844 — 28,000 (тогда какъ остальныя газеты, всѣ вмѣстѣ, имѣли 38,000); въ 1854 г.—58,000 (а всѣ остальныя вмѣстѣ 26,000). Но съ тѣхъ поръ народилась масса новыхъ газетъ, изъ которыхъ иныя имѣютъ многія сотни тысячъ подписчиковъ и сотни корреспондентовъ, получающихъ чуть не посланническое содержаніе. Но дѣло не въ цифрахъ, а въ серьезности и строгой выдержкѣ англійской прессы, и въ этомъ отношеніи Times все же занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Даже политико-сатирическая пресса въ Англіи пріятно поражаетъ своей относительной серьезностью и приличіемъ. Всѣмъ извѣстный ея представитель, горбунъ „Пончъ", явился на свѣтъ въ 1841 г.; въ немъ въ продолженіе многихъ лѣтъ работалъ одинъ изъ талантливѣйшихъ юмористовъ Англіи: Дугласъ Джерральдъ, небезъизвѣстный и русской публикѣ. Онъ род. въ 1805 г.; 12 лѣтъ отъ роду былъ на кораблѣ мичманомъ, за тѣмъ, чтобы помогать семьѣ, сдѣлался наборщикомъ, потомъ драматургомъ. Его пьеса: „Сузанна съ черными глазами" до сихъ поръ держится на англійской сценѣ, благодаря живости дѣйствія. Его комедія: „Время творитъ чудеса", бойко разработанная тема которой напоминаетъ „Обыкновенную исторію" Гончарова (но съ сантиментальнымъ окончаніемъ), переведена въ Библ. д. Чт. 1853, т. 119 (№ 6). Четыре его очерка см. въ Совр. 1854 г. №№ 11 и 12. Онъ ум. въ 1857 г. О немъ, какъ о драматургѣ, см. Revue d. d. M. 1859 г. статью E. Forques. Мы сочли нужнымъ упомянуть о Джеррльдѣ, между прочимъ потому, что онъ и Теннисонъ едва ли не единственные англійскіе драматурги новѣйшаго времени, пьесы которыхъ имѣютъ извѣстность заграницей. Англійскій театръ будто отдыхаетъ въ нашемъ столѣтіи; на сценѣ, кромѣ Шекспира и Шеридана, больше

логики", которой онъ измѣнилъ всю систему мышленія. Черезъ 5 лѣтъ выходятъ его „Принципы политической экономіи", второй по значенію трудъ его; кто не согласится, что это соединеніе въ одномъ лицѣ философа и политико-эконома въ высшей степени характерно для англійской науки? Изъ работъ Милля меньшаго объема популярнѣе всѣхъ его „Трактатъ о свободѣ", гдѣ онъ рѣшаетъ важнѣйшій вопросъ объ отношеніи личности и государства. Милль ум. въ 1871 г.

Столь же характерное явленіе представляетъ и Джоржъ Генри Льюисъ, о которомъ намъ приходилось столько разъ упоминать выше. Онъ род. въ 1817 г. въ Лондонѣ, занимался медициной, а въ 1838—9 годахъ—въ Германіи философіей. Онъ одинаково извѣстенъ и своими историко-литературными трудами, и своей „Исторіей философіи отъ Ѳалеса до Конта" (на русск. переведена два раза), и своей „Физіологіей обыденной жизни". Всѣ эти и др. разнообразные труды его отличаются поразительною ясностью пониманія и изложенія, которая дѣлаетъ ихъ доступными для всѣхъ ступеней развитія. Льюисъ ум. въ 1878 г.

Одновременно, въ 40-хъ годахъ въ Англіи дѣйствовали два знаменитые историка, изъ которыхъ одинъ является типичнымъ представителемъ практической и общедоступной науки англійской, другой больше подходитъ къ типу нѣмецкаго мыслителя,—разумѣемъ Маколея и Карлейля. Старшій изъ нихъ Томасъ Карлейль, род. въ 1795 г. въ Шотландіи въ семействѣ трудолюбиваго фермера; въ жилахъ его текла кровь ковенантеровъ, отъ которыхъ онъ и унаслѣдовалъ неукротимую энергію, упорство въ трудѣ, презрѣніе къ благамъ жизни и даже ихъ образный, восторженный и часто темный языкъ. Онъ учился въ Эдинбургскомъ университетѣ и рано пристрастился къ нѣмецкой поэзіи, философіи и наукѣ. Первое его оригинальное произведеніе: Жизнь Шиллера вышло въ 1825 г.; затѣмъ онъ перевелъ полное собраніе сочиненій Шиллера, но напрасно искалъ для него издателя. Карлейль довольно долго сотрудничалъ въ журналахъ, но его сильный и оригинальный умъ не могъ уложиться въ тѣсныя рамки сдержаннаго англійскаго эссеиста. Съ молодой женой Карлейль забрался почти въ пустыню и просидѣлъ тамъ шесть лѣтъ, что называется, не разгибая спины, надъ нѣмецкими книгами. Когда онъ вышелъ оттуда съ нѣсколькими толстыми рукописями въ рукахъ и массой идей въ головѣ, было ясно, что между нимъ и современной ему жизнью лежитъ цѣлая пропасть. Въ другой странѣ онъ могъ бы такъ и остаться непризнаннымъ геніемъ, но Англія любитъ все оригинальное, и Карлейль вошелъ въ такую славу, что его противуполагали Маколею, и его публичныя лекціи, на которыхъ онъ являлся болѣе проповѣдникомъ, чѣмъ профессоромъ, привлекали массу слушателей. Въ 1837 г. вышла его Исторія французской революціи; въ ней много односторонняго, но все вполнѣ самостоятельно. За нею въ 1838 г. послѣдовала странная книга подъ странным

всего имѣли успѣха пьесы Дюма и К°, или англійскія подражанія имъ; изъ національныхъ же пьесъ дольше другихъ держались драматическія передѣлки выдающихся романовъ.

заглавіемъ: Sartor resartus (портной перешитый), которую авторъ выдаетъ за переводъ съ нѣмецкой рукописи полусумасшедшаго философа портного Tufelsdröck (чертовъ навозъ); это—ѣдкая, мѣстами остроумная, вездѣ глубокомысленная, но часто до крайности многословная и скучная критика на нравы англійскаго общества, написанная страннымъ языкомъ, переполненнымъ германизмами. Больше всего надѣлали шуму монографіи Карлейля: «О герояхъ и героическомъ въ исторіи» *) (1841) и «Прошедшее и настоящее» (1843). Карлейль убѣжденъ, что всякая эпоха имѣетъ свою идею, и тотъ дѣятель, который выражаетъ ее всего полнѣе, есть герой эпохи; общества же, лишенныя такихъ характерныхъ людей и руководимыя посредственностями, разлагаются. Онъ разобралъ жизнь двухъ «героевъ»: Кромвеля и Фридриха II. Кромвеля ненавидѣли обѣ главныя партіи: консерваторы, какъ цареубійцу, и либералы—какъ тиранна. Карлейль въ своихъ обширныхъ примѣчаніяхъ къ «Письмамъ и Рѣчамъ Ол. Кромвеля» (2 т. 1845 г.) старается очистить его память отъ всѣхъ упрековъ и возвести его на пьедесталъ; нѣсколько это удалось ему, всякій читатель рѣшаетъ по своему, но никто не будетъ отрицать важности его превосходной подготовительной работы; она еще важнѣе въ «Исторіи Фридриха II, назыв. Великимъ» (6 т. 1859—1865 г.), которая, говорятъ, служитъ пособіемъ въ прусскихъ военныхъ школахъ для исторіи войнъ Фридриха. Во время франко-прусской войны Карлейль высказывалъ горячее сочувствіе нѣмцамъ, въ послѣднюю русско-турецкую войну—балканскимъ христіанамъ. Кромѣ должности ректора Эдинбургскаго университета, на которую его выбрали студенты (въ 1866—7 г.), Карлейль не занималъ никакого опредѣленнаго положенія и всю жизнь прожилъ простымъ литераторомъ. Онъ ум. въ 1881 г. **).

Читать Карлейля не легко, такъ какъ изобиліе образовъ часто затемняетъ его мысль вмѣсто разъясненія. Полную ему противуположность въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, представляетъ Маколей.

Томасъ Бабингтонъ Маколей (Macaulay) род. въ 1800 г., получилъ превосходное классическое образованіе и еще въ университетѣ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность премированными стихотвореніями.

---

*) Русскій переводъ В. П. Б—на (Боткина) см. въ Соврем. 1855 г. № 10.

**) По-русски, кромѣ вышеуказ. см. Докторъ Франсизъ въ Библ. д. Чт. 1857, т. 145. Алмазное Ожерелье. Заря 1867 г. № 7. Отдѣльной книгой переведены его „Опыты“. Москва. 1871. О немъ см. Вѣстн. Евр. 1881 г. №№ 5 и 6 статья А. С. Ср. E. Montegut: Revue d. d. M. 15 апр. 1849. Misland 15 іюня 1850. Ср. ibid. 1 сент. 1850 и 1 іюля 1852. G. Volbert ibid. 1.марта 1885. Также: Oswald: Thomas Carlyle, ein Lebensbild. Lpz. 1881.

Готовясь въ адвокаты, онъ для собственнаго удовольствія занимался литературой и уже въ 1825 г. помѣстилъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» превосходную статью о Мильтонѣ, которая обратила на него вниманіе партіи виговъ; одинъ нобльменъ уступилъ ему т.-наз. «гнилое мѣстечко» и открылъ дорогу въ парламентъ (1830 г.); онъ оказался превосходнымъ ораторомъ, соединявшимъ природное дарованіе съ прекрасной подготовкой и усердіемъ. Въ 1834 году онъ отправился на службу въ Индію и тамъ, между прочимъ, собралъ матеріалъ для своихъ знаменитыхъ статей о Клайвѣ и Варренъ Гастингсѣ. По возвращеніи въ Европу (1838), онъ снова попадаетъ въ парламентъ, теперь уже отъ Эдинбурга, и въ 40-хъ годахъ нѣсколько разъ занимаетъ министерскія мѣста.

Усердная служба своей партіи и родинѣ — только англичане умѣютъ въ такомъ совершенствѣ отождествлять это—не мѣшала его литературнымъ и ученымъ занятіямъ; въ 1842 г. выходятъ его «Пѣсни древняго Рима» *), рядъ очень изящныхъ баллодъ, вдохновленныхъ трудомъ Нибура, а въ 1848 г. — два первые тома его «Исторіи Англіи» отъ восшествія на престолъ Іакова II, которую, не дожидаясь продолженія, стали переводить на другіе языки. Въ 1857 г., послѣ выхода въ свѣтъ политическихъ рѣчей Маколея и 3-го и 4-го тома исторіи, онъ былъ сдѣланъ перомъ; въ это время его заслуги были настолько общепризнаннымъ фактомъ, что аристократія Англіи гордилась новымъ товарищемъ. Онъ ум. въ 1859 г.; 5-й томъ его исторіи вышелъ въ 1861 г. **).

«Исторія Англіи» Маколея (которая, въ сущности, есть только исторія революціи 1688 г.) несомнѣнно лучшая въ литературномъ смыслѣ историческая книга нашего столѣтія и одна изъ лучшихъ книгъ на свѣтѣ. Она наполнила пропасть, отдѣлявшую до тѣхъ поръ исторію отъ романа; эта книга интересна, какъ лучшій романъ, и правдива, какъ лучшая изъ историческихъ книгъ. Это не изслѣдованіе, а творчество, но на основаніи строго провѣренныхъ фактовъ; рядъ прекрасныхъ картинъ, съ точностью воспроизводящихъ всѣ стороны жизни того времени; лица обрисованы до того живо, что мы входимъ во всѣ ихъ интересы и слѣдимъ за перипетіями великой драмы съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ, какъ за ходомъ хорошо написанной и превосходно исполняемой театральной пьесы.

«Опыты» Маколея—рядъ превосходныхъ монографій по исторіи и исторіи литературы, написанныхъ такъ умно и въ то же время такъ просто и картинно, что ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и,

*) Lays of ancient Rome, большой отрывокъ—исторія Виргиніи—см. Гербель о. с.

**) Прекрасно написанную проф. Визинскимъ біографію Маколея см. въ I т. русск. пер. полнаго собранія его сочиненій изд. Тиблена.

пожалуй, съ одинаковой пользой читаетъ и 14-лѣтній отрокъ, и 60-лѣтній профессоръ; кажется, что въ искусствѣ писать о серьезныхъ вещахъ живо и изящно дальше идти некуда.

Ореолъ, облекавшій въ 40-хъ годахъ имена Карлейля и Маколея, въ слѣдующемъ поколѣніи въ значительной мѣрѣ переходитъ на Бокля *) и Лекки **), имена которыхъ также хорошо извѣстны русской публикѣ... Но мы должны обратиться къ исторіи поэзіи.

Въ концѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ англійская литература была богата второстепенными поэтами; сравнительно немногіе изъ нихъ подражаютъ Байрону и Шелли; бо̀льшее число изучаетъ Гёте и нѣмецкихъ романтиковъ; масса перелагаетъ въ стихи средне-вѣковыя легенды, иные являются послѣдователями Борнса ***); все это удовлетворяло потребностямъ минуты, но съ исторической точки зрѣнія представляло застой. После субъективной и независимой поэзіи Байрона былъ только одинъ путь впередъ—къ гуманистическому реализму, т.-е. къ «Пѣснѣ о рубашкѣ».

Авторъ ея Томасъ Гудъ (Hood), род. въ 1798 г. въ семействѣ небогатаго лондонскаго книгопродавца; до 1811 г. онъ учился въ школѣ; въ этомъ году онъ лишился отца и, вслѣдствіе наступившей бѣдности, лишился надежды на правильное образованіе; его отдали писцомъ въ купеческую контору. Рано онъ началъ, по его выраженію, «писать строчки, казавшіяся ему стихами» ****). Когда ему было 15 лѣтъ, слабое здоровье заставило его бросить дѣло и уѣхать въ Шотландію на берегъ моря; тамъ онъ много читалъ, значительно усовершенствовалъ свой стихъ и началъ печататься; по возвращеніи въ Лондонъ, онъ поступилъ къ дядѣ-граверу; онъ работалъ усердно такъ что впослѣдствіи самъ иллюстрировалъ свои произведенія), но (безъ особой охоты: ему хотѣлось быть литераторомъ. Въ 1821 г. издатель «Лондонскаго Магазина» былъ убитъ на дуэли; новые издатели, друзья Гуда, пригласили его въ сотрудники, и онъ съ радостію бросилъ гравированіе; все нравилось ему въ новой работѣ, даже корректура; онъ поставлялъ въ свой журналъ массу стиховъ, въ томъ числѣ даже миѳологическія поэмы, но всего лучше удавались ему юмористическія пьески; въ нихъ онъ съумѣлъ изъ игры словъ

---

*) Henry Thomas Buckle 1822—62.

**) William Edward Hardpole Lecky, род. 1838.

***) Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстенъ рано умершій шотландецъ Вильямъ Мотервилль (1797—1835), издатель народныхъ пѣсенъ (Ministerly ancient and modern 1827). Очень сильную его пьесу: «Въ послѣдній разъ» см. Гербель о. с., стр. 353—4.

****) Матеріалы для его біографіи изданы его сыномъ и дочерью въ 2-хъ т. подъ заглавіемъ: Materials of Thomas Hood etc. Lond. 1860 г. По-русски см. прекрасныя статьи М. Михайлова подъ заглавіемъ: Юморъ и поэзія въ Англіи. Соврем. 1861, №№ 1 и 8.

добывать истинное острословіе, а иногда и паѳосъ. Въ 1824 г. онъ женился, по страстной любви, на сестрѣ художника Рейнгольдса и, не смотря на недостатокъ въ деньгахъ и болѣзненность, былъ очень счастливъ въ семейной жизни. Литературныя дѣла его подвигались впередъ; когда «Лондонскій Магазинъ» перешелъ въ другія руки, онъ выбралъ изъ него свои юмористическія статейки и стихи и издалъ подъ названіемъ: «Странности и причуды» (Whims and oddities); книжка имѣла большой успѣхъ и скоро понадобилось 2-ое изданіе. Въ 1827 г. онъ составилъ 2-ю часть и издалъ ее съ посвященіемъ В. Скоту. Тогда же напечаталъ онъ томикъ повѣстей и романовъ (Tilney Hall 1828), но убѣдился, что на этомъ поприщѣ онъ не пожнетъ лавровъ, и воротился къ стихамъ. Въ 1829 г. онъ издалъ альманахъ, въ которомъ появилась въ первый разъ его необыкновенно эффектная небольшая поэма: «Сонъ Евгенія Арама» (Dream of Eugen Aram) *), психологическій интересъ которой происходитъ изъ умѣнья Гуда проникнуть въ самую глубину человѣческаго горя. Въ томъ же году онъ принялся за составленіе комическаго альманаха, который имѣлъ значительный успѣхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, подъ названіемъ: Hood's Own (т.-е. Гудовщина). Въ 1834 г. Гудъ сильно потерпѣлъ онъ банкротства одной фирмы, и его дѣла, и безъ того не блистательныя, разстроились окончательно. Изъ экономіи, онъ переѣхалъ въ Германію, хотя ни слова не зналъ по-нѣмецки и не любилъ нѣмцевъ; тяжело ему жилось въ это время, а необходимость заставляла его писать самыя веселыя вещи. Наконецъ, ему представилась возможность вернуться въ Англію, гдѣ въ литературныхъ кружкахъ его встрѣтили какъ дорогого и уважаемаго собрата. Въ 1841 г. ему предложили быть редакторомъ «Новаго ежемѣсячнаго Магазина», съ жалованьемъ по 300 ф. стерл. въ годъ; онъ былъ почти въ дѣтскомъ восторгѣ, имѣя такое «солидное» обезпеченіе. Черезъ 3 года, тяготясь своей зависимостью отъ издателя, онъ завелъ свой собственный журналъ, подъ названіемъ: «Магазинъ Гуда» (Hood's Magazine). Въ 1843 году въ Пончѣ появилась безъ подписи «Пѣсня о рубашкѣ» (Song of the shirt); Диккенсъ сейчасъ же догадался, кто ея авторъ. Пѣсня имѣла огромный успѣхъ; немедленно явились переводы и пародіи; она стала народной, и швеи подобрали къ ней мотивъ. Здоровье Гуда, и безъ того слабое, было окончательно надорвано его работой по журналу; онъ самъ сравнивалъ свою голову съ сѣнями, гдѣ вѣчно горитъ лампа. Его послали отдыхать въ Гри-

*) Очень хорошо переведенъ въ Соврем. 1864 г., № 5 г. Буренинымъ. Сюжетъ взятъ изъ уголовнаго дѣла: молодой человѣкъ совершилъ убійство, которое ему удалось счастливо скрыть. Онъ былъ потомъ школьнымъ учителемъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ; только черезъ 14 лѣтъ открылось дѣло, и виновный былъ казненъ.

ничъ; онъ оправился, но не надолго, такъ какъ сейчасъ же опять долженъ былъ сѣсть за работу; въ декабрьской книжкѣ его «Магазина» явилась масса его юмористическихъ рисунковъ и повѣсть. Приготовивъ къ печати январьскую книжку, онъ написалъ друзьямъ прощальныя письма; но онъ протянулъ до 3 мая 1845 г. Онъ умиралъ въ полномъ спокойствіи, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ основанія безпокоиться за судьбу своей собственной семьи: ей уже была назначена пенсія; нѣжныя заботы этой семьи и трогательное выраженіе любви народной— почитатели его таланта каждый день присылали ему вино, фрукты, дичь, даже деньги въ безъимянныхъ письмахъ — примиряли его съ печальной необходимостью *).

Жена пережила его только на $^1/_2$ года; сынъ Томаса, Гудъ Младшій (1835—1874), издатель полнаго собранія сочиненій отца (7 томовъ 1864), былъ небезъизвѣстнымъ романистомъ школы Диккенса.

Томасъ Гудъ, при всей ѣдкости своего остроумія,—поэтъ наивный, почти народный; онъ плачетъ или смѣется въ силу внутренняго чувства, какъ поетъ птица, и свои слезы или смѣхъ переводитъ прямо въ образы, не подвергая ихъ анализу; самые горячіе поклонники не найдутъ въ немъ особой глубины мысли и такъ-называемыхъ «выдающихся красотъ». Почти къ тому же поколѣнію принадлежатъ два другихъ выдающихся поэта: Броунингъ и Теннисонъ; но они воспитались и жили при другихъ условіяхъ, и поэзія ихъ приняла совершенно иное направленіе. Особенно далекъ отъ Гуда Броунингъ, поэтъ мыслителей и тонкихъ знатоковъ искусства, плохо признаваемый непосредственнымъ чувствомъ публики.

Робертъ Броунингъ (Browning) род. въ 1812 г., учился въ лондонскомъ университетѣ и выступилъ съ стихотворнымъ разсказомъ: «Паулина»; за нимъ послѣдовала его драма, или вѣрнѣе рядъ разговоровъ и монологовъ «Парацельзъ» (1835 г.), которая должна изображать борьбу генія и толпы; на самомъ дѣлѣ герой этого произведенія только полугеній, такъ какъ онъ не можетъ обойтись безъ людского одобренія. Затѣмъ явилась въ 1837 г. его трагедія Страффордъ, которая, какъ и послѣдующія его пьесы, не смотря на энергію стиха и «поразительныя красоты» въ частностяхъ, не могла удержаться на сценѣ. Въ 1846 г. онъ издалъ рядъ драматическихъ и лирическихъ этюдовъ подъ страннымъ заглавіемъ: Колокола и погремушки (Bells and pomegranates), въ которыхъ тоже видѣли больше претензій и ори-

---

*) По-русски изъ Т. Гуда, кромѣ вышеуказаннаго, см. Трилистникъ, пер. В. Д—цкой, Библ. д. Чтенія 1864, № 45; Сонъ леди и др. въ переводахъ Ѳ. Миллера. Мостъ вздоховъ—В. Костомарова, Совр. 1861, № 7; 8 удачно выбранныхъ пьесъ см. у Гербеля о. с. 367—375. См. о немъ въ Revue d. d. M. статью L. Etienne 15 сент. 1856 года.

гинальничанья, чѣмъ оригинальности. Въ этомъ же году онъ женился на дѣвицѣ Барретъ и черезъ это упрочилъ за собой литературную извѣстность.

Елисавета Барретъ, дочь богатаго купца, род. въ 1809 г. и получила превосходное воспитаніе, такъ что могла сдѣлать очень хорошій переводъ «Скованнаго Прометея» Эсхила; печатать свои стихи она начала еще съ 17-лѣтняго возраста, и такъ какъ въ нихъ, при изящной формѣ, было много искренняго чувства, то они имѣли большой успѣхъ. Говорятъ, что одна ея пьеска: «Плачъ дѣтей» *) послужила поводомъ къ сокращенію числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Въ Броунингѣ нашла она родственную натуру, и они помогали другъ другу въ поэтическихъ трудахъ, но все же она писала проще и общедоступнѣе, и потому ея поэмы (самая извѣстная изъ нихъ: «Аврора Лей» 1857 г.; въ 1873 г. вышла 11-мъ изданіемъ) больше нравились. Она умерла въ 1861 г. въ Италіи, гдѣ обыкновенно жила съ мужемъ.

Но и Р. Броунингъ послѣ перваго изданія полнаго собранія своихъ произведеній въ 1849 г. **) сталъ считаться знаменитымъ поэтомъ, такъ что составилось даже особое литературное общество (Browning society) для его изученія и пропаганды его славы. Во время франко-прусской войны онъ издалъ довольно ѣдкую сатиру: «Принцъ Гогенстиль-Швангау, спаситель общества», гдѣ изобразилъ карьеру Наполеона III; но тогда же онъ прославлялъ и доблесть французовъ, и продавалъ свои произведенія въ ихъ пользу ***).

Броунингъ вращается главнымъ образомъ въ мірѣ идей; въ этомъ отношеніи полную ему противуположность представляетъ Теннисонъ, поэзія котораго не выходитъ изъ человѣческаго общества..

Альфредъ Теннисонъ род. въ 1809 г. въ Линкольширѣ; онъ былъ сынъ ученаго и довольно состоятельнаго пастора, дома приготовился въ кэмбриджскій университетъ, гдѣ получилъ премію за стихотвореніе на заданную тему («Тимбукту») и тамъ же вмѣстѣ съ братомъ напечаталъ анонимно томикъ стихотвореній (Poems by two brothers). Въ 1830 г. онъ выступаетъ уже съ именемъ (Poems chiefly lyrical), но ни этотъ сборникъ, ни слѣдующій, вышедшій въ 1833 г. и показывающій бо̀льшую зрѣлость таланта, не были одобрены критикой. Только въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда въ новомъ сборникѣ появляются его эпическія и лиро-эпическія поэмы: «Го-

*) Перев. П. Вейнбергомъ. См. Гербеля о. с. стр. 444.

**) Въ 3-хъ томахъ; изданіе 1883 г. уже заключаетъ въ себѣ 6 томовъ.

***) О первыхъ его произведеніяхъ см. по-русски статью: въ Библ. д. Чт. 1852 г. № 2 „Англійскіе поэты послѣ Байрона".

дива» *), «Королева Мая» **), «Дора» ***) и др., оцѣнили изящество его образовъ и необыкновенную гибкость стиха. Въ 1847 г. появилась его полушутливая рефлективная поэма: «Принцесса», которая очень понравилась въ Англіи по своей тенденціи [4]). Въ 1850 г. вышелъ томъ его элегій: In Memoriam (на память объ умершемъ другѣ, сынѣ историка Галлама), въ которомъ искусство версификаціи и постройки поэтической фразы достигаетъ высшей точки своего развитія. Въ этомъ же году Теннисонъ дѣлается poeta laureatus на мѣсто умершаго Вордсворта и съ этихъ поръ «по обязанностямъ службы» пишетъ оды на торжественные случаи; но онъ умѣетъ дѣлать это такъ искусно, что его произведенія читаются съ удовольствіемъ всей «благомыслящей» Англіей и разучиваются наизусть въ школахъ; особенно сильный эффектъ произвела его ода на смерть герцога Веллингтона (1852 г.). Теннисонъ пытался оживить вкусъ къ рыцарской поэзіи (Idills of the king 1859 г.), но, не смотря на все его искусство, это не удалось ему. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ Теннисонъ берется за драму [5]) и имѣетъ успѣхъ въ томъ смыслѣ, что пьесы его, хорошо обставленныя и разыгранныя, смотрятся съ удовольствіемъ, но не оставляютъ глубокаго впечатлѣнія и едва ли удержатся на иностранныхъ сценахъ. Съ 1883 г. Теннисонъ сдѣланъ пэромъ Англіи. Послѣднія произведенія этого плодовитаго поэта, какъ учтиво выражаются его критики, при всѣхъ своихъ достоинствахъ «не заставляютъ забывать» о его раннихъ поэмахъ.

Теннисонъ до нѣкоторой степени наслѣдникъ «лекистовъ», поэтъ благочестивой и консервативной Англіи, которая не хочетъ знать Шелли и Байрона и не считаетъ Гуда поэтомъ; но такова сила духа времени, что и у него прорываются сильныя ноты, и у него есть глубоко гуманныя стихотворенія, гдѣ его «искусство» служитъ высокой цѣли [6]).

---

*) Старое норманское преданіе о доброй королевѣ, которая для спасенія гражданъ отъ гнѣва мужа, по его жестокому требованію, проѣзжаетъ раздѣтая по городу, воспроизведено съ чисто-англійскимъ соединеніемъ реализма и цѣломудрія. Перевед М. Михайловымъ, Совр. 1859 г. № 9.

**) Лирико-эпическая поэма изъ народнаго быта, проникнутая искреннимъ чувствомъ и любовью къ природѣ. Перев. Плещеевымъ. См. Гербель о. с. 437—444.

***) Чистый эпосъ изъ фермерскаго быта. См. ibid. перев. Плещеева.

[4]) Сюжетъ ея въ томъ, что дѣвушка освобождается, какъ отъ зла, отъ идеи эмансипаціи; чувство и поэзія—вотъ настоящая сфера женщины, по убѣжденію поэта.

[5]) „Королева Марія“ 1875, „Гарольдъ“ 1876, „Майская невѣста“ 1882, и пр.

[6]) См. „Мать преступника“, перев. О. М—вой. Вѣстн. Евр. 1889 г. № 8.

О раннихъ его произведеніяхъ см. по-русски Библ. д. Чт. 1852, № 10. „Англ. поэзія послѣ Байрона“. Въ Revue d. d. M. о немъ см. 15 февр. 1856 (Arthur Dudley), 15 ноября 1859 (Montégut), 1 сент. 1885 (Aug. Gilon), и о его драмѣ: Королева Марія ibid. 15 апр. 1876 г. (Léon Boucher).

На цѣлое поколѣніе моложе Теннисона далеко еще не законченный поэтъ Суинбернъ, представляющій полную ему противуположность по своимъ политическимъ воззрѣніямъ и являющійся скорѣе продолжателемъ дѣла Байрона и Шелли. Альджерномъ Чарльзъ Суинбернъ (Swinburne) род. въ 1837 г. въ Лондонѣ, учился въ Итонѣ, потомъ въ Оксфордѣ и долго путешествовалъ въ Италіи, гдѣ гостилъ у старика Саваджа Ландора *), оказавшаго на него очень сильное вліяніе. Онъ началъ свою литературную карьеру въ 1861 г. съ ряда драмъ, которыя совсѣмъ не были пригодны для сцены **); это обстоятельство, а также его политическій радикализмъ и несдержанность въ выраженіяхъ побудили англійскую критику ополчиться на него чуть не всѣми своими силами. Значительно совершеннѣе въ отношеніи формы его лирическія произведенія, первый сборникъ которыхъ вышелъ въ 1866 г. (Poems and ballads; второй сборникъ въ 1878 г.); послѣ ихъ появленія у Суинберна явился кружокъ поклонниковъ, преимущественно изъ либеральной молодежи, да и враждебная критика должна была признать за нимъ значительный талантъ, хотя, по ея мнѣнію, и ложно направленный. Восторженныя его стихотворенія къ Гарибальди, Мадзини, по поводу провозглашенія французской республики въ 1870 г., на день рожденія В. Гюго значительно увеличили его популярность и вѣру въ себя. Уже много лѣтъ работаетъ онъ надъ цикломъ драмъ изъ жизни Маріи Стюартъ, къ которому принадлежитъ трагедія «Ботвель» (Bothwell, 1874), по своей длинѣ еще менѣе пригодная для сцены, чѣмъ его раннія произведенія. Суинбернъ—прекрасный критикъ; обширная подготовка, тонкій вкусъ и оригинальный умъ заставляютъ съ удовольствіемъ читать его «Опыты» ***) и тѣхъ, кто не любитъ его, какъ поэта. Въ послѣднее время Суинбернъ считается главою цѣлой школы, къ которой принадлежатъ довольно извѣстные поэты: Вильямъ Моррисъ и Данте Габріэль Розетти (1828—1881).

Переходимъ къ англійскому роману, который въ послѣднія десятилѣтія получилъ такое же значеніе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, какое въ 30-хъ и 40-хъ годахъ имѣлъ романъ французскій, съ тѣмъ однако различіемъ, что романы Сю, Дюма и пр. служили для молодежи запретнымъ плодомъ, тогда какъ современные англійскіе романы годятся для всѣхъ возрастовъ и состояній; читать романы, теперь значитъ читать англійскіе романы съ рѣдкой при-

*) См. вып. XXVI, стр. 673 и слѣд.

**) The Queen mother и Rosamunda — комедіи; за ними послѣдовали трагедіи: Atalante (1864 г.) и Chastelard (1865).

***) W. Blake, A critical essay (1868), George Chapman (1875), A note on Charlotte Bronte (1877), A study of Shakespeare (1879) и др.

бавкой французскихъ и еще болѣе рѣдкой—нѣмецкихъ. Виновниками такого подъема романа въ Англіи являются: одинъ талантливый и умный литераторъ и два великихъ поэта; разумѣемъ Бульвера, Диккенса и Теккерея. Начинаемъ, по хронологической послѣдовательности, съ литератора.

Эдуардъ Бульверъ, впослѣдствіи лордъ Литтонъ, принадлежалъ къ старинному дворянству; онъ род. въ 1803 г. въ родовомъ имѣніи въ графствѣ Норфолькъ, рано потерялъ отца и былъ воспитанъ матерью, очень образованной и умной женщиной. Онъ началъ писать стихи еще ребенкомъ; будучи студентомъ въ Кэмбриджѣ, онъ получилъ премію за стихотвореніе о скульптурѣ и 23 лѣтъ выступилъ съ сборникомъ стихотвореній подъ названіемъ: «Трава и дикіе цвѣты» (Weeds and wild flowers), за которымъ скоро послѣдовала поэма: «Бунтовщикъ О'Нейль» (O'Neil the rebel); въ обоихъ произведеніяхъ Бульверъ является послѣдователемъ Байрона и послѣдователемъ удачнымъ, но не на столько, чтобы получить такую громкую извѣстность, на какую онъ разсчитывалъ. Тогда Бульверъ обращается къ роману и въ 1828 г. издаетъ: «Пельгамъ или приключенія джентельмена» *), который сдѣлалъ его литературной знаменитостью и былъ переведенъ на иностранные языки. Извѣстно, что чтеніе этого юношескаго произведенія возбудило въ Пушкинѣ, уже находившемся на верху своей славы, желаніе написать «русскаго Пельгама», т.-е. изобразить съ такой же живостью рядъ приключеній образованнаго и неглупаго, но легкомысленнаго дворянина. Въ романѣ Бульвера замѣтно сильное вліяніе Байрона и въ особенности его Донъ-Жуана, какъ въ умно-небрежномъ тонѣ разсказа и частыхъ отступленіяхъ, такъ и въ пессимизмѣ по отношенію къ англійскому «приличному» обществу. Ободренный успѣхомъ, Бульверъ быстро начинаетъ производить одинъ романъ за другимъ: въ 1829 г. выходитъ въ 3-хъ томахъ «Непризнанный» (The disowned), въ 1830—«Павелъ Клиффордъ», въ 1832 г.—«Евгеній Арамъ»**), въ 1834 г. «Рейнскіе пилигримы» ***), въ томъ же году «Послѣдніе дни Помпеи», въ 1835 «Ріэнзи, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ» и т. д., и т. д. Бульверъ выказалъ необыкновенное разнообразіе таланта и плодовитость, поразительную въ особенности со стороны человѣка, для котораго писательство вовсе не было средствомъ къ жизни, а только удовольствіемъ и отдыхомъ отъ другой дѣятельности: съ 1831 г. Бульверъ засѣдаетъ въ парламентѣ.

Романовъ Бульвера такъ много, что критики должны дѣлить ихъ

*) Pelham, or the adventures of a gentelmen. Lond. 1828.

**) Перев. въ Библ. д. Чт. 1860 г., № 1 и слѣд.

***) Изложенъ Е. Коршемъ въ Библ. д. Чт. 1834 г. № 3; переведенъ съ франц. въ 1835 г. въ 4 частяхъ. См. по поводу его отзывъ Бѣлинскаго о Бульверѣ I, 426.

на группы или серіи: историческую, соціальную, фантастическую и пр.; но помимо этого дѣленія возможно и другое, хронологическое: въ первый періодъ своей дѣятельности Бульверъ заботился прежде всего объ оригинальности типовъ и положеній и интересѣ разсказа, во все время творчества имѣлъ въ виду читателя, такъ сказать, позировалъ передъ нимъ и не былъ самимъ собою. Типичнымъ представителемъ этого періода можетъ считаться «Евгеній Арамъ» (1832 г.), изъ героя котораго авторъ съумѣлъ сдѣлать въ высшей степени интересную личность, а мѣстами пытался создать нѣчто идеально-высокое, за что и подвергся упреку (конечно, несправедливому), будто онъ расплодилъ романы, изображавшіе симпатичныхъ убійцъ и мошенниковъ. Евг. Арамъ, который, по выраженію Филона *), «убиваетъ съ хладнокровіемъ палача и идетъ на казнь съ ясностію духа мученика» — одна изъ самыхъ остроумныхъ и глубокомысленныхъ проблемъ, заданныхъ обществу творчествомъ нашего вѣка; задана она въ мрачномъ, но чрезвычайно завлекательномъ разсказѣ.

Къ этому же періоду относятся почти всѣ главные историческіе романы Бульвера, которые несравненно скучнѣе его современныхъ романовъ; это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что онъ задался идеей выводить въ нихъ не вымышленныхъ, а дѣйствительныхъ лицъ; а имъ, какъ остроумно замѣтилъ тотъ же Филонъ, некогда жить, влюбляться, отчаяваться, и пр.; они только дѣйствуютъ на исторической аренѣ. Въ «Послѣднихъ дняхъ Помпеи» Бульверъ по-неволѣ отступаетъ отъ этой системы, и романъ вышелъ лучше всѣхъ остальныхъ, въ томъ числѣ и знаменитаго «Ріэнзи», въ которомъ постоянное напряженіе тона утомляетъ читателя. Вообще стиль Бульвера въ этомъ періодѣ, при всей своей красотѣ, страдаетъ излишкомъ изысканности: съ тѣмъ же экстазомъ онъ описываетъ головную боль героя, какъ и гибель Помпеи.

Въ это время Бульверъ полонъ силъ и самоувѣренности и, при частныхъ неудачахъ, въ общемъ имѣетъ большой успѣхъ въ жизни: онъ не былъ изъ первоклассныхъ ораторовъ и государственныхъ людей, но добился вліянія; онъ провелъ законъ о литературной собственности, составилъ коммиссію для разсмотрѣнія положенія англійскаго театра, былъ ея президентомъ и поставилъ на сцену рядъ эффектныхъ драмъ: «Герцогиня Лавальеръ» (1837), «Ришелье» (1839) и др. Въ 1841 г. онъ перешелъ на сторону тори, потерялъ свое мѣсто въ парламентѣ, но за то имѣлъ успѣхъ на службѣ и, какъ романистъ и эссеистъ, съ каждымъ годомъ становился все популярнѣе. Но вотъ дѣло близится къ старости; удары судьбы чувствуются гораздо сильнѣе (Бульверъ былъ очень несчастливъ въ семейной жизни и развелся съ женою, тоже небезъизвѣстною романисткой), а успѣхи

*) Aug. Filon. Histoire de la littérature anglaise. 1883. Paris. стр. 614.

теряютъ очарованіе, и въ романахъ его является гораздо больше глубины и внутренняго интереса; но стремленіе завлекать читателя интересомъ разсказа и неожиданными перипетіями осталось у Бульвера прежнее, а плодовитая фантазія, развитая чтеніемъ и обширными наблюденіями, давала къ тому всѣ средства. Къ началу этого періода относится «Семейство Какстоновъ» (1850) и еще болѣе характерный «Мой романъ или разнообразіе англійской жизни» *); въ нихъ внутренній интересъ сильнѣе внѣшняго. Въ 1859 г. появляется романъ: «Что онъ съ этимъ сдѣлаетъ?», въ которомъ послѣдній доведенъ до своего максимума **). Черезъ 3 года выходитъ «Странная исторія» (Strange Story 1862 г. 3 ч.), еще болѣе сказочный и еще болѣе знаменитый романъ, напоминающій по основной идеѣ и по своей фантастикѣ одно изъ произведеній перваго періода дѣятельности Бульвера: «Занони» (Zanoni 1842 г.; Маркгревъ, какъ и Занони, имѣетъ одну только страсть—жить во что бы то ни стало); въ послѣсловіи къ нему авторъ говоритъ, что онъ хотѣлъ «вывести трезвую истину въ фантастическомъ нарядѣ»; насколько эта истина трезва—другой вопросъ, но несомнѣнно то, что отъ этой мѣстами дикой сказки трудно оторваться самому разсудительному человѣку ***), и что по богатству фантастики передъ нею меркнутъ всѣ чудеса нѣмецкой и англійской романтики начала столѣтія.

Съ 1866 г. здоровье Бульвера (теперь уже лорда Литтона) начинаетъ слабѣть и, вслѣдствіе болѣзни ушей, жизнь обращается въ рядъ мученій; но страсть писать остается прежняя, и фантазія, и умъ не измѣняютъ ему. Въ самый годъ его смерти (1873) выходитъ едва ли не лучшій по глубинѣ мысли и задушевности романъ его: «Кенельмъ Чиллингли» ****) герой котораго—послѣднее звено въ длинномъ рядѣ разочарованныхъ молодыхъ людей нашего столѣтія и, можетъ

*) My novel etc. 1852 г. 3 тома. Перев. въ Совр. 1853 г. кн. 4-я и слѣд., оконч. въ приложеніи 1854 г. Тема та же, что въ В. Мейстерѣ: кто живетъ для карьеры и успѣха, старѣется, гибнетъ преждевременно; счастливъ и вѣчно юнъ тотъ, кто свободно отдается всѣмъ человѣческимъ стремленіямъ.

**) What will he do with it? Самые остроумные люди не могли придумать, что старикъ Уайфъ сдѣлаетъ съ 50-ю фунтами и на помощь какого неизвѣстнаго друга разсчитываетъ онъ. Это не былъ „секретъ Полишнеля", какъ обыкновенно бываетъ въ романахъ, а настоящая загадка. Безчисленные читатели—романъ немедленно переводился чуть не на всѣ литературные языки Европы—дѣйствительно были поражены, когда оказалось, что этотъ другъ только ученый пудель.

***) Интересъ возбуждается стариннымъ, но вѣрнымъ способомъ, примѣненнымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: смѣшеніемъ лжи съ правдой; исторію разсказываетъ докторъ, холодный скептикъ и матеріалистъ, не вѣрящій ни во что, кромѣ микроскопа, ланцета и химіи. Теорія трехъ жизней въ человѣкѣ (животной, дѣятельной и духовной) проведена чрезвычайно остроумно.

****) Перев. въ Русск. Вѣстн. въ томъ же году и немедленно вышелъ отдѣльной книгой.

быть, самый симпатичный изъ нихъ; это — «гармоническій аккордъ, заканчивающій дѣятельную и плодотворную жизнь одного изъ самыхъ типичныхъ писателей XIX вѣка».

Бульверъ можетъ считаться представителемъ послѣдней стадіи развитія романтизма, не только по своей страсти къ фантастическому, но и по своему стремленію соединять поэзію съ наукой: уже въ своемъ романѣ интриги: «Лукреція или дѣти мрака» *) онъ изложилъ цѣлый курсъ токсикологіи, а «Странная исторія», при всей своей сказочности, заключаетъ въ себѣ популярную энциклопедію новѣйшихъ открытій по естествознанію. Но, съ другой стороны, тотъ же Бульверъ одинъ изъ яркихъ представителей новѣйшаго тенденціознаго романа; изъ его произведеній второго періода можно составить цѣлый томъ «тезисовъ», которые болѣе или менѣе строго проведены черезъ всю фабулу, а часто и черезъ нѣсколько таковыхъ. Разносторонній умъ и жизненный опытъ сдѣлали изъ Бульвера защитника умѣреннаго либерализма въ широкомъ значеніи этого слова: онъ искренній христіанинъ, но ненавистникъ фанатизма; онъ смѣется надъ аристократическою гордостью, но считаетъ ее невиннѣйшимъ изъ пороковъ. Онъ высоко ставитъ знаніе и энергію, но даетъ большія права сердцу и эстетическому чувству; по его убѣжденію, «блаженна женщина, которая утѣшаетъ» (семьелюбивая англичанка или нѣмка), но также «блаженна женщина, которая возвышаетъ» (женщины революціи, Коринна) и т. д.

Немногія поколѣнія будутъ помнить Бульвера, но своимъ современникамъ и ближайшимъ потомкамъ онъ принесъ много удовольствія и пользы **).

Бульверъ былъ уже литературной звѣздою первой величины, когда большая публика первый разъ обратила вниманіе на Теккерея; но по лѣтамъ разница между ними очень невелика, и когда Бульверъ былъ еще въ полной силѣ своего таланта, Теккерей уже лежалъ въ могилѣ; такъ коротка была его карьера.

Вильямъ Теккерей (William Makepeace Thackaray) родился въ 1811 г. въ Калькутѣ, гдѣ отецъ его занималъ очень важное мѣсто; онъ принадлежалъ не къ дворянству, какъ Байронъ, Шелли, Ландоръ и Бульверъ, а къ буржуазіи. Онъ рано потерялъ отца, а его красавица-мать вторично вышла замужъ, но не перестала любить сына.

*) См. о немъ въ Библ. д. Чт. 1847 г., № 6.

**) Почти всѣ его романы переводились по мѣрѣ появленія на русск. яз. О немъ см. въ Вѣстн. Евр. 1885, № 7 статью М. Л., написанную на основаніи книги: The life and literary remains of Ed. Bulver lord Lytton by his son (тамъ и его автобіографія). О первыхъ его произведеніяхъ см. въ Revue d. d. M. 1 іюня 1832, 1 декабря 1837, 15 іюня 1841 (Ph. Chasles), 1 февр. 1847 (E. Forques), 15 іюня 1849 (I. Milsand). О пьесахъ его G. Planche, ibid. 15 апр. 1837 и 1 янв. 1839.

Онъ былъ еще ребенкомъ, когда его прислали учиться въ Англію; пройдя среднюю школу, онъ поступилъ въ кэмбриджскій университетъ, но, имѣя независимое состояніе и склонность къ живописи, не кончилъ курса и уѣхалъ путешествовать. Во Франціи, Италіи и Германіи *) онъ больше наслаждался жизнью, чѣмъ изучалъ живопись и порядочно разстроилъ свои средства. Съ 1834 г. онъ поселился въ Парижѣ и думалъ зарабатывать деньги корреспонденціями въ газетѣ своего отчима: The Constitutional; но газета прогорѣла и въ своемъ паденіи унесла послѣдніе остатки Теккереева состоянія. Ему пришлось серьезно приниматься за работу, и такъ какъ картины его не находили сбыта, а каррикатуры приносили немного, то онъ (чаще всего подъ именемъ Микель Анджело Титмарша) началъ помѣщать въ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ «Магазиновъ» (Frazer's Mag.), а потомъ и въ Понч сатирическіе очерки, которые читались съ удовольствіемъ, но не доставляли славы автору.

Въ этихъ очеркахъ, то не превышающихъ по размѣру одинъ газетный фельетонъ, то распространенныхъ въ длинную повѣсть или вымышленные мемуары, виденъ несомнѣнный талантъ, но талантъ, направленный не на то, чтобы доставлять наслажденіе читателю, а скорѣй на то, чтобъ стыдить его и безпокоить. Авторъ чувствуетъ отвращеніе ко всякой фальши и ходульности, и показываетъ, какой огромный процентъ этихъ некрасивыхъ примѣсей въ человѣческомъ сердцѣ. Онъ бичуетъ человѣка и, повидимому, не чувствуетъ къ нему при этомъ никакой жалости; но на самомъ дѣлѣ эта безжалостность автора преднамѣренна и искусственна въ хорошемъ смыслѣ: она-то и заставляетъ читателя пожалѣть «человѣка» даже и въ негодяѣ **).

Больше всего успѣха имѣла его сатира: «Снобсовы бумаги», явившаяся въ Пончѣ; часто встрѣчающійся типъ тщеславнаго человѣка, живущаго исключительно на-показъ, разработанъ въ ней съ такой глубиной и тонкостью, что фамилія героя стала нарицательнымъ име-

---

*) Въ Веймарѣ онъ былъ представленъ старику Гёте; вотъ многознаменательная встрѣча идеальной и реальной поэзіи.

**) Особенно наглядно это выступаетъ въ одной изъ первыхъ болѣе крупныхъ пьесъ Т. „Желтоплюшевы бумаги“ (Yellowplush papers, т.-е. записки лакея, который по обычаю времени носилъ желтыя плюшевыя панталоны), внѣшній комизмъ которой заключается въ лакейскихъ понятіяхъ, лакейскомъ языкѣ и орѳографіи. Героиня этого разсказа до крайности тщеславна, неблагодарна и безхарактерна; но она такъ жестоко наказана авторомъ, что ея становится жалко.

Любопытно, что уже въ этомъ юношескомъ произведеніи у Т. уже намѣченъ типъ, такъ хорошо разработанный имъ впослѣдствіи и подъ той же фамиліей; разумѣемъ chevalier d'industrie, полковника Альтамонте (ср. въ Пенденисѣ); ср. то же повтореніе лицъ у Бальзака и др. реалистовъ.

См. изложеніе этого разсказа въ Отеч. Зап. т. LXIV и также въ отдѣлѣ критики Библ. д. Чт. 1853 г., № 6.

немъ. Но невниманіе къ сюжету и густота темныхъ красокъ мѣшали и здѣсь полнотѣ успѣха, и при появленіи первыхъ выпусковъ Ярмарки тщеславія (Vanity Fair 1846 — 1848 г.) имя Теккерея, уже 12 лѣтъ писавшаго, было почти никому неизвѣстно; за то при концѣ романа о Теккереѣ говорила вся литературная Англія и половина Европы, и его противупоставляли, какъ могучаго соперника, первому романисту эпохи—Диккенсу.

Чарльсъ Диккенсъ былъ почти ровесникъ Теккерея: онъ род. 7 февраля 1812 г.; онъ тоже принадлежалъ къ буржуазіи, но не къ высшему ея слою, какъ Теккерей, а къ низшему; его отецъ, человѣкъ, повидимому, неглупый, но до крайности легкомысленный и безалаберный (онъ въ значительной мѣрѣ послужилъ оригиналомъ для изображенія мистера Микобера въ Давидѣ Копперфильдѣ, а отчасти и мистера Дорритъ (Крошка Дорритъ), былъ мелкимъ чиновникомъ морского министерства въ Чатамѣ и такъ велъ свои дѣла, что не выходилъ изъ долговъ. Чарльсъ былъ ребенокъ слабый и рано пристрастился къ чтенію. Когда ему было 10 лѣтъ и его семья жила въ Лондонѣ, гдѣ мать Диккенса, женщина довольно образованная, напрасно пыталась поправить дѣла открытіемъ пансіона, отецъ его раззорился окончательно и былъ заключенъ въ долговую тюрьму. Мальчикъ, и до тѣхъ поръ знакомый съ нуждою и часто бѣгавшій къ закладчикамъ съ послѣдними обломками семейнаго имущества, но все же посѣщавшій школу, какъ будущій «джентельменъ», теперь былъ отданъ въ «мальчики» на фабрику ваксы и оставался тамъ два тяжелые года своей жизни. Когда дѣла его родителей немного поправились, его взяли оттуда и отдали опять въ частную школу въ Лондонѣ. 15-ти лѣтъ отъ роду онъ уже самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ въ качествѣ писца въ конторѣ адвоката, гдѣ имѣетъ случай познакомиться съ судебными порядками и съ самыми разнообразными типами. Немного позднѣе онъ усердно посѣщаетъ Британскій Музей, гдѣ чтеніемъ пополняетъ пробѣлы своего образованія, и изучаетъ стенографію. Съ 1829 г. онъ состоитъ газетнымъ репортеромъ сперва по судебнымъ дѣламъ, потомъ занимается стенографированіемъ парламентскихъ рѣчей и становится, наконецъ, постояннымъ сотрудникомъ довольно большой газеты: Morning Chronicle; только теперь онъ можетъ считать себя хоть нѣсколько устроившимся.

Эти раннія испытанія выработали въ немъ умѣнье узнавать людей, характеръ и усидчивость въ работѣ и при этомъ не только не ожесточили его, а напротивъ, сдѣлали чрезвычайно воспріимчивымъ къ людскому горю.

Свою литературную карьеру Диккенсъ началъ небольшими повѣстями и очерками Лондона, которые онъ подписывалъ псевдони-

момъ: Boz *). Уже по этимъ пробамъ пера и наброскамъ можно до извѣстной степени видѣть, въ чемъ его сходство и въ чемъ отличіе отъ Теккерея: оба они реалисты, но одинъ фотографъ, а другой портретистъ; одинъ сатирикъ, а другой юмористъ, который стремится примирить человѣка съ жизнью и утѣшить смѣхомъ; но оба они пока еще не поэты.

Въ 1837 г. начинаютъ выходить выпусками «Записки Пиквикскаго клуба» Боца (Pickwick paper). Извѣстно, что по первоначальному плану это долженъ былъ быть только текстъ къ комическимъ рисункамъ, осмѣивающимъ «воскресныхъ» охотниковъ, рыболововъ и т. д., и что авторъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Пиквика и его друзей только поверхностныя каррикатуры; но постепенно онъ захватываетъ англійскую жизнь все глубже и глубже и вводитъ массу самыхъ разнообразныхъ типовъ, причемъ его четыре героя, оставаясь чудаками, становятся живыми и въ основѣ очень симпатичными людьми. Первые выпуски расходились въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, но по мѣрѣ развитія романа интересъ публики все усиливался, а съ появленія Сама Уэллера, Санчо-Пансы англійскаго Донъ-Кихота, онъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ **). Когда романъ окончился, Диккенсъ былъ европейскою знаменитостью.

Поразительный успѣхъ, которымъ пользуется этотъ романъ и до сихъ поръ, объясняется прежде всего соединеніемъ полной правдивости изображенія той части человѣческаго общества, которая подлежала наблюденію автора, съ глубокой поэзіей и гуманностью этого изображенія, иначе сказать: соединеніемъ реализма съ поэтическимъ оптимизмомъ. Диккенсъ, не смотря на свою молодость, знаетъ людей и любитъ ихъ всей силой своей доброй души; почти въ каждомъ нравственномъ уродѣ онъ умѣетъ отыскать человѣческую, симпатичную сторону, а несовершенства въ устройствѣ общества и проявленія грубаго эгоизма или непобѣдимой тупости онъ осмѣиваетъ именно тѣмъ идеальнымъ, очищающимъ сердце и примиряющимъ смѣхомъ, о которомъ говоритъ Гоголь въ Разъѣздѣ послѣ Ревизора. Эти же черты проявляются и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Диккенса, и проявляются, пожалуй, глубже и послѣдовательнѣе, но „Записки Пикв. клуба“ имѣютъ передъ ними то преимущество, что въ нихъ 25-лѣтній поэтъ такъ переполненъ добродушной веселостью и „жизнерадостностью“, что заражаетъ и увлекаетъ ею всѣхъ, отъ мала до велика.

Удача окрылила и безъ того недремавшую энергію Диккенса тѣмъ болѣе, что литературная работа теперь стала его единственнымъ средствомъ къ жизни (а онъ былъ уже женатъ и имѣлъ долги), и выпуски его знаменитыхъ романовъ стали сыпаться благотворнымъ дождемъ на Англію, а за нею и на всю Европу. «Записки Пикв. клуба» не были еще окончены, когда онъ началъ печатать «Оливера

*) Sketches of London изд. въ 2-хъ т. съ иллюстраціями въ 1836—37 г.

**) Расходилось свыше 40,000 экземпляровъ; являлись жилеты и пр. товары à la Самъ Уэллеръ; составлялись легенды, будто умирающій жалѣлъ о томъ, что не узнаетъ конца процесса Пиквика, и д. т.

Твиста» (1837), гдѣ подвергаетъ жестокому и въ то же время высоко-гуманному обличенію рабочіе дома. За Твистомъ послѣдовалъ «Никласъ Никльби» (1839 г.), съ такимъ же обличеніемъ провинціальныхъ пансіоновъ, содержимыхъ самозванными педагогами; за нимъ «Лавка Древностей» (Old curiosity Shop) *); затѣмъ—первый его историческій романъ: «Барнеби Роджъ» (1841 г.), гдѣ онъ даетъ полную свободу своему богатому воображенію и гдѣ превращаетъ романъ въ грандіозную эпическую поэму; затѣмъ идетъ сравнительно мрачный, но глубоко-трогательный: «Мартинъ Чодльзвитъ» (1843 г.). Послѣ Чодльзвита наступаетъ періодъ сравнительнаго отдыха и знаменитыхъ Рождественскихъ разсказовъ, въ которыхъ та же форма прозаическаго вымысла превращается въ глубоко-прочувствованную лирику. Въ это-то время и появляется «Ярмарка Тщеславія» Теккерея.

Теккерей, при всей своей наклонности къ отрицательному взгляду на людей, относился не только съ уваженіемъ, но почти съ благоговѣніемъ къ произведеніямъ идеалиста Диккенса. Онъ искренно восхищался его умѣньемъ примиряться съ міромъ и позднѣе признавался, что, обдумывая важный шагъ своего героя, прежде всего задавалъ себѣ вопросъ, что́ объ этомъ сказалъ бы Диккенсъ. Тѣмъ не менѣе, его «Ярмарка Тщеславія», изображая то же общество и съ тою же правдивостью, представляетъ это общество совсѣмъ не такимъ и выдаетъ, повидимому, совсѣмъ другое міровоззрѣніе; тамъ, гдѣ, по выраженію Сатаны въ Д.-Жуанѣ А. Толстого, одинъ поэтъ упирается въ небесный идеалъ, другой спускается въ глубь ада.

Уже самое заглавіе романа опредѣляетъ точку зрѣнія автора. Міръ есть только ярмарка, безсмысленная толчея, и цѣль жизни каждаго только удовлетвореніе своего тщеславія. Авторъ заявляетъ въ самомъ началѣ, что его романъ будетъ безъ героя. Дѣйствительно, въ герои не годится ни неуклюжій Доббинъ, ни легкомысленный, тщеславный хвастунъ и эгоистъ Осборнъ; тѣмъ менѣе шулеръ и „червонный валетъ“ изъ дворянъ Родонъ Кроули. Въ романѣ нѣтъ и героини въ обычномъ значеніи слова: про безчестную и до мозга костей развращенную Ребекку Шарпъ и говорить нечего; но и кроткая, любящая Амелія такъ глупо банальна и такъ эгоистично исключительна въ своей любви къ мужу и сыну, что возбуждаетъ скорѣе жалость, чѣмъ сочувствіе. Рядомъ съ этими главными лицами проходитъ длинная вереница типовъ того же пустого, тщеславнаго общества, которые при всемъ разнообразіи въ мелочахъ сходны въ самомъ главномъ— въ безцѣльности своего существованія и безсмысленности своихъ стремленій; самый дѣятельный изъ нихъ похожъ на паука, который трудится изъ всѣхъ силъ надъ своей паутиной, а утромъ придетъ горничная со щеткой, и паутины какъ не бывало. Роль такой щетки играютъ міровыя событія въ родѣ Ватерлооской битвы и торговаго кризиса въ Англіи, которыя раздавливаютъ тысячи существованій, точно колесница индійской богини; а на что сами они нужны, никто не знаетъ. Всякое земное счастіе обманчиво: беззавѣтно любящій и безконечно доб-

*) Перевед. на русскій подъ назв.: „Дѣдушка и внучка“. М. 1853 г. въ 6 частяхъ. Отзывы см. Соврем. 1853 г. № 11 въ Библіографіи.

рый маіоръ Доббинъ наконецъ добился своей цѣли и женился на Амеліи. Стало быть онъ счастливъ? Какъ бы ни такъ! Оказывается, что кроткая Амелія, бывшая игрушкой въ рукахъ пустого эгоиста, превосходно умѣетъ держать маіора подъ башмакомъ и при всемъ этомъ устраиваетъ ему сцены и попрекаетъ его небывалыми достоинствами Джорджа Осборна. Нѣтъ различія между зломъ и добромъ: Амелія—идеалъ добродѣтели, а Ребекка Шарпъ—негодяйка; но, не говоря уже о вторичномъ замужествѣ Амеліи, кто не согласится, что Джорджъ Осборнъ былъ до нѣкоторой степени правъ, отдавая предпочтеніе остроумной, вѣчно веселой Ребеккѣ передъ своей однообразно скучной и плаксивой женой, и что Ребекка умѣла дѣлать своего мужа счастливымъ, а Амелія была лишена этой способности?

Недаромъ Шпильгагенъ называетъ Ярмарку Тщеславія самой печальной книгой на свѣтѣ. Зачѣмъ писать такія книги? А если и является на свѣтѣ такой продуктъ желчнаго раздраженія, что за охота читать его?

Но такое или только такое впечатлѣніе производитъ романъ Теккерея при невнимательномъ чтеніи и на читателя, предубѣжденнаго противъ реализма вообще. Видѣть одинъ безотрадный пессимизмъ въ Ярмаркѣ Тщеславія значитъ, прежде всего, не замѣчать того глубокаго негодованія, которое водило перомъ автора, и той пользы, которую онъ стремился принести своимъ собратьямъ: кто понялъ Ребекку Шарпъ въ романѣ, тотъ не будетъ обманутъ ею, встрѣтивъ ее въ жизни. Далѣе: такое обличеніе людскихъ немощей имѣетъ моральную, иначе сказать, гуманную цѣль, хотя и ведетъ къ ней не тѣмъ путемъ, какимъ шелъ Диккенсъ: во всякомъ человѣкѣ есть тщеславіе и эгоизмъ; во всякомъ юношѣ есть черты Дж. Осборна; во всякомъ старикѣ—черты его отца, или жалкаго банкрута Седли; во всякой самой лучшей женщинѣ—недостатки Амеліи. Сознавая это, не будьте слишкомъ строги къ другимъ; умѣйте прощать имъ, какъ прощаетъ имъ авторъ, и въ негодяѣ указывающій человѣческія черты: и Родонъ Краули умѣетъ любить свою маленькую Ребекку и своего сына и, когда счастіе его разбито, умѣетъ страдать, какъ лучшій изъ людей; и даже сама Ребекка искренно добродушно относится къ маіору и устраиваетъ его бракъ съ Амеліей *).

Критика давно уже указала во всѣхъ романахъ Диккенса одну великую идею, которая, при всѣхъ недостаткахъ англійскаго общества и вообще современнаго человѣчества, живетъ, какъ вѣчный идеалъ—идею любви христіанской. Она есть и у Теккерея въ Ярмаркѣ Тщеславія. Прочтите его лирическое отступленіе по поводу смерти Седли **); развѣ не сводится все оно къ простой мысли, къ одной изъ излюбленныхъ мыслей Достоевскаго, что лучше умирать раскаивающимся мытаремъ, чѣмъ самодовольнымъ фарисеемъ?

Теккерей, какъ и Диккенсъ, какъ и всѣ истинные поэты нашего вѣка—поэтъ гуманности. Различіе между двумя великими романистами не въ исходной точкѣ, а въ манерѣ изображенія дѣйствительности, въ томъ, какими деталями безконечно разнообразной жизни пользуется тотъ и другой поэтъ. Капитанъ Доббинъ въ 1-й части романа Т. находится въ совершенно такомъ же положеніи, какъ Мистеръ Жандрисъ въ концѣ романа „Холодный Домъ“: они выдаютъ любимыхъ имъ дѣвушекъ замужъ, т.-е. совершаютъ самый высокій подвигъ самопожертвованія, какой только можно себѣ представить. Д. настолько реалистъ, что и не думаетъ

*) Въ послѣсловіи къ слѣдующему своему роману Теккерей говоритъ: „Вспомнивъ какъ слабъ и несовершененъ каждый изъ насъ, подадимъ руку сочувствія Артуру Пендению со всѣми его недостатками и паденіями. Онъ не герой, но онъ нашъ братъ—человѣкъ“.

**) Русск. пер. II, 401—5.

изображать, какъ счастливъ при этомъ Жандрисъ чужимъ счастьемъ; но онъ накидываетъ покрывало на его горе и выводитъ его передъ читателемъ уже успокоеннымъ и примиреннымъ. У Т. Доббинъ потому устраиваетъ бракъ Амеліи, что боится за ея жизнь. Онъ спѣшитъ свадьбой, и его поспѣшность Т. сравниваетъ съ поспѣшностью человѣка, который потерялъ своего лучшаго друга и старается скорѣй похоронить его. Много разъ Д. съ одинаковымъ воодушевленіемъ изображаетъ беззавѣтную любовь матери; то же дѣлаетъ и Т. въ Ярмаркѣ Тщеславія; онъ долго останавливается на безсознательномъ героизмѣ глупенькой и робкой Амеліи и вызываетъ слезы у читателя разсказомъ о томъ, какъ бѣдная мать наблюдала издали за своимъ сыномъ и просиживала цѣлые часы на камнѣ передъ домомъ богатаго тестя; но тутъ же спѣшитъ и вызвать на его лицѣ грустную улыбку замѣчаніемъ, какъ хорошо она себя при этомъ чувствовала: „И мягко, и уютно, и прохладно".

И Диккенсъ, и Теккерей оба истинные поэты, стало быть оба способны видѣть идеальное въ жизни и человѣкѣ; оба они и реалисты, и юмористы; но у Д. сильнѣе элементъ юмора, у Т. больше реализма.

Съ 1848 г. Англія имѣетъ одновременно двухъ великихъ романистовъ, одинаково энергичныхъ въ творческой работѣ, какъ бы состязающихся лучшими своими произведеніями. Ярмарка Тщеславія еще далеко не окончена, а Диккенсъ уже работаетъ надъ «Домби и сыномъ» *), въ которомъ обличеніе сильнѣе и смѣлѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; оно направлено уже не на мелкихъ людей, не на частныя злоупотребленія, а на столповъ общества и на его основы. Въ 1850 г. выходитъ «Пенденисъ» Теккерея съ сильнымъ автобіографическимъ элементомъ **); въ этомъ же году заканчивается автобіографическій романъ Диккенса «Давидъ Копперфильдъ». Въ 1852 г. появился первый историческій романъ Теккерея (изъ временъ королевы Анны) «Генри Эсмондъ» и за нимъ «Ньюкомы» ***); въ 1853 г. выходитъ «Холодный домъ» (Bleak House) Диккенса. Въ 1857 г. Теккерей даетъ продолженіе Эсмонда «Виргинцы»—онъ передъ этимъ посѣтилъ Америку, какъ 10 лѣтъ назадъ ее посѣщалъ и Диккенсъ; въ томъ же году Диккенсъ издаетъ одинъ изъ самыхъ пессимистическихъ и тенденціозныхъ, но сильныхъ своихъ романовъ: «Тяжелыя времена» (Hard Times) ****); въ 1857 г. Диккенсъ заканчиваетъ «Крошку Доррить» (Little Dorrit, начата въ концѣ 1855 г.).

---

*) Выходитъ выпусками съ 1847 г. до апрѣля 1848.

**) Тек. довольно справедливо упрекали за недостатокъ плана въ Ярм. Тщ.; въ „Пенденисѣ" несравненно больше единства и выдержки.

***) Вышли въ 1854 г. И въ Ньюкомахъ, и въ Эсмондѣ есть идеальныя лица, въ созданіи которыхъ Теккерей, однакоже, ниже Диккенса; въ Ньюкомахъ Т. оставляетъ своихъ любимыхъ героевъ въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Диккенсъ былъ также однимъ изъ основателей либеральной газеты-Daily News, но скоро увидалъ, что политика не его элементъ, и участвовалъ въ газетѣ только письмами изъ Италіи, которыя потомъ собралъ въ книгу: Pictures from Italy. 1846 г.

****) Русск. пер. Совр. 1855 кн. 5 и слѣд.; въ отдѣльномъ изд. романъ сокращенъ и испорченъ.

Не только критика, остроуміе которой часто усматривало у поэтовъ стремленіе состязаться въ сходствѣ или противуположности темъ, характеровъ и положеній, иначе сказать, настоящій гладіаторскій поединокъ романистовъ, но и почти вся читающая Англія раздѣлилась на два лагеря, изъ которыхъ каждый превозносилъ своего романиста и унижалъ предметъ поклоненія враждебной стороны; а великіе «соперники» жили въ наилучшихъ отношеніяхъ и искренно услаждались произведеніями другъ друга. Въ 1858 г. между ними произошла размолвка, но по совершенно частному дѣлу, да и та скоро и благополучно окончилась. Въ 1859 г. они какъ будто въ самомъ дѣлѣ являются соперниками, такъ какъ Диккенсъ, уже 8 лѣтъ редактировавшій еженедѣльный журналъ Household Words *), разошелся съ издателемъ и основалъ собственный журналъ: All the Year round (Круглый годъ), и въ томъ же году Теккерей началъ издавать Cornhall Magazine; но и здѣсь соперничество было только кажущееся: Теккерей разсчитывалъ не на такую большую публику, какъ Диккенсъ, но на классъ болѣе образованный; оба журнала имѣли успѣхъ.

Послѣ «Виргинцевъ» **) творческая сила Теккерея замѣтно слабѣетъ, и у него часто встрѣчаются повторенія; его «Исторія Филиппа» сильно напоминаетъ Пендениса, но значительно слабѣе ея и заканчивается банальнымъ обогащеніемъ героя; лучше удаются сатирическіе очерки (Round about Papers) ***), въ которыхъ часто совсѣмъ нѣтъ эпическаго матеріала, а только умная болтовня о пережитомъ и передуманномъ.

Послѣдній его романъ: «Денисъ Дюваль» [4]) такъ и остался неоконченнымъ и необдѣланнымъ: 23 декабря 1863 г. Теккерей былъ найденъ мертвымъ въ своей постели [5]).

---

*) Всего подъ его редакціей вышло 479 нумеровъ или 19 большихъ томовъ.

**) Виргинцы, внуки полковника Эсмонда, переселившагося въ Америку, братья и по крови и по духу; одинъ изъ нихъ остался въ Англіи, другой вернулся на родину; во время войны за освобожденіе они встрѣтились въ враждебныхъ рядахъ, но это не нарушило ихъ дружбы.

***) См. Совр. 1864 №№ 11 и 12 passiin.

[4]) Тоже изъ американской войны за независимость съ точнымъ соблюденіемъ мѣстнаго колорита. По-русски см. Русск. Вѣст. 1814 г. іюнь и др.

[5]) Теккерей былъ превосходный эссеистъ: рядъ его чтеній, произнесенныхъ сперва въ Англіи, потомъ въ Америкѣ, объ англійскихъ юмористахъ XVIII столѣтія и историческія характеристики: „Четыре Георга“ принадлежатъ къ перламъ исторической литературы Англіи.

О немъ см. Teylor: Thackeray the humorist and the man of letters: the story of his life 1844 Lond. Въ Revue d. d. M. Ph. Chasles и E. Forgues 15 окт. 1843, 1 сент. 1854 и 15 іюня 1864 г. и др.

На русскомъ яз. Fai of Vanity сразу выходитъ въ двухъ переводахъ: подъ загл.-

Диккенсъ, оставшись, такъ сказать, одинъ на аренѣ, издаетъ еще 3 большіе романа, нисколько не похожіе другъ на друга, но изъ которыхъ каждый представляетъ истинно-художественное произведеніе. Въ 1859 г. выходитъ его второй и послѣдній историческій романъ: «Исторія двухъ городовъ» (Tale of two cittes, т.-е. Парижа и Лондона), гдѣ онъ беретъ на себя грандіозно-смѣлую задачу—изобразить въ художественномъ очеркѣ великую революцію и ея эпоху, и если исполняетъ ее не въ совершенствѣ, то во всякомъ случаѣ ближе подходитъ къ цѣли, нежели кто-нибудь изъ романистовъ до него или послѣ него. Въ романѣ «Большія ожиданія» (Great expections, съ декабря 1860 до авг. 1861 г.), печатавшемся одновременно съ «Несчастными» Гюго, Диккенсъ, также какъ и французскій поэтъ, отдаетъ видную, почти первую роль бѣглому каторжнику и также реабилитируетъ его въ общественномъ мнѣніи; нужно ли разъяснить, насколько его Абель вѣроятнѣе и живѣе Жана Вальжана? любопытный случай для сравненія реальнаго англійскаго романа съ тенденціознымъ французскимъ. Въ романѣ «Нашъ взаимный другъ» (Our Mutual Friend, выходитъ отъ мая 1864 г. до ноября 1865 г.) съ особенной яркостью развертывается гуманное міровоззрѣніе Диккенса въ изображеніи отдѣльныхъ лицъ и энергія его на этотъ разъ безпощадной сатиры въ изображеніи пустого и пошлаго современнаго общества высшей буржуазіи, представителями котораго являются «новенькіе съ иголочки» Веneринги и ихъ вѣчно смѣняющіеся друзья дома: точно Диккенсъ послѣ смерти Теккерея хотѣлъ въ одномъ себѣ совмѣстить силу обоихъ.

Послѣ этого напряженія творчества Диккенсъ даетъ себѣ отдыхъ: пишетъ только небольшіе очерки и повѣсти и устраиваетъ публичныя чтенія изъ своихъ произведеній (онъ былъ чтецъ превосходный), которыя имѣютъ успѣхъ колоссальный. Ради такихъ же чтеній онъ отправляется въ 1867 г., по настоятельному приглашенію многихъ американцевъ, вторично въ Соединенные Штаты; «страна свободы» не понравилась Диккенсу при первомъ его путешествіи, и онъ изобразилъ ее въ очень нелестныхъ краскахъ *); американцы обидѣлись,

віемъ Ярмарка Тщеславія (Спб. 1853) и Базаръ житейской суеты (переводъ сдѣланъ извѣстнымъ переводчикомъ Диккенса Ар. Введенскимъ). Романъ до того пришелся „ко двору“ въ русской литературѣ, что съ этихъ поръ все съ именемъ Теккерея читается на-расхватъ: переводятся не только новые его романы, но и прежніе очерки (Снобсы, Совр. 1852 г. № 11 и 12 и пр.). О немъ см. „Посѣщеніе Теккереемъ Оксфордскаго университета“, Совр. 1852 № 1. По поводу Ярм. Тщеславія см. прекрасную статью Введенскаго, Отеч. Зап. 1849 г. т. LXVI, по поводу той же Ярм. Тщеславія“ и Пендениса см. статью въ Библ. д. Чт. въ послѣдней книжкѣ 1853 г. № 6, о „Ньюкомахъ“ см. статью въ Совр. 1857 кн. 2 и пр. и пр.

*) Какъ въ большомъ эпизодѣ Чодльзвита, такъ и въ отдѣльной книгѣ: Notes on America. 1842 г.

и романы Диккенса долго тамъ считались антипатріотическимъ чтеніемъ; но теперь тамъ подросло другое поколѣніе, которое предпочитало правду и искусство «квасному патріотизму», и путешествіе Диккенса было рядомъ овацій *). По возвращеніи, Диккенсъ и въ Англіи долженъ былъ продолжать свои чтенія, которымъ, чувствуя упадокъ силъ, придалъ названіе «Прощальныхъ» (Farewell readings); покончивъ съ ними, онъ опять принялся за большой романъ: «Тайна Эдвина Друда» (The Mystery of Edwin Drood), который началъ выходить выпусками въ 1870 г.; но въ этомъ же году Диккенсъ скончался, унеся тайну Друда съ собою въ могилу.

Многія ли поколѣнія будутъ читать Диккенса ради удовольствія, мы не знаемъ; но въ исторіи литературы онъ никогда не будетъ забытъ, какъ преобразователь романа, расширившій узкія рамки этого межеумка прозы и поэзіи и сдѣлавшій его самымъ вліятельнымъ видомъ творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ преобразователь англійскаго языка: до него стихи и проза имѣли два лексикона и два синтаксиса. Поразительное богатство и въ то же время точность, обстоятельность его воображенія **) поставили его въ необходимость, смотря по настроенію и по предмету рѣчи, пользоваться безразлично и тѣмъ, и другимъ, и ненормальное различіе уничтожилось навсегда. Какъ поэтъ воображенія и чувства прежде всего, Диккенсъ разсуждаетъ мало и не всегда удачно (у Теккерея, напротивъ того, отступленія составляютъ иногда лучшую часть романа); онъ «мыслитъ образами», которые воплощаютъ идею; онъ чистый эпикъ, и занимательный сюжетъ играетъ у него первую роль. Оттого онъ романистъ для всѣхъ классовъ англійскаго общества и для всѣхъ возрастовъ, начиная съ дѣтскаго; изъ его романовъ только съ помощію урѣзокъ можно составить такую библіотеку для дѣтей, какой до него еще не было на свѣтѣ. Диккенсъ любитъ дѣтей, какъ немногіе, и учитъ насъ любить ихъ; если онъ бываетъ къ кому безжалостенъ въ своихъ романахъ, то только къ мучителямъ дѣтей. Онъ любитъ и всѣхъ обиженныхъ судьбою, слабыхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ ***), и беретъ ихъ всѣхъ подъ свое покровительство противъ притѣсненія или презрѣнія

*) Онѣ начались еще съ самой Англіи, гдѣ министерство предоставило въ его распоряженіе цѣлый корабль и портъ украсился флагами, какъ при проѣздѣ королевской фамиліи.

**) Рядъ превосходно выбранныхъ примѣровъ см. въ книгѣ Тэна: Новѣйшая англ. литература (глава о Диккенсѣ).

***) Героиня одного изъ его романовъ почти карлица; героиня другого—обезображена оспой; одна изъ самыхъ симпатичныхъ женщинъ третьяго—безногій уродецъ и т. д. Еврей закладчикъ—одна изъ самыхъ симпатичныхъ фигуръ въ романѣ „Взаимный другъ“; представители простонародья, даже грязные, грубые и пьяные, имѣютъ мягкое человѣческое сердце и понимаютъ справедливость.

самодовольныхъ, гордыхъ и безжалостныхъ людей. Онъ учитъ и въ идіотѣ видѣть человѣка *) и въ каторжникѣ предполагать великодушіе и любовь. Онъ глубоко убѣжденъ, что самый дурной и испорченный человѣкъ знаетъ правду и можетъ быть направленъ на настоящую дорогу **). Кто много и внимательно читалъ Диккенса, тотъ не отвернется отъ своего ближняго, въ какомъ бы отталкивающемъ видѣ онъ ни встрѣтилъ его.

Диккенсъ, какъ извѣстно, посредствомъ романовъ проводилъ свои гуманныя идеи прямо въ жизнь, вліяя на законодательство: его «Холодный Домъ» заставилъ обратить вниманіе на медленность судопроизводства; Никласъ Никльби — на злоупотребленія содержателей пансіоновъ; Оливеръ Твистъ и Взаимный Другъ если еще не привели къ полной реорганизаціи рабочихъ домовъ, то во всякомъ случаѣ сильно повліяли на практику дѣла и т. д. Онъ не будетъ забытъ и въ исторіи матеріальнаго прогресса человѣчества ***).

Прежде чѣмъ говорить объ ученикахъ и послѣдователяхъ Диккенса и Теккерея, мы должны сказать нѣсколько словъ о романистахъ, имъ современныхъ.

Поразительный успѣхъ „Пиквика" и „Ярмарки тщеславія" между прочимъ объясняется тѣмъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ англійское общество съ большимъ

---

*) Мистеръ Дикъ въ Дав. Копп. или Слякоть въ Взаимн. Другѣ.

**) Изъ каждаго романа можно извлечь цѣлый рядъ примѣровъ. Въ романѣ „Нашъ Взаимный другъ" за сценой находится неисправимый скряга Граммонъ, погубившій дѣтей своихъ, но и его Диккенсъ заставляетъ оставить все состояніе двумъ честнымъ людямъ. До чего пуста въ началѣ Белла, этотъ болѣе реальный дупликатъ Доры, и какую прекрасную жену дѣлаетъ изъ нея Диккенсъ въ концѣ! Въ этомъ же романѣ проявляется и крайность его оптимизма и жалости къ людямъ: очевидно, что по первоначальному плану м-ръ Боффинъ дѣлается на самомъ дѣлѣ жестокосерднымъ скупцомъ, но Диккенсъ пожалѣлъ его и обратилъ его скупость въ довольно неудачную комедію съ навязанной моралью, которая вообще встрѣчается у него чрезвычайно рѣдко. Диккенсъ самый нравственный романистъ своей эпохи (ср. напр. его взглядъ на бракъ и супружескую вѣрность), но не въ силу литературной тенденціи, а въ силу того, что онъ представитель лучшей части англійскаго общества и самъ очень нравственный человѣкъ.

***) Лучшая біографія Диккенса: Forster. The life of Ch. Dickens. Lond. 1872. 4 ч. 3 т. Ср. The letters of Ch. D., изд. его старшей дочерью въ 1880. Для чтенія Диккенса въ оригиналѣ см. Pierces: The Dickens Dictionary. Boston 1872. На основаніи Forster'а см. Léon Boucher въ R. d. d. M. 1 марта 1875 г. По-русски Forster изложенъ въ Русск. Вѣстн. въ 1873 г. Въ Вѣстн. Евр. 1872 № 6 на основаніи его же: „Дѣтство и молодость Диккенса" Л. П. Id. „Сказки Диккенса" idem. 1873 г. № 5. Въ Сѣв. Вѣст. за 1889—90 рядъ статей Я. Полонскаго, которыя въ 1891 г. вышли отдѣльной книгой. Ср. Диккенсъ какъ педагогъ, рѣчь А. Кирпичникова. Харьковъ 1889 (перепечатана въ его же книгѣ „Педагогическіе Очерки" 1889 г.) и пр. Не только большіе романы Диккенса имѣютъ у насъ по нѣскольку изданій, но переведены и почти всѣ мелкія его произведенія и даже тѣ не имъ написанные повѣсти и очерки, по которымъ онъ проходилъ съ редакторскимъ карандашемъ (см. Соврем. начало 50-хъ годовъ и Русск. Вѣстн. конца 50-хъ гг. въ 60-хъ годахъ). О его журналѣ Household Words см. статью Дружинина въ Письмахъ иногородн. подписчика Совр. 1853 г. № 4.

интересомъ слѣдило за своимъ романомъ, и что этотъ интересъ постоянно поддерживался и эксплуатировался талантливыми писателями, которые и на материкѣ Европы не совсѣмъ неудачно конкуррировали съ французами. Вотъ главные виды романа этого времени.

По особенностямъ своего склада англійская публика почти не могла обойтись безъ романа моральнаго, нравоучительнаго, напоминающаго Ричардсона, и этой потребности удачнѣе всѣхъ удовлетворяла миссъ Эджевортъ (род. въ 1767 г., ум. 1849 г.), которой Бѣлинскій въ началѣ своей дѣятельности (т. I, 446—7) даетъ немного одностороннюю, но чрезвычайно рельефную характеристику; по его словамъ, это — „горничная г-жъ Жанлисъ и Коттенъ *), которая, наслушавшись ихъ мудрости и приглядѣвшись къ ихъ манерѣ, вздумала проповѣдовать въ XIX вѣкѣ ту мораль и разсказывать тѣ поучительные и скучные вздоры, надъ которыми смѣялись и въ XVIII вѣкѣ". Романы миссъ Эджевортъ считались, такъ сказать, противоядіемъ отъ французскаго романтизма, и ея „Елена" (Helen 1834) вышла почти одновременно въ 3-хъ французскихъ переводахъ **).

Воспоминанія о славной эпохѣ борьбы съ Наполеономъ и подвигахъ англійскаго флота способствовали огромной популярности романовъ капитана Марріэта. Фредерикъ Марріэтъ (Marryet), сынъ знаменитаго экономиста, род. въ 1792 г.; съ 14 лѣтъ былъ морякомъ и во многихъ случаяхъ выказалъ замѣчательную храбрость и самопожертвованіе. Въ 1828 г., крейсируя безъ дѣла вдоль береговъ, онъ написалъ романъ: Mildmay; успѣхъ его и наслажденіе творчества побудили дѣятельнаго капитана продолжать свои занятія, и изъ-подъ его пера вышло болѣе 20 романовъ чрезвычайно занимательныхъ, хотя и не оставляющихъ глубокаго впечатлѣнія. Онъ часто невольно подражалъ Куперу (см. ниже), но больше его склонялся къ роману приключеній; онъ ум. въ 1848 г., пріобрѣтя обширную извѣстность и за границей; по-французски многіе его романы имѣли по три перевода.

Въ 30-хъ же годахъ занималъ и увеселялъ всю Европу англійскій романъ изъ мало кому вѣдомой до тѣхъ поръ персидской жизни, по-русски носившій заглавіе: Мирза-Хаджи-Баба-Исфагани ***). Авторъ его, Джемсъ Морьеръ, род. въ 1780 г., долго былъ секретаремъ англійскаго посольства въ Персіи, прекрасно изучилъ языкъ и нравы страны и въ 1824—28 г. издалъ въ 5 томикахъ: The Adventures of Haji Baba Ispahan (Lond.), гдѣ рядъ трагикомическихъ приключеній, возможныхъ только въ Персіи, облеченъ въ форму автобіографіи испаганскаго брадобрѣя, добродушнаго мошенника и эгоиста, напоминающаго по характеру героевъ испанскаго плутовскаго романа. Мирза-Хаджи-Баба имѣлъ успѣхъ громадный. Тогда Морьеръ сочинилъ его продолженіе, гдѣ заставилъ своего героя принять участіе въ посольствѣ въ Англію, что̀ дало ему средство сдѣлать рядъ насмѣшливыхъ параллелей восточной и англійской жизни и понятій, не всегда въ пользу Англіи. Послѣ этого Морьеръ написалъ еще рядъ недурныхъ романовъ, тоже преимущественно изъ восточной жизни, но успѣхъ ихъ былъ сравнительно невеликъ. Онъ ум. въ 1849 г.

Самый знаменитый человѣкъ изъ тѣхъ, кто дерзалъ состязаться съ Бульверомъ, Теккереемъ и Диккенсомъ, безъ сомнѣнія, Веніаминъ Д'Израэли, впо-

---

*) Современница г-жи Жанлисъ, раздѣлявшая отчасти ея славу, Sophie Cottin (урожд. Ristaud), род. въ 1773 г., ум. въ 1807 г.; лучшими ея романами считаются: Amélie Mansfield (1803), Mathilde (1805) и Elisabeth, ou les exilés de Sibérie (1806).

**) На русск. яз. переведена въ Библ. романовъ и историч. записокъ Роттана на 1835 г. Спб. Біографію Эджевортъ см. въ Библ. д. Чт. 1851, № 6.

***) Вольный переводъ барона Брамбеуса (Сенковскаго), изд. 2-е. Спб. 1845.

слѣдствіи лордъ Биконсфильдъ. Онъ былъ внукъ еврея-купца, сынъ извѣстнаго въ свое время литератора Исаака Д'Израэли, автора 6 томовъ „Curiosities of literature" (1791—1823) *). В. Д'Израэли род. въ 1805 г., получилъ хорошее образованіе и рано сталъ мечтать о политической карьерѣ, а въ ожиданіи ея занялся литературой. Его первый романъ: Вивіанъ Грей, въ которомъ онъ, какъ говорится, „разнесъ" англійскую аристократію, имѣлъ большой успѣхъ, и онъ съумѣлъ имъ воспользоваться, написавъ еще рядъ романовъ, оригинальныхъ по мысли и формѣ, тенденціозныхъ и реальныхъ и въ то же время живыхъ, занимательныхъ по изложенію, настолько драматическому, что они, такъ сказать, сами просятся на сцену **). Отъ 1829 до 1831 г. онъ много путешествовалъ и между прочимъ хорошо изучилъ ближайшій востокъ, куда потомъ такъ часто переносилъ дѣйствіе своихъ романовъ. По возвращеніи, Д'Израэли 3 раза проваливался на выборахъ въ парламентъ, попалъ туда только въ 4-й разъ и былъ жестоко осмѣянъ за свою первую рѣчь, отличавшуюся бо̀льшею страстностью и ораторскимъ пыломъ, нежели принято въ парламентѣ. Преодолѣвъ на минуту шиканье и хохотъ, онъ сказалъ: „Я замолчу теперь, но придетъ время, когда вы меня выслушаете". Какъ извѣстно, онъ блистательно оправдалъ свою похвальбу. Въ продолженіе всей своей долгой карьеры онъ находилъ досугъ для литературы, которой былъ обязанъ своими первыми успѣхами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы онъ всецѣло посвятилъ себя ей, онъ былъ бы романистомъ очень выдающимся и по степени вліянія не уступилъ бы Бульверу; да и при данныхъ условіяхъ онъ далеко не одинъ изъ толпы: въ его романахъ всѣхъ періодовъ много энергіи, мысли и воображенія, но въ нихъ не хватаетъ отдѣлки и эпической объективности. Наиболѣе извѣстные изъ его послѣднихъ романовъ: Лотаръ (1870) и Эндиміонъ (1880) ***) заключаютъ въ себѣ много личнаго и являются интереснымъ комментаріемъ къ его государственной дѣятельности.

Историческій романъ не процвѣтаетъ въ это время въ Англіи отчасти именно вслѣдствіе, такъ сказать, давленія таланта В. Скотта. Въ 40-хъ годахъ большою популярностью пользуются романы Вильяма Айнсворта (1805—1882), избиравшаго мѣстомъ ихъ дѣйствія большею частію окрестности Лондона, а героями— часто витязей большой дороги (одинъ изъ первыхъ—Jack Sheppard 1839 г.); многіе изъ нихъ немедленно передѣлывались для сцены. Но Айнсвортъ скорѣй представитель индустріализма, чѣмъ наслѣдникъ Скотта или соперникъ Бульвера.

Такой наслѣдникъ оказывается только въ слѣдующемъ поколѣніи въ лицѣ Чарльза Рида (1814—1884), который началъ свою литературную карьеру какъ драматургъ, продолжалъ ее какъ романистъ современныхъ нравовъ и отчасти жанра****), и между прочимъ въ 1861 г. далъ прекрасный историческій романъ: „Мо-

---

*) Въ Англіи эта важная, хотя и составленная почти безъ плана, книга выдержала больше 10 изданій. По-русски см. изъ нея: Совр. 1855, № 7: „Писатели и критики старой Англіи". Ср. Совр. 1853, №№ 5—11.

**) Изъ этого періода едва ли не лучше всѣхъ Генріэтта Темпль (въ Библ. д. Чт. 1859, № 2 и слѣд.), въ которомъ, впрочемъ, счастливая развязка плохо вытекаетъ изъ ряда трагическихъ коллизій и является, повидимому, въ угоду обычая.

***) О немъ см. Revue d. d. M. 1880 г. 15 дек. „Un roman politique" статья Coucheval-Clarigny.

****) См. напр. его превосходную повѣсть: „Простая Исторія", переведенную съ рк. въ Вѣстн. Евр. (1884, №№ 11 и 12), проникнутую душевной теплотою, здравой простонародной моралью и немного грубоватымъ юморомъ.

Ср. его романы: „Лучше поздно, чѣмъ никогда" (въ оригиналѣ: Never too late

настырь и любовь" *) изъ интересной эпохи возрожденія, въ которомъ съумѣлъ соединить романтическій интересъ съ исторической объективностью. Ридъ хотя и не можетъ быть названъ членомъ школы Диккенса или Теккерея, но находится подъ вліяніемъ ихъ обоихъ.

Переходя къ этимъ школамъ, мы должны прежде всего замѣтить, что хотя очень легко характеризовать каждую изъ нихъ въ теоріи (послѣдователи Диккенса отыскиваютъ въ жизни интересные сюжеты и идеальные и оригинальные характеры; послѣдователи Теккерея изображаютъ обыденную, сѣренькую жизнь и обыденныхъ людей, причемъ глубиною анализа и реальной точностью возмѣщаютъ недостатокъ интереса внѣшняго, эпическаго), но разграничить ихъ на дѣлѣ, т.-е. опредѣлить, къ которой принадлежитъ тотъ или другой романистъ, далеко не всегда возможно. Дѣло въ томъ, что каждый изъ современниковъ Теккерея и Диккенса, равно какъ и каждый изъ романистовъ нашего времени читалъ корифеевъ англійскаго романа, учился на нихъ, и, стало быть, подвергся ихъ вліянію. Его не избѣжали даже романисты старшаго поколѣнія въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя вышли послѣ Твиста и Ярмарки тщеславія. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить мистрисъ Троллопъ, очень извѣстная и русской публикѣ, но часто смѣшиваемая съ своими двумя сыновьями. Frencis Milton Trollope род. въ 1791 г. (по другимъ 1780 г.) въ семействѣ пастора, была замужемъ за адвокатомъ; овдовѣвши, она совершила путешествіе въ Америку и, по возвращеніи оттуда, написала очень ѣдкую и мѣстами остроумную, но одностороннюю книгу: „Домашніе нравы американцевъ" (Domestic manners of the Americans 1832 г.) и вскорѣ издала романъ: „Бѣглецы въ Америку". Успѣхъ побудилъ ее продолжать литературныя занятія, и она пріобрѣла такую извѣстность своими сатирическими описаніями разныхъ странъ Европы и эффектными романами приключеній, что, какъ было сказано выше, Феваль воспользовался ея популярнымъ именемъ для своихъ „Лондонскихъ Тайнъ". Въ концѣ 30-хъ годовъ она усвоиваетъ манеру Диккенса, а иногда довольно беззастѣнчиво пользуется и его мотивами. Она умерла въ 1863 г. **).

Ея старшій сынъ Томасъ Адольфъ Троллопъ род. въ 1810 г.; учился въ Оксфордѣ, поселился во Флоренціи и прекрасно изучилъ Италію. Онъ написалъ рядъ недурныхъ монографій изъ ея исторіи ***) и нѣсколько посредственныхъ романовъ.

Болѣе извѣстенъ второй ея сынъ Антони.

Антони Троллопъ род. въ 1815 г., служилъ почтовымъ чиновникомъ и отчасти по обязанностямъ службы, отчасти для удовольствія много путешествовалъ (ум. въ 1882 г.).

Троллопъ—одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и популярныхъ и наиболѣе типичныхъ представителей семейнаго романа, какъ его стали понимать послѣ Теккерея. Сфера дѣйствія такого романа—буржуазія, средняя или высшая, или джентри (аристократы, какъ и

---

to mend) въ Библ. д. Чт. 1857, т. 145—146. „Ревность" Отеч. Зап. 1866 и 1867 г. „Подлогъ" Дѣло 1868, №№ 10—12 и мн. др.

*) Такъ въ русскомъ переводѣ См. Отеч. Зап. 1862 г., тт. 141—145; въ оригиналѣ: Cloister and the Hearth. Герой и героиня его—родители Эразма Роттердамскаго.

**) Одинъ изъ наиболѣе удачныхъ ея романовъ: „Вдова Барнаби" (1839 г.) перев. въ Библ. д. Чт. 1842 г., т. 50. „Лондонскія Тайны" подъ ея именемъ см. ibid. 1844, тт. 67—69.

***) Одна изъ лучшихъ: „Десять итальянокъ". См. Отеч. Зап. 1861, тт. 134—137.

простолюдины, входятъ только эпизодически). Тема—домашняя драма, часто совсѣмъ незамѣтная для постороннихъ, обусловливаемая больше разностью темпераментовъ и взглядовъ, чѣмъ столкновеніемъ страстей. Всѣ дѣйствующія лица (огромное большинство ихъ — характеры средніе, безъ особыхъ рѣзкостей) «выписаны» чрезвычайно обстоятельно, при чемъ авторъ не выходитъ изъ эпической формы, а поступаетъ такимъ образомъ: если онъ, напр., описываетъ танцовальный вечеръ, то онъ прежде разскажетъ приготовленія къ нему, переберетъ всѣхъ его участниковъ, при чемъ изложитъ біографіи ихъ и введетъ въ ихъ домашнюю обстановку, скажетъ, какъ каждый принялъ приглашеніе, когда пріѣхалъ, какъ держалъ себя, когда и что̀ говорилъ и т. д.

Трудно вчитаться въ такой романъ, но со второй сотни страницъ онъ пріобрѣтаетъ интересъ даже и при посредственномъ талантѣ автора, если онъ только владѣетъ техникой и не выводитъ лишнихъ лицъ и подробностей.

Антони Троллопъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. выпустилъ въ свѣтъ массу такихъ романовъ, и, благодаря всеобщему интересу къ англійской жизни и наблюдательности автора, они имѣли успѣхъ и заграницей *).

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Ярмарки тщеславія, въ самый годъ ея окончанія явился прекрасный романъ, принадлежащій однакоже по складу своему скорѣй къ школѣ Диккенса, до сихъ поръ читаемый почти наравнѣ съ лучшими его произведеніями и начавшій собою длинный рядъ хорошихъ женскихъ романовъ въ Англіи. Разумѣемъ: «Дженни Эйръ» Кѐрреръ-Беля.

Кѐрреръ-Бель (Currer-Bell) есть псевдонимъ дѣвушки, дочери бѣднаго деревенскаго пастора Шарлоты Бронте. Она род. въ 1816 г., рано осталась безъ матери подъ руководствомъ отца, человѣка до крайности раздражительнаго и страннаго, получила образованіе въ благотворительной, но очень негуманно устроенной школѣ, жила довольно долго въ Брюсселѣ для усовершенствованія во французскомъ языкѣ, такъ какъ думала вмѣстѣ съ сестрой открыть пансіонъ, много страдала отъ семейныхъ несчастій (братъ ея погибъ въ ранней молодости, нѣжно-любимыя сестры умирали одна за другой), выступила въ литературѣ съ томикомъ стихотвореній, на который никто не обратилъ вниманія, а въ 1848 г. съ своимъ знаменитымъ романомъ.

Въ «Дженни Эйръ», какъ и въ Ярмаркѣ тщеславія, на первомъ планѣ бѣдная дѣвушка, которая сама должна пробивать себѣ до-

*) Изъ лучшихъ: „Речель Рей“ Совр. 1864 г. № 1 и слѣд., „Финеасъ Финнъ“ и его продолженія, и пр.

рогу, гувернантка, т.-е. одно изъ тѣхъ несчастныхъ существъ, которыя, находясь между прислугой и господами, бываютъ обыкновенно ненавидимы тѣми и другими. Но героиня—полная противуположность Ребеккѣ Шарпъ во всемъ, кромѣ энергіи и смѣлости: она дѣвушка честная, правдивая, благородно-гордая и великодушная. Герой напоминаетъ лучшіе типы у Диккенса, но крайняя идеализація его достоинствъ и недостатковъ выдаетъ женскую руку *). Сюжетъ романа интересенъ и изложенъ превосходно; но развязка посредствомъ пожара, избавляющаго героиню отъ ея сумасшедшей соперницы, искусственна. Романъ произвелъ сильное и пріятное впечатлѣніе рѣдкимъ соединеніемъ глубины, правдивости и страсти съ юношеской теплотою и дѣвическимъ цѣломудріемъ мыслей и чувствъ **).

Въ слѣдующемъ году вышелъ второй романъ того же автора: «Шерли» (Schirley), въ которомъ меньше вдохновенія, энергіи и внѣшняго интереса, но больше наблюдательности и разнообразія; онъ также имѣлъ успѣхъ выдающійся ***), и бѣдная, болѣзненная, скромная провинціалка стала литературной знаменитостью почти наравнѣ съ Диккенсомъ и Теккереемъ. Въ 1853 г. появился ея третій романъ: «Вильетъ» ****), совмѣщающій въ себѣ до нѣкоторой степени достоинства обоихъ предыдущихъ—и этимъ закончилась ея карьера [5]): въ слѣдующемъ году она вышла замужъ по любви за викарія своего отца, была счастлива, но умерла черезъ 9 мѣсяцевъ (1855 г.).

Шарлота Бронте показала, что и въ новѣйшемъ психологическомъ романѣ талантливая женщина можетъ сдѣлать многое, что ея наблюденію доступны явленія, ускользающія отъ мужчинъ; успѣхъ ея побудилъ къ дѣятельности другую даровитую романистку, которая съ бо́льшимъ правомъ можетъ считаться послѣдовательницей Теккерея по тонкости и глубинѣ анализа и по отсутствію стремленія къ внѣшнимъ эффектамъ; но и она по своему міровоззрѣнію ближе къ Диккенсу и въ каждомъ человѣкѣ стремится открыть искру боже-

---

*) Ср. мужскіе характеры у Жоржъ Сандъ.

**) По-русски От. Зап. 1849, т. LXIV и слѣд. См. также Соврем. 1850 г. № 6. Особенно понравился романъ въ Германіи, гдѣ до сихъ поръ идетъ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ его драматическая передѣлка подъ названіемъ: Die Waise von Lowood (Birch Pfeiffer 1856).

***) Библ. д. Чт. 1851 г. №№ 1—6. Ср. разборъ его ibid. 1853 г. № 5 (Дружинина).

****) Библ. д. Чт. 1853 г. №№ 7 и слѣд.

[5]) Ранѣе написанный и отвергнутый издателями ея романъ: Учитель (Professor) вышелъ послѣ ея смерти. Пер. его см. въ От. Зап. 1857 г. № 11.

Ея біографія написана довольно извѣстной романисткой М-сс Гаскель (Gaskel), авторомъ романа: „Сѣверъ и Югъ“ (2-ое изд. 1858 г.). На основаніи ея по-русски см. Русскій Вѣстн. 1857, № 10, а также ibid. 1858 № 24 статью Евг. Туръ.

ства или, по выраженію одного изъ критиковъ, «кусочекъ рая»; она также избрала себѣ мужской псевдонимъ Джоржа Эліота.

Мери Анна Эвансъ род. въ 1820 г. въ графствѣ Варвикскомъ, въ семействѣ плотника; она училась въ частной школѣ въ Ковентри и, обладая удивительными способностями и энергіей, изучила не только нѣсколько новыхъ языковъ, но также еврейскій, греческій и латинскій. Она выступила въ печати съ переводомъ «Жизни Іисуса Христа» Штрауса, путешествовала по Европѣ, потомъ поселилась въ Лондонѣ и помѣщала статьи въ журналахъ. Какъ романистка, она выступила въ началѣ 50-хъ годовъ съ небольшими повѣстями, которыя были собраны съ заглавіемъ: «Сцены изъ жизни духовенства» (Scenes of clerical life 27, 1858 г.) *); Диккенсъ призналъ ихъ лучшей книгой, какую онъ читалъ за послѣднее время. За ними послѣдовалъ въ 1859 г. «Адамъ Бидъ», въ короткое время выдержавшій 5 изданій **), затѣмъ «Мельница на Флоссѣ» ***), затѣмъ «Сайлесъ Марнеръ» ****) и за нимъ историческій романъ «Ромола» (1863 г., изъ жизни Флоренціи во вторую половину XV в.), который не имѣлъ такого успѣха, какъ предыдущіе ея романы, изображающіе провинціальную жизнь Англіи и типы крестьянъ и мѣщанъ съ точностью, глубиной и живостью, почти безпримѣрными. Любимая идея автора что ложь есть источникъ всѣхъ бѣдствій человѣка, проводится съ большой послѣдовательностью, но безъ натяжекъ. Недостатокъ ея романовъ—нѣкоторая растянутость, но она вознаграждается прекрасной отдѣлкой всѣхъ частностей. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ: «Феликсъ Гольтъ, радикалъ» [5]), «Миддльмарчъ» и «Даніэль Деронда» [6]). Дж. Эліотъ берется за рѣшеніе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, вслѣдствіе чего образы, ею создаваемые, не столь реальны и пластичны, какъ прежде.

Миссъ Эвансъ много лѣтъ была подругой извѣстнаго Льюиса, который не могъ на ней жениться, такъ какъ была жива его сумасшедшая жена. Въ 1880 г., черезъ 2 года послѣ смерти Льюиса, она вышла замужъ и умерла въ томъ же году [7]).

*) По-русски оттуда: „Исповѣдь Джанеты". Совр. 1860 г. № 6 и слѣд.

**) По-русски одновременно 2 перевода лучшій въ От. Зап. 1859 г.

***) См. изложеніе и разборъ въ Совр. 1860 г. № 9.

****) Отеч. Зап. 1862 г. т. 140.

[5]) 1866 г. По-русски одновременно 2 перевода: Всеміри. Трудъ 1867, №№ 1—4; Дѣло 1866, 2; 1867, 3—6.

[6]) Оба перев. въ От. Зап. 1874 и 1876 гг.

[7]) Она писала также и недурныя поэмы: „Испанская цыганка" 1868, „Агата" и др. О ней см. книгу Mathilde Blind. Lond. 1883. Ср. Revue d. d. M. 1883 г., 1 и 15 марта (E. Montégut); ibid. 1 іюля 1885 г. Ср. Вѣстн. Евр. 1884 г. №№ 5 и 6 „Д. Э. Очеркъ жизни и сочиненій".

Третья выдающаяся романистка, того же психологически-нравоописательнаго типа, миссъ Джулія Кавана, дочь извѣстнаго ирландскаго лингвиста, род. въ 1824 г., воспитывалась въ Парижѣ и рано, подъ вліяніемъ отца, стала развивать въ себѣ литературный талантъ. Она удачно соединяла изобрѣтательность Ж. Сандъ съ англійской простотой и ясностью, но мораль ея ультра-англійская: женщинѣ она прежде всего рекомендуетъ терпѣніе и покорность. Лучшій ея романъ: «Натали» *) вышелъ въ 1851 г. и значительно напоминаетъ «Дженни Эйръ», но онъ менѣе эффектенъ и болѣе реаленъ и простъ.

Всѣ эти три писательницы, въ особенности двѣ послѣднія, удачно приближаются къ высшей цѣли реальнаго искусства—опоэтизировать душевныя движенія и жизнь простого, средняго человѣка.

Ближе къ Бульверу и Диккенсу, чѣмъ къ Теккерею, другой очень популярный въ Англіи видъ романа, который бо́льшею частію называютъ сенсаціоннымъ и который есть ничто иное, какъ романъ интриги, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ основѣ этой интриги была какая-нибудь тайна, бо́льшею частію ужасное преступленіе, которое долго остается неоткрытымъ и, какъ фатумъ древнихъ, тяготѣетъ надъ всѣми дѣйствующими лицами, интригуетъ и пугаетъ читателя. Появленіе и популярность такого романа въ Англіи есть слѣдствіе вліянія французской романтики, которая много выигрываетъ отъ соединенія съ англійскимъ реализмомъ, хотя и лишается своей политической и соціальной тенденціозности.

Самый даровитый представитель его, безъ сомнѣнія, Вильки Коллинзъ (William Wilkie Colliens), ученикъ и близкій другъ Диккенса. Онъ род. въ 1824 г., былъ сынъ даровитаго пейзажиста и жанриста, и часть своего дѣтства провелъ въ Италіи, гдѣ учился его отецъ. Онъ готовился къ практической дѣятельности, но рано выступилъ на литературное поприще съ хорошо написанной біографіей своего отца. Въ 1850 г. онъ издалъ историческій романъ: «Антонина или паденіе Рима», который имѣлъ успѣхъ посредственный. Черезъ два года выходитъ его романъ: «Базиль», уже основанный на ужасной тайнѣ и изображающій необыкновенный характеръ; «ужасы» этого романа, какъ и послѣдующихъ за нимъ, тѣмъ эффектнѣе, что они разыгрываются въ скромномъ повидимому и до-нельзя приличномъ англійскомъ обществѣ. Вскорѣ Коллинзъ сблизился съ Диккенсомъ и сталъ помѣщать въ его журналѣ сперва небольшія, очень эффектныя повѣсти, а потомъ и обширные романы **), которые обо-

*) Библ. д. Чт. 1852, №№ 1—12, 1853, №№ 1—5; ibid. „Дези Бернсъ“ 1854 г. т. 127 и слѣд.

**) Больше всего надѣлалъ шуму романъ: „Женщина въ бѣломъ“ (The woman in the white), который печатался въ All the year round въ 1859 и 1860 г. и держалъ публику въ постоянномъ напряженіи.

шли всю Европу и Америку и имѣли милліоны читателей изъ всѣхъ классовъ общества.

Вильки Коллинзъ, какъ и многочисленные его подражатели, прежде всего заботится, конечно, объ интересности разсказа, а непосредственно за тѣмъ объ его вѣроятности. Онъ старается быть какъ можно обстоятельнѣе въ подробностяхъ и часто пользуется формой полицейскихъ протоколовъ и др. дѣловыхъ бумагъ. «Это было въ 1832 г. въ день открытія сезона на Вильдбадскихъ водахъ»; такъ начинаетъ онъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ своихъ романовъ *), и читатель побуждается этимъ вѣрить, что такъ дѣйствительно было; онъ сразу переносится in medias res, сразу заинтересовывается судьбою дѣйствующихъ лицъ, поражается искуснымъ сопоставленіемъ страшнаго и необычнаго съ обыденными мелочами **) и волей-неволей отдается всецѣло въ руки автора, который и не выпускаетъ его до самой искусно придуманной развязки, бо̀льшею частію поражающей своей неожиданностью; ряды часовъ пролетаютъ незамѣтно въ легкомъ и пріятномъ волненіи; но вопросъ въ томъ, какой слѣдъ оставляютъ они.

Вильки Коллинзъ, подобно старымъ романтикамъ, вѣритъ въ судьбу (нѣмецкіе критики и называютъ его произведенія Schicksalsromanen), вѣритъ въ наслѣдственность наклонностей и даже преступленій ***) и, естественно, внушаетъ такую вѣру читателямъ. Но В. Коллинзъ не даромъ ученикъ великаго гуманиста Диккенса: онъ тоже убѣжденъ, что на свѣтѣ нѣтъ безусловно дурныхъ людей, тоже умѣетъ въ преступникѣ и отверженникѣ общества открыть человѣка, тоже пробуждаетъ «милость къ падшимъ», тоже больше всего ненавидитъ лицемѣріе и эгоизмъ, прикрытый «приличіемъ», ненавидитъ такъ-называемый «cant» и вообще далеко не все одобряетъ въ своихъ соотечественникахъ; его идеалъ тоже нравственность, но не суровая англійская нравственность, а терпимая, гуманная и веселая ****).

Романы Коллинза чрезвычайно драматичны, а немногія драмы, которыя написалъ онъ [5]), при всей своей эффектности, показываютъ нѣкоторый недостатокъ драматической концепціи.

---

*) „Армадель" перев. въ Русск. Вѣстн. 1864 г. № 10 и слѣд.

**) Напр., здѣсь же 2-хъ-лѣтній ребенокъ возитъ игрушку по одѣялу своего умирающаго отца; читаютъ страшное завѣщаніе, и чтеніе это прерывается веселымъ смѣхомъ гостей, расходящихся изъ-за table d'hôte'a и т. д.

***) Даже въ такихъ сравнительно свѣтлыхъ своихъ продуктахъ своего творчества, какъ „Злой геній, семейная исторія". Вѣстн. Евр. 1887 г. № 2 и слѣд.

****) Лицо, которое выражаетъ его мысли и чувства въ романѣ „Злой геній"—полу-французъ, полу-англичанинъ.

[5]) Одна изъ нихъ еще въ 1857 г. разыграна на любительской сценѣ подъ руководствомъ Диккенса.

Между послѣдователями В. Коллинза въ 60-хъ и 70-хъ годахъ наибольшей популярностью пользуются двѣ романистки: мистриссъ Генри Вудъ (дочь фабриканта, род. въ 1820 г.) и миссъ Мери Броддонъ (род. въ 1837 г., рано выступила на литературное поприще, и сохранила свою уже прославленную дѣвичью фамилію выйдя замужъ). У нихъ нѣтъ силы и оригинальноси В. Коллинза, но есть воображеніе и есть умѣнье ловко вести запутанную интригу и льстить пошлымъ инстинктамъ читателя: любопытству и страсти къ ужасному, причемъ всѣ ужасы непремѣнно оканчиваются благополучно для симпатичныхъ дѣйствующихъ лицъ. Характеровъ у нихъ нѣтъ, вмѣсто нихъ манекены, бо́льшею частію хорошіе люди, изображенные съ чисто внѣшней стороны. У нихъ видную роль играетъ чудесное, да и вобще онѣ мало заботятся о вѣроятности, справедливо разсчитывая, что едва ли кто будетъ внимательно вчитываться въ ихъ произведенія. Хотя въ ихъ романахъ нѣтъ ничего безнравственнаго, и у нихъ господствуетъ Диккенсова вѣра въ человѣка, но все же въ общемъ онѣ портятъ вкусъ публики и роняютъ англійскій романъ.

Зато женщины же въ послѣднее время съ успѣхомъ работаютъ и надъ его подъемомъ, внося въ него новыя идеи и даже подновляя самыя его рамки, уже порядкомъ обветшалыя; назову только два имени, хорошо извѣстныя русской читающей публикѣ: Роду Броутонъ (Broughton, род. 1840 г., живетъ въ Оксфордѣ), въ романахъ которой внутренній интересъ соединяется съ внѣшнимъ и являются совершенно новые симпатичные, чрезвычайно граціозные женскіе типы, и еще болѣе знаменитую Уйда (настоящая ея фамилія de Ramée, род. тоже въ 1840 г., живетъ въ Италіи), которая, соединяя въ своихъ прелестныхъ картинкахъ итальянской жизни и поэтически серьезныхъ романахъ глубокомысліе и наблюдательность англійской расы съ тонкимъ художественнымъ чувствомъ и впечатлительностью расы романской, является общеевропейскимъ поэтомъ *).

Напрасно с.-американцы хлопочутъ о полной самостоятельности и обособленности отъ Англіи въ литературѣ и искусствѣ: вслѣдствіе единства происхожденія и языка и вслѣдствіе поглощенія лучшихъ силъ народа практической дѣятельностью, с.-американская литература еще долго, останется какъ бы отросткомъ литературы англійской. Но, съ другой стороны, особенности природы Штатовъ, условія ихъ общественной жизни и внутренняго быта—причина того, что уже въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя повліяли на ходъ міроваго прогресса и, стало быть, составляютъ часть всеобщей литературы, с.-американцы проявляютъ характерныя особенности, которыя нельзя назвать провинціальными уже по одному тому, что онѣ принадлежатъ едва не пятой части всего цивилизованнаго человѣчества.

Основное населеніе Штатовъ происходитъ, какъ извѣстно, отъ пуританъ, которые вовсе не были расположены культивировать поэзію и вообще литературу, кромѣ религіозной. Поэтому единственный видъ

*) О ней см. статью Th. Bentzon въ Revue d. d. M. 1877 г. 15 іюля.

поэзіи, существовавшій въ с. Америкѣ до освобожденія — духовные гимны; война вызвала лирику патріотическую; политическія неустройства и борьба — сатиру, къ которой такъ наклонна англо-саксонская раса; постепенное удаленіе жизни отъ пуританской суровости развиваетъ лирику чувства, которой роскошная природа придаетъ оригинальный характеръ, и уже въ первыя десятилѣтія XIX в. американцы считаютъ своихъ поэтовъ десятками, но читаютъ, разучиваютъ въ школахъ и цитируютъ въ рѣчахъ поэтовъ англійскихъ. Это еще литература провинціальная.

На всемірную арену американцы выступаютъ съ прозой и прозаическимъ вымысломъ; прежде всего въ Европѣ узнаютъ объ американскихъ знаменитыхъ историкахъ и американскихъ романистахъ, а потомъ уже и объ Лонгфелло. Эти историки раздѣляютъ съ англійскими ихъ простоту и ясность и умѣнье быть популярными при научной серьезности, а отличаются отъ нихъ тѣмъ, что больше интересуются чужимъ и отдаленнымъ и являются такимъ образомъ болѣе европейцами, чѣмъ ихъ европейскіе собратья.

Старшій изъ нихъ Вашингтонъ Ирвингъ, род. въ 1783 г. въ Нью-Іоркѣ, былъ сынъ шотландскаго купца, изучалъ правовѣдѣніе, потомъ по слабости здоровья провелъ три года въ Европѣ, по возвращеніи занимался торговыми дѣлами и разорился. Онъ началъ свою литературную дѣятельность съ юмористическихъ повѣстей, интересныхъ по талантливому воспроизведенію американской природы и нравовъ *). Затѣмъ опять былъ въ Европѣ въ 1825 г., 4 года работалъ въ Эскуріалѣ и написалъ превосходную „Исторію Христофора Колумба“ (1828—1830). Изъ послѣдующихъ его трудовъ пользуются наибольшей извѣстностью: „Жизнь Магомета и его послѣдователей“ (1849—1850), „Оливеръ Гольдсмитъ“ (1845) и „Жизнь Вашингтона“ (1855—1859). Онъ ум. въ 1859 г.

Тикноръ, авторъ „Исторіи испанской литературы“, которая въ нѣмецкомъ переводѣ съ дополненіями Юліуса считается до сихъ поръ лучшимъ общимъ курсомъ **), род. въ 1791 г., ум. въ 1871 г. Вильямъ Прескоттъ—авторъ „Исторіи завоеванія Мексики“, „Исторіи завоеванія Перу“, „Исторіи Филиппа II“ и др. превосходныхъ монографій, которыя переведены на всѣ главнѣйшіе языки (не исключая и русскаго) и читаются до сихъ поръ съ пользою и удовольствіемъ, род. въ 1796 г., ум. въ 1859 г. Любопытно, но понятно это стремленіе всѣхъ трехъ знаменитыхъ американскихъ историковъ разрабатывать исторію, повидимому, столь чуждой имъ Испаніи: она первая насадительница европейской цивилизаціи въ Америкѣ.

Почти на цѣлое поколѣніе моложе ихъ Дрэперъ (Draper, род. въ 1811 г.), авторъ „Исторіи умственнаго развитія Европы“; какъ извѣстно, онъ знаменитый химикъ и въ то же время талантливый, хотя и тенденціозно-односторонній историкъ; такое соединеніе разнородныхъ спеціальностей характерно для Америки.

Мотлей (Motley, John Lothrop. род. 1814 г., ум. 1877 г.), авторъ извѣстной

---

*) См. въ От. Зап. 1849 г. т. LXVI въ Смѣси: Дольфъ Гейхигеръ; дѣйствіе происходитъ въ англо-голландской части Америки.

**) Она только недавно переведена на русск. яз. Н. И. Стороженко (Москва 1887—1891); тамъ см. и біографію Тикнора.

„Исторіи возстанія Нидерландовъ" (3 тома, 1-ое изд., Лондонъ, 1856 г.), хотя и провелъ большую часть жизни въ Европѣ, но и по рожденію, и по симпатіямъ тоже принадлежитъ с. Америкѣ.

Самый даровитый и вліятельный изъ американскихъ романистовъ, глава цѣлой школы, которая дѣйствовала еще нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, безъ сомнѣнія, Куперъ.

Джемсъ Фениморъ Куперъ (Cooper) род. въ 1789 г. въ Ньюіоркскомъ штатѣ, былъ сынъ судьи; дѣтство свое онъ провелъ въ только-что строившемся поселеніи Куперстаунѣ въ очень живописной, но почти дикой мѣстности, гдѣ еще бродили вольные охотники и остатки индѣйцевъ, учился въ ближайшей коллегіи и 16 лѣтъ вступилъ въ морскую службу; но черезъ 6 лѣтъ вышелъ въ отставку, женился и занялся торговлей, съ которой—явленіе довольно обычное въ Америкѣ и до крайности рѣдкое въ Европѣ—соединялъ и занятіе литературой. Первый романъ его: «Предосторожность», написанный въ подражаніе миссъ Эджевортъ, не имѣлъ успѣха. Тогда онъ рѣшился подражать В. Скотту, манера котораго ему самому была гораздо симпатичнѣе. Въ продолженіе 2-хъ съ небольшимъ лѣтъ (1822—1824) онъ издалъ 3 романа: «Шпіонъ», «Піонеры» и «Лоцманъ», которые сразу завоевали ему почетное мѣсто въ англійской литературѣ и изъ которыхъ каждый служитъ представителемъ цѣлой серіи его послѣдующихъ романовъ. «Шпіонъ» ближе всего къ В. Скотту: это историческій и патріотическій романъ, искусно разсказанный, съ апоѳеозой Вашингтона; къ его группѣ принадлежатъ «Браво» *), «Гейденъ Мауэръ», «Бернскій палачъ» и др. Эти романы были прочитаны въ свое время съ интересомъ, но скоро забыты. Не ими пріобрѣлъ міровую славу Куперъ, а «мокасинными» романами, во главѣ которыхъ (по времени) стоятъ «Піонеры»; къ этой семьѣ принадлежатъ: «Послѣдній изъ Могиканъ», «Степи», «Патфайндеръ» и «Дирслейеръ» (1840). Всего оригинальнѣй въ нихъ, во-первыхъ, герой (одинъ и тотъ же, но въ разныхъ положеніяхъ и возрастахъ), звѣриный охотникъ, вполнѣ невѣжественный, но умный отъ природы, безукоризненно честный, спокойно храбрый, младенчески невинный, добрый и рыцарски великодушный, и во-вторыхъ—индѣйцы. Индѣйцевъ почти никто не затрогивалъ послѣ Шатобріана, у котораго, по удачному выраженію одного критика, индѣйцы также мало похожи на настоящихъ, какъ греки Расина на настоящихъ грековъ. Нельзя сказать, чтобы индѣйцы Купера были настоящими краснокожими, но во всякомъ случаѣ они гораздо ближе къ правдѣ **) и очень красивы и

*) Изъ исторіи Венеціи съ прекраснымъ ея описаніемъ и одностороннимъ изображеніемъ ея политическаго устройства. По-русски см. Спб. 1839.

**) Настолько же ближе, какъ мужики Григоровича къ „пейзанамъ" эпохи Карамзина.

поэтичны. Что касается героя, то онъ представляетъ одну изъ немногихъ сравнительно удачныхъ попытокъ въ новой литературѣ— создать идеальный характеръ, ни выходя изъ предѣловъ возможнаго. Въ этомъ созданіи (и отчасти въ созданіи друга героя Великаго Змѣя) Куперъ какъ бы представляетъ мостъ между послѣдователями Руссо, которые убѣждены, что цивилизація портитъ человѣка, и вѣрой Гюго, Диккенса и др. проповѣдниковъ гуманности въ чистоту человѣческой природы.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что огромное большинство читателей Купера интересовалось не нравственнымъ характеромъ Патфайндера, или какъ бы онъ тамъ ни назывался, и не его чувствами и размышленіями, а необыкновенной мѣткостью его карабина, его удивительнымъ появленіемъ въ самую критическую для его друзей минуту и его битвами противъ индѣйцевъ среди дѣвственной американской природы. Этотъ-то внѣшній интересъ его романовъ и эксплуатировали его многочисленные подражатели, преимущественно французы, въ родѣ Габріэля Ферри (см. выше) и Густава Эмара (Aimard 1818—1883), которые опошлили его манеру до крайней степени.

«Лоцманъ» служитъ родоначальникомъ морскихъ романовъ Купера (сюда принадлежатъ: Красный корсаръ, Морская волшебница, Два адмирала и друг.), въ которыхъ тоже описываются удивительные подвиги храбрости, но только не на сушѣ, а на морѣ. И здѣсь Куперъ проявляетъ полное знаніе среды и богатое воображеніе, но здѣсь нѣтъ той оригинальности, какъ въ «мокасинныхъ» романахъ.

Романы Купера такъ же нравственны, какъ и романы Диккенса; онъ тоже не признаетъ любви внѣ брака.

В. Скоттъ, которому Куперъ представился въ 1826 г. въ Парижѣ, призналъ въ немъ достойнаго себѣ соперника. Съ этого года Куперъ поселился на нѣсколько лѣтъ въ Европѣ (3 года онъ былъ консуломъ въ Ліонѣ; потомъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ былъ близокъ съ Лафайетомъ, и въ Лондонѣ); по возвращеніи на родину, онъ занимался литературой и національной политикой. Онъ умеръ въ 1851 г. послѣ долгой болѣзни и постепеннаго упадка силъ *).

Старшій изъ американскихъ стихотворцевъ, получившій извѣстность въ Европѣ—Колленъ Брайнтъ (Cullent Bryant род. въ 1794 году, ум. въ 1878), котораго называютъ первымъ самобытнымъ поэтомъ Америки. Онъ лирикъ съ

*) Полное изд. его сочиненій вышло въ Нью-Іоркѣ въ 1865 г. въ 32 томахъ. Его лучшіе романы прекрасно переводились въ От. Зап. въ 40-хъ годахъ (Путеводитель въ Пустынѣ 1840 г. тт. XI—XII и т. д.), потомъ въ 70-хъ нѣкоторые изъ нихъ были переизданы отдѣльно. О немъ см. Бѣлинскій III, 83 и слѣд. Ср. Соврем. 1843 г. № 7. Его некрологъ ibid. 1851 г. № 11 и пр.

дидактическимъ оттѣнкомъ, горячо любящій природу и убѣжденный въ ея всеисцѣляющей силѣ *); но его празднично мирный оптимизмъ довольно однообразенъ.

Несравненно богаче его содержаніемъ наиболѣе классическій изъ с.-американскихъ романтиковъ, Лонгфелло.

Генри Лонгфелло (Henry-Wadsworth Longfellow) род. въ 1807 г. въ штатѣ Мэнъ; онъ былъ богато одаренный юноша, учился прекрасно, началъ печататься еще со студенческой скамьи и уже 20 лѣтъ отъ роду былъ приглашенъ профессоромъ новыхъ языковъ въ ту же бодуэнскую коллегію, гдѣ самъ получилъ образованіе. Чтобы быть на уровнѣ своей задачи, онъ прежде самъ поѣхалъ учиться въ Европу, гдѣ и пробылъ около 3-хъ лѣтъ; слушалъ лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, объѣхалъ Германію, Францію, Испанію и Италію. Вскорѣ по возвращеніи онъ былъ приглашенъ на каѳедру Тикнора профессоромъ въ самую знаменитую—Гаруардскую коллегію новокембриджскаго университета, снова ѣздилъ въ Европу (въ Швецію, Данію и опять въ Германію) и съ честію занималъ свое мѣсто до 1854 г.; въ этомъ году вышелъ въ отставку и жилъ по близости отъ Бостона среди семьи и друзей, занимаясь исключительно литературой **). Онъ ум. въ 1882 г.

Первое его крупное произведеніе: книга «За моремъ» (1835 г.) есть полу-разсказъ, полу-описаніе его впечатлѣній въ Европѣ, написанная превосходнымъ стилемъ. За нею слѣдовалъ «лирическій» романъ: «Гиперіонъ» (1839), дѣйствіе котораго происходитъ главнымъ образомъ въ Европѣ. Герой (Флемингъ) подвергается разнообразнымъ испытаніямъ, но его спасаетъ утѣшительная философія: «Не смотри съ печалью на прошлое, мудро пользуйся настоящимъ: оно тебѣ принадлежитъ; иди бодро, безъ страха къ облеченному тайной будущему». Сборникъ его «балладъ-поэмъ» тоже посвященъ почти исключительно Европѣ и составленъ главнымъ образомъ изъ переводовъ съ нѣмецкаго и съ шведскаго. Въ 1843 г. вышли его «Пѣсни о невольничествѣ» (Poems of Slavery), посвященныя Чанингу, одному изъ борцевъ за идею освобожденія негровъ; это первая сравнительно крупная вещь Лонгфелло, всецѣло посвященная родинѣ ***); поэтъ выражаетъ свой стыдъ и горе по поводу существованія рабства на свободной почвѣ Америки; онъ пророчески предупреждаетъ южныхъ рабовладѣльцевъ, что рабство, какъ возмутившійся Самсонъ, повалитъ когда-нибудь столбы ихъ республики. Его идиллическая поэма «Эван-

*) Его Thanatopsis (т.-е. созерцаніе смерти) пер. Плещеевымъ въ Совр. 1863 г. № 11. См. Гербель о. с.

**) Между прочимъ въ 1867—70 г. онъ перевелъ Божественную Комедію Данта.

***) Перев. Михайловымъ, Совр. 1861 г. № 3.

гелина» *), написанная превосходными гекзаметрами, внушена Германомъ и Доротеей, также какъ «Постройка корабля»—Пѣснью о колоколѣ Шиллера; «Золотая легенда» есть осложненіе исторіи «Бѣднаго Генриха» изъ Гартмана фонъ-Ауэ и т. д. Самостоятельнѣй и національнѣй всего предыдущаго «Пѣснь о Гайаватѣ» (Song of Hiawatha 1855 г.), выдержавшая, говорятъ, до 30 изданій въ полгода въ одномъ Бостонѣ и вызвавшая массу подражаній и пародій; это нѣчто въ родѣ искусственной индѣйской Эдды или, вѣрнѣе, Калевалы (съ которой ее сближаетъ и хореическій размѣръ)—изложеніе индѣйскихъ преданій о свободной жизни ихъ предковъ. Позднѣйшія драматическія произведенія Лонгфелло и его романы слабѣе его эпоса и лирики.

Лонгфелло въ высшей степени полезный литературный дѣятель; но и самые горячіе его поклонники должны согласиться, что онъ не богатъ даромъ изобрѣтенія. Характеренъ чисто американскій утилитаризмъ его лирики, его горячая вѣра въ значеніе труда и его негодованіе на тѣхъ, кто думаетъ, что «жизнь есть сонъ» **).

Если Лонгфелло самый классическій романтикъ Америки, то Эдгаръ Поэ — самый безалаберно-романтическій. Онъ былъ сынъ юриста и актрисы-авантюристки, род. въ 1809 г. въ Бостонѣ, рано потерялъ родителей и былъ усыновленъ богатымъ купцемъ Алланомъ ***), который увезъ его въ Англію, а черезъ нѣсколько лѣтъ привезъ назадъ въ Америку въ Ричмондъ. 16 лѣтъ Поэ поступилъ въ университетъ, но велъ тамъ безпорядочную жизнь, былъ исключенъ и поссорился съ своимъ пріемнымъ отцемъ. Въ 1829 году вышелъ первый сборникъ его стихотвореній ****). Въ 1830 году онъ поступилъ въ военную академію, оказалъ тамъ удивительные успѣхи, но потомъ былъ исключенъ и оттуда, поступилъ рядовымъ въ полкъ и дезертировалъ. Онъ былъ близокъ къ окончательной гибели, какъ вдругъ неожиданно получилъ двѣ преміи: за повѣсть и за поэму. 25 лѣтъ отъ роду онъ состоитъ редакторомъ журнала, усиленно работаетъ и пріобрѣтаетъ извѣстность. Онъ женился по любви, былъ нѣкоторое время спокоенъ и счастливъ, но потомъ снова закутилъ, и снова началась его бѣдственная, скитальческая

*) Героиня ищетъ своего возлюбленнаго, что даетъ поводъ поэту описать берега Миссисипи; дѣйствіе происходитъ въ 1755 г., когда французскихъ поселенцевъ изгоняли изъ Акадіи.

**) О немъ см. Knortz: Longfellow, litteraturhistorische Studie. Hamb. 1879 г. По-русски см. Соврем. 1860, № 12 (Иностр. литература). 10 его удачно выбранныхъ пьесъ (въ томъ числѣ отрывки изъ Эвелины и Гайаваты) у Гербеля о. с., 385—436.

***) Оттого онъ и носитъ двойную фамилію Poe (надо выговаривать Poh) Allan.

****) Al Aaroof, Tamerlan and minor Poems.

жизнь, изрѣдка прерываемая блестящими успѣхами. Жена его умерла чуть не съ голоду, и это лишило его послѣдней опоры; онъ умеръ въ госпиталѣ отъ бѣлой горячки въ 1849 г.

Э. Поэ—характерный представитель чисто американскаго, нѣсколько запоздавшаго романтизма: стремленіе къ фантастическому, странному и ужасному у него соединяется съ рѣзкимъ реализмомъ и дѣловитой положительностью янки; онъ анализируетъ съ необыкновенной точностью то, чего не бываетъ въ дѣйствительности: жизнь, искусственно-задержанную магнетизмомъ, ясновидѣніе, приспособленное къ полицейскимъ цѣлямъ, переходъ личности человѣка въ его портретъ и т. д. Особую симпатію чувствуетъ онъ къ ужасному: въ немъ открываетъ своеобразную красоту и въ изображеніи его проявляетъ оригинальный юморъ. Въ его повѣстяхъ зарожденіе идеи о преступленіи и ея развитіе изслѣдованы съ точностью и глубиною реалиста-психолога послѣдней формаціи, но рядомъ съ этимъ въ нихъ дѣйствуетъ самая необузданная, поражающая своимъ богатствомъ фантазія. Основной тонъ всѣхъ его произведеній—мрачное отчаяніе, происходящее, по мнѣнію Шпильгагена, оттого, что его душа, стремящаяся къ правдѣ и красотѣ, попала въ грязь посредственности и пошлости. Даже въ тѣхъ его повѣстяхъ, которыя переходятъ въ тонъ забавной сказки *), сквозь веселость, какъ молнія, мелькаетъ наполнявшее его душу отвращеніе къ людямъ. Форма его стихотвореній съ необыкновенными риѳмами соотвѣтствуетъ его болѣзненной любви къ оригинальному и странному **).

Старѣйшій послѣ Купера изъ американскихъ романистовъ, получившій извѣстность въ Европѣ, Натаніэль Готорнъ (Hawthorne, по-русски иногда его называютъ: Готсорнъ, Госорнъ и Гоусорнъ), имѣетъ много общаго съ Поэ; онъ тоже «фантастическій реалистъ», но съ тѣмъ отличіемъ, что реализмъ беретъ у него перевѣсъ. Онъ род. около 1807 г. въ Солемѣ, въ штатѣ Массачузетъ, учился вмѣстѣ съ Лонгфелло и былъ очень друженъ съ нимъ всю жизнь; служилъ таможеннымъ чиновникомъ, потомъ былъ консуломъ въ Ливерпулѣ. Онъ выступилъ въ литературѣ съ сборникомъ повѣстей подъ заглавіемъ: «Дважды разсказанныя повѣсти» ***); но извѣстность онъ прі-

*) Напр. „Приключенія Артура Пима". Вѣстн. Евр. 1882, № 6; отдѣльное изд. Суворина. Спб., 1890 г.

**) О немъ см. Русск. Слово 1861, № 11, статья Лопушинскаго. Повѣсти его отдѣльно изданы Суворинымъ въ 1878 г. Переводъ одного изъ лучшихъ его стихотвореній: Воронъ (The Raven) съ интереснымъ предисловіемъ автора (онъ стремится доказать, что всѣ созданія вдохновенія суть результаты вычисленій и умственныхъ комбинацій) и статьею переводчика см. Вѣстн. Евр. 1878, № 3. „Анна-Бель" ibid. 1878 г. № 5, и т. д.

***) Twice told Tales подъ псевдонимомъ l'Aubépine; 2-я часть въ 1842 г.

обрѣлъ двумя большими чисто американскими романами: «Домъ о семи шпиляхъ» [1]) и «Красная буква» [2]), въ которыхъ съ бальзаковской наблюдательностью и глубиной анализа изображена семейная жизнь старинныхъ американскихъ родовъ; только у Готорна нѣтъ безпощадности Бальзака [3]), и внѣшній интересъ его романа поднятъ фантастикой; это—фантастика чисто американская: истекающая изъ стремленія къ спиритизму,—извѣстно, какъ онъ до сихъ поръ силенъ въ Америкѣ,—трагическая, тяжелая и мрачная, связанная съ денежными бумагами и гражданскими процессами [4]). Общій колоритъ жизни у него (какъ и у большинства американскихъ романистовъ настоящаго времени) какой-то сѣрый, съ очень, очень рѣдкими просвѣтами и проблесками поэзіи. Но эта сѣрая, скучноватая жизнь свободна и разумна, и даетъ своему бытописателю поводъ къ множеству умныхъ и часто юмористическихъ замѣчаній. Юморъ американцевъ тоже особенный: въ немъ элементъ разсудка господствуетъ надъ элементомъ чувства, и онъ не веселитъ сердца, хотя и примиряетъ съ несовершенствами жизни.

Въ 1860 г., послѣ долгаго молчанія, Готорнъ издаетъ романъ «Transformation» [5]) изъ художественныхъ нравовъ Италіи, но съ героиней американкой; и подъ «свѣтлымъ небомъ Италіи» у него тотъ же тонъ, тотъ же мрачный вдумчивый юморъ и та же фантастика.

Готорнъ ум. въ 1864 г. [6]).

Большимъ успѣхомъ пользуется до сихъ поръ на всѣхъ языкахъ дѣтская книга Готорна: «Книга чудесъ» (The Wonder-Book for Girls and Boys 1851 г.), представляющая юмористическій пересказъ главнѣйшихъ греческихъ миѳовъ, часто переходящій въ пародію. Масса американскихъ и европейскихъ дѣтей только въ этой передѣлкѣ и знаютъ самыя поэтичныя въ мірѣ сказанія, стало быть, знаютъ ихъ изувѣченными; конечно, для образовательныхъ цѣлей лучше знать ихъ хоть какъ-нибудь, чѣмъ не знать вовсе... Впрочемъ, успѣхъ книги Готорна

---

[1]) Совр. 1852, № 9 и слѣд.

[2]) Ibid. 1856, №№ 9 и 10 и отдѣльно Спб. 1856 г.

[3]) Одинъ изъ критиковъ, сравнивая ихъ, называетъ Бальзака профессоромъ, который разсѣкаетъ трупъ чужого человѣка, а Готорна — врачемъ, который вскрываетъ трупъ друга.

[4]) Наприм. замурованный скелетъ сохраняетъ въ рукѣ своей запродажную запись, отъ которой зависитъ исходъ процесса, и т. п.

[5]) Изложенъ въ Соврем. 1860, № 12, см. Иностр. литература. Въ Америкѣ онъ явился подъ именемъ: The marble Faun.

[6]) О немъ см. въ Совр. 1860 г., № 10 (Иностр. лит.). Повѣсти его переводились въ 50-хъ годахъ въ Соврем. (1853, №№ 7, 10), Библ. д. Чт. (1856, т. 140, 1857, т. 143 и др.), Русск. Вѣстн. (1857, № 7) и др.

обусловливается не этимъ уродованіемъ миѳологіи, а внутреннимъ достоинствомъ самой книги.

С. Америка въ серединѣ столѣтія дала такой характерный образецъ тенденціознаго романа, какого нѣтъ ни въ одной изъ старыхъ и болѣе развитыхъ литературъ: разумѣемъ «Хижину дяди Тома».

Авторъ его г-жа Стоу, болѣе извѣстная подъ двойной фамиліей Бичеръ-Стоу (Harriet Elisabeth Beecher-Stowe), была дочь пастора, знаменитаго проповѣдника Лиманъ-Бичера; она род. въ 1812 г., получила хорошее, строго-моральное образованіе и уже съ 15 лѣтъ начала педагогическую карьеру въ качествѣ помощницы своей сестры, которая содержала пансіонъ. 24 лѣтъ она вышла замужъ за богослова профессора Стоу. Въ 40-хъ годахъ она печатала повѣсти и сказки, которыя собрала въ 1849 г. подъ заглавіемъ: «Майскіе цвѣты» (The May Flowers); завлеченная чрезъ мужа и отца, которые подверглись преслѣдованію, какъ аболиціонисты, въ борьбу противъ невольничества, она напечатала рядъ разсказовъ изъ жизни рабовладѣльческихъ штатовъ, изъ которыхъ въ 1852 г. составила романъ: «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's Cabin). Успѣхъ былъ грандіозный: въ первый же годъ романъ разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (въ одной Англіи онъ былъ переизданъ 35 разъ) и былъ переведенъ на 19 языковъ (на нѣмецкомъ почти одновременно вышло 5 различныхъ переводовъ); онъ былъ около 20 разъ передѣланъ въ форму драмы, и нѣкоторыя изъ этихъ передѣлокъ до сихъ поръ держатся на «народныхъ» сценахъ.

«Хижина дяди Тома» далеко не геніальное произведеніе: психологіи въ немъ нѣтъ, мораль азбучная, характеристики односторонни и набросаны слишкомъ широкими мазками, фабула грѣшитъ явными преувеличеніями *); тѣмъ не менѣе, успѣхъ книги, въ разгаръ борьбы противъ рабства, вполнѣ понятенъ: она вся проникнута горячимъ и искреннимъ чувствомъ, обращена къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы; а написана она живо, ловко, увлекательно, какъ лучшій изъ романовъ Дюма-отца.

Послѣдующія произведенія г-жи Стоу **) читались, какъ говорится, «на-расхватъ», но только потому, что на нихъ стояло знаменитое имя: сами по себѣ они не выходятъ изъ рамокъ средняго литературнаго дарованія.

Въ 50-хъ же годахъ г-жа Стоу вмѣстѣ съ мужемъ и братомъ

*) Хотя авторъ въ книжкѣ: „Ключъ къ хижинѣ дяди Тома“ (Key to Uncle Tom's Cabin) и брался доказать историческую достовѣрность всѣхъ отдѣльно взятыхъ фактовъ.

**) По-русски см. „Дядя Томъ“, Совр. 1853, № 9. „Ольдтоунскіе старожилы“, Заря 1870, №№ 1—5, и др.

ѣздила въ Европу и потомъ очень живо описала свою поѣздку *). О ея несчастномъ участіи въ дѣлѣ Байрона было говорено выше. Это дѣло сильно повредило ея литературной репутаціи, и въ послѣдніе годы жизни (она ум. въ 1872 г.) она далеко не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ прежде. Но «Хижина дяди Тома» будетъ еще долго читаться съ интересомъ и приносить пользу низшему слою интеллигенціи.

Изъ тенденціозно-реальныхъ романистовъ послѣдующаго поколѣнія извѣстнѣй другихъ Бейярдъ Тейлоръ (Taylor). Онъ род. въ 1825 г., получилъ солидное образованіе, въ 1844 г. былъ въ Европѣ, по возвращеніи былъ извѣстнымъ журналистомъ, писалъ хорошіе стихи, показывающіе богатую фантазію, много путешествовалъ по Азіи, въ 1863 г. былъ дипломатическимъ агентомъ въ Петербургѣ, а въ 1878 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, но, по пріѣздѣ туда, заболѣлъ и умеръ.

Его романъ Ханна Торстонъ **), въ продолженіе 10 мѣсяцевъ выдержавшій 13 изданій, посвященъ рѣшенію женскаго вопроса, какъ его понимаютъ въ Америкѣ. Авторъ убѣжденъ, что для женщины необходимо широкое образованіе и большое, но особое женское развитіе. Его героиня, стоявшая во главѣ партіи прогресса, успокоивается только въ семейной жизни. Нравы американской провинціи воспроизведены въ этомъ и въ послѣдующихъ его романахъ чрезвычайно живо и съ большимъ юморомъ.

На нашихъ глазахъ с. Америка вступаетъ въ новый и плодотворный фазисъ своего развитія: ея многочисленные университеты становятся все болѣе и болѣе достойными этого названія; американская молодежь, окончивъ въ нихъ курсъ, ѣдетъ въ Германію и тамъ серьезно занимается наукой. Отрасли знанія, недавно совсѣмъ не привлекавшія американцевъ, въ послѣднее время находятъ между ними усердныхъ и способныхъ работниковъ ***); въ американскомъ искусствѣ замѣчается сильное движеніе.

Въ наши же дни тамъ явился высоко-даровитый поэтъ, безусловно національный по воспитанію, по поэтическимъ пріемамъ, по міровоззрѣнію, даже по языку, испещренному американизмами. Онъ вноситъ въ міровую литературу нѣчто специфически-американское: соединеніе трагизма и юмора — по опредѣленію однихъ, соединеніе художественной правды съ исторической — по опредѣленію другихъ; онъ уже успѣлъ образовать особую школу и, можетъ быть, съ нея начнется американская литература, совершенно отдѣльная отъ англійской. Мы разумѣемъ, конечно, Бретъ-Гарта, который вторично открылъ золото въ Калифорніи, золото любви, превращающей дикаго

*) Ея «Свѣтлыя воспоминанія о чужихъ краяхъ» см. въ Библ. д. Чт. 1857 г. тт. 141—146.

**) Hannah Thorston 1863 г. По-русски см. Совр. 1864, № 7 и слѣд. Ср. ibid. 1865, № 1, см. статью: „Американскіе нравы“.

***) Не говоря уже объ изученіи народности (folk lore), объ археологіи, о романскихъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, даже византологія находитъ тамъ любителей.

двуногаго звѣря въ истиннаго ученика Христова, готоваго положить душу свою за други своя. Никому до него не удавалось такъ вѣрно и такъ привлекательно изобразить переходъ отъ жизни узко-эгоистической въ жизнь, гдѣ господствуютъ великіе этическіе принципы, и онъ даже одинъ могъ бы оправдать въ глазахъ потомства поэзію нашего времени отъ поголовнаго обвиненія въ безотрадномъ пессимизмѣ. Но, какъ извѣстно, Бретъ-Гартъ находится въ полномъ расцвѣтѣ своей творческой дѣятельности, и потому пока составляетъ предметъ критики, а не исторіи литературы *).

ГЛАВА IX.

Нѣмецкая литература въ послѣдніе десятилѣтія.

«Молодая Германія», до которой дошли мы въ III главѣ, вызвана къ жизни реакціей, безраздѣльно царившей въ Германіи до 1830 г. и съ легкими послабленіями—до 1848 г. Эта реакція еще до іюльской революціи примирила либеральную часть нѣмецкаго общества съ недавнимъ смертельнымъ врагомъ, Франціей, усыпила патріотизмъ и придала нѣмецкой мысли космополитическій характеръ. Ничтожество бо́льшей части нѣмецкихъ правительствъ во внѣшнихъ дѣлахъ и ихъ угнетательная система внутри страны развивали иронію, не философскую, парящую надъ міромъ иронію романтиковъ, а иронію энергичную и вполнѣ реальную, не пропускавшую безъ замѣчанія ни одного выдающагося явленія обыденной жизни. Когда-то сантиментальные и серьезные нѣмцы стремятся превзойти французовъ въ ядовитыхъ насмѣшкахъ надъ всякими высокими чувствами и надъ собственнымъ недавнимъ увлеченіемъ.

Извѣстіе объ іюльскихъ дняхъ было ближайшимъ поводомъ къ

*) Francis Bret-Harte род. въ 1839 г. въ Нью-Іоркскомъ штатѣ и былъ сынъ учителя; получивъ кое-какое образованіе, онъ 15 лѣтъ отправился искать счастье въ Калифорнію, былъ тамъ и золотоискателемъ, и учителемъ, и почтальономъ, потомъ сдѣлался наборщикомъ въ газетѣ Golden Era (въ С. Франциско) и прошелъ въ ней всѣ должности до соредактора включительно. Пріобрѣтя извѣстность своими повѣстями и очерками, онъ получилъ каѳедру по исторіи литературы въ С. Франциско; въ 1871 г. онъ закончилъ свою преподавательскую дѣятельность и снова переселился на востокъ с. Америки, а въ 1877 г. поѣхалъ въ Европу. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 5 томахъ въ 1881 г.; но съ тѣхъ поръ появилось уже много новаго.

См. изъ него между прочимъ Вѣстн. Евр. 1884, № 10; а изъ прежняго: „Габріэль Конрой“ Отеч. Зап. 1876, № 10. Также см. Вѣстн. Евр. 1873, № 10 „Природа и люди въ Америкѣ“ и др.

Большой славой пользуются чрезвычайно остроумныя повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта. См. ихъ Вѣстн. Евр. 1873, №№ 3 и 4.

тому, что бродившіе до тѣхъ поръ элементы сложились въ опредѣленную школу съ ясно намѣченными цѣлями. Революція въ Парижѣ показала, что дѣло реакціи, создававшееся цѣлыя 15 лѣтъ, можно разрушить въ 3 дня. Сочли это возможнымъ и въ Германіи, и талантливая молодежь спѣшитъ бросить идеальное для реальнаго, прошлое для настоящаго, науку для политики и стремится обратить всю литературу въ орудіе для пропаганды либерализма и объединенія Германіи.

Старшій изъ членовъ «Молодой Германіи», разрабатывавшій преимущественно ея политическую программу — Людвигъ Бёрне (Börne). Онъ род. въ 1786 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ въ еврейскомъ далеко не бѣдномъ семействѣ. Къ еврейскимъ священнымъ книгамъ, за которыя его засадили въ дѣтствѣ, мальчикъ относился очень скептически, а въ гиссенской гимназіи учился усердно и много читалъ, особенно Ж. П. Рихтера. 16 лѣтъ отъ роду онъ былъ отправленъ учиться въ Берлинъ къ знаменитому врачу еврею Герцу, жена котораго, энергичная и умная красавица Генріэтта Герцъ, играла видную роль въ берлинской интеллигенціи. Берне влюбился въ нее и подчинился ея вліянію; въ письмахъ, которыя онъ писалъ ей изъ Галле, уже виденъ будущій политическій агитаторъ. Когда Наполеонъ далъ евреямъ гражданскія права, Берне перешелъ на юридическій факультетъ въ Гейдельбергъ, а потомъ въ Гиссенъ и, по окончаніи курса въ 1811 г., получилъ мѣсто актуарія въ родномъ городѣ и тогда же сталъ сотрудничать въ газетахъ, ратуя за освобожденіе Германіи. Возстановленіе стараго порядка лишило его службы, и онъ принужденъ былъ ограничиться одною литературой, въ которой теперь онъ сражается за евреевъ и за свободу мысли; за либеральное направленіе своихъ статей онъ былъ арестованъ, но оправданъ по суду. Въ 1817 г. онъ переходитъ въ христіанство и въ слѣдующемъ году начинаетъ издавать собственный журналъ «Вѣсы» (Die Wage), посвященный главнымъ образомъ литературной и театральной критикѣ. Но критика для Бёрне служитъ только маской и средствомъ обмануть цензуру; по существу же его критическія статьи — чистая публицистика, стремящаяся пробудить нѣмецкое общество изъ его апатіи. Въ 1820 г. онъ, по порученію извѣстнаго издателя Котта, отправился въ Парижъ; по возвращеніи оттуда онъ заболѣлъ, издержалъ всѣ свои деньги и принужденъ былъ просить помощи у отца, который былъ очень недоволенъ его литературной дѣятельностью. Около этого времени Меттернихъ, знавшій его семейство, предложилъ ему выгодное мѣсто и полную независимость отъ цензуры (конечно, въ надеждѣ, что почтенный «совѣтникъ» не будетъ писать ничего вреднаго), но Л. Бёрне на-отрѣзъ отказался. Нѣсколько лѣтъ онъ

былъ принужденъ скитаться изъ города въ городъ, пока смерть отца въ 1827 г. не сдѣлала его состоятельнымъ человѣкомъ. Въ 1829 г. онъ началъ печатать собраніе своихъ сочиненій, значеніе которыхъ очень подняла іюльская революція. Она же побудила Бёрне переселиться въ Парижъ; отсюда онъ писалъ свои знаменитыя «Парижскія письма»*), въ которыхъ склонялся отъ либерализма къ радикализму. Послѣ многихъ горькихъ разочарованій онъ умеръ тамъ же, въ Парижѣ, въ 1837 г. Его соотечественники поставили ему памятникъ на кладбищѣ отца Лашеза **).

И горячіе поклонники Бёрне должны сознаться, что, какъ критикъ, онъ не могъ имѣть благотворнаго вліянія, такъ какъ, не стѣсняясь, проявляетъ крайнюю тенденціозность; по его убѣжденію, все, что не либерально, никуда не годится. Вмѣстѣ съ Менцелемъ, котораго онъ же потомъ «истребилъ» въ своей знаменитой по ѣдкости сарказма книжкѣ: «Менцель—Французоѣдъ», онъ если не открываетъ, то продолжаетъ походъ противъ «холодной и эгоистичной» поэзіи Гёте (открыли этотъ походъ піэтисты противъ язычника Гёте и романтики противъ классика Гёте). Вильг. Телля Шиллера онъ считаетъ ни больше, ни меньше, какъ филистеромъ; онъ не хочетъ понять Гейне, какъ художника, и подконецъ расходится съ нимъ потому, что поклоненіе искусству и красотѣ формы противорѣчитъ, по его убѣжденію, почитанію истины.

Такая узкость взгляда объясняется отчасти недостаткомъ эстетическаго чувства ***), главнымъ же образомъ его чисто публицистическими наклонностями. Какъ публицистъ, Бёрне въ Германіи не имѣетъ себѣ равнаго; онъ писатель честный, неподкупный, откровенный, умѣющій любить и ненавидѣть; никогда для «краснаго словца» онъ не поступится малѣйшей крупинкой того, что считаетъ истиной,

*) Они были написаны первоначально къ его преданной подругѣ Жаннеттѣ Воль, которая въ продолженіе 20 слишкомъ лѣтъ пользовалась его безграничнымъ довѣріемъ; когда она вышла замужъ за Штрауса, Б. пріобрѣлъ въ лицѣ ея мужа новаго друга.

**) Книга Гейне о Берне, какъ извѣстно, грѣшитъ пристрастіемъ вслѣдствіе личнаго раздраженія противъ Берне; больше истины въ Börne's Leben Гуцкова (1840), но и въ ней есть пристрастіе, только въ обратную сторону. Изъ монографій послѣдняго времени см. M. Holzmann: L. Börne, Sein Leben u. Wirken. Berl. 1888.

По-франц. см. Revue d. d. M. 1849 г. 15 февр. ст. Saint-René Taillandier Louis Berne, sa vie et ses écrits.

По-русски хорошо (по Гуцкову) составленная его біографія при изд. Тиблена. Ср. Вѣст. Евр. 1870 г. № 3 и слѣд. ст. Евг. Утина.

***) Демократъ Бёрне отказывался понять красоту народной поэзіи. Но какъ умный человѣкъ. онъ въ своихъ „Драматическихъ Листахъ" (Dram. Blätter) иногда дѣлаетъ очень тонкія замѣчанія относительно противорѣчій извѣстнаго произведенія съ дѣйствительностью, и такъ какъ они высказаны очень остроумно, то принесли въ свое время пользу нѣмецкой драмѣ.

а между тѣмъ онъ пишетъ необыкновенно сильно и красиво и въ то же время является однимъ изъ первыхъ юмористовъ Германіи; но красота его выраженій и его юморъ совсѣмъ иного свойства, чѣмъ у Гейне: первая исходитъ изъ горячности его убѣжденій, второй безусловно свободенъ отъ всякой тѣни фривольности. Какъ многіе горячо убѣжденные люди, онъ не отличается дальновидностью въ политикѣ, такъ какъ не хочетъ видѣть въ будущемъ ничего неблагопріятнаго для своихъ идей.

Въ развитіи идей Молодой Германіи вышеупомянутый Менцель игралъ двоякую роль: сперва какъ одинъ изъ первыхъ проводниковъ этихъ идей, потомъ какъ озлобленный противникъ, на которомъ энергичные поборники ихъ пробовали силу своихъ ударовъ. Вольфгангъ Менцель род. въ 1798 г., учился въ Іенѣ и въ Боннѣ философіи и исторіи, принадлежалъ къ буршеншафтству и настолько былъ проникнутъ буршеншафтскими идеями, что не думалъ идти на службу, а хотѣлъ остаться жить свободнымъ литераторомъ. Въ 1820—1824 г. онъ былъ учителемъ, въ 1825 г. переѣхалъ въ Штутгартъ и принялъ на себя редакцію „Литературной Газеты"; въ ней началъ онъ свои нападенія на Гёте, котораго отождествлялъ съ сервилизмомъ реставраціи. Онъ былъ замѣченъ, былъ избранъ въ вюртенбергскую камеру и въ ней принадлежалъ первоначально къ либеральной партіи. Только послѣ 1830 г. онъ круто повернулъ въ сторону и въ своихъ бойко написанныхъ статьяхъ сталъ нападать на французоманію нѣмецкихъ либераловъ. Ѣдкіе отвѣты противниковъ увлекли его до литературныхъ доносовъ, а обличеніе послѣднихъ надолго сдѣлало его „притчей во языцѣхъ"; его бранили и тѣ, кто не читалъ ни одной его строчки. Онъ ум. въ 1873 г. Какъ поэтъ и романистъ, онъ подражатель Ж. Поля и романтиковъ. Какъ историкъ литературы (Deutsche Litteratur, первое изд. Stugart. 1827 г.), онъ крайне одностороненъ *).

Знаменитый указъ германскаго союза отъ 10 декабря 1835 года **), поставившій Гейне во главѣ Молодой Германіи, былъ болѣе милостивъ и справедливъ къ ней, нежели иные критики и въ томъ числѣ Брандесъ, который ***) выдѣляетъ изъ нея Гейне, и главныхъ дѣятелей школы характеризуетъ, какъ «добрыхъ людей, но плохихъ музыкантовъ», у которыхъ много усердія, но мало умѣнья. Какъ можетъ существовать литературная школа, не имѣющая въ средѣ

*) См. объ немъ Бѣлинскій III, 285 и слѣд. „Менцель, критикъ Гёте".

**) См. текстъ его у G. Brandes: Die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts VI Bd. Lpz. 1891, стр. 278—9.

Названіе „Молодой Германія" впервые появилось въ 1834 г. въ книжкѣ приватъ-доцента Винберга (Wienberg род. 1803 г.), вышедшей подъ воинственнымъ заглавіемъ: Aestetische Feldzüge: въ ней набрасывалась программа новаго свободнаго и по содержанію и по формѣ искусства, которое должно соединить въ себѣ чувственное и духовное. Книжка посвящалась Молодой Германіи, но члены послѣдней не перечислялись. Это сдѣлалъ вышеозначенный указъ, запрещавшій издавать и распространять произведенія писателей, „извѣстныхъ подъ именемъ „Молодой Германіи": Гейне, Гуцкова, Лаубе, Винберга и пр., ибо означенные писатели нападаютъ на религію, общественное устройство и нравственность".

***) о. с. Гл. XXI.

своей ни одного выдающагося таланта? Гейне слишкомъ крупная литературная величина, чтобы войти всецѣло въ рамки школы, и кромѣ того его «Книга Пѣсенъ» и даже «Путевыя Картины» вышли раньше, нежели явилась на свѣтъ Молодая Германія; но, тѣмъ не менѣе, она имѣла полное право считать его вначалѣ своимъ знаменоносцемъ, такъ какъ онъ былъ единственный истинно даровитый поэтъ, осуществлявшій ея мечты: начавъ съ романтизма, въ лучшую пору своего творчества онъ относился одинаково отрицательно и къ классикамъ, и къ романтикамъ, и стремился заставить поэзію служить жизненнымъ цѣлямъ. Онъ разошелся съ прежними соратниками только въ концѣ своей дѣятельности, когда художникъ и мыслитель взялъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ партіи.

Гейне принадлежалъ къ старинной, довольно многочисленной и разсѣянной по разнымъ городамъ Европы еврейской фамиліи, между членами которой встрѣчались и бѣдняки, и милліонеры. Родной дядя поэта, Соломонъ, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Германіи. Далеко не въ такой степени повезло отцу поэта, Самсону, тоже человѣку очень способному, художнику въ душѣ, принужденному жить торговлей. Самсонъ поселился въ Дюссельдорфѣ и открылъ тамъ магазинъ съ краснымъ товаромъ. Въ Дюссельдорфѣ жилъ докторъ еврей, человѣкъ довольно состоятельный, за свое искусство возведенный въ дворянское достоинство, Гельдернъ; на его младшей дочери Елизаветѣ женился Самсонъ Гейне. 13 декабря 1799 г. родился у него сынъ, названный, въ честь одного изъ англійскихъ друзей отца, Гарри.

Поэтъ Гейне, какъ большинство поэтовъ, въ раннемъ дѣтствѣ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ матери, женщины очень замѣчательной. Въ домѣ отца, который она покинула, сравнительно, поздно, она получила отличное, не женски серьезное образованіе. Горячая поклонница Руссо, она начинала воспитаніе дѣтей съ перваго дня ихъ рожденія; воспитанница медика и естествовѣда, она старалась держать какъ можно дальше отъ всего фантастическаго, удаляла отъ нихъ съ одинаковой энергіей и суевѣріе, и поэзію. Къ счастію для развитія поэтическаго таланта Гейне, ея вліяніе въ этомъ отношеніи парализовалось природной наклонностью ребенка и обстоятельствами: ея братъ, страстный, хотя неудачный публицистъ, открылъ ребенку богатую библіотеку своего отца; не могла мать предохранить своего первенца отъ знакомства съ семейными преданіями, въ которыхъ, между прочимъ, видную роль играла фантастическая личность ея родного дяди, долго странствовавшаго по востоку и послѣ многихъ приключеній бѣжавшаго въ Англію; занятая сложнымъ хозяйствомъ, она не могла наконецъ предохранить его отъ пѣсенъ и сказокъ прислуги.

До 10 лѣтъ Гарри учился дома и въ частной еврейской школѣ, а 10-ти лѣтъ поступилъ въ лицей, гдѣ получилъ довольно порядочное классическое образованіе и выучился не дурно по-французски. Первая книга, прочтенная имъ добровольно, для собственнаго удовольствія, былъ Донъ-Кихотъ, въ переводѣ Тика; первый философъ, изученію котораго онъ предался подъ вліяніемъ одного изъ товарищей, былъ Спиноза.

По окончаніи курса въ лицеѣ (1815 г.), Гейне мечталъ поступить въ университетъ; но родители его были не настолько состоятельны, чтобы содержать тамъ сына, и Гейне поступилъ на службу въ банкирскую контору во Франкфуртъ, а оттуда переѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ жилъ его дядя Соломонъ. Дядя далъ ему

средства завести собственную коммиссіонерскую контору на компанейскихъ началахъ; но дѣла пошли плохо, и контора скоро ликвидировала ихъ. Увидавъ непригодность племянника къ торговлѣ, Соломонъ взялся содержать его три года въ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, чтобы онъ могъ потомъ сдѣлаться адвокатомъ. Въ Гамбургѣ Гейне влюбился въ одну изъ своихъ кузинъ, впослѣдствіи вышедшую замужъ за другого и несчастную въ замужествѣ; тамъ же въ Гамбургѣ Гейне напечаталъ въ мѣстной газетѣ нѣсколько стихотвореній. Тенденція ихъ—самый романтическій плачъ о среднихъ вѣкахъ, но и здѣсь уже встрѣчаются ироническія антитезы и поражаетъ умѣнье мастерски заострить свою мысль.

Позанявшись древними языками, Гейне въ 1819 г. выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ боннскаго университета.

Но Гейне въ это время мало, къ огорченію родныхъ, занимался предметами своего факультета; за то охотно посѣщалъ онъ лекціи факультета философскаго. Наиболѣе сильное вліяніе оказали на него Августъ Шлегель и преподаватели исторіи и нѣмецкой литературы. У Шлегеля собирались многіе художники и профессора; студентамъ не легко было попасть въ этотъ салонъ, но Гейне, какъ поэтъ, скоро получилъ туда доступъ. Шлегель закрѣпилъ романтическія стремленія Гейне и совѣтовалъ ему заняться отдѣлкою стиха.

Въ это же время Гейне написалъ нѣсколько критическихъ статей, начатыхъ какъ бы въ защиту романтической школы. Юный авторъ исходитъ изъ убѣжденія, что французскій классицизмъ несомнѣнно ложное направленіе, но и нѣмецкіе классики, столь прославленные, слишкомъ сильно увлекшись чистымъ искусствомъ, черезъ чуръ вдались въ эллинизмъ и игнорировали дѣйствительную жизнь. Романтическая школа стоитъ на болѣе твердой почвѣ; это первая національная школа: но и романтики грѣшатъ односторонностью. Новая поэзія должна соединить пластичность истинныхъ классиковъ съ національнымъ духомъ поэзіи романтиковъ.

Въ 1820 г. Гейне перешелъ въ гёттингенскій университетъ, гдѣ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ слушателей извѣстнаго германиста Бенеке. Его занятія въ Гёттингенѣ были прерваны насильственно, такъ какъ университетскій судъ исключилъ его на полгода за вызовъ на дуэль. Тогда Гейне перешелъ въ Берлинъ. Берлинскій университетъ въ это время имѣлъ цѣлый рядъ знаменитыхъ преподавателей, въ томъ числѣ Гегеля и Боппа, основателя сравнительнаго языкознанія. Общество берлинское отличалось изобиліемъ салоновъ, гдѣ интересъ дня составляли философія, поэзія и искусство.

Первый салонъ, въ который попалъ Гейне, былъ салонъ Рахили Левинъ, безусловной поклонницы Гёте. Рахиль, въ это время уже 50-лѣтняя женщина, имѣла на Гейне сильное вліяніе: она заставила его отнестись съ большимъ вниманіемъ и симпатіей къ произведеніямъ „великаго язычника“.

Въ Берлинѣ Гейне издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній; 40 даровыхъ экземпляровъ составляли весь его гонораръ. Критика обратила на него вниманіе: она признала въ его произведеніяхъ присутствіе самобытной мысли и въ немъ самомъ полезнаго для Германіи, „думающаго“ поэта средняго сословія, которымъ незаслуженно пренебрегали романтики, вдохновлявшіеся только аристократіей.

Въ апрѣлѣ 1823 г. вышли двѣ трагедіи Гейне: „Ратклифъ“ и „Альмансоръ“, бывшія, такъ сказать, послѣднимъ словомъ романтической драмы. Вторая изъ нихъ имѣетъ отношеніе къ общественному положенію поэта: она изображаетъ въ черныхъ краскахъ отступниковъ отъ религіи отцовъ, переходящихъ въ христіанство изъ практическихъ цѣлей. Ратклифъ никогда не былъ поставленъ, а Альмансора давали въ Брауншвейгѣ съ значительными сокращеніями и урѣзками; но пьеса

была освистана раньше окончанія изъ-за національности автора. Въ то время въ Берлинѣ существовало общество для научной культуры евреевъ (Verein für Cultur und Wissenschaft der Juden), основанное въ 1819 году. Общество исходило изъ убѣжденія, что въ антагонизмѣ христіанъ и евреевъ, въ преслѣдованіяхъ и безправіи послѣднихъ, виноваты обѣ стороны, что антипатія къ евреямъ будетъ имѣть основаніе до тѣхъ поръ, пока они будутъ рѣзко отличаться своимъ языкомъ, одеждой, нравами, будутъ, короче сказать, составлять государство въ государствѣ и при этомъ будутъ отдаваться антипатичнымъ непроизводительнымъ занятіямъ. Общество поставило себѣ цѣлью сравнять въ образованіи молодое еврейское поколѣніе съ христіанами, препятствовать, по возможности, обособленію евреевъ въ языкѣ и нравахъ и, отвлекая евреевъ отъ „гешефтовъ", доставлять имъ другія, болѣе производительныя занятія. Общество открыло нѣсколько школъ для еврейскихъ дѣтей, гдѣ преподаваніе производилось на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ и на основахъ, принятыхъ въ школахъ христіанскихъ; кромѣ того, для взрослыхъ оно открыло курсы публичныхъ лекцій и научный журналъ, гдѣ, между прочимъ, энергично разрабатывалась исторія еврейства. Гейне примкнулъ къ „молодой Палестинѣ"— таково было уличное названіе общества,—близко сошелся съ нѣкоторыми ея руководителями и содѣйствовалъ ея цѣлямъ преподаваніемъ исторіи въ одной изъ школъ. Общество, однако, существовало недолго; богатые евреи не давали средствъ, не сочувствуя его цѣлямъ; „старозавѣтные" евреи находили, что „молодая Палестина" грозитъ уничтожить еврейство, и ея воспитанники или перейдутъ въ христіанство, или впадутъ въ атеизмъ; а прусское правительство косо смотрѣло на всякія общества и ассоціаціи. Послѣ этой неудачи, Гейне въ первый разъ началъ подумывать, не переселиться ли ему навсегда во Францію, чтобы служить посредникомъ между двумя передовыми странами Европы?

Въ 1823 г. Гейне навѣстилъ своихъ родителей, которые проживали въ это время въ Люнебургѣ, и съѣздилъ въ Гамбургъ къ дядѣ, чтобы уговорить его продолжить студенческую стипендію. Въ 1824 г. умеръ Байронъ, и смерть его довольно сильно подѣйствовала на Гейне, который считалъ себя однимъ изъ его послѣдователей. Въ послѣдній годъ студенчества, проведенный въ Гёттингенѣ, Гейне совершилъ путешествіе по Гарцу пѣшкомъ. Въ это же время былъ онъ въ Іенѣ и Веймарѣ, и посѣтилъ Гёте, который принялъ его вѣжливо, но сухо.

Въ 1825 г. 3-го мая Гейне выдержалъ въ Гёттингенѣ экзаменъ на доктора юридическихъ наукъ, а черезъ полтора мѣсяца защитилъ тезисы. Черезъ нѣсколько недѣль онъ, почти тайкомъ, перешелъ въ христіанство, не безъ колебаній и сомнѣній.

Въ ноябрѣ 1825 г. Гейне пріѣхалъ въ Гамбургъ, намѣреваясь, тамъ заняться адвокатурой, но не привелъ въ исполненіе своего намѣренія: во-первыхъ, онъ чувствовалъ антипатію къ юриспруденціи, а во-вторыхъ, онъ сознавалъ свои силы для иного назначенія. Зато въ Гамбургѣ онъ окончилъ свое „Путешествіе по Гарцу" (Harzreise) и тамъ же нашелъ для него издателя въ лицѣ Кампе, который и остался его издателемъ навсегда.

„Путешествіе по Гарцу" имѣло огромный успѣхъ; даже друзья Гейне не ожидали отъ него ничего подобнаго, такъ какъ считали его только способнымъ къ невинной въ политическомъ смыслѣ и неглубокой по содержанію лирикѣ. Въ 1827 г. онъ издалъ продолженіе „Путевыхъ картинъ", которое еще яснѣе опредѣлило его направленіе; книга была запрещена сперва въ Ганноверѣ, потомъ въ Австріи и въ Пруссіи. Критика разбранила ее, отчасти въ угоду правительствамъ, отчасти искренно, за нарушеніе всѣхъ литературныхъ формъ и приличій; но

публика была въ восторгѣ, не говоря уже про либеральную молодежь; сами цензоры и полицейскіе чиновники зачитывались ею.

Этотъ успѣхъ заставилъ Гейне серьезно готовиться къ поприщу политическаго писателя; для пріобрѣтенія политическаго такта и для ознакомленія съ лучшей конституціей въ мірѣ, Гейне отправился въ Англію. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщалъ засѣданія парламента и прислушивался къ политическимъ дебатамъ. Изъ Англіи онъ вынесъ страшную ненависть къ Веллингтону, который „имѣлъ несчастіе быть счастливымъ тамъ, гдѣ гибли великіе люди". По возвращеніи изъ Англіи, онъ напечаталъ второе изданіе своихъ стихотвореній, прибавивъ къ старымъ много новыхъ.

Баронъ Котта пригласилъ Гейне къ участію въ либеральной баварской газетѣ: „Политическія Анналы". Гейне отправился въ Мюнхенъ и по дорогѣ, во Франкфуртѣ, видѣлся съ Бёрне, съ которымъ сошелся довольно близко: у нихъ было немного общихъ симпатій, но были сильныя сходныя антипатіи: они въ одинаковой степени ненавидѣли средніе вѣка, „гетеанизмъ", научное педантство и такъ-называемое чистое искусство. Котта ждалъ Гейне съ нетерпѣніемъ и сразу предложилъ ему 2,000 гульденовъ въ годъ безъ опредѣленныхъ занятій по редакціи и съ особой платой за статьи. Но Гейне не торопился отдать себя газетѣ: онъ связалъ себя обязательствомъ только на полгода, работалъ для газеты мало и подыскивалъ казенное мѣсто. Въ это время Людовикъ Баварскій открылъ въ Мюнхенѣ университетъ и подбиралъ профессоровъ либеральнаго направленія. Гейне сталъ добиваться каѳедры; онъ хлопоталъ о ней черезъ Котту, черезъ министра и черезъ извѣстнаго русскаго писателя Тютчева, который занималъ при баварскомъ дворѣ дипломатическій постъ. Вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ, Гейне отправился въ Италію, надѣясь, что извѣстіе о назначеніи его профессоромъ догонитъ его во Флоренціи, гдѣ онъ оставался довольно долго. Надежды Гейне не сбылись, повидимому, вслѣдствіе происковъ клерикаловъ, которые считали великимъ скандаломъ допустить на каѳедру католическаго университета крещенаго еврея, сильно заподозрѣннаго въ атеизмѣ.

Изъ Флоренціи Гейне вернулся на родину, куда призывала его смертельная болѣзнь отца. Слѣдующіе два года онъ жилъ то въ Гамбургѣ, то въ Берлинѣ и издалъ третій томъ своихъ „Reisebilder", въ которомъ политическая окраска еще сильнѣе, нежели въ первомъ и во второмъ. Не имѣя послѣ этого возможности разсчитывать на безопасность въ Берлинѣ, онъ провелъ зиму 1829—30 гг. въ Гамбургѣ, гдѣ въ такой сильной мѣрѣ предавался веселостямъ жизни вольнаго города, что разстроилъ свое здоровье. Ранней весной переѣхалъ онъ на дачу и весь отдался изученію французской революціи, точно предчувствуя будущія событія, „подобно тому, какъ птица предчувствуетъ бурю", какъ самъ объяснялъ онъ впослѣдствіи. Ради морскихъ купаній, онъ отправился на островъ Гельголандъ и здѣсь получилъ извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ. Онъ сейчасъ же оставилъ островъ и переѣхалъ на материкъ въ ожиданіи, что за Парижемъ поднимется и вся Европа. Надежды его, какъ извѣстно, не сбылись, и Германія не успѣла даже пошумѣть вдоволь. Тогда Гейне снова пустился на поиски мѣста; онъ даже готовъ былъ принять службу въ меттерниховской Вѣнѣ, намѣреваясь въ этомъ случаѣ оставить политику и вернуться къ невинной поэзіи; онъ даже думалъ о мѣстѣ гамбургскаго синдика. Но у него было много враговъ, не довѣрявшихъ его смиренію, и всѣ его исканія остались тщетными. Тогда онъ пришелъ къ заключенію, что въ Германіи ему больше дѣлать нечего и рѣшился ѣхать въ Парижъ, чтобы служить посредникомъ между Германіей и Франціей.

Въ концѣ апрѣля 1833 г. Гейне покидаетъ свою родину. За это время его

слава была упрочена, и его литературное направленіе выяснилось во всѣхъ существенныхъ чертахъ, главнымъ образомъ благодаря его Путевымъ картинамъ. Эта небольшая книга имѣла весьма важное временное, публицистическое значеніе, послуживъ интересамъ либеральной партіи болѣе, чѣмъ послужили имъ десятки серьезныхъ трактатовъ и сотни глубокомысленныхъ передовыхъ статей; но помимо этого, Reisebilder, вмѣстѣ съ „Повѣствовательными отрывками", важный историко-литературный фактъ, непосредственное вліяніе котораго, благодаря популярности книги, и теперь черезъ полстолѣтія также сильно, какъ было тогда. Reisebilder— 4-ое августа той великой литературной революціи, которая началась съ Лессинга и англійскаго семейнаго романа, а окончится развѣ при нашихъ внукахъ полнымъ разложеніемъ всѣхъ старыхъ литературныхъ формъ. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе первая часть: Путешествіе по Гарцу и Иден. Милліоны читали эту книжку и милліоны будутъ читать ее, а между тѣмъ ни одинъ самый систематическій нѣмецкій умъ не въ состояніи сказать, что̀ она такое по формѣ: поэзія? проза? описаніе? повѣствованіе? разсужденіе? Тутъ все смѣшано и въ своемъ безыскусственномъ смѣшеніи представляется стройнымъ цѣлымъ. Отбросивъ, какъ нѣчто фальшивое, всѣ авторскія замашки, всѣ литературные пріемы, умный и симпатичный человѣкъ живетъ передъ вами, смѣется и плачетъ, вспоминаетъ, думаетъ и мечтаетъ. Онъ и шутитъ, и говоритъ объ очень серьезныхъ вещахъ, но не наморщивая лба, не становясь на ходули, не повергая читателя заранѣе въ уныніе ожиданіемъ скуки, говоритъ смѣшныя вещи или умныя, будто не для увеселенія или назиданія читателя, а для своего собственнаго удовольствія. У Гейне въ этомъ отношеніи были предшественники, были и есть послѣдователи; но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такимъ талантомъ, какъ онъ, такимъ картиннымъ языкомъ, такимъ поразительнымъ остроуміемъ, такимъ умомъ и такою задушевностью, и поэтому ни одинъ не сдѣлалъ столько для демократизированія науки и поэзіи.

Самые злые враги Гейне признаютъ, что онъ остроумнѣйшій писатель нашего, столь требовательнаго въ этомъ отношеніи, вѣка; онъ умѣетъ разсмѣшить самаго мрачнаго человѣка. Чтобы смѣшить, ему не нужно выдумывать сюжета; для него довольно самаго обыденнаго явленія, въ родѣ, напр., студенческаго плохого обѣда. Вотъ какъ, напр., онъ описываетъ въ Шнабельвольскомъ такой обѣдъ:

„Первое блюдо было никакого супа. Это было ужасно для благовоспитаннаго человѣка, который, подобно мнѣ, съ юности ежедневно ѣлъ супъ и не можетъ вообразить міра, гдѣ утромъ не восходило бы солнце, а за обѣдомъ не подавался бы супъ. Второе блюдо была говядина холодная и жесткая, какъ мраморная корова древняго скульптора Мирона. На третье намъ дали треску, которая пахла человѣкомъ. Въ заключеніе явилась большая курица, которая не только не показывала желанія утолить нашъ голодъ, но сама была такъ худа и голодна, что уже изъ одного состраданія мы не могли прикоснуться къ ней". Кто удержится отъ смѣху? А черезъ двѣ стр. болѣе впечатлительные не удержатся отъ слезъ, когда поэтъ разсказываетъ, какъ умиралъ самый симпатичный изъ этой студенческой компаніи — маленькій Самсонъ, проткнутый шпагой пріятеля, котораго раздражилъ и озлобилъ этотъ голодный обѣдъ.

Гейне, можно сказать, былъ идеаломъ, полнымъ воплощеніемъ того, что лучшіе эстетики теоріи и поэзіи понимали подъ словомъ: юморъ, который опредѣлялся, какъ задушевно-теплое отношеніе къ великимъ и малымъ явленіямъ жизни, какъ сердечный смѣхъ безъ ненависти и презрѣнія къ осмѣиваемому, смѣняемый слезами безъ раздраженія и злобы къ тому, что оплакивается, какъ

способность чувствовать и воспроизводить комическое въ трагическомъ и трагическое въ комическомъ.

Гейне былъ прежде всего поэтъ по натурѣ, какъ это видно изъ его образнаго, творческаго языка, но поэтъ новой формаціи, поэтъ-гражданинъ, не могущій ограничить себя жизнью личною и объективнымъ творчествомъ, поэтъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ имъ былъ и нашъ Некрасовъ, только съ болѣе широкимъ образованіемъ и міровоззрѣніемъ и съ бо̀льшимъ талантомъ.

Начавъ свою дѣятельность съ личной лирики въ такое время, когда все дышало политической борьбой, онъ тогда слишкомъ не высоко цѣнилъ свое назначеніе и завидовалъ славѣ людей дѣла—публицистовъ, а на этомъ поприщѣ талантливыхъ людей было немного. Когда Гейне сталъ клонить въ эту сторону, его, конечно, привѣтствовали съ восторгомъ, и онъ былъ временами въ полномъ упоеніи; за то, встрѣчая неудачи, внѣшнія или внутреннія (отъ неумѣнья забить себя въ узкія рамки *дѣятеля* партіи), онъ скоро приходилъ въ отчаяніе и бранилъ себя, и въ лучшія минуты отдавался, забывъ все остальное, наслажденію творчества.

3 мая 1833 г. Гейне переѣхалъ въ Парижъ. Первыя впечатлѣнія были чрезвычайно сильныя и пріятныя, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ истинный поэтъ, умѣлъ хорошо наблюдать. Скоро получилъ онъ доступъ въ общество, гдѣ его прежде всего поразили мирныя отношенія политическихъ партій. Гейне былъ корреспондентомъ большой газеты барона Котта; въ первыхъ корреспонденціяхъ онъ выдерживалъ тонъ холоднаго наблюдателя, но скоро увлекся и сталъ жестоко порицать Людовика-Филиппа, котораго онъ называлъ: „Bürgerjesuit". Больше всего онъ негодовалъ на то, что іюльская монархія не вступается за дѣло свободы въ другихъ странахъ. Его корреспонденціи возбуждали глубокое вниманіе, благодаря прежде всего необыкновенно простому и въ то же время блестящему изложенію и благодаря тому, что онъ поэтическимъ вдохновеніемъ могъ предугадывать много такого, чего не могли открыть болѣе опытные политики.

Гейне не могъ сойтись съ нѣмецкими революціонерами, которыхъ въ то время въ Парижѣ было несмѣтное количество; онъ бывалъ на республиканскихъ сходкахъ, но часто издѣвался надъ ораторами и всегда уходилъ, когда дѣло принимало слишкомъ рѣзкій оборотъ, или когда являлась полиція. Революціонеры стали на него коситься и увѣряли, что онъ получаетъ жалованье отъ австрійскаго правительства.

Обжившись въ Парижѣ, Гейне задумалъ измѣнить направленіе своей посреднической дѣятельности; онъ рѣшилъ знакомить не нѣмцевъ съ Франціей, а французовъ съ Германіей.

Французы имѣли смутное представленіе о нѣмецкой философіи и нѣмецкой поэзіи, и отождествляли свой романтизмъ съ нѣмецкимъ. Гейне рѣшился разъяснить это недоразумѣніе и представить очеркъ умственной жизни Германіи за послѣднее столѣтіе. Книга его „Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи", вышедшая въ 1835 г., должна была служить противовѣсомъ знаменитой книгѣ M-me Сталь, которая слишкомъ сильно поддалась вліянію Шлегеля. Книга Гейне имѣла успѣхъ и популяризовала во Франціи нѣмецкую философію, которой до тѣхъ поръ французы поклонялись, такъ сказать, издали.

Въ поэзіи Гейне считается послѣднимъ романтикомъ и въ то же время первымъ реалистомъ; таковъ же онъ и въ отношеніяхъ къ женщинамъ; его идеальная и несчастная страсть къ кузинѣ, воспѣваемая имъ всю жизнь, не мѣшала ему въ Гамбургѣ и другихъ мѣстахъ увлекаться; она не помѣшала ему въ Парижѣ связать себя прочно съ женщиной, которая не могла понимать его.

Матильда Мира была совсѣмъ необразованная дѣвушка и увлекла Гейне исключительно своей физической красотой. Онъ, повидимому, покорился и уже не разставался съ Матильдою всю жизнь; въ 1839 г. онъ помѣстилъ ее въ пансіонъ, гдѣ посѣщалъ ее только по воскресеньямъ. Но и пансіонъ немного прибавилъ къ ея образованію; она не имѣла почти никакого понятія о сочиненіяхъ мужа; по-нѣмецки, послѣ многихъ уроковъ, усвоила только одну фразу: „прошу садиться"; она была очень религіозна и безмѣрно уважала патеровъ. Но у нея было доброе сердце, и она по своему любила Гейне; онъ обвѣнчался съ Матильдой передъ одной дуэлью, чтобы обезпечить ее на случай своей смерти. Въ это время Гейне получалъ отъ своего дяди Соломона пенсію въ размѣрѣ четырехъ тысячъ франковъ въ годъ; литературныя работы вмѣстѣ съ изданіемъ сочиненій приносили ему, приблизительно, столько же; тѣмъ не менѣе онъ постоянно и сильно нуждался въ деньгахъ.

Въ 1844 г. Гейне ѣздилъ въ Гамбургъ съ Матильдой, чтобы показать ее роднымъ и набраться новыхъ впечатлѣній въ покинутомъ отечествѣ. Послѣдствіемъ этой поѣздки былъ рядъ остроумныхъ политическихъ сатиръ въ стихахъ, извѣстныхъ подъ именемъ: „Зимней сказки". „Зимняя сказка" произвела фуроръ въ Германіи и въ особенности между либеральною молодежью, и Гейне сдѣлался снова самымъ моднымъ поэтомъ. Въ томъ же 1844 г. умеръ дядя Гейне, Соломонъ, въ послѣдніе годы нѣсколько увеличившій пенсію племянника. Старшій сынъ его Карлъ, унаслѣдовавшій все состояніе, отказался платить эту пенсію. Гейне пришелъ въ страшное отчаяніе: „мнѣ вонзили въ сердце ножъ", писалъ онъ по этому случаю; онъ переходилъ изъ одной крайности въ другую: то сочинялъ кузену просительныя письма, то грозилъ передать дѣло на судъ общественнаго мнѣнія. „Мой двоюродный братъ любитъ женщинъ, сигары и покой; послѣдній я отниму у него, дѣйствуя литературнымъ оружіемъ", писалъ поэтъ. Карлъ Гейне предлагалъ пенсію, но въ меньшемъ размѣрѣ, и при этомъ требовалъ, чтобы Гейне далъ обязательство никогда не задѣвать печатно своихъ родственниковъ. На обязательство поэтъ былъ согласенъ, но объ уменьшеніи пенсіи не хотѣлъ и думать. „Если бы у меня не было жены, говорилъ онъ, я бы бросилъ деньги ему въ лицо"; другой разъ онъ выражалъ готовность умереть съ голоду, а бѣдную Матильду посылалъ въ монастырь. Онъ настоятельно требовалъ всей суммы пенсіи 4,800 фр., съ тѣмъ, чтобы половина ея переходила къ его женѣ, и просилъ всѣхъ друзей хлопотать за него передъ Карломъ. Наконецъ Карлъ смилостивился: даже не дождавшись обязательства, возобновилъ высылку пенсіи, а когда черезъ годъ пріѣхалъ въ Парижъ, окончательно помирился съ Генрихомъ. Однако нѣсколько мѣсяцевъ, во время которыхъ происходили эти унизительные для поэта торги, имѣли очень вредное вліяніе на здоровье послѣдняго.

Съ самой ранней юности Гейне страдалъ нервными головными болями; къ 40 годамъ здоровье его поправилось: онъ даже сталъ полнѣть; но опасность остаться безъ куска хлѣба или по крайней мѣрѣ съ болѣе черствымъ кускомъ, нежели тотъ, къ которому онъ привыкъ, была причиною, что головныя боли опять усилились и дошли до небывалой степени. За тѣмъ послѣдовалъ рядъ какъ бы небольшихъ нервныхъ ударовъ; лѣвый глазъ его сталъ закрываться. Въ 1848 г. Гейне почувствовалъ себя до того слабымъ, что составилъ духовное завѣщаніе. Вскорѣ послѣ этого болѣзнь спиннаго мозга окончательно сложила его въ постель. Думали, что Гейне не протянетъ и года, но онъ прожилъ, не вставая съ постели, 8 лѣтъ (отъ 1848 до 1856 г.). Эти годы не были безплодны: онъ диктовалъ, заставлялъ читать себѣ вслухъ, принималъ визиты; его посѣщала масса французовъ и туристовъ изъ всѣхъ странъ; по ночамъ, во время мучительной безсонницы, онъ

карандашемъ писалъ стихи. Въ 1852 г. онъ издалъ новое полное собраніе своихъ стихотвореній, а послѣ того занимался редактированіемъ и отчасти переводомъ своихъ сочиненій на французскій языкъ.

Въ 1855 г. поэта оставилъ его секретарь, служившій ему много лѣтъ; Гейне былъ въ большомъ горѣ: онъ думалъ, что не будетъ въ состояніи работать съ другимъ. Секретаря замѣнила дѣвушка полу-француженка, полу-нѣмка, которую Гейне прозвалъ Mouche; эта дѣвушка была послѣднимъ увлеченіемъ Гейне, разумѣется,—вполнѣ идеальнымъ. Онъ чувствовалъ себя оживленнымъ въ ея присутствіи, писалъ ей стихи, готовилъ маленькіе подарки и проч.

За нѣсколько часовъ до смерти, послѣ мучительнаго трехдневнаго припадка докторъ предупредилъ его о приближающейся катастрофѣ; Гейне принялъ это извѣстіе очень спокойно. Онъ умеръ 10 февраля 1856 г.

Извѣстно, что Гейне популярнѣе среди романскихъ и славянскихъ народовъ, чѣмъ на своей родинѣ. Нѣкоторые нѣмецкіе критики объясняютъ это не къ нашей чести тѣмъ, что пониманіе его не требуетъ высокаго образованія и «благородства» (Seelenadel). Едва ли можно согласиться съ этимъ уже по одному тому, что приписывать какому бы то ни было народу нарочито большое количество благородства души, сравнительно съ другими, крайне несправедливо: у каждаго есть свое особое благородство, и узнать его удѣльный вѣсъ или вычислить его процентное отношеніе нѣтъ никакой возможности. Мы полагаемъ, что главная причина непопулярности Гейне въ Германіи лежитъ въ его исторической роли, которую онъ такъ художественно-рельефно выразилъ въ окончаніи своихъ «Идей», сравнивъ себя съ шутомъ императора Максимильяна, Кунцемъ ф. д. Розенъ. Шутовъ не любитъ серьезная Германія, въ особенности такихъ откровенныхъ и ѣдкихъ шутовъ, какъ Гейне, и въ особенности она не любитъ ихъ теперь, когда она такъ довольна своимъ величіемъ, и когда она съ такой неблагодарностью относится къ дѣятелямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Другую причину тоже указалъ самъ Гейне, сознававшій, что онъ, какъ говорится, сидитъ между двухъ стульевъ: онъ не признаетъ «искусства для искусства», не считаетъ себя рожденнымъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ» и охотно готовъ взять въ руки «метлу», чтобы очистить міръ отъ зла; но онъ не согласенъ всецѣло подчиняться распоряженіямъ тѣхъ, кто принялъ на себя обязанность главныхъ санитаровъ общества, и онъ бросаетъ эту метлу съ отвращеніемъ, когда она покажется ему слишкомъ грязной.

Такую же двойную роль играетъ онъ и въ другихъ важныхъ вопросахъ: всю жизнь онъ издѣвается надъ религіей, но въ то же время высказываетъ симпатію къ еврейско-христіанскому спиритуализму, а въ концѣ жизни прямо объявляетъ себя вѣрующимъ въ личнаго Бога и радуется своей вѣрѣ, называя себя банкротомъ, ко-

торый неожиданно нашелъ завалявшійся милліонъ *). Стало быть, и тутъ онъ не угождаетъ ни той, ни другой партіи; тоже и въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ. А нѣмецкая интеллигенція слишкомъ долго порождала Гамлетовъ, чтобы не дойти до реакціи.

Гейне, какъ мы видѣли, началъ свою карьеру ученикомъ романтиковъ, но онъ же и «прикончилъ» этотъ романтизмъ на-вѣки, извлекши изъ него всѣ его живые соки. Гейне прошелъ черезъ тенденціозную поэзію Молодой Германіи, но не могъ умѣстить себя въ ея узкія рамки. Говорятъ, онъ не былъ чистымъ реалистомъ и не создалъ ни одного живого образа. Послѣднее невѣрно; онъ создалъ одинъ образъ, правда, только одинъ, и то свой собственный,— какъ лирикъ по преимуществу, онъ и по теоріи поэзіи не обязанъ былъ ни къ чему больше,—но онъ создалъ его съ такой художественной полнотой и правдивостью, что въ немъ, какъ въ фокусѣ, отражается вся плодотворная эпоха 30-хъ—40-хъ годовъ, со всѣми своими темными и свѣтлыми сторонами: съ своимъ глубокимъ отчаяніемъ и пылкою вѣрою, съ богохульствомъ и слезами раскаянія, съ беззавѣтной любовью къ истинѣ и неизлѣченнымъ фразерствомъ, съ неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ и неумѣньемъ ею пользоваться, съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ и невѣріемъ въ искусство, съ своимъ романтическимъ идеализмомъ и фривольной чувственностью **), съ своей непомѣрной гордостью и самоуничиженіемъ, съ широкими міровыми идеями и узкой партійностью; это эпоха рефлекса и мысли, но мысли такой плодовитой, что изъ нея выходятъ всѣ дѣла послѣдующихъ поколѣній.

Какъ разносторонній и рельефный выразитель такой эпохи, Гейне всегда будетъ занимать видное мѣсто въ исторіи всемірной литературы. Онъ имѣетъ на это мѣсто полное право и какъ одинъ изъ первыхъ **международныхъ** поэтовъ, свободныхъ отъ всякой національной исключительности, какъ въ идеяхъ, такъ и въ художественныхъ пріемахъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, полную противуположность ему представляетъ типично-нѣмецкій писатель **Гуцковъ**, имя котораго стоитъ въ знаменитомъ указѣ непосредственно за именемъ Гейне ***).

*) „Если бы я могъ выйдти хоть на костыляхъ, пишетъ онъ въ Парижѣ, я сейчасъ же пошелъ бы въ церковь". Но по своей натурѣ онъ не можетъ не прибавить тутъ же: „Да и то сказать: на костыляхъ куда пойдешь въ другое мѣсто? Будь я здоровъ, я пошелъ бы на бульвары".

**) Въ этомъ отношеніи Гейне, можетъ быть, перешелъ мѣру, и его „граціозное наивное безстыдство", какъ выражается Брандесъ, останется пятномъ на его литературной славѣ.

***) Библіографія Гейне, даже и русская, слишкомъ велика, чтобы приводить ее

Карлъ Фердинандъ Гуцковъ род. въ 1811 г. въ Берлинѣ. Онъ былъ сынъ небольшого чиновника военнаго министерства, хорошо учился въ гимназіи, въ 1828 г. поступилъ въ берлинскій университетъ на философскій факультетъ, занимался усердно филологіей и философіей и въ 1830 г. получилъ премію за сочиненіе: De diis fatalibus. Онъ легко могъ получить мѣсто учителя гимназіи, а потомъ претендовать и на каѳедру, но революція 1830 г. увлекла его къ занятію литературой и публицистикой. Чтобы лучше подготовиться къ послѣдней, онъ занялся въ Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ государственными науками и рано выступилъ въ журналистикѣ съ горькими и безпощадными статьями по поводу современнаго положенія вещей въ Германіи. Онъ участвовалъ между прочимъ въ журналѣ Менцеля, который усердно расхваливалъ его первыя произведенія. Болѣе крупныя изъ послѣднихъ представляютъ нѣчто среднее между беллетристикой и публицистикой. Такая форма въ то время считалась и привлекательной для публики, и болѣе безопасной въ цензурномъ отношеніи. Въ 1832 г. выходятъ его „Письма дурака къ дурѣ" (Briefe eines Narren an eine Närrin); въ 1833 г. его романъ „Маха Гуру" (Maha Guru, Geschichte eines Gottes), будто бы изъ тибетскихъ нравовъ, но ни для кого не составляло секрета, что подъ тибетскими бонзами надо разумѣть нѣмецкое духовенство. Романтикамъ, въ томъ числѣ и Менцелю, этотъ романъ нравился своей фантастикой и ироніей. Массу своихъ полу-беллетристическихъ статей и жанровыхъ картинокъ съ тенденціозной подкладкой, помѣщенныхъ первоначально въ газетахъ, Гуцковъ потомъ издалъ въ видѣ сборниковъ *).

Въ 1835 г. вышла его трагикомедія „Неронъ", мѣстами очень сильная, но въ общемъ исполненная юношеской риторики и лирической тенденціозности и, не смотря на эффекты, слабая въ сценическомъ отношеніи; и тогда же большая повѣсть „Валли сомнѣвающаяся" **), которая направлена противъ брака и противъ вѣры въ откровеніе; Менцель, въ то время разошедшійся съ либеральными писателями и въ томъ числѣ съ Гуцковымъ, указалъ на опасность и безнравственность „Валли". Баденское правительство притянуло автора къ суду (Гуцковъ въ это время, послѣ долгихъ странствованій, поселился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ), и онъ былъ осужденъ на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія, причемъ были запрещены не только вышедшія его произведенія, но и всѣ тѣ, которыя онъ имѣетъ выпустить. А Гуцковъ, вскорѣ послѣ этого женившійся, не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ литературной работы! Это запрещеніе не осталось пустой угрозой, и Гуцкову постоянно приходилось воевать съ цензурой и иногда прибѣгать къ псевдонимамъ и чужимъ именамъ.

Отъ 1835 до 1840 г. Гуцковъ находится какъ бы въ переходномъ состояніи; къ этому времени относится нѣсколько его большихъ статей, которыми онъ вырабатываетъ себѣ новые взгляды для своей партіи; въ 1836 г. онъ написалъ „Гёте на переломѣ двухъ столѣтій". Эта статья указываетъ на поворотъ во мнѣніяхъ Молодой Германіи, которая пришла къ тому заключенію, что враждебныя

здѣсь. Въ Германіи послѣ 2-го изданія біографіи Штродтмана (1873—4) важнѣе другихъ: Hütter: Aus d. Leben Heines. Berl. 1878. Въ Gartenlaube за 1884 г. напечатана сохранившаяся часть Мемуаровъ Гейне, перепечатанная потомъ, какъ Supplementband къ полному изд. сочиненій Гейне. По-русски біографія Штродтмана изложена въ 16 т. сочиненій. Ср. Вѣстн. Евр. 1868 г. № 9. Я. Полонскаго: Г. Гейне и его жизнь. Id. № 11: „Гейне въ Парижѣ". „Двѣ біографіи. Ж. Зандъ и Г. Гейне". А. Кирпичниковъ, Москва, 1880 г. и пр.

*) Novellen 1834 г. Oeffentliche Chaactere. 1835 г. и др.

**) Vally die Zweiflerin 1853 г. передѣлана подъ названіемъ „Vergangene Tage".

отношенія къ Гёте, бывшему предметомъ преслѣдованія Менцеля и компаніи, для нея невыгодно и нелѣпо само по себѣ. Въ 1838 г. вышелъ его романъ „Серафина“ и потомъ педагогическая сатира въ формѣ романа „Блазедовъ и его сыновья“ *). Къ этому же переходному времени относится и его трагедія „Царь Саулъ“, гдѣ изображается столкновеніе власти царской съ преобладаніемъ духовенства. Около 1840 г. начинается драматическій періодъ дѣятельности Гуцкова; въ это время онъ сперва живетъ въ Гамбургѣ, потомъ путешествуетъ за-границей, потомъ опять поселяется во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и съ 1847 г. дѣлается драматургомъ при дрезденскомъ придворномъ театрѣ. Драмы Гуцкова тенденціозны и проникнуты публицистикой такъ же, какъ и его романы, но въ нихъ умныя, живыя мысли и масса новыхъ или обновленныхъ типовъ; а главное: Гуцковъ избавилъ нѣмецкую сцену отъ господства театральныхъ дѣлъ мастеровъ въ родѣ Раупаха и наслѣдниковъ Коцебу. Онъ написалъ много пьесъ изъ современной жизни; изъ нихъ лучшими считаются: „Вернеръ или сердце и свѣтъ“ **), въ которой, какъ и во многихъ другихъ, изображается борьба чувства и разума, и которой нельзя отказать въ сценичности и оригинальности, и „Элла Роза или права сердца“ ***), имѣющая тѣ же достоинства. Скоро Гуцковъ переходитъ къ историческимъ драмамъ и начинаетъ съ сюжетовъ отдаленныхъ, какъ болѣе безопасныхъ въ цензурномъ отношеніи, каковы: исторія Паткуля, Пугачева и др. Онъ мало заботится объ исторической вѣрности и все же остается тенденціознымъ писателемъ, часто прибѣгаетъ къ внѣшнимъ эффектамъ и, за неимѣніемъ времени, мало отдѣлываетъ свои пьесы. Самая знаменитая изъ нихъ, до сихъ поръ популярная на всѣхъ сценахъ Европы, „Уріель Акоста“, передѣлана имъ въ 1846 г. изъ его же новеллы „Амстердамскій саддукей“. Въ основѣ ея—либеральная идея о борьбѣ свободной человѣческой мысли съ религіозными привычками и предразсудками. Надъ этой трагедіей Гуцковъ работалъ сравнительно больше, нежели надъ другими, и жизнь голландскихъ евреевъ изображена имъ съ большимъ знаніемъ дѣла и художественностью. Пьеса, какъ извѣстно, очень эффектна въ сценическомъ отношеніи и личность героя даетъ возможность даровитому актеру развернуть всю силу таланта и заставить разрыдаться зрительную залу; но и эта трагедія страдаетъ отъ своеобразной нѣмецкой риторики и многословія. Слѣдующія трагедіи Гуцкова, какъ „Юргенъ Вулленвебергъ“ и др., значительно слабѣе.

Комедія больше подходила къ свойствамъ наблюдательнаго ума Г., но, заботясь объ успѣхѣ, онъ взялъ образцомъ для себя Скриба и, подобно ему, позволялъ себѣ искажать исторію. Нѣмецкая критика находитъ въ немъ больше глубины и ума, чѣмъ у Скриба; но у него нѣтъ зато такого знанія сцены, такой живости, и его собственное лицо слишкомъ часто показывается изъ-за его героевъ. Наибольшей извѣстностью пользуются: „Коса и мечъ“ ****) и „Первообразъ Тартюфа“.

*) Blasedow und seine Söhne; герой — деревенскій священникъ, который, подъ вліяніемъ односторонней педагогической теоріи, каждому изъ своихъ сыновей предоставляетъ слѣдовать своему мимолетному влеченію; результаты выходятъ самые печальные.

**) Werner oder Herz und Welt. 1870.

***) Ella Rosa; сюжетъ ея въ томъ, что жена, покинутая своимъ неудачникомъ-мужемъ, пытается сама пробиться въ жизни и дѣлается знаменитой актрисой; мужъ возвращается къ ней, когда она уже любитъ другого. Честность заставляетъ ее вернуться къ мужу, но это ей такъ тяжело, что она готова на самоубійство. Ея возлюбленный становится также на сторону долга и возвращаетъ ее къ законному супругу. Пьеса кончается мѣщанской моралью.

****) Zopf und Schwert, гдѣ изображенъ дворъ Фридриха-Вильгельма I.

Временный успѣхъ имѣла комедія „Королевскій лейтенантъ“, написанная къ юбилею Гёте въ 1849 г., гдѣ главную роль играли мальчикъ Гёте и графъ Торано.

Около 1850 г. начинается періодъ романовъ; его открываетъ 9-ти томный романъ: „Рыцари духа“ *), а за нимъ слѣдуетъ также 9-ти томный „Римскій волшебникъ“ **). Гуцковъ вводитъ въ моду какъ бы особый видъ романа, который онъ называетъ „Roman des Nebeneinander“. Онъ доказываетъ, что какъ въ жизни существуютъ рядомъ сотни камеръ и каморокъ, повидимому совершенно независимыхъ другъ отъ друга, но представляющихъ для наблюдателя, стоящаго внѣ ихъ, одно цѣлое и живущихъ общей жизнью, такъ и романистъ долженъ изображать сотни человѣческихъ фигуръ и десятки кружковъ, едва соприкасающихся, повидимому несходныхъ, но на самомъ дѣлѣ дающихъ общую картину жизни въ извѣстный моментъ. Такое положеніе есть ни что иное, какъ попытка теоретическаго оправданія успѣха промышленнаго романа Эженя Сю, который Гуцковъ желалъ пересадить въ Германію, но въ улучшенномъ и исправленномъ видѣ; ему это удалось въ томъ смыслѣ, что его многотомные романы читались въ Германіи и даже за-границей, и что читатели ихъ не могли не признать за нимъ большого ума и глубины мысли, нежели у Сю; но едва ли мы впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что даже въ Германіи на одного читателя „Рыцарей духа“ приходится 10 читателей „Парижскихъ тайнъ“ и что его „Римскій волшебникъ“ не пользуется и двадцатой долей извѣстности „Вѣчнаго жида“. У Гуцкова есть и умъ, и наблюдательность, нѣтъ балаганныхъ преувеличеній, но за то нѣтъ и мастерства разсказа, нѣтъ пластичности въ его фигурахъ; да и вялая нѣмецкая жизнь не могла дать ему такого матерьяла.

Въ „Рыцаряхъ духа“ дѣйствіе происходитъ въ Берлинѣ послѣ неудачи революціи 1848 г. Кружокъ молодыхъ людей патріотовъ и идеалистовъ рѣшается основать тайный союзъ братства и любви. Сюжетъ романа—ихъ борьба съ равнодушіемъ общества и съ враждебными элементами. Событій мало, гораздо больше разговоровъ, масса разнообразныхъ характеровъ; то портреты, то типы обрисованы съ большимъ искусствомъ. Болѣзни времени изображены тонко, часто остроумно; нѣкоторыя главы бьютъ на внѣшній эффектъ и довольно удачно, но въ общемъ романъ нельзя не признать слабымъ въ художественномъ отношеніи.

„Римскій волшебникъ“ изображаетъ католическую Германію и Италію и имѣетъ въ виду провести идею о необходимости церковной реформы. Въ немъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, и въ немъ также лучше всего удаются автору смѣшанные и нѣсколько болѣзненные характеры.

Къ этому же періоду относятся лучшія новеллы Гуцкова: „Дѣвушка изъ народа“ (1854 г.), „Діаконисса“ (1855 г.) и цѣлый сборникъ, называющійся „Маленькій міръ дураковъ“ (Die kleine Narrenwelt 1856 г. 37).

Гуцковъ оставался въ Дрезденѣ до 1861 г., когда онъ переѣхалъ въ Веймаръ, чтобы работать въ такъ-называемомъ „Шиллеровомъ учрежденіи“; неудовольствія по службѣ и болѣзненное состояніе вслѣдствіе напряженной работы довели его до попытки къ самоубійству (1865 г.), послѣ которой онъ долго не могъ оправиться. Послѣдній періодъ его дѣятельности посвященъ главнымъ образомъ историческимъ романамъ, рядъ которыхъ начинается изображеніемъ Германіи въ реформаціонную эпоху въ романѣ „Гогеншвангау“ (Hohenschwangau, 5 томовъ, 1867—8). Въ этой и послѣдующихъ работахъ Гуцковъ развертываетъ замѣчательную эрудицію, знаніе той эпохи, которую онъ изображаетъ; всякое описаніе

*) „Die Ritter vom Geist“ 1850—2; въ 1869 г. было уже 5-ое изданіе; въ 1870 г. вышла его послѣдняя обработка.

**) „Der Zauberer von Rom“ 1858—1861 г., послѣдняя передѣлка 1872 г.

комнаты, обѣда, костюмовъ отличается антикварской вѣрностью, но онъ не умѣетъ прятать эту подготовительную работу: масса матеріала подавляетъ его, и онъ не можетъ удержаться отъ комментарія къ произведенію собственнаго творчества. Послѣдній романъ Гуцкова: „Новые Серапіоновы братья“ уже страдаетъ старческой ипохондріей, и тенденція его—защита правъ капитала—мало напоминаетъ юношескіе идеалы автора; въ немъ хороши только сатирическіе очерки. Послѣдніе дни жизни Гуцковъ провелъ отчасти въ Берлинѣ, отчасти въ Гейдельбергѣ. Онъ ум. въ 1878 году *).

Гуцковъ умъ далеко не заурядный, и если бы условія времени и его собственной жизни не принуждали его къ такому многописанію и къ такой тенденціозности, онъ былъ бы однимъ изъ крупнѣйшихъ писателей Германіи. Онъ, какъ и всѣ ученики Гёте, стремится къ изображенію идеаловъ, а не правды; но его идеалы скорѣй исходятъ изъ головы, чѣмъ изъ чувства; съ точки зрѣнія сравнительной литературы чрезвычайно интересно то обстоятельство, что такой пылкій либералъ все-таки же горячо защищаетъ семейныя добродѣтели, и если ему приходится противополагать кроткую, скромную, хоть и очень ограниченную дѣвушку страстной и энергичной женщинѣ, или мечтательнаго юношу пылкому и сильному человѣку, симпатіи его всегда на сторонѣ добродѣтели, къ какимъ бы высокимъ цѣлямъ не стремилась сила. Гуцковъ остроумный человѣкъ, но остроуміе его чисто нѣмецкаго характера: глубокомысленное и тяжеловатое. Онъ самъ себя называетъ «скрытымъ лирикомъ» (latenter Lyriker), и онъ правъ въ томъ отношеніи, что лирическій субъективный элементъ беретъ у него верхъ надъ объективнымъ: но еще болѣе того онъ и въ романѣ, и въ повѣсти, и въ драмѣ остается «скрытымъ ученымъ» и мыслителемъ, а въ своихъ публицистическихъ статьяхъ и понятіяхъ—идеалистомъ и мечтателемъ.

Третье имя въ указѣ Германскаго союза далеко не имѣетъ теперь такой извѣстности, какъ даже имя Гуцкова, хотя принадлежитъ писателю еще болѣе плодовитому. Генрихъ Лаубе род. въ Силезіи въ 1806 г., учился въ университетахъ Галле и Бреславля и началъ печататься еще на студенческой скамьѣ. По

*) Источники для его біографіи и характеристики—его собственныя автобіограф. произведенія: Aus der Knabenzeit 1825 г., Lebensbilder 1870, Rückblick auf mein Leben 1875. 1-ое изд. его Dram. Werke 1842—57 г. въ 9 т. 1-ое изд. его Sämtl. Werke 1845—6 въ 12 томахъ. Послѣднее изданіе въ 2 серіяхъ 1873—80 г. О романѣ Ritter von Geist см. A. Jung. Briefe über Gutzkov's R. v. G. Lpz. 1856 г. По-русски Вернеръ или сердце и свѣтъ. Реперт. и Пантеонъ 1842 г. № 17. Неронъ, перев. Буренинъ, Вѣстн. Евр. 1869 г. № 3 и слѣд. Уріэль Акоста пер. Вейнберга, От. Зап. 1870, № 11 и 12. Дѣти Песталоцци (изъ послѣднихъ романовъ Гуцкова, такъ же какъ и Blasedew педагогическаго характера), пер. въ Дѣлѣ за 1870 г. №№ 2—9. Сквозь мракъ къ свѣту (одна изъ лучшихъ историческихъ повѣстей Гуцкова изъ того же періода исторіи Англіи, когда происходитъ и дѣйствіе „Веверлея“, къ сожалѣнію очень скомканная въ концѣ), Отеч. Зап. 1870 г. №№ 9—11. Новые Серапіоновы братья, Вѣст. Евр. 1877 г. № 8—10 подъ заглавіемъ: „Нѣмецкое общество послѣ франкопрусской войны“.

окончаніи курса онъ нѣкоторое время былъ учителемъ, потомъ вмѣстѣ съ Гуцковымъ ѣздилъ въ Италію; по возвращеніи оттуда онъ началъ печатать свои „Путевыя повѣсти" (Reisenovellen, Mannh. 1834—1837 6 v.), проникнутыя либерально-демократическими идеями, и отчасти за нихъ, отчасти за участіе въ одномъ тайномъ обществѣ былъ преслѣдуемъ прусскимъ правительствомъ и высидѣлъ 9 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Въ 1839 г. онъ ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ былъ очень друженъ съ Гейне, и уже въ это время въ убѣжденіяхъ его произошла нѣкоторая перемѣна, а когда въ 1848 г. его выбрали въ франкфуртскій парламентъ, онъ очутился въ центрѣ, между умѣренными консерваторами и въ 1849 г. подалъ въ отставку*); въ томъ же году онъ былъ приглашенъ въ Вѣну директоромъ придворнаго театра. Уже въ это время имъ было напечатано столько романовъ и драмъ (не говоря о журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ), что онъ и самъ потерялъ имъ счетъ. Онъ хорошо зналъ современную ему французскую литературу и усвоилъ себѣ многіе ея пріемы, а иногда не останавливался и передъ заимствованіемъ; онъ зналъ и сцену, и пьесы его смотрѣлись въ Германіи съ удовольствіемъ (больше другихъ успѣха имѣла: Monaldeschi, Die Bernsteinhexe, Gottsched und Gellert, Die Karlsschüler**), и пр.). Въ 1869 г. онъ оставилъ Вѣну и принялъ управленіе лейпцигскимъ театромъ, гдѣ онъ поставилъ Шиллерова Димитрія, но потомъ возвратился въ Вѣну, гдѣ подъ его управленіемъ былъ въ 1872 г. открытъ новый Бургъ-театръ. Онъ ум. въ 1884 г.

Лаубе одинъ изъ представителей индустріализма въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ эта болѣзнь не была такъ сильна и замѣтна, какъ во Франціи. Его цѣль—успѣхъ, и ради нея онъ ломаетъ историческіе факты и не останавливается ни передъ какимъ преувеличеніемъ. Искусства у него меньше, чѣмъ у Дюма или Скриба, но больше знанія и основательности. Его историко-литературныя и историческія работы имѣли въ свое время цѣнность.

Къ Молодой Германіи причисляется съ гораздо бо̀льшею честію для нея серьезный ученый (германистъ) и даровитый лирикъ **Авг. Генр. Гофманъ ф. Фаллерслебенъ**, котораго многіе называютъ нѣмецкимъ Беранже. Онъ род. въ 1798 г. въ Каллерслебенѣ, въ Ганноверѣ, учился въ гёттингенскомъ университетѣ, гдѣ занимался древне-нѣмецкой поэзіей, съ 1823 г. былъ библіотекаремъ въ бреславльскомъ университетѣ, а съ 1830 г. тамъ же профессоромъ нѣмецкаго языка и литературы. Онъ началъ печатать свои стихотворенія еще съ 1821 г.

Это была чистая лирика, не имѣвшая въ себѣ ничего политическаго; прекрасный знатокъ народной пѣсни, онъ талантливо подражалъ ей и въ пріемахъ, и въ мелодіи, такъ что многія изъ его пѣсенъ перешли въ народъ и распѣваются имъ до сихъ поръ. Въ то же время онъ напечаталъ нѣсколько серьезныхъ работъ по своей спеціальности, изъ которыхъ важнѣе другихъ „Исторія церковной пѣсни до Лютера" (Geschichte des deutschen Kirchenlieds bis auf Luther. 1832 г., 2-е изд. 1853). Увлекшись младо-германскимъ движеніемъ, онъ напечаталъ въ 1840 г. свои „Неполитическія пѣсни" (Unpolitische Lieder), изъ-за которыхъ онъ лишился каѳедры и былъ изгнанъ изъ Пруссіи; въ нихъ много правдивости и энергіи, встрѣчается и ядовитый сарказмъ, но основа ихъ все же нѣмецкое благодушіе. Послѣ 5-ти лѣтнихъ странствованій, во время которыхъ онъ издалъ нѣсколько хорошихъ научныхъ работъ, Гофманъ поселился въ Мекленбургѣ. Революція 1848 г. измѣнила его положеніе къ лучшему, и ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ

*) Исторію этихъ двухъ многознаменательныхъ лѣтъ онъ разсказалъ въ книгѣ: Das erste deutsche Parlament, Lpz. 1849, 3 v.

**) Die Karlsschüler см. переводъ сцены между Герцогомъ и Шиллеромъ у Гербеля о. с.

Пруссію, но онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ движеніи, переѣхалъ въ 1854 въ Веймаръ, гдѣ редактировалъ очень хорошій журналъ: Weimarische Jahrbuch, а потомъ сдѣлался библіотекаремъ герцога Ратиборскаго. Онъ ум. въ 1874 г.*).

Политическое движеніе сороковыхъ годовъ и мартовская революція завлекли въ свой водоворотъ довольно крупный поэтическій талантъ Фрейлиграта, который, родись онъ 30-ю годами раньше, былъ бы несомнѣнно представителемъ чистаго искусства и скорѣе приверженцемъ Гёте, чѣмъ Шиллера.

Фердинандъ Фрейлигратъ род. въ 1810 г. въ Детмольдѣ, въ семействѣ школьнаго учителя; отецъ по бѣдности не могъ дать ему университетскаго образованія, и онъ, пробывши нѣсколько лѣтъ въ гимназіи, долженъ былъ перейти въ коммерческое училище и потомъ взять мѣсто въ банкирской конторѣ, въ Амстердамѣ. Но онъ чтеніемъ пополнилъ свое образованіе; между прочимъ, онъ поглотилъ массу путешествій, а въ Амстердамѣ имѣлъ случай видѣть представителей самыхъ отдаленныхъ народностей и странъ. Оттого первыя его произведенія (преимущественно лироэпическаго характера) посвящены оригинально задуманнымъ и прекрасно выполненнымъ картинкамъ изъ жизни Исландіи, Сахары, Америки и т. д.; такимъ образомъ онъ становится «этнографическимъ колоритистомъ» и идетъ по слѣдамъ Рюккера; но между ними та разница, что Рюккеръ беретъ изъ отдаленныхъ странъ преимущественно мотивы мирные и изящные, а Фрейлигратъ, какъ дитя своего времени и поклонникъ французскаго романтизма, ищетъ поэзіи въ ужасномъ и стремится прежде всего поразить воображеніе и умъ читателя. Швабъ, Шамиссо и др. очень одобрили его начинанія, и вскорѣ Фрейлигратъ окончательно бросилъ торговлю для поэзіи. Вскорѣ послѣ этого онъ сблизился съ Фаллерслебеномъ и Зимрокомъ и занялся изученіемъ народныхъ преданій и поэзіи. Въ 1841 году онъ женился и переѣхалъ на житье въ Санктъ-Гоаръ на Рейнѣ, гдѣ могъ посвятить себя всецѣло поэзіи, такъ какъ ему была назначена небольшая пенсія отъ прусскаго правительства.

Но въ это время по всей Германіи, въ особенности среди либеральной молодежи, прогремѣло имя молодого поэта Гервега, который въ своихъ «Стихотвореніяхъ одного изъ живыхъ» призывалъ отечество на бой противъ тиранніи **); Фрейлигратъ до сихъ поръ дер-

---

*) См. очень характерную его пьесу „Свободный человѣкъ", пер. П. Вейнберга. Совр. 1865 г. № 3. Ср. Гербель о. с. 504—7.

**) Георгъ Гервегъ род. въ Штутгартѣ въ 1817 г., учился въ гимназіи, потомъ въ тюбингенскомъ университетѣ, работалъ въ журналахъ, попалъ по жребію въ солдаты и, оскорбленный на смотру офицеромъ, дезертировалъ въ Швейцарію. Въ его сборникѣ стихотвореній: Gedichte eines Lebendigen (1842 г.), помимо либеральной тенденціи, есть энергія и искры истинной поэзіи. Послѣ его успѣха онъ объѣхалъ Германію и

жался вдали отъ политики и выразилъ убѣжденіе, что поэтъ долженъ стоять выше партій *); но такъ какъ консерваторы цитировали эти его слова въ свою пользу, Гервегъ возражалъ на нихъ и упрекалъ его за равнодушіе къ современности, а либеральная критика стала, что называется, «травить» изъ всѣхъ силъ недавняго любимца публики, то Фрейлигратъ отказался отъ пенсіи и изданіемъ «Исповѣданія вѣры» сталъ въ ряды радикаловъ **).

Послѣ этого Фрейлигратъ дѣлается, конечно, мученикомъ убѣжденій и изгнанникомъ; онъ удаляется сперва въ Цюрихъ, потомъ въ Лондонъ и, не желая существовать на счетъ «доброхотныхъ дателей» либеральнаго направленія, снова обращается къ коммерціи и дѣлается прикащикомъ. Событія 1848 года вызвали его въ Германію, на Рейнъ и, благодаря авторитету своего имени, онъ дѣлается тамъ однимъ изъ главныхъ вождей; послѣ 1849 года онъ снова уѣзжаетъ въ Лондонъ и снова садится за купеческую конторку. Въ 1856 году швейцарскій банкъ поручаетъ ему свою лондонскую контору съ порядочнымъ жалованьемъ; честно исполняя свои обязанности, Фрейлигратъ въ это время пишетъ очень мало; вдохновеніе его возбуждается только при какомъ-нибудь особомъ случаѣ. Въ 1867 году банкъ закрылся, и нѣмецкій поэтъ снова очутился на мостовой. Тогда явилась въ Германіи мысль о національномъ подаркѣ ему; составилась подписка, которая дала около 60,000 талеровъ! Фрейлигратъ принялъ почетный подарокъ и переѣхалъ въ Штутгартъ. Въ 1870 году онъ восторженно привѣтствуетъ «единство» Германіи и почти становится шовинистомъ, но побѣда Германіи возвратила его къ разумной умѣренности. Онъ ум. въ 1876 году ***).

Фрейлигратъ, по свойству своего таланта, чистый лирикъ, какъ и Гейне, который тоже любилъ своей фантазіей переноситься на отдален-

---

вездѣ былъ принятъ съ почетомъ; даже прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV отнесся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Но Гервегъ скоро поссорился съ прусскимъ правительствомъ, покинулъ Германію, принималъ дѣятельное участіе въ революціи 1848 г. и послѣ неудачи всѣхъ своихъ политическихъ предпріятій долго скитался по разнымъ странамъ. Онъ ум. въ 1877 г. въ Баденъ-Баденѣ. Нѣсколько его стихотвореній изъ лучшихъ см. Гербель о. с. 608—610.

*) Der Dichter steht auf einer höhern Warte,
Als auf den Zinnen der Partei.

**) 17 сент. 1844 г. Blätter für literarische Unterhaltung выражаютъ по отношенію къ нему ироническую жалость: „Бѣдный поэтъ! Вотъ онъ волей неволей закованъ въ вицмундиръ. Какъ-то онъ выпутается?!“ Черезъ двѣ недѣли Фрейлигратъ издаетъ Glaubensbekenntniss. Эта исторія изложена въ Revue d. d. M. 1845 г., т. IX, стр. 859 и слѣд. (Saint René Taillandier).

***) О немъ см. Вѣстн. Евр. 1882, № 12, ст. В. О. на основаніи книги: Wilh. Buchner. Ferd. Freiligrath., ein Dichterleben in Briefen (1881—2). Также см. Сѣв. Вѣст. 1888 г., № 7 „Этюды о нѣм. поэтахъ“ Н. М.

ный востокъ; но лирическій талантъ ихъ представляетъ двѣ противоположности, которыя современная теорія поэзіи *) выражаетъ терминами: субъективная (у Гейне) и объективная (у Фрейлиграта) лирика; въ первой поэтъ занимаетъ насъ самимъ собой или, поскольку онъ сходенъ съ нами, движеніями нашей собственной души; во второй онъ не столько интересуетъ насъ чувствами, сколько тѣмъ жизненнымъ фактомъ, который вызвалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи Фрейлигратъ гораздо ближе къ Гёте; но поэзія ужаснаго и стремленіе открыть красоту въ безобразномъ, такъ же, какъ и нагой реализмъ многихъ его картинъ, сближаетъ его съ новыми французскими поэтами.

Фрейлигратъ, какъ и Гейне, мастеръ поэтической рѣчи; но изумительно гибкій стихъ Гейне съ его неожиданными антитезами— противоположность желѣзному, грубоватому, за то сильному стиху Фрейлиграта. По широтѣ кругозора, глубинѣ мысли и оригинальности ума ихъ, конечно, и сравнить нѣтъ возможности.

Приблизительно въ одно время съ Фрейлигратомъ сталъ получать отъ прусскаго короля пенсію другой выдающійся лирикъ Германіи, котораго большинство нѣмецкихъ критиковъ считаютъ величайшимъ германскимъ поэтомъ послѣдняго времени: Эммануилъ Гейбель. Онъ род. въ Любекѣ въ 1815 г., учился въ мѣстной гимназіи, потомъ поступилъ въ боннскій университетъ, гдѣ занимался филологіей и эстетикой. Въ 1836 г. въ Берлинѣ его ласково принялъ Шамиссо и вообще кружокъ новыхъ романтиковъ. Въ 1838 г. онъ получилъ мѣсто учителя у Катакази, русскаго посланника въ Аѳинахъ, и изъ Аѳинъ онъ вмѣстѣ съ своимъ соотечественникомъ Эрнст. Курціусомъ совершилъ археологическое путешествіе по островамъ Архипелага. Непосредственное знакомство съ Греціей было въ высшей степени полезно развитію его таланта. По возвращеніи на родину, онъ въ 1840 году издалъ сборникъ стихотвореній, такихъ граціозныхъ, чистыхъ и музыкальныхъ по формѣ и такихъ чувствительныхъ (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) по содержанію, что и въ это горячее время политической борьбы былъ замѣченъ и оцѣненъ любителями и знатоками поэзіи. Гейбель не увлекся политикой и остался вѣренъ поэзіи; кромѣ оригинальныхъ произведеній **), онъ издавалъ поэтическіе переводы испанскихъ, португальскихъ и французскихъ пѣсенъ. Послѣ долгихъ странствованій, онъ въ 1851 году женился и принялъ предложеніе поклонника его таланта, баварскаго короля, занять въ Мюнхенѣ каѳедру эстетики и мѣсто друга въ королевскомъ сердцѣ и дворцѣ. Гейбель былъ вполнѣ счастливъ, какъ вдругъ черезъ 4 года смерть похитила

*) См. Wackernagel: Poetik, Retorik и Stylistik, главу: lyrische Poesie.

**) Zeitstimmen 1-е изд. 1841 г.; въ одномъ изъ послѣдующихъ туда вошла и его небольшая эпическая поэма: König Sigurds Brautfahrt.

его нѣжно-любимую жену Аду; поэтъ никогда не могъ утѣшиться, стремился убѣжать отъ міра и оплакивалъ свою потерю въ прекрасныхъ стихахъ, напоминающихъ пѣсни Петрарки по смерти Лауры, только болѣе искреннихъ. Въ 1868 году Гейбель отказался отъ каѳедры, переѣхалъ въ родной Любекъ и жилъ и работалъ тамъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Когда онъ умеръ въ 1884 году, Любекъ устроилъ ему такія же торжественныя похороны, какъ Вѣна Грильпарцеру, и вся Германія спѣшила выразить свое уваженіе и любовь къ покойному *).

Гейбель несомнѣнный лирическій талантъ, искренно религіозный и нравственный человѣкъ и полезный литературный дѣятель, но его громкая слава преувеличена обстоятельствами. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ многіе называли его Backfischlyriker (лирикомъ дѣвочекъ-подростковъ) и находили, что Петрарки въ нашъ вѣкъ—нелѣпый анахронизмъ; но вѣдь и нѣмецкія дѣвушки должны имѣть свою поэзію; трескъ политической лирики и «заостренныя фривольности» подражателей Гейне не только не годились для нихъ, а скоро надоѣли и мужчинамъ. И вотъ начинается возвращеніе къ художественности, культъ чистой поэзіи, наиболѣе совершеннымъ представителемъ которой изъ современниковъ считаютъ Гейбеля. Но насколько преждевременно начинать съ него новый періодъ нѣмецкой поэзіи, періодъ ново-гетеанизма, всего лучше видно изъ того, что и самые горячіе поклонники Гейбеля, такъ сказать, молча признаютъ недостаткомъ мягкость и безпритязательность большинства его произведеній и указываютъ съ гордостью на «Двѣнадцать сонетовъ» (1846 г.) и др. его энергичныя стихотворенія, посвященныя Шлезвигъ-Голштинскому вопросу.

Драматическія произведенія Гейбеля лишены энергіи и, при всей «отточенности» своей формы, скорѣй поэтическія упражненія, чѣмъ драмы; очень немногія могли выдержать по нѣскольку представленій **).

Другимъ представителемъ возрожденія художественности считаютъ его современника Геббеля (Hebbel), который помимо этой якобы историко-литературной роли и нѣкотораго сходства въ имени, не имѣетъ почти ничего общаго съ сладкозвучнымъ классически-изящнымъ эстетикомъ.

Фридрихъ Геббель род. въ 1813 г. въ небольшой дитмарской деревушкѣ, на берегу сѣвернаго моря, былъ сынъ крестьянина и жилъ въ такой бѣдности, что все его начальное образованіе ограничилось грамотой. 15-ти лѣтъ отъ роду онъ получилъ мѣсто церков-

*) См. 8 его стихотв. у Гербеля o. c., стр. 603 и слѣд.

**) См. о немъ Revue d. d. M. 1872 г., 15 марта V. Cherbulier.

наго писца и занималъ его цѣлыя 7 лѣтъ. Онъ читалъ все, что могъ достать, и рано началъ писать стихи. Одна поэтесса обратила на него вниманіе и дала ему средства приготовиться въ университетъ; онъ учился въ Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ философіи, исторіи и литературѣ. Окончивъ курсъ, онъ вернулся въ Гамбургъ, гдѣ напечаталъ свою трагедію: «Юдифь». Изъ Гамбурга онъ отправился въ Копенгагенъ, познакомился съ Эленшлегеромъ и получилъ отъ датскаго правительства средства на путешествіе. Онъ жилъ довольно долго въ Италіи и въ Парижѣ, въ 1846 г. поселился въ Вѣнѣ, женился и прожилъ тамъ довольно спокойно 17 лѣтъ. Онъ ум. въ 1863 г.

Геббель былъ убѣжденъ, что только то художественное произведеніе имѣетъ цѣну, которое является плодомъ вдохновенія, почти мгновеннаго, и даже свою первую драму: «Юдифь» писалъ всего 14 дней; за нею послѣдовала «Геновефа» (1843 г.) и мѣщанская трагедія съ теоретически-критическимъ предисловіемъ: «Марія Магдалина» *). Вторая группа его драмъ, писанныхъ уже въ Вѣнѣ при бо́льшей зрѣлости таланта, открывается трагедіей «Иродъ и Маріамна» (1850 г.); за тѣмъ слѣдуютъ: «Юлія» (1851), «Микель Анджело» и др. Послѣдняя его пьеса, напечатанная при его жизни,—трилогія «Нибелунги», въ которой лучшей и наиболѣе сценичной считается 2-ая часть: «Смерть Зигфрида». Трагедію «Димитрій» онъ, какъ и Шиллеръ, оставилъ неоконченною. Ко второму же періоду принадлежатъ и обѣ его комедіи: «Алмазъ» (1847) **) и «Рубинъ» (1851), напоминающія драматизированныя сказки Тика.

Лирическія его произведенія по недостатку отдѣлки и рѣзкости мотивовъ считаются менѣе удачными ***).

Геббель пытался согласить высокотрагическое съ требованіями современнаго реально-психологическаго искусства, но это удавалось ему далеко не вполнѣ. Одно изъ самыхъ характерныхъ его произведеній—трагедія «Иродъ и Маріамна», совмѣщающая въ себѣ достоинства и недостатки обоихъ періодовъ его дѣятельности. Ея порядочно избитый сюжетъ обработанъ здѣсь совсѣмъ по новому и обработанъ такъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ психологическомъ превосходствѣ новой поэзіи даже въ ея второстепенныхъ представителяхъ надъ псевдоклассиками. Предшественники Геббеля изображали въ трагедіи на эту тему ужасныхъ злодѣевъ и борьбу самыхъ безпощадныхъ эгоистическихъ страстей. У Геббеля при томъ же тра-

---

*) Перев. А. Плещеевымъ и В. Костомаровымъ, „Время“ 1861 г. № 2; большой отрывокъ см. Гербель о. с. 598 и слѣд.

**) Перев. Кронебергомъ, Совр. 1847 г. № 10.

***) Полное собраніе его соч. въ 12 т. 1865—67, Hamburg; тамъ же и его біографія. Ср. Kulke: Erinnerungen an Fr. H. Wien. 1878.

гическомъ исходѣ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій оказывается не ненависть, а любовь. И Иродъ, и Маріамна—энергичныя, смѣлыя, благородныя натуры, горячо любящія другъ друга. Но интриги враговъ и привязанность къ власти сдѣлали Ирода убійцей Аристовола, брата Маріамны, и вотъ между ними теперь кровавый призракъ, не уничтожающій ихъ любви, но уничтожающій взаимное довѣріе, а безъ него и самая пылкая любовь зла и подозрительна. Ходъ дѣйствія разработанъ очень удачно; очень эффектенъ конецъ, гдѣ на смѣну старому порядку вещей выступаетъ таинственный новорожденный «Царь іудейскій»; но въ самыхъ сильныхъ сценахъ (напр. въ той, гдѣ Маріамна, узнавши о подписанномъ ей смертномъ приговорѣ изъ обвиненной становится обвинительницей) у Геббеля, какъ у большинства нѣмецкихъ поэтовъ, вмѣсто страстей сухія разсужденія. Въ общемъ едва ли не девять десятыхъ изъ зрителей пожалѣютъ, зачѣмъ авторъ потратилъ столько изобрѣтательности и чувства на избитый сюжетъ, когда передъ нимъ лежалъ цѣлый міръ новыхъ *).

Переѣздъ Геббеля, уроженца далекаго сѣвера, въ Вѣну далеко не единичное явленіе: въ 40-хъ и 50-хъ годахъ по многимъ отчасти личнымъ, отчасти общимъ причинамъ (масса образованной аристократіи, блескъ столичной жизни, роскошь театровъ, большая снисходительность католической цензуры, живой интересъ борьбы національностей) въ столицѣ Австріи проживало больше выдающихся нѣмецкихъ поэтовъ и драматурговъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Самый старшій изъ нихъ и одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, но рано сошедшій со сцены, извѣстенъ подъ псевдонимомъ Ленау. Настоящее его имя Николай Стреленау **); онъ род. въ 1802 г. въ Венгріи; на 18-мъ году пріѣхалъ въ Вѣну и поступилъ въ университетъ, потомъ учился медицинѣ въ Пресбургѣ, потомъ проживалъ въ Гейдельбергѣ. Въ 1832 г. ему пришла фантазія ѣхать въ Америку, и онъ благополучно исполнилъ ее, но не нашелъ тамъ, чего искалъ; черезъ годъ онъ возвратился въ Европу и жилъ то въ Вѣнѣ, то въ Ишлѣ, то въ Штуттгартѣ. Недовольный положеніемъ общественныхъ дѣлъ, онъ имѣлъ основаніе надѣяться на личное счастіе, такъ какъ любилъ и былъ любимъ; но въ 1844 г. онъ сошелъ съ ума и умеръ въ домѣ умалишенныхъ черезъ 6 лѣтъ.

*) Изъ даровитыхъ современниковъ „Молодой Германіи“ мы должны еще назвать посредника между русской и нѣмецкой литературами Фридриха Боденштедта; онъ род. въ 1819 г. въ Ганноверѣ, учился въ Гёттингенѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ, 21 года пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ учителя (къ кн. Голицыну) и вполнѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ. Потомъ онъ былъ учителемъ гимназіи въ Тифлисѣ и путешествовалъ по Азіи. На Кавказѣ въ 1845—46 гг. онъ написалъ свои „Пѣсни Мирзы Шаффи“ (Lieder des Mirza Schaffy), очень красивыя лирическія стихотворенія, выражающія свѣтлый и бодрый взглядъ на жизнь (см. Вѣстн. Евр. 1873, № 4, 17 пьесъ изъ этого сборника, пер. Е. Марковымъ; ср. Гербель о. с. стр. 616 и слѣд.). Gesammelte Schriften Боденштедта вышли въ 12 томахъ 1865—1867.

**) Полная его венгерская фамилія: Niembsch von Strehlenau.

Лирическія стихотворенія *) Ленау искренни и оригинальны и превосходно воспроизводятъ тонъ народной пѣсни, но репутація его зиждется главнымъ образомъ на его балладахъ и большихъ эпическихъ и драматическихъ поэмахъ **), въ двухъ изъ которыхъ онъ не задумался состязаться съ самыми задушевными произведеніями Гёте и Байрона; оба героя этихъ произведеній: Фаустъ и Донъ-Жуанъ кончаютъ у него самоубійствомъ. Въ его вполнѣ оригинальныхъ поэмахъ, напр.: „Анна" и „Жижка" ***) видна рѣдкая сила фантазіи и энергія чувства, но фантазія его настроена до крайности мрачно и поражаетъ своей изобрѣтательностью именно въ ужасномъ ****), а чувство иногда прорывается съ такою неудержимою силою, что принимаетъ патологическій характеръ *****).

Его другъ, біографъ и издатель его сочиненій, графъ Антонъ-Александръ Ауэрспергъ, писавшій подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна, чистокровный австріецъ. Онъ род. въ 1806 г. въ Лайбахѣ, въ Каринтіи, учился нѣкоторое время въ знаменитомъ Терезіанумѣ, потомъ въ инженерномъ училищѣ и въ университетѣ, путешествовалъ по Франціи и Италіи, потомъ управлялъ наслѣдственными имѣніями. Первый сборникъ его стихотвореній носилъ романтическое и даже сантиментальное заглавіе: „Листки любви" (Blätter der Liebe, Stuttg. 1830); за нимъ послѣдовалъ циклъ балладъ, героемъ которыхъ былъ императоръ Максимиліанъ: „Послѣдній рыцарь" (Der letzte Ritter; размѣръ — строфа Нибелунговъ), съ еще болѣе слабымъ отношеніемъ къ современности; но въ 1831 г. выходятъ его „Прогулки вѣнскаго поэта" (Spaziergänge eines wiener Poeten), представляющія рѣзкую и мѣстами остроумно-ѣдкую сатиру, противъ существующихъ въ Австріи и во всей Германіи порядковъ. Въ это-то время онъ и Ленау являются пѣвцами либеральной оппозиціи и поддерживаютъ недовольство „системой" Меттерниха. Въ 1848 г. Ауэрспергъ посланъ отъ Лайбаха въ нѣмецкій парламентъ, но остается тамъ недолго и уходитъ разочарованный. Послѣ этой неудачи онъ нѣсколько лѣтъ живетъ вдали отъ общественной жизни, но въ 1859 г. снова призванъ къ ней правительствомъ и уже не сходитъ со сцены до самой смерти; онъ одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ Палаты Господъ, и дѣйствуетъ во главѣ либеральныхъ прогрессистовъ, но горячо защищаетъ единство Австріи. Онъ умеръ въ 1876 г., вскорѣ послѣ того, какъ соотечественники отпраздновали съ большимъ торжествомъ его 70-лѣтній юбилей.

Его двѣ эпическія поэмы: Niebelungen in Frack (1843) и „Каленбергскій священникъ" (1850 г.) не считаются особенно удачными; лучше его послѣдній циклъ балладъ: Robin Hood (1864 г.) изъ жизни средневѣковой Англіи [6]).

Его сверстникъ Францъ Іозефъ баронъ Мюнхбеллинггаузенъ, писавшій подъ именемъ Фридриха Гальма, не касался политики и посвятилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ драмѣ. Онъ род. въ Краковѣ и съ дѣтства почувство-

---

*) Gedichte 1832 г. Neuere Gedichte 1838 г.

**) Faust 1835 г., Savanarola 1837 г., Albigenser 1842 г., „Донъ-Жуанъ" изданъ послѣ его смерти.

***) См. у Гербеля о. с., 555—566.

****) Барабанъ съ натянутой кожей Жижки взялъ онъ изъ преданія; но кто, кромѣ него, послѣ романтиковъ, могъ выдумать, напр., сцену свиданія матери съ нерожденными дѣтьми?

*****) О немъ см. Karpeles: Nic. Lenau, Berl. 1873 г. По-русски кромѣ Гербеля А. Чижовъ: Стихотворенія Ленау. Москва. 1862 г. „Фаустъ" отд. сцены (въ томъ числѣ окончаніе), пер. Холодковскаго. Вѣстн. Евр. 1878, № 10.

[6]) О немъ см. Гербель о. с., 568—70. Schatzmayer: Anton Graf v. Auersperg. Vortrag (2-е изд. 1872 Frankf.) и пр.

валъ страсть къ театру. Онъ выступилъ съ пьесой „Гризельда" въ 1835 (на тему извѣстной новеллы Бокаччіо, но съ инымъ окончаніемъ: оскорбленная Гризельда возвращается къ отцу и находитъ тамъ успокоеніе), которая имѣла большой успѣхъ. Одно изъ раннихъ его произведеній — драматическая поэма: „Камоэнсъ" извѣстна у насъ по прекрасному переводу Жуковскаго. Онъ же приспособлялъ для вѣнской сцены пьесы великихъ мастеровъ Лопе, де Веги и Шекспира (Цимбелинъ). Въ 1854 г. неизвѣстный авторъ поставилъ на сцену историческую трагедію „Равеннскій гладіаторъ", гдѣ удачно изображено столкновеніе грубой прямоты германцевъ и римской разлагающейся культуры; она очень понравилась публикѣ, но авторъ все оставался неизвѣстнымъ; Гальмъ назвалъ себя только тогда, когда нашлись другіе охотники воспользоваться его правами. Съ 1867 г. по 1870 Гальмъ былъ главнымъ директоромъ придворнаго вѣнскаго театра. Онъ ум. въ 1871 г.

Гальмъ хорошо зналъ сцену, но писалъ свои пьесы больше умомъ, чѣмъ фантазіей и чувствомъ; оттого, по выраженію одного французскаго критика, каждая изъ его драмъ есть диссертація въ драматической формѣ.

Къ младшему поколѣнію австрійскихъ поэтовъ принадлежатъ Беккъ и Гартманъ.

Карлъ Исидоръ Беккъ, сынъ еврея, род. въ 1817 г. въ Венгріи, учился въ Пештѣ, 16-ти лѣтъ былъ студентомъ въ Вѣнѣ, откуда потомъ перешелъ въ Лейпцигъ; уже въ 1836 г. онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній: „Ночи", за которымъ слѣдовало нѣсколько другихъ подобныхъ, поэму: „Саулъ" и романъ въ стихахъ: „Янко, лошадиный пастухъ". Послѣ долгихъ странствованій Беккъ въ 40-хъ годахъ поѣхалъ въ Швейцарію, попалъ подъ вліяніе политическихъ изгнанниковъ и написалъ свои „Пѣсни о бѣдномъ человѣкѣ" *), которыя имѣли большой успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря своей гуманистической тенденціи. До 1848 г. онъ жилъ въ Берлинѣ, потомъ, послѣ долгаго скитанія, поселился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ въ 1879 г. Изъ послѣднихъ его произведеній болѣе другихъ имѣла успѣха поэма „Ядвига" (1863 г.) **).

Изъ евреевъ же происходитъ и Морицъ Гартманъ. Онъ род. въ 1821 г. въ Чехіи, въ бѣдной семьѣ; съ трудомъ могъ онъ получить первоначальное образованіе, но потомъ успѣлъ пробиться въ университетъ, учился въ Прагѣ и въ Вѣнѣ, путешествовалъ пѣшкомъ по Швейцаріи и Италіи и поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ издалъ сборникъ своихъ либеральныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Чаша и Мечъ" (Kelch und Schwert 1845 г.). Преслѣдованія полиціи заставили его уѣхать за-границу; онъ жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ и познакомился тамъ съ Беранже, Мюссе и Гейне. Вернувшись въ Австрію, онъ былъ арестованъ въ 1847 г.; революція освободила его; онъ уѣхалъ въ Вѣну и принималъ дѣятельное участіе въ движеніи. Послѣ разгрома и неудачной попытки возбудить движеніе въ Баденѣ, онъ бѣжалъ въ Швейцарію, потомъ путешествовалъ по Голландіи, Англіи и южной Франціи. Во время Севастопольской войны онъ былъ корреспондентомъ „Кёльнской газеты" съ мѣста военныхъ дѣйствій. Только въ 1863 г. онъ могъ вернуться въ Германію, жилъ въ Штутгартѣ, потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ и ум. въ 1872 г.

Гартманъ честный, никогда не измѣнявшій своимъ убѣжденіямъ, политическій дѣятель, горячо симпатизировавшій угнетеннымъ чехамъ и даровитый литераторъ, хорошо владѣвшій стихомъ и умѣвшій находить или изобрѣтать эффектные мотивы и сюжеты. Одно изъ самыхъ крупныхъ и удачныхъ его произведе-

*) Lieder vom armen Mann. 1846.

**) См. Гербель о. с., 571—573.

ній—идиллія въ 7 пѣсняхъ: „Адамъ и Ева“ (1851 г.), тепло и живо рисующая рядъ картинъ изъ жизни чешскихъ крестьянъ. Очень удачны также нѣкоторыя изъ его лирическихъ стихотвореній и небольшихъ балладъ *). Его историческіе романы богаты содержаніемъ и хорошо разсказаны, но не оставляютъ глубокаго впечатлѣнія и не свободны отъ банальныхъ преувеличеній.

Самый выдающійся изъ австрійскихъ поэтовъ новѣйшаго времени, безъ сомнѣнія, Робертъ Гамерлингъ (Hamerling); онъ род. въ 1830 г. въ Нижней Австріи, въ романтической мѣстности, близъ зàмка, гдѣ одно время жила семья Карла X. Онъ былъ такъ бѣденъ, что только при посредствѣ благодѣтелей могъ попасть въ гимназію; поступивъ въ вѣнскій университетъ, онъ занимался естественными науками и философіей. Въ 1848 г. онъ дѣйствовалъ въ академическомъ легіонѣ, но скоро вернулся къ наукѣ и поэзіи. Чтобы имѣть возможность помогать родителямъ, онъ взялъ мѣсто преподавателя сперва въ Вѣнѣ, потомъ въ Грацѣ, а въ 1855 г. былъ переведенъ старшимъ учителемъ въ Тріэстъ, гдѣ и оставался 11 лѣтъ, несмотря на свое слабое здоровье. Въ 1866 г., когда его литературная извѣстность уже стояла довольно высоко, ему дали по болѣзни пенсію, а въ то же время одна добрая душа назначила ему постоянное пособіе изъ частныхъ средствъ, чтобы онъ могъ свободно отдаться творчеству. Съ тѣхъ поръ Гамерлингъ поселился въ Грацѣ.

Первыя его произведенія носятъ сантиментально-лирическій характеръ **), но и въ нихъ часто мысль преобладаетъ надъ чувствомъ. Въ 1858 г. появилась его небольшая поэма: «Венера въ изгнаніи», въ которой онъ стремится примирить личное счастіе съ міровой жизнью. «Лебединая пѣснь романтизма» (Ein Schwanenlied der Romantik. 1862 г.), написанная размѣромъ Нибелунговъ, въ рядѣ отдѣльныхъ картинокъ изображаетъ гибель поэтическихъ идеаловъ и побѣду разума. Обѣ эти пьесы—родъ лирическаго эпоса. Въ 1864 г. появился болѣе эпическій «Походъ Германцевъ», изображающій ихъ передвиженіе изъ Азіи въ Европу подъ предводительствомъ Тевта; а черезъ 4 года является наиболѣе прославленное его произведеніе: «Агасверъ въ Римѣ» ***), которое въ рядѣ дѣйствительно роскошныхъ картинъ звучными стихами должно изображать, по собственному толкованію поэта, не вѣчнаго жида, а вѣчнаго человѣка, попавшаго въ полный разгулъ матеріализма. «Царь Сіона» (т.-е. Іоаннъ Лейденскій, 1869 г.) тоже изображаетъ подавленіе идеала чувственностью. По основной мысли съ нимъ въ связи трагедія въ прозѣ: «Дантонъ и Робеспьеръ», гдѣ Робеспьеръ, вслѣдствіе неразборчивости въ средствахъ, изъ идеалиста становится злодѣемъ. Она писана для сцены, но крайне не

*) См. „Бѣлое покрывало“ и др. Гербель о. с., 575—581.

**) Напечатаны подъ заглавіемъ: „Sinnen und Minnen“ въ 1859 г.

***) Уже въ 1877 г. выдержалъ 12 изданій. См. у Гербеля о. с., стр. 636 и слѣд.

сценична, и даже горячіе поклонники поэта удивляются въ ней «грандіозному стилю», а не характеристикамъ и драматичности. Очень характерна его кантата: «Семь смертныхъ грѣховъ», въ которой дьяволъ послѣ разслѣдованія и сравненія первую награду присуждаетъ лѣности (не забудемъ, что авторъ старый педагогъ); отъ нея погибнутъ люди, если пѣснь поэта не возбудитъ въ нихъ дѣятельнаго стремленія къ божеству. Изъ послѣднихъ его произведеній отмѣтимъ историко-художественный романъ: «Аспазія» (37, 1875—6), разрабатывающій такую утѣшительную для человѣчества идею: у грековъ было царство чистой и ни отъ чего независимой красоты, а новое время понимаетъ красоту, какъ результатъ добра и правды *).

Гамерлингъ — художникъ, но особаго рода, популярнаго именно въ Германіи: идея у него всегда на первомъ планѣ, и она подчиняетъ себѣ чувство и фантазію. Онъ обращаетъ большое вниманіе на отдѣлку и форму (каждая поэма написана особымъ размѣромъ), и часто переходитъ въ этомъ отношеніи границу, отдѣляющую богатство красокъ отъ поэтической реторики. Чтеніе его доставляетъ эстетическое наслажденіе и обогащаетъ мыслями, но надо сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы, прервавши его, снова къ нему возвратиться.

Упомянувъ о Гервергѣ, мы не имѣемъ права обойти молчаніемъ болѣе вліятельныхъ поэтовъ—Прутца и Дингельштедта.

Роб. Эрнсъ Прутцъ род. въ 1816 г. въ Штетинѣ, въ 1834 г. поступилъ въ берлинскій университетъ, оттуда перешелъ въ Галле, гдѣ занимался филологіей и исторіей. Рано заявивъ въ стихахъ о своей симпатіи къ либеральному движенію, онъ въ началѣ 40-хъ годовъ переѣзжаетъ изъ города отъ преслѣдованій полиціи и другихъ непріятностей; въ 1847 г. ему удалось получить мѣсто директора театра въ Гамбургѣ. Въ революціи 1848 г. онъ сначала принималъ дѣятельное участіе, но скоро разочаровался въ возможности успѣха. Съ 1849 по 1859 г. онъ состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ исторіи литературы въ Галле и въ то же время (съ 1851 г.) редактировалъ журналъ: Deutsches Museum. Въ 1859 году онъ вернулся на родину, читалъ съ большимъ успѣхомъ (какъ и прежде въ другихъ городахъ) публичныя лекціи по исторіи и литературѣ, и умеръ тамъ въ 1872 г.

Кромѣ массы лирическихъ стихотвореній **), Прутцъ написалъ нѣсколько историческихъ драмъ (самая извѣстная изъ нихъ послѣдняя: „Эрихъ—крестьянскій король“) и нѣсколько романовъ изъ современной жизни. Вездѣ видна у него серьезная мысль, обработанная съ большимъ умѣньемъ и стараніемъ, но творческая сила его весьма ограничена. Прутцъ составилъ нѣсколько очень хорошихъ историко-литературныхъ работъ, преимущественно по исторіи театра.

Францъ Дингельштедтъ род. въ 1814 г. въ Гессенѣ, учился въ марбургскомъ университетѣ, былъ учителемъ, а съ 1841 г. корреспондентомъ газеты Allgemeine Zeitung и по порученію газеты проживалъ подолгу и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Его „Пѣсни международнаго ночного сторожа“ (Lieder eines kosmopolitischen Nachtwächters), въ которыхъ сильно достается общественному строю

*) Гамерлингъ далъ прекрасный переводъ Леопарди еще въ 1866 г.

**) См. нѣкоторыя у Гербеля о. с., стр. 611—616.

нѣмецкой жизни, очень нравилась въ то время за рѣзкость своихъ обличеній. Онъ писалъ также романы и повѣсти, но сантиментальнаго характера. Его пьеса: „Домъ Барневельтъ“ показываетъ основательное изученіе нѣмецкихъ классиковъ и обработана очень старательно. Онъ былъ призванъ въ Штутгартъ въ качествѣ придворнаго чтеца, потомъ въ 1850 г. сдѣланъ управляющимъ придворнаго театра въ Мюнхенѣ, откуда потомъ перешелъ въ Веймаръ; онъ принесъ большую пользу дѣлу прекрасной постановкой нѣмецкихъ классическихъ пьесъ, а также Шекспира и Мольера. Въ 1867 г. онъ призванъ въ Вѣну, гдѣ управлялъ сперва опернымъ театромъ, потомъ драматическимъ; онъ, можно сказать, возстановилъ въ Германіи Шекспира и нѣмецкихъ классиковъ и приспособилъ къ сценѣ Гётевскаго Фауста. Онъ ум. въ 1884 г.

Въ другихъ направленіяхъ работали для нѣмецкаго театра Бенедиксъ и Брахфогель.

Юлій Родерихъ Бенедиксъ, называемый нѣмецкимъ Скрибомъ, род. въ 1811 г. въ Лейпцигѣ; едва кончивъ начальное образованіе, онъ по страсти поступилъ въ актеры, странствовалъ по разнымъ городамъ Германіи, но не проявлялъ выдающагося таланта. Въ 1841 г. онъ поставилъ на сцену первую свою комедію: „Старый студентъ“ (букв. Мохомъ покрытая голова: Des bemooste Haupt); ея успѣхъ заставилъ его оставить сцену и отдаться драматургіи. Немногія его драмы слишкомъ сантиментальны и удержались недолго; зато его многочисленныя комедіи (85 счетомъ; 27 томовъ его сочиненій изд. въ Лейпцигѣ 1846—1874 заключаютъ почти всѣ ихъ) имѣли и до сихъ поръ имѣютъ успѣхъ на всѣхъ нѣмецкихъ сценахъ. Это—комедіи интриги и отчасти нравовъ (напр. всѣмъ извѣстная „Докторъ Веспе“) на нѣмецкій ладъ, веселыя и остроумныя, съ чисто-внѣшними, довольно тривіальными эффектами, не претендующія на глубину характеровъ и оригинальность мысли, но очень сценичныя. Отъ французскихъ пьесъ такого рода ихъ выгодно отличаетъ полное отсутствіе фривольности, уваженіе къ семьѣ и другимъ основамъ общества.

Бенедиксъ много и не безъ пользы занимался теоріей театральнаго искусства и драматической литературой. Еще въ 1842 г. онъ читалъ въ Кёльнѣ интересный курсъ о Фаустѣ. Въ 1849 г. онъ получилъ въ томъ же городѣ мѣсто профессора литературы и декламаціи въ Музыкальной школѣ, и впослѣдствіи обработалъ и издалъ свой курсъ (Der mündliche Vortrag, 3-е изд. Lpz. 1872—6). Съ 1861 г. онъ жилъ въ родномъ Лейпцигѣ, гдѣ и умеръ въ 1873 г. Его посмертная книга съ краснорѣчивымъ заглавіемъ: „Шекспиpоманія“ (Shakespearomanie 1874 г.) нашла нѣсколькихъ послѣдователей и возбудила небольшую полемику, но не оказала дѣйствія на массу нѣмецкой интеллигенціи *).

Альбертъ Эмиль Брахфогель род. въ 1824 г. въ Бреславлѣ; мать его страдала душевной болѣзнью, и образованіе его шло въ высшей степени неправильно; не кончивъ средней школы, онъ учился сперва у гравера, потомъ у скульптора, потомъ готовился поступить на сцену и провалился на дебютѣ въ Вѣнѣ. Возвратившись въ родной городъ, онъ поступилъ въ университетъ и работалъ нѣкоторое время очень усердно. Свою литературную карьеру онъ началъ въ Берлинѣ, но первая его пьеса: Jean Fayard (1850 г.) была запрещена за политическую тенденцію. Онъ снова вернулся въ Бреславль и такъ непрактично распорядился отцовскимъ достояніемъ, что скоро очутился въ отчаянномъ положеніи. Въ это-то время, больной душою и тѣломъ, онъ работалъ надъ своей знаменитой пьесой „Нарциссъ“, сюжетъ которой онъ заимствовалъ изъ „Племянника

*) У Гербеля о. с. см. его драматич. этюдъ въ пер. Ѳ. Миллера 529—534.

Рамо“. Скоро Брахфогелю удалось получить мѣсто секретаря въ театрѣ Кроля въ Берлинѣ, и тамъ въ 1856 г. онъ поставилъ „Нарцисса“, который быстро обошелъ всѣ нѣмецкія и многія иностранныя сцены.

Вся сила пьесы въ характерѣ героя и его страстныхъ, мѣстами очень умныхъ монологахъ: несчастный (вслѣдствіе измѣны жены), до крайности впечатлительный и горячій человѣкъ поставленъ среди эгоистичнаго холоднаго общества времени Люд. XV. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство и съ Идіотомъ и съ Алешей Карамазовымъ Достоевскаго, но отличается отъ нихъ къ своей невыгодѣ отсутствіемъ положительныхъ идеаловъ: гуманности и народной религіи.

Монологи героя, устами котораго говоритъ самъ поэтъ, направлены не только противъ испорченности и эгоизма свѣтскаго общества (въ данномъ случаѣ до-революціоннаго), но и противъ философовъ-просвѣтителей и противъ самой революціи, которая не въ состояніи устранить неравенства; единственно, на чемъ можетъ успокоиться человѣкъ, это любовь къ отечеству, которой герой и приноситъ въ жертву свою возлюбленную Помпадуръ. Характеръ Помпадуръ не вышелъ такимъ, какъ хотѣлъ авторъ: въ ней только отдѣльные штрихи величія, и причина ея озлобленія противъ Франціи остается мало понятной. Лучше задуманъ характеръ актрисы Кино́, но и онъ недостаточно обработанъ. Въ общемъ пьеса при хорошей игрѣ сильно трогаетъ и потрясаетъ; зритель чувствуетъ, что она написана, какъ говорится, „кровью сердца“ автора. Слѣдующія пьесы Брахфогеля: Adalbert vom Babenberge (1858), Mon de Caus (1859), Der Usurpator (1860) и т. д. довольно сценичны, но далеко не имѣютъ задушевности Нарцисса, а отсутствіе гармоніи и отдѣлки въ нихъ остается то же самое.

Тотъ же недостатокъ портитъ и лирическія произведенія Блахфогеля (Dichtungen. 1869 г.), изъ которыхъ иныя поражаютъ глубиною и оригинальностью мысли.

Многочисленные романы и повѣсти Брахфогеля написаны имъ наскоро, почти исключительно для денегъ и въ нихъ только изрѣдка виденъ авторъ Нарцисса. Брахфогель ум. 1878 г. въ Берлинѣ.

Умѣлая постановка «классиковъ» Дингельштедтомъ, сценичная, но не выходящая изъ предѣловъ посредственности комедія Бенедикса и сильная, но не обдѣланная и изолированная драма Гуцкова или Брахфогеля—вотъ три типа, къ которымъ сводится вся оригинальная производительность нѣмецкаго театра послѣ романтиковъ. Но Уріэль Акосты и Нарциссы являются очень рѣдко, а Бенедиксъ имѣетъ немного наслѣдниковъ; поэтому Германія, какъ и Англія, должна поневолѣ усвоивать продукты плодовитой французской драматургіи. И въ Германіи, какъ и въ Англіи, граціозная фривольность французскихъ пьесъ или исключается—въ такомъ случаѣ въ нихъ остается очень мало содержанія и смыслу—или въ близкомъ переводѣ она превращается въ грубый цинизмъ. Болѣе оригинальнаго и отраднаго представляетъ нѣмецкій романъ. Вильгельмъ Мейстеръ оказался болѣе плодотворнымъ образцемъ, нежели великія драмы Шиллера.

Самый вліятельный и типичный изъ нѣмецкихъ романистовъ новѣйшаго періода Бертольдъ Ауэрбахъ, род. въ 1812 году въ шварцвальдской деревнѣ (въ Вюртенбергѣ), въ бѣдномъ еврейскомъ

семействѣ; его готовили въ раввины, и когда ему было 12 лѣтъ, его отправили въ талмудическую школу, откуда онъ перешелъ въ раввинское училище въ Карльсруэ. Но не чувствуя склонности къ предназначенной ему карьерѣ, онъ перешелъ въ гимназію и, окончивъ тамъ курсъ, поступилъ на юридическій факультетъ въ Тюбингенъ. Онъ такъ громко высказывалъ свое сочувствіе либеральнымъ идеямъ, что былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Освобожденный изъ заключенія, онъ переѣхалъ въ Мюнхенъ, потомъ въ Гейдельбергъ, гдѣ занимался философіей и исторіей, и былъ ученикомъ Шлоссера. Свою литературную дѣятельность онъ началъ съ брошюры *), въ которой защищалъ своихъ единовѣрцевъ отъ упрека въ политическомъ индиферентизмѣ. Затѣмъ онъ составилъ планъ написать серію романовъ изъ исторіи еврейства подъ общимъ заглавіемъ: Das Ghetto **); онъ исполнилъ его только отчасти въ своихъ первыхъ романахъ: «Спиноза» (Mannh. 1837 г., 6-ое изд. Stuttg. 1871) и «Поэтъ и Купецъ» (Dichter und Kaufmann Mannh. 1839, 7-ое изд. Stuttg. 1871); оба они крайне фрагментарны и тенденціозны и не имѣли никакого успѣха ***). Вскорѣ послѣ этого Ауэрбахъ вступаетъ на новый, гораздо болѣе плодотворный путь—становится реалистомъ и жанристомъ, какихъ еще не видала до тѣхъ поръ Германія. Подъ заглавіемъ: «Шварцвальдскія деревенскія исторіи» ****) онъ начинаетъ печатать разсказы изъ жизни той бѣдной деревни, гдѣ онъ родился, разсказы, написанные простымъ языкомъ, съ простонародной, но согласной съ убѣжденіями автора моралью; ихъ безпритязательность, благодушный юморъ, ясная, но глубокая психологія и соединеніе реализма съ теплымъ поэтическимъ колоритомъ понравились всѣмъ и каждому, и онѣ имѣли успѣхъ, въ Германіи почти безпримѣрный: уже первый выпускъ разошелся въ количествѣ 40,000 экземпляровъ. Ауэрбахъ продолжаетъ свои «Исторіи» подъ разными заглавіями и послѣ 1848 г., который сильно измѣнилъ его взгляды: бывшій радикалъ теперь проповѣдуетъ умѣренность и терпѣніе; онъ убѣжденъ, что вмѣсто неудавшейся политической революціи должна быть произведена мирная революція внизу, въ самомъ народѣ: это будетъ революція очищенія посредствомъ здоровой нравственности, взаимной помощи и главное: труда, въ святость котораго онъ твердо вѣруетъ.

*) Das Judenthum und die neueste Literatur. Stuttg. 1836.

**) Такъ назывался еврейскій кварталъ въ старыхъ городахъ Италіи и Германіи.

***) Герой перваго—знаменитый философъ, котораго А. изучалъ очень старательно. Спиноза—молодой и свободомыслящій раввинъ; онъ одинъ ведетъ борьбу съ „правовѣрными“, теряетъ въ ней семью, теряетъ предметъ своей любви, но остается вѣренъ своему убѣжденію, что еврейство можетъ спастись только въ союзѣ съ умственной культурой. Герой втораго романа—поэтъ Эвфраимъ Ку, другъ Мендельсона.

****) Schwarzwälder Dorfgeschichten, 2 т., Mannh. 1843; 3 и 4 томы 1853—4 г.

Съ пятидесятыхъ годовъ Ауэрбахъ началъ печатать народные календари и въ нихъ помѣщаетъ свои новые разсказы, такіе же простые и симпатичные, какъ и «Шварцвальдскія исторіи» *). Онъ становится вліятельнымъ народнымъ писателемъ и прививаетъ читателямъ свои честные и умѣренно прогрессивные взгляды.

Первый изъ большихъ романовъ Ауэрбаха, имѣвшихъ успѣхъ **): «На высотѣ» (Auf der Höhe) выходитъ въ 1865 г.; въ немъ поэтъ вводитъ въ высшій придворный кругъ съ его интригами и борьбой простую крестьянку, которая попадаетъ туда въ качествѣ кормилицы. Романъ богатъ идеями, содержаніемъ и драматическими сценами, но ему вредитъ высокоподнятый тонъ и какая-то манерность, которая ведетъ за собой неполноту впечатлѣнія, неудовлетворенность. Тѣ же хорошія и дурныя стороны таланта Ауэрбаха еще замѣтнѣе въ самомъ знаменитомъ его романѣ: «Дача на Рейнѣ» (Das Landhaus am Rhein. 5 Bd. Stuttg. 1869).

Трудно примирить дѣйствіе этого романа во время его чтенія съ тѣмъ результатомъ, который получается послѣ него. Съ первыхъ же страницъ читатель очарованъ богатствомъ его содержанія: интересный, вполнѣ современный сюжетъ, прекрасное описаніе роскошной сцены дѣйствія, масса живыхъ лицъ и положеній приковываютъ вниманіе. Правда, рядомъ съ «типами» много дѣланныхъ, идеальныхъ людей ***), которыми авторъ занимается гораздо больше, чѣмъ лицами реальными; но зато какія умныя мысли высказываетъ онъ ихъ устами! Какое множество глубокихъ вопросовъ выдвигаетъ онъ и какъ оригинально и умно разрѣшаетъ онъ иные изъ нихъ ****)! Правда, любовныя сцены до крайности сладки и сантиментальны, и взгляды автора на отношенія половъ не отличаются широтою и оригинальностью *****); но читатель знаетъ, что онъ въ Германіи, гдѣ этимъ взглядамъ соотвѣтствуетъ дѣйствительность, а объясненіямъ героя съ героиней авторъ отводитъ очень немного мѣста.

Дѣйствіе идетъ все скорѣй и скорѣй; нити сложной интриги переплетаются все больше и больше, не настолько однако, чтобы утомить вниманіе; нѣкоторые характеры являются совсѣмъ въ новомъ

---

*) Три изъ нихъ: „Громовый слесарь“, „Братья враги“ и „Гуцель и Похель“ пер. въ Совр. 1861. № 4.

**) „Новая жизнь“ (Neues Leben. 3 Bd. Mannh. 1851 г.) имѣетъ скорѣй историческое (она изображаетъ дѣйствіе революціи 1848 г.), чѣмъ художественное значеніе.

***) Эрихъ, мать его, тетка, Манна, Клодвигъ и т. д. и т. д.

****) Укажемъ, напр., цѣлую серію вопросовъ педагогическихъ, такъ живо выставленныхъ въ исторіи отношеній Эриха и Роланда.

*****) Припомнимъ, какъ Эрихъ сейчасъ же послѣ объясненія предписываетъ Маннѣ молчать, и она съ радостью исполняетъ его „приказаніе“.

свѣтѣ *); открываются обширные горизонты; выступаютъ на сцену и дворъ, и народная толпа въ разнообразныхъ положеніяхъ **); рѣзко обозначается единство фабулы, въ которой всѣ перепетіи сводятся къ цвѣтущимъ берегамъ Рейна; возбуждается фантазія мистическими совпаденіями ***). Наконецъ, наступаетъ развязка эффектная (съ американской войной за свободу) и до-нельзя оптимистическая: всѣ хорошіе люди очищены испытаніями и награждены по заслугамъ, и на берегахъ священной національной рѣки, очищенной отъ скверншихъ ее построекъ банкира, возникаетъ новая радостная жизнь труда и всеобщаго счастія.

Романъ написанъ такимъ талантливымъ, умнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, написанъ такъ восторженно и оканчивается такъ счастливо, что онъ долженъ бы вызывать слезы на глазахъ у всякаго; а между тѣмъ едва ли онъ можетъ растрогать даже того читателя, который плачетъ при послѣднихъ главахъ каждаго порядочнаго англійскаго романа. Причина понятна: тамъ живые люди, а здѣсь оживотворенныя идеи, часто очень глубокія и умныя, но все же мертвыя для чувства.

Если читатель «Дачи на Рейнѣ», закрывъ послѣднюю страницу, мысленно осмотритъ всѣ прочтенные 5 томовъ и постарается опредѣлить главную изъ этихъ идей, едва ли онъ не придетъ къ заключенію, что она есть только модификація старинной романтической формулы о губительномъ дѣйствіи на человѣка холоднаго разсудка и матеріализма; мѣсто ненавистныхъ «просвѣтителей» занялъ американскій банкиръ, а мѣсто поэзіи, «святаго искусства» — трудъ на родной землѣ подъ руководствомъ жреца новой вѣры, Вейдемана.

Нельзя не сознаться, что тотъ французскій критикъ, который огульно обвиняетъ всю современную нѣмецкую поэзію въ томъ, что она до сихъ поръ только повторяетъ уроки романтиковъ ****), правъ до нѣкоторой степени.

Въ 1874 году выходитъ послѣдній большой романъ Ауэрбаха: «Вальдфридъ» *****), въ которомъ меньше вышеуказанной манерности и преувеличеній, чѣмъ въ предыдущихъ, но тоже больше мысли, чѣмъ

*) Такъ Зонненкампфъ, котораго въ началѣ мы склонны считать неглупымъ, но зазнавшимся выскочкой, поклонникомъ собственнаго величія, оказывается мрачнымъ злодѣемъ, сознательнымъ врагомъ свѣта и истины (отсюда и его фамилія?).

**) Какъ въ деревенскихъ разсказахъ А., такъ и здѣсь, она въ общемъ руководится вѣрнымъ инстинктомъ, но въ частныхъ случаяхъ глупа и наивна, хотя и добродушна.

***) Наканунѣ кризиса у Зонненкампфа всю ночь болитъ палецъ, укушенный негромъ, какъ бы чувствуя приближеніе врага и пр.

****) A. Bossert въ Grande Encyclopédie.

*****) Waldfried, Stuttg. 3 v.

художественности. Тенденція романа очень ясна и проста, и проведеніе ея черезъ рядъ картинъ изъ нѣмецкой жизни послѣднихъ десятилѣтій есть важный актъ патріотизма со стороны Ауэрбаха: герой романа, радикалъ и республиканецъ 30-хъ годовъ, дѣлается постепенно убѣжденнымъ защитникомъ существующаго порядка вещей и видитъ въ Германіи Бисмарка осуществленіе всѣхъ своихъ мечтаній, хотя и въ измѣненной формѣ. Насколько этотъ актъ удаченъ и цѣлесообразенъ—это вопросъ не литературный, а политическій.

Съ средины 70-хъ годовъ Ауэрбахъ снова возвращается къ повѣстямъ изъ деревенской жизни *), и если въ нихъ встрѣчаются повторенія и чувствуется мѣстами недостатокъ свѣжести и усиленная наклонность къ поучительности, въ нихъ есть и прекрасныя страницы, и вообще онѣ представляютъ собою одинъ изъ самыхъ здоровыхъ продуктовъ нѣмецкаго творчества.

Съ 1845 г. Ауэрбахъ жилъ по разнымъ городамъ Германіи, съ 1860 г. до самой смерти мѣстомъ его жительства считался Берлинъ, хотя онъ и часто уѣзжалъ оттуда, нуждаясь въ уединеніи для своихъ работъ. Онъ умеръ въ Каннахъ, въ южной Франціи, въ 1882 г. Первое собраніе его сочиненій вышло въ 1857—59 гг. въ 20 томахъ, слѣдующее въ 22 томахъ въ 1863—4 гг. и т. д. **).

Старѣйшій послѣ Ауэрбаха изъ нѣмецкихъ знаменитыхъ романистовъ второй половины столѣтія — Густавъ Фрейтагъ (Freytag). Онъ род. въ 1816 г. ***) въ Силезіи, занимался нѣмецкими нарѣчіями въ университетахъ Бреславля и Берлина, гдѣ былъ ученикомъ Лахмана; въ 1839 г. онъ получилъ приватъ-доцентуру въ Бреславлѣ, въ 1841 г. написалъ комедію «Свадебный поѣздъ или Кунцъ ф. д. Розенъ» (Die Brautfahrt oder Kunz v. d. Rosen), въ 1845 г. издалъ сборникъ своихъ стихотвореній (бóльшею частью въ топѣ народныхъ эпическихъ пѣсенъ) и поставилъ двѣ драмы: «Валентина» (1847 г.) и

---

*) Nach dreissig Jahren. 1876 г. 3 v. Der Forstmeister. 1879 г. 2 v. и др.

**) О немъ см. Revue d. d. M. G. Valbert 1884 г. 1 окт. и др. По-русски см. Отеч. Зап. 1858 г. № 2 „Ауэрбахъ и его романы". Ср. Совр. 1861 г. № 5, ст. Михайлова. Вѣстн. Евр. 1879 г. № 10, ст. Z. Z. и др.

Переводить на русск. его начинаютъ съ конца пятидесятыхъ годовъ, если не ошибаемся, съ „Босоножки" (Библ. для Чт. 1858 г. т. 147), которая очень понравилась критикѣ и публикѣ; затѣмъ переводятъ почти все подъ рядъ, кромѣ первыхъ неудачныхъ романовъ.

***) Въ одинъ годъ съ нимъ родились два нѣмецкихъ романиста, произведенія которыхъ тоже переводились на иностранные языки, въ томъ числѣ и на русскій: это Ф. Герштекеръ (Gerstäcker; онъ много лѣтъ провелъ въ Америкѣ и написалъ массу довольно занимательныхъ, но мало правдоподобныхъ романовъ изъ американскихъ нравовъ; ум. въ 1872 г.) и Гаклендеръ (Hackländer, авторъ не дурныхъ очерковъ изъ военнаго быта и многихъ плохихъ романовъ и драмъ; ум. въ 1877 г.); но они если и знамениты, то очень скоропреходящія.

«Графъ Вольдемаръ» (1850 г.), которыя имѣли успѣхъ на многихъ сценахъ. Въ 1847 г. онъ покинулъ Бреславль и поселился въ Дрезденѣ, потомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Ю. Шмидтомъ издавалъ журналъ Grenzboten и въ немъ проводилъ свои критическіе взгляды, до которыхъ доработался не сразу. Онъ прошелъ всѣ стадіи развитія новѣйшей нѣмецкой литературы: въ его лирическихъ пѣсняхъ—политическій паѳосъ; въ драмахъ онъ выражаетъ «міровую скорбь» и пессимизмъ. Затѣмъ онъ успокоивается на филистерски трезвомъ, реальномъ взглядѣ на жизнь, который впервые высказывается въ его романѣ: «Приходъ и расходъ» (по-нѣмецки: Soll und Haben 1855 г.); въ немъ Фрейтагъ противупоставляетъ дѣловитое купечество непрактичной и потому вымирающей аристократіи. Если идея романа узка, за то вѣрность характеристикъ, здоровый юморъ, живость дѣйствія дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ семейныхъ романовъ Германіи. Черезъ 9 лѣтъ выходитъ его романъ: «Потерянная рукопись» (Die verlorene Handschrift), гдѣ драматическій интересъ значительно сильнѣе и гдѣ передъ нами на сценѣ такой слой общества, который обособленъ только въ Германіи, а именно ученые. Съ 1872 г. начинаетъ выходить циклъ его романовъ: «Предки» (Die Ahnen; оконч. въ 1881 г.)—смѣлая и очень удачная попытка поэтически освѣтить все многовѣковое прошлое Германіи, начиная отъ лѣсной жизни дикарей, описанныхъ Тацитомъ, и до исторіи журналиста нашихъ дней.

Само собою напрашивается сравненіе съ упомянутымъ нами романомъ Э. Сю: «Тайны народа», который тоже воспроизводитъ 2000 лѣтъ національной исторіи, и результатъ сравненія не представляетъ ничего неожиданнаго: у Сю больше тенденціозности, больше эффекта, больше внѣшней занимательности; у Фрейтага больше теплоты и задушевности, больше красоты внутренней и, конечно, больше солидныхъ знаній. «Предки» произведеніе того же даровитаго популяризатора, которому принадлежатъ: «Картины изъ нѣмецкаго прошлаго» (Bilder aus der deutschen Vergangenheit. 1859—1862), рядъ монографій, связанныхъ хронологической послѣдовательностью, прекрасно задуманныхъ, мастерски написанныхъ и интересныхъ, почти какъ романъ *). Фрейтагъ также авторъ одной изъ немногихъ книгъ по теоріи поэзіи, которая читается и имѣетъ вліяніе—«Техника драмы» (Die Technik des Dramas, 1863 г., 4-е изд. 1884 г.).

Въ 1886 году, по случаю 70-ти-лѣтняго юбилея, Фрейтагу были оказаны разнообразныя почести; съ того же года начинаетъ

*) Въ Германіи „Картины" выдержали больше 10 изданій; на русск. яз. переведена 1-я часть „Картины средневѣковой жизни" г-жей Корсаковой. Изъ „Предковъ" на русск. яз. переведенъ первый романъ: „Инго и Инграбанъ" и послѣдній: „Изъ жизни маленькаго городка" (Aus einer kleinen Stadt).

выходитъ собраніе его сочиненій съ его еще ненапечатанной автобіографіей *).

Другой серьезный ученый, удачно выступившій на поприще прозаическаго вымысла — политико-экономъ и историкъ Вильг. Генрихъ Риль (Riehl); онъ род. въ 1823 г. въ Бибрихѣ, учился въ Висбаденской гимназіи, потомъ въ университетахъ Марбурга, Гёттингена, Бонна и Гиссена, былъ журналистомъ, съ 1851 г. принималъ участіе въ «Аугсбургской газетѣ», напечаталъ рядъ интересныхъ монографій по естественной исторіи народа, въ 1853 г. получилъ каѳедру въ Мюнхенѣ, гдѣ и работаетъ до сихъ поръ.

Въ годы зрѣлости Риль не брался за большіе романы **), но далъ Германіи, а за нею и всему читающему міру, массу прекрасныхъ культурно-историческихъ повѣстей ***). Онъ чувствуетъ себя какъ дома въ исторіи средней Европы за послѣдніе пять вѣковъ и умѣетъ немногими штрихами очертить цѣлую эпоху; особенно любитъ онъ изображать прошлое столѣтіе, и какъ ни печально прошло оно для большей части Германіи, онъ и въ немъ умѣетъ находить массу занимательности и поэзіи.

И Фрейтагъ, и Риль — ученики В. Скотта, но ученики, далеко обогнавшіе своего учителя въ отношеніи исторической вѣрности; Риль, благодаря формѣ повѣсти, могъ пойдти еще дальше Фрейтага, у котораго все же почти всегда есть традиціонные герой и героиня, которые въ концѣ концовъ должны сочетаться законнымъ бракомъ и романтическій интересъ (въ сущности небольшой) мѣшаетъ культурно-историческому; Риль приподнимаетъ завѣсу прошлаго съ любого угла и ведетъ насъ прямо въ обыденную жизнь грубаго барона или скопидома горожанина, не считая себя обязаннымъ занимать насъ избитыми любовными приключеніями.

Отсюда оставался только одинъ шагъ до археологическаго романа, этого характернаго продукта нашего времени вообще и Германіи, страны ученыхъ и педагоговъ, въ частности.

Археологическому роману предшествовала археологическая повѣсть, которая въ связномъ рядѣ картинъ рисовала жизнь древнихъ грековъ и римлянъ; цѣль ея—познакомить юношество пріятнымъ способомъ съ такъ-называемыми домашними древностями.

---

*) О немъ см. въ Revue d. d. M. 1 дек. 1874 г. (Alb. Reville) и 1 ноября 1881 г. (J. Bourdeau). По-русски: Вѣстн. Евр. 1879 г., № 4, ст. Z. Z.

**) Въ юности, въ 1848 г. онъ написалъ довольно посредственный романъ: Geschichte von Eisele und Beisele.

***) Kulturgeschichtliche Novellen 1856 (3-е изд. 1866); за ними Geschichte aus alter Zeit. 2 тома 1862 — 4. Neues Novellenbuch 1867 и слѣд. По-русски изъ нихъ: „Графиня Урсула“ (Русск. Вѣстн. 1857, № 7), „Амфіонъ“ ibid. 1857, № 8 и др.

Еще въ 1838 и 1840 гг. вышли двѣ такія повѣсти извѣстнаго знатока древности, лейпцигскаго профессора, Беккера (Wilh. Adolf Becker род. 1796 г., ум. 1846 г.): «Галлъ» и «Хариклъ» *), переведенныя почти на всѣ европейскіе языки; онѣ еще не претендовали на художественное значеніе и прекрасно исполняли свою скромную педагогическую задачу; но археологическіе романы Эберса уже важный историко-литературный фактъ.

Георгъ Эберсъ род. въ 1837 г. въ Берлинѣ, въ достаточномъ семействѣ, получилъ первоначальное образованіе въ школѣ, основанной Фребелемъ; въ гёттингенскомъ университетѣ онъ былъ юристомъ, но, перейдя въ Берлинъ, сталъ заниматься восточными языками и археологіей, а потомъ, съуживая спеціальность, остановился на египтологіи, въ которой имѣлъ такихъ блестящихъ руководителей, какъ Лепсіусъ и Бругшъ. Въ 1865 г. онъ сдѣлался приватъ-доцентомъ въ Іенѣ, а въ 1870 г. ординарнымъ профессоромъ въ Лейпцигѣ. Во время своего второго путешествія въ Египетъ онъ нашелъ и пріобрѣлъ знаменитый папирусъ (т.-наз. Papyrus E) и открылъ чрезвычайно важную надпись.

Первый свой романъ: «Дочь египетскаго царя» онъ написалъ еще до начала своей профессорской дѣятельности въ 1864 г.; съ 1876 г. ему запрещено по болѣзни серьезно заниматься, и онъ отдаетъ свой невольный досугъ романамъ, преимущественно изъ жизни Египта и прилежащихъ странъ, которые быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ (1877—«Уарда», 1878—«Homo Sum», 1880—«Сестры», 1881—«Императоръ», 1882 г.—«Вдова Бургомистра» и т. д.).

Научное достоинство этихъ романовъ (въ особенности—узко-египтологическихъ) стоитъ выше всякой критики; что же касается до поэтическаго, то ученый авторъ оказался художникомъ ровно настолько, чтобы не надѣлать грубыхъ ошибокъ: не приписать одному лицу противорѣчивыхъ чертъ, не выводить лицъ, ни на что не нужныхъ, оживлять описанія разговорами и сценами и т. д. Но онъ не могъ придать единство и жизнь всей массѣ добытыхъ наукой подробностей; не могъ создать живые типы, интересные характеры и положенія; не можетъ увлечь читателя, заставить его забыться. Это имѣетъ свою хорошую сторону: читатель, не поглощенный фабулой, внимательнѣй всматривается въ детали; но за то это чтеніе не художественное наслажденіе, а трудъ, облегченный ловкимъ педагогическимъ пріемомъ. Строгіе критики находятъ, что у Эберса въ одеждѣ египетскихъ жрецовъ и воиновъ дѣйствуютъ современные нѣмцы; они правы, но только до извѣстной степени: будучи лишенъ

*) Gallus, oder römische Scenen aus der Zeit Augustus, 2 Bd. и Charikles, oder Bilder altgriechisch. Sitten; обѣ много разъ перерабатывались.

творчества, авторъ не можетъ создавать такихъ людей, какихъ не видитъ и не знаетъ, но вѣдь и въ древнемъ Египтѣ бывали (хотя и не составляли большинства) спокойные, серьезные, вдумчивые люди, мечтательные въ юности, солидные и благоразумные подъ старость. Очень поучительно въ этомъ отношеніи сравненіе «Дочери Египетскаго царя» и «Уарды» съ Саламбо Флобера, въ которой, при всей старательности подготовки автора, художникъ беретъ верхъ надъ археологомъ; тамъ дѣйствуютъ люди, не похожіе на насъ и дѣйствуютъ не по нашему; тамъ детали поглощаются общимъ, это общее увлекаетъ фантазію, и въ немъ чувствуется и историческая и художественная правда *).

За историческую повѣсть съ успѣхомъ берется и наиболѣе совершенный «художникъ» изъ современныхъ нѣмецкихъ романистовъ—Гейзе.

Пауль Гейзе (Ioh. Ludw. Paul Heyse) род. въ 1830 г. въ Берлинѣ; онъ сынъ извѣстнаго профессора-филолога (отъ котораго и унаслѣдовалъ охоту и замѣчательную способность къ изученію языковъ) и еврейки; онъ получилъ прекрасное университетское образованіе, учился классическимъ языкамъ у Лахмана, а потомъ въ Боннѣ у Дица занимался романскими нарѣчіями, былъ очень близокъ съ извѣстнымъ историкомъ искусства Куглеромъ, на дочери котораго впослѣдствіи былъ женатъ и еще студентомъ два раза ѣздилъ въ Италію съ ученою цѣлью (для изученія памятниковъ романской поэзіи) **). Ему было всего 20 лѣтъ, когда онъ уже пріобрѣлъ литературную извѣстность своей книжкой: Jungbrunnenmärchen eines fahrenden Schülers и трагедіей: «Франческа Римини», за которой скоро послѣдовали двѣ поэмы (Die Brüder и Urica). Въ 1855 г. выходятъ его «Новеллы», имѣвшія большой успѣхъ. Послѣ этого онъ каждый годъ помѣщалъ въ журналахъ и издавалъ отдѣльными книжками оригинальныя и переводныя лирическія стихотворенія и небольшія поэмы ***), драмы и комедіи, изрѣдка романы и много новеллъ очень разнообразнаго характера.

Съ 1854 г. онъ могъ уже всецѣло отдаться литературѣ, будучи

*) Говоря объ Эберсѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ очень даровитомъ его предшественникѣ, къ сожалѣнію почти неизвѣстномъ за предѣлами Германіи: это Іозефъ Викт. Шефель (Scheffel); онъ род. 1826 г., получилъ литературную извѣстность своимъ идиллическимъ эпосомъ: Trompeter von Säckingen 1852 г. (до 1882 г. 77 изданій); въ 1855 г. вышла его превосходная картинка нравовъ X в. Ekkehard, написанная съ знаніемъ дѣла (Ш. былъ прекрасный германистъ) и съ талантомъ. Онъ умеръ 1886 г.

**) Результаты своихъ занятій онъ издалъ въ 1856 г.: Romanische Inedita, auf den italienischen Bibliotheken gesammelt.

***) Выше были упомянуты его переводы Джусти и Леопарди; въ 1882 г. онъ изд. Spanisches Liederbuch, 1860 г.—Italienisches Liederbuch.

обезпеченъ пенсіей, которую въ продолженіе 14 лѣтъ получалъ отъ короля баварскаго. Пенсія прекратилась въ 1868 г., но онъ остался жить въ Мюнхенѣ, по прежнему занимаясь исключительно литературой. Получая хорошій гонораръ за свои произведенія, онъ участвуетъ въ нѣсколькихъ большихъ предпріятіяхъ, въ родѣ напр. изданія сборника новеллъ нѣмецкихъ и иностранныхъ *).

Драматическія произведенія Гейзе имѣютъ, бо̀льшею частію, или лирическій (трагедіи и собственно драмы) или новеллистическій (комедіи) характеръ и лучше въ чтеніи, чѣмъ на сценѣ **). Его лирическія стихотворенія и поэмы, необыкновенно изящныя по формѣ, не представляютъ ничего выдающагося и долговѣчнаго по оригинальности содержанія. Его романы ***), переведенные почти на всѣ иностранные языки, при многихъ превосходныхъ частностяхъ, имѣютъ тотъ общій лучшимъ нѣмецкимъ романамъ недостатокъ, что написаны не съ живыхъ людей, а съ воплощенныхъ идей автора и страдаютъ отсутствіемъ единства и гармоніи. За то его новеллы—одно изъ лучшихъ созданій нашего столѣтія и положительное украшеніе нѣмецкой литературы за послѣднія 40 лѣтъ; не будь ихъ, было бы трудно указать въ ней произведеніе, художественное совершенство котораго не подвергалось бы сильному сомнѣнію.

Гейзе въ своей первой книжкѣ (Jungbrunnenmärchen) еще является послушнымъ ученикомъ романтиковъ, въ особенности Эйхендорфа; но, по удачному выраженію Брандеса ****), онъ скоро сознаъ, что романтическая поэзія—ночная красавица, а его тянуло къ свѣту и солнцу. Гейзе художникъ по природѣ; вліяніе Куглера и близкое знакомство съ Италіей развили въ немъ артистическія наклонности, а широкое филологическое образованіе и родъ занятій сдѣлали его художникомъ слова и поэтическаго образа. Уже въ одной изъ раннихъ своихъ новеллъ: «L'Arrabiata» *****) онъ показалъ характеръ своего таланта; передъ нами простые, по формѣ даже грубые, но здоровые и красивые душею и тѣломъ люди; въ несложномъ разсказѣ о ихъ любви авторъ такъ умѣлъ опоэтизировать жизненную правду

---

*) Deutscher Novellenschatz съ 1881 г., Novellenschatz des Auslandes съ 1872 года и т. д.

**) Лучшими считаются комедія: „Гансъ Ланге“ и трагедія: „Адріанъ“.

***) „Дѣти вѣка“ (Kinder der Welt, 1873 г. 3 т.; этотъ романъ произвелъ фуроръ потому, что объективный до тѣхъ поръ Гейзе оказался въ немъ борцемъ за свободу мысли и за задачи эпохи), „Въ раю“ (Im Paradiese, 1875 г. 3 т., изъ жизни мюнхенскихъ художниковъ; въ немъ второстепенныя лица больше удались поэту, чѣмъ главныя).

****) Его прекрасная статья о Гейзе помѣщена въ Rundschau за 1876 г., повторена въ книгѣ: „Новыя вѣянія“ (русск. пер. стр. 23 и слѣд.).

*****) См. переводъ въ Атенеѣ 1858 г., I, 378—397.

и въ то же время, если такъ можно выразиться, реализировать поэзію, что выставленная романтиками задача объединенія искусства и дѣйствительности была рѣшена.

Но Гейзе не можетъ обнять всей дѣйствительности: онъ поклонникъ прекрасной природы и самъ признаетъ, что изображаетъ съ любовью только привлекательныхъ для него людей; оттого его талантъ, чудный въ новеллахъ, всегда полныхъ содержанія и занимательности, не пригоденъ для драмы и романа; съ другой стороны, самая пластичность его фантазіи, требующая обстоятельности и многихъ подробностей, и придающая его прозѣ поразительную наглядность, дѣлаетъ его стихотворный стиль недостаточно краткимъ и сильнымъ.

Новеллами пріобрѣли себѣ имя и dii minores нѣмецкой Prosadichtung, пользующіеся извѣстностью и нѣкоторымъ вліяніемъ за предѣлами Германіи.

Старшій изъ нихъ Леопольдъ ф. Захеръ Мазохъ *) род. въ 1836 г. въ Лембергѣ, въ семействѣ довольно важнаго чиновника, съ дѣтства чувствовалъ страсть къ театру и пытался сочинять пьесы, получилъ очень хорошее образованіе и въ 20 лѣтъ уже былъ докторомъ и скоро затѣмъ доцентомъ исторіи въ Грацѣ; но въ 1869 г. онъ оставилъ преподаваніе и отдался исключительно литературѣ.

Первая повѣсть, имъ напечатанная: „Графъ Донскій" изображаетъ возстаніе въ Галиціи въ 1846 г.; за тѣмъ слѣдуетъ рядъ интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи и живо написанныхъ Галиційскихъ разсказовъ **); за тѣмъ нѣсколько не вполнѣ удачныхъ историческихъ романовъ (лучшій изъ нихъ Kaunitz, изображающій политическую и общественную жизнь въ Австріи въ XVIII в.) и пьесъ тоже сомнительнаго достоинства, а потомъ онъ обращается къ современному роману и подъ громкимъ заглавіемъ: „Идеалы нашего времени" (Die Ideale unserer Zeit. Bern. 3-е изд. 1875) издаетъ романъ, который переведенъ на многіе языки и имѣлъ сотни тысячъ читателей. Поклонники Захеръ Мазоха утверждаютъ, что талантъ его воспитанъ на Гёте, Шекспирѣ и Гоголѣ (онъ хорошо знаетъ по-русски и по-малорусски, а его нѣмецкая рѣчь, говорятъ, до сихъ поръ не отличается чистотой); но на самомъ дѣлѣ онъ гораздо больше находится подъ вліяніемъ французскихъ индустріалистовъ (въ особенности Сю и Дюма), съ одной стороны, и крайнихъ реалистовъ—съ другой; оттого онъ во Франціи пользуется пожалуй даже бо́льшей популярностью, чѣмъ въ Германіи ***). Захеръ Мазохъ умѣетъ выдумать занимательный (хотя часто и маловѣроятный) сюжетъ и умѣетъ искусно разсказать его; фривольныя картины, которыя онъ рисуетъ будто бы для обличенія современнаго разврата, нравятся многимъ, а пессимизмъ, который онъ проповѣдуетъ съ разсчитаннымъ паѳосомъ, нынче въ модѣ; вотъ причина его популярности, которая едва ли будетъ продолжительна ****).

Подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы находится и Пауль Лин-

---

*) Странная фамилія объясняется испанскимъ происхожденіемъ семьи.

**) Завѣщаніе Каина. Галицкіе разсказы, перев. С. А. Котельниковой. Москва 1877.

***) О немъ см. Revue d. d. M. 1875, 15 дек. Bentzon (Sacher-Masoch, sa vie et ses oeuvres).

****) Въ одномъ Revue d. d. M. послѣ 1871 г. напечатано болѣе 14 его повѣстей; въ оправданіе редакціи этого солиднаго журнала надо замѣтить, что повѣсти З. М. несравненно лучше его „Идеаловъ"; даже самыя слабыя изъ нихъ представляютъ большой этнографическій интересъ и написаны очень занимательно.

дау, извѣстный и въ наукѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ хорошихъ историко-литературныхъ монографій (между прочимъ о Мольерѣ, 1871 г.). Онъ род. въ 1839 г. въ Магдебургѣ, учился въ университетахъ Галле, Лейпцига и Берлина, долго жилъ въ Парижѣ, много поработалъ для нѣмецкой критики и журналистики и съ 1877 г. состоитъ редакторомъ: „Nord und Süd". Его новеллы и романы тоже написаны въ духѣ французскаго реализма, но подъ вліяніемъ лучшихъ его представителей и съ привнесеніемъ нѣмецкаго благодушія, идеализма и вдумчивости. Линдау авторъ многихъ недурныхъ и вѣрныхъ жизни драматическихъ пьесъ, ходу которыхъ онъ умѣетъ придавать французскую живость *).

Карлъ Эмиль Францозъ снова возвращаетъ насъ въ Галицію, и является наслѣдникомъ тѣхъ австрійскихъ поэтовъ-гуманистовъ (преим. изъ евреевъ), которые въ 40-хъ гг. ратовали за права угнетенныхъ народностей. Онъ род. въ 1848 г., въ семьѣ бѣднаго медика, учился въ черновицкой гимназіи, потомъ въ университетахъ вѣнскомъ и грацскомъ философіи и исторіи; студентомъ онъ вмѣшался въ политику и отчасти вслѣдствіе этого, отчасти по своему еврейскому происхожденію не могъ получить мѣста. Онъ былъ недолго адвокатомъ, а потомъ отдался исключительно литературѣ. Онъ выступилъ съ рядомъ повѣствовательныхъ очерковъ: „Изъ Полуазіи" (1876 г. 2 тома), которые такъ же интересны, какъ повѣсти Захеръ-Мазоха, но симпатичнѣй по тенденціи. Его романъ: „Борьба за право" **), въ которомъ дѣйствіе происходитъ въ Подоліи, въ странѣ гуцуловъ и русиновъ, написанъ очень тепло, но по преувеличенному героизму Тараса, который храбръ какъ Ахиллесъ, и мудръ какъ Тезей и Солонъ, больше похожъ на поэму въ прозѣ.

Въ числѣ этихъ dii minores романа мы должны назвать и извѣстнаго публициста и ученаго, цюрихскаго профессора Іог. Шерра (1817—1886 г.), который въ своемъ романѣ: „Михель" ***) показалъ, что всякій умный и кое-что видавшій человѣкъ можетъ написать недурной романъ въ нѣмецкомъ духѣ (т.-е. романъ съ массой разсужденій и цитатъ, въ которомъ „умственная" сторона пересиливаетъ художественную): кто зналъ рѣзкость Шерра-публициста, былъ не мало удивленъ кротостью, сантиментальностью и даже консервативностью его Михеля; это объясняется тѣмъ, что Шерръ имѣлъ здѣсь въ виду другую публику.

Въ противуположность Англіи, въ Германіи очень немного женщинъ писательницъ. Нѣмецкая женщина, блеснувшая въ эпоху романтизма и отчасти при „Молодой Германіи" ****), въ новѣйшее время опять ушла въ семью. Изъ романистокъ въ 40-хъ гг. имѣла успѣхъ графиня Ганъ-Ганъ (Hahn-Hahn); она род. въ 1805 г., была дочь извѣстнаго любителя театра графа Ганъ, который странствовалъ съ своей труппой по Германіи; въ 1826 г. она вышла замужъ за своего кузена, но черезъ 3 года разошлась съ нимъ.

---

*) Многія изъ нихъ собраны и изданы Berl. 1873—9.

**) Загр. Вѣстн. Корша 1882 г. № 1 и слѣд.

***) „Михель, исторія нѣмца нашего времени". Москва 1878.

****) Самая извѣстная и вліятельная дѣятельница Молодой Германіи еврейка: Рахиль Левинъ (1771—1833), вышедшая 45 л. замужъ за талантливаго Варнгагена фонъ Энзе (1785—1858), мемуары и замѣтки котораго составляютъ превосходный матеріалъ для литературной и политической жизни Германіи за его время. Отъ Рахили осталась книга: Ein Buch des Andenkens für ihre Freunde (1834), гдѣ выражена программа Молодой Германіи въ знаменитой фразѣ: „Es giebt gewiss eine Combination, in welcher man auch hier als Mensch noch ganz glücklich sein kann; auch nach dieser schmachten wir und mit Recht". О Рахили и др. см. Brandes o. c. VI passim.

Въ своихъ романахъ она является не бездарной, но по условіямъ нѣмецкой жизни неудачной подражательницей M-me Сталь и Ж. Сандъ; въ нихъ почти всегда одинъ главный характеръ: „прекраснодушная", тонко чувствующая, но для нѣмки слишкомъ фривольная аристократка, проникающаяся вслѣдствіе жизненныхъ испытаній глубокой меланхоліей *). Драматическія положенія въ ея романахъ часто очень удачно придуманы.

Гр. Ганъ-Ганъ окончила свою жизнь католицизмомъ и монастыремъ (какъ героиня ея романа: „Графиня Фаустина"). Она ум. въ 1880 г.

Въ послѣднее время большой и вполнѣ заслуженной популярностью, не только въ Германіи, но и въ Англіи, во Франціи и Россіи пользуется романистка Марлитъ.

Настоящее ея имя Евгенія Іонъ (Iohn); она род. въ 1825 г. въ Тюрингіи, въ семействѣ бѣднаго живописца; изъ-за ея прекраснаго голоса ее взяла подъ свое покровительство принцесса Шварцбургъ-Зондергаузенъ, на счетъ которой она получила въ Вѣнѣ музыкальное образованіе. Она выступила и на сценѣ, но внезапная глухота заставила ее покинуть артистическую карьеру. Тогда она приняла мѣсто чтицы у своей покровительницы и занимала его до 1863 г. Въ 1865 г. она напечатала въ Gartenlaube свою повѣсть: „Двѣнадцать апостоловъ", которая очень понравилась читателямъ. Въ 1866 г. явилась: „Золотая Эльза" (Goldelse), потомъ „Синяя борода" (1868), „Тайна старой дѣвы" и др. и наконецъ въ 1874 г. „Вторая жена" (Die zweite Frau), поставившая Марлитъ наравнѣ съ лучшими романистками Англіи. Основной сюжетъ романа не отличается новизной, характеры—силой и оригинальностью; интрига мѣстами (напр. любовь злодѣя патера) даже банальна; но въ романѣ столько жизни и наблюдательности, въ особенности по отношенію къ движеніямъ женскаго сердца, и міровоззрѣніе автора такъ симпатично и отрадно, что скромныя женщины и дѣвушки готовы перечитывать его безконечное число разъ и при каждомъ новомъ чтеніи находятъ въ немъ новыя красоты.

Послѣдующіе романы Марлитъ **) не такъ удачны, но все же показываютъ талантъ недюжинный. Она ум. около 2-хъ лѣтъ назадъ.

Въ томъ же Gartenlaube проходитъ свою карьеру другая нѣмецкая романистка, прельщенная славой Марлитъ и идущая по ея слѣдамъ. Это Elisabeth Bürstenbinder, пишущая подъ псевдонимомъ Е. Вернеръ. Она род. въ 1838 г. и печатала сперва маленькіе разсказы въ провинціальной газетѣ, а съ 1872 г. перешла въ Gartenlaube, гдѣ явились ея романы: „У алгаря" (1873), „Разорванныя цѣпи" (1875), „Дорогой цѣною" (1878) и др.

Марлитъ и ея послѣдовательницы тѣмъ болѣе отрадное явленіе, что даже великіе поэты Германіи давали скорѣй прекрасные абрисы женскихъ характеровъ, чѣмъ полныя ихъ изображенія; немного больше ихъ сдѣлали Ауэрбахъ и Шпильгагенъ, у которыхъ хорошія дѣвушки и женщины такъ же мало рельефны и такъ же туманны, какъ гоголевская Улинька.

Прежде чѣмъ перейти къ Шпильгагену, мы должны упомянуть о единственномъ изъ діалектическихъ поэтовъ, слава котораго распространилась не только за предѣлы нижненѣмецкаго нарѣчія, но и далеко за предѣлы Германіи. Фрицъ Рейтеръ (Reuter) род. въ 1810 г. въ Ставенгагенѣ, въ Мекленбургѣ; въ 1837 г. за видное участіе въ студенческомъ либеральномъ движеніи онъ былъ присужденъ прусскимъ правительствомъ къ смертной казни, которая была замѣнена 30 лѣт-

*) „Сесиль" въ Библ. д. Чт. 1844 г. т. 64 и 65 и друг. О ней см. Revue d. d. M. 1845 15 окт. ст. St. René Taillandier.

**) Im Hans des Commerzienrath (1877), Im Schillingshof (1879) и пр.

нимъ тюремнымъ заключеніемъ; онъ былъ освобожденъ въ 1840 г., проведя такимъ образомъ лучшіе годы жизни въ крѣпостяхъ и потерявъ тамъ привычку къ правильной работѣ. Только черезъ 10 лѣтъ, женившись, онъ могъ взяться за дѣло: былъ сперва домашнимъ учителемъ, а потомъ жилъ литературой. Онъ ум. въ 1874 г.

Рейтеръ началъ съ стихотвореній и эпическихъ жанровыхъ поэмъ, но талантъ его достигъ полнаго развитія въ прозаическихъ повѣстяхъ и разсказахъ, изъ которыхъ многіе носятъ автобіографическій характеръ *), и въ большомъ романѣ „Ut mine Stromtid" (Изъ времени моего хозяйничанья). Рейтеръ, какъ и всѣ лучшіе „областные" поэты всѣхъ странъ, соединяетъ лирическую теплоту съ реализмомъ и юморомъ; комизмъ никогда не переходитъ у него въ каррикатуру.

Величайшій изъ современныхъ романистовъ Германіи Фридрихъ Шпильгагенъ род. въ 1829 г. въ Магдебургѣ, въ семействѣ довольно значительнаго прусскаго чиновника. Въ 1835 г. родители его переѣхали въ Штральзундъ, въ гимназіи котораго будущій романистъ получилъ свое общее образованіе. Авторскія наклонности сказались въ немъ чрезвычайно рано, но не мѣшали ему серьезно работать. Въ 1847 г. онъ поступилъ въ берлинскій университетъ, на медицинскій факультетъ, но потомъ увлекся филологіей и исторіей и въ Боннѣ былъ ученикомъ Велькера и Ричля. По окончаніи курса онъ былъ нѣкоторое время учителемъ гимназіи и готовился къ каѳедрѣ; но его отвлекли отъ нея литературныя занятія.

Шпильгагенъ выступилъ въ 1857 г. съ романомъ: «Клара Верэ», за которымъ послѣдовалъ романъ: «На дюнахъ» (Auf der Düne). Немногіе замѣтили въ нихъ крупный талантъ и оцѣнили по достоинству тонкость психологическаго анализа, соединенную съ замѣчательной ясностью пониманія и представленія характеровъ; но въ общемъ романы понравились, и всѣ, кто прочелъ ихъ, нашли, что авторъ «подаетъ надежды». Эти надежды блистательно оправдались въ третьемъ романѣ Шпильгагена: «Загадочныя натуры» (Problematische Naturen 1860 г.), который произвелъ положительный фуроръ **); за нимъ черезъ годъ послѣдовало его продолженіе: «Изъ мрака къ свѣту» (Durch Nacht zum Licht). Этими двумя произведеніями Шпильгагенъ пріобрѣлъ себѣ славу перваго романиста Германіи, которую и удерживаетъ до сихъ поръ. Съ 1862 г. онъ живетъ въ Берлинѣ; кромѣ романовъ и журнальныхъ статей, онъ обогащаетъ нѣмецкую литературу хорошими переводами, а въ 1883 г. издалъ очень интересную книгу: «По теоріи и техникѣ романа» ***). Онъ пишетъ также и стихотворенія и

---

*) Лучшіе: Ut te Franzosentid (Изъ времени французовъ, 1860) и Ut mine Festunastid (Изъ времени моего крѣпостнаго заключенія). Большинство ихъ собрано подъ заглавіемъ: „Olle Kamellen" (старыя исторіи).

**) До 1885 г. уже было 11 изданій.

***) Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. См. Вѣстн. Евр. 1883, № 4, ст. Морозова: Шпильгагенъ и его теорія романа.

драмы; но первыя важны главнымъ образомъ для опредѣленія его взглядовъ, а вторыя положительно слабы.

Первыя два произведенія Шпильгагена принадлежатъ къ чистому типу семейнаго романа или романа чувствъ *). Въ «Загадочныхъ натурахъ» и его продолженіи онъ разработываетъ важный историческо-психологическій вопросъ, который выраженъ въ эпиграфѣ, взятомъ изъ Гёте **) и на примѣрѣ очень даровитаго и добраго, но безполезнаго для себя и другихъ Оскара Штейна поучаетъ читателя, что гораздо лучше дѣлать маленькое общее дѣло, чѣмъ задаваться неисполнимыми исполинскими задачами; только скромное самопожертвованіе и «идейный» трудъ могутъ дать человѣку душевное довольство.

Романами: «Гогенштейны» (Die von Hohenstein 1864) и въ особенности: «Одинъ въ полѣ не воинъ» (In Reih' und Glied 1866 г.) ***) Шпильгагенъ вступаетъ на «скользкую почву» тенденціознаго или соціальнаго романа, съ которой рѣдко сходитъ впослѣдствіи ****).

Въ послѣднихъ большихъ романахъ Шпильгагена семейная интрига, обыкновенно очень сложная, разыгрывается на почвѣ общественной и политической жизни Германіи съ 1848 г. до нашихъ дней; такимъ образомъ въ нихъ историко-соціальный интересъ соединяется съ романтическо-художественнымъ.

Въ художественномъ отношеніи романы Шпильгагена имѣютъ много такихъ недостатковъ, отъ которыхъ свободны даже посредственныя произведенія французской и англійской беллетристики: авторъ такъ часто говоритъ устами дѣйствующихъ лицъ, что характеры послѣднихъ иногда теряются въ туманѣ; монологи невозможно длинны и обыкновенные салонные разговоры часто переходятъ въ тонъ профессорскихъ лекцій *****); сложность интриги и самая глубина разработки идеи мѣшаютъ эстетическому удовольствію: читатель только успѣетъ увлечься судьбою нѣсколькихъ лицъ, какъ авторъ уже бросаетъ ихъ и вводитъ лица новыя.

Вслѣдствіе этого, при большомъ внѣшнемъ интересѣ сюжета,

---

*) Въ „Кларѣ" мужчина не знаетъ, которую изъ двухъ женщинъ ему выбрать; въ „Дюнахъ" женщина въ такомъ же положеніи между двумя мужчинами.

**) Es giebt problematische Naturen, die keiner Lage gewachsen sind, in der sie sich befinden, und denen keine genug thut. Daraus entstehet der ungeheuere Wiederstreit, welcher das Leben ohne Genuss verzehrt.

***) Герой его во многомъ списанъ съ знаменитаго соціалиста Фердинанда Лассаля.

****) Соціальная тенденція совершенно отсутствуетъ въ первыхъ главахъ романа „Между молотомъ и наковальней" (Hammer u. Amboss 1869 г.) и кто не знаетъ, какъ завлекательны эти автобіографическія главы?

*****) Въ началѣ романа: „Новый Фараонъ" (Вѣстн. Евр. 1889, № 1 и слѣд.) домашній секретарь характеризуетъ будущей компаньонкѣ ея хозяевъ съ такой глубиной и обстоятельностью, какъ профессоръ, разбирающій характеры въ Шекспирѣ.

при оригинальности и глубинѣ характеровъ и превосходныхъ, сильныхъ и драматическихъ отдѣльныхъ сценахъ, чтеніе романовъ Шпильгагена, по крайней мѣрѣ, мѣстами, есть положительный трудъ. Но этотъ трудъ вознаграждается интересомъ, который всѣмъ внушаетъ современная жизнь Германіи, изображенная здѣсь съ глубокимъ знаніемъ дѣла и тонкостью пониманія, умными мыслями автора и широтой его міросозерцанія.

Главная задача Шпильгагена—найти средину между смѣшнымъ идеализмомъ и практически-ловкимъ эгоизмомъ, между молотомъ и наковальней, между Александромъ и Діогеномъ. Его личныя симпатіи на сторонѣ мечтателей 1848 г., которые выставлены у него бо́льшею частью настоящими героями; нѣмцы Бисмарка, по его убѣжденію,—дрянные, бездушные люди; они корчатъ изъ себя американцевъ, не имѣя ихъ энергіи, смѣлости и беззастѣнчивости. Но Шпильгагенъ самъ понимаетъ, что возвращеніе къ старому невозможно, да и не желательно, и стремится создать новаго человѣка, соединяющаго силу и умѣнье съ благородствомъ помысловъ и высокими альтруистическими цѣлями.

Плохо приходится тому, кто, не имѣя таланта и ума Шпильгагена, берется подражать его высокому тону и требовать отъ читателей подобнаго же напряженія; онъ только можетъ занять на короткое время вниманіе публики, да и то при условіи сенсаціоннаго сюжета; чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ забытъ, какъ это уже и случилось съ Самаровымъ *); хотя онъ имѣлъ подъ руками богатый матеріалъ и обладалъ внѣшнимъ талантомъ изложенія въ большой степени, исторія литературы едва ли вспомнитъ его добрымъ словомъ. Болѣе обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ безпритязательный семейный романъ, одинъ изъ представителей котораго, Юліусъ Штинде **), своимъ «Семействомъ Бухгольцъ» недавно привлекъ на себя вполнѣ заслуженно всеобщее вниманіе.

Если нѣмецкій романъ даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ грѣшитъ противъ художественности и часто является только трактатомъ въ беллетристической формѣ, если нѣмецкій театръ, при всей силѣ національной вражды, долженъ заимствоваться отъ французской драмы, если нѣмецкая лирика не могла произвести ничего выдающагося даже подъ вліяніемъ великихъ событій 60-хъ и 70-хъ годовъ, за то отдѣлъ наукъ, который французы называютъ lettres, представляетъ въ современной Германіи такое высокое развитіе, какого еще не видалъ міръ. Не говоря уже о томъ, что нѣмцы являются въ немъ всеобщими учите-

*) Настоящая фамилія его: Ioh. Ferd. Oscar Meding (род. 1829 г.).

**) Род. 1841 г., химикъ по образованію.

лями и лучшими работниками *), въ послѣднія десятилѣтія нѣмецкая историческая (въ обширномъ смыслѣ слова) наука, не переставая быть солидной и серьезной, дѣлается въ то же время популярной и литературной. Кто не знаетъ именъ братьевъ Гумбольдтовъ, Шлоссера, Момсена, Гервинуса, Гейссера и многихъ другихъ? Повинуясь толчку, данному ей въ началѣ столѣтія, нестолько самими романтиками, сколько даровитыми учениками ихъ, Германія стремится къ тому объединенію науки и литературы, которое должно составлять одну изъ цѣлей цивилизаціи; при такомъ объединеніи литература становится серьезной и дѣйствительно образовательной, а наука живой и общедоступной **).

ГЛАВА X.

Французская литература второй имперіи и третьей республики.

Послѣ февральской революціи вся литература на нѣкоторое время отдалась политикѣ: поэты и романисты или приняли непосредственное участіе въ управленіи или сдѣлались публицистами. Но черезъ два года все стало входить въ свои рамки, а государственный переворотъ 2-го декабря естественно усилилъ равнодушіе къ государственнымъ дѣламъ, вслѣдствіе чего увеличился интересъ къ искусству и литературѣ.

Перерывъ оказался роковымъ для романтической школы; освѣженная имъ публика окончательно убѣдилась, что у романтиковъ столько же реторики, фальши и неестественности, сколько и у «покойныхъ» псевдоклассиковъ; она потребовала новаго, болѣе реальнаго, болѣе близкаго къ жизни искусства. Самъ глава романтиковъ, теперь изгнанникъ, Викторъ Гюго, смотрѣлъ на свою прежнюю дѣятельность, какъ на подготовительную, и не думалъ возвращаться къ своимъ «Бурггравамъ»: онъ готовилъ: «Несчастныхъ»; покинули знамя романтизма и всѣ ближайшіе его сотрудники. Съ другой стороны, скорописаніе представителей индустріализма и бывшее слѣдствіемъ этого паденіе литературной формы вызвали реакцію, которая потребовала

---

*) Какая французская библіотека „факультета“ можетъ обойтись безъ Пертца, Нибура или безъ Дица?

**) Это стремленіе популяризовать науку между прочимъ наглядно выражается за послѣднія 20 лѣтъ въ массѣ популярно-научныхъ библіотекъ и иллюстрированныхъ изданій научныхъ трудовъ, изъ которыхъ иные, какъ Кёнигъ, Генне-амъ-Ринъ и друг., годятся только для „большой публики“, а другіе, какъ Доме, Онкенъ и проч., одинаково нужны и для нея, и для спеціалистовъ.

большой старательности въ отдѣлкѣ и пробудила вкусъ къ лирической поэзіи, гдѣ легче добиться внѣшней красоты и совершенства.

Въ лирикѣ этого времени различаютъ двѣ школы; главнымъ представителемъ первой, такъ-наз. Парнасской, считается Леконтъ-де-Лиль (Le Conte de Lisle, Charles Marie); онъ род. въ 1820 г. на остр. Бурбонѣ, получилъ прекрасное образованіе, въ 1847 г. пріѣхалъ въ Парижъ, въ 1848 г. увлекся политикой, но скоро возвратился къ литературнымъ занятіямъ. Его сборникъ: Poesies antiques вышелъ въ 1852 г. и доставилъ ему премію отъ академіи. Леконтъ—хорошій знатокъ и страстный поклонникъ древнихъ; въ то время онъ былъ настолько проникнутъ духомъ античной поэзіи, что всю поэзію христіанскую готовъ былъ считать варварской въ обычномъ значеніи этого слова; но въ его обожаніи вѣчной и неизмѣнной «святой красоты» (la sainte beauté) нельзя было не видѣть косвеннаго вліянія романтиковъ *). Въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ (Poèmes barbares 1862 г. и Poèmes tragiques 1882) взглядъ его сталъ шире и глубже.

Леконтъ много и съ пользою поработалъ надъ переводами древнихъ.

Нѣмецкіе критики сравниваютъ его съ графомъ Платеномъ.

Во главѣ второй школы, развившейся позднѣе и представляющей простотой формы реакцію противъ парнасцевъ, ставятъ Сюлли Прюдома (Réné François Armand Sully Prudhomme; онъ род. въ 1838 г. въ Парижѣ, выступилъ въ 1865 г. съ сборникомъ: Stances et poëmes; больше всего извѣстенъ какъ переводчикъ Лукреція); характерными особенностями ея считаютъ бо̀льшую глубину мысли и бо̀льшее сходство съ старыми французскими поэтами. Сюда же относятъ нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ извѣстность на другихъ литературныхъ поприщахъ, какъ напр. Альф. Доде, Андре Тёрье (Theuriet род. въ 1830 г., изд. въ 1867 г. сборникъ подъ заглавіемъ: Le chemin de bois, проникнутый любовью къ природѣ и по тону больше напоминающій нѣмецкую лирику; въ его романахъ **) лирическое настроеніе и старательность отдѣлки въ значительной степени покрываютъ недостатокъ энергіи дѣйствія и оригинальности характеровъ).

Но такое дѣленіе далеко не можетъ охватить всего разнообразія французской лирики этого періода.

Во все время имперіи и въ началѣ республики пользовался европейскою извѣстностью сатирикъ Анри Огюстъ Барбье. Онъ род. въ 1805 г., былъ сынъ адвоката, самъ готовился въ юристы, но увлекся литературой и началъ свою карьеру въ 1830 г. историче-

*) О его первыхъ произведеніяхъ см. S. Beuve: Causeries des Lundis XI, 312.

**) Le mariage de Gérard 1875 г., Raymonde 1877 г., Le sang des Finoël 1879 г. и др.

скимъ романомъ: Mauvais garçons (изъ среднихъ вѣковъ). Революція 1830 г. и ея послѣдствія вызвали къ жизни его сатирическій талантъ, и въ августѣ того же года обратила на себя всеобщее вниманіе его сатира: La Curée, гдѣ онъ энергическимъ стихомъ и съ силой убѣжденія обличалъ тѣхъ, кто старался урвать куски, пользуясь настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Въ 1831 г. явились его «Ямбы» (названные такъ по содержанію, а не по формѣ), и его провозгласили однимъ изъ первыхъ поэтовъ Франціи *).

Изъ послѣдующихъ произведеній Барбье наибольшій успѣхъ имѣли серіи его стихотвореній: Il Pianto (1832—1833), гдѣ онъ изобразилъ печальное положеніе Италіи, и Lazare (1837 г.), въ которомъ онъ рисуетъ положеніе англійскихъ и ирландскихъ рабочихъ. Позднѣйшіе его сборники далеко не были такъ популярны, какъ «Ямбы».

Въ 1869 г. Барбье былъ принятъ въ академію; онъ ум. въ 1882 г. въ Ниццѣ.

Барбье—пессимистически-настроенный поэтъ-гражданинъ, одинъ изъ первыхъ и по времени, и по силѣ вліянія. Онъ самъ говоритъ о себѣ:

Таковъ мнѣ жребій данъ моей судьбою темной:
Весь міръ мнѣ кажется больницею огромной,
Гдѣ у одра больныхъ, снимая съ нихъ покровъ,
Чтобъ язвы гнойныя очистить, я готовъ,
Какъ лазаретный стражъ, судьбой на то избранный,
Рукою трепетной касаться каждой раны **).

Онъ горячо любитъ людей, но не вѣритъ въ возможность скораго ихъ исправленія, не вѣритъ въ прогрессъ:

И усумнились мы, что вѣчный ходъ вселенной
Подвинулся хотя на шагъ,

говоритъ онъ по поводу 2-го декабря ***). Въ близкомъ будущемъ онъ ждетъ только бѣдствій и полнаго отчаянія:

Все дряхлое, сгнившее стараго міра
Опять поднялось сквозь обломки,
И станутъ, какъ предки, у праха кумира,
Кумиръ свой разбивши, потомки ****).

Въ своемъ гуманномъ сочувствіи несчастнымъ, онъ идетъ даже дальше Гюго. У него падшая женщина говоритъ про себя съ гордостью (въ одномъ изъ самыхъ сильныхъ его стихотвореній: „Парижъ“):

— Мы призваны судьбою
Оградой быть семействъ и честныхъ женщинъ *****).

Барбье талантъ не особенно сильный, но сконцентрированный; онъ вліялъ

*) До 1878 г. „Ямбы“ Барбье выдержали 29 изданій.
**) Пер. Грекова, Совр. 1855, № 9.
***) Совр. 1859, № 9, пер. П. Ковальскаго.
****) Пер. Минаева, Совр. 1862, № 2.
*****) Пер. Буренина, Совр. 1865, №№ 11 и 12.

и на Боделера, и на Коппе, и на современныхъ ему поэтовъ другихъ странъ. У насъ онъ былъ особенно популяренъ въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ.

Пьеръ Шарль Боделеръ (Baudelaire) род. въ 1821 г. въ семьѣ художника-любителя, получилъ превосходное образованіе и рано имѣлъ случай совершить отдаленное путешествіе. Онъ выступилъ въ 1845 г. съ критической статьей по поводу «Салона» (выставки картинъ), въ которой выказалъ замѣчательный художественный тактъ, и около того же времени началъ печатать свои оригинальныя по формѣ и содержанію стихотворенія. Когда онъ ихъ собралъ и напечаталъ въ 1857 г. подъ названіемъ: «Цвѣты зла» (Fleurs du mal), противъ него возбужденъ былъ процессъ за рѣзкость и неприличіе нѣкоторыхъ пьесъ, и изданіе (впрочемъ, къ тому времени уже распроданное) было запрещено.

У Боделера, при всей тонкости его поэтическаго вкуса, есть страсть къ ужасному и даже отвратительному; на особенность его міровоззрѣнія указываетъ его глубокая симпатія къ Эдгару Поэ, котораго онъ всѣми силами популяризировалъ во Франціи. У нихъ обоихъ сильное воображеніе и сильный, оригинальный умъ, но болѣзненно направленные. Боделеръ умеръ 46 лѣтъ, совершенно истощивъ свои и душевныя, и физическія силы.

Стихотворенія Боделера есть выраженіе душевной боли и негодованія на ложь и противорѣчія новѣйшей культуры; страданія его выражаются, бо̀льшею частью, въ цинической и дико-фантастической насмѣшкѣ надъ міромъ и самимъ собою; онъ не вѣритъ въ будущее и относится съ ненавистью ко всѣмъ иллюзіямъ. Свой культъ безобразнаго онъ мотивируетъ тѣмъ, что все, что считается красивымъ и благороднымъ, начинается и оканчивается въ этомъ безобразномъ.

Современникъ Боделера, Банвиль (Théoder Follain de Banville, род. въ 1820 г. въ Парижѣ), представляетъ во многихъ отношеніяхъ полную ему противуположность; онъ страдаетъ не избыткомъ, а скорѣй недостаткомъ оригинальности, но за то онъ умѣетъ мастерски распоряжаться своимъ небольшимъ талантомъ и обладаетъ въ высокой степени чувствомъ мѣры и усердно отдѣлываетъ свои произведенія. Онъ началъ съ сборниковъ лирическихъ произведеній: «Каріатиды» (1842) и «Сталактиты» (1846 г.), писалъ разсказы (Les Parisiens de Paris, Nérine и проч.) и драмы въ академическомъ стилѣ (Le cousin de roi, Le beau Léandre и проч.).

Къ парнасцамъ же причисляютъ младшаго изъ французскихъ лириковъ Франсуа Коппэ (Coppée Francis, Edouard, Joachim, dit François). Онъ род. въ 1842 г. въ семьѣ небогатаго чиновника и съ дѣтства былъ слабъ здоровьемъ. Первый сборникъ его лирическихъ произведеній: Reliquaire вышелъ въ 1866 г. и былъ благосклонно

принятъ критикой *). Въ 1869 г., благодаря своей одноактной пьесѣ въ чрезвычайно гладкихъ стихахъ: Le Passant и лирической поэмѣ: «Забастовка кузнецовъ» (Le grève des forgerons), которая до сихъ поръ декламируется чуть ли не на всѣхъ сценахъ Европы, Коппе пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Въ 1871 г. онъ напрасно взывалъ къ примиренію; тогда же въ пьесѣ: «Исполняй свою обязанность» (Fais ce que tu dois) онъ старался утѣшить своихъ соотечественниковъ въ ихъ несчастіяхъ. Въ послѣдніе годы онъ писалъ и длинныя драмы, и повѣсти, и романъ, велъ отдѣлъ театральной критики въ «Patrie», и вообще онъ дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы противупоставить свои художественные и жизненные идеалы матеріализму общества и ультрареализму литературы, но по недостатку фантазіи и силы сдѣлать онъ можетъ немногое. Онъ принятъ въ Академію въ 1884 г. **).

Прежде, чѣмъ перейти къ прозаикамъ, мы должны упомянуть популярнаго „областного“ поэта, провансальца Мистраля. Онъ род. въ 1830 г., получилъ хорошее университетское образованіе (въ Монпелье и въ Эксѣ), рано началъ писать стихи по-провансальски и уже 25 лѣтъ отъ роду оказался во главѣ общества (такъ-назыв. фелибровъ), которое имѣетъ цѣлію сохранить югу Франціи его литературный языкъ и народность (Провансъ имѣлъ своихъ небезъизвѣстныхъ поэтовъ еще съ двадцатыхъ годовъ). Въ 1859 году вышла знаменитая поэма Мистраля: Mireio, много разъ переведенная на французскій и на англійскій языки; въ ней въ картинки мѣстной природы и народной жизни, изображенныя съ большой теплотой и граціей, искусно вплетены провансальскія преданія и легенды; за нею въ 1869 г. послѣдовала поэма Calendau, имѣющая тотъ же характеръ и достоинства. Теперь Мистраль глава цѣлой школы ***).

Самый характерный и вліятельный писатель второй имперіи, одинаково прославленный и какъ романистъ, и какъ драматургъ, безъ сомнѣнія, Александръ Дюма-сынъ. Онъ род. въ 1824 г., воспитался въ шумномъ домѣ своего знаменитаго отца, среди писателей, актеровъ и художниковъ, но имѣлъ возможность получить и общественное образованіе (въ Collège Bourbon) и уже въ 16 лѣтъ обладалъ вполнѣ сформировавшимся и гибкимъ умомъ. 22 лѣтъ отъ роду онъ печатаетъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Грѣхи молодости». Послѣ путешествія въ Испанію и Африку, онъ написалъ большой фантастическій разсказъ: «Приключенія четырехъ женщинъ и попугая» ****). Увидавъ по слабому его успѣху, что ему невозможно тягаться съ отцомъ и его товарищами въ богатствѣ творчества, онъ сейчасъ же избираетъ себѣ новый путь: въ двухъ большихъ произ-

*) За нимъ послѣдовалъ другой сборникъ: Les intimités.

**) О немъ см. Jules Claretie: Fr. Coppée 1883 г. M. de Lescure: Fr. Coppée, l'homme, la vie et l'oeuvre. 1889. Его Oeuvres complètes въ 6 т. 1885 г.

***) О немъ см. Вѣстн. Евр. 1875, №№ 7 и 8, статью М. П. Драгоманова: „Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи“.

****) Aventures de quatre femmes et d'un perroquet. 1846—7, 6 vol.

веденіяхъ: «Дама съ камеліями» (Dame aux Camélias, 2 т. 1848) и «Романъ одной женщины» (Le Roman d'une femme, 4 т. 1849) онъ даетъ образцы реальнаго романа: красивымъ, старательно отдѣланнымъ слогомъ онъ излагаетъ французскую, главнымъ образомъ парижскую, жизнь «какъ она есть», по его представленію. Передъ нами люди, въ сущности недурные отъ природы, но слабовольные, мелочно-тщеславные и эгоистичные, а главное развращенные до мозга костей, вслѣдствіе полнаго отсутствія нравственной сдержки. Какъ мужчины, такъ и женщины живутъ почти исключительно любовью, которая отодвигаетъ на десятый планъ другіе жизненные вопросы. Эта любовь для мужчины имѣетъ всѣ дурныя стороны сильной страсти, не имѣя ни одной хорошей. Она не одушевляетъ, не облагораживаетъ его, даже не даетъ ему силы для самопожертвованія въ пользу любимой женщины; она только держитъ его въ цѣпяхъ своихъ, лишая интереса ко всему остальному; на женщину она вліяетъ лучше, но зато убиваетъ ее морально или физически. Таковы герои и героини. Второстепенныя лица, фонъ картины, тоже живутъ тѣмъ же любовнымъ интересомъ, но у нихъ это уже не чувство, а голый, холодный развратъ, прикрытый только красивыми словами. Перипетіи чувства или чувственности подмѣчены тонко и выражены обстоятельно, умно и изящно, но это внѣшнее литературное изящество часто противорѣчитъ жизненной правдѣ *), чего не могъ не сознавать умный авторъ; но для него, какъ и для его читателей, красота формы—первое условіе sine qua non. И Дюма съ первыхъ же шаговъ достигаетъ въ этомъ отношеніи виртуозности, рѣшительно недоступной даже для самыхъ даровитыхъ нѣмцевъ: всякая страница просится въ хрестоматію для курса стилистики.

Романы Дюма были мало замѣчены вслѣдствіе всеобщаго увлеченія политикой, но когда въ 1852 г. La Dame au camélias была передѣлана въ драму и, не безъ борьбы съ цензурой, была поставлена на сцену въ театрѣ Vaudeville, Дюма-сынъ сдѣлался самымъ моднымъ писателемъ. На сценѣ въ ней выступила на первый планъ гуманная тенденція, положимъ уже не новая (см. Марьонъ Делормъ Гюго), но проведенная съ такою теплотою и силою и въ то же время съ такимъ вѣроподобіемъ и искусствомъ, что всѣ предыдущія попытки реабилитированія такъ-наз. падшей женщины показались наивными, почти ребяческими **). Кромѣ того, парижское интеллигентное

*) Въ первой главѣ Roman d'une femme, который по началу представляетъ любопытное сходство съ Ярмаркой Тщеславія Теккерея, двѣ молоденькія пансіонерки говорятъ о Телемакѣ тономъ парижскихъ литераторовъ; немного далѣе Мари говоритъ съ отцомъ, какъ профессоръ психологіи и пр.

**) Къ той же темѣ Дюма возвращается черезъ 15 лѣтъ въ пьесѣ: Les idées de M-me Aubray.

общество увидѣло здѣсь себя изображеннымъ съ безпощадной правдивостью по существу, но въ то же время въ красивой формѣ, которая и автора, и зрителей мирила съ современнымъ эгоизмомъ и пустотою.

За этимъ послѣдовалъ длинный рядъ драмъ и романовъ Дюма, имѣвшихъ огромный успѣхъ: рѣдкая изъ его пьесъ выдерживала менѣе ста представленій; романы его быстро обходили весь читающій міръ; слова, пущенныя имъ въ оборотъ, навсегда оставались во французскомъ языкѣ и переводились на другіе *); собственныя имена его дѣйствующихъ лицъ стали нарицательными **).

Причина такого поразительнаго успѣха въ томъ, что Дюма, истинный сынъ своего времени и своего народа, соединяетъ совершенство (съ французской точки зрѣнія) литературной формы съ горячей отзывчивостью на всѣ вопросы, выдвигаемые злобой дня, и рѣшаетъ эти вопросы именно въ духѣ передовой Франціи, безъ робости передъ устарѣлыми понятіями, но и безъ рѣзкихъ крайностей ***). Онъ ясно видитъ вопіющіе недостатки своего общества и выразительно обличаетъ ихъ; но общество чувствуетъ, что обличитель привязанъ къ нему крѣпкими узами любви и симпатіи, хотѣлъ бы видѣть его освобожденнымъ отъ рѣзкихъ пятенъ, но и въ этомъ видѣ не промѣняетъ его ни на какое лучшее.

Спокойный, почти холодный тонъ его романовъ и сдержанность героевъ его драмъ въ выраженіи чувствъ представляютъ отрадную для публики реакцію противъ криковъ и треска романтиковъ.

Въ печати Дюма снабжаетъ свои пьесы очень характерными и интересными предисловіями ****), въ которыхъ разъясняетъ мораль пьесы; почти каждое изъ нихъ вызываетъ цѣлую литературу, далеко не безполезную для самосознанія французскаго общества.

Всю жизнь Дюма держался вдали отъ политики, но событія 1870—71 г. сдѣлали и его горячимъ патріотомъ и заставили выступить на поприще публицистики, впрочемъ безъ особаго успѣха. Въ 1875 г. онъ былъ избранъ въ Академію. Онъ работаетъ и до сихъ поръ, не только надъ переизданіемъ своихъ произведеній, надъ предисловіями къ чу-

*) Напр. Demimonde—полусвѣтъ (съ нѣсколько измѣнившимся значеніемъ) изъ пьесы этого имени (1855), гдѣ понятіе объясняется мастерскимъ сравненіемъ въ разговорѣ Раймонда и Оливье.

**) Напр. M-r Alphonse (1873), одна изъ ужаснѣйшихъ, но, говорятъ, вѣрныхъ картинъ нравовъ французскаго общества.

***) Такъ онъ возстаетъ противъ закона, дозволяющаго мужу убить невѣрную жену, но онъ же заступается за мужа, которому законъ не даетъ права отнять свое честное имя у позорящей его женщины. Онъ много занимается вопросомъ о разводѣ и требуетъ его рѣшенія въ духѣ умѣренности и благоразумія.

****) Первое ихъ изданіе 1868 г.

жимъ, но и надъ созданіемъ новыхъ. Въ послѣдніе годы онъ еще нѣсколько разъ выступалъ въ качествѣ публициста по вопросамъ общественной нравственности. Его слово всегда имѣетъ вѣсъ уже изъ-за одной литературной формы: онъ умѣетъ и общеизвѣстныя вещи высказать такъ, что онѣ кажутся новыми и интересными.

Въ такой же почти степени пользуется извѣстностью, какъ въ отечествѣ, такъ и за-границей, Октавъ Фелье (Feuillet). Онъ род. въ провинціи (въ St.-Lô) въ 1822 г., рано пріѣхалъ въ Парижъ и началъ свое литературное поприще еще при Луи-Филиппѣ. Въ своихъ многочисленныхъ «пословицахъ» онъ искусно подражалъ А. Мюссе, хотя и не обладалъ въ такой степени граціей и умѣньемъ сдѣлать интереснымъ всякій ничтожный сюжетъ; онъ старался замѣнить этотъ недостатокъ бо̀льшей «идейностью» и «нравоучительностью» *). Тогда же онъ ввелъ въ моду особый видъ прозаическаго вымысла, гдѣ разсказъ мѣшается съ діалогами **). Какъ сотрудникъ Revue d. d. M., онъ пріобрѣлъ славу хорошаго новеллиста. Въ 1848 г. много надѣлала шуму его драма «Далила», которая до сихъ поръ не сходитъ со сцены, главнымъ образомъ благодаря своей сценичности и эффектной роли опытной свѣтской кокетки, которая безжалостно губитъ даровитаго артиста. Съ 50-хъ годовъ онъ былъ занятъ главнымъ образомъ типами и темами, которыя выдвинула эпоха второй имперіи. Увлеченный успѣхомъ Дюма, Фелье почти съ такимъ же искусствомъ, но съ меньшей оригинальностью изображалъ «полусвѣтъ» и брался за рѣшеніе опасныхъ вопросовъ; но въ то же время онъ старался сохранить себѣ свою порядочную публику и въ значительной степени успѣлъ въ этомъ.

Въ позднѣйшихъ своихъ романахъ ***) Октавъ Фелье усваиваетъ манеру англійскихъ романистовъ: начинаетъ скучно съ обстоятельнаго разсказа о положеніи героя (иногда отъ его же лица) и, подготовивши такимъ образомъ почву, потомъ заинтересовываетъ читателя оригинальною концепціею.

Октавъ Фелье—очень большой внѣшній талантъ: онъ умѣетъ быть въ мѣру интереснымъ и въ мѣру поучительнымъ, въ мѣру чувствительнымъ и въ мѣру дѣльнымъ; онъ хорошо наблюдаетъ, искусно выбираетъ изъ видѣннаго наиболѣе оригинальное, ловко завязываетъ интригу, пересыпаетъ ея изложеніе умными мыслями и моралью, въ которой нѣтъ и слѣда нетерпимости, эффектно переходитъ изъ одного

*) См. напр. Le Pour et le Contre; перев. въ Совр. 1849 г. т. XVII. Смѣсь. („Какъ на что взглянешь, такъ и видишь“).

**) См. Совр. 1849 г. № 2 „Кризисъ“. Ср. Библ. для Чт. 1851, № 4 и 5: „Золотой Ключъ“.

***) См. напр. въ Русск. Вѣстн. 1886 г. № 1: „Покойница“.

тона въ другой, часто противуположный *), и искусно разрѣшаетъ безъ натяжекъ пьесу или повѣсть; но не оставляетъ сильнаго впечатлѣнія. Онъ доставляетъ несомнѣнное удовольствіе, но рѣдко кто рѣшается на второе чтеніе его повѣсти или драмы, да и то развѣ потому, что прочтенное оказывается совершенно забытымъ **).

Современникъ Дюма и Фелье, Теодоръ Барьеръ (Barrière, род. въ 1823 г., умеръ въ 1877 году) былъ исключительно драматургомъ, и его многочисленныя пьесы имѣли успѣхъ въ виду тѣхъ же внѣшнихъ достоинствъ и того же близкаго отношенія къ современности. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, такъ сказать, на счетъ „Дамы съ камеліями“ Дюма, поставивъ въ 1853 г. пьесу: Les filles de marbre, въ которой онъ изобразилъ въ „настоящемъ“ свѣтѣ холодный, разсчетливый развратъ парижскихъ куртизанокъ. Барьеръ, какъ талантъ мѣньшаго размѣра, еще болѣе стоитъ въ уровень съ окружающимъ его обществомъ и мѣньше возмущается отсутствіемъ всякой нравственной сдержки: нивость только смѣшитъ его и его зрителей.

Видоизмѣненіе той же школы въ сторону индустріализма представляетъ и самый популярный изъ современныхъ драматурговъ: Викторьенъ Сарду. Онъ род. въ 1831 г. въ Парижѣ, былъ сперва студентомъ медицины, потомъ занимался исторіей. Первая пьеса, имъ поставленная на сцену въ 1854 г. (La taverne des étudiants), провалилась съ позоромъ. „Знаменитостью“ сдѣлался онъ почти случайно, сблизившись черезъ жену съ знаменитою артисткой M-lle Déjazet, которая „провела“ рядъ его пьесъ на свой театръ и играла въ нихъ главныя роли. Успѣхъ окрылилъ его талантъ, и Сарду скоро научился писать такъ, что всякая его комедія, въ сущности представляющая только распространенный водевиль съ qui pro quo и сцѣпленіемъ разныхъ случайностей, при хорошемъ исполненіи смотрится съ удовольствіемъ. Но если зритель вздумаетъ потомъ отдавать себѣ отчетъ въ видѣнномъ, онъ не можетъ не увидать, какъ мало вѣроятности въ интригѣ и какъ мало сдѣлалъ авторъ для разработки характеровъ. Сарду — новѣйшій Скрибъ, по мнѣнію многихъ, ни передъ чѣмъ не останавливается ради успѣха: всякая злоба дня даетъ ему тему; при республикѣ онъ даже пытался нѣсколько разъ изображать изъ себя Аристофана ***); онъ не отказывается писать тексты и для оперетокъ.

Съ 1877 г. Сарду членъ Академіи; гонораръ, имъ получаемый, показался бы неисчерпаемымъ богатствомъ Мольеру.

Кромѣ этой электической школы, которую можно назвать реально-тенденціозно-художественной, въ новѣйшей французской драмѣ различаютъ еще двѣ, изъ которыхъ одна выдвигаетъ на первый планъ художественность, а другая стремится быть ультрареалистической. Первую называли также новоантичной школой, такъ какъ ея представители при имперіи и въ первые годы республики видѣли художественность главнымъ образомъ въ возрожденіи классической древности; но, вслѣдствіе увеличенія популярности исторической науки

*) См. напр. въ повѣсти: „Маленькая графиня“ (Совр. 1856 № 3) переходъ отъ свѣтской комедіи къ драмѣ.

**) О немъ и о Дюма-сынѣ см. Вѣст. Евр. 1868 г. № 11 Евг. Утина. (Тамъ же о Сарду № 10).

***) Въ первый разъ въ 1872 г. пьесой: Ragabas.

въ послѣднее время, теперь дѣло понимаютъ шире, и сюжеты средневѣковые, даже со всей средневѣковой обстановкой, удачно соперничаютъ съ античными. Эта школа возстановила на сценѣ стихъ и очень заботится о его чистотѣ и гармоничности, равно какъ и вообще о красотѣ выраженія *).

Въ этой школѣ видное мѣсто занимаетъ уже названный нами Леконтъ-де-Лиль, «Эринніи» котораго шли въ 1873 г. съ громаднымъ успѣхомъ на Одеонѣ. Въ томъ же году «Жанна д'Аркъ» Жюля Барбье открыла рядъ средневѣковыхъ пьесъ. Въ 1875 г. Анри-де-Борнье (род. 1825 г.), предыдущія пьесы котораго («Данте и Беатриче», «Агамемнонъ») прошли незамѣченными, драмою «Дочь Роланда» (La fille de Roland) завоевали себѣ кратковременную славу. Въ самое послѣднее время на сценѣ Comedie française съ неменьшимъ успѣхомъ шла пьеса двухъ молодыхъ поэтовъ**): «Гризельдисъ» съ Прологомъ (собств. meneur de jeu), который является въ средневѣковомъ пестромъ костюмѣ и объясняетъ въ стихахъ мораль пьесы, съ длинными лирическими монологами, представляющими en beau наивный и многословный стиль мистерій, съ дьяволомъ и аллегорическими фигурами. Сюжетъ ея слѣпленъ изъ двухъ итальянскихъ новеллъ: Гризельды Бокаччіо и Бельфагора Маккіавелли. Гармоничный и классически правильный стихъ усвоили отъ художниковъ и нѣкоторые тенденціозные драматурги, провозглашающіе себя учениками Мольера; но пока между ними нѣтъ еще ни одного выдающагося.

Въ противоположность «художникамъ», ультрареалисты не только не допускаютъ стиха на сцену, но открываютъ широкую дорогу діалектамъ и парижскому уличному арго; они убѣждены, что на сценѣ можно и должно говорить и дѣлать все то, что говорится и дѣлается въ жизни, и что только въ такомъ случаѣ театръ можетъ имѣть вліяніе на массу. Они заботятся о детальной натуральности постановки ***), мало обработываютъ свои пьесы и стараются только о томъ, чтобы въ каждомъ актѣ была одна сильная сцена. Главою ея долго считался Альфр. Турудъ (Touroude, род. въ 1839 г. въ Гаврѣ, ум. въ Парижѣ въ 1875 г.), который началъ съ лирики ****) и съ стихотворныхъ комедій, но драмой: «Незаконнорожденный» (Le Bâtard, 4 акта, 1869) и комедіей: «Права женщинъ» перешелъ къ прозѣ и крайнему реализму. Послѣ Туруда едва ли не самый выдающійся драматургъ этой школы

---

*) Эти именно достоинства объясняютъ огромный успѣхъ «Побѣжденнаго Рима» (Rome vaincue) Пароди въ 1876 г.

**) Armand Silvestre et Eugène Morand: Griseldis. 1891 г.

***) Ее доводятъ до того, что если на сценѣ изображена колбасная, то колбасы должны быть настоящія и въ зрительной залѣ долженъ слышаться запахъ колбасъ.

***) Homo, poésies 1863.

(конечно, если не считать Золя, романы котораго въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ передѣлывались въ драмы) Алексисъ Бувье, пользующійся извѣстностью и за свои романы, и вообще представляющій одну изъ характерныхъ фигуръ современной парижской «поэзіи».

Онъ род. въ 1836 г. въ семьѣ рабочихъ, получилъ очень недостаточное образованіе и самъ до 27 лѣтъ былъ чеканщикомъ. Его пѣсенки, которыя онъ первоначально публиковалъ въ маленькихъ „пѣвчихъ" клубахъ, собирающихся въ винномъ погребкѣ, доставили ему нѣкоторую извѣстность и дали вѣру въ свои силы. Тогда онъ рискнулъ на водевили и оперетки и при этомъ чтеніемъ пополнилъ недостатокъ образованія; наконецъ, онъ перешелъ къ романамъ и драмамъ и имѣетъ успѣхъ поразительный: его романъ: La grande Iza уже въ 1880 году имѣлъ 52 изданія; романъ Le Mariage d'un forçat, передѣланный въ драму, долго не сходилъ съ афиши.

Бувье—истинный сынъ народа, глубоко сочувствующій „великой революціи" и оплакивающій бѣдствія іюльскихъ дней 1848 г. Онъ умѣетъ придумать интересную интригу и очень живо изображаетъ сцены кутежей и вообще всю грязную сторону парижской жизни; но добродѣтельные или даже просто порядочные люди у него — фантомы, и мораль его очень невысокаго достоинства. Любопытно, что и онъ стремится въ каждомъ своемъ романѣ доказать какой-нибудь соціальный тезисъ, принести непосредственную пользу согражданамъ *).

Ультрареализмъ новѣйшей драмы возбуждаетъ негодованіе самихъ парижанъ: въ самое послѣднее время директора „реальнаго театра" присяжные присудили къ 18-мѣсячному тюремному заключенію за изображеніе на сценѣ..... искусственнаго выкидыша! Эмиль Золя нашелъ, что наказаніе слишкомъ сурово.....

Борьбу тѣхъ же двухъ крайнихъ направленій: ультрареализма и художественности и тѣ же посредствующія ступени между ними, которыя мы видѣли въ драмѣ, мы находимъ и во французскомъ романѣ. Но различіе въ томъ, что на театрѣ художественность поддерживается обстановкой, изъ которой невозможно изгнать условность и стремленіе къ внѣшней красотѣ, равно какъ и старыми пьесами, которыя ходятъ смотрѣть изъ-за новыхъ актеровъ, а романъ лишенъ такихъ могучихъ факторовъ. Поэтому въ романѣ тенденціозность и реализмъ явно берутъ верхъ и выживаютъ идеализмъ даже и изъ высшихъ слоевъ читающей публики. Но за то у реальнаго романа есть могучій врагъ, котораго не знаетъ серьезная реальная драма. Это старинный романъ приключеній, который въ послѣднія десятилѣтія, при умственномъ переутомленіи общества, занимаетъ не однихъ дѣтей или малоразвитыхъ людей, но всѣхъ поголовно. Это чадо сѣдой старины, обладая изумительной живучестью и гибкостью, приспособляется ко всему на свѣтѣ и принимаетъ самыя разнообразныя формы. Онъ то

*) Такъ, напр., въ своемъ уголовномъ романѣ: Les créanciers de l'echafand (сюжетъ въ томъ, что сыновья несправедливо казненнаго за убійство ищутъ настоящаго преступника и въ концѣ-концовъ находятъ его въ лицѣ мужа своей сестры) онъ стремится доказать, на сколько вредно запрещеніе карточной азартной игры въ публичныхъ мѣстахъ.

дѣлается соціально-тенденціознымъ, то юридически-уголовнымъ, то медицинскимъ или естественно-научнымъ и т. д. Но онъ всегда враждебенъ реальному роману, такъ какъ для успѣха требуетъ эффектовъ, фантазіи, преувеличеній и, стало быть, извѣстнаго (низшаго) рода идеализма и художественности.

Въ началѣ имперіи почти одновременно появились два романа двухъ начинающихъ писателей; эти романы, «давшіе тонъ» современной французской беллетристикѣ: «M-me Бовари» Флобера (1857 г.) и «Фанни» Фейдо.

Густавъ Флоберъ (Flaubert), одинъ изъ величайшихъ талантовъ новой французской литературы, род. въ 1821 г. въ Руанѣ; онъ былъ сынъ частнаго врача, учился въ мѣстной коллегіи, 19 лѣтъ отправился въ Парижъ и поступилъ на медицинскій факультетъ, потомъ перешелъ на юридическій, а въ концѣ своихъ учебныхъ годовъ исключительно занялся литературой. Любимыми его поэтами были Байронъ и В. Гюго, а потомъ Бальзакъ, къ школѣ котораго онъ можетъ быть отнесенъ въ томъ же смыслѣ, какъ Платонъ къ школѣ Сократа.

Пользуясь послѣ смерти отца (1846 г.) небольшимъ, но независимымъ состояніемъ, Флоберъ могъ отдаться всецѣло любимымъ занятіямъ; онъ проживалъ то въ Парижѣ, то въ Руанѣ, то на подгородной (подъ Руаномъ) виллѣ Круассе, изрѣдка путешествовалъ и, еще не выпуская ничего въ свѣтъ, работалъ такъ усердно, какъ немногіе литераторы, печатавшіе десятки томовъ въ годъ.

«M-me Бовари» (M-me Bovary, 2 т., 1857 г.), романъ съ донельзя простымъ, «буднишнимъ» сюжетомъ, произвелъ большую сенсацію. Съ первыхъ же страницъ его чувствовались большой умъ, изумительная наблюдательность, крупный творческій талантъ и такая тщательность отдѣлки, къ какой не привыкла французская проза *). Начавъ читать романъ, отъ него нельзя было оторваться: героиня дѣлалась близкимъ, родными человѣкомъ, хотя читатель вовсе не чувствовалъ себя польщеннымъ и осчастливленнымъ этимъ родствомъ, а къ автору, который, такъ сказать, выворачиваетъ на-изнанку всю душу и разсказываетъ всѣ маленькія тайны (часто такія тайны, что въ нихъ мы неохотно признаемся даже самимъ себѣ) этого близкаго человѣка, иной могъ ощутить нѣчто въ родѣ ненависти. Романъ подходилъ къ развязкѣ, и впечатлительный читатель испытывалъ ужасъ и «чувствовалъ вкусъ мышьяка во рту», какъ это, говорятъ, случилось съ самимъ авторомъ. Впечатлѣніе въ концѣ-концовъ получалось такое тя-

*) Флоберъ иногда цѣлые дни проводилъ надъ одной страницей; онъ часами „охотился“ за словами, выискивая извѣстные звуки или извѣстные оттѣнки значеній; изъ его фразы нельзя вынуть двухъ словъ, не разрушивъ ея точнаго смысла.

желое, будто послѣ присутствія при казни не столько преступнаго, сколько несчастнаго «брата по человѣчеству»; жизнь казалась противна, но понятна и ясна, какъ никогда прежде.

Нашли, что это не романъ, а физіологія и анатомія, и автора привлекли къ суду за безнравственность; конечно, его должны были оправдать, такъ какъ обвиненіе было нелѣпостью: можно ли обвинять профессора гинекологіи за то, что онъ извѣстные предметы показываетъ студентамъ на лекціи? У Флобера вовсе не было намѣренія возбуждать чувственность читателя и приковывать его фантазію низкими средствами; онъ всегда безусловно объективенъ; да у неиспорченнаго юноши M-me Бовари скорѣе можетъ убить извѣстныя желанія, чѣмъ возбудить ихъ *).

Публика ожидала, что послѣ такого успѣха (еще усиленнаго преслѣдованіемъ) новая знаменитость, по примѣру прежнихъ, засыплетъ ее романами. Напрасно. Флоберъ молчалъ и работалъ надъ новымъ произведеніемъ, которое появилось только въ 1862 году, т.-е. когда многіе читатели успѣли забыть его имя.

Второй романъ Флобера: «Саламбо» **), о которомъ мы упоминали выше по поводу Эберса, стоилъ автору многихъ трудовъ: онъ проштудировалъ для него около ста томовъ, ѣздилъ на мѣсто дѣйствія—въ Африку и отдѣлывалъ подробности еще съ бо̀льшимъ тщаніемъ, нежели въ M-me Бовари. Саламбо—первый реально-историческій романъ, грандіозный и ужасный, чрезвычайно драматичный въ отдѣльныхъ эпизодахъ; но въ общемъ онъ дѣйствуетъ только на умъ и низшія душевныя способности: насъ не могутъ тронуть эти люди, столь мало похожіе на насъ.

Слѣдующій романъ Флобера: «Сантиментальное воспитаніе» ***) появился черезъ 7 лѣтъ; онъ возвращаетъ насъ къ окружающей дѣйствительности; въ немъ тотъ же тонкій анализъ и еще болѣе проницательное творчество, что и въ M-me Бовари; но сюжетъ въ немъ имѣетъ гораздо менѣе внѣшняго интереса, и онъ далеко не такъ понравился публикѣ. Къ тому же политическія событія 1870 г. не дали возможности критикѣ обсудить его, какъ слѣдуетъ.

Кромѣ этихъ 3-хъ крупныхъ произведеній, Флоберъ до 1875 г. написалъ «Иродіаду» и «Искушеніе св. Антонія», которыя такъ хорошо извѣстны русской публикѣ по художественнымъ переводамъ Тургенева, и пьесу «Кандидатъ», которая появилась въ одинъ годъ (1874 г.) съ Антоніемъ. Фантастика св. Антонія, нагромождающая образы на образы, крайняя сжатость изложенія, затруднительная для

*) Перев. въ Библ. д. Чт. въ Прилож. за 1858 г.

**) Извлеченіе въ Отеч. Зап. 1863, т. 148—9; издано отдѣльно въ Дешевой Библ. Суворина.

***) L'éducation sentimentale; изложено въ Вѣстн. Евр. 1870, № 1 и слѣд.

современнаго читателя, и «кричащая ученость» были причиной неуспѣха этой удивительной поэмы въ прозѣ, надъ которой авторъ работалъ чуть не двадцать лѣтъ. Комедія Флобера—вещь, дѣйствительно, слабая; она даже и не попала на сцену. Послѣ этого огорченный Флоберъ рѣдко выѣзжалъ изъ своей виллы и издалъ только 3 небольшіе разсказа *), отдѣланные съ обычнымъ тщаніемъ.

Флоберъ оставался всю жизнь холостякомъ, и вообще женщины играли очень небольшую роль въ его жизни. Подъ старость его неожиданно посѣтила бѣдность, такъ какъ мужъ его племянницы и наслѣдницы проигралъ на биржѣ все его состояніе.

Онъ ум. въ 1880 г., оставивъ недоконченнымъ романъ: Buvard et Pécuchet **), который обѣщалъ быть одной изъ самыхъ умныхъ книгъ на свѣтѣ, но едва ли могъ бы назваться художественнымъ произведеніемъ: мысль и наука слишкомъ подавляютъ въ немъ творчество ***).

Флоберъ плохо вѣритъ въ прогрессъ и грубоко убѣжденъ въ неисправимой глупости человѣчества. Любопытно, что глава реализма унаслѣдовалъ отъ романтиковъ глубокую ненависть къ буржуазіи.

Романъ или, вѣрнѣе, этюдъ Фейдо «Фанни» ****) написанъ далеко не съ такимъ талантомъ, какъ M-me Бовари, и принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя, надѣлавъ шуму въ свое время *****), оставляютъ послѣ себя только легкій слѣдъ въ исторіи литературы.

Эрнестъ Фейдо (Feydeau) род. въ томъ же 1821 г., что и Флоберъ; онъ былъ и купцемъ, и биржевымъ маклеромъ, и журналистомъ, и послѣ Фанни написалъ много романовъ въ томъ же родѣ (Daniel 1859, Le roman d'une jeune mariée 1865, la Comtesse de Chalis 1867 г. и пр.); они далеко не имѣли того успѣха. Онъ ум. въ 1873 г.

«Фанни» умышленно лишена авторомъ внѣшняго, романтическаго интереса уже черезъ одно то, что начинается съ развязки; авторъ изображаетъ героя и разсказщика на берегу моря въ отчаянной тоскѣ и душевной «прострации», вслѣдствіе крушенія его любви къ замужней женщинѣ. Въ заключеніе читатель такъ и не узнаетъ, оправился ли Рожеръ отъ этого удара.

---

*) Les trois contes 1877 г.

**) См. его изложеніе въ Вѣстн. Евр. 1882, № 1.

***) Брандесъ (его статью о Флоберѣ см. въ Загр. Вѣстн. 1881, № 11; тоже въ книгѣ: Новыя вѣянія) говоритъ, что Флоберъ, чтобы набросать въ этомъ романѣ 30 страницъ, гдѣ Бюваръ и Пекюше думаютъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, прочелъ 107 сочиненій по этому предмету.

О Флоберѣ см. также Вѣстн. Евр. 1880, № 8.

****) По-русски Библ. д. Чт. 1858. Прил.

*****) Онъ выдержалъ въ короткое время до 30 изданій, но теперь перешелъ на набережныя.

Общій тонъ произведенія и «методъ изслѣдованія» (говоря объ ультрареальномъ романѣ, мы не считаемъ смѣлымъ это выраженіе) очень напоминаетъ «Исповѣдь сына вѣка» Мюссе, но различіе въ томъ, что Мюссе занимается больше анализомъ характеровъ, а Фейдо анализомъ самой страсти и изображеніемъ ея деталей, вслѣдствіе чего характеры героя и героини остаются въ нѣкоторомъ туманѣ. По сравненію съ «M-me Бовари», который представляетъ типъ (почти идеалъ) объективнаго реалистическаго романа, «Фанни»—романъ реалистически-тенденціозный. Тенденція, руководившая перомъ автора, повидимому, до крайности нравственна: это—защита брака, или, по крайней мѣрѣ, указаніе его огромнаго значенія: бракъ оказывается неразрушимымъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (даже при измѣнѣ и жены, и мужа), тогда какъ прелюбодѣяніе при условіяхъ, повидимому, самыхъ счастливыхъ, для честнаго и преданнаго любовника влечетъ рядъ невыносимыхъ страданій, а для женщины, по натурѣ порядочной — рядъ лживыхъ выдумокъ и нечестныхъ хитростей и даже не столько по отношенію къ обманутому мужу, сколько по отношенію къ любовнику.

Но эта мораль только кажущаяся: ею авторъ обманывалъ и себя, и читателей; защищаемый имъ бракъ оказывается въ его изображеніи учрежденіемъ вовсе не красивымъ, и прочность его объясняется человѣческой глупостью, малодушіемъ и, такъ сказать, нравственной неопрятностью; да и героиня — очень привлекательная женщина, но далеко не порядочная. Романы Фейдо и др. романистовъ этого пошиба приводятъ читателя въ крайне пессимистическое настроеніе и заставляютъ задумываться: не лучше ли сбросить съ себя всю эту моральную ветошь и пожить хоть минутами въ свое удовольствіе?

Ультрареалистическій романъ имѣетъ въ настоящее время во Франціи двухъ высокодаровитыхъ представителей: Золя и Мопассана, которые оба находятся въ полномъ разгарѣ своей литературной дѣятельности.

Эмиль Золя род. въ 1840 г. въ Парижѣ, въ семьѣ итальянскаго инженера, который строилъ извѣстный каналъ въ Провансѣ, почему и будущій романистъ дѣтство свое провелъ на югѣ Франціи. Въ 1858 г. онъ поступилъ въ лицей Сенъ-Луи въ Парижѣ, потомъ сдѣлался прикащикомъ въ огромномъ книжномъ магазинѣ Hachette, гдѣ ему поручали главнымъ образомъ сношенія съ журналами. Въ свободное отъ торговыхъ занятій время Золя сталъ писать критическія статьи, въ которыхъ уже намѣчаются основные пункты его натуралистической эстетики; скоро Золя рѣшился всецѣло отдать себя литературной дѣятельности.

Первыя его повѣсти (Contes à Ninon 1864 г.) были довольно благо-

склонно приняты критикой, замѣтившей крупный талантъ изложенія, но публика мало обратила на нихъ вниманія. За то его «физіологическій» романъ «Confession de Claude» (1865 г.) и «психопатологическій»— Thérèse Raquin, въ которыхъ ясно высказалось его направленіе и задача (произвести микроскопическій анализъ движеній зауряднаго человѣческаго сердца подъ вліяніемъ страстей), выдвинули его въ первый рядъ современныхъ знаменитостей. Свою идею о фатальной наслѣдственности онъ высказалъ въ романѣ: Madeleine Ferrat въ 1868 г. Черезъ 2 года онъ начинаетъ грандіозную эпопею: Les Rougon—Macquart, «естественная и соціальная исторія одного семейства при второй имперіи», которая разсчитана, по крайней мѣрѣ, на два десятка томовъ. Въ предисловіи къ первому изъ нихъ онъ въ общихъ чертахъ набрасываетъ планъ цѣлаго и заявляетъ, что характерная черта членовъ фамиліи, которую онъ намѣренъ изслѣдовать, есть отсутствіе сдержки въ страстяхъ. На дѣлѣ оказывается, что Ругоны (кромѣ развѣ своихъ родоначальниковъ) не столько руководятся неудержимыми страстями, сколько бываютъ игрушкою обстоятельствъ; стало быть, это самые обыкновенные люди, и Золя въ этомъ рядѣ нравственныхъ ужасовъ выражаетъ свой общій взглядъ на современное человѣчество.

Золя много бранятъ, но еще больше читаютъ *); мы думаемъ, что это объясняется не столько испорченностью современнаго общества, сколько тѣмъ, что талантъ Золя въ одно и то же время и силенъ, и доступенъ всѣмъ безъ исключенія.

Золя—даровитый критикъ и самоувѣренный литературный боецъ; это обстоятельство не мало способствуетъ популярности его эстетической теоріи **).

Золя и его поклонники полагаютъ, что его міровоззрѣніе опирается на науку. Но вотъ что говоритъ объ немъ одинъ изъ послѣдователей Крафтъ-Эбинга, Ламброзо, Якоби и пр., д-ръ Кюллеръ въ своей книгѣ «Современные психопаты» ***): «Повидимому, Золя встрѣчался на своемъ пути лишь съ аномаліями и уродливостями и сталкивался только съ субъектами, выхваченными изъ міра клиники и уголовнаго суда; читая его, можно подумать, что все человѣчество барахтается въ громадной лужѣ, изъ которой не выплывало ничего чистаго и здороваго. Между тѣмъ наука никогда не утверждала, чтобы случайное

*) Assomoir выдержалъ 50 изданій; «Нана» больше 100.

Золя, какъ драматургъ, оказался непопуляренъ; но когда опытныя руки передѣлали его Assomoir, сгладивши рѣзкости, онъ выдержалъ болѣе 200 представленій.

**) Едва ли не самыя удачныя и сильныя статьи писаны имъ въ 1878 г. для Вѣстн. Евр.

***) Les frontières de la folie. Русск. пер. Спб. 1890 г.

нравственное пятно, констатированное въ извѣстной семьѣ, обрекало ее на вѣкъ производить лишь вырождающіеся типы преступниковъ и уродовъ».

Пока *) къ этому нечего прибавить.

Гюи де-Мопассанъ (Henri René Albert Guy de-Maupassant) происходитъ изъ древней дворянской фамиліи; онъ род. въ 1850 г., получилъ хорошее образованіе, потомъ участвовалъ въ войнѣ 1870—1871 г.; онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Флоберомъ, ученикомъ котораго назваться имѣетъ полное право. Въ литературѣ Мопассанъ дебютировалъ въ 1880 г. почти одновременно повѣстью (въ сборникѣ Золя: Soirées de Médons), на театрѣ (пьесой: Histoire du vieux temps) и сборникомъ стихотвореній (Des Vers) и во всѣхъ трехъ областяхъ показалъ себя талантливымъ мастеромъ формы; но остановился главнымъ образомъ на романѣ. Онъ—художникъ несомнѣнный: ему достаточно одной черточки для изображенія страсти, душевнаго состоянія, или характеристики лица; у него всякій говоритъ своеобразнымъ языкомъ; его описанія отличаются замѣчательной точностью и силой; чувство мѣры удерживаетъ его отъ изображенія грязнаго съ внѣшней стороны; и тѣмъ не менѣе въ изслѣдованіи низшей психологіи человѣка онъ сильнѣй Золя; слогъ у него изящный и въ то же время ясный и энергичный. Но вотъ что высказалъ (къ сожалѣнію, не печатно) одинъ ученый медикъ послѣ прочтенія его знаменитаго Bel ami **): «Не знаю, насколько этотъ романъ интересенъ и поучителенъ для публики, но онъ даетъ превосходный матеріалъ для спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ у женщинъ; жалко только, что авторъ умалчиваетъ о многихъ очень важныхъ подробностяхъ... Лучше бы ужъ договаривать».

Языкъ многихъ современныхъ ультра-натуралистовъ возбуждаетъ даже не негодованіе, а ужасъ французскихъ учителей литературы и многихъ критиковъ; они, конечно, правы, доказывая, что такъ писать и вводить въ печать всѣ грязныя уличныя слова значитъ губить литературу; но они должны принять въ разсчетъ, что французскій литературный слогъ слишкомъ долго былъ закованъ въ академическія узкія рамки и сдѣлался почти не пригоднымъ для краткаго и точнаго выраженія многихъ жизненныхъ понятій; теперь дѣйствуетъ реакція, послѣ которой долженъ наступить законный порядокъ вещей.

Изъ нынѣ дѣйствующихъ *романистовъ-художниковъ* старѣйшимъ ***)

*) Извѣстно, что въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній: Le Rêve (пер. между прочимъ въ Пант. Лит. за 1889 г.) Золя пытается вступить на новую дорогу.

**) Вѣстн. Евр. 1885, №№ 3—7. „Ивета“ Мопассана, пер. въ Вѣстн. Евр. 1884, № 8.

***) Два года назадъ умеръ Альфонсъ Карръ (Karr), родившійся еще въ 1808 г.

можетъ считаться Викторъ Шербюлье. Онъ род. въ 1829 г. въ Женевѣ, происходитъ изъ литературной и ученой фамиліи, учился въ Парижѣ, Боннѣ и Берлинѣ, путешествовалъ по Греціи и по востоку и началъ свою литературную карьеру съ критическихъ статей *), а съ начала 60-хъ годовъ украшаетъ своими романами страницы Revue des deux Mondes **). По своимъ достоинствамъ и недостаткамъ, Шербюлье ближе всего къ Ж. Сандъ ***); онъ также искусно смѣшиваетъ внѣшній интересъ съ внутреннимъ и психологію съ изображеніемъ жизни современнаго общества; онъ такой же оптимистъ по натурѣ, и неустройства нашего времени, проявленія грубаго эгоизма, недостатокъ гуманности и христіанскаго милосердія приводятъ его въ такое же грустное настроеніе, отражающееся въ тонѣ его разсказа. Идеальныя лица у него также симпатичны и также страдаютъ нѣкоторой туманностью. Но у него болѣе солидное образованіе и болѣе твердый, самоувѣренный, мужской умъ, сдерживающій пылъ его фантазіи и придающій силу его слогу и рѣзкую (иногда сатирическую) оригинальность его умнымъ мыслямъ ****).

Шербюлье въ высшей степени полезенъ французскому обществу уже и тѣмъ однимъ, что смотритъ на него здраво: не ругаетъ его сплошь, какъ ультрареалисты (которые, впрочемъ, не знаютъ ничего другого лучшаго и даютъ понимать читателямъ, что если мы, французы, таковы, то другіе должны быть еще хуже), и не восхищается имъ, какъ авторы романовъ приключеній, которые иностранцевъ выводятъ только для осмѣянія ихъ. Шербюлье красиво рисуетъ его симпатичныя стороны, но для пріобрѣтенія привычки къ сознательному труду и разсудительности посылаетъ одного изъ своихъ слабовольныхъ героевъ на дальній сѣверъ, въ Швецію.

довольно даровитый жанристъ съ идеалистическими стремленіями; онъ началъ еще въ 1832 г. сантиментально-юмористическимъ разсказомъ: „Подъ липами“ (Sous les tilleuls), который былъ написанъ сперва въ стихахъ (перев. въ Библ. д. Чт. 1858 г. № 7); см. его же ibid. 1858 № 9: Клотильда; ibid 1860 г. № 12: „Нормандская Пенелопа“ и пр.

*) Онъ очень хорошо знаетъ, между прочимъ, нѣмецкую литературу и въ Revue d. d. M. написалъ о ней рядъ хорошихъ статей подъ псевдонимомъ: G. Valbert.

**) Первый его романъ Le comte Kostia въ 1863 г.; за тѣмъ послѣдовалъ: Le roman d'une honnête femme, Ladislaus Bolski и пр. и пр.

***) Такимъ образомъ то, что казалось крайне тенденціознымъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ наше время оказывается художественнымъ, почти академическимъ.

****) Напр., онъ не любитъ уличныхъ демагоговъ и вотъ какъ въ романѣ „Оливье Моганъ“ говоритъ о дѣятельности одного изъ нихъ (Лавонси): „Собраніе, его слушавшее, состояло изъ учащихся, которые не учатся, и изъ работниковъ, которые не работаютъ. Ораторъ зналъ, что его освищутъ, если въ его рѣчи замѣтятъ хоть проблескъ здраваго смысла“.

Здѣсь же демагогъ говоритъ: „Такъ какъ я ихъ вождь, то я долженъ идти за ними“.

Между натурализмомъ Золя и Мопассана, съ одной стороны, и идеализмомъ Шербюлье, съ другой, стоятъ два крупныхъ имени, изъ которыхъ одно представляетъ изъ себя рѣдкое въ литературѣ явленіе двухъ сотрудниковъ—родныхъ братьевъ.

Братья Гонкуры происходятъ изъ старинной фамиліи (ихъ дѣдъ Jean Antoine Huot de Goncourt былъ депутатомъ въ Національномъ собраніи 1789 г.); старшій изъ нихъ Эдмондъ род. въ 1823 г., младшій Жюль въ 1831 г. Они оба получили хорошее и преимущественно художественное образованіе (оба были акварелисты и граверы); они были такъ дружны между собою, что въ продолженіе 22 лѣтъ разставались, говорятъ, одинъ только разъ на двое сутокъ; съ 50-хъ годовъ они сближаются съ Т. Готье и С. Бевомъ и отдаютъ себя всецѣло литературнымъ и литературно-научнымъ работамъ (небольшое состояніе сдѣлало ихъ независимыми въ денежномъ отношеніи). Они писали вмѣстѣ такимъ образомъ: сперва обдумывали и обсуждали вдвоемъ планъ всего произведенія и каждой отдѣльной его части; потомъ всякій въ своей комнатѣ писалъ свою редакцію, потомъ опять вдвоемъ они обсуждали написанное каждымъ и изъ двухъ редакцій дѣлали одну. Такой способъ работы нѣсколько невыгодно отражается на ихъ стилѣ (у нихъ масса придаточныхъ предложеній) и на скорости работы (въ 10 лѣтъ они написали всего 6 романовъ), но за то придаетъ ихъ книгамъ обдуманность и выдержанность, значительно возвышающую ихъ талантъ.

Самый извѣстный и вліятельный ихъ романъ: «Жермини Ласертэ» (Germinie Lacerteux) вышелъ въ 1865 г.; это прототипъ Assomoir'а Золя; здѣсь нѣтъ творчества, но внимательный и глубокомысленный этюдъ съ натуры, крайне тяжелый по темѣ, но мастерски исполненный. Послѣ него больше всего надѣлалъ шуму романъ: «M-me Жервезэ» (Gervaisais 1869 г.), изображающій вольнодумку въ католицизмѣ.

Въ 1870 г. младшій братъ умеръ, и Эдмондъ долго не хотѣлъ писать одинъ; «Братьями Земгано» (1879) *) онъ нарушилъ свой обѣтъ молчанія.

Гонкуры ближе къ Флоберу, чѣмъ къ Золя, какъ по старательной отдѣлкѣ своихъ произведеній, такъ и по тому, что у нихъ нѣтъ той рѣзкости и того беззастѣнчиваго цинизма, какъ у автора La terre; они пессимисты, но у нихъ чувствуется теплое отношеніе къ страдающему человѣчеству и нѣкоторый идеализмъ, скрывающійся гдѣ-то въ глубинѣ, сзади изображаемой ими голой правды **).

---

*) Изъ жизни клоуновъ цирка; работая надъ нимъ, Эдм. Гонкуръ изучилъ жизнь клоуновъ и цирковыя упражненія во всѣхъ подробностяхъ.

**) О нихъ см. ст. Евг. Утина по поводу выхода ихъ дневника, Вѣстн. Евр. 1890 г. № 1.

Еще дальше отъ Золя Альфонсъ Додэ *), одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ и вліятельныхъ писателей Франціи. Онъ род. въ 1840 г. въ семействѣ нимскаго фабриканта, крайняго роялиста по убѣжденіямъ. Революція 1848 г. раззорила его отца, и семья должна была разсѣяться. Альфонсъ 16 лѣтъ отъ роду получилъ мѣсто репетитора (maître d'études) въ одной провинціальной коллегіи; уже въ это время онъ писалъ и печатался въ парижскихъ журналахъ. Товарищи втянули его въ долги; онъ долженъ былъ бросить мѣсто и поѣхалъ въ Парижъ пробивать себѣ дорогу на литературномъ поприщѣ; тамъ уже съ нѣкоторымъ успѣхомъ дѣйствовалъ его старшій братъ Эрнестъ (Louis Marie Ernest, род. 1837 г.) **), который и помогъ ему устроиться. Сборникъ его стихотвореній: Les Amoureuses (1858) обратилъ на него вниманіе всесильнаго герцога Морни, который далъ ему возможность дополнить свое образованіе, совершить путешествіе по Италіи и востоку и познакомиться съ высшимъ слоемъ парижскаго общества. Съ 1865 г. Альфонсъ Додэ живетъ исключительно литературой.

Уже первые романы и повѣсти Додэ (между ними важнѣе другихъ: La Petite Chose, съ сильнымъ автобіографическимъ элементомъ), вмѣстѣ съ его лирическими стихотвореніями ***), ясно опредѣлили характеръ его таланта и его положеніе: онъ реалистъ, пессимистически настроенный, но не закалившійся въ объективномъ равнодушіи, а глубоко огорченный собственными недостатками и невозможностью найти идеалы, и умѣющій передать свое настроеніе другимъ; онъ также изображаетъ голую правду жизни, но не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю и не останавливается на ея грязной сторонѣ. Въ книгѣ: «Удивительныя приключенія Тартарена изъ Тараскона» (1872 г.) Додэ показалъ такой выдающійся комическій талантъ, какого нельзя было ожидать отъ него, судя по его умнымъ, но малосценичнымъ комедіямъ. Знаменитостью Додэ сдѣлался послѣ появленія большого романа: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», гдѣ онъ съ поразительной правдивостью, безъ преувеличеній и безъ сенсаціонныхъ эффектовъ и «подчеркиваній», къ которымъ такъ скло-

---

*) Его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выдѣляютъ въ особую школу, членовъ которой называютъ: „Реалистами высокаго стиля".

**) Въ это время Эрнестъ имѣлъ мѣсто въ кабинетѣ герцога Морни; съ 1873—8 г. онъ былъ редакторомъ Journal officiel. Кромѣ многихъ имѣвшихъ успѣхъ романовъ онъ написалъ рядъ довольно цѣнныхъ монографій по новѣйшей исторіи и книгу: Mon frère et moi (1882), которая служитъ главнымъ источникомъ для знакомства съ дѣтствомъ и юностью Альфонса Додэ.

***) Второй его сборникъ наз. La double conversion (1862 г).

Оч. хорошій переводъ его стихотворенія „Лѣсъ". См. Вѣстн. Евр. 1877, № 6 (Голенищева-Кутузова).

См. о Додэ статью ZZ въ Вѣстн. Евр. 1882, № 2.

ненъ Золя, изобразилъ рядъ домашнихъ драмъ, которыя совершаются въ буржуазіи, повидимому живущей такъ тихо и ровно. Романъ въ короткое время выдержалъ больше 40 изданій и, передѣланный въ драму, долго не сходилъ со сцены. Въ 1876 г. вышелъ его романъ «Жакъ», въ такой же степени потрясающій своей правдивостью; но послѣдующій за нимъ «Набабъ» (1878 г.) уже стремится къ эффектамъ, а «Короли въ изгнаніи» (1880) и «Нума Руместанъ» возбуждаютъ сенсацію, какъ портреты и полупортреты дѣйствительныхъ лицъ, интересныхъ для публики. «Евангелистка» (1883) и въ особенности «Сафо» (1884 г.) снова возвращаютъ Доде къ творчеству, при чемъ въ немъ замѣчаютъ усиливающуюся склонность къ натурализму, а своимъ «Безсмертнымъ» онъ становится въ разрядъ романистовъ-обличителей.

Во всякомъ случаѣ изяществомъ формы своихъ произведеній онъ представляетъ спасительный противовѣсъ послѣдователямъ Золя.

Скажемъ два слова о романѣ приключеній.

Въ 50-хъ годахъ вся досужая Европа зачитывалась живо написанными географическими разсказами Жака Араго (род. въ 1790 г., ум. въ Бразилии въ 1855 г., родной братъ знаменитаго физика) *), который умѣлъ искусно переплетать правду съ ложью и подготовлялъ такимъ образомъ публику къ Жюль Верну. Тогда же входятъ повсемѣстно въ моду «американскіе романы» французскихъ авторовъ, которые стремятся (и часто довольно удачно) соединить манеру Купера съ манерой Дюма-отца, т.-е. изображать тѣ же интересныя сцены американской охотничьей жизни съ драматичностью, быстротой и эффектностью индустріальнаго романа 40-хъ годовъ **).

Въ 60-хъ годахъ появляется новый видъ романа приключеній— естественно-историческій. Изобрѣтатель его ***), Жюль Вернъ, род. въ 1828 г. въ Нантѣ, учился въ Парижѣ, былъ юристомъ, потомъ

---

*) См. „Отъ полюса къ полюсу“, Пантеонъ 1855 г., №№ 3 и 4.

**) Самый завлекательный и эффектный изъ нихъ: „Лѣсной бродяга“ (Coureur des bois) написанъ рано погибшимъ отъ своей страсти къ путешествіямъ Габріэлемъ Ферри (онъ род. въ 1809 г., много разъ былъ въ Америкѣ и, переѣзжая Калифорнію, погибъ при пожарѣ корабля); въ немъ довольно хорошо сохраненъ „мѣстный колоритъ“, искусно придуманъ сюжетъ и есть юморъ (хотя мѣстами грубоватый); перев. по-русски въ Пантеонѣ за 1851 г., отдѣльной книгой въ 14-ти частяхъ (Москва, 1852). Ср. того же Ферри: Мексиканскіе водолазы, Библ. д. Чт. 1847, № 8.

Больше несообразностей у чрезвычайно популярнаго Густава Эмара (род. въ 1818 г., ребенкомъ попалъ въ Америку, объѣхалъ и Италію, и Турцію, и Кавказъ и въ 1848 г. утвердился въ Парижѣ; во время осады Парижа прусаками онъ составилъ особый отрядъ журналистовъ; ум. въ 1883 г. въ домѣ сумасшедшихъ), но за то плодовитость его воображенія представляетъ нѣчто поразительное.

***) Такая форма соединенія вымысла съ научной истиной употреблялась до тѣхъ поръ, какъ педагогическій пріемъ, только въ дѣтскихъ книжкахъ.

увлекся литературой. Онъ началъ съ водевилей, которые не имѣли особаго успѣха. Въ 1863 г. вышелъ его романъ: «Пять недѣль на воздушномъ шарѣ», написанный съ такой живостью и юморомъ, и въ то же время сообщавшій столько интересныхъ свѣдѣній объ воздухоплаваніи и всякихъ новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ немъ, а также и о тѣхъ странахъ, чрезъ которыя пролетали его герои, что книга понравилась читателямъ всѣхъ возрастовъ. За нею послѣдовали: «Приключенія капитана Гаттераса» (1866), «Дѣти капитана Гранта» (1867—68) и т. д. Жюль Вернъ скоро поѣхалъ съ своими читателями и къ центру земли, и къ лунѣ, и къ полюсу, и вокругъ земного шара и вездѣ съумѣлъ держаться въ предѣлахъ не сложнаго, но живого романическаго интереса и въ предѣлахъ почти возможной научной правды.

У него много поверхностнаго, чисто французскаго юмора, и онъ до сихъ поръ остается однимъ изъ любимыхъ писателей, не имѣющихъ себѣ соперника въ своей оригинальной области—научной фантастикѣ.

Романы Жюля Верна тоже переходятъ на сцену, но въ качествѣ феерій и балаганныхъ представленій.

Изъ уголовныхъ французскихъ романистовъ популярнѣе всѣхъ Габоріо. Эмиль Габоріо (Gaboriau) род. въ 1835 г. въ провинціи, готовился въ купцы, но попалъ въ сотрудники мелкихъ парижскихъ газетъ; свой первый романъ: Le procès Lerouge онъ напечаталъ въ Pays; за нимъ послѣдовалъ: Le crime d'Orcival (1867), послѣ котораго черезъ два года вышелъ пресловутый: Monsieur Lecoq (съ многочисленными продолженіями), до сихъ поръ популярный и въ собственномъ видѣ, и въ видѣ драмы. Тайна его успѣха—въ искусствѣ разсказа, съ одной стороны, и въ характерѣ героя—съ другой; этотъ герой представляетъ поразительную силу, а такіе романы потому и привлекаютъ толпу, что льстятъ человѣческой гордости. Габоріо ум. въ 1873 г. Онъ имѣетъ массу подражателей.

Второразрядные французскіе романисты или преслѣдуютъ чисто индустріальныя цѣли и въ такомъ случаѣ склоняются къ роману приключеній, или колеблятся между крайнимъ реализмомъ (которому иные изъ нихъ придаютъ безнравственный порнографическій характеръ) и стремленіемъ къ созданію идеаловъ. Мы назовемъ изъ нихъ немногихъ, наиболѣе популярныхъ за предѣлами Франціи. Луи Ульбахъ род. въ 1822 г. въ провинціи, учился въ Парижѣ, выступилъ въ 1844 г. съ сборникомъ лирическихъ стихотвореній (Gloriana), былъ и сатирикомъ-памфлетистомъ, съ 50-хъ годовъ поставлялъ массу романовъ, въ которыхъ политическая тенденція очень искусно сплетается съ интересной интригой. Онъ представляетъ типъ внимательнаго, „набившаго руку", но зауряднаго романиста, стремящагося соединить правдивость съ идеализмомъ.

Эдмондъ Абу (About) род. въ Парижѣ въ 1829 г., учился въ Парижѣ и Аѳинахъ и выступилъ на литературное поприще съ очень интересно написанной книгой: „Современная Греція" (La Grèce contemporaine 1854). Абу былъ однимъ

изъ немногихъ порядочныхъ писателей, которымъ покровительствовалъ Наполеонъ III; тѣмъ не менѣе, его многочисленные романы *) такъ же, какъ и довольно сценичныя комедіи изображаютъ общество временъ имперіи далеко не съ красивой стороны; они читаются легко, но почти не оставляютъ впечатлѣнія, за то и не оскорбляютъ нравственнаго чувства читателя. Въ 1880 г. Абу пытался возстать противъ „скандальнаго" успѣха романовъ Золя своимъ довольно посредственнымъ „Романомъ честнаго человѣка" (Roman d'un brave homme). Онъ ум. въ 1885 г.

Самымъ виднымъ представителемъ индустріализма новѣйшаго времени, далеко превзошедшимъ индустріализмъ 40-хъ годовъ, можетъ считаться Понсонъ дю Террайль (Pierre Alexis vicomte Ponson du Terrail); онъ род. въ 1829 г., служилъ въ морской службѣ, а съ 50-хъ годовъ сдѣлался фельетоннымъ романистомъ, до того плодовитымъ, что Дюма-отецъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ безусловно: въ 2 года онъ написалъ и издалъ до 60 томовъ романовъ собственнаго издѣлія, которые первоначально печаталъ параллельно въ цѣломъ рядѣ газетъ. Онъ ум. въ 1871 г. Само собой разумѣется, что въ его произведеніяхъ нечего искать ни характеровъ, ни идей, ни жизненной правды; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ несравненно ниже своихъ предшественниковъ; но его романы даютъ донельзя легкое занятіе для утомленной головы и празднаго воображенія.

Самый извѣстный изъ нихъ тотъ самый „Рокамболь" (Rocambole 1864 г.; имѣлъ успѣхъ и въ видѣ драмы), неожиданное воскресеніе котораго такъ утѣшило Глѣба Успенскаго, когда онъ изнывалъ больной въ томительной скукѣ уѣзднаго городка.

Адольфъ Бело род. въ 1829 г. на Гваделупѣ, учился въ Парижѣ юриспруденціи, былъ адвокатомъ въ Нанси, много путешествовалъ, началъ писать съ средины 50-хъ годовъ, пріобрѣлъ извѣстность въ 1859 г. довольно остроумной комедіей: „Завѣщаніе Цезаря Жиродо" **), которая выдержала болѣе 500 представленій; затѣмъ онъ обратился къ романамъ. Его эротическій романъ: M-elle Giraut ma femme 1870 г. пріобрѣлъ громкую, но скандальную извѣстность ***); въ томъ же родѣ и слѣдующій его романъ: „Огненная женщина" (Femme de feu 1873 г., переведенъ почти на всѣ языки, но въ лубочныхъ изданіяхъ). Характерно для современнаго состоянія французской литературы то обстоятельство, что въ то время, какъ нѣмецкая критика почти считаетъ позоромъ поминать имя Бело, съ нимъ не отказываются сотрудничать не только Dautin, но и Эрнестъ Доде, и даже Альф. Доде. Не менѣе характерно и то, что и Бело въ своихъ позднѣйшихъ романахъ (во многихъ изъ нихъ порнографическій элементъ или слабѣетъ, или вовсе отсутствуетъ) возстаетъ противъ испорченности буржуазіи, проводитъ законъ наслѣдственности и другія „научныя" открытія новѣйшаго времени. Онъ пишетъ бойко и драматично, но избѣгаетъ трудныхъ сценъ, надъ которыми надо поработать.

Болѣе отрадное явленіе представляетъ Гекторъ Мало. Онъ род. въ провинціи въ 1830 г., учился юриспруденціи въ Парижѣ, покинулъ ее для литературы и нѣсколько лѣтъ былъ заурядным литературнымъ поденщикомъ. Его драмы не имѣли успѣха, но его романъ: „Жертвы любви" (Les victimes d'amour 1859), за которымъ послѣдовали двѣ другія части той же романической трилогіи, обратилъ на него вниманіе; теперь онъ одинъ изъ любимыхъ романистовъ средней публики.

*) Самый извѣстный изъ нихъ „Trente et Quarante» 1865 г.

**) Le Testament du César Girodot написана имъ еще въ коллегіи въ компаніи съ Эдм. Виллетаръ; въ романахъ Бело нѣтъ и признаковъ остроумія.

***) Газета, начавшая печатать его, закрыла для него свои страницы; за то въ отдѣльной продажѣ онъ выдержалъ десятки изданій.

Онъ—умѣренно реальный и умѣренно тенденціозный романистъ, защищающій всегда лучшую сторону; онъ много видѣлъ и умѣлъ наблюдать; онъ хорошо знаетъ свою публику и добросовѣстно обработываетъ свои романы, но у него мало оригинальности и творчества.

Настоящій періодъ французской литературы, въ противуположность двумъ предыдущимъ, вовсе не богатъ выдающимися романистками. Считая M-me Аданъ (M-me Adam, урожд. Juliette Lambert, род. 1836 г., дочь медика, 1879 г. основала Nouvelle Revue) главнымъ образомъ публицисткой, критикомъ и журналисткой, едва ли мы не должны назвать наиболѣе популярной M-me Chamseix, которая пишетъ подъ псевдонимомъ Андре Лео. Она род. въ 1829 году, была замужемъ за журналистомъ и дебютировала въ 1862 г. романомъ: Un mariage scandaleux *). Въ 1868 г. вышла очень эффектная ея повѣсть: „Двойная исторія“ (Double histoire) **), показывающая талантъ не заурядный и умѣнье тронуть сердце читателя, занимая его умъ ѣдкой сатирой на буржуазію; очень недурно удался автору идеальный характеръ простой, но беззавѣтно любящей дѣвушки. Послѣдующія ея произведенія также по заслугамъ пользовались успѣхомъ. Въ 1871 г. M-me Chamseix, уже овдовѣвшая, скомпрометировала себя въ коммунѣ и принуждена была бѣжать. Въ послѣднее время она тоже переходитъ на поприще публицистики.

О благотворномъ вліяніи англійскаго романа на французскій свидѣтельствуютъ два даровитые романиста, Кларети и Оне.

Жюль Кларети (Claretie)—характерный примѣръ неудержимой страсти къ литературѣ. Онъ род. въ 1840 г. въ семействѣ фабриканта въ Лиможѣ. Еще 14 лѣтъ отъ роду, сидя на школьной скамейкѣ, онъ печатаетъ подъ всевдонимомъ повѣсть. Отецъ, непремѣнно желавшій сдѣлать изъ него купца, сажаетъ его за конторку, а сынъ урывками, будто роясь въ торговыхъ книгахъ, пишетъ статьи для газетъ. Въ 1863 году онъ напечаталъ повѣсть изъ деревенской жизни: Pierrile, которую очень похвалила Жоржъ Сандъ. Съ середины 60-хъ годовъ онъ дѣлается однимъ изъ самыхъ видныхъ и любимыхъ романистовъ Франціи: онъ соединяетъ реализмъ въ обработкѣ характеровъ съ умѣньемъ рисовать сильныя сцены и воодушевлять читателя своей вѣрой въ людей; у англичанъ онъ выучился искусно развивать сюжетъ, избѣгая пошлыхъ эффектовъ.

Въ послѣдніе годы имперіи Кларети потерпѣлъ за дѣло свободы, что не мало способствовало его популярности. Послѣ войны 1871 г. (въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе) онъ написалъ рядъ патріотическихъ произведеній, которыя возбудили сильное негодованіе нѣмецкой печати. Съ 1888 г. Кларети—членъ Академіи; онъ извѣстенъ также и хорошими историческими трудами. Къ сожалѣнію, многописаніе и стремленіе во что бы то ни стало занимать публику заставляетъ и его печатать такія произведенія, которыхъ устыдился бы литераторъ всякой другой страны съ равнымъ талантомъ ***).

На Жоржа Оне, повидимому, оказали сильное вліяніе великіе англійскіе рома-

*) Критика справедливо замѣтила, что въ немъ ничего нѣтъ скандалезнаго, кромѣ заглавія.

**) По-русски, подъ заглавіемъ: „Двѣ исторіи“. Спб. 1871 г. въ книгѣ: Иностранные беллетристы.

***) Въ его романѣ: Les Amours d'un interne (1881 г.) передъ нами изображеніе истеріи и описаніе извѣстнаго госпиталя Сальпетріеръ съ массой рецептовъ и описаній припадковъ. Тамъ между прочимъ дѣйствуетъ русскій художникъ Платовъ le skopzy и дѣвушка Ольга la skopzy; въ одной сценѣ эта Ольга разрываетъ свою blouse de moujik и показываетъ изуродованную грудь.

нисты 50-хъ гг., но онъ при этомъ успѣлъ остаться вполнѣ самостоятельнымъ; онъ род. въ 1848 г., готовился къ юриспруденціи, но сдѣлался журналистомъ; онъ началъ въ 1875 г. съ драмы (Regina Sarpi), потомъ предпринялъ серію романовъ подъ общимъ названіемъ „Жизненныя битвы". Въ 1880 г. его „Сержъ Панинъ" награжденъ преміей отъ Академіи. Его Le Maître de forges (1882) имѣлъ огромный успѣхъ и въ видѣ романа, и въ видѣ драмы, и въ переводѣ на другіе языки, и успѣхъ этотъ вполнѣ заслуженъ драматизмомъ дѣйствія и оригинальностью характеровъ. Онъ пишетъ чрезвычайно ясно и просто, слишкомъ просто, по мнѣнію многихъ. Онъ вовсе не пессимистически смотритъ на французскую буржуазію; напротивъ, отъ нея ждетъ онъ спасенія, но за то требуетъ отъ нея неустаннаго труда и заботы о пользѣ народной.

Въ самые послѣдніе годы именно въ романѣ выдвигаются нѣсколько даровитыхъ и мыслящихъ писателей, которые, повидимому, обѣщаютъ французской литературѣ лучшее будущее. Болѣе другихъ выдается между ними Поль Бурже *) (Bourget). Онъ род. въ 1852 г. въ Аміенѣ, учился въ лицеѣ Людовика Великаго, потомъ въ École des Hautes Études; вообще занимался много, но читалъ и думалъ еще больше. Онъ началъ свою литературную дѣятельность со стихотвореній, не особенно красивыхъ по формѣ, но очень искреннихъ по содержанію; затѣмъ издалъ двѣ серіи «Этюдовъ современной психологіи» (1-ая 1883 г., 2-ая 1885 г.), гдѣ подвергъ анализу тѣ идеи, которыя проводили въ публику нѣкоторые выдающіеся писатели послѣдняго времени; въ нихъ онъ высказалъ рядъ своихъ оригинальныхъ и многообѣщающихъ тезисовъ и ими пріобрѣлъ значеніе въ литературѣ. Онъ стремится примирить идеи, которыя до сихъ поръ считались взаимно-исключающими другъ друга: пессимизмъ и культъ любви, крайній реализмъ и преклоненіе передъ художественнымъ творчествомъ, которое должно стоять выше жизни, но не должно уходить отъ нея. Его повѣсти (собраны въ 1884 г.) не показываютъ большаго таланта разскащика, но почти всѣ оригинальны по идеѣ. Гораздо важнѣе его романы **), въ которыхъ на нашихъ глазахъ изъ Бурже выработывается если не перворазрядный художникъ (онъ самъ сознается въ недостаткѣ воображенія, и самая глубина его анализа, останавливающагося главнымъ образомъ на мелочахъ, мѣшаетъ свободѣ его творчества), то во всякомъ случаѣ умный писатель съ добрыми стремленіями, который достаточно талантливъ для того, чтобы заставить читать себя и думать надъ собой ***). Бурже представляетъ

*) См. о немъ прекрасный этюдъ въ рядѣ статей г-жи Андреевой въ Сѣв. Вѣстн. за 1890 г.

**) Cruelle énigme, 1885, Un crime d'amour 1846 и пр.

***) Послѣдніе его романы: „Андре Корнели" (пер. въ Сѣв. Вѣстн. 1887, №№1—3), Mensonges и Disciple 1839 г. имѣютъ больше внѣшняго интереса и показываютъ вообще бо́льшую зрѣлость таланта.

переходъ отъ пессимистическаго ультрареализма съ его низшей психологіей къ идеализму.

Бурже—отрадное явленіе и въ томъ отношеніи, что онъ готовъ учиться у иностранцевъ: кромѣ англичанъ, на него сильное вліяніе имѣли Достоевскій и Левъ Толстой. Немного старше его Жюльенъ Віо (Louis Marie Julien Viaud; онъ род. въ 1850 г. въ протестантской фамиліи; 17 лѣтъ поступилъ въ морскую службу, долго былъ въ тропическихъ странахъ, участвовалъ въ Тонкинской экспедиціи и статьями объ ней навлекъ на себя немилость начальства), пишущій подъ псевдонимомъ Пьера Лоти *). Онъ началъ съ романа приключеній (гдѣ на сценѣ и красавицы Отаитскихъ островов, и константинопольскіе гаремы, и графъ Игнатьевъ), къ тому же проникнутаго безотраднымъ пессимизмомъ, а въ послѣднихъ своихъ романахъ: Mon frère Yves (1883 г.) и Pêcheur d'Islande (1886), показывающихъ крупный талантъ, переходитъ къ роману нравовъ изъ быта деревенскаго, проникнутому горячей любовью къ народу.

Подобныя явленія и готовность даровитой націи учиться у всѣхъ, между прочимъ и у нашихъ великихъ писателей, даютъ надежду, что французскій романъ скоро выйдетъ на новую и лучшую дорогу, нежели та, по которой онъ шелъ при имперіи и въ первое десятилѣтіе республики. А это будетъ важнымъ шагомъ впередъ для міровой литературы, такъ какъ если англійскіе романы читаются и больше французскихъ, то французскіе все же имѣютъ огромное вліяніе на интеллигенцію всѣхъ странъ: появленіе каждаго новаго романа съ извѣстнымъ, прославленнымъ именемъ есть событіе, возбуждающее всеобщее вниманіе: его обсуждаютъ, разбираютъ, объ немъ спорятъ часто даже тѣ, у кого не хватило терпѣнія дочитать его до конца. Примѣръ, конечно, подаетъ французская критика, которая, не представляя за послѣднее время ничего особенно оригинальнаго и крупнаго, отличается поразительной отзывчивостью и умѣетъ быть до крайности популярной.

Въ томъ отдѣлѣ наукъ, который составляетъ неотъемлемую часть литературы, иначе сказать, въ наукѣ исторической въ обширномъ смыслѣ слова, въ періодъ второй имперіи мало замѣчается выдающагося **); большинство цѣнныхъ и вліятельныхъ произведеній при-

*) Loti названіе индѣйскаго цвѣтка, который закрывается отъ прикосновенія; такъ его прозвали товарищи моряки за скромность и робость.

О немъ въ томъ же Сѣв. Вѣстн. 1889 г. двѣ статьи А. А.

**) Положимъ, тогда начали свою дѣятельность и Эрн. Ренанъ (род. 1823 г.) и Ипполитъ Тэнъ (род. 1828), но мы говоримъ про общее положеніе дѣлъ: такая даровитая и высококультурная нація не могла же не выставить въ 20 лѣтъ нѣсколькихъ великихъ именъ.

надлежать людямъ, уже вполнѣ опредѣлившимся въ періодъ романтизма. Ограниченная въ самой себѣ, лишенная пособія нѣмецкой школы, французская наука расплывалась въ многословіи и красивыхъ фразахъ и пыталась замѣнить недостатокъ серьезной подготовки и фактовъ патріотической тенденціозностью. Ей грозила опасность сдѣлаться недостойной своего прошлаго и своего народа, еслибъ не спасла ее дальнозоркость французскаго умнаго самолюбія. Еще за 5—6 лѣтъ до конца имперіи нѣсколько молодыхъ людей, знавшихъ по слухамъ о томъ, какъ солидно поставлены филологія и исторія въ Германіи, гдѣ даже исторія ихъ собственнаго языка и старофранцузская литература изслѣдуются серьезнѣе, чѣмъ во Франціи, и инстинктивно сознававшихъ недостатки университетской науки на ихъ родинѣ, отправились учиться въ Германію и вернулись оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ лучше подготовленными историками, лингвистами, «романистами» *), нежели ихъ многопотрудившіеся отцы. Они принялись усердно работать, и такъ какъ соединяли французскую ясность ума съ солидностью нѣмецкой подготовки, то скоро могли догнать, а въ иныхъ отношеніяхъ и перегнать своихъ зарейнскихъ сосѣдей **). Печальный исходъ франко-прусской войны до нѣкоторой степени образумилъ и массу общества, которое, если не могло согласиться идти въ науку къ самимъ нѣмцамъ, охотно готово было учиться у своихъ ученыхъ, прошедшихъ нѣмецкую школу. Начиная свою дѣятельность на родинѣ, эти молодые ученые нашли «факультеты» въ неприглядномъ положеніи: преподаваніе отстало отъ литературы на нѣсколько десятилѣтій, а отъ настоящей науки и того болѣе. Они много поработали за послѣднія двадцать лѣтъ и видятъ плоды трудовъ своихъ въ массѣ хорошихъ книгъ: изданій памятниковъ, монографій и общихъ курсовъ, и во многихъ десяткахъ молодыхъ профессоровъ, которые съ честію занимаютъ каѳедры даже и

*) Т.-е. спеціалистами по романской филологіи.

**) Назовемъ Мишеля Бреаля (род. въ 1832 г.), знаменитаго своими трудами по сравнительной грамматикѣ и миѳологіи, Гастона Париса (род. 1839 г.), основавшаго вмѣстѣ съ Полемъ Мейеромъ (род. 1840 г.) лучшій журналъ по романской филологіи (Romania) и „Критическое Обозрѣніе“, которое даже немедленно послѣ войны было объективно справедливо къ нѣмецкимъ ученымъ, и историка Моно (род. 1844 г.), основателя Révue historique. Очень характерное явленіе представлялъ, по разсказамъ присутствовавшихъ, диспутъ недавно возвратившагося изъ-за границы Гастона Париса, который въ École des Chartes въ 1862 г. защищалъ диссертацію: О роли латинскаго ударенія во французскомъ языкѣ, когда диспутантъ и его оппоненты будто говорили на разныхъ языкахъ. Почти тоже повторилось и въ 1866 г. при защитѣ его докторской диссертаціи въ Сорбоннѣ (Histoire poétique de Charlemagne).

Отецъ г. Париса Полэнъ Парисъ (1800—1881), очень заслуженный ученый, предшественникъ сына по каѳедрѣ въ Collège de France, совсѣмъ не зналъ по-нѣмецки.

въ провинціи; къ нимъ пріѣзжаютъ учиться изъ Англіи, Америки, Италіи, Испаніи, Даніи, Россіи и пр. Даже старозавѣтные учителя реторики и піитики и профессора, читающіе широковѣщательные и красивые литературные курсы на эстетической подкладкѣ, должны признать высокое значеніе новой науки и даже пытаются утѣшаться имъ въ паденіи «изящной словесности». «Въ нашей современной литературѣ», говорятъ двое изъ нихъ въ заключеніи своего курса, «достаточно хорошаго (они разумѣютъ именно научныя работы) и достаточно дурного, чтобы заставить печально настроенныхъ считать наше паденіе начавшимся, а довѣрчивымъ умамъ дать возможность привѣтствовать зорю новой литературы» *).

Къ этимъ осторожнымъ словамъ мы прибавимъ только одно замѣчаніе.

Французская умственная и художественная жизнь поражаетъ въ настоящій моментъ посторонняго наблюдателя сложностью и разнообразіемъ своихъ явленій; самыя противуположныя теченія здѣсь оказываются будто параллельными. Одна и та же публика, повидимому, съ одинаковымъ удовольствіемъ смотритъ въ Comédie française сегодня Царя Эдипа Софокла, завтра Эрнани Гюго, послѣ завтра Цикуту Ожье, а потомъ 3-хъ-актный современный водевиль, и критика почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ хвалитъ или порицаетъ актеровъ. Въ такъ-наз. бульварныхъ театрахъ смѣшиваются всѣ роды и виды театральныхъ представленій, но надъ всѣмъ царствуетъ оперетка (когда-то самый невинный видъ забавы), которая запускаетъ свое ядовитое жало во всѣ идеалы прошлаго и настоящаго; а на сценѣ Одеона и въ провинціальныхъ театрахъ ставятся съ огромнымъ успѣхомъ Сидъ Корнеля, Родогюна Расина и мелодрамы въ стихахъ и прозѣ, въ стилѣ двадцатыхъ годовъ. Одинъ и тотъ же художникъ (Бугеро) выставляетъ рядомъ и рожденіе Венеры и Богоматерь—Утѣшеніе Скорбящихъ съ византійскимъ нимбомъ, и обѣими картинами восхищаются одинаково. Одни изъ поэтовъ съ гордостью называютъ себя декадентами и съ наслажденіемъ ломаютъ всѣ традиціи; другіе не хотятъ ничего знать дальше классиковъ; и тѣхъ и другихъ, если у нихъ оказывается талантъ, критика и публика одинаково поощряютъ своимъ вниманіемъ. При единственной въ мірѣ свободѣ относительно литературныхъ формъ и сужденія существуетъ Академія «безсмертныхъ», существуетъ не какъ переживаніе, а какъ учрежденіе, пользующееся значеніемъ: ее бранятъ, надъ ней смѣются,

*) Bizeul et Boulay: Tableau d'histoire littéraire etc. Paris. 1885. „Il y a dans notre littérature contemporaine assez de bon et de mauvais pour permettre aux esprits chagrins de croire notre décadence commencée, aux esprits confiants de saluer l'aurore d'une littérature nouvelle“.

но ея голосомъ часто руководятся правительственныя лица всѣхъ партій и оттѣнковъ. Школа такъ строга относительно морали, что для нея литература послѣ Шатобріана считается якобы не существующей, а самые серьезные журналы помѣщаютъ такія вещи, которыя въ Англіи или Германіи съ трудомъ допустила бы уличная пресса; а уличная же пресса во Франціи (конечно, вліяющая на учащуюся молодежь) такова, что ея «ввозъ» запрещается въ самыя свободныя страны.

Короче сказать, господствующимъ направленіемъ представляется хаосъ; въ этомъ хаосѣ много темныхъ пятенъ, но при этомъ въ немъ чувствуется жизненная энергія и неунывающая вѣра въ силу человѣческаго духа. Нашъ вѣкъ, о «концѣ» котораго такъ часто твердятъ именно во Франціи, положилъ на эти характерныя черты націи печать своихъ великихъ идей: уваженія къ труду, терпимости и гуманности.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

*) Въ указатель введены слѣдующія сокращенія: ап.—апостолъ; архіеп.—архіепископъ; д-ръ—докторъ; евг.—евангелистъ; еп.—епископъ; имп.—императоръ; митрп.—митрополитъ; патрх.—патріархъ; пр.—пророкъ; с.—сынъ; св.—святой; ц.—царь. I_1, I_2, II, III_1 и III_2—означаютъ томъ и часть изданія, а рядомъ стоящая арабская цифра—страницу. Имена въ указателѣ расположены сообразно русскому алфавиту.

Г.

Д.

I.

К

Л.

М.

О.

П.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Digitized by Google